КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ.

Годъ девятый. **ТОМЪ XXVIII.** 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ генеральнаго писаря Андрея Безбородко.
2) Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго**. Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева**. На «Вовчомъ хуторѣ». **Димитрія Маркевича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго**. Лирники. **Валеріана Боржковскаго**. Ѳома Падурра (Критическій очеркъ) **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. **А. А. Востокова**. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой**. Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго.** (Переводъ съ польскаго). **Н. М** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**.

Въ отдѣлѣ «Документовъ. извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Й. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVIII, 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXVIII.

1890 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 20-го Января 1889 г.

Генералныи Писаръ Андрей Безбородко

О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями [1]).

Епархія бѣлогородская, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней губерніи харьковской и частію курской (изъ послѣдней входили въ нее четыре уѣзда: бѣлогородскій, обоянскій, курскій и оскольскій), учреждена въ 1667 году. До того же времени жители этого района по духовному управленію зависѣли частію отъ Москвы, частію отъ Кіева.

Духовенство въ этой области, какъ и вездѣ на Руси, издавна стремилось къ искорененію тѣхъ народныхъ обычаевъ, въ которыхъ оно видѣло печальное наслѣдіе язычества и которые во всякомъ случаѣ находило суевѣрными и несогласными съ духомъ истинной вѣры Христовой. Еще въ 1648 году жителямъ города Бѣлгорода, по представленію московскаго патріарха, въ вѣдѣніи котораго находился тогда Бѣлгородъ по церковному управленію, дается царская грамота, которою строго внушается: „чтобы скомороховъ съ домрами, и съ гуслями, и съ волынками, и со всякими играми, и ворожей, мужиковъ и бабъ, къ больнымъ и младенцамъ въ домъ къ себѣ не призывали, и въ первый день луны и въ громъ на водахъ не купались, и съ серебра по домамъ не умывались, и олова и воску не лили, и зернью, и картами, и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили, и никакихъ бѣсовскихъ игръ не творили, и на бракахъ пѣсней бѣсовскихъ не пѣли, и сами не плясали, и въ ладоши

[1]) По архивнымъ документамъ курской и харьковской духовныхъ консисторій.

не били, и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ никакихъ не качались, и личинъ (масокъ) на себя не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали". Ослушниковъ грозили бить батогами и подвергать ссылкѣ. Тѣ же обычаи обличаетъ, позднѣе—въ 1676 году, въ окружномъ посланіи къ духовенству митрополитъ бѣлогородскій Мисаилъ, называя ихъ также бѣсовскими, именно: кулачные бои, колыханье на качеляхъ, сходбища о Рождествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дня на бѣсовскія игры, накладываніе на себя личинъ и платья скоморошескаго, безчинное скаканье и плесканье на свадьбахъ, также хожденіе къ чародѣямъ и волхвамъ и призываніе ихъ къ себѣ на домъ—къ малымъ дѣтямъ и больнымъ младенцамъ, отчего, по замѣчанію посланія, многіе люди, забывъ Бога и православную христіанскую вѣру, тѣмъ прелестникамъ скоморохамъ послѣдствуя, внезапною смертію умираютъ и съ качелей убиваются"... (Русск. Вивліоѳика. Полеваго, стр.27—32). Окружная грамота преосвященнаго Досиѳея Любимскаго—въ 1732 году—ко всей его паствѣ увеличиваетъ счетъ этихъ обычаевъ еще однимъ, который спеціально и обличается въ грамотѣ, какъ бѣсовское же дѣло, именно—слѣдующимъ свадебнымъ обрядомъ: „теща выѣдетъ на встрѣчу (новобрачнымъ, только что получившимъ церковное благословеніе) на вилахъ, кожухъ вывернетъ, нарядяся въ шапку; и овсомъ посыпаетъ, да еще нѣкоторые и огонь на воротахъ зажигаютъ, и чрезъ тотъ огонь нововѣнчанные идутъ и Богъ вѣсть,—съ ужасомъ замѣчаетъ архипастырь,—нѣтъ ли тутъ какихъ приговорокъ бабьихъ, или чародѣяній дьявольскихъ, что весьма въ правовѣрныхъ христіанахъ срамно и богопротивно". Преосвященный ставитъ своей паствѣ на видъ, что „творящіе такъ недовольствуются Божіимъ благословеніемъ, а еще требуютъ онаго отъ діавола, и діавола такимъ образомъ почитаютъ паче Бога", и приглашаетъ духовенство по всѣмъ воскреснымъ днямъ увѣщаніями отвращать отъ такого суевѣрія. (Историко-статистич. опис. харьк. епарх. отд. 1, стр. 14—16).

Знаменитый въ исторіи бѣлогородской іерархіи ревнитель благочестія Іоасафъ Горленко (1748—1754) пополняетъ этотъ,

уже довольно сложный, индексъ запрещенныхъ обычаевъ еще нѣкоторыми другими, доселѣ ускользавшими, повидимому, отъ іераршей цензуры, между прочимъ—и вечерницами, подводя ихъ также, прямо и рѣшительно, подъ категорію идолопоклонства. „Усмотрѣно во многихъ городахъ и селахъ—писалъ онъ въ наставленіи духовенству отъ 10 ноября 1750 года,—что народъ, языческаго празднованія и идолослуженія слѣды храня, дѣлаетъ колыськи, называемыя рѣли, и въ недѣли св. Пасхи, въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, на нихъ качаются також въ недѣлѣ св. Троицы празднуетъ бѣсовскій праздникъ березы, и въ день св. Іоанна Предтечи—купала и вечерницы, и пѣсни скверныя; вся же слѣды идолопоклонства празднуетъ народъ отъ неразумія своего, а священники, по званію своего пастырства, того имъ не возбраняютъ". Обличая священниковъ за такое нерадѣніе ихъ къ исполненію своего долга, преосвященный строго предписываетъ имъ учить народъ, „чтобы въ приходахъ идолопоклонническія жертвы не праздновались, какъ то: колыски, называемыя рѣли, березы, купала, вечерницы и клики".

По призыву архипастыря, духовенство ревностно ополчилось на истребленіе слѣдовъ идолопоклонства. Какъ именно понимало оно въ этомъ случаѣ и исполняло свой долгъ и какъ отвѣчалъ народъ на пастырскую ревность вразумить его насчетъ неразумнаго чествованія игрищами бѣса,—объ этомъ понятіе можетъ дать слѣдующее доношеніе, въ 1750 году, священника Потапа, харьковскаго уѣзда, городка Ольшанной, воскресенской церкви, въ харьковское духовное правленіе.

„Сего 750 года ноября 6 дня указъ Ея И. В. изъ консисторіи мною полученъ, въ которомъ, между прочимъ, въ 8 пунктѣ о искорененіи языческихъ идолослуженія слѣдовъ изображено; а понеже въ моемъ приходѣ у дѣвицы Ксеніи Олейниковой вечерницы собирались, то я по должности своей оную дѣвицу о несобираніи оныхъ вечерницъ персонально и чрезъ нарочно посланныхъ многажды увѣщевалъ, и городка Ольшанной сотнику Ивану Ковалевскому, дабы запретилъ оной дѣвицѣ въ свою избу вечерницы собирать, я докладывалъ; но оная дѣвица Ксенія какъ моего совѣта, такъ и сотникова запрещенія не слушала;

того ради я, по должности моей, сего декабря 26 дня причетниковъ изъ онаго собранія молодцовъ и дѣвокъ разогнать посылалъ, что и учинено; и сего жь декабря 27 дня, будучи мнѣ у вышепомянутаго сотника Ивана Ковалевскаго, невѣдомо съ какого умысла, харьковскаго полку подпрапорный Василій Самородскій, напавъ на меня нахально, безъ всякой моей предъ нимъ винности, матерно бранилъ и поносилъ скверными словами и къ грудямъ моимъ съ тростію прискакивалъ и въ глаза и по главѣ ударить замѣрялся, сказуя: „на что ты вечерницы разгоняешь?",—и ежели бы я отъ его злаго намѣренія подъ столъ не схоронился, то мнѣ главу бы разбилъ, или глаза бы выткнулъ, отъ чего мнѣ учинилось немалое безчестіе и впредь во исполненіи указовъ опасность; того ради харьковское духовное правленіе покорно прошу сіе мое доношеніе принять и впредь для вѣдома записать?"

Объ обидчикѣ священника правленіе опредѣлило въ харьковскую полковую канцелярію сообщить промеморіею; о самомъ же священникѣ не сдѣлано никакого опредѣленія, конечно, потому, что и съ точки зрѣнія правленія священникъ, посылавшій причетниковъ разгонять молодцовъ и дѣвокъ, собравшихся на посидѣлки, дѣлалъ не иное что, какъ исполнялъ прямой свой пастырскій долгъ. Мы говоримъ: *конечно*—потому, что такова именно была точка зрѣнія того времени; ее раздѣляли, возносясь иногда въ этомъ направленіи еще и выше, нѣкоторые изъ самихъ іерарховъ; по крайней мѣрѣ объ одномъ изъ нихъ, именно,—преемникѣ Іоасафа Горленка, Іоасафѣ же Миткевичѣ (1758—1763 г.), человѣкѣ при томъ для того времени очень просвѣщенномъ, мы знаемъ, что онъ одобрялъ даже собственноручную расправу пастырей съ пасомыми за совершеніе бѣсовскихъ игрищъ, какъ показываетъ это слѣдующая, для насъ курьезная, а для того времени, нужно полагать, совершенно серьезная резолюція этого преосвященнаго по дѣлу о дракѣ пастыря съ людьми его паствы. Дѣло было въ 1761 году и состояло въ слѣдующемъ. Валковскаго уѣзда, села Тарасовки черкашенинъ Никита Долговъ подалъ жалобу на своего приходскаго священника Никиту же Самородскаго въ томъ, что священникъ въ

день Новаго года, по отправленіи божественной литургіи, выскоча изъ дома своего съ топоромъ, напалъ на его, просителева, брата Ѳедора и раздробилъ ему „топоровымъ обухомъ“ голову до мозга. Преосвященный опредѣлилъ произвести слѣдствіе, а на время слѣдствія воспретилъ священнику священнодѣйствіе. Слѣдствіе, производившееся, конечно, лицами изъ духовенства же, выяснило, что голова Ѳедора пробита не попомъ, а попадьей, да и то не до мозгу, а слегка, самъ же священникъ билъ „топоровымъ обухомъ“ лишь по спинѣ и по плечамъ, при томъ же не безъ причины, а именно: еще съ 25 декабря, то есть съ праздника Рождества Христова, братья Долговы со множествомъ другихъ черкасъ того же села Тарановки стали собираться близь попова гумна, чтобы чинить здѣсь зрѣлище, называемое „катель“, для чего таскали съ одонка гумна снопы пшеницы, при томъ же „по своему овчарному обычаю въ дуду играли и всякія неприличныя чинили шалости“; священникъ неоднократно отсылалъ чинившихъ игрище, но его не слушали, а Ѳедоръ Долговъ, въ отпоръ этому требованію объ удаленіи, ударилъ даже священника дрюкомъ по головѣ; тогда священникъ, купно съ попадьею своею, и поучилъ бездѣльника, попадья—тѣмъ самымъ дрюкомъ, которымъ черкашенинъ Ѳедоръ ударилъ попа въ голову и который онъ тотчасъ же бросилъ, увидавъ кровь на головѣ, а самъ священникъ—„топоровымъ обухомъ“.—На основаніи такого дознанія, консисторія приговорила: „братьямъ Долговымъ за дѣланіе игралища и прочихъ неприличныхъ забавъ, а Ѳедору, сверхъ того, и за бой священника въ кровь и досадительныя ему слова и брань, дабы и другимъ чинить того было неповадно, и прочіе отъ такихъ непотребныхъ шалостей воздерживались и имѣли страхъ и предосторожность,—учинить въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе и затѣмъ—отпустить ихъ въ домы; о священникѣ же Никитѣ, который по прописанному дѣлу виновнымъ не оказуется, а находится долгое время въ запрещеніи, относительно разрѣшенія его отъ запрещенія консисторія передаетъ въ полное благоразсмотрѣніе его преосвященства“.—Преосвященный же далъ такую резолюцію: „учинить по сему; а попъ Никита отъ запрещенія разрѣшается, ибо *хотя*

и оказывается, что онъ Ѳедора топорищемъ билъ, но то сдѣлалъ въ ревности, которая и во всякомъ священникѣ быть должна". (Замѣчательно, что означенный приговоръ консисторіи и такая резолюція преосвященнаго даны послѣ обычной въ такихъ случаяхъ справки съ церковными правилами, въ которой на первомъ планѣ приведено изъ Кормчей книги правило: „Святитель, вѣрнаго или невѣрнаго бивъ, да извержется", съ слѣдующимъ оттуда же взятымъ толкованіемъ: „епископъ или пресвитеръ или діаконъ, аще бьетъ досадившаго ему вѣрнаго или невѣрнаго,—таковый, яко творитъ противно евангельскому закону, повелѣвающему: аще кто ударитъ въ ланиту, обрати ему и другую,—да извержется, понеже отъ гордости и неудержной ярости нанесе рану на искренняго").

Дѣйствуя съ такою ревностію противъ „бѣсовскихъ" игрищъ, духовенство, понятно, еще менѣе могло щадить разные виды волшебства и чародѣяній, какъ болѣе прямое служеніе тому же бѣсу.

Въ 1750 году въ харьковскомъ духовномъ правленіи, а затѣмъ и въ консисторіи бѣлогородской производилось слѣдующее любопытное дѣло объ одномъ изъ жителей села Люботина (валковскаго уѣзда), выдававшемъ себя за знахаря, способнаго узнавать дѣла сокровенныя. Допрошенный въ духовномъ правленіи обвиняемый показалъ: „имя ему Несторъ; отецъ его Леонтій бондарь, мать Евфросинія, живутъ въ харьковскомъ полку въ себѣ Люботинѣ, и при нихъ онъ воспитанъ; лѣтъ ему отъ роду 15; въ церковь Божію ходилъ съ правовѣрными; онъ *упырь родимый*; какъ скоро родился, то, по сказкѣ его восприемной бабки Евдокіи Петренковой, у отца и матери просилъ пить; дѣйствуетъ онъ ночью, въ полночь встаетъ, и идетъ къ водѣ, и смотритъ, и тамъ видитъ одну здѣзду, въ которой звѣздѣ, ежели у какого человѣка учинится воровство, покажется"... Отецъ и мать порознь допрашиваны и показали, что „какъ родился онъ, то мать его отъ бабки, которая при рожденіи его была, не слыхала, чтобы онъ просилъ пить воды, а родился онъ обыкновенно, какъ и прочія ея дѣти; воспріемная бабка не та была, которую онъ показалъ, а Зиновья Стрѣльцова, которая

въ 745 году умре. А въ прошломъ 748 году, за неимѣніемъ у отца его и матери, чѣмъ дѣтей прокормить, жилъ онъ Несторъ у люботинскаго жителя Петра Сасенка, и тамъ невѣдомо какимъ случаемъ объявилъ про себя, что онъ родимый упырь, за что взятъ былъ къ люботинскому сотнику въ домъ; и по той огласкѣ, яко бы онъ упырь, многіе бывало приходятъ къ нему люди, чтобъ онъ имъ объявилъ, что у кого пропало,—и по требованіямъ людскимъ ходить, бывало, по разнымъ мѣстамъ, за что они отецъ и мать многожды его бивали, токмо онъ за своими корыстьми и прихотьми уняться не могъ".—Наконецъ Несторъ объявилъ, что прежнія показанія его ложны, что „онъ не упырь, а обыкновенный человѣкъ, волшебническаго знанія и бѣсовскаго откровенія о тайныхъ вещахъ никакого не имѣетъ, но манитъ народъ ради единаго прибытка съ прошлаго 748 года въ голодный годъ ради прокормленія".—Консисторія, не найдя въ донесеніи правленія, отъ своего ли умысла Несторъ выдавалъ себя за упыря, или наученъ кѣмъ либо мнимому волшебству, вытребовала его къ себѣ. 1751 года 11 марта онъ переспрошенъ въ консисторіи и показалъ: „Въ прошломъ 748 году жилъ онъ, Несторъ, въ с. Люботинѣ въ домѣ отца своего и матери, и въ Петровъ постъ живущая въ томъ же селѣ вдова Евдокія Алексѣева, жена Пятернева, прислала за нимъ, Несторомъ, въ домъ сына своего малолѣтняго Василія, и какъ онъ пришелъ къ ней, тогда она спросила его: хочешь ли выучиться смотрѣть на звѣзды и оттого угадывать о пропажѣ какой нибудь, у кого сыскать? На что онъ къ тому свое желаніе объявилъ. И тогожь времени въ пятницу въ самый полдень стала его научать. Вопервыхъ вывела его на дворъ и посадила на избный уголъ; а сама стала на земли подъ угломъ и свиснула трижды и созывала всякій гадъ съ такимъ приговоромъ: азъ есмь гадъ. И тогда собралось гаду до 20 и болѣе.—И былъ тотъ гадъ часа съ два. А потомъ оная бабка и другой разъ свиснула. И тотъ гадъ разползся врознь. И сняла его, Нестора, съ угла, повела въ избу. И въ той избѣ, взявъ склянку съ горѣлкою, налила въ чарку и шептала надъ чаркою и дала ему напиться, которую онъ и выпилъ. Тогожь числа въ полночь выводила его, Нестора,

къ мельничному ставу на дворъ и пускала его на латакахъ плыть противъ воды и плылъ; а потомъ, взявъ его изъ воды, стала надъ ставомъ и воткнувъ веретено тонкимъ концемъ въ землю, а на другомъ концѣ веретена, на которомъ прядывала въ Георгіевъ день для волшебства, пускалась подъ небеса и сняла звѣзду и спустилась назадъ съ тою звѣздою, которая подобіемъ такова, какъ бываетъ полунощная ясная, и дала ему въ руки подержать; а потомъ, взявъ отъ него, пошла съ нимъ въ домъ, и ту звѣзду положила въ сѣняхъ подъ кадушку. Переночевавъ ту первую ночь, по утру налила горѣлки въ чарку и наговаривала и дала ему пить, которую и пилъ. На другую ночь вывела его на дворъ въ полночь и приказала смотрѣть на звѣзды, на которыя и смотрѣлъ. И показывались ему на звѣздѣ человѣческія имена, у кого пропало и кѣмъ украдено. Бабка его, Нестора, и звѣзду снятую держала въ домѣ своемъ цѣлую недѣлю, а потомъ отпустила его въ домъ, а звѣзду пустила въ небо".— Консисторія посылала нарочнаго за показанною бабкою Евдокіею Пятерневою. Но въ отвѣтъ сказано, что такой нѣтъ въ Люботинѣ. Несторъ указалъ по именамъ сосѣдей дома, гдѣ она живетъ. Но и въ другой разъ отвѣчали, что такой волшебницы нѣтъ на мѣстѣ.—Консисторія опредѣлила: „какъ Несторъ еще несовершеннолѣтній, то отослать его въ Святогорскій монастырь къ архимандриту Фаддѣю Какуйловичу и содержать его въ монастырской работѣ неисходно, и смотрѣть, чтобъ онъ никому никакихъ суевѣрныхъ бредней не объявлялъ и дѣйствія никакого не чинилъ, а ходилъ бы въ церковь Божію для слушанія чтенія и пѣнія и повсягодно исповѣдывался и сообщался Божественныхъ тайнъ; а какого онъ будетъ состоянія, въ консисторію репортовать". (Историко-стат. оп. харьк. еп. Отд. II, стр. 286—290).

Въ 1752 г. харьковскій житель Рибасовъ, запьянствовавшись въ шинкѣ—въ Харьковѣ же, остался ночевать въ коморѣ у шинкарки Морозихи. Мѣстный атаманъ, вторгшись съ казаками часа за два до разсвѣта въ комору, забралъ Рибасова и Морозиху и препроводилъ ихъ въ харьковскую полковую канцелярію; тамъ арестованные показали, что спали они явно, и

что Рибасовъ потому единственно и остался у шинкарки, что крѣпко захмѣлѣлъ. Канцелярія „приличности" въ прелюбодѣяніи за ними не признала и потому Рибасовъ былъ отпущенъ; но у Морозихи въ кошелькѣ нашлась сушеная жаба, о которой Морозиха сказала, что дала ей ту жабу нѣкая баба Агаѳья, дабы успѣшнѣе торговать винными напитками, и еще частицы священнаго артоса, о которыхъ Морозиха заявила, что она выпросила ихъ у своей матери для своей больной дочери. Держаніе у себя сушеной лягушки было уже важное дѣло о чародѣяніи, по которому Морозиха съ Агаѳьей и отправлены были въ харьковское духовное правленіе „для учиненія съ ними по духовнымъ правамъ". Въ духовномъ правленіи опредѣлено: „хотя Агаѳья въ дачѣ Морозихѣ жабы и запиралась, но такъ какъ изъ ея же словъ усмотрѣна ея винность, то повелѣть ей ходить въ церковь соборную въ теченіи недѣли съ набитою на ногу колодкою; а Морозихѣ опредѣлить отъ отца духовнаго епитимію—молитву, постъ и колѣнопреклоненіе; а имѣющуюся у нея въ платкѣ часть артоса въ притворѣ церковномъ спалить, и жабу бросить въ скрытое мѣсто. Марину отдать подъ росписку на поруки, кто похочетъ взять, съ тѣмъ, чтобы поставить въ духовное правленіе, по требованію".

Того же 1752 г. бригадира Ѳеодора Костюрина дворовая жонка Марфа Королева взята была въ курскую воеводскую канцелярію по обвиненію ея въ томъ, что она портила господина своего и госпожу волшебствомъ.—На допросѣ въ канцеляріи Марфа, повидимому сама вполнѣ убѣжденная въ губительной силѣ своего волшебства, показала: „находящаяся при ономъ бригадирѣ дочь ея дѣвица Василиса жила съ дворовымъ онаго бригадира человѣкомъ Иваномъ Музыринымъ блудно, за которое блудное паденіе онаго бригадира жена означенную дочь ея Василису била батожьемъ, и за то злясь, она, Марфа, въ 752 году въ іюлѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ послѣ Петрова дня, въ бытность онаго господина ея миропольскаго уѣзда въ деревни Герги, чинила волшебство и вынимала у онаго господина своего слѣдъ на землѣ съ приговоромъ, чтобъ оный господинъ ея былъ всегда боленъ, отъ котораго ея волшебства съ того времени

оный господинъ ея и понынѣ находится въ болѣзни; да она жь Марфа волшебствомъ своимъ показаннаго помѣщика своего дворовую жонку Домну испортила, наговаривала на водѣ, чтобъ оная Домна всегда была скорбна, отъ которой ея порчи означенная жонка скорбна и понынѣ; къ тому же она, Марфа, въ полѣ посѣянному ржаному хлѣбу чинила заломъ, чтобъ тому ржаному хлѣбу не было урожая". По снятіи этого показанія, канцелярія препроводила Марфу подъ конвоемъ въ консисторію—тоже для учиненія съ нею по правамъ духовнымъ. Но консисторія, усмотря въ дѣяніяхъ Марфы преступленіе, которое по силѣ указа Императрицы Анны Іоанновны 1731 г. мая 20 дня („ежели впредь кто, гнѣва Божія не боясь и сего Ея И. В. указа не страшась, станутъ волшебниковъ къ себѣ призывать, или къ нимъ въ домы для какихъ волшебныхъ способовъ приходить, или на путѣхъ о волшебствахъ разговоры съ ними имѣть и ученію ихъ послѣдовать, или какіе волшебники учнутъ собою на вредъ или мняще якобы на пользу кому волшебства чинить, и за то оные обманщики казнены будутъ смертію, сожжены; а тѣмъ которые для мнимой себѣ душевредной пользы станутъ ихъ требовать, учинено будетъ жестокое наказаніе, биты будутъ кнутомъ, а иные по важности винъ и смертію казнены будутъ" [1]) подлежитъ наказанію смертною казнію, опредѣлила: „жонку Марфу Королеву съ прописаніемъ вышеписаннаго обстоятельства отослать въ бѣлоградскую губернскую канцелярію для учиненія съ нею по указамъ разсмотрѣнія, и что съ нею учинено будетъ, требовать въ консисторію увѣдомленія".—Конецъ неизвѣстенъ.

1758 года, изъ курской воеводской канцеляріи прислана была въ бѣлогородскую духовную консисторію курской помѣщицы вдовы Анисьи Амосовой дворовая жонка Татьяна Аникѣева, которая какъ въ курской воеводской канцеляріи распросомъ показала, такъ и въ консисторіи въ подтвержденіе тоже объявила, что въ бытность ея въ домѣ госпожи своей означенной Амосовой она, Татьяна, по наученію крестьянской жонки

---

[1]) П. С. З. т. VIII, 5761.

Екатерины, на небо въ тучи смотрѣла, и что она скоро ли замужъ выйдетъ, и кому умереть, или, будучи въ болѣзни, свободу отъ той болѣзни получить или умереть, примѣчала съ простоты своей, о чемъ нынѣ покаяніе приносить и впредь того чинить не будетъ. Консисторія опредѣлила: „объявленную жонку Татьяну для покаянія послать въ хотмыжскій дѣвичій Покровскій монастырь при указѣ и велѣть ей въ томъ монастырѣ ежедневно къ вечерни, утрени и къ божественной литургіи ходить и о такомъ своемъ суевѣрномъ прегрѣшеніи приносить истинное Богу покаяніе и слушать божественное пѣніе внѣ церкви на паперти, и содержать ее въ томъ монастырѣ впредь до указу, и о состояніи ея и какое покаяніе приносить будетъ, въ консисторію ежемѣсячно репортовать".

1767 года подканцеляристъ Петръ Малютинъ въ обоянской воеводской канцеляріи показалъ, что, „желая склонить къ блудодѣянію дѣвицъ Анну Лобочеву и Марфу Ельникову, онъ съ чародѣйныхъ писемъ дѣлалъ наговоры на яблокахъ и пряникахъ и давалъ тѣмъ дѣвицамъ, но чрезъ это къ блуду ихъ привлечь не могъ, такмо послѣ того даванія онъ ѣлъ самъ оставшіеся у него пряники и яблоки наговоренные, отъ чего великую тоску имѣлъ". Консисторія опредѣлала: „означеннаго Петра Малютина, который чрезъ дьявольское призываніе, наговаривая на яблокахъ, старался склонить дѣвокъ въ любовь, но склонить ихъ къ тому не могъ и такмо самъ такіе наговоренные яблоки ѣлъ и отъ того чувствовалъ въ себѣ тошноту,—отослать въ сумскій Успенскій монастырь во всякіе труды монастырскіе на три года, и ходить ему ежедневно къ вечерни, утрени и литургіи и стоять внѣ церкви и о своемъ согрѣшеніи приносить Господу Богу истинное покаяніе, и чрезъ оное время, кромѣ смертнаго случая, Божественныхъ таинъ его не сообщать; а по прошествіи онаго термина, ежели по исповѣди отца духовнаго явится достоинъ, Божественныхъ таинъ сообщить и отпустить въ домъ его".

При Петрѣ I духовному чину, какъ извѣстно, вмѣнено было въ непремѣнную обязанность изыскивать, „не обрѣтаются ли гдѣ кликуши, не проявляетъ ли кто для сквернаприбытства ложныхъ

чудесъ при иконахъ, при кладезяхъ, при источникахъ?“ (Духов. Реглам. Москва, 1861 г. стр. 42), также—слѣдить за появленіемъ всякихъ льстецовъ и пустосвятовъ и таковыхъ ловить и отсылать къ епархіальной, или прямо даже къ гражданской власти (ibid. стр. 113. П. С. З. VI, 4012). При Аннѣ Іоанновнѣ на основаніи указа Ея И. В. отъ 15 ноября 1737 г. Святѣйшему Синоду даннаго, въ которомъ, между прочимъ, изъяснялось что Ея И. В. была въ несомнѣнной надеждѣ, что указы Петра I объ искорененіи суевѣрій во всей имперіи точно исполняются, а нынѣ уже имѣетъ основаніе сомнѣваться въ томъ, и думается, не преданы ли тѣ указы забвенію, понеже, къ великому Ея И. В. неудовольствію, извѣстно ей учинилось, что въ церквахъ и монастыряхъ являются многія кликуши, которыя отъ того не токмо не унимаются, но и наипаче имъ въ той притворности и шалости свободы дается и сверхъ того надъ ними и молитвы отправляются“—Св. Синодъ указомъ отъ 25 ноября того же 1737 года строжайше предписалъ всѣмъ архіереямъ о недопущеніи и искорененіи подобныхъ суевѣрій, согласно указамъ Петра. (П. С. З. X, 7450). Въ силу этого указа, духовнымъ управителямъ въ бѣлогородской епархіи предписано было ежегодно два раза—въ іюнѣ и декабрѣ—репортовать, „не дѣлается ль гдѣ какихъ суевѣрій, не проявляетъ ли кто для скверноприбытства какихъ при иконахъ святыхъ, при кладезяхъ и источникахъ ложныхъ чудесъ и мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ тѣлесъ, не разглашаютъ ли къ почитанію ихъ за мощи истинныхъ святыхъ, не являются ли гдѣ притворно юродцы и босые, также съ колтунами“, и о прочихъ „непотребствахъ“; а духовные управители должны были требовать такихъ же репортовъ отъ подвѣдомственныхъ имъ священниковъ.—Изъ дѣлъ консисторіи видно, что духовенство исправно писало такіе репорты до самаго конца 18 вѣка. Но не видно, чтобы оно расположено было преслѣдовать „непотребства“ этого рода съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ преслѣдовало разныя „бѣсовскія“ игрища и волхвованія. Напротивъ, духовенство имъ замѣтно покровительствовало—прежде всего, думаемъ, потому, что для его простодушной вѣры, которая едва ли много возвышалась надъ

вѣрою самаго народа, эти запрещаемыя указами суевѣрія въ большинствѣ случаевъ вовсе не казались непотребствами, а во вторыхъ потому, что въ то же время они были и не безвыгодны для него.

1764 г. харьковскаго коллегіума архимандритъ и ректоръ Іовъ, во время осмотра имъ церквей благочинія харьковскаго вѣдомства, въ вотчинѣ полковника Матвѣя Куликовскаго—въ селѣ Рокитномъ, въ церкви архангела Михаила замѣтилъ на престолѣ въ небольшомъ деревянномъ новомъ кіотѣ древнюю икону нерукотвореннаго образа, о которой священникъ той церкви Іоаннъ Кондратьевъ и сынъ его Григорій, священникъ же, показали: „апрѣля 27 дня 1764 года одинъ прихожанинъ, пришедъ къ нимъ, священникамъ, объявилъ, что означенная икона нерукотвореннаго образа въ дому его отъ очей испускала слезы, которую взявъ оный прихожанинъ принесъ въ домъ означеннаго помѣщика полковника Куликовскаго, и по принесеніи той иконы они, священники, и жена помянутаго полковника Пелагея Степанова и дочь его же, а также изъ домашнихъ многіе, истекающія оной иконы отъ очей слезы видѣли, и ту икону помѣщица приказала дочери своей внесть въ церковь, и стояла икона сначала при иконостасѣ, а потомъ поставлена харьковскаго полка полковымъ священникомъ Ѳедоромъ Сребренецкимъ на престолъ". И сама полковница Куликовская также объявляла архимандриту, что она заподлинно истекающія тоя иконы отъ очей слезы видѣла и что окольные люди, о семъ увѣдавши, пріѣзжаютъ для моленія, и означенную икону священникъ выноситъ изъ алтаря въ церковь и отправляетъ акаѳисты и молебны, яко чудотворной".—Преосвященный (Порфирій), узнавъ о семъ изъ донесенія названнаго архимандрита Іова, предписалъ ему немедленно отправиться въ село Рокитное и, взявъ тамъ означенную икону и запечатавъ въ ящикъ, выслать ее въ консисторію вмѣстѣ съ священникомъ Иваномъ при доношеніи, а по присылкѣ священника въ надлежащемъ допросить обстоятельно и доложить. — При допросѣ священникъ показалъ: „24 апрѣля (1764 г.) въ обѣденное время села Рокитнаго житель, харьковскаго полка полковника Матвѣя Куликовскаго подданный чер-

кашенинъ Михайло, Григорьевъ сынъ, Попруга принесъ въ домъ къ нему, священнику, икону нерукотвореннаго образа Спасителя и объявилъ ему на оной иконѣ истекающія слезы; икона при разсмотрѣніи имъ священникомъ оказалась вся въ пыли, такъ что лика и письма почти было невозможно признать, и въ очесахъ съ лѣвой стороны стояла капля слезъ, а съ правой стороны мокрота имѣлася; взявъ икону, священникъ понесъ оную въ полковничій домъ; полковникъ въ то время съ домашними имѣлъ отлучку въ городъ Харьковъ, а находился въ домѣ его прикащикъ черкашенинъ Андрей Леонтьевъ и дворовые изъ черкасъ же люди Григорій Полюбицкій и клюшница Агриппина, и по приносѣ ту икону поставилъ въ особливой свѣтлицѣ, и въ то время означенный прикащикъ съ помянутыми дворовыми людьми стоящія на очахъ той иконы слезы видѣли; а по пріѣздѣ жены полковника Пелагеи Степановой, онъ священникъ съ тою полковницею и дочерьми ея дѣвицами, Елизаветою—20 лѣтъ, Татьяною—15 и Евдокіею—12 лѣтъ, означенную икону смотрѣли и слезы въ такой же препорціи видѣли, и во время отправленія имъ священникомъ того дня вечерняго служенія та икона съ дозволенія полковницы дочерію ея принесена въ церковь". Консисторія по резолюціи преосвященнаго опредѣлила: допросить всѣхъ лицъ, поименованныхъ въ показаніи священника Ивана, на которыхъ онъ въ своемъ показаніи ссылался,—каждаго порознь, а также и сына его, священника же Григорія; а его самаго (священника Ивана) отпустить въ домъ. Дальнѣйшее теченіе и окончаніе дѣла неизвѣстны.

Въ 1769 г. въ городѣ Курскѣ много надѣлало шуму и много хлопотъ мѣстному духовенству доставило дѣло о „нѣкоей женкѣ, притворяющей святость". Курское духовное правленіе репортомъ въ консисторію (отъ 19 іюня 1769 г.) доносило, что въ городѣ Курскѣ и уѣздахъ съ 1-го декабря по 1-е іюня означеннаго года никакихъ притворно юродцевъ суевѣрныхъ не имѣется; а между тѣмъ его преосвященству извѣстно учинилось, что въ городѣ Курскѣ имѣется нѣкоторая женка, которая, притворяя себѣ святость и удаляясь отъ народа, живетъ за городомъ въ подземныхъ пещерахъ, якобы ея собственными руками

сдѣланныхъ, куда почти всякаго дня немалое число народа собирается, чрезъ что малоразсудныхъ и простыхъ людей таковою своею пустосвятостію приводитъ въ развращеніе, а инымъ подаетъ немалый соблазнъ. Преосвященный приказалъ обоянскаго Знаменскаго монастыря игумену Сильвестру" въ самой скорости отправиться въ Курскъ и благопристойнымъ образомъ изыскать, подлинно ли вышепрописанное суевѣрное дѣйствіе производится и чья именно та женка, гдѣ и въ которомъ она мѣстѣ роетъ пещеру, съ кѣмъ именно и какъ давно, и кто въ томъ ей именно имѣются вспомогатели, и съ какимъ намѣреніемъ, и ходитъ ли она въ церковь, исповѣдуется ли и сообщается ли Божественныхъ таинъ, и кто именно ее исповѣдавшуюся видѣлъ, и въ чьемъ точно приходѣ, и для чего отъ правленія объ оной не донесено, и въ прочихъ къ тому потребныхъ обстоятельствахъ въ подробность развѣдать, и буде оная жена въ городѣ Курскѣ или въ близости того города сыщется, то ему игумену потребовать отъ курской воеводской канцеляріи служилыхъ людей потребное число, а доколѣ отъ оной канцеляріи таковое число людей дано будетъ, потребовать отъ курскаго духовнаго правленія церковниковъ, сколько надобность укажетъ, и оную обманщицу женку съ ея помощниками изымавъ отдать для содержанія подъ крѣпкимъ карауломъ въ курскую воеводскую канцелярію впредь до разсмотрѣнія". Найденная и взятая слѣдователемъ женка, по учиненіи ей допроса, показала: Зовутъ ее—Ирина Игнатова, дочь Калугина, отъ роду ей 55 лѣтъ, родилась она курскаго уѣзда, усожскаго стана въ селѣ Троицкомъ, что на Сучкахъ, отецъ ея былъ однодворецъ Игнатъ, Петровъ сынъ, Асѣевъ; жительство имѣлъ въ томъ же селѣ Троицкомъ и выдалъ ее замужъ того жъ усожскаго стана въ деревню Лубажи за однодворца Якова, Мамонтова сына, Башкотова, съ коимъ она жила въ замужествѣ пять лѣтъ и прижила двухъ дочерей Февронію и Мавру...; а по смерти перваго мужа своего жила вдовой въ городѣ Курскѣ въ покровскомъ приходѣ у однодворца Ивана Жеронина въ услуженіи, а потомъ вышла за другаго мужа курскаго уѣзда деревни Соколовой однодворца Ѳадея, Савина сына, Калугина, съ коимъ жила 15 лѣтъ и прижила двоихъ

дѣтей—сына Ивана и дочь Евдокію...; и по смерти онаго другаго мужа своего оставшійся дворъ его проданъ отъ пасынковъ ея Василія да Ивана Калугиныхъ, и она ходила по усердію своему для богомолія чрезъ десять лѣтъ съ даваемыми изъ курской воеводской канцеляріи пашпортами въ Соловецкій монастырь четырежды; въ первый разъ въ 759 году одна собою, и пришедъ въ городъ Архангельскъ соборной Тихвинской церкви къ священнику Ѳеодору, у котораго она и зимовала, и пошедъ отъ него, пришла того же города Архангельска къ кузнецу Алексѣю Кошкину, просила его сдѣлать ей желѣзныя вериги, костыль и на голову колпакъ—желѣзный же, которымъ кузнецомъ оное и подѣлано, и по сдѣланіи наложивъ онъ, Кошкинъ, оныя вериги на нее, замкнулъ замкомъ, а ключь оставилъ у себя, а на тѣхъ веригахъ на груди приковалъ мѣдную небольшую икону съ изображеніемъ трехъ святителей, а на плечахъ мѣдный же крестъ небольшой, кои вериги и колпакъ съ того времени и понынѣ носитъ и съ желѣзнымъ костылемъ вездѣ ходила и нынѣ ходитъ; и будучи въ вышеписанномъ Соловецкомъ монастырѣ, возвратилась въ городъ Курскъ паки, и поживъ въ домѣ сына своего малое время пошла вторично въ оный же Соловецкій монастырь обще города Курска съ жителькою Еленою, Ивановою дочерью, а прозванія не знаетъ, а еще двукратно ходила она въ тотъ же Соловецкій монастырь одна собою, также и въ Кіевъ ходила десять кратъ и въ прочія мѣста, и то хожденіе имѣла лѣтомъ и зимою въ волосяныхъ черныхъ рубашкѣ и свиткѣ, босая, и въ прохожденіе свое какъ въ Соловецкій монастырь, такъ и въ городъ Кіевъ и въ прочія мѣста живала у разныхъ жителей, и во время бытія своего въ ономъ же Соловецкомъ монастырѣ и въ городѣ Кіевѣ исповѣдывалась и святыхъ таинъ сообщилась, и имѣла отъ отцовъ своихъ духовныхъ письменныя свидѣтельства, кои украдены у нея изъ пещеры незнаемо кѣмъ, а кромѣ отлучки, въ бытіе свое въ городѣ Курскѣ у исповѣди и святаго причастія у приходскаго своего курской Покровской церкви священника Петра ежегодно бывала и въ церковь ходила, также и въ нынѣшнемъ 769 году въ прошедшую святую четыредесятницу у онаго священника Петра въ великую суб-

боту исповѣдалась въ дому его, а не въ церкви, а отъ сообщенія святыхъ таинъ оный священникъ Петръ ей за многими причастниками отказалъ; а какъ она была на исповѣди, видѣли ее того жь покровскаго прихода однодворецъ Игнатъ Уткинъ, однодворка Марія Мишкина и солдатская жена Елена Фетисова. А въ прошломъ 767 году, будучи она въ послѣдній разъ въ Соловецкомъ монастырѣ, оттоль пошла въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, и пришедъ прошлаго 768 года въ февралѣ мѣсяцѣ подъ городъ Курскъ, ночевала близъ Ямскаго моста въ ямахъ, гдѣ роютъ самородныя каменья, двѣ ночи, и переночевавъ пошла къ имѣющейся за онымъ городомъ горѣ, что на камушкахъ стоящей въ пушкарскихъ дачахъ, и за неимѣніемъ собственнаго своего двора начала рыть единственно для житія своего, а не для чего другаго, пещеру имѣющимся у нея желѣзнымъ костылемъ, и рыла два дня, и вырывъ нѣсколько, стояла ночью на молитвѣ и слышала гласъ: „копай, трудись, не бойся ничего", по которому гласу возъимѣла она крайнее для рытія желаніе, и потому паки тѣмъ же костылемъ рыла два дня, и на пятый день сыскала неподалеку оной же пещеры въ лѣсу деревянную лопатку, и тою лопаткою ту пещеру рыла до Троицына дня, и съ начала рытія той пещеры какъ она Ирина никуда и ни къ кому въ домъ не ходила, такъ и къ ней никто въ домъ не приходилъ, а питалась она единою землею и водою, и въ томъ 768 году во святую четыредесятницу у исповѣди и святаго причастія не была за тѣмъ, чтобы не дать о себѣ людямъ знать, а исповѣдывалъ ее того же года въ Петровъ постъ, когда о ней уже люди увѣдали, города Курска Покровской церкви священникъ Петръ Далматовъ, и въ тѣхъ пещерахъ сообщалъ ее больную Божественныхъ таинъ въ одной епитрахили, а въ чемъ святыя дары приносилъ не упомнитъ, и съ онымъ священникомъ никто другой не приходилъ; увѣдали жь о ней люди на Троицынъ день, когда имѣлось въ полѣ изъ города Курска множество народа для гулянья, и усмотрѣтъ ту ея пещеру, пришедъ и вытащивъ ее изъ оной пещеры, спрашивали, для чего здѣсь роется, на что она имъ отвѣтила: „за неимѣніемъ себѣ пристанница"; и съ того времени, взявъ у зятя своего одно-

дворца Пантелея, Никифорова сына, Латышева, жительствующаго въ городѣ Курскѣ въ Покровскомъ приходѣ,—дверь, поставила въ той пещерѣ и сдѣлала печь, а кирпичъ купила у посадскаго человѣка, а какъ его звать и прозванія не знаетъ; и потомъ, совершенно узнавъ объ ней Иринѣ, города Курска многіе жители начали ежедневно, а паче въ воскресные и праздничные дни приходить и подавать въ милостыню деньги, хлѣбъ, соль, рыбу, и на таковыя подаваемыя деньги купила она желѣза 12 фунтовъ и съ того желѣза по просьбѣ ея сдѣлалъ ей три мотыки да топоръ живущій въ Покровскомъ приходѣ курскій однодворецъ Алексѣй Арефьевъ, а скобель далъ ей того же прихода курскій купецъ Иванъ Ветчинкинъ, а ножъ сдѣлалъ ей для очищенія стѣнъ купецъ Иванъ, Степановъ сынъ, Калошинъ, и тѣми инструментами вдаль пещеру рыла одна, и другой никто рыть ей не пособлялъ и не совѣтывалъ. А подаваемыя какъ отъ приходящихъ, такъ и отъ проѣзжающихъ изъ разныхъ сторонъ многихъ людей въ милостыню деньги употребляла она на покупку серебряныхъ малыхъ трехъ крестовъ, также на сдѣланіе церковныхъ вещей, которыя розданы ею въ церкви, тако жь изъ тѣхъ подаваемыхъ денегъ употребляла она въ раздачу въ тюрьмы и по богадельнямъ на милостыню, а дѣтямъ и родственникамъ своимъ никогда ничего не давала, и по начатіи ею рыть пещеры дѣти и родственники ея никогда къ ней не приходили; сего же года на свѣтлой недѣлѣ въ субботу просила она города Курска Вознесенской церкви священника Захарія, чтобъ пришелъ къ ней въ ту пещеру для отправленія молебна съ образами, который обще съ діакономъ Василіемъ и съ причетники и со множествомъ народа къ ней приходилъ, и въ той пещерѣ молебенъ Пасхи отправлялъ; да и кромѣ онаго священника приходили къ ней въ оную пещеру Флоровской церкви два діакона Матвѣй да Димитрій съ женой своей, однодворецъ Покровскаго прихода Василій Кобозевъ съ женой своей, курскаго магистрата бургомистръ Петръ, Васильевъ сынъ, Полевой; а другихъ, приходившихъ къ ней въ пещеру, какъ звать и прозванія за множественнымъ ихъ числомъ не знаетъ; записные же и потаенные раскольники къ ней никогда не приходятъ, и она ихъ не знаетъ,

и сама она раскола и никакого суевѣрія не содержитъ, и никто ее тому не училъ, а содержитъ она вѣру православную греко-россійскаго исповѣданія, въ церковь ходитъ и крестное знаменіе изображаетъ на челѣ трое-перстнымъ сложеніемъ".—Духовныя лица, которыхъ называла въ своемъ показаніи Ирина, показали, что они дѣйствительно о Калугиной знали, были у нея и имѣли къ ней то или другое, указанное въ ея показаніи, отношеніе, но что рыть пещеру ей совѣтовъ не давали и ничѣмъ ей въ томъ не помогали; духовному жъ правленію не доносили потому, что какъ о ней, Иринѣ, всему городу было извѣстно, то уповали они—и духовному правленію вѣдомо; а діаконъ Матвѣй, сверхъ того, пояснилъ, что не доносилъ онъ духовному правленію о Калугиной потому, что все дѣло это „почиталъ онъ за ничто". По разсмотрѣнію дѣла консисторія постановила и преосвященный утвердилъ: 1) Женку Ирину Калугину за ношеніе ею по суевѣрному тщеславію на тѣлѣ желѣзныхъ веригъ, а на головѣ колпака и въ рукахъ—костыля—желѣзныхъ же, съ коими она публично ходила, оказывая мнимые труды свои и тѣмъ прельщать народъ отважилась, но видя, что оное прельщеніе ея тщетно и не успѣла къ полученію тунеядной корысти, выдумала въ городѣ Курскѣ во всекрайнѣйшее народу простому прельщеніе копать пещеры въ февралѣ мѣсяцѣ (что почитать надлежитъ зимою и оное утвердить за вѣроятное невозможно, ибо въ то время не токмо костылемъ, но ниже прочимъ къ тому пріуготовленнымъ инструментомъ онаго вырыть за всегда случающеюся великою стужею и морозомъ невозможно), къ тому же отъ того времени до Троицына дня будто питалась землею и водою, и какъ чрезъ оное, такъ и то, что будто она, стоя на молитвѣ, слышала гласъ: „копай, трудись, не бойся ничего", происшедшее въ народѣ разглашеніе не токмо простой народъ, но и тамошнихъ гражданъ, а паче города Курска священниковъ соблазнила...,—дабы болѣе отъ нея соблазна народнаго происходить не могло, снявъ съ нея желѣзныя вериги, въ силѣ прописаннаго имяннаго Ея И. В. 737 года ноября 14 дня указа для учиненія ей надлежащаго наказанія отослать въ бѣлоградскую губернскую канцелярію при промеморіи, и оныя вериги (снявъ

только съ оныхъ мѣдную икону и крестъ для оставленія въ консисторіи), также колпакъ и костыль желѣзные отправить съ нею жъ въ оную губернскую канцелярію и что съ нею учинено будетъ за то, требовать увѣдомленія. 2) Курскаго духовнаго правленія присутствующіе протопопы Михаилъ Спасскій, Василій Сахновскій, да курской протопопіи намѣстникъ священникъ Андрей Кречетовъ за таковое попущеніе оной женкѣ Калугиной чинить противныя указамъ суевѣрія въ городѣ Курскѣ, гдѣ они сами жительство имѣютъ, и за слабое въ томъ смотрѣніе, въ силѣ прописаннаго 737 года ноября 14 дня указа не одному изверженію сана своего, но и тѣлесному наказанію подвергли себя, а за ложный репортъ и вящшему истязанію; но какъ указомъ 767 года іюня 30 дня тѣлесное наказаніе духовнымъ лицамъ чинить воспрещено, для того оное имъ оставить, а вмѣсто изверженія изъ сана, отрѣшить всѣхъ ихъ троихъ отъ курскаго духовнаго правленія, и на мѣсто ихъ назначить другихъ. 3) Священниковъ Покровской церкви Петра Далматова, Вознесенской— Захарія, діакона Василія, дьячка Даніила Булгакова, Флоровской церкви діаконовъ Матвѣя да Димитрія, дьячка Ивана Кречетова, кои сами не запирались, что посѣщали Калугину, токмо де духовному правленію не доносили за тѣмъ, что какъ де всему городу извѣстно, такъ уповательно и духовному правленію было вѣдомо, и оное ихъ неправильное показаніе въ томъ извинить ихъ не можетъ, понеже по должности своей всеконечно имъ о томъ слѣдовало дать знать непремѣнно оному курскому духовному правленію письменно, но оное ими упущено по единой къ означенной женкѣ Калугиной понаровкѣ,—дабы впредь въ томъ были предосторожны и такія вымышленныя суевѣрія прекращать не оставляли, сослать подъ началъ.... (въ разные монастыри). Указъ конс. авг. 1 дня 1769 г. № 365.

Борясь съ суевѣріями, духовенство, какъ мы видѣли, изыскивало, ловило, судило и карало, или отсылало для наказанія къ гражданскимъ властямъ суевѣровъ или кого считало за суевѣровъ. Борьба такимъ образомъ имѣла по преимуществу чисто внѣшній характеръ. Такого рода дѣятельность духовенства по

истребленію суевѣрій была, конечно, совершенно въ духѣ времени—на нее уполномочивалось, къ ней даже обязывалось духовенство и закономъ. Борьба собственно духовная едва замѣтна. Духовенство, призываемое къ борьбѣ съ суевѣріями, само—въ массѣ по крайней мѣрѣ—было мало образовано и въ достаточной степени суевѣрно. Достаточно сказать, что преосвященный Самуилъ въ 1769 г. находилъ нужнымъ *циркулярно* поучать духовенство бѣлогородской епархіи, чтобы не давали молитвъ родившимъ женамъ заглазно—въ шапку. Понятно, что, при такомъ собственномъ состояніи, духовенство едва ли и могло многое сдѣлать по части просвѣщенія темнаго и суевѣрнаго люда.

Амф. Лебедевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ.

4 апрѣля исполнится пятилѣтіе со дня смерти Николая Ивановича Костомарова. Ѣдкое чувство горя объ утратѣ нашего славнаго историка начинаетъ переходить въ болѣе тихую грусть, въ памяти возстаютъ картины прошлаго, невольно является желаніе присоединить и мое слово къ цѣлому ряду уже появившихся въ печати воспоминаній о покойномъ, тѣмъ болѣе, что я знала Н. И. не только, какъ ученаго и художника, но и была знакома съ нимъ лично съ моихъ отроческихъ лѣтъ. Однако меня невольно беретъ раздумье: будетъ ли въ моемъ простомъ разсказѣ, почерпнутомъ большею частью изъ дѣтскихъ воспоминаній, достаточно интереса для публики? Я не критикъ и не писатель, потому не могу высказывать своего мнѣнія о дѣятельности Н. И. Костомарова; жизнь его со всевозможными подробностями описывается уже давно въ нашихъ журналахъ, личность его слишкомъ знакома всѣмъ нашимъ современникамъ и мнѣ остается только одно: передать то впечатлѣніе, которое Н. И. производилъ на меня, и сдѣлать это вполнѣ искренно и правдиво. Въ этой правдивости—и мое извиненіе, и моя единственная заслуга.

Много говорили о Костомаровѣ по прибытіи его въ Петербургъ изъ Саратова и съ нетерпѣніемъ ожидали начала его профессорской дѣятельности. Въ салонѣ моего отца [1]. собирался тогда кружокъ изъ самыхъ выдающихся личностей въ художественномъ мірѣ. Кружокъ этотъ вовсе не имѣлъ политическаго

[1]) Графа Ѳ. П. Толстаго.

оттѣнка; туда попадали люди не потому, что они принадлежали къ тому или другому кружку по своему образу мыслей, но потому, что были умны или талантливы. Бывали у насъ люди ретроградныхъ и крайне либеральныхъ воззрѣній, но всѣ были чѣмъ нибудь отмѣчены въ ученомъ, литературномъ или художественномъ мірѣ и, несмотря на горячіе споры, всѣ уживались подъ обаяніемъ безпристрастной, высоко честной и доброй личности отца моего и въ той атмосферѣ художественности и поэзіи, которую онъ умѣлъ создать около себя. Въ этотъ то дружескій кружокъ хотѣлось намъ притянуть и новую восходящую въ Петербургѣ звѣзду: Н. И. Костомарова.

Живо помню этотъ день; приходитъ къ намъ Т. Г. Шевченко, „звалъ, говоритъ, къ вамъ Костомарова—нейдетъ, упирается, да и только, чудакъ! А я вотъ что выдумалъ: онъ всегда занимается въ публичной библіотекѣ, пойдемте туда, я васъ тамъ познакомлю". Мы такъ и сдѣлали и я увидѣла Н. И. въ первый разъ въ самой подходящей для него обстановкѣ, окруженнымъ рукописями и фоліантами. Мнѣ кажется, я съ первой минуты, какъ только взглянула на Костомарова, стала съ нимъ въ тѣ дружескія отношенія, въ которыхъ была всегда; едва я успѣла прислушаться къ его разговору, къ его задушевному смѣху, какъ мнѣ уже казалось, что я давно знакома съ нимъ. Н. И. сталъ бывать у насъ очень часто, полюбилъ всю нашу семью и всегда высоко цѣнилъ отца моего, что было вполнѣ взаимно.

Всѣ, кто помнитъ начало дѣятельности Костомарова въ Петербургѣ, знаютъ, что это было время какого то опьяненія: его выносили на рукахъ, большая зала университета, въ которой онъ долженъ былъ читать вслѣдствіе недостатка мѣста въ аудиторіяхъ, была переполнена народомъ такъ, что слушатели сидѣли и на окнахъ и по двое на одномъ стулѣ; дамы дѣлали ему оваціи, на улицахъ поминутно слышалось его имя. Его отношеніе къ этому всеобщему восторгу и то, какъ онъ держалъ себя все это время, болѣе всего характеризуетъ Н. И., какъ человѣка. Онъ былъ такъ простъ и скроменъ, такъ мало упоенъ успѣхомъ; когда ему въ глаза высказывали лестные отзывы,

онъ какъ то уходилъ въ себя и перемѣнялъ разговоръ, даже наединѣ съ нами никогда иначе какъ въ шутку не упоминалъ объ дѣлаемыхъ ему оваціяхъ, никогда не выразилъ ни однимъ намекомъ какое нибудь самодовольство, оставался крайне требовательнымъ къ себѣ и продолжалъ сильно работать, но чувствовалось, что онъ былъ счастливъ; я думаю, это былъ одинъ изъ лучшихъ годовъ его жизни.

Для меня этотъ годъ былъ какимъ то душевнымъ праздникомъ: мнѣ минуло 16-ть лѣтъ, жизнь радостно открывалась передо мной и въ ней, пока, первое мѣсто занимали Н. И. Костомаровъ и университетъ. Послѣдній казался мнѣ какимъ то священнымъ храмомъ, въ который я, недостойная, входила съ трепетомъ, а Костомаровъ наполнялъ его новой струей молодой науки. Живое было это время, полное иллюзій, упованій и надеждъ! Желанія наши осуществлялись подъ рукой Царя-Освободителя, будущее казалось свѣтло и ясно, неподавленныя силы просились наружу, и вотъ является человѣкъ, пострадавшій между прочимъ и за тѣ идеи, которыя теперь торжественно вступали въ свои права и въ торжествѣ своемъ возносили и его; онъ являлся какъ бы примѣромъ и залогомъ, что не будетъ болѣе розни, всѣ пойдутъ рука объ руку на одно общее дѣло — благо родины и человѣчества. Такія мысли бродили не въ одной только моей шестнадцатилѣтней головѣ, всѣ были какъ то особенно настроены и Костомаровъ былъ нашимъ героемъ дня. Смѣшно теперь и какъ то трогательно вспомнить о нашихъ волненіяхъ во время знаменитаго диспута Погодина съ Костомаровымъ. Н. И., хотя и принималъ къ сердцу свою полемику о началѣ Руси, но о самомъ диспутѣ говорилъ у насъ болѣе въ шуточномъ тонѣ, но мы, молодежь, относились къ этому событію серьезно и страстно. Съ замираніемъ сердца отправляясь на этотъ диспутъ, мы чувствовали то же, что должны были чувствовать молодые романтики, идя на первое представленіе Эрнани; для насъ Костомаровъ, какъ Викторъ Гюго, какъ когда то Жоффруа Сентъ-Илеръ, былъ носителемъ идеи свободы и движенія въ наукѣ и искусствѣ. Жмудь, такъ мало извѣстная намъ до тѣхъ поръ, стала нашимъ лозунгомъ, нашимъ знаменемъ,

за торжество ея мы ничего бы не пожалѣли, пораженіе ея вызвало бы у насъ слезы... Ученость Погодина таки пугала насъ. „Погодинъ навѣрно приготовилъ какое нибудь вѣское, рѣшающее возраженіе“, говорили въ университетѣ.—„Что жъ, это будетъ пріобрѣтеніе для науки, Н. И. первый порадуется этому“, утѣшали мы себя.

Какъ студенты понимали и любили Костомарова, показываетъ тотъ фактъ, что сначала они хотѣли въ случаѣ побѣды вынести его на рукахъ и, вернувшись въ залу, освистать Погодина, но рѣшили этого не дѣлать, такъ какъ это будетъ непріятно Н. И., рѣшили даже апплодировать Погодину, если это будетъ можно, чтобъ сдѣлать удовольствіе его оппоненту. Послѣ безумно шумной оваціи диспута, Н. И. сидѣлъ у насъ въ кругу друзей за бокаломъ шампанскаго и на вопросъ: отчего онъ какъ будто не радуется выражаемому ему сочувствію, отвѣчалъ съ обычной своей скромностью: „потому что отъ меня слишкомъ многаго ожидаютъ“.

Но не на каѳедрѣ, окруженный восторгомъ толпы, рисуется Н. И. всего чаще въ моихъ воспоминаніяхъ. Я вижу его добрымъ знакомымъ, внесшимъ въ нашу частную жизнь массу своихъ свѣдѣній, живописность своей рѣчи, блескъ своего остроумія, заразительную искренность своего смѣха, теплоту своего участія. Какой безъискусственной и оригинальной прелестью дышали его разсказы,—каждая личность въ нихъ была такъ мѣтко очерчена нѣсколькими словами, что являлась типомъ. Не имѣя претензіи передать ихъ въ той художественной формѣ, въ которой они являлись въ устахъ Н. И., я приведу нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ ради самихъ передаваемыхъ изъ нихъ фактовъ, заимствованныхъ большею частью изъ жизни самаго Костомарова. Такъ, съ необыкновеннымъ юморомъ разсказывалъ онъ, какъ, бывши въ московскомъ пансіонѣ, 10—11 лѣтъ отъ роду, онъ, начитавшись Вальтеръ Скотта, задумалъ возобновить рыцарскія затѣи и устраивалъ турниры. Одѣвшись въ бумажный панцырь и шлемъ, подпоясавшись мечомъ, выходилъ онъ на поединокъ съ товарищемъ втрое сильнѣйшимъ.—Только что я приготовлюсь, говорилъ Н. И., по всѣмъ рыцарскимъ правиламъ,

занесу копье, чтобъ ударить въ него всею силой, а онъ выхватитъ копье, переломитъ объ мою спину, да за чубъ, за чубъ меня, донъ-Кихота! Кто меня только не билъ, и всегда я самъ задѣвалъ: вспылю, подлечу и всегда то меня побьютъ... Но я никогда не жаловался, за то меня все таки товарищи любили". Въ воронежской гимназіи учитель научилъ Н. И. снести директору голову сахара. Мальчикъ въ простотѣ сердца, съ головой сахара отправился прямо въ гостинную директора, да еще при гостяхъ. Директоръ распушилъ его и прогналъ. Вышелъ мальчикъ совсѣмъ озадаченный, а за нимъ бѣжитъ горничная: „вы, говоритъ, не туда зашли, барину отсюда, съ чернаго крыльца, носятъ".

Слѣдующій, припоминаемый мною, разсказъ относится къ юношескому періоду жизни Н. И. Когда ему было 22 года, онъ влюбился въ одну дѣвушку, которая предпочла ему другаго. Костомаровъ позабылъ и думать о ней, когда узналъ, что этотъ другой бросилъ ее въ несчастьи и нуждѣ. Былъ тогда у Н. И. одинъ товарищъ П., добрый малый, но большой гуляка. Узнавши о горькой судьбѣ дѣвушки, этотъ послѣдній спрашиваетъ у своего друга, что онъ намѣренъ дѣлать. „Право не знаю, подлость ужасная, надо бы заставить жениться, да какъ?" Неужели же ты оставишь такую возмутительную вещь безнаказанной", восклицаетъ П. „такъ то ты стоишь за правду? Ну, такъ я за это дѣло возьмусь". И отправляется устраивать дуэль. „Ты будь спокоенъ, говоритъ онъ Костомарову, если онъ тебя убьетъ, такъ и ему съ мѣста не сойдти". Вызывая отъ имени Н. И. того господина, онъ предупреждаетъ его: „если вы не хотите драться, то мы васъ все равно до смерти поколотимъ. Вамъ смерти не миновать; если вы застрѣлите К., то я все равно васъ убью, лучше ужъ вы женитесь на оскорбленной вами дѣвушкѣ". Все это дѣлалось только за идею, такъ какъ, по выраженію Костомарова, „эта дѣвушка была у него давно донной Эльвирой", а П. и не зналъ ея. Дуэль, однако, не состоялась: противникъ предпочелъ донести губернатору и Н. И. долженъ былъ, вслѣдствіе этой исторіи, оставить Харьковъ.

Съ разработываемою имъ въ его лекціяхъ или сочиненіяхъ эпохою Н. И. сживался такъ, что, слушая его, казалось, слы-

шишь очевидца передаваемыхъ событій: добродушно подтрунивая иногда надъ своими героями, онъ какъ будто говорилъ о близкихъ знакомыхъ. Легенды о бѣсахъ, одно время занимавшія его, получали въ устахъ его оригинальный характеръ; его бѣсы были такъ милы, граціозны, такъ полны жизни, что, казалось, онъ самъ вѣритъ въ нихъ. Особенно одинъ „бѣсъ Зеѳеусъ“, котораго спеціальность была „творить пакости мнихамъ“, а за неимѣніемъ оныхъ—ученымъ, пріобрѣлъ мою симпатію и занялъ у насъ большую роль. Перемѣнятъ ли любимую оперу, помѣшаетъ ли погода предполагаемому катанью,—„каковъ бѣсъ Зеѳеусъ? Это все онъ!“ восклицаемъ мы. Всякія мелкія событія передавались языкомъ легендъ. Разъ приходитъ къ намъ Н. И. и разсказываетъ: „во едину изъ средъ пріиде ко мнѣ бѣсъ лукавый во образѣ знаемаго моего и глагола: „хощеши, брате, стяжаніе веліе имати? Возьми акціи саратовской желѣзной дороги“. Азъ же, по незлобію и добросердечію своему, поидохъ и взяхъ акціи сіи. Протекшимъ же дванадесятію седмицамъ, услышахъ, яко акціи сіи упадоша въ цѣнѣ. И грядохъ азъ къ знаемому моему и рѣкохъ ему: „почто, брате, обманулъ мя еси?“ И отречеся и рече: „не вѣмъ, что глаголеши, се не азъ бы“. И тогда азъ прозрѣхъ и уразумѣхъ, яко се бѣсъ бѣ во образѣ человѣческомъ, иже пріидохъ искусить мя. И абіе пріиде бѣсъ во образѣ знаемаго моего и рече ми: „веліе ли, брате, стяжаніе имаши?“ Азъ же, прозрѣвый, рекъ ему: „вѣмъ, кто еси“. И отвѣща, глаголя: „во истину есмь бѣсъ Зеѳеусъ, ненавидяй добро и родъ человѣческій, паче же премудрости твоея ради, пріидохъ пакости ти творити“.

Давно обѣщалъ Н. И. показать намъ, какъ дѣлаются настоящіе вареники, и вотъ однажды, прямо изъ университета, Н. И. отправляется къ намъ въ кухню, подпоясывается передникомъ и, взявъ въ руки ложку, предварительно читаетъ намъ полукомическую, полусерьёзную лекцію о вареникахъ и приступаетъ къ дѣлу, но о дальнѣйшемъ пусть онъ самъ разскажетъ: „Бѣ мужъ нѣкій, имя же ему Никола, и восхотѣ онъ, гордости своея ради, яство, вареники нарицаемое, сотворити. И взявъ муки гречневыя и сотворивъ брашно, и вложивъ въ оное тво-

рогу, и посыпавъ солью, ввергну въ укропъ. И возсѣдоша домочадцы и присные его за трапезу и, подану сущу яству сему, никто же не може ясти! И уразумѣхъ мужъ сей, яко се бѣсъ лукавый, ненавидяй добра и рода человѣческаго, соврати его и *отъиде посрамленъ*".

Эта способность переходить отъ дѣла, отъ серьёзныхъ разговоровъ, полныхъ учености и глубокихъ мыслей, къ такой ребяческой веселости, эта широта души, отзывчивой ко всему, отъ философскаго мышленія до лепета ребенка, для которой ничто въ человѣкѣ и природѣ не чуждо, дѣлали проведенное съ Н. И. время обаятельнымъ и незабвеннымъ. Полное отсутствіе важности, тщеславія, самомнѣнія и безконечная снисходительность къ людямъ—привязывали къ этому человѣку. Желчности, горечи я никогда не замѣчала у Н. И.; въ немъ было что-то ясное, спокойное, какъ у всѣхъ тѣхъ, кто созерцаетъ міръ съ нѣкоторой высоты. Непониманіе или несправедливость къ нему людей ложились глубокой раной въ его сердце, но онъ всегда старался находить извиненіе и объясненіе ихъ поступкамъ; къ нападкамъ печати относился добродушно, отстаивая право каждаго высказывать свои мысли. Иногда даже досадно было, какъ спокойно принималъ онъ разныя инсинуаціи. По поводу такъ часто раздававшихся обвиненій его въ разрушеніи идеаловъ и развѣнчиваніи народныхъ героевъ, онъ, смѣясь, говорилъ: „чѣмъ же я тутъ виноватъ, когда я этого не вижу, не нахожу въ источникахъ? Что есть въ источникахъ, то я знаю; чего нѣтъ—того не знаю, я такъ и говорю: „этого я не знаю или этого нѣтъ въ источникахъ"; что жъ я тутъ могу подѣлать!" Онъ зналъ, что онъ искалъ только истины, неумолимой истины и безбоязненно шелъ по пути, который ему указывала совѣсть. Правдивость, доведенная даже до крайности, была отличительной чертой Н. И. и въ частной жизни. Я знаю нѣсколько случаевъ изъ его жизни, гдѣ онъ сильно повредилъ себѣ изъ страха, чтобъ какъ нибудь не покривить душой. Для близкихъ людей эта отчасти утрированная правдивость бывала въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже тяжела: безъ всякаго желанія обидѣть кого нибудь, онъ говорилъ людямъ въ глаза непріятныя истины и не хотѣлъ понять, что

слѣдуетъ иногда воздержаться отъ выраженія своихъ впечатлѣній: „да вѣдь это правда, говорилъ онъ, а правда всегда хороша, всегда полезна“. Онъ былъ въ этомъ случаѣ очень послѣдователенъ, цѣнилъ правдивость въ другихъ, самъ никогда не обижался, когда были съ нимъ откровенны и, если былъ неправъ, тотчасъ же соглашался съ этимъ. „Костомаровъ, писала я въ то время кому то, одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ всѣ ихъ хорошіе и благородные поступки такъ врожденны и естественны, что кажутся имъ чѣмъ то совсѣмъ простымъ и обыкновеннымъ, вовсе не заслуживающимъ похвалы. Они поступаютъ благородно не вслѣдствіе какого нибудь разсужденія, а потому, что иначе поступить не могутъ. Это очень рѣдкіе люди, ихъ можно сравнить съ геніями въ искусствѣ; когда встрѣчаешь ихъ въ жизни, то невольно благоговѣешь передъ ними“.

Н. И. былъ вспыльчивъ отъ природы, но горячность его выражалась въ рѣдкихъ случаяхъ и обыкновенно обрушивалась на голову его „Лепорелло“, его преданнаго Ѳомы, который, хорошо зная своего барина съ дѣтства, относился къ этому, какъ добрая, старая няня—къ вспышкамъ ребенка. Объ его горячности я знала изъ разсказовъ самого Н. И. и она казалась мнѣ естественной при его впечатлительномъ и живомъ характерѣ; видѣла же я его всегда ровнымъ, привѣтливымъ и добрымъ. Особенно замѣчательна была его сдержанность во время спора. Въ Н. И. такъ глубоко было развито уваженіе къ человѣческой личности, что онъ выслушивалъ всякаго, даже того, кто далеко ниже его стоялъ по уму и по развитію, стараясь въ словахъ его отыскать не слабыя стороны, но какой нибудь проблескъ истины. Споры его съ Шевченкомъ были моимъ наслажденіемъ; контрастъ между этими двумя друзьями во время спора былъ въ высшей степени интересенъ и оба противника были очень милы, каждый въ своемъ родѣ: невозмутимое спокойствіе Костомарова выводило кипятящагося Шевченка изъ себя, такъ что онъ, подъ конецъ, къ нашему полнѣйшему удовольствію, начиналъ бранить Н. И. по малорусски.

Если это только возможно, я еще болѣе сошлась съ Н. И. во время нашего лѣтняго пребыванія въ Финляндіи, куда онъ

часто пріѣзжалъ къ намъ. Величественная тишина сосновыхъ лѣсовъ навѣвала на насъ какое то поэтическое настроеніе. Цѣлыми днями бродили мы по полямъ и лѣсамъ, утомляя нашихъ, менѣе насъ впечатлительныхъ къ красотамъ природы, спутниковъ; взлѣзали на вершины скалъ, любовались разнообразіемъ мховъ, доставали въ лѣсныхъ озеркахъ бѣлые ненюфары. Рѣчи Н. И., казалось мнѣ, сливались съ окружающей природой въ одну общую гармонію; онъ посвящалъ меня въ таинство звѣзднаго неба, разбирая лепестки полевыхъ цвѣтовъ въ нашихъ букетахъ, онъ говорилъ о метаморфозахъ растеній, переходилъ къ преданьямъ народовъ, едва выходящихъ изъ мрака доисторическихъ временъ, и передавалъ, какія минуты наслажденія испытывалъ онъ, бесѣдуя съ мужиками и объясняя имъ солнечную систему.

Не обходилось и у насъ съ Н. И. безъ препирательствъ. Темою обыкновенно служило отношеніе къ природѣ и пейзажная живопись, которую Н. И. ставилъ ниже другихъ жанровъ и которую я защищала съ горячностью, подобающей пейзажисткѣ. Я упрекала Н. И., что онъ болѣе дорожитъ историческими воспоминаніями, связанными съ какой нибудь мѣстностью, чѣмъ красотой ея; природа такъ хороша сама по себѣ, что наслаждаться ею надо всецѣло, не примѣшивая ничего другаго. Н. И. напротивъ доказывалъ, что одно должно дополнять другое, что природа мертва безъ людей, что природа располагаетъ къ тому, чтобы любить людей, что некрасивую историческую мѣстность онъ не назоветъ красивой, но прекрасная, соединенная съ историческими воспоминаніями, кажется ему еще лучше. Съ своей стороны онъ ставилъ мнѣ въ вину, что я смотрю на природу слишкомъ съ художнической точки зрѣнія.—Вамъ нравится то только, что картинно, говорилъ онъ; такъ на природу нельзя смотрѣть, это слишкомъ односторонне; кто дѣйствительно любитъ природу, тотъ любитъ каждый клочекъ ея, тотъ восхищается каждымъ листочкомъ". Наши споры однако кончались весьма миролюбиво; относительно пейзажной живописи мы приходили къ компромиссамъ, а когда я заявляла, что финляндская природа, если и лишена интересныхъ воспоминаній, все же не ли-

шена людей, которыхъ можно изучать и любить, и что „я гораздо лучше всѣхъ его историческихъ личностей, умершихъ тысячу лѣтъ тому назадъ", то, конечно, съ такой женской логикой Н. И. могъ только, смѣясь, соглашаться. Потомъ, сидя на берегу,

Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя...,

Н. И. признавался, что въ своей молодости и онъ испытывалъ все, о чемъ я часто говорю, эти восторги передъ картинами природы, доходящіе до слезъ и до молитвы, это желаніе воспринять въ себя, удержать на вѣкъ эти впечатлѣнія—и я была вполнѣ удовлетворена.

Мы иногда катались верхомъ, но самая интересная изъ нашихъ прогулокъ было маленькое путешествіе на Иматру, которое ознаменовалось такой сильной грозой и при такой эффектной обстановкѣ, что я никогда потомъ не видѣла ничего подобнаго. Мы укрылись въ стеклянномъ павильонѣ надъ водопадомъ. Молнія сначала дрожала и блестѣла вдали, потомъ гроза стала быстро приближаться: на горизонтѣ поднимался огненный столбъ и, какъ въ фейерверкѣ, выбрасывалъ снопы стрѣлъ; легкія облачка черными силуэтами рисовались на ярко освѣщенномъ небѣ; водопадъ рвался и бушевалъ, равномѣрный ревъ его, какъ аккомпаниментъ, вторилъ страшнымъ, повтореннымъ эхо раскатамъ грома, бѣлая пѣна подымалась, озаренная фосфорическимъ блескомъ, и огненныя брызги разсыпались кругомъ. Была минута какого то страшнаго безмолвія и вдругъ гроза разразилась почти надъ нами, разомъ озаряя нашъ стеклянный домикъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Нѣкоторымъ дамамъ сдѣлалось дурно.

— Вамъ не страшно? спросилъ меня Н. И.

— Нѣтъ.

— Это рѣдко, чтобъ молодая дѣвица не боялась грозы.

— Я прежде ужасно боялась, но сегодня это слишкомъ хорошо. Нѣтъ такого страха, который оторвалъ бы меня теперь отъ окна. Я уже никогда не буду бояться, всякая гроза будетъ напоминать мнѣ эту чудную ночь.

На обратномъ пути Н. И. неожиданно сказалъ мнѣ: „пишите стихи, а то вся ваша поэзія обратится въ жизнь, берегитесь этого, это не принесетъ вамъ счастья“.

Костомаровъ сильно увлекался даже мелочами, заинтересовавшими его; такъ, онъ серьезно сталъ изучать со мной англійскій языкъ и прилежно читалъ Шекспира съ лексикономъ и комментаріями. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ одинъ разъ насъ, возвращавшихся съ прогулки, засталъ дождь. Всѣ наши, конечно, поспѣшили добраться до дому, но мы съ Н. И. были заняты англійскимъ діалектомъ и ко всему другому оставались равнодушны. Употребитъ Н. И. невѣрное выраженіе,—я остановлюсь, чтобы поправить его; я скажу что нибудь непонятное для Н. И.,—онъ остановится, бьетъ себя въ голову и, пока я не переведу ему моихъ словъ, мы стоимъ другъ противъ друга посреди дороги, а дождикъ льетъ на насъ, какъ изъ ведра. Не менѣе увлекался Н. И. музыкой: мы съ сестрой должны были несчетное количество разъ играть ему въ четыре руки „Аделаиду“ Бетговена, а одна наша знакомая всего „Донъ-Жуана“. Эту оперу, также какъ „Жизнь за Царя“, Н. И. любилъ какою то фанатическою любовью и, никогда не игравши на фортепіано, захотѣлъ выучиться „La ci darem la mano“. Съ грѣхомъ пополамъ я и сестра выучили его и тогда это сдѣлалось настоящей мономаніей, онъ повторялъ эту пьесу во всякое время: идемъ мы, напримѣръ, завтракать мимо фортепіанъ, нельзя не остановиться и не съиграть „La ci darem“. „Попробуйте теперь въ четыре руки“, проситъ Н. И. „Да когда же вы, наконецъ, придете, все простыло“, раздается голосъ моей матери, и только благодаря тому, что нѣтъ на дорогѣ втораго рояля, мы достигаемъ благополучно балкона.

Наканунѣ Иванова дня мы устроили что то вродѣ языческаго праздника: дѣвушки сплели себѣ вѣнки, мужчинъ украсили гирляндами изъ хмѣля, пѣли пѣсни, переводили коня черезъ колоду и Н. И. первый перепрыгнулъ черезъ костеръ. Его примѣру тотчасъ же послѣдовали мѣстные крестьяне, у которыхъ это до сихъ поръ въ обычаѣ. Въ слѣдующее воскресенье, мы, въ угоду Н. И., устроили балъ для крестьянъ. Оркестръ состоялъ

изъ трехъ скрипокъ, угощенье—изъ пива и сластей; я прошлась въ первой парѣ съ нашимъ кучеромъ. Н. И. и мой отецъ тоже приняли участіе въ танцахъ. Еслибъ недоброжелатели Костомарова видѣли, какъ живо интересовался онъ народными пѣснями, танцами и обрядами чухонъ, то навѣрное упрекнули бы его въ финноманствѣ.

Наше веселое лѣто кончилось и мы уѣхали заграницу. Н. И. провожалъ насъ до Пскова, гдѣ мы выпили бокалъ шампанскаго, сидя на городской стѣнѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ вѣчевой колоколъ, и разстались. Во время двухлѣтняго путешествія я переписывалась съ Н. И. Письма его крайне интересны по той окраскѣ, которую онъ умѣлъ придать передаваемымъ событіямъ дня, но я не считаю возможнымъ напечатать ихъ, такъ какъ въ нихъ много говорится объ общихъ знакомыхъ и событіяхъ, касающихся нашей семьи; одно изъ нихъ, написанное церковно-славянскимъ языкомъ, есть болѣе пространный варіантъ напечатаннаго уже г. Мордовцевымъ „Сказанія о представленіи оперы Пророкъ“.

Послѣ моего замужества, я сравнительно рѣдко видѣлась съ Н. И., но дружескія отношенія наши не измѣнились и я всегда возвращалась отъ Костомарова съ наполненнымъ сердцемъ и умомъ.

Въ тяжелую минуту моей жизни Н. И. и его жена на дѣлѣ доказали мнѣ свою дружбу, ихъ ласку и участіе мнѣ не забыть до гроба. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я провела у нихъ мѣсяцъ въ ихъ малороссійскомъ имѣніи. Н. И., несмотря на посѣдѣвшіе волосы, на удушье, мучившее его, и нервность, развившуюся вслѣдствіе болѣзни, былъ все такимъ же, какимъ я знала его прежде: также работалъ, также острилъ и разсказывалъ, заставляя удивляться его замѣчательной памяти, также молодо восхищался дивными ночами Украины. Помню одну такую ночь. Въ усадьбу зашелъ кобзарь Вересай. Мы усѣлись на заваленку и на ступеньки какого то сарая, пришли откуда то дивчины въ своихъ граціозныхъ костюмахъ; всѣ мы были залиты серебристымъ сіяніемъ мѣсяца, а слѣпой старикъ, со слезами въ дребезжащемъ голосѣ, пѣлъ про древнюю славу

козачества...) Послѣ обѣда, когда солнце близилось къ закату, мы отправлялись на одинъ изъ ближнихъ холмовъ, съ котораго открывался широкій видъ на окрестности. Цѣлая толпа ребятишекъ высыпала намъ вслѣдъ. На горѣ устраивался хоръ, подъ управленіемъ одной изъ старшихъ дѣвочекъ; Н. И. заставлялъ ихъ пѣть чисто народныя пѣсни, которыя теперь, къ сожалѣнію, начинаютъ уже замѣняться солдатскими или лакейскими, и замѣчательно стройно и хорошо пѣли эти дѣти. Послѣ импровизированнаго концерта артистамъ раздавались леденцы. До самаго дома провожали насъ звонкіе дѣтскіе голоса, а тамъ ожидалъ насъ вкусный деревенскій ужинъ, послѣ котораго мы усаживались вокругъ лампы и принимались за чтеніе „Мазепы", надъ которымъ трудился тогда Н. И. Какое то обаятельное впечатлѣніе производилъ весь складъ этой семьи: общеніе съ Костомаровымъ невольно заставляло работать мысль, почти материнская заботливость, съ которой жена его ухаживала за нимъ, пробуждала лучшія стороны души и какъ то тепло дѣлалось на сердцѣ...

Въ началѣ января 1885 года я была на короткое время въ Петербургѣ и нашла Н. И. страшно измѣнившимся физически; особенно поразилъ меня его ослабѣвшій голосъ. Когда я, передъ отъѣздомъ, ужъ совсѣмъ простилась съ нимъ, Н. И. вдругъ сказалъ мнѣ: „приходите ко мнѣ еще разъ". Что то сжалось въ груди моей, у меня мелькнула мысль: „малѣйшая воля этого человѣка должна быть священна для меня"—и тотчасъ же смѣнилась другою: „такъ думаютъ объ умирающемъ". Я разсѣяла эти грустныя мысли, но предчувствіе не обмануло меня; когда я исполнила желаніе Н. И. и посѣтила его,—я увидѣла въ послѣдній разъ моего добраго, стараго друга.

Екатерина Юнге.

Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая.

Въ наказѣ московскимъ посламъ, которые назначены были участвовать въ избраніи гетмана на переяславской радѣ, въ 1659 г., боярину А. Н. Трубецкому, В. Шереметеву, Гр. Ромодановскому, дьякамъ А. Лопухину и Ѳед. Грибоѣдову, между прочимъ предписывалось требовать отъ новоизбраннаго гетмана и всей старшины, чтобы главныхъ заводчиковъ малороссійскихъ смутъ, всѣхъ Выговскихъ, полковниковъ: Ивана Нечая, Гр. Гуляницкаго, Ѳед. Лободу, Гр. Лѣсницкаго, судью Самойла Богданова и Антона Жданова, немедленно они судили по своимъ войсковымъ правамъ, и впредь бы имъ въ войскѣ запорожскомъ не быть. На это требованіе московскихъ пословъ какъ гетманъ, такъ и вся старшина отвѣтили въ свою очередь просьбой, чтобы государь означенныхъ лицъ, кромѣ Выговскихъ, всѣхъ простилъ, обѣщаясь при этомъ не допускать ихъ въ войсковую и секретную раду, а Выговскихъ доставить въ Москву. Московскіе послы согласились. Тѣмъ не менѣе гетманъ Юрій Хмельницкій тотчасъ же, 20 окт. 1659 г., билъ челомъ государю о полномъ прощеніи Грицка Лѣсницкаго и о дозволеніи ему участвовать въ радѣ и быть избираемымъ на уряды. Челобитье было уважено и началась ловля Выговскихъ и Нечая. 26 октября корсунскій полковникъ Яковъ Петровичъ (Петренко) извѣстилъ князя Трубецкаго о захватѣ въ Лисянахъ Данила Выговскаго: „противъ воли и росказанья вельможнаго его милости пана Юрія Хмельницкаго, гетмана войска Е. Ц. В. запорожскаго, который мнѣ велѣлъ, чтобъ я Данила Выговскаго гдѣ могъ найти, чтобъ самого поймавши до вельможности вашей отослалъ; тогда я посылаю до ва-

шей милости Данила Выговскаго, при которомъ посылаемъ товарищей вѣрныхъ и желательныхъ Е. Ц. В., именемъ Ждана Дмитровича и Пахома Свиридовича, Оську Василевича, Романа Ивановича Шпака, котораго тамъ ранили, какъ онаго добывали въ замкѣ лисянскомъ, и Яско Гончаринко, Игнатъ Савченко и иные товарищи, Яцко Дикимонтъ, за которыми вашей милости, добродѣя нашего, вельми прошу, чтобъ вельможность ваша, панъ нашъ милостивый, на оныхъ призрѣнье имѣть изволилъ". Но прежде, чѣмъ Трубецкой получилъ въ свои руки Данила Выговскаго, гетманъ Юрій Хмельницкій уже ходатайствовалъ предъ нимъ за своего зятя, прося обойтись съ нимъ милостиво; „зятя моего, Данилу, въ Лисянцахъ сыскавши чрезъ пана полковника корсунскаго, впредь до твоей милости и до пресвѣтлаго Е. Ц. В. ѣхати ему позволяю, которому чтобъ милость твоя, для великой милости его пресвѣтлаго царскаго величества, любовь свою и желательство объявити изволилъ и до пресвѣтлаго Е. Ц. В. лучшее свое боярское внести прошеніе, дабы оному милость свою милостивую, яко милостивый государь, оказати изволилъ. Богъ кающагося пріемлетъ и Е. пресвѣтлое Ц. В. милостію своею подлинно есте что Данилу, зятя моего, пожалуетъ: кровь моя, для крови прошеніе приношу. Буди милость твоя въ томъ моемъ прошеніи помочный и до его пресвѣтлаго Ц. В. за зятя моего просительнымъ, для чего Е. Ц. В. истиннымъ подданствомъ, а твоей милости повольными услугами работать готовъ есмь...." Неизвѣстно, какъ бы отнеслось московское правительство къ Данилу Выговскому вслѣдствіе ходатайства за него гетмана, такъ какъ Данило до Москвы не доѣхалъ. „Гетманъ Юрій Хмельницкій", писалъ кн. А. Н. Трубецкой въ Москву, „по своему и всего войска запорожскаго договору, прислалъ къ намъ Данилу Выговскаго; и до твоего великаго государя указа велѣли мы везти его, Данилка, за приставомъ въ стрѣлецкихъ приказѣхъ, и везли его въ Семеновѣ приказѣ Полтева да въ Артамоновѣ приказѣ Матвѣева, перемѣняясь, а въ приставѣхъ у него были сотники со стрѣльцами поденно. И ноября въ 21 д., какъ мы пошли изъ Болхова, и Данилка Выговской занемогъ, и везли его больнаго ноября жъ по 30-е число, а ноября въ 30 числѣ на

дорогѣ, отъѣхавъ отъ Калуги 10 верстъ, онъ умеръ, и мы велѣли погребсти его въ селѣ Горнемъ..." Получивши такое донесеніе, царь Алексѣй Михаиловичъ приказалъ отправить тѣло Данила Выговскаго къ гетману; для сопровожденія тѣла былъ назначенъ путивлецъ Иванъ Мосалитиновъ, а священнику села Горняго послана память о дозволеніи вырыть тѣло Данила и отпускѣ его въ Малороссію. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ государя 10 декабря была послана къ гетману грамота, въ которой онъ выражалъ глубокое сожалѣніе о смерти гетманскаго зятя [1]).

Жена Данила Выговскаго была захвачена 14 ноября 1659 г. въ Чигиринѣ нѣжинскимъ полковникомъ Василіемъ Золотаренкомъ и отдана въ Суботовѣ за пристава.

Другой зять Хмельницкаго, полковникъ Иванъ Нечай, съ братомъ Юрьемъ былъ захваченъ при взятіи Стараго Быхова 4 декабря 1659 г. Оба они были сосланы въ Тобольскъ; жалованье имъ назначено—Ивану по гривнѣ на день, а Юрью по 10 денегъ. Отъ 22 февраля 1660 г. тобольскій воевода, князь Иванъ Хилковъ, писалъ о нихъ: „по твоей государевѣ грамотѣ велѣно полковника Ивашка Нечайка и брата его Юшку посадить въ тюрьму; и полковника Ивашка Нечайка и брата его Юшку въ тюрьму посадить было не мочно, потому что въ тюрьмѣ сидятъ многіе поссыльные люди, литва и нѣмцы. И мы велѣли тогожъ дня поставить въ тюрьмѣ, въ томъ же острогѣ, особую избу и велѣли изъ-за пристава полковника Ив. Нечая и брата его Юшку посадить въ тюрьму, въ тое особую избу, февраля въ 21 д. и велѣли у нихъ быть по пяти человѣкомъ караульщикомъ, тобольскимъ служивымъ людемъ, да по атаману казачью днемъ и ночью; да у нихъ же велѣли быть и ихъ надсматривать по вся дни тѣмъ же прежнимъ приставомъ, тобольскимъ дѣтемъ боярскимъ, Данилу Аршинскому да Ѳедору Черницыну, и велѣли ихъ въ тюрьмѣ держать съ великимъ береженьемъ. И дѣтямъ боярскимъ, и атаманомъ, и караульщикомъ, и дворскому и тюремнымъ сторожемъ приказали съ великимъ подкрѣпленьемъ, чтобъ они Ивашка и Юшка, изъ тюрьмы никуда не ушли, и дурна какого

---

[1]) Сибир. пр. столб. № 6436.

надъ собою не учинили, и ножей бы у нихъ не было, и къ нимъ, Ивашку и Юшку, въ тюрьму и близко тюрьмы польскихъ, и литовскихъ и нѣмецкихъ людей припущать и рѣчей съ ними разговаривать, и чернилъ и бумаги имъ въ тюрьму давати не велѣли никоторыми дѣлы...“ [1])

Изъ приведенныхъ свѣдѣній о судьбѣ Данила Выговскаго и Нечая видно, что московское правительство вовсе не оказывается такимъ жестокимъ по отношенію къ нимъ, какъ это выставляетъ панъ Беневскій въ письмѣ къ Юрью Хмельницкому въ январѣ 1660 года: „Вы толкуете о непріятельскихъ мучительствахъ, которыя вы претерпѣвали отъ поляковъ... А царь не потому ли кажется вамъ добръ, что полна Украйна мучительства? Когда бы мой большой и любимый пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ одного зятя своего на крюкѣ, дочь въ плѣну и безчестьи; когда бы увидѣлъ другаго зятя неслыханно замученнаго; когда бы увидѣлъ тѣло его истерзанное кнутомъ, пальцы отрѣзанные, глаза вынутые и серебромъ залитые, уши буравомъ просверленныя и серебромъ залитыя; когда бы увидѣлъ другую дочь, умирающую надъ тѣломъ мужа...., если бъ Богданъ Хмельницкій увидѣлъ все это, то не только бы принялся за оружіе, но и въ огонь ринулся бы... Панъ Ковалевскій пишетъ мнѣ, что царь простилъ всѣхъ; но если простилъ, то зачѣмъ же человѣкъ замученъ? Не только печаль, но безчестье всему войску—прислать къ нему такъ замученнаго зятя гетманскаго...“ Такого же мнѣнія о смерти Данила Выговскаго придерживается и С. М. Соловьевъ [2]).

Князь А. Н. Трубецкой съ товарищами, съ которыми ѣхалъ въ Москву Данило Выговскій, не имѣли никакого права, никакого приказа *дорогою* пытать его; несомнѣнно, въ ихъ отпискѣ, которая назначалась въ разрядъ, былъ хотя бы малѣйшій намекъ на причину смерти Данила, если бы причиною была пытка. Между тѣмъ воеводы эпически просто говорятъ: „и ноября въ 21 д., какъ мы пошли изъ Болхова, и Д. В. занемогъ и везли его больнаго...“ Отчего занемогъ? Если бы не общая какая нибудь

---

[1]) Столб. сибпр. пр. № 6622.

[2]) Ист. гос. рос. т. XI, прим. 21.

болѣзнь, то несомнѣнно былъ бы указанъ тотъ частный случай, который произвелъ болѣзнь и смерть. Такимъ образомъ о пыткахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Да и то можно сказать, что если бы московское правительство, или, по приказанію его, князь Трубецкой измучилъ Выговскаго пытками, то было бы дѣйствительно крайне неумѣстно посылать искалѣченный трупъ къ гетману: правительство имѣло полную возможность не отпускать трупа Данила къ гетману, тѣмъ болѣе трупа неразложившагося (декабрь) съ явными признаками пытки. Наконецъ *память* священнику села Горняго, сохранившаяся до нашего времени, о дозволеніи выкопать тѣло Данила, точно доказываетъ, что Выговскій не доѣхалъ до Москвы; о пыткѣ же дорогою, какъ сказано, не можетъ быть и рѣчи.

Остальные родственники Выговскаго: овруцкій полковникъ Василій, и полковники жъ Юрій и Илья Выговскіе, захваченные черниговскимъ полковникомъ Аникіемъ Силичемъ, вмѣстѣ съ другими измѣнниками, пойманными переяславскимъ полковникомъ Тимоѳеемъ Цецурою, всѣ были присланы въ началѣ сентября мѣсяца въ Кіевъ къ боярину Василію Шереметеву, а изъ Кіева 12-го сентября отосланы къ Москвѣ со стряпчимъ Иваномъ Свіязевымъ. Съ нимъ же вмѣстѣ отправилось посольство отъ полковниковъ: нѣжинскаго Василія Золотаренка, черниговскаго—Аникія Силича, прилуцкаго Ѳедора Прилуцкаго, переяславскаго—Тимоѳея Цецуры, для челобитья о сохраненіи ихъ правъ и вольностей. Свіязевъ съ измѣнниками и съ посланниками, пріѣхавъ 4 октября къ Москвѣ, согласно данному ему бояриномъ Шереметевымъ наказу, остановился въ селѣ Семеновскомъ и оттуда послалъ отписку въ разрядъ о своемъ прибытіи. Въ отвѣтъ на отписку Свіязевъ получилъ изъ разряда память; „.... какъ къ тебѣ ся память придетъ, и ты бъ съ тѣми посланцы и съ измѣнники изъ Семеновскаго пріѣхалъ къ Москвѣ завтра, октября въ 6 д., а пріѣхать бы тебѣ съ ними къ Москвѣ въ четвертомъ часу дня въ началѣ; а ѣхати бъ съ посланцы и измѣнники къ Москвѣ въ Калужскія ворота, и измѣнниковъ велѣть везти въ телѣгахъ связанныхъ, а стрѣльцомъ московскимъ, которые посланы съ тобою, велѣть ѣхать около телѣгъ съ ружь

емъ...." Пріѣхавши въ Москву, Свіязеву предписывалось явиться съ посланцами и съ измѣнниками въ посольскомъ приказѣ. Въ тотъ же день, 6 октября, по государеву указу, изъ посольскаго приказа была послана память въ разбойный приказъ „держати тѣхъ измѣнниковъ на тюремномъ дворѣ въ опальной тюрьмѣ однихъ, а своего государева жалованья давать имъ корму по шти денегъ на день; и береженье къ нимъ держать большое, чтобъ они куда не ушли и дурна какого надъ собою не учинили..." [1]) На тюремномъ дворѣ у Выговскихъ описали все платье и деньги, какія были при нихъ: „Василій Выговской; на немъ платья: кафтанъ овчинной, другой тафтяной, штаны суконныя, у него жъ пятьдесятъ золотыхъ польскихъ, по его сказкѣ, имѣтся всякой золотой по шти алтынъ, шапка вишневая, полазишка, да подушка, да книжка-каноникъ, да кафтанъ червонной. Юрій Выговской; на немъ кафтанъ вишневый суконный, да кафтанъ суконной же короткой, штаны красныя суконныя, у него жъ польскихъ двѣнадцать золотыхъ, да шапка зеленая бархатная, да кушакъ гарусной. Илюшка Выговской; на немъ кафтанъ вишневой, другой овчинный, двѣнадцать золотыхъ польскихъ..." [2]).

На другой день по прибытіи Выговскихъ съ товарищами въ Москву, имъ былъ сдѣланъ распросъ; Выговскихъ велѣно было допросить, въ какомъ они родствѣ къ Ивану Выговскому и въ какихъ были урядахъ, а остальныхъ—объ ихъ службѣ и о вѣстяхъ.

Юрій да Илья Выговскіе въ распросѣ сказали: служили де они въ Польшѣ въ коронномъ войскѣ, а потомъ у гетмана Павла Сопѣги; съ гетманомъ Иваномъ Выговскимъ не видались пятнадцать лѣтъ. Ему, Юрью, Иванъ братъ двоюродный, а Ильѣ дядя. А какъ Немиричъ пріѣхалъ къ королю на сеймъ и присягу на подданство королю принялъ, и король имъ присягнулъ и они изъ Польши поѣхали къ гетману Ивану Выговскому, чтобы повидаться; и какъ къ гетману въ обозъ подъ Быково [3])

---

[1]) Мал. пр. столб. № 5845.

[2]) Ibid. столб. № 5853.

[3]) Теперь село Быковъ, черниг. губ. козелецк. у.—*Ред.*

пріѣхали, то его, Юрья, гетманъ сдѣлалъ полковникомъ, а Илья былъ рядовымъ товарищемъ. Изъ-подъ Быкова гетманъ съ войскомъ пошелъ подъ Конотопъ, встрѣтился съ ханомъ на Крупинѣ полѣ [1]) и тутъ заключили между собою договоръ, чтобы гетману со всѣмъ войскомъ быть съ ханомъ заодно: на кого ханъ войною пойдетъ, и имъ идти съ нимъ, а хану съ ордою потому жъ помогать гетману противъ всякаго непріятеля; договоръ былъ подкрѣпленъ присягою съ обѣихъ сторонъ и затѣмъ ханъ, раздавши запорожской старшинѣ халаты, пошелъ вмѣстѣ съ гетманомъ подъ Конотопъ. Изъ-подъ Конотопа пошли подъ Гадячъ, а оттуда ханъ съ татарами пошелъ подъ государевы украинные города, а Выговскій съ заднѣпровскимъ войскомъ, да съ двадцатью тысячами татаръ, съ двумя хорунгами ляховъ и тремя хорунгами драгунъ пошелъ въ Чигиринъ; а ихъ, одинадцать хорунгъ ляшскихъ же, гетманъ послалъ съ Немиричемъ въ Нѣжинъ, въ Переяславль и въ Черниговъ, для кормленья. Спустя восемь дней по прибытіи ихъ въ Черниговъ, Немиричъ поѣхалъ къ гетману въ Чигиринъ, и въ тотъ же день ихъ всѣхъ въ Черниговѣ побили, а Немирича на дорогѣ убили, а ихъ изъ Чернигова полковникъ Аникій Силинъ послалъ въ Кіевъ. А по договору Немирича король долженъ былъ придти съ казацкимъ войскомъ къ Бѣлой Церкви для подкрѣпленія, послѣ того, какъ съ шведами мирный договоръ поставитъ. Потоцкой съ коронным войскомъ пришелъ къ Васильковъ по королевскому приказанью для помощи Выговскому противъ царскихъ войскъ; а нынѣ Потоцкой и Выговской стоятъ подъ Бѣлою Церковью. Юрасъ Хмельницкой съ Даниломъ Выговскимъ тоже стоятъ недалеко отъ Бѣлой Церкви, но отдѣльно отъ Выговскаго, а сколько при нихъ казацкаго войска, того не вѣдаютъ...

Василій Выговскій о своемъ родствѣ съ Иваномъ Выговскимъ далъ отвѣтъ, что онъ Ивану Выговскому дядя, а отцу его, Остафью, братъ въ третьемъ колѣнѣ, такъ какъ отецъ его, Васильевъ, Григорій Выговской, Остафьеву отцу Выговскаго,

---

[1]) Въ малоросс. мѣстностяхъ оно называется *Крупичполе*, нынѣ село борз у. черниг. губ.—*Прим. ред.*

Игнатью, братъ былъ двоюродный. Былъ онъ, Василій, наказнымъ атаманомъ отъ Данилы Выговскаго за Днѣпромъ, на польской границѣ, въ Овруцкѣ, а въ полку у него было 500 чел. шляхты; а до того времени жилъ онъ между Волыни и Полѣсья на границѣ, въ маетности своей въ Выговѣ, служилъ польскому королю и былъ въ посполитомъ рушеньѣ съ королемъ противъ Хмельницкаго, и взятъ былъ въ полонъ въ Крымъ; выйдя изъ полона чрезъ три съ половиною года, онъ не больше года жилъ въ своей маетности; а такъ какъ его маетность недалеко отъ Овруцка, то Данила и велѣлъ ему въ Овруцкѣ быть полковникомъ. А какъ въ 1659 г. бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ Данилу Выговскаго съ его войскомъ подъ Кіевомъ разбилъ и приказалъ около Кіева всѣ мѣстечки пожечь, чтобъ пристани не было, то Данило Выговской, имѣвшій маетность въ 7 миляхъ отъ Кіева, Мотовиловку, писалъ къ нему, Василью, чтобы онъ съ своимъ полкомъ шелъ изъ Овруцка въ Мотовиловку для обереганья ея отъ пожара; и онъ, Василій, по тому письму Данилы пошелъ въ Мотовиловку. Бояринъ В. П. Шереметевъ, узнавши объ его приходѣ въ Мотовиловку, прислалъ къ Мотовиловкѣ ратныхъ людей и Выговской сѣлъ было въ осаду; но ратные люди къ городу не приступали, а, пожегши посады, пошли къ Кіеву. Въ это время Данила Выговской, собравши войско, стоялъ подъ Бѣлой Церковью, отъ Мотовиловки въ пяти миляхъ, и услыша, что государевы ратные люди пришли подъ Мотовиловку и посады жгутъ, прислалъ къ нему на выручку брата своего, Константина Выговскаго, да полковника Ивана Сербина, да бѣлоцерковскаго полковника Половца съ черкасами и съ татарами, всего съ тремя тысячами человѣкъ. Константинъ Выговской, не заставши ратныхъ людей подъ Мотовиловкой, забравши отрядъ Василья Выговскаго и его самого, пошелъ догонять государевыхъ людей. Тѣ и другіе войска сошлись въ Васильковѣ, отъ Мотовиловки двѣ мили и отъ Кіева въ двухъ же миляхъ. На бою, который затѣмъ произошелъ, государевы люди черкасъ и татаръ сбили и убили на томъ бою человѣкъ съ триста, а въ языкахъ взяли его, Василья, да браславскаго полковника Ивана Сербина, да татаръ девять чел., и отвезли

ихъ всѣхъ въ Кіевъ, гдѣ онъ, Василій, и жилъ до отправки его въ Москву. Что касается до прихода Ивана Выговскаго со всѣмъ войскомъ подъ Кіевъ, до боя подъ Конотопомъ, до соединенія Ив. Выговскаго съ ханомъ и до посылки Немирича къ польскому королю для згоды, ничего того онъ не знаетъ; только до его поимки ему было извѣстно, что у Ив. Выговскаго былъ ляцкій посланникъ Биневской. А про то, что Немиричъ, а съ нимъ Костя Выговской да изъ всякаго полка наказные полковники у короля были и присягу ему учинили, слышалъ онъ уже въ Кіевѣ. Да въ Кіевѣ же слышалъ онъ, что пришелъ было въ Васильковъ Данила Выговской, а съ нимъ черкасы, ляхи и нѣмцы, да и Юрасъ Хмельницкій былъ тутъ же, а какъ узнали, что заднѣпрскіе полки: переяславской, нѣжинской, черниговской и прилуцкой великому государю добили челомъ и учинились въ подданствѣ по прежнему, и Данила со всѣмъ войскомъ, пожегши таборы, пошли къ Бѣлой Церкви...

Показанія маіора Яна Зумира, шляхтича Степана Гавратынскаго, шляхтича Яна Душинскаго и шляхтича Василья Ластки касаются ихъ происхожденія, службы и тѣхъ вѣстей, которыя сообщены Васильемъ Выговскимъ.

Тѣмъ и кончились всѣ допросы Выговскихъ. Они продолжали сидѣть въ тюрьмѣ, пока холодъ и голодъ не заставилъ ихъ обратиться къ царю съ челобитной, поданной ими 13 октября, въ которой писали: „по твоему великаго государя указу посажены мы, семь человѣкъ, на тюремномъ дворѣ въ опальной тюрьмѣ одни, а изба большая и время приходитъ студеное, а людишки мы безодежные; да на насъ де цѣпь и кандалы; да намъ же бѣднымъ твоего государева жалованья корму не дано, и сидимъ бѣдные, со всякія нужи вконецъ погибаемъ“. На челобитной ихъ помѣта думнаго дьяка Алмаза Иванова: „168 г., октября въ 13 д. государь пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ чѣпи снять, а держать въ кандалахъ до указу; а о корму послать память въ большой приходъ, велѣть кормъ давать по 6 д. на день человѣку“.

Памяти въ большой приходъ и въ разбойный приказъ посланы того же 13 окт.

Этими памятями кончаются всѣ мнѣ извѣстные документы о Выговскихъ; но въ современной описи, приложенной къ этимъ документамъ, значатся еще нѣсколько документовъ о нихъ, это: 1) письмо окольничаго и оружничаго Богдана Матвѣевича Хитрово къ думному дьяку Семену Заборовскому объ отсылкѣ трехъ чел. Выговскихъ въ Сибирь; 2) выписка объ измѣнникахъ Васькѣ Овруцкомъ, да Юшкѣ да Илюшкѣ Выговскихъ. Помѣта на выпискѣ думнаго дьяка Алмаза Иванова такова: „168 г. (1659) декабря въ 12 д. указалъ великій государь измѣнниковъ: Ваську, полковника овруцкаго, и Юшку и Илюшку Выговскихъ сослать въ Сибирь въ дальные городы; 3) память въ сибирскій приказъ о пріемѣ Васьки овруцкаго, да Юшки и Илюшки въ сибирскій приказъ и о ссылкѣ ихъ въ Сибирь [1]).

Изъ документовъ сибирскаго приказа оказывается, что Выговскіе были сосланы въ Сибирь „на великую рѣку Лену въ якутской острогъ"; жалованья имъ велѣно выдавать по два алтына на день человѣку и изъ города посылать ихъ никуда не велѣно. Въ Тобольскъ они прибыли 27 февраля 1660 года, а на Лену 24 мая [2]).

А. Востоковъ.

Отъ редакціи. Въ дополненіе къ этимъ весьма интереснымъ свѣдѣніямъ о судьбѣ Выговскихъ, можемъ сообщить одинъ любопытный эпизодъ изъ дальнѣйшаго путешествія ихъ къ мѣсту ссылки.

Въ Тобольскѣ ссыльные встрѣтились съ какимъ то боярскимъ сыномъ Гавриломъ Костелецкимъ, служившимъ здѣсь приказнымъ. Былъ ли это шляхтичъ изъ Волыни, или природный полякъ, и какъ онъ попалъ сюда—неизвѣстно; но только, будучи самъ „родомъ иноземецъ", онъ захотѣлъ чѣмъ нибудь облегчить участь, быть можетъ, земляковъ своихъ и приказалъ снять съ нихъ кандалы, въ которыхъ они прибыли изъ самой Москвы. Но воевода нарымскій Олешка Лодыженской, свѣдавъ о томъ „воровствѣ" Костелецкаго, послалъ на него доносъ—и

---

[1]) Малор. пр., столб. № 5853.

[2]) Сиб. прик., столб. № 6622.

несчастный приказный жестоко поплатился за свою доброту. Вотъ подлинная переписка по этому дѣлу, сообщенная изъ моск. архива мин. юстиціи сотрудникомъ нашего журнала г. Н. О.

а) *Отписка нарымскаго* воеводы въ сибирскій приказъ, въ маѣ 1660 года:

„Государю царю... и... царевичу... бьетъ челомъ холопъ вашъ Олешка Лодыженской: по вашему, великихъ государей, указу посланы съ Москвы въ Сибирь до Тобольска ссыльные черкасы *полковники* Васька да Юшко да Илюшка *Выговскіе*, съ приставы, скованы въ кандалахъ, и исъ Тобольска тѣ полковники посланы въ Енисейской, въ кандалахъ же, съ приставы съ тобольскими: съ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Иевлевымъ да съ казаки съ Ваською Ѳоминымъ съ товарищи. И въ нынѣшнемъ, государи, въ 168 году, маія въ 11 день, тѣ приставы тобольскіе, сынъ боярской Иванъ Иевлевъ съ товарищи, тѣхъ ссыльныхъ полковниковъ провезли мимо Нарыма въ Енисейской *роскованы* и кандалы съ нихъ сняты. И я, холопъ вашъ, приставовъ тобольскихъ, сына боярсково Ивана Иевлева съ товарищи, въ нарымскомъ острогѣ про нихъ въ съѣзжей избѣ роспрашивалъ: для чего тѣ ссыльные Васька и Юшко и Илюшка Выговскіе нескованы и кандалы съ нихъ сняты?—И въ роспросѣ мнѣ, холопу вашему, сказали, что-де тѣ ссыльные полковники присланы съ Москвы въ Тобольскъ скованы въ кандалахъ, и исъ Тобольска съ ними посланы скованы въ тѣхъ же кандалахъ, и безъ вашего великихъ государей указу имъ росковать-де ихъ не велѣно. А какъ-де они тѣхъ ссыльныхъ полковниковъ привезли на Самаровской ямъ, и на Самаровскомъ-де яму приказной тобольской сынъ боярской Гаврило *Костелецкой велѣлъ* ихъ *росковать* и кандалы съ нихъ снять, и они-де Иванъ Иевлевъ съ товарищи, боясь отъ него, тѣхъ ссыльныхъ полковниковъ росковали и кандалы съ нихъ сняли, и нынѣ-де ихъ везутъ роскованыхъ по его Гаврилову приказу. А тотъ-де тобольской сынъ боярской Гаврило Костелецкой родомъ *иноземецъ же*“.

б) *Приговоръ* сибирскаго приказа на воеводской отпискѣ:

„Писать въ Нарымской тотчасъ: будетъ тѣ ссыльные люди зачѣмъ изъ Нарымского не посланы—велѣть ихъ послать съ

приставы и съ провожатыми въ Енисейской *скованыхъ,* безо всякого задержанья. А въ Тоболескъ писать къ боярину и воеводамъ ко князю Ивану Ондрѣевичу Хилкову съ товарищи: велѣть Гаврилка *Костелецкаго* за его воровство, что онъ колодниковъ велѣлъ росковать—*бить кнутомъ* и съ приказу *перемѣнить,* а которые приставы тѣхъ колодниковъ и Гаврилка послушали—колодниковъ росковали—тѣхъ бить батоги нещадно, чтобъ впередъ неповадно было такъ воровать".

в) 5 ноября 1660 г. отправлена была *грамота* кн. Хилкову съ товарищи—объ исполненіи приговора. Наказаніе Костелецкому и другимъ велѣно учинить въ Тобольскѣ. *Грамота* о томъ же Лодыженскому послана была еще въ октябрѣ (*моск. арх. мин. юст.: сибирскаго приказа* столбецъ № 594, лл. 156—162).

СТАРИННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ГРАВЮРА.

Изъ всѣхъ родовъ искусства, зачатки которыхъ существовали въ старой южной Руси во время самобытной ея исторической жизни, наибольшее число образцовъ, дошедшихъ до насъ, приходится на долю общедоступнаго и популярнаго, хоть и второстепеннаго, искусства гравированія. Очень большое, относительно, количество старыхъ южнорусскихъ гравюръ какъ въ отдѣльныхъ листахъ, такъ и въ книгахъ, главнымъ образомъ духовныхъ, даетъ возможность составить отчетливое понятіе о томъ, чѣмъ была и что изъ себя представляла старинная южнорусская гравюра. Чрезвычайно цѣнныя замѣтки и наблюденія по этой части собраны извѣстнымъ писателемъ по исторіи искусствъ въ Россіи Д. А. Ровинскимъ. Добросовѣстность и обстоятельность трудовъ этого ученаго оцѣнены давно по заслугамъ и не только интересующіеся дѣломъ, но и всѣ безпристрастные люди должны признать ихъ образцовыми.

Спеціально гравюрѣ посвящены два изслѣдованія г. Ровинскаго: „Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія академіи художествъ“ (Спб. 1870 г.) и „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“. Послѣднее сочиненіе въ нынѣшнемъ году вышло вторымъ изданіемъ, въ совершенно обновленномъ видѣ, и представляетъ какъ бы новый трудъ. Насколько значителенъ этотъ трудъ, изданный академіей наукъ, видно ужъ изъ численнаго опредѣленія его состава: въ немъ перечислены портреты до 2000 лицъ и описано до 10000 гравированныхъ листовъ. „Русскіе граверы“ представляютъ единствен-

ное изслѣдованіе въ русской литературѣ по этому предмету. Книга эта, какъ почти всѣ изданія г. Ровинскаго, давно разошлась. Прекрасный разборъ этого сочиненія, сдѣланный г. Стасовымъ, дополняетъ книгу и введенъ въ значительной степени въ печатное изданіе ея, какъ добавочный матеріалъ.

Г. Ровинскій разсматриваетъ въ одной картинѣ судьбы русской гравюры, но разграничиваетъ дѣятельность различныхъ ея школъ, возникшихъ и существовавшихъ при различныхъ условіяхъ и подъ разными вліяніями. Разсмотрѣніе памятниковъ старой гравюры приводитъ его къ выводу о существованіи двухъ главныхъ, рѣзко отличныхъ между собою ея школъ: кіево-львовской и московской. Произведенія кіевскихъ и львовскихъ мастеровъ имѣютъ между собою все общее: и извѣстную свободу сочиненія, и несомнѣнное западное вліяніе, и общіе пріемы, и даже однихъ и тѣхъ же граверовъ, работающихъ то тутъ, то тамъ. Мелкія школы: черниговская, могилевская, западно-русскихъ типографій, тѣсно примыкаютъ къ главной кіево-львовской школѣ и не представляютъ самостоятельности. Московская школа держится древнихъ образцовъ и византійскаго вліянія. Она не имѣла развѣтвленій, такъ какъ все печатное дѣло до Петра сосредоточивалось исключительно въ Москвѣ.

Первыя богослужебныя славянскія книги появились, какъ извѣстно, за чертою Руси: изданія Фѣоля въ Краковѣ, въ концѣ XV вѣка, и Скорины въ Прагѣ, въ началѣ XVI. Нѣсколько позже славянскія церковныя книги стали печататься въ Венеціи. Появленіе книгопечатанья и одновременно съ нимъ гравированья въ предѣлахъ нынѣшней Россіи относится къ первой половинѣ XVI вѣка. Самыя начальныя гравюры извѣстны: въ виленскихъ изданіяхъ Скорины (напр. въ „Канонѣ“ 1525 г.; гравюра Благовѣщенія), въ московскомъ „Апостолѣ“ 1564 г. (изображенье евангелиста Луки, появляющееся впослѣдствіи въ львовскомъ изданіи того же „Апостола“ 1574 г. и виленскомъ 1591) и въ Евангеліи, вышедшемъ въ неизвѣстной южнорусской типографіи въ началѣ XVI вѣка. Гравюра этого Евангелія, очень плохо и грубо вырѣзанная, изображаетъ Іисуса Христа на престолѣ и подписана, связанными буквами, монограммой, которую можно

прочесть *Монахъ Филиппъ.* Едва ли это не первый самостоятельный образчикъ гравированья въ предѣлахъ Россіи. Московскую гравюру г. Стасовъ, не безъ основанія, подозрѣваетъ въ иностранномъ происхожденіи, т. к. „Апостолъ" Ѳедорова и Мстиславца напечатанъ „подъ смотрѣніемъ" какого то копенгагенскаго уроженца Ганса.

Съ водвореніемъ книгопечатанія на югѣ Россіи и съ возникновеніемъ многихъ типографій, гравированныя изображенья, заставки и виньетки стали появляться въ очень большомъ числѣ и сдѣлались принадлежностью почти всякой книги. Несложныя гравюры древнѣйшихъ изданій дѣлались, какъ кажется, самими типографами, (судя напр. по монограммамъ Т. Л. (Тарасій Левковичъ Земка) Т. П. (Тимофей Петровичъ) и подписямъ могилевскихъ типографовъ—Вощанокъ, которые уже несомнѣнно сами были и рѣзчиками.) Но въ то же время появляются, и въ значительномъ числѣ, и особые мастера—граверы. Съ самаго начала ихъ существованія между южными и юго-западными типографіями установилась тѣсная связь, выразившаяся, по отношенію къ иллюстраціи книгъ, во взаимной передачѣ досокъ и копированіи съ одинакихъ образцовъ. Общность культуры и политической жизни объясняетъ конечно это явленіе. Иногда одинъ и тотъ же мастеръ работалъ для двухъ типографій, напр. плодовитый кіевскій граверъ Илія, иллюстрировавшій книги, выходившія въ Кіевѣ и Львовѣ. Другіе граверы копировали кіевскія доски для львовскихъ изданій и наоборотъ.

Кіево-львовская школа произвела громадное количество гравюръ, рѣзанныхъ на деревѣ. Рѣдкая книга выходила со станка здѣшнихъ типографовъ безъ картинокъ: служебники, тріодіоны, акафисты, евангелія наполнены лицевыми изображеніями. Мелкія картинки появляются въ первыхъ почти изданіяхъ львовскихъ. Первыя кіевскія изданія также наполнены ими. По наблюденьямъ г. Ровинскаго, западное вліяніе совершенно подчинило себѣ львовскихъ и кіевскихъ мастеровъ. Критикъ сочиненія г. Ровинскаго г. Стасовъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ.

Любую кіевскую и львовскую гравюру на деревѣ, пишетъ онъ, никто никогда не смѣшаетъ съ гравюрою дѣйствительно западною. При наибольшей подражатель-

ности нѣкоторыхъ изъ ихъ числа, все таки онѣ остаются настолько полны своихъ особенныхъ, характеристическихъ подробностей, что всякій признаетъ ихъ съ перваго же взгляда гравюрами одной изъ западныхъ православныхъ школъ. Византійская основа все таки постоянно остается въ нихъ чувствительна, а въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ съ такою силою, что никого не можетъ ввести въ заблужденіе на счетъ происхожденія той или другой гравюры и принадлежности ея къ той или иной школѣ. Сверхъ того по большей части мы встрѣчаемъ, что въ одномъ и томъ же изданіи рядомъ помѣщались и картинки съ чисто католическимъ, западнымъ характеромъ и картинки чисто въ характерѣ славяно-византійскомъ... Совершенно и раболѣпно подчинившимися западному вліянію можно признать развѣ только изданія кутеинскія и почаевскія.

По мнѣнію г. Ровинскаго, граверы юго-западныхъ типографій копировали западные образцы, копировали цѣликомъ нѣмецкихъ мастеровъ и копировали другъ съ друга. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ смягчаетъ свой приговоръ и признаетъ извѣстную самостоятельность за гравюрою на деревѣ. Разсматривая произведенія отдѣльныхъ мастеровъ, онъ еще больше сбавляетъ съ своего обобщенія.

Гравюра на мѣди появилась въ Россіи въ концѣ XVII вѣка. Въ то время, какъ въ Москвѣ произведены были первые ея образцы, въ южной Руси она стояла уже на извѣстной высотѣ, производясь въ типографіяхъ кіевской и черниговской. Южнорусскихъ мастеровъ вызывали въ Москву для производства работъ этого рода. Такъ вызванъ былъ для поднесенья своихъ работъ царевнѣ Софьѣ изъ Чернигова Леонтій Тарасевичъ съ помощникомъ своимъ Щирскимъ. Злополучный артистъ, благодаря этому, попалъ въ дѣло Шакловитаго, изъ котораго едва вышелъ цѣлъ. Тарасевичъ считается лучшимъ изъ всѣхъ мастеровъ-граверовъ старой Руси и первымъ южно-русскимъ граверомъ. Рисунокъ его простъ и правиленъ, гравировка (большей частью офортомъ) окончена съ большимъ вкусомъ и легкостью. Онъ первый награвировалъ нѣсколько портретовъ, на что до него не рѣшался ни одинъ граверъ въ Россіи. Ниже Тарасевича стоятъ современники его Иннокентій Щирскій, Даніилъ Галаховскій, Ив. Стржелбицкій и мастеръ NZ, всѣ работавшіе на мѣди и въ той же манерѣ.

Третій способъ гравированья—черной манерой появился у насъ только во второй четверти XVIII вѣка. Изъ работъ южно-

русскихъ граверовъ этимъ способомъ извѣстенъ только одинъ листъ кіевскаго мастера Аверкія Козачковскаго, изображающій Распятіе съ предстоящими.

Работы кіевской типографіи наиболѣе многочисленны, такъ какъ типографія эта была первенствующая и насчитываетъ наиболѣе лѣтъ своего существованія. Въ 1718 году, во время пожара, истребившаго Лавру, она выгорѣла до тла. Въ 1721 г., вмѣстѣ съ типографіями московскою, петербургскою и черниговскою, она подчинена была завѣдыванью Синода. Но и черниговская, и кіевская типографіи продолжали печатать книги и продавать ихъ. По свидѣтельству Пекарскаго, требованья Синода отразились крайне тяжело на кіевской типографіи и она стала приходить постепенно въ большій и большій упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно пало въ ней и гравированье на деревѣ.

Черниговскія изданія появляются съ 1646 года. Въ Черниговъ въ 1679 году переведена новгородъ-сѣверская типографія, просуществовавшая самостоятельно всего девять лѣтъ (1670—1679 г.г.) Лучшею работою новгородъ-сѣверской типографіи считается *Анфологіонъ* 1678 года, гравюры котораго могутъ быть поставлены наравнѣ съ удачнѣйшими произведеніями типографій кіевской и львовской за то же время.

Львовская и могилевской типографіи не были подчинены русскимъ властямъ. Въ Могилевѣ первая книга „Служебникъ" напечатана въ 1616 году. Здѣсь иногда печатались сочиненія южно-русскихъ авторовъ, напр. „Небо новое" Голятовскаго. Въ одной изъ могилевскихъ книгъ („Житіе святыхъ" 1702 г.) на заглавномъ листѣ есть видъ Могилева очень хорошей работы. Львовская типографія въ 1708 году перешла къ уніи.

Именъ и монограммъ граверовъ кіево-львовской школы, подписанныхъ подъ ихъ работами, дошло до насъ довольно много. Мастера этой школы дорожили своими произведеніями повидимому болѣе, чѣмъ московскіе, и очень часто подписывали ихъ. Въ „Словарѣ русскихъ граверовъ и перечнѣ ихъ произведеній", занимающемъ большую часть книги г. Ровинскаго, перечислены эти имена и монограммы. Послѣднія воспроизведены вдобавокъ буквально въ особой главѣ. Нѣтъ сомнѣнья, что въ этотъ спи-

сокъ попали не всѣ кіево-львовскіе мастера и что находки въ этой области еще очень возможны. Приведемъ изъ книги г. Ровинскаго нѣсколько свѣдѣній о выдающихся и значительнѣйшихъ южно-русскихъ граверахъ.

Галаховскій Даніель. Кіевскій граверъ на мѣди XVIII вѣка. Его работы извѣстны священныя изображенія и два портрета: Петра I (при латинскомъ панегирикѣ, поднесенномъ Петру Прокоповичемъ въ 1709 г.) и Мазепы. Послѣдній сохранился въ единственномъ экземплярѣ и онъ то главнымъ образомъ и придаетъ интересъ имени Галаховскаго.

Илія, кіево-печерскій монахъ, работавшій въ началѣ XVII столѣтія и замѣчательный по своему трудолюбію. Работы этого мастера—неравнаго достоинства; есть довольно хорошо выполненныя и слабыя. Онъ награвировалъ огромное количество изображеній изъ Священнаго Писанія для кіевскихъ и львовскихъ изданій. Самый значительный его трудъ—изображенія изъ ветхаго завѣта—Лицевая Библія 1645—1649 гг. Въ ней 134 изображенія, напечатанныхъ на отдѣльныхъ листахъ, безъ текста на другой сторонѣ. Имъ же иллюстрировано первое изданіе „Печерскаго Патерика“ 1661 года. Въ „Словарѣ граверовъ“ описано всего 374 листа работы Иліи.

Л. М. граверъ на деревѣ, XVII вѣка, извѣстный только по монограммѣ, но одинъ изъ лучшихъ кіевскихъ мастеровъ. По замѣчанію г. Стасова, особенно хороши у него миніатюрные сюжеты, которые вырѣзаны всегда изящно, тонко и отчетливо. Нельзя опредѣлить, его ли сочиненія всѣ награвированныя имъ картинки, довольно многочисленныя, изъ которыхъ однѣ обозначены его именемъ, а другія нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ онъ гравировалъ почти всегда съ композицій интересныхъ, несравненно болѣе изящныхъ и художественныхъ, чѣмъ большинство тѣхъ, которыя находятся въ изданіяхъ, гравированныхъ прочими современными граверами. Въ нихъ даже находится нѣкоторая фантазія. Гравюрокъ Л. М. всего болѣе находится въ „Кіевской Тріоди“ 1627 г. и онѣ перепечатаны почти всѣ въ другихъ изданіяхъ, напр. въ кіевскомъ Акафистѣ 1629 года и др.

Левицкій, священникъ, Григорій, кіевскій граверъ на мѣди первой половины XVIII в. Изображенія священнаго характера и большіе тезисы и композиціи, гдѣ встрѣчаются виды кіевскихъ зданій, группа студентовъ кіевской академіи и пр.

Г. Ровинскому, во время составленія Словаря, были извѣстны не всѣ работы этого мастера. Въ музеѣ кіевской духовной академіи есть гравюра его, очень сложной композиціи, извѣстная пока въ единственномъ экземплярѣ и г. Ровинскимъ не описанная. Работы Левицкаго есть гербъ и щитъ съ вензелемъ Алекс. Разумовскаго, а также извѣстное родословное древо Разумовскихъ (происшедшихъ, будто бы, отъ князей Ружинскихъ); на этомъ древѣ мастеръ подписался такъ: „Презвитеръ Григорѣй Левицкій полку полтавскаго городка Маіачквы въ Кіевѣ 1745 марта выдѣлалъ [1]“.

Семеновъ Марко, кіевскій граверъ на деревѣ начала XVIII в. Гравюры его въ „Служебникѣ“ 1708 года принадлежатъ къ лучшимъ кіевскимъ работамъ въ этомъ родѣ.

Тарасевичъ Леонтій. Черниговскій граверъ на мѣди, жившій въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Лучшій изъ южнорусскихъ мастеровъ. Пользовался, какъ видно, обширной репутаціей, такъ какъ вызываемъ былъ въ Москву для гравированія портрета царевны Софіи, который и дѣланъ имъ два раза. Въ первый разъ, вмѣстѣ съ портретомъ царевны, награвированы имъ были изображенія Ивана и Петра Алексѣевичей, гетмана Самойловича и князя Василія Голицына. Въ другой разъ онъ сдѣлалъ портретъ одной царевны, безъ братьевъ. Такъ какъ оба портрета дѣланы были по порученію Шакловитаго, то по возбужденіи дѣла противъ него, портреты были отобраны и всѣ уничтожены, а доски, съ которыхъ они печатались, считались погибшими. Въ предисловіи къ „Словарю гравированныхъ портретовъ“ г. Ровинскій говоритъ, что всѣ доски Тарасевича, упоминаемыя въ дѣлѣ Шакловитаго, найдены теперь, но не указы-

---

[1]) До насъ дошелъ и портретъ этого артиста, работы сына его, знаменитаго живописца Дм. Гр. Левицкаго. Портретъ написанъ въ первой, самостоятельной манерѣ художника (подчинившагося впослѣдствіи вліянію Лампи) и отличается чисто рембрандтовской силой. Онъ находится въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

ваетъ, гдѣ онѣ находятся. Если извѣстіе это справедливо, то мы будемъ имѣть достовѣрный портретъ Самойловича работы хорошаго мастера. Второй портретъ Софіи, дѣланный Тарасевичемъ, отосланъ былъ для снятія копіи амстердамскому граверу Блозелингу и сохранился въ этой копіи, которой извѣстно впрочемъ всего два экземпляра—одинъ въ Публичной библіотекѣ и другой въ Лейденѣ. Работы Тарасевича дошли до насъ портреты кн. В. Голицына, подстольника Георгія Земли и князя Радзивила.

Лучшимъ произведеніемъ Тарасевича по части священныхъ изображеній считается „Печерскій Патерикъ" 1702 года, гдѣ гравюры (офорты) сдѣланы безъ сомнѣнія съ собственныхъ рисунковъ художника. Нѣкоторые листы этого изданія, какъ напримѣръ изображеніе Іереміи Прозорливаго, могутъ быть поставлены по художественному выполненію на ряду съ лучшими произведеніями голландскихъ граверовъ того времени. Съ этого оригинальнаго изданія рисунки повторялись и копировались и впослѣдствіе. Въ кіевскомъ Евангеліи 1703 г. также есть гравюры съ монограммой Тарасевича *T. L.* Г. Стасовъ полагаетъ, что Тарасевичъ учился гравированію въ школѣ знаменитыхъ аугсбургскихъ граверовъ братьевъ Киліановъ.

Щирскій Иннокентій, современникъ и сотрудникъ Тарасевича. Грубоватый мастеръ. Большой тезисъ его работы, съ изображеніемъ царей Іоанна и Петра, извѣстенъ въ единственномъ экземплярѣ, принадлежащемъ Публичной библіотекѣ. На этой гравюрѣ есть изображеніе Кіева и сцены изъ исторіи Малороссіи.

Сводя данныя, собранныя и разработанныя г. Ровинскимъ, относящіяся къ искусству гравированія къ южной Руси, можно отмѣтить слѣдующія самобытныя его черты. Между тѣмъ какъ въ Москвѣ печать и гравюра появляются вслѣдствіе царскаго повелѣнія и поддерживаются правительствомъ, въ южной Руси то и другое возникаетъ самостоятельно, распространяется и держится только подъ вліяніемъ спроса въ обществѣ и безъ поддержки власти. Обиліе гравюръ въ книгахъ кіево - львовской школы свидѣтельствуетъ о спросѣ на иллюстрированныя книги, а послѣднее есть признакъ существованія художественнаго чув-

ства въ народѣ. Одно это обиліе сообщаетъ уже историческій интересъ нашей старинной гравюрѣ. Въ произведеніяхъ южнорусскихъ мастеровъ менѣе разъ навсегда установленнаго и условнаго. Они не придерживаются неизмѣнно готовыхъ образцовъ, а допускаютъ разнообразіе и свободу сочиненія. Хотя изрѣдка, въ южнорусскихъ книгахъ появляются картины и свѣтскаго содержанія, а талантливѣйшій изъ граверовъ, Тарасевичъ, подымается до портрета съ натуры, вызвавъ потомъ и подражателей. Мастера любовнѣе относятся къ своимъ произведеніямъ; они подписываютъ ихъ и личность художника не исчезаетъ такимъ образомъ безслѣдно. Нѣсколько граверовъ представляютъ уже индивидуальныя черты, а для такой начальной эпохи искусства это ужъ имѣетъ значеніе. Къ мелкимъ особенностямъ южнорусскихъ иллюстрированныхъ книгъ относится еще и обычай изображать гербы лицъ, кому посвящается сочиненіе или на чьи средства печатается. Обычай этотъ, впрочемъ, заимствованъ всецѣло съ запада.

Что касается до изученія старинной южнорусской гравюры, то ученый, наблюденія котораго изложены выше, единственный человѣкъ, до сихъ поръ имъ занявшійся. Имъ сдѣлано очень много и трудъ его превосходенъ, но онъ нелишенъ пробѣловъ и со времени его появленія накопилось достаточно новыхъ матеріаловъ. Г. Ровинскій не касается совсѣмъ почаевской школы, во время изданія книги ему неизвѣстны были, сохранившіяся въ значительномъ числѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ гравировальныя доски, значительный матеріалъ могли бы представить также въ подобномъ изслѣдованія старинные антиминсы, порядочное число которыхъ собрано теперь хоть бы въ музеѣ кіевской академіи. Во всемъ этомъ нашлись и замѣтныя явленія и неизвѣстные мастера и, можетъ быть, своеобразныя черты и все это ждетъ еще разсмотрѣнія.

Надо ли прибавлять, что до сихъ поръ никѣмъ не начато собираніе спеціальной коллекціи старинныхъ южнорусскихъ гравюръ, а безъ такой коллекціи дѣло изученія ихъ затруднено до нельзя.

Обращаясь ко второму изъ названныхъ трудовъ г. Ровинскаго, къ громадному „Словарю гравированныхъ портретовъ“,

отмѣтимъ данныя, сообщаемыя имъ по части того, что дала гравюра въ дѣлѣ изображенія историческихъ лицъ южной Руси и какіе образцы оставила по этой части въ особенности старинная южнорусская гравюра.

Изъ двухъ тысячъ лицъ, портреты которыхъ перечисляются въ „Словарѣ“, малороссіянъ оказывается около ста [1])—историческихъ лицъ, государственныхъ людей, писателей и художниковъ, отъ давнихъ временъ до намъ современныхъ. Попадаются тутъ работы мастеровъ первоклассныхъ и портреты, имѣющіе не только значеніе полной достовѣрности, но и художественное значеніе. Укажемъ напр. портреты Богдана Хмельницкаго — Гондіуса, Дан. Апостола—Вортмана, Кирилла Разумовскаго—знаменитаго Шмидта, Безбородко—Валькера (съ Лампи), Боровиковскаго (собственный офортъ), и др. Менѣе извѣстенъ портретъ св. Дмитрія Ростовскаго. Оригиналъ его, поставленный нынѣ у раки святителя, писанъ извѣстнымъ придворнымъ художникомъ Елизаветы и Екатерины II графомъ Ротари, а награвированъ Васильевымъ, ученикомъ Шмидта. Нѣкоторые думаютъ даже, что превосходная эта гравюра дѣлана самимъ Шмидтомъ. Въ разбросанныхъ въ приложеніяхъ къ „Словарю“ замѣткахъ о портретахъ красками г. Ровинскій сообщаетъ еще о портретѣ художника Ло-

---

[1]) Въ „Словарѣ“ описаны гравированные портреты слѣдующихъ лицъ: Апостолъ, гетманъ, Арсеній Берло, Арс. Мацеевичъ, Афанасьевъ-Чужбинскій А. С., Бантышъ-Каменскій Д. Н., Бантышъ-Каменскій Н. Н., Барановичъ Лазарь, Безбородко кн. Ал. Андр., Безбородко Андр. Ив., Безбородко гр. И. А., Безбородко кн. М. А., Богдановичъ Ип., Бодянскій О. М., Боровиковскій В. Л., Бортнянскій, Варлаамъ Ясинскій, Врончевко, Гавріилъ Каменецкій, Галаганъ Г. П., три Гамалѣи, Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, Георгій Конискій, Гнѣдичъ, Гоголь, Головачевскій, два Гудовича, Дорошенко, гетманъ, Данилевскій Г. П., Димитрій Ростовскій, Дубовскій, Дудниченко, Завадовскій, Зарудный, Зертисъ-Каменскій, Ин. Гизель, Іоасафъ Горленко, Іоас. Кроковскій, Іоаннъ Максимовичъ, Нелюбовичъ-Тукальскій, І. Тризна, Квитка-Основьяненко, Адамъ Кисель, Климовскій, Козицкій, Костомаровъ, три Кочубея, Сильвестръ Кулябка, Лаврентій Горка, Лосенко, Мазепа, Максимовичъ М. А., малороссійскій гетманъ (въ акад. худож), Маркевичъ Н. А., Мельхиседекъ Значко-Яворскій, Нарѣжный, Петръ Могила. Полуботокъ, Прокоповичъ Ѳеоф., Разумовскіе, въ числѣ ихъ Алексѣй и Кириллъ, Раф. Заборовскій, Сагайдачный, Самойловичъ гетм., Сковорода, Скоропадскій, Ст. Яворскій, Тим. Щербацкій, Трощинскій Д. П., Богданъ Хмельницкій, Шевченко Т. Г.

сенка, собственной его работы, находящемся въ собраніи Третьякова въ Москвѣ.

Изъ старинныхъ граверовъ трехъ гетмановъ,—Самойловича, Дорошенка и Мазепу,—награвировали три мастера: Тарасевичъ, Стржелбицкій и Галаховскій.

Самойловичъ, съ заступомъ въ рукахъ, изображенъ былъ Тарасевичемъ на тезисѣ, поднесенномъ царевнѣ Софьѣ и извѣстномъ по дѣлу Шакловитаго. Мы говорили уже, что теперь, по сообщенію г. Ровинскаго, всѣ доски, упоминаемыя въ этомъ дѣлѣ и считавшіяся потерянными, найдены. Къ сожалѣнію, г. Ровинскій не сообщаетъ ничего болѣе объ этой интересной находкѣ и неизвѣстно, открыта ли и доска съ портретомъ Самойловича или нѣтъ.

Дорошенко изображенъ на картинкѣ „Св. апостолъ Петръ". Онъ держитъ щитъ съ пояснымъ портретомъ гетмана. Подъ щитомъ гербъ Дорошенка и посвященіе на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Гравюра, дѣланная крѣпкой водкой, подписана Ioannes Strzlbicki. Авторъ ея—черниговскій граверъ на мѣди начала XVIII вѣка.

Мазепа—Галаховскаго до послѣдняго времени извѣстенъ былъ только по слухамъ. Это та знаменитая гравюра, извѣстная пока только въ единственномъ экземплярѣ, которая принадлежала Свидзинскому и перешла теперь, вмѣстѣ со всей его коллекціей, въ библіотеку графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. „Въ 1887 году, пишетъ о ней г. Ровинскій, я нарочно ѣздилъ въ Варшаву, чтобы снять съ нея копію, но фотографировать гравюру, отпечатанную на темно-желтомъ атласѣ, оказалось невозможнымъ. Представляю подробное описаніе ея: Мазепа стоитъ въ срединѣ въ рыцарскомъ одѣяніи; въ лѣвой, поднятой рукѣ онъ держитъ щитъ, правою онъ опирается на свой гербовый крестъ. Онъ съ длинными усами и коротенькой, подстриженной бородкой. Лице очень напоминаетъ норбленовскую гравюру (признаваемую теперь наиболѣе правдоподобной). Справа колѣнопреклоненная женщина (религія) подноситъ ему потиръ, Евангеліе и два ключа, за нею другая женщина. Слѣва шесть женщинъ съ аттрибутами искусствъ и наукъ. Слѣва, вверху, Троица;

внизу покоренные города и повергнутый непріятель. Справа разрушающіеся города и крѣпости. Изъ облаковъ на лентѣ тянется надпись: si fractus illabatur orbis impauidum ferient ruinae.

Внизу, въ срединѣ, къ картушѣ: celsissimo et illustrissimo domino | d: ioanni mazepa | exercituum s: c: m: zaporoviensium supremo duci, | ordinus s: andreae apostoli et albae aquilae equite, | divinitus electo, dato munito patri patriae, ecclesiae defesori et pacis artiu cuetori ac patrono и пр., а справа: theses et universa philosophia | et logica... Propugnabuntus publice in Ortodoxa Academia Kijouiensi, a Magnifico Domino ioanne nowicky, Caetus Mariani Praefecto Presidente Admodu Rndo in X[to] Patre Theophane prokopowicz, | AA: ll: Magistro, et Ordinario Philosophia Professore Scholarum Praefecte Ann. Domin. 1708 Mense... Die... (оставлены бѣлыя мѣста для чиселъ) Daniel Galachowski sculpsit Kijouiae. Слѣва—посвященіе Мазепѣ самого текста. Гравюра крѣпкой водкой довольно исправнаго рисунка.

Въ этой же библіотекѣ Красинскихъ находится старинный поясной портретъ Мазепы, писанный масляными красками, съ котораго сдѣлана гравюра Норблена. Лицо очень схоже съ тезисомъ Галаховскаго, но въ немъ Мазепѣ, вмѣсто короткой подстриженной бородки, придѣлана длинная борода въ двѣ космы, которой Мазепа никогда не носилъ“.

Такимъ образомъ гравюру Галаховскаго надо, вѣроятно, признать прототипомъ и упоминаемаго здѣсь масляного портрета, и гравюры Норблена, артиста, жившаго въ концѣ XVIII вѣка и не имѣвшаго возможности рисовать Мазепу съ натуры. Что касается извѣстнаго портрета музея академіи художествъ, приписываемаго кисти Никитина (1690—1744) и изображающаго будто бы Мазепу,—то онъ такъ и остается загадкой. Онъ не можетъ изображать ни Скоропадскаго, ни Апостола, съ извѣстными портретами которыхъ нисколько не похожъ и которыхъ однихъ, изъ числа гетмановъ, и могъ бы представлять только по времени жизни художника, но не имѣетъ ничего общаго и съ норбленовскимъ типомъ, повторяющимъ, какъ доказалъ нынѣ г. Ровинскій, типъ Галаховскаго. Съ другой стороны таинственность, которою

онъ окруженъ, и названіе его „портретомъ неизвѣстнаго гетмана" говоритъ въ пользу соотношенія его съ опальнымъ именемъ Мазепы. Настоящая принадлежность его могла бы быть установлена только документальнымъ путемъ, но къ этому пока нѣтъ еще никакихъ данныхъ.

Г.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1])

121.

Похищеніе звѣздъ.

Гете сказалъ, что „звѣздами нельзя владѣть; но можно наслаждаться ихъ величіемъ, ихъ блескомъ". Простой народъ разсуждаетъ иначе въ Россіи, въ Германіи и др. странахъ. Малороссіяне кіевской губерніи вѣрятъ, что вѣдьмы снимаютъ съ неба звѣзды, чтобы притягивать себѣ чужія деньги. Долго вѣдьмы придумывали способъ снимать съ неба „зори", и, наконецъ, наихитрѣйшая изъ нихъ открыла ларчикъ, догадавшись, что „талька", оставшаяся недомотанною съ субботы на недѣлю, будучи украдена съ „мотовила", есть наивѣрнѣйшее средство для этой цѣли. Зная этотъ секретъ, вѣдьмы невидимо входятъ въ тѣ дома, гдѣ есть такія тальки, и, снявъ ихъ съ мотовилъ, уносятъ съ собою, издѣваясь надъ неловкостію поселянокъ. Но и поселянки стали хитры. Не успѣвъ въ субботу домотать тальку, онѣ снимаютъ ее съ мотовила и прячутъ за иконы, имѣя въ виду подобнымъ дѣйствіемъ предупредить воровку-вѣдьму. Похитивъ тальку, въ ясную лѣтнюю ночь вѣдьма летитъ съ нею въ небо, обвязываетъ зори и, спустившись на землю, стягиваетъ ихъ осторожно, пока не пробьетъ полуночный часъ (*Краснокутскій*).

Снятыя съ неба звѣзды вѣдьмы держатъ въ новыхъ горшкахъ подъ покутемъ или въ погребу (*Nowosielski*, 81). Въ одномъ дѣлѣ XVIII в. по обвиненію женщины въ ворожбѣ, извлеченномъ проф.

---

[1]) См. „Кіевская Старина" № 12, декабрь, 1889 г.

А. С. Лебедевымъ изъ архива курскаго Знаменскаго монастыря (не издано), говорится, между прочимъ, что обвиняемая снимала звѣзды съ неба.

Вѣрованіе въ похищеніе звѣздъ, солнца и мѣсяца колдунами и вѣдьмами въ человѣческомъ образѣ или въ видѣ волка изстари встрѣчается у многихъ народовъ. Въ Кормчей волшебники „волкодлаци луну изъедоша или солнце“ (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. н. въ XVI—XVII вв., 537). Поляки и нынѣ вѣрятъ, что вѣдьмы своими заклинаніями могутъ ослаблять свѣтъ звѣздъ и даже совсѣмъ уничтожить ихъ (*Wisła*, 1887, II, 61). По болгарскому повѣрью колдуньи могутъ снимать съ неба луну (*Аѳанасьевъ*, III, 488). Въ сочиненіяхъ Тэйлора, Леббока и Ланга разбросано много указаній, что по вѣрованіямъ разныхъ дикихъ народовъ, по суевѣріямъ современнаго европейскаго простонародія, также по воззрѣніямъ древнихъ классическихъ народовъ затменіе солнца и луны и паденіе звѣздъ обусловлены были тѣмъ, что ихъ кто нибудь похищаетъ или пожираетъ. Такъ, на островахъ Индійскаго океана, туземцы предполагаютъ, что какой то разгнѣванный богъ пожираетъ луну и солнце; поэтому они прибѣгаютъ къ жертвамъ, чтобы заставить божество выбросить обратно проглоченныя свѣтила. Племя чикитосовъ въ Южной Америкѣ полагаетъ, что во время затменія за луною гоняются по небу чудовищныя собаки, которыя схватываютъ ее и рвутъ на куски, вслѣдствіе чего поверхность свѣтила обагряется кровью. Тогда дикіе стрѣляютъ по направленію къ небесамъ, воютъ, плачутъ, чтобы испугать чудовищъ. Въ Перу также распространено мнѣніе, что какой то злой духъ нападаетъ на луну, и поэтому туземцы стараются дѣлать какъ можно больше шума, поютъ, пляшутъ, бьютъ собакъ, чтобы тѣ воемъ своимъ устрашили духа тьмы. Въ другихъ мѣстахъ говорятъ „оарасу ягуарете ву“, т. е. ягуаръ съѣлъ солнце.

Къ статьѣ 4-ой о ворожбѣ надъ тучами.

Въ 1 кн. «Кіев. Стар.» я уже говорилъ о народныхъ повѣрьяхъ о ворожбѣ надъ тучами. Въ настоящей замѣткѣ добавляю еще два народныхъ разсказа о причинахъ засухи 1889 г. Разсказы эти я слышалъ отъ

одной 70-ти лѣтней старухи, крестьянки слободы Боромли ахтырскаго уѣзда.

Весь май мѣсяцъ былъ сухой и знойный. Въ немногихъ мѣстахъ пробѣжали легкія тучки, съ плодотворнымъ, живительнымъ дождемъ. Отъ продолжительной засухи озимые хлѣба сильно пострадали; мѣстами, на пригоркахъ, и яровые выгорѣли. Въ объясненіе причины засухи всплыло наружу древнее народное повѣрье о колдовствѣ надъ тучами, причемъ разсказы о томъ, какъ и кто тутъ наколдовалъ варіируются на разные лады, съ мѣстными пріуроченіями. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ фономъ, на которомъ народное воображеніе выводитъ самые разнообразные узоры.

Первый разсказъ передавался со словъ какого то «чоловика зъ Никитовки» (въ 8 или 10 верстахъ отъ Боромли). Содержаніе его въ короткихъ словахъ такое: три женщины шли въ Кіевъ на богомолье; подъ Кіевомъ онѣ сѣли отдохнуть; двѣ женщины потомъ встали, а третья никакъ не могла подняться. «Не можу йты, и сама не знаю чого» говорила она. Пошли ея спутницы въ Кіевъ и объявили игумену, что онѣ оставили въ полѣ женщину, которая безъ всякой видимой причины не можетъ подняться съ земли. Игуменъ послалъ къ этой женщинѣ священника съ иконой и крестомъ. Священникъ нашелъ, что женщина до половины вошла въ землю. «Въ чемъ ты грѣшна?» спросилъ онъ. «Тилько и грихъ мій, що заговорила дощъ на три мисяца» сказала женщина. «Будь же ты проклята!» сказалъ священникъ, и баба съ шумомъ провалилась сквозь землю. «Треба бъ зробыть публикацію» неожиданно закончила разсказчица. Она знакома съ «публикаціями» по многолѣтнему судебному процессу, который ведетъ ея мужъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ за лугъ. Приходилось взносить деньги на публикаціи въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ».

Другой разсказъ начинался со слова «кажутъ», и разсказчица не могла хорошо припомнить всего того, что слышала. Дѣло выходитъ такъ: есть въ какомъ то лѣсу криница. Долгое время изъ нея никто не бралъ воды, и криница засорилась. Недавно снится разъ, потомъ другой разъ одному крестьянину, что слѣдуетъ эту криницу вычистить. Когда начали ее чистить, то нашли въ ней пять волшебствъ: дужку съ ведра, конское копыто, веревку и «друге» (разсказчица забыла подробности). Вынули эти волшебства, освятили колодезь, и вскорѣ пошелъ дождь (10—15 іюня въ ахтыр. уѣздѣ прошли сильные дожди).

Въ кіевской губерніи причину слишкомъ продолжительнаго бездождія сваливаютъ на вѣдьмъ. Умерщвляя четвероногихъ черепахъ, изъ которыхъ будто бы истекаютъ вода и роса, и забивая въ колодцахъ рунами ключи, онѣ этими способами отводятъ отъ селеній дождевыя тучи.

Во время засухъ, по волшебству вѣдьмъ, въ какомъ то дремучемъ лѣсу грызутся два змѣя, отъ ярости которыхъ сохнутъ небо и земля. Только палка, которой удастся разорвать этихъ гадовъ, можетъ собрать громовыя тучи надъ

сельскими полями и низвесть на землю благодатный дождь (*Краснокутскій*, въ «Кіев. Еп. Вѣд.»).

Повѣрье о ворожбѣ надъ тучами встрѣчается среди поляковъ въ настоящее время и въ старинныхъ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ (*Karlowicz*, въ «Wisła», 1887 г.).

Примѣчаніе. Къ колдунамъ и вѣдьмамъ въ народныхъ сказаніяхъ очень близко стоятъ *вовкулаки.* Здѣсь мы не будемъ на нихъ останавливаться, чтобы не расширить слишкомъ изслѣдованія внесеніемъ въ него обильнаго и довольно извѣстнаго матеріала о вовкулакахъ. Указываемъ лишь на литературу предмета, не выдавая нисколько ее за полную: *П. И—ва*, О вовкулакахъ; *Lang*, Myth, Ritual and Religion, I, 119; II, 177; *Аѳанасьевъ*, Поэт. возз. слав., I—III; *Потебня*, О миѳ. знач. нѣкот. обр. и повѣр. *Чубинскій* I; *Nowos.* II, 96—99, 288; *Слово о полку Игоревѣ* („волкомъ путь прерыскаше"), *Ворон. Бес.* 1861; *Кіевск. Еп. Вѣд.* 1881, № 5; *Янчукъ*, Корницк. свадьба 82; *Буслаевъ* Рус. поэз. 54—56; *Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар., *Березинъ* въ Знаніи 1877, IV, 66 (о сербскихъ волкодлакахъ); *Кіевская Старина*, 83, XII; 86, VI; *Антоновичъ*, Колд. 341; *Народы Турціи* II, 134; *Буше-Леклеркъ*, Колд. въ антич. мірѣ.

122.

Происхожденіе упырей.

Въ Малороссіи существуютъ два разряда сказаній о происхожденіи упырей. Въ однихъ мѣстахъ (напр., въ кіевской губ.), говорятъ, что какая то непонятная сила навѣваетъ особаго злаго духа на человѣческій зародышъ, изъ котораго является человѣческое существо со свойствами вампира. Это существо живетъ въ людскомъ обществѣ, какъ обыкновенный человѣкъ, такъ что даже никто и не знаетъ о принадлежности его къ сонму злыхъ существъ. Ходятъ, впрочемъ, толки, что вампира узнаютъ по шести пальцамъ на рукахъ и ногахъ. Узнаютъ также вампира послѣ его смерти по его красному, какъ бы свѣжему лицу (*Краснокутскій*, въ „Кіев. Еп. Вѣд."). Въ другихъ мѣстахъ (напр., на Волыни), говорятъ, что упыремъ дѣлается всякій самоубійца. Его духъ проникается ненавистью къ людямъ. Упырь вредитъ ихъ здоровью; онъ по ночамъ выходитъ изъ могилы и посѣщаетъ жилища людей. Чтобы воспрепятствовать ему вредить людямъ, иногда откапываютъ мертвеца, считаемаго упыремъ, и пробиваютъ его осиновымъ коломъ, а иногда

вбиваютъ въ голову, за ушами, два зубца изъ бороны (*Kopern.*, въ Zbior wiadomosci, XI, 196).

Такимъ образомъ, въ Малороссіи прикрѣпляютъ упыря къ землѣ, какъ натуралистъ прикрѣпляетъ бабочекъ къ пробкѣ. Замѣчательно, что тождественное обыкновеніе до послѣдняго времени жило у англичанъ. Въ Англіи самоубійцъ до сихъ поръ считаютъ вампирами, думаютъ, что они выходятъ изъ могилъ и мучатъ людей. До 1824 г. все имущество самоубійцы подвергалось конфискаціи, а трупъ его хоронили въ полѣ на перекресткѣ дорогъ и пробивали его коломъ насквозь. Въ 1824 г. при Георгѣ IV изданъ былъ законъ, въ силу котораго самоубійцы погребались уже на общихъ кладбищахъ и безъ пробитія коломъ, безъ религіозныхъ обрядовъ отпѣванія и притомъ въ исключительное время, отъ 9 часовъ вечера до полуночи. Повидимому, законъ этотъ былъ часто нарушаемъ, такъ какъ въ 1882 г. послѣдовало его возобновленіе; повторено было запрещеніе хоронить самоубійцъ на перекресткахъ большихъ дорогъ и пробивать ихъ коломъ (*Gaidoz*, въ „Melusine", 1888, 11—12).

Въ Шотландіи и въ настоящее время самоубійцъ хоронятъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ пещерахъ, притомъ глухихъ, чтобы отъ нихъ не видно было ни полей, ни моря, которымъ духъ самоубійцы можетъ быть вреденъ (ib.) [1]).

---

[1]) Народныя сказанія объ упыряхъ многочислены и разнообразны. Отмѣчаемъ здѣсь два малорусскихъ разсказа, записанныхъ въ кіевской губерніи:

1) Умершій вампиръ занимается высасываніемъ крови у сонныхъ людей. Но прежде чѣмъ сосать кровь, онъ соблюдаетъ нѣкоторую предосторожность. Выходя до полночи изъ гроба въ нарядѣ мертвеца, вампиръ поднимается надъ спящимъ селомъ и наблюдаетъ, чьи дома искрятся. Искрятся же тѣ дома, въ которыхъ обитаютъ праведники, постившіеся цѣлый день наканунѣ праздника Р. Х. Опустившись на землю, вампиръ старательно оберегается заходить въ искрившіеся дома, боясь, чтобы праведная кровь не погубила его, но безстрашно идетъ въ дома грѣшниковъ, гдѣ и упивается нечестивою кровью.

2) Разсказываютъ, что живой вампиръ изъ любви къ людямъ когда то открылъ тайну оживлять умершихъ людей. У мертваго вампира есть сосудъ съ человѣческою кровью, нужно его добыть. Пріобрѣвъ этотъ сосудъ и поднявъ на улицѣ головню, надо омочить ее въ кровь и помазывать мертвыхъ: отъ этого дѣйствія мертвые станутъ оживать. Этой же головней можно уничтожать и жестокаго умершаго вампира.

123.

Нападеніе упырей на село.

Изъ разнообразныхъ повѣрій объ упыряхъ я здѣсь отмѣчу лишь одно въ высшей степени замѣчательное въ археологическомъ отношеніи, именно, повѣрье о томъ, что упыри иногда толпой нападаютъ на село и убиваютъ людей. По народному повѣрью, записанному въ кіевской губ. со словъ сельской бабки, въ селѣ всегда бываетъ два вампира; одинъ живой, другой—умершій. Живой вампиръ есть, такъ сказать, добрый геній села. Стоя на стражѣ благополучія, онъ, съ честію благороднаго и храбраго воина, постоянно ведетъ борьбу съ мертвыми вампирами, изъ всѣхъ селъ идущими съ эпидеміею въ его село. Вѣдьмы при его появленіи приходятъ въ неописанный ужасъ. Самая прекрасная черта живаго вампира состоитъ въ томъ, что онъ не пьетъ людской крови. Но за то послѣ своей смерти онъ становится страшнымъ бичомъ поселянъ. Изъ добраго онъ становится самымъ злѣйшимъ геніемъ. Когда мужество и сила оставляютъ живаго вампира, изнеможеннаго въ постоянной борьбѣ съ своими мертвыми собратами, тогда умершій вампиръ, легко устраняя съ пути слабую защиту честнаго борца, открываетъ свободный путь въ село всѣмъ иносельнымъ мертвымъ смертоносцамъ. Село наводняется вампирами, ходящими ночью во образѣ странныхъ звѣрей, поражая или людей, или скотъ смертію. Эпидемія принимаетъ обширные размѣры. Страхъ всюду такой распространяется, что ночью ходятъ не иначе, какъ компаніей. Несчастіе продолжается до тѣхъ поръ, пока милостивый Богъ не простретъ свою грозную руку на злыхъ истребителей людей и скота. Тогда испуганные вампиры бѣгутъ на кладбища и прячутся въ своихъ гробахъ.

Въ „Кіевской Старинѣ" были помѣщены статьи П. С. Ефименка и г. Кошовика объ упыряхъ. Разсказы объ упыряхъ разбросаны въ Трудахъ *Чубинскаго*; Пред. *Драгом.*, Lud *Nowos.*, въ Zbiór wiad. do antrop. krajowej, XI, *Kopernicky*, изслѣдованія у *Аѳанасьева* въ Поэт. воззр., *Потебни* О миѳ. знач. нѣкот. обр. и повѣр., *Фалуи*, въ „Ethnolog. Mitteil. aus Ungarn" 1888, II (о сербскихъ вампирахъ), *Гедоза* въ „Melusine" 1888, *Тэйлора*, Первоб. культ., *Любенова*, „Баба Яга" 1887, стр. 49—52 (о болгарскихъ вампирахъ); *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 195—198 (о греческихъ вампирахъ), *Krause* въ Zeitsch. f. Ethnol. 1883, 92 (о нѣмецкихъ вампирахъ).

Въ этомъ повѣрьѣ мы, очевидно, имѣемъ повтореніе лѣтописнаго сказанія XI вѣка о томъ, какъ „навье“ (т. е. мертвецы, или упыри) убивали обывателей Полоцка: „въ лѣто 6600 (т. е. 1092 отъ Р. Хр.) предивно бысть въ Полотьскѣ въ мечтѣ; бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою; и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди полоцкія и его область; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко навье бьютъ полочаны“ (*Лѣтоп.* Лаврент., изд. 1872, 207—208).

Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ той же Лаврентьевской лѣтописи подъ 1089 г. находится еще одно весьма любопытное указаніе, что въ до-монгольской Руси было распространено повѣрье объ упыряхъ, при чемъ называли ихъ навье: „въ се же лѣто иде Янка въ греки, дщи Всеволожа (Анна Всеволодовна), и приведе Янка митрополита Іоанна скопьчину, его же (видѣвше) людье вси рекоша: „се навье пришелъ“; отъ года бо до года пребывъ умре“ (ib. 202)[1]).

124.

Повѣріе о чертяхъ, бросающихъ въ домахъ камни.

Въ Малороссіи въ разныхъ городахъ и селахъ указываютъ на пустующіе дома, гдѣ никто не можетъ жить, потому что здѣсь шалитъ нечистая сила, бросая камни и черепки. Въ иныхъ случаяхъ чертовское бросаніе камней было непродолжительно, и послѣ освященія дома въ немъ водворялось спокойствіе. Иногда въ печать проникаютъ извѣстія о такихъ продѣлкахъ нечистой силы. Припоминаю, что года два назадъ я читалъ о подобномъ случаѣ въ

[1]) Слово навье означаетъ въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ мертвеца, у славянъ такого мертвеца, который являлся между людей и мучилъ или убивалъ ихъ. Санскр. корень naç—умирать въ готскомъ встрѣчается въ формѣ navs—(множ. naveis) мертвецъ, navis—мертвый, navistr—могила, древ.-сканд. na—мертвое тѣло, латыш. nahme—смерть, nahwigs—смертельный, ядовитый, nahweht—убивать (*Буслаевъ*, О вліяніи христ. на слав. яз., 63).

Одессѣ, чуть ли даже не въ камерѣ мироваго судьи. Отъ одного старика я слышалъ такой разсказъ: лѣтъ тридцать назадъ, въ селѣ Лipцахъ, харьковскаго уѣзда, была пересыльная тюрьма въ домѣ мѣстнаго обывателя. Одинъ арестантъ, чѣмъ то обиженный, сказалъ, что въ этомъ домѣ долго его будутъ помнить, и дѣйствительно вскорѣ, какъ онъ ушелъ, въ домѣ появились таинственные стуки, полетѣли въ разныя стороны камни, такъ что пришлось освящать домъ, а изъ Харькова для осмотра его выѣзжали административныя власти. Въ Великороссіи также встрѣчаются подобные разсказы и повѣрья (*Ralston*, The Songs of the russ. people, 132).

Точно такое повѣріе существуетъ у индусовъ христіанскаго вѣроисповѣданія. Между слугами въ домѣ, гдѣ мы жили, говоритъ г-жа Мурей-Энслей, были христіане. Они жаловались своему хозяину, что постоянно по вечерамъ къ ихъ избамъ подходятъ демоны и бросаютъ камни, которые летятъ черезъ крышу. Два европейца пошли разузнать, въ чемъ дѣло; одинъ помѣстился съ одной стороны служительскихъ хатъ, другой—на противоположной. Хотя никто не показывался, но камни летѣли и ложились у ихъ ногъ. Слуги попросили дать имъ Библію, и послѣ того, какъ они ее получили, черти успокоились и камней болѣе не бросали. Означенные выше два европейца потомъ наводили справки, и когда они заглянули въ Библію, то нашли ее всю испачканной изображеніями демоновъ и чудовищъ (*Revue* des trad. populaires, 1888, 480). Очевидно, бѣсамъ очень не понравилось помѣщеніе ихъ изображеній въ священной книгѣ. Припомнимъ, что на миніатюрахъ древнѣйшихъ русскихъ рукописей фигуры и особенно лица бѣсовъ намѣренно вытерты или запачканы, по предположенію Ѳ. И. Буслаева, потому, что читатели не могли равнодушно смотрѣть на эту богомерзкую погань (*Буслаевъ*, Бѣсъ, 5). Очевидно, между древне-русскимъ уничтоженіемъ изображеній демоновъ и индусской разрисовкой ихъ есть внутренняя связь, разумѣется, не въ смыслѣ какого либо заимствованія, о чемъ и рѣчи быть не можетъ, а въ сходствѣ извѣстныхъ умозаключеній по сходнымъ фактическимъ даннымъ.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что повѣрье о демонахъ, бросающихъ въ домѣ камни, еще недавно, а можетъ быть и нынѣ еще существуетъ въ Парижѣ. Въ 1777 г. въ Сенъ-Жер-

менскомъ предмѣстьѣ распространился слухъ, что на улицѣ Дюфура въ лавкѣ торговки хлѣбомъ поселился демонъ, и весь Парижъ пошелъ смотрѣть на производимыя имъ буйства. Полиція, заподозривъ обманъ со стороны торговки, объявила ей, что если демонъ чѣмъ нибудь заявитъ себя, то она будетъ арестована, и никакихъ демонстрацій злой духъ не позволилъ себѣ. Лѣтъ тридцать назадъ подобная исторія повторилась въ гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ на улицѣ Дегре (нынѣ Кюя). Среди бѣлаго дня, видѣли какъ изъ одного дома летѣли камни во всѣ стороны. У присутствовавшаго Жиро (былъ потомъ министромъ) камнемъ выбило изъ рукъ книгу. Кто бросалъ камни, не было выяснено. Никто изъ людей не былъ раненъ. Полиція прекратила движеніе по улицѣ; пропускали только мѣстныхъ обывателей. Бросаніе камней продолжалось недолго, и вскорѣ случай этотъ былъ забытъ (*Sebillot*, въ Revue d. trad. popul., 1888, 138).

Къ числу демоновъ, бросающихъ камни въ людей, принадлежатъ ново-греческія нереиды и яванскіе гандарвы (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 356).

125.

Украинскіе инкубы и суккубы.

Въ средневѣковой демонологической терминологіи инкубомъ назывался демонъ, въ видѣ мужчины вступавшій въ половую связь съ женщиной, суккубомъ—демонъ въ образѣ женщины, соблазнявшій мужчинъ. Повѣрье въ половыя связи демоновъ съ людьми были въ старину весьма распространены въ Западной Европѣ и нынѣ еще встрѣчаются у разныхъ народовъ Европы и Азіи въ сказкахъ. Безобиднѣе всего о такой связи трактуетъ одна татарская сказка. Отшельникъ Абутъ въ теченіи многихъ лѣтъ велъ строгую подвижническую жизнь; но однажды шайтанъ явился къ нему въ видѣ такой красавицы, что Абутъ схватилъ ее въ свои объятія и согрѣшилъ. Народъ узналъ объ этомъ и горевалъ. „Дураки! о чемъ вы безпокоитесь? утѣшилъ его великій Пейгамберъ (божество). Абутъ теперь получитъ лучшее мѣсто въ дженнатѣ (раю), такъ какъ онъ

изнасиловалъ Аллахова врага". (*Сборн. матер.* о плем. Кавказа, VII, 124). Совсѣмъ иначе на это преступленіе смотрѣли въ старину европейцы, особенно нѣмцы. Они, во первыхъ, детально изучили это преступленіе, когда и какимъ образомъ мужчины и чаще женщины вступаютъ въ сношенія съ демонами, что они при этомъ чувствуютъ, и, во вторыхъ, обвиненныхъ въ такомъ преступленіи подвергали пыткамъ и казнямъ. По разъясненію инквизиторовъ, главнымъ образомъ, по указаніямъ знаменитаго „Молота вѣдьмъ" (Malleus maleficarum) 1489 г., представляющаго собой „monstrose Bastard des Pfaffendespotismus und der Scholastik" (*Soldan*, Gesch. d. Hexenproc., 215), для вступленія въ половую связь съ дьяволомъ выходили ночью подъ воскресенье на перекрестокъ и произносили извѣстную заклинательную формулу. Дьяволъ немедленно являлся въ видѣ сильнаго молодаго человѣка красивой наружности, только съ козлиной или птичьей ногой. Необходимое условіе союза съ дьяволомъ—отреченіе отъ Спасителя и святыхъ—подписывалось кровью. Обѣ стороны давали другъ другу извѣстныя обязательства, причемъ дьяволъ старался обмануть предающихся въ его власть. Колдуньямъ и вѣдьмамъ дьяволъ первый разъ являлся подъ видомъ хорошаго знакомаго, любовника или мужа. Полюбезничавъ съ колдуньей, онъ удалялся или тихо, или въ бурномъ вихрѣ; онъ былъ настолько любезенъ, что оставлялъ колдуньямъ опредѣленное количество денегъ въ кошелькѣ, платкѣ или капустномъ листѣ съ обозначеніемъ своего имени, съ тѣмъ, чтобы онѣ знали, какъ назвать его въ случаѣ надобности. Случалось, дьяволъ платилъ весьма мало: какой нибудь экю или еще меньше. Адскія деньги въ большинствѣ случаевъ превращались въ дубовые листья, дѣтскіе экскременты и т. п. Со времени отреченія отъ Христа колдуны и вѣдьмы получали возможность превращаться въ животныхъ, кошку, лисицу, паука, сову, бабочку и даже въ неодушевленные предметы, напримѣръ—клубокъ нитокъ. Половыя сношенія съ дьяволомъ были не одновременны, а повторялись постоянно по ночамъ въ пустынныхъ мѣстахъ, иногда въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей. Однажды дьяволъ завлекъ 19-лѣтнюю дѣвушку, которая была такъ наивна, что на неприличныя предложенія дьявола отвѣчала отказомъ, потому, что не знала о родительскомъ согласіи. Ученые бого-

словы считали очень важнымъ рѣшеніе вопроса „semen diabolicum frigidum aut calidum est". Дельріо, ученый іезуитъ конца XVI столѣтія, былъ твердо увѣренъ, что инкубъ съ женщиной можетъ произвести дитя только не собственнымъ сѣменемъ, а сѣменемъ мужчины, съ которымъ демонъ ранѣе совокупился въ видѣ суккуба. Суккубъ не въ состояніи ни зачинать, ни рожать младенца. Онъ только служитъ для вышеозначенной цѣли. Извѣстный полигнотъ Пико де-Мирандола разсказываетъ объ одномъ старомъ колдунѣ, который 40 лѣтъ жилъ съ демономъ-суккубомъ, называвшимся Гермелиной. Дѣти, рожденныя при посредствѣ инкуба, противной наружности, отвратительной худобы, необыкновенно много ѣдятъ, постоянно кричатъ и радуются семейнымъ несчастіямъ (*Soldan*, 239)[1].

Западно-европейскія представленія объ инкубахъ проникли въ Польшу; любопытныя указанія по этой части находимъ въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ конца XVII в. Такъ, въ 1690 г. была сожжена одна женщина за то, что по собственному сознанію, спала съ демономъ (legal ze mną, ale był zimny jako lód). Въ 1692 г. были сожжены Клешка—колдунъ, имѣвшій любовницей чертовку Регину, и Манишевская, имѣвшая любовникомъ демона Яська, который ходилъ въ красной одеждѣ, соболевой шапкѣ и красныхъ сапогахъ. Въ 1699 г. была казнена одна крестьянка за то, что бывала на Лысой горѣ и съ ней лежалъ сатана въ видѣ волка (*Karlowicz*, въ Wisła, 1887, стр. 140, 142, 173).

Я не имѣю фактовъ, которые указывали бы на проникновеніе западныхъ инкубовъ и суккубовъ въ Украину; но здѣсь были свои, оригинальные инкубы и суккубы, опиравшіеся на славянской демонологіи, вообще языческой, лишь въ частностяхъ съ примѣсью демонологіи христіанской письменности. Наиболѣе обычно представленіе демона-любовника въ видѣ змѣя, обращающагося въ красиваго муж-

---

[1]) Подробности объ инкубахъ и суккубахъ см. въ сочиненіи *Roskoff*, Geschichte des Teufels. 1869. 2 Bde; *Soldan*, Gesch. der Hexenprozesse. 1843; *Rodolf Reusse*, La sorcellerie au XVI et au XVII siècle. 1872; *Jacob (Bibliophile)*, Curiosités de l'histoire des croyances populaires au moyen age. 1859; *Otto Henne Am Rhyn*, Kulturgeschichte der neuern Zeit. 1870. 1 Bd. 332—351 стр.; *Іог. Шерръ*, Исторія цивилизаціи Германіи. 1868 и *Гартполь Лекки*, Исторія раціонализма въ Европѣ. 1871. Т. I.; *Н. Ѳ. Сумцовъ*, Очеркъ исторіи колдовства въ Зап. Европѣ 1878; *Пѣтуховъ*, Серапіонъ Владимірскій, 1887.

чину, или въ видѣ упыря, причемъ сказанія объ любовникѣ-змѣѣ и любовникѣ упырѣ (покойникѣ) часто смѣшиваются между собой, и, вообще, сказанія эти сходны. Ученый архимандритъ Печерской лавры Иннокентій Гизель въ сочиненіи „Миръ съ Богомъ человѣку“ (1669 г.) говоритъ: „здѣ же прилучитися можетъ и смѣшеніе тѣлесное съ дьяволомъ, сіе есть съ Лѣтавцемъ, который блудъ есть наитяжшій“. И въ Польшѣ въ старинное время подъ словомъ „latawiec“ разумѣли инкуба: „incubus, ad masculos accedens, feminam fingit, feminas aggrediens masculum se exhibet, der Nachtdrude“ (*Linde*, Slownik). Подобнаго рода повѣрья были въ старину и въ московской Руси, что видно, между прочимъ, изъ муромской легенды XVII в. о Петрѣ и Февроніи. Въ настоящее время повѣрье это крѣпко еще держится въ народѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ Привислянскомъ краѣ. Въ волынской губерніи говорятъ, что злой духъ „перелестныкъ“ является въ образѣ любимой умершей особы, преимущественно является тѣмъ молодымъ людямъ, которые тоскуютъ по умершихъ своихъ любовницахъ или любовникахъ. Демонъ ведетъ съ ними любовный разговоръ, цѣлуется, удовлетворяетъ страсти. Но горе такому человѣку: онъ начинаетъ сохнуть, чахнуть и потомъ умираетъ (*Чубинскій*, I, 193). Весьма сходныя повѣрья встрѣчаются среди великоруссовъ. Такъ, въ юго-западной части томской губерніи существуютъ разсказы о смѣшеніи женщинъ съ чертями. Чертъ принимаетъ видъ извѣстнаго человѣка и начинаетъ посѣщать женщину; чтобы отличить его, нужно заглянуть ему за спину; спины у него нѣтъ, и внутренности лежатъ наружу въ грудномъ ящикѣ какъ въ корытѣ. Въ станицѣ Шульбинской была козачка Полынцева. Послѣ смерти мужа она очень тосковала по немъ. Чертъ сталъ являться къ ней подъ видомъ покойнаго каждую ночь, и бѣдная женщина получила непреодолимое желаніе видѣть его. Она забеременѣла и сказала о томъ одной старухѣ. Старуха дала ей что то пить и та осталась до смерти беременною, а то родила бы чертенка (*Потанинъ*, Этногр. Сборн., VI, 144).

Извѣстно много малорусскихъ сказокъ о томъ, какъ змѣй похищаетъ царевну и живетъ съ ней, встрѣчаются и такія сказки, въ которыхъ прямо выступаетъ чертъ. Такъ, въ грубешовскомъ уѣздѣ записанъ разсказъ о томъ, какъ одинъ чертъ влюбился въ

дѣвушку, долго ходилъ къ ней и накоецъ порѣшилъ взять ее къ себѣ совершенно. Чертъ былъ въ образѣ человѣка. Мать, приготовляя свою дочь къ отъѣзду, убрала ея голову цвѣтами терлича и тоя. Чертъ боится этихъ цвѣтовъ и потому исчезъ (*Чуб.* I, 80).

Въ народныхъ сказаніяхъ суккубъ рѣже является, чѣмъ инкубъ. Извѣстны, однако, сказки, въ которыхъ влюбляется въ мужчину и живетъ съ нимъ чертова дочка или вѣдьма. Такъ, въ ушицкомъ уѣздѣ записанъ такой разсказъ: „Одинъ крестьянскій парень очень красивый ходилъ часто въ лѣсъ за дровами, гдѣ увидѣла его чертова дочка и влюбилась въ него до того, что рѣшилась явиться къ нему въ образѣ красивой дѣвушки. Часто они видались, слюбились и, наконецъ, она рѣшилась выйти за него замужъ. Она приняла крещеніе и была повѣнчана. Дьяволъ былъ радъ, позвалъ къ себѣ молодыхъ, и одарилъ ихъ“ (*Чуб.* I, 33). При этомъ сказано, что дьяволъ отъ радости крутился вихремъ, т. е. обнаруживается демоническое значеніе вихря. Въ связи съ этимъ или подобнымъ разсказомъ о вихрѣ стоитъ названіе его „чортовой свадьбой“. Чертова дочка въ малорусской сказкѣ живетъ въ лѣсу. Есть очень сходная имеретинская сказка. Имеретинцы признаютъ не только лѣшихъ, но и лѣсныхъ женщинъ необыкновенной красоты, съ длинными золотистыми волосами. Онѣ влюбляются въ людей (какъ малорусскія русалки, сербскія вилы). Одинъ богатый помѣщикъ влюбился въ лѣсную женщину и каждую ночь ходилъ къ ней. Его ревнивая жена обрѣзала ей тихонько волосы. Лѣсная женщина съ крикомъ убѣжала и черезъ нѣсколько времени умерла (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр. III, 170). Разсказъ этотъ вводитъ насъ въ фантастическій міръ лѣсныхъ духовъ, и мы отсылаемъ читателя къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ по этой части Manhardt'а, Аѳанасьева и Мандельштама [1]).

Довольно обычно въ Малороссіи вѣрованіе о связи вѣдьмы съ мужчинами. Такъ, недавно въ подгороднемъ харьковскомъ селѣ Основѣ распространился слухъ, что къ мѣстному жителю, „паробку“

---

[1]) Съ женщинами вступаютъ въ связь классическіе фавны и сильваны; на о. Самоа насчитываютъ 5 родовъ демоновъ, соблазняющихъ женщинъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 400).

лѣтъ двадцати, Павлу Онищенку уже мѣсяца четыре по ночамъ, сначала рѣдко, а послѣднее время ежедневно является „вѣдьма". Прибѣгаетъ она туда въ видѣ бѣлой собаки съ человѣческими пальцами на лапахъ и, найдя Павла Онищенка гдѣ бы онъ ни ночевалъ, моментально превращается въ дѣвушку и начинаетъ его обнимать и цѣловать. Говоритъ ли она съ Онищенкомъ во время этихъ свиданій—добиться этого отъ него никому еще не удалось. И вотъ 4-го іюня основянское волостное правленіе заявляетъ мѣстному уряднику, живущему въ с. Григоровкѣ, и тотъ, не теряя времени, отправляется въ этотъ же вечеръ часовъ около 10-ти для поимки сказанной вѣдьмы; къ нему присоединился студентъ С. Пріѣзжаютъ въ волость; на вопросъ урядника „гдѣ писарь?" сторожъ отвѣчаетъ: „пишовъ дывытьця на видьму". Возлѣ усадьбы Онищенка урядникъ засталъ такое множество народа съ осиновыми дрючками [1]), что, какъ говорится, яблоку негдѣ упасть. При расспросахъ урядника все сказанное потвердили всѣ, между ними были люди пожилые, домохозяева, которымъ какъ то нельзя не вѣрить. Писарь сейчасъ же доложилъ, что вѣдьма уже приходила, но ее испугалъ крестьянинъ N, крикнувъ: „чего тутъ шляешься" и она скрылась неизвѣстно куда (*Харьк. Вѣд.*, 1886, № 142).

126.

Обрядовое прикосновеніе къ землѣ.

Въ ряду разнообразныхъ повѣрій и обрядовъ, указывающихъ на древнее уваженіе къ землѣ, доходившее до обожествленія ея, какъ было въ развитыхъ религіяхъ древности, напр. у грековъ, выдается сохраняющійся до сихъ поръ у многихъ народовъ обычай валяться по землѣ съ цѣлью полученія силы, здоровья, иногда безъ всякой опредѣленной цѣли, для соблюденія древняго священнаго обряда. Въ волынской губерніи по окончаніи жатвы работники катаются на стернахъ или волочатъ другъ друга за ноги (*Кореґп.*,

---

[1]) Такое въ народѣ повѣрье, что если вѣдьму ударить *осиновой* палкой, то она моментально принимаетъ свой настоящій образъ.

Zbiór wiadom., XI, 185). Подобнаго рода обыкновеніе встрѣчается и въ Великороссіи при посѣвѣ или освященіи поля (ссылка потеряна, кажется, въ „Бытѣ русск. нар.“ Терещенка). Въ мѣстностяхъ южнаго Балкана больныя и неплодныя женщины ходятъ рано утромъ перваго мая на луга и голыя катаются на росистой травѣ (*Каницъ*, въ Слав. Ежегодн. 1877, 151). У турецкихъ сербовъ (въ Призренѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ) на другой день Пасхи бываетъ крестная процессія, причемъ всѣ слабые и больные ложатся на землю, и священникъ, а за нимъ всѣ, несущіе кресты, иконы и хоругви, перескакиваютъ черезъ лежащихъ, чтобы они выздоровѣли (*Ястребовъ*, Турец. сербы, 121). Въ древности въ Германіи и въ Англіи существовалъ обычай больныхъ дѣтей и больной скотъ волочить по землѣ для излѣченія отъ болѣзни (*Спенсеръ*, Опис. соціол., 211). Во Франціи въ Бретани совѣтуютъ страдающимъ отъ ревматизма лечь больной частью тѣла на землю весной, какъ только они заслышатъ въ первый разъ крикъ кукушки (*Melusine*, 1888, 258).

127—143.

Гаданія.

Гаданіе состоитъ въ раскрытіи тайнъ прошлаго или, чаще, будущаго, напр., въ опредѣленіи, кто укралъ, причинилъ болѣзнь, или въ опредѣленіи, каковъ будетъ успѣхъ предпріятія. Большинство гаданій пріурочено къ празднику Рождества Христова или, точнѣе, къ Новому году, нѣкоторыя—къ празднику Благовѣщенія или ко дню Андрея Первозваннаго. Обыкновенно гаданіе состоитъ въ сужденіи о томъ или другомъ по началу его, „по почину“. „Настоящее, говоритъ проф. А. А. Потебня, т. е. начало ряда событій, непосредственно предшествующее наблюденію, человѣкъ наклоненъ считать образомъ будущаго. Насколько это свойственно самымъ различнымъ степенямъ развитія, видно изъ постоянно повторяющагося самообольщенія, состоящаго въ томъ, что человѣкъ, поглощенный сильнымъ чувствомъ, заполняетъ имъ все свое будущее, напр. влюбленный убѣжденъ въ своей любви до гроба, страдалецъ не видитъ

и не предполагаетъ просвѣта, что можетъ повлечь за собою и практическія послѣдствія. Гаданіе по началу извѣстнаго періода о дальнѣйшемъ его теченіи есть починъ, напр., если первый покупщикъ долго торгуется или уйдетъ, ничего не купивши, то купецъ весь день будетъ плохо торговать. Чѣмъ продолжительнѣе и важнѣе для человѣка періодъ, тѣмъ знаменательнѣе его начало. Этимъ однимъ объясняется знаменательность періодовъ, обозначаемыхъ годовыми праздниками, особенно періода, начинавшагося съ рожденія солнца, поворота его на лѣто. Рождественскіе святки—время гаданій, въ томъ числѣ гаданій по почину о погодѣ и урожаѣ" (*Потебня*, Объясн. малор. пѣс., II, 63).

Во многихъ гаданіяхъ обнаруживается запросъ божеству о будущемъ, а подчасъ запросъ въ такой формѣ, которая уже предполагаетъ благопріятный отвѣтъ. Несомнѣнно, въ древности гадали во время жертвоприношеній и молитвословій, что на ряду съ отгадкой будущаго располагало божество къ покровительственному и доброжелательному отношенію къ человѣку. Такъ, гаданіе по внутренностямъ животныхъ или по бараньей лопаткѣ, встрѣчающееся у древнихъ грековъ, нынѣ у болгаръ, финновъ, монголовъ, связано съ жертвоприношеніемъ, и донынѣ удержалось или въ прямой связи съ нимъ, или какъ его обрядовый остатокъ. Воля боговъ обнаруживается въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ физическаго міра,—громѣ и молніи, снахъ, дрожаніи разныхъ частей человѣческаго тѣла, полетѣ птицъ, движеніи животныхъ, даже въ неодушевленныхъ предметахъ; древній человѣкъ, а отчасти и современный человѣкъ старается проникнуть въ тайны природы и тайны будущаго,—наивный посредствомъ гаданій и примѣтъ, ученый посредствомъ гипотезъ и предположеній на основаніи многихъ провѣренныхъ фактовъ.

Съ теченіемъ времени число гаданій уменьшилось, и уменьшилось число такихъ явленій жизни, которыя опредѣлялись гаданіями. Въ настоящее время гадаютъ почти исключительно объ урожаѣ, погодѣ и замужествѣ, изрѣдка о смерти. У малороссіянъ способы гаданія не такъ многочисленны и разнообразны, какъ у великороссіянъ. Малорусскія гаданія весьма сходны, иногда тожественны съ великорусскими и другими славянскими.

1) Въ М. и В. Россіи почти неизвѣстны *метеорологическія гаданія*, по грому, вѣтрамъ, облакамъ, дождю. Люди страшились сверхъестественнаго могущества этихъ силъ и явленій природы и не знали, какъ подступить къ нимъ съ запросами о будущемъ. Они пытались овладѣть этими могущественными силами, и потому здѣсь на первый планъ выдвигается волшебство, ворожба надъ тучами, привлеченіе или удаленіе дождя и грозъ. Есть, однако, примѣты, относящіяся къ метеорологіи, и очень близкія къ гаданіямъ, примѣты такого рода, что громъ или дождь въ тотъ или другой день (напр. на Благовѣщеніе) или при случаѣ (напр., въ день вѣнчанія) предсказываетъ урожай, богатство, слезы и прочее т. п. [1]).

2) Болѣе значенія въ народномъ міросозерцаніи и бытѣ имѣютъ *гаданія по снамъ*. Въ классической древности сны считались посланниками Зевса и другихъ боговъ; толкованіе сновъ составляло своего рода науку „онейроскопію". Нѣчто подобное, разумѣется, въ слабой степени существуетъ у народовъ славянскихъ, въ частности—малоруссовъ. Такъ, дѣвушки по снамъ, которые видятъ подъ Новый годъ или передъ свадьбой, гадаютъ о суженомъ, о будущей семейной жизни. Гаданія этого рода отличаются неустойчивостью и неопредѣленностью, въ силу проявленія значительнаго индивидуальнаго произвола въ толкованіи сновъ.

3) Болѣе опредѣленнымъ, хотя весьма узкимъ, характеромъ отличаются *гаданія физіологическія*—по чиханію и дрожанію разныхъ частей человѣческаго тѣла. Уже въ древнихъ памятникахъ московской письменности встрѣчается обличеніе людей, раздѣлявшихъ повѣрія о чохѣ, ухозвонѣ, окомигѣ, дрожаніи мышцъ. Теперь въ Малороссіи говорятъ чихнувшему: „будь здоровъ!", „на здоровье!" иногда одариваютъ его (если чихнетъ въ сочельникъ за ужиномъ). Основное демоническое значеніе этихъ повѣрій достаточно разъяснено Тэйлоромъ и Леббокомъ, и здѣсь мы не будемъ останавливаться на немъ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ рѣдкихъ и исключительныхъ или просто не совсѣмъ обычныхъ явленіяхъ организма въ древности

---

[1]) Въ старинной московской литературѣ существовали сборники примѣтъ о громѣ и молніи, т. наз. Громники и Молніяники (изд. во 2 т. „Памят. отреч. литер." Тихонравова). О существованіи такихъ сборниковъ въ южной Россіи нѣтъ указаній.

усматривалось прямое дѣйствіе демоновъ, пролетавшихъ мимо человѣка или въ него проникшихъ съ пищей, питьемъ, воздухомъ. У древнихъ грековъ всякое непроизвольное физіологическое явленіе приписывалось вліянію божества. Чихнувъ, говорили: „Спаси, Зевсъ!“ У Менандра одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „насъ огорчаетъ, когда кто нибудь чихнетъ“ (*Буше-Лекл.*, Изъ ист. культ., 134). Подобнаго рода повѣріе о значеніи чиханія было въ Англіи (*Спенсеръ*, Опис. соц.) и нынѣ встрѣчается у разныхъ народовъ. Гаданія по шуму въ ушахъ, по дрожанію мышцы, по судорогамъ рукъ и ногъ, по тому, что ладонь чешется, мелочны, разнообразны и большею частью переходятъ въ примѣты; объ нихъ мы упомянемъ еще въ статьѣ о примѣтахъ.

4) Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія *гаданія по слову*, случайно сказанному, или произнесенному имени, такъ сказать, лингвистическія, или словесныя. Подслушиваютъ подъ окнами сосѣдей; подслушиваютъ разговоръ проходящихъ по улицѣ; спрашиваютъ встрѣчныхъ объ имени и затѣмъ выводятъ заключенія о будущемъ (*Чубинскій*, III, 260; *Терещенко*, VII, 230). Подобнаго рода гаданія встрѣчаются во Франціи (*Revue* des trad. popul., 1888, 146). Гаданія по услышанному слову, или кледономантія, было весьма обычно въ древней Греціи. Каждое слово, фраза, отдѣльное восклицаніе становится для слушателя кледономъ, т. е. между мыслью слушателя и словомъ посторонняго лица, не связаннымъ съ нею по нити разговора, обнаруживается непредвидѣнная связь, открывающая предостереженіе провидѣнія. Кледонизмъ обнаруживается уже въ Одиссеѣ и затѣмъ усиливается въ Греціи позднѣе. Простѣйшимъ способомъ кледономантіи было этимологическое толкованіе собственныхъ именъ. Римляне также признавали вѣщее слово, omen—въ смыслѣ предзнаменованія, при чемъ не считали предсказаніе менѣе дѣйствительнымъ въ томъ случаѣ, если его искали. Кледономантія свойственна всѣмъ древнимъ народамъ (*Буше-Леклеркъ*, 129—132).

5) Важное значеніе въ старину въ Россіи и во многихъ другихъ странахъ имѣли *гаданія письменныя*, т. е. по слову, закрѣпленному письмомъ, по книгамъ Священнаго Писанія, преимущественно по псалтыри. Разворачивали книгу и первую попавшуюся фразу объясняли, какъ пророчество. Въ Англіи въ XVII ст. га-

дали, между прочимъ, по Энеидѣ Виргилія (*Спенсеръ*, Опис. соц., 222). Греки охотно пользовались рапсодомантіей, или гаданіемъ по отдѣльнымъ фразамъ, случайно найденнымъ въ произведеніяхъ Гомера, Гезіода или въ сборникахъ оракуловъ. Предполагалось, что оффиціальные оракулы и служители музъ, великіе поэты, собрали достаточное количество истинъ, такъ что въ ихъ произведеніяхъ можно найти совѣты, пригодные для всѣхъ случаевъ жизни (*Буше-Леклеркъ*, 160). Остатками такихъ гаданій въ настоящее время служатъ оракулы, связываемые большею частью съ именемъ Соломона.

6) Очень близко къ гаданіямъ по слову и письму стоятъ *гаданія по жребіямъ*, клеромантія. Въ Россіи въ простомъ народѣ обычна простая форма клеромантіи, гаданіе посредствомъ бросанія камня или по палкѣ. Болѣе крупная форма клеромантіи—гаданіе посредствомъ лоттерей—встрѣчается въ Россіи довольно рѣдко, и въ южнорусскій народъ почти совсѣмъ не проникла. Клеромантія употреблялась уже въ глубокой древности, упоминается въ Иліадѣ (*Буше-Леклеркъ*, 156). Низшія формы клеромантіи (бросаніе камней, орѣховъ и пр.) встрѣчаются въ западной Африкѣ (*Леббокъ*, Нач. цив., 173). Саксонъ—Грамматикъ говоритъ, что славяне на островѣ Ранѣ гадали, бросая три дощечки, съ одной стороны бѣлыя, съ другой черныя. Въ старинныхъ русскихъ юридическихъ документахъ встрѣчаются узаконенія о рѣшеніи тяжбъ жребіемъ. Въ числѣ заветныхъ книгъ старинной московской письменности упоминается Метаніе или Розгомечецъ. Жертва богамъ опредѣлялась жребіемъ. По словамъ Константина Порфиророднаго, руссы метали жребій и по его указанію однѣхъ птицъ закалали въ жертву, а другихъ пускали на волю. При св. Владимірѣ кіевляне метали жребій на отрока и дѣвицу, кого изъ нихъ принести богамъ въ жертву (*Аѳанасьевъ*, III, 382—386). Въ клеромантіи важное значеніе имѣетъ счетъ, особенно четъ и нечетъ (*Чубинскій*, III; *Терещенко*, VII, 248; *Леббокъ*, 173).

7) Въ южной Россіи сохранились любопытные остатки нѣкогда крупныхъ и важныхъ *гаданій по животнымъ*, коню, коровѣ. и собакѣ. а) Гаданія по коню: въ волынской губ. завязываютъ лошади глаза и садятъ на нее дѣвушку; въ какую сторону пойдетъ лошадь, въ ту сторону дѣвушка выйдетъ замужъ (*Чубинскій*, III, 261).

Такое же гаданіе существуетъ и въ Великороссіи, при чемъ здѣсь выбираютъ бѣлую лошадь (*Терещенко*, VII, 239). Гадаютъ еще такъ: переводятъ лошадь черезъ оглоблю или шестъ; если она зацѣпится ногами, то будетъ злой мужъ и несчастливая жизнь (ib. 239). Въ древности жрецы въ Ретрѣ и въ Арконѣ водили коня черезъ копья и наблюдали, правой или лѣвой ногой онъ переступалъ черезъ нихъ (*Аѳанасьевъ*, I, 632). Повидимому, отъ древнихъ гаданій по коню идетъ часто встрѣчающаяся въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ примѣта, что если спотknется конь, то нужно ожидать несчастія. б) Гаданія по быку и коровѣ. Въ В. и М. Россіи дѣвушки гадаютъ, между прочимъ, такимъ образомъ: ночью входятъ въ хлѣвъ, и если наткнутся на вола, то скоро выйдутъ замужъ, если на корову, годъ быть въ дѣвицахъ, не менѣе (*Маякъ*, 1843, XI, 32; *Терещенко*, VII, 249). Подобное гаданіе существуетъ во Франціи въ провинціи Франшконте; подъ Рождество Христово въ полночь входятъ въ хлѣвъ, и если скотъ головой стоитъ къ дверямъ, то надо ждать ранней весны, спиной—холода затянутся (*Revue* d. trad. popul., 1888, 103). Гадаютъ еще по собакамъ: съ которой стороны послышится первый лай (подъ Рожд. Хр.), оттуда будетъ и женихъ (*Маякъ*, 38; *Чубинскій*, III, 262). Гаданій по внутренностямъ животныхъ въ Малороссіи, кажется, нѣтъ въ настоящее время.

8) Какъ извѣстно, у древнихъ народовъ, особенно грековъ, въ большомъ ходу была орнитомантія, или *гаданіе по птицамъ*. Въ В. и М. Россіи оно проявляется въ незначительныхъ размѣрахъ (*Чубинскій*, III, 261; *Маякъ*, 32; *Аѳанасьевъ*, II, 259; *Терещенко*, VII, 235). Въ харьковской губерніи по полету весной журавлей судятъ о предстоящемъ лѣтѣ. Въ В. и М. Россіи обычно гаданіе курицами и пѣтухами: какъ они клюютъ зерно, какъ подходятъ къ нему, когда поютъ, какъ садятся, брошенные на землю, какого цвѣта курица попадется въ руки ночью въ курникѣ и т. п. Важное значеніе пѣтуховъ и курицъ въ гаданіяхъ обусловлено тѣмъ, что въ древности они были предметомъ жертвоприношенія, на что есть многія указанія въ древне-русской письменности, на что указываетъ и Константинъ Порфирогенетъ. Какъ птица, очень близкая къ богамъ, пріятная имъ, пѣтухъ скорѣй людей постигалъ без-

молвную волю боговъ и открывалъ ее людямъ по запросу движеніемъ или крикомъ.

9) Въ связи съ гаданіемъ курицами стоятъ *гаданія яйцами.* Гадаютъ по тому, какую форму принимаетъ бѣлокъ, выпущенный въ стаканъ съ водой (*Чубинскій*, III, 261; *Терещенко*, VII, 252). У древнихъ грековъ было также гаданіе по яйцамъ, оскопія. Жрецы клали яйцо на огонь и замѣчали, гдѣ начиналось потѣніе, сверху или съ боковъ; лопнувшее яйцо означало гибель тому, для кого совершалось гаданіе. Въ Греціи было даже руководство къ яйцегаданію, составленное Гермагоромъ изъ Амфиполя (*Буше-Леклеркъ*,148).

10) *Гаданія по водѣ* разнообразны; но при этомъ основной ихъ элементъ—вода—часто отодвигается на второй планъ по значенію, сравнительно съ тѣми предметами, которые кладутся въ воду,—углями, кольцомъ, вѣнкомъ. Вода—чистая, здоровая стихія, и ею пользуются для разгадки будущаго. Въ одной малорусской пѣснѣ вопрошаютъ криницу, и она даетъ отвѣтъ, какъ оракулъ. Въ В. и М. Россіи дѣвушки смотрятъ на святкахъ въ воду (иногда въ прорубь), съ надеждой увидѣть въ ней своихъ суженыхъ. Прислушиваются къ шуму воды па водяной мельницѣ, и по немъ заключаютъ о будущемъ лѣтѣ; по колебанію водъ 10 августа судятъ о предстоящихъ осени и зимѣ (*Аѳанасьевъ*, II, 193). Греки и германцы также гадали по журчанію ручьевъ, по гулу рѣчныхъ стремнинъ и водопадовъ. Гаданія посредствомъ бросанія въ сосудъ съ водой опредѣленныхъ предметовъ встрѣчается у африканскихъ народовъ (*Леббокъ*, Нач. цив., 173); они были извѣстны древнимъ грекамъ, при чемъ и въ Греціи, какъ нынѣ въ Россіи, соблюдались наговоры и обряды, сообщавшіе водѣ силу прорицанія (*Буше-Леклеркъ*, 152). Связь между гаданіями по рѣчному шуму и по шуму предметовъ, брошенныхъ въ сосудъ, очевидна. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимается во вниманіе не шумъ, а движеніе предмета въ водѣ, напр., въ гаданіяхъ по вѣнкамъ, брошеннымъ въ рѣку. Гаданіе по вѣнкамъ встрѣчается въ В. и М. Россіи, у болгаръ, хорватовъ, чеховъ (*Аѳанасьевъ*, II, 193), у кавказскихъ горскихъ евреевъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этн., III, 222).

11) Къ гаданіямъ на водѣ подходятъ гаданія по другимъ жидкостямъ, растопленному *воску*, *олову*, а въ рѣдкихъ случаяхъ

въ старину даже *золоту*, именно, по тѣмъ фигурамъ, которыя даетъ жидкій воскъ или олово въ холодной водѣ (*Чубинскій*, III, 260; *Терещенко*, VII, 269, 272). Въ старину гаданіе на воскѣ было обычно въ помѣщичьихъ домахъ. Теперь гаданіе это рѣдко встрѣчается, по упадку пчеловодства и дороговизнѣ воска.

12) Важное значеніе имѣютъ *гаданія по огню* (печному, костровому, лучинному, свѣчному), къ которымъ примыкаютъ гаданія по дыму, сажѣ и углямъ. Въ этихъ гаданіяхъ выразились древній культъ огня и отождествленіе человѣческаго духа съ огнемъ. Заслуживаетъ вниманія гаданіе галицко-русскихъ о томъ, кто умретъ. Собираются въ хату участники въ игрѣ; дѣвушка зажигаетъ лучинки и раздаетъ ихъ присутствующимъ. Всякій держитъ лучину и поетъ:

Ай ке бымъ знавъ ежъ погину,
Запаливъ бымъ и свою хатыну:
Ней бы вона изгорѣла,
Що мене не приютыла!

Чья лучинка скорѣе погаснетъ, тому и умереть прежде. Тогда всѣ обступаютъ его и поютъ похоронное причитаніе:

Не покидай же насъ, нашъ милейкій,
У свѣтъ не ходь далечейкій:
Бо намъ безъ тебе, сивый голубе,
Ой тяжко, тяжко, ой тяжко буде!

И. И. Срезневскій, сообщившій это въ высшей степени замѣчательное гаданіе, добавляетъ, что въ старину, если лучина гасла у дѣвушки, то ее приготовляли къ смерти, одѣвали въ желтое и, положивши на столѣ, оплакивали, какъ мертвую; иногда парубокъ немедленно дѣлалъ предложеніе, и мнимо умершая воскресала (*Маякъ*, 1843, XI, 54). Гаданіе по сырымъ лучинкамъ встрѣчается въ Великороссіи: ясно горитъ—долго жить, съ искрами—будутъ болѣзни, потухнетъ—умретъ гадающій (*Терещенко*, VII, 251). Подобнаго рода гаданія примѣняются къ свѣчѣ: столкнутся на водѣ двѣ зажженныхъ свѣчи—значитъ дѣвушка выйдетъ замужъ (*Чубинскій*, III, 259); у кого изъ молодыхъ подъ вѣнцомъ болѣе сгоритъ свѣчи, тому ранѣе умереть. Всѣ гаданія этого рода, очевидно, основаны на понятіи о жизни и о духѣ, какъ огненныхъ элементахъ. Къ этимъ гаданіямъ примыкаютъ гаданія по тому,

какъ изъ печи, когда она топится, летятъ искры (въ В. и М. Россіи), что предвѣщаетъ гостей, гаданія по тому, какъ подъ Р. Хр. горитъ въ печи бревно—баднякъ (въ Сербіи), какъ долго жевріютъ уголья отъ бадняка (*Ястребовъ*, 34), что заранѣе опредѣляетъ степень плодородности предстоящаго года.

13) *Зола*, какъ предметъ близкій къ огню и печкѣ, входитъ во многія гаданія, напр., въ гаданіе съ хлѣбной лепешкой калетой (*Чубинскій*, III, 259), когда мажутъ сажей лицо; иногда золу бросаютъ съ угольями въ сосудъ съ водой для гаданія; посыпаютъ башмаки золой и ставятъ ихъ на ночь подъ кроватью; на чьихъ башмакахъ утромъ остается больше золы, той дѣвушкѣ предстоитъ счастливая жизнь (*Терещенко*, VII, 266). Обычай мазать лицо сажей во время рождественскихъ игръ и гаданій распространенъ былъ у многихъ народовъ (*Спенсеръ*, Опис. соц., 168; *Веселовскій* въ 32 т. Сборн. акад. наукъ). Важное значеніе золы—связь ея съ домовымъ—открывается въ одной латышской сказкѣ о домовомъ: хозяинъ бросалъ домовому на дворъ на кучу золы лучшія части кушаньевъ и жилъ благополучно; преемникъ его посмѣялся надъ домовымъ и ударилъ ногой о кучу золы, и у него стали болѣть ноги (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этн., II, 81). У иранцевъ, имѣвшихъ очень развитый культъ огня, зола входила въ народныя повѣрья и обряды. Въ Авестѣ зола часто называется покрываломъ огня. Женщинамъ, родившимъ мертваго ребенка, золу давали внутрь для очищенія (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 113).

14) У славянъ, въ частности русскихъ, какъ народа земледѣльческаго, важное значеніе имѣютъ *гаданія по хлѣбу*, въ разныхъ его видахъ, на хлѣбныхъ зернахъ, мукѣ, хлѣбныхъ лепешкахъ. Гаданія по хлѣбу весьма разнообразны: смотрятъ, какъ выпекается хлѣбъ, какъ куры клюютъ хлѣбное зерно, пьютъ пшеничную муку съ водой и солью на ночь, приготовляютъ хлѣбные шарики или фигурки по числу парней и пр. и потомъ гадаютъ о замужествѣ, урожаѣ, здоровьѣ, жизни и смерти и пр. Гаданія по хлѣбу встрѣчаются у многихъ народовъ въ сходныхъ формахъ: малоруссовъ (*Чубинскій*, III, 259; *Маякъ*, 31, 39; *Аѳанасьевъ*, III, 744), великоруссовъ (*Терещенко*, VII, 240, 242, 254), французовъ (*Revue* des trad. popul., 1888, 7, 12), кавказскихъ

горскихъ евреевъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер., III, 303), у древнихъ грековъ (*Буше-Леклеркъ*, 149). Съ гаданіями по хлѣбнымъ зернамъ сходны гаданія по льну (*Чубинскій*, III, 259; *Маякъ*, 32) и по конопляному сѣмени (*Маякъ*, 30; *Основа*, 1862, IV, 91).

Нѣтъ, кажется, такого мелкаго неодушевленнаго предмета, относительно котораго съ увѣренностью можно было бы сказать, что онъ никогда не входилъ и не входитъ въ гаданія. Въ классической древности было вѣрованіе, что „божественный духъ входитъ ради предсказанія въ дерево, камни, муку“. Отмѣтимъ здѣсь наиболѣе любопытныя малорусскія и сродныя съ ними гаданія по неодушевленнымъ предметамъ.

14) *Гаданіе на рѣшетѣ* обычно въ В. и М. Россіи, преимущественно для опредѣленія вора. Держатъ на одномъ пальцѣ рѣшето и произносятъ имена подозрѣваемыхъ въ воровствѣ лицъ. Рѣшето понемногу поворачивается и потомъ останавливается, замѣчаютъ, на какомъ имени, и носителя его считаютъ воромъ. Гаданіе по рѣшету, коскиномантія, извѣстно уже пастухамъ Өеокрита. Оно состояло въ наблюденіи движенія и остановки рѣшета, повѣшеннаго наниткѣ (*Буше-Леклеркъ*, 150). Гаданіе это было обычной ордаліей въ средніе вѣка. Въ „Гудибрасѣ“ описывается „оракулъ рѣшета и ножницъ, который вертится такъ же вѣрно, какъ сферы“ (*Кулишеръ*, Очерки срав. этн., 135). Гаданіе это встрѣчается еще въ Англіи (*Тэйлоръ*, Антропологія, 420), въ Германіи и въ Аравіи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 344).

16) Въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчается указаніе на существованіе *гаданія по камню*, безъ объясненія, въ чемъ оно состояло, какъ и о чемъ гадали. Намекъ на такое гаданіе, повидимому, кроется въ пѣснѣ: „Ой пиду я въ лисокъ“, именно, въ словахъ:

> Брешить, брешить, вориженькы,
> Стоить камень край дориженькы,
> Прыпадайте та и гадайте,
> Тилькы мене не обсуждайте (*Чубинскій*, V, 145).

Повидимому, гаданіе здѣсь состоитъ въ прислушиваніи къ камню. Подобнаго рода гаданіе въ приложеніи къ дереву было въ древней Греціи. Въ Греціи было также обычно гаданіе по камнямъ, или лиѳомантія (*Буше-Леклеркъ*, 151).

17) Гадаютъ по *полѣньямъ* дровъ (гладкое полѣно—добрый мужъ, суковатое—злой), по *кольямъ* въ плетнѣ (по послѣднему, четному или нечетному, или прійдется оно на словѣ молодецъ или вдовецъ); такъ гадаютъ въ Малороссіи (*Чубинскій*, III, 260, 261: *Маякъ*, 31, 39; *Основа*, 1862, IV, 90), въ Великороссіи (*Аѳанасьевъ*, II, 485; *Терещенко*, VII, 233, 249). Гаданіе по палкамъ встрѣчается, между прочимъ, у африканскихъ народовъ (*Леббокъ*, Нач. цив., 175).

Гаданіе на зеркалѣ, весьма распространенное въ старинное время въ помѣщичьей средѣ, простому народу, особенно малороссамъ, почти неизвѣстно, за отсутствіемъ самихъ зеркалъ; въ немногихъ хатахъ есть зеркальце, обыкновенно весьма маленькое.

144.

Сравнительно-этнографическія, аналогіи и параллели къ русскимъ, въ частности малорусскимъ, примѣтамъ и повѣрьямъ.

Многія гаданія по краткости и простотѣ переходятъ въ примѣты. Къ примѣтамъ примыкаетъ множество мелкихъ повѣрій и суевѣрій. Прежде чѣмъ приступать къ объясненію происхожденія и значенія народныхъ примѣтъ и повѣрій, нужно хотя приблизительно опредѣлить ихъ этнологическое и территоріальное распространеніе. Менѣе всего можно говорить о народности примѣтъ и повѣрій. Громадное ихъ большинство имѣетъ космополитическій характеръ и любопытны въ культурно-психологическомъ отношеніи, а не въ этнографическомъ и не въ историческомъ. Въ подтвержденіе этой мысли мы приведемъ нѣсколько десятковъ малорусскихъ повѣрій и примѣтъ, съ указаніемъ тождественныхъ инородныхъ. Такъ какъ приводимыя ниже примѣты и повѣрья встрѣчаются не только въ М. Россіи, но и въ Великороссіи, и въ Бѣлоруссіи, то для краткости мы будемъ ихъ называть просто русскими и ставить безъ особаго обозначенія въ первой строкѣ:

1) Заяцъ, встрѣтившійся на дорогѣ или пробѣжавшій мимо дома, означаетъ несчастье, неудачу; тоже въ Болгаріи (*Шишковъ*, Родопски Старини 1887, I, 12, *Любеновъ*, Баба-Яга, 1887, 41), во Франціи (*Wolf*, Beiträge, I, 251), въ Англіи въ XIV ст. и позднѣе (*Спенсеръ*, Опис. соц., 212), въ Норвегіи (*Liebrecht* Zur Volks-

kunde, 314); (въ древней Греціи очень боялись ласочки; *Буше-Лекл*, 258); въ Пруссіи (*Krause*, въ Zeitschr. f. Ethn. 1883, 87).

2) Пѣніе курицы предвѣщаетъ бѣду, несчастье; тоже въ Болгаріи (*Любеновъ*, 41).

3) Не даютъ изъ дома огня, особенно подъ вечеръ; тоже въ Норвегіи (*Liebrecht*, 316).

4) Когда корова даетъ молоко съ кровью, его выливаютъ въ огонь, въ наказаніе испортившей корову вѣдьмы; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 315).

5) Выпавшій у ребенка зубъ бросаютъ на печку, приговаривая: на тебѣ мышка, костяной, а мнѣ дай желѣзный; то же дѣлаютъ и въ Норвегіи, приговаривая: на тебѣ, мышка, костяной, а мнѣ дай золотой (Liebr., 319); то же въ Пруссіи (*Krause*, въ Żeitschr. f. Ethn., 1883, 79).

6) На Волыни на Ивана Купала кладутъ передъ дверьми кожевниковъ косу (*Kopern.*); въ Норвегіи ножъ или топоръ (*Liebr.*, 320).

7) Подъ Рожд. Хр. на дверяхъ и окнахъ пишутъ мѣломъ кресты; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 320); въ Пруссіи 30 апр. и 1 мая пишутъ кресты на одеждѣ и обуви дѣтей (*Krause*, 84).

8) Во время зѣвоты закрываютъ и крестятъ ротъ; то же въ Норвегіи, Германіи, Ирландіи, Италіи, Испаніи, Индіи, въ Африкѣ—въ Лоанго и др. мѣстахъ (*Liebr.*, 321).

9) Встрѣтиться съ мужчиной при отправленіи въ путь—хорошо, съ женщиной дурное предзнаменованіе; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 328), въ Англіи въ XI—XIV вв. (*Спенсеръ*, 212), въ Пруссіи (*Krause*, 89).

10) Когда кто уѣзжаетъ или выбирается изъ квартиры, не слѣдуетъ подмѣтать вскорѣ комнаты; то же въ Норвегіи (*Lieb.*, 323), въ Германіи (ib).

11) Домовой заплетаетъ гриву любимой лошади; не слѣдуетъ ее распутывать; то же въ Норвегіи дѣлаютъ карлики (*Liebr.*, 324).

12) Шумъ въ правомъ ухѣ обѣщаетъ радостную вѣсть, въ лѣвомъ дурную; то же въ Норвегіи означаетъ зудъ въ ушахъ (*Liebr.*, 327); въ Пруссіи шумъ въ ушахъ значитъ, что кто нибудь думаетъ, вспоминаетъ (*Krause*, 88).

13) Чешется правая ладонь—получать деньги, лѣвая—отдавать; то же въ Болгаріи (*Любеновъ*, 39), Норвегіи (*Liebr.*, 327).

14) Чешется переносье—будетъ вѣсть о смерти кого либо; въ Норвегіи—означаетъ гнѣвъ, досаду (*Liebr.*, 327); въ Пруссіи вѣрятъ, что носъ чешется передъ новостями (*Krause*, 90).

15) Крикъ сороки предвѣщаетъ гостей, то же въ Болгаріи (*Любеновъ*, 39), въ Норвегіи (*Liebr.*, 327).

16) Кошка умывается—будутъ гости; то же въ Болгаріи (*Любеновъ*, 39), Норвегіи (*Liebr.*, 328).

17) Трещать въ печи дрова—будутъ гости; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 328).

18) Дождь во время вѣнчанія обѣщаетъ молодымъ счастливую жизнь (иногда обратно, слезы). Первое повѣріе встрѣчается въ Норвегіи, Греціи (*Liebr.*, 328), второе въ Пруссіи (*Krause*, 85).

19) Бѣлыя пятнышки на ногтяхъ обѣщаютъ подарки; то же въ Германіи, Англіи, Норвегіи; на Фаросскихъ островахъ называютъ ихъ Nornaspor (Nornenspuren) и говорятъ, что они указываютъ на счастье человѣка (*Liebr.*, 329).

20) Кто свиститъ или качаетъ ногами—забавляетъ черта; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 332), Греціи (ib., 200).

21) Три свѣчи на одномъ столѣ предвѣщаютъ несчастіе или смерть; то же во Франціи (*Wolf*, Beiträge, I, 248).

22) Качать пустую колыбель—ребенокъ будетъ болѣть или умретъ; то же въ Шотландіи, Голландіи, Швеціи, Германіи, Китаѣ (*Liebr.*, 361).

32) У насъ принято ломать скорлупу съѣденнаго яйца, безъ объясненія причины. Въ Португаліи также ломаютъ скорлупу яйца, чтобы въ немъ не поселились вѣдьмы (*Liebr.*, 375). Что и въ Малороссіи нѣкогда также объясняли ломку скорлупы, видно изъ другаго сходнаго повѣрья, которое я слышалъ въ харьковской губерніи: не слѣдуетъ вѣшать возлѣ иконъ пустыхъ писанокъ, чтобы въ нихъ не поселились злые духи. Въ Германіи, Голандіи и Англіи также ломаютъ скорлупу (ib).

24) Трескъ дерева (мебели) предвѣщаетъ несчастіе. Древніе греки также считали вѣщимъ трескъ деревянныхъ предметовъ (*Буше-Лекл.*, 146).

25) Повѣрье въ счастливые и несчастные дни было также въ древней Греціи (*Буше-Лекл.* 169); встрѣчается въ Норвегіи, Германіи и мн. др. странахъ (*Liebr.* и др.).

26) Волчій зубъ вѣшаютъ на шею дѣтямъ для облегченія зуборощенія; въ Пруссіи вѣшаютъ лисій зубъ (*Krause*, 84).

27) Нехорошо сидѣть за столомъ въ числѣ 13; кто нибудь изъ этого числа скоро умретъ; то же во Франціи, Германіи (*Krause*, 86).

28) Падаютъ деньги передъ деньгами, то же въ Пруссіи (*Krause*, 87).

29) Разбить стаканъ на родинахъ или на свадьбѣ—къ счастью; то же въ Пруссіи (*Krause*, 88).

30) Вставшій утромъ съ постели лѣвой ногой—цѣлый день бываетъ недоволенъ и терпитъ неудачи; то же въ Пруссіи (*Krause*, 90).

31) Разсыпать соль—ссора будетъ; то же въ Пруссіи (*Krause*, 91).

32) Тяжелые сны производитъ домовой, который ночью давитъ спящаго; въ Пруссіи—Альпъ (=домовой) (*Krause*, 92).

33) Крикъ кукушки опредѣляетъ число лѣтъ жизни; въ Пруссіи число лѣтъ до замужества (*Treichel*, въ Zeitschr. f. Ethn. 1884, 129).

34) Пересаливаетъ кухарка кушанья—значитъ влюблена; то же въ Пруссіи (*Treichel*, ib., 130).

35) Двумъ сестрамъ не слѣдуетъ вѣнчаться въ одинъ день; въ противномъ случаѣ одна изъ нихъ скоро умретъ; то же въ Пруссіи (*Treichel*, 130); въ Парижѣ (въ *Revue* d. trad. popul., 1888, 289).

36) Невѣстѣ въ башмакъ кладутъ монету; то же въ Пруссіи (*Treichel*, 131)

37) Перваго торга „не цураются", и по немъ судятъ объ успѣхахъ въ торговлѣ; то же въ Парижѣ (*Sibellot*, въ Revue d. trad. popul. 1888, 96).

145.

Поговорка про женскую разговорчивость.

Въ Малороссіи говорятъ: „якъ дви бабы та гуска, то ввесь базаръ“, „дви бабы торгъ, а три ярмарка“ (*Номисъ*, Приказки, §§ 9083—84). Ошибется тотъ, кто станетъ дѣлать выводы по этимъ пословицамъ о малорусскомъ народномъ юморѣ, малорусскомъ воззрѣніи на женщину. Точно такія поговорки встрѣчаются у многихъ другихъ народовъ. У англійскаго писателя XVIII ст. Свифта находится, между прочимъ, такая фраза: „Three women and a goose are enough to make a market“ (т. е. три женщины и гусь— цѣлый торгъ, или базаръ). Нидерландская пословица XV вѣка гласитъ, что „dreier wive gheruch maket een jaermerkt“ (три женщины—базаръ и ярмарка). Такія же пословицы въ настоящее время встрѣчаются въ Германіи и въ Италіи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 495)

146.

Флёндра, флёрка, финдюрка.

Слова флёндра, флёрка и финдюрка употребляются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи для означенія развратной женщины, потаскухи (*Закревскій*, Старосв. бандур., 565; *Основа*, 1861, II). Въ словац. и польскомъ flandra (*Янчукъ*, Корниц. свад., 95; *Bartoszewicz*, Slownik). Г. Янчукъ уже воспользовался объясненіемъ Коллара, что слово фландра указываетъ на фламандца. Колларъ говоритъ, что названіе фламандца сдѣлалось позорной кличкой съ очень давнихъ временъ, вслѣдствіе усиленнаго наплыва жителей Фландріи въ славянскія земли (особенно около 1154 г.), гдѣ они бродили часто цѣлыми бандами и продѣлывали разныя непозволительныя вещи. У нѣмцевъ существуетъ пословица о непостоянствѣ фламандцевъ въ любви, „flandrische Liebe“—невѣрная, непостоянная любовь (*Янчукъ*, Корн. свад., 95). Слова флерка и финдюрка, полагаю, представляютъ искаженіе слова флендра, обусловленное презрительнымъ его значеніемъ.

147.

Бабье лѣто.

Въ Малороссіи „бабыне лито“ бываетъ 1—8 октября. О происхожденіи этого названія К. Сементовскій, со словъ крестьянъ лубенскаго у. полтавской губ., сообщаетъ слѣдующее преданіе: когда то давно, очень давно въ эти дни случился сильный холодъ, а плоды съ деревьевъ не всѣ были собраны и неминуемо должны были пропасть; вотъ бабы, собравшись, стали молить Бога, чтобы было тепло; вдругъ по ихъ прошенію холодъ исчезъ, сдѣлалось тепло, какъ лѣтомъ, и плоды были собраны; тогда то недѣля послѣ Покрова и прозвалась „бабинымъ лѣтомъ“ (*Маякъ*, 1843, XI, 30). Въ харьковской губ. бабьимъ лѣтомъ называютъ первые теплые солнечные дни послѣ Покрова.

Въ Великороссіи бабье лѣто начинается въ однихъ мѣстахъ 1 сентября, въ другихъ 8 сентября и продолжается недѣлю. Въ Польшѣ и Чехіи подъ именемъ бабьяго лѣта разумѣютъ продолжительную теплую погоду осенью (*Терещенко*, Бытъ русск. нар., V, 144). Въ Болгаріи послѣдніе дни мѣсяца марта называются „бабини дни“. Они обыкновенно бываютъ холодными и вѣтряными. По народному повѣрью эти дни взяты у апрѣля такимъ образомъ: Одн. старуха, на исходѣ марта, когда наступила хорошая погода и потеплѣло, сказала своимъ козамъ: „цицъ козица на планина, пърдни марту на брадина“ (т. е. ну-те, козочки, на горныя пастбища, нап....е въ бороду марта), и погнала козъ въ горы. Мартъ обидѣлся такимъ пренебреженіемъ къ нему старой бабы. „Апрѣль, мой побратимъ, сказалъ онъ, займи мнѣ денька три, чтобы сгубить эту старуху“. Апрѣль согласился. Сейчасъ же начался такой холодный вѣтеръ со снѣгомъ, что старушка замерзла вмѣстѣ со своими козами. Говорятъ, что до сихъ поръ видны каменообразныя фигуры старухи и козъ на Шаръ-планинѣ, между Албаніей и Македоніей (*Миладиновы*, Болг. нар. пѣсни, 523). Терещенко упоминаетъ о такомъ же преданіи у „карпатскихъ славянъ (?)“, безъ указанія источника (*Терещенко*, V, 144).

Нѣмцы издавна признаютъ „старое бабье лѣто (alter Weiber-Sommer). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи въ замѣнъ его является

Frauentag, Frauenabend, одинъ день или только нѣсколько часовъ въ году женскихъ; но въ это время мужья обязаны подчиняться женамъ и безпрекословно исполнять ихъ желанія и приказанія. Въ Брюсселѣ 19 января женщины считаются полновластными лицами, и мужья должны имъ повиноваться въ это время (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 379).

Терещенко приводитъ два мнѣнія о происхожденіи бабьяго лѣта, опровергая ихъ: первое, что бабье лѣто въ сентябрѣ является остаткомъ прежняго, отмѣненнаго Петромъ Великимъ лѣтосчисленія съ 1 сентября, и второе, что въ сентябрѣ видно на небѣ созвѣздіе Бабы т. е. Плеяды. Собственное мнѣніе Терещенка (V, 144) состоитъ въ томъ, что бабьимъ лѣтомъ начало октября названо потому, что въ это время бабамъ приходится много трудиться, какъ лѣтомъ. Очевидно, и это мнѣніе неудовлетворительно. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія мнѣніе Либрехта, что бабье лѣто является остаткомъ господства женщинъ, гинекократіи, о чемъ подробнѣйшее изслѣдованіе см. въ соч. Бахофена „Mutterrecht“.

Отъ „бабьяго лѣта“ и „бабиныхъ дней“ слѣдуетъ отличать встрѣчающіяся въ Россіи и въ Болгаріи угощенія въ опредѣленные дни повивальныхъ бабокъ, которые также иногда называются „бабиными“. Въ Россіи такіе дни бываютъ обыкновенно на 7 или 40 день послѣ родинъ при обрядовыхъ размывкахъ и одмывкахъ, въ Болгаріи на третій день Новаго года.

148.

Лѣсъ—bonum nullius.

Извѣстно, что простой народъ дѣлаетъ большое различіе между воровствомъ, напримѣръ, сноповъ въ полѣ, колодокъ съ медомъ, и воровствомъ, напримѣръ, рыбы въ чужомъ прудѣ или лѣса. Первое считается преступленіемъ, и виновный подвергается презрѣнію, насмѣшкамъ и наказаніямъ, а на покражу лѣса смотрятъ сквозь пальцы, особенно, когда лѣсъ рубятъ на дрова въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Различіе тутъ опредѣляется степенью труда человѣка, притомъ личнаго. Хотя въ настоящее время раціональный уходъ за

лѣсомъ требуетъ большихъ хлопотъ и расходовъ, но даже и при такомъ уходѣ за лѣсомъ, крестьяне сохраняютъ на него древнюю точку зрѣнія, какъ на Божій даръ, въ родѣ воды, солнечнаго свѣта, который раститъ мать земля на общую потребу, и всѣмъ можно имъ пользоваться. Любопытно, что точно такое воззрѣніе на лѣсъ имѣютъ крестьяне въ Пруссіи, въ окрестностяхъ Берлина. Здѣсь также думаютъ, что лѣсъ не имѣетъ хозяина (herenloses Gut). „Онъ растетъ для всѣхъ", говорятъ прусскіе крестьяне, и покражу лѣса потому не считаютъ преступленіемъ (*Krause*, Zeitschr. für Ethnol., 1883, 88).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.[1]

Сколько мнѣ извѣстно, домашнихъ лѣчебниковъ, особенно малорусскихъ, издано у насъ до сихъ поръ не много [2]).

Время, когда переписаны или составлены печатаемые въ приложеніи лѣчебники, видно изъ слѣдующаго. Въ заглавіи тетради № V „Врачебникъ и пр.“ стоитъ 1776 годъ. Тетради №№ I—IV писаны разными почерками около того же времени. На испорченномъ и употребленномъ вмѣсто обложки полулистѣ тетради № III, на которомъ 1-мъ почеркомъ, какимъ писана вся тетрадь, начаты „Записки о лѣкарствахъ на разние болѣзни“,

---

¹) Статья эта служитъ предисловіемъ къ помѣщаемымъ въ приложеніяхъ текстамъ самихъ лѣчебниковъ, любезно доставленныхъ редакціи почтеннымъ авторомъ. Въ настоящей 1-ой книжкѣ журнала за текущій годъ мы помѣщаемъ часть этихъ текстовъ, надѣясь въ слѣдующихъ двухъ или трехъ книжкахъ закончить ихъ и прося, между прочимъ, любителей рукописной старины впредь сообщать редакціи всякія дополнительныя свѣдѣнія и замѣтки по этому вопросу.—*Ред.*

²) Изъ малорусскихъ—только:

П. А. Сырку. Отрывокъ малорусскаго простонароднаго лечебнаго травника и два заговора. По ркп. нач. XVII в. Филологич. Записки 1883 г. вып. I, стр. 1—4 (предисл.) и 5—12 (текстъ).

Изъ великорусскихъ:

а) *Изъ лѣчебника* (XVII в.) по Синод. рук. № 480, *Буслаевъ*, Ист. христ. 1861 г., стр. 1351—4.

б) *В. Соколовъ*, Матеріалы для исторіи старинной русской лѣчебной литературы. Лѣчебникъ № 480 московской патріяршей (нынѣ Синодальной) библіотеки (Описаніе). Варшавскія Университ. Изв. 1872, № 6, стр. 65—115.

2-мъ почеркомъ лица, пользовавшагося этою тетрадью и сдѣлавшаго приписки подъ 4-мя статьями, въ серединѣ и въ концѣ, сдѣлано нѣсколько замѣтокъ, въ коихъ значатся годы 1767 и 68 [1]).

Изъ этихъ замѣтокъ видно, что писавшій принадлежалъ къ полковой или сотенной старшинѣ и, судя по мѣсту, гдѣ найдены тетради (хуторъ за Борозенкою, между Ромномъ и Хмеловомъ) и по фамиліямъ, упомянутымъ въ замѣткахъ, носимымъ и теперь тамошними козаками (Сарана за Борозенкою, Дзюба въ Засульѣ), жилъ въ нынѣшнемъ роменскомъ уѣздѣ.

Назвать эти лѣчебники „простонародными", какъ это дѣлаютъ относительно своихъ гг. Сырку и Флоринскій безъ достаточныхъ основаній, считаю невозможнымъ. Мои тетрадки приблизительно отвѣчаютъ на вопросъ, чѣмъ лѣчились „Старосвѣтскіе помѣщики", родители Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, да и они сами. Устная, простонародная традиція оставила здѣсь мало слѣдовъ, къ числу коихъ относится заговоръ отъ падежа, записанный, какъ дѣйствительное медицинское

в) *В. М. Флоринскій.* Русскіе простонародные травники и лѣчебники. Собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтія. Казань. 1879, XVIII+229 (Изв. и Уч. Зап. И. Каз. ун. 1879, янв., авг. и 1880, ноябрь, декабрь). Здѣсь между прочимъ «Книга глаголемая прохладный вертоградъ» (Hortus amoenus), 1672 (переводъ съ нѣмецкаго).

[1]) «Гридко шинкарь за 3 кадки горѣлки, всякая кадка по 5 р. 80 ко, и того 17 р. 40 ко».

«Реестръ, сколко от полковой канцелярии мною на умершихъ старшины и козаковъ денегъ принято, под симъ явствует, 1767 году, ноября 9».

«Умершого А. Саранчи по .... вислужен(ню?) Александра Цвѣлинского (пропускъ) .... 2 р. 70 ко. пропало 80 ко. .... дано женѣ его .... Бежа .... на Федора Тимошенка 6 р. 60 ко...

... «Умершого Верещаки Павленка 3 р. Козловского 4 р. умершого Дзюби его жи... 7 р. 80 к... Итого 24 р. 10 к.

Трохимъ Балабанъ горлки узялъ квартъ 7.

в домъ посилается 768 году мая 28 числа ... риби .... короповъ 10, шчуки и другои риби 23, смушковъ малихъ сто девять, болшихъ 4, старихъ мерлиц 7, мѣшковъ порожнѣхъ на рибу 2, починка 1.., вовни сто трицят чотирѣ ... лону белого пучков великих 10, малих 4 ... 14 рубашок ... шкура велика с кобили белои и маленка с лошахи».

средство (подъ значкомъ Rp. (recipe) владѣльцемъ тетради № III, подъ числомъ 153. Подобными же значками тою же рукою отмѣчены и нѣкоторыя другія, повидимому испытанныя, средства, между прочимъ и *живые* вьюны отъ падежа скота.

Способъ, какимъ составлены эти тетрадки, виденъ изъ тетрадки № IV, представляющей выборки частью изъ тетр. I—III, частью изъ другихъ источниковъ. Разнородность письменныхъ источниковъ, восходящихъ къ XVII и даже (посредственно) къ XVI вѣку, видна и изъ разнородности и непослѣдовательности языка. Такъ, въ заглавіяхъ статей рядомъ съ „на (то-то)“, „отъ (того-то)“, „естлы“, „коли...“, „ежели кто...“ стоитъ и старинный дательный цѣли „сухотамъ“, „урокамъ“; при „итемъ“ (item)—„такожде“ и „такожъ“; при туземныхъ или польскихъ словахъ—слова, взятыя изъ источниковъ великорусской редакціи: водка въ знач. воды (напр. рожевая) и водка горилка, олѣекъ (рожевой) и масло (рожевое), пожитъ и насморкъ, поживать, уживать и употреблять, принимать, кушати, поки и покамистъ; треба, потрѣбно и надобно, трохи и немножко, добре и горазда, очи и глаза, хлѣба осередокъ и мякишъ булки и т. п.

Въ средѣ нѣсколько выше той, на какую указываютъ наши тетрадки, медицинскія свѣдѣнія могли заимствоваться не только изъ переводныхъ сочиненій, въ родѣ Hortus amoenus (см. выше прим. 1, в), но и прямо изъ иностранныхъ книгъ, популяризовавшихъ медицину и естествознаніе своего времени. Изъ такихъ книгъ у меня подъ рукою:

„Curieuses und reales Naturkunst-Berg-Gewerck und Handlungs-Lexicon etc... nebst einem ausführlichen Vorbericht Herrn Iohann Hübners (1-е изд. 1712 г., у меня 1746);

Jablonski, Allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften etc. 1778.

Подобныя книги довольно убѣдительно доказываютъ, что понятія „научности“, „раціональности“, доказанности“ весьма измѣнчивы и если наше время не составляетъ исключенія, и впредь будутъ таковы. Въ нихъ иное, какъ „beschreyen“ (уроки) называется уже смѣшнымъ предразсудкомъ, но сообщается, какъ научная истина или вѣроятное мнѣніе знающихъ людей,

многое такое, что, просочившись сквозь разные слои общества, теперь доживаетъ свой вѣкъ на днѣ его.

Такъ изверженія, употребляемыя нынѣ, кажется, только простымъ народомъ (ср. Чубинскій, Тр. etc., I, 113), нерѣдко упоминаемыя въ нашихъ тетрадкахъ („псее, мишачее, заячее лойно"), считались раціональнымъ средствомъ еще въ XVIII в. и носили вѣжливыя названія, какъ „album graecum" (собачье), „album nigrum" (muscerda). Были спеціальныя медицинскія сочиненія, какъ „Dreck-apotheke" нѣкоего Paullini, гдѣ достоинство такихъ средствъ, говоря по нынѣшнему „war kritisch beleuchtet und wissenschaftlich bewiesen". Такъ съ точки зрѣнія „Curieuses Lexicon" раціональны и многія другія животныя лѣкарства; ср. напр. сова внутрь отъ слабости зрѣнія и (въ Lex.) ulula; „гнѣздо ластовиное" и schwalbenuest; „ужова шкура" exuviae serpentum; паукъ и spinne; нѣдвядковой олѣекъ и tarantismus; „на кóлку—зубъ вепровой, щока щучая" и lucius, madibulae lucii (аптечное средство); ёжъ и igel; „лосиное копито" и elend и др.

Въ нынѣшней простонародной медицинѣ правило „similia similibus curantur" понимается не только въ смыслѣ „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись" (напр. „мозгомъ укусившей змѣи мажутъ укушенное мѣсто", Чубинск., Тр., I, 122), но и такъ, что болѣзнь, характеризуемая извѣстнымъ признакомъ, напр. колотьемъ, краснотою, синевою или желтизною опухоли или сыпи, излѣчивается пріемомъ, иногда минимальнымъ, даже идеальнымъ (въ приглядку), вещи, характеризуемой тѣмъ же признакомъ, напр. „отъ жовтяниць—коралі, крокісъ, жовтокъ" (Чуб., Тр., I, 113) или—*смотрѣть* въ вычищенный мѣдный тазъ, въ которомъ плаваетъ *краснoперый* окунь.

Въ нашихъ тетрадкахъ сюда—„шапранъ" отъ жовтяниць и на рожу; отъ той же болѣзни „паперъ лазуровой"; „отъ жовтои роби—з судна золотого пити". Въ Curieuses Lexic. „Saffran-tuch, linteum Crocatum Mynsichti... Es soll ein ganz admirabel mittel wider die Rose и die Gicht-schwerzen segn".

А. Потебня.

Беата и Гальшка.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЖИЗНИ XVI В.

ЯК. КАРО.

(*Переводъ съ нѣмецкаго*).

Предисловіе автора.

Если бы предлагаемый разсказъ былъ основанъ на вымышленныхъ событіяхъ, автора справедливо можно было бы упрекнуть въ нарушеніи перваго условія всякаго истиннаго искусства— чувства мѣры. Между тѣмъ, дѣйствительная жизнь, какъ увидитъ читатель, выдвигаетъ иногда положенія до такой степени чрезвычайныя, что они показались бы даже неумѣстными въ произведеніи поэтическаго творчества. Въ этомъ отношеніи историкъ имѣетъ передъ романистомъ драгоцѣнное преимущество, которое съ избыткомъ вознаграждаетъ его за другія неудобства, неизбѣжно связанныя съ обязательной для него манерой изложенія: историкъ передаетъ читающему факты дѣйствительной жизни, онъ обязанъ говорить правду. Авторъ разсчитываетъ на вниманіе къ предлагаемому разсказу именно потому, что послѣдній всецѣло основанъ на фактахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію. Разсказъ составленъ по матерьяламъ, строго провѣреннымъ исторической критикой и не подлежащимъ спору, по оффиціальнымъ грамотамъ, письмамъ, показаніямъ свидѣтелей, отчетамъ пословъ и т. п.; большая часть этихъ данныхъ собрана и опубликована въ трудѣ покойнаго гр. Александра Пшездзѣц-

каго: „Jagiełłonki polskie w XVI wieku“, т. II и IV. Лично отъ себя авторъ ничего не добавилъ; онъ старался по возможности точно воспроизвести характеръ и колоритъ матерьяловъ, которыми пользовался, и даже умышленно придерживался сухого тона своихъ источниковъ: лишь такимъ путемъ считалъ онъ возможнымъ убѣдить читателя, что вводитъ его въ міръ дѣйствительныхъ событій [1]).

I.

Въ кругу дамъ, составлявшихъ свиту польской принцессы Изабеллы на свадьбѣ ея съ Іоанномъ Заполья въ началѣ 1539 года, особенно блистала красотой Беата Косцелецкая, дочь каштеляна войницкаго. Заботу объ ея воспитаніи приняла на себя королева Бона Сфорца, несмотря на то, а быть можетъ именно потому, что злые языки говорили, будто въ жилахъ Беаты те-

---

[1]) *Отъ переводчика.* Считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь краткія свѣдѣнія объ авторѣ предлагаемой повѣсти, который въ то же время является однимъ изъ лучшихъ знатоковъ и плодовитѣйшимъ изслѣдователемъ исторической Польши.— Д-ръ Якобъ Каро, нынѣ профессоръ исторіи въ бреславльскомъ университетѣ, род. 2 февраля 1836 г. въ польскомъ городѣ Гнѣзенѣ. Первый его историческій трудъ „Das Interregnum Polens im Jahr 1586, oder die Häuser Zborowsky und Zamojsky“ (Gotha, 1861) доставилъ Каро репутацію серьезнаго изслѣдователя, такъ что издатели извѣстной „Geschichte der europäischen Staaten“, Гееренъ, Укертъ и В. Гизебрехтъ, поручили ему продолженіе блистательно начатой, но прерванной смертью Рёппеля на первомъ томѣ „Geschichte Polens“ (въ общей серіи вып. 17-й), трудъ, надъ которымъ Каро съ значительнымъ успѣхомъ работаетъ до настоящаго времени: дальнѣйшіе томы „Исторіи Польши“ соч. Каро продолжаютъ выходить въ той же серіи. Въ интересахъ порученнаго ему труда, Каро совершилъ поѣздки въ Галичину и южную Россію и въ 1863 году выступилъ доцентомъ по каѳедрѣ исторіи въ Іенѣ; въ 1864 г. онъ совершилъ поѣздку на югъ Россіи и затѣмъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Іенѣ, а съ 1878 года профессоромъ въ Бреславлѣ. Кромѣ помянутыхъ выше, извѣстны еще слѣдующіе его труды: „Johannes Longinus. Ein Beitrag zur Litteraturgeschichte“ (Іена, 1863); „Lessing und Swift. Studien über Nathan den Weisen“ (Іена, 1869; замѣтимъ здѣсь, что Каро по происхожденію еврей); „Liber cancellariae Stanislai Ciołek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der hussitischen Bewegung“; 2 т. (Wien, 1871—74), „Katharina II von Russland“, диссерт. (Breslau, 1876), „Aus der Kanzlei Kaiser Sigismunds. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Constanzer Concils“ (помѣщ. въ Archiv'ѣ für österreich. Geschichte 1879 г.); „Das Bündniss zu Canterbury“ (Gotha, 1880); „Ueber eine Reformationsschrift des 15

четъ кровь короля Сигизмунда [1]). Беатѣ шелъ въ ту пору двадцать четвертый годъ, и ея манера держать себя и осанка повидимому подтверждали такую молву. Польскій подражатель Кортеджіано, Горницкій, сообщаетъ, что къ Беатѣ всѣ относились съ такимъ почетомъ, какой подобалъ-бы развѣ королевской родственницѣ, а поэтъ Андрей Крицкій, посвятившій ей такъ наз. „прозу" въ латинскихъ виршахъ, воспѣваетъ Беату, которая, по его словамъ, умѣла вскружить голову даже старцу и мудрецу.

Она была въ замужествѣ за старостой брацлавскимъ и винницкимъ, кн. Ильей Острожскимъ, сыномъ литовскаго коронного гетмана Константина Острожскаго, побѣдителя при Оршѣ, Вишневцѣ, Ольшаницѣ и въ другихъ сраженіяхъ. Король называлъ кн. Константина „столпомъ отечества", о немъ говорили какъ о „русскомъ Сципіонѣ". Князья Острожскіе производили родъ свой отъ Рюриковичей; въ эпоху соединенія Литвы съ Польшей при Владиславѣ-Ягайлѣ они тѣсно примкнули къ великокняжескому уряду въ Вильнѣ и благодаря важнымъ военнымъ заслугамъ достигли самостоятельности въ своемъ удѣльномъ княжествѣ Острожскомъ и вообще высокаго положенія въ странѣ. Земельныя пожалованія великихъ князей литовскихъ и выгодные браки постепенно увеличивали родовое имущество Острожскихъ, и въ первой трети 16 столѣтія князь Константинъ былъ не

Jahrhunderts" (помѣщ. въ Zeitschrift des westpreus. Geschichtsvereins 1882); наконецъ, „Beata und Halszka. Eine polnisch—russische Geschichte aus dem 16. Jahrhundert" (Breslau, 1883), переводъ которой предлагаемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что изданный гр. Яблоновскимъ матеріалъ еще раньше Каро былъ обработанъ извѣстнымъ галицкимъ историкомъ д-ромъ Ис. Шараневичемъ („Гальшка, княгиня Острожска. Оповѣданэ историчне". У Львовѣ, 1880), трудъ котораго, болѣе полный и обстоятельный, вѣроятно былъ извѣстенъ д-ру Каро. Мы взяли для перевода обработку Каро въ виду того, что она, сравнительно съ соч. Шараневича, отличается большею живостью разсказа и свободна отъ тѣхъ отступленій и растянутости, которыми до извѣстной степени страдаетъ разсказъ галицкаго историка.— Нѣкоторыя незначительныя погрѣшности Каро по возможности исправлены при переводѣ.

[1]) Беата родилась нѣсколько недѣль спустя по смерти своего отца. Вдовый кор. Сигизмундъ I имѣлъ отъ вдовы Косцелецкаго сына Януша, назначеннаго впослѣдствіи епископомъ виленскимъ и, позже, познанскимъ.—*Пр. пер.*

только однимъ изъ самихъ доблестныхъ и знаменитыхъ, но также и богатѣйшимъ литовскимъ магнатомъ. Щедрый, какъ всѣ потомки Ягайла, Сигизмундъ не уставалъ славить и награждать гетмана за его услуги, и король не слишкомъ преувеличивалъ, выразившись въ своей грамотѣ по поводу побѣды кн. Константина при Ольшаницѣ, гдѣ погибло до 25000 татаръ, что гетманъ можетъ сравняться не только съ современниками, но даже съ полководцами древности.

Когда кн. Константинъ вступилъ въ первый бракъ съ княжной Татьяной Гольшанской, онъ былъ уже немолодъ,—ему было за пятьдесятъ. Татьяна принадлежала къ богатѣйшимъ наслѣдницамъ въ Литвѣ и принесла гетману богатое приданое и многочисленныя помѣстья. Отъ этого брака родился сынъ, получившій при крещеніи имя Ильи. Десяти лѣтъ отъ роду, мальчикъ потерялъ мать. Престарѣлый кн. Константинъ, несмотря на свои 62 года, чувствовалъ себя достаточно бодрымъ, чтобы послѣдовать „приказанію своего всемилостивѣйшаго господаря и совѣту друзей“ и вступить во второй бракъ. Выборъ его палъ на княжну Александру Слуцкую,—еще раньше герою случилось оказать матери своей будущей жены важную услугу удачной стычкой съ татарами и заслужить благодарность всего рода Слуцкихъ. Сговоры происходили 22 іюля 1522 года, но день свадьбы еще не могъ быть назначенъ, такъ какъ престарѣлый воинъ собирался выступить въ походъ по повелѣнію короля. Впрочемъ, уже въ предварительномъ свадебномъ договорѣ („заруки“) было выражено условіе, въ силу котораго будущіе потомки отъ новаго брака должны пользоваться такими же семейными и наслѣдственными правами, какъ и старшій сынъ Илья. Дѣйствительно, у князя родилось двое дѣтей, сынъ Василій и дочь. Но недолго пришлось кн. Константину наслаждаться семейнымъ счастьемъ: этотъ блестящій и знаменитый воинъ былъ унесенъ смертью въ 1530 году, уже 70-лѣтнимъ старикомъ [1]). Въ притворѣ св. великому-

---

[1]) Временемъ смерти кн. Конст. Острожскаго обыкновенно считается 1533 г., а по мнѣнію г. Романовскаго князь умеръ еще ранѣе 1 авг. 1531 г. (См. Труды III археол. съѣзда, т. II стр. 209). Во всякомъ случаѣ, дата не имѣетъ здѣсь особеннаго значенія. *Пр. пер.*

ченика Стефана въ Кіево-Печерской лаврѣ и донынѣ покоятся останки героя, подъ сохранившимся до сей поры надгробіемъ.

Въ 1522 г., когда кн. Константинъ Острожскій женился вторично, сыну его Ильѣ было не болѣе 11 лѣтъ, но король, чтобы поощрить мальчика „къ подражанію доблестямъ предковъ", обезпечилъ за нимъ наслѣдство въ староствахъ брацлавскомъ и винницкомъ. Съ своей стороны, кн. Илья повидимому не имѣлъ никакой охоты дѣлиться остальнымъ наслѣдствомъ съ мачихой и единокровными братомъ и сестрой. Подъ тѣмъ предлогомъ, что вдова присвоила себѣ часть денегъ, драгоцѣнностей и разной другой движимости, принадлежавшихъ ему по праву наслѣдства послѣ своей матери кн. Татьяны, Илья, лишь только похоронили отца, напалъ съ сотней конныхъ слугъ на беззащитный Туровскій замокъ, вдовье имѣніе своей мачихи, опечаталъ все имущество и бумаги, въ числѣ которыхъ было и завѣщаніе покойнаго гетмана, и посадилъ вь замкѣ своего управителя.—Между тѣмъ княгиня Александра нашла защитника въ лицѣ своего брата, кн. Юрія Слуцкаго, который занесъ жалобу королю. Сигизмундъ велѣлъ кн. Ильѣ возвратить Туровскій замокъ законной владѣлицѣ и ожидать въ будущемъ королевскаго суда о спорной движимости. Кромѣ того, уже тогда было опредѣлено, что выдѣлить приданое младшей дочери покойнаго кн. Константина обязана не вдова послѣдняго, а оба старшіе брата. Впрочемъ, послѣдніе, кажется, вскорѣ избавились отъ этой обузы, благодаря смерти дѣвочки: съ тѣхъ поръ о ней нигдѣ не упоминается.

Гораздо болѣе запутаннымъ и опаснымъ оказывался процессъ, по которому кн. Илья долженъ былъ отправиться въ Краковъ нѣсколько лѣтъ спустя.

Вскорѣ по полученіи Ильей права на наслѣдство въ доходныхъ староствахъ брацлавскомъ и винницкомъ, его отецъ кн. Константинъ Острожскій рѣшилъ съ своимъ лучшимъ другомъ и товарищемъ по оружію, Юріемъ Радзивиломъ, однимъ изъ первыхъ сановниковъ въ Литвѣ, скрѣпить эти узы дружбы родственною связью. Правда, обѣ дочери Радзивила были еще совсѣмъ юны: старшей, Аннѣ, исполнилось пять лѣтъ, а младшая,

Варвара, родилась за годъ до того, въ 1522 г. Но Ильѣ въ ту пору также было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, и кромѣ того, родители вовсе не имѣли въ виду связывать дѣтей противъ ихъ воли. „Заруки“ 1523 года должны были вступить въ силу лишь въ томъ случаѣ, если бы совершеннолѣтніе Илья и Анна изъявили на это свое свободное согласіе. Родители нимало не сомнѣвались, что согласіе будетъ дано, поэтому заранѣе позаботились устранить единственное серьезное препятствіе своему плану, вытекавшее изъ различія вѣры обѣихъ сторонъ: Илья былъ православный, Анна принадлежала къ католической церкви. Необходимо было разрѣшеніе папы, и Климентъ VII уже въ мартѣ 1523 года выдалъ разрѣшительную буллу безъ всякихъ затрудненій, во вниманіе къ заслугамъ кн. Константина Острожскаго передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ.

Между тѣмъ, со смертью кн. Константина панъ Юрій Радзивилъ повидимому измѣнилъ свои планы. Вскорѣ послѣ этого онъ вступилъ въ переговоры съ знатнымъ воеводою Альбрехтомъ Гаштольдомъ о бракѣ Анны съ сыномъ послѣдняго Станиславомъ. Когда все было рѣшено, родители сообщили о результатѣ переговоровъ молодому кн. Ильѣ, добавивъ при этомъ впрочемъ, что панъ Юрій охотно отдалъ бы за богатаго князя свою вторую дочь Варвару, которой въ то время было 12 или 13 лѣтъ,— тогда еще никто не могъ предвидѣть, что Варвара впослѣдствіи станетъ польской королевой. Судя по всему, Илья отнесся къ этому рѣшенію самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Панъ Радзивилъ понялъ, что благодаря своему вѣроломству пріобрѣлъ врага въ молодомъ князѣ. Эта перспектива вовсе не улыбалась ему, поэтому онъ вновь пустился на хитрости. Къ концу 1536 года ему удалось убѣдить воеводу Гаштольда, что Станиславу удобнѣе жениться на его младшей дочери Варварѣ, и затѣмъ попытался вернуться къ условіямъ касательно Анны, нѣкогда заключеннымъ съ кн. Константиномъ. Но на этотъ разъ его ожидало жестокое разочарованіе. Къ величайшему изумленію Радзивила, князь Илья рѣшительно заявилъ, что соглашеніе съ покойнымъ родителемъ для него вовсе не обязательно и что ему вольно избрать жену по собственному желанію. Безуспѣшно

пробовалъ панъ Радзивилъ перенести споръ на разрѣшеніе короля: послѣдній долженъ былъ высказаться въ пользу Ильи, тѣмъ болѣе, что „заруки“ 1523 года были обусловлены свободнымъ согласіемъ молодыхъ людей. Болѣе всего потерпѣла въ этомъ случаѣ бѣдная Анна Радзивилъ. Тогда какъ ея сестра Варвара вышла замужъ за молодого Гаштольда, Анна въ теченіи десяти лѣтъ ожидала мужа, и лишь когда Варвара стала польской королевой, удалось, не безъ содѣйствія послѣдней, подыскать для старшей сестры приличнаго жениха.

Теперь Илья былъ свободенъ. Онъ могъ располагать собою, и выборъ его палъ на очаровательную и прославленную за красоту Беату, дочь каштеляна Андрея Косцелецкаго, которая получила воспитаніе при дворѣ королевы Боны и состояла въ близкомъ родствѣ съ королевскимъ домомъ,—если даже слухи объ ея происхожденіи лишены были, какъ слѣдуетъ полагать, всякаго основанія. Беатѣ исполнилось 23 года, когда 28-лѣтній князь Илья заявилъ притязаніе на ея руку, столь желанную для многихъ соискателей. Во всей польской коронѣ немногіе могли состязаться въ этомъ случаѣ съ литовскимъ магнатомъ. Человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ, богатый наслѣдникъ многочисленныхъ имѣній, вліятельный владѣтель брацлавскаго и винницкаго старостствъ, обладатель различныхъ родовыхъ привилегій,—онъ и его потомки могли употреблять красную восковую печать, что̀ по современнымъ понятіямъ составляло принадлежность верховной власти,—сынъ знаменитаго воина и героя, щедро расточавшій свои громадные доходы, въ случаѣ недостатка которыхъ во всякое время могъ располагать родовыми драгоцѣнностями для обмѣна на наличныя деньги—могла ли отказать ему прекрасная Беата, которая, какъ увидимъ, высоко цѣнила преимущества этого рода? Согласіе было дано, и въ самый день свадьбы принцессы Изабеллы, приводившей въ восторгъ всѣхъ съѣхавшихся гостей своей блистательной красой, Беата сдѣлалась счастливой и многообѣщающей невѣстой. День спустя послѣ вѣнчанья Іоанна Заполья, 4 февраля 1539 года она предстала предъ алтаремъ съ кн. Ильей Острожскимъ, который весьма недурно выглядѣлъ въ своемъ бархатномъ убранствѣ, серебряныхъ доспѣхахъ, рос-

кошномъ татарскомъ поясѣ и украшенныхъ дорогими серебряными бляхами сапогахъ.

Молодые новобрачные недолго оставались въ Краковѣ, чтобы окончить всѣ необходимыя въ подобномъ случаѣ семейныя дѣла. Илья увезъ „княгиню Илину", какъ называли теперь по русскому обычаю Беату, въ свой родовой замокъ Острогъ на Волыни и окружилъ ее цѣлымъ штатомъ придворныхъ дамъ, какъ это было прилично для госпожи столь могочисленныхъ имѣній. Беата старалась отплатить за расположеніе своего мужа доказательствами искренней любви и преданности, и конечно вѣнцомъ счастья кн. Ильи была та минута, когда Беата подала ему надежду, что славный родъ Острожскихъ можетъ надѣяться на прибавленіе новаго члена.

Для лучшаго уясненія послѣдующихъ событій, необходимо остановиться подробнѣе на дѣлахъ нашихъ супруговъ въ Краковѣ и доказательствахъ ихъ взаимной преданности, какъ ни мало интересенъ самъ по себѣ этотъ предметъ. Уже мѣсяцъ спустя послѣ свадьбы, Беата была объявлена свободною отъ опеки короля и пана Северина Бонера, попеченію которыхъ вручилъ ее отецъ передъ смертью. Относящіяся сюда грамоты помѣчены 1 марта 1539 года. Теперь слѣдовало опредѣлить брачное вѣно. Съ разрѣшенія короля, кн. Острожскій обезпечилъ за женой сумму около 33,082 золотыхъ на третьей части своего отцовскаго наслѣдства. Между тѣмъ княгиня повидимому не принесла своему мужу въ приданое значительныхъ денегъ, потому что уже въ то время князю пришлось заложить краковскому купцу Шиллингу свое серебро за 1000 золотыхъ, а еще ранѣе часть серебра была заложена въ Литвѣ у нѣкоего пана Скоруты и у пана Жабы. За то Беата подарила мужу разнаго рода драгоцѣнности, жемчугъ и дорогіе камни и заняла ему 6000 золотыхъ, „которые она получила отъ друзей". Повидимому, князь старался въ это время привести въ порядокъ свои имущественныя дѣла; такъ, онъ заявилъ притязаніе на наслѣдство кн. Кузьмы Заславскаго послѣ смерти отца послѣдняго кн. Андрея, который состоялъ должникомъ покойнаго Константина Острожскаго. Король отложилъ разрѣшеніе этого спора до своего

прибытія въ Литву, и такимъ образомъ новобрачные могли свободно уѣхать изъ Кракова.

Въ пылу восторга отъ многообѣщающаго заявленія Беаты, почувствовавшей себя матерью, счастливый Илья записалъ женѣ и ея будущимъ дѣтямъ три богатыхъ замка (Степань, Сатыевъ и Хлапотынъ) съ тянувшими къ нимъ дворищами и селами, а въ награду за заемъ 6000 золотыхъ отдалъ Беатѣ въ пожизненное владѣніе дошедшій къ нему отъ матери замокъ Ровно также съ селами и дворищами.

Но не долго суждено было длиться счастью молодой пары. Два блаженныхъ лѣтнихъ мѣсяца 1539 года провели они въ Острогѣ, какъ вдругъ въ августѣ кн. Илья захворалъ такъ жестоко, что нужно было позаботиться о спасеніи души и судьбѣ любимой жены и ея ожидаемаго потомства. Волынскій маршалъ кн. Ѳедоръ Сангушко былъ его „лучшимъ другомъ на этомъ свѣтѣ", Илья называлъ его братомъ, поэтому желалъ поручить ему свою жену и будущаго ребенка. Илья пригласилъ Сангушка въ Острогъ и въ его присутствіи 16 августа продиктовалъ духовное завѣщаніе, собственноручно подписался и привѣсилъ печать краснаго воска,—прерогатива дома Острожскихъ. Завѣщаніе составлено въ простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ. Князь позаботился обо всемъ, какъ благочестивый господарь и добрый отецъ семейства. Согласно его послѣдней волѣ, тѣло его должно быть положено въ церкви Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ, рядомъ съ останками предковъ. Лаврѣ и многимъ другимъ церквамъ, а также духовенству отписаны были извѣстныя суммы наличными деньгами. Одинъ изъ серебряныхъ его доспѣховъ оставался женѣ, другой же, вмѣстѣ съ незаложенною еще серебряною утварью, завѣщано, обратить на устройство ризъ къ иконамъ и креста. Таковы были распоряженія ради спасенія души. Возлюбленную супругу свою и ея будущаго ребенка Илья поручилъ въ опеку и на попеченіе короля Сигизмунда, сына его Сигизмунда-Августа, королевы Боны, пана Ивана Богдановича Сапѣги, воеводы подляшскаго, епископа Юрія Фальчевскаго, своего „брата" кн. Ѳедора Сангушка, маршала земли

волынской, и королевскихъ секретарей Ивана Горностая и Ивана Васильевича.

Въ завѣщаніи своемъ кн. Илья особенно настаиваетъ на законности ожидаемаго потомка и предоставляетъ Беатѣ полное распоряженіе всѣми имѣніями, дошедшими съ отцовской или материнской стороны, до совершеннолѣтія ребенка, съ единственной оговоркой, что вдова обязана по возможности погашать долги изъ получаемыхъ доходовъ. Если бы братъ Ильи кн. Василій Острожскій въ свое время потребовалъ выдѣла ему половины отцовскаго наслѣдства, то въ другую половину, назначенную для будущаго ребенка, никто не могъ вмѣшиваться и препятствовать княгинѣ Беатѣ въ свободномъ распоряженіи этою частью. Кромѣ подтвержденія дарственныхъ записей Беатѣ сперва въ видѣ „вѣна“, а затѣмъ по случаю ожиданія потомка, Илья отдалъ женѣ по завѣщанію всѣ драгоцѣнности, жемчугъ и т. д. и половину всей движимости, дошедшей отъ отца,—остальное принадлежало кн. Василію. Обширное наслѣдственное имѣніе Янушполе, которое освобождалось лишь по смерти кн. Беаты, должно было поступить кому либо въ аренду за 4000 золотыхъ ежегодно и на эти деньги надлежало выкупить заложенную серебряную утварь. Послѣдняя назначалась на покрытіе долговъ, но два ожерелья и запястье, незадолго до того подаренныя Беатѣ, должны были остаться сыну или дочери послѣдней. Въ заключеніе Илья обращается къ королевской семьѣ съ просьбой оберегать его жену и потомство отъ всякихъ обидъ и притѣсненій. Чтобы „не брать грѣха на душу“, Илья отказался при этомъ случаѣ отъ всякихъ притязаній на заславское княжество, о которомъ, какъ мы знаемъ, былъ начатъ процессъ передъ королемъ. Свою послѣднюю волю Илья подтвердилъ и въ особомъ письмѣ къ кн. Ѳедору Сангушку, гдѣ онъ проситъ послѣдняго, какъ опекуна, представить на усмотрѣніе короля эти завѣщательныя распоряженія.

Устроивъ такимъ образомъ свои земныя дѣла и позаботившись о спасеніи души, князь Илья приготовился къ смерти. Онъ скончался 19 августа 1539 года, еще во цвѣтѣ силъ, успѣвъ

лишь въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ насладиться семейнымъ счастьемъ.

Трудно сказать, какъ отнеслась Беата къ смерти мужа, сильно ли она горевала, была ли потрясена этимъ несчастіемъ, какъ хоронила безвременно унесеннаго въ могилу супруга. Мы знаемъ однако, что уже мѣсяцъ спустя вдова явилась къ королевскому двору „ударить челомъ“ и ходатайствовать передъ королемъ объ утвержденіи завѣщанія покойнаго князя. 23 сентября ея просьба была удовдетворена, и Беата возвратилась въ родовой замокъ Острожскихъ, чтобы вступить въ полное распоряженіе наслѣдствомъ кн. Ильи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и частью, которая принадлежала еще несовершеннолѣтнему кн. Василію, ея шурину. Хотя Василій тогда же выразилъ желаніе получить свою наслѣдственную долю, но король рѣшилъ, что раздѣлъ отцовскихъ имѣній долженъ послѣдовать лишь черезъ полтора года, а до той поры Беата должна заботиться о хорошемъ управленіи порученнымъ ей добромъ.

Наступило наконецъ столь горячо желанное покойнымъ Ильей событіе: у Беаты родилась дочь, получившая во св. крещеніи имя Гальшки, иначе Елисаветы.

Для женщины въ положеніи Беаты, или „княгини Илины“, какъ ее называли на Волыни, во всякомъ случаѣ не легко было бы справиться съ задачей управленія такимъ огромнымъ имуществомъ, даже если бы она заранѣе привыкла къ порядку и аккуратности. Между тѣмъ за Беатой нельзя было предполагать подобныхъ качествъ, если, по крайней мѣрѣ, судить по примѣру, который подавала ей королева Бона, а властолюбивый и крутой нравъ княгини еще болѣе вносилъ путаницы и безпорядочности въ управленіе имѣніями: не было замѣтно здѣсь разумнаго разсчета и пониманія дѣла, все зависѣло скорѣе отъ минутнаго каприза. Вскорѣ посыпались жалобы бояръ на чрезмѣрное обремененіе ихъ платежами. У многихъ отнимали землю, которою владѣли еще ихъ предки. Опытные управители, назначенные кн. Ильей, должны были уступить мѣсто людямъ неспособнымъ, но за то угоднымъ княгинѣ. Украинскіе замки, требовавшіе особеннаго вниманія въ виду безпрестанныхъ татарскихъ набѣговъ,

пришли теперь въ полное запущеніе. Со всѣхъ сторонъ неслись жалобы королю на княгиню Илину: ее упрекали за вымогательство съ подданныхъ т. наз. „серебщизны“ свыше указанной мѣры, за то, что, получая значительные доходы, она и не думаетъ погашать долги покойнаго мужа; что родовыя земли Острожскихъ раздаются лицамъ, которые не имѣютъ никакихъ правъ на это. Словомъ, княгиня Илина, если вѣрить жалобамъ, хозяйничала самымъ незавиднымъ образомъ.

Король посовѣтовался съ королевой Боной и прочими опекунами и велѣлъ князю Ѳедору Сангушку, въ качествѣ душеприкащика, принять мѣры къ устраненію всѣхъ этихъ безпорядковъ. Въ то же время онъ написалъ 3 марта 1540 г. княгинѣ Беатѣ, чтобы она не вздумала противиться распоряженіямъ и совѣтамъ кн. Ѳедора.

Такой оборотъ дѣла конечно не могъ понравиться гордой Беатѣ, но вскорѣ ее ожидала еще бо́льшая непріятность. Несовершеннолѣтній шуринъ Василій и его мать кн. Александра, вдова Константина Острожскаго, настаивали на немедленномъ раздѣлѣ наслѣдства и требовали при этомъ не только уплаты всѣхъ доходовъ съ своей части, считая со дня смерти кн. Ильи, но, по достиженіи Василіемъ совершеннолѣтія, также и права опеки надъ маленькой Гальшкой и ея богатымъ имуществомъ.— Понятно, что Беата самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивилась такимъ притязаніямъ. Дѣйствительно, въ ея пользу говорилъ литовскій статутъ, который предоставлялъ вдовѣ, до вступленія ея въ новый бракъ, право опеки надъ дѣтьми и ихъ имуществомъ, если завѣщаніе не устраняло вдову отъ опеки.

Такъ или иначе, Беата должна была ждать раздѣла наслѣдія Острожскихъ раньше или позже, тѣмъ болѣе, что въ завѣщаніи князя Ильи было предусмотрѣно это обстоятельство; однако, разсчеты ея разстраивались самымъ непріятнымъ образомъ, когда король Сигизмундъ по прибытіи въ Вильну издалъ распоряженіе отъ 11 января 1541 г., объявлявшее недѣйствительною послѣднюю волю кн. Ильи, и призналъ князя Василія совершеннолѣтнимъ. Вопросъ объ опекѣ надъ Гальшкой былъ отложенъ до особаго повелѣнія короля. До тѣхъ поръ на все имущество

Острожскихъ было наложено запрещеніе и учреждена третейская коммиссія для подробнаго исчисленія доходовъ съ имѣнія и составленія проекта раздѣла и миролюбнаго соглашенія между наслѣдниками. Кромѣ епископа Юрія Фальчевскаго, въ коммиссіи не участвовалъ никто изъ назначенныхъ кн. Ильей опекуновъ. Повидимому, коммиссія трудилась съ энергіей и успѣхомъ, потому что уже 20 декабря 1541 г. выработанъ былъ проектъ соглашенія сторонъ. За отказъ присоединиться къ сдѣлкѣ грозила пеня въ 10000 копъ литовскихъ грошей.

Всѣ доходы съ острожскихъ имѣній за первый годъ по смерти кн. Ильи были присуждены теперь Беатѣ, а за слѣдующій годъ—князю Василію. Изъ части, припадлежавшей Гальшкѣ, опредѣлено было взять возмѣщеніе за отчужденныя кн. Ильей отцовскія земли. Поэтому коммиссія раздѣлила все наслѣдство на двѣ части, изъ которыхъ одну могъ взять Василій по своему выбору. Повидимому, кн. Василій не слишкомъ былъ привязанъ къ своему родному гнѣзду, потому что онъ предпочелъ ту группу имѣній, въ которую Острогъ не былъ включенъ. Онъ взялъ замки Дубно, Дорогобужъ и Здзенціолъ, округъ Звягельскій и дворища Крупу и Здолбицу. Къ княжнѣ Гальшкѣ отошли замки Острогъ, Полонне, Красиловъ, Чудновъ, дворища Новоставцы и Горки и домъ въ Вильнѣ, но этотъ домъ вмѣстѣ съ Горками были отсужены кн. Василію за произведенныя ранѣе кн. Ильей отчужденія. Раздѣлъ этотъ долженъ былъ, впрочемъ, вступить въ силу лишь по достиженіи Гальшкой совершеннолѣтія.

Тѣмъ не менѣе, Беата продолжала оставаться одной изъ самыхъ богатыхъ женщинъ въ странѣ: часть отцовскаго наслѣдства кн. Ильи въ соединеніи съ наслѣдствомъ, дошедшимъ отъ матери его, кн. Татьяны, и ея собственное имущество обезпечивали Беатѣ по истинѣ царскіе доходы. Предусмотрительная княгиня заранѣе припрятала завѣщанную ей мужемъ движимость, дорогую утварь, драгоцѣнные камни, золото и серебро: въ опись Острожскаго замка, сдѣланную королевской коммиссіей, попало весьма немного предметовъ этого рода. Кромѣ того, она заложила два завѣщанныхъ Ильей имѣнія и реализировала этимъ путемъ 6000 копъ грошей, чтобы обезпечить себя отъ дальнѣйшихъ

притязаній кн. Василія и немедленно выплатить присужденную ему коммиссіей сумму денегъ.

Но этимъ не исчерпывалось дѣло о наслѣдствѣ, такъ какъ нужно было еще опредѣлить имущественныя отношенія между матерью и дочерью. Для этой цѣли король назначилъ особую коммиссію, которая рѣшила предоставить Беатѣ третью часть отцовскихъ и материнскихъ имѣній кн. Ильи, выговоренныхъ ей нѣкогда мужемъ въ видѣ брачнаго „вѣна“. Остальныя двѣ трети признаны собственностью дочери, но конечно подъ опекунскимъ управленіемъ Беаты. Если принять во вниманіе, что она получила въ личную собственность еще при жизни мужа три замка, Степань, Сатыевъ и Хлапотынъ, и владѣла заложеннымъ ей ровенскимъ имѣніемъ, а вскорѣ удалось ей выкупить заложенные замки Клодно, Черниховъ и Глускъ, позже—Гольшаны и Сушу, то оказывается, что дальновидная и прекрасная княгиня съумѣла соединить въ своихъ рукахъ бо́льшую часть владѣній покойнаго Ильи, на которую никто не могъ имѣть притязаній въ качествѣ опекуна. Беата своевременно позаботилась, чтобы король формально подтвердилъ всѣ грамоты и привилегіи, относившіяся къ ея имущественнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и грамоты дѣда Гальшки. Хотя разныя недоразумѣнія съ шуриномъ, кн. Василіемъ Острожскимъ, продолжались, но ихъ удалось уладить съ сравнительно ничтожными денежными жертвами. Главная цѣль Беаты—неограниченное право управлять громаднымъ наслѣдствомъ безъ вмѣшательства опекуновъ—была теперь достигнута благодаря описаннымъ выше мѣрамъ. Во всѣхъ документахъ, относящихся къ этому вопросу, ни однимъ словомъ не упоминается о кн. Ѳедорѣ Сангушкѣ, „братѣ“ кн. Ильи, который былъ назначенъ душеприкащикомъ. Беатѣ приходилось имѣть дѣло только съ своею дочерью, и послѣдняя съ юныхъ дней привыкла не знать другаго закона, кромѣ воли матери. Вдова могла теперь съ полнымъ основаніемъ разсчитывать, что острожское княжество долго еще будетъ оставаться въ ея неограниченномъ распоряженіи.

II.

Гальшка была еще совершеннымъ ребенкомъ—ей минуло не болѣе десяти лѣтъ,—когда въ Острогѣ стали уже появляться многочисленные искатели ея руки, князья и рыцари изъ Литвы и Польши. Беата искусно отклоняла ихъ предложенія, ссылаясь на короля Сигизмунда Августа, вступившаго тѣмъ временемъ на тронъ, какъ на верховнаго опекуна. Такая ссылка на короля была тѣмъ неизбѣжнѣе, что послѣдній формально обязалъ княгиню никому не отдавать руки дочери безъ его вѣдома и согласія. Когда въ 1550 году Беата задумала отправиться въ Польшу ко времени сейма, и было основаніе думать, что причина тому кроется въ намѣреніи княгини выдать дочь за своего родственника, нѣкоего Андрея Косцелецкаго, король написалъ великому маршалу литовскому Радзивилу, что поѣздку эту считаетъ излишней и неумѣстной. Когда затѣмъ прошелъ слухъ объ обрученіи, король вновь обращается къ тому же сановнику съ прямымъ приказаніемъ не допускать этого. „Если фактъ уже состоялся“, писалъ король, „то мы найдемъ средство поправить бѣду“. Дѣло въ томъ, что король не желалъ перехода литовскаго княжества острожскаго въ руки поляка. Случай этотъ представлялъ такое важное значеніе, что не остался безъ вліянія и на законодательство. Въ 1551 году литовская рада постановила, что дочери, осиротѣлыя по смерти отца, не могли быть выдаваемы замужъ безъ согласія ближайшихъ родственниковъ. Король распорядился объявить Беатѣ о новомъ законѣ, чтобы она не могла ссылаться на незнаніе его, если бы, какъ было основаніе опасаться, вздумала покровительствовать своимъ польскимъ родичамъ. Поэтому, когда появился слухъ о притязаніяхъ на руку Гальшки нѣкоего Мѣлецкаго, не безъ участія въ этомъ случаѣ великаго маршала, король пригласилъ Радзивила къ себѣ для личнаго свиданія, „потому что весьма важно, кому именно достанется эта молодая дѣвушка“.

При томъ вліяніи на короля, какимъ пользовался великій маршалъ, было вполнѣ естественно, что соискатели руки княжны Гальшки часто обращались къ покровительству Радзивила. Обра-

тился къ нему въ числѣ другихъ и молодой вельможа, панъ Дмитрій Вишневецкій, пользовавшійся славой отчаяннаго рубаки и сорви-головы. Маршалъ повидимому далъ ему какія то обѣщанія. Но этотъ претендентъ пришелся не по вкусу кн. Василію, который, въ силу новаго закона, имѣлъ въ данномъ случаѣ право рѣшающаго голоса. Кн. Василій не только отказалъ Вишневецкому, но постарался по мѣрѣ силъ прочистить дорогу своему собственному протеже—чтобы тѣмъ вѣрнѣе погубить его впослѣдствіи.

Такимъ протеже былъ кн. Дмитрій Сангушко, сынъ умершаго тѣмъ временемъ Өедора, „брата" кн. Ильи и бывшаго опекуна Беаты и Гальшки.

Дмитрій получилъ воспитаніе при дворѣ короля и успѣлъ уже заслужить хорошую репутацію благодаря своей отвагѣ въ военныхъ стычкахъ на Украинѣ, особенно при осадѣ Житомира татарами. Въ качествѣ старшаго сына онъ былъ назначенъ по завѣщанію отца опекуномъ младшихъ дѣтей, между которыми братъ его Романъ вскорѣ послѣ того получилъ славу народнаго героя. Самъ Дмитрій въ то время былъ уже старостой каневскимъ и черкасскимъ и пользовался извѣстностью смѣлаго до безумія и нѣсколько одичалаго военачальника—репутація, установившаяся за нимъ скорѣе благодаря неукротимымъ козацкимъ отрядамъ, которыми Дмитрій начальствовалъ. Про него разсказывали даже, что онъ насильно похитилъ молодую родственницу изъ знатнаго дома.

Слухъ этотъ не былъ лишенъ всякаго основанія, но дѣло не имѣло такого характера, какъ передавала молва. Молодой кн. Сангушко давно уже былъ принятъ въ домѣ королевскаго маршала Василія Полубинскаго, у котораго воспитывалась сирота—внучка по имени Марина, въ ту пору еще совсѣмъ юная. Бракъ маленькой Марины съ богатымъ Сангушкомъ казался выгоднымъ дѣду, которому удалось получить согласіе на этотъ планъ со стороны молодого вельможи. Дмитрій выдалъ обычныя „заруки", а старый Полубинскій довѣрчиво передалъ ему золото, серебро, жемчугъ, драгоцѣнные камни и другую цѣнную рухлядь своей внучки подъ особое письменное обезпеченіе и

долговую запись на имѣнія Сангушка на случай разстройства предположеннаго брака. Вскорѣ затѣмъ престарѣлый Полубинскій умеръ. Дмитрій, не желая оставлять своей малолѣтней невѣсты у ея родственниковъ по матери, взялъ ее изъ родного дома и поручилъ для воспитанія своей собственной теткѣ, сестрѣ кн. Ѳедора Сангушка. Здѣсь то и пребывала малолѣтняя Марина въ то время, когда кн. Дмитрій явился погостить въ замокъ Острогъ.

Вскорѣ по Литвѣ разнеслись слухи объ обрученіи Дмитрія Сангушка съ молодой наслѣдницей Острожской, которой было тогда не болѣе тринадцати лѣтъ. Слухъ казался настолько правдоподобнымъ, что родственники Марины начали подумывать о возвращеніи къ нимъ покинутаго ребенка. Дѣйствительно, княгиня Беата и особенно сидѣвшій въ Дубнѣ кн. Василій Острожскій отнеслись къ Дмитрію самымъ предупредительнымъ образомъ и поощряли его,—слѣдовательно, слухи подтверждались. Дмитрій просилъ руки юной Гальшки, и получилъ письменное согласіе княгини. Довольный успѣхомъ, возвратился Дмитрій къ своему посту въ Черкасы на пограничную службу.

По всей вѣроятности вѣсть объ этомъ достигла короля, потому что уже въ началѣ 1553 года Сигизмундъ Августъ писалъ княгинѣ Беатѣ, что онъ поручилъ великому маршалу и воеводѣ виленскому, кн. Радзивилу, переговорить съ нею о будущемъ бракѣ Гальшки, по достиженіи ею совершеннолѣтія. Для короля было важно сохранить свое вліяніе какъ опекуна наслѣдницы. Открыли ли эти переговоры кн. Василію Острожскому игру невѣстки, или онъ другимъ путемъ сообразилъ это,—но онъ извѣстилъ молодого Сангушка, что кн. Беата вовсе не думаетъ держать данное слово.

Дмитрій тотчасъ же, даже не увѣдомивъ короля, уѣхалъ изъ Черкасъ, чтобы заручиться обычными на Литвѣ „гарантіями“ того, что брачный договоръ будетъ выполненъ. Преже всего онъ обезпечилъ себя поддержкою кн. Василія и затѣмъ далъ знать Беатѣ, что намѣренъ „провѣдать ее, свою родственницу, и отвѣдать у нея хлѣба—соли“. Княгиня ничего не имѣла противъ посѣщенія, и въ началѣ августа 1553 года Дмитрій явился въ

Острогъ съ тридцатью конными козаками, часть которыхъ оставалась у воротъ въ то время, какъ молодой князь привѣтствовалъ дамъ во дворѣ замка.

Въ это время княгинѣ доложили, что ея шуринъ, кн. Василій, также явился навѣстить ее. Беату должно было сильно поразить появленіе обоихъ князей въ замкѣ, но прежде нежели она успѣла послать отказъ, кн. Василій уже въѣхалъ въ ворота замка, охраняемыя козаками Сангушка. Новый гость явился въ сопровожденіи 50 конныхъ слугъ въ полномъ вооруженіи.—Незначительная замковая страна воспротивилась такому дерзкому напору чужаго военнаго отряда, завязался жаркій бой, но побѣда осталась за пришельцами. Изъ замковой стражи одинъ былъ убитъ и восьмеро ранено. При самомъ началѣ стычки кн. Беата убѣжала съ дочерью въ замокъ и заперлась въ отдаленной комнатѣ.

Одолѣвъ замковой гарнизонъ, оба князя явились къ Беатѣ и начали съ просьбъ. Они напомнили ей о данномъ обѣщаніи и убѣждали не препятствовать женитьбѣ Дмитрія на ея дочери.

Княгиня въ страшномъ негодованіи вскричала: „развѣ такимъ образомъ являются къ друзьямъ и дружбы ради?"

Она не могла болѣе говорить отъ оскорбленія и лишилась чувствъ. Княгиню вспрыснули водой и растирали, пока она пришла въ себя.

Получивъ способность говорить, Беата стала доказывать, что не можетъ дать своего согласія безъ разрѣшенія короля.

„Такъ мы и не станемъ больше спрашивать тебя!" гнѣвно воскликнулъ кн. Василій и съ силою схватилъ княжну Гальшку за руку.

Испуганная мать конвульсивно сжимала другую руку дочери, но ее оттолкнули,—Беата упала и вновь лишилась чувствъ.

Кн. Василій, держа за руку свою тринадцатилѣтнюю племянницу, подвелъ ее къ Дмитрію со словами: „Я отдаю тебѣ Гальшку въ жены, потому что имѣю на то власть въ качествѣ дяди".

Полумертвую отъ потрясенія Беату снесли послѣ этого въ другую комнату и здѣсь заперли. Прислужницы и слуги под-

няли отчаянные вопли. Не обращая на это вниманія, князья послали за священникомъ. Послѣдній понялъ, что здѣсь творится насиліе, поэтому посовѣтовалъ отложить лучше вѣнчаніе на другой день. Кн. Василій пригрозилъ священнику булавою съ гнѣвнымъ окрикомъ: „Мы не просимъ твоихъ совѣтовъ, дѣлай какъ приказано, иначе будетъ плохо!" Испуганный угрозами священникъ покорился и исполнилъ передъ алтаремъ обычный обрядъ. Правда, на вопросъ священника: „имѣешь ли добрую и непринужденную волю?" Гальшка упорно молчала, но за нее отвѣчалъ дядя, точно на крестинахъ. Затѣмъ взяли насильно руку дѣвочки и по обычаю перевязали платкомъ.

По окончаніи церковнаго обряда Гальшку повели къ свадебному столу, гдѣ уже были приготовлены сласти и вина, затѣмъ кн. Василій отвелъ молодыхъ въ спальню и уѣхалъ изъ замка.

Уже при началѣ столкновенія между замковой стражей и конвоемъ князей слуги Беаты снарядили изъ своей среды посла, который долженъ былъ возможно скорѣе дать знать калишскому воеводѣ, пану Мартыну Зборовскому, что замокъ Острогъ подвергся нападенію. Зборовскій немедленно отправилъ этого же посланца въ Краковъ съ письмомъ къ канцлеру, полнымъ самыхъ злобныхъ выходокъ по адресу „пана краковскаго", т. е. коронняго гетмана Тарновскаго. Дѣло въ томъ, что панъ Зборовскій, который самъ былъ не прочь женить своего сына на богатой наслѣдницѣ Острожской, видѣлъ во всемъ этомъ происшествіи, насколько оно было ему извѣстно, широко задуманную интригу гетмана Тарновскаго: послѣдній, въ качествѣ тестя кн. Василія, придумалъ, по мнѣнію Зборовскаго, это насиліе, чтобы разрушить матримоніальные планы своего соперника. Король Сигизмундъ Августъ, и безъ того подозрительно относившійся къ гетману и недовольный на него со времени прошлогодняго сейма, безъ труда повѣрилъ догадкамъ калишскаго воеводы и видѣлъ въ нападеніи на Острогъ руку человѣка, который, правда, оказалъ ему нѣкоторыя услуги въ собственной Польшѣ, но тѣмъ опаснѣе казался ему своимъ вліяніемъ въ Литвѣ. Великій маршалъ Радзивилъ вполнѣ раздѣлялъ опасенія короля въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

„Мы прекрасно понимаемъ", писалъ король великому маршалу, „кто былъ душей всего этого дѣла. Человѣкъ, который думаетъ властвовать какъ здѣсь, такъ и въ Литвѣ. Нельзя и придумать болѣе тяжкаго оскорбленія нашего имени. Но дѣло не терпитъ проволочекъ. Мы распорядились чрезъ нашего коморничаго, старосту пинскаго, объявить кн. Василію повелѣніе немедленно очистить замокъ и возвратить дѣвушку ея матери впредь до рѣшенія дѣла, ut omnia fiant in integrum restituta. Такое же повелѣніе послали мы и старостѣ черкасскому (Дмитрію), criminaliter наказавъ ему, чтобы не смѣлъ отлучаться изъ пограничныхъ замковъ безъ нашего вѣдома. Другого remedium'а мы не могли подыскать въ данную минуту. Держимся въ этомъ случаѣ примѣра нашихъ предковъ, которые устраняли столкновенія между вельможами путемъ распоряженій подобнаго рода. Хуже всего то, что мы догадываемся, отъ кого вышелъ весь планъ. Но именно по этой причинѣ мы рѣшились воспротивиться подобной неслыханной въ литовскомъ краѣ дерзости, чтобы тотъ панъ не очень то радовался, ибо мы понимаемъ, что онъ далъ такой совѣтъ исключительно Nobis ad indignitatem, Tuae Magnificentiae in contumeliam".

Еще не успѣли отправить это королевское посланіе, какъ явился новый слуга княгини Беаты, передавшій королю дальнѣйшія подробности о насильственномъ вторженіи въ острожскій замокъ и сообщившій кромѣ того, что кн. Василій привезъ сюда свою мать и жену и расположился вмѣстѣ съ Дмитріемъ на Острогѣ какъ у себя дома. Онъ командовалъ и распоряжался тамъ настоящимъ хозяиномъ.

Невозможно сказать, какъ отнеслась 13-лѣтняя Гальшка къ своей неожиданной судьбѣ и къ навязанному ей мужу. Мнѣніе, будто Гальшка впослѣдствіи сочеталась бракомъ съ Дмитріемъ также и по католическому обряду, лишено прочнаго основанія и ничѣмъ не подтверждается. Однако вмѣшательство короля имѣло значеніе въ томъ отношеніи, что кн. Василій вынужденъ былъ отпустить на волю свою невѣстку. Беата немедленно отправилась въ Краковъ заявить королю жалобу противъ кн. Дмитрія Сангушка и своего шурина кн. Василія Острож-

скаго. Именно въ это время король отпраздновалъ свою свадьбу съ принцессой Екатериной австрійской.

Вскорѣ послѣ этого противъ Дмитрія была подана новая жалоба дѣдомъ (по матери) обманутой Марины Полубинской, который требовалъ возврата „зарукъ“ и денежныхъ записей въ виду нарушенія свадебнаго договора, а вмѣстѣ съ тѣмъ передачи дѣвочки въ его собственную опеку и отобранія отъ тетки Дмитрія. Король принялъ жалобу осенью въ Вильнѣ и обѣщалъ скорое рѣшеніе дѣла.

Подобная предосторожность была тѣмъ необходимѣе для короля, что кн. Василій Острожскій съумѣлъ поставить свой, еще незаслушанный публично, процессъ на почву международной политики. Чрезъ своего тестя, гетмана Тарновскаго, онъ постарался представить все дѣло королю римскому Фердинанду въ смягченномъ видѣ. Фердинандъ принялъ это дѣло такъ близко къ сердцу, что его дружескій совѣтъ своему зятю, королю польскому, въ пользу обвиняемыхъ представлялъ въ сущности актъ формальнаго заступничества. Такъ какъ въ это время у Польши начались переговоры съ римскимъ королемъ по венгерскому вопросу, для чего были отправлены Фердинандомъ чрезвычайные послы, епископъ загребскій и швейдницкій комендантъ Матвѣй Логусъ, то послѣдніе имѣли возможность сообщить своему повелителю всѣ подробности интересующаго насъ процесса. Князья Василій и Дмитрій получили вызовъ къ королевскому суду, назначенному въ г. Кнышынѣ. Нѣмецкіе послы описываютъ этотъ городокъ, какъ жалкую кучу несчастныхъ хижинъ, которыя съ трудомъ помѣщали часть всѣхъ съѣхавшихся придворныхъ и чиновниковъ. Большинство должно было размѣститься въ окрестныхъ селахъ. Сами послы вынуждены были каждое утро дѣлать болѣе двухъ верстъ, чтобы добраться до мѣста переговоровъ, а вечеромъ вновь возвращаться тѣмъ же путемъ. Король и королева прибыли въ Кнышынъ, но обвиняемые не явились. Только Дмитрій прислалъ своего уполномоченнаго, литовскаго дворянина Одаховскаго, о которомъ ходила молва какъ о человѣкѣ „хорошо образованномъ“. Въ качествѣ обвинителя со стороны кн. Беаты выступилъ Станиславъ Чарнковскій, за свои ораторскія

способности получившій славу „польскаго Цицерона". Противъ обвиненія повѣренный Сангушка возразилъ, что княгиня обѣщала его довѣрителю руку своей дочери, въ подтвержденіе чего представилъ подлинное письмо Беаты. Обѣщаніе княгини было подтверждено дядей невѣсты, кн. Василіемъ, который и отдалъ Гальшку Дмитрію въ жены. Кн. Дмитрій никогда не помышлялъ о богатомъ приданомъ княжны и теперь этотъ вопросъ для него стоитъ на второмъ планѣ,—главное для него женитьба, потому что онъ дѣйствительно любитъ свою жену. Одаховскій даже ссылался на самое Гальшку, лишь бы ее допросили въ отсутствіи матери.

Нѣкоторые литовскіе члены королевскаго суда находили такое требованіе справедливымъ. Но подавляющее большинство стояло на сторонѣ пана Зборовскаго и враждебной коронному гетману Тарновскому партіи, къ которой, какъ мы знаемъ, втайнѣ склонялись также король и великій маршалъ Радзивилъ. Они не хотѣли и слышать о допросѣ самой княжны. Приговоръ оказался суровымъ для Дмитрія Сангушка, который былъ осужденъ на лишеніе чести, имущества и жизни. Кн. Беата настояла на немедленной отсылкѣ надлежащихъ указовъ, чтобы можно было захватить Сангушка еще въ Острогѣ и вернуть Гальшку ея матери. Съ другой стороны, кн. Василій былъ лишенъ своихъ опекунскихъ правъ, принадлежавшимъ ему въ силу кровнаго родства и опредѣленія литовской рады, такъ какъ онъ злоупотребилъ этими правами, участвуя въ насильственномъ поступкѣ Дмитрія и не оказавъ своимъ родственницамъ слѣдуемой защиты. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, кн. Василій съумѣлъ освободиться отъ этого приговора и возвратить себѣ вновь всѣ прежнія права.

Исполнить приговоръ надъ Дмитріемъ и возвратить похищенную княжну въ руки матери вызвался панъ Мартынъ Зборовскій, воевода калишскій, которому представлялся теперь удобный случай заслужить расположеніе Беаты,—какъ вдругъ пришло неожиданное извѣстіе, что молодые новобрачные уже покинули Острогъ.

(Продолженіе въ слѣд. №). **Н. М.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссію въ 1752 г. Только черезъ годъ послѣ прибытія своего въ Малороссію (лѣтомъ 1751 г.) гетманъ Разумовскій собрался объѣхать свои «полки» [1]). Въ какой обстановкѣ былъ сдѣланъ этотъ объѣздъ, показываетъ слѣдующій интересный документъ—сколько потребовалось лошадей для гетманскаго путешествія. Въ генеральной канцеляріи было получено требованіе, что «къ отсутствію его ясневелможности потребно лошадей»:

Подъ карету французскую	10.
Подъ двѣ коляски спальныя	12.
Господину доктору	6.
Господину архитекту	3.
Ординарцу	4.
Подъ гардеробъ	3.
Камердинерамъ	3.
Тафелдекерю и муншенку	3.
Канцеляристу Фелкнеру	3.
Подъ питье	6.
Подъ серебро	3.
Подъ кофеншенскую	3.
Помошникамъ	3.
Подъ палатки, столы, стулья, кровати и подъ протчее	20.
Кухмистру	3.
Подъ кухню	18.
Меснику	3.
Для поваровъ	3.

[1]) См. Семейство Разумовск., I, 161.

Подъ конюшню . . . . 10.
Для лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ. . . . . . 4.
Эгерю . . . . 3.
Подъ охоту. . . . . 10.
Для людей его высокородія [1]) . . . . 3.
Итого всѣхъ лошадей 140.

Документъ помѣченъ— «1752 г., маия 5 дня» и подписанъ какимъ то Иваномъ Гроссомъ [2]). **А. Л.**

Гетманскіе проповѣдники. (*Письмо кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго къ гетману Разумовскому, съ посылкою проповѣдника*). Ясневелможній господинъ Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днепра и войскъ запорожскихъ гетманъ, сіятелнѣйшій графъ и разнихъ ординовъ кавалеръ, милостивій мой патронъ.

Прежде за антецессоровъ ясневелможности вашей, антецессорѣ мои, преосвященніе митрополиты кіевскіе, въ начатіи новаго лѣта съ академіи кіевской съ поздравленіемъ и для сказиванія проповѣдей ежегодно, къ онимъ антецессорамъ ясневелможности вашей, духовныхъ персонъ посилали. Я оному давнему обычаю послѣдуя, паче же за отличность велможносты вашей высокопочитаемихъ достойно утитулованного имени вашего высокографскаго сіятелства разновидних предикатовъ предъ всѣми бывшими гетманами особливѣйшое мое імѣя къ высокой ясневелможности вашея персонѣ предпочитаніе, нинѣ въ начатіи новаго лѣта, академіи моей префекта и священной богословіи учителя всечестнаго іеромонаха Георгія [3]) для поздравленія и сказанія проповѣдей на новое лѣто и Богоявленіи господнихъ и для отправленія церковнихъ церемоній, при семъ къ ясневелможности вашей отправилъ, купно съ симъ моимъ особеннѣйшимъ ясневелможности вашей благожелателствомъ: временъ и вѣковъ творецъ всевышній Господь новое сіе лѣто ясневелможности вашей со всею благословенною вашею фамиліею, начати благословивій, оное при всецѣломъ здравіи, и пренемѣняемомъ благощастіи проводить да даруетъ. При якомъ моемъ усердіи, Божія благословенія ясне велмож-

---

[1]) Должно быть Теплова.

[2]) Ср. „Кіевск. Старина“ 1888 г., іюнь, стр. 74.

[3]) Конисскаго, впослѣдствіи столь извѣстнаго могилевскаго архіепископа. (р. 1717 † 1795). Наиболѣе полныя свѣдѣнія объ общественной его дѣятельности собраны въ рѣчи, произнесенной въ 1885 г., при праздновавіи столѣтія могилевской духовн. семинаріи. См. Могилевск. Епарх. Вѣдом., 1885 г., №№ 28–29.—*Ред.*

ности вашей и всей высокопочтенной вашей фамиліи богомолчески желаю и оного префекта академіи моей и всю академію кіевскую ясневелможности вашей антецессорами благодѣяніями патронскими снабдѣванную, въ высокопатронскій респектъ ясневелможности вашей рекомендуя, навсегда пребуду съ моею должною архіерейскою искренностію. Ясневелможности вашей всегдашный вѣрнодоброжелателный богомолецъ и всепокорный слуга митрополитъ кіевскій смиренный Тимофей. 1751 года. Декабря 26 д. Кіевъ. (*Съ подлинника, находящагося у А М. Лазаревскаго*).

Мысль императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ. Помѣщаемый здѣсь проектъ обращенія въ Малороссіи казенныхъ крестьянъ въ козаки, написанъ М. П. Миклашевскимъ, по мысли императора Александра I, желавшаго «учредить въ Малороссіи козачьи полки». Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ авторъ проекта въ своемъ письмѣ къ Аракчееву. И проектъ, и письмо къ Аракчееву найдены въ черновикахъ, межъ бумагами М. П. Миклашевскаго. Въ письмѣ къ Аракчееву М—ій пишетъ:

«Съ того часа какъ вашему сіятельству угодно было удостоить меня открытіемъ священнѣйшей для насъ высочайшей его императорскаго величества воли объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ, мысль моя не была спокойна, а стремилась къ изобрѣтенію средствъ—какъ бы лучше и съ пользою могла она быть приведена въ исполненіе. Изложивъ кратко главнѣйшія основы ихъ къ тому въ приложенной при семъ запискѣ, прошу покорнѣйше простить мнѣ естли я ошибаюсь, и причесть сей подвигъ совершенно ревностному служенію моему великому государю нашему.

1) Естли въ Малороссіи всѣхъ казенныхъ крестанъ наименовать козаками, то сихъ и козаковъ я щиталъ, должно быть до 170 тыс. хозяевъ или домовъ.

2) Естли учредить такъ, чтобъ четыре дома или хозяева содержали изъ себя одного козака, то будетъ ихъ до 42 т. военнаго народа служащаго.

3) Четыре хозяева, по мнѣнію моему, весьма легко и удобно могутъ прокормить въ мирное время козака и продовольствовать его лошадь.

4) На первой случай нѣтъ возможности имъ себя самихъ одѣть и вооружить, а колми паче лошадей искупить, потому что онѣ при-

ведены въ бѣдность, но въ послѣдствіи времени несомнѣнно можно положить, что онѣ своимъ коштомъ будутъ себя ремонтировать какъ лошадми, такъ конскою збруею. Мундиры жъ наружніе неудобно имъ давать однѣ.

5) Естли здѣлать таково положеніе, то необходимо должно ихъ освободить отъ всѣхъ податей: и отъ возки писменной почты и эстафетъ, которая на нихъ однѣхъ лежитъ.

6) Естли по ращету, казна отъ такого безденежнаго содержанія войскъ выиграетъ много, въ такомъ случаѣ всю земскую повинность изчисливъ на денги, можетъ вносить въ общественные кассы отъ себя, исключая тѣхъ повинностей, которые необходимо отбываются натурою, напримѣръ дача подводъ для проходящихъ войскъ и для переѣздовъ полицейскихъ чиновниковъ.

Се суть первоначальные основанія, на коихъ по волѣ Государя императора могутъ быть учреждены въ Малороссіи козацкіе полки съ ползою государственною и безъ отягощенія народнаго.

7) Въ мирное время козаки могутъ рекрутироватся отъ себя, а для военнаго надобно сдѣлать положеніе.

8) Для военнаго времени надобно сдѣлать положеніе о повинностяхъ козаковъ, остающихся въ домахъ своихъ».

Былъ ли проектъ представленъ императору или остался черновикомъ—изъ бумагъ М. П. М—аго не видно. **А. Л.**

Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. Личность Михаила Павловича Миклашевскаго слишкомъ хорошо извѣстна въ Малороссіи, чтобы нужно было о ней говорить. Проживъ болѣе 90-та лѣтъ (1756—1847), М. П. М—скій снискалъ себѣ общее уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ; а знали его, и знали близко, и Суворовъ, и Безбородко, и Аракчеевъ, и многое множество всякихъ сферъ людей, которымъ приходилось сталкиваться съ М—скимъ на долговременномъ его служебномъ поприщѣ, военномъ и гражданскомъ. Отсылая желающихъ познакомиться съ личностью М. П. М—скаго къ обстоятельному очерку его жизни, написанному Ѳ. Чижовымъ («Русск. Бесѣда», 1856 г., кн. I), мы скажемъ здѣсь, что въ оставшихся послѣ него бумагахъ, сохранилось не мало писанныхъ къ нему писемъ кн. Безбородка, кн. В. П. Кочубея, кн. Н. В. Репнина и друг. Вся эта переписка предоставлена была внукомъ М—ла П—ча, М. О. Микла-

шевскимъ умершему редактору А. С. Лашкевичу для помѣщенія наиболѣе интересныхъ писемъ на страницахъ «Кіевской Старины» [1]).

На первый разъ изъ бумагъ М. П. М—аго беремъ письма извѣстнаго малороссійскаго генералъ-губернатора князя Н. В. Репнина. Писемъ послѣдняго сохранилось всего четыре, которыя мы тутъ и помѣщаемъ. Всѣ эти письма писаны кн. Репнинымъ собственноручно. Послѣднее изъ нихъ безъ года.—*Ред.*

I. Письма князя Н. В. Репнина, 1821—1828 г. [2]).

1) Препровождаю къ вашему превосходительству открытое предписаніе съ усильнымъ требованіемъ исполнить обѣщаніе ваше и при возвращеніи въ Пануровки, повидаться со мною. Я здѣсь, въ Полтавѣ, пробуду до 10-го, а потомъ вновь въ Черниговъ и далѣе т. е. въ столицу, куды государь долженъ былъ вернуться къ 24-му. Свиданіе со гвардейцами было самое дружеское и даже говорятъ трогательное; государь позволилъ корпусу офицеровъ угостить себя обѣдомъ на бивакахъ; пили за здоровье храброй и вѣрной гвардіи и тому подобное; награжденій много, главнѣйшія: Васильчикову и Дебичу 1-го Владиміра, Бенкендорфъ и Ольдекопъ генералъ-лейтенанты, Безродный тайный совѣтникъ.—Вотъ вамъ газета Бешенковицкая.—Малороссійская не столь благопріятна: вездѣ хлѣбъ дорожаетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостатокъ будетъ болѣе, нежели въ прошлую зиму. Я просилъ для вашихъ повѣтовъ отсрочки податей и ссуды казеннымъ крестьянамъ и козакамъ хлѣба; не знаю будетъ ли удостоено одобренія нашего ареопага, наилучше сказать сангерида. Въ долгомъ пребываніи вашемъ между ими, вы навѣрно замѣтили малую ихъ ко мнѣ наклонность; теперь я думаю еще менѣе жалуютъ, видя, что побѣда не на ихъ сторонѣ и для того весьма желалъ бы какъ возможно поскорѣе развязаться съ ними, а приняться за старое ремесло, т. е. сѣсть на конь и впередъ.—Государь взялъ меня за живо, милостей его ко мнѣ много, но послѣднюю считаю выше всѣхъ; я у него въ долгу и съ радостью пролью за него кровь, лишь бы отъ чернилъ избавилъ.

Итакъ до скораго свиданья! Не перемѣняйте дружескихъ вашихъ ко мнѣ расположеній и вѣрьте, что несмотря на мое молчаніе,

---

[1]) Незначительная часть ихъ была напечатана Чижовымъ, въ его статьѣ о М. П. М—омъ.

[2]) Всѣ письма начинаются обычнымъ—Милостивый государь Михаилъ Павловичъ.

я гордился ими и взаимно люблю и почитаю васъ какъ человѣка во всей силѣ . . . . [1]) съ сими чувствами пребуду навсегда, мил. госуд., ваш. превосх. покорнѣйшій слуга князь Рѣпнинъ.

Полтава. 30 сентября 1821 г.

2) Предписанія стародубовскому комисару о евреѣ и открытыя (листы?) для взиманія лошадей, препровождаю, но съ уговоромъ, чтобъ меня не объѣхать, ибо Полтава по дорогѣ въ Екатеринославь, въ еѣ же возвращаюсь 28 сего мѣсяца и пробуду до 15 будущаго, а тамъ отправляюсь торговать въ Роменъ, изъ Андреевки.

Яготинъ уже я посѣтилъ, мѣсто прелестное, но по несчастію и тамъ, подобно Почепу, нема грошей. Слава Богу, что оказалось около 3 тыс. душъ свободныхъ, слѣдственно можно будетъ вывернуться, а не то нынѣшній годъ пришлось бы приплачиваться за наслѣдіе.

Уповая на скорое свиданіе, прошу о продолженіи лестной для меня дружбы вашей и пребываю съ отличнѣйшимъ почтеніемъ, м. госуд., в. прев., покорн. слуга князь Рѣпнинъ.

Черниговъ. 19 іюня 1822 г.

3) Возвращеніе почепскаго управителя даетъ мнѣ удобный случай поблагодарить васъ за дружеское письмо ваше и посѣщеніе Почепа. Жалѣю, что самъ не былъ въ сей грязной столицѣ нашей, для принятія дорогого гостя и просвѣщеннаго опытнаго технолога; справедливыя замѣчанія послужили бы въ пользу хозяину, часто еще блуждающему, ибо руководствуетъ свои заведенія только по теоріи, а на практику времени нѣту.—Москва по старому обычаю да и Петербургъ тоже—сбрехали; новый годъ ничего новаго намъ не принесъ кромѣ сбора запасовъ и подводъ для арміи. Вы тоже по екатеринославской губерніи въ ономъ участники, слѣдственно входить въ подробности не нужно. Шляхта легче взнесетъ, но козакамъ трудно будетъ, ибо придется покупать и потому нужно будетъ сдѣлать налогъ отъ 2 до 2½ руб. съ ревижской души; продавцы на квитанціи не дадутъ и я думаю, что невозможно будетъ купить по той цѣнѣ, которая зачитаться будетъ въ подать.

У васъ чрезъ Пануровку проѣзжалъ Строгоновъ, зять г. В. П. [2]) можетъ быть вы съ нимъ писали. Я послалъ тетрадь разныхъ замѣчаній; воля ихъ вѣрить намъ или нѣтъ, но честь, присяга и память

---

[1]) Не разобрано.

[2]) Графа Виктора Павловича (Кочубея).

предковъ, обязываютъ говорить правду; недовѣренностью правительство себя затрудняетъ и уменьшаетъ моральныя свои силы, столь много дѣйствующія на физическія.

Жена несчастнаго брата моего пишетъ мнѣ изъ *Четинскаго Острога*, что зять вашъ[1]) весьма горюетъ, не получая съ мая мѣсяца извѣстія о супругѣ и дѣтяхъ. Богъ поразилъ моего узника еще вящимъ несчастіемъ: единственный сынъ его скончался 17 генваря. Малютка былъ прелестный и мы съ женой по истинѣ какъ бы потеряли собственнаго сына.

Такія времена, дражайшій Михаилъ Павловичъ, что во всякомъ письмѣ вмѣшается грустная статья; но тутъ то и нужно утѣшеніе дружбы, почему воззывая къ продолженію вашей столь для меня лестной, прошу принять увѣреніе въ томъ отличнѣйшемъ почтеніи и совершенной преданности съ какими честь имѣю быть, м. г., в. прев., покорн. слуга к. Рѣпнинъ.

Полтава. 17 февраля, 1828 г.

4) Искренно благодарю ваше превосходительство, за дружеское письмо, какъ за новое доказательство тѣхъ чувствъ, которыя я желаю, чтобы всегда сохранились между нами.—Я пріѣхалъ сюды точно по курьерски и такимъ же образомъ долженъ и вернуться въ Полтаву, куды непремѣнно долженъ вернуться къ 21 числу.—Государю угодно было возложить на меня изслѣдованіе по доносу гр. Ланжерона на людей прежде на него доносившихъ, и къ тому числу ожидаю я требуемыхъ мною свѣденій изъ Одессы; сіе единственно мѣшаетъ мнѣ заѣхать въ Понуровку, гдѣ всегда пріятно и желаю быть, а особенно въ то время, когда вы порадованы помолвкою дочери вашей; примите искреннѣйшее мое поздравленіе и желаніе, чтобы молодые были столь же счастливы въ своемъ супружествѣ, какъ мы съ вами.

Свидѣтельствуя мое почтеніе милостивой государынѣ Настасьѣ Яковлевнѣ, приношу ей тоже мое поздравленіе, но ей право не къ лицу быть бабушкой.

Я проѣзжаю чрезъ Стародубъ въ понедѣльникъ и повторяю, что мнѣ весьма прискорбно быть лишену удовольствія васъ видѣть. Не побываете ли вы у насъ въ Полтавѣ? Государь будетъ въ іюлѣ или августѣ.

---

[1]) Фонъ-деръ-Бриггенъ.

Примите удостовѣреніе въ отличнѣйшемъ почтеніи и совершенной преданности съ коими честь имѣю быть, м. г., в. прев., покорн. слуга князь Рѣпнинъ.

10 марта (изъ Почепа?)

Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова «Культурныя переживанія». Печатавшіяся въ теченіе всего прошлаго 1889 г. въ «Кіев. Старинѣ» статьи проф. Н. Ѳ. Сумцова затронули такъ много живыхъ и интересныхъ вопросовъ народной жизни, что естественно вызвали нѣкоторыя дополненія и объясненія со стороны разныхъ лицъ. Охотно удѣляя мѣсто для всѣхъ такихъ дополненій въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ, мы на этотъ разъ приводимъ два изъ нихъ, касающихся вопроса о кумовствѣ и вопроса о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ.

I. *Къ вопросу о кумовствѣ.* Проф. Сумцовъ, разсматривая «развитіе понятій народа о нравственномъ значеніи кумовства» («Кіев. Ст.», X, стр. 18), говоритъ: «народно-поэтическіе мотивы о разгульныхъ и развратныхъ кумовьяхъ выражаютъ то, что было въ народной жизни въ старину, что и теперь часто встрѣчается въ бытовой жизни».—Говоря это, почтенный изслѣдователь, какъ видно, упустилъ изъ виду тѣ, такъ сказать, степени родства по кумовству, которыя признаются самимъ народомъ. Такъ—*клыкани*, т. е. приглашенные, кумъ и кума по отношенію къ пригласившему будутъ, по народному понятію, считаться *ридными* и сожительство между ними почитается не только тяжкимъ преступленіемъ, но и смертнымъ грѣхомъ. Воспріемники же между собою будутъ считаться *товарышамы* и сожительство между ними, хотя и считается предосудительнымъ, но приравнивается къ обыкновенному прелюбодѣянію. Вольныя отношенія между такими кумовьями-*товарышамы*, должно полагать, и породили фривольныя пѣсенки въ родѣ: «И кумушка, и голубушка», «Ой кумъ куми радъ, повивъ куму въ виноградъ», «Ой кумъ до кумы та раненько иде», «Кума моя любленная, чого въ тебе пелена не зарубленная?» и мн. др.

Кстати: *клыканный* кумъ можетъ пригласившему его давать совѣты и выговоры, даже обругать и ударить его безнаказанно, такъ какъ послѣдній не имѣетъ права отвѣтить ему тѣмъ же—грѣхъ.

Далѣе проф. Сумцовъ приводитъ галицкую пѣсню, гдѣ выражено воззрѣніе народа на сожительство между кумами. Пѣсня эта

существуетъ и въ нашей степной Украинѣ; въ имѣющемся у насъ варіантѣ прямо указано на предосудительность сожительства именно между ридными кумами. Первые два ея куплета, очевидно, испорчены и скомканы, за то послѣдующіе, въ которыхъ и содержится самая суть, вполнѣ сохранили свою цѣлость и неприкосновенность.

Якъ пиду я въ чысте поле
Квасоли садыты;
Посадыла квасолыну
Тай пишла до дому.
Не дійшла я до домоньку,
Въ шынокъ заблудыла;
Заглянула у виконце—
Пье мылый зъ кумою.
—Хыба тоби, кума моя,
Нема дома дила,
Що ты зъ моимъ чоловикомъ,
Въ шыночку засила?—
«Иды, мыла, до домоньку
Вечери варыты,
А я буду изъ кумою
Горилочку пыты». Говоритъ мужъ.
Якъ прыйшла я до домоньку
Пидпалыла дрова,
Сюды-туды повернулась,
Вечеря готова.
Насыпала борщу-кашы,
Положыла ложкы,
Одвернулась до порога,
Заплакала трошкы.
Напоила, накормыла,
Обложыла спаты,
Сама пишла у кантору,
Дала панамъ знаты.
«Паны мои сенаторы (v. секретари)
Ввольнить мою волю:
Возьмить мого чоловика
Зъ *ридною* кумою».
Паны мои сенаторы
Воленьку вволнылы,
Взялы мого чоловика
Въ кайдалы забылы.
—Ой що жъ це ты, моя мыла,
Мени наробыла,
Що ты мене молодого
Въ кайдалы забыла?
«Не я тоби, мій мыленькый
Та такъ наробыла,
Наробыла тоби, мылый,
Твоя кума мыла,
Вона тебе молодого
Въ кайдалы забыла».

Зап. въ александр. у., екатеринославской губ.

Приведу еще одну небольшую пѣсенку, замѣчательную по вдумчивымъ отвѣтамъ кумы на запретные, какъ видно, предложенія кума.

Ой прыйшовъ кумъ до кумы,
А кума мые ложкы.
—Кыдай, кумо, ложкы,
Поговорымо трошкы.
«Ой куме, куме,
Превелыкый думе,
Жаль тебе покынуты,
Грихъ й остановыты».
Ой прыйшовъ кумъ до кумы,
А кума мете хату.
—Кыдай, кумо, хату,
Та ходимо у кимнату.—
«Ой куме, куме,
Превелыкый думе,
Жаль тебе покынуты,
Грихъ й остановыты».

Зап. тамъ же.

Кромѣ *клыканного* кума бываетъ еще и *стричанный*, т. е. встрѣчный. Берется онъ въ такихъ же случаяхъ, какъ и у великороссовъ. *Стричанный* кумъ почетнѣе *клыканного*. Но еще почетнѣе и *ридниишимъ* считается *одкупный* кумъ, о которомъ г. Сумцовъ говоритъ въ той же книгѣ, стр. 34. Берется онъ—если дитя долго хвораетъ, что часто приписывается несчастливости *клыканныхъ* кумовьевъ.

Обрядъ *одкупа*—не сложенъ. Приглашеннымъ *одкупнымъ* кумамъ хворый ребенокъ подается или черезъ «синешній» порогъ, или въ окно; они его берутъ и даютъ нѣсколько денегъ, одѣваютъ въ новое, принесенное съ собою бѣлье, и затѣмъ *одкупный* кумъ во всѣхъ последующихъ случаяхъ жизни откупленнаго—замѣняетъ ему крестнаго, права котораго съ этого часа какъ бы игнорируются. **Ив. М—ра.**

II. *Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ.* Въ № 3 «Кіевской Старины» за 1889 годъ профессоръ Сумцовъ въ своей интересной статьѣ «Культурныя переживанія», между прочимъ, коснулся и вопроса о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ на югѣ Россіи. По этому поводу могу сообщить слѣдующее. Въ селѣ Михайловкѣ (оно же Елисаветградка) издавна существуетъ церковная пасѣка при мѣстной Успенской церкви, въ пользу которой и идутъ доходы съ нея (пасѣки). Затѣмъ, вблизи того же села (въ 5 вер.), въ одной изъ лѣсныхъ сторожекъ казенной плосковской дачи, чернолѣсскаго лѣсничества, въ сѣняхъ, на сволокѣ, вырѣзана славянскими буквами слѣдующая очень интересная для нашего края надпись: «*создася домъ сей въ байраку Плоскомъ новозаведенной пасѣки лавры свято-кіево-печерской року 1756, мая* кн҃ *дня.* Сволокъ этотъ (дубовый), несмотря на древность свою, еще очень хорошъ на видъ и проченъ. На нижней сторонѣ вдоль его находится рѣзьба въ видѣ толстаго каната съ плоскимъ крестомъ посерединѣ сволока. Надпись эта разъясняетъ мѣстное преданіе о существованіи монастыря въ Плоскомъ байракѣ; среди лѣса и до сихъ поръ есть мѣсто, носящее названіе «Монастырища». Разсказываютъ, что здѣсь когда то стоялъ монастырскій домъ, изъ котораго и взятъ, въ числѣ прочаго строительнаго матеріала, упомянутый выше сволокъ. Существованіе лаврской пасѣки въ нашемъ краѣ свидѣтельствуетъ о томъ, насколько онъ прежде былъ благодатенъ и представлялъ благопріятныя условія для пчеловодства, которое теперь у насъ почти пало [1]).

---

[1]) Интересно, что въ указанной мѣстности все таки и понынѣ уцѣлѣла давняя пасѣка въ нѣсколько сотъ пней у мѣстнаго священника Успенской церкви.

Не лишнимъ, полагаю, будетъ указать, что «Плоскій байракъ» представляетъ собою одну изъ вѣтвей громаднаго (для степей) лѣса, тянущагося вдоль границы нынѣшняго чигиринскаго уѣзда, кіевской губ., съ небольшими перерывами верстъ на 60 и носящаго разныя названія на своемъ протяженіи.

Вблизи Плоскаго байрака въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. были расположены козачьи станицы Григорьевка, отъ которой осталось лишь нѣсколько избушекъ [1]), и Михайловка, обращенная въ двадцатыхъ годахъ въ военное поселеніе. **Н. Левитскій.**

Нѣсколько данныхъ о состояніи кіевскаго учебнаго округа въ 1835 году. Въ октябрѣ 1835 года ожидался въ Кіевѣ царскій проѣздъ, при чемъ на этотъ разъ онъ долженъ былъ имѣть для города нѣкоторое спеціальное значеніе, благодаря тому, что предположено было въ присутствіи императора совершить закладку университетскаго зданія. Въ виду этого разсчитывали всѣ, что Николай I пробудетъ въ городѣ нѣсколько дней и успѣетъ осмотрѣть недавно открытый университетъ въ его первоначальномъ положеніи, учебныя заведенія и пр. На дѣлѣ, впрочемъ, вышло иначе: Царь пробылъ въ Кіевѣ всего лишь нѣсколько часовъ; зданія университетскаго не закладывалъ, какъ говоритъ Максимовичъ въ своихъ «Письмахъ о Кіевѣ», благодаря неосторожному отвѣту генералъ-губернатора, опрометчиво сказавшаго, что смѣта постройки зданія доходитъ до семи милліоновъ, между тѣмъ, какъ впослѣдствіи оказалось, вдвое меньше; не было также Высочайшаго осмотра учебныхъ заведеній, а только наскоро состоялся милостивый пріемъ всей университетской корпораціи [2]). Между тѣмъ, къ этому дню, очевидно, приготовлены были подробные всеподданнѣйшіе рапорты, какъ о состояніи округа, такъ и университета въ частности. Объ этомъ можно судить потому, что у насъ имѣются два несомнѣнно подлинныхъ такихъ рапорта—одинъ за подписью тогдашняго попечителя округа фонъ-Брадке, а другой за подписью тогдашняго ректора университета Максимовича. Сверхъ того, у насъ имѣется еще нѣсколько документовъ, относящихся къ этому же моменту, но не скрѣпленныхъ подписями; очевидно, эти

---

[1]) Жители же „перегнаны" военно-поселенческимъ начальствомъ въ с. Федварь.

[2]) Подробности объ этомъ въ „Исторіи унив. св. Владиміра". М. Владимірскаго-Буданова, т. I, стр. 288—292.

документы служили подготовительнымъ матеріаломъ для составленія самихъ рапортовъ.

На этотъ разъ мы подѣлимся съ читателями данными, касающимися состоянія всего учебнаго округа, каковыя находятся въ рапортѣ попечителя фонъ-Брадке, оставляя для слѣдующей книжки данныя о состояніи университета въ частности по рапорту ректора М. Максимовича.

На первомъ планѣ въ рапортѣ находятся высшія учебныя заведенія округа, каковыхъ было два: Императорскій университетъ св. Владиміра съ 27 чиновниками, 29 преподавателями и 123 учащимися, изъ которыхъ казеннокоштныхъ 23 и пансіонеровъ 8; лицей князя Безбородка въ Нѣжинѣ съ 6 чиновниками, 12 преподавателями, 2 комнатными надзирателями и 170 воспитанниками, изъ которыхъ казеннокоштныхъ 17, пансіонеровъ 11.

Далѣе въ рапортѣ идетъ перечень учебныхъ заведеній по губерніямъ, при чемъ учебныя заведенія распредѣлены по такимъ рубрикамъ: 1) гимназіи, 2) уѣздныя училища, 3) приходскія училища, 4) частные пансіоны съ подраздѣленіемъ ихъ на мужскіе и женскіе.

Во всей кіевской губерніи была только одна гимназія, именовавшаяся *губернской* (теперешняя 1-ая кіевская гимназія) съ 6 чиновниками, 16 преподавателями, 8 комнатными надзирателями и 591 учащимся, изъ которыхъ въ благородномъ пансіонѣ было 84 (казеннокоштн. 20 и пансіонеровъ 64), въ конвиктѣ бѣдныхъ дворянъ 40 (казеннокоштн. 29, пансіонеровъ 11) и въ училищѣ землемѣровъ 20 (всѣ казеннокоштн.). Уѣздныхъ училищъ было въ губерніи всего 4 съ 324 учащимися; приходскихъ училищъ—12 съ 251 учащимся мужескаго пола и 94 женскаго; частныхъ пансіоновъ: мужскихъ—3 съ 112 учащимися и женскихъ—7 съ 196 учащимися.

Въ волынской губ. было двѣ гимназіи: *житомирская*, именовавшаяся *губернской*, съ 5 чиновниками, 10 преподавателями и 320 учащимися, и *клеванская* съ 3 чиновниками, 12 преподавателями и 254 учащимися. Уѣздныхъ училищъ было въ губерніи 4 съ 266 учащимися; приходскихъ училищъ—19 съ 351 учащимся (всѣ мужескаго пола); частныхъ женскихъ пансіоновъ 3 съ 48 учащимися.

Въ подольской губ. тоже было двѣ гимназіи: *каменецъ-подольская*, именовавшаяся *губернскою*, съ 4 чиновниками, 10 преподавателями и 210 учащимися; *винницкая*—съ 2 чиновниками, 12 преподавателями и 322 учащимися. Уѣздныхъ училищъ въ губерніи было только 2 съ 146 учащимися; приходскихъ училищъ только 3 съ 237

учащимися (всѣ мужескаго пола); частныхъ пансіоновъ: мужскихъ 2 съ 19 учащимися, и женскихъ—4 съ 47 учащимися.

Наконецъ, въ черниговской губерніи было двѣ гимназіи: *черниговская*, именовавшаяся *губернскою*, съ 6 чиновниками, 11 преподавателями и 170 учащимися; *новгородъ-сѣверская*—съ 3 чиновниками, 11 преподавателями и 268 учащимися. Уѣздныхъ училищъ во всей губерніи было 17 съ 1005 учащимися (въ томъ числѣ стоитъ Александровское греческое училище въ Нѣжинѣ); приходскихъ училищъ—17 съ 669 учащимися (всѣ мужескаго пола); частныхъ пансіоновъ не было совсѣмъ. Итого во всемъ округѣ было: 2 высшихъ учебныхъ заведенія съ 293 учащимися, 7 гимназій съ 2135 учащимися, 27 уѣздныхъ училищъ съ 1741 учащимся, 51 приходское училище съ 1508 учащимися мужескаго пола и 94—женскаго, 5 частныхъ мужскихъ пансіоновъ съ 131 учащимся и 14—женскихъ съ 291 учащейся.

Такимъ образомъ, всѣхъ учебныхъ заведеній—106, всѣхъ учащихся—5808 мужескаго пола и 385—женскаго.

Въ дополненіе къ этому рапорту у насъ имѣется вѣдомость о состояніи учебныхъ заведеній г. Кіева въ томъ же 1835 году. Хотя вѣдомость эта не подписана никѣмъ, но, судя по чистотѣ ея и по датѣ «октября—дня 1835 года», можно смѣло отнести ее къ документамъ вполнѣ достовѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что найдена она нами въ бумагахъ М. Максимовича вмѣстѣ съ указанными раньше рапортами, т. е. очевидно—и эта вѣдомость готовилась къ царскому проѣзду. Въ ней, сверхъ указанныхъ уже въ рапортѣ данныхъ, находимъ перечень учебныхъ заведеній г. Кіева, а именно: кіево-подольское уѣздное училище со 162 учащимися; 4 приходскихъ училища: кіево-печерское мужеское ланкастерское съ 45 учащимися, кіево-печерское дѣвичье съ 42 учащимися, кіево-подольское мужеское съ 47 учащимися и кіево-подольское дѣвичье съ 52 учащимися; 5 частныхъ пансіоновъ: мужескій пансіонъ Коваленкова съ 20 учащимися, женскіе пансіоны—Тютэ съ 65 учащимися, Коваленковой съ 15 учащимися, Залесской съ 40 учащимися, Смирновой съ 24 учащимися. Всего въ г. Кіевѣ—12 учебныхъ заведеній (съ высшимъ и средними) съ 1015 учащимися мужескаго пола и 164—женскаго.

Печатая всѣ эти данныя, мы, съ одной стороны, желаемъ опубликовать тотъ матеріалъ, который можетъ послужить въ пользу составителю исторіи кіевскаго учебнаго округа (мелькомъ упоминалось

въ газетахъ, что эта исторія уже изготовляется), а съ другой—надѣемся помочь читателю нарисовать въ умѣ, хотя блѣдную, но все же картинку умственной жизни нашего края 55 лѣтъ тому назадъ.

В. Науменко.

Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи [1]). Нѣкоторые обряды, соблюдаемые въ настоящее время въ Малороссіи при погребеніи, или только недавно вышедшіе изъ употребленія, указываютъ на глубокую древность и на языческія міровоззрѣнія такія, какія были относительно этого предмета у классическихъ народовъ.

По представленію народа загробная жизнь есть продленіе настоящей, поэтому для покойника требуется все то, что окружаетъ его въ обыденной жизни. Такое представленіе со всею ясностью обрисовывается въ первобытной Руси. Въ описаніи погребенія русса сказано, что покойника положили въ судно, одѣли его въ лучшія, дорогія одежды, поставили подлѣ него горячій напитокъ. «Затѣмъ взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, затѣмъ ихъ разрубили мечами и мясо ихъ бросили въ судно; затѣмъ привели двухъ быковъ, также разрубили ихъ и бросили въ судно; затѣмъ принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и бросили туда же» [2]). Съ этимъ покойникомъ, какъ извѣстно, сожигаютъ дѣвушку, которую раньше убиваютъ.

Основной смыслъ этого погребенія составляетъ желаніе дать покойнику возможность жить послѣ смерти, какъ онъ жилъ и при жизни, а потому съ покойникомъ вмѣстѣ хоронились рабы, служанки и всѣ предметы домашняго быта.

Сходный съ этимъ обычай очень долго сохранялся въ Малороссіи. По разсказамъ стариковъ, только лѣтъ 50 назадъ прекратилось обыкновеніе класть въ гробъ покойника хлѣбъ, горшокъ съ кашей и графинъ съ водкой; и теперь на старыхъ кладбищахъ нерѣдко натыкаются на могилы, въ которыхъ находятъ посудину съ водкой. До настоящаго времени сохранился еще обычай ставить вечеромъ того дня, въ который погребли умершаго, на покути (въ переднемъ, почетномъ углу) или на окнѣ стаканъ съ водой или водкой

---

[1]) Это сообщеніе, какъ рефератъ, мною было читано на VII археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ, въ авг. 1887 г.

[2]) Гаркави: „Сказанія мусульм. писат. о славянахъ и руссахъ", 98—99.

и краюшку хлѣба. Этотъ обычай основанъ на томъ вѣрованіи, что душа покойника приходитъ въ свой домъ ужинать. Обыкновенно, вода за ночь убываетъ; но народъ смотритъ на это, какъ на несомнѣнное доказательство того, что покойникъ являлся и выпилъ воду.

Несомнѣнно также, глубокая древность видна въ обычаѣ бросать въ могилу мѣдныя деньги. Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и П. Чубинскій въ описаніи малорусскаго погребенія (Тр. э. э., IV, 710) и объясняетъ такъ, что деньги даются *за мисце*. Я подробно разспрашивалъ, какой смыслъ придаетъ народъ этому бросанію мѣдныхъ монетъ, и мнѣ объяснили, что подъ землей живетъ *дидько*, который придетъ и скажетъ: «это мое мѣсто, уходи», и надо ему заплатить за мѣсто, чтобы онъ не прогонялъ. Слово дидько въ малорусской демонологіи замѣняетъ собою древнія низшія божества: и лѣшій—дидько, и домовой—дидько.—Въ послѣднемъ обычаѣ бросать деньги въ гробъ слѣдуетъ видѣть родство съ греко-римскимъ обычаемъ класть мертвецу въ зубы или на лобъ мѣдную монету для уплаты Харону при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ въ царство тѣней.

Точно также и слѣдующіе обычаи указываютъ на славянскую старину. Въ Малороссіи почти повсемѣстно принято, что покойника везутъ на возу или на саняхъ, непремѣнно запряженныхъ волами; при этомъ вокругъ покойника садятся дѣти, а иногда и взрослые родственники. Въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ сохранился еще обычай отвозить покойника и зимою, и лѣтомъ на саняхъ, чѣмъ отлично объясняется выраженіе Владиміра Мономаха: *«сѣдя на санѣхъ»*, т. е. на смертномъ одрѣ.

Когда умираетъ дѣвушка-невѣста, то ее одѣваютъ какъ къ вѣнцу, расплетаютъ и расчесываютъ волосы, кладутъ на голову ленты и вѣнокъ и украшаютъ голову зеленью и цвѣтами. Какъ дѣвушкѣ, такъ и парню на средній палецъ правой руки надѣваютъ металлическое кольцо; между тѣмъ какъ женатому человѣку и замужней женщинѣ кольца не надѣваютъ. Со смертью дѣвушки-невѣсты или парня родные пекутъ коровай, кладутъ его на гробъ и послѣ похоронъ на могилѣ раздаютъ его роднымъ покойника. Дѣлаютъ это для того, чтобы вмѣстѣ съ похоронами состроить парню или невѣстѣ и свадьбу, которой тѣ не дождались. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покойницѣ (дѣвушкѣ) назначаютъ парня-жениха, который идетъ за гробомъ, одѣтый прилично своему званію.

Если умираетъ отецъ или мать и оставляетъ дочерей, не выданныхъ замужъ, то послѣднія расплетаютъ косу, какъ дѣлается это

на свадьбѣ, и идутъ такъ за гробомъ, чтобы дать возможность родителямъ видѣть дочь въ брачномъ одѣяніи.

Покойника обыкновенно провожаютъ съ особенными опредѣленными плачами; но существовалъ обычай, правда не повсемѣстно, не плакать надъ умершимъ, а веселиться, пѣть пѣсни и играть на свирѣли. Такой обычай, по разсказу одной старухи, существовалъ въ селѣ Подвысокомъ, кіевской губ., уманскаго уѣзда. Какъ ни страненъ этотъ обычай, но онъ коренится въ древне-русской тризнѣ, празднествѣ надъ умершимъ, состоящемъ въ военныхъ играхъ, пиршествѣ и веселіи.

Хр. Ящуржинскій.

Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки? [1]) 8 ноября минувшаго года праздновалось пятисотлѣтіе русской артиллеріи. Основаніе для пріуроченія этого празднества къ нынѣшнему году даетъ лѣтописная замѣтка, свидѣтельствующая, что въ 1389 г. были привезены арматы въ Москву изъ нѣмецъ и съ этого времени москвичи стали палить огнемъ. Краткая лѣтописная замѣтка не говоритъ, отъ какихъ нѣмцевъ прибыли первыя пушки и какимъ путемъ онѣ были доставлены. Если имѣть въ виду только одно московское государство, то на основаніи указаннаго лѣтописнаго извѣстія, первое появленіе артиллеріи здѣсь дѣйствительно случилось ровно пятьсотъ лѣтъ назадъ. Однако, что касается Руси западной, то тамъ первое ознакомленіе съ артиллеріей произошло на нѣсколько лѣтъ раньше. И въ западной Руси, какъ и въ московской, учителями пушкарскаго дѣла явились нѣмцы. Извѣстно, что съ XII ст. на берегахъ Балтійскаго моря основалась нѣмецкая колонія, которая въ короткое время разрослась въ обширное государство. Въ началѣ XIII в. въ двухъ разныхъ пунктахъ основываются здѣсь полумонашескіе, полувоенные ордена меченосцевъ и тевтонскій; въ 1237 г. оба ордена соединяются и систематически принимаются за подчиненіе ливонскихъ и литовскихъ племенъ, заселявшихъ сѣв.-вост. побережье Балтійскаго моря. Обладая большими средствами, крѣпкой организаціей и замѣчательными дипломатическими способностями, орденъ весьма успѣшно ведетъ свою миссію, на знамени которой только по ошибкѣ былъ выставленъ крестъ. Крестоносцы не имѣли времени путемъ долгихъ словесныхъ убѣжденій обращать языческихъ туземцевъ: они избрали для этого болѣе краткій

---

[1]) Настоящая замѣтка нѣсколько запоздала по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ.

путь, обращая ихъ igne et ferro, на основаніи знаменитаго папскаго изреченія compellere intrare... Военное искусство ордена скоро пріобрѣло громкую извѣстность въ западной Европѣ; орденъ сталъ въ нѣкоторомъ родѣ знаменитой военной школой, куда ежегодно направлялась для практики въ военномъ дѣлѣ знатная рыцарская молодежь изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Европы. Орденъ внимательно слѣдилъ за успѣхами военнаго дѣла на Западѣ и тотчасъ примѣнялъ у себя всѣ новѣйшія изобрѣтенія военной техники.

Подобное важное изобрѣтеніе, какъ огнестрѣльное оружіе, не могло не обратить на себя вниманія такихъ знатоковъ военнаго искусства, какими были крестоносцы, особенно въ виду того, что сами литовцы успѣли уже перенять у орденскихъ братьевъ многіе пріемы военнаго дѣла, научились строить неприступныя крѣпости, познакомились съ употребленіемъ осадныхъ машинъ и пр. Однако артиллерія появляется у крестоносцевъ сравнительно довольно поздно: въ то время, какъ на Западѣ, во Франціи, Англіи, Италіи она уже повсемѣстно была въ употребленіи къ срединѣ XIV в., орденскіе братья впервые примѣняютъ ее въ походахъ на Литву въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XIV ст. Въ одной изъ прусскихъ лѣтописей (Виганда изъ Марбурга) сохранилось извѣстіе о первомъ появленіи артиллеріи у крестоносцевъ. Разсказывая объ одномъ изъ мелкихъ походовъ крестоносцевъ на Литву въ 1381 г. (крестоносцы ежегодно совершали по нѣсколько такихъ набѣговъ, называвшихся «рейзы») Вигандъ описываетъ осаду литовской крѣпостцы Naupillen и прямо говоритъ, что въ этой осадѣ крестоносцы впервые употребили въ дѣло пушки, чѣмъ сильно напугали язычниковъ, никогда не видѣвшихъ подобныхъ орудій. (Postea in Naupillen veniunt, ubi preequites multos viros occiderunt. Subsequiturque exercitus et opponunt se castro *bombarden advolventes* crastina die sagittis (*usus bombardarum primus*) impugnant, multi quoque paganorum perterriti sunt, *quum ante hec tempora non asportabant bombardas contra paganos*. См. Script. Rer. Prussic. t. II p. 599, тоже и въ нѣмецкомъ оригиналѣ той же хроники: A. 1380 (годъ невѣренъ, данный походъ былъ въ 1381 г.) Zog der orden in das landt Weigow vor Naupillen *und brochten puchsen dorvor*. Do das die heiden horten, goben sie sich mit weib und kindt und huldigten in. *Und das woren die ersten buxen die im landt gehort woren*. Ib. p. 601.

Однако и литовцы, перенявшіе, какъ мы уже сказали, много техническихъ военныхъ пріемовъ у крестоносцевъ, успѣли пріобрѣсть

артиллерію почти одновременно съ орденскими братьями. Въ 1382 г. Кейстутъ при осадѣ орденской крѣпости Юргенбурга имѣетъ уже пушки. (Post Pascha navigio per Mimilam descendit Kynstut *cum bom bardis* ante Jurgenborg vulgariter. Scr. Rer. Pruss. II p. 613, тоже въ нѣмецкомъ текстѣ: Item, do zog könig Kinstut in Preussen vor Jnsterborg *und brochte buxen mit.* Ibid) Лѣтопись не говоритъ, откуда досталъ пушки Кейстутъ, были ли это отбитыя у крестоносцевъ орудія, или литовцы успѣли гдѣ нибудь заказать и для себя орудія, въ важномъ значеніи которыхъ они убѣдились на дѣлѣ, въ стычкахъ съ орденомъ. Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ первое. Въ періодъ 1380—81 г. литовцы не разъ нападали на орденскія земли и иногда довольно успѣшно; такъ, въ одинъ изъ набѣговъ Кейстутъ захватилъ 500 плѣнныхъ; при этомъ онъ могъ и отбить орудія у крестоносцевъ. Разсказывая объ осадѣ Трокъ Ягелла вмѣстѣ съ крестоносцами (въ время эпоху борьбы Ягелла съ Кейстутомъ 1382), Вигандъ говоритъ, что магистръ ордена подарилъ Ягеллу пушки, привезенныя крестоносцами для осады города (et sic marschalkus... *bombardas, quas adduxerat* ad vincendas terras in Dei laudem et virginis Marie *dedit regi, nec ullam deduxit.* Scr. Rer. Prussic. II, p. 618) Такимъ образомъ западная Русь познакомилась съ употребленіемъ артиллеріи нѣсколько раньше, чѣмъ восточная; но при плохомъ состояніи тогдашнихъ орудій и неумѣніи съ ними обращаться, артиллерія приносила пока мало пользы: такъ, Витовтъ имѣлъ пушки въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ, что однако не помѣшало ему потерпѣть жестокое пораженіе.

И. А. Линниченко.

Генеральный писарь Андрей Безбородко.

Р. 1711 † 1780.

(КЪ ПОРТРЕТУ).

Безбородки происходятъ изъ переяславскаго мѣстечка Березани, гдѣ въ нач. XVIII в. жилъ „панъ Яковъ Безбородченко"— отецъ генеральнаго писаря Андрея Безбородка и дѣдъ князя Александра Безбородка. Купивъ въ 1706 г., „ставище" на Сухой Оржицѣ, Яковъ Безбородченко устроилъ здѣсь хуторъ, къ которому сталъ затѣмъ прикупать сосѣднія земли, изъ которыхъ образовалось къ 1717 г. значительное земельное владѣніе, утвержденное за Безбородкомъ въ томъ же году, универсаломъ Скоропадскаго. Дальнѣйшія земельныя пріобрѣтенія Безбородка утвердилъ за нимъ гетманъ Апостолъ универсаломъ 1728 г., въ которомъ Яковъ Безбородко называется уже „значковымъ полку переясловского товарищемъ". Въ это время старшій сынъ Якова Безбородка—Андрей уже служилъ въ генеральной канцеляріи канцеляристомъ и скоро за его способности, былъ замѣченъ Апостоломъ, который „извѣдавши Безбородка добропорядочно и по чистой совѣсти поступающа, къ должности старшаго канцеляриста, въ 1733 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, опредѣлилъ словесно". При кн. Барятинскомъ (1736—37) Б. дѣлается уже близкимъ къ этому „правителю" Малороссіи чиновникомъ. Изъ м. Переволочной, въ сентябрѣ 1737 г., Б. пишетъ полтавскому полковому писарю Руновскому: его сіятельство (кн. Барятинскій) изволилъ приказать мнѣ писать къ вм. пану, партикулярно, дабы поискать доброго пива куфъ зо-двѣ (бочки двѣ) и прислать

какъ скорѣе возможно; а понеже я надѣюсь, что нигдѣ индѣ какъ въ Нов. Санджарахъ[1]) легко доброго пива сыскать возможно, того ради совѣтую вм. пану въ томъ своего особливого приложить стараня, дабы доброго и тонкого пива кУховъ зо двѣ было съ самой скорости въ дворъ его сіят. прислано".—Румянцовъ (отецъ Задунайскаго), замѣнившій Барятинскаго, еще болѣе приблизилъ къ себѣ Б—ка и за смертью генер. писаря Турковскаго, въ 1739 г. поручилъ ему править эту важную въ то время должность. При Кейтѣ, въ 1741 г., Б. былъ утвержденъ генеральнымъ писаремъ. За это время онъ успѣлъ уже получить „въ вѣчное владѣніе" три села и породниться съ мѣстною знатью. Въ прошеніи 1740 г. Андрей Б. писалъ: „По силѣ указа 1736 г., за службы мои опредѣлены мнѣ въ вѣчное владѣніе маетности: село Стольное, да въ гелмязовской сотнѣ села Плешканы и Богданы, кои универсалами—однимъ умершаго кн. Барятинскаго, декабря 1736 г., а другимъ генер. Румянцева, въ апрѣлѣ 1739 г., мнѣ ствержены; только на оныя маетности для совершенной въ вѣчные часы твердости, жалованной грамоты не имѣю; прочіе же братья моя (товарищи) въ должности таковой какъ я нынѣ, въ исправленіи дѣлъ въ войск. генер. канцеляріи званія старшаго войск. канцеляриста и писаря войск. генеральнаго подлежащихъ, находясь, яко то: Кочубей, Володковскій, Валькевичъ и прочіе, жалованныя грамоты получили.—Я же чрезъ немалыя лѣта, такъ въ званіи старшого войск. канцеляриста, яко въ болѣзнь и по смерти писаря войск. генеральнаго Турковскаго, въ его должности трудясь и при главныхъ командирахъ на границы и въ другія въ минувшее военное время, приключаемыя поѣздки, безотлучно на своемъ коштѣ, отлучался". Б. просилъ выдать ему на маетности грамоту, которую и получилъ. Женившись на дочери генеральнаго судьи Михайла Забѣлы, Б. вошелъ въ кругъ стариннаго панства.

Но только что успѣлъ Андрей Б. утвердиться на своемъ вліятельномъ урядѣ и сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ для тогдашнихъ правителей Малороссіи, какъ на него написанъ

---

[1]) Мѣстечко около Полтавы.

былъ въ Петербургѣ такой доносъ, что въ ноябрѣ 1742 г. былъ присланъ оттуда въ Глуховъ указъ—отрѣшить Б—ка отъ должности и произвести по доносу слѣдствіе самому Бибикову (тогдашнему правителю) съ двумя особо назначенными чиновниками. Доносителемъ явился землякъ Б—ка, яготинскій сотникъ Филиппъ Купчинскій.

Купчинскій обвинялъ Б—ка прежде всего во взяточничествѣ, которое будто бы онъ, пользуясь довѣріемъ правителей, довелъ до небывалыхъ размѣровъ; затѣмъ—въ лицепріятіи къ родичамъ и пріятелямъ. При этомъ Купчинскій разсказываетъ, что Б. началъ опредѣлять полковую и сотенную старшину безъ выборовъ, по личному своему произволу, за деньги. За сотничьи уряды бралъ по 100, по 70 рублей; а для того, чтобъ доходъ свой съ сотниковъ увеличить, убѣдилъ Румянцева—многія сотни подѣлить пополамъ и такимъ образомъ создалъ новыя должности, которыя роздалъ также за деньги. Не довольствуясь и этимъ, говоритъ Купчинскій, Б. установилъ новые уряды „вакансовые", завевъ такой порядокъ, что при неимѣніи вакантнаго уряда, выдавалъ искателю мѣста свидѣтельство на „вакансовое сотничество" и даже полковничество, съ тѣмъ, что получившій такое свидѣтельство, имѣлъ право получить первое открывшееся сотничье или даже и полковничье мѣсто.—Затѣмъ Б. увеличилъ число канцеляристовъ въ своей канцеляріи до 200 человѣкъ; а при Апостолѣ ихъ было, по словамъ Купчинскаго, всего 30; за принятіе въ канцелярію Б. также бралъ взятки и для увеличенія ихъ размѣровъ, сталъ опредѣлять канцеляристами людей „посполитой породы", т. е. крестьянъ и мѣщанъ.—Доносъ свой Купчинскій подтверждалъ многими примѣрами, въ доказательство которыхъ ссылался на свидѣтелей. Такъ доноситель разсказывалъ, что на урядъ новгородсѣверскаго сотничества Густавъ Биронъ рекомендовалъ Румянцеву значковаго товарища Александра Пилатовича, за котораго подали де голоса свои и сотняне; но, не смотря на это, Б. отдалъ тотъ урядъ Степану Судьенку, взявъ съ него за то 600 р. и четыре бочки водки. Выкрещенный еврей Крыжановскій сначала получилъ водочный откупъ въ двухъ полкахъ, лубенскомъ и миргородскомъ, а потомъ опредѣленъ въ

м. Глинскъ сотникомъ; за это Б. получилъ отъ него 260 червонцевъ да жемчугу для жены, рублей на триста. Родственникамъ раздалъ де Б. слѣдующія мѣста: свояку Ивану Сахновскому—черниговскаго обознаго, а сыновьямъ его, Григорію и Якиму Сахновскимъ—старосанжаровскаго и менскаго сотниковъ, да племяннику жены, Василію Быковскому—гадяцкаго судьи. Особенно обильный доходъ, по словамъ доносителя, доставляли Б—ку тѣ взятки, которыя онъ бралъ за опредѣленіе молодыхъ людей въ канцеляристы генеральной канцеляріи. Такъ будто бы, Б. взялъ у Кисилевскаго, за принятіе въ канцеляристы генер. канцеляріи, шесть кубковъ серебряныхъ и два перстня; у Григорія Иваненка—лошадь съ рондомъ сребрянымъ; у Григорія Туманскаго—среб. кружку въ двѣ кварты; у Якова и Семена Копцевичей—девять кубковъ сребряныхъ; у Дунина-Борковскаго—пятнадцать стѣнныхъ ковровъ; у Михайловича—портище штофу; у Ивана Тумковскаго—сребр. лядунку; у Кирилла Лукашевича—листоваго стекла на окна, въ построенный въ м. Стольномъ домъ; у Федора Чернацкаго—большой турецкій наметъ (палатку) и т. д. Бралъ взятки Б. и съ тѣхъ урядниковъ, которые получали мѣста по выбору: съ Андрея Рубца взялъ меду сто пудовъ и водки десять бочекъ за то, чтобъ Рубцу быть судьею стародубскимъ, а не обознымъ, и за то, что ему, Рубцу, стараніемъ Б—ка „отданъ былъ въ подданство свободный городъ Мглинъ", что послѣ уничтожилъ правитель Леонтьевъ; у бунчук. товарища Андрея Полуботка взялъ сто брусьевъ дубовыхъ; у бунчуков. товарища Андрея Дунина-Борковскаго взялъ цѣлый домъ, который перевезъ въ Стольное; у компанейскаго полковника Игната Чеснока взялъ турецкую янычарку (саблю); у полковника Капниста—15 лошадей, за рѣшеніе дѣла его съ маяцкимъ сотникомъ...

Изъ этого доноса видно, что Андрей Б. при правителяхъ, до 1741 г., былъ едва ли не самымъ вліятельнымъ чиновникомъ въ Малороссіи.—Доносъ былъ слишкомъ важенъ, но слѣдствіе по нему производилось замѣчательно медленно: Б. отрѣшенъ былъ отъ должности въ ноябрѣ 1742 г., но первый допросъ ему былъ сдѣланъ лишь въ концѣ марта слѣдующаго года, а второй

допросъ произведенъ почти черезъ пять лѣтъ, въ маѣ 1747 г. На обвиненія во взяточничествѣ при раздачѣ мѣстъ, Б. отвѣчалъ, что не онъ опредѣлялъ чиновниковъ, а правители; взятокъ же онъ не бралъ никакихъ. Послѣ втораго допроса дѣло почему то остановилось вовсе и не двигалось до пріѣзда въ Малороссію Разумовскаго, въ 1751 г.-- Новый гетманъ пожелалъ сразу покончить это дѣло и поручилъ вслѣдъ за прибытіемъ своимъ въ Глуховъ (30 іюня), немедленному разрѣшенію генеральной старшины и полковниковъ, съѣхавшихся въ Глуховъ для встрѣчи гетмана. Въ августѣ дѣло уже было рѣшено: „Купчинскій обвиненъ, а Б. оправленъ старшиною генеральною и полковниками, и по прежнему, ордеромъ гетманскимъ, опредѣленъ въ генеральную канцелярію; а Купчинскій лишенъ сотничьяго чина, чести и 100 ударовъ кіями взялъ". Такъ записалъ это рѣшеніе современникъ Яковъ Марковичъ. Оправданный Б. снова занялъ урядъ генеральнаго писаря и снова сталъ пользоваться прежнимъ вліяніемъ. Не разъ приходится въ архивныхъ бумагахъ встрѣчать универсалы Разумовскаго, подписанные „по повелѣнію гетмана" Б—комъ...

Болѣе десяти лѣтъ правилъ Б.при и Разумовскомъ, генеральною канцеляріей. Въ 1762 г. вмѣсто Б-ка, генер. писаремъ назначенъ былъ Василій Туманскій, а Б. былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ генер. судьи.—Отставной Б. поселился въ своемъ Стольномъ (мѣст. сосницкаго уѣзда) и здѣсь доживалъ вѣкъ, радуясь какъ его старшій сынъ Александръ быстро шелъ вверхъ по служебной лѣстницѣ: принятый на службу Румянцовымъ въ 1765 г., молодой Б. въ 1774 г. (27-ми лѣтъ отъ роду) былъ пожалованъ полковникомъ въ кіевскій полкъ, а еще черезъ годъ—сталъ секретаремъ при императрицѣ, „у принятія челобитень".—Умеръ Андрей Б. въ мартѣ 1780 г., оставивъ двухъ сыновей—Александра, будущаго канцлера и свѣтлѣйшаго князя, и Илью, и трехъ дочерей: Анну (Галецкую), Ульяну (Кочубей) и Татьяну (Бакуринскую [1]).

---

[1]) См. Русск. Архивъ 1875 г.

Приложенный къ настоящей книжкѣ портретъ Андрея Б-ка представляетъ точный снимокъ съ портрета, хранящагося въ семьѣ А. П. Бакуринскаго (внука Татьяны Андреевны Б-ко). Въ собраніи В. В. Тарновскаго имѣется другой портретъ Андрея Б-ко—*съ усами*, написанный повидимому, уже въ преклонные годы бывшаго генер. писаря. Подлинникъ этого послѣдняго портрета находится у П. А. Кочубея, въ с. Згуровкѣ, прилуцк. уѣзда.

А. Л.

Библіографія.

1) Кіевъ теперь и прежде. Составилъ инспекторъ кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ М. М. Захарченко. Издалъ содержатель пароваго лито-типографическаго заведенія С. В. Кульженко. Рисунки и клише собственность издателя. Кіевъ, 1888. in-4⁰ (стр. 276. Цѣна 10 руб.). 2) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ, 1888. in-4⁰ (стр. 290+XI—съ указаніемъ именъ. Цѣна 12 руб. въ переплетѣ). 3) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ, 1888 in-4⁰ (стр 290+XVI—съ указателемъ именъ. Цѣна 6 руб. въ переплетѣ).

Какъ можно заключить изъ случайнаго замѣчанія автора (стр. 36—цитируемъ по первому изданію), появленіе книги было вызвано 900-лѣтнимъ юбилеемъ крещенія Руси. Редакція «Кіевской Старины» не дала въ свое время отчета о новомъ вкладѣ въ исторію нашего города, чтобы не омрачать торжества неизбѣжнымъ словомъ укоризны къ издателю, который видимо не пощадилъ средствъ для этого роскошнаго труда и очевидно руководствовался наилучшими намѣреніями. Появленіе въ концѣ прошлаго года новаго, удешевленнаго изданія книги вынуждаетъ редакцію оказать издателю и самому автору ту услугу, какой они вправѣ требовать отъ кіевскаго научно-историческаго журнала. Художественной стороны изданія не касаемся, такъ какъ она нашла справедливую оцѣнку въ своевременно появившейся рецензіи «Вѣстника Европы». Мы несогласны съ мнѣніемъ почтеннаго рецензента петербургскаго журнала, что въ подобнаго рода изданіяхъ текстъ стоитъ на второмъ планѣ. Сочиненіе г. Захарченка весьма обширно, оно снабжено ссылками и учеными цитатами, трактуетъ вопросы высокой важности, замыкаетъ цѣлый рядъ популярныхъ и научныхъ работъ по исторіи нашего города, и конечно, должно представлять поэтому сводку, въ общедоступной формѣ, добытаго ранѣе археологическаго и историческаго матеріала. Разъ ав-

торъ историческаго сочиненія ссылается на свои источники и пособія—какъ это дѣлаетъ г. Захарченко—онъ безспорно вправѣ разсчитывать на большее вниманіе критики къ своему труду.

Сочиненіе г. Захарченка, къ сожалѣнію, лишено предисловія, почему приходится въ самомъ текстѣ искать объясненій размѣра задачи, которую предположено выполнить въ данномъ случаѣ. Судя по эпиграфу, авторъ желалъ повѣдать «потомкамъ православныхъ земли родной минувшую судьбу». Весьма нерѣдкія подстрочныя ссылки на пособія и источники, подчасъ даже первой руки, нерѣдко вводимый въ изложеніе лѣтописный текстъ, видимое соблюденіе принятыхъ въ учено-литературномъ обиходѣ условныхъ знаковъ для указанія заимствованій изъ авторовъ—все это заставляетъ читателя предъявлять къ настоящему труду требованія, которыя были бы неумѣстны относительно простой популярной или справочной книги о Кіевѣ. Съ другой стороны, такъ какъ г. Захарченко въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ ссылки не на источники первой руки, приходится сравнить его сочиненіе съ тѣми новѣйшими трудами, которыми онъ пользуется по преимуществу.

Авторъ нашъ ссылается на два источника первой руки: Лаврентьевскую лѣтопись въ изд. 1846 г. и «Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей» 1874 г. Трудно понять, почему г. Захарченко пренебрегъ Ипатской и Густынской лѣтописями и огромной массой матеріаловъ для исторіи Кіева, собранныхъ, напр., въ изданіяхъ кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Изъ новѣйшихъ авторовъ у г. Захарченка встрѣчаемъ ссылки на классическое «Описаніе Кіева» Закревскаго (1868 г.), трудъ Сементовскаго (1881 г.), Фундуклея (1847 г.), Полеваго (1880 г.), Карамзина (т. I), Соловьева (т. I), Горчаковой (1885 г.), брош. г. Малышевскаго о св. Владимірѣ (1888 г.), соч. митр. Макарія (1857 г.), брош. г. Н. Л. (1862—86 г.) и затѣмъ на справочныя книги, въ родѣ календарей, памятныхъ книгъ и т. п. Разъ авторъ добровольно съузилъ до такой степени кругъ своихъ пособій, намъ остается слѣдовать за нимъ.

Основной источникъ, къ которому неизмѣнно тяготѣетъ изложеніе г. Захарченка,—это помянутое выше «Описаніе Кіева» Закревскаго. Сличеніе текста обоихъ авторовъ показываетъ, что добрая половина общей части разсматриваемаго сочиненія почерпнута у Закревскаго, при чемъ г. Захарченко пользуется трудомъ послѣдняго

нѣсколько своеобразно: иногда указываетъ свой источникъ, иногда— нѣтъ, какъ ему заблагоразсудится. Въ указателѣ именъ, приложенномъ къ удешевленному изданію, имѣется перечень ссылокъ на Закревскаго, и одно уже это обстоятельство, повидимому, должно было бы заставить нашего автора нѣсколько осмотрительнѣе пользоваться чужимъ трудомъ, чтобы не вводить читателя въ заблужденіе. Поспѣшность ли составленія книги, или другія какія либо, неизвѣстныя намъ, причины приводятъ г. Захарченка къ цѣлому ряду промаховъ, ошибокъ и неуказанныхъ заимствованій, —нѣкоторыя изъ нихъ укажемъ здѣсь, чтобы характеризовать способъ изложенія нашего автора и не навлечь обвиненія въ голословности. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Закревскій. т. I, стр. 5: «начало Кіева скрывается въ туманѣ отдаленныхъ вѣковъ. Если мы встрѣчаемъ въ классическихъ историкахъ указанія на Днѣпровскія страны, то они столь неудовлетворительны и баснословны, что критикѣ ничего достовѣрнаго изъ нихъ извлечь не можетъ».	*Г. Захарченко, стр. 19* (безъ ссылки): «когда собственно возникъ Кіевъ, объ этомъ трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ начало и его, какъ и многихъ другихъ городовъ, скрывается въ туманѣ отдаленныхъ вѣковъ».

На стр. 20 у г. Захарченка (безъ ссылки) находимъ любопытное свѣдѣніе, что въ мѣстности, гдѣ т. наз. варяжскія пещеры, «задолго до начала исторіи Кіева уже велась значительная торговля, при чемъ эти пещеры служили убѣжищемъ для купцовъ-пиратовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень удобнымъ мѣстомъ для храненія ихъ сокровищъ». У Закревскаго, т. I, стр. 207 сл., приведено мнѣніе писателей XVII в. Сильвестра Коссова и Аѳанасія Кальнофойскаго, что варяги разбойничали по Днѣпру и имѣли притоны въ пещерахъ кіевскихъ. Отъ себя Закревскій добавляетъ: «какимъ образомъ ученые XVII вѣка пришли къ подобному мнѣнію, не беремся рѣшить». Но за то, кажется, не трудно рѣшить происхожденіе мнѣнія нашего автора по этому интересному вопросу. Замѣтить должно, что и такое мнѣніе составилось у г. Захарченка благодаря посредству Полеваго, который осмотрительно снабжаетъ свою догадку словомъ «можетъ быть», что было извѣстно и г. Захарченку (стр. 95). О возможной принадлежности кіевскихъ пещеръ людямъ каменнаго вѣка г. Захарченко не упоминаетъ (ср. стр. 30).

Закревскій, т. I, стр. 7: «противъ Боричева въ старину былъ чрезъ Почайну и Днѣпръ перевозъ, называемый Кіевымъ; почему нѣкоторые почитали Кія перевощикомъ; но самъ Несторъ, опровергая это мнѣніе, пишетъ» и т. д.

Г. Захарченко, стр. 21 (ссылка на лѣтопись): «внизу города Кіева, противъ Боричева взвоза, помѣщался перевозъ, при помощи котораго въ старину населеніе нагорнаго праваго берега Днѣпра сообщалось съ его лѣвымъ берегомъ. Перевозъ этотъ, говоритъ Несторъ, назывался также Кіевымъ, что и дало поводъ нѣкоторымъ считать Кія перевозчикомъ; но, затѣмъ, лѣтописецъ самъ же и опровергаетъ это мнѣніе» и т. д.

Описаніе языческаго Кіева (стр. 28 сл.) заимствовано у Закревскаго безъ указанія источника, но съ попытками на изложеніе своими словами. Примѣръ:

Закревскій, I, 10: «Кіево-Подолъ въ этомъ столѣтіи былъ еще незаселенъ. Покрытый топями и лѣсомъ, онъ представлялъ пустыню, въ которой однако жъ, какъ бы украдкою между деревьями, находилась церковь св. Иліи, выстроенная на берегу ручья Почайны близъ слободы Козарской; гораздо далѣе, на Оболони, стояло капище бога Волоса».

Г. Захарченко, стр. 28 (безъ ссылки): «вся эта низменность представляла въ тѣ времена незаселенную пустыню; только на Оболони, гдѣ, вѣроятно, были отличныя пастбища, стояло капище покровителя стадъ—бога Волоса. Да на берегу Почайны, какъ бы украдкой, между деревьями ютилась церковь св. Иліи».

Закревскій, I, 13: «слава Кіева была сопряжена съ жизнію Ярослава. Умирая, онъ унесъ съ собою въ гробъ счастіе Кіева и могущество Россіи».

Г. Захарченко, стр. 43 (безъ ссылки): «но слава Кіева была тѣсно связана съ жизнью Ярослава. Со смертью своею, онъ унесъ въ гробъ не только счастье Кіева, но и могущество Руси».

Закревскій, I, 27: «татарамъ никто уже болѣе не сопротивлялся; нѣсколько дней яростно истребляли они все огнемъ и мечемъ... Нѣсколько монаховъ печерской обители, спасшихся отъ

Г Захарченко, стр. 50 (безъ ссылки): «никто уже болѣе не сопротивлялся татарамъ: они свободно расхаживали по городу и яростно истребляли все, что попадалось на встрѣчу... Только по-

меча татаръ, жили въ лѣсахъ, ископавъ себѣ уединенныя пещеры. Изъ привязанности къ святому мѣсту, тайно, по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся иногда по ночамъ, собирались отшельники на службу Божію въ одинъ малый придѣлъ церковный, который уцѣлѣлъ среди всеобщаго разрушенія... знаменитая праматерь градовъ русскихъ даже въ XIV и XV вѣкѣ представляла бѣдную деревню».	томъ уже нѣсколько иноковъ печерской обители, изъ привязанности къ святому мѣсту, стали по временамъ собираться изъ сосѣднихъ лѣсовъ по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся по ночамъ, въ уцѣлѣвшій среди развалинъ придѣлъ церкви. И долго еще Кіевъ представлялъ собою видъ бѣдной деревни».

На стр. 83 у г. Захарченка встрѣчаемъ такую любопытную фразу безъ конца и безъ ссылки: «за этою то косою въ Почайнѣ нѣсколько повыше Хрещатика—тамъ, гдѣ для укрѣпленія берега были вколочены сваи и сдѣланы клѣти, и укрывались отъ бурь и на зиму всѣ рѣчныя суда, отчего и самое мѣсто это стало называться Притыкою. Такъ велось это дѣло многія столѣтія, но вотъ для сокращенія пути порѣшили кіевляне прорыть косу противъ Притыки. Днѣпръ и направился со всей своей силой въ это мѣсто». Это мѣсто почерпнуто изъ описанія Берлинскаго (1820 г., стр. 143, цит. у Закр. II, 722), съ тою разницею, что 1712 г. Берлинскаго превратился въ «но вотъ» нашего автора и что стиль Берлинскаго не лишенъ изящества.

Легко понять, что при спѣшной работѣ неизбѣжны маленькія неточности въ ссылкахъ на источники. Какъ ни излагай лѣтопись, новаго ничего не придумаешь, и немудрено въ самомъ дѣлѣ столкнуться съ Закревскимъ даже безъ дурнаго умысла; но имѣть свои собственныя слова во всякомъ случаѣ обязательно для каждаго автора, или же, въ противномъ случаѣ, точно указывать заимствованія, или, наконецъ, не дѣлать никакихъ ссылокъ. Тогда было бы ясно съ перваго взгляда, что имѣемъ дѣло съ простой компиляціей, отъ которой требуется лишь толковость и ясность изложенія. Не ставя, поэтому, нашему автору въ вину указанныхъ выше, вѣроятно, невольныхъ параллелизмовъ, не можемъ не указать на нѣкоторыя извращенія словъ Закревскаго, создающія путаницу просто безвыходную. Вотъ примѣръ. У Закревскаго, II, 886, читаемъ: «Исторію Θеодосіевской церкви можно начать только съ XVII вѣка. Первый пи-

сатель, который упоминаетъ о ней, есть почтенный отецъ Аѳанасій Кальнофойскій... Слова его приведены у насъ выше, на стр. 218». На этой страницѣ въ т. I Закревскій точно указываетъ, что «Тератургима» Кальнофойскаго принадлежитъ 1638 году. Между тѣмъ г. Захарченко, безъ ссылки, излагаетъ такую диковинную вещь: «Но собственно достовѣрная исторія Ѳеодосіевской церкви можетъ быть начата едва только съ XVII вѣка, когда, по свидѣтельству А. Кальнофойскаго (писавшаго—то въ 1638 г.?!), въ 1700 году, казацкимъ полковникомъ Макіевскимъ была построена на мѣстѣ прежней, деревянной, новая, каменная Ѳеодосіевская церковь» (стр. 147). Такое извращеніе Закревскаго тѣмъ болѣе изумительно, что у г. Захарченка страницей раньше встрѣчаемъ такую фразу: «въ 1638 году монахъ Печерскаго монастыря А. Кальнофойскій, составляя планъ пещеръ св. Антонія» и т. д. Изъ стр. 219, т. I Закревскаго нашъ авторъ могъ бы узнать, что свѣдѣніе о Мокіевскомъ почерпнуто никакъ не изъ Кальнофойскаго, а изъ описанія лавры о. Павла Троцкаго. Если справка съ Закревскимъ столь затруднительна, то можно бы обратиться къ описанію митр. Евгенія (Кіевъ, 1826 г., стр. 34), гдѣ именно сказано, что кіевскій полковникъ К. Мокіевскій отстроилъ церковьне въ 1700, а въ 1696 г.; изъ «Сборника матеріаловъ для топографіи Кіева» 1874 г., отд. III, стр. 27, легко можно было бы также узнать время выхода сочиненія Кальнофойскаго, на которое столь неосмотрительно ссылается г. Захарченко.—Ниже увидимъ столь же печальные примѣры непониманія текста Закревскаго.

Изслѣдовать далѣе внѣшніе литературные пріемы автора разсматриваемой книги было бы утомительно, такъ какъ параллели можно бы продолжить до безконечности. Не можемъ, однако, не отмѣтить, что г. Захарченко заимствовалъ описаніе Владимірскаго собора (стр. 233 сл.) изъ весьма толково составленнаго «Путеводителя по Кіеву» В. Д. Бублика (Кіевъ, 1888 г, стр. 67—70), впрочемъ, съ нѣкоторыми перестановками предложеній, и между тѣмъ тщетно стали бы мы искать въ нашей книгѣ ссылки на почтенный трудъ г. Бублика. Отмѣтимъ также фактъ чрезмѣрно широкаго пользованія брошюрами г. П. Л., которыя перепечатываются на протяженіи цѣлыхъ страницъ или перифразируются до крайности запутанно, такъ что, сличая эти труды съ книгой г. Захарченка (см , напр., описаніе лавры), можно прійти въ истинное отчаяніе.

Указанные выше промахи сами по себѣ, конечно, не могли бы лишить всю книгу присущаго ей достоинства, какъ сводки добытыхъ

ранѣе изученій по исторіи нашего города. Какъ ни скудны источники и пособія г. Захарченка, несомнѣнно, что и по нимъ возможно составить удобочитаемый общій очеркъ Кіева и его отдѣльныхъ учрежденій,—для этого нужна однако нѣкоторая любознательность и интересъ къ предмету.

Трудъ нашего автора дѣлится на двѣ части, примѣнительно къ плану Закревскаго: общій очеркъ исторіи и современнаго состоянія Кіева и отдѣльныя описанія святынь, учрежденій и мѣстностей города. Г. Захарченко въ высокой степени владѣетъ искусствомъ группировать свой матеріалъ такимъ образомъ, что читатель рѣшительно лишается возможности составить себѣ сколько нибудь наглядное и вразумительное понятіе по самымъ интереснымъ вопросамъ исторіи и археологіи матери городовъ русскихъ. Археологія и этнографія Кіева, внутренняя жизнь кіевской общины въ эпохи разцвѣта и упадка, дѣятельность и отношенія вѣча къ князьямъ, роль козачества въ исторіи города, исторія просвѣщенія и литературы кіевской, дѣятельность лѣтописцевъ, исторія религіознаго движенія, архитектура, орнаментика и значеніе кіевскихъ святынь, торговля, промыслы, городовое устройство, наконецъ, политическая роль Кіева на всемъ протяженіи дивной его исторіи—все это предметы, о которыхъ ничего опредѣленнаго не узнаешь изъ книги г. Захарченко. Принятая нашимъ авторомъ система изложенія просто не позволяетъ ему остановиться сколько нибудь подробно на этихъ, во всякомъ случаѣ не лишенныхъ интереса, матеріяхъ. Все вниманіе историка сосредоточено на томъ, чтобы соединить разрозненные тексты своихъ пособій нѣсколькими вводными—замѣтимъ, крайне обманчивыми и высоко наивными—связками и затѣмъ перепечатывать безъ конца. При безпримѣрной неопытности автора въ пользованіи историко-археологическимъ матеріаломъ, неизбѣжно получается путаница просто неслыханная, которая дѣлаетъ трудъ г. Захарченка, скажемъ такъ, классическимъ.

Пояснимъ нашу мысль примѣрами. Возьмемъ факты въ порядкѣ страницъ, такъ какъ группировать ихъ—не стоитъ труда.

Послѣ описанія границъ полицейскихъ участковъ на трехъ страницахъ in-4°, воспроизведеннаго буквально словами полицейскаго протокола и едва ли умѣстнаго въ историческомъ трудѣ, г. Захарченко сообщаетъ намъ любопытное свѣдѣніе, что «быстрое увеличеніе населенія Кіева» послѣ 1864 г. объясняется, между прочимъ, «замѣтно увеличивающимся приростомъ населенія» (стр. 18). Дока-

зательства давнихъ сношеній жителей Приднѣпровья съ греками г. Захарченко ищетъ у Полеваго (20). У Константина Багрянороднаго Кіевъ называется, будто бы, Kioawa и Kiavos (22). Лѣтописное: «и начаста владѣти польскою (вм. поляньскою) землею» передается: «не замедлили въ самое непродолжительное время покорить себѣ всю землю полянъ» (23). Между тѣмъ, осторожный Закревскій, придерживаясь въ этомъ случаѣ изложенія г. Захарченка, прибавляетъ: «завладѣли, какъ должно думать, силою оружія». Угорское пренаивно сопоставлено съ уграми, а Ольга, задавшая столь тяжкій трудъ г. Малышевскому, оказывается, согласно съ Карамзинымъ, сельской дѣвицей изъ Пскова (24). «Такіе успѣхи Олега, какъ во внѣ, такъ и внутри государства, а еще болѣе обнаруженная имъ при этомъ хитрость и мудрость—были причиной того, что народъ русскій никакъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ и потому придумалъ для него чудесную кончину и составилъ цѣлый рядъ преданій о мѣстѣ его погребенія» (слѣдуетъ одно извѣстное преданіе) и затѣмъ: «такимъ то образомъ Кіевъ сталъ во главѣ русскаго государства» (25). Игорю, извольте видѣть, захотѣлось добыть славы: и вотъ онъ «предпринимаетъ цѣлый рядъ походовъ какъ внутри, такъ и во внѣ русской земли... Изъ этихъ предпріятій Игоря особенно интересенъ для насъ второй походъ его на грековъ: такъ какъ онъ окончился договоромъ между русскими и греками»... Въ чемъ заключался договоръ, неизвѣстно. «Ольга явилась какъ бы предтечей крещенія Руси... Но не пришла еще пора, и Святославъ продолжалъ коснѣть въ идолослуженіи» (26). «И дѣйствительно, идолослуженіе въ это время достигаетъ наибольшаго своего напряженія на Руси, Владиміръ, напр., желая воздать особенную благодарность своимъ богамъ» и т. д. (27). Ольга «отличалась большою мудростію въ правленіи народомъ... Благодаря такой заботливости мудрой правительницы о своихъ подданныхъ» и т. д. (26). «Второй путь извѣстенъ былъ подъ именемъ дороги въ Бѣлгородъ» (29). Варяжскія пещеры составляли, «вѣроятно, самыя древнія убѣжища первобытныхъ обитателей Кіева» (31. У Закревскаго, I, 207— «убѣжища первобытныхъ обитателей *странъ кіевскихъ*»). Кіевляне, «видя, какъ потащили ихъ бога съ горы и бросили въ воду, стали горько плакать» (34). Авторъ воспроизводитъ недостовѣрную молитву Владиміра св. при крещеніи кіевлянъ и обходитъ молчаніемъ страшныя дѣянія его въ борьбѣ съ Ярополкомъ, отношенія его къ Рогнѣдѣ, содержаніе рабынь и другіе характерные для современнаго быта факты, но упрекаетъ сыновей Владиміра въ неблагодарности,

такъ какъ они рѣшились пролить братскую кровь (35—37). Авторъ почему то умалчиваетъ о двукратномъ появленіи въ Кіевѣ XI в. поляковъ и избіеніи ихъ кіевлянами, о еврейскомъ погромѣ 1113 г., о дѣятельности кіевскаго вѣча и отношеніи его къ князьямъ, о переворотѣ 1068 г., объ ослѣпленіи кіевлянъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Вся исторія удѣльно-вѣчеваго періода скомкана на одной страницѣ, при чемъ характерными фактами въ жизни города выставлены междуусобія (что за причина междуусобій?), пожары, жары, моръ, нашествіе половцевъ, землетрясеніе, бездождіе— все это весьма глухо. Особенно любитъ г. Захарченко «ужасные» эпитеты: въ это время были «самыя ужасныя междуусобія», жертвой коихъ палъ великій князь Игорь Ольговичъ. «Вслѣдъ за симъ идетъ цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ разореній Кіева». «Самое ужасное изъ этихъ нападеній относится къ 1204 году». Но наконецъ «грозное нашествіе Батыя повергло Кіевъ на долгіе годы въ безвѣстность» (44—46).

Дѣйствительно, нашему автору неизвѣстны работы Максимовича и г. Антоновича, съ убѣдительною ясностью изгнавшія эту «безвѣстность». По представленію г. Захарченка, въ 1240 г. «разомъ прекратилось на многіе годы все древнее бытіе приднѣпровской столицы, все ея величіе и вся красота» (49). Между тѣмъ работа г. Антоновича напечатана еще въ 1882 г. въ «Кіев. Старинѣ». Благодаря такому незнакомству съ предметомъ, г. Захарченко, заимствуя изъ Закревскаго (безъ ссылки: Зах., 53; Закр., I, 29), повѣствуетъ, что въ Кіевѣ все было разрушено послѣ Батыя, городъ превратился въ деревню, и затѣмъ съ удивительною легкостію переходитъ къ перечисленію именъ конца XIV в.

Литовскій періодъ представляетъ для нашего автора камень преткновенія, если возможно, еще большій, нежели періодъ удѣльно-вѣчевой. Почему ничего не сообщено читателю о кн. Скиригайлѣ, ревнителѣ православной вѣры и русской народности, этомъ «чюдномъ, добромъ князѣ Скиригайлѣ» лѣтописи? Потому что нѣтъ ничего у Закревскаго. Откуда взято, что «время намѣстничества (Г) Ольшанскаго было началомъ гоненій со стороны католическаго духовенства по отношенію къ православному духовенству и коренному населенію Кіева?» (53). Изъ непонятаго авторомъ и непроцитированнаго замѣчанія Закревскаго (I, 29). Въ столь щекотливомъ вопросѣ надлежало бы справиться съ источниками и узнать, что гоненій отъ латинянъ не было и быть не могло при Гольшанскомъ. Ничего не узнаемъ у нашего автора и объ учрежденіи въ Кіевѣ католическаго епископ-

ства. Періодъ 1482—1516 г. у г. Захарченка обрисованъ весьма невразумительно. Здѣсь сообщается, что сынъ Казимира Александръ, «заботясь еще болѣе о поднятіи Кіева, предоставилъ жителямъ этого города цѣлый рядъ правъ и вольностей, руководствуясь т. наз. магдебургскимъ правомъ, которое окончательно было введено въ Кіевѣ только при Сигизмундѣ I, грамотами отъ 1516 и 1544 г. Но съ этихъ поръ въ Кіевѣ завелись новые порядки, совершенно чуждые русскому народу» и пр. (55). По обыкновенію, г. Захарченко заимствуетъ и тутъ у Закревскаго (безъ ссылки, I, 37), но не понимаетъ своего руководителя. Закревскій обстоятельно доказываетъ документами, что магдебургское право было дано Кіеву Александромъ ранѣе 1499 г. и Сигизмундомъ I лишь подтверждено. Можно подумать въ самомъ дѣлѣ, что г. Захарченко видѣлъ грамоты 1516 и 1544 г., на которыя столь смѣло ссылается. Дѣло просто въ томъ, что нашъ авторъ рискнулъ сократить поучительное изложеніе Закревскаго, привелъ заключительное замѣчаніе послѣдняго о несоотвѣтствіи магдебургіи съ русскими правовыми воззрѣніями—и вышла путаница нестерпимая: читатель остается даже въ недоумѣніи, что за звѣрь такой эта злосчастная магдебургія и почему это кіевляне такъ излюбили ее. На стр. 55 г. Захарченко повѣствуетъ, что только въ началѣ XVI в. нѣсколько возродился Кіевъ благодаря распоряженію кор. Казимира о поселеніи здѣсь 20 тыс. жителей. Но Казимиръ IV, сколько извѣстно, умеръ въ 1492 г.: опять непонятъ Закревскій (I, 36). Далѣе узнаемъ диковинную вещь: благодаря кн. Константину Ивановичу Острожскому (умершему, замѣтимъ, въ началѣ 40 хъ годовъ XVI в.) въ Кіевѣ вводится литовскій статутъ и даруются другія вольности, «благодаря Острожскому же кіевляне получили потомъ еще разныя привилегіи и отъ короля Стефана Баторія» (56 сл.). Вѣроятно, авторъ разумѣетъ грамоту 17 ноября 1576 г. Эта душу возмущающая путаница произошла отъ непониманія Закревскаго, который именно говоритъ по поводу люблинской уніи: «для судопроизводства предоставленъ Статутъ Литовскій. Объ этихъ правахъ для кіевлянъ ходатайствовали наиболѣе Константинъ II, кн. Острожскій, и Александръ Черторыйскій» (I, 37). Такимъ образомъ ясно, что Закревскій толкуетъ о кн. Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, а никакъ не о кн. Константинѣ Ивановичѣ. Между тѣмъ, г. Захарченко, приписавъ послѣднему введеніе литовскаго статута въ Кіевѣ, поучаетъ, что и до сихъ поръ кіевляне хранятъ о немъ благодарную память: «въ Кіево-Печерской лаврѣ находится гробница съ изо-

браженіемъ *сего князя* въ бранныхъ доспѣхахъ и съ слѣдующею надписью» (которая, замѣтимъ, приведена у нашего автора и гласитъ о смерти князя въ 1533 году. Стр. 56 сл.). Excusez du peu! Для чего же, въ самомъ дѣлѣ, воскрешать мертвыхъ? Вѣдь благодаря такой манерѣ изложенія, читатель рискуетъ составить себѣ явно превратное представленіе о внутренней исторіи Кіева въ XVI вѣкѣ и окончательно отринуть хронологію.

Нашъ историкъ вѣритъ, что Петръ Могила сталъ митрополитомъ послѣ Іова Борецкаго (59), но къ какому же времени отнесемъ мы въ такомъ случаѣ Исаію Копинскаго, о коемъ находимъ у г. Захарченка упоминаніе на стр. 247? Дѣло въ томъ, что Закревскій (I, 54) глухо отзывается лишь о «неблаговидномъ Могилиномъ поступкѣ» относительно Исаіи, не поясняя, какъ вещь общеизвѣстную, въ чемъ сей поступокъ состоялъ. Между тѣмъ на стр. 247 г. Захарченко почерпнулъ изъ другаго источника—и вотъ объясненіе прискорбнаго недоразумѣнія. Для облегченія автора, укажемъ ему хотя бы на перечень митрополитовъ кіевскихъ въ концѣ II тома труда Закревскаго. На стр. 69 разбираемой книги узнаемъ, что Алексѣй Михайловичъ въ 1654 г. подтвердилъ всѣ права и привилегіи, данныя Кіеву королями польскими и малороссійскими гетманами: любопытно было бы знать, какія это привилегіи давали Кіеву гетманы до Хмельницкаго.

Эпоха Хмельницкаго изложена словами Закревскаго, безъ надлежащей ссылки. Вотъ доказательства:

Закревскій, I, 55 и 58: «Хмельницкій... велъ кровопролитныя и жестокія войны съ Польшею за притѣсненія православныхъ въ вѣрѣ и имѣніяхъ... Малая Россія, а съ нею и Кіевъ недолго наслаждались трудами Хмельницкаго, ибо со смертью сего знаменитаго гетмана (1657) вновь начались военныя бури и новыя бѣдствія, коихъ причиною былъ измѣнникъ гетманъ Выговскій».

Г. Захарченко, 68 и 70: «съ 1648 г. начинается рядъ кровопролитныхъ и самыхъ жестокихъ войнъ на Украинѣ между казаками и поляками за притѣсненіе послѣдними православнаго населенія края въ вѣрѣ и имѣніяхъ... Но не долго Кіевъ наслаждался трудами Хмельницкаго: лишь только послѣдняго постигла въ 1657 году смерть, какъ снова начались по всей Украинѣ разнаго рода столкновенія и стали подниматься (!) новыя военныя бури; главнымъ виновникомъ всѣхъ

этихъ неурядицъ на этотъ разъ былъ самъ же гетманъ Выговскій».

На стр. 94 узнаемъ, что въ 1884 году было отпущено по повелѣнію покойнаго Государя Императора на постройку новыхъ университетскихъ клиникъ 200 тыс. рублей сер.: это невѣрно.

Дальнѣйшая исторія и «бытіе» Кіева съ конца XVIII в. отсутствуютъ въ книгѣ г. Захарченка.

Таковъ принадлежащій перу нашего историка общій очеркъ кіевской жизни въ теченіи десяти слишкомъ столѣтій.

Давно извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать популярныя книги, и вотъ почему изданія, подобныя настоящему, заграницей поручаются обыкновенно людямъ науки, спеціалистамъ по излагаемому вопросу, и выгодно отличаются отъ нашихъ отечественныхъ изданій. Западные популяризаторы не гоняются за учеными ссылками, тщательно избѣгаютъ ихъ даже. Владѣя своимъ предметомъ en maître, они въ цѣльныхъ, художественныхъ очеркахъ даютъ читателю тщательно провѣренную, продуманную сводку добытыхъ кровавыми усиліями результатовъ по излагаемой спеціальности, и обыкновенному читателю такіе очерки дадутъ болѣе, нежели цѣлые фоліанты ученыхъ изслѣдованій. Самый ничтожный нѣмецкій городокъ имѣетъ свою толково составленную исторію, которая прочтется съ интересомъ всякимъ любознательнымъ читателемъ. Не мѣшало бы и нашимъ издателямъ поучиться въ этомъ отношеніи у нѣмцевъ. Въ частности, относительно исторіи Кіева, должно сказать, что классическій трудъ Закревскаго не нашелъ подражателей. Составленный съ великимъ тщаніемъ и высокой добросовѣстностью, трудъ этотъ, при настоящемъ состояніи науки, во многихъ отношеніяхъ долженъ быть признанъ тѣмъ не менѣе устарѣвшимъ. Позднѣйшему историку предстояла благодарная задача, воспользовавшись съ признательностью работой Закревскаго, дополнить ее тамъ, гдѣ это необходимо, и дать читателю очеркъ удобочитаемый, сжатый и въ то же время полный, критически провѣренный по источникамъ и лучшимъ пособіямъ. Думаемъ, что г. Захарченко выполнилъ эту, обязательную для него въ виду объема его труда, задачу не вполнѣ удовлетворительно, какъ это мы старались показать выше.

Если бы, придерживаясь принятой системы, мы прослѣдили и остальную часть труда нашего историка (стр. 95—276), содержащую описаніе и исторію отдѣльныхъ достопримѣчательностей Кіева, то пришлось бы написать большую книгу. Но несправедливо было бы

вовсе не коснуться этого отдѣла. Возьмемъ поэтому ad libitum нѣсколько экскурсовъ г. Захарченка въ спеціальныя области тяжкой его задачи.

Хотите ли узнать что либо о ранней исторіи нашей духовной академіи? Раскрываемъ книгу на стр. 245—249. Гальшкѣ Гулевичъ, задавшей такую работу г. Голубеву (Ист. кіев. дух. акад. вып. I стр. 119 сл.), г. Захарченко упорно отказываетъ въ настоящемъ имени и продолжаетъ величать непринадлежащимъ ей именемъ Анны. Если вѣрить нашему историку, свой грунтъ эта Анна Гулевичъ пожертвовала спеціально подъ училище и «даже сама подыскала для школы хорошихъ учителей.» Легко представить конфузъ г. Голубева при такомъ неожиданномъ открытіи, но этого мало. Оказывается, что ставропигія (что́ такое эта фатальная ставропигія?) даруется братству для защиты отъ латинства. Между 1620 — 22 гг. Захарченко изыскалъ небывалое гоненіе отъ латинянъ въ Кіевѣ, онъ же открылъ, что могилянская коллегія и монастырь пришли въ упадокъ отъ борьбы съ поляками. Г. Захарченко не хочетъ также разстаться съ басней о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею. Въ чемъ состояли особенности внутренняго склада школы, сокрыто отъ читателя.

А вотъ исторія Выдубицкой обители (стр. 270 сл.). Основанъ монастырь якобы въ 1070 г., хотя Ипатская и Лаврентьевская лѣтописи ясно гласятъ, что въ 1070 г. монастырь Всеволожь на Выдобичи уже существовалъ. По мнѣнію нашего историка, по смерти Всеволода Ярославича «обитель сія пользовалась особенною славою и постояннымъ покровительствомъ княжескихъ родовъ: вслѣдствіе этого» и пр. Но тутъ грознымъ обличителемъ новѣйшаго историка выступаетъ Ипатская лѣтопись, гдѣ подъ 1199 г., по поводу закладки каменной стѣны подъ церковью св. Михаила кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ, читается такое яркое démenti, очевидно по адресу г. Захарченка: «100 бо и 11 лѣтъ имать отнелѣже создана бысть церкви, и в толико лѣтъ мнози же самодержици придоша, держащеи столъ княжения Кіевскаго, отъ того же боголюбиваго Всеволода, иже созда церковь ту, родовъ четыри, и ни единъ же вослѣдова любви его къ мѣсту тому». Кромѣ того, если, какъ говоритъ г. Захарченко, дальнѣйшія извѣстія о монастырѣ появляются лишь съ конца XV вѣка, то откуда же почерпнуто свѣдѣніе о покровительствѣ княжескихъ родовъ? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ полагаться до такой степени на извѣстія гг. В—нова и Антонова, писавшихъ въ 1882 году, когда можно располагать яснымъ лѣтописнымъ текстомъ. Г. Захарченко ни-

чего не сообщаетъ намъ и объ архитекторѣ Милонѣгѣ изъ Новгорода и объ игуменѣ Сильвестрѣ, которому приписываютъ Несторову лѣтопись. Нѣтъ извѣстій о Выдобичахъ до конца XV в.—а умилительная картина посѣщенія монастыря Даніиломъ Галицкимъ, такъ мастерски описанная въ Ипатской лѣтописи подъ 1250 г., когда князь отправлялся къ Батыю, «видя бѣду страшьну и грозну», и просилъ мниховъ молиться за его душу? Авторъ нашъ упрекаетъ уніатовъ за расхищеніе монастырскаго имущества, но, для равновѣсія, безпристрастный историкъ долженъ былъ бы упомянуть также и объ убіеніи козаками выдубицкаго уніатскаго игумена Антонія Грековича. Непростительно также пренебрегать до такой степени изслѣдованіями покойнаго Максимовича (соч., т. II) по исторіи обители, какъ это дѣлаетъ г. Захарченко, слѣпо ввѣрившись гг. В—нову и Антонову.

Но перейдемъ въ Межигорье, на противоположную «окраину нагорнаго Кіева», по терминологіи нашего историка (стр. 272—274). На двухъ страницахъ казалось бы нелегкимъ дѣломъ соединить столько ошибокъ, извращенія фактовъ и незнанія, какъ это умудрился сдѣлать г. Захарченко. Въ этомъ случаѣ авторъ не дѣлаетъ никакой ссылки, и потому рискнемъ предположить, что все это—плоды его личныхъ изслѣдованій.

Если вѣрить автору, съ конца 12 по 15 в. объ обители нѣтъ свѣдѣній, а съ 1523 г. начинается ея процвѣтаніе, благодаря передачѣ монастыря Сигизмундомъ I игумену Михаилу Щербинѣ. Авторъ не потрудился даже взглянуть на подлинную грамоту, напечатанную въ отд. III, стр. 22 бывшаго у него подъ руками «Сборника» 1874 г., откуда могъ бы узнать, что игуменъ именовался Мисаиломъ (Мисайло въ грамотѣ). Это пустякъ, конечно. Но о передачѣ обители Сигизмундомъ-Августомъ сперва на кіевскій замокъ, а затѣмъ коронному писарю Высоцкому нашъ авторъ ничего не сообщаетъ,—должно думать, что эти факты укладываются въ терминѣ «процвѣтаніе». «Полное благоустройство» монастыря приписано московскому патріарху Іоакиму, который въ 1687 г. утвердилъ за монастыремъ ставропигію (что̀ такое ставропигія, вправѣ снова вопросить читатель) и собственнымъ иждивеніемъ соорудилъ здѣсь великолѣпный Преображенскій храмъ. На самомъ же дѣлѣ, ставропигія была дана монастырю еще въ 1610 г. архіеп. мирликійскимъ Матѳеемъ, въ 1617 и 1620 г.г. архіеп. манемвасійскимъ Іоасафомъ и патріархомъ іерус. Ѳеофаномъ и подверждепіе 1687 г. было лишь результатомъ перехода кіевской митрополіи къ патріаршеству московскому. Преображенскій храмъ со-

оруженъ въ 1611 г. игуменомъ Аѳанасіемъ, отстроенъ вновь игуменомъ Ѳеодосіемъ Васковскимъ, а патріархъ Іоакимъ оказывалъ монастырю помощь деньгами и рухлядью, о чемъ г. Захарченко могъ бы справиться въ изслѣдованіяхъ пок. Максимовича и Закревскаго.—Далѣе: процвѣтаніемъ своимъ монастырь обязанъ Хмельницкому и другимъ малороссійскимъ гетманамъ, «которые, какъ всѣ запорожскіе казаки, считались его ктиторами» и пр. Такъ было до 1781 года, если вѣрить г. Захарченку. Тутъ что ни слово, то грубая ошибка. Монастырь сталъ считаться войсковымъ только съ 1683 или пожалуй 1672 года, когда Богдана уже не было въ живыхъ; ктиторомъ считался кошевой атаманъ; Выговскій и Тетеря отнюдь не покровительствовали монастырю; между 1709—1734 г. запорожское войско отнюдь не могло считать Межигорье своимъ религіознымъ центромъ: припомнимъ эпизодъ съ Анатоліемъ Мелесемъ, епископомъ запорожскимъ; не могло войско считать Межигорье своимъ центромъ до 1781 г., ибо еще раньше войско было уничтожено. Если вѣрить нашему автору, въ 1781 г. по случаю преобразованія малороссійскихъ епархій, Межигорье назначено къ переводу въ Тавриду. Но епархіи въ 1781 г. не преобразовывались вовсе и Межигорье не могло быть переведено въ Тавриду въ этомъ году по легко понятной причинѣ: Крымъ присоединенъ въ 1783 г. Кому же неизвѣстно, что указъ имп. Екатерины II по этому предмету послѣдовалъ 10 апрѣля 1786 года? Автору слѣдовало бы взглянуть на стр. 159 отд. III бывшаго у него «Сборника» 1874 г. Но распоряженію не суждено было осуществиться, повѣствуетъ авторъ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданнаго указа монастырь сгорѣлъ. На самомъ же дѣлѣ, монастырь сгорѣлъ какъ разъ въ день, назначенный для посѣщенія его имп. Екатериною, слѣдовательно, въ 1787 году. Фаянсовая фабрика учреждена здѣсь не въ 1788 г., какъ утверждаетъ авторъ, а десять лѣтъ спустя. Новая каменная фабрика отстроена не въ 1811, а въ 1812 году. Объ учрежденіи въ монастырѣ архимандріи, о переименованіи его ставропигіею Синода, о борьбѣ съ Варлаамомъ Ясинскимъ ничего не узнаемъ. Наконецъ, какъ понять слова автора, что достопримѣчательность Преображенскаго храма, воздвигнутаго въ концѣ 17 в., составляютъ священныя облаченія, сохранившіяся здѣсь отъ 16 вѣка? Любопытно, что г. Захарченко, располагая обширнымъ изслѣдованіемъ Закревскаго о Межигорьѣ (т. II, стр. 455—501), изложилъ его столь непозволительнымъ образомъ, даже не сославшись на свой источникъ. Если сопоставить повѣствованіе г. Захарченка даже съ старой брошюрой: «Историчес-

кое свѣденіе о бывшемъ ставропиг. Кіево-Межигорскомъ монастырѣ» (Кіевъ, тип. Лавры, 1830), то окажется, что писатели 1830 года обладали огромнымъ запасомъ точныхъ свѣдѣній, недостижимымъ для историковъ 1888 года.

Не будемъ касаться Спаса на Берестовѣ, Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и Печерской лавры, такъ какъ въ этомъ случаѣ г. Захарченко ограничивается перепечаткой in extenso брошюръ г. П. Л., безъ достаточныхъ, впрочемъ, ссылокъ на источникъ и съ искаженіями немилосердными. Замѣтимъ въ заключеніе, что для г. Захарченка нѣтъ ничего легче, какъ отнести дѣятеля къ эпохѣ, когда его вовсе не было, какъ это онъ дѣлаетъ съ Гизелемъ, Тупталомъ и даже Юстиніаномъ Великимъ; что большинство сообщаемыхъ имъ свѣдѣній представляютъ простой внѣшній перечень, лишенный всякаго значенія; что сочиненіе написано отвратительнымъ языкомъ и грѣшитъ противъ орѳографіи, словосочетанія и обязательныхъ въ русской грамматикѣ правилъ пунктуаціи. Вообще, объ этомъ трудѣ по исторіи нашего города можно сказать словами Свифта: что̀ въ книгѣ ново, то не вѣрно; что̀ вѣрно, то не ново.—Жаль только, что новшества эти встрѣчаются въ чрезмѣрномъ изобиліи, и должно пожелать, чтобы въ слѣдующемъ изданіи, если таковое будетъ, были сдѣланы необходимыя исправленія, уничтожены всѣ ссылки на авторовъ и прибавлено объяснительное предисловіе, дабы не вводить читателя въ напрасное заблужденіе.

Книга въ художественномъ отношеніи издана такъ хорошо и изящно, что, не будь убійственнаго текста, ей можно бы пожелать самаго широкаго распространенія. **Н. М.**

В. К. Гульдманъ. Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія. Изданіе подольс. губ. стат. комитета. Каменецъ-Подольскъ 1889 г. 414+63+26 стр. IX табл. Ц. 2 руб.

Передъ нами послѣдняя работа г. Гульдмана по описанію подольской губерніи. Авторъ состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при подольскомъ губернаторѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывающимъ дѣлами подольскаго статистическаго комитета. Съ этой послѣдней должностью и вяжутся печатныя работы г. Гульдмана. Работъ этихъ мы знаемъ три, а именно: Отчетъ подольс. стат. комитета за 1885 г., Справочная книжка подольской губерніи 1888 г. и наконецъ книга,

указанная въ заголовкѣ. Первыя двѣ работы болѣе или менѣе отвѣчали своимъ заглавіямъ и, хотя вклеенныя въ Справочную книжку нѣкоторыя историческія замѣтки оказались далекими отъ исторической истины, тѣмъ не менѣе, онѣ не уменьшили практическаго значенія настольной книги. — эта работа автора по исторіи края носила черты такой умѣренности, что ошибки ея не обращали даже на себя вниманія, а потому иошибокъ автору ставить въ строку не было нужды. Настоящее же изданіе, какъ по заглавію, такъ и по содержанію и объему, претендуетъ на научность и самостоятельность, а потому считаемъ не лишнимъ дать о немъ читателямъ краткій отчетъ.

Наше отечествовѣдѣніе столь убого, что каждая попытка къ описанію нашего края встрѣчаетъ сочувственный пріемъ. Съ грустію однако сознаться должно, что всѣ подобныя попытки до сихъ поръ оказывались далеко не подъ силу авторамъ и въ большинствѣ случаевъ оказывались неудачными. Если исключить устарѣлыя, хотя и капитальвыя, работы кс. Марчинскаго по подольской губ., а Похилевича по кіевской, то въ цѣломъ ряду этихъ попытокъ мы не найдемъ ни одной серьезной. — Къ сожалѣнію, и трудъ г. Гульдмана приходится причислить къ той же категоріи неудачныхъ попытокъ, вносящихъ въ область точныхъ свѣдѣній путаницу и невѣрность.

Не зная совершенно края, автору поневолѣ пришлось ограничиться только тѣмъ матеріаломъ, который имѣлся подъ рукой и который можно было собрать путемъ справокъ черезъ мѣстные уѣздные органы.—Статистическій отдѣлъ основанъ на данныхъ статистическаго комитета, а географическій на матеріалѣ картографическомъ и работахъ прежнихъ изслѣдователей.—Все это авторъ скомпилировалъ въ XXXIII главахъ, составившихъ объемистую книгу.— Общій, слѣдовательно, характеръ работы г. Гульдмана чисто компилятивный, безъ всякихъ признаковъ самостоятельнаго изслѣдованія и изученія края.—И компиляціи имѣютъ несомнѣнное значеніе, поскольку онѣ составляютъ систематическіе своды добытыхъ, но разбросанныхъ данныхъ. Но при составленіи такихъ компилятивныхъ работъ на долю автора, кромѣ собиранія матеріала, выпадаетъ трудная задача, а именно: критическая его обработка и оцѣнка. Свести въ одну кучу разнородныя свѣдѣнія и преподнести ихъ читателю, какъ нѣчто непреложное, и при этомъ лишить читателя возможности оцѣнить достоинство добытыхъ свѣдѣній, не указавъ на источники,

изъ которыхъ добывался матеріалъ—этого достаточно, чтобы работа оказалась безплодной. Такая работа вноситъ въ науку массу недоразумѣній, служитъ въ ней тяжелымъ балластомъ, не принося отечествовѣдѣнію ни одного новаго извѣстія, для автора же можетъ послужить лишь поводомъ къ самообману, что онъ составилъ описаніе края.—Все это прямо можетъ относиться и къ работѣ г. Гульдмана.—Полное безучастное отношеніе къ собранному разнородному матеріалу, возведеніе всѣхъ данныхъ на одну общую ступень непреложной достовѣрности, смѣсь вѣрнаго съ невѣрнымъ, дѣйствительнаго съ гадательнымъ безъ всякихъ критическихъ указаній для читателя—вотъ главный и крупный недостатокъ книги.—Недостатокъ этотъ усугубляется еще по слѣдующимъ двумъ поводамъ. Вопервыхъ, самый предметъ изслѣдованія такого свойства, что читатель не въ состояніи лично провѣрить сообщаемыхъ свѣдѣній. Масса цифровыхъ общихъ данныхъ, безчисленное множество мелкихъ мѣстныхъ свѣдѣній могутъ быть провѣрены только путемъ другой подобной работы. Какъ напр. провѣрить вѣрность цифръ, относящихся къ цѣлой губерніи, не имѣя подъ руками матеріаловъ? Въ дѣлѣ фактовъ приходится все принимать на вѣру, полагаясь на автора.—Во вторыхъ, настоящая книга носитъ характеръ оффиціальнаго изданія губернскаго статистическаго комитета, а потому болѣе всякаго другаго изданія подкупаетъ довѣріе читателя, привыкшаго принимать оффиціальныя данныя за непреложныя.

Указавъ то общее впечатлѣніе, которое производитъ книга г. Гульдмана, и не желая быть голословнымъ, я перейду къ подробностямъ. Мнѣ при этомъ приходится оговориться. Я повторяю, что провѣрить все содержаніе книги для рецензента нѣтъ никакой возможности. Я долженъ ограничиться только тѣми замѣчаніями, которыя я могу сдѣлать въ силу случайнаго моего знакомства съ небольшимъ уголкомъ подольской губерніи и на основаніи общихъ соображеній.

Первыя VIII главъ посвящены исключительно географіи губерніи. Кромѣ географической карты (вѣроятно, военно-топографической), авторъ знакомился съ губерніей только по разнымъ прежнимъ работамъ.—Къ болѣе обширнымъ статьямъ принадлежатъ геологическія данныя о губерніи—извлечены изъ отчета о поѣздкѣ въ Галицію, Волынь и Подолію проф. Барботъ-де Марни (1865 г.) и друг., и описаніе Днѣстра, главнымъ образомъ, по Аѳанасьеву-Чужбинскому. Кромѣ того, авторъ ссылается на статьи д-ра Ролле, кс. Марчин-

скаго, Балинскаго, Семенова и Симашкевича. Есть еще масса ссылокъ на польскихъ хронистовъ и историковъ, Геродота, Страбона, Константина Порфирогенета и т. д. Всѣ эти ссылки проставлены для вящщаго убѣжденія въ авторитетности, но ничему не учатъ и не объясняютъ текста, такъ какъ заимствованы изъ тѣхъ статей, которыя послужили для компиляціи.—До какой степени безучастно относится къ компилируемымъ свѣдѣніямъ авторъ, видно, напр., изъ слѣдующаго. Говоря о Медоборскихъ (а не Міодоборскихъ) горахъ, авторъ сообщаетъ, безъ всякой оговорки, что въ окрестностяхъ села Увси замѣчаются слѣды *ревнихъ вулкановъ*. Извѣстіе это взято у Марчинскаго, который говоритъ (Statystyka Podola, I, 210): «въ окрестностяхъ Увся есть много каменистыхъ довольно высокихъ горъ, есть и слѣды давнихъ вулкановъ». Хотя почтенный отецъ Марчинскій принадлежитъ къ числу серьезныхъ авторовъ, но принимая во вниманіе, что онъ составлялъ свою статистику въ 1819 г., когда понятія о вулканахъ и геологіи стояли на очень низкой ступени, что самъ онъ упоминаетъ о слѣдахъ вулкановъ вскользь безъ всякихъ подробностей, слѣдовало бы автору, повторяя это извѣстіе 70 лѣтъ спустя, провѣрить его на мѣстѣ. Вѣдь это крупный фактъ для науки.

Гидрографія составлена, главнымъ образомъ, по Семенову, очень небрежно и съ массой ошибокъ. Для примѣра возьмемъ часть системы р. Буга въ винницкомъ уѣздѣ. Перечисляя притоки р. Буга, г. Гульдманъ дѣлаетъ рядъ ошибокъ. У него правый притокъ «Бобка протекаетъ въ винницкомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Бугъ въ с. Клѣтищахъ литинскаго уѣз.». Между тѣмъ с. Клѣтище лежитъ на лѣвомъ, а не на правомъ берегу Буга и никакой рѣчки тамъ нѣтъ. На военно-топографической картѣ указана рѣчка Бобка, вытекающая изъ с. Майданъ Бобрка и впадаетъ въ Бугъ ниже с. Гущинецъ винницкаго уѣз. Дѣйствительное (очень старое) названіе рѣчки *Бобрка*, а не Бобка.—Рѣчка Вишня у автора носитъ названіе еще *Винничка*; истоки ея указаны въ окрестностяхъ м. Юзвина и лѣвый ея притокъ названъ *Корчматъ*. Въ дѣйствительности же Вишня никогда Винничкой не называлась, беретъ начало выше с. Лукашевки литинскаго уѣзда и одинъ изъ ея притоковъ называется *Корчманъ*. Есть самостоятельная рѣчка Винница или Винничка, вовсе пропущенная авторомъ. Это лѣвый, а не правый притокъ Буга, беретъ начало восточнѣе с. Писаревки и впадаетъ въ Бугъ съ самомъ г. Винницѣ.—Авторъ увѣряетъ, что при самомъ устьѣ въ Бугъ рѣчки Барана въ эту послѣднюю впадаетъ рѣчка Кудашевка, въ дѣйствительности же

Кудашевка составляетъ самостоятельный притокъ Буга и впадаетъ въ него въ с. Шершняхъ.—Изъ лѣвыхъ притоковъ указана Вербижевка или Стрижовка, впадающая въ Бугъ при м. Стрижовкѣ.—На дѣлѣ Вербижевка Стрижовкой не называется и впадаетъ въ Бугъ ниже мѣст. Стрижовки въ 3-хъ верстахъ. Но есть самостоятельный притокъ Буга Стрижовка, не лѣвый, а правый; беретъ онъ начало западнѣе с. Переорокъ и впадаетъ въ Бугъ въ самомъ м. Стрижовкѣ.— Въ винницкомъ уѣздѣ кромѣ этого пропущены еще рѣчки, какъ Черемошна, Тяжиловка, Чапля, Суныця — притоки Буга, притокъ Десны Кобыльна съ Хомутной и Нетягами.—Все это ошибки на пространствѣ одного только уѣзда, и всѣ онѣ могли быть избѣгнуты путемъ простой провѣрки по военно-топографической картѣ.

Съ IX главы начинается статистика губерніи, основанная на данныхъ статистическаго комитета. Трудно дать правильную оцѣнку этому разностороннему матеріалу. Достоинство его зависитъ отъ вѣрности собранныхъ цифръ. Система собиранія статистическихъ данныхъ, практикующаяся въ нашихъ статистическихъ комитетахъ, давно отстала отъ требованій науки. Она можетъ дать удовлетворительные результаты только по нѣкоторымъ вопросамъ, и то если дѣло ведется добросовѣстно. Можно примириться съ этой системой въ статистикѣ населенія, землевладѣнія, учебнаго дѣла, повинностей и налоговъ, судебной и т. п., словомъ, гдѣ явленія жизни оставляютъ за собой письменный слѣдъ и могутъ подлежать контролю, какъ исповѣдныя и метрическія книги и разные отчеты правительственныхъ органовъ. — Здѣсь комитетъ имѣетъ готовый матеріалъ, который остается подвергнуть переработкѣ и сведенію. Но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ статистика лишена этого матеріала и когда приходится оставить канцеляріи и обратиться за статистическими данными къ самой жизни, комитетъ уже безсиленъ, и долженъ обращаться къ помощи мѣстныхъ органовъ власти, обремененныхъ и безъ того отвѣтственнымъ дѣломъ. Въ концѣ концовъ статистиками повсемѣстно являются, horribile dictu, господа урядники и волостные писаря. Каждый живущій въ провинціи хорошо знаетъ цѣну такой статистики. — Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Гульдмана не указанъ источникъ и способъ собиранія добытаго матеріала. Можно ли, напр., серьезно говорить о статистикѣ сельскаго хозяйства, торговли, фабричной, заводской и кустарной промышленности, если данныя основаны на донесеніяхъ урядниковъ и писарей! Я согласенъ, что при опытности и большой энергіи комитета можно всѣ погрѣшности подобной статистики до-

вести до минимума, но для этого необходимы не такія средства и силы, какими можетъ располагать комитетъ. Въ виду этого многія главы книги г. Гульдмана не могутъ имѣть никакого научнаго значенія. Остальныя, основанныя на болѣе точныхъ данныхъ, могутъ имѣть значеніе настолько, насколько правильны и точны работы канцеляріи комитета. Провѣрить это невозможно и поэтому приходится помириться съ необходимостью и вѣрить имъ.—Моя личная вѣра однако и въ эту точную часть труда г. Гульдмана отчасти подорвана по слѣдующимъ поводамъ. Авторъ исчислилъ все населеніе губерніи въ 2.470.142 д. об. п. (стр. 80), при чемъ число католиковъ «достигаетъ до 206 т. (или=9%₀ всего населенія» (ст. 90). Во первыхъ 206 т. по отношенію къ общей цифрѣ населенія составитъ всего $8,_{34}$%,—для статистики это крупная разница. Во вторыхъ число католиковъ—206 т. показалось мнѣ сомнительнымъ. И дѣйствительно, по отчетамъ луцко-житомирской епархіи за 1887 годъ по исповѣднымъ книгамъ значится прихожанъ католиковъ въ подольской губерніи 240.921 д. об. п., т. е. на 35.000 больше. Но и цифра епархіальнаго отчета не обнимаетъ всего числа католиковъ; въ ней указаны только прихожане, а вѣдь въ губерніи найдется еще много католиковъ подвижнаго люда, о которомъ приходской причтъ можетъ и не знать. Если теперь принять цифру г. Гульдмана всего населенія за точную, то католики составятъ почти 10%.—Почему явилась такая крупная разница, я объяснять не берусь, но поневолѣ приходится скорѣе повѣрить исповѣднымъ книгамъ, чѣмъ автору.

Еще болѣе подрываетъ довѣріе къ сообщеннымъ г. Гульдманомъ даннымъ слѣдующее. Обширная XXXIII глава посвящена описанію уѣздовъ. Просматривая описаніе винницкаго уѣзда, я совершенно случайно обратилъ вниманіе на слѣдующую фразу: «всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ винницкомъ уѣздѣ насчитывается 516, въ томъ числѣ одинъ городъ и десять мѣстечекъ» (стр. 350). Работая лично надъ описаніемъ винницкаго уѣзда и зная каждое въ немъ поселеніе, я былъ пораженъ цифрой 516.—По тщательно составленному мною и лично провѣренному списку оказывается, что въ 10 волостяхъ уѣзда имѣется 11 мѣстечекъ (изъ нихъ одно еще не утверждено и носитъ названіе поселка Жмеринки), 113 селъ, 32 деревни и 32 приселка и хуторовъ, а всего 188 поселеній, если же не считать приселковъ, то всѣхъ поселеній самостоятельныхъ окажется только 156. Сравнивая цифру г. Гульдмана 516 съ моей 156; я сначала готовъ былъ эту громадную разницу объяснить простой типографской опе-

чаткой. Но каково было мое удивленіе, когда я, заглянувъ въ описанія другихъ уѣздовъ, встрѣтилъ и тамъ громадныя и несообразныя съ очевидностью цифры. Самое меньшее число поселеній показано въ литинскомъ уѣздѣ—502, самое большее въ балтскомъ—829. По этимъ цифрамъ во всей губерніи г. Гульдманъ насчиталъ 7,207 поселеній, среднимъ числомъ по 600 поселеній въ уѣздѣ. Сравнивая эту цифру съ пространствомъ губерніи, выйдетъ, что на каждые 5 кв. верстъ или 534 десятины приходится одно поселеніе. Чѣмъ объяснить подобную несообразность? Статистическій комитетъ не можетъ не имѣть самыхъ точныхъ данныхъ о числѣ поселеній. Источниковъ для этого масса въ казенной палатѣ, въ крестьянскомъ присутствіи, въ губернскомъ правленіи и т. д. Положимъ, что авторъ не пожелалъ рыться лично въ сыромъ матеріалѣ и потребовалъ отъ мѣстныхъ органовъ донесеній о числѣ поселеній. Но и это допустить трудно,—какъ трудно допустить, чтобы всѣ 12 полицейскихъ управленій сговорились дать невѣрныя цифры, увеличивъ ихъ противъ дѣйствительности больше, чѣмъ втрое. Приходится допустить одно, что авторъ просто ставилъ цифры наугадъ, сообразуясь съ пространствомъ уѣздовъ. Вѣдь списокъ поселеній самая существенная часть описанія географическаго, а его нѣтъ и помину въ книгѣ. Человѣческое поселеніе это такая важная единица, что на ней то главнымъ образомъ и должно основываться всякое толковое описаніе края. Безъ опредѣленія количества, характера, развитія и размѣра поселеній невозможно дать яснаго представленія о краѣ, о его жизни и физіономіи. Вѣдь г. Гульдманъ имѣлъ передъ собою весьма цѣнный образецъ—Статистику кс. Марчинскаго, который 70 лѣтъ тому, при самыхъ неблагопріятныхъ для такихъ работъ условіяхъ, отмѣтилъ каждое село, указалъ, сколько въ немъ жителей, назвалъ владѣльцевъ и сообщилъ о каждомъ поселеніи все, что только могъ узнать.

Если авторъ не захотѣлъ сосчитать такого важнаго явленія въ губерніи, какъ число поселеній, а вставилъ до несообразности неудачно цифры, то можно ли довѣрять той массѣ цифръ, которыми испещрена его книга?

Перелистывая книгу, я случайно остановился на статьѣ о садоводствѣ. Надо сказать, что винницкій уѣздъ издавна слыветъ, какъ самый богатый садами и фруктами. Огромные винницкіе хутора и многія деревни, какъ Лука, Порпуровцы, Соловіевка, Кошаровъ и многія другія—это сплошные сады отборныхъ фруктовъ. Слава винницкихъ садовъ еще въ прошломъ вѣкѣ доходила до Москвы, откуда

и по сіе время являются сюда купцы ежегодно. Г. Гульдманъ самымъ серьезнымъ тономъ ставитъ винницкій уѣздъ по богатству садовъ девятымъ въ числѣ другихъ уѣздовъ, насчитываетъ въ немъ подъ садами только 2,102 дес. 1,141 кв. с. (какая, скажешь, точность!), а садовъ владѣльческихъ, имѣющихъ свыше 5 дес. каждый, только пять. Я лично не считалъ и не мѣрилъ всѣхъ садовъ, но свѣдѣнія г. Гульдмана до того далеки отъ истины, что каждый обыватель винницкаго уѣзда, прочитавъ ихъ, только улыбнется. Въ одной Винницѣ съ хуторами наберется до 2,000 десятинъ подъ садами.

Каково бы ни было мое личное мнѣніе о книгѣ, можетъ быть я и ошибаюсь во многомъ, умаляя ея достоинство, но я полагаю, что читатель не погрѣшитъ, если отнесется къ работѣ г. Гульдмана съ величайшей осторожностью.

Ц. Нейманъ.

В. В. Докучаевъ. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи (Докладъ въ торж. собр. И. В. Э. О. 31 окт. 1888 г.). Спб. 1889 г.

Разбирая различные методы для рѣшенія вопроса о существованіи лѣсовъ въ южной степной Россіи въ прежнее время, авторъ приходитъ къ заключенію, что наиболѣе надежнымъ нужно считать *почвенный* методъ. На основаніи многочисленныхъ изслѣдованій предшественниковъ и своихъ собственныхъ, авторъ устанавливаетъ то положеніе, что рѣшительно во всѣхъ уголкахъ *черноземной* Россіи есть не мало лѣсныхъ площадей, подъ которыми черноземъ отсутствуетъ, будучи замѣненъ *лѣсными почвами*. Такія почвы, по мнѣнію автора, настолько характерны, что не утрачиваютъ своихъ признаковъ и послѣ культурной обработки ихъ. Примѣняя этотъ принципъ къ полтавскому уѣзду, авторъ находитъ, что въ прежнее, вѣроятно до-историческое время, на степномъ правомъ побережьи Ворсклы лѣса занимали пространство въ 60—70 тыс. десятинъ, тогда какъ въ настоящее время ихъ здѣсь находится maximum 12—14 тыс. Подтвержденіемъ такому выводу служитъ и то обстоятельство, что въ области древнихъ лѣсовъ полтавскаго уѣзда не встрѣчается кургановъ и древнихъ могилъ, а въ подпочвѣ не наблюдается *кротовинъ*.

Въ заключеніе авторъ указываетъ, что для рѣшенія вопроса: *были ли* лѣса въ южной степной Россіи и какую *площадь* они зани-

мали, безусловно необходимо произвести возможно точное и возможно детальное изслѣдованіе русскихъ почвъ вообще и южно-русскихъ въ особенности.

М. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. Съ портретомъ высокопреосвященнаго и художественными приложеніями (Кіевъ, 1889 г.). Стр. 291+VI. Ц. 2 р.

Въ «Кіев. Стар.» 1882—1884 гг. напечатаны были замѣтки К. Березы и д-ра Пирожкова о покойномъ арх. могилевскомъ Анатоліи и его переписка. Этотъ матеріалъ, въ связи съ рукописными данными, находящимися въ архивѣ мѣстной духовной академіи, сочиненіями покойнаго, нѣкоторыми личными свѣдѣніями и случайными литературными указаніями, послужилъ главной основой для добросовѣстной и обстоятельной монографіи г. Едлинскаго.

Покойный пр. Анатолій, по своимъ литературнымъ заслугамъ, былъ однимъ изъ выдающихся іерарховъ русской церкви. Многолѣтняя его дѣятельность въ качествѣ сперва сельскаго священника подольской губерніи, учителя уѣзднаго училища въ Каменцѣ и намѣстника каменецкаго монастыря, преподавателя кіевской духовной академіи (по окончаніи курса послѣдней въ 1827 г.), затѣмъ ректора курской и новгородской духовныхъ семинарій и настоятеля новгор. Антонія Римлянина монастыря, далѣе—епископа екатеринбургскаго, викарія пермской епархіи (съ 1840 г.), епископа острожскаго, викарія волынской епархіи (съ 1841 г.), наконецъ, архіепископа могилевскаго (1844—1860 г.), жизнь преосвященнаго на покоѣ въ бессарабскомъ Гербовецкомъ монастырѣ—обрисованы авторомъ съ рѣдкою добросовѣстностью и знаніемъ дѣла. Отношеніе покойнаго къ католицизму, раскольникамъ, взгляды его на положеніе православной церкви въ юго-западномъ краѣ и въ Россіи вообще разъяснены въ очеркахъ живыхъ и интересныхъ; при этомъ авторъ снабдилъ свой разсказъ достаточно подробными экскурсами по исторіи раскола въ волынской епархіи и положеніи православія въ краѣ. Изложенію этихъ свѣдѣній посвящена первая часть книги г. Едлинскаго (стр. 1—142).

Во второй части находится подробное обозначеніе богословскихъ историко-полемическихъ и публицистическихъ трудовъ покойнаго іерарха, также указаніе на его работы въ области церковной живо-

писи. Особенно тщательному разсмотрѣнію (стр. 179—275) подвергнуто главное сочиненіе пр. Анатолія: «Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду», изданное въ 1857—64 гг. подъ псевдонимомъ Авдія Востокова. Разбору предпосланъ обзоръ историко-полемической церковной литературы въ Россіи до появленія помянутаго труда.

Недостаточность матеріала, къ сожалѣнію, не позволила автору выяснить въ подробностяхъ практическія стороны дѣятельности покойнаго іерарха и заставила его ограничиться въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ гаданіями. Сколько можно судить по сочиненію г. Едлинскаго, мѣропріятія пр. Анатолія для поднятія уровня православнаго духовенства въ могилевской и волынской епархіяхъ и усиленія духовнаго авторитета церкви, борьба съ католическими вліяніями и расколомъ—не имѣли прочныхъ и даже сколько нибудь замѣтныхъ результатовъ. Къ заслугѣ автора должно отнести, что онъ съ своей стороны даетъ читателю достаточный матеріалъ для заключенія о возможныхъ причинахъ неудачи; причинахъ, которыя до извѣстной степени крылись и въ особенностяхъ характера покойнаго іерарха: человѣкъ живой, впечатлительный, отзывчивый, онъ въ то же время, повидимому, лишенъ былъ яснаго руководящаго плана въ своей практической дѣятельности, легко подчинялся личнымъ, не всегда благимъ вліяніямъ и легко успокаивался отъ заботъ и огорченій, изливъ ихъ краснорѣчиво въ частной или оффиціальной перепискѣ. Предложенныя пр. Анатоліемъ мѣры къ возвышенію православія въ краѣ лишены творческой мысли и носятъ слѣды явнаго подражанія пріемамъ католической церкви, чего, впрочемъ, не скрываетъ и самъ покойный іерархъ въ своей перепискѣ.

Въ книгѣ приведены трогательныя доказательства любви покойнаго къ мѣсту своей родины—сс. Мясновка и Хрустова ольгопольскаго уѣзда, подольской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Отмѣтимъ здѣсь, что отецъ пр. Анатолія былъ сперва уніатскимъ священникомъ и въ 1793 г. присоединился къ православію, мать—молдаванка.

Трудно согласиться съ заключительнымъ замѣчаніемъ почтеннаго автора, что «печатное слово преосвященнаго шло въ неразрывной связи и полномъ соотвѣтствіи съ его практическою дѣятельностью» (стр. 291). Столь завидная участь никогда еще не была удѣломъ человѣка на землѣ, и сочиненіе г. Едлинскаго даетъ лучшія

тому дозательства: укажемъ на мѣропріятія пр. Анатолія при борьбѣ съ расколомъ въ пермскомъ краѣ и могилевской епархіи (стр. 40, 93 сл.), мѣропріятія, стоявшія въ явномъ противорѣчіи съ теоретическими воззрѣніями покойнаго іерарха. Н. М.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Редакція «Кіевской Старины» въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, какъ извѣстно читателямъ, вела постоянно обозрѣніе журналовъ и газетъ съ цѣлью дать возможность навести справку библіографическаго характера относительно всего, касающагося археологіи, исторіи, литературы и этнографіи юга Россіи. Не отказываясь и впредь вести это дѣло, редакція считаетъ необходимымъ однако нѣсколько измѣнить систему прежняго обозрѣнія—и вотъ по какимъ мотивамъ.

Библіографическій указатель тогда только можетъ представлять интересъ, когда наводящій справку будетъ гарантированъ, что дѣйствительно все касающееся даннаго вопроса не ускользнуло изъ этого указателя, когда, такимъ образомъ, онъ не вынужденъ будетъ наново пересматривать тотъ же матеріалъ, который разъ уже пересматривался,—однимъ словомъ, когда библіографическій указатель отличается полнотою и систематичностью. Между тѣмъ, опытъ двухлѣтняго веденія редакціей библіографическаго обозрѣнія показалъ, что поручиться за эту полноту въ немъ нельзя. Поэтому, для достиженія желаемыхъ результатовъ, редакція нѣсколько сократитъ кругъ обозрѣваемаго матеріала, но за то надѣется представить его безъ всякихъ пропусковъ и недочетовъ, располагая библіографическій указатель въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Ежемѣсячно будетъ печататься обзоръ журналовъ съ указаніемъ въ нихъ тѣхъ статей, которыя касаются юга Россіи, при чемъ въ нѣсколькихъ словахъ будетъ сказано о сущности содержанія каждой такой статьи, не ограничиваясь однимъ заглавіемъ. Въ началѣ такого обозрѣнія каждый разъ будетъ указано, какіе именно журналы и какіе номера были разсмотрѣны въ данный мѣсяцъ; такъ что еслибы какой нибудь журналъ совершенно не далъ ни одной статьи, касающейся юга Россіи, то и тогда онъ будетъ указанъ, чтобы интересующійся библіографической справкой былъ увѣренъ въ просмотрѣ его.

2) Два раза въ годъ—въ іюнѣ и въ декабрѣ—будетъ помѣщенъ обзоръ всѣхъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей юга Россіи, при чемъ полугодичное обозрѣніе дастъ возможность представлять матеріалъ этотъ не въ разбросанномъ видѣ, а въ извѣстной системѣ.

3) Перечень вновь выходящихъ книгъ, касающихся юга Россіи, по прежнему будетъ печататься ежемѣсячно; но такъ какъ болѣзнь и смерть прежняго редактора-издателя были причиной перерыва въ правильности этихъ сообщеній въ послѣднее время, то для перваго раза редакція помѣщаетъ этотъ списокъ книгъ въ видѣ пополненія прежнихъ указателей, начиная съ № 11 прошлаго года; въ дальнѣйшемъ же указатель книгъ будетъ составляемъ на основаніи, главнымъ образомъ, сообщеній «Правительственнаго Вѣстника».

Что касается ежедневныхъ мѣстныхъ газетъ по югу Россіи, которыя прежде входили въ обозрѣваемый объемъ, то опытъ указалъ, во 1-хъ, что достигнуть желаемой полноты этого обозрѣнія редакція не можетъ, а во 2-хъ, что къ сожалѣнію мѣстная газетная литература даетъ слишкомъ мало подходящаго матеріала, вслѣдствіе чего трудъ обозрѣванія не окупается результатами. Въ виду этого редакція совершенно не будетъ впредь представлять библіографическаго обзора мѣстныхъ газетъ; но въ то же время болѣе выдающіеся факты, сообщаемые газетами объ исторіи, археологіи, литературѣ и этнографіи края, разсчитываетъ помѣщать въ отдѣлѣ «Извѣстій и замѣтокъ».

1) „Вѣстникъ Европы“ 1889 г., № 9—12; 2) „Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1889 г., № 9—12; 3) „Историческій Вѣстникъ“ 1889 г., № 9—12; 4) „Русскій Архивъ“ 1889 г., № 5—12; 5) „Русская Мысль“ 1889 г., № 8—12; 6) „Русская Старина“ 1889 г., № 9—12; 7) „Русск. Филолог. Вѣстн.“ 1889 г., № 3 и 4; 8) „Филологич. Записки“ 1889 г., вып. III—V.

Вѣстникъ Европы 1889 г. № 9—12. *Русское славяновѣдѣніе въ XIX столѣтіи. А. Пыпина* (окончаніе, № 9, стр. 257—305). Начало этой статьи, появившейся подъ другимъ заглавіемъ «Обзоръ русскихъ изученій славянства (№№ 5 и 6), а также и продолженіе ея подъ даннымъ заглавіемъ (№№ 7 и 8) знакомятъ съ положеніемъ изученія славянства въ Россіи въ 18-мъ и въ 1-ой половинѣ 19-го вѣка до 40-хъ годовъ. Данное окончаніе этой статьи затрогиваетъ наиболѣе живые вопросы славяновѣдѣнія въ Россіи, такъ какъ ведетъ рѣчь о дѣятельности многихъ славистовъ, нашихъ современниковъ. Тутъ встрѣчаемся мы и съ именами дѣятелей нашего юга, изъ каковыхъ назовемъ А. Котляревскаго (стр. 272—275).

Тимошъ. Историческая повѣсть Д. Мордовцева (№ 11, стр. 154—180; № 12, стр. 691—712). Сравнительно въ краткихъ набросках повѣсть эта рисуетъ не столько бытовыя подробности жизни 17-го вѣка, сколько эффектные моменты, касающіеся жизни такихъ дѣятелей, какъ Богданъ Хмельницкій и сынъ его Тимоѳей, или Тимошъ, являющійся героемъ разсказа.

Въ отдѣлѣ «Изъ общественной хроники» помѣщена небольшая замѣтка *о столѣтіи существованія г. Одессы*, при чемъ приводится выдержка

изъ обширной рѣчи преосв. Никанора, посвященной этому событію (№ 10, стр. 871—874).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи: 1) Галицко-русская библіографія XIX ст. *Сост. Иванъ Левицкій* (№ 10, стр. 837—839); 2) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издав. *гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ*. Вып. 2-ой. (№ 11, стр. 423—426); 3) *Этнографическое обозрѣніе*. Періодическое изданіе Этнографич. отдѣла Императ. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Вып. 1 и 2-ой (№ 12, стр. 876—880).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1889 г., № 9—12. *Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I. П. О. Бобровскаго* (окончаніе: № 9, стр. 85—123; № 10, стр. 214—272; № 11, стр. 66—134; № 12, стр. 305—379). Эта обширная работа автора, начавшаяся печатаніемъ еще съ № 6 текущаго года, въ данныхъ номерахъ излагаетъ ходъ событій въ исторіи греко-уніатской церкви, начиная съ приготовленій къ борьбѣ бѣлаго духовенства противъ замысловъ базиліанъ (№ 9, глава 5-я), продолжая разсмотрѣніемъ поводовъ къ реакціи въ духовномъ и общественномъ образованіи въ Россіи въ то время (20-е годы), при чемъ характеризуются библейскіе комитеты, масонскія ложи и тайныя общества (№ 10, глава 6-я), излагая, затѣмъ, ходъ борьбы брестскаго капитула съ базиліанами по поводу устройства греко-уніатской церкви (№ 11, глава 7), и заканчивая пораженіемъ базиліанъ и его ближайшими послѣдствіями (№ 12, глава 8-я).

О построеніи крѣпости Саркела. В. Васильевскаго (№ 10, стр. 273—289). Это—полемическая замѣтка по поводу статьи Ѳ. Успенскаго въ «Кіевской Старинѣ» (1889 г., № 5—6) «Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X в.»; при чемъ авторъ замѣтки становится на защиту извѣстія Константина Багрянороднаго о времени, мѣстѣ и цѣляхъ построенія крѣпости Саркелъ, между тѣмъ какъ г. Успенскій отнесся критически къ этому извѣстію. Продолженіе этой полемики находится въ № 12, гдѣ помѣщенъ въ отдѣлѣ критики отвѣтъ *г. Успенскаго «О миражахъ, открытыхъ В. Г. Васильевскимъ»* (стр. 550—555) и тамъ же *«Отвѣтъ на статью Ѳ. Успенскаго» В. Васильевскаго* (стр. 555—557).

Борьба Польши и Литвы. Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. И. Филевича (№ 11, стр. 135—187; № 12, стр. 281—304; продолженіе слѣдуетъ). Эта статья преслѣдуетъ задачу распутать вопросъ объ отношеніяхъ Литвы и Польши по поводу выморочнаго съ 1340 года галицко-владимірскаго княжества. Съ этой цѣлью авторъ въ 1-ой главѣ въ общихъ очеркахъ указываетъ тѣ стороны внутренней жизни Польши и Литвы (при

чемъ нельзя было миновать и татаръ), отъ которыхъ зависѣло ихъ дальнѣйшее столкновеніе (№ 11), а во 2-ой главѣ переходитъ уже къ очерку военныхъ дѣйствій 1340 — 1387 годовъ, обозрѣвъ пока событія 1340 года (№ 12).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *K. Gorzycki.* Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza W. Реценз. *И. Филевича* (№ 9, стр. 131 — 138); 2) Памятники древняго православія во Владимірѣ-Волынскомъ. *Е. Деерницкаго* (№ 10, стр. 356); 3) Русскія древности въ памятникахъ искусства. Издан. гр. *И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ.* Реценз. *К. Бестужева-Рюмина.* Вып. 2-й (№ 11, стр. 249 — 251); 4) Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789 — 1795 г. *Яковлева В.* (№ 11, стр. 259 — 260); 5) Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. *Д. Багалѣя* (№ 12, стр. 559 — 560; 6) Замѣтка о загадочной фигурѣ на монетахъ великаго княжества кіевскаго (№ 12, стр. 562 — 563).

Историческій Вѣстникъ 1889 г., № 9 — 12. *Секретное дѣло объ одной газетной авизіи 1732 г. И. Лучицкаго* (№ 9, стр. 577 — 587). Это — преинтересная страничка изъ временъ тяжелыхъ допросовъ «Слова и дѣла»; тутъ разсказано, какой переполохъ произошелъ въ Кіевѣ по поводу доноса газетной авизіи, переданной подполковницей Вишневской полковницѣ Веревкиной.

Гдѣ дѣвались запорожскіе войсковые клейноды. Д. Эварницкаго (№ 11, стр. 394 — 403). Установивъ, какіе именно предметы именовались клейнодами, авторъ описываетъ нѣкоторые изъ нихъ, находящіеся теперь въ Преображенскомъ соборѣ и Императорскомъ Эрмитажѣ.

Въ отдѣлѣ «Изъ прошлаго» помѣщена *В. Бучневичемъ* маленькая замѣтка «*Пребываніе шведскаго короля въ г. Ромнахъ*» (№ 10, стр. 230 — 231).

Въ отдѣлѣ «*Смѣсь*» помѣщены слѣдующія замѣтки: 1) Археологическія раскопки въ Херсонесѣ» (№ 10, стр. 235 — 236); 2) Находки въ екатеринославской губ. (ibid., стр. 236); 3) Древнія типографіи на Волыни (ibid., стр. 236); 4) Столѣтній юбилей г. Одессы (№ 11, стр. 450 — 451); 5) «Древній замокъ и городище» — сообщеніе г. Гошкевича о замкѣ кн. Симеона Олельковича (№ 12, стр. 679); 6) Еще объ отношеніяхъ Гоголя къ матери. *Шенрока* (ibid., стр. 683 — 688).

Въ приложеніи къ № 12 находится «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» *Д. Языкова,* вып. 6-ой, гдѣ находимъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ нашихъ южанахъ: 1) Думитрашковъ Конст. Дан. (стр. 50 — 51), 2) Раевскій Петръ (стр. 106 — 107); 3) Ухачъ-Охоровичъ Конст. Франц. (стр. 119).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій и его литературные труды. *М. Едлинскаго*. Рецензія *Н. П.* (№ 10, стр. 201—202); 2) *Вержбицкій*. Краткое описаніе города Житомира. Т. I, изд. 2-ое. Рецензія *Вл. Б—скаго* (№ 10, стр. 215 — 216); 3) *Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ*. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 1 и 2. Реценз. *П. Полеваго* (№ 11, стр. 404—407); 4) *В. Мякотинъ*. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Реценз. *Б. Г—скаго* (№ 11, стр. 410—413); 5) *Н. Карѣевъ*. Паденіе Польши въ исторической литературѣ—реценз. *Н. С. К.* (№ 11, стр. 416—419); 6) *В. Яковлевъ*. Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789 — 1795 г.—реценз. *Н. П—ова* (№ 11, стр. 426—428).

Русскій Архивъ 1889 г., № 5—12. *Письма митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова къ В. Г. Анастасевичу* (№ 5, стр. 21 — 84; № 6, стр. 161—236; № 7, стр. 321—388). Въ этихъ письмахъ встрѣчается масса мелкихъ замѣтокъ о языкѣ, исторіи, археологіи и пр. юга Россіи; особенно интересны замѣчанія Евгенія о Ходаковскомъ въ письмахъ 1819—20 гг.

Въ статьѣ «Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій» А. Зиссермана въ главѣ X-й говорится объ упраздненія особаго черноморскаго козачьяго войска (№ 6, стр. 268—284), въ главѣ XI-й—о польскомъ возстаніи и о проектѣ Барятинскаго перенесенія столицы Россіи въ Кіевъ (№ 7, стр. 431—434).

Сотникъ Горбатко и его сподвижники 1862 г. Сообщилъ *И. Палимпсестовъ* (№ 11, стр. 353—375). Это страничка изъ славныхъ подвиговъ черноморскихъ козаковъ, разсказанная войсковымъ старшиною кубанскаго козачьяго войска Н. И. Вишневецкимъ.

Разсказы изъ недавней старины. И. Листовскаго (№ 12, стр. 491—498). Нѣсколько случаевъ изъ жизни митрополита кіевскаго Филофея и бывшаго кіевск. генералъ губернатора А. Р. Дрентельна.

Русская Мысль 1889 г., № 8—12. Въ статьѣ *«Были ли у насъ газеты для народа?» Е. Некрасовой*. Говорится о газетѣ «Другъ Народа», издававшейся въ Кіевѣ (№ 12, стр. 76—79).

Въ отдѣлѣ *«Внутреннее обозрѣніе»* посвящено нѣсколько строкъ памяти покойнаго редактора «Кіевской Старины» *А. С. Лашкевича* (№ 11, стр. 223; см. также въ отдѣлѣ библіографіи, стр. 508).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Энеида, перелицованная на малороссійскій языкъ *И. Котляревскимъ* (№ 9, стр. 379—380); 2) Pokucie. Obraz etnograficzny. Oskar'a Kolberg'a. Т. 3-й (№ 10, стр. 430); 3) Сборникъ

по хозяйственной статистикѣ полтавской губ. Т. 7-й. Кременчугскій уѣздъ. Т. 8-ой. Хорольскій уѣздъ. Вып. 1-й (№ 10, стр. 435—436); 4) Календарь сѣверо-западнаго края на 1890 годъ, издав. подъ редакціей *М. Запольскаго* (№ 11, стр. 500); 5) «Кіевская Старина», май—октябрь (№ 11, стр. 507—508); 6) Монетные клады въ кіевской губ. *Н. Бѣляшевскаго* (№ 12, стр. 524—525); 7) Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. *Е. Дверницкаго* (№ 12, 525).

Русская Старина 1889 г., № 9—12. *Дневникъ А. В. Никитенка.* Сообщ. *С. Никитенко* (продолженіе; № 9—12). Въ этомъ интереснѣйшемъ дневникѣ, начатомъ печататься давно уже (еще съ 1888 г.), помѣщены свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ, имѣющихъ отношеніе къ наукѣ или литературѣ нашего юга; въ данныхъ номерахъ находимъ извѣстія о Гоголѣ (№ 9, стр. 527—529).

Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера. Сообщ. Лопатинскій (№ 9, стр. 559—578; продолженіе будетъ). Это—продолженіе записокъ, начатыхъ печатаніемъ еще въ № 6; въ данныхъ главахъ (12—17) идетъ рѣчь о Товянскомъ и его сектѣ, объ игуменьѣ Макринѣ, разыгравшей заграницей роль страдалицы за католичество, о папѣ Піѣ IX и о проектѣ возсоединенія церквей, о княгинѣ Зинаидѣ Волконской и объ учрежденіи Восточнаго общества.

Въ «Воспоминаніяхъ Теобальда» (продолженіе) 2-я глава посвящена замѣткамъ изъ послѣдней польской смуты (1862 г.) въ Царствѣ Польскомъ (№ 10, стр. 77—87), а 3-ья—замѣткамъ изъ одесской жизни (№ 10, стр. 87—94).

Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ его дневникѣ 1849—1852 г. Сообщилъ И. Павловскій. (№ 10, стр. 123—141). Хотя дневникъ этотъ, начавшійся печатаніемъ еще въ 1888 г., по содержанію не представляетъ особеннаго интереса, но имя О. М. Бодянскаго вполнѣ оправдываетъ занесеніе дневника на страницы библіографическаго указателя.

Рѣчной и морской военный походъ в. кн. Владиміра отъ Кіева до Херсонеса и обратно въ 988 году. Кн. Н. С. Голицына (№ 10, стр. 185—190). Въ этой замѣткѣ опровергается мнѣніе проф. А. Соболевскаго о томъ, что въ лѣтописи Нестора неправильно походъ отнесенъ къ 988 году.

Къ исторіи русскаго общества 1807—1849 г. (№ 11, стр. 361—371). Это—сжатая выдержка изъ обширной записки неизвѣстнаго лица, которое записывало всякія правительственныя распоряженія. Здѣсь находимъ извѣстіе о томъ, что въ 1846 г. іюня 19 циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго приказано запретить и изъять изъ продажи сочиненія: *Шевченка*—Кобзарь, *Кулеша*—Повѣсть объ украинскомъ народѣ, Украйна,

Михайло Чарнышенко; *Костомарова*—Украинскія баллады, Вѣтка (стр. 367), а также о томъ, что въ 1847 г. марта 24 состоялось особое повелѣніе, при возвращеніи изъ заграницы командированнаго туда *Пант. Кулеша*, задержать его на границѣ, опечатать всѣ бумаги и вещи и отправить въ III-е отдѣленіе (стр. 368).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1889 г., № 3 и 4. *Купало. А. Соболевскаго* (№ 4, стр. 184—189). Здѣсь основательно отрицается древность Купала въ смыслѣ древне-русскихъ божествъ и указывается на то, что на югѣ Россіи не упоминается нигдѣ Купало, какъ языческій богъ, ранѣе 17 вѣка, а на сѣверѣ Руси даже имени этого нѣтъ въ памятникахъ. Выводъ тотъ, что существовало народное названіе праздника «Купалы» (множественное число), ставшее потомъ эпитетомъ къ имени Ивана Предтечи.

Еще къ вопросу о положеніи русской женщины по бытовымъ пѣснямъ народа. Е Будде (№ 4, стр. 195—244). Статья эта представляетъ отвѣтъ на давній разборъ г. Брайловскаго (Филолог. Записки 1886 г. № 1) статьи упомянутаго автора, посвященной вопросу о положеніи женщины. Сущность воззрѣнія г. Брайловскаго такая: не во всѣ періоды и моменты жизни русская женщина находится въ безотрадномъ положеніи, но есть и «отрадная сторона». Сущность возраженія г. Будде сводится къ доказательству этой безотрадности, при чемъ авторъ касается также вопроса о положеніи малорусской (чаще галицко-угорской) дѣвушки. Кажется, было бы правильнѣе рѣшать этотъ вопросъ, не смѣшивая народностей.

Отношеніе чудовскаго инока Евѳимія къ Симеону Полоцкому и Сильвестру Медвѣдеву. С. Брайловскаго. (№ 4, стр. 262—290). Статья представляетъ разработку одного изъ моментовъ той упорной борьбы, какая велась московскими книжниками 17 в. съ юго-западно-русскими учеными изъ-за охраненія первыми яко-бы чистоты православной вѣры отъ привнесенія вторыми въ нее латинской ереси.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщенъ краткій разборъ книги *г. Науменка «Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи»* (№ 3, стр. 167—168).

Филологическія Записки 1889 г., вып. III—V. *Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: «собравше кости вложахуъ въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ». И. Четыркина* (вып. V, стр. 1—19). Самое заглавіе достаточно выясняетъ содержаніе статьи; рѣшается вопросъ на основаніи признанія особаго божества *Чура* (образъ умершаго предка), оформившагося потомъ въ видѣ обрубка дерева, что и есть, по объясненію автора, *столпъ*.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе *Евгенія Пѣтухова* (вып. III—IV, стр. 1—7); 2) *А. Пыпинъ.* Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. (тамъ же, стр. 7—9); 3) *Е. Шмурло.* Митрополитъ Евгеній, какъ ученый (тамъ же, стр. 10—18). Всѣ три рецензіи написаны *Сергѣемъ Ольгинымъ*

Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Веневитиновъ М. Хожденіе Даніила игумена въ изданіяхъ И. П. Сахарова. (Изъ XIII т. «Древностей»). М. 4 д., 103 стр.

Захарченко М. Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. К. 8 д. 163 стр.

Историческій очеркъ Одессы. Къ столѣтнему юбилею со дня завоеванія. Одесса. 8 д. 52 стр.+8 рис.

Кіевскій календарь на 1890-й годъ. Съ адресъ-календаремъ г. Кіева и съ планами городскихъ театровъ. Редакторъ *В. Фабриціусъ* Кіевъ 1890 г., 8 д., 16 ненум. + 221 + ненум. 35 стр.

Леонидъ, архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая кн. Ольга?». (Оттискъ изъ «Кіевской Старины»). Кіевъ 1889 г. 8 д. 8 стр.

Лисенко С. Первые шаги шелководства въ черниговской губ. Черниговъ. 1889. 8 д. 53 стр.

Луцкевичъ А. Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа. Ч. III. Волынская губернія. К. 8 д. 171 стр.

— Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа. Часть IV. Черниговская губ. Съ приложеніемъ карты учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв. черниговской губ. Кіевъ 1889 г., 8 д, 180+XXIII стр.+1 карта.

Малышевскій И. Происхожденіе русской вел. княгини Ольги. К. 8 д. 71 стр.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія уложенія. Изд. «Кіевской Старины». К. 8 д. 292+XX стр. ц. 2 р.

Панаженко И. Историческая записка о новгородсѣверской гимназіи. К. 8 д. 172+II стр.

Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Императ. общ. любителей естествознанія, антрополо-

гіи и этнографіи подъ редакц. *Н. Янчука*. (Оттискъ изъ XIII й кн. Трудовъ этнограф. отдѣла). М. 1889 г., 12 д., VII+147 стр.

Ронталеръ Э. Отчетъ о состояніи новгородсѣверской гимназіи за 1888-й годъ. Вып. 5-й. Кіевъ 1889 г., 8 д., 96 стр.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. II. Древности скиѳо-сарматскія. Съ 147 рис. 4 д. 160 стр. ц. 1 р.

Святославскій В. Фабричный рабочій. Санитарное положенів фабричнаго рабочаго въ Привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи. Варшава. 8 д. 288 стр. +1 табл.

Скальковскій А. Адмиралъ де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея 1764—1787. Изд. городское. Одесса. 8 д. 38 стр.+1портр.+1 карта+1 планъ.

Талько-Грынцевичъ. Народное акушерство въ южн. Руси. Изд. журнала «Земскій Врачъ». Черниговъ. 8 д. 54 стр.

Franzos K. E. Aus. Halb-Asien. Culturbilder aus Galizien, der Bukowina, Südrussland und Rumänien. 2 B-de. 3 Aufl. Stuttgart. LXII+419 s.

— Aus der grossen Ebene. Neue Culturbilder aus Halb-Asien. 2 B-de.

Харузинъ М. Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ. (Оттискъ изъ VIII-го т. Трудовъ отдѣла этнографіи). Москва 1889 г., 12 д., IV+XXVII+335 стр.

Харьковскій сборникъ. Подъ ред. В. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1889 г. Вып. 3-й. Харьковъ. 8 д. 248 стр.

Chlebowski B. i Walewski W. Słovnik geograficzny królewstwa polskiego i innych krajów słowianskich. Zeszyt 117 и 118. Tom X. Warszawa 1889 г., 4 д., 641—800 стр.

Ч—въ П. Алупка. Краткій практическій указатель для пріѣзжающихъ. Од. 16 д. 55 стр.

Шевченко Т. Катерына. Изд. 2-е В. Уточкина. Од. 8 д. 32 стр.

Шейковскій К. Толкованіе слова «Русь» и его разновидность. Юбилейное изд. Мензелинскъ. 8 д. 14 стр.

Этнографическое обозрѣніе. Періодическое изданіе этнографическаго отдѣла Императорскаго общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Кн. 2-я. Подъ редакц. *Н. Янчука*. Москва. 1889 г., 8 д., I + 239 + ненум. 1 стр.+1 портр.

Яковлевъ В. Къ исторіи заселенія Хаджибея (1789—1795). Къ столѣтію завоеванія Хаджибея. Изд. город. Од. 8 д. 57 стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ"

на 1890 годъ

„Судебная Газета" будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чемъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права — матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлью выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее):

Въ каждомъ № „Судебной Газеты" подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты"

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

1890 ГОДЪ. ОБЪ ИЗДАНІИ **1890 ГОДЪ.**

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Програмы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи, иннй

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—историко-филологическій; отдѣлъ II—юридическій; отдѣлъ III—физико-математическій; отдѣлъ IV—медицинскій, отдѣлъ V—критико-библіографическій—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), отдѣлъ VI—научная хроника заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣденія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы переводы сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1890 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за **12 книжекъ** ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки **6 руб. 50 коп.**, а съ пересылкою **7 рублей**. Въ случаѣ выхода ПРИЛОЖЕНІЙ (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **ИЗВѢСТІЙ**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 р. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевѣ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

№ 6. 2—2. Главный редакторъ *В. Иконниковъ.*

ВЪ **1890** ГОДУ

При Кіевской Духовной Академіи

БУДУТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ"

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ и ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

Редакція заручилась сотрудничествомъ: гг. преподавателей и врачей С.-Петербургскаго (надеждинскаго) и московскаго родовспомогательныхъ заведеній и повивальнаго института въ С.-Петербургѣ, а также другихъ врачей специалистовъ по разнымъ отраслямъ медицины.

Подписка принимается:

Въ Брянскѣ (орловской губ.) въ Редакціи журнала „Акушерка".
Въ Спб. въ книжномъ магазинѣ К. Риккеръ Невскій просп. № 14.
Въ Москвѣ въ книжн. магазинѣ А. Лангъ, Кузнецкій мостъ.

№ 11 1—3. Редакторъ-издатель *Амброжевичъ*

№ I.

"Аптека домовая средная

Часть 2 [1]) домашнихъ лѣкарствъ, ня поратования члвческаго и бидлячого здоровя господарамъ и всякой кондиціи "особамъ служащая.

Лѣкарства, котория всегда заживати подобаеть, разсмотряючися, и що по троху или по мѣри заживать принадлежить, противное противному старатися, подобное подобному принадлежить.

Терпливость есть лѣкарство на всякие хороби; заживати его, на аптеку кому не стало би.

Апетитъ зопсований направують вишнѣ чорние свѣжие и сухіе, вареніе або сирие, когда хто уживаеть; також алекс(и)р проприетатисъ [2]) по колко кроплей.

---

[1]) Быть можетъ, 1-ю часть этой аптеки составляетъ стараніе избѣгать грѣховъ, перечисленныхъ, какъ бы въ видѣ эпиграфа, на внутренней сторонѣ обложки, тѣмъ же почеркомъ:

Седмь грѣховъ смертнихъ: 1, гордость; 2, лакомство; 3, блудъ; 4, зависть; 5, обжирство; 6, гнѣвъ; 7, лѣнивство.

4 грѣха вопиющихъ до Бога: 1, волное члвкоубойство; 2, блудъ содомскій; 3, озлобление убогих вдовъ и сиротъ, обиди или утѣснение; 4, удержаніе или несовершеное мзди отдаяния дѣлателемъ и наемникомъ.

Противъ Духа Святого шесть: 1, отчаяние, еже ненадѣятися на милость 2, излишнее упованіе на милость Божию; 3, сопротивление истинѣ познани... писанием стих догматов о вѣри, апостоли и свтим(и) отци утвержденихъ; 4, зависть ко духовним блга(мъ), яж(е) пріймуют(ь) ближняя (?) отъ Бга; 5, вгрѣсѣ пребивание и состарѣние в злобѣ; 6, нерадѣние о покаяніи до отшествия жизни своея.

[2]) Флоринскій, Русс. простонар. травн. и пр. 220.

До якой-колвекъ рани: свинячого пузиревого свежого сала, живицѣ, воску молодих пчол, 'оливи, бѣлку з яйца курячого, и всего того по равнимъ частямъ сложивъ на пановку или на щоколвекъ, присмажить в легкомъ огнѣ и с того учиня пластеръ, прик'ладать до рани.

Утроба устане, коли хто козлового лою роспустивши шматъ, змѣшавши з пшенною мукою, и зробит(и) якъ кашу и зисты.

Також врацати при утробѣ здорово есть, при лѣкарствѣ:

взяти воску гишпан'ского червоного и крейди белой, печини з печи по шматку мѣрному, стерти то все в мозчиру мякъко и на тилецъ ножа взявши в тепломъ пывѣ альбо винѣ на-дще на и ноч пит(ь); поможетъ.

також: взять муки житнои сколко ложокъ. вбити до ней два жов'т'ки от яйца, двѣ мушкатние галки и толко ж бобчаного насѣня, стерши всіо то вкупу, змѣшат(ь) на неперу упек'ти и дат(ь) хорому зисти.

Також порохъ курячого калу бобки албо кров сушеная всякаго звѣра впиит(ь), и усмирит утробу.

Також и камень червоний в молоцѣ стерти, пить.

Також очеретъ, что по озерахъ ростет(ь) спалит(ь) на порох, а пересѣявши хороше, дать пит(ь) хорому; на тотъ часъ овощей анѣ трунковъ гарячих незаживать, печистие толко потрави уживать, а пиво пить--аби толко посилился.

Також взят(ь) молока свѣжого з шевлѣею переварит(ь), нѣчого болшъ непридаючи; учинит(ь) великую помощъ.

Илляне насѣня товченее, албо зерно розинковое, албо насѣня бобчанее пит(и), або исти бобъ вареній, або заживать конфектъ пин(?)олній.

Бокы болящіе такъ лѣчат(ь): часнику головокъ з-колко у винѣ уварит(ь), тепло на ночь пит(ь), укритися и спочит(и);

Салату с чорнобилнимъ цвѣтомъ при потравахъ уживать;

алексѣръ проприетатисъ в винѣ албо в пивѣ заживат(ь).

На бородки: листомъ вербовимъ оние ок'ласти з оцтомъ; або з гною телячого попелъ упаливши, змѣшать з оцтомъ аби тепло. и на бородавки прикладать от години до години.

Кармазиновим албо тежъ червоним шовкомъ бородавки занявши, добре стиснуть. и такъ нехай будеть долго, поки не усхнеть и зъ того мѣстца з коренемъ випадетъ.

Медъ з галуномъ змѣшат(ь) и тымъ шмароват(ь) оние; або цибулею, або жолоткомъ (sic) яецъ змѣшаним з шафраномъ. або олѣйкомъ сосонковимъ (?) мазати, поможеть.

На удуше незастарѣлое: кмѣну з оцтомъ уварити и тепло под подошви прик'ладать;

албо чверть фунта терпентини, масла свѣжого несолоного змѣшати, исти на-дще поча(ст)цѣ орѣха.

На фебру: конского калу с пивом или з вином напитис(ь), процѣдивши чисто, сточит(ь);

албо взять ложку пива, вина, оцту, оливи, солы шматокъ, змѣшат(ь) в купѣ и пере(д) бранемъ оное випить;

або взять кореня бобки зѣлля, оскромадит(ь) и добре покришит(ь), на-дще и на ночъ исти всегда;

або орлового каменя [1]) наскромадивши, в винѣ албо горѣлцѣ випит(ь).

На горла бол(ѣ)ние: кашу ячную уваривши добре рѣден'ко, потом лѣтепла оцту приливши, полоскат(ь) губу часто и горло, ковтаючи по троху.

Ремезовое гнѣздо або пилиховое или ластовиное на порох збити, пересѣяти, с цибулею печеною стовк'ши и з медомъ прѣснимъ змѣшавши и плястръ зробивши, горло ок'ладати;

Или ячмѣнь в колосахъ на попелъ спалить, з медомъ и калом собачимъ змѣшавши, ок'ладать;

Или переступень корень в молоцѣ парить и пить;

Або шкарпетки з ног знявши на ночъ на шію обвертит, что от слиногора заховуеть;

---

[1]) Флоринскій, Р. простонар. травн. 159—60.

Або пить в молоцѣ албумъ грекумъ [1]).

На болячки въ горлѣ: дать чого пити или ѣсти, даби вомѣтовалъ;

Ужева голова висушеная, на шіи голо(й) ношенная боронит(ь) от слиногора [2]);

Сова со всѣм спаленная, попелъ оній пивши или ластовиній вареній в водѣ или в винѣ з фигами—поможет(ь).

На глисти или робаки: Горѣлки доброй (пропускъ?) змѣшать и тимъ жолудокъ и ноздри шмароват(ь);

Или часнику зтовк'ши нашмаровать грѣнку хлѣба и на самій пупъ приложити, неоднимаючи, хоча и прик'ло будеть;

Також и крейду в молоцѣ или в винѣ пит(ь).

На голову болящую и горячку: Воду кропкову прикладать до пулсовъ;

Или хлѣбъ горячій мякушку вмочити в оцетъ моцній и прик'ладат(ь) до голови;

Или салати навари(ть), теплою прик'ладать;

Или рожовои водки [3]), оцту к'репкого по чарцѣ, бѣлокъ отъ яйца стовкши в купѣ, въ хусту (s) в оное вмочат(ь) и прик'ладиват(ь) тепло; ю гори(я)чцѣ то помогаеть;

Или ушуши(ть) грѣн'ку з хлѣба з оцтом з кмѣном полить и тепло до голови привинути,

а бросквинное зерно з пивомъ вистилимъ (s)увертѣти и на чоло приложит(и), боль умирае и сон подаеть;

или женское молоко з оливою змѣшат(и) и з оцтомъ добримъ, на чоло прикладат(и).

На голову болѣзненую от слнця или от чаду: кровъ пустит(и), но толкож на другій день хороби;

Гречание крупи сирие, або ячние з бѣлком розтерти, рожовой водки прилить и змишавши на пулси до рукъ и ногъ прик'ладать отмѣняючи часто.

---

[1]) Album graecum и просто *album*, бѣлый собачій калъ.

[2]) *Slinogorz*, angina.

[3]) *Водка* всякая перегнанная вода, сокъ, отваръ, въ отличіе отъ *горѣлки*, ниже *водки* изъ бруи. вм. горѣлка.

На болячкы: болячки твердіе от мила теплого, з медом теплим же ростерши, отмячают. . . . . (?) болящіе ок'ладат(и) цибулею печеною, з масломъ свѣжимъ несолонимъ тепло змѣшавшы.

R. Ежели кого врачъ (s. *в*, а не *с*) *нападетъ:* цвѣтъ липовій або. . . . на порох стовкши, въ криничной водѣ, пити;

подушку з рути здѣлат(и) ярой и на ней всегда спати и оною куритись рано и вечер;

сокомъ так'же з рути в носѣ шмаровать;

горчичное насѣня з сокомъ угорковимъ пити;

олѣйку цегляного [1]) в носъ впускать и голову мазать, от чего памят прирастает;

или ментугу—рибу варит(и) в горшку новом поливяном, щобъ кости отпали, которіе кости спалит на порох и в чомъ колвекъ пити перед нападениемъ.

На каменъ: порохъ, бобу на порох спалит(ь) и пить;

или кров лисичую з виномъ пить;

или клей от дерева вишневого исти;

или прошокъ з бруштину и з ракових рожновокъ (s) пит(и);

постернакъ уживати часто;

часнокъ з горѣлкою пит(и);

кров козловую порох з виномъ;

пепришки (?) з масломъ свѣжимъ варит(и), на ноч и на—дще исти;

ванну зогрѣвши и вложивши свинячую вошъ, купатись;

сокъ лимоновій з олѣйком мигдалевим змѣшат(ь) и пит(и);

сокъ з редки витиснут(и) и з медом змѣшат(и) и пит(и);

или пит(и) пулверумъ дидретикумъ.

На кашель збитний сухий: Кору з дерева грушового стовк'ти и пит(и) з вином на ночъ;

или сѣрки зтовк'ши, яйце вареное мякко уложивши а бузини придавши, змишать и пить надще и на ночъ в чомъ колвекъ,

---

[1]) Флоринскій, Р. простонар. травн. и лѣч. 142—3.

или часнику зтовк'ши з саломъ и яйцемъ сиримъ присмажит(и) на огню и мазать подошви и хробетъ на ночъ;

или рожу смажит(и) з водкою рожовою зогрѣвши, по лозце на ночъ и рано заживать;

или ганусу доброго кварту отмѣрити и влить води полgарца и зсипат(ь) обое в горщикъ и затушковат(ь) добре, на жару варит(ь) поки упрѣе до половини, потомъ висипавш и процѣдити чисто, до него же приложити фунтъ сахару лодяного, знову смажит(и), которое заживат(и) на день и на ноч разъ;

також цибулѣ великой спекти, дробно покришивши, цукру ложку, оливи пол ложки придать и присмажит(ь) и ис̄ти теплое или по...умъ (?) заживать.

Паки от кашлю: Печеніе яблока с сахаромъ утоляют(ь) кашель и очищають грудь;

албо нѣсколко смок'вей положит(ь) в к'репкое судно и до них насипати сахару и, дополня крепкою водкою [1]) жажечь, и до тѣх местъ горѣла бъ, пока самая стухнет(ь), и того оставшогось соку рано и в вечер по ложки принимат(ь);

или илляное масло употреблять.

О болячках в роту и опуху во горлѣ. Вареной з шовковичних ягод сокъ оние болѣзни лѣчить.

На колку: Зубъ вепровій великій на порох стерши пить в винѣ или в пивѣ;

албо щоку щучую или языкъ гусиний стерти, пить.

О грудной болѣзни и одишки: Взят(ь) нѣсколко смок'вей и в анисной албо в простой чистой водѣ настоят(ь) и по вся ранки по двѣ смоквѣ ис̄ти.

От болячокъ и пухлинъ: Взять сирую, или испек'ти смокву и столко жъ до нея приложит(и) печеноѣ цибулѣ и оное столочь, прикладати на болячки, пухлину и всякие вреди.

На ковтуны: Видровіе (?) внутренности зсушит(и), на порох стерти, в пивѣ пит(и);

---

[1]) т. е. горѣлкою.

или достат(и) озика (=ожика) живого, зваривши его зисти;

или спалит(и) в вершку (?[1]) цѣлкомъ на попелъ, уробити лугъ з оного попелу, которимъ всегда миется (митися?);

или саломъ ботилковимъ (?)—птици голову шмаровать;

или ожиковимъ такожъ;

или заживати тхори, яко ся...

На кровъ з носа текущую: Взять от точила от коваля гущи з коритця з горсть, змѣшат(ь) з оцтомъ, випить и на зад шіи посипат(ь), или до оной приложит(ь);

да в ноздри соку цибулного впустит(ь) и тимъ кровъ перестане.

На крижъ болящій: Рожовою водкою шмаруй.

На судурги: В рѣчной водѣ варить нагашенную вапну, потомъ соли всипать и оливи, змѣшавши мазать судоргу;

Слиною на-дще или лосиннимъ конитомъ тое мѣ(ст)це натирать.

Отъ квартания феври: Взять рослого павука, вложить его в школерущу (?) орѣха волоского, залѣпит(ь) добре воскомъ и в немъ провертѣвши дѣрку, шнуркомъ проволокши на шіи то носит(и) над самим жолудкомъ;

или полинь з соллю вкупѣ вvертѣти в що и з онихъ сокъ витиснувши напитися пред трасениемъ хороби.

На лишаи и подлите[2]): тѣло натѣрать олѣйкомъ паперовимъ (папѣр в трубку згорнувши, палити на ложцѣ цѣнованой, олѣекъ буде).

На ломане в составахъ: Рахитис от всяких хороб волним чинит(ь).

На обложенную хоробу: (и в моровомъ повѣтрѣ сие жъ потребно):

достат(ь) голуба живого и под криломъ правим кровъ випустит(ь) и оною всѣмъ в дому мазатся и пить по мѣрѣ с пивомъ албо з вином. Найпервому в той хоробѣ дать зернятъ бузинових,= стовчених в тепломъ пивѣ, ложку или пол ложки випит(ь);

---

[1]) въ горшку?

[2]) *Пидлиття* (як кого пидлито). Ср. Чубин. I, 137.

или цеглу новую роспалити, якъ огонь, оцтомъ моцнимъ полить, даби пара по хатѣ розійшлась;

или давать всѣмъ пить прошокъ сердечній бѣлій албо червоній.

На золотникъ: Боброви строй в чемъ колвекъ пит(ь);

Чортово лайно нюхать.

На меляхолию. З людьми веселими перестават(ь) или прохлаживатис(ь) (s) по зелених мѣстцахъ;

горѣлку перепаляную з половой (s.) рути прошкомъ пити;

алкермес, хина хине заживат(и)

Мишы и щури чимъ вигоняют(ь) Взять проху з пилования желѣза у слюсара, з кислим тѣстом то умѣшат(и) и в дѣрки мишачие понакладат(и).

На боле.. (от) разнихъ причин в ногахъ. Горѣлки моцной з соллю змѣшавши, хусту умочит(и) и на самое привязать болящее мѣстце;

или водкою дивиновою тепло обвинут(и);

или пиво с масломъ согрѣвши, купат(и) ноги;

или рожовою водкою натирать; а на пухлину в ногахъ слимаки товк'ти з шкоролюпами и окладат(и).

Когда кому пухнуть ноги и струпьют(ь): Мезкою липовою или листом окладат(и);

или оние в водѣ варит(и) иполоскати тепло и ок'ладат(и).

От перечосу: достати от пчолъ молодих з улля шуму бѣлого ярачаго (s.), розмягчити оній, чисто на пластер намазавши, прик'ладат(и), щоден'но перемѣняючи.

На очи хто хоруе: Очи чирвоніе и болящие хто имѣетъ, а при томъ и на голову болѣетъ, когда утробная недуга на тот часъ припадеть, оздоровѣеть на очи;

руту ярую з бобками, в усътах держачи, грязти и якъ найчастѣй хухать на очи; отпужееть (?) тимъ билмо;

или водкою з сен'чкового зѣлля очи промивать з виномъ венгерскимъ;

или яйце убивши, пачесы умочивши в оное, на потилицю прик'ладат(и);

или руту свѣжую в меду варит(и) и тимъ коло вѣекъ мазати.

Такожъ, хто би билъ звгляду (s.) слабого, под-час дня теплого лѣтного нехай бо(со)ю ногою часто зраня по росѣ ходить; знову ж аби всегда в чоботѣ сухо било и ноги сухіе; руки на ночъ и на день мить;

хлѣба пшеничного середину намочит(ь) в рожовой водцѣ чрезъ ночъ, перецѣдивши чрезъ чистую фусту, очи промивать

На перемерзліи животъ: Рути натовк'ши, ок'ладати;

или сокомъ яблек;

или воску, оливи, сала роспустивши вкупѣ, присмажить и прикладат(ь) на животъ.

На припадане тѣла: шмаровать олѣемъ иллянимъ или олѣйкомъ з жолткомъ.

На воспу: шафраномъ в молоцѣ моченом (s) да коло очей обвертѣт(ь); в хатѣ теплой бити всегда; грубихъ потравъ незаживать; пулверем пан'нонѣкумъ употреблять.

На паралѣжъ: оцту доброго кислого змѣшавши з соллю по половинѣ, якъ устоится соль, изливши оцтъ, пить;

или горѣлки леванц(д?)овои, левлѣевой, шпиgинаревой и галгановой по равной части змѣшавши, пить потроха и члонки зараженніе мазать;

горѣлкою горчичною такъ же,

или прошокъ шевлѣевой з пивомъ пить;

или ак'вамъ паралѣтикамъ заживать.

На блохи: Полин з кмѣномъ уваривши, з жолчу якою колвекъ змѣшать и тимъ хату часто кропит(ь);

или чорнушку вимочивши, лужко покропит(ь) и хату;

или вапну негашенн(у)ю потовк'ши, посипат(ь) землю.

На огонь пекелній, то е(стъ) канцеръ: Капусти кислой, борщу сирового или тѣста кислого бѣлкомъ самимъ, з яецъ випустивши, розбить вкупѣ, галуну мало придавши на пачасы (s) намазат(ь) и прик'ладать на мѣстце хорое;

или сметани з бѣлком розбивши либо жолтку, з соллю змѣшавши добре, прикладать;

шкурку бузиновую промиваючи прик'ладат(ь).

На перси болячие: Пива з прошкомъ фиялковимъ кореня зогрѣвши, шафрану з цукромъ рано заживат(ь);

або прик'ладать омпляструмъ..... (?);

или (унг)вентум (s.) пек'торале.

Пиво щобъ некисло било: нехай непереберает и добре уваруетъ и положитъ в него кариофиматемъ (? caryophyllatum?).

На блощицѣ: Полинь или полиновимъ олѣйкомъ натират(ь) лужко;

или пявокъ висушити и стерши курити ложко оними и хату; такожъ взявши жолчи, оцту, полиню, сѣрки, живого срѣбла з саломъ кабанячимъ разстерши (s.) змѣшат и щилини натирать.

На подагру и *гираргу*: урину пить;

попелу насипать и на ногахъ носити;

взять масла свѣжого, горѣлки доброй, оливи, цукру, всего мѣрою, присмаживши на огню, тепло прик'ладать на день сколко разей;

или дубовую на ночь то(ж?) водку а курачого зелия в оцту намочивши, прикладат(ь);

или сокъ с шевлѣи в чаю и в чомъ тепломъ почасту, а наче по утрамъ пить;

или пшеничние отруби с ук'сусомъ смѣшавъ, прик'ладат(ь) к'ногамъ;

албо свѣжею пшеницею до коленъ ноги всипат(ь).

Дабы спотѣлъ: Нехай, на постелѣ лежачи в хатѣ, душно добре ук'риется, а фляшу цѣнованую, горячою водою наливши, в ноги ставить до подошовъ, а двѣ по бокамъ;

или зогрѣти камене, обязавши хустою, такожде.

На повѣтре моровое: На каждій день хату курить сѣркою, також постелю, кошулѣ, одежду рано и на ночь; всякие напитки тим же курить и сосуди, в оние напитки вливаючи;

такожъ сѣрку товкти з мукою и з виномъ моцним змѣшавши, шмароват(ь) недужихъ;

или сѣрчанимъ прошкомъ в нихъ (s.) посипать;

или сѣрку утерши, з водою розпустивши, оних обмиват(ь), а потомъ, усушивши зернят бузинових 24, имберу з виномъ ростерши и въсоливши, оное пить.

О чиряхъ и повреждения: Пшеничная мука с медомъ умягчает(ь) вреди и прориваеть чиря.

На бол(ѣ)зние моровое (s.): Листя копитнику прик̓ладат(ь) па долонѣ в руках, на ступнѣ у ногахъ и на очах, а приложивши в годину толко на-дщо отнят(ь) и в землю для смраду закопат(ь).

*Когда укусить пчола, оса или шершень и про*ч: натерти зараз мухою, поймавши, мѣстце укушеное, или олѣйкомъ св(я)тоянским.

На пухлину: шевлѣи горсть, полиню горсть зварит(ь) в полgарцу вина, ажъ поки до половини википит(ь) и пить рано и на ночъ;

риби неисти и напитковъ якихъ колвекъ пить якъ наимнѣй;
или матор дук̓шу (матери душку?) зѣлля варити и пити;
или сокъ з зѣлля три булке (tribulus?) пить;
руту з оливою и сол̓лю утерти, тим натират(ь) пухлину;
суменокъ (?) зо всѣмъ коренемъ в винѣ мочит(ь) и пить;
или майран заживат(ь) прошок, пулgансу (пурганcу?).

Ежели хто оранений: человѣкъ имѣючи рану в головѣ, ежели неможеть дивится на свѣтло или на свѣчку запаленную, умреть.

Собачую голову спаливши, попеломъ оной всякие рани людямъ и бидлу засипат(ь) рано, а на ночъ чистою водою перемиват(ь); поки загоится;

или корень з кропиви з солю зстерши, на рани прикладать.

На робаки в пашнѣ: Часнокъ в росолѣ зваривши, засѣки или судна кропить

и мишей мочить такожъ, чтобъ нешкодили в стодолах;

когда женцѣ в поле идуть жать, дай кождому по шматку ситой полтини или старой солонини, даби серпи шмаровали.

На рожу: Свѣжій папер лазуровій от цукру натерти густо крейдою и прик̓ладати на мѣстце жол̓челивое;

или шафранъ терти розмочит(ь) в водѣ и тимъ хусти добре помочит(ь), которие потим хороше вису(ши)вши, на мѣстце болячое прикладат(ь) що раза отминяючи.

На руптуру: Воскъ, живицю роспустивши на огню и присипавши до того ведлугъ потреби прошку живокосту, курячого зѣлля, змѣшат(ь) на масть, которою шмаровать тое мѣстце, з которого починается руптура.

На ръзачку, или когда урина запрется: Сокъ з бузинових ягод змѣшавши з виномъ, пить;

или хебтовое однолѣтка молодого листвіе [1]), зтовчен'ное з бѣлим вином; заживать олѣекъ святоянский.

Если кто неможетъ спатъ: шмаровати чоло и виски молокомъ женским;жовткомъ свѣжого яйца; тлустию чорной, от вертака млинового албо колеса взявши; олѣйкомъ маковимъ или мушкатовимъ, и купатся в теплой водѣ з маковками чрезъ колко вечоровъ по пол години;

или заживат(ь) реквіемъ...

От болення сердца: руту ярую в руках стерши, вином старим вен(герскимъ) покропит(ь) и на сердце приложит(ь);

або вино доброе старое зогрѣвши и хусту вмочивши, к сердцу привязуват(ь);

или рано и вечеръ з гвозъдика (s.) и яйца курячие свѣжие з имберомъ исти;

или шкарлатомъ натерши хусту, или теплимъ виномъ или алкермесомъ или дрияквою [2]), или водкою сердечною, и до сердца привязать, або ворокъ червоних золотих.

На слезіону: Боль окладать теплими хустами;

или воду з овсомъ и всякими землями змѣшавши и зогрѣвши тое, купатись добрую годину;

або полинъ, ячную муку, насѣня иллянее варивши з оцтомъ, тепло до боку прикладат(ь);

---

[1]) n. *chebd.*, sambucus ebulus.

[2]) n. *dryiakiew*, theriaca, знаменитое до XVIII в. замѣчат. сложное лѣкарство, приготовлявшееся преимущ. въ Венеціи. Ср. Флоринск. 1. с. 223.

Ма.... (? маслянку) свѣжую пить и прикладать емпляструм сп(л)енетикум.

На струпе или шолудь: Сляжъ-зѣлля[1]) вареное пить или оним окладат(ь) на день по два рази,

да и к'томуж конопляного насѣня свѣжого сколко пригорсть з горѣлкою доброю змѣшавши добре, в горщикъ новій висипать, а другій горщикъ, такъ же новій, поставивши на огнѣ порожній, накрити пок'ришкою з дѣркою на версѣ пок'ришки, которій горщикъ з материею наложить на той горщикъ, которій с пок'ришкою, и все обмазать кругом або... глиною или тѣстомъ, и такъ ок'ладать или жаромъ осипать, даби з верхняго в споднѣй олѣекъ вийшолъ, которим олѣйкомъ струпе мазать; и скотомъ слежъ росчесавши наперед мазат(ь).

На сухоти: Зѣлле подбѣлъ и(ли?) фарфиру-зѣлля[2]) по мѣри змѣшавши, з солониною и яйцами усмажит(ь), якъ ячню и исти оное чрезъ 9 день надще, храняся потравъ грубихъ и гарячихъ трунковъ;

такожъ прошокъ виперинусъ (viperinus?) помагаеть;

или ноги бараніи свежіи или шкуру барана нехолощаного попорубавши дробно, варит(ь) и купатис(ь) в томъ годину или полтори, а війшовши з ван'ни ничимъ невтиратися, але, увинувши(сь) скатертею, заснути;

такожъ козиное молоко пит(и) з цук'ромъ рано и вечер;

или оливи полкварти мѣшат(ь) поки збѣлѣеть и тою мастю шмаровать хребетъ и иние члонки рано и на ночь.

На свербъ: Коросги или лишай лѣчи(ть) ванна (v. ван'на?) водяная з дубовимъ листьіемъ;

такожъ лугъ з ванною учиненій, конская пѣна, насѣння лляное з прѣсним медомъ змѣшанное, сѣрка или унгвентум (s.) делѣта...

От шаленства: Голову оголивши, окладать хрѣном на хусцѣ розтертой;

або курку живо разрѣзаную на половину, тепло прикладать;

---

[1]) n. *ślaz*—malva.

[2]) *Пидбилъ*, fussilago farfara.

або хлѣб теплій, свѣжо упечевій, з масломъ, рутою и кмѣном змѣшаній;

также макъ бѣлій змѣша(й) з вином, водкою рожовою и оцтом и межи двома хустами до голови прикладай.

От икавки: зиж грѣнку имберомъ посипаную.

Оттрута щурей и мишей: Взять вапни негашенной з горсть, мѣлко утерти, муки горсть змѣшавши вкупу, осолодит(ь) зверху цукромъ, и поставить при томъ мису води.

На утружденіе: непить ниякого трунку моцного запальющого и з свекли сокъ з селѣтрою змѣшавши, охолодивши, тим ся шмароватись.

Когда угри на лицу естъ: Бобъ бѣлій мочить в оцтѣ моцномъ, а коли вимокнеть, облупит(ь) и добре висушивши, на муку стовкти, потомъ з водою рѣчною розмѣшавши, на ночъ умиватись.

На трутизну: Молока козиного, скоро только почуеть трутизну, свѣжого випить по зможности, а в недостатку оного, заживат(ь) и коровячого.

Когда укусить що ядовитое: Вкругъ той рани пущадломъ натявши, рожок поставит(ь), даби ядъ витягъ;

или тоежъ самое, что вкусить, поймавши, ростерти, приложит(ь).

Когда паукъ укусить или опаскудит(ь), найскорѣй взят(ь) цибулѣ или часнику, ростерши, и приложит(ь) на тое мѣсце; велми (?) же вкушеніе ядовитое шмароват(ь) недвиядковим олѣйком.

У кого з губи смердить: Розмаринъ варить з вином, до того цѣнамону, губу полоскат(ь) или пить на-днце, и гвоздики исти.

Коли кто струсится или ворвется или упадеть с чего: Якъ найскорѣй вимочитися и кров пустит(и);

вина или оцту, а в недостатку води з яйцем змѣшавши напитис(ь);

раковою мастю [1]) мазатис(ь),

или сало конское з каменемъ утерътим червонимъ рано и на ночъ пить;

---

[1]) Флорин. 1. с. 223.

или з росъходнику уробит(и) ма(сть) и мазатис(ь) где болит(ь);

или горѣлки сколко ложокъ, оцту ложку, меду прѣсного ложку, яйце свѣжое сирое, соли шмат убити добре оное и дати на дще алъ бо на ночъ випить, и укритис(ь) щобъ испотѣл.

(На уста пощепаніе) [1]).

На рѣзачку или бѣгунку: Маслянку свѣжую пит(ь) или прикладат(ь).

Коли кто назбит врацает: з яйца свѣжого бѣлокъ випустит(ь), а на тое мѣсцо влить горѣлки, уварит(ь) оное, зисти или заживат(ь).

На затвердѣніе жолудка: Кто терпить велми вол... (?) и затвердѣніе жолудка, пиво пит(ь) теплое з олѣйком мигдалевим:

яйца в смятку вареніе исти;

розинки маліе исти;

маслянку пит(и)

намочит(ь) в винѣ или в горѣлцѣ през цѣлій мцъ срѣбла живого, потомъ сколко ложокъ зливши (v. змивши) з оного щолоку для пургансу заживат(ь) подлугъ мѣри;

или воловою жолъчею доколо пупа шмароват(ь);

по землѣ велготной босими ногами ходит(ь), а потом в теплой водѣ перемиват.

На зубовъ болен'не: Корень з кропиви мочит(ь) чрезъ двадцять день в горѣлцѣ и в пивѣ, на слонцѣ сушит(ь), прикладать на зубъ болящій;

или ладанъ з часникомъ стовк'ши прик'ладат(ь);

или оцту зогрѣвши, взят(ь) в уста тепло и держать якъ наиболше, такъ чинячи по три рази;

или молоко свѣжое, мало пригрѣтое, з мякушкою пшеничного хлеба в устах держат(ь) якъ найболше;

или селѣтру переполерован'ную змѣшавши з криничною водою, тепло тимъ зуби полоскать, поки перестанеть болѣти;

имбѣръ, полний кмѣнъ, сол(ь) по части стовк'ши мяко в оцтѣ приваривши, прикладат(ь);

[1]) Зачеркнуто.

такожъ вареной з шовковичних ягодъ сокъ употреблят(ь);

к тому жъ половину сирой или печеной смок'ви на болное место положит(ь);

албо жадного ран'ка зуби натират(ь) шевлѣею и оной сокъ въ чаю албо в другом трунку (пить);

албо з бумаги клопчатой здѣлать маленкой якой (s.) в табачном соку намоча, на зубъ болній положить.

На згагу: Мушкатовую галку ск'ришивши и соллю потрусивши, и гризти;

или квасное яблоко зисти;

или к'рейди настругавши суптелно, з вином оцтомъ роспустивши, якъ тѣсто учинит(ь) и мерою заживат(ь) того тѣста якъ зерно бобовое или гороховое;

или заживат(ь) конфекту пѣвонѣевою.

На животъ болящій: мяту и руту равную часть пригрѣвши, витиснути сокъ, тепло в трунку пит(ь);

или горѣлки ганусковой пол чарки доброй, присипавши печени (s.) и трома палцами вколотивши, випить;

или и(з) дряквою горѣлки зогрѣвши, якъ пластиръ на животъ прик'ладать, а потомъ теплою серветою ок'ладать;

или аркушъ паперу, умочивши в горѣлку з товченимъ перцемъ, на живот прик'ладать;

или имберу, хій... (?) полинкового вина, дрияк'ви, олѣйку кмѣнкового в цукрѣ або в водѣ заживат(ь);

волового и коровячого калу з оцтомъ змѣшавши, процедить и випить;

или дрияк'ви римской зисти.

На жолтую хоробу: Лина живого росплатавши, под подошви привязать;

сокъ с цибулѣ печен'ной витиснути, з шафраномъ пить;

з судна золотого албо позлацаного напитокъ заживать;

вялую кропиву, нагодки, календулю уваривши з масломъ (?) часто уживать и дриякву пить.

Паки от каменнои болѣзни: По вся утра по три смок'ви, перцемъ посипавши исти, такожъ и жженою соллю. Хто потолкожъ смоквей по вся утра употребляетъ, тотъ худого воздуха и каменной болѣзни небоится, то к'то после того два или три ножевих вострей той же зженой соли особливо с есть.

О скоромъ рожденіи младенца. В родинахъ женамъ печоние смокви исти, и чтобъ в той избѣ, где таковіе жени суть, яблокъ ни под каким видомъ небило, того прилежно смотреть, яко яблочной духъ родѣлницам такъ тяжолъ, что она чрез то не скоро свободится.

От водяной болѣзни: Петрушку часто употреблять албо по груди свѣжою пшеницею осипатся, или по нѣсколко часовъ стоять или сидѣть.

О кровивомъ поносѣ. В молоцѣ намочить рижъ, потом роспалить камень опоку и в томъ молоцѣ охолодить, и тотъ камень мѣлко настругать и з водкою пить.

На болячку. Цибулѣ, оливи, муки пшеничнои, меду прѣсного, смок'вину великую, соли, тое все стовкти и намазать плястру и прикладать к болячки.

Масть на рани ножние. Взять пива доброго, козиной кровѣ по лозцѣ, олѣи илляной такоже, воску бѣлого з улля нечищенного, то есть вощинъ бѣлих, оливи, живицѣ, блейвасу, каждого по ложцѣ, до того яйце куряче з жолткомъ убить, измѣшать в купу, а змѣшавши на волном жару присмажить в ринцѣ, от чего масть станеть, которую прохолодивши, на плястеръ накладать и привязовать к ранамъ на ночъ и надень свѣжою. К тому жъ непить горѣлки, меду, вина много, но мѣрою пиво бѣло(е) и вистоялое; по холоду неходить и ногами непрацовать.

Бидлячое лѣкарство. Коли бидло кровю мочить, свин'цю нового (?) наскромадить немало и, на конець ножа взявши, в хлѣби давать до трох день, албо грѣн'ку спек'ти и дати с воском исти, а потому мочу человѣчого (?) дати напится.

Якъ вбодмется скотина, оцту с перцемъ и з имбером ис соллю по части змѣшавши, влити в горло;

також часнику накришити или зтовкти з оцтомъ и мукою дать випить.

На лишаи бидлячии. Сала ростопить з горѣлкою змѣшавши помазовать.

На ноги коли бидло впадеть: часнокъ з собачим калом змѣшавши, обвертовать ноги; албо горчицѣ бѣлой, часнику, бидлячого калу змѣшавши до купи, стовкти и з оцтом розвѣвши бидляти влить в горло;

також росол з мяса вепрового то есть (?) . . . . . бидлячим давать.

Овци даби нездихали. Вапни часть а двѣ части соли змѣшавши дати на тарчицяхъ исти;

или баранній жолудокъ в винѣ зварить и примешавши води теплои давать пить;

или з вапни негашенной зробить лугъ и в ономъ жито ярчое (s)вваривши, з соллю давать исти;

или сѣмяное (?) корѣння уваривши з соллю давать на-дще.

Разнимъ скотамъ лѣкарства. Конь доброй такъ познается: малій в собѣ есть головою; уши корот'кие, которие стоят просто; кругліе и веселіе очи, ротъ размѣрной, ноздеръ широких и просторихъ, такой же и морди, язикъ неочень товстъ и тонокъ, шіи винесенной и крутой, гриви густой, персей и крижа широкого; стан плотной и поджаристой; ногъ сухихъ, чистих и пространих; копиты малие, круглие; жилу маеть у заднѣх ногах тонкую; доставать до ушей недается; хвостъ крутой, широкая и короткая рѣпица; между остатнимъ ребромъ от остaного (s.) ребра невеликое мѣсце до костей крижових. Пробують старого и молодого такъ: ущипнуть на щоцѣ; когда вскорѣ шкура тая розійдется, то молодій, а слы нескоро, то старій.

Волъ доброй познается такъ: Долгого стану, вигнутой спини, полних пахов, широкихъ грудей, широкого крижа, долгой шіи, болшого подбородка, веселого взору, на ушах и на лбу много волосовъ, короткихъ и толстихъ ногъ.

Баранъ добрій такъ познается. Долгого и високого стану, толстого хвоста, широкого лоба, болшихъ глазовъ, мягкой и короткой шерсти, долгихъ ушъ, просторной грудѣ, витихъ рогъ и поджаристого бруха.

NB. *Когда задавится коневъ бѣлмо.* взять соли о...оватой (?) и гусиних яецъ шкоролупинъ, висушивши стовк'ти добре' змѣшавши до купи, засипать;

или перепеличимъ жиромъ око шмаровать.

Когда конь на оку лѣ(вомъ), имѣет дефектъ, въсипать соли в правое ухо, до трохъ день завязать; или когда в правомъ, в лѣвое всипать. такожде до трохъ дней.

Когда черви в ранѣ якого коня. Оцту з соллю змѣшавши, новаливши коня, черви вибрать и тимъ засипать;

или дегтомъ теплимъ заливать;

или ар$\check{g}$естемъ [1]) зѣллямъ звареним вимивать.

На дихавицу коневѣ. Мясо вовчее змѣшавши з овсом, давать;

или мураве в моцномъ оцту варить, перецѣдивши, коневѣ влити в горло квартъ 3, потомъ недай оному пить целій день и сѣна на ночъ.

На каменъ конскій. Рогъ еленя зпалить и зтерши оній в пивѣ давать пить, или влить ложку добрую.

На кашель конскій. Редки в овесъ накришивши дробно, давать исти; води зимной недавать криничной или болотяной, но воду рѣчную, всипавши мало муки пшеничной албо ячной, селѣтри трохи до тогожъ пристроживши (s.) давать пить.

Копито конское даби отростало. Руту варить з вепровимъ саломъ и чоботъ коневѣ здѣлавши и матеріи в овій наливши, обути коня, даби стоялъ недель двѣ, перемѣняючи оную материю, и чтоби всегда тепла била;

или свежихъ натовкти раковъ змѣшат з илляним насѣнем и с прѣсним медомъ так'же в чобот оную материю наклавши, обути коня.

Конь даби мѣлъ до подкованя и ходу доброе копито,

---

[1]) Польск. *rdest*, polygonum persicaria.

гною волового самого з оцтомъ росправивши, тепло на ночъ прикладать що години.

Когда конь носатїй: курячое зѣлле з коренем и з листом и бѣлой (?) бузини вкупѣ изварити, а уваривши добре, когда пристигнеть, дати пити коневѣ, а зѣле тожъ покришивши, давати в оброку цѣлїй тиждень;

или чемерицу чорную чрезъ ночъ мочить во горолцѣ (s.) и тамъ наприскиват коневѣ ноздри.

На охватъ води коневъ. Ростопити цыбул сколко и присипат оцту, добре роcколотивши влит в горло, даби проковтнул усе, потомъ в поле проводит годинъ 6, недаючи исти.

На охватъ з вътру. Мила устругат и дат з чимъ пит; кровѣ оному недават пустит между ушима.

На пархи конские. Дрожчи пивные зогрѣвши, перемиват, а обмивши, коли осхне(ть), сѣрки, галуну, купервасу з старимъ саломъ змѣшавши, рано и на ночъ шмаровать.

На паскудникъ конскїй. Хлѣба житного, соли, бавелни, пороху змѣшавши, уробит(ь) з того галку и вложит(ь) в око, а потом порох з солїю змѣшавши в подвѣйко всипат(ь).

Когда ноги опухнуть конские. Мякини конопляние и пачеси змѣшат(ь) з пивом а варит(ь) такъ долго, поки загусне; тим пухлину окладать до трохъ дней.

Коня пурговат(ъ) такъ есть. Яйце цѣлком в горло коневѣ впустит(ь), потом змѣшати оливи, горѣлки, часнику, соли, товченой горчицѣ и улит(ь) в горло;

или мила табличку з оцтом варивши, тепло влит(ь) в горло. такожъ козиного молока тепло улить.

На черви конскіе з носа: Шкаруникъ з яєць сухих на порох з цѣнобрoю желѣзною змѣшавши, стерти и перцю з оцтом и горѣлкою тепло примѣшавши вливать оному.

Садно конское свъжое, посипат(ь) порохом курячого зѣлля, що разу оцтом перемиваючи.

На огонь в саднѣ — достат(ь) макуху лляную, з бѣлком яечним и оцтом збить добре и умѣшат(ь), прикладать привинувши од години до години.

Конь змордований когда неисть, натерти оному зуби, язикъ и губи соллю, и теплимъ пивом вишмаровати, потомъ дать оному сѣна и оброку свѣжого.

Селезѣну такъ лѣчить коневѣ: Взяти посторонкомъ под пуздро и ис(?) тяхти какъ найлутше. Килка разей. Такъ учинит(ь), потом оного проезди(ть).

На сухоти кон'ские. Овесъ, ячмень вису(ши)вши добре, випалавши его добре и бобъ товченій змѣшат(ь), по горсти в оброку дават(ь).

На тилчакъ конскій. Желѣзомъ запаленим обчертит(ь) тое мѣсце, а потомъ самое палить.

От короcти конской: Чмиромъ[1]) горѣлчаним вимиват(ь), а змивши, свѣжимъ маслом албо сметаною шмаровать;

пурgан'съ дать; кров в таком разѣ ненадобно пускат(ь).

От гадини, когда коня вкусить или от чего ободмется:

Перцю зернят 30 стовкти, з вином старим змѣшавши, влить коневѣ до горла;

албо ластовокъ молодих з гнѣзда взявши пороздират(ь) оние, приложить до мѣсця вкушенного;

или взяти землѣ от мурашокъ и замѣшавши в водѣ, дать коневѣ пити;

так же учинивши з гною (?) землѣ мѣсто помазоват(ь) пухлину.

На волос собачій в коня. З оселедца молоко в пивѣ добре переполоскат(ь), да небудет(ь) солоно, стерти на маст(ь) и тия мѣсця, идѣ же сут власи собачіе, намазиват(ь);

такожъ хлѣбъ упеченій з ячной муки и з гарячою мякушкою, волоси тіе натират(ь) и обложит(ь), от чого когда пропадуть, мѣсце тое шмароват(ь) оливою;

---

[1]) Мр. *чмиръ* (нѣм. Schmiere), густой послѣдъ, между прочимъ табачный сокъ въ чубукѣ и трубкѣ.

тако жъ гной свѣжой члвѣчий размазати на хусту и на тое мѣсце привинуть от години до години.

На затрамане (s.) *мочи конской*: До кошари оного запровадить и там подержат(ь) з годину, и такожъ взять товченого имберу и бобков, змѣшати з пивомъ, а добре уваривши, дати випить.

На тоежъ: Зогрѣти води и дать оному якъ найскорѣй напитися;

такожъ гной человѣчій свѣжій з пивом или з вином змѣшавши, дати выпити.

На вивихнение ноги конской: Пиво з медомъ зогрѣвши, или з оцтомъ, парит(ь).

От заиздения конского: Сосенковимъ олѣйкомъ горячимъ напустит(ь) рану терпентиновимъ, зверху засквари ти козловимъ лоемъ албо масломъ несолоним.

От запаленія з бѣгу коневъ: селѣтру з водкою розмочить и напоить оного повагомъ, перериваючи; пиво такожъ холодить, соли (коли?) имъ напоить.

От повѣтру конского: Медвежое мясо порубавши дробно, в оброцѣ давать(ь);

или назбѣрат(ь) кори ясиновой, которую намочивши водою рѣчною, в коритѣ, з оного уставичне нахай (s) пют(ь) конѣ и всякая товарина.

На задратованіе конское: Копито перемит(ь) отцом теплимъ, потом засипат(ь) ġришпаномъ, а салом перетоплюваним намазиват(ь) часто и сциклинами свѣжими заливать.

На залози конские: Взят(ь) сала старого на чотирѣ пал'цѣ величиною, росходнику стовк'ши оній вкупѣ усмажити з макухи (?) сукон(к)ой ростерши, якъ най теплѣй прикладать на залози чрезъ колко день, поки помягчиют, а якъ помягчиют, натовкти з старимъ саломъ часнику, пущадломъ насѣкти залози, тепло прик'ладать поти, поки витечет тот гной; потом же ġозири жита ярого варити и охолодити в головки (?) и на самой землѣ давать коневѣ в тих же ночвахъ пити; такожъ розбить чотири бѣлки от яець, всипать до того товчени(я?) надила (?), змѣшавши влить в горло.

На овечое бидло и конское: каменемъ синѣмъ око натирать незотикаючи ве... самїй или инберъ з солю змѣшат и тимъ засипать.

Лѣкарство свинямъ: В коритахъ, в которихъ ядять и пиють, да будеть всегда лѣсяя або псяя голова, заржавое желѣзо, или перо гусячое спалить...

(продолженія недостаетъ).

(Тѣмъ же почеркомъ, на обложкѣ той же тетради):

Зелие от зубов у лѣсѣ рѣзати, его корѣня чорное.

Бедринецъ кров чистить. Деревѣй от ут́роби его кореня.

Жовчъ товаряча потрѣбна, когда запоръ, то намазать платочокъ и приложить до пупа.

№ II.

Лѣкарства зраку темному и затлѣлому. Взяти пригорщъ пшеници, товкти в мужчиру, и галки в томъ же мущиру мосяжному, луку бѣлого, вына доброго, и дать тому, накрывшы, немалїй часъ вымокнуть; потомъ, чрезъ чистую хустку процѣдивши, по двѣ краплѣ каждаго дня въ очи пускать.

Помогает же коростѣ и вреди внутренные лѣчить рута. Заживають ея в потравы и въ напою сухой, зеленои. Можеть иты (?) взрокъ улѣчуетъ, истерши мягко съ віномъ пыты, помагаетъ.

Рутяній сокъ с бѣлимъ медомъ, придавши болшіе соку з кропу волоского, а найпаче молоко женское, дитя годуючое хлопця, въ очи пускати зракъ чинить ясній.

Отъ курячои слѣпоты: Вареной руты въ водѣ впаръ добре, въ очи пущай.

Руту въ устахъ жоваты [1]) часто, тимъ очи помазовати.

Руту свѣжо зелену съ ячною мукою утерши мягко, на очи пластиромъ прикладати.

Цибуля печена съ ячною мукою; прикладати на чоло на слабие очи.

---

[1]) Отсюда—другой, болѣе ранній почеркъ.

Взявши дриакви венецкой зъ орѣхъ лѣсковій, вложить до кварти вина и тимъ очи промивати.

Естли уха болять: Хлѣбъ житній, свѣжо печеній, на двое розрѣзавши, тепло прикладать до ушей; усмиряетъ боль.

Когда что въ ухо впадетъ: Учини чмиханья перцемъ, имберомъ;

или чемерицѣ стерши, и затули ноздри, чмихай, и отъ чмиханья випадетъ;

альбо конецъ шпички зъ дерева лоемъ албо покостомъ намажъ и вложи въ ухо, аби пригнуло (?);

Сухо баньку надъ ухо поставити.

На болѣние скронѣ, т. е. віска: часнокъ горєній растерши прикладать.

На болѣние зубовъ: Глисти земние въ оливѣ варити и в кв'ропивѣ въ ухо пускати.

Чорнушку варити и зуби полоскати. Зогрѣти вина и галки, на зубовѣ держати.

Взяти часнику головку, истопивши, приложіти, гдѣ локоть починается; випустить злую матерію.

Вари изопъ зѣлья и полоскать зуби,

Бѣлую горчицю въ оцтѣ варити и держать въ зубахъ.

Лайно оробячое съ оливою стерши, въ очи пущай; гризти будеть, але поможеть.

На кашель лѣкарство: Цибулю смажену съ масломъ исти, сухимъ кашлемъ помагаетъ.

Горчицю бѣлу зелену въ водѣ варить и дѣтямъ малимъ давать от кашлю съ часникомъ уваривши, пити.

Корень фиалковій гризти велми ползуетъ;

Глисти заморивать: Бѣлую лободу, посоливши, съ медомъ пить, хочъ и съ водою.

Смажити руту въ оливѣ и, процѣдивши, пити.

Часникъ въ оцтѣ варити и пити зъ мѣдной судини.

Свѣжую цибулю чрезъ ночъ въ водѣ мочити и тую воду на-тще пити.

Ганусу часто уживати от глистовъ и робацтва.

Буз-дерево въ водѣ варити и пити оную юху.

Горчицю въ горѣлцѣ албо въ оцтѣ пити.

Юзифъ варити въ водѣ альбо в пивѣ пити.

Горохвини въ оцтѣ варить и трохи крейди примѣшать и дать пить.

Отъ бѣгунки: Иллянное насѣнья пити, ганусъ часто зажи-вати, бѣгунку заставляетъ.

Ядерця виноградовихъ ягодъ и родзинковъ великихъ стерши, упекти и давать пить.

Учинити коржъ зъ ячной муки и съ оцтомъ исти.

Бобъ исти.

Василки стерши, пити.

Подорожникъ варити и пити.

Насѣнья бедринцевое тую жъ моцъ маетъ, что и корень съ виномъ всякую бѣгунку усмиряетъ.

Шалвѣю съ полинемъ варить, червону бѣгунку лѣчить.

Бобичное листья уваривши, съ оцтомъ уживати.

Цвѣтъ ожинній на порохъ спалить и пить.

Мочитъ немогущимъ: Ванну учинити: наварити в водѣ ліону, хотя зеленого, альбо сухого.

В полинѣ пареномъ мится и окладатся.

Прикладати корѣнья фиалковое.

Слюзъ варить и животъ окладать.

Бедринцю взять добрую ложку и висипать в віно и пить тепло.

Болячки въ горлѣ лѣчитъ: Гнѣждо ластовиное въ оцтѣ растерши, до горла прикладать.

Павиное лайно стерши, у винѣ варить и, присоливши, якъ найтеплѣй дати пити.

Слину плинущу. Цибулю стовкши съ гнѣздомъ ластови-нымъ и с медомъ, учинити плясторъ и зъ верху приложити.

Псее лайно съ медомъ, шафраномъ и с водкою росчинити и пити давати; випадетъ з горла въредъ.

Сокъ журавлинъ кислихъ и листья ихъ исти—добрій способъ

на рани, которие бывають въ устахъ альбо далѣй в горлѣ, также на слину и на задавленья, которое биваетъ въ горлѣ.

Матереній (? [1]) теплой лотъ въ оцтѣ випити.

Попелъ з ластовокъ паленихъ з медомъ смѣшавши, и тимъ горло окладать,—вшелякие болячки в горлѣ лѣчить.

Также изопъ въ оцтѣ пареній, гди его заживаетъ, то той, что слинитъ, латво позбудетъ.

Еще жъ чрезъ стебло любистковое трунки уживать, — слину гамуетъ.

Персей тяжкость. Шалвѣю, а увертѣть съ перцемъ, и потомъ варити въ винѣ или въ пивѣ и пити на-тще, и на ночь помазовать перси мигдалевимъ олѣйкомъ, и пить мигдалевій олѣекъ.

Взять сала каплунового и масла молодого, олѣйку мигдалевого заровно, роспустити и помѣшати, и тѣмъ перси мазать.

Часникъ вареній альбо печеній сь цукромъ смѣшавши, камень отгонить и тяжкость персей.

Кашлямъ: уставичне кашляючимъ есть знаменитимъ лѣкарствомъ корень подбѣлу великого и омановаго; по два лоти обоихъ, взявши, проторнику, изопа, лободи по полгарця, лѣкрицѣ якъ полъ лота, ганусу полъ лота, фигъ сухихъ мясистихъ осмъ, то все в ситѣ медовой варити и пити часто на ночъ и рано по кубку.

Клей вишневий розвѣвши, пити.

Сьлюзъ класти в молоко и пити, прудко кашель усмиряетъ.

Варити листя и головки маку зеленаго в водѣ, ажъ до половини варити, потомъ, винявши, стовкти и варити въ мѣди, и поживати.

Подбѣлъ варити и пити; зеление шишки сѣновие (сосновие?) варити и пити съ родзинками, давній кашель отлучаетъ и сухоти.

Бобъ исти—кашель застарѣлій зъ студеной причини лѣчить.

Мяту въ оцтѣ намочену на ночь пити.

Часнику съ саломъ вепровимъ утопити, тимъ подошви на ночь у теплѣ предъ огнемъ часто натирати.

---

[1]) Материнки?

Прошокъ з листя буквичнаго и цвѣтъ зъ кислимъ пити отъ кашлю, альбо съ прѣснимъ медомъ уживати, для зазяблихъ персей.

Отъ кашлю—овсяныхъ круповъ въ водѣ варити, испололоскавши ськилко разовъ каждого (?), потомъ вь дойницѣ увертѣвши добре, чрезъ сито процѣдити, масла вложити и соли в мѣру, уживати юху. Иншие цукоръ альбо медъ вмѣсто масла кладутъ а тепло пьютъ

Ламанью в члонкахъ альбо составахъ. Полиню чвертку лота по килко дней уживати въ трунку дважди на день.

Натовчи раковъ, а сокъ з нихъ витисни; также утовчи листя дубоваго и тисни (s.) сокъ зъ него; той сокъ змѣшавши, помазуй состави, гдѣ болятъ.

Сухотамъ. Въ сухотахъ часнокъ ужитечній съ половиною бобковою ростерши пити.

Взяти корѣнья бедринцеваго мягко утертаго четире лота, меду изшумованнаго лотовъ 12, смѣшать добре, на-тще уживать того по полъ лота, и водку того корѣнья диктиліованнаго (=дистилёваного) по 6 лотовъ випивати.

Тожъ чинить позинковое (позичковое?) листья изь свеклянами, (?) а потомъ изьсѣкти дробно, якъ капусту, варити съ родзинками дробними и поживать.

Подьбѣлу зеленаго листя стерши, любъ корень на иголку низать и чрезъ легкій димъ пить,—сухимъ кашлямъ и тяжкому диханию помогаетъ.

Урокамъ: Корень дягловій при себѣ носить, альбо чернобѣль. уроки и чари отгоняетъ.

На рожу: Руту усушивши, курить ноги, и заячій щавей утопивши, прикладать—витягаетъ огонь.

Укушенью пчелъ: Насѣнья слюзу высокаго, съ оливою смѣшаннаго, приложить на вкушенное мѣсто. Также—и жуковъ вкушенья.

Жолтой немочи: Щавей въ бѣломъ винѣ варить, а то вино пить, лѣчитъ жолту немочь зъ зѣмной причини.

Сокъ буряковій, альбо само листья з листямъ лободянимъ варить и оную поливку исть.

Водку, витисненую в (= зъ) редки съ виномъ дати пити.

Шалвѣю варить в винѣ и давать пить.

Бруштинъ зьтопити съ виномъ, пить.

На сверблячку лѣкарство: Горѣлки, пороху, дегтю, масла испустить и пустить на воду воску, и всего того по ровной части положить и усмажити, и тѣмъ мазатись.

На коросту конску и товарячу: деготь добрїй, сѣрка, порохъ, сало и молоко. Что чимъ заправлять: деготь варить, чтобъ закипѣлъ, а сѣрку, стерши, вкипать въ деготь, а сало скваривши и тое въ деготь, и такъ все варить и теплимъ мазать всего.

Мастъ на сверблячку человѣку: Сребра живаго четверть золотника, мила барскаго два золотника. мишаку три золотника, оливи малую часть, и тое все смѣшать и здѣлать з того мило и, спарившись в лазнѣ, тѣмъ митись въ духу, а потомъ, посидѣвши немало в духу, ополоскатись теплою водою и убратись в лазнѣ, и тое чинить до трехъ разъ.

Аппетитъ чинить: Листья полиню свѣжаго наслать под голими подошвами, то до ядзенья взбуждаетъ; и потреба каждаго дня свѣжо поповлять.

Щербцю уживати, шалвѣю съ потравами уживати, альбо потрави нимъ посипати охоту до ядзенья побуждаетъ.

Сечь запертую кто в себѣ имѣетъ и неможетъ удержати: Рутяного насѣнья припряженнаго взять четверть лота, чрезъ седмъ дней пить.

Кораль червонїй на порохъ стерти, съ водкою бабичною на ночъ пить.

Лѣкарство, когда кто сухїй биваетъ: Грѣнки поливши виномъ некислимъ, альбо свѣжимъ, зъ житнаго свѣжаго хлѣба даби они били усушени, и посипавши цукромъ исти натщо, хотя на ночъ.

Пива съ цукромъ нагрѣвши пить, вельми в нутрѣ отъ того

ситость дѣлается, печунки засхлие уздравляются и кровъ во всемъ тѣлѣ родится.

Постернакъ в козиномъ молоцѣ свѣжомъ затушковавши, смажить, и исти на тще,—полза велика.

У кого сухоти били и есть: Надобно берегтися, чтобъ неисти риби вялой солоной, оселедцовъ, олѣи, оливи старой, всякихъ напитковъ непити, кромѣ пива; сала свиннаго весма берегтись; масло когда случится съ чимъ исти, даби перетопленное било; и кислаго и солонаго весма неисти; сира солонаго и горкаго ничего невживати; яецъ печенихъ, свинини (понеже от свинини—тяжесть персамъ), щуки-риби (бо от нея флягма велика родится, и кашель возбуждаетъ) и от солонини—такожде. И лини сухотамъ неочень в пользу: хотяй би его и неисти. Окуня, карася, плотицю, леща, судака свѣжаго, осѣтра—хорошо исти: сіи риби найздоровѣйшие всякому человѣку, нетолко имущему сухоти.

У кого вгри на лицѣ: Чешночной попель зженой смѣшать съ медомъ прѣснимъ, и будетъ аки масть житная, и тѣмъ помазовать тѣло и лице, коросту с тѣла и угри с лица съгонить.

Аще кто глухъ: Возми молока женскаго, коя отрока кормитъ послѣ роду десяти дней, и к тому прибавивши трави чесноку дикаго по разсужденію, и то болящій пускай каплей по двѣ или по три въ ухо, утро и вечеръ, тако слухъ явится.

О диняхъ: Сѣмя динное варить в водѣ и тою водою лице и руки умивать, тогда тѣло чисто и бѣло станетъ.

У кого зуби болять: Сѣмя чорной горчицѣ в ротѣ жовать съ уксусомъ вельми пристоитъ отъ всякой немощи зубной.

У кого бѣльмо на окѣ: Сокъ горчичной пущенъ въ око бѣлмо сгонитъ.

У кого голова болитъ: Стерши раки съ деревянимъ масломъ, да намазати на платъ и привей къ головѣ гороздъ (s.), какъ можно терпѣть, и оной поможетъ вельми.

Аще жена родитъ дитя, и у нея мѣсто останется и она ходитъ при смерти: Возми сорочаго мозгу да раствори его въ водѣ и дай пити, и оной отъ того исцѣляетъ.

О совѣ птицѣ: Аще кто сову съисть, ино у того человѣка очи будутъ зрячѣ и тѣмъ очамъ ниякой болѣзни небудетъ.

У кого будетъ трясавица: Возми совину ногу правую, и она отъ того скоро покинетъ.

О чистотѣ личной: Овесъ без лусиинъ, варенъ в водѣ и потомъ толченъ смѣшанъ, да противъ того всего положить муки овсяной сѣяной и все вмѣсто поварить в водѣ, и тѣмъ аще лице умивать, и станетъ бѣло и свѣтло [1]).

У кого бородавици: Цибуля товчена съ сольлю, прикладиваемъ (s.) к бородавицамъ, и тако они погибають и язви заживаютъ.

У кого насморкъ: Сокъ из луку вижать и в ноздри пущать— насморкъ и иния нечистоти изъ глави виведетъ сморканием и чханиемъ.

У кого в головѣ воши: Сокомъ часниковимъ помазуй главу, воши и гниди умираютъ и власи на главѣ укрѣпляются.

У кого облива на лицѣ: Мука пшенична съ уксусомъ подсиченимъ, и тѣмъ помазуетъ обливу на лицѣ, и лице чисто станетъ [2]).

У кого на тѣлѣ короста: Лукъ толченъ и разваренъ уксусомъ, и тѣмъ помазуетъ свербежъ и коросту тѣлесную, и тако тѣло гладко станетъ.

Ногамъ рукамъ албо опухлимъ: Руту съ оливою и сольлю утерти и т(ѣмъ) шатировать (s. вм. шмаровать); боздерево утерти съ оливою и тѣмъ жили в рукахъ и ногахъ съ солію пластировать.

У кого очи играютъ: Смородиннаго листу съ дождевою водою сварить и процѣдить сквозь платъ чистій, и тое на ночъ поставити, заспунтовавъши въ пѣчъ, в духъ легкий, и тоею жъ водкою очи помазать.

Листъ буквичній сваривши, и взявши зъ окропу, приложить на очи на цѣлую ночъ, и на взнакъ лежать.

---

[1]) Hortus amoenus. Флоринск. Рус. простонар. травн. 23.

[2]) *Облива*, ἔκζεμα; См. Флоррнск. I. с. 21, 25.

№ III и IV.

Записки о лѣкарствахъ на разные болѣзны.

1) *От кашлю*: ляное пасѣня вппражити, потомъ стерти и питнимъ медомъ розвести, процѣдивши пить тепло; весма ползуеть.

2) *От катару*: пива доброго некислого пол кварти, цукру и шафрану по малой части пригреть гораздо, какъ можно стерпѣть, и випить, лягши на постелѣ, и вкритись и(з) головою; будет потъ пресилний, свободится отъ катару, болю в костяхъ.

3) *От кольки*: рути зварить в новомъ горшку, насипать пшеничних висѣвокъ, пригрѣть, какъ можпа стерпѣть, скрозь платъ прикладать на болное мѣсто.

4) *От болѣзни зубной*: хлѣба житного осередокъ вмочить в горѣлку простую, посипать солю и приложить до щоки, где больной зубъ.

5) *На болѣзнь голови*: муки житнои несѣяной упрягши в новомъ горшчку, и смѣшать з оцтомъ крѣпкимъ и приложить до голови; заразъ болѣзнь перестанет(ь).

6) *От вонѣновъ частихъ*: взять мяти, истерти, измѣшать з ладаном и з оцтом, мазать платок и приложить на персахъ под ложечку; ползу великую приносит(ь).

7) *От проносу кривавого*: взять двѣ чарки водки, неболшую часть селѣтри, столко ж и сѣрки, всипать у водку, запалить чтобъ вигорѣло половиную часть и теплое випити.

8) *На тож*: натерти каменя червоного густо, положить часть дрияквп, розвести вином или водкою и випить.

9) — Назбирать листковъ подорожнику, видавить сокъ и випити.

10) *От поносу не кривавого*: дубовой жолудь стерти, посипать грѣнку, усушеную з разоваго хлѣба, и въ день три рази, ровно в полдень и вечеру изести.

Такожъ *от поносу* галуну часть перепалить, и жорновокъ стерти и з горѣлкою випить, ползуеть.

11) Ежели у кого здѣлается *конституация*, до... (горсть) маку бѣлого стерти и напитися с того маку молока: заразъ пронесе в четверть часа неотмѣно.

12) *От вонѣтовъ:* хрѣнъ терти и пити в горилки.

13) *От утроби*—молоко солодкое круто с перцем пити, или росаду капустяную стерти, змѣшати з горѣлкою круто и пити.

14) *На лишай:* горчицѣ бѣлои столкти змѣшати з приснимъ медомъ, положити на лишай.

15) *Рану* добре гоить уголля березовое. Стовчи и засипай рану: дивно гоить.

NB 16) *Мастъ* здѣлать *до рани* весма добрую: олива, живица, козиной лой по равной части спустить и прикладать.

NB 17) *На зубную болѣзнь:* столчи насѣня кропового, измѣшай з оцтомъ и класти на болние зуби.

NB 18) *На шолудѣ* лѣкарство: лугъ з попелу гречаного робити и мити голову, и взять водку сѣмяную и мазати, згоить.

19) *На мерзкое тѣло или рану:* убить кота ситого, винять з него сала, натовчи вербового листя, истерти рути, змѣшать, класти до рани.

20) *Медъ* варить з хмелемъ и придать материнки, будетъ хорошъ и вкусенъ.

21) *От гадини:* ежели гадина вкусить, намазать сѣркою з уха, небудеть пухнуть.

NB 22) Ежели *воспа* у дѣтей, свинячимъ молокомъ мазать и давать пить дитинѣ.

23) *На бѣлмо конское:* ежели у коня бѣлмо, у противное ухо соли всипать.

24) *На рану збитую на нозѣ:* воску ярого, оливи, ладану, все тое на паперѣ над свѣчкою знажъ и на полотнѣ ветхомъ здѣлай пластиръ, прикладай.

25) Ливандовий квѣтъ у винѣ пити вигонить урину.

26) *От жовтяницъ:* в розинокъ вложить вошъ головную или з кошулѣ, дать потаенно зисти, весма ползуеть.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ, обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXVIII. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Димитрія Маркевича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго**. Лирники. **Валеріана Боржковскаго**. Ѳома Падурра (Критическій очеркъ) **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. **А. А. Востокова.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой.** Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго.** (Переводъ съ польскаго). **Н. М** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**.

Въ отдѣлѣ «Документовъ. извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. И. А. Лашкарева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVIII, 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

(изъ разсказовъ моей матери).

I. Первая встрѣча.

Въ первый разъ мать встрѣтила Шевченка на свадьбѣ своей меньшой сестры (у которой онъ былъ тогда шаферомъ) 24 января 1847 г. въ ихъ родовомъ имѣніи М., Ч—й губерніи, куда мать, бывшая уже болѣе году замужемъ, пріѣхала на семейный праздникъ погостить къ своимъ роднымъ. Помнитъ она, что у него (какъ и всегда) надѣтъ былъ на шеѣ красный шерстяной шарфъ,—что придавало ему весьма оригинальный видъ среди бальныхъ франтовъ.

Шевченко находился въ возбужденномъ состояніи и то и дѣло отрывалъ мою мать и невѣсту отъ танцевъ, отводилъ ихъ въ дальній уголокъ и училъ пѣснѣ „Ой зійды, зійды ты зиронько та вечирняя". Мать смущалась и отказывалась пѣть, но сестра ея училась у него и потомъ пѣла хорошо. (Нѣсколько пѣсенъ въ „Запискахъ о Южной Руси" переложены Маркевичемъ съ ея голоса.)

Хотя поэтъ явно нарушалъ своимъ поведеніемъ условныя, свѣтскія приличія, тѣмъ не менѣе онъ очень нравился молодымъ женщинамъ своею оригинальностью и онѣ безъ сожалѣнія оставляли бальныхъ кавалеровъ и слѣдовали за нимъ.

Когда Шевченко уѣзжалъ со свадьбы, то обратился къ невѣстѣ:

— А що вы мени дасте на памьять сего дня?

Молодая дѣвушка быстро вырвала цвѣтокъ изъ своего миртоваго вѣнка и подала ему.

Всѣ старушки такъ и ахнули: „быть несчастью"!...

Дѣйствительно, въ скоромъ времени арестовали ея мужа, брата, Шевченка и др.

II. Невѣста Шевченка.

Послѣ ссылки Шевченко возвратился въ Петербургъ и часто бывалъ у моихъ родныхъ,—и у нихъ то онъ и встрѣтилъ свою „Ликеру"...

Это было такъ.

Весною 1860 года, г-жа К—ая, уѣзжая за границу и боясь оставить на произволъ судьбы въ большомъ городѣ завезенную ею изъ Малороссіи молодую крѣпостную дѣвушку, по имени Лукерью, просила мою мать, черезъ посредство своего брата г. М—ва, который былъ друженъ съ нашимъ семействомъ, принять ее къ себѣ на свое попеченіе.

Мать долго отказывалась, стѣсняясь чужою прислугою и опасаясь брать на себя большую отвѣтственность, но наконецъ уступила настоятельнымъ просьбамъ и взяла дѣвушку къ себѣ.

Лукерья оказалась особой лѣнивой, неряшливой и необыкновенно вѣтренной.

Вставала она утромъ позже матери, ничего въ домѣ не дѣлала—и только вышивала какія-то прошивки, будто-бы заказанныя ей ея барынею... Ходила она всегда нечесанная и неумытая,—что́, однако, не мѣшало ей заниматься собою, носить тайно шнуровку подъ вышитой сорочкой и заводить интриги съ сосѣдними лакеями, таскавшими ей въ карманахъ жареную дичь...

Ей было тогда лѣтъ двадцать и собой она, въ строгомъ смыслѣ, не была хороша, но весьма привлекательна: круглолицая—въ легкихъ веснушкахъ, кароокая, губы полныя, румяныя, черты грубоватые, коса темная, густая...

Росту она была средняго, фигура у нея стройная, прекрасная... Словомъ, симпатичный но довольно обыденный типъ малороссійской дивчины.

Одѣвалась она всегда по малорусски и хорошо знала бѣлошвейное мастерство.

Мать добавляетъ, что для простой дивчины она была чрезвычайно умна, хитра и ловка.

Первое время Лукерья у насъ не получала жалованья, но потомъ, когда обиженная ея ничего не дѣланіемъ, наша служанка просила заставить и Лукерью работать,—и ей отказали, прислугу пришлось разсчитать, и мать предложила тогда Лукерьѣ мѣсячную плату, съ тѣмъ уговоромъ, что она будетъ помогать ей по дому.

Лукерья, хотя и согласилась на это условіе, работала весьма неохотно, особенно когда сдѣлалась невѣстой Шевченка. Да и самой матери было какъ-то неловко заставлять ее услуживать при немъ...

Родные мои лѣтомъ жили на дачѣ въ Стрѣльнѣ и Шевченко по прежнему часто бывалъ у насъ. Тутъ онъ и познакомился съ Лукерьей.

Ничего особеннаго мои родные не замѣтили въ его отношеніяхъ къ этой дѣвушкѣ—онъ съ нею бесѣдовалъ какъ и со всякой другой,—но вотъ однажды, явившись въ обычное время къ намъ, онъ вдругъ объявляетъ матери, что любитъ Лукерью и хочетъ жениться на ней.

Пораженная этой неожиданностью, мать въ ужасѣ, сразу высказываетъ ему свое мнѣніе объ этой дѣвушкѣ, все что ей извѣстно о ней худого, и начинаетъ его горячо убѣждать отказаться отъ своего намѣренія.

Шевченко, понятно, оскорбился за любимую женщину, которой онъ слѣпо вѣрилъ, вспылилъ и рѣзко возразилъ матери:

— Хочь бы и батько мій ридный уставъ изъ домовыны, то и его-бъ я не послухавъ!...

Съ этимъ онъ и уѣхалъ, сильно раздраженный противъ матери.

Тѣмъ не менѣе она, считая своимъ нравственнымъ долгомъ, заговорила съ нимъ объ этомъ и въ другой разъ,—и говорила всегда, когда онъ бывалъ у насъ, стараясь всѣми силами удержать увлекающагося и наивно-довѣрчиваго поэта отъ гибельнаго для него шага...

Однако это не приводило ни къ чему: Шевченко вѣрилъ только своей „Ликери“ и раздражался противъ матери, за ея, какъ онъ предполагалъ, *панскія* предразсудки... Въ результатѣ, между ними, изъ простыхъ и дружественныхъ, установились холодно-вѣжливыя отношенія.

Однажды онъ написалъ матери, прося ее отпустить съ нимъ Лукерью въ городъ за покупками. (Этого письма нѣтъ).

Мать отказала, естественно опасаясь отвѣтственности, взятой на себя относительно молодой дѣвушки.

Тогда Шевченко пріѣхалъ самъ и лично сталъ просить мать объ этомъ.

Она и тутъ ему категорически отказала.

Онъ разсердился и иронически спросилъ:

— А якъ бы мы повинчаны булы, то пустылы-бъ?

— Конечно,—возразила мать,—какое бы я тогда имѣла право удерживать ее...

Страшно раздраженный Шевченко присѣлъ тутъ-же къ столу и сразу, сгоряча, экспромтомъ набросалъ извѣстное стихотвореніе:

Моя ты любо, мій ты друже!
Не ймуть намъ виры безъ хреста...,

направленное прямо противъ моей матери. Между тѣмъ Лукерья, на всѣ вопросы матери, съ наивнымъ цинизмомъ признавалась, что она не любитъ своего жениха, такъ какъ онъ, по ея словамъ, „старый та поганый“, а выходитъ за него потому только, что „кажуть, що винъ багатый“...

Но *этого* передать Шевченку у матери не хватило духу...

Какъ то Лукерья простудилась и слегка захворала. Встревоженный Шевченко, желая выразить какъ нибудь свою заботливость, прислалъ ей шерстяные чулки, теплый платокъ и какой то очень старинный, металлическій, большихъ размѣровъ шейный крестъ.

(Съ этими подарками онъ прислалъ письмо, помѣщаемое ниже подъ № 1).

Первымъ движеніемъ Лукерьи, получивъ эти вещи, было схватить крестъ и начать торопливо скоблить его ножемъ... Но увидѣвъ,

что онъ не золотой, она съ досадой отбросила его отъ себя, сердито проговоривъ:

— Богъ знае що!... я думала золотый!...

Мы переѣхали въ городъ. У Лукерьи была здѣсь отдѣльная комната и Шевченко сталъ уже посѣщать не насъ, а только свою невѣсту. (У насъ же собственно онъ въ это время бывалъ рѣдко—забѣгалъ днемъ). Приходилъ онъ, случалось, часовъ въ 11—12 ночи, когда мы уже были въ постеляхъ, посылалъ за пивомъ и въ сладкихъ бесѣдахъ со своею „любою дивчиною" просиживалъ далеко за полночь.

Такъ повторялось почти каждый день... Въ тоже время онъ просилъ мать ѣздить съ нимъ въ магазины покупать и заказывать Лукерьѣ приданое. Такъ было ей заказано тогда два пальто (фасонъ въ родѣ малороссійской „юпки"): одно черное—плюшевое, съ отдѣлкой изъ неразрѣзнаго бархата, другое—бѣлое, суконное, на голубой, шелковой подкладкѣ съ отдѣлкой изъ бѣлаго бархата и золотого шнурка, съ золотыми филигранными пуговицами. Также была куплена черная, круглая шляпка съ перьями. Сдѣлано нѣсколько малорусскихъ костюмовъ, въ томъ числѣ шелковый голубой корсетъ. Куплено нѣсколько штукъ голландскаго полотна и т. п.

Всѣ эти вещи были привезены къ намъ Шевченкомъ, и онъ самъ составлялъ рисунки для вышивокъ своей „Ликери".

Однажды Шевченко сказалъ матери, что графиня Т—ая приглашаетъ его невѣсту жить къ себѣ до ея выхода замужъ. Такъ какъ г. М—ва не было въ то время въ Петербургѣ, мать посовѣтывалась съ его двоюроднымъ братомъ г. М—чемъ и они рѣшили, что Лукерью можно отпустить, но г. М—чъ долженъ лично, съ рукъ на руки передать дѣвушку графинѣ.

Въ назначенный день Шевченко взялъ карету и пріѣхалъ за Лукерьей. Съ ними вмѣстѣ отправился и г. М—чъ.

Одѣта Лукерья была просто, но хорошо, въ малорусскомъ костюмѣ.

„Невѣсту" Шевченка графиня приняла очень любезно (это передавалъ матери потомъ г. М—чъ), пригласила ее сѣсть на

диванъ, угостила шоколадомъ, и заговорила съ нею о литературѣ.

Лукерья такъ ловко лавировала, что трудно было бы догадаться о ея полномъ невѣжествѣ. (Она едва умѣла читать).

Г. М—чъ скоро уѣхалъ оттуда и потому не могъ ничего болѣе сообщить. Но Лукерья пришла сама на другой день къ намъ и разсказала о своемъ пребываніи у графини Т—ой, при чемъ оказалось, что она только переночевала у нея, а потомъ Шевченко нанялъ ей отдѣльную комнату и переселилъ ее туда... (Къ этому времени относится его письмо отъ 6 сентября, печатаемое подъ № 2). Въ заключеніе она пожаловалась на своего жениха:

— И такый винъ протывный, що хозяйка давала комнату зъ прислугою, а винъ не схотивъ, сказавъ, щобъ я сама прибирала... „що—каже— побачу, яка та у мене чепурненька"...

Дѣйствительно Шевченко и при матери повторялъ ей нѣсколько разъ:

— Гляды, Ликеро, щобъ чепурненька була... Я ничого не хочу, абы чепурненька була... Важкого ты ничого у мене не будешь робыты, хиба зварышь борщу, та пошыешь мени сорочку... та одно знай—щобъ було чепурненько, бо неохайныхъ я не терплю"...

Прошло нѣсколько дней. Лукерья опять приходитъ къ намъ и разсказываетъ матери, что Шевченко подарилъ ей дорогіе коралы и 200 р. серебряною монетою, а сама, между прочимъ, по немногу забираетъ отъ насъ къ себѣ вещи.

Пришедши однажды, она стала жаловаться на Шевченка:

— Сердытый такый, побачивъ у графыни воду, що забулась днивъ зо два переминыть, та такъ крычавъ на мене, такъ крычавъ!... Щей ногамы тупавъ...

— Не пиду за его!...—рѣшительнымъ тономъ заключила она.

— А якъ же буде?—спросила мать.

— А такъ и буде, що заберу усе що винъ мени давъ, а за его таки не пиду!... Такый старый, поганый, щей сердытый!...

Мать ничего на это не возразила, въ душѣ весьма довольная такимъ оборотомъ дѣла.

Скоро послѣ этого опять пришла Лукерья и когда мать открыла ей двери, бросилась къ ней, и схвативъ ея руку, порывисто поцѣловала.

Мать удивленная (прежде она этого никогда не дѣлала) замѣтила ей, что это неприлично невѣстѣ Шевченка.

— Та вже, слава Богу, я не его невѣста! возразила Лукерья, и при этомъ разсказала слѣдующее:

Шевченко пришедши по обыкновенію къ ней, засталъ у нея въ комнатѣ страшный безпорядокъ: на столѣ вода разлита, лежитъ гребень съ вычесанными волосами, тутъ же валяются грязные чулки, постель неубрана...

— ... Винъ такъ якъ кынувся на мене зъ кулакамы,—продолжала Лукерья свой разсказъ,—якъ закричавъ на мене:—„Я такои не хочу!... не треба мени такои жинки"!... А я и соби ему кажу: „—И *мени* такого чоловика не треба!—старый та сердытый!"—тай вышла зъ хаты"...

Это такъ разсказывала Лукерья, а было ли оно *такъ* въ самомъ дѣлѣ—неизвѣстно... Шевченко ничего объ этомъ не говорилъ, кромѣ того, что „это мерзость", „гадость", онъ только и просилъ ее быть опрятной, и что онъ *не выдержалъ...*

Лукерья осталась у насъ, но вещей не перевезла, и мать предполагала, что онѣ были у нея на квартирѣ и Шевченко ихъ забралъ къ себѣ. Но вдругъ получаетъ она отъ него письмо, гдѣ онъ спрашиваетъ не у нея ли вещи? Лукерья сказала, будто у нея, но онъ сомнѣвается... (Письмо отъ 18-го сентября подъ № 3).

Мать отвѣчаетъ ему, что никакихъ вещей Лукерьи у нея нѣтъ, кромѣ непошитой еще шелковой корсетки и перочиннаго ножа,—остальное Лукерья забрала... Но она (мать) обѣщаетъ ему написать объ этомъ г. М—чу.

Оказалось при разслѣдованіи, что Лукерья всѣ вещи, полученныя ею отъ Шевченка, перевезла на квартиру своихъ господъ и отдала тамъ кому-то на сохраненіе.

Она даже говорила своей квартирной хозяйкѣ, что вотъ, молъ, перевезу вещи и тогда брошу его (Шевченка).

Вещи были отобраны у Лукерьи (корсетку шелковую и коралы Шевченко отослалъ своей племянницѣ Присѣ) и Шевченко

написалъ матери полное раскаянія письмо, въ которомъ онъ проситъ ее простить ему его недовѣріе къ ней, называетъ ее „ридною матирью“, желавшей ему только добра и пр. Къ сожалѣнію это письмо не сохранилось.

Между тѣмъ мать, желая узнать истину относительно разрыва Шевченка съ его невѣстою, написала ему, приглашая его къ себѣ объясниться лично.

Шевченко назначилъ 2 часа по полудни и выразилъ желаніе, чтобы Лукерья присутствовала при этомъ объясненіи. Приглашенъ былъ также и г. М—чъ.

Ровно въ 2 часа пріѣхалъ Шевченко. Молча поздоровался онъ со всѣми и молча сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Наконецъ остановился и коротко сказалъ:

— Нехай увійде!

Мать поняла и пошла позвать Лукерью.

Та перемѣнилась въ лицѣ и робко пошла за матерью, но остановилась у порога, не рѣшаясь переступить.

— Ходы сюды, Лыкеро!—позвалъ ее Шевченко.

Она вся блѣдная, трепещущая, съ опущенными глазами подошла къ нему.

Онъ тяжело положилъ ей руку на плечо и глухимъ, сдавленнымъ голосомъ спросилъ:

— Лыкеро, скажи правду, чи я колы вольно обиходывся зъ тобою?

— Ни.. тихо, понурившись, отвѣтила она.

— А може я сказавъ тоби колы яке незвычайне слово.

— Ни...

Тогда онъ вдругъ поднялъ кверху обѣ руки, затопалъ ногами, и не своимъ голосомъ, въ изступленіи закричалъ:—Такъ убирайся-жь ты одъ мене!... бо я тебе задавлю!... (Лукерья стрѣлою вылетѣла изъ комнаты). Усе оддай мени!... усе оддай!...—до нытки оддай!... И старыхъ, подранныхъ черевыкивъ я тоби не подарую!...

Глубоко потрясенные этой сценой, всѣ сидѣли въ безмолвіи, не будучи въ силахъ произнести ни слова...

Шевченко прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, молча пожалъ всѣмъ руки и также молча уѣхалъ.

Послѣ этого онъ бывалъ у насъ чуть не каждый день, но всегда мрачный, молчаливый, неразговорчивый... Ходилъ все по комнатѣ и тихо самъ себѣ напѣвалъ „яворъ зелененькій“...

Но дѣтей онъ по прежнему любилъ... Только дѣти проясняли его хмурое чело. Лишь бывало увидитъ которую изъ насъ, меня или сестру мою Маню — тогда еще малютокъ, схватитъ на руки, подниметъ высоко, высоко надъ головою: „Охъ, ты-жъ мое маленьке“! „Охъ, ты-жъ мое велыке“! приговариваетъ со своей обычной, ласковой шутливостью.—И мы, дѣти, его обожали...

Такъ продолжалось до самой его смерти... А потомъ... потомъ мы не видали уже больше нашего „дядька кобзаря“...

Не выдержало, видно, горячее сердце!...

Лукерью скоро взяли отъ насъ, дали ей вольную и она поступила въ бѣлошвейный магазинъ. Больше матери о ней ничого неизвѣстно.

Над. М. Кибальчичъ.

№ 1. (Писано на полулистѣ синей почтовой бумаги краснымъ карандашемъ. Безъ даты).

Любая Надежда Михайловна. Передайте оце добро Ликери. Я вчора тилько почувъ що вона занедужала. Дурна десь тёпала по калюжахъ тай простудилася. Пришлить зъ Өедоромъ мѣрку зъ іи ноги. За(ка)жу тепли черевики, а може найду готови то въ недилю привезу. Щирій вашъ Т. Шевченко.

Покажить зъ Өедоромъ чи лучше ій чи ни?

№ 2. (На полулистѣ синей почтовой бумаги, сложенномъ вдвое).

Многоуважаемая Надежда Михайловна! Вручите Өедорови мизерію и паспортъ моеи любои Ликери, и приймите мою искреннюю благодарность за ваши материнскіи попеченія о сиротѣ Ликери, и за вниманіе ко мнѣ нехитростному вашему другу, Т. Шевченку. 1860. 6 сентября.

№ 3. (Писано на листѣ синей почтовой бумаги).

18 сентября.

Вельмичтимая мною Надежда Михайловна! Посилаю вамъ *лиштви* начатые Ликерою, и рисунокъ. Отдайте ихъ кому знаете кончить. Ликеря вчора здаеця збрехала при лици В. Н. шо вона оставила у васъ въ домѣ мои слѣдующіи вещи.

2 простини
1 полотенце
6 паръ чулокъ
корсетъ
тепли башмаки
коленкоръ для юпокъ
и рисунокъ для мережки

Коли цёму правда? и буде можна то вручите Өедорови рекомые вещи, а коли ни, то сообщите о семъ В. Н. *яко власть имѣющему*. Души моеи не шкода було для Ликери, а теперъ шкода нитки. Чудне щось робиця зо мною? Шануюпцій васъ Т. Шевченко.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.

Люблинская унія 1569 года была серьезнымъ шагомъ польскаго королевства на пути стремленій его къ ассимилированію съ своимъ народомъ населенія всего великаго княжества литовскаго, въ составъ котораго входила и южная Русь. Выгоды, которыя давалъ польскій государственный строй, предпочтительно передъ строемъ великаго княжества литовскаго, шляхетскому сословію, неминуемо должны были оторвать отъ всей массы литовскаго и южнорусскаго народовъ не только земянъ, но и важныхъ магнатовъ, членовъ недавней рады литовской,—и они пошли на встрѣчу польскому королю и шляхтичамъ, задумавшимъ подъ видомъ уніи двухъ равноправныхъ государствъ дать повсюду преобладаніе полонизму; изъ нихъ особенно охотно пошли на встрѣчу полякамъ въ данномъ случаѣ паны южной Руси, которая въ значительной своей части была королемъ безцеремонно отдѣлена отъ Литвы и присоединена къ польскому королевству. Послѣ такого разъединенія въ народныхъ массахъ великаго княжества литовскаго, послѣ утраты ими высшаго сословія, и Литва, и особенно литовская Русь не могли уже больше имѣть защитниковъ своей народности, законовъ, обычаевъ и вѣры въ сеймѣ вновь возникшей Рѣчи Посполитой, ибо только шляхтичи и имѣли право быть тамъ послами. Положимъ, личные инстинкты могли иногда побуждать нѣкоторыхъ изъ бывшихъ земянъ и пановъ рады литовской отстаивать ихъ народность, но все же такое отстаиваніе, еслибъ оно было поведено основательно, не могло не идти въ разрѣзъ съ собствен-

ными ихъ интересами, ибо имъ въ такомъ случаѣ пришлось бы защищать и кинутый строй великаго княжества литовскаго, благопріятный крестьянству и усиленію верховной власти. Оттого то на первыхъ порахъ послѣ люблинской уніи находились еще между магнатами старой рады литовской люди, готовые защищать и поддерживать свою народность и вѣру, но все же при условіи оставленія въ сторонѣ сущности политическихъ порядковъ. Таковъ былъ, напримѣръ, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, извѣстный ревнитель православія и русскаго просвѣщенія. Но чѣмъ дальше, такихъ дѣятелей среди южнорусскаго панства мы встрѣчаемъ все меньше и меньше; въ качествѣ же защитниковъ православія на сеймахъ стали выступать люди вродѣ сперва брацлавскаго, а потомъ кіевскаго воеводы Киселя, о которомъ имѣли полное основаніе говорить въ народѣ, что „у него русскія кости, но только обросшія польскимъ мясомъ". Съ конца же XVII вѣка и Киселей не стало.

Не диво, поэтому, что поспольство бывшей литовской Руси, не имѣя средствъ къ защитѣ своихъ утраченныхъ правъ и изнемогая подъ гнетомъ грубо крѣпостническихъ порядковъ польскаго королевства, въ составъ котораго ввели большую ея часть тотчасъ послѣ уніи, отдѣливъ отъ Литвы,—не диво, говоримъ, что поспольство это при такихъ условіяхъ долго только тѣмъ и могло выражать свой протестъ, что оставляло цѣлыми толпами своихъ помѣщиковъ-шляхтичей. Но, конечно, такой пассивной защитой своихъ правъ цѣлый народъ не могъ ограничиваться сколько-нибудь продолжительное время. Изъ бѣглыхъ хлоповъ скоро южно-русскій людъ превратился въ козаковъ, проживши извѣстное время вдали отъ мѣстъ своей родины на границѣ южныхъ степей, находившихся подъ вѣчной грозой татарскихъ набѣговъ. Отбиваясь тамъ отъ враговъ и продолжая заниматься земледѣльческимъ трудомъ, они именно стали земледѣльцами-воинами, или, какъ тогда говорилось, козаками. Возникло, такимъ образомъ, мало по малу цѣлое новое сословіе, члены котораго нерѣдко съ неблагопріятнаго для шляхтичей опаснаго юга шли жить и въ предѣлы остальной Рѣчи Посполитой, гдѣ козачество сперва не было извѣстно. Чѣмъ дальше, контингентъ этого на-

родившагося въ странѣ сословія все больше и больше разросталcя, ибо козаками оказывались и мѣщане, занимавшіеся рыбной и иной торговлей по Днѣпру и въ другихъ неогражденныхъ отъ нападеній хищниковъ мѣстахъ; оказывались ими и всякіе ранѣе незакрѣпощенные люди, не внесенные заблаговременно въ сословные кадры Рѣчи Посполитой. Само собою разумѣется, члены такого вновь возникшаго класса людей не могли отказываться отъ привычной для нихъ свободы даже въ случаяхъ поселенія въ городахъ Рѣчи Посполитой, далекихъ отъ степей, а потому всякія попытки старостъ и дѣдичей втиснуть ихъ въ среду посполъства, лишеннаго при польскомъ строѣ даже человѣческихъ правъ, они должны были встрѣчать отпоромъ. Когда же случаевъ давать такой отпоръ стало становиться слишкомъ много, тогда протесты отдѣльныхъ лицъ начали превращаться въ протесты коллективные—и отсюда-то ведутъ свое начало козацкія возстанія. Собственныя желанія козаковъ увеличить численность своего сословія путемъ привлеченія къ себѣ хлоповъ и стремленіе этихъ послѣднихъ путемъ перехода въ козаки избавиться отъ крѣпостническихъ условій существованія—все это естественно должно было установить ту солидарность между этими двумя народными группами, результатомъ которой явилась всегдашняя готовность ихъ къ взаимной поддержкѣ и защитѣ. Козацкое знамя стало, такимъ образомъ, знаменемъ всего южно-русскаго народа, и борьба, которая велась козаками съ Рѣчью Посполитой, мало по малу стала борьбой не за интересы одного козацкаго сословія, но за всю Русь, за ея вѣру и народность. Богданъ Хмельницкій выступаетъ удачнымъ образомъ именно за интересы всего южно-русскаго народа, и если подчасъ ему доводилось, прибѣгая даже къ смертной казни, проповѣдывать несчастнымъ хлопамъ истину „нехай кожный зъ свого тишыться, нехай кожный свого глядыть“ и вслѣдъ затѣмъ загонять ихъ къ панамъ, то это были моменты временные, слѣдовавшіе за случайными неудачами козаковъ на войнѣ и за побѣдами Польши [1]), но никакъ нельзя думать, что и стремленія великаго козацкаго вождя были въ духѣ приведенной истины. Послѣ него отчетли-

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій т. III, стр. 37.

вость цѣлей козацкой борьбы съ Польшей спуталась; среди сложныхъ политическихъ условій существованія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. козачество много металось изъ стороны въ сторону, по крайней мѣрѣ на правомъ берегу Днѣпра, отошедшемъ по Андрусовскому договору (1667 г.) снова къ Польшѣ. Ни Дорошенко, ни Палій съ Самусемъ и другими не были въ состояніи вернуть козачеству силы и значенія, какія имъ были пріобрѣтены при Хмельницкомъ, и въ концѣ концевъ козачество на правомъ берегу Днѣпра исчезло, не докончивъ своей задачи вызволенія себя и поспольства южной Руси изъ-подъ гнета полонизма и церковной уніи. Результатомъ борьбы была въ концѣ концевъ „руина“ Украины и брацлавскаго воеводства.

Но жизнь южно-русскаго народа, въ предѣлахъ даже истерзанныхъ войною областей, не прекратилась окончательно во время руины. Мало-по-малу области эти, хозяевами которыхъ, въ силу Прутскаго договора Петра I съ Турціей, считали себя поляки, стали заселяться русскимъ крестьянствомъ, стекавшимся сюда и съ запада—изъ Волыни, Подоліи и Червоной Руси, и съ востока—изъ гетманщины. Тяжелыя экономическія и общественныя условія въ той и другой сторонѣ заставляли ихъ идти въ опустѣлый край съ благодатною землей. Но здѣсь ихъ вновь должны были сдавить рамки польскаго общественнаго строя. Земли, ими заселенныя, въ большинствѣ случаевъ были во владѣніи шляхтичей. Шляхтичи же эти, какъ только стихъ шумъ войны, тотчасъ явились въ свои помѣстья и немедленно предъявили поселившимся тамъ крестьянамъ условія, при соблюденіи которыхъ они могли пользоваться панскими землями. Условія эти на первыхъ порахъ были довольно выгодны для крестьянства, но въ концѣ концевъ, послѣ льготныхъ лѣтъ, все же они должны были дать въ результатѣ прочный крѣпостническій строй. Вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не начаться вновь и гоненіе на православіе въ пользу уніи. Давній порядокъ шляхетско-католической Рѣчи Посполитой, такимъ образомъ, вновь получалъ господство въ южной Руси,—а поэтому крестьянству послѣдней вновь должны были понадобиться защитники, которые могли бы хоть

отчасти замѣнить козачество, исчезнувшее на правомъ берегу Днѣпра. Такіе защитники и явились.

Съ легкой руки польскихъ мемуаристовъ обыкновенно этихъ новыхъ защитниковъ русской народности и православія величаютъ *гайдамаками*, а все движеніе, ими вызванное и тянувшееся хронически въ теченіе всего XVIII вѣка, — *гайдамачествомъ*. Основаніе для этого существуетъ, но все же въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ кличкой не вполнѣ точной, перенесенной съ понятія болѣе узкаго на гораздо болѣе широкое и даже не однородное. На самомъ дѣлѣ гайдамаками называли издавна своего рода отщепенцевъ грубо сбитаго общественнаго польскаго строя, людей, для которыхъ и пребываніе въ козачествѣ могло быть стѣснительнымъ—и въ силу разнузданности ихъ инстинктовъ, и въ силу несочувствія ихъ идеаламъ козачества; иначе, конечно, къ нему они могли бы пристать. Самое названіе „гайдамака", въ основѣ котораго лежитъ турецкій глагольный корень „гада", должно было издавна означать, соотвѣтственно смыслу корня, людей, приводившихъ общество въ смущеніе, безпокойство, движеніе [1]). Особенно много шло въ гайдамаки забужанъ и поднѣстрянъ, отличавшихся по свидѣтельству Костомарова приверженностью къ буйству и неповиновенію. Шайки ихъ въ томъ краѣ назывались еще въ XVII столѣтіи ватагами левенцевъ и вполнѣ были аналогичны *опришкамъ* Червоной Руси, въ составъ которыхъ тоже входили непокорные хлопы, а часто и свободные карпатскіе горцы. Силами этихъ, подчасъ вполнѣ разбойничьихъ, шаекъ во времена Хмельницкаго воспользовался народный герой Нечай [2]). Но въ теченіе долгаго времени они не фигурировали на историческомъ поприщѣ того времени: массы хлоповъ и козаковъ затирали ихъ своею численностью. Тѣмъ не менѣе ихъ не убывало; съ конца же XVII вѣка ряды ихъ даже стали значительно пополняться. Такъ, послѣ крестьянскаго возстанія 1702 года многіе изъ крестьянъ Подоліи и Брацлавщины, гдѣ былъ центръ этого движенія, уходили въ *левенцы* или гай-

---

[1]) Антоновичъ. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ стр. 10.

[2]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Т. II, стр. 216—217.

дамаки, зная, что поляки, усмирившіе возстаніе, готовятъ имъ лютыя казни. Къ тѣмъ же гайдамакамъ уходили и впослѣдствіи въ теченіе XVIII вѣка, всѣ тѣ, которые такъ или иначе бывали виноваты передъ своими панами, т. е. участники мелкихъ и крупныхъ крестьянскихъ движеній. Весьма естественно, конечно, при такомъ составѣ гайдамачества, что имъ съ одной стороны были близки къ сердцу бѣды своей братіи, остававшейся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, и они всегда готовы были имъ оказать помощь въ борьбѣ съ поляками, съ другой—не менѣе естественно и то, что главнымъ источникомъ ихъ пропитанія могъ быть только разбой и грабежъ. Непринимаемые въ Запорожье, гдѣ повидимому свободные запорожцы въ XVIII вѣкѣ вовсе не вольны были увеличивать своихъ рядовъ бѣглыми хлопами, какъ это было раньше, они влачили вполнѣ нелегальное существованіе, ютясь на границахъ татарскихъ степей въ предѣлахъ Бугогардовской паланки и находясь подъ вѣчнымъ опасеніемъ быть оттуда изгнанными.

При такихъ же условіяхъ существованія и при полномъ отсутствіи организаціи, гайдамаки никоимъ образомъ не могли бы быть преемниками козачества сами по себѣ. Новыми борцами за православіе и русскую народность собственно стали непосредственно сами крестьяне Украины и Брацлавщины. Сами себя при этомъ они никогда не называли гайдамаками, а козаками. Настоящіе же гайдамаки, левенцы, были только ихъ ревностными пособниками, какъ бывали таковыми въ теченіе всего XVIII вѣка и запорожцы, съ которыми иные польскіе мемуаристы также смѣшивали гайдамакъ и возставшихъ крестьянъ южной Руси.

Было нѣсколько моментовъ въ теченіе всего XVIII вѣка, когда народный протестъ со стороны самого крестьянства значительно обострялся. Проф. Антоновичъ указываетъ на 1734, 1750 и 1768 года, какъ на такіе моменты [1]).

Имѣя въ виду въ настоящей статьѣ заняться послѣднею изъ трехъ названныхъ вспышекъ крестьянскаго движенія на

[1]) Антоновичъ. Изслѣд. о гайдамачествѣ стр. 100.

Украинѣ въ XVIII вѣкѣ, не можемъ не отмѣтить, что до сихъ поръ возстаніе именно 1768 года считалось наиболѣе уясненнымъ, благодаря нѣсколькимъ польскимъ мемуарамъ, относящимся къ нему. Между тѣмъ такое заключеніе не совсѣмъ справедливо. Мемуаристы, пишущіе не всегда только о томъ, что ими лично видѣно и слышано, но и томъ, что видѣно и слышано другими, не всегда достовѣрными свидѣтелями, легко впадаютъ въ ошибки, или искажая самые факты, или давая имъ невѣрное освѣщеніе. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ движенію 1768 года, сохранившему за собой названіе коліивщины, все это, какъ увидимъ, именно имѣло мѣсто. Въ такихъ случаяхъ, конечно, лучшимъ ремедіумомъ для возстановленія истины должны являться документальныя данныя объ изслѣдуемой порѣ. Къ такого рода даннымъ въ работѣ нашей мы и постараемся прибѣгнуть и при помощи ихъ, гдѣ это необходимо, исправить и пополнить и свѣдѣнія мемуаристовъ, и заключенія нѣкоторыхъ изслѣдователей интересующаго насъ вопроса, построенныя на односторонне подобранныхъ документальныхъ данныхъ, сдѣлавшихся извѣстными сравнительно раньше.

Ходячія мнѣнія о коліивщинѣ — будто центральнымъ ея пунктомъ, затмевавшимъ все остальное, была уманская рѣзня, будто все движеніе сводилось на одну партизанскую войну при отсутствіи въ рядахъ возставшихъ всякой организаціи, будто кровавыхъ дѣлъ въ это движеніе было больше, чѣмъ во всѣ предъидущія народныя движенія, при чемъ звѣрство природы малорусскаго крестьянина вполнѣ дѣлами такими доказано, и, наконецъ, будто движеніе это было очень значительно,—все это именно заключенія на основаніи польскихъ мемуаровъ. Съ другой стороны, утвержденіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, будто коліивщина была только возстаніемъ для защиты вѣры, а другихъ — будто русское правительство не только сочувствовало этому возстанію, но даже само его и вызвало—все это есть результатъ заключеній, на основаніи односторонне подобранныхъ документальныхъ данныхъ. Не трудно замѣтить, наконецъ, что недостатокъ и неточность матеріаловъ не могли повлечь за собой вполнѣ невѣрныхъ рѣшеній и вопроса о томъ, какъ себя

держали по отношенію къ коліивщинѣ запорожцы, и вопроса о томъ, кто такіе были такъ называемые гайдамаки.

Въ настоящее время есть значительная возможность избѣгнуть ложныхъ заключеній на основаніи мемуаровъ и поспѣшныхъ выводовъ изслѣдователей, пользовавшихся слишкомъ однородными документами. Какъ ни мало пока издано матеріаловъ, относящихся къ интересующей насъ порѣ, но все же кой-что издано. Сверхъ того, отъ времени до времени всплываютъ на верхъ и документы, еще ждущіе своего изданія.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напримѣръ, книга, заключающая въ себѣ рядъ показаній гайдамакъ и крестьянъ, судившихся за возстаніе 1768 года передъ польской военно-судной коммиссіей, засѣдавшей въ Коднѣ. Книгой этой, обрѣтенной покойнымъ М. А. Максимовичемъ и принадлежащей въ настоящее время профессору Антоновичу, мы между прочимъ имѣли возможность пользоваться при нашихъ занятіяхъ движеніемъ 1768 г. и извлечь изъ нея много мелкихъ культурныхъ и даже политическихъ свѣдѣній, придающихъ, какъ намъ кажется, событіямъ коліевщины болѣе опредѣленный характеръ, чѣмъ они могли имѣть на основаніи данныхъ, извѣстныхъ польскимъ мемуаристамъ.

Въ виду сказаннаго списокъ источниковъ даннаго движенія теперь нѣсколько шире, чѣмъ былъ прежде.

Вотъ этотъ списокъ.

1) Bunt hajdamaków na Ukrainie r. 1768 opisany przez Lippomana i dwoch bezimennych wydany z rękopisma przez Eduarda Raczynskiego. Poznań 1854. Одинъ изъ помянутыхъ безъименныхъ авторовъ, именно послѣдній —есть *Тучапскій*.

2) Уманская рѣзня. Записки Вероники Кребсъ. Перев. съ предисл. И. М. Ревы.

3) Уманская рѣзня. Записка піара *Павла Млодановскаго*.

4) Pamętnik do historyi polskiej przeż Adama Moszczynskiego. Poznan. 1863.

5) Описаніе бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 г. Переводъ съ польской рукописи, хранящейся въ институтѣ Оссолинскихъ въ Львовѣ подъ № 163. Кіев. Ст. 1882. кн. 3.

6) Записки о Южной Руси. П. Кулиша Т. I и II.

7) Сказаніе о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ. Кіев. Ст. 1882, кн. 3.

8) Манифестъ импер. Екатерины II 9 іюля 1768 г. Кіев. Ст. 1882 г., кн. 5.

9) Матеріалы для исторіи коліивщины или рѣзни 1768 г. Н. И. Костомарова. Кіев. Ст. 1882, кн. 8.

10) Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи на Украинѣ 1768 г. Кіев. Стар. 1882 г. 9 и 10 кн. и 1883 тоже 9 и 10.

11) Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины А. Скальковскаго. Кіев. Стар. 1885 г. кн. 10.

12) Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. 1, тт. II и III. При нихъ изслѣдованіе объ архимандритѣ Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ Ѳ. Г. Лебединцева.

13) Тоже, ч. 3-я, т. III. При немъ изслѣдованіе о гайдамачествѣ (1700—1768) профессора Антоновича.

14) Тоже, ч. 4-я, т. II. При немъ изслѣдованіе о крестьянахъ Ю.-З. Россіи (1700—1798) профессора Антоновича.

15) Наѣзды гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII столѣтіи (1733—1768). Соч. А. Скальковскій. Одесса. 1845 г.

16) Исторія Новой Сѣчи его же, тт. I—III, изд. 1885 г.

17) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Статьи: Извѣстія о гайдамакахъ; Сказаніе о коліивщинѣ; Объясненіе нѣкоторыхъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ.

18) Исторія Россіи Соловьева, тт. XXVI и XXVII.

19) Нѣкоторые неизданные матеріалы изъ Архива кіевскаго губерн. правленія.

20) Книга военно-судной Кодненской коммиссіи.

ГЛАВА I-я.

Ватажки и военная организація гайдамакъ.

Къ числу вопросовъ, нуждающихся въ разрѣшеніи для характеристики коліивщины, принадлежитъ между прочимъ вопросъ—была ли у коліевъ какая-либо организація, или же они

составляли только разбойничьи шайки, дѣйствовавшія безъ плана, руководившіяся однимъ стремленіемъ къ наживѣ.

Изъ цѣлаго ряда характеристикъ дѣятельности отдѣльныхъ ватажковъ возстанія, приводимыхъ нами въ настоящей главѣ, думаемъ, нетрудно усмотрѣть, что общій планъ дѣятельности у коліевъ былъ, что планъ этотъ состоялъ въ намѣреніи завладѣть кіевскимъ воеводствомъ или по крайней мѣрѣ значительною частью его путемъ дѣйствія болѣе или менѣе значительными силами въ четырехъ углахъ этого района: 1) близъ Умани, 2) близъ Чигирина и вообще въ Приднѣпровьи, 3) близъ Бѣлой Церкви и 4) въ виду Радомысля на границѣ кіевскаго Полѣсія, причемъ ватажки Желѣзнякъ, Неживый, Швачка и Бондаренко были завѣдующими тѣми силами, которыя были направлены къ завладѣнію означенными пунктами. Планъ этотъ выполнялся съ достаточнымъ упорствомъ, хотя, конечно, крайняя непривычка къ строевой дисциплинѣ крестьянскаго люда, наполнявшаго ватаги названныхъ ватажковъ, не могла не быть подчасъ помѣхой для точнаго стремленія къ намѣченной цѣли. Далѣе довольно очевидно, что изъ всѣхъ названныхъ четырехъ ватажковъ Желѣзнякъ считался главой возставшихъ. Онъ называлъ себя полковникомъ войска запорожскаго, тогда какъ Швачка, Неживый и Бондаренко постоянно титулуются только куренными атаманами этого войска. Сверхъ того, тотъ же матеріалъ заставляетъ думать, что отмѣченный выше планъ былъ составленъ не при самомъ возникновеніи движенія въ апрѣлѣ 1768 г., и что до размѣщенія главныхъ силъ въ указанныхъ четырехъ углахъ кіевскаго воеводства сперва коліи соединенными силами подъ предводительствомъ Желѣзняка прошли по нѣкоторой части Кіевщины.

Наконецъ при характеристикахъ менѣе важныхъ ватажковъ довольно отчетливо намѣчается то обстоятельство, что именно эти ватажки, параллельно съ дѣйствіемъ главныхъ силъ и участіемъ ихъ въ правильныхъ сраженіяхъ и осадахъ, вели партизанскую войну. Небольшіе отряды ихъ были аналогичны татарскимъ загонамъ, дѣйствовавшимъ большею частью въ виду главныхъ силъ; они наносили разореніе врагу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не была организована оборона.

Все только что сказанное, конечно, требуетъ подробныхъ подтвержденій. Послѣднія и заключаются, какъ думаемъ, въ предлагаемыхъ ниже характеристикахъ отдѣльныхъ ватажковъ, крупныхъ и мелкихъ, причемъ однако при составленіи этихъ характеристикъ мы не задавались цѣлью выяснить только военную сторону дѣла, а стремились очертить дѣятелей движенія 1768 года всесторонне, насколько то дозволяли имѣющіяся данныя.

Максимъ Желѣзнякъ.

Максимъ Желѣзнякъ, этотъ „glówny watażka“ и „princypał haidamacki“ [1]) въ Кодненской книгѣ выступаетъ не часто. Ни самъ онъ не подпалъ суду военно-судной коммиссіи, засѣдавшей въ Коднѣ, ни цѣлая масса крестьянъ и гайдамакъ, бывшихъ съ нимъ,—поэтому и въ судебныхъ бумагахъ, которыми мы пользуемся, не можетъ онъ занимать виднаго мѣста. Изъ тѣхъ же немногихъ гайдамакъ его ватаги, которые подпали кодненскому суду, въ нашихъ документахъ попадается только четыре лица [2]),— но они всѣ не изъ видныхъ и притомъ только одинъ изъ нихъ побывалъ съ своимъ ватажкомъ въ Умани и другихъ мѣстахъ, гдѣ Желѣзнякъ былъ наиболѣе развернувшись. Тѣмъ не менѣе и въ тѣхъ немногихъ документахъ, гдѣ у насъ идетъ рѣчь о Желѣзнякѣ, все же есть рядъ свѣдѣній, пригодныхъ для уясненія личности „glownego watażki“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и для обрисовки характера движенія 1768 года.

Извѣстенъ путь, пройденный Желѣзнякомъ въ самомъ началѣ возстанія съ соединенными силами возставшихъ. Вышелъ онъ съ своей ватагой въ концѣ апрѣля 1768 г. изъ Мотронинскаго лѣса (въ нынѣшнемъ чигир. у.) и послѣдовательно побывалъ въ Медвѣдовкѣ (мѣстечко чигир. у. при рр. Тясминѣ и Медвѣдовкѣ къ ЗСЗ отъ у. города), Жаботинѣ (мѣстечко черк. у. при р. Жабянкѣ или Вязлѣ на ЮЮЗ отъ у. гор.), Смѣлой, Черкассахъ, Корсунѣ, Каневѣ, Богуславѣ, Каменномъ Бродѣ (с. звенигород. у. при р. Гниломъ Тикичѣ къ З. отъ Лисянки),

---

[1]) Кодненская книга. Стр. 34, 80.

[2]) Ibidem 34, 54, 80, 536.

Лисянкѣ (м. звениг. у. при впаденіи р. Лисянки въ Гнилой Тикичъ, къ СЗ отъ у. города) и наконецъ Умани. Кровавыя расправы съ панами и жидами, производившіяся Желѣзнякомъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ, польскими мемуаристами описаны не съ равномѣрною полнотою, такъ какъ не изо всѣхъ мѣстъ мемуаристы могли имѣть свѣдѣнія отъ очевидцевъ, а тѣмъ болѣе не во всѣхъ мѣстахъ могли быть люди грамотные настолько, чтобы лично могли записать видѣнное. Наиболѣе грамотныхъ очевидцевъ рѣзни, произведенной Желѣзнякомъ, было въ Умани, въ этомъ центрѣ польскаго просвѣщенія и культуры тогдашней Украины, не успѣвшей еще вполнѣ оправиться послѣ руины,—поэтому то уманскія дѣянія Желѣзняка намъ наиболѣе и извѣстны. Что же до дѣлъ его въ другихъ мѣстахъ, то при описаніи его похода много вниманія удѣлено еще развѣ его пребыванію въ Лисянкѣ, гдѣ въ то время тоже укрывалось много поляковъ. Поэтому свѣдѣнія о походѣ Желѣзняка издавна надо было наполнять хотя бы по народнымъ преданіямъ. Обращаясь затѣмъ къ нашимъ матеріаламъ въ Кодненской книгѣ, мы находимъ въ нихъ свѣдѣнія именно о нѣсколькихъ такихъ пунктахъ Желѣзняковскаго маршрута, которымъ не посчастливилось у мемуаристовъ: мы узнаемъ изъ немногихъ имѣющихся у насъ дѣлъ кой-что о пребываніи Желѣзняка и его ватаги въ Корсунѣ, Богуславѣ, Каменномъ Бродѣ и Бояркѣ.

О пребываніи и дѣяніяхъ Желѣзняка въ Корсунѣ мы извлекаемъ данныя изъ заключающагося въ Кодненской книгѣ дѣла объ убійствѣ уніатскаго попа с. Завадовки (с. черкасскаго у., при рч. Грузькой къ СЗ отъ Городища), Николая Фалинковскаго. Къ дѣлу этому былъ привлеченъ сыномъ покойнаго, Семеномъ Фалинковскимъ, „благочестивый“ попъ того же села Иванъ Старшевскій. Показаніями на судѣ и попа Старшевскаго, и его обвинителя, Семена Фалинковскаго, воспроизводится цѣлая бытовая картина той смутной поры, такъ что едва ли было бы основательно ограничиться извлеченіемъ изъ нея только того, что непосредственно касается Желѣзняка. Но разъ желательно не разрывать картины событій въ нашемъ документѣ, намъ необходимо хотя бы въ немногихъ чертахъ указать, въ какомъ положеніи

была Украина относительно религіозныхъ дѣлъ предъ появленіемъ Желѣзняка и вообще предъ началомъ коліивщины; иначе въ дѣлѣ о Фалинковскомъ и Старшевскомъ не все будетъ ясно.

Начало шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка было временемъ полнаго расцвѣта той политики по отношенію къ православію и уніи на Украинѣ, основаніе которой еще въ концѣ XVII столѣтія такъ удачно для сторонниковъ искорененія православія было положено львовскимъ епископомъ Іосафомъ Шумлянскимъ. Борьба велась въ это время уніатами, такъ сказать, безъ объявленія войны врагу. Отъ тѣснимыхъ православныхъ не требуютъ въ это время общаго согласія на унію, но противъ нихъ ведутся безконечныя мелкія преслѣдованія, и всякое неповиновеніе уніатскому ли священнику или такому же епископу перетолковываютъ какъ нежеланіе повиноваться подлежащей власти, вполнѣ игнорируя вѣроисповѣдную рознь между пастырями уніатами и пасомыми—православными. Даже слова *унія*, *дизунія*, *схизма* совершенно почти исчезаютъ изъ административнаго лексикона первой половины XVIII вѣка. Въ документахъ той поры часто трудно распознать—когда дѣло идетъ о православномъ и когда объ уніатскомъ духовенствѣ [1]). И успѣхъ такой политики былъ очень замѣтный: числившихся въ уніи было теперь гораздо больше, чѣмъ при прежней открытой борьбѣ съ православіемъ. Положеніе духовенства было при этомъ очень тягостно, если оно открыто заявляло себя православнымъ. Прежде всего для священниковъ православныхъ самое назначеніе ихъ въ тотъ или другой приходъ было крайне затруднено. Нужно было согласіе владѣльца или его повѣреннаго, что носило названіе *презента* и что только и давало право священнику пользованія извѣстнымъ количествомъ пахатной земли за опредѣленный впрочемъ взносъ владѣльцу земли. Затѣмъ по полученіи презента необходимо было еще получить отъ уніатскаго декана или протопопа *абсолюцію*, или дозволеніе держаться православія. Наконецъ, послѣ абсолюціи отъ уніатскаго декана, или протопопа,

---

[1]) Проф. Антоновичъ. Монографіи по исторіи Зап. и Ю.-Зап. Россіи. Очеркъ состоянія правосл. церкви въ Ю.-З. Россіи съ половины XVII до конца XVIII в. стр. 295.

ставленикъ долженъ былъ еще быть рукоположенъ переяславскимъ епископомъ, между тѣмъ всякія сношенія съ Переяславомъ и духовенства, и мірянъ, состоявшихъ въ переяславской епархіи, были затруднены отчасти произволомъ пограничныхъ властей, отчасти сеймовыми постановленіями. „Не всякій, конечно, изъ искателей прихода или священства (которое помимо чести и дохода манило свободою отъ панщины лицъ несвободнаго сословія),—читаемъ въ предисловіи Ѳ. Г. Лебединцева къ II и III томамъ 1-й части Архива Ю.-З. Россіи—не всякій, конечно, могъ устоять предъ такими чрезвычайными затрудненіями и рѣшительными препятствіями, и потому многіе изъ ставленниковъ, или аколѣтовъ, рѣшались на принятіе священства изъ рукъ уніатскаго архіерея, готовые жъ священники давали присягу и согласіе на унію, причемъ большая часть, какъ кажется, разсчитывала на то, что, живя въ православномъ приходѣ, можно служить по православному, въ бытность же поляковъ и уніатовъ можно по нуждѣ и уніатомъ прикинуться, если не удастся какъ-нибудь обмануть своихъ надсмотрщиковъ [1]). Изъ актовъ III тома 1 ч. Арх, Ю.-З. Россіи видно, какого рода обманы первобытной наивности приходилось пускать въ ходъ пастырямъ. Иной изъ нихъ „точію за крайнюю нужду именовался унѣятомъ, служенія жъ божественныя въ церквѣ хотя съ опасностью, однакъ отправляетъ было по прежнему своему порядку по чину святія восточнія церкви; если жъ было случатся поляки или унѣяти, при коихъ слѣдовало ему служить по унѣятскому, то онъ было въ то время нарочно упьется и тѣмъ откажется, что не готовъ на служеніе [2]). Иной же при пріѣздѣ опасныхъ ревизоровъ скажетъ дьячку тянуть подолѣе херувимскую пѣснь, чтобы незамѣтно было, какъ при перенесеніи святыхъ даровъ онъ пропускаетъ имя папы [3]). А за иного мнимаго уніата наконецъ свидѣтельствуютъ прихожане—будто онъ служитъ по-уніатски [4]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. 1. т. II. Предисловіе стр. LXI.

[2]) Ibidem т. III актъ № LXXVII, стр. 498.

[3]) Ibidem. Предисл. стр. LXII.

[4]) Ibidem. Т. III актъ № XXXVIII, стр. 283.

Все это практиковалось нерѣдко еще и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Но если пора эта была порой полнаго угнетенія православія на Украинѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она была порой зародившагося упорнаго противодѣйствія православныхъ крестьянъ и духовенства полякамъ и уніатамъ. Годы 1761—1765 были годами, когда игуменъ Мотронинскаго монастыря, расположеннаго близъ Жаботина въ Мотронинскомъ лѣсу, Мелхиседекъ Значко Яворскій, состоявшій, по назначенію переяславскаго архіерея Гервасія Линцевскаго, правителемъ украинскихъ церквей, принадлежащихъ къ переяславской епархіи, самымъ ревностнымъ образомъ помогалъ украинскимъ крестьянамъ и сохранять православіе, и отдѣлываться отъ насильно навязанной и навязываемой имъ уніи. Скрытая борьба прежнихъ десятилѣтій, благодаря энергичному игумену, должна была замѣниться открытой—и всѣ вѣроисповѣдныя отличія унитовъ и дизунитовъ выступили теперь наружу. Число возвращавшихся изъ уніи въ „благочестіе“, какъ тогда говорилось, было очень значительно, и длилось такое возстановленіе православія до тѣхъ поръ, пока вновь не начались всякаго рода преслѣдованія со стороны уніатовъ. За дѣло преслѣдованія усердно принялись три лица: уніатскій митрополитъ Володкевичъ, имѣвшій резиденцію въ Радомыслѣ, его оффиціалъ Мокрицкій и бывшій послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ Вороничъ, тогдашній региментарь украинской партіи, т. е. начальникъ тѣхъ польскихъ войскъ, которыя отдѣлялись обыкновенно на защиту Украины и Подолія. Только страхъ довести до полнаго ожесточенія нужныхъ для зарождавшейся вновь панщины хлоповъ заставилъ по крайней мѣрѣ наиболѣе крупныхъ польскихъ пановъ на Украинѣ, какъ напримѣръ князя Сангушко, остановить хоть отчасти поднятое на „шизму“ гоненіе[1]). Да наконецъ и утвержденная на сеймѣ 1767 года вѣротерпимость должна была вести за собой, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, ослабленіе уніатскихъ неистовствъ. Но и безъ этого ослабленія гоненій народныя массы Кіевщины и особенно Смѣлянщины рѣшились сами вернуть права своей вѣрѣ во что бы то ни стало. Уже въ 1767 г., до открытія сейма,

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I т. II акты №№ XXI и XXII.

крестьянскія громады названной выше мѣстности вновь стали подавать донесенія архіерею Гервасію съ просьбою о принятіи ихъ по прежнему въ вѣдомство переяславской епархіи. Въ это время началось, такимъ образомъ, новое присоединеніе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока и епископъ Гервасій, и игуменъ Мельхиседекъ не были навсегда разлучены съ Украиною [1]. Возбужденіе крестьянъ въ эту пору было такъ велико, что, по заявленію Гервасія малороссійскому генералъ-губернатору графу Румянцеву, „обратившіеся въ унію священники не имѣли другого средства къ своему спасенію, особенно въ началѣ 1768 г., какъ только искать себѣ защищенія въ Переяславѣ“ [2]), гдѣ, конечно, обращались въ православіе. Въ Кодненской книгѣ мы находимъ яркую иллюстрацію такого положенія священниковъ. Такъ, священникъ слободы Яновки въ староствѣ бѣлоцерковскомъ Матвій Сухачъ, судившійся въ Коднѣ по подозрѣнію въ содѣйствіи гайдамакамъ въ 1768г. и за православіе, пересказалъ на судѣ, какъ онъ тотчасъ послѣ начала рѣзни 1768 г., будучи уніатскимъ дьякомъ въ родномъ селѣ Насташкѣ и состоя уніатомъ съ дѣда и прадѣда, *для спасенія отъ гайдамакъ*, съѣздилъ въ Переяславъ и получилъ тамъ посвященіе быть православнымъ пастыремъ. Послѣ этого, по словамъ Сухача, „powracilismy do Nastaszki y tak przyiętą Blahoczestyą bylismy wolnemi od haydamakow“ [3]). Но въ назначенный ему приходъ Сухачъ не поѣхалъ, видя, что никто изъ поповъ не знаетъ, чего держаться—уніи или дизуніи, и ожидал общаго поворота въ ту или другую сторону. Если же въ концѣ концовъ онъ остался православнымъ, то, судя по его показаніямъ, случилось это больше какъ-то независимо отъ него. Въ дѣло его вмѣшался протопопъ села Гусачевки, Василій Зражевскій, ревностный православный. Протопопъ этотъ при содѣйствіи какихъ-то „moskal'ей“ и по настоянію жителей Яновки водворилъ его въ Яновской церкви, освятивъ ее по православному чину—и Сухачъ остался православнымъ среди православной паствы. Это не помѣшало ему потомъ на судѣ въ Коднѣ

---

[1]) Ibidem. Предисловіе стр. XCII.

[2]) Переписка гр. П. А. Румянцева. Кіев. Ст. 1882 кн. 9 стр. 114.

[3]) Коднен. кн. стр. 112.

признаться, что по его мнѣнію, унія выше дизуніи! [1]). Но кромѣ поповъ, по необходимости мѣнявшихъ унію на православіе, были конечно—замѣтимъ мимоходомъ—и попы, по силѣ убѣжденія въ правотѣ православія стоявшіе такъ же высоко, какъ и многіе селяне. Названный только что Василій Зражевскій, протопопъ села Гусачевки, былъ именно одинъ изъ такихъ столповъ православія. Благодаря его разъѣздамъ по селамъ вмѣстѣ съ другими православными священниками въ 1767 и 1768 годахъ было возвращено православнымъ много церквей въ Бѣлоцерковщинѣ [2]). Очевидно, Василій Зражевскій присталъ именно къ тому движенію въ пользу православія, которое было особенно сильно въ смѣлянскомъ ключѣ чуть не въ самый моментъ появленія Желѣзняка.

Обращаясь за симъ къ указанному выше дѣлу объ убійствѣ уніатскаго попа Фалинковскаго [3]), въ которомъ выступаетъ и Желѣзнякъ, перескажемъ прежде всего коротенькую біографію антагониста Фалинковскаго, священника Ивана Старшевскаго. Мы при этомъ увидимъ, какъ отмѣченное на предъидущихъ страницахъ положеніе православія и уніи въ Украинѣ отражалось на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и особенно на судьбѣ тогдашняго духовенства.

Родился Иванъ Старшевскій въ селѣ Вакулинцахъ богуславскаго ключа. И отецъ его, и дѣдъ, и прадѣдъ—всѣ были попами. Въ годъ суда, въ 1771 г., ему было 33 года. До 15 лѣтъ учился онъ въ мѣстной школѣ, должно полагать въ с. Вакулинцахъ; потомъ же отецъ его, при безразличномъ отношеніи къ уніи и дизуніи, тогда обычномъ, отвезъ его въ Переяславъ въ тамошнюю семинарію. Въ семинаріи Старшевскій пробылъ пять лѣтъ, поучившись одинъ годъ даже въ поэтикѣ. По возвращеніи изъ Переяслава, молодой Старшевскій сперва жилъ при родителяхъ, не имѣя опредѣленныхъ занятій. Когда же прошелъ такимъ образомъ годъ, отецъ отдалъ Ивана къ священнику Любинскому, инструктору „русской консисторіи“, для

---

[1]) Ibidem стр. 113.

[2]) Ibidem стр. 111.

[3]) Ibidem стр. 98—107 и стр. 122—135.

приготовленія въ священники (na kapłanstwo). Съ годъ опять длилось это приготовленіе, а потомъ Иванъ Старшевскій женился на дочери деренковскаго попа (Деренковецъ с. черк. у. при р. Роси къ В. отъ Корсуня), Евдокіи, и, получивши посвященіе изъ Радомысля, былъ назначенъ въ приходъ отца своего въ Вакулинцахъ, гдѣ долженъ былъ состоять всего только викаріемъ. Самостоятельный же приходъ тогдашній уніатскій оффиціалъ Примовичъ далъ ему только спустя полтора года. Приходъ этотъ нашелся для него въ мошенскомъ ключѣ, въ с. Березняки (черк. у. при р. Тясьминѣ къ Ю. отъ Смѣлой). Тамъ Старшевскій священствовалъ затѣмъ четыре года. Мы видимъ, такимъ образомъ, что послѣ обученія въ православной семинаріи, желая добиться прихода и средствъ къ жизни, Иванъ Старшевскій безъ всякаго стѣсненія и на священство приготовляется у уніата, „инструктора русской консисторіи", и самое священство получаетъ отъ уніатскаго оффиціала. Указанное выше намѣренное игнорированіе духовными и свѣтскими властями вѣроисповѣдныхъ различій унитовъ и дизунитовъ и почти полное отсутствіе возможности сноситься украинскому духовенству съ Переяславомъ и тамошнимъ архіереемъ—все это естественно вызвало и встрѣчаемое нами въ Старшевскомъ безразличное отношеніе къ вопросамъ религіознымъ или вѣрнѣе іерархическимъ.

Но вотъ въ 1767 г., какъ уже было сказано и какъ это подтверждаетъ Страшевскій въ своихъ показаніяхъ на судѣ въ Коднѣ, между попами польской Украины начались учащенныя сношенія, результатомъ которыхъ было усиленіе „благочестія" и между попами. На своихъ тайныхъ совѣщаніяхъ они, очевидно, пришли къ заключенію, что сохраняя унію, имъ не сдобровать. И въ самомъ дѣлѣ, сельскія громады въ это время то и дѣло присягали въ Переяславѣ быть вѣрными „схизмѣ", какъ выражался Старшевскій о православіи, и то и дѣло отнимали у уніатскихъ ставленниковъ ключи отъ церквей, а ихъ самихъ гнали изъ селъ и приходовъ, замѣняя ихъ попами благочестивыми, получившими посвященіе въ Переяславѣ. Старшевскій также былъ изгнанъ изъ Березняковъ, и, подобно другимъ отставленнымъ тогда уніатскимъ попамъ, очень волновался по поводу утраты прихода. О томъ, какъ бы вернуть его себѣ

снова, онъ ѣздилъ совѣщаться въ Богуславъ къ роднымъ своимъ и тамошнему уніатскому попу Яну Яроцкому, бывшему на приходѣ въ церкви Покровы. Попъ Яроцкій посовѣтовалъ ему съѣздить въ Радомысль къ тогдашнему украинскому оффиціалу Мокрицкому. То же посовѣтовали Старшевскому и другіе попы, съ которыми онъ совѣщался о своей бѣдѣ: и попъ села Жибонекъ, шуринъ Старшевскаго, и попъ вакулинскій, родной братъ С—го. Оффиціалъ Мокрицкій какъ разъ въ это время самъ пріѣхалъ въ Корсунь и, чтобы представиться ему, не надо было, значитъ, ѣхать въ далекій путь. Старшевскій воспользовался этимъ и тотчасъ явился къ оффиціалу. „Но какъ только, говоритъ Старшевскій, я вошелъ къ нему, онъ обратился ко мнѣ съ такимъ привѣтомъ: „кланяюсь отцу схизматику“. Я ему отвѣчалъ, что я не схизматикъ и имъ быть не хочу. Но на это онъ мнѣ заявилъ: „ты изъ ключа мошенскаго, а тамъ всѣ попы стали схизматиками, стало быть и ты такой же схизматикъ, какъ другіе“. Не далъ онъ мнѣ оправдаться, не успѣлъ я даже заявить ему, что я пріѣхалъ къ нему за совѣтомъ, какъ быть мнѣ. Безъ разговору велѣлъ онъ схватить меня, посадить въ корсунскую тюрьму и, продержавши тамъ дня три, велѣлъ отправить меня на моей же подводѣ въ Радомысль подъ конвоемъ 12 корсунскихъ казаковъ, которые должны были сопровождать меня до Богуслава, а тамъ конвоирами моими на дальнѣйшій путь должны были стать два казака митрополичьихъ. Въ Радомыслѣ я сидѣлъ въ тюрьмѣ недѣль шесть и, по распоряженію отца оффиціала и отца сурогатора, былъ наказанъ 700 ударами розогъ. Затѣмъ уже тогда, когда Москва изъ-за границы густыми толпами стала идти къ намъ (gdy Moskwa z zagranicy swey w granice polskie gensto isc poczala), я вмѣстѣ съ другими воспользовался тѣмъ, что тюрьму однажды сторожили два пьяныхъ казака—и убѣжалъ“. При этомъ Старшевскій перечислилъ лицъ, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ нимъ изъ уніатской митрополичьей тюрьмы. Оказывается, что сидѣли въ этой тюрьмѣ вмѣстѣ съ Старшевскимъ какой-то приходскій попъ, монахъ изъ корсунскаго монастыря, какой-то человѣкъ Иванъ, какой-то литвинъ и шляхтичъ Чижевскій. Всѣ эти бѣжали одновременно съ Старшевскимъ. Но, кромѣ нихъ, въ

тюрьмѣ еще содержались жена и теща Чижевскаго, имъ тамъ покинутыя, попъ изъ села Писекъ (житомир. у. при р. Буйвѣ къ Ю.В. отъ Житомира), сидѣвшій за потерю денегъ, и старикъ литвинъ; эти всѣ остались въ тюрьмѣ. Явившись изъ Радомысля въ Березняки, Старшевскій напрасно разсчитывалъ, что тамошній приходъ снова попадетъ въ его руки: назначенный изъ Переяслава священникъ Бабыченко, оказалось, утвердился тамъ настолько прочно, что и въ моментъ суда надъ Старшевскимъ въ 1771 г. онъ все находился тамъ. Пришлось Старшевскому думать, какъ бы не пропасть съ голоду при такихъ невзгодахъ, и вотъ онъ рѣшился идти за-границу въ Переяславъ и стать „благочестивымъ" (zostalem przymuszony isc za granice do Perejaslowia z racyi żem się nie mial gdzie podziec). Въ переяславской консисторіи приняли его дурно и только послѣ многихъ хожденій и просьбъ допустили его черезъ десять недѣль послѣ его прихода присягнуть на „благочестіе" и дали ему право совершать богослуженіе въ какомъ-то монастырѣ въ церкви св. Михаила, за что опредѣлили ему выдавать всего по 5 р. въ годъ. Прошло не мало дней; Старшевскій успѣлъ отправить 91 службу, и тогда только явилась возможность стать въ лучшее матеріальное положеніе. Пріѣхали тогда въ Переяславъ люди отъ громады села Завадовки (черк. у. при рч. Грузькой къ С.З. отъ Городища), Иванъ Василенко и Иванъ Овсіенко, съ просьбой дать имъ попа на мѣсто Николая Фалинковскаго; Фалинковскаго же они не хотѣли имѣть больше попомъ. „Винъ, говорили посланцы, хочъ вже й прынявъ благочестіе, а проте все жъ смердыть уніатомъ—и мы цього дали вытрымувать не можемо". Сочувствуя имъ, архіерей заявилъ готовность посвятить въ попы ихъ церкви кого либо изъ намѣченныхъ ими, но они не имѣли никого въ виду; тогда онъ далъ имъ въ попы Старшевскаго. Послѣднему изготовленъ былъ „инструментъ" для занятія прихода въ Завадовкѣ, и онъ вмѣстѣ съ громадскими посланцами немедленно отправился на мѣсто своего новаго назначенія. Но водвориться тамъ было не такъ то легко.

Когда Старшевскій пріѣхалъ въ Завадовку, завадовская громада немедленно заявила о его прибытіи Фалинковскому.

„Маемо вже мы, сказали ему громадяне, другого попа, такого, якъ хотилы." Раздраженный же этимъ Фалинковскій сбросилъ тутъ съ себя личину „благочестія" и сказалъ: „ключивъ вамъ одъ церквы не виддамъ, робить соби, що хочете, а я правдывый уніатъ и никого зъ васъ до церквы не пущу". Завадовцы же еще раньше перестали посѣщать ее. Что жъ оставалось дѣлать Старшевскому? По его собственнымъ показаніямъ, онъ послѣ выказаннаго Фалинковскимъ сопротивленія пробылъ въ Завадовкѣ еще два дня, а потомъ на два дня съѣздилъ къ тестю своему въ Деренковецъ и оттуда уже вернулся въ свой монастырь подъ Переяславомъ, гдѣ оставался мѣсяца три, отправляя по прежнему „службу Божу" въ церкви св. Михаила за 5 р. въ годъ. Однако завадовцы не забыли его, и прежніе посланцы ихъ, ктиторъ Иванъ Василенко и Иванъ Овсіенко, снова пріѣхали къ нему и снова привезли его съ собой въ Завадовку. Но Фалинковскій и на этотъ разъ не захотѣлъ добровольно уступить церковь излюбленному громадой попу благочестивому. Послѣ отказа Фалинковскаго громадяне обращались за совѣтомъ во „дворъ" къ подстаростѣ Жеребку, но этотъ послѣдній, держась уніи и выказывая расположеніе Фалинковскому, отвѣтилъ громадянамъ: „Пидить ще разъ до Фалинковського. Оддасть винъ вамъ ключи—то добре, а ни—то одбыйте соби церкву сами". Въ совѣтѣ такомъ былъ явный подвохъ, по увѣренію Старшевскаго; но громадяне рѣшили, что имъ дѣйствительно поступить иначе нельзя, и черезъ нѣсколько времени, послѣ новыхъ отказовъ Фалинковскаго отдать церковь имъ добровольно, выбили наружныя двери храма и завладѣли имъ. Старшевскій былъ затѣмъ введенъ въ церковь и сталъ осматривать, все ли въ ней есть, что необходимо для отправленія службы Божьей. Не найдя же тамъ ораря (manipularza) и евангелія, онъ рѣшилъ временно добыть эти необходимыя для служенія предметы у тестя своего въ с. Деренковцѣ, куда и поѣхалъ. Но не успѣлъ онъ отъѣхать и полмили, какъ нагналъ его сынъ попа Фалинковскаго, Василій, о прошломъ котораго далѣе всплывутъ интересные факты. По показанію родного брата этого Василія Фалинковскаго, Семена, отзывавшагося на судѣ о Василіѣ съ какою то восторженностью, этотъ послѣд-

ній, нападая на попа Старшевскаго, имѣлъ въ виду до гола ободрать его, избить и остричь. И въ самомъ дѣлѣ, онъ избилъ Старшевскаго ружьемъ, оборвалъ на немъ шубу и только не привелъ въ исполненіе намѣренія своего—остричь попа. Избитый, обезчещенный Старшевскій послѣ этого рѣшилъ въ Завадовку не возвращаться и отъ тестя своего вторично вернулся въ монастырь подъ Переяславомъ, гдѣ и пробылъ цѣлый мѣсяцъ. Избившій же его поповичъ, Василій Фалинковскій, дерзнулъ вернуться въ Завадовку, но тутъ былъ встрѣченъ завадовцами, вышедшими на него съ рогатинами. Плохо бы пришлось ему, по словамъ его брата, еслибъ онъ не спасся бѣгствомъ во „дворъ" къ подстаростѣ Михаилу Жеребку. Раздраженные крестьяне между тѣмъ какъ-то вдругъ остыли. На другой день Жеребко, забывши опасность, сталъ всѣмъ верховодить, ввелъ безъ всякой помѣхи попа Фалинковскаго въ церковь, а о Старшевскомъ заявилъ громадѣ: „я вамъ того попа Старшевскаго звелю повисыть на верби".

Примиреніе съ уніатскимъ попомъ было у завадовцевъ однако непродолжительно. Черезъ мѣсяцъ послѣ случившагося снова ктиторъ Иванъ Василенко, а съ нимъ и Иванъ Овсіенко пріѣхали въ Переяславъ и стали снова просить архіерея дать имъ благочестиваго попа въ виду отказа Старшевскаго оставаться у нихъ. Архіерей однако опять далъ имъ Старшевскаго, причемъ потребовалъ, чтобы они, завадовцы, заботились о безопасности своего настоятеля. Когда Василенко и Овсіенко обѣщали это, то Старшевскій снова поѣхалъ съ ними въ Завадовку. Тамъ онъ поселился у ктитора Василенка и сталъ отправлять всѣ требы, не имѣя церкви, которою все продолжаетъ владѣть Фалинковскій. Семенъ Фалинковскій утверждалъ, что Старшевскій и въ первые свои пріѣзды тайно по ночамъ крестилъ дѣтей въ Завадовкѣ и тайно же по огородамъ хоронилъ завадовскихъ усопшихъ. Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Завадовку Старшевскій осмѣлился даже въ день крещенія, 6 января, выйти съ цѣлой громадой на Іордань. Такъ шло дѣло съ Филипповки 1767 года по Срѣтеніе 1768. Въ день же Срѣтенія завадовцы, потерявъ терпѣніе, вытащили попа Фалинковскаго на кладбище и тамъ отняли у него ключи отъ церкви. Старшевскаго при этомъ не

было: онъ былъ въ то время въ Деренковцѣ; но онъ, по утвержденію Семена Фалинковскаго, зналъ о томъ, что затѣяли завадовцы. Какъ бы тамъ ни было, а церковь на этотъ разъ осталась въ распоряженіи громады, и она ввела въ нее Старшевскаго, который началъ тогда же служить въ ней и затѣмъ, благодаря извѣстнымъ уже намъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, не оставлялъ этого своего прихода до самаго ареста своего.

Оглядываясь на все случившееся съ Старшевскимъ, мы видимъ, что ему, нелишенному извѣстныхъ способностей, но во всякомъ случаѣ не имѣвшему опредѣленныхъ убѣжденій, которыя вынуждали бы его отстаивать что-либо съ силою исповѣдниковъ, выпало на долю играть роль благочестиваго, благо въ началѣ 1768 года такая роль избавляла его и отъ безкормицы. Потомъ же мы видимъ, что, когда попалъ онъ на судъ къ полякамъ, онъ признавалъ себя уже уніатомъ и свое служеніе въ качествѣ попа „схизматицкого“ объяснялъ тяжелою необходимостью спасать свою шкуру. Не всѣ борцы за православіе могли быть люди чистые, но не лучше Старшевскаго, какъ видимъ, былъ и противникъ его уніатъ Николай Фалинковскій: и онъ, очевидно, хлѣба ради въ 1767 г. объявлялъ себя благочестивымъ, и только тогда, когда благочестію его громадяне не повѣрили, онъ снова вернулся къ уніи...

Безъ особенныхъ тревогъ и волненій жилось Старшевскому всю весну 1768 года. Церкви у него никто не отнималъ и съ прихожанами онъ ладилъ. Но вотъ и онъ, и завадовцы прослышали о славномъ ватажкѣ Максимѣ Желѣзнякѣ и о томъ, что бить жидовъ и поляковъ онъ прійдетъ и въ ихъ сторону. Желѣзнякъ, дѣйствительно, двигался по отмѣченному выше маршруту, и шествіе его было торжественно: на всемъ пути его слѣдованія громады разныхъ селъ, даже тѣхъ, которыя оставались для него въ сторонѣ, выходили къ нему съ поклономъ. Завадовцы однако случайно не знали этого обычая и не поторопились выслать своей депутаціи, когда Желѣзнякъ былъ недалеко отъ нихъ—въ Корсунѣ. Это показалось Желѣзняку подозрительнымъ, и онъ послалъ въ Завадовку загонъ изъ восьми своихъ козаковъ

узнать—въ чемъ дѣло. Посланцы, явившись въ Завадовку, первымъ дѣломъ спросили: „чы нема тутъ якого ляха альбо попа уніата?“ Имъ указали на подстаросту и на попа Фалинковскаго. Но и подстароста, и Фалинковскій успѣли скрыться. Тогда козаки Желѣзняка напали на хату Фалинковскаго и разграбили въ ней все, что было; но не найдя цѣнныхъ вещей, бросились къ попадьѣ, исполосовали ее нагаями, и она должна была послѣ этого показать, гдѣ спрятано ея добро. Добравшись до поповской скрыни, козаки-гайдамаки отбили ее, и, когда въ ней между прочими вещами натолкнулись на антиминсъ (alias portalet), то взять его оттуда сами не рѣшились изъ уваженія предъ святыней. Спросили они тогда крестьянъ: „а чы е у васъ пипъ благочестивый?“, и узнавши, что попъ такой есть, послали за Старшевскимъ. Послѣдній долженъ былъ придти, и ему велѣли взять изъ уніатской скрыни и антиминсъ, и евангеліе, и другія священныя книги. Кромѣ того, навязали попу четыре женскихъ намитки, двѣ плахты, пару сапогъ и пару черевиковъ изъ сафіяновой красной кожи. Попъ принялъ все это, но затѣмъ при первой возможности все, кромѣ священныхъ предметовъ, передалъ подъ росписку громадянамъ, желая всячески оградить себя отъ какихъ бы то ни было навѣтовъ впослѣдствіи. Гайдамаки же, какъ ихъ величали на судѣ, покончивши съ уніатскими скрынями, взялись искать поповича, а потомъ и самого попа. Сына нашли они скоро сами. Они возжами обмотали его за шею и протащили къ возу, на которомъ собирались везти его къ Желѣзняку въ Корсунь. Были однако и изъ завадовцевъ помощники въ этомъ дѣлѣ; особенно усердствовало двое громадянъ—Ѳедоръ Кулишъ и Назаръ Овсіенко. Искали еще гайдамаки и попа, но, не найдя, ушли изъ села. За то поисковъ не кинули завадовцы, и Грицьку Василенку и Лазарю Яременку (этого послѣдняго потомъ мѣсяца черезъ три „Piorun ubil“) удалось найти попа спрятавшимся въ бурьянѣ. Его оттуда выволокли за волосы и бороду, страшно избили и потащили къ корчмѣ.

Но когда это совершалось, ни гайдамакъ, ни Старшевскаго съ громадянами Савкой Войтомъ (атаманъ), Иваномъ Василенкомъ ктиторомъ, Иваномъ и Игнатомъ Кушененковыми и Сте-

паномъ Дзюбенкомъ уже не было въ селѣ: они шли тогда въ Корсунь. Дѣло въ томъ, что гайдамаки потребовали, чтобы завадовцы съ хлѣбомъ-солью отправили въ Корсунь къ Желѣзняку выборцевъ съ попомъ во главѣ на поклонъ. Отказаться было бы невозможно, по словамъ Старшевскаго, потому что тѣ села, которыя не выходили къ Желѣзняку съ хлѣбомъ - солью, онъ приказывалъ своимъ гайдамакамъ разорять въ конецъ. Завадовцамъ же не приходилось въ данномъ случаѣ сопротивляться еще и потому, что они не могли не сочувствовать Желѣзняку.

Выборцы двинулись въ Корсунь пѣшкомъ въ слѣдъ за возомъ, на которомъ везли Василія Фалинковскаго спеціально за нимъ присматривавшіе Савко Власенко и Степанъ Дзюбенко. Между тѣмъ это подало поводъ впослѣдствіи къ обвиненію Старшевскаго въ намѣреніи заявить себя передъ Желѣзнякомъ не только принесеніемъ хлѣба и соли, но и доставленіемъ ему для звѣрской расправы поповича-уніата.

Добравшись до села Карашинецъ (канев. у. при р. Роси къ В. отъ Корсуня), путники сдѣлали привалъ возлѣ чьей-то хаты, и тутъ же ихъ догнали ихъ односельчане Иванъ Кулишъ, Назаръ Овсіенко, Данко Дубыненко и Кирикъ Василенко, наймитъ, выѣхавшіе изъ Завадовки позже и препровождавшіе къ Желѣзняку найденнаго ими попа Николая Фалинковскаго. Всѣ пріѣхавшіе послѣзали съ возовъ и столпились у хаты, закурили люльки, а конвоиры попа принесли съ своего воза жбанъ горилки и начали ею „частовать" всѣхъ, не забыли и самого Николая Фалинковскаго.

Передъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь попъ Фалинковскій, уже нѣсколько оправившійся отъ недавнихъ побоевъ, вышелъ изъ удрученнаго настроенія, въ какомъ былъ раньше, и попросился на одинъ возъ съ сыномъ и сталъ увѣрять препровождавшихъ его, что онъ съумѣетъ и себя, и сына избавить отъ смерти. Но на него мало обращали вниманія. Думали о пути. Всѣ теперь размѣстились на два воза и довольно скоро были уже подъ Корсунемъ.

Въ самый Корсунь въѣхали обѣ подводы не въ одно время. Первой очутилась тамъ подвода съ Фалинковскими, причемъ

ѣхавшіе на ней крестьяне остановились передъ башней, передъ самымъ замкомъ, гдѣ былъ Желѣзнякъ—и Фалинковскіе тотчасъ попали въ руки козаковъ. Вторая подвода съ попомъ Старшевскимъ, ктиторомъ, войтомъ и другими, ѣхавшая по другой части Корсуня, отъ Городища, попала къ замку уже тогда, когда съ поповичемъ Фалинковскимъ произведена была расправа. Противъ него гайдамаки были сильно вооружены. По словамъ Старшевскаго, все дѣло было такъ. Какъ только привезли Василія Фалинковскаго въ Корсунь, и его увидѣли многіе изъ ватаги Желѣзняка, сразу раздались голоса: „А це той, що до насъ колысь то прыставъ и зъ намы грабувавъ, а потимъ втикъ одъ насъ до ляхивъ-конфедеративъ!“ Тогда его немедленно схватили, привязали къ столбу и стали колоть его пиками и стрѣлять въ него изъ ружей, нанесли ему много смертельныхъ ранъ и еще живого при баштѣ повѣсили на частоколъ, причемъ снова стрѣляли въ него даже и послѣ того, какъ онъ испустилъ духъ. Такъ покончили гайдамаки съ своимъ ренегатомъ, въ которомъ завадовцы, державшіеся благочестія, и ихъ „благочестивый“ попъ имѣли въ послѣднее время злого врага-уніата.

Но ни Старшевскій, ни его спутники не имѣли возможности узнать обо всемъ, что сталось съ Василіемъ Фалинковскимъ. Имъ надо было идти съ хлѣбомъ-солью на поклонъ къ Желѣзняку. Они пошли къ нему и на „ганку поляцовомъ“ наткнулись на валявшееся тѣло Василія Фалинковскаго. Минувъ его, они предстали предъ ватажкомъ. Старшевскій довольно подробно передаетъ объ этой аудіенціи.

— Зъ якого вы села? спросилъ ватажокъ.

— Зъ Завадовкы, отвѣчали посланцы, кланяясь.

— А чого жъ вы не выходылы до мене на поклонъ по добрій воли?

— Мы не зналы, що ваша вельможность прыбулы до насъ, а якъ вже прочулы про це—заразъ до васъ и зибралысь зъ хлибомъ-силью.

— А чы булы у васъ въ сели мои козакы?

— Булы, ваша вельможнисть.

— Ну, щожъ воны грабувалы васъ?

— Ни, не грабувалы.

„Такъ мы сказали, замѣчаетъ Старшевскій, потому что при иномъ отвѣтѣ онъ могъ бы въ насъ увидѣть противниковъ, и онъ сказалъ бы намъ то, что и другимъ говорилъ въ случаѣ жалобъ на его гайдамакъ: „вы булы мини супротивни—тымъ то васъ и грабувалы“. Даннымъ же нами отвѣтомъ онъ, очевидно, остался доволенъ, потому что заявилъ въ концѣ концовъ:

— Я закажу своимъ козакамъ, щобъ не чынылы противно васъ ніякои крывды.

„Но, не смотря на это его обѣщаніе, замѣчаетъ Старшевскій, какіе то другіе гайдамаки, пока мы были еще въ Корсунѣ, набѣжали на Завадовскій дворъ и аренду и ограбили то и другое“. Едва ли однако послѣднее обстоятельство шло въ разрѣзъ съ обѣщаніемъ Желѣзняка, ибо дворъ и аренда—не крестьянское добро, трогать которое въ Завадовкѣ запретилъ Желѣзнякъ.

Торжественнымъ обѣщаніемъ Желѣзняка охранять завадовцевъ отъ неправдъ кончилось представленіе ему посланцовъ.

По словамъ Старшевскаго сейчасъ же въ слѣдъ за ними предсталъ предъ Желѣзнякомъ никѣмъ будто бы неведомый, безъ всякихъ караульщиковъ попъ Николай Фалинковскій, причемъ онъ явился будто бы даже съ хлѣбомъ, неизвѣстно откуда добытымъ такъ скоро. По словамъ же Семена Фалинковскаго, затѣявшаго впослѣдствіи дѣло съ Старшевскимъ, отца его, Николая Фалинковскаго, будто бы привели къ Желѣзняку завадовцы и Старшевскій, и будто хлѣба уніатскій попъ не подносилъ Желѣзняку. Надо полагать, показаніе поповича вѣрнѣе, но къ сожалѣнію онъ не былъ очевидцемъ всего, что разсказывалъ; онъ только обо всемъ слышалъ то отъ матери, то отъ другихъ близкихъ ему людей, поэтому показанія его не всегда достаточно конкретны и иногда кажутся придуманными для вящшаго обвиненія Старшевскаго. Но какъ бы тамъ ни было, Николай Фалинковскій явился предъ Желѣзнякомъ. Одѣтъ былъ Фалинковскій, по словамъ сына, въ „подлую одежу“— въ жупанъ старый гранатовый, въ сѣрую свиту и былъ безъ шапки. Увидя его, Желѣзнякъ спросилъ:

— Хто ты?

— Я пипъ.

— Якій ты пипъ?

— Зъ села Завадовкы.

— Мабуть уніатъ.

— Уніатъ.

Услышавъ послѣдній отвѣтъ, Желѣзнякъ тотчасъ крикнулъ своимъ козакамъ:

— Возьмить цього уніата, posadcie go na chudobie[1]).

„Словъ этихъ я не разобралъ (ktorego ia slowa nie zmiorkowawszy[2]), говоритъ Старшевскій, но увидѣлъ, какъ Николая Фалипковскаго тотчасъ же схватили, кинули съ откоса въ яму, устроенную при дѣдинцѣ, и тамъ разстрѣляли"... Это было послѣднее, что видѣлъ Старшевскій въ Корсунѣ. И ему, и завадовцамъ надо было ѣхать домой, и они туда поѣхали на своихъ двухъ подводахъ. Этимъ кончаются и наши свѣдѣнія о пребываніи Желѣзняка въ одномъ изъ пунктовъ его маршрута—въ Корсунѣ.

Переходя къ документу, которымъ характеризуется для насъ пребываніе Желѣзняка въ другомъ пунктѣ его всеистребительнаго для поляковъ, жидовъ и уніатовъ шествія—въ Богуславѣ, мы случайно пріобрѣтаемъ указанія на то, какъ Желѣзнякъ и его козаки распоряжались награбленнымъ польскимъ и жидовскимъ добромъ и куда они его дѣвали.

Обо всемъ этомъ узнаемъ изъ показаній писаря скарбоваго богуславскаго—шляхетнаго Яна Дунина Барковскаго Градовскаго[3]). Этотъ Градовскій по отцу былъ полякъ, по матери русскій, вѣроисповѣданіе же его, благодаря дѣду со стороны матери, было православное. Онъ получилъ хорошее по тому времени образованіе, пройдя курсъ въ бѣлоцерковской школѣ, имѣвшей директора іезуита, а затѣмъ прослушавъ реторику въ іезуитскомъ коллегіумѣ въ Умани. Могъ онъ стать поэтому директоромъ (гувернёромъ) при дѣтяхъ пана Раецкаго, а потомъ и писаремъ скарбовымъ въ Богуславѣ. Своихъ убѣжденій относительно

[1]) Кодн. кн. стр. 106, на стр. 135 тоже: wezcie tego uniata na chudobe.

[2]) Ibidem, стр. 135.

[3]) Кодн. кн. стр. 175—182.

разрѣшавшихся тогда глубокою силою общественныхъ и религіозныхъ вопросовъ онъ не выявлялъ въ показаніяхъ военно-судной коммиссіи, судившей его по обвиненію въ присвоеніи и нехраненіи панскаго добра, хоть стороной какъ будто и далъ понять, что защищаетъ польскіе порядки, разрушителями которыхъ являли себя гайдамаки.

Попалъ Градовскій въ Богуславъ писаремъ скарбовымъ въ 1766 году, а въ началѣ 1768 года, „gdy się hajdamaczyzna wszczęta", между богуславскими поляками начался большой переполохъ. Тогда и вельможный коммиссаръ Ванградскій, и провіантскій писарь Вержбента, и губернаторъ Туровскій, и многіе другіе поляки рѣшились спасаться бѣгствомъ въ Бѣлостокъ, особенно послѣ того, какъ прослышали о Желѣзнякѣ и его дѣлахъ на крайнемъ югѣ Украины и о движеніи его на сѣверъ ея. Добро свое они успѣли упаковать, но отправить его, въ виду его громоздкости, въ такой далекій путь, какъ путь въ Бѣлостокъ, они не имѣли возможности. Пришлось все покинуть на руки Градовскому по регистру и просить богуславскую громаду помочь Градовскому въ охраненіи добра при проходѣ гайдамакъ.

Едва паны успѣли сдѣлать эти распоряженія и унести свои головы, какъ Желѣзнякъ нагрянулъ уже въ Богуславъ съ своей ватагой. Козаки его первымъ дѣломъ при грабежѣ стали спрашивать, гдѣ деньги. Не получивъ указаній на этотъ счетъ, стали они, по приказу Желѣзняка, повсюду въ кладовыхъ замка отбивать колодки и въ погребахъ буровами разрывать землю, въ предположеніи, что деньги или гдѣ-нибудь потайно заперты, или зарыты. Они и не ошиблись: небольшая сумма на содержаніе 400 головъ скота была панами оставлена; но этихъ денегъ гайдамаки не нашли. Тогда бросились они на всякое панское добро, распаковывая тюки. Бросились, конечно, прежде всего на всякія цѣнныя серебряныя и золотыя вещи, на „цукернички" и пр. Но не брезгали и всякою живностью, даже скотомъ. Все это только отчасти потреблялось ими непосредственно, о запасахъ же подобныхъ предметовъ они не думали. Если же тѣмъ не менѣе все это брали, то потому только, что предусмотрѣно у нихъ было—какъ немедленно переводить все похищенное и

непригодное для походной жизни въ наличныя деньги. У Градовскаго на этотъ именно счетъ есть цѣнное указаніе,—что при гайдамакахъ былъ купецъ. Градовскій называетъ его даже по прозвищу и говоритъ, откуда онъ былъ: это нѣкто Таранъ изъ г. Острога. Не знаетъ только Градовскій, былъ ли этотъ Таронъ самъ гайдамакомъ или только случайнымъ спутникомъ Желѣзняка. Таранъ, по свидѣтельству Градовскаго, все награбленное осматривалъ, начиная съ воловъ и кончая мелочами, оцѣнивалъ и затѣмъ, сойдясь въ цѣнѣ съ гайдамаками, платилъ имъ деньги. Такъ, въ Богуславѣ были проданы Тарану захваченные гайдамаками волы и всякія панскія вещи. Продали они также еще и часть водки, бывшей въ подвалахъ, но не Тарану, а людямъ изъ г. Черкассъ. Съ собой же никакихъ напитковъ не забрали, выпивъ на мѣстѣ двѣ бочки съ половиной.

Вся эта процедура грабежа, пьянства и торга тянулась въ Богуславѣ два дня. Только на третій день Желѣзнякъ двинулся черезъ Шайки (с. канев. у. при рч. Репяхѣ къ ЮЗ отъ Богуслава), Каменный Бродъ, Медвинъ (м. канев. у. при рч. Коробкѣ на ЗЮЗ отъ у. гор.) и Лисянку къ Умани; но уходя, онъ оставилъ среди богуславскихъ крестьянъ доброе расположеніе къ себѣ и желаніе поддерживать его дѣло. По словамъ Градовскаго, народъ въ Богуславѣ сталъ волноваться и сталъ опасенъ для поляковъ; даже Градовскій, несмотря на свое православіе, предпочелъ на время уйти за Переяславъ въ с. Чумаки, тѣмъ больше, что въ Богуславѣ, послѣ удаленія оттуда Желѣзняка, стеречь ему было уже нечего. Сочувствіе Желѣзняку многіе изъ богуславцевъ выразили не только на словахъ, но и дѣломъ; за нимъ ушло изъ села нѣсколько человѣкъ козаковъ: ушелъ эсаулъ, кушниръ Гладкій, Борисъ Речникъ, Степанъ Червонященко. Всѣ они вѣрно служили дѣлу защиты родины—и первые два сложили свои головы въ Коднѣ, третій въ Бѣлой Церкви, а послѣднему довелось послѣ гайдамацкихъ дѣлъ бѣжать въ Ново-Сербію, въ крѣпость Елисаветъ.

Далѣе имѣемъ мы новыя данныя еще о разгромѣ Желѣзнякомъ Каменнаго Брода и Боярки (м. звенигор. у. при впа-

деніи рч. Боярки въ Гнилой Тикичъ на СЗ отъ у. города)[1]. Оба эти села, благодаря тому, что паны, жившіе въ нихъ случайно оказали Желѣзняку нѣкоторое сопротивленіе, подверглись самому крайнему разоренію въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ были панскіе дворы. При этомъ крестьяне мѣстные еще сильнѣе богуславскихъ держали руку Желѣзняка и, чего не присвоили себѣ изъ панского добра гайдамаки изъ ватаги, тѣмъ овладѣли крестьяне.

И изъ Каменнаго Брода, какъ изъ Богуслава, мѣстный панъ, Пясецкій, ротмистръ подворной милиціи бѣлоцерковской товарищъ передовой стражи, при „wszczętey haidamaczyzny", „solwując życia swego", бѣжалъ въ Бѣлую Церковь. Пожитковъ же своихъ и онъ, какъ богуславскіе паны, не могъ взять съ собою, тѣмъ больше, что часть его добра заключалась въ немалыхъ складахъ хлѣба, и ему поэтому пришлось сдать все на руки крестьянину Грицьку Ямковому, изъ подъ Ковеля родомъ, шесть лѣтъ служившему у него. Вскорѣ, дѣйствительно, явился въ Каменный Бродъ ожидаемый Желѣзнякъ, и ватага его z kretezem разграбила тамъ все панское. Совершивъ это, Желѣзнякъ ушелъ въ Лисянку. Пясецкій же, узнавъ о томъ, рѣшилъ, что ему безопасно вернуться въ Каменный Бродъ—и онъ вернулся. Съ нимъ пріѣхалъ и губернаторъ каменно-бродскій, панъ Піотровскій, а кромѣ того намѣстникъ въ с. Бояркѣ Дроздовичъ; послѣдній впрочемъ вскорѣ уѣхалъ установлять порядокъ въ Бояркѣ. Между тѣмъ Желѣзнякъ, очевидно, получилъ точныя свѣдѣнія объ этомъ возвращеніи пановъ и, идучи уже послѣ разгрома Лисянки въ Умань, снова завернулъ въ Каменный Бродъ и сосѣднюю съ нимъ Боярку. Испуганный этою неожиданностью губернаторъ каменно-бродскій заперся въ дворской усадьбѣ, и Желѣзняку пришлось его аттаковать. Аттакой, конечно, пана добыли и затѣмъ убили его, по словамъ Процька Ямковаго, съ великимъ тиранствомъ; Пясецкому же удалось бѣжать вмѣстѣ съ хорунжимъ Гродецкимъ. Управившись съ Піотровскимъ, пошли гайдамаки изъ Каменнаго Брода въ Бо-

[1]) Кодн. кн. стр. 95.

ярку. Дроздовичъ тамъ заперся и, благодаря крѣпкой оградѣ и крѣпкой брамѣ, былъ въ состояніи выдержать аттаку Желѣзняка цѣлый день, но въ концѣ концевъ Желѣзнякъ поджегъ браму, и панъ Дроздовичъ тоже попалъ въ руки гайдамакамъ; убили его, по словамъ Процька „z okrucienstwem". Уходя, Желѣзнякъ и отсюда увелъ съ собой нѣсколькихъ бѣлоцерковскихъ козаковъ, какъ и изъ Богуслава, но шесть изъ нихъ были отпущены имъ скоро обратно (sic). Между же крестьянами каменно-бродскими и боярскими, благодаря приданной имъ смѣлости ватагой Желѣзняка, оказалось очень много завладѣвшихъ по частямъ добромъ Пясецкаго и другихъ поляковъ. Самъ Процько Ямковый, которому Пясецкій отдалъ подъ охрану свое имущество, заявилъ на судѣ, которому онъ подпалъ, спустя чуть не четыре года послѣ всего описаннаго, что онъ видѣлъ разныя вещи своего пана и пана Гродецкаго у нѣкоторыхъ каменно-бродскихъ крестьянъ. Такъ, у Семена Коринюка, живущаго въ Каменномъ Бродѣ, онъ, Процько, видѣлъ серьги (zausznice), добытыя изъ сундука Гродецкаго; у Ѳедька, сына Демки, ткацкаго цехмистра, видѣлъ все онъ же, Процько, бекешку зеленую, подшитую бѣлымъ мѣхомъ. Кромѣ того, отецъ названнаго Ѳедька цехмистръ ткачъ съ сынами забиралъ, по словамъ Процька, хлѣбъ пана Пясецкаго и возилъ этотъ хлѣбъ продавать въ Кіевъ. Такое же грабительство совершилъ и Пилипъ Войтъ, а многіе другіе крестьяне просто брали по мѣшку хлѣба изъ панскихъ амбаровъ по мѣрѣ надобности. Все это однако прекратилось, какъ только поляки обрѣли рѣшимость разослать повсюду мелкія подъѣздовые команды или просто подъязды, на обязанности которыхъ было хватать всѣхъ виновныхъ въ грабежѣ панскаго добра. Тогда, какъ заявилъ Процько Ямковый на судѣ, многіе каменно-бродцы начали убѣгать изъ села за-границу, и онъ, Процько, ушелъ но не за-границу, а подъ Бердичевъ въ Медвѣдовку, глѣ и служилъ четыре года спокойно, не зная за собой никакой вины въ расхищеніи добра пана Пясецкаго. Однако онъ былъ въ 1771 г. арестованъ именно по такому обвиненію и притомъ арестованъ самимъ паномъ Пясецкимъ и хорунжимъ Гродецкимъ, встрѣтившими его случайно въ Бердичевѣ на ярмаркѣ. Что разгромъ панскаго

добра, произведенный Желѣзнякомъ и въ Каменномъ-Бродѣ, и въ Бояркѣ, былъ страшенъ—имѣемъ мы и другое свидѣтельство, кромѣ свидѣтельства Процька Ямковаго. Крестьянинъ Мусій Лебедниченко, обвиненный въ принадлежности къ ватагѣ ватажка Сарожина, доказывалъ на судѣ въ Коднѣ, что онъ не грабилъ и не убивалъ, потому что шелъ съ Сарожинымъ черезъ Боярку и другія мѣста, по которымъ проходилъ раньше Желѣзнякъ; въ такихъ же мѣстахъ, по словамъ Лебедниченко, ни грабить не приходилось, потому что все было тамъ разграблено и всѣ поляки, паны-уніаты и жиды перебиты.

Кромѣ вышеприведенныхъ болѣе или менѣе подробныхъ указаній относительно пребыванія Желѣзняка въ Корсунѣ, Богуславѣ, Каменномъ Бродѣ, Бояркѣ, мы имѣемъ еще рядъ мелкихъ указаній относительно интересующаго насъ гайдамацкаго ватажка. Заслуживаютъ вниманія между прочимъ свѣдѣнія о томъ, что не всегда крестьяне тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя проходилъ Желѣзнякъ, поголовно сочувствовали возстанію. Многихъ, по преимуществу стремившихся хоть къ относительному покою и къ сохраненію своего добра, иногда должно было возстановлять противъ Желѣзняка и другихъ вожаковъ возстанія требованіе ими подчасъ жертвъ имущественныхъ. Такъ, нерѣдко случалось, что проходящая ватага нуждается въ лошадяхъ—и въ такихъ случаяхъ она всегда брала ихъ въ селахъ, у кого попало—у пановъ, такъ у пановъ, у крестьянъ, такъ у крестьянъ. Отнятіе же нужнаго скота тяжелымъ бременемъ ложилось на крестьянское хозяйство, и не диво поэтому, что многіе тяготились необходимостью нести подобныя утраты. Такъ, крестьянинъ с. Орловца, Коваленко коваль [1]), когда ватага Желѣзняка захватила у него пару коней, самъ рѣшился идти за ватагой и гдѣ нибудь на привалѣ выпросить коней обратно. Желѣзнякъ былъ тогда на пути изъ Смѣлой въ Черкассы и Богуславъ. И вотъ Коваленко коваль идетъ съ ватагой, не становясь членомъ ея, сперва до Черкассъ, а потомъ и въ Богуславъ. Вездѣ онъ назойливо упрашиваетъ гайдамакъ отдать ему его собственность

[1]) Кодн. кн., стр. 80.

и, очевидно, такъ успѣлъ надоѣсть имъ, что они его сильно избили. Только послѣ этого онъ рѣшился безъ коней вернуться домой, причемъ самъ онъ уже не могъ дойти и долженъ былъ нанять человѣка, который довезъ бы его въ Орловецъ (с. черк. у. при рч. Мѣдяная къ ВЮВ отъ м. Городищъ). Въ Орловцѣ онъ промаялся двѣ недѣли и отъ гайдамацкихъ побоевъ умеръ. Былъ, правда, доносъ на этого коваля Коваленка со стороны односельчанина Бѣлоусенка — будто онъ, Коваленко, не коней своихъ ходилъ выручать, а самъ присталъ къ гайдамакамъ, чтобы грабить съ ними, и будто избитъ онъ былъ не гайдамаками, а тѣми, кого онъ грабилъ. Но этотъ доносъ, какъ оказалось, былъ сдѣланъ Бѣлоусенкомъ для отвода глазъ польскихъ командъ отъ его собственнаго дѣла, такъ какъ у него сынъ ушелъ съ гайдамаками и былъ гдѣ-то убитъ. По тогдашнимъ порядкамъ Бѣлоусенко самъ могъ быть схваченъ вмѣсто сына, и вотъ онъ наговорилъ на умершаго уже Коваленка коваля да еще прибавилъ, будто вернулся коваль въ Орловецъ съ добычею и добычу отдалъ сыну Грыцьку. Разсчетъ былъ вѣренъ. О Бѣлоусенкѣ самомъ забыли, и онъ успѣлъ бѣжать заграницу, а Грыцька Коваленка коваля взяли и отправили въ Корсунь за отцовскій проступокъ. Изъ Корсуня же доставили его въ Кодню, но тамъ его оправдали; послѣ долгаго заключенія онъ былъ выпущенъ. Показанія Грыцька Коваленка на судѣ послужили намъ источникомъ настоящихъ свѣдѣній.

Совершенно аналогичный коваленковскому случаю имѣемъ еще случай съ Иваномъ Воробченкомъ, крестьяниномъ села Камянки (м. чигир. у. при р. Тясьминѣ къ З. отъ у. города) [1]. У него также увели коней гайдамаки Желѣзняка, когда проходили чрезъ Камянку. Воробченко также пошелъ за ватагой въ надеждѣ вернуть свое добро. Когда же и онъ, какъ Коваленко коваль, ничего не добился, то рѣшилъ вернуться домой, и только голодъ, заставилъ его сперва зайти въ Онуфріевскій монастырь (близъ Жаботина). Но видно, и тутъ харчъ былъ плохой, такъ что онъ поэтому вмѣстѣ съ какимъ-то бродячимъ дьякономъ

---

[1]) Кодн. кн. стр. 536.

отогналъ чьего-то вола, зарѣзалъ его и съѣлъ. Очевидно, последнее обстоятельство подало поводъ кодненскому суду думать, что Воробченко и самъ обратился въ гайдамака; его поэтому приговорили къ обезглавленію.

Платиться за Желѣзняка приходилось крестьянамъ и по другимъ поводамъ. Такъ, самое пьянство гайдамакъ часто ложилось и на громады, и на людей отдѣльныхъ тяжелымъ бременемъ. Для иллюстраціи приведемъ случай съ крестьяниномъ Прокопомъ Галабурдой, жителемъ села Яблоновки (с. черк. у. при р. Тясьминѣ къ ЮЮВ. отъ м. Смѣлой) [1]. Когда въ Яблоновку пришелъ Желѣзнякъ, тотчасъ велѣлъ онъ тамъ дать горилки своимъ козакамъ, и у нихъ пошла попойка, въ которой принимали участіе и нѣкоторые яблоновцы. „До тіеи горилки и я вскочилъ и пывъ зъ ными и впывся“, показывалъ потомъ Галабурда на судѣ. Когда же затѣмъ изъ Яблоновки Желѣзнякъ двинулся въ с. Смилянку, въ полумилѣ отъ Яблоновки, то пьяный Галабурда также пошелъ туда на „кращу горилку“. Въ Смилянкѣ пьянство опять повторилось, и Галабурда, какъ сказано въ документѣ, тамъ „upil się do należytosci“. Между тѣмъ въ это время былъ тамъ убитъ жидъ-шинкарь, и въ убійствѣ этомъ заподозрѣнъ былъ Галабурда. Съ трудомъ онъ оправдался отъ этого обвиненія передъ судомъ, настаивая на томъ, что жидъ былъ въ Смилянкѣ убитъ еще до прихода туда ватаги Желѣзняка, съ которой явился въ село и онъ, Галабурда. Особенно трудно было ему увѣрить судъ, что впослѣдствіи заграницу онъ ушелъ не изъ желанія избѣжать суда, а по необходимости быть вблизи своего кредитора, Вороны, которому онъ оставался долженъ семь рублей за воловъ и который ушелъ на „Украину“; самъ Ворона будто бы потребовалъ отъ него этого переселенія. Столь же затрудненными матеріальныя обстоятельства Галабурды были именно послѣ описаннаго пьянства съ гайдамаками Желѣзняка въ Яблоновкѣ и Смилянкѣ. Дѣло въ томъ, что по возвращеніи его изъ Смилянки въ Яблоновку съ него за выпитую гайдамаками водку взыскала экономическая

[1]) Кодн. кн. стр 6 и 47.

администрація десять рублей, какъ взыскала она по столько же и съ другихъ яблоновцевъ, принимавшихъ участіе въ попойкѣ. Десять же рублей взяли съ него, опять какъ и съ другихъ, и за смилянскую водку. Послѣ же уплаты 20 рублей, само собой, онъ оказался разореннымъ въ конецъ, такъ что прежній кредиторъ его, Воронъ, могъ его принудить даже уйти за границу. Галабурда однако не прервалъ связи съ Яблоновкой и разъ явился туда на проводы, но тутъ то его и захватили по высказанному выше подозрѣнію. Такимъ образомъ, пьянство съ гайдамаками и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ обошлось ему не дешево.

Но рядъ такого рода убытковъ крестьянъ не перевѣшивалъ тѣхъ симпатій, какія возбуждены были въ нихъ къ Желѣзняку освободительными цѣлями его. И въ тѣхъ дѣлахъ даже, которыя мы только что привели, нѣтъ, собственно говоря, сѣтованій на Желѣзняка со стороны потерпѣвшихъ черезъ него: въ нихъ есть только указаніе на непорядки въ желѣзняковской ватагѣ. Вообще же преобладало въ народѣ высоко-почтительное отношеніе къ Желѣзняку, своего рода идеализированіе его, ясно сказавшееся въ народныхъ пѣсняхъ.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сынъ Гетмана.

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эпоха козачества, эпоха борьбы съ панскимъ насиліемъ, борьбы за вѣру, свободу и отчизну, богата сильными недюжинными характерами, личностями, привлекающими наше вниманіе своею отвагою, умомъ, доблестями.

Между этими личностями едва ли не первое мѣсто принадлежитъ Богдану Хмельницкому, съумѣвшему въ нѣсколько лѣтъ стать грозою пановъ, привлечь къ себѣ народныя массы, завязать сношенія съ иностранными державами.

Рядомъ съ грознымъ гетманомъ рисуется намъ симпатичный образъ сына его Тимоша.

Честный, прямодушный, отважный, рѣшительный, съ твердою волею и непоколебимымъ мужествомъ, Тимошъ представляетъ истинный типъ козака въ самомъ лучшемъ смыслѣ. Его романическая любовь къ молдавской княжнѣ, его трагическая кончина, отношенія его къ отцу и къ тестю, все способно возбуждать интересъ къ этому безвременно угасшему герою, которому исторія посвятила только нѣсколько строчекъ.

Рядомъ съ этою страничкою изъ козацкой жизни встаетъ передъ нами и тѣсно связанная съ нею страница изъ исторіи Молдавіи съ ея господаремъ—волкомъ, съ ея козвями, интригами, своеобразными обычаями и привычками. Вся почти исторія Тимоша проходитъ на фонѣ этой пестрой жизни въ высшей

степени оригинальнаго народа, потомковъ славныхъ римлянъ, смѣшанныхъ со славянами.

Насколько это было возможно на страницахъ романа, мы старались знакомить читателя съ типическими особенностями эпохи, обстановки, личностей.

Пособіями намъ служили слѣдующіе источники:

Н. Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. 3 т. Изд. третье. 1870.

Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. 3 части. 1830.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. 10 и 11. Изд. 1861 г.

Бопланъ. Описаніе Украйны. Переводъ съ франц. 1832.

В. Рубанъ. Краткія географическія, политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи. 1773.

А. Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи 1847

J. C. von Engel. Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer. Vierten Theils 1 Abth. 1804.

E. von Hurmuzaki. Fragmente zur Geschichte der Rumänen 3-ter Band. 1884.

I. A. Vaillant. La Romanie ou histoire, langue, littérature, orographie, statistique des peuples de la langue d'or, Ardialiens, Vallaques, et Moldaves, résumés sous le nom de Romans. 3 tomes. 1844.

M. Elias Regnault. Histoire politique et sociale des principautés danubiennes 1885. La Valachle, la Moldavie et de l'influence politique des grecs du Fanar. 1822.

I. F. Neigebaur. Die Donau-Fürstenthümer. 3 Hefte 1854—56.

С. Н. Палаузовъ. Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историко-политическомъ отношеніи. 1859.

Димитрія Кантемира, бывшаго князя въ Молдавіи, Историческое, географическое и политическое описаніе Молдавіи. Съ нѣмецкаго перевелъ Басилій Левшинъ. Москва. 1789.

Игнатій Яковенко. Молдавія и Валахія съ 1820—1829 годъ. Санктпетербургъ. 1834.

Mite Kremnitz. Neue Rumänischen Skizzen. Leipzig. 1881.

*B. A.**** Ancien agent diplomatique dans le Levant. La principauté de Valachie sous le hospodar Bibesko. Bruxelles. 1847.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОРЛЕНОКЪ.

ГЛАВА I.

ВЪ ДОРОГѢ.

День клонился къ вечеру; но горячее іюльское солнце, казалось, не хотѣло уходить за горизонтъ и яркими потоками свѣта заливало днѣпровскіе берега съ ихъ причудливыми извилинами. Цѣлый день все томилось и изнывало отъ нестерпимаго зноя. Птицы, звѣри, насѣкомыя попрятались кто куда могъ; даже выносливыя чайки перестали кружиться надъ рѣкой, да и къ чему? въ такой жаръ рыба не играетъ и старается уйти въ глубь. Только степные кузнечики лѣниво стрекотали въ пересохшей травѣ, медленно перебираясь по желтымъ соломинамъ и тщетно отыскивая свѣжихъ, былинокъ: безпощадное южное лѣто все пожгло, даже земля растрескалась; только по берегу Днѣпра тянулась узкая полоса тощихъ лужаекъ, перемежавшихся съ кустарниками лозняка и камышевыми зарослями. Порой поднималась какая нибудь птица и, лѣниво помахавъ крыльями, быстро падала въ камышъ. А солнце все стояло на небѣ, все жгло. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка, на ясномъ небѣ не видно было ни одной благодатной тучки.

По узкой береговой тропинкѣ медленно двигался гуськомъ небольшой отрядъ козаковъ, человѣкъ въ пятнадцать. Судя по короткимъ жупанамъ, круглымъ шапкамъ и однообразному вооруженію, это были реестровые со своимъ старшимъ, ѣхавшимъ впереди на статномъ конѣ въ щеголеватомъ жупанѣ, охваченномъ широкимъ дорогимъ поясомъ и украшенномъ золотымъ жгутомъ и кистью на одномъ плечѣ. Синій цвѣтъ жупана, красные отвороты и красная же шапка съ золотыми отворотами изобличали чинъ реестроваго сотника; а богатый мечъ, осыпанный дорогими каменьями, и прекрасное тонкой французской работы

ружье могли возбудить зависть въ любомъ знатокѣ оружія. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ на здоровомъ татарскомъ скакунѣ мальчикъ лѣтъ восьми, какъ двѣ капли воды на него похожій. Большіе черные глаза мальчика съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ устремлялись вдаль, и рука невольно подбирала повода; это, однакожъ, мало помогало дѣлу: кони такъ утомились, что едва передвигали ноги и, понуривъ взмыленныя шеи, тяжело дышали.

— Тату, да скоро ли будетъ эта крѣпость, какъ ее тамъ? прервалъ онъ, наконецъ, молчаніе, обращаясь къ сотнику.

— Потерпи, козакъ, атаманъ будешь! съ усмѣшкой отвѣчалъ отецъ. Вотъ сейчасъ будетъ островъ Козацкій, а тамъ ужъ на пушечный выстрѣлъ отъ него и Кодакъ.

— А сейчасъ мы проѣхали островъ, какъ онъ зовется?

— То былъ Князевъ островъ. Какъ бы широко Днѣпръ ни разливался, никогда онъ его не затопитъ.

— А что, батько, спросилъ козакъ, ѣхавшій слѣдомъ за сотникомъ, откуда эти поганые французы лѣсу натаскали для своей крѣпости? Тутъ вездѣ голая степь кругомъ.

— Панъ коронный гетманъ говорилъ мнѣ, что лѣсъ для Кодака они сплавили съ береговъ Самары.

— А много тамъ, тату, лѣсу? съ любопытствомъ спросилъ мальчикъ.

— Много, сынку, ой много! Самара, что твой рай: и рыбы, и меду, и дичи всякой, и черешень, и звѣрья всякаго въ лѣсахъ...

— Зачѣмъ же, тату, мы тамъ не живемъ? Ближе бы къ Сѣчи, къ козакамъ удальцамъ.

Отецъ усмѣхнулся, засмѣялись и козаки.

— Ишь, какой прыткій! Что хорошо, то и наше. Атаманъ будешь, лихой козакъ! весело проговорилъ коренастый старикъ съ нависшими сѣдыми бровями и быстрымъ взглядомъ.

— А хочется тебѣ въ Сѣчь? спросилъ козакъ съ едва пробивавшимися черными усиками.

— Хочется, панъ Смольчугъ, отвѣчалъ мальчикъ и все лице его просіяло при этомъ.

— Слышь, батько Богданъ! обратился старикъ къ сотнику, твой орленокъ въ орлиное гнѣздо просится.

— Поспѣетъ еще, нехотя отвѣчалъ тотъ. Вотъ пусть сперва на Днѣпръ, да на пороги насмотрится.

— Да, братику, шутливо сказалъ старикъ, обращаясь къ мальчику, тотъ не козакъ, кто вверхъ по порогамъ не проѣдется, а ты вотъ и внизъ по нимъ не спускался, ни въ одинъ курень тебя не примутъ; да и съ татарами еще силой не мѣрился, какой ты козакъ!

— Что-жъ, диду? я ни пороговъ, ни татаръ не боюсь,— серьезно воскликнулъ мальчикъ. Лишь бы татко позволилъ, а я готовъ хоть сейчасъ въ Сѣчь.

— Слышь, Богданъ, весело окликнулъ сотника старикъ, позволяешь, что ли?

Богданъ сурово обернулся.

— Вѣкъ ты прожилъ, Ганжа, а ума не набрался! Что мутишь ребенка? Ты съ нимъ шутишь, а онъ и вправду себѣ въ голову вобьетъ. А ты знаешь, какая у него голова: если разъ что въ нее засядетъ, того коломъ не выбьешь.

Путники замолчали, а мальчикъ угрюмо опустилъ голову и потупился.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Берега становились все пустыннѣе, даже кустарникъ исчезъ. Наконецъ вдали показалось неясное очертаніе скалъ, торчавшихъ изъ темныхъ водъ Днѣпра.

— Вотъ тебѣ и Козацкій островъ, хлопецъ, весело проговорилъ Ганжа, подъѣхавъ къ мальчику и ударивъ его по плечу. Чего зажурился? Брось ты эту Сѣчь! А мы на нехристей поглядимъ, какія такія есть птицы.

Мальчикъ поднялъ голову и, обращаясь къ отцу, спросилъ:

— Тату, можно впередъ скакать?

— Можно, сынку: тутъ мѣсто ровное, да и трава полегла, негдѣ татарину укрыться.

— Гей, ге! прикрикнулъ мальчикъ, пришпоривъ лошадь и ловко вставъ въ стремена.

Скакунъ взвился, захрапѣлъ и ринулся впередъ. Мальчикъ то осаживалъ его и заставлялъ крутиться на мѣстѣ, то опять несся впередъ, едва касаясь земли, то подбрасывалъ на лету шапку и ловко ловилъ ее, то вдругъ на всемъ скаку останавливался и замиралъ вмѣстѣ съ конемъ.

— Славный онъ у тебя наѣздникъ, Богданко! сказалъ Ганжа, съ удовольствіемъ слѣдившій за всѣми движеніями мальчика. Знатный изъ него козакъ выйдетъ.

Богданъ молча кивнулъ головой въ знакъ согласія и поѣхалъ рысью.

— Поторопимтесь, хлопцы! обратился онъ къ козакамъ, теперь ужъ не далеко.

Они скоро догнали мальчика, оставивъ за собою Козацкій островъ, голые безлѣсные скалы; проѣхали и рядъ камней, показавшихся въ руслѣ рѣки. Вдали на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки вырисовались угрюмые бастіоны только что выстроенной крѣпости.

Всѣ козаки съ любопытствомъ устремили взоры на эту новинку. Брови сдвинулись, лица нахмурились, а старый Ганжа невольно схватился за эфесъ сабли.

— О, чтобъ ихъ, бисовы диты! проворчалъ онъ. Какую махину взгромоздили. Повымерли старые атаманы, не видать Сѣчи больше ни Тараса, ни Наливайка; всякій нехристь теперь въ глаза козаку насмѣется. Видано ли было въ прежнія времена, чтобъ у запорожцевъ подъ носомъ такія дѣла дѣлались? И что это за Сѣчь, что допустила французишкѣ надъ нею наругаться?

— Полно, полно, старина! сказалъ ласково Богданъ. Ещё и на нашъ вѣкъ атамановъ хватитъ. Пока у казаковъ сабли въ рукахъ, не страшны имъ крѣпости.

— Охъ, сабли-то козацкія что-то притупились! съ горечью возразилъ Ганжа. Въ панскомъ услуженіи позазубрились; по угламъ, да по закоулкамъ заржавѣли. То ли дѣло прежде? Вотъ мы теперь и видимъ лихое дѣло, да руки у насъ коротки. А прежде свиснулъ, гикнулъ козакъ, и сотни козаковъ, какъ изъ земли выростутъ, нагрянутъ дружно, все уничтожатъ: село ли, городъ ли, крѣпость ли,—ничто передъ ихъ мощью не устояло бы...

Горячая рѣчь старика отразилась на всѣхъ лицахъ, глаза заблестѣли, усы дрогнули, руки сами собою схватили сабли. Самъ старый дѣдъ точно выросъ, въ его головѣ быстро промелькнули прежніе походы, прежнія удачи. Онъ ожилъ, лице озарилось отвагою, согнутый старческій станъ выпрямился. Даже самъ спокойный панъ сотникъ заерзалъ на сѣдлѣ и задергалъ поводами.

— Колдунъ ты, Ганжа! усмѣхнулся онъ. И что тебѣ за охота старое вспоминать? Что было, то прошло; теперь мы служимъ королю, и милостивый король не забудетъ насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ.

— Видала пташка кукушкины слезки, махнувъ рукой, проговорилъ Ганжа. Поди ты мнѣ съ твоимъ королемъ. Шкода одна!

Онъ недовольно замолчалъ.

Мальчикъ все время съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за словами дѣда. Его быстрые глазенки то и дѣло перебѣгали съ умнаго загадочнаго лица отца на лице стараго закаленнаго козака, онъ ловилъ рѣчь ихъ, стараясь уяснить внутренній ея смыслъ. „И татко, какъ будто, правъ, и дидъ... Кто же изъ нихъ правѣе?“ думалось ему. „Король милостивъ, спору нѣтъ, вонъ какую саблю татку подарилъ; а дидъ развѣ можетъ быть неправъ?“ Дида Ганжу онъ любитъ всей своей дѣтской душой, онъ вѣритъ его разсказамъ о старыхъ дѣлахъ козацкихъ и вмѣстѣ съ нимъ переживаетъ эти чудныя прошедшія времена, когда богатырей атамановъ считали десятками, когда никто не стѣснялъ козацкихъ вольностей, и гуляли козаки удальцы по широкимъ степямъ, мѣрились силою съ нехристями-татарами, да съ вѣтрами буйными, да съ бурями-непогодами. Мальчикъ такъ задумался, что не замѣтилъ, какъ подъѣхали къ самой крѣпости.

Массивная бревенчатая постройка была окружена валомъ и рвомъ; на четырехъ углахъ возвышались бастіоны, изъ темныхъ амбразуръ которыхъ мрачно смотрѣли жерла пушекъ; на валу стояли орудія меньшаго калибра, а при нихъ ходили часовые во французскихъ мундирахъ. Вокругъ крѣпости пріютился цѣлый городокъ наскоро сбитыхъ лавченокъ, клѣтушекъ и ларей со всякимъ товаромъ. Множество народу, преимущественно рабо-

чихъ всевозможныхъ національностей: великоруссы, армяне, турки, волохи, литвины и ляхи толпились около нихъ. Отсутствовали только козаки, за исключеніемъ немногихъ, находившихся въ услуженіи у пана Конецпольскаго.

Приблизившійся небольшой козацкій отрядъ произвелъ волненіе между жидами корчмарями; всѣ они наперерывъ старались зазвать къ себѣ пановъ-козаковъ.

— Ваша мосць, ваша мосць! выкрикивалъ одинъ, суясь подъ ноги Богданова коня, ко мнѣ пожалуйте, у меня пуховикъ есть, и подушки найдутся. Самъ его свѣтлость коронный гетманъ всегда у меня останавливается.

— Не слушайте его, панъ сотникъ, не слушайте! Какіе у него пуховики, какія подушки, вы на нихъ спать не будете, я вамъ сѣнца свѣженькаго подстелю.

— Ко мнѣ, ко мнѣ, храбрые паны козаки! кричалъ третій, хватая коней подъ уздцы и поворачивая къ своей лавчонкѣ, я три года въ Сѣчи выжилъ, знаю, какъ угодить вашей милости.

— Да отстанете ли, лихо васъ возьми! Мы ѣдемъ прямо въ крѣпость и не думаемъ у васъ останавливаться.

— Не попадете, ваша милость! Клянусь Богомъ Авраама, Исаака, Іакова не попадете! тараторилъ жидъ, не выпуская уздечекъ. Видите, мосты подняты. Послѣ солнечнаго заката никого не велѣно пускать, будь онъ самъ ясновельможный король!

— Я съ грамотой отъ пана короннаго гетмана; меня пропустятъ, гордо отвѣчалъ сотникъ.

— Не пропустятъ, ваша милость, вотъ увидите не пропустятъ.

— Да отстанешь ли ты! съ нетерпѣніемъ крикнулъ сотникъ и замахнулся нагайкой.

Жидъ быстро скользнулъ въ сторону, не преминувъ изъ-за угла прокричать вслѣдъ уѣзжавшимъ козакамъ:

— Не пропустятъ васъ, вельможные паны! А ужъ тогда милости прошу въ гости къ Янкелю.

— А вѣдь жидъ то, пожалуй, и правъ, сказалъ Ганжа Богдану. Какъ бы намъ не пришлось заночевать въ этомъ жидовскомъ курятникѣ.

— Пустяки! отвѣчалъ Богданъ, я имъ покажу грамоту; тамъ прямо написано, чтобы насъ пустили и снабдили всѣмъ необходимымъ.

— Да кому же ты покажешь—то? Еслибъ это были настоящіе часовые, а то видишь самъ, какія это куклы, точно изъ дерева выточены.

Богданъ молча подъѣхалъ къ самому рву.

— Гей! крикнулъ онъ, махая надъ головою большимъ листомъ съ печатью, прикрѣпленной на шнуркѣ. Гей, пропустите скорѣе! у меня спѣшная грамота отъ пана коронного гетмана къ пану инженеру.

Французъ часовой оглянулся на окликъ, смѣрилъ глазами небольшую горсть людей, стоявшихъ внизу, съ минуту съ любопытствомъ остановился на мощной фигурѣ сотника и его маленькаго спутника, едва виднѣвшагося на своемъ крѣпкомъ приземистомъ скакунѣ и затѣмъ, молодцевато вскинувъ ружье на плечо, снова безстрастно зашагалъ по валу.

— Эхъ, батько! поворачивай-ка оглобли, злобно подшучивалъ Ганжа, не поможетъ тебѣ твоя грамота. Вотъ если бъ этому нехристю пулю послать въ лобъ, такъ онъ бы понялъ, въ чемъ дѣло.

Козаки постояли еще нѣсколько минутъ, покричали, помахали; но никто изъ часовыхъ не обращалъ на нихъ вниманія.

Полковникъ Маріонъ, стоявшій съ двумя стами человѣкъ гарнизона въ крѣпости, отдалъ строгій приказъ никого не пускать въ крѣпость послѣ вечерней зари. Онъ боялся какого-нибудь предательства со стороны самихъ рабочихъ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто изъ нихъ не оставался на ночь въ укрѣпленіи.

— Что дѣлать? видно придется поворачивать къ Янкелю,— сердито проворчалъ сотникъ и поскакалъ назадъ.

Смѣтливый жидъ уже ждалъ ихъ у перваго поворота, между тѣсно сплоченными лавченками; онъ боялся, чтобы его товарищи не перехватили у него его добычи, и отвѣшивалъ самые низкіе поклоны, забѣгая впередъ и указывая дорогу. Лавченка его оказалась на самомъ краю импровизированнаго городка.

— Да ты насъ совсѣмъ въ степь тащишь, ворчалъ Ганжа. Куда это всѣ другіе разбѣжались; вонъ тутъ есть ближе лавчонки.

— А я васъ, ваша милость, на откупъ взялъ, лукаво потряхивая бородкой, говорилъ жидъ; пока вы ѣздили въ крѣпость, я другимъ и заплатилъ. Богатые паны козаки здѣсь не часто встрѣчаются, за нихъ можно дать отступнаго.

— Теперь ты это отступное съ насъ же сдерешь?

— Бѣдному Янкелю тоже надо жить, отвѣчалъ жидъ, лукаво подмигивая.

ГЛАВА II.

ПОБѢГЪ.

Въ маленькой лавченкѣ пахло чеснокомъ, мятой и еще какими-то лѣчебными снадобьями; ко всему этому присоединялся еще какой-то специфическій запахъ прѣлаго тряпья, человѣческаго пота и грязныхъ дѣтскихъ пеленокъ. За перегородкой слышался дѣтскій пискъ и густой грудной женскій голосъ, сопровождавшій монотонною пѣснью качаніе деревянной люльки. Нѣсколько любопытныхъ черныхъ и рыжихъ головокъ высунулось изъ-за дверецъ перегородки; но Янкель сердито замахалъ на нихъ руками, и онѣ тотчасъ же скрылись,

— Хайка! крикнулъ онъ женѣ. Гости! Черезъ минуту явилась растрепанная хозяйка въ большомъ платкѣ, накинутомъ на полуголыя плечи, и, низко поклонившись гостямъ, засуетилась около походной печи. Она успѣвала при этомъ ловко сверкать своими большими черными глазами, вскидывая ими то на того, то на другаго козака.

— Вишь, какая вертлявая! подмигнулъ Ганжа, обращаясь къ Смольчугу.

Тотъ стыдливо потупился.

— Пріударь-ка! Ге, что ты на это скажешь? Не все же быть красной дѣвицей? Здѣсь, вѣдь, не Сѣчь—за это не повѣсятъ.

— Тимошъ, иди сюда! позвалъ сотникъ своего сына. Чѣмъ сидѣть въ душной лавченкѣ, пока готовятъ ужинъ, мы съ тобою побродимъ по берегу, посмотримъ на Кодакскій порогъ.

Примѣру сотника послѣдовали и другіе козаки; въ лачужкѣ остались только Ганжа, Смольчугъ и еще одинъ пожилой козакъ, носившій прозвище Ивана Злаго.

Ганжа подозвалъ Янкеля.

— Нутка ты, жидъ, червонцы любишь? И онъ повертѣлъ передъ его глазами золотую монету.

— Что угодно пану? съ заискивающимъ подобострастіемъ проговорилъ Янкель и замеръ въ выжидательной позѣ.

— Говори мнѣ про Сѣчь, про запорожцевъ, про Сулиму, ну, однимъ словомъ про все, что знаешь; да не ври, не то пришибу.

Янкель сдѣлалъ жалобное лице и испуганно затрясъ головою.

— Панъ козакъ хочетъ погубить бѣднаго еврея. Что мы здѣсь можемъ знать про славныхъ запорожскихъ козаковъ? Они сюда къ намъ не заглядываютъ и не заглянутъ, съ удовольствіемъ прибавилъ онъ, искоса посматривая на кулачище Ганжи.

— Ну, это не тебѣ толковать, куда они заглянутъ или не заглянутъ, сурово перебилъ его козакъ. А что ты знаешь про запорожцевъ, это ты самъ проговорился.

— Ни, ни! вельможный пане, когда я вамъ что говорилъ?— еще испуганнѣе прошепталъ Янкель.

— А ты же говорилъ, что три года прожилъ въ Сѣчи! И нѣтъ такого жида на свѣтѣ, который, побывавъ въ Сѣчи, о ней забылъ. Ты, навѣрно, знаешь все, что тамъ дѣлается.

Въ это время Хайка подошла къ мужу и дернула его за длинную полу кафтана.

— Бери! шепнула она ему по жидовски, указывая на золотую монету. Здѣсь не скоро опять такого счастья дождешься.

— А зачѣмъ пану козаку знать про Сѣчь? колеблясь, спросилъ Янкель. Вѣдь панъ козакъ реестровый?

— Ну, такъ что жъ что реестровый? рестровымъ-то и надо знать о степныхъ разбойникахъ. Я думаю, ты не мало натерпѣлся отъ нихъ, когда жилъ въ Сѣчи?

Янкель, видимо, успокоился; лице его приняло печальное выраженіе.

— Ахъ, панъ козакъ, не мало! Душегубцы они! Три раза я копилъ себѣ денежку подъ старость, и три раза грабили меня. За то жъ и я имъ насолилъ...

— Вотъ какъ! загадочно протянулъ Ганжа. Ты Янкель, я вижу, молодецъ! Чѣмъ же ты имъ насолилъ?

— Долго разсказывать, пане! Да вашей вельможности и не интересно слушать, съ лукавой улыбкою увильнулъ жидъ.

— Пожалуй что и такъ!—съ притворнымъ равнодушіемъ согласился Ганжа. Такъ разсказывай же скорѣе, что дѣлается въ Сѣчи.

— Если панъ дастъ два золотыхъ, можетъ быть у Янкеля и развяжется языкъ, вставила Хайка.

— Ну, чортъ съ вами! и два золотыхъ найдется, сказалъ Ганжа, вынимая другую золотую монету изъ кармана.

— Запорожцевъ теперь нѣтъ въ Сѣчи, таинственно началъ Янкель, приближаясь къ козакамъ. Кто хочетъ ихъ ловить, долженъ ихъ искать ближе. Сулима награбилъ у турокъ и золота, и оружія; а теперь онъ стоитъ за порогами, пробирается въ Сѣчь...

— За порогами, говоришь ты? съ живостью перебилъ Ганжа. Зачѣмъ его сюда занесло?

— Они прятали свои сокровища въ скарбницы, да прослышали, что татары ихъ поджидаютъ въ степи; вотъ они и бросились за ними въ погоню. Татары отъ нихъ было наутекъ, да дѣться теперь некуда то татарину: трава полегла, посохла, слѣдъ тотчасъ видѣнъ; перебили они татаръ, а теперь, вѣрно, скоро опять уйдутъ въ Сѣчь.

— А гдѣ же теперь Сулима?

— Сейчасъ за порогами въ степи, да только панамъ козакамъ не справиться съ вольницею,—ихъ тамъ видимо, невидимо.

Хитрая улыбка скользнула по губамъ Ганжи.

— А мы ихъ сюда заманимъ,—сказалъ онъ весело. Есть у тебя провожатый, дорогу знаешь?

— Ой вей, панъ козакъ, страшное дѣло затѣваете! Хорошо я знаю этого Сулиму; хитеръ онъ и ловокъ, какъ лисица, а ужъ безстрашенъ, какъ самъ сатана.

— Ну ладно! мели тамъ еще! я этого Сулиму тоже знаю. Говори, можетъ ли кто къ нему провести, а ужъ справиться то я справлюсь, и не такихъ видалъ.

Янкель съ недовѣріемъ покачалъ головою.

— Какъ угодно будетъ пану козаку; есть тутъ перебѣжчикъ. Онъ только вчера прибѣжалъ изъ козацкаго табора, пробирается къ пану гетману... Я приведу его, если у пана козака есть золотые...

— Добре! отвѣчалъ Ганжа. А теперь давай намъ ѣсть; вонъ и панъ Богданъ съ остальными козаками идетъ.

У расторопнаго жида нашлась и горилка, и пиво, а Хайка сварила тетерю изъ рыбы и овсяной крупы не хуже любой козачки. Тимошъ сидѣлъ за ужиномъ между отцемъ и старымъ дидомъ. Послѣдній наклонился къ уху Богдана и прошепталъ:

— Надо мнѣ съ тобою, батько, два слова перемолвить.

Богданъ быстро взглянулъ на него и также тихо отвѣтилъ:

— Послѣ ужина.

— О чемъ бы имъ говорить—подумалъ мальчикъ; видно, что-нибудь очень важное, а то бы сказали при всѣхъ.

Когда отецъ и дидъ встали изъ-за стола и незамѣтно другъ за другомъ скрылись за дверью, Тимошъ тоже прокрался за ними.

Темная, непроглядная южная ночь спустилась густымъ покрываломъ и на Днѣпръ, и на берега его, и на неуклюжую массу крѣпости, едва-едва вырисовывавшуюся въ темнотѣ.

— Пройдемъ влѣво въ степь, проговорилъ Богданъ; тутъ еще, чего добраго, кто изъ жидовъ подслушаетъ.

Тимошъ далъ имъ отойти немного и затѣмъ, какъ кошка, тихонько сталъ красться за ними; онъ легъ въ сухую траву и неподвижно, затаивъ дыханіе, слушалъ разговоръ отца съ Ганжею.

— Сулима недалеко, говорилъ Ганжа; онъ здѣсь за порогами.

— Вотъ какъ! почти равнодушно удивился сотникъ. Что жь изъ этого?

— А то, что стоитъ ему только дать знать, и онъ мигомъ разнесетъ этотъ французскій муравейникъ.

— А кто дастъ ему знать? недовѣрчиво возразилъ Богданъ.

— Я!—увѣренно и твердо отвѣчалъ старикъ.

— Ты, братику, вѣрно забылъ, что служишь королю,—насмѣшливо замѣтилъ сотникъ,—забылъ, что записанъ въ реестрѣ и получаешь, или вѣрнѣе, получишь когда-нибудь свое жалованье.

Ганжа засмѣялся.

— Вотъ то-то оно и есть, что можетъ быть, да когда-нибудь... Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ... Видитъ тебя Ганжа насквозь, хоть и хитрая ты лисица.

Богданъ какъ-то двусмысленно крякнулъ, и, помолчавъ, спросилъ:

— Что жъ тебѣ отъ меня нужно? Ѣдешь ты, такъ и поѣзжай на свою голову; мнѣ то что жъ?

— А то, батько, что я поѣду съ Смольчугомъ, а ты молчи; скажи тамъ другимъ, что послалъ насъ впередъ... Кто, вѣдь, ихъ знаетъ, всѣ козаки, да не всѣ надежные... Смольчуга то я знаю: самъ выходилъ, выхолилъ; на Ивашка Злаго тоже надѣюсь, да брать его не хочу: лютъ онъ больно, ему бы только до крови добраться... А другіе пусть лучше ничего не знаютъ. Всѣхъ же больше остерегайся выдать меня тому жиду перекрещеному.

— Ильяшу Караимовичу? съ усмѣшкой спросилъ Богданъ: онъ не жидъ, а армянинъ.

— Видали мы такихъ армянъ: пейсы подстригъ, бороду побрилъ—вотъ и армянинъ. Такъ слышь же, друже! прибавилъ онъ дѣловымъ тономъ; когда мы съ Смольчужкомъ въ воду канемъ, ты ни-ни, ни гу-гу, какъ будто такъ и быть должно.

— Добре! отозвался Богданъ, мнѣ все равно; хоть я и не вижу большаго толку во всемъ этомъ. Не насталъ еще, братику, часъ, не испила еще мать Украйна до дна чашу горести, что поднесли ей паны. И добрымъ козакамъ лучше бы беречь свои силы и терпѣть до поры, до времени.

— Эхъ! Богдане, Богдане! видна въ тебѣ панская кровь! на половину ты только козакъ, а на половину панъ. Развѣ мо-

жетъ истый козакъ терпѣть обиды? Развѣ можетъ гнуть шею подъ панскими ударами?

— А ты думаешь, этотъ сумасбродъ Сулима можетъ насъ избавить отъ панскаго ига?... Вотъ повѣрь, что и ему не миновать плахи, какъ и всѣмъ прежнимъ атаманамъ. Чтобы пановъ осилить, надо противъ нихъ дѣйствовать ихъ же оружіемъ, надо имѣть столько же ума, ловкости и изворотливости, какъ у нихъ. А твоего перекрещенаго татарина какой-нибудь одинъ панъ Кисель за поясъ заткнетъ, не говоря ужъ о другихъ, такихъ ловкихъ, какъ панъ коронный гетманъ.

— А все таки попробовать? съ нѣкоторымъ колебаніемъ проговорилъ Ганжа. Эта французская махина мнѣ все равно, что спица въ глазу; очень ужъ хочется разнести ее, чтобы отъ нея и праху не осталося.

— Всѣ вы козаки такіе! съ неудовольствіемъ проговорилъ сотникъ: вы какъ малыя дѣти,—чего захотѣли, вынь да подай; сами въ огонь лѣзете, мудрено ли, что обжигаетесь.

— Быть можетъ и не обожжемся! угрюмо проговорилъ Ганжа. До свиданія, товарищъ! проговорилъ онъ, подавая руку сотнику.

— Богъ дастъ, свидимся, если не въ этой жизни, то въ будущей! отвѣчалъ тотъ полунасмѣшливо. Иди впередъ, а я немного погодя.

Ганжа быстро зашагалъ къ корчмѣ, а Богданъ остался на мѣстѣ, задумчиво вглядываясь въ неясныя очертанія крѣпости.

Вдругъ около него что-то зашевелилось въ травѣ и точно изъ-подъ земли кто-то его окликнулъ:

— Тату!

Богданъ былъ не изъ робкихъ; онъ причислялъ себя даже къ очень храбрымъ; но, какъ козакъ, онъ вѣрилъ и въ колдуновъ, и въ оборотней, и въ русалокъ.

— Цуръ меня! Цуръ меня! со страхомъ прошепталъ онъ, творя крестное знаменіе.

— Тату! Да, вѣдь, это жъ я! нетерпѣливо проговорилъ Тимошъ, вылѣзая изъ подъ сухой травы.

— Наше мѣсто свято! бормоталъ сотникъ и пятился на-

задъ, чувствуя, какъ его обдало холоднымъ потомъ. „Оборотень!“ подумалъ онъ.

— Да цуръ же тебѣ, татко! сердито крикнулъ мальчикъ, схвативъ его за рукавъ. Чи я оборотень? Полно жъ тебѣ цураться.

— Ты какъ сюда попалъ? сердито вскрикнулъ наконецъ сотникъ, оправившись отъ испуга.

— Такъ же, какъ и ты съ дидомъ,—бойко отвѣчалъ мальчикъ.

Въ эту минуту въ его маленькомъ сердцѣ кипѣла злоба на отца. Онъ не могъ уяснить себѣ всего слышаннаго; но чутьемъ понималъ, что татко мирволитъ панамъ, что татко обидѣлъ дида, что онъ пренебрежительно отозвался о Сулимѣ; а для Тимоша этотъ Сулима былъ образцомъ козацкаго величія. Онъ много слышалъ о немъ отъ Ганжи и помнилъ, какъ тотъ часто говаривалъ: „Вотъ кабы Сулиму натравить на пановъ“. Теперь отважный дидъ еще больше выросъ въ глазахъ мальчика, а постыдная трусость отца, принявшаго его, Тимоша, за оборотня, только растравила накопившееся въ его душѣ чувство горечи.

— Вотъ я тебѣ дамъ подслушивать! съ сердцемъ проговорилъ отецъ: отстегаю тебя ногайкой, такъ будешь ты соваться туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Говори, зачѣмъ тебя сюда принесло?

Мальчикъ гордо выпрямился и упрямо закинулъ голову назадъ.

— Ты знаешь, татко, что я тебя не боюсь и ногайки твоей не боюсь; всякій козакъ долженъ привыкать къ ударамъ. А пришелъ я сюда, чтобы слышать, о чемъ вы съ дидомъ говорить будете. Дидъ правъ, а ты виноватъ; ты обидѣлъ дида, ты къ панамъ лѣзешь, а онъ не лѣзетъ.

— Ахъ, ты щенокъ! крикнулъ Богданъ. Вотъ только жалко—ногайку въ корчмѣ оставилъ, а то бы я тебѣ показалъ, кто виноватъ и кто правъ.

— Виноватъ всегда́ тотъ, кто сердится и дерется ни за что, ни про что; это ты самъ говорилъ,—хладнокровно сквозь зубы процѣдилъ мальчикъ.

— Да какъ на тебя не сердиться? Татарченокъ ты этакій, мразь ты этакая!

— Не кричи, татко, еще жиды услышатъ,—спокойно проговорилъ мальчикъ. А слушай, что я тебѣ скажу: не хочу я больше съ тобою ѣхать къ панамъ, отпусти меня съ дидомъ Ганжею и съ Смольчугомъ. Не отпустишь добромъ, все равно я въ Сѣчь убѣгу!

Богданъ стоялъ, какъ ошеломленный.

— Да ты, хлопецъ, и впрямь съ ума спятилъ. Какой ты козакъ, тебя отъ земли не видать!

— Я, тато, знаю, что въ Сѣчи много мальчиковъ есть, и въ походы они съ другими козаками ходятъ. Вонъ и Смольчугъ съ семи лѣтъ всюду за дидомъ во всѣ его походы ходитъ.

— Вотъ то-то и есть, что они вскружили тебѣ голову своими разсказами. Убѣжать вздумаешь—на цѣпь посажу.

— Не пустишь добромъ?—съ угрозою въ голосѣ спросилъ мальчикъ.

— И не думай, и мысль всякую изъ головы выкинь.

— Добре! протянулъ Тимошъ—и зловѣщая, угрюмая нотка прозвучала въ его голосѣ.

Они молча вернулись въ корчму. Козаки почти уже всѣ спали; только Ганжа съ корчмаремъ да еще какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ перешептывались въ углу, причемъ дидъ время отъ времени позвякивалъ своими червонцами.

Тимошъ окинулъ ихъ быстрымъ взглядомъ и потомъ, потупивъ глаза, послушно поплелся за отцомъ въ дальній уголъ, гдѣ набросано было свѣжее сѣно, прикрытое нѣсколькими бурками. Они улеглись, причемъ Богданъ позаботился положить Тимоша къ стѣнѣ, а самъ загородилъ его своимъ тучнымъ тѣломъ.

ГЛАВА III.

ВЪ ТАБОРѢ.

Проспалъ онъ долго. Солнце уже стояло высоко, когда онъ, лѣниво позѣвывая, поднялся съ своей импровизированной постели.

Первое, что его поразило, было отсутствіе Тимоша. Въ углу на сѣнѣ никого не было, какъ онъ ни протиралъ глаза, думая, что онъ еще спитъ. Вчерашнія событія быстро пронеслись въ его головѣ, и онъ, какъ ужаленный, вскочилъ на ноги.

— Гдѣ хлопецъ? грозно крикнулъ онъ вертѣвшейся около печки Хайкѣ.

Та плутовски скосила глаза въ сторону и съ самою заискивающею улыбкою проговорила:

— Ваша мосць сами знаете, гдѣ они?

Она искренно была убѣждена, что все дѣлалось съ согласія атамана и что онъ шутитъ съ ней, желая ее напугать.

— Кто они? съ бѣшенствомъ крикнулъ сотникъ, будешь ли ты говорить толкомъ, жидовское отродье?

Жидовка оторопѣла.

— Да паны жь козаки и панъ маленькій хлопецъ. Они уѣхали рано, рано на зарѣ, когда всѣ еще спали.

Богданъ съ сердцемъ хлопнулъ себя по лбу:

— Какъ мнѣ не пришло въ голову, что Тимошъ можетъ убѣжать, прошепталъ онъ. И хорошъ Ганжа, взять съ собою ребенка въ такое опасное предпріятіе.

Богданъ готовъ былъ рвать на себѣ волосы и въ сердцахъ накинулся на жидовку.

— Чего вы смотрѣли? Зачѣмъ вы пустили съ ними ребенка безъ моего вѣдома; пусть бы ѣхали сами и ломали себѣ головы, я васъ всѣхъ въ порошокъ изотру, кричалъ онъ топая ногами.

Жидовка совсѣмъ растерялась; вытаращила глаза на взбѣсившагося козака и незамѣтно попятилась къ двери. Богданъ не успѣлъ еще окончить своихъ проклятій, а Хайка уже юркнула за дверь и подобравъ подолъ платья, шлепая изношенными туфлями, побѣжала къ Янкелю, сновавшему между рабочими. Она безмолвно поманила его пальцемъ, и отведя въ сторону, съ испугомъ затараторила:

— Ой, Янкелю, Янкелю, ой, вей міръ! Я не знаю, какъ душа во мнѣ держится! Ой! какъ я испугалася! Ой! ноги подкашиваются.

— Что случилось? съ испугомъ спросилъ Янкель. И въ головѣ его по старой привычкѣ пронеслась цѣлая вереница картинъ грабежа, убійствъ, насилій.

Хайка, глубоко вздохнувъ, продолжала:

— Тотъ, атаманъ-то козацкій... Ой, бѣда наша!

— Да говори толкомъ! самъ дрожа отъ страху, распрашивалъ Янкель: прибилъ онъ кого? убилъ?

— Ой нѣтъ! Ой нѣтъ! Хуже, хуже!

Янкель едва держался на ногахъ съ испугу: что же могло быть хуже?

— Ой, пропали мы! причитывала Хайка; онъ сказалъ, что въ порошокъ насъ изотретъ. Такъ разсердился, такъ разсердился, глаза вытаращилъ, ногами затопалъ; такой страшный, я такихъ и не видывала...

У Янкеля немного отлегло на сердцѣ: только разсердился— это еще ничего; и накричалъ, и ногами натопалъ—это даже хорошо: значитъ горячій козакъ, а козачье сердце отходчиво.

— На что же онъ такъ разсердился? спросилъ онъ Хайку гораздо спокойнѣе.

— Да онъ спросилъ у меня, гдѣ козаки и гдѣ маленькій хлопецъ? Я думала, что онъ все знаетъ и шутитъ со мною, а вышло, что онъ ничего не знаетъ.

— Гмъ! глубокомысленно промычалъ Янкель, схвативъ въ правую руку свою бородку, что у него означало высшую степень недоумѣнія.

— Да онъ, можетъ быть, притворяется и нарочно показываетъ видъ, что сердится.

— Нѣтъ, нѣтъ! замахала обѣими руками Хайка; нарочно онъ не могъ бы такъ разсердиться, онъ изъ себя вышелъ. Если бъ я не убѣжала, не быть бы мнѣ въ живыхъ.

Янкель на минуту задумался.

— Гей-ге! сказалъ онъ вдругъ, поднимая голову. Нашелъ! Старый-то козакъ, видно, одинъ хочетъ взять всѣ золотые за голову Сулимы. Вотъ онъ и утекъ потихоньку отъ атамана.

— Ну, такъ зачѣмъ же онъ маленькаго хлопца-то съ собою прихватилъ?

— А этого ужъ я не знаю—развелъ руками Янкель. Ступай-ка домой и постарайся угодить пану атаману; а то ужъ ты больно любишь языкомъ ворочать; отвѣчала бы, что знать не знаешь, и вѣдать не вѣдаешь, и были бы мы въ сторонѣ; пускай бы они между собою считались.

Хайка и сама сознавала свою вину и давно уже въ душѣ раскаивалась, что болтнула лишнее.

— Янкелю, а Янкелю! проговорила она нерѣшительно: пойдемъ вмѣстѣ, я боюсь одна!

— Вотъ такъ-то всѣ вы женщины, наставительно проговорилъ онъ; наболтать, насудачить, а тамъ расхлебывай за васъ кашу.

Онъ бы охотно прогналъ ее одну; но мужское самолюбіе не позволяло ему сознаться въ трусости; поэтому онъ пріободрился, оправилъ кафтанъ, пригладилъ пейсы и бороду и зашагалъ къ своей корчмѣ, сопровождаемый Хайкою.

Но то, что ожидало ихъ въ корчмѣ, превзошло всякія ихъ ожиданія и совершенно ихъ сбило съ толку.

Панъ сотникъ сидѣлъ за столомъ, и на блѣдномъ лицѣ его, украшенномъ черными усами, не было и тѣни волненія. Онъ даже слегка усмѣхнулся, когда перетрусившіе его хозяева тихо, крадучись, осторожно переступили одинъ за другимъ черезъ порогъ.

— Что, задалъ я вамъ страху? съ неестественною веселою ноткою проговорилъ онъ. Я пошутилъ; я хорошо знаю, куда и зачѣмъ поѣхали мои хлопцы. А теперь вотъ вамъ за постой и угощеніе, сказалъ онъ, вставая и бросая на столъ горсть мелкихъ монетъ. Тебѣ же, хозяйка, вотъ особо за испугъ—прибавилъ онъ и сунулъ въ руку Хайки золотую монету.

Янкель съ женою, низко кланяясь, проводили щедраго пана до дверей. А когда онъ ушелъ, Хайка недовѣрчиво покачала головой и задумчиво проговорила:

— А все таки онъ не могъ нарочно такъ разсердиться.

Выйдя на улицу, Богданъ первымъ дѣломъ разыскалъ Ивана Злого.—Это былъ уже пожилой плотный, широкоплечій, какъ изъ желѣза скованный козакъ. Низкій мясистый лобъ, нависшій

надъ бровями, тупой взглядъ, толстыя губы изобличали въ немъ недалекую, но чувственную натуру. Такого человѣка можно было послать на какое-угодно дѣло, и онъ бы пошелъ, не спрашивая, не разбирая зачѣмъ и для чего, правое ли это дѣло, или злодѣяніе.

— Ты слышалъ, о чемъ Ганжа разговаривалъ съ жидомъ?— въ упоръ смотря ему въ лице, спросилъ Богданъ.

— Слышалъ,—пасмурно отвѣчалъ Злой.

— Говори сейчасъ, въ чемъ дѣло!

Отрывисто, какъ бы нехотя, посматривая въ сторону, передалъ Злой разговоръ, слышанный имъ въ корчмѣ и прибавилъ:

— Я, батько, тоже хочу съ ними.

Богданъ презрительно, какъ то сверху, оглянулъ его.

— Крови захотѣлось? Подожди еще, и на твою долю перепадетъ; а на висѣлицѣ тоже наболтаться еще успѣешь; ее тебѣ не миновать. Теперь же слушай, что я тебѣ приказываю; да смотри, хорошенько вбей въ свою голову все, что я тебѣ скажу. Щенокъ Тимошка утекъ съ козаками; ты поскачешь за ними вслѣдъ, притворишься, что хочешь съ ними вмѣстѣ ѣхать къ Сулимѣ, а самъ улучишь минуту, схапаешь хлопца и приведешь до дому. Если заартачится, можешь и припугнуть; онъ тебя только одного и боится. Но смотри, чтобы каждый волосокъ на головѣ его былъ цѣлъ, не то, знаешь эту руку?

И сотникъ показалъ ему свой здоровый кулакъ.

— Понялъ?

— Понялъ, батько! осклабясь отвѣчалъ Злой. Добре понялъ!

— Ну, то-то же!

Они разошлись. Богданъ отправился въ крѣпость, приказавъ остальнымъ козакамъ быть наготовѣ, такъ какъ къ вечеру они пустятся въ обратный путь. На разспросы о Тимошѣ, Ганжѣ и Смольчугѣ онъ коротко отвѣчалъ, что послалъ ихъ впередъ. Это никому не показалось страннымъ, такъ какъ сотникъ часто посылалъ кого нибудь по дѣлу и не любилъ входить въ объясненія съ козаками. Когда Злой осѣдлалъ коня, къ нему приступили всѣ съ разспросами; но угрюмый козакъ молча вскочилъ въ сѣдло, свиснулъ нагайкой и помчался въ степь.

Между тѣмъ Тимошъ съ Ганжею, Смольчугомъ и перебѣжчикомъ были уже далеко въ степи, безъ передышки проскакавъ двадцать верстъ. Наконецъ Ганжа придержалъ коня и, обращаясь къ своимъ спутникамъ, сказалъ:

— Надо поберечь коней! Погони за нами не будетъ!

Тимошъ безпокойно заерзалъ на сѣдлѣ.

— Кони добрые, диду! Отчего бы намъ не скакать еще?

Ганжа съ усмѣшкой посмотрѣлъ на него.

— Чего торопишься? или боишься, что отецъ передумаетъ? Отпустилъ, такъ ужъ не воротитъ.

Мальчикъ смутился и вспыхнулъ. Онъ не привыкъ лгать, а сегодня утромъ обманулъ дида. Онъ не спалъ всю ночь, дождался, когда на разсвѣтѣ козаки тихонько вышли изъ корчмы, какъ змѣя, проскользнулъ между тучнымъ тѣломъ отца и стѣною, прокрался на улицу и увѣрилъ дида, что отецъ отпустилъ его съ ними.

— Побожись! сказалъ ему дидъ.

И онъ побожился. Въ ту минуту онъ даже не задумался,— ему очень хотѣлось въ степь; но теперь этотъ тяжкій грѣхъ камнемъ лежалъ на его душѣ; онъ каждую минуту оглядывался назадъ, ему чудился топотъ лошадиныхъ копытъ, видѣлся взбѣшенный грозный отецъ и рука невольно передергивала уздечку. Старый козакъ слишкомъ былъ занятъ своими собственными мыслями и не замѣчалъ волненія Тимоша; Смольчугу это волненіе тоже казалось естественнымъ: онъ еще живо помнилъ свое дѣтство, свой первый походъ противъ татаръ и то нетерпѣніе, съ какимъ онъ ожидалъ настоящей битвы. Молодой человѣкъ съ улыбкой сбоку посматривалъ на мальчика, какъ онъ горячилъ коня, и въ угоду ему тоже торопилъ стараго Ганжу. Ганжа былъ не въ духѣ: съ одной стороны, ему слышались предостереженія Богдана; съ другой — онъ не слишкомъ-то довѣрялъ своему проводнику. Козакъ этотъ бѣжалъ отъ Сулимы изъ страха наказанія за какую-то провинность и неохотно взялся за предложенное ему предпріятіе.

— Хорошо, какъ вы его обманете,—говорилъ онъ: а если нѣтъ, тогда мнѣ не сносить головы. Да и онъ вамъ не повѣ-

ритъ, если увидитъ со мною; вѣдь, онъ знаетъ, что я ушелъ къ полякамъ.

— Пустяки! возражалъ Ганжа. Мы сдѣлаемъ видъ, что поймали тебя и силою заставили намъ показывать путь. А какъ заманимъ атамана, мы тебя и выпустимъ.

Козаку это не очень-то улыбалось, и только блескъ золота, до котораго онъ былъ падокъ, заставилъ его согласиться на предложеніе Ганжи. Ударили по рукамъ; дали задатокъ, а остальное козакъ долженъ былъ получить въ таборѣ Сулимы. Тѣмъ не менѣе старому запорожцу все казалось, что у ихъ проводника недоброе на умѣ. Онъ не давалъ ему отставать, заставлялъ его ѣхать впереди, держа на всякій случай наготовѣ пистолетъ.

Дорога, между тѣмъ, все болѣе углублялась въ степь, и Днѣпръ виднѣлся на горизонтѣ темною узкою змѣйкою. Наконецъ, уже подъ вечеръ, показался вдали козацкій таборъ.

Перебѣжчикъ остановился.

— Ну, панове козаки! Дѣло мое сдѣлано,—сказалъ онъ: давайте мнѣ деньги и отпустите меня на всѣ четыре стороны. А я второй разъ не хочу себѣ петли на шею надѣвать.

Ганжа отсчиталъ условленную плату, и черезъ минуту козака и слѣдъ простылъ. Путники же наши поскакали къ табору, гдѣ ихъ не особенно дружелюбно встрѣтилъ сторожевый козакъ. Онъ покосился на одежду Ганжи и Смольчуга и крикнулъ:

— Чего вамъ нужно, вражьи дѣти! Сворачивайте-ка по добру, по здорову: намъ королевскихъ холопей не надо!

— Были мы королевскими, а что было, то прошло,—спокойно отвѣчалъ Ганжа. А ты, братику, не серчай! доложи пану атаману, что его хочетъ видѣть старый Ганжа.

Козакъ неохотно повернулъ коня, доскакалъ до четырехугольника, образованнаго изъ возовъ, скрѣпленныхъ цѣпями, и крикнулъ другому сторожевому, стоявшему въ промежуткѣ:

— Поѣзжай до атамана! хочетъ его видѣть какой-то Ганжа; пускать ли его, или нѣтъ?

Ожидая отвѣта, онъ повернулся лицемъ къ путникамъ и все время держалъ наготовѣ пистолетъ. Такъ прошло добрыхъ четверть часа. Вернувшійся козакъ привезъ разрѣшеніе впустить;

загремѣли откинутыя цѣпи, и всадники въѣхали въ тѣсно сплоченный четвероугольникъ съ наскоро раскинутыми палатками. Козаки толпились около палатокъ: кто варилъ ужинъ, кто чинилъ одежду, кто курилъ люльку, а кто и просто лежалъ, растянувшись во всю свою длину и позѣвывая смотрѣлъ на кружившихся въ воздухѣ степныхъ орловъ. Тутъ же пріютилось и нѣсколько жидовъ съ ихъ незатѣйливыми ларями, имѣвшими видъ не то сундуковъ, не то телѣжекъ. Это была Сѣчь въ миніатюрѣ; одного только недоставало—горилки; а потому не было и всегдашняго неудержимаго веселья; несмотря на только что одержанныя побѣды, лица у всѣхъ были угрюмыя, вялыя, сумрачныя.

Посреди табора возвышалась большая палатка изъ прекрасной турецкой матеріи, подобранная золотыми шнурами съ тяжелыми кистями. Сверху подхватывалъ ее золоченый шаръ съ изображеніемъ полумѣсяца.

Ганжа, приподнявъ полу палатки, вошелъ со своими спутниками къ атаману. Сулима полулежалъ на большой атласной подушкѣ, поджавъ потурецки ноги и покуривая изъ большой длинной трубки. Тонкія черты синевато-блѣднаго лица съ легкимъ оттѣнкомъ золотистаго загара, большой правильный, немного крючковатый носъ, большіе черные глаза съ длинными рѣсницами, черные, какъ смоль, усы, гибкій станъ и узенькая, слишкомъ маленькая для мужчины рука,—все говорило, что этотъ человѣкъ родился не подъ запорожскимъ солнцемъ, что онъ развился гдѣ нибудь въ гаремѣ и что только желѣзная воля этого человѣка могла его пріучить къ лишеніямъ и невзгодамъ кочевой козацкой жизни. Подлѣ него тоже на подушкѣ сидѣлъ другой человѣкъ, представлявшій съ нимъ совершенную противоположность. Онъ былъ громаднаго роста, точно выкованный изъ желѣза, некрасивый, загорѣлый, съ узкими блестящими глазами и огромнымъ, начинавшимъ уже блестѣть просѣдью чубомъ.

Ганжа и Смольчугъ пожали имъ обоимъ руки. Тимошъ стоялъ въ сторонѣ и съ любопытствомъ разсматривалъ атамановъ, дымившуюся передъ ними саламату въ походномъ горшкѣ, сухія лепешки, кучу степнаго сѣна въ углу; все показалось ему

новымъ, особеннымъ, невиданнымъ. Ему было немного страшно: вотъ тотчасъ знаменитый атаманъ можетъ взглянуть и на него, можетъ заговорить съ нимъ, это все бы ничего; но какъ онъ ему солжетъ, какъ онъ скажетъ ему, что отецъ добровольно отпустилъ его? Можно еще было обмануть дида; но храбраго атамана не обманешь,—онъ насквозь видитъ; лучше признаться, будь, что будетъ.

— Здоровы будьте, панове! сказалъ Ганжа съ низкимъ поклономъ.

— Здоровъ будь и ты, старый товарищъ! ласково кивнувъ головою, отвѣтилъ Сулима. Какимъ тебя къ намъ вѣтромъ занесло? Да ты, я вижу, въ королевскую епанчу нарядился.

— Что же, друже! епанча не кожа, можно ее и съ плечъ содрать, коли прикажешь.

— А зачѣмъ мнѣ тебѣ приказывать? У насъ и своихъ довольно,—полушутливо, полусерьезно отрѣзалъ атаманъ. Служи королю да получай жалованье, а мы сами себѣ послужимъ; всякому свое. Мы нынче столько за одинъ налетъ у турокъ выудили, что вамъ у вашего короля и въ десять лѣтъ не выслужить. Такъ, что ли, Павлюга? обратился онъ къ своему товарищу.

Тотъ съ самодовольною улыбкою кивнулъ въ знакъ своего согласія и опять принялся за свою трубку.

Тимошъ на минуту оторвался отъ своихъ мыслей и съ жаднымъ любопытствомъ взглянулъ на некрасиваго козака. Такъ это Павлюкъ Баюнъ, или Полурусъ, или Палій, о которомъ онъ столько наслышался всякихъ разсказовъ. Такъ вотъ онъ этотъ богатырь, которому нипочемъ согнуть подкову, вырвать дерево съ корнемъ, или кожу съ мясомъ у разъяреннаго звѣря! Тимошъ даже немного попятился было къ выходу, при мысли, что этотъ страшный человѣкъ, которымъ его пугали еще нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь близко, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, а онъ, маленькій грѣшникъ, долженъ сейчасъ признаться въ содѣянной винѣ.

— А это что за хлопецъ? спросилъ Сулима, кивнувъ головою на отступавшаго Тимоша.

— Гей, Тимошъ! Ты что же прячешься? засмѣялся Ганжа,

тащa упиравшагося мальчика къ атаману. Это, братику, будущій вояка, сынъ Хмельницкаго Богдана; отецъ его отпустилъ съ нами.

— Неправда это, неправда, неправда! почти съ рыданіемъ крикнулъ мальчикъ, закрывъ лицо руками.

— Фу, цуръ тебя возьми! съ досадою крикнулъ Ганжа: развѣ я вру, что ли? Съ ума ты спятилъ?

— Неправда, диду! Не сердись, диду! обманулъ я тебя,— рыдалъ мальчикъ, упавъ на колѣни.

Панъ атаманъ и Баюнъ разинули рты отъ удивленія и молча смотрѣли, что дальше будетъ.

— Казни меня, панъ атаманъ! вскрикнулъ мальчикъ. Я солгалъ, я обманулъ стараго добраго дида; я и Богу солгалъ! повѣсь меня, я не стою ничего больше!

Сулима улыбнулся.

— Ну если всѣхъ такихъ хлопцевъ за ихъ грѣхи вѣшать, то, пожалуй, и веревокъ не хватитъ.

Саженный богатырь всталъ съ своего мѣста, тихо подошелъ къ мальчику и осторожно приподнялъ его съ полу. Въ маленькихъ карихъ глазахъ его засвѣтилось столько ласки и доброты, некрасивое лицо такъ оживилось, что Тимошъ невольно пріободрился и даже осмѣлился взглянуть на страшнаго козака. Въ громадной фигурѣ Павлюка вмѣстѣ съ непомѣрною силою уживалась почти женская мягкость и любовь ко всему слабому, беззащитному. Несмотря на свои боевые подвиги, Павлюкъ могъ заинтересоваться упавшею изъ гнѣзда птичкой, могъ бережно укачивать дитя въ люлькѣ и ростить щенятъ, котятъ, за что ему не мало доставалось въ Сѣчи отъ другихъ козаковъ.

— Полно, сынку! утѣшалъ онъ Тимоша, посадивъ его къ себѣ на колѣни и гладя его своею мощною рукою. Не убивайся, а разскажи лучше, въ чемъ дѣло. Нѣтъ такого грѣха на свѣтѣ, котораго нельзя бы было простить.

Тимошъ удерживая рыданія, разсказалъ, какъ онъ обманулъ Ганжу и уѣхалъ съ нимъ помимо воли отца, такъ какъ ему ужъ очень хотѣлось къ запорожцамъ, а отецъ его повезъ бы опять къ панамъ, а онъ пановъ не любитъ и любить никогда

не будетъ. Павлюкъ съ задумчивою улыбкою слушалъ горячую рѣчь мальчика, а Ганжа сердито нахмурился и немилосердно теребилъ свой чубъ.

— Ишь, вѣдь, бисовъ сынъ! будетъ мнѣ теперь отъ пана сотника за твои проказы; куда я теперь съ тобою дѣнусь? Да еще чего добраго, онъ и самъ за нами налетитъ. Тогда пожалуй, и дѣло наше изъ-за тебя не выгоритъ.

Быстрый, проницательный взоръ Сулимы, какъ молнія, скользнулъ по добродушному лицу Ганжи и снова потупился.

Павлюкъ поднялъ Тимоша, какъ перышко, на руку, подошелъ къ старику, потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Ну, полно, друже! Не сердись на хлопца. Видишь, онъ и такъ самъ не свой. Бываемъ и мы грѣшны съ тобой, старина, хотя намъ Богъ и больше разума далъ, чѣмъ ему.

Ганжа смущенно почесалъ чубъ: ему вспомнились слова сотника, укорявшаго его въ дѣтскомъ упрямствѣ, и онъ ласковѣе глянулъ на Тимоша, протягивавшаго къ нему руки съ веселою ласковою улыбкою.

— Ужъ добре, добре! проговорилъ онъ, поцѣловавъ его. Я самъ, старый дурень, виноватъ, что взбаламутилъ твою голову разсказами о козакахъ и ихъ подвигахъ.

Павлюкъ осторожно спустилъ мальчика на полъ, точно боялся раздавить его, хотя Тимошъ далеко не былъ изъ нѣжныхъ и хрупкихъ; онъ былъ коренастъ, здороваго сложенія, ширококостый, съ круглымъ лицемъ и сильными упругими мускулами.

— Утро вечера мудренѣе, друзья! сказалъ Сулима. А теперь присаживайтесь къ намъ; не бось устали, проголодались. Я сейчасъ велю еще принести саламаты.

Онъ хлопнулъ два раза въ ладоши и молча показалъ вошедшему козаку на горшокъ съ ѣдой. Тотъ быстро удалился, и черезъ минуту горячее, дымящееся кушанье стояло передъ гостями. Козакъ вернулся второй разъ разъ и принесъ свѣжіе душистые липовые соты, поставивъ ихъ тоже передъ гостями.

— Отвѣдайте! пригласилъ Сулима. Это запорожскій, вотъ изъ его пасѣки,—и онъ кивнулъ головою на Баюна. Онъ вѣдь у насъ пчеловодъ отличный, ни у кого такого меду нѣтъ.

Павлюкъ весело разсмѣялся; всѣ отвязали отъ поясовъ ложки и стали черпать медъ.

Тимоша скоро уложили спать, а взрослые долго еще о чемъ то совѣщались и спорили и только на разсвѣтѣ прилегли отдохнуть.

ГЛАВА IV.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНІЕ.

На другой день весь таборъ зашевелился. Отданъ былъ приказъ сниматься съ мѣста. Никто не зналъ, куда и зачѣмъ; но всякій торопился какъ можно скорѣе собрать пожитки, расцѣпить возы, осѣдлать коня и вооружиться. Атаманъ велѣлъ держать путь къ порогамъ, гдѣ на одномъ изъ неприступныхъ острововъ лежали лодки. Проѣхать черезъ пороги вверхъ было гораздо опаснѣе, чѣмъ идти берегомъ, а лѣтнее мелководье еще болѣе увеличивало трудности, такъ какъ болѣе обозначилось подводныхъ камней. Тѣмъ не менѣе атаманы рѣшили избрать водный путь, чтобы скорѣе ударить на крѣпость и не дать врагу опомниться.

— Завтра къ вечеру мы уже будемъ въ Кодакѣ,—сказалъ Сулима на замѣчаніе Ганжи объ ожидающихъ ихъ опасностяхъ. А это стоитъ того, чтобы потерять двѣ три лодки. Притомъ теперь берегомъ ѣхать не безопасно; самъ ты говоришь, что этотъ мошенникъ Вендзяло ускользнулъ въ степь. Если не наткнется на поляковъ, то, навѣрно, направитъ на насъ татаръ, а ихъ тутъ много бродитъ.

Ганжа согласился съ доводами атамана, и всѣ двинулись къ Днѣпру, къ тому мѣсту, гдѣ кончаются пороги. Тамъ ниже послѣдняго, тринадцатаго порога возвышается неприступный утесистый островъ; приставать къ этому острову могли только козаки, издавна привыкшіе къ его извилистымъ проходамъ между скалами и подводными камнями.

— Диду, какъ же мы попадемъ на этотъ островъ? съ удивленіемъ спрашивалъ Тимошъ, услыхавъ, что Сулима намѣренъ сдѣлать привалъ на Кашеварницѣ, какъ онъ его называлъ.

— Вплавь! лаконически отвѣчалъ старикъ.

На берегу остановился обозъ. Выслали сторожевыхъ козаковъ и подъ ихъ прикрытіемъ стали готовиться къ переправѣ. Тонкая, стройная фигура Сулимы вся ожила, вся дышала энергіей и силой. Онъ носился на своемъ татарскомъ бакематѣ и зорко слѣдилъ, чтобы никто ничего лишняго съ собою не бралъ.

— Брать по одному котлу на нѣсколько куреней! приказывалъ онъ: Можно чередоваться! Кромѣ котловъ все оставить въ обозѣ! А крупу и соль каждому съ собой имѣть! Пороху каждый захвати, сколько можешь. Жидовъ всѣхъ при обозѣ оставить. Обозу медленно двигаться по берегу, а если что, сейчасъ дать мнѣ знать, сторожевая лодка будетъ стоять у самыхъ пороговъ, наказывалъ онъ обозному.

При обозѣ оставили немного людей, да и тѣ, кому приказывали оставаться, неохотно подчинялись этому приказанію. Слухъ о томъ, что поляки выстроили крѣпость, быстро облетѣлъ весь таборъ, всѣ рвались разгромить ненавистную панскую затѣю.

Наконецъ всѣ приготовленія были окончены. Козаки быстро спѣшились, раздѣлись, привязали одежду къ сѣдламъ и поплыли держась кто за гриву, кто за повода, кто за сѣдло. Тимошъ тоже послѣдовалъ примѣру всѣхъ, хотя Ганжа и совѣтовалъ ему остаться на лошади, увѣряя, что такому сильному степному скакуну ничего не значитъ нести на себѣ такого маленькаго хлопца. Но Тимошъ ни за что не хотѣлъ обременять своего коня.

— Я умѣю плавать, диду! весело возразилъ онъ и бодро пустился въ путь вслѣдъ за другими.

Теченіе было довольно быстрое, и требовалось порядочное напряженіе силъ, чтобы держаться прямаго направленія и не терять изъ виду острова. Сперва Тимошъ плылъ легко и свободно; но мало по малу онъ почувствовалъ, что силы его слабѣютъ. Ему, однако, не хотѣлось сознаться въ своей слабости диду, мощными быстрыми движеніями разсѣкавшему волны и отъ времени до времени посматривавшему на своего маленькаго спутника.

— Гей, хлопецъ! давай подсажу! говорилъ онъ ему не разъ, видя, что мальчикъ устаетъ.

— Ни, диду! отвѣчалъ мальчикъ, захлебываясь, пыхтя, но все таки стараясь поспѣть съ другими.

Наконецъ онъ почувствовалъ, что руки и ноги у него совершенно коченѣютъ, въ глазахъ темнѣетъ, дыханіе спирается. „Диду!“ хотѣлъ крикнуть онъ, но не могъ и булькнулъ въ воду. Ганжа въ эту минуту обернулся.

— Матерь Божія! воскликнулъ онъ: хлопца то никакъ рыбы съѣли.

Въ эту минуту гладко выстриженная голова мальчика съ чернымъ короткимъ чубомъ вынырнула на поверхность, и Ганжа ловкимъ быстрымъ движеніемъ схватилъ его за чубъ. Блѣдное лицо мальчика посинѣло, онъ казался совсѣмъ мертвымъ. Ганжа бережно перекинулъ его на сѣдло и, придерживая одною рукою, поплылъ дальше. Нѣсколько козаковъ обернулись, хладнокровно посмотрѣли на случившееся и опять стали разсѣкать волны сильными взмахами. При переправѣ некогда останавливаться и задумываться, каждый долженъ заботиться о себѣ. Смольчугъ плылъ позади, онъ подхватилъ поводъ свободнаго коня и спросилъ Ганжу, не поддержать ли мальчика.

— Не надо, теперь ужъ не далеко,—отвѣчалъ тотъ. Дѣйствительно, до острова оставалось только нѣсколько саженей; скоро они очутились въ извилистыхъ проливахъ, гдѣ надо было искусно лавировать между подводными камнями. Много козаковъ уже толпилось на берегу; кто одѣвался, кто подтягивалъ сѣдло, кто сидѣлъ, закуривая люльку. Ганжа сталъ оттирать окоченѣвшаго Тимоша; но онъ долго не приходилъ въ себя, такъ долго, что старый Ганжа даже испугался.

— Не умеръ ли? съ безпокойствомъ пробормоталъ онъ и, прикрывъ его своею буркою, опять сталъ усердно растирать ему грудь, руки и ноги.

— Эхъ, если бы горилки достать! съ сожалѣніемъ проговорилъ онъ, посматривая на обступившихъ его козаковъ.

— Что выдумалъ старый! Какая тебѣ горилка въ походѣ! За горилку атаманъ такихъ палокъ надаетъ, что и ногъ не унесешь... Если бы еще жидъ, онъ, можетъ быть, и раздобылъ бы, да жидовъ то всѣхъ въ обозѣ оставили.

На загорѣлыхъ лицахъ виднѣлось теперь участіе, и эти руки безстрастно коловшія и давившія сотни подобныхъ малышей, теперь услужливо подстилали бурки и помогали, кто чѣмъ могъ.

Тимошъ слабо шевельнулся, съ усиліемъ вздохнулъ и открылъ глаза. Старый Ганжа смахнулъ даже непрошенную слезинку и на радостяхъ чуть не пустился въ плясъ.

Послѣдняя партія козаковъ выходила на берегъ, а вмѣстѣ съ нею и самъ атаманъ въ сопровожденіи Баюна. Тимоша уже одѣли и закутали въ нѣсколько бурокъ. Но онъ все еще не могъ подняться на ноги, сидѣлъ и трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ге, ге, хлопецъ! сказалъ Павлюкъ, подходя къ нему: видно козакомъ то быть не такъ легко, какъ кажется; вотъ ты перваго то испытанія не выдержалъ. Какъ же ты поѣдешь вверхъ по порогамъ?

Тимошъ молчалъ и смущенно улыбался. Ему было стыдно, что онъ столько надѣлалъ хлопотъ старому Ганжѣ и еще стыднѣе оттого, что тотъ его даже не побранилъ. „Хоть бы ругнулъ хорошенько!“ думалось ему; „все бы легче было. Отецъ бы непремѣнно ужъ раскричался, а то бы и нагайкою угостилъ; а они вонъ какіе всѣ добрые“.

Въ глубинѣ острова между скалами находилась котловина; въ ней козаки расположились ужинать и ночевать, предполагая съ разсвѣтомъ осмотрѣть челны; скрытые въ бухтѣ, и приготовивъ ихъ, отправиться въ путь, чтобы засвѣтло еще проѣхать пороги. Зажгли костры, усѣлись вокругъ дымящейся каши, и пошли нескончаемые разговоры, разсказы, шутки и прибаутки.

Вдругъ на одномъ изъ утесовъ показалась какая то фигура, медленно ползшая внизъ, цѣпляясь за камни и уступы. Всѣ повскакали съ мѣстъ, схватились за сабли, за пистолеты; какъ вдругъ старый Ганжа проговорилъ:

— Да это Злой! Ей-ей, Злой! Пусть меня ляхи слопаютъ, если это не онъ! Утекъ онъ за нами, хоть я его и не хотѣлъ брать съ собой.

Иванъ Злой подошелъ къ табору, оглядѣлъ всѣхъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ и, отвѣсивъ низкій поклонъ на всѣ четыре стороны, громко проговорилъ:

— Здоровы будьте, братове! Принимаете ли меня въ свой кошъ?

Козаки обступили новоприбывшаго и молча переглядывались другъ съ другомъ.

— А кто тебя здѣсь знаетъ,друже?—обратился къ нему Сулима.

— Я! отвѣтилъ Ганжа, выходя въ кругъ.

— И я! произнесъ Смольчугъ, становясь съ нимъ рядомъ.

— И я! проговорилъ Тимошъ, тоже выступая впередъ.

— Вотъ такъ добре! засмѣялся Павлюкъ: два козака, да еще полкозака, порука хоть куда!

Тимошъ немного смутился, но не отступилъ.

— Такъ ты его знаешь, старина? обратился Сулима къ Ганжѣ: можешь за него поручиться?

— Мочь-то бы могъ: онъ козакъ вѣрный, до сихъ поръ ни въ чемъ замѣченъ дурномъ не былъ,—проговорилъ въ раздумьи Ганжа—да только лютъ онъ больно, положиться на него нельзя. Какъ разсвирѣпѣетъ, онъ и самого атамана зарубитъ.

— Ну, это плохая порука! съ усмѣшкой, какъ бы про себя замѣтилъ Павлюкъ.

— А ты что скажешь? обратился атаманъ къ Смольчугу.

— Да то же, что и дидъ, проговорилъ молодой человѣкъ. Взять его—бѣда, и не взять—тоже.

— Ну а ты? съ усмѣшкой обратился атаманъ къ Тимошу.

— Я, пане атамане, думаю, что надо его взять, бойко проговорилъ Тимошъ.

Онъ въ эту минуту чувствовалъ себя настоящимъ козакомъ и съ гордостью посматривалъ на тѣсно сплотившійся кругъ.

— Иванъ Злой всегда слушался моего татка и былъ ему вѣрнымъ слугой. Я за него головой готовъ поручиться.

— Ого-го! засмѣялись козаки. Вотъ какая дорогая голова у насъ въ залогѣ!

— Что жъ? гордо возразилъ Тимошъ. Тато теперь дорого бы далъ за мою голову, да не видать ему меня...

Чуть замѣтная усмѣшка скользнула по лицу Злого. Онъ быстро мелькомъ взглянулъ на Тимоша, покрутилъ усъ и потомъ, обратясь къ атаману, спросилъ:

— Что-жъ принимаете меня, что ли? Буду служить вамъ вѣрой и правдой!

— Принимаемъ, принимаемъ! весело вскрикнули козаки и разбрелись къ кострамъ.

— А дуже разсердился татко, когда не нашелъ меня въ корчмѣ? спросилъ Тимошъ у Злого.

— Не знаю, уклончиво отвѣчалъ тотъ. Я утекъ и не видалъ его.

Злой вообще обладалъ способностью лгать и изворачиваться, нисколько не смущаясь. Несмотря на свой ограниченный умъ, онъ всегда находилъ выходъ изъ всякаго затруднительнаго положенія. И теперь въ разговорѣ съ Тимошемъ и Ганжею онъ обошелъ всѣ щекотливые вопросы, разсказалъ, какъ прежде всего поспѣшилъ на Кашеварницу и, увидѣвъ челны, разсудилъ, что рано или поздно козаки сюда пріѣдутъ.

— Я, вѣдь, здѣсь сижу съ самаго полудня, отощалъ совсѣмъ—говорилъ, онъ поспѣшно хлебая кашу.

— А ты ужъ и челны пронюхалъ? спросилъ его Павлюкъ, подозрительно осматривая его пытливымъ взоромъ съ головы до ногъ.

— Я нечаянно попалъ къ челнамъ. Бродилъ по острову и напалъ.

— Гмъ, ловкій хлопецъ! протянулъ Павлюкъ, покуривая люльку.

На другое утро, чуть свѣтъ козаки поднялись и, пожевывая сухія лепешки, побрели къ челнамъ. На противоположномъ берегу острова въ узкомъ заливѣ, совершенно заслоненномъ скалами, качались на волнахъ до пятидесяти длинныхъ ходкихъ чаекъ со сложенными снастями. Всѣ козаки раздѣлились на отряды и изъ каждаго отряда вышли двя рулевыхъ, подошли къ своимъ лодкамъ, внимательно осматривая дно, уключины, оба руля—на носу и на кормѣ. Плаваніе предстояло трудное, и малѣйшая неисправность могла погубить лодку съ ея гребцами. Поврежденій и неисправностей оказалось немного. Чайки были прочны, только что передъ походомъ выдолбленныя изъ здоровыхъ стволовъ липъ и ивъ и обитыя новымъ тесомъ. Кое

гдѣ доски отстали; но вбить новые гвозди ничего не стоило: у каждаго рулеваго былъ запасъ такихъ гвоздей. По краямъ челновъ были привязаны толстые пучки камыша, обвитые ивовымъ лыкомъ или боярышникомъ и обхватывавшіе лодку съ обѣихъ сторонъ отъ кормы до носа. Эти камыши тоже пришлось кое-гдѣ подвязать, подправить, также какъ и нѣкоторыя изъ пятнадцати паръ уключинъ, расшатавшихся отъ продолжительной гребки. Паруса на этотъ разъ оставались сложенными, во первыхъ, потому, что не было вѣтра, во вторыхъ, при плаваніи противъ теченія они только бы мѣшали.

Наконецъ челны были готовы. Каждый отрядъ человѣкъ въ пятьдесятъ, чинно, въ строгомъ порядкѣ подошелъ къ своей лодкѣ и занялъ привычныя мѣста. Гребцы подняли весла, ожидая приказанія атамана. На атаманской чайкѣ развѣвался красный флагъ съ бѣлымъ крестомъ, а корма и носъ были украшены дорогою парчею, перемѣшанною съ аксамитомъ; во всемъ остальномъ она ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ лодокъ и въ ней, такъ же какъ и въ другихъ,—не было палубы.

Солнце стояло довольно высоко на небѣ, когда всѣ размѣстились по лодкамъ и атаманъ далъ условный знакъ, махнувъ три раза рукою. По первому мановенію лодки отчалили, по второму опустились весла, а по третьему весь летучій флотъ стройными рядами выплылъ въ рѣку.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ БЕКЛЕШОВЪ

(1743—1808)

малороссійскій военный генералъ-губернаторъ, кіевскій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ [1]).

I.

Фамилія Беклешовыхъ принадлежитъ къ одному изъ древнихъ русскихъ родовъ [2]). Сынъ капитанъ-лейтенанта, Александръ Андреевичъ Беклешовъ (род. 1 марта 1743 г.), воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ (съ 1756 г., откуда

[1]) *Примѣчаніе.* Въ прошломъ году покойный издатель „Кіевской Старины" передалъ намъ на разсмотрѣніе малороссійское стихотвореніе, полученное имъ изъ черниговской губерніи, подъ заглавіемъ „Вояжъ по Малой Россіи господина генералъ отъ инфантеріи Беклешова" (копія съ рук. конца XVIII или начала XIX в.) и просилъ сдѣлать къ нему примѣчанія. Впослѣдствіи, узнавъ, что изъ этихъ замѣтокъ могла бы выдти болѣе полная статья, въ видѣ біографическаго очерка, онъ просилъ насъ не оставлять намѣренія составить такой очеркъ, хотя бы, по своему содержанію, онъ и вышелъ за предѣлы чисто мѣстнаго интереса. Кромѣ означеннаго „Вояжа", покойный достоуважаемый А. С. Лашкевичъ передалъ намъ „Разговоръ", по содержанію относящійся къ тому же предмету, и имѣлъ въ виду сообщить переписку Беклешова за время службы его на югѣ Россіи, но не успѣлъ выполнить своего желанія. Поэтому мы рѣшились напечатать предлагаемый очеркъ по тѣмъ матеріаламъ, какіе находились въ нашемъ распоряженіи, полагая, что наша статья можетъ вызвать въ свою очередь изданіе другихъ документовъ на страницахъ „Кіевской Старины". Прибавимъ только, что Беклешовъ, по своему строго выдержанному характеру и личнымъ качествамъ, какъ государственный дѣятель заслуживаетъ болѣе полной біографіи.

Уже по окончаніи настоящей статьи намъ удалось познакомиться съ письмами Беклешова къ М. П. Миклашевскому (числомъ 12), за сообщеніе которыхъ приносимъ благодарность А. М. Лазаревскому.

[2]) Русская родосл. книга, изд. „Русск. Стариною", II, 19—20.

вышли въ разное время гр. П. А. Румянцовъ, Н. А. Бекетовъ, Мельгуновъ, И. И. Мелисино, кн. А. А. Вяземскій (ген.-прокуроръ), А. В. Храповицкій (авторъ записокъ), писатели—Сумароковъ, Херасковъ, Озеровъ [1]) и мн. др., заявившіе себя на разнообразныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. А. А. Беклешовъ воспитывался въ корпусѣ одновременно съ С. А. Порошинымъ, записки котораго свидѣтельствуютъ о прекрасномъ знаніи языковъ и любви къ наукамъ преимущественно литературѣ, математикѣ и исторіи, пріобрѣтенныхъ ими въ этомъ разсадникѣ просвѣщенія [2]). Въ то время при корпусѣ была своя типографія, издавался журналъ, существовало общество любителей русской словесности (изъ воспитанниковъ), положено было основаніе, русскому театру [3]). Порошинъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ старшимъ братомъ Беклешова—Арс. Андр. и въ большихъ похвалахъ отзывается о его умѣ и нравственныхъ качествахъ [4]). Всѣ они были оставлены на службѣ при корпусѣ, а Порошинъ затѣмъ назначенъ наставникомъ къ вел. кн. Павлу Петровичу [5]).

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ (1769)

---

[1]) Краткая исторія перваго кад. корпуса, А. Висковатова, стр. 69; Сборн. свѣд. о военно-учебн. заведен. въ Россіи, сост. Н. Мельницкимъ, I, 33.

[2]) Братья его: Н. А. Беклешовъ состоялъ псков. губерн. и сенаторомъ († 1821), Ал. А. Беклешовъ—ген.-маіоромъ († 1823), С. А. Б—шовъ — ген.-лейт. былъ кронштадтскимъ комендантомъ, членомъ дирекціи почтъ, а потомъ архангельскимъ губерн., никол. воен. губ. и управл. гражд. частью въ екатериносл. губ., таврич. воен. губернаторомъ (Біогр. Безбородка, II, 444—445; Русск. Арх. 1887, I, 162—163).

[3]) Екатерина II назвала шляхетный корпусъ „разсадникомъ великихъ людей Россіи“ (Висковатовъ, 49).

[4]) Буличъ, Сумароковъ и современ. ему критика, Каз. 1854, стр. 13—14, 32; Сборникъ свѣдѣній, I, 31—33.

Въ шляхетномъ корпусѣ преподавались, кромѣ русскаго языка, исторіи, географіи, математики, военныхъ наукъ и новыхъ языковъ, юриспруденція, философія, латинскій языкъ. Политическимъ наукамъ Беклешовъ учился у Греча, дѣда писателя, магистра философіи лейпциг. университета и автора книги: „Политическая географія“ (Спб. 1758) и у его преемника—магистра философіи Христ. Безака, передъ тѣмъ состоявшаго доцентомъ въ томъ же университетѣ (см. Сборникъ свѣдѣній, I, 22, 70—73; Записки Греча, Русск. Арх. 1873, I, 232—33; 243—245. Въ отдѣльномъ изданіи Записокъ стр. 10, 69—76, 163).

[5]) Беклешовъ называется въ числѣ членовъ правленія шляхетнаго корпуса (П. Собр. Зак., т. XVII, стр. 803).

всѣ они получили назначеніе въ арміи, при чемъ Ал. Ан. Беклешовъ переименованъ былъ изъ капитановъ въ поручики лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и участвовалъ въ морскомъ походѣ гр. А. Г. Орлова [1]. Братъ же его былъ убитъ (29 авг. 1769) при Хотинѣ и по этому поводу поэтъ В. И. Майковъ написалъ къ А. А. Беклешову посланіе въ стихахъ [2]. Въ 1773 г. послѣдній былъ переведенъ въ армію полковникомъ, а дослужившись чина генералъ-маіора (1779), назначенъ командиромъ Шлиссельбургскаго полка [3]. Беклешовъ, говоритъ о немъ одинъ изъ сослуживцевъ,—умный и образованный человѣкъ, въ немъ много природнаго остроумія, онъ хорошо знаетъ большой свѣтъ, образованъ и бѣгло говоритъ на многихъ иностранныхъ языкахъ, пріятный въ обществѣ, но гордъ и рѣзокъ со своими подчиненными [4].

„Беклешовъ, замѣчаетъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій, не прославился никакимъ особымъ подвигомъ на военномъ поприщѣ, но сдѣлалъ имя свое извѣстнымъ на гражданскомъ“ [5]. Съ назначеніемъ Беклешова въ 1783 г. губернаторомъ въ Ригу начинается его административная дѣятельность [6].

Назначеніе его на этотъ важный постъ совпало со введеніемъ въ Прибалтійскомъ краѣ учрежденій о губерніяхъ 1775 г. (съ 3 іюля 1783 г.), городоваго положенія и дворянской грамоты 1785 г. Примѣненіе общихъ учрежденій въ краѣ вызвало неудовольствіе и противодѣйствіе правительственнымъ распоряженіямъ, но Екатерина II все таки настояла на исполненіи своихъ требованій и они были введены въ дѣйствіе [7]. По по-

[1]) Въ 1770 г. онъ былъ въ походахъ на военныхъ корабляхъ въ Архипелагѣ, въ 1771 г. въ десантѣ на островѣ Негропонтѣ и Митиленѣ, а также въ сраженіяхъ при взятіи Форштата и сожженіи строившихся турецкихъ кораблей.

[2]) Сочиненія и переводы В. И. Майкова, стр. 56.

[3]) Словарь достопам. людей Русской земли 1847, I, 169—171.

[4]) Записки Густава фонъ-Штрандмана (Русск. Стар. 1884, т. XLIII, 77).

[5]) Словарь, стр. 171.

[6]) По словамъ Вигеля, Екатерина II руководилась въ этомъ назначеніи между прочимъ знаніемъ его нѣмецкаго языка (Воспоминанія, I, 123).

[7]) Подробности объ этомъ см. въ ст. Ив. А. Тихомирова: „Екатерининскія реформы въ Прибалтійскомъ краѣ“ (Вѣст. Евр. 1877, № 12, стр. 625—647; Прибалт. Сборн. I, 344—374: Записки Нейендаля; Архивъ Госуд. Совѣта, I, 391—398).

воду введенія новыхъ учрежденій въ Прибалтійскомъ краѣ Беклешовъ былъ вызванъ въ Петербургъ и участвовалъ въ засѣданіи Сената, въ которомъ выработанъ былъ обширный актъ о порядкѣ примѣненія ихъ въ этомъ краѣ [1]). Точно также къ царств. Екатерины II относится цѣлый рядъ распоряженій (см. П. Собр. Зак., гг. 1769, 1785, 1788, 1789) объ изученіи русскаго языка юношествомъ и чиновниками Остзейскаго края. Когда же были посланы туда для ревизіи гр. А. Р. Воронцовъ и кн. Долгоруковъ (въ 1784 г.) то въ наказѣ имъ было замѣчено, „чтобы въ тамошнихъ училищахъ преподаваемъ былъ россійскій языкъ, какъ необходимо нужный" и „безъ котораго употребленіе въ должности весьма неудобно". Сумма, поднесенная императрицѣ (7000 р.), въ видѣ подарка отъ жителей, по случаю бракосочетанія вел. кн. Павла Петровича, передана была ею въ приказъ обществен. призрѣнія „для заведенія въ тамошнихъ школахъ ученія русскаго языка", а при учрежденіи народныхъ школъ (въ Ригѣ, Валкѣ, Ревелѣ) постоянно напоминалось о преподаваніи въ нихъ и русскаго языка. Послѣ означенной ревизіи Екатерина потребовала, чтобы въ верхнихъ и нижнихъ расправахъ между сельскими засѣдателями находились не одни чиновные люди, *но и изъ поселянъ,* по указанному порядку, и чтобы въ нижнихъ земскихъ судахъ, гдѣ имѣются деревни казеннаго вѣдомства, были выбраны сельскіе засѣдатели [2]). И современники, такъ оплакивавшіе старые порядки, сознавали, что при жизни императрицы „никакая оппозиція старыхъ пергаментовъ немыслима" (Нейендаль). Учрежденія Екатерины, какъ извѣстно, были отмѣнены въ краѣ вскорѣ по вступленіи на престолъ ея преемника (1796 [3]).

Беклешовъ пробылъ въ Ригѣ продолжительное время (1783—1790), когда намѣстникомъ края состоялъ извѣстный гр. Ю. Ю.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXII, стр. 924, № 16584, указъ 12 окт. 1787 г.

[2]) Прибалтійскій Сборникъ, I, 331—345; Остзейское дворянство и дворян. жалов. грамота, А. А. Чумикова, по статьямъ Бинемана въ Balt. Monatschrift (Рус. Стар. 1885, т. XLVI, 193—204). Екатерина обратила вниманіе и на приготовленіе пасторовъ изъ русскихъ подданныхъ, вмѣсто иноземныхъ (Русск. Старина XXIII, 717).

[3]) Кромѣ губерн. правленій и казенныхъ палатъ.

Броунъ (1762—1792). „Тогдашній лифл. ген. губ. Броунъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ императрицы, могъ бы отвратить отъ насъ намѣстничества, но этотъ старый солдатъ слѣпое повиновеніе считалъ вообще высшимъ нравственнымъ качествомъ всякаго и первымъ качествомъ въ подчиненномъ“, говоритъ Нейендаль [1]). Понятно, что Броунъ нашелъ въ Беклешовѣ весьма дѣятельнаго помощника, который въ подробностяхъ изучилъ порядокъ новыхъ учрежденій. При всемъ томъ онъ съумѣлъ заслужить любовь мѣстнаго населенія, что́ не особенно нравилось всесильному тогда ген.-прокурору Вяземскому. Вообще, по отзыву лицъ, близко знавшихъ Беклешова, это былъ человѣкъ съ большими талантами и вполнѣ пригодный для выполненія возложенной на него задачи. Уже тогда (1784) признавали, что изъ него выйдетъ одинъ изъ лучшихъ намѣстниковъ [2]). Такъ судили о Беклешовѣ въ Петербургѣ. Но почти также судили о немъ и нѣмцы, явно нерасположенные къ тѣмъ нововведеніямъ, которыя онъ же проводилъ; а это, конечно, объясняется лишь личными качествами Беклешова. „Губернаторомъ сюда прислали человѣка, который обладалъ качествами, необходимыми для такой должности, говоритъ Нейендаль. Высокомѣрный, дѣятельный, несвѣдущій по судебной части, но обладающій большими умственными способностями, съ желаніемъ реформъ началъ онъ свое дѣло. Но окончилъ лучше, чѣмъ началъ. При прощаніи онъ признался, что въ Лифляндіи многому научился, что намѣстническое управленіе здѣсь не нужно... Сердце его не было испорченнымъ, но горячность часто увлекала его“ [3]).

При выборѣ городскаго головы Беклешовъ рекомендовалъ своего кандидата, но выборъ палъ на другое лицо, къ которому онъ былъ нерасположенъ. Впрочемъ это не измѣнило отношеній Бе-

---

[1]) Прибалт. Сборн., I, 362.

[2]) Письмо гр. А. Р. Воронцова къ брату С. Р. В—ву (Воронц. Архивъ XXXI, 459). Воронцовъ судилъ о немъ на основаніи ревизіи, произведенной въ рижской и ревельской губ. Послѣ этого онъ оказывалъ Беклешову постоянное вниманіе (ib. XIV, 443).

[3]) Прибалт. Сборн. I, 364—365; IV, 396. Извѣстный лифл. дѣятель Іохманъ, напротивъ, высказалъ мнѣніе что намѣстничества потому не удались въ Лифляндіи, что превосходили пониманіе современныхъ лифляндцевъ (ib. IV, 39[illegible]).

клешова. Онъ много содѣйствовалъ умиротворенію между городомъ и благотворительными учрежденіями, имѣвшими денежныя претензіи къ городскому управленію. Онъ отличался, по замѣчанію современника, заботою о точномъ исполненіи всѣхъ приказаній. Никогда дѣла не рѣшались столь быстро, какъ въ то время. Но особенное вниманіе Беклешовъ обращалъ на школы и заботился объ ихъ распространеніи. Споръ между губернскимъ магистратомъ и шестигласною думою относительно права на назначеніе учителей при соборной школѣ, подалъ Беклешову желанный поводъ взять въ свои руки и надзоръ надъ городскими школами. Въ нѣмецкихъ школахъ введена была система Янковича-де-Миріево и преподаваніе русскаго языка. Вообще, не сочувствуя самымъ порядкамъ, введеннымъ въ краѣ, мѣстный патріотъ постоянно говоритъ о честности, возвышенномъ умѣ и доброй волѣ Беклешова, которыхъ послѣдній не могъ передать своимъ преемникамъ [1]). Онъ не жалуется на то, что Беклешовъ заботился о пополненіи мѣстнаго гражданства русскимъ элементомъ, но прибавляетъ, что Беклешовъ прекрасно понималъ, что для того, чтобы сдѣлать свой народъ похожимъ на насъ (т. е. нѣмцевъ), онъ долженъ былъ начать съ школьнаго обученія, до того времени пренебрегаемаго [2]).

Понятно, что среди борьбы стараго и новаго порядка, старыхъ и новыхъ мнѣній о существующихъ мѣстныхъ отношеніяхъ, введеніе новыхъ условій жизни не могло пройти спокойно. Это отразилось и на приведенныхъ выше взглядахъ на новые

---

[1]) Записки Нейендаля (Прибалт. Сборн., I, 368—372; IV, 410—412).

[2]) Ibid. т. IV, стр. 411, 414. Управленіе Беклешова въ этомъ краѣ вызвало потомъ такой отзывъ: „Его дѣятельность, какъ администратора русскихъ окраинъ, могла бы и въ наше время послужить примѣромъ управленія этими областями“ (замѣч. Ю. Ѳ. Самарина къ Записк. Шишкова, Берл. 1870, I, 81). Рѣзкія замѣчанія Екатерины II о дѣйствіяхъ рижскаго магистрата относительно русскихъ см. въ „Бесѣдѣ Екатерины II съ Далемъ“ (риж. таможен. инспекторъ), записанной имъ же (Рус. Стар., т. XVII, стр. 1—20): „Ни одну націю, какая бы она ни была, не отстраняютъ отъ полученія права гражданства; каждый воленъ пріобрѣсть его; одна русская нація (въ Лифляндіи) исключается. Я не могу довольно надивиться этому“ и т. д. Тутъ императрица даже руки подняла, прибавляетъ Даль. Какъ извѣстно, по поводу заявленій лифляндскихъ депутатовъ въ коммиссіи Уложенія, Екатерина отозвалась: „Я не лифляндская императрица, а всероссійская“ (Сборн. Рус. ист. общ., X, 273).

порядки, и въ современной публицистикѣ, которая могла проявляться только въ иностранной нѣмецкой печати. Уже въ цар. Павла I рижская цензура разсматривала книгу („рижское сочиненіе"), посвященную „описанію Прибалтійскихъ провинцій", въ которой она отмѣтила слѣдующія сомнительныя и „неблагопристойныя" мѣста, а именно: хулу на бывшаго градскаго голову; поношеніе таможеннаго совѣтника Даля; замѣчаніе якобы генералъ Беклешовъ не имѣетъ основательнаго познанія въ наукахъ; членъ коммиссіи училищъ Янковичъ названъ іезуитомъ; введеніе покойною императрицею учрежденій въ Лифляндіи называется „метаморфозою"; гдѣ токмо россіянъ касается, вездѣ говоритъ съ униженіемъ; русскаго адвоката называетъ стряпчикомъ; унижаетъ россійское купечество, раздѣляемое по капиталамъ, и даетъ преимущество рижскому, яко бы ученому; о стѣсненной россійской торговлѣ [1]). Книга эта, въ числѣ многихъ другихъ, была признана Совѣтомъ къ выпуску „неудобною" [2]).

Такимъ образомъ уже въ то время реформа въ Прибалтійскомъ краѣ возбуждала оживленные толки и даже полемику. При этомъ необходимо замѣтить, что Екатерина II особенно неблаговолила къ образу дѣйствій лифляндцевъ. „Вообще очень предосудительна эта страсть лифляндцевъ къ тяжбамъ, говорила она Далю... Ихъ запутанныя дѣла затрудняютъ даже мѣстные суды, они пользуются дружбою и родствомъ съ ними судей и вредятъ себѣ болѣе всего при подкупѣ ихъ. Мнѣ извѣстны многія ихъ продѣлки по здѣшнимъ коллегіямъ, и онѣ весьма мнѣ не нравятся". Лифляндію она называла „сутяжническимъ краемъ".

„Въ этомъ отношеніи, прибавила она, Эстляндія имѣетъ надъ нею не малое преимущество: *тамъ нравы и образъ мыслей лучше лифляндскихъ*" [3]).

---

[1]) Цензура въ Россіи при импер. Павлѣ, сообщено по документамъ Г. Рѣпинскій (Рус. Старина, т. XIV, 463—164).

[2]) Очевидно здѣсь идетъ рѣчь о книгѣ: „Einige Bemerkungen über M. Karl Philipp Michael Seels Beschreibung der russischen Provinzen an der Ostsee, als ein Beilage oder ein Anhang dazu". Göttingen, 1798 (Архивъ Госуд. Совѣта, т. II, стр. 484). Въ этомъ, недавно вышедшемъ, томѣ (Спб. 1888), посвященномъ цар. Павла I, на стран. 426—514 помѣщены реестры книгъ, разсмотрѣнные Совѣтомъ въ цар. Павла, съ отмѣтками рѣшеній относительно послѣднихъ.

[3]) Рус. Старина, XVII, 17—18.

При всѣхъ подобныхъ трудностяхъ въ дѣлѣ управленія, Беклешовъ, какъ мы видѣли, заслужилъ однако симпатіи болѣе прочныя, чѣмъ тѣ, которыя основываются на однихъ личныхъ отношеніяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ отзывы людей, близко знавшихъ тотъ край и интересовавшихся его судьбою. Такъ, одинъ изъ дѣятельныхъ администраторовъ времени Екатерины II, Я. Е. Сиверсъ, признавалъ отозваніе Беклешова несвоевременнымъ, такъ какъ онъ близко изучилъ положеніе края, и при этомъ сообщаетъ о торжественныхъ проводахъ, устроенныхъ ему [1]). Беклешовъ еще въ должности лифляндскаго губернатора, пріобрѣлъ себѣ репутацію честнаго человѣка, которая осталась за нимъ и на другихъ мѣстахъ, замѣчаетъ баронъ Гейкингъ [2]).

II.

Съ производствомъ въ генералъ-поручики (1789), Беклешовъ былъ назначенъ намѣстникомъ (генералъ-губернаторомъ) орловскаго и курскаго намѣстничествъ (1790 [3]), гдѣ онъ и оставался до вступленія на престолъ имп. Павла I (1796). Съ именемъ Беклешова въ этой должности соединяется утвержденіе штатовъ для малыхъ народныхъ училищъ въ орловскомъ намѣстничествѣ [4]). До насъ же дошло (мнимое) „прошеніе карачевскихъ экономическихъ крестьянъ орловскаго намѣстничества ген.-губ. Беклешову [5])“, касающееся одного изъ жгучихъ тогда вопросовъ—питейнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ рисующее предъ нами какъ

---

[1]) Des Grafen Sievers Denkwürdigkeiten, v. K. Blum, II, 527—528.

[2]) Записки его (Рус. Стар. 1887, LVI, 808).

Исторія этихъ отношеній съ нѣмецкой точки зрѣнія изложена въ книгѣ Фр. Бинемана: Die Staatthalterschaftszeit in Liv-und Estland, 1783 — 1796, Leipz. 1886 (о Беклешовѣ сс. 248, 267, 304, 344—348.

[3]) Сначала онъ предназначался было губернаторомъ въ Москву, такъ какъ Екатерина обратила тогда вниманіе на мартинистовъ, но это предположеніе почему-то не состоялось (Рус. Арх. 1872, I, 534).

[4]) Матеріалы для исторіи и статистики орлов. губ., собр. А. Пупаревымъ, I, 1877. Ор., с. 118.

[5]) Оно озаглавлено: „Карачевской округи села Бутыры отъ экономич. крестьянина Ив. Говорухина всепокорнѣйшее прошеніе“. Село Бутры—въ 31 верстѣ отъ г. Карачева орл. губ.

мѣстную администрацію, такъ и самого Беклешова. „Оглянись, государь А. А. на наши горькія слезы, пишутъ ему крестьяне, защити отъ воровъ повѣренныхъ и цѣловальниковъ, какъ они насъ разоряютъ, вѣдь намъ г—рь не вмочь стало; просить некого, кромѣ тебя, нигдѣ суда не сыщешь, всѣ у нихъ на жалованьи... Наставили, г—рь, выставокъ (для продажи вина) въ нашихъ селахъ и деревняхъ экономическихъ, да и споили ребятъ, что доимки и податей платить некому, такъ что и бабы спились, все хозяйство пропили; а воры тому и рады, все берутъ въ закладъ, и вино держутъ доброе, да продаютъ его по 60 алтынъ за ведро, такъ нехотя пьешь". Представивъ картину пьянства въ народѣ и взяточничества судей и чиновниковъ, авторъ письма замѣчаетъ: „*Какъ ѣздилъ ты, государь, по городамъ*, такъ мы хотѣли тя просить, чтобъ ты ворамъ то велѣлъ согнать отъ насъ выставки, такъ насъ въ то время исправникъ, подхватя въ беремя, да и посадилъ подъ караулъ, пока ты проѣхалъ, для того вѣдь онъ отъ нихъ, воровъ, получаетъ по 300 р. въ годъ, да вина и водки что выпьетъ! .... Даромъ, что иные кажутся набожные судьи, да псалтирь съ акаѳистами читаютъ, а правды въ нихъ нѣтъ ни на алтынъ, а за воровъ—откупщиковъ такъ рады и на крестъ пойти. Небось, г—рь А. А., въ господскихъ то деревняхъ воры-то съ выставками не суются, тѣ (господа) и сами къ тебѣ дорогу найдутъ, да что? полно, сами шинкуютъ: у насъ въ округѣ такъ въ пятеромъ вмѣстѣ господа-тѣ продаютъ"... Въ заключеніе, въ письмѣ находимъ слѣдующее заявленіе, имѣющее прямое отношеніе къ Б—ву: „Ужъ не любятъ тебя, г—рь, они воры, и бранятъ чортъ знаетъ какъ! У насъ давно повѣренный проговорился: „что во чтобы-де ни станетъ, а твою милость хотятъ съ мѣста сжить: наши-де хозяева и съ большими боярами знакомы! то чтобъ они, воры, не подъискались и подъ тобой. *Ужъ спасибо, что ты на нихъ добрая коса.* За симъ кланяюсь, продли тебѣ Господи живота и вѣку" [1]).

---

[1]) Рус. Стар. 1875, XII, 402—405; варіантъ въ Рус. Арх. 1871, с. 1527—1532. Въ прошеніи говорится о злоупотребленіяхъ по продажѣ вина въ имѣніяхъ Теплова, Зиновьева, Панина и др. „Графъ такъ опузатѣлъ отъ вина, что ему любо" замѣчаетъ авторъ прошенія объ одномъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ.

Беклешовъ имѣлъ постоянное пребываніе въ Курскѣ и былъ настоящимъ его основателемъ, обстроивъ его, украсивъ и введя въ немъ лучшія условія общежитія. Курская губ., уѣзды которой, примыкающіе къ Малороссіи, были издавна наполнены бѣглыми людьми и преступниками, при немъ только перестала быть разбойничьимъ вертепомъ [1]). Въ той же губерніи Беклешовъ заявилъ себя преслѣдователемъ „позорнаго поведенія, продерзостныхъ и насильственныхъ поступковъ“ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, каковы Позняковъ и братья Алисовы, имѣнія которыхъ были взяты, по его распоряженію, въ опеку. Дѣло о нихъ восходило на разсмотрѣніе Совѣта (1792), который и одобрилъ мѣры, принятыя Беклешовымъ относительно послѣднихъ [2]). Не менѣе строго относился онъ и къ злоупотребленіямъ мѣстныхъ чиновниковъ [3]).

Впрочемъ не видно, чтобы Беклешовъ пользовался въ это время особеннымъ личнымъ расположеніемъ Екатерины [4]), быть можетъ подъ вліяніемъ ген.-прокурора кн. А. А. Вяземскаго († 1793), не благоволившаго къ нему. Между тѣмъ, по отзыву А. А. Безбородка, Беклешовъ былъ бы „всѣхъ лучше“ даже на такой отвѣтственной должности, какова генералъ-кригсъ-коммисара, при тогдашнихъ (1792) военныхъ затрудненіяхъ [5]). Въ сент. 1795 г. Д. П. Трощинскій писалъ гр. А. Р. Воронцову: „Приношу благодареніе в. с—ву за участіе, которое изволите принимать по случаю деревень мнѣ пожалованныхъ. Что касается до А. А. Беклешова, онъ вмѣстѣ съ Коновницынымъ былъ помѣщенъ отъ генералъ-прокурора (А. Н. Самойлова) и на меня почти было разсердились, что я горячо принимался доказывать отличность служенія его и способностей. По всему примѣтилъ я, *что онъ оболганъ* со временъ Державинскихъ, ибо упомянуто было тутъ то соляное дѣло, противъ котораго Державинъ изъ меморій сенаторскихъ претестовалъ и по коему тогда именной

---

[1]) Вигель, ч. I, с. 123—124; ср. Рус. Арх. 1871, 1528.

[2]) Арх. Госуд. Совѣта, т. I, ч. II, 389.

[3]) Записки И. О. Острожскаго-Лохвицкаго („Кіевская Старина“ 1886, XVI, 344—350).

[4]) Храповицкій, 390.

[5]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 252.

указъ послѣдовалъ. Сколько ни старался я оправдать его, но ничто не помогло и имя его велѣно пропустить мимо“ [1]).

И въ 1796 г. онъ былъ принятъ императрицею не особенно милостиво [2]). Нѣкоторое отдаленіе Беклешова отъ двора въ концѣ цар. Екатерины II было уже достаточнымъ основаніемъ, чтобы заслужить благоволеніе ея преемника. Такъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ Павла I, онъ былъ назначенъ (въ чинѣ ген. лейт.) черниг. воен. губернаторомъ (2 дек.) и управлять малороссійскою губ. [3]); черезъ два дня (4 дек. 1796 г.)—воен. губ. Каменца и начальникомъ к.-подольской, волынской и минской губ., съ жалованьемъ высшаго оклада [4]), а по случаю коронаціи императора пожалованъ имѣніемъ въ 1000 д. крестьянъ, въ курской губ. (5 апр. 1797 г. [5]); вскорѣ затѣмъ—чиномъ генералъ-отъ инфантеріи (10 апр. 1797 г. [6]); но уже 14 марта 1798 состоялся указъ о переименованіи его въ дѣйств. тайн. сов. и назначеніи сенаторомъ [7]). Къ сожалѣнію наши мѣстные архивы еще мало разработаны, а потому и свѣдѣнія, касающіяся исторіи мѣстной администраціи не могутъ быть пока обстоятельны и полны. Нельзя не пожалѣть также, что въ то время, какъ во многихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи возникли уже архивныя коммиссіи, успѣвшія сосредоточить въ своемъ вѣдѣніи значительныя коллекціи документовъ, извлеченныхъ изъ губернскихъ и частныхъ архивовъ, или приступить къ описанію ихъ и даже печатанію нѣкоторыхъ матеріаловъ, губернскіе архивы юго-западнаго края остаются

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XII, 385.

Дѣло о соли разсматривалось въ Совѣтѣ въ апр. 1792 г., который склонялся къ мнѣнію Беклешова о предоставленіи поставщикамъ нѣкоторыхъ льготъ, въ виду происшедшихъ въ началѣ контракта несчастныхъ обстоятельствъ и возвышенія провозной платы (Архивъ Госуд. Сов., т. I, ч. II, стр. 337—338).

[2]) Храповицкій, 392. Впрочемъ въ томъ же году онъ получилъ уже орденъ Александра Нев. (Бантышъ-Каменскій, I, стр. 171; Біографіи ген. прокур., П. Иванова, стр. 70).

[3]) Сенатскій Архивъ, Спб. 1888, стр. 20.

[4]) Ibidem 21, 96, 342, 475; ср. Губернскій служебникъ, кн. Н. Туркестанова, Спб. 1869, стр. 122; Полн. Соб. Зак., XXV, 22.

[5]) Сенат. Архивъ, стр. 156, 271.

[6]) Ивановъ, стр. 70.

[7]) Сенат. Арх., стр. 364; а затѣмъ зачисленъ былъ и въ свиту императора (540).

совсѣмъ нетронутыми, если не считать нѣкоторой части документовъ изъ разныхъ архивовъ, переданныхъ въ Кiев. центр. архивъ, разборъ которыхъ, при наличныхъ силахъ послѣдняго, не можетъ вестись правильно и систематически. И въ то время какъ документы генералъ-губернаторскихъ архивовъ: московскаго (въ Рус. Архивѣ), виленскаго (описаніе Энгеля, впрочемъ неоконченное) и даже оренбургскаго (Сборн. Археол. Института, т. V) подвергались извлеченіямъ и описанію, архивъ кіевскаго генералъ-губернаторства остается почти неприкосновеннымъ; а между тѣмъ сколько весьма важныхъ матеріаловъ должно храниться въ немъ!

Но возвратимся къ нашему предмету. По поводу назначенія Беклешова въ К.-Подольскъ, придворный врачъ Рожерсонъ писалъ гр. С. Р. Воронцову: „Мы счастливы по причинѣ назначенія Беклешова на мѣсто Тутолмина, который былъ ненавидимъ до такой степени, что нѣкоторые опасались какого нибудь взрыва противъ него, такъ какъ онъ былъ надмененъ и допускалъ взяточничество свыше всякой мѣры“ [1]). Князь Ад. Чарторижскій характеризуетъ Беклешова за время управленія имъ южными губерніями въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Это былъ человѣкъ старо-русской партіи, съ виду грубый, который не зналъ французскаго яз. или съ трудомъ понималъ его (что́ не вполнѣ вѣрно, судя по перепискѣ Беклешова), но который, подъ весьма грубою внѣшностію, хранилъ правдивое сердце, твердое и сострадательное къ бѣдствіямъ другихъ. Его репутація, какъ благороднаго человѣка, была прочно установившеюся. Онъ съумѣлъ сохранить эти качества даже во время своего управленія южными губерніями. Тамъ онъ показалъ себя справедливымъ въ отношеніи къ управляемымъ и строгимъ въ отношеніи къ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова. т. XXX, стр. 83. Сиверсъ въ 1790 г. радовался слуху о назначеніи Беклешова архангельскимъ намѣстникомъ вмѣсто Тутолмина (Beum, II, 527).

Конечно отзывъ о дѣятельности Тутолмина слѣдуетъ принимать съ большимъ ограниченіемъ (см. сборникъ: „Матеріалы для истор. Подольской губ.“ 1792—96 г., В. I., Кам. Под. 1885, изъ Под. Губ. Вѣд.). Къ сожалѣнію болѣе важные документы изъ личнаго архива Тутолмина еще не напечатаны.

подчиненнымъ. Онъ противодѣйствовалъ, насколько могъ, воровству, злоупотребленіямъ, обманамъ. Онъ не могъ терпѣть, чтобы его повѣренные злоупотребляли правосудіемъ ради своего прибытка. Онъ вышелъ чистымъ и незапятнаннымъ изъ этого испытанія, окруженный признательностью мѣстныхъ жителей. Подобныхъ примѣровъ весьма мало среди высшихъ сановниковъ" [1]). Отзывъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Беклешовъ далеко не былъ потаковникомъ польскихъ стремленій и вкусовъ, хотя съ восшествіемъ на престолъ Павла и возстановлены были нѣкоторыя изъ прежнихъ учрежденій [2]). Во время управленія Беклешова каменецъ-подольскою, волынскою и минскою губ. [3]) состоялись между прочимъ постановленія: о невыселеніи евреевъ изъ г. Каменца-Подольскаго [4]), о назначеніи суммъ съ поіезуитскихъ имѣній на школы и объ употребленіи польскаго языка лишь въ дѣлопроизводствѣ низшихъ судовъ, а въ главныхъ судахъ русскаго и польскаго языковъ совмѣстно [5]).

Въ бытность свою въ Каменцѣ Беклешову пришлось также заняться устройствомъ корпуса принца Конде, принятаго импер.

---

[1]) Mémoires du prince Adam Czartoryski, I, Paris, 1887, p. 225—226.

[2]) Въ одной анонимной „русской запискѣ" объясняется, что вражда къ Тутолмину возбуждалась самими поляками, а обвиненіе его во взяткахъ не подтвердилось. Съ восшествіемъ на престолъ Павла, читаемъ далѣе, „Волынская губ. получила новаго генералъ-губ. Беклешова и новаго губ. Миклашевскаго: сего очень хвалятъ потому, что ничего не дѣлалъ и былъ въ должности только одинъ годъ; но Беклешова не запомнятъ во вѣки, по многимъ знакамъ его къ нимъ дружбы, подобно Ѳ. Ѳ. Эртелю и покойному Шишковскому, имъ оказанной, отъ того не смѣли ни роптать, ни жаловаться, особливо когда на мѣсто Миклашевскаго пріѣхалъ губернаторъ Гревсъ, который на вечеринкахъ у себя заставлялъ ихъ слушать вмѣсто музыки бой двадцати четырехъ барабановъ... Скорая отставка, а потомъ и смерть избавили его отъ ихъ преслѣдованія". („Кіев. Стар." V, с. 123—125). „При немъ, замѣчаетъ о Беклешовѣ Ю. Ѳ. Самаринъ, балтійскіе нѣмцы учились говорить по русски; поляки юго-западныхъ губерній забывали упражняться въ подпольныхъ интригахъ". (Зап. Шишкова, I, стр. 81).

[3]) Сенатскій Архивъ, I, 21; Полн. Собр. Закон., гл. XXV, 22.

[4]) П. Соб. Зак. XXIV, стр. 725: „Оставить на томъ основаніи, какъ они и въ др. городахъ свободное пребываніе имѣютъ".

[5]) Ibid. т. XXIV, 727—733: „дабы всѣ резолюціи и приговоры сочинять и писать на одной сторонѣ попольски, а на другой пороссійски; а переписку главнѣмъ судамъ съ присутств. мѣстами вести на рос. діалектѣ".

Павломъ въ 1797 г. въ русскую службу [1]), а когда возникли частые случаи нарушенія военной дисциплины, то 21 февраля 1798 г. былъ данъ Беклешову слѣд. грозный указъ: „По разнымъ безпорядкамъ, случающимся во французскихъ войскахъ, состоящихъ въ службѣ Его Велич., отъ которыхъ неоднократно и смертоубійства происходили, и въ коихъ по сіе время производились суды по прежнимъ ихъ обрядамъ, но съ сего времени для прекращенія оныхъ безпорядковъ, повелѣваемъ производить суды, сообразуясь съ уставомъ, изданнымъ Е. И. В.; для сего генералу отъ инфантеріи Беклешову и нарядить аудиторіатъ" [2]). Расположеніе императора къ Беклешову не было однако ровнымъ и постояннымъ, какъ и къ другимъ, близкимъ къ нему людямъ. Уже 12 апр. 1797 г. Павелъ I писалъ послѣднему:

„Господинъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ. Узнавъ черезъ присланный отъ васъ рапортъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову, что въ Хотинѣ и Молдавіи оказалась моровая язва, удивляюсь очень, что вы о семъ не меня *перваго извѣстили и поступили противъ предписанія должности на васъ возложенной*. Замѣчая изъ сего *наклонность къ обороту порядка вещей на прежнія постановленія* (т. е. екатерининскихъ временъ), объявляю вамъ, что въ случаѣ вторичнаго впаденія въ подобную погрѣшность, вы смѣнены быть имѣете яко человѣкъ не соотвѣтствующій воли моей и исполненія по повелѣніямъ вамъ даннымъ. Павелъ" [3]).

Впрочемъ добрыя отношенія вскорѣ опять возстановились и, какъ видно, импер. Павелъ цѣнилъ въ Беклешовѣ опытность и знаніе дѣлъ. Такъ, 21 янв. 1798 г. онъ писалъ ему: „Але-

---

[1]) Французское войско на русскомъ содержаніи, подлинныя современныя бумаги (Рус. Арх. 1888, № 7, стр. 283—291).

[2]) П. Собр. Зак., № 18392.

Корпусъ Конде, въ составѣ 3 пѣх. и 3 кавалер. полковъ (7000 чел.), размѣщенъ былъ во Владимірѣ-Волынскомъ, Луцкѣ и Ковелѣ (П. С. Зак., т. XXV, № 18225).

Подробности см. въ статьяхъ Д. Рябинина: Людовикъ XVIII въ Россіи (Рус. Арх. 1877, III, 48—91) и Е. Н. Щепкиной: Армія роялистовъ въ Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 1, стр. 36—79) по мемуарамъ эмигрантовъ, изображающимъ жизнь и положеніе ихъ въ Россіи.

[3]) Русская Старина 1882, XXXIII, 445.

ксандръ Андреевичъ. Кочубей [1]) ко мнѣ пишетъ въ письмѣ, вчера мною полученномъ, какъ будто бы турки, будучи по слабости своей убѣждены французами, подъ видомъ сопротивленія противу Позвантъ-Оглу, собираютъ войско съ тѣмъ, чтобъ соединя его съ войскомъ же Позвантъ-Оглу, французскимъ, идущимъ чрезъ прибрежныя Адріатикѣ земли, и австрійскимъ, заключившими на то союзъ, обратятся на меня, взявъ на претекстъ возстановленіе Польши. Письмо сіе многосложно, содержитъ въ себѣ и противорѣчія, писано при отъѣздѣ отъ мѣста, однимъ словомъ содержа и многія примѣчанія по поводу торговли, таможенъ и пошлинъ, побудило меня къ вамъ прямо отнестись и спросить, такъ ли и вы сіе видите и что вамъ изъ своего пункту кажется и по вашему благоразумію и испытанію. Во всякомъ случаѣ ожидаю отъ васъ увѣдомленія и даже скажу *руководства* дабы по сему мнѣ взять свои мѣры осторожности. Отсель впредь и для неизвѣстности каковъ Тамара [2]), буду съ вами въ перепискѣ приватной между нами двумя“ [3]). Но въ мартѣ 1798 г. Беклешовъ былъ замѣненъ гр. И. В. Гудовичемъ и назначенъ въ Сенатъ [4]), съ переименованіемъ въ дѣйств. тайн. совѣт., а 13 іюня того же года, уже въ званіи ген. отъ инфантеріи, перемѣщенъ ген. губернаторомъ кіевскимъ и малороссійскимъ.

Впрочемъ столь частыя перемѣны не были участью одного Беклешова и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ не служатъ свидѣтельствомъ его личныхъ достоинствъ или недостатковъ. Подобная судьба постигала тогда многихъ, стоявшихъ на верху правленія: награды и опалы, повышенія и удаленія быстро чередовались другъ за другомъ и часто казались необъяснимыми даже для лицъ, близко стоявшихъ къ средѣ, окружавшей императора [5]). Но были и другія

---

[1]) В. П. Кочубей—представитель Россіи въ Константинополѣ (о его дѣятельности въ Біогр. канцлера А. А. Безбородка, Н. И. Григоровича).

[2]) Замѣнившій Кочубея—В. С. Тамара (о немъ тамъ-же, II, 405—406).

[3]) Русскій Архивъ 1870, стр. 287—288.

Нѣсколько распоряженій по управл. подольской губерніею (Сказанія о родѣ дворянъ и гр. Милорадовичей, К. 1884, стр. 52—55).

[4]) Сенатскій Архивъ, 364.

[5]) Обильный матеріалъ представляетъ въ этомъ отношеніи „Сенатскій Архивъ“ за время царств. Павла I, изд. подъ ред. сенат, Рѣпинскаго, Спб., т. I,

затрудненія на служебномъ поприщѣ въ то время. Когда Беклешовъ хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ въ февр. 1798 г., то Д. П. Трощинскій писалъ гр. А. Р. Воронцову: „Ваше сіятельство весьма благое дѣло сдѣлаетс, отсовѣтовавъ А. А. Беклешову сюда пріѣзжать. Я всегда съ жалостію взираю на намѣстниковъ, когда они здѣсь, какъ ихъ трактуютъ, и теперь опытъ сему вижу въ А. А. Волковѣ, который, пробывъ здѣсь около мѣсяца, не удостоенъ болѣе разговоромъ какъ на пріемной и отпускной аудіенціяхъ, и то въ нѣсколькихъ генеральныхъ словахъ. Что же А. А. позволено сюда пріѣхать, о томъ никто не вспомнитъ, и скорѣе пріѣздомъ своимъ можетъ онъ какой либо подвергнуться непріятности, нежели тѣмъ, что здѣсь не будетъ [1])“. По назначеніи же Беклешова кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, тотъ же Трощинскій писалъ гр. Воронцову: „А. А. Беклешовъ здѣсь. Сколько сухо принятъ онъ былъ въ Москвѣ, столько напротивъ хвалится теперь благоволеніемъ, съ какимъ государь его принимаетъ. Все однако жъ онъ въ крайнемъ затрудненіи по поводу назначенія его въ Малороссійскую и Кіевскую губ. генералъ-губернаторомъ: *званіе, кое по нынѣшнему положенію, совсѣмъ разрушено*, и онъ самъ не знаетъ ни точной должности, ни предѣловъ власти онаго. Да и какъ ему въ самомъ дѣлѣ исправлять служеніе, когда полиція не въ его рукахъ и когда онъ будетъ внѣ всякаго сношенія съ Государемъ, ибо онъ только по гражданской части управлять долженъ, а съ сею частію не любятъ никакихъ представленій“ [2]). Уже 24 октября онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ шефомъ кіевскаго гренадерскаго полка и инспекторомъ украинской дивизіи по инфантеріи [3]).

1888. Рядъ болѣе выдающихся перемѣнъ выбранъ изъ I тома въ статьѣ А. Бороздина: „Къ характеристикѣ Павла I“ (Историч. Вѣст. 1888, № 6, с. 641—658).

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XII, 402.

[2]) Ibid. 404. Вѣроятно этими соображеніями объясняются нѣкоторые намеки на задержку Беклешова въ Петербургѣ (ibid. XVIII, 326).

[3]) Ивановъ, 70; ср. Воронц. Архивъ, XV, 141—142.

III.

Въ кратковременное цар. Павла I 9 генералъ-губернаторовъ смѣнилось въ Кiевѣ: пятымъ изъ нихъ былъ А. А. Беклешовъ [1]). При немъ (19 сент. 1798 г.) послѣдовало возобновленiе прежнихъ правъ и привилегiй Кiева, а магистратъ возстановленъ былъ въ прежнемъ составѣ и съ прежними названiями членовъ [2]). Когда же 13 iюля 1798 г. состоялось высоч. повелѣнiе, чтобы впредь церковныхъ парадовъ не было, предоставляя сiе единственно резиденцiи, то кiевляне стали хлопотать чрезъ генералъ-губернатора Беклешова и въ концѣ того же года послѣдовала отмѣна означеннаго запрещенiя. Кiевлянамъ разрѣшалось отправлять издавна введенную 6 янв. и 1 августа церемонiю, т. е. всѣмъ цехамъ при сабляхъ и ружьяхъ съ хоругвями выходить, а почетнымъ гражданамъ въ одинаковомъ одѣянiи на лошадяхъ выѣзжать и на р. Днѣпрѣ при освященiи воды пальбу производить [3]). 23 октября 1798 г. Беклешову пришлось утвердить приговоръ кiевскаго главнаго суда надъ администрацiею г. Сквиры, признанной виновной въ нанесенiи оскорбленiй сквирскому магистрату, который оказывалъ противодѣйствiе захвату спорной земли поссессоромъ старостинскихъ имѣнiй кн. Любомирскаго паномъ Флор. Залѣсскимъ. По означенному рѣшенiю городничiй и исправникъ были отрѣшены отъ должности [4]). Въ февралѣ 1799 г. той же участи подверглись радомысльскiй земскiй исправникъ Беленихинъ и засѣдатель Глинка, за злоупотребленiя и произвольную расправу во время ярмарки, происходившей въ Коростышевѣ; а именно, исправникъ не позволялъ открывать лавокъ евреямъ до 3 ч. дня, хотя, „по всей строгости законовъ", въ праздничный день это воспрещалось только до конца обѣдни, и несмотря на

---

[1]) Закревскiй, Описанiе Кiева, II, стр. 895. Есть неточности, исправляемыя Полн. Собр. Законовъ и Сенатскимъ Архивомъ.

[2]) Кiевское представительство прежняго времени („Кiев. Стар." 1882, II, 180).

[3]) Ibid. 189.

[4]) Во всѣхъ подробностяхъ этотъ любопытный эпизодъ изложенъ въ статьѣ Н. Н. Оглоблина, на основанiи дѣла кiев. главнаго суда уголов. департамента, хран. въ моск. арх. мин. юст. (Бунтъ сквирскаго магистрата, „Кiев. Стар." 1888, № 8, стр. 196—245).

то, что ярмарка продолжалась всего одинъ день; вмѣстѣ съ засѣдателемъ онъ забиралъ у евреевъ вино безплатно, отсылая послѣднихъ за уплатою денегъ къ помѣщику; крестьянъ и евреевъ подвергалъ жестокимъ побоямъ и т. п. [1]).

Внимательно относился Беклешовъ къ нуждамъ Кіева, уважая, съ одной стороны дѣйствовавшія права и привилегіи, а съ другой заботясь, чтобы войска въ немъ расположенныя, не обременяли обывателей города требованіемъ и вымогательствомъ излишняго по своимъ прихотямъ [2]). Съ именемъ Беклешова соединяется возникновеніе фаянсовой фабрики, устроенной въ упраздненномъ Межигорскомъ монастырѣ, на которую, по его распоряженію, была назначена сумма изъ городскихъ доходовъ [3]) и о поддержаніи которой онъ заботился впослѣдствіи (1801 г. [4]). Беклешовъ не любилъ „въ производствѣ дѣлъ излишняго и напраснаго письма, которое, кромѣ отягощенія.... въ пользу ни частную, ни государственную не служитъ“ [5]). Повидимому, онъ умѣлъ входить въ нужды мѣстнаго населенія и потому вездѣ оставлялъ послѣ себя хорошую память. Таковы, между прочимъ, его отношенія къ Г. П. Милорадовичу, А. С. Сулимѣ и др. [6]). Уже въ 1804 г. послѣдній отправлялъ своего сына въ Москву подъ покровительство Беклешова (бывшаго тогда военнымъ губ. столицы), для поступленія въ университетъ [7]).

Вигель, познакомившійся съ Беклешовымъ въ Кіевѣ [8]), сообщаетъ намъ свои впечатлѣнія о немъ и отзывъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, какъ съ начальникомъ края. „Видъ брюзгливый, всегда недовольный, голосъ грубый, сначала рождали въ

---

[1]) Дѣло кіевскаго центр. архива, поступившее изъ архива присутственныхъ мѣстъ.

[2]) Историч. матеріалы. Изъ архива кіевскаго губерн. правленія. Составилъ Ал. Андріевскій. Вып. 10-й. К. 1886, стр. 141.

[3]) Полн. Собр. Законовъ, XXX, № 23551.

[4]) Историч. матер., изд. Андріевскимъ, X, 139—148.

[5]) Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей, 53.

[6]) Ibid. 52—55; „Кіев. Стар.“, т. VIII, 135. Изъ переписки Беклешова съ Миклашевскимъ видно, что онъ намѣревался ходатайствовать объ улучшеніи содержанія генеральнаго малорос. суда по запискѣ Сулимы.

[7]) „Кіев. Старина“, т. IV, 326.

[8]) Отецъ Вигеля, кіевскій комендантъ, учился вмѣстѣ съ Беклешовымъ.

подвластныхъ ему страхъ, говоритъ авторъ воспоминаній; твердость воли *и что-то откровенное въ обхожденіи* вселяли потомъ къ нему довѣренность, наконецъ, благодарность за добро, которое онъ никогда не отказывалъ дѣлать, кому только могъ, обращали все это *въ искреннее къ нему уваженіе.* Въ немъ была и русская хитрость, но онъ не тратилъ ее на мелочи, а употреблялъ для видовъ государственной пользы, не для собственныхъ успѣховъ при дворѣ.... *Какъ въ Ригѣ плѣнялъ онъ нѣмцевъ, заставляя ихъ однако же*, какъ говорится, *плясать по своей дудкѣ, такъ въ Кіевѣ успѣлъ обворожить поляковъ, которые для него рады были все сдѣлать*, мнѣ кажется, даже перемѣнить вѣру", прибавляетъ Вигель [1]).

Это умѣнье обходиться во всякомъ положеніи, нисколько не жертвуя принципами и долгомъ, поддерживаемыми притомъ твердою волею, опредѣленными требованіями, составляло, повидимому, ту отличительную черту дѣятельности Беклешова, которая привлекала къ нему уваженіе людей самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, національностей и состояній.

Во время управленія Беклешовымъ кіевскою и малороссійскою губ., состоялись постановленія объ упраздненіи излишнихъ уніатскихъ монастырей въ ю.-з. краѣ [2]); о порядкѣ заключенія юридическихъ сдѣлокъ по поводу перенесенія (въ 1797 г.) зимней ярмарки (такъ наз. контрактовъ) изъ Дубна въ Кіевъ и о введеніи дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ, какъ опредѣлено было въ подольской и волынской губ. [3]). Съ своей стороны въ 1798 г. Беклешовъ распорядился о передачѣ въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія обширнаго дома уніатскихъ митрополитовъ въ Радомыслѣ для помѣщенія въ немъ народнаго училища [4]).

---

[1]) Воспомин., I, 123—124.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XXVIII, стр. 312—314.

[3]) Полн. Собр. Законовъ, т. XXV, стр. 552—555, № 18850, при чемъ также прибавлено, чтобы сношенія главнаго суда съ присутственными мѣстами велись непремѣнно на „россійскомъ діалектѣ". Подтвержденіе 1807 г. (XXIX, стр. 1026).

[4]) См. отношеніе кіев. казен. палаты въ прик. общ. призр. за № 6999 въ кіев. центр. архивѣ.

Помимо оффиціальныхъ отношеній, Беклешовъ велъ переписку съ своими ближайшими подчиненными. Такъ сохранились письма его къ малорос. почтъ-директору Г. П. Милорадовичу [1]), къ волынскому, а потомъ малорос. губернатору Миклашевскому (1797—800 г.) и др. Почти всѣ письма къ послѣднему писаны имъ собственноручно, довольно пространны и всѣ дѣловаго характера [2]). Вообще, Беклешовъ велъ дѣятельный образъ жизни, любилъ лично обозрѣвать ввѣренный его управленію край и на мѣстѣ убѣдиться въ сообщенныхъ ему свѣдѣніяхъ. Благодаря этому, сохранилась о немъ память въ орловской, курской, бывшей малороссійской и кіевской губ. и на этихъ, безъ сомнѣнія, обозрѣніяхъ, основываются тѣ „непечатныя" литературныя произведенія, касающіяся его личной дѣятельности, о которыхъ намъ приходилось упоминать. Осенью 1798 г. Беклешовъ совершилъ „объѣздъ" по кіевской губ., а весной 1799 г.—по малороссійской [3]). Благодаря этому же обстоятельству сохранились подробныя свѣдѣнія о состояніи г. Полтавы, входившей тогда въ составъ малороссійской губ. [4]).

Обратимся затѣмъ къ вопросу, который имѣетъ связь съ матеріалами, вызвавшими настоящія біографическія замѣтки. Мы разумѣемъ положеніе крестьянъ въ Малороссіи. Какъ извѣстно, 3 мая 1783 г. изданъ былъ указъ, совершенно запрещавшій переходы крестьянъ въ губ. кіевской, черниговской и новгородъ-

---

[1]) Сказанія о родѣ дворянъ и гр. Милорадовичей. К. 1884, 52—55.

[2]) Необходимо замѣтить, что почеркъ Беклешова крайне неразборчивъ. Современники называли его „слѣпымъ", почему письма его вводили иногда въ недоразумѣніе. „Здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) уморили было гр. Ал. Гр. Орлова, по сходству имени съ Соловымъ. *Слѣпой почеркъ* А. А. Беклешова былъ тою причиною", писалъ въ 1805 г. гр. Завадовскій гр. А. Р. Воронцову (Арх. Воронц. XII, 298).

[3]) Письма къ Миклашевскому.

[4]) Полтава 1799 г, на основаніи обширнаго рапорта городничаго кн. Шаховскаго Беклешову (Полтавскій адресъ-календарь на 1887 г., сост. подъ ред. Д. А. Трощинскаго; ср. „Кіев. Стар.", т. XVII, 546—548). Въ правительственныхъ актахъ титулъ Беклешова обозначался различно: „малороссійскій воен. генералъ-губернаторъ, управляющій гражданскою частью малороссійской и кіев. губ. (Полн. Собр. Законовъ, XXV, 552); кіевскій и малороссійскій генералъ-губернаторъ (Сенат. Архивъ I, 409); малороссійскій военный генералъ-губернаторъ и кіевскій военный губернаторъ, (дѣла кіев. центр. архива).

сѣверской, вслѣдствіе чего малороссійскіе крестьяне сдѣлались такими же крѣпостными, какъ и крестьяне въ Великороссіи, и почти одновременно съ этимъ на козацкую старшину были распространены права великороссійскаго дворянства. Понятно, почему вскорѣ затѣмъ замѣчается значительный наплывъ „черкасъ" въ землю войска донскаго, а именно въ 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ годовъ [1]). По вступленіи же на престолъ Павла I, а именно 12 дек. 1796 г., прекращенъ былъ переходъ крестьянъ и въ губ. екатеринославской, вознесенской, кавказской, таврической, а также на Дону и на ос. Тамани [2]). Но, съ восшествіемъ на престолъ имп. Павла, возникаетъ рядъ волненій среди крестьянъ великороссійскихъ губ. (въ 17 губ.), которыя были подавлены болѣе или менѣе строгими репрессивными мѣрами. Между тѣмъ, еще въ день своего коронованія (5 апр. 1797 г.), Павелъ I издалъ манифестъ, которымъ повелѣвалось „всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлю 6 дней, *по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые*, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ, въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, *при добромъ распоряженіи*, достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ" [3]). Указъ этотъ считался преемниками имп. Павла прямымъ запрещеніемъ требовать отъ крестьянъ барщины болѣе трехъ дней въ недѣлю; но современники смотрѣли на него лишь какъ на добрый *совѣтъ* (напр. Радищевъ въ „Описаніи моего владѣнія") и вообще признавали всю трудность исполненія его на дѣлѣ [4]).

---

[1]) Такъ, во время 3-й ревизіи (въ началѣ 60-хъ годовъ), когда черкасы на Дону были положены въ податной окладъ, ихъ оказалось болѣе 20,000 д., а по 5-й ревизіи, въ концѣ того же вѣка, ихъ было 54,000 за частными владѣльцами и 3800 д. за козачьими станицами.

[2]) Вслѣдъ же за этимъ имп. Павелъ запретилъ продавать крестьянъ въ Малороссіи безъ земли (Полн. Собр. Зак. XXV, № 18706).

[3]) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17909.

[4]) Такъ, въ неизданной запискѣ В. Малиновскаго 1802 г. „О освобожденіи рабовъ" находимъ слѣд. признаніе: „Въ самое трепетное царствованіе имп. Павла I.... въ окружностяхъ столицы крестьяне работали на господина не по три дня,

Что же касается собственно Малороссіи, то указъ 5 апр., очевидно и не подозрѣвая того, тѣмъ самымъ повысилъ размѣръ повинностей въ этомъ краѣ, такъ какъ здѣсь въ теченіе XVIII вѣка была въ обычаѣ двухдневная барщина; а изъ нѣкоторыхъ другихъ данныхъ видно, что въ екатеринославской губ. и Малороссіи, гдѣ прежде крестьяне работали лишь два дня въ недѣлю, а иногда и менѣе, послѣ указа 1797 г. помѣщики возвысили размѣръ издѣльной повинности [1]).

Такимъ образомъ есть основаніе полагать, что недовольство крестьянъ въ Малороссіи противъ помѣщиковъ, вызванное указанными выше обстоятельствами, обратило на себя вниманіе Беклешова, а принятое имъ участіе въ этомъ дѣлѣ—послужило мотивомъ для стихотворнаго произведенія, озаглавленнаго „Вояжъ по Малой Россіи господина генерала отъ инфантеріи Беклешова" и почти тождественнаго съ нимъ „Разговора". Для нашей цѣли приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя мѣста перваго изъ нихъ и сдѣлаемъ необходимыя объясненія [2]).

„Да вже бо и воны (т. ė. паны) мудруютъ
Колотатъ мовъ въ кошарѣ вовкъ
Изъ брата нашего длузуютъ
Хиба бъ іого лихій умовкъ.
Такую роблять злу годину,
Що человѣка якъ скотину
Або ще гирше и собакъ
За всяку всячину друнзюютъ,
Мовъ непотребнаго ганьбуютъ,
Ще не було николи такъ"....

„Громада" выражаетъ радость, что Беклешовъ сталъ ихъ „на всѣ чотирѣ лиціовать", „панамъ въ нисъ и бороду совать", что при этомъ досталось „и голимъ поки оскому трохи збивъ, гладкимъ, брюхатымъ, товстоногимъ"; но въ особенности неудовольствіе автора направлено противъ „пана Канѣвскаго: щось нашъ лядащо усѣхъ насъ нехтуе ни на що, хиба жъ не жить на свѣтѣ намъ":

какъ онъ указать изволилъ, а по цѣлой недѣлѣ; мужику съ бояриномъ далеко тягаться".

[1]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой полов. XIX в., В. И. Семевскаго, I, 227—228; 231—233.

[2]) „Вояжъ" будетъ напечатанъ въ ближайшей книжкѣ „Кіев. Стар."— *Ред.*

„Усѣхъ на панщину гоняе
И жинокъ и дѣвокъ поти пре
И всяки витребеньки мае
Поки которе ажъ умре“....

Подъ живымъ впечатлѣніемъ этихъ невзгодъ народъ вспоминаетъ свои подвиги противъ ляховъ, татаръ, разбойниковъ... Достается отъ Беклешова и самому „пану Канѣвскому“ и „комисару тутъ случилось, чого николи и не снилось“... Такъ, Беклешовъ посѣщаетъ Золотоношу, Пирятинъ, Прилуки, гдѣ „на гречку всѣхъ перегонивъ“....

„А до Лубенъ якъ докосивсь.
То вже и Богъ отступивсь;
Було пѣдпанкамъ и панамъ
Було соцькимъ и бургомистрамъ,
Секретарямъ и канцеляристамъ
Втрусивъ на кабаку и лѣкарямъ“.

Въ Кременчугѣ достается отъ него купцамъ и судьямъ. Затѣмъ, онъ посѣщаетъ Полтаву, Хоролъ, Зѣньковъ, Гадячъ, Ромны, Глуховъ, Новгородъ-Сѣверскъ.

„За бѣдный тамъ народъ вступився,
Що на панивъ якъ розсердився,
То трохи зъ крику не пропавъ.
Уже что панъ бувъ грѣхъ сказати
Такого рѣдко и пошукать....
Не добра бъ не взяла насъ мати
Було бъ іого за що згадать“.

Отсюда онъ собирался въ Черниговъ, но „паны“ предупредили кого слѣдуетъ и Беклешова вызвали въ Петербургъ [1]). Но и передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ еще дать внушительное наставленіе:

„И помосковскій загинавъ
То волосъ дибомъ ажъ пиднявся.
. . . .
Не дуже уважавъ *панивъ*,
Забувъ и о святыхъ за крикомъ,
Такимъ злымъ напустився лихомъ,
Що ни сдумать, ни сгадать
. . . .

[1]) Изъ оффиціальныхъ данныхъ видно, что Беклешовъ въ этотъ объѣздъ посѣтилъ Переяславъ, Пирятинъ, Прилуки, Золот[illegible]у, Луби[illegible] Хоролъ, Кременчугъ и Полтаву, куда прибылъ 20 мая (Полтав. календа[illegible] Полта[illegible] 1799 г., стр. 108—109).

Не можна и перомъ списать....

. . . .

Пани жъ усѣ перехристились,
Отъ лиха що освободились,
Іого-жъ тоби якъ не було".

Такъ заканчиваетъ свою печальную эпопею авторъ „Вояжа" [1]). Но обратимся отъ поэзіи къ исторіи. Въ дѣлѣ, поступившемъ въ кіевскій центр. архивъ, находится три жалобы, поданныя Беклешову 19 мая 1799 г. казеннымъ крестьяниномъ владимірской губ., женою козака с. Келеберды [2]) и наконецъ совмѣстно нѣсколькими козаками и выборнымъ того же селенія, въ которыхъ они заявляютъ, что дворовые люди живущаго въ означенномъ селеніи помѣщика кол. сов. (онъ же дворянскій совѣтникъ) Ив. Аким. Каневскаго чинятъ имъ постоянныя обиды, грабежи и убійства, а помѣщикъ покрываетъ ихъ своею властью и въ судъ не выдаетъ, чему способствуетъ по дружбѣ съ нимъ и коммиссаръ Гулакъ; тотъ же помѣщикъ жену козака Семенченка съ семействомъ выгналъ изъ ея дома и завладѣлъ грунтомъ, и, кромѣ того, грозитъ отнять лѣсъ, вопреки „монаршихъ законовъ, запрещающихъ помѣщикамъ козачьи грунты не только отнимать, но и покупать". Жалобщики указываютъ вообще на многочисленныя воровства, причиненныя людьми Каневскаго, и просятъ „назначить кого либо изъ постороннихъ особъ переислѣдовать сіе дѣло аккуратнѣйше безъ всякаго пристрастія и защитить милостію не только одно селеніе Келеберду, но и сосѣдственныя два, Липлявы и Прохоровку, отъ обидъ и постоян-

---

[1]) „Разговоръ" написанъ на ту же тему и касается того же путешествія Беклешова (въ прозѣ).

[2]) Жалобы помѣчены мѣстомъ принятія ихъ: „въ Прохоровкѣ". Сел. Келеберда и Прохоровка—владѣльч. и козачьи, по теченію р. Днѣпра, золотоношскаго уѣзда полт. губ. Несомнѣнно однако, что просьбы эти лишь обрывки цѣлаго дѣла о ревизіи малороссійской губ. ген. Беклешовымъ.

Любопытно также, что „прошеніе крестьянина карачевской округи" встрѣчается и въ южно-русскихъ фамильныхъ архивахъ. Списокъ его сообщилъ намъ пр. И. В. Лучицкій. Необходимо къ этому прибавить, что „стихотворныя прошенія" иногда составлялись даже на высоч. имя (см. дѣло 1826 г., напеч. въ Трудахъ рязан. архив. ком. 1888, стр. 93—94).

наго воровства, которыя всѣ они уже многіе годы терпятъ" [1]).

Такимъ образомъ понятно, почему вниманіе населенія малороссійской губ. было сосредоточено на „объѣздѣ" Беклешова и почему самое отозваніе его съ пути въ Петербургъ могло быть истолковано въ указанномъ выше смыслѣ. Уже вскорѣ по окончаніи ревизіи Беклешова послѣдовалъ указъ Сената (въ авг. 1799 г.), по которому кн. Шаховской, „по старости лѣтъ и крайней слабости здоровья", былъ уволенъ отъ должности городничаго [2]); а изъ отрывковъ дѣла, переданнаго изъ архива кіев. губ. правленія въ кіевскій центральный архивъ, видно, что та же участь постигла нѣкоторыхъ городничихъ и земскихъ коммиссаровъ въ разныхъ мѣстахъ малороссійской губ. Что же касается вызова Беклешова въ Петербургъ, то объ этомъ онъ говоритъ въ слѣдующемъ письмѣ къ гр. А. Р. Воронцову отъ 1 августа 1799 г.

„Разныя перемѣны и отъ того разные переѣзды въ положеніи моемъ были причиною моего къ вамъ молчанія болѣе двухъ или около трехъ мѣсяцевъ [3]), пишетъ онъ; теперь кажется я уже *остепенился;* такъ что ласкаюсь быть на нѣкоторое время *безъ перемѣны* . . . . . Отъ 6 числа іюня имѣлъ я счастіе 12 числа, по пути объѣзда моего по Малороссіи, получить высочайшее повелѣніе прибыть въ Петербургъ, куда я 22 и прибылъ, осыпанъ милостію высочайшею и удостоенъ назначеніемъ быть генералъ-прокуроромъ, а 7 числа іюля, вмѣстѣ съ отставкою предмѣстника моего князя Лопухина, изданъ о томъ и указъ. И такъ я съ 8 числа и прокурорить началъ. Ваше сіят. знаете, que c'est une mer à boire, et je ne fais que m'orienter dans toutes les branches de cette colosse, котораго собственно окружность столь велика, что дабы обойдтить оную, *нужно многіе имѣть мысы Доброй Надежды;* а какъ я при кормѣ теперь, скажу не

---

[1]) Резолюція о переизслѣдованіи дѣла и выѣздѣ, въ случаѣ надобности, на мѣсто всему суду, безъ промедленія, положена Беклешовымъ.

[2]) Полтавскій календарь, стр. 109.

[3]) Къ сожалѣнію переписка (вся) Беклешова съ гр. Воронцовымъ до сихъ поръ не напечатана въ многотомномъ изданіи „Воронцовскаго архива" (36 т.).

ослѣпляясь самолюбіемъ, весьма недостаточнымъ свѣдѣніемъ, то и полагаюсь слѣпо на милость Божію и безприкладнаго государя, и единственно высочайшее его руководство обнадеживаетъ меня пройдти путь сей.... Я, слава Богу, здоровъ, зарытъ въ бумагахъ; представленія, объясненія, проекты и пр. и пр. занимаютъ меня отъ утренней зари до глубокой ночи... Будьте ко мнѣ безпрерывно милостивы и не усумнитесь, что всякое ваше слово будетъ мнѣ пріятнѣйшимъ наставленіемъ, въ какомъ бы я состояніи ни былъ" [1]).

Еще въ 1798 г., по поводу временнаго удаленія Беклешова, Безбородко писалъ о немъ гр. С. Р. Воронцову: „Изволите меня спрашивать о Беклешовѣ. Сей достойный мужъ пользовался кредитомъ не малое время. Большимъ усердіемъ потерялъ его. Причли ему въ вину, будто бы онъ хочетъ учить и вразумлять. Приписали въ непристойность, что онъ, доставляя вѣдомость о бѣжавшихъ, взялъ эпохою къ тому введеніе устава. Жаль, что его потеряли. Онъ кромѣ военной службы былъ бы *лучшій генералъ-прокуроръ и на многое годился бы*" [2]). Въ то же время Завадовскій о немъ отозвался такъ: „я знаю его *большія способности для гражданскаго начальника* [3])". На этотъ разъ ему предсказывали постъ генералъ-прокурора [4]). Дѣйствительно: 25 іюня 1799 г. состоялось его назначеніе въ члены Совѣта [5]), въ которомъ онъ тогда же занялъ вліятельное положеніе [6]); а 7 іюля онъ былъ назначенъ уже генералъ-прокуроромъ [7]) и пожалованъ кавалеромъ большаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго [8]).

IV.

Какъ извѣстно, при Екатеринѣ II генералъ-прокуроръ пріобрѣтаетъ значеніе перваго министра. При Павлѣ значеніе это

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, стр. 473—474.
[2]) Архивъ Воронцова, XIII, 394.
[3]) Русскій Архивъ 1883, II, 140.
[4]) Архивъ князя Воронцова, XIV, стр. 114.
[5]) Сенатскій Архивъ, I, 540.
[6]) Архивъ Госуд. Совѣта, II, 521—522.
[7]) Сенатскій Архивъ, I, 542.
[8]) Ивановъ, 70.

еще болѣе поднялось въ слѣдствіе того личнаго вліянія, какое сказывалось во всѣхъ распоряженіяхъ имп. Павла [1]). Беклешовъ былъ третьимъ прокуроромъ, назначеннымъ въ это кратковременное царствованіе. „Беклешовъ славился природнымъ умомъ, знаніемъ дѣла и въ особенности правдивостію и безкорыстіемъ. Назначеніе его на этотъ важный постъ было привѣтствовано всѣми какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ выборовъ кратковременнаго, но обильнаго перемѣнами въ людяхъ царствованія", говоритъ гр. Корфъ. „Зналъ ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ? спросилъ у него Павелъ при первомъ ихъ свиданіи: какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! Какой Лопухинъ! Ты да я, я да ты: впередъ мы одни будемъ дѣла дѣлать" [2]). Говорятъ, что выборъ Беклешова былъ рѣшенъ самимъ Павломъ [3]).

Беклешовъ, по отзывамъ современниковъ, любилъ науку и ученыхъ. Въ бытность свою орловскимъ намѣстникомъ онъ оказывалъ покровительство извѣстному писателю Клушину [4]). Сыну своего наставника Хр. Безака—П. Х. Безаку онъ подарилъ свой домъ въ Кіевѣ [5]). По вступленіи въ должность генералъ-прокурора, онъ обратилъ вниманіе на Сперанскаго, служившаго въ генералъ-прокурорской канцеляріи [6]) и эти первыя его отношенія къ молодому, способному чиновнику обратились потомъ въ постоянное расположеніе, которымъ такъ дорожилъ Сперанскій [7]). Съ такимъ же вниманіемъ отнесся онъ и къ И. И. Дмитріеву, служившему тогда оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ [8]). Правителемъ дѣлъ при Беклешовѣ въ Кіевѣ, а затѣмъ и генералъ-прокурорской канцеляріи былъ Петръ Ив. Аверинъ. Братъ его Пав.

---

[1]) Гречъ говоритъ: „въ то время генералъ-прокуроръ былъ родъ верховнаго визиря: ему подчинены были юстиція, полиція и финансы. Во всѣхъ прочихъ вѣдомствахъ были прокуроры, ему подчиненные" (Записки, Рус. Арх. 1873, I, 288).

[2]) Собственный разсказъ Беклешова Павлу Ив. Аверину, состоявшему въ близкихъ къ нему отношеніяхъ (Жизнь гр. Сперанскаго, Корфа, I, 49).

[3]) Записки Гейкинга (Р. Стар. LVI, 808).

[4]) Памятникъ протекшихъ временъ, Болотова, 117.

[5]) Записки Греча (Рус. Арх. 1873, I, 243, 294).

[6]) Корфъ; Жизнь гр. Сперанскаго, I, 49—50.

[7]) Въ память гр. Сперанскаго, 402—404.

[8]) Взглядъ на мою жизнь, 146. Поэтъ и мин. юстиціи при Александрѣ I.

Иван., также служилъ при Беклешовѣ, а оба они извѣстны по своимъ близкимъ связямъ съ тогдашними писателями и другими дѣятелями цар. Павла I и Александра I [1]).

Всѣ, однако, признавали трудность положенія Беклешова въ его новомъ званіи. Предшественникъ его былъ человѣкъ ловкій, свѣтскій, смѣтливый, довольно хитрый, доступный для всѣхъ. Пріемная его всегда была набита старыми знакомцами, искателями мѣстъ или чиновъ и ползунами безъ всякой цѣли. Подписывая бумаги, онъ забавлялся на ихъ счетъ или самъ забавлялъ ихъ веселыми разсказами. Но эта доступность и говорливость была только покровомъ души скрытной и ума проницательнаго и осторожнаго, замѣчаетъ Дмитріевъ. Лопухинъ не любилъ служебныхъ „докукъ", а въ рѣшеніи дѣлъ наклоненъ былъ всегда на сторону сенаторовъ, прежнихъ своихъ товарищей. Не предполагаю, чтобы онъ хотѣлъ сдѣлать кого несчастнымъ, но равно и того, чтобы онъ рѣшился стоять за правду, хотя бы съ потерею своего случая, прибавляетъ тотъ же Дмитріевъ [2]). Тѣмъ не менѣе, при всей своей изворотливости, Лопухинъ [3]) не устоялъ среди борьбы придворныхъ партій въ столь трудное время и вынужденъ былъ уступить мѣсто другому.

Этотъ другой—Беклешовъ,—по словамъ Дмитріева,—былъ не менѣе опытенъ и благоразуменъ, но трудолюбивѣе перваго. Онъ охотно и терпѣливо выслушивалъ доклады и объясненія оберъ-прокуроровъ и почти всегда утверждалъ ихъ заключенія; хотя канцелярія его, доброхотствуя иногда по тяжебнымъ дѣламъ сторонѣ проигравшей, и покушалась приводить его въ сомнѣніе на счетъ сенатскаго или оберъ-прокурорскаго заключенія; но если оберъ-прокуроръ былъ смѣлъ и настояленъ, то она не могла имѣть ни малѣйшаго вліянія. Беклешовъ былъ

---

[1]) О братьяхъ Авериныхъ см. Сенатскій Архивъ, I, по указателю; Москов. универс. пансіонъ Сушкова, стр. 9; Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, I, 53—54, 90; Библіогр. Записки, I, 517; Рус. Арх. 1879, III, 390; Сборникъ Рус. ист. общ. LX, стр. 3.

[2]) Стр. 143.

[3]) Дмитріевъ, 142 и письма гр. Растопчина къ гр. С. Р. Воронцову (Р. Арх. 1876, III, 82).

не безъ просвѣщенія, какъ и его предмѣстникъ, но въ обращеніи свѣтскомъ иногда былъ нескроменъ и не слишкомъ разборчивъ въ шуткахъ и выраженіяхъ [1]). Наконецъ, къ чести его должно сказать, что онъ мало уважалъ требованія *случайныхъ* при дворѣ, а потому часто бывалъ съ ними въ размолвкѣ, и чрезъ ихъ происки, подобно своимъ предмѣстникамъ, потерялъ свое мѣсто; но и понынѣ остался *въ доброй памяти* у всѣхъ безпристрастныхъ людей за его доброхотство и прямодушіе" [2]). Самъ Беклешовъ чуждался интригъ, въ какой бы формѣ онѣ ни проявлялись, сообщаетъ кн. Ад. Чарторижскій, близко знавшій придворную сферу того времени [3]).

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ удаленію Беклешова, скажемъ въ общихъ чертахъ о его дѣятельности какъ генералъ-прокурора. Любопытно, что однимъ изъ первыхъ распоряженій его, имѣвшихъ общій характеръ, было секретное предложеніе губернскимъ властямъ—болѣе внимательно относиться къ крестьянскимъ движеніямъ, очевидно вызванное недавними событіями подобнаго рода. „По обстоятельству, писалъ онъ, дошедшему до всевысочайшаго е. и. в. усмотрѣнія, что при супротивленіи, оказанномъ нѣкоторыми казенными селеніями, въ предписанномъ по частному притязанію отборѣ изъ владѣнія ихъ земли, губернское начальство употребило мѣры, какъ противу буйственнаго отложенія отъ повиновенія власти и закону, хотя поселяне сіи собственно ни въ исправленіи государственныхъ повинностей, ни въ преданіи себя суду, ни же въ перенесеніи самаго истязанія, непокорливыми себя правительству не оказали, а единственно изъ недостаточнаго количества земли своей, хотя и по опредѣленію правительства, однакожъ не бывъ еще въ правѣ и при-

---

[1]) Князь Вяземскій (Соч., т. IX, 21) сообщаетъ одну изъ его остротъ: „Беклешовъ толковалъ такимъ образомъ происхожденіе слова *таможня*: *тамъ можно*". См. также Истор. Вѣст. 1880, I, 289.

[2]) Дмитріевъ, 144. О тѣхъ же качествахъ Беклешова, но нѣсколько вульгарнымъ слогомъ, разсказываетъ Гречъ (Записки, Р. Арх. 1873, I, 293—294 и отд. 182, 255). А. М. Тургеневъ о Беклешовѣ выражается: „умный и дѣловой человѣкъ" (Рус. Стар. 1889, № 2, стр, 215). Чарторижскій замѣчаетъ, что онъ хорошо зналъ механизмъ русскаго управленія (Mémoires, I, 226).

[3]) Mémoires, I, 226.

надлежности своей на оную, суждены и о томъ прибѣгая съ просьбами своими къ законному защищенію, отдать въ чужое владѣніе противились, что болѣе означаетъ движеніе простаго многолюдства, требующее наипервѣе въ причинѣ своей и поводѣ уваженія: государь императоръ по сродному человѣколюбію и сердоболію своему указать соизволилъ объявить высоч. е. в. волю всѣмъ начальникамъ губерній, чтобы они подобныя движенія въ простомъ народѣ отвращали наипервѣе, при изысканіи точныхъ причинъ, силою закона, не приступая безъ достаточнаго основанія и заключенія о дѣйствительномъ буйствѣ къ крайнимъ насильственнымъ средствамъ, къ которымъ они, начальники, *буде въ позволенныхъ способахъ недостаточны, и приступать не должны* безъ предварительнаго къ высоч. власти отношенія, съ точнымъ и подробнымъ обстоятельствъ донесеніемъ, *подъ собственнымъ ихъ отвѣтомъ за напрасное или же и несправедливое безпокойство*" [1]). 8 дек. 1799 г. послѣдовало разъясненіе о предѣлахъ власти фискаловъ, незадолго передъ тѣмъ учрежденныхъ въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губ. Россіи для надзора за неправильными дѣйствіями судовъ и администраціи [2]). Указомъ 31 іюля смягчено наказаніе за воровство въ 20 р. и болѣе вмѣсто каторжной казни, наказанія кнутомъ, велѣно преступниковъ наказывать плетьми и отсылать на мѣста жительства, откуда годныхъ отдавать въ рекруты [3]).

Беклешовъ принималъ участіе въ составленіи банкротскаго устава, ближайшая цѣль котораго, по выраженію Державина, была—„воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія сверхъ имѣнія ихъ долговъ" [4]). Въ генералъ-прокурорство Беклешова накопилось множество дѣлъ, касающихся „сильныхъ фамилій" [4]). И въ то время, когда по однимъ напраснымъ подозрѣніямъ, возникали нерѣдко дѣла политическаго характера (какъ Ермолова, Дмитріева, бр. Грузиновыхъ и т. п.), Беклешовъ смягчалъ иногда воз-

---

[1]) Изъ архива харьков. намѣстничества (Рус. Арх. 1887, II, 157).

[2]) П. Собр. Зак., т. XXV, 19218.

[3]) Ibid., № 19059.

[4]) Записки (Сочин. VI, 754—755).

[5]) Записки Ильинскаго (Р. Арх. 1879, III, 390).

можность болѣе суровыхъ послѣдствій (какъ напр. въ дѣлѣ Михайловскаго-Данилевскаго [1]); а зная нравъ импер. Павла, онъ пользовался благопріятною минутою, чтобы защитить опальнаго, невинно пострадавшаго [2]).

Еще съ конца 1798 г. стали обнаруживаться признаки предстоявшаго голода въ кіевской губ. и мѣстная администрація принимала мѣры по учрежденію городскихъ и сельскихъ магазиновъ, а также необходимыхъ запасовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Голодъ 1799 г. сопровождался значительнымъ падежемъ скота въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, почему крестьяне стали употреблять въ пищу хлѣбъ съ лебедою и даже одну лебеду, которая, по изслѣдованіи кіев. врачебною управою, была признана вредною къ употребленію. При этомъ послѣдняя совѣтовала заготовлять довольное количество картофеля, которымъ можно замѣнять хлѣбъ безвредно. Предписывалось также, по мѣрѣ надобности, запрещать и винокуреніе. Но самыя энергическія мѣры относительно устройства магазиновъ и обязательнаго для помѣщиковъ прокормленія своихъ крестьянъ выпали уже на долю Беклешова, въ бытность его генералъ-прокуроромъ [3]).

Подъ конецъ своего генералъ-прокурорства Беклешову пришлось позаботиться о положеніи четырехъ послѣднихъ пугачевцевъ, доживавшихъ свой вѣкъ съ 1775 г. въ лифляндской губ., которые за старостію и крайней слабостію не могли уже снискивать себѣ пропитанія трудомъ. Беклешовъ распорядился, „какъ на дѣло по человѣчеству“, выдавать имъ содержаніе изъ приказа общественнаго призрѣнія въ Ригѣ. Въ 1804 г. имъ разрѣшено было возвратиться на родину, но одинъ изъ нихъ умеръ,

---

[1]) Ibid. 403.

[2]) Записки Саблукова (Р. Арх. 1869, стр. 1911—1912).

[3]) Переписка мѣстной администраціи по поводу голода въ кіев. губ. и затѣмъ сношенія ея съ центральною властью составляетъ довольно объемистое дѣло съ подробными статистическими свѣдѣніями о состояніи хлѣбныхъ запасовъ и нуждахъ населенія (въ таблицахъ), но къ сожалѣнію оно поступило въ к. центр. архивъ уже въ полуизгнившемъ видѣ. Только небольшія части его были напечатаны г. Ал. Андріевскимъ въ „Историч. матеріалахъ“ (вып. I, 187—191, V, 221—223).

Беклешовъ же исходатайствовалъ сумму на поправку дворца въ Кіевѣ (Сенат. Арх. I, 545).

а трое остальныхъ не пожелали воспользоваться этою милостію [1]).

Какъ генералъ-прокуроръ, Беклешовъ оказывалъ поддержку римско-католич. митрополит. Сестренцевичу въ его борьбѣ съ нунціемъ гр. Литтою. По уничтоженіи нунціатуры въ Петербургѣ, составъ членовъ католическаго департамента былъ измѣненъ согласно желанію митрополита [2]). Императоръ Павелъ повидимому былъ доволенъ дѣятельностію своего генералъ-прокурора: такъ въ ноябрѣ 1799 ему была выражена благодарность за исполненіе имъ трудныхъ обязанностей [3]). Поведеніе его находили достойнымъ, благоразумнымъ и сулили ему продолжительное правленіе дѣлами [4]). Къ его заступничеству обращаются теперь люди, нуждавшіеся въ содѣйствіи и даже занимавшіе болѣе или менѣе видное положеніе (какъ Кутузовъ [5]), кн. Горчаковъ въ пользу Суворова [6]). Сильный въ то время Паленъ повидимому также заискивалъ въ немъ [7]). Но эти ожиданія на счетъ Беклешова не сбылись...

Вотъ какъ разсказываетъ о подготовлявшейся противъ него грозѣ близкій свидѣтель событій—баронъ (сенаторъ) Гейкингъ: „Должность генералъ-прокурора есть одна изъ тѣхъ, вліяніе которой распространяется на все государство и внушаетъ такой же страхъ въ Камчаткѣ, какъ въ Курляндіи или въ Петербургѣ... Выборъ новаго генералъ-прокурора повсюду былъ встрѣченъ съ удовольствіемъ. Беклешовъ, еще въ должности лифляндскаго губернатора, пріобрѣлъ себѣ репутацію честнаго человѣка, которая осталась за нимъ и на другихъ мѣстахъ. Находясь въ Петербургѣ, я познакомился съ нимъ, но только поверхностно, однако былъ очень радъ его назначенію, будучи убѣжденъ, что

---

[1]) XVIII вѣкъ Бартенева, I, 385—387.

[2]) Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, I, 347—351.

[3]) Рус. Старина, т. XLIII, 342.

[4]) „Je le désire pour l'état car c'est un galant homme, et surtout pas brouillon", прибавляетъ гр. Д. П. Бутурлинъ въ письмѣ къ гр. А. Р. Воронцову (Арх. кн. Воронц. XXXII, 254).

[5]) Рус. Стар., II, 510.

[6]) Ibid., т. XVIII, 599.

[7]) Рус. Стар. LVI, 899. О близости ихъ и даже дружбѣ сообщаетъ кн. Ад. Чарторижскій (Mémoires, 226).

онъ пойдетъ прямою дорогою... Вдругъ о Беклешовѣ стали, какъ бы случайно, поговаривать въ неблагопріятномъ смыслѣ; а такъ какъ онъ показывалъ, что не обращаетъ на это вниманія, то опала его была рѣшена. Стали дѣлать ему тысячи непріятностей, и такъ какъ онъ, кромѣ того, осмѣлился противорѣчить государю, по поводу судебныхъ рѣшеній, то его стали попрекать въ учительскомъ тонѣ, въ тяжеловѣсномъ и непріятномъ веденіи дѣлъ" [1]).

По словамъ Рожерсона (придворный врачъ), среди придворныхъ интригъ, пустившихъ глубокіе корни, Беклешовъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и потому удаленіе его вызвало общее сожалѣніе [2]). Съ спокойной совѣстью и величіемъ вышелъ онъ въ отставку, сохранивъ полную независимость, свойственную популярному министру въ Англіи, оставляющему свой постъ, прибавляетъ Рожерсонъ [3]).

Увольненіе Беклешова состоялось 8 февраля 1800 года [4]). Такимъ образомъ онъ пробылъ въ своей должности ровно 7 мѣсяцевъ. Придумывая, кого бы назначить генералъ-прокуроромъ послѣ него, имп. Павелъ прибѣгнулъ къ любимому имъ средству—метанью жеребья. Написавъ на бумажкахъ имена своихъ любимцевъ, онъ свернулъ бумажки, положилъ ихъ передъ образомъ, помолился и потомъ, перемѣшавъ, вынулъ одну изъ нихъ. На ней было имя Обольянинова. Вѣруя въ жребій, какъ въ указаніе свыше, Павелъ назначилъ Обольянинова генералъ-прокуроромъ и называлъ его „Богомъ данный" [5]); но онъ сохранилъ

---

[1]) Рус. Старина, LVI, 808. Холодность Павла I къ Беклешову проявилась еще до конца 1799 г. (Дмитріевъ, 146).

[2]) Рожерсонъ въ письмѣ къ гр. Воронцову выражается: „On n'a jamais eu de mon temps un procureur-general qui avait tant de connaissances jointes à une grande activité, bon jugement, désinteressement et qualités populaires, voyant et écoutant toute le monde (Арх. Воронц., XXX, 115).

[3]) Ibid., 118.

[4]) Сенатскій Архивъ, I, 591. Онъ дважды просился въ отставку. Завадовскій писалъ въ февр.: „Молва носится, что Беклешовъ отставленъ, и его мѣсто заступилъ Обольяниновъ. Перваго я оставилъ весьма преклоннымъ къ такому жребію" (Воронц. Арх., XII, 246).

[5]) Русск. Старина, XI, 159.

за нимъ и прежнюю должность генералъ - провіантмейстера [1]).

Въ молодости Обольяниновъ не получилъ образованія, а пріобрѣлъ лишь практическія познанія на службѣ, былъ терпѣливъ, пользовался расположеніемъ императора и до конца его царствованія (т. е. болѣе года) оставался на своемъ столь трудномъ и опасномъ мѣстѣ [2]). „Теперь, слава Богу, у насъ есть *свой*“, говорилъ Павелъ (Обольяниновъ былъ гатчинецъ [3]). Понятно, что для Обольянинова Сперанскій являлся еще болѣе необходимымъ помощникомъ въ дѣлахъ. „При всѣхъ четырехъ генералъ-прокурорахъ, различныхъ въ характерахъ, нравахъ, способностяхъ, былъ я, если не по имени, то на самой вещи, правителемъ ихъ канцеляріи. Одному надобно было угождать такъ, другому иначе; для одного достаточно было исправности въ дѣлахъ, для другаго болѣе того требовалось: быть въ пудрѣ, въ мундирѣ, при шпагѣ, и я былъ— всяческая во всемъ [4]). Послѣ Беклешова, самъ государь предостерегалъ противъ меня его преемника, полагая меня въ связяхъ съ Куракинымъ и Беклешовымъ и имъ преданнымъ; но генералъ-прокуроръ горою за меня стоялъ и находилъ необходимымъ имѣть при себѣ [5]). Беклешовъ, замѣчаетъ при этомъ Сперанскій, *былъ ихъ всѣхъ умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе—ему ничего не удавалось;* всѣхъ ихъ менѣе имѣлъ способностей—Обольяниновъ— *и ему все съ рукъ сходило*“ [6]).

---

[1]) Сенатскій Архивъ, I, 591.

[2]) См. біограф. замѣтку о немъ и его разсказы о цар. Павла (Русск. Старина, XI, 158--170). Такъ же въ Запискахъ Ильинскаго (Русск. Арх., 1879, III, 391—407).

[3]) Рожерсонъ (Архивъ Воронцова, XXX, 115).

[4]) См. любопытную сцену въ Зап. Ильинскаго (Русск. Архивъ 1879, III 392). „Вошедъ въ залу, увидѣлъ я г. Сперанскаго въ ботфортахъ съ обрѣзанными на концахъ сапогами со шпорами и завернутыми назадъ фалдами. Я думалъ, что онъ вступилъ въ военную службу, но вмѣсто сего открылось, что велѣно такимъ образомъ одѣваться всѣмъ статскимъ, начиная отъ копіиста. Странно было видѣть бѣдныхъ людей, бродящихъ со шпагами, перемѣняющихъ мундиры и неимѣющихъ почти нужнаго хлѣба“.

[5]) На докладѣ Обольянинова Павелъ I собственноручно написалъ: „Набрать новыхъ чиновниковъ, а Беклешовскихъ всѣхъ уволить или перемѣстить въ другія вѣдомства“ (Корфъ, I, 54).

[6]) Корфъ, I, 58—59; 63—64.

Какъ видно, Беклешовъ не питалъ нерасположенія къ Ригѣ. Такъ, въ 1798 году онъ хотѣлъ занять тамъ постъ лифляндскаго генералъ-губернатора [1]). Теперь онъ поспѣшилъ уѣхать на жительство въ Ригу [2]), вблизи которой находилось и его имѣніе [3]); а во время лѣтняго сезона отправился на минеральныя воды въ Бальдонъ, гдѣ на этотъ разъ собралось много всякихъ ex-овъ, по выраженію Гейкинга, и въ томъ числѣ онъ ex-сенаторъ и ex-генералъ-прокуроръ, которые искали не столько облегченія отъ тѣлесныхъ недуговъ, сколько необходимаго развлеченія, въ слѣдствіе понесенныхъ ими нравственныхъ непріятностей. Я былъ очень радъ ближе познакомиться съ Беклешовымъ, говоритъ авторъ записокъ. Его открытое лицо, его простыя, иногда даже грубоватыя манеры весьма мнѣ нравивились. Никогда не говоря ничего о самомъ государѣ, мы бесѣдовали съ нимъ о нѣкоторыхъ общихъ мѣропріятіяхъ, и я никогда не слыхалъ отъ него ни одного существенно-ложнаго сужденія, хотя не всегда раздѣлялъ его мнѣнія относительно нѣкоторыхъ господъ, къ которымъ онъ питалъ несправедливое предубѣжденіе.... О Паленѣ Беклешовъ никогда не говорилъ; но этимъ молчаніемъ все высказывалось. О Кутайсовѣ онъ также избѣгалъ разговоровъ, но презрѣніе выражалось на его лицѣ, когда произносили имя этого господина".

Любопытно еще слѣдующее признаніе: „Однажды я говорилъ съ нимъ о моемъ печальномъ положеніи, и онъ сказалъ мнѣ: „Вы напрасно считаете свое положеніе худшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ списокъ лицъ, состоящихъ подъ особымъ надзоромъ, и могу васъ увѣрить, что васъ тамъ нѣтъ; а если показываютъ видъ, что имѣютъ относительно васъ особыя повелѣнія, такъ это только одна изъ выходокъ, позволяемыхъ себѣ провинціальнымъ начальствомъ, для придачи себѣ важности" [4]).

---

[1]) Архивъ Воронцова, XV, 137.

[2]) Ibid., XXX, 115 (письмо Рожерсона отъ 28 февр. 1800 г.).

[3]) Ibid., XII, 279.

[4]) Русск. Старина, LVI, 810—811. Есть указаніе, что подъ конецъ своего царствованія Павелъ опять вызвалъ Беклешова въ Петербургъ (Чартор., I, 225).

V.

Впрочемъ Беклешову недолго пришлось оставаться въ бездѣйствіи. Въ то время какъ преемникъ его, вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра I (12 марта 1801 г.), долженъ былъ совсѣмъ оставить Петербургъ [1]), новый императоръ немедленно (16 марта) назначилъ Беклешова на прежній постъ генералъ-прокурора. Конечно, это было лучшее признаніе его прежнихъ заслугъ [2]); а вслѣдъ затѣмъ идутъ уже сообщенія о его значительномъ вліяніи на дѣла и томъ личномъ вниманіи, какимъ онъ пользовался у императора Александра [3]). Въ числѣ немногихъ лицъ онъ былъ назначенъ членомъ вновь образованнаго Непремѣннаго совѣта, на который возложено было разсмотрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и проектовъ постановленій, а также членомъ комитета (гр. А. Р. Воронцовъ, Беклешовъ, т. совѣтн. Д. П. Трощинскій и госуд. казначей бар. Васильевъ) для разсмотрѣнія льготъ и милостей по случаю предстоявшей коронаціи импер. Александра I [4]). Въ первое время между Трощинскимъ и Беклешовымъ существовала дружба, а это обстоятельство много помогло и возвышенію Сперанскаго. Однако между главными „докладчиками" вскорѣ возникло соперничество, неблагопріятно повліявшее на ихъ послѣдующція отношенія [5]). И Беклешовъ кажется имѣлъ право сѣтовать на поведеніе Трощинскаго относительно его [6]). Суровый же приговоръ

---

[1]) Записки Н. С. Ильинскаго (Р. Арх., 1879, III, 406).

[2]) П. С. Зак. № 19818; Арх. кн. Воронцова (XVIII, 237). Выборъ этотъ считали тогда „счастливымъ" (Записки Шишкова, изд. въ Берлинѣ, I, 81). Вигель вообще не легкій на похвалы, выражается: „Нѣсколько такихъ людей какъ Беклешовъ были драгоцѣннѣйшее наслѣдство, оставленное Екатериной, и нѣкоторое время ими только и жила Россія" (Воспом., ч I, стр. 124). Далѣе онъ говоритъ, что Беклешовъ озаботился возстановленіемъ прежнихъ учрежденій (202).

[3]) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 240; XXXII, 300. Беклешовъ принялъ на себя устраненіе Палена, присутствіе котораго въ Петербургѣ не нравилось импер. Александру (Чарторижскій, I, 226).

[4]) Въ томъ же 1801 г. Беклешовъ былъ награжденъ 50000 р. (Сборникъ Рус. ист. общ., т. XLV, стр. 358).

[5]) Записки Державина, 757—759; Зап. Комаровскаго (Русск. Арх. 1867, 561—562; ср. 1672—1673; Воронц. Архивъ XII, 343).

[6]) Архивъ кн. Воронцова, XIV, 168.

надъ дѣйствіями Беклешова въ это время со стороны Державина, вообще слишкомъ односторонняго въ своихъ сужденіяхъ, въ особенности тамъ, гдѣ замѣшивалось его личное участіе, объясняется какъ прежними отношеніями между Державинымъ и Беклешовымъ, такъ и столкновеніями между ними по весьма крупнымъ дѣламъ (какъ напр. объ опекѣ надъ Колтовской, дѣло о поставкѣ соли Перетцомъ и Штиглицомъ), въ которыхъ принципіально далеко не былъ правъ поэтъ и авторъ Записокъ, а также по поводу запрещенія его оды на вступленіе на престолъ импер. Александра I, въ которой находились прозрачные намеки на царств. Павла,—запрещенія, исходившаго, какъ видно изъ хода самаго дѣла, вовсе не отъ Беклешова. Послѣднему пришлось только подать свой рѣшающій голосъ, какъ генералъ-прокурору [1]). Вообще, хотя Державинъ, вмѣстѣ съ Воронцовымъ, Беклешовымъ и Трощинскимъ, принадлежалъ къ „старому поколѣнію", но, по собственному его признанію, не ладилъ вполнѣ ни съ однимъ изъ нихъ [2]). Дѣйствія же самого Державина въ его служебныхъ отношеніяхъ далеко не казались даже тогда безупречными [3]). Дружбой Беклешова не могла похвалиться и кн. Дашкова [4]), несмотря на самыя лучшія отношенія Беклешова къ ея брату гр. А. Р. Воронцову [5]).

[1]) Для правильной оцѣнки этихъ фактовъ см. мѣста записокъ Державина по изд. Акад. Наукъ (т. VI), стр. 722, 759—760: 753—758. Колтовская отличалась красотою и Державинъ былъ влюбленъ въ нее (Соч., II, 683). Объ одѣ см. біогр., сост. Я. К. Гротомъ (I, 772—775). Въ одномъ изъ рукописныхъ списковъ оды находится слѣдующ. примѣчаніе: „Беклешовъ, коему поручена была тогда цензура, представилъ императору мнѣніе, что оду Державина на восшествіе его велич. на престолъ, въ которой замѣчались дерзкіе намеки на Павла I, можно дозволить ему печатать вмѣстѣ съ одами, кои онъ писалъ въ похвалу Павла при жизни его" (Жизнь, I, 852). Болѣе объективное изложеніе этого дѣла, возбужденнаго цензоромъ, см. въ разсказѣ Анастасевича (ib., II, 255; ср. также Собр. соч., т II, 355—356; III, 679).

[2]) Записки, 757—759; Жизнь, т. I, 776.

[3]) Письмо кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову (Арх. кн. Воронцова, XVIII, 284). Любопытно, что Державинъ, обвиняющій Беклешова въ превышеніи власти и враждѣ къ нему, будучи мин. юстиціи, подвергся рѣзкимъ осужденіямъ за свои отношенія къ Сенату и произволъ (Арх. кн. Воронцова, XXXII, 336; Записки Державина, стр. 758). Гр. С. Р. Воронцовъ называетъ его прямо „необузданнымъ" (Р. Арх. 1881, II, 156). Отзывъ о его отношеніяхъ къ Сенату (ib. 159).

[4]) Арх. кн. Воронцова, XII, 343.

[5]) Ibid., XIV, 270.

Во время вторичнаго генералъ-прокурорства Беклешова были объявлены постановленія, касавшіяся возстановленія учрежденій Екатерины II, отмѣненныхъ въ цар. Павла I, уничтоженіе тайной экспедиціи, запрещеніе публикацій въ вѣдомостяхъ о продажѣ людей безъ земли [1]) и возведенія висѣлицъ въ публичныхъ мѣстахъ для прибитія къ нимъ именъ разныхъ чиновъ, запрещеніе употреблять въ приговорахъ слово „нещадно", указъ объ отмѣнѣ пытокъ и т. п. А. А. Беклешовъ не боялся возбуждать преслѣдованія противъ людей сильныхъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обнаруживалось злоупотребленіе властью или грубое насиліе, какъ дѣло гр. Н. А. Зубова, по поводу избіенія сенатскихъ служителей [2]), или гр. Каховскаго по жалобѣ поднор. Веселовской въ обольщеніи ея дочери [3]). А. И. Морковъ также опасался мнѣнія Беклешова, какъ генералъ-прокурора, по поводу своего имущественнаго процесса въ подольской губ., такъ какъ мѣстныя отношенія этого края хорошо были извѣстны самому Беклешову [4]). Поэтому обвиненіе Вас. Пассекомъ Беклешова въ потворствѣ его дядѣ ген. Пассеку, въ тяжбѣ изъ-за присвоенія имущества послѣднимъ, представляется страннымъ и оно не оправдывается приведенными имъ же документами, а въ послѣдующихъ превратностяхъ автора „записокъ" соединилась такая масса случайныхъ обстоятельствъ, отчасти имъ самимъ созданныхъ и повліявшихъ на его печальное положеніе, что по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ трудно даже сказать было ли это положеніе слѣдствіемъ легкомыслія его самого или нежеланія Беклешова помочь ему выпутаться изъ нихъ [5]).

Ко времени же вторичнаго генералъ-прокурорства Беклешова относится одно дѣло, касающееся собственно Кіева, а именно

---

[1]) О значеніи этого указа см. Древ. и Нов. Рос. 1876, III, 60.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. XIV, 511.

[3]) Ibid. XXVI, 325 - 329.

[4]) Архивъ кн. Воронцова т. XIV, 270 — 271, 306 — 307. Въ 1796 Морковъ былъ высланъ въ свои подольскія имѣнія (XXX, 83). Слишкомъ четыре года онъ жилъ здѣсь, большею частью въ с. Войтовцахъ, близъ Летичева (графъ А. И. Морковъ П. Бартенева, Рус. Бесѣда 1857, IV, стр. 51).

[5]) Подробное изложеніе всѣхъ его бѣдствій въ его запискахъ, сочин. въ Спб. градской тюрьмѣ, 1803 (Р. Архивъ, 1863, стр. 627—775; ср. Бумаги Пассека, Воронц. Архивъ, т. XXIV, 351—390; также 1878, I, 96).

несогласія магистрата принять значительный расходъ по содержанію войска на счетъ города, на которомъ настаивала мѣстная администрація. Беклешовъ и на этотъ разъ остался при прежнемъ своемъ мнѣніи по настоящему вопросу. Въ отвѣтъ на представленіе воен. губернатора Фенша, Беклешовъ 27 ноября 1801 г. писалъ: „Получилъ я просьбу отъ тамошняго градскаго общества, въ которой изъясняя многочисленность войскъ, тамо расположенныхъ, и отягщеніе города сборами на дрова для квартиръ штаба, для лазаретовъ и др. воинскихъ надобностей, проситъ освободить гражданъ отъ личныхъ на то поборовъ, отъ коихъ древними привилегіями и грамотами блаженной памяти государей они увольнены, и удовлетворять сіи издержки изъ градскихъ доходовъ, въ случаѣ-жъ недостатка оныхъ они пріемлютъ на себя, содержа каждой постой въ своемъ домѣ, довольствовать сверхъ того штабскія квартиры и лазареты всѣми потребностями по очереди. Я сіе ихъ требованіе признаю съ одной стороны справедливымъ, потому что градскіе доходы Высоч. городовымъ положеніемъ присвоены въ пользу города и слѣдственно на удовлетвореніе общественныхъ надобностей для облегченія жителей, а личные поборы въ тамошнемъ мѣстѣ необычайны и даже противны древнимъ ихъ привилегіямъ; съ другой же нахожу я оное и удобоисполнительнымъ и тѣмъ паче, что в. прев. имѣете отъ госуд. военной коллегіи предписаніе располагать въ городахъ и мѣстечкахъ одинъ только полковой и унтеръ-штабъ съ нѣсколькими ротами или эскадронами, соразмѣрно количеству удобныхъ къ помѣщенію домовъ, а прочіе роты и эскадроны размѣстить въ ближайшихъ селеніяхъ... снабженіе же лазаретовъ и штабскихъ квартиръ отъ двухъ только полковъ дровами, свѣчами и ихъ потребностями, если всему тому положена будетъ надлежащая мѣра, не можетъ чрезвычайно обременить градскихъ доходовъ, и въ случаѣ недостатка оныхъ зависитъ отъ гражданъ выполнить сію повинность добровольною ли на то складкою или поставкою всѣхъ потребностей въ натурѣ по очереди, какъ они признаютъ сіе для себя полезное. Почему, оставляя сіе имъ на волю, в. прев. прошу единственно о томъ, чтобы сверхъ положеннаго въ расписаніи, сколько чего и для какихъ

чиновъ потребно отъ города, военнослужащіе не обременяли гражданъ требованіемъ излишняго, но довольствовались для нихъ опредѣленнымъ, какъ сіе учинено было мною во время правленія тамошнею губерніею“ [1]).

Въ качествѣ генералъ-прокурора Беклешову пришлось принять снова весьма дѣятельное участіе въ дѣлѣ, въ которомъ онъ уже игралъ видную роль прежде. Мы говоримъ о возвращеніи изъ ссылки римско-католическаго митр. Сестренцевича, постигшей его въ концѣ цар. Павла, вслѣдствіе весьма тонкой интриги іезуитовъ, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный Груберъ [2]). Теперь Сестренцевичъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, а комитетомъ, состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ Беклешова, выработано было новое положеніе о римско-католической церкви въ Россіи. „Живое участіе, принятое Беклешовымъ въ Сестренцевичѣ, веденіе дѣла митрополита Беклешовымъ въ комитетѣ, самый исходъ этого дѣла, неблагопріятный для іезуитовъ и вполнѣ обязанный Беклешову, безуспѣшность въ этомъ дѣлѣ множества іезуитскихъ интригъ, разбитыхъ Беклешовымъ и представленныхъ государю въ ихъ разоблаченномъ видѣ, были пораженіемъ для іезуитовъ и отбивали сильно у нихъ охоту къ другимъ смѣлымъ и рѣшительнымъ выходкамъ“, говоритъ историкъ іезуитовъ въ Россіи [3]).

Въ званіи члена Непремѣннаго совѣта Беклешовъ принималъ участіе въ обсужденіи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ. касающихся внутренняго управленія. Такъ, имъ былъ предложенъ: 1) планъ о поправленіи генеральнаго о наборѣ рекрутъ учрежденія, согласно съ послѣдовавшими въ пополненіе онаго указами и пользами службы и о сбереженіи людей въ войскахъ“ [4]); мнѣніе о подчиненіи питейной продажи по казеннымъ селеніямъ новороссійской губ. общимъ положеніямъ [5]); 3) записка по случаю прошенія крестьянъ торопецкаго помѣщика Калетина, жа-

---

[1]) Историч. матер., изд. Андріевскимъ, X, 140—149.

[2]) Морошкинъ, т. I, глава 3-я.

[3]) Ibid. II, стр. 41—60.

[4]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. I, стр. 193—196.

[5]) Ibid., стр. 284—289.

ловавшихся на укрѣпленіе ихъ с.-петерб. купцу Бородину, который не выполнилъ даннаго обѣщанія объ освобожденіи ихъ на волю по истеченіи 5 лѣтъ, представляющая сводъ узаконеній, воспрещавшихъ купцамъ владѣть крестьянами [1]); 4) мнѣніе по дѣлу генералъ отъ инфантеріи Архарова, гдѣ продавецъ, неложно подписаннымъ своимъ контрактомъ, продавъ имѣніе, взявъ условную впередъ сумму денегъ, отдавъ имѣніе покупщику въ дѣйствительную поссессію и обязавшись по надлежащей очисткѣ того имѣнія, выдать на вѣчное владѣніе ему купчую крѣпость, домогается, доступя даже до Высоч. престола, разрушить безъ суда контрактъ и безъ суда изгнать покупщика изъ имѣнія... А какъ по сему дѣлу послѣдовало уже рѣшеніе и общаго собранія правит. Сената, то никакія уваженія не могутъ имѣть мѣста при должномъ вниманіи на истинную славу государя и существенное благоустройство государственнаго правительства, требующія того, чтобы судейскія рѣшенія Сената въ законной ихъ силѣ также ненарушимо не меньше сохраняемы были, какъ и нижнихъ и среднихъ судовъ рѣшенія, на кои аппелляція по законамъ преграждается, на всегда непремѣнными остаются" [2]).... 5) мнѣніе поданное Беклешовымъ (совмѣстно съ членами гр. Завадовскимъ, кн. Куракинымъ, госуд. казначеемъ гр. Васильевымъ, Вязмитиновымъ, кн. Лопухинымъ и Трощинскимъ) по вопросу о торговлѣ евреевъ, въ которомъ между прочимъ выражено: „Всѣ законы, запрещающіе евреямъ внутреннюю торговлю, относятся къ тому времени, когда они не были еще подданными; съ пріобрѣтеніемъ же губерній, гдѣ они во множествѣ находятся, съ принятіемъ и съ дарованіемъ имъ въ тѣхъ губерніяхъ гильдейскихъ правъ, не можно у нихъ отнять и права оптовой продажи во внутреннихъ городахъ, не перемѣнивъ самаго основанія сихъ гильдейскихъ правъ" и т. д. [3]).

По вопросу „о правахъ и обязаностяхъ" Сената, Беклешовъ представилъ также мнѣніе, въ которомъ онъ, быть можетъ, не безъ нѣкотораго основанія, замѣтилъ, что основныя статьи

---

[1]) Ibid., 775—778.

[2]) Ibid. II, т. III, ч. 2, стр. 382—392.

[3]) Ibid. стр. 739—746.

новаго положенія „заключаютъ въ себѣ существенно прежнія и донынѣ безъ отмѣны существующія...; слѣдовательно повтореніемъ только самаго того, что нынѣ уже существуетъ и ничѣмъ не перемѣняется, не можетъ Сенату, въ нынѣшнемъ, какъ сказано, слабомъ и безсильномъ дѣйствіи его, доставляться какое либо вновь подкрѣпленіе". Какъ видно, онъ полагалъ, что дѣла въ Сенатѣ могутъ идти лучше при болѣе правильномъ и порядочномъ веденіи ихъ, не вдаваясь въ какія либо теоретическія соображенія [1]). Тѣмъ не менѣе ему, какъ генералъ-прокурору, пришлось поднести докладъ о правахъ и обязанностяхъ Сената, утвержденный императоромъ Александромъ I 8 сентября 1802 г. [2]).

Съ образованіемъ министерствъ (8 сент. 1802 г.) Беклешовъ оставилъ постъ генералъ-прокурора, сохранивъ за собою лишь званіе члена Совѣта [3]). Мы видѣли, что Державинъ причислялъ Беклешова къ „старому поколѣнію людей", призванныхъ къ дѣтельности въ началѣ цар. Алекландра I; знаемъ и его мнѣніе о реформѣ Сената [4]). Но есть также указаніе, свидѣтельствующее что къ молодымъ дѣятелямъ начала цар. Александра I Беклешовъ относился даже скептически, какъ къ людямъ слишкомъ увлекавшимся своими теоріями [5]). А въ одномъ анонимномъ стихотвореніи, написанномъ на дѣятелей того же періода царствованія Александра, озаглавленномъ „Бостонъ" (въ немъ упоминаются Беклешовъ, Воронцовъ, Чарторижскій, Кочубей, Строгановъ Трощинскій, Румянцовъ и Вязмитиновъ), о Беклешовѣ читаемъ:

„Игра Бостонъ явилась снова
Ее Совѣтъ апробовалъ;
Въ Москву послали Беклешова:
Играть въ нее онъ не желалъ.

---

[1]) Ibid., т. III, ч. I, стр. 19—31. По поводу же указа 5 іюня 1801 (о разсмотрѣніи Сенатомъ означенныхъ правъ (П. С. Зак. т. XXVI, № 19908) Евгеній писалъ Македонцу: „Приложилъ я и указъ Сената. Онъ есть слѣдствіе несогласія Беклешова съ Сенатомъ", (Р. Арх. 1870, 801).

[2]) П. С. Законовъ, № 20405.

[3]) Архивъ Госуд. Сов., III, ч. I, стр. 6.

[4]) Мнѣніе Беклешова о Сенатѣ очевидно было таково же, какъ и мнѣніе гр. С. Р. Воронцова (Р. Арх. 1881, II, 158—160).

[5]) XIX вѣкъ, сборн., изд. Бартеневымъ, II, 272; Сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 73. Имя его отсутствуетъ въ извѣстномъ „неоффиц. комитетѣ".

А Воронцовъ король бубновой,
Доволенъ сей премѣной новой,
Сталъ Чарторижскому подъ масть:
Товарищъ сей не помогаетъ,
Онъ вѣчно на свои играетъ,
Топить его охота страсть" [1]).

VI.

Однако и на этотъ разъ Беклешовъ не долго оставался въ сторонѣ отъ правительственной дѣятельности. Въ началѣ 1804 г. онъ былъ назначенъ московскимъ военнымъ губернаторомъ, съ сохраніемъ званія члена Совѣта [2]). По поводу этого назначенія гр. Завадовскій писалъ гр. А. Р. Воронцову слѣдующее: „Беклешову дано 20000 на подъемъ, столовый сервизъ и экипажъ и въ Совѣтѣ засѣданіе. *Мыслей своихъ не покидаетъ, что все не такъ*" [3]). По случаю же пріѣзда Беклешова въ Москву гр. Растопчинъ писалъ кн. П. Д. Циціанову (26 мая 1804 г.): „Гр. Салтыковъ престалъ считаться начальникомъ въ Москвѣ. Она ему откланялась, а теперь покланяется Беклешову. Онъ, въ первый день пріѣзда, утромъ успѣлъ быть въ Сенатѣ, на парадѣ, въ крестномъ ходу и являлся на главныхъ улицахъ. Ноги его плохи [4]), а уши глухи; смотрѣть же за него будетъ славный Аверинъ, который привезенъ въ качествѣ правителя канцеляріи" [5]).

---

[1]) Бумаги П. П. Бекетова (Рус. Арх. 1880, III, 391—392; ср. Жизнь Державина, Я. К. Грота, I, стр. 842).

Вигель пишетъ: „Упрямство ли или дальновидность стариковъ заставляла ихъ всѣми силами противиться опаснымъ, по мнѣнію ихъ, перемѣнамъ; на нихъ смотрѣли какъ на людей, правда, опытныхъ, но искусныхъ только въ практикѣ, безъ единственной государственной, созидательной мысли. Всѣ они поспорили и покорились необходимости, одинъ Беклешовъ вышелъ въ отставку". (Воспомин., ч. II, стр. 5—6). Другой современникъ свидѣтельствуетъ, что Беклешовъ отъ предложеннаго ему поста министра юстиціи отказался. (Записки В. Н. Геттуна. Ист. Вѣст. 1880, I, 289).

[2]) Архивъ Госуд. Сов., т. III, ч. I, стр. 6.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, т. XII, стр. 282. В. П. Кочубей писалъ тому же Воронцову о назначеніи 40000 содержанія (XVIII, стр. 369).

[4]) Еще въ 1798 г. Беклешовъ страдалъ подагрою (письма къ Миклашевскому).

[5]) XIX вѣкъ, II, стр. 48. Назначеніемъ Беклешова въ Москву былъ недоволенъ Римскій-Корсаковъ—инспекторъ по инфантеріи московской инспекціи, извѣст-

Нѣсколько далѣе Растопчинъ отмѣчаетъ: „Беклешовъ гонитъ полицію“ [1]). Со всею энергіею принялся онъ за преслѣдованіе разорительныхъ азартныхъ карточныхъ игръ [2]), противъ которыхъ неоднократно издавались тогда правительственные указы [3]). А вскорѣ затѣмъ онъ далъ острастку и помѣщикамъ, злоупотреблявшимъ своею властію. Въ настоящемъ случаѣ любопытно сопоставить какъ, съ одной стороны, передаетъ подобный фактъ гр. Растопчинъ, извѣстный въ свое время противникъ ограничительныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу и мнѣній, высказанныхъ въ этомъ смыслѣ въ современной литературѣ [4]), а съ другой—оффиціальный актъ, относящійся къ тому же дѣлу.

„Въ Москвѣ писалъ гр. Растопчинъ кн. Циціанову (30 мая 1805 г.) Беклешовъ сдѣлалъ *отъ падкости дѣйствовать на ладъ филантропамъ* большой промахъ, по просьбѣ дѣвки одного Страхова, что она жестоко бариномъ наказана, отказалъ ему отъ имѣнія, приставилъ опекуновъ и, положась на осмотръ полицейскаго офицера, отписалъ государю между прочимъ, что въ комнатѣ, гдѣ дѣвка была наказываема, видны пятны кровавыя на стѣнѣ и домъ запечатанъ. Государь препроводилъ все дѣло къ предводителю кн. Дашкову, который, исполняя данное повелѣніе, поѣхалъ съ депутатами отъ дворянства въ домъ къ Страхову; подъ присягою людей допрашивалъ, кои всѣ показали, что баринъ хорошъ, что дѣвка три раза за распутство была уже наказана въ полиціи и что въ послѣдній разъ онъ еще приказалъ ее наказать дворецкому. Но что всего смѣшнѣе—это то, что пятна кровавыя вышли цѣлыя стѣны, подъ красный мраморъ расписанныя. Не знаю чѣмъ кончится“ [5]).

ный неудачными дѣйствіями въ Швейцаріи (см біогр. его у Б. Каменскаго). Онъ ссорился съ Салтыковымъ за вмѣшательство его въ военную часть, а теперь и съ Беклешовымъ (XIX вѣкъ, II, стр. 6, 54, 72, 26; 12, 17, 20, 47). „Корсаковъ въ открытой ссорѣ съ Беклешовымъ, и, какъ ни бѣгалъ отъ повелѣній, но кончилъ тѣмъ что поѣхалъ въ Москву, и проѣздомъ стращаетъ Россію своею отставкою“ (54). Растопчинъ также недолюбливалъ Беклешова (стр. 65), въ чемъ и признается.

[1]) Ibid. стр. 59.

[2]) Ibid. стр. 81—82.

[3]) Указъ 1801 г. (Рус. Старина, т. X, 620—621). Рескриптъ Беклешову 28 апр. 1806 г. (Сборн. Арх. Инст., II, стр. 33).

[4]) См. нашу монографію: Графъ Н. С. Мордвиновъ, стр. 213—218.

[5]) Сборникъ XIX вѣкъ, II, 95.

Дѣло это закончилось уже при преемникѣ Беклешова и вотъ какъ сообщается о немъ въ правительственномъ актѣ. „Господинъ генералъ отъ инфантеріи москов. воен. губернаторъ Тутолминъ. Изъ рапорта, дошедшаго ко мнѣ отъ предшественника вашего ген. отъ инфантеріи Беклешова и представленнаго при ономъ приговора коммиссіи московскаго дворянства, по дѣлу о женѣ кол. ассес. Страхова, преданной мною суду сего дворянства за жестокіе съ людьми своими поступки, и о мужѣ ея, сужденномъ имъ за попущеніе къ тому, усматриваю я, что хотя въ приговорѣ семъ коммиссія и опровергаетъ обстоятельства слѣдствія о сихъ жестокостяхъ, полиціею произведеннаго, ослабляя тѣмъ самымъ вину Страховой; но въ заключеніи, по единогласному всѣхъ почти крестьянъ показанію, что имъ трудно жить, сама признавая нѣкоторую наклонность въ Страховой къ суровости, полагаетъ: 1) чтобы ее, Страхову, не лишая права преимуществъ, дворянству присвоенныхъ, предать для укрощенія суровой ея склонности, на 6 недѣль церковному покаянію. 2) Людей ея и имущество отдать на то время ея мужу или кому отъ нея будетъ ввѣрено. 3) Кол. ас. Страхова, какъ въ поступкахъ жены неучаствовавшаго, оставить безъ всякаго наказанія.

„Сообразивъ сіе положеніе дворянской ком. съ обстоятельствами дѣла и съ примѣчаніями, *отъ предмѣстника вашего на оное представленными*, я нахожу....., что наказаніе, оною опредѣляемое, собственному ея заключенію несоотвѣтственно; ибо участь людей, суровости такой подверженныхъ, покаяніемъ церковнымъ достаточно не ограждается, и средствомъ симъ они не только не изъемлются отъ угнетеній, преслѣдованіемъ полиціи обнаруживаемыхъ, но за показаніе ихъ, на будущее время еще болѣе потерпѣть могутъ; а потому дабы, съ одной стороны пресѣчь зло, а съ другой отвратить вредный примѣръ подобныхъ злоупотребленій, согласно указу 19 іюля 1797 г., повелѣваю: отлуча помѣщицу Страхову отъ управленія имѣніемъ, оставить оное въ опекѣ, не допуская въ составъ оной ея мужа" (24 февр. 1807 г.[1]).

---

[1]) Рус. Старина, т. XX, 664—665.

Отношеніе Растопчина къ дѣйствіямъ Беклешова въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе странно, что онъ самъ одновременно съ тѣмъ передаетъ въ своихъ письмахъ болѣе возмутительные факты изъ тогдашней помѣщичьей жизни [1]).

Императоръ Александръ I не разъ выражалъ Беклешову благодарность за его заботы о благоустройствѣ и нуждахъ старой столицы (по поводу водоснабженія города, передачи дворцовыхъ земель, внутри города лежащихъ, въ частное владѣніе и т. п. [2]). При немъ состоялась закладка Академіи коммерческихъ наукъ въ Москвѣ [3]). Представляя же о выраженномъ московскимъ фабрикантомъ Пантелѣевымъ желаніи отпустить купленныхъ имъ фабричныхъ людей въ состояніе вольныхъ ремесленниковъ, Беклешовъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Комитетъ министровъ объ исходатайствованіи фабриканту Пантелѣеву „за оказываемый имъ подвигъ благодѣтельности къ крѣпостнымъ его людямъ" золотой медали для ношенія на шеѣ. Комитетъ министровъ одобрилъ это представленіе Беклешова [4]).

Въ своемъ положеніи Беклешовъ всегда держалъ себя независимо и отъ того не разъ возникали теперь слухи о его ссорѣ съ мини. внутр. дѣлъ В. П. Кочубеемъ [5]). Впрочемъ многое здѣсь зависѣло отъ личной притязательности этого послѣдняго [6]) и новости дѣла по учрежденіи министерствъ, а неизбѣжность подобныхъ столкновеній по существу указывалъ въ самомъ началѣ тому же Кочубею гр. С. Р. Воронцовъ, строгій и послѣдовательный защитникъ прежняго коллегіальнаго порядка [7]).

---

[1]) См. XIX вѣкъ, II, 54—55. Ср. также Арх. Воронц., XXXV, 431.

[2]) Сборн. Арх. Инст. т. II. Рескрипты А. А. Беклешову (29—33). Журналы Комитета министровъ. Царств. импер. Александра I. Т. I, стр. 413—414. Но Растопчинъ и этой послѣдней мѣрѣ придавалъ своеобразное объясненіе (XIX вѣкъ, II, 113)

[3]) Русскій Архивъ, 1873, II, 1888.

[4]) Журналы Ком. министровъ, I, 120,

[5]) Воронц. Арх. т. XII, 286; т. XVIII, 397. Объ оффиціальныхъ пріемахъ Беклешова въ Москвѣ и рѣзкихъ иногда замѣчаніяхъ (о Кочубеѣ) при докладахъ см. записки В. Н. Геттуна (Ист. Вѣст. 1880, I, 289).

[6]) Ibid. стр. 397.

[7]) См. его записку о внутреннемъ управленіи въ Россіи, 1803 г. (Арх. кн. Воронцова, XV, 441—452; Рус. Арх. 1881, II, 155—162).

Въ частной жизни Беклешовъ отличался веселымъ нравомъ, доступностію, любилъ общество и хорошій столъ[1]). Узнавъ о какихъ либо случаяхъ или болтовнѣ молодыхъ людей, онъ не прибѣгалъ къ „потаенной расправѣ" свойственной прежнему времени, а ограничивался отеческимъ наставленіемъ[2]). Какъ начальника Москвы, одинъ изъ современниковъ характеризуетъ его такъ: „Ал. Ан. Беклешовъ, столь извѣстный своимъ здравымъ русскимъ умомъ, непоколебимостію и правосудіемъ своего характера, есть вмѣстѣ человѣкъ самаго добраго и нѣжнаго сердца. Кто бы могъ это сказать, смотря на его угрюмую физіогномію и нѣкоторую жесткость въ обхожденіи? А. А. очень не богатъ, а между тѣмъ такъ охотно и съ такимъ радушіемъ благодѣтельствуетъ всѣмъ, кто ни прибѣгаетъ къ его помощи! Не говоря уже о братѣ его, Николаѣ Андреевичѣ, которому какъ отцу многочисленнаго семейства, предоставилъ онъ всѣ доходы съ небольшаго родоваго своего имѣнія, онъ почти всѣ карманныя деньги раздаетъ неимущимъ... Какъ-то на дняхъ опять явилась къ нему съ просьбою о дѣтяхъ вдова над. сов. Ѳедорова, умершаго подъ судомъ за растрату казенныхъ денегъ. „Ну ты опять пришла, говоритъ ей Беклешовъ: вѣдь я сказалъ ужъ тебѣ, что мужъ твой былъ плутъ и я за тебя, хоть ты расплачься, государя безпокоить не стану. А вотъ тебѣ на бѣдность отъ меня еще 100 р.; какъ проѣшь ихъ, такъ добрые люди еще помогутъ. О старшихъ же ребятишкахъ попрошу губернскаго предводителя и кого нибудь изъ ученыхъ, чтобъ помѣстили въ какое нибудь училище. Учеными называетъ А. А. университетское начальство". Современникъ прибавляетъ, что девизомъ правленія Беклешова служили правила: *слабостямъ снисходи, проступки исправляй, злонамѣреніе преслѣдуй, а раскаянью прощай*". Гдѣ Беклешовъ ни служилъ, заключаетъ онъ, какія высокія долж-

---

Въ этой запискѣ Воронцовъ предостерегаетъ Кочубея отъ послѣдствій „министерскаго деспотизма".

[1]) XIX вѣкъ, II, 81—82, 113, Бантышъ-Каменскій, Словарь достопам. людей, I, 175; Рус. Старина, XII, 234, 243, 245.

[2]) Записки Современника, 206—207, 231—231; XIX вѣкъ, 108.

[3]) Ibid. 205—207.

ности ни занималъ, всюду снискивалъ онъ любовь и уваженіе и всюду былъ по словамъ поэта Петрова:

> Защитникъ строгаго Зенонова закона
> И стоикъ посреди великолѣпій трона.

Въ дополненіе къ сказанному присоединимъ еще разсказъ изъ воспоминаній проф. Снегирева, также относящійся къ пребыванію Беклешова въ Москвѣ. „Въ Москвѣ говоритъ авторъ записокъ, былъ главнокомандующимъ Беклешовъ, человѣкъ умный, справедливый, но вспыльчивый, имѣвшій по дѣламъ службы столкновеніе съ митрополитомъ. Въ одинъ торжественный день онъ былъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ. Платонъ говорилъ проповѣдь, во время которой Беклешовъ заговорился съ какимъ-то пріѣзжимъ изъ Петербурга генераломъ. Проповѣдникъ замолчалъ. Когда главнокомандующему адъютантъ замѣтилъ объ этомъ и тотъ прекратилъ разговоръ, Платонъ спросилъ его: „кончили ли вы ваше в. прев.? а я стану продолжать мое слово“. Случилось, при другомъ служеніи въ соборѣ Платона, присутствовать Беклешову. Митрополита въ алтарѣ прогнѣвалъ протодіаконъ какимъ-то проступкомъ. Платонъ довольно громко выговаривалъ виноватому. Главнокомандующій воспользовался этимъ случаемъ, послалъ къ преосв. въ алтарь своего адъютанта спросить: „Какъ его превосх. изволилъ услышать шумъ здѣсь, то приказалъ мнѣ спросить в. преосв. не нужна ли вамъ полиція?“—„Полиція я здѣсь, возразилъ Платонъ, а онъ съ полиціей на площади“ [1]).

3 апрѣля 1806 г. Беклешовъ, по разстроенному здоровью, оставилъ службу, причемъ получилъ алмазные знаки орд. Андрея Первозваннаго. Осенью того же года онъ отправился на жительство въ Ригу [2]). Сюда повидимому влекли его старыя симпатіи и привычки [3]). Но уже въ началѣ слѣдующаго года, когда России предстояла война съ Франціей, онъ былъ избранъ главнокомандующимъ третьею областью земскаго войска (милиціи), состоявшею изъ губерній: лифляндской, эстляндской, курляндской и

---

[1]) Рус. Архивъ 1866, 539—540.

[2]) Р. Архивъ 1873, II, 1888.

[3]) Записки Нейендаля (Прибалт. Сборн., IV, с. 396—397).

псковской [1]), причемъ на него, какъ близко знавшаго край, возложены были, помимо мѣстной администраціи, изслѣдованіе причинъ неурожая въ лифляндской губ. и изысканіе средствъ къ отвращенію возможнаго голода; а 26 окт. 1807 г. онъ награжденъ былъ орд. св. Владиміра I ст. [2]). Въ это время онъ находился уже въ крайне болѣзненномъ состояніи [3]), а 24 іюля 1808 г. скончался въ г. Ригѣ, гдѣ и погребенъ на Покровскомъ кладбищѣ. Здѣсь сохранился гранитный памятникъ, поставленный надъ его могилою. На лицевой сторонѣ памятника, на мраморной доскѣ, рельефомъ высѣченъ весьма схожій и отчетливой работы портретъ покойнаго; на задней сторонѣ, также на мраморной доскѣ, вырѣзанъ гербъ его. На правой сторонѣ—краткій некрологъ, а на четвертой сторонѣ, на мраморной же доскѣ, высѣчена слѣдующая эпитафія:

„Во гробѣ Беклешовъ здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но разумомъ своимъ безсмертенъ пребываетъ
Онъ въ мирѣ и въ войнѣ отечеству служилъ,
Героемъ на моряхъ противъ срациновъ былъ.
Искусствомъ обладалъ какъ править областями,
Усердствовалъ царямъ и былъ любимъ царями.
Богатства не искалъ, мздоимства не терпѣлъ,
Не властью, а умомъ почтенье пріобрѣлъ;
Науки самъ любилъ и уважалъ ученыхъ,
Заслугъ имѣлъ самъ тьму, но чтилъ и заслуженныхъ.
Кто честность, нравъ и умъ въ семъ мужѣ точно зналъ,
Тотъ Беклешовымъ быть сердечно-бъ пожелалъ“ [4]).

А. А. Беклешовъ женатъ не былъ; но онъ имѣлъ воспитанника, о судьбѣ котораго позаботился заблаговременно и далъ ему

[1]) П. Собр. Зак., т. XXX, 156.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. XXII, 375; Воспом. объ А. А. Беклешовѣ, Павла Аверина (Воспом. на 1832 годъ, изд. С. Руссовымъ, Спб. 1832, с. 69). Авторъ этой замѣтки намѣревался издать полное жизнеописаніе А. А. Беклешова, но кажется не выполнилъ своего желанія. Портретъ Беклешова помѣщенъ въ книгѣ П И. Иванова: Біографіи генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи, М. 1864.

[3]) Воронц. Арх., XXX, 245.

[4]) Прибалт. Сборн., IV, с. 397. Уже въ 1846 г. извѣстный А. П. Ермоловъ писалъ кн. М. С. Воронцову; „Податель письма—молодой человѣкъ Беклешовъ, внукъ *славнаго строгою правдою Беклешова*, нѣкогда много уважаемаго Великою Екатериною“. (Воронц. Арх., т. XXXVI, 297).

приличное образованіе. Въ указѣ 1799 г. сказано что имп. Павелъ, „снисходя на прошеніе генералъ отъ инфантеріи Беклешова", пожаловалъ Алексѣя Александрова россійскимъ дворянствомъ, дозволилъ усыновить его и съ фамиліею Беклешовыхъ укрѣпить за нимъ имѣніе на законномъ основаніи [1]). Состоя въ чинѣ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, Алексѣй Беклешовъ былъ убитъ 17 августа 1813 г. въ сраженіи съ французами подъ Кульмомъ, на 22 году отъ рожденія [2]).

В. Иконниковъ.

---

[1]) Сенат. Архивъ, I, 496. О его склонности къ литературѣ (Записки Селивановскаго, Библ. Зап. I, 517).

[2]) Воспом. Аверина, 70.

Беата и Гальшка.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЖИЗНИ XVI В.[1])

ЯК. КАРО.

(*Переводъ съ нѣмецкаго*).

Среди описанныхъ выше событій, въ самый разгаръ январьскихъ холодовъ 1554 года, переѣзжала силезскую границу по направленію къ Богеміи одинокая повозка съ двумя сѣдоками: молодымъ, статнымъ господиномъ и слугой или пажемъ, который выглядѣлъ какъ то слишкомъ женственно. Въ первомъ сѣдокѣ нетрудно было узнать князя Дмитрія Сангушка; нѣсколько труднѣе было признать въ пажѣ переодѣтую героиню нашего разсказа, четырнадцатилѣтнюю княжну Гальшку, а въ ту пору уже законную, хотя и непризнанную, княгиню Сангушко. Осужденный князь былъ намѣренъ скрыться съ молодою женою въ замокъ Рудницу, въ Богеміи, принадлежавшій его покровителю гетману Тарновскому. Путешествіе продолжалось безъ помѣхи, и уже въ послѣднихъ числахъ января наши бѣглецы достигли города Нимбурга, гдѣ переночевали у Ѳомы Мыслика. Изъ Нимбурга они отправились далѣе въ мѣстечко Лысу, въ пяти миляхъ отъ Праги, и 31 января остановились въ гостинницѣ трактирщика Мартына Ливы.

Оригинальное было это свадебное путешествіе, какъ и самая свадьба, даже и помимо вынужденнаго переодѣванія молодой.

[1]) „Кіевская Старина“, 1890 г., № 1.

На всемъ протяженіи пути, гдѣ проѣхали новобрачные, можно было видѣть толпу въ двѣсти слишкомъ конныхъ пановъ и слугъ, которые повидимому кого то преслѣдовали. Тутъ находились родственники княгини Беаты Косцелецкіе, панъ Янушъ, воевода сѣрадзскій, панъ Андрей, воевода ленчицкій, родственные имъ графы Горка, графъ Андрей, староста Кроны-Нѣмецкой, и графъ Лука, староста бусскій. Но впереди всѣхъ мчался панъ Мартынъ Зборовскій, воевода калишскій, съ сыномъ своимъ, который также носилъ имя Мартына и титулъ каштеляна кривинскаго, и съ двумя слугами. Эти четверо передовыхъ всадниковъ также вскорѣ достигли Нимбурга и остановились у того самаго Ѳомы Мыслика, гдѣ незадолго передъ этимъ ночевали наши новобрачные.

Послѣдній день января 1554 года приходился въ середу, и у трактирщика Мартына Ливы въ Лысѣ справляли какъ разъ въ это время свадебную пирушку, куда собрались гости не только изъ мѣстечка и сосѣднихъ деревень, но даже изъ ближайшаго города Челяковицъ. Гдѣ было веселье, тамъ панъ Дмитрій былъ свой человѣкъ. Городовой писарь и райца городка Лысы, достопочтенный панъ Матей, искренно и правдиво разсказываетъ, какъ держалъ себя на праздникѣ чужеземецъ:

„Пріѣзжій панъ сѣлъ за однимъ столомъ, а мы за другимъ посреди комнаты. Трактирщица принесла свѣчу и поставила ее на нашемъ столѣ.

— Ого, дай же и мнѣ свѣчу!—воскликнулъ иностранецъ. Я хотѣлъ поставить нашу свѣчу ему на столъ.

— Оставь, не нужно,—возразилъ панъ. Но въ трактирѣ было много народа. Я присѣлъ къ столу молодого пана и завязалъ съ нимъ бесѣду. Онъ выдавалъ себя за канцлера славнаго города Мюнстерберга, значитъ былъ важнымъ паномъ. Впрочемъ это не помѣшало ему танцовать съ дѣвушкой изъ нашего общества, которую ему представили. Послѣ этого я ушелъ домой и легъ спать“.

Примѣру городового писаря Матея послѣдовали и другіе гости. Граждане Лысы разбрелись по домамъ; изъ иногороднихъ гостей, женщины ушли спать на вышку, а мужчины располо-

жились какъ попало на лавкахъ тутъ же въ трактирномъ залѣ. Князь Дмитрій отправился по лѣстницѣ наверхъ, гдѣ въ особой комнатѣ помѣщалась княжна Гальшка съ своей прислужницей.

На слѣдующій день всѣ поднялись очень рано, и гости сошли внизъ. Солнце уже ярко блистало, когда по лѣстницѣ спустился въ трактирную комнату и князь Дмитрій, еще неодѣтый, но закутанный въ крытую бархатомъ шубу. На немъ было блестящее золотое ожерелье.

— Добраго утра,—привѣтствовалъ онъ гостей при входѣ въ комнату.

Всѣ поблагодарили, и Дмитрій самымъ любезнымъ образомъ освѣдомился, хорошо ли почивали гости. Прохаживаясь по комнатѣ, онъ шутливо спрашивалъ женщинъ и дѣвушекъ:

— Гдѣ же вы спали?

— Тамъ, на вышкѣ,—былъ отвѣтъ.

Дмитрій отправился къ умывальнику, умылся и вернувшись въ комнату, воскликнулъ:

— Ну, господа, теперь будемъ веселиться!

Онъ пожелалъ, чтобы играла музыка, и кликнулъ трактирщицу, но ее въ то время не было дома. Голодъ давалъ себя чувствовать, пора было завтракать.

Наконецъ появилась трактирщица Людмила Лива.

— Найдется что нибудь для завтрака?—освѣдомился князь.

— О, да, кой что найдемъ,—отвѣчала трактирщица.

— Но мнѣ нужно каплуна непремѣнно, хотя бы это стоило цѣлый золотой! замѣтилъ князь.

— Хорошо, сударь, все будетъ готово.

— Ну, ладно, только поскорѣе пожалуйста, и если бы даже мнѣ пришлось издержать у васъ сотню-другую золотыхъ—будетъ уплочено!

Въ это время въ дверяхъ показался трактирщикъ Мартынъ Лива и позвалъ жену:

— Людмила! выдь-ка на минутку!

Она немедленно повиновалась и вышла изъ комнаты, но въ открытую дверь тотчасъ же ворвалась толпа вооруженныхъ

людей и раздались ружейные выстрѣлы, направленные въ середину гостей.

Это предательство было подготовлено наканунѣ ночью.

Мы покинули калишскаго воеводу пана Мартына Зборовскаго въ трактирѣ Мыслика въ Нимбургѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ сыномъ и двумя слугами остановился въ томъ самомъ помѣщеніи, въ которомъ незадолго передъ тѣмъ ночевали Дмитрій и Гальшка. Прочіе преслѣдователи пережидали въ Яромирѣ, такъ какъ опасались проникнуть далѣе въ чужую землю безъ всякаго разрѣшенія, а изъ Яромира въ случаѣ нужды легко было скрыться за польской границей. Отъ нимбургскаго трактирщика Зборовскій узналъ, куда направились бѣглецы. Чтобы привлечь горожанъ на свою сторону и возстановить ихъ противъ Дмитрія, Зборовскіе описывали причины бѣгства и преслѣдованія въ самыхъ ужасающихъ краскахъ: они разсказывали, будто бѣглый преступникъ умертвилъ въ Острогѣ множество народа, даже женщинъ и дѣвушекъ, какъ онъ похитилъ княжну и вмѣстѣ съ нею на 300,000 дукатовъ золота и серебра, и т. п. Этими баснями полякамъ удалось склонить на свою сторону трактирщика Мыслика, а затѣмъ чрезъ его посредство и нимбургскаго войта или „судью" Адама Кухту. Новые друзья вскорѣ пришли къ единогласному рѣшенію, что безъ позволенія лысскаго комендანта ничего нельзя начинать. Нужно было какъ нибудь устранить это затрудненіе, и Адамъ Кухта вызвался помочь бѣдѣ.

Вечеромъ того же 31 января молодой Зборовскій, переодѣтый и на лошади, взятой у трактирщика, чтобы не быть узнаннымъ по своему польскому костюму, отправился по дорогѣ въ Лысу въ сопровожденіи Кухты, Мыслика и трактирнаго пахолка. Старый Зборовскій, поджидавшій нѣкоторыхъ поляковъ, двинулся туда же значительно позже ночью, взявъ въ проводники какого то еврея.

Около полуночи четверо передовыхъ прибыли въ Лысу, и нимбургскій войтъ постучался въ домъ Адама Кухара, куда ихъ тотчасъ же и впустили. Судья велѣлъ зажечь свѣчу и развести огонь въ печкѣ.

— Но, почтеннѣйшій тезка,—освѣдомился Адамъ Кухаръ у судьи Кухты:—куда же вы ѣдете?

— Въ Прагу, на ярмарку! былъ отвѣтъ.

Кухаръ вышелъ на минутку изъ комнаты по своему дѣлу. Когда онъ вернулся, Кухта попросилъ его проводить поляковъ къ коменданту замка. Этимъ панамъ зачѣмъ то нужно и конечно они будутъ очень благодарны. Кухаръ нимало не колеблясь отправился въ путь. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ явился наконецъ къ посѣтителямъ комендантъ, панъ Матвѣй Вахтель изъ Партенау, и поляки начали съ нимъ бесѣду.

Зборовскій разсказывалъ, что въ Лысѣ скрывается извѣстный убійца, объявленный въ Польшѣ лишеннымъ покровительства законовъ. Въ подтвержденіе онъ представилъ три королевскихъ декрета, писанные по-латыни. Гауптманъ недовольно проворчалъ, что никакой латыни не знаетъ. Нечего нарушать ночной покой. Утромъ онъ пригласитъ судью и присяжныхъ.

Этого было мало для Зборовскаго. До тѣхъ поръ преступникъ пожалуй умертвитъ похищенную княжну, замѣтилъ онъ.

Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ панъ Вахтель, можно пожалуй отправиться туда и принять мѣры предосторожности, чтобы преступникъ не скрылся, но бить его они не смѣютъ,—онъ это запрещаетъ.

Ночные посѣтители возвратились въ домъ Кухара, куда между тѣмъ прибыло до двадцати поляковъ съ воеводою Зборовскимъ. Они расположились кругомъ на лавкахъ и вели бесѣду.

— Кто идетъ?—спросили они нимбургскаго войта при появленіи Кухара.

— Это трактирщикъ,—былъ отвѣтъ.

— Здорово, хозяинъ,—привѣтствовалъ его старый Зборовскій, сидѣвшій въ углу за столомъ.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ чехъ.

Послѣ этого обсудили, какъ бы пригласить трактирщика Ливу, и въ то время, какъ Кухаръ вышелъ изъ комнаты, поляки отправили въ трактиръ своего посланца, Венцеля Коханека.

Послѣдній встрѣтилъ здѣсь женщину, которая помогала въ трактирѣ при пирушкѣ, Катерину Вискову, и попросилъ ее раз-

будить и вызвать къ нему хозяина. Катерина отказалась наотрѣзъ, хотя Коханекъ увѣрялъ, что у него важное дѣло и что онъ явился по приказанію коменданта. Но другая женщина, Конделька изъ Челяковицъ, оказалась сговорчивѣе, взяла свѣчу, отправилась съ Коханекомъ и разбудила хозяевъ.

Переговоры съ трактирщикомъ Мартыномъ Ливою пошли какъ по маслу, и когда настало утро, вѣроломный Лива явился къ полякамъ въ домъ Кухара и объявилъ:

— Спѣшите, Дмитрій уже всталъ!

Вся толпа поляковъ, съ нимбургскимъ войтомъ Кухтой во главѣ, немедленно двинулась въ путь. Мартынъ Лива поспѣшилъ къ своему дому впередъ и отворивъ дверь трактирнаго зала, вызвалъ, какъ сказано выше, жену: „Людмила, выдь-ка на минутку!"

Не успѣла хозяйка выйти за дверь, какъ въ комнатѣ раздались ружейные выстрѣлы. Одинъ челяковицкій горожанинъ и женщина были ранены, а двѣ пули ударились въ противоположную стѣну и застряли въ ней. Но Дмитрій остался невредимъ. Онъ кинулся къ двери, и хотя двое слугъ схватили его за одежу, но князь сбросилъ съ себя шубу и выскочилъ въ сѣни. Онъ былъ намѣренъ проникнуть въ комнату, гдѣ находилась Гальшка съ своей прислужницей. Но путь уже былъ прегражденъ, рубашка на князѣ была изорвана преслѣдователями и клочьями висѣла на голомъ тѣлѣ. Слуги Зборовскаго вытѣснили Дмитрія во дворъ трактира и одинъ изъ нихъ поразилъ князя ударомъ сзади. Ворота были заперты. Дмитрій пробовалъ выбить доску изъ воротъ, но враги настигли его и били прикладами и желѣзными шомполами „точно скотину", по выраженію одного изъ свидѣтелей. Другой очевидецъ показалъ, что у воротъ какой то полякъ ударилъ князя по головѣ серебряной булавой. Третій свидѣтель видѣлъ, какъ Адамъ Кухта, нимбургскій войтъ, поразилъ князя въ голову ружейнымъ прикладомъ съ такою силою, что кровь ручьемъ полилась по обнаженному тѣлу несчастнаго.

— Стой, измѣнникъ, сдавайся,—вопилъ разсвирѣпѣвшій Кухта.

— Господа,—молилъ истекавшій кровью князь,—не убивайте меня, я вамъ ничего не сдѣлалъ.

Но Кухта приказалъ слугѣ наложить на князя оковы. Слуга повиновался. Несчастный прислонился къ стѣнѣ свиного хлѣва, такъ какъ былъ совершенно нагъ. Когда слуга передалъ на время свое ружье войту и подошелъ къ князю, послѣдній сказалъ:

— Иди, не бойся, я христіанинъ, и если боишься Бога, пожалѣй меня!

Слуга наложилъ на него желѣзныя оковы. Двое поляковъ схватили несчастнаго за руки и въ такомъ видѣ, совершенно обнаженнаго, ввели въ трактирную комнату.

Женщина, которая помогала супругамъ Ливамъ на празднествѣ и оставалась тѣмъ временемъ въ запертой поляками свѣтлицѣ вмѣстѣ съ другими женщинами и дѣвушками, видя, что „польскаго пана ведутъ какъ мать на свѣтъ родила“, отчаянно закричала злодѣямъ:

— Ради самаго Господа и Пресвятой Богородицы, что̀ вы дѣлаете, безстыдники!

Петръ Пекаръ, присутствовавшій вмѣстѣ съ другими при разговорѣ младшаго Зборовскаго съ комендантомъ, также просилъ войта Кухту не бить несчастнаго, который уже и безъ того находится въ оковахъ. Вѣдь комендантъ положительно воспретилъ бить преслѣдуемаго.

Но Кухта лишь презрительно разсмѣялся.

— Ты не вправѣ—стоналъ Дмитрій—такъ обращаться со мною, я этого не заслужилъ.

— Можешь жаловаться на меня,—отвѣчалъ безжалостно судья.

Несчастный старался какъ нибудь скрыть свою наготу отъ бывшихъ въ комнатѣ женщинъ. Его положили на столъ, но онъ былъ такъ израненъ и окровавленъ, что ничего не могъ видѣть вокругъ. Послѣ этого ему связали еще руки, сорвали съ шеи золотое ожерелье и повѣсили взамѣнъ желѣзную цѣпь, издѣваясь, что она ему болѣе къ лицу, чѣмъ золотая.

— Измѣнникъ!—вскричалъ тогда панъ Мартынъ Зборовскій старшій, воевода калишскій, нанося несчастному пощечину:—

король одарилъ тебя милостями и поручилъ тебѣ пограничные замки, а ты вѣроломно и безчестно бросилъ ихъ. Прежде ты воевалъ съ татарами, а теперь воюешь съ женщинами!

Прочіе поляки также оскорбляли и издѣвались надъ беззащитнымъ. Но Дмитрій не отвѣчалъ имъ ни слова, только нимбургскому войту онъ сказалъ:

— Тебѣ я ничего не сдѣлалъ.

Наконецъ дали ему рубаху изъ тонкаго полотна, которую онъ однако отказался надѣть. Принесли простую рубаху,—онъ надѣлъ. Затѣмъ набросили ему на плечи волчью шкуру. Одинъ изъ челяковицкихъ горожанъ, нѣкто Чехель, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на несчастнаго князя; Дмитрій подмѣтилъ это выраженіе сочувствія и знаками просилъ чеха подойти къ нему поближе. Чехель сперва не понялъ, чего тотъ хочетъ, пока одинъ изъ слугъ не сказалъ, что несчастный проситъ пить. Чехель хотѣлъ дать князю напиться, но Кухта грубо оттолкнулъ его.

— Но кто же онъ такой и въ чемъ его вина? спросилъ Чехель войта.

— О,—отвѣчалъ Кухта,—онъ перебилъ много женщинъ въ острожскомъ замкѣ, откуда родомъ княжна; другія отъ ужаса выбросились въ замковой ровъ; онъ заточилъ мать княжны въ подземелье и нѣсколько дней держалъ ее тамъ безъ пищи; умертвилъ двухъ замковыхъ слугъ, пробовавшихъ сопротивляться, а съ княжной, которая тамъ наверху, онъ сперва скитался нѣкоторое время по лѣсамъ. Такого молодца нечего жалѣть.

Тутъ только вспомнилъ Кухта о слугахъ князя Дмитрія. Одинъ слуга остался вѣренъ своему господину и находился при немъ, другой спрятался за печкой, а третьяго нашли въ сараѣ для скота. Ихъ привели, привязали другъ къ другу и всѣхъ трехъ заковали въ одинъ общій ошейникъ.

Наконецъ лысскій гражданинъ Индеръ спросилъ у другого:— Гдѣ же жена этого господина?—Ему отвѣчали, что наверху.

— Клянусь Богомъ,—замѣтилъ Индеръ Кухтѣ:—мнѣ жалко этого господина, что его такъ изранили.

— Какъ можно жалѣть такого злодѣя,—возразилъ Кухта:— зачѣмъ онъ убивалъ женщинъ и дѣвушекъ, выгналъ ихъ изъ замка и увезъ съ собою эту княжну?

Затѣмъ судья вмѣстѣ съ воеводою Зборовскимъ отправился къ Гальшкѣ. Несчастная княжна дважды упала въ ноги пану Мартыну. Воевода привѣтствовалъ ее по обычаю и повелъ рѣчь о событіи. По словамъ одного изъ свидѣтелей, воевода послѣ отвѣта княжны на свой вопросъ [1]), замѣтилъ только:— Дѣло дрянь!

Во время этого разговора явился наверхъ Венцель Кохане къ, чтобы добыть перевязокъ для раненаго. Зборовскій оставилъ княжну, сошелъ внизъ въ трактирную комнату и расплатился съ хозяиномъ. Поляки старались примириться съ гостями Ливы, которые были ранены во время свалки, и уплатили двоимъ изъ нихъ 15 копъ грошей вознагражденія. Конделька, разбудившая Ливу ночью, также желала получить на свою долю, но паны разсмѣялись ей въ лицо.

Зборовскому легко могла теперь прійти въ голову мысль, что своимъ звѣрскимъ образомъ дѣйствій въ чужой странѣ онъ создастъ себѣ не мало затрудненій. Поэтому онъ послалъ слугу къ коменданту, чтобы увѣдомить его обо всемъ происшедшемъ. Гаупманъ Вахтель, о добросовѣстности котораго этотъ случай свидѣтельствуетъ довольно курьезнымъ образомъ, потребовалъ отъ поляковъ лишь обѣщанія на честномъ словѣ, что они останутся въ Нимбургѣ и уѣдутъ оттуда не раньше, какъ предъявятъ ему грамоту на свободный проѣздъ отъ эрцгерцога Максиміліана, намѣстника въ Богеміи. Тогда Зборовскій явился въ замокъ лично. Вахтель стоялъ на своемъ, что до полученія грамоты не можетъ также разрѣшить и увоза Дмитрія изъ Нимбурга.

— Ну, хорошо,—отвѣчалъ воевода:—такъ какъ благодареніе Богу княжна осталась въ добромъ здравіи, то два-три дня отсрочки для меня ничего не значитъ.

---

[1]) Показаніе свид. Щаснаго (Феликса) Швестеля изъ Челяковицъ: Зборовскій спросилъ Гальшку: „steli porušeni?“ Княжна отвѣчала утвердительно. См. Шараневича: „Гальшка, княжна Острожска“, стр. 72.— *Пр. пер.*

Возвратившись въ трактиръ, Зборовскій нашелъ своихъ слугъ за дѣятельными приготовленіями къ дорогѣ. Княжна съ прислужницей сошла внизъ и помѣстилась въ крытой повозкѣ. Четверо слугъ сняли кн. Дмитрія со стола, на которомъ онъ лежалъ, вынесли во дворъ и положили въ телегу. Поляки забрали себѣ сангушковыхъ лошадей, но на лучшаго коня сѣлъ Кухта и заявилъ:

— Ну, теперь онъ мой!

Затѣмъ весь кортежъ поспѣшно двинулся къ сосѣднему городу Нимбургу. По прибытіи поляковъ на нимбургскій рынокъ, вокругъ нихъ стала собираться толпа горожанъ. Кухта, въ качествѣ городоваго войта, подыскивалъ тѣмъ временемъ помѣщеніе для плѣнника. Дмитрій пластомъ лежалъ на своей телегѣ и былъ до такой степени покрытъ кровью, что невозможно было узнать его лицо. Онъ приподнялся и сталъ просить нимбургцевъ оказать ему защиту и покровительство. Онъ говорилъ окружившимъ телегу гражданамъ:

— Люди добрые, пожалѣйте меня Бога ради! Я отдаюсь на судъ его величества короля римскаго, ибо я его вассалъ. Ахъ, не давайте меня въ руки полякамъ. Если его величество король римскій велитъ меня казнить, охотно сложу тогда свою голову на плахѣ.

Между тѣмъ Адамъ Кухта распорядился отнести плѣнника въ домъ гражданина Венцеля Копецкаго. Въ то время, какъ Дмитрій лежалъ здѣсь, а Копецкій старался удалить любопытныхъ, желавшихъ проникнуть въ домъ, къ несчастному князю явилось двое нимбургскихъ гражданъ и долгое время бесѣдовали съ нимъ. Копецкій слышалъ только, какъ Дмитрій умолялъ своихъ собесѣдниковъ:—Люди добрые, сжальтесь надо мною! Вѣдь вы христіане,—не выдавайте меня полякамъ.

Служанка Копецкаго слышала еще, какъ плѣнникъ Богомъ заклиналъ гражданъ не выпускать его за черту городскихъ владѣній: они одни имѣютъ теперь надъ нимъ право суда и расправы. Пусть доведутъ обо всемъ до свѣдѣнія его величества, королевскихъ совѣтниковъ или эрцгерцога.

Граждане удалились. Нѣкоторое время спустя одинъ изъ

нихъ явился вновь. Дмитрій подозвалъ его къ себѣ и просилъ:— Ахъ, не выдавайте меня полякамъ, они умертвятъ меня на дорогѣ.

Тутъ подскочилъ одинъ изъ поляковъ и грозя желѣзнымъ шомполомъ закричалъ на нимбургца:

— Что̀ ты тамъ болтаешь съ нимъ, развѣ это твое дѣло?

— Успокойся,—отвѣчалъ гражданинъ хладнокровно и вышелъ изъ дому.

Въ толпѣ, тѣснившейся передъ домомъ Копецкаго, нашелся добрый человѣкъ, который изъ сожалѣнія къ плѣннику послалъ за цирульникомъ для осмотра ранъ кн. Дмитрія. Цирульникъ приблизился уже къ князю съ своимъ снарядомъ, чтобы омыть и перевязать раны, но тутъ явился войтъ Кухта и рѣшительно объявилъ:

— Панъ воевода воспретилъ перевязывать.

Поляки и Кухта издѣвались надъ сердобольнымъ горожаниномъ, пригласившимъ цирульника, и обзывали его „мочеточиной".

Подъ вечеръ явился молодой Зборовскій и глумился надъ плѣннымъ Сангушкомъ:

— Какъ могъ ты рѣшиться на такое дѣло? Не довольно развѣ было тебѣ какой нибудь простой шляхтянки? Тебѣ понадобилась непремѣнно княжна! Куда дѣвалъ ты ея добро и драгоцѣнности, которыя награбилъ?

Князь не отвѣчалъ своему мучителю ни единымъ словомъ.

Вечеромъ того же дня прибылъ изъ Лысы извѣстный уже намъ Венцель Коханекъ съ приказомъ отъ коменданта нимбургскому войту ни подъ какимъ видомъ не выпускать поляковъ изъ города, до полученія грамоты эрцгерцога. Кухта отвѣтилъ Коханеку, что поляки во всякомъ случаѣ не уѣдутъ до утра. Посланецъ успокоился и легъ спать. Но когда онъ проснулся на слѣдующій день утромъ и освѣдомился о воеводѣ, поляки были уже далеко за чертой городскихъ владѣній.

Когда все уже готово было утромъ къ отъѣзду, несчастный князь Дмитрій еще разъ взывалъ къ нимбургцамъ, что они не должны отпускать его съ поляками, такъ какъ имъ теперь принадлежитъ право суда. Еще разъ отдавалъ онъ себя на судъ

короля римскаго, эрцгерцога и королевскихъ совѣтниковъ. Пусть его задержатъ по крайней мѣрѣ до разрѣшенія дѣла въ королевскомъ совѣтѣ.

Лишь одинъ человѣкъ откликнулся на раздирающіе душу вопли князя. Нѣкто Канторекъ, тотъ самый, что наканунѣ пригласилъ цирульника, закричалъ Дмитрію, что позаботится дать знать куда слѣдуетъ. И дѣйствительно онъ нашелъ посланца, который немедленно отправился въ Прагу. Поляки не сказали на это ни слова.

Между тѣмъ они двинулись въ дальнѣйшій путь. Имъ пришлось сдѣлать въ этотъ и слѣдующій затѣмъ день пятьдесятъ миль, чтобы достичь наконецъ ближайшей цѣли путешествія, мѣстечка Яромира. Дмитрія везли подъ ближайшихъ наблюденіемъ нимбургскаго войта Кухты и молодого Зборовскаго,—отецъ последняго сопровождалъ княжну Гальшку. Въ день св. Власія, 3 февраля, пріѣхали они въ Яромиръ и заняли гостинницу. Несчастнаго плѣнника, который два дня ѣхалъ въ жестокую стужу съ неперевязанными ранами и въ открытой повозкѣ, поляки заперли въ конюшнѣ, приковали на цѣпь и поставили часовыми нѣсколько татаръ изъ отряда воеводы Зборовскаго.

Тѣмъ временемъ изъ Праги пришелъ приказъ яромирскому войту и райцамъ не отпускать поляковъ изъ города, если имъ уже удалось уйти изъ Нимбурга. Яромирскій магистратъ далъ знать объ этомъ воеводѣ, но не принялъ никакихъ мѣръ для безопасности плѣнника.

Въ туже ночь необъяснимая смерть положила конецъ его невыносимымъ страданіямъ.

Только 4 февраля утромъ распорядился яромирскій войтъ открыть конюшню, ключъ отъ которой находился у татарскихъ часовыхъ, и глазамъ его представилась ужасающая картина. Кровавые останки князя были еще прикованы цѣпью. Войтъ велѣлъ изготовить гробъ на счетъ города и положить въ него тѣло. Но воеводѣ это не понравилось. Онъ приказалъ своимъ татарамъ снять саванъ и выбросить обнаженный трупъ на навозъ въ конюшню. Къ великому соблазну яромирскихъ обывателей, Зборовскій велѣлъ удалить гробъ изъ дома.

Но настроеніе яромирскихъ гражданъ было повидимому иное, нежели въ Нимбургѣ. Плѣнные слуги Сангушка успѣли сообщить имъ, что кн. Дмитрій, ихъ господинъ, получилъ согласіе на бракъ съ Гальшкой отъ дяди невѣсты, что онъ дважды вѣнчался съ нею по церковному обряду, католическому и греческому, такъ какъ самъ принадлежалъ къ греческой церкви. Кромѣ того, отецъ княжны передъ смертью самъ назначилъ Сангушка своимъ будущимъ зятемъ.

Послѣднее заявленіе конечно было лишено всякаго основанія, такъ какъ кн. Илья Острожскій не могъ знать передъ своею кончиною, родится ли у него сынъ или дочь.

Какъ держала себя княжна во время звѣрскихъ истязаній и мучительной агоніи своего мужа, мы не знаемъ. Одинъ за другимъ прибывали ея родственники, соединившіеся съ Зборовскимъ для преслѣдованія князя, панъ Янушъ Косцелецкій, панъ Андрей Косцелецкій, графъ Андрей и Лука Горки. Съ графомъ Андреемъ Горкою прибылъ отрядъ въ 200 человѣкъ, который былъ расквартированъ частью въ Находѣ, частью въ Глацѣ.

Только появленіе этихъ пановъ повидимому убѣдило кровожаднаго воеводу Зборовскаго, что поведеніе его останется безнаказаннымъ. Не ранѣе 7 февраля согласился онъ наконецъ выдать тѣло князя Дмитрія. Яромирскій магистратъ распорядился вновь надѣть на покойника саванъ и перенести тѣло въ домъ войта. Отпѣваніе совершалось на чешскомъ языкѣ. Массы народа толпились въ домѣ войта вокругъ тѣла усопшаго, и всѣмъ бросилось въ глаза, что, несмотря на жестокій морозъ, голова покойника не держалась неподвижно, но шаталась изъ стороны въ сторону. Общественное мнѣніе рѣшило, что шейные позвонки должны быть повреждены. Надпись надъ гробомъ князя въ церкви св. Николая въ Яромирѣ доказываетъ, что яромирскіе граждане нимало не сомнѣвались въ насильственной смерти Сангушка и убійцей считали Мартына Зборовскаго. Погребеніе оказалось возможнымъ совершить только 11 февраля. Тѣло было положено въ помянутой церкви въ особомъ склепѣ, гдѣ еще никого ранѣе не хоронили. Надъ гробомъ была затѣмъ воздвигнута украшенная гербомъ Сангушекъ плита съ такою надписью:

„Hoc loco conditur corpus clari Lithuaniae ducis Dimithr Sanduskowic ex magnifica Olgierdorum familia nati, capitanei Cyrkowiensis et Kanowiensis, quem perfide insidiose Martinus Zborowski trucidavit“. (Здѣсь покоится прахъ славнаго литовскаго князя Дмитрія Сангушковича изъ знаменитаго ольгердова дома, старосты черкасскаго и каневскаго, вѣроломно и измѣннически умерщвленнаго Мартыномъ Зборовскимъ).

Въ 1860 году фамилія Сангушекъ распорядилась замуровать эту плиту въ церковную стѣну, а взамѣнъ поставила надъ гробомъ другую съ надписью, гдѣ уже не упоминается объ убійцѣ и убіеніи Дмитрія.

Между тѣмъ донесеніе сострадательнаго Канторека изъ Нимбурга въ Прагу не осталось безъ результата. Въ пятницу 9 февраля, за два дня до погребенія жертвы мстительности, явились въ Яромиръ по повелѣнію римскаго короля Фердинанда гауптманы ф. Колинъ и Подибрадъ съ 30 кнехтами. Самому городу это причинило только безпокойство и расходы, такъ какъ горожане обязаны были отапливать квартиры военныхъ и держать караулы во время свирѣпствовавшей въ ту пору жестокой стужи. Цѣль присылки военнаго отряда заключалась собственно въ томъ, чтобы не допустить ухода поляковъ изъ города. Слуги кн. Сангушка были также задержаны. Какой то полякъ упрекнулъ одного изъ этихъ слугъ, что онъ согласился отправиться въ путь съ такимъ измѣнникомъ, и получилъ отвѣтъ:

— Не думаю, чтобы кто либо изъ васъ могъ сравниться въ доблестяхъ съ покойнымъ. Не съ измѣнникомъ я отправился въ дорогу, но съ любимымъ господиномъ и княземъ.

Секретарь кн. Дмитрія, Янъ Ярославъ Зелинскій, былъ настигнутъ въ Глацѣ въ Силезіи и по требованію поляковъ подвергнутъ аресту при ратушѣ.

О кровавомъ исходѣ столкновенія королю Сигизмунду-Августу было донесено въ то время, когда онъ, покончивъ въ Кнышини судъ надъ Дмитріемъ, отправлялся въ Парчовъ, гдѣ по всей вѣроятности находилась королева Екатерина во время люблинскаго сейма. Онъ немедленно послалъ къ римскому королю просьбу отпустить задержанныхъ въ Яромирѣ поляковъ. Пови-

димому лишь послѣ предварительныхъ переговоровъ между королями, 3 марта, мѣсяцъ спустя послѣ прибытія поляковъ въ Яромиръ, явились сюда два коммиссара римскаго короля и на слѣдующій день объявили панамъ и предложили къ подписи такой приказъ: воевода калишскій, панъ Мартынъ Зборовскій, долженъ подписью и печатью обязаться за себя и своихъ потомковъ никогда не предпринимать ничего ко вреду для Богеміи и особенно города Яромира. Оба Косцелецкіе съ своей стороны должны дать подписку съ приложеніемъ печатей, что въ теченіи двухъ слѣдующихъ мѣсяцевъ представятъ свою родственницу, княжну Гальшку, къ королю польскому въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ она находилась въ ту пору, то есть, не выдавъ ее вновь за кого-либо замужъ.

Поляки подписали эти обязательства и безпрепятственно уѣхали изъ Яромира. Косцелецкіе отвезли Гальшку обратно къ кн. Беатѣ. 18 марта мать и дочь вновь встрѣтились въ Познани. Только Кухта, нимбургскій войтъ, не могъ уѣхать съ поляками, ради которыхъ покрылъ себя такимъ срамомъ. По повелѣнію короля римскаго, королевскій прокуроръ Петръ Хотекъ въ Прагѣ началъ противъ Кухты и нимбургскихъ райцевъ уголовный процессъ. Въ теченіи послѣдняго, трактирщикъ Мартынъ Лива и Венцель Коханекъ умерли. Но оставалось еще до 80 живыхъ свидѣтелей, на показаніяхъ которыхъ основанъ нашъ разсказъ. Хотя они расходились въ мелкихъ подробностяхъ, но всѣ единогласно признавали, что Кухта велъ себя самымъ недостойнымъ, предательскимъ образомъ. Онъ былъ обвиненъ и приговоренъ къ публичному сѣченію въ трехъ частяхъ Праги—старомъ, новомъ и еврейскомъ городѣ, и наложенію клейма раскаленными щипцами, послѣ чего палачъ долженъ былъ вывести его за городскія ворота. Этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ 1557 году.

Н. М.

(Окончаніе въ слѣд. №).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

149.

Повѣрья о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ.

Въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ особенности въ Малороссіи, въ славянскихъ странахъ, напр. въ Далмаціи, у галицкихъ поляковъ (*Gustawicz* въ Zbiór wiadom. V), въ Германіи среди нѣмцевъ весьма распространены повѣрья и сказанія, что ужъ любитъ молоко, сосетъ коровъ, забирается въ погреба и выпиваетъ молоко изъ кувшиновъ. Я слышалъ въ харьковской губ. разсказъ, что ужъ такъ любитъ коровье молоко, что иногда пьетъ его изъ миски вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми, которыя отгоняютъ непрошеннаго гостя ложками. Любопытно, что весьма сходное сказаніе встрѣчается въ древнихъ скандинавскихъ сагахъ, гдѣ, вообще, ужъ выступаетъ, какъ у древнихъ литовцевъ, священнымъ животнымъ дома, spiritus familiaris. Въ скандинавскихъ сказаніяхъ дѣти вмѣстѣ съ ужемъ ѣдятъ молоко съ хлѣбомъ изъ одной и той же чашки и только сердятся на него за то, что молоко онъ пьетъ, а хлѣбныя крошки (Brocken) не трогаетъ (*Weinhold,* Altnord. Leben, 292). Въ латышской сказкѣ колдунья содержитъ у себя дома пропасть змѣй; вездѣ у нея были змѣи: и въ кровати, и въ избѣ, и въ хлѣвѣ, и во дворѣ; но никто не зналъ, на что ей змѣи. Наконецъ, одна старуха подстерегла ее и увидѣла, что какъ только хозяйка начинала кипятить молоко, тотчасъ подползали змѣи къ краю котла и выпускали молоко въ котелъ. А насосали онѣ это молоко отъ со-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 1.

сѣднихъ коровъ (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этн., II, 122). Словаки и чехи раздѣляютъ повѣрье о склонности ужа къ молоку. У словенцовъ существуетъ разсказъ, что въ одномъ мѣстѣ мать каждый день давала дѣвочкѣ на завтракъ жидкую молочную кашу. Дѣвочка обыкновенно выходила со своею мисочкою за порогъ и въ другомъ мѣстѣ не хотѣла ѣсть. Разъ отецъ замѣтилъ, что изъ подъ порога выползаетъ бѣлый ужъ и ѣстъ вмѣстѣ съ дѣвочкою, и слышалъ какъ дитя ему сказало: „ѣшь же и кашу, а не одно молоко“. На другой день отецъ подстерегъ и убилъ ужа; но вмѣстѣ съ ужемъ умерла и дѣвочка. О подобныхъ случаяхъ разсказываютъ и въ Чехіи. Бываетъ, говорятъ, такой ужъ, что обовьется около ноги коровы и сосетъ ея молоко. Эта корова, несмотря на побои, не даетъ себя доить дома. Въ одномъ мѣстѣ на р. Вагѣ у хозяина была корова, которую сосалъ ужъ; хозяинъ продалъ ее; но корова убѣжала на прежнее мѣсто и стала поджидать ужа. Новый хозяинъ, увидѣвъ, что къ ней ползетъ бѣлый, толстый ужъ, убилъ его. Тутъ же издохла и корова (*Потебня*, О Долѣ, 22).

Къ этимъ повѣрьямъ и сказаніямъ примыкаютъ другія, такъ или иначе поставляющія ужа въ связь съ молокомъ. Въ черниговской губерніи записанъ слѣдующій разсказъ о мстительности ужа: Однажды мужикъ, поправляя свою комору, нашелъ подъ гнилымъ столбомъ яйца ужа, взялъ ихъ и спряталъ. Ужъ поползъ въ погребъ и впустилъ отраву въ молоко. Мужикъ не захотѣлъ уничтожить яица ужа и положилъ ихъ на прежне мѣсто. Провѣдавъ объ этомъ, ужъ быстро поползъ въ погребъ и вывернулъ отравленное молоко на землю (*Черниговскія Губ. Вѣд.*, 1859, № 22).

Въ виду цѣлаго ряда сказаній о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ, сказаній, встрѣчающихся у разныхъ народовъ, въ древности и въ новое время, въ высшей степени сходныхъ, передаваемыхъ часто отъ имени лицъ, будто-бы собственными глазами видѣвшихъ, какъ ужъ пилъ молоко вмѣстѣ съ дѣтьми, въ виду всего этого естественно возникаетъ мысль обратиться за разъясненіемъ къ тѣмъ зоологамъ, которые изучали образъ жизни и нравы ужей. Спеціалистъ по этой части зоологіи Линкъ говоритъ, что народное повѣрье о томъ, будто ужъ сосетъ молоко у коровъ, есть „одно изъ самыхъ бездоказательныхъ суевѣрій. Мнѣ давно уже

бросилось въ глаза, замѣчаетъ по этому поводу Линкъ, что ни одинъ изъ многихъ обыкновенныхъ ужей, которыхъ мнѣ удавалось наблюдать въ продолженіе года, не прикасался къ сосуду съ питьемъ, хотя они очень рѣшительно хватали твердую пищу. Ужей, которые сдѣлались настолько ручными, что поѣдали мышей и лягушекъ не только передъ моими глазами, но даже изъ моихъ рукъ, я оставлялъ безъ воды сначала по недѣлямъ, потомъ по мѣсяцамъ; я прекратилъ даже ихъ обыкновенное купанье, чтобы донельзя усилить ихъ жажду. Затѣмъ я предлагалъ имъ молоко во всѣхъ возможныхъ видахъ, парное, простывшее, кипяченое и кислое; все было напрасно; ни одинъ изъ нихъ не обращалъ даже вниманія на питье. Они скользили по чашкѣ съ полнымъ равнодушіемъ, видимо стараясь не запачкать ротъ въ жидкости, которую, по народному вѣрованію, перешедшему и въ науку, они такъ любятъ, что подвергаютъ изъ за нея опасности свою жизнь и свою свободу. Когда я попробовалъ окунуть ихъ ротъ въ молоко, то встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Когда я вливалъ имъ молоко въ ротъ, то они съ усиліемъ выплевывали его спѣнившимся; сколько разъ я ни повторялъ эти опыты, результатъ былъ постоянно одинъ и тотъ же: никогда мнѣ не удавалось заставить ужа выпить хотя бы одну каплю молока. Я вывелъ твердое убѣжденіе, что разсказы о томъ, будто змѣя пьетъ молоко, относятся къ области басенъ". Подобныя наблюденія дѣлалъ и Ленцъ за 23 года прежде Линка и получилъ тѣ же результаты (*Бремъ*, Иллюстр. жизнь живот., V, 211).

И такъ, повѣрья и сказанія объ ужѣ, сосущемъ коровъ, не имѣютъ подъ собой никакой реальной почвы. Для объясненія ихъ нужно обратиться къ миѳологіи. Изъ трехъ различныхъ миѳологическихъ гипотезъ о происхожденіи народныхъ сказаній о змѣяхъ: змѣй=молнія, змѣй=радуга, змѣй=домовой духъ, spiritus familiaris, мы въ настоящемъ случаѣ считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ вторую гипотезу, что змѣй является символомъ радуги, и третью, что ужъ олицетворяетъ въ себѣ домоваго. „Радуга своею формою, говоритъ Аѳанасьевъ, наводила на сближеніе ея съ изгибающеюся небесною змѣею. Отсюда возникло представленіе о ней, какъ о гигантскомъ змѣѣ, пьющемъ моря, рѣки и озера, дугообразный хвостъ котораго блещетъ великолѣпными красками. Этотъ поэтическій образъ встрѣ-

чается у албанцевъ, литовцевъ и славянъ. Первые принимаютъ радугу за змѣю, которая, спускаясь на землю, пьетъ воду, и по яркости ея цвѣтовъ судятъ о будущемъ урожаѣ винограда, маслинъ и пшеницы. У литовцевъ радуга „Smakes", въ Бѣлоруссіи „смокъ"=змѣй, буквально сосунъ. Линде въ своемъ словарѣ приводитъ названіе радуги „piavke" (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр., I, 358). Первоначально на метафорическомъ языкѣ небесный змѣй—радуга—сосалъ небесную корову—тучу; затѣмъ поэтическій образъ получилъ бытовую реализацію и частное пріуроченіе въ сказаніяхъ о томъ, что змѣи, преимущественно ужъ, какъ змѣй ближайшій къ жилищу человѣка, любитъ молоко и сосетъ коровъ. Но разъ небесный миѳъ получилъ такое бытовое пріуроченіе, къ нему примѣшалось, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ надъ нимъ возобладало вѣрованіе въ домашняго духа, покровителя семьи, spiritus familiaris, для чего было вполнѣ достаточное основаніе въ томъ зоологическомъ фактѣ, что ужъ любитъ жилыя постройки и проживаетъ часто въ домѣ подъ поломъ или подъ печкой.

150.

Конь малыковатый.

Малорусскія народныя повѣрья и сказанія о животныхъ характерны въ томъ отношеніи, что выдѣляютъ привилегированный видъ изъ опредѣленнаго рода животнаго царства, придавая ему фантастическую окраску. Таковы: собака ярчукъ, пѣтухъ царикъ, змѣя царица, лягушка жаверъ, конь малыковатый. Въ чигиринскомъ у. говорятъ, что „малыковатый" конь имѣетъ на шеѣ двѣ толстыя жилы, между которыми находится большая впадина. Такіе кони бываютъ сильные; они хороши для работы; но крестьяне бояться держать ихъ, потому что если такой конь издохнетъ въ конюшнѣ, то за нимъ издохнетъ девять другихъ лошадей (*Podbereski*, 72). Въ харьковской губерніи такихъ коней называютъ двужильными и узнаютъ ихъ по бугру на шеѣ. Когда „двужильная" скотина издохнетъ, то ее вытягиваютъ не въ ворота, а прямо куда головой лежитъ. Лежитъ она къ плетню, нужно разламывать плетень; въ про-

тивномъ случаѣ, въ томъ же самомъ дворѣ пропадетъ еще двѣнадцать головъ скота (*Чубинскій*, I, 50). Проѣзжая какъ то на перекладной подъ г. Ахтыркой, я обратилъ вниманіе на одну изъ почтовыхъ лошадей: рослая, съ отвисшими большими ушами, она одинаково, скорымъ шагомъ хорошей рысистой лошади бѣжала по холмистой дорогѣ, безъ понуканій и подхлестываній. Когда я похвалилъ коня, ямщикъ согласился со мной, но съ сожалѣніемъ въ голосѣ замѣтилъ, что лошадь то двужильная... Здѣсь суевѣріе вызвано какой то особенностью въ лошадиной шеѣ, вѣроятно, хорошо извѣстной ветеринарамъ. Народъ требуетъ симметріи въ органическомъ строеніи животныхъ, не зная, что полная симметрія здѣсь рѣдкое явленіе.

151.

Повѣрья и обряды, связанные съ покупкой лошади.

Въ слободѣ Боромлѣ ахтырск. у. харьк. губ. я замѣтилъ слѣдующіе пріемы, повѣрья и обряды при покупкѣ лошади. Прежде всего осматриваютъ лошадь во всѣхъ статьяхъ: по зубамъ опредѣляютъ возрастъ; давятъ за ноздри, чтобы прыснула; щекочатъ подъ колѣнками, осматриваютъ ноги, преимущественно колѣнки и т. д.—обычные способы опредѣленія годности продаваемой лошади. Особенное вниманіе обращаютъ, чтобы у лошади не было „вовчакивъ“—такъ называютъ какіе то крайніе зубы или наросты на зубахъ у молодыхъ лошадей, при существованіи которыхъ лошадь плохо ѣстъ и худѣетъ. Говорятъ, что „вовчаки“ сбиваются остріемъ долота. Самая любопытная часть торга состоитъ въ передачѣ лошади покупщику и водвореніи ея на новомъ мѣстѣ,—тутъ обнаруживаются остатки глубокой старины. Сначала продавецъ и покупщикъ бьютъ по рукамъ, обернувъ руки полой. Деньги, назначенныя на могорычъ, кладутъ въ шапку. Могорычъ состоитъ или въ бутылкѣ водки, или чаще въ нѣсколькихъ бутылкахъ квасу (по 8, 10 и 12 коп. за бутылку). Запивъ могорычи, продавецъ бросаетъ на лошадь землей и напутствуетъ покупателя пожеланіями. Вводя во дворъ новаго коня—его обливаютъ въ воротахъ водой и затѣмъ смотрятъ, что

онъ будетъ дѣлать во дворѣ въ первое время; если онъ вымочится —дурной признакъ, пользы отъ него будетъ мало. Если новый конь вялъ и мало ѣстъ, то совершается обрядная его продажа, на подобіе того, какъ продаютъ хилаго ребенка (см. 82 § „Культ. переж.“). Въ ближайшіе дни замѣчаютъ, нѣтъ ли косы въ гривѣ лошади, что служитъ признакомъ расположенія къ ней домоваго. Косой считается одна или нѣсколько завитушекъ волосъ. Если косу эту отрѣзать—лошадь ослѣпнетъ.

У галицкихъ поляковъ сходныя повѣрья связаны съ покупкой коровы, напр. бросаютъ въ нее землей, деньгами (*Gustawicz*, въ Zbiór wiadom, V, 109).

152.

Повѣрья о пчелахъ.

Въ „Степовыхъ думахъ та спивахъ“ И. И. Манжуры есть два превосходныя стихотворенія о пчеловодствѣ: „На пасици“ и „Бджолы“. Въ нихъ вѣрно схвачены типичныя черты малорусской пасики, главные интересы и заботы пчеловода и общія народныя воззрѣнія на пчелу и пчеловодство. Въ стихотвореніи „На пасици“ старикъ пасичникъ весной:

> Выставывъ бджилоньку яру,
> Святою водою кропывъ
> И взятку на божу отару
> У Господа щыро просывъ.

Въ стихотвореніи—„Бджолы“—„бджилка свята вулыки темни, трухляви кида, свиту шукае, простору, льется изъ вичокъ неначе вода... Гулко та весело сила гуде въ ссяеви раннёму литнимъ, дружно, охоче на пашу иде, въ небови тоне блакитнимъ... Царына ій, синожаты, садки квитомъ усимъ поступылись... Въ кожную квитку загляне вона, наче и утомы немае; носе та носе, и краю не зна, людямъ та Богови дбае“. Насколько вѣрна эта поэтическая характеристика пчелы общенароднымъ о ней представленіямъ, можно видѣть изъ слѣдующаго народнаго сказанія о пчелѣ; „Бжола просила у Бога, щобъ брать изъ цвиту препитаніе. Такъ Богъ

давъ ій уси цвиты до моря, до востока: „Ходы по свиту; изъ усихъ рикъ, изъ усихъ берегивъ избирай Богу хвиру (воскъ?), и людямъ дбай, и соби дбай“ (*Кулишъ,* Зап. о юж. Р. II, 33). Въ малорусскихъ колядкахъ въ числѣ пожеланій домохозяину упоминается дерево, въ серединѣ котораго „въ борти пчолонки, яри пчолоньки Богу на хвалу“. (*Потебня,* Колядки, 24). Вѣроятно, изъ малорусской колядки эта „корысть“ вошла въ великорусскую свадебную пѣсню (ib. 228). Тотъ же поэтическій мотивъ встрѣчается и въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ: „изъ недара (дерева) челе лете“ (ib. 477).

Пчелы, какъ производительницы воска, восхваляются уже въ древнѣйшихъ физіологахъ. Такъ, въ армянскомъ физіологѣ, составленномъ, какъ полагаютъ, въ IV или V вѣкѣ по греческой рукописи, говорится о пчелѣ: „она никогда не отдыхаетъ; если ты думаешь, что она спитъ, ошибаешься; она тихо обдумываетъ, какъ устроить ячейки въ ульѣ, а устроивъ работаетъ день и ночь, чтобы наполнить эти ячейки благовоннымъ сокомъ разныхъ растеній. Она знаетъ, что работаетъ не только для себя одной, но что будетъ польза и всему роду человѣческому. Кромѣ того не бездѣлица и то, что она разливаетъ свѣтъ въ мірѣ (дѣлая воскъ)... Что касается насъ, то мы, одаренные смысломъ, должны подражать пчелѣ“... (*Мочульскій,* Происх. физіолога, 61).

Малорусскія народныя сказанія относятся къ пчелѣ съ большимъ уваженіемъ. По однимъ сказаніямъ свв. Зосима и Савватій вынесли пчелъ изъ горы, по другимъ—изъ какой то идольской страны, по третьимъ—даже изъ рая. Распространено, между прочимъ, сказаніе, что пчела просила Бога, чтобы укушеніе ея было смертельно для людей; но Богъ сказалъ: „какъ укусишь—умирай сама; ты, пчелка, будешь подобна свѣчѣ и канону“ (*П. И.*, въ Харьк. Сборн., 1888, 97; *Драг.*, Малор. пред., 12; *Melusine*, 1888, 221; *Kulikowski,* въ Zbior wiad. do antrop. krajowej, III, 102). Съ этимъ сказаніемъ сходны сказанія болгарскія и черкесскія о пребываніи пчелы въ раю (*Melus.*, ib.) [1]). Обычный малорусскій эпитетъ пчелы „святая“ можетъ происходить или отъ употребленія

---

[1]) Осетины дигорцы почитаютъ пчелъ и молятся ихъ покровителю Аниголу (ангелу?) (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, I, 97).

воска на церковныя свѣчи или отъ сказанія, что она или предки ея жили въ раю. У чеховъ существуетъ другое объясненіе святости пчелъ: пчелы прилетали къ распятому Христу и пили выступившій на его лицѣ потъ. Нѣмцы, вѣроятно на основаніи подобной легенды, даютъ пчелѣ названія божья птица, Herrgottsvögel, Marienvögel (*Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. III, 785).

Въ одной южно-славянской легендѣ Спаситель во время странствованія по землѣ былъ раненъ скупой женщиной. Изъ его раны вышло нѣчто въ родѣ мухи. „Посмотри, Петръ, сказалъ Іисусъ, это маленькое существо есть пчела. Она всегда будетъ приготовлять воскъ, безъ котораго не обойдется ни одно церковное служеніе. Подобный разсказъ встрѣчается среди кельтическаго населенія Валлиса. Въ книгѣ Дуллъ-Гвентъ (сводѣ законовъ) говорится о божественномъ происхожденіи пчелы. Дворянское сословіе (Adel) пчелъ вышло изъ рая послѣ грѣхопаденія первыхъ людей. Богъ благословилъ пчелъ, и потому ни одна обѣдня не можетъ быть безъ восковыхъ свѣчей (*Landau*, въ Zeitschr. f. vergleich. Litteraturgeschichte, 1889, 245).

Немногочисленныя и короткія малорусскія сказанія о пчелахъ покоятся всецѣло на религіозныхъ христіанскихъ легендахъ. Замѣчанія Де-Губернатиса о миѳическомъ значеніи пчелы, какъ символа солнца, луны, души, если только замѣчанія эти вѣрны, относятся къ повѣрьямъ индійскимъ и греческимъ (*De-Guber.*, Die Thiere, 506 — 511). Замѣчанія *Аѳанасьева* (I, 385) и *Потебни* (Колядки, 226) о миѳическомъ значеніи меда и пчелъ имѣютъ самостоятельное значеніе для объясненія нѣкоторыхъ древнѣйшихъ представленій аріо-европейскихъ народовъ, не касаясь современныхъ малорусскихъ народныхъ повѣрій о пчелахъ.

153.

Повѣрья о саранчѣ.

По народнымъ повѣрьямъ, саранча—Божіе наказаніе (*Чубинскій*, I, 67; *П. И.*, въ Харьк. Сборн., 1888, 97). Въ Холмской Руси говорятъ, что саранча имѣетъ на своихъ крыльяхъ над

пись, которая измѣняется: за какія прегрѣшенія людскія посылаетъ ее Богъ, то такого рода и надпись на ея крыльяхъ (*Чубинскій*. I, 67). Подобное сказаніе я слышалъ въ харьк. губ., съ добавкой, что надпись на еврейскомъ языкѣ, а смыслъ ея тотъ, что саранча поѣстъ хлѣбъ и выс....ъ, причемъ въ послѣдней подробности обнаруживается уже попытка къ созданію этимологической легенды. Припоминаю, что подобнаго рода сказанія о саранчѣ были отмѣчены въ „Основѣ“. Повѣрье о томъ, что саранча—Божіе наказаніе было такъ сильно въ Малороссіи, что народъ отказывался истреблять ее, на что указываетъ, между прочимъ, любопытное отношеніе курскаго намѣстника генерала Свистунова въ бѣлгородскую духовную консисторію въ 1779 г.: „Корочанскаго уѣзда частный смотритель сотникъ Лофицкій, увѣдомляя о налетѣвшей въ городъ Корочу саранчѣ, между прочимъ, упоминаетъ, что простолюдины, именуя ту саранчу силою Божіею, отказываются ее уничтожать и дѣтямъ своимъ, къ убіенію ея устремляющимся, дѣлать то запрещаютъ, разсказывая притомъ, якобы въ прежнія времена истребляющіе саранчу иные ослѣпли, иные разслабленіе и другія болѣзни потерпѣли“. Усматривая въ этомъ „суевѣріе и сущее невѣжество“ и опасаясь, что отъ такого заблужденія народа можетъ послѣдовать не токмо неисполненіе Правительствующаго Сената указовъ объ истребленіи саранчи, но явное попущеніе той саранчѣ, какъ нынѣ, къ пожранію ею хлѣба и всего того, на что она нападаетъ, къ неминуемому и всеобщему вреду, Свистуновъ предлагаетъ консисторіи распорядиться, чтобы священники увѣщали народъ оставить ложное мнѣніе о саранчѣ, какъ Божіемъ наказаніи, увѣщали „съ лучшею прилежностью и безъ малѣйшаго отлагательства“. Консисторія сдѣлала предписаніе въ этомъ смыслѣ. (*Лебедевъ*, Историч. разыск. III, 38).

Въ Украинѣ и въ Запорожьѣ саранча появлялась періодически, по нѣсколько лѣтъ въ—рядъ. Появленіе саранчи сопровождалось такимъ опустошеніемъ полей, что даже иностранцы, проживавшіе въ Украинѣ, усматривали въ ней бичъ Божій. Такъ, инженеръ Бопланъ, бывшій въ Украинѣ въ половинѣ XVII в., говоритъ: „Безчисленное множество саранчи въ Украинѣ припоминаетъ мнѣ наказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Египетъ при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзалъ Украину въ продолженіи нѣсколь-

кихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на 5 или на 6 миль въ длину и на 2 или на 3 мили въ ширину. Приносимая въ Украину почти ежегодно изъ Татаріи, Черкессіи, Бассы и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ: гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, такъ чрезъ два часа не остается ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени... Нѣтъ словъ для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ, все поле покрывается ею и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растенія; оголивъ поле въ часъ или два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новоградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнился отъ удивленія. Гадина вывелась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздухъ такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Домы, конюшни, даже хлѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выжить сію незванную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все безъ пользы: какъ скоро отворяли дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно время. На улицѣ они кидались въ лицо, садились на носъ, щеки, брови, даже падали въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы по неволѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ

въ двѣ недѣли окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлегъ ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу слоемъ на четыре дюйма въ толщину такъ, что лошади наши останавливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги: поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свиньи съ жадностью пожираютъ саранчу и отъѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. Саранча живетъ не болѣе шести съ половиною мѣсяцевъ, но распложается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ полетъ ея; тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму и, положивъ въ оную до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ сего умираетъ. Ни дождь во время несенія яицъ, ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать; до того же времени отходитъ не далеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, она направляетъ свой полетъ по вѣтру; постоянный вѣтеръ сѣверо-западный вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ странъ разносятъ бичъ сей по Украйнѣ"... По словамъ Боплана, только сильный дождь истребляетъ саранчу; но такъ какъ лѣто въ Украинѣ обыкновенно бываетъ сухое, то народъ страдаетъ отъ саранчи до октября мѣсяца. Любопытно, что Бопланъ приводитъ въ концѣ своей замѣтки о саранчѣ народное повѣрье о надписи на ея крыльяхъ, сохранившееся до позднѣйшаго времени. „Люди свѣдущіе въ языкѣ халдейскомъ, говоритъ Бопланъ, разсказывали мнѣ, что на крыльяхъ саранчи халдейскими буквами начертана надпись: „Гнѣвъ Божій". (*Бопланъ,* Опис. Укр. 85—89).

Въ XVIII ст. Малороссія часто страдала отъ саранчи. Въ 1745 и 1746 году саранчи особенно много было на Украинѣ; въ 1748 и 1749 годахъ для истребленія ея „бывшіе малороссійскіе

полки всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребляя и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая... Словомъ сказать, истребленіе саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почиталось и уважалось". Такъ говоритъ неизвѣстный авторъ „Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ", предлагающій при этомъ и самыя мѣры противъ этого страшнаго бича Малороссіи.

И въ текущемъ столѣтіи саранча неоднократно производила большія опустошенія въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи. Такъ, въ 1822 г. въ Крыму отродилось несмѣтное число саранчи, занявшей большія пространства полей. Она двинулась на сѣверъ и сѣла въ волчанскомъ уѣздѣ у слободы Шиповатой. На пути она сожрала всю зелень и оставила по себѣ слѣдъ какъ на пожарищѣ. Для уничтоженія ея принимали различныя мѣры: загоняли табуны лошадей и рогатый скотъ топтать ее, копали впереди частые рвы и и засыпали землей, окладывали соломой и жгли; но никакія средства не уничтожали плодовитаго насѣкомаго. Саранча страшными колоннами затмевала солнце. На поля Шиповатой она сѣла тогда, когда хлѣбъ былъ уже собранъ, кромѣ гречихи и проса, которыя она и съѣла. Въ 1822 году саранча густыми тучами пролетѣла по староб. у., истребляя все на поляхъ и лугахъ. Саранча садилась на нихъ толстыми слоями, но лишь на короткое время. Въ 1842 г. около Ильина дня на западѣ отъ Щурова изюмск. у., показалась громадная необыкновенная туча: то была саранча, но уже сытая. Перелетѣвъ черезъ села, пошла она въ лѣсъ, идущій по лѣвому берегу Донца. Въ лѣсу она садилась и обламывала деревья. Была прежде саранча, была и послѣ того въ изюмскомъ уѣздѣ, но такой сильной никогда не было, говорили щуровскіе старики. Въ окрестностяхъ Чугуева 1 августа 1824 г. пролетала саранча въ такомъ множествѣ, что закрывала свѣтъ дневной и, сѣвъ на деревья, обломала вѣтви толстыхъ деревьевъ. Хлѣба не истребила. Въ 1824 г. въ село Уды харьк. у. прилетѣла съ юго-востока саранча, но не повредила хлѣба. Въ 1823—1824 годахъ саранча подъ Люботинымъ валков. у. истребила до 200 десятинъ хлѣба (*Архіеп. Филаретъ*, Ист. стат. опис. харьк. епархіи).

Съ малорусскимъ сказаніемъ о надписи на крыльяхъ саранчи весьма сходно арабское сказаніе о томъ, что Магометъ прочелъ на крыльяхъ саранчи надпись на еврейскомъ языкѣ: „мы войско великаго Бога; каждая изъ насъ кладетъ по 99 яичекъ; но еслибы клали 100, то опустошили бы всю вселенную“. Устрашенный Магометъ вознесъ горячую молитву къ Богу. Съ тѣхъ поръ слова этой молитвы, написанныя на бумагѣ и вложенныя въ тростникъ посреди поля или сада, отвращаютъ отъ нихъ саранчу (*Certeux*, въ Revue des trad. popul. 1888, 589).

Оригинально ли малорусское сказаніе о надписи на крыльяхъ саранчи, или оно заимствовано малороссами съ мусульманскаго Востока? Вопросъ остается открытымъ. Если сказаніе это зашло въ южную Русь съ Востока, что весьма возможно, то это переселеніе сказанія произошло въ давнее время, не позже начала XVII вѣка.

Саранча во многихъ мѣстахъ употребляется въ пищу. Арабы ѣдятъ ее съ наслажденіемъ. Моисей разрѣшилъ евреямъ употреблять въ пищу четыре вида саранчи. Въ южной Франціи также ѣдятъ этихъ насѣкомыхъ. Любопытно, что въ Африкѣ, гдѣ негры съ удовольствіемъ ѣдятъ саранчу, существуетъ прямо противоположное на нее воззрѣніе, какъ на даръ Божій.

154.

Зиньске щеня.

Въ Малороссіи повсемѣстно вѣрятъ въ цѣлительное свойство крота („зиньске щеня“). Кто задавитъ крота двумя пальцами, большимъ и малымъ, тотъ съ успѣхомъ можетъ лѣчить опухоли шеи (*Чуб.* I, 54). Въ Галиціи говорятъ, что нужно поймать крота въ день св. Войцѣха или наканунѣ и его саломъ намазать кнутъ, которымъ бьютъ лошадей или выгоняютъ въ поле рогатый скотъ; лошади и коровы будутъ тогда здоровыя и толстыя (*Gustav.*, въ V т. „Zbior wiadom.“, 140). По другому сходному повѣрью для того, чтобы скотъ былъ здоровъ, нужно закопать крота при входѣ въ коровникъ или конюшню. Въ Коломыѣ и въ нѣкоторыхъ людскихъ болѣзняхъ совѣтуютъ разорвать крота, вытереть лицо и

грудь его кровью и съѣсть его сердце (ib. 140). У поляковъ распространены такія же повѣрья о цѣлебномъ значеніи крота (*Siarkovski*, въ III т. Zbiór wiadom. 26, *Udziela*, въ X т. Zbior wiadom. 100). Въ Германіи существуетъ повѣрье, что перемежающуюся лихорадку можно вылѣчить, давъ кроту умереть у себя на ладони. „Многія старыя бабы, говоритъ Бремъ, убѣждены, что достаточно одного возложенія руки, освященной смертью крота, чтобы лѣчить болѣзни". Въ старину также приписывали цѣлебныя свойства крови крота, его внутренностямъ, даже мѣху (*Бремъ*, Иллюстр. жизнь живот. I, 706). Повѣрья эти могли возникнуть у разныхъ народовъ самостоятельно, изъ общенародныхъ психологическихъ мотивовъ, напр., сближенія толстаго по формѣ крота съ опухшей шеей или перенесенія понятія о толстотѣ крота на толстоту животнаго вообще.

Н. Ө. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» 1888 г. были помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ исторіи освобожденія изъ крѣпостной зависимости родныхъ Шевченка. Свѣдѣнія эти, однако, далеко нельзя назвать полными, и роль, какъ общества пособія литераторамъ, такъ и редактора одного изъ повременныхъ изданій того времени, не вполнѣ выяснены. Благодаря любезному вниманію къ моей просьбѣ, я получилъ какъ отъ сына редактора упомянутаго изданія, нынѣ профессора кіевскаго университета, Н. А. Оболонскаго, такъ и отъ В. И. Семевскаго, какъ бумаги, такъ и словесныя разъясненія, дополняющія то, что разсказано было г. Н. Д. Н. въ «Кіевск. Стар.».

Несомнѣнно, инициатива возбужденія вопроса объ освобожденіи родныхъ Шевченка исходила отъ редактора журнала «Народное Чтеніе» [1]) А. Оболонскаго, который находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Т. Г. Шевченко и принималъ въ немъ живое участіе. Въ журналѣ его Шевченку помѣщалъ свои произведенія, здѣсь же, по просьбѣ редактора, помѣстилъ онъ и свою автобіографію.

Въ редакціи «Народнаго Чтенія», видимо, и былъ возбужденъ вопросъ объ освобожденіи родныхъ Шевченка и рѣшено было дѣйствовать при посредствѣ литературнаго фонда. Сдѣлать предложеніе о томъ въ засѣданіи комитета общества взялся И. С. Тургеневъ. Немедленно же по окончаніи засѣданія, свѣдѣнія о которомъ Тургеневъ получилъ отъ Кавелина, онъ съ Я. Полонскимъ пріѣхалъ въ редакцію и письменно сообщилъ о томъ А. Оболонскому въ нѣсколькихъ строчкахъ [2]).

---

[1]) Онъ выходилъ въ Петербургѣ въ 1859—60 г.

[2]) Письмо это безъ даты находится у г. Н. А. Оболонскаго, который намѣренъ пожертвовать его съ другими письмами въ Императорскую публичную библіотеку.

Что происходило въ засѣданіи комитета, о томъ даютъ намъ ясное указаніе помѣщаемые ниже протоколы засѣданій общества, за доставленіе которыхъ мы приносимъ искреннюю благодарность В. И. Семевскому.

И. –й.

№ 156. *Изъ книги «Журналовъ комитета общ. для пособія нужд. лит. и ученымъ» 1859—64 г.* Журналъ 16 засѣданія комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, бывшаго 21 марта 1860 года присутствовали: предсѣдатель Е. П. Ковалевскій. Члены: П. В. Анненковъ, А. Д. Галаховъ, А. В. Дружининъ, С. С. Дудышкинъ, А. П. Заблоцкій, А. А. Краевскій, Е. И. Ламанскій и Н. Г. Чернышевскій...

И. С. Тургеневъ предложилъ комитету ходатайствовать объ отпускѣ на волю родныхъ извѣстнаго литератора Шевченко, крѣпостныхъ людей помѣщика кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда Валерія Эразмовича Фліорковскаго. Опредѣлено: хотя подобное ходатайство не входитъ собственно въ дѣйствія общества, исчисленныя въ уставѣ, но такъ какъ оно, будучи самымъ человѣколюбивымъ и просвѣщеннымъ, имѣетъ притомъ цѣлію доставить истинное утѣшеніе литератору, пріобрѣтшему своимъ талантомъ видное мѣсто въ современной литературѣ, то комитетъ положилъ написать отъ имени всѣхъ своихъ членовъ письмо къ означенному помѣщику и просить его объ увольненіи родныхъ гг. Шевченко, изъ уваженія къ его литературнымъ заслугамъ и вообще къ литературѣ. Письмо это, подписанное всѣми членами комитета, уже отправлено по адресу...

№ 313. Журналъ 24 засѣданія комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ бывшаго 13 сентября 1860 года: присутствовали: предсѣдатель Е. П. Ковалевскій, помощникъ К. Д. Кавелинъ. Члены: П. В. Анненковъ, А. Д. Галаховъ, А. В. Дружининъ, А. П. Заблоцкій, А. А. Краевскій, Е. И. Ламанскій, Н. Г. Чернышевскій...

Читаны письма г. Валерія Эразмовича Фліорковскаго отъ 19 мая, 6 іюня и 21 августа по предмету ходатайства комитета общества объ освобожденіи изъ крѣпостнаго состоянія родственниковъ Т. Гр. Шевченки; первымъ изъ этихъ писемъ г. Фліорковскій сообщаетъ о готовности своей исполнить желаніе комитета; вторымъ увѣдомляетъ объ отказѣ Шевченокъ отъ сдѣланнаго имъ предложенія даровой свободы, а третьимъ о принятіи ими этого предложенія и о заключеніи съ ними 10 іюля условія о пользованіи землею; вмѣстѣ съ

тѣмъ, г. Фліорковскій доставилъ копіи съ благодарственнаго письма къ нему отъ Т. Г. Шевченки, отвѣта къ нему и условія съ освобожденными Шевченками. Изъ этого условія видно, между прочимъ, что часть банковаго долга на имѣніи, причитающаяся на семейство Шевченокъ (состоящее изъ 11 душъ), и составляющая около 900 р. сер. принята г. Фліорковскимъ на себя; за тѣмъ, г. предсѣдатель сообщилъ комитету отвѣтъ свой на это письмо, въ коемъ, выражая г. Фліорковскому, отъ имени всѣхъ членовъ комитета, чувствительнѣйшую признательность за устройство судьбы семейства г. Шевченокъ, онъ проситъ его пріискать для нихъ участокъ земли, за который общество охотно взнесетъ деньги...

Изъ книги «Входящія бумаги» 1859—60 г. На бланкѣ № 208. 19 марта 1860 г. М. г. Валерій Эразмовичъ! Мы нижеподписавшіеся, члены комитета общества литераторовъ и ученыхъ, обращаемся къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, въ надеждѣ, что вы примите ее во вниманіе и, если будетъ возможно, исполните.

Уважаемый и любимый сочленъ нашего общества, извѣстный всей Россіи поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко имѣетъ между крѣпостными вашими крестьянами кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, въ селѣ Кириловкѣ, двухъ родныхъ братьевъ, Никиту и Іосифа и сестру Ирину. Онъ очень желаетъ, чтобы они получили свободу и горюетъ въ разлукѣ съ ними. Не откажите, милостивый государь, великодушно исполнить это горячее желаніе Тараса Григорьевича, и отпустите братьевъ его и сестру на волю. Хотя онъ и знаетъ, что въ скоромъ времени, съ прекращеніемъ крѣпостнаго состоянія, они получатъ свободу, но такъ тоскуетъ по нихъ, что готовъ даже, если вы потребуете, внести за нихъ выкупъ, лишь бы только скорѣе имѣть ихъ при себѣ.

Если вы, милостивый государь, убѣдившись этою нашею усерднѣйшею просьбою, согласитесь отпустить на волю родныхъ г. Шевченко, но не иначе, какъ за выкупъ, то покорнѣйше васъ просимъ увѣдомить насъ, какую именно сумму желаете вы получить за нихъ, чтобъ мы могли извѣстить объ этомъ г. Шевченко. Какъ бы вы ни отпустили ихъ на волю, даромъ или за вознагражденіе, во всякомъ случаѣ и наше общество и всѣ любители русской литературы были бы вамъ за это глубоко и искренно благодарны. Въ ожиданіи отвѣта, покорнѣйше просимъ васъ, м. г., принять увѣреніе въ совершенномъ нашемъ къ вамъ уваженіи и преданности.

(Слѣдуютъ подписи всѣхъ членовъ комитета, съ означеніемъ ихъ званія въ обществѣ и общественнаго положенія, т. е. чина, или званія редактора такого то журнала, сотрудника журнала, профессора и проч.). Адрессъ В. Э. Фліорковскаго. Кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда, въ селѣ Жаботинѣ. Отвѣтъ можетъ быть написанъ по слѣдующему адрессу: въ С.-Петербургъ, предсѣдателю общества для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, его пр-ву Егору Петровичу Ковалевскому, близь Пѣвческаго моста, въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

В. Э. Фліорковскому. 8 сентября 1860. № 543. М. г. Валерій Эразмовичъ! Не ожидая собранія комитета общества, которымъ я имѣю честь предсѣдательствовать, спѣшу принести вамъ чувствительнѣйшую признательность за согласіе ваше устроить судьбу родственниковъ Т. Г. Шевченко, вполнѣ убѣжденный въ томъ, что члены комитета раздѣлятъ со мною эти чувства.

Позвольте тѣмъ не менѣе надѣяться, милостивый государь, что вы найдете средство, если не въ вашемъ имѣніи, то хоть по сосѣдству пріискать для семейства Шевченокъ участокъ земли, за который общество охотно взнесетъ деньги.

Предъидущее письмо ваше не могло быть напечатано, на основаніи § устава общества, воспрещающаго всякое оглашеніе лицъ, получающихъ денежное пособіе.

Письмо 1781 г., глуховскаго адвоката изъ Петербурга, о тамошней жизни[1]). М. Г. Степанъ Ивановичъ. По сколзкости здѣшняго народа, доводится мнѣ царапатця такъ какъ коту по лду: въ обращеніяхъ, принужденно должно скриватся картъ, видя грозу болшаго количества въ призахъ либо робертахъ денегъ; а къ бытію въ домахъ, предѣлъ поста хранить отъ поползновенія мясоедства и нинѣ за ординарное время болше вездѣ употребляемаго, почему и доводитця силитця и отъ того, и отъ другого. Изъ писма брата П. Гр., увѣдомился я о упорствѣ Гамалѣевой, кое надѣюсь властію губернатора и силою колл. (коллежскаго?) закона можетъ преломитца, каковой побѣды усердно желаю. За совершеніе дѣла, незнаю какого, отъ галанскихъ посланныковъ Алекс. Андре. (Безбородко) подарено 6,000 р. (шесть тысячъ рублей) и брилиантовый перстень въ 4,000 р. (сие

[1]) Письмо писано къ Степ. Ивановичу Лашкевичу (т. XIX, стр. 696, прадѣду умерш. редактора „Кіевс. Стар.", изъ бумагъ котораго это письмо и взято. *Ред.*

сохранѣте предъ кимъ надобно); да чуть ли на ево канцелярію тысячы рублей не дано. А за симъ надѣюсь и я получить резолюцію (отъ Безбородко?), которую съ клятвою предво Осип. Артем. (Лашкевичемъ?) и П(етромъ) Васил. Завадовскимъ, на сей неделѣ обѣщалъ винесть отъ государынѣ.—Здѣшние люди ни о чемъ не скучають: въ долгъ каретамы ѣздять, въ долгъ и ядять, и ходять и щоголяють. Когда жъ и имѣніе за векселѣ беруть, то тогда удовлетворяетъ себя непризнаваніемъ въ свѣтѣ Бога. Имѣя отсель достовѣрнаго путешественника въ Глуховъ Семена Осиповича Марченка, покупляющаго здѣсь на новые суды и расправы, приборы всякие (виключая правди, коей несискалъ), неупускаю вамъ, м. г., свидѣтелствовать мое нижаишое почтеніе, зъ сохраненіемъ вѣрности и доброжелателства того, съ коимъ есмъ васъ м-аго г-ря! покорнѣйшій слуга Семенъ Дубовикъ. Марта 1 д, 1781 года. С.-Пѣтербургъ. Здесь уже поговаривають о поносной смерти Аграфыни Павловны.

Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 года. Извѣстный авторъ книги «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», Аѳанасьевъ, обобщивъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ народныя вѣрованія малороссовъ и бѣлоруссовъ въ упырей, пришелъ къ тому выводу, что упыри—это злобные, блуждающіе мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, вовкулаками и вообще людьми отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями [1]). Относительно же дѣятельности упырей и ихъ враждебныхъ вчинаній, отражающихся на людяхъ, у того же изслѣдователя даннаго вопроса, да и у многихъ другихъ находимъ, между прочимъ, согласное утвержденіе, что упыри и упырицы бываютъ виновниками чумы и другихъ эпидемическихъ болѣзней, засухи, неурожаевъ и вообще всякихъ общественныхъ бѣдствій [2]).

Масса собранныхъ до сихъ поръ данныхъ объ упыряхъ, если не вполнѣ подходитъ подъ такое опредѣленіе, то во всякомъ случаѣ не идетъ съ нимъ въ разрѣзъ. Казалось. поэтому, что для полнаго уясненія дѣла нужно только озаботиться о накопленіи большаго числа народныхъ разсказовъ объ упыряхъ, видѣнныхъ разными лицами въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. Тогда бы данное выше опредѣленіе

[1]) Аѳанасьевъ, „Поэтич. воззрѣнія слявань на природу“, 1869, т. III, стр. 557.

[2]) П. Ефименко. „Упыри“ (изъ исторіи народныхъ вѣрованій). „Кіев. Ст.“, 1883, іюнь, стр. 373.

упыря можно было еще болѣе расширить, оставляя неизмѣнной его сущность.

Между тѣмъ, очевидно, въ народныхъ разсказахъ объ упыряхъ могутъ встрѣчаться и такіе, которые не согласны съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ найденный нами документъ объ упырѣ-попѣ. Попъ въ нашемъ случаѣ вовсе не является какимъ нибудь отверженцемъ церкви, а напротивъ, состоитъ приходскимъ священникомъ въ своемъ селѣ. И вотъ при такихъ то условіяхъ крестьяне изъ его паствы признали въ немъ въ 1770 г. упыря, накликающаго на ихъ село чуму, и въ концѣ концевъ, убили его.

Документъ, заключающій въ себѣ изложеніе этого дѣла, находится въ ряду документовъ о гайдамакахъ, судившихся въ Коднѣ или Трояновѣ предъ военно-судной коммиссіей непосредственно послѣ коліивщины въ 1768 и въ слѣдующіе затѣмъ годы. При отсутствіи въ то время въ Украинѣ иныхъ судовъ, кромѣ экономическихъ, т. е. частно-владѣльческихъ, всѣ сколько нибудь важныя дѣла, хотя бы и не относившіяся къ недавнему возстанію, попадали также къ кодненской коммиссіи. Попало туда потому же и интересующее насъ дѣло о попѣ.

Обвиняемымъ въ убійствѣ попа предсталъ предъ военно-судной коммиссіей 26-лѣтній крестьянинъ села Войтовки, ключа уманскаго, Леско Ковбасюкъ. По показаніямъ его, дѣло происходило такимъ образомъ [1]).

Во время повѣтрія въ 1770 году, когда оно проникло и въ Войтовку, между крестьянами послѣдней возникли частые толки о томъ, что по селу что то ходитъ, отворяетъ окна и «надыхуе» чрезъ нихъ въ хаты, отчего народу мретъ больше, чѣмъ бы мерло безъ этого. Нѣсколько человѣкъ изъ громады, въ виду такихъ толковъ, поставили себѣ цѣлью выслѣдить виновника народнаго бѣдствія. Вскорѣ на одномъ изъ ихъ сборищъ было заявлено нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ, что они видѣли ходящаго по селу упыря, что на упыря этого съ остервенѣніемъ нападали собаки, а скотъ при видѣ его стремительно убѣгалъ. Дослѣдили при этомъ и во что былъ одѣтъ упырь: онъ былъ въ бѣлой рубахѣ и въ синихъ (granatowych) суконныхъ штанахъ, отъ колѣнъ подштукованныхъ бѣлымъ сукномъ. А въ такомъ одѣяніи, какъ всѣмъ было извѣстно, ходилъ обыкновенно приходскій войтовскій попъ—о. Васыль. Тогда у всѣхъ яви-

[1]) Кодненская книга, стр. 342—343.

лось подозрѣніе, что ходитъ по селу по ночамъ не иной кто, какъ попъ. Обратились съ вопросомъ объ этомъ къ самому батюшкѣ, но онъ категорично отрицалъ взводимое на него обвиненіе. Тогда спросили попадью, ходитъ ли батюшка ночью по селу—и она тотчасъ заявила, что ходитъ и что у него бываетъ по ночамъ его уже умершая сестра вмѣстѣ съ другими мертвецами, причемъ всѣ они толкутся съ шумомъ по комнатѣ и клацаютъ ртами, какъ будто что ѣдятъ. Въ виду такого показанія сдѣлали очную ставку попадьѣ съ попомъ, ея мужемъ, требуя, чтобы она сказанное ею повторила въ его присутствіи. Она повторила, добавивъ: «не запирайся, попе, бо сама правда, що ты ходышъ по селу въ ночи». Попъ однако стоялъ на своемъ, отрицая навѣтъ. И громада даже начала сомнѣваться въ основательности своего подозрѣнія. Но тутъ выступила на сцену попова кухарка. Она опредѣленно заявила, что попъ навѣрное ходитъ по селу по ночамъ, и что сама она это нѣсколько разъ видѣла. Участь попа показаніемъ кухарки была рѣшена.

Тринадцать человѣкъ громадянъ сперва пошли и выкопали на кладбищѣ яму, а затѣмъ явились къ попу и въ то время, какъ пономарь выпустилъ попа изъ плебаніи (приходского дома), они тотчасъ же кинулись на него и стали бить дрючьями. Избивъ его до полусмерти, добыли носилки, положили его на нихъ и отнесли къ выкопанной ямѣ. Тамъ, пробивъ его осиновымъ коломъ отъ плеча къ плечу «на вылетъ», бросили въ яму и, не слушая мольбы попа, заживо закидали его землей.

Повѣтріе послѣ этого, по показаніямъ Ковбасюка, тотчасъ затихло. Изъ участниковъ убійства на судъ попалъ только Ковбасюкъ, потому что остальные поумирали отъ повѣтрія, хотя и ослабшаго послѣ убійства упыря. Свою вину Ковбасюкъ не считалъ значительной: онъ только три раза ударилъ попа дрючкомъ.

Кодненская коммиссія нашла возможнымъ отпустить Ковбасюка безъ наказанія. Въ данномъ случаѣ, она, конечно, руководилась не сознаніемъ, что подсудимый совершилъ только нѣчто обязательное въ силу его міросозерцанія, а тѣмъ, что убитъ былъ «схизматицкій» попъ и что преслѣдовать за такое дѣяніе, какъ убійство православнаго, да еще попа, было бы слишкомъ наивно для католиковъ и поляковъ, еще такъ недавно много потерпѣвшихъ отъ православнаго населенія Украины [1]).

Я. Ш.

---

[1]) Приводимъ и точную копію изложеннаго документа:

Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ [1]). Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1773 г. въ кіев. губ. канц. явился запорожскій писарь Павелъ Попатенко и предъявилъ указъ гос. ст. конторы, которымъ велѣно было выдать полковому старшинѣ Антону Головатому, ѣздившему въ С.-Петербургъ по войсковымъ дѣламъ, прогонныя деньги отъ Кіева до Сѣчи Запорожской. Указъ этотъ съ порученіемъ получить по немъ деньги передалъ Попатенку самъ Головатый, спѣшившій, по полученному имъ въ пути изъ Коша ордеру въ Сѣчь.

---

18 Julia 1772 ano w Kodni.

Lesko Kołbasiuk ze wsi Wuytowki Humanski rodem z Braclawia z oyca Iwana, matki Jawdochy Taranow, sam lat mający 26, będąc wdowym, wzięnty w sekwestr o zaboystwo popa Wasyla, parocha wsi Wuytowki Humanski.

Pytany Lesko, iak to tego popa zabil.

Rp (responsowal) iż pod czas powietrza w przeszlym roku grassującego Wujtowce wzieli ludzie mocno szemrae, że po wsi coś chodzi y do chalup okna otwiera y nadyhuie, przeż co jeszcze bardzi ludzie umierają. A gdy się usadzilo na to ludzie kilkunastu, aby tego dość mogli. W czym oni między sobą umowiwszy się (o czym ia nie wiem, a nim teho widzia(ch), mowiąc, żesmy widzieli chodzącego upiera, ktorego psy mocno uganiali, y przed nim bydlo pierzchkalo; ktory byl ubrany w koszuli bialey y spodniach sukiennych granatowych, od kolan suknem bialym nadsztukowanych; ktory to pop Wuytowki w takim że samym ubierze chodzil. Na ktorego to popa cala gromada miala subpozycyą że to on chodźi. O co mowili popowi, czego on się zapieral, a gdy to samo opowiedzieli popadyi—zaraz sama przyznala, że on chodzi y siostra jego, iuż umarla, w nocy u niego bywa z innemi umarlymi y po nocy się po chalupie po omachu tłubą kla(c)zaią iakoby co iedli. Y gdy te samę popadyą gromada wziąszy zaprowadzili do popa a iey wlasnego mąża ktora mu na oczy to samo wymowiala, ze „popie nie zapieray się bo sama prawda, że ty chodzisz". Do czego sie pop przyznać nie chcial, czemu gromada nie bardzo dowierzala, aby to prawda byla. Ale gdy to samo kucharka popowa potwierdzila, że nie inacy, ale tak w samy prawdzie, że ten pop chodzi gdym kilka razy widziala,—tak zebrawszy się ludzi z gromady 13 poszli nayprzod wykopali jamę a potym do popa. Z ktoremi to ludzmi y ja bylem, umowiwszy się popa zabic. I gdy popa palamarz z plebanji na podwurze wyprowadzil, tak my go zaraz wziąli druczem okrywac, a potym przyniesli mary, wzieli go na mary żywego y do wykopany jamy zaniesli, przebiwszy go kolem osikowym z plec na wylot y ieszcze żywego w dol wrzucili, nic nie dbając na popa prosbe, żywego na cmęntarzu zakopali. Potym zaraz powietrze ustalo. Za ktorego to popa mnie w sekwestr wzięto bom sie tylko, sam żywy zostal, a tam ci, co go bili, y żywego zakopali, powietrzem powymierali. Ktoregom to popa ja tylko razy trzy kijem uderzyl. Do haydamactwa a ni też złodzieystwa żadnego nie przyznaie.—Lesko Kolbasiuk wypuszczony. Кодненская книга, стр. 342—343.

[1]) 1777 г. К. Г. К. Дѣло по указу Ст. Конторы отъ 13 февр. 1775 г. о „выдачѣ Зап. Войска депутатамъ войсковымъ старшинамъ Бѣлому и Машинскому и съ нимъ будучимъ отъ Кіева до Сѣчи на три подводы прогонныхъ денегъ".

К. г. канцелярія Попатенку денегъ не выдала, такъ какъ онъ не представилъ письменной довѣренности, да и въ указѣ не было сказано, на сколько лошадей слѣдовало выдать прогоны, и объ этомъ рапортовала въ г. ст. контору, откуда послѣдовало предписаніе выдать прогоны на три лошади Головатому или кому онъ письменно довѣритъ. Но Головатый за этими деньгами не являлся.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1774 г. послѣдовалъ новый указъ о выдачѣ прогоновъ отъ Кіева до Сѣчи Зап. на три ямскія подводы «присланному въ Пр. Сенатъ по войсковымъ нуждамъ отъ Зап. Низ. Войска полк. старшинѣ Антону Головатому съ обрѣтающимися при немъ асауломъ, двумя атаманами и четырмя казаками». Но и на этотъ разъ Головатый въ Кіевъ вовремя не являлся и только въ іюнѣ 1777 г. уже по разрушеніи Сѣчи Запор. предъявилъ въ кіев. губ. канц. требованіе о выдачѣ слѣдовавшихъ ему по прежнимъ двумъ и еще по одному отъ 13 февр. 1775 г. указамъ денегъ. кіев. губ. канцелярія затруднилась выдать эти деньги и, составивъ обстоятельную «справку» о прежнихъ двухъ указахъ, обратилась за разрѣшеніемъ въ Ст. Контору, прописывая въ заключеніе такъ:

«Въ высоч. же имян., за подписаніемъ собственныя Е. И. В. руки, манифестѣ, состоявшемся августа 3 дня 1775 года, по каковымъ обстоятельствамъ Сѣчь Запорожская, по самодержавной Е. И. В. власти, уже разрушена со истребленіемъ на будущее время и самого названія запорожскихъ козаковъ, между протчаго повелѣно: возвѣщаемъ Е. И. В. вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ всѣ показанные во ономъ манифестѣ обстоятельства, можетъ Е. И. В. въ то же время имъ объявить, что нѣтъ теперь болѣе Сѣчи Запорожской въ политическомъ ея уродствѣ, слѣдователно же и козаковъ сего имени,—и ежели повелѣно будетъ предписанному бывшаго Войска Зап. старшинѣ Головатому повелѣнные вышепрописанными указами неполученные имъ отъ Кіева до бывшей Запорожской Сѣчи всего по тѣмъ тремъ указамъ на девять подводъ прогонные деньги изъ к. г. к. выдать, то оныхъ слѣдуетъ: отъ Кіева до Барышполя на 33 версты по 1 к.— 2 р. 97 к., а отъ Барышполя до бывшей Запорожской Сѣчи на 467 верстъ по денге на версту на каждую подводу 21 р. 1½ к., всего отъ Кіева до бывшей Зап. Сѣчи на 500 верстъ 23 р. 98½ к.

Самъ же Головатый представилъ въ К. Г. К. нижеслѣдующую письменную «сказку», собственноручно имъ подписанную.

«1777 года іюня 16 въ Кіевской Губернской Канцеляріи бывшій въ Санктпетербургѣ отъ войска запорожского депутатомъ полковой

старшина Антонъ Головатой, явясь при подаче данного ему съ ево товарыщи изъ госуд. статсъ-конторы отъ 13 февраля прошлого 1775 года о выдаче ему Головатому съ товарыщи отъ Кіева до бывшей запорожской Сечи на три подводы прогонныхъ денегъ указа; объявилъ, что онъ старшина Головатой съ товарыщи, по полученіи того изъ статсъ-конторы въ 1775 году указа, его светлостью княземъ Г. А. Потемкинымъ съ вышеписанного 13 февраля 1775 года задержаны и находились въ Москве до полученія отъ г. генералъ порутчика и кав. Петра Абрамовича Текелья о разрушеніи бывшей Сечи запорожской рапорта іюня по 13 число того же 1775 года, а того же іюня 16, получа отъ его светлости къ означенному г. ген. пор. Текельи ордеръ, отправлены были прямо въ бывшую Сечъ запорожскую въ находившійся тогда тамо подъ управленіемъ его, г. генерала и кав. Текельи, россійскихъ войскъ корпусъ и, побывъ въ томъ корпусе чрезъ четырѣ дни, по даннымъ ему и прописаннымъ въ указѣ товарищамъ его отъ реченного г. ген. пор. и кав. Текельи пашпортамъ, поехали каждой въ домы свои, а онъ Головатой въ городъ Самаръ, где определенъ былъ къ сочиненію ревизіи и находился декабря по 19 число; а того жъ 19 декабря определенъ губернскимъ земскимъ комисаромъ маіоромъ Сухановымъ въ томъ городе Самарѣ началникомъ и былъ 776 году марта по 26 д., въ якой должности будучи заболелъ и по освобожденіи отъ болезни мая 3 дня определенъ ордеромъ г. генералъ маіора и кав. Василья Алексеевича Черткова для искорененія шатающихся разбойниковъ, и кромѣ оной положенной ему должности находился тамо въ разныхъ, по ордерамъ вышеписанного маіора Суханова, комисіяхъ 777 году мая по 1 д.; а какъ пріехалъ г. ген. м. и кав. В. А. Чертковъ въ г. Самаръ, то по прозбе ево Головатого отъ ево, г. ген. м. Черткова, данъ былъ для проезду въ Кіевъ пашпортъ, съ которымъ пріехалъ онъ и явился съ вышеписаннымъ указомъ, даннымъ ему Головатому съ товарыщи изъ статсъ-конторы, въ кіев. губ. канцелярію.

Да въ прошлыхъ 773, 774 годахъ посыланъ же былъ отъ оного жъ войска запорожского въ Санктпетербургъ къ высочайшему двору по общимъ войсковымъ нуждамъ и при возвращеніи ево, по взнесенной отъ него Головатого въ пр. сенатъ прозбѣ, посланными изъ оного сената въ Гос. Ст. Контору, а изъ оной и въ Кіев. Губ. Канцелярію, указами предписано отпустить ему Головатому съ находящимися при немъ отъ Санктпетербурга до Кіева и отъ Кіеза до бывшей Сечи запорожской прогонные денги, что подлежитъ на оз-

наченное въ техъ указахъ подводъ число; но оныхъ въ тогдашнее время за скорымъ отъ С.-Петербурга чрезъ Белгородъ съ самонужнейшими отправленіями, а после того за бытностію въ разныхъ коммисіяхъ, и по нынѣ не получалъ; оной же Головатой отъ прописанныхъ въ ст. конторскомъ указе товарыщей ево въ пріеме изъ Кіев. Губ. Канц. принадлежащихъ имъ отъ Кіева до бывшей зап. Сечи на три лошади прогонныхъ денегъ поверенныхъ писемъ не имеетъ, потому что, какъ выданная ему Головатому съ ево товарыщи изъ запорожского Коша при отправленіи въ С.-Петербургъ депутатомъ денежная казна была въ сохраненіи ево Головатого, и въ расходе оной ответствовалъ и ращетъ учинилъ и что онъ Головатой на платежъ отъ С.-Петербурга до бывшей Сечи зап. за взымаемые, какъ подъ ево Головатого, такъ и подъ товарыщей ево, подводы прогонные денги платилъ онъ свои собственные, почему, равно и что оные ево товарыщи грамоте читать и писать не умеютъ, тотъ ст. конторскій указъ для полученія по оному изъ Кіев. Губ. Канц. подлежащаго числа денегъ ему Головатому препоручили. Къ сей сказки бывшей Сечи запорожской старшина полковій Антонъ Головатій подписался».

Изъ «дѣла» не видно, получилъ ли и когда свои деньги Головатый, такъ какъ и отвѣта ст. конторы въ дѣлѣ не имѣется.

Собщ. **А. Андр.**

Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII—вѣка, о Кіевѣ. Въ 1620 году, какъ извѣстно, возстановлена въ Кіевѣ православная іерархія: въ санъ кіевскаго митрополита 15 августа сего года посвященъ іерусалимскимъ патріархомъ Өеофаномъ Іовъ Борецкій.

Съ этого времени возобновилось снова паломничество въ Кіевъ изъ московской Руси. Мы имѣемъ достаточное количество «паломническихъ записокъ» русскихъ людей въ Царьградъ, Іерусалимъ и Аөонскую гору; неужели не сохранилось ни одного паломническаго описанія Кіева первой половины XVII вѣка съ его храмами, пещерами и почивающими въ нихъ св. подвижниками? «Радуйся богоспасаемый граде Кіеве, содержащь сокровища твоя въ нѣдрахъ твоихъ,—святыя постницы же и мученицы», равно воспѣвалось и въ московской, какъ и въ тогдашней литовской Руси—и влекло туда богомольцевъ изъ обѣихъ половинъ православной Руси.

Долгіе поиски мои таковыхъ записокъ, наконецъ, увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ одномъ сборникѣ XVII вѣка, относящемся

по письму къ 1640 году, (слѣдовательно, когда въ Кіевѣ былъ уже митрополитомъ приснопамятный для него архипастырь Петръ Могила (1631—1647), нашелъ я начало паломническихъ записокъ неизвѣстнаго, но несомнѣнно русскаго (изъ московской Руси) человѣка, слѣдующаго содержанія:

«Въ Кіевѣ, въ монастырѣ Пречистые Богородицы Печерскіе, въ пещерѣ, вшедъ святаго мѣста [1]) на лѣвой сторонѣ лежатъ два друга затворника [2]) А з смоленъска Днѣпромъ въ монастырь печерскій преплылъ митрополитъ [3]) и лежитъ въ пещерѣ на правой сторонѣ, а за митрополитомъ лежитъ на той же сторонѣ *Исаакій*; затворникъ бѣ 7 лѣтъ, а 30 лѣтъ, въ пещерѣ дѣлалъ голубники [4]), другой *Марко нетлѣнная риза* [5]), на правой сторонѣ. Да въ пещерѣ лежатъ 12 человѣкъ вкупѣ, которые дѣлали храмъ Пречистые Богородицы. Святые отцы *Антоній* и *Θеодосій* лежатъ во плоти, а изъ главъ у нихъ муро идетъ [6]). Да еще человѣкъ именемъ *Чеботокъ*, въ пещерѣ вкопалъ себя по плечи [7]) и сказалъ предъ Спасомъ: до тѣхъ мѣстъ не изыду отъ сего святаго мѣста дондеже земля обновится къ страшному и проведному дне судному; якоже Богъ благоволитъ, тако и будетъ»...

Сими словами, къ крайнему нашему сожалѣнію, прерываются записки русскаго богомольца, обѣщавшіе по своему началу, любопытную передачу своеобразнымъ языкомъ, мѣстныхъ кіевскихъ преданій первой половины XVII вѣка, о подвигахъ кіевскихъ святыхъ, почивающихъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ Кіевской лавры.

---

[1]) Т. е. войдя въ святое мѣсто, у самаго входа.

[2]) Θеофилъ и Іоаннъ.

[3]) Св. Меркурій епископъ смоленскій.

[4]) *Голубники*, по объясненію одного монаха, полагавшаго начало въ Кіево-Печерской Лаврѣ,—гнѣзда для голубей, которые плетутъ изъ житенной соломы, на подобіе шапки или чашки; ремесломъ этимъ, сказывалъ О. Т. кормятся убогіе люди въ Кіевѣ и доселѣ. Такіе плетенные гнѣзда продавались де въ мое время отъ 1 до 5 копѣекъ; ихъ подвѣшиваютъ въ зданіяхъ къ стропиламъ, подъ застрѣхи. И такъ, народъ помимо письменныхъ источниковъ (Печерскаго Патерика) приписывалъ своимъ древнимъ народнымъ героямъ занятія, которыми самъ занимался въ данное время.

[5]) Маркъ гробокопатель.

[6]) Это показаніе не вѣрно. Мощи св. первоначальниковъ Печерской обители, опущены въ землю еще во время Батыева нашествія, и съ тѣхъ поръ не почиваютъ на вскрытіи.

[7]) Здѣсь очевидно смѣшаны двое святыхъ: Илья Муромецъ, который по народному преданію, точно именовался *Чеботкомъ*, и *Іоаннъ* многострадальный.

Можетъ быть кто нибудь будетъ счастливѣе насъ и найдетъ эти записки въ ихъ цѣлостномъ видѣ, пока же сообщаю этотъ отрывокъ въ доказательство того, что народная письменность еще далеко не вся приведена въ извѣстность и что есть чего искать въ многочисленныхъ сборникахъ, сохранившихся мѣстами въ монастыряхъ и у частныхъ лицъ, любящихъ «поминать дни древнія и поучаться въ нихъ».

Архимандритъ **Леонидъ**.

Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Слободзеѣ тираспольскаго уѣзда. Въ с. Слободзеѣ херсонской губ., тираспольскаго уѣзда, расположенномъ надъ р. Днѣстромъ, понынѣ сохраняются слѣды жительства въ ней запорожцевъ. Въ Михайловской церкви (въ селѣ двѣ церкви Михайловская и Успенская) находятся слѣд. церковныя вещи: 1) напрестольный серебряный крестъ, укрѣпленный на широкой серебряной подставкѣ; на каймѣ у основанія подставки вырѣзано: «1793 года марта л. (30) сему кр҃ту бистъ ктиторъ господинъ полковникъ и кавалеръ верночерноморскаго воиска судѧ Антонъ Головатій Слободзею вцерковъ архистратига Михаила † Запоминъ свои исвоихъ родителей ѿ судіи и кавалера Антона Головатаго». 2) Дарохранительница, на коей вырѣзано: «1792». 3) Напрестольное большое Евангеліе. На внутренней сторонѣ переплета сохранился списокъ лицъ, принявшихъ участіе въ покупкѣ Евангелія. Къ сожалѣнію можно разобрать только двѣ фамиліи: Антона Головатаго и Горжевскаго. Противъ каждой фамиліи выставлена вѣсовая цифра (фунтами, лотами и золотниками). Деньги даны «карбованцами». На наружныхъ украшеніяхъ обозначенъ годъ «1791».

Въ церкви находится также много церковныхъ книгъ, пожертвованныхъ Антономъ Головатымъ. По нимъ еще и теперь совершаютъ богослуженіе.

У мѣстнаго крестьянина Ивана Великаго сохраняется актъ 1793г., по которому принадлежащая ему усадьба была нѣкогда куплена купцомъ Егоромъ Клеповымъ у Антона Головатаго.

Въ слободзейскихъ плавняхъ находится возвышенное мѣсто, шириною приблизительно 1/4 версты, а длиною отъ 1/2 до 3/4 версты. Круто спускается къ западу и сѣверо-западу, на востокъ же отлого. Эта возвышенность называется крестьянами «Кременчугъ». Почему оно такъ называется—никто изъ крестьянъ не знаетъ.

Крестьне утверждаютъ, что оно насыпано, такъ какъ при рытьѣ ямъ земля оказывается «зворушенной».—

Въ настоящее время «Кременчугъ» засаженъ садами, а отчасти находится подъ лѣсомъ.

Сообщ. **Н. Кирица.**

Замѣтка объ археологической выставкѣ VIII съѣзда въ Москвѣ. Археологическая выставка VIII съѣзда, размѣстившаяся въ десяти залахъ Историческаго Музея, представляетъ большое разнообразіе по выбору предметовъ древности. Многіе отдѣлы выставки представляются интересными, по древности выставленныхъ памятниковъ или по новымъ даннымъ коллекціямъ. Надлежащую оцѣнку выставки можемъ найти лишь при коллективномъ трудѣ ученыхъ разныхъ спеціальностей, въ особенности со стороны изслѣдователей курганныхъ раскопокъ и церковныхъ древностей. Коллекціи тверскаго музея обрисовываютъ исторію края въ памятникахъ быта. Громадная коллекція церковныхъ древностей Постникова (№№ 3223) даетъ цѣнный матеріалъ для нагляднаго изученія иконъ греческаго, новгородскаго и московскаго письма. Коллекціи плановъ и древностей Каракарума и семирѣченской области, представленныя г. Ядринцевымъ, бросаютъ свѣтъ на исторію христіанства (несторіанства) въ Азіи и представляютъ кромѣ того драгоцѣнныя данныя для проникновенія въ древнѣйшую исторію монголовъ.

Для читателей «Кіевской Старины» наибольшій интересъ представляютъ несомнѣнно памятники южно-русской старины; но таковыхъ, къ сожалѣнію, оказывается очень немного на выставкѣ. Все выставленное по этой части къ тому же отличается раздробленностью, отрывочностью и случайностью появленія на выставкѣ. Въ первой залѣ помѣщается богатая коллекція старинныхъ русскихъ женскихъ одеждъ и головныхъ уборовъ (676 №№) Н. Л. Шабельской; въ этой коллекціи нѣтъ ни одного предмета изъ южной Россіи. Въ той же залѣ помѣщаются двѣ коллекціи стариннаго оружія разныхъ народовъ, и опять таки изъ 218 №№ нѣтъ ни одного южно-русскаго. Въ собраніяхъ тверскаго и рязанскаго музеевъ во 2 залѣ, въ собраніяхъ древностей сѣверныхъ русскихъ монастырей въ 3 и 4 залахъ также, понятно, ничего нельзя найти южно-русскаго. Въ громадной коллекціи иконъ и крестовъ Постникова, занявшей 2 обширныя залы изъ 3223 №№ южно-русскаго опять ничего. Очевидно, южно-русскіе коллекціо-

неры остались глухи къ приглашенію московскаго археологическаго общества принять участіе въ выставкѣ, что, быть можетъ, объясняется дальностью разстоянія, излишней опасливостью за цѣлость вещей и малымъ развитіемъ интереса къ старинѣ на югѣ Россіи.

Въ коллекціи церковныхъ вещей и старопечатныхъ книгъ *С. Т. Большакова* обращаютъ вниманіе 30 книгъ южно-русской печати XVI—XVIII ст. разныхъ типографій, въ томъ числѣ Новый Завѣтъ острожскаго изд. 1581 г., Апостолъ львовскаго изд. 1579 г., Шестодневъ виленскаго изд. Гарабурды 1582 г., Маргаритъ острож. изд. 1596 г., Грамматика Мелетія Смотрицкаго 1619 г., Исторія Варлаама и Іоасафа 1637 г., Требникъ Петра Могилы 1646 г. и мн. др.

Въ коллекціи И. Л. Силина выставлено около 20 южно-русскихъ старопечатныхъ книгъ, острожскія изданія: Апокристъ (1596 г.), Книжица (1598 г.), Сборникъ (1588 г.), Библія (1581 г.); виленскія: Статутъ Литовскій (1588 г.), Служебникъ (1617 г.) и др.

Въ коллекціи І. А. Хайновскаго находятся растворчатые кресты, складни, иконки съ первыхъ временъ христіанства на Руси, серебряныя серьги и браслеты, кіевскія гривны, украшенія съ похороннаго наряда жены Романа Мстиславича половины XII в., охотничій рогъ польскаго короля Владислава IV, памятники быта полянъ въ до-христіанскую эпоху (бусы, серьги, кольца и пр.).

Коллекціи И. А. Зарѣцкаго и Г. Л. Скадовскаго первобытныхъ южно-русскихъ древностей (скиѳскихъ), первая изъ харьк. губ., вторая изъ херсонской.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской состоитъ изъ скиѳскихъ и малорусскихъ древностей. Къ послѣднимъ относятся изящный бѣлый кувшинъ—куманецъ съ рисунками, хрустальная сулейка кіевскаго митроп. Тимофея Щербацкаго половины прошлаго вѣка, старинный церковный сосудъ изъ красной мѣди для храненія освященной воды, старинная пороховница и нѣск. др.

Коллекція проф. Прахова: «Археологическая поѣздка на Волынь въ 1886 г.», небольшая по количеству, но очень показная по выбору и распредѣленію предметовъ: нѣсколько рукописныхъ евангелій съ раскрашенными заставками и въ дорогихъ окладахъ, остатки кафельнаго пола изъ «Старой каѳедры» собора Владиміро-Волынскаго, кирпичъ изъ Старой каѳедры XI или XII в. съ нацарапанной человѣческой фигурой, серебряныя позлащенныя подвѣски къ иконамъ (ex voto, т. е. обѣтныя) XVI, XVII и XVIII ст., серебряный позлащеный кубокъ XVI в., найденный подъ поломъ Кіево-Златоверхо-Михайлов-

скаго монастыря, сосудъ изъ золоченнаго серебра въ видѣ улитки XVIII в. изъ ризницы Почаевской лавры, дарственная запись кн. Өеодора Ив. Ярославича 1508 г., булла папы Бенедикта XIV 1751 г.

Особо помѣщено *надгробіе* изъ темнолиловаго и бѣлаго мрамора князя Димитрія Козѣки въ церкви Зимно близъ г. Владиміра-Волынкаго съ русской и тожественной латинской надписями: «зде лежитъ тѣло шляхетно вроженаго князя Дмитрѧ Козѣки, который у вымѣнью своемъ Зѧмличохъ далъ духа своего до хвалы божей вроку 1583, мѣсяца сентября 19 дня вponедѣлокъ вов единую годину, вѣкъ живота его 45 лѣтъ». Среди надписей гербъ.

Обращаетъ еще вниманіе *козацкое знамя* XVIII в., найденное въ архивѣ церкви села Сенчанскихъ Скоробогатокъ лохвицкаго уѣзда полт. губ. Знамя большое; на голубомъ шолковомъ фонѣ вышито изображеніе козака въ полномъ вооруженіи, а вокругъ него изображены пушки, ядра, копья и трубы.

Кромѣ того выставлены археологическая карта кіевской губ., составленная В. Б. Антоновичемъ и археологическая карта харьковской губ., составленная Д. И. Багалѣемъ.

Въ коллекціи иконъ Большакова находится одна старинная (XVII в.) икона «Церковь» кіевской работы, рѣзная изъ дерева.

X.

Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи университета св. Владиміра въ 1835 г. Въ январьской книгѣ текущаго года, въ замѣткѣ о состояніи кіевскаго учебнаго округа въ 1835 году, было указано, что къ царскому пріѣзду въ октябрѣ того года былъ приготовленъ всеподданнѣйшій рапортъ не только о состояніи округа, но и о состояніи недавно открытаго университета. Рапортъ этотъ приготовленъ былъ ректоромъ университета М. Максимовичемъ; онъ имѣется у насъ въ рукахъ первоначально въ черновомъ видѣ, затѣмъ въ переписанномъ набѣло, но еще разъ исправленномъ, и наконецъ—въ чистомъ экземплярѣ, скрѣпленномъ собственноручною подписью Максимовича. Очевидно, это тотъ экземпляръ, которому не суждено было 11 октября 1835 года быть поданнымъ царю даже въ то время, когда—по выраженію Максимовича—«государь благоволилъ принять у себя въ залѣ весь corpus universitatis» [1]). Этотъ рапортъ состоитъ изъ 5

---

[1]) Объ этомъ см. „Исторія императ. унив. св. Владиміра" Владимірскаго-Буданова. Т. I, стр. 288—293.

отдѣловъ, которые знакомятъ насъ съ состояніемъ университета въ краткихъ цифровыхъ данныхъ. Считаемъ нелишнимъ напечать его въ цѣльномъ видѣ, какъ документъ, имѣющій интересъ и по своей исторіи, и по своему содержанію.

Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи Императорскаго университета св. Владиміра 11 октября 1835 года.

А. Чиновники университета.

1) Преподаватели наукъ и языковъ		24
а) Профессоровъ богословія	2.	
б) Профессоровъ ординарныхъ, (въ томъ числѣ ректоръ университета)	12.	
в) Профессоръ экстра-ординарный	1.	
г) Адъюнктовъ	3.	
д) Неимѣющихъ университетскихъ званій	3.	
е) Лекторовъ новѣйшихъ языковъ	3.	
2) Учителей искусствъ		5.
3) Инспекторъ студентовъ и 2 помощника его		3.
4) Чиновниковъ присутственныхъ мѣстъ университета: (совѣтникъ, синдикъ, 2 секретаря, кассиръ и бухгалтеръ)		6.
5) Библіотекарь, помощникъ его и секретарь библіотеки		3.
6) Врачъ, экзекуторъ и экономъ		3.
7) Канцелярскихъ служителей		13.
Всего		57.

Б. Студенты университета.

1) Принятыхъ въ 1-мъ учебномъ году		55.
въ томъ числѣ казеннокоштныхъ	12.	
2) Принятыхъ въ 2-мъ учебномъ году		68.
въ томъ числѣ казеннокоштныхъ	11.	
Итого: казеннокоштныхъ		23.
своекоштныхъ		100.
Всего		123.

В. Коллекціи университета.

1) Библіотека	томовъ		44,552.
2) Минцъ кабинетъ	монетъ и медалей		20,032.
	а) Древнихъ	8,636.	
	б) Новыхъ	11,396.	

3) Кабинетъ физическій	. . . .	снарядовъ . .	264.
4) « механическій	. . . .	моделей .	441.
		и рисунковъ	1,665.
5) « геодезическій	. . . .	предметовъ .	78.
6) « архитектурный	. . . . . .	предметовъ	316.
		рисунковъ..	229.
7) « агрономическій	. . . . .	штукъ.	100.
8) « химическій	. . . .	веществъ . .	1,200.
9) « минералогическій	. . . .	штуфовъ . . .	17,969.
10) « зоологическій	. . . . . .	видовъ	12,655.
11) « живописи	. . . .	предметовъ . .	448.
12) « скульптурный	. . . . . .	штукъ.	65.
13) « гравировальный	. . . . .	штукъ.	1,457.
14) ботаническій садъ	. . . .	видовъ.	15,392.
15) гербарій	. . . .	видовъ.	5,000.

Г. Заведенія при университетѣ.

1) Церковь . . } принадлежавшія главному штабу 1-й арміи; поступа-
2) Типографія } ютъ въ вѣдомство университета къ 1-му ноября сего г.
3) Литографія: поступила отъ главнаго штаба 20 августа 1835 года.
4) Больница. . . . на 20-ть кроватей.
5) Манежъ . . . . на 11-ть лошадей.

Д. Капиталы и годичный доходъ университета на ассигнаціи.

	Капитальныя суммы.	Годичный доходъ 1835 г.
1) Изъ государственнаго казначейства	— —	122,700 р. —
2) Изъ капитула императорскихъ и царскихъ орденовъ.	— —	12,900 р. —
3) Изъ общаго училищнаго фундуша	— —	31,212 р. —
4) Съ недвижимыхъ имѣній. . . .	— —	17,094 р. 7 к.
5) Изъ кіевскаго приказа общественнаго призрѣнія, отъ пожертвованнаго дворянствомъ кіевской губерніи и всемилостивѣйше университету св. Владиміра присвоеннаго капитала	260,473 р. 40 к.	13,023 р. 67 к.

	Капитальныя суммы.	Годичный доходъ 1835 г.
6) Отъ пожертвованнаго частными лицами капитала	1,331,978 р. 17 к.	77,448 р. 97 к.
Итого	1,592,451 р. 57 к.	274,378 р. 70 к.
Сверхъ сего при университетѣ св. Владиміра имѣются еще капиталы, оставшіеся отъ волынскаго лицея		
1) Съ частныхъ пожертвованій на госпиталь и хирургическое учебное заведеніе	206,504 р. 38 к.	11,923 р. 34 к.
2) Съ частныхъ же пожертвованій на институтъ гувернантокъ . . .	2,991 р. 60 к.	119 р. 66 к.
Итого	209,495 р. 98 к.	12,043 р. —
Всего вообще	1,801,947 р. 55 к.	286,421 р. 70 к.

Ректоръ Михаилъ Максимовичъ.

Безспорно, не было бы лишено интереса подробное сопоставленіе всѣхъ данныхъ этого рапорта съ таковыми же въ современномъ положеніи университета св. Владиміра; но во 1-хъ, это вывело бы насъ далеко за предѣлы замѣтки, а во 2-хъ, потребовало бы многихъ мелочныхъ справокъ, достать которыя мы затрудняемся. Только послѣдній отдѣлъ рапорта «Капиталы и годичный доходъ университета», интересный по солиднымъ размѣрамъ капитальныхъ суммъ, можетъ быть съ большимъ удобствомъ сравненъ съ современными данными, т. к. въ приложеніяхъ къ «Исторіи университета св. Владиміра» помѣщенъ подробный списокъ капиталовъ, числящихся теперь при университетѣ. Впрочемъ, и въ этомъ отдѣлѣ встрѣчается для насъ много недоразумѣній, которыя—мы въ этомъ вполнѣ увѣрены—могутъ быть легко разъяснены компетентными лицами университетской администраціи. Прежде всего обращаемъ вниманіе на то, что намъ не совсѣмъ понятна разница суммы первой статьи этого отдѣла (изъ государственнаго казначейства ассигновано на 1835 годъ—122,700 р.) и таковой же суммы, показанной въ «Исторіи университета св. Владиміра», гдѣ говорится, что по штату 1833 г. было ассигновано 248,890 р. ас. (см. приложеніе 1-е). Почему изъ ассигнованной суммы поступило въ дѣйствительности меньше половины, рѣшить не беремся.

Что касается 2-й статьи, то она со введеніемъ въ дѣйствіе устава 1863 г. прекращена выдачею.

Въ остальныхъ статьяхъ, при имѣющихся теперь печатныхъ данныхъ, разобраться довольно трудно, во 1-хъ потому, что въ приложеніяхъ къ «Исторіи университета св. Владиміра», гдѣ перечислены всѣ капиталы, пожертвованные еще на волынскій лицей, а затѣмъ переданные университету св. Владиміра, суммы переведены съ ассигнаціоннаго счета на серебро, а во 2-хъ потому, что итоги во многихъ мѣстахъ сведены неправильно, а самое главное—потому, что судьбы нѣкоторыхъ капиталовъ совершенно нельзя опредѣлить. Мы раньше всего остановимся на 6-ой статьѣ, гдѣ говорится о пожертвованныхъ капиталахъ частными лицами. Если перевести 1,331,978 р. 17 к. ассигнаціонныхъ на серебро, то, считая 100 единицъ ассигнац. равными 28,57 на серебро, получимъ сумму 380,536 р. 16 к., которые, очевидно, составляютъ итогъ не всѣхъ капиталовъ, перечисленыхъ въ указанномъ приложеніи, т. к. тамъ сумма показана въ 462,580 р. 27½ к. и 3362 р. червонцами. Поэтому, вѣроятно, надо причислить сюда и дальнѣйшія двѣ статьи, представляющіе капиталы спеціальные, но тоже пожертвованные еще волынскому лицею, а именно: 206,504 р. 48 к. ассигнац. (58,998 р. 19 к. на серебро) на госпиталь и хирургич. учебное заведеніе, а также 2991 р. 60 к. ассигнац. (864 р. 70 к. на серебро) на институтъ гувернантокъ, хотя и тогда не получимъ всей суммы, показанной въ приложеніи къ «Исторіи университета», а все таки довольно близкую къ ней (440,389 р. 5 к.). Разница, такимъ образомъ, получается въ 22 тыс. съ небольшимъ; на эту разницу приходится отчислить недвижимыя имѣнія, принадлежавшія университету.—Впрочемъ, трудно думать, чтобы недвижимыя имѣнія ежегодный доходъ съ которыхъ показанъ въ 17,094 р. 7 к. ассигнац. (т. е. 4883 р. 77 к. на серебро), реализованы были только въ суммѣ 22 тысячъ рублей. Повторяемъ еще разъ, что окончательно распутать этотъ счетъ, при наличности печатныхъ данныхъ объ университетскихъ капиталахъ, нѣтъ возможности. Нечего и говорить о томъ, что 3-я статья ежегоднаго дохода (31,212 р. ассигнац. изъ общаго училищнаго фундуша) теперь совсѣмъ отсутствуетъ, но когда и какъ она прекращена—отвѣтить трудно. Что же касается пятой статьи, гдѣ показанъ капиталъ, пожертвованный кіевскимъ дворянствомъ, то статью эту только и можно сопоставить въ приложеніи къ «Исторіи университета» съ такъ называемымъ *гимназическимъ* капиталомъ, но только онъ слишкомъ рѣзко разнится отъ упомянутаго въ рапортѣ, а именно:

въ приложеніи—31,494 р. 21 к. на серебро, въ рапортѣ—260,473 р. 40 к. ассигнац., что равняется 74,417 р. 25 к. на серебро.

Дополнимъ наши данныя о матеріальномъ положеніи университета св. Владиміра въ 1835 году еще нѣкоторыми свѣдѣніями о приходѣ, расходѣ суммы и объ остаткахъ къ 1 октября, о чемъ сохранилась въ бумагахъ Максимовича вѣдомость, очевидно тоже составлявшаяся по случаю царскаго пріѣзда. Въ этой вѣдомости находимъ, во 1-хъ, остатокъ къ 1 января 1835 г. (6,955 р. 49$^3/_4$ к. ассигнац. + 29,689 р. 7$^1/_2$ к. на серебро + 220 червонцевъ, сверхъ того, билетами 6997 р. 21 к. на серебро), во 2-хъ, приходъ въ 1835 г. по 1 окт. (110,653 р. 15 $^3/_4$ к. ассигнац. + 44,344 р. 45 к. на серебро+ 248 червонц., и сверхъ того, билетами на ассигнаціи 47,157 р. 99 к. и на серебро 22, 508 р.), въ 3-хъ, расходъ за тотъ же срокъ (95,680 р. 26$^3/_4$ к. на ассигнац. + 55,094 р. 82$^1/_2$ к. на серебро + 30 червонцевъ, а сверхъ того билетами 1218 р. 22 к. на серебро), и въ 4-хъ, остатокъ 1 января 1833 г. (21,928 р. 38$^3/_4$ к. ассигн. + 18,938 р. 69$^3/_4$ к. на серебро + 438 червонцевъ, а сверхъ того билетами 47,157 р. 99 к. ассигн. и 28,286 р. 99 к. на серебро). Суммы эти, вѣроятно, въ громадномъ большинствѣ, не представляютъ капитальныхъ поступленій, а только ежегодные доходы, т. к. въ другой вѣдомости мы находимъ роспись оклада доходовъ на 1835 г., гдѣ цифровыя данныя приближаются къ только что указаннымъ.

Конечно, мы не имѣли въ виду нашей замѣткой распутать этотъ очень сложный вопросъ объ имущественномъ состояніи и положеніи университета св. Владиміра,—для этого нужны иныя данныя и иныя условія; мы хотѣли только по поводу всеподданнѣйшаго рапорта 1835 года сдѣлать нѣсколько первоначальныхъ набросковъ для сопоставленія капиталовъ, принадлежавшихъ университету полъ вѣка назадъ, съ тѣмъ, что имѣется теперь. Чтобы показать до какой степени трудно было бъ во всѣхъ подробностяхъ опредѣлить все, касающееся капиталовъ университета св. Владиміра, мы приведемъ еще одну справку изъ журнала «Сѣверный Вѣстникъ» 1804 г.: «Г. статскій совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ письмомъ своимъ отъ 21-го марта 1803 г. къ г-ну министру народ. просвѣщ. изъявилъ желаніе употребить въ пользу предназначаемыхъ университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ 100 тысячъ руб. съ тѣмъ, чтобъ большая половина оныхъ осталась вѣчнымъ для нихъ капиталомъ, и доходы употребляемы были единственно на содержаніе неимущихъ учениковъ. Капиталъ сей внесенъ въ сохранную казну московскаго

воспитательнаго дома, дабы обращеніемъ своимъ до открытія сихъ заведеній возрасталъ въ пользу оныхъ». (Ч. 2-я, отд. «Разныя извѣстія«, стр. 237-я). Что сталось съ этимъ капиталомъ,—былъ ли онъ, дѣйствительно внесенъ въ сохранную казну, и куда затѣмъ былъ направленъ —это вопросы, на которые отвѣтъ найти въ печатныхъ данныхъ нельзя; видно только, что его нѣтъ среди всякихъ капиталовъ университета св. Владиміра.

В. Науменко.

КЪ РИСУНКАМЪ ШЕВЧЕНКА.

Начиная съ настоящаго номера, мы разсчитываемъ помѣстить въ нашемъ журналѣ рядъ снимковъ-фототипій съ рисунковъ Шевченка, заимствововванныхъ изъ двухъ альбомовъ его, относящихся къ 1843 и 1844 годамъ. Объ этихъ альбомахъ, входящихъ въ составъ богатой коллекціи предметовъ старины, культуры и искусства южнаго края, принадлежащей В. В. Тарновскому, мы сообщали уже на страницахъ „Кіевской Старины" (1886 г. № 2). Оба альбома любезно предоставлены теперь владѣльцемъ ихъ для снятія снимковъ редакціи нашего журнала.

Четыре снимка видовъ историческихъ мѣстностей Малороссіи, нынѣ помѣщаемые, взяты изъ дорожнаго альбома поэта 1844 года.

Въ это время—разцвѣтъ его творчества,—Шевченко числился рисовальщикомъ при кіевской археографической коммиссіи и, странствуя по родному краю, заносилъ карандашомъ, акварелью и сепіей въ дорожную книжку виды мѣстностей, отмѣченныхъ чѣмъ нибудь въ его трагической исторіи, уцѣлѣвшіе отъ разрушенія памятники, храмы, старосвѣтскія постройки, бывшія свидѣтелями давнихъ дней. Справедливо думая, что памятники эти такіе же документы прошлаго, какъ и архивныя бумаги, но документы образные, осязательные, срисовываніемъ ихъ поэтъ думалъ послужить дѣлу историческаго изученія. Но силы его не могли сосредочиться на одномъ хоть и бурномъ, но мертвомъ прошедшемъ. Живая жизнь, окружающая дѣйствительность съ ея вопіющими къ небу неправдами, жизнь и судьба живыхъ людей отрывали отъ спокойной работы мысли поэта. Рисовальщи-

комъ коммиссіи онъ оставался кажется всего полгода и отдался опять той свободѣ дѣятельности, въ которой единственными руководителями его являлись вдохновенье и сердце.

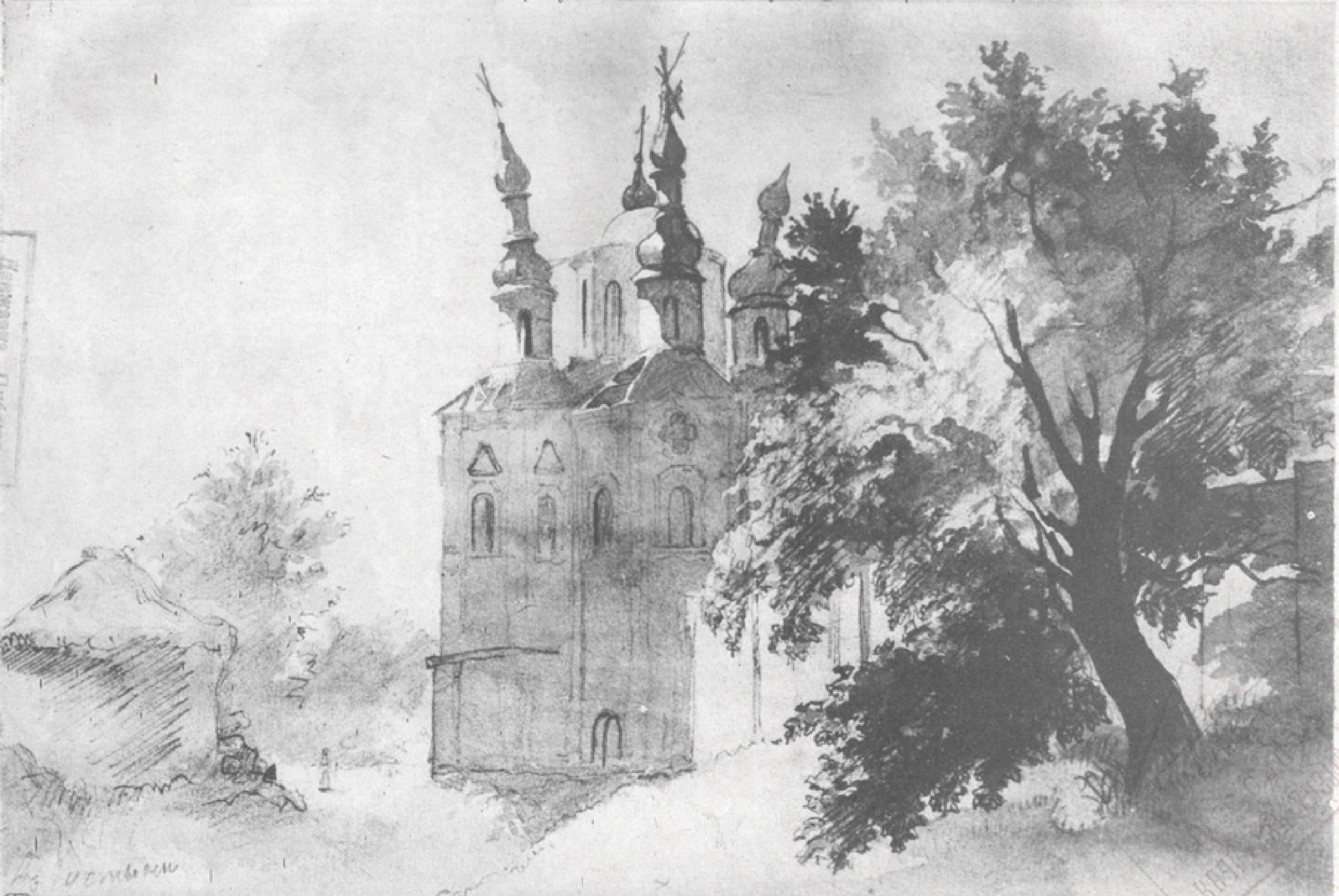
Художественныя работы Шевченка дополняютъ во многомъ представленья наши о его внутреннемъ мірѣ, въ особенности въ эти важнѣйшіе годы его существованья, отмѣченныя всею полнотою жизни, всѣмъ разцвѣтомъ души. Вмѣстѣ съ его письмами, его прозой онѣ вводятъ насъ въ ту таинственную лабораторію, гдѣ зрѣли его мысли и чувство и откуда вылетали крылатыя созданья его поэзіи. Онъ не только описываетъ сельскую жизнь, ея печали и радости, страданья неволи, образы, созданные фантазіей народа, но старается возсоздать и внѣшній обликъ сельскаго люда, природу края, памятники его былаго. Въ стихахъ и рисункахъ его можно наити множество аналогій. Въ „Живописной Украинѣ" онъ рисуетъ пріемъ Хмельницкимъ пословъ съ дарами отъ государей по той же самой загадачной и патетической „Исторіи Русовъ", по которой въ „Кобзарѣ" воспѣваетъ Подкову, Тарасову ночь и морскіе походы козаковъ. Одни и тѣ-же тревожащіе его образы онъ силится передать и кистью, и перомъ и въ трудѣ его одно дополняетъ другое.

На этихъ самыхъ страницахъ намъ не разъ случалось писать о картинахъ, рисункахъ, офортахъ и иллюстраціяхъ Шевченка съ цѣлью привести въ извѣстность ихъ наличность. Наибольшее число рисунковъ Шевченка находится теперь въ рукахъ гг. В. В. Тарновскаго, В. М. Лазаревскаго, ген. Каховскаго, Л. М. Жемчужникова и А. В. Прахова. У другихъ собирателей рисунки разсѣяны по нѣсколько штукъ. Альбомъ экспедиціи Бутакова принадлежитъ вдовѣ покойнаго адмирала. Собираньемъ офортовъ Шевченка заняты многіе любители гравюры въ провинціи и въ столицахъ. Въ этой отрасли, съ точки зрѣнія чистаго искусства, знатоки признаютъ за поэтомъ большія заслуги и вполнѣ компетентные люди называютъ его лучшимъ офортистомъ русской школы.

Альбомъ, изъ котораго заимствованы печатаемые въ этой книгѣ четыре вида, заключаетъ въ себѣ всего восемнадцать зарисованныхъ листковъ. Три вида Густынскаго монастыря (видъ

главнаго храма, до „реставраціи“, брама съ развалиной бывшей на ней церкви во имя св. Варвары и видъ трапезной церкви) сняты, вѣроятно, въ 1844 году, о чемъ есть свѣдѣнье въ повѣсти Шевченка „Музыкантъ“. Чигиринъ съ субботовскаго шляху долженъ быть помѣченъ одной датой, что и стихотворенье подъ этимъ заглавіемъ, запечатлѣнное такою грустью. Густынскій монастырь, простоявшій сохранно въ своей старосвѣтской прочности съ XVII вѣка по 40-е годы XIX-го и видѣвшій всякіе виды до упраздненія его Императрицею Екатериной II, въ концѣ сороковыхъ годовъ подвергся варварской „реставраціи“, предпринятой переведеннымъ туда послѣ открытія монастыря изъ Нижняго Новгорода настоятелемъ Паисіемъ. Внѣшнія передѣлки измѣнили значительно его наружный видъ, работа маляровъ уничтожила старинныя его фрески, до портрета Мих. Вишневецкаго включительно, фамильный склепъ Горленковъ, двухъ полковниковъ прилуцкихъ и ихъ потомковъ, находившійся подъ алтаремъ главнаго храма былъ опустошенъ, кости снесены въ одно мѣсто и замурованы, Шаты образовъ, съ гербами Самойловичей и Горленковъ перелиты и „обновлены“ усердіемъ прилуцкаго купца Тарасевича... Шевченко засталъ обитель еще до всѣхъ этихъ проявленій вандализма. Вскорѣ тамъ упокоился прахъ дружески расположеннагокъ поэту и уважаемаго имъ почтеннаго князя Н. Г. Репнина.

Слѣдующіе рисунки альбома изображаютъ: три церкви въ Переяславѣ (св. Михаила, Вознесенскій соборъ, построенный Мазепой, и церковь Покрова, построенную полковникомъ Мировичемъ), Андруши (село и архіерейская дача подъ Переяславомъ). Старинныя постройки (комора въ селѣ Потокахъ и полуразрушенная каплица безъ означенья мѣстности), могильные кресты въ Субботовѣ, Богдановы руины и церковь, строенную будто бы тоже Хмельницкимъ тамъ же, два правобережныхъ монастыря (Чигиринскій и знаменитый Мотронинъ). Село Вьюгонище переясл. уѣзда, крестьянскую хату въ томъ же уѣздѣ и церковную колокольню въ с. Васильевкѣ. Мы надѣемся представить современемъ въ копіяхъ наиболѣе характерные изъ этихъ рисунковъ, такъ же какъ и нѣсколько снимковъ бытовыхъ сценъ и типовъ изъ другаго альбома Шевченка.



БИБЛІОГРАФІЯ.

Гиляревскій А., свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григоровичъ Барскій. М. 1889. Стр. 2+108 + 2 нен. 8° (Оттискъ изъ «Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія» 1889 г.) ц. 50 к.

Брошюра о. Гиляревскаго не представляетъ, да и не можетъ, конечно, представлять ничего новаго съ фактической стороны о Барскомъ, всѣ свѣдѣнія о которомъ основаны исключительно на давно извѣстныхъ въ печати его «Запискахъ», съ прибавленіемъ нѣсколькихъ писемъ, его и къ нему. Задача автора была иная, и онъ далъ весьма недурную характеристику кіевскаго путешественника и его литературнаго труда, — сжатую, хотя и не безъ нѣсколькихъ повтореній, впрочемъ почти неизбѣжныхъ, и довольно рельефную, несмотря на нѣкоторыя отдѣльныя неясности. Послѣднихъ мы въ вину автору не ставимъ, ибо онѣ нимало не обличаютъ неясности мысли, а зависятъ только отъ способовъ выраженія, принятыхъ въ этой области русской письменности. Замѣтимъ мимоходомъ, что нѣкоторая двойственность слога въ нашей литературѣ вообще, а съ другой стороны у писателей духовныхъ, происходящая главнымъ образомъ отъ различія школы, какую проходятъ дѣятели той и другой, и неодинаковой постановки и пріемовъ преподаванія, приноситъ обѣимъ, а затѣмъ и всему развитію русской общественной мысли, значительную невыгоду. Средній читатель, привыкшій въ журнальныхъ и особенно критическихъ статьяхъ къ массѣ иностранныхъ словъ, громкихъ фразъ и эффектныхъ выраженій, отказывается понимать совершенно сходныя по существу мысли, выраженныя на страницахъ изданій духовныхъ преднамѣренно обезличеннымъ языкомъ, а нерѣдко еще уснащеннымъ лишними архаизмами спеціальнаго оттѣнка, обзываетъ все это безъ разбора «схоластикой» и отво-

рачивается отъ здороваго зерна изъ за его оболочки. Въ то же время, средній же, но специальной среды, читатель, привычный къ иной рѣчи, готовъ увидѣть чуть не ересь въ какомъ нибудь разсужденіи, которое онъ находитъ вполнѣ основательнымъ на страницахъ духовнаго журнала, если бы тѣ же слова переложить на обыденный языкъ общихъ литературныхъ изданій. Примѣры увидимъ ниже.

На «Запискахъ» Барскаго и его личности мы не остановимся со стороны литературно-исторической, въ виду существующей уже очень обстоятельной разработки предмета. Но для нѣкоторыхъ замѣчаній по его поводу, которыя намъ кажутся имѣющими немаловажный современный и жизненный интересъ, напомнимъ главныя особенности «Странствованій», пользуясь изложеніемъ о. Гиляревскаго а тѣмъ самымъ дадимъ отчетъ и о его работѣ. Первыя главы ея передаютъ хронологически свѣдѣнія о путешественникѣ-кіевлянинѣ, согласно біографическому очерку, приложенному къ послѣднему, роскошному изданію «Странстованій» Русскаго Палестинскаго общества, и о самихъ его путешествіяхъ, а именно: 1) Дѣтство и воспитаніе Барскаго; 2) Паломничество Б. по западноевропейскимъ странамъ и 3) Странствованіе Б. по св. мѣстамъ Востока. Далѣе слѣдуетъ обзоръ его «трудовъ съ цѣлію самообразованія», направленныхъ прежде всего на изученіе греческаго языка, а затѣмъ на историко-археологическіе памятники, вещественные и литературные, преимущественно византійскіе, и на другіе языки, какъ напр. арабскій и староболгарскій. Конечно, опредѣляющей и ближайшей задачей изученій Барскаго были предметы церковные, въ частности обрядовые, но онъ не замыкался въ нихъ исключительно, а отводилъ въ своихъ описаніяхъ довольно широкое мѣсто природѣ, экономическимъ условіямъ и бытовымъ особенностямъ посѣщенныхъ имъ странъ. Въ «характеристикѣ личности Барскаго» авторъ приходитъ къ выводу, что у него, на почвѣ господствующаго настроенія религіознаго, преобладаетъ благодушное, оптимистическое міровоззрѣніе, благодаря чему онъ безъ горечи повѣствуетъ о своихъ многочисленныхъ невзгодахъ, а въ собственномъ образѣ жизни руководствуется самими строгими правилами, не чувствуя отъ нихъ, при склонности довольствоваться малымъ, особеннаго стѣсненія. Оптимизмъ не закрываетъ отъ него отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности, не исключая и сферы религіозной жизни на православномъ Востокѣ, даже въ средѣ духовенства и иночествующей братіи, но онъ не склоненъ къ рѣзкой обличительной проповѣди, а готовыя сорваться слова осужденія нерѣдко опускаетъ пред-

намѣренно, не таясь съ этимъ. Этими чертами мягкосердечнаго сангвиника, человѣка глубоко религіознаго, беззавѣтно-любящаго далекую родину, при достаточной наблюдательности, пытливости ума, но невысокой образовательной подготовкѣ, опредѣляется характеръ и самое содержаніе единственнаго, но очень обширнаго труда Барскаго, на «оцѣнкѣ» котораго преимущественно останавливается о. Гиляревскій. Онъ тоже прямо указываетъ, что «на описаніи странствованій всецѣло отразился личный характеръ Барскаго», и видитъ «основу» описаній въ «любознательности автора, его необычайномъ трудолюбіи, добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу и искреннемъ благочестіи». Другія черты тоже отмѣчены, только не въ тѣхъ выраженіяхъ, какія употребила бы въ данномъ мѣстѣ критика общелитературная.

Сближая кіевскаго паломника первой половины XVIII в. съ его древнѣйшими предшественниками «по религіозно нравственному направленію наблюдательности, простотѣ и безъискусственности описаній» (72), а также въ томъ, что у него, «описываемая дѣйствительность не сочинена, а пережита душою живою, сердцемъ чуткимъ, отзывчивымъ на все истинное, доброе и прекрасное» (77), иначе сказать по непосредствености религіознаго чувства, о. Гиляревскій находитъ отличительныя особенности его отъ нихъ во «*всесторонности наблюдающей мысли*» (курс. подл.), т. е. въ отсутствіи узкой спеціализаціи умственныхъ интересовъ, а также въ строгомъ разграниченіи Барскимъ наблюдаемой дѣйствительности отъ вызваннаго ею въ немъ личнаго настроенія. Чувствуя не менѣе глубоко, чѣмъ паломники древнерусскіе, Барскій свободенъ однако отъ ихъ недостатка — видѣть вещи сквозь призму своей пылкой фантазіи. Ему же душевная восторженность не препятствуетъ оставаться объективно спокойнымъ въ наблюденіи и изображеніи, «вслѣдствіе чего въ своихъ отношеніяхъ къ дѣйствительности онъ *всегда строго положителенъ* (курс. подл.), т. е. съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ реалистомъ, не впадая при этомъ, добавимъ еще, въ протокольную сухость, какою грѣшатъ одновременные паломники великороссы, какъ напр. Сухановъ и даже болѣе непосредственный Лукьяновъ. Особенно выгодно, на нашъ взглядъ, отличаетъ Барскаго не отъ однихъ древнѣйшихъ, но и отъ большинства болѣе позднихъ русскихъ паломниковъ-писателей,—свобода его отъ напыщенности и дѣланныхъ восторговъ... Другія же указанныя о. Гиляревскимъ черты его описаній надо признавать не въ такой абсолютной степени, какъ говорится о нихъ въ разбираемой брошюрѣ, а преимущественно въ сравненіи съ другими однородными

произведеніями. Существенный литературный недостатокъ Барскаго, слабость его научныхъ знаній и подготовки, не оттѣненъ достаточно, хотя наиболѣе рѣзкій общій фактъ не ускользнулъ отъ вниманія автора. Говоря о критическомъ отношеніи Б. къ слышаннымъ отъ разныхъ лицъ сказаніямъ и преданіямъ, онъ оговаривается, что Б. болѣе довѣрчиво заноситъ разсказы очевидцевъ, а изъ другихъ—предпочитаетъ согласные съ письменными источниками, послѣдніе же принимаетъ на вѣру, безъ всякаго въ нихъ сомнѣнія и даже попытокъ провѣрки. Черта любопытная и вполнѣ понятная, несмотря на видимую противоположность отношенія его къ источникамъ различныхъ категорій. По природному складу ума Барскій былъ склоненъ къ критицизму, но именно слабость знаній и сознаніе самой этой слабости останавливаютъ его на полудорогѣ. Къ сказаніямъ устнымъ онъ относится вполнѣ свободно, отвергая ихъ не по одному лишь несходству съ письменными свидѣтельствами, но и по ихъ внутренней несостоятельности, на основаніи одного логическаго разбора, ко всему же писанному относится съ почтительнымъ легковѣріемъ, далеко не соотвѣтствующимъ не только общему уровню науки въ его время, но даже и тому на какомъ стояла она даже въ тогдашнихъ кіевскихъ и львовскихъ школахъ, именно въ критицизмѣ ушедшихъ недалеко. Барскій столь же далеко не достигъ еще и ихъ уровня.

Самый способъ писанія Барскаго, по горячимъ слѣдамъ, дѣлаетъ различныя части его труда весьма несоразмѣрными по достоинству. Болѣе раннія его части не могутъ понятно, итти литературно въ сравненіе съ позднѣйшими, писанными болѣе опытнымъ перомъ, умомъ созрѣвшимъ и обогатившимся массою новыхъ свѣдѣній. Это различіе очень важно для тѣхъ соображеній практическаго характера, которыхъ желаемъ теперь коснуться. О. Гиляревскій въ разныхъ мѣстахъ неоднократно указываетъ высокое достоинство «путешествій» Барскаго, какъ матеріала для поучительнаго народнаго чтенія, и выражаетъ желаніе, чтобы оно было сдѣлано общедоступнымъ въ болѣе простомъ и дешевомъ изданіи, чѣмъ Палестинскаго общества (ц. 40 р.). Вполнѣ раздѣляя взглядъ о. Гиляревскаго, скажемъ даже болѣе, что изъ массы «поучительныхъ» книгъ для народа, изданныхъ до настоящей минуты, и въ частности путешествій по св. мѣстамъ Востока или ихъ описаній, можно выбрать развѣ очень и очень немногое, что могло бы сравниться съ сочиненіемъ Барскаго и по живости чувства, нерѣдко, къ сожалѣнію, замѣняемаго у другихъ суррогатомъ подкожнаго жара, ни по доступ-

ности и понятности грамотному простолюдину, несмотря на устарѣлость, тогда какъ однородныя новыя произведенія нерѣдко грѣшатъ насыщенной невразумительностью. Но думается намъ, что и удешевленное изданіе Барскаго, не можетъ стать вполнѣ народнымъ, по самому своему объему. Сокращать же его въ форму пересказа, какъ находитъ и о. Г—скій, почти невозможно. Наиболѣе практичнымъ исходомъ было бы изданіе отдѣльными дешевыми брошюрами цѣльныхъ и законченныхъ по содержанію отрывковъ, выбранныхъ, разумѣется, умѣлою рукою, и преимуществено изъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ паломника. Такой способъ изданія, которое обогатило бы значительно нашу литературу для народа, не потребовалъ бы и значительныхъ средствъ, вполнѣ доступенъ частнымъ лицамъ, и было бы очень желательно, если бы иниціативу этого дѣла взялъ на себя кто-либо изъ современныхъ продставителей стариннаго кіевскаго рода Григоровичей-Барскихъ, занимавшихъ и занимающихъ невыдающееся по блеску,но почетное мѣсто въ рядахъ мѣстныхъ «гражданъ».

Ив. Новицкій.

Кубанское казачье войско. 1696—1888 г. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Изданъ подъ редакціей дѣйств. члена кубанскаго областнаго статист. комитета Е. Д. Фелицына, при участіи Ф. А. Щербины, почетнаго члена того же комитета. (Воронежъ, 1888. Стр. 438. Съ художественными приложеніями и планомъ г. Екатеринодара. Ц. 4 р.)

Книга, заглавіе которой выписано выше, принадлежитъ, повидимому, къ разряду юбилейныхъ изданій, но сильно ошибется тотъ, кто, изъ понятнаго чувства недовѣрія къ юбилейнымъ сочиненіямъ, не поинтересуется настоящимъ сборникомъ гг. Щербины и Фелицына.

Авторы приступили къ своему труду послѣ тщательнаго и разносторонняго ознакомленія съ предметомъ. Ф. А. Щербина еще въ 1883—4 гг. напечаталъ въ «Кіевской Старинѣ» три очерка о бѣглыхъ и крѣпостныхъ въ Черноморіи, о колонизаціи кубанской области и самоуправленіи кубанскихъ козаковъ, отличающіеся свойственными этому неутомимому изслѣдователю тщательностью и серьезностью разработки трактуемыхъ вопросовъ. Е. Д. Фелицынъ также работалъ надъ исторіей колонизаціи кубанской области (т. VIII Изв. кавк. отд. геогр. общ.). Настоящая работа составлена на основаніи какъ ранѣе изданныхъ, такъ отчасти и архивныхъ матеріаловъ и представляетъ крупную заслугу по изученію края.

Книга разбивается на двѣ части: «Историческій очеркъ кубанскаго казачьяго войска» (стр. 1—240), принадлежащій перу г. Щербины, и біографіи кошевыхъ, войсковыхъ и наказныхъ атамановъ, съ 1788—1888 гг., составленныя г. Фелицынымъ (стр. 243—384). Кромѣ того, въ приложеніяхъ описаны знамена, регаліи, знаки отличія и жалованныя грамоты войску (стр. 367—426) и указанъ строевой составъ войска (стр. 429—438). Безспорно, самой интересной и поучительной частью книги является статья г. Щербины.

Черноморское козачье войско было непосредственнымъ продолжателемъ воинскихъ трудовъ и традицій запорожской Сѣчи. Поэтому г. Щербина изложенію исторіи собственно черноморскаго, впослѣдствіи кубанскаго, войска предпосылаетъ очеркъ вопроса о происхожденіи козачества, дѣятельности запорожской Сѣчи и донскаго козачества и паденія Сѣчи (стр. 1—34). Авторъ руководствуется въ этомъ случаѣ изданными ранѣе изслѣдованіями, но сводитъ ихъ въ картину цѣльную и поистинѣ художественную. Такими же качествами отмѣчены дальнѣйшіе очерки г. Щербины, гдѣ трактуется образованіе черноморскаго войска, участіе козаковъ во второй турецкой кампаніи, переселеніе черноморцевъ за Кубань, колонизація края, самоуправленіе и землевладѣніе войска, экономическій и религіозный бытъ черноморцевъ, линейная служба и роль пластуновъ, способы и характерные эпизоды борьбы съ горцами, участіе козаковъ въ крымской кампаніи, колонизація т. наз. старой линіи и самоуправленіе линейныхъ козаковъ, ихъ землевладѣніе, экономическій бытъ, національныя особенности и зачатки школьнаго дѣла, пограничная служба и дѣятельность пластуновъ и линейцевъ, характеръ борьбы ихъ съ горцами, колонизація Закубанья, измѣненія въ формахъ козачьяго землевладѣнія, наконецъ, внутреннее развитіе козачества послѣ образованія въ 1860 году кубанскаго войска изъ бывшаго черноморскаго и части кавказскаго линейнаго войскъ (другая часть отошла къ терскому войску). Уже изъ этого простого перечисленія видно, насколько серьезно отнесся г. Щербина къ своей многосторонней задачѣ. Двоякая роль кубанскихъ козаковъ—какъ колонизаторовъ и защитниковъ окраинъ русскаго государства—обрисована авторомъ въ очеркахъ, привлекающихъ читателя своею цѣльностью и художественной обработкой; но наряду съ этими казовыми сторонами заслугъ козачества читатель имѣетъ возможность ознакомиться съ чертами быта, нарушающими традиціонный строй жизни козаковъ: выдѣленіемъ козачьей аристократіи, земельной неурядицей, возникновеніемъ, въ послѣднее время,

кулачества и всякаго рода иной эксплуатаціи народнаго труда, словомъ, со всѣми тѣми признаками времени, которые, въ другихъ формахъ, характеризуютъ историческій процессъ во всѣхъ обширныхъ территоріяхъ нашего отечества.

Самое свойство предположенной задачи, въ предѣлахъ краткаго историческаго очерка, не позволяло автору остановиться на послѣднихъ вопросахъ съ подробностью, которой они безспорно заслуживаютъ, обставить свои выводы болѣе разносторонними статистическими данными, если таковыя, впрочемъ, уже собраны; въ юбилейномъ изданіи достаточно отмѣтить подобные вопросы, для дальнѣйшаго точнаго ихъ изученія и всесторонней статистической разработки, и конечно, подобная задача не могла входить въ кругъ собственно историческихъ изученій въ данномъ случаѣ.

Добытыя ранѣе точныя цифровыя данныя для внутренней исторіи войска внесены въ очеркъ г. Щербины съ великимъ вниманіемъ и интересомъ къ предмету. Безпристрастная критика не можетъ не признать, что подобнаго рода соединеніе точныхъ изученій вопроса съ яркостью изображенія внѣшнихъ формъ жизни, художественностью очерка отдѣльныхъ эпизодовъ и личностей, цѣльностью и тщательностью обработки всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ быта изучаемой обширной группы населенія—весьма рѣдко встрѣчаются въ историческихъ трудахъ нашего времени. Прибавимъ къ этому, что очеркъ г. Щербины написанъ языкомъ простымъ и увлекательнымъ.

Не меньшей тщательностью и безпристрастіемъ отличаются и біографическіе очерки г. Фелицына, который, къ счастью, не увлекся задачей пѣть диѳирамбы тамъ, гдѣ для нихъ въ дѣйствительности представляется весьма мало основаній. Съ особеннымъ интересомъ читаются біографіи атамановъ Бѣлаго, Чепѣги, Головатаго, Котляревскаго, Бурсака, Матвѣева, Безкровнаго, Завадовскаго, Рашпиля, Кухаренка, дѣйствовавшихъ съ 1788 по 1856 г., Круковскаго, Кармалина и кн. Дондукова-Корсакова. Очерки г. Фелицына служатъ прекраснымъ дополненіемъ работы г. Щербины.

Многочисленныя художественныя приложенія въ книгѣ исполнены весьма недурно, и все изданіе заслуживаетъ стать настольной книгой у жителя кубанской области. Н. М.

Д. И. Эварницкій. Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края. С.-Петербургъ 1889 г.

Новая книга извѣстнаго изслѣдователя запорожской старины и автора большаго сочиненія о «Запорожьѣ» содержитъ въ себѣ рядъ статей, большею частью прежде печатавшихся въ періодическихъ изданіяхъ. Очерковъ числомъ одиннадцать. Исторіи самого запорожскаго коша и внутреннихъ отношеній его членовъ между собою касаются разсказы: «Выборъ войсковой старшины у запорожскихъ козаковъ», «Суды, наказанія и казни», «Одежда и вооруженіе запорожскихъ козаковъ», «Куда дѣвались запорожскіе войсковые клейноды», наконецъ, «Замѣчательная страница въ исторіи запор. козаковъ» (эпизодъ изъ временъ Дорошенка). Всѣ эти разсказы невелики, страницъ въ десятокъ каждый, но написаны легко и занимательно. Гораздо больше по объему статьи: о Синельниковѣ (этотъ очеркъ печатается въ третій разъ, въ третьей редакціи по мѣрѣ накопленія у автора матеріаловъ), «о лѣсахъ въ предѣлахъ запорож. вольностей», «о мѣстечкѣ Котовка и селѣ Лычково екат. губ.» Наконецъ, въ сборникѣ г. Эварницкаго находимъ рόсказни Проворы объ Ильѣ Муромцѣ и «баечки» неизвѣстнаго крестьянина во время поѣздки автора по бывшимъ запорожскимъ вольностямъ. Книга оканчивается разсказомъ о «двадцати-семи-милліонномъ кладѣ» и 12 документами въ видѣ приложенія, какъ матеріала для исторіи запорожскаго края. Среди этого матеріала мы встрѣчаемъ двѣ грамоты Дан. Апостолу, аттестаты запорожской старшины и другіе документы. «Очерки» разсчитаны на среднюю публику, написаны популярно и живымъ языкомъ, безъ лишнихъ претензій, читаются съ интересомъ и удовольствіемъ.

Нѣкоторые, впрочемъ незначительные, промахи хотя и объясняются характеромъ сборника, какъ книги для легкаго чтенія, но могли быть очень удобно устранены самимъ авторомъ при внимательномъ пересмотрѣ своихъ очерковъ. Напримѣръ, авторъ увѣряетъ, что «первыя указанія объ оружіи у запорожскихъ козаковъ находимъ у Якова Собѣсскаго начала XVII вѣка» (стр. 104). Читатель въ правѣ усомниться. Развѣ такъ? Казалось бы, что низовые козаки и являются на памяти исторіи съ оружіемъ въ рукахъ... Мы имѣемъ свѣдѣнія объ оружіи у запорожскихъ козаковъ хотя бы отъ Э. Лассоты (1594 г.) [1]. Лассота даже выставляетъ преимущества козаковъ,

[1]) Э. Лассота изд. Бруна стр. 30, 44, 51 и др.

какъ выгодныхъ союзниковъ, потому что «они имѣютъ свою аммуницію и орудія, съ которыми многіе изъ нихъ умѣютъ обращаться и потому назначеніе и содержаніе особыхъ оружейниковъ становится при нихъ излишнимъ» [1]). Наконецъ, самъ авторъ противорѣчитъ своимъ словамъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему приходится говорить объ укрѣпленіяхъ на островѣ Хортицѣ въ XVI в. [2]). Въ актахъ о козакахъ разбросано значительное количество свѣдѣній объ оружіи у запорожцевъ въ XVI вѣкѣ, начиная съ первыхъ извѣстій о Запорожьѣ, которыя могутъ быть отодвинуты съ полной вѣроятностью къ половинѣ XVI-го вѣка [3]). Неменѣе странными кажутся намъ ссылки г. Эварницкаго на разсказы извѣстнаго запорожца Никиты Коржа. Авторъ «Очерковъ» дѣлаетъ ссылки на это повѣствованіе во многихъ мѣстахъ своего сборника: одинъ разъ онъ дѣлаетъ ссылку на «Изустныя преданія Коржа» [4]), другой разъ на статью Ж. М. Н. П. «Никита Коржъ» [5]), затѣмъ на соч. Скальковскаго «Ист. Нов. Сѣчи» [6]), соч. еп. Гавріила «Н. Коржъ» [7]), наконецъ на брошюру «Устныя повѣствованія Коржа» [8])... Читатель можетъ придти къ заключенію, что въ исторической литературѣ есть четыре, а то и пять разсказовъ Н. Коржа о запорожцахъ, разсказовъ, чѣмъ нибудь существеннымъ отличающихся другъ отъ друга, такъ какъ г. Эварницкій, выписывая слова Н. Коржа, дѣлаетъ такія разнообразныя ссылки. Ничуть не бывало. Сказаніе Н. Коржа—одно и варіантовъ не имѣетъ. Самый полный текстъ напечатанъ въ брошюрѣ, изданной преосв. Гавріиломъ въ Одессѣ и перепечатанной въ собраніи его сочиненій. (М. 1854 г., ч. II, от. I). Статьи въ Журналѣ М. Н. П. (1838 и 1839 гг.) тотъ же текстъ повѣствованія Коржа, только напечатанный г. Скальковскимъ съ значительными пропусками [9]). Отрывки этого же сказанія помѣщены въ

---

[1]) Ibid. 51.

[2]) Эварницкаго. Запорожье... I, 267.

[3]) Акты Ю. и Зап. Р. т. II. № 130.

[4]) Жур. Мин. Нар. Пр. 1839 г. кн. II (Эварн. 96).

[5]) 1838 г. XVIII (Эварн. 87).

[6]) Изд. 1885 г. (Эварн. 91)

[7]) Изд. 1854 г. (Эварн. 158)

[8]) Изд. 1842 г. въ Одессѣ (Эварн. 95).

[9]) Два текста сказанія Н. Коржа больше всего отличаются другъ друга: текстъ еп. Гавріила (Од. 1842 и Соб. соч. 1854) и текстъ Скальковскаго (Статьи въ Ж. М. Н. П.). Текстъ Скальковскаго не имѣетъ никакихъ дополненій сравнительно съ текстомъ Гавріила, только пропуски: отмѣтимъ ихъ для устраненія лишней работы при справкахъ со сказаніями Н. Коржа. У Скальковскаго нѣтъ главъ

сочиненія Скальковскаго «О новой Сѣчи». Такимъ образомъ всѣ разнородныя ссылки г. Эварницкаго слѣдовало бы свесть къ одному изданію, и именно къ изданію еп. Гавріила, какъ самому полному; тогда бы авторъ избѣжалъ лишней работы розыскивать отрывки сочиненій Коржа, а читатель могъ бы не сомнѣваться, что текстъ повѣствованія Коржа всего на всего одинъ.

Не останавливаемся на другихъ неточностяхъ автора, такъ какъ не имѣемъ ни времени, ни мѣста. При нѣкоторыхъ недостаткахъ работы спѣшнаго характера книга г. Эварницкаго навѣрное найдетъ значительный кругъ читателей среди людей запросто и безхитростно интересующихся прошлою исторіей своего края и будетъ прочтена ими не безъ пользы и удовольствія.

И. Ж.

Волынскій народный календарь на 1890 годъ. Годъ второй. Изданіе Ѳ. И. Досинчука. Житомиръ. 1889 г.

Второй годъ «Волынскаго календаря» г. Досинчука оказался нѣсколько лучше перваго, о курьезахъ котораго говорилось въ «Кіевской Старинѣ». Календарь на 1890 г. распадается на слѣдующіе отдѣлы:

„О началѣ селенія Михайловки" (Брошюра Гавр. ст. 4—9), о „Началѣ города Екатеринослава" (Гавр. ст. 55—61), „О путешествіи императрицы" (Гавр ст. 61—77). Опуская послѣднія двѣ главы, Скальковскій говоритъ, что онъ сдѣлалъ это потому, что подробности ихъ невѣрны и не любопытны (Ж. М. Н. П. 1839 г. с. 201). Нѣтъ въ Ж. М. Н. П. подробностей о предкахъ (Гавр. стр. 1), о женитьбѣ и послѣд. годахъ жизни Коржа (ст. 3). Любопытный анахронизмъ Коржа, упоминавшаго о Хмельницкомъ послѣ Мазепы (Гавр. стр. 10), разсказъ о нежеланіи одного запорожца вмѣсто смерти жениться на некрасивой дѣвушкѣ (Гавр. 24) опущенъ въ Ж. М. Н. П., какъ и разсказъ объ испугѣ Текелія передъ запорожцами (стр. 49). Глава XI (Гавр. 84—94) о стародревнихъ запорожскихъ селеніяхъ, бывшихъ до атакованія Сѣчи, передана кратко на трехъ страницахъ; разсказъ о характерникахъ (Гавр. 22) перенесенъ изъ главы о казняхъ къ главѣ объ атакованіи Сѣчи (Ж. М. Н. П. 1838 г. XVIII, стр. 502). Самъ г. Скальковскій замѣчаетъ о своей передачѣ повѣствованій Н. Коржа, „что хотя здѣсь тщательно списывались всѣ разсказы Коржа, въ его духѣ и выраженіяхъ, но для избѣжанія *монотонности* все, что онъ, по обыкновенію украинцевъ, повторялъ слишкомъ часто, съ прикрасою восклицаній разнаго рода на малороссійскомъ языкѣ", имъ, г. Скальковскимъ, опущено (Ж. М. Н. П. 1839, II, 185) Брошюрой преосв. Гавріила изд. въ Одессѣ 1842 г., какъ самымъ полнымъ текстомъ разсказа Н. Коржа, и удобнѣе всего пользоваться, не прибѣгая къ разнымъ яко бы варіантамъ повѣствованія.

общекалендарныя свѣдѣнія, статьи касающіяся Волыни, справочный мѣстный отдѣлъ (цѣликомъ перепечатанный изъ «Памятной книжки волынской губ.»), и наконецъ справочныя свѣдѣнія, общія всѣмъ календарямъ.

Намъ, конечно, интереснѣе всего остановиться на второмъ отдѣлѣ, посвященномъ Волыни. На 25 страничкахъ мы здѣсь находимъ слѣдующія статьи: *Волынь*, *Присоединеніе Малороссіи*, *Современное положеніе школьнаго дѣла въ Волынской губ.*, *Реформаторъ*, *О причинахъ, мѣшающихъ успѣхамъ въ сельскомъ хозяйствѣ*. Первая статья начинается такъ: «*Прелестна* наша Волынь! Господь далъ ей *хорошенькую* землю, которая родитъ много хлѣба, въ ней обширные луга и пастбища, есть вездѣ достаточно воды и множество лѣса...» Далѣе мы встрѣчаемъ такія выраженія: «русскіе государи *прогнали отъ насъ злочестивую унію*» или «да, прекрасна наша Волынь, хлѣбородна и, такъ сказать, *молокомъ и медомъ текущая*». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше поражаемся мы выраженіями и слогомъ г. Досинчука: «сердце радуется, когда *зайдемъ* теперь въ храмъ Божій и увидимъ *уже* составленные хоры *изъ* учениковъ и ученицъ, когда они чистыми своими *голосками, какъ ангелы(,) поютъ славу Богу*» или «*въ 1839 г. исчезла унія* и русскій народъ *принялъ опять свою православную вѣру*, *отрекся отъ папства и всѣхъ слугъ его*». Такимъ слогомъ написана вся первая статейка, трактующая о пользѣ ученія и грамотности и неизвѣстно почему озаглавленная «Волынь». Вторая статья «Присоединеніе Малороссіи» есть пересказъ по учебнику всѣмъ извѣстныхъ событій, при чемъ мы впервые узнаемъ изъ него, что «тогда (нѣсколько столѣтій тому назадъ) Малороссія представляла необозримую равнину, *населенную бродячими выходцами изъ московскаго государства и Литвы, эти выходцы назывались козаками*», что «подъ руководствомъ умнаго Богдана козаки *всюду* били поляковъ и *достигли, наконецъ, того, что воротили себѣ всѣ прежнія права и вольности*».—Изъ остальныхъ статеекъ лучшая и болѣе удачно составленная (впрочемъ, безъ указанія источниковъ)—«Реформаторъ», но къ Волыни она не имѣетъ почти никакого отношенія.

Что касается справочнаго отдѣла, то онъ очень неполонъ: мы ожидали тутъ найти извѣстія о дѣятельности губернскаго статистическаго комитета, общества врачей, братствъ: владиміро-волынскаго, кирилло-меѳодіевскаго и другихъ, о благотворительныхъ учрежденіяхъ, о житомирской публичной и о другихъ библіотекахъ и т. п. Адресъ-календарь также неполонъ. Г. Досинчуку не мѣшало бы ознакомиться

съ програмою «Харьковскаго календаря», въ которомъ мѣстный отдѣлъ и вообще распредѣленіе свѣдѣній вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣлямъ областнаго календаря. Вообще желательно видѣть въ «Волынскомъ календарѣ» болѣе волынскаго и, если приходится помѣщать статьи историческаго и бытоваго характера, касающіяся мѣстнаго края, то составленіе ихъ нужно поручать людямъ, умѣющимъ взяться за дѣло.

Арк. Л—нко.

Памятная книжка волынской губерніи на 1890 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ редакціей члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житомиръ. 1889 г.

Въ прошломъ году волынскій статистическій комитетъ издалъ только свою «Памятную книжку» на 1890 г., по содержанію почти не отличающуюся отъ прежнихъ годовъ; опущенъ въ ней только списокъ населенныхъ мѣстностей волынской губ. и немного пополненъ справочный отдѣлъ, въ общемъ довольно полный. Въ матеріалахъ по статистикѣ опубликованы статистическія свѣдѣнія о волынской губ. за 1888 г., расположенныя по таблицамъ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ прежніе годы. Въ этихъ таблицахъ, по нашему мнѣнію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, необходимо, кромѣ голыхъ цифръ, вычислить процентное отношеніе, напр. на стр. 13 нужно исчислить процентное отношеніе населенія по вѣроисповѣданіямъ, что не мѣшало бы сдѣлать также въ таблицахъ на стр. 24—29.

При сравненіи новыхъ статистическихъ данныхъ за 1888 г. съ прежними, находимыми въ «Памятныхъ книжкахъ» за прошлые годы, мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчаемся съ явленіями необъяснимыми. Приведемъ примѣры. При увеличеніи общей цифры населенія мы ожидали бы и большаго прироста населенія, а между тѣмъ, по статистическимъ даннымъ, находимымъ въ «Памятныхъ книжкахъ», приростъ населенія въ волынской губ. въ 1886 г. равнялся 45,081 чел., въ 1887 г приростъ составлялъ всего 43,672 чел., а 1888 г.—38,735 чел.—Ничѣмъ также мы не можемъ объяснить себѣ малаго прироста еврейскаго населенія и даже процентнаго его уменьшенія съ каждымъ годомъ; такъ, въ 1886 г. евреевъ считалось 300,761, или 13,54% всего населенія губерніи; въ 1887 г. евреевъ было 305,350, или 13,48%, а 1888 г. евреевъ насчитывается 309,750, или всего 13,44%; между тѣмъ, извѣстно, что приростъ еврейскаго населенія гораздо сильнѣе прироста населенія другихъ національностей.

Приведемъ нѣкоторыя, болѣе важныя и интересныя цифры. Все населеніе волынской губ. въ 1888 г. равнялось 2,303,602 чел., которые по вѣроисповѣданіямъ распредѣлялись такъ: православныхъ 1,684,951 (73,15%), раскольниковъ 5,808 (0,25%), католиковъ 188,648 (8,19%), протестантовъ 99,711 (4,33%), гусситовъ 9,614 (0,41%), баптистовъ 4,762 (0,21%), евреевъ 309,750 (13,44%), караимовъ 101, магометанъ 457 (0,02%).

Учащихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ волынской губ. въ 1888 г. было 56,206 (больше противу прежняго года на 2,700 чел.), т. е. 1 учащійся на 40,9 чел. всего населенія; изъ нихъ учащихся мальчиковъ—45,537, т. е. 1 учащійся мальчикъ на 25,54 д. мужскаго населенія. Будемъ надѣяться, что просвѣщеніе больше и больше будетъ озарять Волынь и что не такъ далеко время, когда всѣ волостные старшины у насъ будутъ грамотны, и прекратятся случаи, когда (какъ въ 1882) изъ 207 старшинъ было 148 неграмотныхъ.

Въ заключеніе пожелаемъ волынскому статистическому комитету новыхъ силъ, могущихъ расширить его дѣятельность изданіемъ цѣнныхъ книгъ по мѣстной исторіи и изученіемъ судебъ волынскаго края. **Арк. Л—нко.**

Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому Календарю» на 1889 годъ. Выпускъ 3-й. Изданіе Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Подъ редакціей члена секретаря Комитета В. И. Касперова. Харьковъ. 1889. 8°. 68 + 268 стр.

Означенный Сборникъ раздѣляется на два отдѣла: статистико-экономическій и литературно-научный. Первый отдѣлъ посвященъ экономическому состоянію харьковской губерніи за 1887 годъ. Въ немъ читатель можетъ почерпнуть весьма интересныя и обстоятельныя свѣдѣнія о земледѣліи, промышленности заводской и фабричной, торговлѣ и промыслахъ населенія харьковской губерніи, въ статьяхъ гг. Демидова, Савицкаго, Могиленскаго и Касперова, о растительности харьковской губерніи и сосѣднихъ съ нею мѣстностей, въ статьѣ г. Павловича. Не менѣе, если не болѣе, интереса представляетъ второй отдѣлъ Сборника. Изъ восемнадцати статей, помѣщенныхъ въ этой части изданія, за исключеніемъ одной—двухъ, всѣ представля-

ютъ собою собраніе сырыхъ матеріаловъ по исторіи, археологіи, этнографіи края, собранныхъ и снабженныхъ примѣчаніями составителей сборника. Обратимъ вниманіе на сообщеніе г. П. И. «Народные обычаи, повѣрья, примѣты, пословицы и загадки, относящіеся къ малорусской хатѣ». Эти матеріалы собраны частью лично авторомъ въ г. Купянскѣ, частью же сообщены изъ купянскаго уѣзда гг. учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Рядомъ съ этой статьей, по интересу для этнографа, вполнѣ можетъ стать перепечатанное «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи и въ Великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами, употребляемыхъ», «сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ, армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ Украинской Дивизіи, прапорщикомъ. Въ С.-Петербургѣ. Печатано при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ Корпусѣ у содержателя типографіи Х. Ф. Клена 1776 года». Эта книжечка является первымъ по времени трудомъ по малорусской этнографіи. Трудъ этотъ весьма важенъ въ томъ отношеніи, что заключенные въ немъ матеріалы собраны сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ и потому даютъ намъ свѣдѣнія о такихъ обычаяхъ, которые въ настоящее время совершенно не существуютъ у малорусскаго народа. Въ описанныхъ Калиновскимъ свадебныхъ обрядахъ встрѣчаются черты глубочайшей древности. Книжечка Калиновскаго была перепечатана въ Архивѣ Калачова, но, такъ какъ послѣднее изданіе сдѣлалось теперь также библіографическою рѣдкостью, то нельзя не поблагодарить харьковскій статистическій комитетъ за переизданіе этихъ интересныхъ матеріаловъ. Краткость отчета не дозволяетъ намъ входить въ разборъ собранныхъ этнографическихъ данныхъ; скажемъ только, что этнографическіе матеріалы, собранные въ харьковской губерніи, какъ въ такой мѣстности, гдѣ великорусское и малорусское племя съ давняго времени вело совмѣстную жизнь, эти матеріалы являются весьма цѣнными для сравнительной этнографіи, для выясненія процессовъ взаимнаго культурнаго вліянія племенъ и внѣдренія чуждыхъ инородныхъ элементовъ въ бытъ славянскаго племени во времена глубокой древности. Книжка Калиновскаго переиздана съ предисловіемъ г. Н. С. Для исторической географіи края мы находимъ свѣдѣнія въ статьяхъ: 1) «Описаніе слободской украинской губер.» и 2) «Обозрѣніе слободско-украинской губ.» неизвѣстнаго автора и неизвѣстнаго года». Въ первой мы находимъ объяснительный текстъ, приложенный къ «Атласу слободской-

украинской губерніи, сочиненному по раздѣленіи оной вновь на десять уѣздовъ въ 1802 г.» Этотъ «Атласъ» хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Онъ былъ просмотрѣнъ Д. И. Багалѣемъ, который, сличивъ его объяснительный текстъ съ ранѣе изданнымъ «Топографическимъ описаніемъ 1788 г.», пришелъ къ убѣжденію, что въ объяснительномъ текстѣ есть нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія, ненаходимыя въ «Топографическомъ описаніи». Дѣйствительно, и то, и другое представляютъ изъ себя весьма цѣнные источники для географіи, статистики и т. д. слободско-украинской губерніи за вторую половину XVIII и начало XIX столѣтія. Изданіе объяснительнаго текста снабжено предисловіемъ Д. И. Багалѣя. Отмѣтимъ также статьи г. А. Ѳ. Селиванова: 1) «О поѣздкѣ въ с. Михайловку лебединскаго уѣзда, харьковской губерніи» и «Поѣздка въ изюмскій уѣздъ харьковской губерніи», интересныя по сообщаемымъ въ нихъ свѣдѣніямъ о мѣстныхъ архивахъ и древностяхъ. Укажемъ еще на замѣтку о. протоіерея Н. Лащенкова «Къ біографіи Г. Ѳ. Квитки», въ которой точно, на основаніи документальныхъ данныхъ, опредѣляется время поступленія Г. Ѳ. въ монахи, какъ извѣстно, на весьма короткій срокъ. Къ концу «Сборника» приложено «Извѣщеніе отъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ», представляющее собою программу для собиранія историческихъ, этнографическихъ, археологическихъ матеріаловъ, съ приглашеніемъ доставлять ихъ означенному обществу.—Въ заключеніе отчета о «Сборникѣ» не можемъ не пожелать, чтобы онъ продолжалъ издаваться и въ слѣдующіе годы и заключалъ бы въ себѣ столько же и такихъ же интересныхъ свѣдѣній, какъ и въ 1889.

П. Г.

Обозрѣніе журналовъ.

1) „Библіографъ“ 1889 г. № 4—9; 2) Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права 1889 г. № 5—12; 3) „Колосья“ 1889 г. № 5—12; 4) „Русскій Вѣстникъ“ 1889 г. № 5—12; 5) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1889 г. № 9—12; 6) Труды Кіевской Духовной Академіи 1889 г. № 9—12; 7) „Экономическій Журналъ“ 1889 г. № 4—12 8) „Юридическій Вѣстникъ“ 1889 г. № 2—12. Сверхъ того, разсмотрѣны слѣдующіе журналы, въ которыхъ, впрочемъ, не оказалось ничего для библіографич. указателя: 1) „Пантеонъ литературы“ 1889 г. № 5—12; 2) „Странникъ“ 1889 г. № 9—12; 3) „Чтенія въ Общ. любит. Дух. Просвѣщ.“ 1889 г. № 7—12; 4) „Христіанское Чтеніе“ 1889 г. № 9—12; 5) „Университ. Извѣстія“ (Кіевскія) 1889 г. № 3—11; 6) „Православный Собесѣдникъ“ 1889 г. № 1—12.

Библіографъ, вѣстникъ литературы, науки и искусства. 1889 г. №№ 4—9. № 4—5. Историко-литературные матеріалы. № 5, Замѣчанія митрополита Евгенія на «Опытъ россійской библіографіи» Сопикова, ч. 1. № 6. Письмо митрополита Евгенія П. П. Бекетову. Говорится о посылкѣ въ Общество исторіи и древностей нѣкоторыхъ грамотъ. Письмо извлечено изъ рукописей Кіево-Софійской библіотеки.

№ 7. Вопросы Н. М. Карамзина и отвѣты митрополита Евгенія. Дѣло идетъ о новгородскомъ князѣ Владимірѣ Ярославичѣ и о гробѣ его и его матери. № 8. Письмо митрополита Евгенія къ Н. М. Карамзину. Всѣ письма сообщены г. Шмурло.

№ 6—7. «Историко-литературные матеріалы», Шмурло: № 9—Письмо К. Ѳ. Калайдовича А. Ѳ. Малиновскому, касающееся такъ называемой Супрасльской рукописи. № 10. Два письма митрополита Евгенія А. Ѳ. Малиновскому,—между прочимъ идетъ рѣчь о той же рукописи.

№ 8—9. Въ отдѣлѣ «Критика и Библіографія» находимъ рецензію на книгу В. Д. Дабижа «Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ».

Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права. 1889 г. №№ 1—12. *П. Пуцилло. Устройство быта сельскихъ чиншевиковъ на основаніи вновь изданнаго положенія* (№ 6, отд. замѣтокъ, стр. 1—28). Авторъ, частью на основаніи личныхъ наблюденій, характеризуетъ экономическое и юридическое положеніе сельскихъ чиншевиковъ юго-западнаго края, неизвѣстно почему приписываетъ чиншевикамъ поджоги помѣщичьихъ экономій въ кіевской и подольской губерніяхъ, даетъ скудный очеркъ источниковъ чиншеваго права, излагаетъ выводы изслѣдованія г. Гантовера о вѣчно-чиншевомъ владѣніи и затѣмъ разбираетъ новое положеніе по статьямъ, снабжая ихъ своими случайными замѣтками; нѣкоторые существенные недостатки новаго закона, клонящіеся къ явной невыгодѣ чиншевиковъ, указаны также авторомъ.

Колосья. 1889 г. № 5—12. *Казачекъ, Повѣсть изъ быта черноморскихъ козаковъ.* Начало повѣсти относится къ 1840 году. *И. Кавказскаго-Подольскаго* (№ 10, стр. 193—244).

Скиѳо-сарматскія древности (изъ археологическихъ раскопокъ въ Южной Россіи). Небольшая замѣтка по поводу книги *гр. И. Толстого и Н. Кондакова* «Русскія древности въ памятникахъ искусства», вып. 2-ой. (№ 11, стр. 282—287).

Русскій Вѣстникъ. 1889 г. № 5—12. *Къ 50-лѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ. И. Филевича* (№ 7, стр. 1—24). По поводу этого юбилейнаго событія разсматривается, собственно говоря, вопросъ политическій—о польско-русской распрѣ.

Разсказы изъ жизни Червоной Руси В. Игн. Хиляка (№ 8, стр. 40—112). Въ началѣ статьи находимъ краткія этнографическія характеристики жителей Червоной Руси, а затѣмъ помѣщены не въ подлинномъ видѣ, а съ поддѣлкой языка разсказы Хиляка: «Дьячекъ Ефремъ», «Почтовый рожокъ», «Два старика».

Депутаты втораго призыва. Н. Семенова (№ 8, стр. 146—178; № 9, стр. 196—235). Тутъ въ протокольной формѣ передается совѣщаніе редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому вопросу, когда подготовлялось въ 1860 г. освобожденіе крестьянъ. Воспроизводятся пренія, происходившія въ засѣданіяхъ совмѣстно съ депутатами отъ кіевской и виленской коммиссіи.

Въ отдѣлѣ «Новости литературы» помѣщенъ отзывъ о книгѣ *И. Толстого и Н. Кондакова* «Русскія древности въ памятникахъ искусства». Вып. I (№ 5, стр. 318—320).

Сѣверный Вѣстникъ. 1889 г. № 9—12. *Изъ провинціальной печати* (№ 9, стр. 92—107). Здѣсь данъ достаточно подробный отчетъ и разборъ проекта г. Модзелевскаго, землевладѣльца подольской губерніи, объ участіи сельскихъ рабочихъ въ прибыляхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Въ противоположность польской газетѣ «Słowo» и публицистамъ газеты «Кіевское Слово» (1889 г., № 729), авторъ считаетъ проектъ г. Модзелевскаго не соотвѣтствующимъ положенію нашего края и слабымъ въ томъ отношеніи, что рабочій ставится въ положеніе безземельнаго батрака, такъ какъ предусмотренное проектомъ надѣленіе рабочихъ клочками дворовой земли не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Въ основѣ проекта, по мнѣнію автора хроники, лежитъ та же «панщина-барщина», образецъ которой очерченъ корреспондентомъ «Одесск. Листка» (1889 года, № 189) изъ летичевскаго уѣзда. Правильное разрѣшеніе проблемы авторъ видитъ въ соединеніи труда и земли въ однѣхъ рукахъ. Далѣе на основаніи сообщенія газеты «Крымъ» (№ 84—1889 года) авторъ разсказываетъ о присвоеніи евреями крестьянскихъ земель на законномъ основаніи въ днѣпровскомъ, мелитопольскомъ и бердянскомъ уѣздахъ. Оказать помошь законнымъ владѣльцамъ-крестьянамъ лежитъ, по мнѣнію автора, на обязанности земства.

М. Г—ъ. Міусскіе хохлы на границѣ Китая (№ 10, стр. 60—65). Рѣчь идетъ о переселенческомъ движеніи изъ бывшаго міусскаго (нынѣ таганрогскаго) округа на Амуръ. Замѣтка составлена на основаніи писемъ переселенцевъ и сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ условіяхъ, при которыхъ переселенцы доставляются на мѣсто. Страннымъ кажется обычное употребленіе въ «Сѣв. Вѣстникѣ» термина «хохолъ» вмѣсто «малороссъ»: на югѣ великороссы именуются «кацапами», но писатели вполнѣ раціонально избѣгаютъ вносить въ литературный обиходъ подобнаго рода бранчивые эпитеты.

Изъ провинціальной печати (№ 10, стр. 66—83). Здѣсь выясняются причины волненій среди сельскихъ рабочихъ на ст. лозово-севаст. жел. дор. Курманъ-Кемельчи и Джанкой, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ на заработки; авторъ признаетъ необходимость регулированія передвиженій рабочихъ на югъ въ страдную пору и доказываетъ негодность предложеннаго для этого г. Баталинымъ проекта, разсчитаннаго на огражденіе интересовъ работодателей, и большую практичность проектовъ екатеринославскаго, одесскаго и таврическаго губ. земства, гдѣ интересамъ рабочихъ удѣлено надлежащее вниманіе.

Ѳ. Ѳ.—Куряне. Дорожныя замѣтки (№ 12, стр. 189—214). Въ легкихъ беллетристичесткихъ набросках авторъ, между прочимъ, знакомитъ съ нѣкоторыми интересными чертами поземельнаго устройства и быта малорусской дер. Арбузово на р. Донцѣ въ курской губерніи, даетъ нѣсколько рельефныхъ данныхъ для сравнительной характеристики мало-и великорусскаго населенія этой губерніи.

Изъ провинціальной печати (№ 12, стр. 101—116). На основаніи газетныхъ извѣстій о дворянскихъ собраніяхъ конца 1889 года авторъ отмѣчаетъ выдающіяся теченія дворянской мысли въ екатеринославской, харьковской, полтавской и черниговской губерніяхъ, насколько она отразилась въ преніяхъ и многочисленныхъ проектахъ дворянскихъ собраній.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи на слѣд. книги, имѣющія отношеніе къ югу Россіи: 1) Ф. А. Щербина. Кубанское козачье войско (№ 9, стр. 108—111). 2) Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, составленный учительницами харьковской частной женской воскресной школы (№ 9, стр. 113—115).

Труды Кіевской Духовной Академіи. 1889, № 9—12. № 9. «Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ». Д. Протасова (стр. 79—124).

Извѣстія церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи за мѣс. іюнь и іюль 1889 г. *Н. Петрова* (145—151). Перечисляются всѣ пожертвованія въ видѣ книгъ, рукописей и вещей, имѣющихъ археологическое значеніе, поступившія въ музей общества.

№ 10. Тѣ же «Извѣстія» за августъ мѣсяцъ (303—306).

№ 11. «Торжество пятидесятилѣтія возсоединенія уніатовъ съ православною церковью 8-го іюня 1889 г. въ г. Вильнѣ и др. мѣстахъ западной Россіи-Польши». 1889 г. стр. 1—355. По поводу выхода въ свѣтъ книги съ этимъ заглавіемъ, г. М. высказываетъ нѣсколько мыслей о значеніи совершившагося факта (стр. 448—450).

Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи за сентябрь (стр. 451—455).

№ 12. «Спутники и ученики св. ап. Андрея». Ив. И. Малышевскаго

(стр. 545—567). Авторъ слѣдитъ за развитіемъ преданій о проповѣднической дѣятельности св. апостола Андрея и его учениковъ и приходитъ къ выводу, что всѣ эти сказанія достаточно подкрѣпляютъ начальное и общее церковное преданіе о проповѣди св. апостола въ Скиѳіи.

«Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи», за октябрь 1889 г. (588—594). Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Трудахъ кіевской духовной академіи за 1889 г. №№ 1—12).

Экономическій Журналъ, 1889 г. № 4—12. *Л. В. Маке-овъ. Арендная сдача надѣльной земли* (№ 4, стр. 26—41). На основаніи статистическихъ данныхъ по воронежской губерніи авторъ характеризуетъ экономическій упадокъ пригородныхъ слободъ, расположенныхъ вокругъ Воронежа, выражающійся въ сдачѣ земель въ долгосрочную аренду по низкимъ цѣнамъ крупнымъ съемщикамъ-капиталистамъ или же мѣстнымъ кулакамъ-торговцамъ. Возможность выкупа надѣловъ и продажи ихъ грозитъ, по мнѣнію автора, крестьянамъ обезземеленіемъ не только de facto, какъ нынѣ, но и de jure.

Земское хозяйство (№ 4, стр. 87—100). Въ этомъ обзорѣ 25-лѣтней полезной дѣятельности земства авторъ касается и земствъ харьковскаго, херсонскаго, полтавскаго, екатеринославскаго, таврическаго и черниговскаго.

Профессіональное образованіе (№ 4, стр. 114—121). Въ этой статьѣ находимъ краткое описаніе гнѣдинскаго ремесленнаго училища, основаннаго въ с. Александровкѣ (александр. у. екатерин. губ.) при содѣйствіи общества улучшенія народнаго труда, по программѣ бар. Н. А. Корфа. Цѣль училища—подготовка столяровъ, кузнецовъ и слесарей, содержится оно главнымъ образомъ на средства земства; въ 1888 г. было 80 учениковъ.

А. С. Въ чертѣ еврейской осѣдлости (экономическія изслѣдованія). VIII. Кіевъ и его раіонъ (№ 5—6, стр. 51—81). Авторъ, не указывая своихъ источниковъ, группируетъ случайныя статистическія и нѣк. др. данныя о населеніи, ростѣ и культурномъ значеніи Кіева, о торговлѣ и участіи въ ней евреевъ, о кредитѣ, промышленности и ремеслахъ, о бытѣ еврейскаго населенія и въ заключеніе вкратцѣ характеризуетъ положеніе евреевъ въ кіевской губ.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщена подробная рецензія на книгу В. Н. Никитина *Евреи—земледѣльцы*, изд. *въ 1887 г.* (№ 4, стр. 127—135).

Юридическій Вѣстникъ, 1889 г. № 2—12. *Некрологъ Николая Александровича Терешкевича* (№ 2, стр. 374), ум. 24 декабря 1889 г. въ Севастополѣ. Покойный съ 1881 г. завѣдывалъ стат. бюро полтавскаго губернскаго земства; подъ его руководствомъ изслѣдовано 13 и издано описаніе 8 уѣздовъ. Въ 1886 г. Т—чу присуждена географическимъ обществомъ большая золотая медаль за статист. его труды.

И. Рева. Законъ, жизнь и обычное право (№ 5, стр. 98—120).

Рядомъ данныхъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ л—скаго волостнаго суда, липов. у. кіевской губ., авторъ доказываетъ противорѣчіе, существующее между порядками подворнаго крестьянскаго землевладѣнія и нормами закона, имѣвшаго цѣлью предотвратить раздробленность крестьянскихъ надѣловъ. При невыработанности прочнаго обычая въ порядкахъ подворнаго владѣнія, волостные суды постановляютъ произвольныя рѣшенія, и фактическое дробленіе земли возрастаетъ, по мнѣнію автора.

Ип. Богдановъ. Учрежденіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ (№ 6—7, стр. 352—360). Подробнымъ и тщательнымъ анализомъ подлежащихъ узаконеній авторъ доказываетъ, что не существуетъ *законныхъ* препятствій для учрежденія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ округахъ кіевской и виленской судебныхъ палатъ.

Н. Карышевъ. Статистическій обзоръ распространенія главнѣйшихъ отраслей обрабатывающей промышленности въ Россіи (№ 9, стр. 38—68). Въ своемъ изложеніи авторъ касается также и южно-русскаго промышленнаго района и отмѣчаетъ, между прочимъ, низкій уровень технической подготовки у представителей мѣстной индустріи.

И. Лучицкій. Крестьянское землевладѣніе въ суражскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи, въ 1767 и 1888 г. (№ 12, стр. 599—620). На основаніи подробнаго сличенія данныхъ румянцевской описи 1767 г. (сгруппированныхъ въ трудѣ Е. С. Филимонова: «Румянц. генер. опись суражскаго уѣзда 1767 г.» Вятка, 1888 г.) съ результатами современнаго статистическаго изслѣдованія, авторъ, въ противоположность извѣстнымъ обобщеніямъ черниговскаго земскаго статистика г. Червинскаго для лѣвобережной Украины, приходитъ къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ для суражскаго уѣзда, видимое возрастаніе размѣра крестьянскаго землевладѣнія въ XIX в. происходило насчетъ общинныхъ земель и поэтому не доказываетъ само по себѣ роста экономическаго благосостоянія крестьянъ; земельное обезпеченіе козаковъ уменьшилось почти въ 5 разъ на протяженіи изучаемаго періода времени; расширеніе запашекъ не сопровождалось параллельнымъ улучшеніемъ земельнаго обезпеченія, такъ какъ размѣръ надѣла на каждый дворъ уменьшился; только монастырскіе, впосл. государств. крестьяне представляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи; хотя число безземельныхъ уменьшилось, но крайности отъ этого не сгладились, такъ какъ размѣры крупнаго землевладѣнія возрасли болѣе чѣмъ въ полтора раза; процессъ земельнаго «равненія» не имѣлъ мѣста въ сураж. у.,—а, наоборотъ, наблюдается явленіе какъ разъ противоположное; сличеніе данныхъ о живомъ инвентарѣ хозяйства приводитъ автора къ подобному же выводу. Въ концѣ статьи указаны нѣкоторыя погрѣшности въ работѣ г. Филимонова.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи: 1) *И. Сушновъ*, Обзоръ статистическихъ данныхъ по смертности въ гор. Одессѣ и заболѣваемости заразными болѣзнями за 1887 г. (№ 3, стр. 325—328, рец. *Г. П.*). 2) *Г. А. Джаншіевъ*, С. И. Зарудный и судебная-реформа (№ 6 и 7, стр. 424—426).

Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Айналовъ Д. и Рѣдинъ Е. Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаичной и фресковой живописи. Съ 14 рисунками. Спб. 1889 г. 8 д., 2 ненум.+156+1 ненум. стр.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XVI. Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильно. 1889 г., 4 д., CXLII+704 стр.

Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при Мин. Внутр. Дѣлъ *П. Н. Батюшковымъ* (Съ 1 хромолитографіей, 99 гравюрами и картой). Спб. 1890 г., 8 д., XXIV+376+182 стр.

Веселовскій А. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха XI—XVII ст. Вып. 5-й. Спб. 1889 г., 8 д., 376+106 стр.

Доливо Е. Сборникъ южно-русскихъ узоровъ. Изд. 2 е. Кіевъ. 1890. 2 д., 20 листовъ.

Записки Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Т. 15-й. Съ XI литографированными и фототипическими таблицами монетъ, надписей и рисунковъ и съ рисунками въ текстѣ. Изданіе ко дню 50-тилѣтняго юбилея общества 14 ноября 1889 г. Одесса 1889, 4 д., 884+III стр.

Карповъ Г. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Москва 1890, 8 долю, 104 стр.

Котляревскій И. П. Наталка-Полтавка. Украинская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Изданіе 11-е книгопрод. Гомолинскаго. Кіевъ. 1889 г., 16 д., 63 стран.

Луцкевичъ А. Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа. Часть V: полтавская губернія (съ приложеніемъ карты учебн. заведеній М. Н. Пр. полтавской губ.). Кіевъ. 1889 г., 8 д., 209+XXVI стр.

Миклуха-Маклай М. Н. Геологическія изслѣдованія новоградволынскаго и житомирскаго уѣздовъ волынской губерніи. Съ 2 таблицами и геологическою картою. Спб. 1889 г., 8 д., 91+1 ненум. стр.

М—чъ, графъ. Описаніе черниговскихъ соборовъ Спасо-Преображенскаго и Борисоглѣбскаго, съ видомъ соборовъ. Черниговъ. 1889, 8 д., 26 стр.

Памятники древней письменности и искусства. LXXXI. Слово Даніила Заточника. Съ предисловіемъ и примѣчаніями *Шляпкина*. Спб. 1889 г., 8 д., 41+84+II стр.

Петровскій Д. Справочная книга по г. Харькову (и календарь на 1890 г.), Хбрьковъ. 1889 г., 8 д. 244+IX стр.+2 карты и 1 планъ.

Рева И. Кіевскій областной съѣздъ 1890 года. Кіевъ 1889 г., 8 д., 27 стран.

Святловскій Е. Къ статистикѣ населенія черниговской губерніи. Черниговъ. 1890 г. 8 д., 18 стр.

Сучиленко Н. Украинскій Кобзарь. Малороссійскія пѣсни знаменитыхъ писателей: Шевченко, Котляревскаго и пр. Москва. 1889 г., 16 д,, 104+IV стран.

Эварницкій Д. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Спб. 1890 г., 8 д., 74 стр.

Дозволены къ представленію слѣдующія драматическія піесы на малорусскомъ языкѣ:

1) «Зайды-голова». Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *М. Л. Кропивницкаго.*

2) «Щаслывая доля». Малорос. комычна оперетка въ трехъ діяхъ скомпонувавъ *Н. В. Квитко-Павловскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Февраля 1890 г.

27) *Когда ломить кости*, дегтю доброго, часноку змѣшати з горѣлкою и грѣти на огнѣ, и тимъ мазати.

28) *Куколь-зѣлля* у водѣ албо у винѣ варити, пити на-дще, *урину* вигонит и глисти в животѣ морит.

29) *Павутина* з бѣлкомъ яйця кровъ з рани текучую зоставляеть.

30) *От поносу* стерти кореня любисткового и того соку випить чарку — весма ползуеть.

31) Итемъ: соку з листя конопляного надавит(и) и выпит(и) чарку.

32) *От вонѣтовъ*: з сѣмя конопляного издѣлат(и) молока и випит(и) кубокъ, заразъ перестанеть

NB 33) *Ежели* (у кого) *з рота воняеть* и чорние (s. вм. и годние) зуби, дубини еднолѣтокъ паростокъ нарѣзати вершковъ и в горшку затушковат(ь) и оттопит(ь) горазда, и тоею юшкою ротъ полоскат(ь) разовъ нѣсколко.

34) *От кашлю* роменъ-зеля варить или оттопить и пить на-дще весма ползуеть.

35) *От глистов* руту варить или оттопит(ь) и пить на-дще весма ползуеть.

(Приписано другимъ небрежнымъ почеркомъ): *Ежели человѣкъ уворвеця* или порушиця чимъ, должно заячого лайна бобковъ 3 ростерти и випит(и) в чимъ небудь; переста(ти) може(ть).

36) *На опухъ* зашибенои руки или ноги: вощинами теплими окладати весма полезно.

37) Зѣля копитень помочит(и) оцтомъ, обложит(и) болную голову, перестане(ть) болѣт(и).

38) Ежели кому катерно..(?) задавит(ь), взят(и) хлѣба ржаного, свѣжо с печи винятого, теплого, полит(и) водкою, приложит(и) на чоло и виски; будеть свободенъ.

39) *Ежели кого собака скажена укусить*, заразъ палит(и) рака рѣчнаго, издѣлат(и) прошокъ, дати болному того прошку хочай мало в чомъ ни есть випит(и); будеть здоровъ.

40) *Ежели* у кого здѣлаеться, что *урина запрется*, стерти бруштину и випит(и) в чемъ ни есть; всеконечно свободится.

41) Итомъ: мишачое лайно в чемъ нибудь випит(и), ползу приносить.

42) *От кашлю:* зварит(и) буквици у водѣ, укинути малую часть галуну, пит(и) тепло в день по нѣсколко разъ,—ползу великую приносить.

NB 43) *Ежели болитъ у грудяхъ и жолудокъ нетравитъ*, взят(ь) кореня—петрушки, полину—кореня, оттопит(ь) в сировци и пит(ь) еже часто (s.) на-дще и в день по нѣсколко разъ; ползу великую приносить.

(Приписано друг. почерк.): *ежели болятъ зуби*, около каменя надрапать моху и тимъ попарить зуби, перестануть.

44) *На тожъ* (т. е. № 43). Кореня дерева гостѣр (?) жостеръ? [1]), кореня глодовое, корѣня терновое, корѣня шепшиновое, дерева ясенини з вершка гѣлку, все по ровной части оттопит(и) в сировцѣ и пит(и) такожъ, какъ висше сего.

45) *От жовтяницъ:* достат(и) зѣля цмѣну, варит(и) у козиномъ молоки долго, тѣмъ митись, голову и все тѣло, и напитись, какъ би ложокъ три; всеконечне свободится.

46) *На проносъ:* розбит(и) носокъ у яйця курячого, вложит(и) у него грудочку галуну, испекти, изисти; всеконечне свободится.

47) *Ежели тѣло гниетъ и негоится*: крейда, крохмаль и медъ—патока; сие три состави змѣшат(и), издѣлат(и) пластиръ, прикладати; весма ползуеть.

48) Варит(и) и пит(и) и купати вареную и сирую петрушку—урину весма легко вигонить и камень крушить.

49) *От кашлю*: часникъ варит(и) у водѣ, покамист половина википить, и тую воду по кубочку лѣтепло пит(и), и ежели прикро, то сахаромъ подсолодит(и).

50) *Итемъ*: витиснути с редки сокъ, придат(и) меду, скелко надобно и потрѣбно будеть, патоки, имберу бѣлого, и въ едно измѣшат(и), по ложечки едной заживати, толкожъ при томъ заразъ ничего холодъ ного непит(и).

[1]) Не разобрано.

NB 51) *От лому костей*: горѣлку простую з соллю змѣшат(и), пригрѣт(и) на огнѣ, умочити платъ, часто класт(и) на болное мѣсто.

52) *Итемъ*: накопат(и) у гнои червяковъ краснихъ, посипат(и) соллю, то с (о)нихъ червяковъ будеть вода, якою водою мазат(и) болное мѣсто.

53) *От огнику*: сметану, толко би не очень кислую смѣшати з сажею и мазати; згоӥть.

NB 54) *Когда ноги болять и пухнуть*, умочити платъ у росолъ огурковий и часто прикладат(и) на болное место.

55) *Ежели у кого кровъ идеть з носа* и неперестаеть, накурит(и) шерстю свиною; перестанеть.

56) *Ежели у кого антоновъ огонь*, и заразъ убить собаку или щеня, роспорот(и) и тепло прикладат(и), где есть язва, и тое здѣлати до нѣсколко разъ; всеконечне згоӥть.

NB 57) *От феври*: с полину видавить соку чарку, с калиновихъ ягодъ соку едну, все тое смѣшать и випить, какъ станеть февра приходить.

58) *От короcти*: взять малую часть пороху, синого каменя, оливи, оцту крѣпкого, цыбулѣ бѣлой или красной присмажить и тричи мазать, и сорочки нескидать три днѣ; всеконечне згоӥть.

NB 59) *От пухлетини ядеръ*: взять мякишъ булки, налить свѣжого коровего молока, чтобъ горазда смочить и варить на легкомъ огнѣ, чтобъ сталъ какъ би густой кисѣль; потомъ прибавить шафрану какъ би на конецъ от ножа, столкожъ и камфоры приложъ тонкими (?) платками; около ядеръ прикладивать тепло, какъ можно стерпѣть, а когда простигнеть, снявъ, прибавить молока, пригрѣть, опять приложить.

60) Горчиця лѣчить болѣзнь зубную: жовать ее, когда зуби болять, перестануть.

NB 61) *От сонячниць*: взять мяти свѣжой и видавить з ней сокъ или стерти сухой мяти и дать випить у соровцѣ; перестанеть.

62) *Ежели опечеть тѣло*, зварить яйце, здѣлать олѣекъ из жолтка, мазать болное мѣсто; конечне згоӥть.

NB 63) *От боль очей*: взять двѣ горсти гороховой соломи, поварить в полкварти чистой води рѣчной, потомъ процедить сквозь платокъ, и поутру и вечеромъ теплимъ глаза промивать.

NB 64) *Чтобъ гусень непортила капусти*: насипать води в дегтяную бочку илы мазницу, и тою водою кропить капусту.

65) *Ежели черви* будуть в *ушахъ*, взять свѣжого несоленого сала или сира, приложить, вилѣзуть.

67) (s.) *Ежели в ушахъ пищить* или *звинить*, здѣлат(и) чопикъ с редки, намочить в горѣлки доброй, вложить в ухо.

68) *От глухоти* сокъ с редкы пущать в ухо теплой.

69) *Итемъ*: цибулю видолбат(и), насипат(и) водки, спекти, сокъ съ нея видавит(и) и тепло каплями пущать у вухо.

70) *Итемъ*: оцотъ варить и с него пару чрезъ лѣекъ пускат(и) в ухо, или полину горсть сварить в молоцѣ и пару пускать чрезъ лѣекъ, или влить; листовъ свѣжого табаку стерти и вложить в ухо

71) *От катару*, ежели кому носъ заболить, нарѣзать кружалками свѣжего буряка, прикладать до чола, висковъ и носа и на потилице; весма полезно.

72) *На кашель и тяжесть в костяхъ* варить кашу ячную рѣдко, процидить и придать меду-патоки с потребу, тепло, какъ можно, заживат(и).

73) *Ежели с уха течеть*, надобно олѣекъ миgдаловий в ухо пущать.

74) *Ежели пищить, шумить в ушахъ*, взять хлѣбъ житной горячий, розрѣзать, полить водкою крѣпкою, пару пускать в ухо и прикладать до ушей.

75) *От лому костей*: пиво, соль, мило согрѣть крѣпко, умочить платъ, положить на болное мѣсто; тѣмже пивомъ поливать весма полезно.

76) Лелѣи бѣлой намочить в горѣлки, дать пить три раза тому, кто страждать (s.) *от падучои* болѣзни; перестанеть и болше небудеть никогда.

— *Тулѣпани* какъ отцвѣтутся, викопати(и), привялит(и) и заховат(и), августа первихъ чиселъ посадит(и) в землю; будуть по веснѣ весма хороши и противо прежнихъ несравнено отмѣнни.

77) *От кашлю и колотя в грудяхъ* взять яблуко солодкое, вичистить осередокъ, вложить в него ладонъ чистой бѣлой и малую часть сѣрки, обязать бумагою и вложить въ горячой попелъ, и какъ упечется дать болному рано и у вечеру, и тепло пить вареную шевълѣю; свободится.

78) *Отъ кашлю*, согрѣть пива с маевимъ масломъ и пить тепло ежечасто (s.) весма полезно.

79) *Отъ катару*—варить молоко коровиное, вложить в него толченого ладану и бросить горячое желѣзо, и закутать голову, держать надъ парою, покамистъ будеть потъ, весма полезно; и между тѣмъ держать ноги в теплой водѣ, ради поту.

80) Когда отъ катару болить *ухо*, или опухнеть *щека*, или болять *зуби*, взять пива, вложить в него хмелю доволно, замазавши варить горазда, снявъ с огня, вложить горячое желѣзо или камень и закутать голову, держать над парою, пока потъ болшій; ложась в постелю, ставить ноги в теплую воду раза два или три: всеконечно свободится.

NB. 81) Ежели *в боку* или где ни есть болить, взять синей бомаги, поколоть иголою (s.) весма много, умоча у водку, посипать толченимъ ладономъ или мастином (s), приложить на болное мѣсто, неотнимать, пока само неотподеть; будеть полза велика.

83) (s.) *Ежели понос великій*, взять от яйця курячого жовътокъ сирій, малую часть оцту и перцу, змѣшать и випить; весма полезно.

84) *Итемъ:* хлѣба житного спалить на уголь, стерти мѣлко, сколкожъ и сѣрки стерти, змѣшат(ь) и випит(ь); весма полезно.

NB. 85) *На залози и жовни*: взят(ь) пригорщъ пшеницѣ, вложит(ь) в новои молой горщокъ, накрить покришкою, залѣпить глиною, поставить на огнѣ и смажить; снят(ь) с огня, прохолодить, стерти на порохъ, придать мишачихъ лаенъ, стертихъ на порохъ, смѣшать с оливою, прикладать; весма полезно.

NB. 86) *На слабой жолодокъ и колку*, от вѣтру здѣлавшуюсь, наидуй зѣля венедикта в мартѣ мцѣ молодое; збирать, покришить, взять щипту, вложить в малій горщичокъ, придать помаринчивой (=помаранчовой) водки, варить у водѣ, процѣдить и каждаго утра пить по немножку на силу, что слабой жолудокъ и от многихъ болѣзней зашищаетъ.

87) *Болѣзнь очей* угашаетъ тоежъ зѣлля ка(р)дусъ венедикти: уварить у водѣ и тѣмъ ежечасто (s.) промиват(ь) болние очи.

(припис. другимъ почерк.) *Ежели горло опухнет(ъ)*, роменъ-зѣля варит(ь) и тимъ парить горло; весма полезно и опробовано.

NB. 88) Итемъ. *Раны всякые гоить*; варить зѣлля cardu(u)s veneднѣи (s. = benedictus) у винѣ, илы, за неимѣныемъ, у пивѣ, и прикладать до рани еже часто—весма полезно, а особлыво пить оное ползуетъ на камень, и пѣсокъ вигонить, фебру разнихъ родовъ отгонить, а найлутше есть вещъ отъ всѣхъ почти болѣзней употреблять означенное caydus (s.) venedcѣй (s.)—зѣлля, варить у водѣ и во мѣсто чаю ежеденно пить.

89) *На рани*—ужовая шкура, перве отволожить оною слиною на-дще, а послѣ прикладать; весма полезно [1]).

NB. 90) На думность (? v. дутность?) взят(ь) рути зеленой, ядро орѣха волоского, столча вмѣстѣ, по малой часточки кусай и ковтай, дѣлай сие чрез нѣсколко дней; свободится.

91) *На лишаи:* кашу варить с пшона, на которой будет(ь) пѣна бѣлая; оною мазать часто, згоить.

92) *Ежели болить сердце*, взять селѣтри чистой, весма мѣлко терти, немножко придать маленко конъфори стертой мѣлкожъ, дать болному випить в цинамоновой или рожевой водки; перестанеть.

---

1) На отдѣльномъ листкѣ другимъ почеркомъ. От скаженои собаки линовище гадючое з слиною розмягчит(ь), положить на тое мѣсто.

93) *От странгуріи*[1])—взять герѣлки и толченого яловцю, змѣшать и випить.

94) *Урину весма вигонить:* взят(ь) листу или кори вербо вой, варить в казанѣ, издѣлать ванну, в котороим би болной скупался, перестанеть. Довѣреная. А буди зѣмою, накопать кореня вербового, намочить в горѣлки, дать болному пить до нѣсколко разъ: заразъ урину поженеть.

95). *Итемъ.* Воду холодную во устахъ держать урину вигонить.

96) *На боль во устахъ:* взять горѣлки простой, вложить в нея мила, порѣзавши, всипать соли, приварить, намазать платъ, прикладать.

Тоже справляеть горѣлка простая с канъфорою: мазать платъ и прикладать.

97) *На боль в составахъ* сиръ свѣжый ростерть з сметаною и посолить болю (соллю?), прикладать на болное мѣсто.

98) *Итемъ,* зварить кашу пшоняную у молоки негусто, вложить в ту кашу мила часть и соли, положить на платъ и прикладать на болное мѣсто; весма полезно.

NB. 99. *Итемъ.* Весма статечна есть вещъ подчасъ такихъ болѣзней уживать, чтобъ били поти, зѣлля caydus uenedun (carduus benedict.: варить его и пить тепло, а особливо на ночъ, ложась спать, закутать себе, чтоб горазда спотѣть; весма полезно.

100) *Ежели у дѣтей немогуть* скоро *зубки прорѣзатись,* взять меду чистого и масла несолоного, змѣшать и натирать дитинѣ ясна.

101) *Ежели кровъ идеть з рани* и перестать неможеть, взять губки, что ростеть на полѣ бѣлая болшая, а какъ устарѣется, то жолтовата, тоею губкою заложить рану, перестанеть ити кровъ.

102) *Итемъ.* Копервасъ спалить, чтобъ билъ червоный, стерти, засипать рану; заразъ кровъ итит(ь) перестанеть.

103) *На рани разния* весма изрядная *масть;* взять оливи пол фунта, мила доброго три лота, блейвесу и минѣи по фунту; змѣ-

[1]) στραγγουρία, жженіе въ мочевомъ каналѣ.

шай мило з оливою и поставъ на огнѣ, чтоб мило в оливѣ ростопилось, в тѣ пори ростерть блеивесъ и минѣю мѣлко, всипать в оливу и смажить, пока станеть мало густѣть; всипать оной составъ на холодную воду; буде(ш) имѣть масть преизрядную, на всякие рани полезную.

104) *Итемъ масть на рани* застарѣлие и свѣжые: взять оливи еденъ фунтъ, ґлеисти весма мѣлко тертой лотовъ десять, ґришпану в оцтѣ роспущеного лотъ еденъ; усмажить перве оливу з клейтою густо, после вложить ґришпанъ и присмажить; будеть (= шь) имѣть масть весма здраву и уже досвѣдчону.

NB. 105) *Прошокъ на урази* весма доброй: взять мумѣи, истерти, зъмѣшать (пропускъ?) и дать випить страждущимъ.

106) *На гризъ*: взять води с под точила у коваля, придать к тому купервасу и силмоняку толченихъ понемного и приварить, мазать платъ и прикладать, а особливо на ночъ.

107) *Ежели гадюка укусить*, заразъ над ранкою завязать, чтоб далѣе опухъ нейшолъ, а перво ту рану облить власною уриною уязвленого; при томъ же дерева ясенини молодняку гѣлки порѣзать, истовкти, приложить на болное мѣсто, — вещъ апробована, — а послѣ того жъ дерева зварить у водѣ и пить болящему.

108) *На жовтяницѣ*: мило в молоки вареное заживат(ь), а особливо черви красние земляние зшушит(ь) стерти и дат(и) болному малесенко у водѣ випит(и), полезно.

109) Взять селѣтри толченой, *на боль зубовъ*, сколко потрѣбно, вложить опую на новой черепочокъ, поставить на огнѣ; якъ станеть по крайкахъ роставать, заразъ кидать на росталную селѣтру по немножку толченую сѣрку, изънѣмать с огня, отлупивать, какъ захолодаеть, росталое и держать при (s.) случай; а какъ стануть болѣть зуби, то взят(ь) топленую з сѣркою селѣтру, стерти, завязат(ь) в платочокъ, издѣлать узлечекъ, положить на болние зуби и держать; много будеть ити макрота и боль заразъ перестанеть. Вещъ апробована.

110) *На тожъ:* муки пшеничноѣ жменю, перцу толченого лотъ, соли с щипту, оцту крѣпкого сколко потрѣбно змѣшать, из-

дѣлать паляничку и приложить до щоки, где болить зубъ; перестанеть.

111) *Ежели кровъ з носа течеть* и неперестаеть, взять водки чарку, галуну какъ би неподстакъ (?) толченого мѣлко, змѣшать, дать випить; устанеть.

112) *На боль голови* и заразость (?): взять оцту крѣпкого, всипъ соли или сеі́ѣтри, камфори з сахаремъ утертои, мазать платъ прикладать до голови, висковъ и шіи—вещъ добра.

113) *От фебри:* взять вина, согрѣть кубочокъ, всипать соли щипту, перцу, змѣшать, дать передъ парозимомъ (s.).

114) *Итемъ*: взять медового оцту, или другого, всипъ оливи ложку, соли щипту, согрѣть, дать перед парозимомъ.

115) *Итемъ:* взять горѣлки доброй чарку болшую, всипать оливи ложку, змѣшать, дать перед парозизмомъ.

NB. 116) *Ежели опухнет(ъ) мошна,* попелъ дубовой варить в оцту и чрезъ платъ окладать.

117) *Итемъ*: накопать кореня аеру, что близъ рѣкъ ростеть, усушить. стерти з оцтомъ, приварить, прикладать на болное мѣсто.

118) *От болѣзни зубной* губку или платокъ умочить в крѣпкой оцотъ, вложи в ухо с той сторони, где болить зубъ.

119) *Итемъ*: наскромадить терновой кори, варить у водѣ, придать мало оцту, теплимъ полоскать часто зуби.

120) *На кашель*: надавить соку з редки, придать немножко меду присного и трохи инберу, змѣшать, уживать по малой части.

121) *На жолтяницѣ:* варить в оцтѣ розмаринъ, снять с огня, над тою парою держать болному лице разовъ до нѣсколко.

122) *На глисти:* взять оливи и меду прѣсного равние части, змѣшать, дать на-дще зажить, естъ вещъ статечная.

123) *От колки*: взять водки двѣ чарки, а третую чарку оцту крѣпкого, дать випить—вещъ апробована.

124) *На пухлину:* намочи в горѣлки камфори, и пить на-дще в день и ложась спать.

125) *Ежели тѣло спарит(ъ)* ли опечет(ь), кизикъ (кизякъ) товарячой з соломою прикладать.

126) *Итемъ:* оливу з бѣлкомъ яйця горазда змѣшать, избить, тимъ мазать часто чрезъ день.

127) *Итемъ:* качанъ капустяной облупить, столкти, прикладать часто—весма полезно.

NB. 128) *Па кашель з кровъю*—синюе маковое листя варить у водѣ и пит(ь) тепло—полезно.

129) *От пухлини:* накопать кореня вербового, настругать з него кори, придать толченого яровця (= яловцю), зварить в пивѣ и пить раза по четирѣ в день по кубочку; чрезъ урину вигонит(ь) опухъ.

130) *На кашель с кровю:* взять води чистой кварту, придать купервасу чверть лота, галуну пол чвертки лота, стерти вмѣстѣ, змѣшать из водою, варить четверть часа, снять с огня; якъ устоится, слить с верха, дать пить болному; заразъ перестанеть.

131) *Дѣти чтоб в постелѣ невсцикались, неловили риби:* росъпалить сталь, гасить в молоки козиномъ или овечомъ, давать пить дѣтямъ.

132) *Ежели кровъ идеть з носа* и неперестаеть, взять цибулѣ три или болше, покришить дробно, вложить в черепокъ, присмажить на огнѣ, положить на платъ и приложить на подошви; вещъ апробована.

133. *На болние очи и бѣлмо* масть весма изрядная: какъ курка перестанеть водит(ь) курчатъ и станеть нестись, взять первое яйце, в ономъ здѣлать дѣрку, випустить жовтокъ, а бѣлокъ оставить, до которого впустить оливи, змѣшать, заткнуть дѣрку деревянимъ чопикомъ и залѣпить в хлѣбъ, всадить в пѣчъ; какъ упечется, винять хлѣбъ, и с оного яйця, в которомъ будеть масть золотомъ неоцѣненая по ея добротѣ, тою мастю мазать очи; бѣлмо безъ сумнѣнія угонить.

134. *Итемъ:* взят(ь) инберу толченого лотъ, квѣту мушъкатевого толченого лотъ, варит(ь) каждое в маленькихъ горщичкахъ у водѣ доволно, процѣдить, чтоб било той води четвертая доля кварти, придат(ь) до нея канфори (и-сахаромъ мѣлко терти) лотъ, змѣшат(ь), и держать про случай; впускать оную водку в очи

кропълями еже часто (s.); над ее лутшого лѣкарства на болние очи бит(ь) неможе.

135. *Итемъ:* полинь зелений з бѣлкомъ яйця стерти или сточи, положит(ь) на платъ и приложит(ь) на очи на ночъ.

136. *Итемъ, ежели от болю одного ока,* у кого одно око болить, взять листокъ буквицѣ, помазат(ь) медомъ яримъ, приложить над око на ночъ: перестанеть.

137. Взят(ь) рожевой води двѣ ложки, ладану грудочку, положит(ь) на вѣделки, палит(ь) оной на свѣчки восковой и гасит(ь) в показаной водѣ разовъ до тридцяти, процѣдит(ь), в толъ (?) покорму женского доставъ, змѣшат(ь) ложечку, пускат(ь) в очи, а паче натират(ь) вии весма полезно.

138. *Когда язичокъ спадет(ъ)*, стерть гоздиковъ, змѣшат(ь) з медомъ, в чарочки розогрѣть и перомъ помазат(ь) разовъ сколко, весма полезно.

139. *Когда болитъ горло*, соли столчи неочень мѣлко, упряжи на сковородѣ, положи в платъ, тепло приложит(ь) до горла; весма полезно.

140. *Когда голова болитъ или кашель*, нагрѣт(ь) води з сѣномъ, налить в посудъ такой, чтоб ноги по колѣна у водѣ били; будеть потъ весма великой; напитись чаю чашокъ три, лягши укритись, будеть еще потъ превеликий; свободится отъ кашлю, тожъ болю голови.

141. *Ежели катаръ носъ здавитъ*, взят(ь) шевлѣи, положит(ь) на жаръ и тотъ димъ пускат(ь) в носъ весма полезно.

142. *От болю зубовъ*: накопат(ь) вишневого кореня, накришит(ь) не в болъ шой горщокъ, налит(ь) водою, замазат(ь) и сварит(ь); тою водою полоскат(ь) ротъ; перестанеть.

143. *От поносу кривавого:* взять калѣи (?), минѣи, червоного каменя, раковихъ очокъ, растворить водкою, давать болному випить; свободится.

144. *Ежели голова болитъ или шумитъ в ушахъ*, сварит(ь) сѣмя, снят(ь) с огня, вложит(ь) горячой камен(ь), накрит(ь)

голову, держат(ь) надъ парою; будет(ь) болшой потъ и макрота з носа и рота; свободится.

(Приписано другимъ почеркомъ):

До скота, ежели падежъ, должно уюновъ живихъ достать и давать всякой скотинѣ по одному уюну.

145. Взять салсопараллѣ едну мѣру, води перевареной семъ мѣръ и намочит(ь) тое салсопаралѣ в показаной водѣ, даби чрезъ ночъ мокло, поутру варить, чтобъ третая доля википѣла, смотря прилѣжно, даби незбѣгало, отцѣдивши, сховать на холодъ, толко наблюдать, чтобъ немогло замерзнуть, и принѣмать оного декокту рано и вечеръ три чашки чайнихъ горячого, а после приему окутать себе в постелѣ на часъ места; на оставшиесь же виварки злить переваpеной води и варит(ь) с полчаса, и тое пить теплое, мѣсто ординарного пития; дѣлать же такъ чрезъ сорокъ дней, и между тѣмъ оберѣгатся кислихъ, солонихъ и сировизни в пищу впотребляемихъ вещей.

146. Взят(ь) коровячого калу свѣжого, вложит(ь) в новой горщокъ, налит(ь) оцтомъ, чтоб било какъ кисель, варит(ь) крѣпко, приложить на болние ноги тепло, какъ можно стерпѣть, плястромъ неболшимъ; какъ раза три,—весма конечне свободится.

147. Жабъ двѣ зсушить, а жаби били б тѣ, что подъ хатами в призбахъ, истерти мѣлко, до (s.) горчици бѣлой жменю, рути жменю и перцу жменю, насипать в горщокъ горѣлкою простою, мѣрою кубковъ десять, и в гарячую пѣчъ поставит(ь), чтобъ упрѣло, а с печи винявшы, вихолодить и тѣмъ кубкомъ скотъ заливат(ь), а тое лѣкарство на десять штукъ скотинъ.

148. *На боль голови:* чорнобилю кореня накопать и оттопить у трохъ гарячихъ печахъ у соровцѣ молодому, и тимъ голову змить; вещъ апробованна.

149. *На вигубление мишей:* постанови огня в начиняхъ якихъ, на тотъ огонь класть лупини и шкурку з цибулѣ, чтоб курѣло, всегда прикладивая; когда сие разъ албо два или три здѣлаешъ, всѣ виздихають; есть досвѣдчоное.

NB. 150. *На блощицѣ:* взять насѣнний огурокъ, добре поспѣлий, положить его в кутку, чтоб согнилъ по волѣ, вибравшы з него сокъ, в который умочивая пѣрце, шморовать шпаруни и дѣрки; болѣе онихъ незабачишъ.

151. *От отрави члвка:* на веснѣ, скоро из землѣ снѣгъ сойдеть, какъ сищешъ муравю, оной набери в глек со всѣмъ и насипъ горѣлкою либо сировцемъ новимъ заткнуть добре глекъ, и какъ помокне горазда и в ономъ муравя помрутъ, процѣдит(ь) и держат(ь) в пляшки добре закуперовать(ь) и болящому давать(ь) три раза на-дще пить; и здоровому члвку оное пить не вредно, но добре.

152. *На блохи:* варит(ь) у водѣ кмѣнъ красний, тою водою кропит(ь) по хатѣ.

(Приписка тѣмъ же почеркомъ, что подъ №№ 35, 43, 87, 144).

Старои березы кора лѣчит(ь) болѣзнь и установляе слабой жолудокъ, а кору тую товкти и прошокъ зробит(ь) и з горѣлкою випить; перестане.

153. Кр. Говорит(ь) должно на всякихъ воротахъ, в якии скот ходит(ь), поки скотъ перегнать; тоже от падежа:

„Селю (?) сей домъ новий и засилаю силную воду за девяносто верстъ. На воротяхъ огнь силний, а в загородѣ теренъ да шепшина. Когда злая тварь тую силную воду перепливе, а на воротяхъ той силний огнь перейде, и в загородѣ теренъ да шепшину пожре, тогда до моего скоту приступит(ь)", и плунут(и) 3.

155. *От глистовъ надобно зделат(ь):* у маленкому горщичку оттопит(ь) цитвару и плястеръ зделат(ь), на груди прикладат(ь) дитинѣ.

156. *Такожъ:* цитвару фунтъ или болше в маленкому ленбику, насипавши самою простою сивухою, перегнат(ь) и дат(ь) болному напиця; заразъ свободиця.

Да к тому жъ олѣекъ цитваровои, полинной и мятковой (?), мазат(ь) около пупка и . . . (?) или на сахарѣ посипавши дат(ь).

Когда запоръ водний (?) в человѣцѣ, то блощиць стовкти и випить в чимъ не есть.

(3-мъ почеркомъ).

От падежной болѣзни рай-дерева насѣння.

Ежели на руки или ноги рана, то его листя потребно.

№ IV.

Записки о лѣкарствахъ на разные болѣзны.

(№№ 1—26 и 31—34 — выбраны изъ тетради № III; №№ 27, 35—8 изъ тетр. № I; №№ 39—41—изъ тетради № II; за тѣмъ):

42. *Зѣля бедренецъ* есть полезное исты его от всякой болѣзни и от болѣ грудей ползуеть.

43. *О волосѣ болячки.* Когда здѣлаетця болячка волосова а хощется еи улѣчити, то взять днѣпрову черепаху, не ту, что естъ ходячая, но которая в скалки неимѣетъ ходу, но толко животное с одной води имѣетъ тело; еи взять (?), изнять з неи шкалярущу (зачеркнуто и написано „шкору"), стовкти въ мощиру и ту терть, прикладать до неи. 2. Тое же делать, когда человѣкъ хоръ, розгоритця, то до горячого тѣла прикладать, и вигонить огонь.

3. Когда у кого бываетъ волосъ на руцѣ, возми смоли чорнои да калу гусиного и меду прѣсного, истопи въ мѣстѣ, намажъ на сукняной (v.—ый?) платъ и прикладай на рану; вигонить волосъ из рани.

44. *О гарятцѣ.* Аще в кого горячка, то прикладать на пупъ и вездѣ павука: помагаеть.

45. *О глистахъ разнихъ.* Взять зѣля кропиви, уварить добре з оцтомъ добрим, немного посолывшы и пить на-дще.

46. *О гризѣ.* Когда у кого желудкова гризь илы кости болять, то накопавши корѣння кропивного и спаливши смешать з оц-

том и приложить до утроби, то оздоровѣеть: и утробу тверду мягчить.

47. *Дягилевое кореня* грызти часто—апетитъ даеть до яствия и питя, и когда блюеть, то перестанет.

48. *Ужува шкура*, когда гадюка вкусит, то размочи(ть), и столочь еи, приложи, оздоровѣеть.

49. *О дикомъ мясѣ.* Спалить гадину [1]) и купервасу и прикладать до рани. 2. Моркви сирои прикладать до рани.

50. *О заворотѣ головы.* Зѣля роменъ спарить, пить и ноги парить. 2. Чернобѣль ув оцтѣ крѣпкомъ уварить и голову теплимъ мить. 3. Насѣння кропивное з оцтомъ от(?)толкши, на чело прикладать.

51. *О запертѣ водно(го) проходу.* Осики моложав(ои) в водѣ сварити и пит, особливожъ тимъ листомъ, аще в кого опухъ ест, окладат(ь). 2. Озми хо... (?) столчи сухо и мяко и пий з водою. 3. Сорочого мозку з горѣлкою з маковое зерно випи(ть), того жъ часу поидет (?).

52. *О кашлѣ* вѣдушномъ (?). Взявъ калачиков белих и в водѣ оттопи(ть) добре с медомъ, спаривши, пит(ь), весма оздоровѣетъ, и персамъ помогаеть.

53. *О кропивѣ.* Кропива такую силу содержить: ежелы на животѣ тяжко, то наварить еи з вином и пить на-дще. 2. Також у кого под пупомъ естъ гризь у лонѣ, то надлежить сѣмя стовкти и до рани класти. 3. Ежелы на какомъ человѣку желчь виидет на лице, то еи з вином пить, и будетъ чистъ и здоровъ.

54. *О ловлении звѣра.* Козиную и селезневу кровъ и орехову кору столкти вместо все, подвязать себѣ под пахву, когда хочешь звѣрь ловить.

55. Когда хочеш рыбу ловить, петухову селезневу кровъ и орехову кору вместѣ тожъ столочъ, подвязать себѣ под пахву.

56. *От жовтяницѣ*: С яблука з середини винять качанъ, шапран(у) положить, испекти и исти раза 3.

---

[1]) Галуну?

57. *Пекелний огонь* потушить: коровячий калъ, соль белая вино волоское варить и приложить, послѣ галуном посипать, в (?) гнилое.

58. *О болѣзны головной.* Взять ржаного хлеба, искриши его мелко, на круто солы и кмѣну с канфорою тутже положи и наприской гораздо крѣпким уксусомъ, намочи сальфету, привяжи къ головѣ.

59. Балсамъ сулфурисъ деребентина... 3 каплѣ принимать от странgулѣи.

60. Балсамъ сулфурисъ анѣзатъ от грудей.

61. С тютюномъ хотя разомъ дней 5 или болше ходить.

Плястеръ: 5 цыбуль с'пекти, скришить дробно да мила доброго положить часть и свиного смалцю не солоного истерти и класти на пузиръ, когда от тютюну незагоитця. Вишъ писаний тютюнъ и плястеръ на пузиръ, когда въ кого гемороиди виходять пузирамы и оние пузири треснувши немогли бъ гоитця.

(На отдѣльномъ листкѣ, другимъ почеркомъ).

Полиню утовкты тепло свѣжого и поварившы с водою, и ту воду пускаты в ушы, и тогда черви уморить (?).

Аще кому шумъ в уши приходит . . . . (кропиви?) хлухои парити, ук'сусъ в уши многажди пускати, и тако черви умѣрают.

С корени свеклы сокъ вижаты и в уши по капелки пускаты.

(На отдѣльномъ листкѣ, другимъ почеркомъ).

Алкермесъ чайную ложечку по утру принимать и запить вином стаканчикъ или чаемъ, а принимать чрезъ два днѣ или 3 днѣ.

Кровочистительнихъ капель два лота по 30 капель в чаи чрезъ 3 дни принимать.

Александрійского листа . . . (и пр. мало разборчиво) . . .

Когда цвѣтъ неидетъ в жени, взять калу лошачого лошачка и с маслом розвести и смажить и тепл(ой) калъ класти около чреслъ, а пить шафранъ с чаем или с вином.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчозающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ, обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину" въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина", Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины" за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.
МАРТЪ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXVIII. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1890.

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**.—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**.—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева**. На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Маркевича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго**. Лирники. **Валеріана Боржковскаго**. Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ) **Равиты**. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. **А. А. Востокова**. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой**. Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А. Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго.** (Переводъ съ польскаго). **Н. М** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**.

Въ отдѣлѣ «Документовъ. извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. И. А. Лашкарева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVIII, 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

стр.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

Семенъ Неживый.

И на основаніи польскихъ мемуаровъ объ уманской рѣзнѣ 1768 года, и по отдѣльнымъ документамъ той поры, однимъ изъ самыхъ выдающихся ватажковъ послѣ Желѣзняка въ движеніи отмѣченнаго года надо несомнѣнно считать ватажка *Семена Неживого,* носившаго званіе куреннаго атамана войска запорожскаго и этимъ отличавшагося отъ Желѣзняка, который титуловалъ себя запорожскимъ полковникомъ.

Въ серіи документовъ, имѣющихся въ Кодненской книгѣ, мы нашли только два, касающіеся этого дѣятеля: одинъ—это показанія крестьянина Ивана Ботвиненка, бывшаго на военномъ судѣ въ Коднѣ [2]), другой—небольшая судебная отмѣтка о дѣлѣ шляхтича Николая Чоповскаго, также бывшаго на томъ же военномъ судѣ [3]). Если не оба, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ документовъ довольно хорошо характеризуетъ личность Неживого, но для этого необходимо сравнить наши данныя съ данными, прежде добытыми, и главнымъ образомъ, конечно, съ документами о Неживомъ, напечатанными Н. И. Костомаровымъ въ „Кіевской Старинѣ", въ августовской книжкѣ 1882 г. Мы такъ и поступимъ, изложивъ предварительно содержаніе нашихъ документовъ.

---

¹) „Кіевская Старина", 1890 г., № 2.

²) Кодн. кн. стр. 11, 49.

³) Ibidem, стр. 482.

Крестьянинъ Иванъ Ботвиненко родился въ селѣ Христиновцы лубенскаго полка и около 1765 года перешелъ изъ гетманщины на польскую сторону въ Украину и осѣлъ въ с. Сегединцахъ. Очевидно, и его, какъ многихъ, привлекали сюда установленныя временно польскими панами льготы, которыя они считали необходимыми ради успѣшнаго заселенія все еще пустовавшаго края. Въ Сегединцахъ Ботвиненко женился и жилъ себѣ мирно. Между тѣмъ началось крестьянское волненіе, и Сегединцы не остались въ сторонѣ отъ проявившагося кругомъ народнаго движенія. Туда въ это время пришелъ съ своей ватагой ватажокъ Неживый и сталъ убѣждать людей быть съ нимъ за одно. Онъ созвалъ сегединцевъ ради этого на сходъ и на сходѣ читалъ имъ какіе то указы и звалъ къ Желѣзняку.

Никакихъ обидъ во время своего пребыванія въ Сегединцахъ Неживый никому не наносилъ, не взялъ онъ ни у кого даже лошадей и, окончивъ свое чтеніе и переговоры, двинулся оттуда въ Лисянку, гдѣ въ то время былъ Желѣзнякъ.

Сразу изъ сегединскихъ людей никто не присталъ къ Неживому, но какъ только онъ ушелъ, среди нихъ поднялись толки по поводу его рѣчей, а крестьяне Ризниченковы, Михайло, Тимишъ и Иванъ Поповичъ послѣ этихъ толковъ, зайдя въ хату Ботвиненка, объявили ему о своемъ намѣреніи пристать къ гайдамакамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стали они его убѣждать послѣдовать ихъ примѣру. Ботвиненко съ перваго раза не соглашался съ ними, а потомъ, убѣжденный ихъ доводами, рѣшилъ, что и ему надо пристать къ гайдамакамъ. Сборы были не долги, и всѣ названныя лица догнали Неживого въ с. Верещакахъ (село—теперь два—чигир. у. при рч. Верещакахъ къ ЗЮЗ отъ уѣзд. гор.), присоединились къ его ватагѣ и пошли съ нимъ въ Лисянку. Въ Лисянкѣ они застали Желѣзняка, но оставался онъ тамъ при нихъ недолго: дѣло его было тамъ окончено, и онъ направился къ Умани. Изъ сегединскихъ же вновь приставшихъ гайдамакъ вслѣдъ за нимъ пошли оба Ризниченка, другіе же остались въ Лисянкѣ при Неживомъ, у котораго въ это время вся ватага вмѣстѣ съ вновь приставшими состояла изъ шести

(sic) человѣкъ. Но и Неживому нечего было тамъ дѣлать,—онъ тоже вышелъ оттуда съ своими людьми. Куда думалъ онъ теперь направиться—изъ показаній Ботвиненка не видно. Знаемъ мы отъ него только, что на пути изъ Лисянки Неживый случайно наткнулся на какого то крестьянина изъ с. Тарасовки (чигир. у. при притокѣ Днѣпра къ СВ. отъ уѣзднаго города), очень встревоженнаго и звавшаго его на помощь противъ какихъ-то гайдамакъ, грабившихъ Тарасовку. Неживый тотчасъ двинулся туда, но гайдамакъ грабителей не засталъ уже въ Тарасовкѣ. Между тѣмъ добыть ихъ онъ захотѣлъ во что бы то ни стало. Поэтому онъ согналъ къ себѣ всю тарасовскую громаду и вмѣстѣ съ ней и своею ватагой кинулся въ погоню за грабителями въ село Кириловку (звенигород. уѣзда къ СВ отъ уѣзднаго города). Не найдя грабителей и въ Кириловкѣ, Неживый убѣдилъ и кириловцевъ пристать къ его отряду для преслѣдованія крестьянскихъ обидчиковъ. Съ кириловцами въ селѣ Пединовкѣ (звениг. у. при р. Ольшанкѣ къ СВ. отъ уѣздн. города) онъ нагналъ наконецъ ватагу грабителей. Ватажкомъ у нихъ оказался нѣкто Гайдашъ. Очевидно, удивленный желаніемъ Неживого преслѣдовать его за взятую имъ насильно реквизицію съ крестьянъ, онъ разсудилъ, что Неживый, вѣроятно, ляхъ. Неживому поэтому пришлось даже присягать, что онъ намѣренъ идти къ Желѣзняку въ Умань, и что если и Гайдашъ идетъ туда, то у нихъ одинъ путь. Заведя въ показаніяхъ рѣчь объ этомъ, Ботвиненко такъ и не сообщилъ, отстоялъ ли Неживый предъ Гайдашемъ интересы ограбленныхъ послѣднимъ тарасовцевъ. Ботвиненко прямо перешелъ къ тому въ своемъ пересказѣ, что Неживый съ Гайдашемъ вмѣстѣ двинулись къ Умани. Но дорогой между ними, по словамъ Ботвиненка, снова произошли нелады, и Гайдашъ велѣлъ было уже разстрѣлять Неживого, а гайдамакъ его арестовать. Что удержало его вторично отъ исполненія этого намѣренія—въ документѣ нѣтъ поясненій. Изъ дальнѣйшаго же разсказа Ботвиненка видно, что Гайдашъ принялся тамъ грабить какого-то пана Чеканскаго, а вѣроятно и крестьянъ его, что и могло вызвать ссору съ Неживымъ, который допускалъ только грабежъ пановъ и самъ даже получилъ какую

то одежу Чеканскаго. Вскорѣ послѣ этого грабежа Ботвиненко бѣжалъ за-границу въ слободу капитана Чернаго сербскаго полка Артипормарка. Вернувшись же въ предѣлы Рѣчи Посполитой уже послѣ того, какъ край нѣсколько успокоился, попался онъ въ руки военной польской команды, былъ отданъ ею подъ судъ и въ концѣ концовъ былъ обезглавленъ.

Другой нашъ документъ о Неживомъ—это, какъ уже сказано, отмѣтка кодненскаго военнаго суда по дѣлу шляхтича Николая Чоповскаго. Отмѣтка относится къ засѣданію суда 7 іюля 1769 года. Въ ней значится, что шляхтичъ Николай Чоповскій, изъ Меджибожа (м. летич. у. при впаденіи р. Бужка въ Бугъ) родомъ, былъ съ ватажкомъ Шелестомъ въ гайдамакахъ, какъ тогда говорилось, и сжегъ дворъ пана Пенинскаго, а съ ватажками Савкой и Неживымъ въ Каневѣ на смерть позакалывалъ трехъ жолнѣровъ, да кромѣ того, грабилъ въ разныхъ мѣстахъ съ тремя названными ватажками. За такія вины Чоповскій былъ посаженъ на колъ, что тоже значится въ судебной отмѣткѣ.

Первое, что бросается въ глаза при прочтеніи большаго нашего документа—это забота Неживого о томъ, какъ бы не нанести обидъ крестьянамъ при необходимости содержать гайдамацкіе отряды. Онъ при этомъ не только самъ не грабитъ крестьянъ тѣхъ селъ, черезъ которыя лежитъ его путь, но и готовъ еще преслѣдовать тѣхъ гайдамацкихъ ватажковъ, которые были слишкомъ безцеремонны при добываніи необходимаго на содержаніе своихъ отрядовъ. Погоня за Гайдашемъ, ограбившимъ тарасовцевъ, въ этомъ отношеніи хорошая иллюстрація.

Толкуя такимъ образомъ стычку Неживого съ Гайдашемъ и вообще отмѣчая въ его поведеніи опредѣленное намѣреніе не обижать защищаемыхъ людей, мы не дѣлаемъ натяжки. Еще живѣе, чѣмъ въ нашемъ документѣ, указанныя черты Неживого выступаютъ въ документахъ о немъ, сообщенныхъ Н. И. Костомаровымъ. Такъ, въ числѣ послѣднихъ мы находимъ свидѣтельства на письмѣ отъ мошенскихъ жителей, отъ каневскихъ мѣщанъ и козаковъ и отъ медвѣдовцевъ о томъ, что Неживый не причинилъ никому изъ нихъ никакого оскорбленія, а по ихъ желанію освобождалъ ихъ отъ поляковъ и жидовъ, дѣлавшихъ имъ обиды.

Касаясь подробнѣе содержанія названныхъ документовъ, мы изъ свидѣтельства мошенцевъ (Мошны—м. черкас. у. при р. Ольшанкѣ къ ЗСЗ отъ у. города) узнаемъ [1]), что тѣснилъ ихъ мѣстный губернаторъ Подгородецкій, причемъ преслѣдованіямъ за „благочестіе" подверглись не только „свецкіе люди", но и „духовный чинъ". „Тогда людей свецкихъ, читаемъ въ свидѣтельствѣ, до полусмерти кіями забивали, уніатамъ гонителямъ великую протекцію давали во всемъ, а наши священници мошенскіе, которые до благочестія пристали, всюды гонимы были, по лѣсахъ и по разныхъ мѣстахъ укрывались". „Сверхъ же того, продолжаютъ мошенцы, той же губернаторъ на нашу громаду великое страхованіе наносивъ и заподлинно мнилъ на насъ конфедерацію спровадити изъ ляховъ, чтобъ зъ насъ христіанъ ни одній души въ живыхъ не осталося". И вотъ при такихъ то обстоятельствахъ на выручку мошенцамъ явился Неживый. Полякамъ и жидамъ круто пришлось отъ него, но никого другого онъ при этомъ не обидѣлъ. Заключительная фраза въ свидѣтельствѣ мошенцевъ о немъ такая: „что же г-нъ Семенъ Неживый атаманъ бытностію его в Мошнахъ и з воинствомъ людямъ нашимъ ни меншей кривды не учинилъ, совѣстію о томъ свидѣтельствуемъ и какое подписуемось, неграмотные бывши, крестами".

Изъ вторaго свидѣтельства—мѣщанъ и козаковъ каневскихъ [2]) мы видимъ, что Неживый былъ ими призванъ на помощь для защиты отъ пановъ, которые, по ихъ словамъ, задумали исподволь поотбирать у козаковъ каневскихъ оружіе и затѣмъ безоружныхъ перебить ихъ, что и стали понемногу приводить въ исполненіе. Когда Неживый явился въ Каневъ, паны заперлись въ замкѣ, но гайдамаки заставили ихъ оттуда выйти, поджегши дворъ поручика, отъ котораго двора загорѣлся и замокъ. Вышедшіе оттуда поляки подверглись тотчасъ нападенію не только со стороны гайдамакъ, но и со стороны бывшихъ съ ними въ замкѣ козаковъ, которые пристали къ Неживому. Побоище было

[1]) Н. И. Костомаровъ, Матеріалы для исторіи коліевщины. „Кіевск. Стар." 1882 г., кн. 8, стр. 307.

[2]) Ibid., стр. 319.

большое, но и тутъ Неживый не обидѣлъ защищаемыхъ. „Той же вышеvпомянутый атаманъ,—такъ кончается свидѣтельство каневцевъ,—будучи въ городѣ нашемъ Каневѣ, жителямъ здешнимъ никакой обиды не дѣлалъ, но токмо и то по возможности своей отъ мѣщанъ каневскихъ что имѣлъ, тѣмъ войсковыхъ козаковъ кормилъ и грабительства христіанамъ никакова не дѣлалъ; въ томъ мы ему атаману вышепомянутому войска запорожскаго козаки и мѣщане каневскіе даемо квитанцію съ подписаніемъ рукъ нашихъ во свидѣтельство“.

Наконецъ въ третьемъ свидѣтельствѣ, принадлежащемъ медвѣдовцамъ [1]), разсказывается о нападеніи конфедератовъ сперва на Жаботинъ (м. черк. у. при рч. Жабянкѣ на ЮЮВ. отъ у. гор.) въ числѣ 450 человѣкъ, а потомъ на Медвѣдовку (м. чигир. у. при р. Тясьминѣ и Медвѣдовкѣ къ ЗСЗ отъ у. гор.) въ числѣ 100 человѣкъ. „Сего 1768 г. мѣсяца мая 18 числа, читаемъ въ свидѣтельствѣ, въ полской области въ старовствѣ чигиринскомъ вездѣ по городахъ и селахъ великое разореніе народу показалося отъ поляковъ, т. е. отъ конфедератовъ, которые то, пріѣхавши войска четыреста пятдесятъ человѣкъ съ козаками и черезъ три дни стоячи, ходили пяные по лѣсахъ и людей жаботинскихъ, которые позбѣгали по лѣсахъ, ловили и имущество отъ оныхъ отобравши, до полусмерти кіями забивали, и скота рогатого зъ города Жаботина немалое число забрали“. Тоже самое было потомъ продѣлано канфедератами и въ Медвѣдовкѣ. „И неотмѣнное ихъ такое намѣреніе было, читаемъ въ документѣ, чтобъ пановъ и козаковъ съ собою собрать, а священниковъ грекороссійской православной вѣры и людей главныхъ и ктиторей мучити смертію за благочестіе, и чтобы привесть всѣхъ до присяги и на вѣрность конфедераціи“. Не явись при такихъ бѣдахъ Неживый, „то бы оные поляки, чтобъ похотѣли, то тобъ и здѣлали съ нами“,—прибавляютъ медвѣдовцы. Неживымъ и его дѣйствіями остались они очень довольны. О его же хозяйственныхъ войсковыхъ дѣлахъ они при этомъ отозвались такъ: „онъ отъ насъ громадъ требуетъ харчей для

[1]) Ibidem стр. 313.

войска, а грабительства не дѣлаетъ. И въ томъ мы ему атаману Семену Неживому свидѣтельство (даемъ) и подписуемся руками своими властными. Написуемъ кресты".

Добросовѣстное отношеніе Неживого къ крестьянскимъ громадамъ сдѣлалось даже достояніемъ народныхъ преданій. Такъ, въ „Запискахъ о южной Руси" Кулиша [1]) мы находимъ изъ народныхъ устъ разсказъ о томъ, какъ у крестьянина Билыка подъ Мошнами какой-то гайдамака изъ отряда Неживого отнималъ хорошаго коня. Билыкъ всячески старался укрыть коня, но въ концѣ концовъ гайдамака настоялъ на своемъ. Въ утѣшеніе Билыку гайдамака сказалъ: „ну, прийдешъ же у Каневъ, то тамъ Неживый тоби заплатыть". Билыкъ дѣйствительно пошелъ туда, засталъ уже Каневъ сгорѣвшимъ и съ большимъ трудомъ заявилъ Неживому свою претензію. Какъ разъ въ это время ватага Неживого занята была разрушеніемъ винокурни въ Нетеребкѣ (с. канев. у. при р. Роси) и вынимала изъ печи „казанъ". Неживый велѣлъ отдать Билыку за его коня этотъ казанъ. Не его вина, что послѣ его ухода владѣльцы винокурни, узнавъ, гдѣ казанъ, отняли его у Билыка. Отдавая казанъ, Неживый не считалъ его присвоеніе незаконнымъ: это было не крестьянское добро, а такое добро онъ не стѣснялся брать себѣ, какъ въ нашемъ документѣ онъ не считалъ себя не въ правѣ овладѣть одеждой пана Чеканскаго.

Всѣми приведенными данными, думаемъ, вполнѣ выясняется гуманное отношеніе Неживого къ народу, поднявшему возстаніе, и мы можемъ отмѣтить теперь еще другую особенность характеризуемаго нами ватажка. Эта другая его особенность—желаніе всячески устранять дѣйствія ватажковъ врозь, не по плану. Мысль о необходимости плана, организаціи сознавали, конечно, и другіе выдающіеся ватажки, но Неживый какъ то особенно сильно былъ проникнутъ этимъ сознаніемъ. Онъ какъ будто отчетливѣе другихъ понималъ, что, ведя только партизанскую войну, крестьянство рано или поздно натолкнется на значительныя организованныя силы враговъ и необходимо будетъ

---

[1]) Записки о юж. Руси Кулиша т. I, стр. 151—154.

ими подавлено. Много разъ, какъ намъ кажется, въ документахъ о Неживомъ выступаетъ эта черта его.

Такъ, въ изложенномъ выше большомъ документѣ изъ Кодненской книги Неживый прямо заявляетъ себя сегединской громадѣ сторонникомъ и единомышленникомъ Желѣзняка и зоветъ сегединцевъ къ нему. Самъ затѣмъ идетъ въ Лисянку, гдѣ, какъ онъ зналъ, былъ въ это время Желѣзнякъ, и тамъ отдаетъ ему большую часть людей своей ватаги, самъ же остается всего съ шестью человѣками; потомъ только его отрядъ опять пополнился вновь приставшими къ возстанію. Кромѣ того, зная, что основная цѣль стремленій большинства ватажковъ во всякомъ случаѣ была одна и та же, Неживый дѣйствуетъ нерѣдко за одно и съ другими ватажками, не только что съ Желѣзнякомъ: онъ готовъ былъ идти рука объ руку даже съ Гайдашемъ, хотя передъ тѣмъ этотъ послѣдній совершилъ дѣло, претившее нравственному чутью Неживого, а именно—ограбилъ тарасовскихъ крестьянъ. Очевидно, Неживому нужно было такъ или иначе направить довольно значительную ватагу Гайдаша въ подмогу Желѣзняку—и онъ этого достигъ. Затѣмъ изъ втораго кодненскаго документа видно, что по временамъ Неживый дѣйствовалъ совмѣстно съ ватажками Шелестомъ и Савкой, такъ какъ именно на этихъ двухъ ватажковъ и Неживого указали свидѣтели по дѣлу участника крестьянскаго движенія шляхтича Чоповскаго, какъ на общихъ руководителей его антишляхетскихъ преступленій, вполнѣ отвѣчавшихъ тогдашнему настроенію украинскаго люда.

Если затѣмъ, для провѣрки нашего вывода о стремленіи Неживого къ установленію солидарности между разными народными ватагами той поры, мы попробуемъ заглянуть въ давніе о немъ матеріалы, то и въ этихъ матеріалахъ найдемъ ясно выраженнымъ впечатлѣніе о Неживомъ, какъ о человѣкѣ, державшемся „гурту“, но къ сожалѣнію факты, которыми это подтверждается, не всегда оказываются вѣрными. Такъ, разсказываютъ, что, когда Желѣзнякъ, послѣ уманской рѣзни и уже послѣ прихода къ нему и Гонтѣ генералъ-майора Кречетникова, созналъ грозившую ему опасность и, похваляясь, что „не убере ёго, за-

порожця, москаль въ свои шоры", рѣшился бѣжать изъ своего лагеря, то при этомъ увлекъ онъ съ собою нѣсколькихъ выдающихся гайдамакъ и въ томъ числѣ будто бы и Неживого [1]).

Съ общимъ направленіемъ дѣятельности послѣдняго это, конечно, вполнѣ гармонировало бы, но все же данныя разсказа не вѣрны. И въ самомъ дѣлѣ, изъ данныхъ этихъ надо заключить, конечно, 1) что и въ уманской рѣзнѣ участвовалъ Неживый, разъ онъ былъ въ лагерѣ Желѣзняка, и 2) что тотъ же Неживый продолжалъ дѣйствовать совмѣстно съ Желѣзнякомъ и по уходѣ изъ лагеря, когда Желѣзнякъ двинулся изъ-подъ Умани по направленію къ Палѣеву Озеру, Балтѣ и Голтѣ. Между тѣмъ, обращаясь къ провѣркѣ этого, мы должны сказать, что Неживый не участвовалъ ни въ уманской рѣзнѣ, ни въ нападеніи на Палѣево Озеро, Балту и Голту. Что Неживый не участвовалъ въ уманской рѣзнѣ—это впервые отмѣтилъ Н. И. Костомаровъ, печатая свои документы о Неживомъ. Судя по датамъ приводимыхъ Костомаровымъ свидѣтельствъ о Неживомъ мошенцевъ, каневцевъ и медвѣдовцевъ, люди эти имѣли Неживого въ своихъ предѣлахъ чуть ли не въ теченіе всего іюня; такъ, мошенцы выдали ему свое свидѣтельство 15 іюня, каневцы 12 іюня, а медвѣдовцы 1 іюля. Между тѣмъ быть съ ними около этого времени онъ не могъ бы, если бы участвовалъ и въ уманской рѣзнѣ, и въ попойкахъ послѣ нея вплоть до бѣгства Желѣзняка, такъ какъ уманская рѣзня происходила 8 и 9 іюня, а попойки послѣ нея тянулись по крайней мѣрѣ до 18 іюня, когда Желѣзнякъ будто бы съ Неживымъ и другими бѣжалъ къ Палѣеву Озеру и пр. Кромѣ того, въ перепискѣ Румянцева мы находимъ прямое указаніе на то, что 9 іюня Неживый дѣйствовалъ въ Каневѣ [2]).

Датами же на другихъ документахъ Н. И. Костомарова доказывается невѣрность и другаго предположенія—будто Неживый былъ съ Желѣзнякомъ и въ Палѣевомъ Озерѣ, и въ Балтѣ, и въ Голтѣ. Нападенія гайдамакъ на эти мѣста случились послѣ 18

---

[1]) А. Скальковскій, Наѣзды гайдамакъ, стр. 110.

[2]) Переписка гр. Румянцева. „Кіевск. Стар." 1882 г., кн. 9, стр. 541.

іюня; на Голту, напримѣръ, напали они 24 іюня [1]). Между тѣмъ въ эти же дни какъ разъ Неживый писалъ письма изъ Медвѣдовки къ командиру гусарскаго полка Ѳедору Чорбѣ и подполковнику Хорвату о дѣлахъ Приднѣпровья, гдѣ тогда былъ. Случайности надо, поэтому, приписать то обстоятельство, что Н. И. Костомаровъ балтскіе и голтянскіе подвиги гайдамакъ приписалъ гайдамакамъ Неживого.

Но возвращаясь къ мысли о всегдашней заботѣ Неживого дѣйствовать по плану и соединенными силами, мы думаемъ, что она подтверждается гораздо больше, чѣмъ измышленными фактами, тѣмъ обстоятельствомъ, что Неживый, собравшись изъ Лисянки идти въ Умань за Желѣзнякомъ, на самомъ дѣлѣ двинулся въ староства черкасское и чигиринское. Дѣло въ томъ, что, когда въ Умань стеклось все польское панство Украины, искавшее только спасенія своей жизни и кой-какого имущества, могшее только защищаться, но не нападать, тогда въ названныя выше староства понашли барскіе конфедераты, люди активные, нападающіе, при чемъ они страшно тамъ неистовствовали, какъ это мы знаемъ изъ одного приведеннаго выше документа Н. И. Костомарова. Очевидно, Неживый, по соглашенію съ Желѣзнякомъ и другими выдающимися ватажками и по призыву мошенцевъ, каневцевъ и медвѣдовцевъ, долженъ былъ для вящшаго успѣха дѣла возстанія идти и покончить съ активнымъ врагомъ въ Приднѣпровьѣ, подобно тому, какъ такія же обязанности въ центрѣ Кіевщины и на сѣверѣ ея были возложены на ватажковъ Швачку и Бондаренка.

Отмѣтивъ, такимъ образомъ, и вторую характерную черту Неживого, мы не исчерпали этимъ личныхъ особенностей даннаго дѣятеля. И по приведеннымъ нами показаніямъ крестьянина Ботвиненка, и по нѣкоторымъ документамъ Н. И. Костомарова, онъ отличается отъ другихъ ватажковъ еще третьей выдающейся чертой: онъ ищетъ санкціи своимъ поступкамъ въ „указахъ“, которые онъ читаетъ присоглашаемымъ къ движенію людямъ, и упорно, до самаго арестованія своего, остается убѣжденнымъ,

---

[1]) Костомаровъ. Матеріалы... „Кіевск. Стар.“ 1882, 8, стр. 310.

что русскія власти непремѣнно должны сочувствовать чистой сторонѣ возстанія.

„Указы", на которые ссылался Неживый въ Сегединцахъ, онъ предъявлялъ всѣмъ и въ Каневѣ, какъ это видно изъ одного ордера графа Румянцева командиру карабинернаго полка Протасьеву [1]).

Но здѣсь мы на время прервемъ нашъ разсказъ о Неживомъ ради уясненія дѣла объ указахъ. Указы эти, какъ извѣстно, якобы исходили отъ самой императрицы Екатерины и, по версіи нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, были тайно даны ею игумену Мотронинскаго монастыря Мельхиседеку Значку-Яворскому при посѣщеніи имъ въ 1765 году Петербурга въ видахъ ходатайствъ о своемъ монастырѣ. Такъ точно объясняли себѣ появленіе даннаго указа и многіе украинцы, къ которымъ онъ относился. Изъ документовъ той поры мы знаемъ только о сущности мнимаго указа: въ немъ императрица приказывала якобы украинскому православному люду и запорожцамъ истреблять на Украинѣ всѣхъ гонителей православія—ляховъ и жидовъ. Но съ ходившимъ по рукамъ народа указомъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать измышленнаго поляками указа, напечатаннаго ими якобы во французскомъ переводѣ въ Парижѣ въ сборникѣ Ангенберга, заключающемъ дипломатическіе акты, относящіеся къ Польшѣ [2]). Приведемъ здѣсь по-русски это любопытное измышленіе.

С.-Петербургъ, 9/20 іюня 1768 г.

„Такъ какъ мы ясно видимъ, съ какимъ презрѣніемъ и безстыдствомъ поступаютъ поляки и жиды съ нами и съ нашей православной религіей, преслѣдуя защитниковъ нашей греческой вѣры, всячески ихъ тѣсня и наказывая смертію, то мы, не будучи болѣе въ состояніи терпѣть подобныя оскорбленія, подобное поношеніе и гоненіе нашей св. религіи, угнетенной и презираемой, даемъ этотъ указъ и повелѣваемъ Максиму Желѣзняку изъ земли Тимошевской, полковнику и командующему въ нашихъ

[1]) Переписка гр. Румянцева. „Кіев. Стар." 1882, кн. 9, стр. 540.

[2]) Костомаровъ, Матеріалы... „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 8, стр. 297.

земляхъ Низового Запорожья, вступить въ предѣлы Польши, взявши еще нѣсколько отрядовъ донскихъ козаковъ изъ нашихъ русскихъ войскъ, чтобы вырѣзать и уничтожить, съ помощью Божьею, всѣхъ поляковъ и жидовъ, хулителей нашей св. религіи. Этимъ средствомъ мы прекращаемъ всѣ жалобы, принесенныя нашему престолу на этихъ безжалостныхъ убійцъ, этихъ клятвопреступниковъ, которые, покровительствуя скверной вѣрѣ нечестивыхъ жидовъ, хулятъ и презираютъ нашу религію, угнетая народъ вѣрный и невинный. И такъ, мы приказываемъ, проходя Польшу, искоренить самое имя поляковъ, чтобы и память о нихъ не дошла до потомства. Но для того, чтобы договоры и дружба съ нашими сосѣдями были сохранены, мы запрещаемъ подъ самыми строгими наказаніями оскорблять или безпокоить купцовъ турецкихъ, греческихъ, армянскихъ и нашихъ русскихъ, которые проѣзжаютъ Польшу ради торговыхъ интересовъ; мы хотимъ даже, чтобы они всегда имѣли свободный пропускъ и всякаго рода помощь, какую можно получить отъ сосѣдей-друзей.

Для большей убѣдительности мы утверждаемъ этотъ приказъ и это позволеніе.

Дано въ С.-Петербургѣ, запечатано нашей гербовой печатью и подписано нашей собственной рукой 20 іюня 1768 года.

Екатерина.

Для исполненія

Кошевой атаманъ Петръ Кальнишевскій съ свидѣтелями".

По словамъ покойнаго Костомарова, подложность этого манифеста неоспоримо доказалъ г. Рева, переводчикъ польскаго мемуара Вероники Кребсъ объ уманской рѣзнѣ; мемуаръ этотъ былъ изданъ г. Ревой въ Кіевѣ въ 1879 году и снабженъ предисловіемъ. Въ предисловіи этомъ г. Ревой указано, во-первыхъ, что данная грамота Екатерины помѣчена въ сборникѣ Ангенберга 9-мъ іюня ст. ст. или 20 іюня н. ст., а между тѣмъ уманская рѣзня происходила 8—9 іюня [1]). Выходитъ, что грамота была выдана чуть не въ день уманской рѣзни, и Желѣзнякъ ужъ никакимъ образомъ не могъ при помощи грамоты набрать

---

[1]) Рева И. М. Уманская рѣзня, стр. 12—13.

свою ватагу въ апрѣлѣ и маѣ. Да, наконецъ, если грамота выдана 9 іюня 1768 года, прибавимъ мы, то ее никакъ не могъ привезти на Украину Мельхиседекъ Значко-Яворскій, который былъ въ Петербургѣ еще въ 1765 г. [1]). Отмѣтилъ г. Рева, разбирая документъ, и слишкомъ очевидную нелѣпость въ титулѣ Желѣзняка и кошевого Петра Кальнишевскаго. Первый названъ „полковникомъ и командующимъ нашихъ земель Низоваго Запорожья", а второй будто бы подписался „кошевой атаманъ Петръ Кальнишевскій съ свидѣтелями". На самомъ же дѣлѣ титула, придуманнаго для Желѣзняка, вовсе не существовало, кошевой же подписывался такъ: „Петръ Кальнишевскій, атаманъ кошовый войска запорожського съ атаманнею и со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариствомъ".

Конечно, по рукамъ у народа ходило не это польское невѣжественное измышленіе. Скорѣй всего оно даже появилось на свѣтъ чуть ли не въ годъ изданія сборника Ангенберга. Во время же коліивщины, очевидно, была распространена грамота иной фабрикаціи, болѣе доступной для народнаго пониманія. Объ этомъ есть кой какія свидѣтельства. Такъ, г. Скальковскій въ книгѣ своей „Наѣзды гайдамакъ" [2]), ссылаясь на вѣдомые ему акты запорожскаго архива, утверждаетъ, что впервые золотая грамота была предъявлена архимандритомъ Мельхиседекомъ кошевому Петру Кальнишевскому, что была она выдана именно кошевому и что въ ней „было изображено данное войску запорожскому повелѣніе—помогать всѣми средствами угнетенной церкви". Затѣмъ о впечатлѣніи, какое произвела грамота въ Кошѣ, Скальковскій говоритъ: „кошевой, обыкновенно не знающій грамоты, отдалъ указъ для прочтенія войсковому писарю Ивану Глобѣ; умный козакъ немедленно удостовѣрился въ подлогѣ и убѣдилъ кошеваго не вмѣшиваться въ это дѣло. Игумену данъ отвѣтъ: если бы великая монархиня потребовала въ самомъ дѣлѣ службы козаковъ, своихъ щиро-подданныхъ, то бы прислала свой указъ не чрезъ игумена, а чрезъ особаго посланца „якъ то изъ вѣковъ бувало въ Запорожьѣ".

---

[1]) Арх. ю.-з. Р., ч. I, т. II. Предисловіе, стр. XCIII—XCV.

[2]) А. Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 69—70.

Другое свидѣтельство о той же грамотѣ—графа Румянцева [1]), до котораго доходили вѣсти объ указѣ, при чемъ онъ слышалъ между прочимъ, что „онъ написанъ подъ титулой ея императорскаго величества, за подписомъ атамана куреннаго уманскаго, котораго имени не помнилъ, и за печатью кошеваго".

Изъ свидѣтельствъ этихъ видимъ, что золотая грамота не была выдана на имя Желѣзняка, видимъ и то, что она должна была отличаться большою простотой. Большая простота и отсутствіе грубыхъ книжныхъ выдумокъ въ титулахъ южно-русскихъ козацкихъ властей,—все это одинаково должно было отличать ходившій по рукамъ гайдамакъ документъ и въ томъ случаѣ, если бы составилъ его самъ Мельхиседекъ, какъ думаетъ г. Скальковскій и Тучапскій, польскій мемуаристъ [2]), и въ томъ, если бы, какъ думаетъ другой польскій мемуаристъ Мощинскій и покойный Соловьевъ, составилъ грамоту экономъ переяславскаго архіерея, какой-то игуменъ, племянника котораго незадолго до полнаго взрыва крестьянскаго движенія весной 1768 г. поляки посадили на колъ [3]). Игуменъ этотъ, будто бы въ отмщеніе полякамъ за это дѣло, при помощи сочиненной имъ подложной грамоты, содѣйствовалъ скорѣйшему проявленію движенія въ народѣ, возмущенномъ неистовствомъ барскихъ конфедератовъ и пропагаторовъ уніи. Простотой, долженъ былъ бы, наконецъ, отличаться интересующій насъ документъ и въ томъ случаѣ, если бы изготовителемъ его былъ монахъ Мотронинскаго монастыря, по прозванію Молдаванъ, какъ это слышалъ М. А. Максимовичъ. По утвержденію его [4]), херсонскій архіерей Иннокентій, въ бытность свою викаріемъ кіевской митрополіи, былъ однажды въ Мотронинскомъ монастырѣ при обозрѣніи своей паствы и тамъ засталъ въ живыхъ одного современника Мельхиседека. Старикъ этотъ разсказалъ Иннокентію о Молдаванѣ,

---

[1]) Переписка гр. Румянцева. „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 9, стр. 544.

[2]) Bunt haidamakow na Ukrainie. Lippomana Tuczapskiego i bezimiennego, стр. 124.

[3]) Adam Moszczynski. Pamiątnik, стр. 135; Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XXVII, стр. 306—307.

[4]) Арх. ю.-з. Р., т. II, ч. I. Предисл., стр. XXXVII. Примѣчаніе.

который принималъ личное участіе при устроеніи Мельхиседекомъ аптеки и подъ его руководствомъ дѣлалъ надписи на аптечныхъ сосудахъ съ травами и другими лѣкарствами. Молдаванъ этотъ, по разсказу того же старика, былъ еще при жизни Мельхиседека писаремъ архіерейскимъ и тогда то написалъ интересующую насъ золотую грамоту [1]).

Но кто бы ни былъ составителемъ золотой грамоты, она во всякомъ случаѣ въ томъ или иномъ видѣ существовала, и въ 1768 г., да и позже, многіе принимали ее за подлинный указъ Екатерины II. За подлинную признавали ее и польскіе историки, какъ напр. Моравскій и Шуйскій [2]); но были между поляками и люди, отвергавшіе возможность для Екатерины II при ея отношеніи къ Рѣчи Посполитой сочувствовать гайдамацкому движенію 1768 г.: къ числу такихъ относятся авторы мемуаровъ о той порѣ, Липпоманъ и Моцинскій. Самъ гр. Румянцевъ, когда впервые стали доходить до него слухи о какомъ то невѣдомомъ ему указѣ Екатерины II, былъ сильно смущенъ и, повидимому, готовъ былъ допустить, что такой указъ былъ. Такъ, въ одномъ изъ донесеній императрицѣ онъ писалъ о своемъ затруднительномъ положеніи такъ: „.... но теперь, поелику не знаю, чтобъ отъ вашего императорскаго величества даны были на сей случай какія особыя повелѣнія запорожскимъ козакамъ, въ моей командѣ находячимся, а по поступкамъ ихъ считая быть каковой либо разбойнической партіи, воспріялъ я сіи мѣры“.... и пр. [3]). Отчасти то же сомнѣніе звучитъ и въ предписаніи графа

---

[1]) Приведемъ здѣсь для полноты и народное преданіе о составителѣ золотой грамоты. Беремъ его въ Запискахъ о южной Руси г. Кулиша. „Ляхи взялыся гнать на благочестіе. „Чого воны“, кажуть, на нашій земли живуть, а благочестивого государя поминають?“ И давай головки лупыть благочестивымъ. Ото спалылы першъ титаря въ Мліеви, а дали й хуторкы чернечи мотроненськи попалылы. А въ тому монастыри бувъ гуменъ.... охъ, забувъ же я, якъ его звалы. Бачыть, що лыхо ляхы роблять, полуплять головы благочестивымъ, а пысака добрый бувъ, та якъ удравъ *золоту грамоту!* А Максимъ Зализнякъ прыихавъ на поклоненіе, а винъ ему й пиднисъ: „велыкъ свитъ государыня велыть ризать жыда й ляха до ногы, щобъ и не смердилы на Вкраини“. Якъ гукнувъ Зализнякъ на охотныка, такъ и повалывъ народъ,—уся Смилянщина й Чигиринщина. Якъ пишлы вынныкы, то—що, *тогди вже велила маты и валъ браты* (Записки о южн. Р., ч. I, стр. 149).

[2]) Morawski. Dzieje polski. V. 87. Ios. Szujskiego Dzieje polski, IV, 440.

[3]) Переписка гр. Румянцева. „Кіев. Стар.“ 1882 г., кн. 9, стр. 543.

Румянцева командиру карабинернаго полка Протасьеву, который былъ отправленъ подъ Каневъ противъ отряда Неживого. Въ предписаніи этомъ, между прочимъ, читаемъ [1]): „.... овладѣть ими (козаками Неживого) и тогда требовать у нихъ того указу, который они тамъ объявляютъ о присылкѣ своей; а когда бъ таковое сходственное письмо вѣроятно бы они предъявили, то оное заразъ отправилъ бы, при своемъ рапортѣ, чрезъ полковую канцелярію штафетомъ ко мнѣ по почтѣ, держа до резолюціи подъ рукою запорожцевъ“ или вѣрнѣе крестьянъ ватаги Неживого. „А когда, продолжалъ затѣмъ Румянцевъ—таковаго письменнаго вида не покажутъ или явится сомнительнымъ, или видимо ложный, то ихъ всѣхъ запорожцевъ токмо перехвативъ, возвратиться съ оными“ и т. д. Теряясь въ догадкахъ, Румянцевъ въ предписаніи кошевому Кальнишевскому наконецъ прямо спрашиваетъ послѣдняго по поводу разгрома, произведеннаго Неживымъ въ Каневѣ, „не дано ли письменнаго какого приказанія или самовольно и злодѣйскимъ образомъ такая шайка вышла“ [2]).

Но Румянцевъ, какъ и другіе чиновники той поры и люди культурные, вращавшіеся въ сферѣ распространенія всякаго рода подлинныхъ документовъ, вскорѣ могли смѣло не вѣрить въ существованіе указа Екатерины II Желѣзняку ли или Кальнишевскому—объ избіеніи поляковъ и жидовъ въ Украинѣ. 9 іюля 1768 г. былъ Екатериной II изданъ манифестъ, подлинность котораго уже несомнѣнна и который для опубликованія былъ присланъ изъ Петербурга Румянцеву. Манифестъ этотъ есть полное отрицаніе императрицей всякаго сочувствія съ ея стороны гайдамацкому движенію. Въ немъ между прочимъ читаемъ [3]): „никто нами не посылался въ Польшу для того, чтобы поднимать на бунтъ нашихъ единовѣрцевъ противъ ихъ согражданъ другихъ исповѣданій“. „Лица, выдающія себя за отрядъ нашего вѣрнаго низоваго запорожскаго войска, будто отправленный нами, въ дѣйствительности суть разбойники, воры и нару-

[1]) Ibidem, стр. 540.

[2]) Ibidem, стр. 545.

[3]) Манифестъ и-цы Екатерины II. „Кіев. Стар.“ 1882 г., кн. 5, стр. 308—311.

шители общественнаго спокойствія". Наконецъ, „всѣ таковые разбойники, читаемъ дальше, отъ военныхъ нашихъ командъ повсюду будутъ преслѣдуемы въ конецъ и, послѣ поимки, будутъ представлены всѣ безъ изъятія въ надлежащій судъ для понесенія справедливой кары".

Недостаточность тогдашнихъ средствъ для оглашенія даже казенныхъ документовъ и, особенно, затруднительность такого оглашенія въ тогдашней Рѣчи Посполитой, лишенной правильной администраціи—все это повело къ тому, что подлинный манифестъ русской императрицы не достигъ слуха многихъ изъ тѣхъ, къ кому онъ относился, и даже оказался затерявшимся для массы польской интеллигенціи. Довольно сказать, что даже для науки онъ впервые вынырнулъ на свѣтъ Божій только въ 1882 г., когда лицо, нашедшее его въ рукописяхъ львовскаго института Оссолинскихъ, сообщило его „Кіевской Старинѣ". Можемъ ли удивляться поэтому, что и послѣ дѣйствительнаго манифеста Екатерины II между народомъ все еще жила вѣра въ старую золотую грамоту, содержанію которой обездоленный людъ сочувствовалъ. Но объ этомъ намъ еще прійдется вести рѣчь, а теперь послѣ столь длиннаго отступленія вернемся къ интересующему насъ Семену Неживому.

И онъ, какъ масса неграмотнаго люда той поры, искренно вѣрилъ въ сочувствіе царицы гайдамацкому движенію,—это мы уже знаемъ. Поднимая народъ на возстаніе, онъ ссылался при этомъ чаще другихъ ватажковъ на золотую грамоту Екатерины, какъ это видно и изъ нашего документа, и изъ переписки Румянцева по дѣлу о каневскомъ разореніи. И такая вѣра Неживого въ то, что царица на сторонѣ народнаго движенія, сказалась въ рядѣ его поступковъ. Такъ, напавши съ своей ватагой на городъ Крыловъ польскій и, не найдя тамъ „а ни единого поляка, также якъ и жида" и узнавъ, что всѣ они укрылись въ Крыловѣ русскомъ, гдѣ стоялъ съ своимъ отрядомъ подполковникъ Хорватъ, Неживый, страшно этимъ возмущенный, прямо заявилъ Хорвату [1]): „не знаемъ, съ какой причины ваше высоко-

[1]) Костомаровъ. Матеріалы для исторіи Коліивщины. „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 8, стр. 309.

родіе онымъ погано-невѣрнымъ врагамъ и непріятелямъ ея императорскому величеству, также жъ и правовѣрнымъ христіанамъ принимаете; понеже оные проклятые жидове ввесь народъ христіанскій своимъ поганствомъ сквернятъ, то хиба вашему высокородію великое награжденіе зделали, что оныхъ принимаете? за что? Просимъ отъ оныхъ все имущество отобрати и на сю сторону къ намъ выдать, хоча и сонныхъ. Не за имущество втруждаемся, только абы вѣра христіанская отъ нихъ не была большъ скверненная и чтобы не было враговъ на государство, также жъ и на правовѣрныхъ христіанъ". Въ случаѣ же нежеланія Хорвата выдать поляковъ по письменному заявленію, Неживый просилъ его, прежде чѣмъ вовсе ему отказать, повидаться съ нимъ, выѣхавъ для этой цѣли на половину гребли.

Такого рода обращеніе къ россійскому офицеру было возможно со стороны Неживого при полной его увѣренности, что только по недоразумѣнію Хорватъ могъ дать въ русскихъ предѣлахъ убѣжище врагамъ православія—полякамъ и жидамъ. Для него, поэтому, совершенно непонятнымъ оставалось и то, какъ въ просьбѣ его о выдачѣ общихъ враговъ могли отказать. Между тѣмъ это именно случилось. На свиданіе съ Неживымъ выѣхалъ „до половины гребли" съ небольшимъ отрядомъ не самъ Хорватъ, а поручикъ князь Иванъ Манвеловъ. Неживый же встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью. На повторенное требованіе выдать ему жидовъ и поляковъ, Манвеловъ отвѣчалъ, что „тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оные въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно" [1]). Какъ это могли быть у русскихъ офицеровъ подъ защитой люди, которыхъ, судя по золотой грамотѣ, русская императрица велѣла вырѣзать „до ноги",—Неживый не могъ понять, и ему казалось, что все разъясненіе въ взяткѣ. „Хиба вашему высокородію (Хорвату) великое награжденіе зделали, то оныхъ (поляковъ и жидовъ) принимаете?"—писалъ онъ поэтому.

А еще ранѣе Семенъ Неживый обращался изъ Медвѣдовки къ командиру гусарскаго полка Өедору Чорбѣ съ заявленіемъ,

---

[1]) Ibidem, стр. 315.

что онъ разогналъ уже конфедератовъ, „которые народу христіанскому великія бѣды и разоренія дѣлали“, и при этомъ испрашивалъ указаній на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. „Теперича, писалъ онъ, содержусь въ Медвѣдовцѣ со всею своею командою и ожидаю отъ вашего высокородія милостивой резолюціи: что мнѣ впредь поступать“ [1]).

Ясно, что такъ могъ обращаться къ россійскимъ офицерамъ только человѣкъ, вполнѣ увѣренный, что дѣлаетъ онъ дѣло, одобряемое русскимъ правительствомъ.

Но что особенно поражаетъ при чтеніи приведенныхъ только что заявленій Неживого,—такъ это то, что онъ все продолжалъ считать свое дѣло дѣломъ, пріятнымъ и русскому правительству, даже и послѣ захвата генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ гайдамакъ подъ Уманью. Приведенное письмо къ командиру гусарскаго полка Ѳедору Чорбѣ было, напримѣръ, написано 21 іюня, а переговоры о выдачѣ поляковъ и жидовъ изъ Крылова велись и того позже. Неужто же въ это время Неживый не имѣлъ еще вѣстей о дѣйствіяхъ Кречетникова подъ Уманью, случившихся не позже 18 іюня? Вѣроятнѣе, что свѣдѣнія эти были уже у Неживого и его ватаги, и если онъ по прежнему считалъ, что его дѣло санкціонируется русскими властями, то ужъ не потому ли, что между своею дѣятельностью и поступками Желѣзняка и Гонты онъ готовъ былъ видѣть нѣкоторую разницу. Онъ понималъ, конечно, что и эти послѣдніе вожаки гайдамакъ, да и другіе, преслѣдуютъ извѣстныя общественныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и у Желѣзняка, и у другихъ видѣлъ и другое проявленіе—жажду личнаго обогащенія и нестрогое отношеніе къ грабежамъ и насиліямъ, совершаемымъ ихъ ватагами; самъ же Неживый былъ далекъ отъ этихъ вторыхъ побужденій и насилій всякаго рода не оправдывалъ. Быть можетъ, поэтому, онъ счелъ, что произведенный генераломъ Кречетниковымъ захватъ гайдамакъ подъ Уманью былъ именно возмездіемъ Желѣзняку со стороны русскаго правительства за рядъ разбойничьихъ дѣяній его ватаги, а такъ какъ самъ онъ, Неживый, ни въ чемъ подобномъ

---

[1]) Ibidem, стр. 306 и 307.

повиненъ не былъ и дѣйствовалъ всегда, руководясь только общественными цѣлями, то онъ и считалъ, что можетъ обращаться къ русскимъ властямъ, какъ къ своимъ естественнымъ союзникамъ, нерасположенія которыхъ онъ не заслужилъ. Основываемъ мы такое наше предположеніе на томъ обстоятельствѣ, что Неживый именно послѣ несчастія Желѣзняка и Гонты счелъ нужнымъ, испрашивая себѣ у командира гусарскаго полка Ѳедора Чорбы указаній на счетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій, приложить къ своему письму приведенныя нами выше свидѣтельства мошенцевъ, каневцевъ и медвѣдовцевъ о томъ, что онъ, Неживый, ихъ не грабилъ и вообще народу христіанскому никакой обиды не чинилъ. Безъ приводимаго объясненія представленія Неживымъ свидѣтельствъ остались бы совершенно непонятными.

Этимъ мы заканчиваемъ наши указанія относительно третьей характерной черты Семена Неживого—его безпредѣльной вѣры въ одобреніе его дѣла и въ сочувствіе ему русскаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ заканчиваемъ и вообще нашу характеристику Неживого, этого наиболѣе идейнаго ватажка гайдамацкаго движенія 1768 года.

Намъ только остается отмѣтить еще нѣсколько неясныхъ чертъ біографіи этого дѣятеля. Родомъ онъ былъ изъ с. Мельниковки, недалеко отъ Мошенъ, [1]) и по ремеслу былъ гончаромъ, но не самостоятельнымъ хозяиномъ, а только наймытомъ у другого гончара, какого то Артема. Въ перепискѣ съ властями русскими онъ вездѣ называетъ себя запорожскимъ атаманомъ уманскаго куреня, но былъ ли онъ таковымъ въ дѣйствительности—данныхъ для провѣрки нѣтъ, какъ нѣтъ данныхъ и относительно того, входили ли въ ватагу въ большомъ числѣ запорожцы, какъ это заключилъ гр. Румянцевъ, называя всѣхъ его гайдамакъ запорожцами [2]). Быть можетъ, дѣйствительно запорожцевъ при Неживомъ было больше, чѣмъ при другихъ ватажкахъ, разъ онъ былъ человѣкъ вполнѣ идейный, и потому, вѣроятно, наиболѣе симпатичный и запорожцамъ, знавшимъ

[1]) Bunt haidamakow na Ukrainie. Pamiętnik Łippomana, стр. 9.

[2]) Переписка гр. Румянцева. „К. Ст.“ 1882, кн. 9, стр. 544, 545 и др.

границу между разбоемъ и политическимъ возстаніемъ [1]). Они могли пристать къ нему на томъ же основаніи, на какомъ, очевидно, присталъ къ нему шляхтичъ Чоповскій, отрѣшившійся отъ своей среды ради участія въ истребленіи гнусныхъ порядковъ и за это подвергнутый военно-судною кодненскою коммиссіей наиболѣе лютой казни—посаженію на колъ. Да и изъ показаній запорожца—гайдамаки Ѳедора Бондаренка, показаній, приводимыхъ Скальковскимъ въ его „Наѣздахъ гайдамакъ" [2]), видно, что въ составъ ватаги Неживого входили „добрые поселяне, бросившіе свои жилища, семейства и имущества"— ради высокихъ цѣлей защиты своей вѣры и независимости, прибавимъ отъ себя. Запорожцамъ, давнимъ выразителямъ украинскихъ идеаловъ, естественно было поэтому также быть въ отрядѣ Неживого.

О концѣ Неживого согласно повѣствуютъ три источника: отмѣченныя только что показанія Ѳедора Бондаренка, народное преданіе [3]) и мемуаръ Липпомана [4]). Неживый оказывается арестованнымъ командиромъ гусарскаго полка Ѳедоромъ Чорбой, которому онъ довѣрялъ, считая свое дѣло и дѣло представителей русскаго правительства тождественными. Ѳедоръ Чорба, прійдя въ с. Галагановку, хитростью заманилъ къ себѣ Неживого отдѣльно отъ его ватаги, дѣлая видъ, будто хочетъ вести съ нимъ переговоры, и когда Неживый пришелъ къ нему, онъ его предательски схватилъ. Въ народномъ преданіи Чорба названъ Щербой и арестованіе Неживого представлено тамъ случившимся на греблѣ, что, быть можетъ, есть результатъ смѣшенія обстоятельствъ ареста Неживого съ прежнимъ свиданіемъ его на греблѣ съ поручикомъ княземъ Манвеловымъ.

Наконецъ, еще одно народное преданіе разсказываетъ, что Неживый, пока былъ еще гончаромъ у Артема, „все було каже: я хочъ на одынъ день, а буду паномъ". Теперь послѣ приведен-

---

[1]) Въ большинствѣ случаевъ, какъ увидимъ далѣе, запорожцы, избѣгая большихъ ватагъ, участвовали въ загонахъ и вели партиз. войну впрод. всего возстанія.

[2]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 120.

[3]) Кулишъ. Записки о юж. Руси. Ч. I, стр. 278.

[4]) Bunt hajdamakow. Pamiętnik Lippomana, стр. 18.

ной нами выше характеристики Неживого по даннымъ о его дѣятельности, мы можемъ заключить, что не о заурядномъ шляхетскомъ панствѣ могъ онъ мечтать и что онъ только страстно желалъ имѣть возможность устроить въ своемъ краѣ порядокъ, отвѣчающій его убѣжденіямъ. Быть можетъ, нѣкоторымъ оправданіемъ такого нашего предположенія можетъ служить слабый намекъ въ документахъ на то, что въ отнятомъ у поляковъ Каневѣ онъ завелъ свои экономическіе порядки. Такъ, въ донесеніи императрицѣ Екатеринѣ о каневскомъ [1]) дѣлѣ Румянцевъ писалъ 19 іюня 1768 г.: „Губернаторъ (каневскій) Новицкій показалъ... что, когда изъ мѣстечка Канева полковникъ Зеллеръ съ жолнерами бѣжали за границу россійскую, то запорожцы гнались за ними по Днѣпру лодками и, настигши, нѣкоторыхъ предали смерти, и возвратясь живутъ и до днесь въ мѣстечкѣ Каневѣ, *учреждая тамъ порядки экономическіе, къ чему уже и опредѣленъ отъ нихъ экономомъ изъ тамошнихъ жителей городовой писарь греческаго исповѣданія*“.

Яковъ Швачка.

Гайдамацкій ватажокъ *Яковъ Швачка* игралъ въ движеніи 1768 года не менѣе важную роль, чѣмъ и два предъидущіе. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ не только польскіе мемуаристы той поры, но и народныя пѣсни. Нужно однако помнить, что и тѣ, и другія даютъ намъ о немъ свѣдѣнія далеко неполныя и неточныя, причемъ неполнота и неточность свѣдѣній мемуаристовъ должны быть объяснены тѣмъ, что главная дѣятельность Швачки сосредоточена была въ мѣстности, гдѣ не было или почти не было интеллигентныхъ наблюдателей, вслѣдствіе бѣгства оттуда всего шляхетства, и писали о немъ по слухамъ издалека, а фактическія недостатки въ пѣсняхъ—обычное естественное явленіе народныхъ поэтическихъ произведеній, цѣнность которыхъ заключается не въ документальной точности, но въ цѣльности даваемыхъ ими образовъ и въ вѣрности передачи настроенія народа въ тѣ или другіе моменты исторической жизни.

---

[1]) Переписка гр. П. А. Румянцева. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., кн. 9, стр. 542.

Чтобы устранить изъ матеріаловъ о Швачкѣ всякія невѣрности, нужны, конечно, документальныя данныя о той порѣ. Какъ кажется, имѣющіяся у насъ судебныя дѣла изъ Кодненской книги могутъ послужить отчасти для этихъ цѣлей.

Прежде всего намъ важно знать, гдѣ была сосредоточена дѣятельность Швачки и много ли людей было въ его ватагѣ. На такого рода вопросы отвѣчаетъ намъ бывшее въ кодненскомъ судѣ дѣло Олексы Яхименка [1]).

Олекса Яхименко родился и жилъ въ селѣ Яцкахъ въ Васильковщинѣ. Во время крестьянскаго движенія присталъ къ ватагѣ Швачки, когда этотъ послѣдній появился въ Фастовѣ и сталъ зазывать къ себѣ козаковъ изъ ближайшей округи. Впервые въ возстаніи Олекса Яхименко принялъ участіе, когда вся ватага Швачки двинулась въ с. Гребинки въ той же Васильковщинѣ (с. васильк. у. при рч. Роткѣ къ с. отъ Бѣлой Церкви). Тамъ Яхименко убилъ пятерыхъ шляхтичей, причемъ изъ убитыхъ этихъ зналъ онъ только двухъ, пана Симашка и пана Кондрацкаго, остальные же были ему неизвѣстны даже по имени. Потомъ Яхименко принималъ еще участіе въ убійствѣ васильковскаго губернатора Сташевскаго и его мазура Стангрила. Что же до убійствъ въ Фастовѣ, куда ватага Швачки снова вернулась, то ихъ, по показанію Яхименка, совершено тамъ безъ счету. Изъ Фастова Швачка двинулся къ Бѣлой Церкви, куда, какъ извѣстно, попрятались тѣ изъ окрестныхъ пановъ, которые не успѣли уѣхать въ Бѣлостокъ и другія, болѣе безопасныя убѣжища. Впрочемъ обстоятельства показали, что Бѣлая Церковь, благодаря своему замку, расположенному на горѣ, окруженной валами, оказалась пунктомъ довольно надежнымъ въ смыслѣ убѣжища. По крайней мѣрѣ уже Желѣзнякъ послѣ слабой попытки отказался отъ мысли овладѣть ею и предпочелъ продвинуться на югъ. Теперь снова Швачка не рѣшился аттаковать этого города, хотя въ отрядѣ его было, по показаніямъ Яхименка, не менѣе 1000 человѣкъ; Яхименко при этомъ прямо говоритъ, что страхъ удержалъ гайдамакъ отъ аттаки. Отсту-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 49, 5.

пили они къ с. Блощинцы (с. васильковскаго у. при рч. Узинѣ, къ В. отъ Бѣлой Церкви) и тутъ наткнулись на москалей, очевидно—на отрядъ полковника Протасьева. Кто изъ насъ,—говоритъ Яхименко,—погибъ въ побоищѣ, кто убѣжалъ, человѣкъ же 500 было забрано въ Кіевъ, гдѣ насъ держали около года, а потомъ однихъ отправили въ ссылку, а другихъ отпустили". Яхименко былъ въ числѣ послѣднихъ и изъ Кіева вернулся въ Яцки къ отцу, а тамъ былъ арестованъ паномъ Кондрацкимъ, сына котораго онъ убилъ. Военно-судная кодненская коммиссія приговорила его къ двумъ ударамъ ремнемъ и обезглавленію.

Изъ изложеннаго мы прежде всего видимъ, что Швачка дѣйствовалъ по всей Васильковщинѣ, начиная отъ Фастова и кончая Блощинцами.

Свѣдѣнія эти подтверждаются одною изъ реляцій графа Румянцева о дѣйствіяхъ посланнаго имъ противъ гайдамакъ отряда полковника Протасьева. По словамъ реляціи [1]), Протасьевъ, пройдя въ „Польшу", наткнулся на два значительныхъ скопища гайдамакъ—на одно подлѣ села Блощинцы и на другое—подъ Богуславомъ. Оба скопища онъ, Протасьевъ, разбилъ, причемъ оказалось, что ватагой въ Блощинцахъ командовалъ ватажокъ Журба, а въ Богуславѣ—Швачка. Послѣднее какъ будто не сходится съ приведенными показаніями Яхименка, который не говоритъ о Журбѣ, а только о Швачкѣ, но это произошло, вѣроятно, оттого, что вся ватага называлась ватагой Швачки и только въ послѣдній моментъ ея существованія Швачка раздѣлилъ ее на-двое, причемъ въ отдѣленной меньшей части ватажкомъ поставилъ Журбу.

Такое предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Швачка имѣлъ у себя, по словамъ Яхименка, при подступѣ къ Бѣлой Церкви до 1000 человѣкъ, между тѣмъ, по реляціи Румянцева, Протасьевъ въ Блощинцахъ имѣлъ дѣло съ 300 гайдамаковъ и подъ Богуславомъ тоже съ нѣсколькими сотнями, что въ общей сложности и могло дать до тысячи душъ. Совсѣмъ невѣрно въ по-

---

[1]) Реляція эта приведена у М. А. Максимовича. См. Сочиненія его, т. I, стр. 615—616.

казаніяхъ Яхименка только число плѣненныхъ Протасьевымъ; онъ опредѣляетъ это число въ 500 человѣкъ. Между тѣмъ по реляціи Румянцева подъ Блощинцами убито было 30 гайдамакъ да поймано 64, а подъ Богуславомъ—68; итого, значитъ, плѣнено—132 человѣка. Цифрамъ же этимъ, какъ кажется, можно больше вѣрить, чѣмъ цифрѣ Яхименка, такъ какъ, конечно, не въ интересахъ Румянцева, а тѣмъ болѣе Протасьева, было уменьшить число гайдамакъ, взятыхъ русскими въ плѣнъ.

Но ограничивъ районъ дѣятельности Швачки одной Васильковщиной, мы тѣмъ самымъ вступаемъ въ противорѣчіе съ извѣстнымъ утвержденіемъ польскихъ мемуаристовъ, будто Швачка былъ сподвижникомъ Желѣзняка и Гонты въ Умани, и будто онъ вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ 18 іюня, какъ и Неживый, бѣжалъ оттуда послѣ того, какъ Желѣзнякъ понялъ, что ген.-маіоръ Кречетниковъ затѣваетъ противъ него что-то недоброе. Но такое противорѣчіе можетъ, кажется, насъ не стѣснять. Польскіе мемуаристы для приданія большей грандіозности уманской рѣзнѣ могли вписать въ товарищи Желѣзняку и Гонтѣ цѣлый рядъ людей, а въ томъ числѣ и Швачку.

Между тѣмъ соучастіе Швачки въ уманской рѣзнѣ прямо должно быть отрицаемо на основаніи реляціи графа Румянцева отъ 15 іюля 1768 г. [1]), въ которой между прочимъ читаемъ: ...„который (Швачка) послѣ допросовъ показалъ, что они будто отъ Запорожскаго полковника Максима Желѣзняка съ атаманомъ Неживымъ посланы по всей польской Украинѣ для истребленія поляковъ и жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ истребили, а Желѣзнякъ сію посылку якобы чинилъ по указу; въ ватагу же приставали польскіе разнаго званія люди и козаки; третья же партія (первая Швачки, вторая Журбы), по показанію сего пойманнаго атамана (Швачки), съ атаманомъ Неживымъ, нынѣ находится въ Чигиринѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Умани“.

Не очевидно ли, что если бы Швачка вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ бѣжалъ изъ-подъ Умани 18 іюня совершенно разбитый,

---

[1]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 646.

то онъ не могъ бы уже къ началу іюля собрать ватагу въ 1000 душъ, перебить съ нею массу шляхтичей и жидовъ и затѣмъ несообщить на допросѣ все вышеприведенное о Желѣзнякѣ и Неживомъ? Ясно—все это могъ сказать Швачка только при условіи, что онъ не былъ подъ Уманью вовсе и свое назначеніе дѣйствовать самостоятельно въ указанной мѣстности получилъ отъ Желѣзняка еще до уманской рѣзни, равно какъ и Неживый. А что допросъ Швачки и ранѣе его поимка случились именно въ началѣ іюля—это доказывается ссылкою Румянцева въ своей реляціи на рапортъ Протасьева отъ 9 іюля.

Ограничивая дѣятельность Швачки васильковскимъ или бѣлоцерковскимъ райономъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не ведемъ его и въ Смѣлянщину. О пребываніи Швачки въ этой послѣдней и о поимкѣ его русскими подъ Смѣлой въ лозахъ заключилъ впрочемъ только г. Кулишъ [1]) со словъ своего разскащика Кондрата Таранухи Смѣлянскаго, который, говоря о гибели Швачки, выразился такъ: „тогда стійчыки, що замку стереглы, застукалы йихъ *отъ-тутъ* въ лозахъ". Но въ данномъ случаѣ, по справедливому утвержденію Максимовича [2]), это своего рода licentia poëtica, тѣмъ больше, что тотъ же Тарануха въ пѣснѣ о Швачкѣ пѣлъ, что его повезли изъ Богуслава.

По уясненіи вопроса о мѣстѣ дѣятельности Швачки, о времени взятія его въ плѣнъ и о числѣ его ватаги, мы далѣе естественно больше всего интересуемся тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Что завѣтной цѣлью его было добыть такое крупное польское гнѣздо, какъ Бѣлая Церковь, гдѣ спряталось не мало шляхты и жидовъ—это очевидно и изъ тѣхъ документовъ, которые мы выше привели. Но за явной невозможностью осуществить эту цѣль даже при тысячной ватагѣ. Швачка, очевидно, выжидалъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и, выжидая, истреблялъ шляхту и жидовъ исподволь, по мѣрѣ того, какъ ему ихъ доставляли крестьяне той округи, гдѣ онъ дѣйствовалъ. Устроилъ онъ свою главную квартиру, такъ сказать, въ Фастовѣ, и туда то были

---

[1]) Кулишъ. Записки о Южн. Руси т. І. Оглавленіе XVI и текстъ стр. 135.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. І, стр. 615.

приволакиваемы на убійство шляхтичи и жиды обоего пола и разныхъ возрастовъ. Въ книгѣ кодненскаго суда есть нѣсколько указаній относительно такой дѣятельности крестьянъ. Такъ, крестьянинъ села Скреловки Олекса Кочубай [1]) былъ поставленъ своей громадой на „сторожу", чтобы изловить собиравшихся убѣгать шляхтичей, супруговъ Ольшевскихъ и зятя ихъ Русецкаго съ женой и четырьмя дѣтьми. Кочубай дѣйствительно устерегъ ихъ, и тогда крестьяне той же Скреловки, Василій Ющенко и Кузьма Ткаченко, по распоряженію громады, отвезли ихъ въ Фастовъ; за это громада черезъ Кузьму Антоненка уплатила каждому по 7 копеекъ. На военно-судной коммиссіи всѣ три, конечно, были приговорены къ обезглавленію рукою палача. Кромѣ того, Ткаченко Павло, сынъ Нечипора ткача, изъ села Веприка, будто бы помогъ гайдамакамъ, везшимъ поляка на убійство въ Фастовъ, поймать вырвавшагося у нихъ коня, а потомъ, когда гайдамаки зашли пить горилку въ шинокъ, стерегъ шляхтича, оставшагося на возѣ. Этотъ Ткаченко попалъ на кодненскій судъ, благодаря доносу эконома своего села и почему-то цѣлой громады. Военно-судная коммиссія однако остановила это дѣло ad resolutionem. Когда Ющенко и Кузьма Ткаченко привезли Ольшевскихъ и Русецкихъ въ Фастовъ, Швачка всѣхъ ихъ поубивалъ, кромѣ двухъ дѣвочекъ. Этимъ онъ даровалъ жизнь, но велѣлъ окрестить.

Устроивъ въ Фастовѣ настоящую человѣческую бойню, на которой, по свѣдѣніямъ кодненской военно-судной коммиссіи, въ короткое время было заклано 700 человѣческихъ жертвъ [2]), Швачка долженъ былъ позаботиться о томъ, какими силами хоронить трупы, чтобы они не заражали воздуха при гніеніи, да и о томъ, какъ вести процессъ убиванія. О преданіи труповъ землѣ естественно должна была заботиться и фастовская громада. Свѣдѣнія на этотъ счетъ мы получаемъ изъ бывшаго на кодненскомъ судѣ дѣла нѣкоего Грицька Васюка. Оказывается, что при убиваніи своихъ жертвъ Швачка завелъ такой порядокъ:

---

[1]) Кодн. кн. стр. 538—539.

[2]) Кодн. кн. стр. 419—420.

каждаго привезеннаго шляхтича онъ собственноручно билъ по лбу тяжелымъ обухомъ и затѣмъ уже омертвѣлаго отдавалъ добивать своимъ гайдамакамъ. Тѣ производили окончательную расправу и при этомъ сдирали съ труповъ и цѣнныя вещи, и все вплоть до сорочки; цѣнныя вещи чаще попадались на жидахъ зашитыми въ платье. Преданіемъ же труповъ землѣ гайдамаки да и крестьяне считали унизительнымъ для себя заниматься— и для этого дѣла фастовская громада созывала „старцивъ торбишныкивъ“. Между послѣдними подчасъ попадались тоже изрядные мародеры, и если только трупъ поступалъ къ нимъ не въ конецъ ограбленнымъ, они живились этими остатками и при этомъ иной разъ находили и цѣнныя вещи. Въ добавокъ, желая выслужиться передъ Швачкой, нѣкоторые изъ старцивъ оттаскивали свѣжіе трупы шляхтичей на пожраніе псамъ. Однимъ изъ такихъ старцивъ-торбишныкивъ—и былъ фигурировавшій на кодненскомъ судѣ упомянутый выше Грыцько Васюкъ. Трупы шляхтичей онъ, по его словамъ, только погребалъ, а не отдавалъ псамъ на пожраніе, да и ограбленіемъ убитыхъ не занимался; если же при немъ найдены золотые галуны отъ жидовскихъ одеждъ, то галуны эти онъ нашелъ на дорогѣ. Поэтому, показаніе нѣкоего Осадчого, будто онъ, Васюкъ былъ однимъ изъ ревностныхъ слугъ Швачки, совершенно ложно. Однако кодненская судная коммиссія не повѣрила Васюку и, чтобы вызвать въ немъ сознаніе, подвергла первой степени пытки—битью кунчуками. Но и послѣ этого Васюкъ остался при прежнемъ своемъ показаніи. На вопросъ судной коммиссіи, по сколько Швачка платилъ крестьянамъ за каждаго привезеннаго пана, Васюкъ отвѣтилъ, что вообще онъ не слышалъ, чтобы крестьяне брали вознагражденіе за доставленныхъ пановъ и жидовъ, но въ одномъ случаѣ, дѣйствительно, Швачка отблагодарилъ привезшаго, отдавъ ему кобылу и вола того самаго пана, который былъ привезенъ на убійство. Этотъ крестьянинъ былъ изъ села Паланичинецъ и назывался Семенъ Купопалъ. Къ чему въ Коднѣ приговорили Васюка—изъ документа не видно.

Мрачнымъ, озлобленнымъ, почти никого не щадящимъ выступаетъ Швачка и въ другомъ имѣющемся у насъ документѣ,

касающемся времени его пребыванія въ Бѣлоцерковщинѣ. Этотъ другой документъ [1]) заключаетъ въ себѣ показанія Яна Весніовскаго, служившаго у Швачки за хлопца, подобно тому, какъ братъ его Василій Весніовскій (о немъ рѣчь еще впереди), служилъ хлопцемъ у Желѣзняка. Янъ Весніовскій былъ не лучше брата своего, клеветавшаго на людей. Это были шляхетскіе отпрыски съ самыми дурными задатками. Янъ Весніовскій, впрочемъ, превзошелъ даже своего брата, такъ какъ изъ показаній его въ кодненскомъ судѣ видно, что на обязанности его лежало разстрѣливать козаковъ и гайдамакъ по первому приказанію Швачки. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Швачка не терпѣлъ противорѣчій со стороны своихъ людей, и что онъ не стѣсняясь прибѣгалъ къ уничтоженію ослушниковъ его воли, для чего и имѣлъ спеціальнаго исполнителя въ лицѣ Яна Весніовскаго.

При такихъ особенностяхъ Швачки, народная память сохранила о немъ представленіе, какъ о человѣкѣ сильномъ, опасномъ для враговъ православія и свободы. Подвиги его даже преувеличили, приписали ему то, чего не было,—захватъ имъ Бѣлой Церкви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне безчеловѣчное отношеніе Швачки къ павшимъ врагамъ, его глумленіе надъ ними—все это заставляло народныхъ пѣвцовъ приходить въ содроганіе и не одобрять за это Швачки. Вотъ пѣсня [2]), гдѣ все это было высказано:

Да не буде краще, да не буде липше
Якъ на тій Украини,
Що не буде жыдивъ, що не буде ляхивъ,
А третьей уніи!
Ой не звить мене да Швачкою,
А зовить мене Кійло!
Позаганявъ жыдивъ, позаганявъ ляхивъ
Въ Билу Церкву на стійло.
Ой вже жъ тая да Билая Церква
Да обытая кытайкамы;
Ой теперъ вона да завойована
Да славными козакамы!
Ой хвалывся батько Швачка
Да до Хвастова йдучы;

[1]) Кодн. кн. стр. 475.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 613.

„Ой будемо драты, панове молодци,
Изъ кытайкы онучы!“
Да ходыть Швачка да по Хвастови
Да у жовтыхъ чоботяхъ;
Ой вывишавъ жыдивъ, ой вывишавъ ляхивъ
Да на панськыхъ воротахъ.
Да ходыть Швачка да по Хвастови,
Да ставъ соби въ кутку:
„Ой не мае жыдивъ, ой не мае ляхивъ,—
Охъ мій тяжкій смутку!...
Да пишли старци-торбишныки
Да сталы ляшкивъ быты:
Ой не подобае, панове молодци,
Зъ нежывого глумыты!“

Что Швачка своею дѣятельностью и своею личностью произвелъ сильное впечатлѣніе на своихъ современниковъ—подтвержденіемъ этому служитъ не только народная поэзія, но и документальныя данныя о появлявшихся въ разныхъ мѣстахъ самозванцахъ, принимавшихъ на себя имя Швачки. Такъ, въ Кодненской книгѣ мы находимъ цѣлый рядъ положительныхъ бытовыхъ картинъ о похожденіяхъ испившагося бездомнаго бродяги Осипа Мытинскаго, двоюроднаго брата Якова Швачки по матери; въ этихъ картинахъ яркою чертою проходитъ желаніе Мытинскаго импонировать другимъ то своимъ родствомъ съ Швачкой, то просто его именемъ, которое онъ безцеремонно принималъ.

Особенной близости съ этимъ Мытинскимъ у Швачки не было, но все же Мытинскій былъ въ его ватагѣ и однажды даже вмѣстѣ съ нимъ самимъ недалеко отъ московской границы у Триполья напалъ на турецкихъ купцовъ изъ арнаутовъ, причемъ Швачка убилъ тогда двухъ купцовъ, а Мытинскій—одного; хотѣли они потомъ вмѣстѣ же воспользоваться товаромъ изъ пяти брикъ, покинутыхъ погоничами послѣ убійства купцовъ, но въ этомъ имъ помѣшали москали, вдругъ явившіеся на мѣстѣ происшествія и все захватившіе въ свои руки. Кромѣ того, оставаясь въ ватагѣ Швачки недѣли двѣ, Мытинскій по его приказу подъ Володаркой (м. сквир. у. при р. Роси, къ ЮВ. отъ у. города) убилъ двухъ жидовъ. Когда же отрядъ Швачки былъ разбитъ подъ Богуславомъ Протасьевымъ, то въ числѣ плѣнныхъ былъ вмѣстѣ съ Швачкой и Мытинскій. Какъ и всѣхъ

тогда захваченныхъ, Протасьевъ препроводилъ и Мытинскаго въ Кіевъ, конечно, не придавая ему бо́льшаго значенія, чѣмъ другимъ. Въ Кіевѣ Мытинскій просидѣлъ съ годъ, былъ свидѣтелемъ того, какъ тамъ Швачку „покнутовали“, какъ ему „пошарпали“ носъ и какъ затѣмъ отправили его въ ссылку. Мытинскій же послѣ годичнаго заключенія былъ отпущенъ—и съ этого момента начинаются его странныя похожденія.

Онъ направился изъ Кіева, очевидно, на родину. Родина же его была въ Красиловѣ (м. староконстантиновскаго у. близъ р. Случи къ ЗЮЗ отъ у. города). Благополучно дошелъ онъ до Очеретной и Погребищъ (м. бердичевскаго у. при р. Роси на ЮЗ. отъ у. города), причемъ совершилъ этотъ путь чуть не въ полгода, очевидно ради пропитанія останавливаясь работать то тамъ, то сямъ. Но за Погребищемъ счастіе его покинуло, и вблизи Босаго брода его арестовали уманскіе надворные козаки, препровождавшіе какого-то арестанта въ Кодню. Отсутствіе у Мытинскаго какого бы то ни было письменнаго вида, надѣтый на немъ шляхетскій черный жупанъ, при неудовлетворительности остальнаго костюма, испитой видъ—все это, очевидно, сдѣлало его подозрительнымъ въ глазахъ команды, ведшей арестантовъ. Въ Коднѣ предъ военно-судной коммиссіей Мытинскій ловко скрылъ свое участіе въ гайдамацкомъ движеніи, притворясь бродягой-дьякомъ, какихъ было довольно тогда на Украинѣ. Разсказалъ онъ судьямъ, что изъ Красилова, гдѣ онъ родился и гдѣ отецъ его былъ вознымъ, онъ попалъ въ Кіевъ къ митрополиту и былъ тамъ пѣвчимъ и шафаремъ, что потомъ онъ былъ три года въ Радомыслѣ, полгода въ Грановѣ у протопопа Заблонскаго, съ которымъ визитировалъ церкви. Передъ арестомъ же онъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣста, потому что, заболѣвши въ Грановѣ, долго затѣмъ жилъ въ с. Очеретной и зарабатывалъ кусокъ хлѣба временнымъ дьяконствомъ то въ той церкви, то въ другой. Военно-судная коммиссія, найдя его показанія правдоподобными, признала его бродягой и потому приговорила его за бродяжничество къ 300 ударамъ розогъ подъ висѣлицей.

Наказанія этого Мытинскій однако избѣжалъ, благодаря сердобольной пани Слотвинской, пребывавшей съ мужемъ въ

Коднѣ и участвовавшей въ пирахъ и забавахъ развлекавшихся въ часы досуга судей. Она упросила послѣднихъ отпустить Мытинскаго небитымъ, и онъ благополучно выбылъ изъ Кодни и снова въ теченіе цѣлаго года дьяконствовалъ на этотъ разъ въ с. Меропольѣ, живя тамъ при церкви и школѣ. Но черезъ нѣсколько времени онъ снова попалъ въ бѣду. Явился онъ однажды въ с. Погориле, явился въ полночь, когда всѣ спали, и сталъ стучаться къ тамошнему каплану (уніат. священнику) Корнелію Плисовскому. Ему отворили, впустили въ домъ. Ободренный этимъ Мытинскій сталъ смѣлѣе.

— Вы и не знаете, какого гостя принимаете? спросилъ онъ и затѣмъ потребовалъ, чтобы ему изъ корчмы принесли горилки.

Плисовскій за горилкой въ корчму не послалъ, но до свѣта угощалъ гостя своей горилкой и самъ съ нимъ пилъ. За попойкой шли разговоры, а, кромѣ того, для увеселенія гостя былъ позванъ мѣстный дьякъ для пѣнія. Въ разговорахъ гость похвалялся, что онъ Осипъ Швачка, братъ извѣстнаго ватажка, и что у него есть подъ Хмельникомъ 5000 человѣкъ, съ которыми онъ и будетъ рѣзать шляхту и жидовъ на всемъ протяженіи отъ предгорья у Бродъ до Днѣпра. Каплана же Плисовскаго онъ обѣщалъ при этомъ пощадить въ благодарность за его гостепріимство и для огражденія его отъ непріятныхъ случайностей выдалъ ему „либертацію“. Охранную грамоту эту онъ выразилъ желаніе тутъ же написать. Началъ онъ дѣло съ подписи и подписался генераломъ Быловымъ, сказавъ, что такъ велѣла ему впредь называться русская императрица. Текстъ же либертаціи былъ вслѣдъ затѣмъ написанъ такой: Libertacya daná popowi Pohorylskiemu od tegoż Szwaczki. Byl zdes Josef Szwaczka w domu u przewielebnego xiędzia Kornalyia Plisowskiego w Pohoryley. Ten będący ubogim zawolany iest u nayiasnieyszey Monarchini carowey Katarzyny Alexyiowny Generalem Bylowym, źadney krzywdy nie wczynil tylko odpoczol y poszedl ubogą“.

Пока все это совершалось въ домѣ каплана, разсвѣло, и капланъ поторопился донести о своемъ странномъ гостѣ въ погорильскій дворъ, гдѣ „диспозиторомъ“ состоялъ московскій по-

ручикъ Карабинернаго полка. Услышавъ про гультая, поручикъ вытребовалъ его къ себѣ, причемъ посланные поручика нашли Мытинскаго уже не у каплана, а въ корчмѣ. Послѣ краткаго допроса поручикъ отправилъ его подъ стражей къ другому своему товарищу въ с. Ягодинцы, а ягодинскій поручикъ въ свою очередь въ команду въ Меджибожъ (м. летичев. у., при впаденіи р. Бужка въ Бугъ, къ ЗСЗ отъ у. города), куда для очной ставки съ арестованнымъ былъ вытребованъ и обвинитель его, капланъ Плисовскій. Но послѣ допросовъ Мытинскій былъ русской командой отпущенъ: быть можетъ, тамъ нашли излишнимъ вторично задерживать человѣка, разъ онъ былъ отпущенъ на свободу кіевскими властями. Мытинскій же послѣ этого успѣлъ совершить новый рядъ похожденій и вновь попасть на судъ въ Кодню уже по обвиненію въ гайдамачествѣ.

Новыя его похожденія заключались, по его признанію, въ слѣдующемъ. Изъ Меджибожа попалъ онъ въ Любаръ (м. новградволынскаго у., на р. Случѣ, на Ю. отъ у. города) и тамъ повторялъ всѣ тѣ же похвальбы свои, что высказывалъ и въ Погориломъ. И въ Любарѣ опять объявилъ онъ себя братомъ Швачки, сбирающимъ большую ватагу противъ шляхты и жидовъ, но здѣсь впрочемъ еще добавлялъ, что съ ватагой своей онъ прежде всего разсчитываетъ напасть на турецкую границу, и что если турокъ на границѣ не окажется, то тогда уже займется вырѣзываніемъ шляхты и жидовъ. Похвальбы эти Мытинскій въ Любарѣ высказывалъ между прочимъ предъ студентами, ночуя въ тамошней школѣ, и студенты, слушая его и глядя на его невзрачную фигуру , по его собственному утвержденію, смѣялись надъ нимъ. Въ другихъ же мѣстахъ, по словамъ его, слушатели его гайдамацкихъ рѣчей начинали перешептываться между собой, и въ такихъ случаяхъ онъ, Мытинскій, спѣшилъ уйти по добру по здорову, боясь ареста. Но, очевидно, такіе слушатели, которымъ гаданія Мытинскаго о новой рѣзнѣ среди шляхты и жидовъ были непріятны, попадались не часто. По собственному его показанію, къ похвальбамъ именемъ Швачки и пятью тысячами заготовленныхъ гайдамакъ онъ прибѣгалъ между прочимъ потому, что его за это поили и кормили. „То

mowil aby mu wszędy dali iesc y pic", „chodzil ode wsi do wsi y to samo gadal, aby pil y iadl"—вотъ подлинныя слова Мытинскаго на судѣ.

И вотъ это-то свидѣтельство Мытинскаго о томъ, что всѣ его охотно слушали, когда онъ объявлялъ себя братомъ Швачки и говорилъ о сборахъ своихъ продолжать его дѣло, служитъ намъ яснымъ подтвержденіемъ того, что имя Швачки всѣхъ заставляло думать о возможности при помощи такихъ людей, какъ онъ, когда-нибудь избавиться отъ польско-жидовскихъ обидъ. То же имя Швачки давало поэтому бездомнымъ бродягамъ пріютъ и кусокъ хлѣба. А такое значеніе имѣютъ въ жизни только имена людей, произведшихъ сильное впечатлѣніе на своихъ современниковъ.

Дѣло Мытинскаго, замѣтимъ мимоходомъ, можетъ для насъ имѣть интересъ и въ другомъ отношеніи; изъ него мы узнаемъ, что близкіе родичи Швачки были родомъ съ Волыни; по крайней мѣрѣ Мытинскій, бывшій двоюроднымъ братомъ Швачки по матери (cioteczny brat) родился въ Красиловѣ (староконст. у., близь р. Случи, къ ЗЮЗ отъ у города). Не тамъ ли поэтому была и родина самого Швачки?

Не менѣе интереснымъ подтвержденіемъ мысли, что Швачка произвелъ глубокое впечатлѣніе на народъ, служитъ еще и другое дѣло, возникшее нѣсколько позже дѣла Мытинскаго на самой московской границѣ, въ Кіевщинѣ, вблизи нѣсколькихъ россійскихъ форпостовъ. Дѣло это извлечено нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія [1]) и заключается въ слѣдующемъ.

Въ концѣ 1768 года нѣсколько жителей прилегающихъ къ Кіеву селъ и нѣсколько кіевлянъ, пріѣхавъ въ Борщаговку (кіев. уѣзда) на тамошній монастырскій дворъ, вмѣстѣ съ жившимъ въ томъ дворѣ монахомъ Лопуцинскимъ устроили попойку, во время которой для потѣхи палили изъ ружей. Въ пьяной бесѣдѣ зашла у нихъ, между прочимъ, рѣчь о томъ, что въ праздникъ Зачатія Пресвятыя Богородицы въ польскомъ селѣ Игнатовкѣ

[1]) Дѣло о грабежѣ въ имѣніяхъ польскаго князя Шуйскаго. Стр. 169—715.

предстоитъ большая ярмарка, и что на ярмаркѣ этой недурно бы пограбить жидовъ и пановъ. Монахъ Лопуцинскій поддержалъ въ перепившихся гультаяхъ зародившуюся мысль о грабежѣ и рѣзнѣ—и они, не долго думая, на подводѣ, тутъ же добытой Лопуцинскимъ, двинулись на польскую сторону. Предъ переправой чрезъ границу близъ бѣлогородскаго форпоста они предпочли не спѣшить и передохнуть, при чемъ снова выпили у тамошняго монаха-шафаря; видѣлся тутъ съ ними и бѣлогородскій молодой попъ. Попъ этотъ, вслѣдъ за тѣмъ, раньше гайдамакъ перешелъ черезъ форпостныя рогатки и явился на игнатовскую ярмарку; тамъ онъ, разсказывая съ жидами, договорился между прочимъ и до такой фразы: „я бы вамъ нѣчто сказалъ, но не могу, вскорѣ увидите“. И, дѣйствительно, жиды вскорѣ увидѣли это нѣчто. Въ самую середину ярмарки въѣхали на нѣсколькихъ подводахъ человѣкъ двадцать полупьяныхъ вооруженныхъ гайдамакъ. Конечно, ихъ переѣзду черезъ границу въ польскіе предѣлы долженъ былъ бы помѣшать форпостный гарнизонъ въ Бѣлогородкѣ, но этого не случилось. Когда форпостному начальнику поручику Лярскому, пьяному и на этотъ разъ какъ всегда, донесли, что идутъ гайдамаки, то онъ только отвѣтилъ: „пускай идутъ!“—и даже не поднялся на ноги, а остался лежать; солдаты же его не только не сочли нужнымъ по собственному почину помѣшать гультаямъ поживиться на счетъ польскихъ жидовъ и пановъ, но даже дополнили вооруженіе ихъ, поотдававъ имъ копья свои и ружья. Явясь въ Игнатовку, гайдамаки первымъ дѣломъ столкнулись съ молодымъ бѣлогородскимъ попомъ, и онъ, по показанію одного изъ захваченныхъ потомъ русскою властью участниковъ дѣла, „благословилъ имъ грабить“. Само собою разумѣется, на ярмаркѣ съ появленіемъ гайдамакъ поднялась и между торговцами, и между пріѣхавшими покупателями невѣроятная паника; но переполошившихся гайдамаки стали успокаивать, объявляя всѣмъ и каждому, что „греческаго исповѣданія людямъ никакой обиды не учинятъ“. Послѣ этого многіе, кинувшіеся было бѣжать на русскую сторону, остались въ Игнатовкѣ.

Гайдамаки однако и теперь не сразу принялись за разгромъ. Первымъ дѣломъ они сочли нужнымъ прочесть всенародно указъ, дозволяющій имъ рѣзать шляхтичей и жидовъ; указъ былъ врученъ какому то дьяку, и тотъ громогласно прочелъ его. Тогда то началась рѣзня и грабежъ. Изъ погребовъ выкочены были бочки съ водкой и ее пилъ всякій, кто хотѣлъ. Убито было не менѣе десяти жидовъ. Затѣмъ гайдамаки съ вновь приставшими къ нимъ ярмарочными гультаями послѣдовательно перебывали въ ближайшихъ къ Игнатовкѣ селахъ—въ Горенчахъ, Лучанкѣ, Петрушахъ, Шпиткахъ, Некрашахъ, повсюду оставляя кровавые слѣды. Было не мало звѣрскихъ поступковъ. Такъ, Несторъ, служитель ктитора бѣлогородскаго, „будучи гораздо уже пьянъ", лежавшаго близъ шинка повитого ребенка полѣномъ убилъ, а потомъ кинулся бить полѣномъ же ранѣе убитую мать ребенка—арендарку шинка изъ ненависти, какъ сказано въ казенной бумагѣ. А одинъ молодой еврейчикъ не былъ добитъ сразу, и нѣкоторые видѣли, какъ онъ, „кишки за собою волоча и глаза необыкновенно выставля", кричалъ: „добейте меня"; нашелся какой то Лаврентьевъ и изъ жалости ударилъ его дубиной по головѣ, чѣмъ прекратилъ страшныя мученія его. Изъ шляхтичей подвергся крайней свирѣпости губернаторъ с. Горeничъ—Горлинскій: его сперва нещадно били и кололи, а потомъ ватажокъ застрѣлилъ его изъ пистолета.

Въ грабежѣ, который особенно силенъ былъ въ Игнатовкѣ, принимали участіе не одни гайдамаки, но и ярмарковые гости. Въ числѣ послѣднихъ, былъ, между прочимъ, самъ форпостный поручикъ Лярскій; онъ счелъ удобнымъ взять себѣ въ жидовской лавкѣ три пуда свѣжаго сала. Но особенно не положилъ охулки на руки въ данномъ случаѣ молодой бѣлогородскій попъ: онъ взялъ себѣ большой винокуренный котелъ съ трубами, оловянную посуду, шабашковые подсвѣчники и жидовскія „богомилья", шелковые нагрудники, подушки; сверхъ того, сами гайдамаки дали ему деньгами одинъ рубль за его благословеніе грабить, да еще много хлѣба на бѣлогородскую церковь.

Во всей этой исторіи много воодушевленія придало гайдамакамъ не что иное, какъ имя Швачки. Имя это принялъ на

себя ватажокъ напавшихъ на Игнатовку. Изъ показаній разныхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу объ игнатовскомъ побоищѣ, мы узнаемъ о разглашеніи бѣлогородскимъ городничимъ монахомъ шафаремъ еще за три недѣли до рѣзни о томъ, что „всемилостивѣйшая государыня гайдамацкаго предводителя Швачку изъ-подъ караула соизволила повелѣть выпустить и полковникомъ пожаловать, давъ ему власть поляковъ и жидовъ смертью казнить, и что ему Швачкѣ два ордена даны отобранные отъ генерала-губернатора кіевскаго, по приказанію котораго оной Швачка наказанъ кнутомъ, носъ и уши рваны, за что ему губернатору голова долой“. Изъ тѣхъ же показаній узнаемъ, что ватажокъ напавшихъ на Игнатовку собственно назывался Заяцъ, имя же Швачки принялъ на себя по внушенію бѣлогородскаго шафаря. По общему утвержденію, только благодаря такому имени, вокругъ Зайца въ короткій срокъ могла образоваться значительная ватага.

Въ заключеніе, въ виду того, что въ личности Швачки отрицательныя черты перепутывались съ положительными, интересно было бы опредѣлить, какія же изъ этихъ чертъ въ его личности наиболѣе сильное впечатлѣніе производили на его современниковъ. Отвѣтомъ на такой вопросъ въ данномъ случаѣ можетъ намъ послужить сохранившаяся пѣсня народная объ этомъ дѣятелѣ. Въ ней народъ скорбитъ о его гибели, „по ёму засмутылась уся Украина“, наконецъ величаютъ его въ ней „батькомъ“.

Вотъ эта пѣсня [1]):

Ой, на козаченькивъ на молоденькихъ
Прыгодонька стала,
Що у середу да у въ обиди,
Ихъ Москва забрала.
Ой, якъ крыкнувъ батько Швачка:
„Гей, изъ коней до долу!
Гей, не даймося, панове-молодци
Да у тяжкую неволю!“
А москалыки та недурныи
Да разуму добралы:

---

[1]) Максимовичъ. Сочиненія. Т. I, стр. 614.

Насамперед батька Швачку
Изъ осаулою звязалы.
Ой извязалы да попаровалы
Да на возы поклалы,
Изъ Богуслава до Билои Церквы
Ихъ у неволю забралы.
Ой, извязалы да попаровалы,
Ой, якъ голубци въ парци!
Ой, засмутылась уся Украина,
А якъ сонечко въ хмарци.
Ой, повезлы да батька Швачку
Да густымы лозамы;
Ой, оглянувся батько Швачка
Да й умывся сльозамы.
Ой вывезлы да батька Швачку
Да у чыстее поле;
Ой, оглянувся батько Швачка:
„Ой, тутъ мени горе!“

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА V.

НЕУДАВШЕЕСЯ ПОХИЩЕНІЕ.

Пасмурное утро первыхъ августовскихъ дней нависло густымъ туманомъ надъ Кодакомъ и его окрестностями. И въ крѣпости, и въ жидовскихъ лавченкахъ всѣ еще спали; а за высокими скалами, окутанными туманами, какъ хищныя птицы, притаились козацкія чайки, пославшія впередъ развѣдчиковъ.

Тимошъ сидѣлъ въ одномъ изъ челновъ рядомъ съ Ганжею и Смольчугомъ, и въ воображеніи его живо рисовались только что пережитые страхи опаснаго путешествія. Что это было за путешествіе! Ихъ и крутило, и относило въ сторону, и не разъ заливало волнами, и подбрасывало кверху, и влекло въ глубь... Иногда казалось, не миновать имъ остроконечной скалы, на которую они неслись съ необыкновенною быстротою, но твердая рука ловкаго кормчаго у самой скалы поворачивала руль, и чайка проскальзывала мимо, слегка задѣвая о камень своею камышевою обшивкою... То вдругъ совершенно неожиданно они наскакивали на подводный камень, и лодка отъ полученнаго толчка вертѣлась на одномъ мѣстѣ, какъ подстрѣленная птица... То приходилось давать задній ходъ, чтобы искусно стороною обойти клокотавшій впереди водоворотъ и глубокіе омуты, спо-

[1]) См. „Кіевская Старина" 1890 г. № 2.

собные поглотить челнъ и разбить его въ щепы. По временамъ то одинъ, то другой гребецъ смѣнялся; и немудрено: даже этимъ желѣзнымъ рукамъ становилось не подъ силу справляться съ упрямымъ и прихотливымъ теченіемъ, ворочавшимъ тяжелые камни и отрывавшимъ отъ острововъ цѣлыя скалы. Длинныя крѣпкія весла гнулись подъ напоромъ волнъ, но привычныя мозолистыя руки упорно боролись съ волнами и выносили челнъ изъ опасныхъ стремнинъ.

— Что, братику, усталъ? тихо спросилъ Тимоша Смольчугъ, заглядывая въ блѣдное, тревожное лицо мальчика. Вотъ оно, что значитъ козакомъ сдѣлаться! За то ты теперь козакъ настоящій, любой курень приметъ тебя.—Тимошъ сознавалъ это и самъ. Во все время плаванія онъ ни разу не крикнулъ, какъ ни жутко приходилось ему подчасъ; только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ лодка чуть чуть не опрокинулась, наѣхавъ на подводный камень, онъ безсознательно схватился за руку Ганжи и прошепталъ: „Матка Божія, спаси и помилуй!“

Развѣдчики, вернувшись, донесли, что въ крѣпости всѣ еще спятъ, а въ жидовскихъ лачугахъ кое кто начинаетъ просыпаться.

— Теперь время! сказалъ Сулима, а то жиды какъ разъ пронюхаютъ и донесутъ въ крѣпость. Слушайте жъ, братове! Ни въ крѣпости, ни въ жидовскомъ гнѣздѣ никого не оставлять въ живыхъ, будь то хоть полудикая собака, чтобы никто не проскользнулъ и не донесъ коронному гетману. Поняли?

— Добре, пане атамане! отвѣчали козаки.

Тихо чайки подъѣхали къ берегу; въ полномъ молчаніи и стройномъ порядкѣ козаки сошли на берегъ и выстроились по куренямъ, оправляя сабли и готовя пистолеты. Крѣпость была отъ мѣста высадки шагахъ во ста, и ея темный силуэтъ неясно вырисовывался въ туманѣ.

Сулима подозвалъ Ганжу.

— Съ какой стороны главныя ворота? спросилъ онъ шепотомъ.

Ганжа указалъ ему жестомъ.

— А подъемные мосты?

— Вонъ тамъ! также шепотомъ отвѣчалъ старикъ. Ровъ широкій, но не слишкомъ глубокій,—прибавилъ онъ тихо,—а валъ высокій; но взлѣзть на него можно.

— Добре! сказалъ атаманъ.

Подозвавъ куренныхъ, Сулима отдалъ имъ приказанія:

— Большая часть двигается на крѣпость и аттакуетъ ее, меньшая оцѣпляетъ жидовскій кварталъ и никого не оставляетъ въ живыхъ!

— А рабочіе? нерѣшительно спросилъ одинъ изъ есауловъ: между ними есть и козаки...

— Все равно, всѣхъ изрубить: панскихъ хлоповъ намъ не нужно!

Ганжа съ Тимошемъ, Смольчугомъ и Злымъ попали во второй отрядъ. Въ то время, какъ Сулима и Павлюкъ бросились съ крикомъ къ крѣпостному валу, другой отрядъ подъ предводительствомъ Ганжи дружно оцѣпилъ тѣсно сплоченныя лавченки и въ нѣмомъ молчаніи съ саблями на-голо, выжидалъ приказанія куренныхъ рубить и колоть все живое.

Въ убогой избушкѣ Янкеля было все тихо. Тимошъ и Смольчугъ стояли у самаго окна, и первый съ любопытствомъ заглянулъ внутрь. Все было пусто, никого не было видно. У него отлегло отъ сердца: видно, онъ еще далеко не вполнѣ былъ козакъ; ему страшно было подумать, что эти люди, которыхъ онъ нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ живыми, теперь будутъ плавать въ крови. Между тѣмъ въ сосѣдней лавченкѣ пріотворилась дверь, и испуганная голова съ длинными пейсами выглянула на улицу. Въ этотъ же моментъ раздался условный кличъ куренныхъ:

— Бей ихъ! Не жалѣть поганыхъ жидовъ: они наши кровопійцы и грабители!

Въ одинъ мигъ десятки козаковъ ворвались въ каждую лавченку; все смѣшалось, спуталось; отовсюду неслись пронзительные крики, вопли, стоны. Вонъ изъ окна низенькой лачужки въ предсмертномъ ужасѣ выскочила немолодая еврейка съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ; одной рукой она зажимаетъ рану въ груди, другою прижимаетъ къ себѣ ребенка; за нею никто не гонится—

козаки добивали оставшихся въ избушкѣ—но она съ дикими воплями бѣжитъ, спотыкается, подымается и снова бѣжитъ далѣе.

Изъ другаго домишка выскочило все семейство: отецъ, мать, четверо дѣтей и трое рабочихъ, ночевавшихъ у нихъ. Козаки погнались за ними и, настигая поочередно каждаго изъ нихъ, убивали съ дикимъ наслажденіемъ, торопясь къ другимъ жильямъ, откуда уже высыпалъ обезумѣвшій отъ страха народъ.

Ганжа, Смольчугъ и Тимошъ по данному сигналу тоже вбѣжали въ избу Янкеля. Ганжа перерылъ всѣ пуховики, все тряпье, всю солому, лежавшую подъ лавкою,—нигдѣ ничего не было. Онъ въ досадѣ стукнулъ ногою объ полъ.

— Вотъ то вражья сила! крикнулъ онъ. Куда жъ эти нехристи сгинули?

Приказавъ Смольчугу и Тимошу стеречь избу, онъ вышелъ изъ дверей, обошелъ вокругъ, заглянулъ подъ телѣгу, обшарилъ уголки убогой клѣтушки, даже поболталъ саблей въ чану съ помоями; но нигдѣ никого не оказалось. Тимошъ въ это время съ ужасомъ смотрѣлъ въ окно, какъ рѣзали и кололи людей—и ему отвратительною показалась эта бойня.

— Панъ Смольчугъ, а панъ Смольчугъ! обратился онъ къ молодому козаку, задумчиво облокотившемуся на саблю: это и всегда такъ бываетъ?

— Что? съ удивленіемъ спросилъ тотъ.

— Да битва! отвѣтилъ мальчикъ, показывая рукой въ окно.

— Какая это битва! съ презрительной улыбкою отвѣчалъ Смольчугъ. Это рѣзня; перекрошатъ ихъ всѣхъ, какъ барановъ, и дѣлу конецъ.

— Зачѣмъ же ихъ крошить? допытывался мальчикъ. Они не помѣшали бы взять крѣпости.

— Они убѣжали бы къ полякамъ.

— Такъ можно было бы ихъ связать.

Смольчугъ только махнулъ рукой.

— Такъ нужно, такъ всегда дѣлаютъ, отвѣчалъ онъ, неопредѣленно смотря вдаль.

— Ну, братику! утекъ, видно, Янкель—сказалъ вошедшій Ганжа, обращаясь къ Смольчугу. Пойдемъ-ка, поищемъ другой

добычи! А ты, хлопецъ, оставайся здѣсь и жди насъ: тебѣ еще рано въ крови купаться; чего добраго, еще сомнутъ въ свалкѣ.

Смольчугъ неохотно пошелъ за Ганжею. Въ битвѣ на открытомъ полѣ онъ всегда былъ изъ первыхъ; но эта безпощадная, нелѣпая рѣзня и его не удовлетворяла, какъ и Тимоша.

Тимошъ остался одинъ. Его не удовлетворялъ отвѣтъ Смольчуга: „такъ надо; такъ всегда бываетъ“.—„Зачѣмъ надо? можно бы и безъ этого обойтись“—шевелилось у него въ головѣ. Онъ не хотѣлъ смотрѣть въ окно, и все-таки какое-то странное любопытство влекло его къ окну. Видя окровавленныя тѣла, отрубленныя головы, онъ чувствовалъ отвращеніе и все-таки не могъ оторвать отъ нихъ своихъ взоровъ. Вдругъ ему послышался въ тишинѣ какой-то странный звукъ подъ поломъ, точно пискъ мыши, или стонъ, или плачъ ребенка. Онъ прислушался: все тихо. Онъ сжалъ въ рукѣ саблю и внимательно сталъ осматривать полъ, стѣны, углы и закоулки бѣдной лачуги.

„Когда могъ Янкель убѣжать?“—думалъ онъ. „Кажется, они все время стояли около избушки и не видѣли, чтобы кто нибудь изъ нея выходилъ“.

У задней стѣны выдавалась небольшая печь, слѣпленная изъ глины пополамъ съ пескомъ. Между печью и стѣной оставалось небольшое пространство, темный уголъ, куда едва могъ пролѣзть одинъ человѣкъ. Тимошу казалось невѣроятнымъ, чтобы тамъ могъ кто-нибудь спрятаться, но онъ пролѣзъ и въ этотъ уголъ. Въ эту минуту ему ясно послышался подъ землею плачъ ребенка. Онъ быстро припалъ ухомъ къ полу и отчетливо услышалъ какой то шелестъ, не то шепотъ, не то человѣческіе шаги. Онъ внимательно осмотрѣлъ полъ и замѣтилъ, что двѣ доски за печкою не соединялись съ остальными. Когда онъ ихъ попробовалъ рукой, онѣ какъ будто подались; онъ сдѣлалъ еще небольшое усиліе, и доски приподнялись, а подъ ними оказалось пустое пространство, нѣчто въ родѣ подвала. Недолго думая, однимъ прыжкомъ онъ соскочилъ въ подвалъ; его волновали противоположныя чувства. Онъ гордился, что перехитрилъ Янкеля и нашелъ его убѣжище, и жалѣлъ его. „И его, и черноглазую Хайку, и всѣхъ ихъ ребятъ также изрубятъ и искро-

шатъ, какъ остальныхъ жидовъ", думалось ему. Онъ осмотрѣлся; слабая полоса свѣта проникала въ открытый люкъ, и черезъ минуту онъ уже ясно различалъ у противоположной стѣны подвала испуганную Хайку, старавшуюся унять груднаго ребенка. При появленіи Тимоша она еще больше съежилась и заслонила собою остальныхъ ребятъ.

— А гдѣ же Янкель? подумалъ Тимошъ; но Янкеля нигдѣ не было видно. Жидовка узнала Тимоша и задрожала при видѣ его обнаженной сабли. Тимошъ это замѣтилъ и гордо вложилъ саблю въ ножны. Въ немъ шевельнулось непонятное чувство жалости къ этой беззащитной женщинѣ и маленькимъ, худенькимъ копошившимся за ея спиною дѣтямъ. Если бы теперь самъ старый дидъ вздумалъ убить ее, Тимошъ сталъ бы ее защищать.

— Не погубите, панычу! шептала Хайка, бросаясь на колѣни.

— Не бойся, я ничего тебѣ дурнаго не сдѣлаю,—важно отвѣтилъ козакъ. А гдѣ же твой мужъ?

— Янкеля нѣтъ,—съ безпокойствомъ отвѣтила женщина: онъ уѣхалъ. Да поможетъ ему всемогущій Богъ, услышитъ мои молитвы Іегова, да задержитъ его подольше въ городѣ! Не погубите насъ, панычу, не выдайте!—со слезами молила она, ползая по полу.

— Добре, добре! Сиди тутъ. Я сейчасъ уйду и закрою твое подполье.

Онъ осторожно выбрался на свѣтъ, прикрылъ доски и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ у окна.

На улицѣ уже перемѣнилась картина. Все населеніе жидовскихъ лачужекъ было уже перебито. Козаки шныряли изъ хаты въ хату и съ тріумфомъ тащили, кто горилку, кто медъ, кто съѣстное, складывая все въ одну кучу передъ своими куренными.

Въ крѣпости въ это время происходило побоище. Пользуясь густымъ туманомъ, козаки безъ труда взобрались на валъ, заклепали пушки, перебили стражу и теперь хозяйничали въ крѣпости, добивая гарнизонныхъ солдатъ, прятавшихся по угламъ. Нападеніе было столь внезапно, что полковникъ Маріонъ, разбуженный перепуганнымъ часовымъ, въ первую минуту не повѣрилъ его разсказамъ о ворвавшихся въ крѣпость козакахъ.

— Вы видѣли это во снѣ,—сказалъ онъ ему, протирая глаза: этого быть не можетъ!

Но въ этотъ моментъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ подъ самыми окнами его спальни. Тогда онъ вскочилъ, быстро одѣлся и выбѣжалъ вмѣстѣ съ часовымъ изъ своей квартиры съ крикомъ:

— Къ оружію! Къ оружію!

Но было уже поздно. Что могъ сдѣлать гарнизонъ въ двѣсти человѣкъ противъ вдесятеро превосходящаго врага, какъ лава ворвавшагося въ крѣпость. Закаленные въ бою французы, видавшіе не одну битву, и ихъ почтенный начальникъ дорого продавали свою жизнь. Сплотившись въ небольшую кучку у внутренней стѣны крѣпости, они нѣсколько разъ отражали наступающихъ на нихъ козаковъ.

— Ишь, черти! Какъ славно дерутся, даромъ что нехристы!

— Взять бы ихъ живьемъ! проговорилъ кто то.

— Слыхалъ, что атаманъ не приказывалъ! возразило нѣсколько голосовъ. Бей, коли! Что на нихъ смотрѣть!

Дружный натискъ козаковъ сломилъ наконецъ храбрецовъ. Полковникъ палъ однимъ изъ первыхъ подъ ударами козацкихъ сабель; за нимъ пали и остальные. Раненыхъ добивали ружейными прикладами или рубили имъ головы. Козаки особенно щеголяли другъ передъ другомъ умѣньемъ рубить головы, стараясь однимъ ударомъ отдѣлить голову отъ туловища. Наконецъ всѣхъ прикончили. Атаманы обтерли свои сабли о складки шароваръ.

— Ухъ, братцы! всею грудью вздохнулъ Павлюкъ, выпрямляя свои мощныя руки и расправляя пальцы. Важкая была работа, даже жарко стало. Надо послать кого-нибудь къ остальнымъ козакамъ; пусть бросятъ жидовъ и идутъ сюда въ крѣпость.

— Да! подхватилъ Сулима; пусть всѣ соберутся,—здѣсь будетъ чѣмъ попировать.

Вѣсть объ одержанной побѣдѣ живо облетѣла весь таборъ. Козаки захватили награбленную у жидовъ добычу и поспѣшили въ крѣпость. Когда Ганжа и Смольчугъ вышли изъ хаты, Тимошъ позамѣшкался, дѣлая видъ, что ищетъ шапку. Давъ имъ

отойти нѣсколько шаговъ, онъ быстро подошелъ къ люку, приподнялъ доски и шепотомъ спросилъ, заглядывая внизъ:

— Ты будешь сидѣть здѣсь, Хайка?

— Не знаю, нерѣшительно отвѣтила еврейка: дѣти ѣсть просятъ.

— Сиди тутъ! Я принесу тебѣ чего нибудь, улучивъ минуту.

— Великъ Iегова! Есть же еще добрые хлопцы на свѣтѣ!

Но Тимошъ ея уже не слышалъ; онъ вприпрыжку бѣжалъ за козаками, нахлобучивая на ходу шапку и стараясь не смотрѣть на валявшіеся всюду трупы. Подъемный мостъ былъ теперь спущенъ, и у самаго входа въ крѣпость они встрѣтили Ивана Злого.

— Эй, хлопче! Ты откуда взялся? кричалъ ему Ганжа. Мы тебя съ Смольчугомъ искали, а ты какъ сквозь землю провалился.

— Чи я дурень, что буду жидовъ бить? засмѣялся Злой. Тутъ у насъ работа была почище.

— Да, вѣдь, атаманъ тебѣ велѣлъ идти съ нами!

— Ну, и велѣлъ, а я взялъ и утекъ.

— Ой, хлопче! не сносить тебѣ головы за твое своевольство!— съ укоризною проговорилъ Ганжа.

Иванъ улыбнулся и почесалъ чубъ; его коренастая фигура дышала какимъ то дикимъ разгуломъ и весельемъ. Окровавленныя руки, кровью забрызганное лицо, взъерошенный чубъ и торчавшіе во всѣ стороны усы придавали ему звѣрскій видъ; Тимошъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ него.

— Что воротишься отъ меня, хлопче? Чи не любъ тебѣ Ивашко? Погоди, полюбишь!

Онъ пошелъ за ними слѣдомъ, стараясь не упускать ихъ изъ виду.

Далеко за полночь длилось шумное веселье: горилки оказалось много, больше, чѣмъ ожидали; нашелся цѣлый погребъ прекраснаго французскаго вина. Но пьяные козаки не понимали въ немъ толку; они отбивали у бутылокъ горлышки, сливали всевозможные сорты въ одну бочку, размѣшивали все это съ горилкой и черпали эту смѣсь кто ковшемъ, кто кружкой, а кто и просто грязною окровавленною рукою.

Атаманъ не вмѣшивался въ дѣла разгульной толпы. Окруженный старшинами, онъ держался въ сторонѣ, предоставляя своимъ воинамъ полную свободу. Ему нечего было бояться, онъ зналъ, что желѣзною рукою можетъ сразу прекратить это разгульное веселье, подавить эту безшабашную свободу. Въ походѣ онъ былъ полновластный господинъ своевольнаго Запорожья; по одному его слову могли мигомъ слетѣть десятки буйныхъ головъ. Только около полуночи Тимошу удалось ускользнуть отъ полупьянаго Ганжи, растянувшагося на своей буркѣ. Мальчикъ уже заранѣе набилъ карманы, чѣмъ только могъ. За пазухой просторнаго козакина онъ спряталъ бутылку вина, бѣлый хлѣбъ, ломти жареной баранины, а въ карманы шароваръ наложилъ лепешекъ, ржаныхъ сухарей, луку и кукурузы. Проскользнувъ между пирующими, онъ ловко перебрался черезъ валъ, спустился въ ровъ и побѣжалъ къ избушкѣ Янкеля, храбро шагая и перескакивая черезъ окоченѣвшіе трупы. Занятый мыслью поскорѣе накормить голодныхъ дѣтей Хайки, онъ почти не замѣчалъ ужасныхъ вытаращенныхъ глазъ и оскаленныхъ зубовъ, блестѣвшихъ на яркомъ лунномъ свѣтѣ. Запыхавшись, вбѣжалъ онъ въ хату, открылъ люкъ и шепотомъ позвалъ Хайку.

Къ великому его изумленію изъ люка высунулась испуганная голова Янкеля.

— А, ты вернулся! сказалъ Тимошъ.

— Я и не уѣзжалъ, добрый паничу! Я сидѣлъ вонъ тамъ въ ямѣ подъ соломой, сказалъ онъ, показывая въ уголъ подвала. Я все слышалъ.

— Такъ зачѣмъ же Хайка мнѣ сказала, что ты уѣхалъ?

— Дура баба, больше ничего; со страху! презрительно процѣдилъ Янкель.

— Ну, ужъ и ты храбрецъ! хотѣлъ сказать Тимошъ, но удержался.

Онъ поторопился передать Янкелю все принесенное и побѣжалъ назадъ. Теперь ему стало жутко. Возбужденіе прошло. Каждый мертвецъ, казалось, ожилъ, шевелился, таращилъ глаза, и Тимошъ не зналъ куда дѣться; обходилъ лачуги, лѣпился по задворкамъ; но и тамъ натыкался на трупы, обезображенные

козаками. Онъ уже почти достигъ рва, какъ вдругъ изъ-за угла послѣдней лачуги наскочило на него что то огромное, неуклюжее; онъ почувствовалъ себя въ чьихъ-то крѣпкихъ рукахъ и, поднявъ голову, увидѣлъ себя въ рукахъ Ивана Злого.

— Что тебѣ отъ меня нужно? крикнулъ было Тимошъ; но Иванъ зажалъ ему ротъ рукою и со словами: „молчи щенокъ! я тебя научу, какъ батька не слушаться!“, сталъ опутывать его веревкою, переброшенною черезъ плечо. Вдругъ изъ-за края оврага тихо поднялась огромная фигура, и мощная рука схватила Злого за плечо.

— Ты что дѣлаешь, бисовъ сынъ! прогремѣлъ голосъ Павлюка.

Ошеломленный Иванъ бросилъ Тимоша и вскочилъ на ноги. Оба козака смѣрили другъ друга съ головы до ногъ.

— А тебѣ что за дѣло? злобно отозвался Иванъ.

— Отвѣчай, или я тебя научу говорить!—прогремѣлъ Павлюкъ, наступая на Злого.

— Ого! руки то и у меня есть, да и сабля еще не заржавѣла!— крикнулъ Иванъ, засучивъ рукава и выхвативъ саблю.

Павлюкъ презрительно передернулъ плечами.

— Если бы ты не былъ такое животное, я бы, пожалуй, помѣрялся съ тобою силою; а такихъ бездѣльниковъ, какъ ты, берутъ за шиворотъ и вздергиваютъ.

Съ этими словами онъ ловкимъ ударомъ кулака вышибъ у него саблю изъ рукъ, схватилъ его за воротъ козакина, тряхнулъ въ воздухѣ и бросилъ о земь. Отъ этого удара Злой потерялъ сознаніе, а Павлюкъ не спѣша вытащилъ изъ-за пояса крѣпкую веревку, сплетенную изъ ремней и связалъ ему руки и ноги.

— Вотъ такъ то, лежи здѣсь, пока я моего хлопца освобожу!

Онъ распуталъ Тимоша и поставилъ его на ноги.

— За что онъ тебя связалъ? спросилъ онъ его.

— Не знаю! едва проговорилъ испуганный Тимошъ.

— Какъ же ты тутъ очутился?

— Такъ, погулять пошелъ! отвѣчалъ уклончиво мальчикъ, стараясь не глядѣть въ ястребиныя очи козака.

— Гм, гм!—недовѣрчиво промычалъ Павлюкъ. Странное гулянье ночью между убитыми жидами! Ну, да все это мы уз-

наемъ. Я какъ разъ развяжу языкъ этому пучеглазому уроду, а теперь, хлопецъ, пора тебѣ спать; твой дидъ давно уже на всю крѣпость храпитъ!

Съ этими словами онъ взвалилъ себѣ на плечи Ивана и зашагалъ, какъ ни въ чемъ не бывало къ крѣпости, по временамъ потряхивая на плечахъ свою ношу. Тимошъ поплелся за нимъ и въ душѣ искренно желалъ провалиться сквозь землю.

ГЛАВА VI.

СУДЪ.

На другое утро козаки не скоро протрезвились; имъ хотѣлось допить горилку и вино, хотѣлось обшарить убитыхъ, ограбить всѣ уголки крѣпости, поискать золота и дорогого оружія; но грозный голосъ атамана прокричалъ: „въ путь!" Двумъ-тремъ забуянившимъ было козакамъ атаманъ ловкимъ взмахомъ молодецкой сабли снесъ головы, и это сразу отрезвило остальныхъ. Всѣ молча разошлись по своимъ мѣстамъ, стройными рядами двинулись къ лодкамъ, человѣкъ по тридцать, по сорока взвалили ихъ себѣ на плечи и двинулись на встрѣчу обозу. Ивана Злого тоже потащили связаннаго, такъ какъ некогда было теперь имъ заняться.

Только что грозные запорожцы исчезли вдали, какъ изъ лачугъ мало по малу стали показываться головы. Увы! немного осталось въ живыхъ, мало кому удалось спрятаться отъ зоркихъ глазъ козаковъ, и только одна семья Янкеля оказалась въ полномъ составѣ, чему другіе не мало завидовали.

— Ой вей миръ, ой вей миръ! Что мы теперь будемъ дѣлать, бѣдныя мы, несчастныя! вопили женщины съ отчаяніемъ, разыскивая среди убитыхъ кто отца, кто мужа, кто брата.

Мужчины равнодушнѣе относились къ убитымъ; они знали, что раненыхъ между ними нѣтъ,—козаки всѣхъ прикончили; а о мертвыхъ они еще успѣютъ позаботиться. Прежде надо рѣшить вопросъ, кого послать къ пану гетману. Это порученіе было выгодное, но и опасное: опасное вслѣдствіе трудности

пути; выгодное потому, что панъ Конецпольскій щедро наградитъ за быстрое извѣстіе. Только что пережитое несчастіе, казалось, еще болѣе пробудило жадность къ наживѣ въ этихъ людяхъ; они спорили, торговались и никакъ не могли придти къ соглашенію; наконецъ, практичный Янкель предложилъ рѣшить споръ жребіемъ и подставилъ полу своего кафтана. Надкусанные гроши, перстни и другія бездѣлки быстро полетѣли туда; потомъ подозвали одну изъ женщинъ и велѣли ей вынуть. По странному стеченію обстоятельствъ жребій выпалъ Янкелю; на этотъ разъ ему больше везло, чѣмъ другимъ. Его сейчасъ же собрали въ путь, привели бродившую около разграбленной крѣпости тощую лошаденку, достали рваную уздечку, вмѣсто сѣдла подостлали обрывокъ какого то покрывала, и пантофельный почтарь былъ готовъ. Второпяхъ онъ едва успѣлъ отдать приказаніе Хайкѣ, чтобы она собирала всѣ пожитки, забирала дѣтей и ѣхала вслѣдъ за нимъ въ Польшу.

Оставшіеся въ живыхъ евреи одинъ за другимъ проскользнули въ крѣпость, гдѣ на ихъ долю осталась еще порядочная добыча.

Панъ коронный гетманъ только что всталъ съ постели и занимался своимъ туалетомъ, читая при этомъ какую то интересную книгу историческаго содержанія. Наукою панъ занимался въ качествѣ диллетанта, но зналъ, пожалуй, не менѣе иного ученаго, благодаря умѣнью группировать и сопоставлять факты.

Красивое круглое лицо его съ большими умными глазами и съ длинною окладистою бородою носило отпечатокъ сосредоточеннаго вниманія, а бѣлая рука съ длинными выхоленными ногтями время отъ времени переворачивала страницы и спокойно опускалась на широкія складки домашней одежды.

— Можно войти? прозвучалъ сильный, звучный голосъ.

Не дожидаясь отвѣта, въ комнату вошелъ стройный юноша лѣтъ восемнадцати.

— Что тебѣ, Александръ? съ неудовольствіемъ спросилъ коронный гетманъ, и брови его сдвинулись. Онъ не любилъ, когда прерывали его утренній отдыхъ.

— Важныя вѣсти, отецъ! иначе я не рѣшился бы тебя потревожить.

Гетманъ закрылъ книгу.

— Что еще? Нынче каждый день надо ожидать важныхъ вѣстей. Богъ знаетъ, до чего мы дожили.

— Тамъ ждетъ тебя жидъ. Онъ увѣряетъ, что прискакалъ изъ-подъ Кодака, что козаки разгромили крѣпость, гарнизонъ и всѣ рабочіе вырѣзаны...

Конецпольскій вскочилъ съ мѣста.

— А полковникъ? спросилъ онъ тревожно.

— По разсказамъ жида всѣ погибли.

— Надо допросить его хорошенько; быть можетъ, онъ и лжетъ. Это совсѣмъ невѣроятно, такая прекрасная крѣпость, такой испытанный гарнизонъ и опытный комендантъ.

Въ волненіи, сильно заикаясь, зашагалъ панъ Станиславъ по комнатѣ. Его природный недостатокъ обнаруживался теперь въ полной силѣ. Не даромъ про него говорили, что панъ Станиславъ прежде разобьетъ, чѣмъ прикажетъ идти на бой. Онъ велѣлъ позвать Янкеля и заставилъ его подробно разсказать обо всемъ, происшедшемъ въ Кодакѣ.

— Прошу не разглашать до поры до времени о случившемся—сказалъ онъ Янкелю на прощаніе, сунувъ ему въ руку нѣсколько золотыхъ. Я провѣрю сообщенные слухи, и если они окажутся достовѣрными, можешь разсчитывать на мой кошелекъ.

Лице Янкеля вытянулось.

— Ясновельможный панъ не будетъ такъ немилостивъ къ бѣдному еврею,—низко кланяясь, попробовалъ заявить онъ:—козаки разграбили все мое имущество, я остался ни съ чѣмъ, а у меня жена, дѣти...

— Потерпи нѣсколько дней, пока слухи оправдаются,—твердо повторилъ гетманъ, важнымъ жестомъ руки показавъ, что еврей можетъ удалиться.

— Жадная христіанская собака! проворчалъ Янкель, выходя на улицу. Стоило скакать столько верстъ, загнать двухъ коней, чтобы получить нѣсколько золотыхъ. Не даромъ козаки вѣшаютъ и топятъ этихъ жирныхъ пановъ,—размышлялъ онъ,

опуская деньги въ карманъ.—Ну, да не уйдетъ онъ отъ меня; я изъ него выжму свою награду!

Панъ Станиславъ кликнулъ дежурнаго дневальнаго и приказалъ послать гонцевъ за козацкими сотниками Богданомъ и Ильяшемъ. Потомъ присѣлъ къ письменному столу и написалъ письма къ пану Киселю и пану канцлеру Оссолинскому, потеръ руки съ видомъ довольства и проговорилъ про себя:

— Хитры эти козаки, но мы ихъ возьмемъ тоже хитростью, и они попадутъ къ намъ въ ловушку.

Въ козацкомъ таборѣ допрашивали Ивана Злого. Въ небольшомъ четырехугольникѣ, образованномъ окопами, наскоро вырытыми привычною козацкою рукою, въ самомъ центрѣ обоза собралась теперь рада. Сулима сидѣлъ на опрокинутомъ боченкѣ; надъ головой его развѣвалось воткнутое въ землю козацкое красное знамя. Подлѣ него, тоже на боченкѣ, сидѣлъ писарь со всѣми своими аттрибутами: почтенныхъ размѣровъ чернильницею, большимъ листомъ толстой грубой бумаги, печатью, воскомъ и огаркомъ восковой свѣчи. Тутъ же стояла и остальная козачья старшина съ бунчукомъ и булавою. Противъ старшины расположились курени со своими куренными атаманами, опиравшимися на толстыя палицы и имѣвшими на плечахъ короткія мѣховыя мантіи. Довбиши ударили въ котлы. Сулима принялъ булаву и приказалъ привести Ивана Злого, помѣщеннаго въ одну изъ ближнихъ палатокъ. Его привели и поставили среди полукруга. Съ лѣвой стороны сталъ Тимошъ, съ правой—Павлюкъ въ качествѣ обвинителя. Лицо Злого осунулось и поблѣднѣло, глаза безпокойно перебѣгали съ одного предмета на другой. Онъ искалъ случая улизнуть, и державшіе его дюжіе козаки не сводили съ него глазъ.

— Карпо Павловичъ Гудзанъ! торжественно произнесъ Сулима, обращаясь къ Баюну:—что имѣешь ты сказать про козака Ивана Злого и въ чемъ его обвиняешь?

— Козакъ Злой, началъ Баюнъ съ разстановкою, учинилъ насиліе надъ сыномъ славнаго козака Богдана Хмельницкаго,

лично извѣстнаго и мнѣ, и тебѣ, атаманъ; онъ связалъ его съ явнымъ намѣреніемъ причинить ему зло.

Писарь записалъ показаніе обвинителя; атаманъ обратился къ Злому.

— Что имѣешь ты сказать въ свое оправданіе, принимаешь ли ты обвиненіе Гудзана?

— Не принимаю,—отвѣтилъ Злой, стараясь казаться спокойнымъ.—Да будетъ вѣдомо всему войску запорожскому, что малый хлопецъ этотъ спознался съ жидами. Я выслѣдилъ его, какъ онъ ходилъ въ корчму жида Янкеля и слышалъ, какъ онъ тамъ перешептывался съ жидами; за то я его и связалъ.

Если бъ на козаковъ ударили изъ яснаго неба громъ и молнія, они не такъ бы удивились, какъ услышавъ о предательствѣ Тимоша.

— Брешетъ онъ, вражій сынъ! вскрикнулъ Ганжа, выскакивая впередъ. Не можетъ этого быть, вывернуться хочетъ, обѣлиться.

Сулима махнулъ на старика булавою, и тотъ ворча отступилъ къ своему куреню.

— Карпо Павловичъ, гдѣ ты нашелъ ихъ? обратился атаманъ къ Баюну.

— За рвомъ, у жидовскихъ лачугъ.

— Какъ ты туда попалъ, хлопецъ? обратился атаманъ къ Тимошу.

Тимошъ поблѣднѣлъ, смутился и, видимо, колебался отвѣчать. Павлюкъ подошелъ къ нему, положилъ свою мозолистую руку на голову и ласково проговорилъ:

— Не бойся, сынку! Выложи пану атаману всю свою душу. Я съ тобою и въ обиду тебя никому не дамъ.

Тимошъ благодарно глянулъ въ нагнувшееся къ нему лицо и тихо нетвердымъ голосомъ проговорилъ:

— Я не спознавался съ жидами, а только мнѣ было ихъ жалко: голодные они сидѣли, и ребятишки плакали,—вотъ я и снесъ имъ поѣсть и попить.

Послѣ минутнаго молчанія козаки зашумѣли. Услышавъ признаніе Тимоша, Ганжа даже крякнулъ съ досады:

— Ишь, бисовъ сынъ! что выдумалъ! жидовъ кормить! А они зашлепаютъ въ своихъ пантофляхъ до ляховъ, да и приведутъ на насъ ляшское войско. Вотъ ужъ навязалъ я себѣ заботу на шею; нехай бы тебя вѣдьмы съѣли!

Голоса раздѣлились: кто былъ за Тимоша, кто оправдывалъ Злого, находя, что онъ поступилъ такъ, какъ слѣдуетъ. Завистники Баюна воспользовались случаемъ и, поглядывая на него, съ недоброжелательствомъ говорили:

— Небось, къ другимъ строгъ! а самъ, не разобравши дѣла, какую кашу заварилъ. Пускай бы козакъ поучилъ хлопца, впередъ не сталъ бы соваться, куда его не спрашиваютъ.

Павлюкъ сурово молчалъ, изъ-подлобья посматривалъ на всѣхъ, крутя свой густой усъ. Онъ время отъ времени пытливымъ проницательнымъ взоромъ окидывалъ Злого, и тотъ невольно ежился подъ этимъ взглядомъ.

— Карпъ Гудзанъ! обратился Сулима къ обвинителю:—что имѣешь сказать намъ, берешь ли назадъ обвиненіе?

— Браты запорожцы!—началъ Павлюкъ, сложивъ руки на груди и обводя взоромъ все собраніе:—и ты, храбрый атаманъ нашъ! не одинъ годъ вы знаете Баюна Полуруса, не въ первый разъ вы слушаете его совѣтовъ. Повѣрьте же ему, други, и теперь: недобрый козакъ стоитъ передъ вами и брешетъ онъ, вражій сынъ; по глазамъ его вижу, брешетъ. Разсудите вы только вотъ что. Онъ говоритъ, что слышалъ, какъ Тимошъ перешептывался въ хатѣ съ жидами. Если онъ дужій козакъ, зачѣмъ же онъ пошелъ слѣдомъ за хлопцемъ, который бы все равно никуда отъ насъ не ушелъ. И зачѣмъ онъ, лихо его возьми, не вошелъ въ хату и не перерѣзалъ все жидовское отродье? Спрашиваю васъ, панове козаки, зачѣмъ ему было вязать хлопца?...

Сулима одобрительно кивнулъ головою, и послѣ минутнаго молчанія толпа загудѣла на иной ладъ.

— А и то правда! кричали козаки:—допроси его, батько, отчего онъ не перерѣзалъ жидовъ?

— Оттого, братове, продолжалъ Павлюкъ, что онъ самъ шпіонъ! Нечего на меня коситься, какъ сѣрый волкъ!—обратился

онъ къ Злому. Ты бы хлопца то связалъ да и утекъ съ нимъ о ляховъ. Признавайся-ка, братику, я тебя насквозь вижу!

Толпа загудѣла.

— Допроси его, пане атамане! А не признается, батогами его,—може и скажетъ.

— Признавайся! обратился атаманъ къ Ивану.

Иванъ упорно молчалъ. Но десятки рукъ его уже схватили, собираясь подвергнуть пыткѣ.

— Смилуйся, пане атамане! взмолился онъ вдругъ, увидавъ надъ обнаженною спиною взвившіеся батоги. Не надо меня пытать, я и такъ все скажу.

Прерывающимся голосомъ покаялся онъ въ своихъ намѣреніяхъ, разсказалъ о порученіи Хмельницкаго и о томъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крѣпости у него ужъ былъ приготовленъ осѣдланный конь, котораго онъ заранѣе вывелъ изъ крѣпостныхъ конюшенъ.

— Подъ шибеницу его! загудѣла рада. Въ землю зарыть живьемъ! Батогами забить до смерти!

Но густой голосъ Гудзана повелительно пронесся надъ толпой, и всѣ сразу замолкли. Авторитетъ его въ одну минуту возросъ, и тѣ, кто говорилъ противъ него, поспѣшили затеряться въ заднихъ рядахъ.

— Козакъ этотъ мой! коротко отрѣзалъ онъ. Я его обвинилъ, я и берусь расправиться съ нимъ; а кто его тронетъ пальцемъ, тотъ будетъ считаться со мною. Позволяешь ли мнѣ, атамане? обратился онъ къ Сулимѣ.

Атаманъ утвердительно кивнулъ головою и опустилъ булаву.

Было уже довольно поздно; всѣ разошлись по палаткамъ, а Павлюкъ повелъ къ себѣ своего плѣнника.

— Ну, бисовъ сынъ! обратился онъ къ нему. Что, ты думаешь, я теперь съ тобою сдѣлаю?

Злой сурово покосился на него.

— Прикончи ужъ скорѣй! отвѣчалъ онъ мрачно. Нечего надо мною насмѣхаться.

Павлюкъ взялъ его за конецъ связанной веревки и потащилъ изъ табора въ степь.

— Кончать его ведетъ,—говорили козаки, кивая на мощную фигуру, скрывшуюся въ сумракѣ.

Отойдя шаговъ сто отъ лагеря, Павлюкъ остановился, не спѣша вынулъ изъ-за пояса ножъ, медленно перерѣзалъ веревки, связывавшія руки и ноги козака, далъ ему легкаго пинка въ спину и проговорилъ:

— Ну, вражій сыну! бѣги теперь на всѣ четыре стороны, куда глаза глядятъ, да помни: если ты когда нибудь вздумаешь вредить войску запорожскому, Карпъ Гудзанъ на днѣ моря тебя сыщетъ и встряхнетъ ужъ не такъ!

Злой въ первую минуту ошалѣлъ и тупо, безсмысленно смотрѣлъ на своего избавителя, думая, что тотъ надъ нимъ издѣвается.

— Чего бѣльма-то вытаращилъ? прикрикнулъ на него Павлюкъ. Еще чего добраго, пройдетъ кто нибудь изъ козаковъ... Гайда въ степь! и чтобы духу твоего не было!.. Баюнъ, хоть и полурусъ, а все таки крестъ на немъ есть, и жалость у него въ сердцѣ не умерла.

Злой бросился на колѣни:

— Батько, родный мой, золотой мой! Ввѣкъ не забуду; всю жизнь готовъ тебѣ служить...

— Ну, добре, добре! Утекай! махнулъ ему Павлюкъ и съ усмѣшкою, дергая себя за усъ, смотрѣлъ, какъ замелькали пятки козака.

— Покончилъ его?—спрашивали его встрѣчные товарищи въ таборѣ.

— Покончилъ! отвѣчалъ имъ съ загадочною улыбкою Павлюкъ.

ГЛАВА VII.

ПОМИЛОВАНІЕ.

Стоялъ конецъ ноября. Осень была пасмурная, дождливая и тянулась ужъ слишкомъ долго. Несмотря на дурную погоду, на слякоть, изморозь, холодный рѣзкій вѣтеръ, на улицахъ Вар-

шавы чувствовалось какое-то оживленіе. Народъ толпился, стоялъ кучами на площадяхъ, на перекресткахъ, на бульварахъ; всѣ съ жаромъ толковали о текущихъ дѣлахъ, высказывали мнѣнія, спорили, шумѣли. Сеймъ подходилъ къ концу; рѣшалась участь козацкаго атамана Сулимы съ его сообщниками. У дверей зданія, гдѣ засѣдалъ сеймъ, народъ съ утра собирался густою массою, несмотря на противодѣйствіе стражи. Всѣ были убѣждены, что помилованія козакамъ не будетъ, но всякому хотѣлось знать, когда и какую казнь имъ назначатъ и что еще рѣшатъ на сеймѣ относительно козацкихъ вольностей.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ шинковъ сидѣлъ знакомый уже намъ сотникъ Богданъ Хмельницкій съ двумя козаками: одинъ—пожилой, благообразный мужчина съ дѣтски наивнымъ добродушнымъ лицемъ, въ одеждѣ войсковаго атамана, другой—молодой, безбородый, худощавый съ проницательнымъ взглядомъ и хитрой заискивающей улыбкой, судя по одеждѣ былъ войсковой писарь. Передъ ними стояла горѣлка, и Богданъ усердно угощалъ своихъ собесѣдниковъ.

— Эхъ, жаль Павлюгу! со вздохомъ сказалъ атаманъ, опоражнивая налитую чарку: такому дужему козаку и пропасть ни за что подъ топоромъ палача, какъ какому нибудь бездѣльнику. Душа-то его, душа-то одна чего стоитъ! Этакого человѣка на всемъ свѣтѣ не найти другаго...

— Быть можетъ, паны ихъ еще и помилуютъ, съ ехидною улыбкою вставилъ писарь.

— Нѣтъ! серьезно отвѣчалъ Богданъ: врядъ ли! Панъ коронный гетманъ ни за что не проститъ Сулиму и настоитъ на казни, а тутъ еще турки и татары въ дѣло вмѣшались.

— Ну, да Сулима-то проходимецъ! Богъ съ нимъ съ Сулимой!—махнувъ рукой, возразилъ атаманъ. Былъ нехристь, нехристемъ и остался... Слышалъ я давеча отъ тюремной стражи, что въ католичество перешелъ онъ.

— И я слышалъ, подтвердилъ Богданъ, да може пустое брешутъ.

— Да ну его Сулиму! нетерпѣливо перебилъ атаманъ; а я вотъ о Павлюгѣ думаю, нельзя ли ему какъ-нибудь помилованіе

выпросить? Не грѣхъ бы пану сотнику похлопотать о нашемъ козацкомъ горѣ; панъ сотникъ близокъ съ панами; у пана короннаго гетмана, что свой, принятъ. Да панъ гетманъ, говорятъ, и простъ съ людьми. Что бы попросить его?...

— Осмѣлюсь доложить пану атаману,—заискивающимъ тономъ началъ писарь,—что тутъ никто изъ пановъ ничего сдѣлать не можетъ; одинъ голосъ на сеймѣ ничего не значитъ. А вотъ если бы панъ сотникъ захотѣлъ это дѣло устроить, то лучше ему забѣжать повыше, а я знаю, что у него есть туда ходъ.

— Панъ—приказная крыса: слишкомъ много знаетъ! рѣзко возразилъ Богданъ, сверкнувъ на писаря своими блестящими глазами.—Кабы могъ я что-нибудь сдѣлать,—обратился онъ къ атаману—я бы все сдѣлалъ: мнѣ мой сынишка всѣ уши прожужжалъ о своихъ друзьяхъ.

— А развѣ это правда, что Тимошъ вмѣстѣ съ ними къ Кодаку ходилъ? спросилъ атаманъ. Я слышалъ, да не вѣрилъ.

— Правда, правда! Сущая истина. Бѣдовый хлопецъ!

— Какъ же ты его выручилъ?

— Да такъ! Какъ схватили Сулиму наши реестровые, онъ поскакалъ за ними вслѣдъ, не хотѣлъ безъ своихъ друзей въ таборѣ оставаться.

— Важный будетъ козакъ! покачивая головою, проговорилъ атаманъ. Это первое дѣло друзей въ бѣдѣ не оставлять.

Писарь лукаво посмотрѣлъ на нихъ обоихъ.

— Еще разъ осмѣлюсь доложить, панове!—съ тою же улыбкою, тихимъ мягкимъ голосомъ проговорилъ онъ,—что Павла Баюна можно спасти, стоитъ только замолвить словечко пану великому канцлеру.

Богданъ сердитымъ взглядомъ смѣрилъ его съ головы до ногъ и, ни слова не отвѣтивъ, всталъ съ мѣста.

— Пора и до дому! сказалъ онъ, зѣвая и подтягивая свой дорогой кушакъ.

Онъ простился со старшиною, кивнулъ головою писарю и, выйдя на улицу, поспѣшно пошелъ домой. Онъ остановился у пана Конецпольскаго съ нѣсколькими другими сотниками и полковниками, находившимися въ милости у коронннаго гетмана.

Въ роскошномъ флигелѣ великолѣпнаго дворца, въ одной изъ старинныхъ комнатъ верхняго этажа его съ нетерпѣніемъ ждалъ Тимошъ. Мальчику было не по себѣ въ громадномъ зданіи, кишѣвшемъ теперь нарядными панами, ихъ прислугою, стражею и войскомъ. Онъ терялся въ этой непривычной для него сутолокѣ и пугливо прятался за широкую спину отца, проходя съ нимъ по двору или входя въ большую залу, наполненную гостями. Когда же отецъ уходилъ, онъ скорѣе забирался на верхъ въ отведенную имъ комнату, не зная, что съ собою дѣлать и чѣмъ заняться.

— Татко, наконецъ-то! радостно проговорилъ онъ, порывисто бросаясь къ отцу.—Кончился сеймъ?

Этотъ вопросъ онъ предлагалъ отцу каждый разъ, какъ тотъ возвращался домой. Отецъ всякій разъ отвѣчалъ ему какой-нибудь шуткой; но на этотъ разъ онъ видимо былъ не въ духѣ.

— Успѣютъ еще всѣмъ головы срубить,—мрачно отвѣчалъ онъ. Тебѣ то что до этого?

Тимошъ со времени ареста Сулимы, Павлюка, Ганжи и Смольчуга сталъ особенно раздражителенъ и чутокъ къ отцовской рѣзкости. На всѣ его просьбы о ходатайствѣ передъ панами Богданъ либо отмалчивался, либо отшучивался, и это еще болѣе волновало мальчика.

— Какъ что? почти крикнулъ онъ. Какъ что? Это тебѣ нѣтъ дѣла до того, что твоихъ братьевъ козаковъ вѣшаютъ; это ты не хочешь пановъ попросить ни о дидѣ, ни о Павлюкѣ, ни объ атаманѣ, а мнѣ за нихъ больно. Дидъ обо мнѣ, какъ о родномъ заботился; Павлюкъ заступился за меня, когда меня судить хотѣли... Стыдно мнѣ за тебя, татко! нервно крикнулъ мальчикъ и разразился рыданіями.

Богданъ нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на него, нерѣшительно подергивая свой усъ. Разсердиться на него, думалъ онъ, обойтись строгостью—опять, пожалуй, убѣжитъ.

— Полно, хлопче! ласково проговорилъ онъ, кладя руку мальчику на плечо. Я, вѣдь, не жидъ Ильюшка! Еслибъ можно было, я и самъ не прочь помочь козакамъ.

— Какъ не можно? Ты можешь, ты только не хочешь! упрямо проговорилъ мальчикъ. Не хочу я жить безъ нихъ! опять

разрыдался мальчикъ. Пусть и мнѣ отрубятъ голову; я вмѣстѣ съ ними ходилъ къ Кодаку.

Богданъ въ раздумьи погладилъ усы.

— Да полно же тебѣ! Ну, будетъ! проговорилъ онъ, стараясь успокоить мальчика.—Я попробую, схожу къ пану канцлеру—продолжалъ онъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою. Не даромъ этотъ дурень Онушкевичъ говорилъ про него давеча.

Тимошъ ожилъ.

— Татко! если это ты сдѣлаешь,—задыхаясь проговорилъ онъ,—если живы будутъ и Павлюкъ, и Ганжа, никогда я этого не забуду, всегда буду во всемъ тебя слушаться.

Послѣдующіе дни прошли въ тревожномъ ожиданіи для Тимоша. Онъ видѣлъ, что отецъ куда то уходилъ, совѣтовался съ какими то людьми, часто упоминалъ въ разговорахъ имена канцлера, короля и пойманныхъ козаковъ; наконецъ кончился сеймъ, и Тимошъ узналъ изъ разговоровъ взрослыхъ, что всѣ козацкіе старшины осуждены на казнь.

— Татко, чтожъ это будетъ? приставалъ онъ къ отцу:—неужели нѣтъ помилованія?

— Молчи, сынку! утѣшалъ Богданъ. Атамана не помилуютъ, а другихъ, можетъ, и высвободимъ!

Настaлъ наконецъ день казни. На площади былъ воздвигнутъ эшафотъ. Народъ стекался со всѣхъ сторонъ: паны со своею многочисленною свитою, шляхтичи съ женами и домочадцами, козаки реестровые и запорожскіе, всякій мелкій людъ—купцы, ремесленники всевозможныхъ національностей, хлопы изъ подгородныхъ деревень. Для почетныхъ гостей наскоро были устроены поближе къ эшафоту мѣста, среди которыхъ особенно обращали на себя вниманіе предназначенные для ханскихъ пословъ, пользовавшихся особымъ вниманіемъ польскихъ сановниковъ.

Богданъ съ Тимошемъ стояли въ толпѣ почетной свиты пана короннаго гетмана. Мальчикъ за послѣдніе дни осунулся? глаза его ввалились и блестѣли лихорадочно; носъ заострился, онъ крѣпко сжималъ руку отца и шепталъ про себя молитвы.

Король отсутствовалъ. Его представителями были великій канцлеръ Оссолинскій и великій канцлеръ литовскій Радзивилъ.

Въ толпѣ слышался сдержанный говоръ; козаки мрачно, злобно посматривали на пановъ, старавшихся превзойти другъ друга великолѣпіемъ костюмовъ и пышностью обстановки. Гдѣ-то въ толпѣ кто-то изъ панской челяди хлестнулъ нагайкой не посторонившагося во-время козака, мгновенно блеснула въ воздухѣ козацкая сабля, но прежде чѣмъ она успѣла опуститься, десятки панскихъ стражниковъ схватили провинившагося, обезоружили и поволокли изъ толпы. Нѣсколько стоявшихъ вблизи козаковъ схватились уже за сабли... и, Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ въ самый этотъ моментъ не раздались возгласы: „везутъ, везутъ!“ Толпа дрогнула, задвигалась, заколыхалась.. Изъ-за угла улицъ показалась колесница съ осужденными; на всѣхъ на нихъ были надѣты какія то шутовскія мантіи; въ рукахъ они держали жезлы. Лице Сулимы было блѣдно; но онъ старался не выказать смущенія и время отъ времени перекидывался словами съ ѣхавшимъ съ нимъ католическимъ ксендзомъ. Павлюкъ мрачно исподлобья посматривалъ на толпу. Замѣтивъ Тимоша, онъ кивнулъ ему, и мягкая, немного грустная улыбка скользнула по его лицу. Тимошъ конвульсивно сжалъ руку отца.

— Татко! прошепталъ онъ. А помилованіе?

— Молчи, сынку! отвѣчалъ тотъ и покосился на стоявшихъ рядомъ шляхтичей.

Атаманъ твердо взошелъ на помостъ, снялъ съ шеи небольшой образокъ въ золотой оправѣ, набожно поцѣловалъ его и, передавая ксендзу, сказалъ:

— Этотъ образокъ подаренъ мнѣ его святѣйшествомъ; я бы хотѣлъ, чтобъ его положили со мною въ гробъ.

— Желаніе твое будетъ исполнено, сынъ мой! отвѣчалъ ксендзъ, благословляя его.

Атаманъ глубоко вздохнулъ, медленно поклонился на всѣ четыре стороны, взглянулъ на палача, стоявшаго подлѣ деревянной плахи, самъ отстегнулъ воротъ и спокойно положилъ голову на плаху.

Тимошу все это казалось сномъ; онъ слѣдилъ за движеніями атамана и думалъ, что вотъ онъ сейчасъ проснется, и тяжелое

видѣніе исчезнетъ. Но когда взвился топоръ въ мощной рукѣ палача, когда что то замерло и повисло надъ стотысячною толпою, а знакомая Тимошу голова покатилась по помосту,—мальчикъ не выдержалъ и съ воплемъ „татко, что же это такое?“—повалился замертво отцу на руки.

Произошло маленькое замѣшательство вокругъ Богдана; двое знакомыхъ сотниковъ бросились помогать ему; шляхтичи презрительно посторонились, и Тимоша съ большимъ трудомъ пронесли въ ближайшій шинокъ.

Когда мальчикъ открылъ глаза, ему казалось, что онъ долго спалъ и видѣлъ страшный сонъ. Первое, что привело его въ сознаніе, были дорогія ему лица, наклонившіяся надъ нимъ.

— Дидъ! Павлюкъ! радостно вскрикнулъ мальчикъ и вскочилъ съ соломенной постилки. Выживы? А атаманъ?

Козаки грустно опустили головы, и Павлюкъ положилъ свою большую коренастую руку на плечо мальчика.

— Не кручинься, хлопецъ! сказалъ онъ, и въ голосѣ его что то дрогнуло.

Мальчикъ испуганно посмотрѣлъ на него.

— Такъ это былъ не сонъ! Какъ же вы-то спаслись?

— Спаслись, сынку! Спасибо пану канцлеру! отвѣчалъ Ганжа.

— А татко? а Смольчугъ? спрашивалъ мальчикъ, озираясь.

— И Смольчуга помиловали. Онъ сейчасъ придетъ съ твоимъ отцемъ. Насъ троихъ и помиловали только. Между козаками ходятъ слухи, что отецъ твой просилъ пана канцлера, да онъ, видишь, не сознается въ этомъ.

Тимошъ былъ увѣренъ, что это дѣло его отца, но промолчалъ. Если отецъ не признавался козакамъ, значитъ такъ нужно, но онъ теперь готовъ все сдѣлать для отца.

— Ну, хлопче! Радъ ты, что видишъ насъ? весело спросилъ Павлюкъ.

Тимошъ засмѣялся.

Въ эту минуту отворилась дверь, и Смольчугъ показался на порогѣ.

— Если хлопцу лучше, то Богданъ велѣлъ его привести къ себѣ; онъ у пана короннаго гетмана. Сегодня тамъ пиръ, и онъ никакъ не можетъ отлучиться. Эге! да онъ уже и на ногахъ! продолжалъ Смольчугъ, ласково потрепавъ мальчика по плечу. Ну, пойдемъ же, хлопецъ! татко тебя ждетъ.

Тимошъ простился съ Павлюкомъ и Ганжею и пошелъ со Смольчугомъ.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧЪ КВИТКА,

неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго столѣтія.

Въ 1812 г. была издана въ Харьковѣ, безъ обозначенія имени автора, книга: „Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 года", отпечатанная въ университетской типографіи. Кто именно былъ авторъ этой книги—въ печати до настоящаго времени точно не было извѣстно. Въ дѣлахъ правленія харьковскаго университета за 1812 г., относительно этой книги имѣется въ дѣлѣ „О типографіи и о всѣхъ предметахъ къ оной относящихся" такая запись: „4 апрѣля 1812 г. *слушали* рапортъ фактора университетской типографіи о напечатаніи сочиненія: „Записки о слободскихъ полкахъ", 150 экземпляровъ, для чего употреблено бумаги № 2 двѣ стопы и 5 дестей, корректурной 1 десть; *по справкѣ оказалось*: Записки печатались на счетъ капитала Григорія Квитки; *приказали*: Записки отдать г. Квиткѣ, потребовавъ прежде отъ него слѣдующія по счету 99 р. 32½ к. деньги".

Вѣроятно, въ виду содержащагося въ этой записи указанія на то, что „Записки о слободскихъ полкахъ" печатались на капиталъ Григорія Ѳедоровича Квитки, въ брошюрѣ *А. Рославскаго-Петровскаго*: „Указатель сочиненій, напечатанныхъ въ типографіи Императорскаго харьковскаго университета въ 1804—1814 годахъ" (Харьковъ, 1866), это сочиненіе и приписано Григорію Ѳ. Квиткѣ.

Перепечатавъ эту книгу въ 1883 г., въ приложенiи къ „Статистическому Листку“ (Харьковъ, типографiя окружнаго штаба, 4°), г. *Сокальскiй* въ своемъ предисловiи къ ней, указавъ на то, что въ книгѣ Г. П. Данилевскаго „Украинская Старина“ списокъ сочиненiй Г. Ѳ. Квитки начинается только съ 1816 г. и что въ этомъ спискѣ упоминается объ историческомъ изысканiи Г. Ѳ. К. „О слободскихъ полкахъ“, напечатанномъ въ „Современникѣ“ 1840 г. т. XVII, прибавляетъ, что за отсутствiемъ въ библiотекѣ харьковскаго университета журнала „Современникъ“ за 1840 г., онъ не могъ провѣрить, составляетъ ли „изысканiе“, помѣщенное въ этомъ журналѣ, простую перепечатку „Записокъ“, появившихся въ Харьковѣ въ 1812 г., или же съ измѣненiями и дополненiями. Такимъ образомъ, и г. Сокальскiй повидимому полагаетъ, что изданная въ 1812 г. и перепечатанная имъ въ 1883 г. книга „Записки о слободскихъ полкахъ“— есть сочиненiе Григорiя Ѳед. Квитки и что, можетъ быть, это самое сочиненiе и было перепечатано въ „Современникѣ“ за 1840 г., который онъ не могъ найдти въ харьковскихъ библiотекахъ.

Однако, напечатанная въ „Современникѣ“ 1840 г. статья Г. Ѳ. Квитки „О слободскихъ полкахъ“ вовсе не есть перепечатка изданной въ 1812 г. книги „Записки о слободскихъ полкахъ“, и г. Данилевскiй не безъ основанiй не включилъ эту книгу въ составленный имъ „Перечень сочиненiй Основьяненка“, напечатанный въ приложенiи къ статьѣ его: „Григорiй Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко“, въ книгѣ „Украинская Старина“. Хотя упомянутыя „Записки о слободскихъ полкахъ“ и были изданы на капиталъ Григорiя Ѳед. Квитки, но это не было его сочиненiе.

Просматривая недавно бумаги бывшаго профессора харьковскаго университета, а потомъ директора новгородсѣверской гимназiи Ильи Ѳедоровича *Тимковскаго,* мы изъ нѣсколькихъ, сохранившихся между этими бумагами писемъ имѣли случай узнать, кто именно былъ авторъ изданныхъ въ 1812 г. „Записокъ о слободскихъ полкахъ“, свѣдѣнiями о чемъ и сочли не лишнимъ подѣлиться съ читателями.

Между означенными бумагами мы нашли около десятка писемъ, писанныхъ въ 1810—1814 годахъ, съ помѣтою: „с. Основа“ и съ подписью: „*Илія Квитка*“. Это былъ тотъ Илья Ивановичъ Квитка (сынъ полковника Ивана Григорьевича Квитки и дядя Григорія Ѳед. Квитки-Основьяненка), одно письмо котораго (къ Гр. Ник. Теплову) было напечатано въ приложеніи къ „Краткому историческому описанію о Малой Россіи“, изданному О. М. Бодянскимъ въ 1848 г. [1]) и о которомъ преосвященный Филаретъ, въ своемъ „Описаніи харьковской епархіи“, описывая село Основу и упоминая похороненныхъ въ склепѣ подъ церковью этого села благотворителей ея, говоритъ: „Илія Ивановичъ Квитка, который, не бывъ въ монастырѣ, жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ: ибо онъ имѣлъ у себя особенное уединенное жилище и не зналъ никуда другихъ дорогъ, кромѣ какъ къ бывшему преосвященному Павлу, у котораго онъ поучался христіанской жизни; переписка его съ Тепловымъ и Кочубеемъ показываетъ, что онъ занимался и литературою“ [2]).

Изъ найденныхъ нами писемъ Ильи Ив. Квитки видно, что онъ бывалъ не у одного преосвященнаго Павла, а также навѣщалъ иногда и И. Ѳ. Тимковскаго; по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ извиняется, что нездоровье мѣшаетъ ему лично повидѣться съ Тимковскимъ, и усердно шлетъ поклоны женѣ и другимъ членамъ семьи Тимковскаго. Въ одномъ письмѣ, именно отъ 9 сентября 1814 г., И. И. Квитка даетъ прямое указаніе на свой возрастъ; жалуясь въ этомъ письмѣ на нездоровье и говоря о возможной близости смерти, онъ прибавляетъ: „сего ожидать надобно ежечасно шестидесяти-девятилѣтнему старику“. Это письмо и было послѣднимъ изъ тѣхъ, которыя мы нашли въ бумагахъ Тимковскаго.

Также какъ и вышеупомянутое письмо къ Григорію Николаевичу Теплову, которое И. И. Квитка писалъ, посылая Теплову рукопись, названную имъ въ письмѣ „Журналомъ малороссійскихъ дѣяній до временъ гетмана Богдана Хмельницкаго“,

---

[1]) Чтенія въ Импер. московск. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1848 г., кн. 6-я.

[2]) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, кн. 2, стр. 132.

найденныя нами письма показываютъ, что И. И. Квитка интересовался и занимался малорусской исторіей и собиралъ для нея разные матеріалы. Отъ времени до времени онъ дѣлился съ Тимковскимъ этими матеріалами, посылая ему списки имѣвшихся у него документовъ. Такъ при одномъ письмѣ онъ посылаетъ списокъ докладныхъ пунктовъ гетмана Скоропадскаго его царскому величеству съ состоявшеюся по этимъ пунктамъ резолюціею и копію инструкціи, данной 27 іюля 1709 г., состоявшему при Скоропадскомъ стольнику Измайлову; съ другимъ письмомъ посылаетъ списокъ договорныхъ пунктовъ Выговскаго, съ третьимъ— копію письма Мазепы Петру I и т. д. Почти при каждомъ письмѣ своемъ къ Тимковскому онъ прилагаетъ какіе нибудь матеріалы по исторіи Малороссіи.

Въ 1810 году И. И. Квитка, какъ видно изъ его писемъ, послалъ Тимковскому два рукописныя сочиненія свои. Объ одномъ изъ нихъ онъ писалъ 24 апрѣля 1810 г.: „исполняя слово мое, препровождаю при семъ тетрадь *о Малой Россіи*; пусть описаніе въ оной будетъ памятникомъ усердія, почтенія и приверженности къ вамъ неопытнаго писателя онаго; вы можете исправить и дополнить вашими записками; другое жъ чрезъ нѣсколько дней вы получите отъ пребывающаго съ истиннымъ почтеніемъ вашего покорнѣйшаго Иліи Квитки“.

Затѣмъ въ письмѣ отъ 19 мая того же года И. И. Квитка писалъ: „препровождаю описаніе *о слободскихъ полкахъ*; извините писателя, неопытнаго въ слогѣ сообразно историческимъ изданіямъ, и въ правописаніи равно и ошибкахъ мало видящаго съ помощію двухъ стеколъ глазами; прилагая въ чернѣ оное, надѣюсь на благосклонность вашу ко мнѣ, что будетъ оное исправлено во всѣхъ пунктахъ, и всеприлежнѣйше прошу того одолженія, чтобъ я удовольствіе имѣлъ видѣть труды мои изданные въ печати по слову вашему, но безъ надписанія сочинителя; и ежели вамъ угодно, то отъ вашего имени пусть будетъ сочтено оное“.

Въ письмѣ, писанномъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, Квитка снова говоритъ объ обоихъ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ: „ежели предвидѣть можно затрудненіе въ напечатаніи описанія о

слободскихъ полкахъ то прилежнѣйше прошу приказать переписать исправнымъ почеркомъ оное описаніе и переплесть для доставленія ко мнѣ, а черное пусть у васъ остается. Вы можете по времени, какъ о Малой Россіи, такъ и о слободскихъ полкахъ описанія передать въ печать, только не отъ моего имени, по тѣмъ резонамъ, кои могу вамъ лично объявить, и вы конечно согласитесь на оные".

Еще въ одномъ письмѣ, отъ 11 декабря 1810 г. идетъ рѣчь о томъ, чтобъ Тимковскій поручилъ переписчику переписать какую то рукопись Квитки, которая въ письмѣ не называется, и чтобы послѣ этого одинъ экземпляръ рукописи Тимковскій оставилъ у себя, а другой возвратилъ Квиткѣ: „пріятно для меня будетъ", прибавляетъ онъ, „когда я, получивъ переписанную, оставлю въ рукахъ вашихъ мой трудъ въ память между нами заключеннаго дружества".

Приложилъ ли Тимковскій свой трудъ къ исправленію рукописи о слободскихъ полкахъ и что вообще онъ сдѣлалъ для исполненія просьбъ И. И. Квитки—неизвѣстно; но наблюдать за печатаніемъ книги въ Харьковѣ въ концѣ 1811 и началѣ 1812 г. онъ уже не могъ, такъ какъ осенью 1811 года онъ переселился изъ Харькова въ черниговскую губернію.

Немедленно послѣ того, какъ книга „Записки о слободскихъ полкахъ" была издана (напоминаемъ, что рапортъ фактора университетской типографіи о напечатаніи этой книги правленіе университета, какъ видно изъ вышеприведенной справки, слушало 4 апрѣля 1812 г.), Илья Ив. Квитка *26 апрѣля 1812* писалъ Тимковскому: „посылаю вамъ печатный экземпляръ *Записки о слободскихъ полкахъ*, прошу по дружбѣ вашей сохранить оный въ память мою".

Имѣя въ виду, что, кромѣ вышеупомянутой, напечатанной въ Харьковѣ, въ университетской типографіи въ 1812 г. книги „Записки о слободскихъ полкахъ", никакой другой книги, не только съ подобнымъ заглавіемъ, но и вообще о слободскихъ полкахъ, ни въ 1812 г., ни ранѣе того, издаваемо не было, читатель, мы надѣемся, согласится, что въ приведенныхъ нами выдержкахъ изъ писемъ И. И. Квитки рѣчь идетъ именно объ

этомъ сочиненіи, и что слѣдовательно авторъ означенной книги былъ не Григорій Ѳедоровичъ Квитка, какъ полагали нѣкоторые, а Илья Ивановичъ Квитка; Григорій же Ѳедоровичъ Квитка участвовалъ въ изданіи этой книги своимъ капиталомъ, и затѣмъ воспользовался ею, какъ матеріаломъ, для своей статьи о слободскихъ полкахъ, напечатанной въ „Современникѣ" 1840 г.

Болѣе сомнительнымъ представляется вопросъ о другомъ сочиненіи, которое И. И. Квитка посылалъ Тимковскому, называя его въ одномъ письмѣ „тетрадью о Малой Россіи", а въ другомъ—„описаніемъ о Малой Россіи", и о которомъ онъ также говорилъ, какъ авторъ этого сочиненія, называя себя „неопытнымъ писателемъ онаго" (т. е. описанія) и предоставляя Тимковскому исправить и издать его.

Между разными бумагами Тимковскаго мы нашли рукописное сочиненіе, безъ обозначенія имени автора, съ такимъ заглавіемъ: „Историческое описаніе о Малой Россіи, взятое изъ польской лѣтописи, журнала россійскаго генерала Гордона и публичныхъ записокъ, съ 1320 по 1765 годъ, съ Дополненіемъ о запорожскихъ козакахъ". Писано оно красивымъ почеркомъ неизвѣстнаго переписчика (но не Квитки, и не Тимковскаго) на бумагѣ, сфабрикованной, какъ видно изъ водяныхъ знаковъ, въ 1802 году.

Это заглавіе естественно напоминаетъ заглавіе того упомянутаго нами выше сочиненія, которое было издано О. М. Бодянскимъ въ 1848 г. и въ приложеніи къ которому напечатано письмо Ильи Ив. Квитки къ Григорію Николаевичу Теплову. Приводимъ это послѣднее заглавіе цѣликомъ: „Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 года, съ Дополненіемъ о запорожскихъ козакахъ и Приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное изъ лѣтописей, польскаго и малороссійскаго журнала или записокъ генерала Гордона, Страленберга шведскаго историка, изъ жизнеописаній о государѣ Петрѣ Великомъ архіепископомъ Феофаномъ Прокоповичемъ и грекомъ Антоніемъ Катифоромъ, фамильныхъ записокъ и публичныхъ указовъ. 1789".

По сличеніи найденной нами рукописи съ книгой, изданной О. М. Бодянскимъ, оказывается, что одно изъ этихъ сочи-

ній —есть передѣлка другого. Притомъ рукопись Тимковскаго есть, повидимому, позднѣйшая передѣлка, а первоначальный текстъ изданъ Бодянскимъ. Во-первыхъ, это видно изъ сопоставленія цифръ: годъ, обозначенный въ самомъ заглавіи изданнаго Бодянскимъ сочиненія, показываетъ, что сочиненіе это было писано или окончено въ 1789 году, а водяные знаки на бумагѣ, употребленной для рукописи Тимковскаго, свидѣтельствуютъ, что эта рукопись не могла быть писана ранѣе 1802 года; во-вторыхъ, тоже заключеніе можно вывести и изъ сравненія содержанія обоихъ сочиненій.

И тамъ, и здѣсь разсказъ начинается 1320 годомъ и оканчивается 1765 годомъ. Рукопись Тимковскаго, сравнительно съ текстомъ, изданнымъ Бодянскимъ, въ значительной своей части представляетъ перефразировку, мѣстами въ ней сдѣланы многія сокращенія, мѣстами введены нѣкоторыя дополненія. Тамъ, гдѣ сдѣлана перефразировка, слогъ представляется болѣе выровненнымъ, болѣе правильнымъ, чѣмъ въ изданіи Бодянскаго. Время до Богдана Хмельницкаго въ рукописи изложено короче, въ исторіи Хмельницкаго съ большею полнотою разсказана его личная жизнь. Въ дальнѣйшемъ изложеніи подробнѣе разсказана исторія Мазепы. Вообще характеръ измѣненій таковъ, что опущены сухія и скучныя подробности и полнѣе разсказаны такія событія, которыми можно легче заинтересовать читателя. Тѣхъ приложеній, которыя были напечатаны въ изданіи Бодянскаго, въ рукописи нѣтъ; за то, вмѣсто нихъ, въ текстъ рукописи включены другіе документы, которыхъ не было въ спискѣ, изданномъ Бодянскимъ, а именно: письмо Мазепы къ Карлу XII, письма Апостола и Головкина къ Мазепѣ, письмо султана къ хану крымскому (о Мазепѣ) и указъ сенату объ учрежденіи малороссійской коллегіи.

Въ предисловіи къ своему изданію О. М. Бодянскій говоритъ, что авторъ издаваемаго имъ сочиненія неизвѣстенъ, и что онъ имѣлъ два списка этого сочиненія, изъ которыхъ одинъ былъ полученъ отъ П. П. Артемовскаго-Гулака, а другой—отъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. На послѣднемъ спискѣ имѣлась такая надпись: „списалъ Николай Алексѣевичъ Боровиковскій въ Хо-

ролѣ, 1814 г., изъ рукописи, имѣющейся у Василія Павловича Горленка". Изъ „Росписи рода Горленковъ", составленной кн. Дабижею [1]), извѣстно, что этотъ Вас. Павл. Горленко былъ родной племянникъ Прасковьи Андреевны Квитка, урожденной Горленко, жены полковника Ивана Григорьевича Квитки (котораго кн. Дабижа ошибочно называетъ Иваномъ Андреевичемъ), и слѣдовательно приходился двоюроднымъ братомъ сыну ея—Ильѣ Ивановичу Квиткѣ. Такимъ образомъ, близость собственника одной изъ рукописей къ автору, о которомъ мы пишемъ, несомнѣнна, и повидимому оба полученные О. М. Бодянскимъ списка шли изъ одного мѣста—изъ Харькова.

Обращаетъ затѣмъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ приложеніяхъ къ изданному Бодянскимъ сочиненію, между разными документами, относящимися къ исторіи Малороссіи, помѣщены, кромѣ вышеупомянутаго нами письма Ильи Ив. Квитки къ Г. Н. Теплову, еще четыре письма, адресованныхъ къ Ильѣ Ив. Квиткѣ, именно: два письма Григорія Ник. Теплова и два письма Семена Васильевича Кочубея. Спрашивается: какимъ образомъ между означенными приложеніями могли явиться эти письма? Приложены они къ сочиненію не издателемъ, который напечаталъ всю рукопись цѣликомъ съ имѣвшимися при ней приложеніями. Указаніе на эти приложенія въ самомъ заглавіи сочиненія повидимому свидѣтельствуетъ, что всѣ эти бумаги приложилъ къ сочиненію самъ авторъ, а не кто нибудь другой. Но очевидно, что пять упомянутыхъ писемъ, изъ которыхъ одно было писано Ильею Ив. Квиткою, а другія къ нему адресованы,—вышли изъ рукъ И. И. Квитки. Притомъ намъ думается, что только онъ могъ и приложить эти письма къ сочиненію. Копію своего письма онъ могъ оставить у себя и затѣмъ приложить къ сочиненію—потому, что въ этомъ письмѣ онъ излагаетъ свой взглядъ на заселеніе малорусскаго края въ до-рюриковскія времена, доказывая, что край этотъ не былъ тогда ненаселенною пустынею; такимъ образомъ, по содержанію своему это письмо составляетъ естественное дополненіе къ той

---

[1]) „Кіевская Старина", 1886 г., кн. 6-я.

исторіи, которая излагается въ текстѣ сочиненія. Письма Теплова и Кочубея были писаны по поводу посылки Квиткою Теплову, черезъ Кочубея, матеріаловъ для малорусской исторіи, именно—„Журнала малороссійскихъ дѣяній до временъ Хмельницкаго" (какъ называетъ посланную рукопись Квитка); содержаніе этихъ писемъ не имѣетъ никакого отношенія къ предмету сочиненія. Приложеніе этихъ писемъ къ сочиненію понятно со стороны Квитки, который могъ дорожить этими письмами, какъ получившій ихъ, и которому могло казаться, что письма эти имѣютъ какое то отношеніе къ рукописи—именно потому, что они были писаны по поводу посылки Квиткою матеріаловъ для малорусской исторіи, хотя въ самыхъ письмахъ и нѣтъ ничего относящагося къ тому предмету, о которомъ трактуетъ „Историческое описаніе"; со стороны всякаго другаго автора приложеніе этихъ писемъ къ сочиненію являлось бы непонятнымъ. Если же И. И. Квитка, а не кто нибудь другой, приложилъ эти письма къ изданному О. М. Бодянскимъ сочиненію, и если приложенія, какъ указываетъ заглавіе сочиненія, сдѣланы самимъ авторомъ, слѣдовательно И. И. Квитка и былъ авторъ этого сочиненія.

Послѣ этого понятно, какія именно „фамильныя записки" указываются въ заглавіи сочиненія въ числѣ источниковъ: очевидно, это—та „Фамильная лѣтопись Квитокъ", которою пользовался преосвященный Филаретъ для своего „Историко-статистическаго описанія харьковской епархіи" и о которой онъ такъ часто упоминаетъ въ этомъ описаніи.

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ изъ писемъ И. И. Квитки къ Тимковскому видно, какъ легко онъ дѣлился съ другими не только тѣми матеріалами для малорусской исторіи, которые имѣлъ у себя, но и своими литературными произведеніями, предоставляя другимъ списывать и оставлять у себя эти произведенія „на память о немъ", и не только списывать, но даже издавать ихъ подъ своимъ именемъ: „ежели вамъ угодно", пишетъ онъ Тимковскому о своемъ сочиненіи о слободскихъ полкахъ, „то отъ вашего имени пусть будетъ сочтено оное". Такимъ образомъ онъ могъ, раньше знакомства съ Тимковскимъ, разрѣшить кому нибудь списать рукопись своего „Историческаго опи-

санія о Малой Россіи“, а потомъ, когда съ открытіемъ харьковскаго университета познакомился съ Тимковскимъ, передалъ ее послѣднему, желая видѣть труды свои изданными въ печати. Или могло быть еще иначе: та же самая рукопись, по возвращеніи ея Тимковскимъ, могла впослѣдствіи перейдти къ В. П. Горленку или П. П. Артемовскому-Гулаку и затѣмъ дойти до О. М. Бодянскаго. Что же касается до той передѣлки этой рукописи, которую мы нашли въ бумагахъ Тимковскаго, то полагаемъ, что эту передѣлку могъ сдѣлать Тимковскій, воспользовавшись предоставленнымъ ему Квиткою правомъ.

Мы изложили наши соображенія, по которымъ мы считаемъ Илью Ивановича Квитку авторомъ двухъ сочиненій, изъ которыхъ одно было издано въ Харьковѣ въ 1812 г., а другое—въ Москвѣ въ 1848 г. Относительно сочиненія о слободскихъ полкахъ авторство И. И. Квитки, по нашему мнѣнію, внѣ всякихъ сомнѣній; относительно же „Историческаго описанія о Малой Россіи“, изданнаго О. М. Бодянскимъ, мы желали бы, чтобъ наше предположеніе нашло себѣ подтвержденіе еще въ какихъ нибудь другихъ данныхъ. Не возьметъ ли на себя кто нибудь изъ харьковцевъ трудъ собрать, на мѣстѣ жительства И. И. Квитки, свѣдѣнія объ этомъ скромномъ труженикѣ по малорусской исторіи?

Н. Шугуровъ.

ГОЛОСЪ „МАЛОРОССІИ“ КОНЦА XVIII В.

(*Стихи по поводу назначенія Кречетникова малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ*).

Приводимое здѣсь стихотвореніе встрѣтили мы въ одномъ сборникѣ статей разнообразнаго содержанія (silva rerum) к. XVIII в. Написано оно, какъ видно изъ его заголовка, вслѣдъ за назначеніемъ М. Н. Кречетникова, въ 1790 г., малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, съ цѣлію выразить desiderata тогдашней Малороссіи, именемъ которой и подписано стихотвореніе. „Малороссія“ жалуется на „злыхъ судей“, которые „длятъ каждое дѣло“, чтобы „златой песокъ“ къ нимъ несло; жалуется она и на духовную власть, которая подражаетъ тѣмъ же судьямъ. Далѣе, указывается—на злоупотребленія лицъ, завѣдывавшихъ казенными имѣніями („до̀бра казны“) на что̀ стряпчіе не обращаютъ должнаго вниманія;—на то какъ исправники пользуются изъ „мірской сумы“ и изъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ;—на то какъ „выводятся въ дворянску стать, за деньги“ мѣщане, козаки, крестьяне... „Грозный мечъ“ новоназначеннаго генералъ-губернатора долженъ былъ все это „зло пресѣчь“...

Стихотвореніе это очень интересно какъ голосъ конца XVIII в. о тѣхъ непорядкахъ, которые явились въ *новыхъ* учрежденіяхъ, введенныхъ въ Малороссіи лишь за восемь лѣтъ до назначенія Кречетникова...

А. Л.

Идиллія на прибытіе въ Малороссію новою генералъ-губернатора его высокопревосходительства господина генералъ-аншефа, сенатора и разныхъординовъ кавалера Михаила Никитича Кречетникова, по предложенію, въ началныхъ словахъ стиховъ значащемуся, 1790 года.

1.

Перо небесного высокопарнаго
Россійского свого двуглавнаго орла
Екатерина отъ самодержавного
Престола своего, руцѣ твоей дала,
Обогатила перстъ твой какъ невѣстника,
Явила здѣсь тебя своего намѣстника.
Шумъ тутъ не постижимъ, съ крылъ орлѣхъ отъ высотъ
Изъятымъ съ нихъ перомъ злымъ судьямъ угрожаетъ,
Мститъ, а обидимыхъ въ покровъ тебѣ вручаетъ,
Единъ ты, чтобъ сберeглъ сей области народъ!

2.

Чело здесь гордое писцы рукой подперъ,
Тупясь въ остротѣ гусиныхъ перъ, дрожатъ,
Въ перстахъ скляклыхъ [1]), какъ гусь предъ орломъ теперъ,
Орлиному перу не вмѣютъ отвѣчать.
Изчезло хвастовство, что острописецъ тотъ,
Перомъ здесь пишетъ такъ, что нимъ бумагу зжотъ;
Отъ чуждей бо крови, чернилъ ихъ ремесло,
Буяетъ пяно какъ не въ силахъ что и златой
Ему песокъ помочъ, минулъ бо часъ, для нихъ той,
Длить дѣло каждое, чтобъ тотъ песокъ несло.

3.

Россійскій царь-орелъ, имѣя двѣ главы,
Едну жалобщику, отвѣтчику другу,
Тѣхъ къ нимъ равно склонилъ, дѣла ихъ безъ молвы
Внушивъ, рѣшитъ не лестя, ни другу, ни врагу;

[1]) Окоченѣлыхъ.

Онъ у правителствъ всѣхъ зерцаломъ къ судьямъ зря,
Есть выставленъ въ примѣръ, на стражу дѣлъ царя
Мірскаго ли ты членъ, духовного ль суда,
Смотрѣть на зракъ орла, заутра въ солнце зряща,
И не лѣнясь являть себя въ дѣлахъ трудяща,
Лежню, ложь, ливу (?) спесь, забуть велитъ всегда.

4.

Но быстрость орляго пера въ противность тутъ
Его законамъ всѣмъ, нашла въ тѣхъ членахъ зло;
Истцы за дѣло что поколь не принесутъ,
Надменно не идетъ ихъ горде въ судъ чело,
Архіерей не такъ смиренъ, какъ былъ Христосъ,
Легко бъ ему истецъ златое иго ніосъ,
Являетъ способъ самъ такъ пастырь для овецъ,
Цена съ келейникомъ, въ сто, въ двѣ (сотни?) свою помѣту,
И чрезъ мытарствы шлетъ, истца къ тому жъ разчету,
Увесть бы сей, съ себя и въ свѣцкихъ образецъ [1]).

5.

Смотритель добръ казны, присягши бъ показалъ,
Палатѣ, что доходъ по вѣдомостямъ въ полъ
Его съ директоромъ, что такъ онъ раздѣлялъ,
Всѣхъ закуповъ съ статей, взимая же крамолъ,
А стряпчіе сего не берегутъ, не бдятъ,
И не провѣдуя, сидятъ, сидятъ, сидятъ,
Исправникъ же съ сумы мірской и съ магазѣй,
Царапаетъ къ себѣ останокъ, разодравъ щотъ,
А мышачу пеню разложуетъ на народъ,
Разпредѣля своихъ тутъ выборныхъ друзей.

6.

Съ коммиссіи дворянъ тожъ вѣдомость пришла:
Тамъ кто то тщился, чтобъ рубли въ плутовъ побрать,
Въ даръ имъ не малъ за трудъ, плутни же ремесла

---

[1]) Сбоку приписка: „Нащотъ Іларіона, епископа Новгородско-сиверскаго".

Увесть за то бъ плутовъ толпу въ дворянску стать,
И здѣланъ дворянинъ съ швеца, съ ремесника,
Изъ войта, съ мужика, съ затяги-козака.
Сихъ предводитель всѣхъ въ уѣздѣ въ зборъ зоветъ,
Того что больше дастъ, въ нарядахъ свобождаетъ,
Нарядъ же одному впадетъ кто не даетъ.

7.

Испитуяй сердца премудрость Божія,
Россійскою речетъ императрицею,
Ахъ! на безсовѣстныхъ вы всѣ похожыя,
Державною грозя за то десницею,
Измѣнники царской присяжной вѣрности
И недостойные монаршей милости—
Кречетникову я, грозной вручаю мечъ.
Расположить его, на всѣхъ зерцалныхъ столахъ,
Острѣйша обнаживъ, нимъ показать для всѣхъ страхъ
Тѣмъ, съ смертью погрозить, чтобъ ваше зло пресѣчь.

8.

Обрящи души ихъ, чтобъ мечъ сей не поялъ
Силнѣйшій Михаилъ грозный архистратигъ,
Трегодный курсъ уже изкончевать началъ [1]),
Ихъ съ миромъ, уволни, на мѣсто жъ ихъ съ другихъ,
Поставъ власть добрую, духовну и мірску,
Рукою твоею инструкцю таку
Азбукой напиши: чтобъ всякъ изправенъ былъ,
Въ должности своей, премудрость просто знати,
Дѣла работать такъ, за тѣ чтобъ награждати
Ихъ ты хотѣлъ; тебя жъ за то чтобъ всякъ любилъ! [2])

Малороссія.

---

[1]) Повидимому, разумѣется истекавшее трехлѣтіе выборной службы.

[2]) Желаніе автора составить акростихъ нѣсколько затемняетъ рѣчь „идилліи“.

„Вояжъ по Малой Россіи г. генерала отъ инфантеріи Беклешова“.

Пархѣмъ съ Панасомъ повстрѣчався,
Погнавши на поле волы,
До ихъ Овдій съ Харкомъ припхався,
Сказавъ, здоровы, хлопцѣ, вы були,
Що, дядьку, чуть за людъ хрищеній,
Щось вѣйтъ нашъ бѣга, якъ скаженый,
Отаманъ соцькихъ всѣхъ збира,
Тай голова щось коверсуе,
Недобре мабуть вѣнъ вѣщуе,
Въ дворы заедно зазира.

2.

Пожды, небожъ, вже не дурниця
Теперъ симъ чортовымъ сынамъ,
Цвѣрчать усѣ, мовъ въ стрѣсѣ птиця,
Щось, кажутъ, есть, бачъ, и панамъ,
Хиба нечувъ, що вже въ объиздѣ
И въ нашему теперъ уѣздѣ
Беклашевъ ганбуе всѣхъ панивъ,
Паперомъ имъ у нисъ сувае,
Брехню на очи выкидае
И лае ихъ, якъ псѣхъ сынѣвъ.

3.

Да вже бо и воны мудрують,
Колотять, мовъ въ кошарѣ вовкъ,
Изъ брата нашего ґлузують,
Хиба бъ іого лихій умовкъ.
Такую роблять злу годину,
Що чоловѣка, якъ скотину,
Або ще гирше и собакъ
За всяку всячину ґрунзюютъ,
Мовъ непотрѣбнаго ганьбуютъ;
Ще не було николи такъ.

4.

Теперъ же, бачь, винъ якъ дочувся
Велѣвъ въ бирлимъ клячь запрягать,

[1]) Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ была напечатана статья проф. В. С. Иконникова о Беклешовѣ. Въ дополненіе къ этой статьѣ печатаемъ современное стихотвореніе, относящееся къ дѣятельности А. А. Беклешова въ Малороссіи и извлеченное нами изъ рукописнаго сборника нач. текущаго столѣтія. Объ этомъ сборникѣ см. „Кіевск. Стар.“ 1889, № 10, стр. 161—2. *Ред.*

Прибравсь гарненько и обувся
И ну повсюду розижжать.
Якъ ставъ на всѣ чотирѣ лиціовать,
Панамъ въ нисъ и въ бороду совать,
Другій що пасокою ажъ умився
Або прощенья просимъ ажъ на
пудивъ,
Якъ песъ, ховався между люди
Да де іому—не вкривсь.

5.

Було за пазуху и голимъ,
Поки оскому трохи збивъ,
Гладкимъ, брюхатимъ, товстоно-
гимъ
Всѣмъ дуже кисло насоливъ.
А далѣ, сѣвши у коляску,
Щобъ не надѣялись на ласку,
Чмихнувъ по всѣй губерніи вдругъ,
Паны тропы щобъ не вхопили,
Бо вже воны іому остили,
Калаберду объихавъ вкругъ.

6.

Вѣдтиль пустился къ Золотоношѣ
И черезъ Днипръ чуть перехва-
тивсь,
То позакачувавъ холошѣ,
Брести до берега пѣднявсь,
Якъ вся калабердійска громада
Безъ вѣйта, соцкихъ и уряда
Прійшла и впала передъ нимъ,
Дала іому суплѣку въ руки,
Хоть по просту и безъ науки
Та вже було, бачь, тутъ усѣмъ.

7.

Вѣнъ гулькъ и самъ злякався—
Зъ села пригрянувъ ввесь народъ,
Россердився и роскричався,
Сказавъ „гай чорный на насъ годъ,
Чого сюда, якимъ резономъ
Усѣмъ селомъ и цѣлымъ згономъ?
Яка васъ заспѣла бѣда?
Се вы до мене, небожаты,
Не возьме васъ недобра маты,
Не пропаде Калеберда“.

8.

Народъ низенько поклонився,
И хлѣбъ и сѣль іому подавъ;
Одинъ изъ нихъ причепурився,
Такую бесѣду іому сказавъ:
„До тебе, пане мы вельможный,
Будь милостивъ и будь незлобный,
Не дай загинуть головамъ!
ПанъКанѣвскій щось нашъ,лядащо,
Усѣхъ насъ нехтуе ни нащо,
Хиба жъ не жить на свѣтѣ намъ.

9.

Усѣхъ на панщину гоняе,
И жинокъ и дѣвокъ поти пре
И всяки витребеньки мае,
Поки которе ажъ умре,
Закабаливъ нивки и пидмети,
Чи сежъ таки такъ до кибети?
Огляньсь ты, батьку, хоть на насъ!
За того шкуры поздирае,
Давно добра вже намъ не мае,
Лихій прійшовъ намъ часъ!

10.

Да мы жъ колись козаковали
И пѣдъ Бендерями були,
Ляхивъ не разъ вже прогоняли
И Васильkивъ сами взяли,
Варили кашу на лилѣи,

Робили всяки чудасіи,
Татаръ ни ухомъ не вели,
Розбѣйникѣвъ переловили,
А де якихъ и подушили,
Понадки бѣлше не дали".

11.

Послухавъ, ажъ все до чмиди,
Заплакавъ, гѣрко зaридавъ,
Сказавъ: „ну дамъ же я хвалиди!"
И на Канивского такъ закричавъ:
„Пѣди сякій такій злый сыну,
Бо задавлю якъ злу личину,
Не будешъ бѣлше воевать,
И іонъ и іонъ що завелося
Громадѣ бѣдный довелося
Вѣдъ тебе на свѣтѣ погибать!".

12.

Къ громадѣ винъ оборотився,
И ставъ изъ нею толковать,
То Канѣвскій бувъ ободрився,
И тильки що хотѣвъ сказать,
„Идѣть, сказавъ Беклашевъ, всѣ
за мною.
Канѣвского возьмить съ собою,
Мы тамъ зъ нимъ найдемо ярмись."
И іонъ що въ свѣтѣ стало,
Громадѣ бѣдный що припало
И въ спину видъ панивъ и въ нисъ.

13.

Гѣнцемъ побѣгъ съ звонкомъ пру-
денько,
Народъ за нимъ вслѣдъ на волахъ.
Тогдѣ бувъ дощъ та щей гряз-
ненько,
Такъ всѣ були в кобинякахъ.

Пѣдъ городомъ остановились
И гарненько причепурились,
Пишли питати де винъ бувъ.
Гай, гай уже іого немае,
Що буде зъ ихъ теперъ Богъ знае,
Чи вже жъ винъ насъ тутъ и
забувъ.

14.

Ну якъ такъ мае будь робота,
Заиздятъ насъ, якъ цапа чортъ,
Коли яка не буде льгота;
Бо Канѣвскій тримтить, якъ хортъ,
Беклашевъ такъ швидко попин-
дрячивъ,
Що трохи у Хоцькахъ оглядѣвся
И у Пирятинъ прибѣжавъ.
За Канѣвскимъ гиньця прудкого
Пославъ тотъ часъ щобъ винъ до іого
На винну шию прибѣжавъ.

15.

Прибѣгъ гинець, взявъ Канѣвского,
Помчавъ іого, мовъ кѣшка мишъ,
И знатеме вже буде зъ іого,
Коли бувъ въ объиздѣ Беклишъ.
Козатство на вперейми дейко
И въ Перятинѣ раненько
Изуспѣло къ іому сусѣль.
Тутъ Канѣвскій такъ нахопився,
Що трохи зъ ляку не скрутився,
Беклишевъ сказалъ: „а ты видкиль?"

16.

Кричавъ, кричавъ, мовъ на собаку,
Точивъ балясы, ганьбувавъ,
Що Канивскій було изляку
Отъ тѣльки-тѣльки що не впавъ.

„Якъ дамъ тобѣ (я) халазіи,
Щобъ ты не строилъ чудасіи
И изъ народу не глумивсь,
То будешъ тямить Савчинъ діо-
готь,—
Залью тобѣ свинцю за ноготь!"
И іонъ, и іонъ якъ росходився.

17.

Панъ Канѣвскій стоявъ смирненько,
Не знавъ винъ, на яку ступать;
И кланявся іому низенько,
Якъ самъ не свій, ни шисть, ни пять.
И комисару тутъ случилось,
Чого николи и не снилось:
И въ нисъ, и въ ротъ, и по губамъ...
Сказавъ изъ панства заразъ ски-
нуть,
Не давъ козацькимъ головамъ за-
гинуть,
Спасибѣ,—добрый панъ бувъ намъ!

18.

Якъ же добрався до Прилуки,
Тамъ колоту наробывъ,—
Кому тамъ не було науки,
На гречку всѣхъ перегонивъ.
А до Лубень якъ докосивсь,
То вже и Богъ отступивсь:
Було пѣдпанкамъ и панамъ,
Було соцькимъ и бургомистрамъ,
Секретарямъ и канцилиристамъ,
Втрусивъ на кабаку и лѣкарямъ.

19.

Смикнувъ потимъ до Кременчука,
И тамъ всѣхъ переганьбувавъ;
Була тутъ и купцямъ наука,
Усю брехню винъ отгадавъ;
Давъ и злодѣямъ мартопляса,
Що бѣгали мовъ у Панаса,
Кровавымъ потомъ облились,
Передъ отвѣтомъ лупали очима;
Не вкрила ихъ лиха година
Заплакали всѣ и разойшлись.

20.

Такую строивъ чудасѣю,
Що далибѣ ажъ страхъ бере,
Нагнавъ и судьямъ калазію,
Що знатеме всякъ, поки и вмре.
Не будуть драти бѣлшъ съ гро-
мады
И всякіи робить неправды.
Нехай здорови будуть,
Такого страху имъ нагнавъ,
Вже буде зъ имъ за губу,
Усѣмъ имъ славы доказавъ.

21.

Въ Полтавѣ трохи до кибети
На кабаку и тутъ втруснувъ,
И тильки що въ свои лабеты
Панивъ и судьивъ притягнувъ.
Булобъ може що и въ Хоролѣ,
Да встрѣтили Родзянки въ полѣ,
Іого съ собою потягли;
А тамъ, каже, люштиковали
И всякіе точили бали
И оковитки щось дали.

22.

Въ Зѣнькѣвъ и въ Гадячъ якъ
добрався,
То всѣхъ якъ зайцевъ розѣгнавъ,
Да Швикопламенецъ(?) дознався

И трохи, кауть, упросивъ;
А тобѣ двѣ випили неповнихъ.
Дай такъ зробивъ всѣхъ солонихъ
И баляндрасовъ наточивъ;
Вказавъ имъ дорогу до болота
Воды пить, въ кого сухота,
И трохи, кауть, усмиривъ.

23.

Зъ Рѣмнѣ мабуть циганъ злякався,
Бо тутъ смирненько обійшовсь
И свидче съ города убрався:
Нихто розсердить не знайшовсь.
А въ Глуховѣ, що и въ Новгородѣ,
Було вельможнѣйшій всѣй громадѣ,
За шкуру сала заливавъ;
За бѣдный тамъ народъ вступився,
Що на панивъ якъ розсердився,
То трохи зъ крику не пропавъ.

24.

Уже що панъ бувъ, грѣхъ сказати,
Такого рѣдко и пошукать.
Недобра бъ не взяла насъ мати,
Було бъ іого за що зградать.
Такъ що жъ, братко, вже якъ дознались
Паны, въ Чернѣгѣвъ всѣ збирались,
И дейко въ Петенбургъ гиньця,
Бо вже везе всѣмъ добру хліору,
Що не сховаться и въ комору,
Задасть винъ имъ усѣмъ ловця(sic).

25.

Гинець прибѣгъ и до самого
Въ палати золоти явивсь,
Самъ якъ спитавъ гинця швидкого,
То такъ тобѣ и заходивсь.
Роскривъ суплику и читае,
Чого тамъ, бачъ, въ ней немае,
Мовъ чортъ на ухо имъ шипнувъ.
Крутивъ, крутивъ самъ головою,
Велѣвъ гинцеви ити съ собою
И прокурора тутъ кликнувъ.

26.

„Затенперуй, сказавъ, гарненько,
Перо и папиръ возьми:
Моторно, круто и швиденько
Пиши, митью угомзны:
Нехай не дуже коверсуе
Да въ Петербурхъ швиндрує.
Ось мы іому а іонъ и іонъ!
Да вже винъ всѣхъ тамъ порозгонивъ,
Багацько лиха вже накоивъ,
Гинця пирнувъ видъ себе вонъ“

27.

То тѣльки що хотѣвъ писати,
Якъ заразъ и перо впустивъ;
На Малу Русъ мавъ налагати,
И вже бъ винъ іи пидкрутивъ.
Самъ гулькъ, ажъ винъ у весь трусився,
И пѣтъ видромъ изъ іого лився
Дрижить тобѣ мовъ сатана,
„Иди собѣ, сказавъ, злый сыну,
Ты, „мовъ несвижій“, пускаешъ слыну, —
Цуръ пек тоби да осина.

28.

Кликнить минѣ сюди другого,
Той мабуть знае трохи бѣлшъ!“
Якъ прискочивъ другій до іого,
Списавъ ввесь аркушъ або й бѣлшъ.

Пославъ гинця за нимъ такого,
Мовъ птахъ летѣвъ що до самого,
И дуже, каутъ, прикрутивъ.
Вхвативъ винъ іого, де заставъ,
И въ Чернѣгѣвъ не допустивъ.
Той такъ тобѣ и полетѣвъ.

29.

Прибѣгъ гинецъ и напустився,
Щобъ въ Петербурхъ винъ убиравсь.
Изъ часъ и бѣлше не барився,
Но винъ недуже излякавсь;
Ставъ самъ собѣ мирковати,
Чи заразъ въ Петенбурхъ чухрати,
Чи въ Кіевъ ихать до святыхъ,
Щобъ тамъ з усѣми попрощаться,
Бо може бѣлше не видаться;
Дай тутъ таки ище не оттихъ.

30.

Якъ ставъ зъ усѣми толковати,
Щобъ бѣлше здорства не було,
Брехню на очи викидати
И все казати, що пришло.
Винъ лаявъ всѣхъ посоромитскій,
Щобъ соромъ ихъ побивъ несвѣтскій,
И по московскій загинавъ;
То волосъ дибомъ ажъ пиднявся,
А иншій такъ тобѣ злякався,
Що слыну, мовъ несвижій, пускавъ.

31.

Кричавъ и витребеньки строивъ,
Було посередъ батька всѣмъ,
Чого вже знаешъ, винъ не коивъ,
Недуже уважавъ панивъ,
Забувъ и о святыхъ за крикомъ,
Такимъ злымъ напустився лихомъ,
Що ни здумать, ни згадать;
Крутивъ, крутивъ, мовъ вовкъ вивцями,
Кобецъ мовъ мижъ горобцями,
Не можна и перомъ списать.

32.

Ще мудровавъ бы може й довго,
Та дуже, бачъ, гинецъ ягливъ,
Щобъ ихавъ швидче до самого,
Іого щобъ бѣлше не баривъ;
Вхвативъ іого, и самъ у будку—
Таку я, бачъ, чувавъ погудку,—
Помчавъ, помчавъ, ажъ загуло.
Пани жъ усѣ перехристились.
Отъ лиха що освободились,
Іого-жъ тобѣ якъ не було.

КОНЕЦЪ.

VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ.

25-го января окончились въ Москвѣ занятія VIII-го археологическаго съѣзда, совпавшаго съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Московскаго археологическаго общества. Юбилейное засѣданіе состоялось 8 января, а открытіе съѣзда на слѣдующій день, 9-го числа въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича съ Супругой и массы депутатовъ, членовъ и почетныхъ гостей. Въ юбилейномъ засѣданіи была прочитана историческая записка о дѣятельности общества, а вслѣдъ за тѣмъ въ теченіе 2—3-хъ часовъ произносились привѣтствія и адресы разными депутаціями. Эффектное и величественное зрѣлище представляли изъ себя, по окончаніи засѣданія, залы историческаго музея, освѣщенныя электричествомъ; эффектъ еще болѣе усилился, когда появился многочисленный хоръ синодальныхъ пѣвчихъ и прекрасно исполнилъ нѣсколько старыхъ историческихъ пѣсенъ. Въ день открытія съѣзда, предсѣдателемъ предварительнаго комитета графиней Уваровой была доложена записка о подготовительныхъ работахъ къ съѣзду. Комитетъ, съ графиней Уваровой въ главѣ, много потрудился, чтобы московскій археологическій съѣздъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды — и его труды не пропали даромъ. На призывъ его откликнулось 68 различныхъ ученыхъ учрежденій, приславшихъ болѣе 150 депутатовъ; общее же число членовъ равнялось 380. Депутаты были отъ академіи наукъ, всѣхъ русскихъ университетовъ, петербургской, московской, и кіевской духовныхъ академій, Демидовскаго юрид. лицея, археологическаго института и Лазаревскаго института восточныхъ

языковъ, историческихъ, антропологическаго, географическаго и археологическихъ обществъ (московскаго, петербургскаго, одесскаго, кіевскаго, харьковскаго, новороссійскаго), главнаго штаба и артиллерійскаго управленія, архивовъ мин. юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, губернскихъ музеевъ, архивныхъ коммиссій и статистическихъ комитетовъ: тверскаго, пензенскаго, воронежскаго, казанскаго, новгородскаго, витебскаго, таврическаго, нижегородскаго и т. п. Финляндская археологія была представлена тремя депутатами, въ числѣ которыхъ былъ и извѣстный проф. Аспелинъ. Наконецъ, и Зап. Европа прислала своихъ представителей на праздникъ русской археологіи: изъ Франціи прибыли Эмиль Картальякъ, графъ Луи де-Флери и баронъ де-Бай, изъ Германіи д-ръ Гремплеръ, изъ Австріи Францъ Хегеръ и пр.-доц. Стржиговскій. И нужно сознаться, что Москва съумѣла принять своихъ гостей. Почетный предсѣдатель съѣзда Великій Князь Сергѣй Александровичъ пригласилъ членовъ съѣзда къ себѣ во дворецъ на обѣдъ и въ большой театръ на спектакль. Моск. генералъ-губернаторъ оказалъ вниманіе членамъ съѣзда приглашеніемъ ихъ на раутъ. Моск. городская дума ассигновала въ распоряженіе съѣзда 2500 р., а городской голова г. Алексѣевъ устроилъ въ помѣщеніи думы на свои средства обѣдъ, въ которомъ участвовало 400 чел. гостей. Антропологическое общество назначило спеціальное засѣданіе, на которомъ, между прочимъ, приглашеннымъ археологамъ показывался фонографъ Эдиссона. Архимандритъ Троице-Сергіевской Лавры, извѣстный ученый палеографъ о. Леонидъ выказалъ необыкновенное радушіе, принимая членовъ съѣзда, пріѣхавшихъ осмотрѣть достопримѣчательности Лавры. Всѣ депутаты, а въ особенности иностранные, были очарованы оказаннымъ имъ гостепріимствомъ, что и выразили въ своихъ прощальныхъ рѣчахъ.

Но праздники не мѣшали ученымъ занятіямъ съѣзда. Съѣздъ продолжался 2 недѣли. Въ это время было 34 засѣданія (изъ нихъ 3 общихъ и 31 частное) и на нихъ прочитано 136 рефератовъ, т. е. по четыре реферата въ каждомъ или по десяти рефератовъ въ день. Для того, чтобы прочесть всѣ эти сообщенія, необходимо было раздѣлиться на секціи; всѣхъ секцій

было 9; больше всего было сдѣлано сообщеній по секціи памятниковъ историко-географическихъ (6 засѣданій и 25 рефератовъ), затѣмъ слѣдовали отдѣленія первобытныхъ древностей (5 засѣданій и 21 сообщеніе), памятниковъ славянорусскаго языка и письма (5 засѣд., 21 сообщ.) памятниковъ церковныхъ (4 засѣд. и 13 рефератовъ), восточныхъ (3 засѣданія, 12 рефератовъ), русскаго быта домашняго и общественнаго (2 засѣданія, 9 рефератовъ), памятниковъ археографическихъ (2 засѣданія, 9 рефератовъ), искусствъ и художествъ (2 засѣданія), древностей классическихъ, византійскихъ и зап.-европейскихъ (2 засѣданія, 7 рефератовъ). Не всѣ рефераты отличались солидностью и интересомъ своего содержанія; не всѣ отличались осторожностью въ выводахъ и заключеніяхъ: многіе были встрѣчены цѣлымъ рядомъ серьезныхъ возраженій и замѣчаній. Но нельзя не сказать, что *въ общемъ* доклады, предложенные вниманію нынѣшняго съѣзда затронули много важныхъ вопросовъ и нѣкоторые изъ нихъ рѣшили вполнѣ удовлетворительно. Въ каждой секціи можно указать на нѣсколько такихъ докладовъ.

По самому свойству задачи преслѣдуемой „Кіевской Стариной" мы коснемся только тѣхъ сообщеній, которыя имѣли болѣе или менѣе близкое отношеніе къ территоріи южной Россіи. Въ первыхъ двухъ секціяхъ—древностей первобытныхъ и историко-географическихъ—сюда относились рефераты проф. Д. Я Самоквасова, пр. В. Б. Антоновича, Г. Л. Скадовскаго, К. Н. Мельникъ, Н. Е. Бранденбурга, г. Хайновскаго, мой, проф. Хвольсона, проф. Будиловича и проф. Дмитріевскаго. Въ остальныхъ отмѣтимъ чтенія того-же пр. Дмитріевскаго, проф. Павлова, проф. Соболевскаго, г. Богдана и г. Янчука.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ выступилъ съ двумя рефератами общаго и третьимъ спеціальнаго содержанія. Первый рефератъ *„Хронологія могильныхъ находокъ въ южной и центральной Россіи"* былъ посвященъ чрезвычайно важному, можно сказать, основному вопросу русской археологіи—классификаціи курганнаго матеріала. Матеріала этого въ настоящее время собрано уже очень много и является настоятельная необходимость въ его группировкѣ и систематизаціи. Д. Я. Самоквасовъ предложилъ систе-

матизировать его по историческимъ эпохамъ. Историческія свидѣтельства въ связи съ матеріаломъ, доставляемымъ раскопками, даютъ возможность отнести всѣ курганы, раскопанные въ предѣлахъ южной и центральной Россіи, къ пяти эпохамъ, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ хронологическомъ порядкѣ. 1-я древнѣйшая—эпоха киммерійская, продолжавшаяся до VII вѣка передъ Р. Х., т. е. до прихода въ южно-русскія степи скиѳовъ. Киммерійскія могилы характеризуются, по словамъ докладчика, отсутствіемъ желѣзныхъ издѣлій и присутствіемъ костяныхъ, каменныхъ и бронзовыхъ вещей; сюда нужно отнести многіе курганы въ кубанской области и сѣверномъ Кавказѣ. 2-я эпоха—скиѳская (съ VII по II в. до Р. Х.); въ скиѳскихъ курганахъ мы находимъ уже желѣзо; сами они отличаются особымъ устройствомъ, а находимые здѣсь предметы искусства носятъ на себѣ печать эллинскаго вліянія (греческихъ черноморскихъ колоній); таковы чертомлыцкая могила, курганъ, разрытый г. Оссовскимъ въ звенигородскомъ уѣздѣ кіев. губ. и мн. др. 3-я эпоха—сарматская (со II-го вѣка до Р. Х. по VI-й в. по Р. Х.), въ ея могилахъ мы находимъ монеты и предметы искусства римскаго характера императорской эпохи; таковы курганы у с. Яблоновки и др. Четвертая эпоха—антославянская (съ VI-го по Х-й в. по Р. Х.); здѣсь уже римское вліяніе смѣняется византійскимъ, восточнымъ и западноевропейскимъ; сюда слѣдуетъ отнести, напр., извѣстные сѣверянскіе курганы черниговской губ. и мн. др. Наконецъ, пятая эпоха—монголо-татарская; могильники ея характеризуются присутствіемъ татарскихъ монетъ XIII, XIV вв. Классификація Д. Я Самоквасова встрѣтила возраженія со стороны многихъ археологовъ—гг. Хвольсона, Анучина, Милюкова. Указано было, между прочимъ, что классификація эта не приложима къ центральной Россіи, такъ какъ въ ней вовсе не отмѣчены финны; что же касается соотвѣтствія ея съ южнорусской исторической этнографіей, то и здѣсь оказываются кое-какіе недочеты—пропущены готы, печенѣги, торки и половцы; кромѣ того, киммерійская эпоха мало уясняется намъ историческими свидѣтельствами. Въ своемъ отвѣтѣ оппонентамъ Д. Я. Самоквасовъ заявилъ, что его классификація основана не на этнографическихъ

признакахъ указанныхъ имъ народностей (которые дѣйствительно недостаточно выяснены историческими данными), а просто на хронологическихъ граняхъ, отдѣляющихъ одинъ народъ отъ другого. Мы отъ себя замѣтимъ слѣдующее. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что историческія пріуроченія, указанныя Д. Я. Самоквасовымъ, имѣютъ вполнѣ реальное основаніе, но едва ли въ нихъ можетъ уложиться весь археологическій матеріалъ, доставляемый курганными раскопками даже въ предѣлахъ одной южной Россіи. Классификація Д. Я. Самоквасова имѣетъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторое практическое значеніе въ особенности для археологовъ, мало знакомыхъ съ историческими свидѣтельствами о древнѣйшей судьбѣ южнорусскаго края; но едва ли, при своемъ слишкомъ общемъ характерѣ, она можетъ претендовать на универсальное значеніе. Не можемъ не вспомнить здѣсь аналогичной попытки почтеннаго одесскаго изслѣдователя А. А. Матвѣева, котораго брошюру „Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи“ издалъ въ 1884 г. распорядительный комитетъ VI (одесскаго) археологическаго съѣзда. Брошюра эта представляетъ, по словамъ автора, попытку оріентироваться среди значительнаго уже археологическаго матеріала и какъ таковая дѣйствительно оказывается полезнымъ пособіемъ для всякаго практическаго археолога, тѣмъ болѣе что заключаетъ въ себѣ массу библіографическихъ данныхъ.

2-й рефератъ Д. Я Самоквасова „*О происхожденіи русскихъ славянъ и причинъ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ областяхъ центральной Европы*“ только отчасти касался юга. Сущность его вкратцѣ такова: Д. Я. Самоквасовъ опровергаетъ господствовавшее доселѣ объясненіе происхожденія кладовъ съ римскими монетами. Западные археологи объясняли присутствіе этихъ кладовъ на территоріи центральной Европы сношеніями древнихъ римлянъ съ янтарнымъ — Балтійскимъ побережьемъ. Но на самомъ дѣлѣ, по письменнымъ свидѣтельствамъ, приводимымъ референтомъ, оказывается, что римляне и не знали странъ, находящихся за Эльбой, а вели торговлю только съ пограничными народами. Съ другой стороны находки обширныхъ кладовъ съ римскими монетами встрѣчаются въ такихъ восточныхъ областяхъ

нын. Россіи, которыя вовсе уже не могли торговать съ римлянами (бассейнъ Днѣпра, Десны, Сулы, Донца, Оки). Это обстоятельство привело референта къ мысли, что монеты эти вынесены были славянами изъ Гето-Дакіи, откуда они вышли, по свидѣтельству русской лѣтописи, вслѣдствіе притѣсненій волоховъ, т. е. римлянъ, покорившихъ, какъ извѣстно, Дакію при имп. Траянѣ. Это доказывается и составомъ монетныхъ кладовъ (они относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ по Р. Х.), и ихъ географическимъ распространеніемъ въ территоріи, занятой русскими и ляшскими славянами. Теорія Д. Я. Самоквасова была встрѣчена цѣлымъ рядомъ возраженій со стороны г.г. Соболевскаго, Маркевича, Анучина, Лучицкаго и Антоновича. Каждый изъ оппонентовъ указалъ на какое нибудь слабое мѣсто въ доказательствахъ референта и эти возраженія, взятыя въ совокупности, нужно признать весьма серьезными. Намъ лично кажется, что мысль Д. Я. Самоквасова о связи римскихъ монетныхъ кладовъ съ господствомъ римлянъ на Дунаѣ заслуживаетъ вниманія; напрасно только референтъ *исключительно* этою связью объясняетъ происхожденіе такихъ кладовъ; здѣсь, конечно, могли имѣть мѣсто и торговыя отношенія, на которыя указывали г.г. оппоненты. Что же касается западно-европейскихъ кладовъ (весьма численныхъ), то по отношенію къ нимъ теорія Д. Я. Самоквасова совѣмъ неприложима, ибо тамъ славянъ вовсе не было.

Третій рефератъ Д. Я. Самоквасова „*Раскопки въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губ. у д. Аксютинецъ*“ былъ въ высшей степени инлересенъ по своему содержанію. Д. Я. Самоквасовъ, не останавливаясь передъ большими затратами, (1200 р.), раскопалъ огромный курганъ („Старшую могилу“) достигавшій отвѣсной высоты 10 сажень и представлявшій изъ себя цѣлую гору, обнесенную широкимъ рвомъ и валомъ. Къ сожалѣнію курганъ этотъ оказался разграбленнымъ еще въ древности и попорченнымъ въ наше время (однимъ извѣстнымъ археологомъ-кладоискателемъ). Тѣмъ не менѣе раскопка его въ связи съ розысканіями, произведенными въ меньшихъ курганахъ (какъ самимъ Д. Я. Самоквасовымъ, такъ и другими лицами—г.г. Мазараки и Антоновичемъ) привела къ заключенію, что въ бассейнѣ р. Сулы

жилъ одинъ народъ, о богатой культурѣ котораго свидѣтельствовали предметы, представленные проф. Самоквасовымъ вниманію членовъ съѣзда. Предметы эти, по своему характеру, относятся къ сарматскому періоду.

Нельзя не удивляться энергіи почтеннаго Д. Я. Самоквасова, который вотъ уже болѣе 20 лѣтъ занимается правильными научными раскопками, оказывающимися обыкновенно чрезвычайно удачными по своимъ результатамъ.

Вопросу о классификаціи кургановъ, хотя впрочемъ въ предѣлахъ одной кіевской губ., было посвящено и прекрасное сообщеніе извѣстнаго историка-археолога В. Б. Антоновича (*Типы кургановъ въ кіев. губ.*). Изучивъ громадный матеріалъ, доставленный многочисленными раскопками кургановъ по кіев. губ. референтъ свелъ его къ тремъ важнѣйшимъ отдѣламъ, изъ коихъ каждый въ свою очередь распадается на нѣсколько болѣе мелкихъ подраздѣленій. Первый типъ погребенія самый древній—каменнаго вѣка. Онъ дѣлится на 3 подраздѣленія: а) небольшіе курганы съ исключительно каменными предметами; костяки лежатъ на песчаномъ слоѣ; иногда они обернуты въ бересту; б) могилы безъ насыпи изъ каменныхъ плитъ; на днѣ стоятъ сосуды со жженными костями; при нихъ встрѣчаются гладкіе полированные топорики; в) большія насыпи съ цѣлымъ рядомъ ямъ, въ которыхъ находится иногда по 2 и больше скелетовъ въ согнутомъ положеніи; при нихъ попадаются молотки на длинныхъ костяныхъ цѣпочкахъ; нѣкоторые скелеты окрашены красною краскою. Второй типъ—скиоскій; гробницы высѣчены изъ камня; вещи по большей части желѣзныя, хотя попадаются и бронзовыя (напр. зеркала); характерными предметами являются здѣсь желѣзные чушуйчатые панцыри и желѣзныя же съ бронзовыми наконечниками копья, а также огромные кувшины съ остатками пищи и раковины. Третій типъ—славянскій съ очень замѣтнымъ преобладаніемъ серебряныхъ вещей. Подраздѣляется онъ на два вида: а) древлянскія могилы въ сѣверной части кіевской губ.; могила копалась здѣсь до подпочвы и вокругъ всего скелета оказывались гвозди; сосудовъ здѣсь почти не встрѣчалось, если не считать желѣзныхъ ведерокъ; въ головахъ нѣкорыхъ скелетовъ

находимы были серебряныя кольца, украшавшія волосы покойницъ; б) могилы полянской территоріи, въ которыхъ умершаго хоронили вмѣстѣ съ лошадью; скелетъ въ полномъ вооруженіи съ типичнымъ шлемомъ нашей княжеской эпохи. Кромѣ этихъ болѣе чистыхъ типовъ были и смѣшанные, которые здѣсь опускаются.

Таково содержаніе выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ реферата пр. В. Б. Антоновича; въ методологическомъ отношеніи онъ несомнѣнно является образцомъ для всякаго археолога; особенно цѣнно здѣсь то, что авторъ сдѣлалъ свои обобщенія исключительно на основаніи археологическаго матеріала и эти обобщенія были построены столь осторожно, что не вызвали никакихъ возраженій на съѣздѣ. Рефератъ В. Б. Антоновича служитъ яркимъ доказательствомъ той мысли, что въ настоящее время возможна только пока частная областная классификація археологическаго матеріала, и только впослѣдствіи путемъ сведенія въ одно цѣлое всѣхъ этихъ обобщеній возможно будетъ создать дѣйствительно универсальную классификацію, которая будетъ основана на всей совокупности извѣстныхъ намъ фактовъ. Эту же мысль подтверждаетъ и прекрасный рефератъ проф. В. З. Завитневича, который распадается на 2 части: въ первой изложены общія соображенія референта о способахъ классификаціи археологическихъ данныхъ, а во второй сдѣлана попытка классифицировать тотъ матеріалъ, который былъ открытъ при раскопкѣ бѣлорусскихъ кургановъ. В. З. Завитневичъ высказывается рѣшительно въ пользу археологическаго, а не историческаго критерія для классификаціи курганнаго матеріала. Такую же мысль высказывалъ въ своемъ обширномъ и обстоятельномъ докладѣ на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ извѣстный археологъ ген.-м. Н. Е. Бранденбургъ. Такимъ образомъ очевидно, что мнѣніе это находитъ себѣ все болѣе и болѣе послѣдователей; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что историческія свидѣтельства тутъ нисколько не устраняются—но имъ отводится надлежащее мѣсто.

Сообщеніе помѣщика херс. уѣзда Г. Л. Скадовскаго должно быть признано однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и замѣчательныхъ. Напрасно г. Скадовскій аттестовалъ себя простымъ люби-

телемъ—всѣ пріемы его были строго научные и обличали въ референтѣ добросовѣстнаго, пріобрѣвшаго значительную эрудицію изслѣдователя. Г. Л. Скадовскій произвелъ правильную раскопку кургановъ въ своемъ имѣніи близъ м. Бѣлозерки, въ херс. уѣздѣ, у Бѣлозерскаго городища и представилъ съѣзду обширное сообщеніе, дневникъ раскопокъ и цѣлую коллекцію череповъ, предметовъ и фотографическихъ снимковъ, дававшихъ ясное представленіе о самыхъ могильныхъ камерахъ и положеніи въ нихъ покойниковъ. По недостатку времени онъ пропустилъ 3 главы своего сообщенія, въ которыхъ заключались свѣдѣнія о географическомъ распредѣленіи кургановъ и о техникѣ раскопокъ, и только остановился на характеристикѣ погребальныхъ типовъ, встрѣченныхъ имъ въ этихъ курганахъ. Всѣхъ такихъ типовъ референтъ насчитываетъ семь: одни изъ нихъ относятся къ древнѣйшей порѣ—каменному вѣку, другіе, болѣе поздніе—къ скиѳскому періоду. Въ древнѣйшихъ небольшихъ и неглубокихъ могильныхъ ямахъ скелеты лежатъ на слоѣ зеленой глины съ согнутыми колѣнями; при нихъ находятся каменныя орудія; кости окрашены какою то мастикой; черепа долихоцефалическіе; землю для могилы копали треугольными камнями, которые и были находимы въ могилахъ. Въ болѣе новыхъ могилахъ, но все того же каменнаго вѣка, окрашенные скелеты находятся въ утробномъ (скорченномъ) положеніи; при каждомъ изъ нихъ стоитъ грубой работы горшокъ, иногда костяныя издѣлія и амулеты; головой скелеты обращены обыкновенно на юго-востокъ. Третій типъ характеризуется похоронами покойника въ лодкѣ вмѣстѣ съ конемъ; въ этихъ курганахъ находятся уже металлическія вещи. Остальные четыре типа (4—7-й) имѣютъ уже несомнѣнно прямое отношеніе къ скиѳско-эллинской культурѣ. Въ могилахъ четвертаго типа при скелетахъ мы находимъ уже посуду греческой работы съ надписями, браслеты, ожерелья и т. п. Найденные здѣсь черепа съ красивымъ профилемъ и выпуклымъ лбомъ приводятъ къ мысли, что тутъ были погребены греческіе колонисты. Могильныя ямы пятаго типа весьма характерны по своему устройству; находимые здѣсь предметы отличаются единообразіемъ; это желѣзный ножъ съ костяною ручкою, изящная греческая посуда, зеркала и раз-

ныя украшенія; оружіе въ видѣ исключенія найдено только въ одномъ такомъ курганѣ; на черепицѣ выбито было клеймо съ гербомъ Ольвіи. Шестой типъ отличается отъ предъидущаго устройствомъ могилъ, обязательнымъ присутствіемъ оружія вмѣстѣ съ костями лошадей; это даетъ поводъ предполагать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ кочевыми скиѳами, а въ предъидущемъ—съ осѣдлыми. 7-й типъ, наконецъ, характеризуется похоронами въ ямѣ, имѣющей форму лодьи, и присутствіемъ серебряныхъ украшеній. Уже изъ этого краткаго изложенія можно видѣть, какъ много новыхъ и интересныхъ заключеній дали раскопки г. Скадовскаго для русской археологіи вообще и археологіи Новороссійскаго края въ частности. Можно только пожелать, чтобы онъ продолжилъ свои изслѣдованія и приступилъ къ раскопкамъ могильника близъ городища у Глубокой Пристани, гдѣ, по его мнѣнію, также можно найти аналогическіе предметы.

Рефератъ г-жи К. Н. Мельникъ *„Стоянка и мастерская каменнаго вѣка у днѣпровскихъ пороговъ“* былъ доложенъ проф. В. Б. Антоновичемъ. Мѣстность эта находится на берегу Днѣпра между Сурскимъ и Лоханскимъ порогами. О ней давно уже ходили слухи, какъ о территоріи, богатой кладами. Жители села Волоскаго находили здѣсь много каменныхъ орудій. Неудивительно, что сюда приходили и кладоискатели, которые изрыли землю въ разныхъ направленіяхъ. Г-жѣ Мельникъ поручено было сдѣлать тутъ правильныя археологическія изысканія. Изысканія эти привели къ весьма важнымъ открытіямъ. Весь культурный слой площадки, гдѣ произведены были раскопки, изобиловалъ остатками былой жизни. Въ четырехъ мѣстахъ этой площадки открыты были четыре гнѣзда, оказавшіяся настоящими кладовыми древнихъ орудій. Но любопытнѣе всего то, что орудія эти здѣсь же на мѣстѣ и производились—это были настоящія мастерскія каменнаго вѣка. Доказательствомъ этого служитъ находка многихъ недодѣланныхъ или испорченныхъ во время работы предметовъ. Таковъ, напр., каменный молотокъ, въ которомъ только начали сверлить отверстіе и т. п. Въ мастерскихъ этихъ приготовлялись каменныя орудія, костяныя вещи и глиняныя издѣлія; къ числу первыхъ относятся ножи, скребки, стрѣлки, точильные

камни, пращи и т. п.; среди глиняной посуды особенное внимание обращаетъ на себя лѣпная орнаментировка. Сообщеніе это демонстрировалось найденными предметами, которые сильно заинтересовали присутствующихъ.

І. А. Хайновскій сдѣлалъ сообщеніе о *„Курганѣ Сауръ въ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ екатерин. губ."*. Въ курганѣ этомъ были найдены скелеты, окрашенные красною краскою. Объясненію этого загадочнаго обстоятельства и былъ посвященъ главнымъ образомъ рефератъ г. Хайновскаго. Черепа эти и кости, по мнѣнію г. Хайновскаго, отличались большою древностью, значительно превосходя въ этомъ отношеніи скиѳскіе и приближаясь къ извѣстному Дюссельдорфскому черепу, который причисляется Катрфажемъ къ первобытной Капштадской расѣ длинноголовыхъ. По наблюденіямъ, произведеннымъ русскими археологами, оказывается, что окрашенныя кости принадлежатъ древнѣйшимъ могиламъ. По анализу краска оказалась водною окисью желѣза. Происходеніе краски на костяхъ г. Хайновскій объясняетъ тѣмъ, что народъ этотъ окрашивалъ въ красный цвѣтъ, свои волосы и бороду и одѣвался въ шкуры, выдубленныя при помощи той же краски; когда же тѣло сгнивало, краска переходила на кости. Когда г. Хайновскій окончилъ свое длинное сообщеніе, поднялся проф. Д. Н. Анучинъ и заявилъ, что объясненіе г. референта едва ли можетъ быть принято, такъ какъ оно слишкомъ натянуто и вопросъ о происхожденіи окрашиванія остается, по мнѣнію профессора, по прежнему открытымъ.

Сообщеніе Н. Е. Бранденбурга *„Къ вопросу о происхожденіи каменныхъ бабъ"* было вызвано раскопкою одного кургана въ Новороссіи, на которомъ стояла каменная баба. Референтъ затронулъ очень интересный вопросъ, но едва ли можно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, къ которому онъ повидимому склоняется,—что каменныя бабы имѣютъ связь со скиѳскими могилами; болѣе вѣроятно относить ихъ къ половцамъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ южн. Россіи.

Содержаніе моего реферата *„Общій очеркъ древностей харьковской губ."* имѣло цѣлью опровергнуть установившееся мнѣніе, что харьковская губ. въ археологическомъ отношеніи

не представляетъ никакого интереса. Изъ отрывочныхъ данныхъ, разсѣянныхъ въ различныхъ изданіяхъ, оказывается, что въ предѣлахъ харьк. губ. существовалъ каменный періодъ, который раньше не былъ отмѣченъ. Есть данныя, указывающія и на существованіе бронзовой эпохи, хотя въ очень неопредѣленной, смѣшанной формѣ. Сюда именно относятся находки *типичныхъ* вещей бронзовой культуры въ богодух. уѣздѣ г. Зарѣцкаго (кельтъ, копье, мечъ, фибула). Эти вещи слѣдуетъ отличать отъ предметовъ, найденныхъ тѣмъ же г. Зарѣцкимъ въ курганахъ. Курганныя находки относятся къ I—III в.в. по Р. Х., о чемъ свидѣтельствуетъ и монета Септимія Севера. Всѣ римскія монеты, найденныя въ харьк. губ., относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ по Р. Х. Золотыя вещи, найденныя въ курганахъ г. Зарѣцкимъ (бляшки изъ двухъ колчановъ), могутъ быть отнесены къ скиѳосарматскому періоду. Всѣ другія монетныя находки относятся уже къ болѣе позднему времени—VI—IX в.в. и заключаютъ въ себѣ византійскія и арабскія монеты. Имъ соотвѣтствуетъ хозарско-славянорусскій періодъ харьковской жизни, о которомъ свидѣтельствуютъ и письменные источники, и археологія, и географическая номенклатура. Нынѣшняя харьк. г. въ княжескій періодъ представляла изъ себя украйну Чернигово-Сѣверской земли; здѣсь существовали города—Вырь, Вьяхань, Попашъ, Донецъ, Шарукань, Чешуевъ и др. Остатками то этихъ городовъ являются многочисленныя городища, разсѣянныя въ предѣлахъ харьк. губ. и упоминаемыя уже въ географическихъ источникахъ XVI—XVII в.в. Не всѣ они относятся къ древнему періоду нашей исторіи—есть и старѣе, и моложе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и находки, которыя попадаются тамъ, и самыя названія ихъ. Одни звучатъ по славянски (Хорошево городище, Кабанье и др.), другія указываютъ на инородцевъ (Торчиново, Хозаревское, Бусовъ яръ и др.). Тюрки господствовали въ южной части губ. и памятниками пребыванія ихъ здѣсь повидимому нужно признать каменныя бабы, которыя распространены въ южныхъ уѣздахъ (изюмскомъ, зміевскомъ и др.). Для подкрѣпленія или опроверженія нѣкоторыхъ изъ этихъ выводовъ необходимо продолжать раскопки, ко-

торыя положатъ начало въ будущемъ харьковскому археологическому музею.

Всѣ перечисленныя здѣсь сообщенія основывались въ большей или меньшей степени на археологическихъ данныхъ; остальныя же были составлены по письменнымъ источникамъ.

Вопросу о происхожденіи и началѣ имени „Русь" было посвящено два сообщенія—небольшой, но цѣнный рефератъ извѣстнаго оріенталиста проф. Хвольсона и обширный рефератъ проф. варш. унив. г. Будиловича.

Проф. Хвольсонъ представилъ вниманію съѣзда данныя о Руси у арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбе, которыя раньше относились къ концу IX в., а теперь по новымъ изслѣдованіямъ придвигаются къ нач. IX ст. Русь, по свидѣтельству Ибнъ-Хордадбе, ѣздила по Дону, Волгѣ и Каспійскому морю, доходила до Багдада и тамъ торговала, при чемъ переводчиками ей служили тамошніе славяне. Отсюда видно, что еще до такъ наз. призванія варяговъ существовала у насъ Русь, которая, по свидѣтельству другихъ арабскихъ писателей, обитала въ Поволжьѣ. Такимъ образомъ, въ этомъ извѣстіи мы получаемъ новое важное свидѣтельство о туземномъ происхожденіи Руси и нельзя не согласиться съ Д. И. Иловайскимъ, который заявилъ, что это коротенькое сообщеніе арабскаго писателя 1-й пол. IX в. наноситъ сильный ударъ норманизму. Г.г. Квашнинъ-Самаринъ и Милюковъ своими возраженіями не ослабили значенія этого извѣстія.

Рефератъ проф. А. С. Будиловича представляетъ цѣлую систему происхожденія Руси и, нужно сознаться, систему стройную, логичную и остроумную, хотя едва ли она рѣшитъ полуторавѣковой спорный вопросъ о началѣ русскаго государства. Каково происхожденіе слова Русь—туземное или иноземное? спрашиваетъ себя референтъ—и подвергаетъ его филологическому анализу какъ въ отношеніи морфологическаго строенія, такъ и со стороны функціональной. Въ строеніи его онъ видитъ двойственность корневой вокализаціи (русь и рось), необычную въ другихъ аналогичныхъ славянскихъ географическихъ терминахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово это имѣетъ не одно, а нѣсколько значеній (обозначаетъ то всю русскую землю, то одно Поднѣпровье и т. д.).

Изъ этихъ особенностей слова „Русь“ (отмѣченныхъ впрочемъ, прибавимъ отъ себя, уже раньше) А. С. Будиловичъ дѣлаетъ выводъ, что оно не славянскаго, а чужеземнаго происхожденія. Но какого? Оно не могло быть ни финскимъ, ни литовскимъ, ни роксоланскимъ, ни варяжскимъ. А. С. Будиловичъ объясняетъ его изъ готскаго нарѣчія, принадлежащаго къ восточной отрасли германскаго языка. Въ пользу своего мнѣнія референтъ представилъ слѣдующія важнѣйшія доказательства. Готы жили довольно долго въ предѣлахъ Россіи, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ поселились поляне и былъ г. Кіевъ). Готское вліяніе отразилось въ славянскомъ языкѣ (названіе нѣкоторыхъ буквъ азбуки—азъ, глаголь, иже); отразилось оно и въ географическихъ и этнографическихъ именахъ (р. Бугъ, Бескиды). Слово Русь соотвѣтствуетъ готскому Hrôthis, Hrôs, въ которомъ основное ô звучало и какъ о, и какъ у. У готовъ существовало даже названіе одного племени Hrodh, Hroedh — gotaland; это была, по сказанію исландскихъ сагъ, область, лежавшая между Карпатами и Днѣпромъ; Росъ-Готія эта, такимъ образомъ, совпадаетъ съ кіевскимъ княжествомъ IX в. Если мы примемъ это толкованіе, говоритъ г. Будиловичъ, то имъ устранятся всѣ затрудненія, „ключемъ этимъ, по выраженію референта, отпираются всѣ замки“. Мы думаемъ, что едва ли теорія эта можетъ удовлетворить всѣхъ. Спрашивается, какъ могутъ принять ее тѣ, кто считаетъ Русь туземнымъ славянорусскимъ племенемъ. Не отвѣчаетъ она и на тѣ возраженія, которыя раздаются обыкновенно по адресу норманнистовъ—въ чемъ отразилось вліяніе нѣмецкой (въ данномъ случаѣ готской) народности на славянорусскую. Наконецъ, нельзя не поставить на видъ того обстоятельства, что самая существенная часть теоріи (о готской области въ странѣ полянъ) построена на такихъ мутныхъ источникахъ, какъ исландскія саги. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія въ печати этого интереснаго изслѣдованія проф. Будиловича.

Проф. кіевской духовной академіи г. Дмитріевскій выступилъ съ рефератомъ *„О греческомъ нѣжинскомъ братствѣ и его уставѣ“*, основаннымъ на новыхъ матеріалахъ, извлечен-

ныхъ изъ архива этого братства въ г. Нѣжинѣ. Прототипомъ греческаго братства считаются итальянскія, но къ сожалѣнію о нихъ мы почти ничего не знаемъ. Въ Нѣжинѣ мы находимъ грековъ уже въ пол. XVII в.; ихъ надѣляетъ нѣкоторыми привилегіями уже Богданъ Хмельницкій; его универсалъ подтверждается другими гетманами. Но фундаторомъ братства въ Нѣжинѣ былъ священникъ Христофоръ Димитріевъ. Сохранилась біографическая записка о немъ, которая правда отличается панегирическимъ характеромъ, но въ ней не мало и реальныхъ чертъ. Онъ энергично собиралъ подаянія для постройки каменной церкви, ходилъ даже съ этою цѣлью въ Москву—и труды его увѣнчались успѣхомъ. Умирая, онъ изложилъ свою мысль объ устройствѣ братства въ духовномъ завѣщаніи. Въ 1697 г. проектъ устава братскаго былъ представленъ на обсужденіе всей общины. Онъ состоялъ изъ 51-й главы. Здѣсь говорилось о братскихъ священникахъ, о выборѣ ихъ, отрѣшеніи отъ должности, доходахъ, объ обязанностяхъ братчиковъ, о выборѣ 12 человѣкъ для завѣдыванія школами, госпиталемъ, медовареніемъ и т. п. Уставъ былъ утвержденъ, но измѣнялся и дополнялся потомъ въ 1718, 1720, 34 и др. годахъ. Впослѣдствіи братство замѣнилось греческимъ нѣжинскимъ магистратомъ.

Наиболѣе интереснымъ въ настоящемъ докладѣ является характеристика содержанія братскаго устава; къ сожалѣнію, авторъ, вмѣсто того чтобы остановиться подробнѣе на этомъ содержаніи, нѣсколько увлекся біографіей о. Христофора, чѣмъ нарушилъ цѣльность впечатлѣнія.

Въ прямой непосредственной связи съ настоящимъ стояло другое сообщеніе того же референта *„Объ архивѣ нѣжинскаго братства“*; архивъ этотъ (въ г. Нѣжинѣ) находится въ полномъ небреженіи; а между тѣмъ въ немъ и теперь еще находится много цѣнныхъ матеріаловъ. Въ немъ сохранилось почти все мѣстное судопроизводство, которое было основано отчасти на греческихъ, отчасти на мѣстныхъ законахъ. Тутъ рельефно выступаютъ греческіе адвокаты, съ крайне несимпатическими чертами своей дѣятельности; отсюда мы ясно видимъ, какими исключительными привилегіями пользовалась греческая община и какъ трудно

было отстаивать свои законнѣйшія права мѣстному малороссійскому населенію. Малороссійскому магистрату чрезвычайно нелегко было привлекать грековъ къ отбыванію общегородскихъ повинностей, вся тяжесть которыхъ падала на южно-русскихъ обывателей города. Дѣла въ архивѣ хранятся съ 1696 по 1872-й годъ. Въ заключеніе референтъ высказалъ желаніе, чтобы документы эти были присоединены къ историческому архиву при харьковскомъ унив., такъ какъ они находятся другъ съ другомъ въ тѣсной органической связи. Я лично вполнѣ присоединился къ этому проекту и съ нимъ согласилась вся археографическая секція со своимъ предсѣдателемъ, директоромъ архива мин. иностр. дѣлъ барономъ Бюллеромъ во главѣ.

Заслуженный проф. москов. унив. А. С. Павловъ прочиталъ обширный и очень важный докладъ „*О подлинности церковнаго устава Владиміра св.*“ Въ началѣ референтъ указалъ на перемѣнчивую литературную судьбу этого памятника: Карамзинъ считалъ его подложнымъ, Неволинъ—подлиннымъ, теперь опять проф. Голубинскій и Суворовъ — подложнымъ. А. С. Павловъ даетъ этому вопросу новую методологическую постановку. Прежніе изслѣдователи смѣшивали матеріальное содержаніе памятника съ его внѣшней письменной формой. На самомъ же дѣлѣ здѣсь произошло то явленіе, которое можно было наблюдать и относительно Русской Правды: содержаніе устава съ большою вѣроятностью можетъ быть отнесено ко времени Владиміра св., но оно не было самимъ Владиміромъ облечено въ письменную форму, а только дано въ непосредственныхъ личныхъ распоряженіяхъ равноапостольнаго князя; другими словами, церковный уставъ Владиміра, подобно Русской Правдѣ, образовался путемъ частной кодификаціи нормъ церковной жизни и процессъ этой кодификаціи, начавшись при Владимірѣ, закончился только въ концѣ XIII в. Такова основная мысль сообщенія проф. А. С. Павлова; фактическая же сторона этого реферата состояла въ подробнѣйшемъ, тщательномъ анализѣ внутренняго содержанія этого памятника.

Проф. А. И. Соболевскій и молодой румынскій изслѣдователь г. Богданъ посвятили свои чтенія *грамотѣ Ивана Рости-*

славича Берладника, (1134 г.) которая хорошо извѣстна всѣмъ изслѣдователямъ галицко-русской исторіи. Оба референта пришли къ одинаковымъ заключеніямъ—о несомнѣнной подложности этой грамоты. Оба реферата взаимно дополняли другъ друга. Но особенное значеніе имѣлъ докладъ г. Богдана, удовлетворявшій всѣмъ требованіямъ строгой исторической критики. Г. Богданъ подвергъ самому тщательному анализу эту грамоту не только съ филологической стороны, но и съ палеографической и исторической. Изслѣдованіе вышло образцовое, напоминающее работы, производимыя въ École des chartes. Едва ли только былъ правъ г. Богданъ, отрицая вовсе существованіе русскихъ владѣній у Дуная. Извѣстный этнографъ Н. А. Янчукъ прочелъ сообщеніе „*Эпизодъ изъ области критики народной поэзіи*", въ которомъ разобралъ и объяснилъ двѣ старинныя малороссійскія обрядовыя пѣсни. Одна изъ нихъ свадебная: „Нема попа дома, поихавъ винъ до Львова, ключей куповаты, церковь одмыкаты, двое людей винчаты". Референтъ видитъ здѣсь одно изъ проявленій величальныхъ свадебныхъ мотивовъ: ради торжественности самъ батюшка отправляется во Львовъ, чтобы купить тамъ ключи, которыми отпирается церковь. Другая пѣсня о Зелиманѣ, который ѣдетъ „по дивоньку". Она, по мнѣнію референта, принадлежитъ къ весняночнымъ; самое имя Зелимана, можетъ быть, стоитъ въ связи съ „зеленымъ маемъ".

Не могу, къ сожалѣнію, передать содержанія еще четырехъ рефератовъ, относящихся къ южной Россіи—проф. А. В. Прахова „*Изслѣдованіе Мстиславова Владиміро-Волынскаго собора XII в.*, И. А. Линниченка „*Черты изъ исторіи землевладѣнія юго-зап. Руси XIV—XV вв*"., г. Квашнина-Самарина „*Крещеніе Руси по памятникамъ литературнымъ*" и г. Е. К. Рѣдина „*Свѣтская живопись лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора*". Замѣчу только, что сообщеніе пр. А. В. Прахова имѣло полный и заслуженный успѣхъ, которому много способствовала масса великолѣпно исполненныхъ плановъ и снимковъ, иллюстрировавшихъ этотъ замѣчательный памятникъ древне-русскаго зодчества.

Въ заключеніе, мнѣ остается еще отмѣтить коллекціи и предметы на археологической выставкѣ, устроенной при съѣздѣ,

имѣющіе отношеніе къ южно-русской старинѣ. Сюда нужно отнести коллекціи проф. Д. Я. Самоквасова, В. Б. Антоновича, К. Н. Мельникъ, Г. Л. Скадовскаго, г-жи Скаржинской, г. Хайновскаго, И. А. Зарѣцкаго, И. М. Бичъ-Лубенскаго, церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи, проф. А. В. Прахова.

Предметы, выставленные на этотъ разъ Д. Я. Самоквасовымъ, составляютъ только незначительную часть его громадной коллекціи, которую онъ цѣликомъ пожертвовалъ въ московскій историческій музей. Предметы эти являются главнымъ образомъ результатомъ его послѣднихъ раскопокъ у с. Аксютинецъ роменскаго уѣзда полт. губ.; для сравненія здѣсь же фигурируютъ вещи, отысканныя въ курганахъ сѣвернаго Кавказа (возлѣ Пятигорска) и въ татарскихъ могилахъ Новороссійскаго края.

Вещи въ коллекціи В. Б. Антоновича относятся къ кіев., подол. и волын. губ., а также Бессарабіи. Тутъ мы находимъ каменные молотки съ орнаментомъ, топорки, стрѣлы, бронзовыя орудія изъ кургановъ радомысльскаго уѣзда, находки въ большомъ курганѣ скиѳскаго характера—бронзовыя привѣски восточнаго типа, птичьи головки, булаву и кельтъ и, наконецъ, вещи княжескаго періода (серебряную цѣпь и т. п.). О коллекціи К. Н. Мельникъ мы могли уже составить нѣкоторое представленіе изъ отчета о ея рефератѣ—это предметы, найденные въ стоянкѣ и мастерской каменнаго вѣка, открытой у с. Волошскаго (въ екатеринославской губ.).

Г. Л. Скадовскій представилъ на выставку весьма интересное собраніе предметовъ и череповъ, найденныхъ имъ во время раскопки кургановъ, археологическою карту всей этой мѣстности и массу фотографическихъ снимковъ, дающихъ наглядное понятіе о самомъ процессѣ раскопокъ. Было бы желательно, чтобы коллекція г. Скадовскаго сдѣлалась достояніемъ одного изъ южно-русскихъ музеевъ.

Землевладѣлица лубенскаго уѣзда полтавской губ. г-жа Е. Н. Скаржинская давно уже собираетъ мѣстныя древности и въ настоящее время имѣетъ у себя въ помѣстьи небольшой музей. Здѣсь между прочимъ хранятся предметы каменнаго вѣка палео-

литической эпохи, найденные въ слоѣ леса вмѣстѣ съ костями мамонта въ с. Гонцахъ (г. Каминскимъ). Эта находка, какъ извѣстно, впервые доказала существованіе человѣка въ южной Россіи въ эпоху мамонта. Среди относящихся сюда предметовъ отмѣтимъ: каменные топоры и костяныя издѣлья. Другіе предметы каменнаго вѣка были найдены случайно въ лубенскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ. Наконецъ, послѣдняя группа каменныхъ орудій была отыскана въ курганахъ на Лысой горѣ въ г. Лубнахъ;—это кремневыя стрѣлки возлѣ покойника, лежавшаго въ желѣзномъ чешуйчатомъ панцырѣ. Керамическія произведенія въ фрагментахъ встрѣчались вмѣстѣ съ каменными орудіями въ почвѣ курганныхъ насыпей на Лысой горѣ (масса черепковъ съ орнаментировкой и сосуды). Тутъ же найдены были желѣзныя пластины чешуйчатаго панцыря, точильные камни и терракотовая посуда; въ особенности интересна терракотовая вазочка съ изображеніемъ тигровъ или леопардовъ; слѣдуетъ также отмѣтить обратно грушевидную кружку скиѳо-сарматскаго типа, каменную терку съ пестикомъ и со слѣдами краски бураго желѣзняка, жертвенные сосуды изъ кургановъ на старомъ замкѣ въ Лубнахъ, черную полированную миску съ конскимъ бедромъ и курильницу съ углями и смолистымъ сплавомъ. Изъ бронзовыхъ вещей выдѣляются—топорикъ и браслеты; еще интереснѣе каменная форма для отливки бронзоваго криваго серповиднаго ножа, найденная въ селеніи Березнякахъ. Четыре таблицы фотографическихъ снимковъ даютъ понятіе о золотыхъ, серебряныхъ и другихъ предметахъ великокняжеской эпохи, найденныхъ на старомъ Каневскомъ городищѣ. Изъ болѣе новыхъ предметовъ фигурируютъ: козацкая пороховница изъ оленьяго рога съ рѣзьбой, два келепа, старинная козацкая „обческая“ трубка, оловяная старинная дарохранительница изъ одной лубенской церкви XVII в., хрустальная сулейка кіевскаго митрополита Т. Щербацкаго съ надписью и, наконецъ, старопечатное евангеліе 1590 г. Коллекція г. Хайновскаго имѣетъ эффектный видъ, но возбуждаетъ въ осторожномъ изслѣдователѣ нѣкоторое сомнѣніе. Значительная часть предметовъ найдена на такъ называемой Княжей горѣ, гдѣ былъ въ древности г. Родня; г. Хайновскій выставилъ даже

черепъ, принадлежащій якобы князю Роману Мстиславичу, но подлинность его ничѣмъ не доказана да едва ли, конечно, и можетъ быть доказана; большое вниманіе обращаетъ на себя золотая діадема, надѣтая также на „историческій черепъ", но она... реставрирована и, такъ сказать, дополнена г. Хайновскимъ, а какова она была въ дѣйствительности и была ли даже въ дѣйствительности, сказать мудрено.

И. А. Зарѣцкій продалъ историческому музею весьма интересную коллекцію древностей, найденныхъ имъ въ богодуховкомъ и ахтырскомъ уѣздѣ харьков. губ. Коллекція по составу своему довольно разнообразна; здѣсь мы находимъ и каменныя, и бронзовыя, и желѣзныя издѣлія. Особенное вниманіе обращаютъ на себя типическіе предметы, сдѣланные изъ бронзы, и золотыя украшенія, находившіяся на колчанахъ; это—золотыя бляшки, которымъ довольно искусно придана форма львовъ, грифовъ и т. п. По своему стилю они относятся по крайней мѣрѣ къ сарматскому періоду. Къ территоріи же харьковской губ. относится еще небольшое собраніе металлическихъ предметовъ и глиняныхъ сосудовъ землевладѣльца изюмскаго уѣзда И. М. Бичъ-Лубенскаго; металлическія вещи всѣ почти желѣзныя, исключая одного бронзоваго ножика. Все это собраніе пожертвовано въ музей харьков. университета. Церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи выставилъ значительное количество памятниковъ церковной старины, а кромѣ того еще замѣчательное козацкое знамя, хранившееся въ одной изъ сельскихъ церквей въ Малороссіи. Проф. А. В. Праховъ выставилъ цѣлый рядъ предметовъ, найденныхъ въ старомъ Владиміро-Волынскомъ соборѣ XII в.: фрески, кирпичи, остатки кафельнаго пола, гвозди и т. п. Слѣдуетъ также отмѣтить обѣтныя подвѣски и другія церковныя древности, старыя церковныя книги (рукописное евангеліе XVI в., помянникъ кн. Острожскихъ) и рядъ снимковъ и плановъ того же Мстиславова собора. Профессоръ же Праховъ прислалъ на выставку гробницу извѣстнаго воеводы кіевскаго Адама Киселя и его брата Николая изъ церкви селенія Низкиничъ владиміро-волынскаго уѣзда. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще коллекцію картинъ, хранившихся нѣкогда въ м.

Вишневцѣ въ замкѣ Вишневецкихъ (портретъ Марины Мнишекъ и Самозванца), а также въ Почаевской лаврѣ (портреты фундаторовъ ея—Домашевскихъ 1649 г. и др.).

Въ заключеніе упомянемъ еще о двухъ археологическихъ картахъ, относящихся къ территоріи южной Россіи: кіевская губ. обработана проф. В. Б. Антоновичемъ, харьковская—мною; карта В. Б. Антоновича представляетъ въ своемъ родѣ шедевръ; тамъ мы найдемъ полную исторію мѣстныхъ изысканій и полный каталогъ кіевскихъ древностей въ ихъ географическомъ распредѣленіи; древности самого города Кіева выдѣлены въ особую группу и нанесены на современный планъ его; обѣ карты сопровождаются довольно обширнымъ объяснительнымъ текстомъ.

Д. И. Багалѣй.

Беата и Гальшка.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЖИЗНИ XVI В.[1])

ЯК. КАРО.

(*Переводъ съ нѣмецкаго*).

(Окончаніе).

IV.

Четырнадцатилѣтняя вдова по прежнему стала послушной дочерью своей матери: воля послѣдней была для Гальшки закономъ. Безъ сомнѣнія по приказу матери княжна уже 19 марта, черезъ день послѣ свиданія съ Беатой, заявила жалобу противъ своего дяди, кн. Василія Острожскаго. Прежде всего она обратилась въ познанскій гродскій судъ, „освободившись благодаря Бога и помощи друзей отъ Дмитрія, учинившаго надъ нею насиліе". Она указываетъ на погромъ Острожскаго замка, насильственное присвоеніе добра и продолжаетъ: „противъ моей воли и желанія моей матери, онъ силою заставилъ меня обвѣнчаться съ Дмитріемъ. Ни мой отказъ, ни мольбы, ни слезы не удержали его отъ выдачи меня князю, и такимъ образомъ надо мною учинено насиліе".

Нѣсколько дней спустя послѣ подачи жалобы, въ гродскій судъ явились двое уполномоченныхъ короля для занесенія въ

---

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 2.

протоколъ этого учрежденія королевской воли. Такъ какъ княжна—говорилось тамъ—нынѣ свободна, то мать ея, княгиня Беата, должна взять ее на свое попеченіе, но не выдавать вновь въ замужество. Въ то же время уполномоченные потребовали передачи письменнаго распоряженія обо этомъ лично княгинѣ Беатѣ. Такого рода королевское вмѣшательство показалось унизительнымъ гордой женщинѣ. Съ неоспоримой логикой и горькой ироніей отвѣчала она, что во всякомъ случаѣ будетъ относиться съ подобающимъ уваженіемъ къ королевскимъ приказаніямъ и грамотамъ, хотя бумаги въ родѣ тѣхъ, которыя вручаются ей нынѣ, обыкновенно выдаются лишь въ случаѣ прямого о томъ ходатайства передъ королемъ. Разъ королевскимъ указомъ признано, что княжна свободна или, по латыни, sui juris, то отсюда слѣдовало бы заключить, что она вправѣ располагать собою съ совѣта матери или друзей. Ей кажется противнымъ праву, что она, мать, должна принять на себя столь широкія обязанности при условіи ограниченія свободы дочери. Она не противилась бы дѣйствіямъ, которыя бы ни въ чемъ не нарушали личныхъ правъ княжны.

Уже такой обмѣнъ объясненій доказываетъ, что немедленно вслѣдъ за возвращеніемъ Гальшки вопросъ о ея новомъ бракѣ привлекалъ общее вниманіе. И дѣйствительно, вскорѣ этотъ вопросъ долженъ былъ вновь поднять интриги и усложненія, которыя ширились все болѣе и болѣе и даже поставили королевскій дворъ въ двусмысленное положеніе. Короля въ осбенности безпокоило, что, послѣ всего происшедшаго, сынъ воеводы калишскаго, панъ Мартынъ Зборовскій младшій, имѣетъ болѣе всего шансовъ на полученіе руки юной вдовы и ея богатаго наслѣдства на Литвѣ. Переходъ польскихъ магнатовъ въ литовскіе удѣлы и безъ того казался королю опаснымъ; въ настоящемъ же случаѣ возможность такого факта еще болѣе пугала короля. Онъ прекрасно понималъ теперь, чего ради старый воевода столь неожиданно примкнулъ къ гетману Тарновскому, тестю кн. Василія Острожскаго: въ числѣ лицъ, которымъ недовѣрялъ король Сигизмундъ Августъ — а такими были, исключая Радзивила, всѣ вообще, въ томъ числѣ его собственная мать—

Тарновскій стоялъ первымъ. Король рѣшился не допустить скрѣпленія этихъ связей женитьбой Зборовскаго на Гальшкѣ. Онъ держится убѣжденія, писалъ король Радзивилу, что допустить такое приращеніе уже ранѣе пріобрѣтенныхъ Зборовскимъ владѣній на Литвѣ значило бы вскормить въ государствѣ змѣю. „Всѣ мы“, выражался король, „накличемъ бѣду на свою голову, и этого никакъ нельзя допустить безъ явнаго ущерба для государства“.

Далѣе король сообщалъ своему довѣренному, какія усилія дѣлались при дворѣ въ интересахъ княгини Беаты, чтобы добиться отмѣны закона, разрѣшавшаго выдавать замужъ сиротъ безъ отца только съ согласія близкихъ родственниковъ, и снятія королевскаго запрещенія. Измѣнническая пріязнь воеводы съ гетманомъ, къ которой примкнула и его собственная мать, королева Бона, кажется ему въ высшей степени подозрительной. Если этимъ союзникамъ удастся привлечь на свою сторону кн. Василія, то законъ и запрещеніе окажутся безсильными. Необходимо во что бы то ни стало повліять на кн. Василія и указать ему на возможность какой либо иной комбинаціи, лишь бы отклонить отъ этого плана. „Ибо гдѣ вмѣшается наша родительница“, заключаетъ король свое посланіе, „тамъ неизбѣжно готовится для насъ какое либо огорченіе и никогда ничего хорошаго произойти не можетъ“.

Но король не довольствовался противодѣйствіемъ женитьбѣ Зборовскаго на Гальшкѣ. Онъ самъ позаботился подыскать кандидата на богатое приданое, и выборъ его палъ на графа Луку изъ Горки, родственника Косцелецкихъ, который въ свое время тоже совершилъ путешествіе въ Яромиръ для освобожденія княжны Гальшки. Графъ Лука былъ рьяный кальвинистъ, и это обстоятельство быть можетъ и заставило короля остановить на немъ свое благосклонное вниманіе. Иновѣрный магнатъ казался на Литвѣ менѣе опаснымъ, нежели католикъ. Кромѣ того, молодой графъ былъ вообще блестящимъ рыцаремъ, и на празднествахъ по случаю свадьбы короля съ Екатериной австрійской графъ вмѣстѣ съ братомъ привлекали всеобщее вниманіе великолѣпіемъ своего убранства. Поэтому нельзя приписать простой

случайности, что графъ Лука вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, еп. познанскимъ Андреемъ Чарнковскимъ, прибылъ въ Варшаву какъ разъ въ то время, когда тамъ остановился на нѣсколько дней у своей матери король проѣздомъ изъ Литвы на петроковскій сеймъ: при дворѣ королевы Боны въ ту пору находились и княгиня Беата съ дочерью.

Король лично представилъ претендента княгинѣ въ качествѣ своего протеже. Беата всякими способами старалась отклонить такое вниманіе. Она сослалась на то, что переходъ литовскаго удѣла къ польскому магнату сопряженъ съ затрудненіями въ виду существующихъ законовъ. Но король очень скоро нашелъ способъ устранить это препятствіе. Онъ попросту отмѣнилъ этотъ законъ для даннаго случая, для графа Горки и княжны Гальшки и ихъ будущаго потомства. Право родственниковъ Гальшки на выкупъ всего наслѣдства за четвертую часть стоимости, въ случаѣ перехода его въ руки польскаго дворянина, въ данномъ случаѣ возможно было устранить тѣмъ легче, что кн. Василій, ближайшій родственникъ княжны, былъ объявленъ по извѣстному намъ приговору суда лишеннымъ всѣхъ родственныхъ и опекунскихъ правъ надъ племянницей.

Тѣмъ не менѣе кн. Беата упорно оставалась при своемъ отказѣ. Тщетно усиливался король добиться заключенія брачнаго договора еще до наступленія сейма. Королева Бона, повидимому, поддерживала сына въ его усиліяхъ, но, какъ видно изъ позднѣйшаго письма къ Радзивилу, Сигизмундъ-Августъ убѣдился впослѣдствіи, что эта мнимая поддержка была разсчитана лишь на то, чтобы не допустить насильственнаго разрѣшенія вопроса и вообще испортить весь планъ. Увѣщанія епископа познанскаго также не имѣли успѣха. Между тѣмъ были уже заготовлены всѣ тѣ бумаги и документы, которые подлежали отсылкѣ къ князю Василію Острожскому въ случаѣ брака Гальшки. Бумаги эти находились на рукахъ у королевы Боны.

Необходимо было спѣшить. Сеймъ приближался и король назначилъ уже день отъѣзда. Еще разъ „въ жаркихъ выраженіяхъ“ убѣждалъ онъ княгиню дать согласіе и всѣ окружающіе поддерживали короля. Беата отказывалась подъ всевозможными

предлогами, но когда всѣ ея возраженія оказались безъуспѣшны, княгиня выбѣжала черезъ галлерею въ ванную комнату и заперлась здѣсь, чтобы ее не могли отыскать.

Княжна съ своей стороны продолжала твердить: „Я согласна на все, если такова воля моей матери“.

Княгиня Беата долго не показывалась. Король понялъ, что она умышленно скрывается, и велѣлъ разыскать ее. Княгиню отыскали. Но никакія просьбы не дѣйствовали и она оставалась непреклонна. Такъ какъ всѣ вокругъ порицали упрямство княгини, то наконецъ сняли у нея съ пальца перстень и принесли княжнѣ, увѣряя, что мать изъявила согласіе и въ доказательство посылаетъ ей свой перстень.

— Хорошо,—отвѣчала Гальшка:—если матушка согласна, то и я также. Если же не такъ, то я остаюсь при волѣ матушки.

Такъ какъ всѣ вокругъ увѣряли княжну, что мать дѣйствительно согласилась и что все это правда, то епископъ Чарнковскій совершилъ обрученіе по католическому обряду и далъ благословеніе новобрачнымъ.

Но и во время церемоніи Гальшка повторяла: „если такова воля матушки, то я согласна“.

По окончаніи этого страннаго вѣнчанья король въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Варшавы.

Между тѣмъ княгиня Беата вышла изъ своего убѣжища и нашла дочь у королевы Боны. Можно вообразить себѣ негодованіе матери, когда она узнала обо всемъ происшедшемъ. Она немедленно объявила во всеуслышаніе:

— Никогда не давала я согласія на бракъ моей дочери, и такъ какъ я не согласна, то не давала согласія и моя дочь, ибо она безпрестанно ссылалась на мою волю, противъ которой поступить не желала. Такъ какъ я не соглашалась на этотъ бракъ, то не было и согласія дочери, слѣдовательно, бракъ этотъ не существуетъ для насъ, ничтоженъ и впредь остается такимъ.

Княгиня Беата все время оставалась съ дочерью у королевы, такъ какъ боялась, что иначе у нея отнимутъ Гальшку насильно.

Сеймъ окончился, и король Сигизмундъ-Августъ вернулся въ Варшаву. Какъ лично, такъ и чрезъ посредство короннаго

канцлера требовалъ онъ отъ княгини отпустить дочь къ графу Горкѣ. Все напрасно.

— Надѣюсь,—сказала княгиня канцлеру,—что глаза мои до моей смерти не увидятъ болѣе этого господина.

— Кто знаетъ, что еще можетъ надѣлать эта отчаянная женщина,—докладывалъ канцлеръ королю:—кажется, она на все рѣшилась, лишь бы выдать дочь за другого.

Между тѣмъ вниманіе короля было сильно отвлечено отъ этихъ затрудненій вопросомъ о возвращеніи королевы Боны въ Италію, которое менѣе всего соотвѣтствовало его желаніямъ.

Хотя съ отъѣздомъ королевы Беата лишилась вліятельной покровительницы, но это нисколько не сломило духа сопротивленія гордой женщины. На настоятельныя убѣжденія и просьбы короля она рѣшительно и неизмѣнно заявляла, что не имѣетъ никакихъ обязанностей относительно графа Горки. Съ своей стороны Гальшка, подъ вліяніемъ ли матери или по собственной волѣ, написала заявленіе въ королевскую раду, что не хочетъ быть женой графа Луки, а самому графу написала, что „скорѣе умреть, нежели будетъ принадлежать ему". Король былъ въ отчаяніи, что придется оставить это дѣло какъ „negotium infectum" на Литвѣ. „Хуже всего", писалъ онъ Радзивилу, „что княжна не соглашается".

Та роль, которую игралъ въ этомъ случаѣ литовскій великій маршалъ кн. Радзивилъ, ни въ какомъ случаѣ не давала ему права на подобное беззавѣтное довѣріе короля. Ему, какъ литовцу, совсѣмъ не по вкусу былъ переходъ богатаго литовскаго наслѣдства въ руки польскаго графа, и вскорѣ мы увидимъ, какъ онъ лавировалъ между обѣими враждебными партіями. Прежде все онъ посовѣтовалъ королю повліять на кн. Василія Острожскаго. Этому пану слѣдовало бы выдать теперь же что нибудь изъ коронной казны, пока еще нельзя дать должности волынскаго маршала, которая была ему обѣщана по ходатайству гетмана Тарновскаго.

Король послѣдовалъ совѣту и вступилъ въ переговоры съ кн. Василіемъ, чтобы тотъ уговорилъ свою племянницу. Но вскорѣ возникли новыя затрудненія. Друзья Горки, повидимому,

не склонны были считать достаточною отмѣну привилегіи родственниковъ по литовскому праву спеціально для этого случая, такъ какъ она состоялась по личному распоряженію короля и не была утверждена сеймомъ. Со стороны Косцелецкихъ, родственниковъ Гальшки по матери, нечего было опасаться, ибо въ качествѣ уроженцевъ великопольскихъ они находились въ дружественныхъ и родственныхъ связяхъ съ графами Горка. Но если родственникамъ съ отцовской стороны возможно по праву выкупить наслѣдство за сравнительно ничтожное вознагражденіе, то въ такомъ случаѣ весь этотъ злосчастный бракъ не имѣетъ никакого смысла,—такъ думали друзья графа Луки.

Рядомъ съ этими опасеніями король былъ озабоченъ мыслью, какъ бы удалить княжну Гальшку отъ ея матери. Если бы онъ взялъ ее съ собой въ Вильну, вмѣстѣ со всѣми принцессами королевскаго дома, своими сестрами, то конечно Беата также явилась бы туда вслѣдъ за нею, а разъ появившись въ Вильнѣ, она разумѣется не прекратила бы, изъ уваженія къ достоинству короля, своихъ происковъ для подысканія угоднаго ей жениха для дочери.

Достойно замѣчанія, что король повѣрялъ всѣ эти свои сердечныя тревоги князю Радзивилу въ то время, когда этотъ лишь для отвода глазъ велъ переговоры съ кн. Василіемъ Острожскимъ, въ дѣйствительности же поддерживалъ тайные планы княгини Беаты. Дѣйствительно, Беата нашла уже своего кандидата, и выборъ ея палъ на кн. Симеона Олельковича Слуцкаго, двоюроднаго брата кн. Василія по матери. Король отчасти догадывался объ этихъ планахъ и сообщилъ о нихъ кн. Радзивилу, которому эта комбинація была тѣмъ пріятнѣе, что кн. Симеонъ Слуцкій состоялъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ Радзивилами.

Для довершенія путаницы, въ то самое время, какъ король медлилъ еще отъѣздомъ изъ Варшавы, не зная, какъ удалить мать отъ дочери, явился новый претендентъ на руку Гальшки, именно, герцогъ Іоаннъ мюнстерберскій и олесницкій, происходившій изъ чешскаго королевскаго дома Подибрадовъ. По первой женѣ онъ приходился шуриномъ кн. Радзивилу и въ то же

время гетману Тарновскому; по смерти первой своей жены Христины, онъ задумалъ новымъ выгоднымъ бракомъ вновь скрѣпить свои связи съ аристократіей сосѣдняго государства. „Ибо“, писалъ съ горькой ироніей король Радзивилу, „крупныя суммы, вывезенныя имъ изъ Польши при первомъ бракѣ, пришлись ему, повидимому, весьма по вкусу“. Но этотъ претендентъ, кажется, не нашелъ никакой поддержки съ обѣихъ сторонъ, такъ что о немъ вовсе не упоминается при дальнѣйшихъ событіяхъ.

Король Сигизмундъ-Августъ оставался въ Варшавѣ до конца 1556 года, но когда онъ уѣхалъ наконецъ въ Вильну, то кажется не взялъ съ собою ни самой Гальшки отдѣльно, ни разомъ съ матерью, вопреки прежнему своему намѣренію. Уже въ слѣдующемъ 1557 г. мы встрѣчаемъ дочь и мать въ львовскомъ доминиканскомъ монастырѣ.

Лучше сказать, не въ монастырѣ собственно.

Названный монастырь, съ церковью Тѣла Господня, съ сѣверо-восточной стороны примыкалъ своими строеніями къ городской стѣнѣ, и затѣмъ былъ окруженъ прочной старинной каменной оградой съ палисадами. Между монастыремъ и стѣной стояло нѣсколько старинныхъ жилыхъ построекъ грубой архитектуры, не имѣвшихъ ни дверей, ни оконъ со стороны монастырскихъ укрѣпленій. Тамъ обыкновенно пребывали въ прежнее время монахини того же ордена, появлявшіяся передъ публикой въ церкви и затѣмъ исчезавшія неизвѣстно куда. Онѣ скрывались именно въ этихъ самыхъ домахъ. Въ одномъ изъ нихъ, тамъ, гдѣ помѣщалась монастырская аптека, и избрала себѣ убѣжище княгиня Беата вмѣстѣ съ дочерью Гальшкой, нѣсколькими друзьями и прислужниками.

Первоначально этотъ странный дворъ ничѣмъ не давалъ о себѣ знать. Состоявшіе въ штатѣ княгини паны заботились, повидиму, лишь о защитѣ интересовъ своей госпожи передъ судами. Но вслѣдъ за смертью львовскаго старосты, пока еще не былъ назначенъ другой на его должность, эти придворные Беаты начали позволять себѣ пирушки и нарушать самымъ дерзкимъ образомъ порядокъ въ городѣ. Происходили уличныя драки, вызванныя людьми княгини. Ея придворный писарь выстрѣлилъ даже

въ городскую стражу, гдѣ находился одинъ райца, и ранилъ послѣдняго вмѣстѣ съ другимъ львовскимъ обывателемъ. Весь городъ жаловался на безпокойныхъ гостей.

Жалобы эти дошли до короля, который обратилъ на нихъ вниманіе тѣмъ болѣе, что общее положеніе Львова въ ту пору было небезопасно. Опасались нападенія татаръ, занявшихъ враждебное положеніе благодаря тому самому Дмитрію Вишневецкому, который нѣкогда добивался руки острожской наслѣдницы. Король уже распорядился привести львовскій замокъ въ оборонительное положеніе, и въ виду грозившей опасности графъ Лука Горка предложилъ королю созвать во Львовъ посполитое рушенье.

Трудно сказать, руководился ли графъ Лука въ этомъ случаѣ своими личными интересами. Въ современныхъ письмахъ своихъ къ королю онъ вовсе не касается своего дѣла. Но Сигизмундъ-Августъ могъ и самъ понять, что такому неопредѣленному положенію долженъ быть положенъ конецъ. 3 февраля 1559 года, въ самый день убіенія Дмитрія Сангушка пять лѣтъ тому назадъ—король назначилъ новаго старосту Петра Барзу, а два дня спустя приказалъ ему отобрать Гальшку у матери и передать графу Горкѣ. Самъ Горка, предупрежденный конечно о такомъ приказѣ, запасся оффиціальнымъ удостовѣреніемъ о бракѣ отъ епископа познанскаго, пригласилъ съ собою братьевъ Андрея и Станислава и поспѣшилъ во Львовъ.

Получивъ повелѣніе короля, львовскій староста немедленно отправился къ кн. Беатѣ, чтобы убѣдить ее подчиниться добровольно волѣ неба и королевскому распоряженію.

Княгиня гнѣвно возразила: „Мать лучше всего можетъ судить о благѣ своей дочери. Королевская опека должна состоять въ защитѣ сиротъ отъ притѣсненія, а не въ распоряженіи шляхетскими дѣтьми по произволу, противъ воли матери. Это было бы хуже турецкаго рабства. Моя дочь никому не давала правъ на себя, если на то не было моего согласія. Но я согласія не давала, значитъ, дочь моя свободна безусловно. Домъ Острожскихъ, въ виду его заслугъ передъ государствомъ, слѣдовало бы уволить отъ подобнаго рода требованій. А ты, панъ Барза“, прибавила княгиня, „вспомни, что и ты родился воль-

нымъ шляхтичемъ. Что сказалъ бы ты, если бы король противъ твоей воли приказалъ отдать за кого либо твою сестру или дочь? Развѣ вольный шляхтичъ не согласился бы скорѣе принять смерть, нежели стерпѣть подобное насиліе? Если вздумаютъ отнять у меня дочь силою, то я скорѣе поражу ее и себя этимъ кинжаломъ"—княгиня дрожащею рукою подняла оружіе передъ старостой—„нежели подчинюсь такому деспотическому насилію".

Смущенный такимъ взрывомъ негодованія княгини, Барза удалился изъ монастыря и немедленно донесъ королю о своей неудачной попыткѣ.

Это сопротивленіе вывело изъ себя короля Сигизмунда-Августа. Какъ и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, онъ и на сей разъ обратился за совѣтомъ къ своему другу Радзивилу. Король послалъ ему копію донесенія львовскаго старосты и просилъ Радзивила сообщить ему свое мнѣніе о томъ, какая окончательная инструкція должна быть дана старостѣ. Ибо дѣло не терпитъ болѣе проволочекъ; тутъ замѣшана честь короны; позорно было бы для короля сносить долѣе такую дерзость высокомѣрія. Необходимо дѣйствовать ранѣе, нежели княгиня соберетъ людей, на которыхъ она разсчитываетъ въ своемъ надменномъ упрямствѣ.

Но панъ Радзивилъ, повидимому, не особенно торопился съ своимъ совѣтомъ. Король открывалъ ему свои сокровенныя мысли и опасенія, какъ бы Беата не нашла нежелательныхъ защитниковъ, а между тѣмъ воевода виленскій, панъ Радзивилъ, былъ однимъ изъ первыхъ и вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ Беаты. Эта двойная игра относительно короля, который желалъ поскорѣе узнать взглядъ своего совѣтника, весьма характерна для высшаго сановника въ Литвѣ, впослѣдствіи ставшаго королевскимъ тестемъ. Но король не могъ дожидаться отвѣта своего пріятеля. Львову грозили открытые безпорядки и староста не имѣлъ инструкцій. Королевскій указъ былъ посланъ во Львовъ чрезъ историка и литератора Горницкаго, которому мы обязаны многими подробностями нашего разсказа.

Староста въ точности исполнилъ приказъ. Прежде всего онъ поставилъ караулы у всѣхъ городскихъ воротъ, чтобы никто не могъ проникнуть въ городъ безъ его разрѣшенія.

Вскорѣ послѣ этого явился во Львовъ какой то человѣкъ, выдававшій себя за посланца къ старостѣ отъ пана Савицкаго. Послѣдній былъ секретаремъ воеводы виленскаго, пана Радзивила,—естественно было поэтому спросить посланца, привезъ ли онъ съ собою письмо отъ своего господина. Посланецъ заявилъ положительно, что писемъ при немъ нѣтъ. Однако его обыскали, и не безъ основанія: въ сѣдлѣ найдено было письмо на русскомъ языкѣ, адресованное княгинѣ Беатѣ и содержавшее дружескій совѣтъ ни въ какомъ случаѣ не отдавать дочери графу Горкѣ, если она не хочетъ лишиться всего своего состоянія.

Какъ то утромъ чрезъ городскія ворота незамѣтнымъ образомъ прокрался человѣкъ въ нищенскомъ убранствѣ. На него не обратили вниманія, такъ какъ приказъ старосты очевидно не могъ касаться личностей подобнаго рода. Нищаго никто не зналъ, и ему удалось пробраться черезъ городъ въ доминиканскій монастырь. Здѣсь его знали очень хорошо, потому что это былъ давно ожидаемый князь Симеонъ Слуцкій, намѣченный кн. Беатой себѣ въ зятья.

Такимъ образомъ оба соискателя на руку Гальшки оказывались теперь во Львовѣ: кн. Симеонъ въ монастырѣ у нашихъ дамъ, а гр. Горка съ военнымъ обозомъ за стѣнами монастыря въ городѣ. Графъ уже потерялъ надежду получить повѣнчанную съ нимъ невѣсту миролюбивымъ образомъ, не могъ онъ разсчитывать и на какую-либо удачную военную хитрость, такъ какъ онъ видѣлъ, что княгиня приготовилась къ настоящей осадѣ. Она велѣла поднять невысокую стѣну, окружавшую ея убѣжище, рядомъ поставленныхъ сверху острыхъ палисадовъ и запастись достаточнымъ количествомъ слугъ, оружія и съѣстныхъ припасовъ. Графъ занялъ своими людьми домъ одного армянина, находившійся передъ монастыремъ, и велѣлъ обстрѣливать укрѣпленіе княгини бомбами изъ мортиръ. Городъ былъ такъ взволнованъ этимъ началомъ военныхъ дѣйствій, что магистратъ тотчасъ же созвалъ городскую стражу и пушкарей и распорядился при-

готовленіями къ бою. Всему городу, повидимому, предстояло пострадать благодаря этимъ частнымъ распрямъ.

Но староста, прежде нежели прибѣгнуть къ силѣ, рѣшилъ соблюсти всѣ предписанныя закономъ предварительныя формальности. 15 марта 1559 года онъ, вмѣстѣ съ вознымъ русской земли и двумя асессорами, явился въ жилище Беаты, съ цѣлью вручить ей подлинное повелѣніе короля, находившееся у него въ рукахъ, и категорически потребовать отъ нея выдачи дочери. Но княгиня и ея дочь отказались принять властей, и староста былъ припужденъ прочитать и вручить королевскій декретъ одному изъ слугъ княгини и, согласно требованію закона, поспѣшилъ въ гродскій судъ, чтобы занести въ гродскія книги протоколъ о своихъ дѣйствіяхъ.

Между тѣмъ полученный княгиней королевскій декретъ только усугубилъ ея упорство. Въ то время, какъ извнѣ готовились къ дальнѣйшимъ принудительнымъ мѣрамъ противъ осажденныхъ, эти послѣдніе праздновали новую, необычную свадьбу. Не взирая на вѣнчаніе Гальшки съ графомъ Горка въ Варшавѣ, Беата распорядилась повѣнчать вновь свою дочь съ кн. Симеономъ Слуцкимъ въ доминиканскомъ монастырѣ и позаботилась, какъ объяснила впослѣдствіи, о томъ, чтобы союзъ на сей разъ не ограничивался только церковнымъ обрядомъ.

Гр. Лука Горка, предчувствуя недоброе, тѣмъ съ большимъ жаромъ продолжалъ осаду и каждую минуту можно было опасаться кровопролитія. Возбужденіе въ городѣ дошло до того, что уже готовились послать къ великому гетману коронному за помощью. Но тутъ борьбѣ внезапно наступилъ конецъ благодаря остроумному изобрѣтенію старосты. Дѣло въ томъ, что въ монастырѣ не было колодцевъ и вода получалась съ ближайшихъ высотъ при помощи подземной трубы: староста распорядился прекратить притокъ воды и сталъ спокойно выжидать результатовъ своей затѣи.

Они не заставили себя долго ждать. Когда княгинѣ донесли, что воды не стало, Беата ужаснулась и уже вечеромъ того же дня послала двухъ человѣкъ изъ своей свиты къ старостѣ съ просьбою дать знать королю, что она повѣнчала тѣмъ временемъ

свою дочь съ кн. Слуцкимъ и что графу Горкѣ поэтому нечего болѣе путаться въ это дѣло. Онъ можетъ оставить ее теперь въ покоѣ.

Староста съ братомъ своимъ Станиславомъ принялъ пословъ княгини съ ихъ неутѣшительными вѣстями самымъ недружелюбнымъ образомъ.

— Напрасно княгиня думаетъ поставить на своемъ,—сказалъ староста:—этому не бывать. Своимъ упрямствомъ она оскорбила короля и поставила на карту честь и самое дворянство своего собственнаго рода.

Чтобы устра́нить всякія дальнѣйшія недоразумѣнія, староста явился къ княгинѣ лично вмѣстѣ съ братомъ своимъ Станиславомъ. На этотъ разъ княгиня приняла властей. Станиславъ Барза повелъ рѣчь столь рѣзко и недвусмысленно и представилъ княгинѣ послѣдствія двойного брака въ такихъ живыхъ краскахъ, что Беата, потрясенная до обморока, совершенно забыла о своей гордой рѣшимости и угрозахъ скорѣе заколоть дочь собственноручно, нежели выдать Горкѣ. Съ уходомъ старосты княгиня окончательно потеряла мужество.

На другой день послѣ полудня староста явился къ княгинѣ вновь, на этотъ разъ уже безъ Станислава, такъ какъ Беата просила Барзу не брать его съ собой. Староста оставался у княгини до полуночи. Все время онъ старался представить Беатѣ ея положеніе, убѣдить ее, и такъ какъ все было напрасно, то панъ Барза перешелъ къ угрозамъ. Наконецъ ему удалось достичь цѣли: Беата обѣщала отдать на другой день свою дочь въ „секвестръ“.

Княгиня сдержала слово. Она разсчитывала, что король откажется отъ своего требованія, когда узнаетъ что́ произошло тѣмъ временемъ въ доминиканскомъ монастырѣ во Львовѣ. Она ни минуты ни сомнѣвалась, что всѣ повѣрятъ ея разсказу о повѣнчаніи Гальшки съ Симеономъ Слуцкимъ. При томъ же у нея были друзья при дворѣ и во всякомъ случаѣ необходимо было какъ нибудь выйти изъ ужаснаго положенія, въ которое поставила ее осада, а затѣмъ дѣла могли еще принять какой-либо непредвидѣнный оборотъ.

На слѣдующій день староста лично явился за княжной и посадилъ ее въ носилки. Онъ самъ стоялъ на подножкѣ носилокъ, когда молодую женщину отправили въ замокъ, и оказывалъ ей всевозможное вниманіе. Княгиня оставалась въ монастырѣ, а вмѣсто нея за Гальшкой ухаживала сестра старосты. Гальшка разсталась съ матерью въ самомъ угнетенномъ состояніи духа и весь день провела въ замкѣ на своемъ диванѣ, уткнувшись лицомъ въ стѣну, и не принимала другой пищи кромѣ присланной отъ матери. Она вручила письмо къ королю придворному Горницкому, который привезъ королевскій декретъ и теперь долженъ былъ отвезти донесеніе объ исполненіи этого декрета. Вслѣдъ за этимъ посломъ отправился къ королевскому двору и уполномоченный отъ графа Горки. Получивъ письмо, король спросилъ Горницкаго:

— Правда-ли, что въ замкѣ Гальшка была обвѣнчана съ кн. Симеономъ? Горницкій разсказалъ что́ ему было извѣстно объ этомъ. Король былъ недоволенъ тѣмъ болѣе, что онъ неблагосклонно относился къ дому Слуцкихъ, помня о давнихъ обидахъ, нанесенныхъ Слуцкими Ягеллонамъ [1]). Онъ заранѣе уже получилъ свѣдѣнія о планахъ Беаты въ этомъ направленіи и былъ такъ довѣрчивъ, что обратился съ своими опасеніями по этому поводу къ кн. Радзивилу, не подозрѣвая, что этотъ послѣдній, чрезъ посредство своего секретаря, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ. Сообщенныя Горницкимъ новости должны были тѣмъ болѣе обезкуражить короля. Поэтому онъ не откладывалъ на этотъ разъ въ долгій ящикъ своего окончательнаго рѣшенія и высказался въ пользу графа Горки.

Но Горка едва ли нуждался въ этомъ. Староста не считалъ для себя обязательнымъ вынужденное обѣщаніе княгинѣ Беатѣ не отдавать Гальшки графу Горкѣ ранѣе донесенія королю обо всемъ происшедшемъ. Напрасно пыталась Гальшка сопротивляться королевскому приказу, напрасно отказывалась она взойти въ карету, которая должна была увезти ее изъ Львова. Повидимому, при

---

[1]) Слуцкіе, въ качествѣ Ольгердовичей, было естественными соперниками Ягеллоновъ на Литвѣ, и еще въ 1456 г. литовскіе паны думали было выбрать кн. Симеона I Слуцкаго великимъ княземъ литовскимъ. *Пр. пер.*

этомъ отъѣздѣ дѣло также не обошлось безъ насилія, если вникнуть хорошо въ смыслъ современнаго донесенія объ этомъ событіи.

Во время этой катастрофы мы ничего не слышимъ о Беатѣ. Она спрятала въ монастырскомъ подвалѣ свои драгоцѣнности, запечатанныя въ двухъ тюкахъ, и уѣхала изъ города. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя встрѣчаемъ княгиню уже въ Краковѣ, окруженную своими адвокатами и занятую главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы гр. Лука Горка по крайней мѣрѣ рѣшительно былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ на богатое наслѣдство. Все, чѣмъ она могла распорядиться самостоятельно, свое приданное, „вѣно", выкупленныя имѣнія, свою часть въ острожскомъ замкѣ, словомъ все, что она получила и могла соединить въ своихъ рукахъ благодаря описаннымъ ранѣе операціямъ, Беата записала теперь кн. Симеону Слуцкому, „своему зятю", какъ именно гласятъ не безъ похвальбы относящіеся сюда документы. Въ свою очередь и кн. Симеонъ Слуцкій въ тотъ же день выдалъ грамоту съ сохранившимися до настоящаго времени 8 печатями, въ силу которой передалъ и закрѣпилъ пожизненно за „княгиней Илиной, матерью своей супруги, княгини Гальшки", право самостоятельнаго распоряженія всѣмъ полученнымъ отъ нея въ даръ имуществомъ.

Но, что́ всего курьезнѣе, въ тотъ же день Сигизмундъ-Августъ подтвердилъ и скрѣпилъ королевскою печатью всѣ эти грамоты, гдѣ говорилось о тѣхъ самыхъ „зятѣ" и „супругѣ", которыхъ король не признавалъ таковыми.

V.

Къ господскому замку нынѣшняго городка Замтера въ познанской провинціи примыкаетъ особое высокое зданіе, которое было выстроено еще въ началѣ 16 вѣка и предназначалось въ свое время для цѣлей обороны. И теперь еще зданіе это называютъ „башней", а простой народъ величаетъ его „башней черной княжны". Народная молва передаетъ, что нѣкогда княжеская дочь полюбила юношу изъ простого званія и, боясь отцовскаго гнѣва, скрылась изъ дому. Оставленная наконецъ всѣми,

долго скиталась она по окрестностямъ, терпя нужду и лишенія, пока не попалась въ руки къ отцовскимъ слугамъ. Княжнѣ надѣли на лицо черную маску и заточили въ башню. Вотъ почему и городокъ назвали „Самотулы", а нѣмцы уже переиначили это имя въ „Замтеръ".—По другой версіи, дѣло происходило иначе: у вельможнаго владѣльца замка родилась дочь съ лицомъ чернымъ какъ у негра. Несчастный отецъ стыдился показывать на свѣтъ божій свое жалкое отродіе и навсегда заточилъ дѣвочку въ башню.

Эти преданія представляютъ поучительный примѣръ, какимъ образомъ дѣйствительные факты претворяются народнымъ духомъ въ легендарныя формы. Въ самомъ дѣлѣ, и княжна съ черной маской, и дѣвочка съ чернымъ лицомъ и вообще черная княжна, давшая башнѣ свое имя—не иной кто, какъ та же княжна Гальшка Острожская.

Сюда именно, въ отцовскій замокъ, увезъ изъ Львова графъ Лука Горка свою непокорную жену, когда король предоставилъ ему власть надъ нею. Но безплодны были всѣ просьбы и убѣжденія графа, чтобы заставить ее покориться долгу супруги. Гальшка знать не хотѣла навязаннаго ей мужа. Отчасти чтобы приневоливать ее, частью же чтобы не дать ей бѣжать, графъ Горка заточилъ свою молодую жену въ башню, гдѣ она принуждена была теперь оставаться долгіе годы, совершенно отрѣзанная отъ живыхъ людей. Пассивное сопротивленіе, оказанное княжной графу Горкѣ, позволяетъ думать, что поразительная энергія матери до нѣкоторой степени перешла по наслѣдству и къ дочери. Весьма вѣроятно, что во время своего заточенія Гальшка не покидала своего чернаго траунаго убранства. Ей было о чемъ горевать: загубленная юность, потеря любимой матери, съ которою разлучила ее жестокая, неумолимая судьба, хотя Беата оставалась въ живыхъ,—не всякому выпадетъ столь злая доля.

Но княгиня Беата и не думала безропотно покориться судьбѣ. Ни на мгновеніе не прекращала она своихъ усилій добиться отъ короля—лучше сказать, отъ всего свѣта—освобожденія дочери отъ этого, по ея словамъ, „вавилонскаго плѣна", и на этотъ разъ она уже готова была, въ случаѣ нужды, даже

вознаградить графа Горку за его матеріальныя потери во всей этой исторіи.

Король поручилъ разсмотрѣть вопросъ о бракѣ Гальшки примасу королевства, архіепископу гнѣзенскому, совмѣстно съ епископомъ познанскимъ Чарнковскимъ, который въ свое время совершилъ это насильственное брачное соединеніе. Беата, вновь попавшая подъ вліяніе воеводы Мартына Зборовскаго, ея мстителя кн. Дмитрію Сангушку, тотчасъ же написала примасу съ убѣдительнѣйшей просьбой о помощи для освобожденія дочери.

Графъ Лука изъ Горки въ качествѣ кальвиниста конечно не былъ подчиненъ юрисдикціи архіепископа, въ томъ числѣ и въ брачныхъ дѣлахъ. Но примасъ состоялъ въ родствѣ съ нимъ, а при томъ политическомъ значеніи, которымъ пользовался этотъ духовный сановникъ, графу невозможно было уклониться отъ сдѣланнаго ему предложенія. Примасъ толковалъ о примиреніи съ кн. Беатой, а графъ готовъ былъ вести рѣчь только о примиреніи съ своей женой. Для него была невыносима мысль вести переговоры съ женой при посредствѣ постороннихъ лицъ. Онъ обѣщалъ посовѣтоваться съ друзьями.

Уже 27 сентября 1559 года онъ извѣстилъ примаса вполнѣ почтительнымъ письмомъ, что, по общему мнѣнію его самого и всѣхъ его друзей, было бы весьма грѣшно и постыдно для него вступить въ переговоры съ кн. Симеономъ Слуцкимъ. Вѣдь рѣчь идетъ собственно объ этомъ. „Я взялъ княжну въ жены", писалъ онъ, „обвѣнчался съ нею по христіанскому обряду, взялъ я ее по повелѣнію короля, который разрѣшилъ мнѣ увезти ее къ себѣ, какъ христіанскій государь; она у меня, она моя жена— и что же, я долженъ теперь изъ за нея же хлопотать и торговаться? Это невозможно. Это было бы противно моей чести и моему достоинству. И съ кѣмъ же я долженъ вести переговоры? Съ человѣкомъ, который думалъ и теперь думаетъ обезчестить мой домъ, который безчестно сталъ между мною и моею, ввѣренною мнѣ милостивымъ королемъ, женою и безправно присвоилъ себѣ ея достояніе? Для меня нѣтъ ничего дороже доброй совѣсти и моей чести, поэтому я не могу присоединиться къ предложенію вашей милости".

Примасъ сообщилъ о неудачѣ своей первой попытки королю, а этотъ въ свою очередь кн. Радзивилу. Изъ ихъ писемъ архіепископъ убѣдился, что ни на поддержку Радзивила, ни на постоянство короля нечего разсчитывать. Поэтому онъ рѣшилъ попытаться еще разъ, нельзя ли распутать этотъ узелъ на чисто легальной почвѣ. Онъ понималъ, по словамъ одного его письма къ гр. Лукѣ, что ему приходится щадить чувства одной стороны и интересы другой. Поэтому онъ проситъ доставить ему подлинные акты о бывшемъ въ Варшавѣ вѣнчаніи, обѣщая лично разсмотрѣть ихъ и изслѣдовать, нельзя ли въ нихъ „найти какой либо изъянъ“. Если, благодаря подобному открытію, явится возможность устранить этотъ бракъ на законномъ основаніи и вести далѣе дѣло, не нарушая божескаго порядка, то нетрудно будетъ найти общую почву для соглашенія и примиренія всѣхъ участниковъ въ переговорахъ.

Со стороны примаса было немалымъ подвигомъ, что онъ разрѣшилъ кальвинисту совѣтоваться по этому поводу съ учеными богословами; но на несчастіе актъ отъ 16 февраля 1559 года былъ такъ ясенъ и недвусмысленъ—актъ этотъ и нынѣ въ цѣлости—что даже примасъ, вмѣстѣ съ богословами, должны были сознаться, что никакой „лазейки“ розыскать невозможно. „Я не вижу“, писалъ примасъ еп. познанскому, „какимъ образомъ возможно разрушить этотъ бракъ, и мнѣ душевно жаль нашего общаго друга гр. Луку. Держать врага въ собственномъ домѣ, не имѣть радости въ жизни, лишиться надежды на потомство и душевное спокойствіе—нужно быть желѣзнымъ человѣкомъ, чтобы вынести все это. И сверхъ того, особа эта обезчещена кн. Слуцкимъ до такой степени явно, что никакъ не возможно скрыть это обстоятельство“.

Примасъ изливаетъ своему духовному коллегѣ всѣ свои сокровенныя мысли, бросается во всѣ стороны, возбуждаетъ вопросъ, не возможенъ ли разводъ ob adulterium, но затѣмъ принимаетъ во вниманіе и тотъ ущербъ, какой былъ бы нанесенъ вслѣдствіе этого свѣтскимъ интересамъ его друга. Онъ въ особенности ссылается на непостоянство въ настроеніи двора и вѣчныя придворныя интриги, считаетъ короля недостаточно

устойчивымъ человѣкомъ, чтобы бороться долго съ подобнаго рода вліяніями. Длинное письмо примаса выгодно отличаетъ этого благороднаго клирика отъ его современниковъ.

Вторичная попытка къ соглашенію обѣихъ партій совсѣмъ не состоялась, такъ какъ примасъ долженъ былъ отправиться въ Вѣну по порученію короля, а графу Горкѣ и епископу познанскому помѣшала явиться болѣзнь. Точно также не удался и планъ съѣзда у гетмана Тарновскаго, о чемъ хлопоталъ панъ Мартынъ Зборовскій. Кн. Беата писала Зборовскому по этому поводу: „Ахъ, дай то Боже тронуть сердце примаса, чтобы по крайней мѣрѣ освобождена была изъ заточенія бѣдная, несчастная плѣнница, моя дочь. Ибо я глубоко убѣждена и надѣюсь на Бога, что насильно у нея ничего не вынудятъ. За себя ручаюсь вамъ, что скорѣе трижды соглашусь принять смерть, чѣмъ уступлю. Убѣждена, что таково же и рѣшеніе дочери“.

Зборовскій отвѣчалъ въ безнадежномъ тонѣ, что нѣтъ никакой возможности примирить „крайнія“ требованія обѣихъ партій. Панъ Лука заявилъ ему, что согласенъ положиться на мнѣніе ученыхъ людей. Если послѣдніе объявятъ его свободнымъ отъ брачныхъ узъ, графъ потребуетъ лишь возмѣщенія убытковъ и охотно отпуститъ отъ себя княжну, нерасположеніе которой онъ знаетъ слишкомъ хорошо. Но если свѣдующіе люди выскажутся въ пользу дѣйствительности брака, то княгинѣ придется покориться необходимости. Гальшка должна признать себя законной его супругой, а мать можетъ управлять пожизненно ея имѣніями. Но княгиня не обнаружила охоты принять подобныя условія.

Беата продолжала дѣло съ неутомимой энергіей. Она обращалась ко всему свѣту, хваталась за всѣ средства. Когда примасъ на обратномъ пути изъ Вѣны проѣзжалъ Краковъ, княгиня, чтобы привлечь его на свою сторону, предложила ему подарокъ, но примасъ, повидимому, отвергъ его не безъ негодованія. Глубоко огорченная, княгиня извѣщаетъ объ этомъ краковскаго воеводу Тенчинскаго, и если это письмо не было разсчитаннымъ лицемѣріемъ, то должно признать, что Беата умѣла изобразить свое отчаяніе матери въ душу надрывающихъ кра-

скахъ. Она проклинаетъ свои наслѣдственныя богатства, навлекшія такое жестокое несчастіе на голову ея дочери, она готова на всѣ жертвы, готова вознаградить графа Горку 10,000 золотыхъ, а если нужно, то не отказывается уплатить и болѣе. Въ противномъ случаѣ имъ обѣимъ, матери и дочери, остается лишь искать спасенія въ смерти, потому что уступить нѣтъ силъ ни у нея, ни у „княгини Слуцкой", какъ демонстративно величаетъ каждый разъ Беата свою дочь. Княгиня проситъ воеводу убѣдить примаса, чтобы дѣло велось лучше въ Польшѣ, нежели на Литвѣ, хотя здѣсь она могла разсчитывать на поддержку Радзивила.

Тщетно убѣждалъ ее воевода выждать сперва рѣшенія архіепископа. Такая перспектива была неутѣшительна для княгини, такъ какъ она не довѣряла примасу. По ея мнѣнію, именно примасъ посовѣтовалъ королю отдать Гальшку графу Горкѣ насильно, а за примасомъ Беата подозрѣвала происки своего шурина, кн. Василія Острожскаго. Подъ конецъ она стала подозрѣвать всѣхъ и каждаго, такъ какъ нигдѣ не встрѣчала себѣ сочувственнаго отклика. Во всей перепискѣ, дошедшей къ намъ изъ этой эпохи по дѣлу Гальшки, нельзя указать ни одного письма, которое могло бы сравниться съ посланіями Беаты по живости проникающаго ихъ чувства и силѣ выраженія. Негодованіе и страстность протеста надѣляютъ ее краснорѣчіемъ, которое становится трагическимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она дѣйствуетъ столь искусно, что ей нельзя отказать въ значительныхъ дипломатическихъ дарованіяхъ.

Но тутъ наступило событіе, давшее новый оборотъ всему этому запутанному дѣлу. Въ 1560 г. умеръ кн. Симеонъ Слуцкій. Если Гальшка дѣйствительно была повѣнчана съ нимъ въ львовскомъ монастырѣ, то теперь она была свободна по крайней мѣрѣ съ этой стороны.

Тѣмъ усерднѣе работалъ примасъ. По повелѣнію короля онъ лично отправился въ Шамотулы и нашелъ Гальшку только что оправившеюся отъ лихорадки. Изъ позднѣйшихъ объясненій гр. Горки видно, что княжна признала безполезными всякіе дальнѣйшіе переговоры, такъ какъ рѣшеніе дѣла зависитъ не отъ нея, но отъ матери. Нужно порѣшить дѣло съ этою послѣдней, такъ

какъ княжна безусловно покоряется волѣ матери. Графъ Горка въ почтительно преданномъ тонѣ благодарилъ короля особымъ письмомъ за постоянное вниманіе къ его участи, а въ письмѣ къ кн. Радзивилу онъ выражаетъ надежду, что теперь, со смертью его соперника, можно разсчитывать на болѣе благополучное разрѣшеніе всѣхъ затрудненій.

Достойно замѣчанія, что всѣ дѣйствующія лица этой, по современному выраженію, „трагедіи" относятся съ довѣріемъ къ кн. Радзивилу, который между тѣмъ несомнѣнно играетъ двойную игру. Въ самый же день письма Горки къ Радзивилу послѣдній писалъ Беатѣ, укрѣпляя въ ней еще болѣе недовѣріе ко всему свѣту и не останавливаясь даже передъ инсинуаціями противъ примаса. „Безъ сомнѣнія", писалъ Радзивилъ, „онъ будетъ стремиться къ тому, чтобы примирить, а не разлучать. Если княжна Гальшка будетъ такъ неблагоразумна, что согласится, то это навлечетъ лишь ущербъ для нашихъ и вашихъ интересовъ. Ибо если бы вы даже согласились уплатить гр. Лукѣ 100,000 зол.,—онъ этимъ не удовольствуется; онъ сочинитъ новый счетъ и пожелаетъ заполучить одинъ или нѣсколько замковъ въ свои руки. Старшему родственнику тоже должно будетъ что либо перепасть. Не знаю, насколько безкорыстно трудится архіепископъ въ этомъ случаѣ. Затѣмъ явится новый епископъ, а тамъ опять другой... Подумайте хорошенько, сумма не малая", и т. д.

Писать къ княгинѣ въ этомъ тонѣ значило только поддерживать ея сопротивленіе. Она опасалась, чтобы архіепископъ, собиравшійся ѣхать въ Вильно, не открылъ кн. Радзивилу, какъ далеко она зашла уже въ своихъ обѣщаніяхъ вознаградить Горку, и потому просила краковскаго воеводу Тенчинскаго убѣдить архіепископа хранить въ возможной тайнѣ ея прежнія обѣщанія. Тенчинскій дѣйствительно написалъ примасу въ томъ смыслѣ, что перенесеніе всего процесса въ Литву равносильно смертному приговору для Беаты. Княгиня живетъ въ своемъ имѣніи Красникѣ лишь затѣмъ, чтобы быть поближе къ дочери и спасти послѣднюю. Для нея нѣтъ на землѣ другого счастія, кромѣ свободы ея дочери. Поэтому она сильнѣе всего печется о

томъ чтобы дѣло разрѣшилось здѣсь же на мѣстѣ, а не переходило къ тамошнимъ, ненасытнымъ волкамъ".

Изъ всѣхъ тѣхъ, кто интересовался княгиней, повидимому, никто не принималъ въ ней болѣе искренняго участія, нежели этотъ краковскій воевода. Въ дальнѣйшей перепискѣ съ примасомъ онъ съ негодованіемъ отзывается о безпрестанныхъ обидахъ и притѣсненіяхъ, которыя позволяетъ себѣ относительно беззащитной женщины ея шуринъ, кн. Василій. Онъ съ сожалѣніемъ указываетъ на то, что жизнь въ одной комнатѣ уже подорвала въ конецъ здоровье нѣкогда цвѣтущей женщины; онъ изыскиваетъ способы и средства защитить ее какъ нибудь отъ такого неслыханнаго утѣсненія. Но въ концѣ концовъ и этотъ магнатъ ничего не могъ сдѣлать, чтобы подвинуть дѣло впередъ.

Какое бы довѣріе ни питала Беата къ этому защитнику своему, она считала тѣмъ не менѣе необходимымъ не прерывать сношеній съ кн. Радзивиломъ. Княгиня послала къ нему двухъ изъ своихъ повѣренныхъ съ письмами, гдѣ вылила всю скорбь своей души: „Эта злая недоля моей несчастной дочери потрясла меня столь жестоко, что я потеряла умъ, здоровье и все, все. Изнывая въ безпрестанныхъ слезахъ и тоскѣ, не знаю теперь, несчастная, что предпринять далѣе. Но пока душа держится въ тѣлѣ, пока владѣю своими мыслями, не устану взывать и упрашивать вашу милость, какъ нищая умолять васъ о помощи. Сжальтесь, помогите, спасите несчастную, угнетенную, замученную плѣнницу, освободите ее изъ заточенія, какъ милостивый панъ, какъ христіанинъ!"

Примасъ наконецъ рѣшился назначить съѣздъ обѣихъ сторонъ. Мѣстомъ собранія былъ выбранъ городъ Петроковъ, гдѣ обыкновенно засѣдалъ сеймъ, временемъ — праздникъ Срѣтенія Господня 1561 года. Но княгиня имѣла многое возразить противъ этого. Проволочка казалась ей слишкомъ большой и кромѣ того къ назначенному сроку въ Петроковѣ соберется слишкомъ много народа. „Много людей, много умовъ, и каждый пожелаетъ показать себя", заявила она воеводѣ Тенчинскому, который и безъ того начинаетъ уже терять терпѣніе. „Я здѣсь настоящій мученикъ", писалъ онъ архіепископу, „и

не нахожу минуты покоя". Еще разъ взвѣшиваетъ онъ шансы на примиреніе, и любопытно, что онъ надѣется на нѣкоторую уступчивость со стороны княгини. Между прочимъ онъ считаетъ нужнымъ сообщить примасу, что княгиня успокоится, если принуждена будетъ понять, что Гальшка сама согласна быть и впредь остаться женой графа Горки. Надежда вновь увидѣть дочь, повидимому, повліяла на Беату смягчающимъ образомъ, такъ какъ она была вполнѣ увѣрена, что графъ возьметъ свою спорную жену на съѣздъ.

Для княгини было новымъ и жестокимъ ударомъ судьбы то обстоятельство, что воевода Тенчинскій скончался въ концѣ осени 1560 года. Она потеряла въ немъ „отца сиротъ", какъ выразилась въ своемъ письмѣ къ примасу. Теперь ей приходилось разсчитывать на собственныя силы. „Заклинаю васъ самимъ Господомъ и его святымъ именемъ", говорится въ ея письмѣ къ архіепископу, „слезно умоляю довести это дѣло до конца. Вѣрно то, что, съ божьей помощью, мы обѣ до конца будетъ противиться всему, что противно нашей совѣсти и чести. Ибо этотъ панъ Горка до такой степени отравилъ намъ жизнь, что не только во всемъ христіанскомъ и языческомъ мірѣ, но даже въ самомъ аду не приходится терпѣть столько кривды, какъ вынесла я съ своими дѣтьми" (Беата намекаетъ въ этомъ случаѣ на покойнаго князя Слуцкаго). „Благодаря этому проклятому богатству", продолжаетъ Беата, „мы загублены безвинно. Совѣсть возмущается во мнѣ, когда подумаю, что по милости этого жалкаго добра дочь моя должна такъ долго терпѣть душевное и тѣлесное рабство; но я помирюсь не только съ потерей имущества дочери, но и моего собственнаго—честно пріобрѣтеннаго, богомъ клянусь—добра и моего здоровья, лишь-бы моя возлюбленная дочь, княгиня Слуцкая, была свободна".

Несмотря на всѣ выраженія преданности, Беата не довѣряла примасу. Почти одновременно писала она Радзивилу, что не изъявляла согласія на что-либо, что возлагаетъ всю надежду на него одного, и единственно желаетъ лишь, чтобы Гальшка была подъ какимъ угодно предлогомъ доставлена къ нему на Литву. Тутъ можно будетъ спасти ее такъ или иначе.

Другъ Беаты Мартынъ Зборовскій, ставшій вновь ея совѣтникомъ по смерти воеводы краковскаго, рѣшительно не соглашался на подобный планъ. Онъ думалъ что Беатѣ скорѣе удастся достичь цѣли при личномъ свиданіи съ графомъ Горкою у архіепископа. Онъ доказывалъ послѣднему, что въ свое время Гальшка согласилась на бракъ лишь „conditionaliter". Въ этомъ „conditionaliter" Зборовскій открылъ, какъ ему казалось, ту „лазейку", которую такъ усердно искалъ самъ архіепископъ. Такъ какъ „conditio" согласія матери не наступило, то бракъ можно было расторгнуть. Но прежде всего нужно помнить, что Беата согласится на дальнѣйшіе переговоры только въ томъ случаѣ, если ея дочь будетъ свободна.—Въ томъ же смыслѣ писалъ Зборовскій и графу Лукѣ.

Графъ поблагодарилъ пана Зборовскаго за его хлопоты и выразилъ готовность явиться на съѣздъ въ воскресенье на пятой недѣли поста 1561 года, такъ какъ назначенный ранѣе срокъ уже истекъ. Онъ впередъ устранялъ всякія сомнѣнія въ томъ, что Гальшка—его законная жена. Онъ готовъ отдать на рѣшеніе друзей и посредниковъ лишь вопросъ о томъ, долженъ-ли разстаться съ женою. Ибо онъ желаетъ избавиться отъ Гальшки не ради ея самой, но въ виду вражды княгини—матери и тѣхъ затрудненій, которыя причиняетъ она ему и его женѣ своими происками.

Такимъ образомъ день примиренія, повидимому, приближался. Но чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ настоятельнѣе требовала Беата освобожденія Гальшки, какъ необходимаго условія для открытія переговоровъ, тѣмъ рѣзче и ядовитѣе становились ея посланія къ примасу. Послѣдній долженъ былъ прійти къ тому же заключенію что и гр. Горка, который жаловался, что „кн. Беата продолжаетъ старую пѣсню", такъ какъ не только повторяетъ тѣ же мысли, но и тѣ же выраженія. Но есть разница въ письмахъ ея къ сановнику церкви и свѣтскому магнату. Въ первыхъ чаще упоминается о Богѣ, совѣсти и готовности „снять съ себя послѣднюю рубаху".

Наступилъ наконецъ и назначенный срокъ, а съѣздъ спорящихъ сторонъ все таки не былъ подготовленъ, и примасъ

имѣлъ въ виду для этого первое воскресенье послѣ пасхи, 13 апрѣля. Но такъ какъ онъ не вполнѣ довѣрялъ миролюбію княгини, то предварительно освѣдомился, какую сумму предполагаетъ она выплатить графу Горкѣ. Зборовскій поспѣшилъ объявить, что княгиня согласна дать 60000 золотыхъ, не потому что чувствуетъ себя обязанной, но лишь бы освободить дочь. Впрочемъ, прибавилъ онъ, Беата готова уплатить даже и 100,000 золотыхъ, но съѣздъ долженъ состояться именно въ назначенный срокъ. Графъ Лука кажется ему беззаботнымъ и неаккуратнымъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ. Пусть архіепископъ назначитъ лучше болѣе ранній срокъ, напримѣръ воскресенье на четвертой недѣлѣ поста. Иначе ему трудно будетъ поддержать княгиню въ ея миролюбивомъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что, по ея словамъ, она получила собственноручное письмо отъ епископа познанскаго, который признаетъ совершенный имъ-же бракъ только „условнымъ".

Полученное примасомъ анонимное письмо также предостерегало его „о непостоянствѣ женскаго племени". Теперь княгиня заявляетъ готовность выплатить 100,000 золотыхъ, о чемъ ранѣе и помину не было, но останется ли она при своемъ рѣшеніи, если графъ Лука не воспользуется случаемъ, анонимный корреспондентъ позволяетъ себѣ сомнѣваться. „На мой взглядъ", заключаетъ анонимъ, „графу лучше отказаться отъ неблагодарной жены, нежели подвергаться цѣлому ряду непріятностей, которыя не устанетъ дѣлать ему княгиня до самой своей смерти, и при этомъ еще имѣть дѣло съ людьми, забывшими Бога и добродѣтель".

Наконецъ сама кн. Беата положительно объявила примасу, что готова выплатить 100,000 золотыхъ за освобожденіе „княгини Слуцкой". Даже болѣе: если графъ Горка исчислитъ свои убытки въ высшей суммѣ и примасъ признаетъ его разсчетъ, она готова все заплатить. Но необходимо теперь же покончить дѣло. „Если этого не случится", писала она далѣе, „то не могу скрыть отъ вашей милости, „что въ такомъ случаѣ мой ворогъ не получитъ ни гроша изъ моего достоянія. Даже при искреннемъ желаніи я ничего не буду въ состояніи уплотить

ему позже, такъ какъ у меня ничего не будетъ уже. Какъ такъ? Объ этомъ я лично поясню вашей милости".

Эта не совсѣмъ понятная угроза поставила примаса въ еще болѣе затруднительное положеніе. „Княгиня желаетъ только освобожденія дочери, а вы не согласны ее отпустить", писалъ онъ графу Лукѣ, „какъ же я могу достичь замиренія въ такомъ случаѣ?" Какъ ни охотно, повидимому, соглашался въ принципѣ графъ Горка на проектъ примиренія, но въ дѣйствительности онъ кажется не думалъ о выполненіи плана. Всѣ сроки оказывались для него слишкомъ короткими, неудобными, онъ находилъ странными рѣчи Зборовскаго, точно онъ, Горка, въ самомъ дѣлѣ ведетъ какую то торговлю изъ-за жены. На вопросъ примаса, какого мнѣнія обо всемъ этомъ Гальшка, графъ сообщилъ, что „она скромно и спокойно говоритъ о дѣлѣ, ссылается все на волю матери, такъ какъ она дала обѣтъ ничего не дѣлать безъ ея согласія". Еще разъ заявляетъ онъ самымъ положительнымъ образомъ, что не намѣренъ отпускать жены; но чтобы доказать всему міру, что Гальшка его жена и что старая княгиня неправа, онъ готовъ на свиданіе, „лишь бы съ божьей и архіепископа помощью положить конецъ этой трагедіи".

Зборовскій еще разъ настоятельно совѣтовалъ не отклонять такъ легкомысленно предложеніе княгини, „такъ какъ страшно подумать, что̀ можетъ предпринять она въ случаѣ отказа. Во всякомъ случаѣ графу Горкѣ нечего много разсчитывать на ея состояніе,—объ этомъ она позаботится, хотя бы это стоило ей жизни". Съ другой стороны примасу было сообщено, что княгиня предложила выдать чистый листъ для начертанія на немъ всѣхъ условій, необходимыхъ для освобожденія дочери,—она на все согласится и все подпишетъ: „но если графъ не согласится, прибавляла княгиня, и разсчитываетъ на мою смерть,—ибо никто не можетъ поручиться за свою жизнь,—то не получитъ ничего: это такъ же вѣрно, какъ то что я дышу. Все, что вправѣ сдѣлать мать, я сдѣлаю, чтобы спасти мою возлюбленную дочь изъ рукъ этого пана. Пусть онъ не думаетъ, что Гальшка съ лѣтами станетъ покорнѣе; она лучше погибнетъ въ злой недолѣ,

нежели уступить. Если нужно, мы обѣ готовыя запечатлѣть нашею кровью, что не поступимъ иначе".

И княгиня Беата сдержала свою клятву. Предположенный съѣздъ конечно не собрался. Еще три года продолжала несчастная женщина свою борьбу съ графомъ Лукою, который между тѣмъ успѣлъ достичь поста воеводы познанскаго, несмотря на свои запутанныя семейныя обстоятельства.

Наконецъ, въ 1564 году, Беата нашла средство выполнить свои угрозы, лишить наслѣдства и отомстить своему ненавистному, навязанному ей зятю.

Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ турецкаго посла, который явился къ польскому двору въ апрѣлѣ 1564 года, находился воевода сирадскій Альбрехтъ Ласкій, человѣкъ отважнаго, но дикаго нрава, особенно прогремѣвшій своими подвигами въ Волощинѣ, идеальный типъ наемнаго рубаки. Онъ особенно отличился при возведеніи на волошское господарство Якуба Гераклидеса и въ награду получилъ замокъ Хотинъ. Но послѣ паденія и гибели Гераклидеса султанъ потребовалъ возвращенія Хотина взамѣнъ помощи Польшѣ противъ Россіи. Король Сигизмундъ-Августъ воззвалъ къ патріотическимъ чувствамъ Альбрехта Ласкаго. Хотя этотъ отчаянный воитель издержалъ изъ собственнаго кармана на волошскую экспедицію 100,000 червонцевъ, все состояніе своей первой жены, и Хотинъ былъ единственной наградой за эти расходы, но онъ не колеблясь согласился на просьбу короля и отдалъ замокъ безъ всякаго вознагражденія. Значитъ, былъ героемъ, рыцаремъ, патріотомъ, истымъ шляхтичемъ!

Ласкому былъ 31 годъ, и три года онъ былъ уже вдовъ ко времени принесенія этой патріотической жертвы. Княгиня Беата Острожская рѣшилась вознаградить героя. Несмотря на свой 49-й годъ, она обвѣнчалась съ молодымъ вдовцомъ 12 апрѣля 1564 года; вскорѣ послѣ этой оригинальной свадьбы, княгиня записала своему богоданному супругу всѣ имѣнія и замки, дошедшіе къ ней лично или принадлежавшіе къ ея острожскому наслѣдству, которое еще увеличилось благодаря выкупу заложенныхъ имуществъ. Такимъ путемъ нашъ рыцарь сталъ богатѣй-

шимъ человѣкомъ въ странѣ. Король Сигизмундъ-Августъ утвердилъ эту запись.

Но панъ Ласкій дурно отплатилъ женѣ за такое великодушіе. Онъ увезъ престарѣлую супругу въ свой родовой замокъ Кезмаркъ, въ Спижской долинѣ, въ Венгріи, и заперъ ее въ башню, гдѣ княгиню ожидала та же судьба, какая выпала на долю Гальшки въ Шамотулахъ. Несчастной матери суждено было прожить еще многіе годы, но никогда болѣе не увидѣть родной стороны.

VI.

Такимъ образомъ злая мачиха—судьба поставила обѣихъ женщинъ въ одинаково печальное положеніе. Трудно допустить чтобы грубый и противозаконный поступокъ Альбрехта Ласкаго случился безъ вѣдома и участія лицъ, которыя тяготились страстной энергіей княгини Беаты и ея безпрестанными жалобами. Въ особенности является неясною въ этомъ послѣднемъ случаѣ роль короля, какъ и въ то время, когда онъ утвердилъ своею подписью дарственныя грамоты княгини въ пользу Симеона Слуцкаго, хотя послѣдній названъ тамъ зятемъ, а устроенный самимъ же королемъ бракъ Гальшки съ графомъ Горкою считался какъ бы несуществующимъ. То обстоятельство, что въ 1565 году король вновь призналъ и утвердилъ дарственную Беаты въ пользу Альбрехта Ласкаго, по крайней мѣрѣ не противорѣчило его собственнымъ распоряженіямъ: хотя король могъ и не одобрять рѣшенія Беаты выйти замужъ вторично, но онъ не имѣлъ права воспрепятствовать этому браку или не допустить передачи личнаго имущества Беаты въ руки мужа.

Но въ самомъ устраненіи Беаты съ поля дѣйствія путемъ лишенія ея свободы король, повидимому, не принималъ умышленнаго участія. Мы слышимъ, что Альбрехтъ Ласкій, готовившійся въ 1565 г. вести за свой страхъ войну въ Волощинѣ противно желаніямъ короля Сигизмунда-Августа, воспользовался для этой цѣли огромными богатствами своей жены, а чтобы избавиться отъ протестовъ и жалобъ Беаты, безжалостно заточилъ ее въ

Кезмаркѣ. Если дѣло происходило такъ, то король не имѣлъ никакой выгоды отъ увоза Беаты. Но съ теченіемъ времени возникли какія то, въ точности неизвѣстныя намъ, обстоятельства, которыя установили соглашеніе между Альбрехтомъ Ласкимъ и королемъ. Къ нашему изумленію мы узнаемъ изъ грамотъ, явленныхъ въ королевской канцеляріи, что Альбрехтъ Ласкій въ 1570 году передалъ все полученное имъ отъ своей несчастной жены состояніе самому королю, оставивъ за собою лишь право пожизненнаго владѣнія пятью замками. Безъ сомнѣнія, эта непонятная по своей мотивировкѣ передача была только фиктивною, но невольно является мысль, что король не могъ съ спокойной совѣстью вспомнить о несчастной женщинѣ, которая томилась въ заточеніи кезмаркскаго каземата.

Во всякомъ случаѣ, король до самой своей смерти не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки для возвращенія свободы Беатѣ. Со смертью короля въ 1572 году тоже не послѣдовало облегченія жестокой участи матери и дочери. Только въ 1573 году получила наконецъ свободу такъ много выстрадавшая съ юности Гальшка. Графъ Лука Горка, уже въ санѣ воеводы познанскаго, внезапно заболѣлъ карбункуломъ и вскорѣ послѣ того умеръ въ Познани. Тѣло его было погребено нарочито выстроенной для этого случая каплицѣ въ Курникѣ, такъ какъ епископъ познанскій не позволилъ хоронить бывшаго кальвиниста въ фамильномъ склепѣ при соборѣ.

Теперь Гальшка была свободна, свободна такъ, какъ въ сущности не была еще ни разу въ своей жизни. „Черная княгиня“ народной легенды покинула мрачную башню, гдѣ полная силъ молодая женщина пространдала 12 безконечныхъ лѣтъ своей загубленной жизни. Гальшкѣ минуло 33 года, когда она вновь, уже въ третій разъ, осталась вдовою. Она не покорилась графу Горкѣ и вѣрно сдержала свою клятву повиноваться только матери. Лишь послѣ смерти графа Луки она, по крайней мѣрѣ въ оффиціальныхъ документахъ, упоминаетъ о своемъ законномъ бракѣ съ нимъ и признаетъ послѣдній, титулуя себя „пани Лукашовая зъ Кгурки, воеводина познанская“... Въ частной перепискѣ она остается по прежнему „княжной Острожской“.

Тотчасъ же послѣ смерти графа Луки братъ послѣдняго, графъ Станиславъ Горка, доставилъ Гальшку въ Познань. Здѣсь ожидалъ ее съ многочисленной свитой двоюродный братъ Янушъ, сынъ князя Василія Острожскаго, чтобы проводить княжну въ Дубно, замокъ того самаго дяди, который нѣкогда оказалъ ей такую дурную услугу. Богатѣйшая наслѣдница въ Литвѣ не могла найти лучшаго убѣжища, какъ у родственника, привязанность котораго была столь сомнительнаго качества. Съ трудомъ вѣришь извѣстію, что Гальшка по доброй волѣ согласилась тогда же отдать руку одному изъ своихъ родственниковъ и что бракъ не состоялся лишь по причинамъ, оставшимся невыясненными. Быть можетъ слухъ этотъ явился лишь вслѣдствіе того, что таково было дѣйствительно желаніе представителей рода Острожскихъ. Сколько можно судить по ея сохранившемуся письму, гнетущее сознаніе о загубленной жизни не оставляло ее ни на мгновеніе, и едва ли ей могла прійти въ голову мысль о возможности воротить потерянное навсегда семейное счастье. Возможно впрочемъ, что она была сговорена съ однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ, съ цѣлью дать родственникамъ право требовать возвращенія ея имѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, князь Василій, который во время заточенія своей племянницы повидимому и думать позабылъ объ ея острожскихъ имѣніяхъ, именно теперь обнаруживаетъ особенную энергію въ устройствѣ имущественныхъ дѣлъ Гальшки. Задача была нелегкая. Смерть короля Сигизмунда-Августа и затѣмъ избраніе Генриха Валуа внесли немалое замѣшательство въ общественную жизнь, и власти не могли оказать надлежащей поддержки частнымъ лицамъ въ ихъ имущественныхъ домогательствахъ и отношеніяхъ; съ другой стороны, тотъ самый Альбрехтъ Ласкій, вѣроломный супругъ Беаты, которому предстояла главная роль въ будущей имущественной тяжбѣ, оказалъ такія услуги Генриху Валуа, что всѣ шансы на успѣхъ были за Ласкимъ, какъ королевскимъ протеже. Во всякомъ случаѣ Альбрехтъ Ласкій имѣлъ возможность скорѣе, нежели защитники Гальшки, заручиться благосклонностью короля, такъ какъ онъ былъ членомъ посольства, отправленнаго въ Парижъ, чтобы предложить

польскую корону сыну Екатерины Медичи. Это пребыванiе пана Ласкаго въ Парижѣ должно было имѣть для него, какъ увидимъ, и другiя роковыя послѣдствiя.

Несмотря однако на всѣ эти преимущества Ласкаго, дѣло Гальшки получило самый счастливый оборотъ. Въ февралѣ 1574 г., во время коронацiоннаго сейма, король Генрихъ издалъ декретъ, возвращавшiй единственной законной собственницѣ, кн. Гальшкѣ, всѣ тѣ имѣнiя, которыя нѣкогда были записаны Беатою Альбрехту Ласкому, а этимъ послѣднимъ переданы коронѣ. Только личное имущество Беаты, дошедшее къ ней по завѣщанiю перваго мужа, именно 33,082 золотыхъ и закладная на 15,000 золотыхъ, были присуждены Ласкому. По выплатѣ этихъ суммъ, все огромное наслѣдство вновь перешло въ руки законной собственницы, княжны Гальшки. Но изъ нѣсколькихъ сохранившихся записей, напр. отъ 16 мая 1576 г. и т. д., гдѣ Гальшка упоминаетъ о страданiяхъ своей юности, оказывается, что кн. Василiй хлопоталъ исключительно въ свою пользу, такъ какъ княжна передала все свое состоянiе въ руки дяди и его дѣтей [1]).

Въ тѣ немногiе годы, когда она могла еще наслаждаться сознанiемъ полученной наконецъ свободы, Гальшка была, повидимому, занята единственною мыслью, какъ бы освободить свою несчастную мать изъ тюрьмы, въ которую та попала благодаря безпримѣрному вѣроломству мужа. Если Гальшка и не вела лично такой же энергической борьбы, какъ нѣкогда ея мать, то не подлежитъ сомнѣнiю, что именно она побудила своего дядю Василiя вступиться за несчастную кезмаркскую плѣнницу, его невѣстку. Пока Гальшка сидѣла въ шамотульской башнѣ, кн. Василiй не дѣлалъ ни малѣйшей попытки повлiять въ пользу Беаты, хотя имѣлъ сношенiя съ импер. Максимилiаномъ II, который, въ качествѣ повелителя Венгрiи, могъ бы помочь дѣлу освобожденiя обманутой женщины.

Но въ длинный промежутокъ времени между 1565—1573 годомъ кн. Острожскому не приходило въ голову выступить въ защиту невѣстки. Только появленiе Гальшки у родственниковъ

---

[1]) См. въ концѣ главы.

дало поводъ къ заступничеству передъ императоромъ. Время было выбрано для этого удачно, такъ какъ въ ту пору Ласкій, сторонникъ Генриха Валуа и противникъ претендентовъ австрійскаго дома на польскій престолъ, находился въ немилости у императора. Просьба имѣла успѣхъ. Императоръ Максимиліанъ приказалъ генеральному старостѣ верхней Венгріи Іоанну Риберу ф. Питендорфу донести ему о женѣ Альбрехта Ласкаго.

Риберъ велѣлъ подчиненному старостѣ кезмаркскому Альбрехту ф. Рейтерну проникнуть „незамѣтно" къ плѣнной женщинѣ и сообщить о положеніи дѣла.

Рейтернъ исполнилъ порученіе. Въ сопровожденіи нѣкоего Готарда Гротена, онъ явился къ плѣнной княгинѣ. Отчетъ его рисуетъ страшную картину. Восемь лѣтъ уже Беата не видѣла живой души, которая бы показала ей сочувствіе. При появленіи Рейтерна она лишилась чувствъ, и четыре прислужницы съ большимъ трудомъ привели ее въ чувство. Обливаясь слезами, умоляла несчастная женщина сжалиться надъ нею, такъ какъ у нея и ея прислужницъ нѣтъ даже бѣлья, „чтобы прикрыть голое тѣло". И между тѣмъ у нея были драгоцѣнности, которыя она предложила Рейтерну въ подарокъ, но тотъ отказался. По словамъ Рейтерна, „одежа на княгинѣ была сильно поношена, но опрятна, а одежа и бѣлье женщинъ, прислуживавшихъ Беатѣ, истлѣло и изорвалось въ клочки благодаря многолѣтнему заточенію". Рейтернъ получилъ отъ княгини два письма, писанныя по-латыни, къ императору и генеральному старостѣ Риберу. За недостаткомъ чернилъ, Беата тутъ же написала ихъ разведенной въ водѣ сажей.

Риберъ послалъ императору точное донесеніе и просилъ его сжалиться надъ злою участью несчастной. Кн. Василій Острожскій также отправилъ посланца къ императору съ ходатайствомъ за Беату. Максимиліанъ рѣшилъ, что въ силу венгерскаго права плѣнница должна подать формальную жалобу противъ мужа, а генеральному старостѣ предписалъ принять мѣры противъ возможныхъ насилій со стороны Альбрехта Ласкаго.

Императорскій посолъ въ Польшѣ Андрей Дудичъ также совѣтовалъ своему господину освобожденіе Беаты: это произве-

детъ наилучшее впечатлѣніе въ Польшѣ, такъ какъ несчастная судьба обѣихъ женщинъ привлекаетъ здѣсь общее сочувствіе. По мнѣнію посла, слѣдуетъ принять необходимыя мѣры ранѣе возвращенія Ласкаго изъ Парижа.

Но императоръ отнесся къ положенію Беаты далеко не съ такимъ участіемъ, какъ его чиновники и послы. Хотя Ласкій и сталъ на сторону Генриха Валуа, но втайнѣ онъ вновь вступилъ въ сношенія съ австрійскимъ дворомъ. Виды на польскую корону составляли въ то время главную пружину габсбургской политики, а въ этомъ дѣлѣ могъ оказать прекрасныя услуги именно такой отчаянный и безпардонный политиканъ, какимъ былъ Ласкій. Жалоба Беаты была поэтому положена подъ сукно, а императорскій посолъ получилъ въ отвѣтъ нѣсколько общихъ неопредѣленныхъ фразъ. Дудичъ не зналъ о личныхъ связяхъ Ласкаго съ императоромъ. Поэтому онъ думалъ окончательно подорвать кредитъ Ласкаго при дворѣ, сообщивъ 8 апрѣля 1574 г. императору объ одномъ изъ скандальнѣйшихъ подвиговъ этого рыцаря, вызвавшемъ справедливое негодованіе всего польскаго общества.

Во время своего пребыванія во Франціи панъ Альбрехтъ Ласкій, воевода сирадскій, тайно обвѣнчался съ одной итальянкой, по слухамъ, дочерью фаворитки короля Генриха, и прибралъ къ рукамъ приданое въ 14,000 золотыхъ вмѣстѣ съ разными драгоцѣнностями. Хотя своеобразныя семейныя его дѣла въ Польшѣ были общеизвѣстны и составляли предметъ общихъ толковъ, но тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ смѣлость взять съ собой на родину свою вторую жену вмѣстѣ съ ея матерью. Эти дамы очень скоро поняли, что всѣ относятся къ нимъ здѣсь съ крайнимъ презрѣніемъ, и къ своему ужасу узнали, что Ласкій держитъ въ тюрьмѣ свою первую жену. Напрасно старался воевода сладкими рѣчами успокоить дамъ и заставить ихъ молчать, напрасно грозилъ онъ утопить тещу ночью въ Вислѣ,—дамы бѣжали отъ этого дикаря въ монастырь и послали жалобу сенату, умоляя о защитѣ. Дѣло дошло до короля. 1 мая обманутая женщина упала ему въ ноги въ присутствіи всего сената и подала формальную жалобу. Чѣмъ кончилось это дѣло, остается не-

выясненнымъ. Панъ Ласкій, повидимому, долженъ былъ принести большія жертвы деньгами, чтобы выпутаться изъ этой исторіи.

Императорскій посолъ думалъ произвести на своего повелителя тѣмъ большее впечатлѣніе эффектными подробностями этого скандала, что съ другой стороны онъ указывалъ на возможность, цѣною освобожденія Беаты, усилить и укрѣпить преданность князя Василія Острожскаго австрійскому императорскому дому. Князь не разъ говорилъ, что это—единственное благодѣяніе, котораго онъ ожидаетъ отъ императорскаго двора, и тѣмъ съ большимъ правомъ, что того требуетъ справедливость и человѣколюбіе.

Императоръ не отвѣчалъ ни слова.

Даже Янъ Риберъ, генеральный староста, рискуя впасть въ немилость, осмѣлился напомнить императору о судьбѣ несчастной женщины. „Ласкій—писалъ Риберъ—заточилъ свою жену исключительно съ цѣлью безпрепятственно воспользоваться ея деньгами въ суммѣ до 300,000 золотыхъ. Всю надежду свою на освобожденіе отъ этого тиранства она возлагаетъ только на Бога и ваше имп. величество. Совѣсть не позволяетъ мнѣ молчать, и я умоляю ваше величество, какъ Богомъ поставленнаго верховнаго владыку всего христіанскаго міра, оказать справедливость бѣдной замученной и угнетенной женщинѣ“.

Но и это письмо было оставлено безъ отвѣта. Бѣгство Генриха Валуа и свободная корона открывали новыя перспективы для Габсбурговъ, и конечно не въ такую горячую пору можно было жертвовать неоцѣнимымъ партизаномъ въ родѣ Ласкаго. Но въ то же время слѣдовало сохранить и расположеніе князя Острожскаго, который поэтому былъ осыпанъ знаками императорской милости, сыну князя приготовлена заманчивая перспектива брака на сестрѣ маркграфа Альбрехта-Фридриха бранденбургскаго, дано обѣщаніе написать Альбрехту Ласкому. Все это давало лишь понять, что предстоящіе выборы короля въ Польшѣ гораздо болѣе интересуютъ императора, нежели судьба плѣнницы.

Въ сравненіи съ прежними долгими годами заточенія, Беатѣ было теперь немного легче собственно потому, что она имѣла теперь куда обращаться съ своими потрясающими жало-

бами, именно къ благородному старостѣ Риберу. Сохранилось собственноручное письмо Беаты къ Риберу, написанное въ пасху 1575 года. Здѣсь вылилось все отчаяніе и страстное негодованіе бѣдной женщины, которая вмѣстѣ съ тѣмъ умоляла оказать ей справедливость и христіанское милосердіе и прекратить вопіющее къ небу издѣвательство надъ ея правами.

Сердобольный Риберъ не колеблясь отправилъ это посланіе къ императору и откровенно выразилъ свое недоумѣніе по поводу такого вдвойнѣ удивительнаго отказа въ законной защитѣ. Когда кн. Василій отправилъ новаго посла къ Максиміліану, Риберъ снова повторилъ свое трогательное и искреннее ходатайство.

Все напрасно. Императоръ безмолствовалъ: Альбрехтъ Ласкій работалъ въ его пользу въ Польшѣ. 12 декабря 1575 года Максиміліанъ былъ избранъ меньшинствомъ въ польскіе короли, и тотъ же Ласкій первый извѣстилъ его объ этомъ въ письмѣ отъ того же числа. Понятно, что ни мольбы Беаты, ни новыя просьбы и ходатайства за нее не удостоились ни малѣйшаго вниманія со стороны Максиміліана.

Но избиратели раздѣлились. Большая часть шляхты высказалась въ пользу седмиградскаго господаря Стефана Баторія, и когда онъ явился въ Польшу, то получилъ корону среди всеобщихъ ликованій. Въ виду такого событія, шансы Максиміліана разомъ упали, тѣмъ болѣе, что король Стефанъ умѣлъ привлечь на свою сторону противниковъ своимъ миролюбіемъ и тактомъ. Ласкому были также сдѣланы примирительныя предложенія, но тотъ, въ надеждѣ на мощную поддержку Максиміліана, продолжалъ еще нѣкоторое время партіонную борьбу, но наконецъ принужденъ былъ укрыться заграницей. Онъ искалъ и нашелъ пристанище въ императорскихъ владѣніяхъ.

Но прежде нежели покинуть арену своей политической дѣятельности и удалиться во Флоренцію, опутанному долгами Ласкому пришлось еще посчитаться съ генеральнымъ старостой Риберомъ о долгахъ, въ великомъ изобиліи обезпеченныхъ на кезмаркскомъ замкѣ. Человѣколюбивый Риберъ воспользовался и этимъ случаемъ: онъ вынудилъ у свирѣпаго Ласкаго разрѣшеніе перевезти тяжело заболѣвшую послѣ Рождества Беату изъ замковой тюрьмы въ домъ кошицкаго старосты.

Въ іюнѣ 1576 года Беата покинула наконецъ мѣсто, гдѣ провела одиннадцать лѣтъ жизни, томимая тоской, позднимъ раскаяніемъ, ненавистью и отчаяніемъ.

Честный Риберъ, очевидно, заботился о больной старухѣ съ неистощимой добротой. 24 іюля 1576 г. еще разъ писалъ онъ императору: Бѣдная женщина долго не проживетъ. Послѣднее ея желаніе, о которомъ она молитъ кровавыми слезами—это получить отъ мужа разрѣшеніе увидѣться передъ смертью съ единственной дочерью: необходимо оказать несчастной эту милость. Она готова дать какое угодно ручательство и клятву, что проститъ и забудетъ всѣ нанесенныя ей кривды. „Въ виду мнѣнія", прибавляетъ Риберъ, „что отъ вашего величества нельзя получить защиты обиженному, осмѣливаюсь просить, какъ вѣрноподданный, войти въ сношенія объ этомъ съ Альбрехтомъ Ласкимъ. По крайней мѣрѣ всѣ скажутъ, что онъ сжалился наконецъ надъ своей женой, а за ваше величество бѣдная, убитая женщина вознесетъ теплыя молитвы къ Всевышнему на небесахъ".

Неизвѣстно, успѣлъ ли сдѣлать что нибудь императоръ по этому дѣлу. Въ сентябрѣ того же года онъ захворалъ, а 12 октября скончался. Не сохранилось дальнѣйшихъ извѣстій и о судьбѣ Альбрехта Ласкаго, который жилъ изгнанникомъ сперва въ Прагѣ, затѣмъ во Флоренціи. Точно также не знаемъ мы, осталась ли Беата въ Кошицахъ, гдѣ и закончила свои печальные дни, или же еще имѣла возможность вернуться на родину, чтобы на рукахъ своей не менѣе несчастной дочери испустить послѣдній вздохъ.

Въ послѣдніе годы плѣна и страданій Беаты не слышно, чтобы Гальшка сдѣлала что либо для освобожденія матери. Поэтому представляется весьма правдоподобнымъ извѣстіе современныхъ хронистовъ, что пригнетенная неслыханными несчастіями княжна лишилась, наконецъ, разсудка и впала въ сумашествіе. Да и что удивительнаго при такой тяжкой судьбинѣ?

Къ концу 1582 г. смерть избавила, наконецъ, Гальшку отъ ея страданій. Родственники, въ руки которыхъ перешло ея роковое наслѣдство, устроили княжнѣ роскошныя похороны.

Отъ переводчика.

Гр. Пшездзѣцкій, Шараневичъ, Каро и др. ошибочно относятъ смерть Гальшки къ 1582 г. Въ *Луцкой гродской книгѣ* 1583 г. (Кіевскій Центр. Арх. кн. № 2049, листъ 390) можно видѣть запись Гальшки отъ 20 сентября того года, гдѣ княжна отдаетъ себя навѣки въ опеку своему дядѣ Константину II (Василію) Острожскому, въ виду невозможности выплатить яко бы накопившійся за нею огромный долгъ. Документъ этотъ, сколько извѣстно, до нынѣ не изданъ. Онъ представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ финальный и притомъ финансовый аккордъ въ этой историко-экономической драмѣ, рисуетъ до извѣстной степени душевное настроеніе больной женщины и отношеніе къ ней ближайшаго родственника—магната и важнаго сановника на Литвѣ. Предполагая, что документъ можетъ интересовать любителей волынской старины, приводимъ его здѣсь цѣликомъ, безъ измѣненій (исключая пунктуаціи):

„Року Божого нароженя 1583, месеца сентебра 20 дня".

„Передо мною, Богушомъ Хведоровичемъ Корецкимъ, воеводою земли Волынское, старостою Луцкимъ, Браславским и Вѣницким, постановившися обличне, велможная пани Лукашовая з Кгурки, воеводиная Познанская, Галжбета Илиная княжна Острозская, доброволне оповедала и вызнала: зосталем дей певного, истотного, рукоданого долгу, штом на потребы свое не поодно-крот позычала, винна ясневелможному пану Костентину кнежати Острозскому, воеводе Киевскому, маршалку земли Волынское, старосте Володимерскому, сто тисечей коп. двадцат тисечей копъ, двѣ тисечи копъ и чотыриста копъ грошей личбы литовское, а особливе за скарбы отца его милости князя Костентина Острозского, деда моего, и за личбы з платов, доходов, што был небожчик отец мой князь Иля его милости брату своему с певного постановленя в кождый рок давати повиненъ и не давал, упросилам его милости, и на том его милост перестати з особливое ласки своее рачил, естем повинна его милости заплатити тридцат тисечей копъ грошей личбы литовское, то всею сумою, скасовавши оные листы церокграфы першие на долги

мое, и злучивши тот увес долгъ позычоный, сполем с тою сумою чинит сто тисечей копъ, петдесят тисечей копъ, двѣ тисечи копъ и чотириста копъ грошей личбы литовское: том все его милости винна зостала. И не маючи чим на сей час его милости того всего заплатити, отдалам се его милости зовсѣмъ ув опеку, аж до живота моего, и уживши его милост за то пилными а покорными прозбами моими, давам и далам его милости моц зуполную на зыскъ и на страту о отчизну и всѣ имѣнья мое мовити, правом перед господарем и кождым врядом доходити, вгодою и яко колвек водленалепшого уподобаня своего становити; а я на всем том переставати повинна. А кгды его милост през право, албо угоду выищет, тедым дала и давам моц и волност его милости в тои всеи суме пенезей вышей менованои, именя мои всѣ, которые колвек его милост яким колвек обычаем выищет, до року в держане и ув уживане взяти и их зо всѣми кгрунты и пожитки аж до отданя о. мене сполна его милости тое всее сумы пенезей вышей менованое; а я на он час буду и естем повинна листом моим особным водле потребы его милости варовати и ознаймити, въ якои суме пенезей которое имене его милост держати мает. Яко жем на то и лист мой с печатю моею и с подписом руки и под печатми людей зацных дала, на котором то ширей и достаточней ест описано. И положивши оный лист, просила ее милост, абы был читан и при таковом оповедани до книг уписан; который передо мною был вычитан, и так се в собе мает: „Я, Лукашовая з Кгурки, воеводиная Познанская, Галжбета Илиная княжна Острозская, не за жадным примушенемъ, одно сама доброволне сознавам кождому, кому того потреба ведати, тепер и напотом будучим: от часу немалого по всѣ часы в не фортунных припадках, потребах, долеглостях и недостаткахъ моих, также и в теперешнемъ сиротстве моем, зоставши по небожчику малжонку моем от всих кревных, близких и повинных моих опущона, иж не толко абы ми ратунок який в потребах и в великих недостатках моих чинити мели, але яко вырекшися мене, повинноѝ своеи, запомнели и знати николи не хотели. Толком дознала великое невымовное милостивое ласки, добродейства, ратунку и подпоможеня во всѣхъ

потребахъ и недостатках моих от его милости ясневелможного пана Костентина кнежати Острозского, воеводы Киевъского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского, пана стрыя и добродѣя моего милостивого, которую мне его милост по всѣ часы, за живота малжонка моего и тепер в том сироцстве показовати и немалых сумъ пенезей на потребы мои позычати, а особливе и тепер великим коштом, накладом, з немалым почтом людей ездных и пеших, тутошних и чужоземцовъ, и з великою небезпечностю через сына своего, его милость кнежа Януша, пана брата моего, выискати и тут припровадити рачил. Которых же то всѣхъ долгов моих, штом у его милости позычила, на всѣх листех церокграфех моих, также теперешний коштъ и наклад его милости, знесши все на одно мѣсце и вчинивши певный рахунок, оказалося сумою сто тисечей копъ, двадцат тисечей копъ, двѣ тисечи копъ и чотириста коп грошей личбы литовское, а особливе за скарбы отца его милости князя Костентина, деда моего, и за личбу с платом доходов, што был небожчик отец мой княз Иля его милости брату своему с певного постановеня в кождый рок давати повинен и не давал, упросилам его милости, и на том его милост перестат з особливое ласки своее рачил, естем повинна его милости заплатили тридцат тисечей копъ грошей личбы литовское, то всего сумою, скасовавши оные листы церокграфы мои и злучивши тот увес долгъ мой позычоный сполем с тою сумою, чинит сто тисечей копъ, петдесят тисечей копъ, двѣ тисечи копъ и четыриста копъ грошей личбы литовское: томъ все его милостй винна зостала. А не маючи чим на сей час его милости того таковогo долгу моего заплатити, кгдыж отчизна моя вся в розных людей и розными правы от панее матки моее панее Беяты съ Костелъца, в котороем в опеце была, естъ заведена, але ужилам в том его милости покорными прозбами моими, и давши ся его милости в опеку аж до живота моего, давам и далам его милости моц зуполную на зыскъ и на страту о отчизну и всѣ именя мои мовити, правом перед господарем и кождым врядом доходити, угодою и яко колвек водле налепшого уподобаня своего становити, а я на всем том переставати повинна. А кгды его милост през право

албо угоду вынщетъ, теды давам моц и волност его милости в той всей суме пенезей вышей помененой в сту тисечах копах в пятидесят тисечах копах, у двух тисечах копах и в чотырох сот копах грошей личбы литовское именъя мои всѣ, которыи колвек его милость и яким колвек обычаем вынищет, до рукъ в держанъе и в уживане свое взяти и их зо всѣми кгрунты, людми и пожитки держати и уживати аж до одданя от мене сполна его милости тое всее сумы пенезей вышей менованое; а я на он час, кгды его милост именъя мои вынщет, для ведомести потомству и всѣм кревнымъ, близкимъ и повинным моимъ и для выкупленъя тым, на кого бы што по мне вѣчностю спадало а окупити хотел, на листе моем его милости от мене на то даном ознаймити маю и буду повинна, в якои суме пенезей которое именъе его милост держати и уживати мает. А где бым того досыт не учинила, и того всего долгу моего вышей помененого таковым обычаем на листе моем водле потребы его милости не варовала, прийму сама на себе и в то се доброволне поддаю зарукиж его милости пану а стрыеви и добродию моему милостивому заплатити таковую другую суму пенезей, то ест сто тисечей копъ, петдесят тисечей коп, две тисечи копъ и чотириста копъ грошей личбы литовъское, к тому особливе шкоды, наклады, кром доводу присеги, толке на речене слова его милости, и в то ся доброволне поддаю и буду повинна перед судом и врядом кгродским, в яком же колвек повете за першим позвом, яко на року завитом, не вымовляючися хоробою, службою господаръскою, ани жадными причинами правными и неправными, стати и не збываючи позву роком ани чим, усправедливити и от всказаня и декрету нигде не апелевати; и давати моц врядови тую заруку и за шкоды на речене слова, также и тотъ долгъ вышей менованый увес, не складаючи роков статутовых, але заразом на маетности моеи отправити, якож тым певней подля права умоцняючи естем повинна, под таковоюж другою зарукою, ставши на вряде кгродском Луцком вызнати и оповедати и тот лист мой дати до книг записати. И на том дала кж. его милости Костентину Острозскому, воеводе Киевскому, тот мой лист, з моею печатю и с подписом властное

руки моее; а при том были того добре звѣдоми и за устною а очевистою прозбою моею печати свое приложити рачили их милост панове а приятеле мои: пан Василей Петрович Загоровский, кашталянъ Браславский, пан Гаврило Бокий Печихвостский, судя земский повету Луцкого, а панъ Ждан Томкович Копыленский. Писан у Володимери, лета Божого нароженя тисеча пятсот осмдесят третего, месеца сентября пятого дня. Подпис руки по полску: Галжбета Илина кнежна Острозская ренką свą".

„И просила ее милост, абы тое доброволное оповедане и тот лист до книгъ был вписан; ям записати казал".

Н. М.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. Послѣ писемъ кн. Н. Г. Репнина[1]), приводимъ одинадцать писемъ князя В. П. Кочубея къ М. П. Миклашевскому. Письма эти, не заключая въ себѣ особенно интересныхъ фактовъ, тѣмъ не менѣе представляютъ не лишній матеріалъ для исторіи тѣхъ «родственныхъ отношеній», которыя такъ облегчали младшимъ родственникамъ, при помощи вліянія старшихъ, шествіе вверхъ по служебнымъ лѣстницамъ... Князь В. П. Кочубей (р. 1768 † 1834) былъ сынъ Ульяны Андреевны Безбородко, а М. П. Миклашевскій былъ женатъ на дочери Татьяны Андреевны Безбородко, бывшей замужемъ за Яковомъ Леонт-чемъ Бакуринскимъ.

Ред.

II. Письма князя В. П. Кочубея, 1798—1831 г.

1) Милостивый государь мой Михайло Павловичъ!

Выѣзжая черезъ нѣсколько часовъ въ С.-П-бургъ, я едва успѣваю возвратить вамъ при семъ подорожнюю, которою, въ запасъ, вы меня ссудить изволили, съ искреннею моею за сіе благодарностію.

Пробывъ здѣсь долѣе нежели было сначала...... я имѣлъ случай князю Александру Андрѣевичу сказать о сомнѣніи вашемъ, что онъ васъ забываетъ и о прискорбіи вашемъ по сему случаю. Онъ въ семъ никакъ согласиться не хотѣлъ, изъяснялъ при томъ о чувствованіяхъ своихъ къ вамъ, и что онъ конечно не оставитъ никакого удобнаго случая, дабы быть вамъ полезнымъ.

Ежели сіе послужить можетъ къ нѣкоторому утѣшенію, посреди скучныхъ вашихъ упражненій, то я радоваться буду, что поспѣшилъ моимъ извѣщеніемъ, увѣряя васъ впротчемъ объ отличномъ почтеніи и преданности съ коими всегда пребуду.

Вашего пр-ва покорнѣйшій слуга Викторъ Кочубей.

Москва. Іюня 9. 1798 г.

---

[1]) См. выше стр. 120.

2) М. г. мой М. И! Письмо ваше отъ сего мѣсяца я имѣлъ честь получить и весьма признателенъ за уваженіе ваше ко мнѣ, по поводу Дротовскаго. (?) Что онъ негодяй въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но понеже нѣтъ моего намѣренія ему вредить, то не угодно ли будетъ вамъ примѣстить его куда бы то ни было кромѣ Полтавы.

Князь Александръ Андрѣевичъ изъ письма вашего заключилъ, что вы, будучи недовольны опредѣленіемъ военнаго генералъ-губернатора, желали бы отойти прочь. Перемѣна сія послѣдовала въ самое утро возвращенія нашего изъ Москвы и я васъ увѣрить могу, что тутъ не входило какое либо неудовольствие или недоброжелательство нащетъ Вашъ, а найдено было, что слѣдовало какъ нибудь загладить огорченіе, здѣланное Беклешову, котораго впротчемъ государь хотѣлъ имѣть въ Кіевѣ для разныхъ польскихъ. (?) Все сіе предположено было дорогою изъ Тифина и князь узналъ о томъ, какъ дѣло было уже здѣлано. Вотъ вамъ вся исторія сея перемѣны, которая можетъ быть и полезна для васъ будетъ, въ томъ видѣ, что отвѣтствѣнность ваша гораздо уменьшится и что, имѣя начальника, конечно всегда готоваго всякую услугу вамъ оказать, можно будетъ и здѣсь легче до чего нибудь добиться.

Простите мнѣ откровенность мою и вѣрьте непоколебимымъ чувствованіямъ моимъ преданности и отличнаго почтенія, съ коими пребуду в. пр-ва покор. слуга В. К.

Петергофъ. Іюля 20. 1798 г.

P. S. Не забудьте о Семенѣ Михайловичѣ. Мы говорили о немъ здѣсь А. А. Беклешову. Я думаю, что Василій Васильевичъ Кочубей хочетъ итти въ отставку; вотъ маршальская ваканція [1]).

3) М. г. мой М. И!

Г-ну Чернышу, случившемуся при разговорѣ, который недавно имѣлъ я съ княземъ Александромъ Андреевичемъ, сказывалъ я, чтобъ онъ васъ объ ономъ увѣдомилъ обстоятельно; что же принадлежитъ до меня, я больной въ подагрѣ; скажу только вамъ, что вслѣдствіе онаго пошелъ я сегодня къ вашему военному генералъ-губернатору, предполагая, что доброе его о васъ при началѣ свидѣтельство можетъ, естли обстоятельства позволятъ, обращено быть въ вашу

---

[1]) Василій Васильевичъ Кочубей, двоюродный братъ Виктора П-ча Кочубея, былъ предводителемъ дворянства (маршаломъ) въ глуховскомъ уѣздѣ.

пользу, о которой я, поколику отъ меня только зависѣть можетъ, никогда пещися не упущу. Будьте въ семъ удостовѣрены, такъ какъ и въ искреннемъ почтеніи, съ коимъ я всегда пребуду в. пр-ва покорнѣйшій слуга В. К.

С.-П-бургъ. Августа 6, 1798 г.

Что мои братья батуринскіе дѣлаютъ? Неужели имъ вѣкъ дома голубей гонять.

4) С.-П-бургъ. Августа 16, 1798 г.

М. г. мой М. П.!

Сожалѣю весьма, что болѣзнь моя не позволила мнѣ быть въ Павловскѣ въ день пожалованія вамъ ордена и тогда же воспользоваться возвращавшимся курьеромъ, дабы искренно васъ поздравить и припомнить вамъ, справедливы ли были замѣчанія, мною вамъ изъ Москвы здѣланныя, и упущенъ ли былъ случай, коль представился оный, чтобъ доставить вамъ какую пріятность.

Я надѣюсь, что вы признаете меня за хорошаго пророка и утвердитеся вяще и вяще въ моемъ къ вамъ усердіи, привязанности и совершенномъ почтеніи, съ коимъ я всегда пребуду вашего пр-ва покор. сл. В. К.

5) М. г. мой М. П.!

Благодарю покорно за письма ваши и за снисхожденіе ваше на прозьбу Ѳедора Григорьевича объ уступкѣ мнѣ лошадей. Симъ весьма вы меня одолжили, ибо трудность найти здѣсь шорныхъ лошадей умножается по мѣрѣ необходимости ихъ имѣть; но понеже поступили вы со мною такъ какъ съ близкимъ роднею и старымъ знакомымъ, то позвольте, чтобъ я, взаимствуя сему, не согласился иначе принять лошадей вашихъ, какъ по крайней мѣрѣ доставленіемъ вамъ таковаго же числа изъ заводу г-на Апостола. Тутъ поступаю я не потому, чтобъ совѣстился принять отъ васъ подарка; я когда нибудь что ни есть отъ васъ и возьму, а особливо когда богатѣе вы будете, а теперь согласитесь, чтобы мы только лошадьми размѣнялись.

Ѳедоръ и Александръ Яковлевичи прибыли сюда благополучно [1]).

Я объ нихъ пекуся, какъ собственно о себѣ, и на будущей недѣлѣ писать буду къ родителямъ ихъ объ окончательномъ опредѣленіи ихъ въ службу.

---

[1]) Бакуринскіе—родные племянники кн. Безбородка, сестра котораго Татьяна была замужемъ за тайн. совѣтн. Яковомъ Леонтьевичемъ Бакуринскимъ.

Ѳ. Я. пошелъ вчерась въ Гатчинъ; отъ толе возвратится онъ сегодня, но чѣмъ—не знаю; будетъ же онъ въ Преображенскомъ полку, а меньшой сегодня опредѣляется въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Предварите, пожалуйста, о семъ Татьяну Андрѣевну, такъ какъ и о томъ, что я не хотѣлъ писать къ ней прежде полнаго выполненія ея на меня возложеній.

Примите впрочемъ увѣренія искренняго почтенія и преданности, съ коими всегда пребуду вашего пр-ва п. с. В. К.

С.-П-бургъ. Сентября 3, 1798 г.

6) М. г. мой М. П.!

Вручитель сего надворный совѣтникъ Шенуслидзѣвъ, одобряемый всѣмъ моимъ сосѣдствомъ, человѣкъ, имѣющій жену и семь дѣтей, съ упраздненіемъ мѣста городническаго въ Красномъ Кутѣ, которое занималъ онъ съ лишкомъ десять лѣтъ, лишился, такъ сказать, съ онымъ дневного пропитанія. Располагаяся прибѣгнуть къ вамъ съ прозьбою о примѣщеніи его куда нибудь въ губерніи Малойроссійской, гдѣ бы онъ и семья его могла найти хлѣбъ насущный, онъ щитаетъ, что свидѣтельство мое у васъ можетъ ему быть полезно, и хотя я увѣренъ, что вы безъ всякаго посторонняго подвига охотно помогаете бѣднымъ... но какъ подобныя вещи не отказываются, то я съ удовольствіемъ удовлетворилъ желанію его, снабдя его симъ письмомъ. Пребывая впротчемъ непреложно съ истиннымъ почтеніемъ и искреннею привязанностію, м. г. мой, вашего пр-ва покорнѣйшій слуга графъ В. К.

Диканька. Февраля 20 д. 1800 г.

7) М. г. мой М. П.

Адресуясь, какъ подобаетъ къ г-ну губернатору, официіальнымъ письмомъ о подорожней, я присоединить долженъ здѣсь, что отъ Лубенъ только поѣду почтовыми лошадьми, понеже отъсель до того города нѣтъ оныхъ, и что вмѣсто безпокойства бѣднымъ обывателямъ въ настоящее рабочее время, я думаю на своихъ доѣхать 120 верстъ. Деньги же пошлинныя Григорій Петровичъ [1]) вамъ возвратитъ; онъ пишетъ ко мнѣ, что за прежнія подорожнія вы уже отъ него получили все подлежащее; у меня остается еще одинъ вашъ бланкетъ, который послѣ 9-го сего мѣсяца употребленъ будетъ для отъѣзду на короткое время за Днѣпръ.

---

[1]) Милорадовичъ.

Бѣдный Маркевичъ Иванъ Андрѣевичъ, лишившися семьи своей, проситъ меня, чтобъ я умолилъ васъ объ освобожденіи его отъ исправленія маршальской должности, на него возложенной. Онъ ничего такъ не желаетъ какъ остаться въ покоѣ и вы ему большую милость окажете, доставя ему оный, что тѣмъ кажется легче, что въ Малой Россіи множество изстари охотниковъ на всякія мѣста прямыя, кривыя, заурядныя и пр.

На васъ вся Литва стародубовская, сказываютъ, негодуетъ. Je ne nomme pas les masques, но мнѣ самому о семъ говорено было; и будто по какимъ то отрѣшеніямъ посланы на васъ въ П-бургъ жалобы. Вы сіе лучше знаете, а мое дѣло сказать вамъ слышанное и присоединить въ заключеніе, что я всегда пребуду съ искреннимъ почтеніемъ и таковою же преданностію вашего пр-ва вѣрнымъ и покорн. сл. графъ В. К.

Диканька. Мая 6 д. 1800 г.

P. S. Скажите Тетьянѣ Андрѣевнѣ [1]), что граф. Ф В. Ростопчинъ пишетъ ко мнѣ отъ 13-го апрѣля, что Александръ Яковлевичъ чрезъ двѣ недѣли отправленъ будетъ къ посту своему въ Минхенъ.

8) Царское Село. Августа 7, 1818 г.

По прибытіи моемъ, нашелъ я дружеское ваше письмо отъ 9 мая, за которое поспѣшаю изъявить вамъ искреннюю мою благодарность. Не меньше обязанъ я вамъ оною и за попеченіе ваше о Чуйковскомъ моемъ имѣніи [2]). Покорнѣйше прошу продолжать оное. Симъ окажете вы не только большое одолженіе, но совершенную милость. Что касается до замѣчанія вашего на щетъ умѣренности дохода въ семъ году, то я прошу васъ однажды на всегда ввѣрить, что я всѣми вашими распоряженіями буду доволенъ.

Комиссіи ваши исполнены и здѣсь уже находятся покупки, для васъ здѣланыя. Куда ихъ доставить наставте меня.

Я основалъ себя на остатокъ лѣта въ Царскомъ Селѣ. Государь здѣлалъ мнѣ милость—приказалъ отвести мнѣ комнаты и я полагаю воспользоваться оными до половины сентября и долѣе.

Возвратясь изъ теплыхъ климатовъ, я опасаюсь, особливо для дѣтей, вдругъ раззнакомиться съ воздухомъ; и между тѣмъ какъ только о семъ помышляю, вѣроятно непріятели мои опредѣляютъ

---

[1]) Бакуринской.

[2]) Село Чуйковка въ глуховскомъ уѣздѣ.

меня въ городѣ министромъ полиціи и пр. На сей щетъ, какъ кажется, имѣлъ уже я нѣсколько довольно подлыхъ посѣщеній. Царское Сѣло въ 22-хъ верстахъ, слѣдовательно, дѣло мое было скорѣе отъ оныхъ направить лыжи; а за тѣмъ правила мои не перемѣнились: таже преданность и тоже признаніе за всѣ милости его величествомъ постоянно мнѣ оказываемыя, и таже готовность служить, какъ скоро могу я имѣть удостовѣреніе, что могу службою моею быть полезнымъ.

Настасіѣ Яковлевнѣ искреннее мое почтеніе. Жена моя ей и вамъ кланяется; а я всегда былъ и пребуду сердечно вамъ преданнымъ К.

9) Мнѣ весьма прискорбно, что посѣщеніе барона Кампенгаузена, по весьма скучнымъ дѣламъ, лишило меня третьяго дня удовольствія бесѣдовать съ вами. Вчера дѣла еще скучнѣе не позволили мнѣ навѣдаться у васъ, а сегодня паки начинаю съ десяти часовъ утра хлопоты мои и опять не съѣдуся съ вами, естьли вы не пожалуете къ намъ откушать. Мы обѣдаемъ въ половинѣ четвертаго часу, и весьма будемъ рады, естьли доставите намъ удовольствіе васъ видѣть.

Пятница. Февраля 7, 1819 г.

10) Простите мнѣ, м. г. мой М. П., что такъ долго замедлилъ принести вамъ искреннее мое и жены моей поздравленіе, по случаю сговора дочери вашей.

Жизнь моя такого роду и здоровье, до послѣдней крайности разстроивающееся, мѣшаютъ мнѣ весьма часто исполнять самыя пріятныя обязаности. Въ числѣ сихъ вы и Настасья Яковлевна не усумнитеся, чтобъ не было будущее устройство дочери вашей (sic). Когда нибудь скажу я вамъ, какъ будущаго зятя [1]) вашего знаю весьма выгодно, хотя впротчемъ до селѣ я еще его не видалъ.

По стеченію весьма любопытному за зговоръ и я могу отвѣчать зговоромъ.

На сихъ дняхъ помолвили мы Наташу съ барономъ Строгоновымъ. Извѣщая васъ о семъ, мы просимъ и васъ и Настасью Яковлевну молодыхъ любить и вѣрить, что мы того искренне желаемъ, по чувствамъ нашимъ къ вамъ. Прошу однажды на всегда не имѣть на меня неудовольствія, естьли я пишу къ вамъ весьма рѣдко. Сіе не уменьшаетъ чувствъ моихъ къ вамъ и искренней преданности К.

Мая 27. 1820 г.

---

[1]) Фонъ-деръ-Бриггена или М. О. Судьенка?

11) Премного обязанъ я вамъ, м. г. М. П., за доставленіе мнѣ случая узнать Н. Ф. Бакуринскаго. Ничто не можетъ быть столь чувствительно, какъ горестное положеніе молодаго человѣка, происходящее отъ причинъ столь противуестественныхъ, каковы суть неистовое поведеніе матери. По первому разговору съ Николаемъ Өедоровичемъ, который продлилъ я по побужденіямъ чувствъ моихъ, онъ показался мнѣ съ разсудкомъ. Быть ему полезнымъ, сколько сіе отъ меня зависѣть можетъ, я поставлю себѣ въ пріятную обязанность. Въ семъ прошу удостовѣрить и Настасью Яковлевну, при изъявленіи искренней моей преданности. Пріймите и сами свидѣтельство оной и вмѣстѣ сердечнаго желанія, чтобъ вы и всѣ ваши наслаждались наилучшимъ здоровьемъ, въ понятіяхъ моихъ (непрестанно больнаго) первымъ блаженствомъ.

Графъ В. Кочубей.

С.-П-бургъ. Октября 27. 1831 г.

Будто бы домъ Богдана Хмельницкаго. Въ «Пчелѣ», 1875 г., № 30, (изд. Микѣшина) былъ помѣщенъ рисунокъ подписанный такъ: «Развалины дома Богдана Хмельницкого въ Субботовѣ. Съ наброска Шевченка». Другихъ объясненій къ этому рисунку не было. Лѣтъ черезъ десять, этотъ самый рисунокъ явился на страницахъ «Историческаго Вѣстника», (1884 г.), видимо взятый изъ «Пчелы», но безъ сего поясненія, при чемъ къ рисунку прибавленъ былъ жиденькій текстъ, тоже объяснявшій, что рисунокъ принадлежитъ де Шевченку... Не вѣря въ подлинность рисунка, такъ какъ развалины субботовскаго дома Хмельницкаго на рисункѣ 1825 г., (Истор. Мал. Россіи, Бант.-Каменск., изд. 3, т. 2, стр. 78) представлены совсѣмъ въ иномъ видѣ, тѣмъ не менѣе мы не могли ничего сказать въ его опроверженіе, видя удостовѣреніе художника-издателя «Пчелы», что рисунокъ сдѣланъ съ наброска Шевченка, а послѣдній конечно не могъ же фантазировать относительно остатковъ такой интересной старины...

Сомнѣніе наше на счетъ рисунка якобы субботовскаго дома Хмельницкаго, разрѣшилось случайно: гуляя прошлымъ лѣтомъ въ обширномъ и великолѣпномъ качановскомъ паркѣ В. В. Тарновскаго [1]), мы неожиданно набрели на «домъ Хмельницкаго» въ натурѣ, почти въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ представленъ на рисункѣ «Пчелы». «Субботовскій домъ Хмельницкаго» оказался развалинами

[1]) С. Качановка борзенскаго уѣзда.

качановскаго парка... А затѣмъ В. В. Тарновскій показалъ намъ и оригиналъ напечатаннаго въ «Пчелѣ» рисунка. Оригиналомъ оказалась писанная масляными красками картина извѣстнаго художника Штернберга, написавшаго эти развалины въ одно изъ его посѣщеній Качановки. Затѣмъ кѣмъ то былъ сдѣланъ съ этой картины карандашный эскизъ и кѣмъ то при напечатаніи его въ «Пчелѣ» былъ снабженъ заманчивою подписью...

Названныя домомъ Хмельницкаго развалины качановскаго парка вѣрятно и воздвигнуты для представленія тѣхъ «развалинъ», которыя мода XVIII в. считала необходимою принадлежностью каждаго хорошаго парка. Владѣльцами Качановки во втор. полов. прошлаго вѣка были послѣдовательно: графъ Рагузинскій и графъ Румянцевъ-Задунайскій; при одномъ изъ нихъ конечно и возникли «развалины» качановскаго парка.

А. Л.

Неудачная археологическая экскурсія Н. Д. Иванишева. Быть можетъ, ни одинъ администраторъ не увлекался въ такой степени дѣломъ открытія и собиранія историческихъ памятниковъ, какъ извѣстный кіевскій генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ. Понимая политическую важность разработки исторіи управляемаго имъ края, онъ старался привлечь къ служенію этому дѣлу даже людей, совершенно къ тому неподготовленныхъ: предводителямъ дворянства, исправникамъ и засѣдателямъ—всѣмъ вмѣнено было въ обязанность собирать свѣдѣнія о вещественныхъ и письменныхъ памятникахъ старины и о результатахъ подобныхъ разысканій доносить непосредственно самому генералъ-губернатору. Оріентируясь полученными такимъ путемъ свѣдѣніями, Бибиковъ разсылалъ затѣмъ по цѣлому краю особыхъ чиновниковъ, которымъ давалось полномочіе: осматривать правительственные и церковные архивы, проникать даже въ фамильные архивы частныхъ лицъ и, при содѣйствіи въ нужныхъ случаяхъ мѣстной администраціи, отбирать рукописи и документы, по ихъ мнѣнію заслуживавшіе вниманія, и отправлять для разсмотрѣнія въ учрежденную имъ въ 1843 г. кіевскую коммиссію для разбора древнихъ актовъ. По справедливому замѣчанію почтеннаго біографа проф. Иванишева, «Бибикову удалось вдохнуть и въ общество ввѣреннаго ему края любовь—подъ часъ, можетъ быть, и афектированную—къ исторіи и археологіи; и едва ли гдѣ нибудь такъ былъ возбужденъ интересъ къ этимъ наукамъ, какъ въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ... Исторія съ археологіей

поистинѣ были тогда модными науками въ Кіевѣ: ими увлекалось и кіевское чиновничество, и кіевскій beau-monde, ими волею-неволею увлекалось и польское дворянство. Бросились въ запуски на поиски въ краѣ памятниковъ старины» [1]).

Благодаря этому общему увлеченію, много было открыто и пріобрѣтено для науки драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ; но было не мало и забавнаго въ этихъ страстныхъ поискахъ за стариной людей несвѣдущихъ. Какіе курьезные раритеты не были тогда открываемы! Чиновникъ Лохвицкій откопалъ на спускѣ Андреевской горы ни больше ни меньше, какъ подлинный крестъ, водруженный нѣкогда апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ на горахъ кіевскихъ; другой, столь же мало компетентный археологъ нашелъ ниже м. Мошенъ мѣсто убіенія печенѣгами князя Святослава Игоревича, въ память чего тамъ воздвигнута высокая башня, и до нынѣ извѣстная подъ именемъ «Святославовой». Губернскій стряпчій С. съ усердіемъ разыскивалъ древлянскія сокровища, зарытыя, по его предположенію, во время осады княгиней Ольгой г. Коростеня, и уже добрался было до нихъ, но раздавшійся вдругъ необычайный подземный гулъ такъ устрашилъ рабочихъ, что пришлось прекратить поиски. Тогда же въ овруцкомъ у. открыты были: могила Игоря, купальня св. Ольги и нѣкоторыя другія необыкновенныя достопримѣчательности.

Уѣздные предводители дворянства, стряпчіе, исправники и пристава изъ кожи лѣзли, чтобы открыть какую либо древность и тѣмъ обратить на себя вниманіе начальства. Членамъ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ приходилось иногда отправляться въ отдаленныя командировки по поводу какихъ-либо вздорныхъ слуховъ, сообщенныхъ безъ провѣрки не въ мѣру усердными сотрудниками по археологіи. Объ одной изъ такихъ экскурсій, выпавшей на долю профессора кіевскаго университета и главнаго дѣятеля коммиссіи Н. Д. Иванишева, мы и намѣрены сообщить въ настоящей замѣткѣ.

Въ мартѣ 1850 г. ровенскій земскій исправникъ донесъ рапортомъ генералъ-губернатору Бибикову, что въ куполѣ православной церкви с. Бичаля (того же уѣзда) «по мѣстнымъ преданіямъ» хранятся какія то древнія бумаги. Увѣдомленный о томъ же волынскій губернаторъ писалъ Бибикову, что, по его мнѣнію, полезно было бы, путемъ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ, предварительно

---

[1]) Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго: „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева“, С.-Пет. 1876 г.

удостовѣриться, въ какой степени справедливо это преданіе, и если дѣйствительно тамъ окажутся какія-либо древнія бумаги, то подвергнуть ихъ разсмотрѣнію учрежденной въ Кіевѣ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Но Бибиковъ не любилъ проволочекъ. Кажется, впрочемъ, что и сами члены коммиссіи были не мало заинтригованы сообщеніемъ исправника: имъ, конечно, были извѣстны преданія о тѣхъ временахъ, когда католики и уніаты, овладѣвъ древнимъ достояніемъ православныхъ, старались истребить всякаго рода документальныя свидѣтельства исконной принадлежности данной церкви или монастыря православнымъ, и что благочестивые поборники старой вѣры тщательно припрятывали древнія книги и документы въ стѣнахъ и куполахъ церковныхъ и другихъ малодоступныхъ мѣстахъ во свидѣтельство позднѣйшимъ родамъ и въ обличеніе совершеннаго насилія. Какъ знать, не такія ли письменныя сокровища хранились и въ куполѣ Бичальской церкви! И вотъ 14 апрѣля дано было проф. Иванишеву формальное предписаніе отъ генералъ-губернатора: отправиться немедленно въ с. Бичаль и удостовѣриться лично, какія именно бумаги хранятся въ куполѣ тамошней церкви, и о послѣдующемъ донести рапортомъ. Въ тоже время посланы были предписанія волынскому губернатору и епархіальному начальству объ оказаніи надлежащаго содѣйствія проф. Иванишеву и сдѣлано распоряженіе о выдачѣ ему подорожной и денегъ на путевыя издержки. 17 апрѣля, въ понедѣльникъ страстной недѣли, онъ двинулся въ путь.

Отъ Кіева до с. Бичаля, по тогдашнимъ трактамъ, числилось 417 верстъ. Въ виду дальности разстоянія и дурнаго состоянія дорогъ по случаю весенней распутицы, почтенный археологъ не рѣшился отправиться на перекладныхъ, а нашелъ необходимымъ пріобрѣсти собственный дорожный экипажъ, за который заплатилъ 150 р. Въ то время еще не существовало кіево-брестское шоссе, а была старая грунтовая дорога по почтовому тракту на Радомысль, Житоміръ, Новоградъ-Волынскъ,. Острогъ, Ровно, и т. д. Несмотря на то, что Иванишеву всюду на станціяхъ отпускали по 4 лошади, онъ ѣхалъ цѣлую недѣлю до мѣста назначенія, неоднократно ломалъ коляску, а въ г. Острогѣ такъ основательно застрялъ на плотинѣ, что пришлось нанимать людей, чтобъ вытащить экипажъ изъ грязи. Наконецъ, послѣ всѣхъ дорожныхъ злоключеній, профессоръ прибылъ въ с. Бичаль. Жаднымъ взоромъ онъ уже издали искалъ той церкви, въ куполѣ которой скрыты, можетъ быть, неоцѣнимыя сокровища. Вотъ изъ-за крестьянскихъ хатъ и клунь блеснулъ наконецъ церков-

ный крестъ, но купола что-то непримѣтно. Ямщикъ усердно гонитъ измученный четверикъ. Еще два-три поворота на тѣсныхъ сельскихъ улицахъ—и передъ профессоромъ Бичальская церковь... но увы! лишенная и признаковъ какого-нибудь купола! Продолговатое каменное зданіе съ покатой кровлей, какъ на домахъ, а на кровлѣ, на мѣдномъ яблокѣ, утвержденъ потемнѣвшій крестъ. Старикъ мѣстный священникъ, объясняетъ разочарованному профессору, что Бичальская церковь не особенно давно передѣлана изъ католическаго костела, и ей не успѣли еще придать наружное сходство съ православнымъ храмомъ. Радужныя мечты ученаго разлетаются въ прахъ.

— Что же это вы, батенька, сочиняете какія-то «мѣстныя преданія»? накидывается онъ на сопровождающаго его пристава.

— Не могу знать, а только доложу вашему высокородію, что преданія точно существуютъ,— оправдывается смущенный приставъ.

Отправляются къ церкви; а тамъ уже собралась немалая толпа крестьянъ, привлеченная слухомъ о пріѣздѣ важнаго чиновника изъ Кіева и полицейскихъ властей изъ уѣзда. Начался распросъ относительно «мѣстныхъ народныхъ преданій», о которыхъ полиція рапортовала высшему начальству,—и что же! крестьяне при распросѣ объявили, что, по дошедшимъ до нихъ преданіямъ, какія то бумаги дѣйствительно должны находиться—только не въ куполѣ, а въ мѣдномъ яблокѣ, на которомъ утвежденъ церковный крестъ.

Нечего было дѣлать, не взирая на пасхальные дни, пришлось распорядиться относительно устройства лѣсовъ на церкви и вскрытія яблока, внутри котораго оказались завернутыя въ двѣ полусгнившія отъ сырости бумажныя обертки слѣдующіе документы:

1) Листокъ, на которомъ написано по-польски, что храмъ заложенъ 1779 г. іюня 13 и освященъ окт. 12, означено имя строителя польск. генерала Зміевскаго и имена лицъ, присутствовавшихъ при освященіи; и 2) четыре бумажныхъ листка съ начальными строками (по-польски) четырехъ евангелистовъ.

Въ самой церкви не оказалось рѣшительно ничего достопримѣчательнаго.

Исполняя въ точности данное ему предписаніе, Иванишевъ, прекрасно понимавшій, конечно, все археологическое ничтожество открытыхъ имъ въ церковномъ яблокѣ бумажекъ, взялъ ихъ съ собою и при рапортѣ представилъ генералъ-губернатору, а тотъ приказалъ передать ихъ въ коммиссію, которая препроводила ихъ епархіальному

начальству «для возвращенія по принадлежности, такъ какъ оные оказались ненужными для коммиссіи».

Зная извѣстное веселонравіе покойнаго Иванишева, легко вообразить съ какимъ неподражаемымъ комизмомъ онъ долженъ былъ разсказывать о «Бичальской экскурсіи», когда элементъ юмора проглядываетъ даже въ служебномъ рапортѣ о поѣздкѣ, поданномъ имъ генералъ-губернатору.

L.

Письмо и стихи Варлаама Ясинскаго. По выходѣ въ изданной въ Москвѣ въ 1681 г. книги Симеона Полоцкаго «Обѣдъ душевный», царь Ѳедоръ Алексѣевичъ приказалъ послать по экземпляру этого изданія гетману Ив. Самойловичу, его сыновьямъ: Симеону, Григорію и Якову, и нѣкоторымъ другимъ малороссіянамъ. Въ числѣ ихъ былъ игуменъ кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря Варлаамъ Ясинскій, что былъ впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ. Тронутый высокимъ царскимъ вниманіемъ, смиренный игуменъ отвѣтилъ нижеслѣдующимъ витіеватымъ благодарственнымъ посланіемъ.

«Божіею милостію великому государю, царю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичу и дѣдичу и наслѣднику и государу и обладателю, вашему царскому пресвѣтлому величеству, премилостивому нашему благодѣтелеви и великому государу,—азъ, смиренный богомолецъ и послѣдній нижайшій рабъ и подножіе, кіевскаго Пустынно-Ніколького монастыра недостойный игуменъ Варлаамъ Ясинскій со всею о Христѣ братіею, всесмиреннѣйшее благодарственное поклоненіе мое воздая, при всегдашнихъ молитвахъ, до лица земного припадая, чоломъ бію.

В тыя дни, егда во Виѳлеемѣ, иже есть «домъ хлѣба», предложися Хлѣбъ животный [1]), сошедый съ небесе не токмо достойнѣйшимъ лицамъ царей восточныхъ и пастырей бодрыхъ, но даяй пищу всякой плоти, человѣки и скоты спасаяй и от крупицъ трапезы своея насыщаяй, познася и от безсловесныхъ скотовъ при яслехъ: удостоилъ есмъ в. ц. пресвѣтлое величество и мою послѣднюю, аки скотскую худость причастнымъ быти пріятія «Обѣда Душевнаго», уготованного премудростію блаженнаго богомолца в. ц. пресвѣтлого вели-

---

[1]) Книга была получена во время Рождеств. праздниковъ.

чества, всечестного іеромонаха (его же честна смерть пред Господомъ) Сімеона Богомъ пріятаго [1]). Что есть человѣкъ, яко помниши его! рече пророкъ ко небесному царю. Азъ же, недостойнѣйшій и скотомъ Виѳліемскимъ уподобитися не дерзаяй, что есмь, яко ваше ц. пресвѣтлое величество помниши мя! Во дни тые, егда послася Хлѣбъ животный съ небесе, изыйде повелѣніе отъ Кесара Августа написати всю вселенную; ваше же ц. пресвѣтлое величество имаши на памяти своей написанное попеченіе яко о всей державѣ своей, такожде и о послѣднемъ рабѣ и богомолцѣ своемъ, питая симъ Душевнымъ Обѣдомъ недостоинство мое, устрашающагося благодарнѣ о чудесной милости сей. Самъ царь небесный память сотворилъ есть чудесъ своихъ, пищу далъ есть боящимся его, не забы обѣдъ послати Даніилу, сущу въ ровѣ; а ваше царск. пресв. величество не забы мя во смиреніи и недостоинсвѣ моемъ. И что воздамъ! Кое благодареніе за Обѣдъ сей Душевный сотворити возмогу! Развѣ чашу спасенія у престола Господня, молитствуя доживотне за ваше ц. пресв. величество, пріиму и имя Господне призову, да той Самъ, хлѣбъ животный, купно же и лоза истинная, укрѣпляетъ и увеселяетъ ваше ц. пресв. величество при мирѣ на земли и благоволеніи всѣхъ вѣрно повинующихся, здравствующаго в долготу дній и насыщающаго славою своею все православное свое земное царство, потомъ же и в славѣ во вышнихъ блаженъ, иже снѣсть обѣдъ во царствіи Божіи. Сіе воздаяніе да получиши! Того вседушно желая, при недостойных моихъ всегдашнихъ молитвах, с повтореніемъ благодаренія безсмертнаго, нижае стопъ святыхъ вашего царск. пресвѣтлаго величества припадати работѣнно дерзаю, сіе же о благословеніи заступника нашого святителя Христова Николая провѣщаю:

Николае, побѣдѣ тезоименитый,
Мирликіи святитель чудно нарочитый,
Побѣдою и миромъ и ликованіемъ
Благословитъ Тройческимъ симъ дарованіемъ:
В силѣ вышняго Отца побѣду являетъ,
Въ ходатайствѣ Сына миръ, въ Дусѣ утѣшаетъ.
Сице благословляетъ орла тривѣнечна,
Богомъ вѣнчанна Цара в лѣта безконечна;
Виѳлеемскихъ пастырей благословеніе (sic),
При радости слава, миръ, благоволеніе—
Того жде, Ніколае, пастыръ Мирликійскій,
Желаемъ, да исполненъ живетъ Царъ Російскій!

---

[1]) Симеонъ Полоцкій скончался 25 авг. 1680 г.

Вашего ц. пр. величества, премилостивого нашего благодѣтеля и великого государа, недостойный всегдашній богомолецъ, нижайшій рабъ и подножіе, кіевского Пустынно-Ніколского монастыра игуменъ той жде грѣшникъ Варлаамъ, со всею о Христѣ братіею.

Писанъ въ монастырѣ св. чудотворца Ніколая пустынномъ кіевскомъ, декемвріа дня 30, в лѣто отъ Р. Хр. 1681».

(Подлинникъ на листѣ бумаги, который былъ сложенъ пакетомъ и запечатанъ печатью Пустынно-Ник. монастыря, на красномъ воску, подъ кустодіею. Хранится въ Моск. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

Сообщилъ **О. Л.**

Письмо 1801 г., изъ Чернигова, о тамошнихъ новостяхъ [1]. Милостивый государь Иванъ Степановичъ. Книгу г. Бахтина я получилъ и оному ея вручу. Относительно жъ до новинокъ, то оныхъ у насъ боліе никакихъ нетъ, а толко что полученъ указъ—Полтавскаго губернатора перевести велено въ Воронежъ, а на его место въ указе не сказано никого, а догадиваются, что не перейдетли нашъ Иванъ Василіевичъ (Завадовскій?) и его место не займетли якобы Григорій Петровичъ (Милорадовичъ). Иванъ же Васильевичъ теперь въ Ширая, а Ширай [2] театръ его на плытахъ (т. е. на плотахъ) въ Кіевъ переправляетъ и уже тамо место купленно для сего. Зверхъ же сего говорятъ; что князь [3] его дочь просваталъ за какого то иностраного принца, но какую его дочь неизвестно; и говорятъ, что свадба у его будетъ въ Полтаве и онъ на ильинскую ярмонку въ Ромни будетъ, а къ намъ не заедетъ. О выборахъ и вамъ Николай Михаиловичъ (Стороженко) сообщаетъ, что оные по высочайшему утвержденію, а по

---

[1]) Изъ бумагъ умерш. А. С. Лашкевича, къ дѣду котораго и пишется письмо.

[2]) Разумѣется Дмитрій Ивановичъ Ширай, жившій въ с. Спиридоновой Будѣ (новозыбковск. уѣзда), гдѣ у него былъ и упоминаемый здѣсь театръ, актерами въ которомъ были крѣпостные крестьяне. Объ этомъ театрѣ см. любопытныя подробности у Шаликова (Путешествіе въ Малороссію, М. 1803, стр. 74-85). Въ Будѣ Шаликова особенно прельстилъ балетъ („въ балетной труппѣ нѣтъ ни одного мущины: лица ихъ представляютъ нѣкоторыя изъ танцовщицъ"). Описавъ впечатлѣнія, произведенныя на него „Терпсихориными нимфами", Шаликовъ говоритъ: „въ заключеніе скажу, что помѣщикъ Буды благотворитель: всѣ сіи плѣняющія васъ существа, о которыхъ печется онъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, извлечены имъ изъ ничтожества—то есть изъ крестьянскаго сословія.—Судите жъ какое разстояніе между теперешнею участью ихъ и тою, которая ихъ ожидала!".

[3]) Князь Ал. Бор. Куракинъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ.

докладу внутренныхъ делъ на представленіе князя, отлагаются до 6 генваря 1806 года; а въ Полтаве якобы въ авгусги месяци будуть. Гимназіи директору и бедныхъ домъ учащихся подчиненъ, а Соколовъ до выздоровленія отъ должности уволненъ съ вычотомъ жалованья; и его место заступилъ Новгорода-Сѣверскаго землемеръ Кондратовичъ. Владика [1]) отъехалъ въ Нежинъ для освященія церкви и купечества тамошнего посѣщенія; и сталъ уже промышлять и гостинчики брать, и комедію свадьбы въ Тресвяцкомъ велитъ представлять, и себя и зрителей увеселять, и винцо попиваетъ, и молодыхъ летъ время вспоминаетъ! И какой у его на сіе предметы (взглядъ?) ему то знать, а мне далше головы о семъ нѣчего ламать. Николай Михайловичъ хотелъ ехать въ Боровичи, но не знаю поедетли—обозреть его економа, который все коровье масло, боліе 30 пудъ на приказчиковъ определилъ, а у дворе ни фунта своего нетъ, а покупають. И крайне онъ его управленіемъ недоволенъ. Марантій (?) уже преподаетъ уроки, всякой денъ, чрезъ 4 часы, въ годъ, за—1000 р. И такъ все къ лутшему, а Весницкая, какъ тая баба—захотела вырвы! наврядли сама вырвется. Далее жъ не имея чего писать, свидетельствую вамъ мое почтеніе и преданность и затемъ остаюсь навсегда вашего высокородія, милостиваго государя, всепокорнейшимъ слугою Тимофѣй Калинскій. 28 мая, 1801 года. Черниговъ.

Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи. Въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины» за прошлый годъ г. О. Л. помѣстилъ два документа, свидѣтельствующія о заботахъ Петра I по улучшенію овцеводства въ Малороссіи.

Въ 1722 году въ сенатѣ было опредѣлено: «овецъ, которыя содержатся на овчарныхъ заводахъ, раздать въ тамошнихъ мѣстахъ, расположа по числу деревень на многовотчинныхъ людей, хотя бы кто и принять не захотѣлъ; овецъ этихъ и при нихъ овчаровъ содержать точно такъ, какъ ихъ содержали на заводахъ; приплодъ отъ овецъ получать имъ себѣ, а шерсть продавать на суконные заводы, которую покупать у нихъ по опредѣленной достойной цѣнѣ». Такъ какъ Петръ Великій считалъ климатическія условія Маллоросіи особенно подходящими для разведенія улучшенныхъ породъ овецъ, то, поговоривши объ этомъ въ 1722 году въ Москвѣ съ гетманомъ—

---

[1]) Викторъ Садковскій.

Скоропадскимъ, онъ послалъ чрезъ мануфактуръ коллегію указъ къ гетману, генеральному писарю Савичу и полковнику Полуботку, «чтобъ въ Малороссіи господари овецъ своихъ содержали по шленскому обыкновенію», съ приложеніемъ правилъ, какъ содержать овецъ. Слѣдствіемъ этого указа и былъ универсалъ, «во всѣ полки писанный, о заводахъ овечихъ, якіе могли бы способны быти вовною до робленія суконъ», отъ 31 августа 1722 г., за подписью полковника и наказного гетмана Павла Полуботка, генеральнаго писаря—Семена Савича и генеральнаго асаула Василія Жураковскаго, помѣщенный въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины». Къ этому универсалу приложена была инструкція отъ государственной коллегіи о содержаніи овецъ въ Малой Россіи, приведенная тамъ же, помѣченная 13 іюля 1722 г. Но главные представители малороссійской старшины, подписавшіеся подъ вышепомянутымъ универсаломъ, видно, тормозили дѣло и не выполнили воли Петра въ точности, такъ какъ 15 іюня 1724 г. былъ данъ въ Москвѣ слѣдующій указъ [1]):

«Божіею милостью мы, Петръ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ малороссійскимъ жителемъ всякаго чина и достоинства, что мы, для ползы всего нашего государства учинили суконные фабрики, на которые потребно многое число овечей шерсти, а понеже Малую Россію Богъ благословилъ, паче иныхъ краевъ нашего государства, способнымъ воздухомъ к размноженію овецъ и доброй шерсти, но токмо Малороссіяне, не имѣя искуства въ содержаніи овецъ, шерсть к суконному дѣлу негодную, хотя и множество еи, имѣютъ и за безцѣнокъ продаютъ. Того для мы в прошломъ 1722 году в Москвѣ говорили з гетманомъ Скоропатскимъ, такожъ указомъ нашимъ писано из нашей манифактуръ коллегіи к нему гетману и к генеральному писарю—Савичу и к полковнику Полуботку, чтобъ в Малой Россіи господари своихъ овецъ содержали по шленскому обыкновенію, и регулы какъ оныхъ овецъ содержать к нимъ посланы, но по се число никакого успѣху в томъ дѣлѣ в Малой Россіи нѣтъ: ибо гетманъ Скоропацкой покойной вскорѣ потомъ умре, а Полуботокъ и Савичъ, яко не доброжелателные своему отечеству и намъ (в чемъ уже и обличились), не хотѣли видѣть в дѣйствѣ повелѣнія нашего и оное утаили и никому тѣхъ не объявили регулъ,—а между тѣмъ уже некоторые великороссійскіе помѣщики, такожъ и в слобоцких полкахъ зачали по тѣмъ регуламъ

[1]) Ср. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. 18, стр. 181, сл.

содержать овецъ и от того прибыль великую противъ прежнего получаютъ, такъ что продаютъ шерсть по два рубли по две гривны и болши, а по прежнему содержанію овецъ токмо по полтинѣ и по двадцати алтынъ пудъ в продажу идетъ. А Малая Россія той ползы по се время не имѣетъ, того для мы паки нынѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ всѣмъ малороссійскимъ жителемъ овецъ своихъ содержать по регуламъ, каковы дадутся из нашой малороссійской коллегіи, и шерсть продавать на наши суконные фабрики и тою прибил'ю ползаватся, за что мы каждого из малороссійскихъ жителей кто с прилѣжаніемъ в томъ будетъ трудится, послѣдуя нашему повелѣнію и для своей ползы, обнадеживаемъ нашею императорскою милостью, а майстеровъ, которые будутъ каждаго наставлять в содержаніи по тѣмъ регуламъ овецъ и надсматривать, велѣли мы оной же коллегіи содержать на нашемъ жалован'е. Подлинное объявленіе подписано— собственною Его Императорского Величества рукою тако

Петръ.

Особенность этого указа та, что, хотя онъ данъ въ Москвѣ 16 іюня 1724 г., но отпечатанъ въ Троицкой черниговской типографіи, какъ помѣчено, 1 августа 1724 г.

Къ этому указу былъ приложенъ и „регламентъ о содержаніи овецъ въ Малой Россіи“, копія съ «предложенія» 1722 г., помѣщеннаго въ «Кіев. Стар.» «Регламентъ» подписанъ Василіемъ Новосилцовымъ, княземъ Юріемъ Гагаринымъ, княземъ Семеномъ Шейдяковымъ, Исидоромъ Есиповымъ, и отпечатанъ въ кіево-печерской типографіи 1724 г. **Н. Стороженко.**

Сатира на пановъ въ началѣ 60 годовъ. 19 февраля 1861 года, день, который на вѣки остается памятнымъ и знаменательнымъ въ жизни русскаго народа, далеко не всѣми былъ встрѣченъ тогда сочувственно, т. к. по человѣческой слабости не легко разставаться вообще съ давнимъ, установившимся способомъ жизни, а тѣмъ болѣе— при условіи доставленія этимъ способомъ матеріальныхъ выгодъ. Едва ли—не болѣе другихъ, а ужъ во всякомъ случаѣ—не менѣе, тяжелымъ и непріятнымъ этотъ день показался польско-шляхетскому сословію въ юго-западномъ краѣ, гдѣ такъ перепутались отношенія сословныя съ національными, что не сразу отыщешь конецъ однихъ и начало другихъ. Понятно, поэтому, что сѣтованіямъ и нареканіямъ въ этой средѣ не было конца и ранѣе манифеста, и послѣ него. Однако лучшими людьми изъ той же польской аристократіи вполнѣ

понималась тогда вся неестественность крѣпостнаго состоянія, а также и весь цинизмъ нападавшихъ на актъ «освобожденія». Это можно видѣть изъ одного сатирическаго польскаго стихотворенія, въ началѣ 60-хъ годовъ довольно распространеннаго въ устной передачѣ, но теперь совершенно позабытаго. Стихотвореніе это имѣется у насъ въ рукописномъ экземплярѣ подъ заглавіемъ «Lament Skwirski, legenda ukraińska».

I. Narodził się zły Antychryst;
Wszystkę szlachtę przybrał w kupę, (2)
Zabronił bić chłopa w .... (2)
Dał mu ogród i chałupę
I co zwierzem był od wieka
Z chama stworzyć chce człowieka.

—

II. Narodził się zły Antychryst;
Szlachta skwirska aż omdlewa, (2)
Berdyczowska łzy wylewa, (2)
Radomyślska wielce gniewa
A Humańscy humaniści
Pogłupieli z nienawiści.

—

III. Narodził się zły Antychryst,
Dzisiaj górą plemię Chama, (2)
Na oścież piekelna brama (2)
Natura wzdryga się sama,
Bez pana, bez ekonoma—
To Gomora i Sodoma.

—

IV. Narodził się zły Antychryst;
Na dokoła strach i zamęt, (2)
Słyszne jedno płacz i lament, (2)
Szlachta pisze swój testament;
Co napisze to przekryśli,
Tak jej zmiana nie po myśli.

—

V. Narodził się zły Antychryst;
Wionął na nas duch zachodni, (2)
Chłopi mają być swobodni, (2)
Naród przez lud się odmłodni,
A tem zródłem odmłodzenia
Szlachecka ma być kieszenia.

—

VI. Narodził się zły Antychryst;
Przetrwaliśmy wojny wrogie, (2)
Przeżyliśmy mory srogie, (2)
Przebyliśmy klęski mnogie,
Daremszczyzny nam odjęto,
Zakazano robić w swięto.

—

VII. Narodził się zły Antychryst;
Ukraino, kraju żyzny! (2)
Coż ty poczniesz bez pańszczyzny? (2)
Jak ty zwykniesz do golizny?
Bez pańszczyzny i bez bata
Tož to istny koniec świata!

—

VIII. Narodził się zły Antychryst;
Słyszmnie,szalachto w Ukrainie,(2)
Termin przechodu nie minie, (2)
A ty będziesz pasła swinie,
Zginiesz w nędzy i sieroctwie,
Pamiętaj o mém proroctwie.

—

IX. Narodżił się zły Antychryst;
Wszystkie szlachtę przybrał w kupę (2)
Zabronił bić chłopa w .... (2)
Dał mu ogród i chałupę,
I co źwierzem był od wieka
Z chama stworzyć chce człowieka[1])
Amen.

---

[1]) *Переводъ* I. Родился злой антихристъ. Всю шляхту собралъ въ кучу, запретилъ сѣчь мужика, далъ ему огородъ и хату, а того, кто былъ отъ рожденія звѣремъ, хама, хочетъ пересоздать въ человѣка.

Отрывки изъ этого стихотворенія, безъ указанія автора, были напечатаны въ Основѣ (1861 г. № 11—12) въ корреспонденціи Ѳадея Рыльскаго подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о дворянахъ праваго берега Днѣпра». Тутъ сказано, что стихотвореніе это было общеизвѣстнымъ въ то время въ Правобережьи, но конечно—только въ устномъ пересказѣ, а не въ печати, и весьма вѣроятно—прибавимъ мы—безъ указанія имени автора.

Мы не ошибемся, если съ увѣренностью скажемъ теперь, что это стихотвореніе принадлежитъ перу небезъизвѣстнаго польскаго писателя Александра Вериги-Даровскаго, съ своими произведеніями выступавшаго въ печати, главнымъ образомъ, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Этотъ человѣкъ, имѣвшій много странностей какъ въ характерѣ, такъ и въ поступкахъ, ждетъ еще своего біографа, т. к. намъ извѣстны пока краткія статьи о немъ біографическаго характера, написанныя вскорѣ послѣ смерти его въ видѣ некрологовъ, какъ напр. Kłosy, 1884 г., № 468—стат. Josefá Rolle; Niwa 1882 г.—ст. «Z teki autografów przez dr. Antonego I... и нѣкоторыя

II. Родился злой антихристъ. Шляхта сквирская упала въ обморокъ, бердичевская слезы проливаетъ, радомысльская очень сердится, а уманскіе гуманисты поглупѣли отъ злости.

III. Родился злой антихристъ, пошло въ гору хамовъ племя. Настежь врата адовы; сама природа содрогается: Безъ пана, безъ эконома—это Гомора и Содомъ.

IV. Родился злой антихристъ, повсюду страхъ и смятеніе, слышны только рыданія и вопли.. Шляхта составляетъ духовное завѣщаніе,—что ни напишетъ, то перечеркнетъ; такъ ей не попутру перемѣна.

V. Родился злой антихристъ, повѣялъ на насъ духъ запада: холопамъ предстоитъ свобода, нація возродится при посредствѣ народа, а источникомъ возрожденія послужитъ шляхетскій кошелекъ.

VI. Родился злой антихристъ. Переживали мы грозныя войны, переживали страшные моры, множество бѣдствій перенесли,—и теперь отняли у насъ добавочные дни барщины, запретили гонять на работу по праздникамъ.

VII. Родился злой антихристъ. Украина, благодатная страна, какъ обойдешься ты безъ барщины, какъ привыкнешь къ голытьбѣ? Безъ барщины и плети—вѣдь это истинно скончаніе міра.

VIII. Родился злой антихристъ. Услышь меня, украинская шляхта: Не успѣетъ окончиться переходной періодъ, а ты уже обратишься въ свинопасовъ, погибнешь въ нищетѣ и отчужденіи. Помни пророчество мое!

IX. Родился злой антихристъ. Собралъ въ кучу всю шляхту, запретилъ сѣчь мужика, далъ ему огородъ и хату и того, кто звѣремъ былъ отъ рожденія, хама хочетъ пересоздать въ человѣка.

другія. Изъ этихъ статей, между прочимъ, выясняется та черта его литературной дѣятельности, что онъ, будучи очень плодовитымъ писателемъ, едва ли десятую часть написаннаго сдѣлалъ гласнымъ; при чемъ и изъ этой десятой части очень многое можно считать не переданнымъ читающей публикѣ, такъ какъ А. Верига-Даровскій любилъ писать *для немногихъ*: онъ отпечатывалъ свои произведенія въ нѣсколькихъ экземплярахъ для пріятелей, и слѣдовательно—книжные магазины ихъ у себя никогда и не имѣли. Если прибавить къ этому, что никогда онъ не подписывалъ своего имени подъ произведеніями, а выпускалъ ихъ въ свѣтъ или подъ псевдонимною подписью (Artemiusz, Mizantrop, Czomber, Duda, Solecki), или совсѣмъ анонимно,—то совершенно понятно будетъ, почему всякая справка о немъ библіографическаго характера можетъ представить интересъ. Помѣщая въ данномъ случаѣ стихотвореніе «Lament Skwirski», мы думаемъ, что не нарушаемъ требованій интереса новизны въ сообщаемыхъ матеріалахъ, т. к. едва ли много найдется знакомыхъ съ этимъ стихотвореніемъ.

Въ ряду сочиненій А. Вериги-Даровскаго, списокъ которыхъ см. въ ст. д-ра Антонія I., мы нашли указаніе и на данное стихотвореніе «Lament Skwirski, legenda ukraińska, wierszem, bez wymienienia miejsca i roku, w 8-ce, kart 2. Odbita w Brukselli w 1862 r., napisana o trzy lata wcześniej». Такую справку даетъ г. Ролле въ своей статьѣ въ «Klosy». Въ статьѣ доктора Антонія I. (Niwa 1882 г.) находимъ извѣстіе, что онъ въ памятную эпоху освобожденія крестьянъ сталъ на сторону прогрессивныхъ элементовъ края и съ особенной силой нападалъ всегда на мнимыхъ либераловъ. Чаще всего это выражалось въ письменной формѣ; одно только подобное произведеніе было напечатано, именно—«Lament Skwirski», изданное въ пяти видахъ, отличающихся цвѣтомъ бумаги. Не видѣвъ этого печатнаго изданія, а основываясь только на упомянутыхъ справкахъ, мы могли бы предположительно сказать, что имѣющееся у насъ въ рукописи стихотвореніе есть именно произведеніе Вериги-Даровскаго. Но оказывается въ статьѣ доктора Антонія еще одинъ маленькій матеріалъ, который устраняетъ всякія сомнѣнія и позволяетъ съ полной доказательностью отождествить эти произведенія. Матеріалъ этотъ—приложенныя въ концѣ статьи письма Вериги-Даровскаго, при чемъ въ одномъ изъ нихъ (изъ Кіева 1771 г. 11 февраля) читаемъ, что въ комитетѣ, совѣщавшемся по крестьянскому вопросу, изъ уѣзда л... засѣдали магистръ правъ и докторъ медицины; оба они оказались

ретроградами, хотя такъ хорошо вначалѣ зарекомендовали себя людьми прогрессивными и либеральными, что самого Даровскаго обманули, и онъ считалъ ихъ таковыми; впрочемъ, за такую мистификацію не кстати онъ имъ отомстилъ тѣмъ, что въ многочисленномъ мужскомъ обществѣ, читая «Lament Skwirski», вмѣсто повторенія перваго куплета въ концѣ, прочелъ съ особеннымъ выраженіемъ слѣдующій куплетъ:

Narodził się zły Antychryst,
Lecz są u nas dwa łepaki,
Lecz są u nas dwa łepaki,
Ten do głowy, ów do s....
Ten do głowy, ów do s....
Choć swiecili przedtem baki,
Wszakoż źładzą sprawę krzywą
Paradoksem, lewatywą [1]).

Этотъ куплетъ является несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что печатаемое нами стихотвореніе «Lament Skwirski» принадлежитъ перу Вериги-Даровскаго.

В. Науменко.

---

[1]) Родился злой антихристъ, но есть у насъ два мастака, одинъ по части головы, другой по противоположной. Пускали они раньше пыль въ глаза, но съумѣютъ наладить неправое дѣло: одинъ парадоксами, другой — клистирною трубкой.

М
Ш
Г
Г

Михайло Бороховичъ
гадяцкій полковникъ.
1687—1704.

(Къ портрету).

Въ первый разъ Михаила Бороховича встрѣчаемъ въ 1672 г., на урядѣ гадяцкаго обознаго; затѣмъ, онъ получилъ, тамъ же въ Гадячѣ, полковничій урядъ еще при Самойловичѣ, замѣнивъ его племянника Михайла Самойловича. Черезъ полгода послѣ избранія своего въ гетманы, Мазепа далъ Б—чу подтвердительный универсалъ на полковничество,—„видячи мы п. Михайла Б—ча старинность и въ статечныхъ поступкахъ досконалность, розумѣемъ его на урядъ полковництва гадяцкаго бути годного, сподиваючися (надѣясь) по немъ, же и въ дальшій часъ въ тѣхъ своихъ статечныхъ поступкахъ и годныхъ войсковыхъ працяхъ, не будетъ отмѣненъ; зачимъ яко заховуемъ его п. Мих. Б—ча цѣло и ненарушно на томъ урядѣ гадяцкаго полковництва и симъ универсаломъ нашимъ ему тотъ урядъ подкрѣпляемъ и пилно приказуемъ, абы кождый ему, п. Мих. Б—чу, чинилъ всегда, яко старшому своему, пристойную учтивость и пошанованье (уваженіе) и, подлугъ давной войсковой обиклости, належитое отдавалъ послушенство, знаючи тое, же онъ п. Мих. Б—чъ мѣетъ отъ насъ цѣлое и зуполное змиценье (власть) добраго шановати (уважать), а преступного безъ фолиги (безъ снисхожденія) карать“. Будучи въ Гадячѣ въ 1690 г., Мазепа

подтвердилъ универсаломъ Михайлу Б. прежнія его маетности: м. Лютеньку, разные лѣса, отъ отца ему доставшіеся, м. Борки, с. Тарасовку и разныя мельницы. Служилъ Б—чъ полковникомъ до смерти, послѣдовавшей въ 1704 г., въ польскомъ походѣ.

Исторія семьи Михайла Б—ча подробно разсказана въ завѣщаніи его вдовы, писанномъ въ 1724 г., изъ котораго и приводимъ здѣсь наиболѣе интересныя мѣста. „Жила я по закону божію, въ супружествѣ, за мужемъ своимъ Михайломъ Б—чемъ, немалое время и даровалъ намъ Богъ сыны и дщери и имѣніе неоскудное; но иныя дѣти еще за живота покойнаго мужа умерли, а другіе, Максимъ, Федоръ, Іоаннъ, Федосія и Марья, живы остались и послѣ смерти мужа. Изъ имѣній одни достались намъ послѣ родныхъ нашихъ, а другія—мы пріобрѣли своими трудами; а маетности, м. Лютенку съ приселками, м. Борки съ приселкомъ Загруновкою, с. Будища съ двумя приселками, с. Тарасовку, утверждены за нами царскою грамотою, которая будучи спрятана съ иными дорогими вещами въ престолѣ церкви каменной въ м. Лютенькѣ, взята оттуда непріятелемъ шведомъ, когда я находилась въ Полтавѣ, въ осадѣ. Съ этихъ маетностей мужъ мой еще за своего живота, съ позволенія гетманскаго, отдѣлилъ часть дѣтямъ: старшему сыну Максиму, обозному гадяцкому, уступилъ с. Будища съ двумя приселками, а другому сыну, Федору, отдалъ с. Тарасовку. Старшему зятю Павлу Рощаковскому, мужу Федосьи, отданъ былъ приселокъ Лисовка. Третьему нашему сыну, Ивану, гетманъ Мазепа самъ далъ, „зъ респекту войскового", с. Красную Луку. Мѣстечко же Лютенку и Борки зъ Загруновкою мужъ при себѣ оставилъ. Денегъ мы не дѣлили ни межъ сыновьями, ни межъ дочерями, потому что тѣ деньги были у насъ спрятаны въ погребѣ, въ дворѣ лютенскомъ. А было тѣхъ денегъ въ одномъ суденцѣ пять тысячей и чотириста червоныхъ золотыхъ; другое суденце насыпано было талярами битыми, въ якое вмѣщается четыре гарнца меду; третье суденце насыпано было копѣйками сребрними старыми, въ якомъ вмѣщается меду семь или и больше гарнцовъ, того не упомню, только то знаю, что два человѣка тое судно едва понести могли. Кромѣ того два суденца насыпаны были разными

деньгами: талярами, левами, полталярками, чвертками". А когда мужъ мой отъѣзжалъ послѣдній разъ въ походъ, въ Польшу, то приказалъ мнѣ (и тую заповѣдь клятвою—анаѳема утвердилъ), что если бы тамъ имѣлъ судомъ божіимъ преставиться, то я должна была тѣ деньги раздѣлить поровну межъ сыновьями и дочерями, говоря, что „одной руки равные пальцы". А одну такую часть должна была я оставить себѣ и на молитву, за душу мужа... По смерти моего мужа, въ томъ его польскомъ походѣ, сынъ мой, Федоръ, началъ было искать у гетмана Мазепы гадяцкаго полковничества и для того долгими мольбами выпросилъ у меня дать ему съ того общаго скарбу недѣленаго тысячу червоныхъ и четыреста талеровъ битыхъ. Но полковничества сынъ мой Федоръ не добился, а деньги потратилъ и ни одной копѣйки мнѣ не возвратилъ; да еще и обманулъ меня: поѣхавши къ Мазепѣ, выпросилъ у него универсалъ на мои маетности, на Борки съ Загруновкою и на Красную Луку. А затѣмъ вскорѣ и непріятель шведъ вошелъ въ нашу Малую Россію, и я съ дѣтьми отправилась въ Полтаву, и тамъ до самой баталіи въ осадѣ, находилась; а онъ, сынъ мой Федоръ, былъ при гетманѣ Скоропадскомъ. А какъ вышелъ шведъ на веснѣ, изъ Лютенки, въ ту пору Федоръ, съ сыномъ своимъ Романомъ, отправился въ Лютенку и всѣ тѣ наши деньги изъ погреба забралъ. Объ этомъ я ничего и не знала; но онъ „улѣтовавшися (сжалившись) на мою старость", далъ мнѣ съ тѣхъ многихъ тысячъ только 1500 червонныхъ золотыхъ. Послѣ этого, не поживъ и году, Федоръ умеръ и—въ тотъ день, жена его Татьяна, „съ горячего часу", показывала мнѣ и сыну моему Максиму полный сундучекъ, насыпанный мелкою сребряною монетою; но то были не всѣ деньги, червонцы она утаила, и потому тогда я не хотѣла взять сундучка съ мелкимъ сребромъ. А потомъ она, Федориха, стала отдалять срокъ отдачи и пошла во второй разъ замужъ за покойнаго бригадира слободскихъ полковъ Федора Осипова. А затѣмъ, высватавъ за сына своего Романа Федоровича, а моего внука, дочь у пана писаря генеральнаго Семена Савича, вскорѣ и умерла. А Романъ, такимъ же неправеднымъ отца и матери своей путемъ пойдя, а больше слушая совѣтовъ тестя

своего Савича, поѣхалъ съ нимъ, при покойномъ гетманѣ Скоропадскомъ, въ Москву и безъ вѣдома моего выправилъ тамъ, ходатайствомъ тестя, монаршую грамоту не только на Тарасовку и Борки съ Загруновкою, но и на половину Лютенки, но той грамоты ни мнѣ, ни сыну моему Максиму, не объявилъ... А когда внукъ Романъ умеръ, то жена его Марья Савичевна съ братомъ своимъ Федоромъ Савичемъ, только списокъ той грамоты мнѣ показали"... Далѣе старая Бороховичка разсказываетъ, какъ вдова ея внука Романа (умершаго бездѣтнымъ) завладѣла всѣмъ имѣніемъ Бороховичей, „якое могло иному полковничому соравнитися господарству", и какъ ей было жаль, что „отческіе кровавымъ трудомъ пріобрѣтенныя имѣнія напрасно тратитъ бездѣтная вдова ея внука. Пробовала было ей того не позволить, продолжаетъ полковница, и захотѣла было свое имущество у нея отобрать, но Марья Савичевна не только ничего мнѣ не возвратила, а еще два раза, съ людьми своими, на меня нападала, при встрѣчѣ на дорогѣ...

Какъ видимъ, Михайло Б—чъ оставилъ огромное богатство, нажитое за 16-тилѣтнее управленіе полкомъ. Наживалось это богатство не столько „кровавымъ трудомъ", какъ говоритъ старая полковница, сколько правомъ полковника „доброго миловати, а проступного, безъ фолиги, карати", т. е. тою почти неограниченною властью полковника, пользуясь которою, онъ всегда имѣлъ возможность попользоваться на счетъ своего полчанина, обвинивъ его въ какомъ нибудь „проступствѣ". Сохранилась слѣдующая записка его вдовы, писанная въ мартѣ 1724 г., къ тогдашнимъ двумъ зѣньковскимъ сотникамъ, Василію Рожанскому и Мелетію Жадьку: „козаки сотни зеньковской, жители павловскіе, Яковъ Лѣсничій, Данило Нестеренко, Василь Паламаренко, Явтухъ Бурдало, Степанъ Строкань и вдова Игнатиха, жаловались мнѣ за свои земли (грунта), что будто бы покойный мой панъ, занимая вольныя земли, позанималъ и ихъ земли... По этой жалобѣ я возвратила имъ занятыя ихъ земли, хотя у меня и сохраняются книги, въ которыхъ записано—почему тѣ грунта стали нашими; но я возвратила имъ тѣ грунта, чтобы только эти жалобщики не тревожили костей моего мужа"...

По смерти старой полковницы, принадлежавшая ей часть Лютенки была „отписана на ея величество", какъ выморочная. Другая часть Лютенки, находившаяся въ пожизненномъ владѣніи вдовы Максима Михайловича, была передана послѣднею племяннику ея Ивану Ивановичу Косагову, лейтенанту Семеновскаго полка. Владѣніе это удержалось за Косаговымъ и въ послѣдствіи; по крайней мѣрѣ въ 1760 г. мы видимъ владѣльцемъ м. Лютенки того же генералъ-лейтенанта Ив. Ив. Косагова. Наконецъ имѣнія, которыми завладѣлъ внукъ полковника Бороховича, Романъ, перешли къ маіору Юрію Федоровичу Еропкину, женившемуся на его вдовѣ Марьѣ Семеновнѣ. Ненаселенныя имѣнія Михайла Б—ча перешли въ родъ Рощаковскихъ, Бугаевскихъ и Левенцовъ, изъ которыхъ первые два были зятьями стараго полковника, а Левенецъ былъ женатъ на сестрѣ Романа Федоровича Бороховича [1]).

Приложенный къ настоящей книжкѣ портретъ Михайла Бороховича представляетъ копію (несовсѣмъ удавшуюся) съ подлинника, нынѣ принадлежащаго къ собранію В. В. Тарновскаго, а прежде находившагося въ Успенской церкви м. Лютенки, гадяцкаго уѣзда. Въ этой же церкви, построенной Мих. Б—чемъ въ 1686 г., онъ и похороненъ. Лѣтъ сорокъ назадъ, при поправкѣ церкви, былъ открытъ гробъ Бороховича—въ склепу, висящимъ на желѣзныхъ цѣпяхъ. Изъ вскрытаго при этомъ гроба былъ вынутъ „цѣлостно и невредимо сохранившійся шелковый красный персидскій поясъ" Б—ча, который затѣмъ былъ „употребляемъ весьма часто при священнослуженіи" [2]).—Разсказываютъ, что когда портретъ Б—ча находился въ лютенской церкви, то при обхожденіяхъ вокругъ храма съ иконами, носимъ былъ и портретъ его „фундатора"...

А. Л.

---

[1]) Русск. Арх., 1875 г.

[2]) Полтавск. Губ. Вѣд., 1850 г., № 11, стр. 111.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. II. Древности скиѳо-сарматскія. Съ 147 рисунками въ текстѣ. Спб. 1889 г., in. 8°б. стр. 160.

По поводу перваго выпуска настоящаго изданія мы на страницахъ «Кіевской Старины» (1889, май—іюнь) обратили вниманіе на нѣкоторую непослѣдовательность гг. составителей въ раздѣленіи южно-русскихъ древностей на классическія, хранилищемъ коихъ они почитаютъ преимущественно Босфорское царство, и скиѳо-сарматскія, находимыя въ предѣлахъ т. н. Геродотовой Скиѳіи. Съ выходомъ въ свѣтъ второго выпуска съ большею еще ясностью обнаруживаются недостатки такого способа обозрѣнія предмета. Правда, гг. составители замѣчаютъ, что «систематическое разслѣдованіе нѣкоторыхъ кургановъ и могильниковъ обнаружило во всей ясности самостоятельный типъ скиѳскихъ древностей, и по содержанію ихъ, и по стилю выдѣляющихся рѣзко изъ области классическихъ древностей южной Россіи» (стр. 134). Но дѣло въ томъ, что свое обозрѣніе т. н. классическихъ древностей южной Россіи графъ И. И. Толстой и проф. Н. П. Кондаковъ заключали такими словами: «внѣшняя оболочка, сообщаемая античнымъ искусствомъ всѣмъ идеямъ и формамъ жизни, будучи наброшена какъ художественный покровъ на оригинальное содержаніе, служила доселѣ предметомъ строго-научнаго сравнительнаго изученія. Задача будущаго приподнять этотъ покровъ и вскрыть подъ художественной формой и миѳологически-условными типами сокровенное содержаніе жизни, народныхъ интересовъ и религіозныхъ воззрѣній древняго населенія южной Россіи» (вып. I, стр. 113). Теперь о древностяхъ скиѳо-сарматскихъ гг. составители говорятъ почти то же: «становится яснымъ, что греческое искусство, принесенное въ

колоніи южной Россіи, послужило лишь внѣшнею оболочкою для ея населенія, самостоятельнаго какъ въ быту, такъ и въ выраженіи завѣтныхъ вкусовъ и идей» (вып. II, стр. 134). Такимъ образомъ классическія и скиѳо-сарматскія древности должны быть различаемы не по нахожденію ихъ въ той или другой мѣстности южной Россіи, но по свойственнымъ имъ осебенностямъ въ техникѣ, въ содержаніи изображеній и пр. Гг. составители находятъ при настоящемъ состояніи знаній преждевременнымъ «сводить въ одно цѣлое памятники скиѳской древности». Мы полагаемъ, что дальнѣйшіе успѣхи археологіи и другихъ параллельныхъ дисциплинъ приведутъ не только къ слiянiю воедино разнообразнаго и разнороднаго содержанія т. н. скиѳскихъ, или скиѳо-сарматскихъ древностей, сколько къ расчлененію его и детальному анализу. Только послѣ такой предварительной работы возможны будутъ научныя обобщенія не въ смыслѣ сведенія разнородныхъ предметовъ въ одно цѣлое, но распредѣленія богатаго матеріала на группы, изъ коихъ каждая представитъ болѣе или менѣе обширное цѣлое, объединенное суммою общихъ признаковъ. Начало такой работѣ положено старательными изысканіями отдѣльныхъ т. н. скиѳскихъ кургановъ; оно имѣется и во 2-омъ выпускѣ «Русскихъ Древностей».

Къ сожалѣнію, авторы отвели слишкомъ мало мѣста этой объяснительной, самостоятельной разработкѣ предмета. Оттого предлагаемыя въ «Русскихъ Древностяхъ» обобщенія имѣютъ большею частью характеръ брошенныхъ мимоходомъ замѣчаній, провѣрять и подтверждать которыя предоставляется самому читателю. Таково, напримѣръ, слѣдующее замѣчаніе: «греческое искусство, являвшееся съ полнымъ арсеналомъ разнообразной утвари и художественной обстановки въ предѣлахъ самыхъ колоній и представляя тамъ собою главный факторъ жизни, за границею этихъ немногихъ городковъ исполняло роль только служебную и мелѣло, сталкиваясь съ широкимъ потокомъ издѣлій вполнѣ своеобразныхъ и по назначенію, и по техникѣ. Вся масса этихъ вещей, являющихся по преимуществу предметами личнаго, мужскаго и женскаго, а также конскаго убора, не составляетъ однако самостоятельнаго искусства въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ тѣсно примыкаетъ къ обширному варварскому искусству Средней Азіи и Сибири и является лишь его характерною вѣтвью». Читатель вправѣ ожидать, что въ сочиненіи о скиѳо-сарматскихъ древностяхъ главное вниманіе и будетъ сосредоточено на возможно болѣе точномъ выясненіи этого «варварскаго» типа южно-русскаго искус-

ства, на разграниченіи составныхъ элементовъ въ отдѣльныхъ предметахъ его и т. п. На стр. 148 гг. составителямъ удается фиксировать стиль и характеръ того предмета, который долженъ стать точкою отправленія для сужденій о состояніи искусства у европейскихъ скиѳовъ.

Предметъ этотъ—золотая пластинка съ ноженъ меча изъ Куль-Оба, обличающая работу скиѳскаго мастера, работавшаго подъ вліяніемъ греческихъ мастеровъ и остававшагося вѣрнымъ общимъ художественнымъ пріемамъ древней Ассиріи и Персіи. На слѣдующихъ страницахъ перечисляются другіе предметы изъ куль-обскаго и иныхъ кургановъ того же стиля и принадлежащіе также мастерскимъ скиѳовъ. По темѣ изображенія раненнаго оленя и по ажурности полосокъ, нашивавшихся на кожаныя одежды и на башлыки, предметы эти примыкаютъ къ сибирскимъ древностямъ. Но уже на 153 стр. кончается характеристика варварскаго, скиѳскаго стиля, а одна, послѣдняя посвящена выясненію признаковъ сарматскихъ древностей. Къ числу собственно варварскихъ издѣлій гг. составители относятъ котлы или казаны на ножкѣ, употреблявшіеся для варки пищи въ кочевомъ быту. Многочисленные экземпляры такихъ сосудовъ найдены въ Сибири; доселѣ они употребляются монголами, киргизами, туркменами, а потому имъ приписывается урало-алтайское происхожденіе.

Больше вниманія отведено тѣмъ скиѳскимъ сосудамъ и инымъ древностямъ, которыя явились результатомъ примѣненія греческаго искусства къ потребностямъ и мотивамъ туземнымъ. Первое мѣсто въ ряду такихъ предметовъ отводится по всей справедливости серебряному сосуду изъ чертомлыцкаго кургана, богато украшенному бытовыми сценами на фризѣ, группами оленей и грифономъ надъ фризомъ, изображеніями листьевъ и цвѣтовъ, голубей и журавлей на туловищѣ вазы. Сюда же относятся нѣсколько другихъ сосудовъ изъ куль-обскаго кургана, золотая пластинка отъ налучья, рукоять меча, золотая пластинка отъ ноженъ меча изъ кургана чертомлыцкаго. «Сборный характеръ скиѳскихъ предметовъ роскоши открывается чистымъ греческимъ стилемъ на ножнахъ этого меча».

Краткой объяснительной части предшествуетъ описательная (стр. 84—134), знакомящая читателей съ отдѣльными предметами скиѳскихъ древностей, найденными въ курганахъ: куль-обскомъ, луговой или александропольской могилѣ, черемесовскихъ курганахъ, толстой могилѣ, чертомлыцкой, томаковской, цимбаловой, семибратней и др., раскопанныхъ и изслѣдованныхъ г. Забѣлинымъ, барономъ

Тизенгаузеномъ, г. Люценкомъ, граф. Бобринскимъ и др. Свѣдѣнія о предметахъ излагаются по курганамъ въ видѣ извлеченій изъ отчетовъ о произведенныхъ раньше раскопкахъ; въ такомъ видѣ излагаемыя свѣдѣнія эти, разумѣется, имѣютъ значеніе сыраго матеріала, но не болѣе. Читатель напрасно искалъ бы здѣсь какой либо руководящей идеи, опредѣляющей самый подборъ описываемыхъ предметовъ. Оттого предлагаемое гг. составителями описаніе предметовъ выходитъ и не въ мѣру обстоятельнымъ, детальнымъ, утомительнымъ для читателя и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко неполнымъ. Многія раскопки сообщаются въ видѣ краткихъ упоминаній безъ перечисленія отдѣльныхъ предметовъ, такъ что при всей видимой полнотѣ читатель не получаетъ подобающаго представленія о добытыхъ до сихъ поръ результатахъ изысканій т. н. скиѳскихъ могилъ; читателю не дается даже указаній на другія хранилища «скиѳскихъ» древностей помимо Эрмитажа, предметамъ котораго и посвящено почти исключительно все вниманіе гг. составителей.

Ни въ этой части, ни въ остальныхъ, мы не находимъ необходимыхъ объясненій ни самыхъ терминовъ «скиѳы», «скиѳскій», «скиѳскія древности», ни по возможности точныхъ указаній на топографію «скиѳскихъ» кургановъ и «скиѳскихъ» древностей; ибо послѣдняго рода указаніями нельзя считать слишкомъ общаго поименованія предѣловъ, въ какихъ находятся скиѳо-сарматскіе курганы (стр. 84). Что разумѣютъ гг. составители подъ скиѳскими курганами, каковы признаки, отличающіе ихъ отъ другихъ видовъ насыпей, интересныхъ для археолога, по какимъ признакамъ тѣ или другіе находимые въ курганахъ предметы зачисляются въ категорію скиѳскихъ? Отвѣтовъ на эти и подобные, основные вопросы гг. составители не даютъ читателю. Между тѣмъ, «ни обычаи погребенія, ни сожженія праха, ни устройство склеповъ въ мѣстахъ, гдѣ склоны скалистыхъ холмовъ доставляли обильный камень, или земляныхъ могилъ, прикрытыхъ дубовыми брусьями и лубкомъ, не могутъ руководить опредѣленіемъ эпохъ, представляемыхъ этими курганами. Самое содержаніе могилъ, коль скоро могила не выходитъ изъ общаго ряда варварскихъ и въ частности кочевыхъ, даетъ лишь самые общіе признаки быта» (стр. 84). Сами гг. составители понимаютъ терминъ «скиѳскій» больше въ смыслѣ условномъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ выраженія «т. н. скиѳскіе курганы», «т. н. скиѳскія древности» (стр. 46, 52, 123, 125, 131 и др.). «Скиѳскіе» курганы находятся въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи, «но ни одинъ изъ из-

слѣдованныхъ понынѣ не можетъ быть отнесенъ ко временамъ Геродота» (стр. 52).

Интересныя сближенія дѣлаются гг. составителями между курганами южно-русскими и аму-дарьинскимъ въ Средней Азіи. «Кладъ интересенъ», замѣчаютъ гг. составители, «какъ по своему составу, такъ какъ многія вещи въ немъ вполнѣ схожи съ находимыми въ курганахъ южной Россіи, съ одной стороны, и съ сибирскими древностями съ другой, такъ и по мѣсту находки, наиболѣе восточному изъ всѣхъ мѣстъ находокъ «скиѳскихъ» древностей и единственному, могущему быть пріуроченнымъ къ азіатскимъ скиѳамъ» (стр. 129). На близость скиѳскихъ древностей къ сибирскимъ не разъ указываютъ авторы, наприм., 104, 107, 116, 150, 153 и др.

Итакъ, «скиѳскіе» курганы не принадлежатъ геродотовскимъ скиѳамъ. Въ этихъ курганахъ не найдены доселѣ ни обоюдоострыя сѣкиры, ни чаши для ношенія у пояса, упоминаемыя Геродотомъ; не найдено никакихъ слѣдовъ тѣхъ жертвоприношеній лошадьми, которыя съ такими подробностями описаны у отца исторіи (IV, 5, 70, 10, 72). Кромѣ того, богатѣйшіе и типическіе скиѳскіе курганы чертомлыцкій и куль-обскій, чуть не тождественные между собою во многихъ содержимыхъ предметахъ, пріурочиваются гг. составителями ко II—I в. до Р. Х. (стр. 113); предметы обоихъ кургановъ частью варварской, частью греческой работы, а Куль-Обская накладка отъ ноженъ принимается даже за точку отправленія при обозрѣніи варварскаго, скиѳскаго искусства. Налучье *скиѳскаго* царя изъ чертомлыцкаго кургана греческой работы (143), а въ куль-обѣ погребена *сарматская* царица (стр. 110)... Очевидно, скиѳы археологіи совсѣмъ не тѣ, о коихъ разсказываютъ Геродотъ, Гиппократъ и нѣк. др. писатели. По словамъ самихъ составителей съ IV—III в. до Р. Х. Геродотовскую Скиѳію занимаютъ уже на всемъ пространствѣ сарматы, представляющіе собой другой этнографическій типъ. Однако на стр. 135 мы читаемъ: «Хотя раскопки не дали доселѣ ни одного образца тѣхъ скиѳскихъ чашъ, носимыхъ у пояса, о которыхъ говоритъ Геродотъ, какъ о принадлежности кочеваго племени, и хотя затѣмъ лучшіе сосуды, найденные въ курганахъ, оказываются греческой работы, однако *всѣ находки этого рода должны считаться предметами* скиѳскаго быта и вкуса»...

Вся эта неясность и непослѣдовательность въ изложеніи происходитъ отъ того, что гг. составители не даютъ читателю никакихъ руководящихъ положеній и опредѣленій.

Не большею опредѣленностью отличаются сужденія авторовъ объ отношеніи скиѳовъ къ сарматамъ.

На стр. 54 говорится: «Принадлежность сарматовъ къ племенамъ арійскимъ не можетъ подлежать болѣе сомнѣнію, тогда какъ вопросъ о національности скиѳовъ, именно скиѳовъ-кочевниковъ и земледѣльцевъ, которыхъ Геродотъ выдѣляетъ изъ прочихъ племенъ Россіи, остается доселѣ нерѣшеннымъ. *Нѣкоторая арійская примѣсь* и въ этихъ скиѳахъ несомнѣнна, на нее указываютъ собственныя имена сходныя или созвучныя съ сарматскими, указываетъ и геродотовскій разсказъ о происхожденіи сарматовъ отъ скиѳовъ». И такъ, скиѳы и сарматы—два этническихъ типа, которые къ тому же не единовременно занимаютъ южную Россію; сарматское населеніе смѣняетъ собою скиѳское. На стр. 153 сарматскія древности составляютъ особый отдѣлъ предметовъ изъ керченскихъ некрополей, древней Ольвіи, Тамани и др. Древности эти отличаются нѣкоторыми специфическими признаками и «тѣсно связаны съ общимъ господствовавшимъ въ римскую эпоху вкусомъ». И тѣмъ не менѣе на стр. 61 читаемъ: «Важнѣйшимъ обстоятельствамъ, открываемымъ памятниками, является *полное тождество* изображеній скиѳовъ и сарматовъ. Если древности чертомлыцкаго и куль-обскаго кургановъ не могутъ быть отнесены ко времени ранѣе начала III столѣтія, и тѣмъ не менѣе должны быть сочтены памятниками скиѳскими, то ихъ тождество съ изображеніями босфорскихъ и прикубанскихъ сарматовъ должно свидѣтельствовать въ пользу племеннаго *тождества* тѣхъ и другихъ». Согласно съ такимъ воззрѣніемъ стр. 63 говоритъ о *скиѳо-сарматской* физіономіи, какъ мы видимъ ее во всѣхъ *скиѳскихъ* типахъ южно-русскихъ памятниковъ». Слѣдовательно, результаты археологіи не оправдываютъ показаній историковъ и изслѣдователей о различіи скиѳовъ и сарматовъ и о разновременности поселеній тѣхъ и другихъ на пространствахъ южной Россіи?... Все это нуждается въ разъясненіяхъ, а ихъ-то и не даютъ графъ Толстой и Н. П. Кондаковъ.

Очевидно, составители «Р. Древностей» сосредоточили свое вниманіе на другой задачѣ, выполненной дѣйствительно съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Задача эта ввести образованнаго читателя въ тотъ кругъ предметовъ, который до сихъ поръ занималъ только спеціалистовъ и любителей-археологовъ, познакомить читающую публику съ интересными во многихъ отношеніяхъ предметами сѣдой старины, съ которою обыкновенно соединяется имя скиѳовъ или сарматовъ или тѣхъ и другихъ. Благодаря старательности и вкусу, съ какими

выбраны, исполнены многочисленные рисунки въ текстѣ, благодаря точности и подчасъ живописующей яркости описанія изображенныхъ на рисункахъ предметовъ, гг. составители вводятъ въ умственный обиходъ обыкновеннаго читателя множество новыхъ предметовъ, возбуждаютъ въ немъ интересъ къ старинѣ, которая оказывается на самомъ дѣлѣ вовсе не столь ужъ далекой, недоступной и неинтересной для публики. Изящный видъ изданія при замѣчательной дешевизнѣ, обиліе прекрасно исполненныхъ иллюстрацій, мѣткость сужденій въ вопросахъ искусства, обличающая въ составителяхъ истинныхъ знатоковъ, дѣлаютъ и настоящій выпускъ изданія выдающимся и утѣшительнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Навѣрное можно предсказать, что изданіе графа И. И. Толстого и проф. Н. П. Кондакова быстро найдетъ себѣ доступъ въ книгохранилища большинства образованныхъ людей и будетъ много содѣйствовать популяризаціи свѣдѣній о до-историческомъ періодѣ юга Россіи. Но неоспоримыя достоинства изданія тѣмъ паче обязываютъ критика отмѣтить слабыя стороны труда, дабы читатель видѣлъ, что ученая работа въ области скиѳской старины должна производиться по инымъ пріемамъ и методамъ, нежели прилагаемые въ «Русскихъ Древностяхъ»

Въ этомъ послѣднемъ убѣждаетъ насъ и первая, наибольшая часть 2-го выпуска (стр. 1—83). Всѣ эти десятки страницъ не объясняютъ, а почти исключительно повторяютъ только подлежащій объясненію матеріалъ, давая его въ сыромъ, примитивномъ видѣ, къ тому же далеко не весь матеріалъ, ибо гг. составители совсѣмъ оставили въ сторонѣ лингвистическія данныя, привлекаемыя для рѣшенія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ самыхъ вопросовъ, коимъ посвящена эта часть выпуска. Такой способъ занесенія сыраго матеріала въ изданіе, назначаемое для публики, можно было бы оправдать въ томъ развѣ случаѣ, еслибы матеріалъ этотъ представлялъ собою что либо цѣльное, связанное или занимательное. Научное значеніе онъ могъ бы имѣть подъ условіемъ новизны. Ни того, ни другаго нѣтъ въ извѣстіяхъ писателей, больше всего Геродота, о географіи Скиѳіи, объ орошеніи ея, объ ея жителямъ и пр. и пр. По мнѣнію самихъ составителей, въ предлагаемыхъ извѣстіяхъ много анекдотическаго, сказочнаго, невѣрнаго, неподдающагося невооруженному критикой пониманію. Не взирая на это, составители приводятъ извѣстіе за извѣстіемъ, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ роняя при этомъ какое-либо свое замѣчаніе или поясненіе. Достаточно сказать, что повѣствованіе Геродота о походѣ Дарія на скиѳовъ называется анекдотическимъ, и тѣмъ

не менѣе оно приводится цѣликомъ и безъ всякихъ объясненій. Рѣки Геродотовской Скиѳіи не могутъ быть переведены на современную карту, и однако же всѣ извѣстія о рѣкахъ передаются словами Геродота. Изложены басни о происхожденіи скиѳовъ, разсказы о народахъ Скиѳіи и сосѣдившихъ съ ними, о киммерійцахъ, предшественникахъ скиѳовъ въ южной Россіи и т. д. Но ни одинъ изъ вопросовъ, занимающихъ въ наше время археологовъ, лингвистовъ, историковъ, разъ они касаются Скиѳіи или скиѳовъ, не подвергается научному разсмотрѣнію; составители очевидно находили даже излишнимъ ввести читателя въ эти вопросы. Тогда не зачѣмъ было предлагать сырой матеріалъ, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи наиболѣе интересные предметы скиѳскихъ древностей пріурочены не къ Геродотовской эпохѣ и не къ геродотовскимъ скиѳамъ. Большинству читателей матеріалъ въ такомъ видѣ не даетъ ничего, а знанія и интересы спеціалистовъ идутъ гораздо дальше. Къ тому же и здѣсь не безъ неточностей. На стр. 3 говорится, что во время Геродота вся масса кочевыхъ и осѣдлыхъ племенъ южной Россіи называлась скиѳами, а вскорѣ послѣ Геродота сарматами. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ Геродотъ даетъ прекрасный образчикъ выдѣленія скиѳовъ въ особую группу изъ массы племенъ, населявшихъ югъ Россіи. На стр. 12 выходитъ, будто Геродотъ считаетъ массагетовъ скиѳскимъ племенемъ. Мосхи помѣщаются на берегу Чернаго моря, тогда какъ у Геродота топографія ихъ гораздо точнѣе и пр. Текстъ выпуска заключается краткимъ перечнемъ литературы предмета, причемъ должно отмѣтить съ сожалѣніемъ умолчаніе о трудахъ Всев. Ѳ. Миллера, посвященныхъ разселенію скиѳовъ и этнографіи ихъ. *Этнографическіе слѣды иранства на югѣ Россіи и Осетинскіе этюды.* Ч. III.

Ѳ. Мищенко.

Священникъ Арсеній Рождественскій. Южнорусскій штундизмъ. Изслѣдованіе. С.-Петербургъ, 1889. Стр. 285. Съ указателемъ именъ. Цѣна 2 руб.

Г. Рождественскій недоволенъ состояніемъ современной, духовной и свѣтской литературы по вопросу о штундизмѣ. «Въ большинствѣ случаевъ—говоритъ онъ—по изслѣдованіямъ свѣтской печати штундизмъ представлялся явленіемъ свѣтлымъ, симпатичнымъ, сектанты—невинно страждущими, вызывающими общественное состра-

даніе. Духовная печать давала иную окраску сектантской жизни... Истина, конечно, лежала въ срединѣ; но до нея общественному сознанію трудно было добраться, такъ какъ общество, большею частію не заглядывающее въ духовную журналистику, знакомилось со штундизмомъ по сообщеніямъ органовъ свѣтской печати. Только научное изслѣдованіе могло бы внести въ общественное сознаніе правильное представленіе о штундизмѣ, но такого изслѣдованія до сихъ поръ еще не появлялось» (стр. 12).

Пополнить пробѣлъ — такова задача автора. Для этого онъ ознакомился съ русской журнальной и газетной литературой о штундизмѣ за время 1867—88 г., изданными ранѣе изслѣдованіями и полемическими трудами, 56 подлинными слѣдственными производствами о штундистахъ, хранящимися въ кіевской и херсонской духовныхъ консисторіяхъ, документами одесскаго братства св. Андрея Первозваннаго, имѣющаго главной задачей борьбу съ сектой, наконецъ, провелъ два мѣсяца въ поѣздкѣ на югъ: около мѣсяца пробылъ въ Одессѣ, около 10 дней въ Рясноповльскомъ приходѣ (одес. у.) и м. Любомиркѣ (елисаветгр. у.), три дня въ с. Косяковкѣ (таращ. у.), остальное время въ Кіевѣ. Авторъ имѣлъ случай бесѣдовать съ нѣкоторыми вожаками сектантовъ, но «личныя бесѣды съ сектантами не дали намъ—говоритъ авторъ—цѣнныхъ свѣдѣній, потому что сектанты скрытничали; однако время, потраченное на эти бесѣды, нельзя считать потеряннымъ. Въ бесѣдахъ узнается человѣкъ, а это весьма важно въ томъ случаѣ, если доводится писать объ этомъ человѣкѣ» (стр. 4). Благодаря своей поѣздкѣ, авторъ имѣлъ случай бесѣдовать кромѣ того съ лицами, оставившими заблужденія, и пріобрѣсть нѣкоторое знакомство съ краемъ.

Таковы условія, при которыхъ составлялось настоящее изслѣдованіе. Дѣйствительно, личныя наблюденія автора не вносятъ ничего существенно новаго для изученія штундизма, какъ въ этомъ легко убѣдиться при чтеніи книги. Чсо касается неизданныхъ источниковъ, то архивныя матеріалы давно уже заняли почетное мѣсто въ научно-историческихъ работахъ, но слѣдуетъ опасаться, что документы консисторій не вполнѣ пригодны для установленія надлежащей научности въ работѣ подобнаго характара. Изъ книги г. Рождественскаго видно, что разслѣдованія консисторій о совращеніи въ секту производились при условіяхъ, которыя не вполнѣ благопріятствовали научности позднѣйшихъ изученій въ консисторскихъ архивахъ. Книга автора представляетъ лучшія тому доказательства. Нашъ авторъ не-

рѣдко останавливается, напр., на вопросѣ объ увѣщаніяхъ упорныхъ штундистовъ консисторіями. Такъ, въ 1871 г. кіевская дух. консисторія потребовала, чтобы таращанское уѣздное управленіе выслало ей Балабана дла увѣщанія. Управленіе отвѣтило, что Балабанъ высланъ въ кіевскій тюремный замокъ 13 іюня, въ консисторію же онъ присланъ былъ только 24 августа. Явившись въ консисторію, Балабанъ заявилъ, что никогда не отступалъ отъ православной церкви, и далъ въ томъ подписку. Освобожденный затѣмъ судебнымъ слѣдователемъ, Балабанъ еще съ большимъ упорствомъ продолжалъ пропаганду, въ 1872 году вновь былъ арестованъ полиціей и преданъ суду (стр. 84). Въ 1873 г. увѣщевавшій сектантовъ въ таращанской тюрьмѣ священникъ доносилъ консисторіи, что «по мѣрѣ своихъ посѣщеній и вразумленій, находилъ ихъ болѣе упорными и ожесточенными. Въ настоящее время они находятся въ крайне возбужденномъ состояніи, дышатъ ненавистью къ духовенству и православію. Въ послѣднее время они положительно заявили мнѣ, что вовсе не желаютъ меня слушать, просили оставить ихъ въ покоѣ и «не дурыть больше своими выдумками: буде й того що досн дурылы» (стр. 94). Увѣщевавшій въ 1876 г. въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ чаплинскаго пресвитера Якова Коваля іеромонахъ Евстафій «рапортовалъ еп. начальству, между прочимъ, слѣдующее: Яковъ Коваль несговорчивъ, назойливъ, какъ оса, и на языкъ острый, какъ коса, дикій, какъ звѣрь, и стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ діаволъ во злѣ» (стр. 121). Приведенныя въ книгѣ выдержки изъ консисторскихъ дѣлъ, наряду съ различными мнѣніями властей по вопросу о мѣропріятіяхъ противъ секты, безспорно, весьма любопытны и характерны, но они ничего не даютъ для уразумѣнія собственно вѣроученія и внутренняго устройства секты, и нельзя не пожалѣть, что авторъ не нашелъ нужнымъ или, быть можетъ, не имѣлъ случая ознакомиться съ слѣдственными и судебными производствами о штундистахъ въ окружныхъ судахъ,—едва ли для этого встрѣтились бы неодолимыя препятствія. Въ книгѣ нерѣдко встрѣтить какъ бы упрекъ по адресу судебныхъ властей въ бездѣятельности и даже попустительствѣ относительно секты,—упрекъ по нашему мнѣнію, неосторожный въ научномъ изслѣдованіи, авторъ котораго не прочиталъ подлинныхъ дѣлъ суда и неознакомился съ законоположеніями, легшими въ основу судебныхъ распоряженій и рѣшеній. Должно замѣтить, впрочемъ, что авторъ по мѣрѣ силъ вуалируетъ свое личное настроеніе и мнѣнія свои высказываетъ чужими словами.

Несмотря на указанныя выше особенности, книга г. Рождественскаго заслуживаетъ вниманія. Главная заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ съ большимъ тщаніемъ собралъ и систематизировалъ изданные ранѣе печатные матеріалы и на основаніи ихъ представилъ картину штундистскаго движенія болѣе полную и наглядную, нежели встрѣчались въ литературѣ доселѣ. Можно не соглашаться съ авторомъ въ выводахъ изъ представленныхъ фактовъ, можно оспаривать полную достовѣрность нѣкоторыхъ изъ этихъ фактовъ, въ виду невозможности ихъ провѣрки, можно находить, что авторъ произвольно отдаетъ предпочтеніе однимъ свидѣтельствамъ передъ другими,—въ вопросѣ столь щекотливаго и скользкаго свойства полнаго единогласія мнѣній и быть не можетъ: мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, еще не вылившимся въ законченныя формы, находящимся въ фазѣ броженія и внутренней выработки, затрогивающимъ самыя сокровенныя глубины народнаго духа, настроенія и мысли; такъ какъ изученіе всякой секты есть въ тоже время, съ извѣстной точки зрѣнія, и судъ надъ человѣческой совѣстью, судъ, не предоставленный намъ ни божескими, ни человѣческими законами, то научное изслѣдованіе, въ данномъ случаѣ, должно воздерживаться отъ приговора, основательность котораго во всякомъ разѣ будетъ весьма проблематична. Съ такой необходимой оговоркой, нельзя не признать, что г. Рождественскій выполнилъ трудъ нелегкій и неблагодарный не безъ нѣкотораго успѣха: подобнаго рода обзоръ литературы вопроса и сводка добытыхъ данныхъ во всякомъ случаѣ принесутъ свою долю пользы.

Книга разбита на два отдѣла, трактующіе внѣшнюю исторію штундизма и его внутреннее развитіе. Въ первомъ отдѣлѣ разсмотрѣнъ вопросъ о происхожденіи штундизма и затѣмъ исторія секты отъ начала 60-хъ до 1887 года (стр. 18—165). Въ отдѣлѣ второмъ авторъ разъясняетъ вѣроученіе штундистовъ, ихъ богослуженіе, организацію штундистскихъ общинъ и бытъ сектантовъ (стр. 166—208, 243—262). Кромѣ того, авторъ посвящаетъ особую главу опроверженію вѣроученія штундистовъ на основаніи принятыхъ въ богословской наукѣ толкованій св. писанія и данныхъ преданія (стр. 209—242). Въ особомъ заключеніи авторъ излагаетъ выводы своего изслѣдованія (стр. 282—285). Изложеніе г. Рождественскаго снабжено обильными ссылками на источники и пособія, написано языкомъ яснымъ и выразительнымъ и выгодно отличается въ этомъ отношеніи отъ работъ

другихъ духовныхъ изслѣдователей подобнаго рода сложныхъ и затруднительныхъ вопросовъ.

Слѣдуя изложенію автора, укажемъ на существенные моменты въ исторіи секты, отмѣченные въ книгѣ.—По мнѣнію автора, условія, создавшія почву для штундизма, лежали частью во внутренней жизни православныхъ приходскихъ общинъ—въ религіозномъ невѣжествѣ, недовѣріи къ духовенству и пониженіи нравственнаго уровня населенія, частью внѣ ея—въ отмѣнѣ крѣпостнаго права и волненіяхъ, происходившихъ въ русскомъ, но главнымъ образомъ въ колонистскомъ (нѣмецкомъ) сектантствѣ. Православное духовенство, при извѣстныхъ условіяхъ своего быта, не имѣло возможности удовлетворять религіознымъ потребностямъ прихожанъ, а бѣдность послѣднихъ отклоняла ихъ иногда отъ посѣщенія церковнаго богослуженія. Индифферентное, нерѣдко отрицательное отношеніе къ церкви со стороны интеллигенціи также заглушало въ нѣкоторыхъ изъ православныхъ интересъ къ православію. Отхожіе промыслы, вызванные жестокимъ обращеніемъ помѣщиковъ, малоземельемъ, безземельемъ и другими причинами, приводили православныхъ въ соприкосновеніе съ элементами неблагопріятными для православія. Религіозное невѣжество православныхъ юга Россіи и въ настоящее время поражаетъ посторонняго наблюдателя. Невысокій интеллектуальный уровень православнаго духовенства, убогая матеріальная обстановка послѣдняго, заставляющая обращаться къ сельско-хозяйственнымъ промысламъ, породили недоразумѣнія между пастырями и пасомыми и умаляли уваженіе къ первымъ, въ особенности въ эпоху преобладанія въ краѣ польскаго землевладѣнія. «Но помимо этихъ условій гибельно дѣйствовали на состояніе народной нравственности: крѣпостничество, еврейство, воинская повинность, отхожіе промыслы и, такъ называемая, интеллигенція» (стр. 30). Выяснивъ вліяніе послѣднихъ условій, авторъ группируетъ данныя о заселеніи юга иностранными колонистами, характеризуетъ религіозный бытъ колонистовъ, дробленіе ихъ на секты, вліяніе на православныхъ и приходитъ къ выводу, что штундизмъ зародился въ дер. Основѣ одесскаго уѣзда, въ центрѣ нѣмецкихъ разселеній, еще въ 50-хъ годахъ (стр. 30—50). Г. Рождественскій не соглашается съ мнѣніемъ г. Харламова (стр. 13) о связи штундизма съ молоканствомъ и духоборствомъ. Нельзя не замѣтить по этому поводу, что вѣроученіе штундистовъ весьма близко къ ученію духоборцевъ и что переселеніе послѣднихъ, въ числѣ до 4000 чел., изъ Новороссіи въ Закавказье падаетъ на 1841—1845 гг., по-

чему мнѣніе г. Харламова, на нашъ взглядъ, не представляется вполнѣ голословнымъ.

Послѣ эмансипаціи возникаютъ въ херсонской губерніи сектантскіе кружки среди православнаго населенія и, подъ вліяніемъ пропаганды пастора Бонекемпера, новое вѣроученіе въ короткое время проникаетъ въ предѣлы подольской и особенно кіевской губерній, гдѣ и разливается широкимъ потокомъ. Духовенство, несмотря на содѣйствіе свѣтской власти, оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ сектой на почвѣ увѣщаній. Высшая духовная и свѣтская власти подозрѣваютъ въ новомъ вѣроученіи коммунистическія тенденціи, но такое подозрѣніе ничѣмъ не подтверждается; въ средѣ сельскихъ общинъ возникаютъ разногласія и столкновенія православныхъ съ сектантами, послѣдніе предстаютъ на судѣ, подвергаются увѣщаніямъ во время предварительнаго заключенія, но все это не ослабляетъ, а наоборотъ, усиливаетъ секту. Штундизмъ еще находится въ порѣ внутренняго уясненія, еще не отдѣляется окончательно отъ православной церкви: такое отдѣленіе наступаетъ у херсонскихъ штундистовъ лишь съ 1869, у кіевскихъ съ 1874 г. (стр. 55—98).

Отдѣлившись, подъ вліяніемъ баптизма, отъ православія и постоянно усиливаясь въ своемъ составѣ, штундисты уже перестаютъ крестить новорожденныхъ, совершаютъ браки и погребеніе черезъ избранныхъ изъ своей среды пресвитеровъ, противъ которыхъ консисторіи возбуждаютъ преслѣдованія. Подъ вліяніемъ же баптизма, секта усваиваетъ болѣе прочную организацію, несмотря на временное ослабленіе связей съ баптизмомъ подъ вліяніемъ т. наз. пашковщины. Вербовка чистыхъ послѣдователей баптизма среди штундистовъ нисколько не ослабляетъ новой секты. По мнѣнію херсонскаго губернатора, духовенство зараженныхъ штундизмомъ мѣстностей не въ силахъ было справиться съ усиливающимся религіознымъ броженіемъ, почему онъ рекомендовалъ назначеніе въ эти мѣстности «умныхъ священниковъ». Мысль эта была одобрена синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, но на практикѣ не привела къ прочнымъ результатамъ. Наряжаются спеціальные изслѣдователи секты, которые приходятъ къ выводу, что для борьбы съ нею необходимо поднятіе уровня какъ православнаго населенія, такъ и самого духовенства. Составляется проектъ въ этомъ смыслѣ, но не получаетъ осуществленія. Судебная власть, въ виду точнаго смысла существующихъ узаконеній, какъ извѣстно, ограждающихъ вѣротерпимость, затрудняется возбуждать уголовныя преслѣдованія по требованіямъ духовныхъ начальствъ. Сѣтуя

на такое неудовлетворительное положеніе дѣла, высокопр. Димитрій въ своемъ сообщеніи генералъ-губернатору Коцебу высказывалъ мысль, что вина распространенія секты не столько въ недостаткѣ способныхъ миссіонеровъ, сколько въ томъ, «что главные изъ коноводовъ, совратившихся въ ересь—доселѣ свободны и строго не наказаны, а вслѣдствіе ненаказанности дозволяютъ себѣ оказательство совращенія на значительное число православныхъ лицъ». На это министромъ юстиціи было разъяснено, что духовная власть не лишена законныхъ средствъ къ возбужденію уголовныхъ преслѣдованій, «при существованіи положительнаго убѣжденія въ оказательствѣ раскола, послужившемъ соблазномъ для православныхъ». Стоя на стражѣ закона, прокурорскій надзоръ не давалъ хода нѣкоторымъ возбужденнымъ полиціею дѣламъ о штундистскихъ пресвитерахъ. Ходатайства духовенства о высылкѣ вожаковъ секты тоже были отклоняемы министерствомъ, равно какъ и ходатайство о заключеніи сектанта Лясоцкаго въ монастырь административнымъ порядкомъ, которое при томъ же не могло быть допущено безъ испрошенія на это Высочайшаго соизволенія. Это «пререканіе» было представлено епархіальнымъ начальствомъ на усмотрѣніе святѣйшаго синода.—Наряду съ возбужденіемъ судебныхъ преслѣдованій, кіевская епархіальная власть разсылала сектантовъ для увѣщанія по монастырямъ, очевидно, этапнымъ порядкомъ. Такое мѣропріятіе лишь ожесточало увѣщаемыхъ или же порождало лицемѣріе. Явленія, подобныя описаннымъ, имѣли мѣсто и въ предѣлахъ херсонской епархіи. Преданные суду сектанты были въ 1876 и 78 гг. оправданы (дѣло Вовкажа, Ратушнаго, Балабана и др.), приговоръ суда встрѣтилъ горячее одобреніе въ свѣтской прессѣ, отзывы которой «завоевывали сектантамъ общественныя симпатіи и сѣяли къ духовной власти неприязненное чувство въ довольно значительномъ кругу образованнаго общества» (стр. 133). Въ 1883 году обратила на себя вниманіе община штундистовъ въ предмѣстьи Кіева Деміевкѣ. Основатель ея, отставной рядовой Иванъ Андреевъ, совершалъ браки, завелъ метрическія книги, но въ 1887 г. былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ орловскую губернію (стр. 138). Для борьбы съ лжеученіями въ 1880 г. было основано въ Одессѣ братство св. Андрея Первозваннаго, выдвинувшее, въ качествѣ борца противъ штундизма, херсонскаго мѣщанина Ивана Чепурнаго, бывшаго штундиста. Кіевское Свято-Владимірское братство также заботилось объ ослабленіи штундизма, выдавало пособія обращающимся въ православіе и предлагало другія мѣры, но всѣ эти средства не остановили

развитія секты, «вслѣдствіе чего высшая духовная власть приступила къ начертанію мѣропріятій, имѣющихъ мирный характеръ»,—авторъ разумѣетъ съѣздъ преосвященныхъ въ Кіевѣ 1884 г. Образованы миссіонерскіе округа, началось усиленное проповѣдываніе слова Божія, раздавались брошюры въ строго-православномъ духѣ и т. п., но «мирныя средства, употребляемыя духовной властью, не даютъ пока надлежащихъ результатовъ. Число сектантовъ годъ отъ года увеличивается... Сильная энергія миссіонеровъ, вступающихъ въ собесѣдованія съ ними, въ большинствѣ случаевъ не производитъ на нихъ должнаго воздѣйствія. При этихъ собесѣдованіяхъ сектанты оказываются крайне упорными въ своихъ заблужденіяхъ. Одинъ изъ нафанатизированныхъ сектантовъ, на убѣжденія могилевскаго миссіонера оставить свои заблужденія, кричалъ: «мучители вы наши! Что вамъ нужно отъ насъ? Оставьте, ради Бога, насъ въ покоѣ! Вы не будете отвѣчать за насъ: вы намъ благовѣствовали, а мы не принимали и не принимаемъ вашего ученія!» (стр. 163). Миссіонеры приходятъ къ заключенію, что усилія ихъ почти не имѣютъ результатовъ. Вражда между православными и штундистами выражается иногда въ крайне рѣзкой формѣ, какъ это было напр. въ с. Турбовкѣ (сквир. у.) въ 1886 году. Тогда же турбовскіе сектанты были преданы военно-окружному суду: трое сосланы на каторгу, трое — попали въ тюрьму (*Пр. автора*: «нѣтъ сомнѣнія, говоритъ проф. Н. И. Петровъ по поводу указаннаго дѣла, что этотъ судебный приговоръ надъ штундистами былъ одною изъ причинъ того явленія, что въ послѣднее время въ кіевской губ. штундисты не только пріутихли, но стали мало по малу возвращаться въ нѣдра православной церкви». Тр. кіев. дух. акад., 1887 г., № 4, стр. 607). «Въ 1887 г. вожакъ деміевскихъ штундистовъ, Андреевъ, высланъ былъ административнымъ порядкомъ въ орловскую губернію. Вожакъ игнатовскихъ штундистовъ, Антонъ Стригунъ, по ходатайству одесскаго братства (*пр. автора*: «Отч. Брат. 188$^5/_6$ г.», стр. 22), состоитъ подъ надзоромъ полиціи въ мѣстѣ постояннаго своего жительства. Такимъ образомъ—заключаетъ свой поучительный очеркъ г. Рождественскій—судебная и административная власть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ дѣлѣ подавленія секты приходитъ на помощь власти духовной» (стр. 165).

Отсылая интересующихся вѣроученіемъ и внутреннимъ устройствомъ штундистскихъ общинъ ко второму отдѣлу книги г. Рождественскаго, приведемъ заключительные выводы автора. По его мнѣнію, полное и всестороннее изслѣдованіе штундизма пока еще невоз-

можно по недостатку матеріала; однако этотъ недостатокъ не можетъ служить основаніемъ къ откладыванію его разрѣшенія ибо «мало-ли въ исторической наукѣ ставилось и разрѣшалось такихъ вопросовъ, матеріалъ для изслѣдованія которыхъ былъ незначителенъ... Изслѣдованіе штундизма вызывалось еще и тѣмъ, что секта эта—явленіе патологическое, развитію котораго нужно противодѣйствовать. А извѣстно—какое значеніе при излеченіи всякой болѣзни имѣетъ ея діагнозъ. Для успѣшной борьбы съ какимъ-нибудь болѣзненнымъ общественнымъ явленіемъ, нужно изученіе его. Эти мысли вполнѣ приложимы и къ штундизму. На основаніи такого рода соображеній и предпринятъ настоящій трудъ» (стр. 281 сл.). Выводы свои авторъ формулируетъ въ слѣдующихъ четырехъ тезисахъ: 1) Штундизмъ явился какъ слѣдствіе пропаганды протестантизма, нашедшей себѣ воспріимчивую почву въ условіяхъ религіозной жизни нѣкоторыхъ приходскихъ общинъ. 2) Распространеніе секты и трудность противодѣйствія распространенію ея объясняются живучестью условій, вызвавшихъ ее на свѣтъ. 3) По существу своему штундизмъ является неудачной попыткой со стороны простого народа выработать, подъ вліяніемъ протестантизма, свое особое ученіе. 4 и послѣдній тезисъ: Широта и глубина нравственныхъ истинъ оказалась недоступной пониманію штундистовъ, вслѣдствіе чего ихъ нравственная доктрина отличается предписаніями узкой морали.

Подобнаго рода тезисы, сколько намъ извѣстно, никогда еще не считались научнымъ разрѣшеніемъ вопроса, какъ, повидимому, склоненъ думать авторъ, и формулируемые ими обрывки мыслей едва ли представляютъ что нибудь новое хотя бы для обыкновеннаго читателя ежедневныхъ газетъ. Сообщаемые авторомъ факты не укладываются въ узкія рамки четырехъ тезисовъ и, безъ сомнѣнія, вызовутъ дальнѣйшее изученіе вопроса: книга г. Рождественскаго значительно облегчитъ работу будущихъ изслѣдователей, которые, станемъ надѣяться, съумѣютъ благополучно миновать разные подводные камни и отрѣшиться отъ предвзятыхъ мнѣній, гибельно отражающихся на плодотворности всякаго историческаго изученія.

Н. М.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси, изданный коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ. 1888. Въ 8-ю д., стр. 4 ненум., +LIX+322.

Въ настоящій томъ, составленный подъ редакціею и съ обстоятельнымъ предисловіемъ В. Б. Антоновича, вошло шесть лѣтописей, относящихся, по заключающимся въ нимъ самостоятельнымъ даннымъ, преимущественно къ XVII столѣтію. Въ «Приложеніи» помѣщены двѣ краткія лѣтописи мѣстнаго характера и тридцать документовъ, по большей части писемъ, того же времени, которыя дополняютъ и разъясняютъ извѣстія о событіяхъ, упоминаемыхъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ. Матеріаломъ для настоящаго изданія послужили преимущественно рукописи института Оссолинскихъ во Львовѣ, откуда онѣ извлечены В. Б Антоновичемъ; о другихъ источникахъ упоминаемъ при перечисленіи статей «Сборника», въ который вошли: 1) «Лизогубовская» малороссійская лѣтопись, составленная въ 1742 г., по предположенію издателя—генеральнымъ обознымъ Яковомъ Лизогубомъ, оригиналъ которой доведенъ до 1737 г. и находится въ частномъ собраніи г. Карпенка въ Переяславѣ. Въ началѣ своемъ она представляетъ, подобно одной изъ лѣтописей, изд. Н. М. Бѣлозерскимъ, извлеченіе изъ «Краткаго описанія Малороссіи», служившаго источникомъ и Рубану, но отличается различными пріемами составителей, остановливавшихъ вниманіе не на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ первоисточника. Но и здѣсь уже есть дополненія, а къ концу XVII в. изданная нынѣ лѣтопись пользуется имъ все меньше и меньше, распространяя его подробностями и цѣлыми вставками, частью изъ другихъ источниковъ, а затѣмъ и принадлежащими ея составителю, такъ что для XVIII вѣка она уже составляетъ трудъ все болѣе и болѣе самостоятельный. 2) Лѣтопись, названная издателемъ «Кіевскою», извлечена изъ рукописнаго сборника, первоначально принадлежавшаго кіевскому войтовичу Богдану Балыкѣ (его собственныя записки начала XVII ст., оттуда же напечатаны г. Антоновичемъ въ «Кіевской Старинѣ» 1882 г., т. III), а послѣ свящ. Кощаковскому; другой же списокъ ея находится въ рукописи, принадлежащей А. М. Лазаревскому. Послѣ краткихъ извѣстій изъ древнѣйшихъ лѣтописей, она содержитъ самостоятельную мѣстную лѣтопись кіевскую 1608—1621 гг., причемъ окончаніе обоихъ списковъ разнится по содержанію. Въ этой лѣтописи заключается много новыхъ историческихъ данныхъ,

дополняемыхъ 3) Межигорскою лѣтописью, изъ того же сборника Кощаковскаго, ранѣе межигорскаго монаха. Съ 4) статьею «Сборника», дневникомъ 1625 г. о походѣ гетм. Конецпольскаго противъ козаковъ, пораженіи ихъ и заключеніи договора «Куруковскаго» или «на Медвѣжьихъ Лозахъ» (текстъ его въ «Архивѣ Ю.-З. Рос.» ч. III, т. 1)—читатели «Кіеской Старины» знакомы уже подробно по обстоятельной статьѣ г. Николайчика, разобравшаго этотъ новый матеріалъ мѣстной исторіи въ напечатанной у насъ недавно особой статьѣ (1889, т. XXVII, октябрь, стр. 59—69). 5) Лѣтопись львовскаго каноника Юзефовича, изданная ранѣе попольски Пивоцкимъ съ произвольными урѣзками, сокращеніями и перемѣнами, появляется въ латинскомъ оригиналѣ впервые, но издатель не нашелъ возможнымъ печатать ея цѣликомъ, такъ какъ начало ея представляетъ компилятивный сводъ извѣстныхъ источниковъ, а въ дальнѣйшемъ изложеніи она слишкомъ обременена подробностями спеціальнаго характера, для исторіи львовскаго католическаго архіепископства и для исторіи собственно города Львова. Извѣстіями послѣдняго рода уже и воспользовались для своихъ трудовъ мѣстные монографисты—Зимоловичъ, Ходынецкій, Зубрицкій,—церковныя, конечно, тоже найдутъ спеціальнаго изслѣдователя. Поэтому, въ настоящее изданіе включены только свѣдѣнія о событіяхъ политическихъ XVII ст. въ южной Руси, но описаніе ихъ издано вполнѣ и безъ отступленій отъ текста. Наконецъ, 6) Витебская лѣтопись, извлеченная изъ рукописей Императорской публичной библіотеки, составляетъ хронику мѣстнаго характера, составленную витебскими же мѣщанами Аворками, въ трехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Она представляетъ много извѣстій самостоятельныхъ, или же заимствованныхъ со строгимъ выборомъ и частью еще намъ неизвѣстныхъ.

Въ «Приложеніяхъ» находимъ двѣ краткія но мѣстныя червонорусскія лѣтописи, Добромильскую и монастырскую львовскихъ кармелитовъ, изъ которой цѣликомъ напечатанъ разсказъ объ осадѣ Львова и разрушеніи монастыря въ 1648 году. Ко второй осадѣ Львова, въ 1655, относятся письма Хмельницкаго къ магистрату (№ 6), сохранившіяся въ мѣстномъ городскомъ архивѣ въ подлинникахъ, и нѣсколько позднѣйшій охранный универсалъ того же гетмана, данный львовянамъ въ 1657 г. (№ 7). Договоръ поляковъ съ козаками, на Раставицѣ (№ 3), близъ Поволочи, 1619 г., предшествуетъ Куруковскому, а польско-козацкія отношенія въ промежуткѣ между обоими нѣсколько освѣщаются письмами того времени краков-

скаго каштеляна кн. Юрія Збаражскаго (№ 4). Паволочскій договоръ есть наиболѣе ранній изъ документовъ этого рода, дошедшихъ до насъ, а даже и по упоминаніямъ— ему предшествовалъ аналогичный только одинъ, на Ольшаницѣ, доселѣ намъ неизвѣстный, впервые, какъ можно думать, установившій опредѣленное число козаковъ съ запискою ихъ въ регестръ и непризнаніемъ за всѣми незаписанными козацкихъ правъ, а исключенныхъ изъ регестра обращавшій въ крестьяне. Все новыя находки въ области источниковъ этой эпохи позволяютъ надѣяться, что если не прямыми документальными данными, то хотя косвенными *современными* свидѣтельствами разъяснится темный вопросъ объ организаціи козачества въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. Намъ лично кажется, что картина ея получится совершенно иною, чѣмъ въ лѣтописныхъ южно-русскихъ сказаніяхъ и даже у большинства позднѣйшихъ историковъ и изслѣдователей, все еще принимающихъ за исходную ея точку «реформу Стефана Баторія» 1576 г., которая *въ томъ видѣ*, какъ ее сохранили козацкіе лѣтописцы и подтвердительные документы болѣе позднихъ временъ, по многимъ вѣскимъ основаніямъ можетъ быть отнесена къ числу фактовъ апокрифическихъ... Два письма 1626 г. (№ 5) документально устанавливаютъ фактъ, который ранѣе уже предполагалъ Максимовичъ, что сомнительное извѣстіе лѣтописей о побѣдѣ Б. Хмельницкаго, въ молодости его, надъ татарами, причемъ онъ «двохъ Кантемировъ поймалъ», произошло по смѣшенію имени его съ Хмелецкимъ Стефаномъ, къ которому и должно быть пріурочено.—Послѣднее приложеніе (№ 8) содержитъ въ себѣ десять писемъ королевскаго секретаря въ Львовѣ, т. е. личнаго политическаго корреспондента, Доминика Вильчка, къ Яну Собѣскому въ 1694—95 гг., о событіяхъ въ южной Руси; извѣстія относятся къ движеніямъ турокъ, владѣвшихъ тогда Каменцемъ, татаръ и противодѣйствовавшихъ имъ козаковъ Самуся и Палія. Бендерскій походъ послѣднихъ и взятіе ими Дубоссаръ, а въ особенности пораженіе «королевскихъ» козаковъ «ханскимъ гетманомъ» Стецемъ до сихъ поръ не были подробно извѣстны.

Мы постарались передать содержаніе «Сборника» только съ его формальной стороны, но не имѣемъ никакой возможности отмѣтить всѣ заключающіяся въ немъ новыя данныя южнорусской исторіи, а ихъ весьма немало, если не въ отношеніи крупныхъ фактовъ, то ихъ подробностей, нерѣдко существенныхъ и характерныхъ. Во всякомъ случаѣ, «Сборникъ» представляетъ крупный и интересный вкладъ въ число первоисточниковъ русской исторіографіи. За достоинства

самого изданія достаточно ручается научная солидность всѣхъ вообще изданій кіевской коммиссіи и почтенное имя В. Б. Антоновича. Въ концѣ книги—два указателя, именъ личныхъ и географическихъ. Неточностей въ нихъ мы не замѣтили. Сомнительнымъ намъ показалось только пріуроченіе бродовъ «Каменнаго» и «Царскаго» къ р. Роси, такъ какъ въ документѣ хотя и идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ главнымъ образомъ на переправахъ черезъ эту рѣку, но пораженіе ихъ Байбузою (фамилія земянъ винницкихъ) могло имѣть мѣсто и въ сторонѣ отъ нея, а въ такомъ случаѣ первое изъ этихъ урочищъ можетъ быть отождествлено съ нынѣшнимъ селомъ Каменнымъ Бродомъ въ звенигородскомъ уѣздѣ. Въ спискѣ именъ лицъ находимъ польскаго писателя Зеленивицкаго (такъ и въ предисл., IV), но приведенное въ сноскѣ къ тексту (20) полное заглавіе сочиненія позволяетъ предполагать подъ латинизованной формой имени и коренную «Зеленевичъ», если, конечно, на послѣднюю нѣтъ болѣе прямыхъ указаній.

Ив. Новицкій.

П. Голубовскій. Половцы въ Венгріи. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1889. Стр. 28.

Г. Голубовскій, издавшій ранѣе, кромѣ другихъ работъ, два изслѣдованія по русской исторіи («Исторія Сѣверской земли до половины XIV стол.», 1881 г., «Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII вв.», 1884 г.), въ послѣднемъ трудѣ затронулъ вкратцѣ вопросъ о поселеніи половцевъ въ Венгріи. Настоящая небольшая брошюра является цѣннымъ дополненіемъ прежнихъ изученій автора по этому вопросу и немаловажнымъ, несмотря на всю свою скромность, вкладомъ въ сокровищницу русской исторіи. Движеніе въ Венгрію кочевниковъ, игравшихъ такую важную роль въ раннемъ періодѣ русской жизни, явилось результатомъ переворота, происшедшаго въ области древнѣйшихъ и затѣмъ позднѣйшихъ русскихъ разселеній, въ степяхъ южной Руси. Обстоятельства, при которыхъ половцы явились въ чужую землю, условія ихъ новой жизни, постепенное приноровленіе къ чуждому государственному строю, видимое сліяніе съ преобладающимъ племенемъ—таковы моменты, на которыхъ сосредоточено вниманіе автора разсматриваемаго изслѣдованія, съ великой добросовѣстностью собравшаго въ разбросанныхъ и мало доступныхъ обыкновенному читателю

источникахъ крупицы истины и сгруппировавшаго эти disjecta membra въ цѣльную картину. Обработанныя г. Голубовскимъ данныя хроникъ и документовъ даютъ богатый матеріалъ для сравнительнаго изученія ранняго періода русской исторіи. Сложный и недостаточно разъясненный еще химизмъ сліянія двухъ народностей, чуждыхъ по крови и языку, то новое, что вносится въ основной типъ привходящею народностью въ отношеніи бытовомъ, антропологическомъ, въ области языка, учрежденій и народной экономіи вообще—все это вопросы высокой сложности, для полнаго уясненія которыхъ чисто-историческое изученіе недостаточно. Тѣмъ не менѣе, исторія стремится внести свою свою посильную лепту въ общую сокровищницу науки, указываетъ внѣшнія рамки и формы явленій, и въ этомъ смыслѣ заслуга историческихъ изученій должна быть признана немаловажною. Г. Голубовскій ограничился скромной задачей сгруппировать доступный ему сырой матеріалъ и, въ намѣченныхъ границахъ, выполнилъ свою задачу со свойственною прежнимъ его работамъ ясностью, полнотою и безпритязательностью.

Очертивъ данныя о раннихъ сношеніяхъ половцевъ, обитавшихъ на Руси, съ Венгріей, авторъ показываетъ затѣмъ, что кочевники въ новомъ отечествѣ были предназначены для служебной роли—защиты пограничья, изслѣдуетъ, гдѣ именно было разселено половецкое племя въ Венгріи, отмѣчаетъ политическую роль кочевниковъ въ развитіи венгерскаго государства, отношеніе ихъ къ королямъ и аристократіи, возрастающее сближеніе половцевъ съ представителями венгерской народности и весьма тщательно сводитъ имѣющіяся въ документахъ и хроникахъ скудныя данныя для характеристики внутренняго и религіознаго быта пришельниковъ на новой ихъ родинѣ. Въ 18 в. уже окончательно утрачивается знаніе половецкаго языка, и единственнымъ памятникомъ послѣдняго остается случайно сохранившееся «Отче нашъ»: потомки кочевниковъ нынѣ говорятъ по-венгерски.

Для всесторонняго изученія южно-русской исторіи брошюра г. г. Голубовскаго, повторяемъ, представляетъ драгоцѣнный матеріалъ.

Н. М.

Бѣлорусскія древности, изданныя А. М. Сементовскимъ, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго московскаго археологическаго общества. Выпускъ 1-й, съ 106 изображеніями разныхъ предметовъ древностей въ текстѣ и литографическимъ приложеніемъ Спб. 1890.

Первый выпускъ «Бѣлорусскихъ древностей» г. Сементовскаго, вышедшій на дняхъ, посвященъ описанію древностей витебской губ. и представляетъ переработку по новымъ даннымъ книжки того же автора, изданной въ 1867 г. подъ заглавіемъ «Памятники старины витебской губ».

Мы не станемъ распространяться о пользѣ изданій описанія памятниковъ древностей отдѣльныхъ областей нашей родины, такъ какъ это значило бы повторять общее мѣсто и всѣмъ теперь понятную истину, но все таки мы должны остановиться немного на взглядѣ самого автора на свою работу, чтобы выяснить, что желаетъ онъ дать. «Мы не намѣрены—говоритъ г. Сементовскій—предлагать читателю строгаго историческаго описанія памятниковъ, такъ какъ въ рукахъ нашихъ все еще нѣтъ такого запаса фактовъ, который необходимъ для того, чтобы провести точныя границы при распредѣленіи предметовъ мѣстной старины, не только по вѣкамъ, но даже по народностямъ и эпохамъ: мы желаемъ лишь сохранить для потомства тѣ немногія отрывочныя свѣдѣнія и указанія о разсѣянныхъ на всемъ пространствѣ нашей и отчасти сопредѣльныхъ губерній памятниковъ старины и собрать, по возможности, въ одно мѣсто тѣ немногія о памятникахъ этихъ замѣтки, какъ наши, такъ и другихъ писателей, кои разсѣяны въ разныхъ книгахъ и газетахъ» (стр. VII). Изъ этихъ словъ автора видно, что онъ не придаетъ строго-научнаго значенія своей книгѣ и не намѣренъ дать какихъ нибудь новыхъ выводовъ; его цѣль—собрать, по возможности полно, археологическій матеріалъ, могущій принести пользу послѣдующему изслѣдователю. Мы также не можемъ назвать строго-научной разбираемую книгу уже по одному тому, что въ ней приводится ссылка на журналъ «Ниву» (стр. 78), находится немало пространныхъ разсужденій о значеніи археологическихъ раскопокъ и т. п. Но цѣли своей «Бѣлорусскія древности», безъ сомнѣнія, удовлетворяютъ, и всякій, занимающійся археологіей и исторіей сѣверо-западнаго края, найдетъ въ нихъ немало полезныхъ указаній и свѣдѣній.

Первый выпускъ «Бѣлорусскихъ древностей» раздѣленъ на 7 главъ: 1) Могильные памятники витебской губ. 2) Замки и замчища.

3) Находки внѣ кургановъ. 4) Памятники каменнаго вѣка. 5) Камни съ древними надписями. 6) Древнія храмы витебской губ. 7) Древнія церковные предметы.

Описаніе могильныхъ сооруженій расположено авторомъ по уѣздамъ. Не безъинтересно вкратцѣ познакомиться съ нимъ. Курганы («могилы») городокскаго уѣзда могутъ быть раздѣлены на 3 вида: 1) полевые, распаханные, едва возвышающіеся надъ почвой, 2) могилы кучныя, насыпанныя одна возлѣ другой болѣе или менѣе правильными рядами, высотою отъ $1^1/_2$ до 2 арш. и окружностію отъ 5 до 8 саж. 3) могилы одиночныя, возвышающіяся на 3—10 арш. при окружности отъ 30 до 90 арш.—Типомъ кучныхъ могилъ могутъ служить Стайковскіе курганы: «одни изъ нихъ, совершенно круглые, стоятъ какъ бы особняками, иногда понѣсколько вмѣстѣ въ рядъ, при чемъ самый высшій изъ нихъ по срединѣ группы; иногда безъ всякаго, повидимому, порядка, иные, какъ бы окружены рвомъ, иные, наконецъ, продолговатые, овальные или четыреугольные, эти послѣдніе бываютъ весьма велики» (стр. 4). Типомъ одиночной могилы можетъ служить курганъ Буда (стр. 4). Курганы, находимые въ другихъ уѣздахъ витебской губ., также подходятъ подъ эти 3 указанные вида могилъ (стр. 16, 19 и др.).

Изъ могильныхъ сооруженій наибольшій интересъ представляютъ такъ называемыя городища. Форма ихъ или круглая (стр. 5, въ урочищѣ Кобылицѣ; въ городищахъ Заборищѣ и Иванихѣ, стр. 10; въ имѣніи Неведрѣ, стр. 11), или подковообразная (городище на мысѣ оз. Езерища, 11 стр.; два городища козаковской волости, стр. 33); одинъ разъ встрѣчается валъ, согнутый почти подъ прямымъ угломъ (стр. 6). Входъ въ городища или съ запада (стр. 5) или съ ю.-з. (стр. 10), чаще съ ю. (стр. 11, 33). Городища обыкновенно обводились двойнымъ валомъ и рвомъ (стр. 5, 10, 33). Окружность круглыхъ городищъ простиралась отъ 75 до 100 саж.; подковообразныхъ—отъ $^1/_4$ до $^3/_4$ версты. Глубина рвовъ отъ 1 до $1^1/_2$ саж. (стр. 5), ширина—отъ 1—2 саж. (стр. 10, 33).

Что касается эпохи, къ которой можно отнести могилы и курганы, то, судя по найденнымъ вещамъ, они принадлежатъ частью къ каменному, частью къ бронзовому вѣку (см. стр. 11, 14, 23 и др.). Могилы эти служили мѣстомъ погребенія покойниковъ. Самый способъ погребенія въ эту эпоху г. Сементовскій описываетъ такъ: «Изслѣдованные въ лепельскомъ у. курганы, какъ велики ни были, не заключали въ себѣ однако болѣе одного покойника, который обы-

кновенно лежалъ на поверхности земли; а надъ нимъ насыпанъ курганъ. Земля для этого употреблялась изъ ближайшаго могилѣ пространства. Отъ этого вокругъ могилы образовалась канава, и только въ одномъ мѣстѣ оставлено узкое пространство, вѣроятно для всхода на вершину кургана. Въ нѣкоторыхъ могилахъ трупъ положенъ поверхъ слоя угольевъ, золы и березовой коры, сохранившейся почти въ цѣлости. Направленіе тѣла всегда отъ востока къ западу, т. е. головою на западъ» (стр. 27). Нельзя не замѣтить здѣсь, что этотъ способъ насыпки кургана и погребенія вполнѣ соотвѣтствуетъ способу похоронъ, опредѣляемому раскопками въ такъ называемыхъ древлянскихъ могилахъ возлѣ г. Житомира. (См. Гамченко. Житомирскій могильникъ. Житомиръ. 1888 г. стр. 98—107).

Въ разобранной нами первой главѣ «Бѣлорусскихъ древностей» автору слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, выпустить массу легендъ и народныхъ преданій, которыя ничего въ сущности не разъясняютъ. (См. напр. стр. 3, 4, 5, 10, 11, 12, 20, 21, 24). Въ одномъ мѣстѣ самъ г. Сементовскій сознается въ томъ, что преданія, приводимыя имъ, не имѣютъ значенія для археологіи и исторіи, а если имѣютъ какое нибудь значеніе, то только какъ этнографическій матеріалъ: «Хотя разсказы эти—говоритъ авторъ—не могутъ пояснить исторической судьбы городища, но тѣмъ не менѣе они представляютъ любопытные образцы народныхъ вѣрованій, почему и помѣщаемъ ихъ на страницы нашей книги» (стр. 9). Но автору не слѣдуетъ забывать, что книга его посвящена не чему иному, какъ бѣлорусскимъ *древностямъ*. Далѣе, лучше было бы, если бы авторъ не очень долго останавливался на изложеніи мало доказательныхъ гипотезъ какъ чужихъ, такъ и своихъ (см. напр. на стр. 28 разсужденіе о томъ, какъ объяснить появленіе монеты XVII в. на челѣ скелета, погребеннаго несомнѣнно по языческому обряду).

Тѣсно къ первой главѣ примыкаютъ описанія раскопокъ и находокъ внѣ могилъ. Впрочемъ, описанія эти у г. Сементовскаго очень часто неточны. Приведемъ одинъ примѣръ: «Въ 1877 г. крестьянскія дѣти деревни Папортной, роясь въ пескѣ, нашли глиняный горшечекъ съ 5 большими и 753 малыми серебряными монетами. Въ томъ же году крестьянскій мальчикъ села Запалы... нашелъ 100 старинныхъ монетъ, именно: 90 оръ и солидовъ; 8 русскихъ копѣекъ и 2 иностранныя» (т. е. копѣйки?) (стр. 75). Правда, такая неточность зависитъ отъ неполноты оффиціальныхъ донесеній витебскаго статистическаго комитета; но автору, намъ кажется, слѣдовало бы по

крайней мѣрѣ собрать свѣдѣнія, гдѣ найденные предметы въ настоящее время находятся. Неудачно также отступленіе автора о мордовскихъ погребальныхъ обычаяхъ (стр. 67, 68).

Что касается плана труда, то намъ кажется, что непосредственно за первою главою слѣдовало бы помѣстить главу о находкахъ внѣ могилъ, а затѣмъ вообще о памятникахъ каменнаго вѣка, а не разъединять эти такъ тѣсно связанныя между собою части описаніемъ замковъ и замчищъ.

Въ пятой главѣ авторъ даетъ описаніе камней, находящихся въ рѣкахъ и покрытыхъ изображеніями крестовъ и надписями, но вопросъ о времени, къ которому можно было бы отнести эти памятники старины, остается еще до сихъ поръ нерѣшеннымъ.

Изъ описанія древнихъ храмовъ видно, что ихъ немного, что большая часть построена не ранѣе XVII в. Относимыя же къ XII и къ XIII вв. церкви Спаса и Борисоглѣбская подверглись очень значительнымъ передѣлкамъ и перестройкамъ. Не безъинтересно также описаніе древнихъ церковныхъ предметовъ, какъ то: крестовъ, иконы, митры (не вполнѣ основательно приписываемой авторомъ епископу Антонію Силявѣ) и двухъ евангелій.

Вотъ вкратцѣ разнообразное содержаніе книги г. Сементовскаго.

Сравнительно съ первымъ изданіемъ «Бѣлорусскія древности» пополнены немалымъ количествомъ новыхъ данныхъ. Особенно дополнены свѣдѣнія о могилахъ въ полоцкомъ (стр. 13—19) и лепельскомъ у. (19—22). Вторая глава также подверглась немалымъ дополненіямъ (стр. 46—48, 55—58), къ ней также приложено нѣсколько рисунковъ и плановъ (въ 1-мъ изданіи во 2-ой главѣ былъ всего одинъ рисунокъ). Вновь помѣщены главы IV (стр. 78—91) и VI (102—122 стр.); значительно дополнена послѣдняя седьмая глава (стр. 123—136).

Несмотря на нѣкоторые, указанные выше недостатки, трудъ г. Сементовскаго долженъ, по нашему мнѣнію, стать настольною книгою всякаго, занимающагося исторіей Бѣлоруссіи.

Арк. Лященко.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVIII, 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

Дозволено цензур. Кіевъ, 15-го Марта 1890 г.

№ V.

Лѣчебникъ.

Врачебникъ сѣменъ и травъ, переведенъ зъ греческаго диалекта мароссійской (s.) его превосходительствомъ (господиномъ?) генералъ порутчикомъ (докторомъ?) бывшимъ 1776 года.

(Начала недостаетъ).

О сѣмьи маковомъ. Макъ симье есть мокрой и зимной натуры, а силу в себѣ имѣеть таковую: аще кто на-дще сердца такового молока стаканъ изоп'еть, тому умаляеть нечистоту.

Таkожде молоко зьдѣлавши и тѣло мазать въ ночи, ежели огънь имѣется, втоляется от него.

Оное жъ маковое молоко пить, кому неспится.

Маку же с'палити, смешать с виномъ и пить, въ кого отдишка важка.

Макъ такожде мѣлко сътолкти, класть около очей, въ кого огнь въ очахъ.

Макъ съ уксусомъ и съ яичнимъ жолткомъ смешавши и мазать, въ кого ноги, илы скорчить жилу, то мазать темъ же макомъ, то ползуеть.

О горчицѣ белой. Горчиця бела горяча и мокра. Аще кто в стравѣ исть, то доброе стравление дѣлаеть.

Кто неможетъ урины пущать, аще въ чемъ либо ѣсть часто, то умаляеть кашоль (s.).

Его жъ (s.) смешавши с медомъ приснимъ и мазать, и изгоняеть лишаи.

Бѣлой горчицѣ (s.) отъ фебри мазать черево прежде трясения.

О мятѣ. Мята есть зелие доброе и велмы запахъ имѣеть изрядний. Силу въ себѣ сицевую имать:

Наваривши ее съ виномъ, которого бы дня кто на-дще напился рано, того дня неупьется никакимъ напиткомъ.

Також гдѣ накласть ее въ плате, то небудеть моль портить.

Також́де наварити ее в винѣ илы в водѣ и пить на-дще, то вьсю вънутреность обновляеть своею силою и всю гниль вигоняеть [1]).

Также наварившы ей в водѣ и процедить скрозь платъ и чрезъ ночь поставить накрито, и поутру пить, то всю сътуденость(и) нечистоту тѣлесную вигонить.

Илы въ кого въ устахъ ценга, то тую мяту варить в водѣ и полоскать.

Въ туюжъ воду вмочить платокъ и класть на язикъ, то болѣзнь подязичную лечить.

Въ кого болить сердце, то мяти наварить въ уксусѣ съ пресним медомъ и пить на-дще.

Илы въ кого горло болить, тоею жъ водою выполоскать.

Также мяту в винѣ намочить, на-дще поутру пить, то обновляеть въ человѣкѣ умъ, а на нѣсколко минутъ разумъ его помрачится.

О хринѣ. Хрѣнъ есть мокрой и теплой натуры. Содержует в себѣ силу сицевую: кто его рано на-дще изопеть илы ясть, тому придаеть теплоти и апетитъ къ ядению, а силою своею вигоняеть излишние розние рѣчы.

Того жъ хрѣну на малие куски покри(ши)вшы, и какъ выпустить изъ себе сокъ, посипавшы соллю и поставить на чадъ (s.), и процедить скрозь платокъ, и пущать въ ухо, то всю глухоту вигоняеть.

О редкѣ бѣлой. Редка белая содержуеть въ себѣ таковую силу: кто ее на-дще исть, то волготности и фълягмы небываеть, и что запечется въ сердцѣ, въ персахъ, мягчить и своею горкостию прогоняеть, и буды въ которомъ животѣ вънутри робаки есть, то от редкы погибають.

О редкѣ черной. Редка черная силу имѣеть сицевую: варить ее въ уксусѣ и исть на-дще, кому мало апетиту.

Тую жъ редку сушить, изтолкти мяко и сипать на рану, то скоро заживаеть.

---

[1]) Сырку, Отрыв. мр. простонародн. лѣчебн. 9.

Тоей же редки сѣмье толкти мѣлко и мѣшать с' приснимъ медомъ по(то?)пронесение проходить и все злое, и здравъ будеть.

О рѣпѣ. Рѣпа есть теплой и мокрой натуры, а силу имѣеть такову: аще наварить и на-дще ясть, то мокроти лихие внѣ (?) в персахъ и в чревѣ умяхчиваеть.

Аще въ кого вънутри палить, то рѣпу исты и пить сокъ ее с маковимъ молокомъ илы с оливою, и ползовать можеть.

О морквѣ огородной. Морковъ огородная есть студеной натури. Взявши моркви, наварить в водѣ съ преснимъ медомъ и пить тотъ сокъ на-дще, то въ боку (?) болѣзнь изгоняеть.

Морковного сѣмени да рѣпяного възявши, варить в водѣ, пить тому человѣку, который спорченъ есть то порчъ виведеть зъ человѣка.

Морковъ толкти мѣлко съ хрѣномъ и мазатся по всему тѣлу, на которомъ свербъ,—ползуеть.

Аще кто исть сирую морковъ, то животъ мягчить.

О льяномъ сѣмены. Аще въ кого носъ страждеть нежитомъ, то в'звявши сѣмя сего на угляхъ палить и дух в нос пущать.

Тоежъ сѣмья варить въ водѣ и прикладать, в кого лихие чирии илы болячкы, то витягнеть и скоро заживеть, загоится.

Аще кто опалится илы опарится окропомъ, то възявши сѣмене ильяного и сварить в водѣ гораздо, и обмочовати платокъ, прикладать, и огонь витягнет, и загоится;

наваривши жъ съ виномъ пить, всѣ болѣзни, и какая мокрота есть, то върачуетъ, и сердце немощное здравить, и всю вънутреную болѣзнь исъцеляеть, задомъ илы устамы.

Такъ же, кого фебра держить, наварить солнечнику в водѣ и пить тепло чрезъ три дни, а наилучше упредить ее приходъ.

О чорнобѣлѣ. Чернобѣль огородняя трава велмы дивна честна от хитрости и от всякого зелия, есть всѣмъ зелямъ маты, а силу въ себѣ имѣеть такову:

Когда болѣзнуеть кто на голову, то чорнобѣль съ коренемъ выкопавши, изсѣкти на дробно и варить с виномъ илы съ уксусомъ чрезъ два часа да проточить скрозь платокъ и тѣмъ голову мить,

какъ би можно стерпѣть от горячести, чтобъ спотѣть; тотъ чорнобѣль въсякую болѣзнь зъ голови вигоняеть, а тое дѣла(ть) три дни илы болше, да тот же чорнобѣль былъ би свѣжой, ибо лучше ползуеть.

Такъ же когда держить фебра, то наварить чорнобѣлю в водѣ и пить тепло, то вийдеть въраңаньемъ илы афадрономъ, а пить на-дще [1]).

Такъ же кто притомится от хожденія, ползуеть чорнобѣль.

О кропьвѣ болшои. Кропиви болшои сѣмя с'толкши мѣлко, и смешать съ медомъ приснимъ и пить с виномъ, то кашель старий из грудей изводить и мужескому полу сътомахъ подкрепляеть [2]).

Тую жъ кропиву толкти и приложить мало соли и мазати старие рани,—скоро заживуть.

И тоеи же кропиви сѣмя совокупя с преснии медомъ ясть, кто неможет урину пущать.

Зъ тоеи же кропиви видавивши сокъ и пущать въ ухо, то болѣзнь въ головѣ и въ ушахъ и во всемъ тѣлѣ усмирится.

Корѣнье кропивное толкти мелко и смешавъ с' виномъ и прикладивать к грудямъ, въ кого печенка и легкое болить, то ползуеть.

Илы на которомъ человѣку желто на лицѣ будеть, то то(т) кропивний сокъ с виномъ пить и ползуеть.

Аще въ кого гризь въ ногахъ, то листи кропивние толкти и прививать до ноги ис солю, утолити можеть.

О кропивѣ малой. Кропива малая въ себѣ содержить силу сицевую: Аще кто ее наваривши с виномъ виноградни мъ или зъ уксусомъ без солы ясть на-дще, то ввесь зной (?) и дрожъ, котории въ стомахе содержатся вигоняетъ зъ внутра афадрономъ, котории родится вънутры от недостичних яблокъ илы какихъ нибудь недоспѣлихъ овощей.

---

[1]) Сырку, l. c. 10.

[2]) Флоринскій. Рус. простонар. травн. и пр., 112 (Hortus amoenus).

Тоеи же кропиви сътолъкти з соллю да з белкомъ яичнимъ да з саломъ крячьимъ (s.) и в теплѣ мазатся, то вся съверб̂ъ погибнеть, и то дѣлать тры дны.

Тоеи же кропиви малой сѣмье столкти, смешавши с медомъ прѣснимъ, пить тому человѣку, кто на поперекъ болѣзнуеть и мазать в митнѣ (?) поперекъ.

Сѣмье варить, совокупя съ медомъ, кропивное отъ жаби во устах илы въ кого горло опухло.

Отъ злихъ болячокъ листы кропивние толкти мелко з соллю и прикладать.

Кого уязвить скажена собака, кропивы наварить въ маслѣ конопляномъ илы с оливой и до раны прикладать.

Въ деревяномъ маслѣ варить кропиву жъ, въ кого ноги опухли, прививать платкомъ.

Також кропиву ту, котороя зѣмою держится зелена, сваривши ее, на-дще пить, от утробы ползуеть.

О болшомъ подорожнику. Подорожникъ естъ доброе зѣлие. Аще въ кого очы напухли, то взять с' подорожнику соку и тѣм мазать очы.

Смешать зъ уксусомъ и пить, в кого на низъ несеть.

Листие жъ подорожникъ сътолкти мелко и съмешать зъ белкомъ яичним и зъдѣлать плястеръ и прикладать к ранѣ, с которой рани кровъ идеть, то уймется (s.).

Тот же сок пить на-дще, которого фебра держить, за два часа передъ тѣмъ, какъ имѣеть прийти.

Тотъ сокъ пускать въ уши, у которого уши болять.

Тотъ сокъ смешать з оцтом и пить на-дще, кто кровъ плюеть.

Листье ж его сътолкти мелко и совокупить зъ медомъ и варить добре, съ того здѣлать плястеръ и прик'ладивать ко всякой зълой ранѣ,—загоится.

Тотъ же подорожникъ столкти мелко и смешать съ яичнимъ белком и прикладивать на жжено тѣло,—загоится.

От зубовъ болѣзнующихъ. Възявши блекотное насѣня и всукать оное въ восковую свѣчку, и налить въ миску води, възять

жестяную лѣйку и приложить трубкою до болного зуба и схилится над миску, а свѣчку, запаливъ, подложить под лейку, чтобъ тотъ духъ въ трубку доходилъ до болного зуба, и тогда увидишъ самъ з болящого зуба випадающие черви подобиемъ орѣховихъ робачковъ в воду.

На кашель и хрипоту толко согрѣть с чесником (?) и варить доволно, пить на-дще.

О зельи кудравѣцѣ. Кудравець имѣеть силу такову: аще в кого урина запрется, то кудравець в водѣ зварить добре и пить на-дще болному,—того жъ часа проженеть урыну.

Лекарство о слѣноду и канцеру. Перепалить синего камья (s.) въ слоику скляном в простой горѣлци на свѣчки, к тому жъ перепалить галуну и дубровки корѣнья, и то все совокупить въ горщикъ, замазать тѣстомъ и варить доволно, и тѣмъ полоскать горло поутру и вечеру, и ползовать можеть.

О страндурии (s.) *урины.* Камень синий въ горѣлцѣ простой на свѣчки перепалить и тѣмъ в тайномъ удѣ за... ва.... ск.... кра... (не разобрано). Оное досвѣчено.

Лекарство на дисентерию. На бегунку кровавую с'таль бочковую терти пилкою илы терпугомъ мѣлко и палить съ оцтомъ, такъ чтобъ една толко жужелиця осталась, и ту жужелицю стерти на прошокъ и пить в простой горѣлцѣ.

Ту с'таль бочковую възять клѣщами штичникъ (?) и палить въ горну сталь, чтобъ стала, какъ огонь, и тогда, винявши зъ горна, и полить води, и под тоею водою тую сталь сѣркою помазовать, от которои сѣрки пластеръ будеть в воду падать, и винявши с води стерти на мѣлкий порошокъ и пить въ горелки, то поможеть лѣкарство.

Отъ всякихъ рубанихъ и резанихъ ранъ. Молоко коровье пресное варить з сировцемъ, плястеръ здѣлавши и платками привязивать, и лежать долъго прикривши, и будеть здравъ.

С краму—цинб.... котор.... в чаю пить от кашлю.

О маломъ подорожнике. Подорожникъ малой есть потребний, аще буды кто спорченъ на желудке въ стомахе, то възявши

онаго подорожнику, и видавить зъ него сокъ и пить и зелие ясти, то порчъ вигонить в скором времени.

Еще жъ того подорожнику столкти мелко совсемъ и положить в винѣ, и прикладивать, гдѣ болять кости, что весма ползуеть;

а при томъ сей же подорожникъ пить тому человѣку, которий на февру страждеть.

Такимъ же образомъ дѣлать, в кого вънутри болить или в кишках колеть.

О вышняхъ. Вишнѣ есть натури хладнои и мокрои. Кто их часто ясть, то чрево умягчиваеть и пропущение дѣлаеть уринѣ; а кто ихъ поутру ясть, то задавнившиися кашель минуеть; илы ȝлей вишневий кто поутру ясть, тоежде творить и лице человѣку чистить красно, и побуждаеть к ядению.

Уксусъ варить с медомъ, въ платокъ вмочивши прикладивать до болних очей, то вийдеть очная болѣзнь.

Водку вербовую и сокъ вербовой надобно держать в бутилке и рано, чистой омочивши платокъ в той водке и прикладивать къ болним очамъ.

Такожде, кто таковую содержить при дѣтяхъ, то тѣхъ дѣтей нѣкто неможеть уректи.

О калгане. Калганъ есть зелие сухое и теплое, а содержуеть в себѣ различние силы. Аще кто когда кровъ пущаеть, то възять калгану въ свои уста, и кровъ зъ себе выпущаеть зълую.

Кому смрадъ идеть изъ устъ и изъ зубовъ, то ясти рано калганъ, и ползуеть.

Той же калганъ смешать столкши, то въ скоромъ въремены немощной жолудокъ виздоровить.

Еще жъ, кто поутру оного выпеть в водѣ илы под язикомъ держить, то рѣчы вдачно и мовно бувають.

О имбере. Аще кто его на-дще ясть, то от флягмы перса, сердце, очы очыщаеть, мок'рости от сердца изгоняеть, животъ залобленний (s.) согрѣваеть и немощний желудокъ укрѣпляеть.

О листвии дубовомъ. Аще его кто изсушить и мѣлко изтолкши въложить в носъ, въ кого идеть зъ носа кровъ, то уймется.

Аще кто кровъ плюеть, илы в кого зеленая болѣзнь имѣется, илы в кого глаза и сердце болить, илы стомахъ есть немощенъ, илы кто умлѣваеть; тому в винѣ илы в пивѣ надобно пить,

Илы кто на голову болѣзнуеть, илы въ животѣ бурчить, илы камень въ мошнахъ илы въ луне,—ползуетъ сые листие ясты мужескому полу у страве.

Тожъ ползуеть и от повѣтра.

Любистку възявши, видавивши сокъ, и мазать лишаи, в скорости изгинеть лишай.

О циномонѣ. Аще кто часто рано употребляеть, то кашель упокояеть; два раза—тяжесть въ персах отганяеть, три раза—мозгъ легчить и очы, четыре раза—всю сипкость от горла изгоняеть.

Тако жъ, кто ясть с пшеничним хлѣбомъ часто, то голову от болѣ уздоровляеть.

О цытварѣ. Цытвар, аще кто его поутру ясть, то перса от флягмы чистить и, что было въ желудке несъправлено, все то поисправить, а давнюю болѣзнь илы болячку мощию своею вигоняеть.

О перцѣ зернятомъ. Перець есть зелле сухое и теплое, а содержуеть силу такову:

Аще кто его поутру ясть илы пьеть, то всѣ мокроти в персахъ от сердца высушает, и окормъ вигонит, и очищаетъ в стомахе и согрѣваеть холоднои натуры; въ горячей неползуеть, ибо очамъ шкодить и кашель творить и умножаеть.

О гвоздикахъ. Аще кто их поутру ясть с чемъ илы п'еть часто, весма мозгъ утверждаеть и голову изгоняеть, и смрадъ изъ устъ избавляеть; из виномъ пить—глазъ тончить.

О кардамонѣ. Аще его кто часто употребляеть и семье его съмешавши з виномъ и з ганусомъ п'еть на-дще, боль головы отгонить, и трясение отидеть;

Аще кто мало ясть, ап(ет)итъ привлекаеть на-дще, от чего человѣку дрожесть (?) дѣлаться может.

И в кого на ногахъ старие болячки, то тотъ же кардамонъ съмешавши зъ шафраномъ и съ яичнимъ желткомъ, мазать болячки симъ весма ползуеть.

О корице. Корицѧ есть зеллѧ прекрасное, потребное ко всякимъ кушанямъ. Взявши ее столкти мелко и смешать ее с пресним медомъ и мазать тому человѣку, в кого под глазами красно илы синіо; кто же ее ясть сухо, то голову его оздоровъляеть.

О чербцѣ (s.). Чербець есть зелие горячое и сухое, во многихъ огородахъ ростеть, а паче на поляхъ, котор(ого?) кришать и варять в винѣ, и пить на-дще, то урину зъ нутра вигонить, которая человѣку боль творить и в лунѣ, и в персахъ болше всего зароживается.

Илы кто болѣть будеть от горобы (s.) мо . . . . . то есть болячки въ головѣ, уволняеть, которая человѣку въ мозгу; таковий въ ночи горить, хотя мало и спить, но по хоромахъ лазить въ снѣ; таковому възять в чербце (s,), котор.... истолкти, смешать с виномъ и тѣмъ голову мить часто, ползуеть.

О ганусѣ. Ганус имѣеть силу такову:

Аще в кого голова вертится илы лице опухнеть, възяти ганусу и положить на огонь да тотъ димъ в носъ пускать.

Котоpий человѣкъ неслишить илы болѣзнь будеть имѣти во ушахъ, тои же ганусъ столкши мелко и просѣять и смешать с рожевим масломъ и пущать въ ухо,—весма ползовать можеть.

Тои же ганус тому человѣку ясты на-дще, у кого вода заиметсѧ;

да таковой же ганусъ ясти сухо, въ кого болѣзнь вь рукахъ и который дрижить ввесь, и естьли похощеть от тѣхъ волнимъ быть, то взявъ ганусу, да маслину [1]), да корицю, варить в винѣ и пить на-дще,—поможеть.

О бобкахъ. Бобки суть теплие и мокрие, а силу имѣють такову: аще кто столкши з солю из вином зогрѣеть и пить надще будеть, то ввесь окормъ от сердца вигоняеть.

---

[1]) У Флоринск. I. с. 76—7 „мастики".

Такожде которая тра(с)ця приходить студено, то силою вигоняеть и добрие поты даеть.

Аще кто болшим потом смердячим обложенъ, то взявши три бобки, три коренни бедринцу, исти и пити поутру, и тѣмъ отведеть потъ смердячий.

О бобку огородномъ. Бобъ огородний—теплой и мокрой натуры. Аще кто его вареного ясть с козиним молокомъ, тому въ жулудке (s,) здравость дѣлаеть и добротравление творить, легчить, сонъ ко упокоению даеть.

Да аще кто ѕиловий илы унилъ есть, то взять столкти з медомъ преснимъ, мелко, смешать на-дще исти.

О кропѣ огороднемъ. Аще кто его столкши, смешавъ с виномъ и ѣсть на-дще, то вигоняеть с человѣка окормъ.

Да такожде смешавши с присним медомъ, у кого очи болять и зуби, лечить.

Такожде сокъ кропивной и съ насенемъ его упустить въ ухо, в кого робачки въ усѣ есть, уморить.

Такожде сокъ кропивной с виномъ варить и поутру пить, то слюзную (s.) лечить болѣзнь.

Того жъ кропу аще би кто наварилъ в воде или в пиве, напился рано, то можеть лечить, в кого болѣзнь камена, илы въ луне, илы въ мошонце, илы всякую болячку, когда ростеть под пупомъ, то виженеть, и горячесть лишнюю из стомаха, и ядра, и луно оздравляеть.

Аще кто сваривши над сим зелемъ хотя мало что подержить прикривши, такъ чтоб моглъ паром изойты, аще теплого на руку наложить, то потом изойдеть;

и аще въ кого усовы в бокахъ биваюіть, то пить насѣне кропивное и прикладать к боку, аже би по всякъ день, то моложавъ (?) будеть.

О полине траве. Полинь трава взявши зъ оцтомъ и сахаромъ насипать для сладосты или меду пресного положить да пить тому человѣку, в которого черви внутре, то умруть и человѣкъ здоровъ будеть;

а въ которого въ ухы черви, того жъ полиню видавить сокъ и пущать въ ухо, то и тамъ червы умруть.

Того жъ соку з уксусомъ да пресного меду сваривши, пить на-дще, то что есть въ нутре испорчено, направить и вигонить огонь ввесь, и будеть здоровъ.

Тую жъ траву съ уксусомъ смешать и положить въ уста, у кого воняеть илы ценга, то изгонить;

а буды въ кого вънутре опухло илы лихое мясо, то тую жъ траву столкшы мелко, и съмешать зъ уксусомъ и варить и пить;

за тую траву варить зъ водянимъ масломъ и мазати по животу, в кого спорчена печенка или гризь.

О кропе. Кропъ имать силу такову:

Пить тому человѣку, которому неспится; съ его сокъ видавить и тѣмъ мазать голову, и будеть спать.

Аще в кого болѣзнь въ ушахъ, то з той же травы и сѣмене вижать сокъ и тое въ уши пущать тепло, поможеть.

И котрий человѣкъ, напившись хотя болно илы мало какова напитка, върацаеть, тую траву варить в водѣ с масломъ конопляним и пить тому, у кого утроба болить, то поможеть.

Тую жъ траву варить в вине или в пиве, пити на-дще, тому в кого водка заимется, поможеть.

Ис тои же трави сѣмье зсушить и, столкши мелко, смешать с медомъ преснимъ и мазаться по всему тѣлу.

Тоей же трави семье сушить и мешать вместе и исти тому человѣку, которому неохота до еди, то имѣтиметь охоту ясти.

Аще в кого болять очи и огонь есть въ ихъ, то възявши тоеи травы, истолкти мелко и положить (на) платокъ и прикладивать къ очамъ, то огонь витягнеть.

Аще тои кропъ варить в водѣ и митця, то всякои болѣзни помогаеть.

КОНЕЦЬ.

ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ О СОБЫТІЯХЪ ВЪ НОВОРОССІИ.

(1740—1806).

Настоящія лѣтописныя замѣтки найдены нами, въ современномъ спискѣ, въ числѣ бумагъ, пріобрѣтенныхъ послѣ умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ здѣсь въ Кіевѣ, собирателя разныхъ памятниковъ южно-русской старины Щербака. Замѣтки эти принадлежатъ къ разряду тѣхъ „кроничокъ", писаніе которыхъ на югѣ продолжалось какъ видно, и въ нач. настоящаго вѣка. Печатаемая „кроничка" писалась повидимому, въ селѣ Федварѣ, александрійскаго уѣзда, херсонской губ. Занесенныя въ кроничку общеизвѣстныя событія, не разъ напечатанныя,—нами опущены.

А. Л.

1743. Стояла комета зъ великимъ хвостомъ на запади и сарана была.

1747. Октября 23 числа, митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій преставился. И сарана была.

1749. Мамаивщина была. Розбойникъ Мамай, атаманъ гайдамацкій въ Полщи и по Вкраини съ командою своею розбивалъ и грабилъ людей. Того жъ года и сарана ишла.

1750. Іюнь 21 числа. Переясловскій епископъ Никодимъ преставился.

1754. Крѣпость Елисаветъ-градская заложена.

1765. Мотренинскаго монастира игуменъ Мелхиседекъ ѣздилъ въ Петербургъ ко императрицѣ.

1766. Тотъ же игуменъ Мелхиседекъ ѣздилъ въ Варшаву къ королю полскому.

1768. Зализнякивщина, то есть гайдамащина, была на Вкраини.

1769. Генваря. Татарщина была въ Новосербіи. Орда Осоту (?) брала.

1770. Генваря 13 ч. Взятіе города Журжи, генераломъ-порутчикомъ Штофельномъ. Іюля 19, взятіе города Бендеръ подорваніемъ подкопа графомъ Петромъ Івановичемъ Панинимъ.

1771. Іюня 29 дня. Завоеваніе города Кафи второю арміею, подъ предводительствомъ главнокомандующаго генерала князя Долгорукова.—Моровая язва была въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ.

1775. Пугачъ былъ бунтовщикъ въ Россіи. Того жъ года и Сѣчь разоренна.—Ноября 6 ч., учрежденни новіи правленія намѣсничествъ въ Россіи.

1778. Первое основаніе города Херсона положено.

1779. Ноября 19 дня, преосвященний Тихонъ, бившій епископъ воронѣжский, докончилъ сочиняемую нимъ книгу, називаемую Сокровище Духовное.

1780. Февр. 29. Сгорѣла киевскому училищу принадлежавшая библіотека, въ которой хранилося весма много и рукописнихъ книгъ. Мая 29 ч. Преосвященний Никифоръ, епископъ славенскій, былъ въ Елисаветѣ (Елисаветградъ). Іюля 13 ч. Былъ въ селѣ Федварѣ. Великая зима была; началася ноября 8 и продолжалася до 1781 г. марта до 30 числа. Въ елисаветградскую провинцію и въ другіе места сарана пришла и закопалася на зиму.

1781. На весни зъ земли вийш[illegible]а, вилупилася и пашни поила.

1782. По всей Россіи сочинялася ревизія; по сей ревизіи гдѣ кто написанъ, тамъ и остался.

1783. Марта 26 и 27 ишолъ снѣгъ великій, такъ же и априля 2—4 ч., ишолъ снѣгъ великій.—Въ Херсонѣ, въ Елисаветѣ, въ Бешци (теперь Мошоринъ) и другихъ мѣстахъ была мо-

ровая язва.—Ханство кримское соединено подъ державою государини Екатерини 2 со владѣніемъ Россійскимъ.

1784. Маія 31 дня. Въ елисаветградской протопопіи и въ селеніи Федварскомъ о священно и церковнослужителяхъ предъ открытіемъ намѣстничества послѣдняя вѣдомость сочиненна.—Іюня 15 ч., въ Кременчуцѣ открылося екатеринославское намѣстничество.—Іюля 1 ч., въ Елисаветѣ елисаветградской открылся уѣздъ.—Мая среднихъ чиселъ лѣсъ Нерубай и землю около селенія Федварскаго и Чорный лѣсъ князю Григорію Потемкину отмежованно во владѣніе.—При окончаніи сего года въ Кременчуцѣ и другихъ мѣстахъ была моровая язва.

1785. Іюня 9 д., преосвященний Викторъ зъ архимандрита слуцкаго въ епископа переяславскаго благочестиваго въ Полщу произведенъ въ Кіевѣ.

1786. Въ Кіевѣ и Малой Россіи монахомъ положенъ новой штатъ, а отъ монастирей вотчини, подданства и грунта поотбирано въ казну.—Октября послѣднихъ чиселъ, монахъ Артемонъ присланъ съ печерского монастира въ Байракъ плоской и монастирскую пасику всю спродали, а ноября 1 ч. отъѣхалъ въ Кіевъ.

1787. Генвара. Въ Кіевѣ было собраніе господъ генераловъ и прочихъ, куда и ея императорское величество Екатерина Алексеевна того жъ генвара прибыла, а оттуда на веснѣ имѣла путешествіе свое Днѣпромъ въ Кременчугъ, Херсонъ и таврическую область, а возвратившися назадъ чрезъ Полтаву, въ Петербургъ проѣхала.

Генваря 31 д. въ селеніи Федварскомъ полученъ указъ о Амвросіи архіепископѣ екатеринославскомъ и Херсониса таврическаго, о его прибытіи на епархію, и о именованіи епархіи славенской и херсонской впредь екатеринославскою и Херсониса таврическаго.

Февраля 9 д. Епископъ сѣвскій Феоктистъ Мачулскій на бѣлгородскую епархію переведенъ.

Априля 30 д. Россійская императрица Екатерина вторая прибыла въ Кременчугъ; маія 3, выѣхала изъ Кременчуга въ Херсонъ.

Августа 24 д. Въ елисаветградскомъ и въ елиопольскомъ и

въ другихъ уѣздахъ страшилище здѣлалося попустому, якобы татари идуть, отчего вси жители, оставя доми свои, бѣжали въ лѣса.

Сентября, преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, указомъ запретилъ въ своей епархіи священникамъ на отпустѣ воспоминать печерскихъ святыхъ Антонія и Ѳеодосія, а вмѣсто оныхъ велѣлъ поминать князя Владимера и святыхъ пяти священномучениковъ, въ Херсонѣ епископствовавшихъ.

Ноября, преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, былъ въ Елисаветѣ.

Декабря первыхъ чиселъ, князь Григорій Потемкинъ слободы свои, находящіеся въ елисаветградскомъ и другихъ уѣздахъ съ лѣсами, отдалъ въ казну, и жителей всѣхъ въ бугскіе козаки опредѣлилъ.

Въ декабрѣ для опасности отъ турковъ, отъ рѣки Буга зо всѣхъ слободъ людей къ лѣсамъ, къ Чорному-лѣсу и Нерубаю позганяли въ слободы его свѣтлости князя Грагорія Потемкина.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ въ князя Ксавелія Любомирского купилъ вотчины на Вкраинѣ полской всю Смѣлянщину.

Православный епископъ переяславскій Викторъ на Вкраину пріѣхалъ, былъ въ Богославъи, Смилянщини, Черкащини и Чигринщини, чрезъ 1788 годъ до сентября.

1786 года, генваря 20 дня, въ Венгеріи близъ города Праги називаемомъ Вена, въ рудокопныхъ заводахъ, сысканъ гробъ, въ коемъ гробѣ лежащой нетленной трупъ, котораго въ рукахъ сіи стишки были написанны таблиця, и имя ему Иванъ Бернатъ, и какъ онъ умре, то уже тому прошло болѣе 200 лѣтъ, изъ чего явилося, что онъ былъ искусной математикъ:

„Послѣ Рождества Христова 1788 годъ, кой наступивши собою печалной рокъ принесетъ. Ежели сего года весь міръ не падетъ и ежели ни во что земля и моря не обратятся, то однакъ всѣ государства на землѣ разорятся и вездѣ великая печаль будетъ, отъ Дѣвы рождества Христова 1788. Потомъ наступитъ годъ, приспѣетъ на свѣтѣ того года жалованьная судьба. Да и чуть ли всему

міру вдругъ кончина стихій; есть ли все сему не поднадутъ, то много государства пропадетъ, отчаянныя вопли, страхъ усилится, тогда печалная слѣдствія и разнія рода. Прохожій, посмотри на прахъ здѣсь человѣка лежаща, уже послѣдніи третья вѣка предсказателъ сего Иванъ Бернатъ скончался 1500 года.

1789 годъ, владѣніе года есть планета мѣсяцъ небесный есть быкъ Афродита годъ покажется плодоносной на все, зима будетъ родствена, такъ же и весна, лѣто дожовитое и по сей причинѣ пшеницы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испортятся, найпаче въ полуденной сторонѣ; настоящей сей годъ покажетъ великую войну и смерть въ родѣ человѣческомъ, государи обременятъ своихъ подданныхъ великими податми и обратятся много разбойниковъ, для которыхъ всѣ дороги будутъ опасныя, посредствомъ нѣкоторой силы многіе невольники отъ тудъ избавлены будутъ, купцы и ученіе люди или мудрые впадутъ своихъ достоинствъ".

Сіи стишки переводенны съ латинского на руской языкъ по повелѣнію его преосвященства митрополитомъ кіевскимъ Самоиломъ.

Съ писанного написанно въ 1787 году.

1788 г. Генваря 1 числа, слободы, находящіеся въ уѣздѣ елисаветградскомъ, князя Григорія Потемкина, зъ коихъ жители всѣ находящіеся въ оныхъ слободахъ написаны въ бугскіе козаки и къ присягѣ приведены вышеписаннаго числа.

Въ генварѣ, елисаветградской протопопъ Димитрій Смолодовичъ объѣздилъ елисаветградскую протопопію и въ ней описывалъ священно и церковнослужителей званіе и состояніе и дѣтей ихъ и прочая, и церкви и церковное украшеніе, утвари и прочая; посему и въ селѣ Федварѣ того жъ генваря 21 д., былъ для описанія.

Маія 9 числа, преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій имѣлъ ночлегъ подъ седомъ Федваромъ и въ церкви Федварской того жъ числа предъ литургіею, былъ.

Сентября 14, епископъ переяславскій Викторъ Садковскій зъ Онуфріевского монастиря обратно въ Слуцке выѣхалъ.

Декабря 6 числа, Очаковъ взятъ второю армією подъ предводительствомъ князя Григорія Потемкина.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXIX.

1890 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXIX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго**. Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева**. На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Маркевича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго**. Лирники. **Валеріана Боржковскаго**. Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ) **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. **А. А. Востокова**. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой**. Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго.** (Переводъ съ польскаго). **Н М** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**.

Въ отдѣлѣ «Документовъ. извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. И. А. Лашкарева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Иванъ Стороженко

Полковникъ Прилуцкій † 1693 г.

Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева.

Обыкновеніе селиться у воды дошло къ намъ отъ временъ глубочайшей древности, теряющейся въ доисторическомъ мракѣ, отъ тѣхъ временъ, когда человѣкъ только что вступилъ на путь культуры, грудью отстаивая въ упорной борьбѣ каждый часъ своего существованія, и когда единственными средствами для этой борьбы ему служили камень да кость, а единственной цѣлью жизни было—найти что поѣсть.—И по берегамъ Днѣпра въ среднемъ его теченіи жилъ когда то человѣкъ, если и не находившійся въ такомъ состояніи, какъ мы выше представили, то во всякомъ случаѣ въ состояніи, близко къ нему подходящемъ.

На средней песчаной террасѣ Днѣпра, а иногда и на нижней луговой, въ разныхъ мѣстахъ находятся обнаженные песчаные бугры, свѣтло-желтаго цвѣта. Вслѣдствіе дѣйствія вѣтровъ, весеннихъ водъ и дождей бугры постоянно измѣняютъ свой внѣшній видъ, такъ какъ состоятъ изъ сыпучаго песка: въ одномъ мѣстѣ насыпаются новые бугры, въ другомъ выдуваются небольшія котловины. Благодаря такому измѣненію поверхности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходитъ наружу слой, содержащій остатки пищи, посуды и различныхъ другихъ предметовъ. Отъ свѣтло-желтаго песка этотъ, такъ называемый, культурный слой отличается темнымъ цвѣтомъ, происшедшимъ отъ смѣшенія песка съ золой, углемъ и другими уже уничтожившимися органическими остатками. Есть группы бугровъ, гдѣ этотъ культурный слой обнаружился на довольно большомъ пространствѣ и далъ воз-

можность собрать сравнительно много предметовъ, въ другихъ же мѣстахъ онъ только проглядывалъ и тамъ находки были незначительны. Мы имѣли возможность осмотрѣть оба берега Днѣпра на протяженіи приблизительно пятидесяти верстъ, начиная отъ Кіева внизъ. Бугры со слѣдами пребыванія на нихъ первобытнаго человѣка обнаружены въ слѣдующихъ мѣстахъ: На лѣвомъ берегу—1) у с. Вигуровщины, 2) у с. Никольской Слободки, 3) у с. Гнѣдина, 4) у Вышенокъ — черниговской губ. остерскаго у. и 5) возлѣ д. Жеребятина и 6) у с. Койлова—полтавской губ. переяславскаго у. На правомъ берегу —1) у предмѣстья г. Кіева Пріорки, 2) у предмѣстья его же Верхней-Соломенки, 3) между с. Пироговымъ и д. Литовской Витой, 4) у хутора Козино, 5) между м. Трипольемъ и с. Злодіевкой—кіевской губ. и уѣзда.

Вслѣдствіе различныхъ, независящихъ отъ насъ обстоятельствъ, мы не имѣли возможности сдѣлать подробное изслѣдованіе бугровъ, не было также сдѣлано и опредѣленіе порядка залеганія пластовъ почвы—пришлось ограничиться только однимъ собираніемъ предметовъ на поверхности. Поэтому и матеріалъ, добытый нами, не отличается полнотой, необходимой для всесторонняго уясненія быта обитателей бугровъ. Но все таки кое что можно извлечь и изъ него. Всѣ вышеперечисленные бугры на лѣвой сторонѣ Днѣпра были извѣстны и раньше какъ мѣста, на которыхъ попадаются древніе предметы [1]), на правомъ же берегу почти всѣ открыты нами.

Изъ всѣхъ мѣстъ только на буграхъ у с. Никольской Слободки, у сс. Гнѣдина и Вышенокъ и у м. Триполья культурный слой обнаженъ на большомъ сравнительно пространствѣ, въ остальныхъ же были только слѣды его. Поэтому мы, переходя къ описанію отдѣльныхъ группъ, остановимся только на первыхъ, о вторыхъ же скажемъ немного и въ виду лишь того, что и

---

[1]) См. ст. Т. Кибальчича—„О находкахъ предметовъ каменнаго періода на лѣвомъ берегу Днѣпра въ 1879 году“, въ Сборникѣ археологическаго института кн. 3, 1880 г. Въ этой статьѣ между прочимъ авторъ принялъ бугры за могильныя насыпи. А также см. краткія замѣтки въ газетѣ „Кіевлянинъ“ 1879 г. №№ 109 и 114.

онѣ въ будущемъ могутъ оказаться не менѣе богатыми въ смыслѣ находокъ.

Бугры у с. Никольской Слободки. С. Никольская Слободка находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончаются сооруженія Цѣпнаго моста и начинается Черниговское шоссе. Къ югу отъ села, сейчасъ же за нимъ, лежитъ небольшое озеро Святыще. Песчаные открытые бугры составляютъ сѣверо-восточный возвышенный берегъ этого озера, они простираются затѣмъ съ одной стороны къ лѣсу, съ другой же подходятъ къ постройкамъ идущимъ въ этомъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ шоссе. По другую сторону шоссе пески также обнаруживаются и заканчиваются большимъ бугромъ въ сѣверномъ концѣ села у сельскаго кладбища. Ближе къ лѣсу бугры покрыты тонкимъ слоемъ дерна и отчасти окрайной лѣса. Обнаженія культурнаго слоя замѣтны главнымъ образомъ по берегу озера и на такой высотѣ, что вода въ весенніе разливы туда не добирается; въ этомъ можно было убѣдиться во время сильнаго разлива весной 1888 г.; мѣстность же между этимъ берегомъ озера и противоположнымъ правымъ берегомъ Днѣпра, представляетъ весной сплошную водную поверхность.

Находки сосредоточивались въ двухъ мѣстахъ: при началѣ озера, тамъ, гдѣ кончалось село, и даже крайнія хаты его уже расположены на обнаженномъ культурномъ слоѣ, и затѣмъ— почти въ концѣ озера,—здѣсь культурнаго слоя почти не было замѣтно, но за то найдено нѣсколько сосудовъ.

Случай далъ возможность сдѣлать и геологическія наблюденія: лѣтомъ 1889 г. изъ берега озера брали песокъ для земляныхъ работъ на рѣкѣ; въ образовавшейся выемкѣ было видно, что однородный свѣтло-желтый песокъ залегаетъ на нѣсколько саженей вглубь.

Внѣшній видъ мѣстность по берегу озера имѣла слѣдующій: песокъ окрашенъ въ пепельно-сѣрый цвѣтъ, толщина темнаго слоя различна—иногда достигаетъ $^1/_4$ аршина и болѣе, иногда же является какъ бы тонкимъ налетомъ. На поверхности разбросаны, а также торчатъ изъ песка куски отъ сосудовъ съ орнаментомъ и безъ него, лежатъ также черепки и кучами, они, повидимому, принадлежали цѣлымъ сосудамъ, распавшимся отъ

дѣйствія атмосферы; между черепками много измельченныхъ вывѣтрившихся костей, встрѣчающихся также кучами, и масса осколковъ кремня и другихъ камней, между ними попадаются и цѣлыя кремневыя орудія. Мѣстами всѣ эти остатки расположены вокругъ кострищъ, представлявшихъ не особенно большія кучи углей. Это въ началѣ озера. Дальше по берегу культурнаго слоя не было замѣтно, но попадались черепки, а при концѣ озера вблизи кострищъ найдены были, какъ уже сказано, цѣлые сосуды.

Перейдемъ къ болѣе подробному обзору предметовъ, оставленныхъ намъ, хотя и въ жалкомъ видѣ и незначительномъ количествѣ, но все таки кое что говорящихъ о тѣхъ кому они принадлежали. Мы ихъ раздѣляемъ на три группы: 1) орудія, 2) гончарныя издѣлія и 3) остатки пищи.

I. Орудія. Тѣ изъ орудій, которыя несомнѣнно носятъ характеръ мѣстный, сдѣланы исключительно изъ камня и преимущественно изъ кремня. По другой сторонѣ шоссе подъ лѣсомъ въ небольшомъ углубленіи найдены куски кварцита, изъ котораго, повидимому, приготовлялись крупныя орудія, но таковыхъ цѣлыхъ не было найдено. Также и кремневыя цѣлыя орудія попадались сравнительно рѣдко. Классифицируя орудія, ихъ можно подраздѣлить на слѣдующіе виды:

а) Ножи изъ кремня,—самый многочисленный родъ орудій, отличаются, какъ и всѣ другія, миніатюрностью: самый большій ножичекъ былъ $5^1/_2$ сант. длины и немного болѣе 1 сант. ширины; большинство ножичковъ съ двумя рѣжущими краями, хотя попалось нѣсколько и съ однимъ, особенность этихъ послѣднихъ — тупая сторона подправлена мелкими ударами. Всѣхъ ножиковъ, считая и сломанные экземпляры, найдено до 80 штукъ.

б) Кремневыя острія—найдено всего 7 штукъ; однѣ изъ нихъ узки, похожи на ножи, т. е. имѣютъ видъ тонкихъ осколковъ кремня съ заостреннымъ концомъ, другія же съ болѣе широкимъ основаніемъ; длиной не превышаютъ 3 сант. Сюда же нужно отнесть орудія, которыя, можетъ быть, служили шилами, онѣ остры и узки, одна сторона у нѣкоторыхъ подправлена.

в) Подправленные наконечники стрѣлъ, сдѣланные изъ кремня по опредѣленнымъ формамъ, нѣкоторые изъ нихъ очень

красивы; формы ихъ слѣдующія: 1) основаніе у стрѣлы прямое или почти прямое, 2) основаніе выдается наружу полукругомъ, 3) въ основаніи сдѣлана выемка, иногда довольно глубокая, такого рода стрѣлъ найдено больше всего, 4) два наконечника стрѣлъ въ видѣ трапеціи, они сдѣланы изъ кусочковъ двускатныхъ ножей, причемъ тупыя стороны подправлены, острыя же служили: одна для всаживанія въ древко, другая — концомъ стрѣлы. Всѣхъ подправленныхъ стрѣлъ найдено больше 20 штукъ, у многихъ верхніе или нижніе кончики сломаны. Большинство стрѣлъ находилось на одномъ почти мѣстѣ, гдѣ сосредоточивались осколки кремня.

д) Скребки; мы такъ называемъ куски кремня, одна сторона которыхъ подправлена; они большей частью овальной формы; есть между ними нѣсколько очень маленькихъ, такъ что является сомнѣніе, могли ли они исполнять назначеніе скребка. Скребковъ въ общемъ найдено сравнительно много—до 50 штукъ.

е) Точилки изъ точильнаго камня,—только небольшой обломокъ въ 3 сант. длины, съ двухъ сторонъ сточенный. Кромѣ отдѣланныхъ орудій или испорченныхъ при отдѣлкѣ, но все таки носящихъ опредѣленный характеръ, найдена также масса осколковъ кремня разнообразныхъ формъ; большинство изъ нихъ было отбросами при выдѣлкѣ орудій, нѣкоторые же, не подходя ни подъ одну изъ вышеприведенныхъ рубрикъ, все таки могли служить въ домашнемъ обиходѣ болѣе чѣмъ нетребовательнаго обитателя бугровъ.

II. Гончарныя издѣлія. Матеріаломъ для наблюденій служили главнымъ образомъ многочисленные черепки отъ сосудовъ, а также конечно и найденные цѣлые сосуды. Приготовлялись сосуды отъ руки, безъ гончарнаго круга. Глина выдѣлывалась различно: встрѣчались (рѣдко) черепки изъ грубой глины съ большою примѣсью кусочковъ кварца, затѣмъ изъ глины лучшаго качества, но все таки не обладавшей достаточнымъ сцѣпленіемъ, наконецъ были изъ глины хорошо отмученной, неуступающей современной. Обжигъ также различенъ; это можно было видѣть въ изломѣ черепковъ; большей частью обожжена только наружная сторона, получившая отъ этого красный цвѣтъ; иногда крас-

ныя полоски были съ наружной и внутренней стороны, а между ними оставалась черная прослойка, не совсѣмъ обожженная; былъ также и полный обжигъ, прошедшій насквозь черепокъ. Толщина стѣнокъ сосудовъ отъ $1^{1}/_{2}$ до $^{1}/_{2}$ сант. Что касается формы, то ее можно было наблюдать только на цѣлыхъ сосудахъ; таковыхъ найдено 4; изъ нихъ два были большіе, два маленькіе. Большіе найдены въ верхушкѣ одного изъ песчаныхъ бугровъ; они стояли рядомъ, днищами вверхъ; днища не сохранились, но на основаніи оставшихся кусковъ и того факта, что сосуды были перевернуты, можно предположить, что днища закруглялись и подходили къ конической формѣ. Къ отверстію, имѣвшему въ поперечникѣ у одного 23, а другаго 20 сант., сосуды съуживаются; вышина сохранившихся частей 30 и 24 стм., глина темно-красная, обжигъ полный, толщина стѣнокъ 1 стм. Когда эти сосуды были вырыты изъ песка, то распались на множество кусковъ, такъ что ихъ пришлось послѣ склеивать.

Два другіе небольшіе сосуда, напротивъ, вынуты цѣлыми; они стояли отверстіями вверхъ, другъ возлѣ друга, въ пескѣ, немного ниже того мѣста, гдѣ найдены большіе. Днища ихъ плоскія; форма чашеобразная; глина приготовлена съ кварцемъ, краснаго цвѣта; обжигъ полный; толщина стѣнокъ 1 стм.; вышина 11 и 9 снтм., поперечникъ отверстія 15 и $9^{1}/_{2}$ снтм. При началѣ озера найдена была куча черепковъ отъ сосуда; сложить черепки не удалось, по оставшимся частямъ видно, что сосудъ былъ въ видѣ миски съ отлогими стѣнками и ободкомъ, загнутымъ внутрь. На этомъ сосудѣ замѣтны слѣды копоти и дыръ для подвѣшиванія.

Теперь объ орнаментикѣ сосудовъ; мы разбираемъ ее подробно, потому что разнообразные узоры, покрывающіе сосуды, являются единственными данными, по которымъ можно судить о степени развитія эстетическаго чувства у древнихъ обитателей этого мѣста. Орнаментъ сосредоточивался почти всегда въ верхней части сосуда. Орнаменты разнообразны; преобладающій— изъ углубленій, сдѣланныхъ круглой палочкой, кремнемъ или костью, углубленія не сквозныя, а доходятъ только до половины черепка, по другую сторону соотвѣтственно дырочкѣ находятся

возвышенія. Углубленія расположены на однихъ черепкахъ снаружи, на другихъ извнутри; идутъ обыкновенно по ободку сосуда и въ одинъ рядъ. Затѣмъ встрѣчается орнаментъ изъ небольшихъ углубленій, представляющихъ отпечатокъ орудія съ острымъ или тупымъ концомъ, иногда конецъ орудія былъ какъ бы раздѣленъ и отпечатокъ получился въ видѣ продолговатыхъ углубленій съ перегородками. Прямая линія также имѣла мѣсто въ орнаментѣ въ разныхъ сочетаніяхъ, между прочимъ въ видѣ зигзага. Далѣе идетъ орнаментъ, какъ бы выдавленный на глинѣ веревочкой, и наконецъ—изъ полосокъ, налѣпленныхъ на сосудъ; иногда на полоскахъ сдѣланы вдавленія пальцемъ. Кромѣ того былъ орнаментъ, составленный изъ соединенія вышеперечисленныхъ. Покрывался орнаментомъ и самый ободокъ сосудовъ. Встрѣчались также украшенія на сосудахъ въ видѣ шишекъ, иногда въ свою очередь орнаментированныхъ; онѣ могли отчасти замѣнять ручки, такъ какъ слѣдовъ настоящихъ ушекъ у сосудовъ у Никольской Слободки не было найдено, для этой же цѣли служили и сквозныя дыры у края сосудовъ.

Изъ другихъ предметовъ изъ глины у Никольской Слоб. найденъ кусокъ круглой глиняной пряслицы, сдѣланной изъ черепка и цѣлая пряслица или грузило въ видѣ небольшаго цилиндра въ $3^1/_2$ стм. длины.

III. Остатки пищи. Къ остаткамъ пищи можно предположительно отнесть измельченныя и сильно вывѣтрившіяся кости мелкихъ млекопитающихся. Въ одномъ мѣстѣ кости находились на кучѣ вмѣстѣ съ черепками. Вслѣдствіе дурной сохранности костей онѣ остались неопредѣленными.

Попадались у Никольской Слободки вещи изъ другихъ эпохъ, такъ напр. найдены бронзовыя вещи: куски пряжекъ и перстней, пуговицъ, бубенчикъ, двѣ трехгранныя стрѣлы, кольцо и нѣк. др.; изъ желѣзныхъ: стрѣлы разныхъ формъ и ножички. Предметы эти, вѣроятно, попали на пески случайно.

Дѣлая теперь общій обзоръ находокъ у Никольской Слободки и основываясь на нихъ, мы можемъ придти къ слѣд. заключеніямъ. Присутствіе множества кремневыхъ осколковъ, испорченныхъ и

цѣлыхъ орудій и ядрищъ, отъ которыхъ отбивались орудія, указываетъ на мѣстное приготовленіе орудій [1]). Матеріаломъ служили кремневые валуны, попадающіеся изрѣдка въ близъ лежащихъ оврагахъ; малочисленностью и небольшимъ объемомъ валуновъ объясняется миніатюрность орудій, найденныхъ у Никольской Слободки. Недостаткомъ кремня можно также объяснить попытку отбивать орудія изъ розоватаго песчаника, неудачные осколки котораго обнаружены въ небольшомъ числѣ у Никольской Слободки (многочисленные осколки среди кремневыхъ найдены выше Ник. Сл. у с. Вигуровщины).

Изъ найденныхъ орудій только подправленныя стрѣлы точно указываютъ своей формой на назначеніе; сюда можно еще прибавить скребки, но только сравнительно большіе; о примѣненіи же остальныхъ орудій можно говорить только предположительно.

Гончарство, судя по найденнымъ образцамъ, достигло довольно высокой степени совершенства; сосуды, несмотря на незнакомство съ кругомъ, имѣютъ правильныя формы и украшены разнообразнымъ орнаментомъ, подчиненнымъ правиламъ симметріи. О назначеніи сосудовъ, по отсутствію данныхъ, трудно сказать что нибудь опредѣленное.

Хотя на пескахъ у Никольской Слободки не было найдено шлифованныхъ орудій, но все таки, принимая во вниманіе хорошую отдѣлку стрѣлъ и довольно высокое положеніе гончарства, мы можемъ отнести пребываніе человѣка у Никольской Слободки къ концу каменнаго вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ къ концу т. н. неолитическаго періода его (періода шлифованнаго камня) и, можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія еще приблизятъ принятое нами опредѣленіе эпохи.

Незначительность обнажившагося культурнаго слоя затрудняетъ опредѣленіе продолжительности пребыванія человѣка у Никольской Слободки. Положеніе у воды, представляя различныя удобства для жизни, также отчасти объясняетъ и темный

---

[1]) Т. Кибальчичъ, по поводу найденныхъ у Ник. Сл. испорченныхъ орудій и осколковъ кремня, говоритъ: „Есть возможность предположить необходимымъ условіемъ при погребеніи—уничтоженіе каменныхъ орудій, которыя при этомъ разбивали"; см. вышепривед. ст.

на основаніи находокъ вопросъ о пищѣ. Пищей могли служить рѣчныя раковины и рыбы. Ничего намъ не говорятъ находки и объ одеждѣ.

Было ли пребываніе человѣка у Никольской Слободки постояннымъ или только временнымъ,—вопросъ этотъ остается открытымъ. Но во всякомъ случаѣ, мы считаемъ нужнымъ упомянуть, что какъ разъ противъ Никольск. Сл. въ противоположномъ обрывистомъ берегу Днѣпра, при проложеніи спуска съ Печерской горы къ Цѣпному мосту, была открыта въ 1853 г. пещера, впослѣдствіи опять засыпанная. Хотя эта пещера, какъ и двѣ лаврскія, имѣютъ связь съ пустынножительствомъ, но, какъ справедливо полагаетъ проф. В. Б. Антоновичъ [1]), начало ихъ можетъ быть отнесено къ болѣе ранней эпохѣ. Что касается физическаго строенія обитателей бугровъ и способа ихъ погребенія, то данные отсутствуютъ [2]). Такимъ образомъ, всѣ вышеперечисленные признаки указываютъ на то, что у Никольской Слободки мы имѣемъ дѣло съ т. н. *стоянкой* первобытнаго человѣка. Факты, добытые нами, недостаточны хотя бы для поверхностнаго описанія быта этихъ первобытныхъ обитателей нашихъ мѣстъ; путемъ сравненія съ аналогичными стоянками, найденными какъ въ Россіи, такъ въ особенности за границей, можно было бы гораздо полнѣе очертить этотъ бытъ, но мы думаемъ, что аналогія хотя и немного, но все таки отвлекла бы насъ отъ истины. А потому мы будемъ лучше надѣяться, что послѣдующія изслѣдованія на основаніи точныхъ данныхъ сдѣлаютъ то, что сдѣлала бы въ этомъ случаѣ аналогія.

Къ сѣверу отъ Никольской Слободки, на протяженіи почти 5-ти верстъ вплоть до с. Воскресенскаго, тянется подъ лѣсомъ рядъ бугровъ различной величины и формы, покрытыхъ тонкимъ слоемъ дерна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дернъ разрушился, песокъ обнажился и, вслѣдствіе дѣйствія вѣтра, образовались небольшія котловины; въ нихъ попадаются хотя и въ незначительномъ количествѣ аналогичные съ найденными у Ник. Сл. черепки и кремни, такъ что бугры эти являются продолженіемъ

---

[1]) Чтенія въ Историческомъ Общ. Нестора лѣтописца, кн. I, стр. 244.

[2]) Хотя Т. Кибальчичъ въ вышеуказанной статьѣ и говоритъ о часто встрѣчающихся у Ник. Сл. костякахъ, но мы не встрѣтили и слѣдовъ таковыхъ.

стоянки Никольской Слободки. У с. Воскресенскаго бугры принимаютъ болѣе правильную куполообразную форму и совсѣмъ обнажены; находки и здѣсь были самыя незначительныя. Рядомъ съ с. Воскресенскимъ идетъ ровная песчаная плоскость, не давшая никакихъ находокъ; только въ концѣ, гдѣ опять начались бугры, найдено нѣсколько отбивныхъ кремней и большая, хорошо подправленная стрѣла. Эти же бугры тянутся далѣе вокругъ болота, отдѣляющаго с. Воскресенское отъ лежащаго выше с. Вигуровщины. Тамъ, гдѣ болото болѣе всего вдается въ берегъ, обнаружено небольшое мѣсто, сплошь покрытое осколками кремня, кусками ножиковъ, цѣлыми ножиками и скребками, тутъ же, какъ мы раньше упомянули, лежали осколки розоватаго песчанника, изъ котораго хотѣли приготовить орудія. Между черепками по орнаменту были одинаковые съ найденными у Ник. Сл., но нашлось также нѣсколько и особенныхъ, какъ напр. орнаментъ елкой. Цѣлыхъ сосудовъ у с. Вигуровщины не было найдено, но намъ передавали мѣстные пастухи, что весной они часто находили въ пескѣ „якись мыски". Встрѣчались въ кучахъ черепки отъ распавшихся сосудовъ, между таковыми найдены куски горшка, въ стѣнкахъ котораго сдѣланы дыры;—дыры сквозныя воронкообразныя и, какъ кажется, проверчены уже послѣ обжиганія сосуда, идутъ онѣ рядами, не близко другъ отъ друга, отъ края сосуда до самаго дна; трудно теперь судить о назначеніи сосуда, но несомнѣнно, что онъ удовлетворялъ какой то потребности въ домашнемъ быту, потребности общей и для другихъ поселеній первобытнаго человѣка, такъ какъ такіе же черепки отъ сосудовъ найдены и въ другихъ мѣстахъ по Днѣпру, а также и въ волынской губерніи (въ нашемъ собраніи есть такой черепокъ изъ большой стоянки у с. Збраиокъ волынск. губ. овручскаго у.).

Далѣе с. Вигуровщины мы не простирали нашихъ изысканій; но въ этомъ мѣстѣ бугры, продолжаясь немного выше по направленію къ с. Троещинѣ, прекращаются и опять обнаруживаются, насколько мы знаемъ, уже спустя большое пространство.

Ниже Никольской Слободки средняя терраса покрыта лѣсомъ, спускающимся вплоть до заливной долины. Только вер-

сты двѣ ниже, въ небольшой обнажившейся ложбинѣ, найдено нѣсколько остріевъ изъ кремня и черепки. Лѣсъ тянется далѣе на протяженіи 15 верстъ, считая въ прямомъ направленіи, до с. Гнѣдина. У сс. Гнѣдина и Вышенокъ, расположенныхъ рядомъ, терраса поднимается и достигаетъ значительной высоты. Лѣсъ здѣсь прекращается и поверхность состоитъ изъ обнаженныхъ небольшихъ бугровъ. На этихъ буграхъ найдена масса различныхъ предметовъ, различныхъ временъ. Собираніемъ въ настоящее время занимаются мѣстные крестьяне, доставляющіе находки священнику с. Вышенокъ о. Ѳ. Яновскому, которымъ было уже составлено нѣсколько полныхъ коллекцій, обнимавшихъ собою каменную, бронзовую, великокняжескую и болѣе близкія къ намъ эпохи (мы знаемъ пять такихъ коллекцій: 1) въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, 2) въ московскомъ археологическомъ обществѣ, 3) въ музеѣ древностей университета св. Владиміра, 4) у графа А. А. Бобринскаго и 5) у г. Поля). Такъ какъ матеріалъ, добытый на стоянкѣ у с. Вышенокъ, очень богатъ и разнообразенъ да и не находится у насъ подъ рукой и такъ какъ тѣсныя рамки нашей статьи не позволяютъ много распространяться, то мы скажемъ о предметахъ, найденныхъ у с. Вышенокъ, только въ общихъ чертахъ. Это также будетъ соотвѣтствовать и плану нашей статьи, которая составлена исключительно по личнымъ наблюденіямъ и по даннымъ лично нами добытымъ. Изъ предметовъ каменной эпохи у с.с. Гнѣдина и Вышенокъ найдены отбивные кремневые топоры, ножи, достигающіе иногда большихъ размѣровъ, острія, скребки различной величины, подправленные наконечники стрѣлъ всевозможныхъ формъ (ихъ найдено нѣсколько сотенъ), подправленные наконечники копій, орудія, служившія быть можетъ пилами, подправленныя и полированныя; затѣмъ идутъ: шлифованный молотокъ, шлифованные клинья или долота, иногда очень миніатюрные; изъ предметовъ глиняныхъ попадаются куски грубой посуды съ орнаментомъ, грузила и пряслицы (въ большомъ числѣ). Изъ бронзовыхъ вещей во множествѣ найдены различныя украшенія какъ самыя примитивныя, такъ и болѣе изящныя; изъ орудій мы знаемъ, что тамъ найденъ бронзовый небольшой клинъ

въ 0,037 м. длины и наконечникъ дротика въ 8½ снтм. длины (оба предмета въ коллекціи г. Поля). Великокняжеская эпоха оставила намъ складные кресты (энколпіоны), монеты (напр. кн. Владиміра) и украшенія—кольца, серьги, браслеты, бусы, привѣски и т. п. Украшенія, монеты и орудія войны являются представителями позднѣйшихъ временъ вплоть до настоящаго. Т. о. Вышенки можно считать однимъ изъ древнѣйшихъ поселеній, перешедшимъ всѣ фазы культурнаго развитія

Вслѣдствіе тщательнаго собиранія находки каменныхъ орудій сдѣлались теперь довольно рѣдки, тогда какъ раньше ихъ можно было подбирать сотнями. При личномъ обозрѣніи этой мѣстности культурнаго слоя не было замѣчено, но намъ показалась заслуживающею вниманія обнаруженная на пескѣ противъ с. Гнѣдина куча разрозненныхъ костей отъ нѣсколькихъ скелетовъ; онѣ почти совсѣмъ обнажены отъ песка; на двухъ бедряныхъ костяхъ, принадлежавшихъ вѣроятно одному скелету, въ нижнихъ частяхъ находятся зеленыя пятна отъ окислившейся мѣди. Здѣсь, можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ мѣстомъ погребенія обитателей стоянокъ Гнѣдина и Вышенокъ, разслѣдованіе котораго принадлежитъ будущему.

Верстъ 20 ниже с. Вышенокъ у д. Жеребятина и с. Койлова встрѣтились только самые незначительные слѣды существованія тамъ стоянокъ первобытнаго человѣка.

Перейдемъ теперь на правую сторону Днѣпра и начнемъ обозрѣніе мѣстности сверху.

Два мѣстонахожденія предметовъ доисторической старины находятся въ окрестностяхъ самаго Кіева. Первое изъ нихъ лежитъ у сѣверо-западной стороны Кіева, возлѣ предмѣстья Пріорки. Песчаные небольшіе бугры расположены вблизи городского лѣса и дали тѣ же находки, что и раньше описанныя стоянки на лѣвомъ берегу; именно: черепки съ аналогичнымъ орнаментомъ, куски кремней, ножички, скребки и подправленныя стрѣлы. Культурный слой замѣчался только въ видѣ тонкаго налета, но за то встрѣтилось много кострищъ, иногда довольно большихъ. Вблизи этого мѣста

въ Кирилловскихъ оврагахъ находятся пещеры, вырытыя въ лесѣ; по изслѣдованіи ихъ проф. В. Б. Антоновичемъ, оказалось, что онѣ служили жилищемъ первобытному человѣку [1]).

Съ юго-запада, у другаго предмѣстья Кіева—Верхней Соломенки, между двумя оврагами, расположена надъ ручьемъ Лыбедью песчаная возвышенность, называемая Лысою Горою. Она указана намъ проф. В. Б. Антоновичемъ, въ собраніи котораго находится нѣсколько найденныхъ тамъ предметовъ каменнаго вѣка.

Кромѣ кремневыхъ стрѣлъ, ножиковъ и скребковъ намъ встрѣтились здѣсь также черепки съ орнаментомъ болѣе мелкимъ и тонкимъ. Культурнаго слоя почти нѣтъ. Изъ предметовъ не каменнаго вѣка найдены двѣ бронзовыя плоскія стрѣлы; попадаются здѣсь также и желѣзныя стрѣлы. Мы упоминаемъ объ этой мѣстности потому, что хотя она и не лежитъ на берегу Днѣпра, но находится близко отъ той линіи, на которой расположены прочія стоянки.

Ниже Кіева приблизительно верстъ на десять у подошвы возвышеннаго берега расположены рядомъ с. Пирогово и д. Литовская Вита. Между ними находится группа обнаженныхъ песчаныхъ бугровъ, давшихъ тѣ же находки, что и въ другихъ мѣстахъ. Слой песка, окрашеннаго въ темный цвѣтъ проглядывалъ только изрѣдка, но кострища встрѣчались въ большомъ числѣ. Между черепками нашлось нѣсколько, принадлежавшихъ одному сосуду и сплошь покрытыхъ особеннымъ орнаментомъ изъ частыхъ углубленій, сдѣланныхъ острымъ орудіемъ. Тутъ же найдена половинка глинянаго грузила или скорѣе пряслицы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ повидимому обрабатывался кремень, лежала масса осколковъ кремня; кремень, какъ и во всѣхъ прежде описанныхъ стоянкахъ, разноцвѣтный. Изъ отдѣланныхъ орудій найдено нѣсколько ножиковъ и двѣ стрѣлы—одна съ выемкой, другая съ стержнемъ. Между черепками и осколками попадались сильно вывѣтрившіяся и даже окаменѣвшія мелкія кости; онѣ встрѣчались также кучами. Возлѣ с. Пирогова въ лесѣ возвышеннаго берега по исчисленію проф. В. Б. Антоновича нахо-

---

[1]) Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. 1, стр. 244.

дится 6 пещеръ [1]). Можетъ быть послѣдующія изслѣдованія установятъ какую нибудь связь между этими пещерами и стоянкой у с. Пирогова.

Отъ с. Пирогова до м. Триполья, т. е. на протяженіи 35 слишкомъ верстъ, мѣстность по правому берегу Днѣпра обслѣдована нами поверхностно. Но у насъ есть данные, на основаніи которыхъ можно предположить существованіе стоянки первобытнаго человѣка на половинѣ этого разстоянія, у хутора Козина.

Стоянка у м. Триполья. М. Триполье расположено на возвышенномъ берегу Днѣпра. Къ сѣверу отъ мѣстечка между нимъ и с. Злодіевкой впадаютъ въ Днѣпръ, или скорѣе въ заливъ Днѣпра, три рѣчки: сейчасъ за Трипольемъ р. Красная, протекающая и черезъ мѣстечко, затѣмъ р. Манька и наконецъ подъ с. Злодіевкой—р. Стугна, послѣдняя значительнѣе остальныхъ. Рѣчки эти лѣтомъ почти совсѣмъ пересыхаютъ, такъ что ихъ можно перейти въ бродъ въ сапогахъ. Пункты нахожденія древнихъ предметовъ слѣдующіе: на правомъ берегу р. Красной подлѣ огорода послѣдней крестьянской избы, отчасти же и въ самомъ огородѣ—здѣсь попадались только черепки и кости; затѣмъ главное мѣсто стоянки—между устьями р. Маньки и Стугны по берегу залива; эта же стоянка переходитъ и на другую сторону р. Стугны подлѣ с. Злодіевки, тутъ находки также были незначительны. Мѣстность между устьями Маньки и Стугны представляетъ отлогій песчаный бугоръ; весеннія воды не заливаютъ только верхушки этого бугра, кругомъ же образуется громадное водное пространство, такъ какъ всѣ три рѣчки, а также и Днѣпръ выступаютъ изъ береговъ и сливаются вмѣстѣ.

Площадь, на которой сосредоточены различныя культурныя остатки, занимаетъ не болѣе 500 квадрат. саженей. Все это мѣсто можно сказать укрыто черепками, между которыми попадаются кости, кремни и другіе камни въ отдѣланномъ и неотдѣланномъ видѣ; среди нихъ изрѣдка зеленѣютъ кусочки бронзы и вещи изъ нея; эти послѣднія главнымъ образомъ встрѣчаются въ центральномъ пунктѣ стоянки.

---

[1]) Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣт. кн. I, стр. 244.

Культурный слой обнаженъ на всемъ пространствѣ стоянки, толщина его достигаетъ до $^1/_2$ арш.

Въ данномъ случаѣ мы, также какъ и при описаніи стоянки у Никольской Слободки, раздѣляемъ найденныя здѣсь предметы на группы, именно: 1) орудія, 2) гончарныя издѣлія, 3) остатки пищи и новая группа—4) украшенія.

I. Орудія. а) Каменныя. Изъ шлифованныхъ орудій встрѣтилось только два обломка діоритовыхъ молотковъ; у обоихъ сохранились части дыръ. По одному обломку можно возстановить поперечный разрѣзъ молотка въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась дыра; оказывается, что молотокъ былъ небольшой, съ закругленными боками. Кромѣ этихъ обломковъ найденъ еще кусокъ шлифованнаго діоритоваго цилиндра въ 4 сант. въ поперечникѣ, что это было за орудіе—теперь трудно сказать. Найдено также и нѣсколько камней для шлифованія; заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: 1) кусокъ песчанника почти овальной формы, одна сторона его отшлифована, 2) діоритовый брусокъ 9 сант. длины, одна сторона хорошо отшлифована, другія же только слегка, 3) небольшой кусокъ также діоритоваго бруска съ четырехъ сторонъ отшлифованный. Типы кремневыхъ орудій такіе же какъ и у Никольской Слободки и отличаются такой же миніатюрностью. Больше всего найдено ножиковъ и обломковъ ихъ—до 30; почти всѣ они съ двумя рѣжущими краями. Острія въ настоящемъ смыслѣ не было найдено ни одного, но встрѣчались болѣе или менѣе подходящіе подъ эту форму осколки. Между скребками, кромѣ миніатюрныхъ, найдено нѣсколько штукъ и сравнительно крупныхъ, большей частью продолговатыхъ. Среди подправленныхъ стрѣлъ, попалось нѣсколько штукъ (5) типа неизвѣстнаго Никольской Слободкѣ, именно—со стержнемъ.

б) Костяное: только одинъ обломанный конецъ долота въ $3^1/_2$ сант. длины, лезвіе хорошо отточено, ширина его 1 сант. съ небольшимъ.

в) Бронзовыя: 1) игла съ ушкомъ, посрединѣ немного согнута и надломана, $4^1/_2$ сант. длины. 2) Небольшое долотцо 3-хъ сант. длины, одинъ конецъ отточенный, другой закругленный, приспособленный для всаживанія въ ручку.

II. Гончарство. Гончарный кругъ не употреблялся. Глина большей частью хорошо выдѣланная, безъ примѣси кварца или съ незначительнымъ процентомъ его. Обжигъ почти всегда полный, хотя и не равномѣрный; послѣ обжига сосуды принимали красный цвѣтъ, но встрѣчались также и темные, даже совсѣмъ черные черепки. Нашелся одинъ черепочекъ, покрытый дендритами. Плотность не уступаетъ современной. Толщина стѣнокъ отъ 1½ до ½ сант. и тоньше. Размѣры сосудовъ, судя по оставшимся черепкамъ, различны, начиная отъ самыхъ маленькихъ и кончая довольно большими. Формы также разнообразны. Цѣлымъ найденъ только одинъ миніатюрный горшочекъ съ толстыми (¾ сант.) стѣнками, сдѣланный довольно грубо, посрединѣ онъ расширяется, высота 5½ сант. и въ поперечникѣ 6 сант. Но встрѣтилось нѣсколько кусковъ отъ сосудовъ, вполнѣ достаточныхъ для опредѣленія формы. Такъ, найдена часть сосуда, имѣвшаго видъ плоскаго глинянаго круга съ чуть-чуть загнутыми краями; сюда также примыкаетъ сосудъ гораздо лучшей выдѣлки и повидимому большихъ размѣровъ съ невысокими стѣнками, отогнутыми наружу, затѣмъ найдены: два обломка очень маленькихъ сосудовъ въ видѣ плошекъ; цѣлый бокъ сравнительно большаго сосуда, по формѣ напоминающаго современные обыкновенные горшки, онъ украшенъ орнаментомъ изъ углубленій, вдавленныхъ пальцемъ; также довольно большая часть сосуда въ родѣ миски, чернаго цвѣта; бокъ и дно сосуда формы сходной съ вышеописаннымъ цѣлымъ, но гораздо больше его. Найдено также 7 кусочковъ отъ небольшихъ, повидимому, сосудовъ съ частыми сквозными дырочками. Большинство днищъ сосудовъ— плоскія безъ всякихъ знаковъ, но встрѣтилось нѣсколько особенныхъ—у нихъ внутри сдѣлано углубленіе и такимъ образомъ получилось что то въ родѣ кольцеобразной ножки. Ручки отъ сосудовъ попадались часто, найдено до 40 штукъ. Роль ручекъ сначала могли исполнять небольшія шишки, иногда двойныя, налѣпленныя на сосудъ въ видѣ украшенія, затѣмъ онѣ удлиняются и все болѣе и болѣе принимаютъ видъ настоящей ручки, но прикрѣпленной къ сосуду только однимъ концомъ; послѣ начинаютъ прикрѣплять и другой конецъ, хотя ручки все еще

остаются круглыми или четыреугольными; наконецъ онѣ принимаютъ видъ обыкновеннаго плоскаго ушка, иногда даже орнаментированнаго. Все это можно было наблюдать на экземплярахъ, найденныхъ у м. Триполья. Орнаментика сосудовъ очень разнообразна и иногда довольно сложна, имѣетъ много общаго съ таковою стоянки Ник. Слободки. Украшался главнымъ образомъ верхъ сосуда. Самый простой видъ—это углубленія, сдѣланныя пальцемъ, такъ что иногда видѣнъ отпечатокъ ногтя. Наиболѣе многочисленную группу составляетъ орнаментъ дырочками—какъ и у Ник. Слободки; ему не уступаетъ по своей многочисленности орнаментъ изъ налѣпленныхъ полосокъ—нѣсколькихъ или одной, иногда довольно толстой; на этихъ полоскахъ въ свою очередь дѣлались углубленія. Затѣмъ слѣдуетъ орнаментъ изъ прямой линіи и изъ одинаковыхъ продолговатыхъ углубленій съ перегородками, непрерывно повторяющихся. Кромѣ того, изъ соединенія предыдущихъ орнаментовъ образуются новые. Изъ особенныхъ, мы отмѣтимъ орнаментъ въ видѣ птичьихъ лапокъ, затѣмъ отпечатокъ, полученный какъ бы отъ вдавливанія чего то плетенаго и наконецъ сложный орнаментъ изъ прямыхъ линій, образующихъ треугольники. Углубленія, сдѣланныя пальцемъ и нарѣзки покрываютъ также и самый ободокъ сосудовъ. Заслуживаетъ вниманія украшеніе изъ небольшихъ шишекъ помѣщенныхъ въ средней части сосуда. Глиняныхъ грузилъ и пряслицъ найдено больше 25 штукъ, но цѣлыхъ встрѣтилось немного, все больше половинки. Пряслицы приготовлялись иногда изъ черепковъ разбитыхъ сосудовъ; у Триполья найденъ черепочекъ кругомъ обточенный и вѣроятно предназначавшійся для пряслицы, найдена также одна цѣлая и двѣ половинки такихъ уже готовыхъ пряслицъ съ дырочками посрединѣ. Попадаются пряслицы и орнаментированныя.

III. Остатки пищи. На пескѣ среди черепковъ попадались зубы и кости разныхъ животныхъ, между ними нашлись двѣ большія трубчатыя кости, разбитыя и давшія продольныя трещины. Всѣ кости принадлежатъ животнымъ, до сихъ поръ живущимъ; онѣ большей частью очень вывѣтрились, иногда покрыты дендритами; есть нѣсколько со слѣдами огня. Но вообще

костямъ, найденнымъ на поверхности, мы не придаемъ большаго значенія, такъ какъ присутствіе ихъ можетъ быть и случайно. Гораздо важнѣе отрытая нами изъ песка куча сильно обуглившихся костей; судя по одному позвонку, кости принадлежали крупному млекопитающемуся, быть можетъ быку.

IV. Украшенія. Къ числу украшеній можно отнесть небольшія и легкія пряслицы; украшеніемъ можетъ быть былъ и найденный тамъ же глиняный цилиндрикъ съ перехватомъ посрединѣ, орнаментированный точками.

Перейдемъ къ бронзовымъ украшеніямъ. Самымъ простымъ видомъ ихъ были тоненькія пластинки, свернутыя въ трубочки разной величины; болѣе сложнымъ является спираль изъ плоской проволоки; далѣе слѣдуетъ пластинка формы трапеціи съ колечкомъ для привѣшиванія, покрытая точками, выбитыми рядами. Наиболѣе представляетъ интереса часть фибулы (видъ броши, употреблявшейся для застегиванія одежи) римскаго типа; игла не сохранилась, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ она прикрѣплялась, замѣтны слѣды желѣзной ржавчины. Совершенно аналогичныя фибулы, сдѣланныя изъ бронзы и желѣза вмѣстѣ, обнаружены на Кавказѣ, въ могилахъ, относимыхъ къ III в. по Р. Х. [1]). Въ центральной части стоянки найдено на одномъ мѣстѣ шесть широкихъ бронзовыхъ полуколецъ, три вывѣтрившіяся бусы изъ композиціи и нѣсколько кусковъ бронзы,—все это вмѣстѣ составляло какое то украшеніе, возстановить форму котораго не удалось. Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ и цѣлыхъ вещичекъ встрѣтилось много обломковъ отъ колецъ, пряжекъ, браслетовъ и отъ разныхъ другихъ бронзовыхъ украшеній. Попадались также на этой стоянкѣ куски стеклянныхъ браслетовъ и стеклянныя бусы; найдена, между прочимъ, сережка изъ бронзовой проволоки съ двойной золотистой бусинкой. Мы пока не рѣшаемся приписать употребленіе этого рода предметовъ обитателямъ стоянки и оставляемъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, до нахожденія точныхъ данныхъ.

---

[1]) Нѣсколько экземпляровъ такихъ фибулъ хранятся въ музеѣ древностей университета св. Владиміра.

Заканчивая перечень предметовъ найденныхъ у м. Триполья, нужно добавить, что здѣсь встрѣтилось нѣсколько кусковъ желѣзныхъ ножиковъ, сильно съѣденных ржавчиной и большой желѣзный рыболовный крючекъ.

Бросая общій взглядъ на стоянку у м.Триполья, мы прежде всего находимъ на ней мастерскую каменныхъ орудій. Доказательствомъ приготовленія кремневыхъ отбивныхъ орудій служатъ многочисленные осколки кремня, а также два найденныя ядрища, оставшіяся послѣ отбивки; онѣ очень миніатюрны; особенно замѣчателенъ одинъ изъ нихъ по правильности граней. Тутъ же дѣлали и шлифованныя орудія, на что указываютъ камни для шлифованія.

Глиняныя издѣлія приготовлялись также на мѣстѣ—между черепками найдены два куска глины, изъ которой дѣлали сосуды; они вѣроятно случайно попали въ огонь и такъ были обожжены, а потому и сохранились до сихъ поръ; въ одномъ изъ нихъ глина хорошо выдѣлана, въ другомъ—съ густой примѣсью кварца; на одномъ кускѣ даже видны какъ бы слѣды руки.

Гончарство стоянки у м. Триполья въ выдѣлкѣ и формѣ сосудовъ достигло предѣловъ, дальше которыхъ безъ помощи гончарнаго круга и нельзя было итти. Орнаментъ на сосудахъ отличается правильнымъ и сложнымъ рисункомъ.

Что касается бронзовыхъ предметовъ, то присутствіе ихъ на стоянкѣ можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: или они получены посредствомъ торговли, или же ихъ принесли новоприбывшіе поселенцы. Но, несмотря на это, есть данныя, указывающія на мѣстную обработку бронзы. Это, прежде всего, дно съ остатками стѣнокъ отъ небольшаго тигля, въ которомъ плавилась бронза; слѣды послѣдней и сохранились какъ извнутри, такъ и снаружи сосуда; затѣмъ на стоянкѣ попалось нѣсколько кусочковъ бронзоваго шлака, оставшагося отъ плавки, да еще небольшой кусочекъ бронзовой проволоки, служившей повидимому матеріаломъ для выдѣлки какихъ то мелкихъ предметовъ. Изъ найденныхъ вещичекъ къ мѣстнымъ произведеніямъ можно отнесть трубочки, свернутыя изъ тонкихъ пластинокъ, и довольно простое украшеніе въ видѣ трапеціи; кромѣ того, мо-

жетъ быть и орудія (игла и долотцо) были сдѣланы мѣстными мастерами; фибула же несомнѣнно чужеземнаго происхожденія.

Бугоръ у м. Триполья былъ временной стоянкой, такъ какъ онъ весной покрывался водой. Судя по толщинѣ культурнаго слоя, посѣщенія этого мѣста были часты и продолжительны. Обитатели стоянки между прочимъ питались жаренымъ мясомъ, приготовленнымъ на кострѣ. Одѣвались они въ сшитую одежу. На отпечаткахъ пальцевъ въ украшеніяхъ, покрывающихъ сосуды, можно наблюдать, что пальцы у мастера были тонкіе и небольшіе.

Вотъ и все, что мы можемъ сказать навѣрное; остальные же вопросы, касающіеся быта, остаются пока безъ отвѣта.

Въ заключеніе нужно упомянуть, что проф. В. Б. Антоновичемъ у с. Злодіевки также найдена пещера, вырытая въ лесѣ [1]). Мы думаемъ, что такое соотвѣтствіе въ мѣстонахожденіи пещеръ, открытыхъ проф. Антоновичемъ и стоянокъ, нами описанныхъ, не случайно.

Основываясь теперь на добытыхъ данныхъ, мы можемъ отнесть стоянку у м. Триполья и с. Злодіевки къ концу каменнаго вѣка и началу металлическаго, т. е. къ эпохѣ переходной. Были ли въ употребленіи вмѣстѣ съ бронзовыми орудіями и желѣзныя—на это точныхъ указаній нѣтъ.

Сравнивая всѣ вышеописанныя стоянки, мы должны констатировать сходство ихъ. Сходство это выражается прежде всего въ одинаковомъ мѣстоположеніи: на открытыхъ песчаныхъ буграхъ у рѣки, затѣмъ въ характерѣ стоянокъ: культурный слой и мастерская орудій, далѣе въ тожествѣ находимыхъ на стоянкахъ предметовъ какъ изъ камня, такъ и изъ глины. Различіе между стоянкой у Никольской Слободки и стоянкой у м. Триполья, заключающееся въ томъ, что на послѣдней найдены предметы бронзоваго вѣка, можетъ быть объяснено недостаточнымъ обнаженіемъ культурнаго слоя у Никольской Слободки; тоже самое можно сказать и по отношенію къ другимъ незначительнымъ стоянкамъ.

---

[1]) Чтенія въ Ист. об. Нестора Лѣт., кн. 1, стр. 244.

Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ право приписать стоянки по берегамъ р. Днѣпра одному и тому же племени, съ одинаковымъ культурнымъ развитіемъ.

Если на протяженіи лишь пятидесяти верстъ нашлось столько стоянокъ (а нѣкоторыя, можетъ быть, еще скрываются подъ пескомъ), и если допустить, что не только по Днѣпру и его притокамъ, а также и по другимъ рѣкамъ этого края, будутъ открыты аналогичныя стоянки и въ такомъ же числѣ (на что уже есть нѣкоторыя данныя), то нужно признать, что племя, оставившее намъ эти стоянки, было довольно многочисленно.

Помимо общаго названія „первобытный", нѣтъ данныхъ для хронологическаго опредѣленія эпохи, въ которую жило это племя. Нѣтъ также указаній на то, имѣетъ ли это племя какую нибудь связь съ славянскими племенами, которыя мы видимъ уже существующими на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ раньше обиталъ первобытный человѣкъ.

Ник. Бѣляшевскій.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

Иванъ Бондаренко.

Четвертымъ выдающимся ватажкомъ движенія 1768 года несомнѣнно былъ *Иванъ Бондаренко.*

О Бондаренкѣ знали пока только по небольшой замѣткѣ въ мемуарѣ Липпомана. Пробовали, правда, восполнить этотъ матеріалъ еще свѣдѣніями изъ одного документа запорожскаго архива, но къ сожалѣнію неудачно, такъ какъ документъ этотъ оказывается вовсе къ ватажку Бондаренку не относящимся. Въ виду такой скудости матеріала существеннымъ оказалось появленіе въ печати народнаго разсказа о Бондаренкѣ, дающаго точныя свѣдѣнія и о родинѣ его, и о его гибели. Не лишенными интереса окажутся, быть можетъ, и свѣдѣнія о Бондаренкѣ, извлекаемые нами изъ Кодненской книги.

Наиболѣе существеннымъ документомъ для характеристики Бондаренка въ названной книгѣ является для насъ дѣло нѣкоего Корнія[2]), котораго кодненская коммиссія охарактеризовала эпитетомъ „hultaj z calego swiata rodem“. Въ документѣ заключаются показанія этого Корнія, впослѣдствіи назвавшаго себя Москаленкомъ, причемъ показанія его двоякаго рода—одни добровольныя, а другія—корпоральныя, т. е. данныя подъ пыткой. Въ добровольныхъ показаніяхъ сообщилъ онъ суду только о

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1890 г., № 3.

[2]) Кодн. кн., стр. 533 и слѣд., а также 537.

своемъ шляніи по селитряннымъ и поташнымъ заводамъ въ предѣлахъ такъ называемой Дѣдовщизны (теперь часть радомысльскаго и кіевскаго уѣздовъ) и даже Полѣсія и о двухъ трехъ кражахъ своихъ у крестьянъ то свитокъ, то полушубковъ ради заклада ихъ у шинкарей за горилку. Въ корпоральныхъ же показаніяхъ есть у него и признаніе въ убійствахъ, и цѣлая повѣсть объ участіи его въ ватагѣ Бондаренка.

Изъ словъ Корнія узнаемъ мы, что въ годъ, когда началась на украинѣ „ризанина" и swywolia, онъ весной состоялъ работникомъ на будѣ ковалевской въ Полѣсіи. Слухъ о swywoli заставилъ его бросить работу и направиться въ Украину. Пошелъ онъ къ Фастову и по дорогѣ попалъ въ Брусиловъ (м. радомысльскаго у., при р. Здвижѣ къ ЮВ. отъ гор.). Выйдя же оттуда, встрѣтился съ Бондаренкомъ, который самъ-четвертъ ѣхалъ грабить. Конечно, Бондаренку не трудно было склонить Корнія вступить въ его ватагу. Когда тотъ согласился, Бондаренко велѣлъ ему ѣхать за собой въ Брусиловъ, гдѣ снабдилъ его пикой. Въ Брусиловѣ уже Бондаренко показалъ свою удаль, разграбилъ мѣстечко, и Корній при этомъ собственноручно убилъ двухъ жидовъ. Изъ Брусилова поѣхали гайдамаки въ с. Грузькое (кіевскаго у.), мѣсто родины Бондаренка, какъ узнаемъ далѣе. Здѣсь Бондаренко рѣшилъ остаться подольше и заѣхалъ въ домъ попа. Горилка въ эти дни рѣкой текла въ Грузькомъ изъ винницъ панскихъ и жидовскихъ—и веселью народа не было конца. Надо полагать, при этомъ, что ватага Бондаренка состояла тогда уже не изъ пяти человѣкъ, какъ показалъ Корній, а изъ большаго числа. Натѣшившись въ Грузькомъ, Бондаренко направился въ Бышовъ (кіевскаго у., при рч. Лупѣ). Здѣсь онъ ограбилъ и убилъ семерыхъ жидовъ и троихъ шляхтичей, ксендза же велѣлъ повѣсить, но не одного, а рядомъ съ съ псомъ и жидомъ. По собственному признанію Корнія подъ пыткой, это порученіе принялъ онъ на себя. Изъ Бышова пошли въ Андріевку (с. кіевск. у при р. Здвижи) и тутъ между прочимъ ознаменовали свое пребываніе убійствомъ шляхтянки, которую привезъ къ нимъ какой-то крестьянинъ; но прежде чѣмъ ее разстрѣляли, гайдамаки два дня держали ее при себѣ. Далѣе

ограбили они с. Рожовъ (м. радомысльскаго у., на границѣ кіевскаго при р. Здвижѣ) и наконецъ явились въ Макаровъ (м. кіевскаго уѣзда при р. Здвижѣ къ З. отъ Кіева). При самомъ въѣздѣ въ это село имъ попался на встрѣчу жидъ съ женой и тремя дѣтьми, не успѣвшій убѣжать отъ бѣды своевременно. Гайдамаки тутъ же на греблѣ убили жида и двухъ сыновей его, а третьяго обѣщаніемъ помиловать склонили къ тому, чтобы онъ застрѣлилъ собственную мать; жиденокъ немедленно исполнилъ ихъ требованіе; тогда Бондаренко обѣщалъ окрестить его и взять къ себѣ за хлопца. Въ Макаровѣ Бондаренко перебилъ всѣхъ жидовъ и семь шляхтичей. Оставался онъ тамъ довольно долго, и именно въ Макаровѣ его захватили мѣстные надворные козаки. Во время этой катастрофы Корній успѣлъ благополучно скрыться, и если попалъ на судъ, какъ мы знаемъ, то значительно позже, и то случайно.

Кромѣ дѣла Корнія Москаленка, свѣдѣнія о Бондаренкѣ даетъ намъ еще небольшая судебная отмѣтка кодненскаго суда по дѣлу Грыцька Грущенка [1]) уроженца с. Гулакъ въ той же Дѣдовщизнѣ. Этотъ Грицько Грущенко былъ при Бондаренкѣ въ Макаровѣ, а раньше состоялъ, кажется, надворнымъ козакомъ въ Бышовѣ. По собственному признанію его, онъ участвовалъ въ Макаровѣ и въ грабежѣ, и въ убійствахъ, причемъ въ оправданіе свое ссылался на вынужденность своего положенія. По словамъ его, и онъ, и всѣ бышовскіе козаки поневолѣ пошли за Бондаренкомъ, такъ какъ будто бы гайдамаки за отказъ идти съ ними грозили имъ смертію. Но подобное оправданіе не спасло Грущенка на кодненскомъ судѣ: онъ былъ обезглавленъ.

Въ дѣлѣ этомъ для насъ имѣетъ значеніе еще одно обстоятельство. Грущенко сообщилъ суду между прочимъ, что нѣсколько гайдамакъ изъ ватаги Бондаренка ѣздили куда-то за тремя паннами Струтинскими и за какою-то вдовою; сами они этихъ шляхтянокъ не перебили, а отправили почему то въ Фастовъ, очевидно, къ Швачкѣ, гдѣ одной изъ нихъ дарована была жизнь. Быть можетъ, эта отправка паннъ въ Фастовъ указываетъ на связь, бывшую между Бондаренкомъ и Швачкой.

[1]) Кодн. кн., стр. 540.

Не безполезнымъ оказывается для нашихъ цѣлей и рядъ документовъ въ той же кодненской книгѣ объ убійствѣ въ с. Дымирѣ нѣкоего шляхтича Вонсовскаго [1]). Село Дымиръ недалеко отъ Макарова (Дымиръ—м. кіевск. у. при рч. Пеховкѣ, къ ССЗ. отъ города), поэтому Бондаренку легко было имѣть сношенія и съ жителями Дымира во все продолжительное пребываніе его въ Макаровѣ. Сношенія такія у него и были дѣйствительно, но при этомъ никакъ нельзя утверждать, что убійство пана Вонсовскаго было внушено имъ: въ дѣлѣ нѣтъ опредѣленныхъ слѣдовъ объ этомъ. Сношенія же съ нимъ велъ дымирскій попъ. Изъ показаній дьяка дымирской церкви видно, что попъ ѣздилъ къ Бондаренку въ Макаровъ, причемъ бралъ съ собою Данила Коваля, заставляя его, дьяка, быть погоничемъ. Пріѣзжая къ Бондаренку, попъ долго съ нимъ совѣщался, а о чемъ именно—дьяку не сказывалъ. Но не всѣ дымирскіе жители были такъ смѣлы, какъ ихъ батюшка. Многіе боялись знаться съ Бондаренкомъ, предполагая возможность доносовъ. Первый дьякъ очень неохотно запрягалъ попу коня, когда тотъ бывало сбирался въ Макаровъ, такъ что одинъ разъ, напримѣръ, попу пришлось три раза посылать за нимъ, а въ четвертый онъ самъ прибѣжалъ къ нему z wielką furią и ругая его каналіей. То же и два крестьянина, которыхъ попъ посылалъ зачѣмъ то къ Бондаренку, предпочли доѣхать до гребли посреди дороги, пробыть тамъ до вечера и затѣмъ, вернувшись въ Дымиръ, ложно объявить батюшкѣ, что Бондаренка уже нѣтъ въ Макаровѣ. Наконецъ, когда самъ попъ заѣхалъ изъ Макарова послѣ свиданія съ Бондаренкомъ въ с. Бородянку (мѣст. кіевск. уѣзда къ СЗ. отъ Кіева) къ тамошнему протопопу, то этотъ послѣдній, довѣдавшись, откуда пріѣхалъ къ нему гость, прямо не одобрилъ связи съ Бондаренкомъ и сказалъ: „злесте зробылы, бо лядчина якъ була, такъ и буде“. Ясно—въ Дѣдовщизнѣ не было полной увѣренности, что поляковъ можно легко побороть.

Между тѣмъ, если гдѣ, то въ Дѣдовщизнѣ должны были знать враговъ своихъ во-очію; ужъ одно то, что уніатскіе ми-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 529—533 и 440.

трополиты и ихъ официалы пребывали въ Радомыслѣ—значитъ не мало. Но и кромѣ того, тамошняя шляхта, какъ говорится, давалась въ знаки. Самое дѣло объ убійствѣ Вонсовскаго кой-что говоритъ на этотъ счетъ. Быть можетъ, самое убійство этого мелкаго неважнаго шляхтича, пьянствовавшаго съ пріятелями по корчмамъ, и не носитъ вполнѣ политическаго характера, но во всякомъ случаѣ оно было совершено не изъ-за грабежа, а чуть ли не изъ-за слишкомъ свободнаго отношенія Вонсовскаго къ женскому полу. На это указываетъ по крайней мѣрѣ приведенный въ дѣлѣ разговоръ одной дымирской дѣвушки, шедшей къ Кіеву на жнива, съ однимъ изъ крестьянъ, давшимъ показаніе по дѣлу. Дивчина говорила ему, что еще задолго до смерти пана Вонсовскаго она просила войта своего села—„абы старого вывезлы“, и на это войтъ ей отвѣчалъ: „отъ его хлопци на улыци кыямы былы“. Наконецъ панъ этотъ былъ убитъ не въ своемъ домѣ, а въ сомнительной хатѣ 50-ти-лѣтней бабы Мотри Малашихи, у которой какъ разъ въ ночь убійства была въ хатѣ еще какая-то другая женщина, ею приглашенная. А такая обстановка невольно наводитъ на мысль, что панъ Вонсовскій былъ человѣкъ распущенный и тѣмъ легко вызвавшій противъ себя ненависть дымирцевъ, которымъ, конечно, отъ легкихъ панскихъ нравовъ не легко жилось на свѣтѣ.

Случай этотъ, повторяемъ, показываетъ, что общее горе не минало дымирцевъ въ разномъ видѣ, и не недостатокъ его могъ удерживать ихъ отъ связей съ Бондаренкомъ, а только опасеніе за успѣхъ начатаго имъ. Возвращаясь же еще разъ къ дѣлу объ убійствѣ Вонсовскаго, замѣтимъ, что предположеніе наше о частномъ характерѣ этого дѣла можетъ встрѣтить нѣкоторое опроверженіе, во-первыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что убійство это, по показаніямъ Малашихи, совершилъ не иной кто, какъ коваль Данило, тотъ самый, что ѣздилъ съ попомъ къ Бондаренку, во-вторыхъ—въ томъ, что ворвался коваль въ хату Малашихи для убійства не одинъ, а вмѣстѣ съ попомъ и еще какимъ-то Опанасомъ Лагоденскимъ, и наконецъ въ третьихъ—въ томъ, что послѣ убійства попъ уѣхалъ за московскую границу, какъ будто избѣгая отвѣтственности. При такихъ же усло-

віяхъ вполнѣ отрицать, что дѣло это устроилось безъ указаній Бондаренка, нѣтъ основаній.

Но оставимъ подробности кодненскихъ документовъ и соберемъ изъ нихъ все наиболѣе существенное для характеристики Бондаренка. Самымъ важнымъ для насъ въ этомъ отношеніи является опредѣленіе района его дѣятельности. Въ первомъ документѣ нашемъ онъ обозначенъ совершенно точно: дѣйствовалъ онъ въ Дѣдовщизнѣ въ нынѣшнемъ радомысльскомъ уѣздѣ и пребывалъ съ своей ватагой въ Брусиловѣ, Грузькомъ, Бышовѣ, Андріевкѣ, Рожовѣ и наконецъ Макаровѣ. Далѣе, изъ того же перваго документа нашего видно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Бондаренко былъ весной 1768 года, тогда, когда въ разныхъ мѣстахъ на Украинѣ началась рѣзня. Если же такъ, то онъ, вопреки утвержденію Липпомана, ни въ коемъ случаѣ не могъ быть раньше въ ватагѣ Неживого, ибо Неживый самъ дѣйствовалъ въ Черкащинѣ, Чигиринщинѣ и Смѣлянщинѣ именно въ то же весеннее время. Мы получаемъ, такимъ образомъ, въ добавокъ къ Желѣзняку, Швачкѣ и Неживому четвертаго одновременно съ ними дѣйствующаго ватажка и дѣйствующаго притомъ въ отдѣльномъ районѣ.

Наконецъ, что до особенностей самого Бондаренка, то онъ скорѣе по типу близокъ къ Швачкѣ, нежели къ Неживому. И онъ, какъ Швачка, не разбирая средствъ, неуклонно стремится къ достиженію своихъ цѣлей—искорененію уніи, шляхетства и жидовства. Жалость—не изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя въ немъ проявляются часто. И дѣло съ жидовскимъ семействомъ подъ Макаровымъ, и убиваніе шляхтянокъ, какъ непосредственно, такъ и via Фастовъ—все это невольно наводитъ на такое заключеніе. Далѣе, онъ опять таки какъ Швачка, а не какъ Неживый, не обращалъ вниманія на нравственныя качества лицъ, вступавшихъ въ его ватагу. Корній Москаленко, этотъ hultaj z calego swiata rodem, былъ въ его ватагѣ чуть не правой рукой его. А по свидѣтельству Грицька Грущенка, приставать къ ватагѣ своей Бондаренко принуждалъ многихъ подъ угрозой смерти, такъ что участіе въ ней бышовскихъ козаковъ было будто бы не добровольное. И, если только указанія Грущенка не ложны, то

это опять таки черта, совсѣмъ чуждая Неживому. Въ виду всего этого, какъ и въ Швачкѣ, мы видимъ въ Бондаренкѣ человѣка фанатичнаго, раздраженнаго, не терпящаго противорѣчій и готоваго рѣшительно на все для достиженія своихъ цѣлей.

Иныя нѣсколько заключенія дѣлались о Бондаренкѣ на основаніи давнихъ свѣдѣній о немъ.

Его, напримѣръ, считали какъ бы преемникомъ Неживого послѣ арестованія этого послѣдняго Чорбой. Вслѣдъ за Липпоманомъ [1]) г. Мордовцевъ въ книгѣ своей „гайдамачина“ прямо утверждаетъ [2]), что Бондаренко былъ „предводителемъ шайки, составившейся изъ раздробленныхъ частей шайки Неживого“. Г. Мордовцевъ въ добавокъ считаетъ, что до выступленія въ роли ватажа Бондаренко былъ въ ватагѣ Неживого, разсказываетъ даже, какъ Неживый убѣждалъ Бондаренка пристать къ гайдамачеству въ то время, когда-де этотъ послѣдній жилъ въ с. Чаплинцахъ. И сообщилъ названный авторъ подобныя свѣдѣнія на основаніи показаній гайдамаки Ѳедора Бондаренка, пойманнаго въ предѣлахъ Вольностей Войска запорожскаго и допрошеннаго въ кошѣ 25 іюня 1768 г. [3]). Пользуясь этимъ документомъ, г. Мордовцевъ передалъ кстати и о прошломъ Ѳедора Бондаренка, принятаго имъ за ватажка. Оказывается, что онъ былъ родомъ изъ села Могулевца Лубенскаго полка чигиринъ-дубровской сотни и еще при жизни отца своего Василія Бондаря переселился въ с. Чаплинцы, гдѣ его сманилъ въ гайдамаки пришедшій будто бы туда Неживый. Далѣе изъ документа г. Мордовцева, или вѣрнѣе Скальковскаго, видно, что Ѳедоръ Бондаренко дѣйствительно былъ въ ватагѣ этого послѣдняго; онъ могъ по крайней мѣрѣ довольно обстоятельно пересказать о ней кошу. Послѣ приведенія всѣхъ этихъ свѣдѣній г. Мордовцевъ самъ отмѣтилъ противорѣчіе между показаніями Ѳедора Бондаренка, нигдѣ не говорящаго о своей важной роли ватажка, и утвержденіями Липпомана о томъ, что у Бондаренка была боль-

---

[1]) Bunt hajdamaków na Ukrainie, стр. 49.

[2]) Мордовцевъ. Гайдамачина, стр. 457.

[3]) О существованіи этого документа знаемъ по книгѣ Скальковскаго „Наѣзды Гайдамакъ“. Стр. 120.

шая орда, что онъ былъ важнымъ ватажкомъ; кромѣ того, нельзя было согласить г. Мордовцеву поимки Бондаренка въ запорожіи съ сообщеніемъ Липпомана, что ватага Бондаренка и онъ самъ были захвачены въ Макаровѣ сотникомъ z dobr korninskich imenia Proskurow dziedicznych, по фамиліи Щербиной.

И дѣйствительно, всѣ эти противорѣчія несогласимы и вызваны они смѣшеніемъ ватажка Бондаренка съ его однофамильцемъ, тоже бывшимъ въ гайдамакахъ, но не ватажкомъ. Ватажокъ Бондаренко былъ Иванъ, а не Өедоръ, какъ это видно изъ документа нашего [1]), гдѣ Иваномъ Бондаренкомъ названо лицо, выступающее ватажкомъ въ предѣлахъ житомирскаго, овручскаго и кіевскаго повѣтовъ и выступающее въ той же роли и въ томъ же районѣ и въ другихъ документахъ нашихъ [2]). Далѣе въ ватагѣ Неживого, какъ мы уже сказали, ватажокъ Бондаренко быть не могъ, ибо уже весной дѣйствовалъ въ Дѣдовщизнѣ, какъ самостоятельный дѣятель, дѣйствовалъ самостоятельно стало быть тогда, когда въ другомъ районѣ дѣйствовалъ Неживый. Знаемъ мы въ добавокъ, что и по особенностямъ своимъ личнымъ Бондаренко не могъ быть продолжателемъ Неживого. Что же до утвержденія польскаго мемуариста о захватѣ Бондаренка козацкимъ сотникомъ Щербиною въ Макаровѣ, то это утвержденіе относится именно къ Ивану Бондаренку, какъ это видно и изъ показаній Корнія Москаленка. Наконецъ мы уже отчасти знаемъ, что и родина ватажка Бондаренка была не въ Могулевцѣ, а въ с. Грузькомъ быповской волости житомирскаго повѣта; полнымъ же подтверженіемъ этому служитъ народное преданіе, записанное старожиломъ села Грузькаго [3]). Преданія этого во время составленія Мордовцевымъ его книги литература не знала, конечно.

Преданіе, о которомъ рѣчь, доставляя намъ существенныя свѣдѣнія о Бондаренкѣ, даетъ однако о немъ въ то же время нѣсколько иное представленіе, чѣмъ то, какое мы вывели на основаніи судебныхъ документовъ. Въ преданіи Бондаренко нѣ-

[1]) Кодн. кн. стр. 540.

[2]) Ibidem стр. 529—533.

[3]) „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 3-я.

сколько идеализированъ народомъ, съ него снятъ тамъ его мрачный обликъ, какъ снятъ онъ въ народныхъ пѣсняхъ и со Швачки. Суть народнаго преданія этого въ слѣдующемъ.

Бондаренко былъ родомъ изъ с. Грузького, гдѣ помѣщикомъ былъ Харлинскій. Въ экономіи опредѣлили Бондаренка, еще когда онъ былъ мальчикомъ, сторожемъ при кухнѣ—и онъ терпѣлъ не мало невзгодъ, оставаясь въ этой роли. Наконецъ онъ сказалъ себѣ: „дай, Боже, ноги,—куда очи глядятъ, туда и дорога"—и попалъ къ Желѣзняку и Швачкѣ. У нихъ онъ встрѣтилъ Нечаенка, который сталъ его неразлучнымъ другомъ. Вскорѣ Бондаренко сдѣлался настоящимъ „лыцаремъ и характерникомъ", умѣющимъ заговаривать оружіе, такъ что самого его пуля не брала. Собравъ черезъ нѣсколько времени свою ватагу людей, Бондаренко уже въ качествѣ ватажка рѣшился побывать между прочимъ и на своей родинѣ, у матери въ Грузькомъ. Объ этомъ и въ пѣснѣ поется:

> Не захотивъ Бондаренко на Украини жыты
> Да прыихавъ до Бышова жидивъ ляхивъ быты.
> Не багато винъ постоявъ на бышевскимъ мости
> Да прыихавъ до Грузькои до матери въ гости.

Въ Грузькомъ встрѣтили Бондаренка хорошо, и священникъ благословилъ его „на все доброе" У священника въ домѣ и поселился Бондаренко. Никому въ селѣ обидъ онъ не чинилъ; только „шапаря" (ключника) Яроша за „господыню" (ключницу) Марыську онъ припугнулъ, а перваго даже велѣлъ ограбить, зная, какимъ нечестнымъ путемъ были нажиты имъ деньги и помня собственныя обиды отъ него. Во все время своего пребыванія въ Грузькомъ Бондаренко „бенкетовалъ" съ крестьянами, добывая для этого горилку изъ панскихъ складовъ. Тѣхъ однако изъ крестьянъ, у которыхъ были работы, онъ не держалъ при себѣ, и послѣ одного дня пированія далъ имъ опохмѣлиться и отпустилъ. Среди пированія Бондаренко однако не забылъ о своей семьѣ и, чтобы дать матери кой-какія средства, онъ послалъ друга своего Нечаенка съ нѣсколькими гайдамаками въ окрестности Грузькаго на грабежъ—и добычей отъ этого грабежа одѣлилъ мать и родичей, посовѣтовавъ имъ перемѣнить

фамилію и уѣхать за московскую границу. Когда ему привели маленькаго сына помѣщика, то онъ погладилъ его по головѣ и далъ ему пряникъ. Бабѣ, которая его принесла, велѣлъ его беречь, говоря: „вѣдь будетъ же онъ вашимъ паномъ". Ушелъ Бондаренко изъ Грузького, по словамъ преданія, послѣ того, какъ туда явился отрядъ польскихъ гусаръ, чего, какъ мы знаемъ, на самомъ дѣлѣ не было. Съ этими гусарами Бондаренко будто бы даже вступилъ въ бой, о чемъ и въ пѣснѣ поется:

Наихалы гусары Грузьку палыты,
Бондаренко зъ Нечаенкомъ сталы бороныты
Нечаенко на дзвинныцю михъ пороху тягне,
Бондаренко въ правій руци рушныцю готуе.
Ой, якъ стрелывъ Нечаенко—коныка пидстрелывъ,
Ой, якъ стрелывъ Бондаренко—гусарыка встрелывъ
Ой, рушылы гусары зъ Грузькои втикаты—
Бондаренко зъ Нечаенкомъ сталы доганяты.

Послѣ этого фантастическаго эпизода разсказывается далѣе въ преданіи о приходѣ Бондаренка въ Макаровъ и о захватѣ его тамъ козацкимъ сотникомъ Щербиного изъ Корнина, что, какъ мы уже знаемъ, подтверждается и Липпоманомъ, и нашимъ документомъ. Наконецъ, въ заключеніе передается въ преданіи о казни Бондаренка въ Чернобылѣ, что дѣйствительно состоялось по приговору доминіальнаго суда.

И такъ, въ народномъ преданіи Бондаренко вовсе на фанатичный ненавистникъ своихъ враговъ: онъ щадитъ сына пана своего, хотя и предвидитъ въ немъ будущаго пана; онъ даже не мститъ смертію своимъ злѣйшимъ врагамъ, „шапарю" и „господынѣ", а ограничивается тѣмъ, что напугалъ ихъ обоихъ; онъ, наконецъ, хорошій семьянинъ. Такой Бондаренко, конечно, не похожъ на характеризованнаго нами историческаго, допустившаго на своихъ глазахъ матереубійство по принужденію гайдамакъ, избивавшаго также всѣхъ своихъ враговъ направо и налѣво и даже женщинъ. Но разница подобная между Бондаренкомъ кодненскихъ актовъ и народнаго преданія и пѣсенъ не должна насъ поражать. Народу тяжело было вспомнить объ отрицательныхъ чертахъ своихъ защитниковъ, о чертахъ, нарушавшихъ цѣльность рисовавшагося уму чистаго образа борцовъ за вѣру и правду.

Гайдамацкіе загоны.

Возвращаясь къ указанной нами въ началѣ главы организаціи среди гайдамакъ и къ ихъ плану овладѣть Украиной путемъ размѣщенія главныхъ своихъ силъ въ четырехъ пунктахъ этого края, мы видимъ теперь, что для подтвержденія этого у насъ имѣются, во-первыхъ, показаніе Швачки послѣ его ареста Протасьевымъ и, во-вторыхъ, фактическія данныя о скопленіи гайдамакъ близъ Умани, въ староствахъ чигиринскомъ, черкасскомъ и каневскомъ, близъ Бѣлой Церкви и къ востоку отъ Радомысля на границахъ кіевскаго полѣсья. Нѣкоторое сомнѣніе могло бы развѣ явиться у насъ только относительно участія въ этомъ планѣ Бондаренка. Швачка, поминая въ своихъ показаніяхъ Желѣзняка, Неживого и себя, не поминаетъ Бондаренка, притомъ же послѣдній не имѣлъ ни одной крупной стычки съ врагомъ. Но для разсѣянія подобнаго сомнѣнія о роли Бондаренка слѣдуетъ помнить, что мы имѣемъ только обрывки фактовъ, характеризующихъ его дѣятельность, и что съ другой стороны есть основаніе думать, что онъ имѣлъ большое значеніе въ движеніи 1768 года. На это указываютъ и сообщенія о томъ, что у Бондаренка была цѣлая орда гайдамакъ, и страхи поповъ и крестьянъ, думавшихъ, что „лядчина якъ була, такъ и буде", быть заподозрѣнными въ сношеніяхъ съ этимъ опаснымъ ватажкомъ, и наконецъ вкривь и вкось шедшіе толки мемуаристовъ о связи Бондаренка съ Неживымъ. Все это, правда, не точныя указанія съ фактической стороны, но все это вѣрныя выраженія впечатлѣнія, оставшагося у современниковъ о дѣятельности Бондаренка.

Что касается теперь до пригодности указаннаго плана, то навѣрное можно утверждать, что, при слабости тогдашнихъ польскихъ силъ, гайдамаки могли бы, пользуясь имъ, долго продержаться въ Украинѣ и пожалуй даже овладѣть всѣмъ кіевскимъ воеводствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, все это воеводство чуть не съ 1712 года было только въ распоряженіи крупныхъ магнатовъ-помѣщиковъ. Никакихъ государственныхъ властей, ни гражданскихъ, ни военныхъ, здѣсь не было. Коммиссары, губернаторы, посес-

соры того времени—это все или управляющіе имѣніями пановъ (коммиссары—управляющіе большихъ земель, губернаторы—меньшихъ), или арендаторы. Имъ отдано было не только завѣдываніе хозяйствомъ въ краѣ, но и часть полицейская и судебная. Экономическій дворъ былъ поэтому своего рода присутствіемъ, имѣвшимъ самыя широкія права надъ крестьянствомъ. Защита края была также всецѣло частной: надворныя милиціи при панскихъ замкахъ должны были замѣнять вѣчно распущенныхъ жолнеровъ украинской партіи, т. е. той части войска Рѣчи Посполитой, которая должна была охранять Украину. При такихъ же условіяхъ да еще при всегдашней готовности народныхъ милицій, состоявшихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, переходить на сторону возставшихъ, достигнуть одолѣнія поляковъ гайдамакамъ было бы вполнѣ возможно. Только невходившее въ ихъ разсчеты появленіе въ краѣ россійскихъ войскъ неминуемо должно было повлечь за собою полное неосуществленіе затѣяннаго плана.

Въ виду этого появленія своего рода deus'a ex machina немного помогло дѣлу и то, что указанный выше планъ одолѣнія Украиной былъ построенъ не только въ разсчетѣ на главныя силы четырехъ выдающихся ватажковъ, но и въ разсчетѣ на сокрушительность партизанской войны, которую должны были вести и вели *гайдамацкіе загоны*. Впрочемъ, благодаря загонамъ, даже и русскія силы не могли долго вполнѣ искоренить возстанія. Въ виду же такого значенія загоновъ—они заслуживаютъ большаго вниманія со стороны знакомящихся съ коліивщиной.

Веденіе войны „загонами“ южно-русское населеніе, конечно, заимствовало отъ татаръ, но надо однако имѣть въ виду, что у татаръ „загѣнъ“, или небольшой отрядъ, отдѣлившійся отъ главнаго войска орды, представлялъ изъ себя нѣчто не вполнѣ похожее на загоны южно-русскіе временъ Хмельницкаго, а еще больше временъ гайдамачины.

Лучшее представленіе о татарскомъ загонѣ даетъ слѣдующее описаніе Боплана [1]). „Татары, пишетъ онъ, привыкли съ

---

[1]) Описаніе Украины Боплана. Стр. 50—51.

дѣтства ко всѣмъ условіямъ степной жизни: были чрезвычайно выносливы, необыкновенно ловки и прекрасно знали степи. За три или четыре мили отъ границы они останавливаются въ какомъ нибудь скрытномъ мѣстѣ и отдыхаютъ тамъ дня два или три. Здѣсь все войско раздѣляется на три части. Двѣ трети образуютъ главный корпусъ, а остальная треть—два крыла, правое и лѣвое. Въ такомъ видѣ оно входитъ въ непріятельскую страну и углубляется въ нее на 60 или 80 миль, не дѣлая въ это время никакихъ опустошеній; только на возвратномъ пути оба крыла удаляются отъ своего корпуса и начинаютъ свою разрушительную дѣятельность. Они раздѣляются на нѣсколько небольшихъ отрядовъ въ 500 или 600 человѣкъ въ каждомъ, которые разсыпаются по деревнямъ, окружаютъ селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ и, чтобы не ускользнули жители, раскладываютъ по ночамъ большіе огни, потомъ грабятъ, жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся, уводятъ не только мужчинъ, женщинъ съ грудными младенцами, но и быковъ, коровъ, лошадей, овецъ, козъ и пр., а ненавистныхъ мусульманамъ свиней загоняютъ въ овинъ и поджигаютъ оный съ четырехъ сторонъ. Сіи отряды не смѣютъ удаляться въ сторону далѣе 8 или 12 миль; обремененные добычею, они спѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ, которое легко находятъ часа черезъ четыре, ибо главный корпусъ, имѣя въ передней шеренгѣ около 500 коней, растягивается на большое пространство. Какъ скоро возвращаются грабители—два свѣжіе крыла отдѣляются направо и налѣво, грабятъ и опустошаютъ точно такъ же, какъ и первые, потомъ возвращаются, а вмѣсто нихъ выходятъ на добычу новые отряды".

Во времена Хмельницкаго въ борьбѣ съ поляками южно-русское населеніе тоже прибѣгало къ загонамъ, но загоны наши менѣе были связаны съ главными козацкими силами, чѣмъ загоны татаръ съ своимъ главнымъ корпусомъ. Н. И. Костомаровъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ загоны, разсыпавшіеся по Украинѣ лѣтомъ 1648 года [1]). „По южно-русской землѣ, читаемъ у него, кружили вооруженные отряды, которые назывались за-

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, стр. 314—315, 321.

гонами. Въ старину это имя давалось татарскимъ полчищамъ но теперь оно означало русскихъ военныхъ охотниковъ, преимущественно бѣглыхъ и непокорныхъ владѣльческихъ крестьянъ. Изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ сбирались молодые и старые, только годные къ битвѣ мужики, вооружались въ случаѣ недостатка оружія косами и дубьемъ и стекались къ Хмельницкому, который записывалъ ихъ по полкамъ, дѣлилъ по сотнямъ, назначалъ начальниковъ, часто изъ нихъ же, когда они представляли ему отважную расторопную голову. Потомъ такія толпы отправлялись очищать, какъ выражались они, русскую землю. Иные же вовсе не сносились съ своимъ „батькомъ", а просто составлялась шайка, выбирали атамана и пускались на грабежи и убійства. Они назывались козаками, хотя бы, организовавшись въ шайки самовольно, и не были записаны въ козацкій списокъ; число ихъ увеличивалось чрезвычайно быстро, до того, что скоро они могли разорять не только помѣщичьи усадьбы, но укрѣпленные замки и города. Обыкновенно, какъ скоро козацкій загонъ появлялся въ панскомъ мѣстечкѣ и селѣ, подданные принимали гостей, какъ избавителей, соединялись съ ними и устремлялись на палацъ или дворъ своего владѣльца. Тогда не было пощады ни старцамъ, ни груднымъ младенцамъ: истребляли и домашнихъ слугъ, если они были католики или униты и заранѣе не пристали къ нимъ, сожигали панское жилье, а имущество раздѣляли съ крестьянами, вознаграждая ихъ за долговременные поборы и панщины". „Такихъ загоновъ было *безъ-личь*, по выраженію лѣтописи. Держались правила: кто не за нихъ, тотъ противъ нихъ, и оттого многіе должны были противъ собственной воли браться за оружіе. Загоны носили названіе по большей части по имени своихъ предводителей, и нѣкоторые, по своей многолюдности или по образу дѣйствія, остались въ исторіи и народной памяти" (Морозенко).

Не столь грандіозны, конечно, были загоны въ періодъ коліивщины: вмѣсто тысячъ, а подчасъ и десятковъ тысячъ хлоповъ, какъ это было при Хмельницкомъ, теперь въ загонѣ бывало часто нѣсколько десятковъ и рѣдко двѣ-три сотни человѣкъ. Отвага и смѣлость бывали только прежнія. Что же до

зависимости новыхъ загоновъ отъ организаторовъ главныхъ силъ и до связи ихъ съ этими силами, то въ періодъ коліивщины и то, и другое относительно извѣстныхъ намъ загоновъ еще труднѣе опредѣлить, чѣмъ можно было все это опредѣлить во времена Хмельницкаго. Впрочемъ, обращаясь къ даннымъ о загонахъ, извлеченнымъ нами изъ Кодненской книги, мы легко усмотримъ, что въ районѣ дѣятельности каждаго изъ четырехъ главныхъ гайдамацкихъ ватажковъ періода коліивщины были свои загоны, причемъ только немногіе изъ этихъ загоновъ выступаютъ передъ нами вполнѣ отрѣшившимися отъ политическихъ цѣлей и являются превратившимися въ разбойничьи шайки, вредныя и для крестьянъ. Что явленій подобнаго перерожденія было немного, и что во всякомъ случаѣ между загонами и главными силами сохранялось своего рода молчаливое соглашеніе и преобладало тождество цѣлей,—что все это было, въ этомъ и надо, быть можетъ, усматривать своего рода организацію коліевъ, обусловленную серьезными мотивами одинаковаго настроенія народной толпы, а не внѣшними договорами.

Загоны коліевъ всегда имѣли своихъ ватажковъ. По даннымъ о послѣднихъ всегда можно судить и о дѣятельности загоновъ, носившихъ ихъ имя.

Изъ ватажковъ загоновъ, дѣйствовавшихъ въ юго-западномъ и южномъ углу Кіевщины, слѣдовательно въ районѣ Желѣзняка, въ Кодненской книгѣ названо 8 или даже 9. Не всѣ они дѣйствуютъ, какъ политическіе дѣятели; нѣкоторые выступаютъ, какъ простые разбойники.

Къ послѣднимъ ватажокъ *Носъ* [1]), съ котораго мы начнемъ, очевидно не принадлежалъ, хотя свѣдѣній о немъ очень мало. Изъ Кодненской книги мы знаемъ только, что бывшіе въ его ватагѣ Василій Постоленко, Яцко Работенбутъ, Ѳедоръ Едносъ и Савка Малый—всѣ приговорены кодненской военно-судной коммиссіей къ смертной казни, и только Матвій Крывый не былъ порѣшенъ коммиссіей сразу и былъ оставленъ ad resolutionem, но отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и онъ избавилъ коммис-

---

[1]) Кодн. кн, стр. 447.

сію, такъ какъ умеръ сидя въ ямѣ (тюрьмѣ). Преступленія этихъ попавшихся гайдамакъ изъ загона Носа въ судебныхъ отмѣткахъ обозначены разно: одинъ былъ де проводникомъ Носа и забиралъ котлы въ Козацкой Долинѣ; о другомъ сказано, что онъ присталъ къ ватажку Носу и грабилъ; о третьемъ—что онъ имѣлъ щитъ, добытый въ Лисянкѣ, и былъ въ ватагѣ у ватажка Носа. Что до мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ Носъ, то это небольшой районъ въ предѣлахъ теперешняго звенигородскаго уѣзда; въ судебныхъ отмѣткахъ о носовскихъ гайдамакахъ поминаются по крайней мѣрѣ слѣдующія селенія и мѣстечка звенигородскаго уѣзда: Бугачевка, Козацкая Долина, Лисянка.

Ватажокъ *Саражинъ* [1]) дѣйствовалъ въ сѣверной части звенигородскаго уѣзда и между прочимъ въ Бояркѣ, гдѣ его загонъ и былъ захваченъ польскимъ подъяздомъ. Судившіеся за участіе въ его загонѣ, Мусій Лебедненченко и Марко Пластуненко, утверждали, что они ни въ грабежѣ, ни въ убійствахъ неповинны, ибо шли по мѣстности, по которой раньше проходилъ Желѣзнякъ, не оставившій послѣ себя для Саражина никакой поживы. О Саражинѣ поминаетъ покойный Максимовичъ [2]), какъ о предводителѣ запорожскаго загона, доходившаго по численности до 131 человѣка. Саражину будто бы подчинялись ватажки небольшихъ запорожскихъ группъ въ 17—20 душъ: Бандурка, Скорина, Петръ Вѣтеръ. Но по Максимовичу захваченъ былъ Саражинъ не польскимъ подъяздомъ, а гусарской командой, въ которой онъ самъ раньше состоялъ квартирмейстеромъ, и притомъ не въ Бояркѣ, а при с. Нерубайкѣ (уман. у. при рч. Нерубайкѣ, къ В. отъ м. Торговицы). Согласить справку Максимовича съ данными Кодненской книги нѣтъ возможности. Быть можетъ даже, что въ обоихъ источникахъ идетъ рѣчь о разныхъ людяхъ, но однофамильцахъ.

Къ загонамъ Желѣзняка, наиболѣе отъ него отдалявшимся, какъ кажется, слѣдуетъ отнести загонъ *Ивана Чернаго*, который

[1]) Кодн. кн., стр. 536.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія. Т. I, стр. 586.

названъ въ документахъ „атаманомъ отъ ватаги Желѣзняка" [1]). Загонъ этотъ появлялся въ Орловцѣ (с. черкаск. у. при рч. Мѣдянкѣ къ ВЮВ отъ м. Городищъ) и вообще въ Смѣлянщинѣ. Въ распоряженіи этого атамана было моментами человѣкъ восемь гайдамакъ, но и съ такимъ ничтожнымъ отрядомъ онъ грабилъ и убивалъ, хотя одинъ изъ его подручниковъ и утверждалъ, что въ самомъ началѣ движенія гайдамаки избѣгали рѣзни.

Съ титуломъ „атамана отъ ватаги Желѣзняка" встрѣчаемъ и другого *Черного Никиту* [2]), дѣйствовавшаго въ Уманщинѣ въ Воронномъ, Бастачкахъ, Зеленомъ Рогѣ (с. уман. у. при впаденіи рч. Конелы въ Горскій Тикичъ), Шабардашѣ. Никита Черный многихъ убивалъ и грабилъ. Удивительна его судьба: онъ самъ былъ убитъ гайдамаками, вѣроятно разбойничьими, наѣхавшими въ Воронное изъ Маньковки; гайдамаки эти захватили себѣ всю добычу, найденную при Черномъ.

Совершенно стороннимъ Желѣзняку и даже враждебнымъ ему выступаетъ ватажокъ *Паралюшъ* [3]) (sic), который, собравши загонъ, дѣйствовалъ съ нимъ въ с.-з. части Уманщины. Побывалъ онъ въ слѣдующихъ селахъ: въ Монастырищѣ, Охримовѣ, Цыбуловѣ, Попуднѣ, Княжей Крыницѣ. При немъ было два атамана—Панасюкъ и Каранышъ (sic); первый былъ человѣкъ мѣстный, родомъ изъ Охримова. Въ Монастырищѣ Паралюшъ сжегъ костелъ, подъ Цыбуловымъ же захватилъ стадо и, устроивъ въ тамошнемъ лѣсу облаву и выловивъ такимъ образомъ спрятавшихся тамъ шляхтичей, велѣлъ всѣхъ ихъ перебить. Когда ватага эта попала затѣмъ въ Княжу Крыницу и тамъ до Паралюша дошелъ слухъ, что въ с. Зарубинцахъ какіе то гайдамаки ограбили церковь, онъ немедленно послалъ туда на развѣдки одного изъ своихъ—Игната Щербину. Послѣдній пришелъ въ Зарубинцы, но тамъ немедленно былъ схваченъ зарубинской громадой и доставленъ въ с. Житникъ, гдѣ стоялъ какой то за-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 12 и 51, а также 476.

[2]) Ibidem, стр. 593.

[3]) Кодн. кн., стр. 3 и 56.

гонъ Желѣзняка. Щербину ватага эта избила и бросила, а сама ушла въ Умань.

Очевидно, Паралюшъ дѣйствовалъ совершенно независимо, хотя и въ общемъ духѣ возставшихъ. Нельзя объяснить сожженія церкви загономъ Желѣзняка и ненависти, обнаруженной этимъ послѣднимъ загономъ къ ватагѣ Паралюша.

Всѣ вышеприведенныя данныя извлечены изъ дѣла Игната Щербины, одного изъ гайдамакъ ватаги Паралюша. Коднeнской коммиссіей означенный Щербина обезглавленъ.

Очень распущеннымъ и даже разбойничьимъ выступаетъ предъ нами загонъ *Ивана Романченка.*

Для характеристики этого ватажка и его загона Кодненская книга даетъ намъ дѣло Ивана Мельника [1]).

Иванъ Мельникъ родомъ былъ изъ села Стычекъ нѣжинскаго полка, слѣдовательно по тогдашнему въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой былъ человѣкъ заграничный. Уже женатымъ перешелъ онъ съ мѣста своей родины черезъ Кіевъ въ с. Квитки черкас. у.). Прійдя туда, онъ былъ удержанъ квитковскими людьми для житья среди нихъ (przyszed do Kwiltek gdzie od ludzi gromadskich przytrzymany aby tam mieszkal). Очевидно жители недавней руины все еще чувствовали остатки старой пустыни, и для нормальнаго человѣческаго житія во вновь оживлявшихся селахъ имъ нужны были люди и люди. Въ первое время своего пребыванія въ селѣ Квиткахъ Иванъ занялся мельничнымъ дѣломъ (sedzial w mlynie) по найму; самостоятельнымъ же хозяиномъ сталъ онъ только послѣ того, какъ, промоловъ на мельницѣ цѣлую зиму, купилъ себѣ хату.

Незадолго до обострившагося проявленія возстанія въ 1768 г. пришелъ въ Квитки къ Ивану Мельнику запорожецъ Лапа и сталъ у него жить. И вотъ съ этимъ то Лапой, „gdy zaczęta sie rewolutia“ и „gdy orda do slobod wychodzila“, Мельникъ двинулся къ ватажку Романченку, который собиралъ загонъ для нападенія на орду. Нашли они Романченка въ Ольшаной. Три

---

[1]) Кодн. кн., стр. 1, актъ 3-ій.

дня оставались они тамъ у него, пока онъ не повелъ ихъ къ московскому войску, вышедшему противъ орды. Далѣе о дѣлѣ съ ордой въ нашемъ документѣ рѣчи нѣтъ; сказано только, что дошелъ Романченко до Тыкича и тамъ распустилъ своихъ людей. Запорожецъ Лапа послѣ этого присталъ къ ватажку Губѣ, который стоялъ въ Лебединѣ, а Мельникъ поторопился въ Квитки, чтобы переселить оттуда жену свою и дѣтей за границу. Когда же самъ онъ, уже переселивши жену и дѣтей, появился затѣмъ на ярмаркѣ въ Красноселицѣ, то былъ тамъ задержанъ квитковскими людьми и отданъ ближайшей военной подъяздовой командѣ въ Корсунѣ. О причинѣ этого задержанія Мельника квитковскими людьми выражено было основательное предположеніе судьями въ Коднѣ. Мельникъ прямо былъ уличенъ въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ ватажкомъ Романченкомъ и запорожцемъ Лапой грабилъ с. Квитки, жегъ его и потому долженъ былъ уйти оттуда самъ и увести свою семью. Попавши за границу, Мельникъ тотчасъ же былъ тамъ принятъ въ счетъ при распредѣленіи на жителей пикинерскихъ тягостей: вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами онъ долженъ былъ содержать одного пикинера, и за это его самого на правомъ берегу Днѣпра, когда онъ туда явился на время, стали величать пикинеромъ. Ходненскій судъ приговорилъ его обезглавить.

Интересно, что квитковская громада ничего не имѣла противъ Ивана Мельника ни при появленіи у него запорожца Лапы, ни затѣмъ при ихъ отправленіи къ Романченку въ Ольшану якобы для противодѣйствія вторгшейся въ слободы татарской ордѣ. Такого рода поступки Мельника люди считали совершенно согласными съ общими интересами. Но когда затѣмъ загонъ Романченка, въ которомъ былъ и Мельникъ, превратился въ грабительскую шайку, общественное преслѣдованіе ихъ стало естественнымъ.

Что Романченко былъ только грабителемъ, хотя это и отрицалъ Мельникъ въ своихъ показаніяхъ, видно и изъ другого судебнаго дѣла—нѣкоего Василія Чапенка [1]), также принадлежавшаго къ ватагѣ Романченка.

[1]) Кодн. кн., стр. 43.

Этотъ Чапенко присталъ къ загону Романченка по его личному подговору и притомъ значительно позже Ивана Мельника, когда интенсивность народнаго движенія уже ослабла. Ему было тогда не больше 21 года и жилъ онъ въ мѣстечкѣ Могилевѣ (с. алекс. у. херс. губ. при верховьи Ингула). Родомъ же онъ былъ изъ Могилева на Днѣстрѣ, причемъ оставилъ этотъ городъ вмѣстѣ съ родителями. Романченко встрѣчался съ Василіемъ Чапенкомъ на хуторѣ Щорбы, гдѣ у него, Романченка, была родственница. Романченко былъ не одинъ тамъ, а съ другомъ своимъ—Василіемъ Щербиной. Причемъ оба они были уже пикинерами. Счастливо уйдя отъ отвѣтственности за дѣла 1768 г., Романченко очевидно успѣлъ въ гетманщинѣ обрѣсти положеніе, нѣсколько маскировавшее его прошлое. Сталъ онъ даже не только пикинеромъ, а пикинерскимъ сотникомъ. Встрѣтясь съ Чапенкомъ въ хуторѣ Щорбы, Романченко подговорилъ его принять участіе въ кражѣ воловъ, увѣривъ его, что къ нему, Романченку, прійдетъ еще шесть человѣкъ для той же цѣли. Когда Чапенко согласился, начался цѣлый рядъ самыхъ неблаговидныхъ нападеній на крестьянскій скотъ, нападеній, оканчивавшихся впрочемъ часто неудачей. Сперва удавалось однако всѣмъ уходить отъ ареста; послѣ же одного нападенія на московскихъ фуражировъ, Чапенко, не имѣвшій подъ собой хорошаго коня, былъ схваченъ и отправленъ въ Кодню. На судѣ, кромѣ всего изложеннаго, обнаружилось, что въ 1768 году, когда губернаторъ кодненскій Радошевичъ бѣжалъ изъ Кодни на московскую границу, Василій Чапенко, не смотря на требованіе своихъ товарищей-парубковъ убить ляха, укрывавшагося отъ преслѣдованія своихъ людей, не убилъ его и другимъ не далъ убить. Благодаря этому, человѣкъ, грабившій крестьянъ, оставленъ кодненскимъ судомъ свободнымъ отъ какого бы то ни было наказанія.

Въ нашихъ документахъ имѣется еще небольшая отмѣтка о третьемъ участникѣ ватаги Романченка. Соучастникъ этотъ—Карпо Настыченко [1]), родомъ изъ Юрковки, былъ оговоренъ не только односельчанами, но даже родною матерью. Поступки же

[1]) Кодн. кн., стр. 447.

его оказались неминуемо требующими смертной казни по законамъ той поры.

Судя по такимъ участникамъ загона Романченка и по его собственнымъ дѣяніямъ, мы должны вывести заключеніе, что загонъ Романченка былъ разбойничій, вслѣдствіе чего онъ и подвергался постояннымъ преслѣдованіямъ крестьянскихъ громадъ.

О загонѣ ватажка *Ремезы* мы имѣемъ свѣдѣнія изъ показаній крестьянина Грыцька Безносенка [1]), который, по собственному признанію его, въ 1768 году былъ самъ въ этомъ загонѣ.

Грыцько Безносенко въ 1768 году жилъ въ с. Вербовцѣ смѣлянскомъ, куда онъ передъ тѣмъ пришелъ на слободы изъ Луки подъ Межиричемъ. Родина же его была подъ Коростышевымъ въ с. Родовкѣ; оставилъ онъ ее еще съ отцемъ и матерью, промѣнявъ на с. Луки. Въ Вербовецъ, гдѣ зажилъ Безносенко, и явился Ремеза еще пока съ небольшимъ загономъ. Тамъ къ нему пристало нѣсколько вербовчанъ. Кромѣ самого Безносенка, это были по его сообщенію, Іовъ Савка, Трохимъ Куличка и Никита Гончаренко. Всѣхъ ихъ Ремеза заманилъ къ себѣ сообщеніемъ, что въ случаѣ неудачи въ Украинѣ имъ можно будетъ уйти въ гетманщину и тамъ поступить въ пикинеры, тѣмъ больше, что какъ разъ въ то время шелъ пикинерскій наборъ. Увеличивъ свой отрядъ, Ремеза долженъ былъ подумать о его вооруженіи, харчахъ и одеждѣ. Чтобы добыть все это, онъ рѣшилъ ограбить Вербовецъ, въ которомъ стоялъ. Когда же все необходимое было тамъ добыто, онъ двинулся на грабежи въ другихъ мѣстахъ. Тянулось это до тѣхъ поръ, пока въ селѣ Папужинцы (ум. у.) не наткнулся на уманскихъ надворныхъ козаковъ. Послѣдніе аттаковали ремезовскій загонъ, самого Ремезу убили и еще 20 его козаковъ также, остальные же гайдамаки поубѣгали, не стрѣлявши даже.

Кромѣ Безносенка, бѣжавшаго изъ-подъ Папужинцевъ заграницу и потомъ случайно пойманнаго уже въ пикинерскомъ званіи на скотокрадствѣ близъ Вербовца, интересенъ и другой

---

[1]) Кодн. кн. стр. 41, 5.

участникъ загона Ремезы—музыкантъ-бандуристъ Василій Ворченко [1]). Ворченко этотъ, родомъ изъ Виногородки, прійдя въ Козацкую Долину, былъ тамъ забранъ Ремезой для увеселенія ватаги. Пришелъ онъ съ ватагой въ с. Водяница (звениг. у., при притокѣ Тыкича, къ ЮЗ отъ Лисянки), оттуда въ с. Кобылячку и наконецъ въ с. Папужинцы, гдѣ, какъ уже сказано, ватага была разогнана, а Ремеза убитъ. И Безносенко, и Ворченко оба кодненской коммиссіей обезглавлены.

Ватажокъ загона *Яреміянъ Лупулъ* [2]), являющійся въ Кодненской книгѣ съ званіемъ сотника, грабилъ со своимъ загономъ въ Уманщинѣ у кого попало, у пановъ и крестьянъ, вещи, скотъ, пасѣки. Громады разныхъ селъ, каждая въ отдѣльности, предъявили къ нему претензіи въ мѣстномъ уманскомъ урядѣ на сумму въ нѣсколько тысячъ рублей. Кодненской военно-судной коммиссіи пришлось имѣть у себя на судѣ, кромѣ самого Лупула, еще двухъ его ватажанъ—Василія Левченка и Михайла Тарана. Послѣднимъ выпали на долю приговоры, сравнительно довольно снисходительные—ихъ наказали 500 ударовъ розогъ у позорнаго столба, самого же Лупула кодненскіе судьи приговорили къ смертной казни; только онъ ея не дождался и умеръ въ тюрьмѣ раньше.

Ватажки разбойничьихъ загоновъ *Богунъ и Джурджа* [3]) выходили на грабежъ въ Украину изъ-за границы. Высылалъ ихъ туда будто бы поручикъ черно-гусарскаго полка Маріановичъ. Были они между прочимъ въ Лисянкѣ.

Переходимъ теперь къ загонамъ и ватажкамъ ихъ, дѣйствовавшимъ въ юго-западной части Кіевщины въ районѣ дѣятельности Неживого.

Начнемъ съ загона *Василія Шелеста*. О ватажкѣ этомъ въ кодненской книгѣ есть только отдѣльныя упоминанія въ су-

---

[1]) Кодн. кн. стр. 449.

[2]) Кодн. кн. стр. 475, 476 и 486.

[3]) Кодн. кн. стр. 8.

дебныхъ отмѣткахъ [1]), но нѣтъ о немъ ни одного цѣльнаго документа. Мы не знаемъ поэтому даже численности его ватаги и тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онъ перебывалъ. Въ отмѣткахъ о немъ извѣстный интересъ представляетъ то обстоятельство, что въ его ватагѣ попались люди „заграничные"; по крайней мѣрѣ изъ девяти гайдамакъ, судившихся за участіе въ грабежахъ вмѣстѣ съ нимъ, четыре—заграничныхъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ названы заднѣпрянскими. Затѣмъ, быть можетъ, важно и то, что изъ 9 извѣстныхъ намъ участниковъ въ дѣлахъ Шелеста 7 казнены смертною казнью, а одинъ шляхтичъ, Чоповскій, даже посаженъ на колъ; только двое отдѣлались розгами. Что до личностей этихъ девяти участниковъ, то изъ нихъ выдается, конечно, по своему происхожденію шляхтичъ Чоповскій, тотъ самый, что вмѣстѣ съ Неживымъ громилъ поляковъ въ Каневѣ, человѣкъ, очевидно, идейный и потому бывшій особенно ненавистнымъ польскому суду, который видѣлъ въ немъ опаснаго ренегата. Изъ двухъ избѣжавшихъ смертной казни одинъ Иванъ Хмаренко былъ портной изъ села Пшеничниковъ каневскихъ и былъ взятъ Шелестомъ въ ватагу для шитья одежи. По всей вѣроятности, этотъ Хмаренко работалъ у Шелеста до начала движенія 1768 г., когда Шелестъ вмѣстѣ съ Лусконогомъ и Гнидой только что прибылъ изъ Запорожья и занимался заготовленіемъ оружія, одежды, обуви и пр. для гайдамакъ, сидя въ лѣсу Мотронинскаго монастыря [2]).

Существовалъ еще въ 1768 году загонъ ватажка *Василія Смѣлянскаго* [3]). О ватажкѣ этомъ знаемъ, что двое изъ его загона, попавши на кодненскій судъ, были приговорены къ повѣшенію. Одинъ изъ этихъ двухъ бывшихъ на судѣ, Максимъ Швецъ, былъ запорожецъ. Что до численности ватаги Василія Смѣлянскаго, то она изъ среднихъ: въ судебной отмѣткѣ сказано, что въ ней было 50 человѣкъ. Но никакихъ нѣтъ указаній на то, гдѣ Василій Смѣлянскій дѣйствовалъ съ своей ватагой, если только не считать за указаніе самого прозвища его.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 481.

[2]) Кулишъ. Записки о юж. Руси, стр. 235, т. I.

[3]) Кодн. кн. стр. 485.

Ватажокъ *Иванъ Таранъ*[1]) дѣйствовалъ съ очень ничтожнымъ загономъ въ предѣлахъ Чигиринщины. Подъ Лебединомъ онъ былъ во главѣ всего шести человѣкъ, судя по показанію одного изъ бывшихъ въ его загонѣ, Ивана Щербины, приговореннаго кодненскимъ судомъ къ смертной казни.

Загонъ ватажка *Шунбры*[2]) дѣйствовалъ въ Смѣлянщинѣ, гдѣ подъ селомъ Млієвымъ и былъ разбитъ корсунскими надворными козаками. Въ ватагѣ этой было человѣкъ сто. Представшій на судъ кодненской коммиссіи одинъ изъ гайдамакъ Шунбры, Мусій Цкурный, былъ запорожецъ. Судъ приговорилъ его къ повѣшенію.

Нѣсколько больше загоновъ, чѣмъ въ районѣ Неживого, встрѣчаемъ мы въ центральныхъ частяхъ Кіевщины, гдѣ главныя силы возставшихъ были руководимы Швачкой и Бондаренкомъ. Большая заселенность этихъ послѣднихъ мѣстностей и, главное, присутствіе въ нихъ большаго числа помѣщичьихъ обиталищъ — замковъ, палацовъ и пр.—все это естественно концентрировало здѣсь и силы загоновъ. Послѣдніе впрочемъ нерѣдко отсюда заходили и въ районъ Неживого, и въ районъ Желѣзняка—помѣхи въ этомъ не было...

Въ разгаръ крестьянскаго движенія, которымъ мы заняты, въ южной части нынѣшняго бердичевскаго уѣзда на самое короткое время проявился ватажокъ *Никита Москаль*[3]), загонъ котораго былъ не изъ людныхъ, но который тѣмъ не менѣе интересенъ по своимъ разговорамъ съ крестьянами, рѣзко подчеркивавшимъ соціальные мотивы всего движенія.

Никита Москаль этотъ, по имѣющимся у насъ даннымъ, затѣялъ напасть на село Малинки, принадлежавшее пану Крыжановскому и арендованное въ то время паномъ Грабовскимъ. По всей вѣроятности до Никиты долетѣлъ слухъ о томъ, что Грабовскій, почуявшій, какъ и другіе паны, бѣду неминучую, всячески старался укрыть свои вещи, что сундуки съ этими ве-

---

[1]) Ibid. 449.

[2]) Кодн. кн. стр. 486. Не ручаемся, что вѣрно передаемъ имя ватажка. Въ рукописи оно написано очень неразборчиво.

[3]) Кодн. кн., стр. 421—437, 589—591.

щами онъ все желалъ спрятать въ православной церкви своего села, подобно тому, какъ это дѣлали другіе паны, прятавшіе свои вещи въ католическихъ костелахъ. Прослышалъ, вѣроятно, Никита и о томъ, что вся малинковская громада потребовала чтобы попъ ея, принявшій было уже въ церковь панскіе сундуки и чемоданы, на-отрѣзъ отказалъ пану Грабовскому въ подобномъ спрятѣ, на чтó попъ и долженъ былъ пойти, рѣшившись даже кинуть пану церковные ключи и отказавшись отъ дозора за церковью...

Никита не сразу накинулся на село; предварительно развѣдчикъ его выспросилъ о всемъ необходимомъ нѣкоторыхъ малинковскихъ крестьянъ, находившихся на работѣ за седомъ. Отъ одного косаря развѣдчикъ узналъ между прочимъ, что Грабовскій свезъ свои сундуки изъ церкви въ лѣсъ, далѣе, что въ селѣ есть жидъ—шинкарь Нохомка и что въ панскомъ домѣ осталась молоденькая племянница Грабовскаго.

Имѣя всѣ эти свѣдѣнія, Никита Москаль въѣхалъ съ загономъ своимъ въ Малинки, завладѣлъ тамъ панной и немедленно послалъ экономическія подводы въ лѣсъ за панскими сундуками. Малиновцы охотно привезли ему панское добро, и онъ немедленно сталъ имъ распоряжаться. Велѣлъ сейчасъ же поразбивать сундуки съ платьемъ мужскимъ и женскимъ, самъ одѣлся въ богатый кунтушъ и велѣлъ пышно нарядить панну, объявивъ, что намѣренъ съ нею повѣнчаться. Передъ вѣнчаніемъ однако панну попъ долженъ былъ еще окрестить въ православіе.

Помѣхи во всѣхъ этихъ затѣяхъ Никитѣ никто не оказывалъ. Грабовскаго въ селѣ не было, надворныхъ козаковъ у него не имѣлось. Что же до малинковской громады, то она далеко была отъ мысли видѣть въ Никитѣ врага. Она пришла къ нему въ панскій дворъ съ хлѣбомъ-солью и охотно приняла приглашеніе на торжественное вѣнчаніе Никиты съ панной и на пиръ послѣ вѣнчанія.

Но вѣнчанію предшествовало крещеніе панны, причемъ заодно съ ней Никита велѣлъ попу окрестить и ея старую тетку, которая была при ней. Обѣ пани сопротивлялись крещенію, но ихъ крѣпко держали: тетку держалъ Прокопъ Головко и ста-

рая попадья, а панну—одинъ изъ гайдамакъ и молодая попадья. Въ совершеніи таинства крещенія при такихъ возмутительныхъ условіяхъ, равно какъ и въ совершеніи брака между Никитой и окрещенной панной не запирался потомъ самъ священникъ села Малинокъ, Григорій Пилиповичъ.

Послѣ вѣнчанія въ Малинкахъ всѣ пировали. Горилки панской и жидовской было добыто въ огромномъ количествѣ. Пили и всякія тонкія вина, оказавшіяся въ подвалахъ Грабовскаго; но изъ этихъ послѣднихъ не всѣ нравились малиновцамъ, и въ такомъ случаѣ бутылки разбивали и вино лили на землю; такая участь, напримѣръ, постигла большую бутыль „Larendogra".

Не обошелся пиръ и безъ рѣчей. Никита Москаль говорилъ малинковцамъ: „панщыны видбуваты бильшъ не будете, жыто и всякій хлибъ збирайте на свою корысть, сино косить тилько соби, кабанивъ панськихъ рижте и йижте". А Гаврило, сынъ Сивого, говорилъ одному изъ прислужниковъ Грабовскаго, козаку Мандзіошкѣ: „годи вамъ съ паномъ Грабовскимъ пановаты; маемо иншыхъ панивъ; панщыны робыть бильшъ не будемо".

Послѣ пира Никита Москаль велѣлъ запречь въ панскую коляску четверку коней и вмѣстѣ съ панной Грабовской, своей женой, уѣхалъ черезъ Погребище въ Саражинцы. Дворъ и здѣсь былъ оставленъ паномъ, и Никита думалъ уже тамъ расположиться на нѣкоторое время, но тутъ его постигла неудача: и его, и его гайдамакъ захватила саражинская громада подъ арестъ. Было дано знать погребищенскому губернатору Эліашу Шишковскому, и тотъ явился въ Саражинцы съ козаками своими и подмогой отъ капитана польскихъ войскъ, находившагося въ Бердичевѣ; кромѣ того, генералъ Фабуловъ (sic), стоявшій въ Лещинѣ, далъ ему совѣтъ гайдамакъ уничтожить. Шишковскій безъ труда овладѣлъ всѣмъ загономъ и его добычей, состоявшей изъ вещей Грабовскаго. Панна Грабовская также была вызволена изъ рукъ своего нахальнаго суженаго.

Арестованнаго Никиту и многихъ изъ малинковцевъ, бывшихъ ближайшими соучастниками его грабежа, отправили сперва въ Бердичевъ, но, не найдя тамъ подходящей власти для производства слѣдствія и суда, отвели его въ Тульчинъ, гдѣ стоялъ

какой-то русскій генералъ. Предсталъ предъ нимъ Никита и во всемъ повинился. Генералъ выслушалъ все, посмотрѣлъ на ватажка и влѣпилъ ему три пощечины. На этомъ судъ долженъ былъ окончиться, но посланные Шишковскаго оставили Никиту подъ арестомъ. О дальнѣйшей судьбѣ Никиты свѣдѣній въ Кодненской книгѣ нѣтъ.

Женитьба Никиты Москаля на паннѣ Грабовской, ограбленіе помѣщика ради корысти — все это говоритъ за то, что мы имѣемъ дѣло съ проходимцемъ, пользовавшимся смутной порой для личныхъ цѣлей; но интересно, что и при такихъ цѣляхъ этотъ проходимецъ долженъ былъ предъ крестьянами прикрыться желаніемъ снести панщину и польскихъ пановъ. Своею проповѣдью противъ панщины онъ привлекъ малинковцевъ на свою сторону; вѣроятно, не меньшимъ успѣхомъ воспользовался бы онъ и въ Саражинцахъ, но тамъ, очевидно, у поляковъ была оборона сильнѣе, и саражинцы знали, что имъ не сдобровать самимъ, если они станутъ на сторону Москаля, разъ прійдетъ въ Саражинцы губернаторъ погребищенскій Шишковскій съ своими надворными козаками.

Ватажокъ *Савка Илыханенко*[1]) дѣйствовалъ съ своей ватагой въ сѣверо-западной части Бѣлоцерковщины. Такъ, онъ побывалъ въ селѣ Романовкѣ, Маломъ Половецкомъ и другихъ. Заходилъ онъ впрочемъ и въ восточную часть Бѣлоцерковщины; былъ, напримѣръ, въ с. Блощинцахъ, откуда даже имѣлъ намѣреніе напасть на Бѣлую Церковь. Имѣлъ онъ при себѣ, надо полагать, значительный загонъ, иначе о нападеніи на Бѣлую Церковь онъ и думать не могъ бы. Повсюду, гдѣ Илыханенко ни былъ, онъ избивалъ и пановъ, и жидовъ, даже собственноручно; добывалъ при этомъ и деньги. Интересно, что въ ватагѣ его попадались запорожцы. Какъ его ватажане на судѣ кодненской коммиссіи фигурировали Θедоръ Базарный, Левко Малый, Климъ Билый, Василь Прокопенко, Николай Чоповскій и Стефанъ Піотровскій. Изъ этихъ лицъ первые три — запорожцы.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 482 – 483 – 484.

Званіе послѣднихъ двухъ—извѣстнаго уже намъ участника въ ватагѣ Неживого и въ загонѣ Шелеста шляхтича Чоповскаго, и товарища его шляхтича Піотровскаго—дѣлаетъ обоихъ ихъ интересными, разъ они входили въ составъ гайдамацкаго загона. Одинъ только Василь Прокопенко изъ Кіева былъ крестьяниномъ. Въ такомъ подборѣ людей въ загонѣ Плыханенка военно-судная коммиссія не могла не усмотрѣть явно политическаго и соціальнаго характера и потому къ участникамъ ея отнеслась очень сурово. Наказанія, ею назначенныя въ данномъ случаѣ, были изъ ряду вонъ. Самъ Савка Плыханенко былъ колесованъ, Левко Малый четвертованъ, Климъ Билый тоже, Өедоръ Базарный и Василь Прокопенко повѣшены, Піотровскій обезглавленъ, судьба же Чоповскаго намъ уже извѣстна.

Почти одновременно дѣйствовали въ Бѣлоцерковщинѣ и загоны *Грицька Волка и Савечки.*

Грицько Волкъ [1]) ограбилъ село Погибляки и съ большой добычей съ сынами и женами ихъ скрывался въ лѣсу подъ Гутой Богуславской. Но о немъ донесли въ Богуславъ сотнику тамошнихъ надворныхъ козаковъ Шелесту, и этотъ послѣдній захватилъ его со всѣмъ его добромъ. Какъ только объ этомъ узналъ каменно-бродскій губернаторъ и намѣстникъ с. Боярки, немедленно потребовали они у Шелеста выдать имъ и самого Волка, и все имъ пограбленное—на томъ основаніи, что онъ ихъ подданный. Шелестъ изъявилъ готовность исполнить ихъ просьбу, но до поры до времени добыча Волка оставалась въ богуславскомъ замкѣ, такъ какъ увезти ее оттуда безъ конвоя боялись.

О Савечкѣ тоже извѣстно мало. Загонъ его, кажется, состоялъ все больше изъ козаковъ каневскихъ и явился онъ въ Бѣлоцерковщинѣ только случайно, провѣдавъ, что надворные богуславскіе козаки съ сотникомъ Шелестомъ ушли изъ Богуслава по призыву полковника Протасьева, дѣйствовавшаго, какъ извѣстно, противъ Неживого и Швачки. Савечка рѣшилъ, что въ отсутствіе Шелеста не трудно будетъ овладѣть добычей

---

[1]) Кодн. кн. стр. 177, 178.

Грыцька Волка, оставленной въ богуславскомъ замкѣ, и дѣйствительно—онъ не ошибся въ разсчетахъ. Узнавъ объ ограбленіи Савечкой богуславскаго замка, Шелестъ взялъ у Протасьева нѣсколько десятковъ карабинеровъ и своихъ козаковъ и явился въ Богуславъ. Но въ Богуславѣ Савечки уже не было, и Шелестъ не рѣшился гнаться за нимъ въ виду разсказовъ о численности его загона. Двинулся за нимъ самъ Протасьевъ со всей своей командой и догналъ только у Мошенъ, гдѣ ватага была разбита и разсѣяна; многіе гайдамаки отосланы были при этомъ въ плѣнъ въ Переяславъ.

О ватажкѣ *Максимѣ* [1]) знаемъ изъ небольшой судебной отмѣтки, что онъ въ 1768 г. ходилъ „грабить полѣсье". Въ его загонѣ былъ между прочимъ тотъ самый Стефанъ Піотровскій, шляхтичъ по званію, который участвовалъ и въ загонѣ Савка Плыханенка. Кромѣ Піотровскаго, изъ загона Максима фигурировалъ на кодненскомъ судѣ еще Василій Письмененко. Кодненская коммиссія и въ данномъ случаѣ, какъ въ дѣлѣ гайдамакъ Савка Плыханенко, не могла быть снисходительной, усматривая въ средѣ Максимовыхъ гайдамакъ польскаго ренегата и замѣчая чисто политическое настроеніе всего загона.

Ватажокъ *Бандурка* [2]) имѣлъ загонъ въ 300 гайдамакъ и дѣйствовалъ съ нимъ и въ Бѣлоцерковщинѣ, и въ с.-з. части теперешняго Черкасскаго уѣзда; дѣйствовалъ почти одновременно со всѣми выдающимися ватажками. Изъ кодненской книги мы узнаемъ о той жестокой расправѣ, которой подвергались гайдамаки этого загона послѣ того, какъ ихъ разбилъ подъ Валявой князь Баратовъ, состоявшій, какъ кажется, офицеромъ какого то сербскаго полка. По свидѣтельству богуславскаго писаря Градовскаго, князь Баратовъ, въ виду численности загона Бандурки, усилилъ свою команду присоединеніемъ къ ней надворныхъ козаковъ бѣлоцерковскихъ, рокитянскихъ и богуславскихъ. Съ такими силами онъ послѣ стычки захватилъ въ плѣнъ всѣхъ до

[1]) Кодн. кн. стр. 483.

[2]) Кодн. кн. стр. 180, 448.

единого гайдамакъ Бандурки. Наказать ихъ онъ рѣшился примѣрно и потому велѣлъ выкопать яму, устроивъ въ ней импровизированную тюрьму. Пока несчастные тамъ сидѣли, съ окрестныхъ селъ велѣно было созвать крестьянъ обоего пола и благочестивыхъ поповъ. Когда явилось народу довольно много, тогда Баратовъ велѣлъ плѣннымъ гайдамакамъ выйти изъ ямы и стать по краямъ ея, а людямъ своей команды приказалъ стрѣлять въ нихъ. Конечно, и убитые, и раненные падали въ яму. Когда сверху никого изъ плѣнныхъ больше не было, князь Баратовъ велѣлъ своей командѣ засыпать яму и сравнять ее съ землей, хотя оттуда и неслись стоны недобитыхъ гайдамакъ. Отнятая у Бандурки добыча была распаевана между всѣми козаками и сербами, что были въ командѣ князя Баратова.

Ватажокъ *Степанъ Гловацкій* [1]) не былъ изъ числа ватажковъ идейныхъ. Загонъ его состоялъ изъ 11 душъ, и съ нимъ онъ рыскалъ взадъ и впередъ на довольно большомъ районѣ, грабя людей по дорогамъ, особенно при возвращеніи ихъ съ ярмарокъ. Такъ, онъ грабилъ крестьянъ у Шполы (звениг. у.) и у Богуслава во время скотской ярмарки. Ни самъ Гловацкій, ни пять его соучастниковъ, попавшихъ на кодненскій судъ, сознаваясь въ грабежѣ, не сознавались ни въ какихъ убійствахъ. Тѣмъ не менѣе военно-судная коммиссія самого Гловацкаго приговорила четвертовать, а остальныхъ обезглавить. Не смотря на такую строгость приговора, все же надо полагать, что Гловацкій, подобно Романченку, Лупулу, Паралюшу и нѣкоторымъ другимъ, былъ не больше, какъ простой грабитель, пользовавшійся смутами 1768 года.

Ватажокъ *Яковъ Саченко* [2]) названъ въ судебной отмѣткѣ кодненской книги давнимъ гайдамакой. Онъ собралъ загонъ гайдамакъ и сказалъ имъ: „ходимъ у середыну Польщы до Билои церквы“. Достигъ ли онъ своей цѣли—не извѣстно, такъ какъ

[1]) Кодн. кн. стр. 530 и 540.

[2]) Кодн. кн. стр. 541.

въ судебной отмѣткѣ ведется рѣчь только объ одномъ изъ участниковъ ватаги, заграничномъ крестьянинѣ Иванѣ Яновскомъ, который случайно заблудился въ лѣсу и отсталъ отъ загона въ самомъ началѣ предпріятія. Яновскій этотъ утверждалъ, что ни онъ, да и никто при немъ изъ загона Саченка не грабилъ и не убивалъ. Тѣмъ не менѣе кодненская коммиссія приговорила его обезглавить.

Конечно, въ кодненской книгѣ мы нашли поминаніе только о тѣхъ загонахъ, участники которыхъ были на кодненскомъ судѣ. Но кромѣ помянутыхъ здѣсь, существовало еще много другихъ. Такъ, мемуаристъ Липпоманъ [1]) упоминаетъ о загонахъ, дѣйствовавшихъ близъ Гранова, Теплина, Дашова, Тульчина, Монастырища, Гайсина, Конелы, Божувки, Жидычина, Лодыжина. У Липпомана же есть указаніе и на то, что кромѣ Желѣзняка, до Балты прошелъ съ своимъ загономъ сотникъ Шило.

Нельзя думать однако, что и при этой добавкѣ Липпомана исчерпывается число загоновъ, дѣйствовавшихъ въ Украинѣ въ періодъ коліивщины. Ихъ несомнѣнно было больше, и они проникали далеко на западъ и югъ отъ кіевщины, куда главныя силы гайдамакъ даже вовсе и не стремились.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Bunt hajdamaków na Ukrainie, стр. 39.

СЫНЪ ГЕТМАНА.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА VIII.

ССОРА.

Въ большомъ роскошно убранномъ залѣ, въ замкѣ коронного гетмана все было готово къ великолѣпному пиршеству. На огромномъ столѣ, расположенномъ покоемъ и покрытомъ тремя тонкими скатертями, разставленъ былъ дорогой золотой сервизъ персонъ на сто. Кромѣ большаго почетнаго стола, по угламъ были накрыты еще столы для мелкой шляхты и всякихъ приживальцевъ, ютившихся около богатаго пана. Множество бутылокъ иностранныхъ винъ, драгоцѣнные кувшины и кружки съ медомъ и пивомъ, замысловатыя печенья, высокія бабы въ видѣ башенъ,—все это красовалось на столѣ въ перемежку съ букетами цвѣтовъ, нарочно привезенныхъ въ Варшаву изъ панскихъ теплицъ. Въ концѣ зала помѣщался художественной работы массивный буфетъ изъ темнаго дуба съ полками, украшенными рѣзьбою и заставленными дорогою серебряною и золотою посудою и рѣдкимъ хрусталемъ.

Сановитый, почтенный дворецкій хлопоталъ за буфетомъ, вынимая огромныя блюда, едва поднимаемыя двумя служителями; крайчіе въ красивыхъ кунтушахъ, закинувъ длинные рукава за спину, стояли по трое съ каждой стороны стола. Слуги зажгли

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 3.

восковыя свѣчи въ большихъ массивныхъ канделябрахъ и чинно стали за стульями, а четверо изъ молодыхъ шляхтичей стали у дверей съ умываньемъ: двое держали большой золотой тазъ съ рукомойникомъ, а двое другихъ—прекрасныя тонкія полотенца, украшенныя искуснымъ шитьемъ. Окончивъ свою работу, дворецкій тоже вышелъ изъ-за буфета и далъ знакъ музыкантамъ, сидѣвшимъ на хорахъ надъ дверями. Трубачи грянули громкій маршъ, слуги отворили двери, и панъ коронный гетманъ, сопровождаемый своими гостями, вступилъ въ столовый залъ. Въ числѣ почетныхъ гостей было нѣсколько сенаторовъ, иностранныхъ пословъ, и самая отборная польская аристократія: князья Радзивиллы, Вишневецкіе, Корецкіе, Заславскіе, Любомирскіе, Тышкевичи, Замойскій, панъ Сапѣга, Потоцкій, Калиновскій, Жолкевскій, Ландскоронскій и много другихъ знатныхъ польскихъ магнатовъ. Съ каждымъ изъ этихъ гостей пришли ихъ приближенные и слуги, и дворецкому было не мало хлопотъ разсадить всѣхъ по мѣстамъ. Богданъ съ Тимошемъ пріютились за однимъ изъ боковыхъ столовъ въ обществѣ козацкихъ сотниковъ и полковниковъ. Нѣсколько шляхтичей, сѣвшихъ за тотъ же столъ, одинъ за другимъ перешли къ другому столу, не желая быть въ обществѣ козаковъ.

Кушанья смѣнялись одно за другимъ: за мясомъ слѣдовала рыба, за рыбою дичь; всего было много, все было дорогое, съ разными приправами на всякій вкусъ, хотя истому знатоку все это могло показаться и слишкомъ жирнымъ, и не особенно изящнымъ. Наконецъ, двѣ скатерти были сняты; поданы были сласти: пирожныя, сладкое печенье, конфекты. Остатки роскошнаго пира доѣдала многочисленная прислуга, какъ хозяйская, такъ и пріѣзжая. Съ винами паны могли управиться и одни, а челядь тутъ же въ залѣ, въ сторонѣ ѣла кое-какъ руками дарованныя ей лакомыя кушанья, вытирая тарелки рукавами богатыхъ кунтушей, обтирая свои сальныя руки о дорогую одежду.

Шумъ стоялъ невообразимый; прислуга ссорилась, дралась; дворецкій со своими помощниками едва успѣвалъ унимать безпорядки. Имъ не разъ приходилось заглядывать въ карманы

слугъ въ поискахъ за дорогими чарками, ложками и другими мелкими, но цѣнными вещами.

А паны безпрерывно предлагали тосты; мѣняясь чарками, угощали другъ друга. Токайское лилось рѣкою и развязало языки. У Тимоша кружилась голова отъ всего этого шума. Отецъ угощался съ товарищами и порядкомъ захмелѣлъ; мальчику было не по себѣ: онъ всталъ и прокрался между прислугою къ широкому выходу дворца, широкими каменными ступенями спускавшемуся во дворъ.

На лѣстницѣ было тихо и пусто; слуги толклись или на верху, или въ людскихъ; швейцаръ дремалъ въ своей каморкѣ, помѣщавшейся у верхней площадки.

Тимошъ медленно спускался по ступенямъ, какъ вдругъ услышалъ за собою быстрые шаги. Его догонялъ мальчикъ, года на три старше его, высокій, стройный, съ бѣлокурыми вьющимися волосами и большими голубыми глазами, опушенными длинными рѣсницами; темныя брови и нѣжный матовый цвѣтъ лица придавали ему какое то особенное выраженіе, не то меланхолически капризное, не то недовольное, скучающее. Въ глазахъ мальчика Тимошъ прочелъ что-то непріятное, отталкивающее, а гордая рѣшительная походка и рѣзкія движенія имѣли что-то вызывающее, почти дерзкое. Тимошъ посторонился и пошелъ слѣдомъ за мальчикомъ. Тотъ вышелъ на дворъ и громко крикнулъ:

— Гей, Остапко! Коня!

Тимошъ облокотился о притолоку двери, съ любопытствомъ разсматривая незнакомаго панычa. Богатая одежда пажа дѣлала его станъ еще тоньше; на бархатномъ беретѣ красовалось дорогое страусовое перо, подхваченное брилліантовымъ аграфомъ. Подъ пытливымъ взоромъ Тимоша пажъ почувствовалъ себя съ минуту неловко, но тотчасъ же оправился, презрительно смѣрилъ его съ головы до ногъ и крикнулъ:

— Ну, что ты стоишь? Бѣги на кухню и позови этого плута Остапенка.

Тимошъ презрительно усмѣхнулся и заложилъ руки назадъ.

— Я тебѣ не хлопъ! проговорилъ онъ спокойно: ступай, ищи самъ своего Остапенка.

Пажъ вспыхнулъ.

— Дерзкій! крикнулъ онъ. Какъ ты смѣешь ослушаться, когда я тебѣ говорю! Дѣду Константину нуженъ сейчасъ его конь; а дѣдъ не любитъ ждать!

— Мнѣ что за дѣло до твоего дѣда! флегматично отвѣчалъ Тимошъ.

— Какъ что за дѣло? горячился пажъ. Какъ ты смѣешь такъ говорить про дѣда? Мой дѣдъ князь Константинъ Вишневецкій! Славный князь Константинъ, онъ сажалъ царей на царство... Такъ говоритъ отецъ, а отецъ никогда не лжетъ.

— Отвяжись ты со своимъ дѣдомъ и отцемъ! сердито проговорилъ Тимошъ. Говорю, что я тебѣ не хлопъ! Поди самъ разыскивай своихъ коней!

Но этотъ отказъ совсѣмъ вывелъ изъ себя благородный отпрыскъ князей Вишневецкихъ:

— Презрѣнный хлопъ! закричалъ онъ: жаль, что здѣсь нѣтъ дяди Іереміи, онъ бы угостилъ тебя желѣзными прутьями; но я и самъ съ тобою справлюсь!

При этихъ словахъ онъ схватилъ Тимоша за воротникъ его суконнаго козакина съ очевиднымъ намѣреніемъ повалить на землю... Но случилось нѣчто совсѣмъ для пажа неожиданное. Маленькій приземистый мальчикъ оказался значительно ловчѣе и сильнѣе стройнаго князя; онъ, какъ ужъ, вывернулся изъ его рукъ; быстрымъ движеніемъ зацѣпилъ его „подъ ножку“ и, поваливъ его лицемъ на землю, сталъ осыпать довольно здоровыми ударами кулака. Пажъ завопилъ на весь дворъ:

— Спасите! спасите! разбой!

Изъ нижняго этажа дворца, гдѣ помѣщались кухни, повысунулись испуганныя лица слугъ, и черезъ нѣсколько минутъ десятки рукъ ужъ разнимали маленькихъ борцевъ.

— Кто такой? откуда? чей?—посыпались вопросы.

Двое конюховъ схватили Тимоша и потащили въ какой-то чуланъ.

— Кто ты? спрашивали его.

Но Тимошъ отъ волненія не могъ произнести ни слова и дико озирался. Молодого князя въ это время тщательно чистили, спрашивая:

— Какъ это случилось? Кто этотъ дерзкій мальчишка, такъ отдѣлавшій вельможное княжа?

Князь Дмитрій плакалъ и отъ злости, и отъ волненія, и отъ боли, и отъ стыда. Его повели на верхъ и тотчасъ же доложили обо всемъ его отцу, князю Янушу, спускавшемуся въ эту минуту съ лѣстницы подъ руку съ очень старымъ, но еще бодрымъ отцемъ, княземъ Константиномъ.

— Сейчасъ мы разберемъ, въ чемъ дѣло! отвѣчалъ онъ сыну на его жалобу. Я только провожу дѣда.

Между тѣмъ слухъ о томъ, что какой то хлопецъ побилъ молодого князя Дмитрія, облетѣлъ гостей и мигомъ вышибъ хмель изъ головы Богдана.

— Гей, братику! ужъ не твой ли хлопецъ-то? 'Куда онъ дѣвался? подсмѣивались козаки.

— А вотъ я его тотчасъ поищу! торопливо проговорилъ Богданъ, стараясь протолкаться между встававшими гостями.

Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что это былъ Тимошъ, и теперь вся задача заключалась въ томъ, какъ его выручить.

— Экъ бисовъ хлопецъ! ворчалъ онъ, пробираясь по двору: только одна шкода съ нимъ!

Онъ безъ труда узналъ, куда дѣвали Тимоша, и пробираясь по полуосвѣщеннымъ закоулкамъ къ чулану, гдѣ стоялъ на стражѣ одинъ изъ конюховъ, Богданъ торопливо сунулъ руку за пазуху, гдѣ и нащупалъ кошелекъ.

— Пане конюшій! обратился онъ къ рослому дѣтинѣ литвину: нельзя ли выпустить хлопца, то мой сынъ!

— Не можно, панъ сотникъ! никакъ не можно! Было бы сыну пана сотника не тягаться съ князьями.

— Ахъ, добрѣйшій панъ конюшій! Я и самъ знаю, что онъ, лихо его возьми, не добре сдѣлалъ; да може панъ конюшій самъ отецъ; каково было бы пану конюшему, если бъ его сынъ тамъ сидѣлъ!

Конюхъ почесалъ за ухомъ. У него, дѣйствительно, были дѣти, и даже много; онъ живо вспомнилъ, какую встряску задали недавно его младшему сыну за то, что онъ въ дурную минуту подвернулся подъ ноги молодому пану Александру.

— Такъ ужъ панъ конюшій не будетъ строгъ! съ низкимъ поклономъ проговорилъ Богданъ. А золотые у насъ найдутся.

— Хорошо вамъ говорить, а вотъ придутъ сейчасъ за хлопцемъ, откуда я его возьму.

— Панъ конюшій будетъ стоять у дверей, какъ ни въ чемъ не бывало,—съ заискивающею улыбкою проговорилъ Богданъ,—и скажетъ князьямъ, что хлопца, вѣрно, вѣдьмы съѣли.

Литвинъ съ минуту нерѣшительно смотрѣлъ то на протянутые золотые, то на дверь чулана, наконецъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Ну, добре! У меня, вѣдь, тоже дѣти; а этому князьку такъ и надо,—очень ужъ онъ задоренъ. Сынокъ пана сотника храбрый хлопецъ. Берите его, панъ сотникъ, да утекайте поскорѣе; кони козацкіе стоятъ вонъ тамъ въ углу двора.

— Я знаю! кивнулъ Богданъ, торопливо отворяя дверь чулана.

— Татко! крикнулъ было Тимошъ.

— Я тебѣ дамъ татка! Какихъ бѣдъ опять натворилъ! сердито погрозилъ Богданъ.

Дальними корридорами провелъ его на задній дворъ, быстро осѣдлалъ коня, посадилъ мальчика на сѣдло вмѣстѣ съ собою и поскакалъ изъ замка.

Когда хватились виновника всей тревоги и накинулись на литвина, онъ съ самымъ неподражаемымъ удивленіемъ говорилъ, что не сходилъ съ мѣста и не отворялъ чулана. Паны разводили руками, а козаки посмѣивались между собою, говоря, по секрету, что сотникъ Богданъ прехитрый козакъ.

Богданъ поскакалъ къ корчмѣ, гдѣ остановились помилованные козаки. Не смотря на очень поздній часъ, старый корчмарь нисколько не удивился посѣтителямъ и съ низкими поклонами проводилъ ихъ въ коморку къ спящимъ козакамъ. Сотникъ едва ихъ добудился. Наконецъ Павлюкъ очнулся, лѣниво протеръ глаза и съ удивленіемъ увидѣлъ нежданныхъ гостей.

— Выручайте, товарищи! тревожно проговорилъ Богданъ: мой хлопецъ опять начудилъ.

— Эге! протянулъ Ганжа, поднимаясь и усаживаясь на соломѣ. Такъ я и думалъ!

— Что же онъ сдѣлалъ? спросилъ Павлюкъ.

— Правду сказать, я и самъ у него не допытался,—отвѣтилъ Богданъ—пусть ужъ самъ покается. Говори, сынку!

Тимошъ взволнованнымъ голосомъ передалъ свое приключеніе съ княземъ Дмитріемъ, по временамъ исподлобья поглядывая то на отца, то на Павлюка, то на Ганжу.

Всѣ трое хмурились и сурово смотрѣли на провинившагося; но онъ своимъ дѣтскимъ чутьемъ ясно понималъ, что старые козаки въ душѣ его одобряютъ. Наконецъ Ганжа не вытерпѣлъ:

— Итакъ таки ты его и побилъ? весело спросилъ онъ. Добре, сынку! ей-ей, добре. Мы не хлопы! То намъ не звычай, щобъ насъ якъ скотыну били! Ей-ей, Богданко, славный у тебя хлопецъ! Лыцарь будетъ, въ обиду себя не дастъ!

— Лыцарь-то, лыцарь! со вздохомъ сказалъ Богданъ; а вотъ что я теперь съ этимъ лыцаремъ дѣлать буду? куда я съ нимъ дѣнусь? Князья Вишневецкіе тоже обиды не спустятъ. Оставить у себя мнѣ хлопца никакъ не можно; надо его хоть на первое время куда-нибудь спрятать.

Павлюкъ въ раздумьѣ гладилъ усы.

— Видишь ли, панъ сотникъ! отвѣчалъ онъ Богдану. Долго я здѣсь не усижу; я ужъ сегодня разузналъ кое-что; говорятъ, что крымскій ханъ проситъ помощи у ляховъ противъ буджаковъ; наши сильно поговариваютъ объ этомъ. Мнѣ это на руку, я готовъ хоть чейчасъ въ походъ двинуться, и охотниковъ идти со мною не мало найдется. Хлопца твоего я съ радостью возьму: пусть привыкаетъ!

Богданъ задумался.

— Боюсь я, что онъ совсѣмъ отъ рукъ отобьется; одичаетъ, пожалуй, да пора бы его и за книгу засадить!

— Ге, братику! вставилъ Ганжа: наука не конь, въ степь не убѣжитъ! Годикъ, другой порыскаетъ съ запорожцами, а тамъ и въ бурсу его засадишь.

— Да, вѣдь, теперь дѣло къ зимѣ идетъ,—возразилъ Богданъ.

— Вотъ въ томъ то и штука; объ этомъ то я и думаю, что походъ только въ будущемъ году состоится,—замѣтилъ Павлюкъ.

— Ну, а пока что, дидъ Ганжа хлопца спрячетъ,—весело проговорилъ старой козакъ, и, хлопнувъ себя по лбу, прибавилъ:—ишь, вѣдь, старая голова, чтобы сразу то вспомнить!... Смольчугъ! Эй Смольчугъ! тормошилъ онъ спящаго козака, мирно храпѣвшаго во все время разговора.—Да проснись же ты, сонный мѣшокъ!

Смольчугъ, наконецъ, открылъ глаза, а Ганжа, схвативъ его за воротъ, силою посадилъ.

— Чего тебѣ? съ неудовольствіемъ спросилъ Смольчугъ. Ганжа совсѣмъ осерчалъ.

— Чего? Я его, бисового сына, цѣлый часъ бужу, а онъ спрашиваетъ „чего"! Кабы не треба тебя было, я бы съ тобою не возился!

Смольчугъ съ изумленіемъ вытаращилъ на него глаза.

— Слушай толкомъ! продолжалъ Ганжа. Вотъ, надо хлопца спрятать! Вези его къ своей теткѣ: она козачка добрая, а живетъ тамъ, что и самъ бѣсъ ее не розыщетъ.

— Кто его тетка? спросилъ Богданъ.

— Тетка его, видишь ли ты, козачка, сестра его матери, значитъ и мать была козачка, а отецъ его былъ родомъ шляхтичъ. Богатые паны все имѣніе его оттягали; онъ и пошелъ на Сѣчь, къ запорожцамъ. Жена то его тогда ужъ померла, а сынишку то онъ съ собою взялъ... Маленькій такой былъ, куда меньше Тимоша. Отецъ его, даромъ что шляхтичъ, а козакъ былъ добрый. Неразъ мы противъ невѣрныхъ съ нимъ вмѣстѣ ходили, да вдругъ какъ то шальная пуля его хватила. Такъ хлопецъ и остался у меня на рукахъ: никого у него на свѣтѣ нѣтъ, кромѣ меня, да тетки, старой козачки.

Смольчугъ, печально поникнувъ головою, слушалъ разсказъ дида и, когда тотъ кончилъ, спросилъ его:

— Такъ ты думаешь отвезти хлопца къ теткѣ Оксанѣ? Скучно ему тамъ будетъ.

— Поскучаетъ, отвѣчалъ Ганжа: все лучше, чѣмъ къ панамъ на зубокъ попасться.

Богданъ вздохнулъ и поднялся съ мѣста.

— Ну, прощай, сынку! Слушайся пановъ атамановъ да не дури больше, а то не сносить тебѣ головы: больно ужъ ты боекъ.

Тимошу вдругъ стало грустно. Когда отецъ его обнялъ, у него на глазахъ показались слезы, и онъ долго держалъ отца своими сжатыми руками.

— Ну, полно, полно! уговаривалъ его Богданъ: вѣдь не на вѣкъ разстаемся. Я къ тебѣ навѣдаюсь.

ГЛАВА IX.

НА БУДЖАКОВЪ.

Широкая, необозримая степь колыхалась цѣлымъ моремъ высокой травы, переливавшейся всевозможными цвѣтами: и бѣлымъ, и малиновымъ, и желтымъ, и лазурнымъ, и яркопунцовымъ, и всѣми оттѣнками зеленаго. Все было въ цвѣту, все благоухало, все жило, стрекотало подъ ласкающими лучами яркаго солнца, вступавшаго во всѣ свои права послѣ пасмурной, дождливой весны. Трава выбивалась даже и тамъ, гдѣ тянулся лентою длинный шляхъ, превратившійся уже въ сѣроватую полупесчанную, полуглинистую пыль. И изъ безплодной груди этого могучаго шляха, уже нѣсколько столѣтій выносившаго бремя людскихъ и конскихъ ногъ, пробивалась жизнь, широкою волною разлитая кругомъ.

По этому шляху медленно двигался довольно большой конный отрядъ татаръ и козаковъ. Впереди отряда ѣхали наши старые знакомые, Павлюкъ и Ганжа, а за ними слѣдовали двое татарскихъ начальниковъ съ Тимошемъ.

Больше года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тимошъ за свою ссору съ княземъ Дмитріемъ долженъ былъ удалиться въ изгнаніе къ старой козачкѣ. Онъ прожилъ у нея нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ ѣздилъ съ Павлюкомъ и Ганжею въ Сѣчь скликать удальцевъ въ помощь крымскому хану противъ Буджаковъ. Теперь они уже съ мѣсяцъ воевали съ ловкимъ изворогливымъ врагомъ, то преслѣдуя его въ степи, то нападая на легкихъ козацкихъ

чайкахъ и турецкихъ галерахъ на прибрежныя селенія. Наконецъ главная буджакская орда ускользнула отъ нихъ въ степь, гдѣ и пропала въ высокой травѣ, и они уже нѣсколько дней ѣздили взадъ и впередъ, отыскивая хоть какого нибудь слѣда.

Было далеко за полдень. Выносливые татарскіе бакематы съ косматою гривою и толстыми неуклюжими ногами—и тѣ притомились.

— Что, вояка, усталъ? спросилъ одинъ изъ татаръ Тимоша.

Тимошъ, дѣйствительно, клевалъ носомъ на мѣрно покачивавшемся сѣдлѣ, тяжелѣвшія вѣки его не слушались; въ предыдущую ночь почти не пришлось спать, такъ какъ въ путь пустились еще до разсвѣта. Козаки разсчитывали легче найти слѣдъ на неуспѣвшей еще подняться отъ утренней росы травѣ. Имъ достаточно было наткнуться на одинъ отрядъ орды и по направленію, проложенному этимъ отрядомъ, они догадались бы о движеніи всего непріятельскаго войска; мелкіе буджакскіе отряды человѣкъ по двѣнадцати двигались всегда по направленію къ центру, описывая круги и полукруги въ высокой травѣ, стараясь такимъ образомъ спутать слѣдъ. Они двигались ночью передъ разсвѣтомъ, и черезъ нѣсколько часовъ утренняя роса освѣжала притоптанную траву, головки цвѣтовъ снова поднимались, пестрое море ихъ снова волновалось, какъ ни въ чемъ не бывало, скрывая слѣдъ исчезнувшихъ хищниковъ.

Все это грезилось теперь Тимошу, дремавшему въ сѣдлѣ; ему казалось, что онъ видитъ въ пестрой травѣ мелькающія головы враговъ, слышитъ свистъ ихъ ногаекъ и рѣзкіе крики: „алла!“ Вопросъ татарина разбудилъ его; онъ поправился въ сѣдлѣ и отвѣчалъ съ улыбкою:

— Да, Ага Мехметъ, отдохнуть и выспаться хорошо бы!

Татаринъ говорилъ съ нимъ по татарски,—Тимошъ уже все понималъ, но отвѣчалъ еще по-малорусски.

— Пожалуй, пора и на отдыхъ! согласился татаринъ. Что ты на это скажешь, другъ Баюнъ?

— Что-жъ отдыхать, такъ отдыхать! рѣшилъ Павлюкъ. Тутъ должна быть рѣчка вблизи. Видишь, рѣчныя чайки кружатся.

Выслали въ обѣ стороны развѣдчиковъ, и черезъ полчаса

одинъ изъ нихъ сломя голову скакалъ назадъ. Это былъ молодой статный козакъ съ открытымъ загорѣлымъ лицемъ и съ живымъ проницательныхъ взглядомъ.

— Батько! крикнулъ онъ, подскакавъ къ Павлюку: слѣдъ нашелъ.

— Гдѣ?

— Тамъ у самой рѣчки; они въ бродъ перебирались; подъ водой слѣды видны, да и трава не успѣла еще подняться,—далеко уйти не могли.

Какъ электрическая искра, облетѣло и татаръ, и козаковъ давно желанное извѣстіе. Всѣ забыли усталость, всѣ пріободрились и, разбившись на нѣсколько отрядовъ, поскакали въ направленіи, указанномъ счастливымъ развѣдчикомъ. Подъѣхалъ къ рѣкѣ, они, дѣйствительно, убѣдились, что не задолго здѣсь были татары. Слѣды широкихъ лошадиныхъ копытъ ясно были видны и на берегу, и на мягкомъ пескѣ подъ водою, а на другомъ берегу трава была значительно примята. Начальники съѣхались и устроили военный совѣтъ. Павлюкъ предлагалъ тотчасъ же броситься за непріятелемъ, застигнуть отрядъ врасплохъ, захватить его и заставить показать путь. Болѣе осторожные татары возражали, что пойманные плѣнники могутъ, напротивъ, отвести въ противоположную сторону, да и сами могутъ легко потерять слѣдъ; гораздо благоразумнѣе послать впередъ развѣдчиковъ и застать всю орду врасплохъ, такъ какъ она, навѣрно, гдѣ нибудь въ лощинѣ кормитъ лошадей и отдыхаетъ послѣ продолжительнаго перехода.

— Ну, будь по вашему! согласился Павлюкъ. Только двигаться надо осторожно, чтобы они опять не прыснули куда нибудь въ сторону.

— Если мы побьемъ эту орду, замѣтилъ Ага-Махеметъ, мы можемъ вернуться въ свои улусы.

Все войско осторожно, въ строгомъ порядкѣ и полнѣйшемъ молчаніи двигалось за развѣдчиками. И сзади, и съ боковъ ѣхали сторожевые козаки, чутко прислушивавшіеся къ малѣйшему шуму, зорко присматривавшіеся къ малѣйшей точкѣ, чернѣвшейся на горизонтѣ.

Степь то стлалась ровной скатертью, то прерывалась рядами невысокихъ холмовъ; съ нихъ сбѣгали степныя рѣчки и образовывали балки, лощины, котловины.

Войско подъѣзжало къ одной изъ такихъ лощинъ. Тимошъ ѣхалъ сбоку и тоже съ напряженіемъ вглядывался въ окрестности. Вдругъ ему показалось, что за однимъ изъ бугорковъ, опускавшихся въ лощину, что то мелькнуло. Могла быть и птица; но для птицы движеніе было недостаточно плавное... Тимошъ шепотомъ передалъ свое впечатлѣніе Ганжѣ. Прикрываясь рукою отъ солнца, старый козакъ взглянулъ въ указанномъ направленіи, и его привычный глазъ ясно увидалъ шагахъ во ста змѣйку, извивавшуюся, исчезавшую и опять появлявшуюся все дальше и дальше по направленію къ лощинѣ.

— Ишь, лихо его возьми, какъ улепетываетъ! со смѣхомъ сказалъ Ганжа, показывая на чернѣвшее пятно Павлюку и Агѣ-Махмету. Молодецъ Тимошъ! теперь мы на слѣду; изъ этой лощины имъ некуда дѣться, теперь они пойманы, какъ звѣрекъ въ клѣткѣ.

— Ну, товарищи! теперь ужъ не дремать! Надо ихъ окружить, зайти и по ту сторону лощины, чтобы они не ускользнули отъ насъ.

— Веди, атаманъ! сназалъ Ага-Махметъ.

Онъ вполнѣ довѣрялъ военному искусству Павлюка, не разъ показавшаго себя опытнымъ вождемъ въ битвахъ.

Тимошу стало немножко страшно; онъ знаалъ, что эта битва рѣшительная: обѣ стороны будутъ биться не на животъ, а на смерть, и боялся не столько за себя, сколько за своихъ друзей. Впрочемъ, онъ представлялъ себѣ и то, что его могутъ взять въ плѣнъ, и ему невольно вспоминались несчастныя жены и дѣти буджаковъ; ихъ брали при нападеніи въ плѣнъ, какъ скотъ, сваливали связанныхъ на телѣги или на чайки и галеры и везли въ Крымъ, гдѣ дѣлили ихъ между собою, какъ военную добычу.

— Нѣтъ, живымъ не дамся! думалъ онъ и крѣпко сжималъ рукоять сабли.

— Дидусю! спрашивалъ онъ Ганжу: вѣдь, не гоже татарамъ живымъ въ руки даться?

— Не гоже, сынку! не гоже!—отвѣчалъ Ганжа серьезно. Да только они, эти буджаки, ляхъ ихъ возьми, съ арканомъ ѣздятъ. Пока ты соберешься саблей себя по горлу полоснуть, а онъ ужъ и скрутилъ тебя и къ сѣдлу приторочилъ.

— Ой, какъ страшно, дидуню!

— Ну, Богъ дастъ, мы ихъ раньше скрутимъ! весело отвѣтилъ дѣдъ, пришпоривая коня.

Теперь имъ скрываться было нечего. Летучіе татарскіе отряды съ дикимъ гикомъ описывали длинную дугу вокругъ лощины. Козаки же мчались прямо къ ея входу.

Буджаки оказались въ самомъ невыгодномъ положеніи: быстрота натиска помѣшала имъ приготовиться къ бою. Кони ихъ метались, какъ бѣшеные; всадники топтали своихъ, спѣша къ выходу изъ лощины; но выходъ съ обѣихъ сторонъ былъ отрѣзанъ, и небольшія кучки храбрецовъ столпились кое-гдѣ вмѣстѣ, рѣшивъ дорого продать свою жизнь и свободу. Козаки нѣсколько разъ старались смять эти безпорядочные отряды; но каждый разъ были принуждаемы къ отступленію подъ тучами буджакскихъ стрѣлъ; имъ мѣшало и солнце, слѣпившее имъ глаза своими лучами, тогда какъ аттакованные могли свободно выбирать цѣль для своихъ стрѣлъ: солнце у нихъ было въ тылу. Орда была человѣкъ въ тысячу, если не больше, и сломить ее было не легко; она состояла изъ записныхъ бойцовъ-богатырей, искусившихся во всякихъ военныхъ хитростяхъ. Передовые наѣздники ея, богатыри, искусно заманивали козаковъ въ лощину, какъ бы убѣгая отъ нихъ, и вдругъ на всемъ скаку прицѣливались въ нихъ черезъ лѣвое плечо, пуская тучи стрѣлъ. Нѣкоторые изъ нихъ вступали въ единоборство съ врагомъ и, схватываясь съ нимъ руками, старались или выбросить его изъ сѣдла, или задушить его. Козаки уже болѣе часу бились съ врагомъ и не могли сломить его. Вдругъ съ противоположнаго конца лощины показался татарскій отрядъ. Крутизна спуска заставила ихъ быстро спѣшиться, и проворно, какъ кошки, спустились они, цѣпляясь за траву и мелкій кустарникъ. Ихъ было только нѣсколько сотенъ; но дружный ихъ натискъ рѣшилъ дѣло. Кривыя сабли заблестѣли въ воздухѣ, свистъ и лязгъ ихъ смѣшался съ

криками и стонами; задніе ряды буджаковъ дрогнули, бросились въ противоположную сторону и смяли богатырей, дававшихъ отпоръ козакамъ. Козаки воспользовались смятеніемъ: плотной толпой проникши въ лощину, окружили тамъ врага и схватились съ нимъ въ рукопашную. Тимоша увлекло общее теченіе, и онъ вмѣстѣ съ другими рубилъ направо и налѣво, какъ вдругъ почувствовалъ, что зашатался въ сѣдлѣ; въ глазахъ у него потемнѣло: ему показалось, что онъ умираетъ.

— Татко, дидусю! крикнулъ онъ: прощайте! и упалъ съ лошади.

Схватка не длилась и получаса. Буджаковъ болѣе половины перебили, остальныхъ взяли въ плѣнъ и, согнавъ въ кучу, какъ стадо барановъ, перевязали ихъ ремнями и оставили подъ стражею нѣсколькихъ козаковъ.

— Славно поработали, братцы! сказалъ Ганжа козацкимъ старшинамъ. Мой птенчикъ тоже оперяется; я видѣлъ, какъ онъ рубилъ буджаковъ.... Да гдѣ же онъ? Тимошъ! Гей, Тимошъ! откликнись!

Но Тимошу трудно было откликнуться: онъ блѣдный, распростертый лежалъ безъ чувствъ немного въ сторонѣ отъ мѣста главной схватки, гдѣ лежала цѣлая груда убитыхъ и раненыхъ.

— Не видалъ ли кто хлопца? съ безпокойствомъ спрашивалъ Ганжа, внимательно осматривая поле битвы.

Смольчугъ тоже искалъ Тимоша и наконецъ наткнулся на него.

— Вотъ онъ! крикнулъ молодой козакъ: никакъ мертвъ!

Ганжа поспѣшно подошелъ къ лежавшему Тимошу, и слезы потекли по его длиннымъ сѣдымъ усамъ, когда онъ приподнялъ съ земли блѣдное, помертвѣлое лице мальчика.

— Сынку, мой сынку! проговорилъ онъ: неужели я не спасу тебя?

Смольчугъ между тѣмъ внимательно осматривалъ рану: одна стрѣла скользнула по лѣвому боку и задѣла мальчика глубокою царапиною, а другая засѣла въ плечѣ, хотя и не особенно глубоко.

— Живъ будетъ! проговорилъ радостно Смольчугъ, насыпая на руку немного пороху изъ пороховницы и смѣшивая его съ слюною.

— Давай-ка, дѣдъ, раздѣнемъ его и обвяжемъ его раны!

Намазавъ обѣ раны смоченнымъ порохомъ, они перевязали ихъ лоскутомъ, оторваннымъ отъ рубахи и бережно уложили мальчика на одну изъ повозокъ, прикрывъ его бурками. Оба они остались сидѣть подлѣ него, примачивая ему виски водой и ожидая, когда онъ придетъ въ чувство. Онъ, дѣйствительно, скоро очнулся, попросилъ пить и чувствовалъ себя довольно хорошо; но къ ночи у него сдѣлалась лихорадка и бредъ. Старый Ганжа совсѣмъ растерялся: онъ любилъ мальчика, какъ роднаго сына, и отъ одной мысли потерять его самого старика бросало въ дрожь. Павлюкъ тоже часто навѣщалъ больнаго; онъ привелъ татарина, слывшаго за колдуна и умѣвшаго заговаривать раны. Тотъ пошепталъ что-то, осмотрѣлъ раны и сказалъ:

— Если черезъ четыре дня не умретъ, то выздоровѣетъ.

— Бисовъ сынъ! вспылилъ Ганжа. Я и самъ знаю, что если не умретъ, такъ живъ будетъ! А ты скажи, какъ лѣчить.

Татаринъ показалъ на маленькую красноватую припухлость около раны.

— Вотъ тутъ болѣзнь сидитъ! проговорилъ онъ. Не умѣли стрѣлу вынуть... повернули!

Онъ набралъ какихъ-то травъ, поварилъ ихъ въ котелкѣ и напоилъ больнаго. Ганжа тоже попробовалъ этого зелья и сплюнулъ:

— Ты мнѣ его, пожалуй, еще отравишь?

Питье было горькое-прегорькое.

— Зачѣмъ отравлять! возразилъ татаринъ: не перваго лѣчить, живъ будетъ!

Онъ промылъ ранку, приложилъ къ ней тоже какихъ то травъ и ловко перевязалъ раны тряпкою. На третьи сутки Тимошу стало очень худо. Онъ цѣлый день бредилъ, метался въ жару, звалъ отца, кричалъ, что его рѣжутъ, а къ вечеру впалъ въ забытье и лежалъ неподвижно, какъ мертвый. Лѣкарь-татаринъ утѣшалъ, что это ничего, что бываетъ еще хуже. Ганжа и самъ не разъ ухаживалъ за тяжело ранеными; но никогда

сердце его такъ болѣзненно не ныло и не сжималось, какъ при видѣ этого мальчика, безпомощно метавшагося на возу.

На слѣдующій день рѣшено было выступить въ обратный путь, хотя Ганжа и умаливалъ начальниковъ подождать хоть еще день.

— Не можно! отвѣчали ему. И то долго тутъ сидимъ. Пора и до дому!

Къ ночи Тимошу стало какъ будто легче, а подъ утро онъ спокойно уснулъ и проспалъ долго: не слышалъ, какъ запрягли повозку, какъ тронулись въ путь и медленно стали подвигаться по дорогѣ къ границамъ Украины.

Небольшой отрядъ былъ посланъ на югъ за чайками, стоявшими у морскаго берега. Чайки эти Павлюкъ приказалъ отвести на Сѣчь, а самъ, распростившись съ татарами, миновалъ Сѣчь и пороги, повернулъ къ западу въ Черкасы. Никто не зналъ намѣреній атамана. На встрѣчу имъ неслись тревожные слухи, что ляхи забрали козацкую армату, что козакамъ совсѣмъ нѣтъ житья отъ пановъ,—даже реестровые бунтуютъ, такъ какъ имъ не платятъ жалованья; жиды все забрали въ свои руки и всячески издѣваются надъ православными. Павлюкъ только грозно сдвигалъ брови и, сжимая кулаки, говорилъ:

— Не бывать тому! не отдадимъ своей родины на поруганіе!

Тимошъ поправлялся медленно, онъ очень ослабъ отъ потери крови и лихорадки, а потому сильно утомлялся большими переходами, совершаемыми въ жаръ по пыльной дорогѣ, гдѣ къ вечеру появлялись миріады мелкихъ мошекъ, всю ночь не дававшихъ покою даже здоровымъ, не только что больному; днемъ кружились въ воздухѣ надоѣдливыя степныя мухи, а подъ одежду забирались всякія насѣкомыя; отъ нихъ ничѣмъ нельзя было спастись. Тѣмъ не менѣе молодость и здоровый степной воздухъ дѣлали свое: мальчикъ крѣпчалъ и, когда они переѣхали границу Украины, онъ могъ уже садиться на коня, хотя скоро уставалъ и не переносилъ еще быстрой ѣзды. Его опять отправили на время къ теткѣ Оксанѣ; козаки же пошли прямо на Черкасы.

Въ маленькомъ спокойномъ хуторкѣ старушки козачки, Тимошу все было знакомо; онъ вернулся какъ домой. Старый котъ встрѣтилъ его какъ давнишняго знакомаго, терся у его ногъ, выгибая спину и важно помахивая хвостомъ; собака Сирко дружелюбно залаяла на цѣпи и съ веселымъ подвизгиваньемъ скребла землю лапами; а телка, превратившаяся въ молодую коровку, выгибая бока и откинувъ хвостъ, скакала около него въ ожиданіи подачки; мальчику казалось, что и пчелы жужжали привѣтливѣе, когда онъ заглянулъ въ пасѣку. А сама добрая веселая тетка Оксана пустилась притопывать гопака на радостяхъ, что хлопецъ опять къ ней вернулся. Здоровый Тимошъ скучалъ въ этомъ скромномъ уголкѣ, пріютившемся въ ущельи; но теперь, больному, ему пріятно было отдохнуть въ тѣни зеленыхъ черешенъ и тополей, по цѣлымъ часамъ слушая разсказы о былыхъ козацкихъ богатыряхъ и ихъ подвигахъ.

Такъ прошло три мѣсяца. Тимошъ со дня на день ожидалъ пріѣзда отца; но важныя дѣла задерживали Богдана, разъѣзжавшаго то въ Кіевъ, то въ Варшаву и только время отъ времени присылавшаго о себѣ вѣсточку съ какимъ нибудь проѣзжимъ козакомъ. Было начало октября. Деревья ужъ пожелтѣли; въ воздухѣ пахло сыростью, и густые утренніе туманы на нѣсколько часовъ совсѣмъ окутывали хуторъ. Тимошъ совсѣмъ поправился, поздоровѣлъ и сильно выросъ. Онъ сидѣлъ на порогѣ хаты, занимаясь починкою удочки, и располагая этотъ день ловить рыбу въ сосѣднемъ озеркѣ, изобиловавшемъ коропами, плотичками, окунями... Какъ вдругъ на поворотѣ изъ-за сосѣдней горы показался всадникъ. Острое зрѣніе Тимоша тотчасъ различило знакомыя черты; съ крикомъ: „татко, татко пріѣхалъ“, онъ бросилъ удочку и черезъ минуту цѣплялся уже за стремя отца, карабкаясь, какъ кошка, къ нему на лошадь.

— Тише, тише! смѣялся отецъ, поднимая его на сѣдло. Ишь, какой большой выросъ. Тетка Оксана выкормила тебя на славу. Что, попробовалъ татарскихъ гостинцевъ? Ничего братъ! въ жизни и не то доведется видѣть!—Съ гордостью истаго козака, онъ откинулъ назадъ подросшіе у сына волосы, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, поцѣловалъ и, спуская на землю, прибавилъ:

— Добре! Вижу, что ты обстрѣлянъ, сынку! А теперь пора и въ науку; былъ хорошимъ воякой, будь же и добрымъ бурсакомъ!

Тимошъ немного затуманился; перспектива бурсацкой жизни не особенно ему улыбалась, онъ помнилъ грубыя полуголодныя толпы бурсаковъ, приходившія въ отцовское имѣніе выпрашивать милостыню и подачекъ въ видѣ хлѣба, муки, лепешекъ, галушекъ. Ихъ разсказы о поголовномъ сѣченьи и о трудностяхъ латинской мудрости живо вспомнились теперь мальчику и онъ робко спросилъ отца:

— Тату, а развѣ надо мнѣ непремѣнно учиться въ бурсѣ?

— Надо, сынку! Безъ ученья никакъ не можно! Кто знаетъ, можетъ въ жизни будешь и знатнымъ паномъ; латынь-то и пригодится.

— Я хочу быть козакомъ! запальчиво отвѣчалъ мальчикъ: я всегда буду козакомъ и не хочу быть паномъ.

Богданъ лукаво прищурился.

— Ге-ге! добрый козакъ! со смѣхомъ проговорилъ онъ. Что тамъ еще будетъ, одному Богу извѣстно. Теперь же веди меня къ теткѣ Оксанѣ; пусть она приготовитъ побольше галушекъ и варениковъ, да и горѣлки не забудетъ; я усталъ съ дороги.

Радушная хозяйка захлопотала. Явились на столѣ и вареники, и галушки, и щерба, и саламата, и горѣлка, и медъ, и даже бутылка стараго токайскаго, выглянувшая на свѣтъ Божій послѣ десятковъ лѣтъ невозмутимаго покоя въ укромномъ уголкѣ погреба.

Тимошъ все время не отставалъ отъ отца съ разспросами о своихъ друзьяхъ; его поддерживала и хозяйка, тоже любопытствовавшая узнать, что дѣлалось на Украинѣ. Богданъ, видимо, уклонялся.

— Да дайте жъ мнѣ поѣсть! говорилъ онъ. Мало добраго творится на Украинѣ. Что тутъ и толковать! одна только обида.

И онъ опять продолжалъ съ напускнымъ равнодушіемъ уписывать галушки и вареники.

Тимошъ, наконецъ, не выдержалъ:

— Татко, ты хочешь отъ меня утаить что то? Вижу, что ты виляешь.

Богданъ нерѣшительно помолчалъ.

— Ну, слушайте жъ! сказалъ онъ наконецъ. Что только творится на бѣдной Украинѣ, о томъ не слыхивали ни дѣды, ни прадѣды наши. Сами козаки предаютъ другъ друга панамъ съ руками и ногами, и твой другъ Ганжа съ Смольчугомъ тоже попались: сидятъ они теперь у пана короннаго гетмана за крѣпкими затворами.

Тетка Оксана взвыла.

— Ой горе мнѣ, бѣдной! причитала она. Одинъ родной былъ—и того паны съѣли; осталась я одна бѣдная, горемычная!

— Говори, татко, скорѣе все, какъ было! торопилъ отца Тимошъ.

— Вотъ такъ и было! продолжалъ Богданъ. Нагрянулъ Павлюкъ на Черкасы, увезъ армату на Сѣчь и сталъ скликать козаковъ. Повалили къ нему и вольные, и реестровые. Видятъ паны, что дѣло плохо, и стакнулись съ этимъ шельмою писаремъ Онушкевичемъ; тотъ имъ все сдѣлалъ: подобралъ козаковъ, подбилъ ихъ созвать раду, отняли у Василя Томиленка его булаву и камышину, да и сдѣлали старшимъ Савку Чалаго. А Савка Чалый всегда готовъ распинаться передъ панами. Только на этотъ разъ дѣло ихъ не выгорѣло. Василь не будь глупъ и дай знать въ Сѣчь Павлюку. Еще панъ коронный гетманъ не успѣлъ утвердить Чалаго, а Павлюкъ ужъ послалъ своихъ орловъ за Днѣпръ. Спятъ себѣ Савка съ Ѳедькомъ сладко пресладко и не чуютъ бѣды; а бѣда-то надъ ними стоитъ: врываются ночью къ нимъ козаки, хватаютъ ихъ съ ихъ сообщниками и гайда! на раду на майданъ. А тамъ ужъ расправа коротка: кому пулю въ лобъ, кого на шибеницу, а кого, говорятъ, и живьемъ въ землю зарыли.

— И по дѣломъ имъ! съ торжествомъ проговорилъ Тимошъ. А какъ же, тату, Ганжа то съ Смольчугомъ?...

— Вотъ тутъ то и закавыка. Не всѣхъ козаки похватали: жидъ Ильюшка убѣжалъ, да и Ганжу со Смульчугомъ съ собой прихватилъ панамъ въ гостинецъ.

— Чтобъ ему провалиться, паршивой собакѣ! проворчала тетка Оксана. Да какъ же ему это помогло? И что же эти ротозѣи козаки зѣвали?

— Видишь ли, проговорилъ Богданъ, покосясь въ сторону Тимоша: жидъ жиду всегда поможетъ, и ему помогъ дьяволъ Янкель. У Янкеля смазливая жинка,—она и обошла Смольчуга. Какъ ворвались козаки въ городъ, Ильюшка давай Богъ ноги къ Янкелю, а Смольчугъ-то оказался тамъ, они его и скрутили...

— Ну, а Ганжа? допрашивала тетка Оксана.

— Ганжа пошелъ выручать Смольчуга, да и самъ попалъ въ ловушку.

У Тимоша стояли слезы въ глазахъ.

— И я жъ еще этого жида спасъ! съ грустью проговорилъ онъ.

ГЛАВА X.

У ГАЙДАМАКОВЪ.

Тимошу однако не пришлось провести зиму въ кіевской братской школѣ и засѣсть за книгу. Настали тревожныя времена, какихъ никто и не чаялъ: повсюду вспыхнуло возстаніе, и даже въ тихомъ уголку тетки Оксаны стало не безопасно. Гайдамацкіе загоны и преслѣдовавшіе ихъ польскіе жолнеры рыскали повсюду, обшаривали всякую хату.

Богданъ въ это время находился въ Варшавѣ, откуда прислалъ за Тимошемъ вѣрнаго козака, чтобы отвезти его немедленно въ Кіевъ. Сборы были короткіе: тетка Оксана напекла на дорогу всякихъ лепешекъ и сухарей и отправила хлопца и его провожатаго въ путь, проводивъ до большой дороги. Это было въ концѣ ноября, зима уже вступала въ свои права; перепадалъ первый снѣгъ, начинались морозы, рѣки и озера покрывались ледяною корою, и Тимошъ кутался въ бурку, сидя на своемъ скакунѣ. Путешествіе было и долгое, и опасное: то приходилось пробираться лѣсами, чтобы миновать мѣста, гдѣ кипѣло возстаніе, то вдругъ, только что остановившись въ городѣ, опять са-

диться на коней и поспѣшно скакать дальше, избѣгая безпорядка и грабежа. Сперва они держались праваго берега Днѣпра, разсчитывая добраться до Черкасъ и Мошенъ; но оказалось совсѣмъ невозможно продолжать этотъ путь: цѣлыя села, деревни были разграблены и сожжены, а отъ панскихъ замковъ остались только однѣ развалины.

— Не можно ѣхать дальше! заявилъ какъ то вечеромъ провожатый Тимоша:—и впереди пожаръ, и сзади горитъ; треба обождать да разузнать, не можно ли перебраться черезъ Днѣпръ; може тамъ спокойнѣе.—У лѣса стояла маленькая невзрачная корчма, и красивая козачка-шинкарка съ поклономъ встрѣтила гостей на порогѣ. На вопросъ козака, нельзя ли какъ перебраться на ту сторону, она отвѣтила, покачавъ головою:

— Ни, козаче, и думать не можно. Вотъ дня черезъ два путь установится.

Пришлось удовольствоваться ожиданіемъ. Тимошъ съ козакомъ помѣстились въ маленькомъ чуланчикѣ; сквозь досчатыя стѣны его дулъ вѣтеръ, несло холодомъ, и Тимошъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ теплую горницу тетки Оксаны; онъ продрогъ и не могъ заснуть, тогда какъ неприхотливый его товарищъ, свернувшись клубкомъ на разостланной соломѣ и завернувшись въ бурку, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на холодъ, ни на вѣтеръ.

Въ глухую полночь послышался стукъ въ ворота.

— Гей, хозяйка! Отворяй!—крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Кто тамъ? недовѣрчиво спросила козачка.

— Свои! козаки! Отворяй добромъ, а то мы и сами съумѣемъ войти!

Тимошъ слышалъ, какъ щелкнулъ запоръ, и отрядъ козаковъ въѣхалъ во дворъ. Мальчику послышалось, что голосъ одного изъ козаковъ ему знакомъ. „Никакъ Иванъ Злой“, подумалъ онъ. Онъ приподнялся и, пріотворивъ дверь чулана, сталъ разсматривать козаковъ. Дѣйствительно, это былъ Иванъ Злой въ одеждѣ козацкаго куреннаго, а съ нимъ десятка два дюжихъ запорожцевъ съ темными лицами, не успѣвшими еще сбросить лѣтній загаръ, съ длинными оселедцами, висѣвшими изъ-подъ

высокихъ бараньихъ шапокъ. Одного или двухъ изъ нихъ Тимошъ призналъ и, поспѣшно накинувъ на плеча бурку, онъ радостно выскочилъ на дворъ.

— Гей, хлопецъ! Ты откуда? привѣтствовали его козаки.

— Батько шлетъ меня въ Кіевъ, да пробраться то больно трудно, —отвѣчалъ Тимошъ.

Злой засмѣялся.

— Хитеръ больно твой батько, замѣтилъ онъ. Недаромъ съ панами знается. Писаремъ войсковымъ сдѣлали. Важнымъ паномъ сталъ. Вотъ и надо ему сына въ бурсу посылать, а по мнѣ плюнь ты на эту науку! Будешь добрымъ козакомъ, во сто разъ лучше этихъ длиннополыхъ спудеевъ, что по дворамъ попрошайничаютъ.

Тимошъ и самъ былъ того же мнѣнія. Онъ съ удивленіемъ разсматривалъ мощную фигуру Злаго, совершенно преобразившагося въ красивомъ богатомъ нарядѣ, и почувствовалъ къ нему уваженіе.

— Какъ же ты попалъ въ атаманы? спросилъ онъ его.

— Отчего же мнѣ и не быть атаманомъ? отвѣчалъ онъ заносчиво: я за нашего батька готовъ голову положить. А какъ вырѣжемъ всѣхъ ляховъ и жидовъ, такъ еще и не то будетъ. Батько тогда будетъ, что король, а мы атаманы—его сенаторами.

Иванъ снова засмѣялся своимъ басистымъ раскатистымъ смѣхомъ.

Козаки вошли въ корчму и расположились ужинать. Изъ разсказовъ Злаго Тимошъ узналъ, что Павлюкъ еще въ Сѣчи, но скоро прибудетъ, что въ Мошнахъ сидитъ его главный помощникъ Скиданъ; онъ то и созываетъ къ себѣ козацкую силу въ ожиданіи самого батька.

— Теперь ужъ не миновать битвы съ ляхами,—добавилъ Злой. Самъ польный гетманъ идетъ на насъ. Только дай Боже батьку не опоздать!

— А чего жъ онъ медлитъ въ Сѣчи? спросилъ Тимошъ.

— Ждетъ помощи отъ крымскаго хана.

— А вы куда ѣдете?

Злой лукаво подмигнулъ.

— Куда вѣтеръ дунетъ, тамъ и мы будемъ! отвѣчалъ онъ. Двинемся-ка, хлопецъ, съ нами. Отецъ тебя съ кѣмъ посылаетъ?

— Съ Опанасомъ Чернымъ.

— Добре! протянулъ Иванъ.—Вотъ поѣдемте вмѣстѣ. Тебѣ за Днѣпръ и намъ за Днѣпръ.

На слѣдующее утро Тимошъ съ Опанасомъ рѣшили, что, дѣйствительно, лучше двинуться въ путь вмѣстѣ съ козаками.

— А какъ мы переправимся черезъ Днѣпръ?—спрашивалъ Опанасъ. Дороги, говорятъ, нѣтъ еще.

— А зачѣмъ тебѣ дорога? Мы и сами ее проложимъ; я сколько лѣтъ въ чумакахъ ходилъ, мнѣ не диво дорогу прокладывать.

Злой, дѣйствительно, обладалъ хорошимъ чутьемъ вожака, и они благополучно совершили переправу черезъ только что ставшую рѣку.

— Вотъ мы и въ Вишневеччинѣ!—весело сказалъ Злой, когда они доѣхали до первыхъ селъ.

Всюду было пусто: деревни и села точно вымерли; только кое-гдѣ мычала забытая корова, или попадалась лошадь безъ сѣдока.

— Походили тутъ наши гайдамаки,—говорили козаки.

Въ то время, когда они подъѣзжали къ Лубнамъ, къ нимъ присоединилось еще нѣсколько отрядовъ, а у самаго города въ лѣсу ихъ, видимо, поджидало нѣсколько козацкихъ сотенъ.

— Что же будетъ? спрашивалъ Тимошъ.

— А вотъ увидишь, хлопче! отвѣчалъ, улыбаясь, Иванъ: Мы хотимъ пановъ пощипать немножко.

Вѣсть о появленіи козаковъ быстро разнеслась по окрестности. Отовсюду стекались хлопы, крестьяне, горожане,—кто съ оружіемъ, кто съ косой, кто съ ножемъ, а кто и просто съ заостреннымъ коломъ. Въ лѣсу, гдѣ хоронились козаки, образовался цѣлый таборъ. Туда нанесли всякихъ припасовъ изъ сосѣднихъ деревень и селъ, привели скотину, запаслись горѣлкой и пивомъ изъ разграбленныхъ по сосѣдству шинковъ. Мелкія шайки бродили по окрестности, выслѣживая ляховъ и жидовъ.

Разъ какъ то вечеромъ Тимошъ сидѣлъ въ вырытой въ землѣ ямѣ, служившей ему съ Опанасомъ спальнею, какъ вдругъ

онъ услышалъ необычайный шумъ и движеніе въ таборѣ. Онъ вылѣзъ изъ своего логовища и побѣжалъ смотрѣть, что случилось.

— Кизимъ пришелъ, молодой богатырь Кизимъ! кричали козаки. Съ нимъ много гайдамаковъ; сейчасъ идемъ всѣ на Лубны.

Морозная ночь искрилась миріадами звѣздъ, и блѣдные лучи мѣсяца освѣщали путь нѣсколькимъ тысячамъ козаковъ, двинувшимся къ укрѣпленному городу. Стража на городскихъ валахъ мирно спала; услужливые горожане, перешедшіе на сторону козаковъ, догадались подпоить ихъ съ вечера. Въ городѣ не чуяли бѣды, какъ вдругъ въ открытыя неизвѣстно кѣмъ ворота ворвались козаки, перебили полусонную стражу и разсыпались по улицамъ города. Прежде всего бросились къ княжескому замку; но тамъ не оказалось никого, кромѣ челяди и мелкой шляхты, проживавшей у князя Іереміи. Всѣхъ ихъ перерѣзали и разграбили замокъ.

— Теперь, братове, гайда на монаховъ! крикнулъ атаманъ.

Вся ватага бросилась къ доминиканскому монастырю. Стѣны монастыря были крѣпки, высоки и не боялись натиска.

— Сжечь ихъ! скомандовалъ атаманъ.

Вокругъ монастыря набросали всевозможнаго горючаго матеріала, устроили громадные костры, набросали на нихъ бочки съ дегтемъ и смолою, а подъ воротами сдѣлали подкопы и вкатили въ нихъ пороховыя бочки, захваченныя въ княжескомъ замкѣ. Всю ночь провели козаки въ этихъ приготовленіяхъ и только на разсвѣтѣ зажгли костры, подожгли фитили и отошли подальше отъ монастыря, издали любуясь, какъ съ громомъ и трескомъ взлетѣли взорванныя ворота, а длинные красные языки пламени со всѣхъ сторонъ охватили мрачное зданіе, истребляя сначала деревянныя части, а затѣмъ добираясь и до каменныхъ. Но козакамъ этого было мало: они подбѣжали къ горящему зданію и бросились на монаховъ, спасавшихся отъ пожара.

— Рубить ихъ, проклятыхъ католиковъ! кричали козаки.

Монахи въ ужасѣ метались, прося пощады; но пощады имъ не было; ихъ всѣхъ перебили, побросали въ огонь, и Тимошъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эту кровавую расправу съ вы-

сокой башни княжескаго замка. Вдругъ онъ увидѣлъ, что толпа козаковъ схватила кого то, выбѣжавшаго изъ монастыря, и потащила къ замку.

— Иди сюда, Тимошъ! крикнулъ снизу Опанасъ, заглядывая на винтовую лѣстницу башни.—Смотри, панычa притащили!

Тимошъ сбѣжалъ внизъ и въ большой залѣ наткулся на нѣсколько козаковъ, тащившихъ мальчика лѣтъ двѣнадцати, блѣднаго, испуганнаго, трепещущаго. На мальчикѣ была одежда простаго шляхтича, но на рукахъ его блестѣли дорогіе перстни.

— Признавайся, кто ты! приставали козаки.

Тимошъ заглянулъ въ лицо плѣнника и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія. Передъ нимъ былъ князь Дмитрій, тотъ самый, съ которымъ онъ два года тому назадъ посчитался на пиру у пана Конецпольскаго. Первымъ движеніемъ Тимоша было назвать плѣнника, но онъ тотчасъ-же удержался и только молча, пристально смотрѣлъ на паныча, трясшагося, какъ въ лихорадкѣ. Замѣтивъ пристальный взглядъ, князь Дмитрій тоже поднялъ глаза и узналъ Тимоша. Онъ слабо вскрикнулъ и попятился назадъ.

— Знаешь ты этого хлопца? обратились козаки къ Тимошу.

Тимошъ замялся. Одно его слово могло погубить молодаго князя. Стоило только сказать, что это племянникъ князя Еремы, котораго всѣ ненавидѣли, и Дмитрія разорвали бы въ клочки; но онъ былъ такой испуганный, такой жалкій, дрожащій, что у Тимоша сердце не повернулось его выдать. „Спасти его!"—промелькнуло у него въ умѣ, и онъ отвѣчалъ спокойно, твердо, съ разстановкою:

— Да, знаю! это сынъ шляхтича, знакомаго моему отцу.

Князь Дмитрій съ удивленіемъ взглянулъ на него. Онъ никакъ не ожидалъ такого великодушія отъ хлопа.

Козаки посовѣтовались между собою и рѣшили на время оставить молодаго паныча плѣнникомъ. На слѣдующій день вторично обыскали весь городъ, добили оставшихся въ живыхъ жидовъ и шляхтичей, попрятавшихся, гдѣ кто могъ; ихъ вытаскивали изъ погребовъ и подваловъ, гдѣ они притаились за боч-

ками и пустыми ящиками, вырывали изъ-подъ сѣна на сѣновалахъ, сталкивали съ чердаковъ, выгоняли изъ темныхъ городскихъ закоулковъ и приканчивали ихъ тутъ же на улицахъ, на дворахъ, на лѣстницахъ. По вечерамъ козаки собирались въ замкѣ и пировали до тѣхъ поръ, пока тутъ же не засыпали, свалившись кто на лавку, кто подъ столъ.

Вдругъ на третій день прискакало нѣсколько козаковъ съ правой стороны Днѣпра. Они принесли недобрыя вѣсти: Павлюкъ былъ разбитъ на голову: и онъ, и Томиленко выданы ляхамъ; убѣжалъ только одинъ Скиданъ. Польный гетманъ уже переправляется на лѣвый берегъ. Козаки призадумались. Бѣгство было невозможно,—всѣ пути были отрѣзаны. Оставалось одно: укрѣпиться и ждать польское войско. Тимошъ съ Опанасомъ не знали, что имъ дѣлать. „Гдѣ теперь отецъ?“ размышлялъ Тимошъ.

— Онъ теперь, навѣрное, съ паномъ польнымъ гетманомъ,—отвѣчалъ Опанасъ.—Только не можно намъ теперь отъ гайдамаковъ уйти. Они насъ не пустятъ.

— А если убѣжать?

— Трудное дѣло! проговорилъ Опанасъ. Городъ укрѣпили, вездѣ стража. Никакъ бѣжать не можно.

Тимошъ задумался.

— Знаешь что? сказалъ онъ нерѣшительно.—Я поговорю съ плѣннымъ панычемъ. Онъ тутъ жилъ въ городѣ, знаетъ всѣ ходы и выходы. Пусть укажетъ намъ путь, а мы его за то съ собою прихватимъ.

Опанасъ немного оторопѣлъ.

— Негожее дѣло ты затѣваешь! убѣжать да еще и плѣнника съ собой увести. А какъ поймаютъ, тогда намъ смерть неизбѣжная.

Тимошъ промолчалъ; но мысль спасти князя Дмитрія и самимъ убѣжать гвоздемъ засѣла у него въ головѣ, какъ выражался о немъ его отецъ. Князь Дмитрій сидѣлъ въ узкой полутемной каморкѣ подъ надзоромъ козака сторожа, смѣнявшагося два раза въ день. Тимошъ улучилъ минуту, когда на часахъ стоялъ знакомый ему запорожецъ:

— Диду Остапенко, а диду Остапенко! кликнулъ онъ его. Больно мнѣ ужъ охота поболтать съ панычемъ, что тамъ сидитъ.

Козаку не показалось это удивительнымъ, такъ какъ Тимошъ говорилъ, что это знакомый его отца.

— А що, хлопецъ? ласково проговорилъ Остапенко.—Чи зажурывся одынъ? Ну, иди, посиди съ панычемъ! И онъ отворилъ дверь каморки.

Князь Дмитрій сидѣлъ на кучѣ соломы и со страхомъ поднялъ распухшее отъ слезъ лице, спросивъ:

— Кто тутъ?

— Я, Тимошъ—отвѣчалъ мальчикъ. Мнѣ надо поговорить съ тобою—прибавилъ онъ дѣловымъ тономъ и присѣлъ на солому.

— Чего тебѣ отъ меня нужно? недовѣрчиво спросилъ молодой князь, отодвигаясь.

Тимошъ заговорилъ шепотомъ, посматривая время отъ времени на дверь:

— Видишь ли, я бы не сталъ съ тобою связываться, потому что ты панъ, а я козакъ; паны всегда были нашими врагами. Но теперь мы оба въ бѣдѣ: ты плѣнникъ, да и я не лучше. Городъ укрѣпили; ни мнѣ, ни тебѣ не попасть въ польское войско.

— А оно близко? спросилъ живо князь. О, если бы они разбили этихъ презрѣнныхъ хлоповъ!

Тимошъ нахмурился.

— Ты не бранись!—сказалъ онъ сердито.—А то и сиди себѣ тутъ въ своемъ чуланѣ.

— Говори, говори дальше, торопилъ Дмитрій.

— То-то же! проговорилъ Тимошъ, успокаиваясь. Только не кричи,—тутъ за дверью козакъ ходитъ.

Остапенко просунулъ голову въ дверь.

— Чи наговорились, дѣтки? спросилъ онъ.

— Ни, еще диду! Отвѣчалъ Тимошъ.

— Да я боюсь, чтобы кто изъ козаковъ не заглянулъ; мнѣ за васъ достанется, проговорилъ Остапенко, притворяя дверь.

— Нельзя терять времени, прошепталъ Тимошъ. Есть у васъ въ замкѣ какой-нибудь выходъ за городъ? Мы тебя осво-

бодимъ; ты покажешь намъ дорогу—проговорилъ онъ, наклоняясь къ уху князя.

Дмитрій быстро взглянулъ на своего собесѣдника.

— А ты не обманываешь? спросилъ онъ тихо.

— Зачѣмъ мнѣ обманывать? Отецъ мой теперь въ польскомъ войскѣ писаремъ, мнѣ надо къ нему пробраться.

Дмитрій молчалъ, какъ будто что-то соображая.

— Отъ южной башни идетъ подземный ходъ,—проговорилъ онъ. Этимъ ходомъ можно выбраться на берегъ рѣки за городскою стѣною.

Тимошъ просіялъ.

— Добре, братику! Ей-ей добре! вскрикнулъ онъ на радости, хлопнувъ князя по плечу.

Князь Дмитрій гордо поднялъ голову и вспыхнулъ. Вся княжеская спесь поднялась въ немъ отъ хлопскаго прикосновенія.

— Я тебѣ не братъ! вскрикнулъ онъ. Слышишь ты? Никогда ты не можешь быть мнѣ ровней. Если я принимаю твои услуги, такъ только потому, что иначе нѣтъ спасенія.

Тимошъ тоже вспылилъ.

— Ишь панская кровь! проговорилъ онъ.—И я бы о тебя не сталъ рукъ марать, еслибъ иначе было можно.

Остапенко опять просунулъ голову:

— Вы не подеритесь, хлопцы! проговорилъ онъ, смѣясь.— Чего вы тутъ кричать зачали. Прысь-ка до дому, Тимошъ! А ты вотъ ѣшь свою похлебку! закончилъ онъ, ставя предъ узникомъ горшокъ съ похлебкой и сунувъ ему въ руки ломоть хлѣба.

Тимошъ вышелъ и всю ночь проворочался на постели, обдумывая, какъ бы высвободить узника и бѣжать вмѣстѣ съ нимъ изъ города.

Въ польскомъ лагерѣ все было тихо, только стража перекликалась въ цѣпи обоза, да въ палаткѣ польнаго гетмана свѣтился огонь. Панъ Потоцкій, плотный краснолицый мужчина, быстро шагалъ изъ угла въ уголъ, подходя время отъ времени къ столику и прихлебывая венгерское изъ большой серебряной

кружки. Толстая восковая свѣча, горѣвшая въ массивномъ шандалѣ, слабо освѣщала большую палатку, и свѣтъ ея разливался въ фантастическихъ образахъ по роскошной бухарской матеріи, широкими складками одѣвавшей палатку внутри. За столомъ сидѣли Богданъ въ нарядной одеждѣ войсковаго писаря: въ яркомъ аломъ кунтушѣ съ откидными рукавами, въ атласномъ кафтанѣ голубаго цвѣта, подпоясанномъ синимъ кушакомъ съ золотыми кистями. Другой былъ полковникъ Ильяшъ Караимовичъ, исполнявшій теперь должность старшаго надъ реестровыми. Передъ обоими стояли тоже кружки съ виномъ и всѣ трое вели оживленный разговоръ.

— Осмѣлюсь доложить еще разъ ясневельможному пану гетману, что теперь самый удобный моментъ разорить гнѣздо мятежниковъ. Если панъ гетманъ пропуститъ время и не двинется на югъ въ самое Запорожье, всѣ наши усилія кончатся ничѣмъ. Тамъ опять найдется предводитель, соберетъ около себя вольницу, и тогда придется начинать сначала.

Проницательный взоръ Богдана какъ то загадочно скользнулъ по лицу говорившаго и остановился на кружкѣ съ виномъ.

— Да, сказалъ онъ: съ козацкою вольницею не такъ то легко справиться. Панъ Ильяшъ забываетъ, что разгромить цѣлый край безъ особаго соизволенія его величества наияснѣйшаго короля значитъ поступить самовольно.

— И я тоже говорю, подхватилъ польный гетманъ. На что я не имѣю полномочія, того дѣлать я не могу. Да и къ чему? Павлюкъ у насъ въ рукахъ. Кизима старшаго забрали, младшаго заберемъ тоже, Скидана же намъ сами козаки приведутъ изъ боязни нашей опалы.

Въ эту минуту занавѣсъ палатки приподнялся, и на порогѣ появился сторожевой козакъ:

— Ясновельможный панъ гетманъ! проговорилъ онъ.—Изъ Лубенъ перебѣжчики: сынъ пана писаря и еще хлопецъ и съ ними козакъ.

Богданъ вскочилъ съ мѣста.

— Какъ, Тимошъ? Какое же лихо занесло его въ Лубны?

— Веди скорѣе сюда! поспѣшно проговорилъ гетманъ.

Черезъ пять минутъ всѣ трое были въ палаткѣ.

Увидя Дмитрія Вишневецкаго, и Богданъ, и Потоцкій остолбенѣли отъ удивленія.

— Вотъ такъ штука! проговорилъ Богданъ.

Потоцкій первый пришелъ въ себя.

— Князь Дмитрій! проговорилъ онъ, смѣясь. Кто кого теперь прибилъ? Или ко мнѣ на судъ явились?

Дмитрій Вишневецкій потупился и молчалъ.

— Мы помирились! отвѣчалъ серьезно Тимошъ.

— А помирились, такъ чего же лучше! смѣясь сказалъ Потоцкій. Такимъ двумъ доблестнымъ воинамъ ссориться не приходится. Но какъ вы въ Лубнахъ очутились? и какъ васъ Богъ оттуда унесъ?

— Я поѣхалъ къ дядѣ Іереміи,—объяснилъ Дмитрій,—съ небольшимъ отрядомъ челяди и попалъ въ Лубны, какъ разъ въ то время, когда хлопы возстали, и семья дяди удалилась изъ города. Возвращаться назадъ было невозможно, и мнѣ пришлось искать пріюта въ монастырѣ.

Тимошъ же обстоятельно разсказалъ, какъ онъ составилъ планъ бѣгства и предложилъ князю Дмитрію участвовать въ немъ. Какъ онъ подговорилъ Опанаса подпоить сторожа, и когда тотъ захрапѣлъ, они вывели князя изъ его темницы. Князь провелъ ихъ подземнымъ ходомъ къ рѣкѣ; потомъ они долго бродили по лѣсу, пока не наткнулись на польскихъ развѣдчиковъ, доставившихъ ихъ въ лагерь.

— Молодцы! одобрительно сказалъ польный гетманъ. А теперь панъ писарь позаботится, чтобы ихъ накормили; завтра же мы снимемъ съ нихъ подробный допросъ о городѣ. Ихъ показанія могутъ быть намъ очень полезны.

Оставшись наединѣ съ отцемъ, Тимошъ первымъ дѣломъ освѣдомился о Павлюкѣ и Ганжѣ.

— Ну, сынку! разъ я ихъ отъ петли спасъ—и сидѣть бы имъ дома; а теперь имъ плахи не миновать, и спасти ихъ никто не можетъ. Ты же держи языкъ за зубами и не слишкомъ толкуй, что былъ съ ними въ дружбѣ. Отецъ твой удостоился королевской милости, пожалованъ войсковымъ писаремъ, а какъ

пронюхаютъ что либо, живо смѣстятъ. Ну, да я тебя здѣсь не оставлю,—довольно ты съ козаками погайдамачилъ; какъ только немного поутихнетъ, самъ свезу тебя въ бурсу; а пока поѣдешь домой, поживешь въ Суботовѣ.

Дѣйствительно, на другой же день, какъ только гетманъ снялъ съ Тимоша допросъ, Богданъ послалъ его въ Суботово, не дозволивъ ему даже повидаться съ Павлюкомъ, находившимся въ качествѣ плѣнника при войскѣ.

О. Рогова.

(Конецъ первой части).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

155.

Пѣтухъ царикъ.

Пѣтухъ играетъ нынѣ большую роль въ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ и обрядахъ и еще бо́льшую роль игралъ въ древности, какъ жертвенное животное и какъ символъ солнца, въ переносномъ значеніи всего свѣтлаго и добраго. Объ обрядовомъ употребленіи пѣтуха на свадьбахъ я уже говорилъ въ соч. „О свад. обр.". Въ настоящей статьѣ я остановлюсь лишь на повѣрьяхъ о пѣтухѣ царикѣ. Уже въ одномъ названіи этого пѣтуха скрывается большое уваженіе къ нему народа. Въ чигиринскомъ у. существуетъ повѣрье, что пѣтуха царика можно узнать еще въ то время, когда онъ находится въ яйцѣ: онъ пищитъ въ яйцѣ. Когда онъ выростаетъ, то дѣлается сильнымъ и смѣлымъ, такъ что не только всѣ пѣтухи боятся его, но даже дьяволъ боится его. Онъ первый поетъ въ полночь. Дьяволъ не смѣетъ войти во дворъ, гдѣ находится пѣтухъ царикъ, и потому рѣзать его неблагоразумно и грѣшно. Чумаки, отправляясь въ большую дорогу, всегда берутъ съ собою пѣтуха царика (*Podbereski*, въ Zbiór. wiadom., IV, 3).

Повидимому, этотъ чудесный пѣтухъ особенно близко стоитъ къ тому красному пѣтуху, который по народнымъ повѣрьямъ открываетъ клады. Такъ, въ чигиринскомъ уѣздѣ записанъ со словъ пастуха слѣдующій разсказъ: „Пасемъ овецъ въ степу; солнце только что выглянуло; въ золотистой дали показался маленькій паничикъ,

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1890 г., № 2.

въ красной одеждѣ и съ бѣлымъ, какъ снѣгъ лицомъ. Шелъ онъ по дорогѣ, схиливши головку, а при немъ пѣтушокъ весь красный, какъ огонь, идетъ около него и поетъ такъ звонко и хорошо, что и выразить нельзя". Пастухи хотѣли поймать ихъ; но они исчезли (ib. 5). Подобнаго рода разсказъ записанъ недавно вблизи г. Ахтырки харьк. губ. и обработанъ въ художественной формѣ Я. И. Щоголевымъ въ стихотвореніи „Климентовы хутора" (не издано). Здѣсь только нѣтъ паничика. Женщина шла полемъ и увидѣла краснаго пѣтуха; она побоялась взять его; это и былъ кладъ. Иногда пѣтухъ, хранитель кладовъ, отождествляется съ чортомъ. (*Чубинскій*, I, 71).

Въ параллель къ малорусскимъ повѣрьямъ о пѣтухѣ царикѣ можно поставить весьма сходное чешское народное повѣрье, что бѣлый пѣтухъ приноситъ въ домъ счастье и охраняетъ его отъ злыхъ чаръ (*Grohmann*, Abergl. aus Böhmen, 229).

Что касается до зооморфическихъ и антропоморфическихъ представленій кладовъ, то кромѣ пѣтуха царика часто въ малорусскихъ разсказахъ кладъ является подъ видомъ сопливаго старика или подъ видомъ овцы съ блестящими глазами (*Pober.*, 3, 4). Подобныя олицетворенія кладовъ обычны у многихъ другихъ народовъ, италіанцевъ, нѣмцевъ (*Liebrecht*, Zur Folkskunde, 97). Сарапульскіе вотяки говорятъ, что клады являются въ видѣ зайца, быка, медвѣдя, женщины, и если правой рукой прикоснуться къ привидѣнію, то заяцъ разсыпется серебромъ, медвѣдь деньгами; кладъ въ образѣ женщины сводитъ съ ума, а въ видѣ быка губитъ всю родню (*Богаевскій*, въ Обор. матер. по этн. III; 16).

156.

Происхожденіе зозули.

Существуютъ различныя сказанія о происхожденіи кукушки, именно:

1) Зозуля—вдова; потому она и гнѣзда не вьетъ (*Драгомановъ*, Малор. нар. пред., 8).

2) Зозуля—изъ дѣвушки, которая проклята своею матерью за то, что спряталась однажды за коминъ печи и стала кувать (*Лепкій*, въ „Зорѣ", 1885, № 10).

3) Зозуля—изъ дѣвушки, которая вышла замужъ за ужа, нѣсколько разъ вызывала его возгласомъ „куку!"; когда она не захотѣла идти къ нему на свиданіе, то обращена была въ кукушку (*Драгомановъ*, 9).

4) Зозуля и чайка—изъ дѣвушекъ, которыя вздумали напугать Спасителя и были за то обращены въ птицъ (*Чубинскій*, I, 60; *Gustav.*, въ Zbiór wiadom., V, 143, *Лепкій*, ib.).

5) Зозуля—изъ женщины, убившей своего мужа (*Драгомановъ*, 8; *Gustav.*, V, 143), и

6) Зозуля—оборотень княжны дѣвицы, влюбившейся въ какого то господина и за то проклятой своимъ отцомъ. Говорятъ, что княжна, влюбившись въ молодаго человѣка, скрывала отъ отца любовь свою, такъ какъ любимый ею былъ ненавидимъ ея отцомъ. Однажды любовники сидѣли въ какомъ то мѣстѣ и княжна въ порывѣ нѣжныхъ чувствъ проговорила своему любовнику: „ахъ ты, моя зозулька!" Отецъ княжны услышалъ это и въ гнѣвѣ на нее проговорилъ: „будь же ты и сама зозуля". Княжна тотчасъ превратилась въ кукушку. Разсказъ этотъ записанъ въ литинскомъ у. (*Чубинскій*, I, 61). Тождественный разсказъ записанъ въ Галиціи (*Лепкій*, „Зоря" 1885, № 10). Тамъ же въ Галиціи записанъ варіантъ этого сказанія, сильно передѣланный, по которому въ зозулю обращается княжна по проклятію своей матери за то, что не хотѣла выйти замужъ за богатаго князя (*Gustav.*, 142). Любопытно, что подобнаго рода сказаніе существовало у древнихъ грековъ въ приложеніи къ совѣ, въ которую будто бы обратилась дочь лесбосскаго царя Никтея. Она влюбилась въ своего отца и безъ его вѣдома вошла съ нимъ въ связь. Узнавъ о томъ, отецъ хотѣлъ убить ее; но Аѳина сжалилась надъ нею и обратила ее въ сову, которая потому избѣгаетъ свѣта, что помнитъ о своемъ преступленіи (*De Gubernat*, Die Thiere, 528). Можетъ быть малорусскій разсказъ о кукушкѣ княжнѣ представляетъ въ основѣ литературное заимствованіе, тѣмъ болѣе, что въ южной и восточной Малороссіи такого разсказа не было записано, что разумѣется, не

исключаетъ возможности существованія его и въ этихъ окраинахъ Малороссіи.

Сказанія о томъ, что кукушка—изъ человѣка, мужчины (у нѣмцевъ der Kuckuk—муж. рода) или изъ женщины, встрѣчается также въ западной Европѣ, напр., во Франціи (*Revue* des trad. popul., 1888, V, 264).

Въ связи съ народными представленіями о превращеніи женщины въ кукушку стоятъ нѣкоторыя малорус. пѣсни, напр., у *Чубинскаго*, V, 748: несчастная въ замужествѣ женщина хочетъ обратиться въ кукушку и полетѣть къ родной матери.

Въ великорусскихъ пѣсняхъ часто выступаютъ вмѣстѣ кукушка и соловей (*Потебня*, Объяс. малор. и срод. пѣс. I, 260—272). Такого рода соединенія встрѣчаются въ поэзіи персидской, старинной нѣмецкой, (*De Gubern.*, 520). Причина, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, что птицы эти прилетаютъ и поютъ почти въ одно и то же время.

157.

Вѣщее значеніе кукушки.

У народа всѣ птицы вѣщія, начиная отъ могучаго орла и до мелкаго воробья и тихаго голубя. Въ особенности вѣщими являются воронъ, кукушка и сова. О воронѣ я предполагаю подробно говорить въ другомъ изданіи на основаніи этнографическихъ данныхъ разныхъ народовъ. Здѣсь остановимся лишь на повѣрьяхъ и пѣсняхъ о вѣщей кукушкѣ.

Первое и основное значеніе кукушки—значеніе простой вѣстницы, безъ квалификаціи приносимой ею вѣсти. Вѣсть можетъ быть хорошая или дурная. Въ простѣйшихъ случаяхъ кукушка играетъ роль почтоваго сообщенія или телеграфа, напр., въ галицко-русской пѣснѣ: „ой летила зозуленька зъ гаю до села“, и затѣмъ идетъ разсказъ о событіи безъ указанія на то, что кукушка прокувала. Иногда кукушка передаетъ вѣсть пѣвцу: „ковала ми зозуленька з-за хаты з-за хаты“, или „на моемъ току“, и далѣе содержаніе пѣсни касается автора (*Гол.*, III, 37). Пѣвецъ подчасъ является

лишь передаточной инстанціей: „ой, летила зозуленька тай стала коваты; зачекайте, добри люде, щось маю казаты".

Значеніе кукушки, какъ доброй вѣстницы, не чуждо славянской, въ частности малорусской, народной поэзіи, но оно весьма ограничено противоположнымъ значеніемъ кукушки, какъ зловѣщей птицы. Кукушка приноситъ добрую вѣсть въ колядкахъ и щедровкахъ (*Kolberg*, Pokucie, I, 138). Мотивъ: зозуля будитъ хозяина, чтобы предсказать ему урожай, приплодъ скота и т. п., встрѣчается какъ въ галицко-русскихъ, такъ и польскихъ колядкахъ (*Потебня*, Колядки, 80). Въ западно-европейской поэзіи кукушка гораздо болѣе удержала за собою значеніе доброй вѣстницы, чѣмъ въ украинской и южно-славянской. Она часто является здѣсь вѣстникомъ свадьбы. Въ шведскихъ и датскихъ сказкахъ кукушка несетъ молодымъ людямъ добрую вѣсть о бракосочетаніи. Значеніе кукушки, какъ доброй вѣстницы, древнѣе зловѣщаго ея значенія, такъ какъ первое ея значеніе основывается на дѣйствительномъ природномъ фактѣ; предвѣстіи весны и лѣта, теплаго хорошаго времени въ году. Оттого въ древнихъ пѣсняхъ кукушка прославляется, какъ предвѣстница весны. Старинная нѣмецкая майская пѣсня прославляетъ кукушку за то, что „der Kuckuk mit seinem Sange macht Iedermann froh" (всякаго веселитъ своимъ пѣніемъ). Шотландская народная пѣсня хвалитъ кукушку за то, что „he brings us good tidings" (приноситъ намъ хорошія вѣсти) „he tells us no lies" (не обманываетъ) и „and when he sings cuckoo—the summer is near" (и когда она поетъ куку—близко лѣто). У Шекспира кукушка является также предвѣстницей весны. Въ средневѣковой эклогѣ на латинскомъ языкѣ смерть кукушки оплакивается и при этомъ высказывается надежда, что„ non pereat Cuculus, veniet sub tempore veris et nobis veniens carmina laeta ciet" (прилетитъ снова весной и запоетъ радостныя пѣсни). Оттого въ западныхъ народныхъ пѣсняхъ кукушка называется красивой птицей, въ шотландской пѣснѣ „fine bird"въ нѣмецкой „hubsch und fein" (*De Gubernat.*, 518, примѣч.).

Зловѣщее значеніе не чуждо и западно-европейской кукушкѣ; но оно встрѣчается рѣдко. Такъ, когда кукушка сѣла на мечъ

лонгобардскаго короля Луитпранда—въ этомъ случаѣ увидѣли знаменіе несчастія (ib., 519).

Въ славянскихъ повѣрьяхъ, пѣсняхъ и сказаніяхъ кукушка получила преобладающее значеніе вѣстника печали. „За немногими и позднѣйшими (?) исключеніями, говоритъ А. А. Потебня, кукушка—горюющая женщина, какъ уже въ словѣ о П. Иг.; во множествѣ мѣстъ куковать, малорус. куваты, лит. kukoti—плакать. И безъ явственнаго сравненія съ кукушкою серб. кукати—плакать, причитать, куковац—miser, кукавни—moestus“ (*Потебня,* Колядки, 737). Въ малорусскихъ пѣсняхъ о смерти молодца плачущія его мать, сестра, милая прилетаютъ къ нему на могилу зозуленьками (ib., 724). Кукованіе зозули въ запѣвѣ указываетъ уже на печальное содержаніе пѣсни (напр., у *Чуб.*, V, 228). Въ гайдамацкой пѣснѣ объ убійствѣ Лебедонька гайдамаками:

> Прилетила зозуленька къ старій Лебедыси,
> Та упала зозуленька на хати, на стриси,
> Тай почала зозуленька жалобно куваты
> Якъ зачула Лебедыха, тай вышла изъ хаты... (*Чуб.*, V, 962).

Кукушка часто сообщаетъ о наступленіи рекрутскаго набора. Въ одномъ запѣвѣ встрѣчается осложненіе этого образа чертами, перенесенными по традиціи изъ другихъ пѣсенъ: Въ полѣ на высокомъ курганѣ растетъ три дерева: ясень, береза и калина; на первомъ соловей, на второмъ сорока, на третьемъ кукушка, которая и предвѣщаетъ солдатчину. Подобные запѣвы съ тремя птичками, которыя сидятъ и поютъ то-то, встрѣчаются и въ новогреческихъ пѣсняхъ (*Веселовскій*, въ Журн. М. Н. Пр. CCXXX, рец. на сбор. Икономова).

По малорусскимъ и польскимъ народнымъ повѣрьямъ крикъ кукушки въ саду предвѣщаетъ дурную погоду и троекратный надъ домомъ — смерть хозяина; продолжительное кукованіе знаменуетъ плохой годъ, болѣзни людей и скота (*Gustav.*, Zbiór wiadom. V, 144).

158.

Превращеніе кукушки въ ястреба. Крагулецъ.

Существуетъ пословица: „промѣнять кукушку на ястреба“. Объясненіе этой пословицы я нахожу въ народномъ повѣрьѣ, что кукушка обращается въ ястреба, повѣрьѣ, записанномъ въ нѣсколькихъ варіантахъ среди галицкихъ русскихъ и поляковъ. Превращеніе происходитъ осенью, или черезъ 2, 3 года, или черезъ 7 лѣтъ. Кукушка превращается или въ ястреба, или въ крагульца, иначе называемаго копчикомъ, мисеромъ, или даже въ орла. Говорятъ, между прочимъ, что въ крагульца кукушка обращается черезъ годъ, черезъ 2 въ ястреба, черезъ 3 въ орла, такъ что птицы эти не родятся, а всѣ происходятъ отъ кукушки. По другому разсказу, кукушка на 7 году своей жизни дѣлается врагомъ человѣка, обращается въ крагульца, скрывается подъ стрѣхой хатъ и нападаетъ на домашнюю птицу. Въ видѣ крагульца кукушка проникаетъ въ гнѣзда ласточекъ и воробьевъ, и потому ласточки и воробьи, какъ только замѣтятъ зозулю, собираются въ стаю, летятъ за нею и мстятъ ей (*Лепкій,* въ „Зорѣ“ 1885, № 10; *Gustaw.*, въ Zbiór wiadom., V, 145). Эти сказанія, несмотря на ихъ краткость, представляютъ большой научный интересъ. Дѣло въ томъ, что замѣчательно сходное повѣрье мы находимъ въ классической древности. У Плутарха (Vita Arati) кукушка спрашиваетъ другихъ птицъ, почему онѣ улетаютъ при одномъ ея появленіи, хотя она не хищная птица; птицы отвѣтили, что онѣ боятся въ ея лицѣ будущаго ястреба (*De Gubern.*, 519). Заслуживаетъ вниманія самое названіе крагульца или крегульца. Въ Ригъ-Ведѣ упоминается какое то ночное и зловѣщее существо khargala (Rigv., VII, 104, 17), которое Губернатисъ гадательно сближаетъ съ совой (*De Gubern.*, 526). Эта khargala стоитъ въ связи съ ночью и смертью. Галицко-русскій крагулецъ стоитъ въ очевидномъ фонетическомъ родствѣ съ ведическимъ каргалой, что предполагаетъ родство религіозно миѳическое. Въ малорусскихъ повѣрьяхъ о превращеніи кукушки въ ястреба и въ частности въ крагульцѣ я усматриваю обломки арійской древности.

Слово крагулецъ встрѣчается у южныхъ и западныхъ славянъ въ значеніи сокола или ястреба. Въ церк.-славянск. крагоуй, серб.

крагуй хорв. крагуй, крагули, крагуецъ, словац. крагулецъ, чеш. krahuj, верх.-луж. kraholc, польск. krogulec. Отъ этого слова происходитъ названіе сербскаго города Крагуевацъ. Миклошичъ производитъ слово крагуй отъ тюркск. karaghu или монг. kirghui; но Маценауеръ сближаетъ его съ лит. krogti—crocitare и греч. κράζω. Къ этому мнѣнію склоняется и г. Будиловичъ (*Будил.*, Первоб. слав., I, 173).

157.

Сычъ и сова.

Сычи и совы—самыя зловѣщія птицы народной поэзіи, согласно съ чѣмъ и у Шевченка въ „Наймичкѣ"—„сычи въ ночи недобре вищують на комори", въ „Княжнѣ"—„сичъ въ лиси та на стриси недолю вищуе". Крикъ филина или совы на хатѣ предвѣщаетъ, что кто нибудь изъ живущихъ въ ней умретъ (*Чуб*, I, 63). Если сова ударитъ ночью крыльями въ окно—сгоритъ домъ или умретъ его хозяинъ (*Лепкій*, „Зоря" 1885, № 11). По ночамъ она показываетъ чертямъ и упырямъ гнѣзда мелкихъ птицъ (ib.). У поляковъ считаютъ сову птицей демоническаго характера и ставятъ ее въ связь съ умершими (*Gustaw.*, Zbiór wiad., V, 165). Подобнаго рода воззрѣніе на сову существуетъ въ Венгріи (*De-Gubern.*, 526). У древнихъ писателей, Эліана, Апулея, сова также зловѣщая птица. По свидѣтельству Силія Италина сова предсказала римлянамъ пораженіе при Каннахъ: „obseditque frequens castrorum limina Bubo". Въ X кн. Метаморфозъ Овидія „ignavus Bubo dirum mortalibus omen; nam dirae mortis nuntius esse solet" (*De-Gubern.*, 529). Египтяне считали сову символомъ смерти. Въ Библіи она упоминается какъ нечистая птица. Средневѣковые физіологи, между прочимъ весьма древній (IV или V в.) армянскій физіологъ, упоминаютъ сову, отождествляя иногда ее съ дьяволомъ, который боится солнечнаго свѣта, т. е. Христа (*Мочульскій*, Происх. физіолога, 40). Въ сицилійскихъ народныхъ повѣрьяхъ и сказаніяхъ крикъ совы, карканье ворона и вой собаки

вблизи дома предвѣщаютъ больному скорую смерть. Подобнаго рода повѣрья о совѣ встрѣчаются также въ Германіи (*De-Gubern.*, 530).

Миѳическое объясненіе зловѣщей совы, какъ символа ночи и мѣсяца (*Gubern.*, 531 и др.), слишкомъ искусственно и произвольно. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, напр. въ приложеніи къ злой совѣ сна о правдѣ и кривдѣ въ Голубиной книгѣ болѣе идетъ литературное толкованіе, напр., указаніе на „физіологи“ и „бестіаріи“, въ которыхъ зловѣщая сова является образомъ дьявола—врага свѣта и отца лжи, на что указываетъ г. *Мочульскій* въ соч. о Голуб. книгѣ, 202.

Зловѣщее значеніе совы обусловлено главнымъ образомъ тѣмъ, что эта птица ночная, хищная, съ непріятнымъ голосомъ и страннымъ отталкивающимъ внѣшнимъ видомъ. Какъ ночная хищная птица съ кошачьимъ крикомъ и кошачьими глазами, сова естественно сдѣлалась символомъ всего темнаго, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслахъ.

Кое какія изъ малорусскихъ повѣрій о совѣ могли сложиться подъ вліяніемъ средневѣковыхъ физіологовъ. Такъ, въ одной пѣснѣ, записанной И. И. Манжурой въ павлоград. у. екатериносл. губ. (не издана).

Ой ты сова, совушка,
Совиная вдовушка,
Руськая барыня (?),
Зализна сударыня (?),
Де жъ ты бувала,
Де жъ ты пробувала?
У лиси лисищи
На чорнимъ дубищи.
Шо жъ ты робыла?
Гниздечко мостыла.
Нихто совы не узнае,
Нихто совы не пизнае;
Тилько взнали луги (?)—
Совины подруги.
Налетили совки
Совки маленьки,
Ножки довгеньки,
Носики гостреньки.
Стали сову быты,
Стали убиваты,
На клочья метаты.
Сова сполохнулась,
Назадъ обернулась,
Прилетила ко двору,
Садовытся на полу,
Росплакалася, разсупонылася...

(*Манж.*, Неизд. сб. пѣс. харьк. ист. фил. Общ.).

Лежащій въ основѣ этой испорченной пѣсеньки мотивъ о нападеніи совковъ на сову повторяется въ измѣненномъ видѣ въ физіологахъ въ приложеніи къ птицѣ пеликану: пеликанъ нѣжно

любитъ своихъ птенцовъ; но эти послѣдніе, прійдя въ возрастъ, бьютъ своего отца и мать. Тогда родители въ гнѣвѣ убиваютъ ихъ; но потомъ оплакиваютъ потерю своихъ дѣтей. На третій день отецъ, разодравъ свой бокъ, источаетъ кровь на своихъ птенцовъ и воскрешаетъ ихъ (*Мочульскій,* Происх. физіол., 39).

160.

Волове очко.

Въ Галиціи записанъ слѣдующій народный разсказъ про птичку „волове очко": „Маленька тота птичка—кажутъ люде—зробылась зъ дитыны, що дуже любила свого ридного батька. Давно, дуже давно тому, напали на село татаре, спалили хаты, а людей позабивали. Убили батька дитыны, туловище вергли на выгинъ, а голову закопали десь пидъ корчи; тому то волове очко скаче по пидъ корчи, придывляется добре всюды шукаючи головы батька, щобы еи тамка де туловище закопати у землю. Але до сегодня якось не може знайты своеи страты; колысь однакожъ найде воно голову батька, похороне еи и стане чоловикомъ". Крестьяне относятся потому съ любовью къ этой птичкѣ, не разоряютъ ея гнѣздъ, не ловятъ ее. Они думаютъ, что „волове очко" понимаетъ рѣчь человѣка и въ случаѣ нанесенной ему обиды жестоко мститъ за то (*Лепкій,* „Зоря" 1885, № 11). Повидимому, и въ этомъ разсказѣ о воловомъ очкѣ скрывается такой же обломокъ арійской старины, какой приведенъ нами ранѣе въ разсказѣ о крагульцѣ. Дѣло въ томъ, что уже Эліанъ приводитъ весьма сходную индійскую сказку: У одного царя было много сыновей; съ меньшимъ сыномъ родители дурно обращались; между тѣмъ только этотъ сынъ былъ добръ и ласковъ. Онъ одинъ остался при отцѣ, когда последній понесъ пораженіе въ битвѣ и бѣжалъ; затѣмъ, когда родители его умерли отъ усталости, онъ заботливо похоронилъ ихъ. Солнце было тронуто такой сыновней любовью и обратило юношу въ прекрасную птицу съ гребнемъ (*De Gubern.,* 516). Въ древнемъ (V или IV ст.) армянскомъ физіологѣ, составленномъ по греческой рукописи, символомъ дѣтской любви является удодъ.

Когда птенцы увидятъ своихъ родителей состарѣвшимися и замѣтятъ, что взоръ ихъ притупился, они рвутъ для нихъ свои перья, лижутъ имъ глаза, покрываютъ и согрѣваютъ ихъ своими крыльями. Они сами ихъ кормятъ (*Мочульскій*, Происх. физіол. 43). Подобнаго рода разсказъ встрѣчается у Альберта Великаго (*De Gubern.* II 516). Отзвукомъ этихъ сказаній представляются современные французскіе народные разсказы о томъ, что у кукушки былъ отецъ— человѣкъ очень бѣдный; когда онъ отъ нужды рѣшилъ повѣситься, кукушка бросилась искать его, и потомъ, найдя его повѣсившимся, горевала и не поетъ теперь далѣе того времени, когда отецъ ея наложилъ на себя руки (*Revue* des trad. popul. 1888, V, 263—264).

Предположить во всѣхъ этихъ сказаніяхъ вліяніе физіологовъ довольно трудно, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы признать за этими литературными памятниками такое обширное распространеніе и такое проникновеніе въ народъ, какимъ они вряди ли могли пользоваться. Вѣроятнѣе будетъ предположеніе, что основа этихъ сказаній вынесена арійскими народами изъ древнѣйшаго ихъ отечества, средне-азіатскаго или восточно-европейскаго, и что по готовой канвѣ выводились затѣмъ различные узоры. Народные сказанія и повѣрья о животныхъ проникли и въ письменность, въ частности въ физіологи и бестіаріи, которые въ свою очередь могли оказать обратное вліяніе на народную словесность при посредствѣ средневѣковыхъ ученыхъ, преимущественно проповѣдниковъ, пользовавшихся морализаціями и аналогіями физіологовъ при составленіи своихъ поученій.

161.

Ремезъ.

Ремезъ встрѣчается въ народныхъ повѣрьяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ. Ремезовымъ гнѣздомъ подкуриваютъ больныхъ (*П. И.*, въ Харьк. Сбор. 1888)—въ купянскомъ у. харьк. губ. Обыкновеніе это встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи. Въ юго-западной части томской губерніи ремезовымъ гнѣздомъ подкурива-

ютъ ловушки, рыболовныя снасти, скотъ, пчелъ (*Потанинъ*, Этн. Об., VI, 124). Гнѣздо ремеза хранится въ малорусскихъ хатахъ, какъ талисманъ, охраняющій хату. Въ малорусскихъ веснянкахъ и щедровкахъ къ ремезу обращаются съ такимъ совѣтомъ: „Ой ты ремезе, ремезоньку, та не вій гнизда на ледоньку, бо ся ледонько буде розбывати; твое гниздонько буде потопаты; вій си гниздонько на явороньку"... Этотъ поэтическій мотивъ подробно разсмотрѣнъ А. А. Потебней въ 1 т. „Объяс. малор. и срод. пѣсенъ". Ремезъ, родъ синицы (parus pendulinus, beutelmeuse), весьма искусно вьетъ гнѣздо яицемъ или кошелемъ, лишь съ небольшимъ отверстіемъ, въ очеретѣ или на деревѣ надъ водою. Совѣтъ пѣсни предполагаетъ, что ремезъ кладетъ гнѣздо именно на льду. А. А. Потебня предполагаетъ, что въ данномъ случаѣ на ремеза и перенесено повѣрье о другой птицѣ, зимородкѣ, альціонѣ греческихъ и средневѣковыхъ сказаній. Аристотель говоритъ, что гнѣздо альціона похоже формой на колокольчикъ или баночку съ длинной шейкой и будто альціонъ высиживаетъ яйца въ серединѣ зимы. Въ русскихъ азбуковникахъ подобнаго рода сказанія прилагаются къ алконосту. Реальныя основанія этихъ сказаній могутъ состоять въ томъ, что зимородки кладутъ яйца въ норахъ, которыя выдалбливаютъ въ береговыхъ обрывахъ. Живутъ они парами, и зимой ихъ можно видѣть надъ прорубями (*Потебня*, I, 551—555).

162.

Божія коровка—солнышко.

Маленькій жучокъ Coccinella имѣетъ полукруглыя красныя съ бѣлыми или черными пятнышками крылышки, которыя плотно складываетъ на спинкѣ и представляется тогда кругленькимъ и красненькимъ. Весной и лѣтомъ эти жучки во множествѣ ползаютъ на освѣщенныхъ солнцемъ мѣстахъ, преимущественно на старыхъ деревьяхъ и пняхъ. Называютъ ихъ божьими коровками, а въ Галиціи еще куколкой, зазулькой, седьмувкой. Въ харьковской губерніи называютъ ихъ также солнышкомъ. Повидимому, за этимъ названіемъ скрывается какое то повѣрье, можетъ быть религіозно-миѳи-

ческое. Во Львовѣ и Перемышлѣ дѣти, подбрасывая солнышко, спрашиваютъ: „чи до неба, чи до пекла?“, и если насѣкомое распустить крыльца и полетитъ—значитъ играющій попадетъ на небо, если оно упадетъ—пойдетъ играющій въ адъ. Подъ Рогатыномъ къ солнышку обращаются съ просьбой указать дорогу. Въ с. Козельникахъ подъ Львовомъ спрашиваютъ его, въ какой сторонѣ весело. Въ Кутахъ говорятъ: „Патронько, патронько (польск. biedronko), лецъ до Божего домку, пытайся отца, матки, чи будетъ на завтра погодка?“ Краковскіе поляки говорятъ: „Biedronko, biedronko, pójdź do Pana Jezusa po słonko“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи существуетъ повѣрье, что если кто раздавитъ ногой солнышко, то умретъ кто нибудь изъ родныхъ (*Gustav.,* Zbiór wiad., V, 107).

Coccinella называется солнышкомъ и ходитъ за солнышкомъ къ Господу Богу или узнаетъ о погодѣ у своего отца;—все это даетъ поводъ предполагать, что нѣкогда она имѣла болѣе крупное значеніе въ народныхъ повѣрьяхъ, по связи съ солнцемъ, обусловленной, вѣроятно, наружностью и образомъ жизни насѣкомаго, а быть можетъ стояло въ связи съ страной свѣта и тепла—выріемъ.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что малорусскому названію coccinella солнышко соотвѣтствуютъ чешское slunecko, slunecnice, нѣмец. Sonnenkäfer, Sonnenkalbel, Marienkäfer, Mariénvöglein, Frauenhenne, серб. Мара (т. е. Марія) [1]).

Въ параллель къ малорусскимъ дѣтскимъ обращеніямъ къ Божьей коровкѣ можно указать на словацкій обычай спрашивать у этого насѣкомаго, когда будетъ ясная погода. У чеховъ найти солнышко считается хорошей примѣтой. Посадивъ его на ладонь, спрашиваютъ „Веверунько, куда полетишь, на небо или въ адъ?“ или „Верунко, лети на небо, принеси мнѣ золотую корону или золотое солнышко“. Дѣвицы спрашиваютъ у него о своемъ замужествѣ. Въ Сербіи спрашиваютъ: „Скажи, Маро, откуда прійдутъ сваты?“ (***Потебня***, О миѳ. знач. нѣкот. обр. 224).

---

[1]) По мнѣнію Я. Гримма, Марія замѣнила солнечную богиню Фрею.

163.

Вырій.

Въ концѣ XI вѣка уже существовало повѣрье въ существованіе ирья, откуда прилетаютъ птицы. „И сему ся подивуемы, говоритъ Владиміръ Мономахъ, како птица небесныя изъ ирья идутъ, и первѣе наши руци и не ставятся на одиной земли, но и сильныя и худыя по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣніемъ да наполнятся лѣси и поля". Въ черниг., полт., харьк. губ. и въ юго-западномъ краѣ записано народное повѣрье, что 14 сентября улетаютъ въ вырій птицы и лѣзутъ гадюки; изъ послѣднихъ только укусившія остаются въ наказаніе на лѣтнемъ своемъ мѣстопребываніи. Подъ выріемъ народъ разумѣетъ свѣтлую и теплую страну. Ранѣе всѣхъ птицъ и животныхъ улетаетъ въ вырій кукушка, у которой находятся и ключи отъ него; она же весной послѣдняя оттуда улетаетъ. Соя три раза въ теченіе года начинаетъ летѣть въ вырій и все неудачно; первый разъ она летитъ, когда разцвѣтаетъ греча, второй—когда созрѣваютъ хлѣба и третій—когда упадетъ снѣгъ; въ первые два раза она принимаетъ бѣлѣющій цвѣтъ полей за выпавшій снѣгъ и спѣшитъ, но съ половины пути возвращается, желая узнать много ли она пролетѣла; въ третій разъ она не достигаетъ вырія по недостатку корма. Змѣи лѣзутъ въ вырій по деревьямъ. Вырій помѣщаютъ на западѣ, югѣ или юго-западѣ, называютъ его „теплычиной", вѣрятъ, что тамъ есть теплые колодцы, гдѣ купаются больные и получаютъ выздоровленіе (позднѣйшая черта) (*Сементовскій*, въ Маякѣ, 1843, XI, 29; *Чубинскій*, I, 38; *Nawos.*, Ludukr., II, 127).

Удовлетворительное объясненіе повѣрій объ ирьѣ дано Аѳанасьевымъ въ Поэт. воззр. слав., II, 137—141 и Котляревскимъ въ соч. О погребальныхъ обрядахъ, стр. 198. „Рай, Ирій, Вырій, говоритъ Котляревскій, по преданіямъ чеховъ и хорутанъ, былъ жилищемъ солнца—Хорса; оно лежитъ за моремъ (воздушнымъ) или среди моря на островѣ (рус. Буянъ); сюда отходитъ солнце, окончивъ свое дневное шествіе; здѣсь царствуетъ вѣчное лѣто, цвѣтетъ вѣчная зелень, сюда скрывается зимою вся жизнь природы и уле-

таютъ птицы; здѣсь хранятся сѣмена, приносимыя на землю; здѣсь же обитаютъ души предковъ и души людей еще не рожденныхъ".

164.

Кодло и кубло.

Въ словарѣ *Закревскаго* слово кóдло имѣетъ значенія: родъ, фамилія, семейство, племя, поколѣніе (въ презрѣнномъ смыслѣ); слово кубло: гнѣздо, уменьш. кубелечко. Въ пѣснѣ: „навѣдала кубелечко, де утка несется". Въ другой пѣснѣ, свадебной: „Да чого ты, Марыся, безъ кубла". Пѣсню эту поютъ, когда везутъ приданое, и слово кубло — здѣсь означаетъ приданое. Въ польскомъ языкѣ слово godło получило значенія родоваго знака, эмблемы, девиза, залога, знака (словари *Линде*, *Бартошевича*). Слова кодло и кубло въ значеніи гнѣзда и въ переносномъ значеніи семьи весьма древни. Какъ въ санскритѣ кулая—гнѣздо, а кула—семья, такъ и на Руси въ старину, въ Малороссіи изрѣдка и нынѣ, слова гнѣздо, кодло, кубло употребляются въ значеніи семьи. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилцы". Тѣмъ же древнѣйшимъ бытомъ отзывается эпитетъ Всеволода Юрьевича „большое гнѣздо". При такомъ перенесеніи слова взглядъ охотника явствуетъ въ древнемъ выраженіи „гнѣздо стрѣлъ", т. е. пукъ, извѣстное число стрѣлъ (*Буслаевъ*, Истор. очер. I, 90). Связь гнѣзда съ жилищемъ вообще въ эпоху созданія эпическихъ сказаній явствуетъ, напримѣръ, въ преданіи объ основаніи г. Гнѣзно: „Лѣхъ съ своими полками остановился въ лѣсистой мѣстности, усѣянной холмами, при его приближеніи со всѣхъ холмовъ приподнялись цѣлыя стаи бѣлыхъ орловъ, которые гнѣздились въ рощахъ. Въ этомъ случаѣ Лѣхъ увидѣлъ доброе предзнаменованіе и велѣлъ строить здѣсь городъ, который по орлинымъ гнѣздамъ и названъ былъ Гнѣзна или Гнѣздо" (*Буслаевъ*. ib., 369).

На сближеніи гнѣзда и жилища основаны народныя повѣрья въ счастливое значеніе для дома гнѣздъ аиста, ласточки и ремеза.

165.

Полозъ.

„Habent sua fata libelli“—сказано о книгахъ. Тоже можно сказать о вымершихъ животныхъ. Одни животныя исчезли съ лица земли и вышли изъ памяти народа, напр., тарпаны, или дикіе лошади (о тарпанахъ есть монографія г. Шатилова; были о нихъ замѣтки въ „Кіев. Стар.“), Никто, кромѣ зоологовъ, не обратилъ на нихъ вниманія. Другихъ, напр., туровъ, облюбила народная пѣсня, и туры продолжаютъ жить въ народной словесности съ небольшой фантастической подкраской,—несмотря на то, что они давно, еще въ XVI столѣтіи, вымерли, между тѣмъ, какъ тарпановъ встрѣчали въ южно-русскихъ степяхъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Также незамѣтно исчезли въ южной Россіи медвѣди, олени, бобры. Лучшая судьба выпала на долю полоза: онъ живетъ и, повидимому, долго еще будетъ жить въ сказаніяхъ народа. Полозомъ называлась нѣкогда большая змѣя изъ породы удавовъ, иначе „желтобрюхъ“.

Говорятъ, изрѣдка, и теперь она попадается въ Новороссіи въ балкахъ. Змѣя эта, какъ всѣ удавы, не ядовита. Въ простомъ народѣ существуетъ много разсказовъ о полозахъ. Мѣстопребываніемъ полозовъ считаютъ недоступныя скалы надъ Днѣстромъ, гдѣ полозы живутъ вмѣстѣ съ черными и бѣлыми орлами. Охотиться за полозомъ нужно въ ясный солнечный день, и если онъ погонится за человѣкомъ, то уходить нужно противъ солнца, которое ослѣпляетъ змѣя своимъ блескомъ. Убить полоза можно только въ томъ случаѣ, если пуля попадетъ въ бѣлое пятнышко подъ горломъ. Въ Кишиневѣ жилъ одинъ калѣка нищій, ноги котораго были поломаны полозомъ. Онъ былъ пастухомъ. Однажды онъ сидѣлъ въ куренѣ около больной овцы, какъ вдругъ на него бросился полозъ, обвилъ его и задушилъ бы, если бы чебану не удалось убить змѣя гирлыгой (палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ). Издыхая, полозъ такъ билъ хвостомъ по землѣ, что на локоть выбилъ яму. Однажды полозъ схватилъ въ полѣ молдаванина, обмоталъ его хвостомъ и тащилъ за собой. По дорогѣ попался другой полозъ, который подавился рукой мертвеца, вылъ и старался освободить свое горло. Молдаванинъ

извлекъ руку изъ его горла. Полозъ снова затѣмъ потащилъ его, и бѣдный молдаванинъ уже готовился къ смерти. Полозъ притащилъ его въ пещеру, далъ ему мѣшокъ съ хлѣбомъ и мѣшочекъ съ деньгами и отпустилъ его, нужно думать, въ награду за медицинскую помощь, оказанную имъ другому полозу. Одинъ разсказъ—о томъ, какъ пастухъ, обернувшись травой тырсой, убилъ полоза, залегавшаго доступъ къ единственному въ степи озеру (*Rulikowski*, въ Zbiór wiadom., III, 95)—представляетъ любопытный варіантъ сказанія о Кириллѣ Кожемякѣ; о немъ мы подробнѣе скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Къ полозу приложены старинныя фантастическія сказанія о змѣяхъ; въ этомъ отношеніи сказанія о полозѣ представляются любопытными, такъ какъ въ нихъ раскрывается отчасти процессъ и техника народнаго поэтическаго творчества.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОЖЖЕНІЕ УПЫРЕЙ ВЪ С. НАГУЕВИЧАХЪ ВЪ 1831 Г.

I.

Разсказы объ упыряхъ, помѣщенные на страницахъ „Кіевской Старины“ освѣжили въ моей памяти множество разсказовъ, слышанныхъ мною еще въ дѣтствѣ, объ ужасномъ событіи, которое случилось въ моемъ родномъ селѣ Нагуевичахъ, дрогобичскаго уѣзда въ Галиціи, въ памятномъ 1831 году. Разсказы эти, которые когда то производили потрясающее дѣйствіе на мое дѣтское воображеніе и заставляли меня при всякомъ малѣйшемъ шорохѣ вскрикивать и даже падать въ обморокъ, живутъ и до сихъ поръ, какъ это читатель увидитъ изъ помѣщаемыхъ ниже записокъ г-жи Ольги Франко, писанныхъ лѣтомъ 1889 г. Дѣло касается сожженія нѣсколькихъ человѣкъ, заподозрѣнныхъ громадою въ томъ, что они упыри и были причиной свирѣпствовавшей въ то время холеры.

Вѣра въ упырей въ нашемъ Подгорьѣ до сихъ поръ очень жива и распространена. По народному повѣрью упыри и упырицы бываютъ двоякаго рода: „родыми“ и „пороблени“. Родимые считаются болѣе опасными; кто и какъ превращаетъ обыкновенныхъ людей въ упырей—мнѣ не удалось узнать. Примѣты, по которымъ узнаютъ упырей, весьма разнообразны. Обыкновенно у нихъ лицо красное и глаза чрезвычайно яркіе и блестящіе—это оттого, что они сосутъ чужую кровь.

Г-жа О. Франко записала отъ Маріи Гаврылыковой слѣдующую любопытную примѣту: „Упырь якъ спыть, то все на лави, пидъ викномъ, але не такъ, якъ други люде. Винъ усе лягае

головою до дверей, а ногами до образивъ—по тимъ его и пизнаты можно. Якъ бы хто въ сни перевернувъ его такъ, що голову положывъ бы туды, де булы ноги, а ноги—туды, де була голова, то винъ уже не встане зъ лавы, а буде такъ лежаты, хоть бы й мисяць, покы его зновъ не обернуты такъ, якъ у передъ лежавъ. Упырь може и въ худобыну обернутыся. То разъ у ясеныцького (Ясеныця Сольная—село, сосѣднее съ Нагуевичами) попа була слуга—пекъ бы iй—упырыця и якусь соби злисть піймыла на пастуха, та не мала якъ до него прыступыты. Ажъ разъ той пастухъ жене худобу, ажъ бачыть якась безрога суне на него, крычить та все наганяеся, щобъ укусыты. Винъ на неи крычыть—ба, не помагае. Винъ еи прогонюе—ба, суне безрога тай суне. Тогди винъ якъ ухопывъ бучокъ, якъ почне тоту безрогу быты, такъ бывъ, такъ бывъ, що тота ледво ногы поволокла, тай щезла десь межы плотамы. Прыходыть винъ вечеромъ до дому, дывыться до пекарни, а служныця лежыть на лави, головою до порога, та така збыта, таки сынци по пидъ очыма, по рукахъ, по ногахъ, що не дай Господы.—„Ага!—погадавъ винъ соби.—Отъ яка ты! Чекай же!"—Тай не много мыслячи, взявъ, тай обернувъ еи головою до образивъ, а потимъ пишовъ до попа тай каже: „Егомость, щось наша Марыська слаба, побыта така, тай не встае." Пишовъ пипъ до пекарни—правда е. Зачинае винъ термосыты еи, будыты—де тамъ, ани суды Боже! Отже лежала такъ цилый день не встаючы, покы той слуга не обернувъ еи зновъ такъ, якъ зразу лежала,—тогди вона збудылася".

Упыри могутъ вредить людямъ и скоту не только по смерти, но и при жизни. Ночью они могутъ улетать въ отдаленныя мѣста, конечно, не тѣломъ, но душей, и дѣлать тамъ пакости, тѣло же ихъ остается на мѣстѣ со всѣми признаками жизни, и потому упырей называютъ тоже „дводушныками", т. е. людьми, имѣющими двѣ души. Вредятъ они не всегда по своей собственной волѣ, но по указаніямъ или по крайней мѣрѣ съ соизволенія своихъ старшинъ—„старшихъ упыривъ". Самые старшіе упыри въ нашей окрестности были, по народному преданію, въ с. Бусовищи самборскаго округа. Лѣтъ 15 назадъ я записалъ

отъ моей покойной матери слѣдующій разсказъ о самомъ старшемъ упырѣ изъ Бусовищъ: „Повидають, що оттутъ на Медвижи (село, смежное съ Нагуевичами) заслабъ бувъ разъ чоловикъ— першый богачъ у сели. Крычыть, тай крычыть, вьеся зъ болю, а що его болыть—не може сказаты. Що воны его до дохторивъ, до ворожбытивъ возылы; що людей перепытувалы, що ему раду давалы, яку хто радывъ—ничого не помагае. Ажъ дали нараявъ хтось: „идить, каже, до Бусовыщъ, до того й того господаря, у него е слипый отець, якъ вамъ той не поможе, то вже нихто не поможе". А у того богача два сыны булы, парубки вже доросли. Заразъ запряглы, поихалы. Прыизджають до хаты. „Слава Исусу Хрысту!" А той слипый изъ-за печи: „Ага, справывъ васъ мій ворогъ тяжкый до мене! Ну, ну, прыгадаю я ему тоту прыслугу". Ти ажъ одебелилы, дывляться, а винъ сыдыть на печи, слипый, сывый, а на лыци такій червоный, якъ катъ. Зачалы воны до него: „Будьте ласкавы, татусю, змылуйтеся! мы вамъ уже..." Та де тоби, той имъ и говорыты не дае. „Идить соби видъ мене, я не хочу черезъ васъ у биду впадаты! Вы гадаете, що я все можу, а то е й сылнійши видъ мене, а зъ тымъ, що до вашого таты вчепывся вже разъ мавъ прыгоду, бачыте, и очы черезъ него стратывъ, а теперъ, якъ другый разъ зъ нымъ задеруся, то певно знаю, що смерть моя буде". Ти бидни хлопци не знають уже, що робыты, а дали гадають: „все одно, нажене то нажене". Зачалы его ще дужше просыты; пообицялы пару воливъ, котри соби схоче выбраты. Прышовъ и сынъ того слипого, такожъ за нымы слово промовывъ: „Ну, ну, татуню, не перечтеся! Вы, каже, даете ему раду". По троха, по троха, якось того слипого упросылы. „Йидьте жъ, каже, теперь соби до дому, а на нови мисяце прыизджайте". Добре, прыихалы на нови мисяце, прогостылыся тамъ до ночы, а пидъ ничъ слипый зибрався, на фиру тай идуть. „Везить же мене, каже, на границю вашого села, до того а того кипця!" А той копець геть-геть видъ дорогы, на толоци, пидъ самымъ лисомъ. Прыихалы до кипця—питьма, хоть око выймы—сталы. Мій слипый скочывъ зъ воза, якъ хлопець, тай бухъ пластомъ на землю. „Стійте жъ вы тутъ, каже, а якъ крыкну на васъ, то прыходить до мене.

А рыскали (заступы) маете зъ собою?"—„Маемо". Прытулывъ винъ лыце до земли, нюхъ-нюхъ, якъ той песъ, тай полизъ дали. Лизъ, лизъ, нюхавъ, нюхавъ, ажъ дали крыкнувъ: „Сюда!" Хлопци прыбиглы зъ лихтарнямы. „Копайте тутъ!" Взялы копаты а той слипый, якъ песъ, обома рукамы землю розграбуе та ажъ зубамы скрегоче. Десь такъ зъ за годыну докопалыся до костей. „Ага, ось винъ!" крыкнувъ слипый, тай якъ почне надъ тымы кистьмы щось шептаты, якъ почне крычаты, нибы сварытыся, то парубкы мало зо страху не повмыралы. Такъ крычавъ ажъ до сходу сонця. „Ну, каже до парубкивъ, теперъ засыпте яму назадъ, уже винъ никому шкодыты не буде, але й я никому бильше не поможу. Везить мене до дому". Завезлы его—до трохъ днивъ винъ и померъ. А тата свого засталы дома здорового. Сынъ того слипого зъ Бусовыщъ прыйшовъ и що найлипшу пару воливъ узявъ".

Всего легче узнать упыря послѣ смерти. Когда его „нарядять на лави", онъ лежитъ точно живой, съ краской на лицѣ, не смыкая глазъ, хотя ихъ у него закрываютъ по нѣсколько разъ и даже прикладываютъ „галаганами" т. е. большими мѣдными монетами. Мнѣ разсказывали, что старый дьякъ нагуевскій Вареничка, читая однажды псалтырь при такомъ покойникѣ, ночью, когда никого не было въ избѣ кромѣ него и трупа, увидѣлъ, какъ покойникъ началъ медленно шевелить рукой, комкать и стягивать полотно, которымъ былъ накрытъ, и, наконецъ, поднимать голову. Но Вареничка не оробѣлъ и, грозно прикрикнувъ на него: „а не будешъ ты тыхо лежать, поганыне!" ударилъ его псалтырью по головѣ, послѣ чего покойникъ улегся и болѣе не вставалъ. Иногда у такого покойника въ самый день похоронъ, черезъ два дня послѣ смерти, начинаетъ изъ носа и устъ идти запекшаяся, черная кровь. Такихъ покойниковъ въ прежнее время не хоронили на освященномъ кладбищѣ, а погребали „на граныцѣ" вмѣстѣ съ самоубійцами. Упырь очень не любитъ лежатъ въ освященной землѣ, и поэтому, когда его несутъ на кладбище, дѣлаетъ разныя пакости. Обыкновенно въ то время бываетъ буря, вѣтеръ, слякоть или мятель; вѣтеръ ломаетъ древка церковныхъ хоругвей, носильщики, несущіе гробъ

на „марахъ“, внезапно заболѣваютъ или падаютъ, такъ что гробъ падаетъ въ грязь, и даже случается, что крышка сваливается и покойникъ выпадаетъ тоже въ грязь. О такомъ покойникѣ говорятъ: „Отъ, поганынъ, танцюе по смерти!“ Въ могилѣ упырь лежитъ точно живой, а ночью выходитъ и „потынае людей або худобу“. Что собственно значитъ это „потынанне“, съ точностью опредѣлить не могу. Бойки прилегающихъ къ Нагуевичамъ самборскаго и турчаскаго округовъ различаютъ нѣсколько видовъ „потынання“: „втне лекше, втне тяжше, а втне й смертельно“.. Въ Нагуевичахъ объ этихъ различіяхъ я не слыхалъ. Изъ нѣкоторыхъ разсказовъ можно догадываться, что упыри высасываютъ кровь у людей, но самое слово „потынаты“ или „втынаты“, которымъ обозначаютъ зловредное дѣйствіе упырей, равно какъ и то обстоятельство, что ихъ въ 1831 г. да и послѣ могли считать виновниками холеры, заставляетъ догадываться, что народъ, кромѣ высасыванія крови, приписываетъ упырямъ еще какое то дѣйствіе, болѣе внезапное, какое нибудь пораженіе сердца или другое повреждение внутреннихъ органовъ.

Въ одной корреспонденціи изъ с. Завадки турчанскаго округа (Червоная Русь, 1890, № 28), гдѣ разсказывалось о дѣйствіяхъ мѣстнаго „ворожбыта“ Левицкаго, приведены были указываемыя этимъ ворожбитомъ слѣдующія лѣчебныя средства противъ „потынання“ упырей: когда „взявъ лекше“, слѣдуетъ взять земли съ могилы упыря, развести ее водой, умыть больного и дать ему напиться этой воды; если „втявъ тяжше“, нужно разрыть могилу, наскубть изъ трупа волосъ и подкурить ими больного; когда же „втявъ смертельно“, необходимо обернуть упыря въ гробу, оскубть у него всѣ волосы и кромѣ того изрубить трупъ въ куски. Въ корреспонденціи далѣе разсказано было о профанаціи мертвеца, произведенной по этому рецепту и о начатомъ по этому поводу судебномъ слѣдствіи. Подобныхъ случаевъ профанаціи мертвецовъ ежегодно случается по нѣскольку въ разныхъ округахъ Галиціи—неоспоримое доказательство того, что вѣра въ упырей сильно распространена и живуча среди галицко-русскаго населенія.

О ночномъ хожденіи упырей въ Нагуевичахъ существуетъ множество разсказовъ, и рѣдко вы встрѣтите мужика постарше, который бы ни разу не видалъ на своемъ вѣку какого нибудь „ходящаго“ покойника. Чтобы предохранить себя отъ посѣщеній упыря, жильцы той хаты, въ которую онъ „впронадытся“, должны осыпать свое хозяйство „святовечирнымъ хруставцемъ“; т. е. макомъ самосѣйкой, который въ сочельникъ лежалъ на столѣ, гдѣ ужинали. Черезъ кругъ этого „хруставця“ упырь не посмѣетъ переступить и будетъ нѣсколько ночей съ ужаснымъ воемъ и стономъ ходить кругомъ да около, пока совсѣмъ не уйдетъ.

Чтобы сдѣлать упыря совершенно бозвреднымъ, нужно разрыть его могилу, открыть гробъ, отрубить мертвецу голову и положить ее у него между ногъ, тѣло же обернуть грудью внизъ и прибить къ землѣ осиновымъ коломъ. Мнѣ разсказывали, что въ Нагуевичахъ когда то разрыли могилу такого упыря и, открывши гробъ, нашли мертвеца, который лежалъ на боку, подперши голову рукой, и курилъ трубку. Обыкновенно вырытый трупъ упыря оказывается неразложившимся, съ отросшими волосами и ногтями.

Что упыри могутъ вредить не только людямъ, но и скоту, въ этомъ, кромѣ нижеслѣдующаго разсказа, убѣждаетъ насъ одно мѣсто изъ пастырскаго посланія буковинскаго православнаго епископа Даніила отъ декабря 1790 г. [1]), направленнаго противъ вѣрованія въ упырей. Вотъ что пишетъ благочестивый епископъ по этому поводу: „Съ великимъ жалѣніемъ уразумѣли (мы), яко обрѣтаются между вами таковіи люде безумніи и слабіи въ вѣрѣ христіанской, а найпаче совсѣмъ отвращенни отъ праваго ума и истины, которіи своимъ невѣжествомъ дерзаютъ разсуждать и говорить, яко тѣлеса нѣкоторыхъ людей мертвыхъ имѣютъ силу умертвлять скоты ваши, которимъ тѣлесамъ и имя выдумали, сі есть нарекли ихъ „видмы“ или „опирѣ“, о чемъ

---

[1]) Извлечено мною изъ рукописной книги куррендъ деканата днѣпрянскаго 1786—1796 гг., принадлежащей ректору черновицкаго университета проф. Э. Калужняцкому.

мы весма трепещемъ, что до таковаго паденія вѣры и познанія истини достигли христіяне нашея (sic вм. наши) и еще во упрамствѣ пребиваютъ и истиннаго наученія священного писанія не послушаютъ, но внимаютъ баснямъ и стезямъ развратительнымъ". Слѣдуетъ поученіе о тѣлѣ человѣческомъ, какъ Божьемъ созданіи, послѣ чего говорится далѣе: „По смерти человѣка душа идетъ во дворы определеннія отъ Бога, и тѣло положше въ землю безъ нечувственно остаетъ такожде до воскресенія мертвыхъ, то потомъ какъ утерпляютъ скоти ваша? Какъ не срамно? Какъ смѣютъ таковіи говорить и оставатися въ своемъ дурачествѣ, сіесть разсуждать, яко мертвіи суть видмы или просто рещи опирѣ и въ нощи исходятъ отъ гробовъ и умертвляютъ скоти вашия".

II.

Ужасная эпидемія—холера, которая постигла всю Европу въ 1831 и 1832 гг., не преминула навѣстить и Галицію. По правительственнымъ исчисленіямъ холера въ это время появилась въ 3608 мѣстностяхъ, съ населеніемъ въ 3,143,235 чел., изъ которыхъ заболѣло 255,774, а умерло 96,081. Мѣстностей, которыхъ не коснулась эпидемія, было 2807 съ 1,307,940 жителями. По этимъ же исчисленіямъ самый большій процентъ заболѣвшихъ холерой былъ въ округахъ стрыйскомъ и самборскомъ, гдѣ заболѣло 12% всѣхъ жителей, между тѣмъ какъ число заболѣвшихъ во всей Галиціи составляло 6% всѣхъ жителей. Процентъ смертности былъ еще болѣе значительный: во всей Галиціи среднимъ числомъ на 100 заболѣвшихъ холерой умирало 38, во Львовѣ 52, въ округѣ тарновскомъ 46, въ стрыйскомъ и самборскомъ, кажется, тоже не менѣе 40 [1]).

---

[1]) См. Gazeta Lwowska, 1848, 18 октября, № 123.

Неудивительно поэтому, что такое страшное бѣдствіе, постигшее нашъ народъ, должно было глубоко потрясти все его моральное существо и моментально пробудить къ жизни разныя темныя силы, дремлющія, но не исчезнувшія въ глубинѣ души народной. Суевѣрный страхъ передъ упырями безспорно принадлежалъ къ такимъ темнымъ силамъ, и вотъ въ самый разгаръ эпидеміи страхъ этотъ доводитъ народъ до ужасной расправы—сожженія нѣсколькихъ человѣкъ.

Объ этомъ фактѣ мы встрѣтили въ печати только одно упоминаніе, находящееся въ запискахъ іеромонаха Иліи-Эмиліана Коссака, василіанина, напечатанныхъ въ „Словѣ“ 1880 г., № 106. И. Э. Коссакъ происходилъ изъ мѣщанской семьи города Дрогобыча, отстоящаго верстъ на 10 отъ Нагуевичъ, и лѣтомъ 1831 г. возвращался изъ Вѣны, гдѣ только что кончилъ курсъ богословія. Вотъ его разсказъ, въ которомъ я позволилъ себѣ только исправить языкъ. „Выѣзжая изъ Нагуевичъ, большаго казеннаго села, я увидѣлъ большое пожарище, покрытое пепломъ. Желая узнать причину этого необыкновеннаго явленія, я спросилъ человѣка, отворявшаго мнѣ ворота вблизи его хаты, что значитъ такое громадное пожарище среди села на выгонѣ. На это онъ совершенно хладнокровно отвѣтилъ мнѣ:

— Тутки упыривъ палылы.

— Якихъ упыривъ? спрашиваю.

— А що людей пидтыналы.

— Колы?

— А въ холеру.

Услышавъ это, я еще разъ взглянулъ на пожарище. Морозъ подралъ у меня по кожѣ, но не показывая вида, говорю ему далѣе:

— Що вы, чоловиче кажете? Чи то може буты?

— А таки було.

— Та якъ вы моглы пизнаты, хто упыръ?

— А бувъ тутъ у сели,—разсказываетъ съ наивнымъ суевѣріемъ человѣкъ,—такый хлопецъ; той ходывъ видъ хаты до хаты та по волоссю на грудяхъ пизнававъ упыривъ. Тыхъ заразъ бралы и тутъ на пастивныку терновымъ огнемъ палылы.

Дальше я разспрашивалъ, не запрещалъ ли имъ кто нибудь этого богомерзкаго дѣла, старшина или священникъ?

— Та ни,—отвѣчалъ мужикъ,—пипъ самъ померъ на холеру (это былъ о. Витошинскій), а війтъ хоть бы бувъ и хотивъ забороныты, то громада була бы не послухала.

— А тымъ, що пидпалювалы,—спрашиваю,—ничого за то не було?

— Та якъ бы не було? Заразъ зъихала зъ Самбора комысія, та килькадесять хлопивъ забрала до криминалу, божъ то не мало людей и то добрыхъ господаривъ, на стосахъ попалылы.

Поблагодаривъ его за пропускъ, я пустился дальше въ путь, размышляя съ неизреченнымъ ужасомъ о томъ, что я узналъ. Въ ближайшемъ селѣ—Ясеницѣ Сольной, я опять разспрашивалъ встрѣчнаго человѣка о томъ, что слышно, не сожигали ли и у нихъ упырей.

— А якъ же,—отвѣтилъ тотъ,—палылы, та тилько не у насъ, а по другыхъ селахъ, отъ въ Нагуевичахъ, Тустановичахъ и иншыхъ.

Между прочимъ узналъ я отъ него, что мужики изъ Нагуевичъ хотѣли еще сжечь и „найстаршого упыря“, о которомъ имъ разсказывалъ мальчикъ, что „винъ дуже червоный и живе въ Дрогобычи въ манастыри“, но никакъ не могли его захватить.

Погруженный въ печальныя мысли о несчастномъ суевѣріи народа, я уже поздно ночью пріѣхалъ въ Дрогобычъ и направился ночевать въ василіанскій монастырь. Монастырская дверь была еще не закрыта и я засталъ о. ректора Качановскаго еще занятымъ вечернею молитвою. Онъ искренно обрадовался мнѣ и принялъ меня очень радушно, какъ своего прежняго ученика изъ „нѣмецкихъ“ школъ. Я немедленно разсказалъ ему про все видѣнное и слышанное по пути, и онъ со слезами на глазахъ подтвердилъ мнѣ, что все это, къ сожалѣнію, дѣйствительная правда, и что этимъ „найстаршимъ упыремъ“ былъ не кто другой, какъ онъ самъ, и что онъ, зная навѣрно на какую смерть осудила его темнота мужиковъ, долгое время не могъ ни на шагъ выйти изъ стѣнъ монастыря“.

Разсказъ этотъ, несмотря на кажущуюся его обстоятельность и на нѣкоторыя цѣнныя подробности, касательно нагуевичскаго погрома не совсѣмъ вѣренъ. Нужно замѣтить, что покойный Коссакъ писалъ его почти 20 лѣтъ спустя послѣ самаго событія и включилъ его въ составленную имъ „Лѣтопись Креховскаго монастыря“ во время своего игуменства въ этомъ монастырѣ. О самомъ погромѣ уже въ 1831 г. онъ зналъ только по наслышкѣ, а то, что онъ говоритъ о видѣнномъ будто бы имъ пожарищѣ „среди села на выгонѣ“ мы должны считать не болѣе какъ дешевой декораціей. Утверждаю положительно, что если И. Э. Коссакъ въ 1831 г. ѣхалъ черезъ Нагуевичи такъ, какъ онъ разсказываетъ, т. е. „краевой дорогой“ изъ Перемышля въ Дрогобычъ, да такъ, что изъ Нагуевичъ поѣхалъ въ Ясеницу, то *пожарища*, гдѣ жгли упырей, онъ отъ громадскихъ воротъ или вообще *ни откуда не могъ видѣть.* Пожарище это дѣйствительно находилось на выгонѣ, прозываемомъ „Селомъ“, но совершенно пустомъ и расположенномъ не среди села, а за селомъ, между тѣмъ какъ дорога въ Ясеницу поворачиваетъ на югъ, не доѣзжая по крайней мѣрѣ полверсты до конца села. Это бы еще, конечно, ничего не значило, но важнѣе слѣдующее обстоятельство. Упырей жгли въ одномъ углу выгона, прозываемомъ „Базарыще“, лежащемъ на легкой покатости довольно широкаго холма; дорога въ Ясеницу тянется тоже по покатости этого холма, но съ противоположной стороны, такъ что, проѣзжая этой дорогой, „Базарыща“ ни откуда видѣть нельзя. Что И. Э. Коссакъ собственными глазами не видѣлъ „Базарыща“, въ томъ убѣждаетъ меня еще и то, что онъ говоритъ о „кострахъ“, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ только объ одномъ кострѣ и можетъ быть рѣчь. Въ чемъ еще не полонъ его разсказъ читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго разсказа, записаннаго г-жей Ольгой Франко изъ устъ очевидцевъ ужаснаго происшествія, стариковъ Артыма Лялюка и кузнеца Сеня (Семена) Буцяка, разсказа пополненнаго кое-гдѣ моими собственными воспоминаніями и записками.

Вотъ сводный разсказъ Сеня Буцяка:

„То якъ була, най ся пречъ каже, холера, то першый умеръ пипъ на тоту слабисть. Але люде ще не зналы, що то за слабисть, тай поховалы его на цвынтари. Гей, такъ десь за тыждень якъ зачнуть мерты люде! То зразу мерло по пятеро, шестеро, а дали по десятеро, по двадцятеро, а доходыло до того, що й по пятьдесятъ умерцивъ на день въ сели було. Страхъ такый на людей упавъ, що не суды Боже! Церковь замкнулы, безъ попа й безъ дяка ховають—обкопалы оттутъ на Базарыщи мисце тай тамъ закопують, и по два, по тры або й по бильше въ одну яму кладуть.

Слухайте жъ що ся за прыгода стала! Десь тамъ въ горишнимъ конци села бавылы ся диты, якъ то звычайно диты, говорять меже собою о тимъ самимъ, що й стари. А еденъ хлопецъ семилитокъ, Гаврыло назывався, каже до ныхъ:

— А знаете, видъ чого ти люде мруть?

— Ну, видъ чого?—диты пытають.

— Видъ упыривъ. То воны людей потынають.

— Ба, а ты видкы то знаешъ?

— Бо я й самъ упырь. Я самъ свого тату й маму потявъ. И знаете, ничыя мни кровъ не була така солодка, якъ ихъ.

Розбиглыся диты по хатахъ, повидають одно татови, друге мами, що Гаврыло такъ и такъ говорыть. Заразъ люде до Гаврыла.

— Правду ты, хлопче, кажешъ?

— Правду.

— А мигъ бы ты пизнаты, хто упыръ?

— Можу.

— Ну, добре, памятай же, завтра будешъ пизнаваты.

На другый день була недиля. Въ церкви було набоженство— що другый тыждень правывъ пипъ зъ сусидного села. Зибралася вся громада—и третой части въ церкви не помистылося, пидъ церквою стоялы, покы пипъ не скинчывъ видправы та не поихавъ до дому.

Тямлю якъ ныни, въ тимъ роци дуже жъ то грыбы булы вродылы, то такъ уродылы, що бувало выйдешъ за въ лисъ, тай заразъ наберешъ мишокъ грыбивъ. Отже жъ тои недили я

пасъ у лиси худобу. Женемо на полудне до дому, кождый пастухъ михъ грыбивъ несе, самыхъ шапочекъ,—ажъ дывымося, иде старый Бурянныкъ, чоловикъ такый бувъ, оттутъ жывъ недалеко церквы, иде зъ лиса, такожъ грыбы несе. Прыходымо въ село, а тамъ присяжни, десятныки бигають по меже хаты, всихъ до церквы кличуть, старе й мале заразъ мае йты. Щось тамъ будуть голосыты—кажуть. Дывымося, а Бурянныкъ якъ нисъ мишокъ зъ грыбамы, такъ и пустывъ его середъ дороги, а самъ ставъ блидый, якъ стина.

— Що вамъ, диду? пытаю его.

— Ой, сыноньку,—каже,—чую, що смерть моя буде.

— Пекъ, пекъ, оссына! кажу,—що вы за смерть загадуете? Отъ ходимъ до церквы, почуемо, що тамъ будуть голосыты.

Бурянныкъ тилько рукою махнувъ тай пишовъ ни живый, ни вмерлый. Позаганялы мы худобу тай соби побиглы. Дывымось, а коло церквы на цвинтари всихъ людей поставылы рядамы, оденъ узявъ на рукы того хлопца—Гаврыла—тай носыть его попередъ ти ряды.

— Пизнавай, кажуть, котри упыри.

— Оттой упырь, оттой упырь, оттой упырь,—каже Гаврыло. Симохъ чоловикивъ показавъ. И нашого Бурянныка такожъ. Заразъ ихъ узялы на бикъ. Обійшлы вси ряды—бильше нема.

— А по чимъ же ихъ пизнаты, що воны упыри? пытають люде Гаврыла.

— По тимъ пизнаты, що кождый мае сыривцёве полотно перевязане по пидъ колино.

Заразъ кинулыся до ныхъ, зревидувалы,—акуратъ такъ е, у кождого сыре полотно по пидъ колино перевязане. Заразъ ихъ звязалы, варту до ныхъ приставылы.

— А нема бильше упыривъ?—пытають ще Гаврыла.

— Е ще, але не до людей, а до коней, до худобы, до овець.

— Ну,—кажуть люде,—до тыхъ намъ байдуже. А отсимъ що маемо робыты?

— Ничого вы имъ не зробыте,—каже Гаврыло,—докы жыви, то все вамъ будуть шкодыты.

Зачалы люде радыты, що ту зробыты зъ тымы упырямы, и врадылы ихъ спалыты на огни. А Гаврыло каже:

— Ничого имъ вашъ огонь не зашкодыть. Тилько терновый та яливцёвый огонь може имъ допечы, а иншый ни.

А ну заразъ наказалы, хто тамъ бувъ, уси мають иты на Базарыще и кождый мае несты хоть одну терныну. Де яке терньє було въ плотахъ, у корчахъ—все повытягалы та повыломлювалы—купу наклалы таку, якъ хата. Привелы упыривъ.

— Прызнавайтеся!—кажуть—чы вы людей потынаете?

— Ни,—кажуть ти,—люде добры, майте Бога въ серци, мы ничого не вынни.

Взялы воны насамперѣдъ Вольчака,—першый богачъ бувъ, у горишнимъ конци села, скувалы ему рукы й ногы зализнымы путамы, що коней путають, прысылылы до ныхъ ланцюхъ довгый, тай бухъ его въ терновый огонь, а два хлопы тягнуть ланцюхомъ черезъ огныще на другый бикъ. Перебигъ винъ разъ, зновъ ему кажуть:

— Признавайся!

— Люде добры, пустить мене,—каже Вольчакъ—я упырь, але я не сюда належу.

— А куды жъ ты належышъ?—пытають.

— Мени прызначено до Фульштына [1]),—каже винъ.

— А хто жъ тебе тамъ прызначывъ?

— Нашъ старшый. Але его ту нема, винъ далеко.

— Де винъ?

— У Дрогобычи.

Зновъ зачавъ просытыся, щобы его пустылы, вже бувъ дуже обпеченый, але воны не слухалы.

— Ты—кажуть—тамъ потынаешъ, а твои кумпаны у насъ потынають, а намъ усе одна бида. Такъ волышъ ты згынуты, колы тамтыхъ не можемо достаты въ свои рукы.

И пхнулы его другый разъ у огонь, и зновъ ланцюхомъ тягнуть. Винъ бигъ, щобы чымъ борше выхопытыся на другый бикъ, але на середыни огню зашпотався тай упавъ у саму грань.

[1]) Фульштынъ или Фельштынъ—небольшой городокъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Самбора, а отъ Нагуевичъ верстахъ въ 40.

Бильше вже не мигъ встаты. Такъ его за ланцюхъ перетяглы черезъ огонь ажъ до краю, а потому ще разъ, и видложылы на бикъ лишъ дрибку жывого. Отже що вы на то скажете? Здавалося, що все тило перегорило, ничого не було выдно, лышъ одну рану, а выходывся, выдужавъ, ще потому бильше якъ симъ литъ прожывъ!.

Разковалы Вольчака, взялыся до другого упыря,—Ступакомъ прозывався. Той, якъ тилько его пхнулы въ огонь, такъ и впавъ, и такымъ его перетяглы на другый бикъ огныща,—вже бувъ небожчикъ. Тогды воны до третего, Панька Саляка. Винъ бувъ лишъ у подягачци [1]), безъ гуни, бо була велыка спека. Скынулы зъ него подягачку и верглы на огонь—вона заразъ займылася.

— Прызнавайся,—кажуть,—чы ты упырь, чы ни?

— Ни люде добры, не упырь.

Зняли зъ него чоботы, сорочку и такожъ пометалы въ огонь, и зновъ ему кажуть:

— Прызнайся, бо и ты такъ будешъ горить, якъ твое шматье.

— Люде добры,—каже винъ,—Богъ мою душу выдыть! я не упырь! А хочете, щобымъ горивъ, то най вамъ и такъ буде!.

Пидыймывъ рукы до неба, тай самъ кынувся въ огонь, лыцемъ у саму грань, такъ що видъ разу тило на немъ збиглося. А потому ще самъ на другый бикъ обернувся. Перетяглы его черезъ огонь и бильше вже не тягалы, такъ и положылы коло тамтыхъ двохъ.

Взялыся до четвертого, Ныколы Саляка, бачъ братъ бувъ Панькови. Перевелы его разъ босого черезъ огонь, а винъ тогды каже:

— Бійтеся Бога, громадо, не печить мене! я упырь, але я такъ зроблю, що бильше нихто въ сели не буде слабуваты.

А бувъ тамъ Левицькый, шляхтычъ зъ Горы [2]), на его фудаменти потому Гайгель засивъ, а теперъ шляхтычъ Дыдынськый сыдыть. То той Левицькый каже:

— Добре, у мене теперъ донька хора. Пиды та зробы такъ, щобы була здорова, то ничого тоби не буде.

---

[1]) *Подягачкой* называютъ старую свитку, покрытую сверху бѣлымъ полотномъ.

[2]) Горой называется небольшая (9 хатъ) слобода или приселокъ Нагуевичъ.

— Добре,—каже Салякъ.

Взялы его пидъ пахы, килька хлопивъ довкола него, тай повелы его пастивныкомъ. А винъ наразъ якъ не вырвався видъ ныхъ, якъ не зачне втикаты, оттуды Тростовачкою до Родычова [1]). Люде за нымъ, оденъ навить на коня скочывъ—тамъ десь кони паслыся—але де тому край! А винъ бижыть, а ту зъ опеченыхъ нигъ мясо кусныкамы рвеся, ажъ вышше него ти кусныкы летять, кровю слиды значыть,—а таки добигъ до Родычова и сховався. Якъ винъ тамъ, бидный, ратувався того дня, Богъ его знае. Пообвывавъ соби раны якымысь лопухамы, потому вже й жынка до него навидувалася, и мы, пастухы, ему исты носылы... Але щось за дви недили не смивъ до села показуватыся, все по лиси ходывъ. А потому вернувся до дому, выгоився и жывъ десь до недавна.

Якъ Салякъ утикъ, заразъ люде до Бурянныка взялыся, спеклы его и ще двохъ не тямлю вже, якъ называлыся, бо то, выдыте, не ныни ся діяло. Кождого по тры разы перетяглы черезъ огонь, а потому поклалы оттутъ на Базарыщу. Вольчака жинка заразъ узяла до дому, давала ему раду. А ти решта лежалы тамъ щось по дви добы, та все лышъ стыналы та пыщалы. Жинкы носылы имъ зъ дому молоко, та залывалы ихъ, такъ якъ дитей, ажъ покы не померлы. Потимъ ихъ на тимъ самимъ мисци й позакопувалы, де котрый умеръ".

Воспоминанія Артыма Ляльока объ этомъ ужасномъ происшествіи менѣе ярки и пластичны, но онъ разсказываетъ, что нѣкоторые изъ обожженныхъ упырей промучились еще болѣе двухъ недѣль, прежде чѣмъ умереть. О Гаврилѣ, который былъ причиною всего случившагося, Артымъ говоритъ, что тотъ послѣ этого происшествія жилъ еще долгое время, женился и имѣлъ дѣтей, изъ которыхъ одна дѣвушка во время холеры 1873 г. на нѣкоторое время опять была героиней дня, о чемъ я и разскажу, какъ очевидецъ, въ концѣ настоящей замѣтки.

О сожиганіи упырей въ другихъ селахъ у меня нѣтъ никакихъ извѣстій, кромѣ Ясеницы Сольной, о которой я въ

---

[1]) Названіе лѣса.

1880 г. записалъ слѣдующій разсказъ изъ устъ крестьянина Павла Кульчицкаго, который хотя не былъ очевидцемъ происшествія, но слышалъ рззсказы о немъ отъ стариковъ.

„То въ першу холеру, якъ зачалы люде дуже мерты, чують ясенычане, що въ Нагуевичахъ объявывся такый хлопецъ, що упыривъ пизнае. Поихалы, прывезлы его, склыкалы громаду— пизнавай! Щось винъ пять чы шисть пизнавъ: „то, каже, упыри!" Заразъ ихъ повязалы, розложылы терновый огонь, таку купу наклалы, яхъ хату. Ти люде кленуть духъ-тило, що воны невинни, божаться, плачуть.

— А по щожъ вы, сяки-таки, сыривцеве полотно пидъ колиномъ носыте?—пытають ихъ.

— Та мы, на жадни чари,—говорять ти,—намъ такъ казалы люде, що хто буде носыты сыре полотно пидъ колиномъ, того ся слабисть не чепыть.

А той хлопець говорыть:

— Не вирьте имъ! Воны то носять на знакъ, щобы ихъ чужосильни упыри пизналы.

А тогди, кажуть, велыкій страхъ ударывъ бувъ на людей. Всиляка погань по селахъ волочилася. Небижыкъ тато оповидавъ мени: „Власне, каже, булы жныва. Жинка зъ дитьмы пишла въ поле до роботы, а я самъ бувъ дома, мавъ зварыты обидъ и вынесты имъ, тай ще хлибъ спечы. Ще я хлиба не сажавъ у пичъ, а тилько пидпалку [1]) за грань кынувъ, ажъ чую, щось пидъ викномъ шкробоче. Обертаюся, а то величезный билый песъ у викно зазырае. Я весь застывъ, и хоть день бувъ, пидъ полудне сонце стояло, а чую, що мени волосье на голови въ гору иде. Николы я въ сели такого пса не выдивъ. А винъ стоить, та все въ викно зазырае, дали вступывся и почавъ до дверей шкроботаты. Взявъ я, отворывъ двери, винъ увійшовъ до хаты—ну такый вамъ, якъ лошакъ за велыкій, лышъ очыма блыскае. Оглянувся по хати, а дали сперся переднимы лапамы на прыпичокъ просто огню, нибы гритыся хоче, а все на тоту пидпалку позырае. Вынявъ я пидпалку зъ печы, розломывъ ее

---

[1]) „Пидпалка"—коржъ изъ кислаго тѣста.

на четверо, поставывъ на викно, що бы выстыла, а той песъ усе за нею очыма пасе. Выстыла пидпалка, взявъ я одну четвертыну, кынувъ ему, винъ лышъ разъ хавкнувъ—иззивъ; кынувъ я ему другу — ззивъ, кынувъ третю — ззивъ, кынувъ четверту—винъ уже тои не ивъ, а тилько взявъ у нысокъ тай до дверей—пишовъ. И такъ мени тогди якось легко стало на души, якъ колы бымъся на свитъ народывъ. Отже давъ Богъ, въ нашій хати нихто на тоту слабисть не вмеръ, а ни хорувавъ".

Отже не слухалы люде, що ти упыри говорылы, а взялы одного тай кынулы въ огонь—тамъ винъ и душу давъ. Хотилы вже до другого братыся, ажъ ту пипъ надійшовъ. Старый Чайковській у насъ тогди попомъ бувъ—не пипъ, а отець у громади. Дуже вси его любылы. Прыбигъ, та до людей:

— Що вы робыте? Та чы маете вы Бога въ серци?

Заразъ тыхъ поростручувавъ, що упыривъ стереглы, упыривъ самыхъ порозвязувавъ: „тикайте!"—каже. Люде почалы до него ставытыся, а винъ рукы розхрестывъ:

— Нате мя!—каже.—Хочете палыты, то насамперёдъ мене спалить!

Мусылы люде розыйтыся, лышъ той оденъ погыбъ".

Но возвратимся опять къ разсказу Сеня Буцяка. На вопросъ, умирали ли еще люди и послѣ сожженія упырей, онъ отвѣчалъ:

„Ще й якъ умыралы. Килька денъ потому було по 45, по 50 мерцивъ у сели. Але потому якось пересталы. А за килька днивъ прыихала зъ Самбора комысія, арештувалы війта и всихъ тыхъ, що давалы прывидъ, тай повезлы ихъ до Самбора. Отже щось довго ихъ не було. Казалы, що мають ихъ усихъ тратыты, але прыихавъ бискупъ зъ Перемышля тай такъ имъ выробывъ що ихъ позасужувалы на 12 недиль".

О судѣ надъ виновными въ этомъ дѣлѣ у меня есть еще слѣдующій разсказъ, слышанный мною отъ нѣсколькихъ нагуевицкихъ старпковъ:

„Зъ разу хотилы ихъ судыты на смерть, але хтось имъ порадывъ, щобы сказалы передъ судомъ, що то не воны перши таку кару выгадалы, але що за давнихъ часивъ усе такый судъ

бувавъ. Зачалы паны шукаты въ давнихъ паперахъ, чы то правда? Шукалы, шукалы—не моглы найты. Ажъ дали дойшлы до такыхъ старыхъ паперивъ, що вже зовсимъ булы збутнилы, такъ що якъ узяты карту въ пальци, то вона й розлиталася, то мусылы карту за картою ножемъ перевертаты. И въ тыхъ паперахъ вычыталы, що справди за давнихъ часивъ такъ судылы. И то имъ помогло".

Артымъ Лялюкъ разсказываетъ о томъ господинѣ, который посовѣтовалъ мужикамъ сослаться на древній обычай сожиганія колдуновъ, слѣдующій сказочный эпизодъ, вѣроятно приплетенный сюда совсѣмъ не кстати изъ какой нибудь бродячей новеллы.

„А якъ позабыралы тыхъ людей до Самбора, то ихъ роды́ (родня) верглыся туды-сюды за адукатамы, щобы ихъ боронылы. Грошей зложылы щось дуже велыку суму, але жаденъ адукатъ не хотивъ имъ ничого порадыты. Ажъ дали допыталыся до якогось старого чоловичка.

— Що,—каже,—люде добры, я бы вамъ порадывъ, але то дуже небезпечна ричъ. Мусыте мени заплатыты и купыты доброго коня, бо я мушу геть утикаты зъ Самбора.

Зложылы воны ему грошы, купылы коня. Взявъ винъ его и казавъ пидкуваты навыворотъ, такъ щобы пидковы булы грыфамы напередъ, а шпонамы назадъ. Тогди каже тымъ людямъ:

— Идите жъ теперъ до суду и скажить панамъ, най пошукають у старыхъ паперахъ, якъ то давно упыривъ судылы.

Пишлы воны до суду тай сказалы. А тамъ заразъ до ныхъ:

— А хто васъ на тото нарадывъ?

— Той и той,—кажуть.

Та вже ихъ тамъ дальше не слухалы, тилько пислалы за тымъ чоловикомъ, щобы его зловыты. Але той уже бувъ далеко. То воны на вси дорогы повысылалы гинцивъ на коняхъ, щобы его зловыты. А то була осинь, слиды по болоти выдно. Та що, слиды все до миста ведуть, а зъ миста нема. Такъ воны й вернулыся, а тымъ людямъ его рада дуже велыко помогла".

Послѣдній разсказъ ярче всего показываетъ, что фактъ сожженія упырей въ 1831 г. глубоко затронулъ фантазію народную, которая не преминула сгруппировать вокругъ него разныя

сказочныя подробности. Сколько такихъ подробностей есть и въ вышеприведенныхъ разсказахъ Буцяка и другихъ, это возможно будетъ оцѣнить только тогда, когда будутъ приведены въ извѣстность подлинные акты судебнаго разбирательства по этому дѣлу.

Я окончу эти замѣтки разсказомъ о послѣдней холерѣ 1873 года. Лѣто этого года я провелъ среди мужиковъ въ тѣхъ же самыхъ Нагуевичахъ. Холера свирѣпствовала въ селѣ двѣ или три недѣли; съ разу умирало по нѣскольку человѣкъ, но было два или три дня такихъ, когда умирало по 15—18 человѣкъ. Въ самый разгаръ эпидеміи случилось слѣдующее. Дѣвушка-сирота, по имени Зоська, кажется дочь или какая то ближайшая родственница Гаврила, извѣстнаго изъ предыдущихъ разсказовъ, вдругъ какъ будто сошла съ ума. Она сбросила съ себя все платье и въ одной рубашкѣ пошла бродить по полямъ. Пора была горячая, жнецы работали въ полѣ при уборкѣ жита. Наталкиваясь на людей, Зоська начинала ломать руки надъ головой и отчаяннымъ голосомъ кричать:

— Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!

Особенно вечеромъ крикъ этотъ, какъ будто отъ нестерпимой боли, раздавался далеко и наполнялъ все село ужасомъ. Нѣсколько вечеровъ сряду я слышалъ этотъ крикъ, но Зоськи самой не видалъ. Въ село она заходила только ночью; свѣтъ, падавшій изъ оконъ, манилъ ее къ себѣ и она, подкравшись неслышно, становилась подъ окномъ и, прижавъ къ стеклу свое блѣдное, даже позеленѣвшее лицо, смотрѣла въ избу. Не нужно добавлять, что это ужасное лицо, смотрящее сквозь окно въ такую пору, наводило ужасъ на тѣхъ, кто былъ въ избѣ, и въ нѣсколькихъ случаяхъ въ такихъ избахъ люди заболѣвали холерой или даже умирали. Иногда, бродя по полямъ, Зоська наталкивалась на верхнее платье, юбки и платки, которые оставляли возлѣ сноповъ жницы, работавшія на солнечномъ припекѣ. Она надѣвала на себя эти вещи и начинала съ визгомъ плясать въ нихъ по полю; въ одномъ или двухъ случаяхъ женщины, которымъ принадлежали вещи, тутъ же на мѣстѣ заболѣли холерой, а одна, кажется, умерла прежде чѣмъ ее принесли въ

село. Неудивительно послѣ этого, что Зоська стала пугаломъ всей деревни. Всѣ увѣряли, что она „упырыця", что она „потынае", а нѣкоторые даже начали поговаривать шопотомъ о томъ, что не худо бы ее схватить и проучить такъ же, какъ учили ихъ отцы упырей на „терновимъ огни". Къ счастью, Зоська черезъ нѣсколько дней пошла бродить по другимъ селамъ, ее видѣли въ Медвежѣ, Бронницѣ, Мокрянахъ, Ступницѣ, и повсюду ея ужасный вой производилъ потрясающее впечатлѣніе. Какъ и чѣмъ она кормилась все это время, я не знаю, потому что въ людскія жилища она совсѣмъ не входила; разсказывали, что она иногда забирала и поѣдала пищу, какую ей удавалось найти въ полѣ у жнецовъ. Когда и какъ она возвратилась домой—я тоже не знаю. Когда эпидемія уже приходила къ концу, я заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько недѣль безъ памяти. Послѣ моего выздоровленія, мнѣ сказали, что Зоська уже дома и работаетъ по прежнему, здорова и, что всего интереснѣе, о томъ, что дѣлалось съ нею во время холеры, ничего не помнитъ. Такъ ли это—я не могу утверждать положительно, потому что съ ней самой никогда не говорилъ. Но она жива и до сихъ поръ.

Миронъ.

ОТГОЛОСОКЪ ЛИРНИЦКАГО ЯЗЫКА.

(*Къ статьѣ Валеріана Боржковскаго: „Лирники“. Кіевская Старина, 1889 года, сентябрь*).

Многіе, вѣроятно, съ интересомъ прочли въ прошлогодней сентябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ статью г. Валеріана Боржковскаго о лирникахъ въ Подоліи: масса бытовыхъ подробностей, взятыхъ непосредственно и не спѣша, представляетъ въ значительной мѣрѣ новый и потому цѣнный матеріалъ, а живое и теплое участіе автора къ жизни описываемой среды оставляетъ въ читателѣ хорошее впечатлѣніе.

Читавшіе статью, безъ сомнѣнія, обратили вниманіе на то мѣсто ея, гдѣ говорится объ особомъ лирницкомъ языкѣ; въ концѣ статьи приложенъ и словарь этого языка, съ большимъ трудомъ собранный авторомъ.

„Къ числу великихъ лирницкихъ секретовъ, говоритъ г. Боржковскій, относится ихъ языкъ. О существованіи его даже изъ крестьянъ рѣдкій знаетъ. Четыре года тому назадъ мнѣ удалось напасть на слѣдъ его. Открылъ мнѣ этотъ языкъ мизяковскій лирникъ Александръ. Большею частію отъ него, а немного отъ „жебрущаго“ дѣда изъ Мизяковской слободы Андрея Полищука, мнѣ удалось составить словарь (не обладающій, кажется, возможной полнотой). Сообщили мнѣ слова подъ величайшимъ секретомъ, съ просьбою не говорить объ открывателѣ дѣдамъ, такъ какъ ему за это здорово придется поплатиться. Составлять словарь пришлось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Для того же,

чтобы не впасть въ ошибку, я весь словарь провѣрилъ нѣсколько разъ.

„Относительно лирницкаго языка (называютъ его „лебійскимъ“ [1]), „лобурськой мовою“) нужно сказать, что онъ ревниво охраняется дѣдами только по традиціи. Они говорятъ на немъ, когда никого нѣтъ, или такъ тихо, что никто не услышитъ ихъ; слѣдовательно, употребляютъ его при такихъ обстоятельствахъ, когда могутъ говорить обыкновеннымъ нарѣчіемъ.

„О причинѣ и времени возникновенія его отъ дѣдовъ я ничего не зналъ. Между старыми лирниками, можетъ быть, и есть преданіе объ этомъ. Въ галицкомъ журналѣ „Зоря“, въ статьѣ „Дѣдôвска (жебрацка) мова“ г. Викторинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „походить она, якъ каже Павло (бывшій поводырь, отъ котораго г. Викторинъ записалъ ее), зъ часôвъ панщины. Дѣдами, каже, бували тодѣ не сами старцѣ, калѣки, немочни; дѣдами перебирались и здорови селяне, що втѣкали одъ панôвъ, щобъ бути вôльными“. Эти мнимые дѣды мстили своимъ панамъ. „Отъ же ти дѣды змовляються на що недобре, то звычайно ради бы упевнитися, щобы ихъ хто не пôдслухавъ, або пôдслухавши, бодай не заразъ поразумѣвъ усе. Одъ того певно пôшло, що попридумували богато словъ, зрозумѣлыхъ хиба имъ самимъ, а переплетаючи ними звычайну бесѣду, чинили еи неразумѣлою сумѣшкою“ [2]).

„Справедливы ли эти слова о причинѣ и времени возникновенія дѣдовскаго языка, не знаю. Употребляются слова этого языка по правиламъ малорусской рѣчи“ (стр. 659—660).

Прочитавъ это мѣсто въ статьѣ г. Боржковскаго, и я заинтересовался языкомъ лирниковъ. Приведенное авторомъ объясненіе поводыря Павла о происхожденіи этого языка очевидно неудовлетворительно. Не дочитывая статьи, я открылъ словарчикъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ тамъ словъ я сразу узналъ знакомыя мнѣ съ дѣтства слова шаповаловъ мѣстечка Новаго Ропска новозыбковскаго

---

[1]) „Лебійскій“—отъ слова „лебій“ дѣдъ.

[2]) „Дѣдôвска (жебрацка) мова“. „Зоря“, Львôв, 1886, число 13 и 14, стр. 237.

уѣзда, черниговской губерніи, мѣста моей родины. У меня въ памяти оставалось десятка два этихъ словъ и я почти всѣ ихъ нашелъ въ лирницкомъ лексиконѣ. Сейчасъ же написалъ я на родину, чтобы сообщили мнѣ по возможности больше шаповальскихъ словъ и навели обстоятельныя справки: не ходятъ ли ропскіе шаповалы на заработки въ подольскую губернію? Зная болѣе или менѣе ихъ бытъ, я не зналъ въ точности района ихъ дѣятельности.

Теперь мнѣ сообщили болѣе 120 шаповальскихъ словъ и отрицательный отвѣтъ на вопросъ о подольской губерніи.

У шаповаловъ въ Новомъ Ропскѣ до сихъ поръ есть свой цехъ „шаповальскій", какъ у портныхъ—„кравецкій", у сапожниковъ—„шевскій", у гребенщиковъ—„гребенницкій", у торговцовъ и торговокъ хлѣбомъ—„перепечайскій". Не берусь судить о цеховыхъ порядкахъ шаповаловъ въ настоящее время; они и лѣтъ пятнадцать назадъ доживали свой вѣкъ. Теперь, кажется, мало кто связанъ корпоративной совѣстью и регулой; каждый работаетъ на свой страхъ.

Новоропскіе шаповалы дѣлаютъ войлоки („лямцы" и „повсти"), войлочныя шляпы [1]) („брыли" и „магéрки", т. е. бѣлыя и черныя шапки, имѣющія видъ усѣченнаго конуса), валенки, рукавицы и проч. Издѣлія эти дѣлаются изъ „шерсти" (собственно съ рогатаго скота) и „вовны" (съ овецъ). Кромѣ домашняго производства шаповалы ходятъ и въ отхожіе заработки. По словамъ самихъ шаповаловъ они дальше не ходятъ какъ по черниговской, полтавской, отчасти по могилевской и орловской губерніямъ; въ подольскую никогда не заходили. Ходятъ они для единственнаго занятія —„бить вовну", берутъ съ собою единственный инструментъ —„лукъ"; инструментъ этотъ похожъ на огромный смычекъ, аршина два съ половиной длины, въ которомъ вмѣсто волоса натянута толстая струна. Лукъ привѣшиваютъ къ стѣнѣ въ горизонтальномъ положеніи, подстилаютъ подъ него рѣшетку изъ лучины, которая по минованіи надобности свертывается въ трубку вокругъ лука. На рѣшетку накладывается

---

1) *Шаповалъ* валяльщикъ шляпъ.

„вовна“, лукъ поддерживается одной рукой такъ, чтобы струна касалась „вовны“; другой рукой струну, при помощи деревянной зацѣпки, оттягиваютъ; отъ сотрясенія спущенной струны шерсть разбивается, а струна издаетъ при сотрясеніи бренчащій звукъ.

Въ мѣстахъ своихъ странствованій и на родинѣ шаповалы пріобрѣли репутацію довольно ловкихъ воришекъ и обманщиковъ. Украсть у „лóха“ (мужика) не только вовны, но и любую вещь, по мнѣнію большинства шаповаловъ, нисколько не предосудительно. Бабы по деревнямъ знаютъ ихъ натуру и стерегутъ вовну пуще глаза. По разсказамъ шаповаловъ, баба сидитъ надъ душой все время. Чтобы отдѣлаться отъ нея, прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ. Въ этихъ случаяхъ изобрѣтательность шаповала неистощима: иногда вдругъ животъ у него заболитъ такъ, что рѣшительно сидѣть невозможно, даже молчать не въ моготу; шаповалъ катается по полу, кричитъ, всполошитъ весь домъ; хозяйка бѣжитъ къ сосѣдямъ за помощью, а шаповалъ тѣмъ временемъ моментально свернетъ „манёкъ“ фунтовъ въ пять [1]) и спрячетъ такъ, что всѣ поиски будутъ напрасны. Падучую болѣзнь они тоже изображаютъ очень удачно. Иногда, чтобы отдѣлаться отъ назойливой хозяйки, шаповалъ прибѣгаетъ къ варварскому средству: онъ незамѣтно надрѣзываетъ струну у лука, которая обыкновенно очень туго натянута; принявъ затѣмъ безопасное для себя и опасное для сидящей тутъ же бабы положеніе, онъ дергаетъ струну сильнѣе обыкновеннаго, и струна лопается такъ, что разсѣкаетъ бабѣ лицо до крови.

Но чаще шаповалы употребляютъ болѣе невинныя хитрости. Сидитъ напр. шаповалъ у лука и подъ акомпаниментъ струны нарочито усердно горланитъ пѣсню. „Котъ“ у него уже свернутъ, припрятано и еще кое-что, надо только убраться по добру по здорову. Въ это время вбѣгаетъ въ хату другой шаповалъ и начинаетъ бранить земляка на чемъ свѣтъ стоитъ, тотъ дѣлаетъ видъ, что опѣшилъ, спрашиваетъ, въ чемъ дѣло, и

---

[1]) „Манекъ“ по шаповальски—котъ. Этимъ терминомъ обозначается у нихъ очень туго свернутый комъ „вовны“.

тутъ оказывается, что товарищъ принесъ ему печальное извѣстіе о смерти жены, отца, брата. Шаповалъ въ неистовомъ горѣ бросаетъ вовну, отказывается отъ платы, хватаетъ сумку и убѣгаетъ, предоставляя товарищу окончить работу. А то вдругъ шаповалъ, посмотрѣвъ въ окно, начинаетъ креститься.

— И коли ето у васъ церкву такую хорошую поставили?

— Де?

— А вó, подивись!

— Се жъ витрякъ!

А „котъ" уже въ „кайстрѣ" (сумкѣ). Сушится бѣлье на дворѣ. Шаповалъ выходитъ изъ хаты нѣсколько чаще обыкновеннаго. До вечера онъ и улучитъ время надѣть штуки три рубахъ одна на другую; только потолстѣетъ едва замѣтно.

Бывали нерѣдко случаи, что шаповалы занимались мелкими кражами по ярмаркамъ, за что бывали и биты нещадно. Въ Ропскѣ даже убѣждены, что ни одинъ шаповалъ не доживаетъ вѣку оттого, что у него непремѣнно печенки отбиты. Дѣйствительно, шаповалы какъ то скоро начинаютъ хирѣть и умираютъ лѣтъ въ сорокъ, рѣдко въ пятьдесятъ, а то и въ тридцать. Но, разумѣется, ранняя смерть ихъ должна быть объяснена той нездоровой обстановкой, въ которой они работаютъ: тутъ къ спертому воздуху хаты присоединяется ѣдкая шерстяная пыль, дѣйствующая весьма разрушительно на легкія.

Въ противоположность подольскимъ лирникамъ, черниговскіе шаповалы не дѣлаютъ особеннаго секрета изъ своего языка. Они употребляютъ его тамъ, гдѣ желаютъ быть не понятыми. Каждый житель нашего мѣстечка знаетъ десятка два-три шаповальскихъ словъ, хотя всѣмъ лексическимъ запасомъ обладаютъ весьма немногіе. Часто случается, что и торговцы ропскіе предъ чужими употребляютъ шаповальскія слова. Но достойно вниманія то обстоятельство, что этимъ же ропскимъ торговцамъ случалось слышать шаповальскія выраженія отъ покупщиковъ, пріѣхавшихъ изъ Бѣлоруссіи. Разсказываютъ, напр., такой случай. Разъ продавали ропчане въ Гомлѣ махорку. Покупщики, пріѣхавшіе „откуда то изъ минской или витебской губерніи" долго тягались съ ними за цѣну; наконецъ, думая, что ропскіе табачники ихъ

не поймутъ, говорятъ между собою по-шапольски, что ничего дескать не подѣлаешь, придется дать, сколько требуютъ. Ропчане уже готовы были уступить, но благодаря признанію покупщиковъ, воздержались. При разсчетѣ они и благодарятъ купцовъ за признаніе. Тѣ были, говорятъ, очень удивлены и долго не вѣрили, что гдѣ то въ Ропскѣ употребляютъ такой же, какъ у нихъ, секретный языкъ.

Жаль очень, что этотъ разсказъ, слышанный мною въ дѣтствѣ и сообщенный мнѣ теперь, передается въ Ропскѣ въ видѣ преданія, потерявшаго точность. Во всякомъ случаѣ онъ весьма интересенъ, такъ какъ указываетъ, хотя и глухо, на широкую область распространенія этого загадочнаго языка.

Такъ какъ корреспонденты мои въ Н. Ропскѣ записывали шаповальскія слова самостоятельно, не видѣвъ словарчика г. Боржковскаго, то изъ присланныхъ ими 126 обыденныхъ словъ 26 оказалось такихъ, которыхъ въ этомъ словарчикѣ не находится. Изъ остальныхъ 100 словъ 53 тѣ же самыя, что и у лирниковъ; разница только въ произношеніи: у ново-ропскихъ шаповаловъ фонетика бѣлорусская, а у подольскихъ лирниковъ малорусская. Такимъ образомъ для удобства сопоставленія шаповальскихъ словъ съ лирницкими первыя естественно дѣлятся ниже на три категоріи: 1) слова, тожественныя съ лирницкими, 2) расходящіяся съ ними и 3) не имѣющіяся въ словарчикѣ г. Боржковскаго.

1.

Алы́да—коровья шерсть (авлы́да—корова) [1]).

Ахве́съ—Богъ, церковь, иконы (Хвесь — Богъ; клюса—церковь, барай—иконы).

Вандзы́рить—везти (вандзо́рыты—водить).

Варна́чка—курица (варна́га).

Вислаки́—яблоки (ве́слюка).

Вихро́—сѣно (вихро́).

Во́ксикъ—лѣсъ (о́ксымъ).

Во́лотъ—конь (во́лотъ).

Впу́лить—купить (опу́лыты).

Га́ласть—соль (га́лусть).

Гальмо́—молоко (альмо́).

Гарда, гардыманъ—водка (герты́ха).

Гомерля́съ—сахаръ и медъ (оме-

[1]) Въ скобкахъ лирницкія слова.

ля́сныкъ—сахаръ, ми́лясъ—медъ).
Де́канъ—десять (ди́кона).
Дуля́сникъ — самоваръ (дуля́сныкъ—огонь, дуля́сыты—палить, горѣть, дуля́сный—теплый).
Закаплу́нить—запереть (закапло́ныты).
Іо́рый—старый (іо́рый).
Кавре́й—панъ (кавріи́).
Ка́ня—шинокъ (ка́ня).
Кара́бка—ложка (карабе́лька).
Кгудъ—жидъ (гудзь).
Ке́рить—пить (кы́рыты).
Ки́рха—свинья (кы́рха).
Ковтырь—горшокъ (ко́втуръ).
Кре́со кре́синное—мясо.
Кре́со пле́ное—сало (кри́со—мясо, пли́ный—бѣлый).
Кудо́мникъ — колоколъ (кудовныкъ).
Кулы́га — торговая лавка (кутыга—комора).
Кухте́ча—бѣдный, бѣднота (кухтій).
Матло́ха—табакъ (мутла́ха).
Махи́ль—ножъ (махлы́чъ).
Ме́рхля—овца (ме́хля).
Пле́нить—мыть (пли́нчыты).
Пле́ный—бѣлый (пли́ный).
Поха́зникъ — хозяинъ (поха́зныкъ).
Пса́лка—рыба (пса́лка).
Пухта́лка — подушка (пухта́вка—„пампушка“).
Ра́ха—женщина (ра́ха).
Скицъ—собака (скиць).
Скрипцы́—ворота (скрипота́).
Скума́ть — знать (скуми́ты—умѣть).
Сте́пня—печь (сте́пуръ).
Сто́дный—богатый (сто́тень).
Стыга—задъ (стызъ, стылъ).
Сты́чить—стоять (сты́чыты).
Хазъ—дворъ, домъ (хаза́—хата, дворъ—хвиртъ).
Хира́ни—люди (хера́пе).
Ховбы́—деньги (хобни́).
Хо́рье—село (хо́ры).
Шмурны́й—глупый (шмурны́й).
Шу́сто—базаръ, ярмарка (шу́сто—мѣстечко).
Якро́—окно (зикро́).
Яперить—брать (яперыты).

2.

Акру́ша—хлѣбъ (ку́псо).
Артю́хъ—волъ (явлы́дъ; см. авлы́да—корова).
Ати́ра—земля (теры́га).
Ашо́ха—каша (ле́кша).
Баса́ть—рѣзать (махлы́чыты; см. махлы́чъ—ножъ).
Бо́тузъ—солдатъ (беца́къ).
Бурда́сы—штаны (на́сикы).
Е́рчить—ѣхать (гардува́ты).
Канавка—пенька (кадро́).
Катру́ха—шапка (каму́ха).

Клю́жить — красть (кли́маты; клю́житы—класть).

Ко́четъ—попъ (корхъ).

Ку́ганъ—цыганъ (шандра́къ).

Лапухи́—сапоги (о́бокы).

Лащо́га—дорога (восто́рка).

Лепки́—глаза (зикра́, отъ зикро́ —окно; но у лирниковъ *влипа́ты* — смотрѣть, *влипу́шный*—зрячій, *ка́липный*—слѣпой).

Лупи́ха — картофель (теры́жныкъ).

Манёкъ—котъ (мо́тень).

Марахо́нька—дождь (рахтій).

Матра́ть—кушать (тро́иты).

Ненашкребень—нѣтъ (не́мить).

Отгу́рить—дать (дя́хныты).

Пару́та—хата (хаза́).

Питерень — мѣшокъ (захарба́нык).

Пле́нный—рубль (ските́лныкъ).

Прота́рить—продать (пропу́лыты; см. опу́лыты).

Сморщъ—борщъ (бо́тень).

Стрелье—дрова (о́брутки).

Стыченый — становый (гальо́мый накачы́тель — дословно: великій начальникъ).

Суга́—вода (де́лька).

Сужни́къ — колодезь (си́враныця).

Тахти́ть—нести (тага́ныты).

Хи́рка—рука (рута́вка).

Ходы́рка—нога (ходу́ха).

Ху́сый—плохой (некле́вый).

Чекула—капуста (лепу́ха).

Чукать—бить (ку́латы, ко́псаты).

Шпинській — хорошій (трепе́лый — добрый, кле́вый—добрый).

Числительныя.

Сковди́нъ—одинъ (іо́нъ).

Ба́крыхъ—два (двеня́).

Стро́мухъ—три (скера́).

Буты́рихъ—четыре (си́сара).

Повде́капа—пять (пе́нтза).

Букше́нъ—шесть (ша́ндра).

Семжа́—семь (ти́мара).

Восемжа́—восемь (вити́мара, висимты́ня).

Девянжа́—девять (ди́вора).

Де́канъ—десять (ди́кона).

Ба́крыхъ де́кановъ — двадцать (двеня́ ди́конъ) и т. д.

3.

Говырда́ть—говорить.

Калуверный—черный.

Калузька—гумно.

Катрушникъ—шаповалъ.

Ке́пель—„бриль", шляпа.

Кима́ть—спать.

Клащёбка—коробка.

Ку́везно—тяжело.

Ламо́ный—молодой.

Лохъ—мужикъ.

Махлованникъ—писарь.

Махлованье—бумага.

Немкинья—полушубокъ.
Никóраго—ничего.
Пáруха—„вовна“,овечья шерсть.
Перха—мука.
Питрусъ—камень.
Плехá—баня.
Саповка—утка.
Свисло—масло и „олѣй“ (конопляное масло).
Скельницы—„комнаты“, хоромы.
Трепезъ—столъ.
Тропа—борода.
Убúрить—взять.
Штакетъ—картузъ.
Шуплей—овесъ.

Итакъ изъ 100 словъ, записанныхъ отъ шаповаловъ и совпадающихъ съ записанными отъ лирниковъ, болѣе половины тожественныхъ. Въ остальной половинѣ можно выдѣлить нѣсколько словъ такихъ, которыя, очевидно, новѣйшаго происхожденія и созданы лирниками и шаповалами отдѣльно, каждой стороной на свой ладъ. Характерный образчикъ такихъ словъ представляютъ термины для обозначенія понятія *становой приставъ.* Къ предмету, обозначаемому этимъ понятіемъ, шаповалы и лирники относятся весьма различно. Для шаповаловъ становой—лицо, мало ихъ занимающее; его можно обозначить, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи, причастіемъ отъ глагола *стоять, стычить—стыченый.* Для лирниковъ же, которыхъ и урядникъ, даже простой десятскій, часто отправляетъ въ кутузку, становой—„великій начальникъ“, *гальóмый накачытель.* Къ такого же рода словамъ можно отнести и обозначенія *рубля, картофеля.* Есть, далѣе, слова другого рода, которыя расходятся у шаповаловъ и у лирниковъ, но такъ, что или у первыхъ сохранились въ древнѣйшей формѣ, а у вторыхъ замѣнены переносными, или наоборотъ. Напр. *глаза* по-шаповальски *лепкú*, очевидно древнѣйшая форма; у лирниковъ—*зикрá*, что значитъ *окна*; но у нихъ есть глаголъ *влипáты—смотрѣть,* прилагат. *влипýшный*—зрячій и проч. По-шаповальски *волъ, артюхъ*—можно думать, древнѣйшее слово, чѣмъ лирницкое *явлыдъ.* Наоборотъ, *красть* по-лирницки *клúматы,* причемъ есть слово *клю́житы*, что значитъ *класть;* у шаповаловъ слово *клю́жить* вытѣснило непріятное для нихъ *клúматы* и деликатно заняло его мѣсто.

Несомнѣнно, что если бы шаповаламъ прочесть словарчикъ г. Боржковскаго, то онъ много напомнилъ бы имъ такого, что они стали забывать. Можетъ быть и лирники признали бы за свои нѣкоторыя шаповальскія слова. Я надѣюсь довести до свѣдѣнія ново-ропскихъ шаповаловъ словарчикъ г. Боржковскаго и подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“ тѣмъ, что изъ этого выйдетъ. А теперь, не откладывая, сообщаю то, что есть. Откуда такое сходство? Что это за языкъ? Не имѣетъ ли онъ сходства съ такъ называемымъ офеньскимъ нарѣчіемъ, о которомъ мнѣ ничего неизвѣстно? Гдѣ кроется корень общенія черниговцевъ-сѣверянъ съ подолянами, общенія въ чемъ то секретномъ, доступномъ только для посвященныхъ?

Ѳ. Николайчикъ.

ОПИСАНІЕ АТЛАСА XVIII СТ., ПОДАРЕННАГО ЧЕРНИГОВСКОЙ ГИМНАЗІИ КН. Н. П. ГОЛИЦЫНЫМЪ.

Въ библіотекѣ черниговской гимназіи есть атласъ Малороссіи съ картами и планами городовъ, составленный въ 1778 году, по приказанію малороссійскаго генералъ-губернатора, графа П. А. Румянцева, потомъ доставшійся князю Н. П. Голицыну, а послѣднимъ подаренный гимназической библіотекѣ.

На заглавномъ листѣ этого замѣчательнаго географическаго памятника надписано карандашемъ: „Книга собранныхъ картъ и разнымъ Малороссійскимъ городамъ плановъ, сочиненная Генваря дня 1778 года".

Въ атласѣ всѣхъ чертежей 16; изъ нихъ—картъ 3, плановъ 13.

Величина каждаго чертежа вообще: въ длину 1 арш., въ ширину 12 вершк., исключая генеральной карты кіевской губерніи и, такъ называемаго, проспекта Глухова, изъ которыхъ первая имѣетъ 20 вершк. длины и 16 шир., а второй—въ длину 35 вершк., въ шир. 14.

При каждомъ чертежѣ приложенъ масштабъ.

Объясненіе плановъ (въ подлинникѣ—экспликація) находится не при всякомъ чертежѣ. Такъ, оно не составлено къ планамъ Кролевца, Стародуба и Полтавы.

Атласъ, отлично переплетенный предпослѣднимъ его владѣльцемъ, сохраненъ до сихъ поръ въ наилучшемъ видѣ; только первая карта немного повреждена—вырванъ одинъ ея уголъ съ масштабомъ, при этомъ пострадало изображеніе части миргородскаго полка и граничащей съ нимъ новороссійской губерніи.

Внѣшняя отдѣлка картъ и плановъ превосходна; но внутреннимъ достоинствомъ атласъ не можетъ похвалиться, особенно относительно названій неглавныхъ мѣстностей и ихъ положенія. Такъ напр., дѣйствительное положеніе села Тарандинецъ лубенскаго полка на СЗ отъ Лубенъ, здѣсь означено на ЮЗ и названо Таврадицами; тамъ же село Хорошки поставлено на р. Оржисѣ (Оржицѣ), между тѣмъ какъ оно дѣйствительно находится на р. Слѣпородѣ; сотенный городъ Лукомье названъ Лукама; Брусиловъ названъ Ерусиловъ; Лохвица—Холвицей и проч. Тѣмъ не менѣе надобно отдать справедливость составителю, что онъ въ иныхъ случаяхъ былъ болѣе точенъ, нежели нынѣшніе составители картъ. Можетъ быть, этого нельзя сказать относительно плановъ.

При описаніи атласа имѣлось въ виду, во первыхъ, указать любителямъ старины на существованіе его и, во вторыхъ, болѣе или менѣе отчетливымъ описаніемъ плановъ представить тѣмъ, которые не будутъ имѣть возможности его видѣть, прежнее состояніе городовъ, дла сравненія съ настоящимъ, чтобы судить о степени вліянія на нихъ времени и совершившихся событій. Слова и выраженія, взятыя изъ подлинника въ представляемомъ описаніи, не измѣнены и написаны курсивомъ.

1) *Генеральная карта Киевскои губерніи разделенная на 10 полковъ* представляетъ всю великорусскую Малороссію съ раздѣленіемъ ея на 10 полковъ, означеніемъ главныхъ дорогъ и весьма подробнымъ описаніемъ, которое, однакожъ, не отличается особенною вѣрностью. Прилежащая часть могилевской губерніи описана съ такою же подробностью. Правый уголъ карты, представляющій миргородскій полкъ, отчасти вырванъ и подклеенъ чистою бумагой.

2) *Карта Малороссіи, раздѣленная на 15 полковъ, въ числѣ ихъ 5 слободскихъ.* Здѣсь же означены Новая Сербія, екатерининская провинція, образовавшіяся еще при Елисаветѣ и Екатеринѣ II-й; къ югу отъ нихъ—*жилище запорожскихъ козаковъ* и далѣе—устье Днѣпра и часть Азовскаго моря.

3) *Генеральная карта Малороссійской губерніи* съ раздѣленіемъ ея на 5 провинцій, а каждой провинціи на 4 округа, съ

частью екатерининской провинціи по рѣку Орель, вдоль праваго берега которой проходила украинская линія. Эта карта съ наименьшими подробностями.

4) *Планъ города Глухова споказаніемъ воономъ какъ вгороде такъ ивне города казенному и обывательскому строению.* Рѣка Есмань входила въ городъ съ СЗ на ЮВ и, при поворотѣ ея на югъ, заграждалась плотиною, отчего, разлившись широко, при самой плотинѣ на 170 саженъ, образовала озеро *Черничья Гребля.* Изгибъ рѣки охватывалъ полуостровъ, въ видѣ мыса, на которомъ, въ самомъ углу, былъ небольшой круглый прудъ съ примыкающимъ къ нему впереди садомъ и дворцомъ *его высокографскаго сиятельства Петра Александровича Румянцова.* Нѣсколько выше упомянутаго полуострова, Есмань, назывaвшаяся вокругъ него, какъ сказано, Черничьей греблей, соединяла протокомъ свой лѣвый берегъ съ озеромъ Есманью, находившимся на сѣверовосточномъ краю города.—Это озеро отдѣлялось отъ рукава плотиной, при которой были мельницы; а при соединеніи протока съ рѣкою была другая плотина. При входѣ рѣки Есмани въ городъ находилась также плотина съ мельницами.

Выше сей послѣдней плотины, съ запада, вливался въ Есмань ручей, составлявшій недалеко отъ соединенія довольно обширный бассейнъ, кажется, посредствомъ искусственныхъ преградъ.

Къ лѣвому берегу Есмани, у поворота ея на югъ, примыкало укрѣпленіе, состоявшее изъ землянаго вала; наибольшая длина укрѣпленія 360 саж., ширина до 260 саж.

Отъ дворца Румянцева, чрезъ Есмань, вела длинная плотина, упомянутая въ началѣ описанія, къ западнымъ крѣпостнымъ воротамъ, называемымъ Кіевскими, отъ которыхъ шла къ восточнымъ воротамъ, Московскимъ, прямая улица, раздѣлявшая укрѣпленіе почти пополамъ. Въ самомъ концѣ этой улицы, на правой ея сторонѣ, находилось огромное зданіе—Малороссійская Коллегія, въ видѣ буквы П; налѣво, противъ нея купеческія лавки. Въ одной линіи съ нею находились также купеческія лавки, къ которымъ съ юга примыкала церковь Живоначальныя Троицы; за нею въ томъ же направленіи—соборная церковь Ни-

колая Чудотворца; далѣе, по линіи улицы, обывательскіе каменные погреба и сотенная канцелярія; за нею, на ЮЗ, находился дѣвичій монастырь съ церквами Успенія и Вознесенія, примыкавшій къ крѣпостному валу. Противъ монастыря, на лѣвой сторонѣ упомянутой улицы, находился образцовый домъ, построенный казною для обывателей. — Въ юго-восточномъ углу крѣпости, между Московскими воротами и Путивльскими, западными, находилась церковь св. Анастасіи. Были еще четвертыя ворота — Бѣлополовскія, на сѣверѣ. Въ углу, между этими воротами и Московскими, помѣщался острогъ, обнесенный палисадомъ; къ з. отъ него — каменные обывательскіе погреба, а еще западнѣе, у самаго вала,—церковь Архангела Михаила.

Остальной городъ былъ расположенъ по обоимъ берегамъ Есмани. Незаселена была только широкая низменность, прилегавшая къ юго-западной сторонѣ вала и тянувшаяся вдоль Есмани. Впрочемъ, и здѣсь было нѣсколько построекъ, у самаго вала, въ томъ числѣ—печи для сженія извести и торговыя бани.

Городъ раздѣлялся Есманью и соединявшимъ ее съ оз. Есманью рукавомъ на 3 части.

Главная часть окружала крѣпость. Въ ней находились: купеческія лавки—у Московскихъ воротъ; отъ нихъ вели за городъ двѣ улицы, на Ю. и С. Налѣво отъ сѣверной дороги, за городомъ, была церковь Вознесенія Господня и при ней кладбище; между нею и лавками, почти на равномъ отъ нихъ разстояніи, находились кузницы справа и слѣва упомянутой улицы. Къ кузницамъ, находившимся на правой сторонѣ дороги, примыкало озеро или прудъ въ 80 саж. длиною и 15 шириною. На лѣвой сторонѣ южной улицы находились у самыхъ лавокъ: церковь Преображенія Господня и при ней каменная богадѣльня и артиллерійскій дворъ съ принадлежащими къ нему строеніями, на самомъ краю города.

У Бѣлополовскихъ воротъ помѣщались торговыя бани; къ СЗ. отъ нихъ противъ Румянцевскаго дворца,—церковь Сошествія св. Духа; а у озера Есмани въ концѣ города, противъ кладбищенской церкви—баталіонная школа.

Вторая часть города находилась за протокомъ, соединявшимъ оз. Есмань съ рѣкою. Въ ней была церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, на берегу р. Есмани, въ самомъ углу, образуемомъ соединеніемъ рѣки съ протокомъ, и два пруда—1-й—противъ устья ручья, вливавшагося справа въ Есмань, и 2-й—ближе къ плотинѣ, находившейся на р. Есмани при входѣ ея въ городъ.

Третья часть города занимала правый берегъ рѣки. Здѣсь, между впаденіемъ въ Есмань ручья и дворцомъ Румянцева, на равномъ отъ нихъ разстояніи, противъ узкаго, но длиннаго залива Есмани, находился довольно пространный водный бассейнъ, до 45 саж. въ ширину и гораздо болѣе въ длину. Естественный онъ или искусственный—этого изъ плана не видно; далѣе, на обширной площади, съ юго-запада примыкавшей къ озеру, находились еще 4 бассейна, вѣроятно, искусственныхъ, что можно предположить по ихъ однообразной квадратной формѣ. Всѣ они отъ 100 до 400 кв. саж. Въ центрѣ этой площади была церковь Захарія и Елисаветы, а за нею, къ югу, зданіе старой Малороссійской Коллегіи и, къ западу, провіантскій магазинъ, а къ СЗ, на краю города—церковь Всѣхъ Святыхъ и при ней кладбище, одною стороною примыкавшее къ городу. У Румянцевскаго дворца справа была церковь Рождества Богородицы.

Всѣхъ церквей было 11, кромѣ 2-хъ при дѣвичьемъ монастырѣ.

5) *Проспектъ городу Глухову*, т. е. перспективный видъ Глухова со стороны оз. Есмани, или съ сѣверовосточноой стороны города. Этотъ планъ, вмѣстѣ съ предъидущимъ, даетъ весьма ясное понятіе о тогдашнемъ Глуховѣ относительно населенности, формы и размѣра построекъ не только общественныхъ, но и частныхъ.

Между зданіями первое мѣсто по громадности и архитектурѣ принадлежитъ новой коллегіи, потомъ дворцу Румянцева.

Коллегія построена была въ 2 этажа; въ рединѣ же, надъ главнымъ входомъ, зданіе имѣло 4 яруса. Въ немъ съ главной улицы было 33 окна; въ боковыхъ частяхъ—по 15; во дворѣ былъ флигель также въ 15 оконъ.

Дворецъ Румянцева состоялъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ въ 1 и 2 этажа.

Церкви были, большею частію, объ одной главѣ, но были и о трехъ; а дѣвичій монастырь имѣлъ ихъ 4.

Частныя зданія не обширны и почти всѣ одноэтажныя; встрѣчаются, однакожъ, дома съ мезонинами. Болѣе обширныя постройки имѣли форму буквы П.

Видно, что многіе дворы были окружены рѣшетками. Кажется, на такого рода заборы была тогда мода.

Полей подъ огородами и садовъ было много, особенно далѣе отъ крѣпости.

Вообще проспектъ Глухова составленъ весьма подробно и отчетливо: въ каждомъ дворѣ означены даже незначительныя постройки. Жаль, что экспликація этого плана не подробна; она кратче приложенной къ плану Глухова и состоитъ въ указаніи 21 мѣста изъ числа 35, поименованныхъ на планѣ.

6) *Планъ города Королевца споказаніемъ вооному какъ вгороде такъ и вне города казенному и обывательскому строению.* Экспликація не составлена; но названіе рѣки и впадающихъ въ нее ручьевъ означены на самомъ планѣ. Не показано даже, какъ въ другихъ планахъ, направленіе теченія водъ.

По положенію плотинъ видно, что рѣка Свидня втекала въ городъ съ ЮВ; въ нее, съ ЮЗ, вливалась какая то рѣчка, на которой была плотина. Отъ этого притока начинался городъ. Саженяхъ въ 50, по прямому направленію, отъ сліянія притока съ Свиднею начиналось озеро въ 140 саж. длины и столько же ширины, составленное рѣкою посредствомъ плотины. За озеромъ Свидня течетъ въ томъ же направленіи и, по принятіи рѣки Добрыхъ Водъ, перемѣняетъ его на восточное. Эта послѣдняя рѣка течетъ у самаго города съ Ю., потомъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на В. и сливается съ Свиднею. Въ мѣстѣ поворота Добрыя Воды образуютъ небольшое озеро вслѣдствіе запруды плотиною; между этимъ озеромъ и устьемъ, почти посрединѣ, находилось другое озеро, происшедшее отъ той же причины.

Отъ устья Добрыхъ Водъ Свидня протекала на востокъ саженей 60 и потомъ дугою поворачивала на С. Въ этомъ направленіи она выходила за городъ. Саженяхъ въ 190 отъ поворота внизъ, рѣка, задержанная плотиною, превращалась въ довольно значительное озеро, наибольшая длина котораго около 320 саж., ширина 220. Оно раздѣлялось косою, входившею въ озеро съ ЮВ, на двѣ неравныя части: юго-западную—большую и сѣверо-восточную—меньшую. На разстояніи 150 саж. отъ плотины у этого озера, рѣка отдѣляла протокъ, составлявшій съ нею островъ въ 90 саж. длины и 60 ширины. Саженей 25 ниже острова начиналось снова озеро съ плотиной на нижней его сторонѣ; восточное продолженіе этой плотины составляла дорога на Глуховъ. Длина его 220 саж., ширина не менѣе 60. Вышедши изъ этого озера, рѣка протекала въ городѣ еще около 1 версты и снова составляла озеро въ 170 саж. длиною и 150 шириною. Въ это озеро Свидня вливалась и выходила двумя рукавами. Западный изъ вливавшихся рукавовъ соединялся 2-мя ручьями съ небольшимъ озеромъ, находившимся въ чертѣ города и имѣвшимъ плотину.

Итакъ, рѣка Свидня составляла 4 озера. Въ 35 саженяхъ отъ 2-го изъ нихъ вверхъ (считая озера сверху внизъ, по теченію) въ Свидню вливается съ запада ручей Рутка. Въ 3-е озеро, съ ЮВ., также впадалъ ручей и съ СВ—другой, не выходившій изъ города.

Рѣками и ручьями городъ раздѣлялся на 4 части: первая заключалась между Свиднею и Добрыми Водами; вторая—между Добрыми Водами и Руткою; третья—между Руткою и Свиднею съ одной стороны, дорогою въ Кіевъ и въ село Подолово—съ другой. 4-я часть начиналась у маленькаго ручья, изливавшагося въ 3-е озеро и тянулась вдоль Свидни до 4-го озера. Эта часть была на правой сторонѣ; всѣ прочія—на лѣвой. 5-я часть, самая малая, примыкала къ восточной сторонѣ 2-го озера и ограничивалась на противоположной сторонѣ дорогой въ Мутихъ, которая была продолженіемъ плотины у озера.

Въ 3-й части города была крѣпость, имѣвшая видъ трапеціи. Восточная и западная ея стороны—параллельны; первая—

190 саж., вторая 140 саж., сѣверная сторона 235 саж., а южная, нѣсколько искривленная, 250 саж. Юго-восточнымъ угломъ крѣпость примыкала къ сѣверному берегу 2-го озера и находилась отъ Свидни въ 180 саженяхъ.

Въ крѣпости находились двѣ церкви; одна почти въ центрѣ, на площади, и при ней что то, въ родѣ лавокъ; другая—при сѣверномъ валѣ, саженяхъ въ 45 отъ точки соединенія его съ восточнымъ.

Внѣ крѣпости было 4 церкви: первая—надъ сѣверо-западнымъ берегомъ 2-го озера; вторая на срединѣ, между 3-мъ озеромъ и сѣверо-восточнымъ угломъ крѣпости; третья—надъ правымъ берегомъ Рутки во 2-й части города и четвертая въ центрѣ 1-й части города.

7) *Планъ Шостенскому артиллерійскому пороховому заводу*. Заводъ расположенъ на р. Шосткѣ, которая сначала имѣетъ сѣверное теченіе, потомъ юго-восточное, наконецъ юго-западное. Въ послѣдній изгибъ впадаетъ рѣка Крупецъ, вытекающая за версту отсюда изъ озера, на сѣверо-восточной сторонѣ котораго расположенъ Крупецкій хуторъ.

Сѣвернѣе перваго изгиба Шостка пересѣкается прямой дорогой, идущей съ СВ. на СЗ. Въ мѣстѣ пересѣченія устроены 2 шлюза и 5 водяныхъ машинъ для выдѣлки пороха. Вдоль сѣверо-западной части дороги устроена большая часть заводскихъ зданій, которыя расположены были въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная отъ рѣки: покои для житья офицеровъ и производства письменныхъ дѣлъ, харчевая лавка, квартира для житья мастеровыхъ. На лѣвомъ берегу сѣвернаго теченія Шостки были: сушильня, къ западу отъ нея, противъ офицерскихъ квартиръ—магазины для сѣры и матеріаловъ, далѣе по рѣкѣ розымка машиною и сухопутная машина для выдѣлки пороха, а къ западу, съ нею рядомъ, еще 3; возлѣ нихъ къ сѣверу—магазины для сѣры и матеріаловъ и на содержаніе мастерскихъ матеріаловъ.

На лѣвой сторонѣ той же сѣверо-западной части улицы были, ближе къ рѣкѣ,—покои для житья офицеровъ и производства письменныхъ дѣлъ; далѣе—конюшенный дворъ и казармы.

къ ЮЗ. отъ офицерскихъ покоевъ—кузница и мастерскія, а за ними—лѣкарскій домъ и лазаретъ.

Прочія зданія находились въ углу, образуемомъ сѣвернымъ и юго-восточнымъ теченіемъ Шостки. Направо отъ дороги, у рѣки, крутильня машиною, далѣе, почти противъ сухопутныхъ машинъ для выдѣлки пороха, магазинъ для сѣры и матеріаловъ; къ востоку отъ послѣдняго—пороховой магазинъ и селитрянные амбары. Между лѣвою стороною дороги и Шосткою, противъ острова, составленнаго ея протокомъ находились: сараи для поклажи бочекъ, селитроварница, селитрянный амбаръ и селитрянная сушильня.

8) *Планъ поселеннымъ на Беловеяжской степи пяти деревнямъ.* Степь, занимаемая ими ограничивается съ В. рѣкою (названіе не показано), при которой находятся деревни: Большіе и Малые Вердеры, и рѣкою Уткою, въ которую съ Ю. на этой же степи впадаетъ рѣка (названіе не показано). По рѣкѣ Уткѣ и ея притоку простирается широкая луговая полоса, на правой сторонѣ которой расположены въ рядъ 3 деревни: Рундевизе—сѣверная, Калчиновка—средняя и Бѣлыя Вежи—южная. На ЮЗ. отъ сей послѣдней деревни, по дорогѣ изъ Вердеръ и Бѣлыхъ Вежъ въ Дмитровку, за притокомъ Утки, находился старый городокъ Бѣлыя Вежи; а южнѣе Бѣлыхъ Вежъ—домъ и земля пастора.

За рѣкою, при которой Вердеры, находился хуторъ Марковича съ землею.

Съ юга, отъ Вердеровской рѣчки до верхняго теченія притока Утки граничили со степью земли подкоморнаго Василія Кочубея и села Гавронецъ, принадлежавшаго маіору Якову Скуропатскому. На пространствѣ между Уткою и ея притокомъ граничили земли деревни Рубенки графа К. Г. Разумовскаго и села Мартиновки, отъ которой степь отдѣлялась дорогой; за рѣкою Уткою—также земли Мартиновки. Съ сѣвера, между Уткою и Вердеревской рѣчкой, прилегали земли: села Хвастовцовъ, Печерскаго монастыря, на которой находился монастырскій хуторъ, и земли хутора Зарукавнаго, принадлежавшаго графу К. Г. Разумовскому.

Къ западу отъ Калчиновки, на луговомъ возвышеніи находился хуторъ калчиновскій съ домомъ для коммиссара. Въ этотъ хуторъ шла прямая дорога изъ Большихъ Вердеръ чрезъ Калчиновку. Между Рундевизе и Калчиновкой, ближе къ послѣдней, была отведена земля для коммиссара.

9) *Планъ полковому городу Миргороду съ ближнею ситуаціею.* Рѣка Хороль полуокружностію огибала городъ съ сѣвера, и на западѣ отдѣляла отъ себя протокъ, въ мѣстѣ сообщенія котораго съ рѣкою устроена плотина въ 65 саж. длины, для удержанія къ мельницамъ воды.

Черезъ Хороль шла дорога къ Лубнамъ. Направо, у дороги,—предмѣстье, а нѣсколько далѣе, у озера,—часть села Медвѣдевки; налѣво, между дорогой и протокомъ,—поселеніе, называемое Прилипки; между протокомъ и рѣкою—островъ съ поселеніемъ Харкивкою.

Городъ занималъ полукругъ, образуемый Хоролемъ. Восточная часть его, при рѣкѣ, окружена валомъ съ 4-мя въ немъ воротами: Сорочинскими—на Ю., Мескими (городскими)—на З. Звонишными—на СЗ. и Малыми—на СВ. Были прежде ворота и на востокъ, къ рѣкѣ, и хотя они не существовали во время составленія плана, однакожъ означены на немъ.

На западъ отъ вала, выдѣляя къ рѣкѣ сѣверную часть полукруга, простирался до другаго края рѣчной дуги *ретранжаментъ, которой селитренными завотчиками изрытъ такъ, что по набережной стороны ретранжаманта мало што осталось, а близь плотины къ мельницамъ великія бугры навожены земли, а въ другихъ мѣстахъ по всему ретранжементу прокопы.*

Изъ ретраншамента шли двѣ дороги: на западъ—хорольская, на югъ—въ Богачку и Густивицы.

Въ крѣпости находилась соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы.

Въ ретраншаментѣ: церковь Воскресенія Христова и торговыя лавки—возлѣ крѣпости. Обывательскія строенія находились внутри укрѣпленій и внѣ ихъ.

Городъ былъ заселенъ весьма неправильно и не густо: между кварталами, крайне неровными, находились обширные

пустыри, такъ что совершенно вѣрно можно сказать о всей площади, занимаемой Миргородомъ, что половина ея занята строеніями и огородами, другая же лежала впустѣ.

Величина крѣпости: 210 саж. длины, 90 саж. шир., ретраншамента—335 саж. дл. и 160 ширины.

10) *Планъ города Нова Городка споказаніемъ воономъ какъ въ городе, такъ и вне города казенному и обывательскому строенію.* Новгородокъ былъ расположенъ на правомъ берегу Десны, которая вдается въ городъ лукою, въ видѣ буквы П. Къ сѣверу отъ луки идетъ низменность съ двумя вѣтвями на В. и З. По главной низменности текъ въ Десну ручей, съ которымъ сливались другіе два съ вѣтвей низменности. Къ восточному углу луки примыкала также низменность съ ручьемъ. Отъ нея на югъ шла дорога въ Стародубъ. Отъ другаго угла протягивалась возвышенность, по прямой линіи, въ западномъ направленіи, выдѣляя къ Деснѣ довольно широкій лугъ. Эта возвышенность, не выходя изъ города, круто поворачиваетъ на югъ къ самой рѣкѣ. Здѣсь, надъ лугомъ и надъ рѣкой, расположенъ былъ Новоспасскій монастырь, къ которому съ З. примыкало нѣсколько обывательскихъ строеній.

Вдоль этой возвышенности была расположена значительная часть города, который у самаго угла луки былъ обнесенъ землянымъ валомъ и заселенъ чрезвычайно густо. Въ укрѣпленіи находились: соборная церковь Успенія, Воскресенія Христова—близь западнаго вала, къ внѣшней сторонѣ котораго примыкали кузницы, мимо которыхъ изъ крѣпости выходила дорога въ Глуховъ; церковь Рождества Христова—также недалеко отъ сѣвернаго вала, сотенная канцелярія и торговыя лавки—возлѣ соборной церкви.

Въ этой же части города, внѣ укрѣпленій, находилась церковь Воздвиженія Креста Господня и возлѣ монастыря—церковь Живоначальныя Троицы.

Остальной городъ лежалъ, большею частію, на упомянутыхъ низменностяхъ и только отчасти на возвышеніяхъ, заключающихся между первыми. Здѣсь означены слѣдующія мѣста: между крѣпостнымъ валомъ и сѣвернымъ ручьемъ—церковь св. Николая;

на возвышенности, противъ восточнаго угла луки—церковь Покрова Богородицы; въ углу, образуемомъ главнымъ ручьемъ и лѣвымъ его притокомъ—церковь Благовѣщенія Богородицы.

Величина крѣпости—280 рутъ длины и 215 рутъ ширины.

11) *Планъ города Нежина споказаніемъ крѣпостнаго казеннаго и обывательскаго строенія.* Городъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Остра.

На лѣвомъ находился замокъ длиною до 150 саж., шириною—до 90 саж. съ нѣсколькими обмоинами и обвалами насыпей. Изъ замка, въ разныхъ мѣстахъ, выходили тропы чрезъ крѣпость и ровъ. Половина замка, обращенная къ рѣкѣ была почти не застроена. У вала, обращеннаго къ рѣкѣ, находились: ниже—провіантскій магазинъ, выше—комендантскій домъ, между ними—пороховые погреба; въ центрѣ замка: церковь Богоявленія Господня и пороховые погреба. Комендантскій домъ огибала гауптвахта. Между упомянутыми мѣстами на планѣ не означено никакихъ строеній.

Другая половина замка, юго-западная, доходившая до небольшого озера, была занята обывателями.

Продолженіе въ обѣ стороны приреѣчнаго вала замка составляло земляной валъ крѣпости, огибавшей, въ видѣ параллелограма, замокъ. Ширина ея 235 сажень, длина до 400 саж. Внѣ крѣпости были обывательскія строенія и при сѣверо-западномъ ея углѣ, недалеко отъ рѣки, мясной рядъ.

Между прибрежнымъ валомъ и рѣкою находились городскія постройки.

Изъ крѣпости былъ переѣздъ рѣки чрезъ три моста: къ первому вела дорога изъ крѣпости мимо с.-зап. насыпи замка, къ 3-му изъ с.-зап. края крѣпости; средній находился въ равномъ разстояніи отъ обоихъ и проходилъ чрезъ островъ. На лѣвой сторонѣ этого моста находились мельницы водяныя.

Внутри крѣпости были слѣдующія общественныя зданія: вокругъ замка, начиная съ юго-восточной его стороны,—церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, полковой острогъ—у южнаго берега упомянутаго озера, купеческія лавки, отъ которыхъ шла дорога мимо замка къ мосту. Налѣво отъ дороги—церковь Жи-

вотворящей Троицы, по сосѣдству, лѣвѣе,—греческій монастырь; рядомъ съ нимъ, за лавками,—церковь св. Николая, еще далѣе, также за лавками, ближе къ нимъ церковь Космы и Даміана, а нѣсколько далѣе—церковь Успенія Богородицы.

Въ незначительномъ разстояніи отъ греческаго монастыря и Николаевской церкви, въ с.-зап. углу крѣпости, находился монастырь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; далѣе, въ этомъ же направленіи,—церковь св. Іоанна Богослова.

Городъ занималъ и другую сторону рѣки; часть его была обнесена ретраншаментомъ, который начинался у рѣки, противъ ю.-вост. края замка и который на планѣ означенъ только отчасти. Планъ имѣетъ въ виду представить укрѣпленія; поэтому показаны на немъ только прилегающія къ нимъ обывательскія строенія.

12) *Планъ города Прилукъ споказаніемъ воономъ казеннаго и обывательскаго строения.* Весь городъ обнесенъ былъ землянымъ валомъ. Средина сѣверной стороны его была вмѣстѣ съ тѣмъ насыпью замка, который отсюда простирался внутрь города На каждой изъ 4 сторонъ крѣпостнаго вала находилось по одной башнѣ. Онѣ назывались: южная—Пирятинскою, сѣверная—Млиновою, восточная—Скутовскою и западная—Кіевскою. Ширина крѣпости, отъ Пирятинской до Млиновой башни, 177 сажень; длина, отъ Скутовской до Кіевской, 255 саж. На западной сторонѣ замковой насыпи находилась Кіевская башня, направо—пороховой погребъ—возлѣ самой башни, нѣсколько далѣе—полковой магистратъ, еще далѣе, при насыпи, общей съ крѣпостью—счетная коммиссія; налѣво отъ башни—острогъ, далѣе, на самомъ югѣ замка,—церковь св. Николая. Противъ нея валъ прерывался. Всѣ эти мѣста находились у самыхъ насыпей. Въ центрѣ помѣщались: погребъ для содержанія денежной казны, южнѣе — кордегардія, восточнѣе—полковая канцелярія. Кромѣ этихъ, на планѣ еще означены 8 мѣстъ, но не поименованы.

Къ южной сторонѣ замка примыкала площадь, занятая лавками, одинъ рядъ которыхъ находился у самого замковаго вала, между перерывомъ его у Николаевской церкви и Кіевскою башней, въ 25-саженномъ разстояніи отъ которой онъ прекра-

щался. На восточной сторонѣ той же площади, почти противъ перерыва вала, находилась церковь Преображенія Господня. Тамъ же, между лавками и Пирятинскою башней, находились церкви: Рождества Богородицы—ближе къ лавкамъ и далѣе—св. великомуч. Варвары.

13) *Планъ города Стародуба споказаніемъ воономъ какъ вгороде, такъ ивне города казенному и обывательскому строенію.* Описаніе плана не приложено. Городъ расположенъ былъ по обоимъ берегамъ р. Бобынца, который входилъ въ него съ С., потомъ поворачивалъ на В. и далѣе—снова на сѣверъ. Такимъ образомъ Бобынецъ составлялъ два колѣна—восточное и западное. Въ первое изъ нихъ впадала, съ Ю., рѣка Бычокъ съ плотиной въ мѣстѣ соединенія.

Между Бобынцемъ и Бычкомъ заключалась часть города съ церковью посрединѣ. Внѣ этой части города было озеро, недалеко отъ Бычка. Отсюда чрезъ Бобынецъ шла плотина съ мельницей при ней. Въ западное колѣно Бобынца вливалась въ западномъ направленіи р. Ланковка съ южнымъ своимъ притокомъ р. Митяевымъ. Ланковка также пересѣкалась двумя плотинами съ мельницами при нихъ.

Главная часть города лежала на лѣвомъ берегу Бобынца и Ланковки. Чрезъ эту часть протекалъ ручей (названіе не показано) съ З., поворачивалъ на Ю. и вливался въ Ланковку недалеко отъ соединенія ея съ Бобынцемъ. Въ срединѣ города, близко къ рѣкѣ, былъ квадратный замокъ, одна сторона котораго составляла 380 саж. Замокъ раздѣлялся насыпью пополамъ. Въ южной половинѣ находились 4 церкви; въ сѣверной—2 церкви. Внѣ замка, у юго-восточнаго его угла была церковь, у западной стороны—другая. Вокругъ замка, почти на равномъ отъ него разстояніи, именно 225 саж., находились еще 4 церкви. Первая—противъ ю.-вост. угла, вторая—противъ ю.-зап., третья—тамъ же и четвертая—противъ с.-вост. угла замка.

На правомъ берегу Бобынца, противъ замка, расположена была другая часть города, менѣе значительная. Она соединялась съ замкомъ плотиною, при которой были мельницы, и другою плотиною, также съ мельницами, сообщались сѣверныя края

обѣихъ частей. Въ этой части города были только 2 церкви: первая—противъ плотины, идущей къ замку, вторая—далѣе отъ нея къ С. Такимъ образомъ въ городѣ было 15 церквей и 6 плотинъ.

14) *Планъ города Лубенъ споказаніемъ вооном как вгороде такъ ивне оного города казенному и обывательскому строению.* Лубны расположены были на высокомъ правомъ берегу Сулы, изрѣзанномъ ярами внутри и внѣ города.

Внутренняя часть города была обнесена землянымъ валомъ самой неправильной формы. Наибольшая длина этой крѣпости 470 саж., ширина до 200 саж. Здѣсь наиболѣе было зданій, изъ которыхъ на планѣ поименованы: на юго-восточномъ краю—острогъ, отдѣленный валомъ; въ восточной половинѣ крѣпости—въ центрѣ ея—церковь Рожд. Богородицы и при ней торговыя лавки; между нею и восточнымъ валомъ, почти посрединѣ,—канцеляріи 1-й, 2-й, и 3-й сотенъ, къ С. отъ сихъ послѣднихъ, у самого вала—полковая канцелярія.

Отъ Рождество-богородичной церкви на З. шла улица, на лѣвой сторонѣ которой находилась аптека; къ ней съ Ю. примыкала церковь Живоначальныя Троицы, отъ которой саженяхъ въ 30, къ ЮЗ., была церковь великомученицы Варвары. Къ З. отъ крѣпости—кузницы, еще далѣе, въ 300 саженяхъ отъ крѣпости—кордегардія, мимо которой къ З. шла дорога въ разныя села.

Къ Ю. отъ упомянутаго острога, внѣ крѣпости, въ 30 саж. отъ нея, находилась церковь св. Николая. На ЮВ. отъ нея на берегу—кордегардія, отъ которой—мостъ чрезъ рѣку; а на ЮЗ., почти въ такомъ же разстояніи—старый артиллерійскій дворъ. На рѣкѣ, ниже моста, почти противъ Троицкой церкви, находилась плавучая водяная мельница. У сѣверо-западнаго угла крѣпости была площадь, отъ которой шла большая дорога на Кіевъ.

15) *Планъ города Гадича споказаніемъ вооном как вгороде так ивне города казенному и обывательскому строению.* Гадячъ занималъ правый берегъ Псла, который течетъ здѣсь съ С. на Ю., и противъ замка, примыкавшаго къ нему, образуетъ довольно значительный островъ, въ 87 саж. длины и 40 саж.

шир. Ниже, возлѣ него, плотина съ мельницами. Оба берега низки, и къ рѣкѣ примыкали только постройки крѣпости, которая съ этой стороны не имѣла вала. Въ прочихъ мѣстахъ городъ былъ значительно удаленъ отъ рѣки.

Средина его обнесена валомъ, въ видѣ четырехугольника, юго-западная сторона котораго вогнута внутрь, а сѣверо-восточная выдалась угломъ въ городъ. Длиннѣйшая сторона крѣпости—284 саж., шир. 230 саж.

Въ юго-восточномъ углу крѣпости находился замокъ сажень 60 длиною, до 30 шириною. Южная сторона его была общая съ крѣпостью, а между восточною его стороною и юго-восточною крѣпости было 18 саж. разстоянія. Къ сѣверо-западному углу замка примыкала площадь съ торговыми лавками; на западной сторонѣ ея находилась полковая канцелярія, къ которой съ С. примыкалъ острогъ. Въ юго-западномъ углу крѣпости были, смежно одна съ другою, канцеляріи 1-й и 3-й сотенъ. Противъ юго-восточнаго угла площади, въ которомъ церковь Успенія Богородицы, находилась, недалеко отъ рѣки, церковь Архангела Михаила. Сѣверо-западный уголъ площади выходилъ рукавомъ на сѣверъ, внутрь крѣпости; въ концѣ его—церковь Богоявленія Господня. Далѣе отъ нея, къ сѣверу же,—двѣ церкви: Петра и Павла и св. Николая; первая—ближе къ западному валу, а вторая—къ рѣкѣ.

При внѣшней сѣверной сторонѣ крѣпости, гдѣ она выдается угломъ внутрь города, находились: печь для обжиганія кирпича и кирпичный заводъ. При западной внѣшней сторонѣ вала, у входа въ крѣпость, находились кузницы и при нихъ—мясной рядъ, на площади, примыкавшей къ юго-западной сторонѣ вала. Къ югу отъ площади, саженяхъ въ 50, была церковь Преображенія, а далѣе, въ томъ же направленіи, вела за городъ улица, въ концѣ которой, на правой сторонѣ, находился старый артиллерійскій дворъ. Мѣстность, занимаемая Гадячемъ, весьма похожа на лубенскую—она также прорѣзывается ярами, также изобилуетъ садами.

16) *Планъ города Полтавы съ показаніемъ воономъ какъ вгороде такъ ивне города казенному и обывательскому строению.*

Экспликація не приложена. Центръ города обнесенъ валомъ, имѣвшимъ видъ окружности. Длина крѣпости 320 саж., шир. 250. Отъ западнаго вала начинался узкою полосою яръ, который далѣе къ В. постепенно расширялся и, вышедши изъ крѣпости, образовалъ обширную низменную равнину, огибавшую восточную и сѣверную часть крѣпости. Въ этомъ яру, внутри крѣпости, начинался ручей изъ маленькаго озера и текъ сначала съ запада на востокъ, потомъ, по выходѣ изъ крѣпости, дугою поворачивалъ на С. и въ концѣ города—снова на В.

Внутри крѣпости находились: направо отъ ручья, немного ниже его начала, на горѣ, церковь; налѣво, нѣсколько выше начала ручья—другая церковь, а лѣвѣе—третья; къ В. отъ нихъ, на краю лѣваго возвышенія, надъ ручьемъ—четвертая церковь.

Внѣ крѣпости означена на планѣ только одна церковь—на правомъ берегу ручья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поворачиваетъ на сѣверъ. Въ западной же части города, довольно густо заселенной и сравнительно съ прочими обширнѣйшей, не означено ни одной церкви. Эта часть города была защищена съ запада валомъ, который обоими концами упирался въ низменности, окружавшія городъ.

Въ городѣ было довольно садовъ и мѣстъ незаселенныхъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. На этотъ разъ печатаемъ: три письма гр. П. В. Завадовскаго (род. 1738 † 1812), четыре письма Дм. Пр. Трощинскаго (род. 1749 † 1829) и одно письмо дюка де-Ришелье († 1822 г.). Изъ этихъ писемъ наиболѣе интересно четвертое письмо Трощинскаго, гдѣ онъ говоритъ о малороссійскомъ генералъ-губернаторѣ кн. Лобановѣ-Ростовскомъ (Яковъ Ивановичъ, 1808—1816), который въ «его неукротимой ненависти и злобѣ ко всему краю, не престаетъ угнетать жителей края самовластными своими поступками».... Этотъ рѣшительный отзывъ о генералъ-губернаторствѣ кн. Лобанова человѣка такой осторожности какимъ былъ Трощинскій возбуждаетъ желаніе собрать побольше фактическаго матеріала о дѣятельности генералъ-губернаторовъ первой четверти настоящаго вѣка, кн. Ал. Б. Куракина (1802—1808), кн. Лобанова-Ростовскаго и наконецъ кн. Н. Г. Репнина. Тутъ первымъ шагомъ должно быть разъясненіе вопроса: сохранились ли архивныя бумаги объ административной дѣятельности названныхъ лицъ и если да, то гдѣ таковыя находятся?—*Ред.*

III. Письма графа П. В. Завадовскаго.

1) Милостивый государь мой Михаилъ Павловичъ!

Писмомъ вашимъ изъ Багмута, вы мнѣ препоручаете старатся о дѣлѣ г. Депрерадовича. Я то здѣлаю, и буду очень радъ, естли успѣю въ моемъ ходатайствѣ.

Милиціоннымъ другомъ (?) правитъ та судебина, что хотящего ведетъ, нехотящего тащитъ. Ратовати не новое дѣло для васъ. Желаю да возгремятъ ваши подвиги, посѣкая и прободая Луну оружіемъ нашихъ предковъ.

Я не знаю въ которую сторону ваша дорога лежитъ, но на всякомъ мѣстѣ будте здоровы и продолжайте любить пребывающаго съ искреннымъ почтеніемъ вашего пр-ва покор. слуг. Г. Петръ Завадовскій.

С. П.-бургъ. Апреля 22. 1807 г.

2) Августа 10-го. П.-градъ.

Очень признателенъ и весьма вамъ благодарю, любезный братецъ М. П., за бѣлье столовое, которое получилъ отъ Харламова. Не дорого и доволно хорошо: но ежели еще лучше достать ровной случай имѣете, то одолжите меня и болше. Доброта сего товара тѣмъ лутче, чемъ тонѣе и гуще. При продажѣ, лоскъ скрадываетъ сіи статья, а мытье первое открываетъ. Вы здраво судите: что завеличину (?) лишнее деньги плотимъ, когда замѣнить оную можно нѣсколькими гарнитурами тойже доброты дешевле покупаемими. И пространство, и сокращеніе предаю въ вашу волю только бы сложность была одинакого разбора. За все плату требуйте отъ брата Ильи Васильевича, которую вамъ доставлять я его просилъ. Мое дѣло расточать, а его платить. Не менше благодаренъ вамъ и за пищу моей страсти къ собакамъ. Хочется погонять ..... [1]) въ свою волю стародубовскихъ зайцевъ. Но уже тѣмъ не льщуся, чтобъ купно съ вами объѣздить понуровскія поля; вмѣсто сего удовольствія хотя то будетъ, ежели вашъ подарокъ возметъ первенство надъ моими резвѣйшими. Я не знаю польскихъ собакъ, опричъ гладкихъ хортѣхъ, которые на видъ только хороши, а ногами тупицы, но могу по малой въ томъ практикѣ ошибаться. Есть порода старинныхъ хортовъ польскихъ у *г. Курдмановскаго,* брудастая; изъ таковыхъ онъ мнѣ подарилъ кобеля прекрасного и пререзвого. Крѣпость и резвость вмѣстѣ такъ сказать невѣроятныя. Пощитись отъ его псарни и не другой какъ сей породы; ибо у его только одного ведется оная. Я не могу отвести щенковъ, понеже выходятъ по сукамъ, а не въ породу кобеля; суки же единоплеменной не имѣю, и достать опричъ его не у кого. Помѣщикъ сей и славный коноводъ, и въ Аравіи не лутчіе какъ у его аргамаки.

Прощай, будь здоровъ. Прими мою привязанность купно съ усерднымъ почтеніемъ.

Вашъ покор. братъ и слуга Г. П. Завадовскій.

---

[1]) Неразобрано слово.

3) Октября 20-го.

Я очень радъ, любезный М. П., твоему богатырскому подвигу, съ которымъ и съ наградою за оный тебя поздравляю искренне.

Увѣдомь меня пожалуй какъ себя Степанъ Ширай ведетъ. Всю ли Солову на карты проставилъ, или еще какая нибудь кроха осталася? О его мотовствѣ слухомъ полны мои уши. Воюй всегда щастливо. Сего тебѣ желаетъ отъ всего сердца пребывающій съ почтеніемъ и усердіемъ вашимъ покор. брат. и слугою. П. Завадовскій.

Изъ добытыхъ въ турецкомъ лагерѣ борзыхъ сбереги и для меня сворю (sic) лихихъ.

IV. Письма Дм. Пр. Трощинскаго, 1798—1813 г.

1) Милостивый государь мой Михайла Павловичъ! Вашему превосходительству, конечно, не безъ извѣстно, въ какомъ расстроенномъ состояніи покойный Лука Михайловичъ Лукашевичъ оставилъ имѣніе свое и дѣтей. Теперь, проѣзжая чрезъ Борисполь, тронутъ я былъ безмѣрно жребіемъ бѣдной сироты, дочери его, въ отческомъ домѣ живущей, тогда когда два ея братья, находясь на службѣ, не могутъ подать ей никакого пособія. Они упросили одного знакомаго имъ офицера вступиться въ распоряженіе разореннаго ихъ имѣнія и сего то офицера г. Ремерса, который будетъ имѣть честь вамъ сіе представить, нашолъ я достойно занимающагося всѣмъ тѣмъ, что хотя мало можетъ облегчить тяготу сиротскаго состоянія. Человѣколюбивому сердцу вашего превосходителства препоручаю я защиту бѣдныхъ сиротъ и вспоможеніе имъ въ тѣхъ дѣлахъ, съ коими они къ вамъ черезъ посредство г. Ремерса прибѣгать будутъ. Я просилъ о томъ же и Александра Андреевича (Безбородка) и уверенъ, что ни онъ, ни вы не откажите жалостному семейству вашего покровителства. Имѣю честь пребыть всегда съ отличнымъ, совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходителства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Кіевѣ. Сентября 6, 1798.

2) Милостивый государь мой М. П. Вчера только возвратился я сюда изъ польскихъ моихъ деревень, и по встрѣтившимся въ оныхъ обстоятельствамъ, необходимо долженъ буду дождаться здѣсь Александра Андреевича, который изъ объѣзда губерній будетъ сюда 28 нынѣшнаго мѣсяца. Перваго же октября я полагаю, раставшись съ святыми мѣстами, заѣхать еще разъ въ малороссійскую мою деревню и оттуда, ни мало не мѣшкавъ, отправиться уже въ Петер-

бургъ, неся съ собою пріятнѣйшее воспоминаніе того дружескаго обращенія и множества знаковъ благосклонности, кои я видѣлъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и между которыми ваши я щитаю для себя наиобязательнѣйшими. Между тѣмъ и еще одного опыта дружбы вашей испрашиваю, позволить г. городничему нѣжинскому Вольховскому, хотя подъ какимъ ни есть видомъ, начальничьяго препорученія увидѣться со мною на кратчайшее время, въ деревнѣ моей Кибинцахъ и поспѣшить снабдить его на то вашимъ предписаніемъ. Впрочемъ будьте увѣрены объ отличномъ моемъ почтеніи и искренней преданности, съ коими навсегда пребыть честь имѣю в. пр-ва покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Кіевѣ. Сентября 24. 1798.

3) Милостивый государь мой М. П. Я не могу оставить здѣшнихъ мѣстъ, чтобъ не поблагодарить ваше превесходительство еще разъ за тѣ выгоды, какія я по предписаніямъ вашимъ имѣлъ во всѣхъ случаяхъ, проѣзжая губернію вашего начальства, а равномѣрно не могу обойтися, чтобъ не утрудить васъ новыми просьбами, изъ коихъ *первая*, чтобъ къ стариннымъ друзьямъ моимъ г-дамъ Базилевскимъ были вы милостивы и въ дѣлахъ ихъ, какіе до васъ доходить будутъ, не отказали имъ вашего покровительства; *вторая*, о равномѣрномъ покровительствѣ и защитѣ бѣдныхъ сиротъ Левенцевыхъ; *третья* же, и самая прилѣжнѣйшая, чтобъ вы продолжали ко мнѣ вашу дружбу, коей я всегда и вездѣ искренно соотвѣтствовать обязуюсь, за удовольствіе поставляя сохранить къ вамъ то совершенное почтеніе, съ коимъ навсегда пребыть честь имѣю в. пр-ва покорн. слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Сорочинцахъ. Октября 14. 1798.

4) Милостивый государь мой М. П. Вы не повѣрите, мой почтеннѣйшій другъ, сколь прискорбно мнѣ было лишиться того удовольствія, которое вы мнѣ обѣщали доставить посѣщеніемъ на возвратномъ вашемъ пути изъ Полтавы; но когда сіе не исполнилось, я не смѣю винить васъ, а сѣтую на судьбу, которая всѣми образами противъ меня ожесточилась. Главнѣйшія же удары ея чувствую въ неукротимой ненависти и злобѣ ко мнѣ и ко всему здѣшнему краю кн. Лабанова, не престающаго угнѣтать насъ самовластными своими поступками. Онъ повидимому, узнавъ о моей на его жалобѣ, а можетъ быть удостовѣрясь, что оная въ комитетѣ министровъ оставлена безъ вниманія, усилилъ къ отягощенію несчастной сей губерніи и ко мщенію мнѣ явно клонящіяся своевольныя и беззаконныя дѣйствія, и я вынужденъ былъ объ оныхъ новыя здѣлать представле-

нія официіальнымъ отношеніемъ моимъ къ его высокопревосх-ву Сергѣю Кузмичу (Вязмитинову), яко занимающему мѣсто министра полиціи, отъ коего всѣ дворянскія сословія зависятъ, и партикулярнымъ письмомъ къ его сіятельству графу Николаю Ивановичу (Новосильцеву), какъ предсѣдательствующему въ комитетѣ министровъ. Вы, любезнѣйшій другъ, позволяете мнѣ поручать вамъ коммиссіи свои: можетъ ли же быть важнѣйшая той, чтобъ споспѣшествовать избавленію насъ отъ ига несносно обременительнаго? и для того всеубѣдительнѣйше прошу васъ принять къ сострадательному сердцу общія несчастія наши, и быть за насъ прилѣжнымъ ходатаемъ.—Жалобы мои какъ прежнія, такъ и нынѣшнія, подкрѣплены столь ясными доводами, что разсматривающимъ оные безпристрастно, не дозволятъ ни малѣйшаго сумнѣнія. Такъ неужель и послѣ сего захотятъ еще оставить миліонъ людей, удручаемыхъ единымъ самоволіемъ начальника, поставившаго себя выше всякаго закона и всѣ преграды онаго опровергнуть дерзнувшаго.—Еще разъ прошу и заклинаю васъ всѣмъ что для васъ свято, употребите гдѣ слѣдуетъ дѣятельное ваше настояніе, и поспѣшите дружески увѣдомить меня о послѣдствіяхъ сего дѣла, не одного меня, но весь край здѣшній чрезвычайно много интересующаго. Чтобъ не обременять васъ болѣе своей іеремiядою, заключаю сіе увѣреніемъ непоколебимыхъ чувствъ совершеннѣйшаго къ вамъ почтенія и искреннѣйшей преданности, съ коими по конецъ дней моихъ пребуду. М. г. мой в. пр-ва покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Кибинцы. Ноября 13. 1813.

V. Письмо дюка де-Ришелье, 1817 г.

Милостивый государь Михаилъ Павловичъ!

Трудно мнѣ выразить съ какимъ удовольствіемъ получилъ я почтеннѣйшее письмо вашего пр-ва, изъ Стародуба, отъ 20-го іюля, и сколько былъ чувствителенъ къ тому, что вы меня помните, и сохраняете прежнее ко мнѣ благорасположеніе. Прошу васъ принять удостовереніе какъ въ искреннѣйшей моей благодарности, такъ и въ нелестной и всегдашней приверженности.

Сохраняя прежнія чувства мои къ Одессѣ и всему Новороссійскому краю, я не могу не радоваться намѣренію вашего пр-ва поселиться на берегахъ Чернаго моря. Учрежденіе въ Одессѣ лицея открываетъ всѣ способы къ воспитанію любезныхъ дѣтей вашихъ, тѣмъ болѣе, что извѣстныя мнѣ достоинства директора, почтеннаго аббата Николя, совершенною служатъ порукою въ будущихъ успѣ-

хахъ сего учебнаго заведенія, и обѣщаютъ неисчислимыя выгоды со-стороны наукъ и просвѣщенія не только для новороссійскихъ губерній, но для всей южной Россіи, и даже для окружныхъ чужихъ земель. Ваше пр-во повѣрите сколько я сожалѣю, что, удаленъ будучи обстоятельствами, не могу пріобщить слабыхъ трудовъ моихъ къ образованію сего заведенія, и наслаждаться вблизи постепенными успѣхами оного; но возрастающее ежедневно благоденствіе Одессы, и здѣсь доставляетъ мнѣ пріятнѣйшія минуты. Чтеніе письма вашего, и описаніе того, что вы нашли въ семъ городѣ, послѣ долговременнаго отсудствія, доставило мнѣ одну изъ таковыхъ минутъ. Ничего не можетъ быть лестнѣе для меня, какъ слышать одобреніе трудовъ моихъ изъ устъ того, кто былъ однимъ изъ первыхъ основателей благоденствія и образованности Новороссійскаго края.

Съ чувствами совершеннаго почтенія и истинной преданности имѣю честь пребыть навсегда, м. г., в. пр-ва покорнѣйшій слуга Е. дюкъ де-Ришелье [1]).

Въ Парижѣ $^{10}/_{22}$ октября 1817.

Бѣгуны отъ науки. Въ произведеніяхъ писателей-украинцевъ процвѣталъ и пріобрѣлъ право гражданства типъ стариннаго академиста или бурсака, какъ неразборчиво они его называли, великовозрастнаго, лѣниваго, охотника до выпивки и неохотника до науки, къ которому эта наука, да еще схоластическая, шла также, какъ сѣдло къ коровѣ. Неувядаемые по комизму образцы этого типа представилъ Гоголь въ «Віѣ», особенно въ лицѣ Хомы Брута. Герои Нарѣжнаго, domine Галушкинскій-Квитки принадлежатъ къ той же блистательной ученой когортѣ. Комизмъ этихъ лицъ состоитъ въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи ихъ первобытныхъ, жизнерадостныхъ натуръ съ тою суровою, напыщенною и сухою школьною мудростью, которою они должны быть проникнуты. Академическая латынь и простодушный, хуторской складъ ея адептовъ, классическіе клички и термины и козацкіе ухватки и нравы — все вмѣстѣ представляетъ единственный въ своемъ родѣ, забавный контрастъ, на фонѣ котораго свободно разгулялось воображеніе писателей-юмористовъ. Созданныя ими лица безъ сомнѣнья нѣсколько утрированы, но они не выдуманы нашими авторами и сущность ихъ въ основѣ исторически вѣрна. При сужде-

---

[1]) Въ этомъ письмѣ только подпись собственноручная.

ніи о вѣрности изображеній тѣхъ или иныхъ явленій былого у нашихъ старыхъ писателей,—вѣрности, которой мы уже не можемъ провѣрить личнымъ наблюденіемъ,—слѣдуетъ принимать въ разсчетъ близость этихъ авторовъ къ изображаемому времени, преемственность преданій и непосредственную связь ихъ съ той эпохой. Нарѣжный и Квитка прямо выросли среди людей прошлаго вѣка и многое изъ той старины видѣли еще своими глазами. Не мало видѣлъ и Гоголь, для великаго дарованія котораго, при его способности историческаго проникновенія, достаточно было и современныхъ ему аналогій съ явленіями прошлаго и типичныхъ особенностей, еще живыхъ въ его время въ малороссійской толпѣ. Пресловутые ученые «богословы» въ началѣ вѣка еще держали въ своихъ десницахъ бразды первоначальнаго образованія, а они были плотью отъ плоти и костью отъ костей извѣстной части питомцевъ и академіи, и коллегіумовъ. Историческое существованіе этого типа встрѣчаетъ и документальныя подтвержденія. Вотъ, вычитанный нами въ «Указной книгѣ» одной захолустной церкви прилукскаго уѣзда полтавской губерніи, указъ Рафаила Заборовскаго, направленный прямо противъ Хомы Брута, Халявы, Галушкинскаго и ихъ достойныхъ сподвижниковъ:

«Рафаилъ Заборовскій, Божіею милостью православный архіепископъ кіевскій, галицкый и малія Россіи.

Вамъ, всечеснимъ протопопамъ, пречеснимъ ігуменамъ и всему причту духовному, Божіе благословеніе и наше архіерейское препославше, предлагаемъ: донеслъ намъ пастыревѣ пречесний префектъ академіи кіевской Іеронимъ Михневичъ, что многіе студенты, цѣлорочному ученію своему окончанія прежде времени, безъ письменихъ свѣдителствъ и патентовъ пречеснаго префекта нашего академіи кіевской, в Малороссіи в мѣста за Днѣпръ отходятъ самоволне. Того ради вамъ, симъ нашимъ архіерейскимъ указомъ, накрѣпко приказуемъ, буде гдѣ являтся студенти безъ пашпортовъ пречеснаго префекта академіи нашой кіевской, таковимъ, не токмо чинить угожденія, но онихъ яко подозрителнихъ, непостояннихъ, словивъ, отсилать подъ арештомъ в Академію нашу Кіевскую для учиненія имъ за такое самоволство надлежащаго наказанія, ибо за такими бездѣлниками, безъ пашпортовъ волочащимися, разныя неблагообразія происходятъ. О семъ вамъ вѣдать и чинить и по обикновенію репортовать пастырски декляруемъ з катедри нашой кіевской 1734 года іюня 24, вишеіменованій Рафаилъ Архіепископъ».

Пользуемся случаемъ, чтобъ сказать два слова объ *указныхъ книгахъ,* въ одной изъ коихъ найденъ и приведенный документъ. Книги эти попадаются въ старинныхъ церквяхъ, гдѣ счастливая случайность или вниманіе настоятеля не окончательно истребили слѣды прошедшаго. Въ нихъ, помимо указовъ и распоряженій центральной власти, тексты которыхъ сохраняются и въ Собраніи Законовъ и въ архивахъ правительственныхъ учрежденій, встрѣчается множество распоряженій, указовъ и циркуляровъ мѣстнаго духовнаго управленія, драгоцѣнныхъ для будущаго историка южнорусскихъ духовныхъ дѣлъ и интересныхъ вообще по обилію бытовыхъ явленій, ими затрогиваемыхъ. Встрѣчаются здѣсь и гетманскіе универсалы, можетъ быть не сохранившіеся инымъ путемъ. Между тѣмъ не слышно что то, чтобъ было начато даже собираніе такихъ книгъ, число которыхъ годъ отъ году конечно уменьшается. Кое что по этой части видѣли мы въ маленькомъ, только что начатомъ, собраніи церковной рукописной и книжной старины при полтавской семинаріи. Гдѣ хранятся подлинники распоряженій кіевскихъ митрополитовъ и архіепископовъ? Съ какого времени заведены указныя книги при южнорусскихъ церквяхъ и можетъ ли быть достигнутъ систематическій и правильный ихъ подборъ? Вотъ вопросы, на которые хотѣлось бы обратить вниманіе заинтересованныхъ и свѣдущихъ людей и услышать необходимыя разъясненія. **Г.**

Замѣтка къ статьѣ «Малорусскіе домашніе лѣчебники 18 в.» (Кіевская Старина, 1890 г., книга I). Пересматривая названную статью и весьма любопытное къ ней приложеніе и зная хорошо, что для выясненія источника нашихъ старинныхъ лѣчебниковъ, какъ и всякихъ другихъ книгъ, служившихъ умственною пищею нашихъ предковъ, весьма нелишне приводить какъ можно болѣе однородныхъ явленій и примѣровъ изъ другихъ литературъ, особенно инославянскихъ, я счелъ нужнымъ сдѣлать къ вышеуказанной статьѣ нѣсколько, на мой взглядъ, довольно любопытныхъ прибавленій и сообщеній, которыя, быть можетъ, позволятъ расширить кругъ нашихъ историко-литературныхъ сближеній и сопоставленій.

Уже заранѣе можно предположить, что извѣстная близость нарѣчій другъ къ другу либо существованіе общаго книжнаго языка у разныхъ народовъ неизбѣжно должны содѣйствовать взаимному обмѣну ихъ литературныхъ произведеній и перенесенію тѣхъ или другихъ

явленій словесности часто на далекія пространства, сообразно, конечно, ихъ большей или меньшей внутренней цѣнности либо просто занимательности для читающаго круга. Латинскій и древне-церковно-славянскій языки были, какъ извѣстно, въ средніе вѣка главными, даже, можно сказать, почти единственными книжными языками, объединявшими народы: первый —романскіе и германскіе, 2—славянскіе (за исключеніемъ чеховъ и поляковъ). Вотъ почему эти два языка и были главными распространителями по Европѣ всевозможныхъ произведеній словесности, значительная часть которыхъ и доселѣ еще таится на днѣ народной массы, составляя теперь такъ называемую простонародную литературу, если не во всемъ ея объемѣ, то во всякомъ случаѣ представляя очень замѣтный процентъ ея. Это и было главною причиною того любопытнаго явленія, что въ средніе вѣка во всей Европѣ отъ Атлантическаго океана, и до Уральскихъ горъ, можно сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, господствовалъ почти одинъ и тотъ же составъ литературныхъ произведеній, обращавшихся среди массы читающаго люда, съ незначительными, конечно, исключеніями и измѣненіями по мѣстностямъ.

И эта бродящая литература состояла не изъ однихъ только, такъ сказать, беллетристическихъ произведеній, питавшихъ присущую человѣку потребность художественнаго чтенія (каковы, напр., сказанія о семи мудрецахъ, всякія Александреиды, Римскія дѣянія, повѣсть о Петрѣ Золотыхъ Ключахъ и Бовѣ королевичѣ): напротивъ значительная часть ея представляла изъ себя отдѣлъ научный (для насъ конечно, псевдонаучный, каковы всѣ эти «Астрологи», Бестіаріи, Луцидаріи, Зелейники (иначе Травники, Цвѣтники и Лѣчебники), Аристотелевы врата, и пр., удовлетворявшій не менѣе важной и сильной потребности знать. Если первыя произведенія, представлявшія собою область, до извѣстной степени соотвѣтствовавшую теперешней «изящной словесности» служили пищей для воображенія, то вторыя старались давать посильный отвѣтъ на запросы ума либо требованія повседневной дѣйствительности, домашняго обихода тогдашнихъ людей. Нѣтъ нужды разъяснять, что всякіе лѣчебники, гербаріи («былинаріи» чеховъ) и др. должны были имѣть особенно значительное распространеніе въ виду важности ихъ практическаго примѣненія: это и понятно, ибо они давали посильные совѣты въ вопросахъ здоровья, всегда занимающихъ первое мѣсто среди вопросовъ и заботъ человѣчества.

Занимаясь въ Бѣлградскомъ «Народномъ» книгохранилищѣ, я обратилъ вниманіе между прочимъ на одну любопытную книгу «Славено—сербскій магазинъ, то есть Собраніе разныхъ сочиненій и преводовъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ. Въ Венеціи 1768 г., въ типографіи Димитрія Ѳеодосіева». Книга эта, изданная извѣстнымъ въ свое время Орфелиномъ Захаріею, состоитъ изъ статей довольно разнообразнаго содержанія; такъ, напримѣръ, на ряду со статьею «мнѣніе преосвященнаго Ѳеофана Прокоповича, архіепископа Новгородскаго, каковымъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставляти въ Христіанскомъ Законѣ» въ ней помѣщена статейка совершенно иного рода, а именно: «Добродѣтели смоквы», гдѣ излагаются разныя почтенныя свойства смоквъ, или винныхъ ягодъ, полезныя при разныхъ болѣзняхъ. Вотъ эта то статейка и любопытна въ данномъ случаѣ, потому что совѣты, предлагаемые въ ней, въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти совершенно тожественны, и не только по существу, но даже часто по словесному выраженію, съ совѣтами, находящимися въ вышеуказанномъ «Врачебникѣ», помѣщенномъ въ «Кіевской Старинѣ». Сходство иногда до того поразительно, что невольно приводитъ къ мысли не только о возможности общаго источника этихъ двухъ книгъ, но даже о томъ, что или русская рукопись могла быть извѣстна въ Сербіи и послужить источникомъ свѣдѣній, заключающихся въ вышеупомянутомъ «Славено-сербскомъ магазинѣ», или же наоборотъ: сербская книга, попавши на Русь, могла доставить составителю южнорусскаго разношерстнаго «Врачебника» свѣдѣнія о лѣчебныхъ свойствахъ смоквы, какъ другія свѣдѣнія были заимствованы изъ другихъ источниковъ, восходящихъ, какъ замѣтилъ г. Потебня, къ XVII и даже (посредственно) къ XVI в. И то, и другое, въ виду существовавшаго тогда у русскихъ и сербовъ, можно сказать, литературнаго единства, одинаково возможно; слѣдуетъ только замѣтить, что русская книга въ то время была болѣе извѣстна въ Сербіи и проникала туда легче, чѣмъ сербская въ Россію...

Приведемъ выдержки изъ сербской статьи «Добродѣтели смоквы» и сопоставимъ ихъ съ соотвѣтствующими мѣстами южнорусскаго «Врачебника», чтобы читатель имѣлъ возможность самъ судить о замѣчательной близости этихъ двухъ источниковъ, даже, повторяю, въ языкѣ и слогѣ, а не только по содержанію. Конечно, о полной тожественности въ языкѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ и тогда, даже при существованіи у русскихъ и сербовъ общей книжной основы— древне-церковно-славянскаго языка — все же приходилось сербу под-

правлять нѣсколько языкъ русскихъ книгъ и статей, и наоборотъ, и особенно въ словарномъ отношеніи, что и естественно [1]).

Изъ «Врачебника».

1) Паки от каменнои болѣзни: По вся утра по три смокви, перцемъ *посипавши*, исти, также и жженою солью. *Хто* потолко-жъ смоквей по вся утра употребляетъ, тотъ худого воздуха и каменной болѣзни не боится, то к'то после того два или три ножевихъ *вострей* той же жженой соли особливо с'есть.

2) Паки от кашлю:

... нѣсколко смоквей положить въ крепкое *судно* и до них *насипати* сахару и, дополня крепкою *водкою* зажечь и *до тѣхъ мѣстъ* горѣла бъ, *пока* самая *стухнеть*, и того оставшогось сока рано и вечер по *ложки* принимать.

3) О грудной болѣзни и одишки:

Взять нѣсколко смоквей и в анисной албо в простой чистой *водѣ* настоять и *по вся ранки* по двѣ смокве исти.

4) От болячокъ и пухлинъ:

Взять сирую или испекти смокву и столко жъ до нея приложити печеноѣ *цибулѣ* и оное истолочь, прикладати на болячки, пухлину и всякіе вреди.

Изъ «Славеносербскаго магазина».

1) *Тко* (=кто) свакогъ (=всякого) утра двѣ или три смокве, *посуеше* жженомъ солью, будетъ ѣсти, тому не треба боятися каменной болѣзни и худогъ воздуха. Токмо послѣ того надобно два или три ножева *верха* упоменуте жжене соли особливо изѣсти.

2) Тко великій кашель има, нека (=пусть) метне у едну *чинію* (=чашу) или другій каковъ крѣпкій сосудъ смокве и на нихъ треба *насути* сахара, пакъ дополнити жестокомъ *ракіомъ* (=водка), зажжечи ю (=ее) и оставити, нека *дотълѣ* горитъ, докълѣ сама *угаситсе*, а потомъ оставшій сокъ утромъ и вечеромъ по едну *кашику* (=ложка) принимати.

3) Кому перси больны и одышка, или весьма влажанъ, тому надобно нѣколико смокви у анизовой *розоліи* или простой ракіи намочити и *свакогъ утра* по две смокве ѣсти.

4) Печена или сырова смоква съ толико печенымъ *лукомъ* смѣшана и истучена, кадъ се на сваку болячку, вредъ, отекъ и чирь поставитъ, одмах (=сразу) оное отеченое мѣсто умалява.

---

[1]) Въ печатаемыхъ выдержкахъ нѣкоторыя изъ такихъ словарныхъ различій отмѣчены курсивомъ.

5) На зубовъ боленьне: к тому жъ половину сирой или печеной смокви на болное мѣсто положить.	5) Отъ зубне болѣзни...., веземши половину печене или сырове смокве, положити *на болящее* мѣсто .....

Можно было бы еще увеличить количество примѣровъ (напр. «Въ родинахъ женамъ печоние смокви исти» во «Врачебникѣ» и «Печене смокве труждающимся у порожденію женамъ скорую къ освобожденію помощь даютъ» въ «Славеносербскомъ магазинѣ»); но, кажется, и вышеприведенныхъ достаточно для обосновки высказанныхъ нами мыслей. Въ настоящей замѣткѣ мы не беремся рѣшать вопросъ, чѣмъ объяснить вышеуказанное замѣчательное сходство русской и сербской статьи о смоквѣ: общимъ ли источникомъ обѣихъ или непосредственнымъ заимствованіемъ одной изъ другой. Мы только хотѣли, располагая подходящимъ матеріаломъ, привести его во всеобщее свѣдѣніе, авось либо и онъ принесетъ свою долю пользы кому нибудь изъ дальнѣйшихъ изслѣдователей.

А. Степовичъ.

Два документа для исторіи семейства Разумовскихъ. Первый изъ этихъ документовъ заключаетъ въ себѣ поданное императрицѣ Екатеринѣ эксъ-гетманомъ прошеніе объ утвержденіи акта, которымъ «малороссійское имѣніе» гр. Разумовскаго было имъ «записано» старшему его сыну гр. Алексѣю Разумовскому. Мы не знаемъ въ чемъ заключалась эта запись, но изъ отказа императрицы въ ея утвержденіи, полагать можно, что эксъ-гетманъ хотѣлъ малороссійскія свои имѣнія обратить въ майоратъ... Прошеніе гр. К. Разумовскаго печатаемъ съ подлинника, имѣющагося въ нашей б-кѣ.—Другой документъ составляетъ чью то замѣтку по поводу разсмотрѣнія Государственнымъ Совѣтомъ прошенія старшаго сына эксъ-гетмана, гр. Ал. К. Разумовскаго—о пожалованіи его воспитанникамъ Перовскимъ дворянскаго достоинства [1]). Къ этой любопытной замѣткѣ присоединяемъ и особое мнѣніе, поданное гр. С. П. Румянцевымъ при разсмотрѣніи означеннаго ходатайства въ Государственномъ Совѣтѣ. Приводимую замѣтку и «мнѣніе» мы встрѣтили въ одномъ сборникѣ всякаго рода бумагъ (silva rerum) конца XVIII—нач. XIX в.

А. Л.

---

[1]) О Перовскихъ см. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ, II, 112.

1) Всемилостивѣйшая государыня!

Безпредѣльною благодарностію къ щедротамъ вашего императорскаго величества побужденный на чистѣйшее желаніе оставить на вѣки въ отечествѣ и въ родѣ Разумовскихъ не поколебимый монументъ благодѣяній, изліянныхъ на меня ея императорскимъ величествомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государынею Елисаветъ Петровною и вашимъ императорскимъ величествомъ всемилостивѣйше утвержденныхъ, записалъ я старшему сыну моему графу Алексѣю Разумовскому малороссійское мое имѣніе. Таковое мое распоряженіе дерзаю при семъ представить предъ высокомонаршіе очи ваши, всеподданнѣйше прося вашего императорскаго величества, удостоить запечатлѣнія всевысочайшей конфирмаціи: да видятъ вину предъ собою роды родовъ моихъ великое и славное имя ваше изображенное на семъ памятникѣ матернею вашею милостію и благодѣяніями, да изыдетъ вѣщаніе ихъ въ позднѣйшее потомство мое, и сынове сыновъ моихъ возвѣстятъ щедроты ваши съ таковыми же чувствіями благодарности усердія и ревности, съ каковыми я всегда былъ безпредѣльно, и есмь непреложно до скончанія дней моихъ. Всемилостивѣйшая государиня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій графъ Кирила Разумовскій.

На этомъ прошеніи находится собственноручная гр. Разумовскаго надпись: «сіе писмо и записъ прідставлены были черезъ графа Безбородку ея величеству, но не угодно было конфирмовать».

2) «По вступившей въ Государственный Совѣтъ прозбѣ графа Разумовскаго, просившаго воспитанниковъ и воспытанницъ его Перовскихъ съ матерью ихъ утвердить въ дворянскомъ достоинствѣ и обѣщавшаго въ знакъ благодарности, для пользы общественной, знатныя пожертвованія: сто тысячь рублей, Государственный Совѣтъ судитъ въ минувшемъ году, что прошеніе графа Разумовскаго, достойно всемилостивѣйшаго соизволенія, но чтобъ въ указѣ о дворянствѣ Перовскихъ, не включать мать ихъ.

О таковомъ положеніи Государственнаго Совѣта графъ Разумовскій будучи увѣдомленъ, отъ предложеній своихъ на общую пользу отрекся, и Совѣтъ возвращается къ новому сужденію по сему предмѣту». Къ этому извѣстію присоединено слѣдующее: «мнѣніе графа Сергія Петровича Румянцова»:

Кто пріобыкъ къ человѣческимъ дѣяніямъ испытывать причины и предчувствовать послѣдствія тому не трудно заключить: 1-е), что

власть законодательная есть не иное что, какъ власть держать подданныхъ въ нравственности и правотѣ; что законы, не что иное суть, какъ объявленные къ тому правила, и можетъ ли законодательная власть, изъ уваженія къ деньгамъ, отойти отъ своего коренного начала? 2-е) Есть ли Совѣтъ, которому теперь стало извѣстно, что во подвигѣ графа Разумовскаго нѣтъ безкорыстной жертвы отечеству, будетъ домогаться у монарха въ пользу женщины, въ порокѣ по гражданскому закону, и въ слабости по общежитію погруженной, какой примѣръ укоренится въ сердца младости, когда силою избытка, пороки въ благовидное достоинство властію правительства облекаемы будутъ? Предположить теперь, что супруга графа Разумовскаго [1]), сама будучи крайне богата, свѣдавъ о сей прозбѣ, вздумаетъ въ помраченіе блистательной судьбы соперницы своей ..... выновницы, продолжительныхъ ея огорченій, пожертвовать на ..... пользу въ-двое противъ того приношенія, какое нынѣ во уваженіе пріемлется, и будетъ просить противнаго тому, чего нынѣ ..... супругъ ея. Въ какое странное положеніе поставила бы ..... и можно ли тогда безъ явной несправедливости ..... прозьбу невинной предъ закономъ и и предпочесть ..... своевольной страсти, ищетъ себѣ отли ..... [2]).

Къ «повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ». (Культурныя переживанія профес. Н. Ѳ. Сумцова. («Кіевск. Стар.» 90 г., № 2). Повѣрья малоросса объ «ужакѣ», сосущемъ корову, довольно разнообразны. Такъ, одни разсказываютъ, что это обыкновенный большой ужъ, живетъ онъ въ хатѣ, гдѣ-нибудь «пидъ прыпичкомъ». Когда дѣтямъ дадутъ молока, вылѣзаетъ и онъ, добиваясь къ мискѣ. Дѣти его прогоняютъ, бьютъ ложками по головѣ, но ужъ только пищитъ и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока ему не дадутъ напиться молока. Другіе говорятъ, что ужъ этотъ въ руку толщины и куцый, какъ бы обрубленный въ родѣ полѣна, съ большой круглой, какъ бы дѣтской, головой. Живетъ онъ на дворѣ и когда сосетъ корову—то обвивается вокругъ одной изъ ея заднихъ ногъ. Если такую, любимую ужемъ корову продать, за ней уходитъ и ужъ, предварительно свиснувъ оглушительнымъ образомъ. Кто этотъ свистъ услышитъ—то непремѣнно оглохнетъ. Наконецъ,—по словамъ третьихъ,—ужъ этотъ—

---

[1]) Графиня Варвара Петровна Шереметева.

[2]) Точками обозначены мѣста, истлѣвшія въ рукописи.

нѣчто четвероногое, въ родѣ кошки, покрытое, какъ и всякая гадина, «лустою», притомъ съ длиннымъ, какъ у ящерицы, хвостомъ и опять таки какъ бы съ дѣтскою головою. Живетъ онъ гдѣ нибудь въ гнонщѣ вблизи любимой коровы и когда не сосетъ ее, то спитъ. Корова, которую любитъ ужъ—всегда необычайно добротна и даетъ вдвое, а то и болѣе, молока. Если такого ужа убить, то издыхаетъ и корова, такъ какъ она любитъ его и скучаетъ по немъ сильнѣе нежели по теленкѣ.

Профес. Сумцовъ, говоря, что вѣрованія объ ужѣ, сосущемъ корову,—лишено всякаго реальнаго основанія, приводитъ наблюденія естествоиспытателей Линка и Ленца, изъ которыхъ видно, что ужъ не только не терпитъ молока, но не принимаетъ никакого и другаго питья.—А между тѣмъ въ обыденной крестьянской жизни нерѣдко находятъ ужей не только вблизи кувшиновъ съ молокомъ, но даже и въ самыхъ такихъ кувшинахъ. Въ поднѣпровьи екатеринославской губ., да, кажется, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, въ самомъ темномъ и прохладномъ углу сѣней, гдѣ нибудь за «дымаремъ»—устраивается небольшая въ 1—1½ кв. аршина крытая клѣтушка—молочникъ, такъ называемый здѣсь—*катухъ*. Земляной полъ такого катуха въ 1 или 2 четверти выбранъ и сюда въ лѣтнее жаркое время хозяйка прячетъ молоко, масло и другіе молочные продукты, чтобы имѣть ихъ всегда подъ рукою—«на похвати» и не лазить за ними часто въ погребъ. Въ послѣднее время такіе катухи стали въ крестьянскомъ хозяйствѣ выводиться, какъ говорятъ, оттого, что въ нихъ стали все чаще и чаще находить ужей и жабъ не только вблизи кувшиновъ съ молокомъ но и въ самихъ кувшинахъ.—«Отце—одчинешъ дверчата—дывысь—ажъ зъ глека така гадына на ликоть высыть!—Обипьеться тварюка, та такъ въ глеку и захлынется».—Изъ любви ли къ молоку, или случайно ужи попадаютъ въ кувшины, неизвѣстно, но легко можетъ быть, что подобныя находки и породили въ народѣ вѣрованіе въ «ужаку», не только любящаго готовое уже молоко, но и способнаго самостоятельно добыть его отъ коровы. Представленіе же о немъ, какъ о четвероногомъ—могло возникнуть изъ общаго вѣрованія о змѣяхъ, по которому—всякая гадина имѣетъ скрытыя ноги и выпускаетъ ихъ, только уходя отъ опасности. Ногъ этихъ никому не доставалось видѣть, но если бросить змѣю въ огонь то она ихъ покажетъ. Поэтому то ребятишки, найдя змѣю, стараются обложить ее огнемъ въ надеждѣ, что она, спасаясь, покажетъ имъ свои таинственныя ноги.

Ив. М—ра.

Свидѣтельство полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе «чести и доброй славы». «Року 1683, мѣсяця февруарія 28 дня. Я Василь Вовъкъ, житель диканскій, вѣдомо явъно чиню симъ урядовимъ писмомъ: поневажъ я, панове маестрате полтавскій, за допущениемъ бѣсовскимъ, викрочилъ былъ Якововм Гусакови, товаришови сотънѣ Иванининой козаковъ запорожскихъ, и то зъ подпилости зъ наважденія бѣсовского, а до того зъ запальчивости гнѣву, оному члонекъ ухо зубами откусилъ и зъ суду вашего врядового ведле наказаного декърету по дѣлу статуту права, въ роздѣлу первонадцать написанного, артикулу двадцать семого, повиненъ еднати поколь змогу, а що болша, абы Яковъ отъ товариства войска запорожского безъчестия и наруганія и въ потомние часи не поносивъ, видайте писмо ему Якову отъ уряду полтавскаго. Теди мы врядъ мѣский полтавский, видячи склонность и помѣрковане межи оними сторонами, видаемъ сие писмо врядовое презъ виступокъ Василевъ Вовковъ Гусакови Яковови для имовѣрности, бы оному такъ на самомъ славномъ Запорожу, яко на поляхъ и где колвекъ въ станехъ козацкихъ, нагани на честь и доброй славѣ его ненарѣкано, але і овшемъ при стародавной братерской любвѣ, яко зацного товариша, ховано, нащо для лѣпшой вѣри и певности, видаемъ сие писмо съ подписомъ именъ нашихъ. Дѣялось въ Полтавѣ, въ дому судовомъ, предо мною Тимошемъ Кгаефскимъ, полковникомъ наказнимъ, Филипомъ Остаповичомъ, судею наказнимъ, Ивана Красноперича, атамана городового, Максима Петровича, войта, Максима Павловича, бурмистра и при многомъ значномъ товариству Иванина, сотънина товариства войска запорожского, Миска Брижахи, Грицка Мовчаненка, Матѣя, писара куреня Щербинина, Ивана Шуги, Петрика Васюрина куреня и многихъ на тотъ часъ вѣри годнихъ персонъ туехмо (?) и на потомние часи велѣли въ книги мѣские полтавские вписать що и есть вписано, року и дня вишмененного дѣялося въ Полтавѣ». (Изъ «Книгъ мѣскихъ полтавскихъ», наход. въ собраніи В. В. Тарновскаго).

Универсалъ Гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ [1]. Приводимый нами ниже универсалъ гетмана Разумовскаго касается порядка избранія сотниковъ и данъ имъ черниговскому полковнику Божичу вскорѣ по занятіи Разумовскимъ гетманскаго уряда

[1]) № 3405 южно-русскаго архива, при харьковскомъ университетѣ состоящаго.

(1751 г.) и возстановленіи Елизаветой Петровной всѣхъ малороссійскихъ правъ и вольностей. Изъ текста этого замѣчательнаго, на нашъ взглядъ, приказа интересующійся читатель увидитъ, что права и вольности малороссійскія, подтвержденныя Елизаветой Петровной на томъ основаніи, какъ то было при Б. Хмельницкомъ, въ сущности весьма измѣнились, а иныя и, при томъ важныя, намѣренно забывались, такъ что о фактическомъ, а не мнимомъ, бумажномъ возстановленіи ихъ приходилось заботиться самому гетману.

Таковъ, напримѣръ, сообщаемый нами случай, когда гетманъ, вслѣдствіе непорядковъ и злоупотребленій, обнаружившихся при избраніи сотника въ бѣлоусскую сотню, принужденъ былъ указать черниговскому полковнику истинный порядокъ избранія старшинъ и разъяснить ему, гдѣ кончаются его и начинаются козацкія права и дѣйствіе ихъ народныхъ обычаевъ.

Разъясненіе, сдѣланное Божичу, слѣдуетъ считать далеко не лишнимъ: изъ имѣющихся въ приказѣ Разумовскаго данныхъ о злоупотребленіяхъ при выборѣ сотника въ бѣлоусскую сотню видно, что въ порядкахъ избранія старшинъ замѣчались большіе, сравнительно съ стариной, недостатки. Вмѣсто избранія начальниковъ «вольными голосами» на открытой козацкой радѣ въ жизнь успѣлъ проникнуть совершенно другой бюрократическій принципъ—назначенія на вакантныя должности по представленіямъ и протекціи начальства, при чемъ, такъ какъ полковникъ въ своемъ полку занималъ наиболѣе вліятельное положеніе, то и роль его при распредѣленіи урядовъ была самая выдающаяся.

Изъ сообщаемаго примѣра полковника Божича усматривается, что къ половинѣ 18 вѣка власть полковника настолько расширилась, а козацкія права, оберегающія народныя гарантіи, настолько съузились, что вмѣсто избранія сотника вольными голосами всей сотни п. Божичъ представлялъ къ этой должности, по личному своему усмотрѣнію, нѣкоего Ярошевича, а дѣйствительные выборы совершенно игнорировалъ и даже о существованіи ихъ не доносилъ гетману, хотя на нихъ и были избраны, согласно обычаю, три кандидата.

Противъ этого злоупотребленія и направленъ былъ приказъ гетмана нижеслѣдующаго содержанія:

Графъ Кириллъ Разумовскій, Гетманъ и Кавалеръ.

Полковнику Черниговскому Господину Божичу.

Изшедшаго августа 28-го дня присланнымъ къ намъ доношеніемъ рекомендовали вы для произвожденія въ вакансовую бѣлоускую

сотню настоящимъ сотникомъ Ивана Ярошевича у правленія той сотни имѣючагося, при чем и прошеніе за руками нѣсколькихъ человѣкъ козаковъ тамошней сотни, желающихъ его, Ярошевича, приложили: А той бѣлоуской сотни сотенная старшина съ многимъ числом козаковъ, поданнимъ намъ прошеніемъ представляли, что оны на мѣсто лишеннаго вовсе сотничего чина Малѣйскаго, по указу полковой черниговской канцеляріи, при харунжомъ полковомъ черниговскомъ Комаровскомъ, избрали обще въ тую сотню бѣлоускую на вакансовое мѣсто въ сотники зъ достойныхъ людей кандидатовъ, 3-хъ человѣкъ, значковыхъ товарищей Красовскаго, абшитованнаго хорунжого полковогo сына Григорія Товстолѣса и одного зъ сотенной тамошней старшины, на которыхъ и выборы зъ подписомъ всѣхъ ихъ въ полковую черниговскую канцелярію подали; токмо де по оному въ оной полковой канцеляріи ничего не воспослѣдовало, о чемъ особливо и помянутый значковой товарищъ Красовскій представляя, просилъ себѣ опредѣленія въ тотъ сотничій чинъ: и понеже по таковымъ представленіямъ несогласнымъ, опредѣленія крайнего учинить невозможно о томъ, а по прежнему войсковому обыкновенію въ чины сотничіе выбираемы были вольными голосы люди заслуженіе и въ вѣрности неподозрительніе и за аттестатомъ полковника, полковой старшины и сотниковъ представляны къ гетману для опредѣленія: того ради повелѣваемъ вамъ по прежнему войсковому обыкновенію велѣть въ сотнѣ той бѣлоуской выбрать вольными голосы изъ людей заслуженныхъ и неподозрительныхъ въ вѣрности кандидатовъ 2-хъ или 3-хъ человѣкъ представить вамъ, а вы, собравъ полковую старшину и сотниковъ, обще всѣхъ оныхъ кандидатовъ при своемъ засвидѣтельствованіи о всякаго кандидата службѣ и достоинствѣ для крайнего опредѣленія имѣете къ намъ прислать, да и впредь на вакансовыя мѣста в старшину полковую и сотенную поступать по вышеписанному.

А что вы въ донесеніи своемъ отъ 28 августа писанномъ, представляя о непорядочномъ якобы безъ вѣдома вашего и старшины учиненія выборовъ оной бѣлоуской сотни и сотенной старшины и козаки на помянутаго значковаго товарища Красовскаго и что они безъ дозволенія сюда уѣхали просите объ уничтоженіи тѣхъ выборовъ и о присылкѣ ихъ съ товарищи обратно къ вамъ и за обиду вам нанесенную учинено бъ по надлежащему? То понеже оной бѣлоуской сотни сотняне въ челобитьи и прошеніи, намъ поданныхъ, представили яко съ сего паче резону принуждены тѣ старшина сотенная и козаки уѣхать сюда, что за подачею еще въ 1750 г. въ полковую

черниговскую канцелярію тѣхъ учиненныхъ по указу оной же полковой канцеляріи выборовъ тамо ничего къ пользе ихъ и чрезъ долгое время не послѣдовало, для того за сіе имъ непорядки приписывать и въ вину того ставить, слѣдовательно жъ и штрафовать ихъ, не доводится.

Изъ Глухова сентября 6-го 1751 году.

Гетман графъ Кириллъ Разумовскій.

Вышеприведенный приказъ (универсалъ) гетмана былъ сообщенъ черниговской п. канцеляріи, а затѣмъ бѣлоусской сотнѣ и сотняне выбрали себѣ «вольными голосы» 3-хъ кандидатовъ. Выборы произошли, какъ видно изъ имѣющейся переписки, слѣдующимъ образомъ: сотенная бѣлоусская старшина съ атаманами и знатными козаками собралась въ черниговскую полковую канцелярію, гдѣ имъ былъ снова прочитанъ универсалъ гетмана, а затѣмъ изъ «заслуженныхъ и въ вѣрности неподозрительныхъ и свою осѣдлость имѣющихъ значковыхъ товарищей» были избраны трое: Яковъ Красовскій, Григорій Товстолѣсъ и войсковой канцеляристъ Г. Дубовикъ. Имена избранныхъ кандидатовъ вмѣстѣ съ прошеніемъ избирателей были представлены въ полковую канцелярію для передачи гетману и утвержденія одного изъ кандидатовъ. На прошеніи подписалось до 30 человѣкъ старшинъ и козаковъ; незначительное число подписей объясняется тѣмъ, что около половины этого числа подписей дано было въ пользу упоминавшагося Ярошевича, исправлявшаго уже временно въ теченіи 2-хъ лѣтъ обязанности сотника. Объ утвержденіи себя на сотничьемъ урядѣ просилъ черн. полк. канцелярію и самъ Ярошевичъ, ссылаясь на свою 2-хъ лѣтнюю усердную службу. Съ именами кандидатовъ гетману были представлены и формулярные списки о службѣ каждаго изъ нихъ; кто-же былъ утвержденъ гетманомъ, намъ осталось неизвѣстнымъ.

Сообщилъ **Ив. В. Теличенко.**

Полковникъ прилуцкій Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій Стороженки.

(КЪ ПОРТРЕТАМЪ).

Прилагая къ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины" фототипическій снимокъ съ портрета Ивана Стороженка, полковника прилуцкаго конца XVII вѣка, редакція предполагаетъ помѣстить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ снимокъ съ портрета его внука, бунчуковаго товарища Григорія Андреевича Стороженка.

Подлинники этихъ портретовъ сохранялись до недавняго времени у одного изъ потомковъ прилуцкаго полковника, землевладѣльца Михаила Павловича Стороженка, въ с. Ржавцѣ прилуцкаго уѣзда, и погибли во время пожара. Копіи имѣются у профессора Николая Ильича Стороженка въ д. Мармизовкѣ лохвицкаго уѣзда и у Владиміра Андреевича Стороженка въ с. Великой Кручѣ пирятинскаго уѣзда; теперь же сдѣланы еще копіи съ мармизовскихъ портретовъ для коллекціи Василія Васильевича Тарновскаго.

Прилуцкій полковникъ Иванъ Стороженко изображенъ въ преклонномъ возрастѣ. На столѣ стоятъ Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ. Одѣтъ онъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ полковничью булаву. Внизу надпись: „року Божого ҂аѯчг (1693) [1]) февруарія ѳі (15) преставился рабъ

[1]) ѯ (60) поставлено по ошибкѣ вмѣсто х (600).

Божій Іоанъ Стороженко, полковникъ в. и. ц. п. в. з. прилуцкій".

Портретъ бунчуковаго товарища Григорія Стороженка представляетъ его молодымъ представительнымъ брюнетомъ. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ; на плечи накинутъ синій плащъ, подбитый мѣхомъ; возлѣ, на креслѣ, лежитъ высокая мѣховая шапка съ султаномъ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу портрета изображенъ гербъ Стороженковъ: золотой крестъ на красномъ полѣ, съ полумѣсяцемъ внизу, короной на верху, двумя лавровыми вѣточками по бокамъ; стоящія по сторонамъ буквы означаютъ „Григорій Стороженко, сотникъ иченскій". Подъ изображеніемъ герба подписаны слѣдующіе стихи:

„Луна въ нощи свѣтитъ, волкъ туне блудитъ зрящъ,
Креста Христова вѣрнымъ свѣтъ есть въ нощи и во дни свѣтящъ;
Григорій Стороженко, мужъ сей знаменитый,
Имѣлъ тѣ въ гербѣ своемъ знаки родовиты:
Безвредно убо ему за сими свѣтилы
Шествовать въ небеснаго отчества предѣлы".

Первыя отрывочныя извѣстія о родѣ дворянъ Стороженковъ относятся къ XVII вѣку.

Въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани сохранилось письмо Андрея Стороженка, старшаго полковника войска запорожскаго, къ извѣстному литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, отъ 30 мая 1610 г., изъ обоза подъ Почепомъ, которымъ онъ увѣдомляетъ Сапѣгу о движеніи съ почти пятнадцати-тысячнымъ отрядомъ козаковъ къ Смоленску и проситъ выяснить вопросъ о жалованьи. Запорожцы двигались на помощь польскому королю Сигизмунду, осаждавшему съ осени 1609 г. Смоленскъ.

Въ 1647—49 гг. тульчинскимъ сотникомъ въ брацлавскомъ полку былъ Михайло Стороженко. Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ, чтобы опредѣлить, какъ онъ приходился Андрею Стороженку. Въ числѣ реестровыхъ козаковъ въ томъ же брацлавскомъ полку, въ сотнѣ яланцской, стоитъ имя Яцька (Якова) Стороженка.

Въ эпоху „руины" мы не встрѣчаемъ уже Стороженковъ среди козачьей старшины правобережной Украины, вмѣсто этого въ 70-хъ годахъ XVII вѣка является сотникомъ иченскимъ въ

прилуцкомъ полку Иванъ Стороженко, переселившійся на лѣвый берегъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Будучи „паномъ" сотникомъ, онъ обзавелся хуторомъ подъ с. Ржавцемъ въ нынѣшнемъ прилуцкомъ уѣздѣ, а когда въ 1686 г. онъ сдѣлался прилуцкимъ полковникомъ, то еще съ большимъ успѣхомъ сталъ округлять свое состояніе: отъ 1688—89 гг. сохранился рядъ купчихъ, совершенныхъ имъ на земли и угодья около мѣстечка Ични и с. Ржавца и на грунты въ г. Прилукѣ. О дѣятельности Ивана Стороженка, въ бытность его прилуцкимъ полковникомъ, сохранилось лишь слѣдующее свѣдѣніе: въ срединѣ февраля 1690 г. Мазепа приказалъ извѣстному охочекомонному полковнику Ильѣ Ѳедоровичу Новицкому идти къ Днѣпру противъ татаръ, направлявшихся къ Ингульцу, въ помощь ему онъ послалъ лубенскаго полковника Леонтія Свѣчку и прилуцкаго Ивана Стороженка и предписывалъ имъ всѣмъ вмѣстѣ немедленно гнать татаръ, а въ случаѣ невозможности настигнуть ихъ, сдѣлать набѣгъ до Кизикерменя (Берислава). Въ награду за военные подвиги Мазепа далъ прилуцкому полковнику, по универсалу отъ 22 іюня 1690 г., с. Ржавецъ и мельницу подъ мѣст. Иваницею. Черезъ три года, 15 февраля 1693 г., Иванъ Стороженко умеръ въ полковничьемъ званіи.

Имя жены его — Марія, но кто она была по отцу неизвѣстно. Оставшись вдовою, она выхлопотала у Мазепы подтвержденія на владѣніе с. Ржавцемъ и другими, подаренными ея покойному мужу, земельными имуществами.

У нихъ былъ сынъ Андрей, оставшійся послѣ отца „маючимъ способность до службы войсковой". Въ 1703 г. мы видимъ Андрея Ивановича сотникомъ иченскимъ. Онъ значительно увеличилъ свое состояніе. Достигъ онъ этого, отчасти скупая мелкіе земельные участки и угодья у козаковъ иченской сотни, отчасти получая награды за службу. Путемъ купли Андрей Ивановичъ пріобрѣлъ 24 іюня 1703 г. отъ ржавскихъ козаковъ Полуяненокъ ставокъ у с. Ржавца за 20 злотыхъ, въ 1706 г. отъ ржавскаго козака Тимоша Павленка лѣсъ за 20 таляровъ, въ 1710 г. отъ козачки Костихи лѣсъ подъ м. Ичней за 200 злотыхъ. Судя по универсалу гетмана Ивана Скоропадскаго, отъ 5 февраля

1709 г., кромѣ с. Ржавца, Андрей Ивановичъ владѣлъ еще с. Томашовкой и с. Ступаковкой. Женатъ онъ былъ на Матронѣ Гнилозубъ, отецъ которой, будучи полковымъ асауломъ въ охочекомонномъ полку Пашковскаго, былъ убитъ во время осады Чигирина турками лѣтомъ 1678 г., и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей—Григорія и Ивана.

Старшій внукъ прилуцкаго полковника, Григорій Андреевичъ, былъ, видно, способнымъ, дѣльнымъ и образованнымъ человѣкомъ, а потому жизненная дѣятельность его была въ высшей степени разнообразна. Съ молодыхъ лѣтъ онъ отправлялъ войсковую службу, а въ 1715 г., когда умеръ отецъ, онъ былъ выбранъ иченскимъ сотникомъ. Лѣтомъ 1722 г. Григорій Андреевичъ участвовалъ въ походѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ къ Дербенту (въ нынѣшней дагестанской области), съ самимъ императоромъ Петромъ Великимъ во главѣ, и присутствовалъ при закладкѣ крѣпости св. Креста на р. Сулакѣ. По возвращеніи изъ похода подъ Дербентъ, онъ былъ посланъ отъ всего малороссійскаго корпуса (10,000 козаковъ подъ начальствомъ миргородскаго полковника Апостола), стоявшаго по р. Сулаку, къ императору въ Астрахань съ прошеніемъ о „нуждахъ войсковыхъ походныхъ малороссійскихъ“. Изъ Астрахани, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Москву въ правительствующій сенатъ и оттуда привезъ въ войсковую генеральную канцелярію „милостивѣйшую грамоту“, которая, видно, не улучшила положенія козаковъ, такъ какъ Апостолъ привелъ своихъ козаковъ отъ границъ Персіи „изсохшими и близкими къ египетскимъ муміямъ“. Вернувшись въ Украину, Григорій Андреевичъ состоялъ въ разныхъ коммиссіяхъ при генеральной канцеляріи.

1 октября 1727 г., одновременно съ избраніемъ въ гетманы Даніила Апостола, состоялось избраніе генеральной старшины и Григорій Андреевичъ былъ выбранъ генеральнымъ бунчучнымъ. 9 октября онъ вмѣстѣ съ другими былъ посланъ въ Петербургъ къ императору Петру II съ извѣщеніемъ объ избраніи новаго гетмана. Посланники прибыли въ Петербургъ 22 ноября, получили высочайшую аудіенцію и были отпущены съ богатыми по-

дарками—21 января 1728 г. Яковъ Марковичъ видѣлъ ихъ уже въ Москвѣ на обѣдѣ у гетманича Петра Апостола. Возвратившись на родину, Григорій Андреевичъ исполнялъ должность генеральнаго бунчучнаго, состоялъ членомъ генеральнаго суда и и принималъ „челобитческія прошенія" на высочайшее имя.

Въ февралѣ 1728 г. происходила коронація Петра II въ Москвѣ. Гетманъ Даніилъ Апостолъ присутствовалъ на ней и предложилъ на высочайшее разсмотрѣніе проектъ управленія Малороссіи. Гетманскія статьи были утверждены. Получивши жалованную императорскую грамоту, гетманъ приказалъ прочитать ее въ Глуховѣ послѣ соборнаго молебствія о государевомъ здравіи, а затѣмъ разослать копіи съ нея во всѣ полки. Грамота произвела самое отрадное впечатлѣніе во всей Гетманщинѣ, такъ что вскорѣ поступили ото всѣхъ полковъ благодарственныя челобитныя за многочисленными подписями. Чтобы представить императору эти челобитныя и, сверхъ того, выразить устно благодарность малороссійскаго народа за оказанныя милости, гетманъ снарядилъ вновь посольство къ царю въ декабрѣ 1728 г.: во главѣ посольства былъ поставленъ уже хорошо знакомый съ Москвой и Петербургомъ Григорій Андреевичъ, въ товарищи ему были назначены бунчуковые товарищи Степанъ Миклашевскій и Григорій Гамалѣя, да еще глуховскій атаманъ Ѳедоръ Емельяновъ. 22-го декабря посланники были милостиво приняты императоромъ и задержаны для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по управленію Малороссіей; только 18 марта получили они царскую грамоту къ гетману, съ выраженіемъ благодарности за высказанныя въ челобитныхъ чувства, и, щедро одаренные, отпущены на родину. 14 апрѣля посланники прибыли въ Глуховъ и вручили гетману грамоту, копіи съ которой и были разосланы во всѣ полки 20 апрѣля.

Въ виду постоянныхъ командировокъ Стороженка ко двору и продолжительныхъ пребываній въ столицѣ, верховный тайный совѣтъ, перемѣняя 3-го января 1729 г. всю генеральную старшину, назначилъ генеральнымъ бунчучнымъ Ивана Борозду.

Вернувшись изъ Глухова въ Ичню, Григорій Андреевичъ занялся разрѣшеніемъ земельныхъ споровъ между козаками м.

Ични и с. Рожновки. По его просьбѣ гетманъ выслалъ бунчукового товарища Кирилла Троцкаго и войсковаго канцеляриста Павла Лабинскаго для проведенія грани между землями ичен-скихъ и рожновскихъ жителей, а 2-го сентября 1729 г. под-твердилъ сдѣланное разграниченіе универсаломъ. Слѣдующіе два года Стороженко проживалъ преимущественно въ Ичнѣ, а въ 1732 г. былъ опредѣленъ вновь кандидатомъ къ генеральному бунчучному.

Когда, по смерти гетмана Даніила Апостола, до избранія новаго гетмана, по указу императрицы Анны Іоанновны, отъ 31 января 1734 г., было устроено правленіе изъ шести членовъ, съ княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Шаховскимъ во главѣ, то, по опредѣленію послѣдняго, Стороженку было поручено заняться новымъ распредѣленіемъ „окладовъ и порціоновъ" коммиссарамъ, а также разными слѣдствіями. Едва онъ успѣлъ справиться съ возложенными на него порученіями, какъ былъ назначенъ высочайшимъ указомъ въ учрежденную въ Москвѣ коммиссію для составленія свода малороссійскихъ законовъ („книгъ прав-ныхъ") и въ первыхъ числахъ января 1735 г. отправился въ Москву для присутствованія въ коммиссіи, гдѣ и пробылъ полтора года. Результатомъ дѣятельности этой коммиссіи и были „права по которымъ судился малороссійскій народъ", разработанныя при самыхъ неблагопріятныхъ зачастую усло-віяхъ. Освободившись отъ кодификаціонной коммиссіи, Сторо-женко былъ неоднократно посылаемъ отъ генеральной канцеляріи для предсѣдательствованія въ различныхъ коммиссіяхъ при полкахъ, такъ что приходилось по долгу отсутствовать изъ дому—одно размежеваніе земель между „ландмилицкими" орель-скими (р. Орель между нынѣшними полтавской и екатеринослав-ской губерніями) полками и городскими заняло два мѣсяца. Возвратившись къ себѣ въ Ичню, онъ не долго отдыхалъ дома: вскорѣ былъ полученъ изъ генеральной канцеляріи указъ, которымъ онъ призывался въ Глуховъ для занятій снова въ коммиссіи для свода „книгъ правныхъ". Въ перерывѣ кодифи-каціонныхъ трудовъ, по случаю смерти императрицы Анны Іоанновны, онъ былъ посланъ въ Лубны для привода лубенскаго

полка къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Съ 1737 г. по 1742 і. Стороженко, получивъ званіе бунчуковаго товарища, исполнялъ должность сначала генеральнаго судьи, а потомъ генеральнаго подскарбія.

Григорій Андреевичъ былъ очевидно нестяжателенъ, такъ какъ, несмотря на свое высокое служебное положеніе, продолжая владѣть унаслѣдованными с. Ржавцомъ, д. Томашовкой, д. Ступаковкой и д. Лучковкой, онъ представилъ въ прилуцкую полковую канцелярію 9-го мая 1744 г. реестръ купчихъ лишь на 39 грунтовъ въ м. Ичнѣ. По ревизіи 1730 г. въ принадлежавшихъ Стороженку деревняхъ было 264 двора посполитыхъ.

Григорій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ бунчуковаго товарища Кулябки, Евдокіи, урожденной Лизогубъ, и имѣлъ отъ нея четырехъ сыновей: Андрея, Петра, Степана и Даніила.

Въ виду разнообразной дѣятельности Григорія Андреевича, можно надѣяться, что, при дальнѣйшей разработкѣ археографическаго матеріала для исторіи Малороссіи, его личность можетъ быть болѣе выяснена.

Н. Стороженко.

Библіографія.

A. Szarłowski. Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historicznym i geograficzno-statystycznym (Станиславовъ и станиславовскій повѣтъ въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніи). Stanisławów, 1887. (Стр. 355. Съ планомъ города и картой повѣта).

Перу г. Шарловскаго, учителя станиславовской и.-к. гимназіи, принадлежитъ монографія о Станиславовѣ въ извѣстномъ варшавскомъ изданіи «*Słownik geograficzny*», составленная въ 1881 году. Настоящая книга явилась плодомъ дальнѣйшихъ весьма добросовѣстныхъ изысканій автора въ той же области. Несомнѣнныя достоинства книги заставляютъ насъ подѣлиться съ читателями ея богатымъ и разностороннимъ содержаніемъ хоть въ краткомъ и нѣсколько запоздавшемъ очеркѣ.

Галицкій повѣтовый городъ Станиславовъ по населенію занимаетъ восьмое мѣсто въ ряду другихъ городовъ края и не игралъ выдающейся роли въ исторіи сперва польскаго, затѣмъ австрійскаго отечествъ. Тѣмъ не менѣе, въ его немногосложной исторіи, какъ въ зеркалѣ, отразились всѣ тѣ теченія, которыми характеризуется бытъ Галичины, съ ея преобладающимъ русскимъ населеніемъ, со второй половины XVII вѣка. Нельзя не привѣтствовать появленіе время отъ времени монографій, подобныхъ новому труду г. Шарловскаго. Авторъ съ великимъ тщаніемъ и любовью къ предмету собралъ все, что могъ найти въ изданныхъ матеріалахъ и мѣстныхъ архивахъ для своего очерка, изложилъ вопросъ въ живой и привлекательной формѣ; не ограничиваясь сухими историческими справками, онъ внесъ въ свое изложеніе статистическій и частью этнографическій матеріалъ и далъ книгу, которая принесетъ пользу всякому интересующемуся жизнью русскаго люда въ предѣлахъ австрійской монархіи

Первая часть монографіи (стр. 13—260) посвящена исторіи и современному быту Станиславова, вторая—очерку станиславовскаго повѣта (стр. 261—355); здѣсь указаны, между прочимъ, мѣстности, заслуживающія вниманія въ историческомъ или археологическомъ отношеніи, каковы напр. Галичъ, Крылосъ, Медуха, Угорники и др. Какъ на личную заслугу автора должно указать на его изысканія въ городскомъ архивѣ, обнаружившія нѣсколько весьма любопытныхъ данныхъ для статистики населенія и финансовой исторіи Станиславова.

Станиславовскій повѣтъ Галичины занимаетъ западный уголъ т. наз. Покутья, входившаго нѣкогда въ предѣлы монархіи Даніила Галицкаго. Древнѣйшія поселенія этого пограничья группировались вдоль теченія Днѣстра и тянули къ Галичу, какъ къ своему политическому, религіозному и промышленному центру. Должно думать, что эпоха присоединенія Галичины къ Польшѣ, безпрерывныя столкновенія съ молдаванами, набѣги татаръ, наконецъ, извѣстное хозяйничанье польской шляхты въ XV и XVI вѣкѣ явились факторами крайне неблагопріятными для спокойнаго развитія края, который оставался въ ту эпоху малозаселеннымъ. Экономическій переворотъ, произведенный въ Галичинѣ благодаря измѣненію торговыхъ путей въ XV в., ослабилъ мѣстную торговлю, и стольный городъ Галичъ уже не въ силахъ былъ подняться изъ своего упадка.

Съ ослабленіемъ опустошительныхъ татарскихъ набѣговъ колонизація края постепенно возрастаетъ, и для владѣльцевъ большей части Покутья Потоцкихъ было не безвыгоднымъ дѣломъ создать въ своихъ поистинѣ царскихъ владѣніяхъ городской центръ, который, съ одной стороны, служилъ-бы для защиты края, съ другой—стагивалъ бы въ одинъ фокусъ экономическія силы населенія и поднялъ бы платежныя средства послѣдняго. Такимъ именно фокусомъ былъ городъ Станиславовъ, возникшій *e cruda radice* по мысли одного изъ Потоцкихъ около половины XVII в., на мѣстѣ незначительнаго сельца Заболотья,—кстати же невдалекѣ тянулась торговая дорога изъ Молдавіи ко Львову, на соединеніе съ чернымъ и кучманскимъ шляхомъ. Если припомнить, что въ началѣ XVII вѣка каменецкій каштелянъ, впослѣдствіи воевода брацлавскій Яковъ Потоцкій получилъ отъ Сигизмунда I всего два галицкихъ села, а въ послѣдней четверти столѣтія кіевскій воевода Юрій Потоцкій владѣетъ уже почти цѣлымъ Покутьемъ, Галичемъ, Бучачемъ, Подгайцами, то возникновеніе новаго центра городской жизни дѣлается понятнымъ. До

начала XIX в. городъ остается въ частномъ владѣніи Потоцкихъ. Что же сдѣлали они для благосостоянія своего города?

Потоцкими были примѣнены средства обычныя въ ту пору. Уже въ 1662 г. Станиславовъ получаетъ магдебургское право, представлявшее мѣщанамъ извѣстныя вольности въ экономическомъ и правовомъ обиходѣ, подъ надзоромъ помѣщика. Послѣ взятія турками Каменца въ Станиславовъ являются трудолюбивые промышленники и искусные торговцы-армяне съ своихъ духовенствомъ, получаютъ свою особую магдебургію и устраиваютъ, на ряду съ русско-польскимъ, свой городовой урядъ. Это переселеніе много содѣйствуетъ развитію промышленности и торговли въ городѣ. Помѣщикъ объявляетъ поселенцамъ т. н. «свободу» на 20 лѣтъ,—обычный способъ привлеченія колонистовъ. Возникаютъ армянскіе и русско-польскіе ремесленные цехи. Армяне привлекаются также изъ Венгріи и Молдавіи, евреи также находятъ радушный пріемъ у Юрія Потоцкаго. Уже въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII в. городскіе доходы обыкновенно поступаютъ въ откупъ евреямъ,—нужно думать, что финансовое хозяйство общины было не въ блестящемъ положеніи. Русскіе, поляки, армяне, евреи имѣютъ возможность устраивать свои отдѣльные храмы свободно. Воздвигается ратуша, крѣпость, въ 1685 г. въ городѣ уже имѣется госпиталь. При католической церкви учреждается училище-академія, но уже въ началѣ 18 в. учебное дѣло переходитъ въ руки іезуитовъ, принятыхъ Іосифомъ Потоцкимъ и его женою съ распростертыми объятіями: вмѣсто академической школы учреждается іезуитскій коллегіумъ съ преподаваніемъ теологіи, философіи и грамматики въ разныхъ формахъ и видахъ. При коллегіумѣ учреждается религіозное братство учениковъ, число которыхъ доходитъ во второй половинѣ 18 в. до 400.

Промышленнымъ ростомъ своимъ городъ обязанъ былъ конечно труду самихъ мѣщанъ, но 18 в. былъ тяжкимъ временемъ для спокойнаго развитія общины. Уже въ началѣ 18 столѣтія Сѣнинскій, принадлежавшій къ т. наз. русской партіи, опустошаетъ Станиславовъ, сюда является русскій гарнизонъ, городской урядъ дезорганизуется, жители разбѣгаются во всѣ стороны. Въ 1739 году новая осада, въ 1764 году въ городѣ снова чужой гарнизонъ. Эпоха барской конфедераціи, безпрестанныя военныя тревоги, движенія опрышковъ, энергическій притокъ еврейскаго населенія тяжело отражаются на благосостояніи города, прежніе жители котораго бредутъ врозь, не

исключая армянъ. Торговля переходитъ въ руки евреевъ,—армяне переходятъ въ села и занимаются скотоводствомъ.

Австрійское занятіе съ 1772 г. сказывается умаленіемъ городскихъ вольностей, но любопытно, что городской урядъ, именовавшійся прежде польскимъ, теперь уже именуется руско-польскимъ. У города окончательно отнята прежняя юрисдикція съ правомъ жизни и смерти, и не безъ пользы, если припомнить, что станиславовскій судъ еще въ 1719 г. осудилъ чародѣйку на сожженіе, а въ 1754 г. трижды поднималъ на дыбу опрышка Васыля Баюрака и затѣмъ трижды припекалъ его свѣчами, по шесть свѣчъ съ обоихъ боковъ, требуя дальнѣйшихъ признаній, которыхъ Баюракъ очевидно не могъ дать, добровольно разсказавши до пытки все извѣстное ему объ Олексѣ Довбощукѣ. Права помѣщика Потоцкаго также подверглись умаленію—за нимъ оставлено полученіе доходовъ. Монастыри іезуитовъ и тринитаріевъ уничтожены, хотя преподаваніе въ коллегіумѣ и оставалось еще нѣкоторое время въ рукахъ ех-іезуитовъ. Іезуитскій костелъ превращенъ въ гимназію. Новый порядокъ сопровождался насажденіемъ множества властей, согласно правиламъ государственной мудрости того времени, но не лишено интереса, что при гражданскомъ судѣ въ 1786 г. установлены особые ассесоры для защиты интересовъ сельскихъ общинъ. Въ 1784 г. учреждена нормальная трехклассная школа, преподаваніе въ гимназіи отошло отъ ех-іезуитовъ въ свѣтскія руки, а въ 1797 г. учреждена женская школа.

Послѣднимъ представителемъ вельможнаго рода, владѣвшаго Станиславовымъ, былъ Протасій Потоцкій, разорившійся основатель банка въ Варшавѣ. Станиславовскій ключъ проданъ съ молотка за 2 мил. зол., долговъ оказалось около $4^1/_2$ мил. и въ 1802 г. городъ перешелъ въ руки правительства. Замокъ Потоцкихъ былъ превращенъ въ военный госпиталь.

Г. Шарловскій весьма подробно и съ любовью описываетъ политическія дѣянія владѣльцевъ Станиславова и видимо стремится доказать, что городъ многимъ обязанъ роду Потоцкихъ. Въ этомъ отношеніи намъ кажется не лишеннымъ интереса сопоставленіе слѣдующихъ данныхъ изъ книги г. Шарловскаго. Въ 1793 г. въ Станиславовѣ, по исчисленію автора, было 5448 жителей или 908 семействъ. Общій доходъ съ города въ пользу помѣщика достигалъ 76,800 зл., а со всего станиславовскаго ключа—80,000 зл. п., или, по современному счету, около 80,000 гульденовъ. Доходъ же собственно города въ 1775 г. равнялся 1173 зл. п., расходъ—1295 зл. п. Въ 1884 г.

число жителей въ Станиславовѣ доходило уже до 20,000, и между тѣмъ городъ платилъ въ казну около 65 тыс. гульденовъ. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, Потоцкіе должны были сильно пещись о своемъ городѣ Станиславовѣ. Недурной иллюстраціей къ этимъ цифрамъ служитъ слѣдующее описаніе похоронъ владѣльца города Станислава Потоцкаго, отъ 1760 г. (стр. 133 сл.): «Похоронныя торжества продолжались нѣсколько недѣль съ необычайнымъ великолѣпіемъ, многочисленными поминальными рѣчами и панегириками оо. іезуитовъ, при великомъ стеченіи свѣтскихъ и духовныхъ пановъ со всей Польши. Собственно погребеніе тянулось четыре дня... По словамъ «Курьера Польскаго», на похоронахъ было 10 епископовъ и суффргановъ, 60 канониковъ, 1275 катол., 430 правосл. священниковъ; каноникамъ въ теченіи четырехдневныхъ похоронъ платили по 5 дукатовъ, нѣкоторымъ по 3 дуката, черезъ три дня еще по дукату; монастыри получили особые дары, а священники, кромѣ платы, также яства, вина, меды, пиво, водку, пряности и прочіе припасы, подъ особыми навѣсами. Обѣденные столы находились въ монастырскихъ столовыхъ, а въ замкѣ 12 столовъ; на одинъ обѣдъ расходовалось 20 бочекъ венгерскаго, 11 бургонскаго, шампанскаго и рейнскаго,—такъ тянулось 5 дней. Черезъ шесть дней началась пальба изъ 120 мѣдныхъ пушекъ, на что издержано 3760 пудовъ пороху», и т. д.

Въ изложеніи дальнѣйшей судьбы Станиславова г. Шарловскій отмѣчаетъ интересные факты общественной жизни эпохи 1809, 1830, 1831 и 1848, 1855 и 1860 г., когда, со введеніемъ конституціоннаго порядка, городъ могъ уже вздохнуть свободнѣе и принять нѣкоторое участіе въ общей жизни пріемнаго отечества. Не останавливаясь на этихъ очеркахъ, укажемъ лишь, что въ 1883 г. въ Станиславовъ прибыли вновь, послѣ долгаго отсутствія, оо. іезуиты и устроили здѣсь свою миссію. Должно думать, что роль ихъ въ краѣ и въ городѣ еще не уяснилась для автора, такъ какъ объ этомъ онъ не сообщаетъ ничего.

Статистика населенія обработана г. Шарловскимъ съ достаточной для его цѣли полнотой. Въ станиславовскомъ повѣтѣ преобладаетъ русское населеніе (66°), для котораго съ 1884 г. учреждено въ Станиславовѣ греко-уніатское епископство; въ діецезію послѣдняго входитъ около 750,000 прихожанъ. Состояніе грамотности въ народѣ до крайности печальное: въ 1886 г. въ станисл. повѣтѣ было всего

14% грамотныхъ [1]); не лучше оно и въ городѣ, особенно если выключить изъ счета обширную нѣмецкую колонію. Евреевъ въ повѣтѣ въ томъ же году числилось около 17%, католиковъ—15%. Главные добывающіе промыслы находятся въ упадкѣ, и если населеніе города ростетъ, то благодаря значенію его какъ административнаго центра: городъ живетъ не столько полезными промыслами, сколько кормитъ чиновниковъ. Съ 1876 по 1885 г. 11,3% всѣхъ поземельныхъ имуществъ повѣта были объявлены въ продажу за долги. Въ самомъ городѣ католики составляли 29,9%, уніаты и православные 14,8%, евреи—53,8% въ 1880 году. Несмотря на всѣ эти явленія, общественная жизнь въ Станиславовѣ отличается оживленіемъ поразительнымъ, по сравненію хотя бы съ нашими захолустными уѣздными городами: множество ученыхъ, промышленныхъ, художественныхъ и др. учрежденій, кружковъ, обществъ, клубовъ, школъ разнаго рода указываютъ на духъ живой общительности и сравнительно высокій культурный уровень городской интеллигенціи, какъ польской, такъ и русской; какъ видно, и русскія женщины играютъ не послѣднюю роль въ этой интеллектуальной жизни.

Разставаясь съ книгой г. Шарловскаго, богатаго содержанія которой мы не передали даже въ десятой части, не можемъ не указать на нѣкоторыя странности автора: упомянувъ о старой заблотовской церкви (стр. 225), онъ становится втупикъ, что за церковь такая «Wowedenia». Не менѣе странно также производитъ названіе села Кнегининъ отъ польскаго knieja (заповѣдный лѣсъ): «osada, zwana od licznych kniei «Knieininem» albo Kniehininem» (стр. 20). Никто и никогда не называлъ Княгинина «Knieininem». Въ старыхъ галицкихъ актахъ, начиная съ XV в. село это въ латинской транскрипціи встрѣчается въ такихъ формахъ: Knehinino, Knyhynyno, Knyhenin, Knehynino, тутъ же и рѣчка Knehinin (см. напр. изд. Лиске Akta Grod. i Ziem., т. XII, стр. 109, 204, 259, 440). При чемъ здѣсь knieja? Намъ кажется также, что назвать извѣстное явленіе «стихійнымъ» еще не значитъ объяснить его: и, дѣйствительно, г. Шарловскій, напр., не выясняетъ, отчего это «хлопы» Станиславова показывали сочувствіе «стихійнымъ» опрышкамъ (стр. 137), и т. п.

Н. М.

---

[1]) По оффиц. даннымъ, въ 1880 г. въ Галичинѣ числилось вполнѣ неграмотныхъ около 4835 тыс. при общемъ населеніи въ 5958 тыс. Кромѣ того, достаточное число умѣло только читать. См. Kolb, Statistik der Neuzeit, 8 изд., стр. 67 и 80.

Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О. Бобровскаго. С.-Петербургъ. 1890.

Вопросъ объ отношеніи двухъ національностей, польской и русской, между собою составляетъ больное мѣсто нашей исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и служитъ причиною безпощадныхъ и голословныхъ обвиненій одной стороны другою. Такое положеніе дѣла стоитъ до сихъ поръ, и единственный способъ разрѣшить обоюдные споры и обвиненія—это съ помощью документальныхъ архивныхъ извѣстій доказать, какую роль играла та или другая національность. При подобной разработкѣ историческихъ вопросовъ, при возможности удостовѣриться въ подлинности того или другаго оффиціальнаго или частнаго документа невозможно, съ одной стороны, появленіе бездоказательныхъ памфлетовъ (въ родѣ Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. p. M. Mochnackiego или Pologne et Russie, légende de Kosciusko p. I. Michelet), а съ другой стороны, составленіе брошюръ наивными русскими патріотами.

Изслѣдованіе г. Бобровскаго посвящено выясненію отношеній греко-уніатской церкви къ римско-католической, стремленій первой высвободиться изъ-подъ вліянія второй. Изслѣдованіе основано преимущественно на документахъ архивовъ: 1) св. Синода по 2-му департаменту (греко-уніатскому) римско-католической коллегіи съ 1830 по 1828 г. 2) Мин. Народн. Просвѣщ. по виленскому учебному округу, а также на неизданныхъ письмахъ М. К. Бобровскаго (съ 1803 по 1847) и Сосновскаго, члена брестскаго капитула (съ 1822—1826 г.). Благодаря такому обилію матеріаловъ первой руки, изслѣдованіе г. Бобровскаго представляетъ большой интересъ и значеніе. Притомъ авторъ отнесся со вниманіемъ ко всѣмъ печатнымъ трудамъ, близко касающимся разбираемыхъ имъ вопросовъ, а потому трудъ его важенъ и въ томъ отношеніи, о которомъ мы говорили выше.

Исторія греко-уніатской церкви въ первой четверти XIX вѣка является въ слѣдующемъ положеніи. Высшіе представители греко-уніатской церкви уже въ концѣ XVIII в. раздѣлились на двѣ партіи,—монашествующее духовенство базиліанскаго ордена, тянувшее къ соединенію съ римско-католическою церковью, и бѣлое духовенство (оріенталисты, какъ ихъ называетъ несовсѣмъ удачно г. Бобровскій), склонявшееся болѣе къ объединенію съ православною церковью. Первая партія, захватившая въ свои руки воспитаніе юношества и

клириковъ, и также громадныя имѣнія и капиталы, принадлежавшіе прежде бѣлому духовенству и занявшая своими представителями почти всю высшую іерархію, возбудила конечно противъ себя протесты бѣлаго духовенства. Первый такой протестъ (4 ноября 1776 г.) представленъ былъ уполномоченными отъ бѣлаго духовенства виленской митрополичьей епархіи. Борьба однако продолжалась около полувѣка, пока наконецъ въ 1827 г. базиліанскій орденъ не былъ приведенъ къ полнѣйшему упадку. Несмотря на всю правоту требованій бѣлаго духовенства, дѣло его, приводимое въ движеніе сначала Лисовскимъ, Красовскимъ и другими уніатскими іерархами, долго не имѣло успѣха, благодаря усиліямъ базиліанъ, іерарховъ латинизаторовъ и ложнымъ взглядамъ лицъ, стоявшихъ у власти (кн. Голицынъ, Новосильцевъ). Къ числу противниковъ бѣлаго духовенства принадлежалъ и попечитель виленскаго округа кн. А. Чарторыйскій, съ успѣхомъ доказавшій въ Петербургѣ, что въ Бѣлоруссіи и Литвѣ природный языкъ польскій (стр. 194, 195). Только съ 1820 г. начинаетъ измѣняться взглядъ правительства на дѣла греко-уніатской церкви. Вся книга г. Бобровскаго (раздѣленная на 8 главъ) представляетъ изложеніе борьбы названныхъ партій въ греко-уніатской церкви, начиная съ протеста 1776 г. и кончая закономъ 22 апрѣля 1828 г. о преобразованіи іерархіи греко-уніатской церкви, о закрытіи базиліанскихъ монастырей и объ учрежденіи семинарій и духовныхъ училищъ.

Въ краткой рецензіи мы не можемъ подробно изложить содержаніе разсматриваемой книги, укажемъ только на взглядъ автора на свой трудъ и остановимся на двухъ-трехъ частностяхъ.

«Въ настоящемъ своемъ трудѣ, основанномъ большею частью на новыхъ еще не тронутыхъ источникахъ, *мы поставили себѣ задачею показать, какъ въ бѣломъ духовенствѣ, по мѣрѣ развитія просвѣщенія съ конца XVIII в., пробивалось сознаніе необходимости существенныхъ преобразованій въ русской уніатской церкви*, и какимъ образомъ базиліанскій орденъ препятствовалъ осуществленію этихъ преобразованій...» —вотъ что говоритъ самъ авторъ о своемъ трудѣ. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ правиленъ, такъ какъ безъ развитія, съ помощью просвѣщенія, самосознанія и истиннаго пониманія своего прошлаго невозможна была бы и борьба съ сильнымъ и богатствами и вліяніемъ базиліанскимъ орденомъ. Вслѣдствіе этого взгляда г. Бобровскій немало мѣста удѣлилъ исторіи просвѣщенія въ западномъ краѣ въ первой четверти XIX в. (Такова напр.

вся VI глава, посвященная изображенію дѣятельности Библейскаго общества въ с.-западномъ краѣ, положенію учебнаго дѣла въ виленскомъ учебномъ округѣ и краткой исторіи масонскихъ ложъ на западѣ Россіи).

Къ своей работѣ г. Бобровскій, насколько можно судить, отнесся очень внимательно, но большое количество сыраго матеріала, никѣмъ еще необработаннаго, вызвало главный недостатокъ его труда: частыя повторенія одного и того же (въ чемъ сознается и самъ авторъ, стр. XIII). Въ упрекъ автору можно поставить его слишкомъ сильную идеализацію быта сельскихъ уніатовъ священниковъ; на стр. 210, онъ рисуетъ цѣлую идиллію изъ жизни сельскаго духовенства; но въ нарисованной имъ картинѣ нельзя не видѣть нѣкотораго внутренняго противорѣчія. «Домикъ уніатскаго священника, говоритъ г. Бобровскій, отличался отъ крестьянскихъ домовъ только дымовою трубою; священническій участокъ земли выдѣлялся отъ сосѣднихъ тщательно обработанными и *хорошо удобренными* полями; былъ у священника *выхоленный садикъ съ нѣсколькими десятками яблонь*, посаженными его отцомъ и дѣдомъ, и при всемъ томъ (!) *греко-уніатское бѣлое духовенство жило въ большой бѣдности*». Приводимое далѣе свидѣтельство Янковскаго, что «по всѣмъ почти училищамъ и классамъ перворазрядными учениками являлись бѣдные поповичи; со временемъ же по крайней мѣрѣ половину каѳедръ не только въ гимназіяхъ и училищахъ, но даже въ виленскомъ университетѣ, занимали сыновья уніатскихъ священниковъ» (стр. 213, 214) противорѣчитъ словамъ автора, что «сыновья священниковъ, изъ которыхъ многіе происходили изъ древнихъ русскихъ дворянъ, должны были или искать службы экономовъ, оффиціалистовъ у ополяченныхъ или польскихъ помѣщиковъ, или же, при отсутствіи всякаго образованія, обращаться въ крѣпостныхъ батраковъ» (стр. 11).

Но такихъ противорѣчій у г. Бобровскаго вообще мало; авторъ, очевидно, старается быть выше тенденцій и смотрѣть на событія объективно,—и въ этомъ его большая заслуга. **Арк. Л—нко.**

В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. К. 1890.

Эта небольшая (27 стр.) брошюра составляетъ докладъ, читанный въ кіевскомъ церковно-археологическомъ обществѣ. Докладъ распадается на двѣ части: въ первой, на основаніи документальныхъ

данныхъ и наблюденій на мѣстѣ, опредѣляется положеніе «двора» князя Симеона Олельковича (Александровича, внука Ольгерда), во второй, приводится рядъ лѣтописныхъ извѣстій, которыя даютъ поводъ пріурочить древній Городецъ къ тому самому мѣсту, гдѣ впослѣдствіи былъ дворъ князя Симеона. Авторъ, прежде всего, дѣлаетъ выписки изъ документовъ кіевскихъ монастырей на владѣнія угодьями (документы эти хранятся теперь въ библіотекѣ кіевской дух. академіи и г. Гошкевичъ занимается разборомъ ихъ). Выписки заключаютъ въ себѣ очень подробныя топографическія указанія, касающіяся той мѣстности, гдѣ былъ замокъ кн. Симеона, т. е. мѣстности, лежащей на лѣвомъ берегу Днѣпра, почти противъ Кіева. Затѣмъ авторъ разбираетъ встрѣчающіяся въ этихъ выпискахъ географическія названія мѣстъ, прилежащихъ замку и старается согласить ихъ съ нынѣшнимъ состояніемъ мѣстности. Благодаря подробнымъ указаніямъ документовъ путемъ осмотра мѣстности авторомъ было точно опредѣлено мѣстоположеніе городища (мы говоримъ *точно*, потому что Максимовичъ и Закревскій упоминаютъ о замкѣ Симеона, какъ находившемся за Черторыею на лѣвой сторонѣ Днѣпра, не указывая, гдѣ именно).

При осмотрѣ городища въ обвалѣ вала на глубинѣ 2½ арш. обнаруженъ слой угля; авторъ говоритъ (стр. 19): «Слой угля, лежащій подъ верхнею насыпью городища, приводитъ къ мысли, что на томъ же мѣстѣ, гдѣ во второй половинѣ XV вѣка стоялъ дворъ и замокъ кн. Симеона Олельковича, существовало болѣе древнее поселеніе, истребленное огнемъ,—а кн. Симеонъ засыпалъ пожарище толстымъ слоемъ глины и самъ поселился на старомъ пепелищѣ». Не соглашаясь съ авторомъ относительно засыпки глиной пожарища, произведенной будто бы княземъ Симеономъ, т. к. глина и сыпучій песокъ, покрывающіе въ настоящее время городище скорѣе образовались вслѣдствіе геологическаго измѣненія почвы, мы должны признать, что пріурочиваніе Олелькову городищу имени древняго Городця имѣетъ за собой большую долю вѣроятности (предположеніе въ этомъ смыслѣ также было высказано раньше Максимовичемъ). Въ пользу этого мнѣнія говоритъ наша первоначальная лѣтопись, мѣста изъ которой, числомъ 8 и приводитъ г. Гошкевичъ. Въ шести изъ нихъ упоминается имя Городца, въ двухъ же остальныхъ говорится лишь о мѣстности, гдѣ онъ былъ, т. к. пожаръ 1135 г. уничтожилъ его.

При сопоставленіи всѣхъ этихъ указаній оказывается, что лѣтописная топографія Городца согласуется съ мѣстоположеніемъ

Олелькова городища. Но все таки, по нашему мнѣнію, для окончательнаго рѣшенія вопроса, необходимо произвесть изслѣдованіе самаго городища путемъ раскопки его. Кромѣ того, помощью для опредѣленія времени можетъ также служить форма городища. Въ послѣднее время въ русской археологіи установлено нѣсколько типичныхъ формъ городищъ, такъ напр. городища съ валами, расположенными въ видѣ концентрическихъ круговъ, признаны типичными для великокняжеской эпохи. Вотъ описаніе городища, сдѣланное г. Гошкевичемъ: «Валъ, окружающій городище, сохранился прекрасно: онъ имѣетъ подковообидную форму, отверстіемъ къ р. Гнилушѣ, т. е. по направленію къ Кіеву. Длина вала 130 саженей; поперечникъ отъ одного конца подковы до другаго— 67 саж., перпендикулярный къ нему—43 саж. Высота вала отъ уровня воды въ Гнилушѣ—3 сажени. Явственно сохранились старинные въѣзды въ городище: одинъ съ сѣверо-запада, а другой съ юго-востока. Кажется, что городище обведено было еще и другимъ валомъ, меньшей высоты» (стр. 19). Если слѣды втораго вала дѣйствительно существуютъ, то и форма городища говоритъ въ пользу мнѣнія, высказаннаго авторомъ.

Къ брошюрѣ приложена карта окрестностей городища, хотя само городище, при трехверстномъ масштабѣ карты, обозначено лишь точкой; желательно было бы имѣть и планъ городища.

Наша историческая топографія еще очень мало разработана и поэтому докладъ г. Гошкевича, посвященный опредѣленію мѣста одного изъ довольно важныхъ историческихъ пунктовъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. **Н. Б.**

Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. С.-Петербургъ. 1890 г.

Книга г. Эварницкаго имѣетъ, повидимому, цѣлью въ легкой формѣ познакомить обыкновеннаго читателя (не спеціалиста) съ значеніемъ археологіи и съ результатами, достигнутыми этой наукой въ южной Россіи (О раскопкахъ на сѣверѣ Россіи авторъ не говоритъ ничего).

Въ началѣ своихъ «Публичныхъ лекцій» г. Эварницкій говоритъ о развитіи археологіи въ З. Европѣ и Россіи. Въ Россіи уже Петръ Великій обратилъ, какъ извѣстно, вниманіе на различные памятники древностей и приказывалъ покупать интересные предметы

для присылки въ Петербургъ; знаменитый Татищевъ издаетъ уже подробную инструкцію для собиранія древностей. Въ концѣ XVIII в. замѣчательныя путешествія русскихъ ученыхъ во всѣ края Россіи немало способствовали развитію у насъ археологіи, въ тоже время основывается Императорскій Эрмитажъ, «пріобрѣвшій потомъ громадное значеніе, какъ центральное помѣщеніе древнихъ рѣдкостей, находимыхъ въ разныхъ концахъ Россіи». Въ 1804 г. основывается въ Москвѣ первое «Общество исторіи и древностей россійскихъ», а въ 1839 г. такое же общество въ Одессѣ; въ 1846 г. является въ Петербургѣ «Археологическо-нумизматическое общество», преобразованное впослѣдствіи въ «Императорское русское археологическое общество», а въ 1850 г. «Императорская археологическая коммиссія». Вслѣдъ затѣмъ описаніе архивовъ и библіотекъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, основаніе археологическихъ и историческихъ обществъ, открытіе архивныхъ коммиссій и провинціальныхъ музеевъ, работы и изслѣдованія отдѣльныхъ лицъ, археологическіе съѣзды, экспедиціи, ежегодно снаряжаемыя во всѣ концы Россіи — двигаютъ русскую археологію, можно сказать, гигантскими шагами.

Далѣе (на стр. 11—21) авторъ даетъ понятіе о періодахъ развитія человѣческой культуры, затѣмъ сообщаетъ пріемы раскопокъ, весьма близко подходя здѣсь къ извѣстной программѣ проф. Самоквасова (см. Д. Самоквасовъ. Исторія русскаго права, т. 1, вып. 1. Варшава 1878, стр. 208—214). Затѣмъ приводятся результаты раскопокъ, произведенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ. Тутъ мы находимъ свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ курганахъ (напр. Куль-Обскомъ, Чортомлыцкомъ, Луговой могилѣ); наряду съ ними также о раскопкахъ другихъ кургановъ (нѣкоторыя раскопки произведены самимъ авторомъ).

Вотъ, что даетъ книга г. Эварницкаго. Изложеніе у автора довольно живое, почему его трудъ съ интересомъ можетъ быть прочитанъ всякимъ читателемъ. **Арк. Л—нко.**

A. de Gubernatis. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons XI et XII. Gui-Lel. (Florence, Paris, Leipzig, 1889—90). Стр. 1121—1344.

Въ декабрьской книгѣ «Кіев. Стар.» 1889 года (т. XXVII, стр. 655—661) мы дали обзоръ первыхъ десяти выпусковъ «Словаря» проф. де-Губернатиса, извлекая свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ на-

шему краю. Въ двухъ послѣднихъ выпускахъ «Словаря» (XII вып. вышелъ 10 марта 1890 г.) помѣщены краткіе очерки литературной дѣятельности 29 русскихъ и 34 польскихъ современныхъ писателей. Продолжаемъ нашъ обзоръ по принятому ранѣе плану, опуская свѣдѣнія общеизвѣстныя.

Ганкевичъ (Клементій), философъ и филологъ, профессоръ русскаго языка въ черновицкомъ ун—тѣ съ 1875 г., род. 2 сент. 1842 г. въ Настасовѣ въ Галичинѣ. Издалъ: «Grundzüge der slavischen Philosophie» 1869 г., 2-е изд. 1873 г.; учебникъ психологіи для среднихъ школъ, 1874 г.; «Ueber das Accentuationssystem in der Sanskrit, griechischen und ruthenischen Sprache». Состоитъ сотрудникомъ Archiv'a für slavische Philologie.

Иконниковъ (Влад. Степ.), проф. рус. исторіи въ кіевскомъ ун—тѣ, род. 9 дек. 1841 г. въ Кіевѣ (Указаны многочисл. труды съ 1865—1888 г., не исключая и 2 т. «Русской исторіографіи», которая отпечатана въ 1888 г., но до настоящаго времени, къ сожалѣнію, не поступила въ продажу. Не отмѣчены послѣднія статьи о русскихъ рукоп. сборникахъ въ «Кіев. Унив. Изв.» и о генер.-губ. Беклешовѣ въ «Кіев. Стар.»).

Ильницкій (Вас.), галицкій малорусскій писатель, каноникъ, директоръ львовской гимназіи, род. 12 апр. 1823 г. въ Поднечерахъ въ Галичинѣ, изучалъ богословіе и философію въ Вѣнѣ. Въ 1845 г. путешествовалъ по Италіи. Съ 1860 г. издалъ, между прочимъ, историч. разсказъ «Рогнѣда Горислава», истор. очерки «Стариные русскіе замки Звинигородъ, Перемышль, Теребовль», истор. драму «Настасія», рядъ художественныхъ и театральныхъ очерковъ и рецензій, «Исторію Русиновъ», 2 т., разсказы «Горбатый» и «Романъ Дуля», «Романъ Даниловичъ», популярныя произведенія «Геологическій человѣкъ», «Море и его чудеса», различные опыты, переводы и т. п.

Ястребовъ (Митр.), проф. кіев. дух. акад., род. въ Тамбовѣ. (Указаны два историко-богосл. изслѣдованія объ аугсбургскомъ исповѣданіи и главенствѣ папъ).

Ежъ (псевдонимъ Сигизмунда Милковскаго), извѣстный польскій романистъ, род. въ 1842 г. въ подольской губ., издалъ рядъ романовъ, изъ которыхъ указано лишь пять важнѣйшихъ, и кромѣ того исторію Сербіи,—въ этой странѣ онъ долго жилъ; нынѣ поселился въ Женевѣ.

Езерскій (Михаилъ), польскій писатель, род. въ 1811 г. въ д. Гайворонѣ сквир. у. Обучался въ Винницѣ и Варшавѣ. Послѣдова-

тель романтизма, онъ издалъ въ стихахъ: «Поэтич. опыты», «Кашт елянъ», «Покровительница нашей земли», комедіи: «Удача старой дѣвы», «Капризъ и глупость», драмы: «Жертвы принциповъ», «Мщеніе кастелянши»; прозаич. нѣсколько повѣстей и романовъ, въ томъ числѣ историческіе романы: «Жена канцлера», «Клементій Яницкій» и «Послѣдняя любовь послѣдняго короля». Кромѣ того, «Очерки по исторіи Польши» и «Нѣсколько мыслей о ложныхъ стремленіяхъ вѣка».

Качковскій (Сигизмундъ), польскій романистъ, публицистъ и политич. дѣятель, жив. въ Парижѣ, род. 2 мая 1826 г. въ саноцкомъ староствѣ Галичины (Обширная біографія съ подробнымъ перечисленіемъ трудовъ, въ числѣ которыхъ отмѣчено соч. «Женщина въ Польшѣ», отпечатанное въ 4 т. въ Житомирѣ въ 1862 г., но конфискованное до выхода въ свѣтъ, и памфлетъ «Изъ портфеля Нечуи» 1883 г., направленный противъ аристократическо-клерикальной партіи въ Галичинѣ).

Каминскій (Е. Гальперинъ), род. въ Васильковѣ кіев. губ. 28 марта 1858 г. Обучался въ Одессѣ, Севастополѣ, Вѣнѣ (1878), Парижѣ (1880), гдѣ и поселился. Съ 1884—86 г. сотрудничалъ въ *Revue Scientifique*, *Nature*, *Guide Scientifique*, *Archives Slaves de biologie*, состоялъ секретаремъ редакціи *Science populaire*, *Médecine populaire* и *Science pour tous*. Въ мартѣ 1885 г. помѣстилъ въ *Revue Socialiste* опытъ о трудахъ и дѣятельности Карла Маркса. Изъ статей по естествознанію были замѣчены помѣщ. въ *Guide Scientifique* (сент. 1885 г.) «De l'origine des mammifères» и въ *Nature* (Іюль 1885 г.) «Plantes piscivores». Съ 1886—89 г. издалъ болѣе тридцати томовъ переводовъ русскихъ писателей на франц. языкъ, въ томъ числѣ гр. Льва Толстого, Достоевскаго, Тургенева, Гоголя, Гончарова, Щедрина, Гаршина, Некрасова и др. Постоянный сотрудникъ *Nouvelle Revue*, *Grande Revue de Paris et de Saint-Pétersbourg*, *Revue Bleue*, *Revue illustrée*, *Paris illustré*, *Illustration*, *Figaro*, *Iustice*, *Новостей* и др. журналовъ и газетъ.

Кирпичниковъ (Александръ), проф. всеобщей литер. при одесскомъ ун—тѣ, род. 1845 г. въ орловской губ. (Весьма подробное перечисленіе трудовъ).

Коноваловъ (Дмитрій), проф. химіи въ петерб. ун—тѣ, горный инженеръ, докторъ философіи страссб. унив—та, род. въ 1856 г. въ Екатеринославѣ, обучался въ инженерномъ институтѣ и петерб. ун—тѣ; въ 1880 г. отправленъ съ ученою цѣлью въ Германію, въ

1882 г.—во Францію.(Указано 9 работъ по химіи за время 1880—1888 г.).

Коперницкій (Исидоръ), польскій врачъ и антропологъ, род. 17 апр. 1825 г. въ Чижовкѣ въ Украинѣ. Изучалъ медицину въ кіев. ун—тѣ и получилъ въ 1849 г. степень д—ра. Въ 1857 г. назначенъ здѣсь исправляющ. должность прозектора[1]) анатоміи, въ 1863 г. оставилъ службу, а въ слѣдующемъ году основался въ Парижѣ, гдѣ слушалъ Клодъ-Бернара и Катрфажа. Тогда же румынское правительство поручило ему устройство анатомическаго музея въ Букурештѣ. За анатомическіе препараты получилъ въ Краковѣ въ 1869 г. главную премію; въ 1876 г. удостоенъ тамъ же званія доктора медицины. Въ 1778 г. читалъ въ Краковѣ курсъ антропологіи, а въ 1886 г. назначенъ профессоромъ краковскаго ун—та. Состоитъ членомъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ въ Россіи и Зап. Европы. Перечесленіе его антропологическихъ и др. трудовъ занимаетъ два слишкомъ столбца мелкой печати въ словарѣ де-Губернатиса. Отмѣтимъ здѣсь лишь имѣющіе ближайшее отношеніе къ Россіи и Галичинѣ: Нѣсколько замѣчанія о строеніи славянскихъ череповъ (чит. на кіев. съѣздѣ естествоисп. 1861 г.). «On the strange peculiarities observed by a religions sect of the Moscovities, called Scoptsi» *(Journal of Anthrop.*, 1870, іюль, въ сотр. съ Д. Б. Дэвисомъ); «The Kalmuks» *(Journal of the Anthrop. Ins*, 1872, т. I); отчетъ о человѣческихъ костякахъ и черепахъ изъ могильниковъ на Покутьи *(Отчеты крак. акад. наукъ по матем. и естественноистор. отд.* 1875, т. II); «The prehistoric antiquities of the Caucasus» (Journ. of the Anthr. Inst., 1875); черепа покутскихъ могильниковъ, какъ матеріалъ для доисторич. антропологіи Польши (Отчеты Крак. акад., 1876, т. II); объ особенностяхъ языка бешкидскихъ горцевъ, съ глоссаріемъ (ib., 1875, т. III); о человѣческихъ костяхъ и черепахъ изъ радыминскихъ могильниковъ на Волыни); тоже—изъ галицкой Подоліи (ib. 1877, т. I, ч. I); о физическихъ особенностяхъ населенія Галичины, на основаніи наблюденій, собранныхъ антропол. коммиссіей (ib., ч. 2-я, въ сотрудн. съ проф. Маеромъ); загадки бешкидскихъ горцевъ, собранныя въ окрестностяхъ Рабки (ib., ч. 3-я); археол. разысканія въ Городницѣ на Днѣпрѣ въ 1877 г. (ib. 1878, т. II, ч. 1-я); черепа острожскаго уѣзда на Волыни (ib.); замѣтки о доисторическихъ костяхъ и черепахъ галицкой Подоліи (ib.); дальнѣйшія археол. розысканія въ Городницѣ на Днѣстрѣ въ 1878—1882 г. (ib., 1884, т. VIII, ч. 3-я); физическія особенности населенія Галичины, 2-я серія (ib. 1885,

[1]) См. Біогр. Словарь преподав. ун. св. Владиміра.

т. IX, въ сотр. съ проф. Маеромъ); о значеніи находокъ г. Осовскаго въ мниховскихъ пещерахъ (приб. къ IX т. Матер. для мѣстн. антроп., изд. въ Краковѣ); къ этнографіи Волыни, по даннымъ, собраннымъ Софьей Рокосовской (ib., т. IX, ч. 3-я).

Кулишъ (Пант. Александровичъ), историкъ, поэтъ и публицистъ, род. въ 1819 г. въ м. Воронежѣ черниг. губ., окончилъ гимназію въ Новгородъ-Сѣверскѣ, былъ учителемъ уѣзднаго училища въ Луцкѣ и Ровно, когда и написалъ свой первый романъ: «Михайло Чернышенко», изд. въ 1843 г. въ Кіевѣ. Въ 1845 г. арестованъ въ Варшавѣ и высланъ въ Тулу, гдѣ состоялъ на службѣ три года. Въ 1855 г. переѣхалъ въ Петербургъ, сотрудничалъ въ *Современникѣ*, издалъ нѣсколько романовъ и множество статей о Гоголѣ (Объ историческихъ трудахъ г. Кулиша, законченныхъ исторіей «Отпаденія Малороссіи отъ Польши», ни слова).

Крестовскій (Всеволодъ), романистъ, род. въ 1840 г. въ кіевской губ. (Перечислены труды этого «бойкаго» писателя - écrivain facile, который, будто-бы, «склоняется въ сторону натурализма»).

Кручкевичъ (Брониславъ-Игнатій), польскій филологъ, съ 1888 г. проф. классич. филологіи. львов. уни—та и директоръ львов. филолог. семинаріи, род. въ 1849 г. въ Пустковѣ въ Галичинѣ, обучался въ Тарновѣ, Краковѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, писалъ на польскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. (Перечислены работы въ области классич. филологіи и литературы).

Кульчицкій (гр. Владиславъ - Цезарій), польскій поэтъ и переводчикъ, живущій въ Римѣ, род. 2 дек. 1834 г. въ подольской губ. (Весьма подробная біографія и характеристика трудовъ).

Ландау (Маркъ), австрійскій писатель, род. 21 ноября 1837 г. въ Бродахъ въ Галичинѣ (Перечислены труды, главнымъ образомъ, по исторіи итальянской литературы; въ 1888 г. вышелъ 1-й т. его исторіи имп. Карла VI). **Н. М.**

Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. Составилъ гр. Александръ Бобринскій. 2 ч. Спб. 1890 г.

Съ 1798 г. по 1836 годъ было издано десять томовъ Высочайше утвержденнаго гербовника, въ которомъ помѣщены гербы, съ описаніемъ происхожденія каждой фамиліи. Кромѣ того, составлены томы XI, XII, XIII и XIV, еще неоконченный, которые не изданы.

Гр. Бобринскій въ своихъ двухъ книгахъ перепечаталъ происхожденіе каждой фамиліи изъ четырнадцати томовъ гербовника, и помѣстилъ описаніе болѣе двухъ тысячъ фамилій, причемъ помѣстилъ эти роды въ хронологическомъ порядкѣ, то есть по мѣрѣ того какъ они появлялись въ исторіи.

Къ сожалѣнію, графъ Бобринскій, помѣстивъ исторію происхожденія фамилій, не описалъ ни одного герба, и не приложилъ ни одного рисунка, что въ настоящее время очень легко и не дорого было сдѣлать, благодаря цинкографіи и фототипіи. Въ Англіи напр. книга Peerage Debrett, и другія наполнены рисунками всѣхъ гербовъ, о фамиліяхъ которыхъ упоминается въ нихъ.

Въ книгѣ графа Бобринскаго помѣщены свѣдѣнія и о малороссійскихъ фамиліяхъ, изъ которыхъ только три рода восходятъ ранѣе XVI ст., именно: 1124 г. Дунины-Борковскіе (польскаго происхожденія), 1303 Милорадовичи (дворяне и графы), 1430 Александровичи (изъ Польши), остальныя всѣ XVI, и болѣе древнія всѣ польскаго происхожденія 1563 Лашкевичи, 1569 Марковичи, 1572 Гандовскіе, Потаповичи, XVI в. Кочубеи, (крымскіе татары), XVII Скоропадскіе, Паскевичи, 1609 Бакуринскіе, 1620 Рубцы, 1621 Комовскіе, 1625 Борозды, 1628 Скоржинскіе, 1636 Вронскіе, 1645 — 1676 Подольскіе, 1648 Безбородко, 1654 Завадовскіе, Лагоды, Долинскіе, Шафонскіе, Лишины 1661 Валкевичи, 1663 Булашевичи, 1666 Горленки, 1667 Лобода, 1669 Мищенко, 1672 Судіенко, Домонтовичи, Тарновскіе, Фененко, 1673 Полетики, Политковскіе, 1675 Лазаревичи, 1676 Базилевскіе, 1678 Исаевичи, 1679 Корицкіе, Томары, 1680 Гудовичи, 1682 Ковалевскіе, 1685 Остроградскіе, Дублянскіе, Котлубицкіе, Туманскіе, Чарнолускіе, Новицкіе, Жуковскіе-Жученки, Гудимъ-Левковичи, Яжборовскіе-Юрьевы, Галѣнковскіе, Чесноки, Башуцкіе, Троцкіе, Якимовичи, Малама, 1686 Галаганъ, 1687 Кондратьевъ, 1688 Миклашевскіе, 1690 Коробки, Савичи, Малявки, 1696 Худорбіи, Искрицкіе, 1699 Марченко, Лихопои, Лубяновскіе, 1702 Яворскіе, Капнисты, 1704 Божичи, Родзянко, 1708 Калинскіе, Ширяи, Селецкіе, Мазараки, Иваненки, 1709 Сахновскіе, 1716 Богаевскіе, Савицкіе, 1719 Куликовскіе, 1725 Тимченко-Островерховы, 1744 Разумовскіе, 1745 Оболонскіе, 1762 Виридарскіе, 1799 Богаевскіе.

М.

Обозрѣніе журналовъ.

1) „Вѣстникъ Европы". 1890. № 1—3; 2) „Журналъ М-ва Нар. Просвѣщ.". 1890. № 1—3; 3) „Историч. Вѣстникъ". 1890. № 1—3; 4) „Русскій Архивъ". 1890. № 1—3; 5) „Русскій Вѣстникъ". 1890. № 1—2; 6) „Русская Мысль. 1890. № 1—3; 7) „Русская Старина". 1890. № 1—3; 8) „Сѣверный Вѣстникъ". 1890. № 1—3; 9) „Юридич. Вѣстникъ". 1890. № 1—3; 10) Экономич. Журналъ". 1890. № 1—3.

Вѣстникъ Европы 1890 г. № 1—3. *Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій.* Статья *В. И. Шенрока* (№ 1, стр. 71—118; № 2, стр. 563—619). Авторъ слѣдитъ въ этой статьѣ за всѣми послѣдовательными моментами отношеній Гоголя къ его школьному товарищу Данилевскому, при чемъ отношенія эти устанавливаются по воспоминаніямъ самаго Данилевскаго, разсказаннымъ автору, а также по перепискѣ ихъ, изъ которой извѣстная доля печатается въ статьѣ впервые.

«Поэтъ пошлости» (отрывокъ). Александра Градовскаго. (№ 1, стр. 352—359). Это—начало неоконченной статьи, оставшейся въ бумагахъ покойнаго А. Градовскаго. Писана была эта статья по поводу возникшей въ 1880 г. мысли поставить памятникъ Гоголю, при чемъ авторъ статьи, желая опредѣлить основную черту въ поэзіи Гоголя, тѣмъ самымъ какъ бы желаетъ найти достойную памяти великаго поэта надпись на будущемъ памятникѣ ему.

Въ *«Литературномъ обозрѣніи»* помѣщена рецензія о книгѣ «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца» кн. 2-я (№ 2, стр. 878—881).

Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г. № 1—3. *Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ и Русь-Дромиты у Симеона Магистра. Ѳ. И. Успенскаго* (№ 1, стр. 1—34). Въ этой статьѣ затрогивается все тотъ же старый вопросъ о Руси до-Рюриковской. Вопросъ этотъ поставленъ въ связи съ двумя извѣстіями у Симеона Магистра и Іоанна Грамматика, изъ которыхъ первый, какъ извѣстно, прямо говоритъ о Росѣ, а съ именемъ втораго связано сказаніе о томъ, какъ приходило на Ромейскую землю какое то языческое племя съ тремя предводителями во главѣ. Оба эти извѣстія сводятся авторомъ къ одному, при чемъ сопоставляются они и съ словами лѣтописца Нестора о началѣ прозванія «Руси».

Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. И. П. Филевича (№ 1, стр. 95—135; № 2, стр. 253—302; № 3, стр. 119—168). Начало этой статьи, помѣщенное въ № 11 и 12 прошлаго года, указываетъ раньше всего тѣ стороны внутренней жизни Польши и Литвы, отъ которыхъ зависѣло ихъ дальнѣйшее столкновеніе, а затѣмъ излагаетъ ходъ военныхъ дѣйствій, обозрѣвъ только событія 1340 г. Въ разсматриваемыхъ

трехъ книжкахъ находимъ окончаніе 2 й главы, гдѣ изложенъ ходъ военныхъ дѣйствій 1341—1349 г., далѣе 1349—1366 г., затѣмъ 1366—1370 года, наконецъ 1370—1377 г., а также послѣднихъ двухъ годовъ 1377—78 (№ 1). Въ главѣ 3-ей встрѣчаемъ обзоръ дѣлъ церковныхъ до 1412 года, когда утверждена была галицкая архіепископская резиденція во Львовѣ, чѣмъ и было закончено іерархическое устройство Галичины (№ 2). Въ главѣ 4-ой, составляющей окончаніе всей статьи, авторомъ разсматриваются самыя любопытныя страницы въ исторіи этой борьбы—ходъ развитія дѣлъ гражданскихъ въ странѣ (№ 3).

Въ отдѣлѣ «Современная лѣтопись» помѣщена небольшая замѣтка «Пятидесятилѣтіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей». (№ 1, стр. 1—4).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано *П. Н. Батюшковымъ. Статья П. В.* (№ 3, стр. 257—260); 2) *П. О. Бобровскій* «Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I» (№ 3, стр. 261--226); 3) *Айналовъ и Рѣдинъ* «Кіево-Софійскій соборъ. Излѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи» (№ 3, стр. 262); 4) *В. Гошкевичъ* «Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ» (№ 3, стр. 264).

Историческій Вѣстникъ 1890 г. № 1—3. *За чьи грѣхи. Историческая повѣсть Д. Мордовцева*, гдѣ встрѣчаемъ сцену пріема пословъ гетмана Брюховецкаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (№ 1).

Замѣтка по поводу смерти А. С. Лашкевича, редактора-издателя «Кіевской Старины» (№ 1).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Е. Дверницкій* «Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ (№ 1); 2) *М. Захарченко* «Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ» (№ 1); 3) Императорское одесское общество исторіи и древностей и юбилейный XV томъ его записокъ (№ 2, стр. 457—460); 4) *Эварницкій* «Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и новороссійскаго края (№ 2, стр. 463—466); 5) *Н. Бѣляшевскій* «Монетные клады въ кіевской губерніи» (№ 2), стр. 468—469); 6) *Геннадій Карповъ* «Въ защиту Богдана Хмельницкаго» стат. *Н. Лихачева* (№ 3), стр. 674—678); 7) *Сергѣй Гамченко* «Житомирскій могильникъ», археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ (№ 3, стр. 692—694); 8) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты вы-

борныхъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія «Уложенія». Изданіе «Кіевской Старины» (№ 3, стр. 705—706).

Русскій Архивъ 1890 г. № 1—3. *Некрологъ И. В. Росковшенка,* бывшаго директоромъ гимназіи въ Каменецъ-Подольскѣ съ 1848 г. и въ Ровно съ 1853 года. Кромѣ административной дѣятельности, Росковшенко находилъ время предаваться литературнымъ занятіямъ, и его собраніе книгъ по исторіи Малороссіи оставляетъ мало чего желать по своей полнотѣ (№ 2, стр. 310—315).

«Капище моего сердца». Кн. И. М. Долгорукова. Здѣсь встрѣчаемъ разсказы о министерской дѣятельности графа В. П. Кочубея (№ 3, стр 154—156), а также о протоіереѣ Кіево-Софійскаго собора, проповѣдникѣ Левандѣ (№ 3, стр. 177—178).

Русскій Вѣстникъ 1890 г. № 1—2. *Въ отдѣлѣ критики* помѣщены «Историческія отмѣтки» *Д. Иловайскаго,* гдѣ говорится о статьѣ И. Малышевскаго «Происхожденіе великой княгини Ольги» (Кіевская Старина 1889 г. № 7 и 8) и его полемикѣ по этому вопросу съ архимандритомъ Леонидомъ (стр. 192—196); тутъ же встрѣчаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу полемики г. Васильевскаго съ г. Успенскимъ по вопросу о построеніи крѣпости Саркела (стр. 196—198), а также замѣтки о началѣ Руси по поводу статьи г. Васильевскаго о житіи св. Стефана Сурожскаго (стр. 198—204) и по поводу находки архим. Леонида (Владимірскій Лѣтописецъ), а именно—объ испорченности текста начальной лѣтописи (стр. 204—208).

Въ отдѣлѣ «Политическое обозрѣніе» посвящено нѣсколько строкъ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ въ Галиціи (стр. 282—283).

№ 2. *Нѣмецкія колоніи на югѣ. Стат. А. Велицына* (стр. 256—299). Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе, очевидно, обширнаго изслѣдованія, находимъ данныя объ экономическихъ условіяхъ жизни и о правахъ колонистовъ; причемъ данныя эти пока касаются колоній юга Россіи, т. е. губерній бессарабской, херсонской, таврической и екатеринославской, а затѣмъ авторъ обѣщаетъ сообщить свѣдѣнія и о колоніяхъ юго-западнаго края.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Геннадій Карповъ.* Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историко-критическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Москва 1890 г. (стр. 300—305); 2) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1890 г. (стр. 305—308).

Русская Мысль 1890 г. № 1—3. *Въ отдѣлѣ библіографическомъ* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Опи-

саніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ слободской украинской губерніи, такожъ и въ Великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами, употребляемыхъ, сочиненное *Григоріемъ Калиновскимъ*, армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, состоящихъ въ украинской дивизіи, прапорщикомъ. Харьковъ 1889 г. Эта книжечка представляетъ переизданіе перваго этнографическаго сборника, вышедшаго еще въ 1776 г. въ Петербургѣ (№ 1); 2) *Чугуевецъ*. О русской народной культурѣ. Этнографическіе разсказы и замѣтки. Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціальнаго захолустья. Харьковъ 1889 г. (№ 2).

Русская Старина 1890 № 1—3. *Дневникъ А. В. Никитенка*, гдѣ находимъ извѣстія: 1) о жалобѣ генералъ-губернатора Бибикова на цензуру и «Библіотеку для Чтенія» за статьи объ Исторіи Малороссіи Марковича (№ 1); 2) о напечатаніи въ журналѣ Ишимовой «Звѣздочка» краткой исторіи Малороссіи Кулиша, и тревогѣ по этому поводу въ цензурѣ, объ арестѣ Кулиша въ Варшавѣ и объ открытіи въ Кіевѣ общества, къ которому принадлежали Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, Гулакъ и др. (№ 2, стр. 376—377).

А. Гирсъ. Переводъ 122-ой главы книги «Sultan Jahja dell' Imperial casa ottomana ad altrimenti Alessandro Conte di Montenegro edi suoi discendenti in Italia. Trieste 1889. Здѣсь о пребываніи сына Трапезундскаго правителя, впослѣдствіи султана Магомета, и его жены Елены Комненъ въ Кіевѣ у митрополита Іова Борѣскаго (sic) въ Михайловскомъ монастырѣ, потомъ у козаковъ въ Каневѣ, Черкасахъ, Харьковѣ и, наконецъ, у запорожцевъ, съ которыми онъ и громилъ Турцію въ 1624—25 г. (№ 3).

Воззваніе А. К. Анастасьева о пожертвованіяхъ на благоустройство черниговскаго каѳедральнаго собора, церквей Спасова Преображенія и Борисоглѣбской (№ 3, 881—884).

Сѣверный Вѣстникъ 1890г. № 1—3. *Въ областномъ отдѣлѣ* помѣщенъ разговоръ въ вагонѣ между великороссомъ и малороссомъ (№ 1, стр. 48—52).

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *И. П. Котляревскій*. Полное собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. Издан. «Русскаго книжнаго магазина» 1890 г. (№ 2, стр. 115—117).

Юридическій Вѣстникъ 1890 г. № 1—3. *20 ноября 1889 года въ Кіевѣ*. (№ 1, стр. 130—148). Подробный отчетъ о засѣданіи кіевскаго юридическаго общества и рѣчахъ г. Тальберга, Гольденвейзера и Куперника по поводу 25-лѣтія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.

И. В. Лучицкій. Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи (№ 3, стр. 391—424). На основѣ большею частью рукописныхъ

матеріаловъ авторъ подробно описываетъ порядки, практиковавшіеся при общинной заимкѣ пустующихъ земель нын. полтавской губерніи на протяженіи XVI—XVIII в., и затрогиваетъ вопросъ о значеніи «дворищъ» въ связи съ организаціей «сябровъ». Настоящая статья дополняетъ прежнія работы автора по вопросу объ общинномъ владѣніи землею въ Малороссіи.

Экономическій Журналъ 1890 г. № I—3. А. С. *Въ чертѣ еврейской осѣдлости* (экономическія изслѣдованія). IX (№ 1, стр. 18—38). Авторъ даетъ внѣшній очеркъ г. Одессы. Отношеніе большей части сообщаемыхъ фактовъ къ основной идеѣ статьи неясно. Мимоѣздомъ (изъ Кіева въ Одессу) авторъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о печальномъ положеніи евреевъ въ подольской губ.

Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). Кіевъ 1889 г. 8 д., 12 стр. и 1 портретъ.

Антоновъ В., свящ. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, поборникъ православія въ борьбѣ съ уніею. 8 д , 48 стр.

Базилевскій И. А. Терновая дорога до кращей доли. Повість въ стыхахъ. Вятка. 1889. Тип. Маншеева, 16 д , 130 стр. 3000 экз.

Барсовъ Е В. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Изслѣдованіе. Томъ III. Лексикологія «Слова». А М. Москва. 1890 г. 8 д., VIII+537 стр.

Бѣлорусскія древности, изданныя А. М. Сементовскимъ. Вып. I. Съ 106 изображ. разныхъ преметовъ древностей въ текстѣ и литографическимъ приложеніемъ. Спб. 1890. 8 д , XI+136 стр., 600 экз., ц. 2 р. 50 к.

Гоголь Н. Тарасъ Бульба. Повѣсть. Народное изданіе. Москва. 1890 г. 8 д., 162 стр.

Житіе св. преподобномученика Макарія, архимандрита овручскаго, переяславскаго чудотворца, нетлѣнно почивающаго въ переяславской Свято-Вознесенской обители, полтавской епархіи. Изд. 7-ое; 8 д., 44 стр.

Zródła dziejowe. Tom XIX. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Tom VIII. Ziemie ruskie. Wołyń i Podole. Opisane przez A. Jabłonowskiego. Варшава. 1889. 8 д. II+307+XLVI стран.

Иваненко Д. А. Адресъ-календарь и справочная книга полтавской губерніи на 1890 г. Полтава. 1890 г. 8 д., III+39+135+109+72 стр.

Ивановъ А. Протоіерей. Исторія уніи въ юго-западной Россіи. Въ память пятидесятилѣтія по возсоединеніи бѣлорусскихъ уніатовъ (1839—1889). Тула. 1889 г. 8 д, 20 стр.

Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Кіевъ. 1889 г. 8 д., 138+1 нен. стр.

Кіевъ—Азбука православія. 8 д., 44 стр.

Котляревскій И. П., Наталка-Полтавка. Украинская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Москва. 1889 г. 16 д., 106 стр.

— Полное собраніе сочиненій на малоросс. языкѣ. Съ портретомъ, біографіей автора и словаремъ къ Энеидѣ, составленнымъ Катрановымъ. Изд. 3-е. Корейво, подъ ред. И. Левицкаго. Кіевъ. 1890 г. 8 д., XXIX + 495 стр. 2400 экз.

Кулишъ П. А. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). Въ 3 томахъ. Томъ 1-ый. Москва. 1890 г. 8 д., 283 стр. Томъ 2-ой. Москва. 1890 г. 8 д., 399 стр. Томъ 3-ій. Москва. 1890 г. 8 д., 415 стр.

Лисенко М. Збирникъ народнихъ украинскихъ писень. Третій десятокъ 4 д., 21 стр.

Макаровскій М. Наталя або дви доли разомъ. Поэма. Выдання друге. Харкивъ. 1890 г. 16 д., 39 стр.

Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи. Т. IV. Тираспольскій уѣздъ (статистико-экономическое описаніе уѣзда) составлено статистическ.

отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. (Съ картою и 8 приложеніями). Херсонъ. 1889 г. 8 д., II+2+272+116 стр.

Памятная книжка виленской губерніи на 1890 г. Изданіе Виленскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакціей А. Шверубовича. Вильно. 1889 г. 8 д., XII+55+384+236 стр.

Памятная книжка дирекціи народныхъ училищъ за $18^{89}/_{90}$ учебн. г. Изданіе виленск. дирекціи народныхъ училищъ. Вильна. 1889 г. 8 д.

Путеводитель по святымъ мѣстамъ Кіево-Печерской Лавры. Изд. 6-ое 16 д., VIII+192 стр.

Сводъ свѣдѣній о начальномъ образованіи въ херсонской губерніи за 1885—6 г. Херсонъ 1889 г. 8 д., IV+162+207+22+II стр., 4 таблицы и 1 карта.

Słovnik geograficzny Królestva Polskiego i innych krajóv słowiańskich. Vydany pod redakcyą B. Chlebovskiego i V. Valevskiego, vedług planu F. Sulimierskiego i z pomocą żgromadzonych przez niego materyałóv. Zeszyt 119, Tom X. Nakładem V. Valevskiego. Варшава. 1889 г. 4 д., стр. съ 801 по 880 стовб.

Соболевскій А. Академикъ И. В. Ягичъ какъ историкъ русскаго языка «критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» И. Ягича. (Отд. оттискъ изъ «Русскаго Филологич. Вѣстника»). Варшава. 1889 г. 8 д., 13 стр.

Указатель святыни и священныхъ достопамятностей Кіева какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, для поклонниковъ посѣщающихъ святыя мѣста кіевскія. Изд. 9-ое. 8 д., 4 неп.+228 стр.

Чайченко В. Безъ хлѣба. Оповидання. Кыивъ. 1890 г.

Четыркинъ И. Д. Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: «Собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ». (Отд. оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»). Воронежъ. 1889 г. 8 д., 19 стр.

Царивна—жаба. Казка. Кыивъ. 1890 г. 16 д. 24 стр.

Цупкій М. Байки. Одесса. 1889 г. 16 д., 40 стр.

Дозволены къ представленію на сценѣ:

I. Гирька сыритска доля. Драма. (Оперетта) въ 4 діяхъ. Скомпанувавъ И. Райковскій.

II. Мудровали, докі у неволю попали. Народная драма—быль. Соч. Ѳ. М. Стрілець-Карпенко.

III. Тарасъ Бульба подъ Дубномъ. Драма у 4 діяхъ (по Н. В. Гоголю). Написавъ. К. Ни—нецкій.

1788. Ноября съ первыхъ чиселъ началася великая зима и продолжалася чрезвычайными стужами, бурями и снѣгомъ до 1789 года марта по окончаніе.

1789. Марта первыхъ чиселъ въ казенныхъ селеніяхъ новыя учрежденія вышли, печатныя книги установленія сельскаго—розданны, и старшины, старосты, выборные и сборщики опредѣлены.

Апрѣля—, преосвященный епископъ православный переяславскій Викторъ въ Слуцкѣ поляками взятъ и въ Варшаву подъ арестомъ представленъ. Того жъ года, въ области польской православнымъ священникамъ поляки запретили на литургіяхъ и другихъ служеніяхъ поминать россійскую императрицу, а вмѣсто того поминать короля, рѣчь посполиту и прочіихъ ихъ властей, и для повиновенія ихъ повелѣніямъ, къ присягѣ привели.

Сего жъ 1789 года, на присягу не согласившагося игумена Николаевскаго Виссаріона поляки взяли.

1789 г. Всеобщее возмущеніе, случившееся во Франціи, и гоненіе на всѣхъ дворянъ и владѣльцовъ, противныхъ нынѣшнему правленію.

1791 года, октября, свѣтлѣйшій князь и великій гетманъ Григорій Александровичъ Потемкинъ померъ въ Молдавіи.

Ноября 1 числа, чрезъ городъ Елисаветь графъ Безбородкинъ для заключенія съ турками мира, проѣхалъ въ Молдавію, тожъ и ради ревидаціи дѣлъ князя Потемкина покойнаго.

1792 г., февраля противъ 21 числа, ночью чрезъ селеніе Федварское графъ Безбородковъ, по заключеніи мира съ турками, ѣхалъ въ Россію.

Сентября 13 дня, преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, въ Полтавѣ померъ. Тогожъ года и въ Крыму епископъ Моусей зарѣзался или зарѣзанъ.

1793 г., февраля 28 и марта 1 и 2 чиселъ, великой снѣгъ выпалъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ, и лежалъ чрезъ цѣлый мартъ.—Виктора, епископа слуцкого, поляки взяли въ Варшаву и держали тамъ три года въ неволѣ. Сего года въ началѣ, немалая часть Полщи присоединена къ Россіи.—Марта 13 дня, феодосійскій и

маріупольскій епископъ Іовъ Потемкинъ пріѣхалъ въ Полтаву.—Маія въ 10 день, въ указѣ ея императорскаго величества, данному св. синоду, написанно такъ: на праздное архіерейское мѣсто въ епархіи екатеринославской и Херсониса таврическаго, всемилостивѣйше опредѣляемъ молдо-влахійскаго митрополита Гавріила. Маія... дня, екатеринославскій митрополитъ Гавріилъ выѣхалъ изъ Елисавета въ Полтаву, на свой престолъ.—Іюня 7 или 8 дня, митрополитъ Гавріилъ въѣхалъ въ Полтаву.—Августа 25 числа, о полдня солнце мѣнилося.—Ноября 27, ввечеру позно земля тряслася.

1794 г. За присоединеніе Полщи къ Россіи отъ поляковъ великіе и кровопролитные бунты были противу Россіи.—Того жъ года, декабря 31 дня, и 1795 года генваря 1 числа, превеликая стужа была съ вѣтромъ и снѣгъ великой ишолъ нѣсколько дней и продолжался сильной холодъ съ частыми вѣтрами и снѣгами, чрезъ весь мѣсяцъ генваръ; и 30 жъ генваря сдѣлалося тепло, наступилъ туманъ и снѣгъ началъ раставать; а февраля 5 дня опять снѣгъ съ вѣтромъ великой ишолъ, тожъ и 7, а отъ первего на десятъ пустило.

1794 года, по окончаніи, и 1795 года, въ присоединенномъ краю отъ рѣчи посполитой полской былъ великой наборъ въ рекруты: велѣно набрать сто шестдесятъ тысящъ.

1795 г., маія 10 д. Вознесенское намѣстничество въ городѣ Новомъ Миргородѣ открыто; открывалъ екатеринославскаго намѣстничества губернаторъ Іосифъ Ивановичъ Хорвотъ. При семъ былъ и митрополитъ екатеринославскій Гавріилъ.—Въ іюнѣ, чигринскій уѣздъ въ городѣ Чигринѣ открылся. Того жъ года, и черкаской уѣздъ въ городѣ Черкасахъ открылся.—Декабря 17 ч., архимандритъ Іринархъ Балановскій въ Мотренинскомъ монастырѣ померъ.

Иванъ Петровичъ (?) къ преосвященному Варлааму Шишацкому, епископу острожскому, протодіакономъ произведенъ, при коемъ епископѣ и проживалъ въ городѣ Острогѣ.

1796 года, декабря 22 дня, кіевской академіи ректоръ Самоилъ Мѣславскій во епископа бѣлоградскаго посвященъ; 1771 года архіепископомъ и членомъ святѣйшаго синода пожалованъ и въ

крутицкую епархію переведенъ, потомъ въ ростовскую епархію переведенъ, а изъ Ростова кіевскимъ митрополитомъ и Кіевопечерской лавры архимандритомъ пожалованъ, а сего 1796 года, генваря 5 дня, въ Кіевѣ, преставился.

Февраля 9 числа, первой снѣгъ выпалъ, отъ тогда и зима началася, а прежде снѣгу не было чрезъ цѣлую зиму. Сего жъ февраля 24 числа, великая стужа съ снѣгомъ и вихремъ была и крѣпкіе морози продолжалися и зима марта по 15-е.

Ноября 8 числа, началаса зима съ снѣгомъ, а 9, 10, 11 и 12 и далѣе морозы крѣпкіе съ восточнымъ вѣтромъ. Того жъ ноября 23 числа, въ селѣ Федварскомъ імператору россійскому Павлу Петровичу присягали на вѣрность.

Декабря 2 числа, великой снѣгъ выпалъ.

1797 года, іюня, губернаторъ кіевской объѣздилъ чигринской уѣздъ и назначилъ въ Александровцѣ быть мѣсту (городу) и правленію. Ноября. Уѣзда чигринского и черкаского духовныя правленія отошли къ кіевской епархіи. Того жъ года, декабря первыхъ чиселъ, въ екатеринославской епархіи у священно и церковнослужителей забрали дѣтей въ рекруты.

1798 года, въ генварѣ, изъ Екатеринослава дѣтей священно и церковнослужительскихъ, забранныхъ въ рекруты, отпущенно въ домы. Генваря 3 числа, по утру, въ екатеринославской губерніи въ разныхъ селеніяхъ, скотъ бѣгалъ изъ домовъ въ поле.

Генваря 30 числа, въ полтавской семинаріи получено повелѣніе, чтобы до 1-го марта вся семинарія перебралась въ Миргородъ (Новый).

Февраля 6, въ елисаветградскомъ духовномъ правленіи полученъ указъ, что екатеринославская епархія переименована новороссійскою, и архіерей долженъ именоваться новороссійскимъ и днѣпровскимъ и жить въ Ново-Миргородѣ.

Марта 15 дня, въ Новомиргородѣ, въ новороссійской семинаріи классы начали править по переводѣ семинаріи изъ Полтавы первой разъ.

Іюля 10, городъ Елисаветъ съ церквами и духовнымъ правленіемъ и со всѣми купеческими лавками сгорѣлъ.

Сентября 28 дня, богословія открывалася въ новороссійской семинаріи.

Сего года, императора Павла I-го установленіе воспослѣдовало, подъ всякую церковь отдѣлить земли пахатной по тридцать десятинъ, а сѣнокосной по три десятины, и оную землю обработать всякой годъ прихожане должны отдать хлѣбъ чистой, а при томъ сѣно, солому и гуменной кормъ, все священно и церковнослужителямъ.

Въ октябрѣ, въ новороссійской семинаріи въ Новомиргородѣ, открылися классы сверхъ латинскаго, греческаго и нѣмецкаго—ариѳметика, географія и исторія. Ариѳметику преподавалъ Куницкой, географію и исторію преподавалъ Сулима.

Въ февралѣ, кирасирскіе полки изъ Елисаветграда и изъ Миргорода выступили въ походъ черезъ Цесарію, подъ французовъ.
1799 г., 7-й годъ французской республики отъ начала.

Іюля 30 дня, сарана ишла чрезъ селеніе Федварь.

Декабря первыхъ чиселъ, въ новороссійской епархіи всѣ священно и церковнослужительскіе дѣти, отъ 12 лѣтъ и выше, помѣщены на церковнослужительскія мѣста. Тогда же епископомъ Афанасіемъ и отрѣшены.

1799 и 1800 годовъ, зимою сильной холодъ, а лѣтомъ чрезвычайные жары были, отчего въ сихъ годахъ много садовъ и разнаго дерева повысыхало вездѣ.

1800. Мая 14, въ селеніи Федварскомъ общество согласилося для содержанія священно и церковнослужителей, всякой годъ давать по 250 рублей денегъ и сто копицъ сѣна и двадцать подводъ для привезенія дровъ.

1800 года, бугскіе козаки въ казенные поселяне обращены.

1801 г., маія, началися въ Федварѣ торги, а первый ярмарокъ былъ іюня 12 дня. Іюня 28 д., въ селѣ Федварѣ сильной дощъ ишолъ. Сентября 15, преосвященный Афанасій, епископъ новороссійскій, въ архіепископы произведенъ.

Сего года, императоръ россійскій Александръ установленіе отца своего императора Павла I-го, отмѣнилъ, а установилъ свое, то есть, взимать за требы такъ: за молитву родилици—4 копейки. За

крещеніе младенца—6 коп. За вѣнчанія браковъ—20 коп. За погребеніе великое—20 коп. За погребеніе малое—6 коп.

1802 г., генваря съ первыхъ чиселъ, снѣгъ выпалъ и зима отъ тогда началася, а прежде до Рождества снѣгу не было, и отъ тогда продолжалася постоянно до марта и отъ тогда начала распускать и послѣднихъ числъ марта совсѣмъ сойшла. Ноября 1 дня, выпалъ снѣгъ. Ноября 17, громъ сильно гремѣлъ. Октября 14 ч., трясеніе земли было.

1803 г., маія 21 д., въ городѣ Николаевѣ открылася николаевская губернія при преосвященному архіепископу Афанасію, а оттудова того жъ года переведена въ Херсонъ.

1804 г., генваря 17 д., полученъ указъ о переименованіи новороссійскаго архіепископа Афанасія екатеринославскимъ, херсонскимъ и таврическимъ.

Екатеринославская консисторія и семинарія, тожъ и преосвященный Афанасій, изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ перебралися.

Въ іюлѣ, екатеринославской семинаріи ректоръ протоіерей Іоаннъ Башинскій выѣхалъ въ Екатеринославъ.

Ноября 21 числа, снѣгъ выпалъ и продолжался съ морозами до 28 числа.

1805. Сентября 28 д., снѣгъ выпалъ и зима началася отъ тогда.

Октября 23 д., преосвященный Платонъ пріѣхалъ изъ Астраханя въ Екатеринославъ.

1806 г., маія 16 дня, морозъ сильной былъ, вездѣ бѣлой.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ ПО НОВОМУ СПИСКУ

(1587—1725).

Малороссійская „кроничка“, изданная въ 1856 г. Н. М. Бѣлозерскимъ подъ названіемъ Черниговской лѣтописи, несмотря на свою краткость, заключаетъ въ себѣ не мало свѣдѣній, бывшихъ неизвѣстными до ея изданія [1]). При изданіи этой лѣтописи, Н. М. Бѣлозерскій пользовался двумя ея списками: однимъ, болѣе старымъ, но неполнымъ (оконч. 1652-мъ годомъ) и другимъ позднѣйшимъ, доведеннымъ до 1750 г. (съ пропускомъ 1704—728 гг.), и напечаталъ лѣтопись до 1652 г.—по первому списку, а далѣе—по второму. Къ сожалѣнію, старый списокъ Черниговской лѣтописи былъ сдѣланъ переписчикомъ малограмотнымъ и потому пересыпанъ такими ошибками, которыхъ незачѣмъ было и вносить въ текстъ. Вскорѣ послѣ напечатанія Черниговской лѣтописи, мы имѣли въ рукахъ третій ея списокъ, совсѣмъ отличный отъ тѣхъ, которые описаны въ изданіи 1856 г. Списокъ этотъ мы получили въ Петербургѣ, отъ г. Персидскаго, и тогда же, описавъ рукопись, списали Черниговскую лѣтопись, а подлинникъ возвратили хозяину. Рукопись, въ которой находился списокъ Черниговской лѣтописи г. Персидскаго (такъ будемъ называть этотъ списокъ), писана въ листъ, на 45-ти лл., почеркомъ XVII в. и заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи:

[1]) О новыхъ подробностяхъ, сообщаемыхъ Черниговскою лѣтописью, см. у Максимовича. Соч., I, 233 и слѣд.

1) Отъ лѣтописца собрание краткое о началѣ родословія отъ Адама первого дне и отъ коего колѣна поидоша царие, судіи и властелины, и кто колко лѣтъ жилъ. 1—9 лл.

2) Начатокъ въ Руси великому княжению всѣхъ князей. 9—21 лл.

3) О многочюдесной побѣдѣ надъ Ливонскими нѣмцы и о взятіи Ругодова и Юрева, Рыкобора и Вылкада и иныхъ многихъ градовъ. 21—26 лл.

4) Сказаніе нѣкіихъ чудесъ, бывшихъ на Москвѣ различныхъ временъ. 26—29 лл.

5) Лѣтописецъ, що ся въ русскихъ и полскихъ сторонахъ дѣяло, и якого року, лѣта отъ Рождества Христова 1587. 29—45 лл.—Это и есть Черниговская лѣтопись, писанная здѣсь красивою южнорусскою скорописью к. XVII—нач. XVIII в.—Несомнѣнно, что описанная рукопись была писана монахомъ одного изъ черниговскихъ монастырей; это видно изъ нѣкоторыхъ клочковъ бумагъ, которые намъ удалось отдѣлить изъ картона, въ который переплетена рукопись. Такъ, въ числѣ этихъ клочковъ мы нашли: 1) отрѣзки выходнаго листа, нѣсколько разъ изданной въ Черниговѣ (1683—1712 г.) книги „Руно Орошенное“; 2) подлинное письмо лѣтописца Боболинскаго къ Мазепѣ [1]) и 3) подлинное письмо черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича къ какому то монаху Іоасафу, отъ 16 іюля 1698 г., съ

---

[1]) Приводимъ это письмо здѣсь полностью: „Знаючи я быти, ясневелможность вашу, моего бл(агодѣтела?) пана, всѣмъ притекающимъ патрова и велце милостивого добродѣя, упадаю съ тоею моею супликою до ногъ вашихъ панскихъ, просячи о ялмужну на откупъ (крев)ного моего, который въ рукахъ бисурманскихъ колко (годъ?) сѣдитъ скремпованный и любо мѣлъ маетность ..... тый безъ него зъ віонзекъ полскихъ чужоземско... спустошили, не машъ где що взяти ..... на той окупъ просячи, да будетъ ясневелможности вашей, пана и добродѣя моего, ласка, ради (Іисуса Христа) Бога нашего, насъ дѣля страдавшаго на крестѣ, ради апостола его Андрея Святого, обрати, ваша рейментарская милость, око свое панское на суплику, а мене тще отъ л...... не отпустишъ. А я зъ тымъ же неволниномъ (до конца?) живота моего, за щасливое рейментарство, (непобѣдимое) мужество, которое въ кавалеріи св. апостола Первозваннаго велможность ваша носишъ, о томъ Бога моего до кончины живота благаты не престану. Ясневелможности вашой, моего велце милостивого пана и добродѣя, богомолецъ и іеремонахъ Леонтій Боболинскій“.

благодарностію за присланную рыбу.—По этимъ бумагамъ можно съ увѣренностью сказать, что рукопись Персидскаго была написана въ одномъ изъ черниговскихъ монастырей и очень вѣроятно, что въ Троицкомъ, гдѣ монашествовалъ Боболинскій. Послѣдній едва ли не былъ и хозяиномъ рукописи, о чемъ догадываться можно изъ другихъ отрывковъ разныхъ бумагъ, найденныхъ нами въ томъ же картонѣ переплета рукописи Персидскаго. Такъ, въ этихъ бумажныхъ клочкахъ найдено нами нѣсколько черновыхъ листовъ „Собранія краткаго о началѣ родословія отъ Адама", изъ которыхъ между прочимъ видно—кàкъ составлялись эти лѣтописныя статейки: составитель ея списывалъ на листѣ бумаги разные историческіе факты, которые вычитывалъ въ подобныхъ историческихъ сочиненіяхъ и которые почему либо обращали на себя его вниманіе... Собравъ достаточное количество такихъ фактовъ, составитель распредѣлялъ ихъ по хронологическому порядку, переписывалъ набѣло и оставлялъ потомству какую нибудь хронику въ родѣ „Собранія краткаго о началѣ родословія отъ Адама". Черновые же листы употреблялись на приготовленіе того картона, изъ котораго тутъ же дѣлался переплетъ набѣло переписанной хроники. Очень можетъ быть, что эти упражненія въ писаніи „хроникъ" производилъ тотъ самый Боболинскій, который впослѣдствіи составилъ свою „лѣтопись"... Попавшій въ картонъ переплета автографъ этого лѣтописца даетъ поводъ къ такой догадкѣ... Списокъ Черниговской лѣтописи Персидскаго отличается отъ описанныхъ двухъ списковъ въ изданіи 1856 г., тѣмъ, что въ немъ лѣтопись продолжается непрерывно и послѣ 1703 г., оканчиваясь 1725-мъ годомъ.

Уже первымъ издателемъ Черниговской лѣтописи были указаны въ ней двѣ части: первая, оканчивающаяся 1692 г. и другая, заключающая въ себѣ 1693—1703 гг., при чемъ первая часть писана была на правой сторонѣ Днѣпра, а вторая—по многимъ вѣроятіямъ, въ Черниговѣ. Въ спискѣ Персидскаго является третья часть лѣтописи,—очень подробное описаніе 22-хъ лѣтъ, съ 1703 по 1725 годъ включительно. Несомнѣнно, что эта часть Черниговской лѣтописи, нынѣ впервые издаваемая,

написана лицомъ, близко стоявшимъ у событій, происходившихъ въ Малороссіи въ первой четверти XVIII в. Составителемъ ея могъ быть одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ гетманской канцеляріи, которые обязаны были вести діаріуши (журналы) этой канцеляріи [1]). По нѣкоторымъ подробностямъ относительно прихода шведовъ подъ Новгородсѣверскъ, можно думать, что лѣтопись писалъ тамошній уроженецъ, а по описанію ареста Полуботка съ товарищами, слѣдуетъ думать, что этотъ разсказъ записанъ очевидцемъ.

Печатая Черниговскую лѣтопись по списку Персидскаго, мы не отмѣчаемъ его разночтеній съ прежде изданнымъ текстомъ, не видя въ томъ особой потребности. Скажемъ только, что текстъ лѣтописи по списку Персидскаго исправнѣе текста изданнаго Н. М. Бѣлозерскимъ; признакъ бо́льшей исправности нашего текста видится и въ отмѣткѣ подъ 1669 годомъ, что поставленный гетманомъ Многогрѣшный избралъ себѣ для жительства Батуринъ, „а по немъ и иншие гетманы тамъ *живутъ*". Въ напечатанномъ въ 1856 г. текстѣ это мѣсто читается: „а по немъ иншіе тамъ гетманы *жили*". Изъ этого сопоставленія можно заключить, что въ напечатанномъ Н. М. Бѣлозерскимъ спискѣ текстъ оригинала не былъ сохраненъ вполнѣ...

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Въ числѣ этихъ канцеляристовъ были нерѣдко люди весьма образованные, особенно изъ числа „латинщиковъ", т. е. учившихся въ кіевской академіи. Такимъ канцеляристомъ былъ напр. Николай Ханенко, котораго „Діаріушъ" за 1722 годъ изданъ въ 1858 г., Бодянскимъ. Такимъ же канцеляристомъ былъ Павелъ Ладинскій, который писалъ „діаріушъ" генер. канцеляріи съ марта 1723 г., начавъ его стихами:

Планетъ княжичъ небесныхъ мѣсяцъ мартъ начася,
Когда сей діаріушъ мнѣ писать казася,
А именно о всякихъ дѣлехъ общихъ, знатныхъ,
Монаршихъ и войсковыхъ, тайныхъ и приватныхъ,
Во время правленія помежду гетманствомъ и т. д.

Такихъ образованныхъ канцеляристовъ въ перв. четверти XVIII в. было не мало. Одинъ изъ нихъ и могъ записать событія, составляющія третью часть Черниговской лѣтописи...

Лѣтописецъ, що ся въ руских и полскихъ сторонахъ дѣяло и якого року.

Лѣта отъ Рождества Христова, року 1587. По смерти Стефана Баторого, короля полского, обранъ есть на кролевство полское Жиґмунтъ третий, кроль шведскій, и коронованъ въ Краковѣ. Видло велми здихало и невидимо по окнахъ слова были писани.

1591. Михаилъ Рагоза на митрополию киевскую посвященъ въ Вилню. Той же Михаилъ Рагоза, приѣхавши съ Кіева до Бреста Литовского, учинилъ соборъ на духовенство, на которомъ соборѣ при немъ были епископы: Ипатий Поціей, прототроній митрополии киевской, епископъ володимерский, Кирилъ Терлецкій, екзархъ константинополскій, епископъ луцкий, Ермогенъ, архіепископъ полоцкий и туровский, Дионисий Збаразский епископъ хелмский и белзский, будучи православными, на томъ соборѣ приняли унѣю, и послушенство Мыхаилъ Рагоза отдалъ папежови, посълавши до Рыму епископовъ Іпатія Поціея и Кирилла Терлецкого, але тои унѣи духовенство иншое русское, и монастыри всѣ, и шляхта не приняли. Того жъ року Косинский воевалъ съ поляками и зосталъ отъ нихъ подъ Пяткою поражонымъ.

Того жъ року, Наливайко спалилъ Слуцкъ и Могилевъ великий, а потымъ подь Лубнами, на Солоницѣ, ляхи збили его войско, а самого Наливайка и двохъ его полковниковъ, Мазепу и Лободу, живцемъ побрали.

1600. Михаилъ, воевода мултапский, воевалъ на Полщу.

1605. На Жиґмонта, короля полского, отъ пановъ былъ рокошъ.

Того жъ року, татаре пречиские людей брали.

Того жъ року, Димитрия цара на Москву провадили поляки, але тамъ немного царствовалъ, бо его забили москалѣ.

1609. Гайдукъ еденъ благочестивый въ Вилнѣ тялъ шаблею стылу на Іпатія Поціея, митрополиту унѣацкого, и надтялъ ему корку, але вылечилъся, а гайдука благочестивые сховали межи собою.

1611. Татаре выбрали Острожокъ.

Того жъ року царъ Ѳеодоръ черцемъ сталъ.

1615. Саранча была всюды великая, въ Полщи, Литвѣ и на Вкраинѣ и война Сагайдачного на Москву.

1616. Татаре стрыбинскіе взяла Шулжинецъ, и людей много набрали.

1619. Снѣгъ на Вознесение Господне выпалъ, зъ морозомъ, же въ полю отъ великости снѣгу и зимна великого, овечки померзли.

1620. Турки гетмана великого коронного Жолковского на Цоцорѣ зъ войскомъ его збили, а самому Жолковскому гетманови мужикъ сокѣрою голову утялъ надъ Днѣстромъ, противъ Могилева Подолского.

Того жъ року, у Варшавѣ на сеймѣ, шляхтичъ Пекарский, на Жигмонта, короля полского, ꙃды выходилъ съ костела, ударилъ чеканомъ, але Богъ его самъ боронилъ отъ смерти, бо плазмомъ ударилъ и кровъ его облила, и палъ кроль на землю, а потомъ, пришедши до себе, даровалъ его здоровемъ, але Владиславъ кролевичъ, казалъ его на конѣ мѣдяномъ спалити, и заразъ выволано, абы чекановъ нихто не смѣлъ носить.

1621. Турки подъ Хотѣномъ ляховъ осадили, въ которомъ войску былъ Владиславъ, кролевичъ полский, а гетманомъ козацкимъ тогды былъ Бородавка, до котораго кролевичъ не разъ посылалъ, абы до него съ козаками прибывалъ на помочь, але онъ, за пянствомъ, не поспѣшалъ; видячи теды козаки городовые отзяблость его, безъ вѣдома его, послали на Запороже, даючи знати о гетманской на королевские писма недбалости; почувши тое, запорожцѣ, выйшли заразъ всѣ, (зоставивши двѣ тисячи козаковъ на Запорожьѣ), маючи собѣ вожемъ Сагайдачного, а пришедши до Межибожя, обачили непорадки его войсковой справѣ, казалъ Сагайдачный Бородавцѣ пяному шию втяти; тамъ же козаки Сагайдачного учинили гетманомъ и заразъ яко на рихлѣй Сагайдачный пошолъ зъ войскомъ козацкимъ до кролевича подъ Хотѣнъ, а пришедши въ ночи подъ войско турецкое, поймалъ полную всю сторожу ихъ, а справивши войско свое на двѣ части, ударилъ на войско турецкое о

полночи, а положивши турковъ трупами тисечей пятдесятъ три, пробилъся до королевича, палъ предъ нимъ на землю, витаючи его. Владиславъ, миле принявши, дяковалъ ему за таковую отвагу и, ударовавши его самого и все его войско, казалъ отпочинути дни два. А турки заразъ будучи престрашоны не помалу, оставивши поляковъ, станули въ едной купѣ обозомъ своимъ, але Сагайдачный съ козаками промысломъ своимъ рвалъ въ ночи турковъ, забиваючи ихъ, и живцемъ беручи. А потимъ цесаръ, мало що войска своего турецкого маючи при собѣ, оттягнулъ зъ ганбою пречъ, бо почулъ, же король Жигмонтъ споды Львова, зъ войскомъ чужоземнимъ и посполитымъ рушенемъ, мѣлъ тягнути до сына своего, подъ Хотѣнъ.

1626. Переяславщина была, то есть война за Конецполского, гетмана великого коронного полского, а за Тараса, гетмана козацкого.

1630. Иовъ Борецкий, митрополитъ киевский благочестивый, преставилъся.

1631. Исаия Копинский обранъ на митрополию киевскую, а на той часъ Петръ Могила былъ архимандритомъ печерскимъ киевскимъ и ѣхалъ въ справахъ пилнихъ до кроля, до Варшавы, и просилъ его Копинскій, абы ему привилей привезъ одъ кроля, на митрополію киевскую; але Могила помылився, не ему да собѣ выправилъ привилей на митрополию тую жъ, и правилъ церковъ Божию зъ великимъ прилежаниемъ, бороначи еѣ отъ ляховъ и унѣятовъ, маючи по собѣ кроля Владислава.

1632. Владиславъ, королевичъ полскій, взялъ отъ Москвы Смоленскъ, Москву збилъ, а гетмана ихъ Шеина волно до Москвы пустилъ.

Того жъ року, въ Лубнахъ, мужикъ одинъ назвался цarикомъ и зобралося до него много голоты, а ґды ляхи того цара поймали, гултайство его, едних постинали, а инше поутѣкали, а самого того цара, набивши гармату великую, вложили его въ неи и выстрелили на воду, и тамъ утонулъ.

Того часу, Копинскій зъѣхалъ зъ Кіева зовсѣмъ, мешкалъ въ монастыру лубенскомъ, строячи его, который зовется Мгаръ.

Того жъ року, Моцарский добувалъ Нѣжина, але его не взялъ.

1634. Жигмонтъ, кроль полский, померъ, а Владислава, сына его, по погребѣ, въ Краковѣ короновано на кролевство полское.

Того жъ року, зимою по Рожествѣ Христовомъ, громъ великий гримѣлъ и перуны били.

1637. Кумейщина была за Павлюка, гетмана козацкого, которого ляхи збили, а Павлюка въ Боровици поймали. Тогды жъ Кизиму сотника и сына его въ Киевѣ на палъ збили, а Павлюка у Варшавѣ стято; и одъ того часу великая неприязнь козаковъ зъ ляхами всщалася.

1638. Остранинъ нѣякий подъ Лубнами войско зобралъ, а ляхи, учувши тое, заразъ ишли на него, а онъ предъ ними пошолъ въ степы, а ляхи гонилися за нимъ; онъ обернувшися, далъ имъ битву, на рѣчцѣ названной Старецъ, и много тамъ ляховъ пало трупомъ, мало ихъ що утекло, а повернувши ляхи до дому, въ городахъ, якихъ хотѣли, козаковъ брали и на паль збивали, изъ своихъ маетностей козаковъ выгонячи, великое надъ ними посмѣвиско чинили.

1645. Владиславъ, кроль полский, померъ.

Того жъ року Могила митрополитъ померъ, а по немъ зосталъ митрополитомъ Силвестръ Косовъ.

1648. Богданъ Хмелницкій на Запорожю повсталъ, и тамъ що было въ Сѣчи ляховъ, нѣмцовъ, всѣхъ выкололи козаки, а съ татарами Хмелницкій взялъ примире. Учувши тое, ляхи послали Потоцкого молодого, сына гетманского, зъ войскомъ, на Запороже, а Хмелницкий съ козаками и ордою стрѣтилъ ихъ на Жовтыхъ Водахъ, о родопостю великомъ, и осадилъ ихъ, и знеслъ войско лядское все, а комисара и каштеляна живцемъ узяли и татарамъ отдано. А потымъ пошолъ Хмелницкий въ городы, и пришолъ подъ Корсунь, а тамъ ляхи зъ Потоцкимъ, гетманомъ великимъ коронным, и съ полнимъ гетманомъ Калиновскимъ, учинили битву съ Хмелницкимъ и збилъ ляховъ, мая 24 дня, о святахъ зеленыхъ, а гетмановъ обудвухъ лядскихъ отдалъ живцемъ солтанови татарскому Тугай-беови.

1649. Поляки, зобравшися знову, шли на городы козацкие и пришли подъ Пиляву; Хмелницкий съ козаками и ордою стрѣтилъ

ихъ, и тамъ обои войска станули, козацкие и лядские; тамже день и другий пылно герцы межи собою одправовали; а въ тымъ орда вся пришла до Хмелницкого и заразъ ляхи зъ великою гордостю звели битву съ Хмелницкимъ, але ихъ Хмелницкий зломалъ и розбилъ войско ихъ, а ляхи, утѣкаючи, заперлися въ Збаражю; тамъ ихъ Хмелницкий стиснулъ облеженемъ, где великий голодъ ляхи терпѣли, ѣли конѣ и псы свои коханыи; а кроль Казимиръ самъ съ посполитымъ рушенемъ ишолъ ляхомъ на отсѣчъ; почувши тое, Хмелницкий взялъ половину войска козацкого, мѣлъ повтораста тисячий [1]), а орды осмдесять тисячий, также и орды половину, стрѣтилъ короля подъ Зборовомъ, до которого заразъ ляхи зъ великимъ пудомъ скочили, але онъ ихъ тамъ много побилъ и облеглъ. Потимъ кроль Казимиръ просилъ Хмелницкого до себе, давши козакомъ семи сенаторовъ въ заставу за Хмелницкого; а Хмелницкий приѣхалъ у сту коней до обозу полского, нарадно, бучно, збройно; а пришедши предъ кроля, палъ предъ нимъ на землю, а потомъ, ꙃды за росказанемъ кролевскимъ подведено его, мовилъ ему кроль: если то годится такъ сынови коронному, тобѣ, пане Хмелницкий, на пана своего руку подносити и воевати на него?—А Хмелницкий отказалъ, плачучи: я на кроля, пана моего милостивого, руки не подношу, толко на его сенаторовъ, которые и на святой памяти кроля Владислава, рожоного вашой королевской милости, пана моего милостивого, недбаючи напомнене, такъ мнѣ самому, яко и всему народови малоросийскому несносные и невымовные чинили кривды, а теперь, чого не дай Боже, ꙃды бы насъ зламали, не зоставили бы и наслѣдку русского! А такъ, найяснѣйший, милостивый пане, будемъ боронитися, поки насъ станетъ, абы въ наши козацкие города а ни заглянули. Я й теперъ, найяснѣйший пане мой милостивый, учинити готовъ все, що ти кажешъ, а зъ ляхами буду битися! И плакалъ кроль самъ, сенаторове и Хмелницкий велми часъ не малый; потомъ Хмелницкий палъ знову предъ кролемъ плачучи, просилъ прощения и лежалъ, облапивши ноги кролевские, а кроль казалъ

---

[1]) Приписка сбоку: всего войска 230000.

его подвести и, давши ему руку свою поцѣловати, просилъ, абы зъ облеженя выпустилъ войско полское зъ Збаража. И такъ пріѣхавши Хмелницкий до обозу своего, и заставныхъ сенаторовъ казалъ до кроля одпровадити, а самъ зъ войскомъ своимъ приѣхавши подъ Збаражъ до другого войска съвоего, просилъ до обозу своего гетмановъ полскихъ и иншихъ пановъ на учту, а участовавши оныхъ, далъ сорокъ возовъ лиgоминъ вшелякихъ войску лядскому; и одступилъ отъ Зборова отъ ляховъ, пошолъ въ городы свои, а кроль Казимиръ отишолъ зо всѣмъ войскомъ до Полщи.

1650. Адамъ Кисель воеводою зосталъ киевскимъ. панъ благочестивый; того козаки любили велми.

1651. Ляхи подъ Берестечкомъ малымъ, Хмельницкого войско збили [1]); а такъ, покинувши козаковъ и таборъ весь, мусѣлъ утѣкати; также и орда утѣкала, а козаки также, где хто моглъ утѣкати, тамъ утѣкали; и велми ихъ тамъ погинуло много на болотахъ, и на переправахъ отъ ляховъ побито, бо ляхи за Хмельницкимъ ишли въ тропы ажъ до Бѣлой Церкви, города козацкого. А Хмельницкій знову, зобравши войско и зъ ордою, ишолъ противко ляховъ; а ляхи, впавши въ Бѣлую Церковъ, замкнулися въ ней; а Хмельницкій тамъ ихъ облеглъ. А Янушъ Радивилъ, гетманъ литовский, и Еремиашъ Вишневецкий, зъ другими войсками, ишли на Вкраину; а гды до Паволочи пришли, тамъ Вишневецкий померъ и вернулися всѣ коронные жолнѣре до Полщи, взявши зъ собою тѣло Вишневецкого. А Радивилъ зъ Литвою пришолъ до Киева, и где моглъ чути въ кого скарбы, то побралъ ихъ. А въ Киевѣ на той часъ былъ митрополитомъ Силвестеръ Косовъ, и много подавалъ Радивилу скарбу, и въ монастыру Печерскомъ бралъ, що самъ хотѣлъ; а потомъ вернулся до Литвы. А тые що были ляхи въ Бѣлой Церкви въ облеженю, просили Хмелницкого о милосердие; и пустилъ ихъ въ цѣлости до дому; а gды выходили

---

[1]) Приписка сбоку: по той причины, что помогавшіе ему бездѣльники татаре изменили и, войска Хмельницкого оставивъ, убѣжали. Верно отъ поляковъ были подкуплены.

зъ мѣста, казалъ Хмелницкий на ихъ ганбу трубити въ тые трубы, що мысливци собакъ скликаютъ, а было тыхъ трубокъ триста.

1652. Великий былъ моръ по всей Украинѣ, и велми много померло людей свѣцкихъ и духовныхъ.

1653. Богданъ Хмелницкий поддался зо всею Украиною и воискомъ запорозскимъ, и присягалъ въ Переяславлю Алексею Михаиловичу, цару московскому.

1654. Ляхи зимою доставали Уманя, а Хмелницкий съ козаками и зъ москалями, надъ которыми гетманомъ былъ Борисъ Васильевичъ Шереметъ, ишли на одсѣчъ Уманю. Довѣдавшися того ляхи, же Хмелницкій зъ Москвою и козаками идетъ до Уманя, оставивши Умань, стрѣтили Хмелницкого въ степу, такомъ мѣстцу, где не было ни воды, ни дровъ, ни сѣна, и тамъ его, маючи при собѣ татаръ, осадили, а морозы велми были великие, (тое чинилося по Крещении), и такъ три дни будучи въ облеженю, где ни козаки, ни москалѣ, ни кони ихъ ничого ни ѣли, ни пили, а дня четвертого обозъ свой Хмелницкий оточивши вкругъ гарматами, бо вже не моглъ болшъ вытрвати голоду и зимна, пошолъ на проломъ, стрѣляючи зъ дѣлъ и ручнои стрелбы безъ престанку; а пробившися на волю, бо не могли ему що ляхи учинити, обернулъся на ляховъ и на орду и много ихъ побилъ и ажъ до Букувъ мѣста и за Буки гонилъ ихъ. А тую войну козаки прозвали Дрижиполемъ, бо ни одинъ козакъ и москаль дрижачи сконалъ.

Того жъ року, августа дня 4, въ среду, солнце все затмилося на годинъ двѣ была ночь о полудню, и звѣзды было видати на небѣ.

1655. Алексѣй Михайловичъ, царъ московский, воевалъ Литву и взялъ мѣсто столечное литовское, Вилно.

Того жъ году ходилъ Хмелницкий подъ Каменецъ Подолский, а постоявши подъ нимъ, одступилъ и пошолъ подъ Львовъ; а зъ нимъ Василий Василиевичъ Бутурлинъ, зъ Москвою; пришедши подъ Львовъ, хотѣлъ его добывати, але лвовяне окупилися ему; онъ, взявши окупъ, хотѣлъ ити въ Полщу далей, але же зима наступила, вернулся до

И. Зозули, Н. Ө. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ө. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ө. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ө. Н., Проф. Н. Ө. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ө. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено Ценз. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXIX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Свѣтопечать С. В. Кульженко.

Григорій Андреевичъ Стороженко

Сотникъ Ичанскій 1715—1737 г.

ПОСОЛЬСТВО ШАКЛОВИТАГО КЪ МАЗЕПѢ ВЪ 1688 Г.

Наши лучшіе историки, какъ Устряловъ [1]), Соловьевъ [2]), Костомаровъ [3]), разсказывая о приготовленіяхъ ко второму крымскому походу, вскользь упоминаютъ о посольствѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1688 г. думнаго дворянина Шакловитаго къ гетману Малороссіи, при чемъ, основываясь на записи дневника П. Гордона подъ 8-мъ числомъ ноября 1688 г., единогласно утверждаютъ, что, подъ предлогомъ совѣщанія о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ, Шакловитый долженъ былъ развѣдать тайно, до какой степени можно было положиться на козаковъ и на самого Мазепу.

Трудно согласиться съ такимъ положеніемъ. Думный дворянинъ Ѳ. Шакловитый, облеченный полнымъ довѣріемъ правительницы Софіи и ея преданнаго друга, князя В. В. Голицына, представлялъ собою слишкомъ крупную величину, чтобы хоть одинъ шагъ его могъ укрыться отъ взоровъ хитраго и умнаго Мазепы; гдѣ же было ему заниматься шпіонствомъ? Другое лицо, сопровождавшее Шакловитаго, розрядный дьякъ Любимъ Домнинъ, вскорѣ пожалованный въ думные дьяки, тоже былъ слишкомъ замѣтенъ, чтобы Мазепа не приказалъ слѣдить за каждымъ его движеніемъ. Остальная свита Шакловитаго, какъ это будетъ видно впослѣдствіи, тоже не представляла элементовъ для шпіонства. Да и зачѣмъ было московскому правитель-

[1]) Устряловъ. Ист. царств. Петра В., т. I, стр. 216.

[2]) Соловьевъ. Ист. Рос. т. XIV.

[3]) Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы.

ству посылать такихъ видныхъ лицъ для развѣдыванія, когда оно чрезъ своихъ воеводъ, а еще болѣе чрезъ недовольныхъ новымъ гетманомъ малороссіянъ, имѣло постоянныя и самыя точныя свѣдѣнія о всѣхъ сношеніяхъ Мазепы. Достаточно вспомнить о той массѣ доносовъ на гетмана, какая появилась тотчасъ послѣ выбора его, чтобы судить, какъ много было у него враговъ, во всякій моментъ готовыхъ въ чемъ нибудь поймать его. Статейный списокъ посольства Шакловитаго, открытый мною въ столбцахъ Сибирскаго приказа [1]), даетъ нѣсколько иное понятіе объ этомъ посольствѣ. Несомнѣнно, цѣлью посольства было уговориться какъ о приготовленіяхъ къ походу, такъ и объ участіи малороссіянъ въ походѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о нѣкоторыхъ иныхъ вопросахъ текущей политики. Къ сожалѣнію, статейный списокъ не совсѣмъ полонъ, но и тѣ свѣдѣнія, которыя въ немъ имѣются, представляютъ значительный историческій интересъ, особенно въ виду отсутствія всякихъ свѣдѣній въ исторической литературѣ объ этомъ посольствѣ; при томъ списокъ этотъ подлинный, доказательствомъ чего служитъ съ одной стороны скрѣпа по склейкамъ дьяка Любима Домнина, а съ другой — записанный на немъ приговоръ боярской думы по поводу этого доклада.

1688 г. сентября въ 25 д. великіе государи указали думному дворянину и намѣстнику болховскому Ѳедору Леонтьевичу Шакловитому да розрядному дьяку Любиму Домнину ѣхать для своихъ государевыхъ дѣлъ и съ милостивымъ словомъ къ гетману Ивану Степановичу Мазепѣ; а съ нимъ во дворянахъ— стряпчіе: Никита Епифановъ да Иванъ Евсевьевъ Бехтѣевы, да изъ дворянъ Михаилъ Селиверстовъ Гульскій, жилецъ Иванъ Климовъ Судейкинъ, капитанъ Василій Сапоговъ, да для письма подъячіе: государственнаго посольскаго приказа Василій Айтемиревъ, розряднаго—Ѳедоръ Остафьевъ и стрѣлецкаго—Агапъ Петровъ и Ѳедотъ Семеновъ. Посолъ съ дворянами былъ у руки у Іоанна Алексѣевича и царевны Софіи 30-го сентября, а у Петра Алексѣевича въ Преображенскомъ октября въ 1-й д.,

[1]) Московскій архивъ М-ва Юстиціи. Столбецъ Сибирскаго пр. № 7214.

выѣхалъ изъ Москвы 2-го октября и ѣхалъ на Калугу, Лихвинъ, Бѣлевъ, Болховъ, Карачевъ, Сѣвскъ, куда прибылъ 10 числа, а 11-го поѣхалъ къ Глухову. Не доѣзжая двадцати пяти верстъ до Глухова, его встрѣтилъ по гетманской присылкѣ глуховской сотникъ Кондратій Гридякинъ съ двумя стами козаковъ и ѣхалъ за нимъ до Глухова; въ пяти верстахъ отъ Глухова встрѣтили глуховская старшина: бывшій нѣжинскій полковникъ Яковъ Жураховскій да бывшій глуховскій сотникъ Василій Елоцкой и городовые атаманъ, войтъ и другіе знатные люди; за три версты отъ Глухова встрѣтилъ посла генеральный ясаулъ Андрей Гамалѣй съ письмомъ отъ гетмана, что онъ ожидаетъ посла съ великой радостью. Изъ Глухова въ тотъ же день поѣхали къ Королевцу, гдѣ встрѣтилъ его и провожалъ кролевецкій сотникъ Иванъ Маковскій съ сотнею; изъ Кролевца къ Батурину посолъ поѣхалъ 13 октября. За пятнадцать верстъ отъ Батурина посла встрѣтили стольники и полковники Борисъ Дементьевъ да Аѳанасій Чубаровъ, да полуполковникъ Борисъ Батуринъ; за десять верстъ, въ селѣ Ксендзовкѣ, встрѣтилъ его сердюцкой полковникъ Ерема съ батуринской сотнею и провожалъ до Батурина, а кролевецкій сотникъ вернулся домой; черезъ три версты явились: генеральный ясаулъ Войца Сербинъ, бунчужный Яковъ Лизогубъ и знатные войсковые товарищи: Ломиковской, Лысенко, Чеченъ, Лисица и другіе; за три версты отъ Батурина привѣтствовали посла: племянникъ гетмана Янъ Обидовскій, генеральный хорунжій Михаилъ Миклашевскій и войсковые товарищи; у рѣки Семи встрѣтили ихъ генеральный судья Савва Прокоповичъ, генеральный писарь Василій Кочубей и знатные войсковые товарищи. На другомъ берегу Семи, у самаго перевоза, дожидался посла гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа [1]). Гетманъ, поздоровавшись съ посломъ, просилъ его и дьяка Домнина сѣсть въ его карету, въ которой и доѣхали до постоялаго двора; гетманъ сидѣлъ по лѣвую сторону посла. По обѣ

---

[1]) Здѣсь въ документахъ пропускъ; изъ отрывковъ видно, что гетманъ говорилъ рѣчь о счастьи видѣть царскаго посла, въ чемъ онъ видитъ превеликую милость.

стороны улицы, гдѣ двигалась гетманская карета, до постоялаго двора стояли стрѣльцы съ ружьемъ, съ знаменами и барабанами ратнымъ строемъ.

На другой день посолъ являлся къ гетману. За нимъ была прислана гетманская карета съ ясауломъ Гамалѣемъ; въ каретѣ помѣстились Шакловитый, дьякъ Домнинъ, передъ ними Гамалѣй и подъячій Айтемиревъ съ грамотою государственнаго посольскаго приказа. Обыкновенно такую грамоту подъячій везъ верхомъ на лошади передъ каретой посла, но на сей разъ былъ дождь очень сильный, грамота могла размокнуть. Передъ каретою ѣхали подъячіе и дворяне, по бокамъ шли московскіе стрѣльцы съ завѣсными пищалями, а сзади посольская прислуга. По прибытіи на гетманскій дворъ, посла встрѣтилъ у кареты гетманъ со старшиною и всѣ пошли въ хоромы. Войдя въ хоромы, посолъ отъ имени государей спросилъ гетмана „о здоровьѣ" и сказалъ ему великихъ государей „милостивое слово" по опредѣленной формѣ; въ отвѣтъ гетманъ билъ челомъ и кланялся до земли. Послѣ того гетманъ спрашивалъ посла „о здоровьѣ" великихъ государей, „како всемогущій Творецъ Господь-Богъ ихъ царское пресвѣтлое величество во здравіи сохраняетъ", на что посолъ отвѣчалъ, что „ихъ царское величество на своихъ великихъ и преславныхъ престолѣхъ россійскаго царствія, милостію всемогущаго Бога, въ добромъ здоровьѣ". Дьякъ Любимъ Домнинъ объявилъ гетману „милостивое слово" великихъ государей за его службу, а посолъ передалъ ему грамоту; принявши грамоту, гетманъ „поцѣловалъ въ печать" и отдалъ ее писарю Василію Кочубею. Посолъ спросилъ „о здоровьѣ" генеральную старшину „и генеральная старшина били челомъ за государскую милость и благодарствовали такъ же, какъ и гетманъ". Посолъ объявилъ гетману „жалованье, съ дворцовъ посылку: арбузы, виноградъ, рыбу; и гетманъ за ихъ государскую милость билъ челомъ со благодарствіемъ". Когда Кочубеемъ была прочитана государева грамота, гетманъ билъ челомъ за государскую милость, чѣмъ и закончилась церемонія: гетманъ сталъ здороваться съ посломъ и его свитой, затѣмъ всѣ усѣлись на скамьи и началась обыкновенная бесѣда. Немного спустя гетманъ съ посломъ

поѣхали къ обѣднѣ въ церковь Николая Чудотворца, а оттуда вернулись къ гетману на обѣдъ; когда гетманъ пилъ „про здоровье великихъ государей", на дворѣ палили изъ двадцати шести пушекъ. Послѣ обѣда всѣ разъѣхались по домамъ.

На другой день посолъ съ дьякомъ Домнинымъ безъ всякихъ церемоній бесѣдовали съ гетманомъ „объ ихъ великихъ государей дѣлѣхъ по наказу и *сверхъ наказу, по именному ихъ великихъ государей указу*". Переговоры велись по пунктамъ, коихъ и мы будемъ придерживаться.

I) Въ нынѣшнемъ 197 г. сентября въ 13 д. (1688 г.) къ великимъ государямъ писали [1]) цареградскій прежде бывшій патріархъ Діонисій да архіепископъ сербскій Эпектій, нареченный патріархъ, и мултянскій господарь Шербанъ Аѳонской горы съ архимандритомъ Павловскаго монастыря Исаіемъ, и самъ Исаія объявилъ, что послали его въ Москву настоящій цареградскій патріархъ Іаковъ да преждебывшій патріархъ Діонисій, и все духовенство и весь православно-христіанскій народъ, находящійся подъ игомъ басурманскимъ, и архіепископъ сербскій Эпектій, нареченный патріархъ, и мултянскій господарь Шербанъ, и всѣ сербы, и болгары, и волохи и мултяне бить челомъ великимъ государямъ о своемъ избавленіи отъ ига басурманскаго, такъ какъ теперь пришло самое время къ ихъ освобожденію. Турское государство приходитъ къ самой конечной погибели какъ отъ войскъ христіанскихъ, такъ и отъ междоусобія и удобнѣйшаго времени противъ турокъ стоять и ихъ до конца изгубить, а православныхъ христіанъ изъ-подъ ихъ неволи высвободить, за тысячу лѣтъ не бывало. А они, православные христіане, „въ той ихъ погибели" всѣ разорены, разграблены, побиты и въ плѣнъ взяты. Случилось это такимъ образомъ: въ прошлые годы и въ нынѣшнемъ, не имѣя возможности выдержать наступленія цесарскихъ и венецкихъ силъ, турки, отступая, христіанъ греческой, ромельской, морейской, сербской и болгарской земель, больше трехъ сотъ тысячъ, предали огню и мечу, а малолѣт-

---

[1]) Хотя эта грамота и напечатана въ „Собраніи Грамотъ и Договоровъ", тѣмъ не менѣе изложеніе ея здѣсь представляется необходимымъ, для яснаго пониманія отвѣта на эту рѣчь гетмана Мазепы.

нихъ и женщинъ несчетное множество, взявъ въ неволю, свезли за море: въ Анатолію, въ Азію и въ Египетъ; города же, монастыри и церкви, а равно и всѣ жилища разорили и пожгли. Такая ужасная расправа съ христіанскими народами учинена турками во первыхъ потому, чтобы всѣ подвластные имъ христіане не соединились съ непріятельскими войсками и не возстали противъ ихъ, а во вторыхъ—чтобы непріятельскимъ войскамъ нечѣмъ было покорыстоваться. Тоже самое они намѣрены сдѣлать съ христіанами, проживающими въ Цареградѣ, на Аѳонской горѣ и въ другихъ мѣстахъ, какъ только будутъ приближаться непріятельскія войска, а сами затѣмъ уйдутъ за море, откуда пришли.

Къ просьбѣ объ избавленіи отъ бусурманскаго ига, всѣ христіане просятъ избавить и отъ другой бѣды: если ихъ освободятъ отъ турецкаго ига цесарскія и венеціанскія войска, то они, православные христіане, изъ неволи басурманской попадутъ „въ пущую и горшую неволю", во власть *папежниковъ*, которые, какъ только были завоеваны въ венгерскомъ королевствѣ и въ Мореѣ нѣсколько городовъ, тотчасъ церкви Божіи греческаго закона обратили въ костелы, а народъ—въ унію. Несомнѣнно, что если папежники завоюютъ ихъ земли, то вѣра православная греческая вся погибнетъ и искоренится, и „горшая имъ будетъ бѣда послѣдняя, нежели первая", потому что подъ игомъ турецкимъ хотя и тяжело жить, однако относительно вѣры никакихъ притѣсненій и принужденій нѣтъ. Вслѣдствіе того они и обращаются съ просьбой объ избавленіи ихъ отъ турецкаго ига именно къ православнымъ государямъ, что они всѣ искони были подчинены православнымъ государямъ и языкъ и вѣра у нихъ одна. Да и турки, которые живутъ между ними, имъ, великимъ государямъ, легче поддадутся, нежели нѣмцамъ, такъ всѣ они рождены отъ сербовъ, болгаръ и иныхъ греческихъ народовъ.

Архимандритъ же Исаія доносилъ: приказалъ мултянской господарь Шербанъ черезъ ближнихъ людей бить челомъ великимъ государемъ объ избавленіи христіанъ, подъ игомъ бусурманскимъ стенящихъ, а для того послать войско Дунаемъ на

судахъ въ бѣлогородскую орду на Буджаки, а онъ, Шербанъ встрѣтитъ царскія войска съ 70,000 своего войска; для задержанія же крымскихъ татаръ оставить часть войска на Запорогахъ. Въ тѣхъ странахъ воды много и въ запасахъ скудости не будетъ. Мултянская земля вся лежитъ по Дунаю, близко отъ Буджаковъ, и запасовъ въ ней имѣется достаточно. Когда царскія войска приближутся къ Бѣлогородчинѣ и онъ, господарь, пойдетъ съ своими ратями на соединеніе съ ними, тогда всѣ сербы, болгары и волохи пристанутъ къ нимъ, „и будетъ путь до Царяграда безъ помѣшки", такъ какъ жилищъ бусурманскихъ въ этихъ странахъ нѣтъ, живутъ все христіане, и крѣпостей до самаго Царьграда нѣтъ же. Словомъ, путь этотъ будетъ для царскихъ войскъ самый удобный, вездѣ ихъ ожидаютъ христіане, готовые немедленно вовстать противъ турокъ, и на помощь царскимъ войскамъ сразу же явится 300,000 сербовъ и болгаръ. Въ настоящее время мултянской господарь находится въ своемъ городѣ Букурештѣ и войско его все въ сборѣ, а никому не помогаетъ, ни туркамъ, ни цесарю, а остерегаетъ свое владѣніе. Волохи почти всѣ находятся при мултянскомъ господарѣ.

Великіе государи продолжалъ докладывать Шакловитый, вняли просьбѣ христіанъ, стенящихъ подъ бусурманскимъ игомъ, и указали своихъ великороссійскихъ и малороссійскихъ многихъ войскъ генеральный походъ, о чемъ онъ, гетманъ, былъ извѣщенъ ротмистромъ Лызловымъ. Но при выборѣ пункта похода является сомнѣніе: можно ли вѣрить всему тому, что мултянскій господарь писалъ въ своей челобитной и словесно доносилъ архимандритъ Исаія? И если можно вѣрить, то „какъ съ ними въ томъ поступать, и гдѣ въ тѣ вышепомянутыя призываемыя мѣста дорога належитъ? И всѣмъ ли та дорога какъ водою, такъ и кормомъ изобильна?" Объ этомъ великіе государи указали ему, гетману, „помыслить и ознаймить", такъ какъ въ малороссійскихъ городахъ есть такіе люди, которые тѣ мѣста знаютъ и могутъ дать подробныя свѣдѣнія. Затѣмъ гетманъ, посовѣтовавшись съ старшиною, долженъ высказать свое мнѣніе: быть ли тому великому походу на Буджаки, согласно просьбѣ мултянскаго господаря, или всѣми силами бро-

ситься на Крымъ прямо, и прежнею ли дорогою, или иною, и что съ гетманомъ его регименту полковъ будетъ? Или, пришедъ къ Крыму и оставивши немалую часть рати въ Запорогахъ, остальныя рати послать къ мултянскому господарю? Или о томъ переслаться съ королемъ польскимъ и идти на Буджаки вмѣстѣ съ поляками? А если не такъ поступить, то невозможно ли соединиться съ мултянскимъ господаремъ, минуя бѣлогородскую орду, и уже по соединеніи вмѣстѣ напасть на Буджаки, или идти на Крымъ, *покорить его*, и тогда уже чинить промыслъ на Буджаки?

Гетманъ, поблагодаривши за обращеніе къ нему за совѣтомъ и посовѣтовавшись со старшиною, отвѣчалъ: „вышепомянутое обѣщаніе и обнадеживаніе мултянскаго господаря, какъ писано въ листу его и словесно въ посольскомъ приказѣ доносилъ архимандритъ Исаія, статься не можетъ. Во первыхъ, святѣйшій Іаковъ патріархъ, который подписался настоящимъ константинопольскимъ патріархомъ, нынѣ уже отставленъ, а на его мѣстѣ иной въ Константинополѣ патріаршествуетъ. Потомъ, удобнаго и свободнаго пути къ тѣмъ мѣстамъ отъ малороссійскаго краю нѣтъ; если государевымъ ратямъ идти Днѣпромъ въ море, а оттуда Дунаемъ, тому воспрепятствуютъ турецкіе городки, которые устроены на Днѣпрѣ; если и тѣ городки обойти, и идти съ моря Дунаемъ вверхъ, то путь этотъ труденъ, медленъ и небезопасенъ; а если идти на рѣку Бугъ, то до Буга ратнымъ людямъ сухимъ путемъ идти свободно, потому что вода и конскіе кормы есть, а отъ Буга, если идти водянымъ путемъ, то привезти туда струги нѣтъ возможности, а если на самой рѣкѣ дѣлать струги, и это невозможно, потому что воинскимъ людямъ тягость: или имъ къ войнѣ готовиться и идти, или около струговъ возиться и, утомившись этой работой, идти на непріятеля, который тѣмъ временемъ найдетъ случай разстроить весь походъ; а если идти отъ р. Буга сухимъ путемъ, та дорога весьма трудна, длинна, безлѣсна, безводна, о чемъ онъ, гетманъ, самъ хорошо знаетъ, такъ какъ не разъ бывалъ въ тѣхъ краяхъ. Но если такъ или иначе трудность пути будетъ преодолѣна, надо вспомнить и о томъ, что такое этотъ врагъ—

бѣлогородская орда. Орда эта отличается многолюдствомъ, въ чемъ превосходитъ даже и Крымъ, къ войнѣ весьма звычайна, а хлѣбомъ, скотомъ и инымъ богатствомъ далеко выше Крыма, такъ что многіе крымцы переселились туда; такъ что если на Буджаки будетъ послано ратей не особенно большое число, то такая посылка не только не учинитъ помощи Шербану и всему христіанству, но и самимъ какъ вернуться домой, Богъ вѣсть! Недавно туда ходилъ польскій король, такъ едва, съ великою нуждою и съ большимъ урономъ, вернулся домой. Если же послать рати многія, то слѣдуетъ опасаться хана крымскаго: какъ только онъ услышитъ о походѣ царскихъ войскъ на Буджаки, тотчасъ же со всѣми своими бусурманскими силами бросится на Украйну, и не имѣя никакого опасенія отъ царскихъ войскъ и помѣшки, какъ Украйну всю, такъ и царство польское разоритъ.

Въ частности, что касается мултянскаго владѣтеля Шербана, гетманъ имѣетъ о немъ извѣстіе, что онъ, или по желанію, или по принужденію, уже поддался цесарскому величеству, въ доказательство чего онъ въ Букарештѣ и въ другихъ городахъ турокъ вырубилъ; а потому помогать ему, оборонять цесарскаго величества подданнаго отъ турецкаго султана, уже неприлично. А если, несмотря на его подданство цесарю, царскія рати помогутъ ему освободиться отъ турокъ, чтобы вступить подъ самодержавную руку великихъ государей, и то будетъ явное нарушеніе договора съ цесаремъ, за чтобъ, вмѣсто турка, „не уросла бъ война“ съ его цесарскимъ величествомъ. Да и то думаетъ онъ, что тотъ Шербанъ, происходя отъ греческихъ цесарей Кантакузеновъ, проситъ помощи у великихъ государей не только для избавленія своего отъ турецкаго ига, но желаетъ тою помощію достать себѣ по наслѣдію греческое цесарство. А чтобъ Шербанъ былъ на милость великихъ государей надеженъ, я писалъ къ нему два листа: въ первомъ съ Самары,—что окольничій и намѣстникъ карачевской Леонтій Романовичъ Неплюевъ и я обрѣтаемся въ трудахъ воинскихъ и построили для страха непріятельскаго и для лучшаго надъ Крымомъ промыслу крѣпкую фортецію; во второмъ—о генеральномъ походѣ на

Крымъ многочисленныхъ войскъ ихъ царскаго величества, при которыхъ и я буду находиться съ многочисленнымъ уборомъ, отчего, при помощи Божіей, силы бусурманскія упадутъ, а ему, Шербану, будетъ оттого помочь и свобода, и чтобы онъ на милость ихъ царскаго величества надѣялся и былъ постоянень и не отмѣненъ.

А для подлинныхъ и вѣрныхъ вѣдомостей послалъ онъ, гетманъ, какъ къ Шербану, такъ и въ самый Царьгородъ надежныхъ людей. Въ настоящее же время изъ разныхъ мѣстъ и отъ взятыхъ языковъ онъ имѣетъ слѣдующія свѣдѣнія: турецкій султанъ разослалъ листы по всему своему государству и въ Крымъ, будто онъ получилъ отъ Магометова гроба пророчество, что ему опять будетъ счастье на христіанъ. Да недавно взятъ былъ крымцами въ плѣнъ донской козакъ, и въ Крыму всѣмъ разсказывалъ, что городъ на Самарѣ построенъ для того, что ихъ царское величество въ будущую весну изволятъ идти на Крымъ „своими государскими особами"; вслѣдствіе этого слуха въ Крыму учинилось великое страхованіе, а самъ ханъ крымской возымѣлъ намѣреніе нынѣшнимъ первымъ зимнимъ путемъ, какъ только станутъ рѣки, идти со всѣми своими поганскими ордами на украинные города, отчего будетъ помѣшка генеральному походу, такъ какъ онъ пожжетъ сѣно и истребитъ всякіе припасы.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, гетманъ проситъ, чтобы ихъ царское величество указали быть походу на Крымъ по первому зимнему пути, чтобы предупредить нападеніе крымскаго хана на украинные города, а также подать помощь Шербану и дать отраду всѣмъ христіанамъ, находящимся въ Царьгородѣ и въ другихъ мѣстахъ такими способами: если Крымъ будетъ развоеванъ, отъ того на бусурманъ нападетъ страхъ, а христіанамъ польза, потому что тѣмъ всѣ турки будутъ стѣснены и въ самомъ ихъ гнѣздѣ, въ Царьградѣ, будетъ страхъ, такъ какъ отъ Крыма до Царяграда разстояніе малое, ѣздятъ въ трое сутокъ, а моремъ, при хорошей погодѣ, и въ одни сутки; а узнавши о паденіи Крыма и близости христіанскихъ войскъ, побоятся дѣлать христіанамъ притѣсненія. И

Шербану будетъ великая помочь, и если онъ захочетъ въ то время быть въ подданствѣ у великихъ государей, тогда ему учинить это будетъ свободно [1]). Однако необходимо, „чтобы бояре и воеводы понудились, потому что по всѣмъ хроникамъ и по видимымъ постороннихъ государствъ поведеніямъ явно есть, марсово поле держащимъ и такія великія дѣла исправляющимъ, безъ нужды не бываетъ. А онъ, гетманъ, со всѣми, находящимися подъ его регементомъ, ихъ царскаго величества малороссійскаго края ратьми кровь свою точити и до самой смерти въ томъ дѣлѣ за имя Божіе и за ихъ великихъ государей повелѣніе подвизатися долженъ и съ радостію желаетъ". Тогда онъ надѣется, что крымчане оружіемъ царскихъ ратей будутъ побѣждены и отъ христіанскихъ странъ будутъ прогнаны далеко, такъ что христіанству больше докучать и насилія и разоренія учинять не будутъ; а можетъ и то случиться, что, увидѣвъ надъ собою побѣду, поддадутся подъ державу ихъ царскаго величества и будутъ въ такомъ же состояніи, какъ и орды казанскія и астраханскія. Въ томъ и другомъ случаѣ и турецкіе городки, которые построены на Днѣпрѣ, сами собою поддадутся великимъ государямъ, такъ какъ имъ уже не откуда ждать помочи. А какъ благословитъ Господь Богъ войскамъ царскаго величества Крымомъ овладѣть и крымчанъ изгнать въ дальныя страны, тогда въ Крыму надобно оставить на годъ бояръ и воеводъ съ полками, кого великіе государи укажутъ, или его, гетмана, чтобъ крымчане не возвратились и снова не поселились на прежнихъ мѣстахъ; а въ теченіе года построить крѣпкія фортеціи и наполнить ихъ людьми и запасами, чтобъ впередъ государевымъ войскамъ туда не ходить. А людей въ Крыму какъ плѣнныхъ польскаго и русскаго происхожденія, такъ грековъ и иныхъ народовъ, которые своими домами живутъ и при русскомъ владычествѣ останутся жить, множество.

---

[1]) Здѣсь Мазепа самъ себѣ противорѣчитъ: выше онъ говорилъ, что Шербанъ уже отдался подъ покровительство цесаря, а потому переходъ его въ подданство Россіи можетъ послужить поводомъ къ войнѣ съ цесаремъ; теперь этотъ поводъ къ войнѣ почему то отсутствуетъ, хотя фактъ принятія покровительства цесаря не исключается.

Что же касается до предложенныхъ ему вопросовъ, сколько съ нимъ въ томъ походѣ будетъ войска и какимъ путемъ идти въ Крымъ, то онъ, гетманъ, объявляетъ, что съ нимъ въ походѣ будетъ войска реестроваго сорокъ тысячъ человѣкъ, да на днѣпровомъ побережьѣ и въ другихъ пристойныхъ мѣстахъ будетъ оставлено тысячъ съ десять и больше; сбираться своими полками онъ будетъ въ Плотавѣ. Путь до Крыма наиболѣе удобенъ тотъ, которымъ государевы войска возвращались отъ Карачакрака, а о дальнѣйшемъ пути будетъ разсужденіе, когда онъ случится съ боярами и воеводами.

Послѣ того Шакловитый спросилъ: „о которомъ времени онъ, гетманъ, думаетъ быть тому на Крымъ походу, и какіе способы къ тому раннему зимнему походу имѣетъ, и въ томъ многолюдномъ походѣ конскими кормами какъ прокормиться?“

Гетманъ отвѣчалъ: „пусть великіе государи укажутъ боярамъ и воеводамъ въ тотъ крымской походъ идти съ Москвы по первому зимнему пути, неотмѣнно; придя въ указныя мѣста, они должны осмотрѣть войска и дать имъ и лошадямъ отъ дороги отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Въ походъ слѣдуетъ выступить перваго февраля, чтобы въ теченіе этого мѣсяца изъ указныхъ мѣстъ дойти до Крыма, мартъ мѣсяцъ быть въ Крыму въ войнѣ, а въ апрѣлѣ возвратиться домой, потому что въ эти мѣсяцы въ Крыму бываетъ весна. Ранніе зимніе и осенніе походы на Крымъ бывали въ прежнія времена небольшими партіями и всегда оканчивались успѣшно. Кромѣ того зимній походъ удобенъ и въ томъ отношеніи, что онъ гораздо легче для войска: воздухъ здоровый, пыли и жару нѣтъ, цынги и другихъ болѣзней не будетъ, путь легче, люди бодрѣе, воды вездѣ, какъ напереди обоза, такъ и по сторонамъ, чистой и свѣжей будетъ довольно; въ лѣтнее, напротивъ, время такой чистой и свѣжей воды добыть трудно, потому чистой водой можетъ пользоваться только чело обоза, а средина и задъ обоза получатъ воду мутную и нечистую, отчего можно ожидать тяжкихъ болѣзней. Еще и то надо принять въ соображеніе, что крымчане въ зимнее время предоставлены собственнымъ своимъ силамъ, помочи имъ не можетъ быть ни съ какой стороны, да и лошади у нихъ

безкормны, да, наконецъ, и оттого растеряются, что одни будутъ спасать свое имущество и семьи, а другіе пойдутъ на отпоръ, всякій не будетъ знать, куда ему кинуться. Наконецъ въ зимній походъ нѣтъ надобности брать крѣпость Перекопъ, безъ чего нельзя обойтись лѣтомъ, чтобы проникнуть въ Крымъ, такъ какъ зимою ее легко обойдти отъ Днѣпра моремъ по льду и попасть въ Крымъ безъ особой трудности.

Относительно конскихъ кормовъ, необходимыхъ для зимняго похода, гетманъ разсуждаетъ такъ: выступая въ походъ, взять на подводахъ сѣна китнаго, овса и сухарей; сѣно запасено какъ окольничимъ Леонтьемъ Романовичемъ Неплюевымъ, такъ и имъ, гетманомъ, на Самарѣ въ большомъ количествѣ, да въ полтавскомъ и гадяцкомъ полкахъ заготовлено тысячи двѣ возовъ, и это сѣно онъ велитъ перевезть въ ахтырской полкъ, гдѣ указано сбираться боярамъ и воеводамъ съ ратными людьми, безъ всякаго замедленія по первому зимнему пути, на Самару же это сѣно везти слишкомъ далеко и трудно. А когда войска войдутъ въ Крымъ по льду, минуя Перекопъ, то въ Крыму конскихъ кормовъ можно достать въ надлежащемъ количествѣ, потому что въ нынѣшнемъ году въ Крыму большой урожай, какого не бывало много лѣтъ, а въ апрѣлѣ будетъ трава.

Выслушавши отвѣтъ гетмана, Шакловитый въ свою очередь возразилъ, что такому великому генеральному походу на Крымъ въ столь короткое время стать невозможно, потому что съ боярами и воеводами будутъ рати изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, откуда имъ можно поспѣть въ указныя для сбора мѣста развѣ къ марту мѣсяцу.

Гетманъ отвѣчалъ: „въ томъ во всемъ воля великихъ государей! Только я по своей вѣрности доношу, что весьма потребенъ тотъ ранній зимній походъ паче всего, чтобы упредить бусурманское намѣреніе—приходъ ихъ на Украйну, такъ какъ отъ прихода крымчанъ на Украйну, генеральному крымскому походу будетъ большая помѣшка. Дѣло въ томъ, что если ханъ со всѣми ордами нападетъ на Украйны, то для отпора ему надо имѣть въ украинныхъ городахъ немалыя войска, которыя должны оставаться тамъ, пока ханъ не вернется домой; но

войско за это время настолько устанетъ, что будетъ непригодно къ продолжительному походу. Да и по всему тому походу быть раннему зимнему: сейчасъ бусурманы отъ войскъ христіанскихъ въ безсиліи, а если, сохрани Боже, какъ нибудь придутъ въ силу, если получатъ себѣ помощь отъ турецкаго султана или отъ Бѣлогородчины, въ то время на нихъ идти будетъ трудно, довольно будетъ оберегать свои границы.

Въ заключеніе гетманъ заявилъ послу, чтобы великіе государи указали быть въ походѣ конницѣ доброй, а также калмыкамъ и *низовымъ ратямъ*, потому что во всѣхъ государствахъ въ обычаѣ при наступательной войнѣ имѣть какъ можно больше конницы, чтобъ было кѣмъ непріятеля съ поля сбить, а гдѣ надобно догнать и добить; пѣхотные же полки большею частію бываютъ годны въ оборонительной войнѣ, въ обозахъ и въ фортеціяхъ. Да слѣдовало бы колмыкамъ и *нижнимъ ратямъ* дать жалованье. А рейтары были бы добры и оружны, и лошади у нихъ были бы добрыя, не такія, какъ были на Самарѣ, которыя и десяти верстъ не отъѣхавъ стали.

Покончивши съ главнымъ вопросомъ, Шакловитый предложилъ гетману другія статьи; изъ нихъ по II-й статьѣ посолъ сообщилъ гетману, что на его челобитье—„быть къ Москвѣ и видѣти пресвѣтлыя государскія очи", великіе государи велѣли ему объявить, что они немедленно позволили бы ему пріѣхать, если бы не предстояло множество хлопотъ по приготовленію къ походу. А такъ какъ онъ самъ, гетманъ, говорилъ, чтобы войскамъ выступить съ Самары въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, то ему къ тому самому надобно быть въ готовности со всѣми малороссійскими ратьми, а также позаботиться о хлѣбныхъ и конскихъ запасахъ. И онъ бы, гетманъ, того отказа въ оскорбленіе себѣ не ставилъ, потому что государи будутъ ждать его къ себѣ тотчасъ по возвращеніи изъ похода.

Гетманъ отвѣтилъ, что онъ довольствуется и обѣщаніемъ.

По III-й статьѣ Шакловитый „сказывалъ великихъ государей указъ" гетману, что, по его челобитью, бывшій переяславской полковникъ Дмитрашка Райча изъ Сѣвска къ нему для розыска отосланъ, о чемъ послана государева грамота въ Сѣвскъ

къ окольничему и воеводѣ и намѣстнику карачевскому Леонтью Романовичу Неплюеву, и чинъ полковничій у него отнять. А какъ Дмитрашка прибудетъ въ Батуринъ, гетманъ безвременно до разоренья его не допускалъ бы, а въ измѣнномъ дѣлѣ про него розыскивать, какъ и про Грибовича, который уже сидитъ въ тюрьмѣ, и кто будутъ на нихъ челобитчики, о томъ о всемъ писать къ государемъ. Въ отвѣтъ гетманъ благодарилъ за доставку Дмитрашки и обѣщалъ, что безъ розыску до разоренья не допуститъ и ничего ему чинить не будетъ; но съ другой стороны онъ обязательно долженъ посадить его въ тюрьму, „потому что онъ, Дмитрашко, человѣкъ непостоянный и превратный и на немъ много злыхъ дѣлъ, о которыхъ многіе люди свидѣтельствуютъ". Да и всему малороссійскому краю вѣдомо его многое воровство, измѣна и непостоянство, что онъ много разъ присягалъ при прежнихъ гетманахъ въ вѣрности, и никогда не устоялъ, потомъ бѣгалъ въ Польшу, откуда отпущенъ тоже за присягою, потомъ присягалъ бывшему гетману Самойлову, и той присяги не додержалъ; а теперь и его, гетмана, своего региментаря, не почитаетъ, злословитъ и, не спрося его, послалъ своего племянника въ Москву, а здѣсь распустилъ слухъ, что племянникъ у ихъ царскихъ величествъ въ спальникахъ и вообще лицо очень приближенное, и что онъ, Дмитрашко, задержанъ въ Сѣвску не въ Полуботкове дѣлѣ, но въ его гетманскихъ интересахъ, и будетъ вскорѣ на свободѣ. Грибовичъ сидитъ за карауломъ по извѣту на него разныхъ лицъ; человѣкъ онъ тоже „причинный": былъ въ Сибири и оттуда ушелъ на Донъ, гдѣ пробылъ долгое время, а въ здѣшній край пришелъ съ Дону. Если по свидѣтельству и по розыску онъ оправданъ будетъ, то гетманъ освободитъ его съ присягою, что ему великимъ государямъ служить вѣрно, а у него, гетмана, быть въ послушаніи безъ всякихъ коварствъ и вымысловъ.

По IV статьѣ посолъ говорилъ гетману, чтобъ онъ, выбравъ вѣрныхъ и въ Крыму бывавшихъ двухъ-трехъ козаковъ, послалъ ихъ въ Крымъ и въ турецкіе городки, которые построены на Днѣпрѣ, лазутчиками для провѣдыванія: „какое въ Крыму и въ городкахъ поведеніе, и впредь съ какимъ намѣре-

ніемъ и съ какою обороною противъ войскъ ихъ царскаго величества они, крымцы, поступить хотятъ, и отъ султана турскаго въ Крымъ къ хану есть ли какой указъ, и помочи ханъ отъ султана себѣ при наступленіи царскихъ ратей чаетъ ли, и будетъ чаетъ—многими ль войсками и въ которыхъ мѣстахъ, и перекопскія и иныя крѣпости починивали ль?" А какъ посыльщики возвратятся и что въ распросѣ скажутъ, о томъ гетманъ писалъ бы къ государямъ.

Гетманъ отвѣчалъ, что лазутчиковъ немедленно пошлетъ.

По V ст. посолъ напомнилъ гетману объ указѣ великихъ государей, чтобы онъ приказалъ въ степяхъ до Перекопи всѣ травы выжечь и о томъ порадѣлъ неотмѣнно.

Гетманъ отвѣчалъ, что онъ уже писалъ къ полтавскому полковнику съ подкрѣпленіемъ, чтобъ онъ послалъ человѣкъ тридцать козаковъ своего полка, людей добрыхъ и вѣрныхъ, и велѣлъ имъ всѣ степи отъ Мерла и до Самары и отъ Самары—до какихъ мѣстъ возможно выжечь; а къ думному дворянину и воеводѣ Григорію Ивановичу Косагову писалъ онъ съ просьбою, чтобы для вѣрности исполненія приказанія послалъ онъ отъ себя изъ Богородицкаго, кого пристойно, досмотрѣть, дѣйствительно ли степи выжжены. Для пожега степей за Самарою послалъ войсковаго товарища Антоица, вѣрнаго и заслуженнаго, и велѣлъ жечь степи до самой Перекопи; а для досмотра того пожега тотчасъ же посылаетъ глуховскаго атамана, человѣка вѣрнаго и правдиваго.

По VI статьѣ Шакловитый объявилъ гетману указъ великихъ государей, чтобъ въ крымскомъ походѣ съ нимъ были полки малороссійскіе городовые, домовые, старые полные, люди писменные, а не гультяи, и онъ о томъ приказалъ универсалами всѣмъ полковникамъ.

Гетманъ отвѣчалъ: чтобъ козаковъ гультяевъ не было, о томъ онъ давно заботится и думаетъ устроить это такимъ образомъ, чтобъ при полкахъ великороссійскихъ войска козацкаго было бы не больше двадцати тысячъ и во всякомъ случаѣ меньше числа великороссійскихъ войскъ, а достальныхъ, сыскавъ бы имъ дѣло, держать по берегу. А впередъ, какъ онъ

думаетъ, осмотрясь, можно бы устроить въ городахъ небольшое число городовыхъ козацкихъ полковъ, чтобъ въ нихъ козаки были самые добрые, заслуженные, оружные и конные, да держать еще охотныхъ жалованныхъ конныхъ полковъ и сердюковъ тысячъ съ шесть, и тѣхъ сердюковъ, для большей твердости переименовать, какъ государи укажутъ.

Этими шестью статьями, очевидно, ограничивалось порученіе Шакловитаго къ гетману, потому что въ слѣдующихъ статьяхъ, находящихся при статейномъ спискѣ (7 и 8), рѣчь идетъ прямо отъ гетмана, записаны его предложенія. Именно въ VII ст. „гетманъ удивляется не помалу о запорожцахъ, что они такъ недавно отмѣнились и учали поступать противно, и къ нему пишутъ жестоко, чего отъ нихъ прежь сего не бывало. И мнитъ онъ себѣ, что они то чинятъ по присылкѣ съ польской стороны, потому что они нынѣшнимъ лѣтомъ посылали туда, не желая дать строить городъ на Самарѣ, или научены отъ здѣшнихъ злоумышленниковъ". Во всякомъ случаѣ для провѣдыванія причины, почему запорожцы такъ отмѣнились, онъ послалъ на Запорожье добрыхъ и вѣрныхъ людей, и какія вѣдомости отъ нихъ будутъ, о томъ онъ будетъ писать великимъ государемъ. Въ VIII ст. гетманъ говорилъ: „полковникъ де Апостоленко, который въ прошлую зиму запорожцевъ кормилъ и дарилъ, и обѣщалъ имъ дать зимовыя становища въ своемъ полку, также челядника своего, безъ его вѣдома, въ Польшу посылалъ и по возвращеніи челядника о немъ не писалъ же и въ томъ не оправдался,—теперь еще учинилъ такіе поступки: „былъ онъ поставленъ съ полкомъ своимъ на побережьѣ для опасенія отъ непріятельскихъ людей, и писалъ къ нему, гетману, чтобъ ему для лучшаго поиска надъ непріятелемъ перейти за Днѣпръ, и онъ де ему перейти поволилъ; а онъ, вмѣсто промыслу, учалъ имѣть съѣзды, и банкеты и разговоры съ воромъ и бѣглецомъ съ Апостольцомъ, который въ здѣшнемъ краю..." На этихъ словахъ статейный списокъ посольства Ѳ. Л. Шакловитаго обрывается, но изъ боярскаго приговора, который написанъ по задней сторонѣ склеекъ начальныхъ листовъ, приводимаго ниже, ясно видно, что гетманомъ было сдѣлано послу

еще нѣсколько предложеній, отвѣты на которыя и заключаются въ помянутомъ боярскомъ приговорѣ.

Изъ „листовъ" гетмана, которые онъ послалъ къ великимъ государемъ, видно, что Шакловитый выѣхалъ изъ Батурина 19 октября, а 2-го ноября былъ уже въ Москвѣ. Составленный имъ статейный списокъ былъ слушанъ въ боярской думѣ, въ присутствіи государей, 7 ноября, и по нему состоялся слѣдующій приговоръ:

„197 г. (1688) ноября въ 7 д. великимъ государемъ и великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ извѣстно (*отступя*) и бояромъ чтено.

И великіе государи указали: къ гетману послать противъ сихъ разговоровъ съ думнымъ дворяниномъ, съ Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Шакловитымъ объ ихъ государскихъ дѣлѣхъ свою великихъ государей грамоту съ милостивымъ словомъ и съ похвалою, и чтобъ онъ, гетманъ, съ малороссійскими полки сбирался къ крымскому походу немедленно, а бояре и воеводы кончае въ тотъ походъ пойдутъ съ указныхъ мѣстъ *въ февралѣ* мѣсяцѣ; а въ листахъ бы своихъ онъ, гетманъ, о готовности на ту службу малороссійскимъ къ полковникомъ и ратнымъ людемъ написалъ съ подкрѣпленіемъ, чтобы они имали себѣ въ тотъ походъ полные запасы на четыре мѣсяца.

А что онъ, гетманъ, билъ челомъ великимъ государемъ, чтобъ быть къ нему изъ Польши зятю его для повиданія съ нимъ, также бы за службу его гетманскую племянника его, который при немъ, гетманѣ, живетъ написать въ стольники, и великіе государи и великая государыня, благовѣрная царевна, пожаловали его, гетмана, зятю его видѣться съ нимъ указали и о томъ послана ихъ великихъ государей грамота въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ, какъ тотъ его зять пріѣдетъ изъ Польши въ Кіевъ, и его велѣно изъ Кіева отпустить къ нему, гетману. А племянника его пожаловали великіе государи, велѣли написать въ стольники и о томъ въ грамотѣ къ нему, гетману, написать, а въ розрядъ о племянникѣ, о чину его, послать память.— А о Заруцкомъ указали великіе государи положить на его гетманское разсмотрѣніе и жалованную грамоту на село Черторыю

повелѣли ему, гетману, у него взять и прислать къ Москвѣ въ приказъ Малыя Россіи; а дана была ему та жалованная грамота по его жъ гетманскому прошенію, какъ онъ писалъ о томъ къ ближнему ихъ царскаго величества боярину и оберегателю, ко князю Василью Васильевичу Голицыну.

А сѣна, которыя по его гетманскому приказу изготовлены для крымскаго походу, и тѣ бъ сѣна по первому зимнему пути приказалъ онъ, гетманъ, перевезть въ Кобылякъ и въ Бѣликъ, а какъ перевезутъ и сколько его возовъ будетъ, и о томъ бы онъ къ нимъ великимъ государемъ писалъ.

А что въ розыску о Дмитрашкѣ и о Грибовичѣ явится, и о томъ бы онъ, гетманъ, къ нимъ великимъ государемъ писалъ же. А о миргородскомъ полковникѣ отложилъ до тѣхъ мѣстъ, какъ придутъ съ полки бояринъ и оберегатель, князь Василій Васильевичъ съ товарищи, и въ то время о немъ учинено будетъ по общему совѣту.

А какъ посыльщики его гетманскіе изъ Крыму и изъ иныхъ мѣстъ къ нему возвратятся и что какихъ къ нему принесутъ вѣдомостей, и о томъ бы онъ къ великимъ государемъ писалъ же. А травы бъ въ степяхъ конечно всѣ вызжены были въ тѣхъ мѣстѣхъ, которымъ путемъ войскамъ будетъ идти къ Крыму.—А о поселеніи около новаго города на Самари, сколькимъ семьямъ велѣно тамъ селиться, указъ къ нему, гетману, посланъ; также и о Максимовѣ дѣлѣ *орендаря*, по его гетманскому прошенью, третью грамоту къ польскому королю они, великіе государи, указали написать ту грамоту и, запечатавъ, послать къ нему, гетману, а онъ бы, гетманъ, отдалъ ту грамоту тому арендарю.

Стрѣльцовъ московскихъ, которые сидѣли въ Сѣвску за карауломъ въ кражѣ скарбу войсковаго, велѣно свободить и отпустить къ Москвѣ; а о тѣхъ стрѣльцахъ же, которые явились въ кражѣ въ полкѣхъ, впредь ихъ, великихъ государей, указъ учиненъ будетъ.

А по челобитью генеральной старшины и иныхъ заслуженныхъ особъ о чинахъ, учиненъ имъ ихъ, великихъ государей,

указъ будетъ въ то время, какъ онъ, гетманъ, будетъ на Москвѣ и увидитъ ихъ государскія очи.

А которые два человѣка козаковъ, Мишка да Лукашка, сидятъ у него, гетмана, за карауломъ, и онъ бы, гетманъ, учинилъ объ нихъ по своему разсмотрѣнію, а оскорбленія имъ совершеннаго никакого не чинилъ и мнѣнія бъ въ томъ дѣлѣ о себѣ никакого не имѣлъ, а былъ при вѣрности своей надеженъ на ихъ царскую милость, потому что имъ въ рѣчахъ ихъ не повѣрено и для того они къ нему, гетману, и посланы.

А что онъ, гетманъ, своимъ вѣрнымъ радѣніемъ и службою приказалъ въ войсковой канцеляріи, также и во всѣхъ малороссійскихъ городѣхъ писати о всякихъ дѣлѣхъ челобитныя на ихъ государское имя, также жъ и листы во всѣ города о всякихъ же дѣлѣхъ учнетъ онъ, гетманъ, писать ихъ же государскимъ указомъ и повелѣніемъ, и за то указали великіе государи его, гетмана, похвалить и чтобъ онъ, гетманъ, радѣніемъ своимъ и въ совершенство то дѣло привелъ и учинилъ.

А по вѣдомостямъ взятыхъ крымскихъ языковъ о приходѣ ханскомъ войною на украинные города по нынѣшнему зимнему пути, приказалъ бы онъ, гетманъ, въ малороссійскихъ городѣхъ имѣть великую осторожность и къ отпору того непріятеля готовность, именно въ полтавскомъ и въ миргородскомъ и въ иныхъ полкахъ, а съ другую сторону отъ крымской же и отъ бѣлогородской орды въ переяславскомъ полку и въ иныхъ поднѣпровскихъ мѣстахъ, чтобъ тѣ непріятели безвѣстно не пришли и разоренья какого въ людяхъ не учинили. А на самарскія вершины послалъ бы онъ, гетманъ, для осторожности отъ того жъ ханскаго прихода тысячу человѣкъ козаковъ, тѣхъ, которымъ нынѣ въ томъ крымскомъ походѣ не быть, и приказать имъ въ тѣхъ мѣстѣхъ стоять съ перемѣною въ крѣпкихъ и надежныхъ мѣстѣхъ и ссылаться съ козаками жъ, которые изъ слободскихъ городовъ поставлены между рѣкъ Быка и Самари; а ссылаясь, чинить надъ тѣми непріятели, буде гдѣ явятся, воинской промыселъ, сколько всемилосердый Господь Богъ помочи подастъ, а для вѣдома писали бы о тѣхъ непріятеляхъ на

Самарь въ новой Богородицкой городъ и въ иные города съ нарочными гонцы".

Изъ приведеннаго приговора несомнѣнно слѣдуетъ, что, кромѣ тѣхъ VIII статей, которыя имѣются въ статейномъ спискѣ Шакловитаго, между нимъ и гетманомъ происходили и другіе переговоры по вопросамъ внутренней политики. Таковы заявленія гетмана о дозволеніи повидаться съ зятемъ, о производствѣ племянника его въ чинъ стольника, по дѣлу Заруцкаго, какого то арендаря, о стрѣльцахъ, виновныхъ въ кражѣ, о заселеніи кругомъ города Новобогородицка и о козакахъ Мишкѣ и Лукашкѣ, вопросы настолько незначительные, что они могли бы быть рѣшены простою перепискою.

Безспорно, главной цѣлью посольства Шакловитаго были переговоры о походѣ, и никто другой не могъ бы выполнить этого посольства лучше, какъ онъ, если принять во вниманіе положеніе дѣлъ въ то время. Первое лицо въ правительствѣ былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, только что совершившій чрезвычайно неудачный походъ на Крымъ, но свалившій всю тяжесть отвѣтственности на неповинную спину Самойловича, будто бы своими интригами испортившаго походъ. Удайся походъ, и Самойловичъ, несмотря на всѣ челобитныя старшины, еще крѣпче усѣлся бы на своемъ урядѣ. Теперь Голицыну предстояло доказать всему крещеному міру, что онъ геніальный полководецъ и что только совершенно посторонній обстоятельства, имъ непредвидѣнныя, какъ интриги гетмана, могли помѣшать его удачѣ. Да еще какъ доказать! Вотъ его манятъ въ таинственную даль патріархи и подвластные туркамъ христіане, предлагая, какъ на парадъ, довести до Константинополя, да по дорогѣ онъ еще встрѣтитъ мощнаго союзника, молдавскаго князя Щербана съ семьюдесятью тысячами войска. Искушеніе большое. Турки разбиты на всѣхъ пунктахъ, западныя государства снова предпринимаютъ противъ нихъ походъ, какъ не воспользоваться удачнымъ случаемъ схватить лакомый кусокъ? Но.... неудача перваго похода тяжелымъ бременемъ лежитъ на немъ. А что, какъ опять?... Нѣтъ! Побольше осторожности... И вотъ въ совѣтѣ царевны, Голицына и Шакловитаго составляется планъ: зачѣмъ

брать на себя отвѣтственность въ случаѣ неудачи? Можно подыскать другое лицо, на которое и свалить неудачу, а при благополучномъ исходѣ дѣла, всю честь приписать себѣ. Этотъ человѣкъ — новый гетманъ; онъ человѣкъ бывалый, опытный, ловкій... что то онъ посовѣтуетъ? Послѣдуемъ его совѣту и, въ случаѣ удачи, намъ слава, въ случаѣ неудачи — можно пожертвовать и другимъ гетманомъ. Кто же могъ быть посломъ въ такомъ дѣлѣ, какъ не посвященный въ тайну Шакловитый?

Мазепа дѣйствительно былъ человѣкъ опытный, бывалый, ловкій... Однимъ ударомъ онъ разбилъ мысль о походѣ на турокъ и предложилъ самый скромный планъ нападенія на Крымъ, и кто знаетъ? Если бы его планъ былъ точно выполненъ, если бы походъ начался „по самому раннему зимнему пути", такъ чтобы можно было успѣть *по льду* проникнуть въ Крымъ, то успѣхъ предпріятія могъ быть несомнѣненъ. Недаромъ Мазепа просилъ „понудить" бояръ, чтобы они пораньше выбрались въ походъ. Предложенный имъ планъ похода былъ вполнѣ принятъ государями и боярской думой, приказано было жечь степи, готовить сѣно и запасы и выступить войскамъ съ указныхъ мѣстъ *въ началѣ февраля*, но въ неисполненіи этого плана на дѣлѣ Мазепу обвинить было невозможно.

Только что Шакловитый прибылъ въ Москву, какъ гетманъ прислалъ уже „вѣдомости" о кошѣ запорожскомъ и о Польшѣ. Такъ какъ эти документы непосредственно касаются цѣли посольства Шакловитаго, то считаю нелишнимъ привести ихъ здѣсь. Къ сожалѣнію, письмо къ гетману кошеваго атамана, Филона Лихопоя, переведено на такой варварскій языкъ, что смыслъ совершенно теряется, а потому, чтобы не впасть въ неправильное пониманіе атаманскихъ мыслей, привожу его подлинникомъ.

„Какъ всегда мы сердечною нашею чистою и вѣрностію пребывая къ ихъ царскому пресвѣтлому величеству и къ вельможности вашей и желательство и по вольности нашей услуги будучи постоятельно и совершенной къ нимъ, великимъ государемъ, обрѣтающіеся въ вѣрности, чинимъ надъ непріятелями

промыслъ не утая, сколько намъ Богъ помощи подаетъ; а уже и въ нынѣшнемъ времени Господь всемилостивый своею Божественною надъ нами милостію, за предстательствомъ Пр. Дѣвы, посылати намъ изволилъ языковъ ихъ непріятельскихъ, понеже товарищъ нашъ Яковъ Гусакъ съ товариществомъ нѣсколько десять человѣковъ, а пребывая на низу мало не все лѣто по обычаю своему рыцарскому и по охотѣ своей ко услугѣ ко превысокому и превеликому ихъ престолу монаршескому заслуги чиня на предбудущую милость ихъ и похвалу совершенную, приложили радѣніе для вѣдомости и языковъ ихъ непріятельскихъ, гдѣ пребывая на низу въ Стрѣлицѣ вышедъ ханъ изъ Крыму и со всею ордою откочевалъ было ихъ и облегъ тамъ гдѣ понудилися розно разбѣжати гдѣ тамъ же въ Стрѣлицѣ добыли языка ихъ непріятельскаго подлиннаго и привезли къ кошу ноября 4-го числа, съ которымъ языкомъ не задержавъ у себя, того Гусака и съ товарыществомъ двадцати человѣкъ спѣшно посылаемъ вельможности вашей, запобѣгая ихъ непріятельскому намѣренію и для цѣлости народной, понеже иной языкъ въ роспросѣ сказалъ, что ханъ крымской со всѣми ордами своими вышелъ изъ Крыму, того подлинно не знаемъ если пошелъ на венгоровъ или на иную какую страну. А какъ се нынѣ приведенный языкъ, такъ и выходцы сказываютъ, что подлинно осталися въ Крыму только всей орды тысячи съ двѣ, и та есть не военная; котораго всего времени желаемъ и часу отколько надесять лѣтъ нажидали мы, дабы ханъ съ ордами не былъ въ Крыму, яко и вельможность ваша писалъ къ намъ, что когда бы ханъ изъ Крыму куда на сторону отдалился, для чего полки всѣ охотническіе и пѣхотные оставляйте на побережію. И какъ въ нѣсколько кратныхъ почтенныхъ письмахъ своихъ обѣщали есте чинити радѣніе вмѣстѣ съ ближнимъ окольничимъ и воеводою и намѣстникомъ карачевскимъ, его милостію Леонтьемъ Романовичемъ Неплюевымъ за которыми причинами не лучилося пойдти подъ Перекопъ, тогда подлинно имѣли есте прислати къ намъ часть такую войска, съ которымъ бы войскомъ не токмо подъ городки, но и на самый Крымъ ударити можемъ, что изволите учинити противъ слова и обѣщанія своего господскаго, а къ намъ какъ

наименьше сего времени войска охотнаго тысячъ съ пять безъ всякой отмолвки и отпису вскорѣ прислати. А какъ наша до того есть великая охота, что когда бы вельможность ваша на прошеніе наше учинили съ которымъ бы посилкомъ видѣлъ бы вельможность ваша, что много имъ повредили бы, что видя они, непріятели, понудились бы усомнѣватися, понеже много такой поры и часу пристойнаго такого ожидати, а опять по старому никому бы иному, токмо бы вельможности вашей была слава и отъ пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ похвала, и намъ предковская слава помножилась бы. А сохрани Боже того, чтобы имѣли если на что иное замыслить, когда бъ вельможность ваша войска къ намъ прислалъ, тогда то бы войско пришло бы на дорогѣ того же часу могли назадъ возвратитись. А ежели вельможность ваша противъ прошенія нашего не можете чинити, тогда можетъ причитати вашу государскую къ намъ нелюбовь, чѣмъ и они, непріятели, если не учинимъ надъ ними промыслъ сего часа пристойно будучимъ съ того утѣшаться. О чемъ и паки и десятую покорно и препокорне до ногъ вашихъ господскихъ припадая упадшихъ упрошаемъ и мысль свою вельможности вашей объявляемъ. Сего товарища нашего Якова съ товариствомъ двадцать человѣкъ изволь вельможность ваша, яко милостивый нашъ региментарь и благодѣтель, милостію своею господскою удовольствовати ихъ за ихъ вѣрную службу и труды и къ пресвѣтлѣйшему ихъ престолу монаршескому съ нимъ языкомъ съ почтеніемъ своимъ господскимъ заступительнымъ листомъ отпустити ихъ, дабы сподобились получити милость ихъ монаршескую; а еже бы зачѣмъ не могутъ быти на Москвѣ, тогда изволь вельможность ваша пожаловати своею господскою милостію и дати имъ становище зимнее доброе для оживленія самихъ и коней. А о запасахъ также обыкновенныхъ годовыхъ и денегъ нѣсколько тысячъ, о чемъ нѣсколько кратъ воспоминали вельможности вашей, такъ и нынѣ покорно просимъ: изволь по давнимъ письмамъ намъ то все въ кошу посылать".

Это письмо кошеваго атамана служитъ подтвержденіемъ словъ гетмана о запорожцахъ, что „они пишутъ къ нему жестоко, чего отъ нихъ прежъ сего не бывало". Въ самомъ дѣлѣ, тре-

бовать присылки пятитысячнаго отряда для очень неопредѣленнаго похода, требовать присылки денегъ и запасовъ, требовать награды Гусаку „съ товарыствомъ“ за то, что они, промышляя своимъ дѣломъ, случайно поймали языка, который навретъ невѣдомо что, требовать для „товарыства“ удобныхъ и пріятныхъ зимовокъ,—все это не было въ правилахъ запорожцевъ, которые обыкновенно „усердно и умилительно“ выпрашивали себѣ разныя подачки отъ московскаго правительства, отлично понимая, что разъ ими будутъ недовольны, тотчасъ же послѣдуетъ приказъ о прекращеніи къ нимъ по Днѣпру отпуска хлѣба, безъ чего они не могли существовать. „Мнитъ онъ, гетманъ, что они то чинятъ по присылкѣ съ польской стороны, потому что они нынѣшнимъ лѣтомъ посылали туда, не желая дать строить городъ на Самари“. Это предположеніе гетмана какъ нельзя лучше оправдалось, когда вернулся посланный имъ въ Польшу „для вѣдомости о тамошнемъ поведеніи“ барышполецъ Савелій Андрюшенко. Прибывъ въ Батуринъ 5 ноября, Андрюшенко въ распросѣ сказалъ: вышелъ онъ изъ Барышполя съ подорожнымъ листомъ переяславскаго полковника будто для свиданія съ своимъ братомъ, находящимся въ Барѣ при Булы-башѣ, полковникѣ охотницкомъ, и шелъ на Кіевъ, Чудинъ, Коростышевъ, Трояновъ, Мирополье, Полонное, Лабунь, Константиновъ старый и Межибожъ; въ каждомъ городѣ его водили къ уряднику, старостѣ и къ жолнернымъ начальникамъ и спрашивали, дѣйствительно ли построенъ городъ на Самари, и пойдутъ на будущее лѣто въ походъ на Крымъ царскія и козацкія войска? и когда онъ отвѣчалъ, что городъ дѣйствительно выстроенъ и походъ непремѣнно будетъ, всѣ были отвѣтомъ очень довольны. Въ городѣ Полонномъ его дважды приводили къ самому Любомирскому, который его спрашивалъ: „есть ли войска на сей сторонѣ Днѣпра надъ берегомъ въ готовности московскія и козацкія стоятъ, и для чего людей на ту сторону Днѣпра съ сей стороны къ нимъ въ Польшу на житье не пускаютъ? а городъ на Самарѣ совсѣмъ ли построенъ, какъ належитъ? и силы государскія тотчасъ ли послѣ Рождества Христова подымутся на Крымъ?“ На что Савка ему отвѣчалъ, что на побережьи войско козацкое

стоитъ въ готовности и что войска государскія несчетныя поднимутся въ походъ на Крымъ какъ только начнется весна, для чего въ Самарской городъ всю зиму будутъ возить всякіе запасы и пушки. Любомирскій такимъ отвѣтомъ былъ очень обрадованъ и благодарилъ Бога, а потомъ прибавилъ: „если бы де не исполнился тотъ походъ на Крымъ войскъ государскихъ на будущее лѣто, тогда бъ понудился миръ и перемирье королевскаго величества съ царскимъ величествомъ учиненное нарушити и польскія бъ войска пошли на Заднѣпріе войною, и хотя Заднѣпрью и ничего не учинили бъ, однако и то намъ стало бъ за прибыль, чтобъ всѣхъ людей, которые въ прошлые годы изъ польскихъ городовъ ушли для турской войны на Заднѣпріе и которыхъ теперь гетманъ запорожскій не пускаетъ, опять перевести въ Польшу. Да и Самарской городъ разорили бы, потому что запорожцы черезъ пословъ своихъ неоднократно докучаютъ королевскаго величества гетманамъ короннымъ и всей Рѣчи Посполитой, что за построеніемъ города на Самари, рѣка эта отъ нихъ отходитъ. Теперь же и королевское величество и всѣ господа польскіе никакого слова потѣшнаго не даютъ, вглядываясь въ будущее и дожидаясь, будетъ ли походъ царскихъ войскъ на Крымъ и что тѣмъ походомъ надъ Крымомъ доброе сдѣлается". Тѣжъ рѣчи слышалъ Савка и въ Барѣ у Булыбаша. Не найдя своего брата при Булыбашѣ, Савка поѣхалъ въ Заславль, гдѣ встрѣтился съ братомъ Палѣя Василіемъ и съ нимъ ѣхалъ вмѣстѣ до Хвастова. Дорогою онъ слышалъ отъ Василья, что Могила и Палѣй съ козацкимъ войскомъ стоятъ подъ городомъ Язловцомъ и что войско ихъ получило отъ короля жалованье, на каждаго рядоваго козака по кафтану и по пяти левковъ денегъ.

Да тотъ же Палѣевъ братъ Василій сказывалъ ему, что молдавской господарь со всею землею перешелъ въ подданство цесарскаго величества; и цесарь писалъ къ королю, чтобы онъ послалъ на зимовье въ молдавскую землю козацкое охотницкое войско, которому, по прибытіи въ Молдавію, обѣщаетъ тотчасъ же дать жалованье, по парѣ суконъ и по десяти левковъ на каждаго человѣка. Король, желая сдѣлать удовольствіе цесарю, велѣлъ всѣмъ козакамъ изъ Немирова и иныхъ мѣстъ сходиться

въ Могилѣ и Палѣю, а когда сойдутся, отправить ихъ въ молдавскую землю, а на ихъ мѣсто въ Немировъ, Вилинцы, Паволочь и въ иные городки, крайніе отъ Украйны по Полѣсью, поставлены лучшія польскія знамена, такъ называемыя *волосскія козацкія*. Не желая допустить волоховъ въ свой Хвастовъ, Палѣй послалъ туда своего брата съ приказаніемъ, отнюдь не допускать въ Хвастовъ никакого польскаго знамени, хотя бы для этого пришлось вступить въ бой; самъ же Палѣй, не имѣя никакой охоты идти съ своею конницей на зимовье въ молдавскую землю, поѣхалъ къ королю просить объ освобожденіи его отъ того похода. А король и коронный гетманъ на будущее лѣто намѣрены Палѣя посадить въ Чигиринѣ, чтобы городъ населилъ людьми; однако Палѣй въ Чигиринѣ поселиться вовсе не желаетъ, и если его „выпрутъ“ ихъ Хвастова, то перейдетъ на житье въ Триполье.

Войска польскія коронныя расположены на Волыни и въ Полѣсьи, въ городахъ и селахъ, и получаютъ съ жителей на каждаго коня по сту золотыхъ шелегами; а литовскія войска пошли на зимовье въ Литву. Все польское войско и люди всякихъ чиновъ польскихъ городовъ весьма недовольны королемъ за лѣтній походъ, когда войска понесли большой уронъ, такъ какъ у нихъ не было пушекъ и не позволено было идти подъ Каменецъ.

Въ польскихъ же городахъ слышалъ онъ, Савка, что какіе то два мурзы изъ Бѣлогородчины съ своими улусами поддались цесарскому величеству и перешли въ молдавскую землю.

Возвращаясь домой, онъ слышалъ отъ Палѣева брата Василья, что ханъ прислалъ въ Хвастовъ нѣсколько тысячъ денегъ и въ городъ Сороку пятьдесятъ человѣкъ плѣнныхъ козаковъ для окупа своего зятя Батыря-мурзы, самого пята, но Палѣй требуетъ еще какой то черницы, находящейся въ плѣну у бусурманъ. Запорожцы послали еще посольство въ Польшу, а кого именно и къ кому, того онъ совершенно не знаетъ и не слыхалъ.

Такимъ образомъ оказывается, что Мазепа былъ, такъ сказать, въ курсѣ тогдашняго политическаго положенія сосѣднихъ государствъ, былъ освѣдомленъ о состояніи этихъ государствъ гораздо лучше, чѣмъ московское правительство, а потому въ международныхъ вопросахъ всегда былъ дорогимъ и полезнымъ совѣтникомъ Москвы.

А. Востоковъ.

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТЕПНОЙ ЖЕНИХЪ.

ГЛАВА I.

ВЪ ЗАМКѢ ГОСПОДАРЯ.

Было ясное морозное утро. Въ Яссахъ, столицѣ Молдавіи, все уже было на ногахъ. Въ городскія ворота то и дѣло въѣзжали изъ сосѣднихъ деревень и мѣстечекъ обозы съ мясомъ, дичью, медомъ и воскомъ, пшеномъ, ячменемъ и кукурузою. Обозы эти тянулись къ княжескому замку, гдѣ ихъ переправляли по подъемнымъ мостамъ на широкій дворъ къ житничарамъ, медельничарамъ, сулджарамъ, и ключарямъ. На широкомъ дворѣ кипѣла жизнь во всѣхъ углахъ, въ безчисленныхъ княжескихъ кладовыхъ, подвалахъ, погребахъ, конюшняхъ и сараяхъ. Возы съ мясомъ, свиными тушами, бараниной, тетеревами, голубями, гусями, утками и другою живностью направлялись къ камарасулу, развѣшивавшему и распредѣлявшему мясо подъ надзоромъ великаго сулджара. Другой камарасулъ, стоя у амбара, принималъ возы съ хлѣбомъ, ожидая прибытія великаго житничара съ его

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 4.

помощниками и заранѣе разсчитывая прибыль, какую ему придется получить, такъ какъ съ каждаго воза ему полагалось по тридцати аспръ въ прибавку къ его жалованью.

Въ княжескихъ конюшняхъ тоже шла оживленная работа, и великій комисъ, противъ своего обыкновенія, самъ тщательно присматривалъ сбрую, экипажи, одежды конюховъ и каретной прислуги. О сѣнѣ ему нечего было заботиться: въ истекшемъ году Бронисса, огромный лугъ на Прутѣ, далъ невѣроятный урожай, княжескіе сѣновалы и сараи ломились отъ сѣна; но онъ очень тщательно провѣрялъ надзирателя за конскими приборами, камарасула-де-рафтури, и заставилъ его вытащить на свѣтъ Божій всѣ золотые и серебряные уборы, всѣ богато украшенныя сѣдла съ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, и съ видомъ знатока указывалъ ему, гдѣ что надо поправить, починить, возобновить. Камарасулъ-де-лумине, или смотритель за освѣщеніемъ, хлопоталъ съ привезенными возами воску; слѣдуя княжескимъ приказаніямъ, онъ долженъ былъ приготовить множество ароматическихъ зеленыхъ свѣчей, а пчелы княжескихъ пасѣкъ на этотъ разъ, какъ нарочно, мало дали матеріала. Онъ уже докладывалъ объ этомъ и великому ключарю, и великому вистернику, или казначею, дѣло доходило до князя, но тамъ, въ высшей инстанціи, его рѣшили просто, приказавъ наложить дань на принадлежавшія князю деревни и мѣстечки. Рѣшить то было легко, но каково приводить въ исполненіе это рѣшеніе! Вотъ и теперь бѣдный камарасулъ изъ себя выходилъ, топалъ ногами и кричалъ на пріѣхавшихъ съ возами крестьянъ, не привезшихъ и половины условленнаго количества; а тѣ лѣниво переминались въ своихъ неуклюжихъ сандаліяхъ съ ноги на ногу, снимали высокіе бараньи колпаки и, почтительно кланяясь, говорили:

— Пчела нынче не зародилась; много должно быть въ прошломъ году ее избили!

— Врете вы, врете! мошенники! кричалъ камарасулъ. Вотъ я нашлю на васъ приставовъ, они обшарятъ ваши ульи. А если вы пчелъ своихъ избили, сами виноваты; за глупость свою и заплатите.

— Погоди, господинъ, потерпи до весны, мы тогда тебѣ вдвое воску привеземъ.

— А зачѣмъ мнѣ тогда вашъ воскъ? кипятился камарасулъ. Нашъ великій князь не два раза будетъ выдавать свою дочь замужъ. Воскъ мнѣ нуженъ теперь, и если вы не доставите мнѣ его во время, я донесу на васъ великому губернатору.

Крестьяне покорно опустили головы, и камарасулъ хорошо зналъ, что угрозы его на нихъ не подѣйствовали: воску они не достанутъ, и надо или обойтись безъ лишнихъ свѣчей, или купить на княжескій счетъ.

Пока на дворѣ хлопотали и суетились, въ харемѣ, т. е. на женской половинѣ, тоже толклись, приводя все въ порядокъ и нѣсколько десятковъ дюжинъ крестьянокъ, нарочно взятыхъ изъ сосѣднихъ деревень, помогали княжеской прислугѣ мыть покои, чистить утварь, выколачивать ковры и мебель.

Княгиня еще спала, но невѣста и сестра ея встали и занимались своимъ туалетомъ, окруженныя многочисленною прислугою и боярышнями. Высокая, статная старшая сестра была немного полна, но большіе каріе глаза съ поволокой и роскошные черные волосы, спускавшіеся двумя толстыми косами чуть не до пятъ, высокоподнятая голова, горделивый взглядъ и поступь, немного презрительная улыбка — придавали ей величественный видъ; она смотрѣла и выступала королевой. Сестра ея, еще почти ребенокъ, была уже замѣчательно красива. Гибкій стройный станъ ея, огненныя очи, правильныя тонкія черты ея лица, красиво очерченныя губы; тонкіе брови дугою и нѣжно матовый цвѣтъ лица съ нѣжнымъ оттѣнкомъ румянца, все напоминало въ ней древнихъ красавицъ римлянокъ, служившихъ оригиналомъ для древнихъ статуй, поражавшихъ правильностью линій, граціозностью и гибкостью движеній. Ея черные волосы сильно вились, и ей стоило большаго труда гладко причесать ихъ и заплести въ косы, какъ этого требовала тогдашняя мода.

Старшая сестра въ угоду жениху, ожидаемому со дня на день, была одѣта въ польскій костюмъ, и ея дорогой атласный саянъ съ большими разводами, унизанный жемчугомъ, очень шелъ къ ея высокому росту и горделивой осанкѣ. Только на голову

она не рѣшилась ничего надѣть, такъ какъ это было бы противъ обычая страны. Домна же Локсандра была въ національномъ костюмѣ. Ея стройный станъ обхватывала тонкая бѣлая рубашка, богато вышитая шелками и бисеромъ, съ широкими рукавами, оканчивавшимися у кисти руки широкимъ вышитымъ же обшлагомъ, и перехваченная у таліи двумя полосатыми шелковыми передниками съ широкою бахромою. Рубашка спускалась немного ниже колѣнъ на ярко-алую шелковую юбку, едва прикрывавшую верхній край сафьянныхъ полусапожекъ съ дорогимъ шитьемъ. На шеѣ у Локсандры было надѣто монисто изъ золотыхъ монетъ, скрѣпленныхъ бирюзой и жемчугомъ. Весь нарядъ довершалъ широкій шелковый поясъ въ видѣ шарфа, затканный золотомъ и серебромъ и окаймленный на обоихъ концахъ густою золотою бахромою.

Обѣ сестры, окончивъ свой туалетъ, принялись съ живостью разсматривать подарки, присланные наканунѣ женихомъ. Прекрасный браслетъ съ огромнымъ изумрудомъ и бриллiантами, бриллiантовыя серьги въ видѣ виноградныхъ гроздьевъ и нѣсколько алмазныхъ аграфовъ подъ стать серьгамъ.

— Что, дѣвочка? покровительственно спросила старшая сестра, обращаясь къ Локсандрѣ: хорошо быть невѣстой?

Локсандра вздохнула и задумчиво посмотрѣла на сестру.

— Не знаю, отвѣчала она. Все бы ничего, только худо, что ты отъ насъ уѣдешь!

— Дурочка! засмѣялась невѣста. Что же тутъ худаго? Княгиня Радзивиллъ не можетъ оставить свои помѣстья и вотчины. Ей надо жить при своемъ дворѣ.

— И тебѣ не будетъ скучно? Ты не будешь вспоминать объ отцѣ, обо мнѣ, о братѣ?

Будущая княгиня ничего не отвѣтила и только гордо сжала губы, перебирая пальцами дорогіе подарки. Она видѣла своего жениха только на портретѣ и не имѣла еще о немъ никакого понятія, хотя черезъ нѣсколько дней была уже назначена свадьба. Ея холодная натура не особенно безпокоилась объ этомъ; но вопросъ сестры нарушилъ до нѣкоторой степени ея спокойствіе, мысль о разлукѣ съ близкими, объ отъѣздѣ на чу-

жую сторону отозвалась болью въ сердцѣ, и чтобы скрыть свое волненіе, невѣста поспѣшно встала и повелительнымъ жестомъ пригласила свою свиту слѣдовать за нею въ сосѣднюю комнату, гдѣ стояли пяльцы съ начатыми коврами и вышивками. Обѣ сестры были большія рукодѣльницы, и въ ихъ вѣдѣніи находились плантаціи туговыхъ деревьевъ для выкармливанія шелковичныхъ червей, дававшихъ необходимый матеріалъ для ихъ изящныхъ работъ.

Всѣ прилежно принялись за дѣло въ ожиданіи выхода княгини изъ ея опочивальни.

На другой половинѣ князь Василій Албанецъ или Лупулъ, какъ его про себя называли придворные за его крутой нравъ, уже часа два занимался совѣщаніемъ съ великимъ логофетомъ Стефаномъ Георгицею. Они сидѣли во внутреннемъ покоѣ на низкомъ удобномъ диванѣ и разговаривали вполголоса. Великій логофетъ передавалъ своему повелителю различныя просьбы, бояръ, и князь Василій внимательно выслушивалъ его, прихлебывая кофе изъ плоской фарфоровой чашечки. Князь былъ высокій, плотный мужчина, съ черною бородою съ просѣдью, и съ густыми нависшими бровями. Большой прямой носъ и высокій открытый лобъ изобличали въ немъ его греческое происхожденіе такъ же, какъ и вьющіеся барашкомъ черные съ просѣдью волосы. Не смотря на свои пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, онъ сохранилъ бодрость и гибкость стана, а проницательные глаза его блестѣли совсѣмъ не старческимъ огнемъ. Собесѣдникъ его представлялъ рѣзкую противоположность: тучный, обвислый, одутловатый, съ подслѣповатыми маленькими глазами и огромными жирными руками, онъ вполнѣ заслужилъ прозвище Бурдуца, т. е. брюха. Золотая цѣпь съ большимъ шаромъ, висѣвшая у него на шеѣ, знакъ его достоинства, неуклюже болталась на большомъ животѣ, а множество перстней на рукахъ и позолоченный жезлъ дѣлали его фигуру еще комичнѣе; тѣмъ не менѣе въ этомъ некрасивомъ тѣлѣ былъ недюжинный умъ, соединенный съ практичностью и знаніемъ людей и свѣта.

— Стефанъ! обратился къ нему князь, когда тотъ кончилъ свой докладъ: я знаю, что ты преданъ моей семьѣ, и тебѣ

одному довѣряю; всѣ другіе бояре не задумаются продать меня моимъ врагамъ, и давно бы сдѣлали это, если бы я ихъ не держалъ въ рукахъ; но ты мой вѣрный слуга, больше того—ты другъ мой, лучшій мой совѣтникъ....

— Господинъ мой имѣетъ полное право не сомнѣваться въ моей преданности, прервалъ его Георгица съ низкимъ поклономъ.

— Слушай же, что я скажу тебѣ, и по совѣсти отвѣть мнѣ, каково твое мнѣніе...

Георгица почтительно прижалъ руку къ груди.

— Осмѣлюсь ли я, презрѣнный рабъ такого высокаго князя, умнѣйшаго и храбрѣйшаго, кривить душой и высказывать не то, что у меня на сердцѣ?

— Хорошо! благосклонно замѣтилъ Василій. Слушай же! Ты знаешь, что я уже десять лѣтъ сижу на молдавскомъ престолѣ, и, если Богъ дастъ, просижу и еще много лѣтъ. Удержаться въ Молдавіи не мудрость; но мнѣ этого мало. Я не могу спать спокойно, зная, что тутъ, подлѣ, живетъ мой непримиримый врагъ, человѣкъ, предвосхитившій всѣ мои нововведенія, умѣющій всегда оправдаться передъ султаномъ и повредить мнѣ, человѣкъ, которому я не могу простить его побѣды, не могу простить такъ дешево купленнаго мира.

— Ваша свѣтлость изволитъ говорить о Матвѣѣ Бассарбѣ? —съ тонкою улыбкою спросилъ логофетъ. Но вѣдь вы съ нимъ помирились?

Василій вздохнулъ.

— Да, я принужденъ былъ показать видъ, что простилъ ему всѣ его оскорбленія. Но ты понимаешь, Георгица, чего это мнѣ стоило. Я утѣшаю себя тѣмъ, что недолго ждать минуты мщенія; не даромъ отдаю я дочь за одного изъ самыхъ знатныхъ польскихъ магнатовъ.

— Я осмѣливаюсь предугадывать намѣренія вашей свѣтлости,—вкрадчиво проговорилъ логофетъ все съ тою же улыбкою придворнаго, желающаго льстить, но такъ, чтобы лесть его не была замѣтна. Ваша свѣтлость изволитъ разсчитывать на помощь вашего будущаго зятя?

— Да! отвѣчалъ Василій: и вотъ тутъ-то мнѣ нужно твое содѣйствіе.

— Ваша свѣтлость знаете, что я принадлежу вамъ и тѣломъ, и душею. Прикажете вы мнѣ подготовить князя Януша къ предстоящей задачѣ?—полувопросительно прибавилъ онъ.

— Да, но это надо сдѣлать умѣючи, надо польстить его самолюбію; можно даже пообѣщать ему этотъ завоеванный престолъ, хотя ты знаешь, что у меня другіе виды.

— Если ваша свѣтлость позволитъ мнѣ высказать свое мнѣніе—осторожно началъ логофетъ: я осмѣлюсь указать вамъ на то, что князья Радзивиллы врядъ-ли польстятся на наше господарство. У нихъ иные виды; они слишкомъ близко стоятъ къ польскому престолу, и врядъ-ли князь Янушъ захочетъ уклониться отъ возможности стать когда-либо королемъ польскимъ.

— Одна возможность не исключаетъ другой—замѣтилъ Василій; хотя, впрочемъ, я этого и не имѣю въ виду: онъ можетъ изъ родственнаго чувства помочь намъ—прибавилъ онъ, смѣясь; а мы тоже изъ родственной пріязни можемъ пригодиться ему, когда онъ захочетъ польской короны. Вообще, я на тебя надѣюсь, Георгица! прибавилъ князь Василій, съ величественнымъ жестомъ отпуская своего совѣтника: ты сдѣлаешь все, что можно, и расположишь къ намъ польскихъ магнатовъ; кто знаетъ, можетъ быть, въ средѣ ихъ найдется женихъ и для Локсандры. Опираясь на Польшу, мы не побоимся тогда и Порты.

— Въ числѣ гостей вашей свѣтлости будетъ много польской знати, замѣтилъ логофетъ уже на порогѣ. Я же совѣтовалъ бы вашей свѣтлости обратить вниманіе на молодыхъ пановъ Потоцкаго и Калиновскаго; отцы ихъ пользуются королевскою милостью и хороши съ великимъ канцлеромъ, а это все, что намъ пока нужно.

Василій одобрительно кивнулъ головою. Георгица съ низкимъ поклономъ удалился. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ человѣкомъ, съ которымъ менѣе всего желалъ встрѣчи.

Это былъ высокій сѣдой старикъ съ жидкою бородою и большою плѣшью; его сухіе, костлявые пальцы крѣпко сжимали

толстый свертокъ, а губы поминутно шевелились, точно онъ что-то шепталъ про себя. Георгица терпѣть не могъ этого сухопараго ученаго, какъ онъ его называлъ, да и логофетъ Евстафій не особенно долюбливалъ Стефана. Оба они оспаривали княжескую милость, и Стефанъ при случаѣ никогда не пропускалъ удобнаго момента въ присутствіи князя посмѣяться надъ странностями ученаго старика и выставить его въ смѣшномъ свѣтѣ. Евстафій никогда не платилъ ему тою же монетою: онъ былъ слишкомъ не отъ міра сего, слишкомъ занятъ своими учеными изслѣдованіями и даже, по всей вѣроятности, въ большей части случаевъ вовсе не замѣчалъ ѣдкихъ насмѣшекъ своего противника. Смѣривъ другъ друга далеко не дружелюбнымъ взоромъ, придворные молча разошлись, и князь Василій встрѣтилъ Евстафія съ веселою улыбкою.

— Что, какъ наши дѣла, дорогой мой законовѣдъ? Скоро ли ты избавишь меня отъ необходимости измышлять рѣшенія каждаго дѣла и на свой личный страхъ подписывать приговоры? Каждый разъ, когда я засѣдаю въ диванѣ и выслушиваю разнообразные доводы тяжущихся, я думаю о тебѣ и молю Бога, чтобы Онъ помогъ тебѣ поскорѣе окончить твою работу.

— Ваша свѣтлость возложили на меня слишкомъ тяжелый трудъ,—отвѣчалъ Евстафій. Если бы я могъ еще придерживаться какого нибудь свода, существовавшаго раньше, чего-нибудь болѣе научнаго, чѣмъ обычай, болѣе опредѣленнаго, чѣмъ естественное право, моя работа пошла бы быстрѣе. Но обычай нашей страны суровъ и подчасъ жестокъ; а естественное право далеко не всегда можетъ обнять тѣ отступленія, которыя создаетъ жизнь. По совѣсти я не могъ бы утвердить наказаніе, налагаемое на убѣжавшаго раба, — заклеймить его и вырвать ноздри, или смертью казнить голоднаго цыгана, укравшаго курицу. Съ другой стороны, какъ опредѣлить степень наказанія во всѣхъ вопросахъ чести, не исключая и чести семейной?

— Что касается семейной чести,—замѣтилъ Василій,—ты никогда не будешь достаточно строгъ. Мы должны оберегать семью,—нравы становятся слишкомъ легкими. Наши женщины слишкомъ часто бросаютъ мужей, а мужчины мало отличаютъ

замужнихъ отъ незамужнихъ... Что же ты принесъ мнѣ сегодня? спросилъ князь, посматривая на свертокъ Евстафія.

— Это черновая работа, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ тотъ нерѣшительно.

— Все равно, прочти! Да, кажется, это стихи? прибавилъ онъ, заглянувъ черезъ руку логофета. Я и не зналъ, что мой секретарь занимается поэзіей.

— Это предисловіе, ваша свѣтлость! смущенно отвѣчалъ ученый: объясненіе молдавскаго герба.

— Посмотримъ! снисходительно проговорилъ князь, усаживаясь на диванъ и рукою приглашая своего секретаря занять мѣсто рядомъ.

Логофетъ, занявъ мѣсто, прочелъ свои стихи.

Василій задумался.

— Ты говоришь, что нашъ гербъ, голова быка, есть эмблема сильной крѣпости... Значитъ—ты вѣришь въ существованіе этой крѣпости, этой Caput bovis... Отчего же до сихъ поръ нигдѣ не найдено ея развалинъ?

— Оттого что ихъ плохо искали, ваша свѣтлость. Но гдѣ нибудь при устьѣ Серета они должны существовать,—на это указываютъ римскіе источники.

— Можетъ быть, ты и правъ,—отвѣчалъ князь. Во всякомъ случаѣ я долженъ тебя поздравить съ звучнымъ стихомъ. Долженъ только замѣтить одно: ты мнѣ слишкомъ льстишь въ окончательной строфѣ,—прибавилъ съ снисходительною улыбкою князь. Боюсь, чтобы не досталось тебѣ за эти похвалы отъ нашихъ бояръ; они не слишкомъ то цѣнятъ мои заслуги отечеству.

— Я не могъ иначе говорить, государь! съ достоинствомъ отвѣчалъ логофетъ. Ты, князь, первый внесъ свѣтъ науки въ эту невѣжественную страну. Кто, какъ не ты основалъ высшее училище? Кто, какъ не ты учредилъ въ этомъ училищѣ каѳедры богословія, правовѣдѣнія, классическихъ языковъ, языковъ турецкаго и арабскаго? Ты завелъ типографіи, ты ввелъ родной языкъ въ богослуженіе, и наконецъ теперь ты готовишься дать Молдавіи письменный сводъ законовъ... Развѣ я не въ правѣ былъ сказать, что имя твое не умретъ въ исторіи?

Василій съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ своего секретаря, наконецъ вздохнулъ и сказалъ:

— И все таки мой сосѣдъ все у меня предвосхитилъ. Все таки бояре правы, когда шепчутся между собою, что я его подражатель.

— Однако, ваша свѣтлость,—съ нѣкоторою гордостью возразилъ Евстафій,—про сводъ законовъ этого нельзя будетъ сказать; это уже наше дѣло и наша заслуга; никто ее у насъ не отниметъ.

— Вотъ потому-то я и тороплю тебя, мой дорогой Евстафій. Я боюсь, что мой непримиримый врагъ лишитъ меня и этой славы: письменные законы такъ же необходимы въ Валахіи, какъ и въ Молдавіи; если Матвѣй предупредитъ насъ, то всѣ скажутъ, что мы ему подражали.

— Вчернѣ моя работа уже готова,—сказалъ Евстафій, вставая; остается только просмотрѣть всѣ сорокъ главъ и приступить къ печатанію. Черезъ годъ трудъ будетъ напечатанъ.

— Черезъ годъ! вздохнулъ Василій. Это слишкомъ много времени. Ты жестокъ, Евстафій! Подумай, мнѣ придется еще слишкомъ триста разъ засѣдать, какъ сегодня, опираясь на сомнительный обычай и на неопредѣленное естественное право, какъ ты выражаешься.

При этомъ онъ всталъ и, вынимая изъ кармана большіе часы въ видѣ луковицы, прибавилъ:

— Вотъ ужъ и пора! Мои совѣтники ждутъ меня въ диванѣ для рѣшенія безчисленныхъ тяжебъ, споровъ, проступковъ и преступленій. Сколько-то недовольныхъ прибавится еще сегодня къ длинному списку моихъ враговъ?

— Ваша свѣтлость не должны обращать на нихъ вниманія; у всѣхъ великихъ людей всегда были и завистники, и враги.

— О, я и не забочусь о нихъ! гордо поднявъ голову, съ живостью отвѣтилъ Василій, и лице его приняло жесткое выраженіе. Я ихъ давлю, какъ мухъ, и они мнѣ надоѣдаютъ по стольку, поскольку могутъ надоѣдать назойливыя мухи.

Онъ отпустилъ логофета и отправился въ диванъ рѣшать текущія дѣла.

ГЛАВА II.

ПРОДАВЕЦЪ ОЖЕРЕЛЬЯ.

Въ одномъ изъ предмѣстій обширнаго города, на краю большой площади, представлявшей въ это время пустынную снѣжную равнину, ютилась жидовская корчма, какъ разъ на перепутьи между двумя дорогами, въ Турцію и Польшу.

Вечеромъ въ описываемый нами день небольшая кучка польскихъ шляхтичей медленно подъѣзжала къ корчмѣ. Они весело разговаривали и смѣялись, поглядывая на встрѣчавшихся красивыхъ горожанокъ въ ихъ кокетливыхъ тулупахъ, вышитыхъ зеленымъ шелкомъ. Небольшія мѣховыя шапочки, надѣтыя поверхъ шитыхъ тюрбановъ на подобіе чалмы, придавали особенно вызывающее выраженіе ихъ смуглымъ овальнымъ лицамъ съ большими блестящими черными выразительными глазами.

— А женщины здѣсь, клянусь честью, не дурны! проговорилъ высокій молодой человѣкъ съ черными усами и блѣднымъ матовымъ лицемъ.

— Панъ Александръ—знатокъ по этой части,—замѣтилъ другой, плотный, невысокаго роста, съ довольно поношенною, не смотря на молодость, физіономіею.

— Еще бы! смѣясь прибавилъ третій, въ которомъ не трудно было узнать князя Дмитрія, хотя за шесть послѣднихъ лѣтъ онъ сильно возмужалъ и развился въ высокаго красиваго бѣлокураго юношу.

— Панъ Александръ видѣлъ и испанокъ, и италіанокъ, и француженокъ, я ужъ не говорю о нѣмкахъ... Еслибы отецъ его не потребовалъ къ себѣ, онъ, навѣрно, и теперь не разстался бы съ прекрасными иностранками. Неправда ли, панъ Александръ?

— Я нисколько не сожалѣю объ этомъ,—отвѣчалъ съ напускною серьезностью панъ Конецпольскій. Это даетъ мнѣ случай побывать въ благословенной Молдавіи, гдѣ текутъ медовыя рѣки, а женщины такъ-же дешевы, какъ вино. И какія женщины? Посмотрите, какія у нихъ правильныя лица, какой стройный, гибкій станъ, какія развитыя формы... И замѣтьте, онѣ еще не знаютъ корсета, какъ наши варшавянки...

— Ну, положимъ, что красота никогда не бываетъ безъ подлога,—замѣтилъ некрасивый шляхтичъ, плутовски подмигивая своими маленькими глазками. Ужъ если римлянки умѣли такъ подтягивать пояса, что казались стройнѣе, то неужели опытныя молдаванки откажутъ себѣ въ этомъ удовольствіи? Онѣ и румянятся, и бѣлятся, и сурмятся такъ-же, какъ и всѣ прочія женщины. Да кромѣ того, говорятъ, онѣ и колдуньи и умѣютъ къ себѣ привораживать.

— Это весело! со смѣхомъ замѣтилъ панъ Александръ. Значитъ мы подвергаемся опасности превратиться въ оборотней, или очутиться въ заколдованномъ кругу; это будетъ нѣчто неиспытанное. Что это князь Дмитрій повѣсилъ носъ? прибавилъ онъ оборачиваясь назадъ и внимательно посматривая на молодаго человѣка, задумчиво опустившаго повода.

— Онъ мечтаетъ о феѣ, посѣтившей его во снѣ—смѣясь замѣтилъ шляхтичъ. И увы! онъ этой феи долго не увидитъ, по крайней мѣрѣ, три дня, пока не пріѣдетъ самъ князь женихъ.

Князь Дмитрій вспыхнулъ.

— Сто дьябловъ! Прошу пана Кутнарскаго обратить свои шутки въ какую нибудь другую сторону. Князья Вишневецкіе не привыкли ждать. Даю честное слово благороднаго рыцаря, что увижу панну Локсандру не позже завтрашняго вечера. Кто хочетъ держать со мною пари?

— Я—весело отозвался панъ Александръ.

— И я—мрачно отозвался четвертый шляхтичъ, молча ѣхавшій рядомъ съ паномъ Кутнарскимъ.

— Панъ Доброшевскій заговорилъ! съ напускною радостью провогласилъ Кутнарскій. Вотъ что значитъ женщина! Она расшевелила моего добрѣйшаго и молчаливѣйшаго друга. Панъ Доброшевскій серьезно желаетъ держать пари? обратился онъ къ нему.

— Серьезно! лаконически отвѣчалъ тотъ все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ.

Панъ Кутнарскій и панъ Доброшевскій давно уже неразлучно переходили отъ одного пана къ другому. Если одинъ былъ по натурѣ комикъ, то другаго можно было назвать тра-

гикомъ. Его высоко поднятыя брови, опущенные углы рта, неподвижный взглядъ и вѣчная молчаливость придавали ему видъ глубоко огорченнаго человѣка. Такимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ судьба его обдѣлила не только наружностью, но и остальными мірскими благами.

— Въ такомъ случаѣ,—серьезно сказалъ Кутнарскій,—я считаю себя болѣе чѣмъ обязаннымъ присоединиться тоже къ пари.

Онъ принялъ величественную осанку, поднялъ голову, надулъ щеки и продолжалъ:

— Пану Александру первому назначать условія.

— Идетъ!—весело отозвался Конецпольскій.—Въ случаѣ проигрыша, я ставлю коня со всею эбруею, а князь Дмитрій уступаетъ мнѣ права на домну Локсандру.

— Идетъ! подтвердилъ Вишневецкій

— А вотъ и наши условія! проговорилъ Кутнарскій. Если князь Дмитрій проиграетъ, онъ отсчитаетъ каждому изъ насъ по сту золотыхъ; если же выиграетъ, то восторжествуетъ свою побѣду надъ нами тѣмъ, что угоститъ насъ хорошимъ токайскимъ, причемъ мы обязуемся пить до положенія ризъ. Согласенъ панъ Доброшевскій?

Всѣ засмѣялись, только одинъ трагикъ сохранилъ свой мрачный видъ.

— Идетъ! также мрачно отвѣчалъ онъ.

Въ это время они подъѣхали къ корчмѣ, и панъ Кутнарскій концемъ ногайки постучалъ въ окно. Дверь пріотворилась, въ щели показалась голова еврея корчмаря.

— Голову даю на отсѣченіе, если это не Янкель! въ удивленіи воскликнулъ Конецпольскій.—Гей, Янкель! Какъ ты сюда попалъ?

Худощавая фигура Янкеля показалась на порогѣ; съ заискивающею улыбкою онъ отвѣсилъ низкій поклонъ пану.

— Бѣдному, честному еврею гдѣ-гдѣ не придется побывать за всю его долгую жизнь, ясновельможный пане! Іегова прогнѣвался на раба своего. Вотъ ужъ сколько лѣтъ подрядъ бѣдный Янкель не можетъ найти пристанища.

— Кто же велѣлъ тебѣ уѣхать изъ Переяславля? спросилъ

панъ Александръ, сойдя съ лошади и входя въ сопровожденіи своихъ путниковъ въ корчму.

— Козаки, ясновельможный пане! все—они; бѣдному Янкелю на роду написано отъ нихъ терпѣть.

— За что-же они тебя выжили изъ Переяславля?

— У меня въ корчмѣ нашли Смольчуга и Ганжу; вѣдь эта исторія извѣстна ясновельможному пану?

— А—а! протянулъ Конецпольскій. Да, да! припоминаю. Ты ихъ доставилъ моему отцу. Отецъ ихъ, кажется, выпустилъ на волю, когда кончилось возстаніе.

— Что говоритъ ясновельможный панъ? съ испугомъ вскрикнулъ Янкель. Неужели этимъ разбойникамъ не отрубили головъ?

— Ну, смотри, какъ бы они тебя не отыскали; не сносить тебѣ тогда головы!

— Здѣсь все таки спокойнѣе, чѣмъ на Украйнѣ. Здѣшній господарь, ой-ой, какой строгій! Онъ безчинствовать не позволитъ даже козакамъ. Мы съ Хайкою здѣсь отдохнули. Гей, Хайка! Гдѣ же ты? кликнулъ онъ, заглядывая за перегородку.

Хайка вышла изъ-за перегородки и привѣтливо поклонилась гостямъ. Она немного обрюзгла и пополнѣла, но живое, подвижное лице ея было все еще довольно красиво; а молдаванскій нарядъ очень шелъ къ ея смуглому лицу и вертлявой фигурѣ. Панъ Кутнарскій не замедлилъ къ ней присосѣдиться, увѣряя подтрунивавшихъ надъ нимъ пановъ, что онъ помогаетъ ей хозяйничать. Янкель вышелъ посмотрѣть лошадей и засыпать имъ ячменя. Князь Дмитрій послѣдовалъ за нимъ.

— Послушай ты, жидъ! обратился онъ къ нему. Ты деньги любишь?

— Ясновельможный панъ шутить изволитъ? проговорилъ Янкель, искоса посматривая на кошелекъ съ золотыми.

— Нисколько не шучу и за услуги платить съумѣю.

— Что угодно ясновельможному пану? проговорилъ Янкель, оставивъ лошадей и насторояшвъ уши.

— У вашего господаря есть дочь, не та, что выходитъ замужъ, а другая...

— Домна Локсандра,—поспѣшно проговорилъ Янкель. Уу! какая это панна! она свѣтится, какъ звѣздочка на небѣ; нѣтъ другой такой красавицы въ Яссахъ.

— Глупецъ! промолвилъ князь. Никто не спрашиваетъ твоего мнѣнія; много ты понимаешь!.

Янкель съежился. „Что за чудной панъ?“ подумалъ онъ: „никакъ на него не угодишь?„.

— Что же прикажетъ ясновельможный панъ бѣдному еврею? проговорилъ онъ, стараясь принять самый скромный и подобострастный видъ.

— Я хочу видѣть эту домну Локсандру,—проговорилъ князь. Понимаешь ли, видѣть ее такъ близко, какъ вижу теперь тебя, и не позже завтрашняго вечера. Если ты мнѣ это устроишь, все это золото твое.

Князь развязалъ шнурокъ у кошелька, доверху наполненнаго золотыми монетами.

Услышавъ такое категорическое заявленіе, Янкель въ первую минуту растерялся; ему даже показалось, что панъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Но блескъ золота заставилъ его тотчасъ иначе отнестись къ тревожащему его вопросу. „Что ему за дѣло, въ своемъ ли умѣ панъ или помѣшанъ? Если бы это была простая боярышня, то тутъ даже и думать было нечего; но молодая княжна—статья совсѣмъ иная; кто знаетъ, какія намѣренія у этого сумашедшаго пана; случись что нибудь, и Янкелю не уйти отъ гнѣва князя Василія“. Янкель рѣшился отказаться отъ предложеннаго золота.

— Я бѣдный еврей, ясновельможный пане! Какъ мнѣ взяться за такое важное дѣло!

Князь Дмитрій насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Вотъ потому то, что ты бѣдный еврей, я къ тебѣ и обращаюсь; а какъ это дѣло устроить, я тебя самъ научу. Смотри, вотъ у меня какая бездѣлка.

Князь Дмитрій вынулъ изъ-за пазухи своего кунтуша довольно большой футляръ изъ краснаго сафьяна. Когда онъ его открылъ, у Янкеля разбѣжались глаза. Такихъ чудныхъ бриллiантовъ онъ въ жизнь свою не видывалъ: ожерелье, серьги,

діадема переливали всѣми цвѣтами радуги, при тускломъ свѣтѣ мерцавшаго факела.

— Великъ Богъ Авраама, Исаака и Іакова! воскликнулъ Янкель. Чудны творенія его! Такихъ брилліантовъ нѣтъ у самой домны невѣсты.

— Еще бы!—съ высокомѣрною гордостью отвѣчалъ князь Дмитрій: это брилліанты моей бабушки, княгини Мнишекъ. Подобныхъ имъ нѣтъ ни у Радзивилловъ, ни у Сапѣгъ, ни у Любомирскихъ. У тебя, навѣрно, есть знакомства въ княжескомъ замкѣ. Ты сходишь туда и скажешь, что пріѣзжій шляхтичъ желаетъ продать драгоцѣнный уборъ, а между тѣмъ похлопочешь, чтобы меня приняли завтра и чтобы панна Локсандра тоже посмотрѣла мои брилліанты. Впрочемъ, объ этомъ ты можешь, пожалуй, и не заботиться. Если меня примутъ, то, конечно, я ее увижу.

— А ясновельможный панъ вправду продаетъ свои брилліанты? нерѣшительно спросилъ Янкель. Зачѣмъ тогда далеко ходить: у Янкеля тоже найдется золото для такой чудной вещи.

Князь Дмитрій побагровѣлъ отъ ярости и схватился за эфесъ сабли.

— Презрѣнный жидъ! крикнулъ онъ: если ты еще разъ осмѣлишься предложить мнѣ подобную сдѣлку, я тебя искрошу, какъ послѣднюю собаку. Дѣлай, что тебѣ приказано, и не суйся съ своими разспросами?

„Этотъ панъ, навѣрно, полуумный“, подумалъ Янкель, пятясь къ стѣнѣ; онъ не смѣлъ больше открыть рта и молча выслушалъ остальныя приказанія князя.

— Ты ни словомъ не заикнешься обо всемъ этомъ другимъ панамъ, да и въ замкѣ болтай поменьше. Когда все устроишь, скажешь мнѣ объ этомъ одинъ на одинъ, а теперь ступай,— времени терять нечего!

Янкель крикнулъ своего старшаго сына и, оставивъ коней на его попеченіе, поплелся къ городскимъ воротамъ.

— Князь Дмитрій, вѣрно, колдовалъ при лунномъ свѣтѣ,— подтрунивалъ Кутнарскій, посматривая на взволнованное лице юноши. Я бы подумалъ, что ему опять пригрезилась его фея;

но объ этомъ велѣно молчать до завтрашняго вечера, а завтра мы опорожнимъ кошелекъ великодушнаго князя.

Но на этотъ разъ остроуміе Кутнарскаго не достигло цѣли. Князь Дмитрій оставался равнодушнымъ къ его насмѣшкамъ. Онъ смотрѣлъ куда-то вдаль, и на красивомъ свѣжемъ лицѣ его быстро смѣнялись какія-то неуловимыя ощущенія; онъ переживалъ что то невыразимое, необъятное—предчувствіе чего то мучительно сладкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелаго, гнетущаго. Его давила тоска, а сердце между тѣмъ прыгало отъ радости.

Поужинавъ, всѣ легли спать на прекрасномъ душистомъ сѣнѣ, разостланномъ досужею рукою Хайки.

Янкель вернулся, когда уже всѣ спали крѣпкимъ сномъ, и, тихо пробравшись за перегородку, тихонько шепнулъ Хайкѣ:

— Слышь, Хайка, дитя мое! завтра у насъ будетъ цѣлый кошель золотыхъ.

Хайка удивленно посмотрѣла на него.

— Это откуда еще? Ограбить, чтоли, собираешься кого? презрительно сказала она.

Вообще въ Молдавіи она стала слишкомъ самостоятельна, вслѣдствіе легкости молдавскихъ нравовъ, и Янкель не разъ грозилъ похлестать ее ногайкою.

— Зачѣмъ грабить? Мы и честнымъ трудомъ съумѣемъ нажить.

— Тамъ когда еще честнымъ трудомъ наживешь! презрительно вздернувъ губу, отрѣзала Хайка. А вотъ у меня и теперь есть золотой! похвастала она, вертя передъ глазами мужа золотою монетою.—Только тебѣ его, какъ своихъ ушей, не видать!—прибавила она съ вызывающимъ видомъ, пряча монету въ карманъ.

— Тфу! сплюнулъ Янкель, отворачиваясь отъ нея. Если бы только не ясновельможные паны, попробовать бы тебѣ ногайки.

Онъ недовольно отодвинулъ свой соломенный тюфякъ въ уголъ каморки и улегся, ворча что-то про себя.

На другой день едва только господарша изволила выйти изъ своей опочивальни, какъ къ ней подошелъ ея великій ключарь и съ таинственнымъ видомъ доложилъ ей, что какой-то

бѣдный пріѣзжій шляхтичъ проситъ аудіенціи, такъ какъ онъ желаетъ продать дорогой уборъ.

Господарша, высокая статная женщина уже не первой молодости, еще не потеряла своей обаятельной красоты, немного слишкомъ южной, слишкомъ типичной, но зато горячей и страстной, какъ то полуденное небо, подъ которымъ родилась. Она, какъ всѣ дочери юга, до страсти любила наряды и особенно драгоцѣнныя украшенія. Не смотря на свои несмѣтныя богатства, Лупулъ былъ скупъ на всякую лишнюю роскошь, особенно въ томъ, что касалось домашняго быта. Красивой женѣ его приходилось выпрашивать у него и дорогія одежды, и драгоцѣнные уборы. Вотъ почему и теперь она колебалась дать свое согласіе. Ключарь, тонкій дипломатъ, тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Ваша свѣтлость не обязаны купить у шляхтича его драгоцѣнности; можно посмотрѣть и прицѣниться.

— Это правда! согласилась господарша. Пусть придетъ.

Ключарь удалился съ низкимъ поклономъ, а господарша позвала падчерицъ. Все таки это было нѣкоторое развлеченіе для скучавшихъ женщинъ, сидѣвшихъ цѣлыми днями на своей половинѣ и только изрѣдка являвшихся на общественныхъ пирахъ или косвенно ухитрявшихся вліять на государственныя дѣла.

Скоро пріемный залъ господарши, куда она приказала привести шляхтича, наполнился толпою любопытныхъ боярынь и боярышень. Имъ пришлось ждать недолго. Растворилась дверь и въ залъ вошелъ немного сгорбленный пожилой человѣкъ въ одеждѣ простаго шляхтича, съ длинными полусѣдыми усами и густыми сѣдыми бровями, какъ то неестествено нависшими подъ гладкимъ бѣлымъ лбомъ. Ключарь, пропустивъ его въ дверь, остановился у порога и ожидалъ приказаній господарши. Ему самому хотѣлось взглянуть на драгоцѣнный приборъ, но этикетъ требовалъ ждать приглашенія.

Замѣтивъ его вопросительную позу, господарша сдѣлала знакъ рукой, и онъ тогда почтительно приблизился къ столу, заглядывая изъ-за боярынь на руки шляхтича, державшаго свой футляръ.

Шляхтичъ не спѣша окинулъ всѣхъ своимъ быстрымъ взоромъ, и глаза его съ удивленіемъ и восторгомъ остановились

на младшей изъ княженъ, дышавшей всею прелестью молодости, обаятельной красоты и невинной шаловливой игривости ребенка. Высокій ростъ сестры мѣшалъ ей видѣть интереснаго шляхтича съ его драгоцѣнностями; она приподнялась было на цыпочки, но, найдя это неудобнымъ, просунула голову подъ рукою важной домны невѣсты, причемъ ея длинныя тяжелыя косы скользнули на бѣлую едва развившуюся грудь, а улыбающійся коралловый ротикъ открылъ цѣлый рядъ прелестныхъ жемчужныхъ зубовъ.

— Какой старый! шепнула она, смѣясь своей сестрѣ.

Князь Дмитрій понималъ немного по-молдавански и невольно усмѣхнулся про себя. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ этой прелестной дѣвушки полуребенка, и ему невольно пришли въ голову слова Кутнарскаго, обвинявшаго молдаванскихъ женщинъ въ колдовствѣ. Эта маленькая колдунья, дѣйствительно, приковала его къ себѣ и лукавыми взглядами, и извивавшимися, какъ змѣйки, косами, и своими легкими, граціозными движеніями. Онъ готовъ былъ стоять такъ цѣлую вѣчность, но голосъ старшей сестры привелъ его въ себя.

— Панъ, быть можетъ, покажетъ намъ свои бездѣлки? сказала она чисто по-польски.

Обѣ сестры двѣ уже зимы учились по польски, исполняя приказаніе отца, и учились охотно, такъ какъ уроки стараго поляка учителя были развлеченіемъ въ ихъ однообразной жизни.

— Панъ застылъ отъ холода—смѣясь прибавила Локсандра. Видишь, онъ не можетъ вымолвить ни слова.

Князь Дмитрій опомнился и поспѣшно открылъ футляръ.

— Да простятъ свѣтлѣйшія панны старику! тихо проговорилъ онъ: онѣ, какъ солнце, ослѣпили старческія очи его, невидавшія ничего подобнаго во всю долгую жизнь.

Дѣвушки смущенно улыбнулись и наклонились вмѣстѣ съ мачихой къ бриліантамъ.

— Ахъ какъ это хорошо! проговорила домна Локсандра. Это гораздо лучше того, что прислалъ тебѣ твой женихъ.

— Спросите его, что это стоитъ? сказала мачиха.

Она подумала, что на этотъ разъ можетъ быть Лупулъ смягчится и купитъ ей драгоцѣнное украшеніе; въ немъ она на свадьбѣ падчерицы затмитъ невѣсту.

— Съ позволенія вашей свѣтлости, я говорю немного по молдавански. Уборъ этотъ стоитъ очень дорого, онъ рѣдкой воды. Я не могу за него взять менѣе ста тысячъ червонцевъ.

Господарша вздохнула. Конечно, мужу ея ничего не значитъ заплатить сто тысячъ червонцевъ, но онъ на это никогда не согласится. Домна невѣста въ это время что-то обдумывала.

— Панъ, можетъ быть, подождетъ продавать свой уборъ? сказала она. Какъ только я выйду замужъ, я куплю у него эти чудные бриліанты.

— Прекрасная княжна! скромно отвѣчалъ шляхтичъ, приложивъ руку къ сердцу: я бы все сдѣлалъ для ясныхъ глазъ вашей свѣтлости, но мнѣ невозможно ждать.

Между тѣмъ боярыни и боярышни по очереди смотрѣли въ футляръ, восторгались уборомъ, расточали похвалы бриліантамъ, а шляхтичъ все не спускалъ взоровъ съ домны Локсандры. Онъ воспользовался минутой, когда она къ нему приблизилась, любуясь игрою блестѣвшихъ камней, и тихо сказалъ ей по польски:

— Панна чародѣйка! удѣли нѣсколько минутъ бѣдному старику. Можетъ, онъ тебѣ разскажетъ такія чудныя сказки, какихъ ты никогда не слыхала.

Домна Локсандра весело засмѣялась и довѣрчиво посмотрѣла ему въ глаза.

— А развѣ панъ дѣдъ? Я слышала о польскихъ дѣдахъ, что поютъ чудныя думки.

— То не поляки, а хлопы! съ презрѣніемъ отвѣчалъ онъ. Я спою паннѣ лучшія пѣсни.

— Меня не пустятъ ни мать, ни сестра—отвѣчала она. Въ эту минуту господарша важно подошла къ шляхтичу и съ достоинствомъ проговорила:

— Если панъ не можетъ понизить свою цѣну до половины, то я не рѣшусь и сказать объ этомъ своему мужу.

Затѣмъ она его отпустила. Князю Дмитрію ничего не оставалось дѣлать, какъ спрятать свой футляръ и откланяться.

Вернувшись въ корчму, князь со смѣхомъ разсказалъ свою продѣлку товарищамъ и отправилъ жида на поиски самаго лучшаго стараго токайскаго.

— Да только смотри, приноси цѣлый боченокъ! командовалъ онъ. А это тебѣ за услугу! прибавилъ онъ, бросая ему кошелекъ съ золотомъ.

— Молодецъ у насъ князь Дмитрій! смѣялся Кутнарскій. Хоть мы и проиграли по сту золотыхъ, а все таки скажу, что молодецъ, и по этому случаю запьемъ мы сегодня мертвецки.

— Да что же вы проиграли? замѣтилъ панъ Александръ: у васъ и за душей нѣтъ десяти золотыхъ вы, напротивъ, выиграли токайское.

— Проигралъ, клянусь мечемъ моихъ предковъ, проигралъ! настаивалъ шляхтичъ, еслибъ этотъ проныра Янкель не устроилъ свиданія князю съ домной Локсандрой, сто золотыхъ лежали бы теперь у меня въ кошелькѣ,—ergo я ихъ проигралъ.

Всѣ засмѣялись и принялись за попойку. Услужливый Янкель добылъ откуда то карты. За картами поднялся споръ, и все это длилось до поздняго вечера, пока наконецъ подгулявшіе паны не улеглись спать.

ГЛАВА III.

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНІЕ.

На другое утро, только что князь Дмитрій проснулся, онъ пошелъ разыскивать Янкеля. Корчмарь стоялъ на дворѣ и перебранивался съ Хайкою.

— Гдѣ ты была ночью, низкая душа? кричалъ онъ ей. Ребенка бросила; нянька я тебѣ, что ли, дался? Вотъ возьму тотчасъ палку и обломаю о твои бока, не будешь другой разъ бѣгать!

— Скажи, пожалуйста, какой страшный! огрызалась Хайка, стараясь впрочемъ держаться подальше отъ мужа. Эка важность. что понянчилъ ребенка!

— Это еще что? крикнулъ Янкель, увидѣлъ у Хайки на шеѣ пестрый шелковый платочекъ

— Тебѣ что за дѣло? не ты покупалъ! Отъ тебя я немного видѣла подарковъ.

Янкель хотѣлъ было схватить ненавистный платокъ и сдѣлалъ уже движеніе къ Хайкѣ, но, замѣтивъ подходившаго князя Дмитрія, послалъ Хайкѣ въ догонку угрожающій жестъ и съ низкими поклонами обратился къ своему постояльцу.

— Что угодно ясновельможному пану?

— Ты, Янкель, я вижу, расторопный малый. Устрой мнѣ еще одно дѣло.

— Что прикажетъ панъ?

— Скажи мнѣ прежде всего, пускаютъ ли молодую княжну одну гулять?

Янкель лукаво подмигнулъ. „Вотъ онъ куда гнетъ", подумалъ онъ.

Въ устройствѣ любовныхъ дѣлъ ему не въ первый разъ приходилось дѣйствовать; онъ считался въ Яссахъ однимъ изъ самыхъ ловкихъ и за деньги могъ свести кого угодно. Вся ясская золотая молодежь, лакомая до тайныхъ похожденій, прекрасно знала его корчму; а при разбирательствѣ скандальныхъ дѣлъ онъ всегда умѣлъ увильнуть въ сторону и спастись отъ гнѣва князя Василія.

— Что же ты молчишь? нетерпѣливо спросилъ князь. Кажется, я толкомъ тебя спрашиваю: ходитъ ли домна Локсандра одна гулять?

— Ни, ни, Боже мой! какъ это можно, чтобы ея свѣтлость пускали одну; она и пѣшкомъ то не ходитъ.

— Дурацкій обычай! проворчалъ Вишневецкій. Это скверно, Янкель! прибавилъ онъ, обращаясь къ корчмарю.

Янкель опять лукаво подмигнулъ.

— Ясновельможный панъ желаетъ имѣть свиданіе съ домной?

— Свиданіе! нетерпѣливо крикнулъ князь. Какое тутъ свиданіе? Я бы хотѣлъ ее видѣть, говорить съ нею наединѣ.

— Ну, такъ это же и есть свиданіе—съ недоумѣніемъ проговорилъ Янкель. Когда молодой панъ желаетъ наединѣ видѣть молодую боярышню, что же это, какъ не свиданіе?

— Если бы и она меня тоже хотѣла видѣть, но она меня даже и не знаетъ и считаетъ за старика. Ну, да что съ тобою толковать! Устрой хоть свиданіе! Я вдвое заплачу противъ прежняго. Только скорѣе, сейчасъ; я сгораю нетерпѣніемъ ее видѣть.

Янкель самодовольно поглаживалъ свою жиденькую бородку: влюбленный князь, очевидно, былъ въ его рукахъ и передъ нимъ уже носилась мысль, сколько золотыхъ онъ можетъ изъ него высосать. Трудность и опасность предпріятія не особенно его смущали, такъ какъ у него были лазейки въ княжескомъ замкѣ; онъ тамъ не разъ устраивалъ дѣлишки княжеской прислуги и могъ разсчитывать на взаимную помощь съ ихъ стороны.

— Янкель готовъ служить ясновельможному пану —отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ: только панъ слишкомъ нетерпѣливъ. Первое—въ княжскомъ дворцѣ всѣ еще спятъ; второе—такія дѣла дѣлаются тайно, а третье—ясновельможный панъ пожалуетъ задатокъ.

Князь Дмитрій нетерпѣливо сунулъ руку за пазуху, вытащилъ изъ кошелька пригоршню золотыхъ монетъ и далъ ихъ еврею.

Янкель опустилъ монеты въ карманъ и, весело побрякивая ими, проговорилъ:

— Вотъ теперь мы подмажемъ, кого нужно. Только какъ панъ прикажетъ; желаетъ ли онъ оставаться старикомъ, или ему угодно помолодѣть для прекрасной княжны?

Князь Дмитрій на минуту задумался.

— Я ей говорилъ, что умѣю разсказывать сказки, пусть же она и видитъ во мнѣ пока старика сказочника.

— Хорошо! подтвердилъ Янкель. Клянусь прахомъ Авраама, хорошо! Онъ хлопнулъ себя по лбу и прибавилъ:

— Вотъ отличная мысль! Ясновельможный панъ прекрасно придумалъ. И поклонившись въ поясъ, онъ быстро зашагалъ въ городъ.

Вишневецкій вернулся въ корчму, гдѣ его товарищи уже сидѣли за холоднымъ завтракомъ, послѣ вчерашняго похмелья поправляя голову прекраснымъ котнарскимъ зеленымъ виномъ, гордостью и славою Молдавіи.

Въ княжескомъ замкѣ давно уже отобѣдали, и легкія зимнія сумерки наполнили таинственнымъ полумракомъ большіе залы съ высокими сводами и красивыми колоннами. Господарша прилегла отдохнуть, княжна невѣста разбирала свое приданное при помощи ближнихъ боярынь и боярышень, а молодая княжна тихо присѣла къ окошку въ сумрачномъ одинокомъ залѣ и смотрѣла вдаль на снѣжные холмы на однообразную снѣжную пелену, покрывавшую землю, на силуэты деревьевъ, казавшихся теперь въ полутьмѣ огромными великанами.

Вдругъ къ ней подкралась одна изъ ея прислужницъ, молоденькая цыганка и, тихо наклонившись къ ней, шепнула что-то на ухо.

Домна Локсандра, испуганная, быстро встала.

— Что, что ты говоришь? въ волненіи прошептала она. Кто меня хочетъ видѣть?

— Не кричите, ваша свѣтлость! проговорила цыганка, прикладывая палецъ къ губамъ. Еще неравно господарша услышитъ, такъ намъ обѣимъ достанется.

Она со страхомъ покосилась на дверь господаршиной опочивальни.

— Старый шляхтичъ,—продолжала она,—что былъ тутъ съ бриллiантами, подослалъ сегодня сказать вашей свѣтлости, что онъ хочетъ разсказать вамъ сказки своей страны. Если вы пожелаете послушать, то споетъ вамъ и пѣсни.

Домна Локсандра оправилась и улыбнулась.

— Какой смѣшной старикъ! проговорила она. А гдѣ онъ?

— Онъ тутъ въ замкѣ,—проговорила цыганка, боязливо оглядываясь. Я сведу къ нему вашу свѣтлость.

Локсандра любила все таинственное. Прокрасться теперь въ полумракѣ, тайкомъ отъ взрослыхъ, и послушать чудныхъ разсказовъ стараго поляка, да это было такое удовольствіе, какого она и не чаяла. Она даже подпрыгнула, тихонько засмѣялась и, какъ быстроногая лань, едва касаясь пола, пустилась за цыганкою.

— Маріанка! а куда ты меня ведешь? прошептала она на пути, минуя длинные корридоры замка.

— Внизъ, въ подземелье! отвѣчала та, не оборачиваясь.

— Ой, страшно, Маріанка! Тамъ теперь, я думаю, стѣны обледенѣли.

— Зачѣмъ имъ леденѣть? оскаливъ свои бѣлые зубы, засмѣялась Маріанка.—Тамъ дѣдъ Иванко живетъ, у него тепло.

— Какой Иванко? спросила княжна.

Она никогда еще не спускалась въ подземелье, гдѣ, по ея представленію, жили души умершихъ узниковъ.

— А дѣдъ мой, что дрова колетъ—проговорила Маріанка. Мы его сегодня выгнали, а старый шляхтичъ тамъ и сидитъ.

— Кто же это вы?

— Ну, да мы—я и мамка. Отецъ въ лѣсъ уѣхалъ за дровами, тамъ и заночуетъ въ землянкѣ.

Обѣ дѣвушки замолчали. Княжна боязливо схватилась за руку цыганки, когда ощупью пришлось спускаться въ подземелье замка. Онѣ прошли нѣсколько шаговъ по обледенѣлому полу корридора. Маріанка ощупью нашла дверь и отворила ее.

— Ну вотъ тебѣ, дѣдушка, и княжна! весело сказала она, пропуская впередъ себя смущенную Локсандру. Разсказывай тутъ ей свои сказки, а я побѣгу къ мамкѣ.

Домна Локсандра съ любопытствомъ смотрѣла на низкія закоптѣлыя стѣны подвала, тускло освѣщенныя факеломъ, и не двигалась съ мѣста. Князь Дмитрій тоже чувствовалъ себя неловко передъ смущенною княжной; онъ не зналъ, какъ и съ чего начать, какъ выйти изъ нелѣпаго положенія, въ которое самъ себя поставилъ. Не играть же передъ нею роль старика и не для того онъ добивался этого свиданія.

— Княжна! проговорилъ онъ, и голосъ его немного дрогнулъ. Простите мнѣ мою дерзость!

Локсандра подняла на него глаза, улыбнулась и весело проговорила:

— Ничего! я очень люблю слушать сказки и рада, что панъ меня вспомнилъ. Наверху меня не скоро хватятся да и Маріанка тотчасъ прибѣжитъ, еслибъ хватились.

— Простите, княжна! проговорилъ Дмитрій: если вмѣсто сказокъ я вамъ разскажу свою собственную исторію.

Онъ быстро сорвалъ съ головы накладной парикъ, снялъ усы и приклеенныя брови и опустился на колѣни передъ княжной.

Локсандра съ удивленіемъ и испугомъ посмотрѣла на молодаго человѣка и быстро отступила назадъ. Она сразу тонкимъ женскимъ чутьемъ поняла, въ чемъ дѣло, въ ней сразу проснулась женщина, въ душѣ заговорила княжеская гордость, чувство стыда, сознаніе, что ее обманули.

— Какъ вы смѣли? сказала она, гордо поднявъ голову, и слезы выступили у нея на глазахъ.

Князь Дмитрій растерялся. Онъ ожидалъ, что княжна смутится, онъ воспользуется ея смущеніемъ и выскажется ей въ любви, и вдругъ—оказалось совершенно иное: онъ очутился въ положеніи школьника, просящаго прощенія за сдѣланную шалость.

— Бога ради, княжна! проговорилъ онъ: выслушайте меня!

— Зачѣмъ мнѣ васъ слушать? холодно проговорила она. Вы воспользовались моею довѣрчивостью, назвались чужимъ именемъ, прикинулись старикомъ... Это гадко, гадко! Я не знала, что есть такіе злые люди на свѣтѣ!

Княжна сердито топнула своею маленькою ножкою, и глаза ея заблестѣли.

— Княжна! молилъ Дмитрій: я не могу выносить вашего гнѣва, не смотрите на меня такъ, лучше наложите, какое угодно, наказаніе; я и самъ знаю, что поступилъ гадко.... Но мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ и сказать вамъ, что прекраснѣе васъ нѣтъ женщины въ мірѣ, что я готовъ умереть у ногъ вашихъ, если вы только этого потребуете...

Домна Локсандра вспыхнула. Она въ первый разъ услышала признаніе въ любви, и женскому самолюбію ея сильно польстила горячая рѣчь князя.

— Хорошо! сказала она: пожалуй, я васъ прощу; только сейчасъ вставайте и никогда не смѣйте говорить того, что сейчасъ сказали.

Князь Дмитрій повиновался.

Локсандра повернулась къ двери и хотѣла уйти.

— Подождите, княжна! удержалъ онъ ее. Зачѣмъ вамъ спѣшить? Удѣлите мнѣ еще хоть нѣсколько минутъ; позвольте хоть сколько нибудь оправдаться передъ вами!

Локсандра нерѣшительно остановилась.

— Повѣрьте мнѣ, сказалъ онъ, что искренно раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ. Я поступилъ по—дѣтски, и вы вправѣ на меня сердиться; но обѣщайте мнѣ, что вы забудете этотъ необдуманный поступокъ и, когда мы встрѣтимся на свадьбѣ князя Радзивилла, мы встрѣтимся не врагами.

Локсандра съ удивленіемъ взглянула на него.

— Почему вы думаете встрѣтить меня на свадьбѣ моей сестры? спросила она.

— Я принадлежу къ свитѣ князя, скромно отвѣтилъ онъ съ почтительнымъ поклономъ.

Локсандра улыбнулась, протянула ему руку и со словами:

— Хорошо, хотя вы этого не стоите! выпорхнула изъ комнаты.

Князь Дмитрій успѣлъ только коснуться этой маленькой руки. Затѣмъ поспѣшно надѣлъ свои накладные волосы и поторопился убраться изъ замка, недоумѣвая, радоваться ему или печалиться.

Торжественный въѣздъ Януша Радзивилла состоялся на другой день; а черезъ три дня назначена была и свадьба.

Невѣста совершенно освоилась со своимъ положеніемъ; она нашла все лучше, чѣмъ ожидала. Женихъ былъ красивъ, молодъ, статенъ, утонченно вѣжливъ, хотя немного холоденъ. Онъ привезъ ей множество драгоцѣнныхъ подарковъ, и весь дворъ былъ ослѣпленъ брилліантами, жемчугами и драгоцѣнными каменьями невѣсты. Молодыхъ повѣнчали днемъ до обѣда, и изъ церкви всѣ гости были приглашены на богатое пиршество.

Князь Янушъ, въ качествѣ родственника дома, подъ руку съ женою встрѣчалъ всѣхъ гостей. Князь Дмитрій еще въ церкви видѣлъ домну Локсандру, но только издали. Теперь ему предстояло быть ей представленнымъ, и онъ съ волненіемъ ожидалъ, когда до него дойдетъ очередь. Домна Локсандра тоже узнала его и лукаво посматривала на смущеннаго юношу. Наконецъ его

представили. Локсандра улыбнулась, слегка наклонивъ голову на почтительный поклонъ князя. Дмитрій земли подъ собою не слышалъ. За обѣдомъ его посадили далеко отъ Локсандры, подлѣ высокой жеманной боярышни, уже не первой молодости, и обѣдъ этотъ тянулся для него нескончаемо долго. Счастливецъ панъ Александръ сидѣлъ подлѣ молодой княжны, и князь Дмитрій отъ всей души завидовалъ ему. Наконецъ всѣ встали изъ за стола и прошли въ другую большую залу, предназначенную для танцевъ. Въ честь жениха танцы начались польскимъ, причемъ князю опять пришлось чинно выступать подлѣ своей скуку наводящей дамы, жеманно вертѣвшей глазами и коверкавшей польскую рѣчь. Но насталъ конецъ испытаніямъ влюбленнаго юноши: звуки скрипокъ и гудковъ, немилосердно рѣзавшіе уши, замолкли. Князь Дмитрій стремительно поклонился своей дамѣ и, повертѣвшись немного между молодежью, подошелъ къ домнѣ Локсандрѣ.

— Княжна! проговорилъ онъ: какъ я счастливъ, что вижу васъ. Не правда ли, вѣдь мы друзья?

Локсандра кокетливо улыбнулась.

— Чтобы быть друзьями, надо другъ друга знать—проговорила она. А я васъ почти не знаю и притомъ...—замялась она.

— Вы хотите сказать, что знаете меня только съ дурной стороны. Княжна, какъ вы злопамятны!

— Вамъ остается только заставить меня забыть дурное, проговорила она смѣясь.

— Скажите мнѣ, что я для этого долженъ сдѣлать? Я на все готовъ.

— Не знаю! отвѣчала она: вы должны сами видѣть, что должно сдѣлать.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ сегодня быть вашимъ кавалеромъ—любезно расшаркался Дмитрій: можетъ быть, мнѣ и удастся какимъ нибудь добрымъ дѣломъ изгладить первое дурное впечатлѣніе.

Домна Локсандра ничего не отвѣтила, а только лукаво улыбнулась, а князь Дмитрій принялъ молчаніе за знакъ согласія, и весь вечеръ не отходилъ отъ княжны.

(Продолженіе слѣдуетъ). **О. Рогова.**

Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ.

Распредѣленіе кургановъ, находящихся въ предѣлахъ территоріи русской государственной области, по видамъ и разновидностямъ составляетъ одну изъ первыхъ и существеннѣйшихъ задачъ нашей современной археологіи. Пока эта задача не будетъ выполнена, мы не въ состояніи будемъ оріентироваться въ массѣ накопившагося курганнаго матеріала, а слѣдовательно и не въ состояніи будемъ серьезно взяться за его дальнѣйшую научную разработку. Истина эта, взятая сама по себѣ, непосредственно очевидна и поэтому не нуждается въ доказательствахъ. Но вопросъ въ томъ, можетъ ли наша археологія, при современномъ ея состояніи, взяться за разрѣшеніе указанной задачи съ полной надеждой на ея успѣшное окончаніе? Вѣдь постановка въ наукѣ той или другой задачи и сознаніе необходимости ея разрѣшенія еще не значатъ, что эта наука располагаетъ и необходимыми для этого средствами Итакъ, имѣемъ ли мы право требовать отъ современной археологіи, чтобы она представила нашему вниманію схему строгонаучной классификаціи кургановъ по видамъ и разновидностямъ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо навести нѣкоторыя справки.

Классификація научнаго матеріала составляетъ настолько существенную принадлежность каждой науки, что послѣдняя не можетъ обойтись безъ нея на самой первой ступени своего развитія. Вотъ почему и наша наука о курганахъ, несмотря на свое зачаточное состояніе, не могла обойтись безъ попытокъ клас-

сификаціи. У насъ прежде всего можно встрѣтиться съ дѣленіемъ кургановъ: 1) по характеру могильныхъ насыпей, 2) по географическому положенію могильниковъ и 3) на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ лѣтописей и вообще изъ историческихъ источниковъ.

Первые два способа дѣленія, какъ это для каждаго очевидно, имѣютъ совершенно случайный характеръ и въ будущемъ серьезнаго научнаго значенія они не будутъ имѣть: къ нимъ придется обращаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ заходить рѣчь о второстепенныхъ разновидностяхъ.

Гораздо большее значеніе придается у насъ третьему способу дѣленія, въ основаніе котораго кладутся лѣтописныя указанія на географическое положеніе областей, заселенныхъ въ старину тѣми или другими народами. У насъ сплошь и рядомъ можно встрѣтиться съ такого рода фактами. Прежде чѣмъ приступать къ изслѣдованію того или другаго могильника, археологъ, сообразуясь съ лѣтописными указаніями, которыя часто истолковываются по личному усмотрѣнію, спѣшитъ приписать данный могильникъ той или другой народности и, установивши такимъ образомъ точку зрѣнія, освѣщаетъ подъ даннымъ угломъ весь археологическій матеріалъ, который потомъ ему удается добыть при изслѣдованіи могильника. Здѣсь лежитъ причина той развязности, съ какою нѣкоторые изъ нашихъ археологовъ открываютъ могильники, принадлежащіе, напр., половцамъ, чернымъ клобукамъ и т. д. Насколько такой методъ изслѣдованія несостоятеленъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Слѣдуя лѣтописнымъ указаніямъ, каждый въ правѣ былъ ожидать, что могильные курганы, разбросанные, напримѣръ, въ системѣ р. Роси, обнаружатъ признаки погребенія извѣстныхъ кочевниковъ торковъ. Что же показала дѣйствительность? Раскопки, произведенныя недавно въ системѣ этой рѣки профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, обнаружили здѣсь тотъ же типъ погребенія, который встрѣчается и въ болѣе сѣверныхъ широтахъ и который по всей справедливости можетъ быть названъ древлянскимъ. До чего можетъ доводить злоупотребленіе историческими указаніями при рѣшеніи археологическихъ вопросовъ, можно видѣть

изъ факта, имѣвшаго мѣсто на ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ. Лица, присутствовавшія на этомъ съѣздѣ, надѣюсь, помнятъ, какъ одинъ почтенный археологъ, вооруженный богатой эрудиціей, на основаніи историческихъ соображеній, пытался въ извѣстномъ ананьинскомъ могильникѣ отыскать слѣды погребенія норманновъ и славяно-руссовъ. Этому почтенному ученому и въ голову не пришло, что, слѣдуя такому методу, славяно-русскіе курганы можно находить и на границахъ Китая, на томъ-де основаніи, что, по показанію нѣкоторыхъ арабскихъ писателей, наши древніе купцы доходили до границъ Сина. Фальшь этого метода заключается въ томъ, что центръ тяжести при обоснованіи положеній здѣсь изъ археологіи переносится въ область исторіи, вслѣдствіе чего археологія какъ бы лишается права на самостоятельное существованіе. Надѣюсь, для всякаго очевидно, что если археологія не въ состояніи выработать собственнаго критерія для классификаціи своего матеріала, то она не наука.

Изъ сказаннаго однакожъ нисколько не слѣдуетъ, что археологія въ разсматриваемомъ случаѣ должна совершенно игнорировать указанія исторіи. Всѣмъ извѣстно, какъ успѣшно наша археологія воспользовалась указаніями Геродота при рѣшеніи вопроса о погребальныхъ обычаяхъ у скиѳовъ, или какъ сопоставленіе показанія нашего лѣтописца съ данными, добытыми путемъ археологическихъ раскопокъ въ системѣ р. Десны, позволили установить типъ погребенія, практиковавшійся у нашихъ сѣверянъ. Сущность указанной ошибки заключается, значитъ, не въ пользованіи данными исторіи вообще, а въ злоупотребленіи ими.

Гораздо большею научностью отличается способъ классификаціи кургановъ, основанный на принципѣ дѣленія первобытной культуры на три вѣка: каменный, бронзовый и желѣзный, съ ихъ подраздѣленіями. Но и этотъ способъ классификаціи могъ бы имѣть серьезное примѣненіе въ нашей археологіи лишь въ томъ случаѣ, если бы въ предѣлахъ русской государственной области искони жилъ только одинъ народъ, правильно переходившій въ своемъ культурномъ развитіи изъ одного состоянія въ другое. Въ дѣйствительности же было совершенно противное. Съ тѣхъ поръ какъ помнитъ исторія, въ предѣлахъ на-

шего отечества появлялось множество отдѣльныхъ народовъ, изъ которыхъ одни оставались здѣсь долго, другіе скоро исчезали, одни вели одинъ образъ жизни, другіе—другой, одни извѣстное культурное состояніе переживали за нѣсколько вѣковъ до Р. Христова, другіе—послѣ Р. Хр. Представьте же теперь, что наша археологія оставленные этими народами курганы задумала бы классифицировать на основаніи вышеуказаннаго критерія: тогда подъ одну и ту же категорію пришлось бы подвести и древняго скиѳа, и позднѣйшаго славянина, воинственнаго половца и мирнаго финна, способнаго къ высшему культурному развитію арійца и дикаго монгола и т. д. Словомъ, такая классификація была бы случайной группировкой предметовъ и явленій, отъ которой наука нисколько не подвинулась бы впередъ, такъ какъ тутъ многое сходное по существу на основаніи случайнаго признака было бы раздѣлено, и наоборотъ—многое существенно различное было бы соединено.

Изъ сказаннаго, надѣюсь, ясно, что современная археологія еще не знаетъ такого критерія, который можно было бы положить въ основаніе строго-научной классификаціи кургановъ, разсѣянныхъ на пространствѣ нашего отечества. Скажу больше: выработка такого критерія, при теперешнемъ состояніи нашей археологіи, еще долго будетъ невозможна, и вотъ почему. Классифицировать разнообразный научный матеріалъ—это значитъ путемъ всесторонняго изученія этого матеріала, выработать рядъ строго логическихъ понятій, опредѣляющихъ по существу тѣ группы предметовъ и явленій, которые должны быть подведены подъ эти понятія. Выработка же такихъ понятій возможна лишь подъ условіемъ широкаго примѣненія сравнительнаго метода, который въ свою очередь требуетъ громадной эрудиціи; но этой то эрудиціи прежде всего и не достаетъ нашимъ археологамъ. Наши археологи знаютъ или то, что они сами открыли, или то, что они вычитали изъ книгъ. А между тѣмъ большая часть нашего археологическаго матеріала состоитъ изъ частныхъ коллекцій, которыя не описывались, а каталоги и дневники которыхъ никогда не печатались. Немудрено поэтому, что наши археологи обречены на печальную необходимость оставаться узкими

спеціалистами, что такъ рельефно выступаетъ въ читаемыхъ на археологическихъ съѣздахъ рефератахъ и происходящихъ по поводу ихъ преніяхъ. Отсутствіемъ въ нашихъ археологическихъ работахъ сравнительнаго метода слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что на дневникахъ даже нашихъ заправскихъ археологовъ лежитъ печать случайности и отсутствія руководящей идеи. Читая такіе дневники, ясно видишь, что авторы ихъ записывали не то, что нужно для науки, а то, что попадалось на глаза. Здѣсь же лежитъ причина и того, почему ученыя работы нашихъ археологовъ часто, при узкости посылокъ, отличаются широкими обобщеніями: будучи не въ состояніи взяться за серьезную разработку попавшагося подъ руки матеріала, мы скорѣе переходимъ къ выводамъ, подкрѣпляя ихъ всевозможными гаданіями и предположеніями, и такимъ образомъ изобрѣтенія своей фантазіи выдаемъ за добытую путемъ научнаго изслѣдованія истину. Отсюда же, конечно, ведетъ свое происхожденіе распространившееся у насъ фальшивое убѣжденіе, что для того, чтобы сдѣлаться археологомъ не нужно серьезной научной подготовки: археологомъ можетъ-де быть всякій, кто располагаетъ средствами для производства раскопокъ и для пріобрѣтенія коллекцій...

Но если отсутствіе возможности широко воспользоваться сравнительнымъ методомъ не позволяетъ нашимъ археологамъ выработать такую строго-научную систему классификаціи, которая могла бы обнять весь накопившійся у насъ курганный матеріалъ, то что же должны дѣлать мы, чтобы хоть сколько нибудь подвинуть это дѣло впередъ? Отвѣтъ ясенъ: мы должны создать условія, при которыхъ выработка подобной системы сдѣлалась бы возможною въ будущемъ; а чтобы создать эти условія, мы должны предварительно произвесть рядъ частныхъ попытокъ строго-научнаго примѣненія сравнительнаго метода къ разработкѣ отдѣльныхъ группъ доступнаго намъ матеріала. Предоставляя людямъ нетерпѣливымъ преждевременно создавать широкія и всеобъемлющія гипотезы и теоріи, которыя впрочемъ въ свое время могутъ оказать свою услугу, пусть каждый истинный археологъ возьметъ на себя скромную задачу распредѣлить по типамъ ту часть курганнаго матеріала, которая ему болѣе всего

доступна. Чтобы не оказаться голословнымъ, чтобы показать, какъ именно должна производиться подобная работа и какихъ отъ нея можно ожидать результатовъ, я попрошу позволенія представить вниманію спеціалистовъ посильный опытъ такой работы, причемъ рядъ добытыхъ мною положеній я представлю въ той послѣдовательности, въ какой они появлялись въ моемъ сознаніи. Курганный матеріалъ, на основаніи котораго я хочу говорить, добытъ частію мною лично, частію Д. Я. Самоквасовымъ и В. Б. Антоновичемъ,—изъ кургановъ, расположенныхъ въ системѣ средняго Днѣпра.

При изслѣдованіи Черниковскаго могильника, расположеннаго на притокѣ Нѣмана—р. Усѣ, минской губерніи и уѣзда, встрѣтился слѣдующій фактъ. Каждый изъ раскопанныхъ первыхъ кургановъ представилъ особенность, которою онъ отличался отъ другихъ кургановъ того же могильника. Такъ, въ первомъ курганѣ, въ *насыпи* кургана, т. е. значительно выше уровня земли, найденъ былъ человѣческій костякъ, во второмъ, на той же приблизительно высотѣ, оказалось *кострище* отъ трупосожженія, въ третьемъ тоже оказался костякъ, но онъ лежалъ на почвенномъ слоѣ, наконецъ, въ четвертомъ костякъ найденъ былъ въ *ямѣ*, глубиною около аршина ниже почвеннаго слоя. Встрѣтившись съ такимъ явленіемъ, естественно было поставить вопросъ о породившей его причинѣ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сначала удалось констатировать лишь слѣдующій фактъ. Черниковскій могильникъ состоитъ изъ центральнаго ядра, въ которомъ сгруппирована плотная масса кургановъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ кургановъ, разбросанныхъ по одному, по два, по три, по полю, въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ съ основнымъ ядромъ могильника. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что въ курганахъ, принадлежащихъ къ основному ядру, всѣ костяки лежатъ на почвенномъ слоѣ; отступленіе же отъ этой нормы замѣчается лишь въ тѣхъ курганахъ, которые разбросаны на периферіи могильника. Отмѣтивъ этотъ фактъ, я изслѣдовалъ еще два могильника, расположенные приблизительно на той же параллели: одинъ въ уроч. Кленики верхменьской волости игуменскаго уѣзда, другой возлѣ г. Борисова. Оба находятся въ об-

ласти системы р. Березины. Въ обоихъ этихъ могильникахъ костяки оказались лежащими на почвенномъ слоѣ. Послѣ этого сдѣлалось яснымъ, что по линіи, проходящей въ направленіи отъ верхняго Нѣмана къ Березинѣ приблизительно чрезъ Минскъ губернскій, господствовалъ обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ; отступленіе же отъ этой нормы составляло исключеніе, для объясненія котораго пока удалось добыть лишь тотъ фактъ, что лица, не хотѣвшія смѣшиваться съ остальными въ обрядѣ погребенія, не хотѣли смѣшиваться съ ними и въ мѣстѣ погребенія; а отъ чего это происходило, этотъ вопросъ на первыхъ порахъ остался не разрѣшеннымъ, хотя мысль не могла освободиться отъ нѣкоторыхъ догадокъ, одна изъ которыхъ потомъ оправдалась. Серьезныя данныя для рѣшенія этого вопроса мнѣ удалось добыть лишь въ послѣднюю археологическую экскурсію.

Минувшимъ лѣтомъ мнѣ удалось произвести изслѣдованіе въ 15 могильникахъ, расположенныхъ въ области средняго теченія р. Припети, въ мозырскомъ уѣздѣ минской губерніи; 7 изъ нихъ расположены на правомъ (южномъ) берегу Припети, 8—на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу. По типу погребенія первые 7 распредѣляются такимъ образомъ: въ одномъ могильникѣ оказались *кострища*, безъ посуды, въ *насыпяхъ* кургановъ; остальные 6 по ровну дѣлятся на двѣ категоріи: въ трехъ могильникахъ костяки лежали въ *ямахъ* на подпочвенномъ слоѣ изъ красной глины; въ другихъ трехъ костяки оказались *лежащими* на *поверхности* земли. Но и здѣсь въ одномъ изъ могильниковъ, расположенномъ въ урочищѣ Перехрестье, вблизи мѣстечка Скриголова, повторился фактъ, съ которымъ мы раньше встрѣтились въ Черниковскомъ могильникѣ. Изъ 11 кургановъ этого могильника 9 расположены вмѣстѣ, а 2 удалены отъ центральнаго ядра на 270 арш. Въ первыхъ 9 костяки оказались лежащими въ *ямахъ*, въ остальныхъ двухъ они лежали на *почвенномъ* слоѣ.

При переходѣ на лѣвый берегъ Припети здѣсь пришлось встрѣтиться съ слѣдующимъ явленіемъ. Въ каждомъ изъ 8 изслѣдованныхъ могильниковъ основная масса кургановъ представляетъ типъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ; курганы же съ погребеніемъ въ *ямахъ* встрѣчаются какъ примѣсь къ первымъ.

Но и здѣсь опять таки курганы этого втораго типа въ нѣкоторыхъ могильникахъ нѣсколько изолированы отъ кургановъ перваго типа и сгруппированы вмѣстѣ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ могильникъ, лежащій при дер. Ватожицахъ коморовичской волости. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитывается свыше 80. Главная масса ихъ представляетъ типъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ; но въ одномъ углу могильника сгруппировано вмѣстѣ около 10 кургановъ, въ которыхъ покойники погребены были въ *ямахъ*. Мало того. Почти во всѣхъ курганахъ этого втораго типа найдены были горшки; между тѣмъ въ курганахъ перваго типа посуда совершенно отсутствовала.

Считаю нужнымъ отмѣтить еще слѣдующій фактъ. Многіе изъ могильниковъ припетскаго полѣсья расположены въ мѣстахъ не только низменныхъ, но даже болотистыхъ, весною совершенно заливаемыхъ водою. При такихъ топографическихъ условіяхъ здѣсь во многихъ мѣстахъ достаточно взять нѣсколько штиховъ въ глубь, какъ изъ почвы начинаетъ показываться вода. При такихъ обстоятельствахъ слѣдовало бы ожидать, что та часть населенія этого края, которая хоронила своихъ покойниковъ въ ямахъ, обязательно будетъ избирать для своихъ кладбищъ возвышенныя мѣста, напротивъ, часть населенія, хоронившая своихъ покойниковъ на почвенномъ слоѣ, будетъ относиться къ этому вопросу безразлично. И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оба эти типа выступаютъ въ своемъ чистомъ видѣ, безъ примѣси другаго типа, тамъ такъ и бываетъ. При смѣшеніи же этихъ типовъ въ могильникѣ встрѣчается слѣдующая несообразность. Часто жители извѣстнаго поселка, практикующіе обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ, по какимъ нибудь соображеніямъ, мѣстомъ для кладбища избираютъ низменный пунктъ. Но вотъ въ этомъ поселкѣ появляется нѣсколько семей, придерживающихся обычая погребенія въ ямахъ. Казалось бы, что, оказавшись въ новыхъ условіяхъ, они откажутся отъ прежняго своего обычая и станутъ хоронить своихъ покойниковъ на почвенномъ слоѣ. Изслѣдованіе показало противное: они упорно продолжаютъ держаться прежняго своего обычая и хоронятъ

своихъ покойниковъ въ глубокихъ ямахъ, несмотря на то, что имъ приходится опускать ихъ въ настоящую грязь. Ясно, что такое или иное положеніе покойника относительно поверхности земли въ данномъ случаѣ не является дѣломъ простой случайности; вопросъ этотъ, очевидно, былъ существеннымъ при выполненіи погребальнаго обряда и пренебрегать имъ въ старину считалось невозможнымъ. А если такъ, то и современный археологъ имѣетъ полное право эту особенность погребальнаго обряда положить основаніемъ для дѣленія кургановъ разсматриваемой мѣстности на два типа: 1) съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ и 2) съ погребеніемъ въ ямахъ. А что этотъ выводъ вѣренъ, это видно изъ того, что каждый изъ этихъ двухъ типовъ имѣетъ свою географическую область, гдѣ онъ является не только господствующимъ, но и исключительнымъ. Раскопки В. Б. Антоновича показали, что обычай погребенія въ ямахъ, начинаясь съ праваго берега Припети, распространялся далеко на югъ, вплоть до самой Роси. Мои же раскопки въ свою очередь показали, что обычай погребенія на почвенномъ слоѣ былъ гсподствующимъ на лѣвомъ берегу Припети и простирался на сѣверъ до системы Березины включительно. Припеть, очевидно, была пунктомъ, гдѣ оба эти типа сталкивались. Здѣсь они выступаютъ или въ чистомъ, или въ смѣшанномъ видѣ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ свою обособленность они обнаруживаютъ между прочимъ въ томъ, что, при погребеніи на общихъ кладбищахъ, своихъ покойниковъ они стараются не смѣшивать. Фактъ совершенно аналогичный съ тѣмъ, съ которымъ мы теперь встрѣчаемся въ юго-западной Руси на смѣшанныхъ православно-католическихъ кладбищахъ.

Изъ сказаннаго ясно, что тѣ изъ кургановъ Черниковскаго могильника, въ которыхъ покойники погребены были въ ямахъ, принадлежали пришельцамъ съ юга, которые могли попасть сюда или плѣнниками, или купцами, или путемъ искусственной колонизаціи, или, наконецъ, путемъ смѣшанныхъ браковъ. А если такъ, то естественно возникаетъ вопросъ: нельзя ли этотъ способъ объясненія примѣнить къ курганамъ и другихъ типовъ, встрѣтившихся въ томъ же Черниковскомъ могильникѣ? Нельзя

ли доказать, что и *трупосожженіе* и погребеніе въ *насыпи* кургановъ точно также представляютъ отдѣльные типы погребальнаго обряда, которымъ въ другихъ мѣстностяхъ принадлежитъ господствующее значеніе?

Имѣющіяся данныя позволяютъ и на этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно. Рядомъ археологическихъ раскопокъ въ системѣ р. Десны Д. Я. Самоквасовъ доказалъ, что господствующимъ обрядомъ погребенія въ этой области было *трупосожженіе*; причемъ онъ отмѣтилъ даже разновидности этого обряда; именно, онъ отдѣлилъ курганы съ урнами отъ кургановъ съ кострищами. А В. Б. Антоновичу въ области поселенія древнихъ древлянъ удалось отыскать и обрядъ погребенія въ *насыпи* кургановъ, хотя область распространенія этого типа еще недостаточно изслѣдована. Словомъ, сопоставленіе данныхъ, добытыхъ при раскопкѣ Черниковскаго могильника, съ результатами археологическихъ розысканій въ другихъ областяхъ дало возможность констатировать фактъ существованія въ системѣ средняго Днѣпра четырехъ отдѣльныхъ типовъ погребальнаго обряда, районъ распространенія которыхъ, при дальнѣйшихъ розысканіяхъ, можно будетъ опредѣлить съ математическою точностью. И что всего важнѣе въ данномъ случаѣ, результатъ этотъ достигнутъ на почвѣ чисто археологической, безъ всякихъ справокъ съ указаніями лѣтописей, хотя совпаденіе его съ лѣтописными показаніями для всякаго непосредственно очевидно. Извѣстно, напр., что, по показанію начальной лѣтописи, къ сѣверу отъ Припети жили дреговичи, а къ югу—древляне; извѣстно также, что въ системѣ Десны жили сѣверяне, практиковавшійся у которыхъ обрядъ трупосожженія констатированъ лѣтописью.

Но тутъ мнѣ можетъ быть сдѣлано слѣдующее возраженіе. Допустимъ, что обрядъ погребенія въ ямахъ, сравнительно съ другими только что разсмотрѣнными формами погребенія, можетъ быть разсматриваемъ какъ отдѣльный курганный типъ. Но вѣдь извѣстно, что въ предѣлахъ русской территоріи встрѣчается цѣлая масса кургановъ съ формой погребенія въ ямахъ; относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошо извѣстно, что они оставлены народами, составлявшими совершенно отдѣльный этно-

графическій типъ. Научно ли будетъ всѣхъ ихъ сводить въ одну группу потому только, что они, слѣдуя совершенно естественнымъ практическимъ соображеніямъ, зарывали своихъ покойниковъ въ землю? Конечно нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ только что указанныя формы погребенія представляютъ лишь разновидности одного общаго типа или вида. При опредѣленіи этихъ разновидностей и такой признакъ, какъ положеніе костяка относительно поверхности земли, окажется имѣющимъ свое значеніе. Другое дѣло, когда потребуется опредѣлить отношеніе этого общаго типа къ другому такому же самостоятельному типу; тогда, по общеизвѣстнымъ правиламъ научной классификаціи, признаки, которыми характеризуются разновидности, должны быть отодвинуты на второй планъ, а на мѣсто ихъ должны быть выдвинуты такіе признаки, которыми характеризуются специфическія особенности даннаго родоваго типа и которыми послѣдній отличается отъ другихъ самостоятельныхъ типовъ. Положимъ, напр., что требуется отыскать признаки, которыми такъ называемые скиѳскіе курганы отличаются отъ славянскихъ кургановъ. Если бы при выполненіи этой задачи можно было ограничиться лишь царскими скиѳскими могилами, которыя и въ устройствѣ погребальныхъ камеръ, и въ характерѣ находимыхъ въ нихъ предметовъ имѣютъ много характерныхъ особенностей, тогда выполнить эту задачу было бы легко. Но извѣстно, что между скиѳскими курганами встрѣчается масса такихъ, въ которыхъ часто, кромѣ костяка въ могилѣ, ничего нельзя встрѣтить. Какимъ же образомъ такого рода скиѳскіе курганы отличить отъ славянскихъ? Извѣстно, что въ тѣхъ изъ славянскихъ кургановъ, въ которыхъ практиковался обрядъ зарыванія въ землю покойниковъ, послѣдніе всегда лежатъ въ направленіи съ востока на западъ; напротивъ, въ курганахъ скиѳскаго типа покойники клались въ направленіи съ сѣвера на югъ. Особенность, повидимому, неважная; а между тѣмъ при классификаціи кургановъ она имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ ею характеризуется погребальный обрядъ, съ которымъ всегда соединялось извѣстное религіозное представленіе и который, поэтому не легко поддавался измѣненіямъ. Такой ничтожный на первый взглядъ признакъ,

взятый изъ погребальнаго обряда, въ дѣлѣ классификаціи можетъ иногда имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ цѣлая коллекція роскошныхъ предметовъ, найденныхъ въ курганѣ. Находимые въ курганахъ предметы, будучи продуктомъ извѣстной культуры, принадлежатъ обыкновенно историческимъ эпохамъ и географическимъ районамъ и поэтому при характеристикѣ этнографическихъ типовъ ими необходимо пользоваться съ большою осторожностью. Положимъ, на основаніи предметовъ, сопровождающихъ погребальный обрядъ, курганъ воинственнаго степнаго кочевника не трудно отличить отъ кургана мирнаго пахаря; но можно ли такимъ же путемъ отличить курганъ славянина отъ кургана финна? Конечно нѣтъ; произведенные въ этомъ родѣ опыты, какъ извѣстно, окончились неудачею. И это совершенно естественно. Интересы торговли очень рано сблизили эти два народа; а торговое сближеніе неизбѣжно сопровождалось обмѣномъ произведеній мѣстныхъ культуръ. Немудрено поэтому, что предметы одного и того же типа встрѣчаются и въ финскихъ и въ славянскихъ курганахъ. Но изъ этого однакожъ нисколько не слѣдуетъ, что наукѣ никогда не удастся установить различія между этими двумя видами кургановъ. Профессоръ Самоквасовъ, напр., сравнивая сѣверянскіе курганы съ трупосожженіемъ съ такими же курганами, раскопанными покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ въ землѣ мерянъ, констатировалъ слѣдующее между ними различіе въ погребальномъ обрядѣ: и въ сѣверянскихъ, и въ мерянскихъ могильникахъ встрѣчаются курганы съ сосудами, наполненными жженными костями; но въ то время какъ въ первыхъ эти сосуды находятся въ насыпи кургановъ, во вторыхъ они помѣщаются въ могилахъ; въ первыхъ, слѣдовательно, они находятся выше почвеннаго слоя, во вторыхъ—ниже.

Но въ мою задачу не входитъ указаніе всѣхъ признаковъ, которыми различные виды нашихъ кургановъ отличаются другъ отъ друга. Я хочу указать лишь тотъ путь, которымъ можетъ быть достигнуто раздѣленіе кургановъ по видамъ и разновидностямъ. Путь этотъ состоитъ въ строго-научномъ и всестороннемъ примѣненіи къ изученію курганнаго матеріала сравнительнаго ме-

тода. Прежде чѣмъ произносить сужденіе о данномъ могильникѣ, археологъ все характерное въ немъ долженъ сопоставить и сравнить съ аналогичными ему явленіями въ другихъ могильникахъ; причемъ сравненіе должно касаться не только находимыхъ въ курганахъ предметовъ, но и самыхъ ничтожныхъ, на первый взглядъ, мелочей погребальнаго обряда. Примѣненіе сравнительнаго метода дастъ возможность распредѣлить курганный матеріалъ по типамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ получится возможность установить критерій для классификаціи самыхъ кургановъ по видамъ и разновидностямъ. Само собою разумѣется, что сравнительнымъ методомъ можетъ воспользоваться только тотъ, кто располагаетъ необходимыми для этого знаніями: нельзя сравнивать того, чего не знаешь. Мало того. При сравненіи необходимо знакомство съ такими науками, какъ исторія искусства, этнографія, краніологія и др. Изъ сравненія, напр., двухъ орнаментовъ серьезно-научнаго вывода не можетъ сдѣлать тотъ, кто совершенно незнакомъ съ исторіей искусства и т. д. Самый процессъ сравненія требуетъ тонкой наблюдательности, умѣнья подмѣтить существенное и не смѣшать его съ случайнымъ, вообще требуетъ той дрессировки мысли, которая вырабатывается только серьезными научными занятіями. Безъ такой научной подготовки археологъ будетъ тщательно пересчитывать количество снятыхъ штиховъ земли, будетъ аккуратно, съ математическою точностью, измѣрять разстояніе между найденными въ насыпи угольками или черепками отъ сосуда и въ то же время можетъ легко выпустить изъ виду многое такое, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Словомъ, сравнительный методъ труденъ и для многихъ лицъ, записавшихъ себя въ археологи, совершенно недоступенъ. Но безъ серьезнаго примѣненія его къ нашей наукѣ послѣдняя никогда не освободится отъ того произвола, который въ ней въ настоящее время господствуетъ.

В. З. Завитневичъ.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

ГЛАВА II.

Крестьяне Кіевщины и Брацлавщины, какъ главные дѣятели коліевщины.

Движеніе 1768 года, представляя собою послѣднюю яркую вспышку такъ называемыхъ гайдамацкихъ волненій, заполняющихъ собою въ исторіи правобережной Украины весь XVIII в., отмѣчено польскими мемуаристами, какъ движеніе крайняго ожесточенія южно-русскаго поспольства и какъ рѣзкое проявленіе его необыкновенной дикости и грубости. Такая характеристика коліивщины представляется на первый взглядъ тѣмъ болѣе основательной, что вообще ужасны бываютъ народныя возстанія, вызванныя рядомъ тяжелыхъ утѣсненій со стороны тѣхъ, у кого власть и сила. Думается, не могла бы быть поэтому неужасной и коліивщина, разъ польскій гнетъ во вновь обрѣтенной правобережной Украинѣ, и въ религіозномъ, и въ экономическомъ отношеніи, былъ съ откровеннымъ нахальствомъ и неукоснительною послѣдовательностью возстановляемъ въ теченіе всего XVIII вѣка. При иныхъ ожиданіяхъ хлынувшаго въ этотъ край населенія и, главное, при иныхъ обѣщаніяхъ заманившаго его сюда шляхетства—времена Хмельницкаго со всею

---

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 4.

своею безпощадною суровостью должны были вернуться для народныхъ ненавистниковъ, для польской шляхты и жидовъ, ничему не научившихся изъ опыта прошлаго и ничего не забывшихъ, и времена эти дѣйствительно какъ будто бы вернулись во многихъ мѣстахъ и случаяхъ. Уманская рѣзня, убійства шляхты Швачкой въ Фастовѣ—все это страшныя проявленія разнузданныхъ страстей у мстителей за свою вѣру и свободу. Но если частями коліивщина и является повтореніемъ хмельнищины, если въ тѣхъ или другихъ случаяхъ народное ожесточеніе въ 1768 году бывало крайнимъ, то все же это движеніе не можетъ сравниться, по проявленіямъ народной ненависти къ угнетателямъ, съ хмельнищиной и съ другими народными крестьянскими движеніями въ Европѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ вся совокупность данныхъ относительно коліивщины. Особенно же хорошо можетъ быть выяснено сказанное на характеристикѣ самыхъ участниковъ движенія 1768 г. Поэтому, если мы теперь, въ добавокъ къ охарактеризованнымъ уже нами ватажкамъ этого движенія, выведемъ, пользуясь все тѣми-же данными Кодненской книги, еще и простыхъ гайдамакъ въ большихъ ватагахъ и загонахъ и крестьянъ—пособниковъ тѣхъ и другихъ,—то мы не сомнѣваемся, что люди эти ни въ чьихъ глазахъ не явятся фанатическими борцами за одушевляющее ихъ дѣло, и что большинство ихъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ борцами хмельнищины.

Ясна причина—отчего могла произойти такая разница въ настроеніи боровшихся народныхъ массъ въ двѣ взятыя нами эпохи. Во времена хмельнищины боровшимся не было иного удовлетворительнаго выхода изъ тяжелаго положенія, созданнаго для нихъ Рѣчью Посполитой, какъ побѣда надъ поляками. Избавляться отъ гнета удаленіемъ за Днѣпръ въ дикія мѣста будущей слободской Украины было нелегко; немыслимо было семейнымъ людямъ уходить и въ Запорожье. Въ XVIII же вѣкѣ отъ тяжелаго польскаго гнета можно было переселяться если не въ гетманщину, гдѣ становилось людно, то въ значительно уже устроившуюся слободскую Украину; да наконецъ и вольности войска запорожскаго стали привлекательны даже семей-

нымъ людямъ, такъ какъ, чѣмъ дальше, запорожское государство переставало быть военной общиной, и въ немъ все больше и больше обрѣтали силу земледѣльческія и семейныя начала. Не въ одной побѣдѣ надъ поляками могъ, поэтому, теперь заключаться выходъ изъ тяжелаго положенія, созданнаго послѣ недавней руины Рѣчью Посполитой для южно-русскаго правобережнаго православнаго населенія, успѣвшаго за какіе нибудь полвѣка вновь культивировать недавнюю пустыню. А разъ, кромѣ исхода, опредѣляемаго побѣдой надъ врагомъ, существуютъ и другіе,—ожесточеніе, фанатизмъ борцовъ—явленія не необходимыя и скорѣй даже исключительныя.

Не малое вліяніе на настроеніе боровшихся должно было имѣть и другое обстоятельство — это участіе въ возстаніи не всего южно-русскаго населенія, какъ при Хмельницкомъ, а только населенія недавней руины, т. е. почти всей Кіевщины и Брацлавщины, составлявшей двѣ трети нынѣшней подольской губерніи. Что возстаніе вспыхнуло именно въ этой части, а не въ болѣе западныхъ и заселенныхъ частяхъ южной Руси— можетъ казаться какъ будто необъяснимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если опредѣлить силу гнета, который испытывали тогда русскіе крестьяне отъ поляковъ [1]), то окажется, что наиболѣе ужасна была жизнь крестьянства на Волыни, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ бывшей руинѣ, въ Полѣсіи и сѣверной части Кіевщины, тягости крѣпостническихъ отношеній становились легче, и наконецъ—въ предѣлахъ остальной Кіевщины и Брацлавщины, гдѣ собственно и была руина, объявленныя помѣщиками льготы въ началѣ заселенія дѣлали до поры до времени жизнь явившихся сюда вновь крестьянъ и вовсе сносною. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, нерѣдко случалось, что волынскіе крестьяне, уходя отъ своихъ грозныхъ помѣщиковъ, селились въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ, какъ въ мѣстностяхъ съ удобными условіями жизни. Конечно, подобная разность въ условіяхъ крестьянскаго быта въ одномъ государствѣ обусловливалась тѣмъ, что въ

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. II. Изслѣдованіе о крестьянахъ (предисловіе къ актамъ), стр. 44—55.

мѣстностяхъ густо заселенныхъ, далекихъ отъ степныхъ границъ, польскіе помѣщики пользовались своими крѣпостническими правами въ самой широкой степени, въ мѣстностяхъ же, гдѣ въ рабочихъ былъ большой недочетъ, гдѣ крестьянствомъ надо было дорожить и куда его надо было еще зазывать, сами помѣщики сознавали необходимость представленія ему всевозможныхъ льготъ, по крайней мѣрѣ до поры до времени. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, впрочемъ, въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ въ большинствѣ случаевъ льготные годы уже прошли, но все же опасеніе, чтобы вновь земля не опустѣла, заставляло помѣщиковъ не особенно рѣзко проявлять свои права. И вотъ, при такихъ то условіяхъ вспыхиваетъ возстаніе не на Волыни, не въ Полѣсіи, не въ Подоліи, а именно въ менѣе стѣсненной Кіевщинѣ. Необъяснимое съ перваго взгляда явленіе это однако имѣетъ свой вполнѣ опредѣленный смыслъ. Прежде всего, конечно, важно то, что южно-русское населеніе Волыни, западной Подоліи и Полѣсья несло ярмо давнее, нѣкоторымъ образомъ привычное, и потому до поры до времени оно его опротестовывало только пассивнымъ образомъ—побѣгами. Не то—сравнительно недавніе слобожане Кіевщины: они явились въ край въ надеждѣ на лучшее и, отвыкнувъ за долгіе годы слободъ (слободы давались на 15—30 лѣтъ) отъ мысли о крѣпостной зависимости, выражали прямой активный протестъ злымъ замысламъ шляхетства нарушить ихъ льготное житье. А такъ какъ къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія всѣмъ почти слободамъ сроки истекли, то и число крестьянъ, готовыхъ силою отбиваться отъ насовывавшагося на нихъ ярма крѣпостничества, становилось все больше и больше. Когда же одновременно съ тѣмъ въ Кіевщинѣ, въ предѣлахъ переяславской епархіи, поднялось, какъ это было уже нами отмѣчено, сильное гоненіе на православіе, которое должно было быть замѣнено широко пропагандируемой уніей, то для начала возстанія нуженъ былъ только небольшой толчекъ. Толчкомъ такимъ, какъ извѣстно, была барская конфедерація.

Конечно, если бы возстаніе въ Кіевщинѣ, никѣмъ не защищенной, не встрѣтило на своемъ пути силъ чужого государства, то расширилось бы оно и по всему Подолію, и по Волыни, и

по Полѣсью, хотя тамъ и была кой-какая оборона,—и быть можетъ исторія знала бы вторую хмельнищину. Но этого не случилось. Районъ возстанія остался ограниченнымъ, и данное обстоятельство, какъ мы уже сказали, было второй причиной, отъ которой зависѣло настроеніе боровшихся съ поляками въ 1768 году. Сила, интензивность движенія непремѣнно обусловливается обиліемъ участниковъ, одинаковостью въ воззрѣніяхъ большой массы людей: вѣра въ успѣхъ своего дѣла тогда растетъ, и притомъ не отъ одного сознанія своей матеріальной силы, но и вслѣдствіе сокровенныхъ мотивовъ. Тогда намѣченная цѣль освящается въ глазахъ участниковъ дѣла въ такой мѣрѣ, что ею начинаютъ они легко оправдывать всякія средства къ ея осуществленію, включая и самыя возмутительныя. Такъ было въ хмельнищину, когда вся южная Русь была въ возстаніи, но не такъ было въ коліивщину, когда только часть южно-русскаго народа поднялась за свои права и вѣру. Фанатическое настроеніе отдѣльныхъ коліевъ не слѣдуетъ принимать за настроеніе цѣлаго народа.

Изъ 440 гайдамакъ, свѣдѣнія о которыхъ мы извлекли изъ Кодненской книги, о трехстахъ мы знаемъ, откуда они родомъ и гдѣ жили въ періодъ коліивщины. Изъ этихъ трехсотъ двѣсти шестьдесятъ четыре человѣка оказываются принадлежащими правому берегу Днѣпра. Обращаясь теперь къ обѣщанной выше характеристикѣ отдѣльныхъ гайдамакъ, мы именно прежде всего примемъ въ разсчетъ правобережцевъ района недавней руины. При этомъ мы увидимъ, что въ этой, даже наиболѣе существенной, группѣ возставшихъ не было завзятости борцовъ хмельнищины: передъ нами все больше будутъ проходить люди, какъ будто не твердо вѣрящіе въ успѣхъ возстанія и потому не считающіе его дѣломъ всей своей жизни; исключенія, конечно, окажутся, но ихъ не будетъ много. Нельзя будетъ намъ пройти молчаніемъ и вполнѣ отрицательные элементы среди борцовъ за правое дѣло: эти элементы были—и ихъ не скроешь.

Однимъ изъ заслуживающихъ вниманія гайдамакъ означенной выше мѣстности былъ встрѣчавшійся намъ уже при харак-

теристикѣ Швачки Олекса Якименко [1]). Это былъ молодой человѣкъ 25 лѣтъ, родомъ изъ села Яцокъ бѣлоцерковскихъ. Въ Яцкахъ же онъ и жилъ и былъ, значитъ, человѣкомъ вполнѣ осѣдлымъ. При появленіи въ Бѣлоцерковщинѣ Швачки и его ватаги, Якименко тотчасъ же присталъ къ нему и участвовалъ во многихъ его дѣяніяхъ. Такъ, въ с. Гребеникахъ онъ убилъ пятерыхъ шляхтичей, изъ которыхъ по имени зналъ только двухъ—пана Симашка и пана Кондрацкаго, а потомъ, когда пришелъ съ Швачкой въ Фастовъ, онъ и счетъ потерялъ убитымъ имъ панамъ. Былъ онъ, наконецъ, и въ дѣлѣ подъ Блощинцами, гдѣ, какъ извѣстно, Швачка понесъ пораженіе отъ русскаго полковника Протасьева. Якименко при этомъ оказался въ числѣ 500 другихъ гайдамакъ, взятыхъ въ плѣнъ и отведенныхъ въ Кіевъ, гдѣ и его, какъ другихъ, продержали съ годъ, прежде чѣмъ рѣшили—кого изъ нихъ сослать, кого отпустить. Якименко былъ въ числѣ отпущенныхъ во свояси. Онъ пришелъ къ отцу въ Яцки, но былъ тутъ арестованъ паномъ Кондрацкимъ, сына котораго онъ убилъ. Попавши затѣмъ въ руки военно-судной кодненской коммиссіи, Якименко не подъ пыткой, а добровольно показалъ все вышеприведенное, очевидно, считая себя нравственно правымъ. Ожидавшая его смертная казнь не смутила его, какъ человѣка, не сомнѣвавшагося въ необходимости того дѣла, въ которомъ онъ принималъ участіе и за которое теперь карали его.

Другой гайдамака правобережной Украины, *Михайло Казанъ* [2]) тоже присталъ къ гайдамачеству не изъ-за личной наживы. Изъ показаній его на судѣ узнаемъ, что родомъ онъ былъ изъ с. Дацокъ смѣлянскихъ, взросъ же въ с. Орловцѣ при отцѣ, рано потерявъ мать. Вскорѣ его женили на дивчинѣ изъ с. Будокъ смѣлянскихъ. Матеріальные недостатки заставили Михайла поступить въ число надворныхъ козаковъ въ Корсунѣ. Изъ Корсуня онъ однако часто навѣдывался къ своимъ въ с. Орловецъ. Здѣсь, въ Орловцѣ, онъ засталъ однажды Ивана Чернаго, „атамана отъ ватаги Желѣзняка". Этотъ Иванъ Черный,

[1]) Кодн. кн., стр. 49, 5.

[2]) Кодн. кн., стр. 12, 51.

очевидно, основательно уяснилъ и Михайлу Казану, и многимъ другимъ изъ орловецкой громады всю тягость, испытываемую ими отъ пановъ и уніатовъ, и всю серьезность цѣлей Желѣзняка. И вотъ Михайло Казанъ и другіе жители Орловца охотно вступили въ ватагу Ивана Чернаго и двинулись съ нимъ къ Корсуню, не производя однако нигдѣ рѣзни: тогда еще только начиналось возстаніе, и сами гайдамаки не пріучены были къ рѣзнѣ. Въ ватагѣ Желѣзняка однако Михайло Казанъ оставался недолго, тѣмъ не менѣе послѣ разгрома, постигшаго всю ватагу Желѣзняка и Гонты, его арестовали, не имѣя противъ него никакихъ уликъ. Отъ бѣды его избавилъ заступившійся за него панъ Дунинъ, товарищъ хоругви панцырной. Дунинъ взялъ его къ себѣ на службу, но Михайло Казанъ бѣжалъ отъ него. Его словили и засадили въ корсунскую кордегардію. Оттуда онъ съ нѣсколькими другими бѣжалъ и на этотъ разъ—къ донцамъ, у которыхъ былъ въ теченіе двухъ недѣль. Его вновь схватили, когда онъ однажды ѣхалъ въ Орловецъ къ роднымъ. Отданный вновь суду кодненской коммиссіи, онъ былъ обезглавленъ. Ни грабежей, ни грубаго личнаго разсчета за Казаномъ не было. Онъ, какъ видимъ, человѣкъ семьи,—ея онъ не забываетъ среди всѣхъ треволненій тяжелой политической поры. Сознаніе общественныхъ обязанностей ведетъ его сперва къ Желѣзняку, а потомъ къ донцамъ, которыхъ онъ, конечно, считалъ присланными на защиту интересовъ, близкихъ и ему. Юность—Казану было не больше 21 года—оправдываетъ его въ послѣдней ошибкѣ.

Пониманіе текущихъ политическихъ условій встрѣчаемъ мы, между прочимъ, еще и въ лицѣ нѣсколькихъ сегединскихъ крестьянъ—братьевъ Ризниченковъ, Михайла и Тимоша, Ивана Поповича и Ивана Ботвиненка [1]). Послѣдній былъ, правда, въ краѣ сравнительно недавній житель: пришелъ онъ въ село Сегединцы только въ 1765 г., но сдѣлался здѣсь вполнѣ осѣдлымъ человѣкомъ и, очевидно, не намѣренъ былъ вновь уходить на свою родину—въ село Христиновцы, на лѣвомъ берегу Днѣпра въ лубенскомъ полку. Чувствуя всю моральную тягость

---

[1]) Кодн. кн. стр. 11, 49.

условій своего житья, названные сегединскіе крестьяне и Ботвиненко сами на свой страхъ и рискъ однако ничего не затѣвали враждебнаго шляхетству; только когда пришелъ въ ихъ село Неживый и истолковалъ имъ положеніе дѣлъ да въ добавокъ прочелъ мнимую на самомъ дѣлѣ, но дѣйствительную для него самого золотую грамоту русской императрицы, они послѣ серьезнаго раздумыванія рѣшились пристать къ ватагѣ Неживого и порвать съ своимъ легальнымъ положеніемъ. Что такъ поступили они именно послѣ того, какъ взвѣсили и все ими претерпѣваемое, и всякія надежды на успѣхъ, о которомъ могъ говорить Неживый—это мы заключаемъ изъ интересныхъ показаній Ботвиненка на судѣ. По словамъ его, Неживый сразу не обрѣлъ адептовъ между сегединцами; это только послѣ ухода его крестьяне Ризниченки и Поповичъ, сойдясь, рѣшили догнать ушедшаго ватажка и пристать къ нему, причемъ убѣдили въ необходимости такъ поступить и Ботвиненка. Впослѣдствіи Ризниченки и Поповичъ перешли, съ согласія Неживого, въ ватагу Желѣзняка, а Ботвиненко остался съ Неживымъ и, очевидно, былъ съ нимъ до послѣдней возможности, потомъ же бѣжалъ къ сербамъ въ черный гусарскій полкъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ только онъ снова вернулся въ Сегединцы, разсчитывая за давностью избѣгнуть кары за гайдамачество, но его схватили, и долженская коммиссія приговорила его къ обезглавленію. О судьбѣ же Ризниченокъ и Поповича свѣдѣній нѣтъ.

Вникая въ сущность приведенныхъ гайдамацкихъ біографій, не трудно видѣть по нѣкоторымъ изъ нихъ, что въ ватаги шли больше люди молодые, и что они, являясь убѣжденными, идейными, были такими, между прочимъ, благодаря окружающей ихъ средѣ и въ частности, быть можетъ, благодаря ихъ собственнымъ семьямъ. И Михайло Казанъ, и Олекса Якименко—люди хорошихъ семей, съ которыми связь у нихъ не обрывается до конца ихъ жизни. Тоже заключеніе, надо думать, невольно должно явиться у всякаго и при пересмотрѣ массы другихъ гайдамацкихъ біографій. Наиболѣе однако яркой иллюстраціей связи ватажной молодежи съ убѣжденными стариками своихъ селъ можетъ служить дѣло двухъ Дубенныхъ—отца и сына, относитель-

но котораго мы имѣемъ въ Кодненской книгѣ interrogatoria et responsoria gromady litwinowskiey [1]).

Дубенный—сынъ, а не отецъ, только и былъ собственно гайдамакой въ одномъ изъ загоновъ. О немъ однако мы знаемъ только, что онъ присталъ къ коліямъ, поѣхавшимъ на Литвиновку, и затѣмъ участвовалъ въ убійствѣ четырехъ шляхтичей, подвернувшихся этому загону. Что до грабежа, то ватага, о которой рѣчь, позволяла себѣ грабить только панское добро, какъ это, напримѣръ, случилось во время пребыванія ея въ Литвиновкѣ.

Гораздо интереснѣе Дубеннаго—сына Дубенный—отецъ, такъ какъ, очевидно, благодаря ему и сынъ сталъ гайдамакой. При самомъ началѣ движенія, этотъ человѣкъ полагалъ, что только гайдамаки вызволятъ угнетенное поспольство изъ бѣды. Поэтому онъ необычайно обрадовался приходу гайдамацкой ватаги въ Литвиновку, зазвалъ всю ватагу въ свой дворъ—и она долго тамъ прохлаждалась, добывая себѣ медъ, пиво и горилку изъ панскихъ погребовъ. А раньше еще, когда тѣ-же гайдамаки подошли къ селу Житники, онъ далъ имъ подробныя указанія относительно того, какъ удобнѣе захватить нужный имъ скотъ во владѣніяхъ пана, и тогда же пересказалъ имъ о той несправедливости, какую онъ самъ понесъ отъ пана. Панъ, по его словамъ, несправедливо отнялъ у него „десятину“ (?). Ободряемый надеждой на успѣхъ поднявшагося возстанія, старикъ Дубенный, не стѣсняясь, нападалъ на польскіе порядки и усердно вооружалъ противъ нихъ своихъ односельчанъ и сосѣдей въ с. Житники. Прійдя въ это послѣднее, онъ сталъ настаивать, чтобы житниковцы отказались отъ панщины, говоря: „якъ далеко земли до неба—такъ ляхамъ до насъ, бо вже ихъ чорты забралы; а якъ що робытымете на ихъ панщыну, якъ робылы, то знову впреться у село яка-небудь чортяка“. Когда же прошелъ слухъ, что въ пятигорскомъ лѣсу появился польскій отрядъ для преслѣдованія гайдамакъ, съ которыми житниковцы и литвиновцы братались, то Дубенный сталъ настаивать

---

[1]) Кодн. кн. 575—580.

на необходимости для нихъ заранѣе вооружиться для встрѣчи отряда. „Стійте на варти коло села, говорилъ онъ, бо чувъ я видъ козакивъ, що йе въ пьятыгоровскому лиси поляки. Щобъ воны не почалы напротывно васъ помсты, визьмить косы, спысы,ципы, хто що мае. Та дывиться, не давайтесь имъ!“ Дубенный открыто сталъ выражать также свое нерасположеніе къ католичеству и уніи. Многимъ полякамъ онъ говорилъ „żeby się odrzekałi wiary swiętey y abżędkow“. А по показаніямъ нѣкоей Терезы Ольшевской онъ даже „błaznił przeciwko wierze swiętey“. Прійдя къ ней однажды, онъ повелъ такую рѣчь; „прыставайте до виры православной, тилько же не до такои, якъ теперъ завелась у насъ. Ни,—такои намъ не треба. Прыставайте, кажу, до такои, яка була въ насъ до цього часу. И колы вже прыстаете до насъ, то треба буде видректыся одъ виры польськои и наплювать на неи, та отця святого, що жыве у Рыми—бо то антихристъ, що людей обманює. Треба буде вамъ тоди залышать и тихъ писень, що доси по косціолахъ та церквахъ „выквинтовувалы“. Уніатамъ, говорятъ, также доставалось отъ Дубенного. Однажды онъ вышелъ на встрѣчу шедшимъ изъ церкви съ уніатскаго богослуженія и прямо сказалъ имъ: „проклятый той, хто одправлявъ службу, и той, що слуха уніативъ“.

Такъ держалъ себя Василій Дубенный, пока движеніе гайдамацкое все ширилось и надежды возставшихъ на одолѣніе врага были основательны хоть сколько-нибудь. Послѣ же ряда пораженій, понесенныхъ гайдамаками, Василій Дубенный сталъ склоняться къ мысли, что все спасеніе въ русскихъ. Характерно выражено все это въ показаніяхъ его брата, Михаила Дубенного, которыя мы тутъ и приводимъ.

„Прыйшовшы до мене,—говорилъ онъ,—братъ мій Васыль почавъ мене лякать Кодней, почавъ вговорювать мене, щобъ я йихавъ за границю шукать протекціи въ москаливъ. Я зрикався та казавъ ёму: „схаменысь ты, Васылю, и зробы такъ, якъ я тоби молодшый наражу“. А винъ мени на те: „схаменысь ты самъ! Ты не хочешъ иты зо мною—то хыба хочешъ встрянуть у Коднюʔ“ А я ёму: „не попаду я у Кодню, бо ни въ чому я не выноватый“. Тоди винъ зновъ: „И чого тоби жалко?—Одного

вола? Мени жъ бильшъ ничого не жалко: доволи вже буть въ пидданстви панамъ польськимъ". И писля цёго я все жъ сказавъ: „не пойду", тилько жъ винъ почавъ пидбуджувать мене то прыйшлось пойихать. Оце уже мы йидемо и прыйизжаемо до Торговыци, до титки нашои, дали и за Торговыцю зайихалы, прямуючы до граници. Саме передъ границей зустричайемо якогось чоловика, Васыль и пыта его: „видкиля ты, чоловиче? Той одвича: „зъ заграныци". „Що жъ тамъ чувать"? „Чувать—чуму!" Почувшы таке, я й кажу братови, „вернемось, брате, до Литвиновкы". Завернулы. Йидемо до Гранова, де тоди стоявъ сербськый майоръ. Васыль и пишовъ до того майора прохать протекціи. Прыходыть назадъ, каже: „цей ничого не вдіе". Йидемо тоди шукать другого и знаходымо въ Псяровци. Псяровськый майоръ пыта насъ: „чого вамъ треба?" Васыль и каже, що не хочемо буть пидъ польськымы панами, а тилько пидъ москалямы. „Я, додавъ винъ, заразъ сына мого альбо племеныка запышу до войска чы панщыну сгожусь робыть—треба мени тилько, щобъ було въ мене степу доволи, лису и воды. Якъ що цього буде досыть, то й слободы осажу". Майоръ одповивъ Васылеви: „идите до старшого майора, а я тоби напышу лыстъ—то винъ дасть тоби протекцію и знайде мисце, заразомъ и запыше васъ въ канцеляріи". Я, змиркувавши дило, выйшовъ заразъ зъ хаты, а Васыль забавывся ще зъ майоромъ. Майоръ заразъ пославъ по порученію. Поручникъ прыйшовъ и заразъ пойихавъ зъ намы на ничъ на квартыру. Въ вечери пытаю Васыля: „брате, щось зле буде зъ того, що роспочавъ; до решты самъ себе зныщышъ и мене переведешъ ни на вищо, бо одынешъ въ мене остатню сорочку". Одповивъ мени Васыль: „мовчы, бо розибью тоби кіемъ голову. Робы, що до тебе надлежыть—гляды тилько коней та санкы". Тоди я, доставшы зъ санокъ горилкы, напывся разивъ два и лигъ въ санкахъ спаты. Колы зновъ прыходыть Васыль и каже; „брате, ты ни у вищо не втручайся, дывысь тилько за киньмы; майоръ казавъ, що зъ намы у Лытвиновку пошле поручныка и гусаривъ на залогу (гарнизонъ), и щобъ мы соби вильно жылы въ Лытвиновци черезъ зыму до весны и хлибъ вымолочували, бо хочъ бы заразъ

перетяглысь заграныцю, то все одно не було-бъ чымъ худобу до кинця зимы додержать“.

Неизвѣстно, осуществилась ли обѣщанная протекція и могла ли даже она осуществиться, но для Литвиновки пребываніе тамъ сербского поручика съ небольшимъ отрядомъ во всякомъ случаѣ осталось памятнымъ: одни изъ сербовъ кинулись захватывать подводы, нагруженныя панскимъ хлѣбомъ для отправки на Волынь, другіе начали бить войта и только тогда отпустили его, когда онъ отказался отъ войтовства и проч. Въ виду такого результата отъ сербской протекціи, разсчеты на нихъ, сербовъ, Васыля Дубенного, были по меньшей мѣрѣ несвоевременны. Въ этомъ отношеніи съ нимъ не сходились, очевидно, другіе селяне, которымъ не чужды были общественные интересы. Характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ Васыля Дубенного по дорогѣ въ Литвиновку, когда онъ уже велъ сербовъ. Заночевали они тогда на пути въ Бузовкѣ у Васылёваго кума—мельника бузовецкаго. Мельникъ и мельничиха приняли Васыля съ его мнимыми защитниками радушно, но когда на другой день утромъ они вырядили уже своихъ гостей, то мельничиха возлѣ воротъ отозвала Васыля въ сторону и сказала: „схаменысь, куме,—що ты робышъ?“ На это однако Васыль только отвѣтилъ: „побачышъ, кумо, що я тамъ зроблю“.

Для передачи съ полной обстоятельностью всего склада понятій старика Дубенного, мы не ограничились пересказомъ содержанія нашего документа въ той его части, которая относится къ 1768 году, но приняли въ разсчетъ и другую, относящуюся къ 1770 и 1771 годамъ. Благодаря этому, мы видимъ, что Дубенный въ разное время искалъ разныхъ средствъ для достиженія своей цѣли; сперва онъ ждалъ облегченія отъ гайдамакъ, потомъ отъ русскихъ. Принявъ же во вниманіе все это, невольно приходишь къ заключенію, что въ лицѣ Васыля Дубенного мы имѣемъ одного изъ тѣхъ изстрадавшихся стариковъ, по внушенію которыхъ шли въ гайдамацкія ватаги и ихъ дѣти, и многіе, находившіеся подъ ихъ вліяніемъ.

Интересны въ ватагахъ и такіе люди, какъ Кондратъ Микишенко, человѣкъ среднихъ лѣтъ, состоявшій эсауломъ богу-

славскихъ козаковъ. Несмотря на свое личное сравнительно выгодное положеніе, онъ его мѣняетъ на опасное, невѣрное положеніе гайдамаки, пристаетъ къ страшному Швачкѣ и остается съ нимъ до самого его пораженія. Сознаніе общественной неправды, очевидно, завело его такъ далеко. Схваченный впослѣдствіи поляками, онъ былъ присужденъ къ смерти (родъ казни въ документѣ не обозначенъ)[1]).

Кромѣ открыто шедшихъ въ гайдамачество и приставшихъ къ тѣмъ или другимъ ватагамъ, очень многіе изъ кіевскаго и брацлавскаго крестьянства дѣйствовали противъ поляковъ порознь, не соединяясь въ ватаги. Убить въ это время поляка или жида считалось доблестью—и мы наталкиваемся поэтому въ Кодненской книгѣ на массу дѣлъ объ убійствѣ шляхтичей и жидовъ. Не позорно было также несбереженіе панскаго добра и даже полное его присвоеніе отдѣльными лицами—и объ этомъ опять таки читаемъ мы въ документахъ Кодненской книги.

Пересмотримъ сперва рядъ дѣлъ объ убійствахъ, совершенныхъ людьми, стоявшими внѣ ватагъ.

Тутъ передъ нами выступаетъ рѣзко опять должностное лицо—отъ села Шпичаницъ паволоцкихъ (село сквир. у. близъ границы бердичевскаго, къ з. отъ м. Паволочи), Мартынъ Лобода[2]). И онъ, подобно многимъ другимъ, не дорожилъ своимъ сравнительно виднымъ положеніемъ въ селѣ и только воспользовался имъ для того, чтобы хоть въ теченіе короткаго времени съ большимъ успѣхомъ гнать ненавистныхъ ему поляковъ и уніатовъ. Онъ то и дѣло разыскивалъ прятавшихся пановъ и жидовъ и отдавалъ ихъ на убійство; не щадилъ при этомъ и женщинъ, причемъ съ особенною яростью преслѣдовалъ жену гуменного, который былъ мазуръ родомъ. Дѣйствовалъ, впрочемъ, Мартынъ Лобода не совсѣмъ въ одиночку; у него были между крестьянами сознательные пособники. Однимъ изъ такихъ пособниковъ состоялъ между прочимъ нѣкій Яковъ

---

[1]) Кодн. кн. 448.

[2]) Кодн. кн. стр. 62, 63.

Руденко, человѣкъ лѣтъ 35, родомъ изъ села Жалобного, что за Звягелемъ, пришедшій всего года за четыре до возстанія въ Шпичаницы паволоцкія на слободы. Здѣсь ему не жилось хорошо, такъ какъ подстароста чинилъ ему всякія несправедливости—отнималъ у него скотъ и проч. Вслѣдствіе этого, руководимый Мартыномъ Лободой, Яковъ Руденко сталъ безжалостно убивать попадавшихся ему шляхтичей и жидовъ, а потомъ даже присталъ къ донцамъ въ надеждѣ, что, принадлежа къ нимъ, онъ будетъ имѣть возможность съ большей безопасностью совершить свои преслѣдованія. Не удивительно поэтому, что когда онъ былъ схваченъ поляками и отданъ на судъ кодненской коммиссіи, то эта послѣдняя присудила его къ обезглавленію. Та-же кара еще раньше постигла его руководителя—Мартына Лободу.

Слѣдя за убійствами порознь, обратимъ вниманіе на то, что сильнымъ негодованіемъ противъ поляковъ проникались нерѣдко тѣ изъ надворныхъ козаковъ, которымъ паны, приставшіе къ барской конфедераціи, велѣли идти за ними отстаивать дѣло конфедератовъ. Многіе изъ такихъ невольныхъ конфедератовъ при первой возможности дезертировали, не желая сражаться за дѣло неправое, и послѣ дезертирства становились людьми, годными на многое. Въ Кодненской книгѣ мы имѣемъ, между прочимъ, дѣло нѣкоего Тимка. Этотъ Тимко, вмѣстѣ съ другими 13-ю козаками, бѣжалъ, изъ конфедерацкихъ рядовъ, попалъ затѣмъ въ тюрьму, потомъ же очутился въ Цыбуновѣ и здѣсь косой зарѣзалъ шляхтянку. Въ это время онъ уже былъ въ связи съ гайдамаками. Кодненская коммиссія присудила его къ смерти.

Общераспространеннымъ въ это время нерасположеніемъ къ полякамъ объясняется, очевидно, и другой случай подобнаго убійства: въ селѣ Черепинѣ косой убилъ шляхтянку крестьянинъ Игнатъ Гудимъ [1]).

Убивали при этомъ не только шляхтичей, такъ или иначе насолившихъ убивавшимъ, но и незнакомыхъ. Такъ, крестьянинъ Лихогруденко [2]) изъ Рокитной, вмѣстѣ съ какимъ-то Ро-

[1]) Кодн. кн., стр. 445.

[2]) Кодн. кн., стр. 493.

говскимъ, убилъ шляхтича, встрѣченнаго на дорогѣ. Кодненская коммиссія Лихогруденка приговорила къ обезглавленію, а Роговскаго къ четвертованію. Судя по наказанію, надо думать, что Роговскій былъ польскій ренегатъ. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить проявленной по отношенію къ нему жесткости со стороны кодненской коммиссіи.

Къ смертной казни по дѣлу такого рода, какъ только что пересказанное, присуждены были также Хведько Киресса, Петро Микитенко и Андрушка, Гайдаевъ сынъ [1]). Они убили кіями какого-то шляхтича. На судѣ первые два отказывались сознаться въ убійствѣ, третій же Андрушко, Гайдаевъ сынъ, сознался и донесъ на сотоварищей. Грабежа при убійствѣ не было.

Крайняя жестокость иногда только проявлялась при совершеніи этихъ убійствъ. Такъ, уроженецъ села Кочериницъ уманскихъ Васыль Паламаренко [2]), былъ однажды въ селѣ Ромахъ и въ присутствіи многихъ прислужницъ пани Чаплинской сталъ ее, Чаплинскую, бить, и, когда она уже упала въ безсознательномъ состояніи, Паламаренко разбилъ ей голову, вынулъ мозгъ и отдалъ его собакамъ. Чаплинская была тещей региментаря Стемпковскаго, предсѣдателя кодненской коммиссіи. Къ сожалѣнію, въ судебной отмѣткѣ нѣтъ указанія на время совершенія означеннаго преступленія. Если оно совершено уже во время существованія кодненскаго суда, то легко могло быть вызвано ненавистью къ Стемпковскому, которою, быть можетъ, объясняется и самая лютость Паламаренка.

Грозой былъ для поляковъ и Васыль Бабачекъ, крестьянинъ родомъ изъ Соколовки уманской [3]). Много убійствъ совершилъ онъ среди шляхты въ селѣ Волощиновкѣ уманской. Застрѣлилъ, между прочимъ, паню Пшемійскую и прикончилъ ударомъ копья уже пораненнаго другими пана Пшемійскаго. При этомъ Бабачекъ сказалъ сыну убитаго, Антонію Пшемійскому: „a wiesz ty o tym, przeklęty lachu, że was wszystkich lachow suka na morzu w kę-

---

[1]) Кодн. кн. стр. 461.

[2]) Кодн. кн. стр. 475.

[3]) Кодн. кн. стр. 475.

pie rodzi y wy stąd pochodzicie wszyscy y początek swoy od tego rodzaju maice". Конечно, Бабачекъ казненъ.

Ужасна также была расправа крестьянъ съ панами въ селѣ Волнянкѣ. Въ ближайшемъ къ Волнянкѣ лѣсу спряталось 18 человѣкъ шляхты [1]). Крестьяне Волнянки, узнавъ объ этомъ, тотчасъ пустились на поиски ихъ и, отыскавъ, цѣлою громадою участвовали въ ихъ убійствѣ. Не были пощажены при этомъ и дѣти. Большинство участниковъ этого избіенія были потомъ согнаны поляками въ Бѣлую Церковь и здѣсь безъ суда и расправы казнены. На долю кодненской коммиссіи изъ числа волнянцевъ только немногіе остались для рѣшенія ихъ участи. Однимъ изъ такихъ былъ Мыкола Лавренчукъ. Кодненская коммиссія приговорила его къ смертной казни, хотя о немъ только извѣстно было, что онъ находился въ Волнянкѣ въ моментъ избіенія шляхты, но никакихъ не было указаній на то, чтобы онъ самъ принималъ участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ.

Въ селѣ Конельскомъ полякамъ также довелось жизнью заплатить за тотъ гнетъ, какой отъ нихъ терпѣло посполъство [2]). Войтомъ въ этомъ селѣ былъ Хведоръ Дворакъ, родомъ изъ Чорнополя. Онъ во всемъ готовъ былъ слѣдовать указаніямъ людей, враждебныхъ панамъ, и нисколько не заботился о соблюденіи установленнаго въ селѣ порядка. Благодаря этому, бывшій въ с. Конельскомъ Якимъ Зарудный, числившійся козацкимъ сотникомъ, былъ организаторомъ поимки 22 шляхтичей, и затѣмъ по его же распоряженію всѣ они были убиты, убитъ былъ и губернаторъ конельскій вмѣстѣ съ писаремъ. Въ судебной отмѣткѣ по этому дѣлу сказано, что Зарудный тогда же убилъ отца своего, зятя и дѣтей послѣдняго. Чѣмъ объяснить эти послѣднія убійства? Не то ли было ихъ причиной, что отецъ и зять Заруднаго не были на сторонѣ возставшихъ и не мѣшали ли они Якиму совершать его расправу съ панами?

Видную роль въ это время съигралъ въ Конельскомъ и эсаулъ козацкій Иванъ Гучала изъ Чернополя [3]). Онъ передъ

---

[1]) Кодн. кн. стр. 491.

[2]) Кодн. кн. стр. 495.

[3]) Ibidem.

тѣмъ, какъ раздраженіе въ с. Конельскомъ противъ поляковъ дошло до крайнихъ предѣловъ, согласился спрятать у себя въ хлѣву ксендза францисканскаго ордена. Ксендзъ и пришелъ къ нему, не подозрѣвая, конечно, что самъ Гучала—одинъ изъ наиболѣе ярыхъ ненавистниковъ поляковъ и уніи. Узнать это однако ему довелось, какъ только Зарудный приступилъ къ расправѣ съ шляхтой. Гучала тогда выдалъ ксендза Зарудному и другому земляку своему Романюку — и францисканецъ былъ убитъ на глазахъ конельскихъ крестьянъ.

Интересенъ еще небольшой эпизодъ, которымъ сопровождалась вся эта конельская исторія. Когда были добыты шляхтичи, предназначенные къ убійству, и между ними оказались люди, собиравшіеся идти въ конфедерацію, то тотчасъ Зарудный и др. предположили, что при нихъ должны быть деньги на покупку лошадей. Предположеніе оказалось основательнымъ. Деньги были добыты и распаеваны между добывшими. Завѣдывалъ этимъ Грыцько Швець, получившій также свою долю. Смущеннымъ панамъ онъ при этомъ заявилъ: „досыть вамъ вже тутъ пануваты".

Накопившаяся у крестьянъ противъ поляковъ ненависть, какъ извѣстно, не уступала въ силѣ ненависти ихъ къ жидамъ. Убійства жидовъ людьми внѣ ватагъ были поэтому въ періодъ движенія 1768 года чуть ли не чаще убійствъ шляхты. Фактовъ въ этомъ родѣ въ книгѣ нашей масса. Мы приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ.

Такъ, мы знаемъ, что невдалекѣ отъ Животова[1]) крестьяне Илько Хабло, Степанъ, сынъ Марка Дышловаго, Максимъ Тихоходовъ, Климъ Маковонюкъ и Андрей Конопельчукъ, имѣя въ виду убить нѣсколькихъ жидовъ, призвали къ себѣ изъ Животова для этой цѣли гайдамакъ. Тѣ явились, убили двухъ жидовъ и одну жидовку, а нѣсколькихъ жидовокъ, оставленныхъ въ живыхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми забрали съ собой въ Животовъ и тамъ окрестили ихъ. Названные выше крестьяне за столь явное содѣйствіе убійству жидовъ всѣ были приговорены кодненскою коммиссіею къ смертной казни.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 464.

Другой случай проявленія ненависти къ жидамъ встрѣчаемъ въ слободѣ Антоновкѣ [1]). Тамъ служилъ у пана Подгурского дьякъ Кондратъ Горбенко. И вотъ этотъ то Горбенко, какъ только гайдамачина стала заявлять себя, измѣнилъ своему пану и убилъ жида. Наказанъ онъ повѣшеніемъ.

Особенно легко рѣшались люди на убійство жидовъ подвыпивши. Такъ, въ хуторѣ Москвитиновкѣ [2]) тамошняго арендаря-жида зарѣзалъ крестьянинъ Уласъ Даничисилъ, родомъ изъ с. Саяновки. Даничисилъ вмѣстѣ съ четырьмя паробками сталъ гулять и пить въ своемъ селѣ, такъ что въ Москвитиновку всѣ они пришли уже пьяные, и тутъ то въ шинкѣ Даничисилъ напалъ съ ножемъ на арендаря-жида и убилъ его. Кодненская коммиссія приговорила Даничисила къ смертной казни.

Жиды не знали, куда и укрываться. Изъ крестьянъ никто не желалъ ограждать ихъ отъ грозившихъ имъ бѣдъ. Такъ, въ Умани во время рѣзни плотникомъ у какой то жидовки, строившей себѣ домъ, былъ крестьянинъ с. Бузовки, Никита Москаленко [3]). Въ рѣзнѣ онъ не принималъ участія, но когда гайдамаки напали на жидовку, у которой онъ работалъ, и когда она, убѣгая отъ нихъ, въ ужасѣ кинулась къ нему на шею, прося защитить ее, то онъ тотчасъ сбросилъ ее съ себя и хладнокровно смотрѣлъ затѣмъ, какъ ее убивали. На другой день этотъ самый плотникъ, встрѣтивъ фельдшера—выкреста и принявъ его за жида, съ силой ударилъ его въ грудь, намѣреваясь убить его, если же не совершилъ этого убійства, то только потому, что на выручку фельдшеру подоспѣли другіе гайдамаки, знавшіе, что фельдшеръ выкрестился. Конечно, кодненская коммиссія приговорила Москаленка къ смертной казни.

Арендарямъ-жидамъ особенно трудно было разсчитывать въ это время на спасеніе. Выше мы уже привели одинъ случай убійства арендаря крестьяниномъ, а вотъ и другой изъ массы подобныхъ. Въ селѣ Ризановкѣ лисянской [4]) убилъ арендаря

---

[1]) Кодн. кн. стр. 486.

[2]) Кодн. кн. стр. 490.

[3]) Кодн. кн. стр. 487.

[4]) Кодн. кн. стр. 493.

жида крестьянинъ Иванъ Панасенко. Приговоренъ и онъ за это къ смертной казни.

Убивать жидовъ было какъ бы обязательно. Такъ, когда Илько Семеновичъ, крестьянинъ с. Снятовки [1]), пріѣхалъ однажды во время ярмарки въ Сквиру и, встрѣтясь тамъ съ знакомымъ, разговорился о томъ, что онъ дѣлалъ въ Умани, то на вопросъ—скольких онъ убилъ тамъ жидовъ, онъ отвѣчалъ: „а столько, сколько Богъ далъ". Разговоръ этотъ былъ подслушанъ сквирскимъ писаремъ, и по его доносу Илько былъ схваченъ и отданъ на судъ кодненской коммиссіи, которая приговорила его къ смертной казни.

Жидамъ не помогало часто и желаніе выкреститься ради сохраненія жизни. Такъ, пожелалъ принять крещеніе жидъ въ с. Насташки [2]), но тамошній попъ, Петръ Куцековичъ, вѣроятно признавая неискреннимъ обращеніе жида къ православію въ опасную минуту, отказался окрестить его. Жидъ былъ убитъ, попъ же Петръ Куцековичъ за свой отказъ окрестить его былъ отданъ въ Коднюю, и если не былъ тамъ казненъ, то только потому, что до суда умеръ въ кодненской ямѣ.

Отнимая легко у шляхты и жидовъ жизнь, крестьяне бывшей руины еще легче относились къ панскому и жидовскому имуществу. Особенно часто добро ненавистныхъ людей захватывали крестьяне послѣ того, какъ имъ доводилось столкнуться съ гайдамацкими отрядами. Такъ, послѣ того, какъ въ Каменномъ Бродѣ [3]) побывалъ Желѣзнякъ и разграбилъ все, что хотѣлъ, изъ имущества пана Пясецкаго, спасшагося изъ Каменнаго Брода бѣгствомъ въ Бѣлую Церковь, крестьяне каменно-бродскіе, какъ это уже было нами разсказано, тотчасъ же стали захватывать въ свою пользу и всякія панскія „заушнички", и бекеши зеленыя съ бѣлымъ мѣхомъ, и хлѣбъ изъ панскихъ амбаровъ, причемъ одни брали по мѣшку по мѣрѣ надобности, другіе же и для продажи. Оставленный же Пясецкимъ для охраны добра

---

[1]) Кодн. кн. стр. 490.

[2]) Кодн. кн. стр. 525, 535 и раньше.

[3]) Кодн. кн. стр. 95.

крестьянинъ Процько Замковый, не имѣя возможности противодѣйствовать громадянамъ своимъ, а быть можетъ и лично увлекшись легкостью наживы, поневолѣ послѣ ослабленія движенія долженъ былъ бѣжать изъ Каменнаго Брода. Бѣжалъ онъ въ Бердичевъ и тамъ года четыре спустя, какъ уже поминали мы, былъ на ярмаркѣ узнанъ Пясецкимъ и отданъ подъ судъ. Кара его не постигла, потому что до рѣшенія дѣла онъ умеръ въ кодненской ямѣ.

Многіе изъ крестьянъ, нанявшихся въ рабочіе къ панамъ, прослышавъ о надвигающихся въ ихъ село гайдамакахъ, начинали считать себя свободными отъ всякихъ данныхъ обязательствъ и въ добавокъ завладѣвали изъ панскаго добра—чѣмъ могли. Такъ, въ с. Жаботинѣ рабочимъ на селитрянномъ заводѣ нанялся крестьянинъ Иванъ Веремієнко [1]). Прежде всего онъ долженъ былъ отслужить пару воловъ, что получилъ отъ мѣстнаго жида-арендаря, а далѣе могъ разсчитывать на извѣстную плату деньгами по мѣрѣ отслуживанія. Между тѣмъ другіе крестьяне вырѣзали въ селѣ жидовъ и грозили смертію самому пану, такъ что послѣдній не выходилъ со двора; вмѣстѣ съ нимъ въ домѣ, оставивъ свой шинокъ, сидѣли въ страхѣ мѣстные арендарь съ арендаркой. Веремієнко въ это время какъ разъ пасъ своихъ двухъ воловъ, полученныхъ въ счетъ отработка, и 9 панскихъ. Получивъ вѣсть отъ козацкаго атамана о томъ, что дѣлается въ селѣ, онъ, не долго думая, погналъ весь скотъ за границу—и тамъ остался, обзаведясь полнымъ хозяйствомъ. Кодненская коммиссія получила въ свои руки данное дѣло только потому, что ужъ долго спустя Иванъ Веремієнко пришелъ на польскую сторону къ родичамъ и тутъ-то попался въ руки властямъ. Дѣло кончилось безъ смертнаго приговора удовлетвореніемъ истца-пана гражданскимъ порядкомъ.

Жидовское добро присваивали себѣ не только тогда, когда жиды были въ селахъ, но и на дорогахъ во время ихъ бѣгства изъ опасныхъ мѣстъ. Бѣжало жидовъ довольно много между прочимъ изъ-подъ Фастова и даже изъ-подъ Бѣлой Церкви. Одинъ

[1]) Кодн. кн. стр. 36.

изъ такихъ укрывавшихся отъ грозящей бѣды жидъ Лейба Пергель, арендарь бѣлоцерковскій [1]) раньше, чѣмъ самъ бѣжалъ, выпроводилъ изъ Бѣлой Церкви свою жену, усадивъ ее на возъ, наполненный перинами и всякимъ добромъ. На бѣду жидовки вблизи села Червоного у воза ея загорѣлась ось, и она, не зная что дѣлать, бросила среди поля возъ съ конемъ и все имущество, а сама поспѣшила спрятаться въ высокомъ хлѣбѣ въ сторонѣ отъ дороги. Черезъ нѣсколько времени къ возу подъѣхали какіе то крестьяне, опорожнили его, часть пуху изъ перинъ пустили по вѣтру, забрали буланого коня и уѣхали. Мужъ потерпѣвшей послѣ прекращенія возстанія предъявилъ искъ въ 487 червоныхъ злотыхъ къ крестьянину села Червоного Хведору Осадчему, состоявшему въ этомъ селѣ на слободѣ послѣ переселенія съ мѣста родины въ Полѣсіи. Основаніемъ для обвиненія былъ буланый конь, которымъ одно время Осадчій владѣлъ и который былъ будто бы именно конь Пергеля. Основаніе нѣсколько шаткое, но во всякомъ случаѣ могло быть, что Осадчій и овладѣлъ Пергелевыми вещами, ибо вообще грабежи жидовъ, спасавшихся бѣгствомъ, были въ большомъ ходу: это видно и изъ показаній Осадчаго, отрицавшаго свое личное участіе въ грабежѣ Пергелева воза и коня.

Какъ видимъ, всякія средства пускались въ ходъ людьми бывшей руины противъ поляковъ и жидовъ. Изъ числа считавшихъ возстаніе дѣломъ необходимости, какъ знаемъ, наиболѣе безстрашные и полные силъ шли сами въ ватаги, менѣе же рѣшительные, не желавшіе вполнѣ разстаться съ осѣдлою жизнью въ устроенныхъ мѣстахъ, дѣйствовали въ одиночку, каждый отдѣльно, истребляя шляхту и жидовъ и присваивая себѣ ихъ неправдой нажитое добро. Надежда не сдѣлаться жертвами польскаго и жидовскаго мщенія, при невступленіи въ ватаги и при соблюденіи тайны, также могла быть однимъ изъ мотивовъ, руководившихъ этой второй группой людей. Но, кромѣ ихъ, были между мѣстными людьми и такіе, которые, вполнѣ сочувствуя

---

[1]) Кодн. кн. стр. 413.

затѣянному вызволенію края изъ польскихъ рукъ, стремились рисковать собой еще меньше, оказывая только посильное пособничество, гайдамакамъ. И много же бывало случаевъ, когда для успѣха движенія существованіе въ селахъ людей, готовыхъ только на пособничество, являлось рѣшающимъ въ дѣлѣ.

Возьмемъ въ разсчетъ прежде всего готовность крестьянъ къ пристанодержательству. Укрыть въ то время кого нибудь враждебнаго полякамъ не считалось особенно опаснымъ; большинство неосновательно думало, что смертная казнь не можетъ грозить за это. Предположеніе же это сослужило дѣлу возстанія не малую службу. Во-время спрятанная кучка гайдамакъ не могла не быть цѣнной въ общемъ счетѣ силъ, и кто знаетъ, какое количество поляковъ бывало ею истреблено при благопріятныхъ обстоятельствахъ послѣ того, какъ укрыватель спасъ ихъ отъ какого нибудь численнаго польскаго отряда. Такими укрывателями, или пристанодержателями въ интересующее насъ время очень часто бывали пасѣчники. Заниматься этимъ дѣломъ имъ было удобнѣе, чѣмъ кому бы то ни было изъ селянъ, такъ какъ пасѣки обыкновенно бывали при садкахъ и чаще на окраинахъ селъ. При томъ же для пасѣчниковъ, людей обыкновенно уже старыхъ, но нерѣдко привыкшихъ къ жизни политической въ прежніе годы, единственнымъ способомъ содѣйствовать дорогому для нихъ дѣлу—было укрывать нуждающихся въ убѣжищѣ собратій, непосредственно участвовавшихъ въ возстаніи.

Въ Кодненской книгѣ мы встрѣтили нѣсколько случаевъ пристанодержательства пасѣчниками. Такъ, въ селѣ Волосовѣ близъ Хмѣльника [1]) былъ пасѣчникъ Хведоръ. И вотъ у него въ пасѣкѣ нашли пріютъ двое гайдамакъ, которые во-время успѣли уйти изъ пасѣки отъ преслѣдованій, причемъ не успѣли только захватить съ собой оружія. Въ Цыбуловѣ же пасѣчникъ пани Павловской Зинько [2]) передержалъ у себя довольно много гайдамакъ, испуганныхъ польскимъ подъяздомъ, остановившимся въ

---

1) Коди. кн. стр. 445.

2) Кодн. кн. стр. 461.

Монастырищѣ. Укрывательство это не могло не сдѣлаться извѣстнымъ, поэтому Зинько, по уходѣ гайдамакъ, заявилъ о томъ, что они у него были, „двору“ своему, но уже тогда, когда гайдамаки были въ Цыбуловѣ и потому находились внѣ опасности. Свой поступокъ Зинько объяснялъ на судѣ тѣмъ, что онъ, Зинько, будто былъ связанъ гайдамаками и будто связаннымъ они его держали до самаго своего ухода. Нѣсколько сложнѣй услугу оказалъ гайдамакамъ пасѣчникъ попа въ Ризаной Крыницѣ Самуилъ Шиманскій [1]). Онъ не только далъ у себя пріютъ гайдамакамъ, случайно наткнувшимся на польскій „подъяздъ“, но и отправился въ сторону, гдѣ подъяздъ остановился, чтобы узнать, изъ какого числа людей состоялъ онъ. Этимъ свѣдѣніемъ должно опредѣлиться—какъ быть спрятавшимся: уходить ли, или оставаться въ спряту.

Попадались пристанодержатели и помимо пасѣчниковъ. Такъ, въ селѣ Майдановкѣ принялъ къ себѣ въ гости 12 гайдамакъ крестьянинъ Василій Мовончукъ [2]). У него они пили и гуляли.

Интересно, что всѣ эти пристанодержатели, призванные на кодненскій судъ, отдѣлались сравнительно дешево. Три пасѣчника поплатились только долгимъ сидѣніемъ въ кодненской ямѣ до суда, потомъ же были выпущены, и одинъ только Мовончукъ почему-то былъ наказанъ 50 ударами розогъ.

Пособничество гайдамакамъ со стороны крестьянъ выражалось и въ другихъ формахъ. Такъ, очень часто крестьяне, можетъ быть изъ страха большой отвѣтственности, не убивали сами пановъ, которые были въ ихъ рукахъ, а доставляли ихъ гайдамакамъ. Изъ приведенной выше характеристики Швачки мы знаемъ уже, что крестьяне села Скреловки Олекса Кочубай, Василій Юценко и Кузьма Ткаченко [3]) приложили не мало старанія на изловленіе супруговъ Ольшевскихъ и зятя ихъ Русецкаго съ женой и дѣтьми и затѣмъ на доставку ихъ въ Фастовъ. Олекса Кочубай при этомъ былъ поставленъ громадой своего

---

[1]) Кодн кн. стр. 462.

[2]) Кодн. кн. стр. 484.

[3]) Кодн. кн. стр. 538, 539.

села сторожемъ на дорогѣ, по которой должны бѣжать паны. Скреловская громада сочла все это своимъ дѣломъ и за трудъ доставки пановъ уплатила обоимъ подводчикамъ по 7 коп. Если крестьяне при этомъ пособничествѣ разсчитывали избѣгнуть большой отвѣтственности, то въ этомъ они глубоко ошиблись: на судѣ кодненской коммиссіи всѣ три названные крестьянина были приговорены къ обезглавленію.

Отдавалъ гайдамакамъ на убійство шляхтичей и крестьянинъ Петръ Петрицкій изъ Григоровки родомъ [1]). Онъ ревностно розыскивалъ спрятавшихся шляхтичей по лѣсамъ и затѣмъ тоже отправлялъ ихъ на убійство въ Фастовъ. Въ помощь для отысканія шляхты въ лѣсахъ бралъ онъ себѣ дѣтей. Такимъ путемъ онъ сбылъ Швачкѣ 8 шляхтичей. Кодненская коммиссія приговорила Петрицкаго къ обезглавленію.

Въ селѣ Черепанѣ [2]) крестьянинъ Климъ также отдалъ на убійство какимъ то гайдомакамъ шляхтича Лаховскаго. И Климъ этотъ, конечно, былъ приговоренъ въ Коднѣ къ обезглавленію.

Затѣмъ въ поминавшейся выше Скреловкѣ крестьянинъ Васыль Сарана [3]) долго розыскивалъ скрывавшагося пана Гутовскаго. Найдя же его, онъ привелъ его въ село на цѣпи, обхвативъ его панское горло. Изъ Скреловки Сарана отвезъ пана Гутовскаго въ Фастовъ къ Швачкѣ. За преступленіе это въ Коднѣ былъ обезглавленъ не только Сарана, но и его односельчанинъ Иванъ Крытыча, бывшій только при отправкѣ пана Гутовскаго.

Далѣе, близъ Зотова, въ слободкѣ Ставокъ крестьянинъ Герасимъ Гладенко [4]), завлекши къ себѣ пановъ обѣщаніемъ за извѣстную плату скрыть ихъ и получивши уже эту плату, неожиданно поотвозилъ ихъ гайдамакамъ на убійство. Къ Гладенку въ Коднѣ отнеслись поэтому особенно сурово: его четвертовали живымъ.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 446.

[2]) Кодн. кн. стр. 445.

[3]) Кодн. кн. стр. 481—482.

[4]) Кодн. кн. стр. 482.

Всякое пособничество къ убійству шляхты, очевидно, приравнивали въ Коднѣ къ убійству. Въ одномъ случаѣ въ селѣ Баранье Поле богуславскаго ключа крестьянинъ Якимъ Сыкуненко [1]) выказалъ свою готовность служить гайдамакамъ только тѣмъ, что впустилъ къ себѣ двухъ изъ нихъ—брата своего Панаса Сыкуненка и еще какого-то, и не помѣшалъ имъ у себя въ хатѣ убить шляхтича, котораго они привезли съ собой. И вотъ и въ данномъ случаѣ кодненская коммиссія приговорила пособника гайдамакъ къ смертной казни.

Въ Шпичаницахъ, наконецъ, крестьянинъ Пилипъ Радникъ [2]), при содѣйствіи извѣстнаго уже намъ войта Мартына Лободы, повезъ было на убійство къ гайдамакамъ шляхтянку Маріану Бальневичъ, но на дорогѣ былъ встрѣченъ попомъ, который отобралъ у него обезумѣвшую отъ страха шляхтянку и спасъ ее. Пойманный впослѣдствіи Пилипъ Радникъ, конечно, былъ обезглавленъ.

Не такъ строго относилась кодненская коммиссія къ крестьянамъ, оказывавшимся виновными въ третьяго рода пособничествѣ гайдамакамъ—въ сообщеніи имъ, гдѣ спрятаны панскія вещи. Между тѣмъ этого рода пособничество повторялось въ 1768 г. постоянно и приносило, конечно, гайдамакамъ существенную выгоду, доставляя имъ необходимыя на поддержаніе движенія средства. Особенно интересный примѣръ готовности крестьянъ доставить гайдамакамъ панское добро мы уже встрѣчали въ селѣ Малинкахъ [3]). Мы знаемъ уже, что малинковская громада прежде всего не дозволила пану Грабовскому спрятать вещи въ православной церкви, несмотря на то, что попъ Пилиповичъ даже уже принялъ вещи въ церковь. Затѣмъ, когда Грабовскій закопалъ вещи въ лѣсу, малинковскіе крестьяне, зная, гдѣ именно онѣ были закопаны, при приходѣ въ село загона Никиты Москаля, по первому требованію послѣдняго, не только указали мѣсто спрята, но и поѣхали сами за вещами. Такъ поступили сторожъ въ Малинкахъ Антонъ Скработунъ и

[1]) Кодн. кн. стр. 484.

[2]) Кодн. кн. стр. 485.

[3]) Кодн. кн. стр. 428—429.

еще три другіе крестьянина—Гаврило Повхимчукъ, Петро Тимченко и Левко Черный.

Вполнѣ обязательнымъ считалось также указывать гайдамакамъ, гдѣ спрятаны и вещи жидовскія. Такъ, въ селѣ Ситнянкѣ смѣлянской крестьянинъ Васыль Лобуренко [1]), родомъ изъ Шарогрода, содѣйствовалъ тому, чтобы войтъ ситнянскій, державшій шинкъ вмѣсто спасшагося бѣгствомъ жида, указалъ гайдамакамъ — гдѣ спрятаны вещи бывшаго арендаря. Кодненская коммиссія приговорила Лобуренка къ наказанію розгами.

Пособничество гайдамакамъ выражалось далѣе доставленіемъ имъ то оружія, то пороху, то лошадей, то водки. Такъ, крестьянинъ Иванъ Коваль, родомъ изъ села Антоновки подъ Володаркой [2]), живя въ с. Пруссахъ смѣлянскихъ и занимаясь вмѣстѣ съ дядей своимъ слѣсарствомъ, доставлялъ гайдамакамъ „списы“ (копья). На судѣ онъ отрицалъ это, опровергая сдѣланный на него доносъ и всячески стараясь избѣгнуть кары; дѣло дѣйствительно затянулось, но фактъ доставки ковалемъ копій гайдамакамъ все же остается фактомъ. Иначе держалъ себя на судѣ другой крестьянинъ Хведоръ Семеры (въ какомъ селѣ— не сказано [3]), приготовлявшій порохъ и доставлявшій его тоже гайдамакамъ. Онъ открыто признался въ своемъ пособничествѣ. Смертная казнь была за то его удѣломъ. Въ данномъ случаѣ суровость наказанія вызвана, конечно, тѣмъ, что пособничество выразилось въ доставленіи пороха.

Легче относилась кодненская коммиссія къ поставщикамъ лошадей для гайдамацкихъ ватагъ. Такъ, Яцко Панасенко [4]), посодѣйствовавшій гайдамакамъ, якобы по ихъ настоянію, овладѣть въ Цыбуловѣ парой коней панскихъ, отдѣлался только предварительнымъ сидѣніемъ въ кодненской ямѣ. Впрочемъ, еще до ареста онъ былъ вынужденъ вознаградить свою экономію отдачей ей пары своихъ воловъ и шести рублей. Не слишкомъ рисковалъ собою и кравець (портной) Иванъ Хмаренко изъ села

---

[1]) Кодн. кн. стр. 246.

[2]) Кодн. кн. стр. 10,78.

[3]) Кодн. кн. стр. 447.

[4]) Кодн. кн. стр. 78.

Пшеничниковъ[1]), по приглашенію ватажка Шелеста, еще въ самомъ началѣ возстанія шившій для его „заграничной" ватаги необходимую одежу. Хмаренко былъ признанъ въ Коднѣ заслуживающимъ не смертной казни, а только розогъ. Остался не казненнымъ вовсе винникъ Каленникъ Вдовиченко[2]), выказавшій свою готовность быть пригоднымъ для гайдамакъ доставленіемъ имъ „спуста" (spust) горилки. Гайдамаки отблагодарили его за водку какимъ-то кафтаномъ, захваченнымъ на грабежѣ.

Пособничество гайдамакамъ со стороны крестьянъ выражалось часто и готовностью ихъ быть провожатыми. Въ указаніи дорогъ часто нуждались тѣ гайдамацкія ватаги, которыя составлялись изъ людей „заграничныхъ" или же хотя и правобережныхъ, но все-же незнакомыхъ съ тѣми или другими мѣстами Кіевщины. Иногда цѣлая громада заботилась о томъ, чтобы та или другая ватага получила вѣрныя указанія относительно пути. Въ такихъ случаяхъ давался провожатый отъ цѣлой громады. Подобный примѣръ мы имѣемъ въ Новоселицѣ[3]), гдѣ громада вырядила въ провожатые гайдамакамъ своего односельчанина Грыцька Литвина. Впослѣдствіи новоселецкая громада не отказалась даже отъ своего распоряженія, когда о немъ дознавалась коднекская коммиссія; громада только не брала на себя отвѣтственности въ томъ, что ея провожатый отдалъ на убійство гайдамакамъ какого-то мазура. Какъ кажется, Грыцько Литвинъ былъ приговоренъ къ смертной казни собственно за эту выдачу мазура. Не за провожаніе, надо думать, постигла смертная казнь и другаго провожатаго, Яцка Роботенбута[4]) родомъ изъ Бугачевки. Проводивъ гайдамакъ въ Козацкую долину, онъ самъ поживился тамъ котлами, которые захвачены были гайдамаками. За эти то котлы его и осудили на смерть. Обвиненный же въ простомъ проводничествѣ Максимъ Дрыжаковъ[5]), кажется мельникъ по профессіи, наказанъ всего только 300 ударами розогъ.

[1]) Кодн. кн. стр. 481.
[2]) Кодн. кн. стр. 448.
[3]) Кодн. кн. стр. 440.
[4]) Кодн. кн. стр. 447.
[5]) Кодн. кн. стр. 476.

Привелъ онъ гайдамакъ на хуторъ Задеренка, который и былъ ограбленъ. Всѣхъ гайдамакъ было при этомъ 8 душъ, и ватажкомъ ихъ былъ Черный. Наконецъ проводникъ гайдамацкій Степанъ Илицкій [1]) родомъ изъ с. Остріекъ, въ Блощинцахъ, взявшійся проводить гайдамакъ въ слободы окрестныхъ пановъ, наказанъ смертію, но это, очевидно, въ виду того, что, благодаря его указаніямъ, паны лишились очень многаго.

Къ удивленію, сильно виноватыми въ глазахъ коднеиской коммиссіи являлись пособники—музыканты, хотя вся ихъ вина состояла въ услажденіи гайдамакъ игрой на бандурѣ или скрипкѣ въ дни ихъ стоянокъ и кутежей. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ въ Кодненской книгѣ только указанія относительно четырехъ такихъ музыкантовъ, да и то указанія, слишкомъ краткія. Такъ, о бандуристѣ Васылѣ Ворченкѣ [2]), родомъ изъ с. Винногородки, мы знаемъ только, что, явясь въ с. Козацкую долину, засталъ онъ тамъ ватажка Ремезу съ его небольшимъ загономъ, что затѣмъ онъ присталъ къ этому загону и вмѣстѣ съ нимъ побывалъ въ селахъ Водзянкѣ, Кобылячкѣ, Папужинцахъ. О другомъ музыкантѣ, скрипачѣ Мусіи Шенчекѣ [3]), мы знаемъ еще меньше. Въ судебной отмѣткѣ о немъ значится, что гайдамаки гдѣ-то въ корчмѣ договорили его играть имъ на скрипкѣ, и что тотъ на это согласился, но что въ качествѣ такого нанятаго гайдамацкаго музыканта онъ оставался одни только сутки, такъ какъ былъ арестованъ польскими властями. Бандуристъ же Михайло [4]), зять Сокового, родомъ изъ Чорного Поля (ключа конельскаго) былъ обвиненъ не только въ томъ, что игралъ гайдамакамъ, къ которымъ присталъ, но и въ томъ, что вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ грабежахъ и даже въ убійствѣ двухъ жидовъ. Михайло бандуристъ по поводу обвиненій этихъ могъ только утверждать, что онъ занимался во время самыхъ грабежей своимъ дѣломъ—игрой на бандурѣ. Какъ доказательство его участія въ грабежѣ, обвинители считали найденную у него панскую жилетку (kami-

---

[1]) Кодн. кн. стр. 490.

[2]) Кодн. кн. стр. 449.

[3]) Кодн. кн. стр. 483.

[4]) Кодн. кн. стр. 491.

zelku) и шляхетскую юбку, но вещи эти Михайло обрѣлъ не самъ, а ему ихъ дали гайдамаки за игру. Наконецъ о четвертомъ музыкантѣ, бандуристѣ Прокопѣ Скрягѣ [1]) судебная отмѣтка не говоритъ даже, что онъ былъ при гайдамакахъ въ качествѣ музыканта; его вина состояла яко-бы въ томъ, что онъ навелъ донцовъ на пана Спендовскаго и при этомъ грабилъ и билъ.

Изъ всѣхъ четырехъ музыкантовъ только Шенчекъ былъ оставленъ кодненской коммиссіей ad resolutionem, остальные же три казнены смертію.

Прослѣдивъ, въ какія формы отливался протестъ взбунтовавшагося противъ порядковъ Рѣчи Посполитой населенія недавней руины, мы до сихъ поръ изъ числа участвовавшихъ въ движеніи имѣли въ виду людей, на себѣ испытавшихъ неудобство опротестовываемаго порядка и притомъ людей идейныхъ, убѣжденныхъ въ правотѣ своего образа дѣйствій. Но не они одни вели дѣло возстанія. Формы тогдашняго протеста были привлекательны и для людей, хотя бы и мѣстныхъ, но руководившихся не любовью къ родинѣ, а только стремленіемъ къ личной наживѣ. Поэтому то мы и встрѣчаемъ среди коліевъ массу людей нравственно потерянныхъ, которымъ какая-либо идейность была недоступна. Отъ ихъ содѣйствія отказываться идейнымъ руководителямъ движенія было невозможно, въ виду численной ничтожности собравшихся ватагъ, но все же ихъ участіе въ гайдамацкихъ рядахъ не могло во многихъ случаяхъ не накладывать на движеніе разбойничьей окраски. А такая окраска движенія охотно была подчеркнута врагами возставшихъ, умышленно умалчивавшими о его другой сторонѣ—высокой, идейной. Крайняя фальшь подобныхъ взглядовъ очевидна. Но даже и при такой фальшивой постановкѣ дѣла всякими усмирителями движенія и польскими мемуаристами, повѣдавшими о коліивщинѣ потомству, правыми все же не оказались поляки, противъ которыхъ гайдамаки шли. Слишкомъ ясно, что самая возможность существованія

---

[1]) Кодн. кн. стр. 497.

въ краѣ обильнаго числа людей потерянныхъ, готовыхъ на разбой, есть серьезный показатель крайней непригодности порядковъ въ краѣ, гдѣ люди такіе появляются.

Переходя къ непосредственной характеристикѣ отмѣченной несимпатичной группы гайдамакъ, мы наталкиваемся въ Кодненской книгѣ на цѣлые загоны, преслѣдующіе чисто разбойничьи цѣли, не говоря уже объ отдѣльныхъ грабителяхъ.

Обратимъ сперва вниманіе на нѣсколько грабительныхъ загоновъ, вродѣ отмѣченныхъ нами въ концѣ первой главы.

Изъ дѣла, въ которомъ упоминается объ одномъ изъ такихъ загоновъ, мы узнаемъ, что бѣлоцерковской магдебургіи былъ доставленъ, по прекращеніи усиленнаго движенія, крестьянинъ Олекса Бугаенко, родомъ изъ с. Соловинки [1]). Магдебургія сняла съ него немедленно допросъ и затѣмъ для суда препроводила въ Кодню, гдѣ подсудимый повторилъ только свои начальныя показанія. Изъ показаній же этихъ оказалось, что онъ, Олекса Бугаенко, вмѣстѣ съ одиннадцатью другими—то односельчанами, то ближайшими сосѣдями—принадлежалъ къ гайдамацкому загону, который занимался исключительно грабежами. Въ селѣ Пинчукахъ ограбили люди эти жида, добывъ отъ него 55 рублей, потомъ въ селѣ Саламанкахъ у другого жида—арендаря отняли они коней и сколько-то денегъ. Прослышавъ затѣмъ какъ-то, что въ Пинчукахъ ночуетъ панъ Милецкій, намѣстникъ села Грабинокъ, они забрали у него коней и платье. Наконецъ, еще у какого-то жида отняли деньги и полотно. Послѣ грабежа начался между участниками ватаги дѣлежъ добычи. На брата вышло по 15 рублей деньгами да еще рубля на четыре вещей на каждаго. И на этомъ похожденія кончаются: почти всѣ люди ватаги уходятъ въ Кіевъ или Васильковъ. Только одинъ какой-то скоро умеръ, а Бугаенко попался въ руки поляковъ. Въ Коднѣ его приговорили къ обезглавленію.

Во всемъ этомъ дѣлѣ, очевидно, единственною цѣлью гайдамакъ является грабежъ, и въ показаніяхъ Бугаенка это отмѣчено очень ясно. Онъ пересчитываетъ, и что было взято, и

---

[1]) Кодн. кн. стр. 64.

какъ подѣлено, и посколько пришлось на брата. Послѣ же того, какъ пожива была добыта, соединившіеся въ ватагу люди не придумали для себя ничего лучшаго, какъ бѣжать заграницу и проживать тамъ мирно и тихо.

Не лучше, судя по нѣкоторымъ участникамъ, и ватага уманскихъ крестьянскихъ паробковъ и ремесленниковъ, о которой мы имѣемъ свѣдѣнія, благодаря показаніямъ Ивана Макосійчука, сперва обвиненнаго только въ намѣреніи ограбить православную церковь, а потомъ и въ гайдамачествѣ [1]). Родомъ Макосійчукъ былъ изъ Умани. До 19 лѣтъ онъ жилъ при отцѣ и матери; когда же они умерли незадолго до начавшейся „ризанины", онъ, Иванъ, пошелъ будто бы въ Немировъ къ брату своему, но дорогой въ с. Пятигорахъ присталъ къ нищимъ, „до тыхъ, що возкамы по селахъ йиздять", и съ ними попалъ въ Животовъ. Пришли де они туда въ субботу, а на другой день въ воскресеніе Макосійчукъ спозаранку выпилъ изрядно и затѣмъ отправился въ церковь къ обѣднѣ. Во время службы онъ замѣтилъ, что титоръ, обходя молящихся съ ящикомъ для пожертвованій на церковь, высыпалъ оттуда при размѣнѣ денегъ на цѣлый рубль мелочи. Макосійчукомъ при видѣ рубля, по его собственнымъ словамъ, овладѣло непреодолимое желаніе воспользоваться и этимъ рублемъ, и остальными деньгами. Онъ осмотрѣлся кругомъ и, хотя былъ пьянъ, однако замѣтилъ, что южная входная дверь не заперта на замокъ, а только заложена засовомъ. Макосійчукъ подошелъ къ двери, тихонько отсунулъ засовъ и сталъ ждать конца службы. Дождавшись его, онъ вмѣстѣ съ другими, бывшими въ церкви, вышелъ западными дверьми въ церковный дворъ и дальше на улицу. Титоръ между тѣмъ, когда церковь опустѣла, успѣлъ запереть западныя двери на замокъ и уйти домой. Макосійчукъ же, котораго все не покидало зародившееся въ немъ желаніе овладѣть церковными деньгами, пройдя немного по улицѣ, снова вернулся въ церковный дворъ и никѣмъ незамѣченный проникъ южными дверями въ церковь. Дверь онъ тотчасъ же приперъ засовомъ и прежде, чѣмъ приняться за деньги, палъ

---

[1]) Кодн. кн. стр. 69.

на колѣни предъ иконой Божьей Матери и помолился ей. Чтобы завладѣть ящикомъ съ деньгами, ему надо было обломать желѣзный ободокъ, и онъ началъ это производить случившимся тутъ въ церкви какимъ то старымъ ножемъ. Но ножъ сломался, съ шумомъ упалъ на земь, равно какъ и выломанный ящикъ съ деньгами. Шумъ этотъ услышали дѣти титора, игравшіе на дворѣ близъ церкви. Побѣжали они къ отцу и сказали, что „въ церкви щось стука". Пришелъ титоръ, отперъ западныя двери и сразу замѣтилъ, что нѣтъ ящика съ деньгами, но грабителя нигдѣ въ церкви уже не было. Какъ только онъ услышалъ, что отпираютъ западныя двери, такъ тотчасъ же полудневыми дверьми вышелъ во дворъ и спрятался тамъ въ высокомъ бурьянѣ. Титоръ замѣтилъ отпертую дверь, тоже вышелъ во дворъ, со всѣхъ сторонъ огороженный. Такъ какъ все это было имъ продѣлано очень быстро, то онъ могъ видѣть, что въ единственныя ворота изъ двора никто не выходилъ, и потому началъ искать грабителя въ бурьянѣ. Найдя, отвелъ его къ попу. Черезъ два дня отправили его въ Трояновъ, недалеко отъ Кодни.

Военно-судной коммиссіи личность Макосійчука показалась подозрительной. Стали его допрашивать—не былъ ли онъ въ Умани во время рѣзни и не участвовалъ ли въ ней. Макосійчукъ отвѣтилъ, что въ Умани во время рѣзни былъ, но самъ никого не рѣзалъ и не грабилъ. Это вызвало въ слѣдователяхъ сомнѣніе, и одинъ изъ нихъ сказалъ: „какъ это ты никого не рѣзалъ и не убивалъ, когда тамъ всѣ убивали—копьями, ножами цѣпами, заступами; развѣ у кого рукъ не было, то тотъ только и не убивалъ. Убито вѣдь 18000 (?). Убійцы подговаривали даже дѣтей убивать". Но Макосійчукъ стоялъ на своемъ. Послѣ этого къ прежнимъ своимъ показаніямъ онъ прибавилъ, что послѣ уманской рѣзни, когда и о немъ, и о его братѣ Савкѣ люди стали утверждать, будто оба они гайдамаки, они оба ушли оттуда, и онъ, Иванъ Макосійчукъ, попалъ въ Животовъ, гдѣ вознамѣрился и впрямь пристать къ гайдамакамъ; около 20 другихъ уманскихъ парубковъ оказалось тутъ же. Гайдамаки, которые ихъ приняли, прельщая добычей, напустили ихъ на животовскихъ жидовъ. И тутъ то пошла страшная

рѣзня. Въ одномъ домѣ убили 12 жидовъ разнаго пола и возраста, а въ погребѣ нашли еще четырехъ, которые также легли трупомъ, потомъ и въ другихъ домахъ всюду искали жидовъ по погребамъ, даже въ печахъ, и одни изъ нападавшихъ убивали ихъ, другіе бросали трупы убитыхъ въ колодцы, въ пруды. Повсюду въ домахъ при этомъ убійцы не забывали захватывать всякія пожитки убитыхъ и деньги. Однако все награбленное пришедшими изъ Умани молодцами они должны были отдавать принявшимъ ихъ гайдамакамъ, вѣроятно, для равнаго дѣлежа. Макосійчукъ же умудрился, впрочемъ, тайкомъ уберечь рублей 40, что однако не помѣшало ему въ томъ же Животовѣ польститься на церковный ящикъ. Само собой, прежній разсказъ его о приходѣ въ Животовъ съ „старцями", несмотря на всю свою правдоподобность, былъ вымышленъ. Товарищи его послѣ дѣлежа добычи старались укрыться, гдѣ кто могъ, и въ этомъ успѣли; Макосійчукъ же, не укрывшійся, былъ военно-судною коммиссіей приговоренъ къ обезглавленію. Слишкомъ очевидно, что и въ данномъ случаѣ не любовь къ родинѣ руководила всякими Макосійчуками, а простая жадность къ деньгамъ и наживѣ. Иначе не ставили бы они себѣ цѣлью грабежъ нѣсколькихъ жидовъ, и страхъ не принудилъ бы ихъ разойтись изъ ватаги безъ намѣренія такъ или иначе дѣйствовать противъ враговъ края.

Грабежъ ставили себѣ цѣлью и тѣ гайдамаки, о которыхъ мы узнаемъ изъ дѣла крестьянина Матвія Горбачука, ихъ соучастника [1]). Матвій Горбачукъ родился въ селѣ Солодковцахъ на Подолѣ каменецкомъ, выросъ же въ с. Сильницѣ за р. Богомъ въ одной милѣ отъ Тульчина. Въ Сильницѣ Горбачукъ жилъ при отцѣ Данилѣ и матери Катеринѣ Горбатыхъ, помогая имъ въ ихъ крестьянской работѣ. Въ 1768 г. семья Горбатыхъ попала въ тяжелое положеніе· случившійся тогда набѣгъ татаръ стоилъ имъ много, такъ какъ Сильница, какъ многія другія села, подверглась ихъ разграбленію. Старикъ Данило Горбатый отправился на заработки въ Баръ, а сынъ его, Мат-

---

[1]) К. кн. стр. 118 и слѣд.

вій Горбачукъ, пока остался вмѣстѣ съ братомъ при семьѣ тетки своей, потомъ же ушелъ отъ нея искать заработка на сторонѣ. Прошелъ онъ будто бы Тульчинъ, с. Крыщиницы, г. Лодыжинъ, с. Грановъ, с. Липовецъ, с. Казанки, с. Дзюнково и наконецъ попалъ въ с. Балабановку, гдѣ нашелъ себѣ мѣсто будтобы у попа годовымъ парубкомъ, нанявшись за пять рублей въ годъ, за двѣ рубахи, одни штаны и двѣ пары чобитъ. Прослужилъ онъ уже будто бы тамъ съ недѣлю, какъ къ хозяину его пришелъ родной братъ его, чернецъ изъ монастыря Волошскаго за Днѣстромъ. Объ этомъ гостѣ узналъ-де балабановскій коммиссаръ, позвалъ его къ себѣ, распросилъ и, призначивши въ немъ бродягу, арестовалъ. Балабановскому попу не мало труда стоило вызволить брата. Въ это же будто время обратилъ коммиссаръ свое вниманіе и на Горбачука и тоже сталъ его распрашивать—и кто онъ, и откуда онъ, и хотя Горбачукъ пересказалъ ему все только что изложенное, однако коммиссаръ ни въ чемъ ему не повѣрилъ въ виду его безпаспортности. Чтобы вынудить у Горбачука признаніе во всемъ, онъ велѣлъ его высѣчь, но, не добившись никакого сознанія и послѣ сѣченія, отправилъ его въ Кодню. Тамъ новое сѣченіе дало иные результаты: Горбачукъ отказался отъ первыхъ показаній и разсказалъ, что послѣ татарскаго набѣга, какъ только и въ ихъ далекомъ селѣ пронеслась вѣсть про гайдамаковъ, онъ, Горбачукъ, вмѣстѣ съ Степаномъ Перебейносенкомъ и Иваномъ Ѳеодоровичемъ отправился въ Уманъ. Прійдя туда, они всѣ трое поступили въ ватагу Гонты и оставались съ ней до тѣхъ поръ, пока Кречетниковъ не захватилъ всѣхъ. Но тутъ ему, Горбачуку, и его товарищамъ посчастливилось: имъ удалось бѣжать изъ-подъ ареста. Въ время же своего пребыванія въ рядахъ Гонты они всѣ три дѣлали то же, что и другіе гайдамаки: убивали жидовъ, студентовъ коллегіума, и только будто бы шляхтичи не попадались имъ подъ руку. Грабили при этомъ исправно, и Горбачукъ съ точностію показалъ, сколько добылъ онъ рублей и всякаго добра. Тутъ были и „сукни небеснія“ отъ студентовъ, и „пасы червоные“, и „кунтуши гранатовые“, и наконецъ—кони. Довольные добытымъ, названные три молодца

вернулись въ Сильницу, и двое изъ нихъ разсчитывали не уходить оттуда, а Горбачукъ двинулся къ чужимъ людямъ на заработки. Работникомъ однако ему быть не довелось: его опять завлекли къ себѣ гайдамаки. Шелъ онъ однажды утромъ рано по направленію къ Животову черезъ лѣсъ или вѣрнѣе „чагарныкъ“ и вдругъ видитъ вышедшаго оттуда гайдамака, манящаго его къ себѣ. Какъ было не подойти!—и Горбачукъ подошелъ. Гайдамака провелъ его къ своимъ, которыхъ было всего четверо. Тутъ его почастовали горилкой и накормили рыбой, добытой при грабежѣ, показали и деньги свои, пообѣщавъ дать ихъ и ему, если онъ къ нимъ пристанетъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ—и Горбачукъ остался въ ватагѣ, являясь въ ней шестымъ; трое гайдамакъ были заграничные, а двое правобережные. Чтобы испытать новаго товарища, гайдамаки вырядили его на шпіонство въ Балабановку, давъ ему на дорогу шесть копѣекъ, хлѣба и рыбы. Въ Балабановкѣ Горбачукъ зашелъ къ попу, считая это безопаснымъ, но тамъ его тотчасъ признали за гайдамаку и отдали въ руки коммиссара. Затѣмъ послѣдовала отправка въ Кодню, гдѣ приговорили его къ обезглавленію.

Какъ видимъ, не въ убѣжденіяхъ была причина гайдамачества Горбачука и его товарищей: жажда наживы, корысть только и руководили этими людьми.

Еще больше, чѣмъ мелкихъ грабительскихъ шаекъ изъ среди мѣстныхъ людей, было въ интересующее насъ время отдѣльныхъ лицъ съ грабительскими инстинктами, размѣщавшихся по ватагамъ, и идейнымъ, и безъидейнымъ, или дѣйствовавшихъ въ одиночку. Нельзя, напримѣръ, причислить къ идейнымъ людямъ одного изъ упоминавшихся у насъ гайдамакъ изъ загона Ремезы Грыцка Безносенка [1]). Привлеченный въ гайдамачество увѣреніями Ремезы, что отъ польскаго суда легко будетъ укрыться переходомъ въ гетманщину и зачисленіемъ тамъ себя въ пикинеры, онъ не счелъ неблаговиднымъ принять участіе въ разграбленіи села Вербовца, въ которомъ самъ жилъ долго на

[1]) Кодн. кн. стр. 41.

слободахъ. Затѣмъ, уже послѣ того, какъ ватага Ремезы была разбита, и онъ, Безносенко, въ числѣ многихъ своихъ сотоварищей, спасся уходомъ въ гетманщину, уже послѣ всего этого онъ занимался, по заявленію вербовчанъ скотокрадствомъ и вообще всякимъ воровствомъ, и между прочимъ опять же въ Вербовцѣ. Конечно, кодненская коммиссія и такихъ присуждала къ обезглавленію.

Очень тяжелое впечатлѣніе производитъ и личность Василя Кучерины [1]), родомъ изъ с. Гунчи, что неподалеку Гранова. Кучерына этотъ, вмѣстѣ съ другими гайдамаками, въ с. Рашковкѣ грабилъ крестьянъ, забирая у нихъ полотна, намитки, ружья, деньги; деньгами старался онъ брать хоть по рублю съ человѣка. Не постѣснялся онъ и изъ церкви взять 15 рублей. Въ Коднѣ его тоже приговорили къ смертной казни.

Ужасенъ и извѣстный уже намъ гайдамака ватаги Бондаренка—Корній [2]), этотъ „hultaj z calego swiata rodem“, какъ его назвали въ кодненской коммиссіи. Человѣкъ вполнѣ безпріютный, онъ, какъ мы знаемъ, работалъ на поташныхъ заводахъ въ Полѣсіи, шатаясь изъ одного въ другой и воруя при случаѣ крестьянскія свитки, полушубки и проч. Завлеченный Бондаренкомъ въ ватагу, онъ былъ ему полезенъ, какъ грубая физическая сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря ему и подобнымъ ему удальцамъ, на бондаренковой ватагѣ лежитъ упрекъ въ крайней жестокости: тутъ, какъ мы видѣли, было и изнасилованіе женщинъ, и убиваніе жидовъ безъ разбора пола и возраста, и подговариваніе жиденка за пощаду отъ смерти убить собственную мать и т. д. и т. д. И на всемъ этомъ, судя по документу, лежитъ печать безсердечной злобы потеряннаго человѣка, какимъ и былъ Корній, которому въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ всѣ только что перечисленныя дѣянія.

И такихъ, какъ Корній, было, разумѣется, не мало среди рабочихъ на поташныхъ заводахъ; быть можетъ, конечно, не всѣ были такъ ожесточены своею бездомностью, какъ Корній,

---

[1]) К. кн. стр. 455.

[2]) К. кн. стр. 533.

но во всякомъ случаѣ большинству изъ нихъ терять было нечего, и они становились гайдамаками просто изъ-за желанія хоть временно пожить лучше, чѣмъ жилось на заводахъ. Не краше была жизнь и такъ называемыхъ винниковъ, т. е. рабочихъ на винокурняхъ—и мы ихъ также цѣлыми массами встрѣчаемъ въ рядахъ гайдамакъ. Нуждаясь въ численной силѣ, идейные гайдамаки часто являлись на винницы для вербовки этихъ людей. Такъ, мы знаемъ, что крестьянинъ изъ с. Балановки, Нечиталенко [1]), пріѣхавъ на Пасху на ярмарку въ Марковню, присоглашалъ между прочимъ въ гайдамачество винника Луцка Количенка и др. бывшихъ на ярмаркѣ. Кодненская же коммиссія, когда однажды довелось ей за случайное присвоеніе панскихъ коней судить одного винника, кинувъ ему подозрѣніе въ гайдамачествѣ, такъ опредѣлила роль винниковъ во время коліивщины [2]): „pod czas rzizaniny nic nie robili winniky, tylko lachow y żydow rzneli y rabowali“; далѣе выводилось наѣздническое заключеніе „to y ty musiales to czynic“.

Приставали подчасъ къ движенію и просто какіе-то потѣшники, къ которымъ вполнѣ пристала кличка гультаевъ, почему-то слишкомъ усердно раздаваемая тогда поляками направо и налѣво. Изъ такихъ потѣшниковъ особенно трудно объяснимы охотники вступать въ законный бракъ съ паннами, причемъ паннъ этихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перекрещивали въ православіе, какъ это устроилъ, напримѣръ, ватажокъ Никита Москаль, самъ женившійся на паннѣ Грабовской [3]), а въ нѣкоторыхъ оставляли ихъ католичками. Кромѣ поминанія о женитьбѣ Никиты Москаля, встрѣчаемъ мы въ Кодненской книгѣ еще поминаніе о женитьбѣ Луцка Полищенка [4]) изъ села Обозовки уманской; его женили гайдамаки на паннѣ Лажовской, и бракъ совершалъ православный попъ. Затѣмъ есть еще помѣтка о томъ, что крестьянинъ Васыль Котляренко упросилъ гайдамакъ помочь ему

---

[1]) К. кн. стр. 316.

[2]) К. кн. стр. 58.

[3]) К. кн. стр. 482, 429 и др.

[4]) К. кн. стр. 493.

жениться на паннѣ Студзинской [1]). Гайдамаки, чтобы исполнить его просьбу, должны были прибѣгнуть къ насилію. Такимъ только образомъ бракъ этотъ состоялся. За то и Васыль Котляренко потомъ усердствовалъ: онъ и дворъ панскій въ Юровкѣ грабилъ вмѣстѣ съ гайдамаками, и даже совершилъ святотатство, похитивъ 54 рубля изъ церковныхъ денегъ. Кодненская коммиссія обоихъ названныхъ гультаевъ приговорила къ обезглавленію.

Оглядываясь назадъ и мысленно переживая весь рядъ убійствъ, грабежей, насилій, тутъ перечисленныхъ, нельзя, конечно, не содрогаться и считать людьми мягкими даже лучшихъ изъ коліевъ, а затѣмъ нельзя также не видѣть, что коліивщина дала таки не мало жертвъ.

При такомъ признаніи однако жестокости коліевъ, стоитъ затѣмъ только припомнить Кодню со всѣми пересказанными ужасами ея—и приведенное у насъ въ началѣ главы заключеніе польскихъ мемуаристовъ о крайней лютости народнаго малорусскаго характера перестаетъ идти въ счетъ, какъ заключеніе, продиктованное національной ненавистью, заставляющей забывать, что во всякой борьбѣ, а особенно въ борьбѣ народныхъ недисциплинированныхъ силъ, звѣрство неизбѣжно гораздо болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если борцами или карателями являются государства. Въ виду этого послѣдняго этическаго факта смѣлыя рѣшенія вопросовъ народной этики польскими мемуаристами обратились бы прямо во вредъ имъ и ихъ народа, если бы столь сложныя заключенія, какъ заключенія о присущей народамъ лютости и мягкости, могли быть дѣлаемы послѣ наблюденій, сравнительно незначительныхъ.

Далѣе, что до другой половины нашего признанія—о громадности жертвъ, закланныхъ въ 1768 году, то оно никоимъ образомъ не должно устранять отъ вниманія того обстоятельства, что коліивщина не хмельнищина, и что, какъ ни краснорѣчивы описанія уманской рѣзни у польскихъ мемуаристовъ, и какъ ни ужасны многія сцены, нами приведенныя, все же исторія хмель-

---

[1]) К. кн. стр. 538.

нищины всегда дасть рядъ болѣе ужасныхъ картинъ, и притомъ завзятые козаки Хмельницкаго всегда будутъ затмевать, и качественно, и количественно, сравнительно вялыхъ и неувѣренныхъ въ своемъ дѣлѣ коліевъ. Быть можетъ, повтореніе этой несомнѣнной истины излишне именно въ виду ходячихъ представленій, будто коліивщина—одно изъ самыхъ ужасныхъ и значительныхъ возстаній южно-русскаго народа.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИЛЛІОНЕРЪ.

КАРТИНКА ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ ЖИЗНИ.

Яць (Яковъ) Зелепуга былъ мужикъ изъ рукъ вонъ плохой. Кому приходилось лѣтъ 30 тому назадъ проходить черезъ Бориславль, тотъ навѣрно могъ услышать въ кабакѣ или возлѣ кабака пьяный, охрипшій голосъ, выводящій одну и ту же меланхолическую пѣсню:

Ой не жалуй, моя мыла,
Що я пью,
Тогды будешъ жалуваты,
Якъ я вмру.

Любопытный могъ всегда увидѣть и самого пѣвца, или сидящимъ съ опущенною головою въ кабакѣ за столомъ и ударяющимъ кулакомъ по столу въ тактъ своей пѣсни, или идущимъ невѣрными шагами по улицѣ, нерѣдко прерывая свою пѣсню короткими монологами, въ родѣ слѣдующаго:

— Проклятые пархи, жиды! знаю я, знаю, чего вамъ хочется! Але го, го! Не дождетесь! Яць Зелепуга — не мягкій хлѣбъ, чтобы лѣпить изъ него кониковъ!.

Остановится на минуту, и широко разставивши ноги, чтобы удержать равновѣсіе, снова затянетъ охрипшимъ голосомъ: „Ой не жалуй моя мыла“... но тутъ же оборветъ.

— Эге, не жалуй! То то и есть, что некому уже и жаловать. Пошла моя милая къ пану Богу, а мнѣ теперь все одно. Немного тамъ осталось достатку, такъ на бѣса онъ мнѣ. Кому оставлю свои заработки? Своего роду нѣтъ, а женинъ

родъ—ге, ге! не дождетесь, богачи, попользоваться моимъ скарбомъ. Лучше пропущу черезъ горло все—и скотъ, и хозяйство, и землю! Пускай пропадаетъ, пускай не будетъ вашимъ! *Ой, бо то вы намъ залылы сала за шкуру, богачи—клапачи!*

Снова оборветъ и затянетъ пѣсенку, размахивая кулаками:

Еденъ богачъ у другого
Тай пытаеся,
За що тая голотонька
Напиваеся?
Ой най тоби, богачыку,
Въ очахъ не стае,
Що голота гирько робыть,
Та солодко пье!.

Плохой былъ мужикъ Яць Зелепуга! Правда, пока жива была его жена, онъ велъ себя примѣрно. Хоть у него было всего шесть морговъ (ок. 2½ десятинъ), но хлѣба онъ ни у кого не занималъ. Было ихъ двое,—что заработаютъ, то и есть. Жили они бережливо, спокойно, работали на своей землѣ и сосѣди ихъ уважали. Дѣтей у нихъ было много, но всѣ умерли; послѣдняя дочь умерла восемнадцати лѣтъ. Смерть этой дочери была первымъ ударомъ, обрушившимся на счастливую до сихъ поръ жизнь Зелепуги. Жена его была изъ богатаго дома въ Бориславлѣ; у нея было три брата—богатые хозяева. Своему мужу она принесла въ приданое другіе шесть морговъ, граничившихъ съ его землей. Но по смерти послѣдней дочери Зелепуги, шурины—богачи начали требовать назадъ свою „родовую" землю.

— Зачѣмъ вамъ?—говорили они ласково,—вы оба уже стары, дѣтей у васъ нѣтъ, доживете свой вѣкъ и на тѣхъ шести моргахъ, что вамъ останутся, а у насъ у каждаго много дѣтей.

Послушалась Евка, подписала несчастную дарственную запись. Братья, получивши „батьковщину", немедленно продали ее евреямъ для разработки нефти. Такой поступокъ глубоко оскорбилъ обоихъ Зелепугъ.

— Какъ же, панове-швагрове,—говорилъ имъ Яць, встрѣтивши ихъ въ кабакѣ.—Развѣ по божески и по людски можно

дѣлать такъ, какъ вы сдѣлали съ нами? Развѣ мы на то отдали вамъ часть своей батьковщины, чтобы на ней жиды ямы копали, а вамъ чтобы было на что пьянствовать?

— Иди, старый дурню!—огрызнулся одинъ изъ нихъ.— Вы намъ уступили при людяхъ, а для чего уступили—о томъ не было и рѣчи. А разъ вы уступили—поле наше, а разъ оно наше—мы вольны дѣлать съ нимъ, что хотимъ.

— Неправда!—отрѣзалъ Яць.—Мы только для того вамъ уступили, чтобы вашимъ дѣтямъ было гдѣ поселиться. Продать жидамъ—не велика штука, это каждый съумѣетъ.

— Видно, что не каждый,—сказалъ, смѣясь, другой шуринъ,— если вы не съумѣли, а только мы.

— Смѣйтесь себѣ, смѣйтесь, а я даромъ этого не пропущу.

— А что же ты сдѣлаешь?

— Я уже знаю, что сдѣлать; только не знаю, сладко ли вамъ это будетъ?

— Иди, старый, иди *не робы зъ себе дурня,*—сказалъ третій шуринъ, фамильярно ударивъ его по плечу.—Лучше сядь съ нами да выпей *по пивкватырци*, а *що зъ воза упало, то пропало.*

— Сѣсть то я сяду,—гнѣвно отвѣтилъ Яць,—и выпить—выпью, а отъ правды не отступлю. Созову людей, *свидковъ,* пускай они разсудятъ, справедливо ли ваше дѣло.

— Ну что жъ, зови, пускай судятъ!—сказалъ старшій.— Только заранѣе тебѣ говоримъ, что намъ наплевать на этотъ судъ. Ну что намъ сдѣлаютъ? Или, можетъ быть, они сами сложатся и выкупятъ у жидовъ землю?

Правду сказать, Яць Зелепуга о землѣ и не думалъ. Его оскорбляла только „неправда“ и хитрость шуриновъ. Онъ хотѣлъ только показать неправду передъ людьми и свидѣтелями, но выйдетъ ли изъ того какой прокъ—онъ не заботился. Поэтому слова шурина поразили его, какъ ударъ грома. Онъ пошатнулся и окинулъ всѣхъ трехъ подозрительнымъ взглядомъ.

— А, вотъ оно какъ! плюете на людей, на громаду! *А Юды якисъ! А плювавъ бы на васъ свитъ увесь!* Батьковскую землю жидамъ продали и смѣются! *А щобъ васъ та земленька свята по смерти зъ гробивъ повыкидала!*

Слово за слово, и между Яцемъ и шуринами дѣло дошло до драки, въ которой тѣ такъ избили стараго Зелепугу, что дѣйствительно пришлось звать свидѣтелей и бабъ-шептухъ. Съ плачемъ и проклятьями жена Яця бросилась къ золовкамъ, чтобы взбунтовать ихъ противъ мужей. Тѣ приняли ея сторону, такъ какъ несчастная земля была причиной, почему ихъ мужья не выходили изъ кабака. Началась настоящая семейная война со всѣми извѣстными послѣдствіями: бранью, проклятіями и постоянными драками. Нечего и говорить, что женамъ въ этомъ случаѣ доставалось больше. Досталось и мужьямъ. Одна изъ женъ въ припадкѣ злости ошпарила своему мужу ноги кипяткомъ и онъ два мѣсяца не могъ встать съ постели. Это было къ лучшему, потому что ей удалось спасти хоть часть денегъ за проданную евреямъ землю. Другой посчастливилось на половину: когда мужъ былъ трезвъ, то билъ жену, если же онъ былъ пьянъ, то жена властвовала надъ нимъ, и на потѣху жидамъ таскала его за волосы изъ кабака домой, приговаривая при этомъ назидательныя рѣчи, сопровождаемыя для большей убѣдительности ударами кулака въ спину и въ голову. У третьяго шурина дѣло было хуже всѣхъ; тамъ былъ чистый адъ: жена съ мужемъ такъ разодрались, что она бѣжала отъ него на службу, а дѣтей раздала сосѣдямъ. Мужъ же въ два года пропилъ все хозяйство, скотъ, землю и нанялся копать ямы у того самаго жида, которому продалъ землю Яця. Что происходило между братомъ и сестрой страшно вспомнить. Выйдетъ бывало братъ рано на работу, уже подпившій, въ грязной *полотнянкѣ*, съ лицемъ чернымъ, какъ земля, сгорбленный и приниженный, а сестра выглянетъ изъ окна, выбѣжитъ на дворъ, да какъ начнетъ плакать и проклинать — Господи Боже! И брата ей жаль, хоть и дурно обошелся онъ съ нею, и батьковщины жаль,—сама не знаетъ на кого плакаться, на кого призывать Божье проклятіе.

— А волила бъ я, братчику мій, бачыты, щобъ тебе самого въ сю землю закопувалы, нижъ маешъ ты еи ту рыты, та копаты для нехристивъ! Ну копли, враже, копли, може тамъ докоплешься кисточокъ небижчыкивъ тата да дида. Прыдывысь

имъ добре, бо певно, обидва на другій бикъ въ гроби поперевертались, чуючы якъ вы ихъ памъять, ихъ землю криваву шануете. А не забудь тамъ сказаты небижчыкамъ, въ якихъ ты теперъ гонорахъ у пана жыда пробуваешъ, якъ спышъ пидъ жыдивскою лавою, исы разомъ зъ жыдивськимы собакамы, и якъ жыдивськи бахури коло коршми на тоби, якъ на кони, издять для забавы! Скажы имъ се, скажы!

А потомъ заломитъ руки надъ головой, да какъ заплачетъ, будто по покойникѣ.

— Братику мій, соколыку сызый! Чы я тебе не любыла, чы я жъ коло тебе непрыпадала, ще якъ ты маленькый бувъ, якъ мы, мовъ овесъ дрибны, безъ мамы осталыся? Чы жъ я мало ночей не спала, тебе доглядаючы, якъ ты занедужавъ? Чы думала жъ я, нещаслыва, що намы така лыха доля кыне, що буду на тебе кары Божои просыты? Не дай Боже легко сконаты тымъ, що тебе на таку дорогу навелы, що тебе оттакъ на дывовыще, на публику людську пустылы!

Проклятія братъ слушалъ молча, согнувшись, будто волъ, покорно принимающій удары, сыплющіеся на его спину. Но воспоминанія о дѣтскихъ годахъ терзали его душу, сжимали его сердце, жгли его хуже огня. Однажды, выпивши болѣе обыкновеннаго, онъ не выдержалъ и съ крикомъ „а не будешъ ты тыхо, видьмо?“ кинулъ въ сестру *каминцемъ.* Самъ онъ потомъ доказывалъ, что этотъ камень былъ не больше кулака, но видно онъ былъ побольше, такъ какъ сестра не только замолчала, но съ глухимъ стономъ упала на землю. На этотъ стонъ выбѣжалъ изъ дома Яць и поднялъ жену. Одинъ глазъ былъ выбитъ, а на лбу зіяла рана, отъ лѣвой брови до самыхъ волосъ. Евка больше не кричала, не стонала, а только постоянно теряла сознаніе. Полумертвой повезли ее въ Дрогобичъ. Оказалось, что не только лѣвый глазъ выбитъ, но и лобная кость проломлена. Промучившись нѣсколько дней, Евка умерла, а брата взяли подъ судъ. Тамъ онъ и умеръ, не дождавшись окончанія слѣдствія.

Съ тѣхъ поръ Яць Зелепуга началъ пить до самозабвенія. Опротивѣла ему изба, хозяйство, опротивѣли люди. На совѣтъ

женщинъ жениться еще разъ онъ только махалъ рукой, какъ бы желая навсегда отогнать отъ себя эту мысль. Мало по малу дошло до того, что осьмушка стала единственнымъ на свѣтѣ предметомъ, имѣющимъ для него интересъ.

Два года минуло послѣ смерти жены Яця. Зелепуга сталъ неузнаваемъ. Хозяйство было заброшено, скотъ забралъ жидъ за водку, хлѣбъ давно былъ проданъ, плетни обломаны, и большая часть посуды перешла также въ кабакъ. Только на ночь Яць приходилъ домой, а цѣлый день просиживалъ въ кабакѣ. Хотя онъ пилъ мало, но для его ослабленнаго организма достаточно было двухъ-трехъ рюмокъ, чтобы свалить его съ ногъ. Ѣлъ онъ очень мало. И только ненависть къ богачамъ постоянно росла въ его душѣ; хоть, правду сказать, эти богачи съ каждымъ днемъ теряли землю, уступая ее евреямъ, которые толпами нахлынули въ Бориславль, прельщенные быстрымъ обогащеніемъ на нефтяныхъ копяхъ.

Иногда, въ минуту трезвости, Яць Зелепуга ясно видѣлъ, къ чему все это ведетъ. Набросивши гуню, въ барашковой шапкѣ на головѣ, съ засунутой за пазуху рукой, шелъ онъ медленнымъ шагомъ по бориславской улицѣ, бросая кругомъ неспокойные взгляды и сплевывая отъ времени до времени, какъ бы отъ мучившей его жажды.

— Боже мой, что тутъ дѣлается!—шепталъ онъ.—Праведная кара Божія на наше село! Ну глядите, глядите, сколько тутъ той погани налѣзло, какъ мурашекъ! У Пилипа Буняка пять ямъ копаютъ, у Матія—четыре, у моего премудраго шурина уже полъ-грунта купили, передъ самыми его окнами цѣлую гору глины накидали! И тамъ, и тамъ, и тамъ! Всюду копаютъ, роютъ, черпаютъ ту проклятую *кипячку, щобъ имъ ще горломъ лылася.*

На землѣ, которую его жена уступила братьямъ и которую тѣ перепродали жидамъ, было уже десять нефтяныхъ ямъ: нѣкоторыя 5—6 саженей глубины, другія по 20 и 25. Еврей, купившій эту землю за безцѣнокъ, былъ уже богачемъ—пайщикомъ первой бориславской дистиллярни и обладателемъ еще двадцати новыхъ ямъ. Это вѣрно, что на землѣ покойной жены Яця ему

наиболѣе посчастливилось. Въ другихъ мѣстахъ, также купленныхъ за безцѣнокъ, ямы были глубиной 15—20 саженъ, а *ропы* еще не показывалось. Двѣ ямы въ 25 саженъ надо было совсѣмъ забросить, такъ какъ наверхъ вышла масса воды. Земля Яця была золотымъ руномъ для Мендля Шехтера, а потому неудивительно, что Мендель давно острилъ зубы и на прилежащій грунтъ Яця. Не разъ уже зондировалъ онъ Яця, не продастъ ли тотъ своей земли, но Яць и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Да и некогда было. Яць цѣлый день пилъ и опохмѣлялся, а пока было на что пить, не имѣлъ надобности продавать землю.

Но теперь дѣла измѣнились. Яць все пропилъ и бралъ у жида въ долгъ. По соображеніямъ Мендля какъ разъ было время начать *гешефтъ*, тѣмъ болѣе, что Яць рѣже сталъ появляться въ кабакѣ, больше ѣлъ и ходилъ по селу задумчивый и печальный.

— Добрый день вамъ, пане Яцентій!—сказалъ однажды Мендель, приближаясь къ Яцю, стоявшему посреди двора въ раздумьи, съ палкой въ рукѣ.

— А, добрый день!—отвѣчалъ Яць, не глядя на еврея.

— Ну, что дѣлаете?—спрашивалъ жидъ.

— А что-жъ? Дышу.

— Ну всѣ мы, слава Богу, дышемъ; это еще не работа,— возразилъ, усмѣхаясь, жидъ.—Я спрашиваю, что вы думаете съ грунтомъ дѣлать?

— Съ грунтомъ? А чтоже мнѣ съ нимъ дѣлать? Пускай лежитъ. Грунтъ ѣсть не проситъ.

— Правда то правда, что грунтъ ѣсть не проситъ, но вамъ, пане Яцентій, ѣсть и пить нужно.

Яць вытаращилъ глаза на жида и нехотя сказалъ.

— Это уже мое дѣло! Къ вамъ просить не пойду.

— Ну, пане Яцентій,—кротко отвѣтилъ жидъ.—Развѣ я про то говорю. Я говорю, что зачѣмъ грунту лежать, чего вы съ нимъ дождетесь? Дѣла по горло, а хлѣба такъ и не будетъ. Я вамъ заплачу по людски, станетъ на вашъ старый вѣкъ.

— Гм... А сколько же вы дадите?

— А сколько у васъ всей земли?

— Безъ того, что подъ хатою и подворьемъ шесть морговъ.

— Ну, то я вамъ дамъ за все триста римскихъ [1]).

— А это почемъ же за моргъ?

— По пятидесяти. Развѣ это мало? Людская цѣна, *бигме*, людская цѣна.

— А сколько бы вы, Мендлю, хотѣли за тѣ два морга, что купили у моихъ шуриновъ, здѣсь вотъ сейчасъ, о межу съ моею?

— Гм...—усмѣхнулся Мендель,—я того поля не продаю.

— А, конечно, потому что вы на немъ кладъ выкопали. Хоть и смердитъ, а все таки золото. Ну, а кто же мнѣ поручится, что и у меня его нѣтъ?

— Ну, Яцю, что вы за человѣкъ!—сказалъ Мендель.—Вы думаете, что я покупалъ бы вашъ грунтъ, если бы зналъ, что въ немъ ничего нѣтъ? Или вы думаете, что мнѣ ничего лучшаго не остается дѣлать, какъ сѣять овесъ на вашихъ пустыряхъ?

— Богъ заплатитъ вамъ за *щырисmь*, пане Мендель,—отвѣтилъ на это Яць. А коли Богъ и вправду и въ мою землю вложилъ, то какой же я былъ бы дурень, если бы его такъ даромъ изъ рукъ выпустилъ?

— Какъ это даромъ? А пятьдесятъ римскихъ развѣ не гроши?

— Нѣтъ, Мендлю, то собачіе гроши.

— Го, го, kück ihm un, *якій мени панъ*!—вскрикнулъ обиженный Мендель.—Идите и найдите ихъ на дорогѣ, коли это собачіе гроши!

— Ну, на дорогѣ не буду искать, сами ко мнѣ придутъ,—сказалъ Яць и направился къ своей хатѣ.

— Пане Яцентій! — звалъ его Мендель, — пане Яцентій, подождите!

— А что тамъ такое?—спросилъ Яць, останавливаясь.

— Знаете, что я вамъ скажу?—говорилъ Мендель, снова приближаясь къ нему.—Я вамъ дамъ по 80 римскихъ за моргъ.

— Э, *пусте ваше балаканне*,—отвѣтилъ Яць и махнулъ рукой. — Зачѣмъ я буду отдавать вамъ за 80, коли другіе и по 100 даютъ?

---

[1]) Рейнскій, гульденъ.

— По сто римскихъ за моргъ!—вскрикнулъ Мендель.— Бойтесь Бога, Яцю, кто вамъ дастъ по сто римскихъ?

— То уже мое дѣло, кто дастъ. Только вы себѣ не думайте, что старый Яць потерялъ разумъ, и не знаетъ, что дѣлать. Дурень то, я дурень, признаюсь, да кое что знаю и *зъ кашею зъисты ся не дамъ*!

— Ну, пане Яцентій, что вы обо мнѣ думаете, чтобъ я васъ хотѣлъ *зъ кашею исты*! Я только спрашиваю, кто вамъ дастъ по сту римскихъ за моргъ грунту?

Яць долго смотрѣлъ Мендлю въ глаза, потомъ отвернулся, плюнулъ и, не говоря ни слова, пошелъ домой.

— A dummer Goj!—бурчалъ Мендель послѣ его ухода.— Думаетъ, что меня *на полову злбвыть*! Сто римскихъ! Подождешь ты еще, пока я дамъ тебѣ сто римскихъ за моргъ.

Но долго ждать Яцю не пришлось. Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора одна изъ ямъ Мендля была залита водой, а другую засыпало землей вмѣстѣ съ тремя рабочими. Мендель понесъ большіе убытки, а къ тому же еще долженъ былъ заплатить коммиссіи, чтобы она признала, что смерть рабочихъ была слѣдствіемъ ихъ собственной неосторожности. Потери были значительныя; менѣе богатый потерпѣлъ бы полное разореніе. Единственною надеждою Мендля были нефтяные источники въ усадьбѣ Яця. Пріобрѣтеніе земли у Яця было еще желательнѣе Мендлю потому, что большой наплывъ купцовъ поднялъ цѣну на землю и 100 римскихъ за моргъ не было рѣдкостью. Не прошло и недѣли, какъ Мендель, захвативши бутылку крѣпкой водки, направился къ жилищу Яця Зелепуги. Хозяинъ былъ дома и починялъ деревянный ушатъ.

— Дай Боже добрый день!—сказалъ Мендель, приподнимая шляпу.

— Дай Господи!—отвѣтилъ Яць.

— Щасты Бигъ при роботи!—добавилъ Мендель.

— Дай Боже! Дякую за слово добре.

Мендель сѣлъ на скамью и осмотрѣлся.

Въ хатѣ было пусто и мрачно. Голыя стѣны, пустыя полки, печь давно не топлена, а въ ней валяются черепки. Страшная пустота.

— Не хорошо у васъ тутъ, пане Яцентій,—сказалъ жидъ, съ минуту помолчавши,—погано такъ на старости жить.

— Можетъ, Богъ дастъ, что когда нибудь и у насъ лучше будетъ,—отвѣтилъ Яць, сердито стуча обухомъ по обручамъ ушата.

— Дай Боже! Дай Боже! А что это вы дѣлаете?

— А вотъ цебречишко испортился, такъ поправляю.

— Зачѣмъ вамъ тотъ цеберъ? Вы же свиней не держите?

— А можетъ и буду держать. Все лучше, коли цеберъ будетъ исправный. Денегъ стоитъ.

Жидъ снова замолчалъ, пряча бутылку подъ полой халата и не имѣя какъ то храбрости прямо приступить къ дѣлу.

— Что это значитъ, пане Яцентій,—сказалъ онъ, минуту спустя,—Мошко изъ корчмы жаловался мнѣ, что вы уже съ недѣлю не бываете у него.

— А зачѣмъ мнѣ бывать? Пить не хочется, а денегъ, что я ему долженъ, еще нѣтъ.

— А борони Боже—вскрикнулъ съ притворнымъ удивленіемъ Мендель.—Развѣ онъ у васъ домогается денегъ! Не деньги хочетъ онъ видѣть, а васъ.

— Богъ заплатитъ ему за его доброту,—сказалъ Яць,—а я далъ зарокъ, что безъ денегъ больше къ нему не пойду. Хоть онъ и не вспоминаетъ, да, сами знаете, *довгъ довгій, а виддай короткій.*

— Фи, пане Яцентій, что то за долгъ? Пятнадцать римскихъ! Стоитъ о томъ говорить! Ну, а знаете что? Что мы будемъ такъ на сухо болтать? На то Богъ человѣку горло далъ, чтобъ его почаще промачивать. Поищите тамъ какой стклянки или рюмки! И съ послѣдними словами Мендель вынулъ бутылку и поставилъ на столѣ. Глаза Яця засвѣтились огонькомъ при видѣ водки, и даже топоръ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ уже приготовился встать и искать стаканчикъ, но какая то сила остановила его. Тяжело ему было побороть страсть къ драгоцѣнному напитку; голова у него кружилась и руки начали дрожать. Но все таки онъ не всталъ съ мѣста.

— Богъ заплатитъ вамъ, пане Мендлю, за вашу добрую волю,—благодарилъ Яць надтреснутымъ голосомъ,—но я не знаю,

зачѣмъ мы будемъ могорычъ пить. А такъ, *на кота въ мишку* не годится пить.

— У, у, что вы за человѣкъ, что и не приступай къ вамъ!—вскричалъ Мендель.—Ну, а коли безъ всякаго интереса, а такъ только къ доброму сосѣду съ *почесным* прихожу?

— Ну это вы кому другому разсказывайте, а не мнѣ,—сказалъ Яць.—Жидъ безъ интересу ни шагу не сдѣлаетъ.

— Что за интересъ,—сказалъ Мендель.—У меня одинъ интересъ, знаете какой? Сторгуемся за землю?

— Трудно будетъ! коротко отрѣзалъ Яць.

— А сохрани Боже! Зачѣмъ же трудно? При Божьей помощи все можетъ быть легко.

— Почемъ даете за моргъ?

— Ну? Что вы спрашиваете? Вы знаете мое слово: 80 папирковъ [1]).

— Э, коли такъ, то нечего и разговаривать. И за сто не отдамъ!

— Охъ, какъ вы скоро въ гору ростете? Кто бы подумалъ, что у васъ въ скрынѣ Богъ знаетъ какіе *маетки-статки*, что такъ дорожитесь.

— Въ скрынѣ, не въ скрынѣ,—отвѣтилъ Яць,—а въ той самой землѣ навѣрно *статки-маетки*. Что жъ мнѣ ихъ вамъ за даромъ отдать?

— А конечно,—съ насмѣшкой процѣдилъ жидъ,—на что отдавать такія богатства? Лучше пойти и самому забрать.

— А вы думали какъ? Копаете же вы, отчего бы и мнѣ не копать?

Жида взорвало при этихъ словахъ и онъ съ удивленіемъ вытаращилъ глаза на изнуреннаго, несчастнаго мужика.

— Что? Что вы говорите?

Яць спокойно посмотрѣлъ на жида и добавилъ, усмѣхаясь:

— Васъ вѣрно что то укололо, пане Мендель, что вы такъ вскочили? А то, что я говорю—глупая болтовня, правда?

— Конечно, что глупая болтовня, — убѣжденно сказалъ Мендель.—Вы думаете, что это такъ легко: пить и брать изъ

[1]) *Папирокъ*—гульденъ.

земли даръ Божій? Ага! Не знаете вы, чего это стоитъ! За копанье плати, а еще найдется ли въ землѣ что нибудь или нѣтъ? Вотъ у меня уже три закопа вода залила, а знаете, что каждый закопъ стоилъ мнѣ не меньше ста римскихъ? Ну, а откуда вы столько денегъ добудете? А хоть и добудете, не по вашей головѣ такое дѣло, *бигме*, не по вашей головѣ!

— А то уже какъ Богъ дастъ, увидимъ,—сказалъ Яцъ.— И вы не всѣ же разумы съѣли, можетъ тамъ что нибудь и для насъ осталось. Попробуемъ.

Мендель все съ большимъ безпокойствомъ посматривалъ на Яця.

— Что, неужели вы это вправду, пане Яцентій, не шутите?

— Развѣ я знаю?—отвѣтилъ печально мужикъ.—Можетъ и шучу.

— Ну, а какъ же будетъ съ грунтомъ? Продаете?

— Коли сойдемся въ цѣнѣ, то и продамъ.

— А какая ваша цѣна?

— А, видите ли, [illegible]ъ. У меня шесть морговъ. Два здѣсь, возлѣ хаты, а четыре тамъ дальше, *на Волянци*. Эти четыре я готовъ вамъ продать по 150 римскихъ за моргъ.

— Тѣ четыре! А на какого бѣса мнѣ тѣ четыре? Вѣдь *на Волянци* никто не копаетъ?

— А кто знаетъ, можетъ и тамъ кладъ лежитъ?

— Э, я на „кто знаетъ" не покупаю. Ну, а тѣ два почемъ?

— Тѣхъ двухъ не продаю. Тѣ два для себя удержу.

— Какъ? Для себя? А вамъ они на что?

— Это уже мое дѣло.

— Да ну, пане Яцентій, не шутите. Что хотите за эти два морга?

— Нѣтъ, сторгуемся за тѣ четыре.

— Зачѣмъ мнѣ тѣ четыре? *Пустопашь, бодячье*, что я съ ними сдѣлаю? За тѣ два дамъ по сто римскихъ.

— За тѣ четыре возьму, только съ васъ, по 140,—сказалъ Яць съ истинно мужицкимъ упорствомъ,—а о тѣхъ двухъ и говорить *шкода*.

— Ну, жди же, дурню, чорта лысаго, что тебѣ за тѣ дастъ по 140!—крикнулъ, остервенясь, Мендель, схватилъ свою

водку и выбѣжалъ на дворъ. Мужикъ спокойно продолжалъ набивать обручи. Но черезъ минуту Мендель, успокоившись, снова вернулся.

— Ну, пане Яцентій, съ вами говорить, то нужно сперва гороху наѣсться. Говорите правду: почемъ хотите за тѣ два морга?

— За тѣ четыре по 140, а тѣхъ двухъ теперь еще и не продамъ.

— А когда же продадите?

— Этого я еще и самъ не знаю. Когда дойдутъ до свой цѣны.

— А когда же они дойдутъ до своей цѣны?

— Развѣ я знаю? Увидимъ.

— Это послѣднее ваше слово?

— Послѣднее.

Мендель удалился, проклиная въ душѣ несговорчиваго мужика. А Зелепуга не на шутку задумалъ помѣряться съ жидами. Въ его старой, непривычной къ мышленію головѣ зародился неясный планъ. Какъ сдѣлать это—онъ не зналъ, но рѣшеніе было принято. „Ну чтожь, буду копать одинъ, и конецъ“—думалъ онъ сначала, но скоро убѣдился, что одному копать невозможно. При одной шахтѣ необходимо не менѣе трехъ человѣкъ. Довольно нанять двухъ. Да гдѣ взять денегъ? У него нѣтъ ни денегъ, ни хлѣба, ни скота, нечего было и продать, кромѣ земли. А внутренній голосъ постоянно шепталъ ему: „Берись за работу! Богъ вложилъ тебѣ кладъ въ землю, грѣхъ имъ пренебречь!“ А зачѣмъ ему, старому, дряхлому, такое богатство—онъ не думалъ. По временамъ въ его воображеніи рисовались заманчивыя картины, въ родѣ: „церковь выстрою, хорошую, каменную, каплицу поставлю надъ жинкою, дамъ *на Боже*, пускай Богъ будетъ милостивъ къ моей душѣ“—дальше этихъ набожныхъ мечтаній мысль его не шла.

Визитъ Менделя показалъ ему, что дѣло съ этимъ богатствомъ вѣрное и натолкнулъ его мысли на практическій путь. Нѣсколько часовъ просидѣлъ онъ дома за починкой ведра, все размышляя, съ чего начать? Потомъ всталъ и пошелъ въ село. Пока что будетъ, а онъ рѣшилъ примириться съ оставшимися двумя шуринами. Когда онъ вошелъ въ хату одного изъ нихъ, гдѣ онъ не былъ уже пять лѣтъ, его поразила мысль:

— Что, я одурѣлъ или совсѣмъ ослѣпъ, что могъ считать его богачемъ?

Правда, хата была просторна и хорошо построена, но совсѣмъ запущена. Подъ навѣсомъ нѣтъ хозяйственныхъ принадлежностей, въ обширныхъ сѣняхъ нѣтъ закромовъ съ хлѣбомъ, комора отворена настежь, въ ней нѣтъ ни сундуковъ, наполненныхъ всякимъ добромъ, ни кожуховъ на жерди, ни подушекъ на постели, ничего нѣтъ. Вдобавокъ Зелепуга засталъ въ избѣ цѣлый содомъ: жена шурина плакала, дѣти пищали.

— Что у васъ такое, кумо?—спросилъ онъ послѣ перваго привѣтствія, садясь на грязной скамьѣ. Невѣстка взглянула на него заплаканными глазами и, отворачиваясь, отвѣтила:

— А вамъ что до этого? Какое васъ лихо принесло?

— Богъ съ вами, кумо — швагрова, — сказалъ Яць. — Не лихо меня сюда принесло. Вѣдь мы же свои. Грѣхъ намъ *цуратысь* однимъ другихъ. Я пришелъ васъ провѣдать, посовѣтоваться...

— Ага, можетъ опять хотите моему какой кусокъ земли уступить. Пускай васъ Господь тяжко покараетъ за это благодѣяніе, что вы ему сдѣлали.

И бѣдная женщина заломила руки и залилась горькими слезами. Дѣти тоже заплакали.

— Бойтесь Бога, кумо! развѣ я виноватъ въ томъ, что вашъ мужъ обманулъ мою покойницу, выманилъ у нея батьковщину, а потомъ продалъ жидамъ?

— Пускай васъ всѣхъ, всѣхъ Богъ тяжко покараетъ за мои слезы, за мою нужду, за мое горькое житье! Въ чемъ виновата передъ вами я, въ чемъ виноваты бѣдные дѣти, что должны погибать изъ-за того проклятаго пьяницы?

— Что же такое случилось? Что онъ сдѣлалъ?—допрашивалъ Яць, мало обиженный ея проклятіями, въ которыхъ видѣлъ только слѣдствіе раздраженія.

— Продалъ, чортъ, продалъ уже и остатокъ грунту жидамъ. Продалъ и не знаю за сколько. Уже другую недѣлю пьянствуетъ гдѣ то въ Дрогобычи, чтобъ ему тамъ и голову сложить! Ой, доля жъ моя несчастная! Сама, бѣдная, не знаю,

что съ собою дѣлать. Уже жидъ съ войтомъ и присяжнымъ забрали грунтъ, начали копать ямы, а его нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Вотъ такъ!—подумалъ Яцъ,—вотъ такъ на богача наскочилъ! Тутъ, видно, еще большая бѣда, чѣмъ у меня.

И, обращаясь къ плачущей женщинѣ, онъ сталъ утѣшать ее, какъ могъ.

— Не плачьте, кумо, успокойтесь, какъ нибудь обойдется. *Може Богъ ще къ добру оберне.*

— Скорше васъ усихъ до горы ногами оберне, що дай Боже, аминь!—снова вскрикнула несчастная мать и, обращаясь къ плачущимъ дѣтямъ, стала причитывать по нимъ, какъ по умершимъ:

— Сиротки мои, дѣточки малые! Далъ вамъ Богъ отца поганина, что о васъ не думаетъ, запродалъ чорту душу, а жидамъ землицу. Гдѣ же вы теперь дѣнетесь? Кто васъ выкормитъ и въ люди выведетъ?

— Ну, тутъ я ничего не подѣлаю: ни совѣты мои, ни утѣшенья тутъ не у мѣста, подумалъ Яцъ и незамѣтно вышелъ.

— Что имъ изъ моихъ утѣшеній,—думалъ онъ дорогой,— тутъ нужна помощь, а не утѣшенія. Вотъ если бы мнѣ докопаться *кипячки* на моемъ полѣ, ну тогда бы всѣхъ ихъ можно было бы пріютить. Правда, шуринъ съ нами худо обошелся, но его жена и дѣти нисколько не виноваты. Нѣтъ, надо думать, надо искать помощи, можетъ быть Господь милосердый смилуется надъ нами.

Въ грязной, запущенной хатѣ невѣстки Яцъ неожиданно для себя нашелъ цѣль своихъ надеждъ и стремленій. Природное богатство, скрытое въ его землѣ, увеличилось въ нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ Яцъ созналъ, что оно не столько необходимо для постройки церквей и покупки церковныхъ принадлежностей, какъ для спасенія бѣдной погибающей семьи.

Все это крѣпкимъ узломъ связалось въ его доброй душѣ. Съ тѣхъ поръ какъ выяснилась для него цѣль жизни, онъ окрѣпъ духомъ, и какъ будто помолодѣвши на десять лѣтъ, направился къ жилищу другого шурина, котораго въ селѣ прозвали Недоваренньмъ послѣ исторіи съ женой. Жилъ онъ на другомъ концѣ

Бориславля у подошвы Карпатъ, гдѣ нефтяной почвы не было, и считался зажиточнымъ хозяиномъ. Но съ тѣхъ поръ какъ жена его ошпарила, онъ ходилъ на костыляхъ и чувствовалъ иногда ужасную боль отъ незаживших ранъ. Въ дурную погоду боль чувствовалась еще сильнѣе и въ такія минуты онъ былъ золъ, точно раненый волкъ. Яць попалъ какъ разъ въ такую пору.

— А шуринокъ милый, ссс...—зашипѣлъ Недоваренный, замѣтивъ издалека Зелепугу.—А какое лихо занесло тебя ко мнѣ? А? Нищій!

Яць только головой покачалъ. Такое привѣтствіе сразу напомнило ему дѣйствительность.

— Э, шуринъ,—сказалъ онъ, приближаясь и приподнимая шапку.—Много ли я у тебя пороговъ обилъ за нищенскимъ хлѣбомъ, что такъ меня встрѣчаешь? Фе, стыдись, что такъ загордился своимъ богатствомъ!

— Смотрите, какой учитель, ссс...! А я голову свою даю на закладъ, что ты пришелъ таки за какою то подачкою. Чѣмъ больше у нищаго нужда, тѣмъ больше *фумы* на языкѣ. А ну, скажи, зачѣмъ ты приплелся?

— Привели меня сюда два дѣла,—сказалъ спокойно Яць, садясь на бревнѣ.—Одно дѣло не мое, а шурина Чапли.

— Того жидовскаго захребетника и пьяницы? Знаю, знаю, пропилъ послѣднюю каплю разума, продалъ жидамъ остатокъ грунту, а теперь пропиваетъ деньги въ Дрогобичѣ. Такъ ему, дураку, и надо!

— Чтожь, я про него ничего и не говорю! пусть его Богъ судитъ! А вотъ его жена, ваша и моей покойницы сестра, и дѣти малые въ чемъ они виноваты? Всѣ они остались безъ хлѣба, безъ батьковщины. Что съ ними будетъ?

— А мнѣ что за дѣло? Развѣ я имъ отецъ? Или я обязанъ о нихъ заботиться, ссс...?

— Да бойтесь Бога, пане швагре!—вскрикнулъ Яць.—Не дадимъ же мы нашимъ кровнымъ напрасно погибнуть? Вотъ только что я былъ тамъ: Содомъ, говорю вамъ. Старая плачетъ, дѣти плачутъ.

— А пускай себѣ плачутъ,—злобно замѣтилъ тотъ,—поплачетъ и перестанетъ. Моя хата съ краю, я ничего не знаю, не мое просо,—не мои воробьи ссс...!

Говоря это, онъ постоянно шипѣлъ, такъ что можно было подумать, что чужая бѣда доставляла ему особенное удовольствіе.

— Ну, это одно дѣло, а какое другое? — спросилъ Недоваренный.

— Богъ съ вами, — отвѣтилъ Яць, — вижу, что со своими дѣлами не на ту улицу попалъ: лучше оставимъ нашъ разговоръ.

— Видишь, уже разсердился, ссс...! Чисто нищенская натура. Откажи ему—сейчасъ постный видъ сдѣлаетъ и мямлитъ: Богъ заплатитъ и за это! А въ душѣ думаетъ: чтобъ тебя черти взяли! Ну, ну, говори, какое другое дѣло. Мнѣ хочется знать, ссс....

— Чтобы вы не думали, что я разсердился, то и скажу вамъ: купите мой грунтъ *на Волянци*, четыре морга въ одномъ кускѣ. Дешево вамъ продамъ.

— А мнѣ зачѣмъ твой грунтъ *на Волянци?*

— Какъ зачѣмъ? Грунтъ къ грунту всегда пригодится, хоть бы и впустѣ лежалъ, то все или коней будете пасти, или наймете кому подъ овесъ, все таки доходъ будетъ.

— А чтожь ты самъ этой штуки не продѣлаешь?

— Продѣлать то я продѣлалъ бы, да только мнѣ теперь деньги нужны.

— Зачѣмъ тебѣ деньги? Вѣрно не на что пьянствовать, такъ и грунтъ продаешь? Эхъ вы, *жеброта не полатана!* Тутъ мнѣ твердитъ, чтобы тому помочь, а самъ не лучше его, ссс...! Ну скажи, зачѣмъ тебѣ деньги?

— Э, что я вамъ буду говорить! Это уже мое дѣло.

— Не хочешь со мною говорить, такъ и я не буду.

И Недоваренный зашипѣлъ и отвернулся.

— А если не хотите грунту,—сказалъ не терявшій надежды Яць,—то знаете что: вступите со мною въ компанію.

— Въ какую компанію?

— Ну, вижу, что вамъ нужно все сказать. Такъ слушайте! Въ томъ грунтѣ, что вамъ уступила моя покойница, жиды вы-

копали родники кипячки, вотъ уже годъ черпаютъ и наживаютъ деньгу. Точатъ зубы и на мой кусокъ, что граничитъ съ тѣмъ: навѣрно и въ немъ лежитъ такой же кладъ.

— Ну, и чтоже изъ этого? И продай имъ.

— Вы такъ думаете? — медленно спросилъ Зелепуга. А я думаю, что это былъ бы грѣхъ. Далъ Богъ кладъ въ наши руки, только немного потрудись—и бери, и черпай, нѣтъ, мы даромъ отдадимъ его жидамъ, а сами пойдемъ къ нимъ на службу!

— Ха, ха, ха! кладъ! Ссс...! — засмѣялся и зашипѣлъ отъ боли Недоваренный,—что это за кладъ: проклятая ропа вонючая! Христіанину грѣхъ съ нею и возиться. Это жидовское ремесло.

— А не грѣхъ христіанину копать и черпать ее въ наймахъ у жида?

На это Недоваренный не нашелся отвѣтить, но зацѣпка нашлась съ другой стороны.

— Ну, ну, не очень то горячись! Откуда ты знаешь, что именно въ твоей землѣ кипячка? Я думаю, что если жидъ изрылъ сосѣднюю землю, то и изъ твоей давно уже все стекло въ его ямы.

— А я думаю, что жидъ чуетъ, гдѣ есть барышъ, и не даромъ обиваетъ у меня пороги, чтобы я продалъ ему эту землю.

— Э, и жидъ также на угадъ спекулируетъ, какъ и ты. Ну, а чего ты собственно отъ меня хочешь? Въ какую компанію меня приглашаешь?

— Хочу самъ копать на своей землѣ и увѣренъ, что докопаюсь кипячки. На копанье надо будетъ около ста римскихъ, а у меня теперь въ карманѣ пусто. Вотъ я и думалъ...

— И не думай! Ссс... — перебилъ его тотъ. — Глупая твоя спекуляція, а у меня ни денегъ нѣтъ, ни охоты путаться въ такія исторіи. Еще жиды на меня взъѣдятся, такъ что имъ значитъ поджечь меня или убить? Кто имъ что сдѣлаетъ?

Яць Зелепуга печально поникъ головой: въ послѣднихъ словахъ шурина была правда. Въ нѣсколько лѣтъ жиды стали силой въ Бориславлѣ. Порядка въ громадѣ не было. Подкупы, пьянство деморализовали громадское начальство и оно сдѣлалось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ жидовъ. Полиціи не было никакой. Жиды дѣлали, что хотѣли, а дрогобицкое окружное на-

чальство махнуло на все рукой, видя свое безсиліе установить какой нибудь порядокъ. Потому то каждый и боялся не только за свое имущество, но и за жизнь. Постоянныя „несчастья въ ямахъ“ проходили безнаказанно для хозяевъ, а подъ эту рубрику „несчастья въ ямахъ“ подводилась масса такихъ злодѣйствъ, о которыхъ испуганные жители боялись даже и вспоминать.

— Такъ вы думаете, что изъ этого ничего не будетъ?— спросилъ Яць шурина.

— Разумѣется не будетъ,--сказалъ тотъ гораздо мягче, чѣмъ сначала. — Ну, скажи, твоей ли или нашей хлопской головы это дѣло? А хуже всего, что нужно будетъ начать войну съ жидами. Нѣтъ, нѣтъ, ничего изъ этого не будетъ.

Зелепуга еще минуту посидѣлъ на бревнѣ, обдумывая, потомъ всталъ съ прояснившимся лицомъ и, стуча палкой о землю, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— А я вамъ скажу, что таки будетъ! хоть бы мнѣ пришлось голову положить, а я своего добьюсь. Вступаете въ компанію?

— Иди, иди, старый дурень! И до сихъ поръ я думалъ, что ты дуракъ, а теперь вижу, что ты пропилъ и ту крошку ума, что мать дала,—насмѣхался шуринъ.

-- Такъ не идете въ компанію?

— И не снилось.

— Воля ваша. И безъ васъ обойдемся. А я вамъ скажу, что пожалѣете.

И не простившись, Яць быстро направился къ своей хатѣ. А шуринъ долго сидѣлъ на приспѣ и думалъ.

— Гм... дурень этотъ Яць, ей Богу дурень! Самъ хочетъ копать да еще и меня въ компанію тянетъ. Знаю я, что значатъ эти компаніи. Займи ему денегъ—часть пропьетъ; другую закопаетъ, вотъ тебѣ и компанія. Нѣтъ, на такую *полову* ты меня, братецъ, не изловишь. А тѣмъ нищимъ въ самомъ дѣлѣ помочь надо,—думалъ онъ дальше.—Вѣрно Яць сказалъ: чѣмъ виновата жена, чѣмъ виноваты дѣти, что у нихъ такой отецъ? Надо будетъ навѣстить ихъ сегодня. Надо будетъ со старою посовѣтоваться, баба такія вещи лучше знаетъ, чѣмъ

мужикъ. Вотъ несчастье! Распился, бестія, и память у него отшибло, забылъ, что у него семья, ссс...

И онъ зашипѣлъ, припомнивъ, что и съ нимъ могло бы случиться тоже самое, если бы жена не ошпарила его кипяткомъ.

— А все же изъ этой компаніи,—возвратился онъ снова къ прежней мысли,—ничего не будетъ. Что же можетъ быть? Знаю я этого Зелепугу. Не сегодня—завтра продастъ землю жидамъ. Только даромъ связался бы съ нимъ. Зачѣмъ мнѣ эти хлопоты?

И онъ пошелъ въ хату, чтобы условиться съ женой, какъ помочь невѣсткѣ и дѣтямъ. Но мысль о богатствѣ, которое Богъ скрылъ въ землѣ Зелепуги, не давала ему покоя. Послѣ обѣда онъ еще разъ взвѣсилъ все съ точностью.

— А что,—додумался онъ подъ конецъ,—если Яць не такой дурень, какъ кажется? Война съ жидами? Ну и чтоже? Война, такъ война. Надо трудиться и надѣяться на Бога. Можетъ, человѣкъ какъ нибудь и выдержалъ бы, а то вовка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить. А чтобы Яць денегъ не пропилъ, можно бы и самому позаботиться, самому расплачиваться, не давать ему денегъ на руки. Только есть ли тамъ что нибудь въ этой землѣ? А если есть, а должно быть есть, то станетъ ли нашихъ денегъ на то, чтобы докопаться до клада? Гм... а вѣдь дѣло вовсе не такое глупое, какъ мнѣ показалось съ перваго раза. Надо будетъ когда нибудь пойти осмотрѣть тотъ гунтъ, можетъ и удастся что нибудь сдѣлать? Если бъ только Яць не одурѣлъ да не продалъ его жидамъ. Ну, да взялся мужикъ, такъ скоро отъ своего не отстанетъ, видно по немъ. А коли такъ, то безъ меня не обойдется, какъ же иначе онъ устроится?

И успокоенный этимъ Недоваренный велѣлъ запречь лошадь, и набравши хлѣба, муки, крупъ, масла, бѣлья, сѣлъ съ женой на возъ и поѣхалъ къ невѣсткѣ.

Миронъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

166.

Повѣрья объ орлѣ.

Въ настоящее время орлы рѣдко встрѣчаются въ Малороссіи. Въ старину они водились въ большемъ количествѣ и повсемѣстно, оттого и въ поэзіи малорусской они часто упоминаются, какъ величественная, гордая птица, вѣстникъ радости и печали. Одно уже появленіе орла въ пѣснѣ служитъ указаніемъ на извѣстіе; напр., „летай, летай, сивый орле, по глубокой долинѣ" (*Гол.,* I, 16). Содержаніе пѣсни состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что ляхи перевѣшали много козаковъ. Что орелъ здѣсь является вѣстникомъ, это подтверждается слѣдующимъ стихомъ: „засылаютъ ляхи листы по всей Украинѣ".

Орлы и орлицы являются иногда вѣстниками печали, напр., въ пѣснѣ: „прилетають дви орлици; ранетъ ему дви дѣвици: идна косоока, друга сизоока. Ой я васъ, орлицы, за ти висти скажу соколеви живцемъ васъ поисты" (*Чубинскій,* V, 35). Болѣе основательное противоположеніе сокола, не орлицѣ, а ворону—находимъ въ сербской пѣснѣ. Марія проситъ брата Ивана: „Іоване, брате роћеки! пошли ми сивоч сокола, да ћерам врана гаврана" (*В. Кар,* I, 213).

Намекомъ на враждебное къ человѣку отношеніе орла можетъ служить слѣдующій мотивъ въ малорусской сказкѣ про двухъ братьевъ: „бѣдный человѣкъ слышитъ, что говорятъ три орла на то-

[1]) См. „Кіевская Старина" 1890 г., № 4.

полѣ. Одинъ орелъ говоритъ: „я такъ сдѣлалъ, что братъ брату глаза выкололъ“; другой: „я положилъ подъ постель дочери короля жабу, и королевна 7 лѣтъ болѣетъ“; третій: „я завалилъ камнемъ море, и оттого люди умираютъ“. (*Чубинскій*, II, 50).

Заслуживаетъ вниманія, что и въ заговорахъ орелъ и жаба сопоставляются, напр., въ великорусскомъ заговорѣ: „Въ городѣ Іерусалимѣ на рѣкѣ Ярданѣ стоитъ древо кипарисъ, на томъ древѣ сидитъ птица орелъ, щиплетъ и тереблетъ когтями и ногтями у раба б. (имя рекъ) жабу“... (*Потебня,* Объясн. пѣс. II, 217).

Сопоставленіе орла и жабы въ заговорахъ и пѣсняхъ основано на непосредственномъ наблюденіи надъ природой и характеромъ этой птицы. Въ Малороссіи чаще всего встрѣчаются орлы крикуны (Aquilae naviae) и малорослые орлы, или орлы карлики (Aquilae minutae); и тѣ, и другіе питаются преимущественно мышами, жабами и змѣями, но охотно пожираютъ и мелкихъ птицъ (*Бремъ,* Иллюстрир. жизнь животныхъ, III, 477).

Орелъ приноситъ иногда радостную вѣсть, напр., въ малорусской пѣснѣ: „Ой у поли билый камень лежить, а на тому камени сивый орелъ сидитъ (эпическій запѣвъ), думку думае“. Козакъ спрашиваетъ его о родномъ краѣ, о своей милой. Орелъ говоритъ, что милая тоскуетъ по немъ. Затѣмъ, онъ летитъ къ дому милой:

Полетивъ сивый орелъ, та сивъ на тыну—
Выйды, выйды, дивчинонько, щось тоби скажу,
Выйды, выйды, дивчинонько, скажу тоби висть,
Иде милый зъ Украины—буде въ тебе гисть. (*Чубинскій*, V, 60).

Въ одной великорусской пѣснѣ такую роль играютъ голуби: „они ударили крыльями о теремъ Марьюшки, хотѣли сообщить ей добрую вѣсть, что къ ней собирается женихъ“.

Въ благопріятное отношеніе къ человѣку ставитъ орловъ одна колядочная пѣсня:

Ой якъ будешъ ты, молодъ женытьця
Та выорешъ нывочку чорными орлами,
Та засіешъ нивочку дрибными жемчугами...
Ой якъ будешъ ты короливну везты,
Закричатъ орлы въ чистымъ поли,
Та засяютъ жемчуги на раздоли... (*Потебня,* Объяс. II, 383).

Въ одной веснянкѣ также обнаруживается счастливое и пріятное значеніе орла: „орелъ поле изоравъ и пшеныци насіявъ—дивочкамъ на коровай“, далѣе „ячменю насіявъ — парубочкамъ на коровай“ (ib. 384). Въ другой веснянкѣ орелъ обѣщаетъ прилетѣть и принести зеленое лѣто, хрещатый барвинокъ, „чоловикамъ оранье и старымъ дидамъ сіянье“. Н. И. Костомаровъ говоритъ, что „орелъ, приносящій лѣто и устанавливающій занятія людей, есть тотъ же греческій орелъ, спутникъ Зевса (см. у Потебни, ib. 384). А. А. Потебня высказалъ по этому поводу замѣчаніе, „что связь орла и оранья можетъ и не имѣть другихъ соотношеній, кромѣ созвучія“ (ib.).

У древнихъ грековъ орелъ слылъ вѣстникомъ побѣды, плодородія и счастья. Это былъ спеціальный посолъ Зевса. Гомеръ называетъ его „самой совершенной птицей“; Ѳеокритъ—вѣщей птицей по преимуществу (*Буше-Леклеркъ*, 109). Въ греческомъ миѳѣ Гермесъ влюбился въ Афродиту въ то время, когда она купалась въ рѣкѣ, и въ видѣ орла похитилъ ея одежду, которую возвратилъ лишь послѣ тѣхъ ласкъ, которыми наградила его богиня. У Страбона орелъ играетъ роль свата: красавица Родона купалась въ рѣкѣ. Орелъ схватилъ ея туфлю и отнесъ ее мемфискому царю, который, взглянувъ на туфлю, воспылалъ любовью къ Родонѣ, долго искалъ ее и, когда нашелъ, женился. Эліанъ поясняетъ, что это былъ царь Псаметихъ (*De-Gubern.*, 492). Въ роли свата является и воронъ (см. мою ст. о „Воронѣ“ въ 1 кн Этн. Обозр. 1890).

Въ новомосковскомъ у. записано народное повѣрье, что „орла не можна быты, а якъ его стриляты, то треба спытать тричи: „чи нажывся на свити?“ Якъ нажывся—то винъ буде прямо дывыться на тебе, а якъ не нажывся—то отвернеться. Его и червы не идятъ; винъ и не завоняется николы, хочь держи, поки на сухарь засхне. У гнизди орлячимъ завсегда есть гроши; винъ безъ грошей николы гнизда не робыть“ (*Чубинскій*, I, 64). Въ этомъ сказаніи слиты два мотива—литературный мотивъ объ отношеніи орла къ болѣзни и смерти и народное повѣрье, что птицы, преимущественно сороки и вороны, похищаютъ золотыя и серебряныя вещи. Первый мотивъ основывается на сказаніяхъ Палеи и Азбуковниковъ о птицѣ Харадрѣ: „аще хто въ болѣзнь впадетъ, то отъ Харадра есть разу-

мѣти, живъ ли будетъ или умретъ. Аще будетъ ему умрѣти, отвратитъ отъ него очи свои Харадръ; аще быти ему живу, ино веселяся возлетитъ на аеръ противу солнца". Это сказаніе о Харадрѣ извѣстно и по западнымъ бестіаріямъ. Общій источникъ и нашихъ и западныхъ извѣстій—Физіологъ св. Епифанія (*Ждановъ,* Къ литерат. ист. былев. поэзіи, 217). Въ малорусскомъ сказаніи объ орлѣ этотъ литературный мотивъ передѣланъ въ приложеніи къ самому орлу. Повѣрье о томъ, что въ гнѣздѣ орла бываютъ деньги, основано на томъ зоологическомъ фактѣ, что нѣкоторыя хищныя птицы изъ вороньяго рода, въ особенности сороки, дѣйствительно крадутъ и кладутъ въ своихъ гнѣздахъ блестящія металлическія вещи. Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что воронъ, собравъ много золота и серебра, золотитъ себѣ голову и хвостъ. (*Gustavicz,* въ Zbior wiadom. do antrop. krajow. V. 141).

Въ малорусской сказкѣ про Покотигорошка находится между прочимъ слѣдующій мотивъ: во время грозы и бури Покотигорошекъ влѣзъ на дубъ, нашелъ здѣсь орлятъ и накрылъ ихъ своею свитою. Когда прилетѣлъ орелъ, онъ хотѣлъ убить П.; но орлята заступились за него: „не бийте его, тату; якъ бы не винъ, то мы повмерали бы зъ холоду". Орелъ въ знакъ благодарности отнесъ П. на родину (*Чубинскій,* II, 235). Этотъ мотивъ встрѣчается въ сказкахъ разныхъ народовъ. Припоминаю, что я читалъ такой же разсказъ про орла въ одной монгольской сказкѣ въ 4 т. Очерковъ сѣв.-зап. Монголіи *Потанина.* Въ грузинской сказкѣ „про судьбу" Ломъ-Каци сѣлъ отдохнуть подъ липой, на которой было орлиное гнѣздо. Къ дереву подошла лисица и хотѣла схватить орленятъ; но Ломъ-Каци убилъ ее. Вотъ прилетаетъ орлица и хочетъ напасть на Л.-К. Орлята объяснили матери, что этотъ человѣкъ спасъ ихъ отъ лисы. Орлица благодарила Л.-К. за оказанное имъ благодѣяніе и перенесла его туда, гдѣ была скрыта его невѣста (*Сборникъ* матер. для опис. Кавказа, X, отд. 3, стр. 60). Въ малоазіатской сказкѣ „о трехъ чудесныхъ одеждахъ" богатырь, спящій подъ деревомъ, просыпается отъ шуршанія змѣи, которая приближалась къ орлятамъ. Богатырь убилъ змѣю. Это было гнѣздо царя орловъ. Когда прилетѣлъ орелъ и хотѣлъ броситься на богатыря, орлята сказали: „Отецъ, отецъ, не бей его; онъ спасъ насъ отъ змѣи".

Благодарный орелъ выноситъ богатыря, послѣ разныхъ приключеній, на поверхность земли на его родину, гдѣ жили коварные братья богатыря и его возлюбленная (*Carnoz et Nicolaides,* Traditions de l'Asie Mineure, 82 и сл.).

Въ сказаніяхъ на мотивъ оборотничества орлы и орлицы встрѣчаются часто. Такъ, въ малорусской сказкѣ про Юрзу-Мурзу и стрѣльца-молодца, три сестры орлицы просятъ молодца, чтобы онъ не убивалъ ихъ и обѣщаютъ стать ему „въ пригоди"; одна изъ нихъ принимаетъ образъ красивой дѣвушки и дѣлается его женой (*Чубинскій*, II, 281). Въ одномъ варіантѣ сказки про Оха ученики Оха обращаются въ орловъ, (*Драгом.*, Малор. нар. пред., 327) въ другихъ варіантахъ (у *Чубинскаго*) въ барановъ, коней, ястребовъ и пр. Въ одной гуцульской сказкѣ сынъ бѣдной вдовы продаетъ послѣднюю корову. Въ полѣ, подъ лѣсомъ, къ нему подошелъ человѣкъ, предложилъ продать ему корову и, получивъ согласіе, обратился въ орла и унесъ корову, сказавъ паробку, что деньги онъ получитъ въ концѣ лѣса. По совѣту пастуха, парубокъ вмѣсто денегъ беретъ у пана (=орла) камешекъ, который затѣмъ превращается въ разные предметы и оказывается весьма полезнымъ для парубка (*Kolberg*, Pokucie, IV, 20). Эти орлы миѳическаго происхожденія. Послѣдній орелъ-панъ, уносящій корову, напоминаетъ Тіасси германской миѳологіи. Великанъ Тіасси также иногда наряжается въ орлиную одежду и преслѣдуетъ въ видѣ орла Локи.

Въ колядкахъ встрѣчается такой мотивъ: надъ моремъ стоитъ высокій яворъ; на немъ сидитъ орелъ или соколъ, въ воду глядитъ и съ рыбой говоритъ (*Потебня*, Объяс. малор. пѣсенъ, II, 246). Основное значеніе этого мотива миѳическое, что подтверждается древнимъ иранскимъ сказаніемъ о безпечальномъ орлиномъ деревѣ среди моря. Всѣ деревья получаютъ сѣмена отъ этого міроваго дерева. На этомъ деревѣ сидитъ птица сина-мру (орелъ или соколъ), символирующая, вѣроятно, солнце. Когда она взлетаетъ, выростаетъ 1000 вѣтвей; когда вновь садится, то ломаетъ 1000 вѣтвей и стряхиваетъ съ нихъ сѣмена (*Потебня*, ib, 224).

Древняя христіанская письменность воспользовалась этимъ миѳическимъ мотивомъ для своихъ цѣлей—для изображенія воскресенія и вознесенія Господня на небо. Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей"

соколъ и орелъ имѣютъ значеніе христіанскихъ символическихъ образовъ (*Мочульскій*, Голуб. кн., 201).

Въ общемъ выводѣ можно сказать, что малороссіяне знаютъ орла непосредственно; но въ сказаніяхъ и повѣрьяхъ, съ нимъ связанныхъ, наблюденія надъ природой птицы остаются на второмъ планѣ, и главную роль играютъ частью древнія пріуроченныя къ орлу миѳическія представленія силъ и явленій природы, частью старинныя фантастическія сказанія физіологовъ о птицахъ, проникшія въ южную Русь съ азбуковниками и палеями или, вѣроятнѣе, съ тѣми прилогами, которыми изобиловали южно-русскія схоластическія проповѣди XVII вѣка.

167.

Повѣрья о дятлѣ.

Въ Галиціи записано слѣдующее народное повѣрье. Дятелъ знаетъ такую траву, съ помощью которой можно отомкнуть всякій замокъ. Чтобы достать эту траву, нужно поступить такимъ образомъ: найти гнѣздо дятла и закрыть входъ въ него деревяннымъ колышкомъ. Дятелъ попробуетъ сначала силу своего клюва, чтобы проникнуть въ гнѣздо, а затѣмъ принесетъ разрывъ траву. Чтобы получить эту траву, нужно положить передъ деревомъ, гдѣ гнѣздо, красный платокъ. Дятелъ приметъ его за огонь, разведенный подъ деревомъ, и упуститъ траву (*Gustavicz* въ Zbiór wiadom. V, 127).

Это повѣрье распространено во многихъ мѣстахъ Великороссіи и Бѣлоруссіи (*Аѳанас.*, Поэт. воззр., II, 398, съ ссылкой на сборники Терещ., Сахар., Валявца, VI т. Этн. Сб.). Тоже утверждаютъ чехи и нѣмцы (ib. 398). Галицкій разсказъ о разрывъ-травѣ и дятлѣ ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ великорусскимъ повѣрьямъ этого рода. Въ нѣмецкомъ сказаніи также оказываются деревянный колышекъ и красный платокъ.

Всѣ эти повѣрья и разсказы о дятлѣ и разрывъ травѣ основываются на литературныхъ источникахъ, на древнихъ физіологахъ (*Мочульскій*, Происх. физіолога, 43) и на апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ (*Весслов.*, Сол. и Китовр.); но и эти источники

не могутъ быть признаны первоначальными. Разсказъ о дятлѣ и разрывъ-травѣ существовалъ уже въ классической древности и вошелъ въ классическую литературу. Плиній говоритъ, что дятелъ можетъ проникнуть во всякое закрытое помѣщеніе, отворивъ замки посредствомъ травы (*De-Gubern.*, 543).

Можетъ быть и вѣрно мнѣніе ученыхъ миѳологической школы, что „дятелъ—птица священная, птица-приносительница небеснаго огня молній, и гнѣздо ея, окованное зимними холодами, отвор...... въ весеннюю пору вѣткой-молніей" (*Аѳан.*, II, 398), или: „дятелъ, picus Feronius древнихъ, incendiaria avis, былъ образомъ тучи, зимы, темноты, а клювъ его былъ образомъ молній" (*De-Gubern.*, 542), это мнѣніе въ приложеніи къ современнымъ славянскимъ народнымъ повѣрьямъ о дятлѣ и разрывъ-травѣ не можетъ быть признано убѣдительнымъ, въ виду наличности несомнѣнныхъ литературныхъ вліяній... Основа сказанія, отдаленнѣйшая и древнѣйшая, можетъ быть, миѳическая; но исторія появленія и распространенія его у европейскихъ народовъ, помимо миѳологіи, достаточно объясняется глубокимъ вліяніемъ письменности.

Весьма распространено повѣрье, что дятелъ своимъ стукомъ предвѣщаетъ несчастье. Галицкіе русскіе вѣрятъ, что стукъ дятла въ переднемъ углу хаты предвѣщаетъ смерть (*Gustav.* V, 127, *Драгом.*, Малор. пред. 7). Буряты дурнымъ знакомъ считаютъ, если подъ кровлей дома поселится удодъ (*Потанинъ,* Оч. сѣв.-зап. Монг. IV, 133). И въ древности дятелъ слылъ зловѣщей птицей. Св. Епифаній сравниваетъ съ дятломъ дьявола. По словамъ Плинія, дятелъ сѣлъ однажды на голову претора Люція Тубера, въ то время когда онъ исполнялъ свою судейскую обязанность, и повѣдалъ, что отечество его погибнетъ, если онъ, дятелъ, не будетъ убитъ, а если Л. Т. убьетъ его, то скоро самъ умретъ, и Л. Т., любя отечество, поспѣшилъ убить дятла и вскорѣ самъ умеръ. Плиній считалъ потому дятла вѣщей птицей, „in auspiciis magni" (*De-Gubern.*, 544).

168.

Кукушка и удодъ.

Въ ушицкомъ у. записано любопытное народное повѣрье, что кукушку въ теплыя страны переноситъ удодъ на себѣ (*Чубинскій*, I, 61). По повѣрью болгаръ, аистъ переноситъ ласточекъ черезъ море. Въ монгольской сказкѣ о перелетѣ птицъ журавль избилъ маленькую птичку богоргоно и вывихнулъ ему ноги. Когда птицы собрались для полета на сѣверъ, то богоргоно обратился къ нимъ съ такой рѣчью: „Вы теперь улетаете, а куда я дѣнусь больной и притомъ съ семьей? Безъ общества я здѣсь останусь на вѣрную погибель. Посмотрите на меня теплымъ глазомъ, отцы — господа, и рѣшите мою участь, пока не улетѣли". „Да, онъ правду говоритъ, сказали всѣ птицы... Такъ какъ въ его безпомощности виноватъ журавль, то онъ и долженъ нести наказаніе: пусть онъ отнынѣ и до вѣка таскаетъ къ сѣверу и обратно на себѣ птицу богоргоно".—И съ тѣхъ поръ при полетѣ на сѣверъ и обратно богоргоно садится на спину журавля; послѣдній поэтому рѣдко долетаетъ до дальняго сѣвера, ибо ранѣе другихъ птицъ устаетъ, такъ какъ летитъ съ тяжестью на спинѣ (*Потанинъ*, Очерки сѣв. — зап. Монг. IV, 629, 763).

Сходство малорусской сказки о кукушкѣ и удодѣ съ болгарской объ аистѣ и ласточкѣ и монгольской о журавлѣ и богоргоно обусловлено, вѣроятно, заимствованіемъ, причемъ монгольская сказка имѣетъ наибольшія права на званіе первоисточника. Малорусская сказка слишкомъ коротка, записана въ одномъ только варіантѣ и по существу противорѣчитъ природѣ птицъ: маленькій и слабосильный удодъ поставленъ въ необходимость нести большую сравнительно съ нимъ кукушку, и въ самомъ разсказѣ не дано ни малѣйшаго объясненія, почему выпалъ на его долю такой трудъ. Другое дѣло— монгольская сказка: здѣсь все объяснено и мотивировано: маленькая птичка богоргоно помѣщается на спинѣ сильнаго журавля. Монгольское сказаніе о журавлѣ и богоргоно могло проникнуть въ Малороссію и въ Болгарію,—предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что и самое монгольское названіе журавля леглегъ проникло въ южную Россію и на Балканскій полуостровъ: малорус. лелека — журавль,

великор. лелекъ, южно—слав. и румынское лилякъ—летучая мышь, ново—греч. и албан. лелекъ—журавль; на Кавказѣ въ кюринско-ахтинск. нарѣчіи леглегъ — журавль; якутское лыглыкъ — лѣсная утка (*Потан.*, 707).

169.

О происхожденіи и значеніи слова харцызъ.

Въ XVIII ст., съ упадкомъ козачества, развилось въ Малороссіи гайдамачество. Нельзя отрицать присутствія въ гайдамачествѣ политическаго элемента, въ смыслѣ религіозно-національнаго протеста украинскаго народа противъ гнета панства; но элементъ этотъ въ значительной степени былъ затушованъ отрицательными въ нравственномъ отношеніи свойствами гайдамачества. „Нельзя не видѣть въ гайдамачествѣ, говоритъ г. Скальковскій, иныхъ инстинктовъ низкаго свойства, обыкновеннаго хищничества, свирѣпаго мщенія, дикаго своеволія, бродяжничества и склонности пожить на распашку путемъ грабежа и разбоя, причемъ жизнь чужая и собственная ставилась ни во что". (*Скальк.* въ Кіев. Стар. 1885, X, 278).

Г. Скальковскій говоритъ, что гайдамаки въ Молдавіи и на Азовскомъ побережьѣ назывались харцызами. Но этотъ терминъ въ значеніи разбойника и грабителя распространенъ былъ въ Малороссіи довольно широко и въ частности встрѣчался въ б. Слободской Украинѣ. Въ статьѣ Г. Ѳ. Квитки о Головатомъ: „Мать моя еще въ дѣтствѣ напугана была разсказами о проказахъ отличавшагося тогда знаменитаго Гаркуши и другихъ гайдамакъ и „харцызовъ — запорожцевъ". Няни... пересказывали со всей подробностью, какой разбойникъ и когда, при мятели или въ ненастье, всегда подъ-вечеръ, являлся къ помѣщику въ видѣ господина или бѣднаго странника, просилъ убѣжища на ночь и потомъ убивалъ всѣхъ домашнихъ и забиралъ все, найденное имъ" (*Квитка*, Пов. и разск., III, 4). Слово харцызъ оставило слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ южной Россіи (напр. с. Харцызское екатериносл. губ.) и въ фамильныхъ прозвищахъ крестьянъ.

Слово харцызъ — монгольское. Въ словарѣ Миклошича (D. Fremdwörter) оно не отмѣчено. Любопытно основное монгольское зна-

ченіе его—соколъ. Въ монгольской сказкѣ про Шытыкуръ—бурхана китайскій знахарь обращается въ сокола (харцигу) и преслѣдуетъ монгольскаго богатыря, который уходитъ отъ него въ видѣ маленькой птички (*Потанинъ*, Очерки сѣв.—зап. Монголіи, 533).

Харцызомъ названъ у татаръ наѣздникъ быстрый и храбрый, какъ соколъ, названіе весьма характерное для монгольскаго хищника, и, можетъ быть, въ такомъ же значеніи оно усвоено было отъ татаръ малороссами и примѣнялось первоначально, вѣроятно, къ отдѣльнымъ хищникамъ и грабителямъ, а затѣмъ стало общимъ названіемъ для разбойниковъ и разбойничьихъ шаекъ вообще.

170—171.

Изъ остатковъ жертвоприношенія животныхъ.

Въ Малороссіи сохранилось немного обрядовыхъ остатковъ бывшихъ нѣкогда у русскихъ славянъ жертвоприношеній животныхъ. Болѣе всего такихъ остатковъ сохранилось въ свадебныхъ обрядахъ (обрядовое употребленіе пѣтуха или курицы, сажаніе молодыхъ на шубу, положенную мѣхомъ вверхъ) и кое-что въ рождественскихъ обрядахъ (обрядовое употребленіе свинины). Изъ этихъ остатковъ можно вывести то заключеніе, что въ лѣтніе праздники, когда совершались и бракосочетанія, жертвенными животными были преимущественно бараны и пѣтухи, а въ зимній празникъ солнцеворота—преимущественно, если не исключительно, кабанъ или свинья. Эти обрядные остатки жертвоприношеній животныхъ еще въ большемъ количествѣ сохранились въ Великороссіи, Сербіи и Чехіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что при закланіи жертвенныхъ животныхъ въ древности соблюдались разныя манипуляціи, тѣлодвиженія, заклинанія и молитвословія, съ цѣлью привлечь вниманіе божества. Несомнѣнно также, что употребленіе въ пищу жертвеннаго животнаго обставлено было торжественной обрядностью, и остатки жертвеннаго животнаго получали мистическое значеніе священныхъ предметовъ, содѣйствующихъ личному и семейному благосостоянію. Обрывками жертвеннаго ритуала и связанныхъ съ жертвенными животными повѣрій можно считать два слѣдующихъ мотива, одинъ пѣсенный, другой—сказочный.

1) *Бросаніе золы въ лице солнца.* Въ прекрасной по мысли и изложенію галицко-русской пѣснѣ „Війте, дѣвойки“ находится, между прочимъ, слѣдующій куплетъ:

Ей скаржилось свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
«Не буду, Боже, рано сходжати,
Рано сходжати, свитъ освичати,
Бо зли газдыни понаставали:
Въ пятойку рано хусты зваряли,
А ми на лице золу выливали».
«Свиты, сонейко, якъ есь свитыло;
Буду я знати, якъ ихъ карати,
На тамтимъ свити, на страшномъ суди». (*Головац.*, II, 243).

Въ пѣснѣ „Війте, дѣвойки“ слиты черты древняго языческаго религіознаго міросозерцанія и жертвенной обрядности съ поэтическимъ мотивомъ апокрифическаго сказанія „Видѣніе ап. Павла“ о жалобѣ земли на грѣхи человѣческіе. Объ апокрифической части этой пѣсни я говорилъ уже въ соч. „Очеркъ ист. южнорус. апокр. сказ. и пѣс.“ стр. 12—17.

Въ пѣснѣ „Війте, дѣвойки“ сохранилась глубоко-древняя религіозно-миѳическая черта, именно, въ выраженіяхъ пѣсни, что люди, работая въ воскресенье, бросаютъ въ лице солнца дрова, золу, волоса. Такое бросаніе въ лице солнца разныхъ предметовъ въ языческой древности было весьма обычно, какъ внѣшняя форма жертвоприношенія солнцу. И въ настоящее время монгольскіе шаманы, призывая въ молитвахъ солнце, плескаютъ вверхъ молокомъ, что служитъ жертвоприношеніемъ молока солнцу. Съ этимъ обыкновеніемъ по значенію тождественъ славянскій обычай плескать виномъ вверхъ на свадьбахъ и обычай поднимать ребенка вверхъ на крестинахъ, причемъ въ послѣднемъ обычаѣ обнаруживается символическое посвященіе человѣка Богу и призывъ на него высшей благодати.

Любопытное сходство съ галицко-русской пѣсенной жалобой на домохозяекъ, выливающихъ въ лицо солнца золу, представляетъ повѣрье американскихъ индѣйцевъ хазіевъ, что теща бросила мѣсяцу въ лицо золу, и оттого произошли на лунѣ пятна (G. de Rialle, La mythol. comp., cit. у *Потанина* въ Очерк. сѣв.-зап. Монг., IV, 708).

2) *Сохраненіе костей быка.* Въ сказкѣ про Ивана Царевича, его сестру и змѣя дѣти уходятъ отъ змѣя съ помощью бычка. Доставивъ ихъ въ безопасное мѣсто, бычокъ сказалъ: „Я вже не хочу жить на свити, зарижьте мене, мясо поижте, а кистки въ стриху заткнить; то выросте изъ моихъ кистокъ чуйко и буйко (собаки). Воны вамъ станутъ въ великій пригоди" (*Чубинскій*, II, § 48). Этотъ сказочный мотивъ не устойчивъ, и въ варіантахъ сказки (*Чубинскій*, ib. № 24, 38, 142) изъ остатковъ быка выростаетъ чудесное дерево. Въ той подробности, что „кости быка затыкаютъ въ стриху" (т. е. подъ крышу въ солому), можетъ быть, скрывается обломокъ сохраненія костей жертвеннаго животнаго. Монголы (дюрбуты) вѣшаютъ кость на двери юрты и привязываютъ къ кости деревяшку; этотъ снарядъ долженъ отгонять отъ юрты злаго духа (*Потанинъ*, 132,708). Возможно, что и въ южной Россіи въ древности кости жертвеннаго животнаго разносили по домамъ, гдѣ онѣ имѣли значеніе домашняго талисмана, охранявшаго жилище отъ козней злыхъ духовъ и злыхъ людей, на подобіе тѣхъ домашнихъ талисмановъ, о которыхъ мы упоминали въ 36 и 37 №№ „Культ. переживаній".

172—175.

Украинскій народный массажъ. Чесаніе пятокъ. „Ськаніе" въ головѣ. Медвѣжій массажъ. Сѣченіе крапивой.

Въ народной медицинѣ массажъ занимаетъ важное мѣсто; въ особенности часто и охотно прибѣгаютъ къ нему знахарки. Техника народнаго массажа разнообразна; большею частью прибѣгаютъ къ растиранію или поглаживанію, иногда къ постукиванію и поколачиванію, преимущественно при болѣзняхъ зубовъ, горла и желудка. При зубной боли слегка придавливаютъ пальцами щеки и челюсти. При опухоли шеи растираютъ опухоль пальцами, причемъ наибольшій успѣхъ приписывается тѣмъ женщинамъ, которыя задавили крота, схвативъ его за горло пальцами (см. 154 № Культ. переж.) При боляхъ желудка животъ растираютъ ладонями, причемъ иногда смазываютъ ихъ деревяннымъ масломъ. Облегчающее дѣйствіе большею

частью приписывается заговору или молитвѣ, которыми почти всегда сопровождается простонародный массажъ.

Легкое поглаживаніе кожи дѣйствуетъ и на здороваго человѣка успокаивающимъ образомъ, навѣваетъ дремоту и клонитъ ко сну. Въ Малороссіи существовало два пріема массированія для удовольствія: чесаніе пятокъ и „ськаніе" въ головѣ. Первый пріемъ, кажется, вполнѣ прекратился, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, и въ послѣднее время о немъ не слышно. Въ „Мертвыхъ Душахъ" Коробочка спрашиваетъ Чичикова: „Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ". Любопытно, что чесаніе господскихъ пятокъ рабами нынѣ встрѣчается у дикихъ племенъ Африки.

Гораздо устойчивѣе оказалось „ськаніе" въ головѣ, и теперь этотъ усыпительный массажъ весьма обыченъ въ Малороссіи. Въ свободное время дѣвушки „ськають у своихъ матерей, матери у любимыхъ сыновей, жены у мужей, большею частью младшіе члены семьи у старшихъ. „Ськаніе" состоитъ въ томъ, что понемногу переставляютъ конецъ гребня съ одного мѣста головы на другое, повременамъ придавливая имъ кожу, хотя бы подъ гребнемъ ничего не было. Въ народныхъ пѣсняхъ „ськаніе" встрѣчается въ смыслѣ выраженія ласки и любви. „Ськаніе" встрѣчается и въ миѳическихъ сказкахъ, какъ бытовая черта. Такъ, въ малорусской сказкѣ о „Царьзміѣ" (у *Чубинскаго*, II, 135) похищенная змѣемъ красавица говоритъ змѣю, что ей приснился чудный сонъ: „А ну, ну, роскажы, каже змій; тилько пидожды трохи, я ляжу, а ты мени поськай да и роскажешъ. Сила вона ему ськаты та и каже"... Сходный мотивъ встрѣчается въ одной грузинской сказкѣ: отецъ говоритъ дочерямъ: „У меня тѣло чешется, приходите почесать меня". Старшая дочь, почесавъ у отца затылокъ, достала яблоко, спрятанное ея отцомъ подъ воротникомъ, средняя и младшая достали по яблоку изъ-за пазухи своего отца" (*Сборн.* матер. о Кавк. X, отд. III, 62). Очевидно, однако, что это не малорусское „ськаніе", которое ограничивается исключительно головными волосами.

Замѣтимъ здѣсь еще, что въ старинное время, когда по южной Руси водили медвѣдей, существовалъ очень странный способъ медвѣжьяго массажа: лица, страдавшія болью спины или поясницы, ло-

жились на землю и черезъ нихъ переводили медвѣдя. Произошелъ ли этотъ способъ лѣченія отъ древняго миѳическаго возвеличенія медвѣдя или здѣсь на медвѣдя перенесено понятіе о томъ, что растираніе облегчаетъ иногда боли спины и поясницы—трудно рѣшить вполнѣ точно.

Возбужденіе дѣятельности кожи и мускуловъ посредствомъ бани и вѣника, что такъ обычно въ сѣверной Россіи, въ южной Россіи народу неизвѣстно, точнѣе, не усвоено имъ. Изрѣдка встрѣчается въ Малороссіи лѣченіе болѣзней посредствомъ сѣченія крапивой; но при этомъ нѣтъ фактовъ для рѣшенія, народный ли это обычай искони, или онъ проникъ въ средній классъ общества и народъ изъ старинныхъ лѣчебниковъ. Въ Западной Европѣ еще въ 1705 г. вышло сочиненіе Мейбома „О пользѣ сѣченія въ медицинѣ, брачныхъ удовольствіяхъ и въ отправленіяхъ поясницы и почекъ“ (*Dujardin-Beaumetz*, Примѣн. массажа, 66).

Нѣкоторые пріемы малорусскаго массажа отвѣчаютъ тому, что извѣстно о массажѣ древнихъ народовъ Востока, древнихъ грековъ и современныхъ народовъ Африки и Океаніи. Въ Таити, въ Новой Зеландіи и въ другихъ мѣстахъ Океаніи дикари примѣняютъ массажъ при лѣченіи болѣзней. Такъ, на о. Тонгѣ въ Океаніи продѣлывается манипуляція, состоящая въ постоянномъ, но нѣжномъ поступиваніи кулаками (на языкѣ медиковъ перкуссія). Другая манипуляція представляетъ легкое разминаніе и растираніе. Въ Новой Голландіи—то же самое; и тамъ массажемъ занимаются преимущественно знахари. Слѣды массажа попадаются въ медицинѣ многихъ народовъ; причемъ способы массированія видоизмѣняются сообразно съ климатомъ и темпераментомъ. На востокѣ, гдѣ кровообращеніе кожи очень дѣятельно и гдѣ кожу нужно освобождать отъ всѣхъ нечистотъ, являющихся (отчасти) результатомъ повышенія ея функціи, преобладаютъ слабыя растиранія; у народовъ сѣвера приходится возбуждать кожное кровообращеніе... Въ Китаѣ и въ Индіи издревле существовали разные пріемы массажа. Особенно важное значеніе гимнастика и массажъ имѣли у грековъ. Одинъ случай древне-греческаго массажа, описанный Гиппократомъ, весьма напоминаетъ современное примѣненіе массажа малоруссами при болѣзняхъ желудка, когда выливаютъ переполохъ или заговариваютъ сояшницы. Въ Эллисѣ, гово-

ворить Гиппократъ, жена садовника страдала febris continua. Слабительныя, которыя она принимала, не принесли ей ни малѣйшаго облегченія. На животѣ подъ пупкомъ находилось затверденіе, подымавшееся надъ уровнемъ живота и причинявшее сильнѣйшія боли. Это затверденіе было сильно разминаемо руками врача, смазанными масломъ. Вслѣдствіе этого разминанія кровь пошла низомъ. Женщина эта поправилась и выздоровѣла" (*Dujard.-Beaumetz,* 66).

Практическое примѣненіе массажа на западѣ и въ Россіи долгое время оставалось исключительно въ рукахъ народа и предоставлялось деревенскимъ знахарямъ. Только съ шестидесятыхъ и особенно съ послѣднихъ восьмидесятыхъ годовъ массажъ пріобрѣлъ права гражданства въ наукѣ и перешелъ въ медицинскую практику.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отъ Случи до Буга.

Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго.

(Съ польскаго).

I.

Если, вооружившись перомъ или кистью, задумаешь, читатель, посѣтить степи подольской украины или дѣвственныя черноморскія равнины, вниманіе твое невольно остановится сперва на очаровательномъ преддверіи этой мѣстности—стародавней Волыни. Историкъ, художникъ и простой туристъ встрѣтятъ здѣсь неизсякаемый матеріалъ для наблюденія и изученія. Обширный край, охватывающій пространство между юж. Бугомъ и Тетеревомъ, представляетъ поразительное разнообразіе въ характерѣ ландшафта. Ѣхать ли старымъ почтовымъ трактомъ поближе къ галицкой границѣ, нестись ли на крыльяхъ пара серединою страны, въ направленіи полѣсскихъ мочаровъ—всюду встрѣтишь и живописные виды, и многолюдныя села, и шумныя мѣстечка, и неизгладимые слѣды великаго историческаго прошлаго. Предъ умственнымъ взоромъ путешественника, сколько-нибудь знакомаго съ исторіей края, возстаютъ изъ полусказочнаго тумана лѣтописные дулебы, дикіе обры, впрягавшіе въ возы дулебскихъ женъ, бурливые варяги, Игорь, Ольга, Владиміръ... Кровавыя дѣянія варяжскаго времени, удѣльно-вѣчевая

напряженная борьба, татарское лихолѣтье смѣняются военными подвигами гедиминовичей, осѣвшихъ на Дорогобужѣ, Пересопницѣ, Клевани, Черторыѣ, Степани, Овручѣ. Ожесточенная борьба Литвы съ Польшей изъ-за Волыни, пріутихшая нѣсколько послѣ Ягайла, паденіе желѣзнаго режима рюриковичей и гедиминовичей расчищаетъ почву для позднѣйшаго польскаго можновладства, соединившаго въ себѣ самые разнообразные элементы: потомковъ старинныхъ бояръ и древнихъ княжескихъ родовъ, и прибывшихъ изъ Польши магнатскихъ семей, всѣхъ этихъ Острожскихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ, Збаражскихъ, Рожинскихъ, Гольшанскихъ, Дубровецкихъ, Сангушковъ, Четвертинскихъ, Воронецкихъ, Порицкихъ, Курцевичей, Капустъ, Корецкихъ, Сокольскихъ, Дзялынскихъ, Остророговъ, Мацѣевскихъ, Нечуевъ и т. д. Результатомъ этого роста можновладства и скопленія огромныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ фамилій было возникновеніе обширныхъ магнатскихъ дворовъ и замковъ среди богато-одаренной, прекрасной природы Волыни. Города съ роскошными церквями и монастырями, неприступныя крѣпости, роскошнѣйшіе замки и дворцы съ давнихъ поръ составляли предметъ удивленія путешественниковъ по Волыни. Но времена измѣнились. Исчезли большею частью безслѣдно старинные магнатскіе роды, колоссальныя состоянія, католическіе монастыри и церкви, пали въ прахъ стародавніе замки и палацы. И однако эти руины башенъ, раскопанные валы, поврежденныя временемъ и людьми могилы, раскопанные курганы, полуистлѣвшія хроники, грамоты, привилегіи, печати княжескія, королевскія, гетманскія, разсѣянныя въ мѣстныхъ архивахъ, невольно влекутъ къ себѣ пытливое чувство потомка, заставляютъ тяжко призадуматься надъ прошлымъ...

Поѣздъ желѣзной дороги высадилъ меня и моего спутника, молодого художника изъ школы Матейки, на ст. Мирополѣ, откуда намъ предстоялъ дальнѣйшій путь на лошадяхъ. Въ десяти верстахъ къ югу отъ Мирополя лежитъ село Ульха, составляющее какъ бы границу между коренною Волынью и волынскимъ полѣсьемъ. Особенности не только почвы, флоры и ландшафта, но и характера сельскихъ построекъ и типа мѣст-

наго населенія заставили насъ начать наше путешествіе именно съ этой полѣсской деревни.

Въ качествѣ завзятыхъ охотниковъ, мы задумали пораз-влечься дорогою въ знаменитыхъ славутскихъ пущахъ кн. Сангушка, богатыхъ разнаго рода дичью. На вокзалѣ договорили возницу изъ мѣстныхъ крестьянъ. Какъ человѣкъ знакомый съ мѣстностью, онъ доставилъ насъ кратчайшимъ путемъ до мѣстечка, а затѣмъ вдоль серебристой ленты усѣянной скалами Случи, за шумнымъ, наполненнымъ евреями рынкомъ мѣстечка, выѣхалъ на длинную сельскую улицу съ бѣлыми домиками и цвѣтущими садами по сторонамъ. Тутъ ожидалъ насъ самый непріятный сюрпризъ.

Еще при нашемъ выходѣ изъ вагона на ст. Миронолѣ, на небосклонѣ показались зловѣщія тучки лилово-бураго цвѣта; духота стояла въ воздухѣ, рѣчныя чайки жалобно стонали надъ сонной поверхностью рѣки. При выѣздѣ на миропольскую околицу, грозно потемнѣвшее небо освѣтилось тысячью огней, загремѣлъ громъ и пошелъ настоящій ливень.

Услужливый возница Дмитро поспѣшно укрылъ намъ ноги свитою, пустилъ въ ходъ кнутъ и у воротъ своей хаты, стоявшей особнякомъ у дороги, пригласилъ насъ къ себѣ:

— До мене, панычи, въ гости!

На дворѣ стояла настоящая тьма, когда мы среди ливня переступили порогъ дмитровой хаты. Ѣхать далѣе оказывалось невозможнымъ. Лошадей и повозку поставили въ сарай, а мы съ дорожнымъ богажемъ, промокшіе до костей, должны были расположиться подъ кровомъ нашего хозяина.

Въ чистенькой, свѣже вымазанной бѣлою глиною избѣ мы застали хозяйку, взрослую дочь и двухъ малолѣтнихъ сыновей. Видная собою и моложавая Дмитриха поджидала съ ужиномъ мужа, который отвезъ кого то на станцію и случайно подрядился доставить насъ въ Ульху.

Неожиданное увеличеніе числа гостей нимало не затруднило нашей хозяйки: содержимымъ кипѣвшаго въ печи почтенныхъ размѣровъ горшка можно было насытить хоть полдюжины голодныхъ желудковъ, а шипѣвшіе рядомъ традиціонные греч-

невые вареники съ сыромъ могли съ избыткомъ удовлетворить самый изысканный вкусъ какъ домашнихъ, такъ и гостей.

Въ то время, какъ на дворѣ злобствовала буря, а освѣщаемыя молніей оконца избы дрожали отъ громовыхъ раскатовъ, мы, голодные, измученные и иззябшіе, поспѣшно усѣлись вокругъ стола, накрытаго бѣлоснѣжною скатертью. Я сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ подъ образами, съ правой стороны мой спутникъ, за нимъ осьмнадцатилѣтняя Настя, а слѣва хозяинъ съ господыней и дѣтьми.

Горячее и вкусно приготовленное кушанье, радушныя лица гостепріимныхъ хозяевъ, оживленный разговоръ о мѣстныхъ дѣлахъ вскорѣ заставили насъ забыть о постигшемъ приключеніи. Утоливъ голодъ и заинтересованные бесѣдою, мы какъ то сблизились съ хозяевами. Словоохотливый Дмитро сообщилъ мнѣ объ урожаяхъ, о скотскомъ падежѣ, о богатствѣ мѣстнаго священника; Дмитриха—о чудесныхъ лѣкарствахъ знахарки Макрыны и о претендентѣ на руку Насти Лаврѣ Семенюкѣ; мы въ свою очередь—о далекихъ краяхъ за Бугомъ, о моемъ давнемъ знакомствѣ съ ульшанскимъ помѣщикомъ, и т. д.

Послѣ ужина нашъ кружокъ еще увеличился съ прибытіемъ двухъ новыхъ гостей. Первымъ явился бравый Лавро, поклонникъ Насти; вслѣдъ за нимъ нѣсколько тяжело и медлительно переступилъ высокій порогъ хаты восьмидесятилѣтній старикъ Петръ Рыхлинскій, квартировавшій у грабовскаго побережника изъ сосѣдняго лѣса, также пригнанный бурей подъ кровлю Дмитра. Онъ возвращался, какъ объяснилъ тотчасъ-же, изъ миропольскаго палаца, куда ходилъ просить у графа дубка для своего гроба. „Съ великимъ трудомъ, *пане мылостывый*—разсказывалъ съ трудомъ на польско-русскомъ нарѣчіи этотъ крестьянинъ-шляхтичъ—добрался я *до графивъ*, но не засталъ ихъ дома. *Дворня сподиваеться*, что они скоро будутъ, а тѣмъ временемъ смерть можетъ захватить *старого дида*, и старыхъ костей некуда будетъ спрятать“.

Высокая фигура старика, длинная борода, выразительныя черты лица, „постолы“ на ногахъ и оборванная коричневая свитка—производили такое характерное впечатлѣніе, что я не-

вольно заинтересовался новымъ гостемъ, а мой коллега, въ то время, какъ старикъ, опираясь на высокую палку, сушилъ у догоравшей печки свои промокшія плечи, наносилъ на бумагу его оригинальную фигуру, при скупомъ освѣщеніи хаты.

— Гарненько панычъ пыше старого — замѣтилъ стоявшій по близу нареченный Насти, поглаживая выступавшіе надъ коралловыми губами усики и меланхолически разсматривая своими небесно-голубыми глазами рисунокъ художника.—Може панычъ часу не пошкодуе и мою гарную дивчыну напыше.

— Теперь, мой хлопче — отвѣчалъ я—этотъ господинъ усталъ съ дороги; черезъ нѣсколько дней мы вернемся изъ Ульхи въ Мирополь и тогда срисуемъ васъ обоихъ.

Лавро низко поклонился, благодаря за обѣщаніе, сѣлъ на лавкѣ подлѣ невѣсты и началъ что то напѣвать тихимъ, задумчивымъ голосомъ. Въ этомъ юношѣ, какъ у всѣхъ вообще молодыхъ крестьянъ въ степной Руси, соединялось два противоположныхъ качества страстной души: отвага, доходящая до безумія, и грусть, граничащая съ какой то нѣжной меланхоліей. И хотя онъ сидѣлъ рядомъ съ невѣстой, съ которой долженъ былъ вѣнчаться черезъ нѣсколько недѣль, но его видимо влекло куда то вдаль, какая то сила какъ будто толкала его отсюда въ неизвѣданные края, на встрѣчу невѣдомымъ опасностямъ. Быть можетъ, въ этомъ настроеніи невольно отражается историческое прошлое народа...

Я невольно обратилъ вниманіе на тихіе напѣвы влюбленнаго юноши и рѣшился просить его спѣть что-нибудь погромче. Онъ отказывался долго, но наконецъ уступилъ просьбѣ своей дивчыны и звонкимъ голосомъ, переходящимъ въ баритонъ, началъ пѣсню, но не на чисто-волынскомъ, а скорѣе на полѣсскомъ нарѣчіи. По окончаніи пѣсни, Рыхлинскій, терпѣливо служившій до тѣхъ поръ моделью для художника, сѣлъ на лавкѣ для отдыха и началъ подробно объяснять, почему Лавро пѣлъ не мѣстную пѣсню. Тутъ мы узнали между прочимъ, что покойные родители Лавра вышли изъ глубины Полѣсья и поэтому дѣти одинаково хорошо владѣли обоими нарѣчіями.

— Колы вже такъ—сказалъ старикъ Лавру—то заспивайте панычамъ и тутешнюю мыропильскую письню.

Юноша подумалъ, кашлянулъ раза два и, улыбаясь Настѣ, снова началъ пѣть, но этотъ разъ на чистѣйшемъ волынскомъ нарѣчіи.

По окончаніи пѣнія Настя слегка ударила Лавра по плечу, какъ бы упрекая его за выборъ грустной думки. Рыхлинскій, подмѣтивъ, съ какимъ интересомъ я слѣжу за этой нѣмой сценой, шепнулъ мнѣ на ухо, что Дмитро долго не соглашался отдать дочь за Лавра, бѣднаго сироту, но когда умеръ у него старшій сынъ и оставилъ отца безъ поддержки, Дмитро смягчился, расчувствовался слезами Насти и согласился на все, а послѣ свадьбы молодой зять долженъ былъ поселиться въ домѣ тестя.

Непогода по прежнему бушевала на дворѣ, а козацкія думки Лавра хватали за сердце. Хотя часы наши показывали уже девять, и старый Дмитро съ женой и дѣтьми уже дремали на „прыпичку", я съ своимъ коллегою, молодой парочкой и жильцомъ побережника, уже мало нуждавшимся въ снѣ, забыли и думать объ отдыхѣ, увлеклись оживленной бесѣдой.

Когда Настя, обрадованная неожиданной вечеринкой, начала поддразнивать своего жениха и не безъ лукавства улыбаться красивому панычу, который обѣщалъ вскорѣ нарисовать ея портретъ,—разсудительный и строгій Рыхлинскій заявилъ поучительнымъ тономъ, что не всѣ Насти были такъ счастливы и веселы, какъ она: въ старинномъ селѣ Черторыѣ, что въ нѣсколькихъ верстахъ за Мирополемъ, жила нѣкогда княгиня Настя, о печальной судьбѣ которой и донынѣ ходятъ страшные разсказы. Дмитрова дочка знала уже отчасти эту исторію, но чтобы запомнить ее лучше, или же съ цѣлью развлечь гостей, она стала упрашивать старика разсказать все подробно.

Рыхлинскій только того и ждалъ—онъ былъ извѣстенъ кругомъ какъ балагуръ—потеръ морщинистыя руки, взялъ добрую дозу табаку изъ березовой табакерки и, осушивши рюмку нашей дорожной анисовки, разсказалъ намъ ломанымъ польскимъ языкомъ такую легенду:

— За нашихъ прапрадидивъ, надъ той быстрой рѣчкой Случью стояло городище княгини Насти, по имени Горбовыця. Изъ далекой земли пришелъ подъ валы того замку съ дружиною грозный для всей здѣшней стороны ворогъ Бонякъ и почалъ садыбу бидной княгыни штурмомъ браты. Святая женщина храбро отбивалась отъ ворога, но дивчына такъ му ся подобала, что завзятый не хотѣлъ отступить. Долго ся тягнула та даремна осада городыща. Обезумѣвшій отъ любви ворогъ послалъ сватовъ до княгини, предлагая вѣчный миръ, но въ тоже время прося руки. Для щастья своёго люду приняла предложеніе княгыня Настя и вскорѣ отдала руку поганому и злому якъ дидько Боняку. Но доброта и кротость Насти ни къ чему не послужили. Когда новый панъ почалъ людей околичныхъ мордовать и губить, а жинка его мылосердна за своихъ подданныхъ завзято вступаться—схватилъ ее изъ роднаго гнѣзда, увезъ куда то въ далекую сторону и тамъ на дорогѣ велѣлъ своимъ гайдамакамъ замордовать ее. Но Настѣ на тотъ разъ удалось таки убѣжать отъ рукъ поганыхъ и скрыться ночью въ чудновскихъ лѣсахъ. Бонякъ догналъ ее въ ярахъ надъ Тетеревомъ, повеливъ привязать до дерева и позорно заморить голодомъ. Умирая бѣдняга пролывала слезы и зъ тыхъ то слизъ зробывся ручей, чыстій якъ душа княгыни води; и досі ручей той зоветься „крыныця Насти". Тотчасъ послѣ ея смерты вся околыця сложилась и на память выбудовала ей богатый храмъ. Но тутъ еще не конецъ, паны мылостывыи, той дивной исторіи. Ото завистный дидько, вмѣшавшись въ ту справу, въ одну прекрасную ночь почалъ будовать на Случи каменную греблю, чтобы прекратить тѣмъ способомъ теченіе воды, залить всѣ окрестности и разруйнувать святый храмъ и Настыну крыныцю. Не удала ся лыху чорна робота: пѣтухъ запѣлъ, дидько мусивъ утикать и только куча камня осталась на память его злыхъ замысловъ. Чтобы увѣковѣчить память всего этого, околичные люде прозвали городыще Горбовыцю Чорторыей, и только самая крыныця да недалеко отъ нея стоящія на трактѣ чудновскомъ Настыни корчмы навсегда носятъ имя уморенной голодомъ княгыни...

Старикъ окончилъ легенду уже полусоннымъ голосомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ немедленно занялъ назначенное для него мѣсто на „прыпичку“, Лавро ушелъ въ братнюю хату, а мы удобно расположились на дубовыхъ лавахъ, настланныхъ пахучимъ сѣномъ.

II.

Вся семья Дитира поднялась спозаранку. Послѣ ночной бури настало ясное, великолѣпное утро. Когда домашняя сутолока пробудила меня съ товарищемъ отъ сладкаго сна на пахучемъ сѣнѣ, неутомимая хозяйка уже кипятила для насъ свѣжее молоко, Настя подметала хату, а отецъ готовилъ повозку и тройку лошадей въ дорогу.

Солнце ярко свѣтило, когда мы усѣлись въ вымощенной на славу повозкѣ и, распрощавшись со всѣми, оставили гостепріимный кровъ. Дорога отъ Ульхи до Романова была залита лужами воды и грязи, но съ окрестныхъ полей и дубовыхъ рощъ повѣяло на насъ ароматомъ обновленной природы. Теплый вѣтеръ слегка колыхалъ верхушки степныхъ колокольчиковъ и огромныя головки пахучихъ одуванчиковъ у опушки обширнаго миропольскаго лѣса. Эта пуща, тянущаяся на пространствѣ полуторы мили, была первымъ признакомъ близости Полѣсья. Изрѣдка лишь на прогалинахъ показывалась засѣянная нивка или небольшая лужайка, поросшая огромной травой и „будяками“, а затѣмъ лѣсъ и лѣсъ безъ конца, вплоть до границы ульшанскаго имѣнія.

Лишь только изъ-за вѣковыхъ дубовъ показались поля и разсыпанные подъ лѣсомъ надворныя постройки, тотчасъ же на фонѣ садовыхъ деревьевъ забѣлѣли столбы воротъ палаца съ бронзовыми урнами наверху, а за ними высокія башенки въ готическомъ стилѣ.

Давно еще, когда потомки богатаго владѣльца Котельни подѣлились отцовскимъ добромъ, одинъ изъ нихъ, Премыславъ II., получилъ село Ульху на Полѣсьи, въ ту пору еще неустроенное. Вскорѣ все приняло здѣсь другой видъ. Молодой владѣ-

лецъ Ульхи и Черторыи съ энергіей принялся за работу, выстроилъ съ теченіемъ времени палацъ и хозяйственныя постройки, развелъ сады, построилъ бесѣдки, оранжереи. Дворецъ устраивался въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ. Самые разнородные стили: барокко, готическій, старо-французскій и др. создали чрезвычайно оригинальное цѣлое, чарующее взоры и придающее этой деревенской усадьбѣ видъ средневѣковаго замка. Для дополненія картины слѣдуетъ еще прибавить ряды обстриженныхъ и старательно поддерживаемыхъ аллей, высоко бьющіе фонтаны, прекрасныя лужайки, цвѣтники и обсаженныя виноградомъ бесѣдки,—все это давало надлежащій фонъ для оригинальнаго архитектурнаго сооруженія—палаца.

Любезно принятые хозяевами, моими давними знакомыми, мы не преминули во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣть внутренность палаца, паркъ и берега Случи. Обширныя комнаты, напоминавшія убранствомъ внутренность всѣхъ вообще старинныхъ волынскихъ замковъ, были наполнены огромными картинами въ широкихъ золоченныхъ рамахъ, зеркалами во всю стѣну, канделябрами, люстрами, круглыми столиками съ инкрустаціей, диванами и часами самыхъ разнообразныхъ формъ. Картины—большею частью копіи работъ извѣстныхъ художниковъ или гравюръ—заслуживали тѣмъ большаго вниманія, что почти всѣ онѣ принадлежали мѣстнымъ художникамъ, которые могли бы имѣть иную будущность, получи они правильное образованіе.

Въ массѣ осмотрѣнныхъ рѣдкостей Ульхи особенно остались у меня въ памяти: boiserie въ столовой съ гербами почти всѣхъ волынскихъ знатныхъ фамилій; огромный канделябръ мѣстной работы, составленный изъ разнаго рода древняго оружія, весьма удачная копія съ романовской модели, представляющей полное вооруженіе польскаго рыцаря; огромныя, вывезенныя изъ Романова послѣ раздѣла зеркала и бронзовые канделябры надъ каминами; картина Страшинскаго, нѣсколько идиллическаго содержанія; великолѣпная спальня хозяина съ шелковымъ балдахиномъ и занавѣсками и наконецъ эффектныя разноцвѣтныя окна и двери въ бальномъ залѣ.

Но главную прелесть даетъ ульшанской усадьбѣ самое ея положеніе. Хотя мѣстность нѣсколько низменна и сыровата, а вербы и камыши надъ рѣкой сообщаютъ всему ландшафту характерную полѣсскую сонливость, но, несмотря на это, серебристая змѣйка рѣки, вьющейся среди живописныхъ зарослей парка, а на переднемъ планѣ блистающіе тысячью красокъ роскошные цвѣтники, вьющіяся растенія вдоль бесѣдокъ и господскихъ строеній—создаютъ видъ поистинѣ прекрасный, неотразимо привлекающій взоры.

На четвертый день мы возвратились въ Мирополь. Безъ сомнѣнія, посѣщеніе это составляло пріятнѣйшее время нашего путешествія. Благодаря неисчерпаемой любезности нашихъ хозяевъ, мы имѣли возможность осмотрѣть окрестности и познакомиться съ характерными особенностями края и населенія. Миропольское помѣстье мы нашли въ образцовомъ порядкѣ. Бумажная фабрика, винокурня и мельница новой системы, устроенныя на Случи, дѣйствуютъ какъ нельзя лучше и представляютъ немалую подмогу въ земледѣльческомъ и лѣсномъ хозяйствѣ этого обширнаго имѣнія. О поѣздкахъ нашихъ въ окрестности Мирополя можемъ сказать лишь то, что нѣтъ рѣчки съ болѣе живописными берегами, усѣянными скалами и поросшими лѣсомъ, нежели Случь.

При поѣзкахъ въ окрестности остановили на себѣ особое наше вниманіе Печановка и упомянутая уже выше Черторыя. Въ первой—образцовое хозяйство подъ руководствомъ высокообразованнаго владѣльца; въ Черторыи—измѣнчивыя судьбы этого поселенія, внушившія мнѣ мысль набросать краткій экономическо-историческій очеркъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе послѣдняго.

Широко разросшійся надъ скалистымъ берегомъ Случи поселокъ разбился на два особыя имѣнія—новую и старую Черторыю. Король Александръ, будучи еще вел. княземъ литовскимъ, въ 1499 г. отдалъ это помѣстье нѣкоему Ивашку Дениску Мукосѣевичу. Столѣтіе спустя, въ 1593 г., помѣстье пріобрѣтено у наслѣдниковъ Мукосѣевича для острожскаго майората. Съ упадкомъ послѣдняго, имѣніе вошло въ составъ обширныхъ владѣній рода Прушинскихъ. Нынѣ половина имѣнія, новая

Черторыя, куплена генер. Оржевскимъ; старая—осталась въ рукахъ давнихъ владѣльцевъ. Въ обоихъ имѣніяхъ почва считается одной изъ благодатнѣйшихъ на Волыни. Въ новой Черторыѣ, кромѣ обширныхъ пространствъ плодородной земли, имѣется еще доходное мѣстечко и дворъ помѣщика съ огромнымъ садомъ, громадная американская мельница и значительные удѣльные лѣса,—въ этомъ ея отличіе отъ Черторыи старой.

По отъѣздѣ изъ Мирополя, мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Бердичевъ, а оттуда почтовымъ трактомъ въ глубь Подолья.

III.

За Бердичевомъ, минуя лѣсистые и безлѣсные волнистые холмы, мы въѣхали еще на волынской территоріи въ настоящія украинскія степи. Мой спутникъ, видя вокругъ безбрежныя равнины, воскликнулъ съ восторгомъ: „Наконецъ то мы на Украинѣ!“ — „Ошибаешься — возразилъ я — Украина осталась далеко за Бердичевомъ, мы же ѣдемъ на югъ. Это вовсе не Украина, а степная полоса южной Волыни, которая съ такой же полосой сѣвернаго Подолья тянется непрерывно отъ галицкой границы до предѣловъ горной Украины и представляетъ какъ бы повтореніе надднѣпровской степной полосы“.

Тотъ же обширный горизонтъ, такія же широкія обсаженныя деревьями почтовыя дороги, тотъ же темно-коричневый цвѣтъ плодороднаго чернозема на нивахъ,—недостаетъ лишь историческихъ могилъ, разсѣянныхъ среди степей, нѣтъ овраговъ, рвовъ и частоколовъ, окружающихъ на Украинѣ почти каждую деревню, не встрѣчается и того виднаго, рослаго люда береговъ Роси, Днѣпра, Раставицы и Тыкича, подобнаго которому не найти нигдѣ въ славянскихъ земляхъ. Словомъ, край вдоль бердичевско-литинской дороги напоминаетъ нѣсколько Кіевщину, но только съ отрицательной, а не положительной стороны. Это что то промежуточное, недоконченное, и, какъ всякое переходное явленіе, мало привлекаетъ вниманіе и интересъ.

Уже исчезла изъ глазъ живописная Волынь съ лентами скалистыхъ рѣкъ, замковыми башнями и валами доисторическихъ

городищъ, но еще не показалось роскошное срединное Подолье съ своими величественными дубровами, обширными хрустальными прудами, горными поселками среди безчисленныхъ садовъ. Пока лошади везли насъ по пустой и безлюдной степи, не было матеріала для интересныхъ наблюденій. Нѣсколько повеселѣло на душѣ, когда монотонный почтовый трактъ изрѣдка сталъ оживляться дальними и близкими мѣстечками и поселками.

Первымъ изъ такихъ поселеній былъ довольно многолюдный Райгородокъ. Онъ находится на самомъ трактѣ и состоитъ изъ обширнаго села и собственно ничтожнаго мѣстечка въ серединѣ. Здѣсь намъ пришлось перемѣнить лошадей и совершить вечернее чаепитіе у какого-то еврея-трактирщика. Услужливый мишуресъ во мгновеніе ока подалъ намъ кипящій самоваръ съ приготовленнымъ уже чаемъ. Подкрѣпивъ силы спасительнымъ въ дорогѣ напиткомъ, мы рѣшили осмотрѣть мѣстечко. Къ несчастію, осмотръ былъ непродолжительный, такъ какъ, кромѣ нѣсколькихъ постоялыхъ дворовъ и зданія почтовой станціи, ничего нельзя было увидѣть болѣе интереснаго на грязной и пустынной площади, а отъ помѣщичьей усадьбы отдѣляло насъ далекое пространство и грязная дорога.

Наступали уже сумерки, когда мы оставили Райгородокъ. Переѣхали мостикъ черезъ рѣченку, миновавши послѣднюю хату мѣстечка, затѣмъ встрѣтили по дорогѣ четыре села: Лемиши, Подорожна, Слободка и Петрыковци.

Межъ Петрыковцами и мѣстечкомъ Улановымъ, гдѣ пришлось отдохнуть нѣсколько часовъ на почтовой станціи, насъ застигъ полный мракъ. Луна изрѣдка лишь выглядывала изъ-за тучъ, плачущія березы и широкіе вязы тихо шевелили вѣтвями по обѣимъ сторонамъ дороги, стукъ лошадиныхъ копытъ эхомъ разливался по твердой, какъ асфальтовая улица, дорогѣ и уплывалъ куда то далеко на степи, оголенныя поля, скирды пшеницы, заснувшія села и поросшіе „будяками“ долины....

Мой спутникъ, непривычный къ ѣздѣ на перекладной, волновался, жаловался на боль въ боку и ногахъ. Я утѣшалъ его какъ могъ, указывалъ на пользу поѣздки балагулою въ гигіеническомъ отношеніи. Роскошные степные горизонты, изрѣдка

освѣщаемые луною, нѣсколько развлекали моего коллегу, у котораго невольно вырывались слова удивленія и восторга.

Около полуночи блеснули передъ нами огни изъ оконъ и огромное зеркало пруда. То былъ старинный Улановъ. Мѣстечко съ селомъ и сахарнымъ заводомъ принадлежитъ Августу Мазараки, стоитъ оно надъ р. Сниводомъ. Нѣкогда королевское имѣніе, снабженное замкомъ, въ 1552 г. отдано Сигизмундомъ-Августомъ во вѣчное владѣніе выходцамъ изъ Македоніи Дукатиновичамъ. Къ 1570 году эти пришельцы исчезли безъ вѣсти, какъ видно изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, по всей вѣроятности истреблены татарами. Сигизмундъ III вновь отдаетъ это укрѣпленное мѣстечко каменецкому каштеляну Претвичу изъ Гавронъ, подъ условіемъ возстановленія разореннаго замка. Дальнѣйшія судьбы Уланова въ краткихъ чертахъ таковы: въ 1631 г. нападаетъ на крѣпость Кантемиръ-Ага, царь перекопскій, но замка добыть не можетъ, разоряетъ лишь все окрестъ и возвращается восвяси; Хмельницкій разоряетъ до основанія какъ самый замокъ, такъ и ближній костелъ; въ люстраціи 1765 г. Улановъ названъ главнымъ старостинскимъ городомъ; въ 1775 г. региментарь великопольской партіи Крашевскій получаетъ улановское староство пожизненно, а въ 1787 г. имѣніе переходитъ къ его малолѣтнему сыну Людвику на эмфитевтическомъ правѣ.

Нынѣ мѣстечко имѣетъ самый печальный видъ. Отъ замка ни слѣда; лишь обширное село вокругъ, сахарный заводъ и живописные прибрежные виды остановили на себѣ среди ночи на минуту наше вниманіе.

Тогда какъ духъ новаго времени все обновляетъ и преобразуетъ, только почтовыя станціи въ юго-западномъ краѣ сохранили свой исконный патріархальный характеръ, благодаря конечно проведенію желѣзныхъ дорогъ. Все осталось здѣсь по старому: тѣ же убогія постройки, тѣ же разоренные, съ дырявыми крышами сарайчики для лошадей, тѣ же глиняныя мазанки, настоящія лисьи норы, играющія роль квартиръ для оборванныхъ почтовыхъ ямщиковъ. Къ тѣмъ же оригинальнымъ переживаніямъ былого времени слѣдуетъ также отнести и достойное удивленія мирное сожительство христіанской оффиціальности съ еврейскимъ

партикуляризмомъ. Наряду съ почтовыми книгами, таксами и объявленіями можно видѣть приколоченный надъ дверью гвоздиками жестяной ящичекъ съ десятью заповѣдями, мѣдную посуду съ водой для религіозныхъ омовеній, голыхъ дѣтей съ головками чесноку въ зубахъ и пуховики, разбросанные по диванамъ почтовой канцеляріи.

Ночлегъ на улановской почтовой станціи оживилъ въ моей памяти во всей неприкосновенности стародавнія времена, съ той впрочемъ разницей, что исчезли подорожныя, чреватыя такими хлопотами для пассажировъ. Для дополненія нашего археологическаго очерка необходимо прибавить, что въ Улановѣ намъ подали самоваръ съ традиціоннымъ испорченнымъ краномъ и булки традиціонно черствыя, а послѣ чаю указано мѣсто для отдыха на не менѣе традиціонно жесткихъ диванахъ.

Еще до восхода солнца насъ разбудилъ шумомъ своей дѣятельности почтовый *староста*, мы вскочили на перекладную и понеслись по дорогѣ въ Хмельникъ. По пути намъ встрѣтилось лишь два села: съ лѣвой стороны удѣльный Мытникъ, съ правой—нѣкогда шляхетская, нынѣ крестьянская собственность Зозулынцы.

IV.

Хмельникъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ родовое гнѣздо Богдана Хмельницкаго, принадлежитъ къ древнѣйшимъ укрѣпленіямъ Подолья. Въ 1796 г. имѣніе подарено имп. Екатериною II кн. Безбородко, затѣмъ перешло во владѣніе генералъ-лейтенанта Левашева, нынѣ же составляетъ удѣльную собственность.

Въ настоящее время сохранилось еще замковое городище надъ Бугомъ и костелъ, основанный въ 1603 г., а въ 1728 г. передѣланный изъ деревяннаго въ каменный. На крутой горѣ городища, покрытой роскошной растительностью, можно видѣть остатки старинныхъ, нынѣ совершенно забытыхъ фортификаціон-

ныхъ работъ, наружную башню, принадлежавшую къ крѣпости, гдѣ при турецкомъ владычествѣ построена была мечеть, а теперь возведена православная церковь. Поблизу горы стоящій костелъ, окруженный стѣною оригинальной структуры, извѣстенъ въ окрестности нѣсколькими образами итальянскаго письма,—даръ мѣстныхъ помѣщицъ. Кромѣ костела, въ Хмельникѣ двѣ православныя церкви, синагога, немало еврейскихъ каменныхъ домовъ, много погребовъ, заѣзжихъ дворовъ, мельницы и цѣлыхъ три моста на извилинахъ Буга.

Посѣщеніе Хмельника вообще не лишено интереса. Недостатки еврейской кухни въ „заѣздахъ" вознаграждаются матеріалами на литературномъ и художественномъ полѣ. Мой товарищъ не преминулъ воспользоваться случаемъ. Наша комната находилась въ сосѣдствѣ съ просторной залой, гдѣ расположился какой-то проѣзжій—типическій израильтянинъ. Это былъ очевидно раввинъ или по крайней мѣрѣ *шемешъ* какой то синагоги, ибо по цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ надъ кучей старыхъ книгъ, откуда почерпалъ свои молитвы или какую-либо иную духовную пищу. Дверь изъ нашего корридора въ импровизированную молельную была открыта настежъ, и мой коллега имѣлъ полную возможность схватить черты молящагося семита.

По окончаніи наброска карандашемъ, остальное свободное время мы посвятили обозрѣнію обширнаго и шумнаго мѣстечка. Вниманіе наше было посвящено преимущественно замковому городищу, старинной башнѣ мечети, костелу, содержимому въ великомъ порядкѣ старикомъ—ксендзомъ, рынку съ его удивительнѣйшимъ старомоднымъ крамомъ и еврейскими домиками, и живописнымъ берегамъ пока еще неширокаго Буга. Случилось намъ тоже посѣтить и крестьянскую хату, стоявшую среди села за мѣстечкомъ.

Хозяинъ хаты, Петро Климчукъ, былъ женатъ на второй женѣ. Какъ разъ при нашемъ появленіи онъ держалъ на колѣняхъ блѣднаго шестилѣтняго мальчика, сына отъ первой жены, и кормилъ его „пампушками" съ чеснокомъ изъ стоявшаго подлѣ горшка. Хозяйка сидѣла въ сторонкѣ на дубовомъ обрубкѣ, убаюкивала собственнаго малолѣтняго ребенка и ссорилась съ

мужемъ. Споръ шелъ изъ-за того, что мачиха заботилась о своемъ дѣтищѣ, а на двухъ дѣтей мужа отъ первой жены не обращала должнаго вниманія.

— Ото, пане мылостывый—жаловался мнѣ бѣдняга, указавъ кресало и губку на столѣ—якъ бы самъ не годувавъ дытыны, то та гадюка цилый тыждень не дала бъ ему и куска хлиба.

— Винъ бы хотивъ, щобъ я свого забула, та тилько коло его щенятъ ходыла. Нехай ему мам' мордуе, каждому свое въ голови.

— Богъ тебе, проклята, покарае. Якъ я умру, а хлопець пидросте, выжене тебе зъ хаты и сконаешъ пидъ плотомъ... Старикъ замолчалъ, поцѣловалъ въ голову накормленнаго сынка, снялъ съ колѣнъ и велѣлъ идти „до садочку, до свои бидной сестры“.

Въ отсутствіи обоихъ дѣтей ссора между супругами приняла угрожающей характеръ. Простые люди съ какой то особенной охотой начинаютъ домашнія распри при чужихъ. Посторонвіе слушатели какъ будто придаютъ имъ бодрости для свары. Петро высчиталъ всѣ гадости своей злой и дрянной жены; Параска съ неменьшимъ азартомъ упрекала мужа въ лѣности и склонности къ пьянству.

Мы колебались, на чью сторону стать въ этомъ междуусобіи, но по выходѣ изъ хаты наткнулись во дворѣ на сцену трагическаго свойства, доказывавшую какъ нельзя лучше всю преступность Параски.

Въ садикѣ, между лѣсомъ подсолнечниковъ, сидѣла дѣвочка лѣтъ пятнадцати, худенькая и блѣдная какъ смерть, съ синяками на лицѣ; въ золотистые ея локоны вплетены были сухія вѣточки божьяго дерева въ перемежку съ алымъ макомъ. Дѣвчонка съ перепуганнымъ видомъ грызла сѣмечки недозрѣлаго подсолнечника и гнѣвно бросала шелуху въ открытое окно хаты, подъ которымъ сидѣла мачиха. Но особенно поразила насъ дикая пѣсня, которую выводило это странное существо.

Проходившая по улицѣ старая еврейка, заглянувъ въ нашу сторону, замѣтила:

— Поганая мачиха, такъ ту мужнюю дочку била и морила голодомъ, что довела несчастную до сумашествія.

По дорогѣ въ „заѣздъ", я обратилъ вниманіе коллеги на особенности характера южно-руссовъ. Всѣ страсти выражаются у нихъ порывисто. Если здѣсь народъ *щось* или *когось* ненавидитъ, то такъ какъ Параска—ненавидитъ до безумія; если *щось* или *когось* любитъ, то такъ какъ Петро своихъ дѣтей-сиротъ—любитъ всей душей. Другое мы видимъ надъ Вислой. Хотя гнѣвъ и злоба имѣютъ здѣсь болѣе мимолетный характеръ и не переходятъ въ ненависть постоянную, неискоренимую, но, съ другой стороны, и высокіе порывы сердца отличаются у надвислянскаго люда меньшей энергіей и постоянствомъ. Въ Мазовіи, напримѣръ, мужъ прекрасно уживается съ произволомъ мачихи относительно пасынка или падчерицы и даже, къ несчастью, очень часто и самъ еще приходитъ ей на помощь.

Дневной жаръ смѣнился пріятной вечерней прохладой, когда у воротъ заѣзда явилась еврейская подвода, запряженная тройкой клячъ, чтобы доставить насъ на станцію одесской желѣзной дороги Калиновку. Четверть часа спустя мы оставили уже за собою голубоватыя воды Буга.

И снова насъ окружаетъ прекрасная, необозримая степь, кой-гдѣ прерываемая селомъ, прудомъ или помѣщичьей усадьбой, съ ея рядами тополей или темнымъ фономъ парка. Двадцать слишкомъ верстъ до села и мѣстечка Пикова пролетѣли незамѣтно—дорога прекрасная, ровная, широкая, поросшая по краямъ лѣсомъ огромныхъ „будяковъ", изрѣдка огибающая какую-нибудь стародавнюю могилу, или испорченный крестъ, или поросшую лозой и ракитой степную „руду"—любимое убѣжище лисицъ и зайцевъ, надъ которымъ кружатъ въ недосягаемой высотѣ орлы, ястребы и коршуны, подстерегая добычу.

У въѣзда въ Пиковъ разстилается почти на двѣ мили огромный прудъ, который вмѣстѣ съ рѣкой Сниводомъ и мѣстечкомъ создаетъ чудный по красотѣ ландшафтъ. Пиковъ представляетъ въ другихъ отношеніяхъ мало интереса. Въ XVII в. городъ былъ окруженъ валами, имѣлъ замокъ и надворную стражу, здѣсь тянулся къ украинской границѣ главный шляхъ. Въ XVI в. владѣльцемъ Пикова былъ извѣстный воинъ Филонъ Кмита Чернобыльскій. Въ половинѣ XVIII в. городъ отошелъ

отъ острожскаго майората въ руки кн. Ант. Любомирскаго, воеводы люблинскаго, подъ условіемъ снаряженія двадцати конныхъ жолнѣровъ. Затѣмъ имѣніе перешло къ Борейкамъ, а нынѣ куплено одесскимъ капиталистомъ Сафоновымъ, который лѣтомъ навѣщаетъ прекрасный палацъ Борейковъ.

V.

Обширное пространство между Пиковымъ и Калиновкою отличается плодородіемъ почвы, значительными лѣсами и безбрежными равнинами у самой Калиновки. Въ половинѣ пути встрѣтилось намъ село Байковка, имѣніе гр. Альфреда Потоцкаго, отданное въ аренду евреямъ. Времени до отхода вечерняго поѣзда осталось достаточно, и мы велѣли возницѣ остановиться у мѣстной корчмы.

На широкой присьбѣ корчмы сидѣло нѣсколько подгулявшихъ крестьянъ и тутъ же слѣпой лирникъ, окруженный дѣтворой. Наклонившись надъ своимъ инструментомъ, висѣвшимъ на плечахъ, подъ глухой аккомпаниментъ лиры онъ напѣвалъ какой-то мѣстный религіозный мотивъ. Но когда ему сообщили, что „паны прыихалы", лирникъ затянулъ старинную думу о Дмитрѣ Вишневецкомъ, вѣроятно, полагая угодить панамъ.

„Бувъ панъ Корецькый
Дмытро Вышневецькый—
Винъ небесну сылу мавъ
И воювавъ
Громомъ та своимъ словомъ!
Его невирни незлюбылы,
Ловыть на ёго вартовалы,
Ловыть на ёго чатовалы,
Потимъ ёго спіймалы
Тай въ кандалы заковалы,
Ребро ёго крюкомъ затягалы
И на стини прыбывалы.
Высить панъ Корецькый не день и не два,
А высыть винъ такъ симъ года,
И не исть и не пье,
А таке все свое думае.
—Турки еньченьци!
Прошу васъ, божьемъ помышленіемъ

А вашымъ мылосердьемъ,
Дайте жъ вы мени стрилокъ пучокъ
А до моихъ билыхъ ручокъ.
А убъюжъ я вашому, енычепци, царю
Голубця й голубку на славу,
И буде ёму на снидання
И на обидання, и на полудання,
И на вечеру!"...

Странствующій лирникъ не зналъ окончанія думы—описанія смерти Дмитрія, замученнаго турками, но успѣвшаго передъ смертью пустить стрѣлу въ своего врага. Какъ видно, въ понятіяхъ мѣстнаго люда оба богатыря, Корецкій и Вишневецкій, слились въ одно и то же лицо.

Народъ прибывалъ къ корчмѣ ежеминутно—былъ праздникъ. Я обратилъ вниманіе коллеги, съ любопытствомъ наблюдавшаго подолянъ, на то спокойствіе душевное, которое характеризуетъ обитателей степной полосы юга. Тиха она, степь, ровна и неизмѣнна въ своемъ спокойствіи—и потому полна такой поэзіи. Медленно и величественно движутся здѣсь рабочіе волы, тяжело поворачиваются колеса возовъ, лѣниво и задумчиво шагаетъ за возомъ высокій подолянинъ въ высокихъ „чоботяхъ", широкихъ шароварахъ, высокой бараньей шапкѣ и съ саженнымъ бичемъ въ рукѣ. Вся его фигура отличается какою то солидностью, терпѣніемъ. Никуда онъ не спѣшитъ, не волнуется, ничего не ищетъ. Все окружающее какъ будто вовсе не касается этого человѣка. Онъ остороженъ и сдержанъ, въ силу-ли особеностей темперамента, или же вслѣдствіе недовѣрія къ себѣ. Главная причина этой типичной особенности степняка по всей вѣроятности коренится въ его историческомъ прошломъ. Уроженецъ благодатнаго края, степнякъ долѣе остается во своей старой обстановкѣ, долѣе сохраняетъ черты степнаго пастуха съ его тяжеловѣсностью, инертною задумчивостью и простотою обычаевъ. Самая одежа подолянина носитъ какой то патріархальный, отчасти даже восточный оттѣнокъ. Эта свитка или козачья „куртка" съ широкимъ цвѣтнымъ поясомъ, широкіе шаровары, баранья шапка и огромные „чоботы"—несомнѣнное заимствованіе у восточныхъ народовъ, гостившихъ нѣкогда въ степяхъ Подоліи.

Жители степной полосы долго еще будутъ черпать изъ благодатной почвы средства къ жизни и потому надолго сохранятъ и особый типъ, и свой оригинальный складъ быта. Мечтательное настроеніе гармонируетъ здѣсь съ природой, нѣтъ нужды въ постоянномъ напряженіи духа и тѣла. Теплыя ночи съ лазурнымъ небосводомъ, роскошные сады, позлащенныя пшеницей поля будятъ въ человѣкѣ поэтическое чутье. Вотъ почему пѣсни Побужья и Поднѣпровья отличаются поэзіей, неизвѣстной въ большинствѣ другихъ славянскихъ мѣстностей. Видъ мѣстныхъ селъ, хуторовъ, типъ населенія—гораздо привлекательнѣе, нежели въ другихъ окраинныхъ земляхъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы обошли все село, чрезвычайно картинно растянувшееся по равнинѣ. Именно подольскія села неотразимо влекутъ къ себѣ взоры туриста. Среди перепутанныхъ до крайности уличекъ, хаты разбросаны на взгорьяхъ или извилинахъ рѣчки, ручья или пруда—отсюда множество уличекъ, площадокъ и закоулковъ. Издали подольское село напоминаетъ огромный стогъ сѣна, гдѣ „стайни", возовни, хаты, коморы и скирды соломы вокругъ хатъ сливаются въ одно свѣтло-желтое цѣлое. Хата въ чисто-выбѣленными стѣнами выглядитъ привѣтливо и весело, особенно если поблизу стоитъ садикъ и искрящійся цвѣтами огородикъ. У подолянина не встрѣтить хозяйственнаго порядка, свойственнаго жмудину или жителю великопольскому, но за то „молодыця" всегда въ чистой сорочкѣ, полы, лавы, столы и святые образа содержатся въ блистательной чистотѣ, изба всегда укрыта красиво расположенными рядами соломенныхъ „снопковъ".

Рѣдкая хата въ подольскомъ селѣ не имѣетъ своего сада съ фруктовыми деревьями и всякими овощами, ростущими тутъ же на грядахъ, подсолнечниками, дынями, фасолью, вьющейся по изгороди, и т. д. Сливы, вишни, теренъ, дикія, а иногда и культивированныя, груши обыкновенно составляютъ задній планъ крестьянскаго сада, выходящаго на оврагъ, уличную грязь или рѣчку со скалистыми берегами.

Если бы не жалобы и мольбы еврея-возницы, долго еще странствовали бы мы по селу, совершенно забывши о дорогѣ

подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній. Въ два часа по полудни мы отправились въ дальнѣйшій путь и въ половинѣ четвертаго прибыли въ Калиновку. Поселеніе это, съ вокзаломъ желѣзной дороги и сахарнымъ заводомъ, издавна составляло одно изъ многочисленныхъ помѣстій Холоневскихъ, но теперь находится уже въ рукахъ нѣмецкаго промышленника Валькова. Сахарный заводъ производитъ въ годъ сахару на 400,000 руб. Самое мѣстечко состоитъ изъ 175 домовъ и насчитываетъ у себя до 27 ремесленниковъ.

Вечеромъ мы уже мчались по желѣзной дорогѣ въ Винницу.

Этотъ уѣздной городъ расположенъ при впаденіи Винпички въ Бугъ и, какъ извѣстно изъ лѣтописей, существовалъ уже при подольскихъ князьяхъ Корьятовичахъ. Старинный винницкій замокъ сохранялся до паденія Рѣчи Посполитой. Поселеніе широко растянулось вокругъ стараго замчища на взгорьи. Въ 1393 г. Витовтъ отнялъ Винницу вмѣстѣ со всей Подоліей у Корьятовичей и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Въ дальнѣйшихъ судьбахъ города отмѣтимъ, что въ 1610 г. генералъ подольскій Александръ Калиновскій пригласилъ сюда іезуитовъ. Въ 1694 году былъ здѣсь выстроенъ обширный доминиканскій монастырь, обращенный нынѣ въ православный соборъ. Въ 1745 г. винницкій староста Людвикъ Калиновскій основалъ въ Винницѣ монастырь капуциновъ. Въ 1783 г. въ монастырѣ іезуитовъ помѣщена академическая школа, существовавшая въ теченіи 50-ти лѣтъ, до 1832 года. По закрытіи школы зданіе запустѣло, и лишь въ послѣднее время ремонтировано, такъ какъ здѣсь помѣщается мѣстная военная команда.

Что касается академической школы, то въ самый годъ ея открытія поступило 440 учениковъ. Кромѣ закона Божія, здѣсь преподавались языки греческій, латинскій, русскій, польскій, французскій и нѣмецкій, исторія всеобщая, польская и русская, географія, химія, физика, зоологія, ботаника, минералогія, ариеметика, алгебра, геометрія, логика, естественное право, рисованіе и даже начальныя основанія медицины и хирургіи. Учителями въ этой высшей гимназіи были тоже извѣстные ученые, какъ Игн. Ягелло, Іосифъ Ульдынскій, Янъ Стычинскій и мн. другіе.

Въ капуцинскомъ монастырѣ, давшемъ намъ пріютъ во время пребыванія въ Винницѣ, мы встрѣтили лишь троихъ старцевъ, мирно доживающихъ свой вѣкъ въ обширномъ и содержимомъ въ великомъ порядкѣ зданіи. Монастырская тихая, полная патріархальной простоты жизнь прерывалась посѣщеніями города и его живописныхъ окрестностей, и до того пришлась намъ по сердцу, что мы оставили городъ съ чувствомъ сожалѣнія, въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа. Но дорога черезъ Браиловъ вскорѣ развлекла насъ.

Нѣкогда принадлежавшее къ воеводству брацлавскому, поселеніе это, расположенное на двухъ рѣчкахъ Брагѣ и Ровѣ, получило свое турецкое имя въ 1672 г., по волѣ турецкихъ властей. Въ прошломъ вѣкѣ имѣніе принадлежало вельможному роду Потоцкихъ, представитель которыхъ Францискъ Салезій основалъ здѣсь въ 1740 г. монастырь тринитаріевъ и базилику, а сынъ его Феликсъ украсилъ послѣднюю цѣнною живописью. Нынѣ монастырь обращенъ въ провославный, а взамѣнъ того въ 1789 г. выстроенъ новый однокупольный костелъ на фундаментѣ бѣлаго мрамора. Послѣ раздѣла Польши, судьбы Браилова были самыя смутныя и измѣнчивыя. Въ началѣ столѣтія мотъ—наслѣдникъ Феликса Потоцкаго продалъ имѣніе или, какъ гласитъ мѣстная хроника, скорѣе проигралъ въ карты нѣкоему Жуковскому, у Жуковскихъ купилъ Браиловъ извѣстный желѣзнодорожникъ фонъ-Меккъ, вдова котораго продала имѣніе сыну покойнаго канцлера кн. Горчакова за громадную сумму. Это имѣніе, съ 4756 десятинъ роскошнѣйшей пахоти и 3692 десятинъ лѣсу, съ сахарнымъ заводомъ, мельницами, винокурней, доходнымъ мѣстечкомъ и прекраснымъ палацомъ, принадлежитъ къ богатѣйшимъ на Подольи.

Вечерняя мгла окутала село и мѣстечко своею блѣдно-розовою пеленою, когда мы явились въ Браиловъ. Вечерняя служба окончилась и на улицахъ можно было видѣть веселыя группы народа. На другой день утромъ нетерпѣливый топотъ лихой четверки, готовой въ дальнѣйшій путь, съ трудомъ оторвалъ моего товарища отъ наброска браиловскаго ландшафта...

Н. М.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма А. И. Чепы, собирателя к. XVIII в., письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. Между прочими источниками, которыми пользовался Б.-Каменскій для своей Исторіи Малой Россіи, онъ называетъ и «Записки о Малой Россіи умершаго ст. сов. А. И. Чепы, во многихъ связкахъ». При этомъ о личности Чепы Б.-Каменскій говоритъ слѣдующее: «Чепа, котораго я лично зналъ въ бытность мою въ Малороссіи, служилъ девятнадцать лѣтъ подъ начальствомъ безсмертнаго Задунайскаго, пользовался его любовью и довѣренностью, имѣлъ случай собрать множество любопытныхъ рукописей относительно Малой Россіи; но къ сожалѣнію, большая часть сихъ драгоцѣнныхъ источниковъ, составлявшихъ четырнадцать книгъ въ листъ, неизвѣстно куда дѣвалась послѣ преждевременной смерти въ С.-Петербургѣ, Якова Михайловича Марковича. Г. Чепа для пользы отечества своего, повѣрилъ ихъ сему молодому человѣку, намѣревавшемуся писать подробную исторію малороссійскую»... Къ этому извѣстію можемъ добавить, что Чепа взятъ былъ въ канцелярію правителя Малороссіи изъ «подписковъ при судѣ земскомъ повѣта Роменскаго», какъ видно изъ приказа гр. П. А. Румянцова 1779 г., которымъ Чепа былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго канцеляриста съ назначеніемъ при этомъ ему по 60 р. годоваго жалованья [1]). Гораздо болѣе знакомятъ насъ съ личностью этого ранняго малорусскаго исторіофила печатаемыя здѣсь два его письма, писанныя въ 1810 г., къ такому же повидимому исторіофилу В. Гр. Полетикѣ (1865—1845 [2]). Изъ этихъ

---

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1888 г., Распоряженія гр. П. А. Румянцова по управленію Малороссіеи за 1779 г.

[2]) Печатаемыя письма Чепы найдены нами въ остаткахъ Полетикинскихъ бумъгъ, пріобрѣтенныхъ недавно В. В. Тарновскимъ. Въ нашемъ собраніи рукописей имѣется слѣдующее коротенькое письмо Чепы къ секретарю малороссійской кол-

писемъ видно, что бывшій подписокъ Роменскаго земскаго суда былъ настолько образованъ и настолько живо интересовался минувшими судьбами своей родины, что мечталъ объ изданіи малорусской «вивліофики», по примѣру вивліофики Новикова, для сохраненія «малороссійскихъ записокъ въ партикулярныхъ рукахъ, въ пыли лежащихъ». Интересно было имѣть о Чепѣ хотя какія нибудь біографическія свѣдѣнія. Почему онъ жилъ въ Пирятинскомъ селѣ Чепурковкѣ?—Если это было его имѣніе и онъ тамъ жилъ, то не сообщитъ ли кто оттуда, на страницы «Кіевской Старины», воспоминаній о Чепѣ... **А. Л.**

1) М. Г. мой Василій Григорьевичъ.

Честь имѣю поздравить васъ наступившимъ новымъ годомъ, и всеусердно желаю вамъ, съ почтеннѣйшею фамиліею вашею, здравія и всякаго благополучія, по желаніямъ вашимъ. Во время свиданія моего съ вами, я говорилъ вамъ о нѣкоторыхъ бумагахъ, къ Исторіи Малороссійской касающихся, у меня имѣющихся. Помню о тѣхъ изъ нихъ, коихъ вы—сказали,—у себя неимѣете. Изъ нихъ одну записку, о страданіи Кочубея и Искры, при семъ подношу, для всегдашнего приобщенія къ вашимъ манускриптамъ. Ежели бы она была списана не такимъ плохимъ писцомъ, то бы вы прочитали ее съ лучшимъ удовольствіемъ. Прочіе бумаги, изъ назначенныхъ тогда вами, получите отъ меня въ непродолжительномъ времени.

Я далъ слово доставить вамъ списокъ или реестръ, оставшимся еще у меня, по сей матеріи, бумагамъ, для полученія отъ васъ назначенія, какіе изъ нихъ вамъ понадобятся. И вотъ, на первый разъ, піесы о коихъ тогда я невздумалъ сказать вамъ:

1) Краткая хронологія королей польскихъ. Примѣчательна только по тому, что въ ней означено, который изъ нихъ былъ благосклоненъ къ козакамъ.

2) Универсалъ короля Яна Третьего, о подтвержденіи козакамъ преимуществъ 1683 года декабря 29.—Послѣ присоединенія Хмельницкаго къ Россіи.

легіи, И. А. Войцеховичу, которое приводимъ здѣсь полноты ради свѣдѣній о Чепѣ.—„М. Г. мой благодѣтель и другъ Иванъ Андреевичъ! Я вамъ печальный вѣстникъ: о семъ вы узнаете изъ включаемой у сего. Жалко что васъ волочутъ, но вы будучи правы и останетеся таковыми. Ефиміевъ Марко, мой двоюродный братъ, будетъ просить отъ коллегіи выписи; не оставте, м. г., ему пособить въ полученіи желаемаго. Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью, ваш. высокобл. пок. слуга Андреянъ Чепа. Іюля 30 дня, 784 года, Вишеньки“.

3) Письмо кошеваго Ивана Величка Босовскаго къ гетману Юрію Хмельницкому, о непорядкахъ сего послѣдняго. 1662 года сентября 17.

4) Письмо кошеваго Григорія Сагайдачнаго къ гетману Самойловичу, тоже о непорядкахъ. 1686 года, апреля 26.

5) Универсалы и ордера гетмана графа Разумовскаго: —1750, декабря 20, о отставныхъ гусарахъ, волохахъ и салдатахъ, о податтяхъ и повинностяхъ съ нихъ.—1751, апреля 16, о поступленіи въ дѣлахъ по статуту, а не по формѣ министерскаго правленія.—1754, октября 23, о расходахъ на чиновниковъ и почты.—1755, марта 8, о знаменахъ.—1755, сентября 25, о учиненіи новой ревизіи.—1755, декабря 16, о шинкахъ.—1757, іюня 19, о козачествѣ.—1758, апр. 30, о томъ же.—1758 окт. 3, о домахъ для сотенныхъ канцелярій—1760 года, ноября 16, о числѣ присудствующихъ въ судѣ войсковомъ генеральномъ.—1761, іюня 6, о винокуреніи.—1763, февр. 17, о сочиненіи ревизіи.—1764, ноября 19, о учрежденіи земскихъ и подкоморскихъ судовъ.—1764, октября 20, о формѣ позвовъ и увѣщательныхъ писемъ.

Продолженіе будетъ впредь; а вы ежели не имеете которыхъ изъ сихъ бумагъ, прошу написать ко мнѣ; и я съ удовольствіемъ доставлю вамъ копіи.

Я имѣлъ удовольствіе получить почтеннѣйшее письмо ваше отъ 12 октября истекшаго года. Я щитаю ненаградимою потерею то, что, по судьбѣ, живу отъ васъ въ такомъ отдаленіи. Я былъ бы щастливъ обходясь съ вами и пользуясь вашимъ просвѣщеніемъ и наслѣдственными и собственными вашими познаніями.

Прошу принимать мои слова, какъ они есть искренними и вѣрить, что я всегда пребуду съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью, вамъ, мил. государю моему, покорн. слугою Андрѣянъ Чепа.

Генваря 9 дня, 1810 г.
Чепурковка.

2) М. Г. мой Василій Григорьевичъ.

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 2 числа сего мѣсяца, я получилъ; пожалуйте прочтите терпѣливо мой отвѣтъ, который будетъ обширенъ, можетъ быть, съ излишествомъ.

Самъ Бого-человѣкъ плакалъ надъ гробомъ друга своего; и вы отдаете естественный долгъ брату вашему, преселившемуся въ другую лучшую жизнь. Я по дружбѣ моей къ вамъ, принимаю, въ пе-

чали вашей, искреннее участіе. Богъ, со временемъ низпошлетъ вамъ утѣшеніе.

Одно изъ лучшихъ моихъ занятій есть, о безсмертіи души, о будущей жизни, и особливо тогда, когда услышу, о переселеніи въ вѣчность, подобнаго мнѣ человѣка. Нѣкоторыя сочиненія о сей матеріи, я читаю съ благоговѣніемъ и утверждаю себя въ той надеждѣ, что я не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня. Итакъ, ежели я въ сей жизни, наслаждаюсь вашею дружбою, вашею приязнію, удивляюсь вашимъ достоинствамъ, то и въ будущей лучшей жизни, увижусь съ вами и съ симъ отошедшимъ братомъ вашимъ. Вотъ утѣшеніе по разуму, достойное разумнаго существа!

При семъ посылаю вамъ двѣ піесы, нарочно для васъ списанные, щитая, что оные достойны того, что бы вы ихъ прочитали.

Въ истекшемъ генварѣ мѣсяцѣ, возвратились ко мнѣ мои двѣ книги изъ пропадшихъ, по кончинѣ Я. М. Марковича. Не могу обойтись, чтобъ не сказать вамъ сокращенно обстоятельствъ сего возвращенія.—Коллежскій ассесоръ Пироцкій-Кудановичъ, служившій въ Петербургѣ и недавно поселившійся въ Черниговскомъ околодкѣ, возлѣ деревни друга моего Аркадія Александровича Ригельмана [1]), между разговорами, сказалъ сему послѣднему, что онъ былъ при смерти Я. М. Марковича, и что нѣкоторые изъ моихъ книгъ, получилъ онъ отъ покойнаго для прочтенія. По убѣдительнымъ прозьбамъ г. Ригельмана и моей, онъ прислалъ мнѣ двѣ, не такъ рѣдкіе книги.—О протчихъ же сказалъ, что они можетъ быть—въ Петербургѣ у г. Гетуна [2]), статскаго совѣтника, или у Ивана Ивановича Покорскаго, или же у г. Маковскаго. Пощастью, не у разнощиковъ апельсинъ. Сіи люди мнѣ незнакомы; однакожъ я предпринялъ нѣкоторые средства къ освѣдомленію.

Изъ сихъ книгъ, одна содержитъ въ себѣ договорные пункты, начиная съ гетмана Самойловича и прочіе мѣлочи; другая же—списки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ документовъ, коихъ я просилъ у васъ для списанія, якото: съ привилегій 1563, 1568 и 1569 годовъ. Но какъ оные въ сей книгѣ съ описками, то я покорно прошу васъ одолжить мнѣ вашихъ, кои безъ сомнѣнія вернѣе переведены и исправнѣе

---

[1]) Сынъ автора Лѣтописнаго Повѣствованія о Малой Россіи.

[2]) О В. Н. Геттунѣ см. его записки, въ Историч. Вѣстн. 1880 г., № 1—3. Тамъ же см. и объ Ив. Ив. Покорскомъ, служившемъ въ Петербургѣ, совѣтникомъ въ адмиралтейской коллегіи.

списаны. Или не прикажете ли, сію книгу, къ вамъ доставить?— для чего и реестръ оной при семъ вамъ подношу.

А остальные бумаги мои о Малороссіи, прежде обѣщаннаго вамъ реестра, привожу въ нѣкоторое расположеніе, удобное къ происканію. Желаю, чтобы сколько можно дополнить оные историческими, политическими и прочими документами, указами, напечатанными въ вѣдомостяхъ и въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ статьями, публично произнесенными рѣчьми и разными примѣчательными бумагами. Вы, я твердо увѣренъ, снабдите меня многими піесами. Можетъ быть, не мнѣ, а послѣ меня, кому нибудь, случится, мое собраніе употребить въ пользу.

Мнѣ никогда неслучалось читать и видѣть лѣтописанія Самойла Величка. Буди можно, покорно прошу будущею весною, одолжить мнѣ оное для чтенія, и когда оный мнѣ покажется, и для списанія.

Максимъ Федоровичъ Берлинскій, коллежскій ассесоръ, директоръ и учитель народныхъ школъ въ Кіевѣ, на прозьбу мою, о одолженіи мнѣ для прочету, сочиненія его исторіи малороссійской, пишетъ: мнѣ: «то правда, что вышла отъ меня книга: опыты на Малороссійскую Исторію, но недошла.. Удостоился даже всемилостивѣйшаго одобренія, чрезъ министра нашего; но далѣе всемогущихъ у меня силъ не достало, коихъ требовалось до 4000, для выпечатанія ея; а потому она въ долгой шуфлядѣ[1]) и теперь лежитъ въ департаментѣ, а чорная тамъ же, у брата моего, въ С.-Пбургѣ. Со мною есть оной нѣкоторые первоначальные лоскуты, которыхъ теперь мудрено прибрать одинъ къ другому. Ваши записки въ 14-ти фоліантахъ, должны быть весьма занимательны. Я что-то объ таковыхъ слышалъ. О ежели бы сіи труды вашей опытности отысканы! Какъ бы благонадежно было тогда принятся за новую работу. Вы бы здѣлались для меня историческимъ манторомъ. Чтобы не оставить безъ посылки, я присемъ прилагаю малую мою Исторію Россійскую, которую теперь у насъ читаютъ по уѣзднымъ училищамъ и въ академіи».

Г. Берлинскій, человѣкъ ученый, съ дарованіями, свѣдѣніями и очень добрый. Ежели бы онъ согласился, прежде напечатанія своего опыта, издавать на подписку журналъ или записки малороссійскіе, какъ изданы россійская вивліоѳика, записки Петра I, я надѣюсь, открылись бы многіе свѣдѣнія и доказательства, въ партикулярныхъ рукахъ, въ пыли лежащіе. Надѣюсь, что не было бы недо-

[1]) Въ долгомъ ащикѣ.

статка въ пренумираторахъ, а особливо съ пособіемъ г-дъ маршаловъ, г-на почтдиректора и его почтмейстеровъ. Но прежде предложенія г. Берлинскому сихъ средствъ, прошу сказать мнѣ ваше мнѣніе.

Покорно благодарю вамъ за пріятные вѣсти о новомъ законѣ и о чинахъ малороссійскихъ. Таковымъ событіямъ, порадуюсь всею душею:

Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью навсегда вамъ, мил. госуд. моему, покорн. слугою Андрѣянъ Чепа.

Февраля 17 д., 1810 года.
Чепурковка.

Политическая сатира конца XVIII в. Паденіе Польши обусловливалось, какъ извѣстно, нравственнымъ разложеніемъ польскаго общества, зависѣвшимъ, въ свою очередь, отъ противуестественнаго сочетанія въ республикѣ широкой личной свободы шляхты съ неограниченной властью ея надъ крестьянами; отсюда вытекало, что интересы лица ставились выше интересовъ государства; поэтому, заинтересованнымъ въ судьбѣ Польши сосѣдямъ не трудно было деньгами, наградами и обѣщаніями всякихъ благъ пріобрѣтать себѣ сторонниковъ на сеймѣ для направленія внутренней жизни государства въ ту или другую сторону; всѣ такія средства и были дѣйствительно въ ходу; Польша стала, такимъ образомъ, предметомъ борьбы интересовъ сосѣднихъ государствъ; къ указанной главной причинѣ паденія Рѣчи-Посполитой присоединялись многія второстепенныя: религіозно-національная борьба русской—православной и польской—католической народностей, отсутствіе сильной центральной власти и войска, слабое развитіе городскаго сословія и проч.; тѣмъ не менѣе, современники-поляки приписывали политическую смерть своего государства интригамъ русскаго двора. Полная драматизма жизнь Польши въ періодъ ея раздѣловъ несомнѣнно обнаруживала много печальныхъ и, иногда, смѣшныхъ сторонъ ея. Общество, конечно, не могло отказаться отъ оцѣнки событій своего времени; при слабомъ развитіи періодической печати въ большомъ количествѣ появлялись брошюры и книги, обсуждавшіе тотъ или другой вопросъ; рядомъ съ серьезнымъ обсужденіемъ событій, появилась и политическая сатира, бичевавшая или осмѣивавшая современныхъ политическихъ дѣятелей; она принимаетъ различныя формы: то напр. форму *Молитвы Господней*: „Carowa,

ktoraś iest w Petersburgu, swięc się imię twoię, przydz stotysięczne woisko twoje, bądz wola twoja, jak w Moskwie, tak u Polszcze" и т. д.; то форму *Символа Вѣры*: «Wierzę w carową wszechmogącą stworzycielką dawnych intryk w Polszcze» и т. д., то форму *10 заповѣдей*: 1-я «Jam est carowa, ktora was z porządku y rządu wywiadła», и т. д.; то, наконецъ, сатиры принимали форму катехизическихъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ родѣ такихъ, напр.: «Co iest zgubą Polskiey? Że Stanisław na tronie... Branicki wielkim, a Rzewuski polnym hetmanem. Co by mogło poprawic los Polskiey? Małachowski na tronie, Kosciuszko z buławą» и т. д.; то форму афишъ о театральномъ представленіи, напр., пьесы, сочиненной королемъ прусскимъ Фридрихомъ II подъ заглавіемъ: „Раздѣлъ края". Театръ будетъ иллюминованъ, при громѣ пушекъ, горящими городами и селами [1])».

Приведенные образцы сатиръ показываютъ, что въ польскихъ произведеніяхъ этого рода чаще всего подвергались осмѣянію дѣйствія русской государыни и ея представителей и войска. Но мы имѣемъ политическую сатиру того же времени русскаго происхожденія [2]); она характеризуетъ какъ состояніе высшаго польскаго общества, заправлявшаго ходомъ дѣлъ въ государствѣ, такъ и отношеніе къ Польшѣ сосѣднихъ государствъ: Австріи, Пруссіи и Россіи. Эта сатира, по нашему мнѣнію, принадлежитъ перу человѣка русскаго, близкаго ко двору короля Станислава-Августа и знавшаго всѣ интриги и слабости близкихъ къ его особѣ людей, а такимъ человѣкомъ могъ быть только русскій посланникъ въ Варшавѣ; постъ этотъ наканунѣ послѣднихъ раздѣловъ Польши занималъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1790—1792 гг.); что именно онъ, а никто другой, могъ быть авторомъ сатиры, лучше всего убѣждаютъ изданныя лѣтъ пять тому назадъ его бумаги [3]). До 1789 г. Я. И. Булгаковъ находился въ Константинополѣ, состоя русскимъ посланникомъ въ Турціи; начавшаяся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ война Россіи съ Турціей была причиной того, что Булгаковъ былъ посаженъ въ семибашенный замокъ и просидѣлъ въ немъ болѣе 800 дней. Всѣ донесенія Булгакова изъ Константинополя императрицѣ Екатеринѣ II и письма его

---

[1]) Русскій Архивъ. М. 1869 г. стр. 584—588.

[2]) Она найдена нами въ бумагахъ Кіев. Централ. Архива при университетѣ; мы предлагаемъ ее нашимъ читателямъ ниже, сообщая въ примѣчаніяхъ лишь имена лицъ и отказываясь отъ характеристики каждаго изъ нихъ отдѣльно, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста.

[3]) Сборникъ Император. Рус. Истор. Общества, т. 47-й Спб. 1885.

къ русскимъ сановникамъ носятъ печать художественности и отличаются остроумной и мѣткой оцѣнкой лицъ и событій, обнаруживая въ авторѣ образованнаго, умнаго и наблюдательнаго человѣка. Особенно, напр., любопытна сдѣланная Булгаковымъ въ письмѣ къ графу А. А. Безбородку отъ 1-го ноября 1781 г. характеристика всѣхъ европейскихъ пословъ въ Константинополѣ: „французскій", пишетъ онъ, „спесивится, голландскій ему угождаетъ, венеціанскій сбирается учиться грамотѣ, англійскій хвастаетъ, вѣнскій пишетъ, неаполитанскій церемонится, прусскій шутитъ, шведскій скучаетъ, а датскій молчитъ. Я чуть было и о себѣ не написалъ". Такую же попытку охарактеризовать польскихъ правителей 1790—1792 гг. дѣлаетъ Булгаковъ и въ печатаемой ниже сатирѣ; характеристика эта совпадаетъ въ общихъ чертахъ съ тѣми данными, которыя авторъ сообщаетъ въ Петербургъ, рисуя положеніе дѣлъ въ Варшавѣ темными красками со свойственной ему вѣрностью и живостью.

Свѣтлѣйшій король Р. П. [1]): «Ждахъ соскорбящаго,—и не бѣ утѣшающаго,— и не обрѣтохъ; и даша въ снѣдь мою желчь».

Первенствующій архіепископъ [2]): «Господь гордымъ противится».

Князь бывшій подкоморный [3]): «Утѣха моя со дщерми человѣческими».

Князь Станиславъ [4]): «Господь азъ есмь и не измѣнюся».

Князь Іосифъ: «аки ратникъ мужественный».

Государственные чины: *М. В. К. Мнишекъ*: [5]) «Господи! что ся умножиша ступающія ми? Мнози востаютъ на мя!»

Г. В. К. Браницкій [6]): «Беззаконія ради претерпѣхъ поношеніе; покры срамота лице мое».

Канцлеръ В. К. [7]): «Вниде въ онь сатана, да предастъ Его».

Вице-канцлеръ [8]): «Иди, покажися священникомъ».

Маршалъ В. К. Л. [9]): Аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо».

---

[1]) Р—Рѣчи, П—Посполитой; королемъ былъ Станиславъ-Августъ Понятовскій.

[2]) Примасъ королевства, гнѣзненскій архіепископъ князь Михаилъ-Юрій Понятовскій, братъ короля.

[3]) Имя намъ не удалось опредѣлить.

[4]) Князья Станиславъ и Іосифъ Понятовскіе, племянники короля.

[5]) Маршалъ великій коронный Михаилъ Мнишекъ.

[6]) Гетманъ великій коронный Францишекъ-Ксаверій Браницкій.

[7]) Канцлеръ великій коронный Яцекъ Малаховскій.

[8]) Вице-канцлеръ коронный Гуго Колонтай.

[9]) Маршалъ великаго княжества литовскаго Игнатій Потоцкій.

Подскарбій В. К. [1]): «Видѣхъ нечестиваго превозносящагося, мимо идохъ, и се не бѣ».

Маршалъ Н. К. [2]): «Удалихся бѣгая и водворихся въ пустынѣ».

Маршалъ Н. Л. [3]): «Господи, стражду! Заступи мя»!

Гетманъ П. К. [4]): «аки не бѣ».

Гетманъ В. Л. [5]): «Точащіяся хладныя воды».

Гетманъ П. Л. [6]): «Нѣсть въ немъ беззаконія».

Епископы: *Познанскій* [7]): «Не вѣсть писанія».

Плоцкій [8]): «Господи! Ты вѣси безуміе мое».

Куявскій [9]): «Аще и состарѣется, не удалится отъ нея».

Краковскій [10]): «Вознесся же, смирихся и изнемогъ».

Кіевскій [11]): «Исповѣмся Тебѣ, Господи, яко услышалъ еси молитву брата моего».

Холмскій [12]): «Отъ Господа бысть сей и есть; и дивенъ во очію нашею».

Луцкій [13]): «Змій бѣ мудрѣйшій веѣхъ».

Инфлянтскій [14]): «Да не потребится отъ книгъ живыхъ».

Маршалъ сейма [15]): «И есмь, якоже протчіи человѣцы».

Сапѣга М. Л. [16]): «Заблудихъ отъ чрева, глаголахъ лжу».

Сапѣга К. В. Л. [17]): «Неключимъ есть, дондеже извержется вонъ».

Хрептовичъ [18]): «Правда моя въ земли забвенней».

Подскарбій П. Кор. [19]): «Не чистъ будетъ, даже до вечери».

---

1) Подскарбій великій коронный Томашъ Островскій.

2) Маршалъ надворный коронный Казимиръ Рачинскій.

3) Маршалъ надворный литовскій Станиславъ Солтанъ.

4) Гетманъ польный коронный Северинъ Ржевусскій.

5) Гетманъ великій литовскій Михаилъ Огинскій.

6) Гетманъ польный литовскій Людвигъ Тышкевичъ.

7) Епископъ познанскій Антоній Онуфрій Окенскій.

8) Епископъ плоцкій Криштофъ Шембекъ.

9) Епископъ куявскій Іосифъ Рыбинскій.

10) Епископъ краковскій Феликсъ Турскій.

11) Епископъ кіевскій Касперъ Цѣцишевскій.

12) Епископъ холмскій Мацѣй Гарнышъ.

13) Епископъ луцкій Адамъ Нарушевичъ.

14) Епископъ инфлянтскій Іосифъ Коссаковскій.

15) Маршаломъ сейма въ 1790—1792 г. билъ великій коронный канцлеръ.

16) Сапѣга Казимиръ-Несторъ, маршалъ литовскій (м. л.).

17) Сапѣга Александръ, канцлеръ великій литовскій (к. в. л.).

18) Хребтовичъ Іоахимъ, подканцлеръ литовскій.

19) Это лицо намъ не удалось опредѣлить.

Партія Россійская [1]): «Мы убо праведно страждемъ, и достойная по дѣламъ нашимъ воспріемлемъ».

Партія Прусская [2]): «Уничится, яко вода мимотекущая».

Партія Цесарская [3]): «Изъ ничего не будетъ ничего».

Партія С. кор. П. [4]) «Васъ ради претерпѣхъ поношеніе весь день».

Всѣ посланники вообще «не познаша, ниже уразумѣша; во тмѣ ходять несмѣтное множество дураковъ».

Россійская императрица: «Въ малѣ и узрите мя».

Король прусскій [5]): «Прежде даже жаворонокъ не возгласитъ, обману васъ три краты».

Кесарь [6]) «Защитникъ вашъ буду даже до Люблина».

Король польскій: «Престолъ мой въ столпѣ облачнѣмъ».

Посланникъ россійскій: «Чающій воскресенія».

Посланникъ прусскій [7]): «Четверодневенъ есть, уже—смердить».

Министры и агенты: англійскій, шветскій, французскій и дацкій: «аки не бѣхомъ».

Бѣдный и добродушный народъ польскій: «князи наши согрѣшиша и мы несемъ нечестіе ихъ; привмѣнены быхомъ съ нисходящими въ ровъ; быкомъ, яко человѣкъ безъ помощи мертвыхъ свободъ».

К. П. къ своему народу: «Слыште, людіе мои, и засвидѣтельствую вамъ: аще слушаете меня, не будетъ вамъ богъ новъ, ниже поклонитеся богу чуждому. Аще быша людіе мои послушали меня, ни о чесомъ убо враги ихъ смирилъ быхъ». **И. К—ъ.**

Рѣчь, произнесенная малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Н. Г. Рѣпнинымъ, при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ, 25 сентября, 1823 года [8]). Малороссійское дворянство черниговской губерніи! видя въ третій разъ себя окруженнымъ почтеннымъ собраніемъ вашимъ, не стану возобновлять изложеній обязанностей

---

[1]) Русская партія: Браницкій, Пулавскій, Коссаковскіе и друг.

[2]) Прус. партія: Игнатій Потоцкій, Малаховскій, Коллонтай и др.

[3]) Австрійская партія: Ржевусскій и друг.

[4]) Партія короля: Хребтовичъ и др.

[5]) Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ.

[6]) Австрійскій императоръ Леопольдъ II.

[7]) Маркизъ Джор. Люккезини.

[8]) Сколько мы помнимъ, настоящая рѣчь, сообщенная намъ А. М. Лазаревскимъ, до сихъ поръ не была издана. *Ред.*

вашихъ при предлежащемъ исполненіи правъ, милостію монаршею дарованныхъ сословію нашему; чего отъ васъ требуетъ и ожидаетъ правительство, изъяснялъ я вамъ во всей полнотѣ и съ тою откровенностію, которая всегда должна одушевлять каждаго гражданина, а тѣмъ болѣе меня, сѣмъ лѣтъ уже призваннаго довѣріемъ всемилостивѣйшаго государя быть среди васъ исполнителемъ воли его, блюстителемъ закона, ходатаемъ о пользахъ вашихъ.—Уповаю слова мои неизгладились изъ памяти вашей.

Итакъ поспѣшу воззвать къ вамъ вѣщаніемъ великаго государя нашего: „*съ вѣрностію, усердіемъ и честію* [1])“ изберите изъ среды себя: народу судей правыхъ, правительству первыя орудія къ охраненію общаго спокойствія, себѣ предводителей достойныхъ уваженія согражданъ своихъ, ходатаевъ о выгодахъ вашихъ и ревностныхъ исполнителей попеченій правительства, къ коимъ могъ бы я обращатся всегда съ полнымъ довѣріемъ.

Не трудно вамъ будетъ исполнить ожиданія мои, если вы, позабывъ могущія быть частныя неудовольствія, соединитесь на пользу общую въ единодушіи христіянскомъ и, давая голосъ избранія достойнѣшему, убѣдитесь при томъ и тою истинною, что уклоненіемъ отъ службы общественной нарушается отличительная черта россійскаго дворянина: никогда не принадлежать самому себѣ, а всегда жертвовать царю и соотчичамъ, жизнью и мнѣніемъ, умомъ и способностями.

Малороссія никогда не нуждалась людьми достойными къ прехожденію службы. Въ прежнія времена Хмѣльницкій, Искра и Кочубей, Полуботокъ, Безбородько послужатъ не только вамъ, но и дальнѣйшимъ потомкамъ всей Россіи, знаменитыми примѣрами доблестей воинственныхъ, вѣрности царю, твердости духа, глубокомысленности политика; да и нынѣ среди пастырей церкви, защитниковъ отечества, мужей удостоенныхъ государемъ быть въ совѣтѣ его, судилищахъ и протчихъ степеняхъ государственнаго правленія, въ сонмѣ ученыхъ и изьящныхъ художниковъ,—вездѣ малороссіяне могутъ гордится многими изъ своихъ соотчичей. Наполните же и собственныя судилища свои людьми имъ подобными.

Съ начала вступленія моего въ званіе, коимъ облеченъ милостію монаршею посвятилъ я, малороссіяне, себя совершенно вамъ: гордился подвигами общими и заслугами частными; не укоснялъ быть пред-

---

[1]) Слова манифеста отъ 2 апрѣля 1801 года. *Примѣч. автора рѣчи.*

стателемъ въ нуждахъ вашихъ; въ дружбѣ и приверженности вашей находилъ лестнѣйшую для себя награду. Нынѣ же по протеченіи многихъ лѣтъ, служенія моего среди васъ, раздѣливъ съ вами скорбь и труды въ несчастіи, недавно насъ постигшемъ, я дерзаю уже считать себя совершенно собратомъ вашимъ, и тѣмъ ближе къ сердцу моему подвигъ похвальный каждаго изъ подчиненныхъ мнѣ; тѣмъ тягостнѣе для меня исполненіе строгой обязанности, обращать возмездіе закона на нерадиваго и преступнаго.

Приглашаю васъ шествовать во храмъ Господень—для принесенія предъ престоломъ Всемогущаго обѣта объ избраніи правомъ; Око всевидящее проникнетъ во глубину сердца каждаго изъ васъ и, уповаю, не найдетъ недостойнаго коснутся устами къ словамъ истины. Но не предлежитъ мнѣ распространятся о святости сего дѣйствія; скажу вамъ только, что вы предстанете нынѣ предъ лице того страшнаго Судіи, который недавно посѣтилъ васъ испытаніемъ голода,—того милосердаго Отца, который нынѣ благословилъ плодами изобилія. Принесите же Ему дань благодарности исполняя всѣ обязанности ваши, по вѣщанію царскому, *съ вѣрностію, усердіемъ и честію.*

Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст. Обычай „виршеванья“ до недавняго времени соблюдался въ Малороссіи и, быть можетъ, по мѣстамъ соблюдается и понынѣ. Еще въ годы моего дѣтства (начало 60-хъ годовъ) въ семьяхъ священниковъ было въ обычаѣ, чтобы дѣти-школьники въ день Пасхи, Рождества, а равно въ дни имянинъ старшихъ членовъ семейства произносили поздравительныя „вирши“, Богъ знаетъ кѣмъ и когда сочиненныя и переходившія по традиціи изъ рода въ родъ. Когда то обычай этотъ свято соблюдался не въ одномъ лишь духовномъ сословіи, и нѣтъ сомнѣнія, что начало ему положили южнорусскія школы XVII ст., въ которыхъ искусство слаганія „виршей“ для привѣтствій лицъ начальствующихъ и меценатовъ было возведено въ систему. Студенты кіево-могилянской академіи въ нарочитые случаи in corpore привѣтствовали „виршами“ митрополитовъ, гетмановъ, полковниковъ и прочихъ знатныхъ людей, а разъѣзжаясь по домамъ, примѣняли этотъ школьный способъ чествованія и къ лицамъ меньшихъ ранговъ: „виршами“ поздравляли мѣщанъ, козаковъ и вообще всякаго, кто могъ за то чѣмъ-либо наградить ихъ. Это сдѣлалось обычнымъ выраженіемъ почета, и „виршовники“ не оставались въ убыткахъ.

Изъ кіевской академіи обычай этотъ перешемъ въ другія школы, какія впослѣдствіи стали заводиться въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, и наконецъ сдѣлался общею принадлежностью всякой школы, даже первоначальной. Такимъ путемъ „виршованье" перешло даже въ простонародную среду, гдѣ живетъ и донынѣ.

Въ старину „вирши" слагались на разныхъ языкахъ, примѣнительно къ степени образованія тѣхъ лицъ, предъ которыми онѣ были произносимы: на латинскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и др. Въ малообразованныхъ общественныхъ кругахъ пользовались преимущественно языкомъ народнымъ. Съ XVIII в., когда языкомъ преподаванія въ малороссійскихъ школахъ сдѣлался русскій книжный языкъ, на немъ начали слагать и „вирши" для тѣхъ лицъ, которыя или сами учились ему въ школахъ, или освоились съ нимъ практическимъ путемъ. Къ этому именно роду принадлежатъ помѣщаемыя нами *вирши*, найденныя въ старинной тетради, принадлежавшей нѣкогда, судя по надписи, Петру Навроцкому, подканцеляристу полковому гадяцкому, и составленной очевидно раньше 1782 г. О содержаніи и характерѣ этой тетради подробнѣе см. въ нашей замѣткѣ о Рождественскихъ виршахъ, помѣщенной въ январской кн. „Кіевск. Стар." за 1889 г.

I.

Какъ женамъ Христа искавшимъ
Ангелъ нову вѣсть сказалъ,
Что Христосъ, враговъ поправши,
По трехъ днехъ изъ гроба всталъ,
Хоть велику начинали
Въ сердцѣ радость ощущать,—
Но еще усумнѣвались
О томъ инымъ объявлять;
Я жъ то несумнѣнно знаю,
Что Христосъ воскресъ, нашъ Спасъ,
Для того и поздравляю
Таковымъ привѣтомъ васъ
Да воскресшій нашъ Спаситель,
Всемогущій Христосъ, Богъ
Васъ введетъ въ свою обитель
И въ небесной свой чертогъ.

II.

Вѣрша Воскресенію

Крушить всемъ полно насъ, печали,
Престаньте нашъ смущати духъ!
Уже вы много намъ скучали,
Теперь вамъ перемѣны вдругъ!
Болшая радость наступила;
Вчера кто только не стеналъ!
Теперь она всѣхъ ободрила
Тѣмъ, что Христосъ отъ мертвыхъ всталъ.
О радостныя перемѣны,
Что свѣтъ отъ гроба возсіялъ
Во мрачной всѣмъ сидящимъ сѣни
И мракъ діявольскій прогналъ!
Пусть радость же сія множится
Внутрь твоего всегда сердца,
И радости сей не лишиться
Тебѣ желаю до конца. *Finis.*

Сообщилъ **О. Л.**

Евреи-козаки въ нач. XVII в. Подъ этимъ заголовкомъ въ еженедѣльной газетѣ «Русскій Еврей» 1880 г., № 9, г. А. Гаркави напечаталъ нижеслѣдующій отрывокъ изъ еврейской книги — «Вопросы и отвѣты раввина Іоиля Серкесса», изданной: въ 1697 г., въ Франкфуртѣ на Майнѣ.

«№ 57. Господинъ Іосифъ, Моисеевъ сынъ, далъ свидѣтельское показаніе по нѣмецки такого содержанія»:

«Насъ было одиннадцать домохозяевъ, служившихъ въ войскѣ. Еврей же Бераха, сынъ святаго (т. е. мученика) Арона изъ Тишвицъ (Тышовце, Tyszowce, люблинской губ.?), служившій на трехъ лошадяхъ, выскакалъ два-три раза къ московскому войску, какъ это обычно на войнѣ. Но москвитяне одолѣли, и еврей отскочилъ назадъ и изъ лѣсу стрѣляли ему вслѣдъ. Я видѣлъ, какъ ладунка (ladunek, патронъ) воткнулась ему въ спину, какъ онъ палъ на сѣдло, и желая держаться за лошадиную гриву, онъ шатался туда и сюда и лошадь понесла его по дорогѣ, но я не видѣлъ его во время бѣгства нашего войска. Во время его паденія на лошадь дымъ выступилъ у него

изо рта; я находился тогда близко отъ него. Затѣмъ мы бѣжали вслѣдъ за войскомъ, тогда я уже видѣлъ его лошадь безъ всадника, а сѣдло висѣло криво; я же хорошо зналъ его лошадь. Вслѣдъ затѣмъ военачальникъ приказалъ собрать разсѣянное войско посредствомъ барабаннаго боя и народъ началъ разговаривать про войну. И многіе козаки говорили: О, Боже, какъ жалко, что рыцарь еврей Бераха такъ плачевно скончался, онъ былъ разрубленъ и расколотъ бердышами и т. д. На слѣдующій день, козаки побили москвитянъ и забрали добычу, между прочимъ также лошадь и шляпу, которыя я хорошо зналъ и его мечъ, который не былъ мнѣ знакомъ хорошо. Сотникъ нашъ захотѣлъ получить вещи Берахи, а десятникъ также пожелалъ ихъ, и они судились предъ *коломъ* (громадой). И десятникъ говорилъ: «я имѣю больше права на эти вещи, ибо въ то время, когда трупы нашихъ убитыхъ были сожигаемы, я своей рукой раздѣлъ означеннаго Бераху и предалъ его огню»; и онъ представилъ много козаковъ свидѣтелями, что онъ (десят.) втащилъ трупъ Берахи въ домъ, гдѣ онъ его сжегъ. Вслѣдствіе этого вещи Берахи были присуждены десятнику. Послѣ того я слышалъ также отъ козака по имени Хведеръ (Ѳедоръ), который затѣмъ сдѣлался священникомъ въ Кіевѣ, какъ онъ ненарочно разсказалъ о своемъ присутствіи при сожженіи тѣла Берахи упомянутымъ десятникомъ. Я знаю также хорошо, что больше одного еврея подъ именемъ Бераха въ нашемъ войскѣ не было и т. д. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль многіе козаки изъ войска Наливайки разсказывали также ненарочно о геройствѣ Берахи и обстоятельствахъ его смерти.—Вотъ сущность показанія упомянутаго свидѣтеля, который распространился въ своемъ разсказѣ предъ судомъ въ Флоряновѣ, въ понедѣльникъ, 5-го мѣсяца Кислевъ 374-го года (1613 по Р. Х.); и это было прислано ко мнѣ для того, чтобъ я высказалъ ему мнѣніе по этому вопросу».

Къ приведенному документу, г. Гаркави дѣлаетъ слѣдующее поясненіе: «Раввинъ Іоиль Яфа, прозваніемъ Серкесъ, занималъ должность раввина сперва въ разныхъ мелкихъ городахъ въ Польшѣ и Литвѣ, затѣмъ онъ былъ призванъ въ Брестъ-Литовскъ... Вопросъ о козакѣ Берахѣ былъ адресованъ къ нему во время пребыванія его въ Брестѣ.—Самъ вопросъ состоялъ въ томъ, достаточно ли по еврейскому закону показаніе еврея-козака Іосифа о смерти другого еврейскаго козака Берахи для того, чтобъ вдовѣ послѣдняго было дозволено вторично вступить въ бракъ». Къ сему г. Гаркави добавляетъ: «изъ того обстоятельства, что свидѣтель не нашелъ нужнымъ

объяснить, какимъ образомъ онъ самъ, Бераха и остальные евреи попали въ козацкое войско, а говоритъ мимоходомъ: «насъ было въ войскѣ одиннадцать», можно заключить, что фактъ этотъ не былъ единичнымъ и что отбываніе евреями военной повинности въ натурѣ было тогда обычнымъ явленіемъ, о которомъ не считали нужнымъ распространяться»...

Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. Въ 1639 году на Тулу явились по государеву указу бояре и воеводы князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкаскій съ товарищами для прибора въ солдатскую и драгунскую службу *дѣтей боярскихъ*, у которыхъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ крестьянъ и бобылей было не болѣе какъ по 2 и по 3 человѣка, иноземцевъ и всякихъ охочихъ людей, которые не въ службѣ и не на тяглѣ. Въ числѣ желающихъ записаться въ службу оказалось нѣсколько *запорожскихъ черкасъ*, пробравшихся на Тулу чрезъ Курскъ и Кромы. Кормовая книга составленная спеціально для этихъ запорожцевъ даетъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о нихъ. «Лѣта 7147 году мая въ 17 д. пришли въ Съѣзжую Избу къ боярину и воеводамъ Дмитрію Мамс. Черкаскому съ товарыщи изъ Курска да изъ Кромъ переѣзжіе черкасы атаманъ Якушко Иванитцкой да ясаулъ Ондрюшка Мамченковъ съ товарыщи 35 человѣкъ *съ проѣзжими памятьми*. А въ проѣзжихъ ихъ памятехъ написано: по г. указу и по грамотѣ изъ *приказу сбору ратныхъ людей* за приписью дьяка Василья Прокофьева высланы они на г. службу на Тулу въ салдатцкую и въ драгунскую службу. И били челомъ г. ц. и в. к. Михаилу Ѳедоровичу в. Р., чтобъ имъ быти на г. службѣ на Тулѣ въ драгунѣхъ и въ салдатѣхъ. И бояре и воеводы князь Д. М. Черкаскій съ товарыщи *запорожскимъ черкасомъ* атаману Я. Иванитцкому да ясаулу О. Мамченкову съ товарыщи 35 челов. велѣли быти въ салдатѣхъ, а для *иноземства* велѣли имъ корму дать противъ *донскихъ* и *яицкихъ* атамановъ, и ясауловъ, и козаковъ». Указанная кормовая книга вскрываетъ такимъ образомъ слѣды перехода донскихъ, яицкихъ и *запорожскихъ* козаковъ на московскую службу. Съ 17 мая явившимся запорожцамъ и стали давать кормовыя деньги (атаману по 2 алт. по 2 ден. на день, ясаулу по 2 алт., рядовому по 10 денегъ человѣку), что продолжалось по 1 сентября 1639 г. Но еще 25 августа *по ихъ челобитью* велѣно было этихъ черкасъ «съ Тулы отпустить на Волуйку» и тамъ «устроить на вѣч-

ное житье съ *прежними съ перехожими черкасы»*. Значитъ, это былъ далеко не единственный случай перехода черкасъ на московскую службу и что на южной московской чертѣ устраивались цѣлыя поселенія изъ выѣзжихъ иноземцевъ-черкасъ, какъ ихъ тогда звали. Подъемныхъ денегъ для переселенія на Валуйки дано было: 4 руб. съ полтиной атаману, 4 р. есаулу да по 3 руб. каждому рядовому, и кромѣ того каждому на дорогу зелья и свинцу. Вслѣдъ за ними отправился на Валуйки тулянинъ Левонтій Костомаровъ[1]) съ годовымъ для нихъ жалованьемъ (316 руб.) и спискомъ ихъ именъ.

(Изъ кормовыхъ книгъ въ д. дес. N $\frac{\text{нов. } 118}{\text{ст. } 322}$ Мос. Арх. Мин. Юст.)

Другой документъ, именно раздаточная книга денежнаго жалованья служилымъ людямъ, собраннымъ въ 1648 г. на Валуйкахъ для г. службы съ окольн. княземъ Дм. Петр. Львовымъ ради «крымской посольской размѣны», *отчасти* отвѣчаетъ на вопросъ, выдвигаемый предъидущимъ документомъ. Эта раздаточная книга перечисляетъ призванныхъ на время на Валуйки *черкасъ* изъ разныхъ южныхъ городовъ: изъ Оскола 20 челов., изъ Усерда 50 челов., изъ Ольшанска 50 челов., изъ Корочи 150 чел. Это призваніе на службу было не изъ *всѣхъ* южныхъ городовъ и не *всего* наличнаго запаса черкасъ. За указанную службу всѣ вызванные на Валуйки въ госуд. денежн. жалованьѣ и въ службѣ ручалися другъ по другѣ, десятокъ по десяткѣ, что имъ черкасомъ, будучи на Осколѣ (такъ же и относительно Усерда, Ольшанска и Корочи) государю служити и на вѣчное житье строитца по прежнему государеву указу» (л. л. 54, 56, 58, 64 въ к. д. № 119). Оскольскіе, усердскіе, ольшанскіе и короченскіе черкасы получили по семи рублей каждый, валуйскіе же только по 1 рублю въ числѣ 20 человѣкъ (л. 72).

Таковы любопытныя свѣдѣнія указанныхъ двухъ документовъ 1639 и 1648 гг.

В. Н. Сторожевъ.

По поводу библіографической замѣтки г. С. А—ва о соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока». Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ помѣщена библіографическая замѣтка г. С. А—ва о переведенномъ мной соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ» и напечатан-

[1]) Срв. М. А. М. Ю. к. д. № 119 л. 3.

номъ въ 1876—79 гг. въ мѣстныхъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ». Въ настоящее время на книгѣ перемѣнена обложка, заглавіе ея искажено, изданіе приписано книжному магазину М. И. Карповича и отнесено къ двумъ послѣднимъ годамъ. Хотя авторъ замѣтки и не высказываетъ своего предположенія относительно виновника этой дѣйствительно «безцеремонной и возмутительной спекуляціи», вводящей въ обманъ покупателей, тѣмъ не менѣе неоднократно повторяетъ мое имя. Изъ боязни, чтобы читатели не заподозрили меня въ этой оскорбительной для меня продѣлкѣ или, покрайней мѣрѣ, въ соучастіи въ ней, я считаю необходимымъ сказать въ свое оправданіе слѣдующее: мой переводъ Ленормана печатался, какъ я уже сказалъ, въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ»: поэтому изданіе его никакому книгопродавцу, и тѣмъ болѣе г. Карповичу, принадлежать не могло; переводъ выходилъ отдѣльными выпусками, которые, за исключеніемъ одного, купленнаго книгопродавцемъ Н. Я. Оглоблинымъ, тотчасъ при появленіи въ свѣтъ пріобрѣтались Л. В. Ильницкимъ, бывшимъ владѣльцемъ магазина, принадлежащаго теперь г. Карповичу; изъ шести выпусковъ переводъ перваго «Египтяне» принадлежитъ не мнѣ и ложно приписывается мнѣ г. Карповичемъ. Сдавъ изданіе гг. Ильницкому и Оглоблину я никогда не принималъ и не принимаю никакого участія въ его распространеніи; поэтому въ перемѣнѣ обложекъ и искаженіи заглавія совершенно не участвовалъ и даже вовсе не зналъ объ этомъ. Всю вину въ этой спекуляціи возлагаю на книгопродавца М. И. Карповича, такъ какъ въ его магазинѣ находятся нераспроданные экземпляры «Руководства». Лично г. Карповича вовсе не знаю.

И. Каманинъ.

P. S. Покорнѣйше прошу редакцію «Историч. Вѣстника» хотя въ самыхъ краткихъ словахъ сообщить мое объясненіе въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ своего журнала.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый коммиссіею для разбора др. актовъ и проч. Кіевъ. 1888. Въ 8-ю д. Стр. XXIX + 633 + 6 ненум. + XXXVI.

2) Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. (Изслѣдованіе по архивному матеріалу). Кіевъ. 1888. Въ 8-ю д. Стр. 140.

О первой изъ этихъ книгъ слѣдуетъ замѣтить, что она вышла въ свѣтъ гораздо позже выставленнаго на ней года; изслѣдованіе же г. Стороженка, составляющее обработку по болѣе обширному плану того же матеріала, какой вошелъ въ настоящій томъ «Архива», изданный подъ его же редакціею и послужившее темою вступительной его статьи къ этимъ актамъ, хотя и вышло своевременно, т. е. раньше документовъ, на которыхъ основано, но мы сочли болѣе удобнымъ упомянуть о немъ теперь, совмѣстно съ актами и со статьею при нихъ того же автора. Впрочемъ, разбирать изслѣдованія по существу мы не станемъ, такъ какъ разборъ его, вслѣдствіе неразработанности предмета и новизны данныхъ, потребовалъ бы не меньшей по объему статьи и не менѣе времени, чѣмъ самый трудъ г. Стороженка. Притомъ же, теоретическая сторона, вопросъ о генезисѣ и развитіи самого учрежденія сеймиковъ, послужила уже предметомъ обстоятельной, по отношенію къ нашему автору мѣстами, быть можетъ, рѣзкой критической статьи—проф. Бершадскаго въ «Журн. М-ва Нар. Просвѣщенія» (1888, кн. 10, стр. 369—403). Предпочитаемъ остановиться на значеніи спеціальнаго рода документовъ второй части «Архива», издававшихся нѣкогда Иванишевымъ, а теперь г. Стороженкомъ, какъ историческаго матеріала вообще и въ частности матеріала для мѣстной исторіи.

Намъ кажется, что именно въ отношеніи къ этому основному пункту нашъ авторъ едва ли стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія, а собственная неувѣренность отразилась и въ его же словахъ. Задачу своего изслѣдованія онъ опредѣляетъ какъ «изображеніе исторіи, организаціи и дѣятельности сеймика во всей его полнотѣ», и притомъ «главнымъ образомъ на основаніи изданнаго коммиссіею подъ его редакціею, архивнаго матеріала», обнимающаго вторую половину XVII в., т. е. именно «періодъ наиболѣе полнаго развитія и процвѣтанія сеймика» («Сеймики», 2). По такому опредѣленію, мы ожидаемъ имѣть дѣло съ трудомъ по существу историко-юридическимъ, посвященнымъ изслѣдованію спеціальнаго института въ области польскаго государственнаго права. Если на дѣлѣ находимъ иное, такъ какъ этой сторонѣ дѣла посвящена всего только одна первая изъ шести главъ труда г. Стороженка,—то вовсе не по его винѣ, а по той простой причинѣ, что изъ множества разнообразныхъ предметовъ, которые затрогиваются въ сеймиковыхъ постановленіяхъ, меньше всего можно почерпнуть данныхъ для «исторіи» и «организаціи» самыхъ сеймиковъ. При нерегулированномъ со стороны закона и потому чрезвычайно широкомъ кругѣ вѣдѣнія, сеймики обсуждали то государственныя дѣла вообще, то чаще со своей мѣстной точки зрѣнія, то спеціально мѣстные интересы, то дѣла совершенно частнаго характера, занимаясь послѣдними по тому только, что въ нихъ заинтересованъ кто либо изъ вліятельныхъ или патронируемыхъ дворянъ повѣта. Самоорганизаціей они если и занимались, то немедленно же проводили въ жизнь каждое такое постановленіе, не встрѣчая надобности даже его формулировать. Едва ли не единственный примѣръ записаннаго организаціоннаго правила находимъ въ формѣ дезидерата волынскихъ дворянъ о лишеніи права рѣшающаго голоса на сеймикахъ, но не участія въ послѣднихъ, тѣхъ дворянъ, которые не были землевладѣльцами-собственниками въ предѣлахъ воеводства, а только, какъ possessores quocunque titulo juris, фактически присвоили себѣ такое право, пользуясь пробѣломъ въ законодательствѣ; пополненія его волыняне и потребовали. («Архивъ» стр. V, а документъ—276—277). Каждый отдѣльный сеймикъ, именно по отсутствію обязательной нормы, организовался какъ ему вздумалось самому, и такую организацію данной минуты естественно считалъ за наиболѣе совершенную. Не о чемъ было и хлопотать. Фактовъ для исторіи сеймиковъ надо искать только въ немногихъ общихъ указаніяхъ закона (о засѣданіи въ костелѣ, въ видахъ предупрежденія вооруженныхъ дракъ, о вы-

борномъ ad hoc предсѣдателѣ и т. под.), отчасти въ регламентѣ общихъ государственныхъ сеймовъ, которые могли служить и служили примѣромъ для подражанія, въ сочиненіяхъ современныхъ легистовъ (ими авторъ и пользуется въ I гл. изслѣдованія) и въ отрывочныхъ указаніяхъ современниковъ, такъ какъ до насъ не дошло полнаго дневника ни одного сеймика. Недостаточность матеріала постановленій и была причиною, что г. Стороженко наибольшую и существенную часть своихъ работъ вынужденъ былъ посвятить не самимъ сеймикамъ, а ихъ «отношенію» къ вопросамъ политическимъ, экономическимъ, религіознымъ и сословнымъ (въ статьѣ «Архива» трактуются только двѣ послѣднія категоріи), и одному мѣстно-реальному, — пограничной защитѣ областей.

Самое «отношеніе» это оказывается до такой степени разнообразнымъ и измѣнчивымъ, по мѣсту и времени, что найти въ немъ руководящую нить на основаніи матеріала однихъ постановленій и инструкцій невозможно. Это вполнѣ естественно по юридическому значенію этихъ документовъ, да и самихъ сеймиковъ. Присвоеніе послѣднимъ имени «представительныхъ» собраній мы считаемъ со стороны автора простою обмолвкою. Это были всеобщія, поголовныя собранія помѣстнаго дворянства, въ которыхъ однако принимали участіе и владѣльцы не на вотчинномъ правѣ, арендаторы и залогодержатели имѣній, получавшіе иногда, какъ и случилось въ 1660-хъ годахъ на Волыни, даже перевѣсъ надъ собственниками. Съ этой, и только съ этой одной стороны сеймики можно приравнивать къ вѣчамъ, копамъ, громадамъ и т. под. По строго сословному составу, они могутъ быть сопоставляемы, пожалуй, съ дворянскими собраніями нашего времени, но коренное отличіе послѣднихъ заключается, вопервыхъ, въ имущественномъ цензѣ, а вовторыхъ, въ отсутствіи въ нихъ характера собраній избирательныхъ для центральнаго представительнаго учрежденія. Послѣднею чертою сеймики сближаются съ провинціальными штатами королевской Франціи, но опять различны въ томъ, что рядомъ съ ними не существовало такихъ же собраній другихъ сословій, что французскіе генеральные штаты могли и не созываться, а голосъ послѣднихъ получалъ рѣшающее значеніе только тогда, когда съ нимъ совпадало королевское «plaisir», тогда какъ сеймовымъ депутатамъ Польши, въ ихъ совокупности, принадлежало неограниченное законодательное право, исчезавшее однако безслѣдно отъ одного только отрицательнаго голоса. Предметы вѣдѣнія и объемъ власти по нимъ у сеймиковъ были различны по родамъ дѣлъ,

отсюда различенъ и характеръ функціи. По однимъ дѣламъ, напр. по праву установлять размѣръ мѣстнаго обложенія на общегосударственныя надобности, сеймикъ обладалъ общею же законодательною властью; по выбору нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, какъ напр. пограничныхъ судей, податныхъ сборщиковъ, или по установленію мѣстныхъ раскладокъ, онъ дѣйствовалъ распорядительно; въ отношеніи выбора пословъ не только въ сеймъ, но и въ частности къ королю, къ гетманамъ, иногда даже къ чужимъ государямъ (отъ Подолья—къ молдавскимъ господарямъ), сеймикъ являлся избирательнымъ собраніемъ и въ тоже время избирательной сходкой, которая вырабатывала для своего будущаго депутата настоящій mandat imperatif въ видѣ «инструкціи». Но такое же значеніе имѣли de facto и самыя постановленія сеймика (ухвалы, lauda), которыя составляли и формулировали вліятельнѣйшіе члены сеймика, а затѣмъ, либо сами являлись его избранниками, либо подставляли въ депутаты своихъ единомышленниковъ или креатуръ. Въ этомъ постановленія сеймиковъ могутъ быть разсматриваемы какъ выраженіе мѣстныхъ желаній и нуждъ, подъ угломъ зрѣнія подавляющаго большинства шляхетскаго сословія въ воеводствѣ, и съ ними можно до извѣстной степени сопоставлять cahiers французскаго дворянства, а еще ближе (безъ отношенія, конечно, къ дальнѣйшимъ результатамъ) разномѣстные, но по одному и тому же сословію, «наказы» депутатамъ въ екатерининскую коммиссію уложенія.

Сообразно бѣгло очерченному здѣсь характеру сеймиковъ и ихъ постановленій, опредѣляется въ главныхъ чертахъ значеніе этого рода документовъ среди прочихъ историческихъ матеріаловъ, намѣчаются слегка и пріемы ихъ изученія. Здѣсь трудно искать источниковъ для уясненія тѣхъ или иныхъ *событій* мѣстной жизни; о нихъ встрѣчаются только упоминанія, хотя иногда и съ неизвѣстными до сихъ поръ подробностями. За то здѣсь выражается пониманіе этихъ событій ихъ современниками и соучастниками, отраженіе одного крупнаго факта на цѣлой категоріи взглядовъ общества, нерѣдко на дѣла, стоящія съ этимъ фактомъ только въ отдаленной связи. Важнѣе всего, что это не результатъ наблюденій единичнаго современника, не его только субъективный выводъ о распространенности извѣстныхъ воззрѣній и о вліяніи на нихъ конкретныхъ фактовъ,—а документально закрѣпленное выраженіе мнѣній всего, или по крайней мѣрѣ большинства, тогдашняго правящаго и наиболѣе образованнаго класса. Словомъ, это свидѣтельства «общества» о самомъ себѣ,—ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ для исторіи политическихъ, въ самомъ широ-

комъ смыслѣ слова, воззрѣній, для исторіи общественной мысли. Но какъ ни важенъ и ни исключителенъ этотъ матеріалъ, онъ, очевидно, для своей главной темы въ высшей степени недостаточенъ, долженъ войти только необходимою составною частью въ громадную массу другихъ данныхъ. Отдѣльное изслѣдованіе сеймиковыхъ ухвалъ и инструкцій имѣетъ значеніе работы только подготовительной и можетъ быть поведено разными путями. Оно можетъ обнимать напр. послѣдовательный и возможно полный рядъ этого рода документовъ, относящихся къ одной территоріальной единицѣ, воеводству, причемъ можно слѣдить за перемѣнами въ отношеніяхъ мѣстнаго правящаго класса къ той или другой категоріи общественныхъ дѣлъ. Но можно также, какъ это сдѣлалъ г. Стороженко, изслѣдовать сеймиковыя постановленія болѣе обширной области, разгруппировавъ затрогиваемые ими вопросы по ихъ содержанію, а послѣдовательный во времени обзоръ вести по всѣмъ подраздѣленіямъ синхронистически. Конечно, можно еще избрать для изслѣдованія только одну какую нибудь группу дѣлъ, и заняться постановленіями сеймиковъ въ этой сферѣ на всемъ пространствѣ тогдашняго польскаго государства и т. под.

Но какой бы мы ни избрали пріемъ первоначальной разработки, она дастъ намъ только сводъ однородныхъ, одновременныхъ или одномѣстныхъ явленій, такую или иную ихъ группировку, что очень важно, конечно, какъ облегченіе знакомства съ ними. Но внутренней ихъ связи, существеннаго смысла каждаго—никоимъ образомъ не получимъ, пока будемъ разсматривать такой матеріалъ изолированно, не освѣщая его обзоромъ одновременныхъ историческихъ событій и общаго направленія мысли всей націи. Безъ этого, въ нашей системѣ, по необходимости искусственной, явятся не только скачки и пробѣлы, но и странности и вопіющія противорѣчія, лишающія всякой возможности сдѣлать научное обобщеніе. Нагляднымъ примѣромъ могутъ служить церковныя, въ частности исповѣдныя, дѣла въ настоящемъ томѣ «Архива», которыхъ г. Стороженко касается въ обѣихъ своихъ работахъ. Въ послѣдней трети XVII в. давнишняя борьба православнаго исповѣданія въ югозападныхъ провинціяхъ нынѣшней Россіи съ католицизмомъ и съ переходною къ нему уніею представляется такъ, что наиболѣе стойкими въ вѣрѣ отцовъ оказываются дворяне волынскіе, выставляющіе значительный еще контингентъ и выдающися борцовъ за интересы православія, тогда какъ дворянство восточнѣе лежащихъ воеводствъ, кіевскаго и черниговскаго, представляется состоящимъ изъ однихъ адеп-

товъ католичества и ревностныхъ его пропагаторовъ. Въ виду направленій, въ какихъ распространялись католическо-уніатская пропаганда (съ З. къ В.) и православная реакція ей (обратно), подобный эмпирическій выводъ представляется даже неправдоподобнымъ. Но онъ совершенно естественъ, коль скоро примемъ во вниманіе мѣстныя различія, вызванныя политическими событіями предыдущихъ лѣтъ. Козачество, даже въ апогеѣ своей силы, на Волыни являлось только завоевателемъ, шляхта, хотя изгоняемая неразъ, немедленно возвращалась, оказывалась на мѣстахъ вся, т. е. и католическая и православная ея часть. Послѣдняя, участвуя въ сеймикахъ, агитировала и въ защиту своего исповѣданія. Кіевская католическая шляхта частью была истреблена, а въ большинствѣ бѣжала, тоже и черниговская; послѣдней не было куда и вернуться, такъ какъ родина ея совсѣмъ отошла къ другому государству. Православная часть тамошней шляхты тоже осталась за государствомъ московскимъ. Изъ кіевской православные шляхтичи, длинные списки которыхъ находимъ въ присяжныхъ росписяхъ 1654 г., частью принуждены были эмигрировать позже за Днѣпръ, частью слились съ мѣстными козаками и тѣмъ самымъ исчезли изъ рядовъ дворянства. Въ указанное время всѣ три воеводства сеймиковали на западной грани Волыни во Владимірѣ, но только одни волынскіе дворяне являлись въ томъ приблизительно составѣ, въ какомъ населяли страну, т. е. съ значительнымъ процентомъ православныхъ, между черниговскими представителей последнихъ совсѣмъ не было, они и оказываются большими ревнителями католичества, чѣмъ жители кіевской области, гдѣ православные все таки являлись на сеймикахъ, но только въ видѣ маловліятельной околичной шляхты съ Полѣсья, а сильнѣе всего этотъ элементъ оказывался между волынянами, такъ какъ къ нему принадлежали здѣсь нѣкоторые земянскіе и даже княжескіе роды.

Мы привели примѣръ, наиболѣе рѣзкій по своей ирраціональности, и въ то же время легко поддающійся объясненію; но менѣе выдающіеся и труднѣе объяснимые—въ сеймиковыхъ актахъ края—на каждомъ шагу. Объясненіе ихъ не входило въ задачу ни предисловія, ни отдѣльнаго изслѣдованія г. Стороженка, и его остается только благодарить за изданіе этихъ важныхъ документовъ и первую ихъ обработку, въ смыслѣ группировки фактовъ по ихъ сродству. Относительно самого изданія текстовъ можно только пожалѣть объ изобиліи мѣстами опечатокъ и объ отсутствіи при книгѣ ихъ списковъ въ исправленномъ чтеніи, хотя бы важнѣйшихъ, такъ какъ нѣко-

торыя слова приводятъ читателя въ недоумѣніе (напр. стр. 290: «boswy» вм. «*barwy*» и besztwami» вм. «lisztwami»), могутъ вовлечь въ ошибку филолога (с. 353: «niąwszy» вм. «uiąwszy») или даже совершенно искажаютъ смыслъ. (с. 386: «z dementiey pańskiey вм. «z clementiey»).

Въ заключеніе, пишущему эти строки, посвятившему не мало времени и труда на составленіе указателей къ изданіямъ кіевской археографической коммиссіи, нельзя не отмѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ улучшенія, введеннаго г. Стороженкомъ въ указателѣ лицъ. При имени каждаго изъ нихъ у него находимъ и годъ или крайніе годы, когда оно упоминается въ актахъ, въ качествѣ современника. Всякій кому случалось наводить справки о лицахъ по источникамъ, при отсутствіи у насъ генеалогическихъ росписей и каталоговъ должностныхъ лицъ, оцѣнитъ важное удобство, доставляемое внесеніемъ датъ въ самые указатели, и спеціалисты скажутъ за него г. Стороженку неоднократно спасибо.

Ив. Новицкій.

Józef Tretiak, Historya wojny Chocimskiej 1621 r. Lwów, 1889. (Іосифъ Третякъ, Исторія хотинской войны 1621 г.). Стр. 235.

Хотинская агонія 1621 г., законченная жалкимъ замиреніемъ враждующихъ сторонъ, въ свое время считалась одной изъ блистательнѣйшихъ страницъ въ военной исторіи польскаго государства. Значительно сильнѣйшая турецкая армія отступила отъ Хотина одновременно съ польскою,—такой фактъ считался достаточнымъ для превознесенія славы польскаго оружія. Если бы позднѣйшіе бытописатели задавались цѣлью изображать батальныя подробности и пѣть диѳирамбы, то слѣдовало бы пожалѣть о потраченномъ времени и бумагѣ. Г. Третякъ понялъ свою задачу значительно шире. Его подробное и весьма тщательное изслѣдованіе доказываетъ, по мнѣнію автора, что до наступленія братоубійственной хмельнищины Рѣчь Посполитая была еще достаточно сильна, чтобы занять на востокѣ положеніе великой державы и выполнить широкіе замыслы Стефана Баторія, но конечно подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы разноплеменное населеніе государства сплотилось для этой цѣли въ одномъ общемъ стремленіи. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія королевичъ Владиславъ, по восшествіи на престолъ, и пытался двинуть силы польскаго народа противъ турокъ и татаръ.

Конечно, шведу—королевичу позволительно было заблуждаться касательно боевой годности пріемнаго отечества, но трудно понять, для чего позднѣйшіе историки должны безплодно тратить время на доказательство такихъ антиисторическихъ предположеній. Въ самомъ дѣлѣ, если хотинская драма не закончилась катастрофой въ родѣ цецорской, то этимъ Польша обязана никакъ не своимъ жолнѣрамъ, лисовчикамъ и наемнымъ нѣмцамъ, но всецѣло и исключительно запорожской арміи: козаки, какъ истинно-христіанскіе и неустрашимые рыцари, грудью отстояли пограничье того рабскаго государства, гдѣ мнили быть свободными гражданами,—тогда какъ польское рыцарство позорно дезертировало изъ лагеря, скрывалось въ возахъ для фуража, вѣчно тревожилось, волновалось, купило миръ тайными подарками турецкимъ вельможамъ, бездѣятельно присутствовало при уводѣ татарами польскихъ женъ, дѣвъ и дѣтей въ неволю, согласилось платить туркамъ и татарамъ гарачъ, заботясь лишь о соблюденіи приличій, pour sauver les apparences. Если принять въ разсчетъ, съ какимъ трудомъ полякамъ удалось собрать ничтожную армію къ Хотину; какъ она была дурно снабжена военными и съѣстными припасами, деньгами; въ какой мѣрѣ все это вносило замѣшательство въ военныя дѣйствія; къ какимъ жалкимъ уловкамъ приходилось прибѣгать военнымъ начальникамъ, чтобы успокоить жолнеровъ; въ какой степени потрясена была военная дисциплина въ польскомъ лагерѣ; если вспомнить жалкую исторію посполитаго рушенія, ведомаго яко бы къ Хотину трусливымъ и ничтожнымъ Сигизмундомъ,—то заключительный выводъ г. Третяка покажется болѣе чѣмъ проблематичнымъ. Конечно, польское государство обладало большимъ запасомъ силъ и средствъ, но организовать ихъ для общей цѣли въ данную эпоху органически не могло и не умѣло,—хмельнищина, вырывшая могилу исторической Польшѣ, доказала это какъ нельзя лучше.

Всѣ существенные моменты хотинской драмы, окончившейся сравнительно благополучно благодаря козакамъ и наступленію зимнихъ холодовъ, очерчены въ книгѣ г. Третяка съ должнымъ вниманіемъ и рѣдкимъ безпристрастіемъ. Къ заслугѣ автора должно отнести ту тщательность, съ которою онъ изслѣдуетъ отношенія козаковъ къ польскому государству, туркамъ и татарамъ, въ связи съ наступившей войной, и изображаетъ неоцѣненныя военныя заслуги запорожцевъ въ этой войнѣ. Отсутствіе твердой, послѣдовательной политики относительно козаковъ представляется автору просто удивительнымъ: то поляки возбуждали запорожцевъ противъ турокъ и татаръ,

то стремились задавить козачество, смотря по вдохновенію минуты. Политика короля Сигизмунда III въ религіозномъ вопросѣ находитъ также справедливую оцѣнку въ книгѣ автора, который замѣчаетъ, что религіозный вопросъ имѣлъ въ данную эпоху чисто соціальную подкладку и что украинцы ненавидѣли унію и католицизмъ не въ силу вѣроисповѣдныхъ различій, но исключительно какъ «панскую вѣру». Нашъ авторъ избѣгаетъ произвольныхъ положеній и стремится поставить ихъ на прочномъ фундаментѣ документовъ. Кромѣ обширной печатной литературы о хотинской войнѣ, онъ извлекъ немало любопытныхъ данныхъ изъ т. наз. портфелей Нарушевича (музей кн. Черторыйскихъ въ Краковѣ), изъ библіотеки института Оссолинскихъ во Львовѣ и архива краковскаго унив-та. Благодаря тщательному и разностороннему изученію предмета, авторъ имѣлъ возможность не только представить правдивую картину борьбы, но и дать немало новыхъ бытовыхъ, финансовыхъ, административныхъ, дипломатическихъ и даже отчасти военно-техническихъ подробностей, представляющихъ высокій интересъ для любителей историческихъ изученій. Отмѣтимъ здѣсь нелишенное интереса библіографическое указаніе на рукопись краковскаго унив-та № 2 «Sposoby obrony Rzpltej od pogań» etc., писанную вслѣдъ за цецорскимъ погромомъ (стр. 47): анонимный авторъ рекомендуетъ двинуть козацкую силу для овладѣнія Крымомъ или же до наступленія зимы выслать войско къ Тегини и Бѣлгороду и занять здѣсь какой-либо пунктъ, откуда козакамъ легко было бы дѣлать свои наѣзды моремъ и сушею; къ козакамъ выслать предварительно какого-либо важнаго сановника съ жолдомъ въ 100,000 зл., раздать мелкія коронныя имѣнія на Украинѣ бѣднѣйшимъ козакамъ, привлечь на сторону Польши Сагайдачнаго съ старшиной и донскихъ козаковъ, успокоить греческую вѣру, и т. д. На дѣлѣ оказалось, что козаки Сагайдачнаго, государственная связь которыхъ съ поляками была въ сущности крайне слабой и двусмысленной, проливали кровь подъ Хотиномъ, такъ какъ наступленіе турокъ грозило общей бѣдой какъ Польшѣ собственно, такъ Украинѣ и Запорожью,— за эту услугу польскіе военачальники выдали запорожскому войску росписку на 50.000 зл. (плата просто смѣшная по своей ничтожности, замѣчаетъ авторъ), но за то не жалѣли самыхъ краснорѣчивыхъ похвалъ и чувствительныхъ благодарностей своимъ спасителямъ. Какъ видно, Сагайдачный прекрасно понималъ цѣну этимъ чувствамъ и принялъ мѣры противъ предательства при заключеніи мира съ турками, которые требовали выдачи козаковъ. Г. Третякъ отмѣчаетъ

какъ доблесть польскихъ дипломатовъ, что они отказались исполнить это требованіе: доблести мы тутъ не видимъ, ибо козаковъ было подъ Хотиномъ если не болѣе, то и не менѣе поляковъ, вооружены они были лучше, военный духъ ихъ былъ выше; согласись поляки на разгромъ козаковъ отдѣльно,—ихъ собственная участь была бы конечно еще хуже той, которую они испытали по заключеніи «побѣдоноснаго» мира, когда хищные татары сотнями выхватывали плѣнниковъ изъ табора и польскіе трупы усѣяли дорогу въ Каменецъ, а собаки на улицахъ города пожирали человѣческую падаль.

Кромѣ указанной росписки отъ 14 сентября 1621 г., отмѣтимъ еще приведенную въ приложеніи VII книги г. Третяка инструкцію запорожскихъ козаковъ ихъ посламъ въ Варшаву. Указавъ на свои заслуги передъ Рѣчью Посполитою, козаки жалуются на невыплату имъ условленнаго жолда, просятъ объ аккуратной расплатѣ согласно приведенной выше роспискѣ, объ успокоеніи и огражденіи надлежащими грамотами старинной греческой вѣры, объ отдачѣ Бориспіоля съ окрестностями на запорожскій гошпиталь, въ которомъ нынѣ чувствуется особая нужда, о свободномъ проживаніи козаковъ въ коронныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ имѣніяхъ, о разрѣшеніи поступать на службу къ христіанскимъ государямъ, о вольной охотѣ и рыболовствѣ, объ указаніи поселеній для зимнихъ «лежъ» козаковъ и о недозволеніи стоять здѣсь жолнѣрамъ, особенно въ кіевскомъ воеводствѣ (стр. 232 сл.).

Н. М.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію археографической коммиссіею. Томъ шестнадцатый. Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. С. Петербургъ 1889.

Давно ожидаемый XVI томъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, наконецъ, появился въ свѣтъ. Думали найти въ этомъ томѣ изданіе нашихъ юго-западныхъ лѣтописей, изданныхъ весьма давно, разными лицами. Изданія эти—Попова, Даниловича, Нарбута—сдѣлались въ настоящее время библіографической рѣдкостью, а между тѣмъ указанныя лѣтописи являются главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ для исторіи юго-западной Руси съ конца XIII до конца XV столѣтія, представляя собою остатки, хотя въ измѣненномъ, компилятивномъ видѣ, мѣстныхъ хроникъ Кіева, Волыни, Смоленска и др. Ни ис-

точники документальные, ни иностранныя хроники,—источники драгоцѣнные сами по себѣ,—не въ состояніи замѣнить ихъ. Лѣтописи сѣверной Руси, даже Никоновскій и Воскресенскій сборники, не могутъ восполнить пробѣла нашихъ свѣдѣній о судьбахъ юго-западной Руси въ указанный періодъ времени при отсутствіи лѣтописей юго-западныхъ. Императорская археографическая коммиссія давно предполагала переиздать послѣднія, «но желаніе собрать возможно большее количество списковъ задержало изданіе». И такъ приходится ожидать выхода въ свѣтъ XVII тома, въ который войдетъ и третья часть изданнаго теперь сборника *Авраамки.* Сборникъ этотъ получилъ такое названіе на основаніи приписки, помѣщенной въ рукописи послѣ второй части сборника: «Въ лѣто 7003 написана бысть сія книга, глаголемый лѣтописецъ, во граде Смоленсцѣ, при дръжавѣ великого князя Александра, изволеніемъ Божіимъ и повелѣніемъ господина владыки епископа Смоленъского Іосифа, рукою многогрѣшнаго раба Божіа Авраамка». Самая рукопись найдена въ Полоцкѣ и въ настоящее время принадлежитъ виленской публичной библіотекѣ. Въ 1866 году она была передана для изданія въ Императорскую археографическую коммиссію. Мы не станемъ приводить болѣе подробныхъ данныхъ о самой рукописи, такъ какъ описаніе ея сдѣлано самими издателями; скажемъ только, что рукопись относится къ концу XV и началу XVI вѣка. Остановимся нѣсколько на самомъ сборникѣ. Онъ распадается на три части. Первая часть начинается хронографомъ; затѣмъ слѣдуетъ сокращеніе, *можетъ быть*, новгородской лѣтописи, которая ясно выступаетъ въ изложеніи событій съ конца XIII и начала XIV вѣка. Но со второй четверти XIV столѣтія эту часть сборника Авраамки нельзя назвать *сокращеніемъ* лѣтописи новгородской, такъ какъ мы найдемъ тутъ описанія событій весьма подробныя. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что у составителя нашего сборника была въ рукахъ какая нибудь лѣтописная рукопись изъ разряда такъ называемыхъ софійскихъ скорѣе, чѣмъ собственно новгородскихъ. Нужно впрочемъ, сказать, что сборникъ отличается большой компилятивностью. Составитель его имѣлъ подъ руками нѣсколько разнообразныхъ рукописей какъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и сѣверныхъ новгородскихъ, но едва ли онъ пользовался лѣтописями псковскими. Все это болѣе или менѣе ясно выступаетъ при первомъ же чтеніи лѣтописи Авраамки. Что у составителя были лѣтописи и древнихъ и новыхъ редакцій одного и того же цикла,—это усматривается изъ повтореній въ его повѣствованіи какъ подъ годами 6485 и 6488, 6494—6495,

6731 и 6732 и т. д., такъ и подъ другими годами; наконецъ разсказавъ о событіяхъ 6913 года, составитель говоритъ: *«а се съ другого старого»*. Во многихъ мѣстахъ составитель не могъ разобрать «книгъ ветшаныхъ» и исказилъ отдѣльныя слова [1]). Вообще нашъ сборникъ представляетъ изъ себя весьма сложную компиляцію: мы найдемъ въ немъ сходство и съ супрасльскою рукописью и съ новгородской IV-й, и съ софійскими лѣтописями, наконецъ, есть извѣстія съ такими оттѣнками въ изложеніи фактовъ, которыхъ, мы не найдемъ ни въ одной изъ сказанныхъ лѣтописныхъ редакцій. Поэтому нельзя, по нашему мнѣнію, сказать утвердительно, что въ такой то части сборника составитель его пользовался такою то лѣтописью. Гдѣ составлена эта компиляція? Принадлежитъ ли она перу Авраамки, или же послѣдній является лишь простымъ списателемъ уже готоваго сборника? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Самое выраженіе «написалъ», какъ извѣстно, ничего показывать не можетъ. Есть обстоятельства, заставляющія думать, что сборникъ составленъ не въ Смоленскѣ. Соединены всѣ три части, изъ которыхъ онъ состоитъ, можетъ быть, и въ этомъ городѣ, но это уже не составленіе, а простое послѣдовательное списываніе. Если бы первую часть его и вторую составлялъ Авраамка, смольнянинъ, онъ внесъ бы въ него извѣстія изъ древнѣйшихъ смоленскихъ лѣтописей, а не ограничился бы сокращеніемъ Повѣсти времянныхъ лѣтъ и софійскихъ. Нельзя же думать, чтобы въ Смоленскѣ не было съ древнѣйшихъ временъ своей мѣстной лѣтописи, отрывки которой мы находимъ въ другихъ лѣтописныхъ редакціяхъ. Между тѣмъ въ нашемъ сборникѣ смоленскія извѣстія не оригинальны, а тѣ же, что́ въ новгородскихъ, софійскихъ лѣтописяхъ, или въ Никоновскомъ и Воскресенскомъ сборникахъ. Можно сдѣлать, поэтому, другое предположеніе, что въ Смоленскѣ, какъ и въ другихъ центральныхъ городахъ областей, были свои мѣстныя лѣтописи, ведшіяся аккуратно и аккуратно хранившіяся, и что старались собирать лѣтописи другихъ областей, но не въ оригиналѣ, а въ лѣтописныхъ сборникахъ. Эти сборники добывались, переписывались въ Смоленскѣ и хранились тамъ, можетъ быть, при каѳедральной церкви. Таково было, по всей вѣроятности, происхожденіе и нашего сборника. Всѣ повторенія, указанія на старыхъ лѣтописцевъ и т. д.

---

[1]) Обращаетъ на себя вниманіе одна описка: *Веручій* вмѣсто *Вручій*. *Веручій* напоминаетъ Βερούτζη Константина Багрянороднаго.

сдѣланы не Авраамкой, а составителемъ сборника, не смольняниномъ, или не въ Смоленскѣ, ибо, повторяемъ, составляйся сборникъ въ Смоленскѣ, въ Повѣсть временныхъ лѣтъ и далѣе были бы внесены и смоленскія извѣстія, которыхъ мы въ немъ не видимъ. Вторая часть сборника начинается почти дословной передачей Повѣсти временныхъ лѣтъ и открывается договоромъ Игоря съ греками. Заканчивается она взятіемъ Корсуня въ 988 году. Затѣмъ къ ней приложены юридическіе памятники, какъ Русская Правда, уставы Владиміра св., Ярослава М., Всеволода, уставъ о мостѣхъ Ярослава М., грамота Всеволода церкви св. Іоанна. Тутъ же мы находимъ родословія русскихъ князей, съ нѣкоторыми весьма интересными замѣтками. Какъ источникъ для исторіи юго-западной Руси, сборникъ Авраамки не даетъ почти ничего такого, чего бы мы не нашли въ другихъ лѣтописяхъ. Третья часть сборника, содержащая въ себѣ лѣтопись великихъ князей литовскихъ, должна появиться въ XVII томѣ. Будемъ надѣяться, что она дастъ намъ болѣе данныхъ для исторіи юго-западной Руси и, можетъ быть даже, пополнитъ пробѣлы лѣтописей Попова-Даниловича и Быховца. XVI томъ изданъ подъ редакціей гг. Бычкова и Бестужева-Рюмина, а указатель составленъ г. Барсуковымъ.

П. Г.

Tadeusz Sternal, Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi. Studyum historyczno-literackie (Lwów, 1890) (Ѳадей Стерналь. Осада Каменца въ романѣ и исторіи. Литературно-историческій этюдъ). Стр. 48.

Въ III томѣ своего историческаго романа «Панъ Володыевскій» г. Сенкевичъ даетъ эффектное описаніе взрыва Каменецкаго замка 1672 г., заранѣе задуманнаго патріотическими Вол—мъ и майоромъ Кетлингомъ. По справкѣ съ источниками оказывается, что авторъ романа въ этомъ случаѣ черпалъ главнымъ образомъ, если не исключительно, изъ современнаго описанія паденія Каменца, составленнаго не безъ поэтическихъ прикрасъ летичевскимъ стольникомъ Станисл. Маковецкимъ, изд. въ 1886 г. Бѣда въ томъ, что источникъ г. Сенкевича представляетъ дѣло иначе: Володыевскій въ моментъ взрыва былъ на конѣ и думалъ бѣжать; самый взрывъ произошелъ или вслѣдствіе простой случайности, или даже по винѣ Кетлинга, желавшаго

скрыть такимъ путемъ допущенные имъ въ цейхгаузѣ безпорядки,— какъ бы то ни было, въ источникахъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы окружать этотъ подвигъ, благодаря которому безъ нужды погублено до 500 польскихъ жолнѣровъ, поэтическимъ ореоломъ, какъ это сдѣлалъ г. Сенкевичъ. Если г. Сенкевичъ однако направилъ свою фантазію такимъ фейерверочнымъ путемъ, то это какъ нельзя болѣе понятно: ему нужно возвысить своего шляхтича-воина всѣми дозволительными для поэта средствами. Но трудно понять, для чего-бы историко-литературная критика должна была подыскивать эстетическія оправданія для этой фальсификаціи. И дѣйствительно, всѣ соображенія г. Стерналя оказываются мало убѣдительными, разъ онъ признаетъ фактъ идеализаціи г. Сенкевичемъ своихъ героевъ въ ущербъ исторической истинѣ. При слабомъ развитіи историческихъ знаній въ обществѣ, романы г. Сенкевича можетъ быть и служатъ свою полезную службу и даютъ пріятное возбужденіе фантазіи читателя, но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ дѣйствительной цѣнности, какъ популярнаго изображенія былого: внутренней правды въ нихъ мало.

Н. М.

И. Палимпсестовъ. Степи юга Россіи были-ли искони вѣковъ степями и возможно-ли облѣсить ихъ. (Зап. Имп. Общ. Сел. Хоз. Ю. Р. 1889 г. №№ 3—12).

Авторъ, горячій и убѣжденный защитникъ существованія лѣсовъ на югѣ Россіи въ прежнее время и возможности разведенія ихъ нынѣ, ставитъ себѣ цѣлью: 1) разобрать всѣ мнѣнія contra и изложить собственное pro, подкрѣпляя его мнѣніями единомышленниковъ и 2) доказать возможность облѣсить южныя и подобныя имъ степи Европ. Россіи. Въ длинномъ рядѣ статей авторъ выполняетъ преимущественно первую часть задачи. Читатель, интересующійся этимъ вопросомъ, найдетъ здѣсь очень много фактическихъ данныхъ и соображеній, часто весьма интересныхъ.

Библіографическое извѣщеніе.

ВЫШЛА 4-я КНИГА

Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

Содержаніе: Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историч. Общества Нестора лѣтописца въ 1889 г.—Изъ археол. экскурсіи въ припетское Полѣсье В. З. Завитневича (со снимками).—Вторая археол. раскопка ок. с. Сараты въ ю. Бессарабіи. Ѳ. И. Кнауэра (съ черт.)—Черты семейнаго права въ зап. Россіи въ половинѣ XVI в. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.—Обзоръ юж.-рус. и з.-рус. памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. П. В. Владимирова.—Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III. В. С. Иконникова.—Волненія помѣщичьихъ крестьянъ кіев. губ. въ 1855 г. М. Н. Ясинскаго.—Катехизисъ, албо вызнаніе вѣры святое соборное, апостолъское, въсходнее церкви (1600 г.). Сооб. С. Т. Голубевъ.—Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. Сооб. А. М. Лазаревскій.—Экстрактъ изъ журнала слѣдованія резидента Неплюева изъ Кіева въ Константинополь въ 1746 г. Сооб. М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

Цѣна 2 р. 50 к. За пересылку прилагается **25 к.**

Съ требованіями обращаться въ г. Кіевъ, въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца при унив. св. Владиміра или въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.

6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.

7. Историческая и доисторическая этнографія.

8. Обзоръ жизни и дѣятельности русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный библіографическій отдѣлъ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, по скольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3. Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „Смѣси" сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ" помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ" выходитъ 4-мя книжками въ годъ (въ 12--15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки: 1-я кн.—въ началѣ марта, 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. **4** р. **50** к., съ перес. **5** р., за границу **6** р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ по **1** р. **50** к. съ перес. Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка **40**%.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина, (Москва и Петерб.), Н. П Карбасникова, (Моск., Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А Ланга (Москва).

Дозволено ценз. Кіевъ, 16 мая 1890 г.

Тоей жъ осени, якъ былъ Хмельницкій подъ Львовомъ, вышелъ ханъ зо всѣми ордами своими, на городы козацкие, почавши отъ Смѣлои, на городище на Волховецъ, на Звинигородку, тянулъ противно Хмелницкого; а подъ всѣма городами украинскими было множство татаръ, хотячи добывати городовъ, бо ханъ розгнѣвався на Хмелницкого за тое, що здався москалеви и тыхъ козаковъ, що зъ городовъ украинскихъ ишли до Хмелницкого, албо отъ Хмелницкого сподъ Львова, татаре ловили и самого Хмелницкого, споткавши его подъ Озѣрною, мало не розбили, бо войско свое Хмелницкій роспустилъ былъ, и мало що было при немъ. Потимъ, змиривши съ ханомъ, самъ Хмелницкий былъ у него въ наметѣ, а поговоривши зъ собою наединѣ, розошлися въ покою; и пришедши Хмелницкий съ той дороги въ Чигиринъ, захоровалъ.

1656. Антонъ, судия енералный козацкій, ходилъ въ зимѣ на венгры, бо на той часъ вторгнули были венгры до Полщи, а знявшися зъ шведскимъ королемъ той Антонъ, Варшаву, Краковъ и иншие городы по за Вислою, воевали.

Того жъ лѣта, Хмелницкій сына своего Юрася, еще молодого, съ Чигирина выправилъ до войска, на Ташлыкъ.

Того жъ часу, Хмелницкий гетманъ померъ, а сынъ его на Ташлыку стоялъ недѣль шесть; а повернувшися до Чигирина, уже отца своего не застaлъ живого.

Того жъ року, Силивестеръ Косовъ, митрополитъ киевский, померъ. А по Хмелницкомъ Іоанъ Выговскій, писарь енералный, зосталъ гетманомъ козацкимъ.

1657. Подъ Полтавою Пушкара, полковника полтавского, который былъ збунтовался на Выговского [1]) гетмана, подъ Полтавою козаковъ его збилъ, самого поймавши, казавъ стяти Выговский.

Того жъ лѣта, Данило Выговский подступилъ подъ городъ московский киевский, отъ монастыра Печерского, зъ войскомъ козацкимъ, а Яненко, полковникъ киевский, зъ другого боку съ козаками стоячи на Шкавици, добывали города московского. На той часъ

[1]) Приписка: По дурачеству гетмана началась измѣна.

въ городѣ воеводою былъ Борисъ Василиевичъ Шереметъ; а потымъ, гды дня едного Данило Выговский былъ веселъ, Москва, вышедши зъ города, обозъ Данилковъ розбили, и козаковъ много згинуло, а Данилко Выговский самъ ледво утеклъ. Тогды же и Киевъ прежде добываня своего, москалѣ городъ Киевъ спалили ввесь; и тая война названа есть скавичщина.

1658. Григорий Гуляницкій, полковникъ миргородский, отъ Москвы былъ въ облеженю въ Конотопѣ, которого Выговскій гетманъ, пришедши съ козаками и ордою, освободилъ, а Москву всю избилъ [1]).

1659. Иванъ Выговский, подъ Хвастовомъ, Юрію Хмелницкому булаву и гетманство отдалъ.

Того жъ лѣта, за Цюцюры, полковника переяславскаго, козаки въ Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ, въ Черниговѣ ляховъ выбили и Немѣрича пана благочестивого, который зъ лютра тогды зосталъ благостивый, мужикъ стявъ косою.

Того жъ року, Юрый Хмелницкий цару московскому поклонилъся.

1660. Борисъ Василиевичъ Шереметъ зъ войскомъ великимъ московскимъ и козаками, которыхъ былъ гетманомъ сѣверскимъ Цюцюра, вышелъ съ Киева, на Полщу воевати, которыхъ москалевъ съ Шереметомъ и Цюцюрою ляхи подъ Чудновомъ осадили, а потомъ москва и козаки, будучи голодомъ зморены, за перевазиею Івана Виговского, который былъ уже зъ ляхами, ляхомъ здалися, а ляхи Шеремета, зъ москвою и козаками, въ неволю отдали татарамъ, тылко Цюцюру до себе взявши, вязенемъ его въ Дубнѣ мучили, а потымъ на Вкраину зъ Дубна, утекъ и умеръ.

1661. Юрий Хмелницкий гетманъ, который зменилъ цару московскому, а поклонившися королеви полскому Яну Казимирови, переправившися чрезъ Днѣпръ, ишолъ подъ Переяславль добывати въ немъ Ромодановского, воеводу московского, и станулъ о полмилѣ отъ Днепра, зъ войскомъ своимъ, а Ромодановскій изъ Якимомъ Сомкомъ, дядкомъ Хмелницкого, гетманомъ сѣверскимъ,

---

[1]) Приписка: Тутъ убито изъ російского войска сорокъ князей.

вышедши зъ войсками московскими и козацкими, пошелъ инсперато потоптомъ на Хмелницкого, который, не могучи прийти до справы, утекати почалъ на конехъ чрезъ Днѣпръ, противъ Канева, и потонуло козаковъ его и ляховъ тисячи десеть и килка сотъ, отъбѣгша всего табору; а хто не вспѣлъ утекати, тыхъ москалъ побили. А потымъ, орда пришла сильная на Вкраину, по которую Хмелницкий посылалъ, але на той часъ не приспѣла ꙃды Ромодановский гонилъ Хмелницкого, и много шкоды въ людяхъ починила.

И на той часъ Климентия Старушича, ігумена выдубицкого, подъ Лубнами взяли съ челядью, который ѣздилъ на Преображение Господне до Мгара, на празникъ; на той часъ у Мгарѣ былъ ігуменомъ Викторъ Загоровский; але Старушича законники терехтемѣровскии выкупили.

1662. Юрый Хмелницкий въ Чигиринѣ Павлу Тетерѣ отдалъ булаву и гетманство, а за Днѣпромъ Сомко былъ гетманомъ; а Хмелницкий пострыгся въ черицѣ въ монастыру Курсунскомъ; стриглъ его Дионисій Балабанъ, митрополитъ киевский, а игуменомъ на той часъ въ Корсунскомѣ монастыру былъ Өеодосий Углицкій.

1663. Рада, албо зрада чернецкая, козацкая была подъ Нѣжиномъ, и тамъ Івана Бруховецкаго москалѣ учинили гетманомъ, а Сомка гетмана и Васюту Золотаренка, полковника нѣжинского, Оникѣя Силѣча, полковника чернѣговскаго, полковника переяславского Шамрицкого и еще пятого человѣка знатнаго казалъ Бруховецкий постинати татаринови въ Борзнѣ; итакъ зостали мучениками, бо невинне потрачено ихъ.

Того жъ году, Сѣрко зъ Запорожья приходилъ добивати Чигирина, але не добывши, отступилъ.

1664. Тетера да Чернецкій и Маховский Івана Выговскаго казалъ рострѣляти; а онъ на той часъ въ избѣ поклякнувши, читалъ акафистъ пресв. Богородици; хованъ въ Великомъ Скитѣ, изъ жоною своею Стеткевичовною, которой ꙃды сказано, уже пана забито, пала и умерла, зоставивши сына единого своего, еще невеликого.

Того жъ року, Чернецкий зъ жолнѣрами своими, въ постъ великий, въ середу першого тиждня, о вечерней годинѣ, пришелъ до Чигирина и облѣглъ Сѣрка въ Бужинѣ, а Сѣрко на самый день Воскресенія Христова, вышедши зъ своими козаками зъ замочку, инсперате вдарилъ на ляхи и много ихъ постиналъ и пололъ; и пошолъ въ поля чрезъ Медведовку волно, а Чарнецкій Бужинъ и Суботовъ спалилъ и тамъ въ Суботовѣ тѣло старого Хмелницкого и Тимоша сына его, которого подъ Сочавою забито, казалъ съ гробовъ въ рынку выкинути на пепелище. Суботовъ тогды былъ пустъ, а псовъ съ Чигирина, зъ Суботова и зъ иншихъ пустыхъ мѣстъ украинскихъ, великое множство было, которыи чередами ходячи, не только мертвыхъ трупы ѣли, але и живымъ людемъ шкодили; а Чернецкий, набравши скарбовъ и гарматъ, вышолъ съ Чигирина, для того же и самъ Тетера, гетманъ, съ Чигирина до Полщи выражался; тылко Хлопицкий зъ ляхами въ Чигиринѣ зостался.

Того жъ року, Янъ Казимиръ, кроль полский, зъ войскомъ полскимъ и татарскимъ и козацкимъ другого боку Днепра, былъ за Днепромъ; Рождество Христово отправовалъ въ Козелцу, и Глухова добывалъ недѣлъ четыри; а не доставши, отступилъ и пошелъ до Полщи, gды жъ весна наступовала. А gды былъ въ Корсунѣ, идучи на Заднѣпре, тамъ Іосифа Нелюбивича Токалского, митрополиту (по Балабанѣ) киевского и хмелницкого, котрого въ иночествѣ названо Гедеономъ, казалъ запроводити до Майборку, на заточение, а Антония Винницкаго учинилъ митрополитомъ, епископа переяславского (перемышльского?).

1665. Тетера вышолъ исъ Чигирина, не здавши никому гетманства.

Того жъ року, Бруховецкий Чигирина добывалъ недѣлъ четыри, а не добывши, отступилъ. По Тетерѣ насталъ гетманомъ Опара, а потымъ его татаре съ козацкого табору взяли зъ собою въ Кримъ. Потымъ Дорошенко въ Чигиринѣ зосталъ гетманомъ.

Того жъ року, Бруховецкий оженился на Москвѣ.

1666. Солнце мѣнилося, але не все, въ Петровку, въ пятокъ десятый по Воскресеніи Христовѣ.

Тогожъ року, былъ перепись во всей Малой Россіи, по указу цара московского, якъ много людей на Вкраинѣ, старыхъ и молодыхъ, и въ пелюшкахъ писано.

Того жъ року, на святого пророка Илию, козаки, направленые отъ Дорошенка, убили Данка, полковника переясловского и судию енералного, а потымъ и инших немало, и ввойшли въ Переяславъ и, выпаливши мѣсто, утекли за Днѣпръ до Дорошенка.

Того жъ року, Никона, патриарху московского, зложили съ патриаршества, патриарха александрийский, другий антиохийский и невинне въ заточение послано, за росказанемъ цара Алексѣя Михайловича.

1668. Бруховецкий, гетманъ, Алексеови Михайловичу, цару московскому, зменилъ и воеводъ московскихъ и москаловъ по городахъ велѣлъ бити.

Того жъ часу, Москва Переяславль допалила и Нѣжинъ ввесь спалила.

Того жъ року, Дорошенко пришелъ подъ Полтаву въ чернецкую раду, а Бруховецкий зъ Гадячого ишолъ въ тую жъ раду; и тамъ его запорозци забили, а Дорошенко отъ обоихъ сторонъ Днѣпра зосталъ гетманомъ.

Того жъ року, Ромодановского, гетмана и воеводу московского, у Бѣлыхъ Вежахъ татаре осадили и сына его подъ Ичнею на бою взяли.

1669. Демяна Многогрѣшного Москва въ Глуховѣ, третей недѣли посту великого, гетманомъ учинила и той обралъ себѣ жити въ Батуринѣ гетманское; и по немъ иншие гетманы тамъ живутъ.

1672. Цесаръ турецкий самъ былъ подъ Каменцемъ-Подолскимъ и взялъ его августа дня 18, а по Львовъ посылалъ Капланъ-пашу зъ войскомъ турецкимъ и татарскимъ и Дорошенкомъ съ козаками, который паша добывалъ его моцно, але не добылъ; а Дорошенко послалъ до монастыра Креховского, споды Львова, Івана Мазепу; Капланъ паша не вѣдалъ и послалъ часть войска турецкого и татарского добывати того жъ монастыра, а ꙁды пришло войско его тамъ, били ихъ, боронячися, чернцы добре и ханского

забито сестренца gліотомъ желѣзнымъ; и самъ залога Іванъ Мазепа зъ ручници много турковъ трупомъ положилъ, за що велми розгнѣвався ханъ и болшую громаду войска татарского и турецкаго добывати Крехова послано. Видячи черцы же трудно оборонитися, здалися туркомъ и дали за себе окупу срѣбра церковного каменей чтыри и таляровъ тисячу; а такъ отишли отъ нихъ турки и пришли до цесара, до Каменца Подолского, а на той часъ Михаилъ, кроль полский, Корибутъ Вишневецкий, съ посполитымъ рушеньемъ, стоялъ въ Великой Полщи, подъ Голембемъ, а Янъ Собѣский, гетманъ и маршалокъ великий коронный, зъ войскомъ кварцянымъ полскимъ, былъ въ Покутю и подъ Калушемъ мѣстомъ билъ велми орду; а самъ вожъ ихъ Адзи-gерей султанъ блудилъ по лѣсу дней 5, ажъ его мужикъ еденъ выпровадилъ на дорогу, а онъ ему за то далъ 30 червоныхъ. А лвовяне поступили дати, ѣднаючи турковъ, сорокъ тисячий червоныхъ золотыхъ, а сорокъ таляровъ битыхъ; и дали въ заставу имъ двохъ мещанъ Руси, двухъ знову мещанъ поляковъ, двохъ мещанъ ормяновъ, и они отступили оды Лвова, але напотымъ въ лѣтъ килка тыхъ всѣхъ мещанъ турчынъ о замѣнъ за едного великого якого татарина пустылъ съ Каменца до Лвова, безъ датку вышъпомененной сумы.

1673. Михаилъ, кроль полскій, во Лвовѣ умеръ.

Того жъ часу, Янъ Собеский, гетманъ и маршалокъ великий коронный, зъ гетманомъ литовскимъ Пацомъ, маючи при собѣ войска коронное и литовское, збили турковъ подъ Хотѣнемъ, послѣ Покрови, и обозъ взяли; тамъ Янъ Собеский въ замку Хотѣнскомъ грошей мишокъ сѣмъ взялъ скарбу турецкого.

Того жъ лѣта, Янъ Собеский, гетманъ, зосталъ кролемъполскимъ.

1674. Цесаръ турецкий самъ особою своею другий разъ вышолъ и городы козацкие: Умань, Ладижинъ, Збаражъ, Подгайци и иншие городки побуривши, людей множство великое забрали въ полонъ, а то Дорошенко цесара на тое озрушилъ, бо уманци были збунтовалися и сами мижъ собою улицами билися, едны себе турецкими, а другіи московскими називаючи; якъ же пришолъ турчинъ, такъ всѣ погинули.

Того жъ времени, въ постъ великий, Демяна Многогрѣшного, гетмана козацкого, москалѣ на заточение въ Сибѣрь заслали, а Івана Самойловича гетманомъ учинили.

1675. Петро Дорошенко цару московскому съ Чигирина прислалъ до Москвы санджаки турецкие.

1676. Алексей Михайловичъ, царъ московский, померъ генваря дня 10, а по немъ зосталъ царемъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, сынъ его.

Того жъ року, Петро Дорошенко цару московскому поклонился и поѣхалъ до Москвы зовсѣмъ на мешкане и тамъ былъ въ чести царской; а поживши лѣта многие, умеръ на Москвѣ.

1677. Имбраимъ паша Чигирина зъ великимъ добывалъ войскомъ турецкимъ и татарскимъ, але стративши войска не мало, якъ бы часть болшую, турецкого и татарского, самъ три разы подбѣгалъ подъ замокъ умыслне, хотячи, абы его забыто, а потымъ завстыдомъ отступилъ до дому.

1678. Аземъ, везиръ турецкий, взялъ Чигиринъ, мѣсяца августа дня 11, въ недѣлю.

Того жъ року, комета великая показалась, то есть звѣзда зъ хвостомъ, зимою, и килка недѣль трвала.

1679. Янъ Третий, кроль польский, подъ Журавномъ съ турецкимъ пашею, названымъ Сайтанъ паша, мѣлъ войну, а потомъ згодилися зъ собою лѣтъ на шесть.

На той часъ скитъ великий, монастыръ въ Покутю лежачий, турки спалили, а що въ Галичу, въ Тисменици, Чортковѣ, Богородчанахъ и по инших мѣстахъ, людей въ Покутю и ку Подолю забрали были турки, всѣхъ въ цѣлости при згодѣ, которыхъ было на тисячий 8, королеви полскому отдали, и ігумена скитского зъ килку братиями; на той часъ былъ ігуменомъ Дорофей.

1680. Феодоръ Алексѣевичъ, царъ московский, посылалъ Василия Васильевича Голицина, зъ войскомъ великимъ, на защиту отъ Турковъ краю малороссийскому.

1681. Марта мѣсяца дня 23, громъ былъ, противъ Лазаревой суботы, зъ страшною велми блискавицею.

Того жъ року, Өеодоръ Алексѣевичъ, царъ, далъ монастыръ Свинский подъ Печерский монастырь.

1682. На святого апостола Матфея, ноемрия 16, земля трасласея.

Того жъ року, Өеодоръ Алексѣевичъ, царъ московский, пòмеръ, въ четвергъ недѣли өоминой, априля 27 дня, царствовалъ лѣтъ 6 и мѣсяцей два.

Того жъ лѣта, мая 15 дня, стрелцы московские много бояръ погубили въ мѣстѣ своемъ столечномъ Москвѣ, на Красной площади; столпъ каменный тамъ же были поставили, а потымъ его до основанія розбили.

Того жъ лѣта Іоанъ и Петръ Алексѣевичи, царя Алексѣя Михайловича сынове, братия единоутробния, начали царствовати въ Москвѣ; короновалъ ихъ Іоакимъ, патриарха московский.

1683. Инокентий Гизель, архимандритъ печерский, умеръ, а по немъ насталъ Варлаамъ Ясинский.

1684. Янъ Третий, кроль польский, подъ Виднемъ, мѣстомъ цесара христианского, турковъ збилъ и великии скарбы тамъ взялъ и наметъ везерский, который былъ вздовжъ на сажней 40, вшеръ на сажней 20, а верховъ мѣлъ 43, и короговъ махометанскую взявши, послалъ до Рыму; а потымъ, гоначи везира, котрый сподъ Ведня утеклъ, мѣсто великое цесарское званое Стригония, котрое турки завоевали были у сто лѣтъ, того жъ дня якого взяли, цесарови отшукалъ и тамъ кавалерию турецкую, тисячий 80, трупомъ положилъ, а татаре утекли, бо ихъ тамъ убито тисячий три.

1685. Іоанъ и Петръ, цари московские, зъ Яномъ Третимъ, кролемъ полскимъ, учинили вѣчное зъ собою примирье.

Того жъ року, перший митрополитъ киевский Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинский, отъ Іоакима, патриархи московского, посвященъ на Москвѣ на митрополию киевскую.

Того жъ року, въ Глуховѣ старой замокъ згорѣлъ, августа 13, съ четверга на пятокъ.

1687. Іоанъ и Петръ, цари московские, князя Василия Васильевича Голицина посылали воевати Кримъ, который зъ великимъ

войскомъ московскимъ и козацкимъ пришедши на Самаръ, поставилъ городъ и назвалъ его городъ Бѣлогородицкий (sic) и пошолъ былъ далей въ татарскую землю, але не бывши въ ней, вернулся; тамъ же Ивана Самойловича, гетмана козацкого, зъ двома сынами, взято на Сибѣръ; а на Коломаку тогды жъ козаки учинили гетманомъ Івана Мазепу, а Самойловича взято за тое на Сибѣръ, що хотѣлъ здрадити Москву и зъ ордою братерство мѣти [1]).

1688. Иоаннъ и Петръ, цари московские, того жъ Голицина знову на Кримъ зъ великимъ войскомъ московскимъ и козацкимъ посылали, а ханъ кримский стрѣтилъ его съ потугою татарскою, и орда вешталася около войска; але же войско Галичино было велми великое и шло якъ вода не застановляючися, тылко отстрѣлювалися; а пришедши подъ перекопские ворота, не учинивши жадное потребы военной, отишолъ до Москвы и засланый есть на заточение въ Сибѣръ.

1690. Саранча была великая, мало не по всему свѣту.

Того жъ року, Іоакимъ, патриарха московский, умеръ марта 17.

Того жъ року, априля дня 7, Гедеонъ Святополкъ, митрополитъ киевский, померъ, а Варлаамъ Ясинский, архимандритъ Печерский, зосталъ митрополитомъ киевскимъ; ставилъ его на Москвѣ, Адрианъ, патриархъ московский.

1691. Марта дня 4, въ пятницу, годины 4, день, сонце мѣнилось на три части роздѣлившися и дуги посредъ неба стояла рогами на полночъ; трвало тое затмене на годину.

1692. Өеодосий Углицкий зосталъ архиепископомъ чернѣговскимъ, посвященъ отъ Адриана, патриарха московского, на Москвѣ.

1693. Лазарь Барановичъ, архиепископъ чернѣговский умеръ, живъ лѣтъ всѣхъ 77, правилъ престолъ лѣтъ 36, погребенъ въ катедрѣ чернѣговской, за лѣвымъ крилосомъ.

1695. Зима великая лежала и снѣгу было велми много, ажъ до святого великомученика Георгия.

Того жъ року, Казикерменъ, городъ турецкий, Іванъ Мазепа, гетманъ козацкий, и Борисъ Петровичъ Шереметъ, зъ войсками козацкими, узяли.

---

[1]) Приписка: брѣдши, неправда.

Того жъ року, Петръ Алексѣевичъ, царъ московский, ходилъ подъ городъ турецкий Азовъ и много тамъ войска погинуло московского; и отступилъ назадъ отъ нихъ.

1696. Иоаннъ Алексѣевичъ, царъ московский, преставился мѣсяца януария 29 дня; а прежде смерти его отворалося небо и были два мѣсяцы на небѣ и билися зъ собою.

Тое жъ зимы, орда была великая на Вкраинѣ, зъ Петрикомъ.

Того жъ року, Ѳеодосий Углицкий, архиепископъ чернѣговской, померъ и похованъ въ катедрѣ чернѣговской, за правымъ клиросомъ.

Того жъ лѣта, Петръ Алексѣевичъ, царъ московский, ходилъ подъ Азовъ разъ другий и взялъ его, за поводомъ и отвагою Якова Лизогуба, полковника чернѣговского, который то Лизогубъ казалъ козакамъ своимъ засыпати фосу ровно зъ валомъ; и взяли его, и заразъ царъ осадилъ его людомъ своимъ, москалями.

1697. Янъ Третий, кроль полский, умеръ; былъ то панъ мудрый, богатый и ялмужникъ великий, любилъ благочестивыхъ, надавалъ на монастырѣ и церкви милостыню и на войнахъ былъ щасливый.

Того жъ року, Іоаннъ Максимовичъ зосталъ архиепископомъ чернѣговскимъ; святилъ его Адрианъ, патриарха московский, на Москвѣ.

Тогожъ року, перший архимандритъ въ Чернѣговѣ, въ монастыру чернѣговскомъ Ілинскомъ, посвятился Лаврентий Крщоновичъ; (святилъ?) на Москвѣ его крутицкий митрополитъ.

Того жъ року, Константинъ Мокиевский, киевский полковникъ, зъ Палѣемъ ходилъ подъ Очаковъ городъ татарский, и много ясыру и здобычи привезли [1]).

1698. Августъ, княжа саское, зосталъ королемъ полскимъ.

Того жъ року, Яковъ Лизогубъ, полковникъ чернѣговский, умеръ.

1699. Солнце мѣнилося септеврия 13, въ середу; тогды былъ Іванъ Мазепа, гетманъ, въ Чернѣговѣ.

Того жъ року, турки Каменецъ Подолский Августови, королеви полскому, доброволне, зъ росказаня цесаря своего, отдали.

---

[1]) Приписка: Того жъ року дорогувля на Вкраинѣ, и въ Полщи и по иныхъ націяхъ была.

Того жъ року, Іосифъ Шумлянский, епископъ лвовский, зосталъ унѣатомъ.

Того жъ року, Михаилъ Лежайский, архимандритъ Новгорода Сѣверского, умеръ.

1700. Адрианъ, патриарха московский, померъ октоврия дня 16.

1701. Кроль шведский Полщу звоевалъ, за поводомъ Сапѣги, гетмана великого литовского, который противко короля полского Августа повсталъ.

Того жъ року, Іванъ Обидовский, полковникъ нѣжинский, будучи гетманомъ наказнимъ, подъ Руȣовлемъ, мѣстомъ шведскимъ, померъ; похованъ въ Печерскомъ монастыру киевскимъ.

1702. Борковский, обозный енералный козацкий, марта дня 4 умеръ; похованъ въ монастыру Елецкомъ чернѣговскомъ, въ паперти, по правомъ боцѣ.

1703. Июль мѣсяцъ небесный насталъ въ пятокъ, числа пятого мѣсяца июня и заразъ въ недѣлю, о полудню, 7 числа того жъ мѣсяца, на небѣ вѣдиный былъ и звѣзды двѣ были близко него, а потымъ предъ заходомъ солнца невидати было его, ажъ до своего часу звычайного, въ вечеръ, до повня.

1704. Змий великий огнистый въ панствѣ шведскомъ зъ неба спалъ, мѣсяца іюля дня 20, и былъ видѣный отъ всѣхъ такъ въ Полщи, яко и въ Бѣлой Руси, на сѣверу, и Украинѣ, злетѣлъ головою на землю; а то летѣлъ по вечернѣ и долго въночь трвалъ, махъ ошибъ свой до горы, потымъ ввесь зсунулся на землю.

Того жъ року, Иванъ Мазепа, гетманъ, стоялъ зъ войскомъ подъ Полоннымъ; и тогды Семиона Палѣя, полковника бѣлоцерковского, взявши, презъ цѣлую зиму въ Батуринѣ трималъ, въ вязеню; а напотымъ, запроважено его на Сибѣръ, на заточение.

Того жъ року, мѣсяца іюля дня 8, царъ Петръ Алексѣевичъ взялъ у Шведа Руȣовель и осадилъ своимъ людомъ.

Того жъ року, кроль шведский учинилъ Станислава Лѣщинского, воеводу познанского, королемъ полскимъ навгорду Августови Сасови, королеви полскому.

Того жъ року, курфистра, ксіонженца пруского, царъ московский Петръ Алексѣевичъ учинилъ кролемъ прускимъ, и такъ отпали прусы отъ короны полской.

1706. Мѣсяца марта 19 дня, Михаила Миклашевского, полковнита стародубовского, въ Несвѣжю, на консистенціи, подъ часъ утрни, здрадецко шведы напавши, забили (которыи предъ тымъ у мнишокъ лядскихъ, въ кляшторѣ, ховалися три дни); також и Андрѣя Гамалѣя, зятя его, и инныхъ много козаковъ, а другихъ въ полонъ забрали, а сами ушли, зъ користю, до кроля своего.

Того жъ року, мѣсяца мая дня 1, Іоаннъ Мировичъ, полковникъ переяславский, въ Ляховичахъ, на консистенціи, былъ облеженъ отъ шведовъ; тамъ, боронячися имъ добре, шведовъ до трехъ тисячий трупомъ положилъ, але шведы не отходили отъ того его облеженя, где будучи полковникъ съ козаками своими седмсотъ, и еще бы имъ болшъ боронилъся, але же не было дровъ, чимъ варити конины, и пороху не стало до стрелбы, здался потымъ шведамъ зъ своими козаками, котрыхъ было 1735; и тотъ полковникъ въ земли шведской и померлъ.

Того жъ року, мѣсяца іюля дня 2, Петръ Алексѣевичъ, царъ московский, былъ въ Чернѣговѣ, и хто хотѣлъ, ишолъ до поцѣлованя руки его царской невозбранно; и той жъ ночи, водою выѣхалъ до Киева; тогдѣ въ Киевѣ былъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ, ксіонже римское, зъ войскомъ великимъ; тамъ же былъ и Мазепа, гетманъ, зъ козаками, котрые козаки сыпали валъ около монастыра печерского. Оттоль царъ ѣхалъ до Смоленска, а Меншиковъ зъ войскомъ московскимъ пошолъ на консистенцию, до Полщи; и пришолъ подъ мѣсто Калишъ, въ Великой Полщи; тамъ мѣлъ баталию зъ шведами, ляхами, волохами и положилъ на пляцу трупомъ люду противного собѣ: тисячий 27 и 299 человѣка, а взялъ въ полонъ шведовъ тисячий двѣ и человѣка 482, гарматъ двадцать двѣ, дробной стрелбы малой и великой множество. А кроль полский Августъ стоялъ оподаль отъ него, присмотруючи той баталии, и мало що зъ своего обозу на шведовъ стрелялъ. Тамъ Меншиковъ великую здобычъ взялъ; тамъ же взялъ былъ Потоцкого, вое-

воду киевского, и писара коронного, также Потоцкого, брата воеводы киевского стрыечного, и отдалъ ихъ королеви полскому Августови; кроль пустилъ ихъ волныхъ до домовъ ихъ. Въ той баталіи трвали въ непрестанномъ огню годинъ чтыри; зъ московского войска убито человѣка всего 854 и ранено человѣка 55..

1707. Мѣсяца септеврия дня 14, годины другой, въ ночъ, былъ вѣдѣный мечъ на небѣ, концемъ острымъ до горы, надъ Полщею стоячій.

Того жъ року, мѣсяца августа дня 22, померъ митрополитъ киевский Варлаамъ Ясинский, погребенъ того жъ мѣсяца дня 28, митрополитомъ сербскимъ Нектариемъ. По немъ зосталъ митрополитомъ Іосафъ Круковский, архимандритъ печерский, а архимандритомъ печерскимъ зосталъ Иларионъ, намѣстникъ печерский, который того жъ року и померъ. Мѣсяца іюля дня 15, Василия Кочубея, судею енералного козацкого, и Ивана Искру, бывшого полковника полтавского, казалъ царъ Петръ Алексеевичъ въ Борщовой, за Бѣлою Церквою, стяти (чего и самъ царъ потымъ жаловалъ). Той Кочубей открылъ былъ цареви, же Мазепа есть ему зм͡ѣнникомъ, яко жъ напотымъ такъ и сталося, але царъ Петръ казалъ имъ обоимъ, то есть Кочубеови и Искрѣ, голови поутинати, бо повѣстемъ ихъ не вѣрилъ; поховано ихъ въ монастыру Печерскомъ.

Того жъ року, повсталъ нѣякий козакъ донской Семионъ Булавинъ, за гетманства Мазепино, (зъ его жъ совѣту и измѣны); той Булавинъ выправилъ своего полковника Тимоша Дранника съ козаками, на полковника сумского, котрого Драникъ и забилъ; а потымъ Феодоръ Володимировичъ, полковникъ изюмский, того Дранника козаковъ збивши, самого Дранника поймалъ и на паль казалъ збити; а Булавинъ самъ себе съ пистолета забилъ; и такъ обидва погинули.

Того жъ лѣта, въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, кроль шведский пришолъ зъ войскомъ до Могилева Литовского и все зрабовалъ мѣсто, а потымъ, прешедши Днѣпръ, стоялъ въ монастырѣ, межи Днѣпромъ и Сожемъ рѣками, недѣль килка; оттоль пошелъ до Смоленска, а не дошедши, збояся межи лѣсами войска

московского, котрое на него чигало, и много люду своего по лѣсахъ, болотахъ, потратилъ тамъ; и пришолъ на сѣверъ, подъ мѣстечко Мглинъ, и штурмовалъ до него; тамъ стративши люду своего осмсотъ и килко человѣка, отступилъ и окопался подъ Гарнцовымъ; и постоялъ тамъ часъ немалый, а то все чинилъ за поводомъ Мазепы гетмана.

Того жъ лѣта, октоврия 24 дня, Левенгоуфтъ, енералъ шведский, (котрого предъ тымъ въ мѣсяцу сентеврию, Петръ Алексеевичъ, царъ московский, идучого до кроля шведского, зъ провиантомъ зъ Швецій, обозъ розбилъ, шведовъ тисячей 12 на пляцу положилъ и, великие скарби и гарматъ 40 взявши въ него, до Смоленска отослалъ) ишолъ подъ Новгородкомъ, маючи зъ собою люду шведского тисячий шесть и волоховъ тисячу; а на той часъ въ Новгородку былъ съ полкомъ своимъ Григорий Петровичъ Чорнышовъ; было то въ недѣлю, подъ часъ службы божіей; тотъ полковникъ, маючи офицеровъ своихъ и козаковъ и прочихъ охотныхъ комонника зъ килка сотъ, заразъ выбѣгъ зъ мѣста въ поле и потыкалея зъ шведами у фолваркахъ, и забито килкохъ шведовъ, а москалевъ двохъ пострѣлено, але ся выгоили; и такъ той енералъ, оставивши Новгородокъ, ишелъ далей и станулъ въ Команѣ селѣ, миля отъ Новогородка; а кроль шведский, зо всею потугою, стоялъ въ Шептакахъ; потымъ кроль пришелъ до Горокъ села монаст. новогородского, отъ Новгородка миля, и тамъ ему Мазепа, гетманъ, перший разъ поклонился и станулъ Мазепа въ Дегтеровцѣ зъ сердюками, компаниею и шведами.

Того жъ мѣсяца, дня 27, Петръ Алексеевичъ, царъ, станулъ зъ войскомъ въ селѣ Погребкахъ, и былъ въ Новгородку; а Борисъ Петровичъ Шереметъ, стоячи также въ Погребкахъ, збилъ шведовъ зъ мосту, зъ гарматъ, который мостъ робили шведы на Деснѣ. Того жъ дня, дано знати цару Петру, же конечне зменилъ ему Мазепа, бо предъ тымъ не вѣрилъ, и когда Кочубей ознаймилъ ему предъ тымъ о змѣнѣ, казалъ Кочубея и Искру стяти, чего потымъ жаловалъ, але вже не въ часъ. И заразъ послалъ зъ войскомъ, князя Александра Менщикова доставати Батурина, мѣсяца

ноеврия дня 9, бо въ немъ заперлися были, зъ розказаня Мазепина, сотникъ батуринский Чечель и Филипъ, реентъ, зъ сердюками; и gды пришолъ Меншиковъ подъ Батуринъ, давано огню зъ гарматъ велми зъ Батурина, але Меншиковъ заразъ добылъ Батурина и сплюндровалъ его огнемъ и мечемъ, а Чечеля, сотника, и Филиппа, реента спартесного, побралъ живцемъ и въ Глуховѣ почвертовано ихъ, зъ росказаня царского. Того жъ мѣсяца дня 5, Петръ Алексѣевичъ, царъ, пошедши зъ Погребковъ, бился зъ шведами, зъ гарматъ стрѣляючи, чрезъ Десну, у Бѣлыхъ Березахъ, подъ Мѣзиномъ селомъ; а напотомъ царъ Петръ пошелъ до Глухова, и тамъ, ноеврия дня семого, учинилъ гетманомъ Іоанна Скоропадского. А кроль шведскій и Мазепа зъ войскомъ, переправившись чрезъ Десну, пошли до Батурина, ноеврия дня осмого; и знашелъ его спаленого; крови людской въ мѣстѣ и на предмѣстью было полно калюжами; ревно плакалъ по Батуринѣ Мазепа. И станулъ кроль шведский въ Городищу, а Мазепа въ Обмачевѣ, о милю отъ себе; а напотымъ, пошли на Прилуку. Кроль станулъ въ Ромнѣ, а Мазепа въ Гадячомъ, зъ компаниею и сердюками.

Того жъ року, когда кроль шведский пришолъ до Прилуки, царъ Петръ Алексеевичъ, прежде приходу его, посылалъ на Запороже до козаковъ, абы ишли ему на помочъ; и послалъ имъ жалоowане свое царское, самому атаманови запорозскому Костѣ Гордѣенкови, на его особу, чирвоныхъ золотыхъ пятсотъ, старшинѣ, козакомъ, дванадцеть тысячий рублевъ копѣекъ; они же, тые гроши побравши, едныхъ посланныхъ до змѣнника Мазепы послали, другихъ потопили, а иные повтекали; и заразъ Костя, атаманъ, зъ запорозцами всѣми пошедши, подъ городкомъ Сокулкою, кролеви шведскому поклонился и Мазепѣ також присягли. Царъ Петръ Алексеевичъ, розгнѣвавшися, послалъ на Запороже Симона Яковлевича, полковника, зъ московскимъ войскомъ и Галаgана, полковника чигиринского, зъ полкомъ его жъ и зъ иншими козаками на запорожцевъ; тамъ же осталци запорожци боронилися имъ, стрѣляючи на нихъ; лечъ Симонъ Яковлевичъ и Галаганъ, презъ штурмъ доставши ихъ, всѣхъ постинали и всѣ куренѣ и всѣ ихъ запорозские

жилища до грунту зруйновали; и зостало Запороже пустое. А Кость Гордѣенко не отступно отъ Мазепы зъ своими козаками, где онъ повернулся, всегда зоставалъ.

Того жъ року и Семиона Палѣя царъ Петръ зъ заточения сѣбѣрского до Россіи повернулъ, и учинилъ его знову, на его мѣстцу, полковникомъ бѣлоцерковескимъ. Тамъ потымъ, Палѣй померъ року 1710 и похованъ въ Бѣлой Церкви.

1709. Король шведский и Мазепа съ войсками своими, на веснѣ, пришли подъ Полтаву; Полтава предъ ними заперлася и добывалъ кроль шведский всѣми силами Полтавы; стоялъ въ монастыру и зъ герматъ билъ зъ монастыра, на мѣсто, ажъ Петръ Алексеевичъ, царъ, юня дня 27, учинилъ баталию зъ кролемъ шведскимъ, о чверть мили отъ Полтавы; кроль шведский пошолъ на войско московское; тамъ будучи обѣ стороны въ огню зѣло великомъ, двѣ годины, и божиею помощию побѣждены шведы отъ войска московского зостали; пало на пляцу шведовъ тисячий 18 и седмсотъ чтыридесять шесть человѣковъ, а на миль три отъ Полтавы по поляхъ, лѣсахъ, трупу шведского было полно, котрыхъ Москва, доганяючи, стинала, колола, а остатокъ войска шведского зъ енералами Левенгауптомъ, енераломъ Маеромъ Крейцомъ, Кравзомъ, двома братама графы Дуглясовъ, графомъ Бонды, енераломъ аудиторомъ Штерномъ, 14 тисячий тридесять человѣка, пооткидавши отъ себе оружие воинское, Петру Алексѣевичу, цару, поклонился, просячи милости, которыхъ царъ Петръ, опрочъ оружия воинского, при всемъ ихъ въ милости своей зоставилъ. А самъ кроль шведский и Мазепа, видячи погибель свою, переправившися презъ Днѣпръ въ килкосотъ коней, утекли въ землю турецкую, до мѣста Бендеры. Зъ московского войска въ той баталии убито тисячу триста чтыридесять чтыри человѣка и раненнихъ тисячий три 292 человѣка; здобычи: герматъ—триста, флинтовъ и инаго воинского оружия безчисленно Москва взяла въ обозѣ шведскомъ, зъ великимъ триумфомъ, благодарячи Господа Бога, давшого побѣду цару Петру надъ прегордымъ кролемъ шведскимъ.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. Н. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину" въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина", Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины" за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮНЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXIX. 1890 годъ

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Село Андруши.

БѢДСТВІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ XVII В.

(*По поводу книги Греца: Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ*) [1]).

Евреи — народность совершенно исключительная. Будущая соціологія, конечно, многое почерпнетъ для своихъ положеній изъ ближайшаго знакомства съ ихъ исторіей и строемъ. Еслибы мы попытались дать опредѣленіе понятію національности, то, по всей вѣроятности, свели бы содержаніе этого понятія къ двумъ элементамъ: языку и территоріальной связи. Но евреи съумѣли сохранить народность помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи. Мало того, что сохранили ее,—есть-ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская? Причина — въ большомъ, тяготѣющемъ надъ живущимъ поколѣніемъ, запасѣ результатовъ духовной жизни поколѣній отжившихъ. Разумѣется, надо принять во вниманіе и специфическія свойства этого запаса, его цѣлостный характеръ, объединяющій закономѣрное съ должнымъ, необходимое съ желаемымъ, выводы ума съ требованіями совѣсти. Въ этомъ запасѣ еврей равно находитъ и нравственную поддержку, благодаря которой онъ, робкій отъ природы, могъ мужественно смотрѣть на огонь инквизиціоннаго костра или на козацкую пику, — благодаря которой онъ,

[1]) Переведенный на русскій языкъ подъ редакціей А. Я. Гаркави X томъ капитальнаго труда проф. Греца Geschichte der juden заключаетъ въ себѣ собственно лишь одну главу съ изложеніемъ событій, въ которыхъ еврейская исторія соприкасается съ южнорусской. Это третья глава книги и называется она: „Хмельницкій и преслѣдованіе евреевъ въ польской Украинѣ козаками". Изъ этой главы мы заим-

жадный до наживы и пріобрѣтенія, всегда былъ готовъ жертвовать и трудомъ и имуществомъ для національнаго дѣла; находитъ и готовый отвѣтъ на всякій запросъ, какъ отвлеченной мысли, такъ и практической потребности. И этотъ запасъ есть дѣйствительно національное богатство въ полномъ смыслѣ этого слова: не одинъ общественный слой, а вся нація въ цѣломъ ея составѣ равно пользуется плодами накопленной въ теченіи тысячелѣтій мудрости предковъ. Конечно, человѣку, причастному современной цивилизаціи, плоды эти должны казаться, съ одной стороны, слишкомъ незрѣлыми, съ другой, въ тоже время слишкомъ закаменѣвшими въ этой своей незрѣлости. Но за то въ нихъ нѣтъ того червя односторонности, который подтачиваетъ быстро зрѣющіе роскошные плоды цивилизаціи, имѣющей въ основѣ своей лишь умственный и матеріальный прогрессъ. Съ какой горечью и болью неудовлетвореннаго чувства отворачивается нерѣдко современный человѣкъ отъ блеска этой роскоши, не находя здѣсь удовлетворенія самымъ глубокимъ и живучимъ изъ своихъ внутреннихъ потребностей.

Однако исторія духовной жизни евреевъ показываетъ, что и здѣсь, въ этомъ затишьѣ, защищенномъ отъ волнующагося моря европейской цивилизаціи китайской стѣной полнаго взаимнаго непониманія и отчужденія, далеко не всегда царила та неподвижность—удовлетворенности ли или просто инертности—какую мы склонны считать ея постояннымъ и неизмѣннымъ свойствомъ. И здѣсь мятущійся человѣческій духъ не разъ пытался разорвать оковы авторитета и съ разныхъ концовъ рвался на осаду духовныхъ твердынь своей націи. XVII в., которому посвященъ главнымъ образомъ переведенный нынѣ томъ Исторіи Евреевъ Гретца, представляетъ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда обостряется

ствовали вышеприведенные факты—впрочемъ кое-чѣмъ воспользовались и изъ Лѣтописи Ганновера. Лѣтопись эта есть одно изъ двухъ еврейскихъ, переведенныхъ на русскій языкъ, сочиненій, касающихся южно-русской исторіи. Другое—„бѣдствія временъ“ Егошія, переведенное Берлиномъ и помѣщенное въ „Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. росс.“ (1885 г. кн. 1). Но этими двумя сочиненіями не исчерпываются еврейскіе источники для малорусской исторіи. У Гретца (стр. 60) есть цѣлый списокъ такихъ источниковъ, собственно относящихся къ козацкимъ войнамъ; есть указаніе на такіе источники и у Манделькерна въ предисловіи къ Лѣтописи Ганновера.

это вѣчное, часто дремлющее, но никогда не замирающее окончательно стремленіе человѣческаго духа къ древу познанія добра и зла. Это былъ вѣкъ Спинозы, съ одной стороны, вѣкъ Саббатаи Цеви—съ другой. Первый извѣстенъ намъ несравненно болѣе, чѣмъ второй: его геніальная метафизика съ ея поразительной простотой и силой, вѣроятно, никогда не потеряетъ того обаянія, которымъ она охватываетъ углубляющійся въ нее умъ. Но значеніе философіи Спинозы общечеловѣческое, для правовѣрнаго еврея она не существуетъ, хотя самъ Спиноза есть настоящій сынъ своей націи, рѣдчайшая жемчужина, выброшенная взволновавшейся стихіей національнаго духа. Вообще, значеніе Спинозы въ еврейской исторіи не велико. Совсѣмъ другое дѣло Саббатаи Цеви. Фанатикъ или съумашедшій, пророкъ или обманщикъ, можетъ быть, все это вмѣстѣ, соединенное въ одной изъ тѣхъ причудливыхъ комбинацій, какія вмѣщаютъ въ себѣ иногда подобныя темныя человѣческія души,—этотъ, одно время почти общепризнанный мессія, произвелъ страшное броженіе во всемъ еврейскомъ мірѣ. Долго послѣ того, какъ онъ исчезъ со сцены, не улегалось еще волненіе, прорывавшееся появленіемъ то новыхъ лжемессій, то новыхъ сектъ, то книгъ, проникнутыхъ саббатіанскимъ духомъ. Среди европейскихъ евреевъ, у польскихъ дольше всего, держались теченія, пропитанныя этими фантастическими и мистическими бреднями: такъ называемая подольская секта, франкисты, очень распространенные въ прошломъ столѣтіи, хасиды, которые держатся до сихъ поръ—все это жило и отчасти живетъ, главнымъ образомъ, въ теперешнемъ юго-западномъ краѣ.

Какъ ни цѣльна, при всей территоріальной разрозненности, еврейская нація, но не могли же совсѣмъ не отразиться на физіономіи той или другой части еврейства особенности физической и соціальной среды, въ которой ей пришлось прожить иногда въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Польскій еврей выработалъ въ себѣ такія специфическія черты, которыя позволили ему съиграть въ общееврейской духовной жизни свою особую роль, и надо сказать не особенно для него лестную. Трудно рѣшить, какія особенности — среды-ли или положенія — сдѣлали изъ польскаго еврея того яраго раввиниста и талмудиста, носителя средневѣковаго

духа буквы и преданія, какимъ онъ явился въ западную Европу, когда козацкія войны вытолкнули его изъ значительной части Польши. Вообще, положеніе евреевъ въ Польшѣ было сравнительно очень недурное. Правда, въ 17-мъ вѣкѣ Польша уже перестала быть для евреевъ новой обѣтованной землей, какъ до этого времени. Католическая политика Сигизмунда III со всѣми ея послѣдствіями отразилась и на евреяхъ какъ юридическими ограниченіями, такъ и фактическими стѣсненіями, и даже погромами со стороны населенія, нафанатизированнаго іезуитами. Но евреи тѣмъ не менѣе такъ укоренились въ качествѣ необходимаго общественнаго элемента, что сохранили за собой значительную свободу. Помимо общинной огранизаціи, администраціи и суда, они имѣли и общегосударственную организацію, составляя такимъ образомъ status in statu. Верховнымъ органомъ еврейскаго самоуправленія въ Польшѣ былъ синодъ. Онъ собирался два раза въ годъ, въ Люблинѣ и Ярославѣ: онъ издавалъ законы, толковалъ ихъ, былъ въ то же время высшей судебной инстанціей, куда поступали дѣла, нерѣшенныя провинціальными судами. Понятно, что такая широкая и сильная организація могла служить для польскаго еврейства оплотомъ, за которымъ свободно развивалась его духовная и матеріальная жизнь. Но, съ другой стороны, можетъ быть именно эта организація и дала первый толчокъ къ развитію въ польскомъ евреѣ такой исключительной наклонности къ талмудическому буквоѣдству. Въ самомъ дѣлѣ, самостоятельность управленія и суда поддерживала въ польскомъ евреѣ постоянное вниманіе къ первымъ источникамъ еврейскаго права—къ Талмуду; потребность въ судебной казуистикѣ должна была благопріятствовать развитію той талмудической казуистики, которою такъ славились польскіе евреи. Но умъ, односторонне направленный на тонкое и формальное, теряетъ обыкновенно вкусъ къ истинному и простому, вмѣстѣ съ тѣмъ тупѣетъ и нравственное чувство. Это именно и случилось съ польскимъ еврействомъ. Развитіе талмудической учености сопровождалось сильнымъ упадкомъ непосредственной нравственности. Обойти даже единовѣрца считалось молодечествомъ: нечего и говорить объ иновѣрцахъ (Гретцъ, стр. 57 и слѣд.).

Малороссъ, съ его простодушіемъ и флегмой, долженъ былъ сдѣлаться легкой жертвой ловкаго и беззастѣнчиваго еврея, лишь только исторія свела ихъ вмѣстѣ. Это случилось одновременно съ усиленіемъ колонизаціоннаго стремленія къ степному югу и измѣненіемъ внутреннихъ соціальныхъ отношеній въ смыслѣ развитія крѣпостной зависимости земледѣльческаго населенія, т. е. въ 16-мъ вѣкѣ. Въ этомъ вѣкѣ существуютъ уже городскія общины во Владимірѣ, Луцкѣ, Кременцѣ, Острогѣ, Ковелѣ—все на Волыни; впрочемъ, двѣ изъ нихъ, владимірская и луцкая, вмѣстѣ съ кіевской, кажется, получили свое начало въ 15 в.

Православные литовско-русскіе паны, вслѣдъ за польскими, скоро поняли, какое прекрасное орудіе для выжиманія соковъ изъ подвластнаго населенія они имѣютъ въ евреѣ. Отъ конца 16-го в. сохранились договоры пановъ Лысаковскаго, кн. Пронскаго и кн. Сангушка съ евреями на счетъ отдачи въ аренду имѣній въ цѣломъ ихъ составѣ, „какъ эти имѣнія и села, въ длину и ширину, въ границахъ, межахъ и въ обширности издавна находятся, со всѣмъ правомъ, управленіемъ и властью, не оставляя себѣ, ни потомкамъ своимъ никакого права, управленія и власти, со всѣми малыми и великими съ тѣхъ имѣній прибытками и доходами, съ боярами путными и ихъ повинностями, съ церквами и всѣмъ тѣмъ, что дано имъ на содержаніе, со всѣми людьми тяглыми и не тяглыми, съ данями, работами, подводами, съ чиншами, съ пенями денежными, съ корчмами и продажею всякихъ напитковъ и т. д. и т. д.; имѣютъ право паны арендаторы и ихъ потомки спокойно владѣть и пользоваться тѣми вышеупомянутыми имѣніями нашими, такъ точно, какъ мы сами тѣми имѣніями владѣли и пользовались—судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ вышеозначенными пенями, а еслибы кто заслужилъ по праву смерть, то карать и смертію....“ (Памятн. изд. врем. комм. т. 1-й отд. II, №№ IX, X, XI.). Какъ ни краснорѣчивы сами по себѣ эти документы, но они лишь предвосхищаютъ собою тѣ отношенія, которыя во всей своей красѣ развились лишь въ 17-мъ вѣкѣ, когда дворянство уже почти цѣликомъ отрознилось отъ народа, а политическая порабощенность русскаго элемента—результатъ неудачныхъ воз-

станій—достигла высшей степени. И современники, и лѣтописцы, и историки, русскіе и польскіе, согласно свидѣтельствуютъ на счетъ той роли, какую играли евреи въ эту эпоху крайняго утѣсненія малорусскаго народа. Но уже, конечно, ничье свидѣтельство не можетъ быть краснорѣчивѣе — и смѣемъ сказать, правдивѣе—въ своей наивной эпической простотѣ, какъ свидѣтельство объ этомъ самаго народа въ превосходныхъ сюда относящихся думахъ. Ни одной жалобы на жидовъ—рандарей, которые „зарандовали вси козацьки шляхи, и на однiй мили по три шинки становили, заорандовали вси казацьки торги, козацьки церкви, козацьки рики“, ни одного гнѣвнаго восклицанія, злобнаго эпитета. И между тѣмъ, несмотря на спокойный, даже какъ бы объективный тонъ, эти думы, очевидно, современныя по происхожденію описываемому въ нихъ времени, звучатъ такой напряженностью, что становится жутко. Только геніальному художнику и народу открыта великая тайна искусства — немногимъ и простымъ выражать многое, глубокое и сложное. Сцена изъ думы между козакомъ и жидомъ — шинкаремъ схватываетъ и передаетъ все обостреніе отношеній съ поразительной рельефностью и силой. Козакъ, который съ мушкетомъ за плечами идетъ на рѣчку „утя вбити, жинку свою съ дитьми покормити, и хотя и скоса, якъ ведмедь“, поглядаетъ на жида, хватающаго его за патлы, но тѣмъ не менѣе величаетъ его мостивымъ паномъ; жидъ, который выскакиваетъ при видѣ козака, не заходящаго въ шинокъ купить на денежку горилки и попросить разрѣшенія на охоту, и хватаетъ козака за патлы, но тѣмъ не менѣе хвастается передъ женой, что козакъ величаетъ его паномъ—все это фигуры пятаго акта драмы, заставляющія предчувствовать, что финалъ близокъ. И онъ былъ дѣйствительно близокъ, гораздо ближе, чѣмъ это думали умные и проницательные сыны Израиля. А есть основаніе думать, что они понимали положеніе и вѣрно его оцѣнивали. Еврей Натанъ Ганноверъ, лѣтопись котораго переведена на русскій языкъ и издана уже лѣтъ десять тому назадъ [1]), но мало

[1]) Богданъ Хмельницкій. Лѣтопись еврея—современника Натана Ганновера о событіяхъ 1648—52 г. въ Малороссіи вообще и о судьбѣ своихъ единовѣрцевъ въ особенности. Переводъ Соломона Манделькерна. Одесса. 1878 г.

извѣстна, очевидецъ и жертва страшнаго года, тѣмъ не менѣе изображаетъ обстоятельства, вызвавшія взрывъ, такими красками, что подъ его словами могъ бы подписаться и козацкій лѣтописецъ. „Русскіе, жившіе въ Малороссіи, находились подъ тяжкимъ гнетомъ магнатовъ и шляхтичей, которые дѣлали ихъ жизнь горькою, обременяли ихъ всевозможными трудными работами, подвергали ихъ страшнымъ истязаніямъ, принуждая ихъ переходить въ католичество. Они были до такой степени удручены, что всѣ народности страны, даже стоявшія на низкой ступени въ ряду всѣхъ народовъ господствовали надъ ними"... Такъ говоритъ Ганноверъ, свидѣтель очень добросовѣстный и уже во всякомъ случаѣ не пристрастный въ пользу козаковъ.

Не даромъ у евреевъ есть въ году одинъ день, посвященный печальнымъ воспоминаніямъ 1648 г. Бѣдствіе, постигшее ихъ, и по размѣрамъ, и по характеру, есть настоящая катастрофа, одна изъ тѣхъ, которыя отмѣчаются крупными буквами въ исторіи и столѣтія живутъ въ народной памяти.

Историческій рокъ или историческая случайность, съиграли надъ польскимъ еврействомъ самую злостную шутку. Извѣстная еврейская каббалистическая книга Зогаръ, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ, предсказывала на 1648 г. пришествіе Мессіи. Можетъ быть, именно потому евреи и оказались застигнутыми врасплохъ, хотя не могли же они, при своемъ умѣ, при ежечасныхъ сношеніяхъ съ народомъ, не видѣть надвигающейся грозы. Ждали Мессіи, и дождались Хмельницкаго. А врасплохъ они были застигнуты вполнѣ, точно ихъ захватилъ пожаръ, а не народное возстаніе, о которомъ не только шептали, а, вѣроятно, и кричали пьяные гультяи по всѣмъ шинкамъ Украины. Первыя же побѣды Хмельницкаго дали сигналъ къ истребленію евреевъ. Массовое истребленіе началось прежде всего по лѣвую сторону Днѣпра, въ Переяславѣ, Пирятинѣ, Лубнахъ, Лохвицѣ: здѣсь было ихъ убито нѣсколько тысячъ. Сотни евреевъ отреклись отъ вѣры; многіе попали въ плѣнъ къ татарамъ. Четыре еврейскихъ общины предупредили избіеніе тѣмъ, что сдались татарамъ. Вообще, къ добровольному татарскому плѣну не разъ прибѣгали евреи, какъ къ средству спасенія, и разсчеты ихъ

оказались вѣрными: турецкіе евреи, при помощи голландскихъ и иныхъ, выкупали своихъ соотечественниковъ. Надо замѣтить, что въ эту эпоху бѣдствій, еврейство доказало, насколько оно живуче своей крѣпкой національной связью, своимъ пониманіемъ общенаціональныхъ интересовъ, своей готовностью къ жертвамъ въ пользу общаго дѣла. Масса несчастныхъ, нищихъ польскихъ евреевъ, раскиданная взрывомъ по свѣту, всюду находила энергическую поддержку—пріютъ, денежную помощь изъ сборовъ, которые дѣлались въ ихъ пользу во всѣхъ европейскихъ общинахъ.

Кровавая эпопея еврейскаго избіенія на территоріи правобережной Украины, открывается Немировымъ. Здѣсь собралось около 6000 евреевъ, такъ какъ Немировъ былъ однимъ изъ еврейскихъ центровъ, мѣстныхъ, и бѣглецовъ изъ окрестностей, искавшихъ спасенія за стѣнами крѣпости. Немировъ былъ взятъ ничтожнымъ козацкимъ отрядомъ въ 600 человѣкъ, благодаря хитрости и, конечно, сочувствію мѣстнаго православнаго населенія. Ученый раввинъ Іехіэль-Михель, въ виду приближающейся грозы, заблаговременно подкрѣпилъ духъ своей паствы проповѣдью, убѣждая ее не измѣнять вѣрѣ своихъ отцевъ. И дѣйствительно, евреи на этотъ разъ держали себя мужественно. Были примѣры настоящаго геройства со стороны даже молодыхъ дѣвушекъ. Такъ напр. когда вели одну еврейскую красавицу въ церковь, чтобъ тамъ обвѣнчать ее съ козакомъ, она кинулась въ воду съ моста, черезъ который пришлось переходить. Другая, только что обвѣнчанная съ козакомъ, заставила новобрачнаго выстрѣлить въ себя, увѣривъ его, что она умѣетъ заговаривать оружіе, и, конечно, осталась на мѣстѣ мертвою. День немировской рѣзни, 20 іюня, принятъ еврействомъ за поминальный день. Между тѣмъ другой отрядъ напалъ на Тульчинъ, гдѣ также скрылось около 2000 евреевъ. Козаки опять прибѣгли къ хитрости. Они увѣрили поляковъ, также укрывавшихся въ крѣпости, что добираются только до евреевъ, и тѣ сами обезоружили своихъ союзниковъ. Но имъ пришлось горько раскаиваться въ своей измѣнѣ, и съ тѣхъ поръ поляки, наученные опытомъ, „уже не отдѣляли своего дѣла отъ еврейскаго: и не случись этого обстоятельства, отъ евреевъ не осталось бы и помина“, говоритъ Ганноверъ.

Евреи Тульчина заперты были въ саду и имъ предложено было на выборъ, умереть или креститься. Но воодушевленные проповѣдью своихъ раввиновъ, евреи всѣ отказались отъ крещенія, и были умерщвлены въ числѣ около 1500 человѣкъ: только раввины были пощажены ради выкупа. Женщинъ, вообще, оставляли въ живыхъ, кромѣ больныхъ и старыхъ: имъ былъ хорошій сбытъ въ Крымъ. Около 300 евреевъ спаслось тѣмъ, что притаились между трупами: черезъ три дня послѣ рѣзни, козаки послали выкликать, чтобъ живые поднимались, уже ничего не опасаясь, и они дѣйствительно не только были отпущены, но была имъ оказана и помощь. А между тѣмъ одновременно происходило безпощадное истребленіе евреевъ на другомъ концѣ малорусской территоріи, въ Сѣверщинѣ, въ городахъ Черниговѣ, Стародубѣ и иныхъ. Въ день тульчинской рѣзни, были вырѣзаны тоже 1500 евреевъ Гомеля, мужчины, женщины и дѣти: они были выведены за городъ, раздѣты до-нага и затѣмъ имъ было предложено на выборъ—крещеніе или смерть.

Мѣсяцъ спустя имѣлъ мѣсто выдающійся по размѣрамъ еврейскихъ бѣдствій эпизодъ взятія гор. Полоннаго. Около десяти тысячъ евреевъ укрылись за стѣнами этой крѣпости, и были умерщвлены: они пали подъ ножемъ непріятеля безъ сопротивленія, говоритъ Ганноверъ, такъ что если какой-нибудь козакъ врывался въ домъ, гдѣ находилось даже нѣсколько сотъ евреевъ, они не сопротивлялись, и онъ одинъ избивалъ всѣхъ. Впрочемъ, нѣсколько сотъ евреевъ крестилось, а нѣсколько сотъ взяты въ плѣнъ татарами.

Теперь евреи Волыни и окрестныхъ провинцій убѣдились, что и стѣны городовъ для нихъ не защита среди мятущагося хлопскаго моря, дышащаго ненавистью и жаждою мщенія. Всякъ, кто могъ, кинулся въ бѣгство, стремясь вырваться изъ района, захваченнаго возстаніемъ, оставляя дома со всѣмъ имуществомъ, спасая лишь жизнь свою и семьи. Кто имѣлъ лошадей, захватывалъ цѣнныя вещи; но и ихъ часто приходилось кидать на дорогѣ. „Бродили мы съ мѣста на мѣсто въ лѣсахъ и деревняхъ“, говоритъ Ганноверъ, самъ участникъ этихъ скитаній, „да валялись подъ открытымъ небомъ. Каждую ночь, которую намъ

приводилось проводить въ домахъ православныхъ, мы опасались, чтобы они насъ не убили, такъ какъ всѣ безъ исключенія взбунтовались; а вставъ утромъ живыми, читали молитву: о Благословенъ еси Господь, воскрешающій мертвыхъ!" А между тѣмъ вырѣзываніе евреевъ въ городахъ все-таки продолжалось. Иные не имѣли возможности бѣжать; другіе возвращались въ города изъ скитаній, предпочитая скорую смерть отъ меча мучительной голодной смерти въ лѣсахъ. Такимъ образомъ убито было около 200 душъ въ Заславѣ, около 600 въ Острогѣ. Въ Старо-Константиновѣ собралось много евреевъ въ надеждѣ на Вишневецкаго. Но когда онъ вынужденъ былъ оставить городъ, то всѣ евреи, не имѣвшіе лошадей, чтобъ слѣдовать за войскомъ, остались и были истреблены въ числѣ около 3000. Но все-таки пока на аренѣ дѣйствій еще держались польскія войска, буря не могла принять такихъ всесокрушающихъ размѣровъ. Апогея своего она достигла лишь послѣ того, какъ закончена была вторая кампанія постыднымъ бѣгствомъ польскаго войска изъ-подъ Пилявецъ. Вся территорія малорусскаго племени вплоть до Львова оказалась цѣликомъ залитой волнами народнаго возстанія, захлеснувшими все, что еще осталось еврейскаго. Послѣдніе остатки ихъ держались было нѣкоторое время подъ защитой сильныхъ крѣпостей Бара, Дубна, Каменца-Подольскаго. Но больше тысячи дубенскихъ евреевъ вырѣзано было передъ крѣпостью, куда поляки не сочли возможнымъ ихъ впустить. Сильный Баръ—надежда поляковъ—также палъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло евреевъ до 2000. Опустошительныя эпидеміи, появлявшіяся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ скапливались евреи, помогали дѣлу истребленія: въ одномъ Барѣ отъ заразы умерло до 1000 душъ. Львовская община—одна изъ четырехъ главнѣйшихъ еврейскихъ общинъ въ Польшѣ—потеряла во время осады до 10,000 д. отъ голода и болѣзней; кромѣ того, почти все имущество, выданное Хмельницкому въ качествѣ выкупа.

Каждое движеніе, какъ главнаго козацкаго войска, такъ и кишѣвшихъ всюду безчисленныхъ отрядовъ, сопровождалось отъискиваніемъ и безпощаднымъ истребленіемъ евреевъ. Истребленіе это вмѣстѣ съ разливомъ возстанія, далеко перешло за предѣлы украинской территоріи, въ Галицію, Холмскую Русь и наконецъ

Литву. Прочное спасеніе находилъ лишь тотъ, кто бѣжалъ въ Валахію или за Вислу. Перспектива умиротворенія, возникшая было съ избраніемъ Яна-Казиміра, дала нѣкоторый отдыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременный. Кое-гдѣ евреи начали возвращаться въ города. Но еще миръ не былъ формально разорванъ, какъ уже козаки снова вырѣзали въ Острогѣ 300 евреевъ, которые водворились было въ немъ снова.

Збаражскимъ договоромъ было постановлено, чтобъ евреи не покупали и не арендовали земель на козацкой территоріи (кіевское и часть подольскаго воеводства). Въ другія малорусскія области евреи могли возвратиться и тотчасъ же воспользовались своимъ правомъ. Обращеннымъ въ православіе король разрѣшилъ снова возвратиться къ родной вѣрѣ. Масса всяческихъ недоразумѣній и затрудненій въ семейныхъ и иныхъ отношеніяхъ, вытекшихъ изъ катастрофы, были кое-какъ улажены всеобщимъ синодомъ, собравшимся въ Люблинѣ зимою 50-го года. Но лишь полтора года пользовались евреи отдыхомъ отъ перенесенныхъ страданій. Какъ только началась новая война, они снова сдѣлались первыми ея жертвами. Но еврейское населеніе было такъ рѣдко, что массовыхъ истребленій, подобныхъ тому, какія имѣли мѣсто три года назадъ, уже не было; къ тому же евреи набрались храбрости среди испытанныхъ ими ужасовъ, вооружились и даже выставили изъ среды себя военный отрядъ. Миръ, которымъ окончилась эта несчастная для козаковъ война, расширилъ права евреевъ: имъ предоставлено было по старому селиться гдѣ угодно и арендовать имѣнія. Но, разумѣется, какое значеніе могли имѣть эти постановленія, когда война тотчасъ же началась снова, а вслѣдъ за тѣмъ, съ вмѣшательствомъ въ дѣло Россіи и Швеціи, вся Польша погрузилась въ хаосъ, гдѣ упразднялось всякое право, кромѣ кулачнаго. Ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Литвѣ, ни въ Малой Польшѣ, ни въ Великой—нигдѣ не стало убѣжища евреямъ. Всѣ враждующія другъ съ другомъ стороны одинаково принимали евреевъ за своихъ враговъ, не выключая теперь даже и поляковъ: герой эпохи Чарнецкій ненавидѣлъ и преслѣдовалъ ихъ.

Разумѣется, рискованное дѣло дать цифровое опредѣленіе потерямъ, какія понесло еврейство въ Польшѣ. Гретцъ принимаетъ,

что собственно козаками уничтожено до 300 еврейскихъ общинъ, и эту цифру надо принимать за значительно болѣе достовѣрную, чѣмъ итоговую цифру погибшихъ людей. Эту послѣднюю принимаютъ иные въ 600,000 семействъ; Гретцъ считаетъ подобную цифру сильно преувеличенною и полагаетъ ее, основываясь на показаніи одного еврея—современника, въ четверть милліона душъ. Но все это, конечно, крайне гадательно. Во всякомъ случаѣ, польское еврейство съ этой эпохи окончательно потеряло силу и значеніе, которымъ когда то пользовалось въ Польшѣ. Но это не значитъ, чтобъ оно отрясло прахъ отъ ногъ своихъ и покинуло окончательно землю, залитую кровью единовѣрцевъ. Напротивъ, лишь только минулъ десятилѣтній періодъ хаоса и въ краѣ водворилось кой-какое спокойствіе, евреи появляются снова на украинской территоріи, и снова въ старой роли посредниковъ между паномъ и хлопами. Крѣпостныя узы на усмирившемся населеніи Украйны начинаютъ опять затягиваться, и евреи со всей готовностью предлагаютъ свои услуги въ качествѣ орудія для этого затягиванія. Хлопы періодически волнуются и, конечно, первыми жертвами опять таки являются евреи. Коліивщина напомнила собой 1648 годъ. Но малоруссъ былъ слишкомъ нуженъ еврею, и не такъ то легко было отъ него освободиться. Прошли столѣтія. Минуло панство, но еврей все остался при своей старой роли посредника, а малороссъ все еще не нашелъ волшебнаго корня, который разорвалъ бы своимъ прикосновеніемъ жестокія узы этого посредничества. Мы видѣли еврейскіе погромы—слишкомъ запоздалый возвратъ къ старымъ преданіямъ; не научили-ли они малорусскій народъ, что не на этомъ пути надо искать освобожденія.

А. Ефименко.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1])

ГЛАВА 3.

Участіе въ колiивщинѣ лѣвобережцевъ, гайдамакъ степей и запорожцевъ.

Сложившіяся для Украины политическія условія во второй половинѣ XVIII-го вѣка не дали коліямъ возможности достичь своихъ цѣлей. Противъ рожна трудно было прати, хотя потенціально возможный ростъ возстанія сталъ уже сказываться сравнительно рано. Правда, движеніе не проникало далеко на западъ и югъ, не захватило Волыни, Полѣсія и Подоліи, но все же къ нему примкнули и отдѣльные лѣвобережцы, и гайдамаки степей, и запорожцы. Какъ ни мало всѣ они помогли дѣлу, все же ихъ участіе въ движеніи придало послѣднему именно тотъ видъ, какой оно имѣло. Возстаніе, наведенное самими крестьянами бывшей руины, едва ли отличалось бы и той степенью организаціонной стройности, какую могли внести въ него только запорожцы, и той степенью ожесточенія, которую естественно было проявлять степнымъ гайдамакамъ и выбитымъ изъ колеи крестьянамъ лѣваго берега Днѣпра.

Какъ извѣстно, не всѣмъ крестьянамъ, попавшимъ на лѣвый берегъ Днѣпра послѣ сгона 1712 года, удалось устроиться соотвѣтственно естественнымъ человѣческимъ желаніямъ. Оказавшись тутъ въ очень скоромъ времени лишенными земельной собственности, попавъ въ зависимость къ ширившемуся сословію

[1]) „Кіевская Старина“, 1890 г., № 5.

„державцевъ“, которымъ въ силу гетманскихъ универсаловъ стала принадлежать земля, и наконецъ начавъ испытывать и всякое незаконное „драпежство“ со стороны державцевъ, крестьяне эти естественно стали искать лучшихъ условій существованія и—то мѣняли державцевъ въ предѣлахъ гетманщины, переходя отъ бѣдныхъ къ богатымъ, то устремлялись на правый берегъ Днѣпра, привлекаемые туда извѣстными „слободами“ и отсутствіемъ тяжелыхъ повинностей вродѣ пикинерства. Названіе лёзныхъ, шатающихся (отъ польскаго слова lužny, ložny—празднoшатающійся, свободный) было тогда имъ присвоено, и они не сразу осѣдали даже и послѣ прихода на правый берегъ (Лазаревскій). Многіе при этомъ, заставъ тамъ народное броженіе и полное разочарованіе ранѣе поселившихся въ сулимыхъ панами „слободахъ“, часто вовсе не осѣдали въ качествѣ мирныхъ иммигрантовъ, а приставали къ элементамъ бродившимъ, движимые то сознаніемъ своей солидарности съ ними, то желаніемъ половить рыбу въ мутной водѣ. Такой выходъ изъ тяжелыхъ жизненныхъ условій многимъ пришелся по сердцу и вслѣдъ за первыми гетманцами, приставшими къ коліямъ, на правый берегъ Днѣпра двинулись изъ Малороссіи всякіе недовольные элементы. Русскіе форпосты съ ихъ рогатками и кучками солдатъ, воздвигнутые вдоль границы гетманщины и Рѣчи Посполитой, не могли, конечно, задержать этого довольно люднаго движенія,—люднаго впрочемъ только по тогдашней степени населенности и Украины, и Малороссіи.

Констатируя здѣсь, такимъ образомъ, интересный фактъ союзничества между крестьянами праваго и лѣваго берега Днѣпра, мы однако дальше такого констатированія не пойдемъ. Пользуясь, какъ главнымъ источникомъ для настоящей работы, Кодненской книгой, мы естественно имѣемъ свѣдѣнія почти исключительно о тѣхъ гайдамакахъ, которые были подданными Рѣчи Посполитой, такъ какъ только они и подлежали ея суду; что же до гетманцевъ, то они, какъ жители лѣвобережной Украины, находившейся во власти русскаго правительства, не могли фигурировать на польскомъ судѣ въ Коднѣ и подлежали суду русскихъ властей, а потому и обстоятельныхъ свѣдѣній о нихъ въ

польской Кодненской книгѣ нельзя встрѣтить. Положимъ, и въ ней попадаются иногда подсудимые гайдамаки родомъ изъ-за Днѣпра, изъ предѣловъ то нѣжинскаго, то лубенскаго полка, но всѣ они большею частію давніе выходцы изъ гетманщины, явившіеся на правый берегъ не во время возстанія [1]). За давностью ихъ прихода въ правобережную Украину, польскія власти разсматривали ихъ, какъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, и судили своимъ судомъ, щедро раздавая имъ смертныя казни. Но не этими лѣвобережцами интересуемся мы теперь; для насъ важны явившіеся на правый берегъ уже въ періодъ возстанія, представлявшіе собою по отношенію къ коліивщинѣ сочувствующій элементъ. И вотъ о такихъ то лѣвобережцахъ Кодненская книга не даетъ ничего, кромѣ косвенныхъ упоминаній.

Не богаты мы фактами и о гайдамакахъ степей, хотя этимъ послѣднимъ принадлежала въ движеніи очень серьезная роль: у нихъ была военная опытность, и они то были во многихъ случаяхъ организаторами ватагъ и загоновъ. Давно выбывшіе изъ какихъ бы то ни было законныхъ кадровъ Рѣчи-ли Посполитой, или даже гетманщины, люди эти обыкновенно ютились въ вольностяхъ войска запорожскаго и чаще всего въ бугогардовской паланкѣ, гдѣ главнымъ ихъ притономъ былъ Мигейскій островъ, или просто Мигея [2]). Издавна носили они названіе гайдамакъ и по давней судьбѣ своей были наиболѣе близки посполитымъ, выбивавшимся теперь, въ 1768 году, изъ бѣды. Въ большинствѣ это были крестьяне Кіевщины, Брацлавщины и Подоліи, бѣжавшіе въ разное время отъ польскихъ преслѣдованій за участіе въ бунтахъ. Притонъ, къ которому они приставали, издавна существовалъ въ запорожскихъ степяхъ: притонъ этотъ созданъ былъ давними левенцами, родственными по духу опришкамъ Червоной Руси и игравшими роль во время возстанія Хмельницкаго. Въ XVIII вѣкѣ въ степи поуходили многіе крестьяне, участвовавшіе при Паліѣ и Самусѣ въ возстаніяхъ начала сто-

---

[1]) Кодн. кн., см. объ Иванѣ Мельникѣ, о Кондратѣ Письменномъ, о Ботвиненкѣ и пр.

[2]) Скальковскій. Ист. Новой Сѣчи, ч. II, стр. 318.

лѣтія. Затѣмъ сюда же должны были скрыться сподвижники Верлана и Гривы, избѣгшіе смертной казни послѣ возстанія 1734 и слѣдующихъ годовъ. Наконецъ, и послѣ этого крупнаго движенія, каждый сравнительно мелкій крестьянскій бунтъ давалъ значительный процентъ выбитыхъ изъ легальнаго строя и вынужденныхъ для сохраненія себя отъ непосильной борьбы за существованіе уходить въ глубь запорожскихъ степей. Такимъ образомъ, въ послѣднихъ непрерывно держались полуразбойничьи гнѣзда, страшныя для сосѣднихъ забужскихъ татаръ, для донцовъ и для пановъ южной Руси [1]). Не было въ XVIII вѣкѣ движенія на Украинѣ, въ которомъ бы не принимали участія эти гайдамаки по ремеслу; отъ нихъ то и самыя движенія назывались гайдамацкими. Въ коліивщинѣ въ числѣ боровшихся противъ поляковъ они также составляли извѣстный контингентъ, хотя, быть можетъ, и не столь значительный, какъ это обыкновенно принимается.

Мы замѣтили уже, что и относительно гайдамакъ степей Кодненская книга почти не даетъ намъ фактовъ. Объяснить данное обстоятельство неподсудностью этихъ гайдамакъ польскому суду, какъ это мы сдѣлали относительно лѣвобережцевъ, нѣтъ основаній. Хотя они жили въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго, однако къ запорожскому войску они не причислялись, ибо войско это вслѣдствіе вліянія русскаго правительства не имѣло возможности включить ихъ легально въ свою семью. Не удивительно поэтому, что власти Рѣчи Посполитой склонны были считать ихъ подданными своего государства, имѣя въ виду, что дѣйствительно большинство ихъ вышло когда-то изъ предѣловъ Украины. Въ виду этого военно-судная коммиссія судила ихъ, какъ и своихъ правобережныхъ крестьянъ, причемъ проявляла по отношенію къ нимъ особенную строгость: въ немногихъ судебныхъ отмѣткахъ о такихъ подсудимыхъ, значащихся „заграничными“, мы то и дѣло наталкиваемся на приговоры „scięty“, „powieszony“. Если же при всемъ томъ дѣлъ о такихъ гайдамакахъ по ремеслу въ нашей Кодненской книгѣ немного, то на

---

[1]) Скальковскій. Ист. Н. С., стр. 307.

это, какъ кажется, есть свои причины. Конечно, наша Кодненская книга заключаетъ въ себѣ только ничтожную часть дѣлъ по расправѣ съ гайдамаками, однако все же намъ трудно удержаться отъ предположенія, что и вообще въ движеніи 1768 года гайдамаки степей не были особенно численнымъ элементомъ. Во первыхъ, въ виду стѣсненнаго положенія даже и въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго, они во второй половинѣ XVIII вѣка такъ или иначе уже переходили въ легальныя условія существованія, то приставая въ—плотную къ кошу, который принималъ ихъ къ себѣ тайно отъ всѣхъ многочисленныхъ опекуновъ своихъ, то осѣдаясь правдами и неправдами въ гетманщинѣ или даже въ Украинѣ на польской сторонѣ; вслѣдствіе же этого ихъ становились все меньше и меньше и пополнять собою ряды возставшихъ на Украинѣ они могли слабо. Во—вторыхъ, и извѣстная намъ ничтожная численность гайдамацкихъ ватагъ въ теченіе всей коліивщины склоняетъ невольно къ мысли, что возставшимъ крестьянамъ Кіевщины и Брацлавщины приходилось бороться съ поляками главнымъ образомъ собственными силами. Мы только и знаемъ во время коліивщины небольшіе отряды возставшихъ; самъ Желѣзнякъ подъ Уманью имѣлъ послѣ соединенія съ Гонтой всего только 2000 человѣкъ въ своемъ распоряженіи, а Швачка—1000, другіе же ватажки, особенно ватажки загоновъ, предводительствовали часто сотнями и десятками — не больше. Да и какъ бы оно могло быть иначе? Послѣ руины опустошенная страна не могла сразу возстановить прежней густоты населенія. Вступая же въ борьбу собственными силами, коліи не могли имѣть большихъ ватагъ.

Но если гайдамакъ степей въ 1768 г. было немного въ украинскомъ движеніи, то все же участіе ихъ въ немъ несомнѣнно. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ между прочимъ указаніе въ Кодненской книгѣ того пути, по которому двигались въ Украину эти отщепенцы. Въ числѣ документовъ Кодненской книги находимъ допросъ военно-судной коммиссіей крестьянина Ивана Рябошапки [1]). Рябошапка этотъ былъ родомъ изъ лубенскаго полка,

[1]) Кодн. кн., стр. 74.

изъ с. Лохвицы. Тамъ онъ выросъ, женился и достигъ 34-лѣтняго возраста. Мирное теченіе его жизни было нарушено предписаніемъ русскихъ властей идти ему въ числѣ другихъ погоничей при подводахъ, отправлявшихся къ турецкой границѣ по случаю войны. Отказаться отъ исполненія этой повинности было невозможно — и Рябошапка по неволѣ долженъ былъ совершить путь до м. Степанештъ. Въ Степанештахъ же вслѣдствіе голода и крайней нужды рѣшился онъ кинуть подводы и бѣжать домой. Дойдя до Днѣстра близъ Могилева, Рябошапка зашелъ въ бывшій тамъ монастырь, переночевалъ у монаховъ, и на другой день монастырскій человѣкъ переправилъ его черезъ рѣку, но не къ Могилеву, потому что тамъ была чума, а къ какому то селу прямо противъ монастыря. Тутъ ужъ онъ былъ въ польскихъ предѣлахъ и потому смѣлѣе двинулся далѣе. Путь онъ избралъ такой: чрезъ села Грушки и Баренки на Немировъ, изъ Немирова на Липовецъ, Чернявку, Тетіевъ, Буки, Ризану Крыныцю и Еренъ. Въ послѣднемъ селѣ онъ былъ арестованъ тамошнимъ коммиссаромъ. На допросѣ его допытывали, почему онъ прошелъ черезъ названные имъ села и города. Путь этотъ считался необычнымъ для мирныхъ людей, такъ какъ по немъ ходили почти исключительно гайдамаки. Рябошапка заявилъ, что ближайшимъ путемъ вернуться домой онъ боялся, потому что могъ тамъ попасться русскимъ военнымъ отрядамъ, русскіе же всѣхъ бѣглыхъ погоничей при встрѣчѣ съ ними обыкновенно избивали до полусмерти. Другихъ показаній Рябошапка не далъ, хотя и былъ сѣченъ. Кодненской коммиссіи пришлось поэтому за недостаткомъ уликъ отпустить его, несмотря даже на его безпаспортность, которою онъ тоже объяснялъ выбранный имъ окольный гайдамацкій путь.

Какъ ни неважно само по себѣ пересказанное дѣло, но все же изъ него мы узнаемъ, что былъ даже особый путь, по которому вторгались въ Украину гайдамаки съ юга, а кромѣ того — мы наталкиваемся тутъ на одну изъ группъ гетманцевъ, попадавшихъ въ ряды возставшихъ на правомъ берегу Днѣпра, — наталкиваемся на бѣглыхъ погоничей русскихъ военныхъ подводъ. При допросѣ Рябошапки кодненскіе судьи сами констати-

ровали и то, что такихъ бѣглыхъ погоничей было не мало, что бѣжали они домой группами въ нѣсколько человѣкъ, и что наконецъ по пути черезъ Украину съ голода и нужды приставали они къ гайдамакамъ. Для нихъ отмѣченный выше путь былъ дорогою уже заранѣе протореннoю. Торною же сдѣлали ее именно гайдамаки степей.

Всѣхъ „заграничныхъ" гайдамакъ, отмѣтки о которыхъ мы встрѣчаемъ въ Кодненской книгѣ, мы насчитали 32 человѣка. Въ одиночку эти люди рѣдко попадались въ той или другой гайдамацкой ватагѣ, а больше группами въ нѣсколько человѣкъ. Такъ, въ ватагѣ Василія Шелеста, дѣйствовавшаго вблизи Днѣпра, было нѣсколько заграничныхъ [1]). Кромѣ того, и въ совсѣмъ небольшихъ гайдамацкихъ загонахъ „заграничные" всегда являлись въ группахъ [2]). Кодненская коммиссія, какъ уже было отмѣчено, отнеслась къ этимъ „заграничнымъ" крайне немилостиво: всѣ они или обезглавлены, или повѣшены.

Несомнѣнно наконецъ участіе въ коліивщинѣ и третьяго элемента, посторонняго крестьянамъ руины, запорожцевъ. Въ нихъ, по самому складу ихъ понятій, движеніе коліевъ необходимо должно было вызвать самый живой откликъ. Какъ ни тяжела была судьба общины ихъ при кошевыхъ Лантухѣ и Кальнишевскомъ, являвшихся во многихъ случаяхъ поневолѣ правительственными чиновниками, тѣмъ не менѣе пониманіе интересовъ своей народности, и въ предѣлахъ, и за предѣлами вольностей войска запорожскаго, а равно и сознаніе своихъ человѣческихъ правъ — все это жило въ славномъ запорожскомъ товариществѣ, и оно охотно несло свои головы, по крайней мѣрѣ въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, каждый разъ, какъ гдѣ-либо на Украйнѣ прорывался протестъ противъ чужеземнаго гнета.

Собственно объ участіи запорожцевъ въ коліивщинѣ собрано пока очень мало фактическаго матеріала; немного его и въ на-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 481.

[2]) Кодн. кн., стр. 537.

шей Коденской книгѣ. Конечно, быть можетъ, что такой недостатокъ фактическихъ данныхъ обусловленъ малымъ количествомъ найденныхъ и разобранныхъ до сихъ поръ документовъ. Но не вѣрнѣе ли допустить, что дѣлъ по поводу участія запорожцевъ въ коліивщинѣ не находятъ въ большомъ количествѣ именно потому, что въ большомъ количествѣ ихъ и быть не могло. Конечно, о полномъ невмѣшательствѣ запорожцевъ въ движенія гайдамаковъ вообще и въ частности въ движеніе 1768 года, какъ на этомъ настаивалъ и настаиваетъ г. Скальковскій, и рѣчи быть не можетъ. Усматривая въ гайдамацкихъ возстаніяхъ однѣ только разбойничьи цѣли и не признавая тождества дѣйствительныхъ цѣлей этихъ движеній съ цѣлями запорожскаго товарищества, г. Скальковскій, обѣляя послѣднее, всячески и даже насильственно отрицаетъ солидарность запорожцевъ съ гайдамаками 1768 г. Но слишкомъ очевидно, что даже въ распоряженіи самого г. Скальковскаго имѣются данныя, идущія въ разрѣзъ съ его заключеніями, какъ это давно уже отчетливо показалъ Максимовичъ въ своихъ замѣткахъ на его книгу „Наѣзды гайдамакъ". Уже въ этой книгѣ отмѣчено, что 600 запорожцевъ двинулись въ 1768 году въ Украину на помощь возставшимъ крестьянамъ [1]). Максимовичъ же добавляетъ къ этому числу еще 420, относительно которыхъ онъ имѣлъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ актовъ 1768 г. [2]). Ясно поэтому, что запорожцы принимали участіе и въ коліивщинѣ, какъ и въ прежнихъ крупныхъ волненіяхъ XVIII вѣка. Но мы думаемъ, что приведенныя данныя, при сличеніи ихъ съ запорожскими силами вообще, показываютъ также, что запорожцы въ 1768 году, какъ и вообще послѣ возвращенія своего въ русское подданство въ 1734 году, далеко не свободно могли отдаваться своимъ влеченіямъ, и участіе какой-нибудь тысячи ихъ въ близкомъ ихъ сердцу дѣлѣ показываетъ, какъ сильно измѣнились времена сравнительно съ XVII и началомъ XVIII вѣка, когда являлись они на Украину открыто, явно, въ количествѣ многихъ тысячъ человѣкъ. Конечно, въ Запорожьѣ много значило „товариство", какъ это отмѣтилъ Максимовичъ, возражая г.

---

[1]) Скальковскій.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 586.

Скальковскому; конечно, товариство часто шло туда, куда не хотѣла идти войсковая старшина,—но все же старшина въ Запорожьѣ имѣла большую силу и, разъ надъ старшиной висѣлъ мечъ запретовъ со стороны тѣхъ, кому Запорожье подчинялось, разъ пособничество гайдамакамъ строго возбранялось кошу, товариству трудно было идти въ полный разрѣзъ съ кошемъ и экспедировать въ Украину слишкомъ большіе отряды. Воля запорожца въ это время была уже стѣснена, и онъ только нелегально могъ слѣдовать ея влеченіямъ. Не можемъ, поэтому, не думать, что и въ 1768 г. какъ въ теченіе всего XVIII вѣка, запорожцы участвовали въ гайдамацкихъ отрядахъ только въ небольшомъ числѣ. При такомъ же условіи и дѣлъ о запорожцахъ—гайдамакахъ могло сохраниться сравнительно немного. Запорожье въ это время оказывало больше нравственное давленіе на возставшихъ, и эти послѣдніе держались поэтому запорожской военной организаціи, заведя у себя полковника и куренныхъ атамановъ, и въ своихъ нападеніяхъ на врага руководствовались запорожскою же опытностью въ веденіи партизанской войны.

Что запорожцы склонны были именно къ этого рода войнѣ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилось тогда товариство,—это можно заключить по явленію, вѣроятно не случайному въ архивныхъ документахъ по интересующему насъ вопросу, — а именно по тому, что запорожцы, судившіеся на польскомъ судѣ за возстаніе 1768 года, оказываются побывавшими не въ большихъ ватагахъ ватажковъ Желѣзняка, Швачки, Неживаго и Бондаренка, а только въ загонахъ. Такъ, изъ Кодненской книги мы знаемъ, что три запорожца, Ѳедоръ Базарный, Левко Малый и Климъ Билый [1]) состояли въ загонѣ Плыханенка, дѣйствовавшаго въ Бѣлоцерковщинѣ, то оказывая помощь Швачкѣ, то грабя и убивая шляхту и жидовъ въ селахъ Маломъ Половецкомъ, Романовкѣ и др. Въ той-же Кодненской книгѣ находимъ указаніе и на загонъ Василія Смѣлянскаго, въ которомъ участвовали запорожцы; изъ числа ихъ названы два—Максимъ Швець и опять какой-то Ѳедоръ Базарный [2]).

---

[1]) Кодн. кн., стр. 482—483.

[2]) Кодн. кн., стр. 486.

Перебирая далѣе другихъ запорожцевъ, участниковъ въ колиивщинѣ, мы не удивимся, если и между ними окажутся проходимцы, имѣющіе въ виду только нагрѣть руки во время чужой бѣды. Такимъ, намъ кажется, былъ запорожецъ Лапа. О немъ мы знаемъ только, что въ началѣ движенія 1768 г. онъ пришелъ въ село Квитки и, поселясь тамъ въ домѣ крестьянина Мельника, подговорилъ этого послѣдняго пойти въ гайдамаки въ загонъ Романченка, который въ то время былъ въ с. Ольшаной. Знаемъ дальше, что Лапа въ томъ же загонѣ Романченка двинулся на подмогу русскимъ войскамъ противъ напавшихъ тогда на Украину татаръ, и что затѣмъ онъ съ р. Тыкича, гдѣ Романченко почему то распустилъ свою ватагу, прошелъ въ Лебединъ къ ватагѣ Губы, которая сгибла потомъ, какъ кажется, подъ Сквирой [1]). Заключеніе наше о грабительскихъ цѣляхъ Лапы мы выводимъ изъ того уже извѣстнаго намъ обстоятельства, что ватага Романченка нерѣдко грабила крестьянъ и состояла изъ людей вродѣ Ивана Мельника, Василія Чапенка, Карпа Настыченка, которыхъ головой выдавали польскому суду ихъ односельчане [2]).

Предположеніе, что въ большинствѣ случаевъ запорожцы размѣщались не въ большихъ гайдамацкихъ ватагахъ, а въ загонахъ, быть можетъ, находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что всѣ тѣ 420 запорожцевъ, на которыхъ указываетъ Максимовичъ, какъ на участвовавшихъ въ движеніи 1768 года, входили въ составъ загоновъ. Названы при этомъ у Максимовича загоны Саражина, Василія Щербины, Клима Крутя, Гайдая, Мирона Губы [3]).

Но не подлежитъ сомнѣнію, что попадались запорожцы и въ крупныхъ отрядахъ Желѣзняка, Швачки и др. Косвенное указаніе на это мы находимъ въ доносѣ на запорожца Іосыпа Перевертайла, сдѣланномъ на коднеискомъ судѣ „хлопцемъ Желѣзняка“, Василіемъ Весніовскимъ. О доносѣ этомъ разскажемъ въ связи съ общимъ ходомъ дѣла Перевертайла, подпавшаго суду коднеиской коммиссіи вмѣстѣ съ своими четырьмя товарищами—

[1]) Максимовичъ. Сочин., т. I, стр. 586.

[2]) Кодн. кн., стр. 1, 43.

[3]) Максимовичъ. Сочинен., т. I, стр. 586.

запорожцами, Пылыпомъ Билымъ, Стефаномъ Бильцемъ, Максимомъ Магромъ и Иваномъ Гладыренкомъ [1]). Остановиться на этомъ процессѣ поучительно, во-первыхъ, потому, что изъ него видно, ради какихъ цѣлей запорожцы проникали въ Украину, подчасъ торгуя, подчасъ маскируя торговлей свою поддержку возставшимъ; во вторыхъ—потому, что въ немъ слишкомъ замѣтно стремленіе польскихъ судей установить не только правдами, но и неправдами тотъ фактъ, что запорожцы были ревностными участниками тяжелаго бунта, и тѣмъ какъ бы дать основаніе своему мнѣнію—что не будь запорожцевъ, все бы пожалуй было благополучно на Украинѣ.

На судѣ относительно Іосыпа Перевертайла узнано было слѣдующее.

Іосыпъ Перевертайло, или какъ его величаютъ польскіе судьи Юзко, былъ родомъ *изъ Мишурова* подъ Кременчугомъ. Сперва онъ служилъ у людей наймытомъ, а потомъ, собравшись со средствами и купивъ себѣ пару воловъ, сталъ ѣздить то за рыбой въ Сѣчь, а то и дальше въ Крымъ за солью. И то, и другое возилъ онъ продавать на Украину и потому, конечно, хорошо зналъ въ ней разныя мѣстности. По словамъ его, незадолго предъ „ризаниной“ 1768 г. онъ купилъ себѣ въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго на рѣчкѣ хатку и сталъ заниматься доставкой оттуда сѣна, вѣроятно, въ Сѣчь. Въ самый разгаръ коліивщины онъ именно былъ будто бы занятъ этимъ дѣломъ. Но вскорѣ въ судьбѣ Перевертайла многое измѣнилось. Въ это время онъ считался сичовымъ козакомъ, запорожцемъ, и потому, когда въ 1769 году весной вышелъ указъ кошеваго идти на турокъ, онъ, какъ и большинство запорожцевъ, оставилъ свое мирное дѣло и вмѣстѣ съ другими двинулся подъ Очаковъ, гдѣ пробылъ цѣлое лѣто, а на зиму вернулся въ Запорожье. Въ слѣдующемъ 1770 г. этотъ походъ былъ запорожцами повторенъ, и Перевертайло не отсталъ отъ другихъ и тогда. Лѣто и осень пробыли они тогда въ дѣлѣ, и Перевертайло ушелъ оттуда только подъ конецъ осени, участвуя въ отрядѣ, которому было поручено конвоировать

---

[1]) Кодн. кн., стр. 31—36.

бѣлогородскихъ татаръ, отдѣлившихся отъ турокъ. Дойдя въ качествѣ конвоира до рѣчки Саксагана, Перевертайло вмѣстѣ съ пятью товарищами своими, запорожцами—Тимошемъ Билымъ, Степаномъ Бильцемъ, Максимомъ Магромъ и Иваномъ Гладыренкомъ—отсталъ отъ отряда, такъ какъ у всѣхъ ихъ де кони пристали. Зазимовали они тогда въ протопоповой слободѣ подъ Крыловымъ, причемъ дали о себѣ знать крыловской канцеляріи. Весной же взяли они себѣ по проходному виду отъ протопопа Димитра, думая отправиться въ Сѣчь, что́ и было отмѣчено въ данныхъ имъ протопопомъ бумагахъ. Сомнѣваясь однако въ законности полученныхъ видовъ, и Перевертайло, и его сѣчевые товарищи отправились показать ихъ въ крыловской (русской) канцеляріи. Тамъ они, по словамъ Перевертайла, не застали „главника", а только прапорщика „молоденькаго"—и этотъ—то „молоденькій" прапорщикъ сказалъ будто бы имъ, что съ свидѣтельствами отъ протопопа Дмитра они могутъ идти куда угодно, и что въ иныхъ паспортахъ они не нуждаются. Удовлетворенные такимъ отвѣтомъ, запорожцы двинулись въ с. Глинскъ. (Село александр. уѣзда херс. губ., крыловской сотни, миргород. полка, при р. Цыбульникѣ, къ ЗЮЗ отъ Крылова).

Тутъ замѣтимъ, что исполненіе всякихъ формальностей относительно паспортовъ для запорожцевъ, не желавшихъ выходить изъ границъ легальности, было дѣломъ крайней необходимости послѣ грозныхъ предписаній кошевому и всѣмъ запорожскимъ старшинамъ отъ разныхъ представителей русской власти. Еще Разумовскій въ наказѣ своемъ запорожской старшинѣ настаивалъ въ 1755 г., чтобы запорожцы, отлучаясь куда бы то ни было изъ коша, брали паспорты и на заставахъ билеты; даже при отправкахъ въ зимовники въ предѣлахъ своихъ вольностей считался необходимымъ билетъ [1]). Но, разумѣется, формальности эти, слишкомъ стѣснительныя для вольныхъ людей, были выполняемы только желающими. Тѣ-же, кому надо было идти вершить политическія дѣла, какихъ русскія власти и запорожскіе старшины, ими направляемыя, одобрить не могли, и тѣ, которыя

[1]) Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины, А. Скальковскаго. „Кіев. Стар." 1885 г., книга 10-я.

искали матеріальной поживы въ краѣ, гдѣ все было перевернуто народнымъ движеніемъ вверхъ дномъ,—тѣ паспортами не всегда запасались, а если и запасались, то не всегда тамъ, гдѣ было нужно, и при этомъ далеко не слѣдовали указанному въ нихъ маршруту.

Послѣднее случилось по невѣдѣнію и съ нашими пятью запорожцами, къ которымъ присталъ еще какой-то Иванъ Кравецъ, уроженецъ правобережной Украины. Встрѣтились они будто-бы въ Глинскѣ съ прикащикомъ какого-то Графова, маіора сербскаго гусарскаго полка, съ гусаромъ Иваномъ Лисенкомъ, и этотъ то Лисенко убѣдилъ ихъ будто бы идти къ россійской арміи, выступившей противъ турокъ. Давши ему свое согласіе, Перевертайло и его товарищи, имѣя возъ съ провіантомъ и кладью, двинулись въ путь вмѣстѣ съ Лисенкомъ, имѣвшимъ также два воза съ провіантомъ; медленно двигались они и недалеко прошли впередъ, такъ какъ въ возы были упряжены волы—по четыре въ каждый возъ. И вотъ у села Тышкувки, близъ мѣстечка Турія (теперь деревня дубенск. уѣзда, при р. Иквѣ), были они задержаны стражникомъ, стоявшимъ на turwarci, какъ не имѣвшіе законныхъ видовъ, гусаръ же Лисенко, задержанный сперва также, былъ отпущенъ и съ двумя своими возами и прислугой продолжалъ путь по направленію къ арміи.

Вся эта исторія, узнанная изъ устъ самого Перевертайла, не представлялась правдивой польскимъ судьямъ; когда же къ дѣлу прибавились добровольныя показанія на Перевертайла и его товарищей Желѣзнякова хлопца Василія Весніовскаго, тогда и подавно неповинность въ гайдамачествѣ и Перевертайла, и его друзей стала казаться еще болѣе подозрительной.

Показанія свои на Перевертайла и его товарищей Весніовскій на судѣ измѣнялъ однако два раза, если не больше. Сначала онъ заявилъ было, что Перевертайла онъ видѣлъ во время рѣзни въ Умани и именно тогда, когда было вырѣзано 18,000 шляхтичей и жидовъ [1]) т. е. 1768 г., и что узналъ онъ его по коню. Какія такія характерныя особенности были у коня Пере-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 34

вертайла, чтобы Весніовскій могъ помнить его три года, въ показаніяхъ Весніовскаго не отмѣчено, но Перевертайло, опровергая справедливость заключеній Весніовскаго, отмѣтилъ ее, сказавъ, что если онъ, Перевертайло, не ковалъ своего коня и подшивалъ на его копыта какую-то обувь [1]), то дѣлалъ онъ это, какъ и всѣ запорожцы, по запорожскому обычаю, такъ что подшитые обувью копыта, очевидно, не могли бы служить уликой тождественности коня, видѣннаго Весніовскимъ въ Умани въ 1768 году, съ тѣмъ, на которомъ былъ Перевертайло взятъ въ секвестръ, ибо подъ Уманью было много запорожцевъ. Къ приведенной культурной подробности относительно обуви коня въ оправданіяхъ Перевертайла присоединяется и другая. Онъ утверждалъ, что коня своего онъ обрѣлъ только недавно, а именно въ истекшій мясопустъ, у какого-то цыганскаго атамана, съ пятью шатрами осѣвшагося на время въ слободѣ Переводчиковой, о чемъ должны, по его словамъ, помнить люди названной слободы. Указалъ при этомъ Перевертайло, что уплатилъ онъ цыгану за своего коня 16 рублей и въ додачу далъ ему своего прежняго коня, который пошелъ въ 4 рубляхъ [2]).

Смущенный энергичностью протеста Перевертайла, Весніовскій сталъ уже утверждать, что онъ помнитъ только коня, а не всадника, а потомъ добавилъ, что видѣлъ Перевертайла и коня не въ Умани, а въ Бендерахъ, въ заключеніе же сталъ настаивать на томъ, что и Перевертайло, и его товарищи грабили и убивали въ польскихъ предѣлахъ въ прошломъ 1770 г., и что Перевертайло на своемъ конѣ былъ тогда и въ Жаботинѣ, и въ Смѣлой, и въ Корсунѣ, и въ Богуславѣ, и въ Умани. Утвержденіе это 19-ти лѣтній Весніовскій рѣшился бросить и прямо въ глаза оговореннымъ имъ лицамъ. Особенно при этомъ страннымъ показалось его вторичное обвиненіе, что они, запорожцы, wraz z jego panem Żelezniakiem rabowali i zabijali. Очевидно, однако, что wraz z panem Żelezniakiem Перевертайло могъ бы дѣйствовать только въ 1768 году, а никакъ не въ 1770,

---

[1]) Кодн. кн., стр. 7.

[2]) Рубли здѣсь литовскіе. Тогда литовск. рубль=5 рус. рублямъ.

такъ какъ Желѣзнякъ уже сошелъ со сцены въ 1768 году [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ разнорѣчій по правиламъ судопроизводства того времени оставалось только для выясненія истины прибѣгнуть къ пыткѣ. Въ Кодненской книгѣ сохранился протоколъ korporalnych konfessat, т. е. показаній, данныхъ подъ пыткой по настоящему дѣлу Весніовскимъ и Перевертайломъ; въ протоколѣ сохранилось еще указаніе на пытку Максима Магра, но этотъ послѣдній при мученіяхъ замиралъ.

Для наглядности сдѣлаемъ здѣсь выписку изъ этого протокола.

Punkta przeciwko Maximowi Magrze y Iuskowi Perewertaylowi na korporalne konfessata [2]).

1-mo. Dla czego wyszedl z zagranicy z Juskiem Perewertaylem do polskiey z drugimi z nim będącemi?

In illo puncto dormiebat et nihil dixit Maxym Magro.

R (respondit) Jusko Perewertaylo—iż wyszlismy do armiy, ale nic na rabunki żadne.

2-do. W Polszchę będąc gdziescie rabowali szlachty, żydow, mużyków y silascie ich zabili?

Etiam in illo dormiebat (Maxym Magro), propterea nihil dixit.

R (respondit) Perewertaylo—iz niedziesmy nie rabowali szlachty, a ni żydow y żodnych nie zabialismy.

3-tio. Gdziescie zdobycz y komu te z rabunków oddawali.

Et in illo puncto dormiebat (Maxym Magro) etiam nihil dictum ab illo est.

R (respondit) Juzko Perewertaylo—że żadney zdobyczy nie mielismy, a ni komu nie dawalismy y wcale do niczego nie przyznaie y w Humaniu nie byłem, y konia tego swego, ktorego Wesniowski miał poznać, kupiłem. Zguła wszystko do konfessat dobrowolnych tylko przyznaię".

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1888, книжка 12-я, сообщеніе г. Андріевскаго.

[2]) Кодн. кн. стр. 20.

После этого кодненскому суду оставалось только отпустить и мнимаго гайдамацкаго ватажка Перевертайла, и его товарищей, тѣмъ болѣе, что ихъ личности не представляли ничего загадочнаго. Обо всѣхъ ихъ извѣстно было, что они запорожцы, числившіеся въ куреняхъ. О Перевертайлѣ мы уже имѣли указанія, скажемъ теперь и объ остальныхъ. Тимишъ Билый былъ родомъ изъ Прохоровки переяславскаго полка и долго торговалъ рыбой и солью въ Сѣчи, до самой турецкой войны. Другой, Степанъ Билецъ, также родомъ изъ Прохоровки, ушелъ на Запорожье изъ Кіева и десять лѣтъ числился въ каневскомъ куренѣ. Третій, Максимъ Магро, родомъ изъ Келиберды переяславскаго полка, также долго жилъ на Запорожьѣ. Наконецъ, четвертый, Иванъ Гладыренко и родомъ былъ изъ запорожской земли; родился онъ въ Кодакахъ и тамъ выросъ, а въ Сѣчи былъ потомъ записанъ въ куренѣ каневскомъ. Вооружены всѣ эти люди были пистолетами; у кого былъ одинъ пистолетъ, а у кого и два.

Едва ли однако всѣ эти люди были бы такъ скоро отпущены Кодней, если бы, несмотря на уясненіе дѣла путемъ допроса подсудимыхъ подъ пыткой, кодненскіе судьи не сочли нужнымъ допросить еще подъ пыткой Василія Весніовскаго, личность котораго никому не могла внушать довѣрія. Въ Кодненской книгѣ сохранился только обрывокъ „korporalnych konfessat“ этого доносчика. Приводимъ его.

Punkta na Wasyla Wissniowskiego inkarcerata [1]).

1-mo. Czy byli w Umaniu Juzko, Maxym Magro y inni, czy rabowali, czyli nie, gdzie i kiedy?

R. iż nie byli, tylkom się przez iednego konia zbalamutił, żem na nich powiedział.

2-do. Za co pierwey powolywał tych ludzi, a potym odwołał, kto go namówił na to y jak go namowiali?

R. iz mnie nie namowili, tylko mnie persowadowali, abym iam na dusze swoie nie brał, co teraz rewokuie żem ich nie widział a ni ich znam“.

---

[1]) Кодн. кн., стр. 16.

Понятно, что послѣ этого показанія дѣло о запорожцахъ необходимо должно было окончиться ихъ освобожденіемъ.

Все данное дѣло показываетъ намъ, какъ привыкла польская слѣдственная коммиссія къ появленіямъ запорожцевъ въ Украинѣ ради поддержанія возставшихъ крестьянъ. Относительно Перевертайла и его товарищей, конечно, произошла грубая ошибка, но во многихъ случаяхъ дѣйствительно запорожцы подъ предлогомъ торговли или подъ предлогомъ переходовъ въ русскіе предѣлы оставались въ Украинѣ и принимали участіе въ гайдамацкомъ движеніи, приставая не всегда только къ небольшимъ загонамъ, но иногда и къ большимъ ватагамъ, вродѣ дѣйствовавшей подъ Уманью.

Случалось, что и запорожцы шли на помощь возставшимъ въ полной увѣренности, что таково желаніе царицы; особенно легко овладѣвала подобная иллюзія запорожцами, проживавшими вдали отъ коша, этого запорожскаго центра вѣрныхъ политическихъ новостей.

Въ подтвержденіе можемъ сослаться на показанія запорожца Алексѣя Ногайца, уличеннаго въ гайдамачествѣ и бывшаго на судѣ кіевской губернской канцеляріи 23 октября 1768 г. [1]). Въ показаніяхъ этихъ между прочимъ читаемъ: „... многіе запорожскіе козаки шли за границу въ Польшу, объявляя, что якобы по указу велѣно запорожцамъ собираться къ находящимся въ Польшѣ россійскимъ войскамъ противъ поляковъ для защищенія живущихъ въ Польшѣ греческаго исповѣданія людей“.

И такъ, при всѣхъ затрудненіяхъ, какія встрѣчали запорожцы для фактическаго проявленія своихъ симпатій къ угнетаемой Украинѣ, они все же проникали туда, хотя и нелегально. Но не отразиться на числѣ запорожцевъ, проникавшихъ въ Украину, упомянутыя затрудненія не могли: прежде въ XVII в. бывало все товариство шло вызволять украинцевъ, въ количествѣ чуть не десятковъ тысячъ, теперь же изъ общаго числа запорожцевъ 13,000 человѣкъ [2]) едва-едва проникала туда какая-нибудь тысяча.

---

[1]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 606.

[2]) Скальковскій.

Пересмотрѣвъ имѣвшіяся у насъ данныя объ участіи въ коливщинѣ лѣвобережцевъ, степныхъ гайдамакъ и запорожцевъ, мы только и можемъ повторить ранѣе сказанное,—что коливщина есть только слабый отблескъ того, что бывало на Украинѣ раньше въ XVII и даже въ началѣ XVIII столѣтія. Одна уже слабая населенность Украины въ XVIII вѣкѣ, послѣ руины, необходимо должна была свести это движеніе до размѣровъ сравнительно ничтожныхъ. Во время его дѣйствовали десятки и сотни возставшихъ, тогда какъ раньше полякамъ приходилось имѣть дѣло съ десятками тысячъ и даже сотнями тысячъ козаковъ и посполитыхъ. Изъ постороннихъ участниковъ въ коліивщинѣ только лѣвобережцы, надо полагать, поддерживали возстаніе сколько-нибудь значительными силами. Степныхъ же гайдамакъ къ концу столѣтія становилось все меньше и меньше—и помощь ихъ коліямъ была далеко не такъ велика, какъ это обыкновенно думаютъ. Наконецъ и самое Запорожье въ это время не могло давать сколько-нибудь замѣтнаго контингента пособниковъ. Слѣдствіемъ же всего этого и является тотъ, какъ намъ кажется, несомнѣнный фактъ, что колівщина есть движеніе чисто крестьянское, заключенное притомъ въ предѣлы только большей части Кіевщины и Брацлавщины.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИЛЛІОНЕРЪ.

КАРТИНКА ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ ЖИЗНИ.

(Окончаніе) [1].

Яць былъ уже дома. Двѣ думы мучили его: о безпомощномъ положеніи родственницы и о неудачѣ съ шуриномъ. Намѣреніе начать работу самому не покидало его ни на минуту. Несчастный бился какъ рыба объ ледъ, не находя возможности поставить на своемъ и обойтись безъ помощи богача.

— Самъ буду копать—это такъ, но на что жить все это время? Развѣ принять въ компанію тѣхъ бѣдняковъ, что чуть не каждый день ходятъ по селу и ищутъ работы и хлѣба? Въ компанію они бы пристали—это такъ, но откуда же я возьму для нихъ хлѣба?

Когда бѣдный Яць былъ обуреваемъ своими тяжелыми мыслями, слегка отворилась дверь и показалась сухая, сгорбленная фигура извѣстнаго всему Бориславлю Юдки Лыбака [2]).

Это былъ еврей еще не старый, лѣтъ подъ 40, но сгорбленный, сморщенный, какъ старикъ. Его высохшее, усѣянное веснушками лицо, покрытое рѣдкой огненно-красной растительностью, коротко остриженная голова съ растрепанными пейсами, выпуклые глаза съ красными больными вѣками, грубый, непрі-

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1890 г., № 5.

[2]) *Лыбаками* въ Бориславлѣ называются тѣ, которые при помощи конскихъ хвостовъ собираютъ съ поверхности воды выступающую на ней „кипячку“—нефть, идущую на подмазку возовъ.

ятный голосъ—все это производило отталкивающее впечатлѣніе. Но сердце у Юдки было мягкое, доброе; всѣмъ онъ готовъ былъ помочь въ бѣдѣ, а съ бѣднякомъ подѣлиться послѣднимъ кускомъ. Юдка уже нѣсколько лѣтъ занимался въ Бориславлѣ своимъ промысломъ, жилъ у мужика и въ свободное время охотно помогалъ хозяину. Всѣ смѣялись надъ его безобразной фигурой, но тѣмъ не менѣе любили его за доброту, и никто не отказывалъ ему въ маленькихъ услугахъ: тотъ отвезетъ въ городъ собранную имъ кипячку, другой подаритъ горшокъ варенаго картофеля, два-три яйца, немного луку—все нужное для его пропитанія. За то каждый могъ на него надѣяться. Въ горячую пору сѣнокоса или жатвы, когда такъ трудно достать работника, Юдка по первому зову бросалъ конскій хвостъ и шелъ сгребать сѣно или вязать снопы. За свою работу онъ не бралъ опредѣленной платы: довольствовался тѣмъ, что дадутъ, а чаще всего простою благодарностью.

— Добрый человѣкъ этотъ Юдка,—говорили про него бориславскіе жители.

— Оттого то онъ и такой *капцанъ* (бѣднякъ), — подтверждали другіе.—Никогда того не бывало, чтобы добрый человѣкъ не умеръ *капцаномъ*.

Однако же Юдкѣ не суждено было умереть бѣднымъ.

— *Добре полудне вамъ*, пане Зелепуга!—сказалъ онъ, входя и низко кланяясь.

— Добраго здоровья!—отвѣтилъ Яць.—Это ты, Юдка! Садись—гостемъ будешь!

— *Най усе добре сидае!*—сказалъ Юдка, все еще стоя у порога и комкая въ рукахъ порванную шапку.

— А что у тебя новаго?—спрашивалъ Яць.

— А что жь? Все, благодаря Богу, по старому.

— Хочешь мнѣ что сказать, что такъ шапку мнешь?—допытывался Яць, добродушно усмѣхаясь.

— Да оно того... какъ его,—заикнулся Юдка, какъ будто не рѣшаясь продолжать. Наконецъ, набравшись храбрости, онъ приблизился шага на два къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Зелепуга.

— Знаете что, пане Зелепуга? Говорилъ мнѣ Мендель, что вы хотите продать вашъ грунтъ на *Волянци.*

— Грунтъ на *Волянци?* Да, продалъ бы.

— Ну, такъ продайте мнѣ.

— Тебѣ? А тебѣ на что?

— Такъ себѣ. Нужно... У меня есть немного денегъ, такъ думаю: не заработаю ли чего нибудь на вашемъ грунтѣ.

— Ну, чтожь, Богъ тебѣ помоги, Юдко!—искренно сказалъ Яць.—Если у тебя есть деньги, то конечно лучше на грунтѣ работать, чѣмъ конскимъ хвостомъ по лужамъ махать.

— А какъ цѣна?

— А развѣ тебѣ не сказалъ Мендель? По сотнѣ за моргъ.

— Это для меня много!—сказалъ Юдка.—Я вамъ дамъ по 80. Хорошо?

— Пускай будетъ и по 80, другому жиду я бы и по сто не отдалъ, а тебѣ отдамъ по 80, потому что знаю, что ты хлопской работы не чураешься.

На губахъ Юдки заиграла улыбка, а затѣмъ онъ вынулъ изъ за пазухи кварту водки.

— Ну, коли такъ, то выпьемъ могарычъ!—сказалъ Юдка.—Пускай вамъ Богъ на все доброе помогаетъ! И сейчасъ пойдемъ къ писарю—контрактъ сдѣлаемъ.

— А когда деньги выплатишь?

— Сейчасъ, какъ только контрактъ будетъ при свидѣтеляхъ подписанъ.

Яць Зелепуга слушалъ и ушамъ не вѣрилъ: Юдка Лыбакъ землю покупаетъ! Платитъ наличными! Ну, вѣрно конецъ свѣта скоро!

Зелепуга недовѣрчиво посматривалъ на веселое лицо Юдки,—не хочетъ ли онъ его надуть? Но нѣтъ. Юдко серьезно брался за дѣло и не любилъ шутить.

Выпили по нѣсколько стаканчиковъ могарыча и пошли къ писарю. Писарь былъ дома и тотчасъ написалъ контрактъ. Юдка заплатилъ гульденъ за труды писарю и, подписавши бумагу, отправились къ Зелепугѣ, гдѣ тотъ въ присутствіи свидѣтелей сдалъ свою землю въ полное владѣніе Юдкѣ, а послѣдній уплатилъ ему сполна 320 римскихъ новыми бумажками.

Получивъ деньги, Яцъ, несмотря на позднюю пору, бросился прямо къ невѣсткѣ. Каково же было его удивленіе, когда передъ хатой онъ увидѣлъ подводу Недовареннаго, а въ хатѣ самого Недовареннаго съ женой.

— А, швагерокъ здѣсь!—крикнулъ, замѣтивъ его, шуринъ гораздо ласковѣе, чѣмъ прежде.—А ну, ну, иди сюда, ближе!

— Не надѣялся я васъ тутъ застать,—сказалъ Яцъ, останавливаясь въ дверяхъ.

— Ага, ты думалъ, что я такой турокъ, что не имѣю въ себѣ души христіанской! Эхъ вы нищіе, нищіе! Все только себя однихъ считаютъ честными и добрыми, и все бы съ радостью отдали, да только сами ничего не имѣютъ.

Зелепуга отвелъ въ сторону невѣстку и вручилъ ей „покуда" пять римскихъ, добавивъ, чтобы она обращалась прямо къ нему, если будетъ въ чемъ нуждаться. Бѣдная женщина удивленно посмотрѣла на него и даже забыла поблагодарить. А Зелепуга надѣлъ шапку и пошелъ домой.

— Постой, Яцю, постой! — крикнулъ вслѣдъ ему Недоваренный.

— А что вамъ нужно?—спросилъ Зелепуга, неохотно возвращаясь.

— А что, ты еще не бросилъ своего глупаго намѣренія копать ямы на своемъ грунтѣ.

— Нѣтъ, не бросилъ!

— А когда начинаешь?

— Завтра.

— Что? Завтра? Ну, а кого же ты въ компанію приманилъ?

— Никого не приманилъ, и никого мнѣ не нужно приманивать. Самъ для себя буду стараться,—это лучше всего. Знаете, какъ говорятъ: „самъ себя пасу, самъ себя и выгоняю". Спокойной ночи!

И Зелепуга поспѣшно удалился, оставивъ Недовареннаго въ большомъ недоумѣніи. Какъ же это? Правда ли? Вздумалъ ли этотъ безумецъ самъ начать работу и на чьи же деньги? Долго размышлялъ Недоваренный надъ этими вопросами и рѣшилъ завтра же лично побывать у Яця и навести его на умъ.

Но что за зрѣлище увидѣлъ на другой день Недоваренный на дворѣ у Яця!

Толпа жидовъ, жидовокъ, мужиковъ, работниковъ и всякихъ бродягъ... Крикъ, гамъ, насмѣшки... Что за чудо? Э, да это Яць началъ копать яму. Первый крестьянинъ взялся за это дѣло, которое до сихъ поръ было привилегіей жидовъ. Неудивительно поэтому, что едва Яць привелъ рабочихъ и назначилъ мѣста для четырехъ ямъ, какъ нахлынула толпа любопытныхъ. Первымъ примчался Мендель и, увидѣвъ къ чему идетъ дѣло, даже позеленѣлъ отъ злости.

— Что это? Вы здѣсь хотите копать?—спросилъ онъ Яця полушутливымъ, полуугрожающимъ тономъ.

— А конечно, хочу,—сказалъ спокойно Яць.

— А кто вамъ позволилъ?

— Самъ себѣ на своемъ грунтѣ позволяю.

— А я вамъ запрещаю, я!—крикнулъ Мендель, не будучи въ состояніи больше сдерживаться и почти не сознавая, что говоритъ.

— А ну, попробуй!—отвѣтилъ Зелепуга.

Мендель бросился на него и хотѣлъ вырвать заступъ, но Яць такъ сильно толкнулъ его въ грудь, что Мендель упалъ навзничь. Громкій смѣхъ сопровождалъ начало этой исторіи, но Мендель, не вставая, начать кричать не своимъ голосомъ, какъ будто его хотѣли рѣзать. Масса жидовъ сбѣжалась на этотъ крикъ и вѣроятно Яцю пришлось бы плохо, если бы крестьяне не заступились за него. Но крикъ и суматоха продолжались очень долго. Мендель побѣжалъ съ жалобой въ правленіе, но, видно, не имѣлъ тамъ успѣха, потому что немедленно явился на работы. Между жидами начались бурныя пренія, но Яць не обращалъ больше на нихъ вниманія и продолжалъ работу. Недоваренный былъ свидѣтелемъ этой сцены. Злость и упорство жидовъ не предвѣщали ничего добраго.

— Э, это плохое дѣло!—сказалъ онъ, махнувши рукой, и не поздоровавшись съ Яцемъ, поспѣшилъ домой.

Съ этихъ поръ жилище Яця приняло иной видъ. Жилъ онъ вмѣстѣ съ рабочими, копавшими ямы; невѣстка варила имъ пищу.

Часто забѣгали сосѣди выпить водки или такъ себѣ, поболтать и посмотрѣть на работу. Нѣкоторые собирались и у себя начать тоже самое, но ожидали, какъ пойдетъ дѣло у Яця.

А Яць и во снѣ, и на яву только и грезилъ какъ бы дорыться до подземныхъ богатствъ. Онъ огородилъ свою усадьбу, а возлѣ ямъ привязалъ трехъ собакъ, чтобы стерегли отъ жидовскихъ пакостей. При копаньи четырехъ ямъ разомъ четырехъ рабочихъ оказалось недостаточно. Многіе совѣтовали Яцю забросить три ямы и копать только одну; если въ ней покажется нефть, можно будетъ приняться и за остальныя; но Яць и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Въ душѣ его въ послѣдніе дни происходилъ переломъ. Казалось, что вся его энергія, всѣ духовныя силы были направлены на одинъ пунктъ—открыть на своей землѣ нефть. Что будетъ потомъ—его не занимало; потомъ,—въ его воображеніи рисовались цвѣтущіе луга, роскошныя поля, безграничное счастье и наслажденіе. Лишь бы только добраться до нефти.

Днемъ и ночью онъ переживалъ ужасныя тревоги. Ну что если мѣсто это нехорошее? Онъ прикладывалъ ухо къ землѣ, прислушивался нѣтъ ли какого шума, принималъ мѣры предосторожности. Часто, вскочивши ночью съ постели, онъ съ толстою палкою въ рукѣ обходилъ ямы. Оказалось, что осторожность была не излишней: жиды нѣсколько разъ подсылали своихъ рабочихъ портить бревна, засыпать ямы, перерѣзывать канаты. Но, благодаря бдительности собакъ и самого Яця, имъ это не удавалось. Какъ любящая мать слышитъ во снѣ плачъ своего дитяти, такъ Яць чуялъ сердцемъ, когда его ямамъ грозила бѣда, и взявши съ собой работниковъ, отражалъ нападеніе. Однажды жидамъ удалось отравить его собакъ, но на свою же бѣду; на другую ночь Яць съ рабочими, укрывшись за заборомъ, схватилъ двухъ жидовъ на мѣстѣ преступленія. Ихъ ввели въ избу и, завязавши имъ головы мѣшками, „сквозь мокрое полотно“ [1]) такъ больно высѣкли ихъ палками, что они закаялись больше ногой ступать во дворъ Яця. Бѣдняги на другой день даже пожало-

[1]) Такой способъ практикуется, чтобы не оставалось слѣдовъ.

ваться не могли, потому что послѣ „холодной бани" доказательствъ не оказалось. Но свое слово сдержали: Яця больше не тревожили.

Ямы вырыли уже въ 10 сажень глубиной, но нефти и слѣдовъ не было. Тогда только замѣтилъ Яць, что изъ его капитала осталось очень мало. Имъ овладѣло ужасное безпокойство. По цѣлымъ ночамъ онъ не спалъ, днемъ ходилъ самъ не свой. Онъ не могъ себѣ даже представить, что придетъ то время, когда онъ долженъ будетъ прекратить работу. Перестать рыть — вѣдь это для него равнялось смерти! А незначительный остатокъ денегъ ясно говорилъ, что эта минута близка, что надо на что нибудь рѣшиться. Поэтому рано, чуть свѣтъ, назначивъ занятія рабочимъ, Яць бросился къ Недоваренному. Онъ засталъ его въ постели; полевыя работы уже окончились, а потому можно было отдохнуть подольше.

— Пане швагре!—не ожидая отвѣта на привѣтствіе, началъ Яць.—Я пришелъ къ вамъ по важному дѣлу.

— По какому? — спросилъ Недоваренный, продолжая лежать.

— Помните вы когда то заинтересовались моими ямами, спрашивали, кого принимаю въ компанію? Дуракъ я былъ тогда, думалъ, что у меня денегъ достанетъ...

— А теперь ты поумнѣлъ, закопавши свои деньги? Да еще и меня хочешь втянуть въ свое глупое предпріятіе! — крикнулъ сердито Недоваренный.—Иди ты изъ хаты, *замороко*!—Иди, а то велю тебя собаками затравить! Иди къ своему Юдкѣ, котораго ты за 300 римскихъ богачемъ сдѣлалъ, а ко мнѣ не ходи!

— Богачемъ, какимъ богачемъ?—спросилъ Яць.

— Развѣ не знаешь, что Юдка на твоемъ грунтѣ, на *Волянци*, уже четыре ключа кипячки добылъ, цѣлую недѣлю черпаетъ и черпаетъ по сто бочекъ въ день, и еще конца нѣтъ? Видишь, какой твой разумъ? Иди же къ нему, проси его, можетъ быть, пристанетъ къ тебѣ въ компанію, а меня оставь въ покоѣ.

И Недоваренный, не могшій сдержаться отъ злости, отвернулся отъ остолбенѣвшаго Яця на другой бокъ. Тотъ посидѣлъ еще минуту молча и потомъ вышелъ, пошатываясь.

— Боже милый! что это такое дѣлается на свѣтѣ? Развѣ вправду доля прокляла христіанина, а только жидамъ усмѣхается? Ну, ктожь бы могъ подумать, что кладъ былъ для меня не здѣсь, а на *Волянци?* И что теперь дѣлать?

Горючія слезы текли по щекамъ Яця. Не давая себѣ отчета, что дѣлаетъ, пошелъ онъ на Волянку — посмотрѣть на ту землю, что нанесла такой ударъ его надеждамъ и мечтамъ.

У Юдки работа кипѣла. Двадцать рабочихъ работали у ямъ, доставали нефть, наливали въ бочки, нагружали на телѣги или устанавливали въ большомъ, выстроенномъ на скорую руку сараѣ. Тутъ же бондари сколачивали изъ досокъ бочки, кузнецы обтягивали ихъ обручами, плотники оканчивали сарай — однимъ словомъ, на недавней пустоши стояла цѣлая фабрика. А среди всей этой суматохи метался Юдка, счастливый, веселый и порядочно одѣтый, словомъ совсѣмъ перероди вшійся. Двадцать другихъ рабочихъ копали новыя ямы.

— Дай Боже счастья!—мрачно сказалъ Яць, протискиваясь сквозь занятую, суетливую толпу.

— Дай Боже!—отвѣтилъ Юдка; потомъ, обернувшись и увидѣвъ Яця, онъ радостно его привѣтствовалъ: А, панъ Зелепуга! Какъ поживаете?

— Скверно поживаю, Юдко! — сказалъ Яць. — Тебѣ вотъ Богъ счастье послалъ, а я твои деньги закопалъ и ничего не имѣю.

— Глубоко докопались уже?—спросилъ тотъ.

— У меня четыре ямы по двадцати сажень.

— А у меня Богъ далъ на шестомъ сажнѣ, — сказалъ Юдка,—на то Божья воля. Нужно и вамъ копать дальше—и у васъ будетъ, навѣрно будетъ.

— И я такъ думаю, что будетъ. Но чтоже, коли не на что копать дальше!

— Не на что? Это скверно!

Юдка задумался. Яць въ это время съ любопытствомъ разсматривалъ поле, которое такъ недавно принадлежало ему и которое онъ не разъ проклиналъ за его безплодіе.—Вотъ же мои проклятія обрушились на меня самого!—упрекнулъ себя Яць и

заплакалъ.—Теперь все это могло бы быть моимъ, да Богъ, видно, не захотѣлъ. Поле дало кладъ, да не мнѣ!

— Ну, не печальтесь, Яцю,—сказалъ минуту спустя Юдка.— Можетъ быть Богъ дастъ, что все будетъ хорошо. Знаете, что я вамъ скажу?

— Ну, что такое?

Юдка отвелъ Яця въ сторону за сарай и сказалъ:

— Этотъ грунтъ я купилъ у васъ, пусть васъ Богъ наградитъ за него! Купилъ я его дешево: по 80 римскихъ за моргъ. Знаете, какъ старый *лыбакъ*, я могъ лучше всего знать, гдѣ можно скоро докопаться до кипячки. И я не ошибся. Я могъ бы вамъ сразу дать по сто римскихъ за моргъ, какъ вы хотѣли, но я все таки торговался. Ну что же, — человѣкъ всегда останется человѣкомъ, а при томъ я боялся, что не хватитъ денегъ на копанье. Теперь другое дѣло. Грѣхъ бы мнѣ былъ, если бы я не помогъ вамъ въ вашей бѣдѣ. Вотъ вамъ еще 80 римскихъ, сверхъ тѣхъ денегъ; какъ вы сами оцѣнили, такъ и даю, что бы вы на меня не пеняли.

Такая доброта жида до глубины души тронула Яця. Хоть и не любилъ онъ „жидовскаго племени“, но въ порывѣ благодарности поцѣловалъ руку, которая подала ему пачку бумажекъ.

— Пусть вамъ Богъ въ сто кратъ воздастъ, Юдко! — сказалъ Яць.—Я вашей доброты до смерти не забуду.

— Только знаете, что я вамъ посовѣтую, Яцю,—сказалъ жидъ. Не разбрасывайте вы этихъ денегъ на четыре ямы. Пока забейте три и копайте только одну, такъ скорѣе до кипячки доберетесь.

На томъ и распрощались. Юдка побѣжалъ къ ямамъ, а Яць, полный надежды, вернулся домой. Хотя ему было тяжело рѣшиться забить ямы, но въ будущемъ у него снова могло не хватить денегъ, а полученныхъ было слишкомъ мало и потому надо было сконцентрировать всѣ силы на одной. Яць забилъ три ямы, оставилъ только двухъ работниковъ, а остальныхъ отпустилъ, разсчиталъ деньги по днямъ и съ лихорадочнымъ волненіемъ высчитывалъ, сколько дней еще можно будетъ работать.

Работать теперь было тяжелѣе. Вмѣсто мягкой глины пошелъ твердый камень, который надо было ломать ломами, такъ

какъ заступы здѣсь уже не годились. Въ ямѣ двадцатисаженной глубины не хватало воздуха: надо было купить помпу, которая поглотила много денегъ. Медленно, тяжело шла работа, а нетерпѣніе Яця все больше и больше увеличивалось. Вѣдь каждую минуту одинъ ударъ лома могъ принести ему спасеніе, пробить дорогу къ желанному кладу. Онъ все время оставался въ ямѣ, его на силу вытаскивали оттуда. Ни пить, ни ѣсть онъ не могъ. Ночью онъ прислушивался къ собственному дыханію и съ безумно радостнымъ крикомъ: „Е, е!“ вскакивалъ съ постели и бѣжалъ къ ямѣ и, не видя ничего въ темнотѣ, прикладывалъ ухо къ деревянной, запертой на замокъ дверцѣ (крышкѣ), не услышитъ ли какого шептанья, ропота подземныхъ духовъ. Но все было тихо, духъ молчалъ и не появлялся, несмотря ни на просьбы, ни на проклятья обезумѣвшаго Яця.

— Боже мой!—вскрикнула разъ невѣстка, увидѣвъ его вылѣзавшимъ изъ ямы.—Швагре Яцю! Какъ вы выглядите! На васъ лица нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?—разсѣянно спросилъ Яць.

— Вы блѣдный, худой, желтый, хоть въ гробъ клади! Ѣдите ли вы что нибудь?

— Ѣмъ.

— Ну, такъ вы должно быть нездоровы.

— Богъ съ вами, кумо, я здоровъ.

— Ну, то можетъ кто вамъ *данне* далъ, что вы такъ страшно измѣнились? Или можетъ, не дай Господи, переполохъ?

— Э, басни! Не бойтесь, скоро поправлюсь, только кипячки добуду.

И торопливымъ, невѣрнымъ шагомъ, будто очарованный, Яць шелъ обѣдать съ работниками.

Невѣстка варила имъ у себя дома, но рѣдко сама носила обѣдъ, а чаще присылала свою 14-лѣтнюю дочку съ *кобелею* [1]), въ которую ставились горшки. Поэтому неудивительно, что она, не видѣвши долго Яця, не узнала его и справедливо замѣтила, что онъ должно быть боленъ. Но Яць какъ будто ничего не

---

[1]) Кошъ, корзина, плетеная изъ тростника.

слышалъ. Вся его жизнь, всѣ мысли сосредоточились на одномъ пунктѣ, на ямѣ, этой двадцатисаженной пропасти, которая не хотѣла выпустить ни одной капли золота.

Для Яця яма обратилась въ существо понимающее и разумное. Въ минуты отчаянія онъ обращался къ ней съ страстными рѣчами, упрекалъ ее въ дружбѣ къ жидамъ, въ нерадѣніи о собственномъ хозяинѣ: не хочетъ она оказать милосердія, справедливости, пусть только вернетъ затраченное на нее. Но яма упорно молчала. Прошла еще недѣля. Яма была уже глубиной въ 22 сажня, а въ кассѣ Зелепуги оставалось всего 22 крейцера. А яма ни гу-гу. Яць ходилъ точно помѣшанный, на колѣняхъ умолялъ рабочихъ остаться еще и работать въ долгъ. Работники, недовольные плохими харчами и неаккуратной платой, ушли, проклиная Яця на чемъ свѣтъ стоитъ. Яць остался одинъ.

Неужели его послѣднія надежды лопнутъ, какъ мыльные пузыри? Онъ побѣжалъ къ Недоваренному—тотъ затравилъ его собаками, бросился къ Юдкѣ—Юдки не было въ Бориславлѣ, поѣхалъ заключать контрактъ съ дистиллярней для подвоза кипячки и остановилъ работу, заперши ямы и оставивъ сторожа. Будто преслѣдуемый звѣрь бросился Яць къ своей избѣ, но возлѣ двора столкнулся съ Менделемъ. Послѣдній злобно усмѣхался.

— Ну, пане Яцентій, какъ поживаете?—сказалъ жидъ.

— А чтожь?—отвѣтилъ Яць съ глухимъ упорствомъ,—слава Богу, ничто мнѣ не вредитъ.

— Ге, ге, ге!—сухо замѣтилъ жидъ.—Ничто вамъ не вредитъ? Нѣтъ, нѣтъ, слава Богу! А что не продадите мнѣ своихъ закоповъ?

— Нѣтъ, теперь еще не продамъ.

— А когда же продадите?

— Когда время придетъ.

— А когда же время придетъ?

— А это увидимъ.

И Яць направился къ избѣ.

— Слушайте, пане Яцентій,—сказалъ Мендель,—безъ шутокъ вамъ говорю. Къ чему вамъ всѣ бѣды, хлопоты и расходы?

Видите, тотъ грунтъ продали вы Юдкѣ? Теперь Юдка богачъ, а вы закопали деньги въ ямы и ничего не имѣете. Бросьте вы эту работу! Это не хлопская работа. Я вамъ дамъ за каждый закопъ по сто римскихъ, и *нащо вамъ клопоту на здорову голову?* Хватитъ на вашъ вѣкъ.

Зелепугѣ кровь ударила въ голову, эти слова уязвили его болѣе, чѣмъ злая насмѣшка, можетъ быть потому, что въ душѣ онъ сознавалъ, что Мендель говоритъ правду.

— Иди ты отъ меня, жиде, къ чорту!—крикнулъ взбѣшенный Яцъ.—Иди, коли не хочешь получить камнемъ въ лобъ.

— Ну, что это такое? Камнемъ въ лобъ? А это за что? Ты *дурню, гой смердяче!* Думаешь, что я тебя боюсь и что твои закопы больше стоятъ? Подожди, еще самъ ко мнѣ придешь и будешь просить, чтобы я купилъ эти дыры.

— Не дождешься этого, *парху!*—крикнулъ Яцъ.—Скорѣе самъ найду въ нихъ свою смерть!

И, надвинувши на лобъ шапку, дрожа отъ злости, побѣжалъ Яцъ къ невѣсткѣ, которая варила ему пищу.

Та теперь въ самомъ дѣлѣ перепугалась.

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!—вскрикнула она,—куме швагре! что съ вами такое? Гонится кто за вами? Или, можетъ быть, несчастье какое?

Яцъ даже не обратилъ вниманія на ея возгласы. Въ безсиліи упалъ онъ на скамью и не переводя духа заговорилъ:

— Кумо ятровка! На васъ одна моя надежда! Деньги у меня вышли, работники меня покинули, а яму копать надо. Хочу докопаться кипячки. Скорѣе пропаду, а не покину этого дѣла. Поможешь мнѣ, кума? Я же не для себя работаю! Какъ что будетъ, то будетъ и вамъ и дѣтямъ вашимъ. Идите сами, у васъ дивчина уже въ силахъ, обѣ станете *до корбы*, меньшой хлопецъ можетъ *млынкуваты*, а я полѣзу въ яму, буду копать пока силы станетъ. Чую я, что уже недолго. Нѣсколько разъ копнуть. Кто знаетъ? Можетъ быть нужно только разъ въ счастливое мѣсто ударить... Не откажите мнѣ, кумочко!

Женщина остановилась пораженная. Не такъ ее удивила самая просьба Зелепуги, какъ тонъ его голоса, просящій, мягкій. Съ

минуту она колебалась. Вѣдь кромѣ двухъ старшихъ дѣтей, у нея было еще трое, которые требовали постояннаго присмотра. Что съ ними дѣлать?

Яць догадался въ чемъ дѣло.

— И о тѣхъ меньшихъ не безпокойтесь. Возьмите ихъ въ мою хату, тамъ они будутъ близко отъ васъ. Вы спустите меня въ яму и будете имѣть съ полчаса свободнаго времени, пока я что нибудь накопаю, а дѣти будутъ въ это время *млынокъ* крутить.

Та все еще не рѣшалась. Яць, обливаясь слезами, бросился ей въ ноги.

— Кумо швагрова!—молилъ онъ, обнимая ея колѣни.— Богомъ васъ заклинаю, не отказывате мнѣ! Не отказывайте, а не то съ ума сойду! Чувствую я, что при одной мысли бросить эту работу какой то недобрый духъ овладѣваетъ мною и я готовъ надѣлать бѣды, великой бѣды!

— Богъ съ вами!—крикнула испуганная женщина, поднимая плачущаго Яця.—Что за страшныя рѣчи вы говорите, пускай Богъ заступитъ и спасетъ! Успокойтесь, еще все будетъ хорошо! Всѣ пойдемъ, будемъ копать, будемъ Богу молиться, можетъ Богъ смилуется надъ нашею недолею и пошлетъ намъ свой великій даръ. Только не убивайтесь!

— Награди васъ Боже! Награди Боже!—шепталъ Яць, всхлыпывая какъ ребенокъ.—Я спокоенъ, совсѣмъ спокоенъ, только силъ какъ то нѣтъ, ко сну меня клонитъ...

— Засните, засните, вамъ лучше будетъ. А то, Боже мой, вы выглядите *наче зъ хреста зняты.*

Она уложила Яця на соломѣ, покрытой грубымъ *рядномъ.* Яць тотчасъ же заснулъ глубокимъ сномъ, точно убитый. Невѣстка подумала даже, не пьянъ ли онъ, но приблизившись къ нему, она не почувствовала запаха водки.

— Бѣдняга!— вздохнула она.— Такъ его эта проклятая кипячка одолѣла, что дальше ему уже и дышать будетъ не въ мочь. Боже милосердый! заступи его отъ всякаго несчастья. Скорѣе моему поганину попусти сломать себѣ шею, чѣмъ этой доброй душѣ.

Спалъ Яць долго, но тревожно. Нѣсколько разъ ночью онъ вскакивалъ, прислушивался, кричалъ во снѣ: „Е, е!“ и снова безсильно падалъ на постель. Но все же на другой день онъ былъ бодрѣе и помогалъ хозяйкѣ укладывать и переносить ея бѣдные пожитки.

Что то тянуло его къ ямѣ. Онъ бѣгомъ пустился къ своему дворищу, по дорогѣ бросилъ все и побѣжалъ заглянуть въ ямы, не показалась ли за ночь кипячка. Черезъ часъ онъ вернулся мрачный и недовольный.

— Пусто, нѣтъ ничего! Но я знаю, что скоро, скоро будетъ! Должно быть! Развѣ... Развѣ ужъ милости Божіей надъ нами нѣтъ...

— Бойтесь Бога, что это вы говорите! — вскрикнула невѣстка.—Даже слушать страшно!

— Я уже самъ не знаю, что говорю,—сказалъ Яцъ, опуская голову.—Но пойдемъ, пойдемъ на работу! Нужно спѣшить! Чувствую, что меня что то тревожитъ, какъ будто смерть моя уже близко, а мнѣ передъ смертью нужно сдѣлать что то великое.

Она ничего не отвѣтила, только перекрестилась при послѣднихъ словахъ. Она ясно видѣла, что съ Яцемъ творится что то неладное, но чѣмъ она могла помочь? Только на ходу она шептала молитву. Вмѣстѣ со старшей дочерью стала она къ машинѣ и потихоньку, осторожно спустила Яця въ яму, хотя тотъ изъ глубины постоянно кричалъ: „скорѣе, скорѣе!“ Старшій сынъ изо всѣхъ силъ накачивалъ свѣжій воздухъ.

Опустивши Яця, она пошла въ хату, оставивъ дѣтей однихъ. Потомъ Яць нашелъ способъ обходиться и безъ ея помощи. Онъ самъ на особенномъ канатѣ вытаскивалъ вверхъ ведро, дѣти высыпали изъ него накопанную глину и снова опускали внизъ Яць придумывалъ всевозможныя средства, чтобы дѣти не упали въ яму. Объ этомъ мать не безпокоилась. Работа подвигалась. Яць работалъ черезъ силу, отбивая заостреннымъ молоткомъ куски камня. Ведро за ведромъ вытаскивалъ онъ вверхъ, не заботясь о свѣжемъ воздухѣ, такъ какъ дѣти работали исправно. Если бы показалась нефть, Яць рѣшилъ не ждать, пока дѣти призовутъ мать, а самому выкарабкаться по

брусьямъ на нѣсколько сажень и тамъ уже ждать, такъ какъ вдругъ выступившая нефть могла его залить и задушить. Но нефть не показывалась. Яць послѣ долгой работы страшно ослабѣлъ, чувствовалъ острую боль въ поясницѣ, ему не хватало свѣжаго воздуха, въ вискахъ стучало и голова кружилась.

— А что, можетъ быть, обморокъ предвѣщаетъ кипячку?— подумалъ обрадованный Яць и дернулъ три раза за шнурокъ отъ звонка. Это было знакомъ для дѣтей звать мать и тащить его наверхъ.

— Ну что? Есть, будетъ?—спрашивала нетерпѣливо невѣстка, когда Яць, стоя въ ведрѣ, показался изъ темныхъ нѣдръ ямы.

— Слава Богу, кажется, что будетъ,—отвѣтилъ Яць, тяжело дыша и съ трудомъ вылѣзая.

Его отвязали, повели домой, накормили и онъ легъ спать. Но надежда оказалась преждевременной. Воздухъ былъ удушливъ, но нефть не показалась. Безпокойство и ожиданіе Яця усилились. Отдохнувши немного, онъ сталъ настаивать, чтобы его снова опустили въ яму, но невѣстка ни за что не соглашалась на это.

— Сами себя замучите, куме!—говорила она.—Отдохните лучше, соберитесь съ силами. Яма не убѣжитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо кончить скорѣе!—настаивалъ Яць.— Что вамъ изъ того, что вы будете меня мучить? Вѣдь я и такъ не могу ни сидѣть, ни лежать на одномъ мѣстѣ. Лучше спустите меня въ яму.

Она едва упросила его подождать до полудня. Такъ прошло два дня. Яць за эти дни постарѣлъ на десять лѣтъ, сгорбился, посѣдѣлъ, лицо его покрылось морщинами. Только сѣрые глаза его горѣли огнемъ, а энергія не только не уменьшалась, но росла съ каждымъ днемъ. Сонъ совсѣмъ покинулъ его. Только днемъ, утомленный работой, онъ засыпалъ на минуту.

Вдругъ на третій день случилось несчастье, котораго онъ наименѣе ожидалъ. Въ полдень, когда Яць съ дѣтьми только что пообѣдалъ, а хозяйка разостлала солому, чтобы Яць могъ отдохнуть, влетѣлъ въ избу шуринъ-пьяница.

— А, вотъ гдѣ нахожу свою жиночку!—крикнулъ онъ, и, не говоря больше ни слова, ударилъ остолбенѣвшую жену кулакомъ такъ сильно, что та, обливаясь кровью, упала на землю.

Цѣлый часъ въ хатѣ свирѣпствовала буря. Раздавались удары, слышенъ былъ плачъ и крикъ дѣтей, стоны женщины, трескъ разбиваемой посуды и вопли Яця. Досталось довольно и на долю Яця, но тотъ съумѣлъ оборониться и далъ шурину нѣсколько удачныхъ тумаковъ, которые значительно охладили пылъ нападающаго.

Побоище окончилось и наступило печальное прощанье. Бѣдная женщина, забравъ своихъ дѣтей и все добро, простилась съ гостепріимнымъ жилищемъ Яця. Мужъ ея, проклиная все и всѣхъ, плелся позади плачущаго и избитаго семейства. Яць остался одинъ, безъ силъ, безъ средствъ, безъ надежды...

Что это такое было? Откуда налетѣла эта буря? Былъ ли это страшный сонъ или дѣйствительность?—Этого онъ не зналъ. Онъ чувствовалъ только шумъ въ головѣ и страшную боль во всемъ тѣлѣ; глаза закрывались, сознаніе терялось. Не помня когда и какъ, Яць заперъ дверь и заснулъ на соломѣ посреди хаты.

Проснулся онъ на зарѣ. Свѣтало. Яць поспѣшно всталъ, съ трудомъ припоминая, что съ нимъ было и что ему нужно дѣлать. Первой мыслью его было: нѣтъ ли чего въ ямѣ? Онъ бросился за кожухомъ и только теперь ясно представилось ему его положеніе.

— Боже мой! Вѣдь я теперь одинъ одинехонекъ, какъ былина въ полѣ. Что же мнѣ дѣлать?

Въ нѣмомъ ужасѣ стоялъ бѣднякъ, ломая руки. Ему казалось, что онъ летитъ въ бездонную пропасть и напрасно старается ухватиться за что нибудь. Но источникъ его надеждъ еще не былъ исчерпанъ. Въ его больной фантазіи начали рисоваться самыя счастливыя перемѣны судьбы; на одномъ незначительномъ словѣ, „а можетъ“ строились воздушные замки. Упоенный этими фантазіями, Яць натянулъ на себя кожухъ, взялъ лампу и пробный камень, привязанный къ шнурку, и пошелъ къ ямѣ. Онъ шелъ или вѣрнѣе бѣжалъ, подталкиваемый какою

то невидимою силой. Отворилъ дверцы, заглянулъ въ яму—темно! Спустилъ шнурокъ съ камнемъ, камень нескоро упалъ съ легкимъ стукомъ на сырое каменистое дно. Яць вытянулъ его. камень былъ сухъ, нефти не было и слѣда. У Яця опустились руки.

Теперь только почувствовалъ онъ свою безпомощность, свое безсиліе. Къ чему были его труды, мученія? Къ чему зарылъ онъ въ эти проклятыя ямы все, что имѣлъ: здоровье, силу, деньги? Видно, доля не для всѣхъ одинакова: то, что Юдкѣ достается легко, для него недостижимо, какъ для маленькаго червяка. Отчего такая ужасная несправедливость? Яць чувствовалъ, что что то бурлитъ въ его груди, подступаетъ къ горлу, спираетъ дыханіе... Съ минуту стоялъ онъ, нѣмой, полуживой, посинѣвшій, словно боролся съ невидимымъ врагомъ; потомъ онъ упалъ на землю, грызъ ее зубами, билъ кулаками и кричалъ безумнымъ голосомъ:

— На, на тебѣ, проклятая! Вотъ тебѣ, измѣнница!

Утомленный онъ лежалъ нѣсколько мгновеній, потомъ поднялся на колѣни и, обращаясь къ сѣрому, покрытому тучами небу, крикнулъ:

— Боже, Боже! Въ чемъ я виноватъ передъ тобою? За что ты меня такъ тяжко караешь? На долю жидовъ, пьявокъ людскихъ, выпадаетъ добро, а на мою долю одно горе! Боже, Ты все видишь! Неужели это Твоя святая воля?

Онъ притихъ, тяжело переводя духъ, облегченный, будто тяжелый камень спалъ съ его плечъ. Онъ не успокоился, только нервы его на минуту отупѣли отъ чрезмѣрныхъ страданій.

— Что же мнѣ, несчастному, дѣлать? Съ чего начать?— плаксиво причиталъ онъ, присѣвъ на землю и обхвативъ голову руками.—Кинуться ли стремглавъ въ эту проклятую яму и положить конецъ своему житью? Вѣдь ничего лучшаго мнѣ уже не остается? *Ой земле, матинко*, прими меня къ себѣ, пусть я не буду больше здѣсь мучиться!

И обливаясь слезами, съ распростертыми руками, Яць припалъ къ землѣ и замеръ. Только вздрагиванье тѣла показывало, что это не трупъ, а живой человѣкъ.

Вдругъ онъ вскочилъ, точно ужаленный. Что это? Сонъ? Или игра его больной фантазіи? Сознаніе его притупилось, обезсилѣло. Но нѣтъ, то не воображеніе. Яць дрожалъ съ головы до ногъ въ неописанномъ безпокойствѣ. Долго стоялъ онъ, протирая глаза; потомъ схватилъ пробный камень и спустилъ. И снова камень съ глухимъ стукомъ упалъ на сухое дно. Яць вытянулъ его, осмотрѣлъ. Сухой! Значитъ, и на этотъ разъ обманъ! Значитъ, то бурчанье, которое онъ слышалъ такъ ясно, когда лежалъ на землѣ было обманчиво, было диковинной насмѣшкой судьбы надъ его несчастьемъ! Будь проклята доля! Прощай свѣтъ! Прощай горькое житье!

Яць сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы разогнаться и прыгнуть въ яму. Но что это? Едва удалился онъ отъ ямы, какъ услыхалъ то же самое тихое бурчанье. Онъ напрягъ слухъ... Такъ и есть. Бурчанье не было созданіемъ его фантазіи. Яць сдѣлалъ еще шага два назадъ—слышно яснѣе. Въ ту же самую минуту ему ударилъ въ носъ крѣпкій запахъ нефтяныхъ паровъ. Что же это? Откуда? Онъ оглянулся кругомъ. Боже! Вѣдь онъ стоитъ возлѣ старой, забитой и заложенной дерномъ ямы.

Однимъ прыжкомъ Яць былъ на самой ямѣ. Густой туманъ паровъ поднимался изъ подъ дерна и громкое бурленье подъ землей убѣдило его, что цѣль его достигнута, кладъ найденъ тамъ, гдѣ онъ наименѣе ожидалъ его.

Но Яць еще не вѣрилъ самъ себѣ. Дрожа, снялъ онъ кожухъ и, стоя на колѣняхъ, началъ срывать дернъ, разбрасывать глину и руками вытаскивать брусья, которыми была забита яма. Съ лихорадочною поспѣшностью, собравъ послѣднія силы, онъ отвалилъ одинъ брусъ. Солнце, поднявшееся невысоко надъ землей, искоса заглянуло въ яму; его лучи, какъ въ зеркалѣ, отразились на черной металлической поверхности нефтяной гущи, которая наполняла яму до краевъ.

Что Яць въ эту минуту не сошелъ съ ума и не упалъ отъ радости въ яму—было чудомъ. Очевидно, онъ самъ почувствовалъ, что съ нимъ можетъ случиться что нибудь подобное. Облитый холоднымъ потомъ, онъ отскочилъ въ сторону отъ темнаго отверстія ямы, будто искалъ безопаснаго мѣста, заглянувъ

такъ близко въ глаза страшной загадкѣ бытія. Но минута остолбенѣнія прошла; Яць бросился къ другой ямѣ, раскопалъ ее, открылъ—полна! Къ третьей—тоже самое! Значитъ, не пустыми были тѣ сны, въ которыхъ ему постоянно что то шептало: есть. есть желанный кладъ! Только его собственная слѣпота причинила ему столько мукъ. А тѣ проклятія, укоры судьбѣ, не пали ли они на его собственную голову?

Но нѣтъ! Прочь черныя мысли! Цѣль достигнута! Кладъ найденъ! Цѣною здоровья, страданій, мученій, униженій, но найденъ! Что съ нимъ теперь дѣлать? Объ этомъ Яць не думалъ: дальше видно будетъ.

Заранѣе, въ безсонныя ночи онъ обдумалъ все дѣло, и теперь побѣжалъ прямо къ Мендлю. Онъ засталъ жида торгующимся съ работниками. Не поздоровавшись, не говоря ни слова, онъ схватилъ Мендля за плечи и потащилъ за собою.

— Ны, что это такое?—кричалъ Мендель.—Яцю, вы съ ума сошли? Чего вы хотите отъ меня?

— Иди, иди!—охрипшимъ, запыхавшимся голосомъ отвѣчалъ Яць, не выпуская его изъ рукъ.

— Куда? Зачѣмъ?—спрашивалъ Мендель.

— Иди, иди, самъ увидишь!—вопилъ Яць и тащилъ его далѣе, спотыкаясь о груды глины и камни и не обращая на это вниманія. Мендель сначала упирался, но Яць не пускалъ его. Потомъ жидъ догадался, что вѣроятно случилось что нибудь особенное, и пошелъ охотно. Яць ускорилъ шагъ. Перегоняя другъ друга, они подошли къ первой ямѣ.

— *Ади!*

Еще Мендель не пришелъ въ себя, а Яць уже тянулъ его къ другой.

— Ади!

И снова дальше къ третьей ямѣ.

— Ади!

Мендель остолбенѣлъ.

Яць, обезсиленный, упалъ на землю, тяжело переводя духъ, не будучи въ состояніи сказать и двухъ словъ. Добрые полчаса продолжалось молчаніе.

— Ну, и чтожь?—сказалъ наконецъ Мендель, обращаясь къ Яцю.

— Купи! отвѣтилъ коротко тотъ.

— А сколько хотите?

— Милліонъ!

— Опомнитесь, Яцю! Что вы говорите? Кто вамъ дастъ милліонъ?

— Ты дашь.

— Да знаете ли вы, что такое милліонъ? Сколько это денегъ?

— Знаю, что много. А какъ буду имѣть ихъ въ рукахъ, то и посчитать ихъ съумѣю. А ты думалъ, что я тебѣ даромъ отдамъ?

— Я не хочу даромъ, а говорите человѣческую цѣну?

— Милліонъ.

Жидъ засмѣялся.

— Ну что съ нимъ говорить? Заучилъ на память одно слово и твердитъ. Вѣдь откуда же, Яцю, я вамъ возьму милліонъ?

— Это твое дѣло.

— А что же вы съ нимъ сдѣлаете?

— Это мое дѣло.

Жидъ снова захохоталъ. Но вдругъ счастливая мысль пришла ему въ голову. Онъ сразу сдѣлался серьезнымъ.

— Ну, знаете что, Яцю?—сказалъ онъ, приближаясь.— Вижу, что вы не такой человѣкъ, чтобы съ вами шутить, пускай будетъ Божья воля. Дамъ вамъ милліонъ за ваши ямы.

— Я такъ и зналъ, что дашь,—спокойно отвѣтилъ Яць.

— Но уже за всѣ четыре?

— Разумѣется.

— И за весь остатокъ грунту?

— А то какъ же?

— Такъ идти за писаремъ и свидѣтелями?

— Иди!

Въ полдень хата Яца была наполнена народомъ. Мендель велѣлъ поставить наскоро сколоченные столы и лавки. На нихъ

усѣлось не мало людей: жиды, мужики—это были свидѣтели. А новые все прибывали.

Въ Бориславлѣ быстро разнеслась вѣсть, что Зелепуга вырылъ три ямы нефти и продаетъ жиду за милліонъ. Жиды улыбались, крестьяне вздыхали, крестились и думали о томъ, что будетъ дѣлать съ такими большими деньгами одинокій, старый, ошеломленный Яцъ. И всѣ сбѣгались къ его хатѣ, разсчитывая на угощеніе.

Всѣ собравшіеся притихли. За столомъ сидѣли: староста, старшій церковный братъ и присяжный [1])—это были главные свидѣтели. Панъ писарь только что окончилъ составленіе контракта и крякнулъ въ знакъ того, что желаетъ начать чтеніе. Яцъ стоялъ противъ писаря, желтый, какъ воскъ, съ пылающими глазами и смотрѣлъ на него въ упоръ.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!—началъ рѣзкимъ голосомъ писарь и всѣ присутствовавшіе крестьяне набожно перекрестились.—Я нижеподписавшійся владѣлецъ Яцъ Зелепуга, въ присутствіи свидѣтелей: пана войта [2]) бориславскаго Якима Дуригроша, пана присяжнаго Олексы Бовши и пана старшаго брата Гриця Тумана, заключаю съ присутствующимъ здѣсь Менделемъ Лямпенлихтомъ слѣдующее условіе: продаю я Мендлю землю мою отцовскую, граничащую съ землей того же Мендля, мѣрою два морга, вмѣстѣ съ находящимися на ней нефтяными ямами и передаю эту землю тутъ же, при свидѣтеляхъ, упомянутому Мендлю въ вѣчное и потомственное владѣніе. А Мендель обязуется до принятія во владѣніе земли уплатить мнѣ при тѣхъ же свидѣтеляхъ цѣну покупки—милліонъ... валюты австрійской...

— Чего, чего?—прервалъ чтеніе Яцъ.

— Валюты австрійской,—повторилъ писарь.—Это значитъ, денегъ австрійскихъ, цесарскихъ, понимаете?

— А, понимаю! Ну, это само собою разумѣется, иными деньгами я не принимаю. Ну, читайте дальше!

---

[1]) Десятскій.

[2]) Староста.

Дальнѣйшее чтеніе окончилось скоро. Контрактъ, разумѣется, и Яць, и свидѣтели подписали, поставивъ вмѣсто имени и фамиліи крестъ.

Тогда выступилъ Мендель и выложилъ на столъ цѣлый мѣшокъ денегъ, развязалъ его и началъ вынимать пачки ассигнацій. Каждая пачка состояла изъ мелкихъ бумажекъ—*шустакивъ* [1]) или гульденовъ, перевязанныхъ ниткой.

— Тутъ сто, тутъ сто, тутъ сто!—машинально произносилъ жидъ, бросая ихъ одну на другую, такъ что у многихъ даже духъ захватило. Наконецъ, онъ опорожнилъ мѣшокъ.

— Вотъ вамъ вашъ милліонъ, пане Яцю!—сказалъ Мендель, свысока поглядывая на него.

Яць стоялъ ошеломленный. Столько денегъ онъ не видѣлъ за всю свою жизнь, а теперь все это принадлежало ему.

— Гм... А кто знаетъ, хорошо ли это посчитано?—сказалъ онъ, опомнившись.—Надо бы пересчитать.

— Я присягну, что хорошо считано,—отвѣтилъ Мендель.— Ну, вы можете себѣ не вѣрить, это ваше дѣло, только что милліонъ не такъ легко пересчитать, какъ вамъ кажется. А чтобы вы на меня не претендовали, что я васъ обманулъ, я вамъ скажу вотъ что: положите эти деньги въ мѣшокъ и запечатаемъ ихъ при свидѣтеляхъ, и пусть назначатъ кого угодно изъ громады, чтобы помогъ вамъ пересчитать. А если хоть одного римскаго не хватитъ, то я обязываюсь за одинъ дать вамъ десять.

— Хорошо, хорошо!—закричали свидѣтели.—Вотъ видно, что честный жидъ, не хочетъ вашей кривды, пане Яцю!

— Согласенъ на это, но мѣшокъ съ деньгами долженъ остаться въ моихъ рукахъ.

— А конечно!—подхватилъ Мендель.—Вѣдь деньги ваши!

И быстро сложивши всѣ пачки въ мѣшокъ, Мендель запечаталъ его съ обѣихъ сторонъ большой громадской печатью, которую войтъ всегда носилъ при себѣ, въ голенищѣ.

— Ну, это дѣло кончено, куме Яцю! Теперь ваша очередь сдать Мендлю землю и ямы. Всѣ встали и вышли изъ

[1]) 10 крейцеровъ. Прежде были бумажные, теперь серебряные.

хаты. Вручивши землю Мендлю, Яць успокоился. Началось угощеніе и на жида посыпались благодарности за его гостепріимство. Угощеніе затянулось до поздней ночи. Только панъ писарь, отдавъ жиду контрактъ и пошептавшись съ нимъ о чемъ то въ сѣняхъ, ушелъ до начала попойки. У него сегодня было еще много дѣла, къ тому же онъ чувствовалъ угрызенія совѣсти. Правда, что онъ хорошо заработалъ: сверхъ обычныхъ пяти римскихъ *„видъ руки"*, онъ получилъ еще отъ Мендля сто римскихъ за самую пустую мелочь.

Но чортъ его знаетъ, не выйдетъ ли изъ этого что нибудь крупное? Вѣдь дѣло идетъ объ очень большихъ суммахъ. Мендель увѣрялъ его, что тутъ нечего бояться, на то онъ и свидѣтелей такъ много собралъ, всѣ были трезвы, слѣдовательно о подложности документа никому и въ голову не придетъ, такъ что даже и у нотаріуса не надо его свидѣтельствовать. Да, если бы все это было такъ! Но вѣдь *лыхо не спытъ*, а жиду развѣ можно повѣрить!

Несмотря на увѣренія Мендля, панъ писарь былъ неспокоенъ и поспѣшилъ уйти оттуда, гдѣ изъ-за сто-гульденовой бумажки допустилъ такую... бездѣлицу. Вся механика состояла вотъ въ чемъ: между словами „милліонъ" и „валюты" въ контрактѣ онъ написалъ, а при чтеніи пропустилъ одно единственное слово „крейцеровъ". Правда, это одно словцо изъ громкаго милліона дѣлало десять тысячъ гульденовъ, ну, да и этого слишкомъ много для такого глупаго мужика, какъ Яць,— думалъ писарь. Едва ли и съ такой суммой онъ справится. А между тѣмъ Яць торжествовалъ, что имѣетъ милліонъ. Что съ нимъ сдѣлать—объ этомъ будетъ время подумать завтра, послѣзавтра. Теперь же счастье въ его рукахъ. Этотъ мѣшокъ съ деньгами—основа всѣхъ его надеждъ. Милліонъ! Вѣдь это огромное состояніе, о которомъ только въ сказкѣ говорится.

Была уже глубокая ночь, когда отъ Яця вышли послѣдніе гости—войтъ, присяжный и старшій братъ. За ихъ здоровье Яць долженъ былъ выпить нѣсколько чарокъ сладкой водки, которую жидъ принесъ по уходѣ прочихъ. И самъ Мендель, отдавъ Яцю остатокъ водки, простился съ нимъ и пошелъ домой.

Когда всѣ гости разошлись, Яць почувствовалъ себя такимъ счастливымъ, здоровымъ, какъ никогда. Какая то пріятная теплота разлилась у него по всему тѣлу. Не осталось и слѣда недавней горячки. Онъ сидѣлъ на скамьѣ, облокотившись на столъ и сжимая въ своихъ объятіяхъ осуществившіяся мечты—милліонъ, который лежитъ вотъ тутъ въ запечатанномъ мѣшкѣ. Яць улыбался и произносилъ какія то несвязныя слова, старался что то припомнить и не могъ. Наконецъ онъ вспомнилъ, что надо запереть дверь, но не имѣлъ уже силъ встать.

— Э, что тамъ двери!—подумалъ онъ.—У меня милліонъ, милліонъ!

И при послѣднихъ словахъ онъ склонилъ голову на мѣшокъ и заснулъ. На стулѣ, противъ Яця, стоялъ *каганецъ*, напрасно силившійся заглянуть ему въ глаза своимъ колеблющимся свѣтомъ.

Вдругъ, нѣсколько минутъ спустя, тихо отворилась дверь и, осторожно ступая босыми ногами, вошелъ Мендель.

Онъ подошелъ къ спящему, осмотрѣлъ его и, спокойно подвявъ его локти, вынулъ мѣшокъ, всунувъ вмѣсто него лежавшее тутъ же круглое полѣно.

Съ мѣшкомъ подъ мышкой онъ направился къ двери, но тотчасъ же вернулся, взялъ со стола каганецъ и поставилъ его на землю, гдѣ со вчерашняго дня лежалъ разостланный снопъ соломы. Куча соломы лежала и подъ скамьей, на которой сидѣлъ Яць.

— Такъ лучше будетъ,—прошепталъ жидъ.—Слѣда не останется.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ хаты, замкнулъ въ сѣняхъ переднія двери, потомъ направился къ заднимъ, вышелъ на дворъ и засунулъ задвижку при помощи шнурка, привязаннаго къ ней и протянутаго сквозь дырку въ стѣнѣ наружу. Засунувъ задвижку, Мендель оборвалъ шнурокъ, такъ что каждому казалось, будто дверь заперта изнутри. Потомъ онъ исчезъ во тьмѣ.

— Осторожнѣе съ огнемъ!—кричалъ протяжнымъ голосомъ сторожъ, проходя по улицамъ. Вдругъ онъ взглянулъ на хижину, что стояла шагахъ въ ста въ сторонѣ отъ дороги.

— Что это тамъ старый хрѣнъ дѣлаетъ?—подумалъ онъ.— Неужели печь топитъ въ такую позднюю пору?

Но въ ту же минуту мысли его были прерваны.

Сильный свѣтъ, который наполнялъ жилище Яця, вдругъ прорвался огненными кровавыми языками на крышу сквозь окна и двери, охвативъ всю избу, запылавшую, какъ восковая свѣча.

— Горитъ, горитъ!—закричалъ во все горло сторожъ и побѣжалъ къ колокольнѣ, чтобы ударить на пожаръ.

На другой день толпа снова стояла у жилища Яця Зеленуги, но вмѣсто хаты было только черное пепелище. Одна глиняная четырехугольная печь бѣлѣлась среди печальныхъ руинъ. Изъ подъ нея вытащили на половину обгорѣвшій трупъ Яця. Очевидно, покойный, проснувшись среди огня, хотѣлъ спрятаться подъ печь, но не успѣлъ этого сдѣлать. Онъ влѣзъ только до половины; ноги и нижняя часть туловища сдѣлались жертвой огня. Зато лицо, прижатое къ землѣ, и руки были невредимы. Въ рукахъ, вмѣсто мѣшка съ деньгами, Яць держалъ толстое полѣно.

— Несчастный!—думали люди.—Вѣрно задремалъ надъ деньгами и столкнулъ каганецъ со стола на солому, а когда проснулся, то въ безпамятствѣ, вмѣсто того, чтобы спасать деньги, схватилъ полѣно. А деньги всѣ сгорѣли. Такъ видно самъ Богъ не давалъ ему счастья съ этимъ кладомъ!

А трупъ Зеленуги лежалъ среди двора, сжимая и послѣ смерти полѣно такъ сильно, что его съ трудомъ могли вынуть. Его посинѣвшее лицо съ выраженіемъ испуга было обращено къ небу и казалось, будто сквозь судорожно стиснутые зубы вотъ-вотъ вырвется горькая жалоба.

Миронъ.

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА IV.

У канцлера.

Стояла тихая, погожая весна 1646 года. Сады Варшавы цвѣли и благоухали; кокетливыя варшавянки ходили на легкѣ безъ тяжелой, неуклюжей зимней одежды, щеголяя высокими красивыми сапожками на каблукахъ. По одной изъ главныхъ улицъ ѣхалъ знакомый намъ сотникъ Богданъ рядомъ съ молодымъ статнымъ козакомъ, въ которомъ трудно было узнать маленькаго неуклюжаго Тимоша.

— Какъ долго ты не ѣхалъ! говорилъ Тимошъ: мы тебя ждемъ уже цѣлую недѣлю. Король ужъ не разъ присылалъ о тебѣ справляться; всѣ полковники уже съѣхались.

— Нельзя было, Тимошъ, никакъ нельзя было. Французы народъ хитрый; переговоры съ ними вести куда какъ трудно, а своихъ мнѣ тоже не хотѣлось обидѣть; изъ-за каждаго гроша торговля... Ну, а у насъ что новаго? Ты изъ Бродъ?

— Нѣтъ, домой заѣзжалъ.

— А что дома? Всѣ здоровы? Что дивчата? Что Марина?

— Что имъ дѣлается—лаконически отвѣчалъ Тимошъ.— Вотъ въ Бродахъ, татко, такъ новость: панъ коронный гетманъ умеръ.

---

1) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 5.

— Что, кто? въ испугѣ переспросилъ Богданъ.

— Да, панъ гетманъ.

— Вѣдь онъ недавно женился?

— Женился, — подтвердилъ Тимошъ, — такой добрый, веселый былъ, да вдругъ взялъ да и умеръ.

— Вотъ что не добре, такъ не добре! въ раздумьѣ проговорилъ Богданъ. Теперь и намъ, сынку, хуже станетъ.

— Теперь подстароста Чаплинскій всѣмъ распоряжается.

— Эхъ, не добре! съ досадою проговорилъ Богданъ. Надо мнѣ скорѣе на поклонъ къ новому старостѣ явиться. Гдѣ онъ теперь?

— Здѣсь, въ Варшавѣ. Я съ нимъ и пріѣхалъ. Какъ ты мнѣ велѣлъ, такъ я и сдѣлалъ; академію кончилъ и пріѣхалъ тебя встрѣчать.

— Слышалъ, слышалъ про твои успѣхи въ наукахъ. Ректоръ не разъ мнѣ на тебя жаловался, — съ укоризною замѣтилъ Богданъ. Въ дебошахъ ты былъ первымъ, а въ наукѣ чуть не послѣднимъ. Не по моему это, сынку! я въ юности учился хорошо, зато и теперь отъ пановъ почетъ.

Тимошъ смутился.

— Никакъ нельзя, татко; безъ бурсацкихъ набѣговъ и шалостей, чѣмъ бы бурсаки и живы были? Академія бѣдная, живи впроголодь, да еще долби латынь; тутъ никакая наука впрокъ не пойдетъ!

— Ну, добре! Что прошло, того не воротить, — махнувъ рукою, сказалъ Богданъ. А теперь ужъ не до науки. Что слышно въ Варшавѣ? Зачѣмъ король козаковъ требуетъ?

— Слухи ходятъ, а навѣрное никто ничего не знаетъ. Говорятъ, хочетъ послать на турокъ.

— Вотъ что! протянулъ Богданъ. Ну, а кто изъ полковниковъ пріѣхалъ?

— Нестеренко, Барабашъ, Ильяшъ.

— Ильяшъ-то, вотъ это плохо! Кто его подсунулъ.

— Извѣстно кто: покойный коронный гетманъ. Вѣдь, онъ у него чуть не первымъ лицомъ былъ!

— А развѣ панъ гетманъ тоже стоялъ за войну съ Турціею?

— Какъ же! онъ, да панъ канцлеръ коронный, да итальянцы.

— Какіе итальянцы?

— Да развѣ ты не слыхалъ? съ удивленіемъ спросилъ Тимошъ. Все это дѣло затѣялъ венеціанскій посолъ; а ему при дворѣ помогаетъ секретарь молодой королевы, да музыкантишка, да камердинеръ. Эти италіанцы, говорятъ, весь дворъ оплели.

— Гмъ! въ раздумьѣ проговорилъ Богданъ. Надо принять это къ свѣдѣнію. Надо сегодня же повидаться съ паномъ короннымъ канцлеромъ.

— Панъ канцлеръ теперь сильно занятъ, замѣтилъ Тимошъ.

— А что?

— Выдаетъ дочь замужъ.

— За кого?

— За молодаго Калиновскаго.

— Эге-ге! протянулъ Богданъ. Значитъ, теперь панъ воевода въ польные гетманы проскочитъ; надо къ нему забѣжать. Ну, а что другіе паны, согласны съ королемъ?

— Никто еще ничего не знаетъ. Панъ канцлеръ со своими италіанцами, какъ вьюнъ, вьется.

— Да, ты може брешешь? съ недовѣріемъ возразилъ Богданъ. Если никто не знаетъ, такъ откуда же ты то узналъ?

— Такъ, вѣдь, я не панъ, а козакъ. Панамъ знать не должно, а козакамъ можно. Съ польнымъ гетманомъ уже снеслись, и листы приповѣдные готовы, только печать приложить.

— Такъ ужъ если до этого дошло, то не можетъ быть, чтобы никто изъ пановъ не зналъ? возразилъ Богданъ.

— Вчера я слышалъ, что пронюхалъ про это великій канцлеръ литовскій.

— Ну, и что же?

— Не знаю. Говорятъ, ѣдетъ сюда.

— А еще кто здѣсь есть?

— Да всѣ почти: и Радзивиллы, и Сапѣги, и Любомирскіе, и Вишневецкіе и Опалинскіе; про нашего старосту я уже тебѣ говорилъ; панъ Калиновскій, конечно, здѣсь, а панъ Потоцкій на дняхъ пріѣдетъ.

— А когда назначена свадьба?

— Недѣли черезъ двѣ, въ двадцатыхъ числахъ мая.

Всадники въ это время подъѣхали ко дворцу великаго канцлера, гдѣ Богданъ расчитывалъ найти временный пріютъ. Едва только успѣли они отдохнуть съ дороги, какъ уже панъ канцлеръ прислалъ за нимъ своего пажа. Богданъ наскоро умылся, одѣлся и отправился по широкимъ лѣстницамъ дворца въ рабочій кабинетъ канцлера. Панъ Оссолинскій любилъ роскошь и щеголялъ ею передъ родовитыми панами, передъ которыми невольно чувствовалъ свое ничтожество. Генеалогическое дерево не могло похвалиться вѣтвями и подъ его тѣнью нельзя было укрыться отъ насмѣшекъ такихъ родовитыхъ пановъ, какъ Любомирскіе, Вишневецкіе, Радзивиллы. Его вліянію на короля всѣ завидовали и зло подсмѣивались надъ его стремленіемъ изобрѣсти небывалыхъ знаменитыхъ предковъ, не записанныхъ ни въ одну родословную книгу.

Богданъ смѣло и увѣренно шелъ по мозаичному полу, покрытому дорогими коврами, съ удовольствіемъ посматривая на драгоцѣнныя бронзы, прекрасныя картины, преимущественно италіанскихъ мастеровъ, и мраморныя статуи, выглядывавшія изъ темныхъ нишъ большаго зала. Онъ далъ знакъ лакею не слѣдовать за нимъ и съ увѣренностью человѣка, знающаго всѣ ходы и выходы въ канцлерскомъ дворцѣ, прошелъ длинную амфиладу парадныхъ комнатъ, завернулъ въ корридоръ и смѣло постучалъ въ дверь.

— Войдите! послышался голосъ канцлера.

Богданъ отворилъ дверь и вошелъ въ небольшой кабинетъ съ массивнымъ письменнымъ столомъ и высокими шкафами, заключавшими въ себѣ обширную библіотеку канцлера. Панъ канцлеръ кивнулъ ему головой на его низкій поклонъ и знакомъ пригласилъ его сѣсть. Они совѣщались часа два и, наконецъ, вставая въ знакъ того, что аудіенція кончена, панъ Оссолинскій сказалъ:

— Панъ сотникъ, конечно, остановится у меня и воспользуется моимъ гостепріимствомъ. Аудіенція у короля состоится на дняхъ; и затѣмъ я попросилъ бы пана сотника и его товарищей выждать окончанія переговоровъ. Наше дѣло трудное;

надо еще склонить пановъ, а къ этому представляется теперь случай, такъ какъ вся именитая Польша съѣдется на бракосочетаніе дочери моей Урсулы съ паномъ Самуиломъ Калиновскимъ.

— Осмѣливаюсь поздравить пана короннаго канцлера съ семейнымъ торжествомъ,—съ низкимъ поклономъ проговорилъ Богданъ—и принести ему мою почтительную благодарность за его милость; но я здѣсь не одинъ, мнѣ на встрѣчу выѣхалъ сынъ мой Тимошъ.

— А, протянулъ Оссолинскій: это тотъ бѣдовый запорожецъ? Ну, чтожъ? пусть потрется между панами, это послужитъ ему въ пользу, а наши панночки укротятъ его буйный нравъ.

— Не смѣю ослушаться пана великаго канцлера, проговорилъ Богданъ нерѣшительно и снова низко кланяясь. Но мой птенецъ еще истый бурсакъ и совсѣмъ не былъ въ образованномъ обществѣ; онъ будетъ плохимъ гостемъ вашей свѣтлости.

— Ничего! снисходительно возразилъ канцлеръ. Пооботрется, пріобрѣтетъ лоскъ! А панночкамъ будетъ любо увидѣть бурсака: имъ ужъ наши раздушенные паны порядкомъ надоѣли. Прошу милости ко мнѣ откушать сегодня,—прибавилъ онъ,—и съ сыномъ. Дочь у меня бойкая, она его живо воспитаетъ.

Богданъ не мечталъ о такой чести. Онъ даже не нашелъ что отвѣчать и, почтительно кланяясь, отретировался къ двери.

Канцлеръ же прошелъ на женскую половину и заглянулъ въ комнату дочери. Панна Урсула, невысокая, довольно полная брюнетка съ подвижнымъ лицемъ и развязными манерами, стояла у зеркала и примѣряла новый беретъ, стараясь спрятать подъ него непослушныя пряди волосъ, выбивавшіяся наружу. Панна очень гордилась своею густою шелковистою косою, да и вообще умѣла ловко пользоваться преимуществами молодости, красоты и богатаго изящества наряда.

— Рано, рано, дочка! улыбаясь замѣтилъ панъ канцлеръ, цѣлуя ея пышную нѣжную ручку. Или тебѣ надоѣла твоя коса, что ты хочешь поскорѣе ее упрятать?

Панна Урсула шутливо надула губки.

— Нѣтъ, отецъ! Но я не знаю, какъ я спрячу свою косу подъ такую маленькую шапочку. Посмотри, она совсѣмъ не лѣзетъ.

И панна кокетливымъ образомъ стала натягивать шапочку, сдѣлавъ при этомъ уморительную гримаску.

— Такъ ты отрѣжь косу-то! шутливо посовѣтовалъ отецъ.

— Вотъ еще! отозвалась панна. Тогда я буду похожа на татарку.

— Ну! тогда купи беретъ побольше

— На что это будетъ похоже? большой беретъ!

— Тогда я ужъ ничего тебѣ не могу посовѣтовать, какъ только по старомодному носить корабликъ.

— Ты все смѣешься, отецъ! протянула панна полушутливо, полусердито.

— А я пришелъ тебѣ сказать новость,—продолжалъ канцлеръ: сегодня у насъ будетъ обѣдать новый гость.

— Кто такой? съ любопытствомъ спросила панна.

— Запорожецъ, настоящій запорожецъ и при томъ бурсакъ, весело проговорилъ Оссолинскій. Особый родъ медвѣдя, котораго тебѣ придется приручить.

— Кто такой? запорожецъ? гдѣ? послышался звонкій голосъ въ дверяхъ.

И мощная фигура пани канцлеровой вплыла въ комнату, звеня браслетами, блистая кольцами и ожерельями.

Панъ канцлеръ почтительно поцѣловалъ у жены руку и проговорилъ:

— Совершенно вѣрно, ясновельможная пани! Настоящій запорожецъ, онъ чуть не съ пеленокъ бьется съ татарами, и при томъ бурсакъ, опустошавшій окрестности Бродъ.

— Гдѣ же онъ? спросила пани съ испугомъ озираясь.

— Онъ будетъ у насъ сегодня обѣдать, проговорилъ канцлеръ, забавляясь смущеніемъ женщинъ.

— Панъ Юрій всегда что-нибудь такое выдумаетъ, съ неудовольствіемъ возразила пани.

— Да! прибавилъ панъ канцлеръ, и углы его губъ слегка вздрагивали отъ смѣха: я попрошу и пани, и панну быть съ нимъ отмѣнно любезными, такъ какъ онъ и отецъ его мнѣ очень нужны.

— Зачѣмъ это пану понадобились запорожцы? сердито проворчала пани. Довольно того, что я сдѣлала два визита

этой гордянкѣ пани Радзивиллъ, довольно того, что принимаю Вишневецкихъ, которыхъ ненавижу и которые носятся со своею роднею Мнишками, какъ съ писаною торбою. Какая невидаль имѣть въ своей генеалогіи сперва любовницу, а потомъ жену самозваннаго царя.

— Пани забыла, что мы не одни! многозначительно проговорилъ отецъ, указывая глазами на дочь.

Впрочемъ Урсула, какъ благовоспитанная дѣвица, отвернулась и сдѣлала видъ, что ничего не слышала.

— Ну, что жъ такое? взволнованно продолжала пани: Урсула скоро будетъ женщиною и она можетъ знать, что есть на свѣтѣ любовницы, отравляющія семейное счастіе.

Тутъ уже панъ канцлеръ сдѣлалъ видъ, что не понялъ краснорѣчія своей супруги; улыбка на его лицѣ смѣнилась желчнымъ, раздражительнымъ выраженіемъ и, повернувшись къ двери, онъ рѣзко проговорилъ:

— Пани приметъ мои замѣчанія къ свѣдѣнію. У меня сегодня обѣдаетъ сотникъ Богданъ съ сыномъ его Тимоѳеемъ, а этого сотника самъ наияснѣйшій король удостоиваетъ своей милости; прошу сообразоваться съ моими указаніями.

Онъ вышелъ и сердито хлопнулъ дверью.

— Вотъ вы всегда такъ, ворчала Урсула; раскричитесь изъ за пустяковъ и разсердите отца. А мнѣ сегодня надо было просить его за пана Мартина, я обѣщала Самуилу, что сдѣлаю это. Какъ я теперь подступлюсь къ нему?

Пани совсѣмъ опѣшила: она была у дочери подъ башмакомъ и не выносила ея гнѣва.

— Да я же ничего, ципочка! Я только такъ! бормотала она, путаясь и запинаясь.

— Какая я вамъ ципочка! сердито крикнула та. Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что меня еще надо нянчить. Я лучше вашего понимаю всѣ дѣла и знаю, почему отецъ ухаживаетъ за запорожцами; а вы только вездѣ напутаете и вмѣшиваетесь, гдѣ васъ не спрашиваютъ.

— Да полно тебѣ сердиться! Ну, я не буду! Ну, я приму этихъ уродовъ, страшилищъ.

— И должны принять! сердито отрѣзала дочь. Его величество король не хуже насъ; а тѣмъ болѣе, что мнѣ сегодня непремѣнно надо отца настроить такъ, какъ этого желаетъ Самуилъ.

— А эти несносныя молдаванки тоже будутъ сегодня обѣдать у насъ? нерѣшительно спросила мать.

— Конечно, будутъ, вѣдь, мы же съ вами вмѣстѣ ѣздили ихъ приглашать! нетерпѣливо проговорила Урсула.

— Да онѣ, кажется, отказались!

— Ничуть, я упросила пани Радзивиллъ, и она обѣщала непремѣнно быть вмѣстѣ съ сестрой.

— Іезусъ Марія! глубоко вздохнула пани, принимая видъ покорной жертвы. Нельзя ли, чтобы у меня сегодня разболѣлась голова? Ты одна съ ними и справляйся.

— Вамъ всегда хочется сдѣлать мнѣ непріятность! проворчала дочь. Куда какъ будетъ прилично невѣстѣ хозяйничать одной безъ матери. Вы этого и не думайте. Вотъ когда я уйду изъ дому, тогда дѣлайте, что хотите.

Пани расчувствовалась: близкая разлука съ дочерью была ея больнымъ мѣстомъ. Урсула знала, чѣмъ на нее подѣйствовать.

— Ну, хорошо, хорошо, моя пташечка! согласилась пани, поднося платокъ къ глазамъ. Я знаю, что мнѣ недолго на тебя радоваться. Не сердись только, все для тебя сдѣлаю.

ГЛАВА V.

СОПЕРНИКИ.

Въ смежной со столовой небольшой диванной кучка знатной польской молодежи ожидала выхода канцлера и его семьи. Хотя обѣдъ и назывался семейнымъ, но къ нему было приглашено человѣкъ двадцать гостей, и Тимошъ, вошедшій въ эту минуту вмѣстѣ съ Богданомъ, почувствовалъ себя неловко между блестящимъ молодымъ шляхетствомъ. Вотъ почему онъ даже обрадовался, замѣтивъ Дмитрія Вишневецкаго. Онъ дру-

желюбно протянулъ ему руку, но гордый панъ, отвѣтивъ ему кивкомъ, презрительно отвернулся.

— Кто это? спросили князя Дмитрія паны.

— Не знаю! солгалъ князь Дмитрій: козакъ какой—то.

Онъ вовсе не желалъ сообщать товарищамъ обстоятельства своего знакомства съ Тимошемъ и теперь менѣе, чѣмъ когда—либо, желалъ съ нимъ встрѣтиться.

— Однакоже онъ, кажется, знаетъ князя? проговорилъ юный Калиновскій, недолюбливавшій князя за его высокомѣріе и замѣтившій его смущеніе.—Онъ, кажется, протянулъ князю руку?

— Можетъ быть, онъ меня и видѣлъ гдѣ нибудь; эти хлопы предерзкій народъ. Я удивляюсь пану канцлеру, съ какой стати онъ пригласилъ этихъ козаковъ.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату князь Янушъ Радзивиллъ и, поздоровавшись съ молодыми людьми, кивнулъ головою Богдану, отвѣсившему низкій поклонъ.

— Панъ гетманъ знаетъ этого сотника? съ любопытствомъ спросила молодежь.

— Да, это Богданъ Хмельницкій. Онъ только что вернулся изъ Парижа. А съ нимъ, вѣроятно, его сынъ.

— Какъ здоровье ея свѣтлости? освѣдомился кто-то изъ молодежи.

— Жена моя теперь совсѣмъ здорова, отвѣчалъ Янушъ съ поклономъ. Она на женской половинѣ вмѣстѣ со своею сестрою, пріѣхавшей къ намъ погостить.

Князь Дмитрій при этихъ словахъ вспыхнулъ.

— Домна Локсандра здѣсь, въ Варшавѣ? не удержался онъ отъ вопроса.

— Князь, кажется, несовсѣмъ равнодушенъ къ прекрасной княжнѣ? замѣтилъ Янушъ. Я помню, какъ князь Дмитрій два года тому назадъ за нею ухаживалъ; но тогда она была едва распустившійся бутонъ, а теперь... Бѣдный князь Дмитрій; что будетъ съ его сердцемъ?

— А домна Локсандра, дѣйствительно, такъ прекрасна, какъ о ней говорятъ? спросилъ одинъ изъ шляхтичей.

— О, она цвѣтетъ, какъ роза, и привѣтлива, какъ день!

восторженно сказалъ Янушъ, искоса посматривая на Вишневецкаго, пощипывавшаго свой усъ.

— Однако, панъ гетманъ слишкомъ восторженно говоритъ о свояченицѣ, шутливо замѣтилъ кто-то.

Всѣ засмѣялись. Дмитрій закусилъ губу и, угрожающе взглянулъ на Януша.

Тотъ снисходительно потрепалъ его по плечу.

— Его сіятельству не къ чему меня вызывать на поединокъ: я его соперникомъ не буду; страстныя женщины не въ моемъ вкусѣ. А слыхали про пана Тарновскаго? обратился онъ къ остальнымъ, стараясь замять разговоръ.

— Опять кого-нибудь убилъ? спросилъ молодой шляхтичъ.

— На его душѣ такъ много преступленій, продолжалъ другой, что однимъ больще—это ничего не значитъ.

— Паны знаютъ, что онъ поступилъ въ духовное званіе и получилъ санъ священника? На пасхѣ онъ пригласилъ къ себѣ своего домоваго ксендза разговляться и началъ по обыкновенію кощунствовать. Ксендзъ ушелъ, а панъ въ догонку закричалъ ему, чтобы онъ ждалъ его къ вечернѣ. Ждетъ, ждетъ ксендзъ въ церкви,—нѣтъ пана, онъ и началъ служить вечерню. Вдругъ входитъ панъ со слугами и начинаетъ тутъ же въ церкви бить ксендза батогами; ксендзъ бросился бѣжать, панъ догналъ его, прокололъ его саблей и дотѣхъ поръ сверлилъ въ ранѣ, пока тотъ не умеръ.

Послышались восклицанія и удивленія.

— Однакожъ, ужъ это слишкомъ смѣло! Это, пожалуй, дойдетъ и до сейма.

— Что-же онъ испугался, опомнился?

— Развѣ паны не знаютъ пана Тарновскаго? Онъ тутъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, велѣлъ принести священническія одежды и самъ, въ качествѣ священнослужителя, предалъ погребенію тѣло усопшаго раба такого-то.

— Вѣдь не можетъ же это ему сойти съ рукъ? Кто же нибудь на него донесетъ.

— Кто же донесетъ? Ни вы, и ни я, и ни третій, и ни десятый; а хлопы будутъ молчать, потому что никому

изъ нихъ не желательно отправиться въ царство небесное за ксендзомъ.

— Да, страшный человѣкъ этотъ панъ Тарновскій—замѣтилъ князь Дмитрій. Я слышалъ, что онъ со своею челядью грабитъ на большой дорогѣ.

— Этого я не знаю,—замѣтилъ Янушъ. Врядъ-ли благородный шляхтичъ рѣшится на разбой.

— А правду говорятъ, что у пана великаго канцлера живетъ шляхтичъ, потомокъ того знаменитаго Богдана, который жилъ у князя Острожскаго? спросилъ князь Дмитрій.

— Какого Богдана? освѣдомился Янушъ.

— Онъ могъ съѣсть за завтракомъ цѣлаго жаренаго поросенка, гуся, двухъ каплуновъ, три ковриги хлѣба и цѣлый сыръ, а запивалъ все это двумя гарнцами меду.

Всѣ засмѣялись.

— Вотъ такъ аппетитъ! Но ужъ послѣ такого завтрака онъ, конечно, не могъ сойти съ мѣста и не обѣдалъ?

— Ни чуть не бывало! За обѣдомъ онъ съѣдалъ кусковъ десять говядины, да телятины и баранины постольку же, еще жаренаго поросенка, гуся и каплуна, не отказывался и отъ свиной туши; меду, вина и горѣлки выпивалъ гарнца четыре, а пиво—безъ счета, какъ воду.

— Ну, ужъ это совсѣмъ невѣроятно, замѣтилъ Янушъ.

— Клянусь честью, что не лгу! Мой дѣдъ и отецъ сами видѣли его у князя.

— Чтоже, онъ былъ толстъ?

— Нѣтъ, представьте, длинный и сухощавый и такой силачъ, что тридцати человѣкамъ съ нимъ было не справиться.

— И вы говорите, что внукъ этого человѣка теперь живетъ у пана канцлера?

Князь Дмитрій не успѣлъ отвѣтить, какъ дверь распахнулась, и на порогѣ показался Оссолинскій подъ руку съ княгиней Радзивиллъ и домной Локсандрой. За ними слѣдовали Урсула съ матерью и еще нѣсколько шляхтянокъ. Княгиня недавно пріѣхала въ Варшаву и почти никого еще не знала изъ присутствовавшей польской молодежи. Ея стройная, статная, величе-

ственная фигура невольно внушала уваженіе, и молодежь почтительно раскланялась съ ней, не дерзая даже цѣловать руки. Но на домнѣ Локсандрѣ сосредочились взоры всего общества. Высокая, стройная, гибкая, съ огненными взглядами, съ алыми смѣющимися губами и роскошною косою, переплетенною цвѣтами и монетами по обычаю ея страны, въ ярко-синей юбкѣ, изящно оттѣнявшей красивую бахраму передниковъ и богатое шитье бѣлой рубашки, въ шитыхъ золотомъ сапожкахъ съ переплетомъ, она являлась какою то сказочною царевной изъ „Тысячи и одной ночи".

Князь Дмитрій съ восторгомъ не спускалъ съ нея глазъ и поворачивалъ за нею голову, какъ подсолнечникъ за солнцемъ.

Желая особенно почтить нужнаго ему сотника, панъ Оссолинскій представилъ дамамъ Богдана и его сына наравнѣ съ прочими гостями; Тимошу показалось, что онъ никогда не видывалъ такой красавицы. Домна Локсандра невольно вспыхнула подъ нескромнымъ взглядомъ молодаго козака.

— Татко, прошепталъ Тимошъ, тихонько толкая отца локтемъ: и родятся же на свѣтѣ такія чаровницы! За такою дивчиною и въ огонь, и въ воду прыгнешь.

— Эге, братику! Это ты гдѣ научился дивчатъ разбирать? Въ бурсѣ, что-ли?

Тимошъ ничего не отвѣтилъ; онъ слѣдилъ глазами за подвижною княжною, говорившею въ полголоса съ князёмъ Дмитріемъ.

— Татко! проговорилъ Тимошъ, а кто она такая?

— Дурню! съ досадою проворчалъ Богданъ. Это не нашего полета птица. Молдавская княжна, сестра княгини Радзивиллъ.

Тимошъ вздохнулъ и промолчалъ. Степенный дворецкій указывалъ между тѣмъ мѣста гостямъ и, къ великому удивленію и Тимоша, и самого Богдана, посадилъ его между панной Урсулой и домной Локсандрой. Боясь, не произошло ли какого либо недоразумѣнія, Богданъ тихонько спросилъ дворецкаго, туда ли велѣно было посадить его сына. Дворецкій полупрезрительно, полунасмѣшливо посмотрѣлъ на сотника.

— Я никогда не путаю приказаній! дерзко отвѣчалъ онъ. Состарѣлся на службѣ знатнымъ панамъ; свое дѣло знаю!

Панна Урсула съ лукавой усмѣшкою посматривала на своего сосѣда слѣва и украдкой шепнула что то своему жениху, сидѣвшему справа. Тотъ тоже скосился въ сторону козака и тоже усмѣхнулся. Князь Дмитрій сидѣлъ противъ, немного наискосокъ между пани хозяйкою и хорошенькою варшавянкою, дальнею родственницею пана канцлера. Но онъ мало заботился о своей сосѣдкѣ; его грызли зависть, гнѣвъ, злоба. Цѣлыхъ два года не видѣть предмета своей страсти, получать о любимой дѣвушкѣ только отрывочныя безтолковыя свѣдѣнія пана Кутнарскаго, оставшагося по настоянію князя на службѣ у молдавскаго господаря, и теперь, когда случай такъ нечаянно свелъ ихъ, издали ею любоваться, между тѣмъ какъ этотъ дерзкій козакъ сидитъ подлѣ, пьетъ ея дыханіе, смотритъ въ ея очи, можетъ говорить съ ней; это уже слишкомъ! Князь Дмитрій готовъ былъ вскочить, крикнуть, какъ ужаленный, заплакать, какъ ребенокъ.

— Князь что то невеселъ? съ кокетливою улыбкою обратилась его собесѣдница. Нездоровится князю? Я уже три раза обращалась къ нему съ вопросомъ, а онъ меня не слышитъ.

Князь Дмитрій угрюмо взглянулъ на молодую дѣвушку и въ душѣ пожелалъ ей провалиться.

— Что угодно паннѣ Францишкѣ? холодно спросилъ онъ.

— Я спрашиваю князя, нравится ли ему домна Локсандра?

— Панна слишкомъ любопытна—спокойно отвѣтилъ князь, стараясь сдѣлать видъ, что занятъ кускомъ баранины, лежавшимъ у него на тарелкѣ.

Тимошъ, очутившись среди двухъ дѣвушекъ, почувствовалъ невообразимое смущеніе. Языкъ у него точно прилипъ къ гортани, и онъ не зналъ, съ чего начать разговоръ. Пана Урсула вывела его изъ затрудненія.

— Панъ Тимошъ ужъ, кажется, былъ на Сѣчи? спросила она его, изподтишка подмигивая жениху. Видѣлъ татаръ и бился съ ними?

— Н-да, процѣдилъ Тимошъ.

Великолѣпная панна смущала его еще больше княжны; онъ чутьемъ понималъ, что она въ душѣ надъ нимъ посмѣивается.

Домна Локсандра робко подняла на него глаза.

— Я ужасно боюсь этихъ татаръ, сказала она: они часто опустошаютъ границы нашего княжества, жгутъ, рѣжутъ и калѣчатъ людей. Панъ такой молодой, неужели онъ уже бился съ ними?

Нѣжный, пѣвучій голосъ дѣвушки сразу успокоилъ Тимоша. Онъ безъ страха взглянулъ въ добрыя, глубокія глаза дѣвушки и встрѣтилъ въ нихъ столько доброжелательства, столько ласки, что живо овладѣлъ своимъ смущеніемъ и началъ описывать походъ на буджаковъ съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, что заставилъ и Урсулу внимательно слушать. Щеки Локсандры разгорѣлись, она предлагала вопросъ за вопросомъ; ея живой пытливый умъ быстро схватывалъ и усваивалъ разсказъ козака, въ воображеніи ея рисовались живо степь, ширь, свобода, битвы и побѣды; въ ней заговорила албанская кровь, и ей хотѣлось самой быть козакомъ, все это видѣть и испытать самой.

— Какъ чудесно, какъ хорошо! восклицала она.

— А панъ Тимошъ хорошо ѣздитъ верхомъ? вставила Урсула.

— Не знаю, застѣнчиво отвѣчалъ Тимошъ: управлять конемъ я привыкъ съ дѣтства, а, право, я не умѣлъ бы сказать, хорошо ли я ѣзжу или нѣтъ.

— Я слышалъ про него, какъ про отличнаго, неутомимаго наѣздника, вмѣшался панъ Самуилъ. Говорятъ, онъ можетъ на всемъ скаку поднять съ земли какую угодно вещицу, будь то хоть самая мелкая монета.

— Ой, ой! удивилась Урсула. Это правда, панъ Тимошъ?

— Это вовсе не такъ трудно! отвѣчалъ Тимошъ. Этому мы, козаки, учимся отъ татаръ.

Князь Дмитрій, давно уже проклинавшій въ душѣ и краснорѣчіе соперника, овладѣвшаго вниманіемъ дѣвицъ, и явную благосклонность, оказываемую княжною этому козаку, не выдержалъ и вмѣшался въ разговоръ:

— Я бы совѣтовалъ паннамъ не слишкомъ довѣрять козацкимъ разсказамъ; хваленые подвиги хлоповъ раздуты ими же самими. А гдѣ теперь всѣ эти ихъ хваленые герои, гдѣ Павлюкъ, гдѣ Гуня, гдѣ Скиданъ, гдѣ Остряница? Одни постыдно бѣжали и пользуются милостью, служа холопами московскому

царю, другіе не избѣжали рукъ правосудія и подверглись достойной казни.

Что-то дрогнуло въ душѣ Тимоша, когда онъ глазами смѣрилъ своего противника и холодно, спокойно отвѣтилъ:

— Князю Дмитрію менѣе, чѣмъ кому либо, слѣдовало такъ выражаться о хлопахъ. Если онъ сидитъ теперь здѣсь, то этимъ онъ только обязанъ великодушію хлоповъ; а силою, кажется, онъ тоже пробовалъ съ ними мѣряться.

Князь Дмитрій никакъ не ожидалъ такого отпора. Дерзкій хлопъ напомнилъ ему то, чего онъ не любилъ вспоминать даже наединѣ съ самимъ собою. Онъ вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ и, стиснувъ зубы, пробормоталъ:

— Мы съ тобою разсчитаемся!

— А князь Дмитрій бился съ хлопами и былъ ими побѣжденъ? съ наивнымъ участіемъ спросила Вишневецкаго его красивая сосѣдка, нарочно стараясь говорить громко.

Князь уткнулся въ тарелку и пробормоталъ что то, боясь новыхъ разъясненій со стороны Тимоша.

— Бѣдный князь! проговорила неотвязчивая панна. А я думала, что онъ такой же искусный боецъ, какъ и любезный кавалеръ!

— Нельзя быть любезнымъ со всѣми въ мірѣ,—отвѣчалъ князь.

Панна съ язвительною улыбкою отвернулась отъ него и завязала разговоръ съ сосѣдомъ, сидѣвшимъ по лѣвую ея руку.

— Послѣ обѣда мы попросимъ пана канцлера позволить намъ состязаться въ скачкѣ, сказалъ Самуилъ, а прелестныя панны увѣнчаютъ побѣдителя.

— Ахъ, да! это такъ хорошо! воскликнула панна Урсула: только для этого мы поѣдемъ на нашу виллу. Не правда ли, домна Локсандра, это прелестно? Хотя вы и не увидите у насъ такой роскошной природы, какъ въ Молдавіи, а все же теплый воздухъ, немножко зелени, черешни въ цвѣту, распускающіеся розаны,—все это лучше душной городской залы.

Домна Локсандра вполнѣ согласилась со своею собесѣдницею.

ГЛАВА VI.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Послѣ обѣда панна Урсула, ластясь къ отцу, какъ кошка, упросила его устроить загородную прогулку. Панъ канцлеръ былъ ею доволенъ за ея любезность съ козаками и Локсандрою, и потому далъ свое согласіе; но отказался сопутствовоть молодежи, ссылаясь на дѣла. Началась веселая суматоха: дворецкому приказано взять ужинъ, причемъ будущій зять хлопоталъ, чтобы побольше взяли вина.

Богданъ отвелъ Тимоша въ сторону, не разсчитывая на приглашеніе, но панна Урсула подъ руку съ Локсандрою подошла къ нимъ и любезно сказала:

— Панъ Хмельницкій, конечно, не откажется сопутствовать намъ; мы надѣемся полюбоваться его ловкостью на скачкахъ.

Тимошъ нерѣшительно посмотрѣлъ на панну; на губахъ его уже вертѣлся отказъ, но прекрасная молдаванка вскинула на него глазами, и этотъ взглядъ точно обжегъ его съ головы до ногъ. Онъ молча поклонился въ знакъ согласія. А сотникъ, польщенный вниманіемъ, отвѣтилъ за него:

— Прекрасныя панны совсѣмъ избалуютъ моего бурсака.

— Если всѣ бурсаки такіе интересные, бойко отвѣтила Урсула, то я бы хотѣла познакомиться со всею бурсою. Не правда-ли, княжна? прибавила она, сбоку взглянувъ на свою спутницу.

Локсандра ничего не отвѣтила, только чуть—чуть улыбнулась, и снова взглянула на молодаго козака, а тотъ покраснѣлъ до ушей.

Панъ канцлеръ, между тѣмъ, отвелъ въ сторону князя Януша и, присѣвъ съ нимъ къ низенькому столику въ оконной нишѣ, велѣлъ слугѣ подать вина.

— Его свѣтлость, великій канцлеръ литовскій, говорятъ, скоро прибудетъ въ Варшаву? спросилъ онъ его.

— Да, князь Альбрехтъ пріѣдетъ въ концѣ этой недѣли и остановится на этотъ разъ у насъ — съ нѣкоторою гордостью проговорилъ Янушъ.

Онъ гордился независимымъ положеніемъ своего родственника.

— Я хотѣлъ просить вашу свѣтлость замолвить пану канцлеру словечко о дѣлахъ, сильно интересующихъ ихъ величества короля и королеву.

Князь принялъ мрачный видъ; онъ зналъ, о чемъ завелъ рѣчь Оссолинскій, но, какъ искусный дипломатъ, хотѣлъ дать ему высказаться.

— Какъ извѣстно пану гетману, началъ канцлеръ вкрадчиво и тихо, турки—общіе враги наши и Италіи. Венеціанскій посолъ предлагаетъ намъ вмѣстѣ двинуться на турецкія владѣнія?...

— Самъ Богъ вѣдаетъ, кто изъ нихъ большій намъ врагъ! возразилъ Янушъ. Этотъ вертлявый италіанецъ, что умѣлъ черезъ своихъ соотчичей попасть во дворецъ, не могъ даже положить къ ногамъ ея величества сколько-нибудь цѣннаго подарка, когда онъ былъ ей представленъ. Какую же помощь намъ могутъ оказать эти венеціанцы, не знающіе даже чувства долга и приличія?...

Великій канцлеръ немного съежился и оторопѣлъ; онъ не былъ приготовленъ къ такому категорическому отпору.

— Но ея величество королева сильно сочувствуетъ этому предложенію; она даже ассигнуетъ деньги изъ своей кассы....

— Знаю я, какъ она сочувствуетъ, перебилъ Янушъ, горячась. Это участіе ей подсказано.... Я бы не совѣтовалъ пану канцлеру мѣшаться въ эти дѣла, это повредитъ его репутаціи.... А князь Альбрехтъ, навѣрно, противъ всей этой исторіи, затѣянной италіанцами; за это я могу поручиться канцлеру всѣмъ, чѣмъ угодно.

Пану Оссолинскому оставалось только одно—затронуть новую тему для разговора.

Молодежь, между тѣмъ, собралась и, весело перекидываясь шутками и остротами, высыпала на крыльцо, гдѣ дамъ ожидали экипажи съ ливрейными лакеями и почетною стражею жолнеровъ, а мужчинъ—ихъ кони. Черезъ часъ уже все общество разсѣялось по зеленой лужайкѣ, окружавшей виллу, и слуги разносили фрукты, конфекты и сласти.

Домна Локсандра сѣла на ступеньку широкой террасы, а Тимошъ помѣстился у ногъ ея. Они вели оживленный разговоръ.

Локсандра разсказывала про Молдавію, про плодовые лѣса, про тучныя поля пшеницы и маиса, про молдавскіе нравы, про народные праздники.

— Когда у насъ бываетъ засуха — говорила она — наши крестьяне выбираютъ маленькую дѣвочку, надѣваютъ на нее рубашку, сплетенную изъ древесныхъ листьевъ и травъ, около этой дѣвочки собираются другія дѣти и водятъ ее вокругъ посохшихъ полей. Они поютъ пѣсню папалугѣ....

— Что это такое папалуга? спросилъ Тимошъ.

— Не знаю, должно быть—богъ дождя. А когда хлѣбъ созрѣетъ, продолжала Локсандра, тогда самая красивая дѣвушка деревни изображаетъ драгайку, богиню плодородія. Ей надѣваютъ вѣнокъ изъ колосьевъ, увѣшиваютъ ее пестрыми платками, даютъ ей въ руки ключи отъ амбаровъ и житницъ и съ пѣніемъ и пляскою водятся по сосѣднимъ деревнямъ. Если же кто родится, то молятся урбителямъ.

— А это что такое? освѣдомился Тимошъ.

— Это, богини, могущія одарить новорожденнаго и хорошими, и дурными качествами, сдѣлать его счастливымъ или несчастливымъ.

Тимошъ засмѣялся.

— Когда княжна родилась на свѣтъ, родители ея, вѣрно, усердно молились урбителямъ. Оттого панна и вышла такая пригожая, удачливая и счастливая.

— Нѣтъ, промолвила домна Локсандра, вздохнувъ: я совсѣмъ не счастливая, вотъ сестра такъ счастливая; а мнѣ цыганка давно предсказала несчастіе.

Тимошъ весело взглянулъ на нее.

— Цыганка лгала, сказалъ онъ: я тоже умѣю колдовать. Пусть панна дастъ мнѣ свою маленькую ручку, я ей разскажу ея судьбу.

Локсандра наивно и довѣрчиво протянула ему свою ладонь.

Онъ дотронулся до тонкихъ длинныхъ пальцевъ, и какое-то странное, никогда имъ не испытанное чувство, что-то жгучее, веселое, шаловливое охватило его.

— Панну полюбятъ двое, говорилъ онъ, самъ не сознавая, что говоритъ. Одинъ знатный, другой простой. Если панна вый-

деть за знатнаго, у нея будетъ все, кромѣ любви; если за простаго—у я небудетъ любовь и больше ничего.

Густая цвѣтущая черешня скрывала ихъ отъ взоровъ остальныхъ, и благоухающіе лепестки ея сыпались на смуглаго козака, державшаго руку княжны.

— Кого же княжна выберетъ? спросилъ Тимошъ и тихо сжалъ тонкіе пальцы.

Княжна испуганно взглянула ему въ глаза, вспыхнула, быстро отдернула руку и, какъ лань, въ два прыжка соскочила съ террасы.

Тимошъ постоялъ еще съ минуту, потомъ провелъ рукою по волосамъ и тоже спустился въ садъ.

— На турниръ! на турниръ! проговорилъ Самуилъ. Мы тамъ установимъ порядокъ скачекъ.

Дамы помѣстились въ высокой бесѣдкѣ, прилегавшей къ садовой оградѣ, а состязавшаяся молодежь вскочила на коней и установилась съ небольшимъ версту до перваго поворота, гдѣ во избѣжаніе недоразумѣній вбили колъ. Дорога тянулась прямою линіею, и дамы могли отлично слѣдить за состязавшимися.

Тимошъ, князь Дмитрій, панъ Самуилъ и еще два шляхтича были во второмъ ряду; въ первомъ ряду было пятеро молодыхъ шляхтичей, изъ которыхъ двое прискакали одновременно первыми къ столбу. По заранѣе составленному условію побѣдители перваго ряда должны были еще разъ состязаться съ побѣдителями втораго ряда. По данному знаку тронулся и второй рядъ; но еще на первой четверти версты Тимошъ и Дмитрій оставили товарищей назади. Тимошъ точно дразнилъ своего противника: онъ то пропускалъ его впередъ, то вдругъ быстро опережалъ и, ставъ на стремена, вертѣлся кругомъ на одномъ мѣстѣ, какъ вьюнъ, поджидая князя, вонзавшаго шпоры въ бока коня и изо всѣхъ силъ старавшагося догнать козака.

Домна Локсандра заалѣла отъ восторга. Ей не разъ приходилось присутствовать на придворныхъ скачкахъ въ Молдавіи, но никогда она не видала такого искуснаго наѣздника; казалось, конь и всадникъ слились въ одно и сообща подтрунивали надъ противникомъ. И такимъ жалкимъ казался Локсандрѣ теперь

этотъ противникъ, тщетно стараясь догнать вихрь, настичь степнаго орла, которому ничего не стоило на послѣдокъ описать съ быстротою молніи полукругъ около коня противника, очутиться за коломъ, круто повернуть и спокойно стать у цѣли, между тѣмъ какъ князь Дмитрій, задыхаясь отъ гнѣва, волненія и стыда едва еще достигалъ послѣднюю четверть версты.

Молодежь окружила Тимоша и подсмѣивалась надъ княземъ.

Третье состязаніе не состоялось, такъ-какъ всѣ единодушно признали Тимоша побѣдителемъ. Тимошъ скромно подъѣхалъ къ бесѣдкѣ и снялъ шапку. Панна Урсула въ качествѣ хозяйки предоставила честь увѣнчать побѣдителя своей молодой гостьѣ. Домна Локсандра смутилась.

— Какъ же мнѣ его надо наградить? Я не знаю обычаевъ страны.

— Вамъ слѣдуетъ дать ему какую нибудь бездѣлку на память—подсказала Урсула.

Домна Локсандра взглянула на него; сердце ея странно забилось, маленькая ручка задрожала, когда она подала ему отшпиленную отъ волосъ розу.

У князя Дмитрія помутилось въ глазахъ, онъ зашатался въ сѣдлѣ и крѣпко сжалъ въ рукѣ эфесъ сабли.

— Князю дурно? участливо спросилъ Самуилъ, взглянувъ на помертвѣлое лице Дмитрія.

— Да, я немного усталъ, проговорилъ князь, проводя по лицу рукою и стараясь оправиться.

Тимошъ прижалъ цвѣтокъ къ губамъ, а глаза его метнули такой огонь, что домна Локсандра невольно потупилась. Она весь остальной вечеръ была необыкновенно разсѣяна и задумчива.

Вернувшись домой и оставшись наединѣ съ сестрой, она вдругъ совершенно неожиданно разрыдалась.

— Что съ тобою? заботливо спрашивала сестра. Ты больна? Обидѣлъ тебя кто-нибудь? Сказалъ тебѣ кто нибудь колкость? эти полячки такія злыя; скажи мнѣ, моя дѣвочка! ласкала она сестру: я имъ отомщу за тебя, я ихъ никого не боюсь.

— Нѣтъ, нѣтъ! рыдала Локсандра: онѣ всѣ были добры ко мнѣ.

— Въ чемъ же дѣло? въ недоумѣніи спрашивала княгиня.

— Зачѣмъ я княжна? вырвалось вдругъ у Локсандры. Зачѣмъ, зачѣмъ я княжна? какъ я несчастна....

И она разрыдалась еще сильнѣе.

ГЛАВА VII.

З е л и м а.

Прошло два года. Великія событія совершались въ Украинѣ. Пепелъ потушенныхъ возстаній разгорѣлся съ новою силою, и пожаръ охватилъ все, не исключая и Польши. Во главѣ возстанія сталъ Богданъ Хмельницкій, въ нѣсколько мѣсяцевъ достигшій такой силы, какою не пользовался ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему козацкихъ атамановъ.

Въ бахчисарайскомъ дворцѣ все кипѣло оживленіемъ. Ханъ Исламъ Гирей рѣшилъ, наконецъ, отпустить Тимоша, сына козацкаго гетмана, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бывшаго у него заложникомъ, и вмѣстѣ съ нимъ посылалъ въ помощь гетману орду подъ начальствомъ Карабча-мурзы. Самъ ханъ разсчитывалъ двинуться позже; онъ все еще не довѣрялъ смѣлымъ замысламъ гетмана и колебался между Польшею и козаками.

Ханъ сидѣлъ въ роскошно убранной аудіенцъ-залѣ, окруженный мурзами съ ихъ свитами и многочисленною стражею. Онъ вручилъ Тимошу отпускную грамоту, милостиво допустилъ его къ рукѣ и сказалъ:

— Прощай, богатырь! Скажи отцу твоему, что мы искренно тебя полюбили; намъ жаль разставаться съ тобой. Когда вы побьете ляховъ и успокоитесь, пріѣзжай опять къ намъ ужъ не заложникомъ, а гостемъ, и мы всегда тебѣ будемъ рады!

— Ваше ханское величество! проговорилъ съ низкимъ поклономъ Тимошъ: дозвольте рабу вашему сказать смѣлое слово.

— Говори! милостиво разрѣшилъ ханъ.

— Что мнѣ сказать отцу отъ имени вашего величества о вашемъ прибытіи въ козацкій лагерь?

Брови Исламъ Гирея сдвинулись. Онъ сурово посмотрѣлъ на молодаго козака, помолчалъ немного и, наконецъ, отвѣтилъ, отчеканивая слова:

— Мы посылаемъ съ тобою Карабча-мурзу; это все, что мы можемъ теперь сдѣлать для друга нашего Богдана. Мы не зависимъ сами отъ себя, а разрѣшенія великой Порты у насъ еще нѣтъ. Такъ и скажи твоему отцу. А теперь прими отъ насъ прощальные подарки: кафтанъ, коня и саблю—и будь здоровъ!

Величественнымъ жестомъ ханъ отпустилъ Тимоша, и козакъ оставилъ аудіенцъ-залу, окруженный знакомыми мурзами и агами. Одни жали ему руку по козацкому обычаю, другіе кланялись по восточному, приложивъ руки ко лбу или къ сердцу, третьи просили передать поклоны и порученія роднымъ и знакомымъ, находившимся въ Тугай-беевой ордѣ. Тимошъ, видимо спѣшилъ поскорѣе освободиться и уѣхать. На дворѣ уже ржали кони, а Карабча-мурза, получившій прощальную аудіенцію наканунѣ, ждалъ его въ назначенномъ пунктѣ за городомъ. Наконецъ докучливые знакомые его оставили, такъ какъ они должны были ожидать выхода хана, а маленькому отряду почетной стражи Тимошъ привѣтливо махнулъ рукой, давая знать, что желаетъ уйти изъ дворца одинъ. Ходы и корридоры, ведшіе къ выходу, были ему хорошо знакомы, не даромъ онъ былъ постояннымъ гостемъ хана; стража его только стѣсняла, ему хотѣлось скорѣе пробѣжать къ выходу, и онъ озирался, будто боясь чьего либо преслѣдованія.

Вдругъ изъ темнаго корридора отдѣлилась фигура, закутанная чадрою и молча стала на пути.

— Зелима! смущенно прошепталъ Тимошъ и отступилъ назадъ.

— Ты уѣзжаешь? проговорила молодая татарка, откинувъ чадру съ заплаканнаго лица. Коварный гяуръ! ты ѣдешь и даже не нашелъ времени проститься со мною. Гдѣ же твои клятвы, твои увѣренія? Или любви твоей только и хватило на три новолунія?

Тимошъ стоялъ молча, опустивъ голову, и смущенно оглядывался по сторонамъ.

Онъ боялся, что кто-нибудь изъ прислуги, кто-нибудь изъ знакомыхъ застанетъ его, и думалъ только объ одномъ, какъ-бы ему отдѣлаться отъ этого непріятнаго свиданія.

— Что же ты молчишь, измѣнникъ? гнѣвно подступила къ нему Зелима. Не ты ли мнѣ говорилъ, что останешься здѣсь до лѣта; не ты ли увѣрялъ меня; что возьмешь меня съ собою и женишься на мнѣ; я бы всюду пошла за тобою, я бы оставила вѣру, сдѣлалась бы козачкой, научилась бы всему, что дѣлаютъ ваши жены, стала бы молиться твоему Богу, была бы твоей рабой, лишь бы ты только позволилъ мнѣ слѣдовать за собою.

Тимошъ, дѣйствительно, въ порывѣ первой молодой страсти многое наобѣщалъ Зелимѣ, сиротѣ, воспитанницѣ Карабчи-мурзы; онъ зналъ, что сдѣлалъ дурно, но сдѣланнаго не воротишь.

— Зелима! проговорилъ онъ наконецъ: я самъ не думалъ, что уѣду такъ скоро. Нельзя же мнѣ тебя везти съ собою, когда мы ѣдемъ воевать съ ляхами.

— Отчего же ты мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ? Отчего ты уѣзжаешь тайкомъ, не простившись, не подумавъ о томъ, что бѣдная Зелима выплачетъ себѣ очи съ тоски по тебѣ?

— Я и хотѣлъ проститься съ тобою, да нельзя было, некого было послать въ гаремъ. Не отъ меня зависѣло видѣться съ тобою.

— Меня не пускали, держали взаперти, я и сегодня едва вырвалась. Мнѣ вчера сказала старая Олелька, что козаки уѣзжаютъ.

Тимошъ мысленно послалъ къ черту болтливость Олельки; онъ разсчитывалъ, что Зелима узнаетъ позже объ его отъѣздѣ и забудетъ его.

— Прощай же, Зелима! торопливо сказалъ Тимошъ; меня ждутъ, мнѣ надо ѣхать! Зелима со стономъ бросилась къ нему на грудь.

— Возьми меня съ собою! я умру безъ тебя! прошептала она.

— Зачѣмъ умирать? проговорилъ Тимошъ: можетъ быть, мы еще и увидимся. Ханъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ гости, когда мы управимся съ ляхами.

Зелима недовѣрчиво подняла на него глаза.

— Слушай, козакъ! сказала она. Ты укралъ мое сердце и теперь смѣешься надо мною. Лучше скажи правду, что я тебѣ не мила, что ты хочешь меня бросить.

— Кто тебѣ говоритъ, что ты не мила! возразилъ Тимошъ: но не могу же я себя пришить къ твоей юбкѣ, когда родина зоветъ меня. Ну, прощай же! заторопился онъ, поцѣловавъ Зелиму. Прощай! насъ могутъ тутъ увидѣть.

Отъ отнялъ ея руки и торопливыми шагами, почти бѣгомъ направился къ выходу.

Зелима долго стояла на одномъ мѣстѣ, какъ окаменѣлая, съ неподвижнымъ взоромъ и стиснутыми зубами. Потомъ медленно, машинально опустила чадру и скрылась въ корридорахъ, соединявшихъ гаремъ съ половиною хана.

— Позабудетъ! утѣшалъ себя козакъ, усаживаясь въ сѣдлѣ. Выйдетъ за стараго Агу-Мастафу; онъ давно приговаривается купить ее у Калги, и будетъ счастлива по своему. Не тащить же ее съ собою на Украйну!

Однако, какъ онъ ни успокаивалъ себя, образъ неподвижной Зелимы невольно вставалъ передъ нимъ укоромъ, и онъ вздрагивалъ, точно его посѣтило привидѣніе.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; въ теченіе ихъ Богданъ Хмельницкій еще болѣе усилился и, какъ грозный мечъ, висѣлъ надъ панами, избравшими по смерти Владислава королемъ его брата Яна Казиміра.

Выжидая послѣдствій этого избранія, Хмельницкій спокойно сидѣлъ въ Переяславѣ, переписывался съ иностранными державами и принималъ ихъ пословъ.

Стояло погожее зимнее утро, когда Богданъ послѣ аудіенціи, данной одному изъ посланныхъ Исламъ-Гирея, велѣлъ позвать къ себѣ Тимоша.

Тимошъ вошелъ въ комнату и по сумрачному лицу отца замѣтилъ, что онъ чѣмъ-то не доволенъ.

— Поди-ка сюда, хлопецъ! проговорилъ Богданъ сыну, строго посматривая изъ—подъ густыхъ бровей. Ты что тамъ натворилъ въ Крыму? Я тебя оставилъ при дворѣ хана, чтобы ты изучилъ татарскіе обычаи, завелъ знакомство съ вліятельными татарами, а ты какими науками тамъ занимался?

Тимошъ быстро сбоку посмотрѣлъ на отца. „Какъ это онъ узналъ?“ мелькнуло у него въ головѣ. „И что онъ узналъ? Можетъ быть—что другое?“

— О чемъ ты говоришь, татко? уклончиво возразилъ онъ: я въ толкъ не возьму?

— Вижу, непонятливъ сталъ хлопецъ! сердито проговорилъ отецъ. А то, можетъ, и память у тебя отшибло? А вотъ какъ возьму эту нагайку и, несмотря на то, что за двадцать тебѣ перевалило, начну тебя учить, такъ и память у тебя прояснится и понятливость явится.

Съ искаженнымъ отъ гнѣва лицемъ Богданъ схватилъ нагайку и замахнулся на сына.

Тимошу были не въ рѣдкость такія вспышки отца; за последнее время нравъ его сталъ необыкновенно перемѣнчивъ: то онъ веселился не въ мѣру, то плакалъ, какъ ребенокъ, то предавался гнѣву, топалъ ногами и грозилъ всѣхъ стереть съ лица земли, то дѣлался мрачнымъ, не довѣряя ни себѣ, ни другимъ. Тимошъ зналъ, что легче всего обезоружить отца хладнокровіемъ и благоразуміемъ. Онъ уклонился отъ удара и хладнокровно проговорилъ:

— Прежде чѣмъ бить, татко, скажи хоть за что? Може тебѣ и наплели на меня?

У Богдана опустилась рука.

— За что? проговорилъ онъ: за то, чтобы ты не путался съ татарками, а о дѣлѣ думалъ. Слушай, что мнѣ сегодняшній посолъ передалъ. Та татарка, съ которой ты тамъ шашни завелъ, какъ стали припуждать ее замужъ выйти, и разсказала всю исторію старшей ханулѣ Калги, а какъ посадили ее на хлѣбъ и на воду, сбѣжала. Все это дошло до хана, и мнѣ теперь изъ за тебя выговоръ.

Тимошъ стоялъ молча, опустивъ голову. Ему было стыдно передъ отцемъ и жалко Зелимы; онъ не зналъ, что отвѣчать.

— Чтожь ты уставился въ землю, словно каменный? проговорилъ Богданъ.

— Виноватъ, татко! отвѣчалъ Тимошъ покорно.

— То-то виноватъ! уже мягче проговорилъ отецъ. Ты ви-

новатъ, а я отвѣчай, да еще, пожалуй, эта сумасшедшая татарка сюда прибѣжитъ. Или ты и вправду на ней жениться задумалъ? прибавилъ онъ, пытливо смотря на сына.

Тимошъ нерѣшительно вертѣлъ въ рукахъ шапку.

— Не знаю, татко! проговорилъ онъ.

— Ну, коли ты не знаешь, то я за тебя знаю. Великому гетману всея Украйны не пристало женить сына на не христіанкѣ, да еще и не на родовитой. Я для тебя иную невѣсту намѣтилъ. Поэтому ты блажь изъ головы выкинь. Прибѣжитъ эта татарка сюда, мы ее обратно отправимъ.

— Да я, татко, объ ней больше и не думаю, проговорилъ Тимошъ.

— И добре, сынку! совсѣмъ размягчившись, подтвердилъ Богданъ?

— А княжну молдавскую забылъ? спросилъ онъ, помолчавъ.

-- Ты же самъ мнѣ приказалъ объ ней не думать! не безъ ехидства отвѣтилъ Тимошъ.

— То было время, а теперь мы можемъ летать, какъ хотимъ, высоко. Тимошъ опустилъ глаза. Передъ нимъ ясно сталъ образъ молодой красавицы, и сердце его тревожно забилось.

— Ты шутишь, татко? недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Какія тутъ шутки! Молдавскій господарь присылалъ ко мнѣ пословъ, проситъ прислать ему козаковъ въ помощь противъ безпокойныхъ сосѣдей. Вотъ тебѣ и случай. Я дамъ тебѣ козаковъ. Хочешь—можешь и татаръ съ собой прихватить: другъ твой Карабча, конечно, не откажется помочь тебѣ. Поѣзжай къ князю Василію, помоги ему и проси руки княжны; на это я даю тебѣ мое отцовское благословеніе.

Тимошъ съ радостью согласился и пошелъ къ Карабчѣ-мурзѣ приглашать его въ походъ.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

Изъ старинныхъ формъ побратимства и товарищескихъ союзовъ до настоящаго времени уцѣлѣли лишь немногіе обрывки сябринства, толоки, парубоцкихъ и нищенскихъ братствъ. Сравнительно-этнографическій очеркъ побратимства мы помѣщаемъ въ другомъ изданіи. Въ настоящемъ изслѣдованіи ограничиваемся лишь краткими замѣчаніями о южнорусскихъ обычаяхъ сябринства и толоки и общественныхъ союзахъ на старинныхъ братскихъ началахъ.

176.

Сябры.

Слово сябръ въ значеніи соучастника встрѣчается въ древнихъ русскихъ юридическихъ памятникахъ, напр., въ Псковской судной грамотѣ. На сябринномъ началѣ владѣли бортьями и рыболовными угодьями (*Аристовъ*, Промышл. др. Руси, 30, 36). Сябринное землевладѣніе въ старинное время встрѣчалось въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ славянскихъ земляхъ. Въ послѣднее время сябринство обратило на себя серьезное вниманіе изслѣдователей старипнаго русскаго быта (статьи г. *Лучицкаго*, г. *И. Новицкаго*, г-жи *Ефименко*). По мнѣнію г. Лучицкаго (въ „Сѣверн. Вѣст." 1889 г., кн. 1 и 2), сябринство являлось особымъ видомъ общиннаго владѣнія, основанномъ первоначально на кровномъ родствѣ, путемъ наслѣдованія отъ общаго предка, или на названномъ братствѣ, а въ позднѣйшее время пе-

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 5.

решедшее на договорное начало между людьми посторонними. Въ Малороссіи начало кровной связи сябровъ держалось еще въ XVIII ст. въ сознаніи народа; но уже и въ это время сталъ обнаруживаться переходъ сябринства въ товарищескую торговую сдѣлку на паяхъ, съ полученіемъ опредѣленной доли изъ суммы доходовъ. Долевое участіе каждаго изъ совладѣльцевъ при дальнѣйшемъ дробленіи опредѣлялось сообразно съ той долей, какая причиталась ближайшему его предку. Участники общаго владѣнія могли переуступить свои доли, цѣликомъ или извѣстную ихъ часть, другимъ совладѣльцамъ, а съ согласія прочихъ сябровъ и постороннимъ лицамъ. Каждый изъ сябровъ имѣетъ голосъ въ сябринныхъ собраніяхъ и въ распредѣленіи угодій (*Новицкій*, въ Кіев. Стар. 1889, VII, 300).

Работами проф. Лучицкаго вызвано обширное изслѣдованіе А. Я. Ефименко „О дворищномъ землевладѣніи въ южной Россіи", которое было прочитано въ засѣданіи харьковскаго историко-филологическаго общества 8 октября 1889 г. Г-жа Ефименко расходится съ проф. Лучицкимъ въ опредѣленіи происхожденія и значенія сябриннаго землевладѣнія. Древнѣйшей и основной формой землевладѣнія г-жа Ефименко считаетъ дворищное землевладѣніе, существованіе котораго незыблемо устанавливается для XVI ст. множествомъ актовъ, изданныхъ виленской археогр. коммиссіей (переписными книгами старостствъ и т. п.). Это дворищное землевладѣніе, по внутреннему складу своему, вполнѣ подходитъ къ сѣверному долевому владѣнію, впервые объясненному въ соч. г-жи Ефименко „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ". Установивъ тождество между сѣвернымъ долевымъ владѣніемъ и западно-русскими дворищами, г-жа Ефименко изложила судьбу долеваго владѣнія въ лѣвобережной Украинѣ съ половины XVII в., разложеніе его и ростъ подворнаго личнаго землевладѣнія. Сябры, по мнѣнію г-жи Ефименко, представляютъ обломки тѣхъ же дворищъ; только во внутренней организаціи ихъ играетъ большое значеніе договорное начало (а не кровное родовое). Общины, по мнѣнію г-жи Ефименко, не было въ Малороссіи ни въ XVIII ст., не видно ея здѣсь и ранѣе.

Вопросъ о современномъ положеніи сябринства не выясненъ этнографіей. Несомнѣнно, что какъ слова сябръ, сябрина, шаберъ, такъ и выражаемыя ими архаическія правовыя отношенія кое-гдѣ

сохраняются въ Южной Россіи. Такъ, въ ахтырскомъ у. харьков. губ. сябрами называются крестьяне, покупающіе въ складчину съ цѣлью продажи на барышъ муку, медъ и т. п., причемъ доходъ дѣлится, согласно съ произведенными затратами. Родственныя связи при этомъ не играютъ никакой роли.

177.

Толока.

Толокою въ Малороссіи называется такая гуртовая работа, за которую работающіе не требуютъ платы, а дѣлаютъ ее за хорошее угощеніе. Работа, исполняющаяся толокою, слѣдующая: косьба сѣнокосовъ, возка дерева изъ лѣса, перевозка сѣна и т. д. Если бѣдному человѣку понадобится для чего либо скотъ, то онъ проситъ его у другаго хозяина, и за то долженъ потомъ отработать, „послухае на одынъ день молотыть". Если же бѣдняку нужно перевезти хату или вывезть дерева на хату, тогда ему помогаютъ толокою даже богатые люди (*Чубинскій*, VI, 74). Тожественный обычай встрѣчается въ другихъ странахъ. Такъ, въ Болгаріи подъ словомъ „тляка" извѣстна обычная форма взаимной помощи, когда при спѣшной работѣ созываютъ сосѣдей помогать. На толокѣ въ Болгаріи работаетъ почти одна молодежь (*Боевъ*, въ Сборн. матер. по этн., изд. Дашк. этн. муз., I, 11, 13). Подобнаго рода обычай существуетъ у чеченцевъ и ингушей. Если какой-нибудь домохозяинъ видитъ, что онъ справиться съ своей землей не можетъ своими силами, онъ приглашаетъ своихъ одноаульцевъ на помощь. Отказаться отъ такого приглашенія считается крайне позорнымъ. Пригласившій обязанъ по окончаніи работы угостить помогшихъ ему; угощеніе устраивается на самомъ мѣстѣ производства работы и сопровождается пѣніемъ и пляской. Кромѣ помощи въ сельскихъ работахъ, житель аула получаетъ еще помощь своихъ одноаульцевъ при постройкѣ новой сакли: весь аулъ сбѣгается къ нему и старается по силамъ помочь строющему; въ благодарность за это строющій обязанъ угостить весь аулъ (*Н. Харузинъ*, ib. III, 133). У кавказскихъ горскихъ евреевъ считается священнымъ долгомъ помогать ближнему въ

случаѣ нужды, если не матеріально—деньгами, то работою рукъ своихъ. Такихъ обязанностей очень много между горцами; но особенно заслуживаютъ вниманія различныя собранія, которыя ставятъ своею задачею помогать бѣднымъ и неуспѣвающимъ въ работѣ, помогать деньгами сиротамъ, ухаживать за больными и пр. Сборища съ цѣлью помогать неуспѣвающимъ въ хозяйственныхъ работахъ или тѣмъ, которые желали бы окончить поскорѣе свои дѣла въ ожиданіи какого-либо торжества, называются „булка“ и составляются молодежью, парнями и дѣвушками. Къ такимъ булки относятся сборища для рубки мяса на зиму и выниманія жилъ изъ него, для шитья одежды новобрачнымъ, для смазыванія и бѣленія новыхъ жилищъ, для очищенія лука, чесноку и кукурузы, для сбора плодовъ и пр. Каждый употребляетъ здѣсь для ближняго свои молодые силы и работаетъ нѣсколько ночей съ истиннымъ рвеніемъ (*Анисимовъ*, ib. 254).

178.

Разбойничія братства.

Обычай соединяться въ товарищескія группы иногда вытекалъ изъ необходимости самозащиты отъ сосѣдей или изъ желанія грабежа. У разныхъ народовъ существовалъ обычай, что храбрые люди вступали въ побратимство военнаго или разбойничьяго характера. Изъ такихъ побратимствъ мало-по-малу развились военныя и разбойничьи товарищества, наиболѣе крупнымъ историческимъ выразителемъ которыхъ является Запорожье. Съ паденіемъ Запорожья побратимство продолжало жить въ гайдамачествѣ, преимущественно среди галицкихъ опрышковъ. Опрышки, подобно запорожцамъ, называли другъ друга „пане брате, товарышу, побратиме“. Въ первой половинѣ XVIII ст. въ Покутьѣ было еще много опрышковъ. Положеніе этого края, на границахъ трехъ государствъ, наполненнаго большими горами и непроходимыми лѣсами, весьма благопріятствовало разбоямъ. Если одинъ ватагъ (атаманъ) послѣ грабежа, сдѣланнаго въ Покутьѣ, былъ преслѣдуемъ властями или разбитъ, онъ отступалъ въ Волощину (Молдавію), откуда другой ватагъ и побратимъ его приходилъ къ нему на помощь. Если они обое при встрѣчѣ съ войска-

ни терпѣли пораженіе, то разбитые отступали къ своимъ побратимамъ въ Угріи и находили у нихъ помощь или убѣжище. Въ первой половинѣ XVIII в. опришки развелись по всему Заднѣстровью и образовали свои побратимства. Вездѣ по всему Покутью до самаго Днѣстра были у нихъ по селамъ присяжные побратимы, сообщники, товарищи и друзья, которые доставляли имъ съѣстные припасы и помогали разбойникамъ въ нападеніи и грабежѣ. Въ 1704 г. ватагъ Пискливый водилъ шайки по Волощинѣ и Угріи, а его побратимъ Пинто грабилъ въ Угріи и на Покутьѣ (*Головацкій*, Гал. пѣсни, I, 708).

Съ развитіемъ гражданственности и культуры разбойническое побратимство отошло въ область преданій. Наиболѣе яркія воспоминанія о немъ сохраняются среди галицко-русскаго населенія. Въ народныхъ пѣсняхъ: „Есть насъ не мало... того товариства, якъ у лѣсѣ Медоборѣ буковаго листа“; „На що тобѣ, пане брате, торбыну таскаты, лѣпше тобѣ, пане брате, людей розбиваты“, или:

> Чи видишъ ты, пане брате, за лѣсомъ могила?
> Чи ты умрешъ, чи новиснешъ, разъ маты родыла! (*Головацкій*, ib. 708—710).

Военное побратимство встрѣчается въ настоящее время среди осетинъ (*Ковалевскій*, Совр. обыч. и древ. зак. II, 314), черногорцевъ и сербовъ (*Миличевич*, Живот срба сeљака, 14). У сербовъ церковь приняла побратимство въ свое вѣдѣніе, и въ старинныхъ сербскихъ рукописяхъ встрѣчается „чинъ братотворенію“, въ которомъ обозначено, что читать изъ Посланій апостольскихъ и св. Евангелія при церковномъ освященіи побратимства. Въ молитвѣ, составленной спеціально для „чина братотворенія“, между прочимъ, говорится: „Владыко Господи... яже избралъ еси светіе свое ученики и славніе свое апостолы Петра и Павла, Филипа и Вареоломея..., св. муч. Сергія и Вакха брата быти не оузою сьродною нь вѣрою духовною и любовію, даждь и рабомъ твоимъ симъ (име рек) любити другъ друга независтно“ (*Миличевич*, ib. 11).

179.

Нищенскія братства.

Нищенскія товарищества и братства въ древности имѣли цѣлью не только сборъ подаянія, но также помощь другъ другу при странствованіяхъ на богомолье по русскимъ монастырямъ и къ святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ. Въ духовныхъ стихахъ калики изображаются богатырями; они выбираютъ себѣ атамана, милостыню берутъ не рублемъ, не полтиной, а цѣлыми тысячами; отъ крика ихъ дрогнетъ сыра земля. Изъ древнихъ русскихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что предполагаетъ извѣстную организацію. Такъ и въ 1283 г. въ курской области татарами были „переимани и переходници, иже ходятъ по землямъ милостыни просяще"; татары не нашли въ нихъ ничего опаснаго и отпустили ихъ (*Л. Майковъ,* Матер. по стар. рус. литер. I, 41).

Остатки нищенскихъ братствъ встрѣчаются въ сѣверной и въ южной Россіи. Въ „*Новомъ Времени*" 1888 г. г-нъ Куликовскій сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ артеляхъ калѣкъ и нищихъ въ олонецкомъ краѣ. Въ олонецкой губерніи по переписи 1886 г. считалось слѣпыхъ на оба глаза 961 д. обоего пола. Вотъ эти слѣпцы и другія калѣки составляютъ артели, которыя выпрашиваютъ себѣ пропитаніе именемъ Христовымъ. Лѣтомъ такія артели обходятъ сосѣднія и даже дальнія селенія и города; онѣ знаютъ гдѣ и когда бываютъ ярмарки. Зимою „артель, состоящая изъ двухъ, трехъ и четырехъ семействъ, доходящая до 6, 8, 10 и болѣе человѣкъ, ѣдетъ на одной лошади, не только кормясь и ночуя по всѣмъ деревнямъ безвозмездно, но даже и сѣно для лошади нищенски выпрашивая по дворамъ. Артель „Христа-ради" получаетъ печеный хлѣбъ, зерновой, толокно, ленъ, горохъ и т. п. Печеный хлѣбъ на мѣстахъ же ночевокъ разрѣзывается на куски, сушится на сухари и по пріѣздѣ домой дѣлится между артельщиками по паямъ, какъ и горохъ, ленъ и пр. Всѣ артельщики, безъ различія пола и возраста получаютъ по одному паю; тотъ же, которому принадлежитъ лошадь и сани, получаетъ два пая; если лошадь принадлежитъ одному, а сани другому, то два пая получаетъ имѣющій лошадь, а сани въ

разсчетъ не идутъ. Рѣдкая артель не имѣетъ въ средѣ своей знахаря, колдуна или колдуньи, которые и главенствуютъ въ артели. Знахарь или знахарка, при хожденіи за милостыней, не прочь помочь ближнему, чѣмъ умѣетъ: приворожить кого либо къ кому либо, „отсушить", мыть дѣвицъ для славы, отъ „глазу", лѣчить и т. п.; такая особа, кромѣ денегъ, платья и обуви, и всю прочую милостыню получаетъ въ высшемъ количествѣ. Артель это хорошо понимаетъ и даетъ колдуну два пая: какъ обыкновенному артельщику и за волховство. Деньги, одежда и обувь, выпрошенныя тѣмъ или другимъ артельщикомъ, въ дѣлежъ не идутъ".

П. С. Ефименко говорилъ уже на страницахъ „Кіевской Старины" (1883 г., X, 312—317) о братствахъ и союзахъ нищихъ въ Малороссіи, по двумъ источникамъ: 1) замѣтки о нищенскихъ цехахъ въ Минскихъ Епархіальн. Вѣдом. и 2) личнымъ сообщеніямъ М. Д. Линды. Въ замѣткѣ говорится, что въ с. Семежовѣ слуцк. у. минск. губ. существуетъ нищенскій цехъ съ выборнымъ цехмистромъ, особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ, причемъ вся организація нищенскаго цеха, за исключеніемъ особаго языка, напоминаетъ организацію ремесленныхъ и церковныхъ братствъ. Въ сообщеніи г. Линды приведенъ разсказъ одного старика нищаго о нищенскихъ собраніяхъ, причемъ нищіе обрисованы чертами, напоминающими отчасти каликъ перехожихъ. Такъ, здѣсь говорится, что нищіе привели одного козака въ середину своего табора, гдѣ сложены были на ряднахъ цѣлыя горы пряженыхъ, смаженыхъ и пр. печеній, между которыми былъ и столбецъ коржей, высотой съ человѣка. Козакъ, выпивъ чарку горилки, ткнулъ пикой въ столбецъ, прокололъ его до низу, поднялъ на верхъ и умчался. Нищіе, числомъ тысячъ до трехъ, бросились догонять его и, конечно, не догнали (ib. 315). Это роскошное угощеніе болѣе идетъ древнимъ каликамъ перехожимъ, которые заходили во „дворы княженецкіе" и носили „полсумочья рыта бархата". Кромѣ того въ сообщеніи г. Линды находится указаніе, что въ концѣ 50-хъ годовъ въ подольской губерніи ватаги нищихъ ходили щедровать и колядовать.

Къ этимъ даннымъ, собраннымъ П. С. Ефименкомъ, добавлю двѣ, три мелкихъ подробности, извлеченныхъ изъ Историко-статистическаго описанія черниговской епархіи (архіеп. Филарета). Въ

заштатномъ г. черниговск. губ. Березномъ въ старину былъ старечій цехъ, изъ нищихъ, жившихъ въ шпиталѣ; они дѣлали приношенія въ церковь (V, 139). Въ томъ же городѣ былъ старечій шинокъ, построенный въ 1682 г. (VI, 252). Село Покошичи черниг. губ. славилось нищенской школой (V, 402). Кое-что изъ нищенскихъ братствъ сохранилось до настоящаго времени, напр. выборъ старосты, но самой характерной чертой стариннаго общиннаго устройства нищихъ можно признать особый жаргонъ, о которомъ въ послѣднее время неоднократно говорилось въ „Кіевской Старинѣ" (статьи г. *Боржковскаго* и г. *Николайчика*). Не имѣя намѣренія останавливаться въ настоящее время на этомъ жаргонѣ, я въ дополненіе къ статьямъ поименованныхъ авторовъ укажу еще на слѣдующія статьи: 1) *Сцепуры*, Словарь нищенскаго языка с. Семежова слуцк. у. минск. губ. въ Минск. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 17 и въ Зап. Акад. Наукъ, 1881, т. 37; 2) *А. Ѳ. Бычкова*, Отзывъ о Словарѣ свящ. Сцепуры въ Зап. Акад. Н. 1881, т. 37; 3) *В. В. Иванова*, въ Статистич. Листкѣ 1883 г. хорошая статья о невляхъ и большой словарь ихъ нищенскаго жаргона и 4 и 5) двѣ замѣтки въ польскомъ этнографическомъ журналѣ *Wisła* 1888, № 3 и 1890 г., № 1, стр. 152—153). При изученіи нищенскаго жаргона въ особенности любопытнымъ въ историко-культурномъ отношеніи представляется рѣшеніе двухъ вопросовъ: во первыхъ, въ чемъ выражается оригинальность жаргона, другими словами, какія приставки, сокращенія и передѣлки употребляются для искаженія общеизвѣстныхъ словъ и, во вторыхъ, въ чемъ состоитъ инородческій элементъ этого жаргона, другими словами, насколько въ немъ обычны слова цыганскія, молдавскія, татарскія и нѣмецкія.

180.

Цеховыя братства.

Въ старинной Малороссіи ремесленники сплачивались въ цехи, или союзы, основанные въ отношеніи юридическомъ, на магдебургскомъ правѣ, по существу отвѣчавшіе потребности народа въ орга-

низаціи на началахъ товарищества и братства. Цеховыя братства имѣли денежные капиталы, которые составлялись изъ условленныхъ годовыхъ членскихъ взносовъ, изъ штрафовъ за ослушаніе и неисправности въ ремесленной работѣ и изъ пожертвованій частныхъ лицъ, напр., изъ тѣхъ пожертвованій, которые поступали за цеховое погребеніе умершаго нецеховаго. У цеховъ было свое выборное начальство, свои годовые праздники, свое знамя и особый кодексъ руководящихъ правилъ. Цеховые помогали въ нуждѣ другъ другу и оказывали пособіе церкви. Цехмейстеры наблюдали, чтобы цеховые работали хорошо; захожіе ремесленники должны были уплачивать налогъ въ пользу цеха или сдѣлать пожертвованіе на мѣстную церковь. Выборные отъ цеха люди исполняли въ церкви пономарскую обязанность, звонили въ колокола въ торжественные дни, наблюдали за церковными починками и чистотой въ церкви. За это они пользовались уваженіемъ мѣстнаго сельскаго общества, и пользовались нѣкоторыми льготами (освобождались отъ военнаго постоя, поставки подводъ и т. п.). Кое-гдѣ еще сохранились обломки стараго цехового устройства ремесленниковъ. Такъ, въ заштатномъ городѣ черниговской губерніи Березномъ (въ 36 верстахъ отъ Чернигова), по старинному благочестивому обычаю, цехи ткацкій, калачницкій и кравецкій подаютъ по большой свѣчѣ во всѣ церкви города въ Свѣтлое Воскресенье, въ Рождество Христово и на Покровъ Богородицы; цехъ шевскій (сапожническій), болѣе другихъ богатый, даетъ свѣчи во всѣ церкви, какъ и цехи кравецкій, кушнирскій, рѣзницкій и ковальскій (*Филаретъ*, Ист.-ст. опис. черн. еп. V, 139). Въ с. Олишевкѣ козелецкаго уѣзда черниг. губ. сохраняются два цеха, торговый и ремесленный. Цехи состоятъ изъ парубковъ. У нихъ есть „цехмейстеръ", который имѣетъ свой значекъ—камышевую палку съ серебряною головкой. Въ будніе дни значекъ хранится въ церковной ризницѣ. Въ каждомъ цехѣ имѣется шесть большихъ зеленыхъ свѣчей, которыя зажигаются въ праздники. Цеховые становятся на срединѣ церкви по три, одинъ за другимъ. Въ большіе праздники двое изъ цеховыхъ съ горящими свѣчами входятъ въ алтарь, одинъ въ сѣверныя, другой въ южныя двери; тамъ стоятъ они по сторонамъ престола, до окончанія чтенія Евангелія, а потомъ выходятъ къ своему цеху (*Филаретъ*, V. 273).

Въ мѣстечкѣ Шаргородѣ подольской губерніи, одномъ изъ древнихъ городовъ Подоліи, который всегда пользовался магдебургскимъ правомъ, безъ ограниченія его помѣщичьей властью, цеховое устройство имѣетъ громадное вліяніе до настоящаго времени на нравственное состояніе общества: цехъ простираетъ свой контроль на проявленія безнравственности въ семейной жизни (*Заря*, 1884, № 280). Въ большомъ и торговомъ мѣстечкѣ Дунаевцахъ подольской губ. цеховое устройство сохранилось въ большой чистотѣ, со многими архаическими чертами. Каждогодно, около 8 января, каждый цехъ избираетъ себѣ новаго цехмейстера или утверждаетъ стараго. Обрядъ избранія происходитъ слѣд. образомъ: за три дня до выборовъ цехового старшины, выносится изъ дома цехмейстера хоругвь, сдѣланная изъ шелковой или шерстяной матеріи. На хоругви посрединѣ вышитъ крестъ изъ галуна или изъ матеріи другого цвѣта, чѣмъ хоругвь. Хоругвь каждаго цеха отличается вышитымъ внизу особымъ цеховымъ значкомъ, эта хоругвь ставится у воротъ цехового старшины. При этомъ цехмейстеръ выдаетъ паробкамъ, принадлежащимъ къ его цеху, значокъ (цешку), которая дѣлается изъ дерева и своимъ видомъ напоминаетъ о ремеслѣ извѣстнаго цеха, наприм., сапожническая имѣетъ видъ сапожка, скорняжская сдѣлана на подобіе круглаго ножа; рѣзницкая на подобіе обыкновеннаго ножа; ткацкая—на подобіе челнока и проч. Эта цешка украшается вокругъ барвинкомъ и ягодами калины. Ее носятъ паробки по домамъ ремесленниковъ, принадлежащихъ къ извѣстному цеху, и этимъ даютъ знать, чтобы всѣ члены извѣстнаго цеха собирались въ назначенный день въ домъ своего цехмейстера для избранія новаго или утвержденія стараго цехмейстера. Собравшіеся въ извѣстный день цеховые ремесленники требуютъ отъ своего старшины годичнаго отчета въ приходѣ и расходѣ цеховыхъ денегъ, поступившихъ въ теченіе года въ кружку отъ опредѣленныхъ взносовъ и штрафовъ; повѣряютъ, есть-ли всѣ цеховыя свѣчи. Эти свѣчи, сдѣланныя изъ желтаго воска, употребляются при богослуженіи въ торжественныхъ случаяхъ. По окончаніи повѣрки, приступаютъ къ избранію новаго или утвержденію стараго цехмейстера, что совершается такъ: зажигаютъ вечеромъ цеховыя свѣчи и съ цеховою хоругвію обводятъ новаго цехмейстера вокругъ домовъ ремесленниковъ извѣстнаго цеха. Въ прежнее время обводили цехмейстера

со всѣмъ церемоніаломъ вокругъ мѣстечка. Послѣ этого отправляются въ домъ новоизбраннаго, который долженъ угостить своихъ избирателей. Новоизбранному старый цехмейстеръ передаетъ всѣ вещи, принадлежащія цеху, какъ-то: хоругвь, которая помѣщается въ домѣ цехмейстера въ почетномъ углу, кружку, свѣчи и цешку. На другой день снова собираются въ домъ новоизбраннаго, чтобы разсудить о дѣлахъ цеха. На обязанности цехмейстера лежитъ завѣдывать извѣстнымъ цехомъ, судить съ другими почетными ремесленниками виновныхъ, налагать на нихъ штрафы, которые, поступая въ цеховую кружку, расходуются на поддержаніе цеховыхъ свѣчей и на годичную попойку при избраніи цехмейстера. Предъ выборами старый цехмейстеръ проситъ священника отслужить въ извѣстный день божественную литургію о здравіи живыхъ съ панихидой объ упокоеніи усопшихъ братій и сестеръ, принадлежавшихъ его цеху, для чего каждый цехъ имѣетъ свой особый помянникъ (*Заря*, 1884, № 280).

Въ м. Хомутцахъ миргородскаго у. полтав. губ. существуетъ гончарный цехъ. О времени основанія этого цеха нѣтъ письменныхъ свѣдѣній. Вступившій въ гончарскій цехъ, по традиціонному обычаю, не долженъ ни убивать животныхъ, ни снимать кожъ съ палыхъ; иначе его „вытрутъ зъ бумаги", т. е. вычеркнутъ изъ списковъ. Цехъ имѣетъ крестъ съ изображеніемъ Распятаго Христа и св. Николая (патрона); этотъ крестъ и цеховая скринька находятся всегда въ домѣ цехмистра. Гончары имѣютъ въ приходской церкви кіотъ съ образомъ св. Николая, нѣсколько хоругвей и содержатъ 4 ставника, которые ежегодно возобновляютъ къ праздникамъ Воскресенія Христова, Троицы, Покрова и Рождества Христова. Общія собранія цеха бываютъ во время рождественскихъ и свѣтлыхъ праздниковъ въ домѣ цехмистра. Въ теченіе года бываютъ экстренныя сходки для принятія новыхъ членовъ или для суда надъ виновнымъ въ кражѣ глины, который подвергается денежному штрафу въ скрыньку 1—2 руб. Цехъ владѣетъ на правѣ собственности участкомъ земли около 8 десятинъ съ залежами гончарной глины. Среди глинищъ есть большой деревянный крестъ, выкрашенный масляною краской, съ небольшой оградой. Черезъ каждые два года происходитъ освященіе глинищъ, съ молебствіемъ и водосвятіемъ при крестномъ ходѣ. Поступающій въ цехъ угощаетъ братчиковъ и

вноситъ въ скриньку 1 р. 50 к. Къ гончарскому цеху приписались нѣсколько десятковъ хозяевъ, не занимающихся гончарствомъ (*Василенко*, въ „Кіевск. Стар." 1885, X, 165).

181.

Церковныя братства

развивались въ старинное время главнымъ образомъ подъ вліяніемъ цеховаго строя ремесленнаго быта и въ силу той свободы, которую открывало городамъ магдебургское право. Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ въ Малороссіи церковныя братства играли важную роль въ жизни народа, какъ источники просвѣщенія и благотворительности. Братства защищали православныхъ отъ притѣсненій со стороны католиковъ и уніатовъ, издавали религіозно-полемическія книги въ защиту православія, строили церкви, поддерживали церкви обветшавшія. При братствахъ были школы и шпитали. Въ школѣ дьячки учили „дѣтокъ малыхъ" безъ различія сословій чтенію, письму и счету. Въ шпиталь, или богадѣльню помѣщали „людей всякихъ, отъ пана Бога хоробою и уломностями навѣжоныхъ", безродныхъ стариковъ и старухъ, калѣкъ, слабоумныхъ, отъ которыхъ отказывались родные.

Многіе изслѣдователи съ любовью обращались къ стариннымъ церковнымъ братствамъ (Флеровъ, г-жа Ефименко, Костомаровъ). Уже чтеніе однихъ актовъ, относящихся къ этимъ учрежденіямъ, при всей старозавѣтной сухости изложенія, производитъ успокаивающее и жизнерадостное впечатлѣніе: въ нихъ просвѣчиваетъ мягкое и сердечное чувство братолюбія, гуманности, взаимной поддержки на основаніи любви къ Богу и къ ближнему, каковымъ считался всякій братчикъ.

Очень немного остатковъ церковыхъ братствъ сохранила современная жизнь. Въ шестидесятыхъ годахъ въ с. Дыбинцахъ, канев. у. кіевск. губ. существовало еще церковное братство, съ характеромъ старинныхъ братствъ. Братство это заботилось о содержаніи и украшеніи мѣстной церкви, о пособіи бѣднымъ, погребеніи бѣдныхъ, обученіи желающихъ грамотѣ и гончарному ремеслу и въ особен-

ности о поддержаніи нравственной чистоты въ обществѣ. Всѣ, провинившіеся, относительно братскаго устава или общественнаго кодекса нравственныхъ правилъ, подлежали суду братства и несли наказанія, преимущественно денежную пеню. Тѣлесныя наказанія никогда не употреблялись. Главная цѣль наказанія состояла въ томъ, чтобы виновный произнесъ раскаяніе передъ братствомъ. Въ 60-хъ годахъ на Волыни существовали еще по селамъ церковныя братства, состоявшія изъ зажиточныхъ прихожанъ обоего пола. Главную принадлежность каждаго братчика и каждой сестрички составляютъ большія восковыя свѣчи, съ которыми они стояли въ церкви во время важнѣйшихъ частей богослуженія, напр., во время чтенія евангелія, при освященіи св. даровъ и т. п. Это былъ обычай древнихъ братствъ; такъ стояли нѣкогда съ собственными зажжеными свѣчами князья, дворяне и другихъ сословій братчики во Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ и др. мѣстахъ. Братчики и въ позднѣйшее время были посредниками между священникомъ и прихожанами въ заботахъ о церковныхъ пользахъ. И въ позднѣйшее время въ церковныхъ братствахъ держался обычай устраивать обѣды въ храмовые праздники, поминальные дни, на проводы (радоница), въ дни св. Николая, св. вмч. Георгія. Бывали особые сестричные обѣды въ дни св. Варвары, св. Екатерины. Въ назначенное время братчики и сестрицы, по общему соглашенію, приносили кушанья на цвинтарь (въ церковную ограду) и, послѣ обѣдни и „паростаса“, обѣдали въ хорошую погоду подъ открытымъ небомъ близь церкви, въ дурную— въ домѣ священника, дьячка, гдѣ обыкновенно помѣщалась школа, или въ частной хатѣ вблизи церкви. На обѣдъ приглашались нищіе, и братчики имъ прислуживали (*Основа*, 1862, IX, 48).

Г. Василенко въ статьѣ „Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ“ (Кіевск. Стар., 1885, X, 159—171) упоминаетъ о церковномъ братствѣ въ с. Панскомъ, золотоношскаго у., которое устроилось послѣ пожара церкви, независимо отъ церковно-приходскаго попечительства. Средства братства состоятъ изъ членскихъ взносовъ—не менѣе 1 р. отъ каждаго братчика и въ сборѣ отъ продажи меда въ храмовые праздники. Дѣлами завѣдываетъ старшій братъ, избираемый ежегодно.

Остатками бывшихъ нѣкогда многочисленнымъ церковныхъ братствъ являются обычаи медоваренія и общественныхъ обѣдовъ.

Эти обычаи сохраняются и теперь почти во всѣхъ селахъ на днѣпровскомъ побережьѣ золотоношскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ переяславскаго уѣзда (*Василенко*, 169).

Современное положеніе церковныхъ братствъ г. Василенко очерчиваетъ народной поговоркой: „Марквивъ кинь, та не Марко на нимъ, Маркова зброя—та не Маркова мова"; „осталась форма, а богатое содержаніе исчезло; уцѣлѣли обычаи, а смыслъ, духъ ихъ затерялся или затемнился, и самая память о прежней жизни братствъ утрачена въ живущихъ поколѣніяхъ" (ib. 159).

Идеалисты 60-хъ годовъ думали, что „возможны и въ настоящее время подобныя братства; нужно только возбудить громаду къ дѣятельности, напомнить ей старое забытое учрежденіе; нужно уяснить ей то благотворное значеніе, какое оно имѣло и можетъ имѣть въ жизни каждаго человѣка" (*Основа*, 1862, X, 50). Этотъ доброжелательный идеализмъ обнаружился и въ Высочайше утвержденныхъ 8 мая 1864 г. основныхъ положеніяхъ о церковныхъ братствахъ. Положенія эти открываютъ широкій просторъ для филантропической и просвѣтительной дѣятельности общества. Первое положеніе о церковныхъ братствахъ гласитъ, что цѣль учрежденія братствъ — служеніе нуждамъ и пользамъ православной церкви, созиданіе и украшеніе православныхъ храмовъ, дѣла христіанской благотворительности, распространеніе и утвержденіе духовнаго просвѣщенія. Четвертое положеніе предусматриваетъ добрые остатки старины и хочетъ сохранить ихъ: „При учрежденіи братствъ въ составляемыхъ для нихъ уставахъ могутъ быть сохраняемы употреблявшіяся въ древнихъ церковныхъ братствахъ наименованія, правила и внѣшніе обычаи".

Эти добрыя пожеланія и свѣтлыя надежды не оправдались. Церковныя братства получили развитіе лишь въ немногихъ мѣстахъ юго-западнаго края, преимущественно на почвѣ борьбы національной и религіозной. Въ Малороссіи они не привились, и старые корни ихъ здѣсь оказались совсѣмъ засохшими. Народъ грубѣлъ „на самотыни" въ отчужденіи отъ руководящихъ общественныхъ слоевъ. Мѣщане въ большихъ городахъ обезличились и опошлились, отставши отъ народа по языку, нравамъ и обычаямъ и не присоединившись къ высшимъ сословіямъ по недостатку образованія. Сельская

интеллигенція получила односторонній служилый характеръ, и изъ ея одноцвѣтной среды, въ значительной степени тронутой кулацкой червоточиной, рѣдко стали выдѣляться люди съ иниціативой во имя общаго блага.

182.

Парубоцкія братства.

Парубоцкія или молодецкія братства представляютъ искаженіе идеи церковнаго братства. То живое общественное дѣло, которое нѣкогда составляло предметъ заботы лучшихъ людей и привлекало къ себѣ наиболѣе зрѣлую въ умственномъ отношеніи часть народа, настолько отодвинулось въ сторону, что уважаемые полноправные граждане стали забывать о немъ, и попеченіе о немъ перешло въ руки недорослей по семейному и соціальному положенію. Въ „Кіевской Старинѣ" 1887 г. были помѣщены обстоятельныя статьи г. Боржковскаго и Чернышева о значеніи малорусскаго парубоцства, какъ общественной группы, и здѣсь мы не будемъ останавливаться подробно на парубоцтвѣ. Признавая правильнымъ мнѣніе Чернышева, что организація парубоцства въ особую общественную группу служитъ остаткомъ древнѣйшей формы признанія половой зрѣлости молодежи, нельзя не согласиться, однако, съ тѣмъ положеніемъ, что, по общенароднымъ понятіямъ новаго времени, половая зрѣлость парубоцтва не выражаетъ его умственной и нравственной зрѣлости настолько, чтобы признать его полноправнымъ въ гражданскомъ отношеніи съ людьми женатыми, семейными, стариками, и фактъ перехода общихъ церковныхъ братствъ въ братства парубоцкія остается для первыхъ явнымъ признакомъ вырожденія и упадка. Въ парубоцкихъ братствахъ сохраняется почти исключительно внѣшняя обрядовая сторона церковныхъ братствъ; древніе просвѣтительные и филантропическіе элементы церковныхъ братствъ утеряны. Парубоцкія братства существуютъ издавна. Такъ, въ началѣ XVIII в. въ с. Ярославкѣ козелецкаго уѣзда наряду съ цеховымъ братствомъ существовало братство „молодецкое", изъ парубковъ. Во главѣ этого братства стояли два атамана, по числу двухъ въ Ярославкѣ приходовъ. На

Рождество Христово парубки обходили съ поздравленіемъ все село и собранный хлѣбъ продавали; три части вырученныхъ за то денегъ отдавали въ распоряженіе своихъ атамановъ, а четвертую оставляли на „молодецкій могоричъ". Атаманы обязаны были на полученныя деньги справлять въ церковь три раза въ годъ двѣ большія ставныя свѣчи, окрашенныя ярью, а также иногда починяли хоругви и другія церковныя вещи (*Филаретъ*, Ист.-стат. опис. черниг. еп., .V, 225). Парубоцкія братства существуютъ во многихъ мѣстахъ полтавской губ.; дѣятельность ихъ ограничивается главнымъ образомъ содержаніемъ одного или нѣсколькихъ ставниковъ. Въ м. Хомутцѣ молодецкія братства существуютъ особо въ каждомъ приходѣ и избираютъ атамановъ отдѣльно. Въ одномъ приходѣ парубки имѣютъ въ церкви свою икону—Спасителя и звѣзду и держатъ три ставника. Атаманъ во время великаго поста дѣлаетъ раскладку на парубковъ по состоянію для сооруженія ставника, хоругви и т. п. Начинающій ходить на улицу парубокъ угощаетъ братчиковъ водкой и дѣлаетъ взносъ въ пользу братской кассы. Въ с. Панскомъ золотоношск. у. молодецкое братство варитъ медъ къ рождественскимъ и воскресенскимъ праздникамъ, имѣетъ въ церкви шесть ставниковъ, которые зажигаются на литургіи при чтеніи Апостола. Въ первый день рождественскихъ праздниковъ братчики дарятъ атаману шелковый платокъ или хорошій поясъ и получаютъ отъ него угощеніе. Съ того же дня и почти цѣлую недѣлю парубки колядуютъ, собирая пожертвованія съѣстными припасами и деньгами (*Василенко*, въ „Кіевск. Стар." 1885. X, 168).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Литературная дѣятельность
Іоанна Вишенскаго.

I.

Іоаннъ, авторъ посланій на Украину и въ Галичину, родился приблизительно въ половинѣ XVI-го вѣка [1]). Самъ Іоаннъ называетъ себя „мнихъ изъ Вишни" [2]), даже просто—Вышенскій [3]); съ большимъ вѣроятіемъ можно признать мѣстомъ его родины Судову Вишню [4]), городокъ около Львова въ Галиціи [5]). Мы

[1]) Съ такимъ предположеніемъ согласуются и данныя біографическія, и матеріалы самыхъ сочиненій Вишенскаго. Ближайшій же другъ Іоанна (и, должно быть, сверстникъ) Іовъ Княгиницкій имѣлъ въ 1620 г. около 70 лѣтъ отъ роду, (Зоря Галицкая, яко Альбумъ, стр. 248). Галицкій монахъ Іовъ Княгиницкій родился въ половинѣ XVI в., какъ то видно изъ его біографіи, составленной Игнатіемъ изъ Любарова (Зоря на 1861 г., стр. 225—251). Знаменитый подвижникъ былъ основателемъ и устроителемъ монастырей на юго-западѣ русской земли, чѣмъ способствовалъ широкому подъему религіознаго настроенія южной Руси въ трудную годину Уніи. Другъ Вишенскаго (Зоря, стр. 233, 234. Арх. юго-зап. Рос., т. VII, ч. I, стр. 36, 37), Копыстенскаго (Рус. Ист. библ., т. IV, стр. 856) и другихъ ревнителей православія, Іовъ игралъ роль насадителя и укрѣпителя иноческаго, скитскаго житія въ южной Руси. Онъ не отказывался и отъ литературной дѣятельности, впрочемъ исключительно богословскаго характера (Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 218—225); умеръ 29 дек. 1621 г. Біографическія данныя объ Іовѣ приведены по рѣдкому изданію Альбума „Зоря Галицкая" на 1861 г.) Голубевъ въ приложеніяхъ къ соч. П. Могила; тамъ же перепечатаны отрывки изъ біографіи Іова съ пропускомъ характернаго описанія устроенія Княгиницкимъ Воздвиженской обители (Зоря, стр. 239—242).

[2]) Ак. Ю. и З Р., т. II, стр. 205.

[3]) Арх. юго-зап., Р., т. VII, ч. I, стр. 35.

[4]) „Кіевск. Стар." 1889 г., № 4, стр. 144.

[5]) Въ началѣ XVII в. этотъ городъ игралъ нѣкоторую роль въ Галицкой жизни; въ 1605 и 1607 гг. въ Судовой Вишнѣ собирались сеймики русской шляхты (Зубрицкій, Лѣтоп. Львов. брат., стр. 55, 59).

такъ мало имѣемъ свѣдѣній о личной жизни извѣстнаго публициста, что и главнѣйшія данныя его біографіи приходится устанавливать гадательно. Іоаннъ едвали получилъ серьезное образованіе, едва-ли учился и работалъ систематически въ какой нибудь школѣ [1]), но онъ былъ „трудолюбенъ“, а потому и начитанъ въ священномъ писаніи, о чемъ свидѣтельствуютъ сочиненія Іоанна со ссылками на священные тексты, а также и разсужденія его. Наконецъ, Іоанну былъ знакомъ и польскій языкъ [2]).

До принятія иноческаго сана Іоаннъ живалъ въ Луцкѣ, гдѣ былъ знакомъ съ Кирилломъ Терлецкимъ и Діонисіемъ Збируйскимъ, въ Острогѣ, Жидичинѣ и другихъ мѣстахъ Галицкой, Волынской и Подольской Руси [3]). Можетъ быть такъ же, какъ и другъ Іоанна—Княгиницкій, ушелъ онъ изъ дому бродить по монастырямъ, спасать душу и работать до изнуренія надъ книжнымъ дѣломъ, „рукодѣліє творя, єже книгы оправляти“, „тягнучися терпеніемъ и смиреніемъ“ ради будущаго спасенія и жизни вѣчной [4]). Мы считаемъ возможнымъ предположить, что Іоаннъ былъ въ молодости тѣсно связанъ съ Львовскимъ братствомъ, и когда ушелъ въ монашество, то возбудилъ этимъ много шуму, толковъ и убѣжденій возвратиться къ міру [5]). Такія заявленія побудили Іоанна возразить одному изъ защитниковъ „прехвальныхъ плодовъ въ мірскомъ житію гнѣздящихся“ Юрію, вѣрнѣе всего Рогатинцу, посланіемъ къ старицѣ Домникіи. Въ этомъ посланіи есть упоминанія о нѣкоторыхъ мірскихъ знакомствахъ Іоанна. Съ однимъ изъ львовскихъ братчиковъ Красовскимъ Іоаннъ странствовалъ, предполагаемъ по какому то общему

---

[1]) Вишенскій, говоритъ: а ѡ собѣ азъ самъ свѣдителство вамъ даю, яко грамматично дробязку не изучих риторичню игрушки не вѣдах, философского высоко мечтателнаго не слыхахъ („Кіевск. Стар.“ 1889 г , № 4, стр. 31).

[2]) Голубевъ. П. Могила. Приложенія, стр. 109.

[3]) Голубевъ. П. Могила, стр. 67, 114. Ак. Ю. и З. Р., т. II, стр. 223, 231-320. „Кіевск. Стар.“ 89 г., № 4, стр. 147—148.

[4]) Зоря, яко Албумъ, стр. 230.

[5]) Арх. Ю.-Зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 34—35.

дѣлу[1]) „львовскаго народа“ [2]). Во время отправленія посланія Домникіи Іоаннъ жилъ въ Уневскомъ монастырѣ[3]), гдѣ провелъ первое время своего монашества и Іовъ Княгиницкій [4]). Во всякомъ случаѣ, это было время подготовительной работы крѣпнувшаго духомъ борца за народное южнорусское дѣло, время сближенія во едино лучшихъ людей юга, носившихъ въ себѣ одну душу, работавшихъ на разныхъ поприщахъ для счастія одной и той же своей „глупой“ Руси—дорогой родины. Еще до времени Брестскаго собора Вишенскій ушелъ въ монастырь на Аѳонъ. Много въ тѣ бурныя времена уходило на Аѳонъ люду, который хотѣлъ захватить тамъ ученой мудрости въ строго православномъ духѣ, такъ какъ „послѣ паденія Константинополя Аѳонъ сдѣлался главнымъ хранилищемъ сокровищъ духовной образованности. Сюда стремились всѣ лучшія силы грековъ, чтобы взаимными усиленными трудами собрать, сберечь и изучить національныя, дорогія произведенія греческаго ума“ [5]). Странниками изъ южной Руси, были, напримѣръ, Кипріанъ переводчикъ толкованій І. Златоуста на посланіе ап. Павла [6]), Іосифъ, переводившій толкованія на дѣянія апостольскія въ 1-й четверти XVII вѣка [7]) и мн. др. [8]) Аѳонъ удовлетворялъ религіознымъ потребностямъ тѣхъ южанъ, которые всѣмъ сердцемъ своимъ отдавались православному благочестію: онъ манилъ ихъ своимъ покоемъ и святостью „Вѣси, пишетъ Іоаннъ

---

[1]) Отказываясь отъ мірскихъ знакомствъ, Вышенскій говоритъ: „не вѣмъ другого развѣ странствовавшаго пана Красовскаго и на препитаніе (Іоанна) нечто возложившаго“. Арх. Ю.-З. Р., т. VII, ч. I, стр. 34—35.

[2]) Можетъ быть, странствіе было въ Варшаву; о посылкѣ въ Варшаву Д. Красовскаго при спорѣ братства съ львовскимъ магистратомъ въ 1600 г. мы знаемъ изъ Лѣтописи львов. брат. (Зубрицкій, стр. 44).

[3]) Арх. Ю.-З. Р., стр. 35.

[4]) Зоря, яко Альбумъ, стр. 228.

[5]) Подольск. Епарх. Вѣдом. 1875 г., № 17, стр. 425.

[6]) Прибавленія къ Твор. св. Отцевъ 1848 г., кн. II; стр. 163.

[7]) Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. Ак. наукъ, т. 34, стр. 74. Тотъ же Іосифъ—переводчикъ „Душеполезныхъ поученій Аввы Дорофея 1628 г.“ Максимовичъ. Собр. соч., т. III, стр. 698.

[8]) О южанахъ, бывшихъ на востокѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. см. въ трудахъ: Терновскаго „Изуч. визант. ист.“, вып. 2, и Малышевскаго „Мелетій Пигасъ“, т. I и въ Приложеніяхъ passim.

съ Аѳона Княгиницкому, яко святая гора раю подобна, аеровоздушнымъ, чистотнымъ и утѣшительнымъ эфиромъ въ отлученію мира содержима дыхающе: сія и нынѣ никакоже оскудѣ благодать, яже отъ воздуха" [1]). Эта обитель была достаточно безопасной для тѣхъ, кто страстнымъ словомъ и умѣлъ, и хотѣлъ, и могъ бороться за дорогія ему идеи. Вишенскій объясняетъ такими словами свое удаленіе на Аѳонъ: **Будет зась и тая похвалка упротивных — вольно ти мовячи тамъ заочне, и въ далеком Кутѣ хочже и правдою ѡ нас так безпечне ширмовати, але коли бы еси тутъ былъ и тобѣ бы есмо тотъ языкъ, яко и Никифору [2]) затворили и пропинути не дали. На тое вамъ такъ отповѣмъ; не для далекости от вас будучи я правду смѣле мовлю, и правдою вас постигаю але заправду и умрѣти изволяю, аще Богъ даруетъ, да знаете и помолѣтеся Богу да вас сподобит и зраковиднѣ от мене реченное слышати, азъ бо желаю, но еще волѣ Божей на сіе нѣсть, а ѡ себѣ наскаковати безстуднѣ пески, якоже вы на поповство безъ волѣ Божей не хощу; научих бо ся благоговѣти къ благоговѣнному, и ѿ ѡного повелѣнія ожидати, аще и братская любов православных христїанъ спредѣловъ естественныхъ мя вытягаетъ"** [3]).

Скитальцы далекаго Аѳона не забывали своей родной земли. Они были въ постоянномъ общеніи съ южанами, а когда пришелъ часъ рѣшительной борьбы за интересы родины, они приняли въ этой борьбѣ самое горячее участіе. Уже А. М. Курбскій въ одномъ изъ писемъ къ извѣстному западно-русскому типографу, Мамоничу выражаетъ свой чрезвычайный восторгъ по поводу сочиненій Нила Кавасилы и Григорія Паламы, солунскихъ архіепископовъ XIV в., переведенныхъ аѳонскими монахами съ греческаго на славянскій языкъ [4]). Въ составленіи посланія съ

---

[1]) Арх. Юго-зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 36.

[2]) Протосинкелъ константинопольскаго патріарха на Брестскомъ соборѣ.

[3]) Ак. Ю. и З. Р., т. II, стр. 252.

[4]) „Но, оле! уже благодати ради Божія подана намъ книга въ помощь отъ святыя горы, яко самою рукою Божіею принесена, простоты ради и глубокаго неискусства церковниковъ русскихъ церквей"... Въ послѣдующихъ словахъ Курбскій

Аѳона на югъ (обнародованнаго кн. Острожскимъ въ 1598 г.) безъ сомнѣнія принимали самое дѣятельное участіе иноки русскаго происхожденія если не являлись исключительными составителями посланія; предисловіе говоритъ, что посланіе передается: „отъ святое Аѳонское горы скитствующихъ і о царствіи Христовѣ нудящихся отъ страны вашее вамъ поспѣшниковъ и молитвенниковъ“ [1]). И значеніе для южной Руси Аѳона, какъ высшаго руководителя православнаго благочестія, какъ школы духовной, было ясно сознаваемо въ началѣ XVII-го вѣка. Въ совѣтованіи „о благочестіи“ (1621 г.) сказано: „потреба естъ дўховнаѧ абы и рѡссовъ маючихсѧ истиннѣ о кожитїю добродѣтелномꙋ, посылати на Аѳонъ, ꙗкѡ вшколꙋ дꙋховнꙋю“ [2]).

Вишенскій вторую половину своей жизни (съ конца XVI-го вѣка) провелъ на Аѳонѣ. Тамъ была имъ написана большая часть сочиненій, отправляемыхъ на Русь: Іоаннъ въ своей публицистической дѣятельности шелъ тѣмъ же путемъ, на какой вступили и другіе аѳониты, посылавшіе свои увѣщанія и воззванія изъ далекихъ монастырей въ родную землю. Вопросъ о хронологической послѣдовательности сочиненій Вишенскаго не вполнѣ выясненъ: сами произведенія Іоанна даютъ для этого немного данныхъ. Къ періоду времени отъ 1588-го года до 1596-го г. [3]) можно отнести: „Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры“ [4]) и посланіе, отправленное наканунѣ Брестскаго

совѣтуетъ Мамонычу прочесть посылаемое письмо виленскому собору, „да наймутъ писаря добраго, кто бы приписываючи ее, не попсовалъ, взѣвши тую книгу у пана *Гарабурды*, або у меня, да препишутъ; а переписавши, трезвѣ да прочитаютъ отлучившеся отъ піанства: ибо тамъ готовые отвѣты блаженныхъ оныхъ мужей“. (Сказ. Курбскаго, стр. 230). Гарабурда (Вас. Мих.), собственникъ втораго экземпляра упоминаемой книги, виленскій типографъ XVI вѣка, издатель виленскаго Октоиха 1582 г. (Каратаевъ, Опис. славян. книгъ, стр. 200—201) и Шестоднева 1582 г. Послѣдняя книга была на выставкѣ послѣдняго VIII-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ (коллекція г. Большакова).

[1]) Малышевскій, Мелетій Пигасъ, т. II, приложеніе II, стр. 44. Подпись аѳонитовъ выражена иными словами въ рукописи Царскаго, Строевъ, Описаніе рукописей, стр. 451.

[2]) Памятн. врем. ком., т., I, отд. I, стр. 248.

[3]) Макарій. Ист. рус. церкви т., X, стр. 301.

[4]) Ак. ю. и з. Рос., т. II, стр. 254—270. Вишенскій не хочетъ писать въ этомъ посланіи о кое какихъ новшествахъ католичества противныхъ православію,

собора „ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси“ [1]).

Мы полагаемъ возможнымъ отнести къ этому же первому періоду литературной дѣятельности Вишенскаго „Посланіе [2]) старицѣ Домникіѣ, основываясь прежде всего на данныхъ для біографіи Вишенскаго, сохранившихся въ упомянутомъ сочиненіи. Эти данныя (см. выше) могутъ относиться только ко времени борьбы Гедеона съ львовскимъ братствомъ [3]) и широкой дѣятельности членовъ этого братства Красовскихъ и Рогатинцевъ [4]). Борьба Гедеона съ братствомъ заканчивается миромъ

„яко о всемъ томъ доволно Василій отъ блаженнаго писанія написа“ (стр. 264) „Книга о вѣрѣ единой“ издана въ 1588 г. въ Острогѣ (Рус. Историч. Библ., т. IV, примѣчаніе 29); подпись на книгѣ „многогрѣшный и хуждшїи къ христїанехъ убогый василей“ (Каратаевъ. Опис. старопеч. кн., стр. 224). Ундольскій знаетъ эту книгу въ острожскомъ сборникѣ 1588 г. (Очеркъ слав.-рус. библ., стр. 17), какъ и Строевъ (Рукописи Царскаго, № 393). Головацкій указываетъ годъ перваго изданія „книги“ 1583 и предполагаетъ въ 1588 г. второе изданіе (Дополненія къ очерку Ундольскаго, стр. 18). Сочиненія Іоанна „о Заблужденіяхъ“ ни разу не упоминаетъ объ Уніи и относится къ заблужденіямъ только католичества.

[1]) Ак. ю. и з. Рос., т. II, стр. 224—227. Авторъ не упоминаетъ объ Уніи и Брестскомъ соборѣ, но содержаніе посланія указываетъ на такое сильное напряженіе борьбы православныхъ съ католической пропагандою, что В—скій обращается къ своимъ слушателямъ больше съ укорами въ религіозныхъ нестроеніяхъ, чѣмъ съ убѣжденіями стоять за правую вѣру. Это сочиненіе Іоаннъ отправилъ на Русь черезъ проигумена „отъ св. Павелъ—отца Савву“.

[2]) Арх. юго-зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 26—35.

[3]) Юрій, о которомъ упоминаетъ посланіе, обвиняется въ нѣкоторомъ вольнодумствѣ раціоналистическаго характера. Есть даже отдаленный намекъ на дѣло о своевольно устраненномъ львовскими братчиками священникѣ (Арх. Ю.-З. Рос., т. VII, ч. I, стр. 30), за что старшіе изъ братчиковъ Юрій и Иванъ Рогатинцы и Иванъ Красовскій были отлучены отъ церкви патріархомъ Іеремией въ 1589 году (Зубрицкій. Лѣтоп. львов. брат., стр. 21).

[4]) О братчикахъ Красовскихъ и Рогатинцахъ, которые въ концѣ XVI вѣка и началѣ XVII являются постоянно старшими братчиками во Львовѣ, находимъ упоминанія у Зубрицкаго въ Лѣтоп. львов. братс. подъ годами 1588, 1590, 1593, 1596 (въ послѣднемъ году Діом. Діом. Красовскій и Юрій Ѳом. Рогатинецъ были посланы брест. соборомъ помирить Гедеона съ львовск. брат.), 1601 и 1607 гг.; находимъ еще свѣдѣнія объ этихъ братчикахъ въ посланіи молд. господаря ко львов. брат. (Ак. ю. и з. Р., т. I, стр. 271), въ спискѣ львов. братства (Памятн. времен. ком., т. III, стр. 90) и въ судной грамотѣ Брест. соб. по дѣлу львов. брат. (Ibid., стр. 57).

1602 г. [1]), слѣдовательно подпись на посланіи „въ Уневскомъ монастырѣ“ не можетъ относиться къ позднѣйшему по времени посѣщенію Іоанномъ родины (1605—1607 гг.). Въ 1597 г. Вишенскаго уже не было на родинѣ [3]), поэтому „посланіе Домникіи“ могло быть отправлено только до 1597 г. и вѣрнѣе всего въ началѣ монашеской жизни Іоанна, который и называетъ себя въ концѣ посланія „странникъ реченный Вишенскій“ [2]).— Первымъ сочиненіемъ Вишенскаго послѣ Брестскаго собора было посланіе Іоанна къ князю Острожскому около 1597 г. [4]) и, наконецъ, посланіе къ „Митрополиту и Епископомъ“ [5]), отправленное не позже 1599 года, когда умеръ Михаилъ Рогоза [6]), котораго авторъ посланія знаетъ живымъ. Приблизительно къ тому же времени, если не къ самымъ первымъ годамъ XVII-го вѣка, относится „Краткословный отвѣтъ“ [7]) сочиненіе, безъ сомнѣнія принадлежащее Іоанну, скрывшемуся подъ псевдонимомъ Ѳеодула [8]).

Данныхъ о первыхъ годахъ XVII в. въ жизни Іоанна гораздо больше. Въ біографіи Іова Княгиницкаго есть упоминанія о пребываніи Вишенскаго въ родныхъ краяхъ Галичины [9]). Г. Миронъ съ полною убѣдительностью доказалъ, что време-

---

[1]) Макарій. Ист. церк., т. X, стр. 340.

[2]) Ак. ю. и зап. Р., т. II, стр. 224.

[3]) Арх. юго-зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 35.

[4]) Ак. ю. и з. Р., т. II, стр. 205—224. Посланіе явилось послѣ изданія Эктезиса (1597), о каковомъ сочиненіи авторъ упоминаетъ въ началѣ посланія.

[5]) Ак. ю. и з. Р., т. II, стр. 227—254.

[6]) Макарій. Ист. цер., т. X, стр. 302.

[7]) Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 109—145.

[8]) Сличи: Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 144, 145 и „Кіевск. Стар.“ 89 г., № 4. Прилож., стр. 29—31 или рукоп. публ. библ. (Q., № 243) стр. 1 и оборотъ.

[9]) Въ одномъ мѣстѣ Игнатій изъ Любарова говоритъ: „и къ той часъ отецъ Іоаннъ Вышенскїи, другъ его (Іова) отъ святыя горы прїиде и поживъ съ нимъ нѣколико времѧ: потомъ оба съвѣщавшися, жесточайшаго безмолвънаго житїя желающе, вручаетъ старѣйшинство ученику своему їеродїакону Герасиму и отходитъ оттолѣ старецъ въ дальнюю пустыню іако д҃ (4) поприща“ (Зоря, яко Альбумъ, стр. 233). Въ другомъ мѣстѣ Игнатій продолжаетъ: „потомъ же Іоанъ

немъ пребыванія Вишенскаго на родинѣ были 1605—1607 г.[1]). Считаемъ весьма возможнымъ предположеніе, что Вишенскій прибылъ на родину съ цѣлью устроить свое монашеское житіе среди дорогаго ему люду „въ раздѣленныхъ сектахъ и вѣрахъ розмаитыхъ мешкаючого". Іоаннъ поговариваетъ объ этомъ съ Іовомъ, но пылкая его натура, съ которой такъ трудно было справиться Іоанну, по его же сознанію, и подъ монашеской рясой, удерживаетъ полемиста въ общежительномъ Угорницкомъ монастырѣ, мѣшаетъ уйти на все время въ пустыню къ Іову. Возможно, что Іоаннъ живымъ словомъ дополняетъ передъ православными, крѣпко стоящими за свою вѣру, мысли и желанія, выраженныя въ его посланіяхъ и сочиненіяхъ. Во всякомъ случаѣ онъ входитъ въ кругъ интересовъ львовской епархіи, жизнь которой шла тогда шумно среди борьбы съ разроставшейся уніей, послѣ едва законченныхъ споровъ Гедеона Балабана съ львовскимъ братствомъ. Іоаннъ заводитъ тогда широкія отношенія съ „галицкими мешканцями"; эти отношенія заставляютъ его не пропустить случая, когда братія Ксенова монастыря рѣшила идти отъ Аѳонской горы въ предѣлы православной земли; Вышенскій пересылаетъ черезъ нихъ свое новое посланіе съ Аѳона: „христолюбивому братству львовскому и прочимъ братіямъ единомудреннымъ и единоплеменнымъ"[2]). Въ тѣ же годы пребыванія на родинѣ Іоаннъ знакомится со многими новыми дѣятелями борьбы православія съ уніей, имена которыхъ встрѣчаются въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ, напри-

---

Вышенскый, взявши отрока сыновца его Димитра, иже бѣ вручилъ ему старецъ, пріиде, и пребысть и той съ нимъ время немало; бяше бо и той зело любя безсловіе и святъ бѣ мужь и трудолюбенъ, іако же и отъ многихъ слышится" (Ibid., 234). Наконецъ біографъ Княгиницкаго упоминаетъ. что „Іоанъ же Вышенскій поживши зде, паки отходитъ въ святую гору, оставль при немъ (Іовѣ) отрока его, старцу же совѣтовавъ и моляше и не отлучатися прилично мѣсто спастися хотящимъ еже и собыстъся" (Ibib., 234).

[1]) „Кіевск. Стар.", 89 г., № 4, стр. 149.

[2]) Арх. юго-зап. Рос., т. VII, ч. I, стр. 24—26.

мѣръ съ Петромъ Ляховичемъ; ему Вишенскій „рачитъ спасеніе", какъ и „прочимъ благодателемъ и знаемымъ метаніе" въ письмѣ своемъ, посланномъ съ Аѳона послѣ 1607 г. „боголюбивому брату ми, яже о Христѣ, Іову" [1]). Какъ бы то ни было, но Іоаннъ долженъ былъ удалиться на Аѳонъ послѣ двухъ лѣтъ пребыванія въ южной Руси. Мы можемъ предположить, что причиной его удаленія были преслѣдованія католиковъ и уніатовъ, вызванныя рѣзкими полемическими сочиненіями Іоанна противъ нихъ: Вишенскій съ неохотою уѣзжаетъ съ юга, убѣждая Іова оставаться подъ роднымъ небомъ, спасать свою душу для жизни вѣчной. Іоанну остаться въ родномъ краю было уже не суждено...

И вотъ Вишенскій снова на Аѳонѣ. О продолженіи литературной дѣятельности полемиста мы знаемъ вплоть до 1614-го года. Къ этому періоду 1607—1614 гг. необходимо прежде всего отнести, кромѣ упомянутыхъ выше „посланія братству львовскому" и „письма къ Іову", „Зачапку мудраго латынника съ глупымъ русиномъ" [2]); „Зачапка" явилась съ псевдонимомъ Іоанна—Христофоръ [3]). Послѣднее произведеніе, посланное Вишенскимъ на Русь было „Позорище Мысленное", отвѣтъ „на хулу въ прилозѣхъ толку апостольскаго въ книжцѣ о священствѣ Златоуста выдрукованной" [4]). Книга „о священствѣ Іоанна Златоустаго" напечатана во Львовѣ въ 1614 г. [5]). Позже этого года мы не знаемъ ни одного сочиненія Іоанна Вишенскаго. Можно думать, что Іоаннъ подъ конецъ своей жизни удалился навсегда отъ міра и его живыхъ интересовъ, весь отдался спасенію грѣшной души своей: въ заголовкѣ послѣдняго сочиненія Вишенскаго говорится, что „Позорище Мысленное" составлено „отъ инока въ пещерѣ горѣ сѣдящаго и себѣ внимающаго преподобнаго и блаженнаго отца Киръ Іоанна Вишенскаго отъ

---

[1]) Ар. Ю.-З. Р., т. VII, ч. I, стр. 36—37.

[2]) Голубевъ. П. Могила. Приложенія. стр. 67—108.

[3]) Голубевъ. Ист. Кіев. духовн. Академіи, вып. I, стр. 185. Сумцовъ. „Кіевская Старина" 85 г. №4, стр. 651—652. Миронъ. „Кіевская Старина" 89 г. № 4, стр. 150.

[4]) Арх. Юго-Зап. Р. т. VII, ч. I, стр. 37—48.

[5]) Каратаевъ. Хронологич. роспись, стр. 27.

святыя аѳонскія горы". „Позорище Мысленное" было послано Михаилу Вишневецкому, извѣстному ревнителю православія [1]), „да направятъ его потомъ во Львовъ, въ подгорскую сторону и до церкви перемышльской", и „всему сему писанію у церкви перемышской остатися изволяю", говоритъ самъ Іоаннъ въ заголовкѣ сочиненія. Послѣднюю хронологическую дату для біографіи Вишенскаго мы находимъ подъ 1621 г.: въ „Совѣтованіи о благочестіи". Между прочими мѣрами для церковнаго благоустройства южной Руси въ совѣтованіи предлагается (§ 22): „Послати до патріархи констaнтинополскаго поблагословеніе помочъ и раду и на светую Аѳонъскую гору—послати, вызвати и припровадити преподобныхъ мужей Россовъ, межи иными блаженныхъ Купріана и Іоана порекломъ Вишенского и прочіихъ тамо обрѣтающихся вжитіи и бгословіи цвитущихъ [2]). Мы не знаемъ, однако, засталъ ли этотъ призывъ Іоанна въ живыхъ, пріѣзжалъ ли онъ на родину и долго ли жилъ послѣ упомянутаго 1621 г.? Имя Кипріана извѣстно намъ, какъ имя переводчика толкованій Златоуста на посланія ап. Павла, изданныхъ въ Кіевѣ 1623-го года [3]). Имя Іоанна послѣ упоминанія въ „Совѣтованіи" исчезаетъ на долгое время изъ памяти потомковъ. Только изслѣдователи старины во второй половинѣ XIX вѣка опять обратили вниманіе на знаменитаго полемиста и стали постепенно открывать и печатать его сочиненія. Кромѣ упомянутыхъ выше десяти сочиненій Іоанна, намъ извѣстны и остальныя сочиненія Вишенскаго. Одно изъ нихъ—„Обличеніе діавола миродержца" приведено въ извѣстность г. Голубевымъ по списку рукописи Царскаго [4]) и г. Мирономъ по рукописи Подгорецкаго василіанскаго монастыря [5]). Кромѣ того, изъ той же рукописи г. Мирономъ

---

[1]) Мих. Корибутовичъ Вишневецкій, мужъ Раины Могилянки, отецъ Іереміи Вишневецкаго, желая пособить львовскому братству издать Апостольскія дѣянія, но не имѣя денегъ, отдалъ въ залогъ свой клейнотъ... Фактъ для того времени характерный и любопытный. (Зубрицкій, Лѣтоп. львов. брат. стр. 55).

[2]) Памят. кіев. врем. ком. т. I. отд. I, стр. 247).

[3]) Имп. Публ. Библ. 1—6, № 5 б.

[4]) Арх. Юго-Зап. Р. т. VII, ч. I стр. 18—24.

[5]) Кіев. Стар. 89 г. № 4. Прилож. стр. 31—36.

извлечены—предисловіе къ собранію сочиненій Вишенскаго, оглавленіе сборника, „О чину прочитанія сего писанія“ и „Къ прочитателю наеднѣ сего писанія“ [1]). Полнаго собранія сочиненій І. Вишенскаго въ рукописи мы не имѣемъ [2]). Рукописныхъ же сборниковъ его сочинеій имѣемъ три: рукопись Царскаго [3]) въ спискѣ Кіев. Акад. [4]), по которой напечаты сочиненія Вишенскаго въ Архивѣ Ю.-З. Руси, рукопись Подгорецкаго монастыря, изъ которой сдѣлалъ извлеченія Миронъ; и рукопись Имп. публ.

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 89 г., № 4, Прилож., стр. 27—31.

[2]) Сочиненія І. Вишенскаго въ хронологическомъ порядкѣ можно расположить такъ:

I. Сочиненія 1588—1596 г.

1) Посланіе старицѣ Домникіи.

2) О заблужденіяхъ римской вѣры.

3) Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ.

II. Сочиненія 1597—1600 г.

4) Посланіе кн. Острожскому.

5) Посланіе къ митрополиту и епископамъ.

6) Краткословный отвѣтъ Өеодула.

Въ этомъ же періодѣ, во всякомъ случаѣ не позже 1607—1608 гг., написаны Вишенскимъ: 7) Обличеніе діавола, 8) О еретикохъ, 9) Загадка философомъ, 10) Слѣдъ краткій, 11) Новина. Кромѣ того, Іоанномъ были составлены тогда же тѣ предисловія къ сборнику сочиненій, которыя напечатаны Мирономъ въ Кіевской Старинѣ 89 г. № 4. стр. 27—31.

III. Сочиненія 1607—1614 г.

12) Зачапка мудраго латынника.

13) Посланіе братству Львовскому.

14) Письмо Іову Княгиницкому.

15) Позорище мысленное.

Кромѣ этихъ пятнадцати сочиненій, трехъ предисловій и одного оглавленія произведенiи В—скаго, приведенныхъ въ извѣстность, въ „Зачапкѣ“ упоминаются еще „три цвѣточка“ Іоанна: 1) древо, зовомое разумное, философія, не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла. 2) Церковца, въ которой о учтивости оное письмомъ коротко изображенно есть. 3) Маленькая пѣсенька церковная, которую зразумѣвши благоразумную мысль, отъ сладости николиже пѣти не престанешъ. (Голубевъ. П. Могила, Приложенія стр. 74). Въ описанiи рукописей Царскаго у Строева упоминается „посланіе Михаилу Вишневецкому“. Сочиненій В—скаго можно считать числомъ 19, изъ которыхъ по напечатанiи ниже четырехъ только четыре выше упомянутыя остаются неизвѣстными.

[3]) Строевъ. Рукоп. слав. и рос. Царскаго. 1848 г. стр. 605—606. № 486.

[4]) Библ. Кіев. Дух. Академіи R. № 213.

библ., послужившая текстомъ для напечатанія четырехъ посланій Іоанна и сочиненія монаха Леонтія „О еретикахъ“ въ Акт. ю. и з. Россіи [1]). Рукописи публ. библ. и Подгорецк. монастыря совмѣстно заключаютъ въ себѣ произведенія Вишенскаго, кромѣ сочиненій, подъ которыми стоятъ псевдонимы (Зачапка, Краткословный отвѣтъ), сочиненій, написанныхъ Іоанномъ въ періодъ 1607—1614 гг. (Посланіе львов. брат., Іову и Позорище), и посланіе Домникіи. Первымъ по времени сборникомъ сочиненій Вишенскаго мы и считаемъ рукопись, текстъ которой, переписанный на югѣ во второй половинѣ XVII в., хранится въ публ. библ. Въ эту рукопись вошли: „Обличеніе діавола“ и все то, что извлечено г. Мирономъ изъ Подгорецкой рукописи [2]), четыре посланія Іоанна, напечатанныя въ Актахъ, четыре небольшихъ сочиненія, которыя мы печатаемъ ниже, какъ до сихъ поръ неизвѣстныя и нигдѣ не напечатанныя: (О еретикохъ, Загадка философомъ латинскимъ [3]), Слѣдъ краткій и Новина). Вслѣдъ за этимъ было переписано введеніе въ разсужденіе Леонтія и самое разсужденіе „О еретикахъ“ (напечатанное въ Актахъ) [4]). Разсужденіе относится къ 1608 г. И сочиненія Вишенскаго, и сочиненія Леонтія тѣсно соединены другъ съ другомъ въ текстѣ,—переходомъ отъ одного къ другому служатъ слова не съ новой страницы, а съ новой строчки: **Доздѐ книжки Вышенского Іоанна Мниха. Сѐже натꙋюжъ потѣйскꙋю ересь другїя книжки Леонтїя еродїакона печерскаго монастыря кїевскаго. Правовѣрнїи внимайте словесемъ симъ, паче же духовнїи** [5]). Сочиненія Леонтія служатъ какъ бы продолженіемъ сочиненій Іоанна. Первое собраніе сочиненій Вишенскаго могло быть сдѣлано и самымъ Леонтіемъ, присоединившимъ къ книжкамъ Вишенскаго свои размышленія, или переписчикомъ сочиненій того и другаго въ 1608 г. (а можетъ быть не многимъ позже): потому мы и не встрѣ-

---

[1]) Имп. публ. библ. Q. 243.

[2]) Первыя двѣ четвертушки въ рук. публ. библ. вырваны.

[3]) Г. Миронъ совершенно напрасно отожествляетъ „Зачапку“ съ „Загадкой“. (К. Стар. 89 г. № 4. стр. 146). „Зачапка“ и „Загадка“ два совершенно различныхъ сочиненія и по своему объему, и по своему содержанію.

[4]) Ак. ю. и з. Р. стр. 271—287.

[5]) Рук. Имп. публ. библ. Q. 243, оборотъ 165-й стр.

чаемъ въ этомъ сборникѣ—сочиненій послѣдующихъ годовъ, не встрѣчаемъ сочиненій Іоанна, скрывавшихъ автора псевдонимами, которые раскрывать было неудобно при жизни Іоанна, особенно послѣ его путешествія на родину въ 1605—1607 годахъ. Какъ рѣзкія и безпощадныя нападки на Унію въ концѣ XVI вѣка, заставили Іоанна слѣдующее по времени сочиненіе обозначить именемъ Ѳеодула, такъ и одно изъ первыхъ сочиненій послѣ путешествія на югъ онъ нашелъ удобнымъ прикрыть именемъ Христофора. Этихъ сочиненій и не вноситъ переписчикъ въ свой сборникъ произведеній Вишенскаго, во всякомъ случаѣ составленный около 1608 года на Украинѣ [1]). И напечатанныя въ Архивѣ и Кіев. Стар., и печатаемыя ниже сочиненія Вишенскаго—небольшіе этюды и разсужденія на благочестивыя темы; мы признаемъ ихъ написанными до 1607 года, въ первые періоды полемической дѣятельности Іоанна; потому эти сочиненія и явились въ первомъ собраніи сочиненій Вишенскаго.

Сличая текстъ Подгорецкаго сборника сочиненій Вишенскаго, съ рукописью публ. библ., мы проходимъ къ убѣжденію что Подгорецкая рукопись—списокъ съ той же самой первоначальной рукописи, текстъ которой сохранился въ публ. библ. Подгорецкая рукопись отличается по языку отъ рукописи публ. библ. *привнесеніемъ* въ первую тѣхъ особенностей галицко-русскаго говора, которыя ярко выступаютъ въ языкѣ XVII вѣка. Подгорецкая рукопись содержитъ въ себѣ все то, что списано въ рукописи публ. библ., но въ ней недостаетъ четырехъ ниже печатаемыхъ сочиненій Вишенскаго, сочиненія Вишенскаго „О заблужденіяхъ рим. вѣры“ и конца „Посланія къ утекшимъ отъ праславное вѣры епископомъ“ [2]), т. е. сочиненій, помѣщенныхъ въ концѣ рукописи произведеній Іоанна публичной библ. Послѣднее сочиненіе безъ конца въ Подгорецкой рукописи, писано къ тому же скорописью [3]):

[1]) Часть текста „Краткословнаго отвѣта“ („Къ прочитателю наеднѣ“) находится и въ рукописи публ. библ. Но мы не должны забывать, что эта статейка ничѣмъ несвязана съ текстомъ „Краткословнаго отвѣта“ и была, очевидно, подвижною частью сочиненія, переносимою или къ началу сборника сочиненій, или къ одному сочиненію въ видѣ наставленія, предисловія къ нему.

[2]) К. Стар. 89 г. № 4 стр. 146.

[3]) Ibid. Прилож. стр. 22.

у переписчика не хватило терпѣнія переписать всю рукопись сочиненій Вишенскаго, и онъ бросилъ свое дѣло на половинѣ. Такимъ образомъ, въ Подгорецкой рукописи мы имѣемъ несовсѣмъ аккуратный и полный списокъ сочиненій Вишенскаго съ рукописи, текстъ которой былъ написанъ на Украинѣ и сохранился въ спискѣ публичной библ. При томъ подгорецкій списокъ былъ составленъ галичаниномъ, внесшимъ яркія особенности галицко-рус. говора въ текстъ своей переписки[1]).

Позднѣйшимъ текстомъ была рукопись Царскаго, списокъ которой хранится въ Кіев. дух. акад. По описанію Строева [2]) видно, что рукопись Царскаго составлена не изъ однихъ сочиненій Вишенскаго: это былъ сборникъ сочиненій противъ уніи. Первыя 217 изъ 536 страницъ рукописи заняты сочиненіемъ Захаріи Копыстенскаго „Книга о правдивой едности правовѣрныхъ христіанъ" [3]). Дальше слѣдуютъ сочиненія Вишенскаго: посланіе до Львова, старицѣ Домникіи [4]), отцу Іову, посланіе князю Михаилу Вишневецкому (?), Зачапка, Краткословный отвѣтъ, Посланіе Острожскому, архіепископомъ и, наконецъ, „Позорище мысленное".... Списокъ Царскаго, судя по тексту библ. кіев. акад., перепечатанному г. Голубевымъ въ Архивѣ, сдѣланъ великороссомъ, не знавшимъ малорусскихъ оборотовъ рѣчи, малорусскихъ словъ, а потому при перепискѣ исказившимъ текстъ рукописи. Составляя сборникъ сочиненій противъ уніи, переписчикъ заимствовалъ сочиненія Вишенскаго, должно быть изъ позднѣйшихъ сборниковъ его сочиненій, куда входили

---

[1]) Подгорецкая рукопись въ 1623 г. принадлежала Петру Могилѣ. „Кіевская Старина" 89 г. № 4, Прилож. стр. 21.

[2]) Рукописи Царскаго № 486.

[3]) Сочиненіе Захаріи Копыстенскаго „О вѣрѣ единой апостольской церкви" изд. въ 1619 г. Филаретъ, Обзоръ дух. литерат. стр. 179. О немъ же Рус. Ист. библ. т. IV. Прим. 29.

[4]) То, что одно изъ раннихъ сочиненій Вишенскаго находимъ только въ спискѣ позднѣйшихъ сочиненій, а не среди болѣе ранняго сборника, не противорѣчитъ высказываемому мнѣнію; посланіе старицѣ Домникіи оканчивается словами Вишенскаго: „и паки молю, сохрани сіе писаніе да ми его повратиши, нужда бо есть" (Арх. стр. 35). Посланіе Домникіи могло быть неизвѣстнымъ до послѣдующаго времени, какъ сохранившееся въ рукахъ Іоанна.

и произведенія послѣдняго періода литературной дѣятельности Вишенскаго съ 1607 г., куда были внесены и сочиненія Вишенскаго, скрытыя псевдонимами, и посланія частнаго характера. Можетъ быть это былъ сборникъ самого Захаріи Копыстенскаго: о Зах. Копыстенскомъ мы знаемъ, какъ онъ живо интересовался судьбою друга Вишенскаго—Княгиницкаго и его дѣятельностію, посѣтивши его въ пустынѣ [1]), отмѣтивши въ „Палинодіи" печальную вѣсть о смерти „Боголюбиваго Іова" [2]).

Таковы собранныя данныя и возможные изъ нихъ выводы о судьбѣ Іоанна, численности, хронологической послѣдовательности рукописныхъ сборниковъ и о спискахъ сочиненій Вишенскаго.

Русская историческая литература начинаетъ упоминать о Вишенскомъ преимущественно послѣ 1865 года; въ этомъ году были изданы первыя четыре посланія Іоанна во II-мъ томѣ Актовъ южной и зап. Россіи. Упоминанія русскихъ историковъ о Вишенскомъ ограничиваются, главнымъ образомъ, выписками изъ его сочиненій, но не характеристикой его полемической дѣятельности и литературной личности. Соловьевъ отмѣчаетъ, что ожиданія враговъ православія послѣ Брестскаго собора, будто востокъ рѣшительно слабъ и отъ него нельзя ожидать никакого отпора, не оправдались; „послышался сильный обличительный голосъ съ Аѳона отъ тамошняго русскаго инока Іоанна Вишенскаго." Дальше слѣдуютъ отрывки изъ посланій Іоанна [3]). Преосв. Макарій въ Ист. рус. церкви подробно излагаетъ содержаніе четырехъ посланій Вишенскаго, напечатанныхъ въ Актахъ, одно за другимъ, замѣчая отъ себя о рѣзкости языка Вишенскаго, о длиннотахъ и многословіи рѣчи въ посланіи Іоанна къ владыкамъ, принявшимъ унію [4]). Небольшую характеристику полемической дѣятельности Вишенскаго даетъ А. Н. Пыпинъ въ Исторіи славянскихъ литературъ [5]). Авторъ объемистой статьи о Вишенскомъ г. С. Л—въ [6]) излагаетъ положеніе общественно-

[1]) Зоря, яко Албумъ стр. 238.
[2]) Рус. истор. библ. т. IV стр. 856.
[3]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. X стр. 54—57.
[4]) Макарій, т. X стр. 295—301.
[5]) Томъ I, стр. 334—335.
[6]) Подольск. Епарх. Вѣд. 1875. №№ 15, 17, 18, 19, 20, 21.

религіозныхъ вопросовъ того времени, сводитъ нѣкоторыя біографическія данныя объ Іоаннѣ и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на очеркѣ религіозныхъ воззрѣній и полемикѣ автора; отношеніе Іоанна къ этимъ воззрѣніямъ характеризуется такими словами г. С. Л—ва: Вишенскій поверхностно смотритъ на предметъ, не проникая въ глубь его; цѣлыя страницы посланій его наполнены вопросами и восклицаніями—и изъ этихъ тирадъ выносится мало успокоенія для сосредоточеннаго ума [1]).

Филаретъ ограничивается незначительной замѣткой о Вишенскомъ въ своемъ Обзорѣ русской духовной литературы, обозначая сочиненія Вишенскаго, какъ богословскія, а мѣсто подвижничества Іоанна на Аѳонской горѣ исключительно монастырь Зографъ [2]). Едвали авторъ Обзора видѣлъ сочиненія Вишенскаго и читалъ ихъ, что и не дало ему возможности быть правдивымъ въ своихъ утвержденіяхъ [3]). Первый издатель посланій І. Вишенскаго, Костомаровъ, удѣлилъ его произведеніямъ нѣсколько страницъ монографіи „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка“ [4]), воспользовавшись отрывками сочиненій для характеристики бытовой обстановки южно-русской жизни въ разсматриваемый періодъ. На полемической дѣятельности самого Вишенскаго Костомаровъ не останавливался, но широко, красиво набрасывая картину интересовавшей его эпохи говорилъ отъ имени Вишенскаго часто то, чего самъ Вишенскій не говорилъ [5]). Г. Кулишъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи о возсоединеніи Руси почти весь подлинникъ четырехъ посланій Вишенскаго, подновляя произношеніе словъ въ переложеніи на свою фонетику, присоединяя къ отрывкамъ сочиненій Іоанна свои же кра-

---

[1]) Подольск. Епарх. Вѣд. 1875 г., стр. 614.

[2]) Обз. дух. лит. ч. I стр. 175.

[3]) Филаретъ указываетъ на существованіе четырехъ посланій: къ кн. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ съ увѣщаніемъ стоять въ православіи, ко Львовскому братству и къ отцу Іову скитнику Марковой пустыни *о томъ же*, посланіе къ отступникамъ отъ православія, указываетъ, что *всѣ* посланія отправлены на Русь вмѣстѣ съ посланіемъ аѳонскихъ старцевъ въ 1596 г., чего утверждать мы не имѣемъ никакого основанія.

[4]) Моногр. и изслѣдованія т. III, стр. 173—322.

[5]) См. Кулишъ. Ист. возс. Руси, т. I стр. 302, 303.

снорѣчивыя измышленія и сопоставленія [1]). Для г. Кулиша Вишенскій стоитъ на недосягаемой высотѣ ветхозавѣтнаго пророка: Іоаннъ, говоритъ г. Кулишъ „добровольный мученикъ нищеты и аскетическихъ лишеній,“ исполнившійся „духа апостольской ревности,“ первый авторитетъ для осиротѣлой къ концу XVI в. русской паствы. Вишенскій, „глядѣвшій на житейское море и его напасти съ подоблачной горы своей, разсказываетъ г. Кулишъ, изобразилъ его такъ выразительно, что перу историка не осталось ничего дѣлать съ его рукописью. Среди бури напастей, въ бушующемъ житейскомъ морѣ, только его пустынный голосъ, голосъ отошедшей на гору церкви Христовой, покрывалъ стихійныя начала жизни въ ихъ безпорядочномъ бореніи между собою. Всѣ голоса, молящіе, грозящіе, всѣ вопли жертвъ и крики притѣснителей, призывъ къ отпору и перекличка между раскиданными частями братскаго воинства, все пробивается неясно сквозь грозный ревъ и гулъ, точно крики потерявшихъ дорогу, среди степной мятели. Голосъ (Іоанна) былъ явственно слышенъ; онъ давалъ сбившимся съ дороги направленіе; онъ ободрялъ, онъ пророчествовалъ и такъ дѣйствительно сталось, какъ онъ пророчествовалъ среди бури“.... Таковы образцы характеристики г. Кулишемъ Вишенскаго, слишкомъ шумные, что бы быть убѣдительными. Крайнія похвалы и пророческая характеристика Іоанна слышатся и въ обстоятельной статьѣ проф. Сумцова о Вишенскомъ [2]). „Іоаннъ Вишенскій, говоритъ г. Сумцовъ, въ нѣкоторой степени напоминаетъ Пушкинскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ аѳонскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый серафимъ—любовь къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—вынулъ изъ его груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, пылающій огнемъ гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣницы и обратилъ его вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни, хорошія и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообразованный малороссіянинъ—аѳонитъ сразу про-

[1]) Кулишъ, Ист. возс. Руси, т. I, стр. 289—319.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1885 г. № 4, стр. 649—677.

зрѣлъ въ глубину южно-русской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ, замѣтилъ прозябаніе хлопа и пошелъ на родину жечь сердца людей своимъ горячимъ одухотвореннымъ словомъ"... Впрочемъ, указываетъ дальше г. профессоръ, Вишенскій, можетъ быть, напоминалъ и Лермонтовскаго пророка....

Подобныя приведенымъ выше характеристики не даютъ никакихъ опредѣленныхъ образовъ, расплываются въ шумныхъ или красивыхъ фразахъ, да и основаны на остроуміи авторовъ, а не на фактическихъ данныхъ. Слушателями и „прочитателями" сочиненій Вишенскаго не было козачество, о которомъ Вишенскій, современникъ Сагайдачнаго, ни однимъ словомъ не обмолвился во время всей своей обширной литературной дѣятельности; еще менѣе аудиторіей Вишенскаго могло быть поспольство. Вишенскій обращался съ своими рѣчами, прежде всего, къ панству, особенно богатому „можновладству" и къ высшему духовенству, затѣмъ къ „меньшимъ братьямъ" въ смыслѣ городскаго населенія и къ небогатой южно-русской шляхтѣ, особенно той, которая принимала участіе въ жизни южно-русскихъ братствъ. И по существу натуры своей пророкомъ, какимъ его пытаются изобразить г. Кулишъ и г. Сумцовъ, Вишенскій не могъ быть. Выше мы приводили оправданіе Іоанна, почему онъ удалился на Аѳонъ и оттуда ведетъ свою полемику съ врагами православія и его отчизны. Ссылаясь на примѣръ Никифора-Протосинкела, котораго враги заточили въ крѣпость, Іоаннъ выражаетъ свою готовность за правду и умереть, но, добавляетъ полемистъ, „еще волѣ Божей на сіе нѣсть". Іоаннъ не пожелалъ, однако, вести свою борьбу, явившись лично на родину подъ страхомъ жестокаго преслѣдованія, — воля Божія въ этомъ случаѣ не пришла на помощь осторожному „страннику"...

Характеръ проповѣдника—агитатора приданъ Вишенскому и при характеристикѣ его, мастерски набросанной г. Мирономъ въ послѣдней (по времени) статьѣ о полемической дѣятельности Іоанна [1]): „Вишенскій, говоритъ почтенный ученый, является горячимъ пропагандистомъ въ родѣ какого нибудь Гуттена".

[1]) „Кіев. Стар." 1889 г., № 4, стр. 141—151.

Но г. Миронъ самъ признаетъ идеалы Вишенскаго идеалами аскетическими и византійскими, что такъ нецохоже на весь идейный обликъ великаго агитатора Западной Европы XVI в. Ульриха Гуттена. Во всякомъ случаѣ, такое сравненіе только путаетъ понятія; оно не даетъ никакого яснаго и отчетливаго образа, кромѣ неожиданнаго сопоставленія эффектныхъ именъ.—Отсылаемъ читателей къ наиболѣе остроумной, тонкой и наименѣе фантастической характеристикѣ Вишенскаго г. Мирона. Характеръ языка и слога Вишенскаго читатель замѣтитъ изъ отрывковъ сочиненій полемиста въ послѣдующемъ изложеніи. Къ этимъ отрывкамъ присоединимъ еще нѣсколько строкъ, живо характеризующихъ и подборомъ словъ, и оборотами рѣчи рѣзкость и юморъ полемическаго тона Вишенскаго, всегда страстнаго, кипучаго, раздраженно ядовитаго.—Защищая въ одномъ изъ своихъ посланій иноковъ отъ нападокъ свѣтскихъ людей, Іоаннъ сравниваетъ монаховъ съ воинами, которымъ приходится бороться въ жизни, какъ бы на войнѣ. А ты кто такой? обращается Вишенскій со словомъ укора къ обличителю инока. „Еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ, еще еси периноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ, еще еси тѣлолюбитель, еще еси кровопрагнитель, еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, гвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и брѣдень горко и сладко—любецъ; еще еси конфактолюбецъ, еще еси чревобѣсникъ, еще еси гортановстекъ, еще еси гортаногратель, еще еси гортаномудрецъ, еще еси дѣтина, еще еси младенецъ, еще еси млекопій. Якъ же ты хочешъ бѣду военника, бьючогося и борючогося у цицки матернее дома сидячи, разазнати, розсудити“ [1]). Въ „Посланіи къ Домникіи“ Іоаннъ мрачными красками рисуетъ способы достиженія духовныхъ должностей и кто становится на Руси духовнымъ? не дверьми восходятъ до духовнаго чина, нѣтъ, „але и тые самые дѣролазцѣ, наемницы, злодѣи, разбойницы, волци, драпежницы, пси, волхвы,

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. II, стр. 220.

городѣе, воини, жолнѣрѣ, кровопролійцы, игрцы, скоморохи, альбо машкаринки, всякъ видъ злобы мірское прошедшіе и естество обезчестившіе, которые нашу церковь нынѣ опановали и подъ власть себѣ мучительски покорили, нетолько же бы слѣда, аль-бо порядку якого законного на входѣ сѣдалища власти церковное заживати мѣли; але гонятся и одинъ одного для власти, сану и позысканія имѣній, перебѣгають и упережаютъ, власнѣ якъ конскіе заводницы для закладу. Что бо за чинъ въ нашей церкви нынѣ на принятье стану духовнаго? не тотъ ли, присмотрися и признай, если правду глаголю: днесь катъ, а завтра священникъ, днесь мучитель, а завтра учитель; днесь корчмаръ и танцоводецъ, а заутра богословъ и народоводецъ, днесь убійца, а заутра святитель и епископъ; доднесь жертвовалъ сатанѣ все время вѣка сего, а нынѣ предъ олтаремъ предстоитъ и непостижимому Божеству таинствуетъ и жертву приноситъ [1])“.

II.

Остановимся на характеристикѣ общественныхъ воззрѣній Іоанна Вишенскаго.

Время конца XVI и начала XVII вѣка было временемъ религіозной борьбы на югѣ Россіи. Вся историческая обстановка эпохи носитъ на себѣ отпечатокъ этой борьбы; она началась издавна до Брестской уніи и отразилась въ литературномъ развитіи южной Руси. Памятниками религіозной борьбы перваго періода были, по преимуществу, богослужебныя книги, необходимыя въ церковномъ обиходѣ. Изданія библій, евангелія, служебниковъ слѣдуютъ одно за другимъ; рѣдкими исключеніями являются такія книги, какъ хронологія Андрея Рымши 1581 г., посланіе патріарха Іереміи или привѣтъ Михаилу митроп. кіевскому 1591 г. и т. п. Многіе изъ этихъ сочиненій носятъ на себѣ исключительно богословскій характеръ, какъ „Ключъ разумѣнія небеснаго“ г. Смотрицкаго, книга изданная въ Острогѣ въ 1587 г. Защитники православія выступали въ борьбѣ за родную вѣру

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I, т. VII, стр. 30—31.

еще на практической почвѣ: издавая рядъ сочиненій богослужебнаго и богословскаго характера, они самимъ фактомъ появленія православныхъ книгъ на современномъ церковно-славянскомъ или русскомъ языкѣ отражали нападенія враговъ истинной вѣры. Они знали одно православіе, православныхъ людей и все вниманіе свое обращали только на защиту этого православія, его догматовъ и богослужебныхъ обрядовъ: православіе было альфой и омегой ихъ сознанія и общественныхъ убѣжденій. Но враги не дремали. Брестская унія, ея покровители и послѣдователи заставили выступить на борьбу новыхъ людей южно-русскаго общества. Люди этой поры, времени религіозной борьбы до Петра Могилы, видѣли для себя туже цѣль въ борьбѣ съ врагами, что и ихъ предшественники, но самыя условія разгоравшейся борьбы охватывали все большій кругозоръ, вызывали на борьбу всѣ силы южно-русскаго общества, ставили болѣе широкія требованія отъ защитниковъ „восточной вѣры": прежде шелъ только вопросъ о православіи и латинской вѣрѣ, южанинъ сознавалъ свою національность, опредѣляя ея особенность понятіемъ православія, со времени уніи, отправляясь отъ той же православной точки зрѣнія въ національномъ самосознаніи, южанинъ постепенно опредѣляетъ и уясняетъ свое *я*, какъ человѣка отличнаго по національности и отъ другихъ, хотя бы и близкихъ ему, сосѣдей. Православіе было отправной точкой въ опредѣленіи понятій Украина, украинецъ, понятій, получившихъ господство уже въ послѣдующую историческую эпоху южно-русской жизни. Конецъ XVI и начало XVII вв.—время едва, едва пробивающагося народнаго сознанія въ смыслѣ развитія пониманія своего національнаго *я*, время, когда робкими шагами, почти незамѣтными штрихами проскальзываетъ это сознаніе въ литературную, полемическую дѣятельность южной Руси. Провославіе и его защита—вотъ еще вся сумма общественныхъ убѣжденій южанина, но при этой защитѣ говорится не только о догматахъ и обрядахъ православной вѣры. Нѣтъ..... строятся уже логическіе выводы изъ требованій православной религіи и относятся къ строю и порядкамъ общественной жизни, опредѣляя общественныя воззрѣнія южно-русса на эту жизнь, ея историческія и бытовыя условія.

Полемисты не только спорятъ о догматѣ filioque или о чистилищѣ, они заговариваютъ о народѣ, о литературномъ языкѣ, о школѣ, о наукѣ — они затрагиваютъ общественные вопросы. Однимъ изъ главныхъ и самыхъ крупныхъ представителей этой эпохи южно-русскаго самосознанія былъ Іоаннъ Вишенскій, въ чемъ его основное значеніе, какъ писателя конца XVI и начала XVII вв., отсюда сильныя и слабыя стороны его литературной дѣятельности.

Мы не будемъ останавливаться спеціально на вопросѣ, каковъ объемъ представленій о православіи и его нуждахъ былъ у Вишенскаго. Намъ гораздо важнѣе выдѣлить черты, такъ сказать, свѣтскихъ взглядовъ Вишенскаго или тѣхъ православныхъ понятій, которыя имѣли тѣсное общеніе съ общественными воззрѣніями автора. Мы уже упоминали, что понятіе—православный объединялось съ понятіемъ—русскій. То и другое понятіе тождественны въ устахъ Іоанна. Одинъ только разъ противуполагаетъ онъ южноруссa и великоросса; для провѣрки православнаго чудотворства онъ предлагаетъ извѣстному писателю Скаргѣ: „пойди, Скарго, въ великую Россію“, а потомъ „доступи въ Кіевѣ въ монастырь печерскій... не ленися и выспрашивай о святыхъ оныхъ чюдотворствомъ мало неравно великороссійскимъ отъ Бога почтенныхъ“ [1]). Но дальше сопоставленія Вишенскій не идетъ въ опредѣленіи національныхъ противоположносностей. —Унія внесла путаницу въ эти понятія о православномъ и русскомъ. Русскіе принимаютъ унію. Кто же они такіе? Тождество понятій нарушено. Какъ же рѣшаетъ вопросъ объ уніи, какъ религіозномъ признакѣ національности, Іоаннъ Вишенскій? Несмотря на всѣ увѣренія католическаго духовенства и поклонниковъ уніи, что весь смыслъ соединенія православія съ католичествомъ кроется въ одномъ признаніи главенства папы, Вишенскій считаетъ это за выдумку. Ему кажется это неправдой, а унія объединяется въ его понятіи съ католичествомъ. Унитъ, католикъ, врагъ православія, становясь неправославнымъ человѣкомъ, является въ представленіи Іоанна и нерусскимъ человѣкомъ. Но

---

[1]) Голубевъ П. Могила. Прилож. 93.

Вишенскому приходилось касаться вопроса объ уніи въ часы самаго сильнаго увлеченія уніатствомъ со стороны южно-русскаго шляхетства и духовенства. Отсюда страстные призывы Іоанна къ своимъ соотечественникамъ оставаться въ родной вѣрѣ, не уходить отъ роднаго племени, оставаться православными и русскими людьми, отсюда — рѣзкія выходки и ругательства на отступниковъ восточной вѣры, русской народности. „Да прокляти будутъ владыки, архимандрити, игумени, восклицаетъ Іоаннъ Вишенскій, которіе монастырѣ позапустѣвали и фолварки собѣ зъ мѣстъ святыхъ починили, и сами толко зъ слугавинами и пріятелми ся въ нихъ тѣлесне и скотски переховываютъ; на мѣстохъ святыхъ лежачи, гроши збираютъ; съ тыхъ доходовъ, на богомолци Христовы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готуютъ, сыны одѣваютъ, пріятелѣ обогачуютъ, карети зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ, роскошъ свою поганскіи исполняютъ. А въ монастырѣ рѣкъ и потоковъ, въ молитвѣ къ небесному кругу текущихъ, иноческаго чина, по закону церковному видѣти нѣсть, и мѣсто бденія пѣсни и молитвы и торжества духовнаго—псы выютъ, гласятъ и ликуютъ!... Не все ли превратися въ поганское безвѣріе,—и слѣдъ христіанскаго житія исчезе и погибе? Владыки бо безбожные, вмѣсто правила книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господни день и нощъ надъ статутами и лжею увесь вѣкъ свой упражняютъ и погубляютъ, и вмѣсто богословія и вниманія настоящаго житія, прелести, хитрости человѣческія, лжи, щекарства и прокурацій діаволскаго празнословія и угожденія ся учатъ“ [1]). Такими словами характеризуетъ Вишенскій отступниковъ духовнаго сана. Не лучше было и съ панствомъ, которое увлекалось общеніемъ съ католичествомъ и польскимъ шляхетствомъ. И тѣхъ, и другихъ, удалявшихся православія, Іоаннъ клеймитъ озлобленнымъ словомъ, какъ русскихъ людей—измѣнниковъ, переставшихъ быть русскими людьми. Слушателямъ своимъ и „прочитателямъ“ Вишенскій говоритъ: „спасайтеся братія моя возлюбленная, вѣрное стадо Христово, роде избранный, языку святый, царское освященіе,

[1]) Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 225, 226.

людіе обновленія, русскій благочестивый народе, сами [1]). Не попы бо насъ спасутъ или владыки, или митрополиты, но вѣры таинство нашея православныя съ храненіемъ заповѣдей Божіихъ— тое насъ спасти маетъ" [2]). Не находя достаточной поддержки православію въ высшихъ классахъ южно-русскаго общества и южно-русскаго духовенства, Вишенскій долженъ былъ съ тѣмъ большею любовію, съ особеннымъ вниманіемъ обращаться къ непривилегированнымъ классамъ южно-русскаго общества, стать защитникомъ болѣе бѣднаго населенія, низшихъ классовъ бѣдствующей Руси, сиромахъ и хлоповъ. Идеи демократизма, въ своемъ примитивномъ видѣ, обозначившіяся въ южно-русской литературѣ конца XVI вѣка, отправной точкой своей имѣли все тоже православіе, изъ основныхъ положеній, формулъ и образовъ котораго выводились литературой XVI—XVII вв., такъ сказать, первоначальные народническіе идеалы для южно-русскаго общества. Іоаннъ въ одномъ изъ своихъ посланій разсказываетъ о томъ, почему Христосъ родился „нищетно": для „того, говоритъ полемистъ, ся тѣлеснымъ сыномъ (Іисусъ) зоветъ, абы тые, которіе суть королевскіе и княжацкіе сынове, надъ кожемячиныхъ сыновъ не возносили и лѣпшими не чинилися; для того на гною, въ вертепѣ, безъ слугъ, въ пелющицахъ ся родитъ, а бы тые, которіе на подушкахъ мягкихъ, въ замкахъ, дворахъ и коштовныхъ гмахахъ при многу слугъ и дворянъ въ тонкихъ китайкахъ и у полотнахъ надъ убогихъ сиротски, голо и безъ достатку всякаго родячихся лѣпшими не чинилися [3]). И авторъ переходитъ дальше къ самымъ страстнымъ нападкамъ на неравенство людей между собою: „якже ся вы духовными а не только духовными, але и вѣрными звати можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единое матере благодати ровно зъ собою породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете, и ни за што быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, шевцами на поруганіе прозываете. Добре, нехай будетъ хлопъ, кожемяка, сѣдельникъ и швецъ, але въспомяните,

[1]) Акты Ю. и З. Р, т. II, стр. 241
[2]) Ibidem, стр. 210.
[3]) Ibidem, стр. 240.

якъ братъ вамъ ровный во всемъ есть" [1]). И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно доказать, если не „гордой хулой и дменіемъ" разницу между хлопомъ и паномъ? „Чимъ же ты лѣпшій отъ хлопа, албо ты не хлопъ такій же, скажи ми" [2])? Вишенскій любитъ сравнивать враговъ православія съ „дѣдичами", русскихъ съ серомахами, странниками [3]). Ему дороги эти странники, бидолахи, болитъ за нихъ его сердце; „сами изъ гостьми своими пресыщаете, говоритъ Іоаннъ привилегированному классу, а сироты церковные алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволи рочнего обходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтми ся стискаютъ, оброку собѣ уймуютъ, боячися, да ихъ хлѣба до пришлого урожаю дотягнетъ" [4]). „Не ваши милости ли, продолжаетъ Іоаннъ свою защиту бѣдняковъ, сами обнажаете изъ оборы конѣ, волы, овцы, у бѣдныхъ подданныхъ волочите дани пѣняжные; дани пота и труда отъ нихъ вытягаете, отъ нихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните; а сами яко идоли на одномъ мѣстцю присѣдите, или если и трафится того труппа оидолотвореннаго на другое мѣстце перенести на колыскахъ, якъ бы и дома сѣдячи, безскорбно преносите; а бѣдные подданные и день, и ночь на васъ трудятъ и мучятъ; которыхъ кровъ, силы и праци и подвига выссавши и нагыхъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утръфинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници—подданные и простой сермяжки доброй, чимъ бы наготу покрыти могли, не маютъ! Вы ихъ пота мѣшки полны грошми золотыми, талярми, полталярки, орты, четвертаки и потройники напыхаете, суммы докладаете; въ шкатулахъ мѣстца, гдѣ бы которой особѣ съ тыхъ помененныхъ годное было почивати, роспрavуете; а тые бѣдници шелюга, за што соли купити, не ма-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. II, стр. 239.

[2]) Ibidem.

[3]) Напримѣръ см. у Голубева. П. Могила, прилож. стр. 189 и т. п.

[4]) Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 230.

ютъ" [1]). Страстную защиту бѣднаго люду Іоаннъ заканчиваетъ словами: „глаголетъ Владыко Господь Саваоѳъ, о горе моцнымъ и преложонымъ въ лядской земли!"

Но мы должны ограничить возможность и сознательно разносторонне охваченныхъ демократическихъ убѣжденій у Іоанна Вишенскаго и его современниковъ; пока выступала защита бѣднаго люду, сиромахъ и сиротъ православныхъ, по христіанской любви и благочестію возбуждавшихъ искреннее участіе въ своихъ соотчичахъ. Сословно—демократическія понятія Вишенскаго, какъ признакъ національнаго самосознанія, не отдѣляются отъ православной точки зрѣнія, да и нападки автора въ защиту хлоповъ идутъ главнымъ образомъ не на панство, а на духовенство, возмущавшее автора своей измѣной родной вѣрѣ и „непотребнымъ житіемъ". Іоаннъ Вишенскій едвали шелъ въ народническихъ представленіяхъ дальше воззрѣній своего современника, автора „Перестроги", такъ опредѣленно высказавшаго свой взлядъ на взаимныя отношенія пановъ и ихъ слугъ словами: „естли слуга поревнуетъ пану по добродѣтели, почитанъ будетъ и любитъ его панъ; а естли панству, ровнатися похочетъ, изгнанъ будетъ вонъ" [2]). Только трудно, и было, и есть, и будетъ отыскать слугѣ панскую добродѣтель.....

Мы уже приводили обращеніе Іоанна къ своимъ слушателямъ, выраженное словами — братія моя возлюбленная, роде избранный, языку святый, русскій благочестивый народе [3]). Въ самомъ дѣлѣ, понятія „русскій народъ" и „православный—благочестивый народъ" были тождественны въ сознаніи Вишенскаго, какъ идея національной обособленности. Но только какъ идея.... Мы видѣли, что обстановка и историческія условія южно-русской жизни уже нарушили это тождество. Кромѣ тождества вѣры и народности у Вишенскаго было идеальное представленіе о тождествѣ языка съ этою русскою вѣрою и православною народностію. „Мы же есмо сосудъ избранный, языкъ святый" [4]). Этотъ

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 230.

[2]) Акты Зап. Рос., т. IV, стр. 226.

[3]) Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 241.

[4]) Архивъ Юго-зап. Р., ч. I, т. VII, стр. 25.

святой языкъ — языкъ славянскій. Представленіе о славянскомъ языкѣ, какъ тождественномъ православной народности нарушено было изстари. Мы, собственно говоря, не можемъ установить момента, объединяющаго эти два понятія и славянскаго языка, какъ исключительнаго органа южно-русской мысли. Знаемъ только что съ появленія печатнаго дѣла въ южной и западной Руси явилась и „русская мова", русская рѣчь, сознательно отличаемая отъ славянской рѣчи и безсознательно охватывавшая всякаго южанина—грамотѣя, даже желавшаго и стремившагося писать и поучать исключительно на славянскомъ языкѣ. Рядомъ съ этимъ безсознательнымъ вліяніемъ народной русской рѣчи на славянскую съ начала XVI в. шло сознательное стремленіе писать и переводить съ иноземнаго языка не славянскимъ словомъ, а рѣчью русскою, какъ въ Библіи Скорины, евангеліяхъ Пересопницкомъ, Хорошевскомъ и др. [1]). Съ этой поры, съ начала южно-русской письменности XVI вѣка выступаетъ „русская мова" и широко вливается въ славянскій строй рѣчи, уже безъ того принявшій израньше много прежнихъ русскихъ народныхъ элементовъ въ складъ своего языка. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и живѣе проникаетъ потокъ народной рѣчи, русской рѣчи въ славянскую рѣчь. Но идеаломъ языка объединяющаго южно-русскія національныя идеи — православіе и русскую народность оставался славянскій языкъ во всю эпоху XVI и XVII вв. Такъ смотрѣли и враги православія на славянскій языкъ. Скарга въ своей знаменитой книгѣ „O jedności kościelu" [2]), страстно нападаетъ на славянскій языкъ, какъ на представителя православной вѣры и русской народности. „Еще не было, говоритъ онъ, на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ и не разумѣетъ писаннаго на немъ? На немъ нѣтъ ни грамматики, ни риторики и быть не можетъ. Попы русскіе на немъ отправляютъ богослуженіе а сами не въ силахъ объ-

---

[1]) „Кіев. Стар." 1882 г. № 11, стр. 282, 283.

[2]) Изд. 1577 г. Голубевъ, П. Могила. Прилож. стр. 145.

яснить, что они въ церкви читаютъ, и даже принуждены бываютъ у другихъ спрашивать объясненій по польски. У нихъ съ славянскимъ языкомъ и вся наука въ томъ, что бы выучиться читать кое какъ: въ этомъ ихъ все духовное совершенство. Вотъ откуда и невѣжество, и заблужденія; съ этимъ языкомъ выходитъ, что слѣпой слѣпаго ведетъ" [1]). Понятно, что такіе отзывы вызвали со стороны Вишенскаго очень горячую защиту роднаго ему славянскаго языка. Онъ умоляетъ своихъ читателей, (среди нихъ были люди, которымъ славянскій языкъ даже „обмерзѣлъ"), уважать и сохранять въ чистотѣ славянскую рѣчь. Мало что Скарга наговорилъ, мало что онъ „въ своихъ аеро— вымыслныхъ книжкахъ укорилъ, ижъ мы Русь словенскаго языка не розумѣемъ" [2]). Неправда... Вы, моя возлюбленная братія, русскій благочестивый народъ: „евангелія и апостола въ церкви на литургіи не выворочайте... книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволъ толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва; радъ бы его до тщеты погубилъ, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду и ненависть приведетъ; и што нѣкоторіе наши на словенскій языкъ хулять и не любять—да знаешъ запевно, яко того майстра дѣйствомъ и рычаніемъ, духа его поднявши творять. А то для того діаволъ на словенскій языкъ борбу тую маетъ, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководство, се же есть — кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, дьявола въ мѣстныхъ простымъ, прилѣжнымъ читаніемъ безъ всякаго ухищренія къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе будеть и духа святаго подъемлеть" [3]). Да.... діаволъ руками враговъ православія и русской народности воздвигалъ гоненіе на славянскую рѣчь, святой языкъ. Языкъ этотъ нужно защищать съ тою же силою и энергіею, какъ и неразрывно связанные съ ними понятія пра-

---

[1]) Костомаровъ, Моногр. т. III, стр. 214—215.

[2]) Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 71.

[3]) Акты Южн. и Зап. Р., т. II. стр. 210.

вославія и русской народности. Мы видѣли уже, что формула перваго тождества была нарушена въ дѣйствительной жизни южно-русскаго общества XVI—XVII вв. Также нарушено было идеальное тождество понятій: православная вѣра, русская народность, славянскій языкъ. Южно-русская народная рѣчь, мы говорили, широко проникала въ южно-русскіе памятники XVI—XVII вв.; да и самъ защитникъ чистоты славянскаго языка пишетъ рѣчью, обильно воспринявшею народные обороты, самую фразелогію южно-русской рѣчи. Вишенскому приходится въ силу обстоятельствъ и складывавшейся жизни указать, что если нельзя евангелія и апостола выворачивать простымъ языкомъ въ церкви на литургіи, то можно толковать и „выкладать попросту" эти же Евангелія и Апостолъ „по литургіи для вырозумѣнья людского" [1]). Славянская благочестивая рѣчь въ началѣ XVII в. была уже полна свѣтскими, народными и иноземными вліяніями: „якъ поляцы у свой языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которые южъ и простые люди зъ налогу уживаютъ, такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживаютъ" [2]).

Первый моментъ націольнаго южно-русскаго самосознанія застаетъ въ вопросахъ языка отрѣшеніе отъ чистаго славянскаго языка, въ смыслѣ того времени, и широкое привнесеніе элементовъ народной южно-русской и чужеземной рѣчи. Такимъ образомъ второй членъ идеальнаго тождества—славянскій языкъ нарушенъ былъ въ своей идеальной неприкосновенности.

Основное понятіе южно-русскаго національнаго—православіе въ разсматриваемую нами эпоху нельзя сказать, чтобы охватывало всѣ элементы южнорусскаго общества. Протестантизмъ, позже социніанство и кальвинизмъ, даже раціональныя ученія разныхъ западныхъ сектъ имѣли широкій доступъ въ среду южнорусской интеллигенціи и городскихъ жителей, подрывая не только основы православной вѣры, но и христіанской религіи. Низшіе слои населенія удерживали остатки язычества подъ

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. II, стр. 210.

[2]) Акты Зап. Р., т. IV, стр. 229.

тѣми или иными новыми формами христіанскаго обряда и привычекъ общежитія: самъ Вишенскій указываетъ на обычаи коляды, волочельнаго, щедрого вечера, купальнаго дня, на нѣкоторыя погребальныя торжества и народныя увеселенія языческаго характера [1]), обычаи, не утратившіе своего значенія до нашихъ дней. Истинное православіе en tout было въ идеалѣ религіозно-общественныхъ мыслителей того времени. Особливо нужно признать это положеніе для среды южнорусскаго панства: извѣстный ревнитель православія Константинъ Острожскій можетъ служить характернымъ примѣромъ отсутствія цѣльности воззрѣній въ дѣлахъ православной вѣры. Для насъ интересны, впрочемъ, не столько вопросы исключительно религіознаго характера, сколько вопросы православія въ связи съ вопросами науки, школы и образованности времени Іоанна Вишенскаго. Въ самомъ дѣлѣ, наука и православная вѣра въ представленіи православныхъ южнорусскихъ мыслителей объединялись. Идея эта шла изстари, тянулась черезъ весь періодъ южнорусской письменности предъидущаго времени съ самаго принятія христіанства, какъ наслѣдіе византійски-православныхъ воззрѣній на науку и религію. Учиться нужно только тому, о чемъ говоритъ православіе, въ объемѣ его религіозныхъ воззрѣній и богослужебныхъ обрядовъ. Внѣ этого—наука „премудрость міра сего“ есть „буйство у Бога“ [2]), „глупство передъ Богомъ“ [3]), поэтому „если ся кто мнимаетъ быти мудръ въ вѣцѣ семъ, говоритъ Вишенскій, нехай ся учинить кглупымъ, яко ничого не знаючимъ,—тогда будеть мудръ“ [4]). Таковы были идеалы византійско-православнаго характера, къ счастью для южной Руси оставшимися почти всегда не осуществимыми идеалами религіозныхъ мыслителей. А эти мыслители, особенно въ трудныя эпохи борьбы съ иновѣріемъ, какъ и Іоаннъ Вишенскій, доходили еще до болѣе аскетическихъ воззрѣній на науку и просвѣщеніе: Вишенскій въ „Позорищѣ мысленномъ“ разсуждаетъ,

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Россіи, стр. 223—224.

[2]) Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 127.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. II, стр. 207.

[4]) Ibidem.

что къ просвѣщенію, а затѣмъ къ крайнему верховнѣйшему благословію одинъ путь—очищеніе, которое достигается иночествомъ и пещерножитіемъ [1]). „Блазняйся да блазнится, говоритъ одинъ писатель начала XVII в., но горе глаголющимъ свѣтъ тьму". Идеалы православной науки Вишенскаго и современныхъ подобныхъ ему мыслителей нельзя признать идеалами свѣта и для того немного ученаго времени, хотя бы даже такіе идеалы Вишенскимъ и его современниками подвовлялись и поддерживались въ угоду національной самозащиты... Такъ „глаголали", но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Наука, просвѣщеніе, школа проникали изъ западной Европы въ южную Русь черезъ Польшу. Они широкою волною входили на Русь вмѣстѣ съ религіозными и культурными вліяніями запада, подымали вопросы вѣры, человѣческой пытливости, будили новыя настроенія, вносили новое знаніе, побуждали раздвигать рамки школьнаго дѣла на нашей родинѣ. Наука того времени, особенно наука, прошедшая предѣлы Польши, гдѣ съ конца XVI в. она сосредоточилась главнымъ образомъ въ рукахъ іезуитовъ, была наукой схоластической. Въ такомъ видѣ, какъ союзницу богословія и богословскихъ, католическихъ хитросплетеній, получала ее южная Русь. Но какъ бы то ни было, эта формальная наука имѣла свою хорошую сторону,—въ ней была широко развита научная методологія, она упорядочивала матеріалъ богословскаго знанія; для самой борьбы съ искусившимися въ своей наукѣ іезуитами и католическимъ духовенствомъ нужно было принять эту науку, чтобы православію выступить равнымъ оружіемъ съ врагами родной вѣры. Это поняли южно-русскіе мыслители могилянскаго періода и взяли въ свои руки то, что до той поры принадлежало только ихъ счастливымъ соперникамъ. Религіозные полемисты предъидущаго времени, отъ нихъ же первый Іоаннъ Вишенскій, рѣшительно отвергли всякое общеніе съ наукой своихъ болѣе просвѣщенныхъ враговъ. Замѣтимъ при томъ, что они отвергали не только, такъ сказать, католическую науку, они отвергали и то западное просвѣщеніе, которое коренилось на протестанствѣ, просвѣщеніе, давшее самой Польшѣ сильный

[1]) Архивъ Юго-зап. Рос., ч. I, т. VII, стр. 39.

толчекъ къ подъему литературнаго развитія и культуры въ XVI вѣкѣ, золотомъ періодѣ польской литературы и жизни. А протестантское просвѣщеніе проникало въ то время на южную Русь вмѣстѣ съ западными религіозными и раціоналистическими вліяніями. И этотъ умственный запасъ западныхъ идей и знанія отвергался въ началѣ XVII в. мыслителями типа Іоанна Вишенскаго, какъ и самимъ Вишенскимъ. „Чи не лѣпше тобѣ, говоритъ Іоаннъ, изучити часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангелие, съ инними церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона, и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати и въ геенну отъити? Разсуди! милъ ся видитъ—лѣпше есть ани аза знати, только бы до Христа дотиснути"....[1]). У католиковъ и ихъ послѣдователей „въ мѣсто засъ евангелской проповѣди, апостолской науки и святыхъ закона и ограниченья цноты и учтивости сумненія христіанского, нинѣ поганскіе учители Аристотели, Платоны и другіе тымъ подобные машкарники и комидійники въ дворехъ Христа Бога владѣютъ"[2]). Латынникъ „убо многыми языки и поганскими даскалы, Платономъ, Аристотелемъ и прочіими прелести ихъ послѣдующими да ся хвалитъ и возноситъ; ты же, совѣтуетъ Вишенскій, простый, неученный и смиренный русине, простого и нехитрого евангелія ся крѣпко держи, въ немъ же животъ вѣчный тебѣ сокровенно есть"[3]). Молю и напоминаю любовь вашу, увѣщеваетъ Вишенскій, дайте место и фундаментъ въ разумѣ вашемъ православной вѣрѣ, и никакоже не единымъ козиѣмъ и хитростѣмъ словеснаго баснословія, отъ духопрелѣстного источника отрицающимъ, самомнимаго разума вѣруйте"[4]). Всѣ рѣчи сводились къ тому, что „философія поганская, Аристотелева наука, слово Божіе выворочаетъ и инако вѣрити кажетъ"[5]). Мы „глупая Русь вашего костела, разума и хитрости не хочемъ, и на ваше жродло поганскихъ наукъ, которое славу

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Р. т. II стр. 210.

[2]) Ibidem, стр. 224, 225.

[3]) Ibidem, стр. 257.

[4]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I т. VII стр. 25.

[5]) Акты Запад. Р., т. IV стр. 235.

свѣта сего гонитъ, не лакомимося и единитися отъ благочестивые вѣры (въ прелестную) хотя бы по своей воли и хотѣли, але отъ зазренія совѣсти и отъ возбраненія святого апостола Павла, учителя нашего, не можемъ, лѣпше во очію вашу за глупыхъ, нерозумныхъ, простыхъ, и ничтоже хитровати въ вѣце семъ не разумѣючихъ, укореныхъ, неразумныхъ и безчещеныхъ отъ васъ быти изволяемо, только спасенія живота вѣчнаго да наслѣдуемъ, и и правду евангелскую, и науку апостольскую съ вѣрою прародителей нашихъ до исхода смертного цѣло заховати и съдержати (мы сами и потомки наши) вѣдуйте обѣцуемъ" [1]). Что же такое, если костелъ латинскій пользуется благополучіемъ? И тутъ виновата дьявольская наука.... „Для того косцелъ латинскій щасливъ, ижъ смиренную науку Христову разорилъ, а поганскую ухватилъ" [2]). Пусть же мы, Русь, лучше останемся глупыми... „Не соромѣйтеся отъ міродержца умудреннымъ, совѣтуетъ Вишенскій, сія досады терпѣти, молю васъ, то есть, яко Русь проста, глупа и ненаказанна,—только въ вѣрѣ православной да ся знаходите. Не скорбите о сей досадѣ и укоризнѣ не мало" [3]).

Объяснять причину такой горячей защиты простоты и глупости не зачѣмъ. Нужно было спасти свое національное *я* и на первыхъ ступеняхъ борьбы за него приходилось прибѣгать къ самимъ рѣшительнымъ средствамъ вражды противъ научнаго западнаго знанія; эти средства, какъ мы увидимъ, уже и во время Вишенскаго казались недостаточными. Но имъ находили поддержку и въ священныхъ писаніяхъ ап. Павла [4]), и въ священномъ примѣрѣ..... „Христосъ збавитель нашъ, говоритъ авторъ Перестроги, не объявился мудрымъ фарисеемъ и книжникомъ, але убогимъ и неученымъ, абы не мудростью Аристотелевою поганскою, але смиренномудростію Духа Святого божество свое показалъ" [5]). Такимъ образомъ, въ вопросахъ науки и просвѣщенія, по мнѣнію Вишенскаго, оставался одинъ выходъ: „будьте себѣ мудрыи ла-

---

[1]) Голубевъ. П. Могила. Прилож. стр. 79.

[2]) Ibidem стр. 104.

[3]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I, т. VII, стр. 25.

[4]) Голубевъ, П. Могила. Прилож. 101 и т. п.

[5]) Ак. Зап. Р., т. IV, стр. 230.

тинниче, за своею вѣрою и мудростію, кромѣ насъ, мы жь съ своею вѣрою и апостольскимъ глупствомъ, кромѣ васъ [1])....

Южно-русская жизнь, между тѣмъ, уже признала необходимость просвѣщенія и южно-русской школы. Новое просвѣщеніе и новая школа ютились въ XVI в., или при братствахъ, или въ маетностяхъ самыхъ выдающихся ревнителей православно-русскаго дѣла при заводимыхъ всюду на югѣ и западѣ типографіяхъ. Опредѣленной программы школьнаго дѣла не было, тѣмъ менѣе можно было уложить въ рамки общее просвѣтительное вліяніе запада на южную Русь. Распространеніе знанія, школьнаго и типографскаго дѣла на родинѣ Іоанна не могло не отразиться на самыхъ отношеніяхъ Вишенскаго къ просвѣтительному дѣлу родины. Для защиты православія онъ, самъ литераторъ, предлагаетъ печатать книги, особенно сборникъ, „то есть зобраные всѣ таемницѣ невѣдомые разныхъ часовъ, албо справованье, реченье отъ Христа Спасителя или ученикъ его, святыхъ апостолъ или святыхъ богоносныхъ отецъ; толкъ и разумъ о всемъ порядку церкве православное, до всего цѣлаго року въ словахъ раздѣленыхъ обходячи кругъ годищный на едно смутити надлежитъ, и будетъ книга соборникъ, надъ которую нѣсть потребнѣйшее въ нашей церкви, и безъ нѣе, яже глава безъ очей, ничтоже видѣти, или вѣдати не можемъ".... [2]).

Высказываетъ Вишенскій мнѣніе и болѣе рѣшительное, что нужно своихъ единомышленниковъ православной вѣры поддерживать въ началахъ истины и правовѣрія: „вѣдомостью нашего православія, писаніемъ, наукою, друкованіемъ книгъ, училищи и довольствъ отъ избытковъ нашихъ" [3]). По вопросу объ училищахъ Вишенскій, конечно, относится отрицательно къ латинскимъ школамъ [4]). Указываетъ онъ и недостатки современныхъ южно-русскихъ школъ, что тамъ учениковъ „пользуютъ черниломъ хитрости, (а не Духа Святого словесы) вспитанные школые казнодѣи, которые зъ латинской ереси себѣ способъ ухвативши, заразъ

---

[1]) Голубевъ П. Могила. Прилож., стр. 79.

[2]) Ibidem. стр. 75.

[3]) Ibidem стр. 113.

[4]) Ibidem., стр. 102, 103 и др.

школы баютъ, проповѣдуютъ и учатъ, а полѣ ровнаго и безстрастнаго житія не хочютъ, и тотъ слѣдъ, изображенный святыми (по отправѣ школное науки) отвергли. Первое, церковному послѣдованію, въ славославію, благодареніе и молитвѣ не потребны суть, ни бо умѣютъ у церкви не читаты, а ни пѣти"....[1]). Вишенскій отъ этихъ наукъ не видитъ толку и печалуется, что не даютъ онѣ церковно-служителей, а людей, которые только „литорскіе байки знаютъ". Львовскимъ фундаторамъ благочестія Вишенскій совѣтуетъ такъ: „въ первыхъ, церковного послѣдованія, славословія и благочестія узаконити дѣтемъ научити; таже утвердивши сумненія вѣры благочестивыми догматы, тогда внѣшнихъ хитростей для вѣдомости касатися не возбраняти. Не бо азъ хулю грамотичное ученіе и ключь къ познанію складовъ и речей, якоже нѣцыи мнятъ и подобно глаголютъ: занеже самъ не учился, того ради и намъ завидитъ и возбраняетъ. Сей же гласъ, мню, въ первыхъ панъ Виталій, казнодѣя Волынскій, отрыгалъ. Но азъ о семъ ничтоже печалую, ниже о поносѣ и униженіи брегу, ниже о лжи, завистнымъ именемъ налагаемой, смущаюся; само бо существо тѣсного пути слѣда, ведущаго въ животъ вѣчный, да извѣститъ когождо. Не бо о сромотѣ учащихъся азъ глаголю: да не отпадутъ благочестія утверждаю; еже пострадаша мнози, извѣстно вѣстѣ. Что бо быхъ завидѣти мѣлъ духовъ злобныхъ поднебесныхъ, аеровъ воздушныхъ ученію, въ погибель влекущихъ,—евангельскій разумъ Христовъ въ помыслѣ вѣры вдрузивши и тѣснымъ путемъ, вѣдущимъ въ животъ вѣчный пошедши: сіе знаменіе, яко лгутъ отъ зависти. Мнѣ бо довляетъ простый и нехитрый Христосъ, въ немъ же вся сокровища премудрости и разума...... Тако подобно да мниши и о мнѣ, — о пристрозѣ яже глаголалъ; и не вѣдомость хулю художества, але хулю, што теперешніе наши новые русскіе философы не знаютъ въ церкви ничтоже читати, ни тое самое псалтыри, ни часлослова. А знать, если-бы хто што строхи и зналъ, якъ ножъ досягнетъ стиха якого басней аристотельскихъ, тогды южъ псалтыри читати ся соромѣетъ, и прочее правило церковное ни за что вмѣняетъ, а

[1]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I., т. VII стр. 28.

яко простое и дурное разумѣетъ. А тежъ не вижу инших, толко простою наукою нашего благочестія воспитавшіеся, тые и подвигъ церковный носятъ и отправуютъ; а латинскихъ басней ученицы, зовемыи казнодѣи, трудитися въ церкви не хочють, толко комедіи строютъ и играютъ. И не дивно, приведу притчю: коли южъ хто наказанія внѣшняго страха досяглъ, подобенъ коневи, въ стайни хованному и на узахъ держанному, который, часу пролетного дождавши, коли траву ощутитъ и выпущенъ будетъ, не вѣда якъ ся поймати дастъ отъ игранья, скаканья и шаленья, ради своевольное владности“ [1]). Съ такими оговорками соглашается Вишенскій, что школьное дѣло, пожалуй, важно и нужно. Характерно его оправданіе, будто вѣдомости то художества онъ не хулитъ.... Если и признать его оправданіе, что посуществу онъ науки не отрицаетъ, то однако желаніе Вишенскаго насадить еллинскую мудрость среди своихъ соотечественниковъ можно видѣть только съ нѣкоторою натяжкою изъ слѣдующихъ словъ самого полемиста: „по простотѣ нашего благочестія вѣры, боячися, жебы есте дѣти свои хитростію и ересію латинскою не отравили и не поморили, залецаю вамъ православнымъ правовѣрную школу, и пораду даю, чого ся учити имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли, и по васъ благочестіе задержали, и христіянство своей вѣры не стратили. Въ первыхъ ключь, или грецую, или словенскую грамматику да учатъ. По грамматицѣ же, во мѣсто лживое діалектикы (зъ бѣлого чорное, а зъ чорного бѣлое претворяти учащее) тогда бо учатъ богомолебного и празднословного часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силогизмъ и велерѣчивое реторики, тогда учатъ богоугодно молебный псалтырь; во мѣсто философіи, надворные и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учатъ плачивый и смиреномудривый охтаикъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, осмогласникъ: таже конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ, дѣлное богословіе; тогда учатъ святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I т. VII, стр. 28—30.

слухи (рѣчь упремудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу Духа святаго влагати въ слышащихъ сердца"[1]).

Между тѣмъ, нападки Вишенскаго на западное знаніе, какъ на одну только мерзость бѣсовскую, въ большинствѣ случаевъ не раздѣлялось его современниками, что и самого Вишенскаго заставило сдѣлать указанія на значеніе для борьбы съ иновѣріемъ печатанія книгъ и нѣкоторыя уступки въ пользу школьнаго дѣла. Да и правда..... времена были уже не тѣ, чтобы можно было удовлетворяться исключительно одною духовною наукою въ формѣ православнаго, апостольскаго вѣроученія. Сознавалось, что „велми много зашкодило панству русскому (въ борьбѣ за свою вѣру) же не могли школъ и наукъ посполитыхъ розширяти, и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогды бы за невѣдомостію своею не пришли до таковые погибели"[2]). А еще раньше такъ ясно выраженнаго сознанія въ полезности и необходимости науки въ національной южно-русской борьбѣ одинъ львовскій братчикъ на брестскомъ соборѣ громогласно заявлялъ, что „теперь школы на всихъ мистахъ закладаються, и шпители будуються, и церкви муруються"[3]).

Вопросы науки, просвѣщенія, школьнаго обученія становятся съ того времени признакомъ національнаго дѣла—борьбы за южнорусскую самостоятельность. Идеалъ Вишенскаго и въ данномъ случаѣ предположилъ идентичность понятій—православіе, наука, но процессъ разединенія этихъ понятій уже начался въ его періодъ, и самому Вишенскому пришлось идти на уступки, вызываемыя самимъ настроеніемъ южно-русскаго общества.

Отмѣченныя нами проявленія общественныхъ воззрѣній Вишенскаго сводятся къ такимъ основнымъ положеніямъ.

Въ южно-русской общественной жизни былъ когда то, до времени Вишенскаго и другихъ литературныхъ дѣятелей его эпохи, моментъ, признаемъ его идеальнымъ моментомъ, когда понятія православія, русской народности и славянскаго языка были синонимичны и объединялись, какъ объемъ національнаго самосоз-

---

[1]) Голубевъ. П. Могила. Прилож. стр. 72—73.

[2]) Акты Зап. Р. т. IV, стр. 204.

[3]) Ibidem стр. 223.

нанія южно-русскаго общества. XVI вѣкъ создаетъ историческія условія бурной и многознаменательной эпохи, отразившіяся прежде всего на объемѣ и содержаніи національнаго самосознанія южноруссовъ; начинается процессъ разложенія синонимичности этихъ понятій и раскрытіе содержанія самихъ понятій, вливаются въ сознаніе южно-русскаго общества новыя понятія, осложняется процессъ жизни новыми условіями и борьбой съ внѣшними врагами этого общества. Съ момента, когда этотъ процессъ начался, начинаетъ опредѣляться южно-русское національное самосознаніе, уже не какъ пассивное *я*, а какъ активная сознательная единица племенная и самостоятельная. Это разложеніе цѣльности южно-русскаго національнаго самосознанія сослужило свою службу: на протяженіи всей послѣдующей жизни украинской земли идетъ въ національномъ смыслѣ процессъ постепеннаго разобщенія старой синонимичности понятій національизма и детальнаго опредѣленія содержанія понятій — православная вѣра, русскій народъ, славянскій языкъ. Этотъ процессъ позже осложнился, когда пришлось опредѣлять уже не „родовыя особенности русской жизни", а „видовыя черты мѣстной малорусской жизни" [1]). Процессъ этотъ не закончился до сихъ поръ, но съ того времени каждый новый періодъ южно-русской борьбы обозначался сознательнѣе, идея національности все больше и больше становилась широкою и крѣпла въ сознаніи современниковъ. Начало указаннаго періода было именно въ эпоху уніи и перваго времени многолѣтней, многотрудной борьбы южно-русса за счастье своей родной земли.

Къ первымъ литературнымъ и наиболѣе характернымъ памятникамъ этого начальнаго момента въ развитіи южно-русскаго національнаго самосознанія относятся сочиненія Іоанна Вишенскаго. Вишенскій зналъ южно-русское общество, когда въ немъ были уже русскіе — неправославные, славянскій языкъ уступалъ все болѣе и болѣе широкому вліянію южно-русскаго языка, одна наука православной апостольской вѣры не удовлетворяла уже пытливости современниковъ и требованіямъ эпохи, а основа

---

[1]) „Кіев. Стар." 1888 г. № 12 стр. 405.

всего міровоззрѣнія южно-русскаго общества — православіе — подвергалось сильному и рѣшительному натиску со стороны католической Польши и иновѣрческихъ ученій. Мы говорили, какъ Вишенскій искалъ идеала въ прошломъ, которое казалось ему совершеннымъ выполненіемъ правовѣрія въ византійски—православномъ смыслѣ, какъ современныя мысли и условія жизни поставили Іоанна въ необходимость коснуться въ иномъ смыслѣ общественныхъ, волновавшихъ южную Русь, вопросовъ. И Вишенскій, и его современники, первые начинатели національнаго южно-русскаго дѣла, оставили своимъ наслѣдникамъ завѣтомъ вопросы о народности, вопросы о родномъ языкѣ, о школѣ и о „посполитомъ" просвѣщеніи, какъ первые признаки національнаго южно-русскаго дѣла; и эти же начинатели напоминаютъ своимъ наслѣдникамъ, что прошло съ того времени три вѣка, и одними этими вопросами ограничиваться теперь нѣтъ у нихъ никакого нравственнаго права.

И. П. Житецкій.

С.-Петербургъ
8-е апрѣля 1890 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. Какъ извѣстно, въ Кіевѣ съ начала нынѣшняго столѣтія до шестидесятыхъ годовъ существовалъ постоянный польскій театръ. Представленія давались въ особо приспособленномъ для этой цѣли домѣ Гудимъ-Левковича, стоявшемъ на мѣстѣ нынѣшней Европейской гостинницы. Описаніе этого зданія находится въ «Описаніи Кіева» Закревскаго.

Въ двадцатыхъ годахъ антрепренеромъ польской труппы, игравшей въ Кіевѣ, былъ нѣкто Александръ Ленкавскій. Среди бумагъ центральнаго архива университета св. Владиміра сохранились театральныя афиши за два года его антрепренерства—1823 и 1827 г. и часть афишъ за 1816-й годъ, всего въ количествѣ 163 нумеровъ [1]). По этимъ афишамъ можно составить нѣкоторое представленіе о ходѣ театральнаго дѣла въ Кіевѣ въ началѣ настоящаго столѣтія.

Особенность репертуара кіевской польской труппы состоитъ въ необыкновенномъ его разнообразіи. Кромѣ драмъ, мелодрамъ, трагедій, трагикомедій, комедій и водевилей, на афишахъ мы встрѣчаемъ довольно часто оперы, комическія оперы, и, изрѣдка, пантомимы, интермедіи и балетъ. Такимъ образомъ польскій театръ замѣнялъ собой нынѣшнія кіевскія оперу, оперетку и драматическое общество, при чемъ одни и тѣ же исполнители выступали на сценѣ то какъ пѣвцы, то какъ драматическіе актеры. Такая всесторонность, свойственная и въ настоящее время нашимъ захолустнымъ театральнымъ труппамъ, гово-

---

[1]) Афиши иныя написаны, иныя напечатаны каждая на двухъ языкахъ—русскомъ и польскомъ. Вверху помѣщается русская часть объявленія, внизу польская, болѣе подробная. Заглавія пьесъ переведены на русскій языкъ иногда очень неправильно, напр.—Теорикъ безъ практики, Мужъ пустынникомъ и т. п. Указаніемъ на нихъ мы обязаны И. М. Каманину.

ритъ противъ особенно художественнаго исполненія польскими актерами своихъ ролей. На послѣднее качество труппы, повидимому, вовсе не разсчитывалъ самъ антрепренеръ Ленкавскій: въ своихъ объявленіяхъ онъ старается заинтересовать и привлечь въ театръ публику громкимъ именемъ автора пьесы, занимательностью ея дѣйствія, ея сценичностью и, особенно, ея новизною. За исключеніемъ немногихъ, пьесы ставились вторично рѣдко, и почти на каждой афишѣ красуется, что такого то числа актеры польскіе подъ дирекціей г-на Ленкавскаго будутъ имѣть честь представить «въ первый разъ новую еще неигранную на здѣшнемъ театрѣ»... драму, оперу или оперетку. Само собой разумѣется, что для того, чтобы постоянно занимать публику театральными новинками, труппа должна была имѣть значительный запасъ пьесъ и пополнять послѣдній непрерывно [1]).

Большинство драмъ, мелодрамъ и трагедій, разыгранныхъ на кіевской сценѣ въ 1823 и 1827 гг., принадлежитъ къ произведеніямъ романтической школы. Драматическое дѣйствіе ихъ отличается таинственностью, загадочностью и сверхъестественностью, и совершается въ наводящей ужасъ обстановкѣ — ночью, въ горахъ или лѣсу; рѣдкая изъ нихъ обходится безъ таинственныхъ незнакомцевъ, тѣни предковъ, разбойниковъ... Характеръ пьесъ виденъ по самымъ заглавіямъ въ родѣ: «Аббелино или ужасной бандитъ венеціанской», «Заговоръ темляровъ или ужасной незнакомецъ», «Ужасная тѣнь Кляры», «Ужасная тѣнь Ринальда или фантомъ» и т. под. Большое значеніе антрепренеръ придавалъ сценичности пьесы: на афишѣ заблаговременно отмѣчалось для публики, что въ такой то драмѣ будетъ много живописныхъ картинъ и смѣнъ дѣйствія, будутъ массовыя движенія на сценѣ: марши, танцы, хоры, а иногда и баталіи [2]).

---

[1]) Изъ сохранившагося прошенія антрепренера Ленкавскаго къ кіевскому губернатору видно, что Ленкавскій подалъ въ 1823 году въ цензуру министерства внутреннихъ дѣлъ разомъ 172 новыхъ, еще неигранныхъ въ Кіевѣ, театральныхъ пьесы. Въ скоромъ времени губернаторъ возвратилъ Ленкавскому чрезъ полицію 70 изъ упоминаемыхъ здѣсь пьесъ. Остальныя 102, повидимому, не пропущены цензурой, такъ какъ, передавая черезъ полицію разрѣшенныхъ 70 пьесъ, губернаторъ приказываетъ послѣдней смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ кіевскомъ театрѣ не давалось недозволенныхъ представленій.

[2]) Такъ напримѣръ; „Матильда де-Гизбахъ, героич. драма въ V д. Со сраженіемъ"; въ другой афишѣ объявляется, что въ истор. драмѣ „Блокада Смоленска" (Вейсентурма) на сценѣ произойдетъ подъ музыку сраженіе, будутъ пѣть козаки и т. д.

Гораздо чаще, чѣмъ драмы, мелодрамы и трагедіи, кіевская труппа ставила комедіи, водевили, оперетки и оперы. Большинство оперъ принадлежитъ къ числу „волшебныхъ" т. е. полны духовъ, нимфъ, музъ, русалокъ, тѣней предковъ, всевозможныхъ превращеній и другихъ чудесъ. Особенно часто повторялась передѣлка длиннѣйшей нѣмецкой оперы: „Donauweibchen" подъ заглавіемъ „Днѣстровая русалка (Syrena Dniestru)". Въ оперѣ этой Краснодива, королева Днѣстра, появляется въ восемнадцати перемѣнахъ: въ видѣ русалки днѣстровой, старой гадальщицы, царицы русалокъ, богини рѣки, прабабки семейства Одровонжъ, молодой садовницы, королевы звѣздъ, молодой мазурки и т. д. Почти въ столькихъ же видахъ является на сценѣ дочь Краснодивы Любухна. При всей своей нелѣпости «Русалка Днѣстровая» имѣла подражаніе въ видѣ тоже очень часто ставившейся оперы: «Украинка или волшебной замокъ». Повидимому, публикѣ нравились фантастичность и декоративность дѣйствія, почему актеры не упускали случая вставить отъ себя въ пьесу побольше красивыхъ картинъ и превращеній, какъ это было, напримѣръ, съ оперой Дмушевскаго: «Король Локетекъ или Висличанка» [1]).

Среди обширнаго репертуара труппы Ленкавскаго пьесъ, принадлежащихъ польскимъ авторамъ, очень мало. За указанные два года мы не встрѣчаемъ на афишахъ названія ни одной польской драмы, мелодрамы или трагедіи. Изъ польскихъ оперъ и оперетокъ пользова-

---

[1]) Въ 1823-мъ году опера эта ставилась въ день коронаціи имп. Александра I. Примѣнительно къ высокоторжественности дня въ оперу къ прежнимъ картинамъ прибавлено нѣсколько новыхъ. Всѣхъ ихъ девять. Озаглавлены картины: Cienie czyli sen Hinkona", и смѣняются во время сна Гинкона Барки, полководца польскаго короля Владислава Локетка (въ 1305 г.). Интересны эти картины. Вотъ какъ онѣ описаны на афишѣ: 1 картина. Во время сна Гинкона привидѣніе прикладываетъ стилетъ къ его груди; видѣнія его окружаютъ; фуріи хотятъ его разорвать, но при пѣніи пѣтуха все исчезаетъ. 2 карт. Являются Нимфы, которыя вѣнчаютъ гирляндами Владислава. 3 карт. Является Казиміръ Великій. 4 карт. Богатырь русскій подаетъ руку польскому. Шведъ на нихъ смотритъ со страхомъ. Нимфы ихъ окружаютъ и строятъ алтарь миру, на которомъ геній приноситъ жертву. 5 картина. Двѣнадцать геніевъ съ флагами съ именами двѣнадцати польскихъ богатырей. 6 карт. Бѣгство турокъ изъ подъ Вѣны. 7 карт. Сатурнъ и Минерва изображаютъ 18-й вѣкъ. 9 карт. Императорскій гербъ Александра I.

Висличане (жители г. Вислицы, около котораго происходитъ дѣйствіе) преклоняютъ предъ нимъ колѣна. Гинконъ пробуждается, и опера идетъ далѣе своимъ порядкомъ.

лись успѣхомъ и чаще другихъ появлялись на сценѣ: опера Дмушевскаго: «Король Локетекъ или Вислячанка», оперетка Богуславскаго, музыка Эльснеръ: «Мнимое чудо или краковяки и горали» (Cud mniemany czyli Kracowiacy i Gorale) [1]). Изъ комедій польскихъ авторовъ мы находимъ только три комедіи Дмушевскаго: «Жаль усовъ» (Szkoda wonsów), «Плакса и Веселовскій» (Plaksa i Wiesołowski) и «Уланъ». Комедіи эти часто ставились «по желанію публики» вмѣстѣ съ двумя передѣлками Жолковского: комедіей водевилемъ въ 1 д. съ франц. Левріеръ Шампріона—«Асмодейчикъ или чертенокъ розоваго цвѣта» и «Знатокъ всего безъ пользы или теорикъ(!) безъ практики», съ нѣмецкой комедіи Коцебу. Въ репертуарѣ комедій есть еще десятка два передѣлокъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ и не мало переводовъ. Между тѣмъ, здѣсь, по неизвѣстной причинѣ, отсутствуютъ произведенія оригинальныхъ польскихъ театральныхъ писателей Заблоцкаго, Богуславскаго, Фредра.

Среди переводныхъ и передѣланныхъ пьесъ встрѣчаются, хотя изрѣдка, произведенія знаменитыхъ европейскихъ писателей. Такимъ образомъ, мы находимъ драмы Шекспира: «Гамлетъ» и «Графъ Эссексъ», Шиллера: «Карлъ Мооръ или разбойники въ лѣсахъ богемскихъ» («великая историческая, написанная съ дѣйствительнаго приключенія—трагедія»), траг. «Желѣзная Маска или тайна Бастиліи» и буффоморальную комедію «Рѣдкіе невольники или чудное произшествіе днемъ передъ сраженіемъ»; Скриба—ком. «Секретарь и поваръ»; переводы двухъ комедій Мольера: «Скупой», «Два философа» и четыре передѣлки комедій этого писателя: «Лѣкарь въ любви, или слуга въ тревогѣ», «Обманутый опекунъ или школа женщинъ», «Барышни щеголихи», «Судъ войта или оборотный адвокатъ», и драму Расина «Титово милосердіе». Особенно же посчастливилось на кіевскомъ театрѣ изъ иностранныхъ драматурговъ нѣмецкому писателю Коцебу, противъ увлеченія которымъ въ Россіи въ началѣ столѣтія возставалъ Карамзинъ въ «Вѣстникѣ Европы». Драмы Коцебу, его комедіи и водевили, составляютъ значительную частъ репертуара кіевской труппы

---

[1]) Кромѣ того встрѣчаются: Замокъ на Чорной Горѣ или Бойоміръ и Ванда, большая опера въ 3 дѣйств. муз. Курпинскаго, Александръ и Апеллесъ—опера въ стихахъ съ живописными картинами, слова Дмушевскаго муз. Курпинскаго. Судя по содержанію, взятому изъ польской жизни, принадлежатъ польскимъ авторамъ: Деревенскія Героини или возвращеніе съ плѣну въ отечество оп. въ 3 д., Косцюшко надъ Секваною оп. въ 2 д. и Благодарность или возвращеніе добраго господина, опера въ 3 дѣйств.

за указанные выше годы [1]). Изъ другихъ произведеній иностранныхъ писателей встрѣчаются по нѣсколько разъ: переведенная съ нѣмецкаго большая трагедія въ 5 д. «Аббелино или ужасной разбойникъ венеціанскій», бол. героич. опера Дювалья «Іосифъ въ Египтѣ», бол. историч. опера, музыка Херубини «Водовозъ или два дня въ тревогѣ», съ франц. опера въ 1 д. «Два слова или ужасная ночь въ лѣсу", большая комич. опера съ итал., музыка Россини «Цырульникъ Севильской», нѣм. трагикомедія «Донъ Жуанъ или наказанный вольнодумецъ», съ франц. комедія въ I дѣйствіи «Старой комендантъ въ хлопотахъ».

Въ кіевскомъ театрѣ изрѣдка давались представленія на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Въ 1823-мъ году, польская труппа восемь разъ играла на русскомъ языкѣ. Шли по нѣсколько разъ: оперетка Аблесимова: «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» и оперетка Княжнина (муз. Титова) въ двухъ частяхъ: «Ямъ или Филаткина свадьба ч. I» и «Посидѣлки или Филаткина свадьба ч. II». Оперетки эти ставились «по желанію публики» и, очевидно, удовлетворяли пробуждавшемуся въ то время интересу къ народности.

Кромѣ нихъ давались еще двѣ русскія комическія оперы «Новое семейство» и «Алхимистъ или одинъ за семерыхъ». Въ этихъ спектакляхъ принималъ участіе также русскій актеръ Огаревъ.

Въ 1823 г. 2 марта впервые, какъ сказано на афишѣ, представлена была въ Кіевѣ „новая опера во многихъ явленіяхъ, на малороссійскомъ нарѣчіи, въ 2 дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ «Украинка или волшебной замокъ». Имени автора ея не названо. Опера эта, вѣроятно, понравилась публикѣ, потому что впослѣдствіи ставилась еще не разъ. Въ афишѣ отъ 22 іюня 1827 г. «Украинка» называется большой веселой волшебной оперой, составленной въ подобіе «Русалокъ» при томъ уже въ трехъ дѣйствіяхъ, вмѣсто прежнихъ двухъ, и написанной не на одномъ малорусскомъ языкѣ, но и на польскомъ.

---

[1]) Вотъ названія этихъ произведеній Коцебу: трагедіи—„Карлъ XII подъ Бендерами", „Октавія, или истинная дочь отечества", „Поляки въ Испаніи" („съ истиннаго происшествія"), „Сынъ любви", историч. драма въ двухъ частяхъ—ч. I „Дѣвы Солнца или Кора и Алонзо", ч. II. „Смерть Роллы или Испанцы въ Перу"; пародія на драму Коцебу—„Гусситы подъ Гамбургомъ"; комедіи его: „Разсѣянный", „Провинціалъ первый разъ въ столицѣ или Интермеццо", „Слѣпой зарядъ", „Четыре часовые", „Наука для мужей или ревнивая жена", „Шутки пажа", „Все знающій безъ пользы или теорикъ(!) безъ практики", „Суматоха", „Зеркало или ревнивый мужъ", „Бѣдность и благородство души"....

Помимо того, сравненіе обѣихъ афишъ показываетъ, что дѣйствующія лица въ «Украинкѣ» не всегда были однѣ и тѣ же[1]). Повидимому опера эта не имѣла устойчиваго содержанія и состояла изъ ряда картинъ и явленій, которыя антрепренеръ измѣнилъ по своему усмотрѣнію «въ подобіе русалокъ», какъ сказано на одной афишѣ, т. е. старался сдѣлать «Украинку» возможно болѣе живописной и фантастической оперой. Замѣчательна эта опера не столько потому, что заимствуетъ свой сюжетъ изъ украинской старины, согласно стремленіямъ тогдашняго романтизма къ народности и старинѣ съ ихъ суевѣріями и преданіями, сколько тѣмъ, что является однимъ изъ раннихъ случаевъ выведенія на сцену малорусскаго языка[2]).

Кромѣ названія представленія, именъ дѣйствующихъ лицъ, обозначенія цѣнъ и т. под., на афишахъ польскаго кіевскаго театра часто попадаются обращенія труппы къ публикѣ. Артистъ въ день своего бенефиса непремѣнно печаталъ на афишѣ болѣе или

---

[1]) Чтобы можно было точнѣе судить объ этой оперѣ, привожу въ подлинникѣ двѣ афиши съ объявленіемъ о ней.

Съ дозволенія начальства. 1823 г. марта 2-го, актеры польскіе подъ управленіемъ г. Ленкавскаго будутъ имѣть честь представить неигранную на здѣшнемъ театрѣ новую оперу во многихъ явленіяхъ, на малороссійскомъ нарѣчіи, въ 2 дѣйствіяхъ, подъ названіемъ:

Украинка или Волшебной Замокъ:

Дѣйствующія лица:

Графъ Любоміръ, владѣтель имѣній.
Завиша—управитель.
Елена—его жена.
Петръ—камердинеръ графа.
Яковъ—слуга въ замкѣ.
Украинка въ разныхъ перемѣнахъ.
Гуляка украинецъ.
Неизвѣстный.
Духъ Адальберга дѣда Любоміра.
Дамы, козаки дворскіе.

Змѣи, духи, рыцари въ огняхъ фейверковыхъ и разныхъ цвѣтахъ, дворовые, пажи, козаки, крестьяне.

1827 г. іюля 22-го... поставлена будетъ большая веселая волшебная опера на малороссійскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ въ 3 дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

Рыцарь Гримиславъ, помѣщ. на Украинѣ.
Людомила, его племянница въ разныхъ видахъ, какъ-то: молодого козака, мол. цыганки, хорошенькой пастушки, краковяка, дѣвушки украинки, генія розоваго, королевы волшебствъ.
Любоміръ, князь.
Завиша, дворецкій.
Виславъ и Буримиръ—рыцари.
Кристина, ключница.
Козаки, дѣвки, дворскія.

Пустынникъ, тѣнь дѣдича замка, рыцари, мары.

[2]) Украинской старины касается также поставленная въ 1823 г. въ первый разъ въ Кіевѣ драма въ 3 д. „Елена или разбойники на Украинѣ“. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ здѣсь выступаютъ Гонта и гайдамаки.

менѣе длинное и велерѣчивое воззваніе къ публикѣ, въ которомъ, указывая на достоинства и занимательность избранной имъ для бенефиса пьесы, просилъ сдѣлать ему добро—посѣтить театръ въ тотъ вечеръ и быть снисходительной при оцѣнкѣ его игры. Актеръ Рекановскій печатаетъ такое обращеніе къ публикѣ: «Пьеса, выбранная мною на свой бенефисъ непремѣнно доставитъ пріятное зрѣлище и удовольствіе почтеннымъ зрителямъ, счастье же мое зависитъ только отъ васъ, почтенная публика». Другіе бенефиціанты точно также заканчиваютъ свои длинные похвалы бенефисной пьесѣ увѣренностью, что великолѣпіе ея сверхъ ихъ заслугъ сотворитъ имъ многочисленныхъ «благодѣтелей».

Изъ встрѣчающихся на афишахъ обращеній антрепренеровъ кіевскаго театра къ публикѣ можно видѣть, что въ матеріальномъ отношеніи дѣла театра шли скверно. Въ 1816 г. повышеніе цѣнъ на оперу Дюваля «Іосифъ въ Египтѣ» на афишѣ объяснено разстройствомъ дѣлъ труппы. Въ 1823 г., ставя представленіе въ свою пользу, Ленкавскій объясняетъ этотъ поступокъ понесенными имъ большими потерями отъ непосѣщенія театра публикой, при большихъ расходахъ съ его стороны на постоянное улучшеніе театральнаго дѣла. Великій постъ настолько разстроилъ финансы Ленкавскаго, что въ маѣ того же года онъ печатаетъ, выражаясь фигурно, что если публика не поддержитъ его, то: «строеніе, едва начинающее возноситься, неизбѣжно должно будетъ разрушиться». Въ ноябрѣ 1823 года онъ опять жалуется на непосѣщеніе театра публикой и отсутствіе поддержки со стороны кіевлянъ. «Мое желаніе, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать доказательства истиннаго служенія дѣлу, утвердивши пріятную забаву на здѣшнемъ театрѣ. Но безъ поддержки достопочтенныхъ обывателей этой губерніи и просвѣщенной публики города Кіева, это намѣреніе не можетъ достичь цѣли. Посему отдаю судьбу сцены національной и свой трудъ на попеченіе этой публики, которая всегда умѣла хорошо цѣнить намѣренія и возникающіе таланты».

Однако эти воззванія мало достигали цѣли, и мы видимъ, что чрезъ четыре года, 1827 г., Ленкавскій опять говоритъ о своемъ критическомъ положеніи и простираетъ убѣдительнѣйшую просьбу къ высокопочтеннымъ обывателямъ г. Кіева—удостоить по своимъ природнымъ чувствамъ принять участіе въ поправленіи его разстроеннаго состоянія и въ поддержаніи драматической сцены.

По нашимъ сборникамъ афишъ можно замѣтить нѣкоторыя подробности кіевскихъ театральныхъ порядковъ. Мы видимъ, напри-

мѣръ, что иногда игра актеровъ въ Кіевѣ соединялась съ пѣніемъ и танцами проѣзжихъ артистовъ и танцоровъ. Такъ, въ 1823 г. между дѣйствіями представленія въ театрѣ пѣли артистка львовскаго театра Герлетцъ и пѣвецъ Крулинскій, и давала большой концертъ г-жа Каталани. Въ томъ же 1823 г. въ антрактахъ на сценѣ проѣзжая танцорка Крулинская исполнила русскую пляску и французскую пляску съ шалью, танцовали также нѣкто Матюсскій и нѣсколько танцорокъ.

По высокоторжественнымъ днямъ театръ былъ иллюминованъ и представленіе заканчивалось хоровымъ пѣніемъ трудною гимна: «Ты воцарился царь желанный». Иногда пьесы соотвѣтствовали торжественности дня. Такъ, въ день тезоименитства гос. Александра I-го на сценѣ шла драма Расина «Титово милосердіе», въ день тезоименитства великаго князя Николая Павловича была поставлена опера Дмушевскаго «Александръ и Апеллесъ» съ живыми картинами. Входъ въ эти дни въ театръ или на одну только галлерею былъ безплатный. Годовой абониментъ въ кіевскомъ театрѣ начинался съ 1-го октября. Абонементная плата за сто представленій въ годъ была: за ложу верхнюю—500 руб., за нижнюю—450 р. и за галлерейную 250 руб.; Годовой билетъ въ кресло стоилъ 200 р. и въ партеръ—100 р. При отдѣльномъ посѣщеніи театра ложа верхняя стоила 12—25 р., нижняя—10—20 руб. и галлерейная—4—10 руб., мѣсто въ креслахъ шло въ 4—8 руб., въ партерѣ—2—5 р. и въ галлереѣ всегда въ 1 руб. Частыя повышенія платы за посѣщеніе театра антрепренеръ объяснялъ расходами на постановку пьесы или необходимостью поправить свои стѣсненныя обстоятельства. Представленія давались круглый годъ, даже лѣтомъ, прерываясь только на время великаго поста. Афиши для театра печатались въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ—всего въ сотнѣ.

Сообщаемыя свѣдѣнія о кіевской польской сценѣ, конечно, скудны, по недостатку источниковъ, но, можетъ быть, и онѣ пригодятся для будущаго историка кіевскаго театра. **П. Т.**

Къ исторіи нѣжинскихъ грековъ. Еще Богданъ Хмельницкій понялъ, что предпріимчивые и оборотливые греки могли значительно способствовать оживленію украинской торговли, а потому онъ разославъ въ 1657 году по Украинѣ универсалъ, строго запрещавшій кому бы то ни было подавать жалобы на грековъ-купцовъ, «по мѣстамъ и мѣстечкахъ украинныхъ гандле отправуючихъ, альбо перемешкива-

ючихъ,» въ полковые, сотенные и городовые суды, и позволившій грекамъ судиться «въ справахъ купецкихъ» и въ дѣлахъ со служащею у нихъ челядью собственнымъ судомъ, дабы таковою привилегіею пріохотить ихъ пріѣзжать «въ нашу сторону зъ разными товарами» и быть чрезъ это «выгодою людемъ». Въ томъ-же году Богданъ Хмельницкій позволилъ двумъ греческимъ купцамъ безпошлинно торговать по всей Украинѣ, уплативши лишь «належачую повинность» въ гетманскую казну. Гетманъ Иванъ Выговскій распространилъ это частное право въ 1658 году на всѣхъ греческихъ купцовъ, затѣмъ привилегіи эти были подтверждены универсалами Юрія Хмельницкаго и Павла Тетери. Иванъ Брюховецкій нѣсколько ограничилъ права грековъ, подчинивши ихъ въ спорахъ съ украинцами мѣстнымъ судамъ. Иванъ Самойловичъ подтвердилъ всѣ прежніе универсалы, предоставивъ, впрочемъ, греческимъ купцамъ право апеллировать на рѣшенія собственнаго ихъ суда малороссійскому генеральному суду. Мазепа подчинилъ грековъ въ уголовныхъ дѣлахъ генеральному суду, а затѣмъ подтвердилъ всѣ прежнія ихъ права.

Съ 1696 года греки окончательно избрали своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ Нѣжинъ: въ этомъ году они получили окончательную санкцію отъ кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго на основанное еще въ 1687 году церковное братство; *основали школу для обученія дѣтей греческой грамотѣ и богадѣльню.* Мазепа со своей стороны подтвердилъ всѣ пункты грамоты митрополита Варлаама Ясинскаго.

Всѣ прежде данныя льготы были подтверждены послѣдовательно въ 1709 году гетманомъ Иваномъ Скоропадскимъ, въ 1729 г. гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ, въ 1741 г. Генеральной Войсковой Канцеляріей, въ 1751 г. гетманомъ графомъ Кирилломъ Разумовскимъ [1]). Въ 1769 г. вышелъ указъ сената о нечиненіи нѣжинскому греческому братству обидъ и притѣсненій [2]). Въ 1775 году 10-го февраля состоялось высочайшее утвержденіе, согласно докладу сената, всѣхъ грамотъ, данныхъ греческому нѣжинскому братству, по представленію Румянцева [3]), о чемъ и были увѣдомлены малороссійская коллегія и Румянцевъ слѣдующимъ указомъ отъ 7 мая 1775 года:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената Малороссійской Коллегіи. По

---

[1]) Акты Греческаго Нѣжинскаго Братства. К. 1884.

[2]) Полн. собр. зак. № 13397.

[3]) Полн. собр. зак. № 14247.

имянному Ея Императорскаго Величества указу, состоявшемуся въ 10-й день февраля мѣсяца сего года на поднесенномъ отъ сената докладѣ, коимъ представлено было о подтвержденіи по мнѣнію генералъ губернатора и кавалера графа Петра Александровича Румянцова и по прошенію живущихъ въ городѣ Нѣжинѣ грековъ, пожалованныхъ имъ грамотъ съ дополненіемъ слѣдующимъ:

1-е Хотя о печати братскаго суда по-нынѣ отъ нихъ прошенія и не было, но какъ оная для коммерческой ихъ корреспонденціи необходимо нужна, то для сего обстоятельства сенатъ разсуждаетъ: братской ихъ судъ снабдить казенною печатью съ гербомъ и съ надписью слѣдующею: «печать Ея Императорскаго Величества суда нѣжинскаго греческаго братства». 2-е. Чтобы всемилостивѣйше дозволено было имъ грекамъ торговать внутри Россіи, однакожъ тѣмъ только, кои состоятъ въ вѣчномъ россійскомъ подданствѣ и живутъ въ Нѣжинѣ домами, и въ вѣрности Ея Императорскому Величеству учинили присягу, торговать свободно внутри Россіи и пользоваться всѣми тѣми преимуществами, каковыми россійское купечество пользуется, на основаніи таможеннаго устава и прочихъ слѣдующихъ о купечествѣ узаконеній. 3-е. Дабы генеральный судъ, въ противность высочайше пожалованныхъ имъ 1710 и 1742 годовъ грамотъ, ни въ какія ихъ дѣла, кромѣ криминальныхъ, отнюдь не вступалъ, то оному суду отнынѣ впредь того не чинить. Въ случаѣ же, когда-бы греческое братство чего—либо собою рѣшить не могло или на рѣшеніе онаго по такимъ дѣламъ, кои имъ самимъ рѣшить дозволено, показано было отъ него неудовольство и апеляцію, то имѣютъ быть такія дѣла взносимы и рѣшены прямо въ малороссійской коллегіи. 4-е. А какъ въ вышеупомянутыхъ высочайшихъ грамотахъ о судѣ и расправѣ узаконено, что имъ грекамъ судиться самимъ токмо между собою и челядью ихъ, а того не объяснено, гдѣ должны судиться россійскіе съ греками, или греки съ россійскими людьми, то въ объясненіе тѣхъ грамотъ отнынѣ впредь имъ нѣжинскимъ грекамъ съ россійскими купцами по ихъ купеческимъ обрядамъ разбираться въ нѣжинскомъ словесномъ судѣ, а въ случаѣ формальнаго суда вѣдаться какъ одной, такъ и другой сторонѣ въ надлежащихъ мѣстахъ по законамъ. 5-е. Нѣжинскому магистрату подтвердить, чтобъ онъ съ нѣжинскихъ грековъ, вступившихъ въ вѣчное подданство, проѣзжей пошлины, такъ какъ съ пріѣзжающихъ на время изъ-за-границы, въ противность торговаго устава, не требовалъ и въ дачѣ пашпортовъ ни малѣйшей остановки не чинилъ, а поступалъ бы во всемъ по даннымъ имъ жа-

лованнымъ грамотамъ, не дѣлая отнюдь никакихъ примѣтокъ, обидъ и налоговъ, дабы поступая съ ними во всемъ по точности высочайшихъ грамотъ, тѣмъ удобнѣе можно было въ прочихъ грекахъ возбудить охоту переселяться въ подданство россійское. 6-е. Что же слѣдуетъ до преимущества живущихъ въ Нѣжинѣ грековъ присягою въ вѣрности обязавшихся во всякихъ ихъ порядкахъ предъ пріѣзжающими для торгу и на время въ Нѣжинъ греками, то оное высочайшею грамотою, въ 1742 году данною, имъ уже дозволено, слѣдовательно и остается сіе положеніе на томъ же положеніи, по которому и въ братскомъ ихъ судѣ присутствовать имъ однимъ только вступившимъ въ здѣшнее подданство грекамъ, тѣмъ наипаче, что не вступившій въ подданство и не учиня въ вѣрности присяги не можетъ никто допущенъ быть судьею. Но дабы между живущими въ Нѣжинѣ и временно туда пріѣзжающими греками случающееся несогласіе прекращено, а братская любовь и союзъ возстановлены были, то и пріѣзжающимъ на время въ Нѣжинъ для торгу купцамъ грекамъ пользоваться тѣмижъ выгодами, каковыми живущимъ тамо высочайшими грамотами пользоваться дозволено, кромѣ безпошлиннаго торга и засѣданія въ судѣ. 7-е. Остающееся въ разныхъ россійскихъ городахъ послѣ умершихъ или арестованныхъ грековъ имѣніе отдавать въ оное братство, токмо послѣ тѣхъ умершихъ или арестованныхъ грековъ, кои прямое свое жительство имѣли въ Нѣжинѣ и подлинно записаны въ нѣжинское братство, а на время бы оттуда отлучились оставшееся имѣніе отдавать въ то братство дозвояется для распредѣленія оного, кому принадлежать будетъ, то есть: наслѣдникамъ ли законнымъ, или кредиторамъ, съ вѣрными доказательствами являющимся, однакожъ въ такомъ только случаѣ, естьли грекъ нѣжинскаго братства, въ которомъ либо россійскомъ городѣ умретъ, а къ имѣнію его въ томъ мѣстѣ отъ кредиторовъ и ни отъ кого никакой претензіи предъявлено не будетъ. Ежели же какая претензія тамо отъ кого либо на то имѣніе окажется, то, не отсылая оного въ помянутое греческое братство, удовольствіе изъ того имѣнія претендующимъ чинить по законамъ въ томъ правительствѣ, гдѣ таковый нѣжинскій грекъ умретъ. До прочихъ же грековъ, кои хотя бы выѣхали и сперва поселились въ Нѣжинѣ, но послѣ выѣхали въ другіе города, тамо поселились и домами живутъ, нѣжинскому братству дѣла не имѣть и изъ оного какъ донынѣ выбывшихъ исключить, такъ и впредь выбываемыхъ исключать же и до остающихся по смерти ихъ имѣній не касатся, но вѣдать оныя въ томъ правительствѣ, гдѣ таковой пріѣз-

жій умретъ. На которомъ докладѣ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако: быть по сему. Правительствующій Сенатъ приказали: для непремѣннаго по оному Высочайшему Ея Императорскаго Величества имянному указу исполненія къ господамъ генералъ-губернаторамъ малороссійскому и кіевскому, также въ Малороссійскую Коллегію и въ нѣжинскій магистратъ послать указы, кои и посланы. Маія 7 дня 1775 года.

Оберъ-секретарь Алексѣй Ильинъ. Секретарь Иванъ Туманскій. Регистраторъ Яковъ Боровскій», **Н. Стороженко.**

Къ вопросу о колонизаціи лѣвобережной Украины. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью обратить вниманіе на одинъ документъ, не безъинтересный, какъ кажется, для изучающихъ исторію колонизаціи лѣвобережной Украины.

Въ москов. архивѣ минист. юстиціи сохранилось нѣсколько *разборныхъ книгъ* черкасамъ, составленныхъ въ 1660 году (ихъ не видали ни Н. И. Костомаровъ, ни Д. И. Багалѣй). Въ этомъ году въ Украину по грамотѣ изъ Разряда за приписью дьяка Василія Брехова явился для разбора черкасъ, поселившихся въ лѣвобережной Украинѣ, московскій дворянинъ Романъ Владиміровичъ Игнатьевъ [1]). Нашлось пока десять разборныхъ книгъ его составленія: четыре отъ 19 марта 1660 г., двѣ отъ 26 марта, двѣ отъ 2 апрѣля и двѣ отъ 18 апрѣля того же года. 20 мая 1660 г. эти книги уже были поданы въ Разрядѣ самимъ Р. В. Игнатьевымъ, что видно изъ помѣтъ на нихъ. Эти книги состоятъ изъ простаго перечисленія именъ черкасъ и представляютъ прежде всего интересъ *статистическій.* Съ этой именно стороны мы ими и воспользуемся.

Г. Путивль.

Книга № 1 [2]) перечисляетъ черкасъ *путивльскихъ,* которымъ велено служить полковую службу вмѣстѣ съ черниговцами и путивльцами, дворянами и дѣтьми боярскими.

Полковой службы:	
Атаманъ. . .	1
1) *Сотникъ*. . .	1
Рядовые. . .	62

Кромѣ способныхъ служить полковую службу у разбора объявились пѣшіе *пу-*

---

[1]) Для руководства Р. В Игнатьевъ получилъ отъ мѣстнаго воеводы списки за рукою послѣдняго.

[2]) Листы 1—13.

2) *Сотникъ*	1
Рядовые	39
3) *Сотникъ*	1
Рядовые	33
4) *Сотникъ*	1
Рядовые	87
Итого	226 ч.

тивельскіе, терновскіе черкасы, о которыхъ атаманъ, сотники и урядчики сказали, что ихъ «съ полковую Вел. Государя службу не будетъ». Такихъ оказалось 43 чел.

Такимъ образомъ всего въ Путивлѣ у разбора оказалось 269 черкасъ.

Г. Каменный.

Книга № 2 (съ помѣтой «изъ книгъ... выписать на перечень» [1]) перечисляетъ *каменскихъ* черкасъ, полковыхъ козаковъ (нынѣ с. Каменное, лебединскаго уѣзда, харьковской губ. См. «Списки насел. мѣстъ» хар. губ. № 2644; срв. Географ. слов. Щекатова I, 145 и Семенова II, 463; въ XVII в. городъ см. подроб. у Д. И. Багалѣя «Очерки» М. 1887) на коняхъ и съ ружьемъ, а также пѣшихъ, послѣ осаднаго времени и татарской войны поселившихся въ г. Каменномъ на посадѣ съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье.

Изъ села Подолевъ:

конные	6 чел.
пѣшіе	108 »
атаманъ	1 »
сотникъ	1 »

Изъ села Будищъ:

конные	86 чел.
атаманъ	1 »

Изъ села Капустина:

конные	33 чел.
пѣшіе	12 »
атаманъ	1 »

Изъ дер. Бобрички:

атаманъ	1 чел.
сотникъ	1 »
рядовые (конные?)	23 »

Изъ дер. Роменца:

атаманъ	1 чел.
конные	9 »

Изъ села Пилиповой Гатьки:

атаманъ	1 чел.
конные	12 »

Изъ села Плѣшивца:

атаманъ	1 чел.
сотникъ	1 »
конные	87 »

Изъ села Цепковъ:

атаманъ	1 чел.
конные	42 »

Изъ села Подставокъ:

атаманъ	1 чел.
конные	21 »

Прописанные въ воеводскомъ спискѣ:

изъ села Капустина: 10 чел. новики 137 чел.

изъ села Плѣшивца: 27 чел.

изъ села Подставокъ:

конные	6 чел.
пѣшіе	15 чел.

[1]) Листы 14—28.

А всего въ Каменномъ разобрано было 646 черкасъ.

Въ концѣ этой книги приписано: «а у смотру сказали каменскіе атаманы и сотники и урядчики и рядовые черкасы-козаки въ осадное (время) и въ татарскую войну побито каменскихъ козаковъ и померло и сошли съ голоду съ женами и съ дѣтьми въ государевы украинные городы 262 человѣка» [1]).

Книга № 3 [2]) перечисляетъ мѣщанъ и пашенныхъ людей, поселившихся въ г. Каменномъ на посадѣ послѣ осаднаго времени и татарской войны. Разборъ произведенъ былъ по допросу атамановъ, сотниковъ и рядчиковъ.

Мѣщанъ изъ села Подолекъ	11 ч.	Мѣщ. изъ с. Филиппов.Гатьки	4 ч.
Пашенныхъ людей	7 ч.	Пашенныхъ людей . . .	3 ч.
Мѣщанъ изъ села Капустина	7 ч.	Мѣщанъ изъ села Ценковъ .	3 ч.
Пашенныхъ людей . . .	4 ч.	Пашенныхъ людей	3 ч.
Мѣщанъ изъ села Будищъ .	20 ч.	Мѣщанъ изъ села Плѣшивца	21 ч.
Пашенныхъ людей . . .	10 ч.	Пашенныхъ людей	7 ч.
Мѣщанъ изъ дер. Бобрички.	4 ч.	Мѣщ. изъ села Подставокъ [3])	14 ч.
Пашенныхъ людей	3 ч.	Пашенныхъ людей. . . .	17 ч.
Мѣщанъ изъ дер. Роженца .	2 ч.	Мѣщ. изъ с. Капустинецъ (?)	4 ч.
Всего мѣщанъ	90 ч.	Всего пашенныхъ людей	54 ч.

А всего въ г. Каменномъ мѣщанъ и пашенныхъ людей разобрано было 144 чел.

Г. Недрыгайловъ.

Книга № 4 перечисляетъ *недрыгайловскихъ* служивыхъ полковыхъ козаковъ, константиновскихъ черкасъ, которые по указу Великаго Государя поселились въ г. Недрыгайловѣ на вѣчное житье [4]).

Служилые полковые козаки:

	Слободы Берестовки:	Слободы Шпилевки:
сотникъ. . . . 1 ч.	атаманъ. . . . 1 ч.	
рядовые. . . . 35 ч.	рядовые . . . 15 ч.	рядовые. . . . 15 ч.

---

[1]) Слѣд., общая цифра была 908 чел.

[2]) Листы 29—33.

[3]) Въ оригиналѣ „Плешивца", что, очевидно, описка, ибо сейчасъ только что были перечислены лица изъ с. Плѣшивца. Срв. кн. № 3.

[4]) Листы 34—45; на послѣднемъ листѣ помѣчено: „книги белыя недрыгайловскія справлены".

Села Березниковъ:		Слободы Кулешевки:	
атаманъ.	1 чел.	атаманъ.	1 чел.
рядовые	20 чел.	рядовые.	45 чел.

Итого служ. полков. козаковъ 134 челов.

Пѣшихъ недрыгайловскихъ козаковъ, про которыхъ «у смотру сказали атаманы, и сотники, и урядчики, что ихъ съ полковую Великаго Государя службу не будетъ, а собою они добры», оказалось 35 челов. (нѣкоторые изъ нихъ слободъ Шпилевки и Кулешевки, другіе села Березниковъ).

А всего было разобрано въ г. Недрыгайловѣ черкасъ 169 чел.

Книга № 5 перечисляетъ[1]) *недрыгайловскихъ* черкасъ, поселившихся въ селѣ Ольшанкахъ (въ недрыгайловскомъ уѣздѣ).

Конные козаки:		Пѣшіе козаки:	Новики конные:
атаманъ . . .	1 ч.		
сотники . . .	5 ч.	рядовые. . . . 47 ч.	33 чел.
рядовые . . .	234 ч.		

Всего поселившихся въ селѣ Ольшанкахъ разобрано 320 чел.

Книга № 6 перечисляетъ[2]) черкасъ мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ поселившихся въ г. Недрыгайловѣ.

Мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ (нѣкоторые слободъ Шпилевки и Кулешевки и села Березниковъ) по книгѣ насчитывается всего 92 человѣка (въ томъ числѣ 23 старыхъ и увѣчныхъ).

Въ концѣ книги перечислено 34 человѣка полковыхъ козаковъ, которые стары и увѣчны «отставлены Великого Государя отъ службы, а написаны въ городовой службѣ, а въ ихъ мѣсто написаны, въ козаки дѣти ихъ въ полковую Великого Государя службу»

Г. Суминъ.

Книга № 7 перечисляетъ черкасъ[3]) въ г. Суминѣ на посадѣ «которые поселилися съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье».

Конные козаки черкасы, которые объявились у коннаго смотра собою добры «старого и нового уѣзду» и по допросу суминскаго полковника, сотниковъ, атамановъ и «вързядчиковъ»:

полковникъ.	1	полковой есаулъ	1
полковой писарь	1	есаулъ	1

[1]) Листы 46—60.

[2]) Листы 61—65.

[3]) Листы 66—98.

полковой сотникъ 1
подписокъ 1
рядовые 19

разныхъ сотенъ рядовые . . 32

атаманы, сотники и рядовые трехъ селъ суминскаго уѣзда (именно: Нижней и Верхней Суровицы и Ворожбы) . . 562

сотникъ 1
знаменщикъ 1
рядовые 177

атамановой сотнѣ атаманъ . 1
» » есаулъ . . 1
рядовые 154

сотникъ 1
рядовые 215

сотникъ 1
есаулъ 1
рядовые 135

сотникъ 1
есаулъ 1
рядовые 248

Всего конныхъ козаковъ черкасъ 1557 ч.

Пѣшихъ козаковъ оказалось только 85 чел. Слѣдовательно, и тѣхъ и другихъ разобрано было въ г. Суминѣ 1642 чел.

Книга № 8 перечисляетъ[1]) мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ, поселившихся въ г. Суминѣ съ женами и съ дѣтьми на посадѣ на вѣчное житье «старого и нового уѣзду».

Мѣщане . . . . 636 чел.
» села Нижней Суровицы. 78 чел.
» » Верхней Суровицы 72 чел.
» » Ворожбы . . . . 274 чел.
Пашенные мужики . . . . . . 38 чел.

Общее число разобранныхъ достигаетъ такимъ образомъ 1098 ч.

Г. Лебединъ.

Книга № 9 перечисляетъ[2]) черкасъ козаковъ, поселившихся на вѣчное житье въ г. Лебединѣ на посадѣ.

Конныхъ козаковъ оказалось 336 чел., пѣшихъ—132 чел. Въ той же книгѣ особо перечислены «лебединскіе черкасы козаки старые, которые государево жалованье имали и прописаны въ списку, который списокъ присланъ въ Лебединомъ за воеводскою рукою и били челомъ Великому Государю, а ко мнѣ (т. е. къ Р. В. Игнатьеву) принесли въ съѣзжую избу челобитную за руками, чтобъ ихъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ приправить въ книги и съ своею бра-

---

[1]) Листы 99—119.

[2]) Листы 120—133.

тьею въ рядъ»; ихъ (пѣшіе) оказалось 393 чел. А всего разобрано 861 человѣкъ.

Книга № 10 перечисляетъ [1]) мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ, поселившихся съ женами и дѣтьми на вѣчное житье на посадѣ. По свѣдѣніямъ книги мѣщанъ поселилось 128 чел., пашенныхъ мужиковъ 224 чел. Отставныхъ козаковъ поименовано 42 чел.

Таковы статистическія данныя, которыя мы получаемъ изъ разборныхъ книгъ Р. В. Игнатьева. Они касаются гг. Путивля, Каменнаго, Недригайлова, Сумина (Сумъ) и Лебедина. Припоминая стратегическое значеніе этихъ городовъ въ XVII вѣкѣ (подробности о чемъ желающіе найдутъ въ книгѣ Д. И. Багалѣя), нетрудно видѣть, что сообщаемыя указанными книгами свѣдѣнія имѣютъ нѣкоторый интересъ. Прежде всего нельзя не обратить вниманія на переселенія черкасъ изъ окружныхъ селъ и деревень въ города, вскрываемыя на основаніи этихъ книгъ. Слѣдуетъ также упомянуть, что указанныя книги, повидимому, описываютъ не весь наличный составъ черкасъ, находившихся въ описываемыхъ 5 городахъ, а лишь тѣхъ, которые поселились въ нихъ сравнительно вновь. Для ясности чтенія замѣтки дѣлаемъ въ заключеніе общій обзоръ черкасъ по городамъ.

Г. Путивль . . . . 269 коз.
Г. Каменный . . . . 646 козак.+144 мѣщ. и пашен. людей.
Г. Недригайловъ . . 169 козак.+34 отставн. козак.+92 мѣщ. и пашен. людей.
Село Ольшанки (недрыг. уѣзд.) 320 коз.
Г. Суминъ . . . . 1642 коз.+1098 мѣщ. и пашен. муж.
Г. Лебединъ . . . . 861 козак.+42 отст. козак.+352 мѣщ. и пашенныхъ мужик.

Всѣ эти *десять* книгъ, переплетенныя въ одинъ томъ, хранятся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи подъ рубрикою кн. дес. № $\frac{\text{нов. 58.}}{\text{ст. 201.}}$

В. Н. Сторожевъ.

Древность малороссійскаго табаководства. Подъ такимъ заглавіемъ В. Г. Котельниковъ напечаталъ въ № 20 «Земледѣльческой Газеты» за текущій годъ статью, въ которой доказываетъ неосновательность ходячаго мнѣнія объ американскомъ происхожденіи разво-

[1]) Листы 134—141.

димаго въ Малороссіи простаго табака. Авторъ обратился къ намъ съ просьбой «сказать нѣсколько словъ объ этой статьѣ въ «Кіевской Старинѣ», дабы обратить вниманіе изслѣдователей украинской старины на возбужденный имъ вопросъ о происхожденіи табака въ Малороссіи». Исполняя желаніе уважаемаго автора и въ виду интереса затронутаго имъ вопроса, передаемъ въ сокращенномъ видѣ содержаніе статьи В. Г. Котельникова. Еще въ 1888 году г. Котельниковъ высказалъ въ «Трудахъ имп. вол. эконом. общества» (№ 8) сомнѣніе въ американскомъ происхожденіи вида Nicotiana rustica, къ которому принадлежитъ простой табакъ—махорка. Авторъ подкрѣплялъ свое мнѣніе тѣмъ, что во 1-хъ, воздѣлываніе табака, вывезеннаго изъ Америки, въ Европѣ началось около 1610 г. въ Голландіи, а около 1650 г., во время козацкихъ войнъ, табакъ уже былъ неизбѣжнымъ спутникомъ малороссійскаго козака и, нужно думать, являлся не привознымъ, а туземнымъ произведеніемъ; во 2-хъ, въ Америкѣ культуру такого табака, какъ Nicotiana rustica, повидимому, мало знаютъ теперь и едва ли есть основаніе полагать, что она была распространена въ первое время сношеній европейцевъ съ этой частью свѣта и что затѣмъ почему то исчезла или сократилась. Поэтому авторъ склонялся къ мнѣнію Лотара Беккера («Der Bauerntabak (Nicotiana rustica L.) eine Pflanze der alten Welt». 1875), что этотъ видъ табака происходитъ изъ Стараго Свѣта и былъ извѣстенъ въ Европѣ задолго до открытія Америки, мнѣнію, основанному частію на высказанныхъ выше соображеніяхъ, а главнымъ образомъ на изученіи ботаническихъ сочиненій XVI и первой половины XVII в. Далѣе авторъ указываетъ на то, что въ Голландіи не существуетъ воздѣлыванія Nicotiana rustica и нѣтъ какихъ либо слѣдовъ воздѣлыванія ея въ прежнее время. Махорка же, вопреки мнѣнію г. Стебута, несомнѣнно принадлежитъ къ виду Nicotiana rustica, слѣдовательно нельзя производить ее отъ американскаго табака, полагая, что она произошла отъ сѣмянъ, вывезенныхъ изъ голландскаго города Амерсфорта, откуда и ея названіе. Дѣло не въ словопроизводствѣ, а въ смѣшеніи совершенно различныхъ видовъ растеній. Махорка есть сортъ Nicotiana rustica, а амерфортскій табакъ—сортъ Nicotiana tabacum. Притомъ, слово «махорка», хотя и народнаго происхожденія, но далеко не распространено въ народной малороссійской рѣчи. Простолюдинъ чаще всего то, что мы называемъ махоркой, называетъ просто табакомъ или тютюномъ, причемъ этими же словами онъ называетъ и всякій табакъ, будетъ ли это махорка, бакунъ, американскій или турецкій табакъ.

Въ своей статьѣ г. Котельниковъ приводитъ и историческіе факты о распространенности табака въ Малороссіи уже въ половинѣ XVII в., ссылаясь на Костомарова («Богданъ Хмельницкій», т. III, стр. 377—8 и «Очерки домашней жизни и нравовъ великор. народа въ XVI и XVII ст.,» стр. 207) и «Исторію Руссовъ», приписываемую Конисскому. Авторъ приводитъ и мнѣніе А. И. Ханенка, что начало производства табака въ Малороссіи надо отнести къ половинѣ XVI ст., и что первыми плантаторами его были запорожскіе козаки, перенявшіе его употребленіе и получившіе его сѣмена отъ крымцевъ. Въ заключеніе г. Котельниковъ высказываетъ предположеніе, что табакъ могъ проникнуть въ южную Русь чрезъ монголовъ центральной Азіи во время нашествія ихъ подъ предводительствомъ потомковъ Чингисхана, основываясь на сообщенномъ г. Потанинымъ свѣдѣніи, что въ гробницѣ Тамерлана въ Самаркандѣ, въ числѣ другихъ реликвій, находится его трубка.

Подольское епархіальное церковное древнехранилище. Еще въ 1865 г. высокопреосвященнымъ Леонтіемъ былъ учрежденъ при редакціи Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей историко-статистическій комитетъ съ цѣлью описанія подольской епархіи съ исторической стороны. Среди членовъ этого комитета и возникла въ концѣ прошлаго года мысль объ учрежденіи церковнаго епархіальнаго древнехранилища, гдѣ можно было бы сосредоточить какъ предметы церковной древности, такъ и архивные матеріалы, необходимые для разработки исторіи Подоліи. Выработанный особой коммиссіей проектъ устройства древнехранилища былъ утвержденъ преосвященнымъ подольскимъ Донатомъ, а викарій подольской епархіи преосв. Димитрій принялъ на себя ближайшее руководство этимъ устройствомъ. Древнехранилище помѣщается при каѳедральномъ соборѣ и заключаетъ въ себѣ: 1) Библіотеку изъ сочиненій по исторіи Подоліи на русскомъ, польскомъ, латинскомъ и др. языкахъ. 2) Архивъ изъ рукописей, относящихся къ исторіи Подоліи и бумагъ и дѣлъ ист.-статистич. комитета. 3) Вещественные памятники церковной древности или точные снимки съ нихъ. Сюда относятся: а) памятники языка и письма: старопечатныя и рукописныя ц. богослужебныя книги, православныя и уніатскія и т. д.; б) памятники церковной архитектуры Подоліи въ снимкахъ, моделяхъ и образцахъ; в) памятники церковной живописи и скульптуры (старинныя живописныя и др. иконы, картины религіознаго и

историческаго содержанія, портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи Подоліи, рѣзныя изображенія, снимки съ мѣстныхъ чтимыхъ святынь и др.); 2) церковно-богослужебные предметы (старые антиминсы, облаченія православныя и уніатскія, церковная утварь, интересная въ какомъ-нибудь отношеніе и др.); д) не устраняются и древности не церковныя, имѣющія историческое значеніе, въ особенности уясняющія исторію Подоліи.

Для составленія древнехранилища передаются книги и документы историко-статистическаго комитета, дѣла подольской дух. консисторіи, имѣющія только историческое значеніе, изданія редакціи Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей. Сверхъ того, духовенство подольской епархіи и всѣ любители церковной старины приглашаются оказать содѣйствіе комитету пожертвованіями въ древнехранилище предметовъ древности или снимковъ съ нихъ.

Привѣтствуя новое учрежденіе и желая ему полнаго процвѣтанія, не можемъ не высказать пожеланія, чтобы и въ другихъ городахъ нашего края завелись подобные музеи, гдѣ сохранились бы исчезающіе теперь безслѣдно памятники прошлаго.

Г. Ѳ. Карповъ (некрологъ). 24 апрѣля текущаго года скончался въ Москвѣ на 52 году отъ рожденія Геннадій Ѳедоровичъ Карповъ. Покойный былъ воспитанникомъ московскаго университета и ближайшимъ ученикомъ С. М. Соловьева, нѣкоторое время состоялъ профессоромъ русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ, а въ последніе годы своей жизни жилъ въ Москвѣ, занимаясь архивными работами. Труды Г. Ѳ. Карпова относятся главнымъ образомъ къ исторіи Малороссіи. Вотъ ихъ списокъ: 1) Очерки изъ исторіи россійской церковной іерархіи XIV—XV ст. (Чт. м. общ. ист. и др. 1864); 2) Исторія борьбы московскаго государства съ польско-литовскимъ (Ib. 1866. Магист. диссертація); 3) Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время 1654—1672 г. (М. 1870. Доктор. диссертація); 4) Г. Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи (М. 1871); 5) Кіевская митрополія и московское правительство въ 1654 году (Прав. Обозр. 1871, №№ 8 и 9); 6) Переговоры о соединеніи Малороссіи съ Великороссіей (Ж. М. Н. Пр. 1871, №№ 11 и 12); 7) Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго (М. 1873); 8) Діонисій Балабанъ, митр. кіевскій. Изъ исторіи отношеній кіевск.

церк. іерархіи къ моск. правительству 1654—1661 гг. (Пр. Об. 1874, № 1); 9) Меѳодій Филимоновичъ, еписк. мстисл. и оршанскій, блюститель кіев. митрополіи 1661—1668 гг. (Пр. Об. 1875. №№ 1, 2, 4, 6, 11 и 12); 10) Малороссійскіе города въ эпоху соединенія Малороссіи съ Великою Россіею (Лѣтоп. зан. археогр. ком., в. VI, 1877); 11) Въ защиту Богдана Хмельницкаго (Чт. м. общ. ист. и др. 1889, I). Сверхъ того, Карповымъ редактированы томы X, XI и XIV «Актовъ юж. и зап. Россіи», томы XXXV, XLI, LIII, LIX «Сборника императ. руск. историч. общества» и «Изборникъ Святослава Ярославича 1073 г.», изданный въ 1880 г.

КЪ РИСУНКУ ШЕВЧЕНКА.

Въ № 2 текущаго года нашего изданія мы помѣстили четыре снимка съ рисунковъ Шевченка, заимствованныхъ изъ двухъ альбомовъ его, относящихся къ 1843 и 1844 гг., при чемъ нами дано было обѣщаніе въ теченіе этого года помѣстить еще нѣсколько изъ болѣе выдающихся рисунковъ нашего поэта-художника. О самихъ альбомахъ было сказано уже, какъ въ упомянутомъ № 2-мъ 1890 г., такъ и въ № 2-мъ 1886 г., почему и отсылаемъ интересующихся къ этимъ двумъ книжкамъ нашего журнала; теперь же, помѣщая видъ на село *Андрюши*, мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ мѣстопребываніи бывшихъ епископовъ переяславскихъ.

Какъ извѣстно, уѣздному городу Переяславу (полтавской губ.), нынѣ бѣдному, заброшенному и едва лишь имѣющему значеніе мелкаго торговаго пункта, благодаря хлѣбной и пароходной пристанямъ на Днѣпрѣ въ 10 верстахъ отъ него,—пришлось въ старину играть роль виднаго центра въ нашемъ духовномъ просвѣщеніи. Тутъ, во времена крещенія Руси, основана была архіерейская каѳедра, и городъ Переяславъ, имѣвшій значеніе митрополіи, въ этомъ отношеніи превосходилъ столичный Кіевъ, который только въ половинѣ XI вѣка привлекъ митрополичью каѳедру къ себѣ. Очевидно, къ тому же времени, т. е. къ половинѣ XI вѣка, надо отнести учрежденіе въ Переяславѣ особой епископіи, такъ какъ тамъ же учреждалось и особое княженіе. Спустя 200 лѣтъ, а именно въ 1239 году каѳедра епископская въ Переяславѣ была упразднена, по-

слѣ разоренія этого города и области татарами. Нѣсколько вѣковъ затѣмъ Переяславу пришлось испытывать судьбу, такъ сказать, бродячаго города: то онъ относился къ митрополіи московской (до половины XV вѣка], то причисленъ былъ къ области митрополитовъ кіевскихъ, пока, наконецъ, въ 1700 году не была возстановлена тамъ архіерейская каѳедра, благодаря ходатайству гетмана Мазепы и митрополита Варлаама Ясинскаго. Восемь съ половиною десятковъ лѣтъ существовала здѣсь возобновленная архіерейская каѳедра, вначалѣ, какъ викаріатство кіевской митрополіи, а затѣмъ, какъ самостоятельная епископія, пока въ 1785 году не была опять закрыта по указу Екатерины II, но на этотъ разъ очень не надолго, такъ какъ послѣ раздѣла Польши, въ 1793 году, учрежденъ былъ въ пособіе кіевскому митрополиту особый викарный епископъ, именовавшійся переяславскимъ и бориспольскимъ и жившій въ переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, а четыре года спустя, въ 1797 году, возстановлена опять и епархія переяславская. Хотя въ 1803 г. Высочайше повелѣно было переименовать епархію переяславскую въ полтавскую и перенести самую резиденцію архіереевъ въ Полтаву, когда будетъ тамъ все устроено, но до 1847 года преосвященные полтавскіе прожили въ Переяславѣ, гдѣ пребывала до того времени и консисторія, а семинарія оставалась даже до 1862 г.

Переяславская епископія, подобно тому какъ и почти всякая, имѣла свои угодья и дачи, въ ряду которыхъ не послѣднее мѣсто занимало село Андрюши, расположенное въ 7 верстахъ отъ города по дорогѣ къ Днѣпру. Здѣсь было устроено очень удобное архіерейское подворье съ обширнымъ домомъ, нынѣ совершенно передѣланнымъ, и съ не менѣе обширнымъ корпусомъ для архіерейскаго хора. Особенно извѣстны были Андрюши во времена преосвященнаго *Сильвестра Лебединскаго*, бывшаго епископомъ переяславскимъ съ 1799 г. по 1807 годъ. Онъ устроилъ не дачную, а постоянную резиденцію въ Андрюшахъ и велъ жизнь, болѣе приближавшуюся къ свѣтской, нежели къ монашеской. Помимо того, что онъ любилъ принимать у себя въ подворьи наѣзжавшихъ гостей, которыхъ онъ угощалъ

всякими развлеченіями, включительно до билліардной игры,— онъ при своемъ громадномъ умѣ и начитанности, былъ большимъ любителемъ остроумныхъ бесѣдъ, изреченій, мѣткихъ остротъ и пр. Свидѣтелями этого послѣдняго были сохранявшіяся до 40-хъ годовъ въ архіерейскомъ домѣ въ Андрюшахъ эмблемы и надписи на латинскомъ языкѣ, разрисованныя и написанныя по приказанію владыки. Заимствуемъ изъ интересной статьи прот. Іоанна Крамаренка (Нѣчто о преосвященныхъ, бывшихъ на полтавско-переяславск. паствѣ въ первой половинѣ текущаго стол.— Полт. Епарх. Вѣд. 1882 г., № 5) нѣкоторыя изъ этихъ эмблемъ и надписей.

При входѣ въ домъ, въ сѣняхъ по правую сторону, на двери, ведшей въ погребокъ, въ которомъ хранились напитки и разные съѣстные припасы, нарисованы два подноса: на одномъ изъ нихъ бутылки, графины и рюмки, а на другомъ виноградныя кисти, красивыя яблоки, груши и другіе фрукты. Дверь эта запиралась огромнымъ висячимъ замкомъ, а у замка надпись: „ardua, quae pulchra“ (то, что прекрасно, трудно достижимо). На дверяхъ въ пріемную залу, въ которую входили просители съ прошеніями и жалобами, по большей части неосновательными, и разные посѣтители безъ всякой надобности, собственно для собесѣдованія съ преосвященнымъ, для переливанія изъ пустого въ порожнее,—изображенъ кустарникъ, на которомъ сидитъ сорока съ разинутымъ ртомъ и у рта надпись: „taliter, qualiter—nihil fundamentaliter“ (такъ да какъ—а ничего основательнаго). На двери въ кабинетъ изображенъ сочинитель, съ напряженнымъ вниманіемъ трудящійся надъ своею работой, а внизу надпись: „non tibi per ventus assa columba venit“ (не къ тебѣ вѣтромъ несется жареный голубь); тутъ же сидитъ другой сочинитель, начавшій свое сочиненіе высокопарно, а кончившій пустякомъ; внизу же подпись: „parturiunt montes, nascitur mus“ (горы мучатся родами и—рождается мышь). На стѣнахъ дома были такія, напримѣръ, изображенія. Изображенъ баринъ, изъ низкаго сословія достигшій высокаго положенія, безчеловѣчно бичующій раба своего; внизу подпись „nihil est asperius, cum humilis surgit in altum“ (нѣтъ жесточе человѣка,

какъ тотъ, который поднялся на высоту изъ низкаго состоянія). Въ другомъ мѣстѣ изображены два ученика—одинъ сидящій на берегу рѣки съ удочкой, а другой съ клѣткой въ рукахъ, любующійся заключенною въ ней птичкой; внизу подпись „per pisces et aves multi pereunt scholares“ (изъ за рыбъ и птицъ многіе школяры погибаютъ). Но тутъ же можно было найти и такія ѣдкія и глубокія по мысли эмблемы: изображенъ іезуитъ, а внизу подпись „recipe astum gallorum, fastum polinorum, schacher-macher iudeorum, misce, misce sic et ita, inde erit iesuita“ (возьми лукавство французское, надутость польскую, шахеръ-махеръ жидовскій; мѣшай все это, мѣшай и такъ и этакъ—и выйдетъ іезуитъ).

В. Науменко.

Библіографія.

Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1890. Въ 8-ю д., стр. XXIV+376+183+одна ненум. Съ одной хромолитографіей (отд. л. послѣ стр. 24), 99 гравюрами (въ текстѣ) и картой (особый листъ въ концѣ).

Высоко-оффиціозный характеръ изданій г. Батюшкова не можетъ служить, по нашему убѣжденію, поводомъ къ снисходительности критики, а напротивъ, налагаетъ на историческій журналъ прямую обязанность относиться къ каждому изъ нихъ болѣе требовательно, чѣмъ это было бы справедливо и умѣстно по отношенію къ труду совершенно частному, не обставленному равными удобствами въ пользованіи матеріалами и не поддержанному ни широкимъ содѣйствіемъ оффиціальныхъ лицъ, учрежденій и цѣлыхъ вѣдомствъ, ни соотвѣтственно благопріятными прочими условіями. Не одинакова тоже должна быть мѣрка для оцѣнки изданій, разсчитанныхъ преимущественно на людей достаточно подготовленныхъ, чтобы самимъ замѣчать недосмотры и случайные промахи, или же для тѣхъ, которыя предназначаются къ широкому распространенію въ массѣ читающей публики, не обладающей спеціальными знаніями и привычкою къ критикѣ. Конечно,—и это почти лишнее пояснять,—требовательность не есть придирчивость, да и странно было бы предполагать въ насъ послѣднюю, какъ въ отношеніи почтенной многолѣтней дѣятельности П. Н. Ботюшкова, такъ и его сотрудниковъ, пользующихся заслуженною литературною репутаціею, и имена которыхъ читатели неоднократно имѣли случай встрѣчать на страницахъ «Кіевской Старины», то въ сочувственныхъ отзывахъ, то въ видѣ подписей подъ статьями нашего журнала...

«Бѣлоруссія и Литва» составлена вообще по тому же плану, какъ и вышедшія ранѣе: «Холмская Русь» и «Волынь», о которыхъ были въ свое время даны отзывы въ «Кіевской Старинѣ». Настоящій томъ состоитъ изъ пяти частей: 1) предисловія издателя; 2) историческаго очерка Бѣлоруссіи и Литвы съ древнѣйшаго времени до нашихъ дней, составленнаго проф. Н. И. Петровымъ, при сотрудничествѣ проф. И. И. Малышевскаго; 3) многочисленныхъ примѣчаній къ нему; 4) ряда (81) отдѣльныхъ монографическихъ очерковъ, относящихся къ лицамъ и предметамъ, изображенія которыхъ помѣщены въ книгѣ; три изъ этихъ очерковъ составлены г. Малышевскимъ же, а остальные М. И. Городецкимъ; и 5) указателя личныхъ именъ. Мы остановимся здѣсь на главнѣйшемъ, второмъ отдѣлѣ книги и частью на тѣсно съ нимъ связанномъ третьемъ.

Введеніе и девять главъ историческаго очерка своимъ дѣленіемъ и заголовками выясняютъ взглядъ составителей на значеніе различныхъ эпохъ въ жизни разсматриваемаго края и отличающіеся по характеру періоды ея. Съ нѣкоторыми частностями принятой группировки согласиться трудно. Такъ напр., во II главѣ соединены и первоначальная исторія самостоятельнаго литовскаго народа, и исторія постепенно ему подчинявшихся въ XIII и XIV в. русскихъ областей, тогда какъ первую изъ нихъ слѣдовало бы выдѣлить, а взамѣнъ того не разрывать этой вставкой исторіи собственно Руси, въ западной своей части представлявшей даже болѣе близкую и непосредственную преемницу, въ смыслѣ государственнаго уклада и территоріи, княженія кіевскаго, чѣмъ Русь сѣверо-восточная. Иноплеменные Гедиминовичи, ставъ повелителями русскихъ областей, равно какъ и ихъ ближайшая дружина, столь же быстро воспринимали русскую народность и ея культуру, какъ и сами Рюриковичи, не менѣе ихъ иноплеменные ей въ своихъ болѣе раннихъ представителяхъ. Оба княжества, западное и восточное, одинаково были и считали себя русскими, одинаково называли себя, и даже другъ друга, «великими», одинаково, впрочемъ, претендуя на первенство, чѣмъ и объясняется неизбѣжность вѣковой ихъ борьбы. За то первая глава, о русскихъ князьяхъ до татарскаго времени, могла бы быть обращена только во вступленіе къ разсказу о судьбахъ края при князьяхъ литовцахъ,—если бы этому не мѣшало отсутствіе въ цѣломъ всей этой серіи изданій—основного для древней эпохи изслѣдованія, о княженіи кіевскомъ, къ которому примыкали бы остальныя. Періодъ отъ перваго соединенія Литвы съ Польшею въ 1386 до окончательнаго, въ 1569 г., дѣйствительно разнится

по характеру во времена до Казиміра—и начиная съ него; но неправильно считать одну первую его половину временемъ государственнаго соединенія Литвы и Польши «съ особыми государями и съ особымъ внутреннимъ управленіемъ». Персональная унія и позже является не неизбѣжнымъ условіемъ, а только послѣдствіемъ избранія въ польскіе короли наслѣдственнаго литовскаго князя, уже вступившаго на этотъ престолъ, какъ было и съ первымъ изъ нихъ, Казиміромъ, и съ послѣднимъ, Сигизмундомъ-Августомъ. Внутреннее же управленіе было до 1569 г. совершенно раздѣльное, и полное объединеніе не было никогда достигнуто.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи основою дѣленія на періоды приняты перемѣны въ сферѣ отношеній національныхъ и политическихъ, но дѣленіе на главы, основанное на одномъ только ходѣ исповѣдной борьбы,—не соотвѣтствуетъ ему и не вездѣ съ нимъ совпадаетъ. Такъ напр., смерть Сигизмунда III и воцареніе Владислава, ознаменованное оживленіемъ энергіи православнаго населенія, не представляетъ однако такой рѣзкой политической грани, какъ южнорусское возстаніе пятнадцать лѣтъ спустя. Начавшееся съ него неопредѣленное положеніе не заканчивается ни андрусовскимъ миромъ, какъ у авторовъ, ни даже московскимъ трактатомъ 1686 г.; положительное преобладаніе Россіи, перенесшей на себя и задачи прежней Польши по борьбѣ съ мусульманствомъ, обнаруживается только съ началомъ XVIII столѣтія, по укрѣпленіи въ Польшѣ послушной Россіи саксонской партіи, тогда какъ противная, воспользовавшись возвратомъ отъ Турціи Подолья, становится другомъ мусульманскихъ народовъ. Здѣсь болѣе опредѣленный политическій пунктъ поворота и для отношеній западнорусскихъ, до самаго перваго раздѣла. Исторія края съ 1772 г. тоже подраздѣлена едва ли правильно на время до возсоединенія уніатовъ и послѣ него; оно само предопредѣлилось въ значительной степени поворотомъ въ русской политикѣ съ 1831 г., когда она перестала быть благопріятной полонизму, ранѣе отклонившись въ его сторону со смертью Екатерины II. Послѣднія 60 лѣтъ новѣйшей исторіи края очень рельефно отдѣляются датой 1861,—года освобожденія крестьянъ и начала послѣдняго польскаго возстанія. Такимъ образомъ, съ 1772 г. до настоящаго времени исторія западнорусскаго края представила бы не два, а четыре очерка, и съ совсѣмъ иными точками дѣленія.

Конечно, указанныя различія во взглядѣ на эпохи заподнорусской исторіи зависятъ отъ того критерія, какимъ руководствовались

на дѣлѣ авторы. Въ общемъ, они стали на вполнѣ правильную точку зрѣнія, поставивъ на первомъ планѣ, какъ основной объектъ своего изслѣдованія,—само населеніе, съ его этнографическими особенностями, и тѣ политическія, культурныя и исповѣдныя воздѣйствія, какимъ оно подвергалось. Но въ исполненіи они не вездѣ соблюли достодолжную перспективу, отвели одному изъ нѣсколькихъ равноправныхъ элементовъ слишкомъ много мѣста,—что, быть можетъ, отчасти зависѣло отъ ихъ собственныхъ научныхъ спеціальностей, и картина получилась съ несоразмѣренными планами...

Другой общій недостатокъ «Бѣлоруссіи и Литвы» заключается въ томъ, что авторы невполнѣ точно опредѣлили задачу собственной работы и пытались удовлетворить одновременно требованіямъ различнымъ, а потому характеръ исполненія неровенъ и непослѣдователенъ. Подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ и въ однѣхъ и тѣхъ же рамкахъ можно было дать: или самостоятельное изслѣдованіе, или работу компилятивную; работу ученую, или изложеніе популярное. По общей задачѣ изданія, одну изъ частей котораго составляетъ «Бѣлоруссія», оно предназначено для круга читателей обширнаго, и потому въ немъ не было бы надобности прибѣгать къ самостоятельной переработкѣ источниковъ. Достаточно было бы дать только изложеніе добытыхъ уже другими результатовъ, избѣгая притомъ такихъ пунктовъ, которые, при нынѣшнемъ состояніи науки, представляются сомнительными. Бѣда, однако, въ томъ, что многія существенно важныя частности русской исторіи вообще, а областной и подавно, такъ еще мало разработаны, что нерѣдко приходится прибѣгать къ изслѣдованію по первоисточникамъ даже для самаго легкаго популярнаго изданія. Естественно, что ни одинъ авторъ не желаетъ скрывать подъ спудомъ и этой подготовительной части своего труда; но ей гораздо умѣстнѣе было бы дать, при болѣе широкомъ развитіи, иное мѣсто и назначеніе, представивъ ходъ ея и результаты въ видѣ особыхъ изслѣдованій въ отдѣльномъ изданіи или на страницахъ спеціальныхъ журналовъ. Таково, напримѣръ, неоднократное перечисленіе въ текстѣ основанныхъ въ томъ или другомъ періодѣ церквей, православныхъ и католическихъ, тогда какъ достаточно указать ихъ число, а много-много—свести эти перечни въ одинъ списокъ, въ видѣ приложенія. Загромождать популярную книгу ученымъ аппаратомъ массы ссылокъ и примѣчаній совершенно неудобно. Источники и пособія слѣдовало бы просто перечислить, и то не внося въ число ихъ весьма многихъ мелочей, носящихъ подчасъ характеръ почти газетныхъ замѣтокъ.

Примѣчанія со ссылками болѣе точными необходимы только тамъ, гдѣ мало подготовленному, но любознательному читателю надо дать указаніе на разсказъ о томъ-же фактѣ или лицѣ болѣе обширный и подробный, да въ тѣхъ единичныхъ случаяхъ, гдѣ собственное изслѣдованіе составителей привело ихъ къ выводу, рѣзко противорѣчащему общепринятому ранѣе въ наукѣ мнѣнію. 649 примѣчаній, занимающихъ 38 страницъ петита почти исключительно ссылками, для предполагаемаго средняго читателя совершенно излишни, а для спеціалиста—цѣна ихъ значительно умаляется тѣмъ, что въ немъ многое важное перемѣшано съ еще большимъ количествомъ научно совсѣмъ неважнаго.

Отмѣтимъ еще, что изложеніе далеко не вездѣ выдержано въ тонѣ объективнаго историческаго разсказа, а переходитъ мѣстами въ публицистическій памфлетъ по содержанію, а по тону—то въ апологію, то въ полемику. Такъ напримѣръ, страницѣ 313, представляющей въ сущности только прямой выводъ изъ всего предыдущаго разсказа о религіозной борьбѣ въ Польшѣ съ андрусовскаго мира до раздѣловъ, совершенно лишнее было давать особое мѣсто въ оглавленіи, въ формѣ звучной фразы: «Справедливость и законность возсоединенія Сѣверо-Западнаго края съ Россіей». Будто онѣ только одной этой страницей и доказываются, и будто для нихъ такихъ необъемистыхъ доказательствъ вполнѣ достаточно! Апологетическій тонъ приводитъ иногда къ нежелательнымъ недоразумѣніямъ комическаго оттѣнка: разсказывая о тяжбѣ уніатскаго архіепископа XVII в., Селявы, съ православнымъ, Коссовымъ, авторы передаютъ одно рѣшеніе трибунальскаго суда противъ Коссова въ такой формѣ, что онъ былъ приговоренъ къ штрафу «за *мнимое* сопротивленіе прежнимъ рѣшеніямъ трибунала». Конечно, въ польскомъ текстѣ декрета сказано «za sprzeciwienie się», что значитъ «за неисполненіе», но благодаря невѣрному переводу понадобилась смягчающая, а въ сущности совершенно излишняя «мнимость»... Не ограничиваясь смягченіемъ мѣстами тона по отношенію къ одной сторонѣ, хотя оставляя его in crudo для другой, авторы, въ ущербъ исторической вѣрности, иногда умалчиваютъ вовсе о нѣкоторыхъ фактахъ; послѣдніе, по мелкости, можетъ быть и не заслуживаютъ упоминанія, но въ такомъ случаѣ не надо упоминать и однородныхъ съ ними, но противоположныхъ въ смыслѣ партійномъ. Умолчанія только вредятъ защищаемому дѣлу: указывая его, съ несомнѣнными доказательствами въ рукахъ, противникъ обрѣтаетъ сильное оружіе, подрываетъ въ читателѣ довѣріе къ авторитетному ранѣе для него голосу. Едва-ли это полезно и въ видахъ

истины, и даже съ точки зрѣнія, на какой стоитъ самъ писатель, проводя и защищая ее сознательно или даже безъ намѣренія быть тенденціознымъ.

Въ частностяхъ, въ книгѣ такого характера и назначенія, слѣдовало бы строже относиться и къ точности каждой сообщаемой фактической подробности, и къ выпуклой опредѣленности самыхъ выраженій, которыя безъ этого могутъ быть поняты не въ надлежащемъ смыслѣ и потому дадутъ невѣрное представленіе о дѣлѣ. Недосмотровъ въ обоихъ отношеніяхъ встрѣчается въ книгѣ хотя и не особенно большое количество, но все же замѣтное. Укажемъ изъ нихъ нѣсколько, безъ выбора, такъ какъ въ популярной книгѣ неточности не должны быть допускаемы вообще, даже и въ мелочахъ. Такъ напр., на стр. 16—17 свѣдѣніе о трехъ полоцкихъ епископахъ изложено такъ неясно, что ничуть не соотвѣтствуетъ ближайшему выводу, какой изъ него сдѣланъ. На стр. 90 находимъ указаніе на довольно сомнительный фактъ казни королемъ Ягайломъ двухъ вельможъ за отказъ перейти изъ православія въ католицизмъ, причемъ сдѣлана общая ссылка на «русскую лѣтопись»,—а въ примѣчаніи 125, на которое сдѣлана сноска, упомянуты только общія новѣйшія сочиненія по русской исторіи. Въ началѣ стр. 93, вслѣдствіе неудачной замѣны одного слова другимъ,—совершенно искаженъ смыслъ: «латинство, въ литовскомъ государствѣ, несмотря на *незначительность* своихъ исповѣдниковъ» и т. д., но именно въ разсказываемое время къ латинству принадлежалъ король, нѣкоторые изъ его братьевъ, и проч.,—такъ что авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать о ихъ *малочисленности*, а вышло совсѣмъ иное и съ непосредственно слѣдующими словами несообразное. На стр. 108 встрѣчаемъ нѣчто гораздо болѣе важное, именно утвержденіе, будто при Витовтѣ католичество въ Литвѣ являлось *русскимъ католичествомъ* (курсивъ подлинника), отличнымъ и отъ русскаго православія, и отъ католичества польскаго. Мнѣніе очень проблематичное, но если бы даже оно оказалось вѣрнымъ, то оно можетъ имѣть мѣсто только въ качествѣ окончательнаго вывода спеціальнаго изслѣдованія по этому любопытному вопросу; утверждать что либо подобное по новизнѣ въ популярномъ изданіи, мимоходомъ, несмотря на огромную важность факта, если бы онъ подтвердился,—можно только развѣ ради оригинальности. Едвали умѣстно также, въ разсказахъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ самомъ описываемомъ краѣ, какъ напр., о военныхъ дѣйствіяхъ въ Бѣлоруссіи въ 1648 г., (стр. 246—248) ограничиваться перифразомъ

историка, писавшаго хотя спеціально о той же эпохѣ, но объ иной мѣстности,—а въ данномъ мѣстѣ историкъ Б. Хмельницкаго, Костомаровъ самъ руководился для одновременныхъ бѣлорусскихъ событій — не провѣренными свѣдѣніями позднѣйшихъ писателей, которыя разногласятъ съ источниками документальными, послѣдніе же, какъ слѣдуетъ думать по ссылкамъ на ихъ изданія, авторамъ «Бѣлоруссіи и Литвы» были извѣстны, но только въ данномъ случаѣ не использованы. На стр. 252, говоря о массовомъ бѣгствѣ южноруссовъ въ предѣлы Московскаго государства, авторы напрасно включаютъ въ нихъ нынѣшнюю полтавскую губернію, входившую въ эту пору въ составъ польскаго кіевскаго воеводства, и восточную часть екатеринославской, составлявшую часть «Дикихъ Полей», фактическими обладателями которой были татары и запорожцы, и которую отъ московской границы отдѣляла только еще тогда начавшая заселяться Слободская Украина. Что жители нынѣшняго Подолья бѣжали и въ указанныя мѣста—это вѣрно, но политическая принадлежность самихъ мѣстъ—не та.—Русско-польская война 1654 г. происходила главнымъ образомъ въ предѣлахъ описываемой страны (на югѣ дѣйствовали больше козаки), и потому заслуживала бы болѣе подробнаго изложенія, а главное—болѣе точнаго и яснаго: на стр. же, напр., 254 встрѣчаемъ такую несообразность, что одни и тѣ же бѣлорусскіе города и завоевываются московскими войсками, и служатъ (ранѣе!) осѣдлостью союзныхъ съ ними Нечаевыхъ козаковъ: нѣчто подобное было и на дѣлѣ, но только въ совсѣмъ обратномъ порядкѣ, а о чаусовскомъ полкѣ (Нечая) лучше было или не упоминать вовсе, чтобы избѣгнуть путаницы, или же дать болѣе обстоятельное изложеніе, безъ котораго она неизбѣжна.

Несмотря на такія и имъ подобныя погрѣшности, трудъ гг. Петрова, Малышевскаго и Городецкаго имѣетъ значеніе немаловажное, какъ первый (хотя и нѣсколько односторонній) сводъ историческихъ данныхъ о нынѣшнемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, написанный вообще очень легко и живо, что особенно важно въ книгахъ такого назначенія, а монографическіе очерки представляютъ вполнѣ достаточный объяснительный текстъ къ обильнымъ иллюстраціямъ. Послѣднія хороши по выполненію, но выборъ ихъ нѣсколько случаенъ: такъ напр. портреты дѣятелей общерусскихъ, но оказавшихъ большое вліяніе на судьбы Бѣлоруссіи, въ *популярной* книгѣ *мѣстнаго* характера если необходимы, то должны быть даны по *лучшимъ* изъ извѣстныхъ подлинниковъ; обнародованіе же мѣстныхъ по нахожденію оригиналовъ должно быть отнесено въ изданія спеціальныя—описа-

нія древностей и т. под. Библіографія предмета, о недостаткахъ которой уже сказано, имѣетъ неоспоримое достоинство обширности и, можно думать, полноты: она дастъ возможность болѣе совершенной обработки темы не только будущими изслѣдователями, но и нынѣшними же авторами книги, если только она получитъ желаемый успѣхъ и потребуется второе изданіе. Для такой обработки у поименованныхъ лицъ имѣются всѣ учено-литературныя данныя, и недостатки выполненія, повидимому, главнымъ образомъ зависѣли только отъ нѣкоторой поспѣшности.

Ив. Новицкій.

С. А. Бершадскій. Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. Историческая легенда. Спб. 1889 г.

Рядомъ работъ по исторіи евреевъ въ Литвѣ и на Руси проф. С. А. Бершадскій заявилъ себя глубокимъ знатокомъ еврейскаго вопроса, который онъ разрабатываетъ на основаніи сырого архивнаго матеріала, проливающаго много свѣта въ непроходимыя до сихъ поръ дебри мѣстной еврейской исторіи; къ числу непонятныхъ и необъяснимыхъ фактовъ ея принадлежитъ и распространенная среди евреевъ легенда о томъ, что одно время еврей достигъ престола; фактъ этотъ совершился будто бы въ концѣ XVI вѣка. Такъ какъ разборъ этой любопытной легенды сдѣланъ почтеннымъ авторомъ при помощи новыхъ архивныхъ находокъ его о героѣ этой легенды, и такъ какъ авторъ настолько основательно рѣшаетъ вопросъ, что едва-ли когда нибудь потребуется новый его пересмотръ, то мы намѣрены подробнѣе остановиться на содержаніи этого изслѣдованія ради ознакомленія съ нимъ нашихъ читателей.

Прежде всего авторъ отмѣчаетъ то странное явленіе, что, несмотря на собраніе и научную разработку миѳовъ, преданій, сказокъ, легендъ и проч., у всѣхъ европейскихъ народовъ и даже дикихъ племенъ другихъ частей свѣта, до сихъ поръ не сдѣлано собранія миѳовъ, легендъ и проч. въ средѣ еврейскаго народа, а между тѣмъ такое собраніе могло бы дать неисчерпаемый матеріалъ «для освѣщенія многихъ темныхъ сторонъ прошлаго въ жизни тѣхъ народовъ, среди которыхъ пребывали евреи среди своего многовѣковаго скитальчества по европейскому материку». Проф. Бершадскій взялъ на себя трудъ изслѣдовать давно живущую среди польскихъ и литовскихъ евреевъ легенду о евреѣ, избранномъ въ польскіе короли; но прежде чѣмъ приступить къ ея разгадкѣ, авторъ знакомитъ насъ со взгля-

дами на легенду предшествовавшихъ ему историковъ; такъ Іоахимъ Лелевель, первый обратившій вниманіе на еврея-короля, отнесся съ недовѣріемъ къ этому преданію, не подтверждавшемуся никакими точными данными. Другой историкъ, Штернбергъ, не находя ничего невѣроятнаго въ преданіи, внесъ его въ свою компиляцію по исторіи евреевъ въ Польшѣ. Краусгаръ, разобравъ неосновательность легенды, какъ сообщена она Штернбергомъ, не рѣшился однако же сомнѣваться въ существованіи Шауля Валя и лишь избраніе его въ короли объяснялъ шуткой поляковъ. Не сомнѣвался въ избраніи Шауля въ короли только Гольдбаумъ. В. А. Мацѣйовскій отрицаетъ и лицо, и фактъ, думая, что сказка о евреѣ-королѣ «сочинена на основаніи старинныхъ преданій о короляхъ, избираемыхъ изъ среды народа». Такимъ образомъ, говоритъ С. А. Бершадскій, «никому изъ лицъ, писавшихъ о Шаулѣ Валѣ, не приходило на мысль справиться съ актовыми книгами брестскихъ судовъ и метрикою литовскою за конецъ XVI и начало XVII в.;» этотъ трудъ и предпринялъ авторъ. Приступая къ возсозданію подлинной исторіи Шауля Валя, авторъ сообщаетъ варіанты легендъ, начинавшіе записываться еще въ началѣ XVIII в., и слагавшіеся, конечно, гораздо раньше; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собираетъ свѣдѣнія о королѣ-евреѣ изъ старопечатныхъ еврейскихъ книгъ, которыя убѣждаютъ, что если Шауль Юдичъ не былъ королемъ ни одной ночи, то несомнѣнно существовалъ и дѣйствовалъ, и дѣятельность его въ интересахъ своего народа увѣковѣчила память о немъ въ потомствѣ. Вотъ эта легенда въ своей древнѣйшей (1714 г.) формѣ, наименѣе разукрашенной фантазіею: «Когда умеръ Стефанъ Баторій, то польскіе паны собрались въ назначенный для того день, для избранія новаго короля. При выборахъ же короля практиковался обычай, въ силу котораго король долженъ былъ быть избраннымъ непремѣнно въ назначенный для того день. Когда же послѣ первыхъ предложеній выяснилось, что достигнуть соглашенія трудно, а день сталъ склоняться безъ всякихъ результатовъ къ вечеру, то паны пришли къ мысли выбрать въ короли на одну ночь, до слѣдующаго утра, Шауля Валя, для того, чтобы былъ исполненъ законъ» [1]). Въ другихъ легендахъ разсказывалось, что избраніе состоялось по предложенію Радзивила, факторомъ котораго былъ

---

[1]) Другіе варіанты легенды говорятъ, что получивъ въ свои руки государственныя книги и печати, онъ внесъ нѣсколько грамотъ, предоставляющихъ льготы евреямъ.

Шауль. Розысканія профес. Бершадскаго въ актахъ литовской метрики и брестскаго суда привели къ слѣдующимъ результатамъ. Первое оффиціальное извѣстіе о Шаулѣ Юдичѣ встрѣчается въ грамотѣ короля Стефана Баторія, данной имъ 17 мая 1578 года этому еврею на солевареніе, которое тогда вводилось имъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1582 году Шауль Юдичъ является представителемъ брестской еврейской общины, уполномочившей его вести ея тяжбу съ мѣщанами г. Бреста о правѣ участія евреевъ въ $^1/_4$ части всѣхъ городскихъ доходовъ; хотя дѣло это было рѣшено въ пользу мѣщанъ, но евреи получили важное преимущество—право заниматься въ городахъ ремеслами, безъ принадлежности къ тому или другому цеху. Грамота Сигизмунда III отъ 11 февраля 1588 года указываетъ на давнее, въ царствованіе его предшественниковъ, завѣдываніе Юдича таможенными откупами и признаетъ умѣнье и опытность его въ дѣлахъ, а равно и пользу, которую онъ оказывалъ неоднократно государственному казначейству; всѣ тѣ заслуги были, конечно, основаніемъ для пожалованія Шаулю Юдичу въ слѣдующемъ 1589 г. званія королевскаго слуги; въ 1592 г. онъ не только арендуетъ доходы брестскаго замка, но держитъ на откупѣ и сборъ пошлинъ на брестской таможнѣ, а въ 1593 г. получаетъ право на открытіе воскобойни въ собственномъ домѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, по ходатайству Шауля Юдича, брестскіе евреи освобождаются отъ судебныхъ пошлинъ и за право торговли со столовъ, которыя шли въ пользу старосты; освобожденіе отъ судебныхъ пошлинъ положило начало обособленію еврейскаго національнаго суда; въ послѣдній разъ въ 1596 г. Шауль Юдичъ ходатайствуетъ о подтвержденіи грамоты Витовта, которою мѣщане и евреи г. Бреста освобождались отъ уплаты «стараго мыта» на брестской таможнѣ. Позже имя Шауля Валя не встрѣчается и потому смерть его авторъ относитъ къ 20-мъ годамъ XVII в., когда ему было по преданію около 60 лѣтъ. Указанныя дѣйствительныя заслуги Шауля Валя передъ еврействомъ, вмѣстѣ съ послѣдствіями переворота, произведеннаго въ общественной жизни люблинской уніей, послѣдствіями, которыми съ выгодой для себя воспользовались евреи, послужили причиной того, что личность Шауля ставилась высоко евреями; ему стали приписываться всѣ тѣ реформы, которыя облагодѣтельствовали евреевъ; отсюда, по мнѣнію автора, и создалась легенда о царствованіи Шауля Юдича [1]).

---

[1]) На личность Шауля Валя авторъ смотритъ по этому, какъ на „опорный пунктъ", вокругъ котораго группируются опредѣленія литовскаго права о евреяхъ.

Въ заключеніе авторъ резюмируетъ свои прежніе выводы о положеніи евреевъ до и послѣ люблинской Уніи (1569 г.); онъ, на основаніи добытыхъ имъ раньше и теперь данныхъ, повторяетъ то, что «до второй половины XVI в. евреи занимаются откупами таможенныхъ государственныхъ пошлинъ, частью торговлей, ремеслами, отдачею денегъ на проценты и, наконецъ, обработкою земли. Если и встрѣчаются евреи, распоряжающіеся чужой землей, то не иначе, какъ самыми ничтожными клочками и притомъ въ видѣ процентовъ за деньги ссуженныя подъ залогъ земли. Съ люблинской уніи картина совершенно измѣняется: въ концѣ XVI в. не только на богатой Украинѣ, но и въ бѣдной Литвѣ появляются крупные арендаторы — евреи, располагающіе сотнями тысячъ рублей на наши деньги и снимающіе въ аренду огромныя имѣнія на долгіе сроки». Развитіе еврейскихъ арендъ, столь пагубныхъ для христіанскаго населенія страны, авторъ объясняетъ тѣмъ же политическимъ переворотомъ, который вызвалъ и измѣненія въ экономическомъ бытѣ—люблинской уніей и въ частности переходомъ огромной массы литовскихъ помѣщиковъ въ разрядъ вотчинниковъ со всѣми тѣми правами на землю и живущихъ на ней, которыя принадлежали вел. князю; открывшаяся при этомъ возможность взысканія съ населенія всякаго рода налоговъ неудержимо влечетъ евреевъ къ арендѣ имѣній, въ которыхъ крестьяне, благодаря прежнему порядку вещей, отличаются большей или меньшей зажиточностью и представляютъ собой для арендатора—еврея лакомый кусокъ.

Но было бы ошибочно думать, что до люблинской уніи евреи не были обременительны для населенія; напротивъ, вредъ еврейскихъ откуповъ и торговли, захватъ послѣдней въ свои руки въ городахъ, злоупотребленія въ ростовщичествѣ живо чувствовались и въ предъидущіе вѣка, доказательство чего мы видимъ въ законодательствѣ, ограничивающемъ дѣятельность евреевъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи; идеализируя бытъ литовскихъ евреевъ до люблинской уніи, авторъ обходитъ молчаніемъ всѣ сеймовыя постановленія и статьи отдѣльныхъ статутовъ, направленныя противъ евреевъ, хотя, правда, выдвигаетъ крупный и весьма характерный для быта евреевъ фактъ изгнанія ихъ изъ Литвы въ 1496 г. за злоупотребленія по откупамъ таможенныхъ пошлинъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ авторомъ, что люблинская унія дала широчайшій просторъ для евреевъ эксплоатировать крестьянское населеніе всѣми возможными средствами; нельзя не согласиться съ доказательствами автора, что

только экономическое положеніе населенія служило прежде, какъ можетъ послужить и въ будущемъ, тормазомъ для развитія производимаго еврейскими профессіями вреда; этотъ фактъ чрезвычайно важенъ и прочное обоснованіе его авторомъ составляетъ весьма крупную заслугу какъ для науки, такъ и для жизни. Но такъ какъ благопріятное экономическое положеніе кореннаго населенія страны было недостаточно и не могло парализовать вредной дѣятельности евреевъ въ многоразличныхъ финансовыхъ операціяхъ, то сама собою является необходимость и въ историческомъ изученіи финансоваго положенія польско-литовскаго государства, чтобы прослѣдить идущую съ нимъ рука объ руку и развивающуюся, вмѣстѣ съ развитіемъ значенія денегъ, дѣятельность евреевъ въ этой сферѣ; мы не сомнѣваемся, что политико-экономическія и финансовыя изслѣдованія въ прошлой жизни Польши и Литвы въ связи съ исторіей евреевъ дадутъ такіе же плодотворные результаты, какъ и изслѣдованные проф. С. А. Бершадскимъ факты юридическаго и общественнаго положенія евреевъ до люблинской уніи, касаясь которыхъ онъ лишь затрогиваетъ факты экономической жизни, требующіе самостоятельной разработки. **И. Каманинъ.**

Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ. Собралъ П. Ивановъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова. (3-й вып. II-го т. «Сборника Харьк. историко-филологич. Общества»). Харьковъ. 1890 г.

Полстолѣтія уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ этнографы обратили вниманіе, при изученіи народнаго быта, и на игры дѣтей, видя въ нихъ то отголоски языческой старины и слѣды миѳа, то указанія на врѣзавшіяся въ народную память тяжелыя историческія событія, то остатки быта болѣе или менѣе далекаго прошлаго; при отсутствіи же въ деревнѣ какихъ-либо воспитательныхъ средствъ, игры служатъ и матеріаломъ для развитія дѣтскаго міросозерцанія; такимъ образомъ, игры имѣютъ значеніе миѳологическое, историческое, этнографическое и педагогическое. Несмотря на то, что игры вотъ уже почти 50 лѣтъ то здѣсь, то тамъ записываются, и записи эти издаются въ свѣтъ со всякими то остроумными, то безосновательными догадками издателей, до сихъ поръ еще проф. Сумцовъ насчитываетъ едва 25 сборниковъ ихъ въ своемъ «предисловіи» къ разсматриваемой книгѣ; такое незначительное количество сборниковъ описанныхъ игръ и притомъ сборниковъ, не бывшихъ главною цѣлью издателей и появлявшихся случайно, какъ часть, и то лишь какъ небольшая часть

этнографическихъ сборниковъ, вообще до сихъ поръ не даетъ возможности сдѣлать какое-либо изслѣдованіе по вопросу объ играхъ; поэтому, чѣмъ чаще будутъ появляться такого рода этнографическіе матеріалы, тѣмъ скорѣе наука получитъ возможность разработать ихъ и сдѣлать возможные выводы; въ виду сказаннаго, нельзя не привѣтствовать появленіе сборника «Игръ» г. П. Иванова и не пожелать, что бы грамотные люди обратили на нихъ вниманіе и собирали бы ихъ, какъ собираютъ пѣсни; этимъ только путемъ могутъ быть сохранены исчезающія игры, которыя, само собою разумѣется, подчиняются общему закону жизни.

Въ разсматриваемомъ нами сборникѣ г. П. Ивановъ описываетъ 95 игръ, распредѣляя ихъ на 11 группъ: а) игры съ палками (16 игръ), б) игры съ мячемъ (10), в) игры съ дощечками, палочками, камешками, косточками (8), г) игры съ ножичкомъ (4), д) игры съ жгутомъ (3), е) игры въ кражу (5), ж) игры въ куплю-продажу (4), з) игры въ латки, прятки, жмурки и вообще съ ловлею (22), и) игры въ адъ и рай (4), і) игры съ гонкою (6), к) игры съ переговорами, припѣвками и пѣснями (13) [1]). По числу описанныхъ игръ настоящій сборникъ занимаетъ второе мѣсто послѣ сборника Терещенка и превосходитъ сборники Сахарова и Чубинскаго. И это количество игръ описано въ 26 селахъ купянскаго уѣзда. Сколько же ихъ можно описать въ цѣлой губерніи, въ цѣломъ краѣ, во всей Россіи? Притомъ всѣ эти игры записаны въ селахъ. Что же даютъ центры мѣстной цивилизаціи—города? [2]). Какія игры созданы дѣтьми интеллигентнаго общества? Кто у кого дѣлаетъ заимствованія, перенимаетъ? Невольно рождаются эти вопросы при сравненіи города съ деревней, когда обратишь вниманіе на городскихъ, связанныхъ приличіями и уединенныхъ другъ отъ друга дѣтей, и на свободныхъ живущихъ общей жизнью и интересами дѣтей деревни. Мы воздерживаемся отъ рѣшенія этихъ вопросовъ, чтобы не впасть въ ошибку, но тѣмъ съ большимъ интересомъ мы ожидаемъ изслѣдованія объ играхъ, въ которомъ авось авторъ не забудетъ и про городъ, а пока еще разъ пожелаемъ, чтобы сборниковъ подобныхъ настоящему, являлось по больше.

И. Каманинъ.

---

[1]) Изъ 95 игръ 65 распространены по всему уѣзду и лишь 30 игръ принадлежатъ тому или другому селу; быть можетъ это игры нарождающіяся и еще не распространившіяся. Все это предстоитъ разрѣшить будущему изслѣдователю ихъ.

[2]) Хотя издатель и вводитъ въ число селъ и г. Купянскъ, но мы не считаемъ его такимъ центромъ, въ которомъ условія жизни для большинства населенія рѣзко разнились бы отъ условій сельской жизни.

Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. 1839—1889. Составилъ вице-президентъ Общества В. Юргевичъ. Къ юбилею Общества 14 Ноября 1889 г. Одесса 1889.

Въ настоящее время интересъ къ научнымъ открытіямъ все болѣе и болѣе распространяется въ массѣ русскаго общества; насчитываются сотни людей, посвящающихъ свои досуги ех amore научнымъ занятіямъ, иногда даже затрачивающихъ большія средства на пользу развитія русской науки. Несомнѣнно, это отрадное явленіе есть результатъ дѣятельности какъ выдающихся личностей въ области науки, такъ и русскихъ ученыхъ обществъ, умѣвшихъ привлекать къ себѣ интеллигентныя силы, группировать ихъ около себя и давать направленіе ихъ занятіямъ. Среди ученыхъ историческихъ обществъ, существующихъ въ Россіи, однимъ изъ старѣйшихъ является Императорское одесское общество исторіи и древностей. Въ прошломъ 1889 году 14 ноября оно праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей, ко дню котораго и была составлена вице-президентомъ общества В. Юргевичемъ брошюра, рекомендуемая вниманію нашихъ читателей. Весь «Историческій очеркъ» г. Юргевича распадается на двѣ главы. Въ первой мы находимъ свѣдѣнія «объ археологическихъ разысканіяхъ и открытіяхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію одесскаго общества исторіи и древностей». Указавъ, насколько полезно было для науки измѣненіе политическихъ условій на югѣ Россіи, явившееся съ присоединеніемъ Крыма къ русскому государству, авторъ перечисляетъ всѣхъ путешественниковъ конца XVIII и начала XIX столѣтій, способствовавшихъ своими сочиненіями изученію исторіи и древностей края. Затѣмъ г. Юргевичъ представляетъ систематическій обзоръ всѣхъ археологическихъ изысканій и находокъ, начиная съ раскопокъ Мельгунова въ 1763 году и кончая послѣдними раскопками въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія. Нужно сказать при этомъ, что г. Юргевичъ дѣлаетъ довольно подробныя описанія раскопокъ и найденныхъ вещей, причемъ указываетъ всѣ ученыя и періодическія изданія, въ которыхъ помѣщались отчеты, или описанія, или новыя изслѣдованія на основаніи добытыхъ данныхъ, точно такъ же, какъ раньше авторъ, говоря о путешественникахъ по югу Россіи, отмѣчаетъ, гдѣ и когда были напечатаны ихъ записки. Словомъ, читатель найдетъ въ брошюрѣ довольно обильныя библіографическія указанія по исторіи и древностямъ юга Россіи. Затѣмъ

идетъ перечисленіе всѣхъ коллекцій монетъ, отысканныхъ въ Новороссіи и Крыму. Обиліе открываемаго археологическаго матеріала побуждало многихъ къ ученой дѣятельности. Между людьми, посвятившими себя изученію исторіи и древностей юга Россіи, были Кёлеръ, Бларамбергъ, Стемпковскій и Кеппенъ. Въ «Очеркѣ» г. Юргевича мы найдемъ краткія, но обстоятельныя, свѣдѣнія объ ученой дѣятельности каждаго изъ нихъ, съ указаніемъ на ихъ труды; внизу, подъ строкой, помѣщены краткія ихъ біографіи съ обозначеніемъ, гдѣ напечатаны подробныя свѣдѣнія о ихъ жизни. Затѣмъ авторъ переходитъ къ обзору распоряженій правительства, направленныхъ къ поддержанію и сохраненію памятниковъ древности. Глава II содержитъ въ себѣ историческій очеркъ дѣятельности самаго общества. Еще Стемпковскій высказывалъ мысль о необходимости учрежденія ученаго археологическаго общества на югѣ Россіи. Затѣмъ эта мысль встрѣтила полное сочувствіе со стороны начальника края кн. Воронцова. Основателями и первыми дѣятелями общества должны быть признаны Стурдза, Княжевичъ, Фабръ, Киріаковъ и Мурзакевичъ. Общество было открыто въ 1839 году 23 апрѣля, а 14 ноября оно было Высочайше утверждено. Г. Юргевичъ приводитъ уставъ общества и дѣлаетъ извлеченія изъ первыхъ его постановленій, направленныхъ къ осуществленію цѣлей, намѣченныхъ въ его уставѣ. Во все время своего существованія общество неуклонно заботилось объ открытіи и приведеніи въ извѣстность памятниковъ старины, объ ихъ сохраненіи и поддержаніи. Ограниченныя средства общества не дозволяли ему производить раскопокъ, но тѣмъ не менѣе оно содѣйствовало своими средствами мѣстнымъ дѣятелямъ въ этомъ направленіи. Только въ послѣднее время, при пособіи правительства, общество имѣло возможность заняться болѣе обширными раскопками. Особенно подробно г. Юргевичъ останавливается на ходѣ раскопокъ Херсонеса Таврическаго, нашего Корсуня, продолжавшихся съ 1875 по 1889 годъ. Не менѣе важна и другая заслуга общества—собираніе мѣстныхъ древностей въ своемъ музеѣ. За свое пятидесятилѣтнее существованіе общество издало пятнадцать томовъ своихъ трудовъ подъ именемъ «Записокъ». Первый томъ вышелъ въ 1844 году. Въ концѣ брошюры г. Юргевича приложены: 1) «Составъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей къ 14 ноября 1889 года» и 2) Указатель, статьямъ, помѣщеннымъ въ запискахъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей съ 1844 по 1889 годъ. За послѣднее приложеніе нельзя не принести автору особенной благодарности. **П. Г.**

Е. Сѣцинскій. Бакота, древняя столица Понизья. (Каменецъ-Подольскъ, 1889). Стр. 34.

Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. Церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ летичевскаго уѣзда (Каменецъ-Подольскъ, 1889). Стр. 18.

Незначительное нынѣ село Бакота на лѣвомъ берегу Днѣстра въ эпоху татарскаго лихолѣтья выступаетъ въ древнѣйшей лѣтописи какъ центральный пунктъ Понизья, особой области галицкаго княжества. Сколько можно судить изъ сопоставленія скудныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ко времени нашествія Батыя связь Понизья съ Галичемъ была непрочна: далекая область на пограничьи съ кочевниками являлась удобной ареной для попытокъ захвата со стороны внѣшнихъ враговъ, тюркскихъ кочевниковъ, и враговъ внутреннихъ, бояръ. Послѣ одолѣнія послѣднихъ Даніиломъ Галицкимъ, Бакота, какъ сообщаетъ лѣтопись подъ 1255 г., дважды передавалась татарамъ, господство которыхъ продолжалось на Подоліи вплоть до литовскаго занятія земли при подольскихъ князьяхъ Корьятовичахъ въ союзѣ съ мѣстными атаманами.

Если внѣшнія судьбы Понизья въ 13 и 14 в. возстановлены нынѣ сколько нибудь въ связномъ видѣ, то археологическое изученіе края, имѣющее такую цѣну при историческихъ изслѣдованіяхъ, находится въ положеніи далеко неудовлетворительнымъ. Даже многочисленныя «монастырища» по Днѣстру ожидаютъ донынѣ детальнаго изученія. Уже покойный Аѳанасьевъ-Чужбинскій обратилъ было на нихъ вниманіе въ своихъ «Очеркахъ Днѣстра». Предпринятыя въ этомъ направленіи работы гг. Антоновича и Мельникъ (Труды VI археол. съѣзда въ Одессѣ, также «Кіев. Стар.» 1884—5 г.г.) пролили новый свѣтъ на эти драгоцѣнные забытки сѣдой старины. Брошюра г. Сѣцинскаго дополняетъ въ нѣкоторой степени наблюденія указанныхъ двухъ археологовъ. Раскопки блистательно подтвердили правдивость древнѣйшей литовской лѣтописи, которая при разсказѣ о занятіи Подоліи Корьятовичами, отмѣчаетъ, что князья, послѣ отстройки Смотрича, возобновили Бакоту: «у другомъ мѣстѣ были черници у горѣ и въ томъ мѣстѣ (князья) нарядили городъ Бакоту», крѣпостныя сооруженія которой, очевидно, были разметаны татарами. Отлогій полуостровъ у Бакоты и донынѣ носитъ въ народѣ названіе «Монастырища». Произведенныя въ прошломъ году мѣстными крестьянами раскопки въ отвѣсной горѣ противъ Монастырища дали въ результатѣ несомнѣнныя указанія на существовавшій здѣсь нѣкогда

православный монастырь: мѣстные археологи обнаружили ясные слѣды келій и усыпальницы, человѣческія кости, обломки желѣза, нѣсколько славянских надписей, икону св. Троицы съ надписью и т. п. Если принять во вниманіе, что на вершинѣ скалы, вмѣщающей остатки древняго монастыря, обнаружены присяжными археологами слѣды дохристіанскаго погребальнаго обряда, то оказывается, что начало Бакоты должно быть отнесено еще къ эпохѣ древнѣйшихъ разселеній по Днѣстру тиверцевъ и уличей, лишь вскользь промелькнувшихъ въ лѣтописи.

Крестьяне-археологи въ своихъ поискахъ руководились конечно цѣлями посторонними наукѣ, отысканные на древнѣйшемъ славянскомъ займищѣ предметы разошлись по рукамъ и вѣроятно утрачены для науки навсегда. Владѣлецъ Бакоты, г. Шиманскій (замѣтимъ, издавшій отчетъ о произведенныхъ раскопкахъ въ газетѣ «Kraj»), вначалѣ поощрявшій работы крестьянъ, своевременно просилъ Имп. археологическую коммиссію прислать компетентнаго изслѣдователя для руководства изысканіями, но недостатокъ средствъ не позволилъ исполнить просьбу г. Шиманскаго. Правда, дальнѣйшія работы были прекращены по распоряженію властей, и древнѣйшее русское займище съ его драгоцѣнными остатками нѣкогда кипучей жизни ожидаетъ своего Шлимана.

Лично г. Сѣцинскій раскопокъ въ Бакотѣ не производилъ и въ своей брошюрѣ даетъ лишь описаніе монастырища въ томъ видѣ, какъ оно находилось въ сентябрѣ 1889 года, послѣ прекращенія работъ крестьянъ. Кромѣ описанія раскопокъ, г. Сѣцинскій даетъ связный очеркъ судебъ Понизья и Бакоты на основаніи новѣйшихъ историческихъ работъ и сообщаетъ нѣсколько интересныхъ данныхъ о нынѣшней православной церкви въ Бакотѣ, находившейся въ самомъ жалкомъ состояніи на протяженіи почти двухъ столѣтій.

Вторая брошюра г. Сѣцинскаго даетъ подробное описаніе старинной православной церкви въ с. Сутковцахъ летичевскаго уѣзда, начало которой должно отнести никакъ не позже половины XVI в. Уже въ поборовомъ спискѣ 1565 г. отмѣченъ одинъ «попъ» въ Сутковцахъ (Яблоновскій, Zródła dziejowe, т. XIX, ч. 1, стр. 189), чѣмъ устраняется всякій споръ о возникновеніи церкви въ концѣ XVI или даже въ XVII в. Церковь замѣчательна своей архитектурой: это церковь-замокъ, каменныя стѣны котораго въ нижнихъ частяхъ достигаютъ болѣе сажени толщины, съ двухъярусной колокольней, тремя башнями съ широкими зубчатыми карнизами и конусообразными крышами,

множествомъ амбразуръ. Надо думать, что святое мѣсто служило для окрестныхъ жителей защитою при нападеніяхъ татаръ.—Кромѣ внѣшняго описанія храма, г. Сѣцинскій даетъ также подробныя свѣдѣнія о владѣльцахъ Сутковецъ по печатнымъ даннымъ и нѣкоторыя выдержки изъ книги визитъ половины XVIII в., хранящейся въ архивѣ комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Въ архивѣ этомъ, какъ извѣстно, находятся матеріалы драгоцѣнные для бытовой исторіи края, но издаются они довольно поверхностно и вяло, о чемъ будемъ имѣть случай сказать въ другомъ мѣстѣ.

Н. М.

Обозрѣніе журналовъ.

1) „Вѣстникъ Европы" № 4—5; 2) „Журн. Мин. Нар. Просв." № 4—5; 3) „Историческій Вѣстникъ" № 4; 4) „Русскій Архивъ" № 4—5; 5) „Русскій Вѣстникъ" № 3—5; 6) „Русская Мысль" № 4—5; 7) „Русская Старина" № 4—5; 8) „Русскій Филологическій Вѣстникъ" № 1; 9) „Сѣверный Вѣстникъ" № 4—5; 10) „Филологическія Записки" Вып. I.

Вѣстникъ Европы 1890 г. № 4—5. *Кейстутъ и Бирута, литовская быль изъ XIV-го вѣка. М. Липкина.* (№ 4, стр. 739—784). Это—нѣчто въ родѣ поэмы въ стихахъ на тему изъ литовскихъ преданій. Поэма состоитъ изъ 5 пѣсенъ и снабжена значительнымъ числомъ подстрочныхъ примѣчаній.

Въ *Литературномъ обозрѣніи* помѣщена рецензія о книгѣ „Бѣлоруссія и Литва". Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *П. Н. Батюшковымъ* (№ 5, стр. 392—395).

Журналъ Мин. Нар. Просв. № 4—5. *И. Н. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ* (№ 4, стр. 267—305; № 5, стр. 1—55). Вводная глава этой работы касается стараго вопроса о сѣверномъ или южномъ происхожденіи русскаго былеваго эпоса; все же изслѣдованіе посвящено подробному обозрѣнію тѣхъ эпическихъ данныхъ, которыя связываются съ именемъ князя Романа Галицкаго въ памятникахъ письменности, въ произведеніяхъ южно-русской поэзіи и въ великорусскихъ былинахъ.

Мелкія замѣтки къ былинамъ. А. Веселовскаго. Уже не разъ приходилось отмѣчать эти статьи почтеннаго ученаго, въ которыхъ постоянно наталкиваешься на мелкіе факты, касающіеся или нашей южной письменности, или народной южно-русской поэзіи. Въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемся съ та-

кими фактами въ очеркѣ «Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Зинѣ» (№ 5, стр. 61—73).

Изъ воспоминаній профессора В. И. Лапшина. (№ 5, стр. 120—139). Здѣсь находимъ воспоминанія о харьковскомъ университетѣ въ періодъ 1835—65 гг., а также о дѣятельности Лапшина въ основанной имъ Өеодосійской народной школѣ, начиная съ 1871 г.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о книгахъ: 1) *Любовича Н.* Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. *Стат. С. Пташицкаго* (№ 5, стр. 164—172); 2) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской Дружинной Руси. Изслѣдованіе *Е. Барсова.* Т. III-й. Лексикологія слова. *Стат. А. Будиловича* (№ 5, стр. 172—187); 3) Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. *П. Владимірова* (№ 5, стр. 217). *Prochaska A.* Materyały archiwalne, wyięte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 roku. Lwów (№ 5, стр. 218).

Въ отдѣлѣ *«Современная лѣтопись»* помѣщенъ отчетъ о восьмомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (9-го—24-го января 1890 г.). *Е. Шмурло* (№ 5, стр. 1—47; окончаніе слѣдуетъ).

Историческій Вѣстникъ № 4-й. *Мордовцевъ Д. «Чьи грѣхи».* Здѣсь встрѣчаемъ разсказы о походѣ Брюховецкаго въ 1665 г., о разореніи Чернецкимъ Суботова и о поруганіи имъ праха Хмельницкаго (№ 4, стран. 5 — 21).

Неслуховскій Ф. П. Изъ моихъ воспоминаній. Характеристика Н. И. Костомарова. Закрытіе кіевскаго университета въ 1839 г. Переѣздъ автора въ Харьковъ и поступленіе въ харьковскій университетъ. Жизнь въ Харьковѣ и знакомство съ Срезневскимъ, Метлинскимъ, Рославскимъ, Костомаровымъ. Характеристика профессоровъ. Краткая біографія студента и помощника инспектора Костомарова № 4, стр. 116—153).

Русскій Архивъ, № 4—5. *Шумигорскій Е. С. Императрица Марія Өеодоровна.* Здѣсь говорится о пріемѣ велик. князя Павла Петровича и велик. княгини Маріи Өеодоровны въ Кіевѣ отъ 11 по 15 окт. 1781 г. по пути ихъ заграницу (№ 5, стр. 34—35).

Русскій Вѣстникъ № 3—5. «Духовная жизнь нѣмецкихъ колоній». А. Велицына (№ 3, стр. 236—260). Авторъ статьи задается цѣлью охарактеризовать особенности религіозной жизни нѣмцевъ—колонистовъ и ея вліянія на югъ Россіи. Высказавъ общее положеніе, что принципіальныя отличія міра православнаго и протестантскаго имѣютъ большое практическое значеніе, такъ какъ вносятъ различные идеалы въ жизнь, и охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ эти отличія, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ религіозныхъ

сектъ. Прежде всего онъ останавливается на сектѣ гернгутеровъ, какъ наиболѣе интересной въ бытовомъ отношеніи. Въ статьѣ подробно изложена исторія возникновенія этой секты, ея внѣшняя организація, внутренняя жизнь, условія проникновенія въ Россію и постепенное измѣненіе характера секты въ позднѣйшее время.

Въ статьѣ «О военныхъ поселеніяхъ при графѣ Аракчеевѣ» нѣсколько страницъ (88—95) посвящено исторіи учрежденія военныхъ поселеній на югѣ Россіи въ губерніяхъ харьковской, херсонской и подольской, при чемъ указаны тѣ затрудненія, которыя были встрѣчены при этомъ учрежденіи Аракчеевымъ (волненіе въ харьковскомъ поселеніи).

Въ отдѣлѣ *«Внутреннее обозрѣніе»* (№ 3, стр. 331—337) помѣщена замѣтка объ областномъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Кіевѣ и его задачахъ.

«Еврейскія колоніи» *К. Случевскаго* (№ 4, стр. 201—228). Эта статья касается исключительно колоній екатеринославской губерніи. Начавши съ характеристики внѣшняго вида колоній, авторъ переходитъ къ числовымъ даннымъ относительно количества народа, земли, скота и машинъ въ каждой отдѣльной колоніи, потомъ излагаетъ краткую исторію образованія еврейскихъ колоній, останавливается на нѣкоторыхъ особенностяхъ еврейскаго хозяйства сравнительно съ сосѣдними не-еврейскими и, наконецъ, во 2-й половинѣ статьи, переходитъ къ изложенію историческихъ судебъ евреевъ въ Россіи. Статья заканчивается разсмотрѣніемъ вопроса о чертѣ осѣдлости евреевъ.

«Духовная жизнь нашихъ нѣмецкихъ колоній» *А. Велицына* (№ 5, стр. 212—234). Эта статья, составляющая продолженіе напечатанной въ мартовской книгѣ Русскаго Вѣстника подъ тѣмъ же заглавіемъ, начинается возраженіями по адресу нѣмецкой газеты, издающейся въ Россіи «St-Petersburger Zeutung». Послѣ этого уклоненія въ сторону, авторъ продолжаетъ прерванное разсмотрѣніе религіозныхъ сектъ. Статья этого номера посвящена характеристикѣ секты менонитовъ, очень распространенной на югѣ Россіи, и ея главныхъ принциповъ, а въ слѣдующемъ номерѣ авторъ обѣщаетъ сообщить свѣдѣнія о сектѣ, особенно интересной для южно русскихъ губерній—штундизмѣ.

Въ отдѣлѣ «Новости литературы» (№ 5, стр. 277—280) помѣщенъ критическій разборъ сочиненія И. П. Филевича «Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе» —К. Бестужева-Рюмина.

Русская Мысль 1890 г., № 4—5. *Гл. Успенскаго. Крестьянскія женщины.* Приведена выдержка изъ статьи г. Ревы, напечатанной въ «Юрид. Вѣст.» въ прошломъ году, касающейся разстройства въ земскихъ порядкахъ и выясняющей вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ кіевской губерніи (№ 4, стр. 146—148).

Милюкова. VIII археологическій съѣздъ въ Москвѣ. (№ 4). Подробное изложеніе доклада пр. В. Б. Антоновича о классификаціи кургановъ въ кіевской губер. (стр. 173—175); доклада пр. Завитневича: къ вопросу о критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ съ сведеніемъ кургановъ средняго Днѣпра къ 4 типамъ (стр. 175—176); краткое изложеніе реферата г. Скадовскаго (распредѣленіе археологическихъ находокъ у днѣпровскаго лимана) и пр. Д. И. Багалѣя (общій очеркъ древностей харьковской губерніи) (стр. 176); дополненія, сдѣланныя г. Смирновымъ къ реферату В. Б. Антоновича—о необходимости связи археологическаго изученія съ данными современной этнографіи (стр. 176); сообщеніе А. А. Ивановскаго—о современныхъ обрядахъ у торгаутовъ, дающихъ полное разъясненіе каменнымъ бабамъ (стр. 177); рефератъ И. М. Ядринцева—о слѣдахъ азіатской культуры въ южнорусскихъ и скиѳскихъ древностяхъ и возраженія В. Б. Антоновича и Д. И. Багалѣя (стр. 180); сообщеніе В. Ѳ. Миллера о новомъ сарматскомъ божествѣ, найденномъ на Кубани (стр. 180—181); рефератъ А. С. Будиловича—къ вопросу о происхожденіи слова Русь (стр. 181—183), и сообщеніе Д. А. Хвольсона о новыхъ варіантахъ Ибнъ-Хордадбе, относящихся къ Руси (стр. 183—184); сообщеніе пр. А. С. Павлова—о церковномъ уставѣ Владиміра (стр. 192—193).

Въ отдѣлѣ библіографіи отзывы о книгахъ:

1) *Сумцова.—Этнографическія замѣтки.* Москва 1889 г. (№ 4, стр. 163—164).

2) *Барсова:—Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси.* Т. III. Лексикологія «Слова». А—М. Москва, 1890 г. (№ 4, стр. 164—166).

3) *Kopernickiego.* O góralach ruskich w Galicyi. Zarys etnograficzny. Kraków. 1889 г.—по вопросу о разновидностяхъ галицкихъ горцевъ (№ 4, стр. 167).

4) «Очерки помѣщичьяго хозяйства въ уѣздахъ золотоношскомъ и кременчугскомъ». Полтава. 1889 г. и «Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губерніи за 1889 годъ». Вып. первый. Полтава, 1890 г. Изданія полтав. губ. земства (№ 5, стр. 217).

5) Коротенькая замѣтка о книгѣ: «Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Выпускъ I. Полтавскій уѣздъ. Отчетъ полтавскому губ. земству, составленный С. А. Георгіевскимъ». Спб., 1890 г. (№ 5, стр. 219—220).

6) Разборъ книги: «Фабричный рабочій. Изслѣдованіе здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ Привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи. (Изъ наблюденій фабричнаго инспектора) В. В. Святловскаго». Варшава, 1889 г. (№ 5, стр. 221—225).

Русская Старина, № 4 и 5. *Дневникъ А. В. Никитенко.* О кражѣ въ Кіевѣ уѣзднымъ казначеемъ 80 т.; казначей скрылся и оставилъ слѣдующаго содержанія письмо: «12 лѣтъ служилъ я честно и усердно: это извѣстно и начальству, которое всегда было мною довольно. Не смотря на это, меня не награждали, тогда какъ другіе мои сослуживцы получали награды. Теперь я рѣшился самъ себя наградить» (№ 4-й, стр. 30).

Гвоздиковъ Е. Гр. Н. И. Костомаровъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ. Николай Иван. преподавалъ одинъ годъ (1837 г.) русскую исторію въ харьковскомъ частномъ пансіонѣ А. И. де-Роберти. Авторъ описываетъ внѣшній видъ Н. Ив. и его методъ преподаванія (207—209 стр., № 4).

Музыкантовъ П. Справка о томъ, что К. Д. Ушинскій былъ уроженецъ юга, а не Тулы (№ 4, стр. 230).

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго. (№ 5, стр. 381—391). Это—продолженіе ряда статей помѣщенныхъ разновременно въ Русской Старинѣ прежнихъ годовъ, начиная съ 1872 г. Данный очеркъ представляетъ воспоминанія о знаменитомъ польскомъ писателѣ, митрополитѣ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ россійской имперіи, *Игнатіи Головинскомъ.*

Петровскій полтавскій кадетскій корпусъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его воспитанниковъ. *Л. Картавцева.* Это—отдѣльныя замѣтки о случаяхъ въ жизни корпуса въ періодъ 1852—59 гг., написанныя въ видѣ матеріала къ 50-лѣтію учрежденія корпуса (№ 5, стр. 393—409).

Русскій Филолог. Вѣстникъ 1890 г. № 1. *Въ отдѣлѣ «библіографическія замѣтки»* помѣщена корреспонденція о пяти засѣданіяхъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ, гдѣ между прочимъ сообщается о засѣданіи 8 ноября 1889 г., въ которомъ была сказана г. Багалѣемъ краткая рѣчь о редакторской дѣятельности покойнаго редактора Кіевской Старины А. С. Лашкевича; а также былъ прочитанъ рефератъ А. Я. Ефименко о дворищномъ землевладѣніи въ южной Россіи, вызванный работами И. В. Лучицкаго (стр. 149—150).

Обозрѣніе Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей.

1) Волынскія Губ. Вѣд. 1—32; 2) Волынскія Епарх. Вѣд. 1- 14; 3) Екатеринославскія Губ. Вѣд. 1—34; 4) Кишиневскія Епарх. Вѣд. 1—7; 5) Кубанскія Обл. Вѣд. 1—17; 6) Минскія Губ. Вѣд. 1—52; 7) Минскія Еп. Вѣд. 1—10; 8) Подольскія Еп. Вѣд. 1—15; 9) Ставропольскія Еп. Вѣд. 1—9; 10) Таврическія Еп. Вѣд. 1—6; 11) Харьковскія Губ. Вѣдом. 1—103; 12) Херсонскія Епарх. Вѣдом. 1—8; 13) Черниговскія Губ. Вѣд, 1—36; 14) Черниговскія Еп. Изв. 1—9. Сверхъ того

просмотрѣны, но не вошли въ обозрѣніе по отсутствію въ нихъ матеріаловъ: Бессарабскія Губ. Вѣд. 1—39; Кіевскія Губ. Вѣд. 1—41; Кіевскія Епарх. Вѣд. 1—14; Подольскія Губ. Вѣд. 1—35; Таврическія Губ. Вѣд. 1—19; Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1—28.

Волынскія Губ. Вѣдом. № 1—32. № 2. По вопросамъ о новогодіяхъ (объ Юліан. и Григоріан. календаряхъ).

№ 4, 7. *Братчиковъ.* Къ исторіи крестьян. дѣла. Разборъ волынскихъ пословицъ.

№ 10. Взглядъ на нѣмецкую колонизацію.

№ 13. *Братчиковъ.* Мѣстная хроника безснѣжныхъ зимъ.

Волынскія Епарх. Вѣд. № 1—12. № 1—12. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волын. епархіи. (Продолженіе,—начало въ 1889 году).

№ 1—5. Лаврентій Зизаній Тустановскій и его сочиненіе «Большой Катехизисъ».

№ 9. Эпизодъ изъ временъ возсоединенія уніатовъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Екатеринославскія Губ. Вѣд. № 1—34. № 3. Городъ Александровскъ въ 1837 г. (Начало въ № 101 и 102 1889 г.).

5. *Ю. К.* Къ вопросу объ искусственномъ лѣсонасажденіи въ южнорусскихъ степяхъ.

6—7. *М. Н. Фалькевичъ.* Маріупольское земство (Обзоръ его дѣятельности за минувшее десятилѣтіе).

10—12. *А. Егоровъ.* Араповскій планъ. (Къ исторіи Екатеринославщины).

13, 14, 17, 19. Днѣпровскіе пороги.

14. *Д. И. Эварницкій-Яворницкій.* Къ исторіи края. «Записка повѣсти покойнаго родителя моего Данила Апостола, какимъ образомъ покойный дѣдъ Павелъ Апостолъ зъ Молдавіи въ Полщу, а съ Полщи въ Малую Россію переселился». (Изъ собств. собранія бумагъ Д. И. Эварницкаго).

15. Новомосковскъ въ прошломъ и въ будущемъ.

16. *Ив. Манжура.* Зимняя ловля рыбы «китцями» подъ Екатеринославомъ.

18, 19, 21, 22, 23. Горнозаводская и фабрично-заводская промышленность въ екатеринославской губ.

20. *А. Егоровъ.* Гдѣ искать Жовтыхъ Водъ? (Къ исторіи Екатеринославщины).

22. *А. Егоровъ.* Пропавшая рѣчка. (Къ исторіи Екатеринославщины).

23—25. *И. Шмаковъ.* Побоище на Калкѣ.

27. *П. Борзиковскій*, инсп. нар. учил. Краткія свѣдѣнія о состояніи еврейскихъ училищъ въ г. Екатеринославѣ въ 1889 г.

29. *И. Шмаковъ*. Рогатинская поповна.

32. *Д. И. Эварницкій*. О найденныхъ запорожскихъ лодкахъ.

33. *Д. И. Эварницкій*. «Араповскій планъ» г-на Егорова.

34. *А. Егоровъ*. Отвѣтъ на замѣтку г. Эварницкаго.

Екатеринославскія Епарх. Вѣдом. № 1—9. 3, 6—8. *Ив. Дементьевъ*. Изъ дневника екатеринославскаго епархіальнаго миссіонера.

№ 8, 9. *К. Корольковъ*. Одинъ изъ видныхъ представителей сектантства (шалопутства) екатеринославской епархіи, отставной солдатъ Григорій Шевченко.

Кишиневскія Епарх. Вѣдом. № 1—7. № 1. Дѣло образованія въ кишиневскомъ уѣздѣ.

№ 4—7. О монастырскихъ имѣніяхъ въ Бессарабіи, принадлежащихъ заграничнымъ восточнымъ монастырямъ.

Кубанскія Обл. Вѣдом., № 1—17. № 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9. Дѣйствія русскихъ крейсеровъ у кавказскихъ береговъ Чернаго моря 1830—1840 годахъ. Матеріалы для исторіи кубанской области, собранные Е. Фелицынымъ.

№ 3. Лѣченіе водобоязни народными средствами.

№ 12. *Е. Фелицынъ*. Геройская защита Михайловскаго укрѣпленія и безпримѣрный подвигъ рядового Архипа Осипова 22 марта 1840 года.

№ 10, 12. О контрабандѣ и ея прекращеніи на черноморской береговой линіи въ 1838—1842 годахъ. (Матеріалы для исторіи кубанской области, собранные Е. Фелицынымъ).

Минскія Губ. Вѣдом. № 1—52. №№ 7, 8. Перепечатка изъ «Одес. Листка» народнаго повѣрья: «Для чего Богъ посылаетъ громъ»?

№ 15. Князь Волхвъ (очеркъ).

№ 15—16. Перепечатка изъ «Прав. Вѣстн.» отзыва объ изданіи Батюшкова: «Литва и Бѣлоруссія».

№ 16. Сельская медицина въ сѣв.-запад. краѣ.

№ 30. Статья о «семейныхъ тайнахъ Радзивиловъ» (милліонное наслѣдство) по газетѣ «Tageblatt».

№ 33. О населеніи западнаго края.

№ 41. Замѣтка объ XI т. «Археограф. сбор. документовъ по исторіи сѣв.-западнаго края.

№ 45. Кое-что о пчеловодствѣ у крестьянъ Полѣсья.

№№ 49, 51. Кустарные промыслы минской губерніи.

Минскія Епарх. Вѣдом. № 1—10. № 6. Св. Макарій митрополитъ кіевскій.

Подольскія Епарх. Вѣдом. № 1—15. № 1. Распоряженіе епархіальнаго начальства православ. христіанамъ подольской епархіи противъ штундистовъ.

— Обозрѣніе «Подольск. Епарх. Вѣдом. за 1889 г.

№ 2. Проектъ устройства въ г. Каменцѣ-Подольскомъ епарх. церковнаго древнехранилища.

№ 2, 4. Мѣры для охраненія православія противъ штундизма (продолженіе; начало въ 1889 г. №№ 39 и 40).

№ 3. Новыя свѣдѣнія по исторіи Подоліи и новыя данныя о судьбѣ великой княжны литов. Елены (по Monum. Poloniae historica, т. V (1).

№ 5—6. Къ исторіи возсоединенія уніатовъ брацлавскаго воеводства во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

№ 9—10. Историческія свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ и его православныхъ церквахъ.

№ 10. По поводу изданія г. Батюшкова «Бѣлоруссія и Литва».

№ 13—15. Штундисты балтскаго уѣзда.

Ставропольскія Епарх. Вѣдом. № 1—9. № 9. М. С. Обычай гадать на книгахъ священнаго писанія (есть кое-что и о малорус. обычаяхъ).

Таврическія Епарх. Вѣдом. № 1—6. № 2—3. О Бахчисарайской Успенской церкви (историч. очеркъ).

№ 4. *Ив. Оболенскій.* О внѣшнихъ отличіяхъ священнослужителей отъ міряпъ (историч. очеркъ).

№ 6. Панагія или Успенскій бахчисарайскій скитъ (историческ. очеркъ).

Харьковскія Губерн. Вѣдом. № 1—103. № 14. Извѣстіе, что въ Казани напечатана пятиактная драма артиста-комика Максимова «Полтавская гроза». Пьеса относится ко времени послѣднихъ лѣтъ жизни Мазепы и очень удачна.

№ 22. Некрологъ проф. всеоб. литер. харьков. универс. Колмачевскаго.

№ 32. Отчетъ о засѣданіи харьков. ист.-филогич. общества, гдѣ были прочитаны: рефератъ проф. Сумцова:—Воронъ въ народ. словесности и отчетъ проф. Багалѣя о VIII археолог. съѣздѣ.

№ 65. Свѣдѣнія о марковской сельской общественной библіотекѣ (харьк. г. лебедин. у.).

№ 67. Подписка на памятникъ Каразину.

— Нѣсколько словъ о П. П. Сокальскомъ—композиторѣ оп. «Осада Дубно» и авторѣ «Рус. народ. муз.» (великор. и малорус.).

№ 70. Сообщеніе проф. Сумцова о полученныхъ имъ писанкахъ и описаніе ихъ.

№ 75. По поводу новыхъ правилъ для чтенія въ читальнѣ харьковской общественной библіотеки.

№ 77. По поводу обычаевъ на вербной недѣлѣ.

№ 83. Пасха у малорусскаго и южно-славянскаго простонародья (фельетонъ).

№ 88. *Влад. Липскій.* Малороссійскія заклинанія въ харьков. у.

№ 96. Перепечатка изъ «Петербург. Листка» о составѣ петербугской труппы г. Кропивницкаго.

№ 99. По поводу земли основянской школы.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости № 1—8. № 1, 2, 5, 6. Историческая записка объ открытіи елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. (Начало въ № 20—24 1889 года).

Черниговскія Губ. Вѣдом. № 1—36. № 1—2. Описаніе работъ, произведенныхъ въ 1889 г. по отдѣлкѣ и украшенію Борисо-Глѣбской церкви черниговскаго каѳедральнаго собора.

№ 1, 2, 4, 7—18, 23, 25, 28—30, 34. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г.

№ 3. Указаніе на историческое лицо, генерал. судью Ивана Яремовича Носа

№ 10—14, 36. Малороссійское дворянство.

№ 15, 18. Родословная дворянъ Полуботковъ.

№ 16. Памятники мѣстной старины: Родъ Харевичей.

№ 21, 22, 24, 25, 36. Родословная дворянъ Туманскихъ.

№ 26. Лизогубовская лѣтопись.

№ 27. Два неизданныхъ письма А. С. Пушкина къ В. И. Туманскому.

Черниговскія Епарх. Извѣстія № 1—7. № 7. Воззваніе съ краткимъ сообщеніемъ объ исторической судьбѣ черниговскаго каѳедральнаго собора церквей Спасова Преображенія и Борисоглѣбской.

Библіографическое извѣщеніе.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

МОТЫЖИНСКІЙ АРХИВЪ.

Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в.

ИЗДАНІЕ АНДРЕЯ и АЛЕКСАНДРА САВИЦКИХЪ.

Кіевъ. 1890 г. 8 д. Стр. VI+223+XVIII. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Съ требованіями можно обращаться въ редакцію журнала „Кіевская Старина“, Большая Владимірская ул., д. № 32, А.

Дозволено ценз. Кіевъ, 14 іюня 1890 г.

1710. Саранча великая была по всемъ сѣвѣру и задънѣпрю.

Того жъ року, царъ Петръ Алексѣевичъ взялъ городъ шведский Рыгу, гражданъ въ ней пощадѣлъ, а воинскихъ людей дванадесять тисячий смерти предалъ всѣхъ.

Того жъ року, Никнъ, оархимандритъ новгородский, померъ, мѣсяца февраля числа 2, а на его мѣстцу зосталъ архимандритомъ Антоний Стаховский, еще за живота отца Никона, который то отецъ архимандритъ Никонъ, доброволне уступилъ архимандрию, будучи хорымъ [1]).

1711. Подчасъ зимы, ханъ зо всѣми ордами, мѣючи при собѣ тисячу янчаровъ, запорожцовъ тисячий двѣ или три, вышолъ въ слободы московские, добылъ въ полку харковскомъ городовъ два: Водоловъ, Марехву, прозываемую Сѣрковка; а до города, называемаго Волного, якъ пришолъ, тамъ заразъ сотникъ, называемый Пляка, передался до хана; въ томъ городѣ ханъ свое зоставивши призидиумъ, также и въ Кечережкахъ городку, пошолъ въ свою землю никимъ же гонимъ; а напотомъ пришовши Москва до тыхъ городковъ Волного и Кочережокъ, жителей всѣхъ зъ жонами и дѣтми и маетками, и татарское президиумъ въ свою забрали (землю), а городки пречъ поруйновали. На тотъ часъ ханъ ясыру взялъ болшъ пятидесяти тисячий, а гетманъ козацкий Іоаннъ Скоропадский зъ войскомъ козацкимъ стоялъ въ Лубпахъ [2]).

(*Другимъ почеркомъ*).

Того жъ року, за Прутомъ рекою, царъ Петръ Алексѣевичъ баталию зъ турками чинилъ; и по окончаніи оной, послани послы при везиру въ Царьградъ, Петръ Павловичъ Шафировъ зъ Михаиломъ Борисовичемъ Шереметомъ, для оконченя договоровъ при-

---

[1]) Приписка на сторонѣ: Сего жъ року, моръ великий былъ въ Киевѣ и въ околичныхъ мѣстахъ и въ селахъ.

[2]) Приписка на сторонѣ: Сего року былъ моръ великий въ Чернѣговѣ и въ прочиихъ городахъ и селахъ сѣверскихъ.

Сего року въ великий постъ, поихалъ Іоаннъ Максимовичъ, архиепископъ Черн., по указу царскому, на Москву, а оттоль въ Сѣбѣръ, на митрополію.

Року 1722, юля 3 дня, маслосвятие ясневелможному его мил. пану гетману Іллѣчу Скоропадскому было.

мѣрныхъ. На якой баталіи отъ войска малороссійского былъ полковникъ миргородский Данило Апостолъ зъ частю выборныхъ козаковъ, а гетманъ Скоропадский, въ полками козацкими, ходилъ подъ Каменный Затонъ, откуду вивозивши борошенніе припасы до Орла и до другихъ полку полтавского мѣстечокъ, Каменній Затонъ, Кодакъ и Самаръ розорили.

1712. Войска московскіе стояли надъ берегомъ Днѣпровымъ отъ Лоева до Навозу, для которыхъ на Днѣпрѣ козаки мосты робили; попереходячи за Днѣпръ, пойшли къ Смоленску.

1713. Гетманъ Скоропадскій съ полками козацкими стоялъ въ Кіевѣ, где козаки робили фашинами валъ, поузъ Либедь до Подолу, надъ Кожомяками, отъ московского города.

Посли царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ, Петръ Андреевичъ Толстой, Михайло Борисовичъ Шереметовъ и Безстужей выѣхали зъ Цариграда по заключеніи мирныхъ договоровъ, зъ между которыхъ Михайло Борисовичъ Шереметевъ въ дорозѣ представился и погребенъ въ монастиру Печерскомъ кіевскомъ.

Того жъ часу, за послами пришолъ зъ Бендеру бывшый полковникъ прилуцкій Горленко зъ канцеляристою Іваномъ Максимовичемъ, зъ сынами Ломиковского и зъ протчими на Украину, którому, зъ его товарищи, велено ехать въ Москву, гдѣ и понынѣ обретается и живетъ свободно. И отпущени зъ Москвы: Михайло Гамалѣя, Кандиба и протчіи, на Украину.

1715. Өедоръ Лисовскій, протопопа гадяцкій, виехалъ зъ Москвы сотникомъ Новгородка-Сѣверского. Іоаннъ Максимовичъ, митрополитъ сѣбѣрскій, въ Тоболску преставился.

Того жъ року, родился царевичъ Петръ Петровичъ октовря 28 и сынъ царевича Алексѣя Петровича, Петръ Алексѣевичъ.

Того жъ року, выехалъ зъ Москвы на полковництво гадяцкое сербинъ Михайло Милорадовичъ зъ братами, а Ивана Чарниша зъ полковництва гадяцкого, учинено судіею енералнымъ.

1717. Взято зъ Кіева къ Москвѣ ректора Өеофана Прокоповича, Варлаама Зеленковского и иныхъ учителей.

(*Пропускъ строки на три*).

1718. Гетманъ Іоанъ Скоропадскій ездилъ въ Москву съ полковниками: чернѣговскимъ Павломъ Полуботкомъ, зъ лубенскимъ Андрѣемъ Марковичемъ, зъ писаремъ енералнымъ Семеномъ Савичомъ, для поклоненія царскому величеству, и тамъ учинилъ сватовство дочки своей за сына Петра Андрѣевича Толстого, Петра Петровича. Тогда въ Москвѣ казнили епископа ростовского ростриженого Демида, Глѣбова, Кикина и протчіимъ многимъ наказаніе чинено, по дѣлу бывшей царицы и царевича Алексѣя Петровича, о чемъ явствуютъ тогда жъ публѣкованные печатные манифѣсты.

Того жъ году, Кіевъ и Чернѣговъ пожаремъ выгорѣлъ.

Того жъ году, июня 26, Алексѣй Петровичъ въ Санктпітербурху преставился и погребенъ въ соборной церкви Петра и Павла, въ городѣ.

1719. Того жъ и другого 1719, войска великороссійскіе и малороссійскіе робыли подъ Царициномъ перекопъ у степу, отъ реки Дону до реки Олги. Того жъ году, учиненъ зять гетманскій Петръ Петровичъ Толстой полковникомъ нѣжинскимъ.

1720. Былъ въ малороссійскихъ городахъ, въ Нѣжинѣ и въ Гадячомъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, генералъ-фелтмаршалъ и кавалеръ; и въ Гадячомъ чинилъ постановлене зъ гетманомъ Скоропадскимъ, зъ старшиною енералною и полковниками, о расположеніи войска великороссійского въ Малой Россіи, чтобъ росписать на драгуна съ конемъ по 15 дворовъ къ сустентанціи, якъ козацкихъ, такъ и мужицкихъ, не виключая зъ раду и зъ числа, чіи бъ ни были, жадныхъ домовъ духовныхъ и свѣтцкихъ, знатныхъ и мелкихъ персонъ, начальныхъ и простыхъ, шинковыхъ и загородныхъ. Но понеже гетманъ зъ старшиною и полковниками выключали съ того расположенія духовныхъ персонъ, старшинскіе и козацкіе дворы, шинки и футорѣ, церковниковъ, вдовъ и всякихъ неимущихъ людей, не ставлячи оныхъ въ число къ сустентаціи драгунской, а приступали къ тому, чтобы опредѣлить по 15 дворовъ пахатныхъ, господарскихъ, посполитыхъ, безкозацкихъ, охороняючи козаковъ для службы козацкой, того ради тое постановлене не состоялося и въ несогласіи зъ Гадяча розехалися.

1721. Ходило комендерованныхъ козаковъ по указу, десять тысячъ, опрочъ кашеваровъ, въ Ладогу, на дѣло канала отъ Новой Ладоги до Слюсенбурха дѣлаючагося, при полковнику чернѣговскомъ Павлу Полуботку, также при хоружому еноралному Івану Сулимѣ и при полковнику лубенскому Андрею Маркевичу; и якъ туда идучи, такъ назадъ поворочаючи, куповалы сѣно и овесъ дорогою цѣною, бо негде сѣна безденежно не давано, отъ чого много коней пропало, и оруже, также одежу козаки позбували за безцѣнокъ, харчуючи коней въ той дорозѣ, еще на каналъ идучи. И не дойшовши Вѣшнего Волочка, Сулима, хорунжій енеральный ,померъ; козаковъ тежъ рядовыхъ, зъ числа десятитисячного, не повернулися въ доми—умерло три тисячи.

Того жъ году, великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ учинилъ миръ вѣчный зъ короною шведскою, на такихъ кондиціяхъ, что всѣ города завоеваные на сей сторонѣ моря Варяжскаго и съ провинціею Ливоніею, Естляндіею и Финляндіею въ сторонѣ его величества остались, яко то: Нарва, Ревель, Рига и протчіи; и того мира отправовалось торжество съ колоколнимъ во всемъ государствѣ звономъ, въ мѣсяцѣ септеврію и зъ всенароднимъ празднованіемъ, недѣлъ двѣ; и при повѣншованю учиненного мира, просили господа сенаторѣ царского величества, дабы изволилъ титуловаться императоромъ, Петромъ Великимъ и отцемъ отечества.

1722. Гетманъ Иванъ Скоропадскій ездилъ въ Москву зъ отданемъ своего поклону імператорскому величеству, где отправовалося еще болшое того жъ мира торжество и выставленъ былъ ферверкъ зъ различными огнями, привеликимъ коштомъ; тамъ же въ Москвѣ, въ машкарадѣ гуляючи, чрезъ увесь мясоедъ и чрезъ сырную недѣлю ездили кораблями и иншими суднами по улицамъ, медведями, собаками и свиньями, зъ немалимъ зрящого народа удивленемъ.

Того жъ лѣта, его императорское величество изволилъ маршъ свой восприяти въ низовый походъ до Терку и далѣй въ землю персидскую, до Дербента, которого города комендантъ и ключѣ срѣбнѣе его величеству, на срѣбномъ блюдѣ, поднесъ и отдался въ

протекцію его величества, зъ городомъ Дербентомъ и со всѣми граж-даны. Въ томъ же походѣ было козаковъ подъ командою Апостола, полковника миргородского, при полковникахъ прилуцкомъ Галагану и при кіевскомъ Танскомъ, десять тысячей, але пропала ихъ тамъ большая половина. Тамъ же надъ Сулакомъ, между теркомъ и Дербентомъ зволилъ е. і. величество заложить новую фортецу и назвалъ Святій Крестъ.

Въ семъ же году, іюля 3 числа, повернувшися зъ Москви гетманъ Скоропадскій въ Глуховъ, представился; того жъ іюля числа, погребенъ зосталъ въ монастыру Гамалѣевскомъ дѣвичомъ, у трапезѣ, передъ правимъ криласомъ. А по его смерти, по указу государевомъ, принялъ правленіе полковникъ чернѣговский Павелъ Полуботокъ, до которого зъ Москвы прислана грамота, за подписаніемъ правительствующого сената, чтобъ до избрання гетмана править ему Малою Россіею, по правамъ малороссійскаго народа, обще зъ старшиною енералною.

Того жъ году, стала въ Глуховѣ коллегія и начали збирать всякіе збори, учрежденіе отъ оной коллегіи, зборщики въ казну государеву.

1723. Президентъ коллегіи Малой Россіи брегадиръ Стефанъ Лукичъ Веляминовъ ездилъ въ Москву и въ Пітербурхъ, къ государю, и оттуду возвратившися въ Глуховъ, привѣзъ указъ зъ сената полковнику Павлу Полуботку, чтобъ ему зъ судею енералнымъ Іваномъ Чорнишемъ и зъ писаремъ енералнымъ Семеномъ Савичомъ, ѣхать въ Санктпітербурхъ, куда и поехали іюня 13 числа. А за прѣездомъ въ Пітербурхъ, подали імперат. величеству сентября 13, въ иностранную коллегію, челобытную съ прошеніемъ милости отъ всей Украины, объ оставленіи зборовъ, о ненарушномъ содержаніи судовъ, правъ и волностей козацкихъ, грамотами отца его величества великого государя царя и в. кн. Алексѣя Михайловича, за гетмана Хмелницкого, утвержденныхъ и отъ самого жъ его імпер. величества при наставленіи на гетманство Івана Скоропадскаго, конфирмованныхъ. А въ сенатъ другую подали такую жъ, слово въ слово, челобитную, зъ особными пунктами о доходахъ гетманскихъ, зъ чого збирались и куда розиходились, о заплатѣ войску комонному и пѣ-

хотному, о канцеляріи, о слугахъ войсковыхъ и полковыхъ, то есть, трембачахъ и армашахъ, о полковыхъ канцеляріяхъ, о покуховномъ, о станціи войска драгунского, якъ много коштуетъ, и о протчіихъ всѣхъ нуждахъ. А послѣ подания оныхъ челобытныхъ, нараженъ и посланъ того жъ часу на Украину лейбъ-гвардіи маэоръ преображенского полку Александръ Івановичъ Румянцевъ, для спросу старшини и чернѣ малороссійской о тыхъ челобитныхъ: чи всѣ о томъ вѣдаютъ и просятъ; и уже съ того часу видѣли быть монарху загнѣванного. Потимъ, прислана зъ Украини отъ полковника миргородского Даніила Апостола и отъ всего войска малороссійского, за подписомъ рукъ всей полковой и сотенной старшины и товариства бунчукового и значкового, другая челобитная съ Коломаку, чрезъ канцеляристу Ивана Романовича, въ Пітербурхъ, которое когда тотъ канцеляристъ подалъ до рукъ самому імператорскому величеству, зъ церкви святой Тройци по служби божой идучому, ноевря 10 числа, такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши и вичитавши, и вишедши зъ того дому, того жъ моменту, изволилъ приказать своими устами, генералу моэору и гвардіи преображенского полку маэору Андрею Івановичу Ушакову, зъ великимъ гнѣвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Івана Чарниша, Семена Савича, писаря енералного, тамъ же при кофейномъ домѣ стоявшихъ, и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попровадити въ замокъ мурованій пітербургскій, где, съ перваго часу, порознь были всѣ за карауломъ посажени; потимъ по 4 человѣка случени, а далѣй, знову недель у килка, поединцемъ розведени. А взято тогда при главной старшинѣ, подъ караулъ, въ замокъ полковниковъ наказнихъ трохъ: 1) гадяцкого полкового судію Григорія Грабянку, 2) переяславского есаула полкового Івана Кирпича, 3) стародубовского Петра Корецкого, дв бунчукового товариша Димитрія Володковского, канцеляриста войсковой енералной канцеляріи Николая Ханенка, Іосифа Гаврилова, Василія Биковского, стародубовского значкового Стефана Носовича, чернѣговского значкового Івана Римшу, а слугъ всѣхъ на господѣ

где стояли, подъ караулъ побрано, и всѣ пожитки у кого що было, сукнѣ и денги, одобрано, попечатано, и на Шафѣровъ дворъ запроважено. А въ Чернѣговѣ учинено зъ подполковниковъ полковникомъ коменданта Михайла Богданова. Того жъ времени взято зъ Украини полковника миргородского Апостола, въ Москву и въ Санкпітербургъ, асаула енералного и бунчукового (бунчучного?) зъ Глухова и нѣкоторыхъ полковъ побрано въ Глуховъ, старшину полковую и держано подъ карауломъ.

1724. Коронована въ Москвѣ въ соборной Успенской церкви, велик. государиня імператрица Екатерина Алексѣевна мая 7, чрезъ самого его імператорского величества и чрезъ архіереевъ великоновгородского Ѳеодосія и псковского Ѳеоѳана Прокоповича, ей же подай Господи многолѣтное щастливое и тихомирное государствованіе.

Априля 28, преставился въ замку пітербургскомъ, подъ карауломъ, Димитрій Володковскій.

Декаврія 18, преставился въ замку пітербургскомъ, подъ кароуломъ, полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ и погребенъ при церкви святого Самсона Страннопріемца, за Малою Невою, декаврія 29 числа.

1725. Преставился государь імператоръ и самодержецъ всей Россіи Петръ Великій, отецъ отечества, Петръ первый, непобѣдимій христіанскій монархъ, благочестивой вѣры христіанской разширитель, стоднъ церкви россійскія, одолѣнъ зосталъ отъ смерти непреодолѣнной, бывши двадесятолѣтнею зъ годомъ тяжкою зъ шведскимъ королевствомъ войною, по безчисленныхъ своихъ трудахъ въ просвѣщеніи своего государства, почилъ отъ рожденія своего 53 году, генваря въ 28 день, ему же подай Господи по земномъ, вѣчное небесное царствіе.

Того жъ году, послано бунчуковыхъ и значковыхъ къ Дербенѣ и въ Гилянъ, зъ Украини. Февраля 6, выпущени зъ замку санктпітербургскаго, съ подъ караулу, судія енералній Іванъ Чорнишъ, писаръ енералній Семенъ и протчіе, а миргородскій полковникъ Апостолъ, Василій Жураковскій, асаулъ енералній, и Яковъ Лизогубъ, бунчучный енералный, тако жъ съ подъ караулу свобожени,

которимъ всѣмъ у вышнемъ судѣ, при свобожденіи ихъ, отдано шаблѣ; толко указомъ сказано, жебы въ Санктпітербурху жили до указу, съ которыхъ писаръ енералній Савичъ и асаулъ переяславскій Кирпичъ въ скоромъ часѣ, въ Пітербурху, померли.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

КОЛОМАЦКІЯ ЧЕЛОБИТНЫЯ.[1]

1. *Челобитная объ отмѣнѣ сборовъ.*

Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій императоръ и самодержецъ всеросеійскій Петръ Великій, отецъ отчествія, государь всемилостивѣйшій [2]).

Отъ начала восприятія всего малороссійского народа нашего, Богомъ хранимого, подъ державнѣйшій государствованія своего скипетръ, такъ пресвѣтлѣйшие святоусопшіе предки вашего императорского величества, яко и ваше всепресвѣтлѣйшое величество при превисочайшой Богомъ увѣнчанной державѣ своей, на насъ вѣрнихъ подданнихъ, за наши и антецессоровъ нашихъ рабскиe службы, всемилостивѣйше призирать и при правахъ и волностяхъ нашихъ доселѣ содержать и впредь непоколѣбимо содержовати обѣщать изволили, многими премощнѣйшими грамотами и привилеями, между которими и въ прошедшомъ 1716 году, на подданское челобите покойного гетмана господина Скоропадского, о облегченіи малороссій-

---

[1]) Во время печатанія Черниговской лѣтописи, нашли мы въ бумагахъ Григ. Андр. Полетики († 1784 г.), недавно пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ, тѣ двѣ „челобитныя", привезенныя Романовичемъ съ Коломака, которыя были ближайшимъ поводомъ къ аресту Полуботка и его товарищей. Два эти документа, до сихъ поръ неизвѣстные въ печати, мы нашли умѣстнымъ привести здѣсь, въ видѣ приложенія къ нашей „кроничкѣ", въ которой съ наибольшими подробностями приведенъ разсказъ объ арестѣ въ 1724 г., малороссійской старшины. О „коломацкихъ челобитныхъ" см. Записки Як. Марковича I, 24 (только слѣд. читать сентябрь вм. августъ).

[2]) Вначалѣ, передъ титуломъ, сдѣлана такая замѣтка: копія зписанного слово въ слово. Сія суплика третій разъ писана отъ всего войска, зъ Коломаку, 1723 году, октоврія 1

ского народа въ поносимыхъ тяжестяхъ и убиткахъ отъ станціи и преходу войскъ великороссійскихъ, видана зъ Амстардаму предостойнѣйшая вашего императорского величества грамота, зъ таковимъ всемилостивѣйшимъ обнадеживаніемъ, что всѣ тие тяжести и убитки, по окончаніи зъ королемъ шведскимъ войни, награжденни будутъ неотемлемою вашего величества милостию, которой событиия всежелателно зъ рабскимъ благодареніемъ ожидая, малороссійскій народъ, хотя до зѣла зъ божия посѣщения зосталъ разоренъ и умаленъ, то нашествиемъ неприятелскимъ, то моровою язвою и неурожаемъ черезъ многие года хлѣба и травъ, однакъ тие жъ переходи и станціи войскъ великороссійскихъ, такожъ и небезтяжестную службу, колико возмогли зъ немалимъ убиткомъ, отбували въ ползу интересу вашего императорского величества, чимъ би лутше на вящшую вашего величества заслужитися милость. Прошедшого же 1722 году учрежденная въ Малой Россіи коллегія, въ прилогъ тихъ трудностей, начаянное намъ стала налагать отягощение, вступаючися въ права и суда наши и взимаючи зъ добръ нашихъ никогда небивалие збори, представляя будто тое дѣлаетъ по пунктамъ Богдана Хмелницкого гетмана, въ которихъ пунктахъ просителнихъ и рѣшителнихъ, нѣкому отъ великороссійскихъ началниковъ въ права и суди наши вступатися, такожъ отъ имѣния старшини и козаковъ рядовыхъ, жаднихъ взимать зборовъ не написано, но якъ въ онихъ же пунктахъ изображено, всякую въ добрахъ и судахъ имѣти волность и судитися имъ по своимъ правамъ, такъ тие свободи въ онихъ добрахъ и судахъ милостивѣйшими пресвѣтлѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, блаженной и вѣчно достойной памяти отца вашего императорскаго величества, и вишне писанними вашего жъ величества привилеями Войску Запорожскому утвержденни суть, чого ради хотя тие зъ добръ нашихъ нововзиматися начатие збори, по нашемъ рабскомъ челобитю, прошедшаго жъ году милостиво состоявшимся указомъ вашего императорскаго величества, били одставлени, однакъ теперъ знову за поворотомъ зъ Санктъ-Пѣтербурга господина брегадира Веляминова, до оной коллегіи доправляючи, зъ значною прибавкою, а зъ нашимъ крайнѣмъ

разорениемъ, помянутыхъ зборовъ за прошедшій и разомъ за настоящій годъ, безъ битности насъ, однихъ зде при Коломаку, а другихъ въ низовомъ походѣ, при крѣпости Святаго Креста, службу вашего императорскаго величества зъ великимъ убиткомъ отправуючихъ, у домашнихъ послѣдное забираютъ имѣние, за розмѣровие приходи, не только зъ тихъ млиновъ, якие за службы вѣрние наши по милости вашего императорскаго величества, нѣ на гетмана невзимано, но толко для единаго препитанія нашего мѣлисмо. Тако жъ за табачную и пчоляную десятини, за показанщину и за протчее надто (чого тако дѣди и отци наши и ми по превисокой милости вашего императорскаго величества, не дознавали) старшину и знатное товариство, ради тихъ же сборовъ, указомъ помянутой коллегіи, нарочно посилаючиеся солдати насилно берутъ до Глухова, откуду чрезъ долгое время оныхъ не випуская, до немалихъ приводятъ убитковъ и безчестия. Отъ якихъ всѣхъ вишеписанныхъ трудностей толикое учинилося у людехъ умаление, уходомъ особливе въ слободи и на тую сторону, что отъ Днѣпра до самого Днѣстра прежде бившие опустѣлие мѣста, вездѣ населени нашимъ малороссійскимъ народомъ.

Всепресвѣтлѣйшій и всемилостивѣйшій государь! Надѣяся на тую жъ неизреченную вашего императорскаго величества милость, что по оной правое насъ вѣрнихъ вашего величества подданнихъ чолобитствие не будетъ презрѣнно и отриновенно, дерзаемъ оное предъ августѣйшій вашего императорскаго величества престолъ на самой истиннѣ и милости утверждаючися, чрезъ нарочнихъ посланниковъ Семена Кгалецкого, сотника новгородского, да Кирила Криштофова, сотника сенецкого, приносити, съ такимъ всепресвѣтлѣишимъ рабскимъ прошениемъ: да благоволитъ ваше державство, по вишеписаннихъ милостиво состоявшихъся своихъ премощнѣйшихъ грамотахъ и привиленхъ, въ станціи великороссійскихъ полковъ и въ тяжестяхъ отъ коллегіи налагаемихъ, за наши прежние и въ предъбудущие службы, насъ вѣрнихъ подданнихъ благоприятелно помиловати. А что за доношениемъ на нѣкоторую старшину, поноситъ все войско малороссійское мнѣніе и подзоръ, будто въ судахъ малороссійскихъ волокити и взятки чинятся и ми въ семъ милости вашего импера-

торскаго величества просимъ, дабы ваше величество соизволили о такихъ судяхъ и малороссійскаго народа обидителяхъ приказать намъ, Войску Запорожскому, доподлинна розискати, а ми, по непоколебимой своей вашему императорскому величеству вѣрности, все тое изслѣдовати въ правду и по самой истиннѣ вашему императорскому величеству, хто въ чемъ явится преступникъ, донести, облекгуемся, за якую благоутробнѣпризрителную вашего императорскаго величества милость, ми и наслѣдники наши всегда вашему императорскому величеству до потерания здоровья и живота нашего въ непремѣнной вѣрности служити долженствуемъ.

Въ подлиной полковники, вся старшини и черни подписалися. При Коломаку, зъ обозу, 1723 году, октоврия 1 числа писана, а подана...

Вашего императорскаго величества вѣрние подданние и нижайшие раби.

Полковникъ миргородский Данило Апостолъ. Полковникъ гадяцкій Михайло Милорадовичъ. Полковникъ прилуцкій Игнатъ Galaganъ, вомѣсто его я Федоръ Галенковскій, писаръ полковій прилуцкій, по поведенію его жъ полковникомъ и за себе руку приложилъ. Полковникъ киевский Антоній Танскій. Мойсѣй Зарудній, сотникъ полковій миргородскій изъ товариствомъ. Стефанъ Родзянка, сотникъ хоролскій зъ товариствомъ. Федоръ Остроgрадскій, сотникъ говтянскій съ товариствомъ. Андрѣй Стефановичъ, сотникъ богацкій зъ товариствомъ. Полковникъ охочепѣхотній Гаврiѣлъ Бурляй. Василій Родзянка, обозній полковій миргородскій. Матвѣй Ивановичъ, судия полковій миргородскій. Семенъ Galaganъ, асаулъ полковій, за которого и за себе я Антонъ Волевачъ, асаулъ же полковій, руку приложилъ. Вомѣсто Ивана Черкеса и Супруна Семеновича, хоружихъ полков. миргородскихъ, такожъ и за Николая Кгоранескула, сотника сорочинского, подписался Семенъ Максимовичъ, сотникъ чорнускій. Вомѣсто Романа Лесницкого, сотника шишацкого, Самойла Стефановича, сотника ярєсковского, Ивана Ярослава, сотника бѣлоцерковского, Яреми Юхимовича, сотника остаповского, я, Максимъ Тимошенко, сотникъ наказній устивицкій, за нихъ и за товариство,

и за себе зъ товариствомъ, подписуюся. За Кондрата Леонтиевича, сотника омелницкого, Юска Росоху, сотника потоцкого, Гаврила Иляшенка, сотника кременчуцкого, Ивана Яшевского, сотника наказного власовского, Ивана Жука, сотника наказного городиского, я, Самойло Малинка, писаръ полку миргородского, руку приложилъ за ихъ и за товариство.

Полкъ Гадяцкій. Григорій Гребянка, судия полковій. Александръ Ситенскій, писаръ полковій. Асаулъ полковій Мартинъ Штишевскій. Илия Милорадовичъ, хоружій полковій. Федоръ Цуцкай, прапорщикъ полковій. Василій Велецкій, сотникъ гадяцкій, зъ товариствомъ. Романъ Корицкій, сотникъ опошнянскій, зъ товариствомъ. Василій Рожанскій и Мелетій Жадко, сотники зенковские, зъ товариствомъ. Петро Зеленскій, сотникъ рашавскій, зъ товариствомъ. Василій Павловичъ, сотникъ куземинскій, зъ товариствомъ. Леонтій Масюкъ, сотникъ веприцкій, зъ товариствомъ. Данило Иллѣчъ, сотникъ комишанскій, съ товариствомъ. Демянъ Ивановичъ, сотникъ ковалювскій, зъ товариствомъ. Ониско Величай, наказній сотникъ лютенскій, зъ товариствомъ. Я, Василій Велецкій, сотникъ гадяцкій, по ихъ прошенію руку приложилъ. Филипъ Самарскій, атаманъ значковій зо всѣмъ куренемъ по прошенію его Яковъ Сидоровичъ, хоружій сотенній, руку приложилъ.

Полкъ Прилуцкій. Михайло Григоровичъ, обозній полковій. Иванъ Марковичъ, судия полковій. Михайло Мовчанъ, асаулъ полковій. Иванъ Семеновичъ, прапорщикъ полковій. Федоръ Марковичъ, сотникъ полковій, зъ товариствомъ. Михайло Ягелнѣцкій, сотникъ монастырскій, зъ товариствомъ. Марко Михайловичъ, наказній сотникъ варвинскій, зъ товариствомъ Ярема Федоровичъ, наказній сотникъ сребранскій, зъ товариствомъ. Захарій Дмитренко, наказній сотникъ иваницкій, зъ товариствомъ. Иванъ Карпенко, наказній сотникъ красноколядинскій, зъ товариствомъ, за которихъ я, по прошенію ихъ, Федоръ Федоръ Матвѣевичъ, товаришъ значковій, руку приложилъ. Григорій Зеленскій, атаманъ значковій, зъ товариствомъ.

Полкъ Стародубовскій. Семенъ Березовскій, асаулъ полковій и наказній полковникъ. Григорій Скоруппа, писаръ полковій. Фе-

доръ Данченко, хорунжій значковій. Филипъ Данченко, сотникъ полковій, зъ товариствомъ. Семенъ Салецкій, сотникъ новгородскій, зъ товариствомъ. Алексѣй Есимонтовскій, сотникъ мглинскій, зъ товариствомъ. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, зъ товариствомъ. Нестеръ Василиевичъ, сотникъ шептаковскій, зъ товариствомъ, за которихъ я, Иванъ Забузкій, писарь сотеній, руку приложилъ. Михайло Янжулъ, сотникъ топалскій, зъ товариствомъ, за которого я, Лукянъ Гордѣенко, писарь сотеній, руку приложилъ. Иосифъ Рухлядь, сотникъ наказній погарскій, зъ товариствомъ. Михайло Янковскій, сотникъ наказній почепскій, зъ товариствомъ, за которого я, Василій Варявскій подписуюсь. Стефанъ Козловскій, сотникъ наказній новомѣскій, зъ товариствомъ. Михаило Голенковскій (Голембіовскій), товарищъ значковій, за себе и по прошению въсего товариства значкового, руку приложилъ.

Полкъ Черньговскій. Василій Томара, судия полковій и наказній полковникъ. Игнатъ Василиевичъ, обозній полковій. Михайло Мокрѣевичъ, асаулъ полковій. Марко Михайловичъ, хоружій полковій. Федоръ Лисенко, сотникъ березонскій, зъ товариствомъ. Иосифъ Семеновичъ, сотникъ стуленскій, зъ товариствомъ. Яковъ Ждановичъ, сотникъ городницкій, зъ товариствомъ. Іванъ Савичъ, сотникъ любецкій, зъ товариствомъ. Семенъ Михайловичъ, сотникъ слабинскій, зъ товариствомъ. Яковъ Бакуринскій, сотникъ роѣскій, зъ товариствомъ. Карпъ Лѣневичъ, сотникъ волинскій, съ товариствомъ. Андрѣй Полянскій, сотникъ синявскій, зъ товариствомъ. Тимофѣй Кущинскій, сотникъ полковій наказній, зъ товариствомъ. Иванъ Васютинскій, сотникъ менскій, зъ товариствомъ. Федоръ Базилевичъ, сотникъ наказній седневскій, съ товариствомъ. Кирило Гавриловичъ, сотникъ наказній сосницкій, съ товариствомъ. Федоръ Тихоновъ, сотникъ наказній понорницкій, зъ товариствомъ. Кирило Богунъ, сотникъ наказній бѣлоусовскій, зъ товариствомъ. Василь Лаврѣновичъ, сотникъ наказній кисилювскій, зъ товариствомъ, за которихъ яко неумѣючихъ писма, наказнихъ сотниковъ я, Иванъ Яновскій, писаръ судовій, руку приложилъ. Стефанъ Славатинскій, товарищъ значковій за себе и по прошенію всего товариства значкового руку приложилъ.

Полкъ Переясловскій. Антоній Черушинскій, сотникъ золотоношскій и наказній полковникъ. Михайло Турчинъ, наказній обозній полковій. Иванъ Адаменко, наказній хоружій полковій. Стефанъ Афендикъ, сотникъ бориспольскій, зъ товариствомъ. Михайло Прохоренко, сотникъ бубновскій, зъ товариствомъ. Федоръ Рудковскій, сотникъ басанскій, зъ товариствомъ. Иванъ Шкиленко, сотникъ наказній полковій, зъ товариствомъ. Иванъ Туръ, сотникъ наказній ирклѣевскій, зъ товариствомъ. Демянъ Горбань, сотникъ наказній кропивянскій, зъ товариствомъ. Андрей Синзовокъ (?), сотникъ наказній золотоношскій, зъ товариствомъ. Мойсѣй Луценко, сотникъ наказній полковій, зъ товариствомъ. Хводоръ Аза, сотникъ наказній глемязовскій, зъ товариствомъ. Кондратъ Кисѣль, сотникъ наказній березанскій, зъ товариствомъ. Лукянъ Бережній, сотникъ наказній яготинскій, зъ товариствомъ. Грицко Головко, сотникъ наказній вороньковскій, зъ товариствомъ. Федоръ Лушня, сотникъ наказній баришовскій, зъ товариствомъ. Семенъ Исаенко, сотникъ наказній домонтовскій, зъ товариствомъ. Федоръ Шаратенко, сотникъ наказній пѣщанскій, зъ товариствомъ. Михаило Яременко, сотникъ наказній лѣплявскій, зъ товариствомъ, за которихъ, яко неумѣетнихъ письма, я Данило Андрѣевичъ, писаръ сотнѣ золотоношской, по прошенію ихъ, руку приложилъ.

Полкъ Лубенскій. Яковъ Марковичъ, наказній полковникъ. Григорій Кулябка, сотникъ полковій лубенскій, зъ товариствомъ. Полковій обозній Павелъ Мартосъ. Писаръ полковій Стефанъ Савѣцкій. Іванъ Гамалѣя, сотникъ лохвицкій, зъ товариствомъ. Семенъ Максимовичъ, сотникъ чернускій, зъ товариствомъ. Сотникъ Сенчанскій Кирилъ Криштофъ, зъ товариствомъ. Василій Жуковскій, сотникъ наказній глинскій, зъ товариствомъ. Василій Кирика, сотникъ городискій, зъ товариствомъ. Лукянъ Лисенко, сотникъ наказній роменскій, съ товариствомъ. Стефанъ Назаренко, сотникъ наказній смѣлянскій, зъ товариствомъ. Гарасимъ Бутъ, сотникъ наказній чигриндубровскій, зъ товариствомъ. Павелъ Кириленко, сотникъ наказній перятинскій, зъ товариствомъ. Петро Сененко, сотнаказній лукомскій зъ товариствомъ, за которихъ, яко неумѣетныхъ

писанія, я Мартинъ Алексѣевъ, писаръ сотнѣ лукомской, по прошенію ихъ, руку приложилъ.

Полкъ Полтавскій. Григорій Буцкій, судія полковой и наказній полковникъ. Вмѣсто Лаврентия Никитовича, обозного полкового, и за себе, я Григорій Бугаевскій, писаръ полковій, подписался. Федоръ Сибѣлиевичъ, асаулъ полковій за себе и за хоружихъ полковихъ: Михайла Руденка и Павла Гарасименка, подписался. Димитрій Самарскій, сотникъ полковій, зъ товариствомъ, за которихъ я Григорій Матвѣевичъ, товаришъ значковій, по прошенію ихъ, руку приложилъ. Павло Ждановичъ, сотникъ новосанджаровскій, зъ товариствомъ. Павелъ Тронѣцкій, товарищъ значковій, за себе и по прошенню всего товариства значкового, руку приложилъ. Іванъ Саевскій, сотникъ решетиловскій, зъ товариствомъ. Сава Михайловичъ, сотникъ кобеляцкій, зъ товариствомъ. Иосифъ Яковлевичъ, сотникъ орлянскій, зъ товариствомъ. Федоръ Тимофѣевичъ, сотникъ соколянскій, зъ товариствомъ. Григорій Потоцкій, сотникъ кишѣнскій, зъ товариствомъ. Иванъ Сулима, сотникъ великобудинскій, зъ товариствомъ. Иванъ Лишенко, сотникъ келебердянскій, зъ товариствомъ, за которихъ всѣхъ, по прошенію ихъ же, я Павелъ Тройнѣцкій, значковій товаришъ, руку приложилъ. Василий Павловичъ, сотникъ наказній старосанджаровскій, зъ товариствомъ. Яковъ Цесарскій, сотникъ наказній бѣлицкій, зъ товариствомъ. Гордѣй Савичь, сотникъ нехворощанскій, зъ товариствомъ. Федоръ Василкувский, сотникъ наказній царичанскій, зъ товариствомъ. Яковъ Григориевичъ, сотникъ наказній китайгородскій, зъ товариствомъ. Гордѣй Семеновичъ, сотникъ маяцкій наказній, зъ товариствомъ, за которихъ всѣхъ, по ихъ прошенію, я Стефанъ Пѣщанскій, товаришъ значковій, руку приложилъ.

Полкъ Киевскій. Илия Жилка (Жила?), судия полковій. Григорій Немировскій, писарь полковій, за себе и за Николая Савенка, асаула полкового первого, руку приложилъ. Иванъ Кукуринъ, асаулъ полковій. Василій Карасѣйка, хоружій полковій.

2. *Челобитная объ избраніи гетмана.*

Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій императоръ и самодержецъ всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій.

Прошлого и сего настоящого 1723 годовъ, полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ и старшина енералная били челомъ вашему императорскому величеству, зъ покорнѣйшимъ одъ всѣхъ насъ, о избраніи гетмана, прошениемъ, но понеже по сее время милостивого вашего величества на тое указу не получили, сего ради нинѣ зъ походу, черезъ нарочнихъ посланихъ, отъ всего войска малороссійского, рабское приносимъ челобитствие и нижайше молимъ да повелитъ ваше императорское величество въ войску малороссійскомъ, подлугъ давнихъ правъ нашихъ, волними голосами, зъ малоросиянъ избрать гетмана, безъ продолженія, ибо безъ гетмана въ Малороссіи государственние дѣла и войскове и всякие порядки въ належитомъ не могуть бити правленіи, а и вся Малая Россія, не имѣючи гетмана, въ особливой темнотѣ пребиваетъ. Сия челобитная писана при Коломаку, одъ всего войска, 1723 году, октоврия 1 числа. Въ подлинной якъ старшина, такъ и все войско подписалися вашего императорскаго величества вѣрние поддание и нижайшие рабы. А подана...[1]).

---

[1]) Подписей нѣтъ. Вѣроятно, въ подлинной онѣ были тѣ самыя, которыя выписаны на предъидущей челобитной. Время подачи также не обозначено.

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ІОАННА ВИШЕНСКАГО.

Печатаемыя ниже сочиненія І. Вишенскаго, до сихъ поръ неизвѣстныя (о Еретикахъ, Загадка, Слѣдъ и Новина), извлечены нами изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки (Рус. Q., № 243), по которой напечатаны были Костомаровымъ четыре посланія І. Вишенскаго въ Актахъ Ю. и З. Р. Вслѣдъ за введеніемъ (напечатанныхъ г. Мирономъ въ „Кіевск. Стар.“) и четырьмя посланіями слѣдуютъ въ рукописи печатаемыя ниже сочиненія (стр. 155—166), за ними сочиненіе Леонтія о ересяхъ, напечатанное Костомаровымъ въ указанныхъ выше Актахъ. Рукопись Публ. Библ. сохранна, первыхъ 2-хъ листковъ нѣтъ, но нумерація полная. Почеркъ всей рукописи одинъ и тотъ же—полууставъ второй половины XVII в. На кожанномъ переплетѣ отмѣтки: ex Bibliotheka Akcangelina; изъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстова, отд. II, № 398.

Любезность и предупредительность завѣдующаго отдѣломъ рукописей и старопечатныхъ книгъ И. А. Бычкова дала намъ возможность напечатать неизвѣстныя доселѣ сочиненія Вишенскаго, за что мы и приносимъ ему искреннюю благодарность.

И. Житецкій.

1. ѿ еретикохъ.

Но сіе оубо ѡ латинской прелести кратко словне речеся. ѡ прочіихъ же іересехъ нетребѣ вамъ есть и писати. Сами бо вы извѣстно вѣсте ѿ писанія апслкаго, и стыхъ бгоносныхъ ѿцъ, ꙗко еретици сѫть предидѫщіе лжепророци антихристови аще и ѿлатины воскреснѫти хощетъ, но сѣмя прелести ѿединого майстра діавола посѣянное всебѣ плода носятъ, и невѣріемъ ꙗвственно изѡбразѫютъ. ѡнихъ же Іѡаннъ Богословъ, Петръ, Іюда и Павелъ, доволно извѣствѫютъ, ꙗко и слѣпомѫ разѫжденіе имѫщемѫ ѡщѫтити е мощно. ибо Петръ рече, быша же лживи прорци влюдехъ, ꙗкоже и ввасъ бѫдѫть лживіи оучители, еже внесѫть ереси погибели, и искѫпивша го ихъ Влдки ѿтмѣтающеся, приводяще себѣ скорѫ погибель, и мнози послѣдствѫю ихъ нечистотамъ, и прочая. семѫжо и Павелъ послѣдѫя рече, еретика члка попервомъ и второмъ наказаніи ѿрецайся, вѣдый ꙗко развратися таковы, и есть само ѡсѫжденъ. а понеже еретикъ е ѡсѫжденъ, то что ты хощеши православный христіанине, или ищеши слышати что здраво ѿнего; ничто же дрѫгое, точію да и ты ѡсѫжденъ бѫдеши. глагля бо рече емѫ радоватися, съобщается емѫ невѣріемъ. и какѡ небоишися бесѣдовати съ зміею, дали невѣси, ꙗко жало смертоносное, и ꙗдъ гѫбителный въ оустѣхъ носитъ, имъ же послѫшающихъ оумерщвляетъ. Блюди православный христіанине дане ѡтрѫишися ереси зловѣріе. Вопросъ, что е ересъ? ѿвѣтъ: ересъ е нечестіе развращенны оумъ, прелестъ мнѣнія изнеможенія, помысла, сомнѣніе ѡ истиннѣ, двоедѫшіе, слѣпота мыслъная, конечное же невѣріе. Вопросъ: что е блгочестіе? ѿвѣтъ: блгочстіе есть безиспытно несѫминѣнна вѣра, оупованіе истинно, крѣпко оумнодѫшевная, здравый помыслъ, блговѣство къ Бгѫ, простота, незлобіе конечное: да вѣси оубо рече Тимоѳею, какѡ ти подобаетъ вдомѫ Бжіи жити, иже есть црькви Бга жива, столпъ и оутвержденіе истинны, исповѣдѫемый, велика есть блгочтія тайна, Бгъ ꙗвися воплоти и прочая. Апонеже се есть тайна ꙗко Бгъ ꙗвися въ плоти, како оубо еретики невѣрѫютъ Павловомѫ реченію, и прочіихъ апслъ ꙗко се есть тайна, но тщатся земнымъ помысломъ паче помысла, сію тайнѫ

постигнути, и яко что ѿ земны и врѹкѹ ѡбносащи извѣстно оувидѣти. Видиши ли прелест ересь, нечестіе, безѹміе, слѣпотѹ, и злонравіе; но что ѡ еретиков много требѣ есть глати, сіи бо аще бы не образъ Бжій треѵпостасный оумаслова, и дха, въ плоти ѡбносили, законо и житіемъ ѿсвиній безсловесны ничимже разнскѹю, где бо вны вѣра, где црковъ, где сщество, где жертва, где правило, где словословіе, где постъ и ѡбѹзданіе естества, где дхъ, не все ли плоть и кровъ, и питаніе безвременно свинъскаго законъ; ѡніхже и Петръ рече: сіиже яко скоти животни естством бывше въ погибель и тлю въ нихже неразѹмѣютъ хѹлаще, въ истлѣніи своемъ истлѣютъ: и паки, сласть мнаще вседневное насыщеніе скверпители и порочници, питающеса лесми своими, ядѹще с вами, очи имѹще исполнъ блѹдодѣаніа и непрестаемаго грѣха, прелщающе дша неоутверженны и прча: також де Іюда рече, сіи елика оубѡ не вѣда хѹлатъ елика же по естествѹ яко безсловесная животная вѣда, всих скверна тса; и прочаа: и паки сіи сѹть слюбва ваши скверпители свами ядѹще без боазни себе пасѹще, и прч: и паки, сіи сѹть ропотници, оукорителе чл порочна въ похоте свои ходаще, нечестіи и законопреступленіемъ, и оуста ихъ глю прегордаа, чюдащеса лицем ползы ради. Выже возлюбленніи, поминайте глы прежде реченныа ѿ апль Гда нашго Іс Хрта; зане глахѹ вамъ, яко въпослѣднее времѧ бѹдѹть рѹгателе, по своихъ похотехъ ходаще и нечестіихъ, сіи сѹть ѿтдѣлающе себе ѿ единости вѣры, и сѹть телесни дха неимѹще. Видиши ли мрость еретическѹю, яко плоть и кровъ сѹть, дха не имѣютъ. плотже и кровъ по апла Павла глю, црствія Бжіа не наслѣдатъ. Сего ради Іюдино и Петрово квамъ глю. Выже возлюбленніи, православніи хртіане роде избранный, языкѹ стый, црское сщеніе, людіе обновленіа. стою вашею вѣрою, назидающе себе дхомъ стымъ, и млащеса сами себе к любви Бжіи соблюдайте. ждѹще млости Гда ншего Іиса Хрта въ жизнь вѣчнѹю, еаже всѣмъ намъ полѹчити, ѡ самомъ томъ Іисѣ Хртѣ Гдѣ нашем. ѥнимже оцю слава чсть и держава и въвѣки вѣкѡ амин.

---

2. Загадка философомъ латинскимъ лядскимъ, также и всѣмъ тымъ погнавшимся, ѿ лакомства прелестнаго, младенцемъ бѣлобрадымъ, Рускій, Глава. н.

Скажѣте ми ѡ премудріи ѿ вашихъ хитростей и хꙋдожествъ граматычнихъ, діалектичныхъ, ыторичныхъ, и философскихъ, ꙗкимъ способомъ Хс простакомъ емꙋ послѣдꙋющимъ ѿверзе оумъ разꙋмѣти писаніе; а то такъ было; Лꙋка мовить; по въскрніи, ꙗдши сними рече имъ, сіи сꙋть словеса ꙗже глахъ вамъ, еще сый свами, ꙗко подобаетъ скончатися всѣмъ написанымъ взаконѣ Моѵсеѡвѣ и пррцѣхъ, и ѱалмѣхъ ѡ мнѣ. Тогда ѿтверзе имъ оумъ разꙋмѣти писанія. и рече имъ, ꙗко тако писано є; и прочая; почерпѣтеже ѿ своея премудрости философское, и ѿкрыйте ми тые врата, которіе доразꙋма дховнаго ѿверзаются. и каковы тые врата и к которомъ мѣстꙋ главно замкнены сꙋть, достаточне скажѣте, и како ся ѡтворяютъ, ключъ ми ѡзнаймѣте. Если тое малое скажете ми извѣстно: бꙋдꙋ разꙋмѣти ꙗко ползꙋетъ вас тая братя зачимся гоните. А если незгаднете тое простое и безхитрое загадки, и не ѿ вымыслꙋ практичного; но ѿистны, ꙗко сама всобѣ єст глемое, тогда ѡставивши философы латинскіе, к тебѣ, брате мои Рꙋсине, съ словом ся ѡборочаю и радꙋ здоровꙋю, и пожиточнꙋю (за спсеніе дшевное) даю: ѡстанте бѣгати въ слѣдъ латины и оученія ихъ: бо оутолившися трꙋдомъ прелести невѣріемъ, ꙗкоже и ѡни запевне поздыхаете, але лѣпше дома въ блгочтіи, если и немного знаючи седѣти. да съ ѡцемъ и сномъ и стымъ дхомъ нераздѣлни, и нинѣ, и тамо бꙋдете. аминь.

---

3. Слѣдъ к постыженію и изꙋченію хꙋдожеста приводящаго к црствꙋющей безсмертной и вѣчной правдѣ, глава д.

Первое, ѡбнищати по Хртѣ. Второе, ѿрещися себе и дшꙋ свою вжизни сей возненавидѣти. Третее, ꙗремъ Крта Хрстова, искꙋ-

совъ борбы, подвиговъ во мысли и плоти къ дѹхомъ, лѹкавы по нимъ во терпеніи взявши преплыти и тѣснотою албы и жажды совниманіи непресѣкомое млтвы Іисовы тисѧѹтисѧ и плоть и кровь поть и подвигомъ мысльнаго вниманіѧ во бдѣніи нощномъ и дневномъ трезвѣніи и присѣдѣніи мѣстнѡ и безмолвнѡ оувѧлити и изсѹшити. Четвертое, любовъ и памѧть мира сегѡ оуморити, къ бѹдѹщемѹже вѣкѹ ѡко мыслное неоуклонно оустремити, црѧ нбнаго оусерднѡ желати, каѧтисѧ, плакати, памѧть смертнѹю всѣгды вклѣти сердечной видѣти и безпрестанно поминати и навсѧкъ час черту и днь ѿходѹ надѣятисѧ и готовити. Пѧтое, ѿ всеѧ силы, крѣпости, мысли, дша и срца волю Бжію погнати, свою же оубити и запамѧтаніи погребсти; заповѣди Хртовы ѿ всегѡ оусердіѧ и любве хранити и хранѧщи всегда вопрснѧѧ оуспѣвати, сотворенное же забывати, іако ничтоже сотори. Шестое, безчестіѧ и смерти крстом вожѣлѧти: но оное въ мирѣ семъ желати и искати: аще оубо кой ты слѣдом ко исканію безсмертное правды пойдетъ, изоучитъ и ѡбрѧщет прекраснѣйшѹю и свѣтозарнѣйшѹю правдѹ и оузрит вней прежде общаго воскрсніѧ воскрсніе и всѧ таинства, ихже іазыкъ по Павлѹ изгласити неможет, и недовлѣетъ, и не постигнетъ. Аще же инако начеже внѣшним оученіем правды таинство постигнѹти и навыкнѹти хощетъ и оусилѹетсѧ, во антихристовѹ прелесть и гордость, идеже и латинскій род заблѹдилъ, или вопрочаѧ ереси тоже майсторѣ и хѹдожества кнѧзѧ мистра діавола сына геенскаго, блазнителѧ вѣка сего въпадет; ѿ негоже да вас сохранит Хс блгословенною простотою аминь. Си бо стый аще и внѣшнее оученіе изоучиша, но ничтоже ѡ истиннѣ ѿ философского киченіѧ навыкнѹти возмогоша дондеже сіе ѡбезчестиша, и тѣснаго пѹти слѣдомъ разѹма Хрстова поидоша, его же ѡбрѣтше тогда истинно навыкоша, смиреніе достигоша, и наставници слѣпымъ и невѣдѹщим Бга и пѹти спасеніѧ быша, нынѣже в латинском родѣ сопротивно творѧт изоучивши граммаичку и празнословницу велерѣчнѹю, еже ест рыторичку, тогда оу же сѧ димѹтъ, даскалами и мдрыми сѧ зовѹ, проповѣдаютъ, оучатъ

а и сами ѽбезѹміи и бѹйствѣ премⷣрости мира сего сѣдѧтъ, по Павлѹ, премⷣрост бо мира сегѡ бѹйство ёⷭ прⷣё Бгоⷨмъ. Зачиⷨ бѣдници простоты смиренія, и беⷥзлобія николи же навыкнѹти не могѹтъ.

---

4. **Новина или вѣⷭⷮ о обрѣтеніи тѣла** оубитаго Варлаама Архіепⷭкпа ѡхриⷣскаго во градѣ велицѣ за истинѹ пострадавшаго и в рѣкѹ завомѹю Вардаръ ѽверженнаго, како обрѣтенъ быст, и последи до ѡхрида треблⷣженное оно тѣло пренесеся, и нн҃ѣ во мертвыхъ, паче же ѽживы сѹщемѹ чюдо твориⷮ и Воскрⷭнія Таинство и надеждѹ бѹдѹщаго вѣка проповѣдаеⷮ, мира же и миродержца діавола ѡбличаеⷮ и ѽ конецъ посрамляетъ.

По оубіеніи оубо и ѽверженіи в рѣкѹ Вардаръ блженнаго онаго ѿца, вто время гоненія ради и навѣтѹ и на прочія христіаны, никтоже несмѣяше слѣдити оное тѣло іако да извлечеⷮ еⷢ но пребыс оубо нѣкѹю седмицѹ ѽводѣ, дондеже мало нѣчто плищъ сей оутишися и оуляже ѿ діаволовъ ѕѹѣренны гнѣвно-іаростны срⷣцъ тѹрскихъ, таже пооутишеніи сиⷯ, ѽнѣкоей веси близѹ двохъ дній хода ѿ града Велиса, быст мѹжъ добръ житіемъ. странно пріемникъ, млⷭтынидавецъ, и нищелюбецъ хѹдожествоⷨ рыболовъ, Емѹже глаⷭ быст въ снѣ нощію, пойди гл҃я на тѹю и тѹю странѹ рыбы ловити, бѹдеши бо имѣти добръ ловъ. онже воставъ ѿ сна оудивися іавленію и абіе оустремися наловленіе рыбъ ѽ реченнѹю ѡнѹю странѹ, идеже емѹ оузнаменано быст. Таже приближаяся мѣстѹ томѹ набрезѣ рѣки бѣ древо стоящее нанемже видѣ птищъ бѣлъ неподвижно сѣдящъ въ ѡбразъ орла; емѹже доволно оудивився, расѹждая что се ест, іако николиже бѣ видѣлъ такова видѣніемъ и образомъ. таже повнегда дойти намѣсто то, и близѹ птища оного, възрѣлъ ѽкрай рѣки оное, и видѣ тѣло блⷣженнаго наверхъ

воды изнесенное, на единомъ мѣстѣ неподвижно стоящее. Птищъ же оный іакоже стражъ нѣкій възври зракъ просто блюды оное тѣло Архіепкпово по оуіавленіи и по глсѣ томъ оубійства и кверженія кръкѣ. Тогда оубо извлачи сіе, и вноситъ в село то тайно, и при цркви поставляе дондеже погребсти сего бѣ оумыслка, птичницъ же отъ вънесеніи оного тѣла ксл ѣ оного послѣдоваше, и горѣ надними летяше, дондеже тѣло поставлено бяше, тогда и онъ нацркви сѣдъ тѣло блюдяше. іавижеся емѹ въ снѣ Варлаамъ глѧ, кнѹтръ цркве олтаря погреби мя: ибо азъ ѡцркви пострадахъ и оумрѣхъ, таже бголюбецъ свойственныи и съгласнымъ извѣсти сѹсѣдомъ, и созва си на погребеніе ѡного тѣла. Егдаже снійдошася оніи мѹжіе и сщенникъ, тогда творяхѹ обычная послѣдованія погребѹ належащая. таже по совершенію правила, кнегда время приспѣ въ гробъ влагати оное тѣло, тогда начаша мнози прикасатися, іако да подвигнѹтъ и въ гробъ внесѹтъ ест, имже нимало порѹшитися не даде. сіе первое чюдо, таже оудивишася вси бывшемѹ, и недооумѣвахѹся, что быст вина семѹ неподвиженію. послѣдиже смыслиша глюще, еда како нѣсмы достоини прикасатися, того ради намъ и возбранися напогребеніе. тогда оубѡ начаша искѹшати по единомѹ комѹ ся даде понести оное тѣло, и комѹ ся не даде. въ искѹшеніи же том едва ѡбрѣтеся тройца мѹжей блгоговѣйных, и кжитіи добромъ ѿ всѣх живѹщих свѣдителствованніи, симъ оубо въ гробъ кнести невозбраняетъ его же погребоша чтсно. попогребенію же ѡномъ, птищъ сѣдящіи нацркви, и блюдый оное тѣло ѿлетѣ и ктому невидим быст, та же егда совершися гѡд въ гробѣ оному тѣлѹ быст іавленіе аггелско кнѣкоемѹ епкпѹ блгочтвѹ, сиротолюбцю, и въ всемъ свѣдитеслствованнѹ ѿ совѣсти и житія, іако ест заповѣдемъ хрстовым хранитель. кнемѹже возгласи глѧ, изнеси сокровище сокровенное тамо, іако да ся славитъ Бгъ, ксемѹже быст и Варлаамово іавленіе съ негодованием глѧ; доколѣ мя кзатворѣ темница сея держите, іако да не подамъ помощъ бѣдствѹющим и страждѹщим ѿ различных недѹгъ и искѹшеній бѣсовских. дапознаютъ его же возмнѣша ѡбезчестити; ѡбезчестятся и вѣчне порѹгаются. Егоже возмнѣша оубити, се нынѣ живъ есмъ, и сихъ оубити начинаю и погѹблю и

истварп бж҃іе. дане гнѣздища діаволское племѧ ижденꙋ, и сосꙋды жилища Бж҃іѧ ѡчищꙋ, и посвѧщꙋ, и Бг҃а въ м҃ти быти сотворю. изнесѣте оубо мѧ на ꙗвленію всемꙋ мирꙋ; ѡ еп҃кпе, т҃ж воставъ еп҃кпъ съ оужасо ѿсна и раꙁсꙋди ꙗвленіе бывшее. тогда оубо абіе оустремися до града ѡхр҃искаго, и созыва православн҃ы, извѣствꙋѧ имъ слꙋчшаѧся. ониже се слышавше ревностію огнѧ любовнаго разжегошася, и м҃лиша еп҃кпа, ꙗко да беꙁзакоснѣніѧ пойдꙋтъ кꙋпно съ нимъ, и донесꙋть ч҃тено мощи бл҃женнаго ѿ оное веси до града ѡхр҃искаго. Еп҃кпъ же совѣтꙋ и м҃ленію ихъ тощно послѣдова. обаче дане завистъ бѣсовскаѧ препнетъ ихъ начинаніе, молвꙋ творѧ ѿбезбожн҃ы тꙋрцехъ, и дане возбранится имъ желаемое полꙋчити. оухитриша совѣтъ гласны сотворити, ꙗко же древле Іосифъ съ Никодимо, оумолише пилата даповел҃н имъ, ꙗко проста странника неимꙋща ниѿкꙋдꙋ промышленіе, се ест Х҃ра погрести, ѿпокрывше же егѡ славꙋ. вѣдѧще оубо ꙗко Творецъ и строитель всегѡ мира есть. Но того ради ѿпокрываютъ, ꙗко да скоро полꙋчатъ (беꙁпотрѧсеніѧ совѣсти и страха нѣкоего при вш҃едшаго ѿ Пилата на разсꙋжденіе) Х҃рстово Тѣло погрести. аще бо бы ѿ славы прошеніе начинали, небы оубо на погребеніе Тѣло Іисово пріѧли, тѣмже ѿ безчестіѧ начинаютъ, сегѡ ради скоро полꙋчаютъ г҃лще ѿ пилату, ѡ сꙋдіѧ, дай намъ того б҃дника и сирамаха оубитого, неимꙋща где главꙋ преклонити да его погребемъ. Он же повелѣ и произволи. Сице оубо и ѡхридѧне ѿш҃едши до кадіи и во прочіихъ строителей тꙋрск҃н мѣста ѡхр҃иского, ѿпокрывше оубо ꙗввеніе ѡ Варлаамѣ и чюдо ꙗже сотвори и творити хощетъ. ѿтꙋдꙋ прошеніе начинаютъ г҃люще, ѡ кадіа, и вы панове начални града сего, слышасте оубо ꙗко без вины и грѣха оубіенъ е҃ оубогіи еп҃кпъ нашего града ѿ оубіецъ въ градѣ Велисѣ живꙋщихъ, и погребенъ быст тамо и тамо беꙁчестно: н҃нѣ же мы воспомѧнꙋхо ꙗко се сирамахъ бѣ ѿ нашего града рожденіемъ. Здѣже и еп҃кпомъ быти сподобися, м҃лимо вас повелѣте оубо намъ да донесемъ своего мертвеца на его ѿчество, вамъ же и мзда бꙋдетъ ѿ нас, что въсхощете, точію да н҃м искомое дарꙋете. Они же слышавше мздꙋ болшей ради ѡное неже ради прошеніѧ, ѿ них же достойное оуꙁѧвши произволиша да донесꙋть

блаженнаго Варлаама въ градъ охрѝдскій. тогда оубо ѿзявши власт, и произволеніе ѿ властей града охрѝдского православніи хртіане ѿидоша купно съ͠ѣмъ еппкомъ важного тѣло и дош͠ше сотвориша прежде послѣдованіе м͠лтвы поѡбычаю законном8. т͠а изнесоша оные мощи ѿ гроба и поставиша ихъ наоутворенно͠м одрѣ, но ѡ чюдеси, егда оубо бѣ ѡбзираемо оное тѣло попосѣченны͠х язвъ͠ сихъ и оубо язвы бях8 исцѣлены и позарасли, яко ничтоже познаватися сѣ-ченію и клатію и пробіенію, точію малые нѣкіе знаменія, идеже пробіенъ и посѣченъ быст являх8ся; ѿ язвъ же сихъ, ѡ ч͠юна дѣла твоя Г͠ди, и не едино слово доволно къ похваленію чюдесъ твоихъ, миро б͠лгооуханное истече; и всѣхъ б͠лгооуханія и радости исполни, яко недооумѣти всѣмъ, коими оусты и славословлеми прославити Б͠га, прославившагѡ с͠тго своего, начн8тъ и б͠лгодареніемъ бл͠гтъ и даръ сицевъ даровавшаго имъ бл͠женнаго и оѕщеннаго Варлаама въ̑зд͠я. но оубо елико вмѣстиша, толико Б͠г8 должная славословія сотвориша. Тогда оубо приходятъ болящіи и различными нед8ги и стра͠сми одержимые въ имя с͠тго прикосновені͠ем и помазаніемъ мѵра, абіе здравіе обрѣтаю͠т и ѿ нед8гъ и страстей свобождаю͠тся, и якоже нѣкоимъ ратникомъ ѿ насилія и плѣненія діаволскаго прикосновені͠ем телеси бл͠женнаго ѿ сихъ б͠ѣ и страданіи ѿемлются и въ свобод8 здравія ѿсилаю͠т: и исцѣленіе кождо своем8 нед8г8 пріемлютъ. И бѣ видѣти источникъ здраво творе-ный ѿ мертвыхъ и наг͠ихъ костей исходящъ и животворящъ стра-ждущая, и оутѣшеніе, и здравіе дар8ющъ, и кто оубо не оудиви-ся и не прослав͠ит Б͠га дивнаго въ с͠тых своих, иже толик8 сил8 даде оуг͠одником своимъ, яко и по смерти паче неже въ здравіи жизни сея власть им8тъ чюдо творити, бѣсы изганяти, нед8ги врачевати, болящая исцѣляти. ѿ б͠ѣ и приключшихся напастій избавляти. Слава в͠лкѡ твоей неизреченнѣй прем͠дрости и силѣ. Слава таинств8 смерти и Распятію Твоем8, слава К͠рт8 и безч͠тію Твоем8. Слава въск͠рнію и славѣ твоей, яко К͠ртом и с͠мтію поносною на͠с прославляеши; и ѿ л8каваго вѣка сегѡ въ цр͠тво н͠бсное пре-носиши да б8деть слава н͠нѣ и п͠рсно и вовѣки вѣковъ аминь. Та-же торжествовавше д͠ховно они, хр͠тоносніи людіе ѡ Варлаамѣ, взяша

его въ градъ ѡхрнскій и положиша въ црькви ѡхрнское архіепкіи, идеже безпрестанно точитъ цѣлбы и блгть дарѹетъ ищѹщимъ блгти. лици оубо искѹсомъ реченное видѣти хощете, до града ѡхрнского странствѹйте, тогда оувѣришася и извѣстиши, ıако не басни сѹть, но еже глю. Елици же странничества непроизволяете, и мѣсто ѿтчествъ своихъ присѣдите, дѣломъ вѣрѹ покажѣте и добродѣтели, и житію, и подвигѹ, и вѣнцѹ Варлаамовѹ поревнѹйте, да и вы сію блгть съвышше полѹчите. Еже вамъ пожелати Гди даждъ, аминь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXIX, 1890 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Ценз. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXX.

1890 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 20-го іюля 1890 г.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

ГЛАВА 4.

Мѣры правительства Рѣчи Посполитой противъ коліевъ.

Извлекши съ возможною полнотою изъ Кодненской книги все то, чѣмъ характеризуются участники коліивщины, отъ ватажковъ до послѣднихъ пособниковъ возставшихъ крестьянъ включительно, мы считаемъ нелишнимъ обратиться теперь къ характеристикѣ дѣйствій польскаго правительства Рѣчи Посполитой въ разгаръ коліивщины и непосредственно послѣ нея, собравъ для этого тѣ мелкіе разрозненные факты, какіе по данному вопросу встрѣчаемъ и въ той же Кодненской книгѣ, и у польскихъ мемуаристовъ.

Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка все войско Рѣчи Посполитой, дѣлившееся издавна на двѣ большія части—литовскую и польскую, не заключало въ себѣ даже по спискамъ 17000. Но и изъ этого числа на защиту интересовъ государства въ предѣлахъ украинскихъ воеводствъ, гдѣ разразилась коліевщина, приходилась всего только четверть польской части войска. А такъ какъ во всей польской части было 12000 солдатъ, то въ каждой изъ четырехъ „партій“ этой части могло быть по

---

[1]) „Кіевск. Стар.“, 1890 г., № 6.

3000 человѣкъ. Быть можетъ, при надлежащей воинской дисциплинѣ такого числа обученныхъ военному строю солдатъ было бы вполнѣ достаточно для подавленія крестьянскаго движенія 1768 года, особенно если принять въ разсчетъ численную слабость возставшихъ; но въ томъ то и дѣло, что при отсутствіи въ польскомъ войскѣ дисциплины и „украинская партія", какъ и три остальныя, никогда не заключала въ себѣ и двухъ третей полагавшагося въ ней числа людей. Обыкновенно *региментаръ*, т. е. начальникъ партіи самъ бывалъ въ отсутствіи и его замѣнялъ кто-нибудь изъ его подчиненныхъ, которому онъ давалъ титулъ „стражника". Въ свою очередь очень часто не бывали при войскѣ и *ротмистры*, т. е. начальники хоругвей, на которыя дѣлилась вся партія; эти тоже замѣщали себя—*поручиками*, которые однако опять таки часто уѣзжали въ свои помѣстья, сложивъ обязанности по командѣ хоругвью на *намѣстниковъ*. Но, кромѣ начальствующихъ, не бывало часто на лицо и „*товарищей*" и „*шереговыхъ*", изъ которыхъ составлялись хоругви. Подъ товарищами же разумѣлись исключительно дворяне, записывавшіеся добровольно въ хоругвь, и ихъ бывало при нормальномъ порядкѣ по 25 человѣкъ въ хоругви, а подъ „шереговыми"—тѣ слуги товарищей, которыхъ эти послѣдніе приводили съ собою обыкновенно въ количествѣ 3—4 человѣкъ для образованія хоругви. Благодаря указаннымъ удаленіямъ во свояси и начальниковъ, и подчиненныхъ, нерѣдко въ хоругви, вмѣсто нормальнаго по штатамъ числа 100—125 человѣкъ, бывало всего человѣкъ 30—40. И подобная недостача въ людяхъ случалась тѣмъ чаще, что на содержаніе ихъ не хватало средствъ: казенныя средства, которыя ротмистры получали отъ региментаря для распредѣленія между товарищами, часто растрачивались на частныя нужды и кутежи, такъ что волей неволей приходилось распускать по домамъ часть солдатъ. Притомъ же кичившіеся титуломъ „товарищей" паны часто вовсе не думали о своихъ обязанностяхъ, считая себя неуязвимыми со стороны суда при существовавшихъ военныхъ непорядкахъ [1]).

---

1) Kitowicz. Opys obyczajow i zwyczajow. T. II, стр. 74—84.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ изъ „украинской партіи“ нерѣдко на лицо бывало человѣкъ 700 и много много если 1000. Съ такими же силами, еще недисциплинированными, трудно было дѣйствовать противъ трехъ-четырехъ гайдамацкихъ ватагъ численностью въ 2000 и въ 1000 душъ и противъ значительнаго числа болѣе мелкихъ гайдамацкихъ загоновъ. Надо было подавлять и сравнительно организованныя группы возставшихъ, предводительствуемыя Желѣзнякомъ, Швачкой, Неживымъ, Бондаренкомъ, и давить загоны, ведшіе, быть можетъ, еще болѣе опасную партизанскую войну. А если еще принять въ разсчетъ враждебныхъ польскому правительству барскихъ конфедератовъ, которыхъ королю надо было также усмирить, то военное ничтожество какихъ-то 700—1000 чел. должно предстать предъ нами съ полной очевидностью.

Въ первое время движенія мы поэтому вовсе не встрѣчаемъ въ документахъ даже упоминаній о польскихъ отрядахъ. Желѣзнякъ, Швачка, Неживый, Бондаренко и всѣ загоны встрѣчаютъ только оборону со стороны поляковъ, но не нападеніе; но и оборона ведется безъ помощи жолнѣровъ. И въ Лисянкѣ, и въ Умани, и въ Бѣлой Церкви, и въ Каневѣ—повсюду сами обыватели, поляки и жиды, ведутъ защиту да еще кой-когда народныя милиціи, которыя вообще представляли для пановъ малонадежный элементъ, о жолнѣрахъ же упоминаній нѣтъ. Волей неволей поэтому польскому правительству оставалось обратиться за помощью къ русскимъ войскамъ, пребывавшимъ въ краѣ для подавленія барской конфедераціи и поддержанія требованій русской дипломатіи въ Варшавѣ.

Только послѣ того, какъ главное дѣло при подавленіи бунта было сдѣлано для поляковъ генераломъ Кречетниковымъ, полковникомъ Протасьевымъ и другими русскими офицерами,— только послѣ этого показываются на свѣтъ божій польскіе подъѣзды и становятся опасными для обезсилѣвшаго гайдамачества, но и въ это время, при сколько-нибудь значительной численности ватаги, польскіе отряды обнаруживаютъ всѣ слабыя стороны своей организаціи.

Въ Кодненской книгѣ[1]) есть слѣдствіе объ отступленіи подъязда, отправленнаго на Побережье (такъ называлась юго-западная часть нынѣшней подольской губ., прилегающая къ Днѣстру, внизъ, начиная съ уѣзда могилевскаго) противъ гайдамацкихъ отрядовъ, все еще бродившихъ по краю, хотя главныя силы ихъ и было уже уничтожены русскими войсками. Подъяздъ былъ подъ командой Каминскаго, товарища хоругви панцырной. Каминскій, вышедши изъ Троянова, гдѣ помѣщалась главная квартира войска короннаго партіи украинской и подольской, провелъ свой отрядъ на Побережье къ мѣстечку Бершадѣ и вблизи этого мѣстечка въ селѣ Вербки узналъ отъ людей, что семь гайдамакъ съ возами ночуютъ близъ ихъ села. Тотчасъ же распорядился онъ отправить нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей команды для захвата этихъ гайдамакъ, что и было, въ виду малочисленности послѣднихъ, исполнено безпрепятственно. Всѣ семь гайдамакъ съ двумя возами были приведены къ Каминскому. Отъ нихъ при распросахъ онъ узналъ, что невдалекѣ стоитъ болѣе значительная гайдамацкая ватага, человѣкъ въ полтараста, и что они сами—только отрядъ этой ватаги. Каминскій при этомъ извѣстіи снялся съ своею хоругвью съ мѣста и прошелъ, не бросая арестованныхъ гайдамакъ и ихъ обоза, въ с. Билый Камень. Туда онъ прибылъ днемъ, часовъ въ 12, и не успѣлъ онъ тамъ остановиться, какъ напали на него гайдамаки, несясь на польскій отрядъ съ страшнымъ крикомъ. Для спасенія своего жолнѣры попрятались въ крестянскія хаты и изъ нихъ отстрѣливались. Длилось такое положеніе чуть не до захода солнца, пока нападающіе не зажгли хатъ, въ которыхъ засѣли поляки, и сосѣдняго гумна. Весь отрядъ, въ виду численности гайдамакъ, по плану Каминскаго, долженъ былъ отступить къ селу Пятковкѣ. На пути туда была гребля, и Каминскій при отступленіи счелъ нужнымъ воспользоваться ею для отстрѣливанія отъ непріятеля, пока это было возможно. Но „gdy mnie—приводимъ собственныя слова командира Каминскаго—nieprzyiaceli nacisneli mocno żem się iuż utrczymac nie mogl,

[1]) Кодн. кн. стр. 501—513.

umyslilem porządną uczynic reytaradę, i jaka przynależy żołnierzowi, ale gdy zabaczili moiey komędy ludzie wielką liczbe haidomakow wstrzimac onych nie moglem, wzieli się do rosprusz-ki...". Паническій страхъ напалъ однако не на всѣхъ, бывшихъ въ хоругви: по утвержденію Каминскаго, и онъ самъ, и нѣкоторые изъ товарищей и шереговыхъ, отступая, все же отстрѣливались и давали отпоръ гайдамакамъ. Бѣжавшихъ было, впрочемъ, не мало; впереди всѣхъ были: бывшій стражникъ товарищъ Загоровскій, капралъ Павловскій и шереговый Маковскій. Замѣтя бѣгство Загоровскаго, командиръ Каминскій послалъ къ нему шереговаго Дудкевича съ приказомъ вернуться на помощь, ему, командиру, и вернуть своихъ подначальныхъ шереговыхъ. Загоровскій же, по его собственнымъ показаніямъ, напрасно передавалъ приказъ командира бѣжавшимъ жолнѣрамъ: всѣ они, не оборачиваясь въ его сторону, бѣжали на гору къ с. Пятковкѣ. Самъ же онъ, Загоровскій, потому де не вернулся, что считалъ дѣло вовсе потеряннымъ и думалъ, что самаго командира нѣтъ уже въ живыхъ. Интересно, что и Дудкевичъ, привезшій приказаніе Каминскаго вернуться, самъ присталъ къ бѣжавшимъ, такъ что командиръ его увидѣлъ только въ Пятковкѣ. Загоровскій скакалъ на конѣ такъ поспѣшно, что потерялъ даже свое копье и ни разу не выстрѣлилъ изъ ружья; трусость свою онъ напрасно выгораживалъ тѣмъ, что копье будто бы потерялъ не онъ самъ, а его слуга, и напрасно силился увѣрить, будто не стрѣлялъ онъ потому, что непріятель не приближался къ нему ни разу на разстояніе выстрѣла. Когда же Загоровскій, убѣгая, замѣтилъ товарища Игнатовскаго, мимо котораго онъ ѣхалъ, то прокричалъ, что не можетъ сдержать перепуганнаго коня и потому по неволѣ бѣжитъ. Другой храбрецъ, шереговый Марковскій, убѣгая, не имѣлъ ни карабина, ни сабли, а гдѣ дѣлъ онъ все это—неизвѣстно. Капралъ Мацей Павловскій, бѣжавшій съ Загоровскимъ, утверждалъ, что приказа вернуться Загоровскій ему не передалъ; когда же ему на слѣдствіи напомнили, что онъ самъ непосредственно слышалъ переданное Дудкевичемъ приказаніе и что, какъ не подначальный Загоровскому, могъ бы самъ оста-

новить бѣгущихъ и по крайней мѣрѣ лично вернуться къ Каминскому, то капралъ на все это ничего не отвѣтилъ.

Въ томъ, какъ себя держали въ это время и нѣкоторые другіе товарищи и шереговые, тоже лестнаго мало для жолнѣрской храбрости. Во всѣхъ почти показаніяхъ фигурируютъ бурьяны, среди которыхъ прятались опѣшившіе паны товарищи и ихъ слуги. Въ виду этихъ бурьяновъ сомнительными храбрецами представляются и тѣ „товарищи", которые въ показаніяхъ своихъ выставляютъ себя таковыми. Невольно какъ-то въ разсказываемомъ ими усматриваешь какъ разъ обратное ихъ утвержденію, и серьезныя показанія дѣлаются комичными. Особенно интересны въ этомъ отношеніи росказни Васильковскаго, одного изъ „товарищей", бывшихъ въ дѣлѣ. Онъ, по его показаніямъ, былъ раненъ „w krzyża" еще до переправы черезъ греблю, тѣмъ не менѣе продолжалъ де драться и на греблѣ. Когда же тутъ его снова ранили въ руку, то его задержалъ гайдамака, у котораго онъ, Васильковскій, передъ тѣмъ вырвалъ ратище, и котораго онъ самъ было задержалъ. Случилась же эта чудесная перемѣна ролей между паномъ Васильковскимъ и гайдамакой только благодаря тому, что гайдамака какимъ то невѣдомымъ образомъ умудрился убѣжать отъ пана, добыть себѣ копье, „nie wiedziec jakim sposobem porzucano" паномъ Загоровскимъ, и копьемъ этимъ поколоть въ плечи пана Васильковскаго. Панъ Васильковскій при этомъ будто бы обернулся къ нападающему, схватился за его копье (zlapalem mu za spise), и они вступили въ рукопашную (porwalismy się za barki). Между тѣмъ подошли другіе гайдамаки. Они хотѣли пана Васильковскаго заколоть, но до этого не допустилъ превратившійся неожиданно въ полнаго доброжелателя недавній противникъ его. Гайдамаки тогда прослѣдовали за бѣгущими, оставивъ Васильковскаго съ его гайдамакой. Этотъ же послѣдній ограничился тѣмъ, что ободралъ пана и затѣмъ велѣлъ ему спрятаться въ бурьянъ, что онъ, панъ, и исполнилъ. Въ показаніяхъ это сообщеніе звучитъ такъ: „ten mnie obdarszy roskasal mi się zachowac w burian, com uczynil". Ночью только панъ Васильковскій выбрался изъ своего убѣжища

и, нанявъ въ Пятковкѣ подводу, направился къ м. Бершадѣ, гдѣ собрался весь разбитый отрядъ.

Самъ панъ командиръ, или комендантъ, какъ его величаетъ нашъ документъ, панъ Каминскій, по его показаніямъ, несмотря на бѣгство многихъ изъ его отряда, оставался еще на греблѣ, давая отпоръ гайдамакамъ, и двинулся за бѣжавшими по направленію къ с. Пятковкѣ не прежде, какъ отступили гайдамаки. Но иную картину встрѣчаемъ мы въ показаніяхъ шереговаго Витвицкаго. Витвицкаго этого во время атаки гайдамаки сильно де покололи, и онъ уже за греблей упалъ съ коня, который убѣжалъ. Лежа на землѣ и не имѣя силъ встать, Витвицкій видѣлъ, какъ мимо него въ Пятковкѣ на гору неслись отъ гребли „товарищи“ и „шереговые“. Минулъ его и панъ комендантъ Каминскій, „za ktorym haidamaci gonili“. Выходитъ, стало быть, что Каминскій отступленія гайдамакъ отъ гребли не дождался и самъ долженъ былъ послѣдовать примѣру Загоровскаго, Павловскаго и др. Шереговый Витвицкій обезсиленъ былъ, очевидно, не долго. Онъ почувствовалъ необходимость отъ несшихся мимо него гайдамакъ спрятаться опять таки въ тотъ же классическій бурьянъ и перебыть тамъ до ночи, ночью же онъ смогъ дойти до Пятковки и оттуда на подводѣ доѣхать въ Бершаду. Все дѣло представлялось Витвицкому очень жаркимъ. По его словамъ, только въ быстротѣ конскихъ ногъ заключалось спасеніе жолнѣровъ въ пятковской стычкѣ. „Kto mial konia zlego— ten zabity zostal“, и „ten byl na przendzie y bez razu zostal, kto mial konia dobrego“.

Дѣйствительно, было нѣсколько убитыхъ и раненныхъ, но неуязвленныхъ изъ числа бывшихъ въ отрядѣ было больше. Всѣ они собрались въ концѣ концовъ въ Пятковкѣ, а оттуда уже вмѣстѣ съ догнавшимъ ихъ „комендантомъ“ двинулись въ Бершади. Въ это же мѣстечко на отдѣльныхъ подводахъ прибыли отставшіе раненые, скрывавшіеся въ бурьянахъ въ моментъ гайдамацкой погони. Въ Бершадѣ, по словамъ Васильковскаго, „komęda sie ulokowala goiąc się“.

Слишкомъ очевидно изъ всего этого дѣла, что между жолнѣрами господствовала полная распущенность, что въ нихъ не

было никакого сознанія своихъ обязанностей по отношенію къ соотчичамъ, и что храбрость въ нихъ могла бы быть вызвана только личною опасностью, да и то при условіи, что отъ опасности этой бѣгствомъ нельзя бы было избавиться. Между тѣмъ положеніе ихъ собратій, не успѣвшихъ убѣжать изъ края, было подчасъ поистинѣ отчаянное, и немного нужно бы было польскому солдату патріотическаго сознанія для того, чтобы энергично приняться за ихъ защиту, тѣмъ больше, что вообще поляки, внѣ условій деморализаціи, не трусливы. Въ подтвержденіе и ихъ подчасъ отчаянной храбрости и той бѣды, какую терпѣли паны въ это время, можемъ сослаться, въ дополненіе къ пересказанному раньше, на одинъ изъ эпизодовъ этого возстанія—на нападеніе отряда гайдамакъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ на село Ризану Крыницю возлѣ Умани [1]). Ватага эта отдѣлилась отъ Желѣзняка, направлявшагося къ Умани, и была однимъ изъ многихъ загоновъ, ведшихъ партизанскую войну. При ея нападеніи—въ Ризаной Крыницы оставались: шляхтичъ Янковскій, его братъ, шляхтичъ Гусаковскій и другіе. Женщины ихъ, дѣти и старики попрятались по житамъ близъ села, а три названныя лица засѣли въ хатахъ и оттуда мѣтко стрѣляли по своимъ врагамъ. Многихъ они убили и ранили, убили и того крестьянина, который по порученію гайдамакъ привезъ соломы къ хатамъ для поджога. Но пожаръ заставилъ ихъ оставить мѣсто своей засады: Янковскій былъ убитъ тутъ же, братъ его погибъ въ пламени, а Гусаковскаго схватили, вывели за село и тамъ убили. На другой день не принимавшіе участія въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ крестьянъ Ризаной Крыницы нашли въ житахъ убитыхъ пановъ—Кондрацкаго, жену и дочь Гусаковскаго. Оставшіеся въ живыхъ изъ спрятавшихся, по уходѣ гайдамакъ, вернулись въ село, но на ихъ несчастіе туда подоспѣлъ новый гайдамацкій загонъ изъ 5 человѣкъ съ ватажкомъ изъ села Буки, потомъ повѣшеннымъ. Немедленно были найдены вернувшіяся въ село пани Бачинская и Кондрацкая, послѣдняя съ дѣтьми, и безжалостно убиты. Только дѣти Бачинской, дочь и

[1]) Кодн. кн., стр. 93—94.

сынъ, убѣжали къ крестьянину Ивану Шевцу и имъ были спасены отъ смерти.

И вотъ при такихъ то бѣдахъ польскаго населенія края— польскіе жолнѣры не проявляли почти никакой дѣятельности! Между тѣмъ жолнѣры эти были сами и поляки, и католики и не могли, подобно украинскимъ крестьянамъ, возмущаться тѣми несправедливостями, какія чинили польскіе паны-католики, пользуясь защитой законовъ Рѣчи Посполитой, по отношенію къ русскому населенію края. Подвергавшіеся опасностямъ паны были для жолнѣровъ только страдающіе собратья и защищать ихъ они были обязаны, но этого то и не было, и не было въ силу поголовной распущенности, царившей въ польскомъ войскѣ.

Всѣ столь существенные недостатки „украинская партія" проявляла во время завѣдыванія ею региментаря Воронича. Подъ конецъ движенія онъ подъ предлогомъ болѣзни и вовсе удалился отъ дѣлъ, уѣхавъ въ свое помѣстье[1]. Для поправленія дѣлъ король отправилъ на Украину коронаго гетмана Браницкаго съ королевскими полками и литовской гвардіей. Тогда же впервые явился на Украину панъ Стемпковскій, числившійся комендантомъ хоругви, состоявшей изъ польскихъ рекрутъ; противъ украинскихъ бунтовщиковъ Стемпковскій велъ гусарскія и панцырныя хоругви, въ которыхъ въ общей сложности было не больше 400 душъ. Появились однако эти силы въ Украинѣ уже послѣ разгрома гайдамакъ Желѣзняка ген.-маіоромъ Кречетниковымъ и поручикомъ Гурьевымъ[2]. Крупныхъ военныхъ дѣйствій въ это время уже не предвидѣлось: противъ гайдамакъ, еще ютившихся въ краѣ и продолжавшихъ свои нападенія, достаточны были такія военныя силы, какъ силы небольшихъ подъяздовъ, вродѣ подъязда пана коменданта Каминскаго, о которомъ шла рѣчь выше. Настало время не войны съ возставшими, а суда надъ ними. Коронный гетманъ Браницкій предоставилъ тогда это дѣло суда надъ гайдамаками Стемпковскому, получившему въ то же время назначеніе отъ короля быть региментара-

---

[1]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 123.

[2]) Adam Moszczynski. Pamiętnik do historyi polskiej, стр. 148.

ремъ украинской партіи вмѣсто удалившагося на покой Воронича. Самъ же Браницкій долженъ былъ, соединясь съ генераломъ Кречетниковымъ, идти атаковать барскихъ конфедератовъ, которые были заперты въ Барѣ и между которыми шли нелады [1]).

При Браницкомъ совершена была по его приговору только казнь четвертованія надъ Гонтой и то не въ Умани, а въ с. Сербахъ, близъ пограничнаго города Могилева. По мнѣнію Браницкаго, пролить кровь Гонты тамъ, гдѣ пролилась кровь невинныхъ жертвъ его неистовства было бы унизительно для послѣднихъ [2]).

При Браницкомъ же былъ совершенъ между поляками и русскими раздѣлъ плѣнныхъ гайдамакъ. Всѣ гайдамаки, состоявшіе подданными Рѣчи Посполитой, должны были подлежать суду польскаго правительства; всѣ же изъ гетманщины, Слободской Украины и Запорожья—суду русскаго правительства. По словамъ автора „Rzezi humanskiey" [3]), Браницкій послѣ этого раздѣла отправилъ будто бы во Львовъ 800 плѣнныхъ, въ Броды 500, въ Винницу 300 и по извѣстному числу въ другіе города. По словамъ автора мемуара, всѣхъ плѣнныхъ было нѣсколько тысячъ, причемъ будто бы запорожцевъ было 1500 человѣкъ. Преувеличенность этихъ чиселъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. По утвержденію Тучапскаго, напало на Умань съ Желѣзнякомъ 500 гайдамакъ да 700 козаковъ Гонты [4]). Кромѣ того, есть и другое утвержденіе, по которому опять таки подъ Уманью было не нѣсколько десятковъ тысячъ возставшихъ, а всего только 2000 [5]). Изъ всего же этого, конечно, ясно, что Браницкій не могъ разослать столько плѣнныхъ по разнымъ городамъ, сколько было показано отмѣченнымъ выше мемуаристомъ, скрывшимъ свое имя. Наконецъ есть и прямое утвержденіе г. Скальковскаго на

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, стр. 152.

[2]) Bunt hajdamakow. Rzez humanska, стр. 114 (изд. Рачинскаго, заключ. въ себѣ мемуары трехъ лицъ).

[3]) Ibidem, стр. 114.

[4]) Bunt haidamakow na Ukrainie. Изд. Рачинскаго, третій мемуаръ, стр. 126. и 127. Въ „Наѣздахъ гайдамакъ" Скальковскаго приведенъ тотъ же мемуаръ, стр. 213. и 214.

[5]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 107.

основанiи данныхъ сѣчеваго архива [1]), что Кречетниковымъ подъ Уманью было схвачено 887 человѣкъ гайдамакъ и 150 запорожцевъ. Считая это послѣднее утвержденiе, какъ основанное на документальныхъ данныхъ, болѣе достовѣрнымъ, нельзя не отнестись скептически и къ увѣренiю Вероники Кребсъ (мемуаръ которой при всѣхъ своихъ достоинствахъ заключаетъ въ себѣ и много невѣрностей и неточностей)—будто Стемпковскiй изъ подъ Умани для суда увелъ къ Могилеву 2000 человѣкъ [2]). Относительно плѣненныхъ тогда гайдамакъ и ихъ разсылки для казней изъ Умани у Кребсъ есть впрочемъ и одно, очевидно, вѣрное заявленiе, что Стемпковскiй увелъ всѣхъ плѣнныхъ гайдамакъ изъ Умани потому, что у него было всего 400 человѣкъ кавалерiи, и онъ боялся крестьянъ, въ рукахъ которыхъ было еще много оружiя и которые въ одну минуту могли бы собраться въ большомъ числѣ для освобожденiя арестованныхъ [3]). Заявленiе это тѣмъ вѣроятнѣе, что и Браницкiй, и Кречетниковъ въ это время уже удалились съ своими войсками къ Бару, имѣя въ виду осадить конфедератовъ.

Каково же было отношенiе польскаго правительства къ плѣннымъ гайдамакамъ на судѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ и у польскихъ мемуаристовъ, и въ документахъ Кодненской книги. Нельзя при этомъ не замѣтить, что матерiалъ о судѣ надъ гайдамаками недостаточно уясненъ, тѣмъ больше, что показанiя мемуаристовъ не отличаются пунктуальной опредѣленностью. Тотъ же фактическiй матерiалъ, который намъ удалось извлечь изъ Кодненской книги, къ сожалѣнiю не совсѣмъ удобно ставить въ одну параллель съ показанiями о томъ же мемуаристовъ, такъ какъ послѣднiе въ большинствѣ случаевъ говорятъ о судѣ надъ гайдамаками тотчасъ по ихъ усмиренiи, Кодненская же книга наша даетъ судебные разборы дѣлъ въ 1769 и даже въ 1770 г. Конечно, спустя годъ—полтора послѣ разгрома гайдамакъ у судей могло быть нѣсколько иное отношенiе

---

[1]) Ibidem, примѣч. на стр. 112 и стр. 109 текста.

[2]) Уманская рѣзня. Записки В. Кребсъ. Изд. г. Ревы, стр. 31.

[3]) Тамъ же, стр. 28, 31.

къ судимымъ, чѣмъ тотчасъ же послѣ разгрома. Остается поэтому группировать весь матеріалъ именно соотвѣтственно источникамъ, изъ которыхъ приходится черпать его, и по времени, когда производился разборъ дѣлъ.

Выше мы уже сказали, что тотчасъ же послѣ уманской расправы Кречетникова коронный гетманъ Браницкій передалъ региментарю украинской партіи Стемпковскому право суда надъ плѣнными гайдамаками. Желчный, обозленный Стемпковскій немедленно послѣ этого приступилъ къ дѣлу. Мемуаристъ Липпоманъ такъ передаетъ о его дѣятельности: „региментарь Стемпковскій, впослѣдствіи воевода кіевскій (?), прійдя съ своею командою въ Лисянку приказалъ повѣсить шестьдесятъ крестьянъ безъ всякаго соблюденія какихъ бы то не было юридическихъ формъ. Далѣе разосланные по селамъ и малымъ мѣстечкамъ отряды русскаго и польскаго войска повсюду вывѣдывали о причастныхъ къ бунту крастьянахъ, брали ихъ и высылали въ разныя мѣста, а больше всего въ мѣстечко Кодню близъ Житоміра, гдѣ помѣщалась войсковая команда. Тамъ же надъ выкопанной глубокой ямой каждому изъ схваченныхъ, привязанному къ колодѣ, положенной на краю ямы, палачъ топоромъ отсѣкалъ голову и затѣмъ и голову, и тѣло бросалъ въ яму. По наполненіи одной ямы, выкапывали другую. Такимъ путемъ лишено было жизни великое множество крестьянъ. Могли тамъ пасть и невинныя жертвы, подговоренныя къ бунту злостнымъ сбродомъ. Гибель невинныхъ была возможна, такъ какъ было достаточно малѣйшаго предлога къ обвиненію въ причастности къ бунту въ той или иной формѣ“ [1]). Неизвѣстный авторъ другого мемуара—Rzeź humanska, изд. Рачинскимъ въ Познани, такъ объясняетъ образъ дѣйствій Стемпковскаго: „...послѣ того, какъ Стемпковскій насмотрѣлся на экзекуцію надъ Гонтой, онъ сказалъ: „не онъ одинъ вызвалъ бѣду, не онъ одинъ долженъ поэтому и погибнуть“—и началъ ужасный розыскъ“ [2]). Тучапскій также въ своемъ мемуарѣ отмѣчаетъ суровость суда

---

[1]) Lippomann. Bunt haidamakow (изд. Рачинскаго), стр. 49.

[2]) Тоже изд. Рачинскаго. Второй мемуаръ, стр. 116.

Стемпковскаго: „губили и наказывали тогда гайдамакъ разными способами: то рубили головы, то вѣшали, то лишали одной руки и одной ноги, то драли розгами. Свидѣтелями этихъ наказаній были Каменецъ, Львовъ—тамъ повѣшено 200 гультаевъ,—Кременецъ, Винница, Житоміръ, Летичевъ и иные города, въ которыхъ по 7, 5, 8 гультаевъ было лишено жизни" [1]). „Нѣкоторыхъ даже, читаемъ еще въ „Наѣздахъ гайдамакъ" г. Скальковскаго, мучили слишкомъ изысканнымъ образомъ, достойнымъ дикарей американскихъ. У несчастныхъ, обѣ руки обвязавъ паклею, напитанною дегтемъ, зажигали и такъ водили ихъ по селамъ и мѣстечкамъ. Многіе старики, жители западной Россіи, помнятъ еще (г. Скальковскій писалъ свою книгу въ 1845 г.), что въ молодости видѣли такихъ несчастныхъ изувѣченныхъ въ глубокой уже старости, которые, сидя у церквей или на большихъ дорогахъ, просили милостыни. Народъ не отказывалъ имъ въ подаяніи, и на вопросъ любопытныхъ: „что это за люди?" отвѣчали: „не пытайте—то люде бували" [2]).

Къ несомнѣнному звѣрству лично Стемпковскаго изъ всѣхъ ужасовъ, отмѣченныхъ мемуаристами надо однако прежде всего отнести только крайнюю поспѣшность при раздаваніи смертей и невыполненіе юридическихъ формъ,—вслѣдствіе чего, конечно, могли быть тяжелыя ошибки. Оправдывать его, хотя бы отчасти, именно въ этомъ тѣмъ, что судъ его и бывшей при немъ коммиссіи былъ судъ военный, нельзя: судъ его былъ скорѣе всякаго возможнаго военнаго суда. Но затѣмъ, быть можетъ, не мѣшаетъ при уясненіи себѣ жестокостей казней надъ гайдамаками вспомнить и мирныя законы того времени, тѣ статьи литовскаго статута, подъ которыя могли бы быть подводимы преступленія гайдамакъ.

Прежде всего возьмемъ въ разсчетъ статьи, относящіяся къ государственнымъ преступленіямъ... Оказывается, что всякій, дѣйствовавшій во вредъ государю или государству, путемъ ли вспомоществованія непріятелю, или инымъ какимъ образомъ, подлежалъ четвертованію. Затѣмъ къ этому непосредственно добав-

---

[1]) Тоже изд. Рачин. Третій мемуаръ Тучапскаго, стр. 143.

[2]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 125.

лено: „равной и тѣ подлежатъ казни, кои таковому преступнику совѣтомъ либо какимъ нибудь дѣломъ вспомоществуютъ или, заподлинно о томъ вѣдая, не донесутъ“. Положенія эти находимъ мы въ литовскомъ статутѣ въ раздѣлѣ 1, артикулѣ 3, параграфѣ 3.

Не трудно видѣть, что всѣ крестьяне, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, и всѣ имъ близкіе, знавшіе о ихъ участии въ бунтѣ, но не донесшіе о томъ, по закону должны были подвергнуться четвертованію. Если же даже Стемпковскій не ко всѣмъ примѣнялъ именно этотъ родъ казни, то только по недостатку палачей и времени, ибо четвертованіе—казнь наиболѣе длительная.

Далѣе, относительно пособничества бунтовщикамъ всегда съ успѣхомъ могла быть примѣняема статья 3-го раздѣла, артикула 48-го, гдѣ рѣчь идетъ о недоставленіи врагу государства „воинскаго оружія, такожъ желѣза, стрѣлъ, пороху, селитры, свинцу и другихъ военныхъ и кормовыхъ для людей и скота припасовъ“, а также ничего другаго, „изъ чего бы тое дѣлать дерзнулъ, того смертью — усѣченіемъ голови—казнить, а таковыя оружія и припаси и всѣ его пожитки взять въ казну“.

Несомнѣнно, конечно, что и по этой статьѣ въ числѣ жертвъ Стемпковскаго должно было быть не мало „sciątych“.

Смертной же казни черезъ повѣшеніе подлежали по §§ 1 и 2 артикула 7, раздѣла 14 и воры, на воровствѣ пойманные съ поличнымъ или безъ поличнаго, „если покража явится цѣною выше 20 рублей“ [1]). При похищеніи же на сумму менѣе 20 рублей и при неоднократномъ повтореніи такихъ кражъ даннымъ лицомъ наказывали публично у столпа розгами или плетьми и урѣзывали уха.

Въ раздѣлѣ же 11, артикулѣ тоже 11, сказано и о пособникахъ ворамъ. „Кто бы, читаемъ въ означенной статьѣ, вору помоществовалъ... либо у себя краденныя вещи передерживалъ, продавалъ или би онимъ съ ворами дѣлился... тотъ таковой же винѣ и казни, какъ и самъ воръ, подлежать будетъ безъ всякаго послабленія.

---

[1]) Рубль л. литовскаго статута по изслѣдованію Чацкаго=35 польскимъ злотымъ и 21$^{24}/_{80}$ грошамъ или 5 р. 36 к. на наши деньги. Теличенко. Очерки кодиф. малор. пр. „Кіев Стар.“, 1888 г., книга 10-я.

Опять ясно, что и эти статьи закона о ворахъ при желаніи унизить политическаго врага могли быть безъ затрудненія примѣняемы къ судившимся въ Кодненской коммиссіи бунтовщикамъ.

Страшныя наказанія по статуту полагались и за убійства, пораненія, нанесеніе побоевъ, особенно помѣщикамъ.

За убійство посполитымъ владѣльца своего или вообще шляхтича полагалось четвертованіе, за пораненіе—отсѣченіе головы, за нанесеніе удара или просто за угрозу—отнятіе руки (Статутъ, раздѣлъ 11, арт. 9; разд. 11, арт. 29, § 1 и арт. 49, § 1).

По отношенію къ возставшимъ коліямъ статья эта болѣе, чѣмъ предъидущія могла быть примѣняема безъ натяжекъ.

Указавъ такимъ образомъ, что Стемпковскій для оправданія своей жестокости по отношенію къ отданнымъ въ его руки людямъ могъ бы во многихъ случаяхъ сослаться на законъ, мы вовсе однако не имѣемъ въ виду выставлять его человѣкомъ закона. Нѣтъ, Стемпковскій и его коммиссія, конечно, не иначе отнеслись бы къ выпавшему на ихъ долю суду, какъ отнеслись они въ дѣйствительности, и въ томъ случаѣ, если бы законъ не отвѣчалъ ихъ жестокимъ хотѣніямъ. Расправа была бы таже и и при болѣе мягкомъ законѣ, только дѣйствіе закона должно бы было быть пріостановлено.

Переходимъ къ даннымъ о судѣ, доставляемымъ намъ Кодненской книгой. О массовыхъ истребленіяхъ гайдамакъ въ книгѣ этой почти нѣтъ упоминаній, вѣроятно, потому, какъ мы уже сказали, что она заключаетъ въ себѣ разборъ дѣлъ уже въ 1769, 1770 и 1771 годахъ, когда первое ожесточеніе поляковъ прошло. Въ одномъ только документѣ есть указаніе на то, что въ Шароградѣ производилась экзекуція четвертованія надъ 25 гайдамаками изъ Ружина и Каменоватой[1]). Но если нѣтъ въ нашей Кодненской книгѣ упоминаній болѣе частыхъ о массовыхъ истребленіяхъ возставшихъ, то зато довольно отдѣльныхъ казней. Изъ 336 дѣлъ 218 окончилось лишеніемъ жизни подсудимыхъ, 34--сѣченіемъ и только 85 освобожденіемъ. Освобожденныхъ судомъ считать избѣгшими наказанія впрочемъ нельзя: они, во-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 591.

первыхъ, до суда долго бывали содержимы въ предварительномъ заключеніи на мѣстѣ ли ихъ поимки или уже въ коднеской ямѣ, а во-вторыхъ, при допросѣ, для вящшаго выясненія дѣла, коднеская коммиссія нерѣдко прибѣгала къ первой степени пытки — битью плетью. Изъ дѣлъ, кончившихся уродованіемъ подсудимыхъ, въ кодненскихъ документахъ только одно: нѣкто Стефанъ Мысловскій за убійство осадчаго Нагурнаго, виновника смерти родственницы его, а также за убійство четырехъ жидовъ былъ наказанъ отсѣченіемъ руки и ноги [1]). Изъ 218 казненныхъ 9 четвертовано, 151 обезглавленъ, 57 повѣшено и 1 посаженъ на колъ.

Къ четвертованію въ Коднѣ, какъ видимъ, прибѣгали сравнительно рѣдко въ виду продолжительности этой казни и недостатка въ палачахъ. Къ ней прибѣгали только въ исключительныхъ случаяхъ. Четвертованы были, во-первыхъ, нѣкоторые изъ запорожцевъ, почему то подпавшіе польскому суду, во-вторыхъ— ватажки гайдамацкихъ загоновъ, попавшіеся въ руки, и въ-третьихъ, крестьяне, обнаружившіе большую свирѣпость въ періодъ избіенія шляхты тѣмъ, что выдавали ихъ на смерть и лично убивали часто послѣ того, какъ ими было куплено себѣ у данныхъ людей повидимому безопасное убѣжище.

Изъ запорожцевъ четвертованію подверглись бывшіе въ загонѣ Савки Плыханенка—Өеодоръ Базарный, Левко Малый, Климъ Билый [2]). Изъ ватажковъ же гайдамацкихъ загоновъ четвертованію подверглись Степанъ Головацкій, дѣйствовавшій съ своимъ загономъ близъ Шполы [3]) и Савка Плыханенко, имѣвшій небольшой отрядъ изъ запорожцевъ, изъ которыхъ трое выше названы, и дѣйствовавшій близъ Бѣлой Церкви [4]). Другіе ватажки, какъ знаемъ, не попадали на судъ въ Коднъ. За выдачу и убійство шляхтичей, купившихъ себѣ золотомъ убѣжище, четвертованы Якимъ Зарудный, Герасимъ, Кирило Романюкъ [5]).

---

[1]) Кодн. кн., стр. 523.

[2]) Кодн. кн., стр. 482.

[3]) Кодн. кн., стр. 539.

[4]) Ibidem., стр. 482.

[5]) Ibidem, стр. 482.

Подъ отмѣченныя выше категоріи не подходитъ одинъ—это Роговскій, бывшій жолнѣръ, участвовавшій въ убійствѣ на дорогѣ какого-то шляхтича [1]). Наконецъ, не менѣе жестокой казни, чѣмъ четвертованіе—посаженію на колъ, подвергся много разъ нами упоминавшійся шляхетскій ренегатъ Николай Чоповскій, бывшій въ наиболѣе дисциплинированной, идейной, гайдамацкой ватагѣ Семена Неживаго [2]).

Изъ дѣлъ, не всегда оканчивавшихся смертной казнью, особенно рѣзко обнаруживаютъ жестокость судившихъ въ Коднѣ дѣла о преслѣдованіи крестьянъ, у которыхъ находили что бы то ни было изъ заграбленнаго при возстаніи 1768 года. Крестьянъ такихъ обыкновенно наказывали плетьми послѣ долгаго держанія въ предварительномъ заключеніи, а иногда даже смертію чрезъ снятіе головы или повѣшеніе [3]). Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обладаніе награбленными вещами могло означать соучастіе въ бунтѣ, но вѣдь обрѣтеніе награбленнаго могло во многихъ случаяхъ производиться при полномъ невѣдѣніи, что обрѣтается добытое нелегальнымъ путемъ; притомъ же мы уже знаемъ, что послѣ грабежей ватаги нерѣдко распродавали все добытое особымъ купцамъ, которые за ними слѣдовали [4]); легко могло поэтому случиться, что попадало затѣмъ награбленное отъ этихъ купцовъ къ людямъ, ни въ чемъ неповиннымъ, путемъ простой купли.

Не мало терпѣли отъ жестокости кодненскаго суда и родственники неразысканныхъ коліевъ. Отца, дядю, отчима брали нерѣдко взамѣнъ исчезнувшаго за границу сына, племянника, пасынка [5]). Ихъ не всегда наказывали по суду, но самое сидѣніе въ кодненской ямѣ въ предварительномъ заключеніи стоило многаго.

Вообще въ судебномъ процессѣ той ужасной поры поражаетъ полное невниманіе къ отсутствію какихъ бы то ни было

---

[1]) Ibidem, 493.

[2]) Ibidem, 482.

[3]) Ibidem, 447. Дѣло Савки Малаго.

[4]) См. настоящую статью гл. I.

[5]) Кодн. кн., стр. 452.

доказательствъ преступности судимыхъ. Такъ, Мартынъ Швецъ изъ Теплина Уманскаго при дознаніи оказался виновнымъ въ кражѣ вещей и въ конокрадствѣ, между тѣмъ его приговорили къ обезглавленію—за гайдамачество. Мотивомъ для такого осужденія послужило такого рода умозаключеніе кодненскихъ судей: „Martyn Szwiec przez zwerchnost dworska tu w sekwestr odeslany zostal, to iuż nie bez racyi haidamacstwa" [1]). Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, положимъ, дѣло съ лицомъ, уличеннымъ въ кражѣ на сумму свыше 20 р., и поэтому одѣлить его въ Коднѣ смертнымъ приговоромъ могли и не по политическому мотиву. Что же, кромѣ политическаго мотива, могло играть роль при осужденіи на смерть черезъ повѣшеніе Панаса Галайковскаго изъ Соколовки, который на судѣ рѣшительно ни въ чемъ виноватымъ не оказался? Политическая преступность этого лица была для судей достаточно доказана тѣмъ только „że (Galaikowsky) przez Ip. Żebrowskiego przyslany" [2]). Наконецъ не лишеннымъ интереса для уясненія польскаго легкомыслія на судѣ представляется и слѣдующій случай. Жена крестьянина Петра Носенка, жителя уманскаго, донесла на мужа—будто онъ ее хотѣлъ убить. Этого было достаточно, чтобы коммиссія заподозрила Носенка—и въ гайдамачествѣ. Когда же у Носенка при раздѣваніи его оказался поколотый пупъ, то подозрѣніе готово было обратиться въ увѣренность. Но Носенко энергично сталъ утверждать, что жену свою онъ только побилъ и вовсе не грозилъ ей смертію, и что рану подъ пупокъ нанесъ ему козакъ Ященко. Послѣ этого судьи ограничились наказаніемъ розгами, но все же выразили ему свое недовѣріе; ему было сказано: „nie od kozaka ty iestes podkłoty, ale od lacha, ktoregos ty tam pod czas ryzaniny kłuł, a może nie iednego, ale kolo sta — gdyź tam każdy kłuł, chyba ten nie kłuł, co by rąk nie mial, a ty się tu zapierasz" [3]). Дальше, конечно, судебной подозрительности идти было некуда.

---

[1]) Кодн. кн., стр. 439.

[2]) Ibidem, стр. 491.

[3]) Ibidem, стр. 344.

При такомъ болѣе, чѣмъ строгомъ, примѣненіи жестокаго закона, конечно, изгибла цѣлая масса сперва плѣненныхъ съ оружіемъ, а потомъ просто беззащитныхъ крестьянъ, въ моментъ движенія двинувшихся было также на защиту своей жизни и вѣры отъ невыносимаго польско-уніатскаго гнета. Сколько именно было казнено Стемпковскимъ — сказать трудно. Кодненская книга наша, повторяемъ, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ дѣлъ военно-судной коммиссіи и 218 человѣкъ казненныхъ, въ ней означенныхъ, есть только ничтожная часть. Но если даже и въ самомъ дѣлѣ погибло много отъ палачей, то все же не 30000, какъ утверждаетъ, напримѣръ, Адамъ Мощинскій[1]). Думаемъ, что, при слабой тогда населенности края, и всѣхъ возставшихъ, какъ въ ватагахъ, такъ и внѣ ихъ не было такого числа, какъ 30000. Тѣмъ не менѣе, если даже уменьшить число истребленныхъ поляками въ 5—6 разъ, то все же уничтоженіе такого количества людей является актомъ непониманія польскимъ правительствомъ существенныхъ интересовъ собственнаго государства. Даже съ точки зрѣнія наиболѣе потерпѣвшихъ отъ коліевъ шляхтичей-помѣщиковъ, за интересы которыхъ ратуетъ, напримѣръ, Адамъ Мощинскій, громадное количество казней было дѣломъ неблагоразумнымъ, ибо тѣмъ самымъ паны лишались нужныхъ имъ работниковъ. По мнѣнію Мощинскаго, лучше было поступить такъ, какъ поступилъ комендантъ львовскій, полковникъ Корытовскій. Этотъ послѣдній отданныхъ ему 60 молодыхъ, здоровыхъ, сильныхъ гайдамакъ не повѣсилъ, подобно другимъ комендантамъ и Стемпковскому, а оставилъ на своей фабрикѣ въ качествѣ рабочихъ: онъ „wymurował nimi pod owczas jedne z najpiękniejszych kamienic w rynku miasta Lwowa, trzymając ich w miejscu zdrowem i (конечно) bezpiecznem; karmił ich za to i odziewał, że mu służyli do fabryk, aż do czasu zabrania Lwowa przez Austryakow, gdzie w tenczas uwolnieni z aresztu, popowrocali do domow“ [2]). Раздумывая затѣмъ, какъ могло бы еще поступить польское правительство, Мощинскій продолжаетъ: „jeżeli

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, стр. 150.

[2]) Ibidem, 149.

nie można było nasladowac pułkownika Korytowskiego, to należało przynajmniej, potraciwszy naczelnikow, decymowac tylko dla przykladu zwiedziony lud i nie gubic haniebnie młodzieży do 30 tysięcy (!) naizdrowszey i najdorodniejszej, zlem zgorszeniem i smutkiem, że nie było i katów do wieszania ich po miesteczkach, tylko jeden drugiego wieszał bez przygotowania religijnego na smierc [1]) Въ краѣ, нуждавшемся въ населеніи, совершившаяся расправа была верхомъ неразумія, конечно, тѣмъ болѣе, что раньше 1768 г. даже такой неважный человѣкъ, какъ губернаторъ Млодановичъ, поставленный на свою должность Потоцкимъ, считалъ нужнымъ хотя бы только въ интересахъ своего патрона, мало помышляя о государствѣ, всячески увеличивать численность населенія во ввѣренной ему Уманщинѣ, и одною изъ его мѣръ было возвращеніе къ мирному труду изловленныхъ имъ и осужденныхъ доминіальнымъ судомъ на смерть цѣлыхъ сотенъ гайдамакъ. Устраивалъ онъ это обыкновенно такъ по утвержденію мемуариста, скрывшаго свое имя: оглашалъ повсюду о лѣтахъ и винахъ заключенныхъ и приговоренныхъ къ смерти гайдамакъ; для осмотра ихъ допускалъ людей въ тюрьму, причемъ всѣмъ видно было, что пойманные люди молодые, бодрые, сильные, здоровые; если же какая дѣвушка (mlodzika) при наступленіи времени исполненія смертнаго приговора заявляла, что тотъ или другой изъ видѣнныхъ ею приговоренныхъ милъ ей и что она готова быть его женой, и затѣмъ избраннаго ею выражала готовность увести съ мѣста казни, обнявъ его рукою или зацѣпивъ за шею платкомъ,—то Млодановичъ такихъ счастливцевъ освобождалъ отъ казни и даже надѣлялъ ихъ землей за извѣстныя повинности; такимъ путемъ дано было краю не мало новыхъ семей [2]). Какой-нибудь способъ помилованія, если и не столь романтичный, какъ способъ Млодановича, должно было бы избрать и польское правительство, тѣмъ болѣе что въ компетенцію короля, какъ и всякаго представителя верховной власти въ другихъ странахъ, входило самое широкое право помилованія.

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, 150.

[2]) Изд. Рачинскаго Bunt haidamakow. 2-ой мемуаръ, стр. 70.

Между тѣмъ, по сознанію самихъ поляковъ, результаты усмиренія оказались ужасными. Цитированный только что мемуаристъ сообщаетъ, что послѣ усмиренія бунта на Украинѣ мало осталось крестьянъ-хозяевъ: уходили въ Волощину, въ Крымъ, въ „Москву", на Донъ,—и степи вновь запустѣли такъ, что казались чуть не дѣвственно-первобытными [1]). Оставшіеся же на мѣстахъ очень тяготились своимъ положеніемъ, а когда былъ возстановленъ прежній порядокъ съ рѣзкимъ разграниченіемъ всеправной шляхты и безправнаго посполольства, то многіе изъ нихъ стали рѣзаться, вѣшаться, топиться [2]).

Этимъ мы кончаемъ нашу характеристику дѣйствій польскаго правительства Рѣчи Посполитой въ разгаръ коліивщины и непосредственно послѣ нея.

Я. Шульгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Bunt haidamakow, стр. 116.

[2]) Ibidem стр. 116, 117.

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА VIII.

ПРІѢЗДЪ ВЪ ЯССЫ.

Князь Василій сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ съ великимъ логофетомъ, когда вошелъ къ нему второй постельникъ и доложилъ, что прибыли козаки подъ начальствомъ молодаго Хмельницкаго.

— Вотъ видишь, Стефанъ, обратился князь къ своему канцлеру, теперь у насъ силъ прибыло, и мы можемъ потягаться съ нашимъ врагомъ. Вѣрный бояринъ нашъ позаботится, чтобы гостямъ нашимъ было хорошо—обратился онъ къ постельнику. Начальникамъ отвести лучшія комнаты дворца, войска же размѣстить по квартирамъ, и чтобы всего у нихъ было вдоволь.

Постельникъ съ низкимъ поклономъ удалился; а князь обратился къ Георгицѣ:

— Завтра я имъ дамъ аудіенцію, а послѣ завтра можно будетъ и тронуться въ путь. Пусть этотъ палачъ Радулъ воображаетъ, что отпразднуетъ надъ нами побѣду; а мы нагрянемъ неожиданно, разгромимъ врага, опустошимъ его границы и принудимъ его продолжить перемиріе.

— Я бы не совѣтовалъ вашей свѣтлости дѣйствовать круто, возразилъ Георгица. Могутъ возникнуть неудовольствія съ Портой,

[1]) См. „Кіевская Старина" 1890 г., № 6.

да и трансильванскій князь не замедлитъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возстановить противъ насъ султана.

— Не я первый началъ, возразилъ князь: Матвѣй стягиваетъ войска у моей границы подъ начальствомъ этого кровожаднаго Радула. Не сидѣть же мнѣ, сложа руки, и ждать, когда имъ угодно будетъ лишить меня престола. Это рѣшено, Георгица, и ты меня не отговаривай! закончилъ господарь тономъ, не допускающимъ возраженій.

Онъ всталъ.

— Довольно я терпѣлъ обидъ, пора и разсчитаться!

Георгица отвѣсилъ почтительный поклонъ и вышелъ; а князь отправился на половину своей жены.

У господарши сидѣла гостья, супруга великаго логофета. Она была родомъ валашка и принадлежала къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій. Обмѣнявшись привѣтствіями, Василій сѣлъ къ столу, на которомъ стояли сухіе засахаренные плоды, розовая пастила и халва изъ орѣховъ. Гостья эта была не особенно пріятна господарю; онъ разсчитывалъ переговорить наединѣ съ женою; у него вошло въ привычку совѣтоваться съ нею обо всѣхъ дѣлахъ, такъ какъ она обладала недюжиннымъ мужскимъ умомъ, соединеннымъ съ женскимъ чутьемъ и тактомъ; но уйти было неловко, и Василій молча слушалъ разговоръ женщинъ, вертѣвшійся на пустякахъ.

— Ваша свѣтлость, обратилась Георгица къ князю: правда ли, что пріѣхали козаки и татары? Я слышала объ этомъ мелькомъ отъ ворниковъ, когда шла во дворецъ.

— Да, пріѣхали, сухо отвѣтилъ господарь.

— Они поступаютъ на службу вашей свѣтлости? спрашивала неотвязчивая гостья. Ея безтактность вывела изъ себя князя.

— Позволю себѣ замѣтить—отвѣчалъ онъ сурово—женщинамъ не слѣдъ мѣшаться въ военныя дѣла.

Гордая валашка поблѣднѣла и закусила губы.

— Прошу извиненія у вашей свѣтлости! ядовито проговорила она и стала откланиваться.

— Зачѣмъ ты ее оскорбилъ? укоризненно проговорила

господарша. Валахи очень злопамятны. Какъ бы она не отомстила! У нея много родни при валашскомъ дворѣ.

— Что она можетъ намъ сдѣлать? отвѣчалъ Василій: пустая и вздорная женщина! Я удивляюсь Георгицѣ; такой умный человѣкъ и не нашелъ себѣ лучшей жены; какъ будто мало знатныхъ молдаванокъ.

— Не довѣряй Георгицѣ! замѣтила господарша. Ты увидишь, что при первомъ удобномъ случаѣ онъ перейдетъ на сторону Бассарбы, не даромъ двоюродная сестра его замужемъ за Радуломъ.

Князь Василій сомнительно покачалъ головою.

— Не у всѣхъ женщинъ такая свѣтлая голова, какъ у моей господарши! шутливо проговорилъ онъ. Пусть женщины сплетничаютъ, строятъ козни; что намъ за дѣло до нихъ? Георгица же слишкомъ уменъ, чтобы перейти на сторону Матвѣя,—ему и здѣсь хорошо.

— Кто знаетъ, какіе планы у этого человѣка? замѣтила господарша.

— А вотъ посмотримъ, проговорилъ князь.

— Я пришелъ тебѣ сообщить, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, что пріѣхали козаки съ татарами. Я намѣреваюсь ихъ послать на границу Валахіи; пусть они побьютъ своевольнаго Радула. Гетманъ прислалъ намъ своего сына.

— Это тотъ витязь, о которомъ такъ много говорила Локсандра? съ любопытствомъ спросила господарша.

— А развѣ Локсандра знаетъ его? съ удивленіемъ спросилъ Василій.

— Какъ же, она видѣла его въ Варшавѣ.

Василій сурово сдвинулъ брови.

— Не люблю я этихъ польскихъ обычаевъ, проворчалъ онъ. Побывавъ въ Польшѣ, Локсандра набралась прыти, слишкомъ ужъ свободно себя держитъ съ молодежью. Ты ей замѣняешь мать; внуши ей, что мое дѣло найти ей мужа.

— Я ей не родная мать, тихо отвѣтила господарша.

— Чтожъ такое? возразилъ князь. Скажи ей, что это моя воля, что я желаю, чтобы она себя держала скромнѣе, какъ этого требуютъ обычаи нашей страны.

Домна Георгица, вернувшись домой и задыхаясь отъ гнѣва, прошла прямо на половину своего мужа.

— Что съ тобою? спросилъ Стефанъ, замѣтивъ взволнованное лицо своей супруги, ставшее еще непривлекательнѣе, еще злѣе.

— Это невозможно! задыхаясь проговорила она. Этотъ тиранъ думаетъ, что можетъ повелѣвать всѣми нами, какъ слугами, можетъ обращаться съ нами, какъ съ рабами!

— Что случилось? съ безпокойствомъ спросилъ Стефанъ.

Путаясь въ выраженіяхъ и останавливаясь, чтобы перевести духъ, жена его разсказала объ оскорбленіи, нанесенномъ ей княземъ.

Стефанъ вздохнувъ съ облегченіемъ.

— Я думалъ, Богъ знаетъ, что случилось! сказалъ онъ хладнокровно. Это тебѣ наука: впередъ будь осторожнѣе при дворѣ!

— Давно бы слѣдовало вамъ боярамъ,—со злостью отвѣчала домна, свернуть шею этому Лупулу.—И ты дуракъ, что не слушаешь моихъ совѣтовъ, держишься за этого стараго скрягу, ползаешь у его ногъ и получаешь за это толчки и пинки! Гдѣ тѣ богатства, о которыхъ ты мечталъ? Все идетъ въ ненасытный мѣшокъ этого кровопійцы. Онъ одинаково давитъ и бояръ, и мазулей, и черный народъ; онъ со всего умѣетъ самъ снять пѣнку и тебѣ ничего не перепадаетъ.

Въ своемъ раздраженіи супруга достопочтеннаго великаго логофета забыла, что кое что перепадало и на ихъ долю, особенно при судебномъ разбирательствѣ споровъ мелкихъ бояръ при размежеваніи земель и при дѣлежѣ наслѣдства.

— Помилуй, иронически замѣтилъ Стефанъ, онъ считаетъ себя благодѣтелемъ народа. Еще не далѣе какъ сегодня онъ называлъ армаша Радула палачемъ и кровожаднымъ звѣремъ...

— Вотъ прекрасно! воскликнула домна. Я бы желала знать, какая между ними разница? Радулъ подсылаетъ тайныхъ убійцъ къ своимъ врагамъ и бросаетъ ихъ тѣла въ рѣку, чтобы скрыть слѣды своихъ преступленій; а этотъ явно сажаетъ на колъ тѣхъ, кто становится поперекъ его дороги... Радулъ натравливаетъ на своихъ противниковъ своего господаря, обвиняя ихъ въ небывалыхъ проступкахъ, а этому не къ чему прибѣгать

къ какимъ либо уловкамъ, онъ прямо отрубаетъ головы тѣхъ, кого заподозритъ въ измѣнѣ.

— Молчи, жена! съ испугомъ озираясь, проговорилъ Стефанъ.—Твой языкъ не доведетъ насъ до добра. Самыя стѣны могутъ насъ слушать. Потерпи, будетъ время, и Лупулъ узнаетъ насъ, а теперь надо нести иго, дѣйствовать осторожно, не спѣша, такъ, чтобы не могло на насъ упасть и тѣни подозрѣнія.

Жена Стефана замолчала съ недовольнымъ видомъ и ушла къ себѣ.

— Позвать ко мнѣ цыганку Заиру! приказала она.

Черезъ нѣсколько минутъ старая сморщенная колдунья стояла передъ своею госпожей.

— Что прикажетъ благородная боярыня своей рабѣ? спросила она, смиренно цѣлуя руки госпожи.

— Я разсчитываю на твою вѣрность, Заира, проговорила боярыня. Сейчасъ же соберись въ путь и отправляйся въ Валахію къ женѣ великаго армаша, скажи, чтобы она ко мнѣ прислала немедленно кого-нибудь изъ довѣренныхъ ея людей, кто бы умѣлъ писать и могъ быть моимъ секретаремъ. Скажи ей также, что пріѣхали къ намъ татары и козаки. Только поторопись, время не терпитъ.

На другой день Тимошъ имѣлъ торжественную аудіенцію у князя Василія. Князь изложилъ ему свои планы нападенія на границу Валахіи, занятую войсками, насказалъ много комплиментовъ козацкой храбрости и просилъ какъ можно скорѣе присоединиться къ молдавскимъ войскамъ, уже выступившимъ въ походъ. У Тимоша вытянулось лицо. Онъ думалъ, что будетъ принятъ во дворцѣ, увидитъ прекрасную домну Локсандру; но князь говорилъ съ нимъ холодно вѣжливо, дѣловымъ только тономъ и, повидимому, не имѣлъ никакого намѣренія вводить его въ свою семью. Впрочемъ молодой козакъ не долго горевалъ, возможность показать себя въ ратномъ дѣлѣ вскорѣ заняла всѣ его помыслы и онъ живо собрался въ путь. Въ числѣ лицъ, присутствовашихъ на аудіенціи, были и знакомые намъ паны Кутнарскій и Доброшевскій. Панъ Доброшевскій былъ теперь

чѣмъ то вродѣ секретаря у неизмѣннаго своего товарища, Кутнарскій же велъ частныя дѣла князя и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей врожденной склонности, служилъ ему чѣмъ то вродѣ шута. Господарша часто посылала за нимъ въ тѣ минуты, когда Василій былъ особенно не въ духѣ. Онъ являлся, начиналъ играть съ княземъ въ шахматы или сочинялъ остроты и каламбуры на придворныхъ и къ князю возвращалось доброе расположеніе духа.

Выходя изъ аудіенцъ-залы, Кутнарскій тихо говорилъ своему пріятелю:

— А вѣдь не добре, панъ Доброшевскій! Какъ панъ полагаетъ? Нашему патрону то не на руку.

— Не на руку, пане! мрачно подтвердилъ панъ Доброшевскій.

— А что не на руку? освѣдомился онъ вдругъ, немного помолчавъ.

— Эхъ, голова-то у пана тугая! презрительно замѣтилъ Кутнарскій.

— Развѣ я не говорилъ пану, что князь Дмитрій не любитъ козака Хмельницкаго? Развѣ я не читалъ пану письма князя, послѣ пребыванія домны Локсандры въ Варшавѣ?

— Читалъ, панъ! лаконически подтвердилъ секретарь.

— Ну, и значитъ...

— И значитъ... протянулъ Доброшевскій, недоумѣвая, какой сдѣлать выводъ.

— И значитъ, что у пана куриные мозги, съ досадою проговорилъ Кутнарскій. Зная то, что мы знаемъ, всякій ребенокъ пойметъ, зачѣмъ сюда пріѣхалъ этотъ козакъ. Мы съ паномъ даже знаемъ больше, чѣмъ самъ князь, ну да я открою ему глаза при случаѣ.

Въ тотъ же вечеръ панъ Кутнарскій, приглашенный веселить князя, посматривая на домну Локсандру, завелъ рѣчь о козакѣ. Княжна скромно опустила глаза на вышиванье, дѣлая видъ, что вовсе не слушаетъ разговора, но сердце ея усиленно билось и дрожащіе пальцы невольно путали шелкъ и бисеръ.

— Ужасный народъ эти козаки, разсказывалъ панъ Кутнарскій, козаку ничего не значитъ оскорбить молодую панну, убить ребенка, задушить беззащитную старуху...

Паннѣ Локсандрѣ невольно вспомнился смущенный козакъ, сидѣвшій у ея ногъ и она подумала, что полякъ лжетъ.

— Чтожъ? улыбнулся князь Василій: намъ такихъ бойцовъ и надо.

— А это правда, что Хмельницкій прекрасный наѣздникъ? спросила господарша. Локсандра разсказывала, что онъ ѣздитъ лучше всѣхъ молодыхъ пановъ.

Василій строго взглянулъ на дочь.

— Гдѣ это домна Локсандра научилась оцѣнивать козачьи подвиги въ наѣздничествѣ? рѣзко спросилъ онъ.

Княжна вспыхнула и взглянула на отца.

— Я присутствовала на скачкахъ у великаго канцлера Оссолинскаго, съ достоинствомъ проговорила она: и Тимоѳей Хмельницкій остался на нихъ побѣдителемъ.

— Я искренно сожалѣю, что отпускалъ тебя въ Польшу, съ досадою проговорилъ князь.

— Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть этого козака? проговорила господарша. Ты, вѣдь, пригласишь его къ намъ, Василій? обратилась она къ мужу.

— Пани господарша напрасно желаетъ видѣть грубаго козака, вставилъ Кутнарскій. Эти козаки не знаютъ ни звычая, ни приличія. Онъ ни сѣсть, ни повернуться не съумѣетъ въ княжескомъ дворцѣ.

Княжна съ досадою взглянула на пана.

— Панъ Тимоѳей умѣлъ отлично сидѣть и держать себя за обѣдомъ у великаго канцлера, спокойно возразила она изъ за пялецъ. И даже съумѣлъ отвѣтить на дерзкія выходки князя Вишневецкаго, прибавила она.

Князь Василій даже ротъ открылъ отъ изумленія. Онъ съ минуту молча постоялъ за спиною дочери; потомъ его тяжелая рука опустилась къ ней на плечо, и грозный громовый голосъ глухо раздался подъ сводами залы.

— Локсандра ты забываешься! крикнулъ онъ.

Дѣвушка гордо встала изъ за пялецъ. Она молча посмотрѣла отцу въ глаза и, не говоря ни слова, медленно вышла изъ зала. Господарша послѣдовала за нею.

Панъ Кутнарскій, посмѣиваясь въ усъ, любовался всей этой сценой и съ нескрываемымъ удовольствіемъ смотрѣлъ теперь на взволнованнаго князя, шагавшаго взадъ и впередъ вдоль зала.

— Я имѣю нѣчто доложить его свѣтлости, сказалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

Князь остановился передъ нимъ съ заложенными назадъ руками.

— Говори, панъ! разрѣшилъ онъ.

— Его свѣтлости слѣдовало бы поскорѣе выдать замужъ прекрасную княжну. Я знаю одного изъ знатнѣйшихъ пановъ, который давно по ней вздыхаетъ.

— Кто такой? угрюмо спросилъ князь.

— Извѣстный уже его свѣтлости князь Дмитрій Корибутъ Вишневецкій, потомокъ славныхъ Мнишковъ, близкій родственникъ князя Іереміи.

— Объ этомъ надо подумать, отвѣчалъ князь. Княжна еще молода. Можетъ быть, найдутся женихи и познатнѣе.

— Но все таки его свѣтлость, можетъ быть, разрѣшитъ князю Вишневецкому заслать сватовъ, настаивалъ Кутнарскій.

— Сваты дѣвушкѣ не укоръ... Что же тутъ разрѣшать? уклончиво отвѣтилъ князь.

Вернувшись вечеромъ домой, Кутнарскій усердно принялся расталкивать спавшаго Доброшевскаго.

— Вставай, пане! Слышишь, вставай, дѣло есть! кричалъ онъ ему надъ самымъ ухомъ.

— Дѣло? А, дѣло? Не убѣжитъ, бормоталъ Доброшевскій.

— Ишь, вѣдь, пьяница! ворчалъ Кутнарскій, вытаскивая изъ подъ стола нѣсколько пустыхъ бутылокъ. И гдѣ это онъ ихъ розыскалъ? Кажется я все спряталъ подъ замокъ.

Не долго думая, Кутнарскій взялъ ведро холодной воды и вылилъ на спящаго. Тотъ вскочилъ, какъ встрепанный.

— Панъ всегда позволяетъ себѣ неприличныя шутки! сердито бормоталъ онъ, вытирая лицо и отряхаясь. Такъ можно схватить лихорадку! продолжалъ онъ. И къ чему это будить человѣка среди ночи, когда всѣ добрые католики отдыхаютъ.

— Полно болтать пустяки! сердито остановилъ его Кутнарскій: бери чернило, бумагу и пиши.

— Дай мнѣ хоть переодѣться! возразилъ Доброшевскій.

— Ну, хорошо! только поскорѣе!

Черезъ четверть часа они уже сидѣли за столомъ и при тускломъ свѣтѣ ночника сочиняли посланіе князю Вишневецкому, съ подробнымъ описаніемъ вечера, проведеннаго у молдавскаго господаря; въ припискѣ присовокуплялось слезное прошеніе прислать побольше злотыхъ: господарь скупъ и отъ него многимъ не попользуешься.

ГЛАВА IX.

СВАТОВСТВО.

Тимошъ блистательно исполнилъ свою задачу. Какъ орелъ налетѣлъ онъ на Радула съ его войскомъ, сбилъ и смялъ передовые отрады, ворвался въ Валахію, все уничтожая на пути, и заключилъ чрезвычайно выгодный для князя Василія миръ.

Вернувшись въ Яссы, онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что князь Василій пригласитъ его къ себѣ; но князь одарилъ его всевозможными подарками, окружилъ его полнымъ почетомъ и только.

Между тѣмъ гетманъ прислалъ сыну письмо и прямо приказывалъ ему просить руки Локсандры.

Княжна нѣсколько дней не видѣла отца. Она грустно сидѣла въ своихъ двухъ комнаткахъ и даже избѣгала общества молодыхъ боярышенъ изъ своей свиты. Наконецъ до нея дошли вѣсти о побѣдѣ Тимоша. Она встрепенулась и повеселѣла. Образъ молодаго богатыря постоянно носился передъ нею и теперь она надѣялась вскорѣ его увидѣть. Придворный этикетъ требовалъ, чтобы князь устроилъ для него пиръ, познакомилъ его съ семьею. Князь Василій и самъ хорошо это понималъ, но странное заступничество княжны за молодаго козака не давало ему покоя. „Кто ихъ знаетъ этихъ дѣвушекъ?“ думалъ онъ: „одному Богу извѣстно, что у нея сидитъ въ головѣ“. Наконецъ онъ придумалъ выходъ. Онъ устроитъ въ честь гостя охоту и пиръ въ лѣсу, въ охотничьемъ замкѣ, а Локсандрѣ прикажетъ сидѣть дома... На охотѣ ея отсутствіе никому не бросится въ глаза, и

къ тому же она можетъ отговориться нездоровьемъ. Онъ назначилъ день для охоты, послалъ приглашеніе Тимошу и тогда же объявилъ свое рѣшеніе женщинамъ.

— Это мужская забава! сурово замѣтилъ онъ. Вамъ тамъ нечего дѣлать, вы можете сидѣть дома.

Но тутъ случилось то, чего онъ никакъ не могъ ожидать. Всегда спокойная и уступчивая господарша на этотъ разъ ни за что не хотѣла уступить.

— Я хочу видѣть храбраго козака, который доставилъ намъ побѣду и покрылъ насъ славою, упорно настаивала она.—Хочу сама отблагодарить его. Мы не рабыни, чтобы намъ сидѣть взаперти, какъ преступницамъ, мы ничего не сдѣлали, за чтобы насъ нужно было наказывать.

— Да что вы будете дѣлать на охотѣ? урезонивалъ князь. Еще, пожалуй, медвѣдя или буйвола встрѣтите...

— Медвѣди то сидятъ здѣсь во дворцѣ, сердито возразила господарша: и давятъ насъ своими желѣзными лапами. Говорю тебѣ, Василій, что я хочу быть на охотѣ и буду. Ты не смѣешь меня запирать въ харемѣ.

— Ну, поѣзжай! согласился Василій, только оставь Локсандру дома. Ей то ужъ не для чего видѣться съ козакомъ.

— И Локсандра поѣдетъ! упрямо настаивала господарша. Зачѣмъ ей сидѣть дома? Довольно, что ты и такъ ни за что, ни про что накричалъ на бѣдную дѣвочку. Какая за ней вина? Она ничего дурнаго не сдѣлала. Ее тоже не для чего прятать подъ замокъ.

Василій махнулъ рукой.

— Дѣлай, какъ знаешь! проговорилъ онъ.

Въ рѣшительныхъ случаяхъ господарша всегда брала надъ нимъ верхъ. Онъ ее слишкомъ любилъ и уважалъ, чтобы отнестись къ ней со всею строгостью, какая была въ его власти.

Охота была не обыденнымъ событіемъ при дворѣ господаря. Обыкновенно князь охотился въ извѣстное время года; въ послѣдніе дни великаго поста или передъ Рождествомъ. Она длилась нѣсколько дней, звѣрей затравливали массою и потомъ дѣлили добычу между княземъ и всѣми боярами. Это дѣлалось

для того, чтобы звѣрь не переводился въ лѣсахъ. Вотъ почему охота, назначенная не въ обыденный срокъ, произвела особенное оживленіе въ Яссахъ. Всѣ спѣшили принять въ ней участіе, всѣ къ ней готовились, и боярыни, услышавъ про участіе въ ней господарши и ея падчерицы, наперерывъ упрашивали мужей взять ихъ къ собою.

Блестящее многочисленное общество собралось въ замкѣ. Сеймени, вооруженные шестоперами, въ красивыхъ полукафтаньяхъ, перетянутыхъ блестящими ремнями, богато вооруженные пажи-апроцы въ блестящихъ одеждахъ, княжескіе трабанты съ длинными алебардами и космами заплетенныхъ волосъ, падавшихъ на плечи, множество бояръ въ бархатныхъ и атласныхъ кафтанахъ, вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками, въ качулѣ изъ бѣлыхъ барашковъ на головѣ, на богато убранныхъ коняхъ съ золотыми и серебряными чепраками, со сбруею, горѣвшею золотомъ и каменьями; отроки мосмеги, окружавшіе ихъ, въ одинаковыхъ одеждахъ, и среди всей этой пестроты нѣсколько боярынь и боярышенъ съ разгорѣвшимися отъ удовольствія лицами и блестящими глазами, все имѣло какой то сказочный торжественный характеръ, и Тимошъ невольно залюбовался на эту процессію, когда она двинулась изъ замка.

Князь Василій не представилъ его ни господаршѣ, ни дочери. Это было немного противъ этикета, но онъ считалъ себя выше приличій. Тимошу, вслѣдствіе этого, пришлось только издали любоваться на прекрасную Локсандру и на статную господаршу, ѣхавшую съ нею рядомъ.

Нѣсколько тысячъ крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень оцѣпили огромный лѣсъ, въ которомъ была назначена охота. Между ними установили псарей и тенетщиковъ, а охотники встали плотною цѣпью у поля и въ лощинѣ, куда должны были выгнать звѣря.

Домна Локсандра, господарша и боярыни стояли поодаль, окруженныя своими трабантами.

Раздался звукъ призывнаго рога, затрубили егеря. Крестьяне, вооруженные вилами и кольями, съ крикомъ, гиканьемъ и свистомъ двинулись въ лѣсъ, тенетщики растянули тенета; собаки

рвались и заливались громкимъ лаемъ; но ихъ спустятъ позже, когда появится крупный звѣрь.

Вотъ выскочилъ испуганный заяцъ, за нимъ другой, третій, показалась одна-другая лисица, выбѣжалъ молодой лось, взрывая ногами рыхлый снѣгъ на бѣгу; сердца охотниковъ не выдержали, дрогнули, одинъ за другимъ бояре помчались за дичью, слѣдуя примѣру князя, тоже страстнаго охотника... Лѣсъ загудѣлъ, затрепеталъ; никто уже не думалъ о заранѣе составленномъ планѣ, всякій дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, выслѣживая и преслѣдуя звѣря.

Господарша съ Локсандрой тоже поскакали въ лѣсъ, слѣдуя ихъ примѣру, разсѣялись по лѣсу и боярыни. Княжнѣ было привольно скакать на свѣжемъ морозномъ воздухѣ. Она смѣялась, какъ ребенокъ, когда при быстрой ѣздѣ на нее валились съ вѣтвей хлопья снѣгу, или когда конь ея скакалъ по колѣна въ снѣгу, перепрыгивая черезъ мелкій валежникъ и какъ вихрь взносился на холмы. Княжна опередила свою мачиху и теперь, обернувшись и замѣтивъ, что она ѣдетъ одна, тихо опустила поводья, задумчиво склонясь въ сѣдлѣ.

Вдругъ напротивъ нея за столѣтнимъ дубомъ показалось что-то черное, громадное. Конь ея захрапѣлъ и шарахнулся назадъ. Она не успѣла опомниться, какъ громадный саженный медвѣдь вышелъ изъ за дерева и, ставъ на заднія лапы, глухо зарычалъ...

Локсандра не была изъ трусливыхъ, она выросла среди этихъ лѣсовъ, но, увидя раскрытую пасть звѣря и его блестящіе зубы, она невольно поблѣднѣла, стараясь повернуть коня назадъ и разсчитывая спастись бѣгствомъ. Конь, однако, точно окаменѣлъ, онъ фыркалъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не трогался съ мѣста, несмотря на всѣ усилія княжны. А между тѣмъ громадный звѣрь, находившійся шагахъ въ пятидесяти, медленно приближался съ ужаснымъ ревомъ, поднявъ переднія лапы и не спуская глазъ со своей жертвы.

Въ это мгновеніе съ противоположной стороны послышался топотъ и за спиною звѣря, уже прошедшаго половину разстоянія, въ началѣ отдѣлявшаго его отъ княжны, показался всадникъ.

Княжна чувствовала, что силы ее оставляютъ. Помутившійся взоръ ея не могъ различить всадника, но въ послѣдній моментъ, теряя уже сознаніе, она подумала, что будетъ спасена. За то всадникъ узналъ княжну.

— Локсандра! крикнулъ онъ и какъ безумный соскочилъ съ коня. Умный татарскій баксмеръ всталъ какъ вкопанный и рылъ копытомъ землю, похрапывая время отъ времени. А отважный боецъ быстро шелъ впередъ, рѣшаясь одинъ на одинъ схватиться съ медвѣдемъ. Онъ крѣпко сжималъ въ рукѣ рукоять ножа, выхваченнаго изъ за пояса и пристально смотрѣлъ въ глаза звѣря, медленно обернувшагося и шедшаго теперь прямо на свою новую жертву. Медвѣдь былъ уже отъ него шагахъ въ четырехъ; звѣрь, видимо, колебался, пристальный блестящій взоръ охотника приводилъ его въ смущеніе, тѣмъ не менѣе онъ ступилъ еще шагъ впередъ и поднялъ свои огромныя лапы, чтобы своротить противнику черепъ. Въ эту минуту Тимошъ ловкимъ быстрымъ движеніемъ отскочилъ немного влѣво и, прежде чѣмъ медвѣдь успѣлъ повернуться къ нему, наклонился и распоролъ ему животъ. Медвѣдь грохнулъ на землю, а Тимошъ, не взглянувъ даже на чудовище, подбѣжалъ къ полумертвой княжнѣ. Онъ бережно снялъ ее съ коня и, держа, какъ ребенка, въ своихъ рукахъ, прикладывалъ къ вискамъ снѣгъ.

Княжна открыла глаза.

— Панъ Тимошъ! воскликлнула она съ изумленіемъ. А гдѣ же медвѣдь?

— Не безпокойся, княжна! отвѣчалъ козакъ, бережно ее ставя на землю и, стараясь притоптать глубокій снѣгъ. Вотъ онъ! теперь онъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ! и онъ указалъ на страшное чудовище, во всю длину растянувшееся на снѣгу.

Княжна невольно содрогнулась.

— Какой огромный! прошептала она въ ужасѣ. И вы убили его! Какой же вы храбрый и сильный, вы точно сказочный витязь! Я удивляюсь вамъ и... и... заикнулась она и зардѣлась.

— Говори дальше, княжна, говори все, что у тебя на душѣ! въ волненіи проговорилъ Тимошъ и схватилъ ея руки.

— Нѣтъ, всего вамъ не нужно знать, кокетливо отвѣчала она, не отнимая рукъ.

— Скажи мнѣ только одно слово, княжна! просилъ Тимошъ. Я пріѣхалъ сюда для тебя, я ждалъ увидѣться съ тобой, не могъ дождаться этого желаннаго часа... Скажи мнѣ только одно слово: хочешь ли ты быть моей женой?

Локсандра вспыхнула и потупилась.

— Отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ, серьезно сказала она. Помнили ли вы обо мнѣ эти два года, думали ли, хотѣли ли меня видѣть. И если да, чего вы ждали цѣлыхъ два года?

Тимошъ смутился. Вопросъ засталъ его врасплохъ. Онъ не могъ лгать этой дѣвушкѣ: она была для него чѣмъ то чистымъ, высокимъ, святымъ.

— Нѣтъ, княжна! отвѣчалъ онъ. Пока я тебя не видѣлъ, я мало думалъ о тебѣ. Нашему брату—козаку не всегда время думать о женщинахъ.

— Вотъ видите! печально проговорила она. А я о васъ и думала, и мечтала, и во снѣ васъ видѣла. Значитъ ваша любовь ко мнѣ не очень то сильна и лучше будетъ, если вы обо мнѣ совсѣмъ забудете. Отецъ никогда не согласится меня отдать за васъ, а изъ его воли я не выйду.

Тимошъ печально опустилъ голову.

— А если твой отецъ согласится? Выйдешь за меня?

Локсандра взглянула ему въ глаза, и тихо высвободивъ свои руки, твердо сказала:

— Я ни за кого не пойду, кромѣ васъ.

Тимошъ схватилъ ее на руки и какъ ребенка прижалъ къ груди.

— Радость ты моя свѣтлая, за что на меня такое счастье свалилось съ неба.

— За то, что ты витязь! прошептала она, обвивъ его шею руками.

Онъ тихо прильнулъ къ ея губамъ и прошепталъ:

— Теперь то ты моя нареченная невѣста, никому тебя не отдамъ.

Вдали послышался топотъ приближающихся всадниковъ и

Тимошъ бережно посадилъ княжну въ сѣдло, а самъ отошелъ къ медвѣдю, стараясь подавить въ себѣ охватившее его волненіе.

На полянѣ показался князь Василій, господарша и ихъ свита.

— Локсандра! мы тебя ищемъ по всему лѣсу. Зачѣмъ забралась ты въ такую глушь? Что это? съ испугомъ проговорилъ онъ, увидавъ убитаго медвѣдя и наклоненнаго надъ нимъ охотника.

— Меня бы растерзалъ медвѣдь, еслибъ панъ Хмельницкій не убилъ его! Смотри, отецъ, какой страшный звѣрь!

Всѣ спѣшились, окружили Тимоша и звѣря, удивлялись величинѣ медвѣдя, хвалили неустрашимость охотника, рѣшившагося одинъ на одинъ, безъ вилъ и рогатины, состязаться съ такимъ звѣремъ. Только одинъ князь Василій холодно поблагодарилъ козака и подозрительно посмотрѣлъ на разгорѣвшееся лицо дочери и на блестѣвшіе глаза Тимоша. „Охъ, ужъ мнѣ эти непрошенные витязи“ думалъ онъ съ досадою, „а все бабьи капризы, не слушать бы мнѣ жены, было бы спокойнѣе“.

Охота была очень удачною, затравили много мелкаго звѣря, лисицъ, волковъ, зайцевъ, кроликовъ, убили нѣсколько вепрей, двухъ буйволовъ и трехъ медвѣдей; изъ нихъ медвѣдь Тимоша занималъ первое мѣсто по величинѣ и возрасту.

На пиру въ охотничьемъ замкѣ Тимошъ улучилъ минуту и подошелъ къ господарю.

— Мнѣ надо тебѣ сказать два слова, князь! смѣло промолвилъ онъ.

Василій повелъ его въ маленькую башенку, слабо освѣщенную луннымъ свѣтомъ.

— По нашему обычаю, князь, началъ Тимошъ, когда хлопецъ хочетъ сосватать дивчину, онъ долженъ заслать сватовъ. У меня сватовъ нѣтъ, такъ позволь мнѣ самому открыть тебѣ свое сердце. Я люблю твою дочь, князь! Хоть я и не знатнаго рода, но отецъ мой, мощный гетманъ, повелѣваетъ сотнями тысячъ храбрыхъ воиновъ. Если ты мнѣ отдашь Локсандру, и мое оружіе, и оружіе моего отца защитятъ тебя отъ твоихъ враговъ.

Василій готовъ былъ разразиться гнѣвомъ на дерзкаго козака, но его дипломатическая натура одержала верхъ надъ чувствами отца. Онъ быстро сообразилъ всѣ невыгоды своего

положенія: козаки народъ опасный, а съ ними пришли еще и татары, они только что показали чудеса храбрости, что если вдругъ, оскорбленные отказомъ, они перейдутъ на сторону его врага. Князь моментально придалъ своему лицу самое любезное выраженіе и со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ разсыпался въ похвалахъ молодому витязю.

— Я несказанно польщенъ предложеніемъ храбраго пана Хмельницкаго, проговорилъ онъ; хотя и удивляюсь, какъ могъ панъ такъ быстро полюбить мою дочь, она еще почти дитя, ей рано думать еще о замужествѣ. Пусть панъ Хмельницкій подождетъ еще годъ—другой, и если чувства его тогда не измѣнятся, быть можетъ, Локсандра и предпочтетъ стать козачкою. У нея всегда были странные вкусы! прибавилъ онъ съ досадою въ голосѣ.

Но спохватившись, тотчасъ же опять разсыпался въ любезностяхъ, благодаря Тимоша за спасеніе дочери.

ГЛАВА X.

ОТЦОВСКІЙ ВЫБОРЪ.

На, слѣдующій день Тимошъ получилъ письмо отъ отца. Богданъ приказывалъ ему какъ можно торопиться съ отъѣздомъ, такъ какъ предстояло опять биться съ ляхами. „Надѣюсь,“ писалъ онъ между прочимъ въ письмѣ, „что ты привезешь съ собою молодую жинку, на что заранѣе посылаю тебѣ мое отеческое благословеніе.“ Тимошу ничего другаго не оставалось, какъ откланяться; ему даже не удалось проститься съ Локсандрою, и только передъ самымъ отъѣздомъ, когда онъ уже садился на коня, смуглая молодая цыганка подбѣжала къ нему и сунула ему въ руку чистенько написанное письмо, замысловато сложенное въ нѣсколько уголковъ. Дочь Лупула, не въ примѣръ прочимъ боярышнямъ, была обучена грамотѣ, и Тимошъ съ удовольствіемъ прочелъ четко написанную записочку, пропитанную запахомъ сушенаго розмарина и фіалки.

„Прощай, мой рыцарь, писала Локсандра, я твоя на вѣки, и никакія силы земныя и небесныя не заставятъ меня выйти за другаго. Не вѣрь отцу: онъ обманываетъ тебя; онъ очень гнѣвался на меня и велѣлъ мнѣ выкинуть тебя изъ головы“.

Тимошъ поблѣднѣлъ и закусилъ губы; онъ и раньше не довѣрялъ Лупулу, теперь получилъ доказательство его лицемѣрія.

Когда онъ выѣзжалъ изъ воротъ замка и въ послѣдній разъ взглянулъ на окна своей невѣсты, одно изъ оконъ башни харема открылось, и онъ увидѣлъ стройную фигуру Локсандры, махавшую ему платкомъ. Лицо ея было блѣдно, глаза заплаканы... Когда Тимошъ снялъ шапку и почтительно ей поклонился, она закрыла лицо руками.

— Подожди, моя голубка! прошепталъ Тимошъ: не даютъ тебя добромъ, такъ я возьму силою!

Князь Василій вздохнулъ свободно, когда непрошенный женихъ убрался восвояси. Онъ позвалъ къ себѣ Кутнарскаго.

— Панъ Кутнарскій состоитъ въ перепискѣ съ княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ? спросилъ онъ его дѣловымъ тономъ.

— Съ соизволенія вашей свѣтлости, да! отвѣчалъ тотъ, насторoживъ уши.

— Онъ можетъ извѣстить князя, что мы разрѣшаемъ ему свататься за дочь нашу, княжну Локсандру. А конфиденціально панъ можетъ прибавить, чтобы князь поторопился, такъ какъ есть другой претендентъ, намъ крайне нежелательный, но онъ можетъ насъ силою заставить согласиться.

— Хмельницкій? быстро спросилъ панъ.

— Да, сердито отвѣчалъ Василій.—Этотъ козакъ упалъ мнѣ, какъ снѣгъ на голову. Если панъ поможетъ мнѣ отъ него избавиться, я не забуду такой услуги.

— Въ точности исполню приказаніе вашей свѣтлости! съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Кутнарскій: осмѣлюсь только замѣтить: ея свѣтлость княжна можетъ не пожелать выйти за князя.

— Княжна сдѣлаетъ то, что я ей прикажу! сурово замѣтилъ князь и отпустилъ Кутнарскаго.

Пану Доброшевскому опять пришлось писать посланіе къ князю, и посланіе это въ самый день отъѣзда Тимоша отправ-

лено было черезъ Янкеля съ помощью пантофельной почты въ Варшаву. Оно опередило Тимоша съ его отрядомъ на цѣлыхъ три дня. Князю Дмитрію, числившемуся въ отрядѣ князя Іереміи, ничего не стоило получить отпускъ, и онъ въ сопровожденіи небольшой свиты ускакалъ въ Яссы прежде чѣмъ Тимошъ вернулся домой.

Тимошъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и быстро вошелъ къ отцу, сидѣвшему за своей сложной корреспонденціей. Онъ только что заключилъ союзъ съ Турціею и принялъ подарокъ султана: драгоцѣнную саблю, гетманскую булаву и знамя. Эти клейноты красовались въ его свѣтлицѣ и онъ съ удовольствіемъ на нихъ посматривалъ.

— Здоровъ будь, сынку! весело встрѣтилъ онъ Тимоша. Ну, каковы твои дѣла?

— Плохи, татко! отвѣчалъ Тимошъ и подробно разсказалъ о своемъ неудачномъ сватовствѣ.

По мѣрѣ того какъ Богданъ его выслушивалъ, лицо его становилось мрачнѣе, наконецъ онъ не вытерпѣлъ и, сжимая кулаки, вскричалъ:

— Ахъ, онъ вражій сынъ! Въ бѣдѣ такъ къ первому къ гетману обратился; а миновала бѣда, гетманскимъ сыномъ гнушается! Да какого же ему чорта еще нужно въ зятья, если Тимошъ не хорошъ? Слушай, сынку! прибавилъ онъ взволнованно, видишь эти клейноты,—это залогъ моей дружбы съ султаномъ, а съ этою дружбою мнѣ никто не страшенъ, не только что этотъ князекъ со своимъ ничтожнымъ княжествомъ; мы его въ порошокъ сотремъ и возьмемъ невѣсту силою. Завтра же пошлю къ нему гонца съ письмомъ да припугну его хорошенько. А теперь пойдемъ спать, а утромъ тебѣ я новость скажу, едва ли она тебя порадуетъ.

Тимошъ очень усталъ; хотя его и занимало, что за новость ему на завтра сообщитъ отецъ, тѣмъ же менѣе онъ не много объ этомъ думалъ и, повернувшись на бокъ, крѣпко заснулъ.

Ожидавшая его новость, дѣйствительно, была для него непріятна. Зелима пришла въ Украину, разсчитывая видѣться съ Тимошемъ. Многіе ее видѣли, но никто не зналъ, гдѣ и у кого

она живетъ. Богдану же она старалась не попадаться на глаза.

— Жди, сынку, что эта татарка надѣлаетъ тебѣ много бѣдъ! Только бы мнѣ удалось ее изловить, ужъ отправлю я ее обратно въ гаремъ.

Тимошъ попалъ въ положеніе человѣка, ожидающаго нападенія изъ за угла, и нѣсколько дней прошли для него въ сильной тревогѣ; но Зелима не являлась и онъ рѣшилъ, что она оставила его въ покоѣ.

Маленькій, уютный чигиринскій домикъ Богдана утопалъ въ зелени только что распустившихся ветелъ и душистыхъ тополей. Богдана не было дома, а Тимошъ сидѣлъ на заваленкѣ и задумчиво смотрѣлъ, какъ дѣти полоскались въ лужѣ на грязной площади и кормили кукурузой гусей и утокъ.

Вдругъ изъ за угла дома кто то окликнулъ его по имени. Онъ обернулся, передъ нимъ стояла молодая козачка съ смуглымъ лицомъ и огненными глазами.

— Зелима! невольно вскрикнулъ Тимошъ и почувствовалъ какъ вся кровь отхлынула у него отъ сердца.

Передъ нимъ, дѣйствительно, стояла Зелима; она сильно похудѣла; глаза ея горѣли нездоровымъ блескомъ; но лицо стало мужественнѣе, энергичнѣе, вся фигура дышала силою и страстью.

— Желанный мой! прошептала она, бросаясь къ Тимошу: наконецъ-то я опять вижу твои ясныя очи. Какъ долго, какъ долго я съ тобою не видалась!

Тимошъ собралъ все присутствіе духа и тихо высвободился изъ ея объятій.

— Зачѣмъ ты здѣсь, Зелима? тебя ищутъ въ Бахчисараѣ, отцу моему были непріятности изъ за твоего побѣга.

Зелима съ рыданіями бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Не гони меня! О, не гони меня! ломая руки, молила она. Не женись на мнѣ, если не хочешь, мнѣ все равно, только не гони меня отъ себя, не смотри на меня такъ сурово. Я слышала, ты хочешь жениться на красивой молдаванкѣ. Женись, я не буду тебѣ мѣшать, только оставь меня при себѣ. Живутъ же у насъ въ гаремахъ невольницы и ханумъ. Я буду твоею

невольницею, буду служить твоей ханумъ, няньчить твоихъ дѣтей, только бы мнѣ видѣть тебя, быть близко къ тебѣ.

— Ты съ ума сошла, Зелима! внѣ себя проговорилъ Тимошъ. Развѣ я магометанинъ, чтобы держать гаремъ. Это грѣхъ, за это Богъ накажетъ...

— Никакого грѣха нѣтъ! доказывала Зелима. У насъ тоже есть Богъ, мы тоже Ему молимся и Онъ насъ за это не наказываетъ.

— Не можно этого, не можно! Меня ужъ и такъ наказываетъ Богъ за то, что я сошелся съ тобою. Слушай, Зелима, ступай тотчасъ отсюда! Сейчасъ придетъ отецъ, если онъ увидитъ тебя здѣсь, онъ схватитъ тебя и отправитъ въ Крымъ, уходи скорѣе, если тебѣ дорога твоя свобода! Я не хочу тебѣ зла, но сердце мое остыло къ тебѣ.

Зелима поблѣднѣла и затряслась.

— А, невѣрный гяуръ! прошептала она: ты грозишь мнѣ неволею, хорошо же, отнынѣ я буду тебѣ мстить, какъ злой духъ, я буду тебя преслѣдовать и не быть тебѣ счастливымъ, пока я жива! Да отомститъ тебѣ Аллахъ за то, что ты погубилъ Зелиму!

Быстро она скрылась за домомъ, Тимошъ ее не преслѣдовалъ; въ глубокомъ раздумьѣ онъ опустилъ голову и даже не слышалъ, какъ подошелъ его отецъ.

— Гей сынку! Что ты голову повѣсилъ? весело проговорилъ Богданъ, ударивъ сына по плечу.

— Зелима здѣсь была! отвѣчалъ тотъ угрюмо.

— Что же, ты схватилъ ее, она теперь въ нашихъ рукахъ? спросилъ гетманъ.

— Нѣтъ, татко! отвѣчалъ Тимошъ.

— Какъ? ты далъ ей уйти отсюда? съ сердцемъ проговорилъ Богданъ.—Дурень же ты, хлопецъ! Ну, да не уйдетъ она отъ меня, я тотчасъ пошлю козаковъ на розыски.

Розыски оказались, однако, тщетными. Зелима какъ въ воду канула. Ребятишки видѣли, какъ она уходила отъ дома Богдана, увѣряли, что она направлялась за городъ; но куда она дѣлась, никто не зналъ.

— Пусть ее, татко! замѣтилъ Тимощь: она не будетъ теперь ко мнѣ больше лѣзть. А мести ея я не боюсь.

Князь Дмитрій благополучно прибылъ въ Яссы и, остановясь въ корчмѣ у Янкеля, послалъ его за Кутнарскимъ. Панъ не замедлилъ явиться.

— Честь имѣю поздравить князя съ благополучнымъ пріѣздомъ! проговорилъ онъ съ поклономъ. Господарь ждетъ, не дождется князя; а будущая невѣста всѣ глаза проглядѣла! сказалъ онъ, подмигивая.

— Судя по письмамъ пана, я не слишкомъ то этому вѣрю, отвѣтилъ князь; но это ничего, я надѣюсь завоевать сердце княжны, женское сердце вѣдь всегда отзывчиво.

— Искренно желаю полнаго успѣха князю! замѣтилъ Кутнарскій: но, придерживаясь истины, считаю долгомъ предупредить, что сердце молодой княжны сильно занято козакомъ. А пока женщина занята однимъ, надъ нею трудно одержать побѣду.

Князь высокомѣрно улыбнулся.

— Мнѣ не впервой приходится имѣть дѣло съ женскимъ сердцемъ, и совѣты пана напрасны.

— Еще одну новость позволю передать князю: гетманъ прислалъ гонца съ письмомъ къ князю Василію. Завтра этому гонцу будетъ дана аудіенція.

Князь Дмитрій надменно поднялъ голову.

— Пусть его шлетъ гонцовъ! Съ этими хлопами мы скоро расправимся! Не даромъ князь Іеремія поднялся на нихъ со своею крылатою ратью. Угрозы ихъ не страшны, особенно когда я завладѣю сердцемъ Локсандры, а въ этомъ я увѣренъ.

На другое утро князь Василій засѣдалъ въ совѣтѣ и, покончивъ съ текущими дѣлами, приказалъ позвать посла отъ гетмана.

Члены совѣта переглянулись; только одинъ великій канцлеръ сидѣлъ неподвижно, скромно потупивъ взоръ. Оба губернатора Верхней и Нижней Молдавіи, великій вистерникъ или казначей, великій пагарникъ или оберъ-мундшенкъ, великій

гетманъ арміи, великій меченосецъ, всѣ насторожили слухъ, съ любопытствомъ смотря на большой пакетъ съ восковою печатью, висѣвшею на снуркѣ. Господарь вскрылъ конвертъ.

„Любезному брату нашему и другу, его свѣтлости господарю всей Молдавіи, писалъ гетманъ, могущественному и храброму князю Василію отъ великаго гетмана Малой Россіи и всего войска Запорожскаго. Желаемъ тебѣ, князь, всякаго здравія на многія лѣта, а также всей семьѣ и роду твоему. Да будетъ вѣдомо тебѣ, князь, что любезный сынъ нашъ Тимоѳей прибылъ къ намъ сего числа и передалъ намъ, что ты, князь, не хочешь отдать за него дочери твоей Локсандры. На это мы имѣемъ отвѣтить твоей свѣтлости, что храбрый и доблестный сынъ нашъ вполнѣ заслужилъ руку дочери твоей, такъ какъ сражался за тебя и спасъ тебя отъ враговъ твоихъ, и это твоей свѣтлости слѣдуетъ цѣнить и помнить. Какъ подобаетъ по древнему славянскому обычаю я пришлю къ тебѣ, князь, сватовъ, а ты прими ихъ съ честью и безъ отговорокъ дай свое согласіе на бракъ дочери твоей съ сыномъ моимъ Тимоѳеемъ. Если же этого не будетъ, то я буду говорить иначе и пошлю не двухъ сватовъ, а цѣлыхъ сто тысячъ“.

Когда князь Василій, окончивъ чтеніе, складывалъ грамоту, руки его дрожали, а взоры метали молніи.

— Честные и вѣрные бояре наши! проговорилъ онъ, обращаясь къ совѣту. Хотя это и дѣло семейное, но я не дерзнулъ его утаить отъ васъ, моихъ совѣтниковъ и помощниковъ. Вы слышали, что предлагаетъ мнѣ этотъ самозванный гетманъ, ведущій къ погибели свою родину. Неужели мнѣ отдать на поруганіе мою милую, любимую Локсандру изъ за того только, что она полюбилась его сыну? Онъ грозитъ мнѣ мщеніемъ, если я не приму его предложенія; но развѣ не хватитъ у насъ силъ защитить себя отъ козацкой шайки?

Бояре де Сфатъ въ молчаніи смотрѣли другъ на друга, никто не рѣшался заговорить первымъ. Наконецъ гетманъ возвысилъ голосъ:

— А почему ваша свѣтлость считаете храбраго витязя, разрѣшившаго недавно наши затрудненія, недостойнымъ той

награды, которую онъ проситъ? Молодой Тимоѳей Хмельницкій завладѣлъ всѣми нашими сердцами. Такого храбраго воина и такого благороднаго рыцаря не часто можно встрѣтить, и притомъ онъ спасъ жизнь княжнѣ.

— И мы, ваша свѣтлость, прибавили губернаторы Верхней и Нижней Молдавіи, осмѣливаемся замѣтить, что для страны было бы величайшимъ несчастіемъ вторженіе такихъ испытанныхъ въ бою воиновъ, съ какими мы еще недавно бились рядомъ. Страна истощена двухлѣтними неурожаями, засухою, саранчею, моровымъ повѣтріемъ. Откуда взять средствъ для новой войны? Чѣмъ возмѣстить убытки, которыя страна понесетъ отъ непріятельскаго опустошенія.

Князь Василій съ возростающимъ гнѣвомъ слушалъ эти возраженія. Онъ едва сдерживался и не далъ боярамъ договорить.

— Бояре позабыли, крикнулъ онъ громовымъ голосомъ: что я господинъ своей страны. Вотъ уже десять съ лишкомъ лѣтъ, какъ я работаю на пользу и благо ея... Временный неурожай или саранча ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми благами, какія я предоставилъ ей въ періодъ моего управленія... Я не потерплю, чтобы семья моя покрылась безчестіемъ и заставлю васъ поддержать славу моего дома...

Онъ всталъ въ волненіи и закрылъ засѣданіе, удалившись во внутренніе покои.

Бояре съ сумрачными лицами тоже встали изъ за стола.

— Лупулъ, настоящій Лупулъ! проговорилъ вистерникъ. Что ты думаешь объ этомъ, Георгица?

— Тоже, что и всѣ, уклончиво отвѣчалъ канцлеръ: мы сами во всемъ виноваты, если волку дать волю, онъ передушитъ всѣхъ овецъ!

— И что онъ такъ кичится своею дочерью? сказалъ губернаторъ Верхней Молдавіи, убирая въ чехолъ свой позолоченный жезлъ. Если бы еще родъ его славился древностью; если бы онъ былъ потомокъ славнаго Стефана? или по крайней мѣрѣ пажа его, Могилы? А то выходецъ, больше самозванецъ, чѣмъ малороссійскій гетманъ, потому что и пріобрѣлъ то престолъ не оружіемъ, а подкупомъ... Чѣмъ тутъ кичиться?

— Да, со вздохомъ сказалъ гетманъ: бѣдная наша страна! Ради каприза этого тирана она опять обагрится кровью, опять застонетъ подъ мечомъ и огнемъ непріятельскаго вторженія...

— Однако, благородные бояре, горю не поможемъ слезами и вздохами. Надо придумать что нибудь болѣе дѣйствительное...

— Мой совѣтъ настоять на томъ, чтобы господарь выдалъ дочь свою за молодаго козака! рѣшительно замѣтилъ вистерникъ.

— А какъ на этомъ настоять? иронически замѣтилъ Георгица. Кто изъ насъ посмѣетъ теперь заговорить съ нимъ объ этомъ? Я, по крайней мѣрѣ, не рѣшусь.

Всѣ въ смущеніи примолкли и стали расходиться.

Придя домой, Стефанъ со смѣхомъ разсказалъ женѣ, что за домну Локсандру сватается именитый женихъ, украинскій козакъ Тимошъ.

— Господарь и рветъ, и мечетъ, смѣялся онъ. Наши умныя головы, совѣтники, тоже рвутъ и мечутъ только изподтишка. Вотъ еслибъ теперь натравить еще трансильванскаго князя, чтобы онъ доложилъ обо всемъ Портѣ, а Порта, говорятъ, теперь въ дружбѣ съ Хмельницкими: вотъ была бы потѣха! прибавилъ онъ, многозначительно посматривая на жену.

Онъ всегда говорилъ намеками, и жена его умѣла понимать эти намеки.

Въ тотъ же день юркая Заира уже скакала въ Трансильванію съ тайнымъ порученіемъ боярыни къ одной изъ ея бывшихъ подругъ, вышедшей замужъ за семиградскаго вельможу.

ГЛАВА XI.

СЕСТРЫ.

Въ Ясскомъ замкѣ шли приготовленія къ большимъ торжествамъ, цѣлому ряду увеселеній, которыми князь Василій собирался отпраздновать пріѣздъ своей старшей дочери, княгини Радзивиллъ. Княгиня разсчитывала провести у отца нѣсколько недѣль и уже три дня подрядъ ее ждали съ часу на часъ,

нѣсколько разъ въ день высылали на встрѣчу гонцевъ, и блестящая свита цѣлыми часами должна была дежурить во дворцѣ, такъ какъ князь отецъ хотѣлъ устроить дочери торжественную встрѣчу.

Князь Дмитрій сдѣлался въ замкѣ совсѣмъ домашнимъ человѣкомъ. Въ первый его визитъ князь Василій долго бесѣдовалъ съ нимъ съ глазу на глазъ и, какъ казалось князю Дмитрію, былъ съ нимъ вполнѣ откровененъ.

— Я знаю, говорилъ онъ ему: вы пылкіе юноши, всегда готовы торопиться, вы всего хотите достичь сразу, безъ труда и усилія. Положимъ, что я и принудилъ бы Локсандру за васъ выйти замужъ, это въ обычаяхъ страны, и никто меня за это не осудилъ бы; часто у насъ невѣста и въ лицо не знаетъ жениха и въ первый разъ его видитъ въ церкви... Но чтобы изъ этого вышло? Жить съ нею вамъ придется не въ Молдавіи, а въ Польшѣ; ваши женщины свободны, подвижны, дѣлаютъ, что хотятъ, заводятъ любовниковъ и гордятся ими... Локсандра и здѣсь слишкомъ своевольна, а тамъ она вамъ отплатила бы за принужденіе невѣрностью... Вотъ почему мой совѣтъ: поживите у насъ, потерпите до поры до времени, продолжите вашъ отпускъ, если нужно, еще на мѣсяцъ, и постарайтесь изгладить изъ сердца моей дочери образъ того, кто ворвался непрошенный въ ея молодую душу и такъ сильно овладѣлъ ею, что даже время не помогло ей забыть его.

Князь Дмитрій невольно соглашался съ доводами стараго господаря и, широко воспользовавшись его позволеніемъ, сталъ бывать каждый день, по цѣлымъ часамъ просиживая съ женщинами. Въ первое время Локсандра дичилась его; но онъ былъ очень остороженъ и, повидимому, ей удѣлялъ столько же вниманія, какъ ея мачихѣ и молодымъ боярышнямъ свиты. Скука и однообразіе замкнутой дворцовой жизни заставляли цѣнить общество молодаго образованнаго князя. У Дмитрія былъ пріятный голосъ и онъ недурно пѣлъ романсы и баллады, аккомпанируя себѣ на арфѣ. Часто и Локсандра съ нимъ пѣла вмѣстѣ, и ихъ молодые свѣжіе голоса пріятно сливались въ гармоническое цѣлое. Дмитрій былъ живой, веселый собесѣдникъ, вы-

думывалъ для боярышенъ всевозможныя игры или составлялъ имъ рисунки для ихъ изящныхъ вышиваній. Локсандра освоилась и сдружилась съ нимъ, а князь Василій втихомолку потиралъ себѣ руки отъ удовольствія. Только одна господарша сторонилась молодаго поляка, отвѣчая холодностью на его любезную предупредительность и стараясь избѣгать его общества.

Теперь, по случаю ожидаемаго пріѣзда княгини Радзивиллъ, князь Дмитрій уже нѣсколько дней жилъ въ замкѣ и тоже съ нетерпѣніемъ ждалъ княгини; съ ней должна была пріѣхать ея свита, а князю уже порядкомъ надоѣло молдавское общество, къ которому онъ былъ прикованъ по необходимости.

Наконецъ прискакалъ запыхавшійся пажъ и доложилъ, что княгиня изволитъ приближаться къ Яссамъ.

Все засуетилось и задвигалось. Скороходы заняли свои мѣста впереди шествія, блестящая конница съ крылатыми шлемами выступала за ними, предшествуемая знаменемъ; за нею двигались знаменитые константинопольскіе и сорокскіе скороходы, калараси и имблаторы, за ними несли бунчуки, наконецъ ѣхалъ самъ князь съ старшимъ сыномъ своимъ Іоанномъ и двоюроднымъ племянникомъ, отчаяннымъ кутилой, грозою всѣхъ боярынь и боярышенъ. Князя окружали пейки въ богатыхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ серебряными кушаками. Немного отступя, ѣхала господарша съ дочерью на красиво убранныхъ лошадяхъ, окруженная своими тѣлохранителями. Потомъ слѣдовали разные придворные чины: комисіи, ватавы, булугбаши, камериры, виночерпіи, медельничары. Затѣмъ несли большое знамя, дарованное князю султаномъ, шла янычарская музыка, армаши и шествовали всѣ чины бояръ сперва служащихъ, а затѣмъ отставныхъ. Сзади слѣдовала толпа прислуги княжеской и боярской и народъ, собравшійся посмотрѣть на торжественное шествіе князя.

Княгиня Радзивиллъ въ богатомъ экипажѣ, запряженномъ въ двѣнадцать паръ коней, окруженная блестящею свитою, быстро неслась на встрѣчу отцу. Ея всегдашняя холодная разсудительность на этотъ разъ исчезла при видѣ родныхъ горъ, роднаго города, расположеннаго у подошвы холмовъ и кокетливо смотрѣвшагося своими садами въ быструю рѣку. Княгиня вышла

изъ экипажа, бросилась въ объятія отца и долго не могла промолвить ни слова отъ охватившаго ее волненія.

Локсандра соскочила съ коня и пересѣла въ экипажъ сестры, братъ, отецъ и мачиха поѣхали рядомъ. Не было конца веселымъ распросамъ и съ той, и съ другой стороны.

— А гдѣ же князь Дмитрій? спросила княгиня. Я привезла ему цѣлую кучу поклоновъ. Наши дѣвицы совсѣмъ разгнѣвались на тебя, Локсандра, что ты отняла отъ нихъ такого ловкаго кавалера.

Локсандра потупилась.

Князь Василій отдалъ приказаніе пригласить Вишневецкаго, ѣхавшаго назади среди вельможъ и бояръ. Князь Дмитрій подъѣхалъ, почтительно снялъ шапку и весело поздравилъ княгиню съ пріѣздомъ. Она милостиво ему дала поцѣловать свою руку и погрозила розовымъ пальчикомъ.

— Князь загостился въ Яссахъ! лукаво сказала она ему.

— Что дѣлать, княгиня? отвѣтилъ онъ, взглянувъ на Локсандру. Меня удерживаетъ здѣсь могучій магнитъ и я противъ воли являюсь неисправнымъ воиномъ.

Веселая процессія двинулась къ собору, гдѣ князь желалъ отслужить благодарственное молебствіе.

Только что они вступили въ ограду, ряды конницы, скороходовъ и войска быстро встали по обѣ стороны шпалерами и пропустили княжескую семью и свиту. На паперти ихъ встрѣтилъ митрополитъ съ соборнымъ духовенствомъ, съ крестомъ и святою водою. Когда князь и семья его приложились къ кресту и приняли окропленіе, митрополитъ ввелъ ихъ въ церковь, гдѣ они поклонились мѣстнымъ образамъ, князь занялъ особое устроенное для него мѣсто у праваго столба, обнесенное красивою позолоченною рѣшеткою съ княжескимъ гербомъ; надъ балдахиномъ была корона съ образомъ св. Василія. Слѣва, напротивъ князя находилось такое же мѣсто, но пониже для его сыновей. Господарша же съ дочерьми помѣстились на особомъ возвышеніи, устроенномъ у послѣдняго столба справа. Между мѣстомъ господаря и господарши помѣстились боярыни и боярышни, а за возвышеніемъ сыновей придворные чины. Князь

Дмитрій, какъ иностранецъ, занялъ мѣсто противъ возвышенія господарши и всю службу не спускалъ глазъ съ Локсандры, что не ускользнуло отъ княгини Радзивиллъ. Она улыбнулась и тихонько кивнула сестрѣ головой, показывая глазами на пылкаго юношу.

Локсандра зардѣлась и показала видъ, что не поняла сестры. Но въ сущности ей льстило и вниманіе польскаго князя, и то, что сестра не считаетъ ее больше за дѣвочку.

— Бѣдный Тимошъ! тихо промолвилъ Кутнарскій, слѣдя зоркимъ взглядомъ за происходившимъ. — Панъ Доброшевскій! шепнулъ онъ своему товарищу: дѣло козака совсѣмъ не выгоритъ.

— Не выгоритъ! послушно повторилъ тотъ, моргая подслѣповатыми своими глазами и позѣвывая.

У князя Дмитрія съ пріѣздомъ княгини Радзивиллъ въ ея лицѣ явилась сильная помощница. Нѣсколько лѣтъ, проведенныя ею въ Польшѣ, научили ее ненавидѣть и презирать мятежныхъ хлоповъ, какъ главную причину всѣхъ безпокойствъ и неудовольствій. Какъ большая часть польскихъ женщинъ аристократокъ, она не давала себѣ отчета, кто правъ или виноватъ, а чисто по женски раздѣляла антипатіи своего мужа.

Разъ какъ-то, когда обѣ сестры сидѣли въ комнатѣ Локсандры и княгиня съ восторгомъ описывала выѣзды, праздники и балы, въ комнату вбѣжала запыхавшаяся Маріанка и проговорила:

— Сваты отъ пана Тимоша пріѣхали!

Княгиня даже вскочила отъ неожиданнаго для нея извѣстія; она еще ничего не слыхала о сватовствѣ Хмельницкаго.

— Какъ? воскликнула она. Грубый дерзкій козакъ осмѣливается свататься за тебя?

Локсандра вспыхнула и подняла на нее глаза.

— Ты его совсѣмъ не знаешь! рѣзко отвѣтила она. Зачѣмъ же называешь его грубымъ и дерзкимъ? Онъ храбрый витязь, онъ побѣдоносно сражался за насъ, онъ спасъ меня отъ неминуемой смерти!

Княгиня съ удивленіемъ и ужасомъ смотрѣла на сестру.

— Ты съ ума сошла, Локсандра! сказала она наконецъ. Что за рѣчи? Развѣ можно говорить такъ о хлопѣ, сынѣ какого-то сотника, который измѣною временно захватилъ власть. Да, временно! возвышая голосъ, прибавила она, замѣтивъ недовольный жестъ сестры: паны, навѣрное, подавятъ и это возстаніе, какъ прежнія, а твоему витязю съ его отцемъ отсѣкутъ головы на плахѣ или вздернутъ ихъ на висѣлицу.

— Послушай, сестра! тихо, но твердо произнесла княжна.— Не я сошла съ ума, а ты помѣшалась отъ вашей панской гордости. Развѣ нашъ отецъ не былъ такимъ же самозванцемъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Я много и часто объ этомъ думала. Да и теперь онъ можетъ не сегодня, такъ завтра лишиться престола и опять мы станемъ простыми людьми... О, какъ я бы этого желала! Тогда бы мнѣ ничто не помѣшало выйти за Тимоша.

Княгиня съ сердечнымъ сожалѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Бѣдная! проговорила она.—Онъ, вѣрно, зачаровалъ тебя; у нихъ, говорятъ, есть такія колдуньи, которыя могутъ напустить болѣзнь на человѣка.

— Совсѣмъ не то, я сама полюбила его: онъ хорошій, честный, добрый, а ужъ какой храбрый,—другаго такого не сыщешь.

Княгиня смотрѣла на нее, не зная, что отвѣтить.

— Послушай, Локсандра! сказала она, наконецъ, ласково, взяла ее за руку и посадила подлѣ себя.—Положимъ, что онъ и добрый, и честный, и храбрый, но что жь изъ этого? Возможно ли, чтобы дочь господаря молдавскаго вышла за простаго козака? Будь еще онъ самъ гетманомъ? А то, представь себѣ, тебѣ придется жить въ маленькой душной хатѣ, работать, какъ простой мужичкѣ, пожалуй, смазывать мужу сапоги дегтемъ и, навѣрно, растирать табакъ... И представь! онъ будетъ пить: всѣ козаки пьютъ, и пьяный будетъ бить тебя ногайкой: они всѣ дерутся... А потомъ уѣдетъ въ походъ, у нихъ вѣчно какіе нибудь походы, а ты останешься одна одинешенька, сама будешь и кашу варить, и няньчить, и стирать... И для чего

все это? Только ради того, чтобы этотъ грубый козакъ тебя лишній разъ поцѣловалъ; ради того, что ты вообразила, будто ты его любишь...

Локсандра опустила голову. Она и сама иногда въ дурныя минуты рисовала себѣ эту мелкую будничную жизнь. Сестра ея, знакомая съ козацкимъ бытомъ, только освѣтила и дополнила эту картину.

— Я искренно люблю его и готова для него перенести все! отвѣтила она, наконецъ.—И не всѣ же козаки злые и пьяницы, Тимошъ, навѣрное, такимъ не будетъ. Притомъ онъ сынъ гетмана, ему дадутъ какую нибудь должность, онъ не будетъ бѣденъ и не захочетъ изнурять меня на тяжелой работѣ. А что надо сдѣлать, я сдѣлаю, и это даже будетъ весело, гораздо веселѣе, чѣмъ жизнь въ неволѣ, въ зависимости и отъ приличія, и отъ слугъ, и отъ пановъ.

— Но вѣдь отецъ не отдастъ тебя за Тимоша! настаивала княгиня.

— Онъ придетъ сюда съ войскомъ и возьметъ меня. Ты не знаешь, какой онъ храбрый! Передъ нимъ никто не устоитъ.

Княгиня съ гнѣвомъ посмотрѣла на сестру.

— И ты это говоришь! съ укоризною произнесла она. Ты, дочь Молдавіи, желаешь, чтобы козаки опустошили твою родину; желаешь, чтобы отецъ твой не устоялъ противъ того, кого ты и видѣла только нѣсколько разъ въ жизни. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Ты заколдована и говоришь подъ вліяніемъ чаръ.

Локсандра поблѣднѣла; въ ней происходила мучительная борьба, борьба чувства съ долгомъ, личной любви и любви къ родинѣ.

Княгиня встала и въ волненіи прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Слушай, Локсандра! сказала она, останавливаясь передъ сестрой съ горящими глазами и гнѣвнымъ лицомъ. Если ты не выбросишь эти глупости изъ головы, если ты навлечешь на Молдавію такое несчастіе, если, наперекоръ всему, ты выйдешь за этого козака... помни, я тебѣ болѣе не сестра!

Она быстро повернулась и вышла изъ комнаты, оставивъ Локсандру въ оцѣпенѣніи.

ГЛАВА XII.

СЕМЕЙНЫЙ СОВѢТЪ.

На другой половинѣ дворца въ это время князь Василій принималъ сватовъ или старостъ, какъ они себя называли по малороссійскому обычаю. Это были прилуцкій полковникъ Носачъ и полтавскій Пушкарь. Торжественно, въ сопровожденіи небольшой свиты вошли они къ князю Василію и низко поклонились.

— Пріѣхали мы къ тебѣ, свѣтлѣйшій князь, отъ великаго гетмана Малороссіи Богдана, проговорилъ Носачъ, плотный коренастый мужчина, одѣтый въ богатый атласный кафтанъ и бархатные шаровары. Просимъ свѣтлость твою выслушать насъ, пословъ, и подарить твоею княжескою ласкою.

— Что угодно панамъ полковникамъ? вѣжливо и холодно проговорилъ Василій, знакомъ приглашая ихъ садиться.

— Провѣдалъ нашъ гетманъ, что есть у тебя дочь, красавица писаная, а его сынъ тебѣ извѣстенъ, потому что онъ спасъ твою страну отъ врага. Не противно бы было твоей милости, наисвѣтлѣйшему князю, принять его въ свои зятья, а насъ, старостъ, подарить ручниками, чтобы мы могли явиться передъ свѣтлыя очи гетмана со знакомъ твоего благоволенія и согласія.

Оба полковника встали, отвѣсили по низкому поклону и снова сѣли.

Пока Носачъ говорилъ, Пушкарь, низенькій, юркій, черноглазый козакъ, зорко смотрѣлъ на князя, и насмѣшливая улыбка мелькнула на его тонкихъ губахъ, когда онъ замѣтилъ смущеніе на лицѣ господаря.

— Право, я не знаю, что отвѣтить панамъ полковникамъ? проговорилъ Василій. Это предложеніе застаетъ меня врасплохъ, я къ нему не приготовленъ, мнѣ надо подумать, посовѣтоваться съ домашними.

Разговоръ шелъ по польски, Василій не зналъ по малорусски, польскимъ же языкомъ владѣлъ, какъ роднымъ.

— Странно, наивно-добродушно проговорилъ Носачъ, видно гонецъ нашего гетмана гдѣ нибудь застрялъ въ дорогѣ, что его свѣтлость не получилъ грамоты нашего батька.

— Грамота дошла до меня, долженъ былъ сознаться князь.

— А если дошла, продолжалъ неумолимый староста, то его свѣтлость могъ и подготовиться, тамъ о сватахъ довольно ясно было сказано.

— Все таки мнѣ нужно обдумать этотъ вопросъ, а главное снестись съ турецкимъ султаномъ; я не смѣю выдать дочь безъ его согласія. Притомъ, дочь моя еще молода. Разумъ у нея дѣтскій, пусть еще поживетъ, наберется ума; вотъ такъ годика черезъ два я и не прочь буду отдать ее за пана Хмельницкаго; онъ витязь храбрый, я противъ него ничего не имѣю.

— Значитъ, задержка за турецкимъ султаномъ? переспросилъ Носачъ, лукаво посматривая на князя.

— Да! нерѣшительно подтвердилъ князь: если Порта дастъ свое согласіе, я не прочь.

— Добре! съ поклономъ подтвердилъ Носачъ: такъ мы и скажемъ батьку.

Сваты откланялись. Выйдя изъ дворца, Пушкарь толкнулъ локтемъ товарища и проговорилъ:

— А ну-ка, друже! одно дѣло исполнили, примемся за другое!

Они внимательно осмотрѣли весь городъ, побродили по его окрестностямъ, изучили пути, пересмотрѣли всю мѣстность, навели точныя справки у корчмарей и шинкарей о молдавскомъ войскѣ, его количествѣ, составѣ, устройствѣ, о его способахъ обороны и нападенія. За эти свѣдѣнія они щедро расплачивались и получали ихъ безъ особаго затрудненія. Узнавъ въ нѣсколько дней все, что имъ нужно было, они отправились обратно въ путь съ кучкою сопровождавшихъ ихъ козаковъ. Прощаясь съ Янкелемъ, у котораго они остановились и выслушивая его сожалѣніе, что козаки такъ мало погостили, Носачъ со смѣхомъ отвѣтилъ:

— Не плачь, пріятель! скоро мы съ тобою опять увидимся.

Янкель понялъ намекъ и такъ испугался, что ноги у него подкосились.

— Ай вай, панъ полковникъ! Что вы говорите?

— То и говорю, отрѣзалъ Носачъ, что мы скоро еще разъ пріѣдемъ сватать вашу княжну. Только ужъ не одни, а съ такими сватами, что вамъ жарко станетъ.

Янкель намоталъ себѣ это на усъ и въ тотъ же день передалъ это Кутнарскому.

Панъ Кутнарскій въ свою очередь тотчасъ же доложилъ князю о рѣчахъ полковника.

Князь Василій совершенно растерялся. Отъ государственнаго совѣта онъ не ждалъ помощи, а потому рѣшилъ созвать совѣтъ семейный и сдѣлалъ исключеніе только для Георгицы,—онъ ему довѣрялъ больше, чѣмъ другимъ. Князя Дмитрія тоже пригласили участвовать въ семейномъ совѣщаніи; и въ то время когда Локсандра одиноко сидѣла въ своей дѣвичьей комнаткѣ въ верхнемъ этажѣ высокой башни, съ тоской посматривая на ряды холмовъ, тянущихся за городомъ, въ одной изъ нижнихъ залъ замка собрались всѣ прочіе члены княжеской семьи, чтобы рѣшить ея участь. Гордая княгиня Радзивиллъ высоко держала голову, какъ бы сознавая важность предстоящаго рѣшенія; господарша смотрѣла сурово и мрачно и нѣсколько разъ замѣтила мужу, что Локсандрѣ слѣдовало бы здѣсь присутствовать. Василій сперва отмалчивался, потомъ рѣзко замѣтилъ:

— Она еще слишкомъ молода, чтобы имѣть свой голосъ, какъ я рѣшу за нее, такъ и будетъ.

— Добрые мои друзья и родственники! обратился онъ, когда всѣ чинно сѣли за столъ, освѣщенный толстыми восковыми зеленоватыми свѣчами въ высокихъ шандалахъ, наполнявшими воздухъ пріятнымъ ароматомъ. Всѣмъ вамъ извѣстно, зачѣмъ я собралъ васъ и о чемъ я хочу слышать ваше мнѣніе. Мнѣ не отъ кого ждать помощи, кромѣ васъ, а между тѣмъ отъ нашего рѣшенія зависитъ многое, такъ какъ панъ Кутнарскій передалъ намъ, что козаки грозили вторженіемъ въ Молдавію. Такъ ли я понялъ переданное вами извѣстіе, панъ? обратился онъ къ Кутнарскому, сидѣвшему на концѣ стола рядомъ со своимъ неизмѣннымъ товарищемъ.

— Совершенно такъ, ваша свѣтлость! отвѣтилъ тотъ, привставъ.

— Что же теперь намъ дѣлать? обратился князь къ присутствующимъ.

Княгиня Радзивиллъ уже давно порывалась высказать свое мнѣніе и нетерпѣливо ожидала конца отцовской рѣчи.

— Отецъ! обратилась она къ князю: можешь ли ты спрашивать объ этомъ? Возможно ли нашему дому породниться съ выскочкой, проходимцемъ, которому въ будущемъ грозитъ достойное наказаніе за мятежъ?

— Да, но въ силахъ ли мы будемъ защититься отъ такого нападенія? возразилъ Василій.

— Надо искать помощи! энергично проговорила княгиня Радзивиллъ. Вся Польша ненавидитъ этихъ хлоповъ. Пусть они сюда заберутся, какъ въ ловушку; стоитъ только объ этомъ заранѣе дать знать панамъ и ихъ прихлопнутъ, какъ мухъ.

— Что думаетъ объ этомъ князь? обратился Василій къ Вишневецкому.

— Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ княгини, и первый готовъ содѣйствовать осуществленію этого плана. Я думаю, что оба гетмана и польный, и коронный согласятся оказать князю помощь. Они могутъ даже преградить путь козакамъ и не допустить ихъ въ Молдавію.

— Я предложу еще другой путь, скромно вставилъ Георгица. Всякое дѣйствіе имѣетъ причину и въ настоящемъ случаѣ причина прекрасная княжна. Нельзя ли заблаговременно устранить эту причину?

— Что хочетъ сказать мой благородный вѣрный бояринъ? въ недоумѣніи спросилъ Василій.

— Я думаю у прекрасной княжны такъ много обольстительныхъ качествъ, что и кромѣ Тимоѳея Хмельницкаго найдется достаточно женихъвъ. Надо выдать ее замужъ, и тогда гетману не за кѣмъ будетъ присылать войско.

Молчавшая до сихъ поръ господарша гнѣвно взглянула на великаго логофета.

— Бояринъ говоритъ о дочери своего господаря, какъ о вещи, которую можно продать, или отдать въ залогъ, не спросясь ея согласія. Конечно, я только женщина, въ дѣлахъ ва-

шихъ мало смыслю, да и Локсандра мнѣ не родная дочь; но она выросла на моихъ глазахъ, я знаю ея нравъ, ея сердце и удивляюсь, какъ можетъ родной отецъ такъ безжалостно жертвовать своимъ ребенкомъ и ради чего? Ради пустаго тщеславія, даже не ради блага родины, такъ какъ родинѣ отъ этого грозитъ бѣда. Чѣмъ Тимошъ не женихъ для Локсандры? Мужественный, храбрый, воинственный, чѣмъ онъ тебѣ не зять? Зачѣмъ тебѣ нужно имя, нужна родословная? Мало ли въ нашей землѣ мелкихъ людей безъ имени, безъ рода и племени, умомъ, храбростью и мужествомъ достигаютъ почестей и славы. Съ такимъ затемъ, какъ этотъ степной орелъ, ты можешь смѣло глядѣть въ глаза твоимъ врагамъ, и только тотъ, кто желаетъ твоего несчастія можетъ совѣтовать тебѣ иное! закончила она, гордо взглянувъ на Георгицу.

Василій не зналъ, на что рѣшиться. Увѣренный, энергичный голосъ господарши пробудилъ въ немъ чувства отца, а обликъ Тимоша, такъ ловко ею очерченный, всталъ передъ нимъ въ эту минуту совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. „Зачѣмъ ему въ самомъ дѣлѣ родовитый зять? онъ самъ настолько могущественъ, что можетъ его поднять на высоту; не онъ ли хотѣлъ посадить на валашскій престолъ своего сына? это ему не удалось; почему бы теперь не попытаться это же сдѣлать для зятя. Такой отважный, храбрый, притомъ простодушный воинъ, какъ Тимошъ, конечно, не вышелъ бы изъ его воли и былъ бы только его намѣстникомъ.“ Все это молніей пронеслось въ его головѣ, онъ уже совсѣмъ склонился на сторону своей жены, какъ вдругъ совершенно неожиданное обстоятельство сразу измѣнило потокъ его мыслей.

Въ комнату поспѣшно вошла Локсандра, блѣдная, взволнованная, съ блестящими глазами. Ничего не подозрѣвая, сидѣла она на своей вышкѣ, когда вѣрная Маріанка передала ей, что дѣлалось въ замкѣ. Локсандра быстро подошла къ отцу и смѣрила его гордымъ, негодующимъ взглядомъ.

— Отецъ! сказала она. Затѣмъ ли ты воспиталъ меня и сдѣлалъ изъ меня человѣка, чтобы теперь сбывать меня, какъ ненужную вещь? Я знаю, что въ этой странѣ посылаютъ доче-

рей подъ вѣнецъ, не спрашивая ихъ согласія. Знаю, что по закону ты можешь со мною сдѣлать все, что хочешь; но въ жилахъ моихъ течетъ албанская кровь, отецъ! Я люблю свободу и дамъ себя лучше убить, чѣмъ пойду въ неволю.

Василій, гнѣвный, всталъ съ своего мѣста

— Какъ смѣешь ты такъ говорить со мною! крикнулъ онъ. Со мною, давшимъ тебѣ жизнь, взростившимъ и воспитавшимъ тебя! Ты обязана мнѣ повиноваться и не смѣешь разсуждать о томъ, кого я изберу тебѣ въ мужья.

Онъ подошелъ къ князю Дмитрію, взялъ его за руку и подводя къ княжнѣ, сказалъ:

— Вотъ твой женихъ, ни о комъ другомъ не смѣй и, думать!

Локсандра взглянула на Вишневецкаго, и во взглядѣ ея было столько негодованія и отвращенія, что князь невольно отступилъ на шагъ.

— Князь желаетъ купить меня, какъ невольницу гарема. Что жъ? это славный подвигъ для именитаго князя, достойный его предковъ...

— Бога ради, княжна! началъ было Вишневецкій.

— Ни одного слова болѣе, Локсандра! прервалъ ее князь Василій: ты пойдешь сейчасъ въ харемъ и безъ моего позволенія здѣсь не покажешься! Если же ты меня ослушаешься, то я съумѣю тебя научить приличію! грозно прибавилъ онъ вслѣдъ, запирая за нею дверь.

— Друзья мои! продолжалъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ, желая подавить свое волненіе. . Я остаюсь при мнѣніи большинства, и слѣдую совѣту мудраго Георгицы. Князь Дмитрій почтилъ меня просьбою руки моей дочери, я даю мое благословеніе на этотъ бракъ, завтра же пошлю гонца къ турецкому султану испросить его разрѣшенія. Съ другой стороны, я воспользуюсь и совѣтомъ моей старшей дочери, постараюсь заключить союзъ съ польскими гетманами на случай нападенія со стороны козаковъ. На пана Кутнарскаго я возлагаю порученіе немедленно отправиться въ путь съ моею грамотою къ коронному гетману пану Потоцкому.

Кутнарскій отвѣсилъ низкій поклонъ и благодарилъ за оказанную ему честь.

— Его свѣтлость позволитъ мнѣ взять съ собою моего вѣрнаго друга и товарища, прибавилъ онъ, указывая на Доброшевскаго.

— Какъ угодно будетъ пану, отвѣтилъ Василій.

— Итакъ мы собираемся съ паномъ въ дорогу! весело проговорилъ Кутнарскій, выходя изъ зала и хлопнувъ по плечу Доброшевскаго.

На этотъ разъ панъ Доброшевскій былъ видимо не въ духѣ и не нашелъ нужнымъ поддакивать товарищу.

— Что за идея посылать насъ съ паномъ? угрюмо пробормоталъ онъ, придавая особенно трагическое выраженіе своему лицу. Не нашлось у него для этого своихъ бояръ. Вонъ они у него какъ разжирѣли. Послалъ бы это толстое брюхо, Бурдуца, ему полезно было бы промяться. Только что прижился человѣкъ, освоился немного, и гнать его, какъ собаку, да еще въ самую пасть возстанія. Попомни мое слово, панъ, проглотятъ насъ козаки, принесетъ намъ несчастіе это путешествіе.

— Что ты каркаешь, какъ зловѣщая птица? съ сердцемъ сказалъ Кутнарскій.

Ему и самому не улыбалось это опасное путешествіе. Доброшевскій не сказалъ болѣе ни слова, онъ поднялъ мрачно брови и застылъ съ выраженіемъ покорной жертвы.

О. Рогова.

(*Конецъ второй части*).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

183.

Шпитали.

Съ принятіемъ христіанства возникло и оформилось на Руси призрѣніе нищихъ въ формѣ богадѣленъ. Забота о нищихъ возложена была на церковное управленіе. Церковный уставъ в. кн. Владиміра передаетъ церковному управленію больницы, богадѣльни и страннопріимные дома, причемъ постановленіе это заимствовано изъ Юстиніанова кодекса, съ сохраненіемъ порядка въ вычисленіи разрядовъ людей, подлежащихъ церковной благотворительности. Князья щедрой рукой раздавали нищимъ милостыню. При монастыряхъ устраивались больницы и богадѣльни. Въ „Поученіи Кирилла", обращенномъ къ одному князю, сыну Александра Невскаго, сказано, что земли и дома даны князьями и боярами церквамъ „крылошанамъ на потребу, и старости и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ многъ прокормленіе, обидимымъ помоганіе, страннымъ прилежаніе, въ напастѣхъ пособіе, въ пожарѣхъ, въ потопѣ, плѣннымъ искупленіе, въ гладѣ прокормленіе"... Шпитали покрыли всю Русь, южную и сѣверную. По селамъ у приходскихъ церквей бывали дома для нищихъ. Въ Дозорной книгѣ г. Галича (н. костром. губ.) 1609—1610 г. говорится, что у церкви во имя царя Константина на тяглой черной избѣ 7 избушекъ, а въ нихъ живутъ пономарь да 6 нищихъ; питаются они отъ церкви, по приходнымъ людямъ, у храма Рождества Христова 4 чел. нищихъ и т. д., всего въ го-

[1]) „Кіевская Старина" 1890 г., № 6.

родѣ 68 человѣкъ". Въ Москвѣ въ XVII ст. богадѣльни были при многихъ церквахъ; онѣ содержались по большей части на счетъ царской казны (*Лешковъ*, Рус. народъ и госуд., 588—600). Еще болѣе многочисленны были шпитали въ южной Руси. Здѣсь они находили поддержку иногда у королей, обыкновенно у церковныхъ братствъ, цеховъ и частныхъ лицъ. Въ шпиталяхъ помѣщались нищіе, бѣдняки и неизлѣчимо больные; иногда въ шпиталяхъ находили пріютъ бѣдные ученики братскихъ и другихъ школъ; иногда даже обѣднѣвшіе и лишившіеся здоровья дворяне. Въ большихъ шпиталяхъ нищимъ и больнымъ давалось полное содержаніе, одежда, обувь, пища, постели и пр. Для завѣдыванія шпиталями назначались старшіе изъ шпитальныхъ; главное же наблюденіе за шпиталями поручалось старшимъ братьямъ въ братствахъ, игуменамъ при монастыряхъ и священникамъ при церквахъ вмѣстѣ съ ктиторами. (*Ефименко*, въ „Кіев. Стар.", 1883, IV, 718). Южнорусскіе шпитали XVII в. были настолько хорошо организованы, что оказали вліяніе на московскія богадѣльни того времени, съ переходомъ многихъ южнорусскихъ ученыхъ на службу въ Москву. Въ 1682 г. царь Θеодоръ алексѣевичъ издалъ указъ о построеніи въ Москвѣ двухъ „шпиталенъ", причемъ для обезпеченія ихъ назначались вотчины, бывшіе за архангельскимъ владыкою и за Знаменскимъ монастыремъ. „А въ государствѣ и городахъ, сказано въ уставѣ, гдѣ такіе шпитальни построены, великая отъ того польза, какъ ниже видно, ибо эти шпитальни, *по европскимъ обычаямъ*, будутъ имѣть слѣдующія выгоды: 1) доставлять пристанище бѣднымъ, увѣчнымъ и старымъ, особенно служилымъ военнымъ людямъ, 2) помогутъ отдѣлить истинно нуждающихся отъ гулящихъ бродягъ, 3) чѣмъ положится конецъ воровству отъ бродягъ; 4) есть нищіе съ страшными болѣзнями, что нельзя чреватой женщинѣ ихъ видѣть, не испугавшись, и такихъ больныхъ должно лѣчить. Шпитальни должны находиться подъ управленіемъ добраго дворянина, ради любви служащаго, и подъячаго, завѣдывающаго хозяйственною частью. Средствами шпиталенъ должны послужить сборы по церквамъ" (*Лешковъ*, ib., 602). Несомнѣнно, что указъ внушенъ царю Θедору Алексѣевичу южнорусскими учеными, проживавшими въ Москвѣ, можетъ быть, незадолго передъ тѣмъ умершимъ Епифаніемъ Славинецкимъ

(† 1675 г.) или Симеономъ Полоцкимъ († 1680 г.). Славинецкій интересовался, какъ видно изъ его сочиненій, вопросомъ объ организаціи благотворительности на разумныхъ началахъ.

Съ теченіемъ времени въ Малороссіи пали церковныя братства, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришли въ упадокъ и шпитали. Въ лѣвобережной Малороссіи, въ частности въ харьковской губерніи, кое-гдѣ по селамъ еще удержались шпитали, какъ обломокъ старины, но уже безъ поддержки со стороны церкви. Объ одномъ такомъ шпиталѣ (въ слободѣ Боромлѣ, ахтырскаго уѣзда) я говорилъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1883 г., IX—X, 309.

Естественно возникаетъ мысль, нельзя ли поддержать это филантропическое народное учрежденіе тамъ, гдѣ оно сохранилось до сихъ поръ, и вызвать его къ жизни въ мѣстностяхъ, гдѣ его нѣтъ. Шпиталь тѣмъ и дорогъ, что представляетъ собой въ высшей степени простой, исторически испытанный и испробованный, вполнѣ народный способъ оказанія помощи сельскому бѣдняку, калѣкѣ, немощному и больному,—однимъ словомъ, той удрученной недугами и нищетой части крестьянскаго населенія, которая слоняется подъ окнами съ торбой за плечами, живетъ подаяніемъ и, попавши разъ въ большой городъ, увеличиваетъ населеніе „чертовыхъ гнѣздъ“.

Кто же позаботится о возрожденіи шпиталей? Скорѣе всего за это дѣло должно взяться земство, и на него болѣе всего можно разсчитывать.

Въ числѣ обязанностей, перешедшихъ къ земству отъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія, стоитъ и призрѣніе безпомощныхъ безъ различія сословій. На этотъ предметъ земства затрачиваютъ довольно значительныя средства, но тѣмъ не менѣе нужду въ призрѣніи удовлетворяютъ лишь въ самой ничтожной степени. Для расширенія дѣла призрѣнія безпомощныхъ нужна такая организація его, которая привела бы къ значительному удешевленію расходовъ. Подъ вліяніемъ этой необходимости нѣкоторыя земства стремятся къ учрежденію сельскихъ богадѣленъ, въ которыхъ, при невзыскательной сельской обстановкѣ, содержаніе богадѣльцевъ, обходилось-бы дешево. Обращеніе земства къ крестьянскимъ обществамъ по этому предмету имѣло успѣхъ. Сельскія богадѣльни существуютъ уже въ херсонской, полтавской и другихъ губерніяхъ. Казанское уѣздное

земство на послѣднемъ собраніи постановило открыть двѣ такія сельскія богадѣльни на средства земскаго сбора. Но факты показываютъ, что въ дѣлѣ улучшенія системы призрѣнія среди сельскаго населенія земства могутъ оказать чрезвычайно полезное вліяніе просто одной своей инициативой. Всѣ напр. обращенія земствъ къ сельскимъ обществамъ, за помощью для устройства сельскихъ богадѣленъ, встрѣчаютъ самое живое сочувствіе населенія. Въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, всѣ сельскія общества, кромѣ нѣмецкихъ колоній, гдѣ общественное призрѣніе уже давно организовано, единодушно отозвались на предложеніе земства устроить богадѣльни для призрѣнія безпомощныхъ крестьянъ и изъявили готовность нести и свою долю постоянныхъ расходовъ, кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ единовременныхъ пожертвованій. Въ полтавской губ. нѣсколько лѣтъ тому назадъ существовало уже 8 сельскихъ богадѣленъ, содержимыхъ на средства самыхъ обществъ; затѣмъ земство могло бы вызвать въ сельскихъ обществахъ самопомощь въ дѣлѣ призрѣнія безпомощныхъ въ формѣ образованія для этого приходскихъ попечительствъ. Гадячское земство (полтавской губ.), желая, чтобы „заботы по призрѣнію неимущихъ были возложены на приходскія попечительства, ходатайствовало о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ въ законѣ". Въ петербургскихъ уѣздахъ, благодаря заботамъ земства, приходскія попечительства обнаруживаютъ полезную дѣятельность. Столичныя газеты сообщаютъ, что по почину земства въ псковскомъ уѣздѣ болѣе чѣмъ въ половинѣ волостей учреждены попечительства для призрѣнія неспособныхъ къ труду, причемъ крестьяне приговорами обложили себя особымъ сборомъ отъ 5 до 10 коп. съ души на устройство небольшихъ сельскихъ богадѣленъ. Псковскому земскому собранію было предложено учредить особое уѣздное попечительство для объединенія дѣла призрѣнія во всемъ уѣздѣ, и предложеніе это было принято собраніемъ. Всѣ эти факты показываютъ, что земство можетъ способствовать организаціи по деревнямъ призрѣнія безпомощныхъ. Несомнѣнно, что многіе поддержатъ доброе дѣло. Прежде всего шпиталь найдетъ поддержку въ сельскомъ крестьянскомъ обществѣ; оно дастъ хату, дрова и т. п. Полицейская власть окажетъ поддержку, если стѣснитъ посторонних, захожихъ нищихъ и попрошаекъ, что бы они не конкуррировали въ выпрашиваніи милостыни съ шпи-

тальными нищими. Окажетъ поддержку и земскій врачъ осмотромъ больныхъ, практически полезнымъ совѣтомъ. Возстановляя шпитали старожитнаго характера, земство будетъ продолжать нить историческихъ учрежденій, освященныхъ многовѣковой давностью и всенароднымъ расположеніемъ.

184.

Шпитальные, какъ сторожа у коворота.

Въ зимнее время шпитальные пользовались поддержкой сельскаго общества относительно помѣщенія, отопленія и прокормленія. Въ лѣтнее время наиболѣе крѣпкіе изъ шпитальныхъ нищихъ оказывали обществу услугу, оберегая примыкавшія къ селу хлѣбныя нивы отъ потравы. Улица въ концѣ села, ведущая въ поле, загораживается поперекъ тыномъ, съ воротами въ серединѣ, а возлѣ этихъ воротъ устраивается курень, гдѣ и проводитъ все лѣто шпитальный. Мнѣ приходилось встрѣчать такихъ шпитальныхъ въ харьковской губерніи. Такъ, въ свободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда шпитальные лѣтомъ сидятъ у царины въ куреняхъ сторожами и оберегаютъ засѣянное озимымъ хлѣбомъ общественное поле отъ скота. Обычай этотъ старинный. Нѣкогда онъ отличался большей сложностью, какъ видно изъ слѣдующаго документа: „мы жители села Талалаевки (полтавской губ.) въ прошломъ 1741 г. мая 17 дня были по обычаю христіанскому на праздникѣ Сошествія св. Духа у литургіи въ храмѣ св. Параскевы. Въ этотъ день, по окончаніи божественнаго пѣнія, вышедши изъ церкви, согласно всѣ приговорили подождать передъ церковію честнаго іерея о. Григорія, пока онъ выйдетъ изъ церкви, чтобы посовѣтываться, кому изъ насъ царину оправить и хлѣбъ въ поляхъ стеречь. У насъ въ с. Талалаевкѣ по давнему обычаю, отъ коихъ поръ церковь существуетъ, такъ бывало, что службу и стражу церковную отбываютъ старцы, живущіе въ церковномъ шпиталѣ. Изъ нихъ же назначается и на стражу къ коворотү, и никто не долженъ назначать коворотныхъ сторожей, кромѣ священника. Когда вышелъ изъ церкви честный отецъ Григорій, мы всѣ согласно, по давнему обычаю, сказывали ему съ прось-

бою, дабы назначенъ былъ въ коворотъ изъ шпиталя Матеей, старецъ шпитальный. И призвавши изъ шпиталя вышеозначеннаго старца предъ насъ всѣхъ вообще, о. Григорій подалъ ему свое іерейское благословеніе сидѣть на коворотѣ, а отъ насъ всѣхъ обще учинился ему приказъ, дабы въ коворотѣ былъ осторожнымъ и въ посѣвы мірской скотины не впускалъ бы, и, кто ѣдетъ, отворялъ бы ворота и затворялъ. И онъ, стражникъ вышеозначенный, выслушавши отъ насъ всѣхъ вообще приказъ, положилъ на себѣ крестъ, по обычаю христіанскому, поклонился отцу Григорію, прося у него благословенія, и всей громадѣ" (*Крыжановскій,* въ „Руковод. для сельск. паст." 1864 г., I, 226; дѣло изъ архива кіевск. духов. консист. 1742 г., № 17, *л.* 1).

Изъ приведеннаго документа не видно, чтобы „коворотные старцы" получали вознагражденіе; но таковое могло быть, напримѣръ, въ той формѣ, въ какой проявляется нынѣ въ с. Боромлѣ. Здѣсь даютъ коворотному сторожу по одному снопу съ воза, когда везутъ жито съ поля; но эта плата не обязательна, и люди скупые, особенно при плохомъ урожаѣ, не даютъ снопа.

185.

Полевые кресты, или фигуры.

Во всѣхъ губерніяхъ юго-западнаго края, а отчасти въ ананьевскомъ и тираспольскомъ уѣздахъ херсонской губ. весьма распространенъ обычай ставить въ поляхъ и на дорогахъ, преимущественно на перекресткахъ, „фигуры" т. е. деревянные кресты. Въ лѣвобережной Малороссіи почти нѣтъ этого обычая. Въ мглинскомъ уѣздѣ черниговской губ. за здоровье дѣтей ставятъ на перекресткахъ кресты (*Кавелинъ,* Сочиненія, IV, 211). Въ харьковской губерніи кресты ставятъ лишь надъ колодцами. По народному повѣрью, записанному въ кіевской губ., для того, чтобы хозяйство развивалось, нужно поставить въ полѣ крестъ, выкопать въ селѣ три колодца и дать денегъ въ церковь на три обѣдни (*Rulikowski,* въ Zbiór wiad., III, 103). По окраскѣ креста можно иногда опредѣлить причину, почему онъ поставленъ. Такъ, крестъ, поставленный по

обѣту, окрашиваютъ въ синюю или зеленую краску. Крестъ, выкрашенный черной или красной краской, показываетъ, что на томъ мѣстѣ совершено убійство или найденъ убитый (*Левченко,* въ Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ., II, 144). Въ чигиринскомъ у. кіевской губ. записанъ слѣдующій народный разсказъ: „развѣ напрасно настановлено столько крестовъ въ поляхъ на перекресткахъ. Ѣхать на Каменку – крестъ, отъ Яроваго—крестъ, отъ Райгорода—крестъ, вблизи Выгоды—крестъ, возлѣ Хандусеваго млина—крестъ, возлѣ Лебедивки на курганѣ – крестъ, и всѣ то кресты противъ нечистой силы, „по сей дубъ мыла тоби", и далѣе нѣтъ ходу. Временемъ, какъ встанешь на курганѣ да посмотришь вдаль и кругомъ, то и тамъ и сямъ ѣдутъ люди возами, и вездѣ у крестовъ молятся, крестятся, бьютъ поклоны. И все таки нечистая сила находитъ случай повредить людямъ. Такъ и въ нашемъ селѣ Копѣйчинѣ—крестовъ кругомъ много, а ночью нельзя выйти за порогъ хаты, чтобы нечистая сила не выкинула какой-нибудь штуки. Лѣтомъ еще туда-сюда: ночи теплыя и короткія, и даже черти въ это время живутъ довольно смирно, побѣгаютъ по степи да и заснутъ гдѣ-нибудь на межахъ подъ грудками земли. Въ долгія зимнія ночи и черти обозляются; привыкши къ адскому огню, безъ шубъ, они страдаютъ отъ холода и всячески прицѣпляются къ людямъ." (*Podbereski,* въ Zbiór wiadom., IV, 48). Черти и особенно вѣдьмы собираются у крестовъ и причиняютъ людямъ и самимъ крестамъ вредъ. „Нигдѣ нѣтъ такого страха, какъ у того креста на распутьи дорогъ подъ лѣсомъ, который стоитъ на дорогѣ изъ Кохановки въ Оситняжку; вечеромъ тутъ всегда появится что-нибудь таинственное, то сова пролетитъ, то филинъ крикнетъ, то заяцъ перебѣжитъ дорогу. Волы въ этомъ мѣстѣ начинаютъ ревѣть, рыть землю копытами, наставлять рога противъ невидимаго врага. Если оглянуться назадъ, проѣхавши мимо креста, то сзади котится за возомъ черная копна, будто возъ сѣна. Нечистая сила боится воловъ и даетъ имъ дорогу, а конямъ она по ночамъ проходу не даетъ, загораживая въ видѣ копны имъ дорогу" (ib. 6). Вѣдьмы издѣваются надъ крестомъ. Онѣ по ночамъ лазятъ на крестъ вверхъ ногами (*Чубинск.*, I, 198) и потомъ висятъ внизъ головой (*Краснокутскій* и др.).

Послѣдняя подробность, т. е. положеніе вѣдьмъ вверхъ ногами, повторяется въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ другихъ народовъ. Вотяки вѣрятъ, что шайтанъ влѣзаетъ на дерево, становится вверхъ ногами и обращаетъ къ небу голый задъ; тогда молнія бьетъ въ это самое дерево. По повѣрью сибирскихъ крестьянъ, мѣсяцъ портятъ, становясь окарачь и смотря промежъ своихъ ногъ (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монг., IV, 816).

Къ этимъ сказаніямъ примыкаютъ многія другія, въ которыхъ положеніе вверхъ ногами является прямой или символической формой смертной казни. Въ русскихъ сказаніяхъ повѣшеніе вверхъ ногами разсказывается о в. к. Игорѣ; въ монгольскихъ о Сурганѣ, въ Рамаянѣ о царѣ Тричанкѣ. Въ „Прѣніи Господа съ дьяволомъ" дьявола вѣшаютъ стремглавою за пяты (ib., 816).

Украинскія „фигуры" не представляются одинокимъ явленіемъ въ бытовой жизни славянъ и инородцевъ. Въ Великороссіи фигурамъ соотвѣтствовали изрѣдка также кресты, чаще обыденныя церкви и часовни пятницы. Часовнями-пятницами назывались столбы на перекресткахъ съ изображеніемъ св. Параскевы-Пятницы. Памятники эти имѣли также священно-мистическое значеніе. При нихъ происхождили разставанія и встрѣчи съ близкими и дорогими людьми; у этихъ пятницъ-часовенъ дѣвушки вымаливали себѣ хорошихъ жениховъ (*Калинскій*, въ Зап. г. общ. по о. этн., 1877, 312).

У поляковъ полевые крыжи имѣютъ большое значеніе: скребутъ и съѣдаютъ кусочки дерева въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, бросаютъ въ рѣку кусочекъ дерева отъ „фигуры", чтобы вызвать дождь (*Federowski*, Lud., II, 283). Подобно малороссамъ, и поляки вѣрятъ, что чаровницы съ цѣлью вызвать засуху взбираются на фигуру и спускаются головой внизъ (*Piątkowska*, въ Wisła, 1889, 766).

У сербовъ праздникъ „сельска слава" въ день святаго, котораго извѣстное село или деревня считаетъ своимъ покровителемъ, называется иногда крсти, отъ креста, вырѣзаннаго на деревѣ, у котораго сельчане собираются, за неимѣніемъ церкви, чествовать своего св. покровителя (*Дриновъ*, Нѣск. словъ объ яз. и об. дебр. слав., 22).

Въ Болгаріи ставятъ на горахъ кресты въ Юрьевъ день, и эти горы, по имени Георгія или другаго святаго, кому онѣ посвя-

щены, называются св. Гёрги, св. Петка, св. Никола и т. д. Около креста въ честь Георгія священникъ освящаетъ воду и кропитъ народъ (*Каравеловъ*, Памятн., 211).

Въ западныхъ католическихъ странахъ, въ южной и западной Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, по рощамъ, полямъ и въ городахъ очень часто встрѣчаются кресты съ изображеніемъ Спасителя и столбы съ Мадонной.

Къ украинскимъ фигурамъ по формѣ и отчасти значенію близко подходятъ древне-мексиканскіе кресты. Въ символѣ креста американцы обожали оплодотворяющую силу земли и воздуха, дождь. Перуанскіе инки особенно почитали крестъ, изваянный изъ цѣлаго кристалла яшмы. Много каменныхъ крестовъ разсѣяно въ южной и средней Америкѣ. Поклоненіе крестовиднымъ божествамъ дождя у древнихъ мексиканцевъ соединялось съ человѣческими жертвами. Для умилостивленія богини урожая Сентеотли ежегодно пригвождали ко кресту юношу или дѣвицу, которые потомъ умерщвлялись стрѣлами. Въ древнемексиканскихъ іероглифическихъ рукописяхъ находятся изображенія креста съ птицами вверху и съ жертвенными орудіями у подножія. Въ видѣ креста почитался верховный богъ тольтековъ Кветсалькуатль, богъ дождя и здоровья. Онъ именовался древомъ питанія и жизни. Въ главныхъ мѣстахъ поклоненія ему находились особенно чтимые каменные кресты огромнаго размѣра. Въ американскомъ культѣ креста обращаетъ вниманіе грозное, карающее его значеніе. (*М. П. Соловьевъ*, въ Вѣст. Изящ. Иск. 1887, V, 266).

Украинскимъ фигурамъ соотвѣтствуютъ у осетинъ дзуары— мѣста, пользующіяся религіознымъ почитаніемъ и духи-покровители. Иногда дзуаръ есть древняя христіанская церковь или часовня, сдѣлавшаяся съ теченіемъ времени языческимъ капищемъ, иногда горная пещера, роща, дерево, камень и т. п. Есть дзуары, пользующіеся извѣстностью во всей Осетіи; другіе же извѣстны только въ своемъ аулѣ. Наиболѣе извѣстные дзуары—Рекомскій (деревянная полуразрушенная часовня), Тыхоста (большой камень), дзуаръ козла у с. Думты (сарай изъ камней), Гулари-Габони (мѣсто, обложенное камнями) и др. (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, II, 255—262).

У алтайцевъ существуетъ обычай приносить жертвы у „обо“, т. е., у кучъ, сложенныхъ изъ камней (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-

зап. Монг. IV, 91). Этотъ обычай существуетъ по всему свѣту. На плоскогоріяхъ Перу и Боливіи на горныхъ вершинахъ лежатъ апачеты—кучи камней, мимо которыхъ ни одинъ погонщикъ муловъ не пройдетъ, не прибавивъ къ памятнику новаго камня. Капитанъ Спикъ нашелъ этотъ обычай у источниковъ Нила. Подобныя каменныя пирамиды Адольфъ Бастіанъ видѣлъ въ Бирмѣ и на о. Борнео; братья Шлягинтвейтъ—въ Тибетѣ, Мичи—въ Монголіи, Эберсъ—на Синайскомъ полуостровѣ (*Пешель,* Народовѣдѣніе, I, 23—24). Кучи изъ камней религіознаго значенія встрѣчаются въ Бѣлоруссіи, въ зырянскомъ краѣ, на Уральскомъ хребтѣ у башкиръ (*Потанинъ,* Оч. сѣв.-зап. Монг., 699), у калмыковъ, японцевъ, въ Хоросанѣ вблизи Мешхеда, въ Ирландіи, Великобританіи, Испаніи (*Liebrecht,* Zur Volkskunde, 276—280).

Либрехтъ въ превосходной статьѣ „Die geworfene Steine" (снач. въ Germ. XXII, пот. Zur Volksk. 267—284) многочисленные и разнообразные обычаи обрядоваго бросанія камней и почитанія каменныхъ кучъ подраздѣляетъ на четыре разряда: 1) положеніе камней на могилу—погребальные камни, 2) бросаніе камней вмѣсто жертвоприношенія или устройство изъ нихъ жертвенника — жертвенные камни; 3) бросаніе камней въ знакъ насмѣшки или отвращенія къ злому духу (рѣдко) и 4) бросаніе камней въ знакъ насмѣшки, презрѣнія или осужденія человѣка (рѣдко), напр., греческія каменныя кучи подъ названіемъ „анаѳемы", что, вѣроятно, произошло отъ обычая побивать человѣка камнями за преступленіе и знаменовало символически смертную казнь. Украинскія фигуры представляются христіанской замѣной языческихъ обрядныхъ камней втораго разряда. Въ религіозно-мистическихъ повѣрьяхъ, связанныхъ съ фигурами, сохраняются, повидимому, черты древнѣйшихъ до-христіанскихъ мѣстныхъ культовъ.

186.

Религіозно-мистическое значеніе каменныхъ бабъ.

Въ Малороссіи и Новороссіи мало сохранилось каменныхъ бабъ. Многія свезены были въ помѣщичьи усадьбы. Нѣсколько каменныхъ

бабъ поставлено во дворѣ харьковскаго университета. Но кое-гдѣ въ поляхъ еще стоятъ эти загадочныя каменныя фигуры человѣческаго облика, и народъ относится къ нимъ съ мистическимъ страхомъ. Въ одной газетной корреспонденціи изъ харьк. или екатеринославской губ. (ссылка потеряна), между прочимъ, приведенъ былъ любопытный фактъ принесенія къ каменной бабѣ больныхъ дѣтей. Въ галицкомъ Покутьѣ есть двулицая каменная баба, которую одни (Гагендорфъ) считали образомъ Леля и Полеля, другіе (Киркоръ)— Дажбога и Лады. Крестьяне соскабливають части камня и употребляютъ его какъ лѣкарство. Во время засухи кладутъ эту каменную бабу на землю, чтобы пошолъ дождь, а въ чрезмѣрно дождливую погоду ставятъ ее головой вверхъ. Называется эта двойная баба „кумы", причемъ говорятъ въ объясненіе этого названія, что кумъ и кума, возвращаясь изъ церкви по окрещеніи ребенка, впали въ блудный грѣхъ и за то окаменѣли (*Kolberg*, Pokucie, I, 6, 7). На мѣстѣ б. Запорожья на могилѣ Толстой стояла каменная баба, и народъ приписывалъ ей таинственное вліяніе на окрестныя мѣста. По приказанію мѣстныхъ властей, баба эта была свалена на землю. Въ 1833 и 1834 годахъ была большая засуха, и въ результатѣ того полный неурожай и голодъ. Народъ въ надеждѣ, что каменная баба дастъ ему дожди и урожай, поднялъ ее и поставилъ на старомъ мѣстѣ. Тогда мѣстныя власти приказали отбить у каменной бабы голову (ib. 343). Въ с. Субботовѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Богдану Хмельницкому, находится каменная баба, къ которой, по народному преданію, Хмельницкій привязывалъ поляковъ. Владѣлецъ Субботова хотѣлъ ее выкопать, но она оказалась стоящей такъ глубоко въ землѣ, что работы были прекращены. Крестьяне говорятъ: „Якъ тилко порушили тую бабу, то почавъ народъ мерты, а черезъ тее и покинули іі выкопуваты" (*Rulikowski*, въ Zbiór wiadom., III, 72).

Въ Сибири монголы и татары также съ уваженіемъ относятся къ каменнымъ бабамъ и приносятъ имъ жертвы. Такъ, въ корреспонденціи изъ минусинскаго округа, напечатанной въ „Сибир. Вѣст." 1890 г., между прочимъ, говорится, что въ 35-ти верстахъ отъ ст. Таштыпа, до сихъ поръ сохранился старинный каменный идолъ, изображающій старуху; существуетъ о немъ нѣсколько легендарныхъ пре-

даній, но когда, кѣмъ и откуда перенесенъ онъ сюда, достовѣрно неизвѣстно. Среди инородцевъ-татаръ, обитающихъ невдалекѣ отсюда по р. Абакану и и его притокамъ, этотъ идолъ пользуется особымъ почетомъ; ни одинъ татаринъ не проѣдетъ мимо него безъ того, чтобы не остановиться близъ этой „каменной бабушки"; всякій кланяется ей; кто везетъ съ собой что-либо съѣстное потчуетъ старуху; есть вино при себѣ—плещутъ на нее (*Харьк. Вѣд.*, 1890, № 35).

Въ сѣверо-западной Монголіи около города Улангами стоитъ каменная баба, которая, по мнѣнію монголовъ, только простому человѣку кажется простымъ камнемъ, но въ дѣйствительности есть бурхынъ (святой). Надъ нею построена фанза (навѣсъ). Этому камню молятся объ открытіи кражи или потери. (*Потанинъ*, IV, 216). Въ монгольской сказкѣ про Тарханъ-бо жрецу-знахарю (каму) отрубаютъ голову; туловище знахаря пошло въ слѣдъ за головой и въ землѣ Едженъ-хана стало каменной бабой. Тостогошъ (камъ) и теперь стоитъ въ видѣ кюточило (кам. бабы); иному онъ кажется бурымъ, иному бѣлымъ, иному краснымъ. Около него живетъ большой камъ; хорошій камъ передъ нимъ камлаетъ безвредно; худой умираетъ. Халхасцы приносятъ ему жертвы. Въ мѣстности Шари-Китинъ стоитъ каменная баба, обвѣшанная многими шелковыми лоскутками. По народнымъ повѣрьямъ, прежде этотъ камень лежалъ, теперь поднимается. Цвѣтомъ сталъ коричневый—кровью наливается. У камня спрашиваютъ о способахъ излѣченія (ib. 290—292). Въ мѣстности Коту стоитъ каменная баба, и когда голову ея однажды полили водкой, голова зашевелилась (ib. 293).

Въ основѣ малорусскихъ и монгольскихъ религіозно-мистическихъ представленій о каменныхъ бабахъ лежитъ древнее вѣрованіе въ оборотничество. Строгаго органическаго различія между людьми, животными, растеніями и минералами не полагалось. Существовало твердое убѣжденіе въ возможности взаимнаго смѣшенія и перехода всѣхъ предметовъ въ мірѣ, и это убѣжденіе нашло отголосокъ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ многихъ (если не всѣхъ) народовъ. Такъ, у великоруссовъ вѣрованіе это отразилось въ былинахъ о Святогорѣ и въ былинахъ о гибели богатырей, у галицкихъ русскихъ въ сказаніи о каменной бабѣ „кумы" (*Kolberg*, Pokucie, I, 7) и въ сказаніи о превращеніи войска галловъ въ Карпатскія горы, по приказанію Іисуса Христа

Ulanowska, въ Ateneum, 1888, X, 536), у болгаръ въ пѣснѣ о Маркѣ Королевичѣ (рефератъ проф. *Дринова* на VIII Археол. съѣздѣ) и въ сказкѣ о неосторожной старухѣ (*Миладин.*, Болг. нар. пѣс., 523), въ польскихъ сказкахъ (*Ulanowska*, въ Ateneum, 1888, X, 537—538), въ литовскомъ повѣрьѣ о камнѣ „сапожникъ" (сапожникъ окаменѣлъ за то, что работалъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе, (ib. 534), въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ и сказкахъ, саксонской о камнѣ Iungferstein, въ который обратилась дѣвушка, не ходившая въ церковь въ воскресеніе, брандебургской о парубкахъ, танцовавшихъ нагими въ Зеленыя Святки, когда въ церкви шла обѣдня и др. (ib., 535, 536, 540). Къ этому же разряду повѣрій и сказаній относится древне-греческое о Ніобеѣ.

187.

Къ вопросу о значеніяхъ и происхожденіи слова „кабыця".

Въ харьковской губ. я слышалъ однажды слово „кабыця" въ приложеніи къ деревяннымъ ножкамъ съ перекладиной на верху, которыя вбиваютъ въ полѣ въ землю для подвѣски котла при варкѣ каши. Въ разговорную рѣчь поляковъ юго-западнаго края вошло, между прочимъ, слово кабыця—kowbica, обозначаетъ ножки для скамеекъ, вкопанныя въ землю (*Чубинскій*, VII, ч. I, 264). Въ словарѣ *Закревскаго* кабыця—подвижной очагъ; во 2 т. Запорожья. *Эварницкаго*—подвижной очагъ на камняхъ. Точнѣе у *Левченка* (въ Зап. ю. з. о. г. общ., II, 141): „особая печь въ сѣняхъ, въ которой готовятъ обѣдъ". Такое же опредѣленіе слова кабыця сдѣлано въ описаніи с. Курисово-Покровскаго (Балай—тожъ), составленномъ ститист. комитетомъ херсонской земской управы (стр. 17).

Слово кабыця заиствовано малороссіянами изъ какого-то монгольскаго или тюркскаго нарѣчія (у Миклошича пропущено). Слово это встрѣчается у осетинъ въ значеніи кладовой или небольшой комнаты въ задней части дома. Никто, кромѣ хозяйки, въ прежнее время не имѣлъ права туда входить. Ключи отъ кабыци хранятся хозяйкой (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, I, 127; *Ковалевскій*, Соврем. обычай, I, 96).

188.

Женитьба свѣчки.

Въ 196 № прекратившейся кіевской газеты „Заря“ 1884 г. помѣщено было любопытное описаніе „празднованія Семена“ въ Кіевѣ, въ ночь съ 1 на 2 сентября на всѣхъ мѣстныхъ базарахъ. „Для этого заранѣе заготовляютъ елки и увѣшиваютъ ихъ разными фруктами и огородными плодами. Арбузы и дыни занимаютъ первое мѣсто: они прикрѣплены къ вершинѣ ствола елки, затѣмъ къ вѣткамъ и сучкамъ привѣшиваютъ яблоки, груши, сливы и между ними прикрѣпляютъ разноцвѣтныя бумажки. На нѣкоторыхъ базарахъ торговки приготовили еще и чучело изъ тряпокъ и сѣна. Съ наступленіемъ ночи, когда торговля прекратилась, всѣ торговки и торговцы, занимающіеся продажей фруктовъ и огородныхъ овощей, сошлись вмѣстѣ (каждый базаръ самъ по себѣ) и составили семью пирующихъ. Тутъ поставлены были разные напитки и кушанья. Всякій могъ подходить, брать любой арбузъ, дыню, или тѣ или другіе фрукты, и ѣсть столько, сколько хотѣлъ. Вокругъ елки (а также вокругъ чучела) водили хороводы, танцовали и пѣли приличныя случаю пѣсни. Такъ провели всю ночь, и никто почти изъ торговцевъ не ночевалъ дома. Съ наступленіемъ дня пиршество прекратилось и только пустая посуда, да объѣдки отъ угощенія и лежащіе въ разныхъ мѣстахъ хмѣльные торговцы и торговки свидѣтельствовали, что торжество въ честь Семена праздновалось на славу. Во многихъ селахъ празднованіе Семена уже вывелось и осталось только преданіе о немъ“. „Празднованіе Семена“ описано было позднѣе въ 190 № „*Кіевлянина*“ 1889 г. подъ заглавіемъ: „Праздникъ свѣчки, или женитьба свѣчки“: „Вечеромъ 1 сентября на кіевскихъ базарахъ происходитъ странное празднество—*женитьба свѣчки*. На расчищенной площадкѣ въ какомъ нибудь уголкѣ базара, среди столиковъ и ларей стоитъ зеленое деревцо; вѣтви его перевиты яркими лентами и обвѣшаны кругомъ краснобокими яблочками и разными сластями; на вѣтвяхъ горятъ маленькія восковыя свѣчи. У деревца собрались въ кружокъ базарныя торговки. Шкаликъ водки обходитъ круговую, а когда участницы торжества подопьютъ, тянутъ пѣсни, то веселыя, игривыя, то заунывныя, смотря

по общему настроенію. Подобное же празднество совершается въ этотъ вечеръ и въ нѣкоторыхъ ремесленныхъ заведеніяхъ на окраинахъ Кіева: хозяинъ устраиваетъ вечеринку для своихъ рабочихъ, при чемъ также „женятъ свѣчку". Въ народѣ, кажется, не сохранилось объясненія этого страннаго празднества, нѣтъ спеціальныхъ пѣсенъ, пріуроченныхъ къ торжеству. Въ прежнее время на кіевскихъ базарахъ съ 1 сентября и до весны производилась торговля по вечерамъ съ фонарями, а въ мастерскихъ съ этого дня начиналась вечерняя работа, при свѣчахъ; теперь правило это не соблюдается строго".

Авторъ замѣтки о „женитьбѣ свѣчки" въ „Кіевлянинѣ" предлагаетъ остроумное историческое объясненіе этого обычая: „Четыреста лѣтъ тому назадъ Кіевъ находился подъ властью литовцевъ. Настолько онъ обѣднѣлъ послѣ цѣлаго ряда вражескихъ нашествій, пожаровъ и другихъ общественныхъ бѣдствій, что превращенъ былъ, по волѣ великаго князя литовскаго Казиміра IV, въ заурядный провинціальный городокъ, управляемый воеводою. Литовскіе воеводы были полными хозяевами Кіева и почти безконтрольно распоряжались судьбой его обывателей. Одинъ изъ такихъ воеводъ, заботясь о безопасности Кіева въ пожарномъ отношеніи, издалъ обязательное постановленіе, чтобы жители не смѣли по вечерамъ зажигать въ домахъ огонь. Этой радикальной противопожарной мѣрой достигался и другой результатъ, весьма пріятный для воеводы. Слуги его по вечерамъ обходили всѣ улицы города и, замѣтивъ въ какомъ-нибудь домѣ огонь, докладывали объ этомъ воеводѣ, а тотъ бралъ въ свою пользу съ виновнаго штрафъ, весьма крупный по тогдашнему времени: въ размѣрѣ 12 копъ, т. е. 730 грошей литовскихъ. Нѣсколько лѣтъ сидѣли кіевскіе обыватели въ потемкахъ, а наконецъ надоумились написать великому князю литовскому жалобу на воеводу, исчисляя всѣ тяжелыя повинности, которыя они несутъ по его волѣ; прописали также и про запрещеніе зажигать въ жильяхъ огонь по вечерамъ. Великій князь Александръ Казиміровичъ твердо помнилъ старинное изреченіе относительно Кіева:

„Nomen habet magnum spatiosa Kiowia quondam,
„Cuncta brevi imposito, tu, milite prospice forti".

(„Обширный нѣкогда Кіевъ имѣетъ славное имя. Хотя въ послѣднее время все придавилъ храбрый солдатъ, но все таки остерегайся“.)

Онъ прислалъ въ 1494 г. кіевлянамъ грамоту, которой уволилъ кіевскую мѣщанскую общину отъ многихъ повинностей и запретилъ воеводѣ брать штрафъ съ жителей за вечерній огонь въ домахъ. Но запрещеніе это, какъ видно, оставалось мертвой буквой для кіевскихъ воеводъ, и разорительный для кіевлянъ налогъ на „каганецъ“ или свѣчку взимался съ нихъ еще 12 лѣтъ. Наконецъ, въ 1506 г. польскій король Сигизмундъ I рѣшительно отмѣнилъ этотъ налогъ и далъ кіевлянамъ такую привилегію: „купцы и ремесленники всякіе маютъ добровольно огонь у своихъ домѣхъ завѣды держяти, коли хотячи; але въ корчомныхъ домѣхъ, лѣтѣ, коли вжо ночи малыи буваютъ, не надобѣ никому съ огнемъ пити“. Легко себѣ представить, какъ обрадовались кіевскіе купцы и ремесленники, получивъ такую важную привилегію. Въ первый же день перваго осенняго мѣсяца зажгли они въ своихъ домахъ „каганци“, лучины и свѣчи, не боясь воеводиныхъ штрафовъ, а къ нимъ на такое торжество сошлись посидѣть, поболтать и выпить при огнѣ и всѣ сосѣди, не принадлежавшіе къ числу торговцевъ или ремесленниковъ и потому лишенные права зажигать у себя по вечерамъ „свѣтло“.

Какъ бы ни подкупало читателя это историческое объясненіе въ свою пользу точными хронологическими цифрами и собственными именами историческихъ дѣятелей, оно не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что обычай „женить свѣчку“ подъ другими лишь названіями встрѣчается не въ одномъ Кіевѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, также въ Великороссіи и даже въ западно-европейскихъ странахъ, притомъ не только въ пріуроченіи ко дню Симеона Столпника 1 сентября, но въ приложеніи къ другимъ годовымъ и семейнымъ праздникамъ, напр., къ купальскимъ играмъ и къ свадьбѣ.

Въ 10 верстахъ отъ г. Лубенъ у священной криницы бываетъ лѣтомъ ярмарка, которая оканчивается гуляньемъ, напоминающимъ праздникъ свѣчки. По описанію этого гулянья въ 1874 г., „большинство посѣтителей ярмарки разсѣялось по склонамъ горъ, окружающихъ балку. Вершины горъ покрыты лѣсомъ, который рѣдѣетъ

постепенно, такъ что подошвы горъ, какъ и балка, обнажены отъ деревьевъ. Народъ располагался по горамъ группами, отъ 5 до 20 человѣкъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ, каждая группа преимущественно подъ деревомъ. Вотъ на одномъ деревѣ звѣздочкой мелькнулъ огонекъ, затѣмъ на другомъ, десятомъ, сотомъ, и вскорѣ всѣ горы заискрились тысячами такихъ звѣздочекъ; въ балкѣ, гдѣ расположилась ярмарка, и тамъ тысячи такихъ же звѣздочекъ: народъ зажигалъ копѣечныя восковыя свѣчи на деревьяхъ, на вбитыхъ въ землю шестахъ, на кустарникахъ, на возахъ, на рогахъ воловъ. Въ этотъ вечеръ у криницы продаютъ рублей на 300 свѣчей, кромѣ тѣхъ, которыя приносятся изъ дому... Затѣмъ начинается пѣніе. Каждая группа поетъ независимо отъ остальныхъ... Каждый силится пѣть во всю грудь. Впечатлѣніе отъ этого пѣнія совершенно своеобразное; въ немъ нѣтъ гармоніи; но нельзя уловить и дисгармоніи, которая непріятно поражала бы слухъ. Эта масса звуковъ въ закрытомъ горами пространствѣ сливается съ эхомъ и является чѣмъ-то стихійнымъ, какимъ-то чуднымъ хаосомъ звуковъ, который положительно подавляетъ слушателя... По временамъ изъ балки вдругъ поднимался звонъ отъ множества косъ, по которымъ ударяли крестьяне, сидѣвшіе у возовъ. Пѣніе продолжалось часовъ до 11, пока не истощился запасъ свѣчей... Оно смолкало постепенно, и послѣ полуночи уже никто не пѣлъ. Народъ улегся спать" (*Лоначевскій*, въ Зап. ю. з. о. геогр. об., II, 133).

Обыкновеніе „женить свѣчку" встрѣчается среди ремесленниковъ Харькова. Здѣсь обычай этотъ называется „засидки". Въ немъ нѣтъ весьма крупнаго элемента—дерева, но свѣчка и здѣсь имѣетъ такое же важное значеніе, какъ у кіевскихъ ремесленниковъ: ее украшаютъ лентами. Засидки бываютъ 1 сентября. Поработавъ полчаса или часъ, затѣмъ устраиваютъ пиршество, поютъ пѣсни.

Въ купальскихъ обрядахъ также открывается „праздникъ свѣчки". Въ с. Ставищахъ вблизи Бѣлой Церкви, кіев. губ., хлопцы на Ивана Купала (23 іюня) вырубаютъ деревцо изъ вишни, сосны или вербы и вкапываютъ его на видномъ мѣстѣ на пригоркѣ. Деревцо это называется „купайло". Дѣвушки украшаютъ его большими и малыми вѣнками изъ разныхъ цвѣтовъ, большею частію изъ барвинка и руты. Иногда деревцо украшаютъ еще восковыми свѣч-

ками, заранѣе приготовляемыми для этой цѣли дѣвушками. Обыкновенно ограничиваются однимъ „купайломъ"; иногда бываетъ нѣсколько такихъ украшенныхъ деревцовъ. Возлѣ „купайла" разводятъ огонь и прыгаютъ чрезъ него. Въ концѣ игры дерево ломаютъ и уничтожаютъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ бѣлоцерковск. у. кіевск. губ. „купайло" не вкапываютъ въ землю, а держатъ въ рукахъ двое дѣтей; когда они устанутъ, то парубокъ держитъ его, сидя на землѣ. Въ концѣ игры парубокъ, имѣющій въ рукахъ купайло, бѣжитъ; за нимъ гонится толпа играющихъ, нагоняетъ, разрываетъ купайло на части, которыя потомъ несутъ домой. Вѣнки, бывшіе на купайлѣ, иногда сохраняютъ и надѣваютъ для излѣченія головной боли. Вѣтки съ купайла разбрасываютъ по огороду, чтобы росла капуста, огурцы и пр. овощь. Дѣвушки бросаютъ вѣтки съ купайла въ воду, которой моютъ голову, чтобы волоса хорошо росли. Въ с. Глушкахъ того же у. украшенное деревцо бросаютъ въ воду, и за нимъ плывутъ дѣвушки, украшенныя вѣнками. Въ с. Трушкахъ того же у. къ каждому вѣнку, бросаемому въ воду, прикрѣпляютъ горящую восковую свѣчку собственнаго домашняго изготовленія. Въ с. Баканахъ дерево „купайлица" украшается множествомъ свѣчей изъ воска обязательно домашняго приготовленія. Въ с. Коржовцѣ „купайло" украшаютъ смоляными свѣчами (*Moszyńska* въ Zbiór wiadom., 1881, V, 24—44).

Чествованіе дерева съ зажиганіемъ на немъ свѣчей довольно обычно на украинскихъ свадьбахъ. Уже въ старинномъ описаніи украинской свадьбы Калиновскаго (1777 г.) находятся указанія на такой обычай. Въ субботу на дѣвичникѣ одна изъ дружекъ невѣсты свѣтилка, сидя въ большомъ углу, держала козацкую саблю, увитую калиновыми вѣтвями и ягодами, съ зажженной восковой свѣчкой тройчаткой. Кромѣ того, въ коровай втыкали большую еловую вѣтку (*Калиновскій*, изд. 1889, 2,5). Вильце въ современной украинской свадьбѣ весьма распространено. Для вильца берется вѣтка съ сосны, яблони, груши, вишни или черемухи. Ее украшаютъ цвѣтами, лентами, цвѣтными нитками и зажженными восковыми свѣчами. Между вѣтвями вильца иногда кладутъ горсть ржи. Вильце встрѣчается въ Малороссіи почти повсемѣстно (*Nowos.*, I, 190; *Чуб.* IV 99). Вильце во многихъ мѣстахъ М. Россіи и Га-

лиціи называется „ризкой“ (*Основа*, 1862, IV, 26; *Szablewska* въ VII т. Zbiór wiadom. 122). Въ с. Юрковщинѣ на Волыни женихъ и сваты съ вильцемъ ходили звать на свадьбу родныхъ невѣсты (*Bokossowska*, въ VII т., Zbior wiadom. 165). Въ Галиціи въ с. Цетули невѣста на украшенную цвѣтами „ризгу“ (изъ сосны) вѣшаетъ въ подарокъ жениху сорочку и хустку, и затѣмъ 9, 11 или 13 хлопцевъ несутъ ризгу къ жениху (*Tomaszewska*, въ Zbior wiadom. X, 63). Въ бѣлоцерковскомъ у. кіев. губ. дѣвушки поютъ, когда вьютъ вильце:

Якъ мы Иванови вильце звылы,
То синее море [1]) вырубали,
Червону калиноньку выломали,
Хрещатый барвинокъ выщыпали (*Moszynska*, въ Zbior Wiadom., II, 190).

Итакъ, „женитьба свѣчки“ представляется весьма сложнымъ и весьма распространеннымъ обрядомъ, связаннымъ съ годовыми и семейными праздниками. Значеніе этого обряда еще болѣе расширится, если мы выйдемъ за предѣлы Малороссіи и отмѣтимъ его существованіе въ Великороссіи, у поляковъ, чеховъ, болгаръ, нѣмцевъ, осетинъ. Эта далекая экскурсія показываетъ, что въ „женитьбѣ свѣчки“ мы имѣемъ не только кіевскій народный обрядъ, не исключительно малорусскій, даже не исключительно славянскій, а, можетъ быть, обще-арійскій, глубоко древній по происхожденію. Малорусскіе варіанты обрядоваго чествованія дерева съ возженіемъ свѣчей представляются многочисленными, разнообразными, съ сложной внѣшней обстановкой, съ своеобразной мѣстной народной окраской.

Въ Великороссіи чествованіе дерева, въ частности свадебное вильце, встрѣчается подъ разными названіями. Въ моложскомъ у. яросл. губ., когда дѣвушки идутъ къ невѣстѣ на дѣвичникъ, одна изъ нихъ несетъ впереди елку, украшенную цвѣтами и лентами; елка эта называется „дѣвьей красотой“. Вошедши въ комнату, ее ставятъ въ горшокъ и наверху прикрѣпляютъ зажженную свѣчку (*Этн. Сб.* I, 146; *Москвит.* 1842, IV, 454). Вички, которыми въ пермской губ. украшаютъ баню, когда въ ней моется невѣста,

---

[1]) Сосновый боръ большой и густой, какъ море. Объяс. г-жи Мошинской.

по названію, формѣ и времени обрядоваго употребленія напоминаютъ малорусское вильце (*Перм. Сборн.* I, 41). Въ подмосковныхъ деревняхъ вѣтку ели украшаютъ разноцвѣтной бумагой и выставляютъ ее послѣ свадьбы на фасадѣ избы подъ крышей (*Боевъ*, въ Сборн. матер. по этн., I, 39).

Малорусскому деревцу „купайлѣ" отчасти соотвѣтствуетъ великорусская рябиновая вѣтка „кукушка", украшенная лентами и цвѣтами, которую дѣвушки послѣ обѣдни въ день Вознесенія несутъ въ лѣсъ, обращаются къ ней съ словами, какъ къ кукушкѣ, цѣлуются одна съ другой (*Этн. Сб.*, V, 103).

Малорусскому „вильцу" и великорусской „дѣвьей красотѣ" соотвѣтствуютъ болгарская ила, сербская масличная вѣтвь, чешскій „stromek rajski", польское (куявское)—jabłonkę—украшенныя вѣтки или деревца, вокругъ которыхъ на свадьбахъ пляшутъ (*Sümlork*, Staroč. obyč. I, 477, II, 106; *Erben*, Prost. čes., pis. IV, 316; *Боевъ*, въ Сбор. матер. I, 39; *Вукъ Караджичъ*, Срп. нар. пjèс. I, 10; *Kolberg*, Lud, III, 356).

Славянскимъ обряднымъ деревцамъ, въ особенности „купайлу" и „кукушкѣ", соотвѣтствуетъ майское деревцо въ Германіи и Италіи, на которое кладутъ вѣнки и вокругъ котораго молодежь танцуетъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 377; *Rochholz*, Wilh. Tell, 40 и др.).

Отмѣтимъ здѣсь сицилійское вильце, называемое „zuccuruni". Это украшенная вѣтка, которую отецъ невѣсты несетъ на базаръ, какъ знакъ предстоящей свадьбы, и передаетъ ее жениху. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи женихъ рано утромъ ставитъ передъ дверями дома, гдѣ живетъ невѣста, фиговую вѣтку, украшенную цвѣтами и лентами (*Marrenè*, Wisła, 1889, 804).

Любопытно, что чествованіе деревца, иногда съ возженіемъ свѣчей, на свадьбахъ и годовыхъ праздникахъ встрѣчается въ глухихъ мѣстахъ Кавказа, въ Аравіи, въ Монголіи, у народовъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ культурныхъ европейскихъ вліяній. Въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій обычай кавказскихъ горскихъ евреевъ: Молодые люди и дѣвушки въ день открытія весны идутъ въ лѣсъ искать „шамъ-агажи" (дерева-свѣчи или елку) и затѣмъ ночью изъ нѣсколькихъ штукъ этихъ молодыхъ

деревъ разводятъ костеръ и прыгаютъ черезъ огонь, распѣвая слѣдующую пѣсню:

„Дерево-свѣчи, дерево пѣвчихъ птичекъ,
Эта ночь-весны ночь.
Да будутъ на высотѣ евреи,
Да умрутъ враги ихъ!" (*Анисимовъ*, въ Сборн. матер. по этн. III, 220).

Отдаленнымъ варіантомъ вильца представляется зеленая вѣтвь, которую у бедуиновъ Синая сватъ втыкаетъ въ свой тюрбанъ въ знакъ удачнаго сватовства, при чемъ вѣтвь эту онъ получаетъ отъ отца невѣсты, въ случаѣ его согласія на бракъ дочери (*Klemm*, Allgem. Kulturg. IV, 148).

У бурятъ во время свадьбы втыкаютъ во дворѣ березовое дерево, которое означаетъ, что потомки новой четы должны разростись, какъ вѣтви дерева; на дерево навѣшиваютъ шубу съ кофтой и ставятъ къ нему онгоны (идолы изъ тряпокъ и кистей). Во время общественныхъ моленій монголы разстилаютъ войлоки (передъ каждымъ семействомъ) и передъ каждымъ войлокомъ втыкаютъ въ землю по березовому прутику — „тургы", а впереди прутика стоитъ посуда съ припасами. На правой сторонѣ жертвенника втыкается въ землю залма, т. е. срубленное березовое деревцо, вершина котораго должна быть выше жертвенника. Одинъ изъ монгольскихъ онгоновъ (идоловъ) состоитъ изъ березоваго сучка съ тремя отраслями, что изображаетъ священное дерево. Въ монгольскихъ сказаніяхъ встрѣчается міровое дерево, Оронъ-Ганцханъ-Модонъ: подъ его тѣнью могутъ укрыться двѣ тысячи людей; шишки на немъ съ юрту; изъ одного листа выходитъ шесть покрышекъ на юрту (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монг., IV, 31, 81, 101, 181).

У остяковъ и самоѣдовъ на Оби также существуетъ обычай увѣшивать деревья тряпочками въ даръ духамъ мѣстности, т. наз. лозамъ. У каждаго овражка, на каждой горѣ и на берегу всякой рѣчки есть свой завѣтный кустъ или дерево, гдѣ инородцы приносятъ свои дары или козъ лозамъ. Эти деревья увѣшаны ленточками, тесемочками, тряпочками, ремешками и даже нитками (ib. 702).

Многія свадебныя пѣсни и веснянки съ чудеснымъ деревомъ находятъ достаточное объясненіе въ приведенныхъ выше обрядовыхъ

чествованіяхъ деревца, напр., свадебная болгарская: „Выросла яблоня на дворѣ у Ганки; кто ни пройдетъ, яблоко сорветъ и пр". (*Боевъ*, 27).

Въ какомъ отношеніи ко всѣмъ этимъ деревьямъ стоитъ чудесное дерево колядокъ и щедровокъ—трудно рѣшить. Колядочный мотивъ о чудесномъ деревѣ съ тремя корыстями (выгодами) отъ него подробно разобранъ во 2 т. „Объяс. малор. и срод. пѣсенъ" А. А. Потебни (211—246). Повидимому, въ колядочныхъ деревьяхъ слились разнообразныя вліянія, древнѣйшія религіозно-миѳическія, позднія религіозно-апокрифическія и легендарныя, а нѣкоторые мотивы могутъ быть отнесены къ той весьма обширной категоріи обрядныхъ деревьевъ, которая у насъ идетъ подъ общимъ заглавіемъ „женитьба свѣчки" и подлежитъ, какъ мы думаемъ, особому толкованію.

Сказанія о чудесномъ деревѣ и чествованіе дерева съ возженіемъ свѣчей подвергались различнымъ объясненіямъ, именно: 1) историческому, 2) апокрифическому и легендарному и 3) миѳологическому. По моему мнѣнію, большинство фактовъ этого рода поддается объясненію религіозно-обрядовому, которое т. о. будетъ четвертымъ по счету объясненіемъ данныхъ повѣрій и обрядовъ, точнѣе сказать третьимъ, такъ какъ первое объясненіе, историческое, высказанное въ нынѣшнемъ году въ „Кіевлянинѣ", можетъ быть признано вполнѣ несостоятельнымъ.

Представителями апокрифической и легендарной теоріи являются на западѣ—Кассель, у насъ акад. А. Н. Веселовскій и В. Н. Мочульскій; наиболѣе крупныя и цѣнныя доказательства предложены г. Веселовскимъ. Кассель говоритъ, что обрядное дерево происходитъ изъ общей христіанской идеи, и въ частности обрядная рождественская елка изъ мѣстнаго нѣмецкаго искусства; послѣднее мнѣніе высказано бездоказательно, и основательность его подлежитъ сомнѣнію. Обрядное дерево, именно дерево рождественское, по мнѣнію Касселя, символизируетъ древо рая. Народъ усвоилъ это дерево изъ иконописныхъ и литературныхъ источниковъ, въ особенности изъ мистерій о райской жизни (Paradiesspiele). Въ средніе вѣка существовали различныя мнѣнія о ботаническомъ родѣ древа познанія добра и зла; его считали апельсиновымъ деревомъ, виноградной лозой, чаще всего ябло-

ней или смоковницей. Во Франціи и въ Германіи укоренилось въ народѣ мнѣніе, что это была яблоня, и что змѣй искуситель поднесъ Евѣ яблоко. Въ греко-восточной церкви утвердилось мнѣніе, что это была смоковница, и потому растеніе это изображалось на картинахъ рая. Мнѣніе это раздѣляли нѣкоторые западно-европейскіе ученые, напр., Абелярь. Въ Германіи ель стала знаменовать рай, древо познанія добра и зла, далѣе древо жизни (какъ вѣчно зеленое), и любовь, причемъ стали украшать ель яблоками и свѣчами (*P. Cassel,* Aus Liter. u. Symbolik, 310—315).

А. Н. Веселовскій обратилъ вниманіе на то, что въ средневѣковой романтикѣ весьма любимъ образъ искусно сдѣланнаго дерева съ поющими на его вѣткахъ механическими птицами. Онъ встрѣчается въ различныхъ редакціяхъ Вольфдитриха и въ Розенгартенѣ. Г. Веселовскій полагаетъ, что въ основѣ этихъ описаній лежатъ дѣйствительные успѣхи средневѣковой механики, находящіе подтвержденіе въ историческихъ памятникахъ. Въ русскихъ рукописяхъ сохранилось сказаніе о золотомъ древѣ Византіи съ птицами, поющими на разные голоса, пріуроченное къ царю Михаилу. Далѣе г. Веселовскій указываетъ, что христіанское міросозерцаніе усвоило себѣ образъ дерева для обозначенія міра, связавъ съ этимъ образомъ легенды о крестномъ древѣ. Символическое дерево-крестъ находится въ романахъ круглаго стола, въ физіологахъ, въ духовныхъ стихахъ и произведеніяхъ искусства. Собирая внѣшнія черты апокрифическо-легендарнаго древа, г. Веселовскій обрисовываетъ его так. обр.: міровое дерево высится до неба; корень спускается въ адъ; кругомъ ствола обвился змѣй; на вершинѣ символическая птица, непріязненная тому змѣю; на вѣтвяхъ—птицы, четвероногія, питающіяся отъ его плодовъ; съ боку—рана откуда сочится влага; у подошвы—райскій источникъ, источникъ юности (*Веселов.*, Разыск. въ обл. дух. ст. IV, 47 и сл.; XI дополн. 351—360).

Г. Мочульскій вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе г. Веселовскаго и пользуется его доказательствами, прибавляя съ своей стороны нѣсколько выписокъ изъ разныхъ списковъ „Бесѣды трехъ святителей“, въ которыхъ вселенная представлена въ видѣ дерева, люди—въ видѣ листьевъ, смерть—въ видѣ голубя, земля—въ видѣ лохани (*Мочульскій,* о Голуб. книгѣ, 223—228).

Легендарно-апокрифическое толкованіе простирается лишь на чудесное дерево колядокъ и почти совсѣмъ не захватываетъ другихъ проявленій обряднаго древа. Такъ, его трудно примѣнить къ свадебному вильцу и къ женитьбѣ свѣчки.

Болѣе обширное примѣненіе имѣетъ религіозно-миѳическое толкованіе древа жизни, въ нѣмецкой наукѣ развитое Куномъ, въ русской—Аѳанасьевымъ и г. Потебней. Аѳанасьевъ, пользуясь соображеніями Куна, говоритъ, „что дождевыя тучи, потемняющія небесный сводъ широко-раскинутою и многовѣтвистою сѣнію, въ глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собою весь міръ, дереву, вѣтви котораго обращены внизъ къ землѣ, а корни простираются до самаго высокаго неба". Далѣе слѣдуютъ указанія на вѣчно неувядаемое дерево индійскихъ преданій, подъ которымъ пребываютъ души блаженныхъ, небесное древо жизни зендской миѳологіи, отъ котораго произошли на землѣ всѣ растенія, съ орломъ на вершинѣ, скандинавскій Издразиль и пр. (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр слав. на пр. II, 277 и сл.).

А. А. Потебня, ознакомившись съ легендарно-апокрифическимъ толкованіемъ чудеснаго древа сказаній, повѣрій и обрядовъ, не находитъ возможнымъ отказаться въ пользу этого толкованія отъ старой миѳологической теоріи. Предполагая, что запѣвы съ „мысленнаго древа" были обычны въ пѣсняхъ XII в., г. Потебня сомнѣвается, чтобы можно было ихъ вывести изъ однихъ книжныхъ, христіанскихъ, апокрифическихъ источниковъ, хотя вообще признаетъ несомнѣннымъ вліяніе этихъ источниковъ на народную словесность. Г. Потебня думаетъ, что библейскія сказанія о древѣ жизни и древѣ познанія добра и зла и апокрифы о райскомъ и крестномъ древѣ застали уже на славянской почвѣ другія сходныя сказанія, частью туземныя, частью заимствованныя изъ другихъ источниковъ. Какъ „мысленному дереву" приписывались къ извѣстной мѣрѣ свойства дѣйствительнаго, такъ, наоборотъ, священныя деревья съ вытекающими изъ подъ нихъ источниками, стоявшія у языческихъ храмовъ, какъ въ Упсалѣ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, у поморянъ по свидѣтельству жизнеописанія Оттона Бамбергскаго и пр. могли быть не только первообразами міроваго дерева, какъ думаетъ Мангардтъ, но и его изображеніями и земными воплощеніями (*Потебня*,

Объяс. малор. и срод. пѣс. II, 223, 227). Въ этомъ объясненіи миѳологическое толкованіе чудеснаго дерева, очевидно, получило надлежащія ограниченія.

Если легендарно-апокрифическое толкованіе чудеснаго дерева представляется узкимъ, не охватывающимъ многихъ повѣрій и обрядовъ съ деревомъ, то толкованіе религіозно-миѳическое можно признать слишкомъ широкимъ и растяжимымъ. Для обряднаго деревца, въ частности для объясненія „женитьбы свѣчки", оба эти толкованія предстевляются намъ неподходящими.

Признавая вліянія легендарно-апокрифическія, я не считаю ихъ существенно важными, такъ какъ, полагаю, что дѣйствовали они въ позднее время, и явленія народной словесности, порожденныя ими, малочисленны. Весьма возможно, что нѣкоторыя, весьма немногія явленія поэзіи и обряда обусловлены древнѣйшей языческой миѳологіей; но я сильно сомнѣваюся въ философскомъ достоинствѣ миѳологіи русскихъ славянъ. Другое дѣло—индусы, иранцы, греки. Они издревле жили на благословенной почвѣ юга, въ глубокой древности воспользовались искусствомъ и письменами, выработали сложныя формы общественной жизни и поднялись на высокую ступень философскаго мышленія. Наши предки тысячу лѣтъ назадъ еще „живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотьски, живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто". Сомнительно, чтобы они додумались до міроваго дерева, до древа жизни, чтобы имѣли на этотъ счетъ какія либо сложныя и разработанныя миѳическія представленія. Наши предки жили въ лѣсу и молились въ лѣсу, причемъ деревья составляли постоянную внѣшнюю обстановку моленій и жертвоприношеній. Константинъ Багрянородный говоритъ, что русскіе совершали жертвоприношенія въ лѣсахъ (*Макушевъ*, Сказ. иностр., 26). Въ уставѣ св. Владиміра воспрещается молиться въ рощеніи. Кириллъ Туровскій радовался, что съ принятіемъ христіанства „уже бо не нарекутся богомъ древеса". Въ житіи кн. Константина Муромскаго говорится о поклоненіи „дуплинамъ древянымъ", которыя обвѣшивали полотенцами (*Срезневскій*, въ Финск. Вѣст. 1847). Въ „Духовномъ регламентѣ" воспрещается „предъ дубомъ молебны пѣть" (*Снегиревъ*, Рус. простонар. празд. IV, Доп. 189). Въ

Россіи и въ Сербіи было нѣкогда обыкновеніе вѣнчать молодыхъ людей обведеніемъ вокругъ ели или дуба.

Какъ совершалось моленіе подъ деревомъ и въ чемъ собственно состояла первоначально „женитьба свѣчки“ и свадебное „вильце“, можно видѣть на позднѣйшихъ русскихъ и инородныхъ пріемахъ чествованія дерева.

Въ 1783 г. свящ. Никита Яковлевъ донесъ псковской духовной консисторіи, что въ зачеренскомъ погостѣ въ церковной оградѣ, близъ храма, за часовнею лежитъ большая упавшая сосна, которой народъ воздаетъ чрезвычайно отмѣнное почитаніе. Многіе сходятся къ ней на Ильинскую пятницу и приносятъ шерсть, сыръ, мясо и свѣчи; послѣднія прикрѣпляютъ къ соснѣ и зажигаютъ; восковыя капли и гнилушки уносятъ домой, какъ цѣлебныя. Дерево это было уничтожено военной командой (*Пск. Губ. Вѣд.* 1864, № 24).

Не далѣе 1876 г. въ Осетіи въ с. Камунтѣ въ семьѣ Атаевыхъ хранился и пользовался поклоненіемъ сосновый отрубокъ пуда 2 вѣсомъ, считавшійся фамильнымъ дзуаромъ (домовымъ), дававшимъ богатство. Въ 1876 г., по совѣту мѣстнаго благочиннаго, отрубокъ этотъ былъ сожженъ. О происхожденіи этого отрубка существовало такое преданіе: Одинъ изъ предковъ Атаевыхъ пошелъ однажды въ дальній лѣсъ нарубить дровъ. Когда онъ замахнулся на одно дерево, вдругъ раздался голосъ: „не руби!“ Онъ началъ рубить другое дерево, и голосъ повторился. Тогда онъ ударилъ по третьему дереву; изъ него потекла кровь и молоко. Атаевъ заключилъ, что въ деревѣ поселился дзуаръ богатства, отрубилъ кусокъ и принесъ его къ себѣ домой. Дзуаръ былъ прикрѣпленъ въ конюшнѣ къ яслямъ, и Атаевы стали ежегодно приносить ему въ жертву ягненка, пиво и аракъ. Съ тѣхъ поръ семья Атаевыхъ стала богатѣть, и свое благосостояніе они приписывали священному отрубку (*Русск. Мысль,* 1881, IX, 75).

Въ религіозныхъ обрядахъ сарапульскихъ вотяковъ обнаруживаются такія подробности, которыя также до нѣкоторой степени могутъ уяснить древнѣйшую обстановку славяно-русскаго богослуженія въ лѣсу, обломками котораго позднѣе являются женитьба свѣчки, вильце и сходныя съ нимъ обрядовыя чествованія деревца съ возженіемъ свѣчей. „Мнѣ пришлось, говоритъ г. Богаевскій, присутство-

вать на двухъ моленіяхъ (вотяковъ) въ лѣсу... Оба моленія были случайныя, назначенныя для умилостивленія боговъ, насылавшихъ неурожаи. Въ одномъ изъ нихъ принимала участіе цѣлая деревня Миндеры... Дорогою то и дѣло попадались намъ вотяки и вотячки въ праздничныхъ платьяхъ... Въ рукахъ у всѣхъ были пестери (мѣшки), наполненные приношеніями. Веселый смѣхъ раздавался повсюду... Моленіе продолжалось уже пять дней; за это время они успѣли принести въ жертву жеребенка, гуся, барана... У опушки лѣса на довольно большой лужайкѣ раздавался неумолкаемый гулъ... У самаго лѣса замѣтно было приготовленіе къ моленію. Противъ елки изъ сучьевъ былъ устроенъ столъ, покрытый вѣтвями, вокругъ котораго съ трехъ сторонъ сидѣли старики. Нѣсколько въ сторонѣ позади этого стола было мѣсто для старухъ. Около самой елки былъ приготовленъ небольшой столикъ, на которомъ стоялъ буракъ съ медомъ и лежалъ коровай хлѣба. Около хлѣба была положена маленькая дощечка съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчей, и небольшая еловая вѣтка въ формѣ рогатки съ затянутымъ клеемъ концомъ. Къ самому дереву было прибито полотенце. Справа отъ елки прямо на землѣ лежали приношенія... Налѣво отъ елки были поставлены котлы, въ которыхъ варилось мясо принесеннаго въ жертву животнаго". Опускаемъ слѣдующее затѣмъ подробное описаніе жертвоприношенія овцы, послѣ котораго впереди всѣхъ, лицемъ къ елкѣ стали два васяся въ шапкахъ, за ними народъ безъ шапокъ, и началась общая молитва и затѣмъ общее ѣденіе свареннаго мяса (*Богаевскій*, въ III т. Сборн. матер. по этнограф., 20—24). Особенно торжественное моленіе Луду или Кереметю у вотяковъ бываетъ вскорѣ послѣ Петрова дня. Женщинъ на это моленіе не допускаютъ. Мужчины предварительно омываются въ банѣ и одѣваются въ лучшія одежды. Замѣчательно въ этомъ моленіи то, что мѣстомъ дѣйствія всегда бываетъ священная роща, и передъ елкой зажигаются свѣчи (ib. 25). Каждый большой праздникъ вотякъ молится въ шалашѣ, находящемся при его домѣ и служащемъ семейнымъ святилищемъ. Святилище это посвящено покровителю семьи, своего рода домовому Мудору. Моленіе въ шалашѣ совершаетъ старшій членъ семьи. Стѣны, столъ и полки въ шалашѣ украшаютъ зелеными прутьями (ib. 26).

Мы сдѣлали подробное извлеченіе изъ описанія г. Богаевскаго вотяцкихъ моленій, чтобы подчеркнуть, какъ глубоко проникнуть весь этотъ ритуалъ деревомъ, елью, и думаемъ, что славяно-русскій ритуалъ моленій очень близко по своему складу подходитъ къ нынѣшнему вотяцкому ритуалу, такъ что подробностями послѣдняго объясняются жалобы древнихъ наставниковъ и моралистовъ; напримѣръ, упоминаемое въ житіи кн. Константина Муромскаго обвѣшиваніе „дуплинъ древяныхъ полотенцами повторяется въ современномъ вотяцкомъ моленіи. Такой же характеръ моленія и жертвоприношенія носили въ древности малорусскіе обряды, извѣстные нынѣ подъ названіемъ „женить свѣчку“, „вить вильце“ и т. п.

Что касается самаго термина „женить свѣчку“, то произошелъ онъ, по всей вѣроятности, отъ обычая обвязывать свѣчу красными лентами и можетъ быть отнесенъ на счетъ малорусскаго народнаго юмора, предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что на малорусскомъ юморѣ построенъ любопытный обычай „рачьей свадьбы“ въ Алешкахъ: Въ праздникъ Петра и Павла послѣ дѣлежа денегъ, вырученныхъ отъ продажи раковъ, ловлею которыхъ занимаются преимущественно женщины, въ Алешкахъ ежегодно устраивается рачья свадьба, на которую приглашается обыкновенная простая музыка съ бубенщикомъ во главѣ. Гулянье продолжается три дня и три ночи и сопровождается общей попойкой, пѣніемъ и пляской. Въ продолженіе этихъ трехъ дней по столу ползаютъ крупные отборные ракъ и рачица, одѣтые: ракъ въ рубашку и брюки, а рачица съ цвѣтами на головѣ въ юбку, при чемъ гуляющіе перевязываются разноцвѣтными лентами, которыми перевязываютъ и виновниковъ торжества—раковъ (*Этногр. Обозр.* III, 190; изъ Одесск. Вѣстн. 1889, № 183).

Въ ближайшую связь съ обрядовымъ чествованіемъ дерева можно поставить обрядовое употребленіе сѣна и соломы.

Въ сочиненіи о свадебныхъ обрядахъ (185—186) я уже говорилъ объ обрядовомъ употребленіи соломы и сѣна на свадьбахъ въ Великой и Малой Россіи, въ Германіи, въ древней Индіи. Приведенные тамъ факты я позволю себѣ здѣсь дополнить нѣсколькими любопытными данными объ обрядовомъ употребленіи сѣна и соломы на праздникъ Рождества Христова въ Угорской Руси и Малороссіи.

Угро-руссы устраиваютъ въ комнатахъ соломенныя настилки, что должно знаменовать скромную постель новорожденнаго Спасителя (*Де-Волланъ,* Угр.-рус. пѣс. 25). Въ юго-западномъ краѣ (напр., въ острож. у.) въ ночь наканунѣ Р. Хр. всѣ кладутъ на постели сѣно (*Чубинскій,* III, 264). Полвѣка назадъ обрядъ этотъ былъ съ тѣмъ же самымъ объясненіемъ значенія его: сѣно, покрывавшее прилавокъ, должно было напоминать ясли, въ которыхъ положенъ былъ Спаситель (*Сементовскій,* въ Маякѣ 1843, XI, 34). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи въ сѣно закладываютъ три головки чесноку и 12 луковицъ для ворожбы на мѣсяцъ. Хозяинъ приноситъ снопъ сбожья, говоря, что несетъ дѣда, и ставитъ его на покутьѣ. Послѣ ужина онъ кладетъ кутью передъ „дѣдомъ". На четвертый день хозяинъ самъ выноситъ „дѣда" на токъ, и потомъ изъ него перваго молотится и мелется зерно. Солому иногда сожигаютъ и скачутъ черезъ нее, чтобы очиститься отъ зла. Сѣномъ окручивали плодовыя деревья, чтобы они лучше родили (*Срезневскій,* въ „Маякѣ" 1843, XI, 55). Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Панна Сотниковна", напечатанной въ „Современникѣ" 1840 г., въ описаніи быта малорусской козацкой старшины 20-хъ годовъ XVIII в. говорится, по преданію, объ обѣдѣ подъ Р. Хр. на сѣнѣ, „въ воспоминаніе того что Спаситель избралъ для рожденія своего самый бѣднѣйшій вертепъ и благоволилъ быть положенъ въ ясляхъ на сѣно". Тожественный обычай бытуетъ у поляковъ (*Kolberg,* Lud, V, 192). Ближайшее объясненіе—религіозно-нравственное—дано Квиткой со словъ народа; объясненіе древняго значенія обычая, какъ остатка жертвоприношенія, у *А. Куна,* Westphäl. Sagen II, 110 и *Либрехта,* Zur Volkskunde, 494.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Цеховыя братства въ мѣстечкѣ Степани.

(ВОЛЫНСКОЙ ГУБ., РОВЕНСКАГО УѢЗДА).

Юго-западныя церковныя братства и цеховыя общины, несмотря на разнородность своихъ интересовъ и цѣлей[1]), исторически соединялись въ одну своеобразную религіозно-экономическую ассоціацію, получившую смѣшанное церковно-гражданское устройство. Подобные союзы, какъ извѣстно, существовали большею частью въ городахъ и большихъ мѣстечкахъ юго-западнаго края, бывшихъ центрами тогдашняго областнаго церковно-гражданскаго дѣленія (діецезій,повѣтовъ, войтовыхъ ключей).Во многихъ мѣстечкахъ волынской губерніи сохранились остатки бывшихъ цехово братскихъ союзовъ; но степанскія цеховыя братства заслуживаютъ особеннаго вниманія уже потому одному, что успѣли до сихъ поръ сохраниться не въ формѣ отжившей традиціи (какъ въ другихъ мѣстечкахъ), а въ формѣ все еще живучихъ, дѣйствующихъ и усердно поддерживаемыхъ крестьянами общинъ.

Всѣхъ цеховъ въ м. Степани въ настоящее время девятнадцать: 1) цехъ старшихъ троицкихъ братчиковъ, 2) цехъ старшихъ троицкихъ сестеръ, 3) молодыхъ братчиковъ, 4) дѣвичій, 5) молодецкій, 6) рыбарскій, 7) ткацкій, 8) гарбарскій (гарбари—кожевники), 9) цехъ николаевскихъ братчиковъ, 10) николаевскихъ сестричекъ, 11) пахарскій, 12) шевскій, 13) кушнирскій

---

[1]) Первые, какъ извѣстно, были общественно-религіозными союзами и носили церковный характеръ, а вторыя—ассоціаціями чисто экономическаго, индустріальнаго характера, выработавшимися на почвѣ господствовавшаго въ юго-западной Россіи магдебургскаго права.

(кушнири—овчинники), 14) млинарскій, 15) пчелярскій, 16) кравецкій, 17) цехъ пречистскихъ сестеръ, 18) пречистскихъ братчиковъ и 19) музыкальный цехъ. По степанскимъ церквамъ они расцредѣлены такъ: первые восемь—принадлежатъ троицкому приходу, слѣдующіе за тѣмъ пять цеховъ николаевскому, остальные пять преображенскому; послѣдній музыкальный цехъ принадлежитъ частью къ троицкому приходу, а частью къ римско-католическому костелу. Костелу принадлежалъ также отчасти и ткацкій цехъ. Кромѣ этихъ перечисленныхъ цеховъ, къ степанскимъ существующимъ приходамъ были приписаны еще цехи бывшаго четвертаго прихода—успенскаго, церковь котораго давно сгорѣла. Изъ цеховъ этого прихода въ настоящее время сохранились только два: пречистскихъ братчиковъ и сестеръ, приписанные къ преображенскому приходу.

По словамъ крестьянъ, всѣ степанскіе братскіе цехи ведутъ свое начало „зъ покинъ вику", но на самомъ дѣлѣ происхожденіе ихъ нельзя считать очень древнимъ. Основываясь на сохранившихся у нѣкоторыхъ цеховъ документахъ, можемъ утверждать, что цехи существовали въ м. Степани гораздо раньше братствъ, приблизительно въ началѣ XVII ст.,—тогда какъ послѣднія были основаны не раньше половины XVIII столѣтія. Изъ братскихъ, въ собственномъ смыслѣ, документовъ сохранились только „артикулы", состоящіе изъ 12 членовъ и составлявшіе нѣкогда уставъ братства. Одинъ документъ этого рода (объ учрежденіи при степанской Успенской церкви братства „подъ именемъ и защищеніемъ Дѣвы Маріи Богородицы"), данный „*Ѳеодосіемъ Лубіенпъцкимъ Руднъцкимъ... екзархомъ Метрополіи Кіевской и всея Россіи, епископомъ Луцкимъ и Острогскимъ, Архимандритомъ Каневскимъ*", хранится въ цехѣ успенскихъ братчиковъ; онъ значится подъ датою 1751 года, 10 мая, за подписомъ епископа и его писаря Романа Выговскаго [1]). Другой бланкъ

---

[1]) Послѣ предисловія, въ которомъ говорится о просьбѣ степанскихъ „славетнихъ гражданъ" къ его преосвященству объ основаніи при Успенской церкви братства, слѣдуютъ артикулы въ такомъ порядкѣ: въ первомъ артикулѣ говорится объ обрядѣ принятія въ братство новаго члена; во второмъ—о строго нравственной жизни братчиковъ; въ третьемъ—объ обязательности для каждаго брата утренней и

такого же документа, безъ подписи и даты, сохранился у троицкихъ братчиковъ съ заголовкомъ: *„Фалиціанъ Филиппъ Володкевичъ, Божіею и св. Ѳрона Апостольскаго благодатью Архіепископъ Митрополіи Кіевской, Галицкой и всея Россіи, Епископъ Протоѳроній Володимірскій и Берестя-Литовскаго и Архимандритъ Кіево-Печерскій"*. Братства, обладающія этими документами, считаются древнѣйшими. Такъ какъ поименованные епископы жили въ прошломъ столѣтіи, то происхожденіе остальныхъ братствъ можно отнести къ болѣе позднему времени. Только для братскихъ цеховъ римско-католическаго костела—ткацкаго и музыкальнаго, да еще шевскаго и гарбарскаго нужно указать болѣе древнее происхожденіе (конецъ XVI и начало XVII ст.). Изъ цеховыхъ документовъ у ткачей сохранилась запись ксендза о. Антонія Хорошинскаго—пробоща степанскаго, о принятіи имъ въ 1835 году воску „до костела" отъ ткацкаго и музыкальнаго цеховъ *„въ силу эрекціи 1614 года 5 декабря"* какъ говорится въ записи [1]). Если принятіе воска отъ поименованныхъ цеховъ основывалось на эрекціонномъ правѣ 1614 года, то несомнѣнно, что эти цехи въ то время уже существовали. Принимая далѣе во вниманіе то, что указанная въ записи эрекціонная хронологическая дата совпадаетъ съ годомъ основанія степанскаго костела [2]), мы можемъ утверждать одновременность

вечерней молитвы; въ четвертомъ—объ исповѣди и причастіи братчиковъ; въ пятомъ—о держаніи свѣчей во время богослуженій; въ шестомъ—о посѣщеніи больныхъ и погребеніи усопшихъ; въ седьмомъ—о дѣлахъ милостыни и братскихъ церковныхъ службахъ (въ среду за живыхъ и въ субботу за усопшихъ); въ восьмомъ—объ обязанностяхъ странствующихъ братчиковъ; въ девятомъ—о послушаніи своему духовному отцу; въ десятомъ—объ организаціи братства и порядкѣ избраній на братскія должности; въ одиннадцатомъ—о братскихъ приходорасходныхъ книгахъ; въ двѣнадцатомъ—о братскихъ сходкахъ и судѣ. Интересующіеся полнымъ текстомъ этого документа могутъ прочесть его въ Волынскихъ Епарх. Вѣд. за 1869 г. (см. конецъ статьи Добротворскаго: „Описаніе градскихъ кременецкихъ церквей").

[1]) Вотъ эта запись: „1835 г. 4 апрѣля. Свидѣтельствую этимъ квитомъ, даннымъ отъ меня, въ томъ, что въ силу эрекціи 1614 г. 5 декабря, данной степанскому римско-католическому костелу, а въ 1807 г. волей Цесажа подтвержденной, принято мною до костела отъ двухъ цеховъ - ткацкаго и музыкальнаго воску желтаго фунтовъ 4 и грошей 26; и это за годъ теперешній 1835. Каковой квитъ, при печати костельной, подписую. Dato ut supra. Ксендзъ А. Хорошинскій".

[2]) Степанскій костелъ основанъ отступникомъ отъ православія Янушемъ Кон-

основанія католическихъ цеховъ съ основаніемъ степанскаго костела. Древность шевскаго и гарбарскаго цеховъ подтверждается важнымъ документомъ, даннымъ этимъ цехамъ въ 1636 году 25 мая княземъ Владиславомъ Доминикомъ Заславскимъ, графомъ Тарновскимъ. Документъ этотъ не основываетъ цехи, а только подтверждаетъ ихъ права,—*„данныя издавна отъ святой памяти предковъ нашихъ“*, пишетъ Владиславъ Доминикъ, *„которыя* (т. е. права) *прошлаго года* (т. е. 1635 г.), *по произволенію Божію, сгорѣли“*. Слѣдовательно, происхожденіе этихъ правъ нужно отнести еще къ болѣе древнему времени. Копія этого документа, красиво написанная по польски на бѣломъ тонкомъ пергаментѣ, въ настоящее время хранится у цехмистра шевскаго цеха.

Степанскіе крестьяне очень дорожатъ подобными документами и уставомъ своихъ братствъ. „Артикулы“ они неохотно показываютъ постороннимъ, хотя никогда, впрочемъ, ихъ не читаютъ и, конечно, не исполняютъ. Изъ всѣхъ 12 статей братскаго устава ими вполнѣ исполняется до настоящаго времени только пятый артикулъ.—„Должны будутъ братія, говорится въ въ этомъ пунктѣ устава, во время всенощнаго, на литіи вси, во время утренняго Евангелія и Славословія во двою или болшь, во время службы Божія, Евангелія, Херувимской пѣсни, такожде каноника и во время „Святъ Господь“ и чрезъ „Изряднѣе“ вси со свѣщами посредѣ церкви стояти“. Дѣйствительно, и до настоящаго времени во всѣ поименованные моменты православныхъ службъ братчики, а также иногда и сестрички, выстраиваются въ церкви въ ряды (братчики стоятъ двумя рядами въ длину церкви, а сестрички въ своемъ отдѣленіи—однимъ рядомъ въ ширину) и держатъ $1^1/_2$ аршинныя братскія восковыя свѣчи.

До настоящаго времени степанскіе цехи держатся еще своей давней, довольно стройной организаціи. Старшій братчикъ—цехмистръ (или цехмистриха, смотря по тому мужскій ли цехъ, или женскій) представляютъ первую и самую главную инстанцію

стантиновичемъ Острожскимъ въ 1614 году (см. „Волынь“ изд. П. Н. Батюшкова, стр. 123).

въ этой организаціи. Онъ главный распорядитель въ цехѣ. Въ домѣ у него—цеховой сундукъ съ цеховыми деньгами, документами, книгами, разными квитанціями и записями по дѣламъ цеха. Но распорядительная власть его значительно ограничена „подскарбіями". „Подскарбій" (или „подскарбая")—повѣренный цехмистра. Одинъ безъ другаго не въ правѣ ничего предпринять, даже отворить цеховой сундукъ, такъ какъ ключи отъ стоящаго въ домѣ цехмистра сундука хранятся у подскарбія—жителя иногда совершенно другой улицы. Подскарбій и цехмистръ составляютъ родъ постояннаго цеховаго совѣта. Третью инстанцію въ организаціи цеховаго начальства составляютъ три „лавника" (или „лавнички"), исполняющіе второстепенныя обязанности, возлагаемыя на нихъ цехмистромъ. Это въ своемъ родѣ цеховая полиція,—сотскіе по дѣламъ цеха.

Смѣшавшись съ цеховымъ устройствомъ, имѣвшимъ много практическихъ, живучихъ сторонъ, болѣе соотвѣтствовавшихъ промышленому духу степанскихъ крестьянъ, братства совершенно утратили свой церковный характеръ. Жизнь цеховыхъ промышленныхъ общинъ течетъ и въ настоящее время, тогда какъ отъ церковныхъ братствъ остались лишь мертвыя названія, нѣкоторые обряды, механически исполняемые братчиками (въ родѣ держанія, напр., свѣчей въ извѣстные церковные часы), да братскія иконы съ колоссальными свѣчами.

Каждое цеховое братство имѣетъ въ приходской церкви свою большую икону съ изображеніемъ того святаго или того священнаго событія, въ день празднованія котораго православною церковью бываютъ издавна совершаемыя годовыя братскія пиршества. Такъ, шевскій цехъ имѣетъ икону св. Космы и Даміана (праздникъ 1-го ноября), ткацкій—св. Христова Воскресенья (праздникъ на 2-й день Пасхи), пахарскій—св. Василія Великаго (праздникъ 1-го января), дѣвичій—св. великомученицы Варвары (праздникъ 4-го декабря), у молодецкаго цеха—въ Троицынъ день, у троицкихъ старшихъ братчиковъ—въ день Введенія въ храмъ пресв. Богородицы (21 ноября), у троицкихъ младшихъ братчиковъ—въ день зимняго Николая (6 декабря), у николаевскихъ братчиковъ—въ день зачатія св. Анны (9 декабря),

у николаевскихъ и троицкихъ сестеръ — въ день Благовѣщенія (такъ какъ Благовѣщеніе часто бываетъ во время поста, то „бабскій праздникъ“ переносится обыкновенно на второй день св. Пасхи), у рыбарей—въ день св. великомученика Георгія (23 апрѣля), у кравцовъ праздникъ бываетъ два раза въ году: въ Троицынъ день и на Рождество (25 декабря), у пречистскихъ братчиковъ—въ день Рождества пр. Богородицы (8 сентября), у мельниковъ—въ день св. апостола Іоанна Богослова (26 сент.), у кушнировъ и гарбаровъ—въ день свят. архистратига Михаила (8 ноября), и пр.

Передъ цеховыми иконами въ церкви стоятъ на деревянныхъ пьедесталахъ замѣчательныя и рѣдкія по своей высотѣ свѣчи. Высота нѣкоторыхъ цеховыхъ свѣчей—превышаетъ сажень, а обхватъ сниву равняется аршину. Свѣчи съуживаются кверху и имѣютъ видъ длиннаго вверху усѣченнаго конуса. Свѣчи сдѣланы изъ воску, фитилемъ для нихъ служитъ веревка. Кромѣ большой свѣчи, у каждаго цеха существуютъ еще свѣчи меньшаго размѣра. При погребеніи братчика или какого нибудь богатаго лица, въ похоронной процессіи принимаютъ участіе всѣ цехи, которые идутъ со своими свѣчами, занимая даже опредѣленныя мѣста: впереди всегда идутъ шевскій и ткацкій цехи, а за ними остальные.

Хотя условія общественной жизни въ нашемъ Полѣсьи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, благопріятствуютъ ея консервативному точенію, однако многіе изъ прежнихъ цеховыхъ братскихъ обычаевъ утратили въ настоящее время свое значеніе и отошли въ область историческаго, смутнаго преданія. Сохранились и держатся только такіе обычаи, которые пришлись по душѣ степанскимъ крестьянамъ. Таковы именно—цеховые братскіе праздники, представляющіе и въ настоящее время далеко не безъинтересную картинку бытовой жизни нашего Полѣсья. Мы подробно разсмотримъ ихъ.

Задолго до праздника совершается *обнесеніе цеховаго образа* и *праздничные поборы*. Для перваго обряда въ каждомъ цехѣ существуетъ образокъ небольшаго формата съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ; онъ хранится у цехмистра, который предъ праздникомъ относитъ его къ своему сосѣду—ближайшему

члену цеха. Тотъ благоговѣйно принимаетъ образокъ, цѣлуетъ, ставитъ на нѣкоторое время въ почетномъ углу и затѣмъ относитъ его къ хозяину слѣдующей цеховой хаты и т. д.,—до тѣхъ поръ, пока икона не обойдетъ всѣ цеховые избы и изъ послѣдней въ день праздника не возвратится опять къ цехмистру. Въ послѣднее, впрочемъ, время обнесеніе образковъ совершается уже не такъ регулярно и постепенно начинаетъ выходить изъ обычая.

Праздничные поборы совершаются у богатыхъ и многолюдныхъ цеховъ за нѣсколько недѣль до праздника, а у бѣдныхъ за нѣсколько дней, чаще всего наканунѣ праздника; лавники, по порученію цехмистра (а иногда и самъ цехмистръ), ходятъ по мѣстечку къ братчикамъ и собираютъ годовой сборъ „на свичку". Подойдя къ избѣ, они стучатъ въ окно и спрашиваютъ: „а чи не пославъ часомъ вамъ Богъ чого небудь на свичку"?—При этомъ намекѣ, хозяинъ или хозяйка обязательно должны пожертвовать что-нибудь для предстоящаго праздника или деньгами, или натурою (даютъ мѣрку какого нибудь зерна, картофеля, полотно, муку и т. п., а также нѣкоторое количество воску). Въ случаѣ отказа, сборщики отправляются по другимъ хатамъ, но потомъ возвращаются и обходятъ избы снова, пока не получатъ у отказавшихъ требуемаго подаянія. Въ настоящее время поборы къ цеховому празднику производятся не строго: одни даютъ больше, другіе меньше, а иные, при всей настойчивости сборщиковъ, иногда ничего не даютъ, говоря: „нехай вамъ Богъ дасть"; но крестьяне помнятъ еще то время, когда отказъ въ этомъ родѣ былъ невозможенъ, такъ какъ сборщики у отказывавшагося, по приказанію цехмистра, насильно забирали праздничную дань или вмѣсто нея конфисковали въ счетъ дани какую нибудь вещь въ хозяйствѣ. Нѣкоторые цехи не довольствуются сборомъ въ м. Степани, а ѣдутъ въ окрестныя села и деревни собирать „на свичку". Такъ „лавники" пахарскаго цеха, одного изъ самыхъ многолюдныхъ и зажиточныхъ, еще на рождественскія святки, предъ своимъ праздникомъ (1-го января), ѣдутъ въ с. Коростъ, въ дер. Зульню, Волошу, тамъ „колядуютъ" подъ окнами, угощаютъ поселянъ, угощаются послѣдними и, собравъ

достаточное количество продуктовъ, возвращаются домой. При концѣ сбора, понятно, въ итогѣ оказывается всегда изрядное количество собранныхъ продуктовъ и денегъ; особенно это нужно сказать относительно многолюдныхъ цеховъ: шевскаго, ткацкаго, пахарскаго, братскихъ и др. Извѣстная часть собранныхъ продуктовъ оставляется для праздника, но большая часть продается, и вырученная сумма вся расходуется на возліянія Бахусу въ день цеховаго праздника. Въ этотъ день, обыкновенно послѣ литургіи, во время которой цехъ стоитъ съ своими ручными свѣчами, служится молебенъ или акаѳистъ празднуемому святому и, при колокольномъ звонѣ, происходитъ троекратное обхожденіе процессіи вокругъ церкви. Изъ церкви цехъ отправляется въ хату цехмистра на праздничный обѣдъ и общую попойку. Иногда цехмистръ проситъ батюшку благословить трапезу. На обѣдахъ могутъ присутствовать и посторонніе, но съ нихъ взимаются особыя денежныя пожертвованія, которыя тоже пропиваются. Для этой цѣли въ хатѣ цехмистра во все время пиршества стоитъ кружка для сбора пожертвованій отъ постороннихъ посѣтителей. Цеховый праздникъ иногда превращается въ шумную оргію разгулявшихся крестьянъ и бабъ. Въ хатѣ цехмистра подымается въ это время невообразимый шумъ и гамъ, для усмиренія котораго даже власть цехмистра оказывается безсильною. До какихъ колоссальныхъ размѣровъ доходитъ разгулъ на цеховыхъ празднествахъ, можно судить по тому, что, по сознанію самихъ крестьянъ, на рыбарскомъ цеховомъ праздникѣ ими пропивается до 100 рублей, а на пахарскомъ,—обыкновенно продолжающемся 10 дней (отъ перваго января), выпивается 40 ведеръ водки и съѣдается цѣлый быкъ, который покупается для этой цѣли на братскія деньги. Особенно шумно празднуютъ свои годовые праздники тѣ цехи, праздники которыхъ приходятся осенью и зимою, когда у крестьянъ бываетъ меньше хозяйственныхъ хлопотъ и больше досужаго времени, таковы: пахарскій, шевскій, кушнирскій и братскіе цехи. Эти послѣдніе празднуютъ иногда до двухъ недѣль; другіе цеховые праздники длятся недѣлю и только немногіе бѣднѣйшіе цехи (какъ пречистскія сестры, бортники и др.) празднуютъ свой праздникъ только три

дня. Въ дни цеховыхъ торжествъ пропивается весь капиталъ, собранный годовыми взносами братчиковъ. Послѣ праздника цеховая кружка совершенно пуста. Не опасаясь впасть въ преувеличеніе, можемъ сказать, что степанскими крестьянами на цеховыя торжества тратится ежегодно круглою цифрою 800 руб., которые идутъ большею частью евреямъ. Сами крестьяне сознаютъ, что отъ цеховыхъ праздниковъ наибольшая прибыль бываетъ только Мошку. Въ церкви же цехами жертвуются только незначительные рубли, оставшіеся отъ праздничной попойки. Вообще, степанскіе церкви (Николаевская, Троицкая и Преображенская), при всемъ богатствѣ своихъ цеховъ, очень убоги и бѣдны. Достаточно сказать, напр., что стѣны Троицкой церкви, имѣющей въ приходѣ восемь цеховъ, въ настоящее время на половину сгнили и еле держатся отъ ветхости, что у троицкихъ братчиковъ, быстро организующихъ праздничныя попойки, не хватаетъ единодушія привести свою приходскую церковь въ приличное состояніе.

Къ особенностямъ степанскихъ цеховъ нужно отнести, между прочимъ, обрядъ ежегодной передѣлки за ново большихъ цеховыхъ свѣчей. За нѣсколько дней до своего праздника братчики несутъ свою свѣчу въ домъ цехмистра, тамъ рубятъ ее на части, варятъ воскъ долгое время въ котлахъ, подбавляютъ вновь собраннаго воску, мѣсятъ, качаютъ и дѣлаютъ новую свѣчу съ новымъ фитилемъ [1]). Вслѣдствіе такихъ ежегодно совершаемыхъ до настоящаго времени операцій, срединный воскъ этихъ свѣчей утратилъ свой естественный цвѣтъ и сдѣлался совершенно чернымъ; снаружи свѣча для вида обкладывается желтымъ воскомъ. Отъ небрежной перетопки въ воскъ входятъ много постороннихъ элементовъ, вслѣдствіе чего эти свѣчи, зажженныя во время богослуженія, издаютъ трескъ и разбрасываютъ отъ себя брызги.

Принятіе въ цехъ новыхъ членовъ происходитъ во время цеховаго или какого нибудь другаго православнаго праздника и

---

[1]) На праздникѣ въ честь новой свѣчи произносится празднующими оригинальный тостъ: „щобъ Богъ помигъ поставыты нову свичку на корени“, т. е. на пьедесталѣ.

требуетъ со стороны вновь поступающихъ выполненія особыхъ условій. Новопоступающій членъ долженъ, во первыхъ, внести въ цеховую кружку положенный вкладъ, выплачиваемый, впрочемъ, съ разсрочкой, и, во вторыхъ, угостить цеховое начальство. Размѣръ вклада въ разныхъ цехахъ различенъ—отъ „15 злотыхъ" до двухъ. Кромѣ денегъ, новый членъ долженъ внести въ братскую „карбону" еще нѣсколько фунтовъ воску. Угощеніе требуется тоже неодинаковое, сообразно со средствами кандидата.—При поступленіи, напр., въ шевскій цехъ богатаго кандидата, отъ него требуется угощеніе изъ трехъ квартъ водки, вина, корзинки пироговъ и т. п.; отъ бѣднаго—только водка и на 7½ копѣекъ калачей. Принимаемый въ члены шевскаго цеха во все время угощенія долженъ почтительно стоять у порога и садится только тогда, когда угостившееся цеховое начальство разсмотритъ представленную имъ работу, одобритъ ее и запишетъ объ этомъ въ цеховую книгу.—Для братскихъ записей у каждаго цеха существуютъ особыя книги, хранящіяся въ денежной карбонѣ. Вотъ, между прочимъ, образчикъ давней цеховой записи степанскаго братскаго пречистскаго цеха: „Року 1751, августа 4 дня. Я Василій Трохимовичъ угодилъ цехъ братскій свято-пречистскій за цехмистра Іоанна Колоса и лавниковъ Петра Суковича, Іоанна Велесика и ключника Кирилла Суковича, *все совершенно отдалъ и братомъ цеховымъ зосталъ.*" Нѣсколько измѣнена запись позднѣйшаго времени: „1845 года сентября 10 дня, я рабъ Божій Іосифъ Банковскій вписуюсь до храма св. отца Николая, до братства Успѣнія, за стараніемъ старшаго брата Ивана Карповича, старшихъ совѣтниковъ и ихъ лавниковъ NN NN, *за что остаюсь всемірнымъ братомъ во вѣки вѣковъ. Аминъ*". По такой формѣ записываются братчики и въ настоящее время.

На основаніи сохранившихся преданій о прежней жизни цеховъ и цеховыхъ документовъ, можно утверждать, что цеховыя братства имѣли своею цѣлью урегулировать общинный народный трудъ. По словамъ степанскихъ старожиловъ, рыбацкому, напр., цеху было издавна предоставлено исключительное право на рыбную ловлю, кравецкому—на шитье одежи и т. д. На

свадебныя пиршества, крестины и пр. хозяинъ долженъ былъ звать музыкальный цехъ, которому за игру полагалась установленная плата. Приглашать музыкантовъ изъ сосѣдняго села считалось преступленіемъ, которое судилось цехмистромъ. Никто, не записанный въ цехъ, не могъ заниматься въ Степани какимъ нибудь ремесломъ. Цехмистръ съ лавниками, на основаніи правъ цеха, имѣлъ полное право подвергнуть остракизму всякаго самозваннаго или пришлаго рыбака, кравца, музыканта и т. п. Въ вышеупомянутомъ документѣ князя Владислава-Доминика Заславскаго подробно разсказывается интересная индустріальная организація шевскаго и гарбарскаго цеховъ. Вотъ главныя основанія этой организаціи. Новый мастеръ долженъ дать въ братскую карбону пять злотыхъ, берменъ воску, бочку пива для братіи и два гроша литовскихъ цехмистру (pokrasy). Сынъ, научившись у своего отца шевскому ремеслу, перешедши на свое собственное хозяйство, долженъ дать въ карбону полъ-злотого. Братъ, опоздавшій на цеховую сходку, платитъ штрафъ въ шесть грошей польскихъ. Умершаго брата или сестру, вся братія съ женами своими должны почтительно проводить до могилы. На ремесленника другого села, находящагося подъ замковымъ управленіемъ, это правило не простирается; но можетъ простираться въ томъ только случаѣ, если послѣдній внесетъ въ цехъ двѣ копы литовскихъ. Братъ, не подчиняющійся этому правилу, долженъ платить шесть грошей штрафа; но беременная или больная женщина, равнымъ образомъ больной братъ освобождаются отъ штрафа. Если умретъ несостоятельный братъ, то за него на „позвонное" должно дать изъ карбоны полъ-злотого. Ни одинъ ремесленникъ другаго мѣстечка не имѣлъ права покупать въ Степани и продавать шкуръ и обуви; только на ярмарку (разъ въ году) разрѣшалась вольная торговля всякому. Ремесленники не имѣли права отнимать одинъ отъ другаго челядниковъ и помощниковъ. Виновный въ нарушеніи этого постановленія долженъ дать въ цехъ берменъ воску... Никто не имѣлъ права торговать ни внѣ мѣстечка, ни на предмѣстьи, или открывать торгъ раньше положеннаго времени, въ противномъ случаѣ платился штрафъ цеху въ 4 камня воску. Бравшій себѣ маль-

чика для наученія ремеслу платилъ въ цехъ 6 литовскихъ грошей, а мальчикъ 6 грошей польскихъ; научившійся мальчикъ долженъ былъ дать цеху полъ-злотого. Купецъ, отдавшій цеху оптомъ шкуры для выправы, долженъ платить въ карбону по польскому грошу отъ каждой шкуры.

Уставомъ не забыты также нѣкоторыя требованія чисто моральнаго характера, мало имѣющія общаго съ меркантильнымъ цеховымъ устройствомъ. Каждый братъ, по уставу, долженъ быть послушливъ, имѣть честную жену, съ которой долженъ жить по христіанскому закону; въ противномъ случаѣ онъ не можетъ быть принятъ въ цехъ. Никто изъ членовъ братства не долженъ разсказывать на сторонѣ, что говорится и дѣлается въ цехѣ. Виновный штрафуется шестью польскими грошами въ пользу цеха. Мелкія тяжбы не должны доходить до суда; замковымъ судомъ судятся только „krwawe zwady". Уставомъ утверждались цеховые кануны, какъ давніе обычаи. Одна „колода" кануннаго меду должна быть приготовлена „на великую ночь русскаго праздника", а другая въ день Космы и Даміана (1 ноября) [1].

---

[1]) Вотъ текстъ документа Владислава Доминика:

Władysław Dominik Xiąże na Ostrogu y Zasławiu, Hrabia na Tarnowie.

Wiadomo czyniemy tym pisaniem naszym, komu by to wiedzieć należało, iż nam bili czołem rżemieslnicy garbarże, albo z cechu szewskiego, mieszczanie naszi stepanscy, abyśmy im prawa, nadane zdawna od swiętej pamięci pszodków naszych, które im roku blisko przeszłego za nawiedzeniem Boskim zgorżeli, ponowili i utwierdzili, a to dla lepszego porządku, i spokojnego życia kóżdego z nich, i zwystępnych sprawiedliwosci. Pszeto my, uważywszy słusznosć rzeczy, te puncta ich i artykuły stanowiemy one zachować, inaczej nieczyniąc roskazuiemy. Najprzód nowy majster do skrzynki brackiej gotowemi ma dać złotych pięć, wosku bermen jeden, braciey piwa beczkę, cechmistrowi pokrasy groszy dwa litewskiech. A którego ojca syn odejdzie na swoie gospodarstwo, nauczywszy się u swego ojca rzemiosla tego, ten do skrzynki puł złotego dać będzie powinien, a nie więcey. Gdyby który brat nasnaczonego czasu do schadzki zamieszkał, za takie omieszkanie do skrzynki winien groszy szesć polskich. Zmarłego brata albo siostrę wszyscy bracią z małżonkami swemi uczciwie odprowadzić powinni do grobu. Która kolwiek wies pod juruzdykcyą zamkową należy, żaden rzemieslnik rżemiosła naszego nie będzie mogł robić, aż cech poiedna pod winą dwoch kop litewskich. Jesliby który z braci temu nie był posłuszny, takowy winy płacić będzie groszy szesć, tego przestrzegłszy. Iesliby którego małżonka była obciązona, albo bolezcią iaką zdięta, lubo brat chorym będąc, tedy

Эта давняя организація шевскаго и гарбарскаго цеховъ въ нѣкоторыхъ своихъ тезисахъ напоминаетъ организацію церковныхъ братствъ. Сличая уставъ Владислава Доминика съ братскими артикулами, напр., Ѳеодосія Рудницкаго, видимъ между ними нѣкоторые общіе пункты: тотъ и другой уставъ, напр., узаконяетъ сходки, право автономнаго суда въ маловажныхъ преступленіяхъ, штрафъ воскомъ и деньгами въ карбону и пр. Послѣ этого понятно, почему эти два учрежденія сливались въ одно съ преобладаніемъ началъ цеховаго устройства, какъ болѣе примѣнительнаго къ нуждамъ практической жизни.

Сохранились воспоминанія о тѣхъ интересныхъ родахъ наказаній, которымъ подвергались въ нѣкоторыхъ цехахъ неспособные и лѣнивые ремесленники и подмастерья. Въ шевскомъ, напр., цехѣ существовало три рода наказаній. Самое слабое, состоявшее въ ударахъ „подтягачами" (кожаные ремни, кото-

---

zdozwoleniem y dozwiadczeniem bractwa, od tey winy wolen będzie. Mieszczanin nasz, ani kupiec żaden, gosć także y żyd skór iałowiczych, kozłowych y wszelakich niewyprawnych niema w miescie naszym kupować, ani żaden rzemieslnik inszego miasta obuwia przywozić i przedawać pod zaręką na urząd nasz zamkowy sta złotych polskich, a do cechu ich dwoch kop litewskich, czego urząd zamkowy ma dojrzeć iakoby od swawolnych te zaręki odbierane były, oprócz jarmarków który raz do roku u Stepaniu bywa, na tenczas wolno kózdemu z innego miasta wszelakie obuwie przedawać y kupować. Aby żaden z braci ieden drugiemu czeladzi i towarzyszów nie odmawiał, ktoby inaczey uczynił, viny bermen wosku do cechu przypada. Ktoby kolwiek z braciey sprawe przed cechmistrem miał, a inszy z boku onemu przeszkadzał, albo to żeby cechmistrz z bracią uznali ganił, takowy kóżdy winy powinien dać złoty polski ieden. Aby żaden z braci skór i inszego towaru ten rżemieslnik swieckiemu należącego, za miastem albo na przedmiesciu, lub rano poki się targ nieziedzie, nie smiał kupować, i wkupowaniu i wprzedawaniu przeszkodzać. Przeciwny za wine czwierć kamienia wosku do cechu oddać powinien. Gdyby kto chłopca albo młodzienca na swiezenie rżemiosła tego będzie przyimował, ten pan jego powinien do skrzynki groszy dać szesć litewskich, a chłopieć groszy szesć polskich, a gdy iuż wyzwolisię chłopiec, sam winien dać do skrzynki puł złotego. Kózdy brat, do tego przyięty cechu, ma być poczciwego łoża, co ma dowodnemi listami od miasta albo pana gdzie się wrodził oswiadczyć. Tym sposobem brat ma mieć poczciwą żone i szlubną, z którą ma mieszkać według zakonu swiętego chrzescianskiego; który by się inaczej sprawował, tedy do bractwa niema byc przyięty, ani rżemiosła tego robić powinien. Kózdy brat tego bractwa cokolwiek między sobą będą mowili, albo sprawowali, aby żaden z nich na strone nie wyiawiał, na kim tego doswiadczą winien dać groszy szesć polskich. W prawnych sprawach do sądu brat brata pozywać niema.

рыми швецъ прикрѣпляетъ матеріалъ къ колѣну), присуждалось за малую вину. Второй, болѣе внушительный родъ наказанія предназначался для болѣе важныхъ ослушниковъ и неудачниковъ въ шевскихъ работахъ: ихъ заключали въ сарай въ то время, когда въ хатѣ цехмистра шелъ цеховой праздникъ. Наконецъ, самое строгое наказаніе полагалось для упрямыхъ и лѣнивыхъ шевцовъ, позорившихъ своими неудачными работами весь цехъ: виновному надѣвали на ноги деревянныя колодки, сбивали ихъ такъ, что заключенный не могъ встать на ноги; въ такомъ видѣ его сажали на завалинку дома, въ которомъ шелъ праздничный обѣдъ, и издѣвались надъ нимъ. Колодки, предназначенныя для подобныхъ экзекуцій, хранятся у шевскаго цехмистра и до настоящаго времени. Съ неисправнымъ ткачемъ цеховое начальство раздѣлывалось иначе: его клали подъ „верстатъ" (ручная полотняная машина), а волосы („чуприну") забивали клиньями въ нижней части верстата и въ такомъ положеніи заставляли проводить время цеховаго обѣда. У ткацкаго цехмистра сохранились между прочимъ нѣкоторые не безъинтересные аттрибуты цехмистерской власти: старая стальная сабля съ красивой рѣзьбой и плеть. Сабля, по преданію, была необходимымъ символомъ

---

okrom krwawey zwady co w zamku takowe potoczne sprawy sądzic ma sędzią, a ni wujt ich sądzic niema. A iesliby który z braci lekce sobie wazył, do cechu puł kamienia wosku winien oddać. Któryby z majstrów znakiem brackim obezła... zaraz do zchadzki nie stanoł, winy groszy trzy. Żaden majster aby czeladnika chował w sławie dobrej podeyrżanego, aż się pierviey z tego podeyrżenia wywiedzie u sprawy. Gdy brat brata w czym nagani, a potym by go nie przekonał, i na niego nie dowiodł, winy do skrzynki wosku funt. Kanon jako dawny zwyczaj był, iedna kłoda miodu aby sycona była na wielkanoc swięta ruskiego, a druga kłoda na dzień swiętych Kózmy u Damiana. Gdy z braci który niedostateczny pomrże, na podźwónne pul słotego dać z skrzynki. Któryby kolwiek kupiec obcy dał surowe skóry wyprawiac do rzemiosła naszego, tedy powinien będzie dać od kózdey skóry do skrzyńki brac kiej po groszu polskim. A względem tego grosza powinni będą na kązdą potrzebę naszą zamkową skóry wyprawować. Które artykuły wyżej opisane cale approbuiemy, stwierdzamy, y umacniamy, a żeby im we wszystkim dozyć się działo mieć to chcemy. Naco dla lepszej wiary przy pieczęci naszej, ręką się własną podpisuiemy, w zamku Dubienskiem dnie 25 majia 1636 anno. Władisław D. X. na Ostrogu y Zasławiu, Hrabia na Tarnowie. (L. S.).

Ta kopia przywileiu z oryginałem weryfikowana przy obięciu nowego dziedzica miasta i klucza Stepańskiego I. W. imci P-a Iosefa ze Złotego Potoka na

власти цехмистра въ торжественныхъ случаяхъ; онъ вѣшалъ ее сбоку, когда являлся къ помѣщику своему, и ею же усмирялъ подчасъ шумѣвшихъ ткачей[1]). Крестьяне очень дорожатъ этими памятниками утраченныхъ привилегій. Сохранилось даже одно цеховое знамя съ изображеніемъ креста, неизвѣстно какому цеху принадлежащее.

По общему сознанію степанскихъ крестьянъ, упадку цеховой жизни много содѣйствовало рекрутство. Молодежь теперь воздерживается отъ записи въ тотъ или иной цехъ, потому что съ поступленіемъ молодаго человѣка въ солдаты цеховыя его обязательства прекращаются. (Въ настоящее, напр., время цехмистръ шевскаго цеха взятъ въ солдаты). Въ прежнее время, когда рекрутскіе наборы не были такъ строго организованы, когда легче чѣмъ теперь можно было быть „въ бѣгахъ", цехи держались крѣпче.

Нигдѣ, сколько намъ извѣстно, на Полѣсьи не существуетъ уже цеховъ, которые бы представляли собою такую все еще живую рабочую ассоціацію, какъ въ м. Степани. Въ немногихъ только селахъ и мѣстечкахъ остались лишь сбивчивыя преданія о существовавшихъ нѣкогда цехахъ; въ нѣкоторыхъ церквахъ, напр. въ м. Тучинѣ, въ с. Стидиняхъ, с. Мидскѣ и др., хранятся даже остатки цеховыхъ свѣчей, значительно уступающихъ, впрочемъ, по величинѣ и объему степанскимъ, представляющимъ рѣдкое и, быть можетъ, въ настоящее время единственное явле-

---

xięstwie zborowskim Iozefowie i Tarnopolu Potockiego krayczego koronnego, kawalera orderów Białego orła y S Stanisława Biskupa; Cezarskiego et c., starosty przez mieszczan cechowych szewskiech y garbarskich produkowaną z pozwolenia tegoz I. W. Pana approbuię się i aby była we wszystkim obserwowana i zachowana, zalecaiąc. Pomoc imc. Panom Ekonomom zakożdą rekwizycyią tychże cechowych, uczynienia podpisuię własną ręką. Dan w zamku Stepańskim dnia 28-go miesiąca marca, roku 1775-go Steczkiewicz, Regimentu pieszego buławy wielkej koronnej, aktualny kapitan.

[1]) Надо замѣтить, что въ старину „шабля" не была принадлежностью одного лишь шляхетскаго сословія, какъ это было впослѣдствіи: въ XVI—XVII ст. на Волыни, какъ и въ цѣлой Малороссіи, право ношенія оружія въ равной мѣрѣ принадлежало и мѣщанамъ. Надо полагать, что болѣе почетныя лица изъ мѣщанъ, какъ напр. цехмистры, дольше остальныхъ своихъ собратій удержали это почетное право.—*Примпч. Ред.*

ніе на нашемъ Полѣсьи. Есть основаніе предполагать, что въ другихъ селахъ братства и праздничные пиры были организованы иначе. Въ мидской церкви (Мидскъ въ 15 верстахъ отъ Степани) сохранились, между прочимъ, отрывочныя реестровыя годовыя записи мидскихъ братчиковъ. Эти записи мало даютъ понятія о мидскомъ братствѣ, но за то могутъ служить не безъинтересной статистикою количества выпиваемаго меду на братскихъ праздникахъ (которыя тоже съ давняго времени велись въ этомъ селѣ) и церковнаго дохода отъ братскаго пира. Запись 1800 года гласитъ „utorgowali gotowich zlotych 14, grosz 2 (т. е. 2 р. 11 коп.; въ приложенномъ къ записи реестрѣ 105 братскихъ подписей)". Далѣе: „реестръ кануну Мидска великаго Покрова Пресвятыя Богородицы 1803 г.; купили прѣснаго меду котловъ 6, платили котелъ по злотыхъ 10; учинили *питаго меду гарцовъ 230*; ключниками были (слѣдуютъ подписи). *Уторговали* готовыхъ денегъ *злотыхъ 36 и грошей 27* (т. е. 5 руб. 53½ коп.). (слѣдуетъ 125 подписей)". Реестръ кануну Мидска малаго св. Великомученицы Параскевы 1807 года: „купили прѣснаго меду котловъ 2, четвертей 3; уплотили злотыхъ 49 и грошей 15; учинили *питаго меду гарнцовъ 90*; шинковали гарнецъ по грошей 20; *уторговали* готовихъ денегъ *злотыхъ 27*, (т. е. 4 руб. 5 коп.) (подписей 77)". Реестръ кануну 1823 года: купили меду котловъ 2, платили котелъ по злотыхъ 16; учинили *питаго меду гарнцовъ 85*; шинковали гарнецъ по 20 грошей; готовыхъ денегъ *уторговали злотыхъ 7 и грошей 22½* (т. е. 1 рубль 16½ коп.), каковые деньги сторожъ принялъ въ карбону" (подписей 100). Эти записи показываютъ, что мидскіе братчики, пируя, не забывали матеріальныхъ, по крайней мѣрѣ, интересовъ церкви, въ кружку которой кое-что перепадало отъ братскихъ пиршествъ. Никакихъ подобныхъ записей, ни даже преданій въ этомъ родѣ не сохранилось въ м. Степани. Мы видѣли выше, что степанскій ксендзъ получилъ „до костелу" въ 1835 г., 4 фунта воску и 26 грошей (т. е. 13 коп.),—и это отъ двухъ цеховъ, слѣдовательно съ каждаго цеха по 2 фунта воску и 6½ коп.

Неоднократно были предпринимаемы попытки со стороны степанскихъ священниковъ искоренить безобразныя цеховыя празд-

нества, но авторитетъ мѣстнаго приходскаго священника представляетъ слишкомъ слабую оппозицію этому традиціонному порядку вещей, сложившемуся вѣками. Напрасно убѣждали крестьянъ, что ежегодно безъ всякой пользы пропиваемая на праздникахъ сумма денегъ могла бы быть употреблена на какое нибудь хорошое дѣло, напр. на украшеніе храма Божія, на улучшеніе степанскаго народнаго училища, находящагося не въ особенно завидномъ состояніи. Никакія убѣжденія не дѣйствовали. Живучій инстинктъ слѣпой вѣры въ цѣлесообразность всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя освящены преданіями вѣковъ, оказывается сильнѣе современной логики, убѣдительнѣе аргументовъ.— „Такъ зъ-покинъ вику положено, такъ було при нашихъ дидахъ и прадидахъ... Нехай буде й теперъ такъ",—такова ultima ratio степанскаго крестьянина, которой онъ оправдываетъ свое давнее историческое право праздновать изъ года въ годъ свои цеховые праздники со всѣми ихъ оргіями и безобразіями.

Ѳ. Кудринскій.

Надъ Днѣстромъ.

Разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ Осипа Федьковича [1]).

I.

Отца моего убили на войнѣ (разсказываетъ бывало Настя Клищиха), мать съ горя да нужды умерла скоро послѣ него, а я осталась круглой сиротой при старой бабкѣ, теткѣ покойнаго отца. А какъ схоронили и бабку, взяла меня къ себѣ старая Оманиха, чтобъ, какъ говорила она, не было скучно ея дочкѣ Марусѣ. У нея я и выросла, какъ у родной матери: была она женщина праведная, не́ сдѣлала-бъ несправедливости и врагу, не то что мнѣ, бѣдной сиротѣ.

Не таковъ былъ Максимъ Оманъ, ея мужъ. Богатый былъ пребогатый и не скупой и никому не любилъ дѣлать неправды, но такой бѣшеный, да лютый, да грозный, да завзятый, да упрямый, что у насъ бывало, когда онъ дома, тихо, какъ на кладбищѣ. Должно быть онъ и съ роду никогда не смѣялся, а говорилъ такъ мало, что я за одинъ часъ бывало больше наторохчу,

---

[1]) Это одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ „буковинскаго Шевченка", напечатанный въ маленькой народной газетѣ его родины. Писанные Федьковичемъ въ послѣдній десятокъ лѣтъ жизни разсказы не были собраны въ отдѣльномъ изданіи и кіевскій сборникъ его „оповидань" 1876 года является теперь далеко не полнымъ. Затѣянное, но замедлившееся что то собраніе его сочиненій должно восполнить этотъ пробѣлъ. Въ этомъ собраніи маленькія народныя повѣсти Федьковича, гдѣ онъ является ни на кого не похожимъ, оригинальнымъ писателемъ, глубоко отражающимъ духъ сельскаго люда Буковины, должны занять первое мѣсто. Типичнымъ образцомъ ихъ представляется и предлагаемая нами въ переводѣ вещица.

чѣмъ онъ за цѣлый годъ. А какъ заговоритъ, то точно громъ ударитъ изъ тучи, а потомъ опять все тихо, какъ на кладбищѣ.

Старые люди разсказывали, что въ молодыхъ годахъ былъ онъ при какомъ то панѣ за перваго охотника. А когда разъ на большой охотѣ онъ спасъ своего пана отъ смерти, то тотъ не только подарилъ ему большое имущество, но велѣлъ построить и усадьбу такую большую и хорошую, что у иного помѣщика не было такой, Потому вѣрно такъ и любилъ онъ охоту, а люди говаривали, что онъ изъ короткаго своего ружья убьетъ безъ промаху самую маленькую пташку. Да и ружей же тѣхъ висѣло у него на стѣнахъ въ свѣтлицѣ!... Про другіе охотничьи снаряды ужь и говорить нечего.

А старуха Оманиха блѣдная-блѣдная, какъ ярый воскъ, ходитъ бывало по горницамъ, какъ духъ на покаяніи, какъ святая многострадальная великомученица. Вся жизнь ея сосредоточилась въ Марусѣ, дочкѣ-одиначкѣ, надъ которой она дрожала, какъ птица-насѣдка. Кажется мнѣ, что еслибъ умерла Маруся, то она велѣла бы зарыть себя живой въ одной ямѣ съ нею. За то, вѣроятно, такъ и почиталъ ее Оманъ, хоть и по своему, а все таки почиталъ и любилъ ее. Не успѣетъ она захворать (а она была слабая)—какъ сейчасъ полонъ домъ наберется и знахарокъ, и шептухъ, и лѣкарокъ, и черновецкихъ или залущецкихъ докторовъ и садигурскихъ жидовъ—цирульниковъ. Всѣ сейчасъ появятся передъ нею, и все по его приказу.

А Маруся, дочка-одиначка,—Боже что за красавица была! Такой дочки не было вѣрно и у самаго цисаря! Въ будень и въ праздникъ ходитъ убранная, какъ райская пташка, вся въ въ шелкѣ и въ золотѣ, прекрасная, какъ роза весною, когда красуется на солнцѣ омытая ранней росой. А какъ заговоритъ бывало, то точно ласточка защебечетъ или ангелъ зазвонитъ въ серебряные колокольчики! Никто бы не сказалъ, глядя на нее, что это дочка угрюмаго Омана, къ которому кажется и воробьи во дворъ летать боялись.

II.

Полюбила Маруся одного парубка, изъ нашего таки села—Тимоѳея Соболя—да какъ же сильно полюбила! Да и парубокъ же былъ!... Точно павичъ, точно воинъ съ мечемъ, что рисуютъ на картинахъ! Да что съ того, когда былъ изъ бѣднаго роду, такого бѣднаго, что не рѣшался онъ даже заговорить съ Марусей. Тогда только, когда приняли его въ войско да и потребовали скоро, только тогда отважился онъ перескочить черезъ ограду въ садъ, гдѣ Маруся въ тотъ вечеръ гуляла со мной, да и говоритъ ей:

— Маруся, я ухожу завтра.—Ты не говоришь ничего?

Она заплакала тогда горько-горько, припавъ на мое плечо.

— Ты любишь меня, Маруся? спросилъ онъ черезъ минуту, прослезившись и самъ.

— Развѣ ты не знаешь?... Зачѣмъ же еще мучишь мою душу?

— Ты будешь моею, Маруся, моею! Присягаю мѣсяцемъ и ясными звѣздами, что свѣтятъ надъ нами! крикнулъ Тимоѳей, поднявши правую руку, какъ на присягу.

— А отецъ? выговорила Маруся, глухо, точно изъ гроба.

— О, я его знаю, гордаго этого богача, что не кивнетъ даже головою при встрѣчѣ!... Но что можетъ сдѣлать онъ противъ истинной любви, такой любви, какъ моя, Маруся? Нашъ Днѣстръ глубокъ и широкъ, а можетъ онъ что нибудь сдѣлать противъ крестовой скалы? Такъ и отецъ твой не разлучитъ насъ, лишь бы ты любила меня, моя вѣрная дивчина!

— Ты идешь въ солдаты, говоритъ Маруся успокоившись немного.

— Хоть бы за море, хоть бы на край свѣта, сказалъ Тимоѳей, какъ въ колоколъ ударилъ, все жъ одна только ты будешь у меня въ умѣ, одна ты будешь цвѣсти въ моемъ сердцѣ, а порукой въ томъ пусть будетъ тебѣ этотъ перстень изъ чистаго сребра, который отдаю тебѣ вмѣстѣ съ моимъ словомъ и моимъ сердцемъ и надѣваю на твой розовый пальчикъ.

— О Тимоѳей! выговорила Маруся, чуть не лишаясь чувствъ.

— Марусечка моя единая!... Да какъ же?... Чтобъ я такъ и ушелъ отъ тебя... Не взявши съ собою хоть цвѣтка на память?...

Какъ она отдала ему шелковый, золотомъ вышитый платочекъ изъ за пояса, какъ они обнялись, поцѣловались, присягали, прощались... этого не разскажу ужь, такъ какъ въ это время скрипнули двери въ хатѣ и мы должны были разойтись.

III.

Разъ послѣ обѣда сидимъ мы съ Марусей въ большой свѣтлицѣ и молчимъ. Маруся вышиваетъ золотыми нитками тонкійтоненькій платокъ, а я пряду возлѣ печи. Наконецъ я говорю ей:

— Что то дѣлаетъ теперь нашъ бѣдный Тимоѳей?

— О, пречистая Богородица! вздохнула Маруся тяжко, глянувъ на образа.

— Хоть бы написалъ когда нибудь, говорю я.

— Куда жъ онъ напишетъ, сердечный? Ко мнѣ написать нельзя, такъ какъ еслибъ узналъ отецъ...

— Что мнѣ пришло въ голову, Маруся.

— Вѣрно опять что нибудь хитрое, говоритъ Маруся, усмѣхнувшись.

— Я думаю о томъ, какъ бы не вздумалъ твой отецъ этимъ лѣтомъ или въ этотъ мясоѣдъ выдать тебя замужъ.

— Что это, Настя?—сказала, даже вздрогнувъ, бѣдная дѣвушка, такъ что даже шитье выпало у нея изъ рукъ, развѣ отцу есть когда думать о моемъ замужествѣ.

— Это мнѣ такъ только пришло въ голову, говорю я,—не сердись, Маруся.

— Такъ какъ же можно такое разсказывать, говоритъ Маруся. А если бы и такъ, то неужели ты думаешь, что я своего Тимоѳея...

Да и не договорила бѣдняжка, такъ какъ въ ту минуту вбѣжала въ свѣтлицу, запыхавшись, старая Оманиха:

— Въ комнату, дѣвки—старосты идутъ!—А Маруся какъ стояла, такъ и бросилась въ ноги старухѣ:

— Мама! Мамочка моя родная! Не губите меня, не дайте мнѣ загинуть.

— Дочка, дочка, говоритъ степенно Оманиха,—покорись отцу! Ты жъ знаешь его натуру, не съ сегодняшняго дня знаешь. Развѣ, думаешь, трудно ему схватить со стѣны первое попавшееся ружье и занапастить свою, твою и мою душу въ одно мгновеніе ока? Дочка, дочка! Не доводи до этого! А теперь иди, иди бѣдное мое дитя, да приготовься, да уповай на всемогущаго Бога, можетъ быть онъ, милосердый, все еще измѣнитъ своей небесной милостью! Настя, ты разумная дѣвушка, иди съ Марусей, утѣшь ее въ тяжелую минуту! Ты знаешь, что ты у меня жила не наймичкой, а какъ родная дочь. Отплати же мнѣ теперь за это. Идите, идите, милыя, чтобъ васъ не застали въ хатѣ: нельзя чтобъ такъ было!... Вотъ и взяла я Марусю почти насильно, да и повела какъ полумертвую въ другую комнату. Въ тотъ же вечеръ Марусю и просватали.

IV.

Никогда я не вѣрила въ чудеса, а на Марусиномъ сговорѣ довелось и мнѣ видѣть чудо, да не одно, а два разомъ... Первое то, что Маруся стала совсѣмъ неузнаваемой: и смѣется, и шутитъ и ласкается къ Оману и съ Оманихой ходитъ по свѣтлицѣ, до того что даже Оманъ диву дался и какъ будто сталъ совсѣмъ добрымъ. „Я зналъ, что ты, Маруся, у меня умница! говоритъ ей, за то позволяю тебѣ взять съ собой и Настю, чтобъ не было тебѣ очень скучно сразу. Ты пойдешь къ ней, Настя“?

— Пойду и въ пекло, батечко, если вы скажете, отвѣчала я ему, цѣлуя руку.—Ну, ну, не печалься, голубка, говоритъ Оманъ, мы и про тебя не забудемъ!...

Ну развѣ не чудо все это?—А другое чудо... Но прежде лучше разскажу за кого просватали Марусю.

Въ нашемъ селѣ жилъ крестьянинъ-вдовецъ,—Петро Клѣщукъ по имени, человѣкъ богатый, здоровый, среднихъ лѣтъ, изъ себя видный, только немножко, какъ говорится, слабый на голову.

Вотъ ему какъ втесалося въ голову породниться съ богатымъ Оманомъ, такъ до тѣхъ поръ не давалъ покою, пока тотъ не сдался наконецъ. И не трудно было ему сладить съ Оманомъ, такъ какъ тотъ любилъ и уважалъ его, за то, конечно, что Клищукъ былъ честный человѣкъ, и берегъ свое доброе имя какъ дорогой камень, на который не должна пасть и порошинка.

А у Клищука былъ единственный сынъ, Никифоръ, парубокъ красивый, хорошій, веселый, шутливый и при томъ такой хитрый и умный, что его даже жиды боялись. Какъ начнетъ бывало разводить разводы да туману напускать, то одуритъ и самого равина.—А какъ пришелъ и онъ на сговоръ, а гости, подпившіе уже изрядно, стали говорить всѣ разомъ, я моргнула на него да и говорю: „какъ думаете, Никифорко, что выйдетъ изъ этого сватовства?"—„Будетъ то чего ты захочешь, Настя!" говоритъ онъ, моргнувши и мнѣ хитро-прехитро.—Я?!—О, Боже, праведный, да я бъ за Марусю и душу свою отдала!...

— Дай мнѣ только свое сердце, да и то не даромъ, а въ обмѣнъ на мое! Вѣдь я люблю тебя, Настя.

— Никифоръ.

— Не чванься, Настя, а дай мнѣ свою бѣлую ручку, ты любишь меня, это я давно знаю! А за Марусю не безпокойся: Маруся подъ моей опекой.

— А Тимоѳей?

— Тимоѳей мой побратимъ, а люблю я его какъ родного брата. Это все мнѣ удалось шепнуть на ухо Марусѣ, когда она убиралась въ свѣтлицѣ, а ты побѣжала чего то къ старухѣ въ комору.

— Да какъ же ты думаешь все устроить?

— Это ужъ моя забота, Настя. Одно тебѣ скажу только, какъ прійдетъ къ вамъ мой посланный съ наставленьемъ отъ меня, дѣлайте все, какъ онъ вамъ скажетъ.

— А кто будетъ этотъ посланный?

— Баба Гана, что у насъ теперь ведетъ хозяйство. Развѣ не молодецъ,—хоть куда!

Я засмѣялась, онъ стиснулъ меня, поцѣловалъ и пошелъ межь гостей, а мнѣ показалось, что меня носятъ на крыльяхъ ангелы... Это было другое чудо. А чудотворецъ кто?

V.

Было это сейчасъ послѣ зеленыхъ святокъ, а на Петра должна была быть свадьба, такъ условились между собою сваты. Въ это время баба Гапа почти каждый день прибѣгала къ намъ, какъ будто бы о чемъ нибудь посовѣтываться, или занять чего нибудь или просто такъ провѣдать. А что за страшилище была эта баба Гапа, ну просто точно сатана! Сухая, костлявая, ротъ отъ одного уха до другаго, какъ у вороны, одно плечо выше, другое ниже, вся какая то искривленная, пронзительные глаза, зубы, какъ спицы граблей, ноги длинныя-предлинныя, такъ что какъ ступитъ шагъ, то тебѣ надо сдѣлать три. А какъ надѣнетъ турецкую феску, то будетъ уже тебѣ сниться ночи три, не меньше. Какъ прибѣжитъ, бывало, къ намъ, то сейчасъ же какъ егоза и пойдетъ шнырять вездѣ: подниметъ суету и въ хатѣ, и въ коморѣ, и въ свѣтлицѣ, очутится и на дворѣ, между утокъ, куръ... Только индюковъ боялась послѣ того какъ разъ старый индюкъ сорвалъ у нее съ головы феску, и мы насилу отняли ее. А какъ влетитъ въ хату, то сейчасъ и на старухѣ Оманихѣ одернетъ платье, и у Маруси кораллы на шеѣ перевязываетъ, и меня кулакомъ толкнетъ, и съ котомъ цѣлуется, а такъ затрещитъ, что въ хатѣ звонъ пойдетъ, а Оманиха убѣжитъ или на огородъ, или въ пасѣку, лишь бы спастись отъ напасти.

Такъ вотъ разъ въ субботу прилетѣла она къ намъ, какъ сорока, и какъ только Оманиха вышла изъ хаты, такъ она сейчасъ шепнула Марусѣ на ухо:

— Тимоѳей пришелъ!

Маруся такъ и встрепенулась вся, спрашиваетъ:

— Гдѣ жъ онъ?

— За Крестовикомъ, на горѣ близъ Днѣстра завтра въ полдень будетъ ждать тебя. Завтра воскресенье, отпросись у матери и приходи туда съ Настей. А еслибъ старуха и не пускала, ты все таки приходи, онъ будетъ ждать тебя непремѣнно.

Въ это время въ хату вошла Оманиха, а Гапа сейчасъ такъ и подлетѣла къ ней:

— Голубушка, милая! Какія ягоды уродились на горахъ за Крестовикомъ, ну просто какъ грецкіе орѣхи!

— А я еще въ этомъ году и не видѣла ихъ, говоритъ Оманиха, а Маруся подхватила сейчасъ:

— Я, мама, пойду завтра послѣ обѣда съ Настей, и насобираемъ, хорошо, мама?

— Идите, я не мѣшаю, говоритъ Оманиха, лишь бы вамъ не вздумалось купаться, тамъ возлѣ крестовыхъ горъ страшная глубина, дна нѣтъ. Эти бездны поглотили не одного уже человѣка, такъ что и слѣда не осталось. А тѣ утопленники, говорятъ, зарятся на живыхъ людей, какъ бы ихъ залучить себѣ въ товарищи...

— Да ну ихъ, говорю я. Развѣ мы не купаемся каждый день у себя возлѣ мельницы, чтобъ захотѣли мы лѣзть въ рѣчныя ямы.

— Вода ищетъ себѣ жертвъ, говоритъ дальше Оманиха. Да не вздумайте также взбираться на Крестовика. То скала опасная, ненадежная, страшная. Она нависла надъ самой кручей Днѣстра, будто каждую минуту хочетъ броситься въ бездонную глубину рѣки.

— Пускай себѣ бросается на здоровье, говорю я, а намъ то какое дѣло? Мы погуляемъ себѣ часокъ, наберемъ ягодъ, да заранѣе вернемся и домой.

— А знаете, дѣти, продолжаетъ дальше Оманиха, почему назвали ту ужасную скалу Крестовикомъ? По тѣмъ безчисленнымъ крестамъ, что стояли по гребнямъ и вершинамъ скалы. Какъ утонетъ, бывало, кто въ днѣстровыхъ пропастяхъ, то сейчасъ люди крестъ святой поставятъ на какомъ нибудь шпилѣ. Потомъ негдѣ уже было и крестовъ ставить—вотъ и оставили тотъ обычай, хотя послѣ того Богъ знаетъ сколько тамъ еще душъ утонуло! Вѣчная имъ память!

— Безъ погребенья! вздохнула Маруся.

— Безъ гроба и безъ ямы, говоритъ Оманиха, вытирая слезы. Со дна бездны никто вѣдь не могъ достать и косточки погибшихъ.

Въ это время вошелъ старый Оманъ. Все утихло; даже Гапа не долго еще повертѣлась, а, моргнувши Марусѣ, отправилась домой.

VI.

Пока все это происходило въ Омановой хатѣ, у Клищука велись иныя рѣчи, совсѣмъ иныя. Старый Клищъ сидитъ въ концѣ стола и куритъ трубку, а Никифоръ возлѣ печки починяетъ неводъ, да усмѣхается самъ себѣ.

— Гмъ, говоритъ Клищъ черезъ минуту, вытрушивая изъ трубки золу, Тимоѳей Соболь пришелъ сегодня въ семидневный отпускъ. А красивый изъ него вышелъ парень, нечего сказать, могъ бы у меня быть за дружка.

— Какъ бы Маруся не разсердилась, говоритъ Никифоръ, смѣясь.

— Какъ это Маруся? крикнулъ Клищъ съ досадою. Развѣ Соболю есть къ ней какое дѣло?

— Да вы не знаете развѣ, что они давно любятъ другъ друга? Ха, ха, ха! Да про это уже и воробьи прокричали на крышахъ.

— Лжешь, разбойникъ, крикнулъ Клищъ, вскочивши со скамьи, какъ ужаленный, неправда это!

— Пускай будетъ и неправда, мнѣ что съ того? А я, что знаю, то знаю!

— Отчего жъ ты мнѣ давно этого не сказалъ, душегубецъ ты этакій! Вѣдь ты зналъ, что я хочу жениться на Марусѣ.

— Развѣ вы меня спрашивали о чемъ нибудь, когда шли къ Марусѣ съ старостами? А я такъ себѣ думалъ: мой папенька уже старый, приношенный, можетъ быть оно будетъ и кстати ему, если будетъ кто со стороны утѣшать молодую женку. Ха, ха, ха!

— Докажи, негодяй ты, или я сейчасъ тебѣ скручу шею, какъ воробью, докажи, что говоришь правду.

— А что будетъ, если я докажу?

— Тогда пусть Оманъ отдаетъ свою пышную дочку солдатамъ, а не завязываетъ съ нею свѣтъ мнѣ, Петру Клищу, на доброе имя котораго никогда не упала еще и порошинка!

— Вотъ теперь и въ самомъ дѣлѣ вы говорите такъ, какъ подобаетъ Петру Клищу, тому Петру Клищу, который и съ офицеромъ бы за честь свою поспорилъ. Только точно ли такъ будетъ, какъ вы говорите?

— Если неправду я говорю, то убей меня полѣномъ, какъ бѣшеную собаку, отвѣчалъ Клищъ, поднявши обѣ руки вверхъ, какъ на присягу.

— Ну, такъ идите-жъ завтра послѣ обѣда на Крестовую скалу и спрячьтесь тамъ такъ, чтобъ васъ никто не видѣлъ. Ожидайте тамъ хоть бы и до вечера! А если не увидите тамъ того о чемъ я вамъ говорилъ, то даю вамъ волю дѣлать со мной что угодно, можете хоть скинуть меня съ Крестовика въ пучину Днѣстра...

— О! зарычалъ старый Клищъ, какъ разсвирѣпѣлый туръ. Такъ надо жъ, чтобъ и Оманъ шелъ со мною, чтобъ не говорилъ старый песъ, что я порочу честь его дочери. И сказавши это, схватилъ уже шапку съ крючка и пошелъ къ дверямъ, направляясь въ хату къ Оману.

— Стойте, батько, говоритъ Никифоръ, останавливая старика, что это вы хотите дѣлать? Развѣ вы думаете, что Оманъ сдержитъ себя до завтрашняго дня? Да онъ сейчасъ дома такую бучу подниметъ, что Марусѣ будетъ не до свиданья съ Тимоѳеемъ.

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать? спрашиваетъ растерянный Клищъ.

— Ждите до завтрашняго послѣ обѣда, пока Маруся не пойдетъ на прогулку, а тогда уже зовите Омана да и идите съ нимъ тропинками, чтобъ васъ никто не видѣлъ, на Крестовую скалу.

— Твоя правда, сынъ, говоритъ Клищъ, швырнувши шапку въ уголъ, а самъ кинувшись на лаву возлѣ стола. Никифоръ взялъ шапку и вышелъ тихонько изъ хаты, усмѣхаясь, какъ лиса, когда ей удается какое нибудь хитрое дѣло.

VII.

Весь тотъ день, это Божье воскресенье было тихое, ясное и теплое, извѣстно какъ передъ Ивановымъ днемъ. Сейчасъ послѣ обѣда мы собрались съ Марусей и пошли къ Крестовой горѣ. А тотъ Крестовикъ стоитъ тамъ себѣ высокій да ужасный, наклонившись надъ Днѣстромъ, а подъ нимъ вода въ черной

пучинѣ такъ и бьется, такъ и крутитъ, просто страхъ беретъ смотрѣть. А за горою берегъ красуется покрытый зеленой травой и цвѣтами. На небольшой площади стоятъ изрѣдка яворы, дубы, березы, а дальше тянется густой лѣсъ, зеленый какъ рута. О прекрасно оно, прекрасно то побережье Днѣстрово! Не будь только этого ужаснаго Крестовика и той страшной, черной рѣчной пучины!...

— Ты что то не весела, Маруся? говорю я.

— Тяжело мнѣ, Настя, очень тяжело.

— Да отчего-жъ, Марусечка? Вѣдь сейчасъ увидишь своего Тимоѳея.

— Мой Тимоѳей, милый мой Тимоѳей, защебетала Маруся, какъ тоскующій соловей. А можетъ быть баба и лгала, можетъ быть онъ...

— Не лгала баба, мое ты золото, раздалось изъ за явора и черезъ секунду Маруся прижималась къ своему Тимоѳею. А онъ такъ голубитъ ее:

— О Марусенька, мое сердце! Насъ никто уже не разлучитъ на этомъ свѣтѣ!

— А можетъ быть и разлучитъ, послышался крикъ съ самаго высшаго шпиля Крестовой скалы. Смотримъ туда, а тамъ стоитъ Оманъ съ ружьемъ, а возлѣ него Клищъ, оба страшные и багровые, точно палачи.—Отойди прочь отъ безумной дивчины, заревѣлъ Оманъ, какъ дикій звѣрь, такъ что даже эхо пошло по лѣсу.

— Насъ не разлучитъ и смерть, не то что ты неразумный старикъ, отвѣтилъ гордо Тимоѳей, прижимая къ себѣ лишившуюся чувствъ Марусю.

Бухъ! Бухъ!... раздалось дважды изъ Омановаго ружья. Военная фуражка Тимоѳея, пробитая двумя пулями, отлетѣла далеко. Никифоръ выбѣжалъ безъ шапки изъ лѣсу и осматриваетъ товарища, не задѣла ли его пуля. Мы съ Тимоѳеемъ припали возлѣ бѣдной Маруси, лежавшей, точно неживая, на травѣ. Оманъ заряжаетъ въ другой разъ свое ружье,—какъ вдругъ—трахъ!... Рѣчная пучина заревѣла, волны съ шумомъ ударили вверхъ, такъ что вода брызнула и на насъ, а весь

уголъ Крестовой скалы, на которомъ стояли Оманъ съ Клищомъ, пропалъ съ ними вмѣстѣ въ черной пучинѣ Днѣстра и исчезъ безъ слѣда и безъ вѣсти и до настоящаго дня.

VIII.

На другой день три священника, сѣдые какъ три сивыхъ голубя, правили панихиду надъ Крестовой скалой, правили похоронный обрядъ „безъ гроба и безъ ямы", какъ поютъ въ пѣснѣ. Старая Оманиха распоряжалась во время службы, всегда спокойная, блѣдная, какъ ярый воскъ, тихая, какъ великомученица. Народъ стоялъ кругомъ скалы и плакалъ тихо. Маруся лежала въ горячкѣ, я ухаживала за нею. Никифоръ сидѣлъ возлѣ больнаго Тимоѳея, да плакалъ о своемъ неразуміи. Самъ вѣдь онъ это и Тимоѳея вызвалъ и бабу Гапу къ Марусѣ посылалъ и Клища съ Оманомъ направилъ подстеречь свиданье. Онъ то разсчитывалъ такъ, а вышло иначе. Онъ думалъ, что когда старый Клищъ увидитъ, что Маруся и Тимоѳей любятъ другъ друга то, какъ честный человѣкъ, откажется отъ нея, а старый Оманъ, хоть и нехотя, долженъ будетъ отдать Марусю за Тимоѳея. А между тѣмъ... Ахъ, отцы и матери, имѣющіе дѣтей, не разлучайте ихъ съ тѣми, кого они вѣрно любятъ, чтобъ и васъ Божій гнѣвъ не увлекъ въ какую нибудь пучину, хоть не Днѣстровую, а иную; у Него, Святаго, есть ихъ много...

А черезъ годъ?... Опять три священника, какъ три сѣдыхъ голубя, правили службу надъ Днѣстровой кручей за упокой душъ Максима и Петра, тѣла которыхъ почивали подъ Крестовой скалой „безъ гроба и безъ ямы". Народъ опять стоялъ кругомъ и тихо плакалъ. Старая Оманиха опять распоряжалась, какъ годъ тому назадъ, все такъже тихая, блѣдная, покорная. Тимоѳей съ Никифоромъ стояли близъ обломковъ Крестовика и молились Богу. Баба Гапа крутилась возлѣ Оманихи, но уже въ новой фескѣ, такъ какъ старый противный индюкъ до тѣхъ поръ не далъ пощады, пока не разнесъ ее въ куски.

А я съ Марусей?—Готовились къ святому вѣнцу, назначенному послѣ обѣда: Маруся съ Тимоѳеемъ, а я съ Никифоромъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Рѣчь кн. Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» настоящаго года помѣщена рѣчь, произнесенная малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Репнинымъ при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ 25 сентября 1823 года. Приводимъ текстъ другой рѣчи, сказанной имъ-же при открытіи дворянскихъ собраній въ Полтавѣ 3-го и въ Черниговѣ 20-го января 1818 года.

«Чѣмъ стану привѣтствовать васъ, почтенные дворяне, въ торжественный день собранія вашего? Какія слова достойны важности предмета, вамъ предстоящаго? Мои были-бы слабы. Но обратимся къ тѣмъ, на коихъ основаны права наши, къ тому залогу любви и милосердія, который далъ намъ Всеавгустѣйшій Императоръ въ первые дни царствованія своего.

(Здѣсь прочтенъ Высочайшій манифестъ отъ 2 апрѣля 1801 года, возстановляющій права дворянства).

Такъ вѣщалъ Царь нашъ, возшедши на престолъ предковъ своихъ. Надежда вселилась въ сердца наши при сей зарѣ благоденствія и сколь величественно она исполнилась!

Гдѣ грозныя тучи, носившіяся надъ Россіею? Онѣ исчезли! Гдѣ враги ея? Всевышній низвергъ ихъ, поборствуя Царю, уповающему на него, исшедшему на брань съ крестомъ въ сердцѣ и воззвавшему къ народу съ отеческою любовью.

Россія блаженствуетъ, торжествуетъ: зане Царь ея по сердцу Божію и Господь есть на всѣхъ путехъ его.

Какихъ великихъ событій были мы, почтенные дворяне, свидѣтелями и соучастниками! Сими знаменитыми годами будутъ гордиться и дальніе потомки наши. Но да увидятъ они въ насъ примѣръ добродѣтелей, не только воинственныхъ, но и гражданскихъ;

пожертвованія наши да не прекратятся со днями опасности; но и во дни покоя почтемъ собственныя выгоды ничтожными въ сравненіи съ благомъ общимъ. Тогда можемъ только быть достойными подданными великаго и кроткаго Александра и сопутствовать ему въ памяти потомства.

Вы, почтенные дворяне, повинуясь гласу Царя, не знали преградъ своимъ пожертвованіямъ; не считали вы достояній своихъ, не помышляли о женахъ и дѣтяхъ вашихъ: себя, все что имѣли, приносили въ жертву отечеству. Всевышній благословилъ усилія ваши, и всемилостивѣйшій Государь удѣлилъ вамъ часть славы своея, сказавъ: «дворянство есть вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа».

Вникните въ сіи царскія слова, и да послужатъ они вамъ путеводителемъ въ будущихъ вашихъ дѣяніяхъ.

Право, предоставленное россійскому дворянству избирать изъ среды себя какъ судей, такъ и чиновниковъ, пекущихся о внутреннемъ спокойствіи, есть знакъ величайшаго довѣрія правительства къ нашему сословію. Оправдаемъ оное; и да не уклонится никто изъ васъ отъ возлагаемой на него обязанности; да не падетъ избраніе ваше на иныхъ, какъ на людей достойныхъ и опытныхъ, и да не возжелаетъ никто мѣста выше силъ своихъ.

Отличительная черта въ русскомъ дворянинѣ есть безпрестанное его служеніе отечеству. Онъ не считаетъ, какъ иноплеменникъ, что сойдя съ поля брани, или сложивъ съ себя какое либо званіе гражданское, прекратились его обязанности, что онъ уже заплатилъ дань отечеству: нѣтъ! онъ пребываетъ вѣрнымъ его сыномъ до конца дней своихъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ верховныхъ властей.

Теперь предлежитъ вамъ еще величественное поприще, содѣйствовать Отцу отечества и въ попеченіи его о устроеніи внутренняго благоденствія. Всякъ, исполняющій долгъ свой съ ревностью, жертвующій спокойствіемъ и личными выгодами для пользы общей, можетъ гордиться сею мыслію: и щедрый и справедливый Царь не оставитъ заслуги его въ тунѣ.

Всегда сіи пожертвованія были легки для васъ благородное малороссійское дворянство! но теперь онѣ будутъ восхитительны при воспоминаніи о тѣхъ торжественныхъ дняхъ въ кои удостоились мы видѣть всемилостивѣйшаго Государя среди насъ. Кто можетъ вспомнить безъ восторга милостивое его снисхожденіе къ каждому, попеченіе о благѣ общемъ, награды, коими онъ удостоилъ сочленовъ вашихъ?

И такъ ничтожны для васъ будутъ всѣ трудности, предлежащія вамъ въ исполненіи возлагаемыхъ на васъ обязанностей.

Вы, коихъ удостоитъ почтенное дворянство своимъ избраніемъ, вступя въ судилища, оставьте за прагомъ оныхъ всѣ прежнія сношенія ваши: да будутъ месть и злоба чужды сердецъ вашихъ; но и да не поколеблютъ васъ тоже связи родственныя и дружескія; со страхомъ Божіимъ въ сердцахъ будьте тверды, не бойтесь мощныхъ на земли, а взыщите сирыхъ и убогихъ: «возлюбите правду, судящіи землю: мудрствуйте о Господѣ во благостыни и въ простотѣ сердца взыщите его».

Но и тѣмъ изъ васъ, почтенные дворяне, кои останутся свободными отъ служенія общественнаго, предстоитъ въ помѣстьяхъ вашихъ служеніе отечеству и подражаніе милосердому Царю нашему чрезъ попеченіе о благѣ подвластныхъ вамъ крестьянъ. Вспомните паки слова его: «мы несомнѣнно увѣрены», вѣщаетъ всемилостивѣйшій Государь, «что дворянство увеличитъ заботы и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ. Мы увѣрены, что забота наша о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ, предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ, многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадѣхъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства».

Благородное дворянство! Сіе воззваніе отца отечества уже навѣрно глубоко напечатлѣлось въ сердцахъ вашихъ. Вамъ не трудно будетъ оное исполнить, да и собственное благосостояніе ваше того требуетъ.

Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами, есть тоже отличительная черта русскаго народа. У иноземцевъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, которые ему оный доставили. Онъ изгоняетъ наемниковъ своихъ, коль скоро найдетъ предлагающихъ ему болѣе, неумолимъ онъ бываетъ ни воплями семей, ни отчаяніемъ земледѣльцевъ, лишаемыхъ того крова, подъ коимъ родились, отдѣляемыхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ

покоится драгоцѣнный прахъ ихъ предковъ. Но сколь и пагубны отъ сего послѣдствія! Пришли враги: и за родину никто не принесъ себя въ жертву! Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны; и память бы ихъ исчезла въ смертномъ снѣ, ежели бы народъ, вѣрный Богу, вѣрный царю, не возбудилъ ихъ. Сіе справедливое изображеніе бывшаго въ глазахъ нашихъ, побудитъ васъ не подражать имъ; корыстолюбіе изгнано будетъ изъ сердецъ вашихъ; вы не будете изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его; напротивъ, вы изыщите способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли; вы займетесь нравственностью подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго и не будете на немъ основывать дохода своего. Тогда-то, по словамъ царскимъ, «помѣстья ваши будутъ уподобляться добронравнымъ и благополучнымъ семействамъ!»

Но сіи отеческія попеченія ваши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой; основуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаніямъ вашимъ, изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственно мѣру, предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастію, еще доселѣ случаются; избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя; и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго чрезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго.

Не новое предлагаю я вамъ, почтенные дворяне! Иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили; другіе, своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ, весьма къ нему сблизились. Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ, и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ «умомъ и душею народа».

Симъ великимъ привѣтствіемъ Царя нашего началъ и кончу изложеніе обязанностей вашихъ. Важность предмета, о коемъ я обращался къ вамъ, полагаетъ преграды моему вѣщанію; но порывъ

благодарности заставляетъ нарушить оныя, и я дерзаю еще нѣсколько времени занять васъ изъясненіемъ чувствъ, наполняющихъ сердце мое.

Въ сей день, малороссійское дворянство! когда я нахожусь среди почтеннаго собранія вашего, чувствую наиболѣе всю важность служенія, милостію монаршею на меня возложеннаго. Онъ довѣрилъ мнѣ пещись о вашемъ благосостояніи, быть исполнителемъ велѣній его, блюстителемъ порядка и правосудія въ краѣ семъ, столь знаменитомъ своими воспоминаніями, столь значительномъ и нынѣ въ общей связи государственной.

Священныя обязанности возложены на меня; но не въ силахъ моихъ и частію бы оныя исполнить, еслибъ не осчастливленъ я былъ содѣйствіемъ вашимъ. Память истекшаго года неизгладима изъ сердца моего: многіе изъ васъ удостоили меня своею дружбою и своимъ довѣріемъ; всѣ оказали новые опыты приверженности къ Царю и отечеству: отъ щедротъ вашихъ основывается здѣсь училище—новый памятникъ того стремленія къ просвѣщенію, которое всегда отличало малороссійское дворянство.

Вы, почтенные сотрудники мои! избранные отъ дворянства мужи, коимъ вручило оно жезлъ предводительства: вы истинно заслужили отличное мое уваженіе и благодарность. Я часто обращался къ вамъ—и всегда находилъ въ васъ усерднѣйшихъ подданныхъ Государю, защитниковъ чести и спокойствія вашихъ согражданъ, мнѣ же дѣятельнѣйшихъ помощниковъ, не скрывающихъ отъ меня никогда зла и говорящихъ мнѣ всегда правду.

Малороссіяне! течетъ уже другой годъ, какъ я среди васъ. Уповаю, что не чуждъ уже я вамъ и что вы сохраните память приверженности моей и въ то время, ежели волею Монаршею перемѣнится мое служеніе; буде же нѣкогда прекратится оное, то среди же васъ буду искать себѣ успокоенія: дружба и уваженіе ваши будутъ и тогда лестнѣйшею для меня наградою отечества.

Теперь, почтенные дворяне! приглашаю васъ отправиться въ храмъ Господенъ, принести предъ престоломъ Всевѣдущаго священный обѣтъ въ нелицепріятномъ избраніи изъ среды себя судей правыхъ, чиновниковъ дѣятельныхъ, мнѣ же сотрудниковъ, достойныхъ моего уваженія».

Рѣчь эта была отдѣльно напечатана. Она произвела впечатлѣніе и, по всей вѣроятности, вызвала толки на мѣстѣ; нѣкоторыя мѣста ея показались слишкомъ смѣлыми, вслѣдствіе чего послѣдовало по цензурѣ распоряженіе не дозволять ея перепечатыванія въ

журналахъ. Однако она появилась въ 20 книжкѣ (15 мая) «Духа Журналовъ» на 1818 годъ, издаваемаго въ Петербургѣ цензоромъ Яценковымъ. По справкѣ оказалось, что она не была въ разсмотрѣніи цензуры и добавлена къ книжкѣ, пропущенной въ печать цензоромъ Тимковскимъ.

Въ отвѣтъ на потребованное отъ него объясненіе, издатель «Духа Журналовъ» говоритъ:

«Въ рѣчи князя Репнина нѣтъ ничего ни о рабствѣ, ни о свободѣ крестьянъ, а только самое легкое и осторожное напоминаніе о улучшеніи участи крѣпостныхъ крестьянъ въ томъ кругу гражданскаго ихъ бытія, въ которомъ они закономъ постановлены. Предметъ не новый: можно указать тысячи узаконеній, то же самое и еще сильнѣе подтверждающихъ.

«Рѣчь сія прислана къ главному издателю «Духа Журналовъ» печатная. Она говорена была въ торжественномъ собраніи всего малороссійскаго дворянства такимъ лицемъ, которое на своемъ постѣ есть органъ воли Монаршей, слѣдовательно принята за оффиціальную; а потому и не оставалось никакого сомнѣнія къ напечатанію оной съ печатнаго уже экземпляра.

«Мнѣ не было тогда извѣстно словесное приказаніе его высокопревосходительства г. управляющаго министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, данное цензору статскому совѣтнику Тимковскому о недозволеніи печатать рѣчи сей. Если бы я могъ хотя мало подозрѣвать о такомъ распоряженіи, то-бы нарушить онаго не осмѣлился. Но, принявъ рѣчь сію за оффиціальную, какъ она и есть, не счелъ необходимымъ испросить цензорскаго одобренія къ напечатанію оной вновь, основываясь на § 39 устава о цензурѣ».

«Въ заключеніе имѣю честь объяснить, что я въ изданіи журнала не полагалъ иной цѣли, кромѣ пользы общественной, бывъ удаленъ не только дѣйствовать, но и мыслить вопреки намѣреніямъ правительства, какъ скоро намѣренія сіи, всегда благотворныя, сдѣлаются явными».

Содержатель типографіи К. Край далъ объясненіе, что рѣчь князя Репнина напечатана имъ безъ цензурнаго пропуска, такъ какъ она была доставлена ему въ печатномъ видѣ съ дозволенія правительства. Впредь-же обязывается ничего не печатать безъ дозволенія цензуры.

Отъ Яценкова отобрана была подписка впредь ничего не печатать въ издаваемомъ имъ журналѣ безъ предварительнаго одобренія цензоромъ Тимковскимъ.

Сообщилъ **В. Ю.**

Разбойникъ Тараненко. Настоящей моей замѣткой я хочу припомнить читателямъ «Кіевской Старины», а еще болѣе того тѣмъ, кто имѣетъ возможность собрать болѣе точныя свѣдѣнія, объ одной личности, извѣстной многимъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ этого столѣтія въ Кіевщинѣ, окрашенной въ устномъ сказаніи еще живыхъ людей въ цвѣтъ удальства. Я хочу напомнить о Тараненкѣ. Не зная ничего о его злодѣяніяхъ, я не хочу даже называть его именемъ бандита, въ письменности прилагаемымъ къ его предшественникамъ въ народномъ недавнемъ эпосѣ Гаркушѣ и Кармелюку. Точныя свѣдѣнія о Тараненкѣ, я думаю, не трудно получить въ дѣлахъ военнаго суда кіевскаго генералъ-губернаторства. Но я, припоминая публикѣ эту личность, считаю нужнымъ разсказать здѣсь все мнѣ о ней извѣстное, разумѣется, изъ разсказовъ, въ которыхъ если даже этотъ Тараненко не таковъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, то во всякомъ случаѣ таковъ, какимъ его хотѣла видѣть народная молва, часто выразительница своихъ симпатій или антипатій.

Разсказывали, что онъ, Тараненко, былъ дворовымъ человѣкомъ какой то генеральши К—ской изъ Шполянщины. Почему-то его помѣщица не давала ему разрѣшенія жениться на одной изъ ея горничныхъ, которую даже съ остриженой косой выслала въ другую деревню. Возмущенный этимъ Тараненко *сталъ грубить* и за свою продерзость былъ отданъ помѣщицей въ исправительныя арестантскія роты. Оттуда онъ бѣжалъ въ Аккерманъ, въ которомъ въ то время люди не умирали по той причинѣ, что на мѣсто умершихъ мѣщанское общество записывало приблудныхъ бродягъ безпаспортныхъ, коими въ то время кишѣла Херсонщина и Бессарабія, через которую бурлачня направлялась «за Дунай ричку—маты, що не дае имъ погибаты». Приписанный подъ другимъ именемъ въ Аккерманѣ Тараненко пошелъ по набору въ солдаты и по его дородности и красотѣ попалъ въ гвардію, кажется, въ Преображенскій полкъ. На службѣ ему везло и жилось хорошо. Вздумалъ онъ дать о себѣ вѣсть матери и зазнобѣ; написалъ къ нимъ письмо, которое попало въ

панскій дворъ и обнаружило его, бѣжавшаго изъ арестантскихъ ротъ и поступившаго подъ чужимъ именемъ на службу, мѣстопребываніе. Генеральша сообщила о семъ куда слѣдуетъ; Тараненка арестовали и переслали для суда въ Кіевъ, гдѣ онъ и содержался въ Печерской крѣпости, откуда онъ совершилъ цѣлый рядъ побѣговъ, число которыхъ по народному сказу достигаетъ пяти. Во время этихъ его бѣганій, замѣчу кстати все на свою родину Шполянщину, онъ по неволѣ сводилъ знакомство съ темнымъ людомъ и въ томъ числѣ съ конокрадами. Обыкновенно онъ заходилъ на родину, послѣ таскался по Херсонщинѣ и все таки каждый разъ ловился въ той же Шполянщинѣ.

Въ одинъ изъ такихъ побѣговъ онъ, по разсказамъ, проникъ въ спальню своей гонительницы-помѣщицы съ цѣлью зарѣзать ее; но въ спальнѣ оказалось двѣ кровати и на обѣихъ спящія женщины. Боясь зарѣзать ничѣмъ передъ нимъ неповинную компаньонку генеральши, и не имѣя спичекъ для того, чтобы зажегши ихъ узнать того, кого ему нужно, Тараненко бросилъ ножъ и ушелъ, сказавъ только о своемъ визитѣ ночному сторожу: «Я ій тамъ гостинца лышывъ!

Сколько именно разъ совершалъ Тараненко побѣги, я навѣрное не знаю, но вѣрно то, что онъ бѣгалъ не разъ и каждый побѣгъ усложнялъ его дѣло, помимо совершаемыхъ имъ во время бѣгства все новыхъ и новыхъ преступленій. Въ народномъ сказаніи бѣглецъ Тараненко грабилъ богатыхъ и одарялъ бѣдныхъ, какъ и всѣ герои сказаній; но на самомъ дѣлѣ въ побѣгахъ онъ не могъ обойтись безъ пользованія чужимъ имуществомъ, добывать каковое, разумѣется, приходилось путемъ кражи или грабежа. Но кромѣ того онъ, говорили, много взводилъ на себя небывалыхъ преступленій ради того, чтобы затягивать рѣшеніе своего дѣла и найти случай опять бѣжать.

Лѣтомъ 1861 года Тараненко совершилъ побѣгъ изъ кіевской крѣпости. Я это хорошо знаю потому, что самъ читалъ циркулярное по волостямъ предписаніе о поимкѣ бѣглеца. Въ предписаніи были описаны его примѣты, въ числѣ коихъ значилось, *что онъ въ солдатской шинели съ красными погонами* (?!).

При собираніи орѣховъ *дивчата* пугали одна другую Тараненкомъ.

Но какъ то вскорѣ его поймали. Объ этой поимкѣ разсказывали такъ:

Возвращались въ м. Шполу изъ какой то недальней поѣздки шполянскій же волостной старшина и писарь. На передкѣ брычки сидѣлъ возница. Недалеко отъ мѣстечка они нагнали идущаго по

дорогѣ какого-то степеннаго мужика (въ разсказѣ помню говорилось *«хозяина»* въ смыслѣ наружной порядочности) и пригласили его подъѣхать съ ними. Возница все оглядывался и всматривался въ этого попутчика. Повозка подъѣхала къ волостному правленію, гдѣ была собрана сходка (громада) въ ожиданіи старшины. Попутчикъ степенно поблагодарилъ за подвозку, поздоровался съ громадою и пошелъ себѣ своимъ путемъ дальше. Возница еще всмотрѣлся въ уходящаго попутчика и сейчасъ-же заявилъ, что это Тараненко. Кинулись за нимъ и цѣлою громадою его поймали, причемъ онъ поранилъ ножемъ, нѣсколькихъ человѣкъ. Окованный по рукамъ и по ногамъ кандалами, или же прикованный къ возу, подъ стражею толпы крестьянъ, солдатъ и нарочно командированнаго становаго пристава, Тараненко былъ препровожденъ въ Кіевъ. На ночлегѣ въ селѣ Піяхъ, каневскаго уѣзда, онъ сказалъ: «скажитѣ пану маршалкови (Янковскому), щобъ мени прыславъ чаю и чого повечеряты!» Желаніе его было удовлетворено. Года черезъ четыре мнѣ пришлось слышать разсказъ одного маіора, бывшаго въ полку, стоявшемъ гарнизономъ въ кіевской крѣпости во время бѣгства Тараненка въ 1861 году. Привожу здѣсь его по памяти.

Тараненко содержался въ какой то строгой арестантской кельѣ крѣпости. Помнится въ № 14. Была ли это какая особая камера подъ этимъ номеромъ или такъ называлось цѣлое зданіе—не знаю. Когда онъ оттуда бѣжалъ, то только нашли въ потолкѣ, очень высокомъ въ той камерѣ, выдавленную доску, отъ чего образовалось отверстіе, на чердакъ, но, какъ бѣглецъ могъ добраться до этого отверстія, не могли понять.

Пойманный Тараненко, по просьбѣ коменданта крѣпости, въ присутствіи многихъ лицъ и въ томъ числѣ разсказчика, объяснилъ свой побѣгъ такъ:

Что-то работавшіе на чердакѣ крѣпостные каторжные арестанты по просьбѣ Тараненка сверлломъ пробуравили въ одной изъ досокъ потолка камеры его цѣлый рядъ плотно одна около другой расположенныхъ дыръ, такъ, что напоромъ можно было выдавить часть доски. Это узникъ сдѣлалъ, уставивъ на столикъ, имѣвшійся въ камерѣ, ребромъ койку, ставъ на эту примостку и наперши въ потолокъ шалевкою, одной изъ тѣхъ, коими замащивалась койка. Нужно было быть особенно ловкимъ, чтобы съумѣть влѣзть на такую подмостку — койку поставленную ребромъ на столъ и еще съ усиліемъ давить шалёвкою въ продырявленную доску потолка. Но тутъ вышла одна непредви-

дѣнная случайность, потребовавшая еще большей ловкости и рѣшимости со стороны бѣглеца.

Потолокъ въ камерѣ расположенъ очень высоко: столъ 1¼ арш., койка, если даже она была поставлена узкимъ ребромъ, 1 аршинъ, ростъ самого узника около 2½ аршинъ—это уже 4¾ аршина, а потолокъ еще выше, что видно изъ того, что узникъ долженъ былъ употребить шалёвку изъ коечной настилки, которая не могла быть короче 2½ аршинъ. По разсказу отъ полу до потолка 7 аршинъ. На высотѣ 5 аршинъ въ стѣнѣ имѣлось окно величиною аршинъ въ квадратѣ. Доска, которую предположено было выдавить, находилась въ потолкѣ надъ окномъ. Узникъ предполагалъ выдавить ту часть побуравленной доски, которая была ближе къ окну, и такимъ образомъ устроить въ потолкѣ отверстіе, до котораго думалъ добраться, добравшись до окна. Но вышло такъ, что короткая часть доски не поддалась напору, а выперлась длинная часть и такимъ образомъ явилось отверстіе въ потолкѣ аршинахъ въ двухъ отъ стѣны и еще далѣе отъ окна. Послѣ неудавшихся попытокъ выдавить нужную часть доски, узникъ порѣшилъ достичь сдѣланнаго уже отверстія. Для сего онъ къ отломанной ножкѣ стола привязалъ свитую изъ бѣлья и холста сѣнника веревку, приставилъ подъ окномъ ребромъ столъ, на него койку и по сей послѣдней съ заготовленною въ зубахъ веревкою добрался до окна. Въ аршинной амбразурѣ окна, замѣтьте на высотѣ 5 аршинъ,—ему нужно было стать и броситься съ него такъ, чтобы хоть одною рукою хватиться за край дыры въ потолкѣ и затѣмъ уже вставить туда ножку стола съ привязанной къ ней веревкой.

«Всѣ мы диву дались» говорилъ разсказчикъ «нужна была особая ловкость для этого воздушнаго прыжка на высотѣ пяти—шести аршинъ. Неудача влекла за собой смерть, онъ бы непремѣнно разбился о каменный полъ».

(Прошу обратить вниманіе на то, что это разсказъ не идеализирующаго Тараненка простолюдина или мелкаго панка, мало розняшихся въ ихъ міровоззрѣніяхъ, а разсказъ почтеннаго служаки маіора).

Всѣ эти замѣчательно трудныя гимнастическія эволюціи продѣлалъ Тараненко съ успѣхомъ и съ чердака черезъ слуховое окно вылѣзъ на крышу, а по водосточной трубѣ спустился на землю. Ночь была темная—(такую то онъ и выбиралъ)—шелъ дождь. На него, припавшаго къ землѣ, наткнулся было въ нѣсколькихъ шагахъ часовой. Бѣглецъ началъ плескать рукою воду въ лужѣ, подражая лаканью

собаки. Закутанный въ башлыкъ часовой, предполагая въ согнутой фигурѣ собаку, только чукнулъ.

— Чу ты! проклятая!—и пошелъ дальше.

Черезъ крѣпостные валы, цитадель и обрывы печерской горы онъ добрался до Днѣпра и на первой попавшейся лодкѣ пустился внизъ за водою, а затѣмъ, пробираясь то Днѣпромъ на краденныхъ лодкахъ, то Полтавщиной, добился въ свою Шполянщину, гдѣ и былъ пойманъ выше разсказаннымъ образомъ.

Въ заточеніи Тараненко, затягивавшій дѣло все новыми и новыми показаніями, пользовался особымъ уваженіемъ и популярностію другихъ узниковъ и въ томъ числѣ содержавшихся въ кіевской крѣпости въ 1863—1866 г.г. поляковъ по дѣлу возстанія. Между прочимъ мнѣ разсказывали, что рядомъ съ нимъ черезъ стѣну сидѣлъ судившійся за распространеніе какихъ-то прокламацій полковникъ К—ій въ 1862 году. Приговоренный къ разстрѣлянію, полковникъ К—ій послѣ объявленія ему сентенціи суда впалъ въ отчаяніе и плакалъ. Услышавшій это Тараненко, черезъ стѣну-ли или проводимый мимо его дверей, сталъ укорять плачущаго говоря: «Эхъ вы, панское отродье! Затѣвать то затѣете, а какъ на раздѣлку жидки! Сейчасъ въ слёзы!» Услышавшій это полковникъ К—ій воспрянулъ духомъ и бодро послѣ конфирмаціи шелъ къ мѣсту казни, гдѣ ему объявили о помилованіи и замѣнѣ смертной казни ссылкою въ каторгу.

Слыхалъ я, что Тараненко въ концѣ концовъ былъ наказанъ шпицрутенами (что-то большомъ количествѣ—не помню) и вынесши наказаніе, совершенно посѣдѣвшій, пошелъ въ ссылку; но съ дороги опять бѣжалъ и на этотъ разъ безслѣдно.

Кончая эту замѣтку, я вспомнилъ еще про одну такую же, сдѣлавшуюся сказочною, личность конца сороковыхъ годовъ. Это былъ какой то Рахальскій и можетъ быть Рафальскій—шляхтичъ. Молва и этому своему герою, какъ и другимъ, приписывала обираніе богатыхъ и одариваніе неимущихъ. Мѣсто похожденій Рахальскаго южныя Кіевщина и Подолія. Изъ слышанныхъ въ дѣтствѣ о немъ разсказовъ я помню только одинъ, можетъ быть, уже повторительно слышанный мною и въ старшемъ возрастѣ. Рахальскій письмомъ потребовалъ отъ одного помѣщика уплаты ему какой то суммы денегъ, которыя должны были быть положенными въ какомъ то дубѣ. Помѣщикъ этотъ, почему то мнѣ помнится гайсинскаго уѣзда, не то Ростковскій, не то Росцишевскій, обладалъ замѣчательною силою, надѣясь на каковую, отвѣтилъ Рахальскому:

— Приходи самъ или только самъ другъ и, если столкнете меня съ порога, то тогда отдамъ требуемую сумму.

Явился Рахальскій съ «козачкомъ» молодымъ паколкомъ. Помѣщикъ сталъ на дверяхъ растопырилъ ноги, уперся локтями въ косяки дверей и сказалъ:

— Готово! Сталкивайте!

— А ну дышъ Михалко! Зопхны пана! скомандовалъ Рахальскій. Козачекъ наперъ плечомъ и панъ полетѣлъ на полъ. Послѣ этого послѣдовало угощеніе и отдача требуемой суммы денегъ.

Гдѣ дѣвался этотъ Рахальскій, я не слыхалъ.

Въ 1847 или 1848 г. родители мои жили верстахъ въ 25 отъ Умани, около села Моньковки, на хуторѣ Гуральнѣ (тамъ были надъ хорошимъ прудомъ руины какой то винокурни). Въ одинъ зимній вечеръ къ намъ явился какой то панъ въ волчьей шубѣ, въ высокой остроконечной съ красной верхушкой шапкѣ, весь въ снѣгу отъ бывшей въ ту пору метели и попросился ночевать. Разумѣется, былъ принятъ. Мы дѣти, посмотрѣвши на гостя, удалились опять на кухню, гдѣ старая бабуся «скубла пирья» на теплой лежанкѣ и разсказывала намъ какую то хорошую сказку, за что мы ей помагали въ «скубаньи», ожидая пока спечется въ горячей золѣ «кабакъ» (тыква). Въ кухнѣ мы увидѣли чужаго, пріѣхавшаго съ гостемъ парубка, одѣтаго въ широкіе штаны, съ ножемъ «на припони» и съ большою косою—чубомъ на бритой головѣ. Помню, что насъ очень занималъ этотъ парубокъ и мы съ лежанки все поглядывали на него. Своевременно мы дѣти заснули и не видѣли когда и какъ уѣхалъ отъ насъ гость.

По разсказамъ въ семьѣ это былъ Рахальскій.

Борисъ Познанскій.

Замѣтка о гетманѣ Павлѣ Тетерѣ. О бывшемъ правобережномъ гетманѣ Павлѣ Тетерѣ осталась у современниковъ его въ Малороссіи худая слава «измѣнника» и «прислужника ляховъ»—за его союзъ съ Польшей; да и изъ сторонниковъ Польши едва ли кто, говоритъ Костомаровъ, возбуждалъ къ себѣ такую ненависть въ малороссіянахъ, какъ гетманъ Тетеря. Ненависть эта вызвана безъ сомнѣнія двойной измѣной гетмана, вошедшаго, какъ сказано, въ союзъ съ Польшей и принявшаго, кромѣ того, католичество. Послѣдній фактъ, сообщаемый лѣтописью Грабянки, Н. И. Костомаровъ считаетъ «недо-

стовѣрнымъ», потому что въ 1669 году будто бы Тетеря писалъ игумену Кіево-Михайловскаго монастыря, что онъ желаетъ постричься въ Печерскомъ монастырѣ въ монахи; но въ монахи однако онъ не постригся и самаго письма его объ этомъ у Костомарова не приведено. Между тѣмъ намъ случайно встрѣтилось одно извѣстіе, дающее поводъ утверждать, что сообщеніе Грабянки о принятіи Тетерей католичества, послѣ бѣгства его изъ Брацлава въ Польшу, справедливо.

Послѣ закрытія виленскаго университета въ 1832 году остались нерѣшенными въ канцеляріи его нѣкоторыя дѣла о суммахъ, принадлежащихъ училищному фундушу. Дѣла эти разсматривались потомъ въ т. н. Радзивилловской коммиссіи, учрежденной въ г. Вильнѣ, и среди нихъ встрѣчается, между прочимъ, дѣло *о суммѣ 21,000 рублей серебромъ, записанной въ 1668 году въ пользу іезуитовъ гетманомъ Тетерею.*

Этотъ капиталъ впослѣдствіи былъ отданъ, какъ видно изъ дѣла, въ заемъ князю Радзивиллу и обезпеченъ на его имѣніи Колки, луцкаго уѣзда; но подлиннаго акта о пожертвованіи въ дѣлѣ нѣтъ, хотя безъ сомнѣнія онъ былъ и можетъ быть гдѣ нибудь найдется, а до того времени придется довольствоваться и этимъ краткимъ намекомъ.

Извѣстіе взято изъ дѣла Архива министерства госуд. имуществъ, № арх. 517, 1832 г., именно изъ числа дѣлъ, переданныхъ въ этотъ Архивъ изъ Департамента народнаго просвѣщенія.

П. Шафрановъ.

Памятникъ И. Ѳ. Богдановича въ Курскѣ. Авторъ *Душеньки*, коллежскій совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичъ *Богдановичъ*, послѣдніе дни своей жизни провелъ въ г. Курскѣ, гдѣ скончался 6 января 1803 года и погребенъ на Всесвятскомъ, что за Херсонскими воротами, кладбищѣ. Курское Всесвятское, или проще, какъ принято въ г. Курскѣ его называть,—Херсонское кладбище—одно изъ двухъ самыхъ древнихъ курскихъ кладбищъ, нынѣ существующихъ,—находится на юго-западной сторонѣ г. Курска. Внѣшній видъ кладбища, какъ и большей части православныхъ кладбищъ въ провинціи, поражаетъ посѣтителя своимъ крайне безотраднымъ состояніемъ и наводитъ невеселыя думы о полномъ невниманіи живыхъ людей къ праху

своихъ почившихъ братьевъ. Надгробные памятники, иногда очень цѣнные, полуразрушены; деревянные кресты покосились или валяются по кладбищу; могилы густо заросли крапивой, лопушникомъ и другими сорными травами; кладбище не огорожено кругомъ; словомъ, слѣды руки хищниковъ и печать полнѣйшей людской небрежности видны на каждомъ шагу... На этомъ-то кладбищѣ, среди полуразрушенныхъ надгробныхъ памятниковъ, находится заросшій крапивой, шиповникомъ, сиренью, акаціей и разнаго рода сорной травой, когда-то прекрасный, а нынѣ полуразрушенный памятникъ на могилѣ творца *Душеньки*, Ипполита Ѳедоровича *Богдановича*, поставленный въ 1834 году бывшимъ курскимъ губернаторомъ П. Н. *Демидовымъ*. Какъ будто-бы пророчески исполнились слова И. Ѳ. Богдановича:

«Когда чего я не имѣю,
Я то считаю за ничто»...

Черезъ три десятка съ лишнимъ лѣтъ послѣ смерти на забытой курянами могилѣ знаменитаго писателя и человѣка, русскій меценатъ сооружаетъ превосходный памятникъ; а спустя 56 лѣтъ послѣ сооруженія, этотъ памятникъ рука хищника и невѣжды приводитъ въ такое положеніе, что теперь съ трудомъ только можно было опредѣлить на запущенномъ кладбищѣ ту могилу, на которой памятникъ этотъ поставленъ. Впрочемъ, къ счастью, памятникъ настолько еще крѣпокъ, что ни время, ни стихіи, ни даже хищничество не могли совершенно уничтожить его. Если Богъ поможетъ и добрые люди сочувственно отнесутся, то, при небольшихъ матеріальныхъ затратахъ, можно будетъ произвести реставрацію памятника. Кстати не далеко и то время (6 января 1903 года) когда исполнится столѣтіе со дня кончины И. Ѳ. Богдановича.

Добыть свѣдѣній о подробностяхъ сооруженія памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдановича, несмотря на всѣ старанія пишущаго эти строки, не удалось. Извѣстно только то, что памятникъ поставленъ въ 1834 году П. Н. *Демидовымъ* и, какъ утверждаютъ курскіе старожилы, на собственныя его средства.

Памятникъ И. Ѳ. Богдановича, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, изображаетъ прекрасную, скульптурной работы, бѣлаго мрамора статую *Психеи. Психея* изображена въ видѣ стройной женщины, изящная фигура которой закутана въ пышную длинную одежду (тунику), мелкими складками ниспадающую къ ногамъ. Сверху одежды наброшенъ особый покровъ, закрывающій руки, держащія свѣтильникъ. Голова статуи отбита; свѣтильникъ поврежденъ, какъ

равно, въ нѣкоторыхъ частяхъ, повреждено и основаніе статуи. По слѣдамъ, оставшимся на памятникѣ, видно, что хищники усиливались сорвать съ пьедестала статую. Пьедесталъ сдѣланъ изъ пестраго мрамора въ греческомъ стилѣ и утвержденъ на гранитныхъ плитахъ въ двѣ ступени. Вокругъ памятника имѣется квадратная, крѣпкая, довольно изящная желѣзная рѣшетка. Высота памятника въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, 3 арш. и 1 верш.; статуя Психеи: 1 арш. 4 вершка. На пьедесталѣ были помѣщены надписи, сдѣланныя рельефными бронзовыми буквами, которыя были привинчены къ пьедесталу. Буквы эти похищены, съ лицевой стороны совершенно, остались только однѣ точки, гдѣ буквы находились; на задней-же сторонѣ осталась незначительная часть буквъ. Возстановляя по слѣдамъ оставшихся буквъ на лицевой сторонѣ пьедестала надпись, можно возстановить ея содержаніе:

. . Ѣ . . . О . . ЕБ . . .
ЗДѢСЬ ПОГРЕБЕНЪ
. . . . Е . . . ІЙ . . . ѢТН . . .
КОЛЛЕЖСКІЙ СОВѢТНИКЪ
. . . . . ИТ . . ЕО . . . ОВИ . .
ИППОЛИТЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ
. . . .
БОГДАНОВИЧЪ.
. . О . . . ВШІЙ . .
СКОНЧАВШІЙСЯ
. ГЕ . . . РЯ 1 . 0 . . . . . [1]).
6 ГЕНВАРЯ 1803 ГОДА.

Несомнѣнность мѣста погребенія И. Ѳ. Богдановича на Всесвятскомъ кладбищѣ удостовѣряютъ курскіе старожилы, въ числѣ которыхъ назову почтенную Анну Никитичну *Машнину*, глубокую старуху, одиноко живущую въ г. Курскѣ. Въ домѣ бабушки А. Н. Машниной, по разсказу А. Н. находившемся на углу Троицкой и Пастуховской улицъ, нынѣ уже несуществующемъ, гдѣ теперь выстроено духовное училище, проживалъ И. Ѳ. Богдановичъ и тамъ скончался. Время и мѣсто постановки памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдановича, А. Н.

---

[1]) Скобками означены слова, сохранившіяся на памятникѣ.—*Т. В.*

Машнина помнитъ хорошо. Объ И. Ѳ. она передала разсказы бабушки и матери своей, что И. Ѳ. былъ въ большой дружбѣ съ тогдашнимъ курскимъ губернаторомъ Александромъ Матвѣевичемъ *Веревкинымъ*[1]), у котораго даже столовался. Во время тяжкой болѣзни И. Ѳ. Богдановича, по разсказу А. Н. Машниной, дали знать А. М. Веревкину, который немедленно прибылъ въ квартиру Богдановича. Приглашенный имъ, А М. Веревкинымъ, настоятель Троицкой церкви напутствовалъ умиравшаго поэта и, затѣмъ, похоронилъ на Херсонскомъ кладбищѣ. По метрическимъ книгамъ г. Курска актъ смерти И. Ѳ. Богдановича, какъ увѣдомила меня курская духовная консисторія, не значится.

И. Ѳ. Богдановичъ, какъ видно изъ его біографіи, составленной Н. М. *Карамзинымъ*, родился въ Малороссіи, въ м. Переволочной[2]) 23 декабря 1743 года; а скончался, какъ сказано выше, въ г. Курскѣ 6 генваря 1803 года.

Т. І. Вержбицкій.

Некрологъ. *Остапъ Вересай*, пріобрѣвшій обширную извѣстность въ столицахъ и на югѣ, если не послѣдній, то одинъ изъ послѣднихъ «кобзарей», умеръ въ концѣ апрѣля въ с. Сокиренцахъ прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи. Обстоятельства его жизни и репертуаръ думъ и пѣсенъ, которыми онъ владѣлъ, хорошо извѣстны изъ многихъ статей, посвященныхъ ему въ печати. Литературная исторія Вересая началась съ половины пятидесятыхъ годовъ, когда въ полтавской глуши его открыли Л. М. Жемчужниковъ и П. А. Кулишъ. Въ первый разъ имя его встрѣчается въ «Запискахъ о южной Руси», въ статьѣ «Сказки и сказочники». Въ «Основѣ» о немъ писалъ г. Жемчужниковъ, напечатавшій тогда и нѣкоторыя изъ его думъ и пѣсенъ. Позднѣе, въ семидесятыхъ годахъ, составлена была А. А. Русовымъ обстоятельная статья о Вересаѣ и записаны тексты большинства исполнявшихся имъ произведеній народной поэзіи. Музыку ихъ записалъ Н. В. Лисенко, сопроводивъ небольшимъ изслѣдованіемъ. То и другое появилось въ «Трудахъ юго-западнаго отдѣла гоеографическаго общества». Къ этому времени относится и поѣздка

---

[1]) Статскій совѣтникъ А. М. *Веревкинъ* служилъ въ должности курскаго губернатора съ 13 іюня 1799 по 12 сентября 1803 года.— *Т. В.*

[2]) Полтавской губерніи, кобелякскаго уѣзда—*Т. В.*

покойнаго бандуриста въ Петербургъ, улучшившая его матеріальное положеніе, и появленіе его, какъ пѣвца, въ засѣданіи географическаго общества и другихъ публичныхъ сеансахъ. Во время кіевскаго археологическаго съѣзда, Вересай, какъ живая древность, присутствовалъ въ Кіевѣ и пѣлъ передъ иностранными учеными, занесшими потомъ его скромное имя далеко въ Европу. Можно смѣло сказать, что изъ всѣхъ кобзарей (кромѣ кобзарей козацкой эпохи, намъ неизвѣстныхъ) ни одинъ не пользовался такой обширной извѣстностью и не возбуждалъ столько вниманія какъ Вересай. Будучи типичнымъ представителемъ кобзарства и человѣкомъ смышленымъ и умнымъ отъ природы, покойный Остапъ способствовалъ не мало знакомству нашему съ этимъ явленіемъ героической эпохи, столь удивительно сохранившимся въ южно-русской глуши до нашихъ дней.

Вересай былъ типичнымъ и прекраснымъ представителемъ кобзарства, но далеко не послѣднимъ, о чемъ, впрочемъ, онъ не любилъ слышать, чувствуя выгоду сохраненія за собой монопольной роли «послѣдняго кобзаря». Не говоря о его молодыхъ годахъ, когда собратій его можно было считать десятками, даже недавно еще живы были и Крюковскій, знавшій больше пѣсенъ и думъ, чѣмъ сокиренскій пѣвецъ, и «вечирскій Антонъ» и Павло Братыця, можетъ быть, здравствующій и теперь, пѣвшій двѣ думы о Хмельницкомъ. Въ центральныхъ уѣздахъ полтавской губерніи и сѣверныхъ черниговской, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ харьковской губ. еще и теперь можно встрѣтить бандуристовъ. Правда, это скорѣе пѣвцы съ кобзой, чѣмъ кобзари стараго типа, на которыхъ какъ бы покоился отблескъ какого то эпическаго величія исполняемыхъ ими произведеній. Едва ли возможно отъ этихъ современныхъ кобзарей записать что либо новое. Наши личныя попытки въ этомъ отношеніи не дали ничего, кромѣ не особенно важныхъ варіантовъ. Интересъ представляютъ они въ смыслѣ изученія быта, подробностей нравовъ, ремесла, условнаго языка ихъ и т. п. Эти кобзари—во всякомъ случаѣ послѣдніе и въ новыхъ условіяхъ жизни существованіе кобзарства немыслимо.

Въ «Кіевской Старинѣ» сообщены были г. Ухачъ-Охоровичемъ нѣсколько пьесъ Вересая, ускользнувшихъ отъ прежнихъ собирателей. Въ послѣдніе годы покойный кобзарь часто посѣщалъ Кіевъ. Его можно было часто встрѣтить весною съ внукомъ-поводаремъ и на улицахъ и въ домахъ многихъ кіевлянъ, хорошо его знавшихъ. Привычка къ жизни нищаго была очень сильна въ немъ: выйдя изъ знакомаго дома и только что получивъ нѣсколько рублей, онъ са-

дился въ кругу собратій на церковной паперти и принималъ подаваемыя копѣйки.

Вересая знали всѣ любители малороссійскаго слова и народной поэзіи. Самъ онъ съ особенной теплотой вспоминалъ о Л. М. Жемчужниковѣ, Кулишѣ и Чубинскомъ. Первые два «открыли» его, послѣдній устроилъ его петербургскую поѣздку, обезпечившую сколько нибудь его старость. П. А. Кулишъ, по его словамъ, «бувъ у его въ хати» и переписывался съ нимъ.

Много разъ снимали его портреты. Художникъ К. Маковскій изобразилъ его въ качествѣ «гусляра» на неудачной картинѣ, превратившейся въ уродливую олеографію, въ видѣ «преміи», доставшейся неприхотливымъ подписчикамъ «Нивы». Гравированный портретъ его былъ въ «Живописной Украинѣ» шестидесятыхъ годовъ, а лучшій фотографическій сдѣланъ недавно кіевскимъ фотографомъ Загорскимъ.

Александръ Алексѣевичъ Васильчиковъ, гофмейстеръ Двора и бывшій директоръ Императорскаго Эрмитажа, скончался 11 мая. Имя свое въ историческую науку покойный внесъ четырехтомнымъ, капитальнымъ трудомъ «Семейство Разумовскихъ». Въ трудѣ этомъ опубликована масса документальнаго матеріала, относящагося къ членамъ семьи Разумовскихъ, составлявшаго достоянье частныхъ архивовъ и ставшаго доступнымъ составителю, благодаря его общественному положенію и связямъ. Васильчиковъ, приходившійся правнукомъ гетману Разумовскому (по бабкѣ своей Аннѣ Кирилловнѣ, дочери графа Кирилла Григорьевича), кромѣ многолѣтняго труда, внесъ много любви въ свое сочиненіе, что отразилось на характерѣ и духѣ его, чуждомъ всего профессіонально-ученаго, педантическаго и заказнаго. Въ изслѣдованіи своемъ покойный явился совершенно самостоятельнымъ, такъ какъ раньше его никто не касался взятой имъ темы. Все написанное имъ составляетъ его дѣйствительную литературную собственность, а не перетасовку изъ многихъ книжекъ въ одну, какъ въ большинствѣ историческихъ работъ. Если имъ недостаточно освѣщена политическая роль Кирилла Разумовскаго, то для уясненія послѣдняго гетмана, какъ личности, первый томъ «Семейства Разумовскихъ», даетъ богатѣйшій матеріалъ. Очень рельефно изображены и своеобразная и мрачная фигура Алексѣя Кирилловича, и утонченный обликъ типическаго дипломата старой школы, мецената

и поклонника искусствъ графа Андрея Кирилловича, равно какъ и главы этого изумительнаго по судьбѣ своей рода, простодушнаго Алексѣя Розума и многочисленныхъ сыновей гетмана. Въ бумагахъ А. А. Васильчикова остался собраннымъ и почти обработаннымъ матеріалъ, касающійся послѣдняго поколѣнія угасшей въ Россіи семьи Разумовскихъ. Надо надѣяться, что матеріалъ этотъ будетъ изданъ семьей покойнаго, хотя бы въ дополненіе къ труду, на который составитель потратилъ столько лѣтъ своей жизни. По окончаніи монографіи о Разумовскихъ А. А. Васильчиковъ, по тому же плану, предполагалъ разработать біографіи представителей также угасшаго уже рода Безбородковъ.

А. А. Васильчиковъ родился въ 1832 году, воспитывался въ московскомъ университетѣ, служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, состоя при миссіяхъ въ Римѣ и Карльсруэ, а потомъ по министерству Императорскаго двора, занявъ послѣ Гедеонова постъ директора Эрмитажа. Онъ былъ знатокомъ искусства и счастливымъ коллекціонеромъ. Имъ изданъ въ двухъ томахъ систематическій «Liste alphabetique des portraits russes», заключающій описаніе болѣе 4 тысячъ гравированныхъ портретовъ лицъ русскаго происхожденія. Въ рукописи остался послѣ покойнаго трудъ «Искусство въ Венеціи», составляющій начало задуманнаго большаго обзора судебъ итальянскихъ школъ живописи. Г.

Библіографія.

1) Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Черпаго моря. В. В. Латышева. (Отдѣльн. оттискъ изъ «Записокъ Импер. Археол. Общ.» Т. IV; стр. 120—153.

2) Греческія надписи, найденныя въ 1881—1888 годахъ на берегахъ Киммерійскаго Боспора и Херсонеса Таврическаго В. Латышевъ. С-ПБ. 1890 (Inscriptiones graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonnesi Tauricae per annos 1881—1888 repertae. Iussu Consilii Caesarei Archaeologici ed. B. Latyschev. Petropoli. 1890).

В. В. Латышевъ стяжалъ себѣ завидную извѣстность многолѣтними успѣшными трудами по изданію и объясненію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ раньше и находимыхъ до послѣдняго времени на мѣстахъ поселеній грековъ и римлянъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ южной Россіи. Важнѣйшими результатами относящихся къ этому предмету занятій почтеннаго ученаго были до сихъ поръ: I томъ «Сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря», изданный въ 1885 г. на латинскомъ языкѣ *(Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae)*, а также *Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи* (С.-ПБ. 1887).

Первый изъ названныхъ въ заголовкѣ статьи трудовъ представляетъ собою часть того матеріала и тѣхъ объясненій, которыя по плану издателя должны войти въ 4-й томъ Сборника черноморскихъ надписей; это именно то, что въ видѣ-ли вновь открытыхъ надписей или въ видѣ новыхъ объясненій къ надписямъ прежде изданнымъ появилось или стало возможнымъ со времени выхода въ свѣтъ I т. «Сборника».

Медленность въ накопленіи новаго матеріала, восполняющаго изданныя въ 1885 г. надписи, затрудняетъ своевременную публикацію его въ выпускахъ предположеннаго 4-го тома; между тѣмъ интересы науки не ждутъ, и потому В. В. Латышевъ рѣшился, не дожидаясь изготовленія этого тома, публиковать въ Запискахъ археологическаго общества какъ новыя надписи, такъ равно замѣтки, поправки и новыя объясненія къ надписямъ, изданнымъ раньше. Рядъ такихъ разновременныхъ публикацій и дастъ матеріалъ для заключительнаго тома всего изданія. Въ настоящемъ оттискѣ авторъ не ограничивается сообщеніемъ важнѣйшихъ изъ вновь открытыхъ надписей,— онъ даетъ всѣ даже незначительные обломки, равно излагаетъ или отмѣчаетъ всѣ новыя объясненія, поправки и замѣчанія по поводу изданныхъ надписей какъ свои собственныя, такъ и высказанныя другими учеными. Тутъ же В. В. дѣлится съ читателемъ своими предположеніями о составѣ имѣющаго вскорѣ выйти II тома «Сборника», въ которомъ пополнены будутъ нѣкоторые недочеты I тома.

Авторъ излагаетъ новый матеріалъ по двумъ отдѣламъ: сначала идутъ надписи, не вошедшія въ I т. «Сборника», подъ №№, указывающими мѣста, которыя онѣ должны были бы занимать въ этомъ томѣ (стр. 4—22); это—надписи тирасскія, ольвійскія и херсонисскія. Во второмъ отдѣлѣ содержатся дополненія и поправки къ помѣщеннымъ въ «Сборникѣ» надписямъ.

Къ числу надписей, найденныхъ на мѣстѣ древняго города Тиры (Τύρας), т. е. въ нынѣшнемъ Аккерманѣ или въ аккерманскомъ у., относятся четыре №№, изъ которыхъ два изданы проф. Кондаковымъ въ «Трудахъ 2-го археол. съѣзда въ С.-ПБ.», отд. III, стр. 23, третій хранится въ кишиневскомъ музеѣ И. К. С順учана и изданъ теперь по эстампажу послѣдняго; эстампажъ четвертой надписи сообщенъ издателю также проф. Кондаковымъ. Всѣ эти фрагменты слишкомъ незначительны, чтобы сами по себѣ могли дать что либо для исторіи юга. Однако и онѣ подкрѣпляютъ гипотезу о мѣстонахожденіи греческой колоніи Тиры и о пребываніи здѣсь греческихъ и римскихъ поселенцевъ до послѣднихъ временъ римской имперіи.

Болѣе цѣнны для исторіи ольвійскія надписи, числомъ 28, найденныя на мѣстѣ и въ окрестностяхъ богатѣйшей греческой колоніи Ольвіи, лежавшей на правомъ берегу Буга, въ 35 в. къ ю. отъ Николаева и въ 28 къ св. отъ Очакова, почти на мѣстѣ нынѣшняго села Ильинскаго, Парутина тожь, на 1 версту отъ него къ ю. Обломки памятниковъ, доставившіе ольвійскія надписи, хранятся боль-

шею частью въ музеѣ Суручана, по эстампажамъ котораго и изданы теперь проф. Латышевымъ, а также въ музеяхъ: новороссійскаго университета, въ историческомъ въ Москвѣ, одесскаго общества исторіи и древностей. Къ этому же отдѣлу надписей относятся приложенныя въ концѣ оттиска 4 таблицы съ точными снимками, изготовленными по эстампажамъ и таблицамъ г. Суручана. Возстановляемыя здѣсь надписи загадочны по самому составу алфавита, на ряду съ греческими литерами содержащаго въ себѣ и какіе-то особенные непонятные знаки (№№ 166[1-6]). Два образца подобной письменности изданы Латышевымъ въ «Сборникѣ» подъ №№ 166 и 167. Нѣкоторую разновидность этого письма представляютъ двѣ надписи «Сборника» подъ №№ 168 и 169, пополняемыя теперь № 168[1]. Особенность этихъ послѣднихъ надписей состоитъ въ томъ, что, не уступая первымъ по загадочности, онѣ начертаны только греческими буквами; три такихъ надписи будутъ изданы въ XV т. «Записокъ одесск. общества». Г. Суручанъ считаетъ надписи первой категоріи принадлежностью погребальныхъ памятниковъ тѣхъ скиѳовъ, которые жили въ Ольвіи или въ ея окрестностяхъ. По мнѣнію В. В. Латышева относящіяся сюда плитки принадлежатъ ольвійскимъ еллинамъ, а не окрестнымъ варварамъ, имѣютъ какое-то отношеніе къ погребальнымъ обрядамъ и представляютъ тайное письмо изъ монограммъ съ обыкновенными письменными знаками. Воздерживаясь въ ожиданіи болѣе ясныхъ данныхъ отъ догадокъ въ смыслѣ положительномъ, мы въ виду разнородности письма въ шести надписяхъ не можемъ отнести ихъ къ одной категоріи и признать всѣ ихъ состоящими частью изъ буквъ, частью изъ монограммъ: если въ однѣхъ изъ этихъ надписей присутствіе монограммъ несомнѣнно, то столь же очевидно, что другія состоятъ цѣликомъ изъ отдѣльныхъ знаковъ; потомъ, присутствіе въ *одной* надписи (№ 166[1]) имени ольвіополитовъ нисколько не говоритъ какъ противъ принадлежности этой надписи ольвійскимъ не-еллинамъ, такъ и въ пользу происхожденія всѣхъ подобныхъ надписей отъ еллиновъ. Отрицать варварское вліяніе во всякомъ разѣ едва-ли позволительно, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы обязаны были бы представить образчики аналогичнаго письма изъ метрополіи черноморскихъ грековъ или римлянъ: иначе трудно понять единственное въ своемъ родѣ примѣненіе письменныхъ знаковъ у колонистовъ. Мы склонны признавать въ этихъ надписяхъ не одинъ, а нѣсколько видовъ или способовъ письменности, сложившейся у варваровъ подъ вліяніемъ еллинскимъ и еллино-рим-

скимъ; самое письмо надписей есть пока одна изъ многочисленныхъ загадокъ, соединенныхъ съ именами скиѳовъ и сарматовъ.

Въ числѣ новыхъ ольвійскихъ надписей № 52[1] пополняетъ раньше изданныя посвятительныя надписи ольвійцевъ въ честь Аполлона Простаты и прибавляетъ кое-что къ «варварскимъ» именамъ въ ольвійскихъ надписяхъ на—*agos*—*akos*.

Изъ числа херсонисскихъ надписей, найденныхъ за это время, въ оттискѣ изданы двѣ подъ №№ 197[1], 222[1]. Первая, въ честь С. Октавія Фронтона, изданная и объясненная г. Латышевымъ раньше, издается теперь въ болѣе исправной копіи по эстампажу г. Орѣшникова. Другая пополняетъ немногочисленные образцы латинской эпиграфики Херсониса. Пять остальныхъ надписей, найденныя при раскопкахъ въ Херсонисѣ въ 1888 г., изданы почтеннымъ ученымъ въ концѣ приложенія къ отчету археологической коммиссіи,—приложенія, составляющаго второй изъ поименованныхъ въ заголовкѣ трудовъ. Всѣ эти надписи греческія, относятся къ періоду римской имперіи. Три изъ нихъ—несомнѣнно чествованія лицъ, оказавшихъ услуги херсонисцамъ. Лучше прочихъ сохранилась первая (№ 32) въ честь нѣкоего амастрійца Фарнакеса, удостоеннаго награды отъ совѣта и народа Херсониса. Во 2-й строкѣ надписи слѣдуетъ читать κλοακον, а не καθακον (?), какъ прочитано почтеннымъ издателемъ; этому предшествуетъ ῥαθεντα дор. ф. ῥηθέντα «выше реченный».

Въ концѣ фрагмента ясно различаются начальныя буквы имени Ἀμαστριανός; ближайшія буквы спереди даютъ τοῦ τέλ (ους), такъ что далѣе стоящее ει относится къ предъидущему слову, а не къ του, какъ у г. Латышева. На дорійскомъ нарѣчіи и слѣдующая далѣе надпись (№ 33), и при возстановленіи ея слѣдуетъ читать ἔσπλουν и χράμασιν, какъ въ предъидущей, а не εἴσπλουν и χρήμασιν, какъ читается у г. Латышева.

Во 2-мъ отдѣлѣ оттиска (дополненія и поправки) особенно цѣнны замѣчанія Мордтмана по поводу нѣкоторыхъ надписей «Сборника,» далѣе указаніе автора на то, что № 219 попалъ въ «Сборникъ» по недосмотру. Замѣтимъ при этомъ, что и для занесенія всѣхъ надписей, поименованныхъ въ оттискѣ ольвійскими, въ эту одну категорію, имѣются основанія далеко неодинаковой убѣдительности. Въ дополненіяхъ и поправкахъ подъ № 228[1] дана полная копія изданной уже надписи. Начертанія первой строки не допускаютъ возстановляемаго издателемъ чтенія δρόμον.

Боспорскія надписи въ числѣ 31, издаваемыя теперь г. Латышевымъ, найдены въ предѣлахъ древняго Боспорскаго царства съ главнымъ городомъ его Пантикапеемъ на мѣстѣ нынѣшней Керчи и хранятся большею частью въ мѣстныхъ музеяхъ. Нѣкоторыя надписи списаны издателемъ съ памятниковъ, другими онъ пользовался въ эстампажахъ Гросса, хранителя керченскаго музея, иногда сличая ихъ съ оригиналами. По характеру письма и другимъ признакамъ, издаваемыя теперь надписи пріурочиваются г. Латышевымъ къ различнымъ эпохамъ длиннаго періода времени отъ IV в. до Р. Х. до VI в. по Р. Х. Надписи—почти исключительно надгробныя и весьма краткія, а потому, давая кое-что новое или интересное въ лексическомъ (1. 5. 7. 11. 24. 20) и грамматическомъ отношеніи (15. 29), онѣ содержатъ въ себѣ немного собственно для исторіи. Однако нѣкоторыя изъ надписей и въ этомъ послѣднемъ отношеніи не лишены интереса, наприм. 12. 19. 20. 31. Съ половины IV в. по Р. Х. исторія Боспорскаго царства намъ слишкомъ мало извѣстна, чтобы можно было безъ опоры въ самой надписи (№ 31), при наличности невѣдомыхъ именъ относить надпись къ VI вѣку и ставить въ связь съ историческими домыслами. Надпись—христіанская; съ конца IV в. по Р. Х. боспорскіе цари были христіане; упоминаемая въ надписи дворцовая должность τοῦ ἐπὶ τῆς πιναχίδος существовала въ Боспорѣ уже въ III в., и нѣтъ, по нашему мнѣнію, никакихъ основаній для того, чтобы пріурочивать самую надпись къ столь позднему времени, какъ это дѣлаетъ г. Латышевъ. Поспѣшнымъ кажется намъ также заключеніе почтеннаго ученаго на основаніи постановки статуи Каракаллѣ Сакроматомъ II о томъ, что и въ это время Боспорское царство подчинено было римской власти (№ 19). Слѣдующая надпись (№ 20) списана со статуи боспорскаго царя Ресктпорида III, поставленной въ Пантикапеѣ жителями пафлагонскаго города Амастриды, причемъ боспорскій царь величается другомъ римлянъ *и еллиновъ*, Сакроматъ предъидущей надписи называетъ себя другомъ кесаря и римлянъ; та и другая статуя поставлены въ благодарность за услуги (τόν εὐεργέτην). Предлагаемое издателемъ чтеніе надписи № 27 нуждается въ поясненіи. Въ надписи № 15 γυνή не nominat., но vocativ. 3-я строка № 17 слѣдуетъ читать Φιλιωτέρα, а не Φιλωτέρα, хотя изъ надписей и литературы извѣстна эта послѣдняя форма. Почему имя Ἀντέ (ρως) № 13 предпочтено другимъ именамъ, также начинающимся съ Ἀντε—?

Вообще говоря, изданіе и этихъ надписей исполнено съ тою же тщательностью и съ такимъ же умѣніемъ, какими отличаются и прежніе труды В. В. Латышева по греческой епиграфикѣ.

Ѳ. Мищенко.

Stanisław Smolka. Kiejstut i Iagełło. Osobne odbicie z VII tomu Pamiętnika Wydziałów filologicznego i historyczno-filozoficznego Akademie Umiejętnosci. W Krakowie. 1888.

Одно за другимъ появились въ свѣтъ два новыхъ изслѣдованія по исторіи литовскаго княжества, принадлежащія перу извѣстнаго ученаго Смольки. Въ настоящемъ отчетѣ мы намѣрены познакомить нашихъ читателей пока съ однимъ изъ этихъ трудовъ, заглавіе котораго только что выписано. Вопросъ, рѣшаемый г. Смолькой въ въ этой работѣ, затрогивался не разъ. Его не могли обойти ученые, занимавшіеся исторіей литовскаго государства, какъ Шайноха, Смирнова, Каро и другіе, но названные ученые не посвящали ему спеціальнаго трудъ, хотя Шайноха и Каро должны были начинать исторію Ягелла съ разсмотрѣнія его отношеній къ дядѣ Кейстуту. Самый вопросъ не разъяснялся такъ глубоко и такъ всесторонне, какъ это сдѣлано въ трудѣ г. Смольки. Даже въ работѣ Стадницкаго «Olgierd i Kiejstut» исторіи борьбы Ягелла съ Кейстутомъ посвящена только послѣдняя глава, въ которой мы видимъ лишь стремленіе возстановить фактъ въ дѣйствительномъ видѣ, но безъ уясненія внутреннихъ мотивовъ, руководившихъ дѣйствующими лицами и приведшихъ къ извѣстной, столь трагической развязкѣ. Для г. Смольки нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что виновникомъ трагической кончины Кейстута и его жены Бируты былъ дѣйствительно Ягелло. Вопросъ не въ этомъ. Онъ заключается въ томъ, какія цѣли преслѣдовались Ягелломъ и его партіей въ этотъ трагическій моментъ исторіи Литвы. Разрѣшенію этой то задачи и посвященъ трудъ автора. Г. Смолька считаетъ выводы своихъ предшественниковъ неполными и объясняетъ этотъ фактъ отношеніемъ указанныхъ авторовъ къ историческимъ источникамъ. Главнымъ основаніемъ при разработкѣ этого періода литовской исторіи считались данныя, находимыя въ источникахъ русскихъ. Авторъ разсматриваемаго труда, не отрицая ихъ безусловной важности и цѣнности, отводитъ надлежащее мѣсто и источникамъ иностраннымъ, прусскимъ и ливонскимъ, какъ лѣтописнымъ, такъ и

документальнымъ, и, сопоставляя ихъ извѣстія одно съ другимъ и съ извѣстіями источниковъ русскихъ, приходитъ къ интереснымъ, хотя и не всегда безусловно неопровержимымъ, выводамъ. Объ этомъ мы будемъ говорить ниже. Насколько всесторонне разбираетъ г. Смолька исторію отношеній Кейстута и Ягелла, можно видѣть уже изъ одного перечисленія отдѣловъ его труда. Послѣдній распадается на десять параграфовъ. Вотъ ихъ заглавія: 1) «System wspólnych rządów», 2) «Litwa i Zakon Krzyżacki», 3) «Podróż Skirgiełły», 4) «Litwa i Moskwa», 5) «Rok 1380», 6) «Ruska Cerkiew», 7) «Dymitr i metropolita Kiprуjan», 8) «Rok 1381», 9) «Revolucya r. 1382», и 10) «Upadek Kiejstuta». Едва ли возможно болѣе детальное разсмотрѣніе вопроса. Внутреннія событія въ Литвѣ ставятся въ тѣсную связь съ явленіями политической жизни сосѣдей и ихъ отношеніями къ литовскому государству.

Исторія литовскаго государства есть исторія взаимодѣйствія политическаго и культурнаго двухъ этнографическихъ элементовъ—русскаго и литовскаго. Въ этомъ заключалась его сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слабость; отсюда вытекаетъ трагизмъ положенія его дѣятелей. Эта мысль превосходно развита въ трудѣ В. Б. Антоновича «Очеркъ исторіи в. к. литовскаго». При Ольгердѣ и Кейстутѣ выработался особенный политическій modus vivendi въ литовскомъ государствѣ, удовлетворявшій, казалось, обѣ стороны. Этотъ новый укладъ и отношенія между Ольгердомъ и Кейтутомъ полно обрисованы въ указанныхъ выше работахъ В. Б. Антоновича и Стадницкаго. Внутреннее спокойствіе литовскаго государства и его внѣшнее значеніе были неразрывно связаны съ сохраненіемъ этого уклада. По смерти Ольгерда носителемъ идеи внутренняго политическаго равновѣсія является Кейстутъ, одинъ изъ создателей этого равновѣсія. Ягелло долженъ былъ замѣнить Ольгерда, по смерти Кейстута на его мѣсто долженъ былъ стать Витовтъ. Но эта программа, по мнѣнію автора, не могла быть долѣе удержана: внѣшнія отношенія литовскаго государства неожиданно измѣнились. Г. Смолька не придаетъ важнаго значенія личности Войдылы, интригамъ котораго приписывалась такая важная роль въ исторіи столкновенія Ягелла и Кейстута. Болѣе важную роль играла тутъ, по мнѣнію автора, мать Ягелла, Юліанія, русская по рожденію, православная по религіи. Всю исторію борьбы двухъ князей г. Смолька разсматриваетъ съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній русскаго и литовскаго элементовъ. Въ этотъ моментъ русскій элементъ въ литовскомъ государствѣ начи-

наетъ стремиться къ безусловному преобладанію. Окрѣпшее московское государство начинаетъ съ особенной силой притягивать къ себѣ русскія области, вдругъ проявившія полное нежеланіе быть подъ властью чужеродныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ языческихъ правителей. Первый открываетъ это движеніе къ Москвѣ Андрей Ольгердовичъ, князь Полоцка. Но вотъ является вопросъ, на который авторъ не обратилъ должнаго вниманія: какимъ образомъ полоцкій князь, принадлежа къ княжащей семьѣ, отличаясь отъ нея только религіей, переходитъ къ князю московскому и открываетъ первое наступательное движеніе Москвы противъ литовскаго государства. Авторъ считаетъ яснымъ, что Андрей явился въ Псковъ уже врагомъ Ягелла, но не объясняетъ мотивовъ этого враждебнаго отношенія. Г. Смолька отказывается отвѣтить и на другой вопросъ: остался-ли Андрей княземъ полоцкимъ послѣ своего побѣга во Псковъ? Признавали-ли полочане Андрея своимъ княземъ и послѣ удаленія его изъ предѣловъ литовскаго государства? Прямаго отвѣта мы не найдемъ въ имѣющихся у насъ источникахъ, а между тѣмъ полученіе отвѣта въ данномъ случаѣ весьма важно. Отъ такого или иного разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ зависитъ установленіе правильнаго взгляда на самое значеніе дѣйствій князя Андрея. Было-ли тутъ движеніе русскаго элемента противъ установившагося уклада равновѣсія въ литовскомъ государствѣ, или полоцкое движеніе направлено было исключительно противъ Ягелла? Чтобы провести свой взглядъ на значеніе борьбы Ягелла съ Кейстутомъ, автору необходимо доказать первое положеніе, но едва-ли это возможно. Г. Смолька идетъ еще далѣе. Онъ на основаніи извѣстій Виганда Марбургскаго считаетъ дѣйствительнымъ фактомъ союзъ между Орденомъ, Псковомъ и московскимъ государствомъ противъ литовскаго княжества. Къ нему необходимо присоединить и полоцкое княжество. По нашему мнѣнію, этотъ фактъ требуетъ болѣе вѣскихъ подтвержденій, и извѣстія марбургскаго крестоносца нужно, можетъ быть, причислить къ числу хвастливыхъ сообщеній, которыхъ немало можно указать въ прусскихъ и ливонскихъ хроникахъ. Извѣстіе Виганда, о дарованіи Пскову, по его собственной будто-бы просьбѣ, князя магистромъ ордена,—противорѣчитъ всей исторіи отношеній псковичей къ нѣмцамъ.

Вслѣдъ за Андреемъ Ольгердовичемъ тяготѣніе къ Москвѣ обнаруживаютъ князья Сѣверщины. Несомнѣнно, такое движеніе русскихъ областей было дѣйствительно опаснымъ моментомъ для литовскаго государства. Теперь виленскому двору, по мнѣнію автора, было

необходимо сдѣлать выборъ между Литвой и Русью; для сохраненія государства и для борьбы съ Москвой необходимо было броситься въ объятія Руси и выставить въ Вильнѣ знамя православія, но прежде нужно было прижать Литву и сгубить Кейстута, ея мощнаго представителя. Орудіемъ для выполненія этого плана является Орденъ. Мы не останавливаемся на гипотетическихъ предположеніяхъ автора о цѣляхъ путешествія Скиргелла на западъ, хотя нельзя не отмѣтить значительнаго остроумія и проницательности г. Смольки въ объясненіи отдѣльныхъ историческихъ фактовъ. Какъ-бы ни было, въ Давидзишкахъ былъ заключенъ тайный договоръ между Ягелломъ и Орденомъ. Онъ оставлялъ на жертву Ордену земли литовскія. «Yestto prawdziwe, говоритъ авторъ, arcydzieło zdradzieckiej połityki». Обособленный, ослабленный Кейстутъ долженъ былъ погибнуть. Однако-же въ цѣли Ордена вовсе не входила гибель Кейстута. Орденъ добивался лишь разрушенія того гармоничнаго уклада, который былъ созданъ Ольгердомъ и Кейстутомъ и такъ тяжело отзывался на положеніи Ордена, разрыть пропасть между троцкимъ и виленскимъ дворами, обособить Кейстута, ослабить его, и тогда броситься на одного Ягеллу со всѣми своими силами. Но кромѣ объявленія себя главой русскаго элемента, покровителемъ православія, Ягелло попытался поразить Москву и другимъ способомъ. Нѣтъ надобности рѣшать, кто первый, Ягелло или Мамай, началъ переговоры о союзѣ противъ Москвы. Здѣсь мы видѣли тоже стремленіе, какое проявилъ позднѣе Витовтъ,— при помощи Орды уничтожить Москву,—но какимъ ничтожнымъ и по внутреннему характеру, и по результатамъ, является предпріятіе Ягелла въ сравненіи съ грандіознымъ планомъ Витовта. Въ число союзниковъ Мамая авторъ включаетъ и Олега рязанскаго. Роль послѣдняго въ этомъ событіи не понята г. Смолькой. Превосходный разборъ дѣйствій Олега въ этотъ важный историческій моментъ сдѣланъ Д. И. Иловайскимъ въ его трудѣ «Исторія рязанскаго княжества», на который авторъ не обратилъ вниманія. Результаты предпріятія были совсѣмъ иные, чѣмъ ожидали союзники: Мамай былъ разбитъ на голову; Ягелло не успѣлъ во время явиться къ нему на помощь. Авторъ старается объяснить опозданіе литовскаго князя врожденною медлительностью, а особенно тѣмъ, что главныя военныя силы его состояли изъ русскихъ отрядовъ, съ которыми онъ не рѣшился принять участіе въ битвѣ противъ русскаго князя, сражавшагося съ обще - русскимъ врагомъ, татарами, тѣмъ болѣе, что Сѣверщина въ лицѣ своихъ князей Ольгердовичей стояла на сторонѣ русскаго

дѣла и клала за него свои головы. Объясненіе близкое къ истинѣ. Авторъ при этомъ указываетъ и на тотъ знаменательный фактъ, что даже Ольгердъ не рѣшался въ своихъ войнахъ съ Москвою вступать съ ея войсками въ открытый бой. Какъ-бы ни было, литовско-татарское предпріятіе не удалось. Политическое пораженіе, которое потерпѣла Литва въ этомъ предпріятіи, не имѣетъ, по мнѣнію г. Смольки, себѣ равнаго въ литовской исторіи. Значеніе московскаго государства и его князя теперь такъ возрасло, что опасность притяженія имъ русскихъ областей еще болѣе увеличилась. Это было ясно, и потому, какъ думаетъ авторъ, являлась для виленскаго двора безусловная необходимость спѣшить выполненіемъ политической программы внутри государства, ранѣе начертанной. Затѣмъ событія слѣдуютъ быстро одно за другимъ. Въ 1381 году Кейстутъ низвергаетъ Ягелла и садитъ его въ Витебскѣ, а въ 1382 году Ягелло снова овладѣваетъ великокняжескомъ столомъ и приказываетъ удавить своего дядю.

Мы сказали нѣсколько раньше, что авторъ не даетъ отвѣта на нѣкоторые детальные, весьма важные вопросы, разрѣшить которые было-бы необходимо для поддержанія основной мысли автора. Если въ дѣлѣ Ягелла съ Кейстутомъ должно видѣть борьбу русскаго элемента съ литовскимъ, если, какъ весьма основательно предполагаетъ авторъ, занятію виленскаго замка для Ягелла въ 1382 году способствовали русскіе мѣстичи, то почему Волынь со своимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ становится на сторону Кейстута и тѣмъ поддерживаетъ какъ-бы литовское начало? Фактъ, отмѣченный въ трудѣ г. Смольки, но оставленный безъ объясненія. Едва-ли тутъ можно видѣть лишь результатъ взаимной любви двухъ стариковъ, Кейстута и Любарта. Авторъ опирается въ своемъ взглядѣ на характеръ дѣятельности Ягелла, на фактъ поддержки послѣдняго силами его русскаго удѣла и на возстаніе, поднятое въ Сѣверщинѣ Корибутомъ для отвлеченія вниманія Кейстута. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что движеніе въ Сѣверщинѣ было направлено противъ Кейстута, имѣло въ своей основѣ сепаративныя стремленія этой земли, но насколько проявилось тутъ желаніе поддержать Ягелла утвердительно отвѣчать на это нельзя. Намъ кажется, что это возстаніе Сѣверщины произошло бы и само по себѣ раньше или позже, что Ягеллу удалось поднять тутъ возстанія, лишь благодаря существованію въ Сѣверщинѣ готоваго горючаго матерьяла. Не вполнѣ выяснено г. Смолькой и слѣдующее замѣчательное явленіе. Сѣверщина поднимается противъ Кейстута, Волынь выступаетъ за него, а Полоцкъ

дѣйствуетъ не менѣе странно: онъ не хочетъ признавать власти Ягелла. Осада Полоцка Скиргелломъ ведется неудачно. Какая основная причина полоцкаго бунта? Извѣстіе Виганда, что Полоцкъ не желалъ имѣть князя язычника, какимъ былъ еще въ то время Скиргелло, должно быть понимаемо не вполнѣ такъ, какъ понимаетъ это г. Смолька, потому что лишь только стало извѣстно о сверженіи Ягелла и о занятіи велико-княжескаго стола Кейстутомъ, какъ полочане высказываютъ большую радость и объявляетъ себя за Кейстута, то есть, какъ бы становятся на сторонѣ литовской партіи. Фактъ интересный и весьма важный. Онъ побуждаетъ видѣть въ возстаніи Полоцка не стремленіе къ отпаденію отъ литовскаго государства, а желаніе сохранить старый удѣльно-вѣчевой порядокъ, т. е. старую удѣльно-вѣчевую автономію, ручательствомъ за сохраненіе которой являлось вокняженіе Кейстута. Такимъ образомъ, возбуждается сомнѣніе въ томъ, всѣ ли русскія области дѣйствовали въ этомъ періодѣ по однимъ и тѣмъ-же побужденіямъ и всѣ ли онѣ смотрѣли на Ягелла и Кейстута одинаковыми глазами. Является весьма основательно вопросъ: это тяготѣніе къ Москвѣ Андрея полоцкаго, Дмитрія сѣверскаго, и др. князей, было-ли направлено противъ политическаго уклада, созданнаго Ольгердомъ и Кейстутомъ и поддерживаемаго послѣднимъ, или, можетъ быть, оно имѣло другіе мотивы. Русскій элементъ литовскаго государства не имѣлъ основанія съ вокняженіемъ Ягелла протестовать противъ этого уклада, тѣмъ болѣе, что можно было надѣяться теперь на еще большее, чѣмъ прежде, преобладаніе русскаго элемента въ силу того обстоятельства, что подлѣ Ягелла стояла его мать, русская и православная, имѣвшая на сына несомнѣнное вліяніе. Невольно приходитъ мысль, что политическія движенія русскихъ областей были вызваны самою личностью Ягелла, которой не могли не знать хорошо въ литовскомъ княжествѣ, что эти движенія были направлены не противъ литовскаго государства, не противъ литовскаго элемента, не противъ существующаго внутренняго политическаго уклада, представителемъ котораго являлся Кейстутъ, а въ защиту его и связанной съ нимъ почти полной автономіи русскихъ областей противъ централизаціонныхъ стремленій Ягелла. Разъ только мы допустимъ такое предположеніе, вся борьба Ягелла съ Кейстутомъ представится намъ въ совершенно иномъ видѣ. Послѣдующій ходъ событій въ литовскомъ государствѣ скорѣе можетъ подтверждать, чѣмъ ослаблять сдѣланное выше предположеніе. Нельзя, дѣйствительно, считать серьезно великимъ княземъ литов-

скимъ Скиргелла этого ограниченнаго, слабаго, хотя и «чюднаго» князя, какъ выражаются о немъ лѣтописи, а борьба Ягелла съ Витовтомъ выясняетъ еще болѣе личность перваго.

Мы позволили себѣ высказать нѣсколько сомнѣній, возбуждаемыхъ фактами этого трагическаго періода литовской исторіи. Беремъ на себя смѣлость думать, что эти сомнѣнія вызваны у насъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя детальныя черты избраннаго вопроса не вполнѣ выяснены и оцѣнены авторомъ разбираемаго труда.

Слѣдовало-бы остановиться еще на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ авторомъ въ его работѣ. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ согласиться вполнѣ съ мнѣніемъ автора о зависимости смоленской земли отъ великаго князя литовскаго еще при Ольгердѣ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ г. Смолька слѣдуетъ лишь за г. Бестужевымъ-Рюминымъ и В. Б. Антоновичемъ. Намъ кажется также, что авторъ черезчуръ много приписываетъ личности самого Дмитрія Ивановича Донскаго и не совсѣмъ вѣрно представляетъ себѣ положеніе московскаго государства послѣ нашествія Тохтамыша. Но мы не имѣемъ уже возможности останавливаться на этихъ частностяхъ, не имѣющихъ никакого значенія въ развитіи основныхъ положеній автора.

Г. Смолька поставилъ себѣ цѣлью выяснить значеніе факта избранія Ягелла на тронъ польскій и обстоятельства, его сопровождавшія, и считаетъ необходимымъ начать это выясненіе съ событій первыхъ лѣтъ княженія Ягелла въ Литвѣ. Послѣдняя половина задачи уже выполнена въ трудѣ, о которомъ мы только-что дали нашъ посильный отчетъ; остается ожидать рѣшенія главнаго вопроса. «Część drugą, obejmującą dzieje lat 1382—1387, od upadku Kiejstuta do pokonania Andrzeja Polockiego i Swiętoslawa Smoleńskiego, говоритъ авторъ, spodziewam się niebawem wykończyć», а мы не замедлимъ ознакомить съ нею нашихъ читателей.

П. Г.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1890 г.

Настоящая книга «Чтеній» при первомъ просмотрѣ ея содержанія выгодно отличается отъ трехъ предъидущихъ болѣе строгой систематизацією содержанія, важностью и наконецъ обиліемъ членскихъ работъ; въ этомъ случаѣ она можетъ быть поставлена на равнѣ съ

изданіями болѣе богатыхъ историческихъ обществъ, каково напримѣръ, московское. Эта перемѣна объясняется въ отдѣлѣ протоколовъ засѣданій общества назначеніемъ, по ходатайству почетнаго члена общества Нестора г. попечителя кіевскаго учебнаго округа В. В. Вельяминова-Зернова, обществу ежегоднаго пособія изъ казны въ 800 руб. Общество опредѣлило воспользоваться этимъ пособіемъ для правильной организаціи своей издательской дѣятельности; предположено «Чтенія въ обществѣ Нестора» сдѣлать періодическимъ изданіемъ въ одной или, если окажется возможнымъ, въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ одна должна появляться въ весеннее полугодіе, а другая въ осеннее; каждая книжка, заключая въ себѣ около 20 листовъ, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: протоколовъ засѣданій общества, изслѣдованій и рефератовъ и матеріаловъ историческихъ. Передъ нами весенняя книга «Чтеній», вполнѣ соотвѣтствующая вышеозначенной программѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ, протоколовъ засѣданій, помѣщено краткое изложеніе девяти рефератовъ. Во второмъ отдѣлѣ—шесть изслѣдованій, которыя также были прочтены въ засѣданіяхъ общества; къ изслѣдованіямъ присоединены, какъ приложенія, небольшое количество матеріаловъ, на коихъ они основаны. Въ третьемъ отдѣлѣ—матеріаловъ-сообщены документы трехъ родовъ; о нихъ мы скажемъ ниже.

Изъ перваго отдѣла книги мы узнаемъ о жизни и дѣятельности общества. Въ 1889 г. общество имѣло десять засѣданій, въ которыхъ прочтено 24 реферата: по археологіи—6, по исторіи права—2, по исторіи козачества—1, по исторіи крестьянъ—1, по исторіи землевладѣнія—1, по исторіи литературы—1, по исторіи искусства—1, по исторіи печати—1, некрологъ—1, остальные рефераты (9) посвящены обозрѣнію новыхъ наиболѣе выдающихся работъ въ исторической литературѣ.

Во второй отдѣлъ вошли слѣдующія работы:

В. Завитневича: «Изъ археологической экскурсіи въ припетское Полѣсье». Разсматривая типы погребенія въ раскопанныхъ имъ курганахъ, авторъ различаетъ ихъ два: погребеніе въ почвенномъ слоѣ и погребеніе въ ямахъ; первый типъ преобладаетъ на сѣверѣ отъ р. Припети, второй на южномъ берегу этой рѣки. Погребеніе перваго типа онъ приписываетъ дреговичамъ, а относительно втораго онъ раздѣляетъ мнѣніе проф. В. Б. Антоновича о принадлежности его древлянамъ; такимъ образомъ, г. Завитневичъ дѣлаетъ выводъ, что древлянскія поселенія, начинаясь въ системѣ р. Роси, простирались вплоть до самой Припети, гдѣ они соприкасались съ дрегович-

скими поселеніями. На основаніи раскопокъ онъ также думаетъ, что сѣверная граница дреговичей не оканчивалась линіей, служащей водораздѣломъ между системами Припети съ одной стороны, Березины и верхняго Нѣмана—съ другой, какъ доказываютъ нѣкоторые ученые, а что, напротивъ, она переходила названную линію и потому слова начальной лѣтописи о поселеніи дреговичей «между Припетью и Двиной» могутъ быть понимаемы буквально. Ссылаясь на изслѣдованія В. Б. Антоновича, г. Завитневичъ курганы втораго типа дѣлитъ также на два рода: одни, въ которыхъ встрѣчаются сосуды и другіе—безъ нихъ. Древлянскіе курганы встрѣчаются всегда безъ сосудовъ; въ полянскихъ присутствіе сосудовъ—обычное явленіе.

Между тѣми и другими курганами встрѣчаются могильники съ обрядами трупосожженія, практиковавшагося у сѣверянъ. Такъ какъ всѣ виды погребенія встрѣчаются смѣшанными въ области р. Припети, то г. Завитневичъ видитъ въ этомъ подтвержденіе мысли, что Припеть нѣкогда служила весьма бойкимъ торгово-промышленнымъ путемъ, привлекавшимъ къ себѣ колонистовъ почти изъ всѣхъ сосѣднихъ областей.

Мы не будемъ касаться содержанія кургановъ, которое дастъ возможность археологу обрисовать домашній быть населенія и интересующихся этой не менѣе важной частью работы г. Завитневича отсылаемъ къ самой статьѣ его, которая, замѣтимъ мимоходомъ, написана живо и читается съ интересомъ.

Но если въ работѣ г. Завитневича преобладаетъ синтезъ, то въ работѣ другаго мѣстнаго археолога, проф. Кнауэра, наоборотъ, мы встрѣчаемъ самый обстоятельный анализъ кургановъ. Это точнѣйшій протоколъ раскопки, произведенной г. Кнауэромъ около села Сораты (въ южной Бессарабіи). Согласно съ мнѣніемъ проф. Антоновича, авторъ относитъ по времени роскопанный имъ курганъ къ періоду между каменнымъ и бронзовымъ вѣкомъ и считаетъ его принадлежащимъ гуннамъ, подобно другимъ курганамъ, описаннымъ авторомъ въ III-й книгѣ «Чтеніи».

Изъ изслѣдованій историческихъ первое мѣсто по достоинству занимаетъ изслѣдованіе проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова: «Черты семейнаго права западной Россіи въ половинѣ XVI в.». Предметомъ этого труда служитъ для автора не столько исторія семейнаго права, сколько исторія обычнаго права въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ, такъ какъ ни въ какой области права обычаи не оказались столь жизненными или живучими, какъ именно въ семейной сферѣ.

Разсматривая формы брака на пространствѣ западной Россіи, проф. Будановъ находитъ оттѣнки ея въ украинной полосѣ, въ провинціальныхъ городахъ внутренней территоріи и въ главныхъ культурныхъ центрахъ государства. На украинѣ сдѣлки брака и развода совершались безъ участія церкви и даже безъ участія свѣтской власти, а лишь заявлялось о состоявшихся сдѣлкахъ свѣтской власти, при чемъ уплачивалась пошлина; въ провинціальныхъ городахъ какъ заключеніе, такъ и расторженіе брака, подвергается разсмотрѣнію и утвержденію со стороны свѣтской власти (магистратскаго уряда), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ церковной власти; за гражданской сдѣлкой въ бракѣ слѣдовало вѣнчаніе; разводъ совершался при участіи церковной власти—это была вторая высшая ступень историческаго развитія семейнаго права; въ культурныхъ центрахъ средніе и низшіе слои еще недалеко ушли отъ провинціаловъ; разницу же въ воззрѣніяхъ на семейное право простыхъ людей и людей высшаго класса авторъ объясняетъ не столько степенью образованности тѣхъ и другихъ, сколько разницею экономическихъ условій быта ихъ. Въ XII в. «не было у простыхъ людей благословеннаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья». Въ XIII, XIV и XV вв. различіе въ воззрѣніи на совершеніе брака между боярами и простыми людьми постепенно сглаживались. Въ XVI и XVII вв. замѣчается еще двойственность въ воззрѣніяхъ на совершеніе брака; церковь, государственная власть и суды, хотя и признаютъ бракъ, заключенный при помощи гражданскихъ формъ, равносильнымъ съ бракомъ вѣнчальнымъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не возникаетъ спора о правахъ, вытекающихъ изъ брака; въ случаѣ исковъ предпочтеніе отдается вѣнчальному браку. Разсматривая далѣе личныя права супруговъ, почтенный авторъ вездѣ находитъ подтвержденіе своему основному положенію, что личныя права супруговъ находятся въ тѣсной связи съ имущественными; съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ и на вопросы о приданомъ, вѣнѣ и другихъ сдѣлкахъ по имуществу между супругами; выдача приданаго обязательна не только для братьевъ и родственниковъ невѣсты, но и для родителей ея; приданое составляетъ общее имущество супруговъ; оно возвращается родственникамъ бездѣтно умершей жены и безъ вѣновой записи. Мужъ, вошедшій въ домъ жены, не только не получаетъ правъ на имущество жены, но и терпитъ ограниченіе собственныхъ личныхъ правъ. Родительская власть отличается большей строгостью, чѣмъ власть мужа (во власти мужа надъ женой среди низшихъ классовъ народа въ XVI в. авторъ видитъ внѣшніе приз-

наки древняго рабства жены, что, впрочемъ, объясняетъ экономическими условіями); родители могли закладывать своихъ дѣтей съ правомъ перезалога для кредитора; эта власть принадлежала не только отцу и обоимъ родителямъ вмѣстѣ, но и матери—вдовѣ въ отношеніи къ дочерямъ; право это простиралось не только на дѣтей, но и на другихъ лицъ, подчиненныхъ семейной власти (зятьевъ). Но въ отношеніи къ совершеннолѣтнимъ дѣтямъ сдѣлки о закладѣ имѣютъ лишь форму односторонняго распоряженія, а въ самомъ дѣлѣ совершаются по общей волѣ семьи съ участіемъ самихъ закладываемыхъ.

Родители изъ низшихъ классовъ признавали за собой и практиковали право продавать дѣтей въ вѣчное рабство, но судьи (въ половинѣ XVI в.) отвергаютъ это право съ точки зрѣнія морали. Таковы существенные выводы изъ этого новаго и весьма интереснаго труда уважаемаго профессора. Выводы эти тѣмъ болѣе важны, что они сдѣланы съ величайшей осторожностью и сдержанностью и притомъ не апріорны: они основаны на актахъ XVI-го вѣка, извлеченныхъ авторомъ изъ книгъ виленскаго центральнаго архива и сообщаемыхъ въ «приложеніяхъ» къ статьѣ, давая, такимъ образомъ, возможность каждому читателю провѣрить выводы.

Другой весьма интересной и обширной работой является работа проф. *П. В. Владимірова*: «Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.» Сравнительное изученіе этихъ памятниковъ приводитъ къ указанію мѣстныхъ особенностей правописанія: кіевскаго, галицко-волынскаго и западно-русскаго; древнѣйшіе памятники письменности XI вѣка, по своимъ особенностямъ языка и правописанія, относятся къ кіевскимъ; противоположными имъ въ это время являются памятники новгородскіе; въ XII в. выдѣляются особенности галицко-волынскія, отличныя и отъ новгородскихъ и отъ кіевскихъ, а въ рукописяхъ XIII в. замѣчаются уже признаки западно-русской письменности, рѣзче выступающія въ XIV в.; въ XV и XVI вв. въ памятникахъ юго-западной Руси замѣчается два теченія въ письменности: одно—западно-русское, поддерживавшееся оффиціальнымъ правописаніемъ и языкомъ грамотъ съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія, другое—южно-русское, съ особенностями нѣкоторыхъ малорусскихъ говоровъ и съ правописаніемъ, такъ называемымъ, средне-болгарскимъ. Въ историко-литературномъ отношеніи разсматриваемые памятники интересны преимущественно для характеристики времени отъ XIV до XVII в. Авторъ обозрѣваетъ рукописи въ хронологическомъ порядкѣ; количество ихъ, какъ оказывается,

довольно велико, но никакого счета имъ не ведется и группировки по содержанію не сдѣлано; вообще же можно сказать, что авторъ разсматриваетъ исключительно рукописи книгъ библейскихъ, богослужебныхъ, богословскихъ и проч.; но рукописи актовъ, грамотъ и другихъ памятниковъ, въ которыхъ свободнѣе сказывались особенности живаго языка и правописанія своего времени и мѣста не описаны. Въ «Приложеніи» авторъ помѣщаетъ рукопись Мѣлецкаго монастыря, содержащую въ себѣ «Поученіе Зарубскаго черноризца Георгія» въ спискѣ XIII в., отмѣчая разночтенія и нѣкоторыя особенности формъ по изданію Срезневскаго (въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» № VII).

Проф. *В. С. Иконниковъ* въ своемъ трудѣ: «Димитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III» по поводу напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1886 г. (т. III, стр. 123—124) выписокъ изъ приходо-расходныхъ книгъ Красно-холмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря, изъ которыхъ видно, что Самозванецъ въ маѣ 1606 г. собиралъ лошадей для «польскаго походу» и по поводу изслѣдованія г. Н. Левитскаго: «Лжедимитрій I, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ» доказывающаго, что Лжедимитрій не только не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ Рима, но и разрушилъ ихъ въ конецъ, дѣлаетъ провѣрку, на основаніи изданныхъ въ разное время уже памятниковъ смутнаго времени, фактовъ того времени, и отмѣчаетъ новую сторону въ дѣятельности Самозванца: его отношенія къ Сигизмунду; въ то время какъ въ Польшѣ русскіе бояре вели интригу о сверженіи съ престола Димитрія, у него самого возникаетъ мысль о войнѣ съ Польшей; опираясь на враждебную Сигизмунду III партію, Самозванецъ имѣлъ намѣреніе низвергнуть послѣдняго съ престола и самому занять его, подчинивъ Польшу Москвѣ. Это положеніе автора прочно обосновано подлинными актами и сказаніями современниковъ.

М. Н. Ясинскій описываетъ весьма интересный и близкій намъ по времени и по мѣсту фактъ: «Волненія помѣщичьихъ крестьянъ кіевской губерніи въ 1855 году». Но прежде чѣмъ начать разсказъ о событіяхъ 1855 г. авторъ обозрѣваетъ вообще движенія крестьянъ въ предшествующее время. Причины этихъ движеній онъ видитъ: 1) въ частыхъ и упорныхъ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ, 2) въ слухахъ о возможности избавиться отъ крѣпостной зависимости поступленіемъ въ военную службу или переселеніемъ въ свободные края, 3) въ недовольствѣ инвентарными правилами, а въ особенности

4) въ жестокости помѣщиковъ и разореніи барщиной; въ виду непрерывности этихъ движеній авторъ приходитъ къ заключенію, что 1) русскій народъ никогда не мирился съ крѣпостнымъ состояніемъ, 2) жажда свободы была такъ велика и надежда на освобожденіе такъ упорна, что никакія репрессаліи не могли подавить ни той, ни другой и 3) во всѣхъ волненіяхъ обнаруживается полное недовѣріе крестьянъ къ мѣстнымъ властямъ и глубокая вѣра въ тѣсную связь свою съ царемъ и его желаніе освободить крестьянъ.

Движенія 1855 г. произошли въ 9 губерніяхъ: рязанской, тамбовской, владимірской, нижегородской, пензенской, симбирской, саратовской, воронежской и кіевской. Волненія въ кіевской губерніи происходили въ мартѣ и апрѣлѣ 1855 г.; они охватили уѣзды: таращанскій, васильковскій, сквирскій, каневскій, черкасскій, кіевскій, звенигородскій, чигиринскій и уманскій; наиболѣе же сильны они были въ васильковскомъ, каневскомъ и сквирскомъ. Движеніе было скоро подавлено военной силой. Виновные наказаны ссылкой въ Сибирь и розгами; жестокія наказанія шпицрутенами сквозь строй смягчены. Причину волненій авторъ видитъ исключительно въ неправильномъ толкованіи манифестовъ 14 декабря 1854 г. и 29 января 1855 г.; причину эту онъ считаетъ внѣшнимъ поводомъ къ волненіямъ; внутренней же причиной—ту, которая вызывала и большинство всѣхъ предшествующихъ волненій: ненависть къ крѣпостному праву, жажду свободы и убѣжденіе народа, что царь скоро дастъ или уже далъ таковую. Авторъ подробно излагаетъ ходъ движенія и указываетъ на мѣры, принятыя начальствомъ къ его подавленію. Мы не будемъ передавать содержанія статьи и замѣтимъ только относительно причинъ, что въ общемъ хотя онѣ и вѣрно указаны, но лишь отчасти: переходъ отъ внутренней причины къ внѣшней не могъ совершиться безъ какихъ либо посредствующихъ еще причинъ и въ данномъ случаѣ могло быть умственное и литературное движеніе 40-хъ годовъ, содѣйствовавшее развитію освободительной идеи, новыя чаянія и ожиданія при началѣ царствованія императора Александра II и, наконецъ, то положеніе, въ которомъ находились крестьяне кіевской губерніи въ предшествовавшее время. Изслѣдованіемъ проф. В. Б. Антоновича установлено, что крестьяне кіевскаго воеводства до 1796 г. пользовались въ экономическомъ отношеніи такими выгодами и преимуществами, какихъ не имѣли крестьяне другихъ областей бывшей Рѣчи-Посполитой, что съ присоединеніемъ къ Россіи большое количество бездомной шляхты и другихъ свобод-

ныхъ сословій было обращено въ крѣпостную зависимость [1]), что въ мѣстныхъ судахъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія производились сотни дѣлъ объ отыскивавшихъ свободу лицахъ, что движенія проявились въ тѣхъ именно уѣздахъ, гдѣ находились королевскія староства, крестьяне которыхъ были всегда людьми свободными, что крѣпостное состояніе ихъ въ теченіи 50 лѣтъ не могло подавить въ нихъ живыхъ воспоминаній о былой свободѣ и что въ кіевской губерніи недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами были явленіемъ обычнымъ. Точно также и при установленіи основныхъ причинъ движеній крестьянъ вообще авторъ упускаетъ связь ихъ съ умственнымъ движеніемъ и ростомъ освободительной идеи; такъ напр. Пугачевщинѣ предшествовала коммиссія для составленія проекта новаго уложенія и возбужденіе въ ней вопроса о положеніи крестьянъ [2]). Во всякомъ случаѣ трудъ г. Ясинскаго весьма цѣнное приращеніе къ ряду работъ по мѣстной исторіи.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ» настоящей книги «Чтеній» помѣщенъ «Православный южнорусскій катихизисъ 1600 г.», какъ памятникъ борьбы православныхъ съ протестантскими и раціоналистическими ученіями, господствовавшими въ XVI и началѣ XVII в. на Руси и въ Польшѣ. Издатель, проф. С. Т. Голубевъ, въ своемъ предисловіи считаетъ авторомъ катихизиса Лаврентія-Зизанія Тустановскаго, въ то время наставника виленской братской школы. Рядомъ съ «Катихизисомъ» помѣщены «Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи (1630—1690 гг.»). Сюда вошли привилегіи польскихъ королей, универсалы Богдана Хмельницкаго, актъ подтвержденія корол. привилегіи кіевскимъ воеводой П. В. Шереметевымъ и царская грамота г. Чернигову, объясняющая права и обязанности мѣщанъ; особенно цѣнны, по нашему мнѣнію, универсалы Хмельницкаго, рисующіе намъ его какъ правителя, и грамота г. Чернигову, знакомящая съ положеніемъ городовъ лѣвобережной Украины.

Въ заключеніе проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ напечатанъ «Экстрактъ изъ журнала слѣдованія статскаго совѣтника и ре-

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьяне старостинскихъ имѣній считавшіе себя свободными.

[2]) Что касается до тяжести барщины, то хотя она и могла имѣть вліяніе на возбужденіе движеній, но связь между тѣмъ и другимъ фактомъ не всегда можетъ быть опредѣлена. Собраніе и изученіе фактовъ въ той области только одно можетъ указать на дѣйствительныя причины, а въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано слишкомъ мало; поэтому г. Ясинскій вполнѣ основательно далъ своему очерку общее заглавіе: „Къ исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи“.

зидента Андріана Неплюева отъ Кіева въ Константинополь въ 1746 году». Журналъ носитъ вполнѣ оффиціальный характеръ; въ него занесены лишь факты, касающіяся исторіи международныхъ отношеній Польши, Россіи, Крыма и Турціи; личныя впечатлѣнія автора журнала не имѣютъ въ немъ мѣста.

Редакція настоящей книги «Чтеній» принадлежитъ проф. Н. П. Дашкевичу.

И. Каманинъ.

Ѳ. И. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Томъ I-й, съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1890.

«Исторія книгопечатанія»—популярное изложеніе судьбы печатнаго дѣла и типографскаго искусства со времени символическаго и образнаго письма, письменъ китайскихъ, египетскихъ, финикійскаго алфавита до нашего вѣка, ознаменовавшагося «колоссальнымъ развитіемъ типографской техники, многочисленными усовершенствованіями въ способахъ печатанія, богатствомъ разнообразнѣйшихъ шрифтовъ, типографскихъ украшеній и другихъ частностей дѣла». Подвесть итогъ успѣховъ типографскаго дѣла въ XIX вѣкѣ авторъ обѣщаетъ во 2-мъ томѣ «Исторіи книгопечатанія». Первый томъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ обычнаго предисловія, пять отдѣльныхъ частей книги (12 главъ). Первыя страницы отдѣла съ мало выразительной краткостью излагаютъ «очеркъ развитія письменъ»: смѣна однихъ письменъ другими, ихъ взаимодѣйствіе между собою, происхожденіе и развитіе письменъ не выяснены читателю съ достойною предмета ясностью. Во второмъ отдѣлѣ книги, «Начало книгопечатанія и его распространеніе до XVI вѣка», авторъ разсказываетъ о предшественникахъ Гуттенберга, о Гуттенбергѣ и изобрѣтеніи книгопечатанія, наконецъ, передаетъ много мелкихъ подробностей о распроспространеніи книгопечатанія въ концѣ XV вѣка въ нѣмецкихъ городахъ, въ Римѣ, Венеціи, во Франціи, въ Голландіи и Англіи, затѣмъ въ сѣверной и восточной Европѣ: краковскій «Октоихъ» Іоанна Дамаскина, изданіе Святополка Фіола 1491 года—первая печатная славянская книга. Авторъ «исторіи» переходитъ въ третьемъ отдѣлѣ своего сочиненія къ разсказу «о типографскомъ искусствѣ съ XVI по XVIII вѣкъ» въ западной Европѣ; главѣ объ этомъ важномъ

для типографскаго дѣла времени предшествуетъ около 20 страницъ текста, выясняющихъ значеніе ксилографіи въ типографскомъ дѣлѣ и гравюры XVI—XVIII вв. на западѣ. Судьба «славянскаго и древнерусскаго книгопечатанія» изложена въ IV отдѣлѣ книги и заканчивается разсказомъ о гравированіи въ Россіи XVII в. Послѣдній вопросъ, какъ и общая исторія русской гравюры передана съ полною обстоятельностью въ извѣстномъ трудѣ Д. А. Розинскаго «Русскіе граверы», о чемъ слѣдуетъ вспомнить при чтеніи указанной главы сочиненія г. Булгакова. Послѣдній отдѣлъ книги и послѣдняя (12-я) глава «Исторіи книгопечатанія», русское книгопечатаніе въ XVIII вѣкѣ занимаетъ около 55 страницъ текста и излагаетъ исторію печатнаго дѣла при Петрѣ Великомъ, а особенно въ вѣкъ Екатерины II, издательскихъ компаній и дѣятельности Н. И. Новикова. Къ сочиненію г. Булгакова приложенъ указатель источниковъ и списокъ иллюстрацій. Книга издана г. Суворинымъ прекрасно, и представляетъ сама по себѣ одинъ изъ выдающихся образцовъ русскаго типографскаго и граверскаго искусства. 6 хромолитографій, 8 автотипій, до 270 снимковъ со всевозможныхъ шрифтовъ, первопечатныхъ изданій и типографскихъ украшеній и до 150 инціаловъ и заставокъ изъ славянскихъ и русскихъ рукописей прошлыхъ вѣковъ дополняютъ книгу многими интересными, красивыми и характерными иллюстраціями. Изданіе сдѣлано тщательно, со вкусомъ и со знаніемъ дѣла.

Останавливая вниманіе читателей на общемъ характерѣ книги г. Булгакова, мы не можемъ не указать на нѣсколько сухой, конспективный способъ изложенія. Предположимъ, что авторъ задался мыслью изложить исторію книгопечатанія, типографскаго дѣла—темой очень назидательной, но по существу вопросовъ типографскаго искусства нѣсколько спеціальной и сухой. Вопросы идейной сущности памятниковъ въ связи съ дѣломъ книгопечатанія и его усовершенствованіями не входили въ программу работы г. Булгакова. Мы однако, думаемъ, что книга г. Булгакова выиграла бы не мало, если бы авторъ придалъ ей характеръ менѣе справочный, болѣе философскій и обобщающій. «Исторія книгопечатанія» справочной книгой служить не можетъ за отсутствіемъ какой бы то ни было полноты указаній и ссылокъ на всевозможныя печатныя изданія. Между тѣмъ дѣло книгопечатанія, особливо въ первые вѣка своего распространенія, не было дѣломъ исключительной спеціальности, не было дѣломъ людей, занятыхъ одной техникой типографскаго искусства. Часто «друкари» и «печатники» были сами переводчиками, авторами книгъ, не менѣе часто

руководителями общественныхъ движеній и творцами новаго слова, живой мысли и умственнаго настроенія: они, совершенствуя типографское дѣло, были въ тоже время носителями передовой мысли, общественной идеи той эпохи, въ которую приходилось имъ отъ типографскаго станка переходить къ авторскому перу или къ слову оратора, проповѣдника своихъ идей и общественныхъ воззрѣній. Разсказъ о смѣнахъ идейныхъ настроеній рядомъ съ изложеніемъ успѣховъ типографскаго дѣла, перечнемъ и описаніемъ важнѣйшихъ и и наиболѣе любопытныхъ памятниковъ книгопечатанія прошлаго времени,—вотъ что должно было бы войти въ популярное сочиненіе по исторіи книгопечатанія. Внесеніе, такъ сказать, «идейнаго» элемента при разсказѣ о техническихъ усовершенствованіяхъ типографскаго дѣла оживило бы и осмыслило каждую ступень прогресса въ одномъ изъ наиболѣе великихъ изобрѣтеній человѣческаго ума. Сочиненіе г. Булгакова страдаетъ отсутствіемъ живости и «идейности» изложенія, что и лишаетъ книгу значительной доли интереса, необходимаго при популяризаціи «исторіи книгопечатанія».

Къ типографскому дѣлу южной и западной Руси относятся многія страницы 10-й главы сочиненія («Древнерусское книгопечатаніе»). Достоинства и недостатки разсказа г. Булгакова отражаются и въ данной главѣ: изложеніе «исторіи книгопечатанія» переходитъ часто въ скучный перечень изданій сочиненій, перечень, который такъ нетрудно составить по библіографическимъ указаніямъ Каратаева, Ундольскаго, Сахарова, Строева и др. Разсматривая указатель источниковъ сочиненія г. Булгакова, мы нашли большое количество ссылокъ не только на книги библіографическаго характера, но даже на статьи, статейки и маленькія журнальныя и газетныя замѣтки по исторіи книжнаго дѣла. Тѣмъ болѣе поразило насъ при такомъ видимомъ обиліи источниковъ неупоминаніе автора о многихъ трудахъ, гдѣ собраны важнѣйшія библіографическія подробности о старопечатныхъ книгахъ южной и западной Руси. Мы, конечно, говоримъ не о рѣдкихъ книгахъ... но г. Булгаковъ не знаетъ, напримѣръ, трудовъ проф. Голубева, не только его «Библіографическихъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ XV—XVIII ст.», но и сочиненія о «Петрѣ Могилѣ». По такой то причинѣ г. Булгаковъ, составляя списокъ юго и западно-русскихъ старопечатныхъ книгъ, впадаетъ во многія непростительныя библіографическія ошибки. Напримѣръ, г. Булгаковъ опредѣляетъ мѣсто изданія Апокризиса 1598 г. Филалета въ Вильнѣ (стр. 255), между тѣмъ какъ это со-

чиненіе было издано въ Острогѣ. «Өриносъ» Смотрицкаго не былъ изданъ въ 1596 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ г. Булгаковъ (стр. 255), дѣлая ссылку на Головацкаго (Дополн. къ очерку Ундольскаго). Первое изданіе Өриноса можно предположить въ 1610 г. да и то на польскомъ языкѣ. Книги «Календарь римски новы» львовскаго изданія 1586 г. нѣтъ (стр. 266); «Календарь римски новы»—заглавіе второй половины сочиненія «Ключъ царства небеснаго», напечатаннаго въ Острогѣ въ 1587 г. и перепечатаннаго недавно въ «Архивѣ Юго-Зап. Россіи» (т. VII, ч. I, стр. 232—265). Перечисляя напечатанныя Мих. Сліоскою русскія книги, авторъ очевидно не знаетъ о существованіи «Псалтыри» 1642 г., изданной Сліоскою во Львовѣ и т. д., и т. д. Кстати замѣтимъ автору, что Пересопницкое Евангеліе написано: «Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ протопопы Саноцькаго».—Мы относимъ эту справку къ 256 страницѣ сочиненія г. Булгакова.

И. Ж.

Ө. И. Успенскій. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. Одесса. 1890.

Названная брошюра—актовая рѣчь, въ сокращеніи произнесенная 1 мая 1890 г., въ день празднованія 25-лѣтія новороссійскаго университета,—содержитъ живой очеркъ воззрѣній и дѣятельности извѣстнаго слависта. Фактическая новизна его заключается въ выдержкахъ изъ рукописей покойнаго, которыя хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Отсылая интересующихся славистикой и византинизмомъ, которымъ главнѣйше посвящена была дѣятельность Григоровича, къ самой брошюрѣ, укажемъ здѣсь на ту сторону ея, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ задачамъ «Кіевской Старины», именно на занятія Григоровича по мѣстнымъ вопросамъ. Они непосредственно отвѣчали общимъ запросомъ его научныхъ работъ и представляли нераздѣльную часть всей его дѣятельности. Науку онъ желалъ сдѣлать посредницей въ международныхъ недоразумѣніяхъ славянъ, румынъ и грековъ. Еще въ 1860 г., т. е. ранѣе основанія одесскаго университета, онъ развивалъ планъ основанія при Ришельевскомъ лицеѣ каѳедры славянской филологіи; въ его умѣ рисовался планъ основанія повременнаго изданія, въ которомъ складывались бы свѣдѣнія о южныхъ земляхъ, заселенныхъ славянами, румынами и греками. Понятно поэтому, почему привлекалъ пытливость Григоровича новороссійскій край, въ которомъ давно уже сожительствуютъ названныя

народности. Григоровичъ печатался мало; вопросами мѣстной географіи и этнографіи занялся онъ лишь подъ конецъ своей жизни и дѣятельность его на этомъ поприщѣ оцѣнивается не столько количествомъ добытыхъ имъ результатовъ, сколько методологическими пріемами. Въ данныхъ языка, особенно въ названіяхъ урочищъ, онъ искалъ и находилъ остатки старины; не довольствуясь списками населенныхъ мѣстъ, онъ предполагалъ собирать названія балокъ, рѣчекъ, кургановъ и потомъ подвергать ихъ лингвистическому анализу. Убѣдившись въ холодности и лицъ привилегированныхъ сословій къ научнымъ интересамъ, онъ предпочиталъ личные разспросы мѣстныхъ жителей и помощь народныхъ учителей и сельскаго духовенства; онъ обратилъ вниманіе на старовѣровъ, какъ на вѣрныхъ хранителей старины, рекомендуя обратиться къ нимъ съ открытымъ посланіемъ о сообщеніи, какія рукописи находятся въ ихъ собраніяхъ. «Я глубоко убѣжденъ, говоритъ проф. Успенскій, и позволяю себѣ настойчиво утверждать, что если суждено у насъ когда либо образоваться школѣ со своими опредѣленными задачами и методомъ по изученію южно-русской старины, то во главѣ этой школы станутъ преданія, идущія отъ Бруна и Григоровича».

Къ брошюрѣ приложенъ списокъ печатныхъ трудовъ Григоровича, составленный А. И. Маркевичемъ, и фототипическій портретъ покойнаго профессора-слависта.

В. Я.

Обозрѣніе журналовъ.

1) Историческій Вѣстникъ № 5—6. 2) Вѣстникъ Европы № 6 3) Русская Мысль № 6. 4) Русская Старина № 6. Сверхъ того просмотрѣны, но ничего для библіографіи не оказалось: Русскій Архивъ № 6 и Сѣверный Вѣстникъ № 6.

Историческій Вѣстникъ № 5. Въ отдѣлѣ критики—краткая рецензія книги: «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ». Кіевъ, 1889 г. (стр. 464—465).

№ 6. *В. К. «Памятникъ Понятовскому»*, гдѣ вкратцѣ разсказана исторія нахожденія этого памятника въ подвалахъ новогеоргіевской крѣпости и постановка его въ имѣніи князя Паскевича Гомелѣ могилевской губ. (стр. 647—649).

Въ отдѣлѣ критики: *М—къ Г—цкій* коротенькій одобрительный отзывъ о книгѣ: «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. Составилъ преподаватель волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичъ. Томъ. II. Уѣзды ровенскій, острожскій и дубенскій» Почаевъ 1890 г. (Стр. 685).

Въ отдѣлѣ смѣси: краткая біографія умершаго историка Геннадія Ѳеодоровича Карпова, занимавшагося разработкой древнихъ историческихъ актовъ и издавшаго нѣсколько изслѣдованій по исторіи Малороссіи (стр. 710).

Л. Павленковъ. «Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1889 г.».

Вѣстникъ Европы № 6. Въ отдѣлѣ Изъ общественной хроники краткія свѣдѣнія изъ исторіи новороссійскаго университета, со времени открытія котораго 1-го мая истекло 25 лѣтъ (стр. 860—862).

Русская Мысль № 6. *Я.* «О памятникѣ Н. В. Гоголю въ Москвѣ», гдѣ подводится итогъ суммъ, собранныхъ для сооруженія памятника Гоголю за 10 лѣтъ (47941 р. 94½ к.) и указывается возможное мѣсто для постановки памятника въ Москвѣ (стр. 108—112).

Русская Старина. № 6. *В. И. Шенрока—Николай Васильевичъ Гоголь.* Приведено 8 писемъ къ Гоголю А. О. Смирновой (стр. 639—656).

Іосифъ Сидорскій. Ефимъ Михайловичъ Крыжановскій—баккалавръ кіевской духовной академіи, онъ занималъ видный постъ по учебной части въ привислянскомъ краѣ; въ послѣдніе же годы, служа при святѣйшемъ Синодѣ, онъ исполнялъ важныя порученія по духовному вѣдомству на западныхъ окраинахъ, между прочемъ по уясненію чешскаго дѣла на Волыни и устройству учебнаго дѣла среди чеховъ-колонистовъ, а также устроенію кіевскаго торжества 900-лѣтія крещенія Руси (стр. 717—726).

Въ отдѣлѣ библіографіи: *Арк. Л—нко.* Краткая одобрительэая рецензія книги: «Мемуары относящіяся къ исторіи южной Руси. Вып. I (XVI в.). Михаилъ Литвинъ, Б. де Виженеръ, Л. Горецкій, Э. Ляссота. Переводъ К. Мельникъ (подъ ред. В. Б. Антоновича)». Кіевъ, 1890 г. (на обложкѣ).

ЛѢТОПИСЬ ПОДГОРЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

Въ числѣ другихъ рукописей, находившихся на выставкѣ Ставропигійскаго Института во Львовѣ, была книга in folio въ 150 страницъ, подъ заглавіемъ „Сѵнопсисъ или краткое собраніе исторій и созиданія святыя обители общежителныя Подгорецкыя, древле именуемыя Плѣсницкыя, купноже и въспоминаніе о сооруженіи святыя церкви Преображенія Господня въ тойже святой обители, списася року Божія 1699“. На старинномъ кожаномъ переплетѣ этой книги имѣется тоже наклеенное польское заглавіе: „Księga Historij klasztoru Podhoreckiego, zakonu Basyliańskiego, po rusku pisana, gdzie tak (że) inwentarz rzeczy cerkiewnych i klasztornych. Roku pańskiego 1699 sporządzona“. Собственно лѣтопись занимаетъ въ этой книгѣ только 60 страницъ. Кромѣ того на страницахъ 89—97 находится какъ будто добавка—нѣсколько документовъ, выписанныхъ изъ львовскихъ актовъ гродскихъ и заключающихъ въ себѣ дарственныя записи въ пользу монастыря. Прочее мѣсто занимаютъ инвентари или „реестры“ книгъ и церковной утвари монастыря. Инвентарей въ нашей книгѣ имѣется три, а именно первый по времени, а послѣдній по мѣсту отъ 1699 года, второй по времени и первый по мѣсту отъ 1714 и третій по времени, средній по мѣсту отъ 1730 года. Лѣтопись, которой два послѣдніе листа (еще до нумераціи) вырваны, доведена до 1715 года. Болѣе новымъ письмомъ конца XVIII ст. добавлены еще двѣ записи 1726 и 1729 годовъ.

„Суноисисъ“ составляетъ если не очень важный, то все таки интересный источникъ для исторіи прикарпатской Руси, преимущественно съ 1662—1699 годовъ. Нѣкоторыя подробности изъ него были уже обнародованы крилошаниномъ А. С. Петрушевичемъ въ 1874 г. въ его „Сводной галицко-русской лѣтописи съ 1600—1700 годовъ“. Но такъ какъ А. С. Петрушевичъ началъ свои выписки изъ „Суноисиса“ 1662 годомъ и почему то пропустилъ интересныя во многихъ отношеніяхъ преданія объ основаніи церкви Плѣсницкой и объ инокѣ Зосимѣ, то мнѣ кажется не лишнимъ систематически исчерпать весь историческій матеріалъ, заключающійся въ „Суноисисѣ“. Правда, значительную долю въ этой лѣтописи занимаютъ копіи документовъ: дарственныхъ записей, королевскихъ привиллегій и епископскихъ грамотъ, имѣющихъ развѣ только мѣстное значеніе и поэтому пропущенныхъ нами; кромѣ того авторъ лѣтописи заносилъ въ нее многіе факты, тоже не имѣющіе болѣе широкаго историческаго значенія, какъ напр. извѣстія о новыхъ постройкахъ, земельныхъ спорахъ и т. п. хозяйственныхъ дѣлахъ монастыря, что мы также пропускаемъ. Очень жаль, что со смертію игумена Парфенія Ломиковскаго лѣтопись Подгорецкаго монастыря совершенно прекращается.

Миронъ.

Упомянувъ объ апокалипсическихъ деревахъ, которыя уцѣлѣли среди общаго опустошенія, авторъ лѣтописи продолжаетъ: „Щасливіе древа въ ласцѣ божой зосталіе. Не мнѣй щаслившіе древа и сей церкви святой, ижъ гди сурове зъ загнѣваннаго декрету небесного страшные неприятелѣ креста святого мечем христіанскіе краи пустошили, огнем околичніе мѣста и церкви божіи руйновали, сію же церковъ отъ посполитого декрету и пожару, яко отъ общеземнаго потопа ковчегъ Ноевъ сохранити изволилъ Господь. Панства, провѣнціи, мѣста и села околичніе зостали зруйнованніе, а тая церковъ святая, яко саламандра во огни, яко тріе отроки во пещи вави-

лонской живи, яко Сигор въ Пентаполи, и яко Лотъ от пламенно-текущей уволненний Содоми, превишше же смрадниxъ водъ, гоненія, преслѣдованія и войни непріятельской безпечне пребывала. Що дивнѣйша: все мѣстце града Плѣсницкаго, которое негдись на том мѣстцу стояло, и до сего дня зовется Плѣсницко, яко окопы и вали значніе до сихъ часъ дают вѣдомость, тіи такъ зруйнованые, иж дубы високіе, дерева дубравніе на томже мѣстцу повирастали, а сия церковъ святая невредно соблюдаема естъ... А збудована естъ отъ княжни Елены, которая княжна знать была вѣри православно-христіанской, и прежде бо сих временъ на главахъ российского народу княжие сняли митры. Даст того певный и виразний документъ над царскими врати внутръ олтаря в тіе слова напис: „Аψп *року: Гони Батый Елену Княжну, аже и церковъ сію в то время тая же сооруди княжна, граду Плѣсницку тогда бывши разоренну*" явѣ естъ, ибо тую церковъ невредимо вышній Господь сохранил доселѣ и прославилъ, же ю от посполитого гнѣву своего и запаленя уволнилъ...

„Хто бы тежъ при церкви сей святой от того часу през килкасот лѣтъ зоставалъ, ниже писанія, ни извѣствованія обрѣтаемъ. Повѣсти о семъ и свѣдительства старих и старожитных людей сицевыя изобрѣтаемъ. От року 1583 старец нѣкто именемъ Зосима, родомъ тутешных странъ, из града, Бѣлый Камень названнаго, благочестивихъ родителей синъ млад еще сый дойде з нѣким монахом до святыя горы Аѳонскія, Господу тако хотящу, и там образ иноческій воспріемъ, наставленъ Богомъ и извѣщенъ бывъ духовным своим отцемъ, взем благословеніе от ігумена своего, обители святого Аѳанасія, возвратися во своя страны, и возлюби мѣсто при сей церкви. Бѣ же монахъ простъ, во страсѣ божіи колико можаше Богу служа, день и нощъ моляся ему со слезами, жилище же его бѣ во земли ископанно во пещерѣ при криници, зависти бо ради въ то время мирскихъ священниковъ села Подгорецъ возбраненно бѣ ему при церкви самой жити, понеже доброти миръ во злѣ лежай не токмо ненавидит, но и гнушается и... Поживе же сей блаженный монах лѣтъ

пятнадесят, и сподобися от Христа Бога увѣдати свое отъ земных ко небеснымъ отшествіе. Тогда прихождаху къ нему мнози от правовѣрных пользы ради, ихже много поучивъ, единощи и сіе рече: яко прежих здѣ не малое время, со многими страстьми боряся, и дарова ми Богъ еще на мѣстѣ сем тридесят лѣтъ жити, еже и собыстьтся. И тако пребывъ на том едином мѣстѣ всѣх лѣтъ четиредесят и пят неотходимо, провѣдѣ паки свое отшествіе к Богу, его-же возлюби, и призва духовных и знаемых людей со приставникомъ села Подгорецъ и вручи ему все елико имяше, воспоминая ему и глаголя: возми ти сіе, аще бо угодно будет Богу, подасть мѣсту сему вѣрных своих, иже прославляти будутъ имя его святое. Преставися року Божія 1625, мѣсяца сентеврія въ 23 день, и погребенъ естъ честно при церкви Преображенія Господня.

Року Божія 1659 прійде на мѣсто сіе законникъ именемъ Созонтъ Ломѣковский, саном діякон, зъ святой обытели скитской, посѣщая сродники своя, иже воистинну Божіим изволеніем прийде в сію страну.... и хотя запустѣлое мѣсто въ древнее привести благочиніе и украшеніе, начатъ жити со другим монахом, начавше убо прилежно сіе мѣсто святое строити и о нем труждатися, древа неплодящая и всякую гущавину некрасящую изсѣкати, ревнующе святым преподобным отцем Антонію и Θеодосію печерским, иже огнем зъ неба зведеннымъ окрестъ хворостіе попалиша, Богу, братіи и себѣ пребываніе уготовляху. По малѣ же времени Богом подвижен прибывает къ сему законнику Созонту на сіе мѣстце честное и святое честный старец Ілія Гостиславскій зъ тогож монастира святой обытели скитской законникъ священно іеромонах, року Божія 1661, мѣсяца августа дня 4. И разгорѣся душею, возлюбы сіе мѣсце святое, изволи жити на нем любезно со братом Созонтом.... Удаются до своего монастиря святія обители скитскія, до отцевъ и братіи всѣхъ обще.... Съ благословеніем их начаша общую обытель при той церкви святой старожитной фундовати...... По сем удаются до преосвященнаго епископа луцкаго, въ тое время Гедеона Святополка князя Четвертенского, благословенія святительского яко смиреннии иноци смиренно молящe, аби на том мѣсцѣ святом жити и обитель святую...... разширяти и

приоздобляти.... возмогли. До чого.... епископ благоизволивъ и благословивъ блаженного старца Ілію въ ігумена, брата же Созонта на степень священства постави року Божія 1662. Блаженный же отецъ Ілія.... за моцныи фундамента виправленний от ясневельможного его милости пана Станѣслава Конецпольского дѣдичного добръ тих пана консенсъ альбо право на ригаловом паперу польским діалектом при звислой печати рукою власною подписанный положи, и сим правом грунта, на них же обитель сыя святая стоит, яко фѣляром утверди.

(Слѣдуетъ документъ Станислава Конецпольскаго, напечатанный у А. С. Петрушевича „Сводная лѣтопись" ст. 136, и пастырское благословеніе епископа луцкаго Гедеона Четвертинскаго 1663 года. Слѣдующій затѣмъ разсказъ о дѣяніяхъ перваго игумена Ильи пропускаемъ).

Игумен Ілья къ Богу отиде мѣсяца декамврія 15, року 1666.... Вторий игумен Іовъ нѣколико лѣтъ труждался со братіею во строеніи святия обители прилежно яко можаше.... В тие времена наступившой войнѣ Дорошенковой (Дорошенщина), зъ козаками и зъ ордою, преставися о Господѣ помянутий старец Іов игумен.....

(Слѣдуетъ перечень четырехъ игуменовъ, изъ которыхъ каждый только короткое, но съ точностью неопредѣленное, время управлялъ монастыремъ).

По сем избраша братія честнаго отца Афанасія Березу. Того времени прийдоша дніе, в ня же видѣхом злая. Нечистивий бо цар турецкий зъ великими войсками своими и татарскими, с ним же и Дорошенко зъ войсками козацкими пришедши в землю нашу росийскую (1672), многих христіан во плѣн взяша, церкви Божіи разориша, Подоля опустошивши и Камянецъ-Подольскій опановавще, веліе смятеніе сотвориша. Братія же святія обителя сея, овіи в замку Подгорецком, иніи во обители и во вертепах кріющася, Божіим смотреніем всі цѣло сохранени быша. Злочестивіи же въ монастири килка келій огнем сожегше и прочая вещи.....

Не по мнози времени вторицею война турецкая под Журавном наступила. Того ж року и часу (1676), мѣсяца септеврія дня

6 святую обитель Скитскую турки разорили и огнем сожегли, в то время ігуменствующу во святой обители Скитской честному отцу Дороѳею, и паки велие в земли сей бысть смятеніе. Тогожде времени в сей святой обители ігуменом бысть више реченний отецъ Афанасій Береза, иже страха ради остави сію святую обитель, братія же неимущая пастиря всі розийдошася и не оста ни един во обители.

Року Божія 1683, найяснѣйшій король его милость Іоан Третий з войсками ходил под Вѣдень, турковъ побѣдил, бывшу в той побѣдѣ зъ королем преосвященному епископу львовскому Іосифу Шумлянскому.

Року 1684, остави паству свою, то есть епископію луцкую, преосвященний епископ Гедеон Святополкъ Четвертенскій и отиха на кіевскую метрополію, а епископію король его милость в блюстительство предреченому епископу львовскому вручи.

Въ лѣто 1686 поставлен бысть епископом луцким Афанасій Шумлянский единоестествений брат епископа львовскаго, в мѣстѣ Жадачевѣ, дня осмого мѣсяца мая от преосвященного Дософея митрополита сочавскаго и епископа Іосифа Шумлянскаго и Інокентія Винницкаго, епископа премишльскаго, в то время еще во благочестіи будучаго, при существующу той хиротоміи преподобнѣйшому отцу Варлааму Шептицкому, архимандритѣ униевскому и отцу Николаю, архимандритѣ сочавскому.

Тогож року 1687, дня 24 мѣсяца септеврія, найяснѣйший монарха Іоан Третий, король польский, повернувши з войни з под Жванца, пребывал въ Олеску и въ Подгорцах въ маетностях своих. Тамо пребываючи, слиша от людей о давности церкве виш помененния, и приихал сам особою своею кролевскою до сей святой обителѣ со трома синами своими найяснѣйшими кролевичами польскими Іаковом, Александром и Константином, и з многими вельможами, сенаторами и панами, где обачивши мѣсце церкве и писмо овое въ церкви над царскими врати внутръ олтаря на стѣнѣ виритое „1108 року гони Батій Елену княжну“, сіи слова зъ личбою прочетше и удивишеся, похвалиша вси Бога и пречистую Дѣву Богородицу,

яко увидѣли своими очима от такъ давного времени церковъ святую, ни ветхостю вѣка, ниже различними войнами нарушенную. Въ то время ігумен (Пареенїй Ломѣковскій) зъ братіею презентовали его королевской милости консенсъ албо право виш менованное от ясневельможного е. м. пана Станѣслава Конецпольского сему монастирови данное, и просили о потверженіе албо конфѣрмацію оного, на що его королевская милость, яко пан побожний и милостивий позволил, и не толко тое право по всем потвердил, але и болше своим писмом албо правом тому монастиреви надал. (Слѣдуетъ копія грамоты короля Іоанна Собѣсскаго, данная въ Золочевѣ 15 октября 1687). Року от сотворения свѣта 6126, а от Рождества Христового 1688, мѣсяца февруарія дня 25 в четвертокъ сирний пришедше безбожніи агаряне въ повѣтъ бродский и иние грады, церкви Божіи и села огнем сожегоша и людей безчисленное множество во плѣн взяша. Тогож часу и сію святую обитель немало их близ окружиша. Но Божіим и пресвятия его Богоматере заступлением ниедин приближитися ко святой обители возможе, обяти бо быша веліим страхом, и скоро бѣжаша, нѣкому же их гонящу. Благодатію же Божіею яко из братій, тако и з послушников и вещей монастирских ничтоже вреждено бысть, но вся цѣло сохраненна быша.

Року 1689 помененнаго Парфенія ігумена святия обители сея боголюбивий епископ львовский архидіакона своего виправил в великій царствующій град Москву до пресвѣтлѣйших и великодержавнѣйших благочестивих царей, въ тож время благополучно царствующих Іоанна и Петра Алексѣевичовъ и пресвѣтлой царевни соцарствующей имъ Софѣи Алексѣевни, таможде и до святѣйшого Кир Іоакима московскаго и всея Росіи и всѣх сѣверних стран патріархи, зъ своим архиепископским писаніем... Отиде во путь, взяв же со собою брата іеромонаха Феодосія и иніе послушники, дня 30 мая 1689 в четвертокъ. Молитвами пресвятой Богородици и святих угодников Божіих достиже царствующаго великаго града Москвы, и вся исправивъ, возвратися во свояси. Возвратившуже ся ему съ пути в обитель сію дня 21 декамврія даде нѣкія вещи и в украшенію церкви Божой и обители святой, такожде и братіям нуждная.

Сія вся списати и в краткую собрати Сvнопсисъ понудихом ся не коего либо ради тщеславія или над інія святия обители превозношения, но видяще, яко всѣ умираем и аки вода разливаемся по реченію разумной Токунтянини, всякое же писание умирати не обиче. Аз же многогрѣшний іерей Василий презвитер церкви Успенія Пресвятия Владичица нашея Богородици, написавъ сіе исправленное от инних начертаніе, бывши в той же катедрѣ святого великомученика Георгія львовской, у преосвященного епископа Іосифа Шумлянского о благословение мого пресвиторства побѣжден великим ку моему смиренію пречестнаго отца Парфенія сіе св. обители ігумена благодѣтельством подвигохся аще и прудкоручним писаніем сіе исписати.

Тогож року 1708, мѣсяца іюля дня 16 преставися боголюбивий нашъ пастыръ Іосифъ Шумлянский въ катедрѣ львовской, въ тоже катедрѣ въ гробѣ от него же собѣ за живота еще вымурованом погребен бысть дня 7 мѣсяца септеврія 1708, на которого погребѣ були епископи: Георгій Вѣннѣцкий епископъ перемиский, Діонісий Жабокрицкий, епископъ луцкий, Варлаам Шептицкий, архимандрита уневский, который послѣжде епископом львовским обраний, и превелебнии ігумени, пречестнии намесники диецезии львовскои, галицкои и Каменца Подольскаго.

Року 1629, дня 20 іюлія умеръ въ Львовѣ ігуменъ и ктиторъ нашъ о. Пароеній Ломѣковский; перед смертію записал нам 40,000 зол. п. яко капитал на процент и 5000 на далшую фабріку, также вси свои рухомости.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ
ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОБРАЛЪ В. М.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приведенныя ниже свадебныя пѣсни записаны мною въ прошедшемъ 1889 году, въ сѣверной части лубенскаго уѣзда, преимущественно въ м. Снѣтинѣ и окрестныхъ селахъ,—мѣстности, никогда еще не изслѣдованной въ этнографическомъ отношеніи,—отъ слѣдующихъ козачекъ и крестьянокъ: Уляны Выборной и Даріи Котовой, изъ м. Снѣтина, снѣтинской волости; Евгеніи Нецилькиной, Евдокіи Паныковой, Ѳедосіи Палехиной, Орины Недилькиной, Степаниды Шевченковой, Маріи Юрченковой, Настасіи Коломійцевой, Орины Мартыщенковой и Варвары Иваненковой, жительницъ с. Литвяковъ, волчковской волости; Евгеніи Заикиной, хут. Волчей долины, той же

волости; Уляны Молькиной, изъ с. Волчка; Елены Дмитренковой и Устиньи Калениченковой, изъ с. Березоточи, той же волости; Маріи Гриценковой изъ с. Засулья, засульской волости; Палагеи Куліевой, изъ с. Пѣсокъ, той же волости; Акулины Бѣлокуровой, изъ с. Луки, тишковской волости; Варвары Максимейковой изъ с. Исачекъ, той же волости и Прасковьи Заикиной, живущей въ хут. Кремянкѣ, матяшовской волости и другихъ.

Свадебный обрядъ, объясняющій эти пѣсни и имѣющій притомъ въ лубенскомъ уѣздѣ нѣкоторыя особыя черты, отличающія его отъ обрядовъ другихъ уѣздовъ полтавской губерніи, изложенъ мной какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по разсказамъ и указаніямъ тѣхъ же лицъ, преимущественно Уляны Выборной, Даріи Котовой, Варвары Максимейковой и Евгеніи Недилькиной, также козака Михаила Пулехи и крестьянъ: Самсона Иваненка и Мирона Печеного.

До свадьбы. Розглядыны.

Народному свадебному обряду (закону) въ лубенскомъ уѣздѣ предшествуютъ, какъ и повсемѣстно въ Малороссіи, нѣкоторые обряды при сватовствѣ и вѣнчаньи. Какъ извѣстно, женихъ обращается къ родителямъ невѣсты со своимъ предложеніемъ чрезъ старостъ, всегда представляющихъ его личное, семейное и имущественное положеніе въ выгодномъ свѣтѣ. Согласіе дѣвушки въ общемъ смыслѣ, въ принципѣ, выражается замѣной хлѣбовъ; но, затѣмъ, показаніе старостъ повѣряется разспросомъ сосѣдей жениха и осмотромъ его жилья родителями невѣсты и ея родственниками, или сосѣдями. Этотъ осмотръ (розглядыны) производится иногда со вниманіемъ и строгостью, напоминающими обыскъ. Пріѣзжіе осматриваютъ огородъ и дворъ, запасы хлѣба и сѣна въ стогахъ, надворныя постройки, щупаютъ палками хлѣбъ въ закромахъ коморы, иногда лазятъ даже въ погребъ и на чердакъ (горыще). Окончательное согласіе дѣвушки выражается дачею ею „рушныкивъ“ старостамъ и „хустокъ“ молодому и боярину, какой обычай большею частью совпадаетъ съ вѣнчаньемъ, но можетъ предшествовать ему, если вѣнчанье и свадьба происходятъ въ одно и тоже

воскресенье. Въ первомъ случаѣ промежутокъ времени между вѣнчаньемъ и свадьбой родители молодыхъ наполняютъ домашними приготовленіями: колютъ кабана, привозятъ муку изъ мельницы, рѣжутъ локшину, цѣдятъ брагу и покупаютъ водку; только въ субботу къ участію въ приготовленіяхъ приглашаются сосѣди, свадьба оглашается по селу и всѣ послѣдующія дѣйствія пріобрѣтаютъ публичный характеръ.

Суббота. Вѣнки.

Въ субботу, послѣ обѣда, старшая дружка невѣсты, большею частью ближайшая родственница, обращается къ наполняющимъ весильный домъ гостямъ съ просьбой:

— Старосты, пани старосты! благословить молодій винкы повыть? [1]).

На что присутствующіе отвѣчаютъ:

— Богъ благословыть!

Тогда старшая дружка откалываетъ съ головы молодой двѣ ленты: красную и зеленую, быстро собираетъ ихъ на иголку и дѣлаетъ вѣнки,—два цвѣтка, похожіе на полный макъ, и подаетъ на тарелкѣ молодой, которая проситъ у родителей и у всѣхъ присутствующихъ: благословить *винкы поносыть*. Затѣмъ старшая дружка пришпиливаетъ ей къ волосамъ оба вѣнка, которые невѣста не снимаетъ до пріѣзда жениха. Надѣвъ вѣнокъ, молодая угощаетъ подругъ водкой, пирогами, кнышами и сметаной.

Когда вьютъ вѣнки, то дружками поются слѣдующія пѣсни:

1.

Благословы Боже,
Пречыста Госпоже,
Виночкы повыты,
Сей домъ звеселыты

(Сообщено Уляной Выборной).

2.

Изъ субботонькы на недилоньку
Ростворылося небо,
Тамъ выдно хресты золотіи,
И престолы святіи.
Кинець престола

---

[1]) Въ м. Снѣтинѣ вѣнки вьютъ къ вечеру.

Маты Хрыстова
Плете виночки, стоя;
Плете виночкы
Та зъ шавліечкы,
Та зъ лиліечкы,
Та зъ червонои стричкы.
Та зъ руточкы, зъ мяточкы
Васыльку до шапочкы,
А зъ шавліечкы, та зъ лиліечкы
Та Маруси до стричечкы.

(Ею же).

3.

Пишла наша Маруся у садочокъ,
Изрываты полуцвиткивъ на виночокъ,
А за нею ридный батенько у слидочокъ:
На що жъ тоби, дытя мое,
Полуцвитовъ цвитъ?
Що ты сама якъ калына,
Якъ рожевый цвитъ.
На що тоби, дытя мое, той виночокъ?
Ужежъ тоби не ходыты у таночокъ,
Ужежъ тоби не водыты подружечокъ.
Ой е въ мене мій батеньку меньшая сестра,
Вона моихъ виночкивъ доносыть,
Вона моихъ подружечокъ доводыть.

(Ею-же).

4.

Звылы Маруси два виночкы
Зъ руточкы, мяточкы сердечка,
Та й покотылы по столу
По жыльчастому скатертю;
Руточка ясна, калыночка красна,
Съ кымъ тебе позбираты?
Та просы Марусю батенька,
Щобъ помоглы руты збираты.
Не буду я ихъ прохаты,
Не вмилы мене кохаты.
А ни кохаты, ни зодягаты,
Ни пры соби держаты.

(Евдокія Паныкова).

5.

Жалуй мене, моя матинко,
Я гисть у тебе.
Шануй моихъ подружечокъ
Теперъ у себе.
Якъ не стане, моя матинко
Мене въ тебе,
То не будуть подружечкы
Бильшъ ходыты,
Та й не будуть кватырочкы одсуваты,
Бо ни кого на улыцю выклыкаты.
Якъ итымуть подружечкы,
Мынатымуть двиръ,
Та й нестымуть смородыну зелененьку,
Та й заплачешъ, моя матинко, жалибненько;
Та й нестымуть смородыну зъ ягидкамы,
Умыесся, моя матинко, слизонькамы,

Та й нестымуть смородыну съ спиленькымы,
Та й умыесся, моя матинко, дрибненькымы.
Та даешъ мене, матинко, сама бачышъ
Не разъ, не два ты за мною тай заплачешъ,
Не разъ, не два тай затужышъ
Покы мене черезъ люды перечуешъ.

(Настасья Коломійцева).

Суббота. Приглашеніе на свадьбу.

Кончивъ вить вѣнки, дружки рѣзвой, нарядной толпой сопровождаютъ молодую по селу. Она заходитъ въ хаты приглашать къ себѣ сосѣдей и родственниковъ „на хлибъ, на силь, на весилья", а дружки остаются на улицѣ и возвѣщаютъ о свадьбѣ громкимъ пѣніемъ. Дружекъ бываетъ обыкновенно много 15, 25, даже 50, такъ какъ въ дружки идутъ всѣ дѣвушки, сосѣдки невѣсты, но если въ одной и той же части села одновременно празднуется нѣсколько свадебъ, то пѣсенное число „симъ сотъ и чотыри и вси чорнобриви" можетъ уменьшиться въ дѣйствительности даже до семи.

На улицѣ поютъ:

6.

Ой вы сусиды вороги,
Не переходьте дороги [1]),
Не становиться за сонця,
Иде наша Маруся одъ винця,
Веде соби Василька молодця.

(Уляна Выбóрная).

7.

Тай у субботоньку, за сонця,
Сыдила Маруся край виконця,
Поряжалася зъ своею ненькою:
Скилькы дружечокъ браты.
Та бери донечко симдесятъ,
Коло симдесятъ сама сядь,
Беры зовыци, беры сестрыци,
Вси подружкы у дружкы.

(Она же).

8.

Ой ты попе Гордію!
Не дзвоны рано въ недилю,
Задзвоны рано въ субботу,
Потеряй дивкамъ роботу,
Нехай не шьють, не прядуть,
До нашои Маруси въ дружкы идуть.

(Евдокія Паныкова).

---

[1]) Вар. с. Пѣсокъ: Нехай перейде родына,
Щобъ наша Маруся щаслыва.
(Палагея Куліева).

9.

Куды мы не пидемъ
Та все однимъ слидомъ,—
Зеленою порошою
Зъ молодою зъ хорошою.

(Она же).

10.

Нызомъ, дружечкы, нызомъ,
Закыдалы дорожку хмызомъ,
А у Васылька кинь вороненькій
Перескочыть хмызъ зелененькый,
А у Васылька кинь воронійшій
Перескочыть хмызъ зеленійшій.

(Степанида Шевченкова).

11.

На долыну, дружечки, на долыну,
По червоную калыну,
Та по хрещатый барвинокъ
Молодій Маруси на винокъ.

(Уляна Выборная).

12.

Ой шумила дибривонька, шумила,
Туды наша Маруся ходыла,
Кискою плечици покрыла,
За собою дружечокъ водила.

(Она же).

13.

Ой коса моя русява,
Та якъ я тебе кохала,
Що въ субботоньку вбирала,
А въ недилоньку красыла,
За одынъ вечиръ зносыла.

(Она же).

14.

Ой киско, киско маивко!
Та не довго тоби маяты.
Въ субботоньку изъ ранку,
А въ недилоньку до смерку,
Ходыть Маруси у винку.

(Она же).

15.

Молодая Маруся, молодая,
Въ неи кисонька русява,
Коло тіи кисонькы коснычкы—
Нашои дивчыны дружечкы.

(Она же).

16.

Не вій витре въ поли,
Повій по роздоли;
Розмай русу косу
По червонимъ поясу,
Розмай косу по волосочку
Якъ жыта по колосочку.

(Оришка Мартыщенкова).

17.

Холодочкомъ, дружечкы, холодочкомъ
По пидъ вышневымъ садочкомъ,
Щыпайте руту, мяту зелененьку,
Затыкайте Марусю молоденьку,
Нехай наша рута, мята зеленіе,
Нехай наша Маруся молодіе.

(Уляна Выборная).

18.

Ой улыци, улыци неметеніи,
Туды йшлы дружечкы нечесаніи,

Молодая Маруся йшла, прошела,
За собою дружечокъ провела.
(Оришка Недилькина).

19.

Ой улыци, улыци тисніи,
Туды йшлы дружечкы пышніи,
Неслы воны короговцю якъ огонь.
А на тій же короговци малюванье,—
Тожъ тіи Маруси дивованье.
А на тій же короговци лыстонькы,—
Тожъ Марусины мыслонькы.
(Марія Юрченкова).

20.

Не барыся, Марусю, не барыся,
Усимъ дружечкамъ поклоныся,
Старшій дружечци найныжше,
Що сыдитеме найблыжче.
Оце жъ тоби, Марусю, за тое,
Щобъ не плела кисонькы у трое,
Та заплела кисоньку въ дрибушкы,
Щобъ росплитали вси дружкы.
(Уляна Выборная).

21.

Ой вы сюды дружечкы не ходите,
Зеленого винограду не топчите,
Бо сей виноградъ самъ порисъ,
Туды нашу Марусю Богъ понисъ.
(Она же).

22.

А чи радъ, Васыльку, чи не радъ,
Що порисъ по садочку виноградъ?
Щей червоная калына—
Молодая Маруся княгина.
(Она же).

23.

Ой тамъ, на сели, на рынку,
Пылы бояре горилку,
Изъ золотенькихъ чарочокъ
Одъ молоденькихъ дружечокъ.
(Она же).

24.

Поцвичена калынонька, поцвиченая,
Уже наша Маруся повинчаная.
Колыбъ же намъ недилонькы диждаты,
Пидемо Маруси спиваты.
(Евдокія Папыкова).

Если вѣнчанье и свадьба происходятъ въ одинъ день, то вмѣсто этой пѣсни дружки поютъ:

25.

Ой у лузи калынонька нецвиченая,
Туды йшла дивчинонька невинчанная,
Колыбъ же намъ недилоньки диждаты,
Пидемо дивчиноньку винчаты.
(Она же).

26.

Ой попе, попе,
Отче нашъ,
Тай одчиняй церковцю
Просто насъ,
Тай звинчай же насъ
Въ добрый часъ.

(Она же).

27.

Ой булы мы въ попа,
Нема попа дома,
Та поихавъ та до города
Ключивъ купуваты—(2)
Церковь одмыкаты,
Марусю винчаты.

(Она же).

28.

Ой помалу, дружечкы, йдите,
Пыломъ не пылите,
Щобъ наши жупаны
Пыломъ не прыпалы,
Щобъ нашая слава
По всимъ свиту стала.

(Уляна Выборная).

29.

Дывлятся селяне,
Що йдуть городяне,
По переду та Маруся иде,
Симсотъ дружечокъ веде,
Симсотъ щей чотыри
Та все чорнобриви,
Симсотъ щей пятнадцать
Та вси у сапьянцяхъ.
Въ стричкахъ, та въ коснычкахъ
Та въ червонихъ черевычкахъ.

(Уляна Выборная).

30.

Думай, думай та Марусю,
Думай та гадай,
Бросги тоби дви риченьки,
Щей третій Дунай.
Перебрела дви риченьки,
Дунаечка ни,
Роскишъ була у батенька,—
У свекорка ни.

(Она же).

31.

Ой по морю рыбочка грае,
Золотыми перами мае,
А Маруся здывувалася,
Що хороше нагулялася,
Васылькови сподобалася.

(Она же).

32.

Закувала зозуленька
Рано у саду,
Ой казала Марусенька
Замижъ не пиду,
Ой казала молодая погуляю
Русою косою помаю.

(Она же).

33.

По тимъ боци ставу
Кличе павычъ паву,

Плывы, плывы моя павочко,
Дамъ я тоби срибне яблочко.
Черезъ тое срибне яблочко
Потеряла дивуваньячко.

(Она же).

34.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Не клынъ яблунына
Золотая верховына,
Полюбыла та дивчина
Молодого челядына,
Сама соби здывувалась,
Що съ хорошимъ повинчалась.

(Марія Юрченкова).

35.

Варіантъ с. Засулья.

Схылылась верба зъ верха до кореня,
Винчалась дивчына зъ ранку до полудня,
Сама соби здивувалась,
Що зъ челядиномъ повинчалась.

(Марія Гриценкова).

36.

Червоная колыночька, жовтый цвитъ,
Ой чомъ до насъ Васылька въ гости нитъ?
Чи мы ёму хустыны не пошылы,
Чи мы ёму виночка не звылы,
Чи мы ёму Маруси не зрядылы?
Мы ёму хустыну пошылы,
Вы ёму виночокъ извылы,
Мы ёму й Марусю зрядылы,
Мы іи на посади посадылы.

37.

Ой городъ, городъ Лебедынъ
Туды ихавъ Васылько молодый,
Пидъ нымъ коныченько вороный,
На ему жупанъ голубый,
На ему шапка смушова,
Коло бока хустына шовкова,
Вышыла Маруся учора,
Темнои ночи при свичи
Ясного сонця, край виконця,
За для Васылька молодця.

(Уляна Выборная).

38.

Ой крикнувъ орелъ на ставу,
Обизвався та Васылько въ своему дому:
Ой горе жыты самому,
Колибъ щей Маруся зо мною.

(Она же).

39.

Та плыве утынька по сынему
морю
Изъ своимы утенятами,
А за нею плыве сызый селезень.
Постой утынько й мене,
Бувъ я на ставку, тай чувъ я
славку
Щей на тебе, сира утынько,
Що плетуть ситкы на твои
дитки
Щей на тебе, сира утынько.
Нехай же плетуть, хоть пере-
плетуть,
То я ихъ не боюся:
Крыльця роспущу, дитей заберу,
Видсыля уберуся.
Та йшла Маруся все улычкамы
Изъ своимы дружечкамы,
А за нею иде молодый Ва-
сылько.
Постой Марусю мене,
Постой Марусю, постой молода,
Щось маю росказаты:
Ходывъ я въ лавку, тай чувъ я
славку,
Що на тебе молодую
Кроють китайку, шьють кы-
балку,
А на твою головоньку.
Та нехай же кроють, та нехай же
шыють,
Я іи не боюся,
У недилоньку, до вечероньки
Я въ неи наряжуся.

(Уляна Выборная).

40.

Ой плавала щука рыба по надъ
млыномъ,
Та давала Маруся ручку двомъ.
Ой не двомъ, не двомъ—одному,
Ой на тоби, Васылько, ручку
мою,
А ты, Иванку, дывысь, не дывысь,
Пиды соби зъ иншею обнимысь
А ты, Иванку, не гайся,
Пиды соби зъ иншею звинчайся.

(Настасія Коломійцева).

41.

Варіантъ с. Засулья.

Плавала щука рыба по пидъ
млыномъ,
Та давала Маруся ручку двомъ,
А хочь двомъ, хочь не двомъ,—
одному
На тоби, Васыльку, ручку мою.
Биленька ручка въ батынька мого,
Чи буде такая въ твого?
Якъ будешъ ты покирненька,
То буде твоя головонька гладенька,
А якъ будешъ ты упряма,
То буде твоя головонька що дня
пьяна.

(Марія Гриценкова).

42.

Варіантъ с. Засулья.

Зацвила крута ґора фіялкамы,
Туды йшла Маруся съ дружечкамы,
А за нею Васылько съ боярамы.
Постой, постой, Марусю, теперь ты моя!
Вона стала, отгадала, що я не твоя,
Що я въ батька паняночка,
А ты въ свого панъ;
Шукай соби паняночкы
Такои якъ самъ.
Ой выиздывъ я вси села й города,
Та не найшовъ паняночкы, якъ ты молода.

(Она же).

43.

Варіантъ с. Засулья и с. Литвяковъ.

Ой ходыла та Маруся по саду, саду,
А за нею та Василько по еи слиду.
Ой чогожъ ты та Васылько
На мій слидъ упавъ,
Шукай соби кращишои,
Якъ молодый самъ.

Ой объихавъ я, Марусю,
Села и города,
Тай не найшовъ кращишои,
Якъ ты молода.

(Уляна Выборная).

44.

Тыхо тыхо лотоками
Вода йде,
Що сестрица до братика
Чоломъ бье.
Ой вымитай, братику,
Новый двиръ,
Та застылай, братику,
Тесовый стилъ,
Та наповняй, братику, кубочкы,
Веде сестрыця дружечкы.
Ой до двору, дружечкы, до двору,
Нахыляйте сосонку до долу,
Та принесемо до дому
Тай поставымо на столи,
На жыльчастому [1]) скатерти.

(Уляна Выборная).

45.

Мы булы въ лужку,
Загубылы дружку,
Якъ сонечко зійде,
Вона сама прійде.
Якъ сонце пидобьется,
Вона сама притрясетця.

(Марья Гриценкова).

---

[1]) Цвитному.

46.

Варіантъ с. Волчка.

До двору, дружечкы, до двору,
Ломайте сосонку до долу.
Зелена сосна — не гнеться,
Що богатій, матинко, не шлеться,
А убогій, та хорошій не сміе,
Такъ моя руса коса змарніе.

(Ульяна Молькина).

47.

Забарная, Маруся, забарная,
Забарылася на сели,
А вы, дружечкы, на дорози,
Щей на лютому морози.

(Она же).

Суббота. Возвращеніе съ улицы.

48.

Прыбирайся, матинко, прыбирайся,
Та до себе дружечокъ сподивайся,
Щобъ була щука, рыба жареная,
Щобъ була горилочка вареная,
Щобъ булы огирочкы солоненьки,
Щобъ наши дружечкы веселеньки.

Варіантъ.

Щобъ булы солоныи огиркы,
Щобъ булы дружечкы ягидкы.

(Улана Выборная).

Возвращаясь домой, молодая ломаетъ палочку (ципокъ), съ которой она обходила село, и бросаетъ ее чрезъ хату.

Дружки поютъ:

49.

Росты, сосно, въ гору,
Мы йдемо до дому,
До новои хаты,
Де ридная маты,
Де кубкы повненьки,
Братикы ридненьки.

Варіантъ.

До матинкы, до ридненькои
На кубочкы на повненькіи,
На хусточкы чорвоненькіи.

(Уляна Выборная)

У порога поють:

50.

Сяду, впаду ластивкою
Передъ матинкою,
Передъ синечкамы
Изъ своими дружечкамы.

(Она же).

51.

На вгороди вышня,
Колыбъ до насъ матинка
вышла,
Ягидокъ щыпаты,
Дружечокъ частуваты.

(Оришка Недилькина).

52.

Выйды маты съ хаты,
До свого дитяты,
Ягидочокъ рваты,
И дружечокъ частуваты.

(Настасія Коломійцева).

53.

Варіантъ с. Засулья.

Выйды маты зъ хаты,
Пизнавать дытяты.
Межъ пышными дружечкамы
Умывается слизочкамы,
Межъ пышнійшымы
Умывается дрибнійшымы

(Марія Гриценкова).

54.

Выйшла матинка проти насъ,
Та глянула по всихъ насъ,
Краща Маруся одъ увсихъ насъ.

(Уляна Выборная).

55.

Выйшла матинка изъ хаты,
Стала дружечокъ пытаты:
Де вы дружечкы бувалы,
Що вы дружечкы видалы?
Ой булы мы, матинко, въ церковци,
Та бачылы, матинко, два винци
На Марусеній головци.

(Она же).

Суббота. Гильце.

56.

Урижъ, матинко, китайкы,
Застылай столы ще й лавкы,
Бо йдуть дружечкы панянкы.

Вризала матинка китайкы,
Застлалы столы щей лавкы:
Сидайте, дружечкы панянкы!

(Она же).

Возвратясь съ села, дружки въ сѣняхъ весильнаго дома вьютъ „гильце“, т. е. убираютъ вишневую (изрѣдка сосновую или сиреневую—„изъ бозя“) вѣтвь съ частыми боковыми побѣгами, воткнутую въ хлѣбъ, бантами изъ лентъ, бумажными цвѣтами, пучками калины, жита и красного гаруса (жычкамы). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Засульѣ) привѣшиваютъ еще къ гильцу орѣхи, конфекты и пряники.

Когда вьютъ гильце, то поютъ:

57.

Не йдить молодыцѣ
До насъ гильця выты,
Зовьемо мы самы,
Краще нижъ изъ вамы.

(Уляна Выборная).

58.

Летила зозуленька черезъ садъ,
Погубыла пиръячка на весь садъ.
Избирайте дружечкы пирьячко
Зовьемъ своей Маруси гилечко.

(Елена Дмитренкова).

59.

Ой покы мы Маруси гильце звылы,
Половыну луга выходылы,
Червоную калыноньку выломалы,
И хрещатый барвиночокъ выщыпалы,
Такы своей Маруси гильце звылы.
Звылы Маруси гилечко
У два соколы гниздечко,
Выще дерева ялыны,
Та зъ червонои калыны,
Молодій Маруси княгыни.

(Уляна Выборная).

Окончивъ вить гильце, и попросивъ у старостъ благословенія въ такихъ же почти выраженіяхъ, въ какихъ просили о вѣнкахъ („благословить гильце въ хату внесты“), дружки входятъ въ хату съ гильцемъ и поютъ:

60.

Благословы Боже,
Пречыста Госпоже!
Намъ гилечко звыты,
На столи постановыты,
Сей домъ звеселыты.

(Она же).

61.

Варіантъ с. Засулья.

Благословы̀ маты
Гильце звываты.
Гильце звыты,
Сей домъ звеселиты.
(Марія Гриценкова).

62.

Осыпалася руточка,
Коло золотого кубочка.
Руто моя дрибна, зелена,
Якъ мени тебе позбираты?
Просы Марусю батенька,
Щобъ помигъ руты збираты.
Не буду ихъ прохаты,
Не вмилы мене кохаты,
А ни кохаты, ни зодягаты,
Ни пры соби держаты.

Потомъ эта же пѣсня повторяется въ отношеніи къ матери, съ замѣной словомъ „батенька" словомъ „матинку", и въ отношеніи молодого; причемъ три послѣднія строчки пѣсни замѣняются слѣдующими:

Буду прохаты, буде винъ мене кохаты,
И кохатыме й зодягатыме,
И пры соби держатыме.
(Настасья Коломійцева).

63.

Стояла Маруся пидъ гильцемъ,
Та чесала косу гребинцемъ,
Упустыла гребинецъ подъ столецъ;
Подай, Васыльку, грибинецъ.
Яжъ тоби, Марусю, не вдовецъ,
Щобъ я тоби подававъ грибинецъ.
(Марія Гриценкова).

Суббота. Пѣсни въ весильномъ домѣ.

Гильцемъ оканчивается въ большей части селъ лубенскаго уѣзда дѣятельность дружекъ въ субботу и почти всѣ послѣдующія пѣсни поются ими въ воскресенье, до пріѣзда жениха; только въ м. Снѣтинѣ, дружки поютъ еще вечеромъ:

64 [1]).

Молода Маруся синечкы мела,
Якъ голубочка гула,
Що нахылтця, що нахылтця
Слизонькамы умыетця,

[1]) Всѣ пѣсни съ 64—71 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Що пидведетця, що пидведетця
Хустыною утретця.
Ой Боже мій, Боже мылостывый,
Що я наробыла?
Кого любыла, кого любыла,
Того розгнивыла,
А кого не любыла, зроду не знала,
Той дружыною стала.

65.

Ходить сестрыци на вечорныци,
Бо вже мени не ходыты;
Та любыть сестрыци, кого я любыла,
Бо вже мени не любыты [1]).
Кого любыла, то того розгнивыла,
Кого не любыла, зроду не знала,
Той дружыною стала.

66.

Ой куды жъ ты тай Марусю ходыла,
Що ты свою головоньку набилыла?
Ой ходыла я, сестрыци, тай у вышни, въ садъ,
Тай на мою головоньку билый цвитъ упавъ,
Вышневый, черешневый до долочку,
Яблучковый, грушковый на головочку.
Та вжежъ его буйный витеръ не обвіе,
Та вжежъ его ясне сонце не осяе,
Що на моій головонци процвитае.
Ой де твои, та Марусю, очыци булы,
Що за того та Васылька рушнычкы далы?
Дывылыся кари очи ажъ у темный лугъ.
Оце тоби, та Марусю, присуженый другъ.

67.

Та летять галочкы
У тры рядочкы,
Зозуленька по переду.
Уси галочкы
По лугахъ силы,
А зозуленька на калыни.
Уси галочкы защебеталы,
Зозуленька закувала.
Ой чого куешь, чого жалуешь
Сызая зозуленька?
Чи жаль тоби темного луга,
Чи гиркои калыны?
Не жаль мени темного луга,
Ни гиркои калыны,
А жаль мени ранняго вставаньячка,
Хорошого куваньячка;
Що я рано встаю,
Хорошенько кую,
Вси садочкы звеселяю.

---

[1]) Вар. Та вже мени туды ходыты,
Куды мени люды скажуть,
Та вже мени того любыты,
Исъ кымъ рученькы звяжуть.

Та йшлы дружечкы
У тры рядочкы,
А Маруся по переду.
Уси дружечкы по лавахъ силы,
А Маруся на покути.
Уси дружечкы тай заспивалы,
А Маруся заплакала.
Ой чого плачешь, чого жалуешь,
Молодая Марусю?
А чи жаль же тоби батенька свого,
Чи подвирьячка его?
Не жаль же мени батенька свого,
Ни подвирьячка его,
А жаль мени русои косы
Щей дивоцкои красы,
Що дивочкы грають,
Кисонькамы мають,
А мене не приймають.

68.

Коло синечокъ весь барвиночокъ
Стелется стежечкамы,
Ой туды йшла молода Маруся
Изъ своимы дружечкамы,
Напротывъ еи батынько еи
Съ повнымы кубочкамы,
За слизонькамы за дрибненькымы
И батенька не пизнала.

69.

Ой якъ бы я знала, або видала,
Що засватана буду,
Той подчыняла бъ, той подмыкала бъ
Батеньковы воритечка,
Той упустила бъ, той увигнала
Стадо коней воронесенькыхъ.
Нехай вытопчуть, нехай выловлють
Се зильячко запашнесенько.
Ой щобъ не росло, не кохалося
Отцю, ненци тай на жалости.
Щой отцю, ненци тай на жалости,
Меньшій сестри тай на радости.
Сестрыця иде, цвиты зрывае,
За головку затыкае,
А матинка йде, на цвиты гляне,
Й серденько вяне.
Ой вяне, вяне якъ ножемъ крайе,
Що дитяты не майе.
Тай немайе дочкы, нема скрынёчкы
Ни Маруси челядыночкы.

70.

Ой ходыла та Маруся по кимнати,
Та будыла свого батенька съ кровати.
Ой уставай мій батеньку, годи тоби спать,
Уже мени у тебе не викъ викувать (2),
Одну ничку субботнюю переночувать.

71.

Ой у городи крыниченька одна,
Холодная вода зо дна,
Ой тамъ Маруся били рукы мыла,
До батенька говорыла.
Батеньку мій, ты рожевый цвите!

Не завьязаный свите!
Пусты ничку тай на улычку.
Донечко моя, неволенька моя,
Просыся у матинкы.

72.

Даешъ мене, моя матинко, сама одъ себе,
Покыдаю роменъ зилья тай у тебе.
Та вставай, моя матинко, ранесенько
Тай полывай роменъ зилья частесенько,
Та вставай, матинко, ранише
Та полывай роменъ зилья частише.

(Палагея Куліева).

73.

Де ты, Марусю, де ты молода
Сей ранокъ ранкувала?
Ранкувала я, мои подружечкы,
У старшои дружечкы.
А въ тіи дружечкы, мои подружечкы,
Два пысарчыка пыше.
Шой одынъ пыше, тай одпысуе
Одъ ридного не до ридного.
А другый пыше, та одпысуе
Одъ батынька та до свекорка.

(Улана Выборная).

74.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой у синечкы, у прысинечкы
Ясне сонечко сходыть.
Ой тамъ Маруся овесець брала,
Голубонькивъ годувала.
Голубонькы жъ мои, загудить же мени,
Защебечить соловеечкы,
Завдайте тугу темному лугу
Щей батеньку ридненькому,
Що винъ мене дае, тай самъ не знае,
И доленькы не вгадае:
Чи за пьяниченьку, чи за костыроньку,
Чи за того розбойнычка.
За цьяныченьку за велыкого
Той горе чаши буде,
Ой горе чаши, зеленому выну,
По тесовому столу,
А за костыроньку, за велыкого,
Той горе коню буде,
Ой горе коню вороненькому
У поли чистенькому.
А за розбойнычка, за велыкого,
Той горе тилу буде,
Ой горе тилу, щей биленькому
Одъ нагайкы дротянои.

(Она же).

75.

Варіантъ с. Засулья.

Якъ бы я знала, або видала,
Що засватана буду,
Мыла бъ я синечкы зеленою рутою.
Черезъ синечкы двое дверочокъ
У вышневенькый садочокъ,
Тамъ Маруся овесець брала,
Голубивъ годувала.
Гудить голубы, куйте зузули,
Защебечить соловейкы,
Завдайте жалю батеньку моему
И матинци ридненькій,
Що воны мене отдають
И самы не знають,
А доленькы не спытають.
Ой доню моя, не бувъ я въ Бога,
Чи щаслыва твоя доля.

(Марія Гриценкова).

Если отца невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то дружки поютъ еще слѣдующія пѣсни:

76.

Варіантъ м. Снѣтна.

Хоть велыкый двиръ,
Такъ маленькый збиръ.
Не вся моя та родыночка,
Нема родыны ни половыны,
Ни батенька зъ Украины.
Пошлю соловейка, пошлю маленького
По батенька по ридненького.
Ще соловейко не долитае,
А батенько се все знае.
Ни соловья зъ гаю,
Ни батенька зъ раю,
Ни родыны зъ Украины.

(Уляна Выборная).

Если въ живыхъ нѣтъ матери, то поютъ:

77.

Варіантъ с. Засулья.

Шырокій двиръ, а маленькій збиръ,
Нема родыны й половыны,
И матинкы ридненькои.
Пошлю я зузулю сызеньку
По матинку ридненьку,
И зузуля долитае,
И матинка на догадъ знае,
И слёзы пролывае.
Цежъ одъ мого дытяты,
Одъ сыротяты
Нызкіи поклоны.

(Марья Гриценкова).

Если отца невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то поютъ:

78.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой ходыла та Маруся по крутій гори,
Тай гоныла селезныка по тыхій води.
Плывы, плывы, селезныку, тыхо по води,
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку, теперь и къ мени,
Тай дай мени порядочокъ бидный сыроти.
Ой радъ бы я, дытя мое, до тебе прыбуть,
Насыпано сырои земли на руки мои,
Склипылыся кари очи, устоньки мои.
Наймай, наймай, та Маруся,
Дорогихъ копачивъ,
Тай откопай свого батька тай для помочи.
И заступы и лопаты поламалы
И батенька ридненького недкопалы;
Обизвалось два ангола у прытвори,
Не ткопаешъ вже Марусю николы.

(Уляна Выборная).

Если матери нѣтъ въ живыхъ, то поютъ:

79.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Ой ходыла Маруся по крутій гори,
Набачыла сиру утыньку на тыхій води.
Плывы, плывы, сира утынька, тыхо по води,
Прыбудь, прыбудь, моя, матинко теперь и къ мени,
Ой дай мени порядочокъ бидный сыроти.
Ой рада бъ я, мое дытя, прыбуть и къ тоби,
Насыпано сырои земли на рукы мои,
Склыпылыся кари очи, устонькы мои,
Ой наймай же, та Марусю, дорогихъ копачивъ,
Та откопай свою матинку за для помочи
Наймала, мои сестрыци, ажъ трычи по пять,
Та не можна матинкы съ того свита взять.

(Евдокія Паныкова).

80.

Ой выйды, выйды, чужый батеньку,
До сыроты на порадоньку,
Тай подывыся, чужый батеньку,
Якъ сыриточка плаче.
Що сырота плаче,
Плаче рыдае,
Що порядку не мае,
Нема порядку съ самого ранку,
Щей учора зъ вечора.

(Уляна Выборная).

81.

Ой цвилы, цвилы та вже й поспилы
Ягоды полуныци.
Ой мынаються молодій Маруси
Улыци й вечерныци.
Та не такъ мынуться, не такъ мынуться,
Що вечора спомянуться.
Дивочкы гуляють, кисонькамы мають,
А йии не прыймають,
А хочь и прыймуть, правды не скажуть,
Тилькы воны сами знають.
Ой йды, йды ты заручена,
Ты одъ насъ одлучена.

(Она же).

82.

Ой казавъ же ты, любыстоньку [1]),
Не опущу свого лыстоньку,
А теперь же опускаешься,
Кругомъ себе обстылаешься
Все лыстячкомъ, та кориньячкомъ,
Та хрещатенькымъ барвиночкомъ.
Ой казавъ же, та мій батеньку,
Не тдамъ тебе, моя доненьку,
А теперь же отдаешь мене,
Даешь мене, тай не жалуешь,
И свитъ мени та завьязуешь,
Накрываешь та китайкою,
Наставляешь та хазяйкою (2),
Щей до печи куховаркою.
Щей до печи, та не до своеи
До матинкы, не до риднои.

83.

Ой матинко, та голубонько,
Измый мени та головоньку,
Въ останюю субботоньку,
Та росчешы тай гладесенько,
Заплеты косу дрибнесенько.
А въ недилю та не гай мене,
Зараненька выряжай мене;
Теперь ничка та темненькая
И дороженька далекая.
Мы зъ дорожкы та изблудымо
И Марусю та загубымо.
Ой пиду я та блукаючы,
По два дворы та мынаючы,
А у третій заглядаючы;
Ой тамъ люды та суды судять,
Та все мого та свекорка гудять.

---

[1]) *Вар.* Ой шумивъ же берестоньку.

Ой вы люды, яки вы дивныи!
Чомъ вы мени давно не сказалы,
А покы насъ попы не винчалы,
Покы намъ ручокъ не вязалы.

84.

Ой въ синечкахъ, на васылечкахъ
Соловейечко свыще,
Выйды Марусю, выйды молода,
Тебе батонько кличе.
Нехай же кличе, хочь переклыче,
Теперь же я не клюшныця,
Положыла ключи,
До винчанья йдучи,
У комори на прибои.
У синечкахъ, на васылечкахъ
Соловейечко свыще,
Выйды Марусю, выйды молода,
Тебе матинка кличе.
Нехай же кличе, хочь переклыче,
Теперь же я не робитныця,
Поробыла дило, всю роботоньку
Ранесенько въ субботоньку.

85.

Мы въ Маруси булы, виночкы вылы
И горилочку пылы,
Пылы сырую й варенуе,
Изъ медомъ солодкую.
Ой жаль же намъ Марусю на тобе,
Що збирала насъ до себе,
А теперь розлука съ тобою,
Якъ изъ ридною сестрою.

86.

Та спасыби тоби, Марусю,
За твои били калачи,
За твои повни кубочкы,
Що прывитала дружечкы.

87 [1]).

Роскотитеся кыслыци,
Розойдимося сестрыци,
Розлука наша съ тобою,
Якъ изъ ридною сестрою.

Суббота.—Приготовленіе шишекъ.

Вѣнки и гильце вьютъ въ субботу только въ домѣ у молодой и поэтическія пѣсни, сопровождающія эти обряды, поются также только у нея, такъ какъ въ лубенскомъ уѣздѣ у молодого нѣтъ своего гильца; но есть и другіе субботніе обряды и пѣсни, соединенныя съ печеніемъ свадебныхъ хлѣбовъ, общія обоимъ весильнымъ домамъ.

Хлѣбъ, какъ и всѣ свадебныя кушанья, приготовляются сосѣдками родителей молодыхъ подъ руководствомъ искуснѣйшей изъ нихъ

---

[1]) Пѣсни съ 81 по 87 № записаны отъ У. Выборной.

„куховаркы", которая получаетъ въ вознагражденіе за свой трудъ платокъ (хустку), ленту и 50 коп. Она поступаетъ въ весильный домъ съ пятницы и прежде всего начинаетъ печь „лежни"—два большіе, продолговатые, пшеничные хлѣба, украшенные голубями изъ тѣста, въ которые запекаютъ яйца и деньги. Остатокъ тѣста отъ „лежней" идетъ на заготовленіе калачей и шишекъ,—небольшихъ, круглыхъ хлѣбцевъ, сверху которыхъ кладется бахрома изъ тѣста, маленькія шишечки и на самомъ верху голуби.

Шишекъ дѣлаютъ полный столъ и роздаютъ потомъ родственникамъ и женщинамъ, участвовавшимъ въ свадебныхъ приготовленіяхъ. Вмѣстѣ съ лежнями, дѣлается еще большая шишка, имѣющая особое назначеніе: при отъѣздѣ молодой въ воскресенье, вечеромъ, къ мужу, эту шишку беретъ съ собой свашка, вмѣстѣ съ рубашкой для молодой, и если послѣдняя „хороша" (дѣвственна), то шишку украшаютъ „жычкамы" (гарусомъ), перевязываютъ красными лентами и отсылаютъ родителямъ невѣсты въ понедѣльникъ утромъ.

Приготовленіе шишекъ сопровождается слѣдующими пѣснями:

88.

А Марусына ненька
По улыци ходить,
Своихъ сусидъ просыть:
Сусидочкы мои, голубонькы,
Прыбувайте вы къ мени
И къ моему дытяти,
Хорошенько шышочокъ бгаты.

(Уляна Выборная).

89.

Ой зашумила, зашелестила
Ярая пшеныця у стози,
Не подобае ярій пшеницы
Въ стози стояты,
Уже часъ, пора,
Матинко моя,
Въ шышечкы побгаты.

(Настасія Коломійцова).

90.

Ой въ огороди, у частоколи
Зацвилы нагидкы.
Ой дайте намъ, шышкобгальныцямъ,
Горилки, не видкы.
Ой въ огороди, у частоколи
Зацилыв волошкы,
Ой дайте намъ, шышкобгальныцямъ,
Горилочкы трошкы.

(Уляна Выборная).

Суббота.—Приготовленіе коровая.

Послѣ шишекъ, въ субботу, къ вечеру, приготовляется коровай такимъ образомъ: противъ печи ставятъ столикъ, а на него „дижу" съ пшеничнымъ тѣстомъ; тѣсто изъ дижи выбираютъ на большой столъ и дѣлаютъ изъ него круглый хлѣбъ съ крестомъ изъ тѣста сверху; въ средину кладутъ пять сырыхъ яицъ: одно посрединѣ и четыре по концамъ, кладутъ еще деньги, иногда сыръ. Его украшаютъ двѣ женщины и двое мужчинъ голубями, маленькими кренделями и шишками изъ тѣста, при чемъ поютъ:

91.

Пиду я до Дунаю,
Подумаю, погадаю:
Чи мени воду носыты?
Чи мени коровай мисыты?
А чи мени воду браты?
А чи мени коровай ґгаты?
Наберу зъ крыныци водыци,
Вгайте коровай молодыци.

(Евгенія Недилькина).

92.

А я коровай мисыла,
Зъ Дунаю воду носыла,
Не такъ зъ Дунаю, съ крыныци,
Мисылы коровай молодыци.

(Палагея Куліева).

93.

Нихто не вгадае,
Хто у насъ коровай бгае.
Изъ города городяночкы,
Изъ миста мищаночкы,
Изъ села селяныци,
Хорощіи молодыци.

(Өедосія Палехина).

94.

Ой у поли овесець ясенъ,
А у доми коровай красенъ,
Шышечкамы та барыльцями,
Съ хорошимы молодыцями.

(Марія Юрченкова).

95.

Свиты Боже зъ раю
Нашому короваю,
Щобъ було выднесенько,
Всему роду веселесенько.

(Евгенія Заикина.)

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографія» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ

1890

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.

Напечатанные въ нашемъ журналѣ и другихъ изданіяхъ [1]) наказы малороссійскимъ депутатамъ, а также документы, касающіеся ихъ избранія, позволяютъ въ настоящее время сдѣлать попытку краткаго изложенія нуждъ, желаній и стремленій, заявленныхъ малороссійскимъ народомъ какъ въ своихъ наказахъ, такъ и въ самыхъ собраніяхъ, толкахъ и броженіи, вызванномъ манифестомъ 14 декабря 1766 г. Предоставляя будущимъ, болѣе искуснымъ и умѣлымъ, изслѣдователямъ заняться изученіемъ народнаго самосознанія въ этотъ интересный моментъ внутренней исторіи Малороссіи, мы имѣемъ въ виду болѣе скромную цѣль и ограничимся въ этой статьѣ только сведеніемъ и группировкой сословныхъ нуждъ и желаній малороссіянъ, пробужденныхъ къ самодѣятельности и критикѣ своего настоящаго призывомъ императрицы къ составленію проекта новаго Уложенія. Извѣстная Екатерининская коммиссія 1767—1769 г. составляетъ такой крупный фактъ во внутренней жизни Россіи, что, несмотря на свою полную неудачу, обусловленную какъ неподготовленностью русскаго общества, такъ и неумѣлостью заправилъ коммиссіи, она оставила весьма видные и полезные плоды въ исторіи нашего общественнаго развитія и государственной жизни. Принесенные съ далекихъ краевъ нашего обширнаго отечества наказы и челобитныя, хотя и не послужили

[1]) „Кіевская Стар." за 1888 г. и 1—4 кн. 1889 г., 43 т. Сборника Имп. Русск. Историческаго Общества и 2-ой т. Исторіи Новой Сѣчи г. Скальковскаго.

своей непосредственной цѣли—составленію Уложенія—тѣмъ не менѣе, отдернувъ завѣсу, скрывавшую массу золъ, они озарили путь для будущаго и послужили необходимымъ матеріаломъ для многихъ реформъ императрицы. Малороссія не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; голосъ ея депутатовъ о желаніяхъ, нуждахъ и надеждахъ украинцевъ представляетъ не только важный матеріалъ для сужденія о недостаткахъ и безпорядкахъ во внутреннемъ устройствѣ, управленіи, судѣ, народномъ хозяйствѣ и просвѣщеніи, но также доставляетъ весьма драгоцѣнныя данныя для характеристики политическаго развитія и идей, волновавшихъ въ это время наиболѣе развитыхъ представителей недавней гетманщины. Нигдѣ, конечно, вопіющіе недостатки и пороки общественной организаціи Малороссіи не могли получить такого яркаго освѣщенія и оцѣнки изъ подъ различныхъ угловъ зрѣнія, какъ въ наказахъ, представленныхъ депутатами всѣхъ свободныхъ сословій. Шляхетство, козаки, горожане и духовенство, каждое отъ себя и за себя, говорили въ наказахъ о своихъ сословныхъ нуждахъ и отягощеніяхъ, выставляли свои общественные идеалы, открывали свои надежды и ходатайствовали объ ихъ удовлетвореніи. Помимо этого, наказы особенно важны для изслѣдователя еще въ томъ отношеніи, что, совпавши съ эпохой окончательнаго включенія гетманщины въ громадное тѣло создававшагося сильнаго государства, они заключаютъ въ себѣ указанія на реакцію малорусскаго народа противъ принятыхъ въ отношеніи его мѣръ правительства. Начало царствованія Екатерины, какъ извѣстно, было далеко не благопріятно для сохраненія привилегированнаго положенія Малороссіи; порядки старой козацкой гетманщины были признаны всѣ, безъ разбора и тщательной критики, изжившими свой вѣкъ и для козачины наступалъ часъ окончательной ликвидаціи Начало ея уже было сдѣлано отмѣной гетманскаго управленія; послѣдующія реформы въ томъ же духѣ, съ назначеніемъ на постъ генералъ-губернатора Румянцева, носились въ воздухѣ и уже предчувствовались довольно опредѣленно и явственно. Въ виду этого малороссійскіе наказы, отмѣченные сильной струей децентрализаціоннаго направленія, представляютъ какъ бы заранѣе

подготовленный отвѣтъ малороссійскаго народа на политику Екатерининскаго царствованія и даютъ весьма любопытныя свѣдѣнія для оцѣнки самосознанія и міровоззрѣнія старой Малороссіи, въ послѣдній разъ въ 1767 г. заявившей о себѣ, какъ объ особой культурно-исторической единицѣ, желающей жить, управляться и развиваться на основаніи своихъ привилегій, правъ и законовъ. Эта антіассимиляціонная струя, составляющая специфическую особенность малороссійскихъ наказовъ, представляетъ законный плодъ исторической эпопеи гетманщины и сближаетъ ихъ съ наказами, представленными лифляндскими и эстляндскими депутатами; она должна обратить на себя особенное вниманіе каждаго историка, такъ какъ въ ней въ сущности выразились политическіе идеалы малороссіянъ съ одной стороны и успѣхи соединительной правительственной политики и ея культурнаго воздѣйствія на Украйну—съ другой. Кромѣ этого, въ наказахъ, трактующихъ о недостаткахъ и нуждахъ своего времени, изслѣдователь найдетъ не только взглядъ самого народа на ихъ причины и источники, но также и сравненіе своего настоящаго съ прошедшимъ и указанія на желаемое будущее; малороссіяне въ своихъ наказахъ какъ-бы подводили итоги совмѣстной жизни съ Великороссіей и, рисуя свое прошлое и настоящее, тѣмъ самымъ отмѣчали на скалѣ прогресса движеніе своего общества и ростъ его развитія. Эта черта особенно любопытна въ наказахъ въ томъ отношеніи, что она даетъ возможность сравнить и оцѣнить различные взгляды русскаго правительства и малорусскаго народа на одинъ и тотъ же предметъ— упадокъ и разложеніе внутренняго строя въ Малороссіи, не подвергавшагося радикальнымъ измѣненіямъ съ самаго момента возсоединенія. Предпославъ эти нѣсколько словъ, мы переходимъ къ изложенію занимающаго насъ предмета и такъ какъ документы, напечатанные до настоящаго времени, заключаютъ въ себѣ, кромѣ наказовъ всѣхъ сословій, еще и данныя относительно избранія депутатовъ, сочиненія наказовъ и броженія, вызваннаго этимъ среди малороссіянъ, то мы и начнемъ нашъ очеркъ именно съ этого момента, взволновавшаго умы украинскихъ патріотовъ, послѣ чего мы разсмотримъ отдѣльно наказы

каждаго сословія, не исключая „пунктовъ“, представленныхъ духовенствомъ Синоду и наказа отъ Запорожья, занимавшаго совершенно особое положеніе даже въ самой Малороссіи.

ГЛАВА I.

Броженіе и толки, вызванные въ Малороссіи манифестомъ 14 декабря 1766 года.

Два года спустя послѣ неожиданнаго увольненія отъ гетманства графа К. Разумовскаго вся Украйна была взволнована съ верху до низу необыкновеннымъ для нея событіемъ: молодая императрица, еще недавно такъ сурово оборвавшая привилегію гетманскаго управленія, призывала теперь всѣ сословія Малороссіи—шляхетство, рыцарство, гражданство и земство—въ задуманную ею коммиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общенароднаго благоденствія. Манифестъ Екатерины, отъ 14 декабря 1766 года, съ объясненіями причинъ, побудившихъ ее созвать представительное собраніе отъ всѣхъ свободныхъ сословій имперіи, вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ въ Малороссіи и вызвалъ въ ней довольно разнорѣчивые толки и всевозможныя сомнѣнія. Несмотря на дѣятельную роль и участіе новаго правителя Малороссіи, графа Румянцева, въ разъясненіи и популяризаціи содержанія высочайшаго манифеста, послѣдній далеко не всѣми былъ понятъ желательномъ для вѣнценоснаго автора смыслѣ и немногіе изъ украинцевъ взглянули на него въ смыслѣ намѣренія императрицы „возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья“, какъ это было обѣщано при уничтоженіи гетманства. Предубѣжденные противъ всякихъ реформъ и новшествъ, малороссіяне какъ бы не хотѣли понимать истиннаго либеральнаго смысла манифеста императрицы и циркулярныхъ листовъ о выборахъ графа Румянцева, съ которыми онъ обратился по изданіи манифеста ко всѣмъ сословіямъ Малороссіи. Мы не останавливаемся на манифестѣ Екатерины II, такъ какъ его содержаніе, весьма замѣчательное по мыслямъ и духу для своего времени,

достаточно извѣстно всякому. Что же касается до Малороссіи, то тотчасъ по полученіи манифеста малороссійская коллегія распорядилась разослать его по всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, предписавъ при этомъ обнародовать его „во всѣхъ сотняхъ, хуторахъ, деревняхъ, даже до послѣдняго жительства". 27 февраля 1767 г., почти вмѣстѣ съ обнародованіемъ высочайшаго манифеста, по Малороссіи были распространены генералъ-губернаторомъ и его циркулярные листы въ поясненіе манифеста. Они были исполнены самыхъ благихъ желаній народнаго счастья, дышали горячимъ убѣжденіемъ и призывали малорусское общество къ исправленію накопившихся непорядковъ, злоупотребленій, неправосудія, разстройства народнаго хозяйства и вообще всего внутренняго строя Украйны, дѣйствительно давно нуждавшейся въ освѣженіи и обновленіи своей административной машины и законодательства. Правосудіе и добрый порядокъ [1]), писалъ въ своихъ листахъ Румянцевъ, обращаясь къ шляхетству, рыцарству, гражданству и земству—вотъ краеугольные камни къ достиженію человѣческаго благоденствія; поэтому, совѣтовалъ онъ, нужно воспользоваться предстоящимъ случаемъ и внимательно разыскать всѣ причины, вредящія общественному счастью, препятствующія точному исполненію законовъ и правильному теченію дѣлъ, безъ чего невозможно ни одно гражданское общежитіе. Необходимо—продолжалъ суровый реформаторъ Малороссіи—глубже всмотрѣться въ причины злоупотребленій, расшатавшихъ порядокъ гражданскаго и воинскаго управленія, разстроившихъ правосудіе, торговлю, промыслы, земледѣліе и не только доведшихъ поселянъ до полнаго отвращенія къ своимъ занятіямъ, но и принудившихъ ихъ бросить свои имущества и даже удалиться изъ отечества. Подумайте—убѣждалъ далѣе Румянцевъ, повторяя въ этомъ случаѣ мысли своей государыни,—что въ основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ должны лежать государственныя честь и слава, опирающіяся на общественное благосостояніе и правовой порядокъ, что первая законная забота хорошо устроеннаго государства должна состоять въ

---

[1]) Наказы, 185 стр.

томъ, чтобы доставлять всѣмъ гражданамъ возможность въ тишинѣ и спокойствіи пользоваться плодами своихъ трудовъ и занятій и что въ этомъ заключается прямая вольность гражданина, разумно понимающаго свои права и обязанности. Довольно обширный циркуляръ Румянцева, весь написанный въ вышеприведенномъ духѣ, по собственнымъ словамъ графа, былъ изданъ для малороссіянъ, „не въ предложеніи точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ“ и, кромѣ резюмированныхъ общихъ разсужденій, заключалъ въ себѣ еще повтореніе положеній „обряда“ о нравственныхъ качествахъ, какими должны были обладать предводители и депутаты. Эти избранники общества, по толкованію графа, должны быть настолько высоко и благородно настроены, чтобы дѣйствительно оказаться способными помышлять не о своихъ, а объ общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, чтобъ быть совершенно чуждыми пороковъ, „отъ которыхъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало и послужило источникомъ къ лихоимству, презрѣнію своего ближняго и неистовству на своего подчиненнаго“. Въ заключеніе малороссійскій генералъ-губернаторъ высказывалъ желаніе, чтобы ввѣренный его управленію край явился достойнымъ соревнователемъ другихъ провинцій имперіи, въ возлагаемой на него миссіи и оставилъ бы своему потомству память златого для него времени царствованія Екатерины.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе циркуляра; посмотримъ теперь поближе, какъ встрѣтило его малорусское общество или, лучше сказать, его сословныя группы и какіе толки и сомнѣнія породило распространеніе въ Малороссіи манифеста и циркуляровъ. Вопросъ этотъ настолько важенъ для характеристики степени довѣрія малороссіянъ къ правительственной власти и вообще для уясненія отношеній украинцевъ къ идеѣ созванія представительнаго собранія, что мы не имѣемъ права пройти его молчаніемъ. Существуетъ въ нашей литературѣ взглядъ, высказанный авторомъ перваго изслѣдованія о „Малороссіи въ 1767 г.“,—г. Авсѣенкомъ, что манифестъ императрицы, вмѣстѣ съ циркулярными листами генералъ-губернатора, былъ встрѣченъ въ Украйнѣ съ неподдѣльною радостью; въ доказательство этого

г. Авсѣенко приводитъ краснорѣчивыя фразы малорусскихъ наказовъ съ цвѣтистыми и пышными выраженіями признательности и глубокой благодарности императрицѣ ихъ сочинителей. Мы, конечно, нисколько не думаемъ умалять радости малороссіянъ, вызванной появленіемъ манифеста, ни тѣмъ болѣе сомнѣваться въ преданности гуманной и просвѣщенной императрицѣ, но намъ кажется, что на основаніи однѣхъ торжественныхъ фразъ, значительная часть которыхъ должна быть отнесена на долю реторики, нельзя на дѣло смотрѣть исключительно глазами г. Авсѣенка и въ виду многихъ данныхъ, едва ли не слѣдуетъ усумниться, что радость малороссіянъ не была омрачена кое какими недоразумѣніями и страхомъ за ожидаемое будущее. Знаменитый русскій историкъ Соловьевъ, излагая въ 27 томѣ своей Исторіи выборы депутатовъ въ Малороссіи, приводитъ довольно много данныхъ, указывающихъ, что къ радости украинцевъ примѣшивались чувства совсѣмъ иного свойства. „Циркуляръ—говоритъ онъ—не произвелъ вполнѣ того дѣйствія, какого бы хотѣлось Румянцеву". Въ письмѣ, отъ 2 марта 1767, года заимствуемъ мы у Соловьева, будущій кагульскій герой жаловался императрицѣ, что сочиненіе проекта новаго уложенія не производитъ въ высшихъ кругахъ Малороссіи того сочувствія и признательности, на которыя бы справедливо слѣдовало надѣяться, въ виду особеннаго благоволенія и заботъ монархини о своемъ народѣ. Многіе малороссіяне, по словамъ этого письма, до того вошли во вкусъ своевольства, что имъ всякій законъ и царскій указъ кажется ничѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ правъ и вольностей. Манифестъ 14 декабря 1766 г. вызвалъ именно это боязливое ощущеніе въ сердцахъ патріотовъ. „Зачѣмъ намъ тамъ быть, когда наши законы весьма хороши, восклицали обыкновенно малороссіяне—сообщалъ Румянцевъ императрицѣ—развѣ только для подтвержденія своихъ старинныхъ правъ и привилегій?" Заботы о сохраненіи и подтвержденіи „вольностей" болѣе всего волновали въ Малороссіи высшій кругъ, т. е. шляхетство, которое, не отдавая себѣ хорошо отчета, къ чему можетъ повести непреложное сохраненіе старины, сообщало свои опасенія простолюдинамъ и настраивало ихъ на тотъ же ладъ недовѣрія и не-

расположенія къ мѣропріятіямъ правительства. Безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ начатыхъ и ожидаемыхъ преобразованій и нововведеній чувство консерватизма особенно какъ то восторжествовало въ Малороссіи среди шляхетства, козачества, духовенства и отчасти горожанъ, т. е. среди всѣхъ сословій, къ которымъ обращался Румянцевъ съ своими циркулярами, и обнаружилось въ довольно опредѣленномъ теченіи въ сторону своего прошлаго. „Замѣчено—писалъ Румянцевъ по этому поводу императрицѣ—что многіе весьма ободрились и считаютъ прямо возможнымъ держаться старины; одни только горожане да простой народъ признаютъ милосердіе вашего императорскаго величества, благодаря различнымъ реформамъ, въ ихъ пользу введеннымъ; но тутъ же жалуются, что ихъ начальники, а особенно расплодившееся весьма шляхетство, всѣми силами имъ въ томъ препятствуютъ [1]“. Румянцевъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, былъ правъ, указывая въ своихъ представленіяхъ императрицѣ, на старшину и шляхетство, какъ на классъ особенно возбуждавшій въ своихъ интересахъ консервативныя чувства украинскаго населенія. Встрѣченное на первыхъ порахъ дѣятельности нерасположеніе малорусскаго общества очень опечалило генералъ-губернатора и онъ еще не разъ обращался въ письмахъ къ Екатеринѣ съ ламентаціями, подобными вышеприведенной и сама императрица должна была успокаивать не въ мѣру волновавшагося правителя Малороссіи и совѣтовать ему не придавать особаго значенія безпокоившему его консервативному движенію шляхетства и козачества. Изъ всѣхъ сословій только одни горожане отнеслись болѣе или менѣе довѣрчиво и спокойно къ начинаніямъ правительства и надѣялись найти въ нихъ выходъ изъ тяжелаго состоянія полнѣйшей дезорганизаціи и подавленія другими классами своихъ сословныхъ интересовъ. Поэтому императрица въ отвѣтахъ на письма безпокоившагося Румянцева указывала ему, что поведеніе и образъ дѣйствій мѣщанъ могутъ дать добрый примѣръ остальнымъ сословіямъ и движеніе шляхетства и козачества должно будетъ значительно сократиться; но Румянцевъ

---

[1]) 27 т. Исторіи Россіи Соловьева.

не успокаивался. Его, воспитаннаго въ понятіяхъ строгой дисциплины и не вполнѣ ознакомившагося съ бытомъ Украйны, весьма поражали кривотолкованія, возникшія въ своеобразно настроенномъ краѣ. Дѣло—насколько можно видѣть изъ донесеній генералъ-губернатора—заключалось въ томъ, что „вельможи, старшины и шляхетство вездѣ различно толковали о манифестѣ. Одни говорили, что манифестъ до нихъ, малороссіянъ, имѣющихъ особые отъ Великороссіи законы, нисколько не касается; другіе, „ослѣпленные любовію къ своей землицѣ", иронизировалъ Румянцевъ надъ украинскими патріотами, думали, что ихъ созываютъ въ коммиссію только какъ опытныхъ и ученыхъ юристовъ для совѣтовъ по сочиненію проекта новаго Уложенія для одной Великороссіи; третьи, наконецъ,—мы говоримъ о шляхетствѣ—руководствуясь сословнымъ гоноромъ и предразсудками, совсѣмъ отказывались отъ участія въ собраніяхъ и возмущались одной мыслью, что имъ придется сидѣть на ряду съ мужиками и мѣщанами. Были и такіе случаи, какъ въ Прилукахъ и другихъ городахъ, что „градскіе жители" совсѣмъ отказались идти въ собраніе, а козацкіе старшины сплошь и рядомъ не участвовали въ городскихъ выборахъ, отказываясь подъ самыми ничтожными предлогами, въ родѣ обѣщаній отправиться на богомолье въ Ахтырку и пр. Неурядица, вызванная выборами депутатовъ, была такова, что Румянцевъ, несмотря на свой „терпѣливый и неборзкій" характеръ—такимъ онъ рекомендовалъ себя въ письмахъ къ Екатеринѣ—принужденъ былъ, по его словамъ, ради точнаго исполненія манифеста и внушенія кривотолкователямъ здравыхъ мыслей, принять начальническій тонъ и объяснить „вралямъ", что депутаты требуются отъ нихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и отъ другихъ провинцій. Однако, несмотря на усилія малороссійскаго генералъ-губернатора, борьба съ обнаруженнымъ среди населенія „изумительнымъ своеволіемъ, доходившимъ до коварства", была далеко не успѣшна, и лица, командированныя Румянцевымъ для присутствія и надзора за выборами депутатовъ, доносили ему о тѣхъ же еретическихъ мысляхъ и желаніяхъ малороссіянъ, какія ему уже приходилось слышать самому лично. Малороссійскій генералъ-губернаторъ все болѣе и болѣе убѣж-

дался въ своеволіи, коварствѣ и завзятомъ консерватизмѣ украинскаго народа и въ представленіи императрицѣ далъ слѣдующую характеристику малороссіянъ: „страннѣе всего—писалъ онъ—что эта небольшая частица людей инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличенные люди и что нѣтъ ихъ сильнѣе, ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе и нигдѣ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобы имъ годиться могло и все, что у нихъ есть, то лучше всего". На донесенія Румянцева Екатерина продолжала отвѣчать ему въ прежнемъ успокоительномъ духѣ: одобряя „тонъ начальничества", принятый ея вельможей, она вмѣстѣ съ тѣмъ выражала надежду, что „умоначертанія прежнихъ временъ" несомнѣнно исчезнутъ, такъ какъ она рѣшила не обращать вниманія на желанія „несходственныя съ общимъ добромъ", осуществленіе котораго, кстати сказать, понималось ею въ смыслѣ проведенія общихъ и однообразныхъ мѣръ государственнаго устройства и управленія безъ уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ и историческимъ традиціямъ. Полагая за несомнѣнную истину, что исцѣленія общественныхъ язвъ на всемъ протяженіи обширнаго отечества можно достигнуть путемъ установленія общаго законодательства, построеннаго въ духѣ философіи энциклопедистовъ, императрица считала вздоромъ всякія желанія, противорѣчившія ея взглядамъ, и конечно, не могла раздѣлять стремленій малороссіянъ, отстаивавшихъ пункты Богдана Хмельницкаго и неизвѣстныя ей привилегіи „Жигимонта Августа". Екатерина,—абсолютная монархиня обширнѣйшаго государства—вѣрила и убѣждала въ томъ Румянцева, что вздорныя вожделѣнія малороссіянъ о своей старинѣ и вольности падутъ сами собой, такъ какъ малорусскіе депутаты, не желая быть осмѣянными предъ многолюднымъ собраніемъ, сами постыдятся своихъ требованій и откажутся отъ ихъ домогательства. Къ тому же, хотя и не безосновательно, но тѣмъ не менѣе ошибочно, императрица надѣялась на благодѣтельное вліяніе въ коммиссіи на депутатовъ нѣкоторыхъ умѣренныхъ наказовъ, въ родѣ черниговскаго, „въ которомъ—по ея словамъ—есть множество пунктовъ, кои честь дѣлаютъ сочинителямъ онаго". Впослѣдствіи мы убѣдимся, что благодѣтельное вліяніе, на которое

надѣялась Екатерина оказалось въ коммиссіи равнымъ нулю; это можно было предугадать уже и раньше, въ виду того, что большинство шляхетства не раздѣляло вообще мнѣній черниговцевъ, а нѣжинцы, напримѣръ, даже поставили въ вину своему депутату Селецкому то, что онъ совѣтовалъ слѣдовать наказу черниговцевъ и выставили это обстоятельство однимъ изъ мотивовъ къ избранію новаго депутата. Кромѣ того, изъ писемъ самого Румянцева видно, что за составленіе черниговскаго наказа въ Малороссіи возненавидѣли предводителя черниговскаго шляхетства—Безбородка; его упрекали въ недоброжелательствѣ своей отчизнѣ, а депутатъ черниговскій Михаилъ Скоропадскій заявилъ, что онъ его наказъ ему же сдастъ въ Москвѣ, такъ какъ онъ настолько теменъ, что онъ, Скоропадскій, едвали даже въ состояніи его понимать. Такимъ же неосновательнымъ оказалось и предположеніе императрицы, что пункты козацкихъ наказовъ сбавятъ многимъ спѣси; на дѣлѣ вышло, что козаки, хотя и были недовольны своей старшиной, тѣмъ не менѣе въ отношеніи своихъ политическихъ идеаловъ были за одно съ нею и тянули самимъ рѣшительнымъ образомъ вспять, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ лубенцы, прямо требовали возстановленія гетманскаго управленія. Козачество въ данномъ случаѣ стояло и обязано было стоять за шляхетскія требованія уже потому, что оно само добивалось признанія за нимъ правъ шляхетства, выдвинувшагося изъ той же козацкой среды волной историческихъ событій и родного ей по тѣлу и духу. Даже городское сословіе, самое непритязательное изъ всѣхъ и хлопотавшее главнымъ образомъ о снятіи съ него повинностей и налоговъ, и то оказалось въ коммиссіи солидарнымъ съ шляхетствомъ и козаками или, по крайней мѣрѣ, высказалось такимъ въ прошеніи, поданномъ на имя Екатерины отъ лица всѣхъ малороссійскихъ депутатовъ, такъ что добрый примѣръ горожанъ во время выборовъ депутатовъ не нашелъ себѣ подражанія во время засѣданій коммиссіи и горожане подчинились общему теченію своего времени и руководящему направленію и тону шляхетскихъ наказовъ. Почему-же, ставимъ мы вопросъ—шляхетство по преимуществу такъ недовѣрчиво и почти враждебно относилось къ мѣропріятіямъ пра-

вительственной власти и какія причины существовали для этого въ современной ему исторической обстановкѣ?

Уже въ циркулярахъ Румянцева, гласившихъ о слабости законовъ и расшатанности управленія, малороссійское шляхетство находило основательныя причины безпокоиться за цѣлость своихъ правъ и привилегій, такъ какъ строгій начальникъ малорусскаго края слишкомъ темными красками обрисовалъ состояніе управляемаго имъ края, отвѣтственность за которое во многомъ безъ сомнѣнія лежала на шляхетствѣ, такъ какъ оно, въ роли землевладѣльцевъ и козацкой администраціи, имѣло самое видное значеніе въ своемъ отечествѣ и практически имъ заправляло. Зная личные неодобрительные взгляды Румянцева на состояніе законовъ и общественнаго благоустройства Малороссіи, шляхетство нисколько не ошибалось, когда не надѣялось и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ найти поддержку своимъ вожделѣніямъ, такъ какъ по всему было видно, что новый замѣститель гетмана творилъ волю пославшей его государыни. Миссія Румянцева, какъ малороссійскаго генералъ-губернатора, заключалась въ реформированіи Малороссіи, въ обновленіи ея въ духѣ общерусскаго устройства и изъятіи изъ рукъ малороссійской старшины, составлявшей въ тоже время и ядро шляхетства, многихъ отраслей суда и управленія, присвоявшихся по вольному избранію въ должности. Реформами,—думалось императрицѣ, — можно будетъ достигнуть уничтоженія въ малорусскомъ народѣ своеволія, „доходящаго до коварства", какъ выражался о немъ Румянцевъ, и втянуть Малороссію въ общерусское тягло и субординацію. Румянцевъ уже началъ свои опыты въ Малороссіи; они непріятно раздражали населеніе и болѣе всего, конечно, шляхетство, какъ слой наиболѣе развитой политически и лично заинтересованный въ исходѣ принятой относительно Украйны политики. Идея представительнаго собранія съ цѣлью составленія проекта Уложенія не могла не устрашать малороссійскихъ старшинъ и шляхетства: на всероссійскомъ собраніи депутатовъ могли какъ нельзя лучше вскрыться пороки общественнаго состоянія Украйны и небезгрѣшность въ этомъ отношеніи нашихъ старшинъ и шляхетства, злоупотребляв-

шихъ своимъ положеніемъ; по этому, заявляя, что законы малороссійскіе хороши и вполнѣ обезпечиваютъ добрый порядокъ и управленіе, шляхетство хлопотало ни о чемъ иномъ, какъ объ удержаніи своего вліятельнаго положенія, грозившаго поколебаться при обсужденіи малорусскихъ дѣлъ въ коммиссіи, особенно же въ виду того, что на малороссійскіе порядки и на командующій народомъ классъ уже давно была наброшена сильная тѣнь предъ правительствомъ; въ недавнее время эта тѣнь еще больше сгустилась подъ вліяніемъ записокъ Румянцева и Теплова „о непорядкахъ въ Малороссіи" и шляхетскимъ вольностямъ, очевидно, приходилъ конецъ; наступало время широкой централизаціи и генералъ-губернаторовъ,—непосредственныхъ агентовъ императорской власти. Рѣшивъ преобразовать край по своему усмотрѣнію, Екатерина въ письмѣ къ Олсуфьеву, написанномъ вскорѣ по уничтоженіи гетманства и назначеніи Румянцева, высказала своему вельможѣ по этому поводу слѣдующія любопытныя мысли: „прибавить надлежитъ—писала она,—чтобы сколько возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли и разбирать и раздѣлить „le gouvernement militaire d'avec le civile souverainement confondu dans cette province, раздѣлить ихъ настоящія права съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили и во всемъ ему (т. е. генералъ-губернатору) должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отъ селѣ имъ дается 48 тысячъ" [1]).

Вотъ это то раздѣленіе настоящихъ правъ отъ самовольно себѣ присвоенныхъ и раздѣленіе гражданскаго и воинскаго управленій, находившихся въ силу избранія старшинъ „вольными голосами "въ рукахъ шляхетства, чрезвычайно безпокоило послѣднее, такъ какъ съ назначеніемъ на главныя должности коронныхъ чиновниковъ оно лишалось силы и власти, основанныхъ не на юридическомъ, а на фактическомъ положеніи шляхетства въ Малороссіи. Помимо этого, у шляхетства, рекрутировавшагося изъ старшины, было много и другихъ основаній опасаться коммиссіи Уложенія: за нимъ числилась масса злоупотребленій по

---

[1]) Семейство Разумовскихъ, Васильчикова, стр. 214.

скупкѣ и отнятію козачьихъ грунтовъ, земель и проч. угодій, по завладѣнію свободными, „коронѣ“ принадлежащими землями, по обращенію козаковъ въ посполитые и по многимъ другимъ дѣяніямъ, съ невыгодной стороны освѣщавшимъ шляхетство. Что касается козаковъ, то хотя ихъ несочувственное отношеніе въ коммиссіи было меньше, тѣмъ не менѣе они раздѣляли его съ шляхетствомъ изъ одной боязни потерять свои вольности и обратиться въ простыхъ солдатъ, о чемъ разглашала уже нѣсколько лѣтъ козацкая старшина на основаніи нѣкоторыхъ незначительныхъ фактовъ, въ родѣ неудачныхъ попытокъ Румянцева ввести строевую дисциплину въ козачьи полки и обязать козаковъ знаніемъ военныхъ артикуловъ. Козаки съ ужасомъ останавливались предъ перспективой солдатчины и уже были случаи, что они, не желая подчиниться строевой службѣ, самовольно расходились домой и приговаривались за это къ наказаніямъ кіями [1]). Не слѣдуетъ также забывать, что составленіе проекта новаго Уложенія для всей Россіи и замѣна имъ дѣйствовавшихъ въ Малороссіи правъ и обычаевъ грозили отнять у козаковъ ихъ важное право избранія себѣ старшинъ „вольными голосами“ и могли обратить „вольныхъ козаковъ“ въ безсловесную массу земледѣльцевъ... Кромѣ того, козаки съ неудовольствіемъ относились къ генеральной описи Малороссіи и, дѣйствительно, на каждую новую мѣру правительства смотрѣли, какъ на умаленіе своихъ вольностей.

Однако, каково бы не было настроеніе и недовѣріе малороссіянъ, но воля императрицы должна была исполниться, и Малороссія была поставлена въ необходимость приступить къ выборамъ депутатовъ и сочиненію наказовъ о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ. Согласно манифесту Екатерины, депутаты должны были быть избраны въ Малороссіи отъ всѣхъ свободныхъ ея сословій, кромѣ владѣльческихъ крестьянъ, число которыхъ по офицерской переписи 1764 г. достигло до 985,909 человѣкъ [2]), откуда слѣдуетъ, что самое многочисленное, наиболѣе отягощенное и вопіявшее къ справедливости сословіе, не имѣло въ коммиссіи голоса, не могло

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., октябрь, стр. 127.

[2]) Максимовичъ, т. I, стр. 549.

разсказать о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Это обстоятельство должно быть принято нами во вниманіе, такъ какъ отсутствіе наказовъ отъ посполитыхъ лишаетъ изслѣдователя возможности дать полный очеркъ всѣхъ вожделѣній малороссійскаго народа въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Все остальное свободное населеніе Малороссіи—шляхетство, козаки, городскіе обыватели и запорожская Сѣчь—имѣли своихъ представителей въ коммиссіи: шляхетство и козаки по одному депутату отъ полка, горожане по одному депутату отъ города. Запорожье выставило отъ себя двухъ депутатовъ. Что касается до малороссійскаго духовенства, то оно, собственно говоря, хотя и не имѣло отъ себя отдѣльнаго депутата въ коммиссіи, но имъ, по требованію Синода, были представлены послѣднему чрезъ митрополита кіевскаго, епископовъ черниговскаго и переяславскаго и архимандритовъ кіево-печерскаго и межигорскаго *„обстоятельные пункты“* относительно грунтовъ, маетностей и прочихъ „выгодностей“ малорусскаго духовенства и эти „пункты“ вполнѣ аналогичны наказамъ другихъ сословій. По личному росписанію графа выборы депутатовъ были назначены почти повсемѣстно на мартъ и начало апрѣля 1767 года; въ указанные въ росписаніи сроки все шляхетство, имѣющее въ данномъ полку „вотчины и помѣстья“, должно было собраться въ повѣтовый городъ для выбора себѣ предводителя, депутата и для сочиненія наказа. Городскіе обыватели собирались, конечно, каждый въ своемъ городѣ, и такъ какъ изъ горожанъ правомъ избирательнаго голоса пользовался каждый, кто имѣлъ въ городѣ „дѣйствительный домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ“, то Румянцевъ приказалъ вносить въ списки городскихъ избирателей „всѣхъ жителей тѣхъ городовъ изъ шляхетства и козаковъ съ прочими гражданами, выключая однихъ владѣльческихъ людей и крестьянъ, и чтобъ въ собраніи всякъ по состоянію имѣлъ свое мѣсто“. Избраніе предводителей и депутатовъ отъ шляхетства и городовъ происходило по большинству голосовъ и въ общемъ собраніи всѣхъ правоспособныхъ членовъ данной сословной группы. Женщины и лица отсутствовавшія не имѣли въ выборахъ участія ни сами, ни чрезъ вѣрющія письма;

находившіеся же въ городѣ, но не присутствовавшіе сами лично, могли подать свой голосъ письменно. Для руководства дѣйствіями собранія шляхетство выбирало себѣ предводителя, а горожане городскаго голову, которые и управляли затѣмъ, подъ надзоромъ особо командированныхъ Румянцевымъ чиновниковъ, всей дальнѣйшей избирательной процедурой. Выборы козачьихъ депутатовъ были нѣсколько сложнѣе, такъ какъ въ виду сравнительной многочисленности козаковъ и ихъ разбросанности на большихъ разстояніяхъ они были двухстепенные: сначала каждая сотня избирала изъ своей среды нѣсколькихъ повѣренныхъ, обыкновенно отъ 3 до 10 человѣкъ, но не болѣе 100 человѣкъ отъ всѣхъ сотенъ даннаго полка; сотенные повѣренные снабжались отъ своихъ сотенъ наказами и прошеніями и, собравшись въ полковомъ городѣ, выбирали изъ своей среды повѣреннаго уже отъ всего полка, иначе сказать — депутата. Изложенный порядокъ избранія депутатовъ, примѣненный къ козакамъ по аналогіи съ однодворцами, вызвалъ неудовольствіе среди козачьяго сословія; всѣ козаки были унижены и оскорблены сравненіемъ ихъ съ однодворцами, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ прилучане и миргородцы, съ горечью замѣчали въ наказахъ, что ихъ выборы чинились не по обряду шляхетскихъ и просили о неисключеніи ихъ депутатовъ изъ числа шляхетскихъ. Въ дѣйствительности 2-хъ степенный способъ избранія депутатовъ не только былъ обиденъ для козаковъ тѣмъ, что сравнивалъ ихъ съ однодворцами, но еще имѣлъ и дѣйствительно свою дурную сторону въ томъ, что, пропуская народную волю чрезъ двойной фильтръ сотенныхъ и полковыхъ выборовъ, неминуемо подвергалъ ее значительнымъ искаженіямъ, неполнотѣ и затмѣнію.

Что касается Запорожья, то Румянцевъ сначала распорядился объ избраніи отъ Сѣчи только одного депутата, но потомъ въ виду представленія коша о томъ, что Запорожье заключаетъ въ себѣ народонаселенія болѣе, чѣмъ въ 2—3 полкахъ, и имѣетъ до 40 куреней и массу зимовниковъ, разрѣшилъ произвести выборъ 2-хъ или 3-хъ депутатовъ. Самый порядокъ избранія былъ такого рода, что каждый курень избиралъ отъ себя 5 представителей, уполномоченныхъ на избраніе депутата; всѣхъ

представителей, „довѣренныхъ отъ товариства“ собралось въ шкуринскомъ куренѣ 190 человѣкъ и по балатировкѣ выборъ палъ на бывшаго судью Косапа, однако болѣзнь заставила его отказаться отъ представительства и на его мѣсто были избраны депутатами войсковой судья Головатый и атаманъ Корсунскаго куреня Скапа [1]).

О духовенствѣ мы уже сказали, что оно не было представлено въ коммиссіи, но въ виду его особаго положенія отъ великорусскаго ему было позволено доставить въ Синодъ „пункты“ о грунтахъ и маетностяхъ съ тѣмъ, чтобы они вошли въ общій наказъ Синода своему депутату; мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ составлялись пункты, но изъ того, что они подписаны кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ, архіепископами черниговскимъ и переяславскимъ, а также архимандритами и игуменами и всѣми малорусскими протопопами съ подвѣдомственнымъ имъ священствомъ, нельзя не заключить, что они содержали въ себѣ дѣйствительныя нужды чернаго и бѣлаго духовенства, а не измышленія его начальства. Всѣхъ депутатовъ отъ Малороссіи находилось въ коммиссіи 33 человѣка: отъ шляхетства и козаковъ было избрано по 11 человѣкъ, отъ горожанъ 10 и отъ Запорожья 2. Всѣ выборы, какъ мы сказали, происходили въ полковыхъ городахъ и послѣ торжественныхъ молебствій открывались избраніемъ предводителя и головы; послѣ этого чрезъ нѣсколько дней происходило новое молебствіе, предводитель или голова получали свои полномочія и по прочтеніи манифеста приступали къ выборамъ депутатовъ посредствомъ баллотировки большинствомъ голосовъ. Избранными могли быть не только лица, присутствовавшія на самыхъ выборахъ, но и бывшія въ отсутствіи. Такъ заочно былъ избранъ извѣстный въ коммиссіи депутатъ отъ лубенскаго шляхетства Григорій Полетика; „надворный совѣтникъ и морскаго шляхетнаго кадецкаго корпуса надъ ученіями главный инспекторъ“. По окончаніи выборовъ собраніе облекало полномочіями своихъ депутатовъ и приступало къ сочиненію самихъ наказовъ чрезъ посредство нѣсколькихъ уполномоченныхъ

---

[1]) Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, стр. 291.

на это лицъ, затѣмъ сочиненные наказы обсуждались въ общемъ собраніи и подписывались всѣми присутствовавшими. Разсмотрѣвши порядокъ—или, какъ тогда выражались, „обрядъ"—выбора депутатовъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ *теоріи* онъ въ достаточной степени обезпечивалъ населенію свободу избранія своихъ представителей; сочиненіе же наказовъ въ подготовительныхъ коммиссіяхъ[1]), обсужденіе ихъ въ собраніи и санкціонированіе всѣми избирателями также нельзя не признать порядкомъ, хорошо гарантировавшимъ населенію свободное и полное выраженіе своихъ нуждъ и желаній. Практика однако показала, что ни свободы выборовъ, ни непринужденности въ сочиненіи наказовъ и заявленіи своихъ нуждъ въ Малороссіи не было; какъ то, такъ и другое было довольно относительно и свобода въ выраженіи народной воли стѣснялась съ одной стороны довольно замѣтнымъ вмѣшательствомъ правительства, а съ другой происками и агитаціей шляхетства, вліявшаго на сочиненіе городскихъ и козачьихъ наказовъ. Въ виду этого намъ крайне интересно опредѣлить размѣры посторонняго вмѣшательства, дабы знать, насколько дѣйствительнымъ плодомъ народныхъ желаній являются разбираемые нами наказы. Относительно роли правительства г. Авсѣенко высказалъ мнѣніе, что такъ какъ созывъ коммиссіи былъ актомъ свободнаго желанія и милости Екатерины, настроенной въ весьма либеральномъ и прогрессивномъ духѣ, то нельзя допустить, чтобы графъ Румянцевъ, которому хорошо были извѣстны намѣренія императрицы и вліяніе котораго преимущественно обнаруживалось при составленіи наказовъ, сталъ противодѣйствовать свободному выраженію тѣхъ желаній и стремленій малороссійскаго народа, которыя клонились къ его несомнѣнному благу[2]). Однако, съ приведеннымъ мнѣніемъ г. Авсѣенка едва ли можно вполнѣ согласиться; несмотря на его справедливое замѣчаніе, что созывъ коммиссіи былъ дѣйствительно актомъ свободной воли, а не вынужденныхъ обстоятельствами времени политическихъ комбинацій, у насъ есть положи-

---

[1]) Наказы, стр. 272.

[2]) Малороссія въ 1767 г. Авсѣенко, стр. 34

тельныя данныя, доказывающія весьма замѣтное вмѣшательство графа Румянцева и въ избирательную борьбу и въ сочиненіе наказовъ.

Теперь извѣстно, что онъ вмѣшивался въ выборы, кассировалъ ихъ, уничтожалъ въ наказахъ то, что пахло „умоначертаніемъ прежнихъ временъ" и всячески старался, чтобы до слуха императрицы въ наказахъ не долетѣло чего-нибудь рѣзко и сильно напоминавшаго о старой гетманщинѣ. Относительно вмѣшательства правительственныхъ органовъ и вліянія ихъ на выборъ депутовъ и сочиненіе наказовъ согласенъ и г. Латкинъ, авторъ недавно вышедшаго труда о законодательныхъ коммиссіяхъ въ XVIII вѣкѣ [1]), хотя онъ ошибочно полагаетъ, что число „рельефныхъ" случаевъ вмѣшательства ограничивалось всего однимъ. Въ дѣйствительности правительственное давленіе измѣрялось не случаями, но было постояннымъ явленіемъ, „рельефные" же случаи также считались болѣе, чѣмъ единицами. Приведемъ факты, заимствованные нами частью у того же Соловьева, частью же изъ самихъ наказовъ. Шляхетство повѣтовъ нѣжинскаго и батуринскаго, собравшись по циркуляру Румянцева въ полковой городъ, избрало себѣ предводителемъ отставнаго полковника Тарнавіота, а депутатомъ земскаго судью Л. Селецкаго и затѣмъ благополучно на время разъѣхалось. Собравшись затѣмъ снова для сочиненія наказа, шляхетство не минуло и обсужденія обѣщаній Екатерины II, отъ 10 ноября 1764 г. о сохраненіи вольностей малороссійскаго народа и пришло къ убѣжденію о необходимости избранія гетмана совокупно съ запорожскою Сѣчью; кривотолкователей, мечтавшихъ о гетманѣ и единеніи съ Сѣчью, было большинство, и когда депутатъ Селецкій не согласился присоединиться къ мнѣнію большинства, то шляхетство, ничтоже сумняся, выбрало себѣ другаго депутата, не находя Селецкаго способнымъ поддерживать въ коммиссіи не сочувственныя ему желанія своихъ избирателей. Не можетъ быть сомнѣнія, что шляхетство, избирая вмѣсто Селецкаго новаго депутата, осуществляло свое законное право имѣть отъ себя въ коммиссіи излюбленнаго

---

[1]) Стр. 243.

человѣка, помышляющаго не о своихъ, но объ общественныхъ нуждахъ и отягощеніяхъ, тѣмъ не менѣе Румянцевъ кассировалъ вторые выборы и безъ сомнѣнія не за нарушеніе „обряда", а потому, что шляхетство проявило свою неблагонамѣренность, заговоривъ „о безразсудныхъ просьбахъ и желаніяхъ" и выбравши во второй разъ депутатомъ главнаго виновника всѣхъ золъ, Долинскаго. Дѣло объ изложенномъ эпизодѣ было доведено до свѣдѣнія сената и противъ зачинщиковъ новыхъ выборовъ и мысли объ избраніи гетмана было возбуждено преслѣдованіе. Второй случай, когда дѣло дошло до сената, произошелъ въ г. Погарѣ съ городскимъ войтомъ Панасомъ, заявившимъ себя ярымъ поборникомъ старины и врагомъ нововведеній; но такъ какъ эпизодъ съ нимъ имѣетъ тѣсную прикосновенность къ городскими выборамъ, то мы и разскажемъ о немъ нѣсколько ниже, когда будемъ вести рѣчь объ антагонизмѣ, проявившемся среди малорусскихъ сословій.

О вмѣшательствѣ въ дѣла черниговскаго и стародубскаго шляхетства, хотя и по просьбѣ ихъ предводителей, сознается въ письмахъ къ Екатеринѣ и самъ генералъ-губернаторъ, говоря, что онъ помогъ предводителямъ уладить возникшія въ средѣ шляхетства несогласія. Особенную помощь Румянцевъ оказалъ черниговскому предводителю Безбородку, который чрезъ своего сына, находившагося при графѣ, неоднократно совѣтовался съ послѣднимъ и даже представлялъ ему пункты наказа, произведшаго въ своей окончательной отдѣлкѣ столь непріятное впечатлѣніе на украинцевъ и вызвавшаго неудовольствіе противъ его составителя—Безбородка. Близкимъ участіемъ, конечно, генералъ-губернатора, а не случайностью, слѣдуетъ объяснить, что черниговскій наказъ вышелъ, не въ примѣръ другимъ, написаннымъ въ правительственномъ духѣ и былъ одобренъ самой императрицей.

Помимо личнаго давленія Румянцева на выборы и сочиненіе наказовъ, въ немъ принимали надлежащее участіе командированные графомъ для присутствія на выборахъ чиновники, а также тѣ изъ шляхетскихъ предводителей, которые, питая „*великое всегда желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью*",

стремились подделаться подъ направленіе столичныхъ вѣяній и забѣгали предъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Были предводители, какъ напримѣръ, у стародубскаго шляхетства, земскій судья П. Искрицкій, который самъ изъ собственнаго усердія прилагалъ стараніе для очищенія наказовъ отъ „закоренѣлыхъ предразсужденій" и съ горестью потомъ доносилъ Румянцеву, что его старанія не имѣли никакого успѣха, такъ какъ лицъ „одинаковыхъ съ нимъ сентиментовъ" оказалось слишкомъ мало и онъ, уступая большинству, самъ принужденъ былъ подписаться подъ несочувственными пунктами. Естественно, что Румянцевъ, получивъ сообщеніе П. Искрицкаго, предписалъ предосудительный наказъ уничтожить и замѣнить его новымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ прошеній, „кои несогласуются съ пользою настоящаго времени". Второй наказъ въ предписанномъ духѣ былъ, конечно, составленъ, но замѣчательно, что несочувствіе къ нему было такъ велико, что предводитель едва провелъ его при помощи полковника князя Юрія Хованскаго, командированнаго къ выборамъ. Изъ донесенія только что названнаго князя Румянцеву намъ также извѣстно, что при сочиненіи наказа стародубскими козаками онъ принималъ всѣ мѣры къ исключенію изъ него всего несогласнаго съ правительственными видами, но, по собственному признанію князя, козаки написали нѣкоторые пункты, не согласившись съ нимъ, и онъ никакъ не могъ преодолѣть ихъ упорства [1]). Если въ данномъ случаѣ побѣда осталась за козаками и упорство ихъ осталось несломленнымъ, то въ другихъ случаяхъ съ козаками поступали гораздо проще и короче: донесеніе полковника Милорадовича о козачьихъ выборахъ въ Черниговѣ объясняетъ намъ, что по приказу Румянцева козацкому депутату было вовсе запрещено принимать наказы сотенныхъ повѣренныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ пишется „вовсе до нихъ не надлежащее" и что эти наказы компонуются не ими, а старшинами. Хотя послѣднее замѣчаніе не лишено справедливости, тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого основанія думать, что козаки proprio motu не могли сочинить

---

[1]) Наказы, стр. 217.

наказовъ съ содержаніемъ „вовсе для нихъ не надлежащимъ". Харьковскій южно русскій архивъ по счастью сохранилъ намъ нѣсколько наказовъ [1]), оставленныхъ, такъ сказать, за флагомъ и не попавшихъ въ коммиссію, изъ которыхъ по аналогіи можно убѣдиться, почему могло состояться запрещеніе графа принимать наказы сотенныхъ повѣренныхъ и въ чемъ заключалось содержаніе „вовсе до нихъ не надлежащее". Наказы отъ бывшихъ мелкихъ городковъ, а нынѣ мѣстечекъ, каковы מринъ, Борисполь, Гоголевъ, Олишевка, Носовка, Кабижча, Бобровица, Муровскъ, Кролевецъ и друг., были составлены не только не старшинами, но иногда противъ нихъ [2]), и тѣмъ не менѣе заключали въ себѣ массу „закоренѣлыхъ предразсужденій", непріятно рѣзавшихъ генералъ-губернаторское ухо. Всѣ перечисленные нами городишки, обитаемые главнымъ образомъ козаками, въ одинъ голосъ заговорили о договорныхъ пунктахъ Богдана Хмельницкаго, просили объ утвержденіи ихъ на вѣчныя времена и заключали свои наказы смѣлыми надеждами, что при удовлетвореніи этихъ желаній несомнѣнно процвѣтутъ и они. „Есть-ли—писали олишевцы—вышеозначенные нужды исключить и за взятые въ арміи волы и фуры деньгами ихъ, олишевскихъ жителей, удовольствовать и *оставить ихъ на такомъ основаніи, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ приступилъ подъ державу всероссійскую и утвержденныя статьи всероссійскими монархами въ ненарушимой цѣлости, то тогда народъ города Олишевки могъ бы прійти въ цвѣтущее состояніе*". Жители Муровска, высказавъ надежды и желанія совершенно однородныя съ предыдущими, заключали свои pia desideria почти словами олишевцевъ: „чаятельно, писали они, что при свободѣ отъ всякихъ выстаченій процвѣтетъ и г. Муровскъ"... Таковы, не ошибаясь, можно сказать, были наказы и сотенныхъ повѣренныхъ, запрещенные къ принятію ихъ козацкими депутатами. Наконецъ, нельзя не указать, какъ на стѣсне-

---

[1]) № 3071 Ю.-рус. архива.

[2]) Въ нихъ встрѣчается обвиненіе старшинъ въ закрѣпощеніи себѣ многихъ козаковъ въ вѣчные подданные, благодаря ревизіи 1764 года.

ніе правительствомъ свободы выраженія народныхъ желаній, на дѣйствія Святѣйшаго Синода, исключившаго изъ пунктовъ, представленныхъ отъ малороссійскихъ епархій, много самыхъ важныхъ и существенныхъ требованій. Извѣстно, что всѣ пункты малороссійскихъ епархій были раздѣлены Синодомъ на три категоріи: 1, пункты, одобренные имъ ко внесенію въ синодскій наказъ и переданные синодскому депутату для проведенія въ коммиссіи, 2, пункты, хотя и одобренные, но оставленные на личное усмотрѣніе депутата и 3, наконецъ, пункты, которые опредѣлено было „отставить". Къ числу послѣднихъ были отнесены пункты, наиболѣе рѣзко поражавшіе своими смѣлыми заявленіями объ особенномъ положеніи малороссійскаго духовенства, о необходимости избранія митрополита изъ природныхъ малороссіянъ вольными голосами, о дозволеніи ему безъ разрѣшенія Синода посвящать въ архіерейскій санъ, имѣть свою типографію, школы и пр.... Словомъ, Синодъ исключилъ изъ прошеній малороссійскаго духовенства все, что такъ или иначе клонилось къ децентрализаціи церковнаго управленія и имѣло въ виду хотя бы небольшую его самостоятельность и особенность для Украйны. И Румянцевъ, и Синодъ дѣйствовали въ этихъ случаяхъ, конечно, по указаніямъ самой императрицы, а каковы были ея указанія достаточно хорошо можно судить по инструкціи, данной Екатериной князю Вяземскому, гдѣ между прочимъ говорилось, что „Малая Россія, Лифляндія, Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, нарушать оныя весьма непристойно было бъ, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость. *Сіи провинціи, также смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бъ глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, когда разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ*... Когда жъ въ Малороссіи *гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ и имя гетмановъ исчезло, не только бъ персона какая была произведена въ оное достоинство*[1]).

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 39.

Выписанная нами цитата требуетъ никакихъ комментаріевъ и, на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣній, что при желаніи верховной власти изгладить изъ памяти малороссіянъ даже самое имя гетмана, нельзя было ожидать объективнаго отношенія къ выборамъ и со стороны ея органовъ.

Отмѣтивъ вмѣшательство правительственныхъ органовъ, важность котораго отрицать никто не рѣшится, скажемъ нѣсколько словъ и о вліяніи старшины, которое весьма естественно въ сочиненіи наказовъ было гораздо незначительнѣе, чѣмъ вліяніе правительства; извѣстные намъ случаи, когда старшины, перейдя предѣлы позволеннаго нравственнаго воздѣйствія, устраняли козаковъ отъ сочиненія наказовъ или даже захватывали его въ свои руки и вычеркивали изъ наказовъ все, что могло вредить ихъ интересамъ, доказываютъ, что такіе случаи не оставались необжалованными и доходили до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Помимо этого, самъ Румянцевъ, заинтересованный въ томъ, чтобы наказы были свободны отъ „умоначертаній прежнихъ временъ", не могъ оставлять незамѣченными ни самъ, ни чрезъ командированныхъ имъ лицъ, злоупотребленій старшины, клонившихся къ искаженію народной воли и затемнѣнію истинно козацкихъ желаній, нуждъ и отягощеній. И однако, несмотря на авторитетное заявленіе генералъ-губернатора, что старшина компонуетъ наказы козакамъ, мы встрѣтили всего нѣсколько случаевъ, когда козаки, дѣйствительно, остались недовольны дѣйствіями старшины и обжаловали ея злоупотребленія. Намъ думается, что еслибы такихъ случаевъ было больше, то они не остались бы неизвѣстными; если же козаки оставались довольны наказами, сочиненными старшиной, то слѣдовательно сочинители не передергивали истинныхъ желаній козаковъ и для насъ рѣшительно все равно, кѣмъ бы они ни были составлены. Самый видный случай притѣсненія козаковъ своей старшиной при сочиненіи наказовъ—имѣлъ мѣсто въ кременчугской и власовской сотняхъ миргородскаго полка [1]). Сущность дѣла, какъ

[1]) Наказы, 280.

видно изъ донесенія козаковъ обѣихъ сотенъ, заключалась въ томъ, что командующій Кременчугомъ ротмистръ Гавриловъ и власовской сотней поручикъ Бабичъ не только не допустили козаковъ съѣхаться въ Полтаву, но созвавши въ Кременчугъ, обманомъ продержали ихъ въ немъ болѣе 2-хъ недѣль и, не допустивъ до выборовъ, „сами собой съ другими еще имъ согласниками выбрали депутатомъ майора Козельскаго, а предводителемъ Гаврилова", а ихъ, козаковъ, выгнали изъ Кременчуга, объявивъ, что они пропустили назначенное для выборовъ время. Другой очень характерный случай не столько злоупотребленія, какъ давленія старшины на козаковъ описанъ въ донесеніи иваницкаго сотеннаго повѣреннаго Ивана Лисенка[1]). Этотъ повѣренный въ донесеніи своемъ графу, раскрывая закулисную сторону сочиненія наказовъ, жаловался, что другіе сотенные повѣренные „съ наущенія ли чьего, или сами отъ себя" воспротивились внесенію въ наказы вопроса о скуплѣ козачьихъ земель и грунтовъ разными чиновниками и владѣльцами и „*купли той поставить не похотѣли*". Подчеркнутая нами фраза указываетъ, что Лисенко имѣлъ основаніе думать, что нежеланіе сотенныхъ повѣренныхъ поднимать вопросъ о скуплѣ могло быть сдѣлано по чьему либо наущенію и, конечно, добавимъ мы, ни по чьему иному, какъ по наущенію старшины. Изъ того же донесенія видно, что сотенные повѣренные „для учиненія генеральнаго наказа" обращались къ полковому канцеляристу Пятигорскому и что онъ посылалъ ихъ за копіей дворянскаго наказа къ предводителю Максимовичу; Максимовичъ наказа не далъ, тѣмъ не менѣе Пятигорскій не отказался сочинить козакамъ наказъ, пропустивъ въ немъ пунктъ о скупленныхъ во всемъ прилуцкомъ полку земляхъ. Подобное приведенному обращеніе козаковъ за сочиненіемъ своихъ наказовъ къ лицамъ изъ своей старшины не могло, намъ кажется, обходиться безъ извѣстнаго ея вліянія и замѣчаніе Румянцева по этому поводу не лишено основанія; но гораздо многочисленнѣе и интереснѣе были случаи, происходившіе при городскихъ выборахъ и указывающіе на антагонизмъ существовавшій среди сословій.

---

[1]) Наказы, стр. 243.

Малороссійскіе города прошлаго вѣка, пользовавшіеся въ своемъ управленіи магдебургскимъ правомъ, составляли, какъ извѣстно, довольно пеструю смѣсь сословій съ противорѣчивыми другъ другу интересами и съ враждебными между собой отношеніями. Извѣстно, что по магдебургскому праву, сообщавшему муниципальное управленіе многимъ малороссійскимъ городамъ, истинно городскимъ сословіемъ въ послѣднихъ являлись мѣщане, управлявшіеся своимъ *„мѣскимъ правомъ“* и, вѣдавшіеся магистратомъ, въ качествѣ главнаго городскаго учрежденія. Магдебургское право, даруя городу муниципалитетъ, въ тоже время обезпечивало исконнымъ его жителямъ, мѣщанамъ, право единственнаго владѣнія городскими „мѣскими“ землями, угодьями и проч. а также право единственнаго занятія промыслами, торговлей, винокуреніемъ, шинкарствомъ и проч., и ни шляхетство, ни козачество, составлявшіе поэтому чуждый городу элементъ, не имѣли права ни селиться на городскихъ земляхъ, ни участвовать въ городскихъ промыслахъ. Въ дѣйствительности, при упадкѣ городовъ и при развитіи козацкой администраціи, мѣщане вмѣсто первостепенной заняли подчиненную роль въ городахъ и были обижены поселившимся въ нихъ шляхетствомъ, старшиной и козаками, скупившими земли и захватившими, вопреки всякому праву, промыслы, торговлю и винокуреніе. Столкновеніе интересовъ различныхъ городскихъ сословій было полное и очевидное, такъ какъ шляхетство и козачество, присвоивъ себѣ привилегіи мѣщанъ, не несли въ то же время никакихъ гражданскихъ повинностей, отбывавшихся исключительно мѣщанами. При выборахъ городскихъ депутатовъ и особенно при сочиненіи наказовъ, гдѣ должны были участвовать всѣ городскіе жители, сословная рознь обнаружилась въ довольно сильной формѣ и генеральный обозный Кочубей совершенно вѣрно замѣтилъ по этому случаю относительно Полтавы, что „интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинскаго званія людей и потому уповательно трудно согласиться имъ будетъ сдѣлать одинакіе депутату наказы“ [1]). Достаточно упомянуть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ

[1]) Наказы, 286.

сословный антагонизмъ доходилъ до явно выраженной борьбы и вызывалъ затрудненія и безпорядки, приводившіе къ кассаціи и перебаллотировкамъ; умышленное же противодѣйствіе шляхетства выборамъ, нежеланіе участвовать въ нихъ и подписываться на составленныхъ горожанами наказахъ было обыкновеннымъ явленіемъ въ избирательной хроникѣ и при составленіи городскихъ наказовъ. Изъ наиболѣе рѣзкихъ случаевъ избирательной борьбы мы укажемъ здѣсь на имѣвшіе мѣсто въ Прилукахъ, Лубнахъ и Погарѣ.

Въ Прилукахъ[1]) противодѣйствіе шляхетства выразилось пассивнымъ образомъ: оно не пожелало участвовать въ избраніи горожанами головы и депутата и послѣдніе были выбраны одними только мѣщанами, вслѣдствіе чего выборы были кассированы и назначены вторичные уже при участіи шляхетства.

Румянцевъ, узнавши о поведеніи шляхетства во время городскихъ выборовъ, предписалъ прилуцкой полковой канцеляріи доставить ему списокъ неявившихся лицъ съ обозначеніемъ причинъ неявки каждаго и изъ этого не совсѣмъ полнаго списка оказывается, что вся прилуцкая старшина, какъ наличная, такъ и „абшитованная", въ количествѣ 34 человѣкъ наиболѣе видныхъ представителей прилуцкаго общества не явилась на городскіе выборы по самымъ пустымъ и фальшивымъ предлогамъ, какъ напримѣръ „за приключившеюся болѣзнею", „за отлучкою изъ дому", „за отправленіемъ поминовенія" или „отъѣздомъ для законныхъ нуждъ" и проч. Назначеніе вторичныхъ выборовъ очень огорчило мѣщанъ и въ прошеніи, поданномъ на имя Румянцева по поводу кассаціи прежнихъ выборовъ, они жаловались, что уничтоженіе полномочій избраннымъ ими головѣ и депутату лишаетъ ихъ возможности представить свои нужды въ коммиссію и заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что новыми выборами, произведенными, слѣдовательно, совмѣстно съ шляхетствомъ, будутъ избраны излюбленные ими люди.

Точно такой же отказъ отъ участія въ выборахъ и отъ подписанія наказа случился и въ Стародубѣ[2]), гдѣ шляхетство

---

[1]) Наказы, стр. 231 и слѣд.

[2]) Наказы 213.

не пожелало подписаться подъ городскимъ наказомъ, потому что мѣщане выдвинули въ немъ прошеніе о подтвержденіи Стародубу магдебургскаго права, уничтожавшаго въ корнѣ всякое вліяніе на городскія дѣла козацкой администраціи и вообще шляхетства. Въ Лубнахъ[1]) также дѣло не обошлось безъ осложненій и перебаллотировки головы, избраннаго, какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, одними только „свободно посполитыми" города Лубенъ безъ участія шляхетства. Выборы эти, какъ неправильные, конечно, были кассированы, но мѣщане со большимъ неудовольствіемъ приступали къ вторичнымъ, потому что не надѣялись „по своему маломочеству" снова избрать головою войта Назарскаго и включить въ свой наказъ жалобы на захватъ начальнѣйшими людьми городскихъ земель, на лишеніе горожанъ „промысловъ и художествъ" и на другія порабощенія и обиды[2]). Въ виду этихъ опасеній лубенскіе мѣщане просили подполковника Огарева не принуждать ихъ къ избранію того, о комъ, „не благоволятъ ихъ сердца" и позволить имъ продолжать избраніе депутата и составленіе наказа подъ руководствомъ выбраннаго уже головы—войта Назарскаго; однако просьбы мѣщанъ не были уважены, нежеланіе производить вторичные выборы было сломлено угрозами и перспективой „наказанія кіями" и новые выборы состоялись при подавляющемъ вліяніи шляхетства, хотя оно лично все таки не присутствовало, а прислало свои голоса; за то при сочиненіи наказа опасенія мѣщанъ сбылись вполнѣ: никто изъ нихъ не былъ допущенъ къ его составленію и старшины оборудовали это дѣло сами, поручивъ сочиненіе пяти своимъ же единомышленникамъ—„не для чего другаго,—рапортовалъ войтъ—какъ что оніе мѣщане о промыслахъ и рукодѣліяхъ, козаками и чиновниками отправляемыхъ, не отбувая гражданской повинности, такожъ о завладѣніи гражданской земли, о порабощеніи ихъ и о протчемъ, чиновникамъ и козакамъ неполезномъ, представленіе въ челобитну внесть намѣревали", но шляхетство ихъ къ этому не допустило и жалоба внесена не была. Описанный нами

---

[1]) Наказы, 259 и слѣд.

[2]) Наказы, стр. 262.

случай служитъ лучшей характеристикой отношеній, существовавшихъ между шляхетствомъ и мѣщанами, хотя нужно замѣтить, что въ Лубнахъ произволъ шляхетства, совершенно устранившаго мѣщанство отъ составленія наказа, дошелъ до своего апогея и Румянцевъ, въ качествѣ корректива къ городскому наказу, разрѣшилъ лубенскимъ мѣщанамъ подать отдѣльную челобитную о своихъ нуждахъ и за это лубенцы въ адресѣ, поданномъ графу, обѣщали пребывать „тщательными въ прославленіи его имени и добротъ предъ людьми и въ молитвахъ предъ Богомъ [1]).

На той же точно почвѣ сословной вражды разыгралась въ Погарѣ упоминавшаяся нами исторія съ его войтомъ Панасомъ [2]). Войсковой товарищъ и погарскій войтъ Григорій Панасъ, какъ видно изъ переписки по его дѣлу, съигралъ въ своемъ городѣ роль совершенно обратную лубенскому войту Петру Назарскому и, несмотря на то, что былъ однимъ изъ представителей городскаго муниципалитета, оказался сочувствующимъ шляхетству и козакамъ и раздѣляющимъ ихъ интересы. Нужно сказать, что городскимъ головою въ Погарѣ былъ избранъ нѣкій Денисъ Приваловъ, повидимому, сильно поддерживавшій интересы мѣщанства, а потому и столкнувшійся съ антиподомъ его шляхетствомъ; послѣднее, недовольное этимъ избраніемъ, а также и тѣмъ, что сочиненіе наказа было поручено городскому райцѣ, не замедлило выдвинуть предъ Румянцевымъ цѣлую серію обвиненій Дениса Привалова въ неисполненіи формъ и предписаній „обряда", хотя въ сущности, насколько можно догадываться дѣло шло не столько объ этомъ, какъ о томъ, что Приваловъ, устранивъ шляхетство, принялся вершить всѣ дѣла, касавшіяся до сочиненія наказа „*съ самими простыми и неграмотными мѣщанами*", и выбравъ для этой цѣли 5 городскихъ жителей, о которыхъ войтъ Панасъ съ недовольной козацкой старшиной доносилъ генералъ-губернатору, что „они не только сочинить наказа, но и простаго письма совершенно сдѣлать не могутъ" и что избранный голова вообще

[1]) Наказы, 275.

[2]) Ibid., 221 и слѣд.

повергаетъ ихъ въ сомнѣніе, „какъ бы онъ къ произведенію такого великаго дѣла (т. е. сочиненію наказа) вовсе будучи не достаточенъ и безпорядоченъ въ тѣхъ своихъ сочиненіяхъ предосудительныхъ каковыхъ недѣльностей не повносилъ и тѣмъ гражданской общей прямой пользѣ вреда не приключилъ", т. е. прямѣе говоря, чтобы Денисъ Приваловъ не внесъ чего либо противнаго шляхетско-козацкимъ интересамъ. Изъ отвѣта Привалова на доносъ Панаса оказывается, что въ Погарѣ. какъ и въ Стародубѣ, Прилукахъ, Лубнахъ и друг. городахъ, рознь между мѣщанами и воинскаго званія людьми дошла до того, что послѣдніе совсѣмъ отказались присутствовать въ церкви на молебствіи и во время присяги къ выборамъ городскаго депутата и не подписали ему полномочія, а когда дѣло дошло до слушанія наказа и челобитной, то между головою и войтомъ, державшимъ, по выраженію головы, единое согласіе съ шляхетствомъ, произошло формальное столкновеніе. Прежде всего Панасъ началъ съ того, что не допустилъ въ магистратъ къ сочиненію наказа Привалова съ 5 членами, выбранными для этого дѣла, и они всѣ принуждены были удалиться въ другое мѣсто; во вторыхъ, когда наказъ уже былъ сочиненъ и голова, при собраніи всего города, хотѣлъ приступить къ его объявленію, то Панасъ не только самъ не пожелалъ выслушать мѣщанскихъ desiderata, но чтобы и никого не допустить къ этому, замкнулъ магистратъ, и для открытія его голова принужденъ былъ обратиться къ содѣйствію бурмистра. Магистратъ былъ отпертъ, но самъ войтъ по прежнему отказался выслушать наказъ и удалился. Изъ дальнѣйшихъ строкъ отвѣта Привалова оказывается, что Панасъ во время всей избирательной процедуры проявилъ себя самымъ завзятымъ поклонникомъ старины и что онъ агитировалъ въ этомъ духѣ, „уговаривая новины не слушать, ни къ оной не склоняться и не смотрѣть ни на какіе сторонніе, страхи, сказуя, что новинѣ предъ стариною во многомъ стыдно и показаться: новина до того что въ старину сдѣлано не точію поправить, но и сдержать не можетъ" [1]). За эту агитацію Панасу, по представленію Румянцева, пришлось отвѣчать предъ сенатомъ,

---

[1]) Наказы, 224.

который разобравши дѣло, приказалъ произвести надъ нимъ слѣдствіе и судъ и чего онъ Панасъ окажется достойнымъ о томъ ему представить на усмотрѣніе. Чѣмъ окончилось дѣло о Панасѣ и какое ему назначилъ сенатъ наказаніе намъ неизвѣстно; но вообще случаи особеннаго давленія шляхетства на городскіе выборы не оставались незамѣченными и Румянцевъ прилагалъ всевозможное стараніе, чтобы дать мѣщанамъ возможность свободно высказывать свои нужды и отягощенія и даже предоставлялъ имъ для этого право непосредственной подачи ему челобитныхъ исключительно отъ своего сословія, помимо наказовъ, составляемыхъ обще съ шляхетствомъ и козаками. Вотъ въ общихъ чертахъ все, что мы нашли необходимымъ для будущаго изложенія сказать по поводу выборовъ депутатовъ и настроенія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи, а также по поводу волненія умовъ, вызваннаго въ украинскомъ обществѣ призывомъ къ сочиненію новаго Уложенія. Съ слѣдующей главы мы приступимъ къ изложенію содержанія самихъ наказовъ, представленныхъ въ коммиссію малороссійскими депутатами.

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

(Окончаніе).

ГЛАВА 5-я.

Отношеніе къ коліевщинѣ современныхъ ей русскихъ дѣятелей.

Смыслъ коліевщины въ жизни южнорусскаго украинскихъ населенія не поддавался долго уясненію исторіи, благодаря массѣ недоразумѣній, окутывавшихъ это народное движеніе по многимъ поводамъ—и вслѣдствіе легковѣрія ближайшихъ передатчиковъ фактической его стороны, наконецъ, вслѣдствіе грубой тенденціозности въ ту или другую сторону разныхъ изслѣдователей, которымъ почему-то трудно было взглянуть на событія 1768 г. на Украинѣ, какъ на проявленіе самостоятельно сознаннаго протеста южнорусскаго крестьянства, угнетеннаго поляками въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи; всѣмъ имъ казалось, что движеніемъ этимъ непремѣнно должно было руководить русское правительство, причемъ Екатеринѣ II то приписывалась открытая пропаганда возстанія манифестами, то болѣе хитрыя подзадориванія къ нему, напоминавшія таинственные намеки, какіе дѣлалъ Владиславъ IV, король польскій, предъ возстаніемъ Хмельницкаго, говоря съ нимъ объ его обидахъ.

---

[1]) „Кіевск. Стар.", 1890 г., № 7.

Но пора иллюзій относительно сочувствія русскаго правительства того времени гайдамацкому движенію 1768 г. прошла безвозвратно. Не стало послѣдователей ни у Шуйскаго съ Моравскимъ, негодовавшихъ на возбужденіе бунта великой державой въ сосѣднемъ государствѣ [1]), ни у русскаго историка, склонявшагося къ мысли, что тайныя подзадориванія противъ поляковъ въ средѣ южно-русскаго крестьянства были слѣдствіемъ искренняго сочувствія Екатерины II къ бѣдамъ этого крестьянства. Явная несостоятельность ходившихъ среди самихъ коліевъ слуховъ о манифестѣ русской царицы, и аляповатость какъ этого манифеста, такъ и манифеста польской работы, приписаннаго Екатеринѣ II тенденціозными польскими публицистами—все это, какъ показано уже нами выше, слишкомъ ярко выступило наружу въ послѣдніе годы, особенно послѣ напечатанія недавно вынырнувшаго на свѣтъ подлиннаго манифеста Екатерины II.

Многое, конечно, послѣ этого при объясненіи коліивщины представляется въ иномъ видѣ, и прежде всего самое движеніе выступаетъ въ глазахъ изслѣдователя самостоятельнымъ бурнымъ порывомъ изнеможенной угнетеніями народной души и неистощенной физической народной мощи, затѣмъ невольно по адресу прежнихъ толкователей интересующей насъ поры является соображеніе: да съ какой бы стати Екатерина II вздумала подстрекать русскихъ крестьянъ Рѣчи Посполитой къ бунту, если несомнѣнно ея войска были потомъ главными усмирителями этого бунта, и если тѣ гайдамаки, россійскіе подданные, которыхъ захватили усмирители, отданы были Екатериной подъ судъ и подверглись серьезнымъ наказаніямъ? Очевидность взаимной исключительности этихъ двухъ фактовъ явная, и невозможность перваго изъ нихъ при второмъ является болѣе чѣмъ доказанной.

Но пытливость наталкиваетъ насъ и послѣ такихъ опредѣленныхъ заключеній на новыя недоумѣнія. Начинаетъ настойчиво требовать разрѣшенія другой существенный для пониманія дѣла вопросъ—почему русскіе дѣятели второй половины XVIII вѣка, графъ Панинъ, князь Репнинъ, графъ Румянцевъ и другіе, сочли

---

[1]) Morawski. Dzieje polski. V. 87. Ios. Szujski Dzieje polski. IV. 404.

нужнымъ собственными силами задавить гайдамацкое движеніе, разъ оно возникло изъ за тѣхъ же диссидентскихъ правъ, которыя защищали не безъ успѣха въ польскомъ сеймѣ послы Екатерины II?

Думаемъ, что и этому недоумѣнію можетъ быть положенъ конецъ, если привлечь къ уясненію дѣла массу того фактическаго матеріала относительно польскихъ событій второй половины XVIII вѣка, какой мы находимъ у Соловьева въ XXVI и XXVII томахъ его „Исторіи Россіи", въ „Сборникѣ Имп. Рус. Ист. Общ." въ томахъ XX и XXII, въ „Арх. ю.-з. Россіи" въ томахъ II и III первой части и въ перепискѣ графа Румянцева съ графомъ Панинымъ и другими, напечатанной въ „Кіев. Стар." 1882 г., въ книгахъ 9 и 10 и 1883 г. тоже въ книгахъ 9 и 10.

Приступая на основаніи этихъ источниковъ къ разсмотрѣнію поставленнаго выше недоумѣнія, мы по необходимости должны на моментъ оставить чисто украинскія событія и погрузиться въ дебри широкой европейской политики второй половины XVIII вѣка, такъ какъ отъ тѣхъ или иныхъ комбинацій именно въ этой политикѣ зависѣло то или иное отношеніе къ насущнымъ домашнимъ и сосѣднимъ дѣламъ тогдашняго русскаго правительства.

Слишкомъ общеизвѣстнымъ считается тотъ фактъ, что важныя историческія рѣшенія тѣхъ или иныхъ трудныхъ вопросовъ народной и международной жизни далеко не всегда бываютъ слѣдствіемъ плановъ, заранѣе сознанныхъ и обдуманныхъ дѣятелями, дѣйствующими на исторической авансценѣ. Тщетно, напримѣръ, наканунѣ раздѣла Польши, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, стали бы мы искать ясныхъ сколько-нибудь формулировокъ того, что потомъ было совершено совокупными усиліями Пруссіи, Австріи и Россіи. Правда, смутное сознаніе возможности если не раздѣла Польши, то ея соединенія съ Россіей было много разъ высказываемо въ теченіе XVIII в. и даже раньше въ XVII в.; но отъ плановъ, напримѣръ, Алексѣя Михайловича сдѣлаться по избранію польскимъ королемъ послѣ смерти Яна Казиміра и такимъ образомъ соединить Рѣчь Посполитую съ московскимъ государствомъ, до практическаго осу-

ществленія подобнаго союза было безконечно далеко. Не близко было до того же практическаго дѣла и отъ опасеній польскихъ сеймовыхъ пословъ начала XVIII столѣтія, что Петръ I, будучи признанъ ими императоромъ всероссійскимъ, основываясь на этомъ титулѣ, отберетъ у Польши всѣ русскія провинціи. Самъ Фридрихъ II, этотъ политическій прозорливецъ XVIII вѣка, вскорѣ послѣ избранія Станислава Понятовскаго въ польскіе короли мечталъ не о раздѣлѣ Польши, а только о необходимости оставить ее въ той летаргіи, въ какую она впала, благодаря своей конституціи, санкціонировавшей государственную безурядицу, при чемъ существованіе Польши, хотя бы въ летаргическомъ состояніи, онъ считалъ мыслимымъ и послѣ удаленія со сцены Станислава Понятовскаго и вообще въ далекомъ будущемъ[1]). У русскихъ же дѣятелей екатерининскаго времени относительно Польши, вслѣдъ за избраніемъ въ короли ея Станислава Понятовскаго, были планы совсѣмъ иного порядка, чѣмъ планы раздѣла или анексіи. Но въ этихъ планахъ Польша не занимала центральнаго и исключительнаго положенія. Дѣло шло о поддержаніи пресловутаго политическаго равновѣсія и о сохраненіи за Россіей почетнаго и независимаго положенія въ ряду европейскихъ державъ, а при такихъ цѣляхъ Польша должна была быть только однимъ изъ звеньевъ въ ряду другихъ, входившихъ въ составъ ковавшейся международной цѣпи.

Поводы къ принятію мѣръ для сохраненія за Россіей подобающаго ей мѣста въ ряду другихъ государствъ заключались въ тогдашнихъ дипломатическихъ отношеніяхъ. Францiя, униженная Фридрихомъ II въ семилѣтнюю войну, стала ревностно строить свою политическую систему, стала умножать свои морскія силы вмѣстѣ съ Испаніей, утверждая свои союзы съ разными дворами, особенно съ вѣнскимъ и сардинскимъ. Система эта стала даже носить особое названіе—бурбонскаго союза. Въ противовѣсъ ему, въ виду существованія торговыхъ и политиче-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVI, стр. 81; т. XXVII, стр. 205. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ. Т. XXII.

скихъ интересовъ, противоположныхъ французскимъ и австрійскимъ, у Пруссіи, Англіи и Россіи, какъ бы самъ собой, намѣчался союзъ сѣверныхъ державъ, и такой союзъ былъ бы, конечно, мыслимъ, если бы и ихъ интересы не были подчасъ достаточно противоположны. Вслѣдствіе же этой противоположности и Англія, и Пруссія считали для себя мыслимымъ заключеніе только частныхъ союзовъ и договоровъ съ Россіей. Но русскій вице-канцлеръ Панинъ никакъ не могъ на этомъ помириться и увлекся системой „сѣвернаго аккорта", унаслѣдованной имъ отъ автора ея, умершаго уже тогда русскаго посла въ Даніи барона Корфа. Въ этотъ сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія, Польша. Что до цѣли союза, то она должна была состоять не только въ противодѣйствіи союзу бурбонскому, но и въ охранѣ сильными членами союза неприкосновенности слабыхъ его членовъ отъ чьихъ бы то ни было посягательствъ. Въ частности для Россіи Панинъ ждалъ отъ этого союза слѣдующихъ выгодъ: во-первыхъ, Россіи должна была быть выдана по его проекту отъ Англіи субсидія въ 500,000 р. на польскія дѣла и такая же субсидія въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, не говоря уже о деньгахъ на подкупы въ Швеціи, гдѣ должно было быть искоренено такимъ путемъ французское вліяніе; во-вторыхъ, отъ Пруссіи должны были въ случаѣ надобности идти поддержки дипломатическія и денежныя для устроенія польскихъ дѣлъ; наконецъ, въ третьихъ, Польша должна была при новомъ подручномъ Россіи королѣ замѣнить собою для Россіи Австрію, какъ надежная союзница въ случаѣ разрыва Россіи съ Турціей.

Увлеченный логичною стройностью проекта, Панинъ никакъ не могъ признать возраженій, какія ему дѣлались, по поводу его заявленій, Англіей и Пруссіей. Между тѣмъ англійскіе министры настойчиво твердили ему, что парламентъ ихъ никогда не оправдаетъ кредитовъ на поддержаніе Россіи въ польскихъ дѣлахъ и въ случаѣ войны съ Турціей, что надежда при помощи такихъ субсидій вредить повсюду Франціи, являвшейся главнымъ врагомъ Англіи, не послужила бы въ глазахъ парламента достаточнымъ оправданіемъ требуемыхъ министрами кредитовъ, и что,

наконецъ, поддержка Англіей Россіи противъ Турціи, хотя бы даже тайная, непремѣнно затронула бы слишкомъ значительные торговые интересы Англіи въ этой странѣ. Все это не убѣждало Панина, какъ не убѣждало его и опасеніе Англіи вступить въ тѣсный союзъ съ такимъ членомъ предполагаемаго „сѣвернаго аккорта", какъ король прусскій, склонность котораго къ авантюризму могла бы подвергнуть весь союзъ большому риску. По поводу всего этого Панинъ могъ только раздражаться. Раздражали его и возраженія противъ „сѣвернаго аккорта" самого Фридриха. Послѣдній находилъ, что ему не съ руки вступить въ столь сложный союзъ да еще съ разными пассивными величинами, въ родѣ Даніи или Саксоніи, причемъ съ Саксоніей у него были свои личные счеты, забыть которые онъ не желалъ. Но особенно существенны были возраженія Фридриха противъ плановъ Панина относительно Польши, также члена in spe въ „сѣверномъ аккортѣ".

Чтобы уяснить эти послѣднія, отмѣтимъ, при какихъ условіяхъ Панинъ разсчитывалъ обрѣсти въ польской республикѣ союзницу на случай войны съ Турціей, и какими вслѣдствіе этихъ условій должны были стать давнія традиціонныя отношенія Россіи къ Польшѣ.

Отъ своихъ предшественниковъ, какъ извѣстно, унаслѣдовала Екатерина II два непорѣшенныхъ вопроса съ Польшей: вопросъ о границахъ и вопросъ диссидентскій. Обращаясь къ этому послѣднему, не можемъ не припомнить, что зарожденіе этого вопроса надо отнести ко времени, слѣдовавшему непосредственно за Андрусовскимъ договоромъ, когда Польша сознала для себя всю опасность отъ существованія въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой большаго числа православныхъ русскихъ, всегда искавшихъ покровительства и защиты у единовѣрнаго московскаго государства. Правительствомъ республики пущенъ былъ въ ходъ именно послѣ Андрусовскаго договора [1]) цѣлый рядъ

---

[1]) Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи западн. и юго-западной Россіи. Статья: Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-зап. Россіи съ полов. XVII до конца XVIII в., стр. 287.

сеймовыхъ постановленій, направленныхъ къ отвлеченію западнорусскаго населенія отъ православія въ унію или же и прямо въ католичество. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось гонимымъ православнымъ да и другимъ не-католикамъ Рѣчи Посполитой, какъ обращаться съ просьбами о защитѣ ихъ религіозной свободы и нарушаемыхъ гражданскихъ правъ къ московскому государству, превратившемуся вскорѣ въ россійскую имперію. Къ просьбамъ ихъ въ Россіи не были глухи, но все же поляки тѣмъ удобнѣе могли проводить свои мѣры противъ православія, что Россія была занята другими дѣлами. Петру I, напримѣръ, неудобно было становиться къ Польшѣ въ рѣзкія отношенія въ виду войны со Швеціей; далѣе, у Анны Іоанновны, несмотря на ея вмѣшательство въ польскія дѣла изъ за возведенія въ короли Станислава Лещинскаго и изъ-за замѣны его Августомъ III, несмотря и на опасное столкновеніе съ французами подъ Гданскомъ, не находилось въ сущности времени мѣшать Польшѣ проявлять религіозную нетерпимость; наконецъ, и при Елисаветѣ отношенія къ Пруссіи, семилѣтняя война—все это также не давало возможности ссориться съ поляками [1]). Больше всѣхъ изъ названныхъ государей въ защиту диссидентовъ все же сдѣлалъ Петръ I. Онъ, по жалобѣ епископа бѣлорусскаго Сильвестра Четвертинскаго, обратился къ королю съ требованіемъ назначить коммиссію „для освидѣтельствованія обидъ и полученія за нихъ удовлетворенія“, причемъ въ число коммиссаровъ потребовалъ принять и русскаго переводчика при посольствѣ въ Варшавѣ, Игнатія Рудаковскаго, и монаха изъ Заиконоспасскаго монастыря, учителя Іустина Рудинскаго; на случай отказа короля въ этомъ Петръ велѣлъ своему послу въ Варшавѣ, чтобы онъ объявилъ „сенаторамъ и министрамъ польскимъ всѣмъ съ яснымъ представленіемъ, что если удовлетворенія не послѣдуетъ, то будемъ принуждены сами его искать“ [2]). Но въ короткій срокъ нельзя было добиться многаго этою даже мѣрою, особенно при обиліи другихъ дѣлъ; преемники же Петра, обладавшіе меньшими си-

[1]) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 160.

[2]) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 80 и 81.

лами, поглощенные, какъ мы видѣли, мелкою злобою дня, не возобновляли его требованій и ограничивались только дипломатическими представленіями, къ которымъ польскіе сеймы относились вполнѣ равнодушно.

Иначе рѣшилась поставить вопросъ о диссидентахъ Екатерина II, сперва имѣя въ виду только исполненіе завѣщаннаго ей исторической традиціей. „Въ защитѣ православныхъ въ Польшѣ, читаемъ мы у Соловьева, была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказанное единовѣрцамъ, и покровительство, увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая черезъ него, такъ сказать, вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою, православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религіозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ вслѣдствіе религіозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма“ [1]). Сама императрица такъ высказалась по поводу диссидентскаго дѣла въ рескриптѣ, данномъ посламъ въ Польшѣ, Кейзерлингу и Репнину, 5 апр. 1764 г., т. е. тотчасъ послѣ смерти Августа III, въ періодъ междуцарствія: „Излишне описывать здѣсь извѣстное вамъ самимъ дѣло утѣсненія въ Польшѣ нашихъ единовѣрныхъ и прочихъ диссидентовъ. Кто не вѣдаетъ, что одни и другіе равно подвержены гоненію римскаго духовенства, которое не только безъ остатка почти похитило всѣ имъ законами и многими привилегіями дозволенныя епархіи, монастыри и церкви, но и до того еще властію и пронырствомъ своимъ довело, что знатная часть согражданъ, такъ сказать, изъ сообщества отринуты за то одно, что исповѣдываютъ законъ другой. Но пока еще сіе зло вовсе не окоренится, то дабы нынѣшній

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 160—161.

междуцарствія случай не упустить втунѣ, повелѣваемъ мы вамъ на основаніи даннаго вамъ обоимъ общаго нашего наставленія, какъ нынѣ при сеймѣ конвокаціи, такъ и впредь при сеймѣ коронаціи, употребить всевозможное стараніе ваше, дабы, какъ собственные наши единовѣрцы, такъ и прочіе диссиденты, обязанные между собою ко взаимной оборонѣ формальнымъ актомъ 1599 г., во всѣ прежнія свои права и преимущества точнымъ и яснымъ закономъ возстановлены, да и для переду какъ въ персонахъ и имѣніяхъ своихъ, такъ и въ принадлежащихъ имъ епархіяхъ, монастыряхъ и церквахъ отъ всякихъ нападковъ римскаго духовенства охранены и прежде отнятыя, сколько возможно, имъ возвращены были". Затѣмъ 17 октября того же 1764 года Екатерина писала Репнину: „мнѣ остается рекомендовать вамъ всего болѣе два дѣла: дѣло о диссидентахъ и дѣло о границахъ; *моя слава* заинтересована въ обоихъ, *помните это*, оба дѣла въ вашихъ рукахъ, дѣйствуйте согласно съ указами и инструкціями". И такое настроеніе императрицы не проходило и въ слѣдующіе затѣмъ годы. Послѣ неудачи диссидентскаго дѣла на сеймѣ 1766 г. она вновь писала Репнину: „достоинство наше и истинные ввѣренной намъ отъ Бога имперіи интересы требуютъ привести единожды къ желаемому окончанію толь явно и торжественно начатое дѣло [1]).

Очевидно, такимъ образомъ, что Екатерина II, руководимая мыслью о славѣ и популярности, считала нужнымъ не останавливаться ни передъ какими средствами для достиженія успѣха по диссидентскому дѣлу, переданному ей исторической традиціей. При такомъ образѣ дѣйствій русскаго правительства и при постановкѣ вышеотмѣченныхъ цѣлей, естественно, всякое сочувствіе Россіи было обезпечено со стороны угнетенныхъ диссидентовъ и особенно со стороны диссидентовъ православныхъ: желанія ихъ совпадали съ желаніями императрицы Екатерины.

Но энергичность мѣръ, какія, на основаніи приведенныхъ указаній императрицы, должны были быть приняты въ Польшѣ княземъ Репнинымъ для оказанія вліянія на польскій сеймъ,

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 195.

была обусловлена еще и цѣлымъ рядомъ другихъ обстоятельствъ и прежде всего, конечно, желаніемъ Панина ввести Польшу въ число державъ которыя должны были пристать по его проекту къ задуманному имъ „сѣверному аккорту". Это то послѣднее желаніе вице-канцлера по необходимости, какъ увидимъ, должно было нѣсколько видоизмѣнить и характеръ требованій русскаго правительства относительно диссидентовъ да и вообще отношенія его къ польскому правительству.

Такъ какъ прежде всего сѣверный аккортъ, какъ и всякій международный союзъ, предполагался быть вѣчнымъ и непоколебимымъ, то, понятное дѣло, и существованіе всѣхъ государствъ, въ него вступавшихъ, а въ томъ числѣ и Польши, предполагалось вѣчнымъ и непоколебимымъ. Сочлены союза должны бы были поэтому отрѣшиться отъ удерживанія Рѣчи Посполитой на томъ гибельномъ пути, на какомъ она пребывала при сохраненіи не только *liberum veto*, которымъ пріостанавливалось рѣшеніе того или другаго вопроса на сеймѣ, но и при оставленіи *liberum rumpo*, санкціонировавшаго срываніе всего сейма, не исключая рѣшенныхъ уже на немъ единогласно дѣлъ. Другими словами, активнымъ членамъ „аккорта" надо было думать не объ оставленіи Польши въ летаргическомъ состояніи, на чемъ особенно настаивалъ Фридрихъ II, а о превращеніи ея въ государство, могущее въ случаѣ надобности стать активнымъ союзникомъ. Панинъ полагалъ, что, допустивъ тамъ введеніе большаго порядка въ отправленіи правосудія и въ устройствѣ торговли и внутренней полиціи, а также дозволивъ увеличить численность войска хотя бы на 10,000 человѣкъ, указанная цѣль была бы достигнута. Въ частности, по отношенію къ Россіи Панинъ разсчитывалъ сдѣлать такимъ образомъ Полѣшу пригодною для того, чтобы она хотя бы отчасти могла возмѣстить, въ случаѣ войны съ Портою, потерю, которую Россія почувствуетъ, лишившись искренней помощи Австріи, приставшей къ бурбонскому союзу. Съ другой стороны ему казалось, что подобныя частичныя реформы не могли бы превратить Польшу въ государство, могущество котораго стало бы грознымъ для ея сосѣдей, такъ какъ послѣдніе своимъ согласнымъ и одинаковымъ образомъ дѣйствій въ отношеніи респуб-

лики всегда могли бы сохранить значительную долю участія въ управленіи ею[1]). Сама императрица Екатерина, склонявшаяся къ политическимъ воззрѣніямъ Панина, готова была уже дать согласіе на такое отношеніе къ внутреннимъ дѣламъ Польши. Долго на нее не дѣйствовали никакія внушенія Фридриха II въ противоположномъ духѣ, тѣмъ болѣе, что своимъ согласіемъ на измѣненіе конституціи въ Польшѣ она могла бы привести въ искреннюю радость своего недавняго любимца, короля Станислава Понятовскаго, достигшаго своего высокаго положенія благодаря ей. Но тѣмъ не менѣе вскорѣ императрица взяла назадъ свое согласіе дозволить реформы въ Польшѣ. Къ этому она была склонена Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, котораго назидалъ стоявшій не у дѣлъ канцлеръ Бестужевъ. Прусскій посолъ въ Петербургѣ, Сольмсъ, державшійся обыкновенно въ сторонѣ отъ Бестужева, по желанію Фридриха II, на время измѣнилъ свои отношенія къ прежнему дипломатическому свѣтилу—и добился относительно Польши того, чего желалъ король[2]).

Послѣ такого рѣшенія вопроса о реформахъ въ Польшѣ, конечно, русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ, не могъ пропустить ни одной попытки со стороны поляковъ замѣнить единогласныя рѣшенія дѣлъ на сеймѣ рѣшеніями по большинству голосовъ, разъ только эти попытки касались чего-нибудь существеннаго. Такъ, когда Чарторыйскіе, дяди короля, на сеймѣ 1766 г. прочли проектъ относительно рѣшенія на сеймахъ финансовыхъ дѣлъ, причемъ въ проектѣ было сказано, что всѣ финансовыя дѣла должны всегда рѣшаться большинствомъ голосовъ, не исключая изъ финансовыхъ дѣлъ и наложенія новыхъ податей, то Репнинъ вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ Бенуа заявилъ лично Чарторыйскимъ, что большинство голосовъ можетъ быть допущено только при распоряженіи опредѣленными уже доходами, а не при наложеніи новыхъ. Тогда же заявилъ онъ, что и изъ дѣлъ военной коммиссіи только текущія по управле-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXII. Дипломат. переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ.

[2]) Ibidem.

нію войскомъ могутъ быть рѣшаемы большинствомъ, но никакъ не вопросы объ увеличеніи войска [1]). Вообще такимъ образомъ Репнинымъ была подавлена всякая мысль о возможности сколько нибудь серьезнаго улучшенія польской конституціи.

Какъ ни тяжело было Панину, что не удалось придать „сѣверному аккорту" in spe надлежащую округлость путемъ усиленія Польши, но все же онъ не отказался отъ мысли о союзѣ и рѣшилъ воспользоваться Польшей для цѣлей этого союза, хотя бы и въ томъ разслабленномъ видѣ, въ какой ее ввергло ея liberum rumpo. Онъ задумалъ только еще болѣе поднять значеніе Россіи въ Польшѣ для того, чтобы въ случаѣ надобности собрать разрозненныя силы ея и средства и двинуть ее туда, куда заблагоразсудитъ императрица. И вотъ тутъ-то удобнымъ средствомъ для достиженія подобной цѣли показался диссидентскій вопросъ. Панинъ счелъ нужнымъ при заявленіи полякамъ русскихъ требованій по этому вопросу наибольшее вниманіе обращать на возстановленіе гражданскихъ правъ диссидентовъ, какъ въ видѣ участія въ сеймахъ, такъ и въ видѣ занятія различныхъ должностей въ государствѣ,—сторона же чисто религіозная, защита диссидентовъ отъ притѣсненій католиковъ и уніатовъ, свободное заявленіе ими своихъ вѣрованій—все это хотя и не было вовсе стушевано, однако виднаго значенія въ препирательствахъ русскаго посла съ поляками не занимало; притомъ же на уступки русскому правительству въ дѣлѣ признанія свободы исповѣданій диссидентовъ склонялись, правда въ силу необходимости, самыя различныя партіи въ краѣ, на возвращеніе же гражданскихъ правъ диссидентамъ согласныхъ между поляками не находилось—и оттого дѣло требовало со стороны русскаго посла не только убѣжденій словомъ, но и угрозъ арестами депутатовъ, введенія въ частныя имѣнія непокорныхъ изъ нихъ русскихъ войскъ, вступившихъ въ край еще при избраніи Станислава Понятовскаго въ короли. Смыслъ такихъ настоятельныхъ домогательствъ русскаго правительства относительно гражданскихъ правъ диссидентовъ прекрасно въ

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 186, 187.

Польшѣ понимали. Самъ король писалъ польскому послу въ Петербургѣ, Ржевусскому: „если Россія непремѣнно захочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то хотя бы ихъ было не много, 10 или 12, все же это будетъ 10 или 12 вождей законно существующей партіи, смотрящей на государство и правительство польское, какъ на врага, противъ котораго она должна необходимо и постоянно искать помощи извнѣ. Я знаю, что это дѣло можетъ мнѣ стоить короны и жизни, я это знаю, но повторяю, что не могу измѣнить отечеству" [1]). У Екатерины, когда ей было пересказано мнѣніе Понятовскаго, нашлось, конечно, что ему возразить, но не въ духѣ ея возраженія въ то же время въ письмахъ къ Репнину высказывался Панинъ. Императрица велѣла отвѣчать Станиславу Августу, что она рѣшительно не понимаетъ, какимъ это образомъ диссиденты, допущенные къ законодательной дѣятельности, будутъ вслѣдствіе этого болѣе враждебно относиться къ государству и правительству польскому, чѣмъ относятся теперь; не понимаетъ она и того, какимъ образомъ король считаетъ себя измѣнникомъ отечеству за то, чего требуетъ справедливость, что составитъ его славу и твердое благо государства [2]). Между тѣмъ Панинъ, ни на мгновеніе не забывавшій „сѣвернаго аккорта", совершенно иначе опредѣлялъ, чего онъ ждетъ отъ предоставленія гражданскихъ правъ диссидентамъ въ Польшѣ. Настаивая на мысли, что, благодаря ихъ присутствію въ сеймѣ, Россія всегда будетъ имѣть въ Польшѣ извѣстное число голосовъ за собою при отстаиваніи своихъ интересовъ, онъ въ то же время не рекомендовалъ Репнину ставить ихъ въ положеніе вполнѣ независимое и мотивировалъ такое свое желаніе тѣмъ, что „при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа", усилятся частые и безъ того побѣги изъ пограничныхъ провинцій нашихъ, да и вообще тѣмъ, что тогда можно будетъ опасаться на счетъ этихъ провинцій, „сходныхъ съ Польшею нравами и обычаями народа". Мысли эти высказаны Панинымъ такъ рельефно въ его письмѣ, которымъ

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 181.

[2]) Ibidem, стр. 182.

опредѣлялась непосредственно вся дѣятельность русскаго посла въ Польшѣ, и притомъ письмо это заключаетъ въ себѣ столько существеннаго по отношенію къ вопросу о религіозной свободѣ диссидентовъ, что для большей наглядности считаемъ нужнымъ привести его здѣсь цѣликомъ. „Надобно совершить диссидентское дѣло, читаемъ въ этомъ письмѣ защитника „сѣвернаго аккорта“, не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣръ, но для пріобрѣтенія себѣ посредствомъ нашихъ единовѣрцевъ и протестантовъ однажды навсегда твердой и надежной партіи съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ, не по одному теперь испрашиваемому республикой ручательству ея императорскаго величества въ цѣлости конституціи польской, но и вслѣдствіе покровительства диссидентамъ, которое мы себѣ присваиваемъ на вѣчныя времена: какъ слабѣйшая часть въ будущемъ правительствѣ польскомъ, диссиденты будутъ имѣть возможность удерживаться въ немъ только съ нашею помощью. Протестантская религія, обуздывая суевѣрія и сокращая власть духовенства, легко можетъ излишнимъ своимъ въ Польшѣ распространеніемъ вывесть поляковъ изъ невѣжества, въ которомъ они теперь большею частью погружены, и освобожденіемъ отъ невѣжества довести ихъ по ступенямъ до учрежденія новыхъ порядковъ, которые, сосредоточивая въ одно мѣсто всю внутреннюю польскую силу и приведя ее въ большую предъ нынѣшнимъ дѣйствительность, могли бы скоро обратиться въ предосужденіе Россіи, покровительницы протестантовъ въ настоящее время и главной соперницы въ будущее, ибо между политическими обществами ни злоба за претерпѣнный вредъ, ни благодарность за одолженіе мѣста имѣть не могутъ. Относительно нашихъ единовѣрцевъ этого неудобства быть не можетъ; но съ другой стороны, излишне усиливая ихъ такъ, чтобы они сами собой независимо отъ насъ могли держаться въ республикѣ и раздѣлять ея правленіе, подвергаемъ мы себя неудобству въ разсужденіи и безъ того столь частыхъ и великихъ побѣговъ, которые тогда еще болѣе усилятся при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа; тогда можно будетъ

опасаться и на счетъ нашихъ пограничныхъ провинцій, сходныхъ съ Польшею нравами и обычаями народа [1]).

Репнину, какъ извѣстно, не малыхъ хлопотъ стоило проведеніе этихъ требованій русскаго правительства. Кромѣ того, что ему приходилось считаться съ крайнимъ фанатизмомъ поляковъ, затрудненія его увеличивались еще положеніемъ православныхъ въ Рѣчи Посполитой. Представительство тамъ, какъ извѣстно, принадлежало одной шляхтѣ, а гоненія цѣлаго столѣтія или, вѣрнѣе, полутора столѣтія истребили православныхъ шляхтичей или оставили самыхъ бѣдныхъ и по воспитанію неспособныхъ занимать видныя мѣста. Всѣ диссиденты вообще подали Репнину даже просьбу не вводить ихъ въ правительственныя должности опредѣленнымъ числомъ, ибо они не въ состояніи будутъ выносить этихъ должностей, православное же шляхетство не могло выставить ни одного человѣка, котораго можно было бы назначить въ какую нибудь должность. „Я, писалъ Репнинъ, уже нѣсколько времени ищу и нарочныхъ разсылаю, чтобъ ко мнѣ привезли кого-нибудь хотя нѣсколько способнаго, но до сихъ поръ никого не нашелъ, ибо всѣ они сами землю пашутъ и безъ всякаго воспитанія.“ И вотъ Репнинъ оказывается въ нѣсколько комичномъ положеніи искателя людей шляхетскаго происхожденія, которые бы имѣли право воспользоваться гражданскими правами диссидентовъ, съ такимъ трудомъ отстаиваемыми русскимъ правительствомъ. Въ виду предположенія, что епископу бѣлорусскому даровано будетъ право участвовать въ сеймѣ, Репнинъ сталъ искать въ православныхъ монастыряхъ монаха шляхетской породы, котораго въ случаѣ успѣха въ дѣлѣ добыванія гражданскихъ правъ можно было бы возвести въ санъ бѣлорусскаго епископа вмѣсто не шляхтича Конисскаго. Сперва исканіе это шло по монастырямъ западной Руси, а потомъ, когда сказали Репнину, что шляхтичи Рѣчи Посполитой могутъ находиться въ монастыряхъ гетманщины и Слободской Украины, онъ и туда направилъ свои поиски [2]).

---

[1]) Ibidem, стр. 245—246.

[2]) Ibidem, т. XXVII, стр. 254.

Въ 1767 году гражданскія права диссидентамъ и религіозная свобода были наконецъ Репнинымъ добыты. На сеймѣ означеннаго года принятъ былъ между прочимъ актъ сепаратный, содержавшій въ себѣ вольности и преимущества грековъ оріентальныхъ (т. е. уніатовъ), дизунитовъ (православныхъ) и иныхъ диссидентовъ. По этому акту вѣра католическая сохраняла титулъ *господствующей*; король и королева должны быть непремѣнно римскими католиками, переходъ отъ римско-католической церкви въ иную вѣру есть уголовное преступленіе; всѣ пункты противъ грековъ неунитовъ и диссидентовъ, находящіеся въ конфедераціяхъ и конституціяхъ, отвергаются; церкви греческія неунитскія и костелы диссидентскіе, кладбища, школы, госпитали и всякія строенія, церквамъ и духовенству принадлежащія, вольно чинить, а въ случаѣ обветшанія и пожара, вновь строить, не испрашивая позволенія, и отправлять въ тѣхъ церквяхъ богослуженіе съ публичными ходами, не дѣлая однако препятствія римскому богослуженію и процессіямъ. Епископъ мстиславскій, оршанскій, могилевскій, подъ именемъ епископа бѣлорусскаго, управляетъ своею епархіею, какъ римскіе епископы управляютъ своими—безъ всякаго препятствія. Неуниты и диссиденты имѣютъ право заводить типографіи и печатать въ нихъ богослужебныя книги, съ тѣмъ однако, чтобъ не печатали книгъ еретическихъ и въ спорныхъ пунктахъ язвительныхъ и остростью штиля наполненныхъ изреженій оберегались. Браки между людьми разной вѣры позволяются; дѣти отъ такихъ браковъ—сыновья воспитываются въ вѣрѣ отцовской, а дочери въ материнской, но дворянству позволяется дѣлать по этому предмету договоръ передъ бракомъ. Греки неуниты и диссиденты не принуждаются къ празднованію католическихъ праздниковъ и къ участію въ католическихъ процессіяхъ. Всѣ церкви и монастыри, неправильно отобранные у грековъ неунитовъ, должны быть имъ возвращены. Для суда въ обидахъ религіозныхъ учреждается обоесторонній судъ изъ 17 лицъ: 8 свѣтскихъ римско-католической вѣры и 8 диссидентовъ или грековъ-неунитовъ, а 17-й епископъ бѣлорусскій. Такъ какъ равенство дворянское есть основаніе вольности польской и надежнѣйшее подкрѣпленіе правъ отечества, то гре-

камъ-неунитамъ и диссидентамъ возвращаются всѣ давнія права и преимущества, объявляются они способными ко всѣмъ чинамъ, достоинствамъ сенаторскимъ и министерскимъ, урядамъ коронымъ и земскимъ, должностямъ трибунальскимъ и коммиссарскимъ, посольствамъ заграничнымъ и сеймовымъ, къ полученію награжденій отъ короля: однимъ словомъ возвращается грекамъ-неунитамъ и диссидентамъ совершенный активитетъ какъ въ гражданскихъ, такъ и воинскихъ чинахъ; также вѣра не можетъ быть препятствіемъ людямъ неунитской и диссидентской религій къ пріобрѣтенію индигената и дворянства. И этотъ актъ, какъ и другія сеймовыя постановленія, былъ утвержденъ и подписанъ $^{13}/_{24}$ февраля уже 1768 года[1]).

Какъ видимъ, диссидентамъ, на основаніи этого постановленія, гражданскія права были возвращены въ довольно широкомъ объемѣ; религіозная свобода ихъ также возстановлялась, хотя хлопоты о ней, очевидно, велись только попутно и Репнинымъ, и Панинымъ. Оставалось, казалось бы, послѣ такихъ благихъ результатовъ почить дипломатамъ на лаврахъ близившагося, по ихъ предположенію, къ осуществленію желаннаго введенія въ „сѣверный аккортъ“ польской республики, обезвреженной для Россіи допущеніемъ къ ея законодательству, суду и администраціи православныхъ и иныхъ диссидентовъ. То обстоятельство, что означеннымъ допущеніемъ не могли воспользоваться даже немногіе диссиденты—на первыхъ порахъ ускользало изъ вида людей, занимавшихся бумажными комбинаціями.

Въ виду послѣдняго обстоятельства неудивительно, что всѣ такія легкія построенія сокрушались, по словамъ Соловьева, подъ тяжелыми стопами исторіи.

Панину и другимъ не только не довелось почить отъ дѣлъ послѣ проведенія на польскомъ сеймѣ льготъ для диссидентовъ, но пришлось даже принять участіе въ вершеніи дѣлъ, вовсе ими непредвидѣнныхъ и далеко неудобныхъ по тѣмъ qui pro quo, которыя изъ нихъ вытекали по крайней мѣрѣ для русскаго правительства.

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII.

Въ томъ же письмѣ, въ которомъ Репнинъ извѣщалъ Панина о достигнутомъ успѣхѣ по диссидентскому дѣлу, въ постскриптумѣ стояло извѣщеніе о возникшей въ Барѣ враждебной королю конфедераціи, избравшей своимъ девизомъ „за вѣру и свободу" и опредѣленно требовавшей уничтоженія недавняго постановленія сейма о диссидентахъ. Чрезъ нѣсколько же дней Репнинъ, вдумавшись въ дѣло, уже съ тревогой писалъ Панину: „трактатъ вновь заключенный и ручательство ея и. в., многимъ трудомъ россійской имперіи добытое, оставимъ ли мы теперь безъ дѣйствія, и не коснулось бы то до чести, достоинства и славы Россіи, если бы мы при самомъ заключеніи сего трактата смотрѣли спокойно на предпріятія, чинящіяся противъ всѣхъ сихъ нашихъ положеній" [1]). О необходимости „разсыпать собирающуюся въ Барѣ тучу" употребленіемъ на то стоящихъ въ Польшѣ войскъ твердилъ и Панинъ. Наконецъ и перепуганный конфедераціей польскій сенатъ 27 марта рѣшилъ просить всероссійскую императрицу, какъ поручительницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находящіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Послѣ этого войска русскія двинулись противъ конфедератовъ—но усмиреніе достигнуто было очень не скоро.

Къ неожиданному для Репнина и Панина бунту конфедератовъ-католиковъ, которыхъ надо было усмирять, чтобы поддержать въ цѣлости предполагаемую союзницу Россіи противъ Турціи,—Польшу, при столь деликатныхъ обстоятельствахъ для судьбы сѣвернаго аккорта, вдругъ присоединяется коліивщина. Извѣрившіеся въ силу польскихъ сеймовыхъ постановленій и даже мало ихъ знавшіе крестьяне Кіевщины открыто подняли знамя бунта, не разбирая разницы между барскими конфедератами и поляками, стоявшими за постановленія сейма и короля. Крайнія неистовства конфедератовъ надъ православными были тѣми искрами, которыя зажгли это пламя. Имѣя предъ собой это неожиданное проявленіе со стороны только что защищенныхъ „диссидентовъ", Репнинъ приходилъ въ страшное негодованіе—

[1]) Соловьевъ, т. XXVII.

и по мысли его Россія должна была усмирить и этихъ враговъ республики, тѣмъ болѣе, что своимъ бунтомъ какъ разъ послѣ установленія новаго закона по отношенію къ диссидентамъ они нѣкоторымъ образомъ дискредитировали его дѣло и шли путемъ очень прямымъ и нерекомендованнымъ къ защитѣ своихъ правъ. Отсюда-то и участіе русскихъ войскъ въ усмиреніи гайдамацкаго движенія 1768 года, несмотря на то, что „дѣло это имѣло видъ, по словамъ мемуариста Мощинскаго, какъ будто бы оно произошло по наущенію русскаго правительства" [1]).

Такимъ то образомъ разъясняется поставленный нами въ началѣ главы вопросъ—почему русскіе дѣятели второй половины XVIII в. сочли нужнымъ собственными силами задавить гайдамацкое движеніе, разъ оно возникло изъ за тѣхъ же диссидентскихъ правъ, которыя защищало не безъ успѣха въ польскомъ сеймѣ правительство Екатерины II.

Мы видимъ, что тогдашніе руководители русской политики разсматривали отношенія западно-русскаго населенія къ Рѣчи Посполитой сквозь призму теоріи „сѣвернаго аккорта", при осуществленіи котораго диссиденты должны выступить не бунтовщиками противъ польскаго правительства, а дѣятелями въ легальныхъ условіяхъ государства, въ составъ котораго входили. Видимъ мы далѣе также и то, что даже въ 1768 году казалось возможнымъ Панину, Репнину и др. ради всякихъ цѣлей поддерживать Польшу, какъ государство, что мысль о раздѣлѣ ея вовсе не была еще формулирована и не обрѣла надлежащей конкретности. При такихъ же условіяхъ у названныхъ дѣятелей не могли вызывать сочувствія стремленія коліевъ, ненавидѣвшихъ Польшу и думавшихъ, если не о ея разгромленіи, то, по крайней мѣрѣ, о вызволеніи себя и своего края изъ ея государственныхъ рамокъ.

Уяснивъ такимъ образомъ взгляды, которыми руководились русскіе дѣятели въ Петербургѣ и Варшавѣ по отношенію къ диссидентамъ и коліивщинѣ, мы должны отмѣтить еще отношеніе

---

[1]) Adam Moszczinski. Pamiętnik, стр. 135.

къ тому же другихъ русскихъ людей, которымъ по ихъ положенію пришлось столкнуться съ коліями въ непосредственной близи, и прежде всего намъ важно отмѣтить отношеніе къ коліивщинѣ графа П. А. Румянцева, малороссійскаго генералъ-губернатора и президента малороссійской коллегіи.

Графу Румянцеву, какъ правителю лѣвобережной Украины и Запорожья, нельзя было остаться вполнѣ безразличнымъ къ происходившему въ пограничныхъ польскихъ провинціяхъ, тѣмъ больше, что въ значительной части провинціи эти въ церковномъ отношеніи были подвѣдомственны переяславскому епископу, съ которымъ имѣли непрестанныя сношенія. Сноситься по дѣламъ вѣры православному населенію Кіевщины съ ихъ духовнымъ пастыремъ Румянцевъ не имѣлъ основаній препятствовать, даже въ годы усиленнаго преслѣдованія такихъ сношеній уніатскимъ митрополитомъ Володкевичемъ и его офиціалами, Мокрицкимъ и др. Не считалъ генералъ-губернаторъ нужнымъ въ чемъ бы то ни было мѣшать и игумену Матронинскаго монастыря Мельхиседеку Значко-Яворскому (русскому подданному) быть дѣятельнымъ правителемъ украинскихъ православныхъ церквей и даже возстановителемъ тамъ православія. Но вотъ буря коліивщины охватила Украину и Румянцеву пришлось прежде всего столкнуться съ польскими панами, бѣжавшими на лѣвый берегъ Днѣпра отъ преслѣдованій коліевъ. Румянцеву пришлось тогда дать убѣжище этимъ людямъ, какъ подданнымъ сосѣдняго дружественнаго государства [1]). Но вскорѣ онъ былъ смущенъ слухами о царскомъ указѣ, на основаніи котораго будто бы коліи поднялись на защиту вѣры, и хотя онъ и отправилъ противъ гайдамакъ, дѣйствовавшихъ вблизи границы, командира карабинернаго полка, Протасьева, съ значительнымъ отрядомъ, но сомнѣвался въ соотвѣтствіи своего распоряженія съ волею императрицы, что и выразилъ въ особомъ донесеніи въ Петербургъ, прося разъясненій на счетъ слуховъ о царскомъ указѣ [2]). Когда же Екатерина издала свой манифестъ отъ 12 іюля 1768 г. въ

[1]) Переписка Румянцева. „К. Ст." 1882 г., кн. 9-я, стр. 539.

[2]) Ibidem, стр. 541.

опроверженіе мнимой царской или золотой грамоты, сомнѣнія Румянцева окончились. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счелъ уже нужнымъ дозволить подвѣдомственному ему карабинерному полку дѣйствовать не только на границѣ, но и далеко отъ послѣдней уже въ цѣляхъ усмиренія бунта въ чужой странѣ. Но это последнее могло быть допущено Румянцевымъ, очевидно, только въ силу особыхъ инструкцій изъ Петербурга. Тѣ или другія мѣры Румянцевъ, какъ видимъ, принималъ, или сообразуясь съ общимъ смысломъ полученныхъ имъ полномочій, или по непосредственнымъ указаніямъ изъ Петербурга. Самостоятельнаго взгляда на все дѣло движенія въ Украинѣ онъ не высказывалъ да, быть можетъ, и не имѣлъ. Только послѣ того, какъ ради смотра подвѣдомственныхъ ему войскъ онъ побывалъ въ Переяславѣ и свидѣлся тамъ съ епископомъ Гервасіемъ Линцевскимъ и съ игуменомъ Мельхиседекомъ Значко-Яворскимъ, а сверхъ того, когда онъ ближе ознакомился и съ гайдамацкимъ движеніемъ, онъ рѣшился высказать Панину свои воззрѣнія на все дѣло усмиренія коліевъ. Въ письмѣ своемъ къ вице-канцлеру онъ между прочимъ писалъ: „Опубликованный манифестъ (9 іюля 1768) хотя произвелъ въ жителяхъ желаемое дѣйствіе, но гайдамаковъ не престаютъ они признавать за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго, въ разсужденіи принужденія вѣры, и жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самою изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся. Та и другая тягость, удручавшая ихъ несказанно, отмщевалась рукою ихъ полякамъ и жидамъ при настоящемъ случаѣ. Въ такомъ сихъ жителей положеніи, когда въ сердцахъ ихъ распространилась и усилилась горячность къ благочестію (православію), если отнять ихъ въ томъ свободу и, удаливъ надежду, которую они полагаютъ въ покровительствѣ высочайшемъ ея императорскаго величества, подвергнуть ихъ состоянію тому жъ, что и были, то я ваше сіятельство предувѣряю о слѣдствіяхъ непріятныхъ.... Я не ручаюсь и за всѣхъ здѣшнихъ жителей, чтобъ нѣкоторые изъ толпы на сіи, по ихъ разумѣнію законные, подвиги въ томъ случаѣ себя не опредѣлили; я примѣтилъ уже тайную молву, будучи въ Переяславѣ,

въ живущихъ близъ границы, что они равно польскимъ жителямъ думаютъ о гайдамакахъ" [1]).

Конечно, такой взглядъ на дѣло не могъ вызвать сочувствія Панина, проникнутаго идеями европейскаго равновѣсія и въ частности идеей сѣвернаго аккорта. Отвѣтъ Панина на приведенное письмо Румянцева не дошелъ до насъ, но изъ слѣдовавшаго за нимъ новаго письма Румянцева мы видимъ, что вицеканцлеръ раскрылъ предъ Румянцевымъ всю ширь своихъ идей, которымъ послѣдній обязательно долженъ былъ подчиниться. „Ваше сіятельство, писалъ Румянцевъ, въ особѣ государственныхъ дѣлъ правителя показали мнѣ верховность своего просвѣщенія содѣяніями, относящимися къ наибольшимъ между великими, столько же и превосходства въ дружеской для меня откровенности, снисходительности и усердія. Я сіи начертанія сохраню какъ поученія мудрости, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что я, онымъ слѣдуя, безпечнымъ останусь отъ всякаго преткновенія". Отъ высказаннаго же раньше мнѣнія своего Румянцевъ безъ затрудненія отдѣлался нѣсколькими словами. „Изъясню я вашему сіятельству, что мои примѣчанія, на которыя мнѣ отвѣтствуете, касательно до религіи и состоянія взволновавшихся польскихъ крестьянъ, были только гадательныя, а не положительныя; смѣшанная тамъ моя идея простиралась токмо по воззрѣнію на обстоятельства наружныя такъ пограничныхъ жителей польскихъ, яко и изъ предосторожности сосѣда другаго, который явно уже обнажается теперь въ своихъ намѣреніяхъ" [2]).

Склониться впрочемъ къ образу дѣйствій, вытекавшему изъ идей Панина, было тѣмъ легче для Румянцева, что съ главными силами гайдамакъ къ тому времени было уже покончено и исправить дѣла прекращеніемъ преслѣдованія остатковъ уже было нельзя. Что же касается до наказаній, опредѣлявшихся тѣмъ гайдамакамъ, которые, какъ русскіе подданные, были судимы въ Кіевѣ, то наказанія эти, особенно сравнительно

---

[1]) Переписка Румянцева. „К. Стар.", 1882 г., кн. 10, стр. 112.

[2]) Ibidem, стр. 116.

съ наказаніями, выпадавшими на долю гайдамакъ польскаго подданства, были по тому времени довольно умѣрены. Въ указѣ отъ 24 іюля 1768 г., присланномъ и Румянцеву, и въ кіевскую губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, читаемъ: „I. Тотчасъ по полученіи сего указа произвесть надъ помянутыми (въ началѣ указа) запорожцами[1]) надлежащій судъ, который однакожъ весьма скоро оконченъ быть долженъ. II. Въ судѣ положивъ на мѣрѣ формальный приговоръ на основаніи законовъ,—ибо колодники, будучи взяты съ ружьемъ въ рукахъ противъ войскъ ея императорскаго величества, не могутъ, конечно, оправдаться ни въ бунтовничьемъ супротивленіи волѣ и оружію ея величества, ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы и слѣдовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убійцы. III. Когда по симъ уваженіямъ, вслѣдствіе всѣхъ на свѣтѣ законовъ, опредѣлена будетъ смертная казнь, перемѣнить ее, при самомъ исполненіи, въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, клеймомъ и вырваніемъ ноздрей, ссылкою въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы“[2]).

Изъ Кодненской книги видно, что далеко не всѣ захваченные русскими войсками, даже съ оружіемъ, подвергались клейменію, вырыванію ноздрей, ссылкѣ и проч. Выше нами уже приведены показанія Олексы Яхименка и Осипа Мытинскаго, взятыхъ въ плѣнъ полковникомъ Протасьевымъ послѣ дѣлъ подъ Богуславомъ и Блощинцами. Въ показаніяхъ этихъ значится, что изъ 500 человѣкъ, уведенныхъ тогда въ Кіевъ, только немногихъ „покнутовали“ и „пошарпавши имъ носы“, отправили въ ссылку, большинство же послѣ годоваго заключенія было отпущено назадъ въ Украину, особенно же если это были не русскіе подданные. Относительно именно такого образа дѣйствій по отношенію къ послѣднимъ гр. Румянцевъ писалъ переяславской кан-

---

[1]) Гайдамакъ смѣшивали съ запорожцами.

[2]) Матеріалы для исторіи колiивщины, Н. И. Костомарова. „Кіев. Стар.“, кн. 8-я, стр. 320 (1882 г.).

целяріи слѣдующее отъ 27 сент. 1768 года: „Всѣхъ преданныхъ къ содержанію при оной полковой канцеляріи польскихъ жителей, взятыхъ вмѣстѣ съ гайдамаками по возмущеніямъ, отъ нихъ въ Польшѣ происходившимъ, та канцелярія имѣетъ нынѣ *освободивъ отправить въ ихъ домы*, но со взятіемъ однакожъ напередъ отъ нихъ присяги, что они, чувствуя сію милость, прямо въ оные возвратятся и будутъ тамъ жить въ тишинѣ и повиновеніи властямъ своимъ; а чтобы ихъ при семъ отпускѣ охранить отъ истязаній помѣщиковъ, кои бы иногда и надъ раскаявшимися прежнее возмущеніе мстить захотѣли, то полковая канцелярія на сей случай дать имъ имѣетъ урядовое отъ себя письменное препровожденіе къ ихъ помѣщикамъ, склоняя послѣднихъ въ ономъ къ прощенію въ преступленіи, отъ буйства и слѣпоты происшедшемъ, въ которомъ отпущаемые признательно раскаиваются и дали клятвенныя предъ Богомъ по себѣ обязательства о всякой отселѣ покорности: *инако же своею мстительностью противиться они будутъ собственному своему интересу, тѣмъ паче, что на отпускъ помянутыхъ сихъ людей не инако, какъ въ сей надеждѣ приступлено* [1]).

Слишкомъ откровенно, конечно, выступаетъ мотивъ приведенной мѣры—желаніе вернуть польскимъ помѣщикамъ Украины утраченныхъ ими рабочихъ и слишкомъ мало, конечно, сдѣлано для охраны отъ истязаній раскаявшихся крестьянъ ихъ помѣщиками. Неудивительно поэтому, что при возвращеніи на Украину бывшіе плѣнные всячески скрывали свою прикосновенность къ бунту, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, не разъ нами помянутый Іосипъ Мытинскій, но это не всегда удавалось и тогда прощеннымъ въ Кіевѣ приходилось идти искупать свои вины въ ужасной Коднѣ.

Въ виду этого можно, кажется, утверждать, что Румянцевъ не проявлялъ большой заботы объ облегченіи участи коліевъ, смыслъ возстанія которыхъ онъ, какъ мы видѣли, такъ прекрасно уразумѣлъ. Уклоненіе отъ суровыхъ мѣръ въ данномъ случаѣ у него было такое же, какъ и у начальниковъ разныхъ

---

[1]) Переписка гр. Румянцева, „К. Ст.“ 1882 г., кн. 10-я, стр. 117—118.

русскихъ отрядовъ, разсѣянныхъ въ Польшѣ. Когда къ этимъ начальникамъ присылались на судъ тѣ или другіе изъ коліевъ, пойманныхъ польскими подъяздами, то они большею частью или освобождали схваченныхъ, какъ это было, напр., съ Мытинскимъ, или ограничивались какою-либо скоропалительностью, не влекшей за собой по тогдашнимъ нравамъ серьезныхъ послѣдствій. Генералъ, напр., стоявшій въ Тульчинѣ, когда привели къ нему, какъ русскаго подданнаго, Никиту Москаля,—прослушавъ о его нападеніи на с. Малинки и о его женитьбѣ на паннѣ Грабовской, ограничился тѣмъ, что собственноручно три раза ударилъ его по лицу. „General, сказано въ документѣ, uderzyl Moskalia w gembe razy trzy y na tym się zakonczilo“. Польскія власти однако этимъ не удовольствовались и оставили Москаля до лучшаго суда подъ арестомъ у себя [1]).

Въ концѣ концовъ, впрочемъ, Румянцевъ, увидѣвъ, что и послѣ подавленія главныхъ гайдамацкихъ силъ все таки оказывалось много плѣнныхъ коліевъ и что возвращать имъ всѣмъ призрачную волю при отсылкѣ помѣщикамъ ни къ чему не ведетъ, вошелъ съ предложеніемъ къ Панину употреблять излавливаемыхъ къ работамъ или разсылать ихъ въ гарнизоны во внутрь государства россійскаго, въ отдаленныя мѣста, „ибо въ Малороссіи употреблять ихъ непрочно“ [2]).

Отказавшись отъ самостоятельныхъ мнѣній о коліивщинѣ и дѣйствуя по указаніямъ Панина, Румянцевъ не съумѣлъ и защитить отъ отдачи подъ судъ переяславскаго архіерея Гервасія Линцевскаго и игумена Матронинскаго монастыря Мельхиседека Значко-Яворскаго, пребывавшаго съ іюля 1766 г. не въ названномъ монастырѣ, а въ Переяславѣ. Извѣстна многотрудная дѣятельность названныхъ лицъ по поддержанію православія въ Украинѣ, по возвращенію изъ уніи многихъ, обращенныхъ въ нее насильно—мірянъ и духовныхъ лицъ. Когда въ періодъ силы коліевъ множество поповъ стало изъ уніи переходить въ православіе, то это послужило поводомъ къ упрекамъ Мельхи-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 590.

[2]) Переписка Румянцева. „К. Ст.“ 1883 г., книга 9 и 10, стр. 269.

седеку и Гервасію въ поддержаніи бунта и въ захватѣ уніатскихъ церквей. Упреки эти были дѣлаемы въ Варшавѣ Репнину, а онъ въ свою очередь, ради поддержанія акта о диссидентахъ, счелъ нужнымъ написать Панину о безправномъ будто бы захватѣ уніатскихъ приходовъ православными попами и о томъ, что Гервасій незаконно привлекаетъ къ себѣ массу уніатскихъ поповъ.

Когда обо всемъ этомъ свѣдалъ Румянцевъ, онъ, еще до уясненія ему Панинымъ общаго хода дипломатическихъ сношеній съ Польшей, счелъ своимъ долгомъ по поводу обвиненій архіерея Гервасія и игумена Мельхиседека отозваться такимъ образомъ: „....какъ всѣмъ вещамъ въ отдаленности можно виды придѣлать иные, совсѣмъ отъ существенныхъ разные, то паче же при настоящемъ случаѣ употребить могли поляки, преобразивъ всякія извѣстія въ пользу своей стороны, ища тѣмъ способомъ удержать въ сей странѣ людей, къ крайнему ихъ неудовольству обращающихся къ вѣрѣ, прежде ими исповѣданной и отъ которой они отведены однимъ насильствомъ и принужденіемъ властей, то потому предразсужденіе ведетъ мысль, что и нашъ посолъ иногда не столь удобно обозрѣть можетъ настоящія дѣйствія, какъ въ отдаленности отъ его пребыванія происходящія [1]). Въ частности объ обвиненномъ Гервасіи Румянцевъ писалъ, что „сей старецъ поведенія свои противъ прибѣгающихъ къ нему уніатскихъ поповъ основывалъ на должности своего пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія“. О Мельхиседекѣ же заявилъ, что подстрекателемъ коліевъ онъ не могъ быть уже потому, что оставилъ Матронинскій монастырь и поселился въ Переяславѣ еще въ маѣ 1766 г., управляя монастыремъ издали [2]).

Но послѣ возраженій Панина Румянцевъ отказался какъ отъ своего взгляда на коліивщину, такъ и отъ защиты невинно обвиненныхъ Гервасія и Мельхиседека. „Я, писалъ онъ Панину, немедленно начну исполнять прибавленныя мнѣ теперь повелѣ-

[1]) Переп. Румянцева. „К. Ст.“, 82 г., кн. 10 я, стр. 111.

[2]) Ibidem., стр. 114.

нія о польскомъ шляхетствѣ и крестьянахъ, и столько же наблюденіе имѣть и за поступками архіерея переяславскаго, если бы его не воздержало одно уже повелѣніе ваше, которому сообщеніе противное съ уніатскими попами вовсе пресѣктись можетъ, если ваше сіятельство изволите согласиться, чтобы ихъ ни единаго чрезъ границу въ Переяславъ не пропускать такъ, какъ и пришедшихъ назадъ выслать" [1]).

Утративъ такого защитника, какъ гр. Румянцевъ, Гервасій и Мельхиседекъ очутились въ крайней опасности подвергнуться осужденію за то, что могло быть неудобно только полякамъ,— за усердное поддержаніе православія въ украинской части переяславской епархіи. Репнину могло казаться особенно нелегальнымъ возвращеніе этими дѣятелями въ лоно православной церкви тѣхъ, что были католиками или уніатами въ моментъ утвержденія польскимъ сеймомъ 1767 г. названнаго выше сепаратнаго акта о диссидентахъ. Въ силу этого акта, несмотря на всѣ льготы, имъ обѣщанныя, именно не давалось дозволенія свободнаго перехода къ православію тѣмъ, которые *до* этого времени принуждены были насиліемъ къ уніи или католичеству [2]). Недовольство Репнина такими обращеніями не смягчалось, повидимому, даже тѣмъ, что всѣ или большая ихъ часть были сдѣланы до ратификаціи трактата, послѣдовавшей, какъ мы знаемъ, въ началѣ 1768 г. [3]). Между тѣмъ и архіерей Гервасій, и игуменъ Мельхиседекъ, дѣйствуя такимъ образомъ, никакъ не могли предположить, что идутъ врозь съ русскимъ посломъ. Имъ, не вѣдавшимъ широкихъ проектовъ „сѣвернаго аккорта" и проч., казалось необходимымъ въ виду усилившихся послѣ сейма 1767 г. преслѣдованій православныхъ на Украинѣ со стороны уніатовъ и католиковъ [4]) просить у Репнина еще и вооруженной защиты православному народу, и было имъ очень удивительно, когда и послѣ непосредственныхъ обращеній съ тѣми же просьбами въ Петербургъ, ожидаемыя военныя „команды" не являлись въ

---

[1]) Ibidem, стр. 117.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи. Ч. I. Т. II. Предисловіе Лебединцева, стр. CXVI.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem, стр. CC—CCII.

Украинѣ[1]). Приписывая задержку въ вооруженной помощи случайностямъ, архіерей, когда въ началѣ мая 1768 г. крестьяне с. Жаботина, испуганные движеніемъ на нихъ лютыхъ конфедератовъ, обратились къ нему съ мольбою исходатайствовать имъ у русскихъ властей защиту, счелъ возможнымъ вновь обратиться за этой защитой, но уже не въ Петербургъ, а къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору Ѳ. М. Воейкову, управлявшему небольшою частью нынѣшней кіевской губерніи по Васильковъ и такъ называемою Ново-Сербіею, т. е. поселенными между границей польской Украины и Запорожья пикинерными и компанейскими полками и вѣдавшему всѣ пограничныя сношенія съ Польшей[2]). Считая дѣло, о которомъ приходилось просить, до очевидности подлежащимъ вниманію Ѳ. М. Воейкова, архіерей вновь былъ крайне изумленъ отвѣтомъ, какого требовалъ однако отъ отвѣчавшаго долгъ службы. „Хотя охотно,—значится между прочимъ въ письмѣ кіевскаго генералъ-губернатора архіерею,—желалъ бы я въ томъ (въ защитѣ жаботинцевъ) показать вашему преосвященству удовольствіе, но какъ обстоятельства сего дѣла принадлежатъ до разсмотрѣнія вышнихъ правительствъ, то вразсужденіи того за пристойно нахожу вашему преосвященству представить мой совѣтъ: не соизволите ль по сему дѣлу адресоваться по командѣ въ святѣйшій правительствующій синодъ или въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ“[3]). Но вся очевидность прекраснодушія почтенныхъ пастырей за шумомъ дипломатіи не вызвала отчетливыхъ представленій у многихъ. Не мало содѣйствовало этому исключительное положеніе Матронинскаго монастыря, находившагося въ ихъ вѣдѣніи. Будучи до 1766 года резиденціей игумена Мельхиседека, состоявшаго по назначенію переяславскаго архіерея правителемъ украинскихъ церквей, монастырь этотъ въ періодъ гоненій на православныхъ не могъ не давать у себя пріюта православнымъ попамъ, лишеннымъ „презенты“ и вовсе изгнаннымъ уніатами изъ своихъ приходовъ.

---

1) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I. Т. III. №№ CIV и CVI актовъ.

2) Ibidem. № CXVI.

3) Ibidem. CXVII.

Трудно было бы монастырской братіи затворять двери своей обители и запорожцамъ, нерѣдко являвшимся на Украину для свиданія съ близкими родичами; инокамъ не приходилось разбирать, какими политическими цѣлями могли руководиться приходившіе въ обитель, повидимому, ради религіозныхъ цѣлей; не во власти было братіи устранять и сговоры о защитѣ православія, какіе могли происходить и дѣйствительно иногда происходили между лишенными приходовъ іереями и запорожцами или выдававшими себя за запорожцевъ. Между тѣмъ польскія власти и уніатскіе официіалы иначе смотрѣли на всѣ указанныя обстоятельства, обвиняя Матронинскаго игумена просто въ организаціи гайдамацкихъ сборищъ въ Матронинскомъ лѣсу, окружавшемъ монастырь, тѣмъ болѣе, что одинъ случай указанныхъ выше сговоровъ въ Матронинской обители, именно сговоръ въ началѣ 1767 года, сталъ даже извѣстенъ при разслѣдованіи дѣла священника Гавріила Царика, за православіе лишеннаго прихода и проживавшаго одно время въ Матронинской обители[1]). Репнину, которому доносили польскія власти обо всемъ происходившемъ въ Матронинской обители, казались простымъ отводомъ глазъ заявленія переяславскаго архіерея о несочувствіи насильственнымъ дѣйствіямъ гайдамакъ. Хотя разслѣдованія и обыски, произведенные „осмотрительно“ въ Матронинской обители по распоряженію Румянцева и Воейкова и въ іюнѣ 1768 г.[2]) и затѣмъ въ сентябрѣ того же года[3]) не дали никакихъ подтвержденій обвиненію, тѣмъ больше, что и сама обитель пострадала однажды отъ какихъ то невѣдомыхъ разбойниковъ, тѣмъ не менѣе все же дѣло названныхъ духовныхъ лицъ было доведено до суда. А разъ это случилось, то у обвинителей нашлась и такая улика противъ Гервасія, какъ погребеніе имъ при торжественной обстановкѣ въ переяславской каѳедральной церкви головы сожженнаго поляками и уніатами жителя мѣстечка Мліева Даніила Кушнира, который не хотѣлъ когда то отдать уніатамъ и ихъ свя-

---

[1]) А. Ю.-З. Рос., ч. I, т. II. Предисловіе Лебединцева, стр. CXCI.

[2]) Арх. Ю.-З. Россіи. Ч. I, Т. III. №№ CXXVI и CXXVII.

[3]) Переписка Румянцева. „К. Ст.“ 1883 г, кн. 9 и 10, стр. 262.

щенникамъ священной гробницы, хранившейся сперва въ мліевской церкви и спрятанной имъ Кушниромъ у себя [1]). Въ означенномъ религіозномъ торжествѣ усмотрѣна была поддержка людей, возстававшихъ противъ своихъ властей, а не желаніе поддержать падавшій духъ простыхъ немудреныхъ защитниковъ своей вѣры.

Судъ, конечно, не могъ повести къ признанію обвиненій, взведенныхъ на достотчимыхъ духовныхъ дѣятелей, но все же оба они—и игуменъ Мельхиседекъ, и архіерей Гервасій—были „пристойнымъ образомъ“ устранены—первый съ игуменства въ Матронинскомъ монастырѣ, а второй — отъ управленія переяславскою епархіею. Гервасій послѣ этого прожилъ нѣкоторое время на покоѣ въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ 1769 года, Мельхиседекъ же сперва былъ игуменомъ въ переяславскомъ монастырѣ, потомъ въ кіевскомъ Выдубецкомъ, далѣе въ лубенскомъ Мгарскомъ, гдѣ получилъ санъ архимандрита, и наконецъ въ глуховскомъ, причемъ одно время состоялъ Кіево-Софіевскимъ каѳедральнымъ намѣстникомъ (то же, что нынѣ каѳедральный протоіерей); умеръ онъ въ 1809 г. [2]). Удаленіе отъ мѣста кипучей дѣятельности, хотя бы даже „пристойнымъ образомъ“ для такихъ насадителей духовной нивы, каковы были архіерей Гервасій и игуменъ Мельхиседекъ, являлось тяжелымъ ударомъ судьбы.

Но если такъ трудно было избѣжать недоразумѣній высокопоставленнымъ духовнымъ дѣятелямъ Гервасію и Мельхиседеку, то для людей, вовсе лишенныхъ свѣдѣній о планахъ и намѣреніяхъ дипломатіи, а между тѣмъ стремившихся отдавать себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ вокругъ нихъ, почти немыслимо было при искренности душевной не впасть въ рядъ ошибокъ sui generis. И вотъ мы видимъ, что капитанъ русской службы Станкевичъ, состоявшій въ черномъ гусарскомъ полку, подъ предлогомъ вербовки въ гусары людей, набралъ въ Смѣлянщинѣ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I. Т. II. Акты CXII и CXIX.

[2]) А. Ю-З. Р. ч. I, т. III, №№ CLIX и CLX, а также въ т. II. Предисл. Ѳ. Г. Лебединцева, стр. CCVIII и № CLXX.

отрядъ въ 1000 человѣкъ и сталъ дѣйствовать въ духѣ коліевъ недавней поры. Когда же противъ него былъ посланъ отрядъ поручика ямбургскаго полка Вепрейскаго, то на его выручку двинулась было очень значительная гайдамацкая ватага; только съ большимъ трудомъ удалось Вепрейскому захватить и самого Станкевича, и 200 человѣкъ изъ его отряда [1]). Сочувствіе къ Станкевичу между бродившими вблизи границы гайдамаками было такъ велико, что кіевскій генералъ-губернаторъ торопилъ воинское начальство препроводить Станкевича подъ крѣпкимъ карауломъ въ Кременчугъ изъ опасенія, чтобы не вздумали гайдамаки освободить изъ менѣе укрѣпленной Смѣлы столь важнаго преступника... [2]).

Не стремленіемъ-ли оказать поддержку боровшимся за православіе можетъ быть объясненъ и данный случай и случай съ оберъ-офицеромъ того же чернаго гусарскаго полка Марьяновичемъ, который также готовился стать въ ряды гайдамакъ, причемъ только неосторожнымъ письмомъ къ одному изъ гайдамацкихъ ватажковъ разоблачилъ случайно свои планы двинуться съ гайдамаками къ Могилеву на Днѣстрѣ? Не будь ватажокъ, къ которому онъ писалъ, убитъ въ одной изъ стычекъ съ русскими войсками и не попадись найденное при немъ письмо Марьяновича въ руки русскихъ властей, быть можетъ, послѣдній съигралъ бы ту же роль, что и Станкевичъ.

Наконецъ, не тѣмъ ли же стремленіемъ помочь коліямъ отстоять отъ поляковъ свою вѣру могутъ быть объяснены и частыя удаленія въ ряды бунтовавшихъ русскихъ солдатъ? При этомъ поражаетъ тотъ фактъ, что уходившихъ въ гайдамаки солдатъ бывало очень много, такъ что изъ нихъ исключительно составлялись цѣлыя ватаги. Въ письмѣ къ Панину отъ 19 октября уже 1770 г. Румянцевъ писалъ объ этомъ такъ: „изъ приложеннаго въ копіи репорта ко мнѣ отъ генералъ-поручика фонъ-Эссена ваше сіятельство узнаете, сколько новые злодѣи изъ са-

---

[1]) Переписка Румянцева. К. Ст. 1883 г., книжки 9 и 10, стр. 266.

[2]) Матеріалы для исторіи коліивщины, Костомарова. Кіев. Ст. 1882 г., книга 8-я стр. 321.

михъ нашихъ войскъ на Побережьѣ (?) польскомъ возстаютъ; сіи грабители опаснѣе быть могутъ самого непріятеля, ибо они, подъ именемъ своихъ вездѣ пройтить могутъ и разорять..." [1]).

Но если планы Панина о „сѣверномъ аккортѣ," съ которыми были сопряжены и мысли о поддержаніи Польши, оказались причиной невзгодъ для многихъ русскихъ людей, иначе, чѣмъ Панинъ, понимавшихъ отношенія свои и къ Польшѣ, и къ ея православному южно-русскому населенію, то не привели они къ удачѣ и въ широкой сферѣ международныхъ отношеній. Турція не думала, конечно, дожидаться, пока изъ Польши, поддержанной и укрѣпленной, Панинъ создастъ надежную союзницу Россіи, и, сочтя гайдамакъ Желѣзняка, налетѣвшихъ въ іюнѣ 1768 г. на Балту и ограбившихъ турецкихъ подданныхъ, за людей, поддерживаемыхъ Россіей, посадила русскаго посла при своемъ дворѣ, Обрѣзкова, въ семибашенный замокъ и тѣмъ объявила Россіи войну, которою давно грозила, боясь захвата ею безсильной Польши.

Я. Шульгинъ.

---

[1]) Переписка Румянцева, К. Ст. 1883 г., кн. 9 и 10, стр. 778.

Сынъ Гетмана. [1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

Часть третья.

ВѢРНЫЙ СОЮЗНИКЪ.

ГЛАВА I.

СБОРЫ ВЪ ПОХОДЪ.

Полковники Носачъ и Пушкарь медленно возвращались на Украйну и, переправившись черезъ Днѣстръ, остановились отдохнуть въ небольшомъ хуторѣ у знакомаго корчмаря. Они попивали горѣлку и собирались уже ложиться спать, какъ въ ворота корчмы раздался стукъ.

— Гей, отворяй! громко крикнули за воротами.

— Кто тамъ? спросилъ корчмарь.

Ворота отворились сами подъ напоромъ толчковъ, и нетерпѣливые гости въѣхали во дворъ, бросили поводья на руки хозяина и вошли въ корчму.

Козаки подошли къ окну и внимательно всматривались во вновь прибывшихъ.

— Гдѣ-то я этихъ пановъ видѣлъ, сказалъ Носачъ, припоминая.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1890 г. № 7.

А я знаю, гдѣ мы ихъ видѣли, отвѣтилъ Пушкарь. Мы ихъ видѣли въ Яссахъ, въ замкѣ, у господаря.

Незнакомцы, между тѣмъ, вошли въ смежную комнату, отдѣлявшуюся перегородкой, и спросили себѣ пива.

Оба полковника молча покуривали свои люльки и, переглядываясь, слушали болтовню прибывшихъ съ корчмаремъ.

— А что, шинкарь, неспокойно здѣсь у васъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— У насъ-то, пане, еще ничего, жить можно, отвѣчалъ тотъ. А вотъ дальше у Каменца, не приведи Богъ, что дѣлается.

— Слышишь, панъ Кутнарскій! обратился спрашивавшій къ своему товарищу.

— А развѣ панамъ нужно до Каменца? спросилъ шинкарь.

— Намъ надо видѣть пана короннаго гетмана, съ важностью проговорилъ Кутнарскій. Если онъ въ Каменцѣ, то и намъ надо туда.

Полковники значительно переглянулись между собою.

— А сильно шалятъ тамъ козаки? продолжалъ допрашивать Доброшевскій.

— Шалили, пане, да теперь ихъ коронный гетманъ скрутилъ. Кого на колъ посадили, кому уши да носы пообрѣзали: вотъ и стало потише.

— Это хорошо! это очень хорошо! замѣтилъ панъ.

— А издалека паны ѣдутъ? освѣдомился корчмарь.

— Издалека, неохотно проговорилъ Кутнарскій.

Разговоръ оборвался. Корчмарь скользнулъ за дверь.

— Панъ Доброшевскій, гдѣ письмо господаря? спросилъ Кутнарскій.

— Здѣсь! отвѣчалъ тотъ, вытаскивая пакетъ изъ-за пазухи.

— Слѣдуетъ зашить его въ шапку; мы теперь на непріятельской землѣ. Есть у пана игла?

— Есть.

— Ну, такъ пусть панъ сдѣлаетъ изъ нея должное употребленіе.

— А что? не говорилъ я пану, прибавилъ Кутнарскій, что наше путешествіе удастся какъ нельзя лучше; хлопы усмирены

и ни одна шельма не осмѣлится напасть на насъ съ паномъ. Панъ гетманъ сидитъ въ своемъ Чигиринѣ и не чуетъ, что мы съ паномъ ѣдемъ къ его заклятому врагу. Пока онъ тамъ соберетъ своихъ воинственныхъ сватовъ, а мы обдѣлаемъ дѣльце. Такъ ли я говорю, пане?

Панъ Кутнарскій говорилъ вполголоса, но полковники отлично все слышали. По мѣрѣ того, какъ панъ Кутнарскій излагалъ свои планы, лица козаковъ становились сумрачнѣе, и когда разговоръ за перегородкой умолкъ, Носачъ тихо поднялся, вышелъ на цыпочкахъ, вызвавъ своего товарища.

— Слышалъ? многозначительно проговорилъ онъ.

— Слышалъ! флегматически отвѣчалъ Пушкарь.

— Треба намъ этихъ пановъ представить до батька, проговорилъ Носачъ.

Пушкарь прошелъ въ сарай, гдѣ корчмарь возился съ лошадьми и молча знаками велѣлъ ему слѣдовать за собой.

— Чего угодно панамъ полковникамъ? освѣдомился тотъ.

— Слушай, пріятель! тихо сказалъ ему Пушкарь. Мы ляжемъ на сѣновалѣ вмѣстѣ съ козаками, ты же позаботишься, чтобы хата, гдѣ ночуютъ паны, на ночь не запиралась; а самъ со своими домашними сгинешь и пропадешь на эту ночь. Понимаешь? За это получишь кошель злотыхъ.

Яцекъ покачалъ головою.

— Паны козаки затѣваютъ опасное дѣло. Какъ бы и мнѣ не пришлось отвѣчать за это? Послы ѣдутъ къ самому коронному гетману.

— А мы ѣдемъ къ самому гетману запорожскому, съ усмѣшкою отвѣчалъ полковникъ. Если тебѣ панъ коронный гетманъ милѣе, держись за него, попробуешь нагайки нашего гетмана.

Яцекъ поежился.

— Паны полковники не выдадутъ меня? спросилъ онъ.

— Какая намъ неволя тебя выдавать; намъ не до тебя, у насъ свои дѣла, съ усмѣшкой отвѣчалъ козакъ, только самъ не лѣзь и не попадайся на глаза, чтобы ни духу, ни слуху твоего не было сегодня ночью. Понялъ? спросилъ онъ его.

— Понялъ! покорно отвѣчалъ Яцекъ, принимая отъ него кошель съ деньгами.

Притомившись съ дороги, паны крѣпко спали, какъ вдругъ пану Доброшевскому показалось, что его схватили нѣсколько паръ дюжихъ рукъ. Полагая, что онъ видитъ дурной сонъ, онъ пробормоталъ про себя какую то молитву, но кошмаръ не пропадалъ, напротивъ руки его еще сильнѣе сжали, онъ лежалъ какъ въ тискахъ, чувствуя, что его опутываютъ веревками.

— Панъ Кутнарскій! крикнулъ онъ, что было мочи. Въ тоже мгновеніе онъ почувствовалъ, что сильная рука схватила его за горло.

— Молчать, вражій сыне! крикнулъ грозный голосъ надъ самымъ его ухомъ.

— Матерь Божія, спаси и помилуй! мысленно проговорилъ Доброшевскій, не смѣя открыть рта.

Кутнарскій былъ ужъ притороченъ къ сѣдлу и находился въ полной увѣренности, что попалъ въ руки гайдамакамъ.

— Батько! мы тебѣ подарокъ привезли! весело сказалъ Носачъ, входя въ скромную хату гетмана.

Богданъ сурово взглянулъ на него.

— Что толку въ вашихъ подаркахъ, угрюмо отвѣчалъ онъ, когда вы дѣла не сдѣлали.

— Съ этимъ господаремъ каши не сваришь, возразилъ полковникъ. Онъ, какъ ужъ, скользитъ между пальцами; обѣщаетъ одно, а дѣлаетъ другое. Надо ему дать пороху понюхать, да козацкой сабли попробовать. А что онъ обманщикъ, на это у насъ есть доказательство: прихватили мы по дорогѣ двухъ плѣнниковъ. Вотъ прочти-ка грамотку, что они везли къ коронному гетману, да разспроси ихъ хорошенько.

Носачъ подалъ гетману толстый пакетъ съ большою восковою печатью, на ней красовалась бычачья голова—молдавскій гербъ.

По мѣрѣ того, какъ гетманъ читалъ грамоту, лицо его становилось грознѣе, наконецъ, въ гнѣвѣ онъ бросилъ бумагу на полъ.

— Дерзкій обманщикъ! крикнулъ онъ. Я ему покажу, какъ предавать меня въ руки короннаго гетмана! Позвать пословъ! Я самъ допрошу ихъ, а потомъ велю казнить, пусть знаетъ Лупулъ, что не ждать ему отъ меня теперь ничего хорошаго.

Носачъ отдалъ приказаніе двумъ козакамъ, дежурившимъ у дверей, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату ввели дрожащихъ пановъ. Тимошъ вошелъ вслѣдъ за ними.

Начался допросъ. Панъ Кутнарскій подробно разсказалъ о возложенномъ на него порученіи, о пребываніи въ Яссахъ Дмитрія Вишневецкаго и о намѣреніи господаря отдать за него дочь.

— Ну, панове! съ усмѣшкою обратился Хмельницкій къ посламъ, выслушавъ ихъ, благодарю за сообщенныя свѣдѣнія, а теперь не угодно ли будетъ панамъ познакомиться съ палачемъ.

Паны упали въ ноги гетману.

— Пусть смилуется панъ гетманъ! мы не виноваты, мы послы, что приказано намъ передать, то мы и должны исполнить! въ страхѣ молилъ Кутнарскій, хватая гетмана за полы его кафтана.

— Татко! проговорилъ Тимошъ, подходя къ отцу, не надо ихъ казнить. Подержимъ ихъ у себя, чтобы они не ушли къ коронному гетману, а когда пойдемъ на Яссы, прихватимъ и ихъ съ собою, пусть ихъ идутъ тогда до дому; что намъ ихъ бояться?

— Твое дѣло, сынку! весело отвѣчалъ Богданъ. Дарю тебѣ ихъ съ руками и ногами, что хочешь, то съ ними и дѣлай.

Кутнарскій бросился благодарить Тимоша, а Доброшевскій проговорилъ своимъ обычнымъ гробовымъ голосомъ:

— Панъ Тимошъ можетъ всегда разсчитывать на меня, я никогда не забуду, что обязанъ ему жизнью.

Начались сборы въ походъ. Хмельницкій далъ знать татарамъ. Султанъ Калга велъ въ это время переговоры съ гетманомъ о войнѣ съ Москвою, и двадцать тысячъ татаръ стояли на границѣ Украйны, съ нетерпѣніемъ ожидая возможности двинуться въ походъ.

Вечерѣло. Въ уютномъ чигиринскомъ домикѣ сидѣлъ Тимошъ съ высокимъ смуглымъ татариномъ въ богатомъ парчевомъ кафтанѣ и золотой тюбетейкѣ. Это и былъ султанъ Калга, прибывшій наканунѣ для окончательныхъ переговоровъ.

— Слушай, Тимошъ! говорилъ Калга. Ты знаешь, что собственно говоря я долженъ сердиться на тебя. Я принялъ тебя къ себѣ въ домъ, какъ роднаго, а ты сгубилъ Зелиму; она была мнѣ родною дочерью.

— Я ужъ говорилъ тебѣ, отвѣчалъ Тимошъ, что самъ въ этомъ раскаяваюсь. Она мнѣ часто грезится, и мнѣ становится страшно, когда я вспомню, какъ она на меня смотрѣла въ послѣдній разъ здѣсь, въ Чигиринѣ.

— И ты не видалъ ее послѣ того? спросилъ Калга.

— Ни разу! она какъ въ воду канула.

— Ну, что дѣлать! со вздохомъ проговорилъ султанъ. Я обѣщалъ твоему отцу сражаться съ тобою за твою невѣсту и сдержу свое слово, на все воля Аллаха. Моимъ воинамъ давно ужъ хочется захватить побольше добычи, а у господаря будетъ чѣмъ полакомиться; одного только боюсь, чтобы не досталось намъ за это отъ турецкаго султана. Ну, да можно будетъ какъ нибудь вывернуться, а добыча все таки останется нашею, только не раздумывайте долго, а скорѣе собирайтесь въ путь.

— Что тутъ раздумывать, весело отвѣчалъ Тимошъ: мнѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а козакамъ не долго собраться.

Въ это время козакъ отворилъ дверь и проговорилъ, обращаясь къ Тимошу:

— Тамъ какая-то козачка спрашиваетъ тебя, говоритъ по важному дѣлу.

— Зови сюда, безпечно отвѣчалъ Тимошъ и, обращаясь къ Калгѣ, прибавилъ: это должно быть къ отцу, онѣ каждый день его безпокоятъ просьбами; а отца нѣтъ, ко мнѣ идутъ.

При этихъ словахъ отворилась дверь, и высокая стройная козачка въ нерѣшительности остановилась у порога. Ея черный блестящій взоръ неподвижно впился въ лицо Калги и тотъ въ изумленіи вскочилъ съ лавки.

— Зелима! проговорилъ онъ.

— Да, господинъ мой, въ волненіи проговорила женщина, падая въ ноги своему воспитателю. Бѣдная Зелима проситъ у тебя мщенія. Я услышала, что ты хочешь идти съ этимъ невѣрнымъ гяуромъ, хочешь помогать ему, хочешь женить его на красавицѣ-молдаванкѣ, я знала, что ты здѣсь, и пришла упасть къ ногамъ твоимъ; вспомни твою названную дочь, вспомни, что этотъ гяуръ погубилъ ее и отомсти за нее.

Она обняла ноги султана, но тотъ съ гнѣвомъ оттолкнулъ ее.

— У меня нѣтъ больше дочери! проговорилъ онъ: я врагъ твой, и отъ меня тебѣ нечего ждать защиты; ты обманула меня, убѣжала отъ меня, когда я хотѣлъ спасти тебя, отдать замужъ, мнѣ теперь нѣтъ до тебя дѣла.

Зелима встала съ сверкающими глазами и гордо выпрямилась.

— Такъ не будетъ же вамъ обоимъ удачи! быстро проговорила она. И не думай, обратилась она къ Тимошу, что сердце прекрасной молдаванки принадлежитъ тебѣ. Я была въ Яссахъ, я жила тамъ все время съ тѣхъ поръ, какъ ты оттуда уѣхалъ. Я видѣла твою красавицу съ другимъ гяуромъ, видѣла, какъ она улыбалась молодому поляку, и душа моя радовалась твоему несчастью. Чтожъ, поѣзжайте въ Яссы, берите ихъ силою, а все таки сердца княжны вамъ не завоевать; сердца гяурскихъ женщинъ измѣнчивы, онѣ цѣлуютъ одного, а думаютъ о другомъ. Иди, счастливый любовникъ! засмѣялась она звонкимъ, рѣзкимъ смѣхомъ: и сражайся за то, что тебѣ ужъ больше не принадлежитъ.

Тимошъ поблѣднѣлъ и хотѣлъ схватить Зелиму за руку.

— Говори скорѣе все, что знаешь! крикнулъ онъ ей.

Но Зелима быстро скрылась за дверь, а Калга удержалъ Тимоша, хотѣвшаго слѣдовать за нею.

— Оставь ее! сказалъ онъ ему: она совсѣмъ сошла съ ума и не знаетъ, что говоритъ.

— Я боюсь, что она права! отвѣчалъ Тимошъ. Плѣнные поляки тоже разсказывали про князя Дмитрія.

— Пустяки! проговорилъ Калга, махнувъ рукою. Дѣвичье сердце принадлежитъ побѣдителю. Мы разгромимъ Молдавію и заставимъ Василія отдать тебѣ его дочь, а когда она будетъ

твоею, то ужъ ты самъ заставишь ее позабыть всѣхъ другихъ жениховъ.

Султану ужъ очень хотѣлось поскорѣе направить свои полчища на богатую страну, тѣмъ болѣе, что Москва ускользала изъ ихъ рукъ, а поляки оказывались ненадежными союзниками. За этими корыстолюбивыми цѣлями Зелима казалась ничтожною песчинкою, о ней не стоило и думать, ею можно было совершенно пренебречь. Хитрый султанъ такъ и сдѣлалъ.

— Ты храбрый воинъ, Тимошъ! проговорилъ онъ, обращаясь къ молодому козаку: я люблю тебя и съ тобою готовъ идти куда угодно. Хоть законъ Магометовъ и не дозволяетъ намъ пить, но съ тобою я хочу на этотъ разъ согрѣшить и выпить походную чарку на побратимство. Мои татары не увидятъ, а твои козаки не осудятъ. Идетъ, что ли? весело проговорилъ онъ, протягивая Тимошу свою лѣвую руку.

Тимошъ въ честь новаго брата крѣпко ударилъ лѣвою ладонью о его ладонь, велѣлъ принести двѣ чарки горѣлки и выпилъ съ Калгою побратимскую черезъ руку, послѣ чего они помѣнялись саблями и конями.

— Теперь мы съ тобою все равно, что братья, проговорилъ Калга: куда ты, туда и я.

ГЛАВА II.

ГРОЗНЫЙ ЖЕНИХЪ.

Въ Молдавіи стояла прекрасная, благодатная осень. Поля дали такой урожай, какого жители давно не видали. Пшеница, кукуруза, ячмень ожидали жатвы; а въ ульяхъ было больше мѣры меду, и счастливые хозяева уже заранѣе видѣли всѣ подати уплаченными. Княжескія житницы, по разсчету великаго вистерника, должны были получить втрое большіе запасы сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, въ виду чего уже заранѣе вступили въ соглашеніе съ княжескими подрядчиками, скупавшими лишній хлѣбъ для вывоза за границу. Князю Василію это было на руку; онъ готовился къ свадьбѣ дочери съ княземъ

Вишневецкимъ и посылалъ въ Турцію богатые подарки, чтобы добиться разрѣшенія на этотъ бракъ.

Вдругъ пронеслась грозная вѣсть, что татары подошли къ границѣ вмѣстѣ съ козаками.

Князь Василій сперва не повѣрилъ слуху; онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что послы его прибыли къ коронному гетману, и Потоцкій не допуститъ козаковъ напасть на Молдавію. Но разъ утромъ, когда онъ не собирался идти въ совѣтъ, къ нему вошелъ взволнованный Георгица.

— Ваша свѣтлость! проговорилъ великій логоѳетъ, позабывъ даже отвѣсить поклонъ, предписываемый этикетомъ; ваша свѣтлость, бѣда!

— Что такое? испуганно спросилъ князь, привставъ съ своего мѣста.

— Кутнарскій и Доброшевскій пріѣхали!

Князь посмотрѣлъ на своего логоѳета такъ, какъ смотрятъ на помѣшаннаго.

— Въ умѣ ли ты, Георгица? спросилъ онъ его укоризненно. Можно ли такъ пугать? Пріѣхали—такъ и слава Тебѣ Господи, значитъ все къ лучшему; коронный гетманъ охранитъ нашу границу.

Георгица съ растеряннымъ видомъ отрицательно моталъ головою. Языкъ не повиновался ему, и онъ едва могъ проговорить:

— Не отъ короннаго гетмана! Нѣтъ, нѣтъ! Отъ козацкаго гетмана!

— Какъ, отъ козацкаго гетмана? воскликнулъ господарь, теряя обычное хладнокровіе. Какой дьяволъ занесъ ихъ къ козацкому гетману?

— Не дьяволъ, а сваты! отвѣтилъ логоѳетъ.

— Какіе сваты?

— Козаки, что были здѣсь отъ гетмана, продолжалъ Георгица, стараясь оправиться.

Василій быстро сообразилъ все положеніе дѣла.

— Зови ихъ скорѣе сюда! прибавилъ онъ: я самъ ихъ разспрошу обо всемъ.

Панъ Кутнарскій вошелъ въ сопровожденіи своего мрачнаго друга. Онъ низко опустилъ голову и имѣлъ видъ провинившагося школьника.

— Разсказывайте скорѣе, что съ вами случилось! строго сказалъ господарь, уставивъ свой проницательный взоръ на съежившагося пана. Какъ вы попали къ козакамъ, и кто васъ просилъ тамъ разглашать мои намѣренія?

Послѣднее господарь прибавилъ наудачу, и отъ его пытливаго вниманія не скрылось смущеніе пана, какъ то сбоку взглянувшаго на него.

— Да проститъ его свѣтлость бѣднымъ слугамъ его! жалобно проговорилъ Кутнарскій. Но когда надъ головой стоитъ палачъ, тогда скажешь все. Притомъ письмо его свѣтлости у насъ отняли раньше.

Въ короткихъ словахъ онъ передалъ князю все, что съ ними случилось.

— Какъ же васъ отпустили? недовѣрчиво спросилъ Василій, окидывая пана подозрительнымъ взоромъ.

— Мы бѣжали, ваша свѣтлость, солгалъ Кутнарскій.

— Гдѣ же козаки? спрашивалъ господарь.

— Они собирались напасть на Сороку, когда мы ихъ оставили, т. е. когда намъ удалось бѣжать, поправился панъ.

Василій снова подозрительно взглянулъ на него.

— Я самъ виноватъ, проговорилъ князь, я долженъ былъ выбрать лучшихъ пословъ. Ступайте, остальныя свѣдѣнія отъ васъ отберетъ великій логоѳетъ, прибавилъ онъ.

Не отвѣчая на ихъ низкіе поклоны, Василій повелительно указалъ имъ на дверь.

— Говорилъ я пану, что не надо было сюда ѣхать, гробовымъ голосомъ съ укоризною причиталъ панъ Доброшевскій, слѣдуя за своимъ товарищемъ.—Панъ Тимошъ великодушный воинъ, ему и слѣдовало служить, а тутъ еще дождемся, что насъ, какъ кротовъ, пожгутъ вмѣстѣ съ этимъ волкомъ.

Кутнарскій со злостью обернулся къ нему.

— Ну и ступай панъ къ козаку, если онъ тебя такъ прельстилъ; а я не льщусь на хлопскія милости, во мнѣ шляхетская кровь.

— Прельстилъ или не прельстилъ! угрюмо ворчалъ Доброшевскій: а все таки жизнь спасъ, и панъ Доброшевскій это помнитъ.

Князь Василій тотчасъ по уходѣ пановъ послалъ за великимъ постельничимъ и приказалъ ему немедленно отправить лучшаго скорохода въ Сороки, чтобы узнать, что тамъ дѣлается.

— Приказываю благородному моему боярину имѣть особо строгій надзоръ за обоими поляками, бѣжавшими изъ козацкаго лагеря, и въ случаѣ чего-либо подозрительнаго тотчасъ же дать мнѣ знать.

На женскую половину тоже дошли слухи о вторженіи козаковъ. Маріанка первая таинственно передала госпожѣ, что рыцарь—такъ она называла Тимоша—ѣдетъ воевать себѣ княжну. Локсандра пошла къ мачихѣ. Со времени сватовства Вишневецкаго между нею и мачихою установились самыя задушевныя отношенія. Господарша уже знала эту новость.

— Матушка! говорила Локсандра, неужели отецъ и теперь будетъ упорствовать? Неужели онъ навлечетъ бѣду на всю Молдавію?

— Что ему Молдавія? съ оттѣнкомъ презрѣнія проговорила господарша. Онъ честолюбецъ и за своимъ честолюбіемъ ничего не видитъ.

— Поговори съ нимъ, матушка! Онъ тебя послушаетъ, вкрадчиво проговорила Локсандра, ласкаясь къ мачихѣ.

— Развѣ я ему не говорила? возразила господарша. Развѣ я не умоляла его не слушать тѣхъ, кто давалъ ему совѣты на его же погибель? А теперь ужъ поздно: татаръ ничѣмъ не остановишь; они давно ждали случая поживиться въ Молдавіи.

Тѣмъ не менѣе, уступая настоятельной просьбѣ Локсандры, господарша пошла къ князю. Но дѣйствительно было поздно; на княжеской половинѣ господствовало смятеніе. Слуги бѣгали, кричали что-то другъ другу. Великій вистерникъ быстро прошелъ мимо княгини, даже не замѣтивъ ее; великій армазъ горячо о чемъ-то толковалъ съ ключаремъ и меченосцемъ. При входѣ

въ княжескую комнату господарша встрѣтилась съ однимъ изъ чиновныхъ, спѣшившимъ куда-то, сломя голову.

— Что случилось? остановила его княгиня.

— Козаки, татары! отвѣчалъ онъ поспѣшно и побѣжалъ дальше..

Господарша застала мужа въ какомъ то оцѣпенѣніи. На ея разспросы онъ едва отвѣтилъ ей, что козаки и татары подступаютъ къ Яссамъ. Всѣ окрестности въ ужасѣ, все предано огню; отъ Сороки остался одинъ только пепелъ; татары рѣжутъ и грабятъ немилосердно, не жалѣютъ ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ.

— Развѣ нельзя обороняться? спросила господарша.

— Ихъ больше сорока тысячъ, отвѣчалъ князь, а намъ не собрать и десяти. Я уже послалъ гонца къ Потоцкому, а пока надо бѣжать, спасаться, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Нѣсколько дней прошло въ тревожномъ ожиданіи; всякій заботился о себѣ, всякій пряталъ свои сокровища, деньги, имущество. Господарь впалъ въ полное уныніе, не отвѣчалъ на вопросы придворныхъ и мрачный сидѣлъ у себя въ комнатѣ, оживляясь только тогда, когда рѣчь заходила о его несмѣтныхъ богатствахъ, которыя онъ разсылалъ повсюду въ надежные и укромные уголки. Зато господарша дѣятельно готовилась встрѣтить ожидаемое нападеніе. Она ободряла придворныхъ, распоряжалась всѣмъ и каждый день упрашивала князя уѣхать изъ Яссъ, чтобы не подвергнуться нападенію татаръ.

— Еще не все потеряно, говорила она, мы можемъ стянуть войско къ какому нибудь укрѣпленному городу и выждать помощи короннаго гетмана.

Но господарь медлилъ. Онъ видѣлъ сумрачныя лица бояръ и болѣе нападенія боялся измѣны съ ихъ стороны.

— Пока я здѣсь, въ столицѣ, я князь, говорилъ онъ, а стоитъ только мнѣ уѣхать отсюда, они выберутъ другаго.

На скорую руку городъ укрѣпили, какъ только можно; но всѣ прекрасно понимали что ни эти укрѣпленія, ни собранныя военныя силы не могутъ устоять передъ дружнымъ натискомъ врага. Каждый новый день приносилъ все болѣе тревожные

слухи. Главныя силы татаръ и козаковъ двигались къ Яссамъ, не щадя ничего на пути: ни деревень, ни селъ, ни нивъ, ни пажитей. Отъ главнаго войска отдѣлилось множество мелкихъ летучихъ отрядовъ, наполнившихъ ужасомъ всю Молдавію.

Наконецъ татары и козаки подступили и къ самымъ Яссамъ. Имъ ничего не значило пробить стѣны, разрушить предмѣстья и зажечь городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Крики, смятеніе, безпорядокъ наполняли улицы, женщины съ отчаяніемъ бросались въ пламя, чтобы только не попасть въ руки татаръ. Мужчины защищались слабо, да и силы непріятелей въ нѣсколько разъ превышали молдавское войско.

— Бѣжать, бѣжать! пронеслось по княжескому дворцу.

Въ это трудное время, какъ изъ-подъ земли, явился Янкель съ предложеніемъ своихъ услугъ. Онъ зналъ въ лѣсу прекрасное укромное убѣжище между скалъ, въ ущельѣ, куда никто не найдетъ дороги. Выбирать было некогда. Господарь, господарша, Локсандра, Георгица съ женою и еще нѣсколько придворныхъ послѣдовали за Янкелемъ. Искусно лавируя по переулкамъ и отдаленнымъ площадямъ, корчмарь провелъ своихъ высокопоставленныхъ спутниковъ къ подошвѣ скалы и спустился съ ними въ глубокое ущелье, гдѣ имъ пришлось пробираться въ полутьмѣ, скользить по мокрымъ камнямъ, спотыкаться о гнилые пни. Ущелье это привело ихъ къ небольшой котловинѣ, поросшей столѣтними буковыми деревьями и спрятанной среди высокихъ отвѣсныхъ скалъ. Въ котловину велъ одинъ только узкій проходъ, задрапированный густымъ кустарникомъ; въ этотъ проходъ можно было пролѣзать только по одному и то съ нѣкоторымъ трудомъ.

Семейство Янкеля приняло гостей, какъ умѣло. Проворная шинкарка приготовила скромный ужинъ; но до него никто не дотронулся, всѣ были слишкомъ взволнованы.

На небѣ горѣло громадное зарево пожара, и Василій со слезами на глазахъ восклицалъ:

— Яссы, Яссы мои! Что съ вами теперь будетъ?

Локсандра все время молча слѣдовала за отцемъ и матерью, она поблѣднѣла и похудѣла, глаза ея горѣли лихора-

дочнымъ блескомъ, губы дрожали. Судорожно сжимая руки, она не рѣшалась заговорить съ отцомъ, а между тѣмъ она чувствовала, что говорить ей надо и именно теперь, когда еще можно остановить дальнѣйшее бѣдствіе.

Паны Кутнарскій и Доброшевскій тоже были здѣсь; пользуясь покровительствомъ Янкеля, они успѣли проскользнуть въ укромное убѣжище раньше всѣхъ другихъ и по ихъ совѣту Янкель осмѣлился предложить свои услуги князю и его семейству. Волненіе княжны не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ поляка; онъ читалъ все, что дѣлалось въ ея душѣ и, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшился дѣйствовать. Съ самымъ подобострастнымъ поклономъ онъ обратился къ Локсандрѣ.

— Да не пренебрежетъ прекрасная княжна совѣтомъ своего нижайшаго слуги, проговорилъ онъ вкрадчиво.

Локсандра недовѣрчиво подняла на него свои глаза.

— Одна княжна можетъ спасти всѣхъ, еще вкрадчивѣе продолжалъ Кутнарскій.

Локсандра молчала; но ея черные большіе глаза вопросительно остановились на лицѣ говорившаго.

— Княжнѣ стоитъ только повидать пана Тимоша, и храбрый рыцарь сложитъ оружіе къ ея ногамъ, полушепотомъ проговорилъ панъ, пытливо вглядываясь въ дѣвушку и желая уловить впечатлѣніе, произведенное его словами.

Локсандра вздрогнула и опустила глаза. Полякъ подсказалъ ей ея собственныя мысли, въ которыхъ она не смѣла дать себѣ отчета.

— Я устрою это, продолжалъ шептать панъ, если только ея свѣтлость согласна.

Локсандра подняла на него глаза.

— Это ни къ чему не приведетъ, тоскливо проговорила она. Если я и увижу его, что я ему скажу? Отецъ не согласится отдать меня ему, а безъ этого согласія всѣ мои просьбы не достигнутъ цѣли.

— Даю честное слово шляхтича, мы принудимъ князя измѣнить свое рѣшеніе. Княжна можетъ смѣло обѣщать это молодому льву; онъ только ей одной повѣритъ.

Локсандра помолчала нѣсколько секундъ; ее, видимо, одолѣвало внутреннее волненіе, въ душѣ боролись любовь и чувство долга, боязнь отцовскаго гнѣва и въ тоже время широкой волной набѣгало какое-то непонятное чувство радости при одной мысли, что она можетъ увидѣть своего рыцаря.

— Я согласна! прошептала она чуть слышно.

Панъ Кутнарскій отвѣсилъ почтительнѣйшій поклонъ и отошелъ въ сторону.

ГЛАВА III.

СВИДАНІЕ.

Тимошъ печально сидѣлъ въ своей палаткѣ и задумчиво смотрѣлъ на заходившее солнце. Яссы горѣли уже третій день; трое сутокъ разсылалъ онъ пословъ по городу и окрестностямъ; но семьи господаря и слѣдъ простылъ. Никто ихъ не видалъ, никто ничего не зналъ объ нихъ; они бѣжали, скрылись, куда? неизвѣстно.

Вдругъ полы палатки поднялись, показалась голова Янкеля. Тимошъ тотчасъ узналъ его, хотя корчмарь сильно постарѣлъ, и рыжеватая бородка его совсѣмъ посѣдѣла.

— Янкель! проговорилъ онъ, вскакивая и невольно хватаясь за саблю.

Съ представленіемъ о корчмарѣ у него невольно возникало воспоминаніе о предательствѣ и плѣнѣ Ганжи и Смольчуга.

— Не безпокойтесь, ясновельможный панъ Тимошъ! проговорилъ Янкель, осторожно отступивъ назадъ.—Я съ добрыми вѣстями, меня прислала къ пану сама княжна.

— Локсандра? проговорилъ Тимошъ и просіялъ. Онъ готовъ былъ броситься къ жиду на шею и расцѣловать его.—Тебя послала Локсандра? Говори, говори скорѣй, гдѣ она? что съ ней?

— Княжна хочетъ видѣть ясновельможнаго пана.

— Сейчасъ! сейчасъ! я готовъ! проговорилъ Тимошъ, стягивая поясъ и хватаясь за шапку.

— Ясновельможный панъ будетъ терпѣливъ и подождетъ до ночи, вкрадчиво замѣтилъ Янкель и отвѣсилъ низкій поклонъ.

Княжна будетъ ждать пана за городомъ у скалы, въ лѣсочкѣ, я проведу пана.

„А если это ловушка“? мелькнуло въ умѣ Тимоша. Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Янкеля.

Янкель понялъ его взглядъ и заторопился.

— Ахъ, ясновельможный пане, какъ это я забылъ! вѣдь у меня есть записка отъ княжны....

— Дуракъ! крикнулъ Тимошъ. Чтожъ ты тутъ болтаешь цѣлыхъ полчаса, давай скорѣй записку!..

Янкель вытащилъ обрывокъ толстой бумаги съ набросанными на немъ неясными дрожащими чертами.

„Мнѣ надо тебя видѣть, мой рыцарь, писала Локсандра; довѣрься Янкелю, онъ проведетъ тебя“.

Сомнѣнія Тимоша разсѣялись. Повернувшись спиной къ корчмарю, онъ крѣпко прижалъ бумажку къ груди и спряталъ ее въ складкахъ кафтана.

— Я буду ждать пана у городскаго вала, проговорилъ Янкель и скрылся.

Тимошъ чувствовалъ себя на верху блаженства, онъ ощущалъ потребность тотчасъ же подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ счастьемъ и поспѣшилъ къ Калгѣ.

Калга сидѣлъ на коврѣ, поджавши подъ себя ноги и важно диктовалъ что-то своему секретарю, помѣстившемуся тутъ-же у маленькой скамеечки, служившей столомъ. Длинная кость то и дѣло опускалась въ коричневатую жидкость и быстро скользила по толстому пергаменту, выводя причудливые знаки и фигуры. Калга заранѣе сочинялъ оправдательную грамоту падишаху, намѣреваясь ее послать прежде, чѣмъ прибудутъ въ Константинополь молдавскіе послы.

Тимошу пришлось обождать, такъ какъ его названный братъ не любилъ, чтобы его тревожили во время его занятій. Наконецъ грамота была окончена, скрѣплена печатью, секретарь собралъ свои письменныя принадлежности, трижды склонился до земли передъ своимъ властелиномъ и тихо удалился изъ шатра.

— Что скажешь, братъ мой? ласково обратился Калга къ Тимошу, протягивая ему руку и съ удивленіемъ всматриваясь

въ его лицо.—Ты точно сейчасъ вышелъ изъ рая; какія гуріи приснились тебѣ?

— Локсандра, Локсандра нашлась! Назначила мнѣ свиданіе! съ торжествующимъ видомъ заявилъ Тимошъ.

Калга встрепенулся; онъ не столько заботился о Локсандрѣ, сколько о ея отцѣ; ему давно грезились его несмѣтныя сокровища, до которыхъ нельзя было добраться, не зная, гдѣ они спрятаны. По мѣрѣ того, какъ Тимошъ разсказывалъ, лицо татарина становилось все мрачнѣе и угрюмѣе.

— И ты вѣришь этому жиду съ его бумажкой? проговорилъ онъ наконецъ. Зачѣмъ ты не задержалъ его, онъ бы показалъ дорогу къ ихъ логовищу, ты бы взялъ свою невѣсту, а на мою долю пришлись бы господарь съ господаршей. Но это еще можно устроить, мы перехватимъ жида и нападемъ на слѣдъ.

— Нѣтъ, братику, это не идетъ, серьезно, но твердо заявилъ Тимошъ. Дѣвушка мнѣ довѣрилась, и я не могу съ нею поступить по предательски. Я увижусь съ ней такъ, какъ она этого желаетъ и не буду выслѣживать, куда скрылся ея отецъ.

— Ахъ, молодо-зелено! проговорилъ Калга. А если ты не увидишъ твоей дѣвушки, если тебя заманятъ, какъ барана, да и убьютъ гдѣ-нибудь за угломъ?

— Этого не можетъ быть, твердо отвѣчалъ Тимошъ, она сама написала мнѣ.

— Ее могли принудить, настаивалъ Калга.

— Не такая это дѣвушка, чтобы можно было ее принудить. И все равно, если бы даже ожидала меня смерть, я долженъ идти, долженъ послѣдовать ея зову.

— Я не пущу тебя одного, заявилъ Калга. Мы возьмемъ съ собою твоихъ полковниковъ и поѣдемъ вмѣстѣ.

— Я этого не хочу, я поѣду одинъ!

— Ну, это мы посмотримъ, загадочно проговорилъ Калга.

Тимошъ ушелъ къ себѣ въ палатку. Когда онъ выходилъ отъ Калги, ему показалось, что какая-то тѣнь скользнула за широкія складки палатки. Онъ обошелъ все кругомъ, но никого не нашелъ.

Тимошъ въ тревогѣ дождался, пока всѣ заснули, осторожно вышелъ и ощупью сталъ пробираться по лагерю. Кое-гдѣ догорали еще огни костровъ, но козаки мирно спали, а на окрики часовыхъ онъ отвѣчалъ условнымъ лозунгомъ, причемъ стража почтительно разступалась, пропуская своего вождя. Кое-какъ по переулкамъ, придерживаясь извѣстнаго направленія, Тимошъ добрался до вала и хотѣлъ уже перелѣзать полуразрушенное укрѣпленіе, какъ изъ за груды камней высунулась голова Янкеля.

— Ясновельможный пане, не здѣсь, тутъ яма, пусть панъ возьметъ мою руку, я проведу его.

Тимошъ колебался. Дать руку жиду было противно козацкой чести. Онъ велѣлъ Янкелю идти впередъ и осторожно пошелъ за нимъ, ступая съ камня на камень, перепрыгивая черезъ ямы и бревна. Они выбрались за черту города, пошли по пустынной лощинѣ и завернули въ небольшую рощу, разстилавшуюся у подножія скалы въ полуверстѣ отъ городской стѣны.

Зарево пожаровъ, освѣщавшее Яссы, теперь потухло, такъ какъ нечему было больше горѣть. Городъ превратился въ груду развалинъ и только кое-гдѣ торчали одинокія каменныя зданія, почему-нибудь уцѣлѣвшія отъ пламени. Непроглядная тьма окутывала лѣсочекъ, шагахъ въ пяти уже ничего нельзя было различить; но Янкель искусно пробирался между деревьями и наконецъ остановился у журчавшаго ручейка, тихо проговоривъ:

— Здѣсь!

Привычный глазъ козака различилъ темную закутанную фигуру, поднявшуюся съ камня къ нему навстрѣчу.

— Локсандра! проговорилъ онъ.

Сердце его такъ стучало въ груди, что онъ самъ ясно слышалъ его удары.

Локсандра молчала; у нея духъ захватило отъ волненія, и только когда она почувствовала себя въ мощныхъ дорогихъ объятіяхъ, къ ней вернулся ея голосъ, она забыла все, и зачѣмъ пришла сюда, и о чемъ хотѣла просить Тимоша; она чувствовала только его близость и хотѣла, чтобы этотъ мигъ никогда не кончился.

— Тимошъ, какъ я страдала безъ тебя! Какъ долго, долго я тебя не видѣла...

— А полякъ? спросилъ Тимошъ, недовѣрчиво глядя ей въ глаза.

— Полякъ? Какой полякъ? съ удивленіемъ переспросила Локсандра.

— Князь Вишневецкій, проговорилъ Тимошъ; онъ жилъ у васъ, ты гуляла съ нимъ вмѣстѣ, слушала его любезности; отецъ твой прочилъ его тебѣ въ мужья.

Локсандра вздохнула.

— Это правда, Тимошъ; отецъ хочетъ, чтобы я вышла за него замужъ; но я его никогда не буду любить такъ, какъ тебя.

— Я не отдамъ тебя никому! страстно проговорилъ Тимошъ. Я возьму тебя силой, хотя-бы для этого пришлось всѣхъ ихъ перебить.

Локсандра вздрогнула.

— Что ты говоришь, безумный? прошептала она. Я ни за что не стала бы женою того, кто убилъ бы моего отца, хотя бы для этого пришлось разорвать сердце въ клочки.

Слова Тимоша сразу воскресили въ памяти Локсандры все то, что она ему хотѣла сказать, зачѣмъ желала съ нимъ свидѣться.

— Слушай, Тимошъ! заговорила она, и голосъ ея зазвучалъ твердостью. Ты много сдѣлалъ зла моей родинѣ, ты сжегъ наши дорогія Яссы и заставилъ всѣхъ насъ провести ужасные часы, заставилъ насъ бѣжать изъ роднаго дома, и какъ нищихъ, скрываться въ лѣсу. Я должна бы возненавидѣть тебя; но я люблю тебя, люблю еще сильнѣе, еще крѣпче прежняго.... Умоляю тебя ради этой любви! Не истязай моего сердца, не заставляй его разрываться, при видѣ всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на мою родину. Я не могу не считать себя главною причиною всего, что случилось.... Подумай только, каково мнѣ смотрѣть, какъ горитъ родной городъ, какъ страдаютъ отецъ и мать.... Каково мнѣ слышать, сколько душъ загублено, сколько невинныхъ пострадало изъ-за меня....

Глухія рыданія прервали ея рѣчь.

Тимошъ стоялъ съ опущенной головой, смущенный, какъ кающійся грѣшникъ, не зная, что сказать въ утѣшеніе своей невѣстѣ.

Въ это время—изъ за деревьевъ быстро выдвинулась высокая тѣнь и съ крикомъ:

— Умри, ненавистная! кинулась къ княжнѣ.

Но слѣдомъ за нею показалась другая, молча выхватила изъ ея рукъ ножъ и, далеко отбросивъ его, крикнула Тимошу, заслонившему собою княжну:

— Иди сюда, держи ее, пока я ее свяжу!

Черезъ минуту всѣхъ ихъ окружила толпа татаръ, кто-то зажегъ факелъ, и при свѣтѣ его Тимошъ увидѣлъ Зелиму, вырывавшуюся изъ рукъ Калги.

Локсандра стояла въ оцѣпенѣніи и не могла произнести ни слова отъ страху. Лица татаръ, освѣщенныя факелами, женщина, хотѣвшая ее убить, все это казалось какимъ то кошмаромъ, тяжелымъ сномъ, отъ котораго она не могла проснуться. Зелиму связали, и Калга поручилъ двумъ татарамъ отвести ее въ лагерь.

Тимошъ подошелъ къ Локсандрѣ.

— Не бойся, княжна! успокаивалъ онъ ее: эти татары друзья мои. Слава Богу, что они спасли тебя отъ руки этой сумасшедшей.

Локсандра какъ то вдругъ сразу чутьемъ поняла все.

— Кто она? спросила она Тимоша.

Взоръ ея укоризненно остановился на немъ.

— Татарка, воспитанница султана Калги, проговорилъ Тимошъ смущенно и опустилъ глаза.

Локсандра ничего не сказала и молча пошла назадъ къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ ее Янкель.

— Я провожу тебя, княжна! нерѣшительно проговорилъ Тимошъ, сдѣлавъ два шага впередъ.

Она обернулась и холодно отвѣчала:

— Не надо!

Въ голосѣ слышалось столько гордости и оскорбленнаго самолюбія, что Тимошъ невольно остался прикованнымъ къ своему мѣсту и не послѣдовалъ за нею.

На другой день панъ Кутнарскій просилъ аудіенціи у князя. Аудіенція состоялась въ сторонѣ отъ остальныхъ подъ высокими буками.

— Я осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе его свѣтлости всю невыгоду нашего положенія. Мы находимся, можно сказать, въ пасти у льва, и намъ некуда скрыться отъ его ярости....

— Это я самъ знаю, сурово отвѣчалъ князь, сдвинувъ брови и мрачно посматривая на поляка. Если панъ не имѣетъ намъ сказать чего нибудь болѣе утѣшительнаго, то не для чего было просить у насъ аудіенціи.

— Напротивъ, я разсчитываю изложить свои планы, если только дозволитъ мнѣ это его свѣтлость.

— Въ такомъ случаѣ пусть панъ предположитъ, что мы достаточно знакомы съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находимся, и прямо приступитъ къ своему изложенію.

— Я хотѣлъ высказать его свѣтлости, нисколько не смущаясь холоднымъ пріемомъ князя, началъ Кутнарскій, что въ данномъ случаѣ существуетъ только одинъ исходъ: слѣдуетъ уступить побѣдителю, хотя бы только временно, хотя бы только отвести ему глаза.

Лупулъ мрачно посмотрѣлъ на пана.

— Панъ хочетъ сказать, что намъ слѣдуетъ отдать дочь нашу этому дерзкому козаку?

— Я этого не говорю, возразилъ Кутнарскій: можно только пообѣщать ему княжну, дать только временное согласіе.

— Онъ этимъ не удовольствуется, замѣтилъ князь.

— О, тогда можно устроить обрученіе!

— Но татары не захотятъ вернуться безъ дани....

— Имъ можно заплатить.

Василій ничего не отвѣтилъ и приказалъ Кутнарскому пригласить всѣхъ здѣсь присутствующихъ приближенныхъ на совѣщаніе.

Въ котловинѣ подъ тѣнью вѣковыхъ буковъ состоялся семейный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ князя; на этотъ разъ въ немъ участвовала и княжна.

— Дорогіе друзья мои! сказалъ господарь. Что дѣлать, какъ быть? Яссы погибли въ пламени, убѣжище наше не сегодня завтра откроютъ враги, а между тѣмъ исполнить требованіе побѣдителя значило бы навсегда породниться съ дерзкимъ, грубымъ дикаремъ и стать во враждебное отношеніе къ Польшѣ, а можетъ быть и къ великой Портѣ.

— Осмѣлюсь доложить вашей свѣтлости, замѣтилъ великій логоѳетъ, что въ данномъ случаѣ сами обстоятельства принуждаютъ васъ покориться....

— Если ты хочешь слушать моихъ совѣтовъ, прибавила господарша, поступи такъ, какъ я тебѣ давно совѣтовала, и ты не будешь раскаиваться.

— А что скажетъ на все это наша любезная дочь? обратился Василій къ Локсандрѣ.

Локсандра немного поблѣднѣла, глаза ея загадочно вспыхнули, и она отвѣчала съ замѣтнымъ волненіемъ:

— Я бы просила тебя отецъ, если можно, подождать съ твоимъ рѣшеніемъ. Сейчасъ, въ эту минуту я не могу дать согласія быть женою Тимоѳея Хмельницкаго.

Если бы Локсандра провалилась сквозь землю, она менѣе удивила—бы окружавшихъ ее, чѣмъ настоящимъ отвѣтомъ: Василій вскочилъ съ мѣста, Георгица какъ-то странно не то вздохнулъ, не то запыхтѣлъ, Кутнарскій вытаращилъ глаза, ничего не понимая, и даже ко всему всегда равнодушный Доброшевскій приподнялъ брови и уставился на княжну.

— Вотъ и пойми женщинъ! вспылилъ господарь. Изъ-за ея упрямства пылаетъ столица, проливается кровь, и теперь, когда всѣ видятъ единственное спасеніе въ уступкѣ ея капризу, она первая отъ него отказывается; но на этотъ разъ я рѣшу вопросъ за тебя: ты будешь женою этого козака, тѣмъ болѣе, что сама ты этого такъ желала.... Я пошлю сватовъ къ гетману, заплачу татарамъ и избавлюсь такимъ образомъ отъ разорительнаго бѣдствія, а ты будешь достойно наказана за свою строптивость.

Локсандра молча опустила голову и ничего не отвѣчала.

Въ тотъ же вечеръ господарь написалъ письмо гетману, онъ не пощадилъ краснорѣчія, разсыпался въ любезности, удив-

лялся мужеству и храбрости славнаго молодаго рыцаря, говорилъ, что считаетъ за особую честь имѣть такого воинственнаго зятя и самъ предлагалъ руку своей дочери, обѣщая дать за нею богатое приданое и заплатить татарамъ дань, какую они пожелаютъ.

Гетманъ стоялъ въ Ямполѣ, и переговоры длились нѣсколько недѣль. Господарь со своимъ семействомъ на время переговоровъ перебрался въ Хотинъ, такъ какъ всѣ молдавскіе города были заняты татарами и козаками. Въ послѣдній день передъ ихъ отъѣздомъ Кутнарскій таинственно заявилъ княжнѣ, что панъ Тимошъ умоляетъ ее свидѣться. Локсандра подумала и согласилась.

Подъ вечеръ, въ сопровожденіи Янкеля она прошла въ буковый лѣсочекъ къ тому же камню, гдѣ видѣлась съ нимъ въ первый разъ. Тимошъ уже ждалъ ее, бросился къ ней на встрѣчу, но, увидавъ ея гордый взглядъ, онъ невольно остановился.

— Княжна, проговорилъ онъ, ты сердишься на меня?

— Я хочу знать всю правду объ этой татаркѣ, проговорила она.

— Хорошо, я тебѣ скажу всю правду, послушно отвѣчалъ Тимошъ: только не смотри на меня такъ. Сядь со мною, дай мнѣ твою руку и я во всемъ тебѣ покаюсь.

Онъ разсказалъ княжнѣ всю несложную исторію любви своей къ татаркѣ и прибавилъ:

— Казни меня, какъ хочешь, наложи на меня какое знаешь испытаніе, только не отнимай отъ меня любви своей.

Княжна подняла на него свои большіе глаза и тихо отвѣчала:

— Я тебѣ вѣрю; но все таки мнѣ такъ жалко этой татарки. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мой рыцарь былъ чистъ отъ всякаго упрека.

Тимошъ виновато опустилъ голову.

Локсандра встала, чтобы уйти; но онъ удержалъ ее.

— Не уходи такъ! шепталъ онъ: скажи мнѣ хоть ласковое слово на прощанье, позволь мнѣ хоть поцѣловать твою руку, вѣдь, ты теперь моя нареченная невѣста.

Локсандра съ грустною улыбкою покачала головою.

— Ахъ, Тимошъ! сказала она печально. Мнѣ бы слѣдовало радоваться, а между тѣмъ сердце такъ тоскливо ноетъ, словно передъ какимъ-нибудь несчастьемъ. Не вѣрю я отцу; что-то онъ больно скоро согласился. Въ глазахъ его я читаю, что онъ замышляетъ что-то недоброе.

— Что жъ? проговорилъ Тимошъ, и взоръ его вспыхнулъ отвагою.—Если онъ не отдастъ тебя черезъ годъ, какъ обѣщаетъ, я опять нагряну сюда съ татарами и заставлю его согласиться, только ты, княжна, не измѣни мнѣ; не полюби того поляка,— что умѣетъ такъ хорошо расшаркиваться передъ женщинами.

Локсандра взглянула на него и вздохнула.

— Нѣтъ, ужъ, кажется, мнѣ больше никого не любить, кромѣ тебя. Ты приворожилъ меня, или какъ тамъ у васъ говорится... съ грустною улыбкою добавила она. Чуетъ мое сердце, что ты моя погибель и не будетъ намъ съ тобою счастья, а все-таки оторваться отъ тебя не могу.

Тимошъ обнялъ ее и прижалъ къ себѣ.

— Полно, голубка моя, напрасно ты тревожишь себя такими мыслями.

Локсандра боязливо прижалась къ нему и долго молча смотрѣла ему въ глаза.

— Ну, прощай! проговорила она наконецъ.—Какъ Богу угодно, такъ и будетъ!

Тимошъ хотѣлъ поцѣловать ее; но она пугливо его отстранила.

— Не надо, не надо! прошептала она и какъ испуганная птичка скрылась за деревьями.

ГЛАВА IV.

КОЗНИ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Стояла постоянная суровая зима. Она, казалось, заледенила собою все, не исключая и несчастныхъ ясскихъ жителей, не успѣвшихъ еще оправиться отъ татарскаго погрома. Сотни богачей превратились въ нищихъ;

множество богатыхъ дворцовъ и зданій представляли груды развалинъ, и только дворецъ господаря гордо высился среди этихъ обломковъ: несмѣтныя богатства князя дали ему возможность быстро возстановить зданіе въ прежнемъ его видѣ. Бѣдность и нищета, окружавшія его, послужили ему въ пользу, такъ какъ не было недостатка рабочихъ рукъ; но за то послѣднія событія окончательно ожесточили противъ него всѣхъ: и богатыхъ, и бѣдныхъ, и бояръ, и нищихъ.

— Что ему дѣлается? съ завистью говорили потерпѣвшіе бояре.—Онъ присвоилъ себѣ имущества убитыхъ татарами и это вознаградило его съ лихвой за всѣ его убытки. Ему горя мало, что мы всѣ разорены; онъ не далъ ни одной аспры для бѣдныхъ, а между тѣмъ всѣ мы страдаемъ по его милости, изъ за его честолюбія.

Самъ господарь какъ будто ничего не видѣлъ и не слышалъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ мрачныхъ взглядовъ и угрюмыхъ намековъ. Господарша не разъ уговаривала его принять участіе въ пострадавшихъ, удѣлить что-либо изъ своихъ сокровищъ въ пользу бѣдняковъ, скупость князя не позволяла ему разстаться съ деньгами.

— Я тоже пострадалъ, отвѣчалъ онъ, я тоже долженъ былъ выплатить не одну сотню тысячъ талеровъ гетману и татарамъ, мнѣ не изъ чего быть расточительнымъ, пускай сами справляются со своими нуждами, какъ знаютъ.

Господарша пожимала плечами и отдавала бѣднымъ всѣ деньги, какія у нея были.

Какъ то утромъ къ князю вошелъ Кутнарскій съ таинственнымъ видомъ и многозначительно проговорилъ:

— Ваша свѣтлость, польскій толмачъ при великой Портѣ проситъ у васъ аудіенціи.

Василій вопросительно взглянулъ на пана.

— А что ему надо?

— Не откажите, ваша свѣтлость, принять его, онъ самъ вамъ доложитъ, въ чемъ дѣло.

— Хорошо, пусть войдетъ, согласился князь.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ высокій черноволосый мужчина лѣтъ сорока съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и

проницательными глазами; его мягкій пѣвучій выговоръ обличалъ въ немъ южанина и онъ, дѣйствительно, по происхожденію былъ армянинъ, хотя и находился на польской службѣ. Онъ низко поклонился князю и на приглашеніе его сѣсть отвѣчалъ только почтительнымъ вторичнымъ поклономъ.

— Ваша свѣтлость! началъ онъ: я посланъ къ вамъ по порученію пана короннаго гетмана и его товарища пана польнаго гетмана; но порученіе мое настолько конфиденціальное, что я желалъ бы съ вашей свѣтлостью переговорить съ глаза на глазъ, прибавилъ онъ, искоса посматривая на Кутнарскаго.

— Мы разрѣшаемъ говорить при панѣ нашемъ вѣрномъ преданномъ слугѣ, отвѣтилъ князь.

Армянинъ снова отвѣсилъ поклонъ.

— Какъ извѣстно вашей свѣтлости, гетманы польный и коронный были въ плѣну у татаръ, и оставили тамъ заложниками своихъ сыновей: пана Николая Потоцкаго и пана Самуила Калиновскаго; вмѣстѣ съ ними томится въ неволѣ и панъ Шемберкъ.

— Я знаю это! прервалъ его князь. Что же дальше?

— У вашей свѣтлости есть агенты въ Турціи и Крыму; ваша свѣтлость обладаете несмѣтными богатствами и можете сдѣлать все для несчастныхъ плѣнниковъ...

Армянинъ пріостановился.

— Если я вѣрно понимаю господина агента, паны польскіе гетманы желаютъ, чтобы я освободилъ изъ плѣна ихъ сыновей? спросилъ господарь, съ усмѣшкой смотря на толмача.

— Совершенно вѣрно, ваша свѣтлость, отвѣчалъ тотъ съ поклономъ.

— Но, вѣдь, такія благодѣянія не дѣлаются ни за что ни про что? продолжалъ съ тою же ироническою усмѣшкою князь, тѣмъ болѣе, что панъ коронный гетманъ и не думалъ мнѣ помочь противъ козаковъ.

— Если ваша свѣтлость устроитъ это дѣло, то, конечно, отцы будутъ вамъ признательны и будутъ готовы помогать вамъ противъ вашихъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

— Паны гетманы предлагаютъ мнѣ опасную игру, сказалъ Василій. Имъ извѣстенъ договоръ, заключенный мною съ моими

побѣдителями. По четвертой статьѣ этого договора я не имѣю права заключать союзовъ съ поляками.

— Ваша свѣтлость болѣе чѣмъ кто-либо знаетъ, что этотъ договоръ вынужденный, съ лукавою улыбкою замѣтилъ армянинъ. Ея свѣтлость княжна еще не замужемъ за паномъ Тимошемъ, у вашей свѣтлости впереди много мѣсяцевъ, а въ это время утечетъ много воды; друзьями же запастись никогда не мѣшаетъ заранѣе.

Господарь многозначительно посмотрѣлъ на армянина.

— Хорошо, сказалъ онъ ему, я дамъ денегъ на это предпріятіе; снаряжу даже корабль, чтобы переправить плѣнниковъ въ Константинополь, а потомъ въ Венецію; это единственный безопасный путь. Ихъ, безъ сомнѣнія, будутъ искать на моей границѣ; но только помните одно: имя мое не должно быть замѣшано въ этой исторіи; если что-нибудь всплыветъ наружу, то я отъ всего отрекусь и умою руки. Но услуга за услугу, прибавилъ онъ, вставая съ мѣста и подходя къ армянину: паны гетманы должны мнѣ оказать дѣйствительную помощь, если бы я передумалъ отдать дочь свою за Хмельницкаго.

— Относительно этого пункта я уже заранѣе получилъ полномочіе, почтительно отвѣчалъ армянинъ; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Хмельницкіе общіе враги, и паны гетманы сочтутъ своею обязанностью не пустить козацкаго войска въ Молдавію. Какъ только я сообщу пану коронному гетману о согласіи вашей свѣтлости, онъ не замедлитъ самъ письменно подтвердить это.

— Хорошо, сказалъ князь, одобрительно кивнувъ головою. Я устрою это дѣло. Съ своей же стороны могу оказать еще небольшую услугу панамъ. Я имѣлъ возможность получить письмо Хмельницкаго, посланное имъ въ Турцію. Это письмо содержитъ много интереснаго для пановъ. И если они еще сколько нибудь сомнѣваются въ двоедушіи козацкаго гетмана и въ недоброжелательствѣ Порты, то это письмо должно открыть имъ глаза.

Господарь подошелъ къ массивному бюро, выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ, нажалъ потайную пружину и досталъ большой пакетъ съ печатью гетмана.

— Передайте это панамъ, сказалъ онъ, обращаясь къ армянину.—А панъ Кутнарскій отведетъ посла къ моему великому камериру и озаботится, чтобы онъ былъ прилично одаренъ за ожидаемыя мною отъ него услуги.

Армянинъ съ низкими поклонами удалился въ сопровожденіи пана Кутнарскаго, а князь Василій прошелъ къ господаршѣ и сталъ спрашивать ее про Локсандру.

— Вы, женщины, болѣе свѣдущи въ этихъ дѣлахъ, говорилъ онъ полушутя, полусерьезно: помнитъ она еще своего козака? очень объ немъ скучаетъ?

Господарша пытливо посмотрѣла на мужа.

— А зачѣмъ тебѣ это понадобилось знать?

Василій усмѣхнулся.

— Ты такая умная женщина, а спрашиваешь меня объ этомъ. Конечно, я не затѣмъ справляюсь, чтобы порадоваться ея голубиной вѣрности, ея привязанности къ желанному жениху. Дорого бы я далъ, прибавилъ онъ злобно, чтобы этотъ будущій милый зятекъ свернулъ себѣ шею.

Господарша вздохнула и посмотрѣла на мужа не то съ горечью, не то съ презрѣніемъ.

— Василій! сказала она, погубитъ тебя твое честолюбіе, а вмѣстѣ съ тобою погибнуть и намъ. Что ты опять замышляешь, вѣдь ты уже далъ твое согласіе на этотъ бракъ, зачѣмъ же ты опять хочешь разстроить это дѣло?

Василій посмотрѣлъ на нее какъ то сверху внизъ, какъ смотрятъ на наивныхъ дѣтей.

— Зачѣмъ? повторилъ онъ. Затѣмъ, чтобы не навязать себѣ на шею будущаго висѣльника, затѣмъ, чтобы вступить въ тѣсный союзъ съ Польшею, затѣмъ, наконецъ, чтобы глаза мои не видѣли, какъ дочь моя будетъ надѣвать сапоги или подавать люльку этому полудикарю, выросшему на своей саламатѣ и не умѣющему ни ступить, ни сказать слова почеловѣчески.

— Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Это будетъ зависѣть отъ того, что предприметъ нашъ милый женихъ, отвѣчалъ Василій.

— Ну, такъ я скажу тебѣ, едва сдерживая гнѣвъ, произнесла господарша, что если ты намѣренъ опять измѣнить своему слову, ты убьешь Локсандру, она искренно и серьезно любитъ Тимоша. Нельзя такъ играть ея чувствомъ. Довольно уже того, что ты на цѣлый годъ отсрочилъ свадьбу.

— Я затѣмъ и отсрочилъ ее, что ей никогда не бывать, со смѣхомъ возразилъ князь. А отъ тебя, жена, я жду большой услуги, постарайся у нея выбить изъ головы этого Тимоша.

Господарша отвернулась, чтобы скрыть свое волненіе, нехорошія чувства подымались у нея въ душѣ; ей хотѣлось крикнуть этому человѣку, что она не хочетъ быть сообщницей низкаго обмана, жестокаго коварства, подлаго лицемѣрія; но человѣкъ этотъ былъ ея мужъ, неумолимый законъ отдавалъ ее ему въ руки; слабая женщина, она боялась его и должна была наружно ему повиноваться. Она собрала всѣ свои силы и съ напускнымъ равнодушіемъ отвѣчала:

— Хорошо!

Василій поцѣловалъ ея руку и вышелъ, а она бросилась на низкую оттоманку и, спрятавъ лице въ подушку, горько зарыдала.

Было время, когда она безразлично относилась къ этому старику; было время, когда она привыкла къ нему, чувствовала благодарность за его любовь и попеченія, готова была дѣлить съ нимъ и горе, и радость. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ она узнала Тимоша, этотъ коварный честолюбецъ съ алчностью и вѣчными интригами возбуждалъ въ ней какое-то гадливое непріязненное чувство. Она понимала, что ненавидитъ его, и боялась сознаться въ этомъ самой себѣ.

Въ комнату тихо вошла Локсандра.

— Матушка, что съ тобой? спросила она съ участіемъ, садясь возлѣ нея и обвивая руками ея стройный станъ. Ты поссорилась съ отцемъ?

— О, если бы я могла съ нимъ поссориться? страстно вскрикнула господарша, и глаза ея сверкнули. Еслибы я могла съ нимъ совсѣмъ разсориться, чтобы не видать его козней и низостей, проговорила она, сжимая свои руки. Бѣдное дитя! про-

должала она, обращаясь къ падчерицѣ. Онъ обманетъ тебя, продастъ тебя полякамъ, вѣроломно нарушитъ всѣ свои обѣщанія.

— Да что такое у васъ было? спросила Локсандра, блѣднѣя.

— Онъ велѣлъ мнѣ выбить у тебя изъ головы Тимоша.

Локсандра схватила мачиху за руку.

— Матушка, что же это значитъ? спросила она съ испугомъ.

— То, что онъ подшутилъ и надъ Тимошемъ, и надъ тобой, и надо всѣми нами. Онъ только отводилъ глаза, онъ и не думаетъ отдать тебя за него замужъ.

Господарша говорила гнѣвно, страстно и не замѣчала, какое вліяніе производили ея слова на дѣвушку. Локсандра помертвѣла, затряслась, потомъ схватилась обѣими руками за голову и съ громкимъ крикомъ упала на полъ.

— Что я надѣлала! прошептала господарша.

Она поспѣшно наклонилась надъ нею и стала растирать ей виски и грудь. Мало по малу дѣвушка пришла въ себя и разразилась громкими рыданіями.

— Матушка, научи, что дѣлать? говорила она. Какъ помочь горю?

— Успокойся, дитя мое! Мы придумаемъ, что нибудь, непремѣнно придумаемъ, уговаривала ее господарша. А прежде всего напиши письмо къ Тимошу, я же поищу вѣрнаго посла и отправлю къ нему это письмо.

Локсандра отерла слезы и пошла къ себѣ; она тотчасъ же написала Тимошу обо всемъ, что ее волновало и мучило, передала со словъ господарши ея разговоръ съ княземъ Василіемъ и умоляла своего рыцаря принять мѣры, настаивать, чтобы отецъ согласился скорѣе сыграть свадьбу.

Письмо было написано, но съ кѣмъ его послать; слѣдовало отдать его въ вѣрныя руки, а кому было довѣриться во дворцѣ господаря. Оно пролежало съ недѣлю, и Маріанка всѣ ноги отбѣгала, разыскивая, разузнавая, нѣтъ-ли вѣрнаго хлопца козака, котораго можно было бы послать къ пану Тимошу. Наконецъ судьба поблагопріятствовала обѣимъ женщинамъ.

Какъ то вечеромъ Маріанка прибѣжала, запыхавшись, къ господаршѣ и заявила, что случай послать письмо нашелся. Панъ

Доброшевскій въ конецъ разсорился съ паномъ Кутнарскимъ; онъ съѣхалъ съ его квартиры къ Янкелю, совсѣмъ ужъ собрался въ путь и завтра чуть свѣтъ ѣдетъ въ Украйну къ самому рыцарю. Обѣ женщины просіяли.

— Маріанка, веди его сюда, торопила Локсандра, да бѣги, бѣги, а то не застанешь его въ корчмѣ.

— Куда ему дѣться, домна? засмѣялась Маріанка. Онъ теперь засѣлъ съ горя за пиво, такъ и просидитъ, пока не ляжетъ.

Черезъ часъ явился панъ Доброшевскій съ печальнымъ вытянутымъ лицемъ, принявшимъ самое трагическое выраженіе и, отвѣсивъ почтительный поклонъ, сталъ у двери.

— Идите, панъ, идете, проговорила привѣтливо Локсандра, тащa его къ мягкому дивану.—Садитесь; тутъ у насъ есть дѣло.

Доброшевскій приложилъ руку къ сердцу.

— Для прекрасной домны я готовъ въ огонь и въ воду, торжественно заявилъ онъ.

— Ну, этого не потребуется! засмѣялась княжна. Я только попрошу пана передать письмо пану Тимошу, къ которому онъ ѣдетъ.

— Не одно, десять, сто, хоть тысячу писемъ! проговорилъ панъ съ жаромъ, прижимая руки къ сердцу.

— А отчего панъ оставляетъ своего товарища? полюбопытствовала господарша.

— Это щекотливое дѣло, ваша свѣтлость! таинственно отвѣчалъ панъ. Это секретъ! многозначительно прибавилъ онъ, поднявъ палецъ кверху.

— Такъ довѣрьте намъ вашъ секретъ, панъ; мы съумѣемъ его сохранить въ тайнѣ, весело проговорила Локсандра.

— Прекрасная княжна такъ добра къ бѣдному горемыкѣ, и панъ Тимошъ тоже добръ, какъ же бы онъ вдругъ оказался свиньею противъ нихъ? Нельзя этого, никакъ нельзя! съ жаромъ докончилъ панъ, какъ бы отвѣчая на свои мысли.

— А развѣ панъ Кутнарскій требовалъ отъ васъ чего-нибудь дурнаго? допытывалась княжна.

— Панъ Кутнарскій не можетъ не дѣлать дурнаго, онъ всегда дѣлаетъ что-нибудь дурное, и вашъ покорный слуга прежде

помогалъ ему. Но у пана Доброшевскаго есть совѣсть, громко прибавилъ трагикъ, тыча себя въ грудь. Есть совѣсть, да! И онъ не измѣнитъ тому, кто спасъ ему жизнь.

— Но чего же требовалъ отъ васъ вашъ товарищъ? приставала Локсандра.

— Онъ требовалъ, онъ требовалъ.... всего, лаконически отвѣтилъ панъ.

Локсандра сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Умоляю васъ, панъ, скажите, чего именно? Мнѣ нужно знать, какія меня козни ожидаютъ; вы можете мнѣ помочь въ этомъ.

Доброшевскій всталъ передъ княжной на одно колѣно.

— Прекрасная домна! ты находишься въ опасности, тебя хотятъ силою отдать пану Вишневецкому, а если не Вишневецкому, то Потоцкому, затѣмъ его и выкупаютъ изъ плѣна. Но я не написалъ тѣхъ писемъ, которыя долженъ былъ составить. Не написалъ, пусть онъ самъ ихъ составляетъ, а я не хочу быть предателемъ.

Доброшевскій поднялся.

— Прощай, прекрасная домна! Мнѣ пора! сказалъ онъ. Я долженъ спѣшить, и уѣду завтра чуть свѣтъ; я не сказалъ ему, что ѣду и онъ увѣренъ, что я вернусь къ нему. Пусть думаетъ и ждетъ, а тѣмъ временемъ панъ Доброшевскій уже будетъ далеко, у самого пана Тимоша.

Онъ бережно завернулъ пакетъ, данный ему Локсандрою въ тряпку, замѣнявшую носовой платокъ, и сунулъ себѣ за пазуху. Потомъ съ утонченною вѣжливостью, очевидно подражая изысканнымъ манерамъ своего бывшаго патрона, онъ прикоснулся двумя пальцами къ рукѣ Локсандры, нагнулся и запечатлѣлъ неловкій поцѣлуй. Послѣ этого продѣлалъ ту же церемонію и съ господаршей.

Обѣ женщины едва удерживали улыбку при видѣ изысканныхъ па, которые онъ выдѣлывалъ своими длинными ногами, стараясь расшаркиваться по всѣмъ правиламъ искусства. Панъ Доброшевскій былъ слишкомъ занятъ собою, чтобы замѣтить

эти улыбки. Когда онъ скрылся за дверь, Локсандра со смѣхомъ кинулась на шею господарши.

— Матушка! еслибъ онъ остался еще одну минуту, я бы не выдержала! проговорила она, хохоча.

ГЛАВА V.

ВАЖНЫЯ ВѢСТИ.

Тяжелую годину переживала Украина. Хмельницкому было не до Молдавіи, да и Тимошъ за бѣдствіями родины не то что позабылъ невѣсту, но какъ то отодвинулъ ее въ болѣе глубокій уголокъ сердца, тѣмъ болѣе, что и сопернику его, князю Вишневецкому, пришлось думать не о женитьбѣ, а о битвахъ. Не мало храбрыхъ козаковъ полегло на поляхъ битвы; но и Польша также несла потери; умерли и два непримиримыхъ врага Хмельницкаго, коронный гетманъ Потоцкій и князь Іеремія Вишневецкій; первый отъ апоплексическаго удара, второй отъ желудочной болѣзни. Мѣсто короннаго гетмана занялъ польный гетманъ панъ Калиновскій. Казалось, что послѣ пораженія подъ Берестечкомъ и невыгоднаго для козаковъ договора при Бѣлой Церкви, Хмельницкому нечего было и думать о продолженіи возстанія, такъ по крайней мѣрѣ разсуждали паны и хвалились своею стойкостью на сеймѣ; имъ и въ голову не приходило, что Хмельницкій въ душѣ ликовалъ, узнавъ, что сеймъ не одобрилъ статьи договора и уже готовилъ новый планъ военныхъ дѣйствій, смиренно проводя время то въ Чигиринѣ, то въ Субботовѣ со своею молодою женою лихою козачкою Галею.

Султанъ Калга давно уже уѣхалъ въ Крымъ и увезъ съ собою Зелиму, разсчитывая пристроить ее тамъ въ чьемъ нибудь гаремѣ.

— Какъ получитъ мужа построже, перестанетъ бѣситься! говорилъ онъ.

Когда наружно все поуспокоилось, и Хмельницкій съ сыномъ зажили по домашнему, Тимошъ попробовалъ раза два заикнуться про свою невѣсту.

— Отецъ! говорилъ онъ гетману: теперь ужъ второй годъ на исходѣ, а отсрочка была только на годъ, сколько же еще я долженъ ждать? Пусти меня въ Молдавію, теперь я тебѣ не нуженъ; я возьму княжну съ боя, хотя бы для этого пришлось перешагнуть черезъ трупъ ея отца.

— Погоди, сынку! отвѣчалъ Богданъ. Всему свое время будетъ. Вотъ я напишу князю письмецо, напомню о его обѣщаніи, а тамъ, если это не подѣйствуетъ, посмотримъ, что дѣлать. Султанъ Нуреддинъ стоитъ на границѣ, а съ нимъ и Карабча мурза. Стоитъ только ихъ кликнуть, они пойдутъ съ нами куда угодно.

— Нужно ли писать господарю? нетерпѣливо возразилъ Тимошъ. Панъ Доброшевскій довольно представилъ доказательствъ его коварства. Не лучше ли прямо нагрянуть къ нему, чѣмъ еще переписываться, что займетъ немало времени.

— Нельзя, сынку! отвѣчалъ гетманъ. Надо, чтобы все имѣло приличный видъ. А ты снаряди-ка своего пана, пусть ѣдетъ въ Яссы посломъ и свезетъ князю мою грамотку.

Богданъ присѣлъ писать, а Тимошъ розыскалъ пана Доброшевскаго и объявилъ ему о намѣреніи отца послать его въ Молдавію.

Панъ Доброшевскій не обрадовался этому порученію.

— Ясновельможный пане! взмолился онъ, становясь въ трагическую позу. Неужели у пана гетмана не найдется козаковъ и храбрѣе, и искуснѣе меня въ этомъ дѣлѣ? Что я за несчастный, что всюду мною помыкаютъ. Только обжился, обогрѣлся подъ милостивымъ вниманіемъ пана гетмана, и вотъ опять посылаютъ меня странствовать, да еще туда, гдѣ мнѣ пожалуй и не сдобровать.

— Не бойся, панъ! успокаивалъ Тимошъ. Тебя, какъ посла, пальцемъ не тронутъ. А долго тебѣ тамъ тоже оставаться не для чего, отдашь отцовскую грамоту и назадъ.

Панъ Доброшевскій тяжело вздыхалъ и охалъ, но перечить гетману не рѣшился, онъ его сильно побаивался.

Посланіе Богдана отличалось особенною краткостью.

„Сосватай, господарь, дочь свою съ сыномъ моимъ Тимоѳеемъ, и тебѣ хорошо будетъ; а не выдашь, изотру, изомну, и

останка твоего не останется, и вихремъ прахъ твой размечу по воздуху".

Панъ Доброшевскій собрался въ путь и получилъ отъ Тимоша конфиденціальное посланіе къ Локсандрѣ.

Соперникъ Тимоша, похоронивъ своего знаменитаго дядю, оставался при польскомъ войскѣ, время отъ времени получая отъ пана Кутнарскаго извѣстія о томъ, что дѣлалося въ Яссахъ. Войско стояло въ Винницѣ подъ начальствомъ пана короннаго гетмана Калиновскаго.

Князь Дмитрій сидѣлъ въ своей палаткѣ и въ десятый разъ перечитывалъ письмо, только что полученное имъ изъ Яссъ, когда вошли къ нему молодые паны Потоцкій и Калиновскій, только что вернувшіеся изъ плѣна. Князь Дмитрій обрадовался гостямъ и велѣлъ своему дворецкому подать вина и зажечь свѣчи въ шандалахъ. Изъ-подъ приподнятаго полога палатки проникали еще лучи заходящаго солнца, и ихъ красноватый отблескъ смѣшивался съ желтоватымъ блескомъ восковыхъ свѣчей, переливаясь прихотливыми цвѣтами по богатой сервировкѣ стола и по яркой дорогой одеждѣ молодыхъ пановъ.

— Панъ обозный не откажетъ разсказать, какъ паны спаслися изъ плѣну? обратился Вишневецкій къ пану Самуилу. Здѣсь ходили такіе чудовищные разсказы о спасеніи пановъ, что трудно было имъ повѣрить.

— Да, наши похожденія, дѣйствительно, напоминаютъ сказку изъ Тысячи и одной ночи, замѣтилъ, смѣясь, Калиновскій.— Князю извѣстно, что всю эту махинацію подстроилъ его будущій тесть, господарь Молдавіи.

Князь Дмитрій поморщился: въ войскѣ немало дразнили его этимъ тестемъ и ему приходилось или отгрызаться, или отмалчиваться; въ настоящемъ случаѣ онъ предпочелъ послѣднее.

— Князь Василій, продолжалъ Самуилъ, несмотря на легендарную его скупость, на этотъ разъ не пожалѣлъ своихъ сокровищъ. Онъ снарядилъ надежное судно, ожидавшее насъ въ одной изъ незначительныхъ крымскихъ бухтъ. Но, чтобы достигнуть судна, надо было освободиться изъ высокой тюрьмы,

гдѣ мы сидѣли, какъ въ клѣткѣ. Признаюсь, не очень было весело сидѣть намъ втроемъ въ полутемномъ каменномъ мѣшкѣ и видѣть глупыя физіономіи татарскихъ сторожей съ ихъ нелѣпыми улыбками и вѣчными просьбами о бакшишѣ. Тутъ намъ помогъ армянинъ, состоящій на польской службѣ толмачемъ въ Константинополѣ. Онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы освободить насъ и провести на корабль. Какъ онъ подружился съ нашими сторожами, какъ у нихъ дошло до общей попойки, этого я вамъ не умѣю объяснить. Но въ одинъ прекрасный день или, лучше сказать, въ одну прекрасную ночь всѣ наши сторожа оказались опоенными виномъ съ дурманомъ. Къ намъ вошли наши спасители, армянинъ и еще одинъ надежный человѣкъ, кажется, грекъ. Они перепилили наши цѣпи, дали намъ платье, чтобы переодѣться и повели насъ къ берегу по тропинкамъ и ущельямъ, однимъ имъ только извѣстнымъ. Прислугу нашу мы боялись взять съ собою, хотя и выпустили ихъ и отправили наудачу по прямой дорогѣ и они попались въ руки посланной за нами погони; но они не могли насъ выдать, такъ какъ сами не знали, куда мы направили путь. Насъ усердно искали во всѣхъ уголкахъ Молдавіи, а мы благополучно прибыли въ Константинополь; тамъ заплатили часть денегъ нашимъ спасителямъ и, пользуясь тайною помощью венеціанскаго консула, не медля ни минуты, отправились на томъ же кораблѣ въ Венецію, а оттуда сухимъ путемъ сюда. Князь можетъ представить, что мы вздохнули только тогда свободно, когда почувствовали польскую почву подъ своими ногами. Теперь князь Василій можетъ разсчитывать на польскую помощь. Отецъ готовъ ему помогать, хотя бы для этого ему пришлось дѣйствовать противъ воли короля.

— Кстати! какъ бы невзначай замѣтилъ князь Дмитрій. Какое такое посланіе получилъ король отъ молдавскаго господаря? Я получилъ объ этомъ темныя извѣстія, мнѣ сообщаютъ будто бы князь проситъ заступничества короля противъ Хмельницкаго. Слышалъ панъ коронный гетманъ что нибудь объ этомъ посланіи?

— Какъ же! весело отвѣчалъ панъ Самуилъ. Посланіе это было даже переслано къ отцу для его соображеній. Въ немъ князь

Василій слезно умоляетъ короля защитить его отъ назойливаго зятя и отъ свата, посылающаго ему далеко нелестныя привѣтствія.

— Умница этотъ господарь! Клянусь честью умница! засмѣялся панъ Николай. Князь Дмитрій право счастливецъ! обратился онъ къ Вишневецкому. Въ концѣ концевъ онъ пріобрѣтетъ прекрасную домну и въ придачу такого милаго тестя; а потомъ они подѣлятъ между собою Молдавію и Валахію, а Матѳея съ его Радулами и Гиками сотрутъ съ лица земли.

— Зачѣмъ? подхватилъ Самуилъ. Съ лица земли сотрутъ Матѳея, а Радула и Гику оставятъ, благодаря блестящему состоянію финансовъ. Они только подѣлятъ между собою этихъ великихъ людей, господарь возьметъ Гику, какъ наиболѣе способнаго творить деньги изъ ничего, а панъ оставитъ за собою Радула, какъ наиболѣе храбраго.

— Клянусь мечемъ предковъ! продолжалъ, смѣясь, панъ Николай. Я искренно завидую князю. Нужно—же было моему родителю такъ не во время отправиться на тотъ свѣтъ; если бы не это обстоятельство, мы бы поспорили съ княземъ Дмитріемъ, и въ предполагаемомъ раздѣлѣ я бы навѣрно не уступилъ господарю Гики; а теперь, съ комическимъ вздохомъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Вишневецкому, мнѣ придется развѣ только просить князя Дмитрія, при восшествіи его на валашскій престолъ, сдѣлать меня своимъ великимъ вистерникомъ.

Князь Дмитрій въ душѣ желалъ панамъ провалиться сквозь землю. Они выворачивали наружу его тайныя мысли, которыя онъ считалъ скрытыми отъ постороннихъ глазъ. Это раздражало его тѣмъ болѣе, что вопросъ о прекрасной княжнѣ съ каждымъ днемъ становился неразрѣшимѣе. Если бы еще онъ самъ могъ лично отправиться въ Яссы; но дьявольская служба скручивала его по рукамъ и ногамъ, объ отпускѣ нечего было и думать въ виду воинственнаго настроенія польской арміи. Князь Дмитрій счелъ за лучшее тоже отшучиваться.

— Само собою, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, панъ вполнѣ можетъ разсчитывать на расположеніе мое къ нему и на уваженіе мое къ его талантамъ казначея.

Панъ Николай въ свою очередь прикусилъ губу; всѣмъ была извѣстна его расточительность и безтолковое киданіе денегъ направо и налѣво.

Въ эту минуту въ палатку просунулась голова дневальнаго.

— Что такое? сердито крикнулъ князь.

Вишневецкій не любилъ, чтобы прерывали его пирушки съ друзьями.

— Молодой козакъ желаетъ видѣть вельможнаго князя. Говоритъ, съ важными вѣстями.

— Веди сюда! коротко приказалъ князь.

— Князь Дмитрій позволяетъ намъ остаться? проговорили гости.

— О, конечно, панове! у меня не можетъ быть секретовъ съ козаками! весело отвѣчалъ князь.

Въ палатку вошелъ козакъ съ нахлобученною на глаза шапкою.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Дмитрій.

Козакъ, почти мальчикъ, съ черными блестящими изъ подъ шапки глазами, обвелъ не спѣша всѣхъ пристальнымъ взглядомъ и затѣмъ также не спѣша снялъ шапку. Длинные черные волосы разсыпались по плечамъ.

— Женщина! съ изумленіемъ вскричали паны.

— И недурна! воскликнулъ панъ Николай. Ей-ей, недурна!

Незнакомка бросилась къ ногамъ князя и проговорила на ломанномъ полумалороссійскомъ, полупольскомъ нарѣчіи:

— Ясновельможный пане! Бѣдная Зелима проситъ твоей защиты, твоего покровительства.

— Кто ты? спросилъ удивленный князь. Говори, что тебѣ нужно?

— Твой врагъ Тимошъ, сынъ козацкаго гетмана, и мой врагъ, продолжала Зелима, обнимая колѣна князя.

— Однако это интересно! проговорилъ панъ Николай, покручивая усы. Тутъ очевидно замѣшались стрѣлы амура; только жаль, что Венера татарской крови. Впрочемъ у этихъ хлоповъ вкусъ неразборчивъ.

— Ну, я не могу сказать, чтобы на этотъ разъ у Тимоша былъ плохой вкусъ! сказалъ Самуилъ.

— Гей, гей, пане! а чтобы на это сказала пани Урсула?

Князь Дмитрій ласково поднялъ Зелиму.

— Не бойся, не путай! скажи прямо, чего ты отъ меня хочешь?

— Я прошу одной милости! съ горящими глазами проговорила татарка. Позволь мнѣ остаться въ лагерѣ; у васъ есть колдуньи, я тоже умѣю гадать.

— О—о! панъ обозный! замѣтилъ панъ Николай. Татарская красавица умѣетъ гадать! Не хочетъ ли панъ узнать свою судьбу?

Татарка сверкнула на нихъ своими очами.

— Не всѣмъ предстоитъ счастливая доля! сказала она. А мы, женщины юга, привыкли читать на лицахъ, прибавила она съ серьезной мрачностью.

— Что-то не хорошо, панъ Самуилъ? проговорилъ Потоцкій, дергая за рукавъ своего товарища. Она что то накаркала пану....

— Пустяки! проговорилъ Калиновскій, вздернувъ плечами.

— Дозволь же, князь, мнѣ остаться въ лагерѣ! проговорила Зелима, обращаясь опять къ князю Дмитрію. Я буду служить тебѣ, какъ вѣрная собака; я и теперь могу тебѣ сказать кое что, я только что съ Украйны, проговорила она полушепотомъ, приближаясь къ князю и наклоняясь къ его уху:

— Твой недругъ собирается въ походъ. Они посылали посла въ Яссы, а тотъ узналъ про письмо господаря къ королю, подкупилъ кого то и списалъ это письмо. Гетманъ рветъ и мечетъ. Татары готовы въ походъ. Козаки тоже. Падишахъ далъ свое позволеніе.

Князь Дмитрій вскочилъ съ мѣста.

— Ты и въ правду вѣдьма! вскричалъ онъ съ суевѣрнымъ ужасомъ. Гдѣ же ты могла все это узнать?

— Зелима и живетъ только тѣмъ, что узнаетъ про гетманова сына, съ усмѣшкою проговорила она, очевидно наслаждаясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ ея словами на князя.—Зе-

лима скажетъ тебѣ еще больше, продолжала она, опять наклонясь къ его уху:

— Гетманъ условился съ падишахомъ, если господарь будетъ убитъ, Тимошъ заступитъ его мѣсто. Если же они помирятся, то Тимошъ получитъ Валахію.

— Что шепчетъ князю прекрасная колдунья? спросилъ панъ Самуилъ.

— Невѣроятныя вещи, панъ обозный! отвѣчалъ князь Дмитрій. Козаки съ татарами идутъ на Молдавію, Тимошъ мѣтитъ на валашскій престолъ.

— Эге! со смѣхомъ протянулъ панъ Николай. Мѣсто великаго вистерника отъ меня ускользаетъ такъ же, какъ и престолъ отъ князя Дмитрія.

— Однако, панове! замѣтилъ Самуилъ. Показанія этой колдуньи такъ важны, что я предлагаю тотчасъ же отвести ее къ моему отцу.

— Конечно, конечно! Панъ Самуилъ совершенно правъ! согласился князь Дмитрій. И Зелиму торжественно повели въ палатку коронного гетмана.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЮДИ СТАРОЙ БРАЦЛАВЩИНЫ.[1])

3. Өедоръ Гневошовичъ Стрижевскій.

Послѣднее извѣстіе о Гневошѣ Дмитріевичѣ Стрижевскомъ мы имѣемъ въ актѣ отъ 2 генваря 1604 года, гдѣ онъ подписался по долгу службы въ должности войскаго винницкаго. Жилъ онъ вѣроятно уже недолго, потому что въ 1613 году распоряжается наслѣдственнымъ имѣніемъ сынъ его Өедоръ, въ то время тоже немолодой человѣкъ. Онъ былъ женатъ на дочери винницкаго подстаросты Григорія Чечеля, Регинѣ, происходившей изъ мѣстнаго земянскаго рода Чечелей, владѣвшихъ помѣстьями въ брацлавскомъ повѣтѣ. Изъ заставнаго акта покойнаго Гневоша Дмитріевича, совершеннаго въ пользу жены Олены Чаплянки, слѣдуетъ предполагать, что Өедоръ не былъ ихъ единственнымъ сыномъ; но мы о другихъ дѣтяхъ Гневоша ничего не знаемъ. Не всѣ при этомъ имѣнія Гневоша достались сыну Өедору; вѣроятно, нѣкоторыя изъ нихъ перешли къ другимъ дѣтямъ. Изъ актовъ видно, что Өедору принадлежало въ винницкомъ повѣтѣ только стрижовское имѣніе, состоявшее изъ м. Стрижовки и сс. Лесіевки, Сосонки, Соболевки и кобыленскихъ грунтовъ. Нѣтъ у насъ свѣдѣній, что сталось съ Яновомъ, Святковцами или Цвѣтковцами, Пилявинцами и Клобучищами, упомянутыми выше въ перечнѣ имѣній Гневоша Стрижевскаго. Яновское имѣніе не граничило съ стрижевскимъ и, вѣроятно, перешло къ другимъ дѣтямъ Гневоша Дмитріевича или въ постороннія руки. Что ка-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1889, 5—6.

сается другихъ, то онѣ лежали въ чертѣ стрижевскаго имѣнія въ бассейнѣ р. Десны. Взглянувъ на подробную карту, легко убѣдиться, что въ описываемой мѣстности Цвѣтковцы, Пилявинцы и Клобучища теперь вовсе не существуютъ. Можетъ быть относительно Пилявинецъ произошла въ актахъ ошибка: можетъ быть это теперешнія Холявинцы, лежащія на лѣвомъ берегу р. Жерди (притокъ Десны) противъ с. Лесіевки, извѣстныя подъ тѣмъ же именемъ въ концѣ первой половины XVII ст. Утвердительно сказать трудно. Село Клобучища въ одномъ актѣ 1623 года названо уже урочищемъ на границѣ грунтовъ с. Сосонки. Въ тѣ смутныя времена, когда и внѣшній хищный врагъ, и внутренній не менѣе хищный наѣздникъ ежегодно уничтожали, съ землей ровняли людскія поселенія, превращеніе населенныхъ пунктовъ въ пустыри и урочища и обратно было дѣломъ чуть ли не повседневнымъ.

Кромѣ отцовскихъ имѣній, Ѳедоръ и Регина Стрижевскіе имѣли и благопріобрѣтенное. Еще при жизни отца, 22 января 1599 года они купили у винницкаго гродскаго судьи Михаила Ласка за 1.000 зол. польс. половину с. Сивоковецъ, расположеннаго на лѣвомъ берегу р. Десны, смежнаго съ имѣніями стрижовскаго ключа. Февраля 5 дня того же года была сознана донація въ пользу супруговъ Стрижевскихъ передъ винницкимъ городскимъ судомъ. Имѣніе это состояло въ общемъ владѣніи съ земяниномъ Омеляномъ—Ждановъ Гречиной - Сабаровскимъ, которому принадлежало право на вторую половину с. Сивоковецъ. Село это и принадлежавшія къ нему земли врѣзывались длиннымъ клиномъ въ помѣстья Гневоша Стрижевскаго, отдѣлявшимъ грунты кобыленскіе отъ соболевскихъ. Для округленія границъ и устраненія чрезполосности, паны Стрижевскіе стремились пріобрѣсти и вторую половину Сивоковецъ, но Гречина не хотѣлъ пойти на сдѣлку и вслѣдствіе этого между нимъ и Ѳедоромъ Стрижевскимъ, его новымъ совладѣльцемъ, возникли сначала мелкія ссоры, дошедшія вскорѣ до процессовъ о разныхъ самоуправствахъ и нарушеніяхъ владѣнія, окончившихся декретомъ люблинскаго трибунала отъ 10 іюля 1603 года, которымъ предписывалось брацлавскому подкоморію Лаврину Пясочинскому произвести между

супругами Стрижевскими и Гречиной-Сабаровским раздѣлъ сивоковецкаго имѣнія въ равныхъ доляхъ.

Ѳедоръ Стрижевскій имѣлъ съ Региной Григорьевной одного сына Самуила и трехъ дочерей: Аполлонію, Татьяну и Ганну. Семья эта была пока русская, связанная тѣсными узами родства съ мѣстными старыми родами. Владѣя сравнительно большими средствами, хотя и не занимая никакого служебнаго поста, Ѳедоръ Гневошовичъ стремился все таки удержаться на занятой предками ступени среди мѣстнаго земянства, и отдавая дань духу времени и новымъ со временъ уніи вѣяніямъ съ запада, волейневолей долженъ былъ сблизиться съ польскими сферами.

Со времени учрежденія воеводства, мѣстныя отношенія быстро стали измѣняться. Реформа военно-административная и судебная создали множество совершенно новыхъ выборныхъ и коронныхъ должностей и установили въ порядкѣ подчиненности тѣсныя и постоянныя сношенія брацлавскихъ повѣтовъ съ Варшавой, Люблиномъ и Радомомъ. Для польской шляхты открылся теперь болѣе удобный доступъ въ богатую брацлавскую окраину, въ особенности подъ крыломъ двухъ богатыхъ польскихъ родовъ Калиновскихъ и Потоцкихъ, занимавшихъ здѣсь все время съ небольшими промежутками старостинскія и воеводскія должности. Съ конца XVI, а въ особенности въ началѣ XVII ст. приливъ поляковъ въ Брацлавщину усиливается съ каждымъ годомъ; они шагъ за шагомъ выбиваютъ съ позиціи старое русское земянство, забирая постепенно въ свои руки уряды и помѣстья. Со времени уніи и къ моменту хмельничины больше половины пространства винницкаго повѣта перешло въ польскія руки или на вотчинномъ правѣ, или какъ старостинскія державы. Частныя вотчины переходили или путемъ покупокъ, или путемъ браковъ между поляками и русскими. Богатыя русскія невѣсты не засиживались. Блестящая польская молодежь часто посѣщала украинскіе дворы и добивалась руки и сердца украинскихъ красавицъ, хотя и мало воспитанныхъ, часто грубыхъ и неграмотныхъ, но владѣвшихъ обширными пространствами полей, луговъ и лѣсовъ.

Въ 1612 году двѣ старшія дочери Ѳедора Гневошовича, Татьяна и Аполлонія, только что вышли изъ дѣтства; младшей Ганнѣ было всего лѣтъ семь. Къ этому времени въ домъ Стрижевскаго являются два жениха, оба поляки: Станиславъ Кронковскій и Мацѣй Пшерадовскій. Знакомство и сватовство устроилось при посредствѣ семейства Кордышей, родственниковъ Стрижевскихъ. Родная сестра пани Регины Стрижевской была замужемъ за Иваномъ Кордышемъ изъ брацлавскаго повѣта. Сынъ ихъ Василій Ивановичъ Кордышъ, проводя много времени въ Винницѣ, сошелся съ Кронковскимъ и Пшерадовскимъ и подружился особенно съ первымъ. Господа эти постоянно вращались въ судебномъ мірѣ. Мацѣй Кронковскій, впослѣдствіи мечникъ и подстароста винницкій, служилъ въ то время въ гродской канцеляріи, а племянникъ его Станиславъ занимался адвокатурой. Уже въ 1606 году онъ выступаетъ въ качествѣ формально уполномоченнаго отъ имени Ободенскихъ въ вотчинномъ процессѣ съ Коцубами-Якушинскими, а затѣмъ имя его въ этой роли встрѣчается въ разныхъ процессахъ довольно часто. Ѳедоръ Стрижевскій дѣлъ въ судахъ имѣлъ много; онъ не шелъ по слѣдамъ своего отца и любилъ заводить съ сосѣдями споры, на захватъ отвѣчалъ захватомъ, на наѣздъ наѣздомъ, а потому и опытные законовѣды ему были нужны. Все это вмѣстѣ взятое сблизило Кронковскаго и Пшерадовскаго съ домомъ Стрижевскихъ. Молодыхъ бывалыхъ шляхтичей принимали въ скромномъ русскомъ домѣ радушно и имъ не стоило большихъ усилій, чтобы добиться желаннаго успѣха въ сватовствѣ, продолжавшемся впрочемъ недолго. Старшая изъ невѣстъ, Татьяна, помолвлена за Пшерадовскаго, а младшая, Аполлонія, за Кронковскаго. Свадьба была съиграна одновременно въ мясоѣдъ 1613 года. Въ приданое дочерямъ Ѳедоръ Стрижевскій, кромѣ слѣдуемой имъ по литовскому статуту четвертой части родоваго имѣнія, сейчасъ же отдалъ свое благопріобрѣтенное имѣніе въ с. Сивоковцахъ, гдѣ и поселились Пшерадовскіе, а Кронковскіе устроились въ Винницѣ. На Сивоковцахъ тяготѣлъ довольно солидный долгъ Стрижевскаго въ 500 копъ грош. лит., присужденный съ него люблинскимъ трибуналомъ въ пользу сосѣдки пани Анны Ивановны Микулинской. Вслѣдствіе

этого, формальное переукрѣпленіе Сивоковецъ за дочерями должно было быть отложено, тѣмъ болѣе, что расчетъ съ Микулинской затягивался. Срокъ, определенный трибуналомъ для уплаты этихъ денегъ, приходился на конецъ мая мѣсяца 1613 г., но къ этому времени винницкій гродскій судъ былъ закрытъ и судебныхъ засѣданій не было. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти знаменитаго Юрія Струса изъ Коморова, винницкимъ старостой назначенъ былъ Александръ Васильевичъ Болобанъ, племянникъ знаменитаго владыки Гедеона, но онъ въ то время еще не успѣлъ принести присяги и вступить въ должность. Въ такомъ положеніи не было возможности совершить въ судѣ формальной росписки и стороны, въ лицѣ Ивана Микулинскаго и Пшерадовскаго съ Кронковскимъ, явившись въ судъ для расчета, ограничились подачей возному соотвѣтственныхъ заявленій, которыя и переданы были въ ближайшій сосѣдній судъ — въ Житомиръ[1]). Только къ 28 декабря 1613 г. удалось совершить въ винницкомъ гродскомъ судѣ двѣ дарственныя записи на с. Сивоковцы. По одной изъ нихъ Ѳедоръ подарилъ свою часть въ половинѣ Сивоковецъ Матвѣю и Татьянѣ Пшерадовскимъ, а Регина свою часть Станиславу и Аполлоніи Кронковскимъ.

Этимъ небольшимъ выдѣломъ зятья не удовлетворились и начали настаивать на немедленномъ выдѣлѣ указной части изъ родоваго имѣнія. Между тѣмъ отцу нелегко приходилось справляться съ хозяйствомъ и охраной границъ на всей территоріи своихъ имѣній. Обширные кобыленскіе грунты граничили съ юга съ имѣніями Кропивницкихъ и Ободенскихъ, которые, владѣя сравнительно небольшими пространствами, нуждались въ свободныхъ земляхъ и угодьяхъ для возрастающаго населенія. Это и было естественной причиной стремленія пріурочить къ своимъ помѣстьямъ побольше пустыхъ земель или незанятыхъ лѣсовъ. Прямымъ послѣдствіемъ явились захваты, споры, самоуправство и процессы. Ѳедоръ Стрижевскій имѣлъ много хлопотъ въ стрижевскомъ ключѣ, а потому охотно согласился выдѣлить дочерямъ еще при жизни своей ихъ узаконенную часть въ кобыленскихъ

[1]) Опись акт. кн. Кіевс. Центр. Арх. № 9, ст. 26 и 27.

грунтахъ.—Вопросъ затруднялся только тѣмъ, что младшая дочь Анна была еще малолѣтней и не могла вступить въ фактическое владѣніе выдѣляемымъ имѣніемъ. Вскорѣ однако зятьямъ удалось добыть актъ выдѣла, составленный Өедоромъ Гневошовичемъ въ Стрижевкѣ 8 іюля 1614 года. Въ немъ старикъ поясняетъ, что: „по просьбѣ дочерей Аполоніи Кронковской и Тетяны Пшерадовской, не совершая на сей разъ *скутечного* выдѣла, откладывая таковой до совершеннолѣтія дочери малой Ганны, которая тоже должна будетъ имѣть свою часть, въ настоящее время имъ, Аполоніи Кронковской и Тетянѣ Пшерадовской, и ихъ потомкамъ, села кобыленскія, ничего на себя и своихъ потомковъ не оставляя, силою вѣчнаго выдѣла *пускаю и уступаю, въ моцъ и въ держене, въ вѣчное ужыване и шафоване отдаю*, которое то село помененое дочери мои Аполонія и Тетяна, принявъ во владѣніе, могутъ на вѣчныя времена *ужыватьı и шафоватьı* съ дочерью моей Ганной, когда достигнетъ совершенныхъ лѣтъ по своему *прырожденому праву, которымъ имъ четверта часть во всихъ именяхъ отчыныхъ приналежытъ*". Актъ этотъ только въ 1615 г. явленъ былъ въ винницкихъ гродскихъ книгахъ.

Выдѣливъ дочерей, Өедоръ Гневошовичъ постарался обезпечить и жену на случай своей смерти и пустилъ ей заставомъ въ суммѣ 10.000 зол. пол. лучшее изъ стрижевскаго ключа имѣніе с. Лисіевку, занимавшее сѣверную полосу его владѣній. Кромѣ обширныхъ лѣсовъ и сѣножатей, тамъ было много пахатнаго поля, качествомъ значительно лучшаго, чѣмъ супесчаные грунты стрижевскаго Побужья. Лисіевскіе грунты доходили до границъ королевскаго села Мизякова, состоявшаго въ то время въ арендномъ пользованіи (посессіи) извѣстнаго въ подольской землѣ генерала подольскаго, каменецкаго, летичевскаго, брацлавскаго и звенигородскаго старосты Валентія—Александра Калиновскаго. Этотъ магнатъ велъ вездѣ неустанную аграрную войну съ сосѣдями. Въ 1616 году возникли и на лисіевской границѣ споры. Дѣло дошло до того, что по личному приказанію генерала подольскаго нѣсколько сотъ бояръ и подданныхъ мизяковскихъ 28 іюня 1616 г. заняли силою лисіевскіе грунты. Судебная по этому дѣлу *инквизиція* (слѣдствіе) установила, что этотъ

отрядъ, перейдя силою старую границу, сначала явился на поляхъ дворныхъ (помѣщичьихъ), на которыхъ становится 600 копенъ хлѣба, и заставъ тамъ экономическіе плуги, которыми пахали стрижевскіе подданные, изрубилъ таковые, а плугатарей „bijąc y mordując gwałtownie" согналъ, землю же готовую обсѣменили своимъ зерномъ люди мизяковскіе. Другой экономическій ланъ, на которомъ становится 500 копенъ хлѣба, заняли тоже и не допустили вспахать. Кромѣ того, тотъ же отрядъ занялъ нивы лисіевскихъ подданныхъ, лежавшія невдалекѣ отъ дворныхъ лановъ. На этихъ крестьянскихъ нивахъ становилось до 4.000 копенъ хлѣба. Калиновскій занялъ также и всѣ сѣножати при этихъ дворныхъ ланахъ и крестьянскихъ нивахъ, такъ что въ настоящее время (1617 года) завладѣлъ всѣми грунтами почти до самаго села Лисіевки. Со стороны владѣлицы Лисіевки Регины Стрижевской выступилъ Станиславъ Кронковскій, предъявивъ къ Калиновскому искъ объ изъятіи изъ его владѣнія захваченныхъ земель и уплатѣ 3.000 копъ грош. лит. убытковъ. Дѣло тянулось два года въ винницкомъ гродскомъ судѣ и въ люблинскомъ трибуналѣ, который декретомъ отъ 25 іюня 1618 г., разсмотрѣвъ производство и между прочимъ цитированный выше актъ королевскихъ коммиссаровъ отъ 1580 года, постановилъ разрѣшить дѣло присягой владѣлицы Регины Стрижевской, которая и состоялась въ шестинедѣльный срокъ послѣ трибунальскаго декрета въ присутствіи винницкаго гродскаго суда. Этимъ закончился процессъ о землѣ въ пользу пани Стрижевской, а по вопросу о количествѣ убытковъ тянулся еще долго, но чѣмъ кончился неизвѣстно. Калиновскій, разумѣется, предъявилъ (въ 1618 г.) съ своей стороны встрѣчный искъ тоже въ суммѣ 3.000 копъ грошей лит. убытковъ, причиненныхъ самоуправствами со стороны Стрижевскихъ.

Единственный сынъ Ѳедора Гневошовича, Самуилъ, женился на русской земянкѣ брацлавскаго повѣта Ѳедорѣ Карачевской—Красносельской. Вскорѣ послѣ этой женитьбы, около 1620 года, отецъ передалъ ему при жизни своей все имѣніе, причемъ заставную сумму своей жены 10.000 зол. пол. перенесъ съ Лисіевки на с. Сосонку, что, разумѣется, было весьма выгодно для

Самуила, такъ какъ Сосонка и пространствомъ, и качествомъ земли далеко уступала Лисіевкѣ.

Послѣдніе годы жизни Өедора Гневошовича были омрачены начавшимся семейнымъ разладомъ. Самуилъ Өедоровичъ считалъ себя обиженнымъ со стороны Кронковскихъ и Пшерадовскихъ. Всѣ кобыленскіе грунты только на бумагѣ и по разсчету, сдѣланному отцомъ, составляли четвертую часть наслѣдственныхъ имѣній; въ сущности же цѣнность ихъ была далеко выше. Да кромѣ этой указанной части зятья успѣли выпросить у родителей и благопріобрѣтенное имѣніе с. Сивоковцы. Въ довершеніе всего отецъ передалъ матери Сосонку изъ его удѣла, не обязавъ въ ея пользу сестеръ ничѣмъ. Эту несправедливость отцовскихъ распоряженій Самуилъ Өедоровичъ объяснялъ жадностью зятьевъ и заступничествомъ за нихъ матери. Отношенія между Самуиломъ и другими членами семейства до того обострились, что онъ сталъ враждебно относиться даже къ родной матери. Пользуясь тѣмъ, что въ заставномъ актѣ на с. Сосонку не были точно указаны границы этого помѣстья, Самуилъ сталъ захватывать у матери земли и угодія; это для него было тѣмъ легче, что сосонское имѣніе всегда входило въ составъ стрижевскаго ключа, самостоятельно никогда не существовало, а потому и не могло имѣть точныхъ и постоянныхъ границъ. Охраняя интересы жены и желая ее оградить отъ непріятностей со стороны роднаго сына, огорченный старикъ Өедоръ Гневошовичъ долженъ былъ совершить дополнительную запись, обезпечивавшую владѣнія его жены отъ притязаній сына и точно опредѣлявшую границы этихъ владѣній.

Запись эта помѣчена 30 августа 1623 г. и того же числа была принята къ явкѣ винницкимъ подстаростою Мартыномъ Ласкомъ.

Это было послѣднее распоряженіе Өедора Гневошовича; осенью того же года онъ сошелъ въ могилу. Желая обезпечить миръ и спокойствіе въ семьѣ послѣ своей смерти, онъ при жизни передалъ дѣтямъ наслѣдство и обезпечилъ жену; не успѣлъ только пристроить младшей дочери Ганны. Но не сбылись мечты отца.

Со смертію его все пошло прахомъ. Старое богатое и огромное имѣніе Кощичей-Стрижевскихъ въ короткое время по частямъ все переходитъ въ руки людей новыхъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ угасаетъ навсегда и самый родъ Стрижевскихъ.

---

4. Дѣти Ѳедора Гневошовича и его наслѣдство.

О ближайшей судьбѣ дѣтей пана Ѳедора Гневошовича Стрижевскаго и его наслѣдства намъ приходится черпать свѣдѣнія уже не изъ подлинныхъ актовъ, которыхъ вообще осталось весьма немного. Всѣ винницкія гродскія и брацлавскія земскія книги первой половины XVII ст. уничтожены во время козацкихъ войнъ. Жалкіе остатки нѣсколькихъ книгъ, уцѣлѣвшіе какимъ то чудомъ, переплетенные въ одну книгу, хранятся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, весь же архивъ Брацлавщины за цѣлое полстолѣтія отъ пожара винницкаго замка въ 1580 г. до 1648 года погибъ окончательно. Во всѣхъ вотчинныхъ процессахъ XVIII вѣка, когда дѣло доходило до необходимости представить суду архивные документы со временъ ante hosticum, стороны ограничивались ссылкой на манифестъ новаго брацлавскаго земскаго писаря Казиміра Зештелинскаго отъ 18 января 1664 года, которымъ онъ заявилъ брацлавскому земству, что, вступивъ въ должность, онъ не нашелъ ни одной книги и что всѣ книги брацлавскаго воеводства сожжены во время козацкихъ войнъ. Весьма немного *мембрановъ* и формальныхъ выписей изъ этой эпохи сохранилось въ рукахъ частныхъ лицъ, тягавшихся въ прошломъ вѣкѣ о наслѣдственныхъ и вотчинныхъ правахъ. Въ протоколахъ и рѣшеніяхъ по этого рода дѣламъ встрѣчаются ссылки и цѣлыя цитаты изъ древнихъ актовъ. Матеріалъ это весьма скудный какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Старые акты цитировались постольку, поскольку они относились къ данному вопросу, а потому и добытыя изъ этого матеріала свѣдѣнія отличаются сухостью и краткостью. Такого рода скудныя свѣдѣнія удалось мнѣ собрать и о дѣтяхъ Ѳедора Гневошовича.

Супруги *Кронковскіе* весьма скоро ликвидировали свои дѣла въ винницкомъ повѣтѣ. Чрезъ два года послѣ выдѣла кобыленскаго имѣнія Аполлоніи и Татьянѣ, Станиславъ Кронковскій постарался права жены перевести на свое имя. Въ 1616 году 28 ноября Аполлонія Ѳедоровна въ *ассистенціи* своего двоюроднаго брата Василія Кордыша, пріятеля мужа, совершила въ винницкомъ гродскомъ судѣ актъ, которымъ передала мужу Станиславу Кронковскому право собственности на свою часть въ кобыленскомъ имѣніи и, кажется, одновременно и права свои въ с. Сивоковцахъ. Кронковскому вскорѣ удалось пріобрѣсти и вторую часть с. Сивоковецъ, принадлежавшую Гречынамъ-Сабаровскимъ. Старикъ Омелянъ-Жданъ Гречына-Сабаровскій уже давно умеръ и имѣніе унаслѣдовалъ сынъ его Василій Гречына. Онъ былъ женатъ на Аннѣ изъ Приборова Гурской, и въ обезпеченіе полученнаго за ней приданаго выдалъ ей 13 апрѣля 1612 г. заставную запись на свою часть въ с. Сивоковцахъ въ суммѣ 1.000 зол. пол. и вскорѣ затѣмъ умеръ. Молодая бездѣтная вдова нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти мужа вышла вторично замужъ за Александра Млодецкаго и охотно уступила свои права на сивоковецкое имѣніе Станиславу Кронковскому, на что совершила въ винницкомъ гродскомъ судѣ запись (wlewek) 1-го августа 1620 г. Затѣмъ Кронковскій только одинъ годъ владѣлъ кобыленскимъ и сивоковецкимъ имѣніями, а 13 сентября 1621 года продалъ оба. Право свое на половину кобыленскихъ грунтовъ онъ уступилъ женѣ брацлавскаго земскаго судьи Алеасандрѣ изъ Красносельскихъ Кохановской, а сивоковецкое имѣніе пану Ремигіану Горчинскому. Кстати слѣдуетъ здѣсь замѣтить слѣдующее: половина сивоковецкаго имѣнія куплена была стариками Стрижевскими въ 1599 г. у Михаила Ласка за 1.000 зол. пол. Въ этой части Кронковскому принадлежала только половина въ общемъ владѣніи съ Пшерадовскими, и въ 1621 г. онъ взялъ за нее у Горчинскаго тоже 1.000 зол. пол. Въ 23 года цѣнность Сивоковецъ увеличилась вдвое. Сколько онъ взялъ съ того же Горчинскаго за *„влевковую“* часть Сивоковецъ, пріобрѣтенную отъ Млодецкой,— неизвѣстно. Распродавъ имѣнія, Кронковскій, кажется, совсѣмъ выбрался изъ винницкаго повѣта

и поселился въ подольскомъ воеводствѣ, гдѣ получилъ въ *поссессію* с. Голенищевъ, входившее въ составъ скальскаго староства. Село это, какъ видно изъ люстрацій, въ сравненіи съ другими было очень доходное. Раньше оно было въ поссессіи у Калиновскихъ Александра-Валентія и сына его Адама, впослѣдствіи винницкаго старосты. У меня нѣтъ свѣдѣній о томъ какимъ путемъ оно перешло къ Кронковскому [1]). Съ именемъ Станислава Кронковскаго, какъ намѣстника винницкаго гродскаго судьи, мы встрѣчаемся еще разъ 1630 г. 16 апрѣля. Подъ этимъ числомъ занесена въ житомирскія гродскія книги реляція вознаго о врученіи позва винницкому подстаростѣ Михаилу Ласку, гродскому судьѣ Константину Байбузѣ и его намѣстнику Станиславу Кронковскому по жалобѣ князей Корецкихъ за неправое рѣшеніе гродскаго винницкаго суда по дѣлу съ Байбузой о выдачѣ разбойника жида Меера Великаго. Но къ какому времени относится само неправое рѣшеніе гродскаго суда, въ которомъ участвовалъ Кронковскій, намъ неизвѣстно [2]).

Во время цецорскаго боя въ 1620 г. винницкій староста Александръ Васильевичъ Балабанъ попался въ плѣнъ туркамъ. Такъ какъ въ польскомъ лагерѣ его сначала считали погибшимъ, то вскорѣ на винницкое староство назначенъ былъ сынъ Александра-Валентія Калиновскаго Адамъ. Въ 1623 году онъ уже указывается въ актахъ, какъ собственникъ с. Петничанъ. Онъ продолжалъ политику своего отца и пребываніе его въ винницкомъ повѣтѣ ознаменовалось безпрестанными аграрными процессами, гражданскими и уголовными, съ сосѣдями. Богатое стрижевское имѣніе граничило и съ старостинскимъ мизяковскимъ ключемъ и съ Петничанами, а потому представляло весьма лакомый для Калиновскаго кусокъ.—Такъ какъ при этомъ молодой владѣлецъ Стрижевки Самуилъ Өедоровичъ вовсе не дорожилъ ни родовымъ гнѣздомъ, ни мѣстными отношеніями и вовсе не имѣлъ охоты вести подчасъ и неравную борьбу на мизяковской и петничанской границѣ, то сдѣлка состоялась скоро и

[1]) Źródła Dziejowe, V, стр. 19 и 191.

[2]) Опись акт. книги Кіевск. Центр. Арх. № 14, стр. 20.

онъ продалъ Калиновскому все свое имѣніе. Въ выдѣлѣ дочерямъ Ѳедора Гневошовича не опредѣлялись точно границы выдѣляемой четвертой части и говорилось вездѣ общими указаніями: кобыленскіе грунты или кобыленское имѣніе даже безъ перечисленія селъ Кобыльной, Приборовки, Козинецъ и Половецкаго. Пользуясь этой неясностью акта, изъ желанія ли досадить Кохановскимъ или же съ цѣлью обмануть Калиновскаго, Самуилъ Ѳедоровичъ, продавая ему все родовое имѣніе за исключеніемъ выдѣленнаго кобыленскаго имѣнія, включилъ въ перечень продаваемыхъ селъ, кромѣ своего стрижевскаго ключа, еще с. Козинцы и урочище Половецкое, состоявшія въ фактическомъ владѣніи Кохановскихъ, купившихъ права Кронковскихъ. Есть основаніе думать, что этотъ некрасивый поступокъ могъ быть даже внушенъ завѣдомо самимъ Калиновскимъ, который давно уже велъ войну съ владѣльцами кобыленскихъ имѣній, совершалъ наѣзды, грабилъ хлѣбъ и сѣно. Еще 26 марта 1623 года состоялось судебное рѣшеніе о взысканіи съ Калиновскаго въ пользу владѣльцевъ Кобыльной убытковъ за увозъ 5,000 фуръ сѣна. Продажный контрактъ на Козинцы и Половецкое помогъ пану старостѣ затянуть дѣло и изъ дѣла о самоуправствѣ сдѣлать вотчинный тяжебный процессъ, основанный на владѣнномъ актѣ и фактическомъ владѣніи. Предварительный договоръ о продажѣ Стрижевки состоялся лѣтомъ 1624 года въ Люблинѣ, гдѣ въ то время былъ и Ольбрыхтъ Кохановскій. Узнавъ о такомъ фортелѣ, этотъ послѣдній подалъ 10 сентября 1624 г. въ трибунальскія книги манифестъ противъ Адама Калиновскаго и Самуила Стрижевскаго, и началъ искъ объ уничтоженіи этой продажи и передачѣ ему обратно захваченныхъ силою Козинецъ и Половецкаго. Несмотря однако на эту протестацію, продажа все таки была оформлена и донація (крѣпостной актъ) совершена 20 декабря 1624 года.

Что побудило Самуила Ѳедоровича на самомъ дѣлѣ къ продажѣ своей потомственной, хорошо отцомъ устроенной вотчины, сколько онъ выручилъ за нее денегъ и гдѣ затѣмъ поселился, мы не знаемъ. Знаемъ только, что два года спустя, въ 1626 году, онъ былъ убитъ гдѣ то на Волыни. Сестры его, зная

о значительныхъ капиталахъ, оставшихся послѣ безпотомно погибшаго Самуила Өедоровича, немедленно начали процессъ. Онѣ всѣ три 5 декабря 1626 г. подали жалобу въ луцкій гродскій судъ и затѣяли дѣло объ убійствѣ брата съ кн. Александромъ Заславскимъ и подданными его селъ Козарова и Бошковичъ (?). Оказалось при этомъ, что всѣ капиталы Самуила Өедоровича завѣщаны были его женѣ Өедорѣ, а цѣнную движимость захватили Остафіанъ Пясецкій и Войцѣхъ и Крыштофъ Длугопольскіе. Надежды на большое наслѣдство не оправдались и сестрамъ осталось только предъявить искъ къ Пясецкому и Длугопольскимъ о возвратѣ движимости. Но затѣмъ младшая сестра Ганна, въ то время бывшая уже замужемъ за Евстафіемъ Шашкевичемъ, нашла возможнымъ предъявить искъ и къ вдовѣ покойнаго, вышедшей немедленно послѣ убійства мужа вторично замужъ за Романа Загоровскаго. Нашлись какія то данныя къ обвиненію Өедоры Загоровской въ полученіи завѣщательнаго акта путемъ принужденія и на этомъ основаніи заведенъ былъ процессъ о признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ. Есть свѣдѣніе, что всѣ эти весьма интересныя тяжбы, очень типичныя для своего времени, были въ полномъ разгарѣ еще въ 1630 г., но какой былъ ихъ исходъ, можно добиться развѣ въ луцкихъ гродскихъ книгахъ.

О самой младшей дочери Өедора Гневошовича *Аннѣ* у насъ очень мало извѣстій. Кромѣ сказаннаго выше, мы знаемъ, что первоначально она жила при матери въ заставномъ имѣніи с. Сосонкѣ и вскорѣ послѣ смерти отца вышла замужъ за Евстафія Шашкевича. Владѣла она въ брацлавскомъ воеводствѣ помимо мужа какимъ то своимъ собственнымъ имѣніемъ. По всему вѣроятію, это была таже Сосонка, доставшаяся ей послѣ матери. Нигдѣ не видно, чтобы она пыталась осуществить свое наслѣдственное право на третью часть кобыленскаго имѣнія, которая по смыслу отцовскаго выдѣла дочерямъ указной доли, должна была къ ней поступить по достиженіи совершеннолѣтія. Изъ всего видно, что кобыленское имѣніе постоянно находилось въ пользованіи въ двухъ равныхъ доляхъ Татьяны Пшерадовской и супруговъ Кохановскихъ. Право Анны Шашкевичъ однако не

было забыто и пану Мацѣю Пшерадовскому удалось добыть отъ нея актъ, которымъ она *резыгновала* въ его пользу свою третью часть Кобыльной. Актъ этотъ никогда не осуществлялся, но два раза, въ XVII и XVIII ст., послужилъ яблокомъ раздора и поводомъ къ очень запутаннымъ тяжбамъ.

Татьяна Пшерадовская была единственной изъ дочерей Θедора Гневошовича удержавшей свою часть кобыленскаго имѣнія. Есть указанія на то, что Татьяна Θедоровна одарена была необыкновенной красотой, сохранившейся до пожилыхъ лѣтъ. Вышедши очень молоденькой замужъ за Пшерадовскаго, она сначала вполнѣ подпала подъ его вліяніе; въ дѣла и управленіе имѣніемъ она совершенно не вмѣшивалась, вездѣ и во всемъ замѣнялъ ее трудолюбивый и бережливый мужъ.

Вскорѣ послѣ покупки Александрой Кохановской у Кронковскихъ ихъ части въ кобыленскомъ имѣніи, новые совладѣльцы раздѣлились. Пшерадовская получила сѣверную часть имѣнія съ селами Кобыльной, Приборовкой и другими приселками; Кохановской же отошли земли въ верхней части бассейна рѣчки Кобыльной съ селомъ Козинцами, урочищемъ Половецкимъ и др. Границей между этими частями послужила старая дорога, существующая донынѣ, шедшая изъ Винницы на Липовецъ въ Украину. Несмотря однако на этотъ раздѣлъ, многія дѣла Пшерадовскихъ были тѣсно связаны съ дѣлами Кохановскихъ вслѣдствіе раньше заведенныхъ на широкую ногу процессовъ чуть ли не со всѣми сосѣдями за разнаго рода насилія, самоуправства и захваты. Старыя тяжбы съ винницкими мѣщанами, старостой Калиновскимъ и Кропивницкими тянулись долго, переходя разныя фазы то въ Винницѣ, то въ Люблинѣ. Вскорѣ возникли еще споры въ Ободенскими и кн. Заславскимъ, тѣснившими кобыленскія границы съ востока. На счастіе Пшерадовскихъ, новый ихъ сосѣдъ Ольбрыхтъ Кохановскій обладалъ и замѣчательной энергіей и связями, а потому всѣ ихъ процессы хотя тянулись довольно долго, но кончались успѣшно. Самъ Пшерадовскій весь отдался хозяйству. Дѣла ихъ, какъ видно, шли довольно хорошо и у нихъ водились значительныя свободныя суммы. Такъ 14 сентября 1621 г. на имя Татьяны Θедоровны куплена

у Ремигіана Горчинскаго часть с. Сивоковецъ, только что пріобрѣтенная имъ у Кронковскихъ и взята у того же Горчинскаго въ поссессію Гречиновская половина Сивоковецъ на заставномъ правѣ („*влевковая*"). Вслѣдствіе этой сдѣлки Сивоковцы наконецъ въ цѣломъ составѣ перешли во владѣніе Пшерадовскихъ. Половина этого имѣнія принадлежала имъ на вотчинномъ правѣ, а другая половина, оставаясь собственностью наслѣдниковъ Василія Омельяновича Гречыны Сабаровскаго, была въ суммѣ 1.000 зол. пол. въ заставномъ пользованіи Татьяны Пшерадовской. Съ теченіемъ времени Пшерадовскій сталъ распоряжаться капиталами уже отъ своего имени. Между прочимъ онъ взялъ у старосты Адама Калиновскаго по акту отъ 12 іюля 1625 года въ заставную поссессію въ подольскомъ воеводствѣ с. Городницу, занявъ ему 11.000 зол. пол.

Пшерадовскіе дѣтей не имѣли и это обстоятельство современемъ весьма грустно отозвалось на взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Впослѣдствіи Татьяну Өедоровну упрекали въ вѣтренности и разныхъ интрижкахъ, вслѣдствіе которыхъ между ней и мужемъ возникли недружелюбныя отношенія. Послѣ 1631 года въ домѣ Пшерадовскихъ появляется молодой полякъ Казиміръ-Николай Коссаковскій. Онъ служилъ въ земствѣ и былъ близокъ съ Ольбрыхтомъ Кохановскимъ, въ то время судьей земскимъ брацлавскимъ. Татьянѣ Өедоровнѣ было тогда уже около 36 лѣтъ, но красота ея была еще въ полномъ цвѣтѣ, и Коссаковскій весьма скоро ею увлекся. Дѣло дошло, какъ кажется, до интимной связи, которая внесла въ отношенія супруговъ положительный раздоръ, и влюбленная парочка могла изрѣдка видѣться въ домѣ Кохановскихъ.—Такъ было до 17 августа 1634 года, когда Матвѣй Пшерадовскій былъ убитъ вооруженной толпой. У жены его нашлось духовное завѣщаніе, въ которомъ все почти свое имущество въ капиталахъ и документахъ Пшерадовскій отписалъ ей; только весьма незначительныя и малоцѣнныя имущества завѣщаны были въ пользу его родственниковъ. Между прочимъ, его любимой племянницѣ, дочери родного брата, Ядвигѣ Закшевской отписано фиктивное право на третью часть кобыленскихъ грунтовъ, пріобрѣтенное когда то завѣщателемъ

отъ Ганны Шашкевичевой. По самому смыслу рядной записи Өедора Стрижевскаго, право Анны Шашкевичевой являлось довольно спорнымъ, а кромѣ того, ни сама Анна Өедоровна, ни пріобрѣвшій отъ нея это право Матвѣй Пшерадовскій ни разу не пытались въ теченіи многихъ лѣтъ осуществить его на дѣлѣ. Въ виду этого завѣщательное распоряженіе въ пользу Ядвиги Закшевской являлось почти неосуществимымъ. Однако добрая тетка, Татьяна Өедоровна, весьма любезно предложила ей *для избѣжанія споровъ о выдѣлѣ* 2.500 зол. пол. за это фиктивное право. Хотя эта сумма далеко не соотвѣтствовала стоимости третьей части кобыленскихъ грунтовъ, но процессъ съ теткой и всесильнымъ Кохановскимъ о выдѣлѣ не представлялъ никакихъ почти шансовъ и Ядвига Закшевская должна была согласиться на эту сдѣлку. Въ силу этого 22 сентября того же 1634 года въ Прилукѣ списана была въ пользу Татьяны Өедоровны донація, подписанная за неграмотную Ядвигу Закшевскую Григоріемъ Важинскимъ и принята къ явкѣ въ винницкихъ гродскихъ книгахъ подстаростою Матвѣемъ Кронковскимъ.—

Слѣдствіе объ убійствѣ Пшерадовскаго подвигалось медленно. Не прошло и полугода отъ совершенія преступленія, еще оно не было выяснено, какъ Татьяна Өедоровна утѣшилась и пошла подъ вѣнецъ съ Николаемъ Коссаковскимъ. Это придало болѣе правдоподобія носившимся толкамъ объ участіи Татьяны Өедоровны и Коссаковскаго въ убійствѣ. Побуждаемая упорной молвой, Ядвига Закшевская принимается болѣе энергично за дѣло и въ концѣ концовъ возбуждаетъ два процесса, обвиняя тетку въ подговорѣ и участіи въ убійствѣ мужа и кромѣ того ту же тетку и втораго ея мужа Коссаковскаго въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія Матвѣя Пшерадовскаго. По этимъ дѣламъ въ 1637 году послѣдовало одинъ за другимъ два декрета люблинскаго трибунала. Однимъ изъ нихъ отъ 4 сентября трибуналъ пріостановилъ дѣло о подложности завѣщанія до разрѣшенія вопроса объ убійствѣ Пшерадовскаго, а вторымъ отъ 23 сентября, признавъ виновными въ убійствѣ Стефана Саницкаго, Мольскаго и др., приговорилъ ихъ къ инфаміи; что же касается участія Татьяны Коссаковской, то несмотря на имѣю-

щееся въ дѣлѣ подозрѣніе, въ виду отсутствія уликъ призналъ ее невиновной. Оправданіе Татьяны Өедоровны въ значительной степени уменьшило для Закшевской шансы на выигрышъ дѣла объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія и ей волей-неволей пришлось пойти на мировую сдѣлку съ Коссаковскими, которая тамъ же въ Люблинѣ и состоялась 29 сентября 1637 года. Въ этомъ процессѣ немаловажную роль игралъ вопросъ объ уступкѣ Ядвигой Закшевской Татьянѣ Өедоровнѣ за 2.500 зол. пол. права Анны Шашкевичевой. Коссаковскіе все ссылались на этотъ фактъ, какъ на доказательство того, что Закшевская воспользовалась завѣщаннымъ имуществомъ и, принявъ завѣщаніе къ исполненію, потеряла право оспаривать его подлинность. Закшевская съ своей стороны доказывала, что вся эта продѣлка съ фиктивнымъ правомъ Анны Шашкевичевой была обдуманной уловкой съ цѣлью ввести ее въ заблужденіе и обезпечить силу подложнаго завѣщанія.

Николай Коссаковскій, второй мужъ Татьяны Өедоровны, оказался практичнѣе Пшерадовскаго. Онъ успѣлъ настолько овладѣть своей супругой, что она совершила 11 мая 1642 года въ винницкихъ гродскихъ актахъ въ его пользу донацію на все свое имѣніе, состоявшее изъ селъ Сивоковецъ, Кобыльной и Приборовки, основанной на лѣвомъ берегу рѣчки Кобыли. Здѣсь въ послѣдній разъ имѣющіеся у меня подъ рукой акты упоминаютъ имя этой бурной и страстной красавицы.

Весьма прискорбно, что весь процессъ объ убійствѣ Матвѣя Пшерадовскаго извѣстенъ намъ только по отрывочнымъ цитатамъ; онъ могъ бы дать много типичныхъ бытовыхъ чертъ. Этотъ процессъ интересенъ еще и потому, что Николай Коссаковскій, игравшій въ немъ довольно подозрительную роль, вовсе не дюжинная личность въ Брацлавщинѣ; онъ до нѣкоторой степени попалъ даже въ исторію. Это тотъ самый брацлавскій подсудокъ Коссаковскій, который впослѣдствіи участвовалъ въ качествѣ польскаго коммиссара при заключеніи съ Хмельницкимъ бѣлоцерковскаго мира и чуть не былъ убитъ вмѣстѣ съ Адамомъ Киселемъ разсвирѣпѣвшей козацкой чернью.

Итакъ, послѣ смерти Θедора Гневошовича Стрижевскаго, въ теченіи очень короткаго времени, огромная территорія его имѣній по частямъ вся переходитъ въ руки поляковъ. Ключъ Стрижевскій съ м. Стрижевкой и селами Переорками, Лисіевской и Соболевкой переходитъ въ 1624 г. въ собственность Калиновскаго; южную половину кобыленскихъ грунтовъ съ селами Козинцами и Половецкимъ покупаютъ въ 1621 году Кохановскіе; наконецъ сѣверную половину съ селами Кобыльной, Приборовкой и Сивоковцами въ 1642 г. пріобрѣтаетъ въ собственнось Коссаковскій, который основалъ еще четвертое село выше Приборовки у самой дороги, ведущей въ Липовецъ, подъ именемъ Коссаковки.

Одновременно съ отчужденіемъ родоваго имѣнія прекращаетъ свое существованіе и самый родъ Стрижевскихъ въ лицѣ погибшаго безпотомно въ 1626 г. Самуила Θедоровича.—Въ XVI и XVII ст. мы встрѣчаемъ въ подольскомъ воеводствѣ тоже Стрижевскихъ, но намъ кажется, что этотъ польскій родъ ничего общаго съ православными Кощичами—Стрижевскими не имѣетъ.

Ц. Нейманъ.

НЕ СУДИЛЪ БОГЪ.

Разсказъ.

> Ой свите мій ясный, свите мій прекрасный!
> Ой якъ на тоби та тяжко жыты!
>
> *(Изъ народной пѣсни).*

Пышно и величаво опускалось солнце за горизонтъ, обливая послѣдними лучами бѣлыя хаты села Козацкаго, утопающія въ зелени вишневыхъ садовъ, и скромную фигуру дѣвушки, тихо поднимавшейся въ гору съ полными ведрами на плечахъ.

Выливъ воду въ кадку и поставивъ ведра и коромысло въ уголъ сѣней, дѣвушка пріотворила дверь, заглянула въ хату и, затаивъ дыханіе, вошло туда, осторожно ступая босыми ногами по земляному полу. Переходъ отъ яркаго солнечнаго освѣщенія къ полумраку хаты, куда свѣтъ еле-еле проникалъ сквозь крохотныя подслѣповатыя оконца, былъ настолько рѣзокъ, что дѣвушка на мгновенье остановилась у порога, сосредоточенно всматриваясь въ окружающіе предметы. Хата была тѣсна и убога. Почти треть ея занимала большая *варыстая* печь съ *бöвдуремъ* (трубою), выходящимъ въ сѣни, гдѣ подъ нимъ былъ устроенъ очагъ для приготовленія пищи въ лѣтнее время. Вдоль стѣнъ, опрятно выбѣленныхъ глиной, шли широкія *лäвы*. Въ переднемъ углу, подъ образами, украшенными сухими васильками, гвоздикою, барвинкомъ и самодѣльными цвѣтами изъ разноцвѣтной бумаги, стоялъ квадратный некрашенный столъ, покрытый гру-

бой, домашней работы скатертью съ красными каймами по краямъ. На столѣ, по гостепріимному украинскому обычаю, лежалъ хлѣбъ, ножъ и бурая, крупно-истолченная соль на деревянной тарелочкѣ.

Съ *пôлу* (наръ) доносились слабые стоны и тихія жалобы.

Марта на цыпочкахъ прошла туда и заботливо склонилась надъ разметавшейся женской фигурой.

— Что тебѣ надо, сеструню?

— Охъ, охъ!.. моя матинко... охъ... помоги мнѣ!... душно мнѣ!.. охъ... сестрица!.. водицы дай!.. головонька моя!..

Больная дѣвушка приподнялась на подушкахъ и съ плачемъ обхватила свою пылающую голову.

Марта поспѣшно выбѣжала въ сѣни, зачерпнула кружкой холодной воды и подала ей.

— Пей, сеструню, на здоровье, пей! Пускай тебѣ Богъ поможетъ! приговаривала она съ глубокой, беззавѣтной лаской, поднося къ воспаленнымъ устамъ больной кружку.

— Можетъ хочешь, сеструню, взвару кисленькаго? Хочешь? Я сейчасъ принесу грушъ и сварю тебѣ въ горшечкѣ. Хочешь? скажи, сердце, чего тебѣ хочется?

— Охъ! Ничего я не хочу... душно мнѣ!.. сестрица!.. горю я... къ груди подступаетъ... смерть моя пришла!.. отвори хоть окно!.. тяжко мнѣ!..

Марта бросилась къ окну и дрожащими руками отодвинула въ сторону закоптѣлую деревянную раму.

Яркій снопъ лучей брызнулъ въ отверстіе и косымъ, золотистымъ столбомъ обрисовался въ пыльномъ воздухѣ, бросая красный отблескъ на бѣлую печь. Изъ цвѣтущаго садика потянуло мягкимъ ароматнымъ вѣтеркомъ. Гдѣ то близко женскій голосъ грустно пѣлъ:

„Ой свите мій ясный, свите мій прекрасный!
„Ой якъ на тоби та тяжко жыты!
„Ой ще тяжчійше молоденькій,
„Не пожывши, тай умираты!..

— Охъ, Боже мой! какъ хорошо! невольно вздохнула больная и, закрывъ глаза, снова впала въ тревожное, мучительное забытье.

Марта все стояла у окна, тоскливо вслушиваясь въ слова пѣсни. Ей казалось, что эта пѣсня сложена про ея сестру. Сестра ея умретъ! И вотъ въ ея болѣзненно-возбужденномъ воображеніи рисуется мрачная, полная безъисходной печали картина смерти. На лавѣ, подъ образами, гдѣ тихо мерцаетъ желтая восковая свѣча, лежитъ ея умершая сестра, прикрытая прозрачною *намиткою* (кисея), руки ея сложены на груди, зеленый вѣнокъ изъ барвинку надѣтъ на голову, блѣдныя уста навѣки сомкнулись. Не раздается уже ея серебристый голосъ, ея милое, веселое щебетанье, ея звонкія дѣвичьи пѣсни. Не запоютъ ей дружки, не посадятъ ее за столъ *на посади* съ женихомъ!.. женихъ ея — тѣсная *домовына*, *посадъ* ея—сырая могила, пѣсни дружекъ для нея—звонъ церковныхъ колоколовъ!.. Все, все унесла съ собою безпощадная смерть! И вотъ Марта, въ безумномъ отчаяніи, бросается къ этому холодному, неподвижному тѣлу и жалобнымъ голосомъ начинаетъ причитывать: „Ой сестрице моя, зозуленько! На кого жъ ты мене покынула?“ Но нѣтъ! Она не въ силахъ будетъ тужить и причитывать. Ей казалось, что она сама умретъ, сама ляжетъ подлѣ сестры въ сырую могилу. Зачѣмъ ей жить? Развѣ она можетъ пережить ту, которую она выростила, вынянчила на своихъ рукахъ, какъ свое родное дитя?

Гнетущая тоска охватила все ея существо, какъ тисками сжала ея сердце...

„Ой що тяжчійше молодесенькій,
„Не нажывшися, тай умираты!“

доносилось въ окно вмѣстѣ съ волною весенняго воздуха.

Марта опустилась на лавку и, закрывъ лицо руками, зарыдала.

Это была некрасивая, хотя и симпатичная, дѣвушка. Она считалась первой работницей въ селѣ, кроткой и тихой по нраву, и потому сваты, какъ говорится, не переводились у нея въ хатѣ. Однако Марта не спѣшила замужъ: у нея были свои обязанности и она не могла еще думать о себѣ. Отца она не помнила, мать и отчимъ давно уже умерли въ одинъ день отъ холеры.

Мужчины-работника въ ихъ семьѣ не было и потому на ея рукахъ осталось все хозяйство, старая баба—мать ея отчима, и малютка-сестра.

Марта поплакала, потужила, но не пала духомъ. У нея были сильныя молодыя руки, твердая воля, доброе, отзывчивое сердце... Она бодро, энергично взялась за дѣло, неся на себѣ всю тягость непосильнаго труда. Нужды нѣтъ, что она работаетъ на другихъ, что она здѣсь пришлая, такъ какъ хата по закону принадлежитъ сестрѣ и она въ одинъ прекрасный день можетъ очутиться безъ крова. Ее даже предостерегали на этотъ счетъ добрые люди, въ особенности сваты, которымъ очень хотѣлось сосватать эту завидную невѣсту.

— Перебирай, дѣвка, перебирай, доперебираешься до сивой косы,—каркали они, получивъ на свое предложеніе отказъ.—Вотъ подожди, пускай только меньшая подростетъ, „подверне вона тебе пидъ корыто" [1])... Хорошо, если еще изъ хаты не выгонитъ, будетъ еще и это... Увидишь... Вспомнишь тогда наше слово... Пойдешь изъ дому безъ оглядки, какъ собаку выгонятъ.

— Ну такъ что-же? Выгонятъ, такъ и выгонятъ, спокойно, съ добродушной улыбкой возражала Марта. — Развѣ только и свѣта, что въ окнѣ? Выгонятъ—пойду къ чужимъ людямъ. Гдѣ работать, то работать, даромъ хлѣба нигдѣ не будешь ѣсть, лишь бы Богъ далъ здоровье, а тамъ... Пускай...

И она украдкой вытирала слезу, но не колебалась въ своемъ рѣшеніи.

Года два тому назадъ Олена, ея меньшая сестра, которой пошелъ тогда пятнадцатый годъ, нанялась въ городъ, къ „своимъ панамъ". Жилось ей тамъ хорошо: работой ее не тяготили, жалѣли и даже баловали. Городская жизнь тоже пришлась ей по вкусу, и она собиралась наняться и на третій годъ, какъ случилась бѣда, разрушившая ея планы: поѣхавъ на свѣтлый праздникъ домой, она простудилась дорогой и вотъ уже другую недѣлю лежала въ горячкѣ.

---

[1]) Т. е. выйдетъ раньше замужъ.

— И что съ ней такое сталось, Боже мой?—раздумывала въ тоскѣ Марта. — Или она простудилась, или лихіе люди наслали? Горитъ, сердечная, какъ въ огнѣ... мечется... говоритъ что то чудное, будто, сохрани Боже, не въ своемъ разумѣ... Хоть бы бабуся скорѣй вернулась... Застала ли она бабу? Сильвестриха—баба знающая... можетъ, Богъ дастъ, и помогутъ.

Марта вздохнула, отерла слезы и, вытащивъ изъ подъ лавки коробку съ картофелемъ, принялась его чистить, безпрестанно поглядывая въ оконце.

Скоро на дворѣ залаяла собака. Марта поспѣшно выбѣжала за дверь. Черезъ нѣсколько времени въ хату вошла, въ сопровожденіи дѣвушки и самой хозяйки—„бабуси“, желанная гостья.

— Здравствуйте, Боже вамъ поможи! Съ середою будьте здоровеньки!—быстро сыпала она словами, остановившись у порога и окидывая бѣгающими глазками убогую обстановку сиротскаго жилья.

— А у нихъ, мое серденько, и стѣны обшарпаны, и куска хлѣба нѣтъ въ хатѣ! А сорочка на дѣвкѣ, то чтобы мнѣ не сойти съ этого мѣста, коли я брешу, такая рваная, такая рвавая, какъ у нищей... Ей Богу, серденько, правда!—будетъ потомъ она импровизировать среди сельскихъ кумушекъ.

Это была маленькая, юркая старушенка съ живыми черными глазками, съ изрытымъ лицемъ. На вопросъ, что ее такъ искалѣчило, она неохотно отвѣчала: „глаза болѣли, такъ порохомъ припекала“,—и больше отъ нея ничего нельзя было добиться. Одѣта она была въ демикотоновую *полотнянку* [1]), синія *запаски*, плотно облегавшія ея плоскія бедра и сухія ноги, выглядывавшія изъ подъ подола толстой, домашняго полотна рубахи. Голова повязана низко на лобъ чернымъ бумажнымъ платкомъ съ бѣлой кромкой, на шеѣ шнурокъ съ мѣднымъ крестомъ.

Баба Сильвестриха пользуется въ селѣ громкой репутаціей первой сплетницы и „брехухи“ и искусной знахарки—шептухи. Уваженіемъ она не пользовалась, но за то къ ней обращались при всѣхъ недугахъ. И отъ какихъ только болѣзней она не лѣ-

---

[1]) Кофта на подкладкѣ съ пышными складками сзади.

читъ! Она умѣетъ и *сояшныци* заговаривать, и отъ сухотки въ печи загничувать [1]), и при *колючкахъ* бока подавливать ножемъ и раскаленнымъ ухватомъ, и ребенку отъ *урокивъ* слизать языкомъ накрестъ лицо. Знаетъ она, что отъ *куриной слѣпоты* надо паціента столкнуть неожиданно въ яму, чтобы онъ испугался, а отъ лихорадки слѣдуетъ заставить его похлебать пшеннаго кулишу вмѣстѣ съ собакой, сидя на порогѣ хаты, или же во время пароксизма выкупаться въ рѣчкѣ, а зимою и въ проруби... Все умѣетъ баба Сильвестриха, но ни отъ чего она такъ удачно не пользуетъ, по мнѣнію ея благодарныхъ паціентовъ, какъ отъ *грызи*, т. е. ломоты. По этой болѣзни она спеціалистка. Сельвестриха не только пошепчетъ и *погрызетъ* собственными зубами больному руку или ногу, а если болитъ спина, то *потопчетъ* ее колѣнями, но у нея имѣются еще особенные шнурочки, которые она сама прядетъ въ чистый четвергъ до восхода солнца, сидя на порогѣ своей хаты буквально голая.

Утерши пестрымъ ситцевымъ платочкомъ потъ и напившись холодной воды, знахарка мелкими шажками прошла къ нарамъ, остановилась надъ больной и, подперши щеку рукою, стала сокрушенно съ громкими вздохами качать головою, приговаривая: „Охъ, серденько, умретъ дивчина, ей Богу умретъ, пеките и пироги... Не долго уже ей!..“.

Марта стояла поодаль, блѣдная какъ полотно, и, затаивъ дыханіе, впилась глазами въ лѣкарку, стараясь прочесть на ея лицѣ рѣшеніе мучительнаго вопроса. На зловѣщія слова Сильвестрихи Марта не обратила вниманія, какъ на обычныя въ подобныхъ случаяхъ.

Баба еще постояла и покачала головой, потомъ полѣзла на нары и съ глубокомысленнымъ видомъ принялась осматривать и ощупывать больную, ворочать ее съ боку на бокъ, тискать въ бока кулаками, дуть въ лицо, плевать, шептать.... Несчастная больная только стонала.

— Плохо дивчинѣ, плохо!... Надо ее подкурить. Это съ ней отъ простуды такъ сталось. Надо подкурить.

---

[1]) Паціента помѣщаютъ въ печь и съ краю раскладываютъ небольшой огонь, какъ для хлѣбовъ.

Баба слѣзла съ *полу* и начала свои операціи. Доставъ изъ за пазухи какихъ то сушеныхъ ароматическихъ травъ и всыпавъ ихъ въ большой глиняный черепокъ, она поставила его на печь и что то долго надъ нимъ шептала, поминутно отплевываясь. Окончивъ нужныя заклинанія, Сильвестриха подожгла травы такимъ образомъ, чтобы онѣ только курились, и съ помощью Марты втащила больную на печь, наклонила ее надъ дымомъ и, накрывъ ее сверху рядномъ и кожухомъ, продержала нѣсколько времени въ такомъ положеніи, продолжая бормотать свои наговоры.

Бабуся сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ и съ глубокимъ благоговѣніемъ и непоколебимой вѣрой слѣдила за этой церемоніей, вытирая отъ времени до времени рукавомъ слезящіеся подслѣповатые глаза.

Между тѣмъ больная совсѣмъ угорѣла и ее, почти безъ сознанія, сильно пропотѣвшую, сняли съ печи и положили на полъ, бережно укутывая, чтобы она не застудилась.

Марта, по знаку бабуси, внесла изъ *хижи* [1]) сало и, покрошивъ его на небольшіе кусочки на расписной тарелкѣ, пригласила лѣкарку *пополудновать* чѣмъ Богъ послалъ, смущенно извиняясь въ отсутствіи горилочки.

— Спасибо, я не хочу, я уже полудновала: мнѣ лишь бы крошечку съѣсть—я и сыта...—жеманно отказывалась гостья и поломавшись еще сколько требовали сельскія приличія, усѣлась за столъ и съ церемоннымъ видомъ принялась угощаться.

Когда Сильвестриха закусила и стала собираться домой, Марта вызвалась проводить ее и, вмѣсто гонорара, захватила съ собой свѣжую *паляныцю* и преподнесла знахаркѣ *на гостынець*.

Вечеръ былъ тихій, теплый, ароматный. Золотой серпъ мѣсяца рѣзко выдѣлялся на матово-голубомъ фонѣ, и блестящія звѣзды одна за другой загорались въ необъятномъ пространствѣ... Изъ садика доносились соловьиныя трели, съ улицы слышались пѣсни и веселыя *выгукиванія* гулющей молодежи. Марта, вслу-

[1]) Кладовая черезъ сѣни.

шиваясь въ эти веселые звуки, съ горечью думала: „и поется же имъ... Тутъ человѣкъ умираетъ, а они гуляютъ. Господи милосердый! такъ все на свѣтѣ дѣлается,—тутъ плачутъ, а тамъ смѣются"... Но здѣсь теченіе ея грустныхъ мыслей было неожиданно прервано,—послышался тихій шорохъ и кто то шепотомъ позвалъ ее:

— Марта!

— Это ты, Иванъ?—слегка вздрогнувъ, тихо спросила она.

— А кто же, какъ не я?

Изъ за плетня выступила фигура парня въ сѣрой *чемеркѣ* и высокой бараньей шапкѣ.

— Здравствуй! Давно уже мы съ собой не видались.

Дѣвушка отступила, печально спросивъ: „чего тебѣ"?

— Чего?... Чего?—съ удивленіемъ и негодованіемъ передразнилъ ее парубокъ.—Не знаешь чего? Въ первый разъ тебѣ? Забыла? Еще спрашиваетъ: чего?

Она молчала, скорбно сжавъ губы.

— Ну, что же ты молчишь? *Отъ лыхая годына!* Что съ тобой сталось? Полюбила кого, что ли? Можетъ того усатаго венгерца, что ночевалъ у васъ? Гляди, я этого не спущу!...—и онъ полу-шутя ударилъ ее прутикомъ по плечу.

— *Геть, парубче!* Мнѣ не до шутокъ, не такое теперь время,—нервно, со слезами въ голосѣ возразила она.

— Ого, какая пышная стала, и не подступай. Не такое время! А какого тебѣ надо?

— Не говори такъ, Иванъ? У меня сестра больная лежитъ. Можетъ и умереть.

— Ну и пусть себѣ умираетъ, я и *мáры* помогу нести.

— *Пыпоть тоби на языкъ!*—съ ужасомъ вскрикнула Марта.—Грѣхъ тебѣ, Иванъ, издѣваться такъ надъ моимъ горемъ.

Долго сдерживаемыя слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ дѣвушки и, припавъ головою къ плетню, она стала истерически всхлипывать. Парубокъ стоялъ смущенный, сконфуженный и растерянно бормоталъ: „Ну, чего ты? я только такъ, пошутилъ,—а ты и вправду. Что же съ ней такое"?

Выплакавшись и нѣсколько успокоившись, тронутая его участіемъ Марта отвѣчала:

— Кто его знаетъ. Баба Сильвестриха говорила, что она должно быть простудилась... Отъ простуды съ ней это случилось... Она ее подкуривала.

— Вотъ выдумала! много она знаетъ. Можетъ быть такъ, какъ Карпу посовѣтовала прикладывать какую то мазь къ пальцу, когда у него нарывъ былъ, а ему изъ за этого и всю руку отрѣзали, да хорошо еще, что рано захватили, а то говорили, что еще дня два, такъ и умеръ бы. О! Я эту брехуху и на дворъ къ себѣ не пустилъ бы, собаками затравилъ бы! Тьфу на нее!— выразительно сплюнулъ онъ и потомъ, помолчавъ немного, уже другимъ тономъ спросилъ: Такъ изъ-за этого ты и не выходишь ко мнѣ?

— Должно быть изъ-за этого!

— Вотъ уже, Господи помилуй, слова не можетъ сказать по человѣчески, такъ и огрызается! Ну чтожъ, можетъ и вправду задумала идти за другаго, такъ не знаешь, какъ отдѣлаться?

Онъ снова попытался взять ее за руку, но она мягко отстранилась и грустно вымолвила:

— Не тронь меня, Иванъ! Мнѣ не до того! Если бы ты зналъ, что у меня здѣсь!—и она указала на грудь.—Огнемъ меня печетъ и водою не зальешь! Охъ, не до того мнѣ теперь, не до того!

— Все тебѣ не до того!—съ горечью возразилъ онъ.— Давно уже мы съ тобою любимъ другъ друга, да никакъ не поженимся... Только задумаю старостовъ присылать, сейчасъ тебѣ не до того: то сестра еще мала—некому дома хозяйничать, пускай подростетъ, то денегъ нѣтъ—не на что весилье справить, надо корову купить.... А тутъ опять горе—сестра заболѣла.... Бѣда, да и только! Водишь ты меня, смѣешься надо мной! Свѣтъ мнѣ завязываешь! Уже и люди мнѣ глаза колютъ: „она о тебѣ и не думаетъ, она себѣ другаго нашла—побогаче". Ты думаешь сладко мнѣ это слушать? Не знаешь кому и вѣрить: людямъ или тебѣ! Слушай, дивчина, что я тебѣ скажу!—вдругъ страстно заговорилъ онъ.—Если ты только дурачишь меня, если ты надумала идти за другаго, то вотъ тебѣ крестъ святой—не жить ни тебѣ, ни ему. Убью и тебя, и его! Знай это и помни!

Дѣвушка невольно улыбнулась сквозь слезы.

— Чудной ты, парубче! Развѣ я виновата въ этомъ?

— Все ты не виновата! Ну вотъ хоть теперь скажи мнѣ всю правду, какъ передъ Богомъ: пойдешь ты осенью за меня? Хоть буду знать чего мнѣ ожидать.

Она не сразу отвѣчала, что то обдумывая. Потомъ, глубоко вздохнувъ, подняла на него свои печальные глаза, составлявшія ея единственную красу, и тихимъ, проникнутымъ голосомъ торжественно проговорила:

— Вотъ тебѣ, какъ передъ Богомъ, даю зарокъ, Иване, когда сестра выздоровѣетъ, послѣ Покровы присылай старостовъ, я пойду за тебя.

— А какъ не выздоровѣетъ?

— А какъ не выздоровѣетъ...—голосъ ея дрогнулъ.—Какъ не выздоровѣетъ, тогда ни за кого не пойду, ни за тебя, ни за другаго. Развѣ годится справлять весилье, гдѣ тужатъ надъ гробомъ?

— Что-жъ не вѣкъ дѣвкой останешься? Или, можетъ быть, въ черницы пойдешь?—усмѣхнулся онъ.

— Тамъ уже какъ Богъ дастъ. Прощай!

Она круто повернулась и пошла къ хатѣ.

— Куда ты, Марта?—встрепенулся парень.—Куда? Иди сюда! Я что то хочу сказать. Вотъ уже и разсердилась! Подожди, говорю, вернись!

Но дѣвушка не возвращалась.

Прошло два мѣсяца. Больная, послѣ искуснаго подкуриванія бабы Сильвестрихи, поправлялась.

Было тихое, ясное праздничное послѣ обѣда. Въ хатѣ Марты все дышало миромъ, тихимъ покоемъ послѣ тяжкаго труда и безмятежнымъ семейнымъ счастьемъ. Прислонившись головой къ стѣнѣ, блѣдная какъ лилія, сидѣла Олена у открытаго оконца, мечтательно глядя въ зеленѣющій, облитый золотымъ сіяніемъ садикъ. Бабуся крѣпко спала на *полу* и ея сладкое монотонное похрапыванье какъ бы дополняло мирную картину отдыха. Марта возилась подъ печью съ цыплятами.

— Слушай, Мартуню, что я тебѣ скажу,—повернулась къ ней сестра, когда она высунула наконецъ изъ-подъ печи свою облѣпленную пухомъ и соломой голову.—Пойдемъ пройдемся на огородъ или въ садъ, теперь тамъ такъ хорошо... Мнѣ что то не сидится въ хатѣ.

— Пойдемъ, сердце, ты совсѣмъ заскучала. Подожди только минуточку—я цыплятъ накормлю да поросятъ загоню.

— Охъ ужъ эти мнѣ цыплята да поросята! И не надоѣли они тебѣ? Ты, кажется, безъ нихъ жить не можешь!—съ досадой замѣтила Олена—я бы и пачкаться съ ними не захотѣла... Слушай, принеси мнѣ изъ хижи одежу... знаешь, ту городскую, что мнѣ панночка подарила... Надо немного принарядиться, а то какъ разъ люди будутъ проходить по улицѣ, скажутъ: „святая недиля, а она такая нетипака". Возьми же ту сорочку тоненькую, что виноградомъ вышита.

— Знаю, знаю... Сейчасъ...

Марта поспѣшно справилась съ цыплятами и поросятами и наконецъ возвратились въ хату съ цѣлымъ ворохомъ одежи въ рукахъ.

Олена не твердо поднялась съ лавки и, пошатываясь, стала одѣваться, но руки ея, ослабѣвшія послѣ изнурительной болѣзни, сильно дрожали и она никакъ не могла справиться со своимъ туалетомъ.

— Да помоги же мнѣ! Развѣ не видишь, что я не могу,—крикнула она сестрѣ со свойственнымъ выздоравливающимъ раздраженіемъ.

Марта поспѣшила къ сестрѣ. При ея помощи Олена нарядилась въ тонкую, пышно расшитую цвѣтными нитками сорочку, пеструю шерстяную спидныцю, черный плисовый корсетъ, обложенный алой лентой, бѣлый съ прошивками и кружевами передникъ и, остановившись передъ осколкомъ зеркальца, вмазаннымъ въ стѣну, стала нацѣплять на шею блестящія стеклянныя бусы. Между тѣмъ Марта вплетала въ ея длинную черную косу яркія ленты.

— Можетъ *заквитчаты* тебя?—спросила она, окончивъ свое дѣло и заботливо оглядывая живописный нарядъ дѣвушки.

— Нѣтъ, не надо! Тяжело будетъ головѣ.—Дай лучше платокъ.

Олена набросила на голову поданный ей легкій кисейный платочекъ, тоже привезенный изъ города.

— Ну, теперь я готова!—вымолвила она, охорашиваясь передъ зеркальцемъ.—Господи! какая я чуднàя, совсѣмъ не похожа на здѣшнихъ дивчатъ, бѣлая, какъ мертвецъ, еще скажутъ, что холера или чума изъ города проявилась, бѣгать отъ меня будутъ!

— Ну вотъ, чего же бѣгать?—обидѣлась за нее сестра.— Развѣ ты не такая, какъ люди? И выдумаетъ же такое...

— Ну будетъ, будетъ... Уже пошла...—со смѣхомъ прервала ее Олена.—Веди лучше меня гулять,—сама не въ силахъ, ноги не держатъ.

Олена склонилась на плечо сестры и онѣ медленною поступью вышли изъ хаты.

Садикъ былъ маленькій, но густой, зеленый, почти исключительно вишневый, только въ одномъ углу широко раскинула свои вѣтви старая развѣсистая груша, вся усыпанная мелкими, незрѣлыми плодами. Вокругъ сада, подъ плетнемъ и между деревьями прихотливо извивалась узкая тропинка. На длинной грядѣ подъ окнами цвѣли душистые *васыльки*, *бурячки*, высокая *рожа* всѣхъ цвѣтовъ, *красоля*, ярко пестрѣлъ макъ, зеленѣлъ барвинокъ, пахучая мята, *кануперъ*, *любыстокъ*. Все было аккуратнó разсажено, выполото, полито заботливой рукой.

Сестры рука объ руку прохаживались по саду, вдыхая свѣжій послѣ дождя, напоенный ароматомъ воздухъ. Выйдя въ первый разъ послѣ болѣзни изъ хаты Олена ощущала какое то пріятное головокруженіе и сладкое томленіе теплой струей разливалось по ея тѣлу. На душѣ у нея было радостно, свѣтло; хотѣлось смѣяться, плакать, обнять весь Божій міръ. Словно послѣ долгаго отсутствія ей все казалось дорого, мило... Будто на старыхъ друзей, съ улыбкой глядѣла она на каждое деревцо, кустикъ. Въ густыхъ вѣтвяхъ груши закуковала кукушка.

— Зозуле, зозуле! Скажи мнѣ правду, долго ли я буду жить?

Зозуля куковала и куковала безъ счета и ея грустная, нѣжная жалоба далеко разносилась вокругъ.

— Слышишь, сестра, что она мнѣ кукуетъ? Еще долго, долго мнѣ жить, не скоро я умру! Охъ, сестра, какъ на свѣтѣ хорошо! Сядемъ тутъ подъ грушею, въ тѣни, отдохнемъ—я уже устала.

Марта разостлала висѣвшее на плетнѣ рядно и дѣвушки усѣлись.

— Сестра, когда тебя Кравчукъ будетъ сватать?—спросила спустя нѣкоторое время Олена, перебирая на колѣнахъ цѣлую груду душистыхъ цвѣтовъ.—Вѣдь говорятъ, что вы съ нимъ давно уже любитесь?

Марта вспыхнула и смѣшалась.

— Вотъ уже и говорятъ! Выдумываютъ!

Потомъ, потупившись, тихо проговорила:

— Кто его знаетъ... можетъ осенью...

— Онъ, говорятъ, богатый?

— Да, слава Богу, есть у него и хата, и земля, и пара воловъ...

— Что же онъ одинъ или и братья есть?

— Есть одинъ женатый.

— А красивый онъ?

— Какъ кому, а для меня красивый.

— Какъ же вы познакомились, если онъ живетъ на хуторѣ? Развѣ ему парубки позволили ходить сюда на улицу?

— Гдѣ тамъ! Наши не допустили бы и ребра ему поломали бы, да онъ откупился, поставилъ четверть горилки. Ну а я тоже ходила на улицу, вотъ и познакомились.

— А потомъ и полюбили одинъ другаго! — усмѣхнулась Олена и задумалась.

Марта любовно посмотрѣла на ея блѣдный нѣжный профиль съ тонкими, будто нарисованными бровями и въ ея головѣ невольно мелькнула мысль: „Такая она хорошенькая и чуть не умерла!“

Олена подняла голову и повернулась къ ней.

— Вотъ счастье тебѣ!—воскликнула она съ какой то за-

вистью въ голосѣ.—И богатый, и хорошій! А ко мнѣ и до сихъ поръ никакой чертъ не присватывался!

Марта съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ испугомъ взглянула на нее.

— Богъ съ тобой, дивчино! Что ты говоришь? Гдѣ же еще тебѣ думать о замужествѣ? Ты же меньшая сестра... Я вотъ и старшая и мнѣ будетъ уже лѣтъ двадцать пять, а и то я не субезпокоюсь. Если Богъ пошлетъ пару, то такъ и будетъ. „Суженаго и конемъ не объѣдешь“...

— Это ты такъ думаешь, а я иначе,—съ презрительной гримасой возразила Олена.—По вашему, мужичьему, непремѣнно надо, чтобы старшая прежде шла замужъ, а меньшая сиди да дожидайся пока придетъ ея очередь. А у насъ, по городскому, которая выскочила, то и хорошо. Будетъ ли это старшая, меньшая или средняя—все равно. Тамъ на это не смотрятъ.

— Ахъ Боже мой! Такая молоденькая!—искренно удивлялась и огорчалась Марта.

— Положимъ, мнѣ только шестнадцатый годъ пошелъ, а все же досадно. Вотъ какъ я была въ городѣ, то тамъ одинъ знакомый писарь...

— Здравствуйте, дивчата! Съ недилею будьте здоровы!—неожиданно крикнулъ имъ Иванъ, остановившись на улицѣ за плетнемъ.

Дѣвушки вздрогнули и, смутившись, не сразу отвѣтили: „Спасибо! И вы будьте здоровы!“.

—Это онъ?—шепотомъ спросила Олена, наклоняясь къ сестрѣ.

— Онъ,—закраснѣвшись, тихо отвѣтила Марта.

Олена искоса стала внимательно разглядывать парубка. Небольшаго роста, но гибкій и стройный, съ нѣжнымъ женственнымъ лицомъ, красиво обрамленнымъ завивающимися у висковъ волосами и блестящими черными глазами, онъ показался ей очень интереснымъ.

— Какой ловкій, чисто какъ паничъ, совсѣмъ и не похожъ на мужика, хоть бы и не нашей Мартунѣ,—подумала она и недоброе чувство зависти къ счастью сестры еще сильнѣе зашевелилось въ ея душѣ.

Между тѣмъ Иванъ въ свою очередь казался пріятно пораженнымъ этой городской сиреной и не сводилъ съ нея удивленнаго взгляда.

Марта, не замѣчая впечатлѣнія, произведеннаго другъ на друга молодыми людьми, и полная радости свиданья, поднялась, медленно прошлась по саду, будто срывая цвѣты, и незамѣтно подошла къ парню.

— Это сестра твоя?—былъ первый вопросъ.

— Конечно сестра, развѣ ты не узналъ?

— Никогда бы не узналъ. Вонъ она какая, точно панночка! Да какъ хорошо одѣта, не то что наши дѣвки!

И взглядъ его невольно скользнулъ по широкой коренастой фигурѣ невѣсты, бѣдно одѣтой въ старую ситцевую спидныцю и толстую, суроваго полотна рубаху, слегка помережанную на рукавахъ.

— Надолго она сюда?

— А кто его знаетъ... Ей хочется въ городъ,—привыкла уже тамъ, а бабуся не позволяетъ, говоритъ, что пускай еще посидитъ дома, а то отвыкнетъ и отъ нашей мужицкой работы.

— Конечно такъ... Она вѣрно говоритъ. Зачѣмъ ей идти, развѣ у васъ своей хаты нѣтъ?

— Я и сама такъ думаю... Придешь въ субботу?

— Въ субботу? разсѣянно переспросилъ онъ...—Въ субботу?—Приду... Такъ это она и одежу изъ города привезла? Ишь какая! Чисто городская, и не сказалъ бы...

Они говорили вполголоса, бросая искоса взгляды на молодую дѣвушку, невольную свидѣтельницу ихъ любви. Склонивъ голову надъ цвѣтами, она сплетала длинную гирлянду и, казалось, ничего не слышала изъ этого разговора, углубившись въ свое дѣло. Только на ея блѣдномъ лицѣ, точно отблескъ утренней зари, мало по малу пробивался тонкій розовый румянецъ.

— Какая же она красивая, будто намалеванная! безотчетно вырвалось у парубка.

— А ты думалъ...—возразила Марта и съ нѣжной, материнской улыбкой оглянулась на сестру.

Прошла недѣля. Олена быстро поправлялась. Лѣтняя ночь давно уже опустилась на землю и покрыла ее своимъ легкимъ, мягкимъ пологомъ.

Иванъ давно уже поджидаетъ въ саду подъ грушей и въ нервномъ нетерпѣніи срываетъ съ вѣтки круглые листочки и бросаетъ на землю. А Марты все нѣтъ какъ нѣтъ.

— А чтобъ тебя!... До какихъ поръ я буду тутъ стоять!— сердито шепчетъ онъ, зорко вглядываясь впередъ.

Но вотъ скрипнула дверь въ хатѣ и тихо, крадучись вышла къ нему дѣвушка.

Такія ночныя свиданія жениха съ невѣстой извѣстны всѣмъ и каждому, и репутація дѣвушки, при чистотѣ народныхъ нравовъ, отъ этого нисколько не страдаетъ, но условныя приличія требуютъ соблюденія извѣстной таинственности.

— Отчего такъ долго не выходила? Что же, я долженъ дожидаться тебя до разсвѣта? Я думалъ, что и совсѣмъ не выйдешь, хотѣлъ уже и домой идти!—Такими рѣзкими словами встрѣтилъ Марту милый.

Дѣвушка кротко взглянула на него.

— Развѣ я такъ запоздала? Пока покончила съ работой, да пока наши заснули... Теперь дѣла и не передѣлаешь...

— Такъ не надо было и говорить, что бы приходилъ! А то стой, какъ столбъ, до утра да звѣзды считай!

— Вотъ уже и сердишься!... Я бы и сама рада. Пока сестра больная лежала, то я ни о чемъ и не думала, а теперь только о тебѣ и думаю, только бы тебя увидѣть. Теперь мнѣ кажется, что я снова на свѣтъ родилась. И весело мнѣ. Ну, а ты чего такой скучный? Можетъ нездоровъ? Или бѣда какая случилась? Скажи, мой соколе, что тебя тревожитъ?

Она обвила руками его шею и прильнула къ нему, съ беззавѣтной любовью заглядывая ему въ глаза. Но онъ стоялъ, не двигаясь, не отвѣчая на ея ласки, отворачиваясь отъ ея взгляда.

— Боже мой! Чтоже это съ тобой?—уже въ отчаяніи воскликнула дѣвушка.—Можетъ тебѣ опять что наговорили про меня злые люди? Не таись отъ меня, разскажи мнѣ всю правду... Вотъ только, дастъ Богъ, дождемся святой Покорвы, сейчасъ и

присылай старостовъ. Бузимка и свинью мы продадимъ, такъ и будетъ на что весилье справить. Сестра, благодарить Бога, поправилась, останется дома, да и я иногда прибѣгу, помогу по хозяйству.

Онъ стоялъ, угрюмо опустивъ голову, и молчалъ.

— Что же ты молчишь? Скажи мнѣ хоть словечко! Не мучь моего сердца!

— Вотъ *лиха годына*, прицѣпилась, какъ репяхъ!—проворчалъ онъ, отворачиваясь.—Что же я буду тебѣ говорить?

Вдругъ онъ оттолкнулъ ее отъ себя и съ волненіемъ прошепталъ: „Вонъ сестра твоя".

Марта оглянулась и отошла въ тѣнь кустовъ. Между деревьями, вся облитая луннымъ свѣтомъ тихо скользнула какъ бы призрачная фигура.

— Она... Она!... Иди скорѣе отсюда!... Иди! Она тебя увидитъ!—въ тревогѣ шептала Марта жениху.

— Да чего я пойду!—грубо возразилъ онъ, не двигаясь съ мѣста.—Развѣ я воръ что ли? И онъ продолжалъ стоять, не сводя глазъ съ приближавшейся фигуры.

— Боже мой! Ты съ ума сошелъ? Стыдно же будетъ!

— Ну и молчи... Прицѣпилась!... Иди, коли хочешь, а я не пойду, мнѣ и тутъ хорошо.

Олена приблизилась между тѣмъ къ парубку, стоявшему возлѣ дерева, и вдругъ, будто теперь только замѣтивъ его, задрожала и съ легкимъ крикомъ отскочила назадъ.

— Охъ, моя матинко, тутъ кто то есть! Воръ что ли? я боюсь...

— Не бойтесь! Это свои...—сказалъ парень, смущенно выступая впередъ.

— Это вы? Чего же вы тутъ?—съ изумленіемъ воскликнула Олена.—А я ей Богу думала, что воръ... Хотѣла уже бѣжать...

— А можетъ я и въ самомъ дѣлѣ воръ, пришелъ у васъ комору обокрасть,—уже смѣлѣе проговорилъ онъ, сдвигая на бокъ шапку.

— Коли вы воръ, то васъ надо связать да бить,—кокетливо сказала Олена.

— Такъ вяжите и бейте, только сами, своими руками.

— Ой нѣтъ! бить я не буду... Развѣ можно дивчинѣ бить парубка? Это только ваши *селючки* такія... Имъ хоть и на кулачки... Я не хочу васъ бить, я лучше шапку вашу заарестую.

И съ этими словами, прежде чѣмъ Иванъ успѣлъ опомниться, она со смѣхомъ сорвала съ его головы шапку и спрятала ее себѣ за спину.

— А что? Выкупайте теперь! Даромъ не отдамъ!

— Ну, что же вамъ за нее? Кварту горилки?

— Ой нѣтъ! Такое выдумаете... Дивчинѣ да горилку покупать! Развѣ я пьяница какая? Это вы смѣетесь надо мной?

— То что же вамъ на выкупъ? Можетъ быть хотите конфетъ? У нашего Гершка есть хорошія, въ разныхъ бумажкахъ... и голубыхъ, и красныхъ, и желтыхъ, и зеленыхъ...

— На конфеты я согласна. Только что же мнѣ однѣ конфеты! За шапку надо большій выкупъ дать... Если бы сережки или ленту... широкую, красную...

Въ кустахъ послышался нетерпѣливый шорохъ.

— Ой моя матинко, тамъ кто то есть! Снова воръ! Это уже другой... А выходи сюда, *пане-злодію!* Мы и съ тебя снимемъ коли не шапку, то платокъ. Выходи сюда!

Олена бросилась въ кусты и со смѣхомъ стала тащить за руку сильно упиравшуюся переконфуженную сестру.

— Выходи, выходи! Я знаю, что это ты! Да помоги же мнѣ, хлопче, а то одна не справлюсь!

— *Нехай іи бисъ!* угрюмо проворчалъ парубокъ, недовольный такимъ оборотомъ дѣла.

— Не буду и просить, она и сама уже вышла. Нечего тебѣ стыдиться,—обратилась она къ сестрѣ,—это только тутъ у васъ не годится вмѣстѣ гулять, а у насъ, по городскому, хоть и съ родной матерью,—цинично добавила она.—Мнѣ вотъ не спалось: душно въ хатѣ, комары кусаютъ, дай, думаю, пройдусь въ садокъ, тамъ и Мартуня наша, да еще, можетъ быть, и не одна...

Она лукаво подмигнула парубку.

— Отдайте мою шапку,—проговорилъ онъ, чтобы сказать что нибудь.

— Какъ разъ! Подождите! А выкупъ гдѣ?

— Выкупъ получите потомъ.

— Э, мнѣ сейчасъ, а то и шапки не отдамъ!

— Такъ я и самъ возьму. Какъ же мнѣ безъ шапки идти? Скажутъ дома, что пропилъ. Если не отдадите, такъ я самъ возьму!

Дѣвушка отступила на шагъ и съ игривой улыбкой манила его къ себѣ взглядомъ. Онъ хотѣлъ подойти къ ней, но она пустилась бѣжать. Онъ за нею,—она дальше въ глубь сада... гдѣ то въ уголку началась возня, визгъ, хохотъ, прерванный звукомъ поцѣлуя...

Марта стояла, прислонившись къ дереву, одинокая, забытая, никому ненужная. Крупныя слезы медленно текли одна за другою по ея некрасивому поблѣднѣвшему лицу.

— Пойдемъ, сестрица, *до млына*, тамъ теперь Купала справляютъ... Вотъ я уже и цвѣтовъ нарвала на вѣнки...

Марта неохотно поднялась съ лавки и, не говоря ни слова, вышла съ сестрой изъ хаты. Она сильно перемѣнилась за послѣднее время: похудѣла, постарѣла, осунулась; прежней живости, привѣтливости, словоохотливости въ ней уже не было. По цѣлымъ часамъ сидѣла она въ какомъ то столбнякѣ, не шевелясь, опустивъ руки и безсмысленно уставивъ глаза въ одну точку. Въ селѣ говорили, что это ей такъ „пороблено" лихими людьми, что ей дали „данния", что ее надо отшептывать. Совѣтовали повезти ее къ какому то знаменитому знахарю или знахаркѣ. Ее возили, шептали, отчитывали, но ничего не помогало. Марта чахла, хирѣла, работа валилась у нея изъ рукъ и ей уже не разъ приходилось слышать отъ домашнихъ горькіе, несправедливые упреки за кусокъ хлѣба, но и къ этому она относилась вполнѣ безучастно. Казалось ничто и никто не могъ расшевелить ее, возбудить ея интересъ. Одно только горе, тайное, никому невѣдомое горе, какъ пьявка впившееся въ ея сердце, подтачивало ея жизнь.

Солнце уже опустилось за горизонтъ и на западѣ медленно потухала огненная полоса, переходя въ болѣе нѣжные тоны. Былъ канунъ Ивана Купала и потому изъ воротъ Козацкаго то и дѣло

выходили разряженныя дивчата въ красныхъ съ мелкими черными цвѣтами спидницахъ, въ лентахъ и въ пышныхъ вѣнкахъ на головѣ. Къ дѣвушкамъ скоро присоединились и парни и вся эта толпа, пестрая, яркая, подвижная, съ пѣснями и веселыми шутками, направилась къ выгону.

Невдалекѣ отъ *млына-витряка*, на зеленой *толокѣ* былъ разложенъ костеръ и вокругъ него, какъ тѣни, фантастически освѣщенныя краснымъ заревомъ, двигались темныя фигуры, распѣвая хоромъ:

На Ивана хлибъ сажала,
А на Петра выбирала.
Купайла Ивана!
Ой на Полу-Петра поснидала,
Всю родыну одвидала.
Купайла Ивана!

И каждый по очереди, согласно традиціи, сильно разогнавшись, легко и ловко перепрыгивалъ черезъ „купальный“ огонь.

Шумный говоръ, смѣхъ, шутки, пѣсни далеко разносились въ тишинѣ лѣтняго вечера. Молодежь наперерывъ старалась щегольнуть другъ передъ другомъ остроуміемъ своей выходки. Расходившіеся парубки норовили столкнуть дивчатъ въ огонь, когда онѣ перепрыгивали костеръ, а дѣвушки въ отместку припѣвали:

Купайла Ивана!
Сука въ воду впала.
Купайла Ивана!
Стала скавучаты,
Стали вытягаты.
Купайла Ивана!
Дивчата граблямы,
А хлопци зубамы.
Купайла Ивана!

Но болѣе всѣхъ отличались своими шумными и бойкими шалостями Иванъ и Олена. Эта красивая парочка привлекала общее вниманіе. Они то и дѣло перебѣгали съ звонкимъ хохотомъ съ мѣста на мѣсто. Иванъ ловилъ дѣвушку, хваталъ въ свои объятія и притягивалъ къ костру, грозя бросить ее прямо въ огонь.

— Такъ ей, такъ ей, туда и кидай! — поддерживали парубки.

— Отстань, сумасшедшій! — пронзительно визжала Олена, барахтаясь въ сильныхъ рукахъ парубка; но едва онъ выпускалъ ее, начинала снова дразнить его, заигрывая до тѣхъ поръ пока снова попадала въ желанныя объятія.

— Смотрите, сестрицы, какъ наша городянка! Сама такъ и лѣзетъ къ нему! И стыда у нея нѣтъ, должно быть уже привыкла въ городѣ съ москалями! И чего сестра молчитъ, ничего ей не скажетъ! О если бы я была на ея мѣстѣ знала бы она меня: оттрепала бы ее за косы! — завистливо перешептывались между собою дивчата, бросая косые взгляды на красавицу, отбивавшую у нихъ парубковъ.

Олена между тѣмъ ничего не замѣчала, да и не хотѣла замѣчать, вся охваченная радостнымъ чувствомъ взаимной любви. Что ей за дѣло до другихъ? Пусть каждый живетъ какъ ему хочется—своя рубашка ближе къ тѣлу.

Марта сидѣла въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ игры. Опустивъ низко голову и сжавъ губы, она сосредоточенно плела себѣ вѣнокъ.

— А теперь, сестрицы, идемъ пускать вѣнки на воду!

Съ этими словами дѣвушки, оставивъ своихъ кавалеровъ, шумной гурьбой побѣжали дальше въ поле, гдѣ подъ высокимъ курганомъ въ долинѣ находился неглубокій *ставокъ*. Только одна Марта медленно плелась за подругами, далеко отставъ назади.

Сумракъ ночи давно уже охватилъ землю и блѣдная луна медленно плыла по звѣздному небу, обливая своимъ спокойнымъ свѣтомъ и безбрежную степь, и высокій курганъ, и тихія воды ставка. Въ воздухѣ было тепло и тихо. Вдали слышались перекликанья перепеловъ, отдѣльное уханье водяного бугая и кваканье лягушекъ.

Дѣвушки, боязливо оглядываясь кругомъ и нервно вздрагивая при малѣйшемъ шелестѣ или плескѣ воды, стали раздѣваться и одна за другой, съ распущенными косами и въ вѣнкахъ, входили въ воду.

По повѣрью, въ какую сторону поплыветъ въ этотъ вечеръ вѣнокъ купающейся и нырнувшей въ воду дѣвушки—въ ту сторону ей и замужъ идти. Если же вѣнокъ не поплыветъ и остановится на мѣстѣ, то владѣтельница его не выйдетъ въ этомъ году замужъ. Послѣ купанья вѣнки обыкновенно кладутъ на грядки капусты, чтобы капуста была *головата.*

— А ну, дивчата, разступитесь! Куда то мой вѣночекъ поплыветъ?

Олена сложила руки на груди, съ улыбкой оглянула робко жмущихся у берега подругъ и, гордая своею смѣлостью, бросилась впередъ и скрылась въ водѣ. Алый, пышный вѣнокъ медленно всплылъ на поверхность, закружился и потомъ, какъ бы въ раздумьи, плавно качаясь на волнахъ, поплылъ къ берегу.

— Прямо къ хутору Ивана Кравчука!—насмѣшливо крикнула одна изъ дивчатъ.

— А куда же ему больше, какъ не туда!—не безъ ехидства поддержали другія.

— А ты, Мартуню, отчего своего вѣнка не пускаешь?—участливо обратились нѣкоторыя къ блѣдной дѣвушкѣ, одиноко сидѣвшей на берегу.

— Охъ нѣтъ... не поплыветъ мой вѣночекъ!—съ глухимъ отчаяніемъ въ голосѣ проговорила дѣвушка и, поднявшись, далеко отбросила отъ себя цвѣты.

„Ой Покрово—покривонько, покрый мою голывоньку"—говоритъ народная дѣвичья поговорка, и дѣйствительно, Покровъ—дѣвичій праздникъ: ни въ какую пору года не бываетъ въ деревняхъ столько свадебъ, какъ осенью послѣ Покрова. Это и понятно: крестьяне окончили полевыя работы, запасы есть, можно кое что и продать...

Начинаются сватовства: запрягается пара сборныхъ „коня-чокъ", накладывается на возъ побольше душистаго сѣна, сверху прикрывается рядномъ, а подчасъ даже и домашнимъ пестрымъ „кылымомъ" (коверъ), усаживаются старосты и молодой, захвативъ предварительно съ собой каравай хлѣба для обмѣна, — и съ Богомъ!

Былъ осенній день. Все небо заволокло свинцовыми, тяжелыми тучами. Моросилъ мелкій, холодный, пронизывающій до костей дождикъ.

Марта, босая, въ потертой свитѣ, съ изодраннымъ бумажнымъ платкомъ на головѣ, копала картофель въ огородѣ. Работала она совершенно машинально, не обращая вниманія на то, что дѣлается вокругъ, и только отъ времени до времени разгибаясь, чтобы отереть грязные ручьи, текущіе по ея лицу. Наступили сумерки. Марта оставила работу и пошла въ хату. Она такъ задумалась, что не слыхала громыханья колесъ, лая собакъ и необычной суеты на дворѣ.

— Слушай, дивчино! Къ вамъ, говорятъ, старосты пріѣхали?—спросила ее черезъ плетень сосѣдка.

Марта подняла голову, выпрямилась и уставилась глазами на говорившую.

— Иванъ Кравчукъ, говорятъ, пріѣхалъ сватать Олену,— продолжала сосѣдка, съ участіемъ глядя ей въ лицо.—Развѣ видано гдѣ, чтобы меньшая сестра шла замужъ прежде старшей! Это, должно быть, городскіе обычаи! И старую повернула по своему! Охъ, Господи милосердный! и что теперь дѣлается на свѣтѣ. А ты, дивчино, не горюй! *Кынь лыхомъ объ землю!* Пускай она идетъ за него,—ты себѣ и лучшаго найдешь... Развѣ только и свѣта, что въ окнѣ...

Но Марта уже не слушала ее и пошла къ хатѣ.

На лавкѣ за столомъ важно сидѣли два пожилыхъ, почтенныхъ свата, одѣтыхъ по праздничному въ новыя сѣрыя свиты, подпоясанныя красными поясами. Густые съ просѣдью волосы обрамляли ихъ суровыя, мужественныя лица, которыя, однако, при малѣйшей улыбкѣ принимали самое добродушное и даже лукавое выраженіе. Бабуся, сидя по другую сторону стола, со степеннымъ видомъ, полная сознанія собственнаго достоинства бесѣдовала съ гостями, выражая согласіе на бракъ, котораго она втайнѣ страстно желала. Въ хатѣ собрались уже кое кто изъ сосѣдей и близкихъ родичей, расчитывавшихъ на даровую чарочку при этомъ торжествѣ.

Марта тихо вошла въ хату, окинула тусклымъ взоромъ собраніе, ни съ кѣмъ не здороваясь, прошла къ „полу" и сѣла съ краю, сложивъ руки на колѣняхъ и уставившись въ одну точку. Между гостями пробѣжалъ сдержанный шепотъ и нѣкоторые съ соболѣзнованіемъ покачали головой.

Между тѣмъ хозяйка, окончивъ переговоры и обмѣнявшись, согласно обычаю, хлѣбомъ со сватами, сдѣлала знакъ невѣстѣ достать рушныки.

Олена, до сихъ поръ, тоже согласно обычаю, „колупавшая" печь въ углу, достала изъ скрыни два толстыхъ съ красной каймой полотенца, положила ихъ на тарелку и, скромно опустивъ свои черныя рѣсницы и вся зарумянившись, поднесла старостамъ, которые, принявъ ихъ съ церемоніей, тотчасъ перевязали другъ другу черезъ плечо.

— А ну, доню, принеси изъ хижы горилочку и закусочку,— спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало обратилась бабуся къ Мартѣ.

Дѣвушка безсмысленно посмотрѣла на нее и не двинулась съ мѣста.

— Не слышишь, что-ли?—крикнула уже сердито бабуся.

— Молчите, я и сама пойду, не трогайте ее, — опасливо шепнула ей Олена и побѣжала въ кладовую.

Сваты тревожо переглянулись между собою, почуявъ семейную драму, и одинъ изъ нихъ тихо спросилъ хозяйку.

— Чья это дивчина?

— Да такъ себѣ, сирота, за хлѣбъ держимъ—небрежно отвѣчала она и принялась хлопотать около стола.

На устахъ нѣкоторыхъ изъ посѣтителей скользнула ироническая усмѣшка, но ни одно слово не вырвалось у нихъ въ защиту бѣдной дѣвушки—чарочка была дороже всего.

Черезъ нѣсколько минутъ возвратилась невѣста съ водкой и закуской. За нею, опустивъ голову, слѣдовалъ не совсѣмъ спокойный женихъ, опасавшійся публичнаго скандала со стороны бывшей своей возлюбленной. Но Марта только вскинула на него внезапно загорѣвшимися глазами и мучительно сжала руки.

Началось угощеніе. Марта сидѣла на „полу" блѣдная, печальная, убитая.

— Сестра, что ты дѣлаешь?

Марта подошла къ молодой дѣвушкѣ, только что проводившей дорогихъ гостей за ворота, и тяжело опустила ей на плечо руку.

Ночь давно уже наступила и мерцающій огонекъ „каганця" слабо освѣщалъ неприбранную послѣ недавняго пиршества хату.

— Что ты дѣлаешь, сестра?—строго и торжественно повторила Марта.—Когда ты осталась малой сиротой, я была тебѣ вмѣсто матери, я тебя выпестовала, какъ родное дитя, когда ты захворала, я ходила за тобой, ночей не досыпала, куска хлѣба не доѣдала... У меня только и мысли было, что о тебѣ.... Я бы сердце у себя вырвала, чтобы тебѣ помочь... Я забыла тогда, что и солнце свѣтитъ, и цвѣты цвѣтутъ, и соловьи щебечуть, я все забыла, я смерти хотѣла... а ты...

— Смерти хотѣла!... Ишь!... Нужна ты кому то!—съ досадой крикнула баба, вслушиваясь въ ея слова.—О пропади ты пропадомъ! Только хлопоты съ тобой!

Но Марта не слыхала этихъ жестокихъ словъ и, разгорячась, продолжала съ страстной тоской:

— А ты, только что выздоровѣла, поднялась, ты сейчасъ, какъ гадина, впилась мнѣ въ самое сердце. Ой грѣхъ тебѣ... тяжкій грѣхъ, сестра-разлучница!

— Гляди, разлучница! Сама ты разлучница, змѣюка проклятая!—снова крикнула баба, подступая къ дѣвушкѣ и сильно размахивая костлявыми руками у самаго ея лица.

Въ эту минуту, со своимъ согбеннымъ станомъ и съ крючковатымъ носомъ надъ впавшимъ ртомъ, она сильна напоминала хищную птицу, готовую броситься на свою жертву.

— Сама ты разлучница! Она, сердечная, еще ребенкомъ по наймамъ ходила, чужой хлѣбъ слезами поливала, на чужихъ людей работала. А ты, гадина, какъ пани, дома сидѣла, на перинахъ спала, по улицамъ расхаживала, съ парубками гуляла!.. Ты сама разлучница, потому что хочешь разлучить эту дивчину съ ея парой! Погляди въ зеркало на свое обличье! куда ты годишься? Тьфу! да и только!—Баба энергично плюнула.—Можетъ *віно* великое у тебя? Мать твоя наготовила? На богатство твое онъ польстился? Тамъ и добра того какъ котъ наплакалъ,—и

въ торбу все забрать можно... Хвали Бога, что хоть изъ хаты не гонятъ, тебя и за харчи теперь не возьмутъ, чертовъ леженъ!

Дѣвушка горько усмѣхнулась.

— Вамъ ли, бабусю, мнѣ это говорить? Кто же у васъ работалъ? Кто же у васъ былъ и косарь, и гребецъ, и молотникъ? Кто вамъ, бывало, и хлѣбъ спечетъ, и борщу сваритъ, и сорочку вымоетъ? Все та, что на перинахъ спала! Гляньте, бабусю, на мои руки! Видите какія?

Она засучила рукава и нервнымъ движеніемъ протянула передъ собою худыя мозолистыя руки.

— Видите, какія? Можетъ скажете не пышныя? А пускай покажетъ свои та, что слезами чужой хлѣбъ поливала! Можетъ у нея не такія, побѣлѣе немного!

— Что ты меня укоряешь бѣлыми руками?—пронзительно взвизгнула Олена, опускаясь на лавку.—Развѣ я виновата, что онѣ у меня такими удались? Ой моя матинко родная, зачѣмъ ты меня покинула! Доленька моя безечастная! Лучше бы меня тогда задавило, лучше бы я лежала живою въ землѣ, или вѣкъ у чужихъ людей работала, чѣмъ теперь мнѣ такое житье дома! Развѣ я его прилещивала, развѣ я къ нему цѣплялась? На что онъ мнѣ? Развѣ я такая уже старая, что и другаго не найду? Бери его совсѣмъ, онъ мнѣ не нуженъ! Онъ самъ ко мнѣ прицѣпился!

— Ой, неправду говоришь, дивчино, неправду!—вся блѣдная, съ блистающими глазами, страстно воскликнула Марта.— Неправду говоришь! Ты къ нему лѣзла, ты сама къ нему цѣплялась! Ты, какъ гадина, вездѣ пролѣзала между нами! Ты его чаровала! Не было у тебя ни совѣсти, ни чести, ни стыда дѣвичьяго. Ты заручанаго отбивала у родной сестры! Не такъ бы мнѣ жаль было, если бы онъ самъ... а то ты, ты, что была мнѣ за родное дитя... Ой Боже мой, Боже! Что мнѣ дѣлать! Не могу глядѣть на такое..

Она припала головой къ столу и громко, отчаянно зарыдала, вся содрогаясь въ конвульсіяхъ.

— Будетъ, слышали это!—сердито крикнула на нее баба.— Не можешь глядѣть на такое, то и иди себѣ... Не въ своей хатѣ... „Зализла у чужу солому та ще й шелестыть“!

— Не гоните меня, я и сама пойду, бабусю. Я тутъ не буду... Я сейчасъ пойду!—дрожащимъ голосомъ возразила дѣвушка и, какъ во снѣ, едва сознавая, что дѣлаетъ, стала собирать свои убогіе пожитки.

— „Зъ Богомъ Парасю, колы люде случаюцця"!—злобно фыркнула баба.—Черезъ тебя только „колотнеча" будетъ въ хатѣ! Счастливый путь! А! Подожди! Зачѣмъ ты Оленину сорочку взяла, да еще и не старую? Развѣ она твоя? Вотъ какая! Еще хотѣла заграбить дивчинину одежу!

Баба вырвала изъ рукъ плачущей дѣвушки рубашку и далеко забросила ее на печь. Марта остановилась, посмотрѣла на нее укоризненнымъ взоромъ и, не взявъ ничего, не вымолвивъ ни слова, повернулась къ дверямъ и тихо вышла изъ хаты...

Прошло много лѣтъ. Много воды въ Деснѣ утекло.

— Бабусю, зачѣмъ вы косу заплетаете? Развѣ вы дѣвка?

— А конечно дѣвка. Видишь, какая молодая?

Бабуся добродушно усмѣхнулась и поправила торчащую изъ подъ головнаго платка, тоненькую, сѣдую косичку.

— Такіе старые? Чего-же вы замужъ не вышли?

— Не судилось, доню, не далъ Богъ пары...

Бабуся тихо вздохнула.

— Гдѣ же вы живете, бабусю? Въ своей хатѣ?

— Нѣтъ, доню, не въ своей. Жила у людей. Теперь живу у племянницы, родной сестры дочки. Встрѣтила меня какъ то на ярмаркѣ и спрашиваетъ: „Вы и теперь, титусю, у людей служите?"—„А гдѣ же, говорю, сердце, мнѣ быть?".

— „Да мы, говоритъ, думали съ мужемъ, что бы принять васъ къ себѣ... Чѣмъ чужой хлѣбъ вамъ ѣсть, титусю, идите лучше къ намъ... Вы намъ и за хозяйствомъ приглядите и за дѣтками, а мы васъ будемъ кормить до смерти". Ну, а мнѣ только того и нужно. Надоѣло уже по чужимъ хатамъ слоняться. Забрала я свой скарбъ, помолилась Богу, поблагодарила хозяина и хозяйку за хлѣбъ, за соль и за ихъ ласку, сѣла на возъ,—зять нарочно пріѣзжалъ,—да и гайда! Поторохтила наша баба,

тильки курява знялась"! Теперь, слава Господу милосердому, хорошо мнѣ, жалѣютъ... Извѣстно, свои—не чужіе. А дѣточки, пускай здоровы будутъ, такъ привыкли, что и къ матери не хотятъ, такъ и липнутъ ко мнѣ, ей Богу правда! А больше всего меньшенькія. Оленочка, третій годокъ пошолъ... Куда бы я ни повернулась, все оно за мною: „бусю!" да и „бусю!"—не выговоритъ: „бабусю!" Такое славненькое... Кто его знаетъ, что изъ него будетъ... Вотъ иду къ вашей пани просить, чтобы шапочку пошила, я и яичекъ имъ взяла въ гостинецъ... Да надо выпросить еще кусочекъ сахару, а то хоть и не иди домой,—будетъ гвалтъ на всю хату. Проведи, сердце, отъ собакъ, такія лихія, такъ и гляди, что порвутъ.

Бабуся эта была Марта.

Омелько Репьяхъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Записка 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. Печатаемая здѣсь «записка» 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства, найденная въ бумагахъ Вас. Гр. Полетики, заключаетъ въ себѣ не безъинтересныя свѣдѣнія о томъ, въ чемъ малороссійское дворянство, девяносто лѣтъ назадъ, полагало какъ свои, такъ и своего края нужды. Въ этой запискѣ прежде всего встрѣчаемся съ ходатайствомъ о возстановленіи «гродскихъ судовъ» *для отдѣленія судебныхъ дѣлъ отъ полицейскихъ*, по тому основанію, что «сами судящіе слитіемъ земскихъ криминальныхъ дѣлъ воедино, при многоразличности оныхъ, замѣшиваются въ сужденіяхъ...» При этомъ дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствуетъ, чтобы «статутъ (литовскій) былъ государемъ утвержденъ, «какъ сборникъ законовъ» весьма достаточный для суда и расправы и доставленія каждому собственности». Интересны также указанія «записки» на хозяйственное значеніе винокуренія въ Малороссіи, а равно попытка дворянства принять участіе въ выгодахъ городскаго хозяйства.

Наконецъ, интереснѣйшую часть «записки» составляетъ ходатайство объ открытіи въ Черниговѣ университета, обѣщаннаго еще императрицею Екатериною Второю, при чемъ въ случаѣ удовлетворенія сего ходатайства, дворянства «пріемлетъ на себя построеніе университета въ малороссійской губерніи, изъ суммы отъ дворянъ уже собранной.

А. Л.

Записка господамъ депутатамъ, избраннымъ отъ дворянъ малороссійской губерніи для принесенія его императорскому величеству Александру Павловичу всеподданнѣйшей благодарности за всемилостивѣйшее возстановленіе и утвержденіе дворянской грамоты во всей

ея силѣ и о нуждахъ отъ всѣхъ повѣтовъ изъясненныхъ и въ общемъ собраніи ко уваженію принятыхъ. Дана въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, августа 14 дня, 1801 года.

1.

Законъ для суда и расправы есть первый и главный предметъ вообще жителей. Малая Россія издревле имѣя его въ книгѣ *статутъ*, всегда тѣмъ и руководствовалась. Всѣми святоцарствующими помазанниками и особенно ея императорское величество блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государиня императрица Екатерина Вторая и его величество государь императоръ Павелъ Первый непоколебимость сего права высочайше и всемилостивѣйше утвердить соблаговолили, яко весьма достаточный для суда и расправы и доставленія каждому собственности. Въ семъ уваженіи малороссійской губерніи дворянское собраніе полагаетъ всеподданнѣйше просить государя императора Александра Перваго, нынѣ благополучно къ щастію его вѣрныхъ подданныхъ царствующаго, о утвержденіи закона на вѣчныя времена или до изданія всеобщаго достаточнѣйшаго, а съ нимъ купно учрежденія и судовъ градскихъ, съ ихъ писарями и возными, для дѣлъ уголовныхъ, ибо сіи дѣла возложены теперь на земскіе повѣтовые суды, кои по стеченію многихъ дѣлъ, не успѣваютъ въ срочное время произвесть и рѣшить ихъ, отъ чего тяжущіяся терпятъ волокиту, преступники остаются долго безъ наказанія, сами судящіе слитіемъ земскихъ криминальныхъ дѣлъ воедино, при многоразличности оныхъ, замѣшиваются въ сужденіяхъ и при всемъ ихъ усердіи, терпятъ негодованіе безъвинно. Сихъ судовъ такъ какъ и земскихъ повытовыхъ судей, подсудковъ, писарей и возныхъ, по основанію высочайшей грамоты, дворянству жалованной, всемилостивѣйше позволить дворянству при выборѣ депутатовъ въ генеральный судъ, выбирать и ихъ чрезъ всякіе три года въ повытахъ, и для утвержденія, начальнику губерніи представлять, потому что они служа безъ жалованья и возмездія, лишась домовства и хозяйственнаго ихъ устройства, въ собственномъ содержаніи узнаютъ оскудѣніе; канцелярскимъ же служителямъ при сихъ судахъ трудящимся, щитать за служеніе къ слѣдующему въ чинахъ повышенію, поелику они служатъ безъ жалованья и лишены всякаго воздаянія. Отъ устроенія же таковыхъ судовъ по повытамъ, сколько возникнетъ правосудія, столько превосходно выиграетъ государственное благочиніе; а нижніе земскіе суды, яко блюстители благочинія, облегчены будутъ въ исполненіи надобностей го-

сударственныхъ, не занимаясь частными распрями; дворянство и поселяне избѣгнутъ волокитъ, сопряженныхъ съ отягощеніемъ должности земскаго исправника и нижнихъ чиновъ, которые исполняя указы начальства, часто и почти всегда должны удовлетвореніе частнаго человѣка въ обидѣ или отложить на долгое время или иногда и вовсе безъповоротно отклонить; въ разсужденіи чего свидѣтельствы въ частныхъ мѣлочныхъ обидахъ, яко то: спашъ хлѣба и травы, вырубка лѣса и тому подобное, по праву статутовому до должности возныхъ относящіеся, на нихъ возложить, а отъ нихъ судамъ гродскому и земскому на ихъ разборъ и рѣшеніе предъоставить; нижніе же земскіе суды оставить только при соблюденіи благочинія и пользы общей государственной, яко то: при наборѣ рекрутъ, взысканіи недоимокъ, разбои, пожарѣ, исправленіи мостовъ и дорогъ, проводѣ воинскихъ командъ, грабежахъ по дорогамъ и сему подобномъ.

2.

По основанію права статутоваго учрежденныя въ Малороссіи изъ дворянъ выбранныя повытовыя маршалы, подкоморія, хорунжія, высочайше утвержденныя, не имѣютъ потому же праву свободы въ испрошеніи увольненія вовся отъ службы елико по старости лѣтъ, такъ по болѣзнямъ и другимъ важнымъ и уваженія заслуживающимъ причинамъ, а потому и просить государя императора всемилостивѣйшаго его дозволенія тѣмъ, кои изъ нихъ далѣе должностей отправлять будутъ не въ состояніи по сказаннымъ причинамъ, просить о увольненіи, сходственно съ высочайшею грамотою дворянству жалованною.

3.

Владѣніе и пользованіе имѣніемъ всѣмъ и каждому дворянину кромѣ прочихъ законовъ и высочайшихъ утвержденій, ясно постановлено въ правѣ книгѣ *статутъ* раздѣла 3-го, въ артикулѣ 41-мъ, и между прочими хозяйственными распоряженіями, малороссійское дворянство почти единственно для содержанія своего на службу и государственныя надобности доходъ имѣетъ отъ винокуренія и продажи горячего вина. Промыслъ сей приноситъ кромѣ дохода великія выгоды не токмо Малой Россіи одной, но и большей части Россіи и торговли, по причинѣ хозяйственнаго отъ дворянъ винокуренными заводами расположенія умножается хлѣбопашество и всѣ части земледѣлія и получаемые избытки частію употребляются на вонокуреніе, а частію отпускаются въ торговлю. При винокуреніяхъ по скудости тучныхъ паствъ, выкармливается множество скота, который доставляется на продоволь-

ствіе столицъ и отгоняется въ заграничныя мѣста. При винокуреніяхъ въ неурожаѣ травъ, прокармливаются чрезъ зимнее время и и хозяйственные лошади. Продолженіемъ въ разныхъ мѣстахъ и отъ разныхъ дворянъ винокуренія занимается множество людей работою, безъ которой не въ состояніи бы они были не токмо платить государственныхъ податей, но ниже достать себѣ надежной пищи и покрова; ибо безъ винокуренія частныхъ владѣльцовъ хлѣбопашество вовсе умалится по ненадобности толикаго количества хлѣба и по неимѣнію судоходныхъ рѣкъ къ отпуску онаго не токмо въ Малой Россіи, но и въ многихъ прикосновенныхъ хлѣбороднѣйшихъ губерніяхъ, которые по неимѣнію таковыхъ же рѣкъ имѣютъ великій и единый торгъ хлѣба въ Малороссію; промыслъ винокуренія продажи оптомъ и въ раздробъ, яко право и преимущество дворянства малороссійскаго, хранимо всегда царствующими помазанниками свято и ея императорское величество блаженныя и вѣчнодостойныя памети государиня императрица Екатерина Вторая непоколебимость сего права въ деревняхъ и хуторахъ дворянскихъ высочайше утвердить соизволила, изъемля въ томъ всякое ограниченіе; но въ прошедшемъ маіѣ мѣсяцѣ сего года, малороссійское губерн.кое правленіе указомъ своимъ, по указу правительствующаго сената послѣдовавшему, по предложенію бывшаго г-на генералъ прокурора Оболяннинова, обнародовало строжайшее запрещеніе, чтобы горячаго вина продажи не имѣть русскимъ людямъ на 150 верстъ отъ границъ прикосновенныхъ губерній и угрожаетъ дворянъ такову продажу попущающихъ, судить яко корчемниковъ и ослушниковъ, тутъ, гдѣ по правамъ и еще вящше тѣхъ, по особенной къ малороссійскому дворянству всевысочайшей милости, существуетъ вмѣстѣ съ вольнымъ винокуреніемъ и вольная продажа безъ разбору состоянія покупщика, не можетъ быть терпимо и одно имя корчемника, понеже преступленіе сіе относилось бы къ тѣмъ единственно, кои ввозятъ запрещенное въ мѣсто запрещенное, чего смѣть дерзнуть никто изъ малороссійскихъ дворянъ не возможетъ, опасаясь кромѣ законнаго сужденія и отъ своей собратіи по всемилостивѣйшей грамотѣ дворянству жалованной нетерпимости. Збереженіе въ подрывѣ винной продажи тамъ, гдѣ она запрещена, зависитъ главнѣйше отъ наблюденія содержащаго откупъ и отъ учрежденной земской полиціи. По симъ столь важнымъ обстоятельствамъ у государя императора просить всемилостивѣйшаго его подтвержденія правъ свободнаго винокуренія дворянамъ въ ихъ имѣніяхъ свободной вина оптомъ и въ раздробъ

въ Малой Россіи продажи и объ отставленіи указа правительствующаго сената вышеизясненнаго, понеже существо сего различаетъ права и преимущества между дворянами равными во всемъ въ правахъ и вольностяхъ всемилостивѣйше всему здѣшнему краю равно пожалованныхъ.

4.

Блаженной и вѣчной славы достойныя памяти государини императрицы Екатерины Вторыя, въ именномъ ея высочайшемъ указѣ 1783 года маія въ 3 день данномъ, по 11-му пункту повелѣно: «по городамъ винную продажу устроить единственно въ пользу городовъ на содержаніе магистратовъ и на другіе городскіе публичные надобности», а по 12-му пункту объяснено, «что все сіе разумѣется о такихъ городахъ, кои никакому сумнѣнію и спору подлежать не могутъ, будучи составлены изъ жителей казеннаго вѣдомства и никому во владѣніе не отданы, и какъ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ по разнымъ случаямъ состоятъ за дворянами и чиновными людьми дворы съ крестьянами и земли, то и предъоставлено генералъ-губернаторамъ пріобрѣсть оныя въ пользу городовъ покупкою или промѣномъ, дабы тѣмъ города очистить отъ всего имъ не свойственнаго и поелику дѣйствительно и сколько намъ извѣстно, почти всѣ города въ Малой Россіи населены домами помѣщиковъ и чиновныхъ людей, имѣющихъ въ самыхъ городахъ крестьянъ и около городовъ земли и угодьи иныя по высочайшимъ пожалованіямъ, а другія по благопреобрѣтеніямъ законами позволеннымъ и большею частію таковыхъ, коихъ одно имѣніе въ городѣ состоящее, составляетъ всю цѣлость ихъ состоянія, слѣдовательно и пропитаніе; а вышеупомянутый высочайшій и всемилостивѣйшій указъ остался безъ исполненія и города не очищены отъ несвойственнаго имъ ни покупкою, ни замѣною, но городскіе думы имѣвъ препорученность взять въ свое распоряженіе винную продажу въ пользу городовъ предъоставленную, заключенными съ откупщиками контрактами безъ изъятія помѣщиковъ и имъ принадлежащихъ имѣній, людей, и земель, отъемлютъ всю свободу и вольность живущихъ въ оныхъ пользоваться въ полной мѣрѣ собственностью своею, по всевысочайше дарованнымъ для дворянства правамъ и преимуществамъ, а послѣдствіемъ того открылись и многія споры и тяжбы, сугубое и крайнее разореніе живущимъ въ городахъ помѣщикамъ приносящія и вовся не свойственно узаконенію винной продажи въ малороссійскихъ городахъ употребляется по судамъ винной уставъ ни малѣйше до Малой Россіи не

касающійся, не для нея изданной, и малороссійскаго дворянства права и преимущества стѣсняющій. А всевысочайше жалованной дворянству грамоты по 24-му пункту узаконено: «да не дерзнетъ никто безъ суда и приговора въ силу законовъ судебныхъ мѣстъ, коимъ суды поручены, самовольно отобрать у благороднаго имѣніе или оное разорить». Что самое и вышеприписаннымъ указомъ предъостережено, дабы всякъ пользующійся въ городахъ имѣніемъ, удовлетворенъ былъ продажею или замѣною, но не исполнивши сего, запрещено въ полномъ распоряженіи пользоваться оными, слѣдовательно таковыя помѣщики или чиновные люди, которые кромѣ въ городѣ и близъ городовъ, нигдѣ болѣе имѣній не имѣютъ, пребываютъ въ крайнемъ притѣсненіи и разореніи. Во уваженіе чего и всеподданнѣйше отъ его величества государя императора просить на 12 пунктъ выше изъясненнаго высочайшаго указа подтвержденія, о очищеніи городовъ отъ всего несвойственнаго; а до того высочайшаго его величества милосердія, дабы всякъ могъ пользоваться имѣніемъ въ полной свободѣ, какъ кто къ лучшему своему пріобрѣтенію заблагоразсудитъ.

5.

Въ малороссійскихъ четырехъ повѣтахъ а имянно: черниговскомъ, стародубовскомъ, мглинскомъ и новгородско-сѣверскомъ вообще извѣстно, что люди естественно гораздо менѣе въ ростѣ противу иныхъ сей же губерніи, отъ чего при случающихся наборахъ рекрутъ, открывается безмѣрное затруднѣніе въ отисканіи годныхъ по единому ихъ росту, какъ въ казенныхъ, такъ въ помѣщичьихъ, въ каковой крайности просить государя императора для сихъ токмо четырехъ повѣтовъ всемилостивѣйшаго уваженія, въ умаленіи хотя малой пропорціи роста людѣй противу указнаго, при всѣхъ протчихъ на службу годныхъ способностяхъ.

6.

Государыня императрица блаженныя и достойныя памяти Екатерина Вторая при неищетныхъ ея высочайшихъ къ намъ милостяхъ, желая просвѣтить Малороссійское благородное юношество науками, дальнѣйшее щастіе и собственное добро ихъ составляющими, высочайшимъ указомъ 1786 года, апреля 23 дня изданнымъ, соблагоизволила въ Малой Россіи, въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, назначить быть университету и на содержаніе того сумму денегъ; но симъ высочайшимъ къ намъ и нашему юношеству благотвореніемъ до селѣ не ощастливлены. Дворянское наше собраніе весьма нужнымъ пола-

гаетъ просить государя императора равно о пользахъ и выгодахъ вѣрныхъ его подданныхъ пекущагося, всемилостивѣйше подтвердить упомянутый высочайшій указъ, и ежели воспослѣдуетъ отеческое его воззрѣніе къ малороссійскому дворянству назначеніемъ университета и суммы на содержаніе его примѣрно другимъ, отъ казны его величества, то дворянское собраніе пріѣмлетъ на себя построеніе университета въ малороссійской губерніи изъ суммы отъ дворянъ же собранной и въ дворянской коммисіи сохраняемой.

Свѣдѣніе о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Дебоскета. Изъ печатаемаго здѣсь «отношенія» генеральной канцеляріи къ черниговскому полковнику, видно, что въ полов. XVIII в. начато было составленіе подробной карты Малороссіи, но кончена не была эта карта и гдѣ она можетъ находиться—неизвѣстно.

«Высокоблагородній господинъ полковникъ чернѣговскій. Въ полученномъ въ генеральной войсковой канцеляріи отъ его ясневелможности высокоповелителного господина Малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетмана и разнихъ ординовъ кавалера ордеру, изображено: отъ фортифѣкаціи де полковникъ господинъ Дебоскетъ присланнимъ къ его ясневелможности доношеніемъ представилъ, что всей Малороссіи сочиняется нинѣ имъ, полковникомъ, генеральная карта и даби де оная карта во всемъ исправна и аккуратно сочинена была, для подлинной справки ведать потребно: какіе во всѣхъ десяти Малороссійскихъ полкахъ, реки и речки имѣются, откуда оніе вишли и где впали, и какое на оныхъ рекахъ и речкахъ, имѣется поселеніе, яко то: мѣстечка, села, деревнѣ, хутора, пасѣки, мелници, и протчіе знатніе урочища, такожъ границы отъ Великороссіи и Слободскихъ полковъ, и всякого малороссійского полку порознь по какихъ урочищахъ; и якоде его ясневелможности извѣстно что хотя имѣется въ генералной войсковой канцеляріи обо всей Малой Россіи генералная карта, однако оная не въ такомъ обстоятелствѣ учинена, какъ оной господинъ полковникъ Дебоскетъ требуетъ, ибо во оной всѣ реки и речки, такожъ и поселенія нѣкоторіе не показани. Для того онимъ его ясневелможности ордеромъ генералной войсковой канцеляріи велено—въ малороссійскіе полки предложить, дабы противъ вишшепоказанного господина полковника Дебоскета требованія учинени были по аккуратной виправки, обстоятелніе вѣдомости и оніе прислани бъ въ енералную канцелярію, а

изъ той генералной канцеляріи отправить ихъ къ упоминаемому полковнику; также ежели кто изъ инжинерних офицеровъ или кондукторовъ отъ упоминаемого полковника Дебоскета по каковой либо къ тому жъ надобности, посланъ будетъ, тобъ онимъ посланнимъ отъ него чинено бъ было отъ полковихъ канцелярій потребное къ тому вспоможеніе и во исполненіе оного его ясневелможности высокоповелителного ордера, по опредѣленію генералной войсковой канцеляріи какъ къ протчимъ господамъ полковникамъ предложено, такъ і вамъ чрезъ сіе предлагается, исполнить по тому повелителному его ясневелможности ордеру во всемъ непремено і въ самой скорости, противъ вишепоказанного господина полковника Дебоскета требованія учинить по аккуратной выправки обстоятелніе вѣдамости—какіе въ полку вашемъ реки и речки імѣются, откуда оніе вишли и где впали и какое на онихъ рекахъ и речкахъ имѣется поселеніе, яко то местечка села, деревнѣ, хутора, пасѣки, мелницѣ и протчіе знатніе урочища, також границѣ отъ Великороссіи і Слободскихъ полковъ порознь по какимъ урочищамъ, и оніе вѣдомости прислать въ генералную канцелярію для отправленія ихъ къ оному полковнику; тако жъ ежели кто изъ инжинерних офицеровъ или кондукторовъ отъ него полковника Дебоскетъ по каковой либо по тому жъ надобности посланъ будетъ, то онимъ посланнимъ отъ него, чинить отъ полковихъ канцелярій потребное къ тому вспоможеніе, за силу того повелителного его ясневелможности ордера. Вашего высокоблагородія доброжелателній слуга Яковъ Якубовичъ. 1754 году марта 14 дня».

«По слушаніи сего ордера, въ полковой чернѣговской канцеляріи опредѣлено: во всѣ полку чернѣговского сотнѣ о учиненіи въ силѣ оного генералной канцеляріи повелѣнія по аккуратной виправки въ тѣхъ сотняхъ обстоятелнихъ вѣдомостей и о присилки онихъ въ полковую канцелярію въ немедленномъ времени, чрезъ ордери предложить, и егда такови вѣдомости отъ сотень присланн всѣ будутъ, тогда съ онихъ полковую вѣдомость во обстоятелствѣ сочинивъ, отправить въ генералную войсковую канцелярію при рапортѣ немедленно. Хоружій Григоровичъ».

Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. Въ дополненіе къ цѣлому ряду фактовъ, касающихся похоронныхъ обрядовъ и повѣрій въ Малороссіи, напечатанныхъ какъ въ разныхъ этнографическихъ

матеріалахъ, такъ и приведенныхъ разновременно на страницахъ «Кіевской Старины» предлагаемъ еще нѣсколько данныхъ, сообщенныхъ въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ нашими сотрудниками.

I.

Во время агоніи присутствующіе «души досмотряють», молятся «на схидъ души»: «Господи, прийми душу до власти, прийми душу до власти—у царствіи гриховъ уменши!» (с. Дружковка, бахмут. у. и с. Шебекино, бѣлгород. у.).

Помимо этого въ Шебекинѣ на умирающаго принято класть «винчаный рушникъ та платокъ» — «якъ же то швидко вмре—не буде мучиться, якъ кому Богъ дасть пиднятись то пидныматься».

Въ с. Лебединѣ (чигирин. у.) во время агоніи, кромѣ помянутыхъ въ предъидущей замѣткѣ средствъ, прибѣгають къ срыванію «стели»:— «одривають стелину або дви» —для облегченія выхода души.

Считается приличнымъ сидѣть у тѣла умершаго— «надъ тиломъ сидити—якъ у Божому дому простоять» (Дружковка).

Если «мертвець дивиться» т. е. глаза его полуоткрыты, то еще кто нибудь въ семьѣ умретъ— «непреминно ще кого видивиться зъ хаты» —почему и стараются скорѣе закрыть глаза умершему (Лебединъ).

Во время пребыванія покойника въ хатѣ «смиття» не выносятъ; когда же тѣло унесутъ, выносятъ соръ и посыпають «лавы» житомъ (Дружковка).

Ставятъ «хто воду, хто медъ—душа прибига, чи анголъ прилетить—наче, кажуть, душа—та води, кажуть, напьеться» (Шебекино); эта вода стоитъ до шести недѣль (с. Миколаевка, волчанск. у.).

Если свадьба встрѣтитъ «мерцвя» то «життя вже не буде!» (Лебединъ).

Существуетъ убѣжденіе, что перешедшій дорогу похоронной процессіи покрывается чирьями; эти чирьи выжигаются раскаленнымъ желѣзомъ; безъ этого подвергнувшемуся имъ угрожаетъ смерть (Богородичное, изюмск. у., харьк. губ., записано отъ больной такими чирьями на дружковск. сах. заводѣ).

По приходѣ съ кладбища принято браться «за коменъ» (Лебединъ, Шебекино, Миколаевка).

У могилы сильно убивающимся по покойнику засыпаютъ «за комиръ земли» — «щобъ не було досади, щобъ скорише забути» (Лебединъ, Шебекино, Миколаевка) [1]).

---

[1]) Ср. у Сумцова, Культурныя пережив. „Кіев. Ст.“ 90. I, 73.

Возвратясь изъ кладбища, обыкновенно садятся, «псальми спивають, прочи хороши речи разговарюють—души ждуть (Дружковка).

Подушку, которую кладутъ подъ голову мертвеца, набиваютъ сѣномъ или васильками (Шебекино).

Думаютъ, что евреи «придушують, додавлюють «мучащихся передъ смертью»; я и толку добилася», заявила разсказчица—«щобъ не перехрестилося—бо ще мучиться, мучиться, тай перехреститься!» (нужно понимать—не вынесши страданій, для облегченія ихъ. Лебединъ).

Женщинамъ обматываютъ ноги тряпками—«по митарству ходитиме—щобъ ноги не попекти»; приводится разсказъ—какъ на одну замершую дѣвушку надѣли чулки, подаренные ей покойницей барыней; очнувшись, замиравшая сообщила о томъ, какъ барыня «зняла зъ неи ти чулки» и она должна была ходить босой (Дружковка).

Въ прежней замѣткѣ мы привели описаніе обряда погребенія дѣвушки въ Лебединѣ; приводимъ таковое для Шебекина. «Убрали, юнку кумачову надили, у дви коси заплели и дружку повязали; квитками уквитчали; подарки давали мужикамъ и дивчатамъ; дивчата несли іи—хустками поперевязувани; на ногахъ панчохи (якъ богатый вмре—изъ плису шьють); одного хлопця перевязують хусткою (перевязанный хусткою изображаетъ собою жениха умершей) (Шебекино).

Умершихъ некрещеныхъ дѣтей предпочитаютъ хоронить у порога хаты въ томъ убѣжденіи, что эти дѣти современемъ «вихрещуються»—«де ногами ходимо то хрестъ робимо» (Дружковка); хоронятъ дѣтей обыкновенно въ садахъ (Лебединъ).

Надъ умершими голосятъ; обыкновенно это высокопоэтическія проявленія скорби; «голосиння», впрочемъ, необязательно и практикуется оно въ зависимости отъ того «якъ у кого яка удаль».

Приводимъ плачъ надъ умершей матерью: «неньќо моя, матинко, родителько! та на щожъ ти мене несчастну спородила, на свитъ божій пустила? Чомъ ти мене маненькою не прикопала, сирою землею не всипала—щобъ я не жила и не горювала, чужимъ людямъ не годила; на щожъ ти мени такую несчастну, гирку долю вдилила...? (Миколаевка).

Украинскій народъ высоко цѣнитъ страданіе матери при родахъ; человѣкъ только что родившійся считается уже «великимъ гришникомъ» потому что «мати родила и кровъ проливала»; грѣшенъ онъ даже въ томъ случаѣ если «зъ вечера уродився, о пивночи хрестився, до свита вмеръ и поховали» [1]).

---

[1]) „Кіев. Старин.", 83, XI, 174.

Тотъ же взглядъ проявляется и въ воззрѣніи на участь въ загробной жизни родившей. Участь беременной женщины, умершей до родовъ и во время родовъ- различна; умершая до родовъ будетъ мучиться «ажъ до страшного суду»; та же, которая умретъ послѣ того какъ «Господь распроста», «Богъ обрятуе», считается великомученицей и попадаетъ въ царствіе небесное.

Уже за шесть недѣль до родовъ «земля разступаеться де ій (родащей) полягать (въ случаѣ смерти)—помре—ій земля вже готова!» (Дружковка отъ Степаниды Кошовой 80-ти лѣтъ).

Вѣдьма и упырь, умирая, страшно страдаютъ — агонія можетъ продолжаться до трехъ недѣль; разсказчица приводитъ случай, при которомъ она лично присутствовала; умирала вѣдьма— «така що богато чужого займала»; она была вся нежива, только въ груди колотилось; разсказчица ночевала при ней двѣ ночи, потомъ отъ страху отказалась; приходитъ къ ней женщина—тоже вѣдьма—и даетъ ей совѣты—отперетъ «скрини» въ хатѣ умирающей; разсказчица посовѣтовала это сдѣлать дѣтямъ вѣдьмы; какъ только отперли замки у сундуковъ тотчасъ душа оставила тѣло; у вѣдьмы уже лежали подъ плечемъ—сковорода и серпъ, но они, какъ видно, не помогли; разсказчица обмывала умершую и съ насмѣшкою показывала собравшимся при этомъ—хвостикъ; обмывши, положили вѣдьму на столъ «а вона и обмаралась якъ зъ ружжи»; давай снова скидать рубаху, обмывать; на вопросъ о причинѣ послѣдняго обстоятельства разсказчица замѣтила:— «та хиба жъ то вона?—то лыха тварь!» Это же обстоятельство имѣло мѣсто и при смерти упыря— «видьмака надъ видьмаками»; пришлось бороться съ помощью «клоччи» (Дружковка).

Послѣ того какъ душа оставляетъ тѣло, въ послѣднее вселяется «нечистая сила», «лиха тварь» и въ образѣ мертваго можетъ производить различныя дѣйствія; мертвецы одухотворенные «силою» ходятъ и посѣщаютъ людей; умершая женщина «якъ иде ажъ шумить намиткою—тильки: шу-шу!» (Лебединъ).

Та ночь, въ которую не поютъ пѣтухи, считается нечистой; въ такую ночь бродятъ вѣшальники, утопленники и «мерци» (Лебединъ).

Разсказчица изъ Дружковки увѣряетъ, что теперь мертвецы не ходятъ, потому что ихъ при погребеніи запечатываютъ; но въ дѣтствѣ лично видала ходившаго покойника.

А вотъ еще разсказъ. Шелъ дорогой человѣкъ; смерклось; онъ прилегъ въ сторонѣ отъ дороги на могилкѣ и задремалъ; ночью выходитъ изъ могилы мертвецъ. «Ходимъ зо мною!» Приводитъ че-

ловѣка въ Дружковку къ одной изъ хатъ; а тамъ «колотнеча»; понапивались пьяными и дерутся; мертвецъ набираетъ съ полу крови «въ кобилячу голову» и даетъ выпить путнику; тотъ, испугавшись, не знаетъ что дѣлать; далѣе, смотря на мертвеца, онъ будто бы пьетъ, а самъ выливаетъ кровь себѣ за рубаху. «Ходимъ дали!»; приходятъ къ сосѣдней хатѣ, но войти не могутъ, такъ какъ окна «зааминёвани»; пошли къ могилѣ; въ это время запѣли пѣтухи, мертвецъ такъ и «загувъ». Утромъ человѣкъ отправился въ волость и заявилъ о случившемся; вся рубаха его была въ крови; по наведеннымъ справкамъ оказалось, что дѣйствительно въ такой то хатѣ быладрака и кровопролитіе; откопали могилу и нашли въ ней мертвеца лежащимъ навзничь; тотчасъ вбили ему «въ потилицю» осиновый колъ— «кровъ такъ и бризнула!» (Дружковка) [1]).

«Нечистая сила», вселившись въ покойника, можетъ проявлять себя въ видѣ вихря, урагана. «Умерла одна баба—взяли у насъ рушники (семья разсказчицы живетъ у кладбища); та впустили рушники у яму тай забулися объ ихъ; батько оглядились—де ти рушники? лають батько, що немае рушникивъ; а мы—що робыть? съ сестрою за лопаты; давай откопувать ту бабу; наровици зъ дви земли вивернули; якъ узяли тягнуть — повитягали... прыйшли до дому де й взявсь вихоръ; якъ почавъ, якъ почавъ крутить! всю солому обдеръ, чуть хаты не перевернувъ!» (Лебединъ).

Дѣти въ играхъ, подражая явленіямъ обыденной жизни, часто имѣютъ склонность играть въ похороны; «матирки» такую игру строго воспрещаютъ.

На бурачныхъ плантаціяхъ бѣлгородскаго уѣзда очень популярна игра «въ мертвеця». Окончивши «урокъ» раньше положеннаго срока, дѣвушки собираются въ одно мѣсто; одна, посмѣлѣй, ложится, складываетъ руки, закрываетъ глаза; ее «квитчають» полевыми цвѣтами или просто бурьяномъ и начинаютъ «голосить»; «голосиння» продолжается до тѣхъ поръ, пока рыданіе и взыванія въ шутку не переходятъ въ настоящій плачъ—до того нервно настраивается толпа играющихъ; мнимый «мертвецъ» въ это время сохраняетъ полную серьезность (Шебекино).

Въ заключеніе приведемъ довольно рѣдкую пѣсню, характеризующую нравственныя отношенія въ украинской семьѣ и интересную для насъ въ данномъ случаѣ по погребальнымъ элементамъ въ ней упомянутымъ.

[1]) Ср. у Сумцова Культ. пережив. „Кіев. Старина“, 90 г. I, 64.

Ой поихавъ милий у дорогу,
Та покинувъ милу нездорову;
Поки милий прыихавъ изъ Гилу,
А вже его милу нарядили,
Червоною китайкою руки покрили,
А изъ кедрини труну зробили,
Високую могилу насипали,
Червону калину посадили,
Дорогимъ каминнямъ обложили.
Ой прыихавъ милий изъ Гилу до дому,
Ажъ нема его миленькои вже;
Та поихавъ милий до долини,
Привязавъ коня до калини,
Та припадавъ до могили:
«А ти, сирая земле, розсипся,
А ти, червоная калина, росхилися,
А ти, дорогий каменю, роскотися,
А ти, скедриная труно, розійдися,
А ти, милая, обизвися,
Чи позволишь мени оженитьсяֻ»?
—«Оженись, мій милий, оженись,
Та возьми, милий жинку добру,
А щобъ вона тебе почитала,
А щобъ вона твоихъ дитокъ жалувала».

(Зап. въ 1884 г. въ Лебединѣ чигиринскаго у. „Гила", по мнѣнію пѣвшей,—названіе города).

М. К. Васильевъ.

II.

Въ с. Краснопольѣ—въ 10 верстахъ отъ Коропа—существуетъ такой обычай. Проводивъ покойника на кладбище, всѣ участники похоронной процессіи возвращаются въ домъ покойника на поминальный обѣдъ. Послѣ обѣда моютъ всю посуду, бывшую въ употребленіи на этомъ обѣдѣ,—горшки, миски, ложки, также столъ, за которымъ обѣдали, всѣ помои сливаютъ въ горшокъ, хозяйка относитъ ихъ на кладбище и выливаетъ на свѣжую могилу, а горшокъ разбиваетъ.

Что касается монеты, то иногда ее вкладываютъ въ ротъ покойнику за лѣвую щеку, а иногда завязываютъ въ платокъ и кладутъ за пазуху, тоже съ лѣвой стороны. Относительно цѣли этого обряда

я тамъ слышалъ (впрочемъ отъ лица грамотнаго) буквальное повтореніе классическаго вѣрованія, что она нужна для уплаты за переѣздъ черезъ рѣку на паромѣ.

Могилу роютъ чаще такъ, что на уровнѣ дна ея дѣлаютъ нишу, въ которую всовываютъ гробъ.

Одного общаго для всего села кладбища тамъ нѣтъ, а хоронятъ въ усадьбахъ «въ садку», а у кого садка нѣтъ, то просятся «у сусиде».

В. К.

Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладкѣ зданій университета св. Владиміра въ октябрѣ 1835 г. Какъ извѣстно, въ октябрѣ 1835 года было не только предположено приступить къ закладкѣ зданія университета св. Владиміра, но даже все уже было приготовлено къ торжеству этой закладки самимъ императоромъ Николаемъ, котораго со дня на день ожидали въ Кіевѣ. Несмотря на то, что все уже было приготовлено, какъ-то: камни для закладки, медали, нарочно на сей случай отчеканенныя на монетномъ дворѣ, и пр.,—однако Николай не пожелалъ совершить этого торжества по причинамъ, указаннымъ въ «Исторіи университета св. Владиміра, т. I» Владимірскаго-Буданова, а также въ «Письмахъ о Кіевѣ» Максимовича[1]). А между тѣмъ до такой степени всѣ ожидали этого, что былъ даже выработанъ проектъ церемоніала сего торжества, сохранившійся въ бумагахъ тогдашняго ректора университета М. Максимовича въ подлинномъ видѣ. Судя по помѣткамъ на немъ, можно думать, что онъ 5 октября представленъ былъ попечителю округа фонъ-Брадке, а 25 октября, послѣ неудавшагося торжества, возвращенъ ректору.

Думаемъ, что въ пополненіе къ изданной уже исторіи университета св. Владиміра и это будетъ не лишняя страничка, а потому приводимъ этотъ проектъ церемоніала цѣликомъ.

1) Въ день закладки, по назначенію времени отъ Его Императорскаго Величества, совершена будетъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ литургія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, при коей будутъ присутствовать члены и воспитанники университета св. Владиміра и кіевскихъ учебныхъ заведеній.

2) Послѣ литургіи произведенъ будетъ изъ собора крестный ходъ съ иконами съ хоругвями, при колокольномъ звонѣ въ сопро-

---

[1]) Стр. 288—292.

вожденій всѣхъ учебныхъ заведеній въ учрежденномъ для сего порядкѣ, до мѣста, Высочайше утвержденнаго для построенія зданія университета.

3) На Высочайше утвержденномъ мѣстѣ для университета отпѣтъ будетъ молебенъ съ водоосвященіемъ.

4) По окропленіи мѣста и каменьевъ, предназначенныхъ для закладки, святою водою, поднесены будутъ Его Императорскому Величеству одна платиновая медаль, на сей случай въ с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ, по Высочайше утвержденному проекту, выбитая, одна мѣдная доска и находящіяся нынѣ въ обращеніи новѣйшей чеканки монеты: платиновыя, золотыя и серебряныя, какъ равно и закладные каменья; послѣ того поднесены будутъ Его Императорск. Величеству и знатнѣйшимъ особамъ медали, на сей случай въ с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ по Высочайше утвержденному проекту выбитыя.

5) По окончаніи закладки провозглашено будетъ многолѣтіе Его Императорскому Величеству со всѣмъ Августѣйшимъ домомъ, и крестный ходъ возвратится въ соборъ при колокольномъ звонѣ.

6) Учебныя заведенія будутъ слѣдовать въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Кіево-Подольское уѣздное училище.

2) Кіевская губернская гимназія.

3) Конвиктъ бѣдныхъ дворянъ и училище землемѣровъ.

4) Благородный пансіонъ кіевской гимназіи.

5) Студенты университета св. Владиміра съ инспекторомъ студентовъ и его помощникомъ.

6) Ректоръ, преподаватели и чиновники университета св. Владиміра.

Сообщ. В. Науменко.

Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ націанальные типы. Въ малорусскихъ народныхъ произведеніяхъ мы не разъ наталкиваемся на такія, которыя, въ той или иной формѣ, въ томъ или иномъ направленіи, даютъ характеристику разныхъ національныхъ типовъ; при чемъ многія изъ такихъ характеристикъ, какъ и слѣдовало ожидать, при параллельномъ освѣщеніи разныхъ націй, отдаютъ полное предпочтеніе своему родному типу, ставя его и по уму, и по нравственнымъ достоинствамъ выше остальныхъ. Но способность юмористической самокритики заставляетъ народъ иногда уклониться отъ

этой нормы и освѣтить родной типъ далеко не радужными красками. Много такихъ разсказовъ помѣщено уже въ разныхъ этнографическихъ матеріалахъ (см. наприм., «Малорус. народ. предан. и разсказы», М. Драгоманова, стр. 125, 190, 193, 194, 195 и др.).

Помѣщаемъ теперь два коротенькихъ разсказа, сообщенные И. Ф. Бѣньковскимъ, изъ которыхъ одинъ, записанный въ ровенскомъ уѣздѣ, украинскаго простолюдина ставитъ на послѣднемъ мѣстѣ, а другой, не датированный мѣстностью, наоборотъ—на первомъ.

I.

«Отто якъ жыды взялы Ісуса Хрыста въ Гефсыманьскимъ садочку—то повелы его перше всего туды де стоялы ляхи. А йіденъ изъ ныхъ (ляхивъ) и каже: «выдыбъемъ нашого Спасытеля».—А Ісусъ Хрыстосъ и рече имъ: «за таке ваше щыре серце дамъ вамъ, дитки, таку мицъ—що вы будете воюваты завше».—И правда—що ляхъ—то вояка.

Потимъ повелы жыды І. Хрыста—де стоялы нимци[1]); йіденъ з ныхъ и каже: «видкупымъ нашого Спасытеля».—А Спасытель до ныхъ и каже: «за таку вашу щыристь—дамъ вамъ таку мицъ—що вы будете купуваты—покы вашого жыття.»—Що нимецъ—то купецъ!

На решти повелы жыды Спасытеля де наши мужики—сирякы пидъ корчмою стоялы—медъ, горилку попывалы. Йіденъ зъ ныхъ и каже: видкрадемо нашого Спасытеля.—А Спасытель имъ и рече: «за таку вашу щыристь, дамъ вамъ, дитки, таку мицъ,—що вы будете красты—поки вашого життя».—И правда: що мужыкъ—то злодій!

(Записано въ ровенскомъ уѣздѣ, волын. губ.).

II.

Разъ захотивъ чортъ сотворыты подобного соби. Взявъ винъ накыдавъ въ котелъ, въ смолу разного зилля и ставъ варыты.

Варывъ—варывъ—попробовавъ сотворыты подобнаго соби—и выйшовъ мужыкъ.

«Недоварывъ»—каже самъ до себе чортъ и зновъ ставъ варыты.

Варывъ—варывъ—попробовавъ—и выйшовъ—ляхъ.

«Ще недоварывъ»—каже чортъ и зновъ ставъ варыты.

Варывъ—варывъ—зновъ попробовавъ—выйшовъ нимецъ.

---

[1]) Подъ „нѣмцемъ"—нашъ крестьянинъ разумѣетъ вообще всякаго иностранца:—англичанина, француза и т. п.

«Ще чуточку не доварывъ»—и почавъ знову варыты.

Зновъ попробовавъ—и выйшовъ татарынъ.

Отъ-отъ ище капельку—и буде якъ разъ подобный на мене—и давай дали варыты.

Нарешти попробовавъ ще разъ,—вже остатній—выйшовъ жыдъ.

«Переварывъ»—крыкнувъ чортъ; це вже выйшовъ хитрійшый и мудрійшый видъ мене,—вже передавъ. Або-жъ неправда: жыдъ хитрійшый и мудрійшый видъ самого чорта: Винъ самого чорта проведе, обмане.

По другому варіанту переваренным оказался «нимець» а «жидъ» чуточку недовареннымъ.

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Разсказъ о происхожденіи табаку. Въ вагонѣ желѣзной дороги мнѣ удалось подслушать новый и совершенно оригинальный по содержанію, предлагаемый здѣсь, разсказъ о происхожденіи табаку.

Сѣдой дидъ, окруженный пятью или шестью случайными дорожными знакомцами, «съ повагомъ», важно ведетъ бесѣду и разсказываетъ что-то видимо интересное, судя по всецѣло овладѣвшему всѣми слушателями вниманію, старавшимися не проронить ни одного слова. Бесѣда замѣтно началась давно и все въ духѣ нравоучительно-религіозномъ. Настала пауза, разсказъ оконченъ. Разскащикъ замолкъ и застылъ въ раздуміи, упершись подбородкомъ на палку, которую все время держалъ въ рукахъ, и полузакрывъ глаза, какъ бы задремалъ отъ усталости. Слушатели, находясь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только что слышаннаго, тоже молчатъ, каждый самъ про себя что то обдумывая. Такъ прошло минутъ пять. Сидѣвшій рядомъ съ дидомъ молодой парень первый пришелъ въ движеніе. Вынулъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, развязалъ его, досталъ оттуда сильно скомканную давно прошедшихъ годовъ исписанную толстую писчую бумагу, сильно испачканную чѣмъ то сальнымъ и, дѣлая изъ нея традиціонную цигарку, тяжело, во всю грудь, вздохнулъ и проговорилъ, ни къ кому не обращаясь, а какъ бы въ раздумьи, относясь лично самъ къ себѣ: «Ось и це, кажуть тежь грихъ, та ще й не абы якый малый»? Взоры всѣхъ остальныхъ, какъ по командѣ, вопросительно обратились на дида, въ надеждѣ сейчасъ же услышать его авторитетное, по поводу этого, мнѣніе, при томъ, можетъ быть, подтвержденное, какъ доказательствомъ, какимъ нибудь, вродѣ предыдущаго, разсказомъ. И дѣй-

ствительно, они не ошиблись. Дидъ долго себя ждать не заставилъ и, какъ бы подчиняясь общему молчаливому желанію, оживился, поднялъ голову, обвелъ всѣхъ глазами и съ какою то торжественною ноткою въ голосѣ рѣзко и громко проговорилъ: и, нема у цему а ни гриха, а ни спасенія. Сказалъ и замолкъ, снова понуривъ голову, какъ бы собираясь съ мыслями.—А чому такъ, такъ ось черезъ що: Бачь, кажуть грихъ й кажуть ти, що ничого не знають. Чулы воны, шо шось, хтось, десь дзвонывъ, але хто й де—имъ це й байдуже. А було воно ось якъ: У давну давныну, ще далеко не запамьятку не то що батькивъ, або дидивъ нашыхъ, але й прадидивъ, царювавъ десь у якійсь земли царь Давыдъ. Бувъ у его одынъ однымъ сынъ на йменння... отъ и забувъ... це лыхо, й памьятавъ, кажу, а теперь забувъ! Якесь чуже. Опісля може нагадаю, то скажу. Була ще у того царя Давыда, промижъ инчою челядью, дивка, царици вона услугувала, та така съ себе гарна, така брава, така краля, шо й не сказаты. Кращои надъ неи не було у всимъ царстви тимъ, ни мижъ панами, а ни мижъ мужыкамы Не дыво жъ, що въ неи й вкохався отой, шо казавъ царевычъ, Давыдивъ сынъ. Эге, вкохався, та й удравъ погану штуку, якъ самы здорови заразъ побачыте. Занедужавъ ото парубокъ. А й хвористь то була не справдишня, а зъ хытрощамы. Заслабивъ такъ, шо й зъ кимнаты не выходе. Не сыла, каже, й ногамы двыгаты. Нема мочи й порога переступыты. Такъ, то й такъ. Прыйшовъ такый часъ, шо обидаты Звуть й его, звычайно до гурту. Каже, ни чого не хочу, не навернусь до стравы. Не йде. Почувъ таке батько Давыдъ и каже своій жинци, царыци:—ты бъ, стара, видислала бъ сынови хочь бы печене яблучко; може бъ винъ зъивъ легенького за для трунку й солоденького, смачненького, бо не можно, хочь й хворому, буты безъ ніякои стравы, бо здоровый, та й то охляне, а винъ и подавну. Послухалась та. Вволыла его волю й заразъ заходылась, спрягла двойко яблучкивъ, поклала ихъ на срибну тарилочку и, покликавши ту красуню, звелила ій вднесты те до сына. Понесла та. Царевычъ, одержавшы яблучкы, звеливъ ій дожыдаты, покы поисть, шобъ, бачь, тоди посуду взяла, а самъ тымъ часомъ поклыкавъ вартового москаля, шо повынно стоять воны биля царьськыхъ дверей й давъ ему прыказъ найпильнійше стерегты двери и ни кого, а ни якымъ побытомъ, не пускаты до его, та тоди й нумо съ тіею дивчиною женыхаться. Оттаке то! Черезъ яку годыну выбигла дивка видтиля плачучи й тужучи на ввесь двиръ й прямисинько майнула до царя Давыда жалуваться. Выслухавъ еи тай й жаліючи

сина свого, бо у старовыну хочь не такъ було, якъ сего часу, але, якъ ось бачетымете, й жысты ришалы, й каже й велыть, шобъ вона мовчала й никому не казала, а винъ вже ее нагородыть й грішмы й усимъ. Боявсь, бачь, бильшъ вогню, тихъ суддивъ, шобъ воны, не дай Боже, не дизналысь, бо ти таки, шо не подывляться, шо винъ царськый сынъ, а потягнуть судыты. Скажуть законъ, то проты цего й самъ царь ничого не вдіе. Шо не робывъ Давыдъ, якъ не приказувавъ, шобъ вси мовчалы, а ничого не вдіявъ. Чого боявся те й выйшло; бо якъ бы одынъ, або два зналы, то воно може бъ й тее, а то хиба ихъ мало було тыхъ, шо бачылы, якъ дивка зъ розскусьдженымъ волоссьямъ, та плачучи видъ царевича бигла; заразъ втямылы, шо воно це за ричь й розблаговистылы по усихъ усюдахъ. Языкъ, мовлявъ, безъ костей. Дійшло таки дило й до суддивъ. Дизналысь такы ти й заразъ зрадилы. Давай его, кажуть, сюды! будымо судыты; й потяглы. Судылы отто, судылы й прысудылы видтяты ему голову, бо вына, бачь, велыка. Поцимъ скаралы й поховалы за городомъ на степу, наче, якого розбышаку. Шо жъ вы думаете? Зробылась писля цего та дивка, якъ несамовыта. Плаче, туже. Й день плаче, й ничъ плаче. Ничого зъ нею й не зроблють. Ничимъ еи й не заспокоють. Бачь врозыло еи велме те, шо черезъ неи, та згубылы чоловика, та ще й не абы якого, а царського сына. Тильки на свитъ начне благословляться, то вона вже й чимчикуе за городъ на могылку. Упаде пластомъ на неи й тужыть й розлываеться, ажъ обаполо луною розлагаеться. Плаче, кажу, та просе все его, шобъ простывъ еи, а слезы ти съ очей, якъ зъ джерела, такъ и капотять и льються на землю. Полыва имы вона що дня ту могылку. Видтого й выросло тамъ зилльe, таке гарне, зелене, высоке, та кучеряве, якъ капуста. Дивчина тоди й моле Бога: Господы, каже, колы ты й винъ мене простылы за мою выну, шо вона мене даве, то зробы такъ, шобъ це зилльe, котре выросло зъ моихъ слизъ, полюбылы уси люди всего свиту. Звернувъ увагу Господь на іи цю молытву й зробывъ такъ, якъ вона прохала й покохалы его уси люды, яки ни на есть на земли. Ось якъ воно було! А черезъ що пишла така назва цему зилльеви, такъ ось черезъ що: Була у тіеи дивчины маненька собачка—цуцыкъ, ось зъ тыхъ, якъ й теперь воны у панивъ у горныцяхъ бувають. Бигала вона усюды за нею. Було, куды не йде вона, то й цуцыкъ туды слидкуе. Оттакъ и на могылку еи не покыдало. Якъ выросло жь те зилльe, то цуцыкъ забижыть у его й вовтузыться тамъ й товче его. А дивчина було й прогоня его все видтиля, шобъ

не шкодыло и поцимъ на его:—тю,-тю,-тю,-тю,-тю,-тю, крычыть. Ось черезъ що й пишла тютюномъ ця трава зваться. Бачъ якъ! Адже жъ такъ!? обратился дидъ къ слушателямъ и не получивши никакого отвѣта, ни подтвержденія, ни отрицанія, а одно упорное молчаніе, успокоился и продолжалъ:—отъ теперь й разсудить самы, чи воно грихъ, чи ни! Нема ніякого а ни гриха, а ни спасенія!

А. Катрухинъ.

Некрологъ. 31 іюля редакція «Кіевской Старины» понесла тяжелую потерю: скоропостижно скончался одинъ изъ давнихъ сотрудниковъ нашего журнала *Иванъ Петровичъ Новицкій.* При большихъ дарованіяхъ и массѣ знаній, покойный въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати пяти лѣтней литературной дѣятельности посвящалъ свои силы изслѣдованію прошлой и современной жизни южной Руси. Біографическія свѣдѣнія о покойномъ и обзоръ его работъ мы постараемся дать въ ближайшей книжкѣ нашего журнала.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ф. Щербина. Земельная община кубанскихъ козаковъ. (Воронежъ, 1889). Стр. 207. Цѣна 1 р.

Мы имѣли уже случай отмѣтить прекрасную работу г. Щербины по исторіи кубанскаго козачьяго войска («Кіевская Старина» 1890 г.) и выразить желаніе, чтобы автору удалось болѣе детальнымъ образомъ ознакомить читающій міръ съ характеромъ экономическаго быта войска: настоящій трудъ г. Щербины какъ нельзя лучше удовлетворяетъ такому естественному желанію и при томъ въ сферѣ наиболѣе важной для народной экономіи. Книга даетъ болѣе, нежели обѣщаетъ ея заглавіе. Авторъ не только характеризуетъ порядки пользованія общинными козачьими угодьями, но кромѣ того предлагаетъ читателю весьма тщательно составленные очерки естественныхъ особенностей и колонизаціи края, развитія козачьяго землевладѣнія вообще, характеризуетъ дѣятельность станичныхъ обществъ и сходовъ, обрисовываетъ порядки пользованія общинными водами и войсковаго рыболовства. Всѣ свои выводы г. Щербина основываетъ на лично имъ добытыхъ въ 1879 и 1880 г. матеріалахъ, огромная часть которыхъ до настоящаго времени еще не была опубликована. Для трактуемаго предмета книга г. Щербины имѣетъ такое же значеніе, какъ спеціальныя работы г. Соколовскаго и г-жи Ефименко для исторіи общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. То обстоятельство, что изслѣдователю приходилось имѣть дѣло съ явленіемъ, развивавшимся на протяженіи не болѣе одного столѣтія, нисколько не умаляетъ заслуги автора, снабдившаго свои заключенія внушительной массой добытыхъ на мѣстѣ данныхъ.

Какъ всякое глубоко жизненное явленіе, земельная община кубанскихъ козаковъ переживала въ своемъ вѣковомъ развитіи нѣсколько

фазисовъ, весьма тонко и детально охарактеризованныхъ авторомъ.

Хотя т. наз. черноморское козачье войско было прямымъ преемникомъ историческаго Запорожья, но условія развитія того и другаго были значительно различны. На пространствѣ въ 30,000 кв. в. первоначально было поселено не болѣе 25 тыс. душъ обоего пола, что давало безграничный просторъ для пользованія силами природы. Слабость земледѣльческихъ промысловъ, широкое развитіе скотоводства обусловили возникновеніе хуторскихъ формъ, заимки; съ увеличеніемъ населенія помощью воинской и правительственной колонизаціи хутора, бывшіе оплотомъ личнаго землевладѣнія, приходятъ въ столкновеніе съ «куренными поселеніями», позднѣйшими станицами, которыя имѣли и законное, и народно-обычное право считать земли своего района коллективною козацкою собственностью. Эта борьба съ хуторскимъ, личнымъ замлевладѣніемъ затруднялась для козацкихъ общинъ тѣмъ обстоятельствомъ, что войсковая старшина, захватившая лучшія земли, не стояла въ Черноморьи въ такой зависимости отъ войска, какъ это было на Запорожьи,—не была выборною. Вмѣшательство законодательной власти въ регулировку между-козацкихъ земельныхъ отношеній въ концѣ концовъ привело къ образованію въ нѣдрахъ войска настоящей земельной аристократіи, во владѣніи которой нынѣ находится до 5% всей территоріи кубанской области. Вмѣсто запорожской выборной старшины мы имѣемъ уже дѣло съ настоящимъ сословіемъ «пановъ», и понятіе объ общекозачьей коллективной собственности на практикѣ подорвано въ весьма значительной степени. Пожизненное съ 1842 года пользованіе землею превратилось для старшины въ потомственное съ 1870 года, а еще черезъ десять лѣтъ въ среду козачества получили доступъ, благодаря разрѣшенію пріобрѣтать усадебныя земли, и не козаки, свившіе, по свидѣтельству г. Щербины, на этихъ когда то войсковыхъ земляхъ прочное гнѣздо кулачества и обирающіе тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ предки получили эти земли на правѣ полнѣйшей коллективной собственности. Явленія подобнаго же характера имѣютъ мѣсто на обѣихъ линіяхъ и въ Закубаньи.

Суммируя результаты своего изслѣдованія о развитіи формъ козачьяго землевладѣнія въ кубанской области вообще, авторъ, строго придерживаясь фактическихъ данныхъ, указываетъ, что козачье землевладѣніе началось съ войсковой формы землепользованія, близкой къ обычному на Запорожьи. Затѣмъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ и

внѣшнихъ причинъ, обособились, съ одной стороны, козачьи юрты или общинно-земельные надѣлы, а съ другой—частное козачье землевладѣніе. Слѣды войсковаго землевладѣнія сохранились лишь въ видѣ войсковыхъ земельныхъ угодій, соляныхъ озеръ и запасныхъ земель, отдаваемыхъ войсковою администраціей въ арендное содержаніе и состоящихъ въ вѣдѣніи войска только временно, какъ будущіе дополнительные участки станичныхъ общинъ.

Характеризуя затѣмъ общинное землавладѣніе кубанскихъ козаковъ, которому собственно и посвящена книга, авторъ въ цѣломъ рядѣ детальныхъ экскурсовъ доказываетъ, что въ развитіи своемъ порядки общиннаго землепользованія шли отъ простаго къ сложному—отъ вольнаго пользованія всевозможными угодьями къ цѣлому ряду разнообразныхъ ограниченій личнаго произвола и наконецъ къ обычаю дѣлежей. При обиліи пустошей, члены общины производили заимки по своему усмотрѣнію и таковъ былъ первоначально господствующій способъ землепользованія какъ въ отношеніи т. наз. «царинъ» и луговъ, сѣнокосовъ, пастбищъ, такъ лѣсныхъ угодій, водъ, усадебъ, садовъ и огородовъ. Первымъ по времени ограниченіемъ вольнаго пользованія землей было раздѣленіе юртовыхъ земель на части по угодьямъ—на общую царину или пашни, сѣнокосы и толоку или выгонъ, иногда—дѣленіе полей на клинья по роду хлѣбовъ. Раздѣленіе это влечетъ дальнѣйшія ограниченія въ отношеніи распашекъ на сѣнокосахъ и выгонахъ, пастьбы скота на пашенныхъ земляхъ, въ отношеніи размѣра земли, какой можетъ быть предоставленъ отдѣльному общиннику, и т. д. Послѣднимъ шагомъ въ развитіи этихъ порядковъ являются нынѣ дѣлежи пахатныхъ полей; дѣлежи эти начались съ разверстки частей въ пахатныхъ поляхъ большею частью съ «цѣлины», рѣже съ «мякоти», т. е. съ земли, бывшей уже въ разработкѣ. Сплошные дѣлежи юртовъ практикуются въ двухъ формахъ: малорусской, когда каждый хозяинъ получаетъ свой пай въ одномъ только мѣстѣ станичнаго юрта, и великорусской, когда пай дробится на нѣсколько частей, такъ что хозяину принадлежитъ нѣсколько кусковъ въ различныхъ угодьяхъ и клиньяхъ съ разными сортами хлѣбовъ. Въ самыхъ способахъ дѣлежей земли на паи или на души произошло, по словамъ автора, въ послѣднее время весьма замѣтное осложненіе въ формѣ дѣлежей земли на души по качествамъ почвы и въ соотвѣтственномъ дробленіи паевъ или душевыхъ надѣловъ на полосы. Въ отношеніи сѣнокосныхъ порядковъ первый ограничительный пріемъ состоялъ въ назначеніи опредѣленныхъ мѣстъ подъ сѣ-

нокосы, затѣмъ слѣдовало назначеніе времени для начала сѣнокошенія, опредѣленіе количества дозволенныхъ косарей на отдѣльныя хозяйства, а послѣднимъ шагомъ въ ряду ограниченій вольнаго сѣнокошенія является дѣлежъ сѣнокосовъ на паи или души. Въ той же постепенности идутъ и ограниченія вольной рубки лѣса, вольнаго пользованія выгонами и толоками, усадебными мѣстами и т. п. Вопросу о пользованіи общинными водами и рыболовными угодьями авторъ посвящаетъ особый экскурсъ, гдѣ показываетъ, что рыболовство находится нынѣ на пути къ переходу исключительно въ руки крупныхъ предпринимателей—не козаковъ.

Мы привели здѣсь лишь главные тезисы книги г. Щербины, чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе о богатствѣ и интересѣ новой работы неутомимаго изслѣдователя нашей народной жизни. Чисто экономической сторонѣ козачьей земельной общины, взаимоотношенію послѣдней и экономическаго быта кубанскихъ козаковъ авторъ обѣщаетъ посвятить особые очерки, скорѣйшаго появленія которыхъ слѣдуетъ пожелать отъ всей души. **Н. М.**

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI вѣка. Историко-статистическій очеркъ. Кіевъ 1890.

Авторъ труда, заглавіе котораго мы выписали, задался скромною цѣлью—сдѣлать описаніе устройства господарскихъ замковъ на протяженіи южной Россіи, ихъ состоянія и средствъ обороны, и выполнилъ эту задачу весьма тщательно и умѣло. Основалъ г. Грушевскій свой очеркъ на изданномъ актовомъ матеріалѣ, разсыпанномъ въ «Памятникахъ кіевской археографической коммиссіи», въ «Актахъ западной Россіи», въ «Архивѣ юго-западной Россіи» и др. Вначалѣ авторъ обрисовываетъ значеніе замковъ въ исторіи южно-русской колонизаціи, для чего дѣлаетъ въ общихъ чертахъ весьма сжатый, но вполнѣ вѣрный очеркъ движеній осѣдлаго населенія въ степь и борьбы его съ номадами. «На первыхъ порахъ, по мнѣнію г. Грушевскаго, замки являлись чрезвычайно важнымъ средствомъ колонизаціи страны, составляя какъ-бы узлы, которыми болѣе или менѣе прочно привязывалось населеніе къ территоріи повѣта и удерживалось отъ конечнаго разсѣянія». Литовское правительство понимало важное значе-

ніе замковъ и заботилось какъ объ увеличеніи ихъ числа, такъ и объ удовлетворительномъ ихъ состояніи. Эта забота выразилась въ цѣломъ рядѣ ревизій замковъ, а результатомъ этихъ ревизій явился цѣлый рядъ «пописовъ» замковъ, въ которыхъ мы находимъ обстоятельное описаніе этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Указавъ на характеръ ревизій, на результаты, къ которымъ онѣ привели, авторъ приступаетъ къ самому описанію замковъ. Начинаетъ г. Грушевскій съ внѣшняго вида и устройства замка, затѣмъ говоритъ объ управленіи замка, перечисляя должностныхъ лицъ и указывая сферу дѣятельности каждаго изъ нихъ. Слабость замковаго управленія вытекала изъ совмѣщенія въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ нѣсколькихъ замковыхъ должностей и являвшейся отсюда необходимости раздачи частнымъ лицамъ нѣкоторыхъ отраслей замковаго вѣдѣнія. Не въ лучшемъ состояніи находилось дѣло укрѣпленія замка и его ремонтировки, о чемъ авторъ говоритъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ своей брошюры. Въ общемъ, состояніе замковъ было весьма жалкое, какъ со стороны ихъ крѣпости, такъ и средствъ обороны. Плоха была артиллерія и дѣло продовольствія. Но нужно помнить, что литовскимъ правительствомъ все было прекрасно предусмотрѣно и устроено, а слабость замковъ и вообще слабость военной обороны литовскаго государства проистекала отъ слабости его управленія и злоупотребленій во всѣхъ отрасляхъ государственнаго вѣдѣнія. Трудъ г. Грушевскаго читается съ большимъ интересомъ и легкостью, а по тщательности обработки матеріала и полнотѣ, съ которой авторъ исчерпываетъ вопросъ, представляетъ собой пріятное явленіе въ русской исторической литературѣ

П. Г.

Dr. J. L. Píč. Dějiny národa ruského. Díl I. Do konce XVIII století. V Praze, 1889. (Д-ръ И. Пичъ. Исторія русскаго народа). Стр. 284.

Сочиненіе г. Пича вышло въ серіи Новочешской библіотеки, издаваемой при музеѣ чешскаго королевства (вып. XXVIII), и обнимаетъ исторію нашего отечества съ 862 по 1796 годъ, до смерти имп. Екатерины II. Авторъ задается цѣлью составить обзоръ политическихъ и культурныхъ судебъ Россіи съ спеціально чешской точ-

ки зрѣнія, такъ какъ русскія работы нерѣдко игнорируютъ то, что представляетъ особый интересъ для чеховъ.

Если не считать нѣкоторыхъ случайныхъ намековъ—сопоставленія моравакъ съ поляками, люксембургской династіи съ Романовыми, характеристики власти первыхъ русскихъ князей словами Козьмы Пражскаго и т. п,—то читающему представляется неяснымъ, въ чемъ, собственно, состоитъ эта спеціальная точка зрѣнія. Г. Пичъ нѣсколько подробнѣе, нежели это дѣлаютъ составители русскихъ учебниковъ, останавливается на исторіи раздѣловъ Польши, во всемъ же остальномъ слѣдуетъ всецѣло установившимся у насъ шаблонамъ. На нашъ взглядъ, слишкомъ смѣло писать исторію «русскаго народа» по этимъ формамъ, и едва-ли изъ книги г. Пича читатель вынесетъ убѣжденіе, что нашему народу предстоитъ великая роль въ культурномъ движеніи стараго свѣта, какъ это предсказываетъ нашъ авторъ. Великая роль, конечно, можетъ принадлежать каждому культурному народу, но едва-ли основою для этого можетъ служить обширность государственной территоріи: между тѣмъ большинство исторій нашего отечества, не исключая и исторіи г. Пича, въ сущности представляютъ эпизодическій разсказъ о приращеніяхъ территоріи. Казалось-бы, что этой цѣли вполнѣ удовлетворили-бы нѣсколько синхронистическихъ таблицъ и историческихъ картъ. Для исторіи народа требуются краски, а ихъ то и недостаетъ на палитрѣ г. Пича. Мы опасаемся, что чехи вынесутъ неполное и неудовлетворительное понятіе о нашей исторіи изъ книги г. Пича.

Въ самомъ дѣлѣ, интересъ внутренней жизни многомилліоннаго и разноплеменнаго народа, каковъ русскій, не можетъ ограничиться ознакомленіемъ съ именами правившихъ лицъ и внѣшнимъ очеркомъ роста государственнаго тѣла. Государство есть лишь одинъ изъ видовъ общественнаго союза, и геній народа не всегда сказывается въ формахъ именно этого союза. Областная жизнь, порядки землепользованія, оригинальное разнообразіе племеннаго уклада и характера—черты, на которыхъ долженъ особенно подробно остановить свое вниманіе историкъ Руси, особенно въ до—петербургское время, если желаетъ привлечь сочувственное вниманіе читателя къ судьбамъ нашего народа. Преимущественный интересъ историковъ къ внѣшнимъ, показнымъ фактамъ и лицамъ подрываетъ у читателя всякій интересъ къ этой въ значительной степени мнимой наукѣ анекдотическаго повѣствованія.

Упрекать г. Пича въ такомъ направленіи его книги, конечно, невозможно: онъ даетъ все, что можетъ дать, придерживаясь нашихъ образцовъ и ограниченный размѣрами труда. Перечисленіе именъ и годовъ занимаетъ много мѣста и для обзора внутреннихъ отношеній остается его соотвѣтственно менѣе, но все же авторъ не забываетъ этихъ отношеній и старается характеризовать каждый періодъ нашей исторіи по мѣрѣ силъ и умѣнья. Этнографическій очеркъ начальной Руси и сосѣднихъ земель составленъ даже съ тщательностью, рѣдкою для учебника. Спеціальная точка зрѣнія автора, вѣроятно, сказывается въ неравномѣрномъ распредѣленіи матеріала: эпохѣ Петра I посвящено 15, Екатерины II—около 100 страницъ.

Исторія кіевской Руси дѣлится у автора на эпохи богатырскую (879—1015 г.) и удѣльную и занимаетъ почти треть книги. Происхожденію и роли южно-русскаго козачества авторомъ посвященъ особый экскурсъ и достаточно подробно разсказана исторія козацкой войны съ Польшей въ XVII ст.; о гайдамакахъ XVIII в. упомянуто также. Неудобства усвоенной авторомъ точки зрѣнія сказываются, между прочимъ, и въ этомъ отношеніи: отмѣчены факты присоединенія новыхъ областей, и у читателя создается представленіе, что областная жизнь прекратилась, чего въ дѣйствительности не было и быть не могло.

Съ внѣшней стороны книга г. Пича составлена достаточно внимательно и аккуратно, хотя попадаются неизбѣжныя ошибки. Такъ, г. Пичъ приписываетъ Конашевичу-Сагайдачному сочиненіе противоуніатскихъ книгъ, повторяетъ разсказъ о посѣщеніи Кіева патр. Іеремією, смѣшиваетъ Хмѣлецкаго съ Хмельницкимъ, называетъ Гуню Куней, Остраницу—Остравицей и т. п.

Какъ первая попытка самостоятельнаго и систематическаго изложенія нашей исторіи на чешскомъ языкѣ, книга г. Пича заслуживаетъ вниманія, но при усвоенной авторомъ манерѣ группировать матеріалы должно опасаться, что предпріятіе не достигнетъ желанной цѣли — ознакомленія чеховъ съ характеромъ русской исторической жизни.

Н. М.

Труды Комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Выпускъ четвертый. Каменецъ-Подольскъ. 1889 г.

Разработка мѣстной исторіи и собраніе вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ по губерніямъ, начатая по мысли покойнаго Н. В Калачова, продолжаетъ развиваться не только въ созданныхъ имъ ученыхъ губернскихъ архивныхъ коммиссіяхъ, но также и въ губернскихъ статистическихъ комитетахъ, имѣющихъ почти ту же цѣль—изученіе своей губерніи, и долгое время не обнаруживавшихъ никакой дѣятельности да и теперь еще часто бездѣйствующихъ. Такое явленіе обусловливается недостаточно практической организаціей этихъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе, время отъ времени, особенно въ послѣдніе годы, и комитеты заявляютъ себя многими весьма полезными и цѣнными изданіями. Къ числу таковыхъ относится и настоящій четвертый выпускъ «Трудовъ Комитета для описанія подольской епархіи». Хотя онъ, подобно тремъ предъидущимъ, касается все той же религіозно-церковной стороны жизни Подолія, однако, по содержанію своему, по важности заключающихся въ немъ документовъ, долженъ быть поставленъ выше предшествовавшаго ему 3-го выпуска, о которомъ мы дали въ свое время отзывъ.

Программа изданія осталась та же: акты издаются цѣликомъ или въ извлеченіи, располагаются въ географическомъ алфавитномъ порядкѣ и печатаются съ переводомъ на русскій языкъ; актамъ предшествуетъ небольшая статья, а въ концѣ къ нимъ приложены указатели: личный и географическій. Ненужной роскошью въ этой программѣ мы считаемъ переводы къ актамъ, на томъ основаніи, что древніе оффиціальные документы, писавшіеся по строго опредѣлившейся формулѣ, легко понятны тѣмъ ученымъ, которые имѣютъ нужду въ подобныхъ актахъ; для нихъ переводы излишни; обыкновенные же читатели никогда не только актовъ, но и ихъ переводовъ читать не будутъ; это давно уже понято всѣми западными археографическими коммиссіями, печатающими также латинскіе и польскіе документы, и печатаніе переводовъ прекращено, хотя сначала велось. Передовыя статьи по большей части бываютъ не важны и по мысли, лежащей въ ихъ основаніи, и по исполненію; но такъ какъ эти статьи появляются въ оффиціальномъ изданіи, то могутъ служить выраженіемъ оффиціальнаго и общественнаго настроенія и мысли по отношенію къ мѣстнымъ вопросамъ, и какъ таковое выраженіе, имѣютъ нѣкоторое значеніе для исторіи развитія мѣстнаго самосознанія.

Сказанное приложимо и къ передовой статьѣ настоящаго выпуска, трактующей о церковномъ патронатѣ, который былъ орудіемъ въ рукахъ шляхты для подавленія православія. Но цѣнность каждаго археографическаго изданія не въ этихъ случайныхъ приложеніяхъ, какъ передовыя статьи, переводы актовъ и проч., а въ содержаніи самихъ актовъ. Съ этой стороны акты четвертаго выпуска, какъ мы сказали выше, гораздо важнѣе актовъ предъидущихъ выпусковъ. Все это — эрекціи уніатскимъ церквамъ, презенты священникамъ, акты о выдѣлѣ земель и угодій въ пользу священниковъ, совершенныя на основаніи эрекцій, и акты объ опредѣленіи викарныхъ священниковъ, данныя польскими помѣщиками, какъ патронами. Прежде всего эти документы рисуютъ имущественное положеніе уніатскаго духовенства, вообще намъ мало извѣстное; во 2-хъ указываютъ на степень вліянія, оказываемаго путемъ матеріальнаго обезпеченія духовенства, на религіозныя вѣянія среди мѣстнаго общества, на его намѣренія путемъ поддержки лицъ того или другаго исповѣданія распространить или подавить послѣднее и, наконецъ, на территоріальное распространеніе уніи, если бы можно было найти наиболѣе древнія эрекціи, которыя это показывали; эти же эрекціи важны и для исторіи самыхъ селъ съ ихъ храмами имѣющей существенное значеніе для мѣстныхъ изслѣдователей; не слѣдуетъ лишь отбрасывать ничего, что касается общественной жизни такой мелкой клѣточки въ государственномъ организмѣ, какъ село или деревня.

Пожелаемъ, что бы и будущіе выпуски были также богаты содержаніемъ, какъ и настоящій, и послужили бы матеріаломъ для полной исторіи Подоліи съ ея особенностями, исторіи, которая лишь въ недавнее время начала разрабатываться.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 7; Русская Мысль № 7; Сѣверный Вѣстникъ № 7; Русская Старина № 7; Историческій Вѣстникъ № 7.

Вѣстникъ Европы № 7. *А. Стороженко. А. А Котляревскій.* Очеркъ. — Личныя воспоминанія автора о проф. Котляревскомъ, а также и о другомъ кіевскомъ славистѣ—Н. П. Задерацкомъ (стр. 168—181).

В. Шенрокъ. Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры (1829—1831). I—V.—Здѣсь разсказывается о сценическомъ дарованіи и успѣхахъ Гоголя въ школѣ и о его первыхъ литературныхъ опытахъ и трудахъ въ Нѣжинѣ и Петербургѣ (стр. 248—271).

Русская Мысль № 7. Въ отдѣлѣ критики: краткая рецензія книги: «*Нова сбірка народныхъ малорусскихъ приказокъ*». Комарова. Одесса 1890 г.; сочувственный отзывъ о книгѣ: «Одиссея Гомера», изданной въ переводѣ на малорусскій языкъ редакціей журнала «Правда» во Львовѣ;—разборъ журнала Кіевская Старина съ ноября 1889 г. по май 1890 г. съ отзывами о статьяхъ: Я. Н. Шульгина, П. А Шафранова, А. А. Востокова и др.

Сѣверный Вѣстникъ № 7. Въ отдѣлѣ: изъ провинціальной печати—указаніе на попытки переяславскаго земства урегулировать отхожіе промыслы рабочихъ (стр. 96—97) и на работы елисаветградскаго земства по вопросу объ изслѣдованіи условій жизни и быта пришлыхъ рабочихъ (стр, 97—98).

Русская Старина № 7. *Шенрокъ*, Николай Васильевичъ Гоголь. Приведено еще 6 писемъ къ Гоголю А. О. Смирновой (стр. 195—212).

Коротенькая рецензія на книгу: «Слово о полку Игоревой», какъ художественный памятникъ кіевской дружинной старины». Изслѣдованіе Е. В. Барсова. Т. Ш. Лексикологія Слова А—М» (па оберткѣ).

Историческій Вѣстникъ № 7. *За чьи грѣхи?* Повѣсть изъ временъ бунта Разина (продолженіе) *Д. Л. Мордовцева.*—Приведена сцена пріема Разинымъ посольства отъ гетмана Брюховецкаго для обсужденія плана совмѣстнаго нападенія на московское государство (стр. 6—7).

Тимченко-Рубана. Изъ воспоминанія о прожитомъ (продолженіе). Посѣщеніе Кіева (стр. 103); открытіе въ Полтавѣ корпуса и первые годы жизни корпуса при директорахъ Святловскомъ, Струмилло и Врангелѣ (стр. 104--114)

Д. Эварницкій. Каменныя бабы. Происхожденіе бабъ, раіонъ ихъ распространенія (больше всего на югѣ Россіи) и изображеніе.—(стр. 180—194).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: *В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ.* Кіевъ 1890,—гдѣ подробно указывается мѣсто бывшаго замка,—стр. 224. Въ отдѣлѣ смѣси: *Археологическіе грабежи въ кіевской губерніи:*—краткая выписка изъ «Кіевлянина» о разграбленіи кургановъ (стр. 233). *Новый портретъ Гоголя*—подаренный, вмѣстѣ съ письмомъ Н. В. Гоголя, университету св. Владиміра студентомъ Гр. Соболевскимъ (стр. 233—234).

Дозволено ценз. Кіевъ, 20 августа 1890 г.

Предъ тѣмъ какъ сажать коровай въ печь, мужчины, украшавшіе коровай, выметаютъ ее вѣникомъ; женщины поютъ:

96.

Кучерявый пичъ вымитае,
Кучерява заглядае.
Чи хороше пичъ вымитае.
(Марія Юрченкова).

Въ опустѣвшую дижу втыкаютъ ножъ, женщины продолжаютъ пѣть:

97.

Коло дижи чотыри ножи,
А пятый на послузи,
Коло дижи свичи палають,
А на столи коровай бгають.
(Уляна Выборная).

Прилѣпляютъ къ дижѣ четыре свѣчки съ пѣсней:

98.

Прилотила бжилка
Съ чужои пасичкы,
Прынесла въ горщечку
Короваю на свичечку.
(Она же).

Затѣмъ свѣчи снимаютъ съ дижи и прилѣпляютъ къ окнамъ и дверямъ, а на крышку дижи, „вико“, насыпаютъ немного муки и льютъ браги. Къ вику подзываютъ мальчика [1]) лѣтъ десяти, ко-

[1]) Обычай этотъ снѣтинскій.

торый смѣшиваетъ мизинцемъ брагу съ мукой; на эту муку, разсыпанную по вику, кладутъ коровай, который дружко [1]) подноситъ съ викомъ къ печи и оттуда садитъ въ печь. Засунувъ коровай въ печь, поютъ:

99.

Пичъ наша зажыгаетця,
Коровай сподиваетця.
Пече моя, пече!
Чи хорошый коровай спечешъ?
(Марія Гриценкова).

100.

Варіантъ м. Снѣтина.

Пичъ наша зажыгаетця,
Коровай сподиваетця,
А припечокъ регочетця,
Короваю ёму хочетця.
(Уляна Выборная).

Дижу подбрасываютъ подъ потолокъ, иногда разбиваютъ, дружко и пидружный цѣлуются въ это время трижды со свашками, молодыцы поютъ:

101.

Ой пичъ стоить на сохахъ,
А дижу носять на рукахъ.
Ой пичъ наша, пичъ,
Испечи намъ коровай за ничъ.
(Уляна Выборная).

102.

Вечиръ, маты, вечиръ,
У насъ коровай не спеченъ.
Коровайныци пьяны,
Короваю не зобгалы. (Она же).

103.

Кукиль у пшеныци,
Частуй маты коровайныци,
Якъ не будешъ частуваты,
Перестанемъ коровай бгаты.
Якъ не дасте по чарци,
Спечемо завтра у ранци.
(Она же).

Спеченый каравай вынимается изъ печи и кладется на столъ, его убираютъ калиной, „жычкамы" и колосьями ржи. Этимъ украшеніемъ коровая оканчиваются приготовленія къ свадьбѣ.

Воскресенье. Благословеніе хлѣбомъ.

Свадебный обрядъ открывается въ воскресенье, послѣ обѣда, благословеніемъ молодой хлѣбомъ ея родителями, старшими родственниками, крестными отцемъ и матерью, независимо отъ того происхо-

[1]) Если коровай у молодого; у молодой—знакомый, сосѣдъ.

дило ли вѣнчанье въ то же воскресенье утромъ, или за недѣлю раньше, какъ это чаще бываетъ. Обычай этотъ исполняется такимъ образомъ: старшій братъ невѣсты, а за неимѣніемъ его двоюродный, наклоняетъ слегка шапкой („покланяе", „одкланяе") молодую поочередно предъ всѣми перечисленными лицами, которые въ это время держатъ надъ нею хлѣбъ, дружки поютъ:

104.

Варіантъ м. Снѣтина.

Витеръ віе, по синечкахъ повивае,
Що братъ сестру отцю, ненци покланяе.
Ой прыступы, та Марусю, блызенько,
Поклоныся отцю, неньци нызенько,
Що воны тебе, молодую, годувалы,
Якъ билую лебидоньку на Дунаю.
Що билая лебидонька воду сколотыть,
Молодая Маруся жалю наробыть.

(Уляна Выборная).

105.

Варіантъ волчковской и засульской волостей.

Похыльнее дерево похыляетця,
А покирлыве дытятко поклоняетця.
Прыступы ты, Марусю, блызесенько,
Поклоныся отцю, неньци нызесенько,
Що воны тебе одкланялы,
И братови прыручалы,
И на посадъ выряжалы.

(Марія Гриценкова).

Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то поютъ:

106.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой кому ты, Марусю,
Та кланятымыся,
Що у тебе батенька
Та нема?
Ой е въ поли
Явирочокъ зелененькій,
То тò буде
Мій батинко та ридненькій.

Если нѣтъ матери, то поютъ:

Ой у садочку вышня зелененька,
То тò моя матинка ридненька.

(Уляна Выборная).

107.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Ой кому ты, Марусю, та кланятымыся,
Що у тебе батенька та нема?

Кланяйся, Марусю, чужій чужыни,
Нехай дае порадоньку бидній сыроти.
(Марія Юрченкова).

Воскресенье. Заведеніе за столъ. Молодая на посадѣ.

Послѣ того какъ молодая откланяется такимъ образомъ всему своему роду, братъ ея обращается трижды къ присутствующимъ съ просьбой: „старосты, пани старосты! благословить сестру за стилъ завесты" и, получивъ разрѣшеніе въ обычной формѣ „Богъ благословыть", беретъ молодую за рушныкъ и обводитъ три раза вокругъ стола, потомъ садитъ ее на лаву, покрытую скатертью или рядномъ, „на посадъ"; за ней садятся дружки, и на посадѣ, до пріѣзда жениха, поютъ слѣдующія пѣсни:

108 [1]).

Та йшла Маруся на посадъ,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Встричае іи батенько,
Изъ долею щаслывою,
Изъ доброю годыною.

109.

Що братъ сестру за стилъ завивъ,
Та рано, рано,
Що братъ сестру за стилъ завивъ,
Та ранесенько.
А завившы, ставъ пытаты,
Та рано, рано,
А завившы, ставъ пытаты,
Та ранесенько,
Чого тоби, сестро, найжальнійше?
Та рано, рано,
Чого тоби, сестро, найжальнійше?
Та ранесенько.
Жаль мени, брате, отця й ненькы,
Та рано, рано,
И всіи родынонькы,
Та ранесенько.
Сестре моя! неправда твоя,
Та рано, рано,
Сестре моя! неправда твоя,
Та ранесенько.
Ой жаль мени, брате, Васылька молодого,
Та рано, рано,
Жаль мени, брате, Васылька молодого,
Та ранесенько.
Сестрыце моя! правда твоя,

---

[1]) Пѣсни съ 110—116 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Та рано, рано.
Сестрыце моя! правда твоя,
Та ранесенько.

110.

Чорная галочка мала, невелычка,
На рокыти сыдила,
Та хотила вона рокыты поломыты.
Та не поломыла, не поломыла,
Тилько росу оббыла.
Молода Маруся въ свого батенька
На посади сыдила,
Та хотила вона
Свого батенька звеселыты.
Та не звеселыла,
А ще бильшъ засмутыла.

111.

Ой чого ты, Марусю, така била?
Чи въ тебе головка заболила?
Болыть моя головонька и тило все,
Покы мого Васылечка Господь прынесе.

112.

Коло саду вышневого,
Та рано, рано,
Тамъ сокилонько облитае,
Та ранесенько.
У вышни садъ заглядае,
Та рано, рано,
Чи тутъ моя чорна галка?
Та ранесенько.
Чи тутъ вона гниздечко вье?
Та рано, рано.
Звый, галочко, соби й мени,
Та ранесенько;
Що соби звый зъ хмелыночкы,
Та рано, рано,
А мени звый зъ паутыночкы,
Та ранесенько.
Коло двору тестевого,
Та рано, рано,
Тамъ Васылько объизжае,
Та ранесенько.
И въ тестивъ двиръ заглядае,
Та рано, рано,
Чи тутъ моя молода Маруся?
Та ранесенько.
Чи тутъ вона виночкы вье?
Та рано, рано.
Звый виночокъ соби й мени,
Та ранесенько.
Соби звый съ шевліечкы,
Та рано, рано,
А мени звый съ червоной стричкы,
Та ранесенько.

113.

Та летивъ, летивъ сокилонько
Черезъ вышню садъ,
Та вдарывся крылечкамы
Объ садъ выноградъ,
Та вдарывся крылечкамы
Тай пытае:
Чи тутъ моя чорна галка,
Чи немае?
Чи зъ иншымы соколамы
Десь литае?

Та ихавъ, ихавъ та Васылько
Черезъ тестивъ двиръ,
Та вдарывся кинь копытомъ
Объ новый поригъ,
Та вдарывся кинь копытомъ
Тай пытае:
Чи тутъ моя Марусенька, (2)
Чи немае?
Чи зъ иншимы молодцямы
Десь гуляе? [1]).

114.

Ой на кого ты, Марусю, уповала,
Що ты того Васылька сподобала?
Чи на волы, чи на кони, чи на гроши,
Чи на его уродоньку, що хорошый?
Ни на волы, ни на кони, ни на гроши,
А на ёго биле лыце,—що хорошый.
Що коныкы вороныи, то тó не ёго,
А жупаны голубіи, то брата ёго,
Що коныкы вороніи поминяють,
А жупаны голубіи полыняють,
Що коныкы вороніи продадутця,
А жупаны голубіи подерутця.

115.

Посадыла оришыну на въ городи,
Росты, росты оришына выще тыну.
Кохавъ мене мій батенько, якъ ридну дытыну.
Росте, росте оришына выще хаты,
Кохавъ мене ридный батько, щей маты.
Росты, росты оришына, не хылыся,
Жывы, жывы мій батеньку, не журыся.

(Марія Галавурова).

Воскресенье. Составъ поѣзда.

Въ воскресенье, послѣ обѣда, молодой собираетъ свой поѣздъ, составъ котораго слѣдующій: двое старостъ, дружко и пиддружный,—женатые молодые люди, родственники жениха; отъ трехъ до десяти его товарищей, такъ называемыхъ бояръ или буяръ; двѣ, три молодыцы—свашки, отъ двухъ до пяти дѣвушекъ—свитилокъ, изъ нихъ одна—сестра молодого—называется старшей свитилкой и держитъ зажженный свѣтильникъ, т. е. саблю, иногда деревянный крестъ, перевитую большой восковой свѣчей и увязанную калиной

[1]) Въ сел. Волчкѣ слова: соколъ и чорна галка (иногда сокилонько) замѣняются словами: голубъ, голубка, и въ пѣснѣ прибавляется еще:

Хай литае, хай литае,
Бильшъ не буде,
Ужежъ тая голубонька
Моя буде. (Уляна Мolькина).

и васильками,—на поѣздѣ. Въ поѣздѣ участвуютъ также три музыканта со скрипкой, бубномъ и сопилкой, чаще, впрочемъ, участвуютъ только два первые. Кромѣ перечисленныхъ лицъ, въ поѣздѣ есть еще „визныка“, назначеніе котораго привезть боченокъ съ брагой отъ молодого молодой, присматривать за лошадьми во время пребыванія перваго въ домѣ послѣдней и затѣмъ, вечеромъ, привезть ея приданое (скрыню) молодому. Когда поѣзжане соберутся въ весильный домъ, то родъ молодого благословляетъ его хлѣбомъ, а братъ заводитъ за столъ при горящемъ свѣтильникѣ съ тѣми же обрядами и пѣснями, что и у молодой. Тогда же свашки и свитилки пришиваютъ всѣмъ мужчинамъ, участвующимъ въ поѣздѣ, кромѣ молодого, красныя ленты къ шапкамъ, припѣвая при этомъ:

116.

Гадайте, старосты, гадайте,
По червоному скыдайте,
А вы, бояре, сумуйте,
По золотому готуйте.

(Уляна Выбо̀рная).

Бояре бросаютъ мелочь, которую закладываютъ молодому за воротникъ.

Предъ самымъ выѣздомъ молодого, мать его даетъ свашкѣ плетеный кошель, въ который кладутся новые сапоги, обвязанные красной лентой, предназначаемые для подарка тещѣ, чарка, тарелка и шишка, также нѣсколько платковъ, на дворъ выносятъ дижу, на которую кладутъ хустку, хлѣбъ, соль. Дружко обводитъ трижды молодого вокругъ дижи. Свитилки въ это время поютъ:

117.

Ой чія то дружына
Коло дижи ходыла,
Зъ музыкамы, цымбаламы,
Зъ хорошимы буярамы?
Та тожъ Марусина дружына

Коло дижи ходыла,
Зъ музыкамы, цымбаламы,
Зъ хорошимы боярами.

(Она же).

Воскресенье. Предъ выѣздомъ молодого.

Изъ хаты выходитъ мать молодого въ кожухѣ шерстью вверхъ и несетъ въ заполѣ овесъ, орѣхи, сухія груши, сливы, конфекты, которыми обсыпаетъ молодого и весь поѣздъ, а дружко ударяетъ ее по кожуху палкой. Свитилки поютъ:

118.

Изъ за горы сонечко колесцемъ,
Та обсыпъ, матинко, овесцемъ,
Та на наши коныченьки вороніи,
Та на наши жупаны голубіи,
Та на наши бояре молодіи [1]).

(Она-же).

Обсыпавъ поѣздъ овсомъ, мать выводитъ жениха за платокъ изъ воротъ и обводитъ вокругъ повозки или саней трижды. Молодой и поѣзжане садятся и поѣздъ, состоящій изъ пятнадцати-двадцати пяти душъ на пяти-восьми повозкахъ трогается. На поѣздѣ поютъ:

119.

Соколонько съ саду вылитае,
А Васылько съ двору выизжае.
Соколонько та на вылёти,
А Васылько та на выизди,
Соколонько та по галочку,
А Васылько по паняночку.
Соколонько съ соколамы,
А Васылько съ буярамы.

(Прасковья Заикина).

---

[1]) Вмѣсто послѣднихъ трехъ строкъ поютъ также:
Щобъ цей овесець рясенъ,
Щобъ нашъ Васылько красенъ.

120.

Варіантъ с. Засулья.

Ой у лыпыни, та въ осычыни,
Тамъ Васылько биле сино косыть,
Вороному коню исты носыть.
Ой йижъ коню се билее сино,
Ой пый коню холодную воду,
Ой грай коню теперъ подо мною,
Щобъ тещенька похвалыла,
Щобъ Маруся полюбыла.

(Марія Гриценкова).

121.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой у лыпыни, та въ оришыни,
Тамъ староста биле сино косыть,
Передъ свого коныченька носыть.
Ой йижъ коню се билее сино,
Ой пый коню холодную воду,
Та поидемо въ далеку дорогу (2)
Тай прывеземъ Марусю зъ собою.

(Уляна Выборная).

122.

Ой йихалы бояре рядъ по ряду,
А молодый Васыльку по переду,
Тай вырizавъ зъберизкы трыризкы,
Тай ударывъ коныченька пидъ нижкы.
Ступай, ступай коныченько шыроченько,
Бо щей до Маруси далеченько.

(Уляна Выборная).

123.

Йихалы бояре горою,
Клыкалы Марусю зъ собою,
„Иды, иды, Марусю, изъ намы,
Дамо тоби квиточку зъ перами“.
„А я тіи квиточкы не зношу,
Полюбыла Васылька, якъ душу“.

(Она же).

Воскресенье. Поѣздъ у воротъ.

Молодой останавливается съ своимъ поѣздомъ предъ дворомъ родителей невѣсты, такъ какъ встрѣчаетъ здѣсь препятствіе: ворота затворены и охраняются толпой парней, сошедшейся обыкновенно со всего села, требующей отъ молодого водки. Только давъ этотъ „воритній могорычъ“ или заплативъ отъ одного до двухъ рублей, проходятъ поѣзжане во дворъ. У воротъ свитилки поютъ:

124 [1]).

Ой лыбонь мы заблудылы,
Не до свата прыйихалы?
Воротечка позачыняны,
И дверечка позатыканы,
И Маруся незряжена,
На посадъ не посажена.

[1]) Пѣсни съ 124—127 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

125.

Десь у тебе, Васыльку,
Тутъ родыны не мае,
Що не выйде, не прыгортае,
И на здоровье не спытае.

126.

Мы йихалы за тры мыли,
Коныченьки потомылы
И шубочкы помочылы.
Пустить насъ одпочыты,
Шубочкы посушыты.

127.

Мы вамъ, свату, не докучемо,
Тилько шубкы пересушымо,
И кубочкы испорожнемо
И Марусю соби возьмемо.

Воскресенье. Поѣздъ во дворѣ.

Когда женихъ и поѣзжане входятъ во дворъ, дружки поютъ въ хатѣ слѣдующія пѣсни:

128.

Уже тіи гости на перемости,
А Маруся по двору ходыть.
По двору ходыть, били рукы ломыть,
Свого батенька просыть:
„Заховай же мене, батеньку, въ себе
За горы камяныи,
Обсады мене, батеньку, въ себе
Вышнямы, черешнямы“.
„Схованоть тебе, доненько моя,
За столы тесовыи,
Обсадять тебе, доненько моя,
Пышнымы дружечками!“

(Улана Выборная).

129.

Ой ходыла та Маруся по въ городу,
Та садыла садъ-выноградъ зъ прыходу,
Тай забула воритечекъ зачыныты,
Не посмила та братика попросыты:
„Тай зачыняй, та братику, нови воритця,
Та не пускай Васылечка мого молодця,
Бо прыйиде та Василько зъ бурамы,
Та вытовче садъ-выноградъ конькамы,
Та выносыть кориньячко за ногамы.

(Настасія Коломійцева).

130.

Варіантъ с. Засулья.

Ой скрыпнулы воритечка кленовыи,
Заиржалы коныченькы вороніи.
Сховай мене, матинко, въ коморю,
Щобъ не взялы си гости съ собою,
Сховай мене, матинко, въ хижу,

Поки я ихъ пересыжу.
Не того жъ воны, дытя мое, пріихалы,
Щобъ воны безъ тебе поихалы.
(Марія Гриценкова).

131.

Варіантъ хут. Кремянки, матяшовской волости.

Ой скрыпнулы воритечка все новіи,
Заржали коныченькы вороніи.
Найихалы, мій таточку, гистоньки до насъ!
Молы Бога, дытя мое, щобъ у добрый часъ.
Не съ тымъ воны, дытя мое, наихалы,
Щобъ безъ тебе, дытя мое, пойихалы.
(Прасковья Заикина).

132.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой заржало два коныченька на стани [1]),
Та заграло два музыченька на двори,
Тай выбигла молода Маруся зъ комори,
Тай упала своему батенькови въ ногы.
„Не тдай мене, мій батеньку, одъ себе,
Нехай же я поношу си два виночкы у тебе!“
Ой радъ бы я, дытя мое, не тдаты,
Такъ найихалы гостонькы, щобъ взяты.
(Уляна Выборная).

133.

Гусла гудуть, до двора йдуть.
Наряжайся, дивко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
Хочь я й наряжуся, я ихъ не боюся,
Есть у мене отецъ и матуся,
Не тдадуть мене.
(Прасковья Заикина).

134.

Тай налетило симсотъ голубивъ
На нашъ двиръ.
Ой пизнавай, сызая голубко,
А де твій?
Що биленькій и сиренькій,
Тожъ не мій,
А сызенькій, сызокрылый,
То тô мій.
Найихалы молоды бояры
На нашъ двиръ.
Ой пизнавай, Марусенько,
Аде твій?

---

[1]) Въ Литвякахъ прибавляютъ еще:
Ой крыкнулы два лебеди на води,
Ой заржало и т. д.

Що въ сынёму, на сывому,
То не мій,
А що въ голубому, та на вороному,
То то тій.

(Уляна Выборная).

135.

Ой не сыды, Марусю, не сыды,
Одсунь виконце, погляды.
Чи высоко сонечко на неби,
Чи богато бояривъ на земли,
Чи хорошій Васылько на кони?
Ой хорошій, матинко, кращій всихъ,
Скынувъ шапочку швыдче всихъ,
Поклонывся матинци нижче всихъ [1]).

(Орышка Недилькина).

136.

Ой ты Марусю,
Ты наша душечко!
Ой на хати зилья.
А въ хати весилья.
На двори бояре,
Якъ макъ процвитають,
Молодый Васылько,
Якъ золото сяе.

(Уляна Выборная).

Воскресенье. Поѣздъ у порога.

Поѣзжане остаются у порога съ молодымъ, а дружко и пиддружный входятъ въ хату при пѣніи подругами молодой слѣдующей пѣсни:

137.

Варіантъ м. Снѣтина.

Съ пидъ похылои вышни
Два дружбонькы вышло,
И маліи и невелыкіи,
Шепелявіи, недорикіи,
Ни шапочкы зняты,
Помогай би сказаты [2]).

(Уляна Выборная).

138.

Ой ты душенько,
Наша Марусенько!

---

[1]) Въ Снѣтинѣ еще прибавляютъ:

Ой хорошый, сестрыци, чорнобрывъ,
Его жъ мени, сестрыци, Богъ судывъ.

[2]) Въ с. Литвякахъ послѣдніе четыре стиха замѣняются такими:

И не сміють, и не вміють
Изъ нашимы говорыты.
Дайте имъ пыва пыты,
Щобъ умилы говорыты.

(Варвара Иваненкова).

Просы дружбоньку систы,
Билого хлиба йисты,
Червоного пыва пыты,
Щобъ умилы говорыты.
Ой щобъ умилы и розумилы
Зъ нашимы говорылы.

(Настасія Коломійцева).

Дружко и пиддружный садятся къ столу и старшая дружка сливаетъ первому на руки воду при пѣніи:

139 [1]).

Мые дружбонько рукы,
Поглядае на килочкы:
Чы не высять рушнычкы,
Потерты билы ручкы;
Йзъ Кіева прывезены,
Шовкомъ мережаны,
Золотомъ гаптованы,
Всему роду дарованы.

140.

Поглядае дружко скоса:
Чи не мае на печи проса,
Колыбъ швыдче втекты,
Щобъ не заставылы товкты.

Поѣзжане между тѣмъ все еще стоятъ у порога и свитилки поютъ:

141.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой свату, нашъ свату,
Пускай насъ у хату,
Докы мы стоятымемъ,
Твій двиръ топтатымемъ
Червоными чобиткамы,
Золотыми пидковкамы?

142.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Чи мы вамъ не сваты,
Що не выйдете съ хаты?
Не выйдете й не вышлете,
Вы намъ добра не мыслете,
Хлиба, соли не выносыте,
Насъ у хату не просыте.

(Степанида Шевченкова).

143 [2]).

Пусты, свату, перегрітыся,
На молоду подывытыся.
Якъ не пустышъ, самы війдемо
И Марусю соби визьмемо.
Якъ не даcте, то мы вкрадемо,
Черезъ Дунай попровадемо,
Черезъ Дунай, черезъ ричечку
Молодую невисточку.

---

[1]) Пѣсни съ 139—141 записаны отъ Уляны Выборной.

[2]) Пѣсни съ 143—158 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Дружки въ хатѣ отвѣчаютъ:

144.

Ой ты душенько,
Наша Марусенько!
Просы бояривъ до хаты,
Годи травыци топтаты
Червоными чобитками,
Золотыми пидковками.

Воскресенье. Одареніе поѣзжанъ.

Наконецъ изъ дверей показывается мать молодой съ маленькимъ горшкомъ въ рукахъ, который бояринъ беретъ у нея и трижды обводитъ вокругъ молодого, высыпая заключенный въ горшкѣ овесъ ему подъ ноги, а мать угощаетъ поѣзжанъ водкой и затѣмъ одаряетъ ихъ: старостамъ и дружкамъ даются рушники, а бояре, свашки и свитилки получаютъ по хусткѣ. Во время раздачи подарковъ поютъ одновременно два хора:

Дружки:

145.

Надибрана скрыня,
Надибрала маты,
Бояръ даруваты,
Тканычи рушнычками,
Шытымы хусточками.

Свитилки:

146.

Наша сваха пряха,
У неи дочка ткаля,
Рушнычкивъ наткала,
Хусточокъ напряла,
На Дунаю билыла,
Увесь поиздъ одарыла.

Дружкы:

147.

Стришки, оришкы котятця,
Чогось наши буяре смутятця.
Не смутитця, та боярочкы,
Що коротки та подарочкы.
Нывка узенька,
Ненька старенька,
Конопелькы не вродылыся,
Подарочкы вкоротылыся.

Воскресенье. Поѣзжане въ сѣняхъ.

Затѣмъ дружко требуетъ подарка для молодого въ такихъ выраженіяхъ:

За кимъ пьемъ, гуляемъ,
Тому подарка не маемъ!

Мать даетъ сначала рушникъ, а за отказомъ дружка, платокъ, который прикрѣпляется къ поясу молодого или на его правую руку; молодой въ свою очередь даритъ сапоги тещѣ. Послѣ этого размѣна молодого впускаютъ въ сѣни и дружки поютъ:

148.

Сяють синечкы, сяють,
Бояре наступають.
Не наступай Лытва,
Буде можъ намы бытва!
Будемъ быты, воюваты
И Маруси не даваты!

Дружки продолжаютъ:

149.

Що то за ворона
Стоить край порога?
И ротъ роззявыла,

И крыла розставыла;
Хоче прылетиты,
Марусю вхопыты.

Свитилки отвѣчають:

150.

Ой мы не вороны,
Мы ясны соколы.
Повставайте совы [1]).
Посидайте соколы.

Дружки:

151.

Мы сюю сову знаемо,
Мы йіи піймаемо.
Оскубымо, осмалымо,
Передъ вамы поставымо.

Воскресенье. Поѣзжане въ хатѣ.

Дружко вводитъ молодого въ хату и обводитъ три раза вокругъ стола, за нимъ слѣдуютъ поѣзжане. Дружки, ставъ на скамьи, чтобы дать имъ дорогу, поютъ:

152.

Дружечкы, паняночкы,
Ставайте на лавочкы,
Пускайте дорогу
Князеви молодому.

Дружки продолжаютъ:

153.

Королю, королю,
Короливъ сынку,

---

[1]) Послѣдніе два стиха замѣняютъ иногда слѣдующими:
Повставайте шолудывци,
Посидають чорнобривци.

Васыльку!
Чого сяешъ?
Чомъ не сидаешъ,
Якъ у батенька,
Такъ и въ тестенька
За столомъ?

Свитилки отвѣчаютъ:

154.

Ой буду сіяты,
Та буду сидаты
Въ тестенька.
Есть у тестя
Хороша дочка
Маруся.

Воскресенье. Молодые за столомъ.

Женихъ садится рядомъ съ невѣстой за столомъ, отецъ угощаетъ ихъ водкой, дружки угощаютъ бояръ, а бояре ихъ. Дружки начинаютъ пѣсенную борьбу:

155.

Здвыгнулыся сины,
Якъ буяре силы,
А ще дужче здвыгнутця,
Якъ горилкы напьютця.

156.

Затрещалы лавы,
Якъ дружкы сидалы,
А ще дужче триснутця,
Якъ горилкы напьютця.

157.

Бодай тебе, князю,
Изъ твоимы та боярамы,
Изъ такимы та погаными.
Стари та усаты,
Якъ мыши хвостаты,
Сыдять по ослонахъ,
Якъ мыши по соломахъ.

158.

Де бояре забарылыся,
Чи по степу волочылыся,
Чи сино косылы,
Чи хлиба просылы,
Чи въ соломахъ ночувалы,
Мыши уха побъйидалы?
Обметыцю йилы
Бодай вы понимилы.

Свитилки отвѣчаютъ:

159.

Йиздылы мы лугамы
Сирымы воламы,
Сиры волы потомылыся,
Мы до свита забарылыся.
(Марія Юрченкова).

Дружки:

160.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой вы старосты! вы люды старенькіи!
Ой вы бояре! вы сыны отецькіи!
Ой чого вы до насъ не рано найихалы?
Чи вы бувалы уЛьвови на торговли,
Чи торгувалы коныкы вороненьки,
Чи набиралы жупаны голубеньки?
(Уляна Выборная).

Свитилки:

161.

Ой вы дружечкы! вы сывіи голубочкы!
У насъ коныкы посидланы стоялы,
У насъ жупаны посбиганы лежалы.
У нашого Василька ласкавенькый батенько,
Забарывъ винъ насъ ласкавымы словамы,
Напувавъ винъ насъ солодкимы медамы,
Годувавъ винъ насъ булкамы й калачамы,
Выпровожавъ винъ насъ съ доброю годыною,
Щобъ мы прыйихалы съ чужою дытыною.
Выпровожавъ винъ насъ щаслывою долею,
Щобъ мы прывезлы Марусю зъ собою.
(Она же).

Дружки:

162.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Де вы сванечкы бувалы?
Чого вы до насъ не рано прыйихалы?

Свитилки:

Забарыла насъ Васылькова маты.

Дружки:

Чи вы коныкивъ добувалы,
Чи вы жупаны позычалы?
(Настасія Коломійцева).

Свитилки:

163.

У насъ коныкы запрягаиы стоялы,
У насъ жупаны посбиганы лежалы.
Забарыла насъ Васылькова матинка,
Годувала насъ билимы калачамы,

Напувала насъ солодкимы медамы,
Выряжала насъ съ доброю годыною,
Щобъ прыйихалы съ чужою дытыною.
(Она же).

Я въ тебе коныченька отныму
Я тоби сорому нароблю.
(Уляна Выборная).

Дружки:

164.

Дружбоньку, сывый голубоньку,
Зрижъ мени шышечку зъ вершечку.
Якъ ты мени шышечкы не дасы,
Я тебе у поли перейму,

Дружки:

165.

Наша свашка не липашка,
Шышечкы не злипыла,
Дружечокъ не вдилыла.

Свитилки:

Напекла я шышокъ
Зъ гречаной лускы,
Щобъ подавылыся дружкы.
(Она же).

Воскресенье, Прикрѣпленіе квитки.

Послѣ этой пѣсенной борьбы, сестра молодой (свисть) пришиваетъ къ шапкѣ молодого вѣнокъ (квитку), при чемъ поетъ вмѣстѣ съ дружками слѣдующія пѣсни:

166 [1]).

Ушлы маты дочку,
Прышыты квиточку;
Та дай же йій голку
И ныточку шовку (2)
Прышыты квиточку
Къ зятевому шлычку.

167.

А я зятеви квитку прышывала,
У Кыёви шовку куповала,
Одного червоного,
Другого зеленого,
Третьего голубого.
Для зятя молодого.

168.

Ой зятю, зятю хорошій,
Якъ тоби не стыдно безъ грошей!
Якъ тоби не стыдно безъ шлычка,
Безъ сестрыного виночка!

169.

Ой зятю, зятю! я твоя свисть.
Выкынь мени на тарилку рублывъ шисть.

---

[1]) Пѣсни съ 166—173 записаны отъ Уляны Выборной.

Якъ ты мени шесты рубливъ не положышъ,
То въ мене сестрыци не возьмешъ.

170.

Я не хочу пятакивъ браты,
Пятакамы чоботы лататы,
Дайте мени хоть манисеньке,
Абы воно золотисеньке.

Пришивъ квитку, свисть надѣваетъ шапку себѣ на голову и скачетъ на лавѣ, дружки продолжаютъ:

171.

Скаче, свистонька, скаче,
Чогось вона хоче,
Срибного, золотого
Отъ зятя молодого.

Воскресенье. Платежъ брату невѣсты.

Уплативъ свисти заранѣе условленную плату за пришитіе вѣнка, обыкновенно 30—50 к. и 2—3 аршина ленты, молодой долженъ также заплатить (50 к., или 1 р. деньгами, чарку водки и шишку) брату молодой, который садится на лошадь молодого, или на палку, и скачетъ за ворота при пѣніи дружками:

172.

Ой ты душечко,
Наша Марусенько!
Забарніи дружкы
Забарылыся въ хати.
На двори коня взято,
Сиделечко знято,
Ничимъ одъйихаты
Одъ тестевои хаты.

Дружки также обращаются къ молодой съ слѣдующей пѣсней:

173.

Ой ты душенько,
Наша Марусенько!

Уже мы по нидылы,
Свитонька не выдилы,
Пусты насъ погуляты,
Свитонька повыдаты, (2)
Буяръ розглядаты,
Чи не крыви, не горбаты,
Чи уміють танцюваты.

Воскресенье. Молодые во дворѣ.

Первыми выходятъ изъ хаты на дворъ дружки молодой и бояре, а за ними спустя нѣкоторое время и остальные поѣзжане въ такомъ порядкѣ: дружко, свашки, свитилки съ горящимъ свѣтильникомъ, молодые и старшая дружка. Молодые и поѣзжане, кромѣ бояръ, обходятъ трижды вокругъ дижи[1]), молодые кланяются на всѣ четыре стороны, молодая беретъ свѣтильникъ у старшей свитилки, гаситъ его и въ сопровожденіи молодого и нѣсколькихъ гостей идетъ въ комору. Покуда они разговариваютъ въ коморѣ, молодежь—бояре дружки, зрители—танцуютъ во дворѣ.

Къ вечеру, молодые возвращаются за столъ и дружки начинаютъ пѣть:

174.

Добривечиръ сёмо!
А кто въ сёму дому[2]),
Старому, й малому
И сватови домовому.

(Уляна Выборная).

Такимъ образомъ исполняется это привѣтствіе въ Снѣтинѣ; въ Пѣскахъ, засульской волости, и въ Березоточѣ, волчковской, измѣняютъ такъ:

Добривечиръ сёму́,
Хто е въ сёму дому,

---

[1]) Обычай не повсемѣстный, иногда поѣздъ движется просто вокругъ пустаго мѣста, всѣ кромѣ молодыхъ слегка пританцовываютъ.

[2]) Вар. „А хто въ сёму до́ми“.

Старому, й малому
И сватови домовому.

(Пелагея Куліева и Елена Дмитренкова).

Въ х. Кремянкѣ, матяшовской волости, такъ:

Зятови молодому.

Воскресенье. Молодые на посадѣ.

Затѣмъ дружки поютъ:

175.

Ой чого, чого въ свитлонци[1])
Такъ рано засвичено?
Та лыбонь сваночка свого старосту
На вловы выряжае:
Та пойидь старосто, пойидь старенькій
Через горы[2]) на вловы.
Та поймай старосто,
Поймай старенькій
Куночку та на шубочку.
Съ тіи куночкы, съ тіи куночкы
Маруси дви шубочкы,
Съ тіи лапочкы, съ тіи лапочкы
Васылькови дви шапочкы.

(Пелагея Куліева).

176.

Черезъ улыцю, въ новій свитлыци
Тамъ рано засвичено.
Ой тамъ радятця два шурыночка:
Що мы зятю подаруемъ?
Подаруймо зятю, подаруймо ему
Волыка сиренького.
Зять волыка взявъ,
Шапочкы не знявъ,
Шурыночку не подякувавъ.
Черезъ улыцю, въ новій свитлыци
Тамъ рано засвичено.
Ой тамъ радятця два шурыночка:
Що мы зятю подаруемъ?
Подаруймо зятю, подаруймо ему
Коныка вороного.
Зять коныка взявъ,
Шапочкы не знявъ,
Шурыночкамъ не подякувавъ.
Черезъ улыцю въ новій свитлыци
Тамъ рано засвичено.
Ой тамъ радятця два шурыночка:

---

[1]) Варіантъ: Ой чого, чого въ симъ новимъ доми
Такъ рано засвичено?
Остришки нызеньки, виконця маленьки,
Тимъ рано засвичено
Та лыбонь . . . и т. д.

[2]) Вар. Въ чистеи поле на вловы.

Що мы зятю подаруемъ?
Подаруймо затю, подаруймо ему
Сестрыцю молодую.
Зять сестрыцю взявъ, шапочку знявъ
Шурыночкамъ тай подякувавъ:
Ой спасыби вамъ, шурыночкы,
Та за ваши подаруночкы!
Що волыкомъ буду хлибъ робыты,
А коныкомъ въ гости йыздыты.

(Улана Выборная.)

177.

Та литала галочка
Чорна, маленька,
Увесь день высоченько,
А якъ стало вечориты,
Стала ныжче летиты.
Та сыдила Маруся,
Та сыдила молода,
Увесь день веселенька,
А якъ стало вечориты
Стала смутна сыдиты.
Оце тоби, галочко,
Оце тоби, чорненька
За твое литаньячко.
Що ты литала,
Перебирала
Ясными соколамы.
Оце тоби, Марусю, оце молода
За твое гуляньячко!
Що ты гуляла,
Перебирала
Молодымы молодцямы.
Выбрала соби переборчыка,
Васылька молодчыка.

(Она же).

Воскресенье. Раздѣлъ коровая.

Между тѣмъ, дружко молодого вноситъ изъ коморы коровай и начинаетъ рѣзать его на столѣ, дружки поютъ:

178.

Тоби, дружко, не дружковаты,
Тоби, дружко, свынарюваты,
Съ довгою ломакою,
Съ чорною собакою!

Дружко роздаетъ коровай всѣмъ присутствующимъ, также и и дружкамъ, которыя поютъ по полученiи коровая:

179.

Тоби, дружко, дружковаты,
Тоби, дружко, пануваты,
У Кыеви надъ водою,
Зъ хорошою уродою.

180.

Дружко коровай крайе,
Семеро дитей майе,
Та все съ кошелямы,
Весь коровай забралы.

Свитилки отвѣчаютъ:

181.

А мы роду не такивьского,
А мы роду короливьского,
Мы кошеливъ не бралы,
Короваю не кралы.

Дружки поютъ:

182.

Чи бачышъ ты, дружку,
Що бояре коровай крадуть?
За гилечко захыляютьця,
Короваемъ запыхаютьця.

Воскресенье. Ужинъ.

Дружко приноситъ ужинъ [1]), во время котораго дружки поютъ:

183.

Брязнулы ложечкамы,
Червоными тарилочкамы,
Марусина челядь
Сидае вечерять.

184.

Черезъ садъ гуска летила,
Съ перцемъ юшка кипила,
Хочь съ перцемъ, не съ перцемъ,
Просымо съ чыстымъ серцемъ.

185.

Та просыла Маруся та мужа свого:
Ой вечеряй, Васыльку, вечеряй молодый
У батька мого.
Щоты въ мого батенька одынъ день,
А я въ твого—весь тыждень.
А съ того тыждня до року,
А съ того року до вику.

186.

Ой вечеряй, Марусю, вечеряй молода,
Що твоя ненька варыла,
Варыла ненька все голубочкы
За для любои дочкы.

187.

Та вечеряй, Васыльку, та вечеряй молодый,
Що твоя теща варыла,
Та варыла теща все голубьята
За для любого зятя.

Дружки продолжаютъ:

188.

Вы бояре молодесеньки,
Вы не будьте гордесеньки,
Якъ будете гордесеньки,
Пойидете голоднесеньки.

189.

Вы бояре чужесторонци,
Та не берить по повній ложци,
Берить по половынци,
Щобъ стало всій родынци.

---

[1]) Борщъ, зимой капуста, локшина съ говядиной или со свининой и водка.

190.

Йылы бояре юшку,
Та вкралы галушку,
Заховалы въ кышеню,
Дивчатамъ на вечерю.

191.

Йылы бояре, йылы,
Цилого вола зъилы,
На столи ни рисочкы,
Пидъ столомъ ни кисточкы.

Дружки продолжаютъ:

192.

Одъ стола до порога
Втоптана дорога,
Бояре втопталы,
Помыи хлёпталы.
А свашка бижыть,
А свашка крычыть:
„Оставте мени,
Хочь гущи на дни,
Хочь трошки“!

193.

Свитилочка пани,
Вечеряй изъ намы,
Яка бо ты пышна,
Якъ у саду вышня.
Не велила маты
Рота роззявляты,
Бо велыки зубы
Висять черезъ губы.

194.

Старша свитилка ласа
Попала кусокъ мяса,
За свитыльныкъ захыляетця,
Кубешою запыхаетця.

Варіантъ:

Старша свитилка ласа
Украла пличко мняса,
За братика захыляетця,
Пличкомъ мняса запыхаетця.

195.

Старша свитилка богата,
На йий сорочка чохлата,
По пидъ тымы чохлыцямы
Сыдять воши копыцямы.

Свитилки отвѣчаютъ:

196.

Ракы, дружечкы, ракы,
Брешете, якъ собакы,
А що раченята,
Брешете, якъ щенята.

Дружки:

197.

Старшая свитилка
Пры стини,
На йий сорочка
Не йии.
Прыйшла сусида
До виконця,
Скыдай сорочку
За сонця.
Прыйшла сусида
Гукае,

Скыдай сорочку
Смеркае.

Свитилки:

198.

Брешете дружкы, панянкы,
Въ мене сорочка съ кытайкы,
Мене маты выряжала,
Зъ кытайкы сорочку давала.

Дружки:

199.

Бигла столомъ мыша,
Старша свитылка лыса,
А бояре заглядалы
Та въ лысыну цилувалы [1]).

Свитилки:

200.

Старша дружка якъ стружка,
Пидстарша якъ мотузка,
Третя якъ барыло,
Четверту розсадыло,
А пьята на дняхъ ходыть,
Семеро дитей водыть.

Дружки:

201.

У старшои та свитылоци
Тры чырякы на потылыци,
Бояре заглядалы,
Щобъ дужче роскыдалы.

Свитилки:

202.

Бигла сучка яромъ [2]),
А за нею дружкы рядомъ,
Думалы, що маты,
Та давай сучку ссаты.

Воскресенье. Уничтоженіе гильца.

Въ это время бояре хватаютъ и ломаютъ гильце [3]), а дружки поютъ:

203.

Въ лозы, дружечкы, въ лозы,
Рубайте занозы,
Бояръ запрягаты,
На квиткы [4]) ораты.

---

[1]) Варіантъ: Бояре прысвичують,
Лысыну заквичують.

[2]) Варіантъ: Бигла сучка токомъ,
А за нею дружкы скокомъ и т. д.

[3]) Остатки гильця дѣвушки кипятятъ въ горячей водѣ впослѣдствіи, и этой водой моютъ себѣ головы.

[4] Вар. „На тютюнъ ораты".

Перекоры кончаются такой пѣсней:

204 [1]).

Мыръ мыромъ,
Пырогы съ сыромъ,
Вареныкы зъ масломъ,
Вы дружечкы красны,
Помырымось!

Воскресенье. Расплетеніе косы.

Часовъ въ 8 или 9 вечера братъ молодой входитъ въ избу и говоритъ присутствующимъ:

— Старосты, пани старосты! Благословить сестри косу росплесты.

Присутствующіе отвѣчаютъ:

— Богъ благословыть!

Тогда молодая склоняется надъ столомъ и братъ, расплетая кончикъ косы, вынимаетъ оттуда „косныкъ“, который вдѣваетъ себѣ въ рубашку и отходитъ, а двѣ молодыя женщины, родственницы молодой становятся по обѣ стороны за ней на скамью и машутъ надъ ней девять разъ кускомъ кисеи (намиткой) или платкомъ, затѣмъ обвязываютъ ее („запынають“). Дружки въ это время поютъ:

205 [2]).

Що братъ сестрыцю росплитавъ,
Де тіи росплиткы подивавъ?
Чи винъ ихъ пропывъ, чи продавъ,
Чи меньшій сестрыци такъ отдавъ?

---

[1]) Пѣсни съ 178—204 №№ записаны отъ цѣлой улицы литвяковскихъ дивчатъ: Варвары Иваненковой, Оришки Недильκиной, Степаниды Шевченковой, Настасіи Коломійцевой, Оришки Мартыщенковой, съ участіемъ Уляны Выборной.

[2]) Пѣсни съ 205—207 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Воскресенье. Покрыванье молодой.

Женщины поютъ:

206.

Чи бачешъ ты, диво,
Несуть твое дило?
Якъ биль билесенькe,
Якъ папиръ тонесенькe.

207.

Покрывальныця плаче,
Порыватыся хоче.
Билого завывання,
Вичного покрывання.

208.

Оттакъ мы зробылы,
Якъ самы схотилы,
Изъ кныша паляныцю,
Изъ дивчыны молодыцю.

Дружки поютъ:

209.

Якъ бы мы схотилы,
Мы бъ йии розвертилы,
Та повелы въ густы лозы,
Та заплелы въ дрибніи косы,
Дивкою нарядылы,
Зъ собою посадылы.

210.

Зумилася, та Маруся,
Зумилася,
Ой де йии руса коса
Подилася.
Коло неи дви сванечкы
Блызько сыдилы,
Воны йии русу косу
Десь заподилы.
А ще блыжче та Васылько,
То тò йии панъ,
Сховавъ йии русу косу
Пидъ сыній жупанъ.

211.

Ой глянь, маты, на мій посадъ,
Уси дружечкы въ косахъ сыдять,
А на мою та роса впала,
Що матинка росчесала.

(Устинья Калениченкова).

Воскресенье. Удаленіе дружекъ.

Дружки обращаются къ молодой еще съ слѣдующей пѣснью:

212.

Чи мы тоби, та Маруся, не казалы,
Чи мы тебе словечкамы не огорчалы,
Що не ходы та до броду рано по воду,
Та не слухай голубонькивъ де въ пари гудуть,
Воны гудуть, воны гудуть, да изрядять,
Одъ батенька до свекорка переманять,

А свекорко не батенько, не бье, та болыть,
А свекруха не матинка, та рано сбудыть,
Та ще пиде до сусиды тай осудыть:
Сонлывее, дримлывее, чужее дытя,
И синечокъ, присинечокъ тай не вымита,
И ложечокъ, тарилочокъ не перемыва,
И билои постилоньки не перестыла.
Ой неправда, сусидоньки, неправда йiи,
Я вымыла сины й хату при ясній свичи,
Я заплела русу косу зовыци.

(Дарья Котова).

213 [1]).

Прощай, прощай, Марусю!
Сестра наша!
Теперь же мы та не твойи,
Ты не наша (2)
Найшла соби та Васылька
Товарыша.
Прощай, прощай, та Марусю,
Бо вже мы йдемо,
Коло тебе та Васылька
Покыдаемо!

Воскресенье. Выряжанье молодой.

Съ этой прощальной пѣсней дружки уходятъ, а молодыци продолжаютъ пѣть:

214.

Тай уже ненько, уже не раненько,
Научай мене, моя матинко,
Ой навчай, навчай, щобъ знала звычай,
Якъ свекрови годыты.
Якъ тебе вчыты, жаль тебе быты,
Будь сама розумненька.
Свекоркови годы, вечерять вары,
Годы, доненько, годы.
А свекруси годы, головоньку гляды,
Годы, доненько, годы.
А диверкамъ годы, хустыночку перы,
Годы, доненько, годы.
А зовыцямъ годы, русу косу плеты,
Годы, доненько, годы.
Васылькови годы, билу постель стелы,
Годы, доненько, годы.
Та држы свитлоньку, якъ у виночку,
И рушнычокъ на килочку,
Та держы видерця вси чыстесенькы
И водыци повнесенькы.

---

[1]) №№ съ 213—215 записаны отъ Уляны Выборной.

Та будуть до тебе сусиды ходыты,
Будуть тебе хвалыты:
Яка Маруся чепурнесенька
И до людей прыятнесенька.

215.

Чого жъ ты, Марусе, такъ сыдышъ?
Чому батенькови не дякуешъ?
Уже рыдваны позавертаны,
Свекрови кони позапрягаңы.
Тилько систы та пойихаты.
Та велю коныкамъ та вивса дать,
А визныченькамъ пидождать,
А покы прыйде та мій батенько
Изъ того саду—выноградү
Та до мене на пораду.
Скоро батенько на поригъ,
А Маруся нызько до нигъ:
Ой спасыби вамъ, мій таточку,
За ваше гулянячко.
Та скилькы я въ васъ гуляла,
Важкого дила не знала,
А тилько знала змытьця, счосатьця,
Да хороше прыбраться.
А тилько знала кисоньку змыты
Та въ таночку походыты.

216.

Варіантъ х. Кремянки:

Чи я тоби, матинко, не дытятко,
Що ты мене противъ ничкы,
Та шлешь причкы?
Исправь мени, моя маты,
Дорогый нарядъ,
Червоныи черевыкы, голубый жупанъ.
А якъ буде, моя доню,
Твій мылый ревнывый,
То вжежъ тоби, моя доню,
И нарядъ не мылый.
Червоныи черевыкы пыломъ прыпадуть,
Голубіи жупаныкы—зовыци порвуть.

(Прасковья Заикина).

217.

Варіантъ м. Снѣтина.

Чи я въ тебе, моя матинко,
Не дытятко,
Що ты мене противъ ничкы
Шлешъ причкы?
Ой дай мени провиднычка,
Хочь братичка,
Ой дай мени провидныцю,
Хочь сестрыцю!
Будуть тоби провидныкы
Та диверкы,
А провидныци
Зовыци.

(Уляна Выборная).

Воскресенье. Отъѣздъ молодой.

Затѣмъ отецъ и мать даютъ молодымъ въ руки хлѣбъ, соль, восковыя свѣчи и образа („богивъ"). Молодые бьютъ поклоны передъ образами, кланяются родителямъ и идутъ во дворъ за дружкомъ,

послѣ того какъ онъ испроситъ разрѣшенія „молодыхъ въ Божу путь весты". Молодыцы поютъ:

218 [1]).

Маты Марусю родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Зорею пидперезала,
До свекра выряжала:
Цежъ тоби, Марусю, дорога,
Йидь до свекорка здорова.

Свашки и свитилки поютъ:

219.

Загрибай, маты, жаръ, жаръ,
Буде тоби дочкы жаль, жаль,
Кыдай у пичъ дрова,
Зоставайсь здорова,
Кыдай у пичъ трискы,
Дожыдай соби невисткы!

Во дворѣ молодые, свашки, свитилки съ пылающей свѣчей еще разъ обходятъ вокругъ дижи, поѣзжане танцуютъ при этомъ обхожденіи и поютъ:

220.

Выкотылы, выкотылы смоляную бочку,
Высваталы, выдурылы въ пана свата дочку.
Выкотылы, выкотылы та щей медяную,
Высваталы, выдурылы та щей молодую.
Буде свату добренька, буде кожухъ тепленькій,
А якъ буде лыхая, нагаечка дротяная,
Нагаечка дротяная у тры дроты звыта,
Ой будешь ты, та Марусю, симъ разъ на день быта.

Наконецъ молодая становится на возъ (или сани) креститея и кланяется на всѣ четыре стороны, дружко обводитъ молодого во-

[1]) Пѣсни съ 218—220 № записаны отъ Уляны Выборной.

кругъ повозки, а мать выводитъ[1]) его за платокъ со двора, и поѣздъ мчится къ жилью молодого.

Воскресенье. Послѣ отъѣзда молодыхъ.

Послѣ отъѣзда молодыхъ, молодыцы, гулявшія на весильи, поютъ опечаленной матери молодой:

221.

Закувала зузуленька въ зеленимъ вивси,
Оглядилась стара маты, ажъ дочкы не вси.
Сюды-туды по куточкахъ розглядае,
Найстаршои Марусенькы тай не мае.

(Марія Гриценкова).

222.

Ой пиду я въ коморю—скрыни нема,
А ввійду въ свитлоньку—дочкы нема.
Одчыню я кватырочку, ажъ и слидъ
По дорози васылечкы пороcлы,
Туды мою донечку повезлы.

(Пелагея Куліева).

223.

Засвиты маты свичку,
Подывыся у запичку:
Чи велыка щербына,
Що не майе семьянына?

(Уляна Выборная)

224.

Сусидонькы мои,
Жалуйте мене!
Не майе дочкы въ мене!
Та не майе дочкы,
Ни скрынечкы,
Ни Маруси челядыночкы.
Якъ дождемо лита,
Та насіемо жыта,
Та никому буде жаты,
Та займу постатьку
Малу, невелыку,
Та никому й пидогнаты,
Якъ схочется холодной воды
Та никого посылаты.
Якъ найде печаль,
Велыка досада,
Та никому розважаты.

(Уляна Выборная).

---

[1]) Иногда мать выводитъ подъ уздцы лошадь съ возомъ, на которомъ выѣзжаютъ молодые.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. Н. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXX. 1890 годъ.

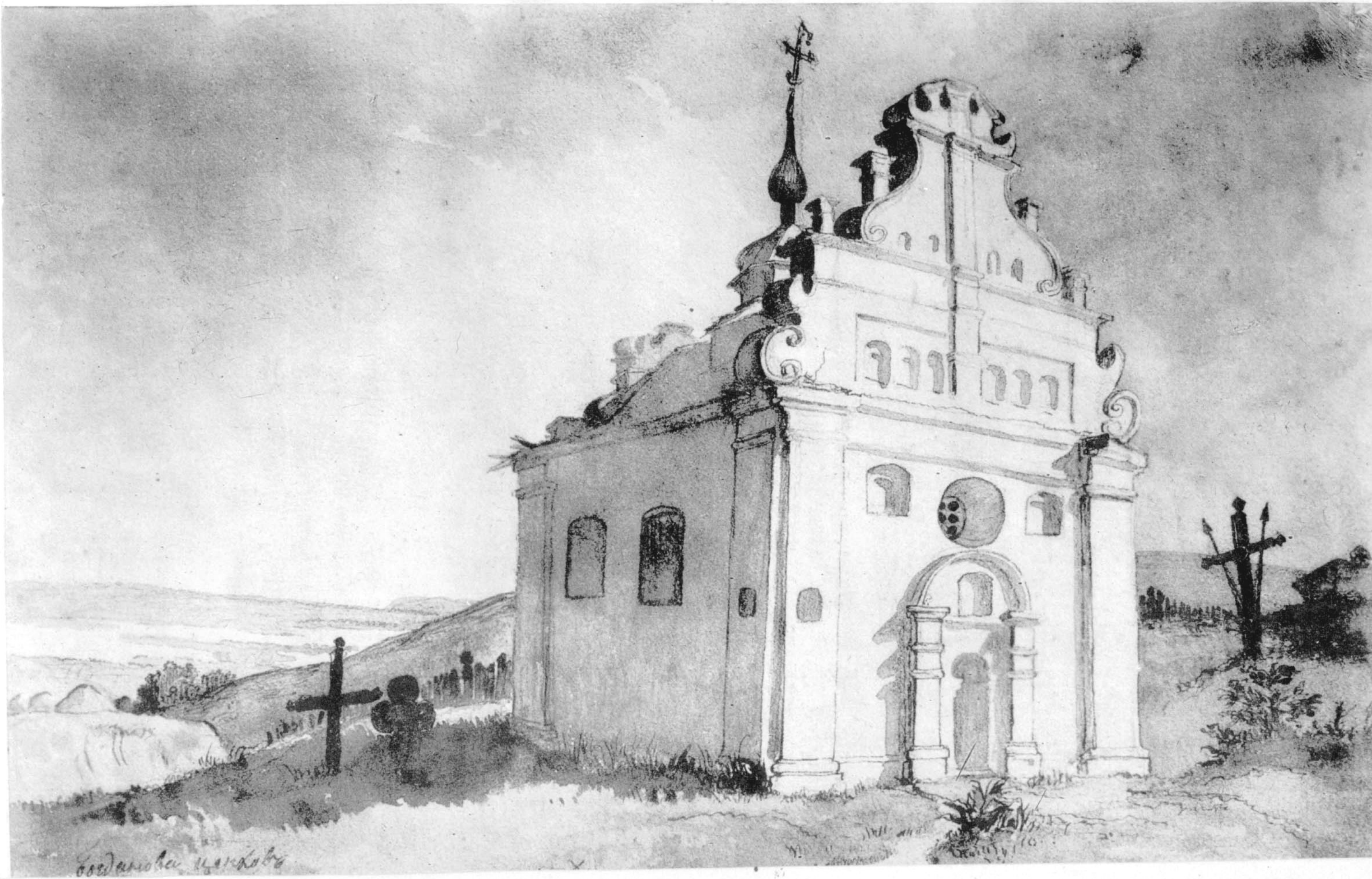
СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Богданова церковъ въ Суботовѣ.



Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія.[1]

II.

Семейныя отношенія.

Въ настоящемъ письмѣ я хочу подѣлиться моими наблюденіями надъ семейными отношеніями нашихъ селянъ. Я уже говорилъ въ предъидущемъ письмѣ о томъ, какое ограниченное значеніе я придаю своему привносу въ матеріалъ даннаго изученія; тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь приступить къ настоящему письму, не припомнивъ сказаннаго въ этомъ отношеніи въ предъидущемъ. Независимо отъ общихъ соображеній, тамъ высказанныхъ, въ данномъ случаѣ есть спеціальныя причины, побуждающія къ осторожности въ выводахъ и къ отведенію имъ подобающаго скромнаго мѣста. Дѣло въ томъ, что между распространенными въ народномъ же быту теоретическими формулами, касающимися семейныхъ отношеній и обыденнымъ взглядомъ на живыя, конкретныя детали тѣхъ-же отношеній—существуетъ, мнѣ кажется, значительная разница. Рядомъ съ этимъ идутъ постепенныя, болѣе или менѣе значительныя, видоизмѣненія во взглядахъ на разныя детали, связанныя съ семейнымъ бытомъ, при чемъ детальные эти взгляды не только не сведены въ какую нибудь болѣе общую формулу, но и сами по себѣ не формулированы. Неоднократно вы замѣтите, что высказывающій тотъ или иной взглядъ относится къ нему въ нѣкоторой мѣрѣ, какъ къ контрабандѣ мысли. Это и понятно. Санкціонированная

---

[1]) „Кіевск. Стар.“, 1888 г., № XI.

религіей и гражданскимъ закономъ формула семейныхъ отношеній не выработана мѣстной народной жизнью, она внесена въ нее готовою и внесена съ такою торжественною санкціею, что общія ходячія теоретическія формулы народныя должны были съ теченіемъ времени воспріять основныя положенія этой формулы, но рядомъ съ этимъ самымъ фактомъ теоретическаго признанія этой формулы не могли окончательно атрофироваться инстинкты арійской расы съ одной стороны, съ другой—общія модификаціи пріемовъ мышленія не могли не коснуться тѣхъ или иныхъ деталей народнаго воззрѣнія на семейныя отношенія.

При такомъ общемъ положеніи дѣла трудность уравновѣшеннаго объективнаго изученія предмета значительно увеличивается; наблюдателю, желающему дать себѣ отчетъ среди разнообразія явленій данной сферы—приходится поочередно пользоваться то ходячей формулой, то стоящими внѣ ея жизненными явленіями, провѣряя одно другимъ и стараясь отыскать болѣе или менѣе удовлетворительный синтезъ въ области мышленія народной массы, съ которымъ насъ въ такой значительной мѣрѣ разобщили пріемы мышленія, вынесенные изъ нашего воспитанія. Я говорю здѣсь объ этомъ не только для того, чтобы еще разъ подчеркнуть какъ далекъ я отъ надежды исчерпать данный предметъ моими бѣглыми замѣтками, но и для того, чтобы указать методъ, котораго, мнѣ кажется, нужно придерживаться въ попыткахъ къ изученію его.

Первичный стимулъ семейныхъ отношеній—любовь между единицами разнаго пола—принимаетъ различныя формы въ зависимости и отъ общаго развитія единицъ, и отъ тѣхъ условій, въ которыхъ воспитывается данная специальная наклонность. Мнѣ хочется сначала очертить въ нѣсколькихъ словахъ условія ея развитія въ средѣ нашего сельскаго люда. Въ этомъ отношеніи наши „игрища межъ селъ“ составляютъ довольно цѣльную школу любви. Лишь только начнется „весна красна, изъ стрихъ вода капле“—наша сельская молодежь и подростки высыпаютъ по вечерамъ *на улыцю*, т. е. собираются въ какомъ нибудь мѣстѣ на выгонѣ или на улицѣ для игръ и пѣсенъ. Въ обширныхъ селахъ собирается нѣсколько *улыць*. Собранія эти, оче-

видно, ведутъ свое начало изъ очень отдаленной старины, и нельзя не замѣтить той связи, какую онѣ имѣютъ со стариннымъ чествованіемъ временъ года. Обрядовое пріурочиваніе извѣстныхъ пѣсенъ на улицѣ къ веснѣ (веснянки), извѣстныхъ игръ и пѣсенъ къ празднику Пасхи, не говоря уже о спеціальныхъ обрядахъ и пѣсняхъ на „Ивана Купала“ (24 іюня) и т. п., слишкомъ ясно указываютъ на это. Прибавлю со всей осторожностью, подобающей профану, что и общій, крайне несложный, характеръ мелодіи *веснянокъ* связываетъ въ одинъ общій музыкальный циклъ веснянки, пѣсни „велыкодни, купальни, весильни“ и языческія колядки. Однимъ словомъ *улыця* со всѣми ея осенними и зимними варіаціями подъ разными наименованіями, все то, что называютъ общимъ именемъ *вечорныци*—представляется намъ съ одной стороны какъ продуктъ народной жизни того отдаленнаго времени, когда она развивалась, не сталкиваясь съ формулами болѣе сильной чужой культуры, съ другой—какъ хранительница традицій по вопросу половыхъ отношеній, выработанныхъ и перерабатывающихся на основаніи наклонностей расы и измѣняющихся условій жизни даннаго племени. Оттуда непреоборимая притягательная сила *улыци*.

Ой на вашій, на улыци,
Ой на вашій кручи
Выгравалы чорты куци
Изъ улыци йдучы.
А на нашій на улыци,
Ой на нашій ривній
Выгравалы козаченьки
Воронымы киньмы.
Ой на нашу улыцю, на нашу!
(Изъ веснянки) [1]).

Но не только *козаченьки* украшаютъ улицу; въ другой веснянкѣ вотъ что говорится о *дивчынѣ:*

Ой ты зиронька, та вечирняя
Чомъ ты рано не зиходыла,
Чомъ ты рано не зиходыла,

[1]) Для краткости я буду отмѣчать мѣсто записыванія только пѣсенъ и т. п. внѣ Романовки сквирскаго уѣзда. Остальное относится къ этому селу и ближайшимъ его окрестностямъ.

Чомъ ты мисяця не догоняла?
Ой тимъ же я опизнылася,
Край Дунаю становылася,
Край Дунаю становылася,
На дивчыну заглядилася,
Тамъ дивчына умывалася,
Лычкомъ своимъ выхвалялася и т. д.

Но если *зиронька* заглядѣлася на нашу *дивчину*—какъ не заглядѣться на нее *козакови*, какъ не отозваться на зовъ: „ой на нашу улыцю, на нашу"!

И стекается на нее вся молодежь; она соблазнъ и украшеніе *парубоцькои* и *дивоцькои воли.*

Кому воля, а кому неволя,
А дивчатамъ уся воленька:
Якъ настане та недиленька
За стричечку, та за виночокъ,
На улыцю, тай у таночокъ.
Кому воля, а кому неволя,
А парубкамъ уся воленька:
За шапочку, та за дудочку,
На улыцю, та за дивочку.
(Изъ велыкодной пѣсни).

И дорога нескончаемо эта молодая воля; женщины особенно чувствуютъ ея утрату. Есть множество пѣсенъ, сопоставляющихъ веселую *волю* дивчыны съ тяжелыми хлопотами замужней женщины.

. . . . . молодыцямъ вся неволенька,
Якъ настане та недиленька:
Ой у печи та борщъ бижыть,
А въ колысци дытя крычыть,
А у синяхъ порося пыщыть,
А въ запичку та свекруха ворчыть,
А у хати чоловикъ лайе.
(Изъ той-же пѣсни).

И *молодыця* часто, особенно въ первое время замужней жизни, сѣтуетъ о томъ, что „вже жъ мени не ходыты на ти вечорныци". Въ одной изъ веснянокъ молодыця говоритъ:

Мисяць надъ горою,
Дивки на улыци...
Гей, доле, доле,
Дивки на улыци!...

А я молодая
Коло печи стояла,
Коло печи стояла,
Свекруху благала:
Свекрухо-матинко
Пусты на улыцю!...
Гей, доле, доле...
Пусты на улыцю.
— Хочъ я тебе пущу,
Свекорко не пустыть.

И обращается молодыця и къ „свекорку-батеньку", и къ „диверку-братику", и къ „зовыци—сестрыци", и къ своему „мыленькому" (мужу)—и все напрасно ....гей, доле, доле... улыця мынулась".

Я до сихъ поръ живо помню (а много уже лѣтъ прошло съ того времени) разговоръ на эту тему съ одной моей знакомой въ с. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда). Я зашелъ въ хату къ ея родителямъ; Сыклита, недавно вышедшая замужъ, зашла тоже навѣстить ихъ. Она сидѣла у окна и пристально смотрѣла въ него; вечерѣло, и дивчата начинали собираться на улицу. Сыклита, говоря вообще, вышла замужъ довольно удачно, и потому я удивился, видя, какъ ея глаза заволакиваются слезами. Я сталъ спрашивать ее о причинѣ ея грусти; она печалилась объ утратѣ *дивоцькои воли*, она не могла смотрѣть равнодушно, говорила она, на дивчатъ, собирающихся на улицу. Она замолкла, продолжая смотрѣть въ маленькое *виконце* батьковой хаты и потомъ въ полголоса, про себя, какъ бы продолжая свои мысли въ пѣсенной формѣ, запѣла:

Ой пійду я лисомъ—боромъ,
Та стану я пидъ яворомъ,
Ой стану я, послухаю:
А що за мене говорять.
И свекорко мене лайе,
И свекруха проклынайе,
И свекруха проклынайе,
Мале дытя пропадайе.

Временный перерывъ въ общемъ обычномъ запретѣ участвовать замужнимъ женщинамъ въ играхъ молодежи—составляютъ *велыкодни* игры. Въ моемъ селѣ онѣ продолжаются только одинъ день, первый день Пасхи, въ другихъ недалекихъ 3 дня;

въ играхъ участвуютъ преимущественно дивчата и въ меньшей количественной долѣ молодыя молодицы, но я помню, около тридцати лѣтъ тому назадъ я проводилъ праздникъ Пасхи въ полѣсскомъ селѣ Майданѣ Лабужскомъ (волынской губ. новоградъ-волынскаго уѣзда). Тамъ эти игры продолжались нѣсколько дней, чуть-ли не цѣлый *велыкодный тыждень* и въ нихъ принимали участіе не только женщины, но и мужчины. Къ сожалѣнію, я не помню содержанія этихъ игръ; въ моей памяти осталась лишь картина оживленнаго праздничнаго сходбища народнаго, общій характеръ котораго всего лучше опредѣляется словами народной пѣсни: „якъ макъ процвитайе". Игры эти свершаются въ церковной оградѣ; въ моей мѣстности онѣ продолжаются, какъ уже сказано, первый день Пасхи. Въ этотъ день мужская молодежь пользуется правомъ звонить цѣлый день въ церковные колокола, женская собирается для игръ. Ее окружаютъ зрители не только молодые парни, но и старшіе обоего пола. Иная молодица, считающая уже неприличнымъ принимать прямое участіе въ играхъ—такъ таки и *не выдержыть*, видя неумѣніе дивчатъ устроить какую нибудь болѣе сложную игру—напр. *крывый танець* и, отдавъ грудное дитя кому нибудь, возьметъ за руку предводительствующую дивчыну и проведетъ для начала игру, а дружный хоръ *дивчачый* припѣваетъ: „а крывого танця, та не выведу кинця" и т. д. И пойдетъ стройно извиваться въ изгибахъ *крывого танця* пестрая, нарядная *нызка* дивчатъ и молодыць, а старшіе какъ то задумчиво и весело вмѣстѣ смотрятъ, да любуются на „молодейе-золотейе".

Не предпринимая здѣсь описанія *велыкодныхъ* игръ вообще, я хочу указать на нѣкоторыя, имѣющія болѣе прямую связь съ нашимъ предметомъ. Въ Романовкѣ была когда то въ ходу, а теперь вышла изъ употребленія, игра въ *короля*. Я ее встрѣчалъ около тридцати лѣтъ тому назадъ въ с. Дударахъ, каневскаго уѣзда. Въ народной средѣ она свершается такъ: образуется кругъ дивчатъ, одна ходитъ посреди круга и дѣйствуетъ сообразно со словами пѣсни:

Король коло города ходыть,
Король всихъ дивокъ выбирайе.

Король! поклоныся ныженько,
Король! поцилуйсь хорошенько.

Поцѣлованная дивчына замѣняетъ собою избравшую ее и игра продолжается.

Еще выразительнѣе игра въ *нелюба и мылого.* Въ моей мѣстности она такъ происходитъ: образуется кружокъ дивчатъ, одна посрединѣ выбираетъ по-очереди *нелюба,* потомъ *мылого* изъ того-же кружка и дѣйствуетъ во время припѣванія рефрена: „ой такъ, такъ" сообразно съ содержаніемъ пѣсни, при чемъ платокъ исправляетъ должность постели.

Ой якъ, якъ, та нелюба выбираты?
— Ой такъ, такъ, ой такъ, такъ!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго вопроса).

Ой якъ, якъ коло нелюба сидаты?
Ой якъ, якъ изъ нелюбомъ розмовляты?
Ой якъ, якъ изъ нелюбомъ обниматься?
Ой якъ, якъ изъ нелюбомъ цилуваться?
Ой якъ, якъ нелюбому постиль слаты?
Ой якъ, якъ та нелюба выпроважаты?

Вытолканная при взрывѣ веселаго хохота дивчына, исправлявшая должность *нелюба,* становится въ кружокъ; ее замѣняетъ другая—*мылый.* Пѣніе продолжается съ тѣмъ же припѣвомъ.

Ой якъ, якъ мыленького выбыраты?
Ой якъ, якъ коло мылого сидаты?
Ой якъ, якъ изъ мыленькимъ розмовляты?
Ой якъ, якъ изъ мыленькимъ обниматься?
Ой якъ, якъ изъ мыленькимъ цилуваться?
Ой якъ, якъ мыленькому постиль слаты?
Ой якъ, якъ мыленького выпроважаты?

Нѣжно проведенная дивчына—*мылый* становится въ кружокъ и этимъ заканчивается игра.

Мы видитъ здѣсь довольно полное наставленіе въ дѣлахъ любви и такой именно, каковою она понимается среди даннаго племени: безъ циническаго поклоненія половымъ инстинктамъ внѣ эстетическаго выбора и сердечнаго влеченія, но и безъ ложнаго маскированія громадной жизненной силы, служащей точкою отправленія даннаго чувства и цѣлаго ряда эстетическихъ явленій.

Улыця продолжается всё лѣто, гл. обр. до живъ, болѣе или менѣе оживляясь въ зависимости отъ погоды и полевыхъ работъ. Въ пѣсняхъ веснянка исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самой ранней весны; пѣсни поются разныя; любовныя, составляющія такой громадный процентъ малорусской пѣсенности, конечно, на первомъ планѣ. Выборъ пѣсенъ зависитъ отчасти отъ моды (въ селѣ въ продолженіи извѣстнаго времени—какихъ нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ—входитъ въ моду какая нибудь пѣсня или вновь принесенная, или давняя, долгое время заброшенная и вновь оживающая), отчасти выборъ пѣсенъ зависитъ и отъ личныхъ свойствъ соучастниковъ *улыци.* Свойства эти и наклонности, конечно, не одинаковы. Здѣсь вы встрѣтите и ту дивчыну, которая „якъ не выйде на улыцю, то й улыця тыха", и горделивые, недоступные типы въ родѣ „йедыныци, вдовынои дочки", которая среднему парубку „не ривня",

> А якъ выйде на улыцю—
> Якъ та короливна.
> Ани зъ нею систы,
> Ни заговорыты,
> Тильки статы,
> Шапку зняты,
> На добры-день даты.

Иногда собранія сельской молодежи принимаютъ болѣе важный видъ. Собираются въ хатѣ, что, впрочемъ, не особенно важно, но собираются при „найидкахъ и напыткахъ", точно какіе нибудь „господари". Въ мои молодые годы въ с. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда) собранія эти назывались *складкою* и не были пріурочены къ какимъ нибудь опредѣленнымъ днямъ; въ Романовкѣ (сквирскій уѣздъ) онѣ устраиваются *на запуски* и *на Андрея.* На собранія эти *хлопци* поставляютъ *горилку*, дивчата—закуску изъ матеріаловъ, добываемыхъ правдою и неправдою изъ запасовъ материнскихъ.

Помню я живо наши маковскія складки, хотя съ того времени „воды чымало утекло". Ночь. Хозяева улеглись спать. Вездѣ тихо. Мы поочередно собираемся на выгонѣ. „Це ты Йова? це ты Федько?... отъ и Тымишъ... осьде й Микита... э, та вже насъ гуртокъ чымалый. Ну, постукаймо до Гершка", а пока мы

складываемъ наши гроши на „тую ледащыцю". Нашъ запасъ сдѣланъ. Среди ночной тишины, раздается парубоцькій хоръ:

Ой не спыться, не лежыться,
Ще й сонъ мене не бере...
Пишовъ бы я до дивчыны,
Та не знаю, де живе... и т. д.

И идемъ мы дружно, презрительно посматривая на хаты, въ которыхъ *стари* спятъ, не догадываясь даже какою радостью пропитанъ воздухъ въ эту ночь... А тамъ, у Мотри уже блестятъ *виконця*—это наши дивчата *заходылысь коло печи*. И какія всѣ онѣ прекрасныя хозяйки, какъ дружно, какъ весело идетъ у нихъ работа!

„Ой ты, дивчыно, ой ты горда, пышна,
Чомъ ты до мене зъ вечора не выйшла?

Да, можетъ быть, она бы и не вышла спеціально для кого нибудь изъ насъ, потому что

„Неподоба зирци до мисяца та исходыты,
Не подоба дивци до козака та выходыты",

но здѣсь, на *складкѣ* онѣ всѣ въ сборѣ, и мы уже забываемъ, что онѣ бываютъ для насъ „горди и пышни". И Марья, и Сыклита, и Катря, и Тодоська... но, важнѣе всего, и Гапочка здѣсь; она „якъ не выйде на улыцю—и улыця тыха". Идутъ разговоры, пѣніе. Для многихъ, конечно, важно стать или сѣсть около той или другой, для иныхъ это не особенно важно, для нихъ всѣ онѣ болѣе или менѣе милы, они съ удовольствіемъ дышатъ атмосферой молодости и стихійной, неопредѣленной любви.

„И зиронька зійшла,
И все поле освитыла,
Дивчынонька выйшла,
Козаченька звеселыла".

И дѣйствительно, весело, хорошо намъ здѣсь. Убогій *каганець* (въ то время керосинъ еще не былъ въ ходу) освѣщаетъ хату; его неправильное мерцаніе производитъ прекрасные свѣтовые эффекты, особенно когда онъ освѣщаетъ лицо нашей Гапочки. Добрая треть насъ влюблена въ нее. Идутъ пѣсни—и сколько нѣмыхъ, недоговоренныхъ признаній влагается въ нихъ.

„Ты чорнява, ты билява,
Говоры зо мною,
Якъ не будешъ говорыты—
Умру, сердце, за тобою“.

Въ дивчачемъ хорѣ при продолженіи пѣсни слышишь особенно отчетливо:

„Ой ты умрешъ изъ вечора,
А я въ тры годыны—
Нехай же насъ поховають,
Хочъ у одній домовыни“.

и идутъ дальше пѣсни, и сердце какъ то особенно сжимается при каждомъ куплетѣ.

„На калыну витеръ війе,
Калына не спійе—
Козакъ дивку вирно любыть—
Заняты не смійе.

Но мы засѣли за *вечерю;* среди бесѣдъ и шутокъ мы и не замѣтили, какъ наша *вечеря* съѣдена, наша *горилка* выпита. Разговоры ведутся смѣлѣе, болѣе или менѣе маскируемыя предпочтенія обнаруживаются опредѣленнѣе, кое-гдѣ сблизились плечи, наклонились другъ къ другу головы—благо, Павло своей *сопилкой* вызвалъ танцы и направилъ туда вниманіе общества... И проходитъ такъ ночь, приближается „день биленькій“ и возвращаемся мы по домамъ, не раздѣленные уже на *парубоцкій* и *дивоцкій* гурты, а смѣшанными группами, сообразно съ нашимъ мѣстомъ жительства. Кое-гдѣ звучатъ отголоски пѣсенъ...

„Я на славу сама стану,
Славы не боюся—
Зъ кимъ люблюся—обнимуся,
Ще й поцилуюся“... [1])

И долго, долго звучитъ въ ушахъ пѣсня, и воспоминанія, связанныя съ нею, наполняютъ сердце доброю, молодою, тихою радостью.

Но „не що дня—брыдня“. Тяжела сельская, рабочая жизнь. Борьба за существованіе здѣсь не отвлеченная философская формула. Долю *хлопця* вотъ какъ рисуетъ народная пѣсня:

---

[1]) Изъ пѣсенъ, которыя пѣлись въ Маковищахъ.

„Та изрисъ я въ наймахъ, въ неволи,
Та не знавъ я доли николы" [1]).

Для дивчины—это отчасти напряженная работа на своемъ огородѣ, часто *сапа* по чужимъ плантаціямъ свекловицы и т. д. „Безъ роскоши, безъ любовы зношу свойи чорни бровы, у наймахъ зношу", по словамъ Шевченка.

Но не даромъ народная пѣсня воспѣваетъ тебя „молодосте—одрадосте, на серденьку своя воля". Послѣ тяжелаго, трудоваго дня

„Ой и хтожъ то, пане-брате,
Та по улоньци свыще?
То товаришъ товариша
На вечорныци кличе".

И не даромъ кличетъ онъ его.

„Мисяцъ надъ горою,
Дивки на улыци...
Гей доле, доле...
Дивки на улыци.

Но приходятъ *жныва*. Хотя по пословицѣ только „цинъ робота, а коса охота", но и коса и серпъ ежедневно—это уже не *выграшки*. Я слышалъ слѣдующій разсказъ про мазура (не знаю, почему именно про мазура). У мазура зародилъ прекрасный овесъ и „така то вже шыбнула йего охота выкосыть той овесъ". Пристроилъ мазуръ *гробки* и пошелъ косить. Покосы ложатся прекрасные, что ни *ступинь*, то и снопъ. Косилъ нашъ мазуръ до самаго вечера, выкосилъ свой овесъ, откинулъ косу, лежитъ, еле дышетъ. Люди возвращаются съ поля. „Люды добри! перекажить моій жинци, щобъ выслала за мною пидводу. Та нехай высылайе дви пидводы, бо я зъ тею шельмою косою на йиднимъ вози не пойиду".

Да, не шутки эта коса и серпъ. Когда настанетъ ихъ царство,—на полѣ всё отъ мала до велика; солнце жжетъ немилосердно, сорочки темнѣютъ отъ пропитывающаго ихъ пота, спины болятъ, не переставая, жажда томитъ день деньской, только и слышно, что *шелестъ* созрѣвшей соломы, падающей подъ на-

---

[1]) Изъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты Каменецкимъ.

тискомъ серпа или косы, да дѣловые рабочіе разговоры. Пройдешь селомъ—оно какъ будто замерло, только малыя дѣти вертятъ пятою раскаленную, разсыпающуюся землю, устраивая такимъ образомъ „Кыйивъ" [1]), да старые „старесеньки" *диды* и *бабы* то грѣютъ свое дряхлое тѣло непосредственно у источника земной жизни, то прячутся въ *холодкахъ*, посматривая на *дитвору*. Вся жизнь ушла въ поле; оно поглотило ее до такой степени, что и наша *улыця* разбрелась и только кое-гдѣ дифференцированная, сосредоточенная любовь завлечетъ парня въ клуню къ любимой дивчынѣ или гдѣ нибудь въ „вышневымъ садочку" или у сельской изгороди увидите парубоцьку свитку, накинутую *наопашки*, покрывающую дивчыну. Здѣсь уже исчезли *жарты* и грубыя формы *порубоцького* заигрыванья: въ этой теплой атмосферѣ молодости и любви ведутся только разговоры полушепотомъ, да думается:

„Ой мисяцю—перекрою,
Зайды за комору,—
Нехай же я зъ своимъ мылымъ
Трохи поговору".

Изъ этихъ то свиданій выносятся воспоминанія:

„И нацилувався,
И намылувався—
Якъ у саду соловей,
Та й нащебетався".

Но настаетъ осень съ ея длинными вечерами. Полевыхъ работъ не то что много,—ихъ уже слишкомъ мало для нуждающагося въ заработкахъ селянина и наша сельская молодежь собирается на *досвитки*.

Тамъ и сямъ въ разныхъ пунктахъ села отдѣльные хозяева „прыймають досвитки". Дивчата сходятся на нихъ съ пряжею, мужская молодежь приходитъ для бесѣдъ съ ними, пряденіе перебивается шутками, разговорами, которые затягиваются въ позднюю ночь. Вносятъ солому, парни не безъ нѣкоторыхъ усилій побуждаютъ дивчатъ ложиться вмѣстѣ, и „ничъ—маты"

---

[1]) Дѣтская игра, состоящая въ образованіи изъ подвижнаго слоя земли концентрическихъ круговъ.

покрываетъ своимъ занавѣсомъ тайны молодыхъ разговоровъ, сердцебіеній и пожатій. Не больше. Таковъ обычай. Я знаю, что онъ представляется многимъ въ извращенномъ видѣ, какъ бы однозначущимъ „съ грубою разнузданностью", но для того, кто знаетъ нашихъ сельскихъ женщинъ (а всѣ онѣ бывали въ свое время на *досвиткахъ*) мысль о повальной ихъ разнузданности представлялась бы крайне обидною, если-бы она не была такъ смѣшна. Послушайте при случаѣ, какъ спокойно, безъ всякаго игриваго намека или осужденія, разсказываютъ замужнія женщины о своихъ *дивоцкихъ* досвиткахъ. Посмотрите, какъ иные родители, до крайности щепетильные по вопросамъ, связаннымъ съ дѣвственностью ихъ дочерей, преспокойно смотрятъ на ихъ хожденіе на досвитки. Молодости и связанной съ ней впечатлительности отводится въ народномъ понятіи извѣстное, опредѣленное мѣсто въ извѣстныхъ границахъ и формахъ. Въ игрѣ *велыкодной* показываютъ „якъ мылому постиль слаты", въ народной пѣснѣ (не помню, гдѣ слышанной) поется:

„Яку мени, моя маты,
Прынаду даваты?
—Стелы, доню, постиль билу,
Лягай изъ нымъ спаты.

Тѣ-же самыя сельскія женщины, которыя спокойно посѣщали досвитки, вполнѣ искренно скандализируются декольтированіемъ дамскихъ бальныхъ нарядовъ, обычаемъ пановъ „водыться пидъ руки" и т. п. Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что въ нашемъ селѣ не найдется ни одной женщины—крестьянки, которая бы рѣшилась войти декольтированною въ многолюдное собраніе. Всё это вопросы привычной формы, сущность-же дѣла заключается въ томъ, что спросъ на впечатлѣнія даннаго порядка слишкомъ силенъ для того, что-бы можно было его замкнуть въ строгія, ригористическія рамки.

Но возвратимся къ нашему предмету. Если я успѣлъ сколько нибудь отчетливо передать наблюдаемое, отчасти пережитое мною, то для читателя станетъ понятна та *стихія* любви, среди которой выростаетъ наша сельская молодежь. Это и послу-

житъ намъ къ объясненію нѣкоторыхъ явленій, связанныхъ съ позднѣйшимъ семейнымъ бытомъ.

Мнѣ приходится теперь перейти къ *сватаньямъ*, но прежде чѣмъ я это сдѣлаю—я хочу сказать еще два-три слова о нѣкоторыхъ общихъ свойствахъ нрава *парубоцького* и *дивоцького*.

Кто сколько нибудь внимательно наблюдалъ сельскую жизнь, тотъ не могъ не обратить вниманія на нѣкоторыя специфическія проявленія парубоцького нрава, облекающіяся въ грубыя формы, сопряженныя съ нарушеніемъ общественнаго благочинія, а подчасъ и съ дѣяніями, караемыми закономъ. Это тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что нашъ сельскій *парубокъ* представляется обыкновенно не только добросовѣстнымъ сотрудникомъ въ семейномъ хозяйствѣ, но и способенъ вообще къ воспріятію весьма тонкихъ впечатлѣній. Какъ сельскій хозяинъ, я имѣю давнее и частое дѣловое соприкосновеніе съ *порубоцьтвомъ*, которое является у меня то въ качествѣ поденныхъ рабочихъ, то въ качествѣ годовыхъ или лѣтнихъ *наймытовъ*, т. е. въ тѣхъ именно условіяхъ, въ основѣ которыхъ лежитъ антагонизмъ интересовъ, свойственный нашему современному хозяйственному строю. И что-же? Въ этихъ именно условіяхъ я научился цѣнить способность нашего сельскаго парубка къ воспріятію тонкихъ впечатлѣній. Мнѣ случалось вызывать румянецъ стыдливой радости простымъ „спасыби", обращеннымъ къ наймиту по поводу хорошо исполненной имъ работы. Не далѣе какъ въ прошлое лѣто моимъ *хлопцямъ* и моей *худобѣ* пришлось произвести относительно много полевой работы. Въ теченіи лѣта я сказалъ разъ, смягчая замѣчаніе полушутливымъ тономъ: „ну, хлопци, сегодня вы булы ледачи". Мои хлопци тоже улыбнулись, и я завелъ съ ними посторонній разговоръ. Послѣ этого мнѣ не пришлось ни разу не то сказать, но и подумать, что они *ледачи*. А какъ они были рады, когда оказалось, что они совершили больше работы, чѣмъ мы предполагали, такъ какъ мы узнали, что въ данномъ участкѣ больше земли, чѣмъ мы думали. Мнѣ приходится часто удивляться той пріятельской охотности, съ которою они напрягаютъ свой трудъ выше средняго въ моменты усиленныхъ полевыхъ работъ, осложняемые метеорологическими и тому подо-

бными обстоятельствами.—При разсчетахъ съ наймытами мнѣ приходилось не разъ исправлять свой счетъ въ виду напоминанія наймитомъ о взятыхъ имъ и незаписанныхъ мною деньгахъ. А вотъ факты другаго порядка. Хлопецъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ дивчыною; она забеременѣла. Онъ засваталъ ее, несмотря на то, что стоялъ на очереди по отбыванію воинской повинности. Онъ чистилъ навозъ въ то время, когда я сказалъ ему: „Що-жъ ты засватався?—ну нехай Богъ помогайе на все добре". Онъ поклонился мнѣ обычаемъ, просящихъ благословенія на брачный союзъ, и расплакался. „Хто его знайе, може я не вернусь зъ прыему, а самій дивчыни трудно"... Слезы перебили его рѣчь. Трудовая, будничная обстановка этой сцены придавала ей особенный рельефъ.

А вотъ другой случай. „Маты просылы, що бъ вы напысалы имъ прошеніе". Дѣло въ томъ, что братъ обращавшагося ко мнѣ съ этими словами стоялъ на очереди по отбыванію воинской повинности. Онъ былъ дѣйствительно слабоуменъ и нѣсколько часовъ передъ тѣмъ мать его краснорѣчиво разсказывала мнѣ, что онъ въ виду его слабоумія *пропаде*, очутившись среди чужихъ людей и въ чужихъ мѣстахъ. „Я, бачыте—продолжалъ мой собесѣдникъ, слегка краснѣя,—думавъ просыться, що бъ мене принялы на его мисце, а тимъ часомъ напышить прошенья, може его й не визьмуть".

А между тѣмъ, рядомъ со всѣмъ этимъ вы замѣчаете въ той же средѣ проявленія той грубости и нарушеній общественнаго порядка, о которыхъ я говорилъ. Прежде чѣмъ объяснять явленіе, я постараюсь описать его въ нѣскольких словахъ. Начнемъ съ самыхъ мелкихъ проявленій. Вы видите, напр., женскую молодежь, устраивающую игры на первый день Пасхи; вдругъ кто-нибудь изъ парней то начнетъ „перекрывлять" женское сопрано, то броситъ разбитое въ игрѣ „на убытки" яйцо въ которую нибудь изъ соучастницъ игры. Посмѣяться надъ „дивчатамы—овечкамы", подставить ногу такъ, чтобы дивчына споткнулась („пидчепыть"), а то и довесть шутки („гранья") до такой безцеремонности тѣлодвиженій, что предметъ ихъ приходитъ въ гнѣвное раздраженіе—дѣла, вызывающія одобрительный

хохотъ среди мужской молодежи. А то пойдетъ она ночью въ корчму, выпиваетъ и бродитъ по селу, напѣвая охотно солдатскія пѣсни. Дѣла неособенно важныя, но рядомъ идутъ и другія проявленія парубоцькаго молодечества. То нападутъ они на какой нибудь садъ или *баштанъ*, не стѣсняясь при случаѣ напугать, а то и поколотить сторожа, зарѣжутъ гдѣ нибудь бродячую гуску и т. п. Сюда-же относятся и обычаи такъ называемыхъ „новобранцивъ". Выпивать и нарушать общественное благочиніе во время близкое къ набору—дѣло обыкновенное, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ въ разныхъ селахъ. Тамъ, гдѣ данный обычай проявляется съ бо́льшею силою—поглумиться надъ проѣзжающимъ, обругать встрѣченнаго, перевернуть въ мѣстечкѣ на базарѣ или на ярмаркѣ столикъ съ булками, яблоками и т. п., расхитить эти *ласощи*—въ порядкѣ вещей. Въ иныхъ мѣстахъ торговцы подобными продуктами прекращаютъ на базарахъ свою торговлю, разъ на нихъ являются новобранцы. Понятно, что при всемъ этомъ случаются и драки, что удаль молодецкая, разгоряченная въ данномъ направленіи, заходитъ иногда и дальше и ведетъ подчасъ отдѣльныхъ лицъ на скамью подсудимыхъ то за нанесеніе побоевъ, то за присвоеніе *ласощивъ* (тарани, *цукеркивъ*) изъ склада какого нибудь сельскаго торговца. Таковы факты во всей ихъ наготѣ. Конечно, болѣе рѣзкіе изъ нихъ исключительны, но я ихъ привелъ для характеристики той почвы, на которой они выростаютъ.

Если взять во вниманіе ту тонкость впечатлительности, на которую я прежде указывалъ въ той-же общественной группѣ, то удовлетворяться обычнымъ оханіемъ въ виду нарушенія общественной тишины и благочинія—конечно, не приходится, хотя это и составляетъ господствующій пріемъ соціологическихъ изслѣдованій нашихъ сюртуконосцевъ. Я слышалъ и рѣчь прокурора, взывавшаго къ мечу правосудія для того, чтобы „пріудержать нашу расходившуюся сельскую молодежь". Несмотря на то я въ данномъ случаѣ подвергаюсь искушенію попытаться объяснить явленіе внѣ данныхъ, щедро заготовленыхъ формулъ нашей домашней соціологіи.

Бесѣдуя на данную тему съ старшими крестьянами, вы услышите не разъ осужденіе распущенности „теперешней“ молодежи, но не ошибайтесь: не думайте, что этимъ сужденіемъ исчерпывается ихъ взглядъ на данный вопросъ. Здѣсь дѣйствуетъ непривычка къ полному формулированію теоретическихъ взглядовъ. Дѣянія-то тѣ или иныя сами по себѣ не считаются похвальными, небезполезными считаются и тѣ или иныя мѣры къ пресѣченію данныхъ болѣе острыхъ проявленій, но въ глубинѣ суроваго осужденія нравственной сущности молодаго поколѣнія нѣтъ и быть не можетъ, какъ сейчасъ увидимъ. „Молодость—буйность“—да и только.

Когда-то, я помню, меня озадачилъ фактъ кражи гуски у сосѣда моею челядью, тѣмъ болѣе, что соучастники дѣянія были мнѣ знакомы, и знакомы, какъ добрые хлопци. Гуска легла въ основу пиршества, оживленнаго комическими вымыслами: пировавшіе представляли изъ себя пановъ съ лакеями, поварами и т. д. Фактъ обнаружился и послужилъ темою для бесѣдъ старшихъ. Они осуждали подобныя шалости, но въ дальнѣйшихъ разговорахъ пошли на воспоминанія своихъ лѣтъ *парубоцькихъ—молодецькихъ,* а вмѣстѣ съ этимъ всплыли и разсказы о гускахъ, убиваемыхъ на посѣвахъ и съѣдаемыхъ, а то и юмористическій разсказъ о сжаренномъ въ аналогичныхъ условіяхъ поросенкѣ. Послѣ этого я сталъ внимательно прислушиваться къ разговорамъ на подобныя темы и замѣтилъ, что, начинаясь осужденіями, они всегда почти оканчиваются воспоминаніями о какой нибудь добычѣ на баштанѣ, въ фруктовомъ саду и т. п., при чемъ отдаленіе во времени даетъ обыкновенно возможность живо, юмористически освѣтить разсказъ. Мнѣ случалось тоже бывать въ составѣ присяжныхъ въ то время, когда обвинялись молодые люди за болѣе рѣзкія дѣянія въ данномъ направленіи. То были—по юридической номенклатурѣ—кражи со взломомъ. Къ преступленіямъ, подходящимъ подъ этотъ терминъ, присяжные-крестьяне относятся обыкновенно довольно сурово, въ случаяхъ же, о которыхъ рѣчь идетъ, само названіе похищенныхъ предметовъ („сало, тараня, цукерки“ и т. п.), ихъ количество и лѣта подсудимыхъ сразу освѣщаютъ иначе

фактъ. Безъ долгаго предварительнаго разсужденія они всѣ говорятъ о томъ, что нужно возможно мягче формулировать вердиктъ. Взломъ въ этихъ случаяхъ отвергается и присяжные-крестьяне склоняются охотно къ самой мягкой формулѣ. Я помню тоже, какъ ахнуло наше село, когда мировой судья примѣнилъ суровый законъ къ довольно многочисленному нападенію съ насиліемъ нашего сельскаго парубоцьтва на баштанъ.

Такъ относятся къ данной категоріи явленій люди, стоящіе близко къ той группѣ населенія, среди которой онѣ встрѣчаются. И какія это странныя преступленія, которыя въ той или иной мѣрѣ совершаются почти поголовно въ молодости, не оставляя глубокихъ деморализирующихъ слѣдовъ въ болѣе зрѣлые годы? И какая это странная грубость нрава молодежи, которая не мѣшаетъ чередоваться ей съ деликатностью чувствъ въ молодости и не противорѣчитъ зарожденію въ болѣе зрѣлыя лѣта той спокойной *звычайности*, которая свойственна въ такой мѣрѣ украинскому люду?

Ключъ къ уразумѣнію этихъ странностей заключается, мнѣ кажется, въ томъ, что въ основѣ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, лежатъ не какія нибудь извращенныя нравственныя побужденія, а простой біологическій фактъ обилія силъ, свойственнаго молодости. Фактъ этотъ свойственъ молодости вообще и проявляется на различныхъ ступеняхъ культуры въ различныхъ только формахъ. Молодое, жизнеобильное поколѣніе съ трудомъ примиряется съ тѣми рамками, въ которыя втиснута обыкновенная общественная жизнь. Прюдомизмъ съ его условною моралью раздражаетъ своею банальностью молодой спросъ на жизнь, и оттуда столкновенія.

Перенесите эти побужденія въ болѣе культурную среду и посмотрите, какія услуги прогрессу мысли въ новыхъ поколѣніяхъ отдаетъ ихъ стремительный натискъ на отживающія доктрины и формы жизни, какъ съ нимъ связывается отыскиваніе новыхъ путей. Ту-же психическую подкладку, несмотря на громадное различіе формъ ея проявленія, имѣютъ и тѣ стороны парубоцькой жизни, о которыхъ здѣсь рѣчь. Молодая жизнеохотность, чувство обилія силъ вызываетъ здѣсь также презри-

тельное отношеніе къ узко-законченнымъ формамъ жизни, спросъ на жизнь внѣ этихъ формъ, нетерпѣливое желаніе борьбы, опыты испробовать свои силы, но недостатокъ культурной подготовки и иныя условія современной жизни не даютъ возможности найти болѣе благообразный исходъ данному психическому настроенію. При общемъ, менѣе цивилизованномъ складѣ жизни подобнаго рода аспираціи не въ такой мѣрѣ разногласятъ съ общимъ ея характеромъ и находятъ исходъ въ какомъ нибудь гайдучествѣ и т. п., въ старой украинской жизни—на Запорожьѣ. Здѣсь не мѣсто распространяться о бытовыхъ особенностяхъ жизни „славного лыцарства“, но несомнѣнно, что съ современой точки зрѣнія мы найдемъ въ ней очень много иррегулярностей, весьма сходныхъ съ общимъ характеромъ той стороны жизни нашей сельской молодежи, о которыхъ мы говоримъ. Иррегулярности эти, какъ извѣстно, не мѣшали тому, что тѣ-же чубатые молодцы были способны на серьезные героическіе подвиги, что народныя аспираціи живѣе и чище, представлялись на Запорожьѣ, чѣмъ въ другихъ историческихъ группахъ населенія, что эти „*łotrzyki*“, были дѣлателями той „козацькой славы“, которая по выраженію исторической думы „по всему свиту дывомъ стала, по всему свиту разляглась, простяглась, луговымъ гомономъ роздалась“.

Въ современной жизни не можетъ быть подобнаго рода исходовъ, остается разсчитывать на болѣе прочный подъемъ ея подъ вліяніемъ широкаго распространенія лучшихъ плодовъ человѣческой мысли; пока—нужно разсматривать жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ она есть, стараясь уразумѣвать ея смыслъ независимо отъ нашихъ личныхъ привычекъ. Смотря на жизнь нашей сельской молодежи съ этой точки зрѣнія нельзя ограничиваться улавливаніемъ проявленій, шокирующихъ наши привычки. Молодая жизнеохотность ея проявляется не только въ какой нибудь корчомной *бучѣ* и т. п. Среди этихъ блужданій вырабатывается безсознательно привычка не смотрѣть на будничные интересы жизни, какъ на ея альфу и омегу, смотрѣть на нихъ нѣсколько свысока, вырабатываются чувства товарищеской солидарности и дружбы, и если въ дальнѣйшей трудной

мужицкой жизни, сохраняется возможность отвлечься отъ ея будничной обстановки увлечься красотою, почувствовать альтруистическія впечатлѣнія, то указанныя здѣсь свойства свободной, товарищеской, парубоцькой жизни играютъ несомнѣнно серьезную роль. Я знаю зрѣлыхъ селянъ, у которыхъ при случаѣ разыгрывается презрительно-задорный нравъ, которымъ случается прогулять въ корчмѣ, угощая встрѣчнаго-поперечнаго, очень почтенныя относительно деньги, а то и затѣять драку и т. п. Эти же люди бываютъ въ обыкновенное время мягки и уступчивы, способны поступиться своимъ, сдѣлать сосѣдскую услугу („кровъ—говорятъ—не потече"), отзывчивы на болѣе широкую мысль или болѣе возвышенное чувство. Вотъ почему меня ни чуть не поражаетъ, что парубокъ, сдѣлавшій наканунѣ *бучу*,—обращается съ дивчыною со всею нѣжностью, на которую способна молодость, и вполнѣ основательно можетъ обратиться къ ней словами народной пѣсни:

Не зрадывъ я никого,
Ни малои дытыны—
Не зражу я и тебе
Дивки сиротыны.

Два-три замѣчанія о дивоцькомъ нравѣ. Прежде всего мы не можемъ не обратить вниманія на впечатлительность нашей сельской женщины вообще и дивчыны спеціально, на красоту предметовъ, подпадающихъ подъ ихъ зрѣніе. Замѣтнѣе всего это выражается въ ихъ любви къ нарядамъ. Посмотрите, какой это живой вопросъ для дивчыны „набрать спидныцю, пошыть курточку, купыть намысто" и т. п., посмотрите, какъ у дивчатъ подъ вліяніемъ этого чувства мѣняются моды. Посмотрите на нашихъ сельскихъ женщинъ на ярмаркѣ въ рядахъ, гдѣ продаются предметы женскихъ украшеній и уборовъ. Я былъ какъ то разъ въ домѣ, гдѣ одна немолодая барышня, изобрѣтательная въ дѣлѣ скопленія деньги, вывезла для перепродажи изъ Кіева довольно красивые вѣнки новаго для данной мѣстности фасона. Дивчата, бывшія на работѣ въ мѣстной экономіи, собрались въ дѣвичьей, гдѣ барышня—спекулянтка высыпала на столъ вывезенные вѣнки. Нужно было видѣть эти молодыя, ожив-

ленныя лица. „Отъ серце... тай гарни-жъ... а дайте ще цього подывыться... по чому воны, панно"? посыпались возгласы со всѣхъ сторонъ. Маленькое зеркальце, висѣвшее тамъ-же, пошло живо въ ходъ. Въ этомъ отношеніи наши сельскія женщины довольно похожи на своихъ сестеръ изъ другихъ слоевъ общества съ тѣмъ однако различіемъ, что послѣднія смотрятъ на нарядъ, главнымъ образомъ, какъ на орудіе побѣды и потому скрытничаютъ и завидуютъ, наши сельскія женщины смотрятъ на него проще, какъ на красивый предметъ. Конечно, не ставится ему въ вину, если онъ пріукраситъ всю особу нашей восторженницы, но онъ уже самъ по себѣ милъ за то, чтоярокъ красками, красивъ формою. Когда прохожій разносчикъ („венкгєръ") развертываетъ свой скарбъ, то возгласы восторга вызываетъ не только то, что можетъ годиться для женскаго наряда; ихъ достается столько-же колоризированнымъ иконамъ, картинамъ и т. д. Съ такимъ-же оживленіемъ говорятъ и о красивой обстановкѣ дома, о цвѣтникѣ, о вновь видѣнной красивой церкви, объ улицахъ большаго города, о какой нибудь торжественной и пестрой церемоніи и т. п. Впечатлительность къ красотѣ нарядовъ только одно изъ проявленій данной общей впечатлительности, и потому старики крестьяне, смотря на пеструю, нарядную толпу дивчатъ и молодицъ, снисходительно и добродушно говорятъ: „ну, що теперъ хороше ходять".

Экспансивныя въ данномъ случаѣ—наши дивчата даютъ волю этой экспансивности тамъ, гдѣ молодежь мужская считаетъ это неприличнымъ; возможно, что онѣ и живѣе чувствуютъ нѣкоторыя впечатлѣнія. Посмотрите, какъ товарки—*дружки* заливаются слезами, прощаясь съ молодою при пѣснѣ:

> Прощай, прощай, товарышко,
> Бо мы уже йдемъ,
> И гулянья, дивуванья
> За собою беремъ

и т. п. А сколько слезъ вызываютъ свадебныя пѣсни на свадьбѣ сироты? А то—зайдетъ къ вамъ лирникъ; поетъ онъ то и другое—вдругъ кто нибудь попроситъ „сыроту". Дивчата, присутствующія здѣсь, постепенно размѣщаются по менѣе замѣтнымъ куточкамъ.

„... куды йдешъ сыритко?—Матинки шукаты.

. . . .

Обизвалась зъ гроба йейи ридна маты:

— А хто жъ то тамъ плаче на мойему гроби?

— То-жъ то я, матинко; прыймить мене къ соби.

Тутъ уже задерживающая сила перестаетъ дѣйствовать, аккомпаниментъ лиры то и дѣло перерывается сдерживаемыми дивчачими рыданіями.

А сколько „щырыхъ слезъ" пролили молодыя соотечественницы „незабутного кобзаря" надъ его Катерыной?

Сердечная впечатлительность, выражающаяся въ этихъ случаяхъ, согрѣваетъ и отношенія сверстницъ. Въ дивчачемъ гуртѣ вы легко замѣтите маленькую компанію, частенько пару дивчатъ, почти неразлучныхъ. „Це йейи кольекга" говорятъ у насъ. Недавно въ сосѣднемъ селѣ умерла 18-лѣтняя дивчына, дочь *заможнихъ* родителей. „Кого тоби шкода?" спрашивала мать.—„Мени ничого не шкода, мени тильки шкода мойеи кольекги, Оксаны".

Несмотря на всё это, и дивчата избѣгаютъ проявленія нѣжныхъ чувствъ; добрый тонъ выражается въ „насмишкуватомъ" нѣсколько отношеніи къ вещамъ и людямъ. Только меньшая жизненная опытность и энергія рѣдко даетъ дивчачей насмѣшливости тотъ рельефъ, который она получаетъ у мужчинъ; оттуда частые маломотивированные взрывы смѣха среди *гурточковъ* дивчачихъ, которые и служатъ поводомъ къ выраженію: „дивчата—овечки". Этотъ гордо-насмѣшливый тонъ удерживаютъ онѣ и по отношенію къ хлопцямъ, когда эти отношенія гурта къ гурту, или же и въ единичныхъ отношеніяхъ, не только тогда, когда нѣтъ болѣе опредѣленнаго влеченія, но и въ послѣднемъ случаѣ, пока оно ясно не очертится для обѣихъ сторонъ.

Таковы въ общихъ чертахъ стороны, связывающіяся въ брачный союзъ, условія и характеръ ихъ сближенія.

Брачный союзъ обставленъ обрядовыми формальностями *сватанья* и *весилья*. Объ обрядности этой я не буду говорить, коснусь только тѣхъ сторонъ ея, которыя имѣютъ болѣе прямую связь съ современною семейною жизнью.

Сватанье чаще всего является формальнымъ обрядомъ, такъ какъ парубокъ обыкновенно „допытуйеться слова" у дивчыны

раньше. Обрядность сватанья въ моей мѣстности значительно упростилась; тѣхъ обрядовыхъ рѣчей, которыя записаны въ „Маруси" Квитки, у насъ не произносятъ или, можетъ быть, *уже* не произносятъ. Сватанье оканчивается предоставленіемъ послѣдняго слова дивчынѣ (въ случаѣ согласія родителей). Случается, конечно, что на содержаніе этого слова вліяютъ прежде родители, какъ и на рѣшеніе парубка сватать ту или иную дивчыну.

Съ этимъ связывается вопросъ: какъ объяснить то, что при общихъ условіяхъ жизни нашей сельской молодежи, благопріятствующихъ развитію чувства любви, при интенсивности его, засвидѣтельствованной богатствомъ народной пѣсенности на любовныя темы—случается и то, что парубокъ, пославшій сватовъ къ одной дивчынѣ, въ случаѣ отказа переходитъ немедленно къ другой, а то и къ третьей. А парубокъ то этотъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ другихъ.

Меня тоже поражало когда-то это видимое противорѣчіе, но потомъ, присмотрѣвшись ближе къ сельской жизни, я сталъ, кажется, довольно вѣрно уразумѣвать подобныя явленія.

Когда-то довѣрявшійся мнѣ по многимъ вопросамъ своей жизни сельскій парубокъ пришелъ ко мнѣ посовѣтоваться на счетъ женитьбы. До того уже онъ мнѣ неоднократно говорилъ, что въ ближайшую осень онъ женится; теперь онъ пришелъ съ тѣмъ же заявленіемъ, прибавляя только, что онъ въ недоумѣніи, кого ему сватать. Онъ указалъ мнѣ на трехъ дивчатъ, говоря, что родители и родственники совѣтуютъ ему взять такую-то (одну изъ нихъ).—„А ты-жъ якъ думаешъ?"—„Та мене и сюды и туды думка шыбайе. И це славна дивчына, и то ничого, и та также. Мабуть прыйдеться сватать Т.", т. е. ту изъ нихъ, которую рекомендовали родители. Я не ожидалъ этого, такъ какъ съ одной стороны я зналъ, что родители оказывали ему предпочтеніе и не рѣшились-бы особенно настойчиво стѣснять его, съ другой—я не замѣчалъ, что-бы онъ когда нибудь, встрѣчаясь съ Т. на работахъ, ухаживалъ за нею сколько нибудь. Состоялось сватанье, въ которомъ и я принималъ участіе, и молодые люди были видимо довольны собой. Разъ засватавши Т., мой знакомый при встрѣчѣ съ ней началъ ей оказывать предпочтеніе, заигры-

вать и вообще ухаживать за ней. Другой мой знакомый черезъ недѣлю, кажется, послѣ отказа одной дивчыны, засваталъ другую. Я не имѣлъ случая наблюдать ихъ отношенія въ промежуточный періодъ между сватаньемъ и бракомъ, но съ первыхъ же дней брака у нихъ установились хорошія отношенія, и они составляютъ одно изъ лучше живущихъ между собою супружествъ.

Присматриваясь къ подобнымъ случаямъ и сопоставляя ихъ съ условіями жизни сельской молодежи,—мы склоняемся къ заключенію, что въ этой жизни значительное мѣсто отводится стихійной, недиференцированной, такъ сказать, любви. Въ моихъ предъидущихъ замѣткахъ о собраніяхъ сельской молодежи — я старался указать, какъ рядомъ съ определенными предпочтеніями идетъ общій, стихійный спросъ на любовь, присущій молодости. Красота женщины (я понимаю здѣсь не только внѣшнюю) проявляется нескончаемо разнообразно: тамъ васъ прельщаетъ сосредоточенная задумчивость, тамъ сіяющая жизнерадостность, тамъ мягкая доброта, тамъ тонкій умъ, пробивающійся искусно среди трудностей жизни и т. д. Ограничить сферу женской красоты какимъ нибудь однимъ типомъ такъ же односторонне, какъ, напр., ограничить красоту пейзажа мѣсностью исключительно гористою или исключительно ровною, исключительно мрачною, или исключительно веселою и т. д. Всѣ мы испытываемъ по временамъ неопредѣленное увлеченіе красотою не той или иной женщины, а женщинъ вообще; въ молодости впечатлѣнія эти, подогрѣваемыя силою половаго влеченія, конечно живѣе, и потому для меня вполнѣ понятенъ на нашихъ сельскихъ вечорныцяхъ, особенно при меньшей воспитательной дифференціаціи ихъ участниковъ, неопредѣленный, тѣмъ не менѣе сильно возбужденный стихійный спросъ на любовь. Самомалѣйшій толчекъ при этихъ условіяхъ опредѣляетъ направленіе данной потребности душевной и тѣлесной, и такимъ образомъ мнѣ становится понятно, что парубокъ, неоказывавшій наканунѣ сватанья предпочтенія извѣстной дивчынѣ, послѣ сватанья съ доброй искренностью ухаживаетъ за ней.

Такъ, мнѣ кажется, понималъ и Шевченко то, что я называю стихійною любовью. Въ его лирическихъ мѣстахъ, тамъ гдѣ рѣчь идетъ о любви, чаще выступаютъ вообще „дивчата,

кари очи, вышневый садъ зеленый, ласки дивочи“ и т. д. чѣмъ опредѣленныя единицы. Въ „Наймычкѣ“ вотъ какъ опредѣляется потребность женитьбы Марка:

> Уже Марко чумакуйе,
> Вже въ осены не ночуйе
> Ни пидъ хатою, ни въ хати—
> *Кого небудь* треба сватать.

Интересно, что и въ личной жизни самого поэта мы встрѣчаемся съ отголосками этого сельскаго міровоззрѣнія. Такъ, въ болѣе поздніе уже годы, послѣ возвращенія изъ ссылки, мечтая о своей хатѣ и семьѣ, онъ поочередно дѣлаетъ предложенія разнымъ лицамъ то самъ (Катруся—въ Саратовѣ, кажется, Ликера), то поручаетъ родственнику своему Вареоломею отыскать для него „сыроту и наймычку“, то переговорить съ Харытою, которую Тарасъ завидѣлъ у Вареоломея, несущею *товчъ* для кабановъ. Конечно, здѣсь проявляется и довѣрчивая доброта, и личная мечтательная впечатлительность, но нельзя не видѣть и вліянія той народной жизни, среди которой онъ выросъ, съ которою ничто не могло разобщить его и которую онъ такъ горячо воспѣлъ своими „слезамы—словамы“.

Но рядомъ съ этою стихійною, неопредѣленною любовью—идетъ и сосредоточенная, дифференцированная. Я не умѣю опредѣлить въ какомъ процентномъ отношеніи сближаетъ та и другая отдѣльныя пары. Мужикъ по этимъ вопросамъ не словоохотливъ. „Це вже я тильки буду знаты“, говорила любимая женщина одному моему знакомому, напоминавшему ей свои изліянія. Скорѣе вы услышите разсказъ о разстроившихся любовныхъ отношеніяхъ, чѣмъ обратное. „Якъ я зачувъ, що Сыклыту засваталы—мени здалося, що земля пидо мною провалюеться“, говорилъ мнѣ одинъ парубокъ, товарищъ моихъ молодыхъ лѣтъ. Послѣ я наблюдалъ отношенія знакомаго мнѣ парубка С. къ дивчынѣ нашего села М. Въ голубыхъ глазахъ С. виднѣлась вообще склонность къ тихому восторгу. Я помню, какъ надъ нимъ посмѣивались, что, увидѣвши на ярмаркѣ необыкновенно красивую молодыцю, онъ окончательно растерялся и, засмотрѣвшись на нее, совсѣмъ позабылъ о своемъ ярмароч-

немъ дѣлѣ. Такъ онъ впослѣдствіи засматривался на М. Я помню—семья М. и семья С. копали у меня бураки; ихъ *постати* были близкія. С. былъ плохой работникъ въ данномъ случаѣ въ своей семьѣ; когда ни придешь,—увидишь его на сосѣдней *постати*; то подкапываетъ онъ тамъ, то чиститъ бураки, то подноситъ на мѣрницу. Въ формѣ этихъ хозяйскихъ дѣяній изливались его чувства. Но

„Не вси тіи сады цвитуть,
Що на весну розвиваються—
Не вси тии винчаются,
Що люблятьcя, то кохаються".

У С. была внѣшняя причина, разстроившая его любовь. Братъ С. былъ женатъ на сестрѣ М., что и составляло непреобориморе каноническое препятствіе. С. далеко не какой нибудь *богатырь*, но онъ предлагалъ мѣстному священнику 100 руб. за то, что-бы онъ обвѣнчалъ ихъ. Священникъ отказалъ. Потомъ обыкновенный ходъ вещей взялъ свое—М. вышла замужъ за другаго, С. женился. Дѣло это было какихъ нибудь полтора десятка лѣтъ тому назадъ, но я недавно встрѣтилъ С. въ одномъ обществѣ. Въ обществѣ пѣли; когда запѣли только что цитированную пѣсню „не вси тіи сады цвитуть", С. задумался и съ выраженіемъ глубокаго чувства сказалъ: „тому й правда, що въ письни спивають".

Правдивъ бываетъ и слѣдующій куплетъ:

Любывъ тебе дивчыною,
Люблю тебе молодыцею,—
И ще буду симъ рикъ ждаты,
Може станешъ удовыцею.

Я знаю и такой случай. Ждалъ и дождался. Я могъ бы значительно умножить число этихъ примѣровъ, но не въ нихъ суть. Мнѣ хотѣлось только указать на то, какъ въ народной средѣ рядомъ съ стихійною развивается и дифференцированная любовь. Мнѣ кажется, что послѣдній типъ усиливается въ народной жизни.

Между дѣлами, разсматриваемыми въ волостныхъ судахъ, случаются довольно часто дѣла объ убыткахъ на сватаньe. Обыкновенно родители заявляютъ, что они готовы сдержать слово,

но дочь поразмыслила. Традиція сталкивается здѣсь съ личнымъ выборомъ прямо заинтересованной стороны. (Убытки обыкновенно присуждаются). Въ связи, мнѣ кажется, съ этимъ періодомъ колебанія между традиціей, основанной на понятіяхъ стихійной любви, и усиливающейся дифференціаціей единицъ, находится и явленіе, которое я замѣчалъ довольно часто въ послѣдніе годы. Побрачившись, молодые часто расходятся на нѣкоторое время. Явленіе это объясняется, кажется, тѣмъ, что традиція, основанная на томъ, что я называю стихійною любовью, довольно сильна для того, что-бы завязать бракъ, но болѣе сильно развивающаяся дифференціація единицъ вызываетъ опредѣленныя личныя требованія, неукладывающіяся въ рамки традиціи—отсюда нетерпѣніе и разрывъ. Но другая, болѣе сильная традиція дѣлаетъ слишкомъ труднымъ положеніе разошедшихся („свитъ имъ завязаный"), и они послѣ розмысла, пообрѣзавъ свой спросъ на личную жизнь, сходятся обратно.

Но говоря о любви до брака, нельзя не упомянуть о случаяхъ, когда брачныя отношенія антиципируются любящейся парою; оканчиваются они обыкновенно формальною легализаціею. Соображеніе о томъ, что „на козаку немайе знаку" играетъ, конечно, нѣкоторую роль въ жизни парубоцьтва, но такъ какъ часто бываетъ, что „хочъ коханьячко не зродыться, то черево заводыться", то сознаніе отвѣтственности въ виду даннаго факта составляетъ рѣшающій моментъ и принимаетъ готовую форму легальнаго брака.

Я знаю много такихъ случаевъ. Дѣйствуетъ здѣсь, впрочемъ, и личное влеченіе.

„Тыха вода бережeньки зносыть,
Ой тамъ козакъ свого пана просыть:
Пусты мене, пане, на ту Украину,
Пыше дивка лысты, що мае дытыну.
—Можешъ цю провыну на иншого здаты.
—Не можу я, пане, буде Богъ караты.
Прыйизжае до свитлыци, билый день свитае,
Ввійшовъ у свитлоньку—дивчына вмырае,
Дивчына вмырае, дивчына хворуе,
Упавъ на колинця—дивчыну цилуе".

При такихъ условіяхъ неудивительно, что до обостренія, выраженнаго словами:

„Визьмы соби, козаче, дитыну,
Бо далебі на покосъ покину“

доходитъ очень рѣдко. Напротивъ,—я знаю много случаевъ, когда дивчына защищала виновника факта отъ подозрѣній, что не помѣшало ему свободно, внѣ натиска жениться на ней.

Бываютъ замѣчательно упорныя умалчиванья; часто въ селѣ (а въ селѣ секретничать трудно) такъ таки никто не знаетъ „одъ кого найшлася дитына“. Подобныя умалчиванія являются, конечно, чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительныя или мнимыя причины дѣлаютъ невозможной легализацію отношенія, а для другаго исхода, обезпечивающаго существованіе дитяти, нѣтъ смѣлости или же средствъ.

Въ этихъ преимущественно условіяхъ являются *покрытки*.

Судьбу покрытки живо и съ горячимъ человѣчнымъ участіемъ изобразилъ нашъ великій пѣвецъ и великій знатокъ народной жизни—Шевченко. Уже частое возвращеніе въ разныхъ мѣстахъ къ этой темѣ у Шевченка, указывая на данный вопросъ, какъ на наболѣвшее мѣсто, не позволяетъ намъ сомнѣваться въ общей вѣрности изображенія того суроваго взгляда крестьянской среды въ его время, который преслѣдовалъ такую мученицу.

И дѣйствительно, отголоски этой суровости слышатся въ извѣстной мѣрѣ и до настоящаго времени: рѣдкая дивчына не поблѣднѣетъ, когда ей опредѣленно представится возможность остаться покрыткою; слово *байструкъ* употребляется въ смыслѣ браннаго слова; я знаю случай, когда отецъ не дозволялъ сыну жениться на дивчынѣ, потому что она „самосійна“; процессы о дѣтоубійствѣ въ интересахъ скрытія факта дѣторожденія омрачаютъ до сихъ поръ отъ времени до времени судебную хронику, но въ общемъ суровость, вызывающая эти грустные факты, съ теченіемъ времени ослабѣваетъ. На это, между прочимъ, обратили мое вниманіе женщины, вышедшія изъ крестьянской среды, и утверждающія, что Катерына или Наймычка Шевченка въ современной жизни не имѣли бы достаточно реальной подкладки.

Мнѣ случалось встрѣчаться въ крестьянскихъ обществахъ съ покрытками; я не замѣчалъ ни малѣйшей разницы въ обращеніи съ ними и съ другими женщинами. Когда онѣ потомъ выходятъ замужъ, то положеніе ихъ дитяти, прижитаго прежде съ другимъ лицомъ, ни чѣмъ въ сущности не отличается отъ положенія пасынка вообще. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и въ пересмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ къ имущественнымъ правамъ пасынковъ законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ относятся, повидимому, одинаково, но объ имущественныхъ правахъ рѣчь впереди. А вотъ разсказъ, сообщенный дивчыною, объ отношеніяхъ покрытки къ дитяти: „дивка прывела дитыну и сказала баби (повивальной), що хоче ту дитыну втопыть. Баба каже: добре, тильки якъ пійдешъ топыты, трейчы окрунысь, трейчы поцилуй дитыну въ губы и щички, погодуй іи, а тȍди вже топы. Баба прыбрала дитыну. Пишла дивка до ричкы, зробыла все, якъ ій казано, та не топыла вже дитыны; вернулася зъ нею, а баба каже: а бачъ, суко,—свое дытя, та хтила стребыть“.

Объ обрядѣ *весильномъ,* чрезвычайно интересномъ и многократно описанномъ, я умолчу. Я хочу только указать на модификаціи въ одномъ изъ обычаевъ, переданныхъ стариной. Я говорю о брачной экспертизѣ, имѣющей въ виду провѣрить дѣвственность *молодой.* Если-бы было дозволено на основаніи общаго, такъ сказать, чутья жизненныхъ явленій извѣстной этнической группы, безъ болѣе спеціальныхъ соображеній, строить гипотезы о зарожденіи извѣстныхъ обычаевъ,—то я-бы сказалъ, что данный обычай при своемъ зарожденіи не имѣлъ въ виду данной провѣрки, что фактическій бракъ отличался отъ союза, признаваемаго обществомъ, только публичнымъ признаніемъ факта, какое и составляло его санкцію, откуда и зародились—при общей грубости нравовъ—публичное представленіе вещественныхъ доказательствъ совершившагося факта; что впослѣдствіи, подъ вліяніемъ другой культуры, данный обычай былъ утилизированъ въ интересахъ проповѣдываемаго ею ригоризма.

Такъ или иначе, но долгіе вѣка онъ держался въ смыслѣ присвоенія себѣ обществомъ права контроля надъ самыми интимными сторонами жизни единицъ, и то въ такой именно сферѣ

явленій жизни индивидуума, которая не соприкасается, собственно говоря, съ интересами общества. Въ этомъ смыслѣ переданъ данный обычай и нашему времени, и потому мнѣ кажется очень интереснымъ вопросъ о модификаціяхъ его, совершающихся на нашихъ глазахъ.

Извѣстно, какія оскорбительные для молодой и ея родителей пѣсни и обряды передала данная традиція въ случаѣ, если весилья окажется *нечарнымъ*. Но традиція эта слабѣетъ. Мнѣ случалось бывать на свадьбахъ, въ которыхъ молодая оказывалась недѣвственною. Въ послѣднее пятнадцати лѣтіе въ моей мѣстности я не встрѣчалъ подобныхъ пѣсенъ и обрядовъ; если какая нибудь болѣе выпившая баба по старой памяти пробовала *мурлыкать* пѣсню изъ даннаго цикла, то ее сейчасъ же *зацытькалы*. Обратно,—я видѣлъ усилія со стороны родителей и родственниковъ молодаго успокоить волненіе по этому поводу. На одной свадьбѣ молодая не допустила дѣла до выхода въ *комору* и тутъ же попросила прощенія у родителей молодаго. Этотъ исходъ, какъ ни тяжелъ онъ, или лучше такъ какъ онъ тяжелъ,—хвалится по традиціи и по ней-же устраняетъ дальнѣйшее обостреніе обряда. Мать сказала: „нехай тоби Богъ простыть; весилья одынъ день, а вамъ прыйдеться жыты ввесь викъ“ и благословеніе закончила словами: „перепросы людей“. И пошло это *перепрошуванья*, обращаемое ко всякому изъ присутствовавшихъ поочередно. Тяжелое впечатлѣніе обряда смягчалось однако значительно поведеніемъ публики; всѣ говорили въ успокаивающемъ тонѣ, но мое вниманіе особенно было занято великодушіемъ поведенія нѣкоторыхъ болѣе или менѣе давно замужнихъ женщинъ. „Отже жъ и я була така, а про те дай Боже усякій такъ прожыты, якъ я живу зъ своимъ“. Въ другомъ подобномъ случаѣ не были приняты мѣры подобной публичной исповѣди. Молодыхъ завели въ комору, а довольно многочисленная публика, преимущественно женская, оставалась въ хатѣ. Продолжительность отсутствія молодыхъ подсказывала публикѣ, что дѣло не клонится къ вывѣшиванію краснаго пояса на хатѣ. Родственники молодой видимо волновались, родственники же молодаго вели главнымъ образомъ разговоры, имѣющіе въ виду успокоеніе.

„Це пусте—хиба мы не булы молодымы“—говорилъ почтенный старикъ, отецъ молодого. Въ подобныхъ разговорахъ и утонулъ вопросъ; публика мало по малу стала расходиться. Независимо отъ этого въ моей мѣстности начинаетъ усиливаться одинъ видъ обхода. Послѣ нѣкотораго времени удаленія—молодой заявляетъ кому надлежитъ о своей немощи въ данное время, молодая о своей дѣвственности, и далѣе идетъ весилья съ красными поясами, лентами и вообще со всей подобающей веселостью. Преданіе гласитъ, что устроеніе „гарнаго весилья“ въ случаѣ если заявленіе молодой невѣрно—влечетъ за собою несчастіе для дома, но во многихъ по крайней мѣрѣ случаяхъ ни болѣе молодые, ни старики не придаютъ, очевидно, ему серьезнаго значенія. Я зналъ старика, отца новобрачнаго, который остроумно посмѣивался надъ мнимою немощью и вполнѣ спокойно устраивалъ гарне весилья. Случается и такъ, что болѣе стараго закала отецъ смущается долгимъ непредставленіемъ новобрачными вещественныхъ доказательствъ, сюда относящихся.

Рѣдко, но тѣмъ не менѣе бываютъ уже попытки не какими нибудь обходами, а просто, принципіально устранить изъ свадьбы весь данный обрядъ. Въ одномъ случаѣ отецъ новобрачнаго, когда дѣло по ходу свадебныхъ порядковъ приближалось къ данному обряду, заявилъ публикѣ, что она можетъ теперь расходиться. Въ публикѣ были недовольные, но старикъ настоялъ на своемъ. Я знаю случаи подобныхъ заявленій со стороны молодого. Въ одномъ случаѣ вышло нѣсколько комично, такъ какъ молодая, воспитанная въ данной традиціи, боясь подозрѣній, настояла на свершеніи обряда—съ результатомъ, разумѣется, желательнымъ по традиціи. Въ другомъ—обрядъ былъ устраненъ; правда, болѣе пожилыя родственницы молодого были имъ очень недовольны.

Такимъ образомъ мы видимъ по отношенію къ данному обряду и смягченіе суровости взгляда, обусловливающее его значеніе, и скептицизмъ, выражающійся въ разныхъ обходахъ и прямой протестъ. Обрядъ—къ чести развивающейся народной мысли—клонится, очевидно, къ упадку.

Говоря все это—я имѣю непосредственно въ виду мою ближайшую мѣстность, но дѣло въ томъ, что преобразованія народнаго міровоззрѣнія идутъ, кажется, въ главныхъ чертахъ въ одномъ и томъ-же направленіи, но не съ одинаковою скоростью по отдѣльнымъ вопросамъ. Такъ, не выходя за предѣлы обитаемаго мною сквирскаго уѣзда, есть мѣстности, гдѣ данный обрядъ держится, повидимому, со всей суровостью. Однажды, во время сквирской сессіи окружнаго суда—подсудимая, желая указать на половую немощь мужа, настаивала въ вопросахъ, обращенныхъ къ бывшему весильному старостѣ, на то, что онъ долженъ былъ въ первую брачную ночь исполнить функціи, припадающія новобрачному. Свидѣтель смутился. Присяжные крестьяне подсмѣивались надъ его смущеніемъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ серьезно, что ему нечего смущаться, что „у насъ такій законъ", что въ случаѣ надобности весильный староста долженъ „добуть весилья". Въ ближайшей моей мѣстности я разспрашивалъ стариковъ, бываетъ-ли или бывало-ли у насъ что нибудь подобное—они отвѣчали отрицательно.

Ѳ. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УКРАИНСКІЕ ЮМОРИСТЫ И ШУТНИКИ.[1]

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Юмористовъ и шутниковъ на Украинѣ называютъ штукарями. Штукарями называютъ и шутниковъ-юмористовъ, сопровождающихъ свой разговоръ жартами, т. е. непрерывными шутками и прибаутками, и такихъ людей, которые выражаютъ свои жарты въ дѣйствіи: въ шутливой мимикѣ, передразниваньи знакомыхъ, въ импровизаціи цѣлыхъ комическихъ небольшихъ сценъ собственнаго изобрѣтенія, смотря по настроенію духа, по неожиданному наитію творчества въ изобрѣтеніи комическихъ положеній.

Намъ приходилось встрѣчаться съ штукарями первой и второй категоріи въ деревняхъ каневскаго уѣзда кіевской губерніи. То были люди, выросшіе въ народныхъ преданіяхъ, люди, несомнѣнно вышедшіе изъ среды народа. Всѣ они были выразителями народнаго юмора, кроющагося во всѣхъ изгибахъ ума и фантазіи истаго украинца, юмора природнаго, такъ сказать непочатаго, дѣвственнаго, еще не стертаго и не видоизмѣненнаго налетомъ городской цивилизаціи.

Мы ограничимся краткою психологической характеристикой извѣстныхъ намъ штукарей. Припомнить подробно всѣ ихъ штуки положительно нѣтъ никакой возможности. Ихъ разговоръ былъ непрерывно испещренъ шутками и прибаутками. То былъ не разговоръ, а какой то непрерываемый фейерверкъ разноцвѣт-

---

[1]) Переводъ съ малороссійской рукописи.

ныхъ огней, искрящійся, сыплющій то блестящими звѣздами, то струями, то бьющій фонтаномъ разноцвѣтныхъ струй. Разговоръ штукарей былъ разговоръ живой, всегда веселый, жизненный, непринужденный, не закованный въ формы условной натянутости, не стѣсненный никакими условными формами. Душа выливалась какъ она есть, какъ она создана, во всей простотѣ и непосредственности, какъ выливается пѣсня соловья, щебетанье ласточки, какъ вылилась пѣсня народная изъ души чернобровой дивчыны, или пришибленнаго горемъ, но веселаго, несокрушимаго духомъ, гордаго и независимаго козака-запорожца.

Припоминается мнѣ личность одного изъ такихъ штукарей В. А... Мнѣ приходилось встрѣчать его нѣсколько разъ въ обществѣ по селамъ. Онъ служилъ въ канцеляріяхъ сахарныхъ заводовъ въ каневскомъ и черкасскомъ уѣздахъ. Въ одномъ домѣ собралось уже довольно много гостей. Пріѣзжаетъ въ гости господинъ среднихъ лѣтъ. Входитъ онъ въ гостинную медленной походкой, идетъ какъ то вяло, едва передвигая ноги. Лицо его продолговатое, обрамленное черными волосами. Говоритъ онъ медленно, даже немножко заикаясь. Всѣ тѣлодвиженія его лѣнивы, медленны. На лицѣ выражается равнодушіе, но черные глаза свѣтятся, блестятъ: въ нихъ видѣнъ умъ; они какъ то пронизываютъ человѣка насквозь, какъ будто заглядываютъ въ вашу душу. Онъ смотритъ пристально вамъ въ глаза и какъ будто наблюдаетъ, изучаетъ васъ. Прислушиваясь къ разговорамъ окружающихъ его лицъ, онъ улыбается едва замѣтною улыбкой: улыбаются какъ будто только углы его рта, слегка подвинутые внизъ. При этой улыбкѣ въ глазахъ просвѣчиваетъ тонкая хитрость человѣка, который, какъ говорится, себѣ на умѣ.

Гости съѣхались. Начинается общій разговоръ. А... какъ будто съ неохотой принимаетъ участіе въ разговорѣ. Онъ не рѣчистъ, говоритъ медленно, слегка заикаясь. Подаютъ чай. Разговоръ въ обществѣ дѣлается болѣе оживленнымъ. А... какъ будто пробуждается, немного оживляется. Въ его короткихъ, почти лаконическихъ фразахъ изрѣдка прорываются искорки юмора, легкія шуточки, вызывающія улыбку на устахъ собесѣдниковъ.

— И пришла же охота шутить этому сонливому человѣку, да еще заикѣ: къ шуткамъ то у тебя, кажется, таки совсѣмъ *хысту нема*; и берется же человѣкъ не за свое дѣло!—думаешь бывало, услышавъ въ первый разъ его покушеніе пошутить.

Однако скоро убѣждаешься, что въ немъ именно и есть этотъ *хыстъ* къ шуткамъ. Послѣ чаю его шутка слышится все чаще и чаще; она становится все удачнѣе, острѣе, дѣлается меткою. За ужиномъ А... овладѣваетъ уже вниманіемъ всего общества. Его кратко выраженныя, лаконическія шутки сыплются одна за другою. Его только и слушаютъ, и поддерживаютъ съ нимъ разговоръ только для того, что бы дать ему матеріалъ для юмора, задѣть его. Бойкія шутки брызжутъ фонтаномъ. Поднимается хохотъ. Его шутки возбуждаютъ смѣхъ у самыхъ серьезныхъ людей, рѣдко смѣющихся и не любящихъ шутокъ. Его юморъ—какая то всепобѣждающая сила: онъ заразителенъ и противостоять ему нѣтъ возможности. А между тѣмъ самъ юмористъ не смѣется, даже не улыбается. Онъ невозмутимо спокоенъ, и только усиливающійся блескъ его черныхъ глазъ свидѣтельствуетъ о напряженіи творческой дѣятельности его ума. А... даетъ смѣшной оборотъ своимъ фразамъ, представляетъ все въ смѣшномъ, но не карикатурномъ видѣ. Но его юморъ все таки легкій, не глубокій. Онъ лишенъ сатирическаго оттѣнка, лишенъ горечи гоголевскаго юмора, прикрытаго сладостью смѣха. Онъ шутитъ, никого не задѣвая, не касаясь ничьихъ недостатковъ, никого не осмѣивая.

Припоминаю другаго штукаря, тоже уроженца Каневщины: то былъ Костецкій, діаконъ въ мѣстечкѣ Корсунѣ каневскаго уѣзда. Мнѣ часто приходилось встрѣчать его въ то время, когда онъ былъ уже человѣкъ въ силѣ, сорокалѣтній мужчина. Онъ былъ высокаго роста, строенъ, какъ тополь, немного худощавъ, съ желтоватымъ цвѣтомъ лица, съ темными блестящими глазами; взглядъ его тихій, спокойный; тѣлодвиженія изящны, медленны. Говорилъ онъ медленно, не спѣша, какъ бы обдумывая каждую сказанную фразу. Держалъ онъ себя съ достоинствомъ, былъ игривъ, его любили и уважали въ окрестности. Его юморъ ровный, постоянный. Онъ постоянно шутилъ и въ

гостяхъ, и дома: подтрунивалъ надъ собою, надъ женою, шутилъ съ своими и чужими наймытами, крестьянами; отпускалъ жарты, разговаривая съ евреями, задѣвалъ шутками паничей, не щадилъ и панянокъ. Онъ разсыпалъ свой жартъ направо и налѣво, и во всѣ стороны, куда попало. Юморъ его всегда лился ровно и непрерывно, какъ несетъ свои воды ровнымъ теченіемъ тихая рѣка. Относительно стариковъ и старшихъ его жарты были вѣжливы, почтительны; съ молодожью онъ былъ не слишкомъ церемоненъ: жарты его часто были глубоки, часто отзывались колкостью сатиры, но всегда были выражены въ такой смѣшной формѣ, что уколъ шиповъ его сатиры прикрывался какъ бы листьями и розами, и тотъ, на кого были направлены его стрѣлы, чувствуя уколъ и опуская глаза, все таки долженъ былъ смѣяться и извинять юмористу ради смѣха, или даже ради улыбки, вызванной штукаремъ. Бывало чуть только гости въ чьемъ нибудь домѣ увидятъ въ окно, что во дворъ въѣзжаетъ бричка о. Костецкаго, всѣ бросаются къ окнамъ, у всѣхъ на устахъ появляется улыбка. Молодежь выходитъ на крыльцо встрѣчать К., предугадывая, что уловитъ какой нибудь жартъ, такъ сказать, на лету, пока К. войдетъ въ комнаты. И надежда не обманываетъ *паничей* и *паннивъ*. Вотъ К. пріѣхалъ съ своей женой. Жена его чистый контрастъ со своимъ мужемъ: она полна, почти толстуха, тяжела, хотя не вяла. Костецкій легко спрыгиваетъ съ довольно высокаго *богуславського возка*, но жену его затрудняетъ высота возка и отсутствіе подножки. К. беретъ подъ руки и снимаетъ съ воза свою тяжеловѣсную половину. При этомъ онъ усиленно и, конечно, искусственно *кряче*.

— Ой, паничи! не берить соби такихъ гладкихъ жинокъ, якъ моя, бо пидвередитесь колысь на вику, якъ и я оце пидвередивсь, бо жинка,—бачте, таке дило, що, здаеться, його й Богъ сотворивъ на те, що бъ пидвередить чоловика. Якъ будете брать соби жинокъ, то берить такихъ, щобъ поставыть на долоню та тилькы дмухъ, а вона й полетыть. А то вы таки шукаете паннивъ важкенькихъ... часомъ, якъ казала маты сынови: беры, сынку, хочь козу, абы зъ золотыми рогами...

Костецкій спокойно посматриваетъ на паничей. Паничи улыбаются, опуская глаза; панны хохочутъ. Отецъ діаконъ направляется къ крыльцу. Вдругъ черезъ тынъ перескакиваетъ Рябко и, почуявъ чужаго человѣка, бросается чуть не подъ ноги отцу діакону съ ревностью сельскихъ злющихъ собакъ. Отецъ діаконъ преспокойно обращается съ рѣчью къ Рябку.

— Та годи вже, годи! вже показавъ, що зъ тебе добрый наймытъ. Оце расходывся! Выдно, добри грòши берешъ въ хозяина... Годи вже, годи! Паничи! вынесить ему чарку горилки за ревность и усердіе.

Отецъ діаконъ продолжаетъ путь. Рябко, по мѣрѣ приближенія гостя къ крыльцу, удваиваетъ свое усердіе и наровитъ схватить его зубами за сапогъ.

— Жартуй бо, чоловиче, та и миру знай,—обращается опять съ рѣчью къ Рябку отецъ діаконъ. Но Рябко приходитъ въ неописанную ярость: выставляетъ свои челюсти и острые зубы до самыхъ десенъ и приподнимаетъ черныя губы. Наконецъ, Рябко хватаетъ отца діакона за полу рясы. Отецъ діаконъ въ одинъ мигъ схватываетъ стоящее у крыльца коромысло и ловко потчуетъ Рябка по спинѣ. Собака отпрыгиваетъ съ визгомъ.

— Ай, ай! або болыть! каесся, а лыхо робышъ,—говоритъ Костецкій, входя по ступенькамъ на крыльцо и шутливо поддерживая подъ руку свою супругу, притворно покрякивая какъ бы отъ безмѣрной тяжести, поднимаемой съ страшной натугой въ гору.

Отецъ діаконъ цѣлуется съ паничами. Перецѣловавшись съ цѣлымъ рядомъ непрекраснаго пола, онъ подаетъ руку первой стоящей въ ряду кавалеровъ дѣвушкѣ и протягиваетъ къ ней губы, изъявляя поползновеніе поцѣловаться и съ ней. Дѣвица отпрянула головой и бюстомъ назадъ и покраснѣла.

— Охъ, выбачайте! трохи не поцилувався и зъ вамы за гуртомъ. За гуртомъ и жидъ повисывся, спокойно говоритъ отецъ діаконъ.

Гость съ женой входитъ въ комнату. За нимъ вслѣдъ направляется вся молодежь, провожая его, словно почетная свита.

— Миръ дому сему и живущимъ въ немъ!—изрекаетъ отецъ діаконъ привѣтствіе въ древнемъ стилѣ—прыкиньте, хо-

зяине, плату своему Рябкови. Наймытъ зъ ёго добрый: покусавъ мою рясу.

— Хвалыть Бога, що не васъ,—отвѣчаетъ хозяинъ,—роздягайтесь, тай будете нашимъ гостемъ.

— Колы втырывся въ хату, та ще й непроханый, то вже нигде дитысь: буду гостемъ,—отвѣчаетъ отецъ діаконъ,—де храмъ, то й мы тамъ.

Въ мѣстной церкви былъ храмъ. Въ прежнее время на храмовой праздникъ гости пріѣзжали къ мѣстному священнику и дьячку еще съ утра, чтобы побывать въ церкви на богослуженіи. Послѣ богослуженія, естественно, всѣ отправлялись къ батюшкѣ на обѣдъ, такъ какъ *громадськый* обѣдъ для духовенства и нищихъ совершался на слѣдующій день. Отецъ діаконъ, отслуживъ въ Корсунѣ обѣдню довольно поздно, не поспѣлъ къ богослуженію, за то попалъ какъ разъ на обѣдъ. Въ Корсунѣ, большомъ мѣстечкѣ, богослуженіе совершается на городской ладъ, а не по деревенскому обычаю, съ восходомъ солнца.

Въ столовой накрыты столы, все приготовлено къ обѣду. Хозяинъ дома приглашаетъ отца діакона въ столовую.

— Ого! жива теща! Зъ обида та зновъ на обидъ! Оце лышенько! Але... черево—не дерево! роздается,—восклицаетъ гость.

— Хвалыть Бога, що жива ваша теща,—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Жива, жива, нигде правды диты, та ще й огнемъ жегома,—отвѣчаетъ отецъ діаконъ.

Гостямъ невозможно удержаться отъ улыбки даже въ присутствіи дочери этой тещи: теща извѣстна во всей окружности; она, дѣйствительно, жегома огнемъ, да еще не простымъ, а настоящимъ пекельнымъ. Огонь ея пылалъ и распространялся на весь каневскій уѣздъ и даже на сосѣднюю часть звенигородскаго и черкасскаго.

— А мы неначе зналы, що у васъ дви диркы за столомъ, тай думаемо зъ жинкою: поидемо та позатыкаемо собою ти диркы,—говоритъ отецъ діаконъ.

Хозяинъ дома приглашаетъ гостей садиться за столъ. Гостей много, порожнихъ дирокъ даже за двумя столами не оказалось. Молодые панычи толпились кучею вокругъ другаго стола.

— Тисненько! нигде правды диты. Якъ же то мы, жинко, вмостымось оце за столомъ? Пидъ насъ двохъ, пане господарю, прошу тры стильци: одынъ пидъ мене, а два пидъ жинку,—говоритъ отецъ діаконъ, опустивъ стыдливо глаза.

— Достанемо й тры тильки сидайте; знайдемо мисце.

За вторымъ меньшимъ столомъ толпились паничи; они едва усѣлись вокругъ стола; ихъ плечи и головы какъ бы обвиваютъ столъ плотною гирляндою. Между ними были и чиновники каневскаго духовнаго правленія, и служившіе въ корсунскомъ станѣ. Отецъ діаконъ устремляетъ свои спокойные глаза на этотъ столъ. Онъ туда *шпурляе* жартъ—бомбу чуть не орсиніевскую: съ молодежью онъ не особенно церемонится.

— Ото густо крючкивъ (крючками называютъ чиновниковъ разныхъ канцелярій). Неначе въ тисной бабы грають! Вы бъ, пане господарю, повишалы тихъ крючкивъ на крючкахъ, або на килкахъ, то може бъ и въ хати було бъ просторнише и на цимъ свити чыстише... отпускаетъ онъ сатирическій жартъ по адресу другаго стола.

И крючки, и всѣ гости смѣются, но нѣкоторымъ крючкамъ было не по себѣ. Взяточничество тогда было въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Отцу діакону случалось собственнымъ носомъ нюхать этотъ букетъ дурману и блекоты въ цвѣтущую пору произростанія этихъ цвѣтовъ. Отецъ діаконъ таки порядкомъ не долюбливаетъ крючковъ. Хозяинъ дома предлагаетъ гостямъ предъ обѣдомъ по чарци. Очередь пить по чарци доходитъ до отца діакона. Выпивъ рюмку, онъ дѣлаетъ легкую гримасу.

— Ой, горилко! якъ таке паскудство пьють ти пьяныци? А чи не можна, пане господарю, ще по другій? Бо.... цего паскудства якъ выпьешь одну, то й другои схочется,—говоритъ отецъ діаконъ.

Онъ шутитъ: отъ другой чарки онъ положительно отказывается.

— Закусуйте-жъ, отецъ діаконъ! Берить пырога,—проситъ хозяинъ дома.

— Ой, вже мени ци пыроги... обидови ворогы. Ззисы пырогивъ, до борщу й не доторкуйся. А дайте мени найменьшій, чи то правда,—самого найбильшого,—говоритъ отецъ діаконъ.

Однако въ его словахъ видѣнъ только жартъ—контрастъ: онъ отрѣзываетъ только половину пирога и закусываетъ. Хозяинъ, шутя, предлагаетъ по чарци и паннáмъ. Панны́ отказываются и жеманятся: потупляютъ глаза и улыбаются. Отецъ діаконъ и въ нихъ пускаетъ жартъ—хлѣбный шарикъ.

— При людяхъ не пьемо, а за дверыма по одній стукъ!

Между сидѣвшими паннами дѣйствительно было двѣ не молодыхъ, вполнѣ старосвѣтскихъ, которыя *за дверыма* стукалы не то, что *по одній*, а часомъ и по три и того болѣе. Гости знали объ этомъ. Очевидно, зналъ объ этомъ и штукарь—діаконъ. Рядомъ съ отцемъ діакономъ сидитъ старушка капитанша, беззубая, хилая. Она слишкомъ долго и медленно ковыляетъ своими беззубыми челюстями и оканчиваетъ свою порцію послѣ всѣхъ, когда уже всѣ перестаютъ ѣсть. Отецъ діаконъ пускаетъ и въ беззубую капитаншу жартомъ—шарикомъ, правда, маленькимъ, премаленькимъ.

— Еге, мамо! А вы ще и доси жуете: комъ-комъ—було-бъ двомъ, а вы й самы поилы,—говоритъ онъ капитаншѣ, которая едва одолѣваетъ кусочекъ жаркого.

Запасы его жартовъ неистощимы. Онъ разсыпаетъ ихъ въ теченіи обѣда, вмѣшиваясь въ разговоръ, отвѣчая на всякіе вопросы. Взрывъ хохота слышенъ ежеминутно. А между тѣмъ самъ Костецкій и не улыбнется. Смѣхъ, хохотъ вовсе несвойственъ ему. Кажется, по капризному жарту самой природы, онъ совсѣмъ лишенъ смѣха. Смѣхъ, хохотъ перешелъ въ его юморъ, воплотился въ его меткомъ словѣ и застылъ на кончикѣ языка, не достигнувъ до органовъ, выражающихъ наглядно смѣхъ и хохотъ. На видъ онъ постоянно и неизмѣнно солиденъ, серьезенъ. Жарты его не многорѣчивы, отрывочны, часто лаконичны, но метки въ краткости: онъ словно молоткомъ стукнетъ разъ, два—и готово.

Вотъ обѣдъ оконченъ. Костецкій крестится и благодаритъ: онъ уже пускаетъ въ себя бомбу-жартъ-самокритику:

— Спасыби Господеви милосердному, що мы, дармоиды, васъ, хозяине, обпылы та объилы. Дай Боже, и на будущій рикъ цего диждаты. А вы, хлопци-молодци, кажить: дай Боже!—обращается онъ заключительными словами колядниковъ.

Паничи, шутя, подхватываютъ этотъ жартъ и громогласно взываютъ совершенно какъ колядники:

— Дай, Боже!

Жарты наэлектризовали и ихъ. Одинъ смѣльчакъ изъ паничивъ „выхвачуеться“.

— За те й мы прыйдемо до васъ, объимо та обпьемо.

— Еге-жъ; колы мене не жаль, дочки нема, — бросаетъ отецъ діаконъ, бомбочку—жартъ въ смѣлаго панича:—хиба до моеи огнемъ жегомои... тоди пиде шкурка за вычынку, ще и зъ процентомъ...

Паничи улыбаются, но чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи. Имъ не чуждо злоупотребленіе гостепріимствомъ отцовъ семействъ въ качествѣ жениховъ.

Жарты отца діакона продолжаются безпрерывно и послѣ обѣда. Гости группируются вокругъ него; молодежь держится въ недалекомъ отъ него разстояніи, чтобы слушать его жарты. Къ вечеру онъ собирается домой и его провожаетъ та же многочисленная свита на ганокъ и до брычки.

Всю жизнь не истощались жарты въ этомъ типичномъ человѣкѣ. Огонь остроумнаго юмора не угасалъ въ немъ до смерти. *Давно это діялось: ще якъ баба дивкою була!* Мы припоминаемъ только нѣкоторые мимолетные его жарты, потонувшіе въ туманѣ прошлаго, давняго времени. Говорятъ, когда Костецкій почувствовалъ себя плохо и понялъ, что смерть его за плечами, то и этотъ тяжелый моментъ закончилъ еще жартомъ:

Въ памяти моей возстаетъ еще одинъ типъ каневскаго штукаря въ словахъ; типъ самый симпатичный. Это былъ В. Е. Онъ въ молодости состоялъ чиновникомъ, не помню, въ Каневѣ или въ Кіевѣ. Это былъ типъ штукаря-весельчака и *реготуна*. Какъ живой стоитъ онъ и теперь передъ моими глазами. В. Е. изъ тѣхъ типичныхъ личностей, которыхъ никогда не забудешь. Ни время, ни тревоги жизни не посмѣютъ изгладить изъ памяти этотъ оригинальный, глубоко-симпатичный образъ. Онъ былъ небольшаго

роста, но довольно полный, словно налитой. Формы его округлены. Круглая голова съ короткой шеей словно лежитъ на плечахъ. Онъ блондинъ съ голубыми, чисто бирюзовыми глазами, съ полными, извилистыми губами, изъ подъ которыхъ вѣчно блестятъ мелкіе, густые и бѣлые зубы. Волоса чуть чуть золотистые и кудрявые, щеки румяные, точь-въ-точь, какъ у амуровъ и купидоновъ, изображаемыхъ на картинахъ. Онъ весь какъ будто созданъ изъ веселья и смѣха. Только и слышно его: хи-хи-хи, перемѣшанные съ веселыми рѣчами. Когда онъ смѣется, то закидываетъ голову назадъ, глаза свѣтятся радостью, нѣгою, бѣлые зубы блестятъ какъ два ряда перловъ, слова льются въ перемежку со смѣхомъ; грудь его дрожитъ, золотистые кудри дрожатъ; дрожитъ, кажется, каждый мускулъ его полнаго, брызжущаго здоровьемъ лица, его полныхъ плечъ; дрожитъ каждая жилка, каждый нервъ этого нервно-веселаго организма. Смѣхъ его нервенъ, заразителенъ. Онъ васъ магнетизируетъ, заражаетъ. Слушая его смѣшные разговоры, разсказы и анекдоты, нельзя никакими силами удержаться отъ смѣха. Кажется, и мертвый засмѣялся бы, какъ у насъ выражаются, слушая его разсказы, слыша его веселый *регитъ*. Его жартъ легкій, не глубокій, часто лишенный глубокой сатиры, безобидный. Онъ никого прямо не задѣваетъ своими жартами. Горечь и полынь несвойственны ему, не гармонируютъ съ его веселымъ смѣхомъ. Онъ только смѣется и рѣдко осмѣиваетъ; онъ мастеръ все представить въ смѣшномъ видѣ, вездѣ найти смѣшную сторону, ловко подмѣтить ее и еще ловче передать все въ смѣшномъ видѣ, въ веселомъ комическомъ тонѣ. Разсказывая о своихъ встрѣчахъ и разговорахъ съ крестьянами, съ евреями, съ помѣщиками и разными панками, разсказывая о какомъ-нибудь приключеніи съ собою или кѣмъ-нибудь другимъ, онъ всегда представитъ все въ смѣшномъ видѣ, хотя не каррикатурномъ. Каррикатура чужда этому граціозному смѣху. В. Е. былъ какимъ-то воплощеніемъ смѣха и веселости. Что-то радостное, живое, какъ сама жизнь, было разлито во всемъ существѣ этого человѣка. Когда онъ входилъ въ комнату, переступая порогъ, на его румяномъ лицѣ, на золотистыхъ кудряхъ какъ будто свѣтился лучъ солнца. Природа положила на немъ эту

печать, и онъ какъ будто былъ посланъ межъ людей веселить и тѣшить среди ихъ заботъ и хлопотъ. Его смѣхъ звонкій, серебристый, частый. Смѣется онъ, словно серебряный колокольчикъ звенитъ, словно горошкомъ сыплетъ. Его непрерывный, радостный смѣхъ освѣжалъ всѣхъ, какъ веселое журчаніе ручья освѣжаетъ раскаленный воздухъ въ горячую лѣтнюю пору. Его заразительный смѣхъ веселилъ всѣхъ, какъ неожиданно прорвавшійся изъ мартовскихъ тучъ лучъ весенняго солнца, упавшій на черную, мрачную землю и обратившій къ золото глинистыя кручи и провалья, обратившій въ серебро полосы бѣлаго побережнаго песку, превратившій мутную воду рѣки въ чистый хрусталь. Какъ бы на радость людямъ посланы эти глубоко-симпатичные, веселые люди! Эхъ, греки, греки! не знали вы этого веселаго смѣха, заразительнаго реготу! Не знала ваша фантазія бога смѣха и реготу. Вы создали дивный Олимпъ съ богами, прелестный, чудный! Но его прелесть—это прелесть плоти, а не духа. Есть пробѣлъ въ вашемъ пышномъ созданіи... Есть „дирка“ за столомъ боговъ, пировавшихъ на вашемъ Олимпѣ. И, живи я въ вашъ вѣкъ, я посадилъ бы въ эту дирку за вашимъ столомъ корсунскаго отца діакона и рядомъ съ нимъ для компаніи его сжигаемую пекельнымъ огнемъ тещу, превзошедшую самую Медузу. Отецъ діаконъ бросалъ бы въ васъ такіе перуны-жарты, отъ которыхъ Олимпъ треснулъ бы по всѣмъ направленіямъ, а его теща поднесла бы богамъ подъ носъ такой мицной табаки, отъ которой безсмертные боги убѣжали бы въ тартаръ или въ крайности, въ отчаяніи переселились бы на кіевскую лысую гору. Вы, греки и римляне, создали боговъ домашняго очага, боговъ печи, чуть не создали боговъ макогона и рогача, боговъ сковороды и макитры и... прозѣвали боговъ смѣха и реготу. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, улыбки фавновъ и сатировъ? Это застывшая глупая улыбка природы, улыбка лѣса, рощи въ знойный день, глупый животный смѣхъ комнатной собачки, которую почесали подъ ушкомъ или погладили по спинкѣ. Грѣхъ вамъ греки, за этотъ пробѣлъ въ олицетвореніи и выраженіи въ чудныхъ изящныхъ формахъ силъ

духа. Вашу всесвѣтную ошибку исправилъ вполнѣ и съ достоинствомъ великій бриттъ—Шекспиръ. Однако мои волы вмѣсто *собъ* взяли *цабе* и свернули съ битаго шляху. Пожалуй, еще надѣлаютъ *патолочи*, попадутся въ *спашу* и очутятся въ *займани*... а строгій волостный сдеретъ съ насъ двойной штрафъ, конечно, положивъ его въ свой собственный карманъ, предварительно подѣлившись съ прожогою—волостнымъ писаремъ, и пропьетъ въ шинкѣ.

Съ лѣтами онъ сталъ полнѣть, и его полные плечи, грудь все также замѣтно дрожатъ отъ безпрерывнаго смѣха; дрожитъ отъ смѣха закинутая голова, дрожатъ золотистые локоны на плечахъ. Онъ не можетъ не выполнять своего назначенія—весело разсказывать и... еще веселѣе смѣяться. Неизгладимо врѣзался въ моей памяти одинъ разсказъ его о своей ссорѣ съ мѣстнымъ помѣщикомъ—паномъ П. Домъ, В. Е. былъ старъ и съ виду скорѣе похожъ на корчму или на жидовскій *заиздъ* (гостинницу), чѣмъ на порядочное обиталище. Помѣщикъ былъ обязанъ починять квартиру. Но помѣщикъ П. совсѣмъ не обращалъ вниманія на запустѣніе квартиры В. Е., похожей на ободранный сарай. В. Е. нѣсколько разъ жаловался начальству. Администраторъ, отъ котораго зависѣло это дѣло, посылалъ предписанія, но и предписанія не дѣйствовали. И вдругъ... этотъ администраторъ во время объѣзда является въ деревню. Квартира В. Е. поразила его. Онъ былъ нервенъ, вспыльчивъ и велѣлъ пригласить помѣщика. Помѣщикъ явился.

— Ты почему не строишь дома?—обратилсякъ П. раздосадованный администраторъ.—Развѣ я не писалъ тебѣ предписаній? Смотри же мнѣ! Я ѣду въ Богуславъ и буду тамъ ночевать. Догоняй меня и представь смѣту и поручительство, что домъ будетъ немедленно построенъ. Слышишь?

Панъ П. растерялся, поблѣднѣлъ и едва попалъ въ выходную дверь. Форма обращенія на „ты", самый тонъ изумили его и задѣли амбицію.

— Мій панъ П., почувши таку рацею, постоявъ коло порога и насылу потрапывъ въ двери, зачепывшысь носомъ объ одвирокъ, сивъ въ экипажъ, тай поихавъ до дому. Прыизжае

винъ у свій двиръ, злизъ зъ экипажа, тай до дверей не дійшовъ. Ой-ой-ой! ажъ стогне винъ; насылу дочалапавъ до прызьбы коло пекарни тай сивъ. Ой-ой-ой! все ойкае та важко дыше, взявшысь рукамы за колина. Такъ разсказывалъ В. Е.—„Грыцьку, каже винъ до погоныча, скажи ты мени, будь ласкивъ, що то таке за птыця?" — „А хиба-жъ я знаю!", отзывается Грыцько. — „Чы мае винъ яке право казать мени — ты? Винъ тыкавъ на мене, чи мае винъ таке право?"—„А Богъ его зна! Колы казавъ, то певне мае право", отвѣчаетъ Грыцько. Панъ П. былъ старъ, вдовъ, не имѣлъ дѣтей. Ему, очевидно, не было съ кѣмъ душу отвести.—„Я панъ зъ дида, зъ прадида, зъ прапрадида. Може двисти, трыста, може тысячу литъ на мій ридъ нихто не тыкавъ. А це хтось прыихавъ, держыть мене коло порога на ногахъ, не посадывъ мене и тыкае на мене. „Охъ, охъ, охъ!" все стогне панъ П. Вставъ винъ съ прызьбы, вхопывся обома рукамы за черево, тай понисъ свое важке черево въ покои; мабуть обида потрапыла ему въ черево та може й защкодыла, разсказывалъ В. Е.

А писать бумагу и летѣть въ Богуславъ было неизбѣжно нужно. Панъ П. это чувствуетъ. Онъ пишетъ бумагу и отправляется въ Богуславъ и... потомъ немедленно приступаетъ къ постройкѣ дома.

За то панъ П. не остался въ долгу передъ В. Е. По вѣрѣ и по духу полякъ, но по крови и по характеру истый сынъ Украины, да при томъ тоже изъ штукарей, онъ „вструхнувъ штуку" и В. Е.

— Разъ сыжу я въ своій новій хати, разсказывалъ В. Е., колы чую,—катерынка грае. Грае, тай грае, але десь далеко, нибы за церквою. Прислухуюсь я; катерынка грае якось чудно: якъ разъ якъ двери зъ моеи коморы запыщать самою высокою дыскантовою нотою, та зъизджають помаленьку ажъ на баса, щей гепнуть на кинци, та щей съ прытыскомъ. Оце, думаю, Богъ занисъ въ село якогось нимця. Выйду на часокъ та зъ нудьги послухаю, думаю я. Выхожу; колы чую—ажъ то свыня кувикае. Дывлюсь, ажъ прозъ мій двиръ помалесеньку, неначе молоду зъ перезвою, везуть на вози мою рябу свыню. Коло воза паньски

наймыты. Посадылы мою свыню на задни ноги якъ собаку, а спыною прывязалы до крыжовныци. Крычыть свыня, ажъ рыло въ гору до неба задерла, неначе собака вые. А я стою та регочусь. Свыня крычала, крычала, тай зъ голосу спала; вже не кувикае, а мекае, якъ коза,—та скиглыть, якъ собака.—„Спасыби панови за кумедію, кажу я до паньскихъ наймытивъ; ще зъ роду не бачивъ, щобъ свыня сыдила на вози на заднихъ ногахъ, а теперъ побачивъ на свои очи, за це вартъ й гроши заплатыты".

Панъ П. мстилъ В. Е. по штукарски: поймавъ свинью его въ спашу на своемъ лану, онъ велѣлъ торжественно и съ особенной церемоніей провезти ее мимо враждебнаго двора В. Е., приказавъ посадить ее на возу въ комической, совсѣмъ не свиной позѣ. Бѣда не велика, если свинья помучится. Давніе штукари Потоцкіе, Каневскіе продѣлывали штуки еще похуже и надъ живыми людьми, и то сходило съ рукъ.

— Посылаю я до пана наймыта зъ выкупомъ за свыню, разсказывалъ В. Е.—„Нехай пише прошеніе на мене про свою свыню", каже П. до наймыта. Адже-жъ мусывъ я черезъ его пысаты бумагу, ажъ чубъ мени ставъ мокрый.—„Колы такъ, то нехай панъ ззисть мою свыню, кажу я до наймыта, а бумаги пысать я не буду, бо одъ тыхъ бумагъ и въ мене чубъ стае мокрый. Пиды та такъ и скажи панови. Колы дывлюсь, другого дня бижить моя ряба свыня въ мій двиръ ажъ пидскакуе, мабуть рада, що вырвалась зъ неволи. А щó, думаю, прокаталась въ экипажи за прогуляння на паньскихъ бурякахъ! Ото знай, що де два бьються—третій не мишайся, бо третему найгирше достаеться".

Такъ ли происходило дѣло со всѣми его смѣшными подробностями, сказать навѣрное не могу. Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ былъ извѣстенъ во всей окружности, и веселый В. Е. умѣлъ передать неподражаемо въ смѣшномъ видѣ подробности происшествія. Разсказъ переходилъ, такъ сказать, черезъ его темпераментъ, былъ пропущенъ чрезъ призму его творчества и получалъ радужную, веселую окраску. И все это приправлено было непрерывнымъ звонкимъ смѣхомъ съ веселымъ настроеніемъ духа,

что дѣлало разсказъ вдвое интереснѣе. Появляется В. Е. у кого нибудь въ гостяхъ, онъ вноситъ съ собою веселость, дѣлается центромъ вниманія, особенно если случится двѣ—три особы веселыя, способныя поддержать его штукарское творчество. Тогда его штукарство брызжетъ фонтаномъ, шумитъ непрерывнымъ каскадомъ, пѣнится, какъ шампанское. Разсказъ идетъ за разсказомъ то о сосѣдяхъ панахъ, то о крестьянахъ, то о евреяхъ и цыганахъ.

Однажды владѣлецъ одного очень маленькаго сосѣдняго приселка, уже не молодой паничъ, отправился за границу и даже для чего то побывалъ въ Англіи, вѣроятно, потому, что страстно любилъ лошадей и верховую бѣшеную ѣзду. Возвратившись изъ Англіи, этотъ паничъ влюбился въ англійскій спортъ и ради оригинальничанья, началъ изображать изъ себя англичанина—спортсмена.

— Напявъ на себе якесь куце кепи съ козырькомъ вгору до неба, надивъ цыганьську курточку, натягъ узеньки штанци тильного цвита та батфорты съ довгыми халявамы, тай гоняе по поляхъ та хуторахъ,—разсказываетъ бывало В. Е.,—ему, мабуть, все здавалось, що винъ не въ Перетенчыцяхъ, а десь въ Лондони. Побачылы люде таке дыво тай пытають въ мене: „Що то сталося съ панычемъ? Поки не йиздывъ за граныцю на тепли воды, то ходывъ якъ уси люде: въ штанахъ и шапци, а якъ побувавъ за граныцею, то ставъ йиздыть, пробачайте, безъ штанивъ. Чы то воно такъ ходять тамъ на тихъ теплыхъ водахъ, чи що?“—„Прыдывиться, люде добри, лучче, говорилъ В. Е., то таки на йому штаны, тильки заграничнї—дуже вляплы“.—А панокъ и справди часомъ було натягне на себе червону курточку до пояса, тай гоняе по ланахъ, неначе коза-дереза пивъ бока луплена... А въ поясі неначе облупленый, а одъ пояса неначе свитыть гришнымъ тиломъ“,—говорилъ В. Е.

Въ то время пошла мода на фортепіано. В. Е. купилъ и себѣ клавикорды и началъ учить свою дочь играть на нихъ. На вечерахъ молодежь плясала до упаду подъ звуки этихъ несчастныхъ клавикордовъ. В. Е. было смотритъ, смотритъ на эти безконечные танцы и потомъ говоритъ:

— У цихъ панычивъ та паннивъ одно веселье у серци, а другое у пяткахъ. Дывлюсь я на ихъ, а въ ихъ ноги тильки— мель, мель! чысто якъ куляки въ млыновому колеси. Неначе коваль стоить съ розчинеными обценькамы тай щипае кожного за пяты. Якбы катерынка йшла та грала до самисенького Кыева, то воны танцювалы-бъ слидкомъ за катерынкою до самого города и, може-бъ, тильки тамъ схаменулысь".

На сороковомъ году жизни В. Е. постигло несчастіе: нѣжно любимая имъ жена умерла. Отрѣзавъ ея роскошную русую косу, онъ велѣлъ заплести ее, какъ обыкновенно ее заплетала покойница, обвить червонымъ намыстомъ покойницы, и положилъ ее въ небольшой ящикъ подъ стекломъ, какъ дорогое воспоминаніе о своей супругѣ. Поставивъ ящикъ на столикъ въ углу подъ образами, онъ подолгу простаивалъ, глядя на эту роскошную русую косу да червоное намысто, какъ на слабый отблескъ угасшей въ сумеркахъ зари. По смерти жены В. Е. загрустилъ, пріунылъ, но... не надолго. Опять въ скоромъ времени раздалось его веселое хи-хи-хи! Опять онъ веселъ и забавляетъ всѣхъ. Только лицо его съ теченіемъ времени начало полнѣть не въ мѣру, стало буквально „ширше, нижъ довше", какъ выражаются у насъ селяне; щеки стали красныя... Онъ и теперь годился занять мѣсто на Олимпѣ, но уже не въ образѣ Купидона, а въ болѣе солидномъ образѣ Бахуса. Творчество его юмора начало упадать, какъ бы гаснуть. Онъ шутилъ и смѣялся все рѣже. Веселые разсказы какъ бы теряли букетъ и не вызывали взрывовъ смѣха, а только улыбки. В. Е. началъ какъ будто задумываться и въ одно прекрасное лѣтнее утро умеръ отъ удара.

Припоминается мнѣ еще одинъ штукарь. Этотъ былъ уроженецъ Кіева. Онъ происходилъ изъ средней кіевской буржуазіи. Его штуки тоже были смѣшны и забавны, но только нѣкоторыя изъ нихъ носили на себѣ отпечатокъ народнаго юмора. Онъ примѣшивалъ къ нимъ гостинные каламбуры, хотя и эти каламбуры были забавны. Замѣчательно, что какъ только онъ женился,—въ немъ положительно изсякъ этотъ источникъ штукарства. Его юморъ совсѣмъ погасъ, какъ гаснетъ потушенная свѣча. Супружескія-ли узы имѣли такое вліяніе на его способ-

ность къ штукарству, или же онъ получилъ въ приданное кіевскую тещу, превзошедшую огнемъ жегомую, знаменитую корсунскую тещу отца діакона—объ этомъ исторія, вообще большая охотница скрывать истинныя причины многихъ и многихъ явленій жизни, благоразумно умалчиваетъ. Этому штукарю не попасть на Олимпъ.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1]

ГЛАВА II.

Шляхетство.

Изобразивши броженіе умовъ въ Малороссіи, мы перейдемъ къ обозрѣнію наказовъ отъ шляхетства, какъ наиболѣе виднаго сословія, съ желаніями котораго приходилось сообразоваться правительству въ своихъ предначертаніяхъ. Къ даннымъ наказовъ мы постараемся присоединять по каждому вопросу все, что говорилось шляхетскими депутатами и на засѣданіяхъ коммиссіи, но заранѣе предупреждаемъ читателя, что малороссіяне говорили въ коммиссіи довольно мало и оживлялись только тогда, когда рѣчь заходила объ ихъ краѣ, привилегіяхъ и вольностяхъ. Въ этихъ случаяхъ депутаты обыкновенно старались подчеркнуть предъ своими собратіями по коммиссіи, что они, малороссіяне, особый „благоприсоединившійся народъ“ и потому желаютъ пользоваться привилегированнымъ положеніемъ; но такихъ моментовъ было немного, дѣла же Великороссіи и ея окраинъ вообще мало интересовали малороссіянъ, ибо не были имъ извѣстны. Что касается собственно шляхетства, то особенно замѣтное оживленіе въ его средѣ было вызвано чтеніемъ проекта о правахъ благородныхъ, и нѣсколько ораторовъ, говорившихъ по сему предмету, оставили намъ весьма обстоятельныя „мнѣнія“, но такъ какъ этихъ мнѣній немного, то намъ при

---

[1] См. „Кіевская Старина“, 1890, 8.

характеристикѣ шлехетскихъ desiderata придется руководиться главнымъ образомъ наказами.

Обращаясь къ ихъ содержанію, необходимо прежде всего отмѣтить въ нихъ одну весьма яркую, проходящую красной нитью, черту—я имѣю въ виду страстныя и дѣятельныя хлопоты малороссіянъ остаться на томъ положеніи, „на какомъ Б. Хмельницкій со всѣмъ малороссійской націи корпусомъ подъ державу великороссійскую приступилъ", при чемъ это желаніе не составляло особенности однихъ шляхетскихъ наказовъ, но являлось общимъ голосомъ всей Малороссіи, и не было ни одного наказа, гдѣ бы такъ или иначе не говорилось объ этомъ и гдѣ-бы прошлое малороссійскаго народа не выставлялось идеаломъ и для будущей общественной жизни Украины.

Не считая возможнымъ приводить здѣсь подлинныя прошенія по упомянутому предмету, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько ссылокъ для иллюстраціи, въ какомъ видѣ шляхетство различныхъ полковъ представляло себѣ подтвержденіе прежнихъ привилегій своего отечества въ новосочиняемомъ Уложеніи. Глуховцы и черниговцы просили, напримѣръ, чтобы Малороссія была оставлена при всѣхъ своихъ вольностяхъ и выгодахъ и чтобы онѣ для вѣчнаго храненія и исполненія были занесены въ проектируемое Уложеніе и помѣщены въ немъ на приличныхъ мѣстахъ; при этомъ черниговское шляхетство хлопотало еще объ исправленіи отечественнаго законодательства, справедливо находя его устарѣлымъ и указывая его слабыя стороны [1]); что же касается до глуховскаго, то оно, молило императрицу, объ утвержденіи малороссійскихъ вольностей новымъ „высокоматернимъ привилегіемъ" и отдавало на ея волю все, что касалось исправленія или измѣненія этихъ вольностей при внесеніи ихъ въ новосочиняемое Уложеніе [2]). Почти съ такими же просьбами мы встрѣчаемся и въ наказѣ отъ переяславскаго шляхетства, полагавшаго, что императрица сама измѣнитъ въ его привилегіяхъ только то, что найдетъ или неполезнымъ, или непри-

---

[1]) Наказы, стр. 13.

[2]) Ibid., стр. 4.

личнымъ состоянію современнаго общества, лично же переяславцы не находили нужнымъ измѣнять своихъ правъ и вольностей ни въ чемъ, кромѣ положеній Статута, касающихся особы государя, да законовъ о шляхетской службѣ, не отвѣчавшихъ, по мнѣнію переяславцевъ, просвѣщенному состоянію ихъ сословія [1]). Въ общемъ, всѣ три наказа соглашались, что вольности Малороссіи должны быть удержаны безусловно, но въ то же время они сознавались, что многое въ общественномъ строѣ Украины нуждается въ освѣженіи и поправкѣ и предоставляли это сдѣлать самой императрицѣ по ея волѣ и усмотрѣнію, но лишь съ сохраненіемъ главныхъ, коренныхъ особенностей Малороссіи. Если мы коснемся остальнаго шляхетства,—полковъ: лубенскаго, прилуцкаго, гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго,—то и въ его наказахъ встрѣтимся съ тѣми же ходатайствами, чтобы край малороссійскій былъ трактованъ въ новомъ Уложеніи по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ и по подтвержденнымъ пунктамъ, но, въ отличіе отъ раньше названныхъ наказовъ, мы не найдемъ въ нихъ рѣшительно никакихъ просьбъ объ обновленіи законовъ, или объ измѣненіи ихъ по усмотрѣнію верховной власти; исключенія въ этомъ случаѣ не было сдѣлано ни для одной части Л. Статута, который, по словамъ лубенскаго шляхетства, „малороссійскій народъ въ судахъ и расправахъ своихъ чрезъ 113 лѣтъ до нынѣ употребляетъ къ своему удовольству“ [2]). Солидарность взглядовъ шляхетства въ этомъ отношеніи была полнѣйшая, однако же самое смѣлое напоминаніе, какое только было сдѣлано шляхетствомъ о подтвержденіи ему вольностей, мы находимъ не въ наказахъ, а въ прошеніи всѣхъ малороссійскихъ депутатовъ, поданномъ чрезъ маршала Бибикова Екатеринѣ II, по прочтеніи въ коммиссіи проекта о правахъ благородныхъ, когда шляхетству къ прискорбію пришлось убѣдиться, что его привилегіи не только не нашли себѣ мѣста въ проектѣ, но совершенно были пройдены молчаніемъ. При такомъ оборотѣ дѣла депутаты, и главнымъ образомъ, конечно, шляхетскіе, взяли

---

[1]) Наказы, стр. 37.

[2]) Ibid., стр. 57.

на себя смѣлость напомнить императрицѣ о томъ, „извѣстномъ всему міру обстоятельствѣ“, что малороссійскій народъ, свергнувши съ себя иго польской республики, добровольно присоединился къ московскому государству на томъ основаніи, чтобы ему оставаться вѣчно при всѣхъ своихъ вольностяхъ, правахъ, свободахъ и обыкновеніяхъ такъ, какъ онъ состоялъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, безъ всякаго нарушенія и отмѣны [1]), и что упущеніе въ проектѣ о правахъ благородныхъ привилегій малороссійскаго шляхетства составляетъ нарушеніе самаго важнаго договора. Это заявленіе, сдѣланное торжественно въ многолюдной коммиссіи отъ лица всѣхъ депутатовъ, представляло самое сильное выраженіе протеста малороссіянъ противъ игнорированія ихъ областныхъ особенностей и мы привели его, что бы подтвердить, что малороссіяне боролись противъ этого и молили императрицу не нарушать ихъ вольностей. Сохраненіе правъ и привилегій Украйны и ея шляхетства—вотъ основной фонъ всѣхъ прошеній и въ соотвѣтствіи съ нимъ расположены и другія желанія малороссійскаго шляхетства.

Каковы же были желанія и нужды шляхетства?

Прежде всего остановимъ свое вниманіе на вопросѣ спеціально сословнаго характера, составлявшемъ главный нервъ шляхетскихъ помышленій, — вопросѣ о дворянствѣ малороссійскаго шляхетства и объ уравненіи его въ правахъ съ великорусскимъ. На первый взглядъ просьбы шляхетства о признаніи его дворянствомъ могутъ показаться довольно странными. Хочется спросить, почему-же шляхетству, т. е. тому же малорусскому дворянству, утвержденному въ этомъ состояніи грамотами королей польскихъ и царей московскихъ, явилась нужда просить объ утвержденіи себя въ дворянствѣ? Какъ это могло случиться?

Чтобы понять это явленіе, мы должны припомнить, что въ Малороссіи исконныхъ шляхетскихъ или дворянскихъ родовъ было очень мало, ими могла похвалиться развѣ только одна Сѣверщина; что же касается большинства остальныхъ родовъ, причислявшихъ себя къ шляхетству, то они были сравнительно

---

[1]) Ibid., 178.

недавняго происхожденія и только фактически пользовались положеніемъ „шляхетскаго стану людей“, но не имѣли на свое званіе никакихъ грамотъ, ни польскихъ, ни русскихъ, не говоря уже о родословныхъ книгахъ. Это въ сущности были *старые старшинскіе роды*, представители которыхъ тогда или ранѣе занимали извѣстные старшинскіе уряды, владѣли населенными крестьянами землями и другими угодьями; шляхетское званіе они основывали, за отсутствіемъ другихъ доказательствъ, на службѣ, своей или своихъ предковъ, и на пожалованіи отъ царей и гетмановъ деревнями и землями за особыя заслуги предъ отечествомъ, хотя въ дѣйствительности этихъ заслугъ часто и не было и пожалованіе производилось по другимъ побужденіямъ. Но достаточно-ли было, могутъ спросить, одной принадлежности къ старшинскому роду, чтобы считаться шляхтичемъ? На это мы замѣтимъ, что до присоединенія Малороссіи къ Россіи старшина, т. е. государственный чиновникъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичемъ, но не шляхетство давалось службой, а наоборотъ служба составляла право только лицъ шляхетскаго званія и никто другой не могъ ею пользоваться, съ измѣненіемъ же соціальныхъ отношеній въ Малороссіи, произведенныхъ козацкими войнами и возсоединеніемъ съ Россіей, измѣнились и многіе порядки. Прежде всего, важная перемѣна произошла въ томъ, что козацкая сабля разрушила весь прежній строй жизни; соціально-экономическія отношенія польско-шляхетскаго типа были разбиты, незначительная шляхта въ огромномъ большинствѣ случаевъ бѣжала за Днѣпръ и на развалинахъ панскихъ хозяйствъ возникла совсѣмъ другая, козацкая жизнь, пробивавшая себѣ русло въ предыдущіе годы. Завелся новый строй, новые порядки, новые обычаи; на уряды козаки стали избирать, конечно, не шляхетство, котораго послѣ его бѣгства за Днѣпръ было-бы слишкомъ недостаточно, а своихъ козацкихъ начальниковъ, старшинъ, которые и сосредоточили въ своихъ рукахъ власть гражданскаго и воинскаго управленія. Затѣмъ далѣе, благодаря личнымъ заслугамъ, богатству, талантамъ и способностямъ однихъ предъ другими, изъ рядовъ простого козачества волной историческихъ событій стали выдвигаться извѣстные роды, въ которыхъ

старшинская власть стала удерживаться по преимуществу и переходить изъ одного поколѣнія въ другое. Не вдаваясь въ обсужденіе причинъ этого обычнаго явленія преемственности власти, мы скажемъ, что далеко еще ранѣе разсматриваемаго времени въ Малороссіи образовалось довольно много старшинскихъ аристократическихъ родовъ, всплывшихъ, такъ сказать, на поверхность изъ рядовъ простого козачества; не всѣ они, конечно, занимали мѣста въ администраціи, но это и не было важно. Дѣло въ томъ, что не они, такъ ихъ предки занимали старшинскія должности и, пользуясь своимъ положеніемъ, сосредоточили въ своихъ рукахъ отчасти путемъ пожалованія, отчасти путемъ заимокъ, захвата и другихъ болѣе или менѣе законныхъ средствъ, многочисленныя земли, населивъ которыя посполитыми и обложивъ ихъ податьми и данями, старшинская аристократія достигла вполнѣ положенія „шляхетскаго стану людей“ и считала себя сама и её считали другіе вполнѣ законнымъ шляхетствомъ, хотя у этого шляхетства и не было никакихъ документовъ о своемъ званіи, кромѣ голаго факта—привилегированнаго положенія и пользованія шляхетскими правами.

Конечно, лица, причислявшія себя къ шляхетству, не объясняли своей родословной съ такой откровенностью какъ мы, но утверждали, что они истинные потомки старой шляхты, но что ихъ грамоты и дипломы растеряны [1]) во время бывшихъ въ Малороссіи междоусобныхъ распрей и войнъ съ татарами, турками и поляками, и что ихъ шляхетское званіе достаточно доказывается уже принадлежностью ихъ къ старшинскимъ чинамъ и владѣніемъ населенными землями, ибо это въ древности составляло право только лицъ благороднаго происхожденія. Будемъ-ли мы вѣрить этому объясненію, или, зная о бѣгствѣ старой шляхты за Днѣпръ, усумнимся въ его правдивости, однако фактъ тотъ, что у шляхетства екатерининскаго времени рѣшительно не доставало доказательствъ своего званія и это была первая причина, почему оно съ особою тщательностью обратило вниманіе на вопросъ о причисленіи себя къ дворянамъ, ибо едва-ли

[1]) Нак., 68.

можно сомнѣваться, что заботы шляхетства были бы далеко меньше, если бы у него имѣлись дипломы или другіе документы о не предполагаемой, а дѣйствительной принадлежности его къ старымъ дворянскимъ родамъ. Мы это говоримъ потому, что нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы русское правительство, признававшее дворянство иностранныхъ выходцевъ, отказало бы въ этомъ своимъ подданнымъ, которыхъ оно обѣщало содержать при всѣхъ ихъ правахъ и привилегіяхъ.

Второй причиной особыхъ хлопотъ шляхетства объ уравненіи съ дворянствомъ могло быть, по нашему мнѣнію, убѣжденіе, господствовавшее въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что въ Малороссіи нѣтъ дворянъ; такъ, напримѣръ, Сенатъ незадолго предъ этимъ подтверждая свое запрещеніе принимать малороссіянъ въ шляхетскій кадетскій корпусъ, объявилъ, что въ „Малой Россіи нѣтъ дворянъ“ и, конечно, сами малороссіяне не могли въ душѣ не сознаться, что объявленіе Сената съ формальной точки зрѣнія было вполнѣ основательно. Обращаясь по этому поводу къ наказамъ, мы въ прошеніи гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства встрѣчаемся съ сознаніемъ, что за утратой родословныхъ документовъ, большая часть шляхетства узнается въ Малой Россіи не по документамъ, а по другимъ признакамъ, какъ-то: a) по владѣнію пожалованными землями, деревнями и др. угодьями, ибо это пожалованіе могло производиться только однимъ прирожденнымъ и заслуженнымъ шляхтичамъ, b) по службѣ въ военныхъ, гражданскихъ и земскихъ чинахъ, ибо въ эти должности могли выбиратъся только лица изъ знатнаго шляхетства, c) по происхожденію отъ знатныхъ чиновниковъ, ибо потомки ихъ должны пользоваться тѣми же правами, что и дѣйствительные чиновники и, наконецъ, d) незначительная часть по дипломамъ и другимъ документамъ. Изъ соображенія представленныхъ шляхетствомъ внѣшнихъ признаковъ принадлежности къ благородному сословію такимъ образомъ оказывается, что признаки эти довольно многочисленны и крайне растяжимы и что кругъ шляхетства не былъ очерченъ какими либо опредѣленными рамками, почему нельзя не согласиться съ Сенатомъ, что дворянъ, какъ сословія, въ Малороссіи не было.

Въ томъ, что шляхетское званіе многихъ малороссійскихъ фамилій не было точно установлено, а иныхъ даже возбуждало сомнѣніе среди самихъ малороссіянъ, можно убѣдиться изъ письма Румянцева къ Екатеринѣ, въ которомъ онъ доносилъ ей, что не обошлось ни одно собраніе безъ того, чтобы одинъ не укорялъ другаго въ самозванномъ шляхетствѣ, и чтобы раздраженные противники не вели генеалогіи даже самознатнѣйшимъ вельможамъ отъ мѣщанина или отъ жида; „уличаемо было—продолжалъ графъ—что и по нѣсколько разъ свои имена нѣкоторые по необходимостямъ и обстоятельствамъ мѣняли; нерѣдко смертное убійство и другіе пороки здѣсь примѣшивались“ [1]). Оставляя въ сторонѣ сарказмъ Румянцева, нельзя не согласиться съ нимъ, что такъ какъ условія принадлежности къ шляхетству были очень эластичны, то нерѣдко шляхетскимъ правомъ въ Малороссіи пользовались на ряду съ заслуженными и извѣстными родами и лица совершенно темнаго происхожденія, ничѣмъ себя не выказавшія и, разумѣется, объ утвержденіи въ дворянствѣ хлопотали одинаково тѣ и другіе. До этого вожделѣннаго момента наша шляхта не могла себя чувствовать спокойной, несмотря даже на видимое безучастное отношеніе правительства къ положенію вещей ею завоеванному. И дѣйствительно, хорошо ей живется теперь, но кто знаетъ,—пройдетъ годъ, два, и верховная власть можетъ лишить ее благоденствія, капля по каплѣ ею созидавшагося впродолженіе цѣлаго столѣтія, точно такъ, какъ она лишила Малороссію гетмана и другихъ привилегій. Уже не разъ русское правительство обращало вниманіе на слишкомъ обильную и щедрую раздачу гетманами войсковыхъ маетностей въ ущербъ казнѣ и интересамъ войска; о разграбленіи коронныхъ земель въ самое послѣднее время говорили и Тепловъ, и Румянцевъ въ своихъ запискахъ о неустройствахъ въ Малороссіи; Румянцевъ, вообще недружелюбно относившійся къ старымъ порядкамъ въ Малороссіи, еще добавлялъ императрицѣ, что болѣе 300 селъ и деревень, не исключая и городовъ, принадлежавшихъ коронѣ, разошлись путемъ злоупотребленій въ частную собственность.

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос. т. 27, стр. 47.

Шумъ, поднятый Тепловымъ и Румянцевымъ, о разграбленіи казенныхъ земель не имѣлъ бы, конечно, никакого значенія въ вопросѣ о дворянствѣ шляхетства, если бы послѣднее само не связало владѣнія землей, деревнями и т. д. съ шляхетскимъ званіемъ и не поставило бы послѣднее условіемъ для перваго, такъ что при возвращеніи разграбленной собственности въ казну многія лица потеряли-бы и самыя права на шляхетское званіе. Естественно, при такомъ взглядѣ могло случиться, что при такой неувѣренности и нетвердости своего положенія вопросъ объ уравненіи шляхетства, какъ оно выражалось, въ честяхъ и славѣ съ великороссійскимъ дворянствомъ составлялъ для него вопросъ жизни и смерти: если его претензія на дворянство не возбудитъ никакихъ пререканій и будетъ удовлетворена верховной властью, т. е. вся масса претендентовъ будетъ нобилитована, то его будущее спасено и обезпечено; если жъ благородство малороссійскаго шляхетства будетъ заподозрѣно и не найдетъ себѣ опоры въ проектируемомъ Уложеніи, то будущее его сомнительно и неизвѣстно.

Теперь понятно, почему составители наказовъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе правъ и преимуществъ шляхетства, прежде всего поставили на видъ вопросъ о пріобщеніи его къ россійскимъ нобилямъ. На ряду съ этимъ наказы хлопотали также объ уравненіи воинскихъ малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими и о непредпочтеніи однихъ предъ другими. Нобилитація и уравненіе въ чинахъ — это два спеціально шляхетскихъ, сословныхъ желанія и ходатайства и онѣ составляютъ самое живое мѣсто во всѣхъ наказахъ, прошеніяхъ и устныхъ заявленіяхъ депутатовъ, говорившихъ въ коммиссіи. Здѣсь кстати можно напомнить, что ходатайства объ уравненіи чиновъ не были уже первыми; еще гетм. Разумовскій [1]) и ранѣе его малороссійская старшина хлопотали объ уравненіи въ чинахъ и о распространеніи на малороссіянъ дѣйствія табели о рангахъ, что въ свою очередь повело бы къ развитію въ Мало-

---

[1]) „Кіевская Старина", 1883 г., № 7. Прошеніе о возстановл. стар. правъ въ Малороссіи.

россіи личнаго и потомственнаго дворянства. Слѣдовательно, вопросъ о чинахъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ для многихъ и вопросомъ о дворянствѣ, но, къ прискорбію нашихъ чинолюбцевъ, ихъ просьбы остались безъ всякой резолюціи и екатерининская законодательная коммиссія представила весьма удобный случай, чтобы снова заговорить о своемъ излюбленномъ предметѣ. И, дѣйствительно, наказы всѣхъ полковъ наполнены прошеніями о томъ, чтобы малороссійскіе чины „уравнить классами противъ великороссійскихъ"…. и „чтобы малороссійскіе чиновники могли пользоваться и онымъ съ ними уравненіемъ *и презираемы быть не могли*". Гадяцкое, полтавское, миргородское, а также и другихъ полковъ шляхетство, кромѣ прочихъ мотивовъ уравненія чиновъ, выставляло на видъ еще и то обстоятельство, что, благодаря неравенству чиновъ, малороссіяне во всѣхъ случающихся коммиссіяхъ всегда бываютъ отъ великороссіянъ „презираемы" и „упослѣжаемы" и узнаютъ отъ нихъ обиду и многія огорченія. Этотъ мотивъ взятъ весьма вѣрно. Жалобами малороссіянъ на великороссійскихъ чиновниковъ, свысока третировавшихъ малороссійскихъ старшинъ и ихъ чины, дѣйствительно, можно было завалить нѣсколько коммиссій и уравненіе чиновъ могло-бы послужить нѣкоторой преградой къ пренебрежительному отношенію великорусскихъ чиновниковъ къ малороссійскимъ. Не имѣя нужды вдаваться здѣсь въ объясненіе причинъ, почему возникло предпочтеніе однихъ чиновъ предъ другими, мы должны сказать, что оно началось довольно рано, вскорѣ по возсоединеніи, и росло вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности Украйны. Спѣсь и заносчивость великорусскихъ чиновниковъ были, такъ сказать, прямо пропорціональны упадку внутренней жизни и правителей Малороссіи, не сдерживавшихъ въ должной мѣрѣ обидчиковъ. Сами малороссіяне, видя невниманіе верховной власти къ ихъ чинамъ на томъ основаніи, что чины давались не ею, а получались по выборамъ, стали относиться къ нимъ съ недовѣріемъ и охотно лѣзли въ великорусскіе штатскіе и военные чиновники. Такимъ образомъ, обезцѣненіе малороссійскихъ чиновъ шло съ двухъ сторонъ и достигло такого состоянія, что, по словамъ наказовъ, самый простой великорусскій офицеръ считалъ себя въ

правѣ высокомѣрно обращаться съ знатными старшинами и оскорблять ихъ національныя чувства. Поэтому, ходатайства объ уравненіи въ чинахъ начали поступать отъ малороссіянъ довольно рано и нельзя сказать, чтобы само правительство не чувствовало этой необходимости. Такъ депутатъ Политика въ примѣчаніи къ своему представленію въ коммиссію сообщалъ [1]), что Коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733 г., Правит. Сенатъ въ 1756 г. и Коммиссія о дворянской вольности въ 1763 г. подали свои мнѣнія объ уравненіи чиновъ, „хотя-бы и съ уничтоженіемъ противъ бывшаго при Петрѣ Великомъ счисленія". О томъ же хлопоталъ въ 1764 г. и гетманъ Разумовскій въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи; малорусскій народъ—писалось въ прошеніи—въ бытность Малой Россіи подъ Польшею имѣлъ полное равенство съ коронными и литовскими чиновниками и для него не были закрыты первѣйшія должности, соединенныя съ сенаторскимъ достоинствомъ; съ присоединеніемъ къ московскому царству малороссіяне также содержались, согласно своимъ правамъ и достоинствамъ, т. е. гетманы считались въ первыхъ классахъ и жаловались въ бояре (Брюховецкій), а полковники — въ стольники. Съ введеніемъ Петромъ I табели о рангахъ малороссіяне остались въ невыгодномъ для своего честолюбія положеніи, такъ какъ въ табели ничего не было упомянуто ни о гетманѣ, ни объ остальной малороссійской старшинѣ и, что всего обиднѣе, въ ней не было даже указано, въ какомъ соотношеніи съ ея чинами должны находиться чины, существовавшіе въ Малороссіи. Послѣдствіемъ этого было то, что офицеры самыхъ низшихъ чиновъ стали считать за право, „чтобы преимущество брать надъ знатною малороссійскою старшиною за то только, что нѣтъ никакого понятія, какъ имъ считаться съ великороссскими чинами".

Изъ сказаннаго нами о связи между службой въ старшинскихъ чинахъ и правами на шляхетское или дворянское званіе можно, я думаю, догадаться, какимъ образомъ относились шляхетскіе депутаты къ извѣстному спору въ коммиссіи между по-

[1]) Наказы, 176.

борниками дворянства по происхожденію или крови и „по чину". Такъ какъ однимъ изъ главныхъ основаній къ „положенію во дворянство" потомки малороссійскихъ чиновъ выставляли ревностную службу своихъ предковъ, а для многихъ изъ служившихъ государственная служба была, пожалуй, единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ полученію дворянства, то всѣ шляхетскіе депутаты и высказались за дарованіе дворянства чрезъ полученіе чина. Демократизмъ малороссійскаго шляхетства сходился въ этомъ случаѣ съ демократизмомъ табели о рангахъ, проводившей чрезъ свои ступени въ среду благородныхъ всякаго подлаго человѣка; пріятно вспомнить, что украинскіе депутаты не обнаружили по этому предмету никакихъ колебаній и нисколько не сокрушались, что пріобрѣтеніемъ дворянства по службѣ будетъ „уподляться" самое дворянское сословіе. Мы не встрѣтили также въ мнѣніяхъ депутатовъ и того желанія нѣкоторыхъ великорусскихъ дворянъ, чтобы среда самого дворянства была расколота на двѣ отдѣльныя части—одну дворянъ по крови, другую дворянъ по чину, и вообще мнѣнія малороссіянъ по этому вопросу отличались большою трезвостью. Для примѣра мы можемъ указать на рѣчь гадяцкаго депутата Мотониса, возражавшаго защитникамъ кровнаго дворянства. Каждое поколѣніе дворянъ—говорилъ онъ—имѣло свое начало, съ тѣмъ различіемъ, что одни получили дворянство „чрезъ заслуги и добродѣтели" раньше, а другіе позже; но похвальныя качества людей должны возводить ихъ въ благородство всегда, т. е. одинаково теперь, какъ и прежде, и это есть ничто иное, какъ возмездіе за заслуги, подобно тому, какъ наказаніе есть возмездіе за преступленія и злодѣянія. Подлаго, съ точки зрѣнія Мотониса, у государя не должно быть никого; всякій землевладѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ честенъ и знатенъ своими трудами, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ; подлы только тѣ, кто, имѣя дурныя свойства, занимаются дурными дѣлами и нарушаютъ общественное спокойствіе. Развивая свою мысль далѣе, Мотонисъ находилъ, что Петръ I введеніемъ табели о рангахъ не сдѣлалъ ничего новаго противъ своихъ предковъ, такъ какъ и раньше его чины приносили дворянскую честь и достоинство и поэтому

онъ находилъ, что чиновники имѣютъ полное право на возведеніе въ дворянство, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы оно не было въ тягость государству и согласовалось съ потребностями государственной службы [1]) Къ мнѣнію Мотониса единодушно присоединились и остальные малороссійскіе депутаты, а извѣстный своимъ патріотическимъ настроеніемъ Политика, раздѣляя точку зрѣнія Мотониса, заявилъ, что правами благородныхъ должны пользоваться не только кровные дворяне, но „такожъ и всѣ тѣ, кои до окончанія сего проекта (т. е. проекта о правахъ благородныхъ) получили воинскіе и гражданскіе, съ дворянствомъ сопряженные чины“ [2]). Причинъ тому Политика находилъ много: во 1-хъ, по его мнѣнію, государи вольны жаловать въ чины, влекущіе за собою дворянство, и было бы предосудительно ихъ слову выключить изъ числа дворянъ всѣхъ, получившихъ это званіе чрезъ службу, ибо этимъ были бы обижены всѣ, кто, не будучи дворяниномъ, достигъ чиновъ и пріобрѣлъ себѣ на этомъ правѣ недвижимыя имѣнія. Во вторыхъ, становясь на юридическую точку зрѣнія, Политика доказывалъ, что право новыхъ дворянъ есть родъ привилегій, а таковыя не отнимаются безъ какихъ либо преступленій и, наконецъ, полученіе дворянскаго достоинства только тамъ стараются сдѣлать затруднительнымъ, гдѣ очень много дворянъ, въ Россіи же, по мнѣнію докладчика, ихъ весьма недостаточно и кромѣ того опытами доказано, „что тѣ монархіи сильнѣе и безопаснѣе, которыя по мѣрѣ пространства своего имѣютъ довольное число дворянъ, потому то сей родъ людей первая и сильнѣйшая подпора престолу“. Защищая дворянство „по чину“, Политика однако считалъ необходимымъ предоставить право пожалованія имъ не высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, дающимъ чины, а одному только государю, такъ какъ достиженія извѣстнаго чина въ его глазахъ еще недостаточно, чтобы стать дворяниномъ. Чинъ есть только условіе, но государь имѣетъ факультативное право сдѣлать или не сдѣлать кого либо дворяниномъ, хотя бы къ тому и существовали всѣ формальныя основанія. Что касается

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. IV, стр. 170.

[2]) Тотъ же Сборникъ т. 32, стр. 347.

нобилитаціи наличной массы шляхетства, то въ пользу ея, кромѣ указаній на заслуги предковъ и награжденіе ихъ чинами, въ наказахъ особенно часто встрѣчаются ссылки на пожалованіе малороссіянъ деревнями, землями, мельницами и пр., что, по мнѣнію составителей наказовъ, само по себѣ уже даетъ право считаться наравнѣ съ дворянами, „ибо не одно имя дворянина, представлялъ Политика, но больше того помѣстья и отчины, жалуемыя за службу къ отечеству, составляли въ прежнія времена прямое дворянское достоинство; между малороссійскимъ шляхетствомъ и россійскимъ дворянствомъ различіе состояло только въ одномъ имени, т. е. что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и другіе чины съ помѣстьемъ и отчинами, а малороссійскіе въ старшины съ тѣмъ же". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта аналогія Политики вполнѣ правильна и что наличность жалованныхъ деревень могла бы служить лучшимъ правовымъ основаніемъ для провѣрки законности претензій лицъ, хлопотавшихъ о дворянствѣ, но слабая сторона этого основанія состояла въ томъ, что при царствовавшей въ Малороссіи долгіе годы анархіи и волненіяхъ жалованныя грамоты многихъ были утрачены и къ концу XVIII вѣка было бы крайне трудно опредѣлить, у кого изъ малороссіянъ земли дѣйствительно жалованныя, а у кого скупленныя или захваченныя. Выйти изъ такого затрудненія можно было только признавъ всѣ старшинскіе роды, владѣющіе землями, дворянскими, конечно, къ большому ихъ удовольствію.

Какъ поступило по означенному вопросу русское правительство мы скажемъ немного ниже, теперь же посмотримъ, какъ думало шляхетство устроить внутреннюю организацію своего сословія, хотя, къ сожалѣнію, мы должны признаться, что обладаемъ по этому вопросу болѣе чѣмъ скромными данными. Существенное содержаніе всѣхъ наказовъ по этому предмету исчерпывается просьбами шляхетства объ учиненіи всѣмъ знатнымъ фамиліямъ, получившимъ дворянство отъ королей польскихъ, а также всѣмъ чиновникамъ, служащимъ и отъ службы уволеннымъ, а также и тѣмъ лицамъ, чьи предки вѣрно служили въ чинахъ военныхъ и штатскихъ, „*именного списка*"—„къ дости-

женію прославленія и въ чинахъ равенства". Учиненіемъ этого списка, или иначе геральдическихъ книгъ, составители наказовъ полагали: во 1-хъ, устранить на будущее время сомнѣнія о шляхетскомъ званіи малороссійскихъ родовъ и пресѣчь злоупотребленія, происходящія отъ неправильнаго присвоенія его „простонародными", не имѣющими за собою никакихъ заслугъ и преимуществъ, и во 2-хъ, дать малороссійскому шляхетству „твердое мѣроположеніе", т. е. утвердить его сословную честь на пристойной степени и мѣстѣ, ибо, разсчитывали составители, разъ разряды или „порядочныя" книги будутъ заведены, то кругъ шляхетства точно установится, сомнѣнія о „породѣ" его устранятся сами собой и въ будущемъ уже не будетъ мѣста для повторенія тѣхъ печальныхъ явленій прошлаго, когда заслуги и военныя доблести шляхетства не только оставались безъ всякаго возмездія со стороны верховной власти, но и само сословіе подвергалось отъ великороссійскихъ чиновниковъ явному пренебреженію и лишенію слѣдуемой ему славы и чести.

Кромѣ общаго желанія всѣхъ наказовъ учредить для малороссійскаго шляхетства герольдію, нѣкоторыми изъ нихъ было выражено еще стремленіе создать изъ шляхетства болѣе или менѣе замкнутую сословную группу. Таковы, напримѣръ, были желанія черниговцевъ, просившихъ, чтобы никому постороннему, не внесенному въ шляхетскіе списки не было бы позволено покупать шляхетскихъ земель и угодій прежде чѣмъ покупатель не будетъ принятъ въ шляхетское сообщество по докладу г. губернатора общимъ всего шляхетства и его предводителя опредѣленіемъ [1]). Стремясь этимъ путемъ ограничить доступъ въ шляхетское сословіе, черниговцы, а съ ними переяславцы, выразили также желаніе имѣть свой особый для сословныхъ нуждъ органъ и съ этою цѣлью просили обратить временную должность предводителей въ постоянную и точнѣе опредѣлить ихъ права и обязанности по представительству мѣстныхъ интересовъ дворянскихъ обществъ предъ верховной властью. Это разумное желаніе малороссіянъ нашло себѣ сильную поддержку въ велико-

---

[1]) Наказы, стр. 16, 43.

русскихъ и финляндскихъ наказахъ, исполненныхъ того же рода прошеній, и даже, можно сказать, болѣе подробно въ этомъ отношеніи разработанныхъ [1]); что касается другихъ желаній въ смыслѣ внутренняго устройства шляхетскаго сословія, то таковыхъ болѣе въ наказахъ не имѣется и мы, покончивъ съ этимъ вопросомъ, коснемся теперь того, какимъ образомъ согласить выраженное малороссійскимъ шляхетствомъ тяготѣніе къ децентрализаціи и самобытности съ его же стремленіемъ къ „сообществу и объединенію въ одинъ корпусъ“ съ великорусскими дворянами. Не противорѣчитъ ли одно другому? Мы ставимъ этотъ вопросъ потому, что нѣкоторые изслѣдователи, какъ г. Авсѣенко, а за нимъ и г. Латкинъ, основываясь на иныхъ мѣстахъ наказовъ, трактовавшихъ о дружбѣ и единеніи съ великорусскими дворянами, пытаются доказать, что въ малорусскомъ обществѣ XVIII вѣка отсутствовали стремленія не только къ національной, съ чѣмъ согласны и мы, но и къ провинціальной обособленности, чего уже никакъ нельзя допустить въ виду массы указаній прямо противоположнаго характера. По мнѣнію г. Авсѣенко, содержаніе, тонъ и характеръ наказовъ „ясно и неопровержимо свидѣтельствуютъ, что въ малороссійскомъ шляхетствѣ XVIII вѣка не существовало никакихъ стремленій къ національной или даже провинціальной самобытности“, что шляхетство, хотя и сознавало свою отдѣльность отъ русскаго дворянства, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремилось не только сравниться въ сословныхъ правахъ и привилегіяхъ, но слиться съ нимъ дружественно и единодушно [2]) Того же мнѣнія держится и г. Латкинъ въ своемъ трудѣ „Законодательныя коммиссіи въ XVIII вѣкѣ“ [3]); но насколько это мнѣніе основательно и заслуживаетъ довѣрія можно судить по рѣчамъ малороссійскихъ ораторовъ, говорившихъ о проектѣ о правахъ благородныхъ, и по прошенію, поданному

---

[1]) Финляндское дворянство ходатайствовало о дозволеніи ему чрезъ каждые 3 года имѣть съѣздъ въ Выборгѣ подъ дирекціей своего предводителя „гдѣ бы о всѣхъ дворянскихъ установляемыхъ порядкахъ разсуждать и для апробаціи въ высшее мѣсто, куда будетъ повелѣно, поднести могли“.

[2]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 году, стр. 55

[3]) Латкинъ. Зак. Ком. въ XVIII вѣкѣ. стр. 265

депутатами по обсужденіи проекта въ Коммиссіи, такъ какъ въ нихъ всего лучше открывается, каковы были истинныя намѣренія малороссіянъ и какъ далеки они были отъ приписываемыхъ имъ желаній стать подъ эгиду одного нивеллирующаго закона. Особенно это выяснилось при обсужденіи 43-го пункта проекта, гласившаго, „что всѣми, изложенными въ проектѣ правами никто не можетъ въ Россіи пользоваться, кромѣ россійскихъ благородныхъ". Этотъ пунктъ, упоминавшій только объ одномъ россійскомъ дворянствѣ и ни однимъ словомъ не обмолвившійся о существованіи другаго (малороссійскаго, лифляндскаго и пр.), вызвалъ среди представителей забытаго дворянства сильное волненіе и страхъ за цѣлость своихъ правъ и преимуществъ; тѣ самые депутаты, которые привезли наказы объ уравненіи себя въ честяхъ и преимуществахъ съ русскимъ дворянствомъ и о присовокупленіи себя „въ сообщество единого закона", теперь заговорили въ совершенно иномъ тонѣ. Недовольство редакціей 43-го пункта проекта было общее. Депутатъ повѣтовъ козелецкаго и остерскаго, Золотницкій, выслушавъ этотъ пунктъ, находилъ, напримѣръ, необходимымъ измѣнить его такимъ образомъ, что преимуществами, изложенными въ проектѣ о правахъ благородныхъ, должно пользоваться одно великорусское дворянство что же касается до малороссійскаго, лифляндскаго и эстляндскаго, то оно остается „въ *разсужденіи ихъ мѣстъ на прежнихъ праваъ и привилегіяхъ*". Но если кто изъ нихъ будетъ въ великороссійской службѣ или будетъ имѣть свои владѣнія въ Великой Россіи, тотъ въ разсужденіи сего пользуется уже и сими преимуществами великороссійскаго дворянства [1]). Съ мнѣніемъ Золотницкаго согласились всѣ депутаты не только шляхетскіе, но отъ городовъ и козаковъ; энергичнѣе же всѣхъ къ этому дѣлу отнесся Политика, взявшій на себя трудъ, собравши во едино всѣ привилегіи шляхетства, представить ихъ въ коммиссію и доказать, что сочиненный проектъ не можетъ удовлетворить желаній малороссійскаго шляхетства, такъ какъ заключаетъ въ себѣ, „великія несходства и недостатки" въ сравненіи съ

---

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 32, стр. 306.

ихъ правами. Въ весьма интересномъ и замѣчательномъ по своему содержанію мнѣніи [1]) упомятый ораторъ объяснялъ коммиссіи, что особыя преимущества малороссійскаго шляхетства заключаются прежде всего въ томъ, *что ему послѣ высочайшей власти должно принадлежать все правленіе дѣлъ въ Малороссіи*, а именно: „право устанавливать, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о поддержаніи оныхъ“. За этой основной привилегіей Политика указалъ еще и на другія, болѣе или менѣе важныя, какъ-то: внутреннее самоуправленіе, основанное на свободѣ избранія старшинъ безусловно изъ природныхъ малороссіянъ, полную независимость шляхетства въ вопросахъ о наложеніи и снятіи податей и повинностей, свободу шляхетскихъ имѣній отъ военныхъ постоевъ, налоговъ, поборовъ и др. повинностей и такъ далѣе. Что касается личныхъ льготъ малороссійскаго шляхетства, то Политика напомнилъ собранію депутатовъ, что по малороссійскимъ правамъ шляхетскаго стану люди пользуются неприкосновенностью своей личности и жилища, въ силу чего ни одинъ шляхтичъ, имѣющій помѣстье, не можетъ быть арестованъ и лишенъ свободы иначе, какъ по суду, исключая случаевъ задержанія in flagrante delicto, и что даже самые уголовные преступники не могутъ быть взяты изъ шляхетскаго дома безъ согласія хозяина. Затѣмъ Политика перечислилъ и другія привилегіи шляхетства, при чемъ большинство изъ нихъ было экономическаго характера, какъ напримѣръ,—беззапретная и безконтрольная эксплоатація шляхетскихъ имѣній, рудниковъ, солеварень и пр., право безпошлинной торговли внутри и внѣ государства, свободный въѣздъ въ казенные лѣса, ловъ въ нихъ звѣрей, а въ рѣкахъ и озерахъ рыбы и т. д., такъ что въ существенныхъ чертахъ Политикой были перечислены всѣ желанія шляхетства. Мы пропустили, впрочемъ, еще одну привилегію малороссійскаго шляхетства, на которую обратилъ вниманіе и Политика, и проектъ о правахъ благородныхъ,—это свободный выѣздъ шляхетства въ чужіе края для житья, службы и наукъ, безъ всякаго препятствія со стороны правительства, но и приведенныхъ уже заявленій Зо-

---

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 36, стр 355.

лотницкаго и Политики, достаточно, чтобы судить, насколько правильно понимаютъ гг. Авсѣенко и Латкинъ вопросъ объ единеніи малороссійскаго шляхетства съ великорусскимъ дворянствомъ и объ отсутствіи у перваго изъ нихъ „провинціальной обособленности". Замѣчательная черта: при обсужденіи въ коммиссіи 43 пункта проекта на ряду съ шляхетскими депутатами принимали участіе и козацкіе; они горячо поддерживали желанія шляхетства относительно измѣненія редакціи 43-го пункта и дѣлали это на томъ основаніи, „что всѣ прежніе договоры и соглашенія во время благоприсоединенія М. Россіи къ россійской имперіи дѣлаемы были съ общаго всѣхъ чиновъ согласія"... и что „симъ благополучнымъ единствомъ и до нынѣ М. Россія утверждалась и управляема была". Но особенно значительную поддержку оказали малороссійскому шляхетству лифляндскіе и эстляндскіе депутаты, также домогавшіеся сохраненія своихъ льготъ и привилегій, ибо 43-й пунктъ проекта поставилъ ихъ въ одинаковое съ малороссіянами положеніе. Подъ конецъ обсужденія въ коммиссіи проекта соединенными силами всѣхъ недовольныхъ депутатовъ ихъ домогательства настолько выяснились и такъ явно противорѣчили намѣреніямъ императрицы, что она рѣшила прекратить на будущее время всякіе разговоры по этому предмету и 9 сентября 1768 года маршалъ Бибиковъ заявилъ коммиссіи, что она, за силою 15 ст. Обряда, „не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, кромѣ того для чего учреждена" и что малороссійскіе, лифляндскіе и эстляндскіе депутаты незаконно заявили въ коммиссіи желанія объ изъятіи ихъ изъ общероссійскихъ законовъ, такъ какъ это единственно должно зависѣть отъ власти самой монархини, но не коммиссіи, почему и всѣ замѣчанія и мнѣнія депутатовъ по этому поводу не только не могутъ быть внесены въ проектъ будущихъ законодательныхъ работъ, но даже не могутъ быть приняты въ коммиссію и ему, Бибикову, ничего не остается, какъ возвратить ихъ авторамъ, оставивъ только тѣ, которыя не касались запретныхъ вопросовъ.

Нечего говорить, что рѣчь Бибикова была рѣшительнымъ ударомъ для малороссійскихъ депутатовъ. Тотчасъ послѣ нея они подали императрицѣ свое извѣстное прошеніе о томъ, что проектъ,

прочитанный въ коммиссіи, совершенно не соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ и что при такомъ направленіи дѣла они не надѣются достигнуть отъ коммиссіи удовлетворенія своихъ просьбъ и нуждъ и ждутъ ихъ разрѣшенія исключительно отъ ея императорскаго величества [1]), которая услышитъ ихъ мольбы *и утвердитъ всякому чину его вольности.* На нашъ взглядъ достаточно ознакомиться въ подлинникѣ съ означеннымъ прошеніемъ, чтобы убѣдиться, что малороссійское шляхетство никогда серьезно не желало „сливаться" въ одно цѣлое съ великорусскимъ дворянствомъ и ревниво оберегало свои традиціонныя привилегіи, желая расширить ихъ въ томъ же польскомъ духѣ, но не въ духѣ сочиненнаго проекта, и самымъ заявленіямъ наказовъ объ объединеніи мы не можемъ придавать другаго смысла, какъ стремленіе шляхетства занять въ русскомъ государствѣ положеніе ничѣмъ не низшее великороссійскихъ дворянъ, сравняться съ ними въ „чести и славѣ", „быть допущеннымъ во всѣ для дворянства учрежденныя науки и достоинства" [2]) и изъ безпорядочной массы организоваться въ сословіе столь же высоко стоящее и уважаемое, какимъ шляхетство было въ Литвѣ и Польшѣ. Что идеалы малороссійскихъ депутатовъ, ихъ настроеніе и желанія были, именно, старо-польскіе, старо-шляхетскіе, а не великорусскіе—это достаточно рельефно иллюстрировано въ мнѣніи лубенскаго депутата Политики, объявившаго, что правленіе дѣлъ въ Малороссіи должно зависѣть послѣ государя единственно отъ шляхетства, которому предоставлено право „установлять, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о подтвержденіи ихъ". Послѣ просьбъ шляхетства о нобилитаціи другими, занимавшими важное мѣсто въ наказахъ, были просьбы, касавшіяся шляхетскаго землевладѣнія. Переходя къ нимъ, мы должны сказать, что вся сущность этихъ просьбъ заключалась въ стремленіи шляхетства добиться дарованія себѣ подтвердительныхъ грамотъ и крѣпостей на владѣемыя имъ земли, хутора, деревни, мельницы, рыбныя ловли и пр. маетности, остававшіяся въ боль-

---

[1]) Наказы, стр. 178.

[2]) Наказы, 68.

шинствѣ случаевъ не закрѣпленными за ихъ владѣльцами надлежащимъ образомъ и потому допускавшими противъ себя многочисленные споры и сомнѣнія въ отношеніи добросовѣстности владѣнія или пріобрѣтенія. Нужно добавить, что вопросъ, объ укрѣпленіи шляхетству и вообще всякому „чину“ людей его земель и угодій, поднятый безусловно всѣми наказами, занималъ интересы не только одного шляхетства, но и другихъ сословій потому, что съ разрѣшеніемъ его долженъ былъ быть положенъ предѣлъ и всѣмъ аграрнымъ затрудненіямъ и спорамъ, развившимся на почвѣ чрезвычайно запутанной и темной исторіи малороссійскаго землевладѣнія; съ разрѣшеніемъ этого вопроса, т. е. съ пожалованіемъ подтвердительныхъ грамотъ, каждый чинъ, каждое сословіе, каждое лицо надѣялись, наконецъ, достигнуть положительныхъ, непоколебимыхъ правооснованій своей собственности и полагали вывести свое землевладѣніе на настоящую, прямую дорогу, гдѣ не будетъ уже мѣста ни спорамъ и тяжбамъ различныхъ владѣльцевъ между собою, ни заподозрѣваніямъ другъ друга въ незаконныхъ пріобрѣтеніяхъ, ни, наконецъ, опасеніямъ и тревогамъ предъ правительствомъ о разоблаченіи имъ многихъ весьма предосудительныхъ мѣстъ въ исторіи шляхетской земельной собственности. Что касается, собственно, шляхетства, то оно было заинтересовано въ этомъ вопросѣ болѣе другихъ не только потому, что его владѣнія были обширнѣе, но и потому, что средства, которыми они были сосредоточены въ шляхетскихъ рукахъ не отличались легальностью и возбуждали подозрѣнія самихъ собственниковъ. Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, что среди бывшихъ въ распоряженіи шляхетства средствъ скопленія земельной собственности считались: недозволенная заимка казенныхъ земель, присвоеніе земель, опредѣленныхъ на старшинскіе уряды, захватъ и незаконная скупля у маломощныхъ козаковъ, т. е. такія, о предосудительности которыхъ достаточно свидѣтельствуетъ само названіе. Въ итогѣ, какъ бы мы ни разсматривали шляхетское землевладѣніе и какъ бы мы ни объясняли мотивы, заставившіе просить о дарованіи подтвердительныхъ грамотъ, нельзя не прійти къ заключенію, что со стороны юридической шляхетское землевладѣніе вполнѣ напоминало собой положеніе

самого шляхетства, какъ сословія, ибо характерической чертой того и другаго въ историческомъ освѣщеніи является полнѣйшее отсутствіе на извѣстное право формальныхъ документовъ и вообще господство надъ правомъ факта, т. е. то неуравновѣшенное и неустановившееся состояніе сословныхъ и экономическихъ отношеній, которое вообще характеризуетъ молодые государственные организмы, гдѣ юридическія отношенія еще не вылились въ строгія нормы и не запечатлѣлись въ законѣ.

Мы разобрали уже, откуда возникли сомнѣнія „о породѣ шляхетства", теперь необходимо, хотя бы вскользь, посмотрѣть, откуда возникли упомянутыя нами спорность шляхетскаго землевладѣнія, отсутствіе должныхъ формальныхъ крѣпостей и неувѣренность, наконецъ, самыхъ собственниковъ въ своей собственности. Разумѣется, мы не можемъ ждать отъ наказовъ обсужденія этого вопроса съ должной откровенностью и объективностью, такъ какъ шляхетство являлось заинтересованной въ этомъ дѣлѣ стороной, желавшей по возможности обѣлить недостатки своего положенія; поэтому, напримѣръ, наказы совсѣмъ не сознаются въ незаконномъ характерѣ многихъ шляхетскихъ владѣній, но ссылаются лишь на незавиcѣвшую отъ воли шляхетства утрату имъ жалованныхъ грамотъ, крѣпостей и другихъ документовъ во время бывшихъ въ Малороссіи войнъ и безпорядковъ, и этими безпорядками и утратами стараются объяснить все дѣло необоснованности малороссійскаго землевладѣнія. Впрочемъ, черниговскій наказъ [1]) къ этому объясненію присовокуплялъ и то, что отсутствіе у шляхетства подтвердительныхъ грамотъ на пожалованныя ему отъ гетмановъ земли и деревни иногда можетъ быть объясняемо и не утратой ихъ, а тѣмъ, что онѣ вовсе но были получены своевременно, такъ какъ полученіе ихъ было сопряжено съ хлопотами и расходами, не всегда доступными пожалованнымъ лицамъ отчасти въ силу ихъ бѣдности, отчасти же въ силу господствовавшихъ внутри страны безпокойствъ и волненій. Итакъ, по той или другой причинѣ, черниговскій наказъ признавалъ, что на часть земель шляхет-

---

[1]) Наказы, стр. 16.

ство не имѣло у себя никогда никакихъ подтвердительныхъ грамотъ, мы же съ своей стороны добавимъ, что права на земли, розданныя гетманами старшинамъ не отличались особой надежностью не только по отсутствію подтвердительныхъ грамотъ, но и потому, что самая раздача земель нерѣдко являлась актомъ гетманскаго произвола и нарушеніемъ царскихъ указовъ и на имѣнія, добытыя такимъ образомъ, русское правительство смотрѣло весьма подозрительно. Уже въ инструкціи Измайлову, приставленному къ гетману Скоропадскому, Петръ I повелѣлъ гетманамъ ни давать, ни отнимать земель безъ царскаго на то соизволенія, за усердную же службу гетманы могли назначать земли съ общаго согласія генеральной старшины и по представленію объ этомъ государю. Однако, уже Д. Апостолъ не стѣснялся этимъ закономъ и раздавалъ земли, села и деревни по своему усмотрѣнію, такъ что, когда послѣ его смерти князю Шаховскому было предписано разсмотрѣть всѣ села и деревни, розданныя противно указамъ и возвратить ихъ въ прежнее вѣдомство, то такихъ земель по разслѣдованію оказалось цѣлое множество. Тѣмъ не менѣе правительство какъ-то медлило рѣшительными мѣрами и даже много лѣтъ спустя Румянцеву въ его запискѣ о неустройствахъ въ Малороссіи снова пришлось доказывать, что всѣ почти села и деревни, принадлежащія „коронѣ", состоятъ въ партикулярныхъ владѣніяхъ и что расхищеніе ихъ по рукамъ произошло безъ всякихъ подтвердительныхъ грамотъ, ибо, по язвительному замѣчанію Румянцева, „трудно было таковыя конфирмаціи и испрашивать, одно, что можетъ быть и заслугъ при этомъ не доставало, а другое, что по чрезвычайности удержаться бы и давно велѣно было" [1]). Изъ записки Румянцева явствовало, да это и не было новостью для самого правительства, что значительная часть земель, причислявшихся наказами къ пожалованнымъ, никогда таковыми не были, но составляли войсковую собственность и были расхищены старшинами и населены помѣщиками „къ лучшему прибытку государства" посполитыми крестьянами. Дѣлалось это

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 150.

старшинами подъ видомъ обычной заимки вольныхъ земель, но въ сущности по праву сильнаго и потому, что центральная власть не могла подробно вникать въ экономическія отношенія Малороссіи и на злоупотребленія въ этой области смотрѣла сквозь пальцы; однако же, естественно, что это обстоятельство еще не дѣлало заимки войсковыхъ земель законною и не освобождало заимщиковъ отъ необходимости исходатайствовать на свои займы подтвердительныя грамоты, т. е. иначе сказать отреченіе государства отъ своей собственности, безъ чего всегда можно было ожидать, что занятыя земли снова будутъ отобраны въ казенную собственность. Правда, до послѣдняго времени примѣровъ такого отобранія земель въ Малороссіи не было, но вотъ незадолго до созванія коммиссіи, какъ сообщаетъ черниговскій наказъ, нѣкоторыя владѣнія, „утвержденныя малороссійскому народу подъ именемъ займищъ", стали подвергаться безпокойствамъ и многія изъ нихъ были отписаны въ казенное вѣдомство, что вызвало, конечно, среди малорусскаго общества большую сенсацію, ибо при отсутствіи точнаго разграниченія между землями, захваченными у короны и правильно пріобрѣтенными, владѣльцы ихъ одинаково рисковали и тѣми, и другими.

Если, такимъ образомъ, ни заимка, ни гетманскія пожалованія, какъ неправильныя, не могли давать малороссіянамъ спокойнаго и безспорнаго права собственности на ихъ имѣнія, то о деревняхъ, хуторахъ и пр., захваченныхъ старшинами подъ видомъ опредѣленныхъ на уряды, и говорить уже нечего, такъ какъ они были явно незаконно нажитыя; но казалось бы, что вполнѣ правовымъ характеромъ должны, по крайней мѣрѣ, отличаться земли и имѣнія, пріобрѣтенныя куплею и другими возмездными способами, и что просьбы объ ихъ укрѣпленіи новыми подтвердительными грамотами дѣло совершенно излишнее; однако у шляхетскаго землевладѣнія и здѣсь была своя ахиллесова пята, такъ какъ шляхетство въ теченіи долгихъ лѣтъ скупало въ свои руки земли и дворы ни въ какомъ случаѣ не подлежавшія отчужденію, а именно—казенные и съ 1739 года козацкіе. Относительно первыхъ, Тепловъ писалъ[1]), что старшина подъ видомъ

[1]) Кулишъ. Зап. о Южн. Р., т. II. стр. 179.

свободныхъ войсковыхъ неправильно раскупила принадлежавшіе казнѣ государя посполитые дворы съ землями и самыми мужиками и доказывалъ это тѣмъ, что по ревизіи послѣ гетмана Скоропадскаго такихъ дворовъ было болѣе 40 тыс., до гетмана Разумовскаго ихъ было роздано правительствомъ не болѣе 3 тыс., а между тѣмъ Разумовскій въ свое гетманство засталъ неразобранныхъ дворовъ не болѣе 4 тыс., остальные же попали въ руки старшины, хотя она и отрицала этотъ фактъ, заявляя, что посполитые посходили съ своихъ дворовъ въ Польшу. Что касается вторыхъ, т. е. козацкихъ земель, то въ 1739 году Анна Ивановна, въ виду сильнаго ихъ сокращенія и вреда для козачьей службы, запретила козакамъ продавать свои земли, тѣмъ не менѣе при господствѣ старшинскаго самовластья продажа и покупка ихъ продолжалась, хотя и безъ надлежащихъ актовъ, (если таковые не поддѣлывались только заднимъ числомъ до изданія ограничивающаго закона), но очевидно, что и такія пріобрѣтенія, какъ незаконныя, совершенныя вопреки царскому указу, должны были еще болѣе чѣмъ другія нуждаться въ подтвердительныхъ грамотахъ, утверждающихъ ихъ за тѣмъ кто купилъ. Такимъ образомъ изъ сдѣланнаго нами анализа выясняется, что просьбы наказовъ объ укрѣпленіи грамотами шляхетскаго землевладѣнія были вызваны его характеромъ и имѣли въ виду прекращеніе споровъ и безпокойствъ, происходившихъ отъ неимѣнія на земли, дворы, деревни и другія имѣнія формальныхъ актовъ укрѣпленія; въ этихъ же точно цѣляхъ шляхетство просило также указать особымъ межевщикамъ и землемѣрамъ „размѣрять и обмежевать его земли и утвердить каждому помѣщику его помѣстье вѣчно и наслѣдственно въ родъ обоего пола [1])“. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ наказахъ встрѣчаются также просьбы о положительной отмѣнѣ указа Анны Ивановны 1739 г. и о дозволеніи шляхетству по старому покупать у козаковъ грунты, земли, мельницы и пр., такъ какъ отъ такой продажи не можетъ послѣдовать вреда для козачьей службы и такъ какъ „сходственно то будетъ съ правами малороссійскими“.

---

[1]) Наказы, стр. 17, 26, 57.

Мы сказали о „положительной“ отмѣнѣ указа 1739 года потому, что отчасти онъ былъ уже отмѣненъ Разумовскимъ, дозволившимъ козакамъ продажу своихъ грунтовъ не полностью, а въ части, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы этимъ предупредить переводъ козаковъ въ посполитые, ибо козакъ, продавшій свой грунтъ полностью, но оставшійся на немъ жить, долженъ былъ отдавать повинность своему владѣльцу наравнѣ съ посполитыми и, слѣдовательно, выходилъ изъ рядовъ козачества.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о землевладѣніи удобно теперь же разсмотрѣть, что было высказано въ наказахъ и коммиссіи относительно посполитыхъ крестьянъ, населявшихъ шляхетскія земли, и взглянуть каковы были въ этомъ отношеніи тенденціи малороссійскаго шляхетства въ вѣкъ наибольшаго развитія рабовладѣльческихъ понятій и инстинктовъ. Хотя стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что вопросъ о томъ или иномъ положеніи владѣльческихъ посполитыхъ составлялъ для владѣльцевъ ихъ, т. е. шляхетства, вопросъ чрезвычайной важности, тѣмъ не менѣе мы должны заявить, что онъ весьма слабо былъ разработанъ наказами и только говорившіе въ коммиссіи ораторы бросили намъ кое какія отрывочныя разъясненія, вызванныя происходившими дебатами. Въ существенныхъ чертахъ содержаніе наказовъ по интересующему насъ вопросу состояло въ просьбахъ шляхетства о сохраненіи его посполитыхъ подданныхъ на правахъ и обыкновеніяхъ „предшествовавшихъ временъ“ и объ уменьшеніи и болѣе правильной раскладкѣ возложенныхъ на нихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей; весьма удивительно также, что ни въ одномъ наказѣ не было выражено желанія запретить посполитымъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто, чего такъ жадно еще недавно добивались малороссійскіе старшины и шляхетство въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи. Не имѣя основанія думать, что шляхетство вообще не желало интересоваться положеніемъ своихъ подданныхъ, ибо этому противорѣчатъ и естественный смыслъ, и заявленія, сдѣланныя въ коммиссіи, мы объясняемъ скромность наказовъ тѣмъ, что составители ихъ считали лишнимъ

обращать вниманіе представительнаго собранія на знакомство съ экономическими отношеніями шляхты и посполитыхъ.

Да и къ чему это? могли думать составители наказовъ. Не лучше-ли вообще просить о подтвержденіи своихъ правъ и законовъ и о сохраненіи посполитыхъ на положеніи предшествовавшихъ временъ, ибо далѣе шляхетство само съумѣетъ установить свои отношенія къ подданнымъ и потребовать отъ нихъ надлежащаго послушанія и повинностей? Мы думаемъ, что шляхетству, дѣйствительно, нечего было много распространяться о своихъ подданныхъ такъ какъ просьбами о сохраненіи ихъ на положеніи „предшествовавшихъ временъ“ оно выражало все, а идти дальше этихъ временъ и требовать большаго было совершенно излишне даже въ глазахъ самыхъ ярыхъ поборниковъ шляхетскихъ интересовъ. Дѣйствительно, „предшествовавшія времена“ давали полную свободу владѣльцамъ распоряжаться въ экономическомъ отношеніи личностью своего подданнаго; подданные же обязаны были отдавать своему владѣльцу надлежащее послушаніе и повинности, а если „какое гдѣ подъ какимъ видомъ отъ подданныхъ противъ владѣльцевъ ослушаніе и преступство показалось, за то всякому владѣльцу подданнаго своего по разсмотрѣнію наказывать вольно, а въ криминальныхъ дѣлахъ въ подлежащіе суда отсылать должно[1]). „Это такая свобода, что даже Политика не счелъ возможнымъ требовать большаго и заявилъ только, что шляхетство, по силѣ правъ малороссійскихъ, должно пользоваться судомъ и расправой надъ своими подданными и не допускать чужаго вмѣшательства въ свои отношенія. Весьма интересные дебаты относительно посполитыхъ крестьянъ возникли въ коммиссіи, когда извѣстный депутатъ отъ Хоперской крѣпости, Алейниковъ, высказалъ мнѣніе, что малороссійской старшинѣ должна быть воспрещена покупка новыхъ крестьянъ, а купленные ранѣе должны быть отписаны на императрицу въ виду того, что они терпятъ притѣсненія, вызывающія грабежи, разбои и пр., и что, кромѣ того, скупая крестьянъ, старшина приводитъ рядовыхъ козаковъ въ крайнее убожество[2]).

---

[1]) Права, по которымъ судится мал. нар. стр. 52.

[2]) Сб. И. Р. Ист. Общ. т. VIII, стр. 214

Мнѣніе Алейникова вызвало среди шляхетскихъ депутатовъ большую сенсацію; возражавшій на него депутатъ отъ шляхетства батуринскаго и нѣжинскаго повѣтовъ, Божичъ, отвѣчалъ, что заявленіе Алейникова о положеніи посполитыхъ совершенно несправедливо, что Алейникову неизвѣстны ни настоящее устройство Малороссіи, ни права Лит. Статута, по силѣ которыхъ украинское шляхетство имѣетъ власть какъ заводить на своихъ земляхъ новыя селенія, такъ и свободно отчуждать ихъ и что только пріобрѣтеніе недвижимости иностранцами стѣснено извѣстными ограниченіями. Особенно же Божичъ ставилъ коммиссіи на видъ то обстоятельство, что за отмѣной въ 1728 году указа, запрещавшаго великороссіянамъ покупать въ Малороссіи земельную собственность, въ ней сильно развились великорусскіе помѣщики и весьма замѣтно стѣснили козаковъ и посполитыхъ. Этимъ возраженіемъ, Божичъ, очевидно, хотѣлъ отнести часть брошеннаго его сословію обвиненія на самихъ великорусскихъ помѣщиковъ; что же касается козаковъ, то онъ утверждалъ, что они не могутъ жаловаться на обиды отъ старшинъ, такъ какъ сами имѣютъ наравнѣ съ нею грунты и земли и пользуются тѣми же шляхетскими правами и что объ обидахъ старшинами козаковъ въ Малороссіи ничего не слышно. Съ тою же убѣжденностью о довольствѣ владѣльческихъ подданныхъ своей судьбой говорилъ по другому поводу и депутатъ отъ переяславскаго шляхетства, Забѣла [1]), взявшій на себя трудъ возражать депутату отъ екатерининской провинціи, скромно выступившему на защиту правъ посполитыхъ... Екатерининскій депутатъ предложилъ установить для малороссійскихъ крестьянъ такой порядокъ, чтобы они изъ семи дней недѣли—2 посвящали себѣ, 2 помѣщику, 2 государству (т. е. отбывали повинности), а 7-ой день отдавали Богу и, кромѣ того, въ виду выгодъ бѣднѣйшихъ помѣщиковъ онъ предложилъ ограничить свободу перехода крестьянъ наложеніемъ штрафа на помѣщиковъ, принимающихъ крестьянъ безъ всякаго вида отъ надлежащаго начальства. Какъ ни скромны были предложенія екатерининскаго депутата, но За-

[1]) Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 32 стр. 520.

бѣла въ своемъ возраженіи удивлялся дерзости непрошеннаго реформатора и, ссылаясь на высочайшіе указы, просилъ оставить поселянъ на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ они всѣмъ довольны и счастливы подъ покровительствомъ владѣющаго ими шляхетства.

Насколько же шляхетству вообще были чужды желанія измѣнить правовое положеніе своихъ подданныхъ, мы можемъ сослаться на прошеніе миргородскаго, гадяцкаго и полтавскаго шляхетства, гдѣ, среди другихъ одобрительныхъ замѣчаній о возстановленіи Елизаветой Петровной старинныхъ правъ въ Малороссіи, съ удовольствіемъ подчеркивался даже непріятный для шляхетства указъ императрицы о возвращеніи малороссійскому народу свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто „во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въ книгѣ Статута изображенныхъ“ [1]). Совершенно невѣрнымъ и безосновательнымъ поэтому является замѣчаніе г. Латкина, что указъ 3 мая 1783 года, отнявшій у малороссійскихъ крестьянъ право перехода и поставившій ихъ въ условія крѣпостной зависимости, былъ отвѣтомъ императрицы на хлопоты южно-русскихъ шляхетскихъ наказовъ, ибо такихъ хлопотъ не было, хотя съ своей стороны мы не отрицаемъ, что шляхетство всегда добивалось установить болѣе прочную власть надъ поспольствомъ и въ эпоху коммиссіи болѣло этимъ недугомъ. Весьма любопытно, что высказанные въ наказахъ взгляды относительно перехода крестьянъ стояли въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ воззрѣніями шляхетства, выраженными въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи: въ то время какъ составители наказа отъ миргородскаго, полтавскаго и гадяцкаго шляхетства находили (совершенно правильно), что свободный переходъ крестьянъ, по силѣ Статута, составляетъ ихъ право, не далѣе какъ въ 1764 г. старшина и шляхетство, на основаніи якобы тѣхъ же правъ и въ сходство ихъ изданныхъ сеймовыхъ установленій, ратовали предъ императрицей, что малороссійскіе мужики не должны имѣть никакой вольности въ свободномъ съ мѣста на мѣсто переходѣ,

---

[1]) Наказы, стр. 63.

кромѣ случаевъ увольненія ихъ самими помѣщиками и что ни въ пунктахъ Хмельницкаго, ни другихъ гетмановъ вольный переходъ мужикамъ не дозволенъ, а усвоенъ ими въ нарушеніе закона и вслѣдствіе бывшихъ въ Малороссіи безпорядковъ, способствовавшихъ крестьянамъ во избѣжаніе повинностей переходить отъ одного владѣльца къ другому или даже записываться въ козаки. Отмѣченное нами измѣненіе во взглядахъ шляхетства весьма выгодно отличаетъ наказы отъ „прошенія" и это тѣмъ болѣе для насъ пріятно, что такъ какъ свобода перехода крестьянъ имѣла интересъ не только шляхетскій, но и общегосударственный, и подвергалась порицанію со стороны такихъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, какъ Румянцевъ и Тепловъ [1]), то шляхетству ничего не стоило присоединить свой голосъ къ голосамъ порицателей и оно могло разсчитывать на полное удовлетвореніе своихъ желаній. Между тѣмъ шляхетство этого не сдѣлало и въ этомъ его заслуга.

Второй симпатичной чертой наказовъ нужно назвать еще отсутствіе въ нихъ фальшивыхъ жалобъ на обнищаніе шляхетства вслѣдствіе приписки мужиковъ въ козачье званіе. Потому-ли, что жалобы эти могли повлечь за собой противоположныя указанія объ обращеніи козаковъ въ посполитые, о скуплѣ ихъ грунтовъ и къ другимъ непріятнымъ разоблаченіямъ, или по другимъ причинамъ, но въ наказахъ нѣтъ ничего похожаго на то и возмутительное и курьезное заявленіе „прошенія" 1764 года, что отъ зачисленія мужиковъ въ козаки шляхетство прійдетъ въ упадокъ, „а съ нимъ на послѣдокъ и вся Малая Россія опустѣетъ".

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Кулишъ. Зап. о Ю. Р., т. II, стр. 194.

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА V.

ПОДЪ БАТОГОМЪ.

Польскій лагерь съ широкими окопами раскинулся по берегу Буга недалеко отъ Ладыжина, у горы Батога. Въ лагерѣ была совершенная тишина, только передовые пикеты сверкали въ прозрачномъ сумракѣ теплой майской ночи. У одного изъ такихъ сторожевыхъ огней пріютилась кучка жолнеровъ, отъ нечего дѣлать перекидываясь разсказами и предположеніями о предстоящихъ событіяхъ. Лица у всѣхъ были сумрачныя, не слышалось ни шутокъ, ни смѣху.

— А что, панове, спросилъ одинъ изъ нихъ, кто изъ васъ видѣлъ вчера, что на небѣ дѣлалось?

— Я, и я, и я тоже! проговорило нѣсколько голосовъ.

— Разскажите же толкомъ, панове, что было, и что видѣли?

— Сперва появился свѣтъ, сталъ разсказывать одинъ изъ жолнеровъ, красивый юноша съ почти дѣтскимъ лицемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! не свѣтъ! А такія двѣ полоски, точно двѣ метлы.

— Ну, можетъ быть! съ досадою отвѣтилъ молодой человѣкъ. Не въ томъ дѣло. Потомъ, это ужъ всѣ ясно видѣли, вы-

---

[1]) „Кіевск. Стар.“, 1890 г., № 8.

тянулся на небѣ красный мечь, длинный, предлинный, рукоятью на востокъ, а лезвіемъ прямо на польскій лагерь.

— Да панамъ, можетъ быть, пригрезилось? усумнился спрашивающій.

— Нѣтъ! Всѣ видѣли, подтвердили говорившіе—самъ панъ хорунжій вышелъ смотрѣть.

— Плохо, панове! Ой, плохо! проговорилъ пожилой жолнеръ, качая головою. Вотъ и панъ хорунжій не къ добру на смотру съ коня свалился и уронилъ знамя.

— Что и говорить, плохія времена! подтвердили другіе.

— А правда, панове, спросилъ молодой жолнеръ, что колдунья напророчила смерть пану коронному гетману и пану Самуилу?

Колдуньей звали Зелиму, оставшуюся въ войскѣ въ качествѣ маркитантки.

— Правда! подтвердилъ старикъ. За то ее панъ гетманъ видѣть не можетъ. Еслибъ не князь Дмитрій, то ея давно бы въ войскѣ не было.

— А къ князю Дмитрію она ходитъ каждый вечеръ колдовать...

Всѣ засмѣялись.

— Слышали, панове! таинственно проговорилъ молодой статный жолнеръ, молчавшій до сихъ поръ и задумчиво смотрѣвшій въ огонь. Слышали, что здѣсь по близости есть скала, тамъ изъ подъ земли слышится человѣческій голосъ. Вотъ бы спросить.

Въ говорѣ красиваго жолнера слышался иностранный акцентъ; онъ былъ природный французъ и служилъ въ войскѣ недавно.

— А далеко это? освѣдомился кто-то.

— Нѣтъ, верстахъ въ полутора, надъ самымъ Бугомъ.

— А кто говорилъ объ этомъ пану? освѣдомилась молодежь.

— Я самъ тамъ былъ, задумчиво проговорилъ французъ.

— И панъ слышалъ голосъ?

— Нѣтъ, я былъ днемъ, мнѣ показывали это мѣсто; а голосъ можно слышать только ночью, послѣ полуночи. Если кто хочетъ со мною пойти, то я готовъ.

Старикъ поднялся.

— Пойдемъ, панъ! Мнѣ жить недолго; если вѣдьмы и съѣдятъ, не велика бѣда, шутливо замѣтилъ онъ.

— Одни только бабьи толки! замѣтилъ жолнеръ, начавшій разговоръ. Вдвоемъ пойдете, навѣрное ничего не услышите.

Всѣ встали, провожая уходившихъ шутками и пожеланіями счастливаго пути, и затѣмъ опять присѣли къ огню.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Однако, панове! что ни говори, началъ словоохотливый жолнеръ, а дѣла наши плохи. При такихъ окопахъ, какіе устроилъ панъ коронный гетманъ, чуть не на цѣлую милю, да еще въ такой мышеловкѣ, въ какую онъ насъ заключилъ, между горою, рѣкою и болотами, намъ навѣрное не сдобровать.

— Что же смотрѣлъ панъ Пржіемскій? возразилъ кто-то. Такой опытный воинъ долженъ же былъ видѣть ошибки гетмана.

— Онъ и замѣтилъ, съ жаромъ возразилъ говорившій, Онъ ему представлялъ всѣ резоны, уговаривалъ уйти за Днѣпръ и собрать тамъ войско; умолялъ выбрать другое мѣсто для битвы...

— Ну, и что же?

— Ничего и слушать не хотѣлъ панъ гетманъ; уперся какъ всегда. Когда онъ получилъ предостерегательную грамоту отъ козацкаго гетмана, гдѣ тотъ виляетъ передъ нимъ, какъ лисица, и увѣряетъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, кажется, только онъ одинъ и повѣрилъ этому письму. Всѣ поняли, что хитрый козацкій атаманъ только смѣется надъ нами, а онъ твердилъ наперекоръ всѣмъ, что теперь настало время отомстить за Корсунь, и что онъ на веревкѣ приведетъ гетманскаго сына королю...

— Панове! смотрите, смотрите! въ ужасѣ прервалъ молодой жолнеръ разскащика, указывая на небо.

Въ воздухѣ, дѣйствительно, происходило что-то странное. Былъ ли то отблескъ только-что потухшей зари, или сѣверное сіяніе, или же миражъ душной лѣтней ночи, но вдали надъ горизонтомъ точно поднялась какая-то завѣса и по небу задвигались какія-то свѣтлыя тѣни, точно два войска сражались, потрясая мечами, скользя и падая въ ночной сумракъ, разстилав-

шійся внизу. Жолнеры вскочили и въ нѣмомъ изумленіи смотрѣли на странное зрѣлище.

— Доложить пану гетману, сказалъ кто-то, въ его палаткѣ свѣтъ; пусть полюбуется, можетъ быть, образумится.

— Пусть панъ идетъ и доложитъ! проговорили другіе.

— Чтожь, и доложу! отозвался тотъ и зашагалъ къ гетманской палаткѣ.

Странное явленіе длилось еще минутъ пять. Но когда коронный гетманъ въ сопровожденіи молодаго жолнера вышелъ изъ палатки, то все уже кончилось и только легкія полосы огненнаго свѣта догорали на небѣ.

— Гдѣ же панъ поручикъ видѣлъ миражъ? строго обратился Калиновскій къ молодому человѣку.

— Ясновельможный пане! смущенно отвѣчалъ молодой человѣкъ: видѣніе исчезло, но могу завѣрить, что всѣ мы ясно видѣли сражающихся огненныхъ людей на небѣ.

— Панъ поручикъ сейчасъ явится къ своему ближайшему начальнику и заявитъ ему, что онъ посаженъ мною подъ арестъ, вспылилъ панъ Калиновскій. И это еще легкое наказаніе для такихъ пустоголовыхъ трусовъ! крикнулъ онъ.

— Панъ гетманъ! въ свою очередь вспылилъ молодой человѣкъ, хватаясь за эфесъ шпаги.

— Да, я панъ гетманъ! не помня себя отъ гнѣва продолжалъ Калиновскій. А ты молокососъ слишкомъ молодъ, чтобы глумиться надо мною и тревожить меня изъ-за бабьихъ сплетенъ.

Онъ круто повернулся и скрылся въ своей палаткѣ. Молодаго человѣка тотчасъ же окружили его товарищи, издали слѣдившіе за происшедшей сценою.

— Что у васъ вышло? съ любопытствомъ спрашивали они.

Молодой человѣкъ въ нѣсколькихъ словахъ передалъ, въ чемъ дѣло.

— И по дѣломъ, не надо было пану къ нему ходить, замѣтилъ одинъ изъ жолнеровъ.

Въ эту минуту вдали показались французъ съ его спутникомъ, быстро приближавшіеся къ товарищамъ.

— Отойдемте къ костру! осторожно замѣтилъ кто-то. А то еще и намъ достанется.

Поручикъ двинулся за ними.

— Пану, кажется, слѣдуетъ идти подъ арестъ! замѣтилъ молодой жолнеръ, разсказывавшій о вчерашнемъ видѣніи.

— Это до пана не касается! раздражительно возразилъ поручикъ. Еще успѣю и подъ арестомъ насидѣться.

Блѣдныя разстроенныя лица двухъ подошедшихъ къ костру путниковъ навели на всѣхъ остальныхъ паническій страхъ.

— Что случилось? спрашивали ихъ.

— Ужасно! Непостижимо! Дайте отдышаться! отвѣтилъ старикъ, усаживаясь къ костру.

Французъ ничего не говорилъ; онъ только обводилъ всѣхъ стеклянымъ взоромъ, какъ будто не понимая, гдѣ онъ находится.

— Да не томите же, говорите! приставали къ нимъ.

— Ничего подобнаго никогда не случалось со мною, началъ свой разсказъ старикъ. Только что мы подошли съ паномъ поручикомъ къ этой чертовской скалѣ, мнѣ показалось, что камни загудѣли. Я схватилъ пана за руку и въ эту минуту мы оба ясно услышали голосъ изъ подъ земли. Густой мужской басъ, вотъ какъ у пана хорунжаго...

Слушатели придвинулись плотнѣе къ разсказщику, пугливо озираясь. И только послѣ нѣсколькихъ секундъ гробоваго молчанія, кто-то рѣшился робко спросить:

— Что жъ онъ вамъ сказалъ?

— Не знаю, не знаю, торопливо проговорилъ старикъ и, кивнувъ головою на француза, прибавилъ: спросите вотъ его, онъ ему много по французски наговорилъ, я ничего не понялъ. Я только разобралъ: hetman... hetman... barbe... barbe... А какъ я увидѣлъ, что мой товарищъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, то и пустился назадъ безъ оглядки, даже не зналъ, слѣдуетъ ли панъ поручикъ за мною. Всѣ обратились къ французу.

— Гей, пане! тряся его за рукавъ, кричалъ ему въ ухо арестованный поручикъ. Языкъ у тебя отнялся что ли, съ испуга?

— Принести ему вина! замѣтилъ кто-то.

— Въ нашей палаткѣ есть, только я ни за что одинъ не пойду туда, сказалъ старикъ.

До палатки надо было дойти шаговъ сто, и вся компанія рѣшила идти вмѣстѣ, а потомъ тѣ, кому надо смѣнить дежурныхъ, вернутся.

Вообще о соблюденіи дисциплины въ польскомъ лагерѣ мало заботились, несмотря на то, что гетманъ кричалъ много, его слушали мало, тѣмъ болѣе что онъ отличался замѣчательною непослѣдовательностью и въ одинъ день могъ не разъ отмѣнить свои же собственныя приказанія. Поручикъ захватилъ горящую головню вмѣсто факела, и всѣ шумно двинулись къ палаткѣ на соблазнъ дремавшей стражѣ, вскакивавшей въ просонкахъ и хватавшейся за оружіе.

Въ палаткѣ спали въ повалку еще человѣкъ десять молодыхъ людей. Услышавъ шумъ, они повскакивали съ земли и, протирая глаза, съ удивленіемъ слушали разсказы прибывшихъ. Нашлось вино, обошла всѣхъ походная чарка. Французъ выпилъ даже цѣлыхъ три, и языкъ его развязался.

— Панове, проговорилъ онъ, не знаю, разсказывать ли то, что я слышалъ? Во всякомъ случаѣ паны меня не выдадутъ?

— Какъ можно, панъ поручикъ! дружно отвѣтили товарищи.

— Скажите вашему гетману, услышалъ я изъ подъ земли, что свирѣпый пьяница хочетъ обрить ему бороду, только бритва у него острая, съ бородой онъ можетъ отрѣзать и голову...

Не успѣлъ французъ окончить своихъ словъ, какъ сильный порывистый вѣтеръ ворвался въ палатку и загасилъ факелъ. Въ темнотѣ всѣ пришли въ смятеніе, всѣ заметались, попрятались по угламъ и только старый жолнеръ, не совсѣмъ потерявшій присутствіе духа, дрожащими руками высѣкъ огня и зажегъ восковую свѣчку.

Выглянувъ изъ палатки, онъ увидѣлъ, что началась гроза, и сталъ успокаивать своихъ испуганныхъ товарищей! Понемногу всѣ пришли въ себя, но толки о чудесныхъ событіяхъ не дали никому сомкнуть глазъ и съ разсвѣтомъ облетѣли весь лагерь, наводя на всѣхъ страхъ и суевѣрное предчувствіе чего то ужаснаго, чего никакъ нельзя предотвратить.

На слѣдующее утро была суббота 29 мая, праздникъ Божіей Матери. Войско съ самаго утра было уже въ волненіи, только что возвратившійся разъѣздъ, посланный нѣсколько дней тому назадъ, наткнулся на передовые отряды татаръ почти у самаго лагеря. Всѣ точно застыли, услышавъ это извѣстіе; но потомъ въ войскѣ поднялся такой шумъ и крикъ, что коронный гетманъ едва могъ возстановить порядокъ. Онъ объѣхалъ весь лагерь и построилъ войско въ боевой порядокъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, дѣйствительно, появились передовые татарскіе отряды съ нѣсколькими козацкими сотнями. Они двигались чинно, спокойно, будто не замѣчая польскаго лагеря.

— Стрѣлять по собакамъ! скомандовалъ Калиновскій, принявшій начальство надъ войскомъ.

— Что дѣлаетъ панъ коронный гетманъ? остановилъ его старикъ Пржіемскій. Пусть бы ихъ ѣхали мимо. Для нападенія у насъ слишкомъ мало войска.

— Пустяки! горячо проговорилъ Калиновскій. Натискъ первое дѣло! Панъ артиллеристъ можетъ сидѣть со своими пушками въ окопахъ. Онъ увидитъ, какъ моя конница сомнетъ хлоповъ.

Послѣдовалъ залпъ. Татары круто повернули назадъ, и польская конница быстро понеслась за ними съ громкими возгласами: „Свента Марія!“ оставляя далеко за собою лагерь.

Въ эту минуту въ лагерѣ случилось что то странное. Съ сѣверной стороны послышалось какое-то смятеніе; пронесся крикъ:

— Козаки въ тылу! Непріятель въ обозѣ!

Въ тотъ же моментъ ротмистръ Зелинскій бросился за конницею, не дожидаясь даже приказанія главнокомандующаго.

— Назадъ! назадъ! кричалъ онъ. Вернитесь назадъ! Козаки въ лагерѣ!

Задніе ряды конницы певернули къ лагерю; передніе ряды неслись еще нѣсколько секундъ впередъ, но увидавъ, что они раздвоились, оставили преслѣдованіе. Козаки же и татары бросились по ихъ слѣдамъ. Зажужжали стрѣлы, засвистѣли пули, многіе всадники попадали. Ряды спутались, стройная колонна обратилась въ безпорядочный пчелиный рой. Достигнувъ лагеря.

поляки не досчитались, по крайней мѣрѣ, трети своихъ воиновъ. Непріятель же сталъ внѣ выстрѣловъ и, казалось, не имѣлъ намѣренія отступать.

Собственно говоря, козаковъ еще въ обозѣ не было. Прибѣжали только остатки польскаго отряда, высланнаго къ Ладыжину и разбитаго на голову Тимошемъ. Онъ со своимъ отрядомъ двигался по лѣвому берегу Буга и переправился черезъ рѣку выше Ладыжина. Бѣжавшіе увѣряли, что козаки тотчасъ нападутъ на обозъ и что ихъ видимо невидимо, тысячъ до ста. Пану гетману съ большимъ трудомъ удалось опять привести войско въ порядокъ. Повсюду онъ наталкивался на сильное возбужденіе; начальники отдѣльныхъ отрядовъ не слушали его приказаній. Вездѣ слышался ропотъ. Старые заслуженные воины чуть не на глазахъ у гетмана сходились въ кучки и обсуждали свое положеніе.

— Онъ ничего не знаетъ, какой онъ главнокомандующій! Онъ загналъ насъ сюда, какъ въ бойню, и даже не узналъ хорошенько о непріятельскихъ силахъ.

Кто-то предложилъ отдать гетмана въ неволю татарамъ.

— Пусть его опять посидитъ въ Крыму. За что намъ погибать всѣмъ изъ за сумасбродной головы! раздавалось въ толпѣ.

— Нѣтъ! отошлемъ его Хмельницкому! кричали другіе.

— Трусы, измѣнники! вдругъ раздался въ толпѣ рѣзкій голосъ гетмана.

Калиновскій прибѣжалъ изъ палатки, запыхавшись, дрожа отъ волненія, глаза его метали искры, рука крѣпко сжимала саблю; онъ махалъ ею надъ головою.

— Вы сами сумасброды, вы потеряли головы! Впередъ изъ обоза, или я зарублю всякаго ослушника.

Въ первую минуту неожиданное появленіе короннаго гетмана смутило пановъ; они было смолкли, но тотчасъ же снова зашумѣли и наступая съ обнаженными саблями на Калиновскаго, кричали ему:

— Ты трусъ, ты измѣнникъ, а не мы! Ты предалъ насъ въ руки хлоповъ и татаръ.

Нѣсколько молодыхъ пановъ, въ томъ числѣ князь Дмитрій и Николай Потоцкій заслонили собою гетмана и старались об-

разумить взволнованную толпу. Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, если бы Калиновскій, исчерпавъ все свое краснорѣчіе, не удалился въ свою палатку, куда за нимъ послѣдовали Пржіемскій и нѣсколько приближенныхъ пановъ.

На взволнованный лагерь спустился сумракъ; козаки еще не являлись, но ихъ ждали каждую минуту.

Нѣсколько храбрецовъ, наслушавшись отъ француза о чудесной скалѣ, въ полночь ходили туда и тоже опрометью вернулись назадъ; невидимый духъ повторилъ имъ по польски тоже самое, что и въ прошлую ночь.

Всю ночь до самаго разсвѣта просидѣлъ Калиновскій со старымъ артиллеристомъ, обсуждая всевозможные способы обороны. А въ лагерѣ, между тѣмъ, безотчетный, необъяснимый страхъ возросталъ каждую минуту, и едва только первая полоса утренней зари освѣтила лагерь, всѣ уже были на коняхъ, всѣ какъ одинъ человѣкъ рѣшились оставить гетмана и бѣжать куда глаза глядятъ. Этому много способствовало и поведеніе колдуньи. Она бѣгала по лагерю съ распущенными волосами и повелительнымъ жестомъ указывала на лѣвый берегъ Буга.

— Туда, туда надо вамъ идти! Я знаю, что онъ идетъ на васъ съ сѣвера, вамъ надо обойти его, перехитрить; здѣсь же васъ всѣхъ ждетъ гибель!

Панъ Самуилъ подошелъ къ ней и велѣлъ ей удалиться:

— Ступай прочь, Зелима! Тебѣ здѣсь не мѣсто!

— Это тебѣ здѣсь не мѣсто! возразила она, и взоръ ея сверкнулъ ненавистью: Ты вмѣстѣ съ отцомъ хотѣлъ выгнать бѣдную Зелиму. Смерть вамъ обоимъ! Аллахъ скоро отомститъ за меня.

Она побѣжала вонъ изъ лагеря, а за нею послѣдовали и многіе отряды.

Князь Дмитрій и панъ Самуилъ бросились къ палаткѣ короннаго гетмана.

— Отецъ, останови ихъ! Они бѣгутъ! въ волненіи вскрикнулъ панъ Самуилъ на порогѣ.

— Подлецы, трусы! вскрикнулъ Калиновскій, но голосъ его задрожалъ и оборвался.

Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ, какъ ошеломленный. Потомъ, выскочивъ изъ палатки и увлекая Пржіемскаго, онъ бросился къ артиллеріи, стоявшей на валу и не принимавшей никакого участія въ волненіи. Старые посѣдѣвшіе ветераны, дѣлившіе со своимъ старымъ вождемъ славу его въ битвахъ съ иноземцами, чинно стояли каждый на своемъ посту, готовые умереть, не моргнувъ глазомъ, по одному мановенію своего начальника.

— Я приказываю пану направить орудія на бѣглецовъ! скомандовалъ Калиновскій.

— Обдумалъ ли панъ коронный гетманъ, что онъ дѣлаетъ? попробовалъ его остановить Пржіемскій.

— Предлагаю пану слушаться главнокомандующаго! рѣзко отвѣтилъ Калиновскій.

Приказаніе было отдано. Раздался оглушительный залпъ, и дымъ застлалъ лагерь синеватымъ туманомъ, а обезумѣвшій отъ гнѣва гетманъ уже гналъ за бѣглецами нѣмецкую пѣхоту. Въ ту же почти минуту въ обозѣ вспыхнуло зарево. Панскіе хлопы, желая подслужиться козакамъ, сговорились сжечь лагерь. Когда дымъ пушечнаго залпа разсѣяся, первые лучи восходящаго солнца и яркое зарево пожара освѣтили ужасную картину. Множество поляковъ лежало на мѣстѣ; другіе съ яростью бросились на нѣмцевъ, завязалась отчаянная рукопашная борьба; нѣкоторые совершенно обезумѣли отъ страха и бросались кто въ воду, кто въ пламя горѣвшихъ костровъ. Изъ обоза то и дѣло вылетали цѣлые снопы пылавшаго сѣна, все болѣе и болѣе распространяя пожаръ по лагерю.

Вдругъ пронесся крикъ, и изъ за холма хлынула цѣлая волна козаковъ въ перемежку съ татарами. Впереди всѣхъ двигался красивый атлетъ запорожецъ, какъ изъ стали выкованный, и хитрымъ проницательнымъ взоромъ окинулъ страшную картину. Увидѣвъ борьбу, онъ заслонилъ глаза ладонью и сталъ всматриваться, удержавъ коня на вершинѣ холма. Занимъ остановились и козаки и стали въ удивленіи перешептываться.

— Не обманъ ли это? какая видьма ихъ зачаровала? Или они горилки перепились? говорили они вполголоса и нерѣшительно смотрѣли на своего предводителя.

Наконецъ широкая усмѣшка озарила лицо атамана. Это былъ зять Богдана, храбрый Иванъ Золотаренко, первѣйшій врагъ ляховъ, хорошо изучившій всѣ ихъ звычаи и обычаи.

— Смотрите-ка, братове, что творятъ ляхи! крикнулъ онъ и громко расхохотался; сами себя сѣкутъ и сами себя жгутъ. Этакъ мы ихъ голыми руками заберемъ, да и подушимъ ихъ въ ихъ же огнѣ. Отомстимъ имъ за Берестечко, перебьемъ нашихъ враговъ!

Тысячи голосовъ отвѣтили ему громкими криками.

Какъ лава, растеклось козацкое войско по всему лагерю; польская конница въ мигъ была смята. Все войско пришло въ такое смятеніе, что цѣлые отряды бросались въ рѣку и топили другъ друга. Бросившихся въ обозъ козаки оцѣпили плотною цѣпью и они всѣ погибли въ пламени, искавшихъ спасенія за окопами въ лѣсу и болотѣ почти всѣхъ перекололи, перерубили, перерѣзали. Небольшая кучка воиновъ, преимущественно артиллеристовъ Пржіемскаго, столпилась около гетмана. Панъ хорунжій старался высоко держать знамя, надѣясь, что бѣглецы опомнятся, соберутся. Но вдругъ просвистѣла татарская стрѣла и панъ хорунжій, не испустивъ ни одного звука, упалъ на землю, а знамя покрыло его точь въ точь какъ нѣсколько дней тому назадъ на смотру. Князь Дмитрій стоялъ тутъ же подлѣ хорунжаго; густыя волны дыма окружали ихъ всѣхъ, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. Вдругъ къ князю приблизилась какая то тѣнь, схватила его за руку и онъ услышалъ голосъ Зелимы:

— Если не хочешь погибнуть, иди за мною.

Въ ту же минуту онъ увидѣлъ, какъ упалъ на землю панъ Пржіемскій, и изо рта у него волною хлынула кровь. Въ нѣкоторомъ разстояніи въ дыму можно было уже различить татаръ и козаковъ. Князь не сопротивлялся, онъ послѣдовалъ за татаркою; она влекла его куда-то, онъ послушно шелъ за нею, спотыкаясь о тѣла, задыхаясь отъ дыма, перескакивая чрезъ горящія головни. Наконецъ дымъ сталъ рѣдѣть, они достигли берега рѣки въ сторонѣ отъ окоповъ и лагеря. Татарка вошла по колѣна въ воду, увлекая за собою князя; такъ они прошли съ

полверсты, скрытые высокою зарослью камыша. Тогда Зелима круто повернула за одинъ изъ выдающихся уступовъ скалы и указала князю на небольшой челнъ, скрытый между камнями.

— Надо подождать вечера, сказала она: до тѣхъ поръ Зелима скроетъ тебя въ пещерѣ.

Въ лагерѣ, между тѣмъ, продолжалась рѣзня. Калиновскій съ отчаянія самъ бросился въ толпу враговъ и пронзенный стрѣлами упалъ, обливаясь кровью.

Султанъ Нуреддинъ велѣлъ отрубить ему голову, а Золотаренко отрядилъ козака отвезти ее Богдану.

Самуилу Калиновскому съ нѣсколькими панами удалось вплавь перебраться черезъ Бугъ; но и они не нашли спасенія. Въ сосѣдней деревушкѣ, когда они скакали черезъ мостъ, гнилыя доски обломились и всѣ они упали въ воду, а хлопы не дали имъ выбраться на берегъ и добили ихъ.

Бѣдная пани Урсула! Отъ нея скрыли смерть мужа, увѣривъ ее, что онъ попался въ плѣнъ. Но и это извѣстіе такъ потрясло ее, что она долго не могла оправиться. Она продавала свои помѣстья и вотчины, а вырученныя отъ продажи деньги посылала въ Крымъ тому или другому агенту въ надеждѣ разыскать и освободить мужа.

ГЛАВА VI.

ВОЛКЪ ВЪ ЗАПАДНѢ.

Въ Яссахъ все задрожало при извѣстіи о батогскомъ разгромѣ. Побѣдоносный женихъ въ сопровожденіи своихъ воинственныхъ поѣзжанъ медленно надвигался къ границѣ.

Господарь созвалъ чрезвычайный совѣтъ. Засѣданіе этого собранія происходило при особенно торжественной обстановкѣ. Всѣ бароны совѣта и бароны дивана собрались въ большемъ аудіенцъ-залѣ, занимавшемъ центръ замка. У задней стѣны залы на высокомъ позолоченномъ тронѣ возсѣдалъ князь Василій, облеченный знаками княжескаго достоинства, въ богатой шапкѣ,

украшенной страусовыми перьями. Поверхъ нея была надѣта княжеская корона. Въ рукѣ онъ держалъ жезлъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Надъ трономъ висѣлъ образъ Іисуса Христа, приведеннаго на судъ передъ Пилатомъ, въ богатой ризѣ, блиставшей драгоцѣнными каменьями, а передъ нимъ спускалось прекрасное фарфоровое паникадило съ толстою зеленою свѣчею, распространявшею благоуханіе. По лѣвую руку князя возвышался другой тронъ пониже для митрополита, возсѣдавшаго въ полномъ облаченіи. За нимъ вся лѣвая стѣна была занята мѣстами бояръ, расположенными по чинамъ со строгимъ соблюденіемъ занимаемыхъ ими должностей. По правую руку князя стоялъ великій меченосецъ съ двумя помощниками и держалъ княжескій мечь; а немного поодаль отъ него помѣщался цѣлый рядъ постельниковъ со своимъ начальникомъ во главѣ. Почетный караулъ, состоявшій изъ апродовъ и армашей, двумя длинными рядами стоялъ противъ князя. По правой же сторонѣ зала сидѣли отставные бояре, тоже размѣщенные по прежнимъ ихъ должностямъ.

Князь открылъ засѣданіе краткою молитвою, обращенною къ Господу Іисусу Христу, затѣмъ принялъ благословеніе отъ митрополита и обратился съ рѣчью къ засѣдавшимъ боярамъ, причемъ въ голосѣ его не слышалось уже обычной, рѣзкой повелительной нотки.

— Благородные вѣрные бояре! какъ то необычно мягко и вкрадчиво проговорилъ онъ. Мудрые мои совѣтники! Обращаюсь къ вамъ и жду отъ васъ рѣшенія всѣхъ затрудняющихъ меня вопросовъ. Вамъ извѣстно, въ какомъ положеніи мы находимся. Козаки подступили къ границѣ и грозятъ новымъ разгромомъ. Они опять запаслись дружбою татарскою; а гетманъ козаковъ настоятельно требуетъ, чтобы я отдалъ руку моей дочери сыну его Тимоѳею. Но, друзья мои, поймите чувства отца. Мнѣ невыносима мысль, что прекрасная княжна, которую я лелѣялъ нѣсколько лѣтъ, станетъ простою козачкою, выйдетъ замужъ за полудикаря, за человѣка низкаго происхожденія и должна будетъ влачить жизнь въ средѣ, вовсе ей несвойственной. Мнѣ бы легче было видѣть ее мертвой! заключилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Наступило тяжелое продолжительное молчаніе. Наконецъ всталъ одинъ изъ отрѣшенныхъ отъ должности бояръ и просилъ слова:

— Два года тому назадъ мы жестоко испытали, что значитъ гнѣвъ храбраго воина Тимоѳея Хмельницкаго. Побросавъ свое имущество, забравъ женъ и дѣтей, мы принуждены были бѣжать въ лѣса и съ высокихъ деревьевъ въ отчаяніи мы смотрѣли, какъ пламя пожирало наше имущество, уничтожало жилища, разрушало благосостояніе. Коварные поляки и не думали оказать намъ помощи. Ты же, князь, на нихъ тогда надѣялся такъ же, какъ надѣешься теперь. И теперь, какъ тогда, они не оправдали твоихъ надеждъ. Теперь они разбиты, а мы въ рукахъ козаковъ и татаръ. Настоящее нашествіе будетъ еще ужаснѣе перваго. О чемъ же теперь совѣщаться и что же тутъ обдумывать то, что очевидно. Неужели пережитыя бѣдствія не послужатъ намъ достаточнымъ урокомъ.

Глухой ропотъ пронесся по залу.

— Не хотимъ мы опять быть отданными въ руки татаръ! раздавались голоса бояръ. Чѣмъ Тимоѳей не зять князю, онъ храбрый воинъ и будетъ доблестнымъ его преемникомъ. Отдавай, князь, свою дочь за гетманова сына, его любитъ народъ, о его подвигахъ говоритъ вся страна, только ты одинъ не хочешь сознаться, что лучшаго зятя тебѣ не найти.

— Я долженъ присоединить и свою просьбу къ просьбѣ бояръ, сказалъ митрополитъ. Вѣра русская ближе къ нашей, чѣмъ католическая. Мы братія съ русскими по духу и должны сочувствовать имъ, такъ какъ они борятся за родную намъ вѣру. Народъ сильно не одобряетъ твою дружбу съ ляхами, князь, и если ты теперь воспротивишься, кто знаетъ, чернь можетъ возмутиться, посадить на престолъ храбраго Тимоѳея, а тебя изгнать навсегда изъ страны.

Василій слушалъ слова митрополита съ затаеннымъ гнѣвомъ. Въ другое время онъ не допустилъ бы такихъ рѣзкихъ возраженій; но теперь онъ зналъ, что во всемъ залѣ не найдется ни одного боярина, который бы отнесся къ нему доброжелательно. Онъ утомился въ этой безплодной борьбѣ и предчувство-

валъ, что стоглавая гидра, которую онъ давилъ столько лѣтъ, поднимется и задушитъ его, задушитъ жестоко, безжалостно, не вспомнивъ ни одного благодѣянія, доставленнаго имъ странѣ, поставивъ ему въ вину каждую ошибку, какъ бы она ни была ничтожна. Онъ и не думалъ бороться съ этимъ грознымъ призракомъ, онъ хотѣлъ только отдалить эту роковую минуту, купивъ себѣ хотя временное спокойствіе какою-бы то ни было цѣною.

Слова митрополита вызвали шумное одобреніе. Князь нѣсколько разъ призывалъ къ молчанію, но его не слушали, каждый старался подѣлиться своими впечатлѣніями, каждый по своему выяснялъ сказанное.

Василій старался привѣтливо улыбаться; но сурово сдвинутыя брови и блестѣвшій изъ подъ нихъ далеко неласковый взглядъ напоминали волка, загнаннаго въ западню. Онъ далъ утихнуть волненію и тогда смиренно произнесъ:

— Я готовъ исполнить волю народа моего; но спасетъ ли это насъ отъ дикихъ необузданныхъ гостей и ихъ насилій? Не лучше ли снестись съ найяснѣйшимъ королемъ польскимъ и, получивъ отъ него подкрѣпленія, двинуть къ границамъ всѣ наши военныя силы.

Услышавъ эти слова, медленно поднялся съ своего мѣста великій дворецкій, величавымъ движеніемъ протянулъ онъ свой позолоченный жезлъ впередъ, указывая въ окно на полуразрушенные силуэты дворцовъ и зданій, на разоренныя окрестности города, и проговорилъ:

— Два года тому назадъ, наша столица цвѣла, утопая въ роскоши садовъ, богатыхъ пажитей и нивъ. Тогда легче было собрать сильное и крѣпкое войско и двинуть его на встрѣчу врагу. Но тогда князь надѣялся на своихъ друзей ляховъ, допустилъ опустошить страну, разгромить и сжечь столицу. Какихъ же воиновъ дастъ теперь наша страна, не оправившаяся еще отъ опустошенія, когда у нея не хватаетъ рукъ для воздѣлыванія полей, когда чуть не половина населенія томится еще въ татарской неволѣ? Нѣтъ, князь, поздно думать о войнѣ, заключилъ онъ, слѣдуетъ отбросить ложную гордость и смириться передъ побѣдителемъ.

Князь поблѣднѣлъ отъ волненія, закусилъ губу, но черезъ минуту уже овладѣлъ собою и сказалъ:

— Пусть будетъ по вашему: для блага страны я готовъ пожертвовать дочерью!

При этихъ словахъ онъ три раза стукнулъ жезломъ объ полъ, въ знакъ того, что засѣданіе закрыто. Всѣ шумно встали съ своихъ мѣстъ, не соблюдая при этомъ обычнаго чиннаго спокойствія, предписываемаго этикетомъ.

На широкомъ княжескомъ дворѣ кучка бояръ столпилась около Георгицы.

— Долго ли же будемъ мы терпѣть козни этого волка? говорили они. Сегодня онъ говоритъ одно, а завтра дѣлаетъ другое. Лучше и вправду посадить на престолъ храбраго Тимоѳея.

Георгица насмѣшливо покачалъ головой.

— Тогда мы угодимъ изъ пасти волка въ пасть медвѣдя, проговорилъ онъ иронически. Если волкъ насъ подчасъ грызетъ волчьими зубами, то медвѣдь сразу насъ раздавитъ своею медвѣжьей лапой; и я незнаю, что хуже. Я предложилъ бы другое, дорогіе товарищи, проговорилъ онъ почти шепотомъ, осторожно озираясь. Пусть волкъ съ медвѣдемъ породнятся между собою и мнятъ себя въ безопасности. А мы тѣмъ временемъ потихоньку натравимъ на нихъ ихъ враговъ, да и стряхнемъ съ себя ихъ обоихъ.

— А потомъ что? освѣдомился великій вистерникъ, съ недовѣріемъ посматривая на своего сотоварища.

— А потомъ мы изберемъ изъ среды своей способнѣйшаго; онъ будетъ управлять нами разумно на благо страны.

Великій вистерникъ пытливо посмотрѣлъ въ глаза своему собесѣднику и, обращаясь къ остальнымъ боярамъ, проговорилъ:

— Сладкія рѣчи, давно мы ихъ слышали, да только власть то такая сила, кто до нея доберется, тотчасъ объ нихъ и забудетъ.

Всѣ поняли намекъ и, двусмысленно улыбаясь, стали расходиться, а Георгица, злобно смотря вслѣдъ удалявшемуся вистернику, прошепталъ про себя:

— Попомнишь ты эти сладкія рѣчи, на первомъ на тебѣ испробую силу власти.

Черезъ нѣсколько дней Яссы готовились къ торжественному пріему жениха. Тимошъ шелъ одинъ съ козаками, по просьбѣ будущаго тестя онъ оставилъ татаръ въ Польшѣ. На границѣ его встрѣтило почетное посольство съ двоюроднымъ братомъ князя Василія во главѣ. Своевольнаго племянника, грозу барынь и боярышенъ, отправили въ Чигиринъ въ качествѣ золожника. Бояре втихомолку смѣялись, что Молдавія ничего бы не потеряла, если бы Богданъ свернулъ голову этому заложнику.

Тимоша сопровождалъ Иванъ Выговскій, правая рука гетмана; самъ же Богданъ остался въ Чигиринѣ.

Жаркій знойный день не помѣшалъ господарю соблюсти со всею торжественностью обрядъ встрѣчи. Почти за часъ до прибытія жениха онъ ужъ былъ за городскими воротами, окруженный необычайнымъ великолѣпіемъ и пышностью. Конница въ богатыхъ золоченныхъ латахъ и крылатыхъ каскахъ блистала на коняхъ, покрытыхъ роскошною сбруею. Великолѣпныя попоны княжескаго и боярскихъ коней, переливались на солнцѣ своими драгоцѣнными украшеніями. Разноцвѣтныя страусовыя перья на шапкахъ, дорогіе аграфы, тяжелые пояса, цѣнностью въ цѣлое состояніе, бархатъ, атласъ, серебро и золото, все это переносило въ какой то сказочный міръ; а тысячная толпа, высыпавшая за городъ встрѣтить жениха ставшаго популярнымъ во всей Молдавіи, придавала торжеству оттѣнокъ чего то грандіознаго, чего то такого, что невольно заставляло сильнѣе биться сердце каждаго изъ присутствовавшихъ.

Наконецъ ожидаемый гость показался вдали со своею свитою. Князь Василій слѣзъ съ коня и пѣшкомъ, сопровождаемый высшими своими сановниками, пошелъ къ нему навстрѣчу.

Тимошъ былъ одѣтъ до чрезвычайности просто, въ обыкновенномъ синемъ козацкомъ кафтанѣ прекраснаго тонкаго голландскаго сукна, въ широкихъ бархатныхъ шароварахъ темномалиноваго цвѣта, спускавшихся волнистыми складками на высокіе блестящіе козацкіе сапоги съ большими серебряными шпорами. Подъ мышкой онъ держалъ высокую смушковую шапку съ бархатнымъ верхомъ цвѣта шароваръ. Черезъ плечо на ремнѣ висѣла сабля, подаренная ему султаномъ Калгою, съ драгоцѣн-

ною рукоятью, осыпанною алмазами, изумрудами и рубинами, а за широкимъ поясомъ изъ массивныхъ золотыхъ бляхъ висѣлъ кинжалъ затѣйливой венеціанской работы, весь усыпанный дорогими каменьями. Этотъ простой нарядъ какъ то особенно изящно обрисовывалъ стройную фигуру молодаго козака, а его скромный и немного смущенный видъ составлялъ рѣзкую противоположность съ горделивой фигурой посматривавшаго на него свысока князя.

Приблизившись къ господарю, Тимошъ упалъ передъ нимъ на колѣни, но тотъ милостиво поднялъ его, поцѣловалъ въ лобъ и громко проговорилъ, осматривая его съ головы до ногъ.

— Любезный сынъ нашъ! вижу, что ты закалился въ бою, сталъ такимъ красавцемъ и молодцемъ, что, пожалуй, Локсандра и не узнаетъ тебя.

Комплиментъ будущаго тестя засталъ Тимоша врасплохъ. Простодушный юноша не ожидалъ такого ласковаго сердечнаго пріема и совершенно смутился. Онъ почувствовалъ себя вдругъ виноватымъ передъ этимъ человѣкомъ и несмотря на свои двадцать слишкомъ лѣтъ, вспыхнулъ, какъ красная дѣвица. На помощь къ нему подоспѣлъ находчивый Выговскій, совершенная противоположность Тимошу. Вся его фигура горѣла и блестѣла отъ множества драгоцѣнныхъ каменьевъ, украшавшихъ богатый бархатный кафтанъ съ золотыми позументами и шнурами, смотрѣвшихъ и изъ множества перстней на пальцахъ, и изъ аграфа на его шапочкѣ, и даже изъ пряжекъ на сафьянныхъ сапогахъ. Выговскій отвѣсилъ низкій поклонъ князю и проговорилъ:

— Наисвѣтлѣйшій князь, господарь всея Молдавіи, не осуди насъ, скромныхъ козаковъ, если мы не съумѣемъ вполнѣ выразить тебѣ всю нашу пріязнь, всю нашу готовность всегда и во всемъ служить странѣ твоей. Великій гетманъ всей Украйны шлетъ тебѣ свой братскій привѣтъ и поклонъ и проситъ тебя всегда держать въ любви сына его Тимоѳея. Онъ готовъ во всякое время помогать противъ враговъ твоихъ, кто бы они не были, и проситъ тебя быть увѣреннымъ въ его любви къ тебѣ.

Князь молча величественно поклонился, взялъ Тимоша за руку и подвелъ его къ богато убранному бѣлому коню, покры-

тому серебряною парчевою попоною. Потомъ самъ сѣлъ на коня, пропустилъ Тимоша впередъ и процессія торжественно двинулась къ воротамъ. Сотни колоколовъ загудѣли во всѣхъ ясскихъ церквяхъ и заглушали собою шедшихъ во главѣ процессіи трубачей. Толпа единодушно, восторженно кричала:

— Да здравствуетъ Тимошъ, храбрый воинъ!

А женщины усыпали дорогу душистыми цвѣтами.

Всѣ улицы были наполнены народомъ; народъ сидѣлъ на крышахъ, на деревьяхъ, на колокольняхъ. Ни одного вновь избраннаго князя не встѣчали съ такимъ тріумфомъ, и Василій невольно вспоминалъ угрозу, брошенную ему въ лицо митрополитомъ: „Чернь можетъ посадить на престолъ храбраго воина, а тебя, ненавистнаго князя, выгнать вонъ изъ страны", повторялъ онъ про себя мысленно. „Да, это опасный соперникъ", думалъ онъ, опустивъ мрачно голову. „Надо поскорѣе спровадить его въ Украину".

На ступеняхъ дворца ихъ встрѣтилъ митрополитъ съ крестомъ и святою водою, а сверху изъ маленькаго окна высокой башни смотрѣла Локсандра, и сердце ея, какъ птичка въ клѣткѣ, билось, при видѣ мужественнаго статнаго воина, несмотря на всѣ препятствія съумѣвшаго завоевать ее себѣ.

Въ день пріѣзда жениха обычай не дозволялъ ей съ нимъ видѣться, и она отъ души завидовала своей мачихѣ, облачившейся въ княжескія парадныя одежды и ушедшей въ пріемные покои. Локсандра даже принялась плакать, но Маріанка съумѣла уговорить ее, заявивъ, что у княжны будутъ глаза красные, а это можетъ не понравиться жениху. Чтобы скоротать время, Локсандра ушла въ тѣнистый садъ, бродила тамъ по дорожкамъ, срывая то пышную розу, то душистый жасминъ, то нарядную лилію.

ГЛАВА VII.

СГОВОРЪ.

На слѣдующій день начинался цѣлый рядъ торжествъ, предшествовавшихъ бракосочетанію. Прежде всего слѣдовало совер-

шить обрядъ сговора по старинному обычаю страны. Панъ Кутнарскій вызвался быть руководителемъ. Съ вечера онъ зашелъ къ Тимошу, чтобы объяснить ему, что должно ему дѣлать. Его встрѣтилъ старинный его пріятель панъ Доброшевскій.

— Мое почтеніе пану! съ легкою ироніею проговорилъ Кутнарскій. Каково здоровье пана?

— Благодарю пана за ласку! холодно отвѣчалъ Доброшевскій. Живется мнѣ очень хорошо. Панъ Тимошъ храбрый благородный воинъ.

— Радуюсь благоденствію пана! съ еще большею ироніею проговорилъ Кутнарскій. Полагаю, что панъ тоже будетъ однимъ изъ печиторовъ (сватовъ).

— Кажется, панъ Тимошъ хочетъ справить сговоръ по украински! А впрочемъ, я доложу пану.

Онъ провелъ Кутнарскаго къ Тимошу.

Тимошу, собственно говоря, было все равно, какъ ни справить всѣ обряды, лишь бы поскорѣе съ ними покончить и увезти Локсандру къ себѣ на родину.

Но упрямые козаки, съ Золотаренкомъ, Носачемъ и Пушкаремъ во главѣ, непремѣнно хотѣли поддержать козацкую честь, тѣмъ болѣе что имъ пришлось вести переговоры съ заносчивымъ паномъ, не хотѣвшимъ да и не умѣвшимъ ихъ уламывать. Такъ какъ споры не привели ни къ какимъ результатамъ, то господарь рѣшилъ въ тотъ же день собрать семейный совѣтъ и сообща установить всѣ свадебные обряды. На совѣщаніе явились сваты, женихъ, господарь съ женою и еще нѣсколько приближенныхъ изъ семьи господаря.

Козаки предъявили свои требованія, чтобы были соблюдены не только молдавскіе, но и украинскіе обряды. Господарь поморщился и сталъ отнѣкиваться.

— У насъ, вѣдь, никто не знаетъ ни вашихъ пѣсенъ, ни вашихъ плясокъ, говорилъ онъ, еще чего добраго все перепутаютъ и выйдетъ не торжество, а посмѣшище.

За козаковъ вступилась господарша.

— Отчего же не устроить такъ, чтобы совершить и наши, и ихъ обряды? Мы поищемъ старыхъ козачекъ; онѣ научатъ

нашихъ боярышень украинскимъ пѣснямъ. Это будетъ даже весело! А если выйдетъ въ чемъ нибудь ошибка, храбрые воины насъ не осудятъ; мы отъ души желаемъ угодить имъ! весело проговорила она, посматривая на Тимоша.

— Вотъ это умно! сказалъ Тимошъ, схватилъ руку тещи и громко ее поцѣловалъ, не стѣсняясь придворнымъ этикетомъ.

Господарша засмѣялась, вспыхнула, быстро отдернула руку, а князь сурово покосился на жену и предложилъ немедля обсудить, какіе изъ украинскихъ обрядовъ можно соблюсти.

— У васъ тамъ можетъ быть окажется что нибудь такое, чего не можетъ допустить нашъ придворный этикетъ! сказалъ онъ съ неудовольствіемъ, снова косясь на жену.

Но на этотъ разъ господарша совсѣмъ не замѣчала косыхъ взглядовъ мужа. Въ счастьи своей падчерицы она переживала вторую молодость, расцвѣла и повеселѣла и, казалось, ничего не видѣла помимо интересовъ Локсандры и Тимоша.

— Нѣтъ, Василій! отвѣчала она. Я отлично знаю все, что поется и дѣлается на малороссійскихъ свадьбахъ, тамъ ничего нѣтъ предосудительнаго, пѣсни хорошія, и не трудно ихъ выучить.

— Что-то ты скоро познакомилась съ украинскими обычаями? рѣзко проговорилъ господарь.

— Я хотѣла угодить Тимошу, скромно отвѣчала она, опустивъ глаза. Мы съ Локсандрой уже цѣлый мѣсяцъ разучиваемъ эти пѣсни, и козачки къ намъ ходятъ. Локсандра даже и плясать научилась. Господарша все это проговорила съ невиннымъ видомъ, какъ бы поддразнивая мужа. Съ нѣкотораго времени ей доставляло особое удовольствіе сердить его.

Василій еще сердитѣе сдвинулъ брови. Онъ собирался уже замѣтить, что все это дѣлалось за его спиною, безъ его позволенія. Но, взглянувъ на сіявшее лицо Тимоша, удержался. Теперь, когда этотъ ненавистный зять все таки навязался ему, не оставалось ничего другаго, какъ угождать строптивому козаку, приручить его и извлечь изъ него наиболѣе пользы.

— Хорошо! я согласенъ, проговорилъ онъ. Это дѣло женское, и мнѣ все равно. Я только желаю одного, чтобы нашъ обычай былъ соблюденъ во всей чистотѣ, чтобы никто не могъ

сказать, что дочь господаря взята насильно, какъ боевая добыча.

— Это значитъ, тихо прошепталъ Золотаренко Носачу, мы хотимъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы.

— А какъ же мы будемъ по вашему объясняться? спросилъ Золотаренко, обращаясь къ господарю.

— Я могу помочь затрудненію, вмѣшался Выговскій. Если мнѣ въ общихъ чертахъ укажутъ, что говорить, то я не затруднюсь.

— Ну и добре! замѣтилъ Золотаренко. Ты говори, а мы будемъ поддакивать.

Затрудненія такимъ образомъ были устранены.

На другой день съ самаго ранняго утра всѣ суетились, шумѣли, толкались. Весь женскій персоналъ, начиная съ княгини и кончая послѣднею рабою, проникся торжественностью минуты. И немудрено! Предстояло одѣть княжну къ сговору такъ, чтобы она была краше всѣхъ, чтобы поразить и жениха, и сватовъ. Нѣсколько самыхъ знатныхъ боярынь и боярышенъ окружали господаршу и княжну, торжественно разбирая гардеробъ ея и обсуждая ея нарядъ до малѣйшей подробности. Локсандра только изъ приличія стояла тутъ же. Она совершенно равнодушно смотрѣла на богатую парчу, яркій шелкъ и драгоцѣнные каменья. Если бы спросили ея мнѣнія, она всего охотнѣе одѣлась бы въ малороссійскую плахту и запаску съ причудливымъ шитьемъ, подарокъ жениха, торжественно ей переданный утромъ паномъ Доброшевскимъ. Но ея мнѣнія не спрашивали, придворный этикетъ требовалъ особаго великолѣпія, и Локсандра покорно подчинилась ему, утѣшая себя мыслью, что покажется своему жениху въ украинской одеждѣ потомъ, когда минуютъ эти скучныя церемоніи.

Часа за два до назначеннаго времени въ большой залѣ замка собралась вся знать, бояре и боярыни и размѣстились на указанныхъ имъ мѣстахъ. Когда прибыли сваты, князь и княгиня вышли изъ внутреннихъ покоевъ въ сопровожденіи почетной свиты.

Роскошь и великолѣпіе царили повсюду. Одежды князя и княгини горѣли алмазами, боярыни щеголяли одна передъ дру-

гою богатымъ шитьемъ, дорогими шелками, парчею и бархатомъ.

Наконецъ въ залъ торжественно ввели печиторовъ. Въ качествѣ старосты былъ панъ Выговскій въ богатомъ кунтушѣ, опоясанномъ драгоцѣннымъ поясомъ, съ дорогою цѣпью на шеѣ. Онъ выступалъ плавно, мягко, съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства, нисколько, повидимому, не смущаясь многочисленностью собранія. Совершенную съ нимъ противоположность составляли остальные сваты. Ихъ дюжія, коренастыя фигуры съ длинными чубами, черныя, загорѣлыя лица и простой нарядъ запорожцевъ, а главное огромные неуклюжіе сапоги, работы сѣчеваго мастера, невольно обращали на себя вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ. Козаки чувствовали себя неловко, не знали, куда дѣть руки, на кого смотрѣть.

Подойдя къ князю, Выговскій началъ свою рѣчь плавно, краснорѣчиво, со всѣми нужными оттѣнками и по залѣ пронесся шепотъ одобренія.

Онъ говорилъ:

— Свѣтлѣйшій князь, высокопрославленный господарь! Мы охотились съ господиномъ нашимъ, храбрымъ паномъ Тимоѳеемъ, сыномъ знаменитаго гетмана всея Украйны, Богдана Хмельницкаго, и забрели въ твою землю, обильную медомъ и млекомъ. Заманила насъ сюда еленица стыдливая, боязливая, заманила и скрылася въ домѣ твоемъ. Мы пришли по слѣдамъ ея, утомились, догоняя ее, и просимъ тебя отдать намъ ее или указать, куда она бѣжала.

Выговскій отвѣсилъ при этомъ низкій поклонъ и, опершись на рукоять сабли, ожидалъ отвѣта.

— Не знаю, не знаю! покачивая отрицательно головою, отвѣчалъ князь: не приходила такая дичина въ домъ мой, не сбились ли славные охотники въ слѣдахъ, не скрылась ли ваша еленица въ сосѣдствѣ.

— Нѣтъ, свѣтлѣйшій князь! съ легкою усмѣшкою настаивалъ староста, еленица у тебя въ домѣ, наши гончія хорошо разнюхали ея слѣдъ.

Князь далъ знакъ рукою. Отворилась дверь. Двѣ боярыни вывели старую грязную цыганку въ заплатанныхъ рубищахъ, съ босыми ногами.

— Тьфу! видьму какую подобрали! не вытерпѣлъ Золотаренко и сплюнулъ. Вотъ такъ сговоръ! Бисъ ихъ возьми!

Онъ вообще чувствовалъ себя не въ духѣ. Панъ Выговскій обернулся и строго посмотрѣлъ на него.

— Ничего, пане, я такъ, про себя! Бреши себѣ дальше! пробоморталъ козакъ.

— Вотъ вамъ еленица, добрые охотники! Не за нею ли вы гнались?

— Нѣтъ, великій властитель! съ трудомъ удерживая улыбку, отвѣчалъ Выговскій. За такою дичью нашъ господинъ не погнался бы. Та еленица была златорогая, златошерстая, у нея сокольи очи, жемчужные зубы, губы румянѣе вишень, тѣло, какъ у львицы, грудь гусиная, шея лебединая, персты нѣжнѣе воска, взоръ яснѣе солнца и мѣсяца.

— Никогда такой дичины мы не видывали, отвѣчала господарша. Ваши гончія ошиблись, дорогіе охотники.

— Хорошо! съ угрожающимъ жестомъ проговорилъ тогда староста, грозно выпрямившись и обнажая саблю. Если гончія наши ошиблись, такъ не ошибется наше оружіе. Съ обнаженнымъ мечомъ обойдемъ мы домъ твой, и горе тебѣ, господарь! если ты скрылъ еленицу.

— Вотъ такъ добре! проговорилъ Золотаренко и, слѣдуя примѣру Выговскаго, обнажилъ оружіе. То по нашему звычаю! Гдѣ языкъ не помогаетъ, тамъ шаблюка научитъ.

— Не гнѣвитесь, храбрые охотники! вставая и отвѣшивая старостѣ поклонъ, сказали князь и княгиня. Есть еще у насъ еленица пугливая, стыдливая.

При этихъ словахъ отворилась другая дверь, и двѣ боярыни торжественно ввели Локсандру.

Козаки не могли скрыть своего восторга.

— Вотъ-то гарная дивчина! проговорили они.

— Жаль, что только много на ней напутано, прибавилъ Носачъ, и не разглядѣть, какая она есть.

Княжну увѣшали всевозможными ожерельями, нитками алмазовъ и жемчуговъ, украсили кольцами, браслетами, даже на сапожкахъ были намотаны нити драгоцѣнныхъ камней.

— Вотъ она наша давно желанная еленица! сказалъ Выговскій, преклоняя колѣна передъ княжною.

Вставъ, онъ медленно подошелъ къ входной двери и отворивъ ее, взялъ за руку ожидавшаго за дверью Тимоша и подвелъ его къ невѣстѣ.

Локсандра дрожала отъ волненія, не смѣла поднять глазъ и, дѣйствительно, напоминала загнанную еленицу. Ей было и страшно, и весело, и смѣшно, и грустно; казалось, что это сонъ, не вѣрилось, что подлѣ нея стоитъ Тимошъ, тотъ Тимошъ, которымъ она грезила и во снѣ, и на яву.

Вслѣдъ за женихомъ вошелъ митрополитъ въ полномъ облаченіи въ сопровожденіи протодіакона, несшаго на богатомъ блюдѣ кольца.

Молодыхъ людей обручили при громкомъ звонѣ колоколовъ, а господарша торжественно повязала всѣхъ сватовъ богатыми шелковыми ручниками съпрекраснымъ разноцвѣтнымъ шитьемъ. Тимошу же она перевязала правый рукавъ красивымъ шелковымъ платкомъ съ цвѣтной каймой.

Тимошъ думалъ, что ихъ теперь посадятъ подъ образа, какъ это дѣлалось на Украйнѣ и втайнѣ тѣшилъ себя пріятною близостью съ любимой дѣвушкой; но не тутъ-то было!

Боярыни подхватили княжну и увлекли ее во внутренніе покои, къ великой досадѣ жениха.

— Что, братику? проговорилъ Золотаренко, похлопывая Тимоша по плечу. Вотъ тебѣ и еленица! показала рога да и утекла.

— А я-жъ ее все таки увижу! сердито проворчалъ Тимошъ. Не будь я козакъ, если не увижу.

Господарь торжественно подошелъ къ Тимошу, взялъ его за руку и съ низкимъ поклономъ просилъ не побрезгать, откушать его хлѣба-соли.

Всѣ двинулись въ просторную столовую съ широкими массивными дубовыми столами и стѣнами, украшенными звѣриными головами и чучелами птицъ.

Роскошныя яства, прекрасныя вина до нѣкоторой степени примирили козаковъ съ празднествомъ; а горѣлку вполнѣ замѣнило зеленое котнарское, густое, какъ масло, и жгучее, какъ раскаленное желѣзо. Душистые соты и всевозможные плоды закончили обѣдъ. Яблоки показались козакамъ слишкомъ мелкими и недостаточно сочными, груши были крѣпки, а сливы хоть и крупны да водянисты.

— Ишь, вражьи дѣти! ворчалъ Золотаренко, не умѣютъ и плодовъ выростить. Земля такая благословенная, а садовъ нема.

— Подожди, лукаво подмигнувъ, замѣтилъ Пушкарь. Какъ посадимъ мы сюда нашего молодаго батька, такъ не то будетъ. Онъ ихъ всему научитъ.

— Бреши, да не забрехивайся! многозначительно отвѣтилъ Золотаренко, искоса посматривая на Георгицу, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ.

Но Георгицѣ было не до нихъ. Онъ весь ушелъ въ созерцаніе того, что происходило напротивъ, гдѣ сидѣли Тимошъ, господарша и князь.

Тимошъ, разгоряченный виномъ, увѣрялъ князя въ своей готовности всегда стоять за него и за его интересы.

— Не бойся, князь! говорилъ онъ. Теперь тебѣ не будутъ страшны никакіе враги. Мы съ отцомъ отстоимъ тебя отъ всякаго недруга. Не страшенъ намъ ни Ракоцій, ни Бассарба, всѣхъ ихъ заставимъ плясать по нашей дудкѣ. Понадобится Порту купить и ее купимъ, денегъ у насъ на это хватитъ.

Георгица многозначительно переглянулся съ женою, сидѣвшею наискосокъ по другую сторону стола.

Василій старался успокоить расходившагося зятя.

— Мы съ тобою еще переговоримъ объ этомъ! замѣтилъ онъ вполгоса и положилъ на столъ расшитый утиральникъ, поданный ему однимъ изъ пажей.

Великій постельникъ, ожидавшій этого знака, стукнулъ объ полъ серебрянымъ жезломъ, и всѣ встали изъ-за стола.

Тимошъ воспользовался удобною минутою и скользнулъ никѣмъ незамѣченный на женскую половину.

— Гдѣ княжна? спросилъ онъ первую попавшуюся служанку по-молдавански.

Служанка совершенно оторопѣла при видѣ рыцаря и смущенно пробормотала:

— Гуляетъ въ саду.

— Добре! замѣтилъ про себя Тимошъ и, обращаясь къ рабынѣ, спросилъ: а гдѣ садъ?

У рабыни языкъ прилипъ къ горлу отъ страха, она могла только указать рукой на чернѣвшуюся дверь въ концѣ узкаго корридора и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать.

Тимошъ быстро направился къ указанному выходу, отворилъ дверь и очутился въ густомъ саду съ тѣнистыми буковыми аллеями, причудливыми гротами, бесѣдками и фонтанами. Онъ остановился было въ нерѣшимости; но взглянувъ на посыпанную пескомъ дорожку, привычнымъ взглядомъ отличилъ маленькіе узкіе слѣды кожаныхъ сандалій княжны.

Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и любовался стройною ея фигурою, наклонившеюся надъ фонтаномъ.

— Локсандра, серденько мое! проговорилъ онъ тихо.

Локсандра обернулась, и лицо ея изобразило полнѣйшій испугъ. Она замахала на него руками и въ ужасѣ проговорила:

— Уйди, уйди, сумасшедшій! Тебѣ не надо меня видѣть. Урбители прогнѣваются на насъ; нашлютъ на тебя Фрумоазель!

Тимошъ засмѣялся.

— Какіе тамъ Урбители? проговорилъ онъ. Ты моя Фрумоазель, и знать я ничего не знаю! Я и то цѣлыхъ два дня терпѣлъ: не видѣлъ тебя и не слышалъ о тебѣ. А теперь ни за что не уйду, пока ты меня сама не поцѣлуешь.

Онъ обнялъ ее и посадилъ на скамейку.

Почувствовавъ себя въ объятіяхъ Тимоша, Локсандра забыла и Урбителей, и Фрумоазель, и со всѣмъ пыломъ горячаго любящаго дѣвичьяго сердца прижалась къ нему.

— Что-жъ, уйти? проговорилъ онъ, цѣлуя ее.

— Ужъ пришелъ, такъ посиди! съ шаловливой улыбкой проговорила она. А все таки не хорошо, что мы видимся.

— Вздоръ! ободрительно проговорилъ онъ: это только у васъ такой обычай; а у насъ во время сговора женихъ съ невѣстою пируютъ со всѣми вмѣстѣ.

Локсандра все таки не позволила ему долго оставаться съ нею. Она, видимо, безпокоилась и гнала его отъ себя, и разставалась съ сожалѣніемъ.

Тимошъ тѣмъ же путемъ пробрался въ залъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, подсѣлъ къ козакамъ.

— Ты это гдѣ шатался? спросилъ Пушкарь, многозначительно подмигивая.

— Невѣсту смотрѣлъ! лаконически отвѣчалъ Тимошъ.

— Эге-е! протянулъ Пушкарь. Ты тутъ видно, братику, всѣ входы и выходы знаешь.

Тимошъ усмѣхнулся и ничего не отвѣтилъ.

Скоро господарь раскланялся съ козаками, такъ какъ вечеромъ предстоялъ обрядъ расплетанія косы, нѣчто вродѣ дѣвичника; на немъ женихъ отсутствуетъ.

Господарша приготовила падчерицѣ пріятный сюрпризъ: она гдѣ-то раздобыла стараго дѣда-кобзаря. Онъ весь вечеръ распѣвалъ украинскія думы, а подъ конецъ пустился отплясывать гопака не хуже молодаго парубка къ великому удовольствію боярынь и боярышень.

Дѣвичникъ вышелъ скорѣе веселый, чѣмъ грустный. Даже господарша тряхнула стариною и прошлась въ плавномъ восточномъ танцѣ, позвякивая своими браслетами и ожерельями.

Свадьбу назначили черезъ два дня на тридцать первое августа, а черезъ недѣлю молодые должны были уѣхать въ Украйну. Это было отчасти противъ обычая, такъ какъ обыкновенно послѣ сговора слѣдовало пировать еще недѣлю. Но въ виду поспѣшности нѣкоторые обряды соединили съ дѣвичникомъ, такъ что не было обычныхъ просѣваленъ, когда женщины просѣваютъ муку для свадьбы.

ГЛАВА VIII.

СВАДЬБА.

Въ день вѣнчанія Тимошъ съ утра устроилъ прощаніе со своими дружками и свадебными боярами, одарилъ ихъ всѣхъ кого саблею, кого конемъ, кого кафтаномъ и собрался съ ними въ путь верхомъ на статныхъ коняхъ задолго до часа назначеннаго для брачной церемоніи. Не доѣзжая дворца, свадебная свита его раздѣлилась на двѣ группы и одна изъ нихъ, имѣя во главѣ Выговскаго, поскакала впередъ, чтобы увѣдомить о прибытіи жениха.

Толпы народа стояли на улицахъ и смотрѣли на все происходившее.

Жениховы вѣстники знали, что на дорогѣ ихъ стерегутъ невѣстины бояре и чтобы поддержать честь жениха, они гнали своихъ степныхъ скакуновъ изо всей силы, стараясь ускользнуть отъ мнимаго непріятеля. На одномъ изъ поворотовъ, дѣйствительно, выскочило нѣсколько молодыхъ людей на прекрасныхъ молдавскихъ коняхъ, и пустились за ними въ догонку, стараясь перерѣзать путь, чтобы ввести ихъ во дворецъ съ тріумфомъ, какъ плѣнныхъ. Впереди всѣхъ скакалъ сорви—голова племянникъ господаря. Но козацкихъ коней не легко было догнать; нѣсколько разъ преслѣдующіе почти уже настигали козаковъ; но тѣ вертѣлись, какъ вьюны, и, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, опять улетали впередъ. Только одинъ панъ Доброшевскій не поспѣвалъ за остальными; на одномъ изъ крутыхъ поворотовъ лошадь его споткнулась и чрезъ минуту онъ уже былъ въ плѣну.

Дружки же, достигнувъ замка, соскочили съ коней и при громкихъ крикахъ толпы вступили во дворецъ.

— Что нужно храбрымъ воинамъ? спросилъ господарь, ожидавшій уже ихъ на верхней площадкѣ широкой каменной лѣстницы.

— Повелитель нашъ послалъ насъ объявить войну замку. Сейчасъ онъ и самъ прибудетъ сюда съ войскомъ! отвѣчалъ Выговскій.

— Будемъ ожидать вашего повелителя, проговорилъ князь и, замѣтивъ плѣнника, прибавилъ:—идите къ господину вашему, а этого мы оставимъ у себя заложникомъ.

Послы вернулись навстрѣчу жениху, а пана Доброшевскаго заставили выпить выкупную чарку порядочныхъ размѣровъ.

Жениха встрѣтили пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ, а господарша торжественно приняла изъ рукъ дружекъ украинскій каравай, украшенный замысловатыми сахарными фигурами. Ихъ тотчасъ отвели на арену, приготовленную для ристанія. На широкомъ княжескомъ дворѣ собралась вся знать, размѣщенная по чинамъ; на возвышенномъ княжескомъ мѣстѣ сидѣла господарша въ порфирѣ и коронѣ, а подлѣ нея помѣщалась невѣста съ распущенными волосами и душистымъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Ей предстояло раздавать награды побѣдителямъ, состоявшія изъ кусковъ дорогой шелковой матеріи и сукна, лежавшихъ передъ княжною на большомъ серебряномъ подносѣ. Тимоша тоже ввели на княжеское мѣсто и посадили рядомъ съ Локсандрой. Князь занималъ въ этотъ день второе мѣсто послѣ жениха, дружки же, перевязанные на крестъ ручниками, помѣстились сзади невѣсты. Съ другой стороны Тимоша сѣла свѣтилка, роль ея за неимѣніемъ родной сестры исполняла двоюродная сестра Локсандры. Въ угоду жениху и невѣста, и господарша, и приближенныя боярыни и боярышни всѣ были въ малороссійскихъ костюмахъ.

Тимошъ подалъ знакъ, и началось ристаніе. Послѣ двухчасоваго состязанія, скачекъ въ запуски, черезъ барьеръ, черезъ ровъ побѣдителями остались двое: княжескій племянникъ и отважный козакъ, начальникъ украинскихъ левенцовъ, Грыцько. Коней ихъ торжественно украсили вѣнками изъ душистыхъ цвѣтовъ, а изъ рукъ невѣсты они получили награду, причемъ Грыцько торжественно обвязалъ кусокъ драгоцѣнной шелковой матеріи въ видѣ пояса. Такъ какъ вечеромъ предстоялъ пиръ, то два часа ранѣе зазвонили къ вечернѣ и невѣсту стали собирать къ вѣнцу; поѣзжане же и гости собрались передъ дворцемъ и расположились въ извѣстномъ порядкѣ, предписанномъ церемоніаломъ. Свадебная процессія отличалась особымъ

великолѣпіемъ и пышностью. Новыя только что сшитыя одежды скороходовъ блестѣли серебромъ и золотомъ, высокія шапки ихъ на подобіе опрокинутыхъ стакановъ были украшены княжескими гербами, рельефно выдававшимися на золотомъ фонѣ. Великій конюшій съ двумя помощниками держали прекрасныхъ бѣлыхъ арабскихъ коней въ уздахъ усыпанныхъ драгоцѣнными каменьями и покрытыхъ попонами шитыми золотомъ и серебромъ. Кони эти были предназначены жениху и невѣстѣ. Позади ихъ второй конюшій со своими помощниками держалъ тоже богато-украшенныхъ коней для господаря и господарши. Затѣмъ слѣдовала знатнѣйшая свита изъ перворазрядныхъ бояръ и боярынь. Къ нимъ присоединились по выходѣ изъ дворца и дружки, и родственники невѣсты. Свѣтилка ѣхала съ невѣстой рядомъ, торжественно держа саблю съ прикрѣпленною къ ней восковою свѣчею. Остальныя приближенныя боярыни по малороссійски были съ вѣнками на головахъ; онѣ окружали свѣтилку.

Передъ отъѣздомъ въ церковь жениха и невѣсту благословили господарь и господарша образомъ и хлѣбомъ, послѣ чего они три раза поклонились въ землю, приложились къ образамъ и поцѣловали ихъ руки.

Громкая музыка сопровождала шествіе въ соборъ, и за звуками трубъ не слышно было даже криковъ толпы, восторженно встрѣчавшихъ и провожавшихъ жениха и невѣсту пожеланіями всѣхъ благъ.

Посреди церкви былъ разостланъ коверъ съ разсыпанными на немъ червонцами. Сватъ и сваха съ двумя толстыми свѣчами ввели жениха и невѣсту и поставили жениха по правую, а невѣсту по лѣвую сторону ковра. Свѣтилка встала подлѣ невѣсты, а позади невѣсты двѣ старшія дружки; онѣ должны были держать вѣнецъ.

Раздалось торжественное пѣніе, какъ только женихъ и невѣста показались на порогѣ церкви. Во время бракосочетанія родственники невѣсты осыпали всѣхъ присутствовавшихъ мелкими деньгами, орѣхами и сухимъ хмѣлемъ. Священникъ читалъ обычныя молитвы при вѣнчаніи, три раза обручилъ ихъ кольцами, три раза въ вѣнцахъ обвелъ ихъ вокругъ аналоя и

въ концѣ далъ имъ три раза вкусить хлѣба, намазаннаго медомъ. Невѣстѣ завѣсили лицо тонкимъ шелковымъ краснымъ платкомъ, прикрѣпленнымъ къ двумъ стрѣламъ.

На возвратномъ пути дѣвушки и женщины, окружавшія новобрачныхъ, бросали имъ подъ ноги букеты и вѣнки изъ цвѣтовъ, а во дворцѣ весь путь и всѣ залы были усыпаны розмариномъ и украшены пышными пестрыми гирляндами цвѣтовъ. Въ меньшемъ аудіенцъ-залѣ гостей ожидалъ богатый пиръ. Женихъ съ невѣстою, князь и княгиня, всѣ приближенные и родные заняли назначенныя имъ мѣста, кромѣ тѣхъ бояръ, которые должны были служить за столомъ. При звукѣ трубъ и литавръ стольничьи въ предшествіи ватава внесли кушанья и передали ихъ великому стольнику; онъ же поставилъ ихъ предъ новобрачными и всталъ на свое мѣсто за стуломъ князя. Всѣ встали, митрополитъ прочелъ молитву и благословилъ яства, а старшій медельничаръ принесъ воду для омовенія рукъ.

Громкій пушечный залпъ возвѣстилъ городу, что новобрачные сѣли за трапезу, а съ высокихъ хоръ зала раздалась турецкая музыка. Великій пачарникъ взялъ сосудъ съ виномъ, налилъ его въ кубокъ, стоявшій передъ княземъ и съ поклономъ отошелъ на свое мѣсто, помощники же его наливали вино остальнымъ гостямъ. Митрополитъ, за нимъ все духовенство и всѣ бояре встали въ ожиданіи, когда князь окреденцуетъ вино, т. е. отопьетъ первый глотокъ; но князь предоставилъ эту честь жениху, первый поклонился ему въ поясъ, а за нимъ и всѣ гости. Послѣ этого всѣ сѣли и принялись за обѣдъ; женщины, соблюдая этикетъ, едва замѣтно клали себѣ въ ротъ маленькіе кусочки, дѣлая видъ, что онѣ не ѣдятъ, а только пробуютъ, передъ монашествующими духовными стояли только рыбныя и молочныя блюда. Мужчины не заставляли себя просить, быстро истребляя и дичь, и жареныхъ быковъ, и барановъ.

Послѣ перваго блюда князь всталъ и провозгласилъ тостъ за своего храбраго сына Тимоѳея.

Громкое „да здравствуетъ“! огласило своды зала.

Тимошъ всталъ и, выпивъ свой кубокъ, велѣлъ себѣ налить второй, и провозгласилъ тостъ за любезнаго тестя своего,

причемъ, выпивъ кубокъ до дна, сильно стукнулъ имъ по столу и громко прибавилъ:

— Да будетъ между нами миръ и согласіе! Я готовъ исполнить всѣ твои желанія, а какъ подѣлимъ мы съ тобою Волощину и Молдавію, такъ обоимъ намъ мѣста хватитъ, не изъ зачего будетъ ссориться.

Между боярами произошло легкое замѣшательство. Тимошъ же протянулъ свой кубокъ къ стоявшему за нимъ почарнику и провозгласилъ третій тостъ: за процвѣтаніе Молдавіи и Валахіи, скрѣпленныхъ дружескимъ союзомъ.

Василій съ неудовольствіемъ сдвинулъ брови и сердито взглянулъ на зятя, а великій логоѳетъ замѣтилъ вполголоса, что Валахіей нельзя распоряжаться по произволу, такъ какъ она находится въ зависимости отъ Турціи.

— Что за бѣда? самонадѣянно отвѣчалъ Тимошъ, мы сможемъ получить турецкое согласіе, такъ какъ турки наши пріятели. Султанъ Калга имѣетъ связи въ Константинополѣ, а онъ мой побратимъ, все для меня сдѣлаетъ.

Князь не зналъ, какъ прекратить этотъ непріятный разговоръ. На его счастье послѣ третьяго тоста началась смѣна первыхъ чиновъ; при чемъ великій меченосецъ, великій стольникъ, великій почарникъ и великій медельничаръ получили жалованныя имъ съ княжескаго стола блюда и ушли кушать въ сосѣдній залъ, гдѣ имъ былъ накрытъ особый столъ; вторые же чины заняли ихъ мѣста и подали вторую смѣну яствъ.

Провозглашены были тосты за новобрачную, за господаршу, за благоденствіе новобрачныхъ. Вино лилось рѣкой, и шумные разговоры нѣсколько разъ прерывались пушечными залпами. Наконецъ испили и три великія братины вина: первую за Божію милость и милосердіе, вторую за благоденствіе императора, и третью предложилъ митрополитъ за здравіе новобрачныхъ и князя.

При этомъ всѣ встали. Митрополитъ осѣнилъ князя крестнымъ знаменіемъ и благословилъ его, грянула музыка, раздался пушечный залпъ. Митрополитъ взялъ тяжелый серебряный кубокъ и, едва держа его руками, поднесъ къ устамъ. Бояре же, выпивъ свои кубки, по двое, поддерживаемые великимъ постель-

ничьимъ, подходили къ князю, цѣловали его руку и потомъ занимали свои мѣста.

Пиръ длился долго, наконецъ великій медельничаръ принесъ свѣчи и всѣ встали изъ-за стола, чтобы перейти въ большой залъ, гдѣ начались пѣсни и пляски.

Остатки кушаньевъ расхватала княжеская прислуга; каждый старался хоть чѣмъ-нибудь полакомиться съ княжескаго стола. Великому ключару было не мало хлопотъ, чтобы собрать всю серебряную посуду, оказавшуюся во всѣхъ углахъ столовой.

Въ большемъ залѣ сперва пѣлась молдавская хора; дѣвушки и юноши, схватясь руками, образовали кругъ и переходили мѣрно въ тактъ справа на лѣво, причудливо извиваясь, то сходясь, то расходясь. Женихъ со своими дружками тоже былъ въ кругу, не отходя отъ невѣсты. За хорою слѣдовалъ данчь, всѣ взялись за руки, образуя длинную вереницу и плавно покачиваясь, описывая разнообразные обороты, круги, полукруги, свиваясь и развиваясь. Наконецъ великій постельникъ установилъ мужчинъ и женщинъ отдѣльно въ два длинные ряда, принесли два пестрыхъ жезла съ расшитыми платками на концахъ, выбрали двухъ старыхъ бояръ; они должны были вести свадебный танецъ. Женихъ и невѣста занимали третьи мѣста; на второмъ мѣстѣ мужскаго ряда свадебный маршалъ, на второмъ мѣстѣ женскаго первая сваха. Сперва оба ряда двигались тихо, медленно, то обращаясь одинъ рядъ къ другому лицемъ, то спиною, потомъ движенія стали все ускоряться, ряды завивались въ видѣ треугольника, четырехъугольника, овала, наконецъ оба ряда переплелись, и такъ какъ всѣ боярыни и бояре стали по чину, то жены очутились около своихъ мужей, а боярышни стояли рядомъ съ молодыми людьми одинаковаго съ ними общественнаго положенія. Боярышни пѣли малороссійскія пѣсни, а козаки такъ разошлись, что пустились плясать, припѣвая:

„А кто любитъ гарбузъ, гарбузъ, а я люблю дыньку,
А кто любитъ господаря, а я господыньку".

Потомъ стали плясать и „журавля"...

Улучивъ удобную минуту, князь Василій отвелъ зятя въ сторону и сказалъ ему:

— Я очень радъ видѣть въ тебѣ такого храбраго воина, но ты долженъ быть осторожнѣе и таить свои замыслы до поры до времени.

— Да, вѣдь, я говорилъ въ своемъ кругу, отвѣчалъ Тимошъ.

— Это у васъ, козаковъ, есть свой кругъ, и каждый стоитъ за своего батька, а у меня никакого круга нѣтъ, есть одни только враги; они при всякомъ удобномъ случаѣ готовы свергнуть меня съ престола, натравить на меня моихъ недруговъ.

— Такъ я-жъ того не зналъ, отвѣчалъ Тимошъ смущенно, впередъ буду умнѣе.

Георгица въ другомъ углу зала тихо разговаривалъ съ нѣсколькими боярами:

— Вы увидите, что этотъ молодой медвѣдь сдержитъ свое обѣщаніе. Если мы не примемъ мѣры, онъ осѣдлаетъ насъ хуже Лупула; за него войско и народъ. Слышали вы, какіе заздравные клики встрѣчали его при въѣздѣ; такъ не встрѣчали ни одного владѣтельнаго князя. Толпа всегда готова преклоняться передъ побѣдителемъ.

— Что-жъ тутъ дурнаго? проговорилъ великій вистерникъ лукаво посматривая на оратора. И какое намъ-то дѣло до того, что этотъ храбрый воинъ завладѣетъ Валахіею? Это можетъ волновать лишь тѣхъ, у кого тамъ есть родственныя связи, а мы коренные молдаване, и волохи никогда не были нашими друзьями.

При намекѣ на его родство съ валашскимъ правительствомъ Бурдуцъ закусилъ губу и проговорилъ:

— И мы не останемся въ сторонѣ, насъ заставятъ сражаться за валашскій престолъ.

— Заставятъ или не заставятъ, возразилъ вистерникъ, лучше промѣнять ястреба на сокола, чѣмъ на ворону.

Бурдуцъ поблѣднѣлъ отъ злости, а бояре разсмѣялись и замолчали, увидѣвъ приближавшагося князя.

Черезъ нѣсколько минутъ Георгица подошелъ къ женѣ и, шепнувъ: „мнѣ надо съ тобою переговорить“, прошелъ въ сосѣднюю небольшую комнату.

— Ты слышала, сказалъ онъ ей, что говорилъ за столомъ степной женихъ? Надо дать знать и въ Валахію, и седмиград-

скому князю; пришла пора намъ дѣйствовать, если мы будемъ медлить, намъ не сносить нашихъ головъ. Домна Георгица одобрительно кивнула головой.

— Я давно тебѣ говорила, что пора дѣйствовать, только не упусти изъ рукъ тронъ, онъ самъ тебѣ дается.

Бурдуцъ со страхомъ оглянулся.

— Молчи, Бога ради! проговорилъ онъ женѣ. Не такъ то легко мнѣ дается власть, продолжалъ онъ шепотомъ. Враги мои мѣшаютъ мнѣ на каждомъ шагу.

— А ты заранѣе избавься отъ нихъ, отвѣчала она тоже вполголоса. Ты въ силѣ, господарь тебя слушаетъ, очисти себѣ путь.

Лицо ея приняло хищническое непріятное выраженіе, и мужъ ея посмотрѣлъ на нее со страхомъ.

— Я не Радулъ, тихо проговорилъ онъ.

— Нельзя достигнуть власти, не перешагнувъ черезъ трупы.

Георгица быстро взглянулъ на нее и ему показалось, что она читаетъ въ душѣ его.

Слѣдствіемъ этого разговора было то, что великій вистерникъ и еще нѣсколько бояръ попали въ опалу князя, судились— вистерникъ за мнимую растрату казенныхъ суммъ, остальные тоже по доносу разныхъ подставныхъ лицъ, и хотя не было открыто никакихъ явныхъ доказательствъ ихъ виновности, они были лишены занимаемыхъ ими должностей и удалены отъ двора. Причемъ дальновидный Бурдуцъ позаботился, чтобы на ихъ мѣста были назначены его кліенты.

О. Рогова.

(Продооженіе слѣдуетъ).

ПОБОЖЬЕ ВЪ XVII и XVIII В.

Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) [1].

I.

Побожье.—Главные землянскіе роды, осѣвшіе тутъ.—Ихъ наслѣдники въ началѣ XVIII в.

Колонизаціонное движеніе на пограничьи Брацлавщины, начатое въ половинѣ XVI в., тянулось почти столѣтіе, вплоть до хмельнищины; съ теченіемъ времени оно пріобрѣтало все бо́льшую силу и развивалось почти съ каждымъ днемъ. Старинные землянскіе роды, густо осѣвшіе вокругъ Брацлава и Винницы еще на основѣ жалованныхъ грамотъ Витовта и Свидригайла, постепенно вымирали благодаря безпрерывнымъ военнымъ стычкамъ, на стражѣ угрожаемаго займища, но оставались въ живыхъ женскіе потомки. Путемъ брачныхъ союзовъ имѣнія переходили къ новымъ пришельцамъ или и мѣстнымъ землянамъ, которымъ удалось подняться изъ ничтожества благодаря измѣн-

[1]) Настоящая работа д-ра Антонія I. (г. Ролле), извѣстнаго изслѣдователя исторической Подоліи, появилась на страницахъ краковскаго журнала „Świat“ и затѣмъ издана отдѣльной брошюрой (Po inkursyi kozackiej. Kraków, 1890, стр. 138). Она составлена главнымъ образомъ по документамъ тывровскаго фамильнаго архива г. Адама Ярошинскаго. Сколько извѣстно, бумаги этого архива не были еще предметомъ литературной обработки до появленія монографіи г. Ролле, которую предлагаемъ здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями, преимущественно въ области генеалогическихъ изысканій автора.—*Прим. пер.*

чивости окраиннаго быта. Такъ исчезли со сцены князья Коротки и Козары, такъ вымерли Мормилы, Кошки, Якушинскіе, Байбузы, Красносельскіе, Сѣмашки, Ластовецкіе, Житинскіе, Слупицы, Клещевскіе и множество другихъ. Если нѣкоторые изъ нихъ по счастливой случайности и уцѣлѣли, то благодаря безпрестаннымъ татарскимъ набѣгамъ впали въ убожество; лишенные имѣній и прежняго положенія въ обществѣ, они обыкновенно сливаются съ сельской массой и вынужденные добывать пропитаніе тяжкимъ трудомъ, утрачиваютъ всякое воспоминаніе о прежнемъ достаткѣ и выдающемся положеніи. Подобнаго рода перемѣны происходятъ всюду, онѣ въ порядкѣ вещей, но въ Брацлавщинѣ наблюдаешь ихъ слишкомъ часто, на протяженіи самаго незначительнаго промежутка времени. Лишенная прочной опоры благодаря исключительнымъ условіямъ быта, среди вѣчныхъ замѣшательствъ, колонизація погибала безвозвратно; на старыхъ пепелищахъ осѣдали новые поселенцы, привлекаемые самою опасностью предпріятія и тѣмъ очарованіемъ, которое такъ свойственно пограничью.

Дѣйствительно, лакомый кусокъ представляла полоса земли по обоимъ берегамъ Буга, начиная отъ Винницы до Саврани, на границѣ „дикихъ полей"; слегка волнистая равнина мягкими переливами плыла къ югу, широкая и спокойная; дѣвственная почва давала богатый урожай; колонизаторъ могъ добывать пропитаніе безъ чрезмѣрныхъ усилій; при этомъ множество притоковъ Буга, не высыхавшихъ въ самое жаркое лѣто, не грозившихъ наводненіями подъ часъ весеннихъ разливовъ, притоковъ, образующихъ обширные пруды, роскошные притоны для всевозможной рыбы, и дающихъ даровую рабочую силу для мельницъ, которую легко регулировать и направить по желанію. А вдоль побережья рѣки и прудовъ роскошныя сѣножати, на умѣренно сырыхъ лугахъ превосходныя травы для многочисленныхъ стадъ разнаго скота; палящій зной юга не только не портилъ травъ, но даже приносилъ свою пользу, умѣряя холодъ съ востока, гдѣ высились огромные лѣса, извѣстные всюду подъ именемъ бугскихъ пущъ; послѣднія тянулись вдоль берега и исчезали около Ладыжина, на сѣверо-востокѣ сливались съ литинскими

и хмельницкими лѣсами, а на юго-западѣ соприкасались съ пущами барскаго староства. Достаточно было матеріала и для разныхъ построекъ, и для золы, необходимой при добычѣ поташа и селитры; достаточно сказать, что въ половинѣ XVIII ст. Захарія Ярошинскій въ теченіи четырехъ лѣтъ продалъ въ Данцигъ на 200,000 зл. этихъ матеріаловъ изъ лѣсовъ Василевки, что около Тыврова. Всякаго звѣря было довольно въ пущахъ; современные документы еще въ половинѣ XVI в. перечисляютъ въ качествѣ доходныхъ статей: „куницы, денежныя десятины, пчельное съ пасѣкъ, звѣриные ловы, бобровые гоны" и т. п. Медъ и воскъ составляли важную статью дохода въ бюджетѣ сельскаго хозяина. Такъ, въ 1639 г. владѣтель небольшаго с. Клещева обезпечиваетъ своимъ дочерямъ по 2000 зл. на пчельной десятинѣ, и то всего на четыре года. Еще въ прошломъ вѣкѣ пчеловодство процвѣтало на Побожьи, какъ видно изъ люстрацій: такъ, напр., въ 1754 г. въ Рахнахъ 12 крестьянъ владѣютъ 260 пнями пасѣки, въ Шершняхъ—8 крестьянъ владѣютъ 126, въ Василевкѣ 22 кр.—685 пнями. Содержаніе водяныхъ мельницъ также играло большую роль въ сельско-хозяйственномъ обиходѣ. Такъ напр. въ раздѣльномъ актѣ 1645 г. въ третьей части тывровскаго имѣнія и селахъ Василевкѣ и Соколинцахъ упоминается о 18 прудахъ, годныхъ для устройства мельницъ, „excepto другихъ, которые въ актѣ раздѣла не оговорены"....

На этомъ то Побожьи свили себѣ гнѣзда цѣлые рои землянъ, чтобы попытать здѣсь счастья и побороться сь недолей, но мы обратимъ вниманіе на три землянскіе рода, соединившіе въ своихъ рукахъ значительные участки земли, такъ какъ нашъ разсказъ касается судебъ именно этой полосы.

Первое мѣсто принадлежитъ Слупицамъ, которые осѣли здѣсь еще по жалованной грамотѣ Витовта. Владѣнія ихъ тянулись на нѣсколько десятковъ миль, отъ Лобачева до Бершади и Батога; на этомъ пространствѣ уже въ XVI вѣкѣ насчитывалось свыше тридцати поселковъ, между ними т. н. Облинскіе грунты на 12 миль протяженія. Одинъ изъ первыхъ Слупицъ опозорилъ себя измѣной—передалъ брацлавскій замокъ хану пе-

рекопскому, поэтому положеніе ихъ было испорчено, и черезъ столѣтіе фамилія угасла. Но еще раньше ихъ владѣнія значительно расширились благодаря бракамъ. Внучка кн. Богуша Коротки, Евдоксія Житинская, принесла въ приданое Семену Слупицѣ Коротковскій ключъ съ городомъ Ладыжиномъ и 26 деревнями, не считая урочищъ и хуторовъ. Единственная дочь Семена и Евдоксіи, Гальшка, въ 1622 г. вышла за Василія Рогозинскаго, и въ рукахъ наслѣдниковъ Гальшки соединилось какъ имѣніе матери, такъ и наслѣдство послѣ Мормиловъ, родственниковъ Василія Рогозинскаго, угасшихъ въ половинѣ XVII вѣка. Изъ семерыхъ сыновей Гальшки шестеро погибли подъ Батогомъ. Путемъ дальнѣйшихъ браковъ наслѣдство переходитъ по частямъ къ Вольскимъ, Борейкамъ, Свидзинскимъ, Барциковскимъ, Терлецкимъ, Пашковскимъ, Нарбутамъ и Веліогорскимъ; послѣ паліивщины на пространствѣ 100,000 морговъ наслѣдства, уцѣлѣвшаго въ разныхъ рукахъ по наслѣдству отъ Слупичанки-Рогозинской, насчитывалось едва нѣсколько поселковъ: Куна, Кунка, Губникъ, Калинякъ, Деревичи, Жерденовка старая и новая.... Затѣмъ были вскорѣ вновь заселены Соболевка, Скибинцы, Гусаковцы и Гарпачка. Въ сравненіи съ первоначальными владѣніями Козаровъ, Коротковъ, Мормилъ, Рогозинскихъ и Слупицъ имѣнія ихъ наслѣдниковъ представляли незначительную дробь. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда сюда входило все наслѣдство Збаражскихъ—ключъ Немировскій, Берпадскій, Ладыжинскій и часть Дашевскаго; отсюда Синявскіе получили свою Грановщину; Валентій Калиновскій, этотъ знаменитый собиратель украинныхъ земель—имѣнія Тростянецъ и Деренковъ; кп. Янушъ Острожскій—имѣнія Ольбачевъ и Треножинъ; Конецпольскій—рядъ имѣній „на богскомъ трактѣ“ около Саврани; и это только крупнѣйшіе изъ пріобрѣтателей, а сколько здѣсь осѣло мелкихъ даже перечислить нынѣ невозможно.

Подобную же судьбу испытали и сутисскія имѣнія, принадлежавшія въ 1552 году дочерямъ Семена Сѣмашки. Сюда входили Витава, Габинъ (?), Янковъ, Маяновъ, обѣ Шершни, Ворошиловка и другія, расположенныя „въ Брацлавскомъ воеводствѣ“. Въ 1611 г. имѣнія эти уже принадлежатъ пятерымъ

владѣльцамъ, а въ началѣ XVIII в. „фортуна Сѣмашовская" уже считаетъ цѣлый рой владѣльцевъ дѣйствительныхъ и не менѣе того претендентовъ: тутъ встрѣчаемъ девятерыхъ Прушинскихъ, Родонскихъ, Ластовецкихъ, Комаровъ, Пшездзѣцкихъ, Кобылянскихъ, Гулевичей, Снитовскихъ, Пясковскихъ и т. д.

Гораздо обширнѣе было родовое имѣніе Клещовскихъ, рядомъ съ сутисскимъ; земли и лѣсовъ было обильнѣе, оба берега Буга принадлежали сюда. Родовымъ гнѣздомъ было сельцо Клещево. Въ 1505 г. владѣльцемъ имѣнія былъ Ѳедько Дашковичъ, внукъ Германа, за которымъ утвердилъ земли вел. кн. Витовтъ въ награду за службу. Въ составъ его входили: Клещево, Шандырево, Тростянецъ, Тывровъ, Волчковцы, Нестеровцы и др., „дидына и отчына" Ѳедька. Путемъ браковъ и переходовъ по наслѣдству, имѣніе съ начала XVI в. дробится безпрерывно, и уже въ первой половинѣ XVIII в. встрѣчаемъ здѣсь безконечный рядъ владѣльцевъ, какъ то: Маньковскіе, Плончевскіе, де Войно Андрушевичи, Боровскіе, Мысловскіе, трое Вишневскихъ, Зміевскіе, Бѣжинскіе, Гулевичи, Чарнецкіе (четверо), Ледуховскіе, Корженевскіе, Пневскіе, Красновскіе, Езерковскіе, Круковскіе, Буковскіе, Вольскіе, Жабокрицкіе (три рода), Ястрембскіе, Вируки, Лонцкіе (трое), Жабоклицкіе (пятеро), Яворскіе, Корыцкіе и Свидерскіе.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ пространство земли вдоль Буга, отъ Винницы до савранскихъ степей, разбилось на нѣсколько десятковъ небольшихъ имѣній; всѣ эти владѣльцы стояли между собою въ болѣе или менѣе отдаленномъ родствѣ или свойствѣ и составляли какъ бы одинъ большой родъ. При нормальныхъ условіяхъ, наслѣдство не раздробилось бы на такія микроскопическія части, такъ какъ болѣе богатые наслѣдники уплачивали бы бѣднѣйшимъ и такимъ образомъ погашали бы взаимные счеты. Но на дѣлѣ было не такъ: козацкое движеніе захватило и Рогозинскихъ, и Житинскихъ, и Клещовскихъ еще при жизни; они впали въ убожество и угасли именно въ ту пору, когда окраинныя земли охватилъ пожаръ, а затѣмъ надъ пепелищемъ все это время распространялъ свои права турецкій протекторатъ; затѣмъ наступило возстаніе Палія, и только около

1715—20 г. начали смѣлѣе возвращаться прежніе владѣльцы на брацлавскія равнины. Наслѣдники послѣ трехъ отдѣльныхъ родовъ въ теченіи почти 70 лѣтъ размножались, росли и умирали гдѣ нибудь въ болѣе спокойныхъ уголкахъ Рѣчи Посполитой, лишь по преданію зная о гнѣздѣ, изъ котораго произошли, и сохраняя память о своихъ правахъ на наслѣдство въ краѣ, „текущемъ медомъ и млекомъ"; правда, край теперь былъ еще недоступенъ, но впослѣдствіи, когда все войдетъ въ мирную колею и падутъ всѣ препятствія, можно будетъ вернуться, и тогда то будутъ вознаграждены и лишенія и тоска безпріютной жизни... И на тему этого возвращенія воображеніе рисовало самые фантастическіе узоры, всѣмъ представлялись золотыя горы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, смотря по тому, какъ пришлось влачить каждому свое невольное существованіе вдали отъ обѣтованной земли. Кому удалось прочно осѣсть въ Великой Польшѣ или на Литвѣ, тотъ не очень то безпокоился о своихъ правахъ на окраинное наслѣдство; многіе относились къ этому вопросу съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, несмотря на обширность наслѣдства. Какой нибудь Янъ Александръ Конецпольскій, послѣдній въ родѣ, ни разу не посѣтилъ своихъ пограничныхъ имѣній; онъ не побывалъ здѣсь даже послѣ прекращенія палiивщины, а между тѣмъ передъ турецкимъ занятіемъ въ этихъ имѣніяхъ числилось до 300 поселеній, приносившихъ въ мирное время 650,000 зл. ежегоднаго дохода, не включая сюда поволовщины, селитры, поташа и пчельной десятины. Если въ началѣ прошлаго вѣка имѣнія ничего не давали, то потому, что воевода не имѣлъ желанія заняться ими. Болѣе предпріимчивые конечно захватывали его владѣнія. Въ Котельнѣ засѣлъ какой то шляхтичъ, именовавшій себя котельницкимъ старостою; мгліевскимъ ключемъ завладѣлъ коронный хорунжій Янъ Александръ Яблоновскій, кажется даже раздобылъ себѣ *consens* и собиралъ доходы точно съ королевскаго имѣнія. А панъ Ледуховскій за 40,000 зл., занятыхъ воеводѣ, взялъ на три года въ залогъ шаргородское имѣніе, въ счетъ процентовъ по займу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что по истеченіи срока кредиторъ не желалъ получить обратно долгъ, такъ какъ капиталъ приносилъ ему ежегодно 30,000 зл., т. е. 75% (Ра-

miętniki o Koniecpolskich, стр. 336—409). Словомъ, всюду царилъ полнѣйшій безпорядокъ. Передъ смертью Конецпольскій записалъ въ 1725 г. Валевскому 12,000 зл., своимъ дворянамъ около той же суммы, и обезпечилъ записи на украинскихъ имѣніяхъ; Валевскій скупилъ претензіи этихъ дворянъ и перепродалъ ихъ и свою собственную за 1 милліонъ зл. коронному подстолію кн. Станиславу Любомирскому, который такимъ образомъ оказался владѣльцемъ половины нын. могилевскаго уѣзда, всего ямпольскаго, ольгопольскаго, балтскаго—въ границахъ, въ какихъ этотъ принадлежалъ къ Рѣчи Посполитой—и огромнаго пространства въ южной Кіевщинѣ, всего же по современному исчисленію около 5 милліоновъ морговъ земли. По городамъ такое отреченіе отъ собственности было еще очевиднѣе; такъ напр. въ Каменцѣ *post hosticum* безхозяйныя усадьбы стояли впустѣ цѣлыхъ 70 лѣтъ, и только при Станиславѣ Августѣ внесенъ былъ сюда нѣкоторый порядокъ.

Повторяемъ, не всѣ пользовались своими правами и привилегіями, довольствуясь тѣмъ, что успѣли добыть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и предпочитая вѣрный достатокъ будущимъ богатствамъ. Но такихъ было меньшинство; большая же часть обезземеленныхъ не успѣла устроиться приличнымъ образомъ; такой землянинъ, заброшенный игрою судьбы куда нибудь на другой конецъ Рѣчи Посполитой, оказывался безпомощнымъ, а такъ какъ приняться за черную работу казалось неприличнымъ, то оставалось лишь ожидать съ нетерпѣніемъ часа возвращенія на собственное пепелище; не удалось дожить до благословенной минуты—онъ передавалъ наслѣдникамъ документы, удостовѣрявшіе его права; наслѣдникъ, скиталецъ безъ средствъ и связей, при первомъ удобномъ случаѣ бѣжалъ на окраину... Тысячи такихъ семействъ появились въ Брацлавщинѣ на поиски дѣдины и отчины; а такъ какъ во время козацко-панскихъ войнъ погибали не только деревни, но и цѣлые города и хранившіеся здѣсь документы дѣлались жертвою пламени, то возникъ невиданный хаосъ. Наслѣдникъ часто не въ состояніи былъ указать своего наслѣдства; нѣкогда многолюдное поселеніе представляло теперь простое урочище,

нерѣдко—голую пустошь. Что всего хуже, на одну и ту же землю являлось разомъ нѣсколько, иногда даже нѣсколько десятковъ претендентовъ; если они приходили къ соглашенію и приступали къ раздѣлу, снова начинались раздоры, сыпались жалобы, заявленія, отзывы, возраженія, съѣзды и т. д. до безконечности. Случалось, что пришельцы заставали на своей отчинѣ совершенно неожиданнаго гостя: сосѣда ли, который округлялъ на ихъ счетъ свою границу, или залогодержателя, обыкновенно человѣка со средствами, лучше знакомаго съ мѣстными условіями, словомъ, опаснаго противника,—приходилось или вступать съ нимъ въ соглашеніе, или же подыскивать болѣе выгоднаго покупщика претензій. Вслѣдствіе этого развился въ краѣ особый классъ посредниковъ, которые въ собственныхъ интересахъ неутомимо поддерживали недоразумѣнія и замѣшательство... Въ концѣ концовъ оказалось, что не было въ Брацлавщинѣ ни одного имѣнія, которое не вело бы процесса о границахъ съ сосѣднимъ владѣльцемъ и не имѣло бы, рядомъ съ собственникомъ *de facto*, по крайней мѣрѣ нѣсколько владѣльцевъ мнимыхъ. Послѣдствіемъ этого было развитіе кляузничества. Въ Винницѣ подвизалось до тридцати адвокатовъ одновременно, которые содержали толпу писцовъ, и весь этотъ народъ кормился на счетъ землянъ, вынужденныхъ безпрестанно защищаться отъ самыхъ неожиданныхъ напастей.

Отъ общей характеристики перейдемъ къ деталямъ. Не были счастливѣе и наслѣдники трехъ землянскихъ родовъ, упомянутыхъ нами въ началѣ. Большую часть наслѣдства Слупицъ захватили Вишневецкіе; въ отчинѣ Сѣмашковъ хозяйничали наслѣдники князей Острожскихъ, а въ клещевскомъ имѣніи сидѣлъ залогодержатель, быть можетъ опаснѣе всѣхъ остальныхъ.

II.

Янъ Михаилъ Калетынскій, хорунжій брацлавскій.

О предкахъ пана хорунжаго извѣстно только, что бабушка его происходила изъ дома Красносельскихъ, а мать—Маріанна Ярошинская, сестра Ѳедора, житомирскаго подчашія. Ихъ было

два брата: упомянутый Янъ-Михаилъ, родившійся въ 1672 г., и Юрій, старше его на пять лѣтъ. Младшему брату повезло въ матеріальномъ отношеніи, но дѣтей не было; у старшаго ничего не было, но за то отъ пятерыхъ дочерей остался легіонъ внуковъ и внучатъ. Вторая жена его Софья Боровская происходила изъ рода, имѣвшаго права на участіе въ наслѣдствѣ Клещевскихъ. Въ 1715 г. старшаго брата уже не было въ живыхъ, а убогіе потомки его разбрелись по бѣлу свѣту въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Въ то же время панъ хорунжій поселяется въ Тывровѣ въ качествѣ залогодержателя, хозяйничаетъ кромѣ того въ Соколинцахъ и Пилавѣ, ведетъ нескончаемые споры съ наслѣдниками Клещевскихъ, у которыхъ отнялъ порядочный кусокъ земли для округленія своихъ границъ. Онъ принадлежалъ къ числу выдающихся личностей и имѣлъ перевѣсъ надъ другими, въ особенности благодаря знакомству съ мѣстными условіями. Еще отецъ пана Михаила, выгнанный изъ имѣнія во время козацкой войны, пережидалъ бурю въ сосѣдней Волыни, но сынъ, родившійся здѣсь, уже постоянно навѣдывается на пограничье, приглядываясь, нельзя-ли поселиться тамъ навсегда. Съ 1700 г. онъ часто посѣщаетъ Винницу; пятнадцать лѣтъ спустя онъ предается сельскому хозяйству и съ той поры до самой смерти энергично работаетъ надъ водвореніемъ порядка въ краѣ; онъ заложилъ палацъ въ Тывровѣ—дѣло нешуточное въ эту пору, когда показывались признаки гайдамачества,—рядомъ съ дворомъ строитъ каплицу, привлекаетъ мѣщанъ, ремесленниковъ, торговцевъ, обезпечиваетъ торговыя выгоды купцамъ, строитъ дома, погреба въ ратушѣ, красиво высившейся среди главной площади. Затѣмъ послѣдовала сельская колонизація; старое урочище Гуту онъ заселилъ и назвалъ Шкляровкой; застроилъ старую Василевку и переименовалъ ее въ Михайловку; въ Соколинцахъ онъ поселилъ нѣсколько десятковъ раскольничьихъ семействъ филипповскаго согласія, освободилъ отъ чинша, обязавъ лишь очередной службы въ дворянской милиціи, которая выдѣлялась изъ числа прочихъ и внушала почтеніе разному бродячему и разбойному люду. Съ 1720 г. замѣтно уже участіе пана Михаила въ общественныхъ дѣлахъ; правда, тогда стало спокойнѣе

въ краѣ, понемногу стекались и товарищи, именно Четвертинскіе, Грохольскій, Павелъ Ярошинскій, съ которымъ Калетынскій находился въ родствѣ. Въ сеймикахъ начинают принимать постоянное участіе Михаилъ Потоцкій, Свидзинскій, будущій воевода брацлавскій, Калиновскій, староста винницкій, и даже кн. Августъ Чарторыйскій. Энергичнѣе всего поработалъ хорунжій брацлавскій въ эпоху безкоролевья послѣ Августа II, когда Брацлавщина такъ сильно пострадала. Равнодушный къ политикѣ, хотя державшійся партіи Лещинскаго, панъ Михаилъ болѣе всего заботился о спокойствіи своего уголка. Такъ онъ является, какъ депутатъ отъ шляхты, къ кіевскому генералъ-губернатору Вейсбаху съ ходатайствомъ о пріостановкѣ разорительныхъ военныхъ реквизицій (Арх. ю.-з. Рос., III, 3, стр. 183); нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ выступаетъ въ качествѣ посла на варшавскомъ сеймѣ, въ слѣдующемъ году назначенъ коммиссаромъ по разграниченію воеводства брацлавскаго отъ кіевскаго (ib., 222). Наконецъ, удалось усмирить бурю, союзныя войска начали помогать землянамъ въ подавленіи народныхъ движеній, чему болѣе всего содѣйствовалъ Калетынскій: онъ сошелся съ генераломъ фонъ-Гоймомъ, который квартировалъ съ своей дивизіей въ Немировѣ и часто гостилъ у пана Михаила. Противникъ устройства мѣстныхъ милицій, онъ стоялъ за введеніе регулярнаго войска. Его товарищъ по трудамъ, подкоморій брацлавскій Павелъ Ярошинскій, былъ другаго мнѣнія, но въ качествѣ „миротворца" рѣшилъ, что и милиція не мѣшаетъ, и коронное войско можетъ пригодиться, поэтому была послана петиція къ гетману; въ 1738 г. хоругви притянули на окраину, но оказалось, что онѣ позволяютъ себѣ самыя жестокія насилія. Калетынскій имѣлъ мужество заявить объ этомъ публично на сеймикѣ 1740 г. и обвинялъ Нитославскаго, „региментаря украинской партіи", въ томъ, что онъ ведетъ себя на родинѣ такъ, какъ не позволитъ себѣ вести даже въ непріятельской странѣ человѣкъ рыцарскихъ правилъ (ib., 306). Поступокъ былъ смѣлый, но панъ Михаилъ быть можетъ болѣе другихъ имѣлъ основанія пенять на такое отсутствіе охраны. Такъ, въ Таганчѣ, которую онъ арендовалъ, возмутившіеся крестьяне умертвили его племянника Яна Гораина и все

опустошили. Убытковъ исчислено на 120,000 зл. Мало того. Импровизованный ватажекъ повстанцевъ, сотникъ Антонъ Приченко, узналъ отъ слугъ, взятыхъ „на квестію", что Калетынскій хранитъ въ барской кассѣ 80,000 зл., пробрался обманнымъ образомъ въ замокъ и захватилъ всѣ деньги (ib., 65). Это было въ іюнѣ 1734 г. Годъ спустя новое несчастіе. Какъ сказано выше, хорунжій заселилъ Соколинцы раскольниками; между тѣмъ союзнымъ войскамъ было предписано собрать всѣхъ великорусскихъ поселенцевъ на пограничьи и доставить за Днѣпръ; поэтому и Соколинцы опустѣли. Такъ какъ дѣло было въ началѣ сентября, то послѣ увода раскольниковъ остались полныя гумна хлѣба. Жившій въ Клещевѣ сынъ брацлавскаго стольника Михаилъ Чарнецкій воспользовался случаемъ, вторгся въ опустѣлое селище, захватилъ что могъ, а остальное предалъ огню (ib., 185). Такой неожиданный поступокъ сосѣда былъ слѣдствіемъ спора о наслѣдствѣ, большую часть котораго захватилъ Калетынскій. Но это еще не все. За Бугомъ, въ лѣсу, называемомъ Каламаньщына, стоялъ небольшой Клещевскій монастырь, на землѣ, принадлежавшей къ Тыврову; онъ возникъ, вѣроятно, еще въ ту пору, когда владѣльцы имѣнія исповѣдывали греческую вѣру. Убогіе монахи находились подъ защитой помѣщика, который охранялъ ихъ отъ обидъ со стороны иновѣрцевъ, не допуская мысли, чтобы единовѣрцы напали на скитъ и церковь, не обладавшую никакою цѣнною утварью; случилось однако иначе; одинъ изъ козацкихъ ватажковъ разогналъ монаховъ, а церковь и монастырь сжегъ до тла. Возмущенный хорунжій много лѣтъ добивался управы, безуспѣшно разыскивая за Днѣпромъ виновниковъ разбоя и похищенныя реликвіи (ib., 181).

Несмотря однако на матеріальныя потери, понесенныя во время безкоролевья, владѣтель Тыврова принадлежалъ къ зажиточнѣйшимъ обывателямъ въ краѣ. Старый холостякъ, бережливый, умѣренный, онъ не могъ тратить много... И вдругъ на шестидесятомъ году жизни онъ воспылалъ страстью къ княжнѣ Домицеліи Четвертинской, но что̀ интереснѣе всего, легко получилъ согласіе на бракъ какъ отъ невѣсты, такъ и ея родственниковъ. Эта княжеская отрасль, осѣвшая въ Брацлавщинѣ,

владѣла болѣе нежели скромнымъ состояніемъ. То были потомки кн. Гавріила, который вынужденъ былъ продать свое родовое гнѣздо Старую Четвертню и удовольствоваться крохами, уцѣлѣвшими отъ женина приданаго (изъ рода Оранскихъ). Имущества было мало, дѣтей—очень много: 7 сыновей и 6 дочерей. Правда, старшій изъ нихъ, Михаилъ, староста жичинскій и подкоморій брацлавскій (съ 1740 г.), сидѣвшій въ Латанцахъ, добился достатка и выкупилъ отчину, но и только. Остальные ютились при немъ; счастье еще, что собственныхъ дѣтей у него не было. Изъ этого то дома взялъ брацлавскій хорунжій себѣ жену въ 1735 или 1736 г. Отнынѣ панъ Михаилъ весь къ услугамъ своей новой родни; молодая жена овладѣла имъ нераздѣльно. Тывровъ ожилъ; дворъ полонъ гостей, потому что при п. Домицеліи жили двѣ молодыя сестры, а братья, кн. Александръ и Святославъ, тоже нерѣдко заглядывали сюда не безъ цѣли: у пана Михаила жили панны Островскія, его родственницы, съ весьма приличнымъ приданымъ. Панъ Михаилъ такъ увлекся, что женилъ обоихъ шурьевъ на двухъ сестрахъ; великолѣпная свадьба была отпразднована въ Тывровѣ въ 1739 г. Благословилъ брачущихся преоръ винницкихъ доминикановъ, и быть можетъ въ это время возникла мысль поселить этихъ монаховъ въ Тывровѣ. Вскорѣ кн. Александръ Четвертинскій сталъ брацлавскимъ подсудкомъ, а его младшій братъ Святославъ поселился въ Сахновѣ и при помощи опекуна очистилъ отъ долговъ и другое село Берлинцы, женино родовое помѣстье. Послѣ такого удачнаго устройства дѣлъ, супруги Калетынскіе отправились въ Ченстоховъ, чтобы возблагодарить Пр. Дѣву за всѣ благодѣянія, и здѣсь панъ Михаилъ купилъ у какой то дѣвочки образъ Божіей Матери, который велѣлъ повѣсить въ столовой тывровскаго палаца. Въ 1740 г. работавшій здѣсь еврей-ремесленникъ, погруженный въ субботнія молитвы, обратилъ вниманіе своихъ коллегъ на просвѣтленіе лика на образѣ; сбѣжалась дворня; пригласили капеллана Мошинскаго. Послѣ провѣрки факта, образъ перенесли въ замковую каплицу, а затѣмъ, когда коммиссія подъ предсѣдательствомъ луцкаго епископа 15 ноября 1742 г. удостовѣрила его чудотворность—въ уніатскую церковь,

выстроенную тутъ-же за Бугомъ во имя св. Николая. Ежегодно, на первый день зеленыхъ святъ, стекаются къ чудотворному образу тысячи вѣрующихъ; лирники разсказываютъ для любопытныхъ исторію открытія образа... Съ этой поры въ характерѣ пана хорунжаго происходитъ рѣзкая перемѣна: онъ вѣчно занятъ мыслью о дѣлахъ благочестія. Такъ, онъ выстроилъ въ 1742 г. костелъ на мѣстѣ, гдѣ съ 1569 г. существовалъ старый деревянный, сожженный во время козацкихъ войнъ; кромѣ матеріала онъ даетъ на постройку еще 50,000 зл. Не лишено интереса, что именно въ эту пору панъ хорунжій совершаетъ формальное нашествіе на Носовку, принадлежавшую къ кунянскимъ имѣніямъ и неправо занятую кн. Вишневецкимъ; онъ имѣлъ притязанія на это село по закладной своей бабушки Красносельской. Калетынскій добивался своихъ правъ, угрожалъ, наконецъ, по совѣту жены, предпринялъ походъ. Значительный военный отрядъ сопровождалъ супруговъ, которые ѣхали на челѣ въ каретѣ шестерикомъ... Никто не предполагалъ враждебныхъ намѣреній; казалась, что супруги ѣдутъ въ гости, а военный отрядъ былъ обычнымъ въ то время конвоемъ, безъ котораго не отправлялись въ дорогу. Хорунжій, какъ порядочный человѣкъ, прежде чѣмъ приступить къ сраженью, предложилъ мировую; противникамъ пришлось „съ великой охотой и добрымъ сердцемъ уступить достопочтенному пану добродію", по совѣту друзей (Rulikowski, Bracławszczyzna въ *Kwiaty i Owoce*. Кіевъ, 1870, стр. 319). Точнѣе говоря, состоялось соглашеніе, въ силу котораго нападающая сторона отказалась за приличную сумму отъ своихъ притязаній на Носовку... и враги разстались въ мирѣ. Тотчасъ же по возвращеніи изъ удачнаго похода панъ Калетынскій пригласилъ преора винницкихъ доминикановъ и заявилъ о своемъ желаніи соорудить при костелѣ доминиканскій монастырь; назначилъ мѣсто, обязался выплатить 100,000 зл. съ условіемъ вносить эту сумму по частямъ ежегодно, но безъ процентовъ, на случай же смерти обязанность эта переходила къ наслѣдникамъ. По его желанію, четверо монаховъ были немедленно поселены при костелѣ; онъ назначилъ имъ для житья деревянный домикъ и кромѣ того фольваркъ за Бу-

гомъ, „поля на три руки по пятнадцать дней въ каждой, сѣножати на двѣнадцать косарей, прудъ, мливо и два каменя воску". Хотя панъ Михаилъ не дожилъ до окончанія постройки, но передъ смертью прибавилъ еще 50,000 зл., въ томъ числѣ 5,000 зл. на богадѣльню для шести неимущихъ стариковъ, остальное на содержаніе костела. Во время многолѣтняго управленія хорунжаго мѣстечко Тывровъ расширилось и пріукрасилось; онъ выхлопоталъ для него у Августа III ярморочное право (1744 г.), обезпечилъ мѣщанамъ безопасность; по современной люстраціи въ Тывровѣ насчитывалось мѣщанскихъ семействъ 171, крестьянскихъ 72 (кромѣ платившихъ чиншъ натурою или работой), евреевъ-ремеслениковъ 61 и людей „вольныхъ отъ даней" 24 семейства. Кромѣ ратуши въ мѣстечкѣ числилось 347 домовъ, костелъ, православная церковь; господскія постройки и дворъ, называемый замкомъ, содержались въ великомъ порядкѣ. Замокъ выглядѣлъ настоящей крѣпостью и импонировалъ безпокойному люду, который, быть можетъ, слишкомъ уже легко давалъ вѣру слухамъ о безчисленныхъ богатствахъ стараго тывровскаго пана.

Такимъ образомъ, панъ хорунжій не даромъ пользовался почетомъ въ своемъ околоткѣ. Но онъ не былъ свободенъ отъ недостатка, который былъ такъ распространенъ въ ту эпоху: разъ захваченную землю онъ защищалъ до послѣдней капли крови; когда приходилось круто, онъ готовъ былъ платить, и платить щедро, но выжить его можно было только силой. Такъ, въ 1734 г. онъ предложилъ Жабоклицкимъ—главнымъ наслѣдникамъ по-клещевскихъ имѣній—54,000 зл. за ихъ наслѣдіе, которымъ владѣлъ безнаказанно уже болѣе 18 лѣтъ; соглашенія не послѣдовало, и панъ хорунжій поклялся, что истратитъ вдвое столько, а поставитъ на своемъ. Отсюда неудовольствіе, кляузы, ссоры. Лишенные своей собственности переуступили въ концѣ концовъ свои права и претензіи другимъ лицамъ; къ счастію для пана Калетынскаго, пріобрѣтателемъ правъ оказался Павелъ Ярошинскій, испытанный другъ, близкій родственникъ и человѣкъ, прежде всего желавшій жить съ всѣми въ мирѣ. Онъ выкупилъ все наслѣдство послѣ Василія Клещевскаго (т. е. третью часть всего имѣнія), но устроился хозяйствомъ только въ Василевкѣ, на

кускѣ земли, котораго еще не успѣлъ захватить панъ хорунжій. Свои претензіи на остальныя захваченныя земли Ярошинскій представилъ *ad acta*... уже наслѣдники вынуждены были съ тяжкими усиліями добывать свои права собственности, а такъ какъ они располагали соотвѣтственными средствами, то борьба была энергичная, упорная и продолжительная... Недомогавшій панъ хорунжій, обремененный лѣтами, готовъ былъ наконецъ на уступки, тѣмъ болѣе, что считалъ себя неправымъ, но тутъ уже жена не согласилась на полюбовное окончаніе прецесса; молодая, быть можетъ слишкомъ энергическая особа, она принимала на свою отвѣтственность послѣдствія этой домашней войны.

III.

Ярошинскіе.—Дѣятельность Павла Ярошинскаго въ окраинныхъ провинціяхъ

Познакомимся теперь съ главными дѣятелями борьбы, которая тянулась почти полвѣка. Ярошинскіе принадлежали къ старинной шляхтѣ, происходятъ отъ богатыхъ землянъ, несутъ то военную службу, то посольскія обязанности, часто встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ собственниковъ и залогодержателей на Волыни и въ кіевскомъ воеводствѣ; лишь въ XVIII ст. они осѣдаютъ главнымъ образомъ въ Брацлавщинѣ; люди со достаткомъ, умѣлые и дѣятельные хозяева, они въ концѣ концовъ наживаютъ большое состояніе. О родоначальникѣ ихъ Дмитріи извѣстно лишь, что онъ родился въ 1565 г., а въ 1597 г. былъ избранъ посломъ на сеймъ воеводства волынскаго. Сынъ его Петръ, женатый на Пеньковской, сидѣлъ въ родовыхъ Подлисцахъ въ луцкомъ повѣтѣ, пріобрѣтенныхъ въ 1636 г. отъ кн. Пузыны, владимірскаго подкоморія. Янъ Михаилъ Калетынскій, о которомъ шла рѣчь выше, былъ внукомъ Петра Ярошинскаго по дочери его Маріаннѣ.

Сынъ Петра Стефанъ, ротмистръ молдавской хоругви, получилъ въ 1653 г. отъ Яна Казимира „въ награду за военныя заслуги“ село Керданы въ кіевскомъ воеводствѣ, надъ р. Котлуемъ, конфискованное послѣ Семена Богушевича, „бунтовщика“. Въ ту пору Ярошинскіе придерживались восточнаго обряда, такъ какъ въ 1686 г. встрѣчаемъ Стефана въ спискѣ членовъ луцкаго

братства „шляхетскаго сословія *sub titulo* Воздвиженія честнаго Креста" (Памятн. кіев. врем. ком. Кіевъ, 1848. Т. I, ч. I, стр. 193).

Старшій братъ Стефана, Иванъ, мечникъ брацлавскій, начальникъ хоругви польнаго короннаго писаря, получилъ отъ короля въ 1653 г. часть села Кошеватой; привилегія занесена въ томъ же году во владимірскія земскія книги. Въ концѣ XVI в. селомъ владѣли Любартъ Островскій и Грыцько Чернышевичъ (отсюда названіе села также Чернышки). Послѣ бѣлоцерковскаго трактата съ половинѣ XVII в., когда борьба съ Хмельницкимъ на время пріутихла, возникло живое колонизаціонное движеніе шляхты въ окраинныя земли, стоявшія впустѣ. Король охотно раздавалъ заслуженнымъ людямъ грамоты на эти земли. Такимъ образомъ оказалось, что Стефанъ Млодецкій, тоже жолнеръ, получилъ грамоту на Кошеватую еще въ 1651 г., за два года до Ярошинскаго,—по ошибкѣ-ли королевской канцеляріи, или по другимъ причинамъ трудно сказать. Но прежде нежели владѣльцы успѣли явиться въ пожалованное имѣніе, война началась вновь. Ярошинскій и Млодецкій оставались только титулярными собственниками, оба именовали себя кошеватскими старостами, но въ 1660 г. наслѣдники Млодецкаго добыли новую жалованную грамоту, съ точнымъ означеніемъ границъ, куда вошли не только мѣстечко, но и окрестныя села Кисла, Лукьяновка и и Лука (Słown. geograf., IV, 486—s. t. Кошеватая, ст. Э. Руликовскаго). Въ 1672 г. брацлавскій мечникъ умеръ, не добившись своихъ правъ—время было трудное; младшіе братья его Стефанъ и Ѳедоръ должны были удовольствоваться тѣмъ, что на сеймикѣ воеводства брацлавскаго ихъ признали „за старинныхъ, извѣстныхъ по предкамъ шляхтичей брацлавскихъ".

Третій потомокъ Петра Ярошинскаго, начальникъ гусарской хоругви волынскаго подчашія и королевскаго ротмистра Вьельгорскаго, Ѳедоръ, получилъ въ 1652 г. отъ Яна Казимира с. Коростовецъ въ предѣлахъ бывшаго барскаго староства, но кажется ему не удалось вступить во владѣніе пожалованнымъ селомъ; родовыя Подлисцы были разорены въ время козацкой войны и панъ Ѳедоръ поселился въ Ольховцѣ на Горыни около Лановецъ. За женой онъ получилъ во владѣніе Горохово въ

1661 г., пять лѣтъ спустя пріобрѣлъ отъ тещи права залогодержателя въ Берковичахъ на Волыни, Верныгородкѣ, Нападовцахъ и Слободкѣ въ Кіевщинѣ, кромѣ того владѣлъ Ушовкой во владимірскомъ повѣтѣ, Свинаровымъ въ луцкомъ, Крапивной, Зарудинцами и Рудней Рожанской въ овручскомъ; внукъ его Никифоръ Василій Шептицкій былъ лаврскимъ архимандритомъ и генераломъ базиліанскаго ордена, а правнукъ Левъ-Людовикъ—митрополитомъ всей Руси. Умеръ Θедоръ въ 1690 г. во званіи житомирскаго подчашія.

Единственный сынъ его, Павелъ, принадлажалъ къ выдающимся людямъ въ своемъ кругу. Въ молодости воинъ, затѣмъ политикъ, государственный человѣкъ, пользовавшійся милостями трехъ королей подрядъ, онъ добросовѣстно выполнялъ принятыя на себя обязанности. Онъ то былъ главнымъ основателемъ могущества рода Ярошинскихъ. Родился Павелъ въ 1656 г., въ 1691 г. получилъ отъ матери Берговичи, вскорѣ затѣмъ колонизовалъ Подлисцы, пріобрѣлъ Лучинцы и Горидничку, а въ 1700 г. Олизаровъ невдалекѣ отъ Горохова и съ той поры именуетъ себя уже Павломъ на Олизаровѣ Ярошинскимъ. Ему же принадлежали и Свинюхи въ луцкомъ повѣтѣ, весьма благоустроенное по тому времени имѣніе, какъ можно судить по размѣру учиненнаго здѣсь „капитанъ-лейтенантомъ" литовскаго войска паномъ Мусинскимъ грабежа.

Съ 1680 г. панъ Павелъ почти въ теченіи десяти лѣтъ занятъ былъ военной службой; бывалъ въ походахъ въ Молдавіи и подъ Каменцемъ, тогда еще въ неволѣ турецкой. Въ это время и создалась неосновательная легенда о взятіи пана Павла въ плѣнъ татарами. На самомъ дѣлѣ, несчастіе это постигло его двоюроднаго брата Александра Пеньковскаго, и родственники безуспѣшно хлопотали лично и черезъ посланцевъ въ Крыму о его освобожденіи, для чего среди родни производились регулярные сборы пожертвованій „на выкупъ изъ неволи татарской",—черта весьма характерная для той эпохи, когда оо. тринитаріи едва только начинали свою дѣятельность и нуждались въ средствахъ.

Въ 1699 г. панъ Павелъ оставляетъ военную службу, и въ награду за нимъ было подтверждено кошеватское пожало-

ваніе, съ прибавленіемъ села Лукьяновки поблизу мѣстечка. Грамота была выдана пану Павлу въ августѣ, а въ декабрѣ уже началась борьба съ Млодецкимъ. Кошеватская королевщина лежала на рубежѣ воеводства кіевскаго и брацлавскаго, и хотя въ урядовыхъ актахъ числилась въ „бѣлоцерковскомъ повѣтѣ", никогда, впрочемъ, не существовавшемъ, но сборщики податей обоихъ воеводствъ требовали съ нея „квартъ". Ярошинскій имѣлъ пріятелей въ Брацлавщинѣ и при ихъ помощи началъ борьбу съ фактическимъ владѣльцемъ имѣнія Млодецкимъ; уже 14 декабря послѣдній жалуется на пана Павла за захватъ подводъ и разграбленіе Кошеватой (Опис. акт. кн. кіев. центр. арх. № 22, стр. 6), 30 декабря—на новое нападеніе и причиненное собсвеннику насиліе (ib. № 7, стр. 50), а 19 января 1700 г. кіевскій судъ за разбойное нападеніе приговариваетъ Павла Яроскаго къ банниціи (ib. № 22, стр. 4). Такимъ образомъ, панъ Павелъ овладѣлъ своимъ имѣніемъ, но лишь на короткое время, такъ какъ Млодецкій тѣмъ же путемъ выжилъ его вновь. Примиренія не послѣдовало, и вплоть до конца прошлаго вѣка Ярошинскіе не забывали своихъ правъ на Кошеватую и передавали наслѣдникамъ необходимые для этого документы. Панъ Павелъ вынужденъ былъ вернуться въ опустошенныя Подлисцы и въ томъ же 1700 г. былъ назначенъ подчашимъ овручскимъ.

XVIII вѣкъ начался при самыхъ печальныхъ для Рѣчи Посполитой предзнаменованіяхъ: сверху—борьба за тронъ разбивала край на партіи; внизу—движенія мѣстнаго козачества, выбитаго изъ колеи распоряженіями, которыя проводились въ жизнь по смерти Собѣсскаго и уничтожали полки полѣсскихъ и украинныхъ воителей; козаки, непримиримые и неукротимые, опасавшіеся при томъ за свое существованіе, начали купами соединяться подъ крыльями Палія, который воспользовался современными замѣшательствами и если не *de jure*, то *de facto* завладѣлъ окраинными провинціями. На Подольи сохранялся какой-нибудь законный порядокъ только около Каменца, — Брацлавщина и Кіевщина были охвачены огнемъ. „Ребелліяˮ угрожала Волыни, поэтому шляхта собралась здѣсь, чтобы предупредить бѣду. Выгнанные изъ своихъ гнѣздъ, кіевляне и брацлавяне сбѣжались на

совѣтъ во Владиміръ; въ Луцкѣ соединились всѣ три волынскихъ повѣта. Въ концѣ 1702 г. шляхта рѣшила создать пятнадцать хоругвей съ особымъ ротмистромъ для каждой; въ числѣ послѣднихъ оказался и панъ Павелъ Ярошинскій, какъ человѣкъ бывалый и опытный въ военномъ дѣлѣ. Онъ же былъ и замѣстителемъ главнаго начальника или полковника, пана Ледоховскаго, который пребывалъ въ Варшавѣ и затѣмъ умеръ. Дѣла шляхты были плохи, пока не вмѣшался Мазепа и не издалъ свой универсалъ изъ главной квартиры въ Дубнѣ (февр. 1706 г.). Какъ „региментарь-замѣститель", Ярошинскій исполнялъ свои обязанности, повидимому, аккуратно: по крайней мѣрѣ, въ современныхъ актахъ, переполненныхъ жалобами шляхты на дѣйствія ротмистровъ, нѣтъ ни слова противъ пана Павла.

По успокоеніи Волыни панъ Павелъ два года пробылъ въ глубинѣ Польши въ качествѣ начальника панцырной хоругви литовскаго хорунжаго кн. Іосифа Чарторыйскаго—задача нелегкая при необузданности шляхты—и затѣмъ вновь вернулся въ Брацлавщину. Дѣла его шли хорошо, состояніе расло; кромѣ собственнаго имѣнія, онъ съ 1697 г. держалъ въ арендѣ два большіе ключа—Дубенскій и Острожскій, выплачивая за нихъ ежегодно 20,000 зл., а во время похода всѣ хлопоты по хозяйству лежали на его дѣятельной и энергичной помощницѣ—женѣ. Всѣ доходы употреблялись на покупку земли и только земли. Сравнительно съ другими воеводствами, Волынь пострадала менѣе всего, населеніе было здѣсь гуще, имѣнія, или ничтожныя, или чрезмѣрно крупныя и вообще благоустроенныя, не давали большихъ выгодъ; въ Кіевщинѣ опасно было заниматься земледѣліемъ; за то Брацлавщина представляла въ этомъ отношеніи настоящій рай, особенно Побожье, такъ какъ земля лежала здѣсь нетронутою въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій. Выше было упомянуто объ имущественной неурядицѣ, царившей здѣсь въ началѣ XVIII в.; цѣлыя массы неимущихъ наслѣдниковъ сидѣли по городамъ съ своими документами, подыскивая покупщиковъ, лишь бы только на наличныя. А наличныя были у Ярошинскаго, онъ зналъ цѣну землѣ, зналъ, что при благопріятныхъ условіяхъ она въ недалекомъ будущемъ вознаградитъ

его сторицею; поэтому, хотя быть можетъ надъ нимъ и подтрунивали изподтишка сосѣди, онъ дѣлалъ свое, такъ какъ понималъ, что дѣло стоило того.

Но не легко было пану Павлу вступать во владѣніе своими землями въ Брацлавщинѣ. Пріобрѣтеніе имѣній въ окраинныхъ провинціяхъ, недавно возвращенныхъ Польшѣ, было дѣломъ невѣрнымъ, въ виду легіона претендентовъ на одинъ и тотъ же участокъ земли. Владѣніе на залоговомъ правѣ было повсемѣстно распространено въ ту пору, а съ другой стороны пріобрѣтались права собственности на данное имѣніе, хотя имѣть право далеко еще не значило быть дѣйствительнымъ собственникомъ. Но пану подчашему удалось какъ-то обойти эти подводные камни. Наслѣдники сутисскихъ имѣній, обѣднѣвшіе и чрезмѣрно размножившіеся, не въ состояніи были даже получить въ руки своего наслѣдства; поэтому уже въ 1722 г. послѣ разныхъ споровъ вошли въ соглашеніе съ Ярошинскимъ. Сперва онъ пріобрѣлъ у нихъ Шершни, затѣмъ Сутиску и часть Витавы; прибавимъ, что ему пришлось имѣть дѣло съ 32 наслѣдниками по-сѣмашковскихъ имѣній—и однако онъ довелъ дѣло до конца. Еще ранѣе, въ 1714 г., онъ пріобрѣлъ отъ Красновскаго половину Василевки подъ Тывровымъ; нѣсколько лѣтъ спустя выплатилъ ихъ части Андрушевичамъ, Жабокрицкимъ, Пневскимъ—и сталъ собственникомъ трети по-клещевскаго наслѣдства.

Тотчасъ же онъ устроилъ въ Василевкѣ новую резиденцію, кромѣ волынской, очень удобную, такъ какъ она находилась невдалекѣ Винницы, центральнаго пункта воеводства. Недалеко же былъ и Тывровъ, гдѣ жилъ панъ Калетынскій, родственникъ и пріятель, вѣчно воевавшій съ обнищалыми наслѣдниками по-клещевскихъ имѣній. Панъ Павелъ жилъ въ мирѣ со всѣми, такъ какъ не пользовался своими правами съ обычной для того времени суровостью. Значительную часть своихъ капиталовъ онъ „помѣстилъ“, какъ нынче выражаются, въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Слупицъ, часть котораго лежала около Куны и Киблича. Послѣднему наслѣднику Слупицъ, подчашему новгородскому Феліціану Борейкѣ, не повезло въ хозяйствѣ, слобо-

жане неохотно селились на пустошахъ, подвергавшихся прежде всего военнымъ набѣгамъ во время козацкихъ волненій. Павелъ Ярошинскій охотно вошелъ въ сдѣлку съ Борейкомъ и его сестрами. Въ самомъ дѣлѣ, Ярошинскій этотъ представлялъ любопытный типъ современнаго хозяина: бережливъ до скупости, счастливъ въ скупкѣ земель, оборотливъ, мягокъ и уступчивъ съ неисправными должниками, если, конечно, не было опасности, что капиталъ пропадетъ. О процентахъ и рѣчи не было въ тѣ блаженныя времена. Такъ, кунянскія имѣнія поглотили почти 80,000 зл., которые въ теченіи пятнадцати лѣтъ не принесли никакого дохода.

Назначенный овруцкимъ стольникомъ съ 1718 г., панъ Павелъ не переставалъ принимать живѣйшее участіе въ общественныхъ дѣлахъ; родственныя связи съ вліятельнѣйшими панами, напр. Свидзинскими, имущественный достатокъ, старыя военныя заслуги—все это создало Ярошинскому выдающееся положеніе въ краѣ, а дѣятельность его въ роли приверженца Лещинскаго по смерти Августа II поставила пана Павла во главѣ брацлавскаго воеводства.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Автобіографическая „сказка“ малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго.

Въ числѣ малороссійскихъ старшинъ XVIII ст. было не мало такихъ образованныхъ людей, которые, съ успѣхомъ отправляя военныя и административныя обязанности, любили въ часы досуга браться за перо и съ увлеченіемъ отдавались историко-литературнымъ занятіямъ. Одни изъ нихъ, какъ генеральный хорунжій Н. Ханенко или генеральный подскарбій Я. Марковичъ, въ теченіе многихъ лѣтъ изо дня въ день вели записки или мемуары обо всемъ ими видѣнномъ и слышанномъ; другіе списывали или передѣлывали старыя козацкія лѣтописи, дополняя ихъ повѣствованіемъ о событіяхъ своего времени; третьи, наконецъ, сознавая уже недостаточность однѣхъ этихъ лѣтописей для болѣе полнаго изученія прошлой жизни своей родины, занимались собираніемъ и сводомъ историческихъ матеріаловъ, черпая ихъ изъ другихъ, часто иноземныхъ источниковъ, переводили польскихъ историковъ, составляли хронологическіе конспекты историческихъ лицъ и событій и т. под. Такъ образовалась довольно значительная историческая литература въ Малороссіи въ XVIII ст., сослужившая службу и современникамъ въ дѣлѣ ознакомленія ихъ съ прошлыми судьбами края, и послѣдующимъ историкамъ, нашедшимъ въ ней готовый сводъ матеріаловъ.

Къ числу такихъ лѣтописателей—компиляторовъ принадлежитъ и Стефанъ Васильевичъ *Лукомскій*, начавшій службу въ 1731 г. въ генеральной канцеляріи и впослѣдствіи дослужившійся до чина полковаго обознаго. Еще въ бытность свою полковымъ прилуцкимъ

сотникомъ, Лукомскій въ 1738 г. перевелъ съ польскаго дневникъ Окольскаго „О Остраниновой войнѣ зъ ляхами“ 1638 г., дополнивъ его разсказомъ о событіяхъ въ Малороссіи съ 1639 по 1648 г. на основаніи безымянныхъ козацкихъ лѣтописей; впослѣдствіи онъ перевелъ также съ польскаго записки Матѳея Титловскаго о двухъ походахъ султана турецкаго Османа I противъ поляковъ въ 1620 и 1621 годахъ, подвергнувъ и эти записки значительнымъ поправкамъ и дополненіямъ на основаніи мѣстныхъ лѣтописей. Оба эти перевода, по мысли Лукомскаго, должны были служить какъ-бы введеніемъ къ переведенной имъ же исторической поэмѣ Самуила Твардовскаго „Wojna Domowa“ (о войнахъ Б. Хмельницкаго). Наконецъ, въ 1770 г., состоя уже въ отставкѣ и проживая въ г. Прилукахъ, престарѣлый Лукомскій, не желая, какъ онъ самъ говоритъ, „напрасно и бездѣлно времени терять, но чтобъ какую-нибудь прислугу обществу дѣлать“, скомпилировалъ лѣтописный сборникъ подъ заглавіемъ „Собраніе Историческое“, обнимающій событія въ Малороссіи отъ временъ Гедимина до конца XVI ст. и составленный на основаніи сочиненій польскаго историка XVI ст. Александра Гвагнина и козацкихъ лѣтописей. Это „Собраніе“ напечатано въ приложеніи къ изданной въ 1877 г. кіевской коммиссіей Лѣтописи Самовидца, а переводъ Титловскаго и дополненіе къ дневнику Окольскаго помѣщены въ IV т. Лѣтописи С. Величка.

О жизни Стефана Лукомскаго доселѣ извѣстно было лишь только то, что въ 1738—43 годахъ онъ занималъ урядъ сотника прилуцкаго и участвовалъ въ занятіяхъ особой коммиссіи, учрежденной, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, для перевода и свода малороссійскихъ законовъ, а въ 1770 г. проживалъ въ г. Прилукахъ въ званіи отставнаго полковаго обознаго. Помѣщаемая ниже „сказка“ представляетъ весьма обстоятельный разсказъ самого Лукомскаго объ его происхожденіи, о службѣ козацкой его дѣда и отца, о его обученіи въ кіевскихъ школахъ и неудавшейся попыткѣ отправиться за границу для окончанія образованія и наконецъ о первыхъ годахъ служебной дѣятельности Лукомскаго въ войсковой генеральной канцеляріи. Помимо біографическаго интереса, разсказъ

Лукомскаго о скитальческой жизни его родителей довольно живо иллюстрируетъ бѣдственное положеніе жителей правобережной Украины въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., когда населеніе этой благодатной страны, подъ вліяніемъ несчастливо слагавшихся политическихъ обстоятельствъ, неоднократно было вынуждаемо покидать родныя мѣста и селиться на чужихъ земляхъ въ гетманщинѣ.

Помѣщаемая „сказка" доставлена намъ покойнымъ В. П. Масловымъ и извлечена имъ изъ хранящагося въ моск. архивѣ минист. юстиціи [1]) дѣла о Лукомскомъ, „о родствѣ его и о службахъ дѣда его Андрея Гайдука, а паче Василія, отца его, и прочихъ родственниковъ его россійскимъ императорамъ". Дѣло это производилось въ 1733—1734 гг. въ генеральной войсковой канцеляріи; въ немъ заключаются показанія разныхъ лицъ полковой старшины и между прочими бывшаго бѣлоцерковскаго полковника Емельянова. Этими показаніями вполнѣ подтвердились факты, о которыхъ упоминается въ личной „сказкѣ" Лукомскаго. О немъ же самомъ войсковая старшина дала такой отзывъ, что онъ „человѣкъ добрый, вѣрный и къ ея императорскому величеству не подозрительный и въ службахъ е. и. в-ству быть достоинъ, годенъ и потребенъ". Подъ этимъ отзывомъ подписались: генеральный подскарбій Андрей Марковичъ и генеральный судья Михайло Забѣло.

О. Л.

1733 году, августа 29 дня, въ генеральной войсковой канцеляріи Стефанъ Лукомскій сказкою показую: націею я малороссіянинъ, вѣры христіанской, благочестивого греческаго исповѣданія, лѣтъ отъ роду мнѣ тридцать два. Родился я за Днѣпромъ, въ украинскомъ городѣ Умани, подъ высочайшою державою ихъ императорского величества. Дѣдъ мой Иванъ Лукомскій и прадѣдъ (имени его не помню), козаки, родились полку лубенского, въ мѣстечку Лукомлѣ, и тамо они имѣли свои грунта,

---

[1]) Кн. дѣлъ Сената по малороссійской экспедиціи 1733, № $\frac{100}{1827}$, стр. 637—639; а также № $\frac{22}{1749}$, стр. 235—237 и 277.

только жъ тіе грунта, во время войны гетмана Богдана Хмельницкого съ ляхами и ради другихъ въ тѣхъ старихъ годахъ неспокойствъ, отошли въ другіе владѣнія. Также оные дѣдъ и прадѣдъ мой имѣли свои грунта за Днѣпромъ въ городѣ и около города Умани, помѣжніе съ Скоропадскими, изъ которыхъ и гетманомъ малороссійскимъ Иванъ Иллѣчъ Скоропадскій былъ; такожъ съ Кочубеями, съ которыхъ нынѣ полковникъ полтавскій Василій Кочубей, съ Ханенками, изъ которыхъ нынѣ полковій обозній кіевскій Өедоръ, судія стародубовскій Николай Ханенки, и съ другими бывшими тамо за Днѣпромъ владѣльцы. И дѣдъ мой Иванъ Лукомскій, за тогдашними неспокойствіи, изъ Лукомля перейшолъ въ Полтаву и тамо въ Полтавѣ сплодилъ отца моего Василья; а когда дѣдъ мой Иванъ Лукомскій умре, а бабку мою Анну взялъ въ жену Андрей Гайдукъ, а отецъ мой Васыль малолѣтенъ остался, и тогда Андрей Гайдукъ, отца моего отчимъ, на прадѣдизніе и дѣдизніе отца моего и на свои грунта перешолъ за Днѣпръ и жилъ на своихъ козачихъ грунтахъ въ городѣ Умани съ отцемъ моимъ до турецкой под тимъ городомъ бывшой войны въ козацкой службѣ; а когда турки тотъ городъ украинскій Умань виняли и спустошили, тогда въ самомъ турецкомъ оттакованіи отчимъ отца моего Андрей Гайдукъ съ Васильемъ, отцемъ моимъ, изъ того города Умани вийшли и зайшли съ другими тогобочними людми въ Переясловле и тамъ многіе года жили въ козацкой же службѣ. Когда же за-днѣпрская Украйна въ державѣ ихъ императорского величества почела населятись по прежнему, тогда оные дѣдъ и отецъ мой (которой въ Переяславлѣ оженился на Евдокіи Дубсковнѣ [1]), малороссіянцѣ) перешли за Днѣпръ на свои жилля къ Умани, и что (такъ какъ) тотъ городъ Умань былъ разоренъ и спустошенъ, и многіе бывали въ ту Украйну набѣги и нападенія татарскіе, стали они, дѣдъ и отецъ мой, въ уманской жить поланцѣ, отъ города Умани верстъ въ семь, отъколя хаживалъ отецъ мой Василій, по отцу родному Лукомскій, а по отчиму Гайдукъ, въ разные походы на непріятелей тогда государства всерос-

---

[1]) Т. е. дочери Дубскаго.—*Ред.*

сійского: на татаръ съ Семеномъ Палѣемъ, полковникомъ тогда бѣлоцерковскимъ, да съ Карпомъ Часныкомъ, что нынѣ полковникъ охочекомонній, да съ Павломъ Циганчукомъ, обознимъ тогда полковымъ бѣлоцерковскимъ, и съ другими войсковыми людми. А сказывалъ отецъ мой (что я припомню), былъ онъ въ войсковыхъ походахъ и воинскихъ акціяхъ: 1) когда поланки татарскіе полковникомъ черниговскимъ Яковомъ Лизогубомъ и наказнимъ гетманомъ разоривани; 2) на нѣякомъ-сь урочищѣ при Кучманѣ, на Кодимѣ, съ тѣмъ же Семеномъ Палѣемъ, и когда отецъ мой въ томъ походѣ будучи настоящимъ атаманомъ и наказнымъ надъ паланскими козаками сотникомъ, и возвратясь отъ оной Кучмани, разбивши татаръ и отлучась отъ Палѣя къ Уманской поланцѣ съ восьмидесяти человѣкъ, тогда напали на нихъ татаре въ урочищѣ Сухой Дуброви, надъ рѣкою Ятранню, и тамъ отца моего съ другими товарищи татаре доставши, въ неволю взяли, и былъ въ той неволѣ больше полгода, и хочай полковникъ Семенъ Палѣй въ замѣну одного мурзу за отца моего мѣлъ отдать, толькожъ, понеже тотъ мурза съ другимъ за князя Четвертенского Юрія, тогда жъ въ полону бывшаго, отданъ, того ради отецъ мой съ той неволѣ себе пятсотма левковими выкупилъ; 3) Когда Бѣлую Церковь Палѣй отъ ляховъ досталъ, и тамъ раненъ отецъ мой съ флинты кулею въ правую ногу; послѣ же, по унѣверсалу тогда гетманскому, городъ украинскій Умань (который отъ Кіева миль въ дватцать) и другіе къ тому городу, яко къ полковому, надлежащіе сотенніе городки: Ладижинъ, Манковку, Манастирища, Буки, Мушуровъ, Воронное, Романовку, Таганное, и протчіе съ ихъ селами, по разореніи турскомъ, осадилъ и осадчимъ былъ всего уманского уѣзду, и подати прежде бывшимъ гетманомъ, яко то лисичное и звѣри дикіе приваживалъ въ Батуринъ и въ Глуховъ; 4) Зъ гетманомъ Мазепою на службу императорского величества ходилъ по указу въ Полщу, а въ якихъ годѣхъ то было, того, понеже о семъ въ малолѣтствіи отъ отца своего слышалъ, подлинне не знаю; 5) А сему уже памятенъ, что во время благополучной Полтавской викторіи 1709 году, когда Андрей Кандиба, полковникъ корсунскій (который въ сихъ годахъ недавнихъ былъ генеральнымъ

судьею), наказнимъ гетманомъ будучи, стоялъ по указу съ войсками заднѣпровскими надъ рѣкою Богомъ, въ томъ же войску и отецъ мой былъ настоящимъ уманскимъ атаманомъ и наказнымъ сотникомъ; 6) Да въ маѣ мѣсяцѣ на мѣстечко уѣзду уманского на Нерубайку якійсь татаринъ Летунъ съ запорожцами напавъ, конѣ и товаръ когда у обывателей позаймали и набѣги на подданныхъ ихъ императорского величества чинили, то отецъ мой, будучи сотникомъ уманскимъ, съ командѣрованними уманской сотнѣ козаками съ четыреста человѣки ходилъ на того татарина Летуна и на запорожцевъ, и на урочищи прозиваемомъ Гарбузина Долина, надъ рѣкою Мертвоводомъ, съ тимъ татариномъ Летуномъ (которій послѣ отъ полковника тогда чигиринского, а нынѣ прилуцкого, Игнатія Галагана убитъ) и съ запорожцами чинилъ войну, и отца моего съ козаками уманскими тамъ разбито, а двоюродного отъ матки брата моего Семена Дубского, переясловского родимца, хоружого сотенного уманского, въ той акціи убито, а отецъ мой списомъ въ обѣ руки и въ поперекъ спины тогда раненъ, въ полонъ взятъ, припровоженъ запорожцами къ Перекопу и отданъ нѣякомусь перекопскому каймакану, гдѣ въ Перекопѣ сидѣлъ въ ямѣ килька мѣсяцей и отданъ хану кримскому, а отъ хана кримского отданъ въ Цариградъ султану и тамо въ Цариградѣ сидѣлъ въ неволѣ. 7) 1711 году братъ мой родній Денисъ былъ въ походѣ съ войсками россійскими на Прутовой акціи, въ командѣ Василья Танского, нынѣшняго переясловского, а тогда россійскихъ волосскихъ корогвей полковника.

А когда обывателемъ заднѣпровскимъ велѣно, по указу ихъ императорского величества, переходить на сю сторону Днепра, а ту сторону полякомъ отдано, въ ту пору мати моя Евдокія Дубсковна со мною малолѣтнимъ и съ другими дѣтьми своими, съ протчими уманскими жительми, перешла полку лубенского въ мѣстечко Веремѣевку, а 1712 г. отецъ мой, выйшовши зъ неволѣ, прийшолъ въ Переясловъ и не имѣя здѣсь на чемъ жить, разоренъ будучи отъ той неволѣ, принужденъ за оскудѣніемъ своимъ пойтить на свое жилье прежнее, къ Умани; а я въ малолѣтствіи своемъ пошелъ въ Кіевъ въ наученіе и въ кіевскихъ

училищахъ латинскіе проходилъ школы, и первое 1718 году съ протчими студентами на вѣрность ихъ императорскому величеству присягалъ въ Кіевѣ въ Братской церквѣ, при бытности князя Хотяновскаго и тогда бунчужного, а нынѣ обозного генерального Якова Лизогуба; а въ 1722 году, окончa въ Кіевѣ часть ученія своего, ходилъ въ чужестранніе краи, надѣясь тамо оное латинское мое совершить ученіе, но за приключившеюся мнѣ тогда болѣзнію, принужденъ остаться въ Польши, гдѣ, ради преслѣдованія за благочестіе греческого исповѣданія и что я малороссіянинъ, не моглъ тамо долѣе ученія своего имѣть и, не совершa оного, въ 1726 году возвратился паки по прежнему въ Кіевъ, гдѣ и совершилъ богословію, о чемъ многіе малороссіяне могутъ засвидѣтельствовать. А между ученіемъ въ 1727 году въ другое на вѣрность ихъ императорскому величеству въ кіевской Братской церкви, а въ 1730 году въ третое на вѣрность всемилостивѣйшей государынѣ императрицы, нынѣ благополучно самодержавствующей, ея императорскому всепресвѣтлѣйшему величеству въ Глуховѣ въ соборной глуховской церквѣ, съ сыномъ обозного войскового генерального Якова Лизогуба съ Григоріемъ Лизогубомъ, которому я тогда учителемъ былъ, присягалъ же. А въ началѣ 1731 году, генваря въ первыхъ числехъ, по опредѣленіи господина гетмана и кавалера Апостола, я нижайшій, природній ея императорского величества подданній и родимецъ малороссійскій, въ генеральную войсковую канцелярію принятъ и въ той канцеляріи, въ дѣлѣ ея императорского величества, вѣрно и безпорочно служа, въ-четвертое въ 1732 году ея-жъ императорскому величеству я подданній чесную вѣрность присягалъ-же. А сего 1733 году марта 14, по отлученіи прежде мене бывшаго старшаго канцеляриста Григорія Юркевича, что нынѣ полковій писарь стародубовскій, по опредѣленію оного-жъ господина гетмана и кавалера, по усмотрѣнію его, учрежденъ я быть въ той же войсковой генеральной канцеляріи старшимъ канцеляристомъ, и съ бытія въ оной канцеляріи, даже до полученія высокоповелительнѣйшого ея императорского величества указу, предостойнѣйшой ея-жъ императорского величества изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамоты, сего августа 13

пущенной, а 27 полученной, изображенного, въ званіи моемъ при дѣлѣ-жъ ея императорского величества канцелярскихъ, по присяжной своей должности, служилъ я ея императорскому величеству со всякою вѣрностію и ревностію безъ жадного порока, о чомъ дѣла ея императорского величества, въ той-же канцеляріи имѣючіеся, по указамъ е. и. в. вѣрного службою моего произвожденіе, и генеральній писарь Михайло Турковскій могутъ засвидѣтельствовать; а принятъ я въ ту войсковую генеральную канцелярію и старшимъ канцеляристомъ былъ учрежденъ безъ особливѣйшаго обязательства и безъ присяги ея императорскому величеству въ вѣрности по прежнимъ здѣсь примѣрамъ. А что я природній ея императорского величества подданній, зъ дѣда и отца малороссіянинъ, и яко вѣрностно усопшимъ блаженнія и высокославнія ея императорского величества предкомъ дѣдъ, а паче отецъ мой Василій, по родному отцу Лукомскій, а по отчиму Гайдукъ, служилъ и за предостойнѣйшую ея императорского величества всероссійскую державу неволю и многіе раны терпѣлъ, и показаннія братья мои служили жъ, въ томъ имѣются свидѣтели, а именно: полковникъ кіевскій Антоній Танскій, полковникъ охочекомонній Карпъ Часникъ, бунчуковій товарищъ Афанасій Дорофеевичъ, сотникъ полковій нѣжинскій Григорій Романовскій, сотникъ Иванъ Дубранизкій, атаманъ Стефанъ Гаптаренко, полковіе переяславскіе, Ярема Золотаръ въ Кіевѣ, да перешедшіе на сю сторону Днѣпра съ Умани: Данило Рѣдкій, Иванъ Коробанъ, полку полтавского въ Кобелянцѣ или въ Санжаровѣ; попъ Матвѣй Тараховскій, полку гадяцкого, подъ Зѣнковомъ, въ селѣ Павловцѣ; Семенъ Богатій, полку лубенского, подъ мѣстечкомъ Веремѣевкою, въ селѣ Погорѣлахъ, и многіе, кого они свидѣтели въ моемъ родствѣ и о вышеписанныхъ службахъ покажутъ, понеже я, за тогдашнимъ малолѣтствіемъ, жильцовъ уманскихъ многихъ припомнить не могу. Да и родственниковъ своихъ здѣсь имѣю: тетка моя родная, инокиня Ѳеодосія Чайченкова, полку переясловского, подъ Золотоношею, въ Коробовцѣ, въ дѣвичомъ монастырѣ; двоюродніе сестры: Анастасія Чайченковна, швагеръ Николай Леенко, да Любка Дубсковна, и многіе, кого они род-

ственники въ Переясловлѣ покажутъ; да братіе двоюродніе Василій и Захарій Дубскіе, полку лубенского въ Лохвицѣ, да сестры двоюродніе-жъ: Евдокія Дубсковна Свѣрская и швагеръ Иванъ Свѣрскій въ Нѣжинѣ, Евдокія Дубсковна-жъ за городомъ Нижнимъ Кіевомъ въ сильцѣ жительствуетъ; а отца моего братья родные на службѣ ихъ императорского величества татарми взяти въ неволю, въ якой неволѣ и по нынѣ обрѣтаются. А что тотъ городъ Умань, гдѣ я родился, въ державѣ ихъ императорского величества былъ до отдачи полякомъ о семъ явствуетъ и чертежъ, которій въ 1709 году, августа въ 15 день, по указу блаженнія и вѣчнодостойнія памяти императора и самодержца всероссійского Петра Великого его императорского величества и по приказу ближняго тогда стольника, кіевского воеводы князя Дмитрія Михайловича Голицына, діакомъ Аверкіемъ Леонтіевичемъ, подполковникомъ инженеромъ Иваномъ Тересаномъ обо всей за-днѣпровской Украйнѣ чиненъ, а по указу блаженнія и вѣчнодостойнія памяти императора и самодержца всероссійского Петра Второго его императорского величества изъ Верховного Тайного Совѣту 1727 году, мѣсяца (пропускъ) въ инструкціи тайному совѣтнику и министру господину Федору Васильевичу Наумову данной, въ 21 пунктѣ всемилостивѣйше повелѣно ему жъ, тайному совѣтнику, обще съ гетманомъ трудится и старанія прилагать, дабы которіе малороссійского народа жители до сего времени отъ хлѣбнихъ недородовъ или отъ чьихъ партикулярныхъ персонъ обиды и тягости перешли на житье за Днѣпръ и за рубежъ, тѣ-бъ паки на прежніе ихъ жилища возвратились, объявляя, что имъ дается позволеніе жить въ Малой Россіи въ прежнихъ мѣстахъ или за кимъ похотятъ по тамошнему ихъ обыкновенію и по стародавнимъ ихъ вольностямъ.

Къ сей сказки Стефанъ Лукомскій руку приложилъ.

Сообщилъ **О. И. Левицкій.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памяти Ивана Петровича Новицкаго. Читателей «Кіевской Старины» мы извѣстили уже въ прошломъ номерѣ о смерти одного изъ старѣйшихъ и даровитѣйшихъ сотрудниковъ нашего журнала И. П. Новицкаго. Смерть его случилась въ то время, когда августовская книжка заканчивалась печатаніемъ, и это обстоятельство не позволило намъ тогда же исполнить свой долгъ передъ покойнымъ.

Иванъ Петровичъ Новицкій родился въ 1844 году; онъ происходилъ изъ стариннаго русскаго православнаго дворянскаго рода кіевской губерніи; отецъ его служилъ въ уѣздномъ судѣ въ Таращѣ; намъ ничего неизвѣстно о первыхъ годахъ ученія и воспитанія покойнаго; дальнѣйшее же образованіе онъ получилъ въ кіевской 2-й гимназіи; по сложившимся несчастнымъ образомъ для мальчика условіямъ, онъ не окончилъ гимназіи, выйдя изъ пятаго класса. Одаренный отъ природы большими способностями, онъ еще на школьной скамьѣ обнаруживалъ любовь къ знанію и въ свободное отъ уроковъ время пополнялъ скудныя гимназическія свѣдѣнія по входившимъ тогда въ моду естественнымъ наукамъ. Выходъ его изъ гимназіи совпалъ съ оживленіемъ общественной мысли въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ; это не могло не отразиться на даровитомъ и чуткомъ къ біенію общественнаго пульса Иванѣ Петровичѣ. Привязанность и интересъ къ наукѣ сближали его съ школьными товарищами, изъ которыхъ многіе по окончаніи гимназіи поступили въ университетъ; онъ вошелъ съ ними и въ этотъ храмъ науки, который открылъ тогда свои двери для всѣхъ жаждущихъ знанія; въ числѣ таковыхъ былъ и нашъ покойный сотрудникъ. Мы не знаемъ, какая область знанія влекла къ себѣ любознательность покойнаго, но положительно можемъ утверждать, что политическія событія, происходившія въ краѣ въ 1863 году, окончательно опредѣлили на-

правленіе работъ Ив. П—ча. Событія эти отразились на университетѣ, раздѣливъ учащихся (студентовъ и постороннихъ слушателей) на два лагеря по національности. Въ то время, многіе слушатели изъ поляковъ оставили университетъ, оставшіеся русскіе сблизились тѣснѣе, составили изъ себя кружокъ несочувственный польскому движенію и толковали о возможности существованія чисто русскаго университета въ Кіевѣ. Выдающіеся представители этого кружка положили начало изученію прошлой жизни южно-русскаго края съ цѣлью на почвѣ науки доказать господство въ немъ началъ русской жизни, языка и вѣрованій; къ нимъ примкнулъ и Ив. П—чъ и съ тѣхъ поръ до послѣдней минуты своей жизни онъ не выпускалъ изъ рукъ пера, защищая интересы южно-русской народности. Мѣстная исторія, этнографія, географія и вообще всѣ стороны и вопросы жизни юго-западнаго края были изучены покойнымъ глубоко и всесторонне. Не было ни одного сколько-нибудь важнаго общественнаго, мѣстнаго вопроса, по которому покойный не выступилъ бы печатно со своимъ мнѣніемъ, всегда раціональнымъ и основательнымъ. Увлеченіе Ив. П—ча этимъ научно-литературнымъ и полемическимъ движеніемъ не дало ему возможности пріобрѣсти служебныя права и преимущества; поэтому устроиться ему не удалось ни въ какомъ ученомъ или учебномъ учрежденіи; онъ могъ бы, конечно, при своихъ обширныхъ познаніяхъ и способностяхъ найти приложеніе гдѣ-нибудь и въ другой сферѣ, но обнаружившаяся въ это время психо-физическая болѣзнь, сведшая его въ могилу и укоренившаяся любовь къ наукѣ, дѣлала невыносимымъ для него канцелярскій трудъ, сухой, однообразный, механическій, а его самого, больнаго, неподходящимъ къ условіямъ этого труда. Эти два обстоятельства сдѣлали навсегда Ив. П—ча вольнымъ труженикомъ мысли. Но живо интересовавшійся и основательно знакомый съ условіями мѣстной жизни, онъ не могъ, конечно, не выступить рано въ печати со своими работами. Кіевъ въ ту пору не имѣлъ никакихъ органовъ для разработки и обсужденія мѣстныхъ вопросовъ кромѣ двухъ: полуоффиціальной газеты «Кіевлянина», начавшей издаваться въ 1864 году, и археографической коммиссіи, хотя существовавшей и съ 1843, но требовавшей, да и теперь требующей отъ своихъ сотрудниковъ сыраго матеріала съ обстоятельнымъ научнымъ изслѣдованіемъ его, а этотъ матеріалъ, хранящійся въ архивахъ, набирается не легко и не скоро. Само собой разумѣется, что покойному оставался одинъ исходъ—

помѣщать свои работы въ мѣстной газетѣ. Онъ такъ и поступилъ. Участіе Ив. П—ча въ «Кіевлянинѣ» начинается съ первыхъ же годовъ его существованія и непрерывно продолжается до самой смерти. Было бы долго останавливаться на оцѣнкѣ и перечисленіи всѣхъ его газетныхъ статей и замѣтокъ. Число ихъ такъ велико, что, я думаю, и самъ покойный затруднился бы ихъ исчислить. Вообще же должно сказать, что вопросы національные, религіозные, экономическіе, вопросы научные: историческіе, этнографическіе, статистическіе и вопросы объ управленіи и проч. вызывали цѣлые ряды его статей, въ которыхъ онъ обнаруживалъ всегда знаніе дѣла, ясность мысли, глубокій критицизмъ, и большее или меньшее безпристрастіе; работы его не проходили безслѣдно, на нихъ обращалось вниманіе и они оказывали вліяніе на разрѣшеніе обсуждавшагося имъ вопроса въ ту или другую сторону, указываемую авторомъ. Какъ знатокъ края, покойный приглашался въ качествѣ эксперта во многія коммиссіи, занимавшіяся обсужденіемъ мѣстныхъ вопросовъ, какъ напр.: въ коммиссію по чиншевому вопросу, въ областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ и т. д.

Кромѣ газетной работы, онъ работалъ и въ университетѣ по найму, исполняя въ теченіи шести лѣтъ обязанности помощника завѣдывающаго центральнымъ архивомъ. Эти занятія многое дали покойному, ознакомивъ его по первоисточникамъ съ прошлыми судьбами края. Да и самъ онъ долженъ былъ работать надъ созданіемъ новаго дѣла—составленія описей. Центральный архивъ при университетѣ, учрежденный еще въ 1852 г. по мысли Н. Д. Иванишева, бывшаго ректоромъ университета и редакторомъ кіевской археографической коммиссіи, заключаетъ въ себѣ древнія актовыя книги, дающія неисчерпаемый матеріалъ для изученія прошлой жизни юго-западнаго края. Приведеніе въ извѣстность этого матеріала путемъ составленія описей къ актовымъ книгамъ велось до 1868 г. такъ неумѣло, что вся работа признана была негодной; только съ назначеніемъ настоящаго архиваріуса К. А. Царевскаго въ 1868 г. дѣло это стало на должный путь. Выборъ г. Царевскаго палъ на Ив. П—ча, какъ на человѣка болѣе или менѣе знакомаго съ мѣстной исторіей и способнаго къ труду. Описи, составленныя покойнымъ, были одобрены начальствомъ—и всѣ безъ измѣненія напечатаны; онѣ и до сихъ поръ служатъ образцомъ для составленія таковыхъ. Первое время описи печатались безъ обозначенія имени составителя и потому теперь рѣшительно невозможно сказать, которыя изъ нихъ

составлены Ив. П—чемъ. Во всякомъ случаѣ ему принадлежитъ составленіе не менѣе, если не болѣе, 10 описей. Служба въ центральномъ архивѣ сблизила покойнаго и съ археографической коммиссіей. Вмѣстѣ со своимъ товарищемъ К. Е. Козловскимъ, секретаремъ коммиссіи, онъ набралъ два тома матеріаловъ по исторіи крестьянъ въ XV—XVIII вв. Козловскій скоро умеръ и обязанность написать изслѣдованіе по собранному матеріалу возложена была на покойнаго. Онъ прекрасно выполнилъ это порученіе, давъ своему сочиненію заглавіе: «Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ». Въ тоже время онъ печаталъ матеріалъ по колонизаціи края въ эпоху войнъ Хмельницкаго въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», такъ какъ вопросъ о колонизаціи онъ считалъ основнымъ для мѣстной исторіи; отдѣльныхъ оттисковъ этихъ матеріаловъ не сохранилось. Зная по опыту, какъ затруднительно пониманіе юридическихъ терминовъ древняго актоваго языка, Ив. П—чъ составилъ небольшой словарь («Университетскія Извѣстія» за 1871 годъ), который и до сихъ поръ служитъ пособіемъ для начинающихъ работать въ архивѣ. По выходѣ, вслѣдствіе болѣзни, изъ архива, Ив. П—чъ продолжалъ работать въ газетѣ и коммиссіи; послѣдняя поручила ему составленіе указателей къ изданнымъ ею лѣтописямъ, памятникамъ и многимъ томамъ «Архива юго-западной Россіи» личнаго, географическаго и предметнаго; Ив. П—чъ успѣлъ напечатать лишь два первые, которые составляютъ огромные томы по 60 печатныхъ листовъ; особенно важенъ указатель географическій. Но названными двумя учрежденіями не ограничивалась дѣятельность Ив. П—ча. Намъ извѣстно, что онъ работалъ одно время въ качествѣ секретаря въ кіевскомъ статистическомъ комитетѣ. Результаты разработки имъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ комитетомъ, къ сожалѣнію, не печатались, но бывшія въ рукахъ Ив. П—ча цифры давали ему возможность дѣлать прочные выводы при обсужденіи мѣстныхъ вопросовъ въ газетѣ. Въ 1873 году открылся въ Кіевѣ отдѣлъ императорскаго географическаго общества и Ив. П—чъ явился дѣятельнымъ его членомъ; особенно много онъ поработалъ, какъ опытный статистикъ, при производствѣ однодневной переписи въ Кіевѣ 4 марта 1874 года вмѣстѣ съ другимъ не менѣе даровитымъ и опытнымъ статистикомъ, теперь также умершимъ П. П. Чубинскимъ. Съ послѣднимъ Ив. П—чу пришлось работать и въ экспедиціи, назначенной императорскимъ географическимъ обществомъ для изученія юго западнаго края. Такъ онъ напечаталъ въ Гу-

бернскихъ Вѣдомостяхъ трехъ юго-западныхъ губерній программу для собиранія матеріаловъ по языку; собралъ и доставилъ для V тома «Трудовъ экспедиціи» 5000 малорусскихъ пѣсенъ, и приготовилъ къ печати бытовыя пѣсни. Изслѣдованія къ пѣснямъ при ихъ печатаніи онъ не успѣлъ сдѣлать, но оно появилось въ печати гораздо позже, именно въ 1884 г., въ художественно-литературномъ альманахѣ «Кіевлянка», изданномъ редакціей «Кіевлянина»; этотъ обстоятельный и прекрасный трудъ носитъ заглавіе: «Женщина и ея положеніе въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ».

Какъ членъ кіевскаго юридическаго общества Ив. П—чъ извѣстенъ лучшимъ изъ всѣхъ читавшихся рефератовъ по вопросу о чиншевикахъ.

Съ началомъ изданія «Кіевской Старины» Ив. П—чъ былъ и ея постояннымъ сотрудникомъ. Изъ большихъ статей имъ напечатаны только двѣ: «Князья Ружинскіе» [1]) и «Адамъ Кисель, воевода кіевскій» [2]). Обѣ онѣ касаются двухъ главныхъ моментовъ въ исторіи козачества, которая обстоятельно была знакома автору, какъ излюбленный имъ періодъ мѣстной исторіи, первая изъ этихъ статей касается судьбы княжескаго рода, участвовавшаго и въ колонизаціи юга Россіи и въ созданіи козачества, вторая одного изъ главныхъ представителей польскаго общества, одного изъ его общественныхъ типовъ въ смутную эпоху войнъ Хмельницкаго. Кромѣ этихъ важнѣйшихъ статей, Ив. П—чемъ напечатано около полутора десятка мелкихъ историческихъ замѣтокъ, да столько же рецензій о новыхъ книгахъ. Особенно важны были послѣднія; благодаря способности къ глубокому анализу и обширнымъ историческимъ свѣдѣніямъ, его замѣчанія пріобрѣтали большое значеніе; онѣ касались не только мелкихъ фактическихъ ошибокъ, но и цѣлаго плана сочиненія; удары его, какъ критика, были неотразимы и мѣтки, но наносились они въ мягкой, деликатной формѣ и всегда серьезнымъ тономъ. Много рецензій Ив. П—ча появлялось и въ газетахъ. Мы не касаемся его многочисленныхъ корреспонденцій въ столичные газеты и журналы.

Ив. П—чъ представляетъ собою рѣдкій примѣръ самоучки и обстоятельная его біографія была бы весьма поучительна. Какъ мы сказали раньше, не было мѣстнаго вопроса, котораго бы не касался покойный въ своихъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, поэтому мы думаемъ,

[1]) Апрѣль 1882 г.

[2]) Сентябрь—Декабрь 1885 г.

что собраніе по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изъ нихъ помогло бы многимъ мѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ разобраться въ запутанныхъ сословно-національныхъ и экономическихъ вопросахъ юго-западнаго края. **И. Каманинъ.**

Три письма гр. П. В. Завадовскаго, 1775 и 1776 г.г. Печатаемыя здѣсь письма Завадовскаго [1]) писаны къ Григ. Григ. Фридрикевичу, одному изъ видныхъ дѣльцовъ въ Малороссіи к. XVIII в., умершему въ 1797 г., на мѣстѣ предсѣдателя черниговской палаты гражданскаго суда и въ рѣдкомъ для тогдашней Малороссіи чинѣ—дѣйств. ст. совѣтника. Фридрикевичи происходили отъ Христофора Самойловича Фридрикевича—пасынка Мазепы; сынъ Христофора—Григорій служилъ бунчуковымъ товарищемъ и умеръ, оставивъ одного сына Григорія, котораго Завадовскій въ письмахъ, почему то называетъ «братцемъ». Вдова Григорія Христофоровича, Федосья Томара, вышла во второй разъ замужъ за Степана Леонтовича, съ которымъ познакомилась, когда тотъ жилъ у седневскаго сотника Войцеховича «инспекторомъ» дѣтей. Отъ этого втораго брака у вдовы Фридрикевича было два сына, Степанъ и Иванъ и четыре дочери, въ томъ числѣ и извѣстная въ тогдашней Малороссіи умница Настасья, бывшая замужемъ за послѣднимъ въ родѣ—Семеномъ Полуботкомъ. Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ умеръ бездѣтнымъ, завѣщавъ богатыя свои имѣнія, полученныя отъ жены Анны Яковлевны Чарнышъ (внучки генеральн. судьи) своимъ сестрамъ по матери.

Текстъ печатаемыхъ писемъ повидимому, нѣсколько попорченъ при печатаніи ихъ въ первый разъ.

1) С.-Петербургъ. Декабря 29. 1775.

Милостивый государь братецъ!

По совѣту вашему я получилъ переяславскія деревни. Будьте мнѣ еще благодѣтель, призрите, какъ сами знаете. Это степи отдѣленному Великаго Хутора къ Драбовому (sic). Мнѣ фельдмаршалъ обѣщалъ велѣть сіе сдѣлать. У меня нѣтъ знакомаго никого кромѣ васъ. Я на ваше усердіе полагаюсь и льщу себя заслужить вѣчное. Пожалѣйте, порадѣйте въ одолженіе тому, который на васъ полагается

---

[1]) Перепечатываемъ письма изъ Черниг. Губ. Вѣд. 1883 г., № 49, гдѣ они были напечатаны съ подлинниковъ гр. Г. А. Милорадовичемъ.

свыше чѣмъ на себя. Снеситесь въ Полтаву съ старшимъ моимъ братомъ и съ П. Я. Селецкимъ, они суть смежны. Мое же состояніе не дозволяетъ мнѣ думать о хозяйствѣ. Предаю себя въ продолженіе долгой вашей любви, пребываю съ нелицемѣрною преданностію вашимъ, милостиваго государя братца, всепокорнымъ слугой Петръ Завадовскій.

2) Спб. Генваря 26. 1776.

Присовѣтовавъ мнѣ выпросить переяславскія деревни, вы нажили тѣмъ себѣ неусыпныхъ хлопотъ. Послѣ письма моего, которое, я чаю, вы уже получили, я васъ еще безпокою, прося разсмотрѣть вложенную тутъ записку и дать совѣтъ моему брату и, когда можете, и депутату на соображеніе сихъ примѣчаній къ отдачѣ. Я сіе предлагалъ на такой только случай, ежели вы разсужденіемъ вашимъ найдете какой нибудь артикулъ выполнить удобнымъ къ вящей пользѣ, я весьма дѣлюсь (sic) отъ того, чтобъ хотѣть чужаго, а изъ свободнаго не худо отпросить какъ можно кусокъ поболѣ. Прошу, братецъ, сохраните сію мою записку для однихъ и увѣдомьте меня о вашемъ на оную мнѣніи такъ стоятъ ли чего нибудь переяславскія мои дачи, ибо братъ старшій, не знавъ степной экономіи, мнѣ кажется, не за великое ихъ ставитъ

Не забывайте дружескаго напамятованія того, кто есть и пребудетъ съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ вашимъ всепокорнымъ слугою Петръ Завадовскій.

Братцу вашему, милостивому государю моему, Ивану Степановичу [1]) свидѣтельствую наиусерднѣйшій поклонъ.

3) Февраля 16. 1776. Спб.

Отъ 5 настоящаго письмо ваше доказываетъ мнѣ ту любовь, на которую я уповалъ, и уповать не престану. Продолжите ваше благотвореніе, я васъ прошу съ чувствомъ, обыкшимъ почитать благодѣтелей и друзей. Послѣ тѣхъ описаній, которыя я нашелъ въ вашемъ письмѣ, о переяславскихъ деревняхъ, у меня прибыло духу нападать на моего брата Ивана Василіевича, чтобъ онъ внималъ отлично вашимъ словамъ и всѣмъ статьямъ полезнаго хозяйственнаго (sic).

Чѣмъ далѣе, то моя голова меньше свободна думать о чемъ нибудь своемъ; я уже безпредѣльно возложу на васъ, на брата и на

---

[1]) Леонтовичу, брату Гр. Гр. Фридрикевича по матери.

Ивана Яковлевича Селецкаго быть въ моемъ имѣніи хозяевами вмѣсто меня, ибо Богу угодно (какъ кажется) отводить меня надолго отъ деревенской жизни, которую я не престаю любить отъ самой молодости; дѣлайте, что лучше, я васъ прошу всегда помнить, что вы тѣмъ усугубляете во мнѣ признательность. Если можно, не нарушая правъ, наданныхъ колонистамъ, достать Великій Хуторъ [1]), то по вашему совѣту я стану искать доброй пары. Поэтому больше всего нужно мнѣ ваше наставленіе и объясненія подробныя, коихъ въ свое время буду дожидаться.

Милостивому государю Петру Ивановичу прошу поклониться; пусть онъ успокоится со стороны дѣла въ сенатѣ. Я попрошу, и моя просьба здѣсь вѣсъ свой имѣетъ.

Даруй Богъ вамъ, братецъ, здоровья и долгой вѣкъ, а ничего больше для себя не желаю, какъ пожить съ вами вмѣстѣ, хотя на старость, и попить степной сыворотки. Пожалуйста пріохотите моего брата къ лошадямъ, и ежели онъ слѣпъ будетъ положить въ заводъ деньги, то ко мнѣ отпишите, я пришлю вамъ потихоньку отъ него. Я просилъ Н. П. Евреинова, чтобъ онъ порадѣлъ изъ заводовъ Разумовскаго купить жеребцовъ и кобылъ. Я вовсе не знатокъ, чтобъ здѣсь достать жеребцовъ, а имѣю случай и выписывать, но боюсь ошибиться въ статьяхъ и подпасть гнѣву и смѣху Вас. Н. Бурновскаго. Дайте, братецъ, совѣтъ, какъ поступать, и нѣтъ-ли у васъ на примѣтѣ человѣка, который бы мнѣ въ семъ случаѣ руководителемъ былъ. Да опять какимъ образомъ переводить отсюда? Не бываютъ (ли?) изъ вашихъ мѣстъ здѣсь со скотомъ люди, то укажите какъ мнѣ ихъ сыскать и подайте наставленіе къ выпискѣ и памяткѣ жеребцовъ, какихъ именно передъ прочнѣе и полезнѣе доставить. Я не стою за деньги, да кажется и случай подъ руками. Заочно графъ подарилъ мнѣ жеребца. Онъ... мнѣ хвалили о его достоинствахъ, а братъ пишетъ, что нѣтъ порока. Но его бъ онъ не имѣлъ. П. Завадовскій.

P. S. Мое владѣніе возбудило противъ меня зависть во многихъ нашихъ землякахъ. За Мефедовку я могу вообразить ненависть судейскую, мало однакожъ мнѣ нужды. Превосходительный или вельможный [2]) враждуетъ на меня, онъ не чувствуетъ по гордости, что

---

[1]) М. Великій-Хуторъ—золотоношскаго уѣзда. Здѣсь въ 1769 г. поселены были Румянцевымъ колонисты изъ „Ромунскаго народа". См. Черн. Губ. Вѣд. 1854 г., № 4.

[2]) Разумѣется генеральный судья Илья Журманъ, у котораго с. Мефедовка (новгородсѣверскаго уѣзда) находилась въ ранговомъ пользованіи.

титло свое настоящее долженъ онъ и на мою услугу нѣсколько относить; да я плюю на крики и на гнѣвъ всякаго, могутъ думать и толковать; но я чувствую, что въ стяженіи имѣнія современемъ мою умѣренность познаютъ. А если злобою дышатъ за одно сіе и то не за свое, то я прошу васъ, братецъ, дайте мнѣ знать, каковы суть Миклашевка и Бѣлоусовка и подручныя (ли) они къ хутору Драбову? Я слышу, что очѣ завидны. Расхвалили мнѣ Золотоношу и отъ меня зависѣло выпросить, но я съ письма помню ваши слова, что на весь вѣкъ приступятъ тяжбы. Однако жъ для переду скажите мнѣ мысль и о семъ мѣстечкѣ, что оно быть бы могло, если бы безхлопотно взять половину отъ тѣхъ, кои прихватили, ибо самъ Иваненко мнѣ говорилъ, что онъ своей земли радъ отдать половину, лишь бы другую оставить ему и есть что нибудь еще свободнаго.—Все сіе, братецъ, я пишу единственно въ откровенности съ вами, прошу сохраните мои мысли отъ всякаго пронизанья двугихъ и надѣюсь на вашу скромность. По прочтеніи, истребите сей листъ, который кажетъ вамъ мое противъ васъ расположеніе.

Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ, въ 1781 г. Малорусскіе образованные люди перестали удовлетворяться своими «латинскими школами» уже съ полов. XVIII в. Извѣстный своею образованностью генер. хоружій Н. Д. Ханенко отправивъ одного изъ своихъ сыновей въ кильскій университетъ, писалъ ему туда въ 1756 г.— «не можно ли тамъ достать какого добраго учители, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и завелъ гимназію, который здѣсь собравши учениковъ хоча съ 10, можетъ хорошую имѣть пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получать по три рубля въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинить ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дастся» [1]). Письмо это указываетъ, что и кромѣ Ханенка было не мало желающихъ замѣнить чѣмъ нибудь новымъ—старый строй средней школы... Затѣмъ, намъ извѣстно, что въ концѣ XVIII в., въ Глуховѣ, существовалъ уже пансіонъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, заведенный одною француженкою, женою поселившагося въ Глуховѣ отставнаго учителя французскаго языка «поручика» Делэянса [2]). Тогда же было предположеніе у другаго фран-

---

[1]) Опис. Стар. Малорос. I, 79.

[2]) Сулимовск. Арх., 137 и Списки Черниг. дворянъ 1783 г. (Черниговъ, 1890) стр. 105.

цуза, завести такой же пансіонъ и въ Ромнѣ. Объ этомъ предположеніи и говоритъ печатаемая здѣсь записка, найденная въ бумагахъ тоже одного изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ второй полов. XVIII в., Гр. Андр. Полетики (р. 1725 † 1784). Былъ ли открытъ пансіонъ француза Больё въ Ромнѣ—не знаемъ. **А. Л.**

Le sieur Beaulieu s'engage de se rendre à Romna pour y elever une pension de filles et garçons ou ils pourront apprendre les langues française, allemande, l'arithmetique, le dessein, la geographie, l'histoire, la mithologie, les bonnes moeurs etc.

A cet effet le dit s-r Beaulieu demande pour le faciliter à se rendre sur les lieux et acheter les choses necèssaires à cet établissement une avance de 400 roubles, qui lui seront rètenus sur les pensionnaires qu'il recevra chez lui, il ose d'autant plus se flatter de contenter les parents des dits enfants qui lui seront confiès, que lui et son fils, ont ètè dans des ètablissements, ou la propretè et le bon ordre y regnent et qu'ils en sont eux mêmes amateurs, chose bien essentielle.

Le fils du d-t s-r Beaulieu qui a été cinq ans au corps des nobles cadets de terre, avec beaucoup d'approbation et en dernier lieu cher m-r le genéral de Svistounow, gouverneur de Koursk, est actuellement au gimnase de Ckarkow, ainsi sur l'invitation de son père il pourra se rendre à Romna et y prendre les arrangements ulterieurs à ce sujet et en rendre compte à son dit père qui partirait pour s'y rendre, moyennant la dite somme susmentionnée. St. Peteusbourg, le neuf Iuin 1781—S'adresser—m-r Beaulieu et á m-r Urbain marchand, dans la maison de m-r le comte Cheremetoff, Grande Millionne, á Petersbourg.

NB. Que pour la somme demandée par avance le fils du d-t s-r Beaulieu s'en rendra caution [1]).

---

[1]) Г. Больё обязывается отправиться въ Ромны, чтобъ устроить тамъ пансіонъ для дѣвочекъ и мальчиковъ, гдѣ они могли бы обучаться французскому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію, географіи, исторіи, миѳологіи, благонравію и проч.

Въ виду чего помянутый г. Больё проситъ—чтобъ способствовать его отправленію въ тѣ мѣста и для закупки необходимыхъ для заведенія вещей—дать ему въ задатокъ 400 рублей, которые будутъ вычтены изъ платы за будущихъ пансіонеровъ. Кромѣ того онъ смѣетъ надѣяться удовлетворить родителей будущихъ своихъ воспитанниковъ тѣмъ, что онъ и его сынъ были въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ первое

Къ исторіи кіевскаго паломничества. Подлинникъ приводимаго здѣсь «листовнаго свидѣтельства» напечатанъ на обыкновенномъ листѣ сѣрой бумаги, церковнымъ шрифтомъ, съ пропускомъ мѣста для вписанія имени богомольца. Вверху листа помѣщены гравированныя изображенія: пресв. Тройцы и преподобныхъ Антонія и Θеодосія печерскихъ. Такія «свидѣтельства» лавра, какъ видно, выдавала паломникамъ при возвращеніи ихъ изъ Кіева на родину, какъ удостовѣреніе посѣщенія «Іерусалима россійскаго», при чемъ это свидѣтельство имѣло въ виду еще и облегчить паломнику его возвратный путь... Нѣтъ сомнѣнія, что полученіе «листовныхъ свидѣтельствъ» сопровождалось извѣстнымъ пожертвованіемъ со стороны паломника. Когда прекратилась выдача «свидѣтельствъ»—не знаемъ. Въ нашемъ собраніи письменной малорусской старины ихъ имѣется два, оба выданныя архимандритомъ Іосифомъ Оранскимъ (1748—1751 г.г.).

А. Л.

Изображеніе преподобнаго Антонія печерскаго.	Изображеніе святой Тройцы.	Изображеніе преподобнаго Θеодосія печерскаго.

Божею милостію святыя великія чудотворныя лавры печерскія кіевскія архимандритъ Іосифъ.

Авраамское тщащійся постигнути отъ Бога благословеніе авраамскому благопокорнымъ оусердіемъ оказатель писанія сего *слободского харковского полку мѣстечка Мерефи житель Тімоѳей Іосифовъ* послѣдова нраву, иже изшедъ изъ дому своего гласу благодати Выш-

---

мѣсто занимали чистота и порядокъ, что, разумѣется, они и сами будутъ преслѣдовать.

Сынъ упомянутаго г. Больё, бывшій пять лѣтъ (воспитателемъ?) въ кадетскомъ дворянскомъ сухопутномъ корпусѣ, заслужилъ тамъ особую похвалу, а затѣмъ (находился) и на послѣднемъ мѣстѣ у генерала Свистунова, курскаго губернатора, а теперь (находится) въ харьковской гимназіи; онъ могъ бы по приглашенію отца, поѣхать въ Ромны и тамъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія по этому поводу, для сообщенія ихъ отцу, который по полученіи сказанной суммы и могъ бы отправиться въ Ромны. Іюня 4 дня, 1781 г.

него внутрь зовущу его, пріиде въ Богомъ показанную преподобныхъ отецъ печерскихъ землю Іерусалимъ россійскій гору, юже возлюби Богъ, наслѣдіе Богоматернее, и видѣвъ благодать Божію: нетлѣнныя преподобныхъ мощи, главы мироточивыя святыхъ, красная преподобныхъ селенія и походивъ по пещерамъ, руками святыхъ ископаннымъ и ногами утреннымъ, подобающую коемуждо тамо положенныхъ святыхъ съ вѣрою и любовію воздаде честь, себѣ же за труды не отемлемое преподобныхъ отецъ благословеніе и молитвы отъ дому Господня пріемь съ радостію духовною возвратися во свояси, славя дивнаго во святыхъ своихъ Бога, вся по желанію сердца его добрѣ устроившаго, и имѣетъ отъ насъ просимое о богоугодномъ своемъ дѣлѣ листовное свидѣтелство, еже всякъ чтущій же и слышащій, яко свободнаго оказателеви онаго путешествія да не возбраняетъ тако и страннолюбнаго, яко странному у себе имѣти молимъ да не отрицаетъ угощенія, вѣдый яко пріемый странника мзду и самъ странническую пріиметъ и тогожде съ нимъ сподобится отъ Бога благословенія, якое получити всякому хотящему молитвеннѣ усердствуемъ.

Данъ во святой великой чудотворной лаврѣ Кіевопечерской, въ лѣто отъ созданія міра 7259, отъ воплощенія же Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1751, мѣсяца *мая 24* дня.

Вышеименованній	**Печать монастира печерского Успенія пресвятыя Богородицы.**	*архімандритъ.*

Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. I. *Военное населеніе г. Карпова въ 1652 г.* Въ 1646 году правительство царя Алексѣя обратило вниманіе на заселеніе военнымъ людомъ города Карпова (нынѣ село курской губерніи бѣлгородскаго уѣзда). Памятникомъ этого вниманія дошла до насъ карповская десятня отъ 30 мая 1652 года, составленная мѣстнымъ воеводою Иваномъ Тимоѳ. Фустовымъ да подъячимъ Матвѣемъ Львовымъ по грамотѣ изъ Москвы за приписью дьяка Ивана Сѣверова. Воевода роздалъ денежное жалованье «карповцомъ *дѣтемъ боярскимъ* (значитъ «выбора» въ Карповѣ не оказалось), и драгуномъ, и козакомъ, и стрѣльцомъ пѣшимъ, и пушкаремъ, и воротникомъ и кузнецомъ». Дѣти боярскіе и конные козаки получили по три руб.; драгуны—по

четыре рубля; стрѣльцы, пушкари, воротники и кузнецы—по два руб. Всѣмъ роздано было жалованье съ поруками, что «имъ тѣмъ г-вымъ жалованьемъ въ Карповѣ на вѣчное житье строитца и указные свои земли пахать и хлѣбъ сѣять, и съ Карпова не съѣзжать, и никакимъ воровствомъ не воровать, и г-ва ц-ва.... служба служить и отъ татарскіе войны и ото всякихъ воинскихъ людей г-вы украины оберегать, а для службы дѣтемъ боярскимъ, и драгуномъ, и козакомъ держати у себя лошади и ружье доброе». На жалованье было прислано изъ Москвы съ подъячимъ разряднаго приказа М. Львовымъ 3438 руб. Нѣкоторые *дѣти боярскіе* получили указное жалованье на Москвѣ (нпр. И. И. Ушаковъ, по которомъ ручались въ службѣ и въ деньгахъ драгуны (л. 2., С. Р. Кистеневъ). I. Составъ *дѣтей боярскихъ* представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

1) Дворовые—двое (И. И. Ушаковъ и П. К. Нелюбовъ съ помѣстн. оклад. въ 400 и 350 четв.).

2) Городовые—одинъ съ пом. окл. въ 400 чет., одинъ съ пом. окл. въ 350 чет., одинъ съ пом. окл. въ 300 чет., четыре съ помѣст. окл. въ 250 чет., четыре съ помѣст. окл. въ 200 чет., тридцать два съ помѣстн. окл. въ 150 чет., двадцать три съ помѣст. оклад. въ 100 чет., четверо съ пом. окладомъ въ 70 чет., а всего съ пом. окл. отъ 400 до 70 четв. 70 человѣкъ.

3) Новики 158 года—тридцать три съ помѣст. оклад. въ 150 четв., десять съ пом. окл. въ 100 четв.

4) Новики 159 года—одинъ съ пом. окл. въ 150 чет., одинъ съ пом. окл. въ 100 чет.

5) Новики 160 года—трое съ пом. окл. въ 150 чет., одинъ съ пом. окл. въ 100 чет.

6) Безъ окладовъ—четверо.

7) Неверстанные—десять.

Итого, *дѣтей боярскихъ* въ Карповѣ поселилось ***135 челов.*** Десятня ничего не говоритъ о ихъ земельныхъ дачахъ, перечисляя лишь ихъ дѣтей и родню мужескаго пола да описывая вооруженіе каждаго сына боярскаго (л. л. 2—18). Вооруженіе обыкновенно такое: «на меринѣ, съ пищалью, съ саблею», или «на конѣ, съ карабиномъ, съ саблею», или «на конѣ, въ саадакѣ, съ саблею», или «на меринѣ, съ пищалью, съ топоркомъ». У немногихъ изъ 135 человѣкъ служили и сыновья съ 14—20 лѣтъ (съ своею пищалью или съ рогатиною). Но никто изъ карповцевъ дѣтей боярскихъ не выводилъ съ собой на службу своихъ людей.

II. *Драгуны* съ казенными пищальми и шпагами на меринахъ и меринкахъ служили конную службу съ карповцами дѣтьми боярскими въ такомъ составѣ:

1) Ивашкова капранства Сѣркина 24 чел. (порука въ деньгахъ и въ службѣ капранствомъ своимъ сами межъ себя, другъ по другѣ).

2) Тимоѳеева капранства Сабельникова . . . . . 24 чел.
3) Кудинкова капранства Еремина . . . . 23 чел.
4) Семенова капранства Звегинцова . . . . 25 чел.
5) Ларкова капранства Лапина . . . . 23 чел.
6) Никифоркова капранства Кубенцова . . . . . 23 чел.
7) Ивашкова капранства Староцубцева . . . . 24 чел.
8) Воинкова капранства Васильева . . . . 23 чел.
9) Анѳимова капранства Дунцова . . . . 19 чел.
10) Гаврилкова капранства Демина . . . . 21 чел.
11) Васькова капранства Нефедова . . . . 23 чел.
12) Васькова капранства Суровцева . . . . 21 чел.
13) Васькова капранства Рожкова . . . . 24 чел.
14) Алешкина капранства Бобренева . . . . . . 18 чел.
15) Гаврилова капранства Блудова . . . . 21 чел.

Итого, въ 15 капральствахъ *336 драгунъ*.

III. *Козаки* (среди нихъ упоминаются пятидесятники и десятники)—въ числѣ *208* челов. (порука по нихъ въ службѣ и въ деньгахъ каждый пятидесятникъ «своею *пятиною* сами межъ себя другъ по другѣ»).

IV. *Стрѣльцы* [1]) пѣшіе съ казенными пищальми (среди нихъ десятники и пятидесятники)—въ числѣ *374* челов.

V. *Пушкари*—въ числѣ 41 чел., *воротники*—въ числѣ 4 чел. и кузнецы—въ числѣ 3 чел.

Таковъ былъ составъ военнаго люда города Карпова въ 1652 году.

Всего было 1101 челов. (роздано имъ 3217 рубл.).

Въ особой рубрикѣ перечислены всѣ такъ или иначе переставшіе служить въ Карповѣ (съ л. 71); двое дѣтей боярскихъ прямо бѣжало со службы. Такихъ исчезнувшихъ изъ Карпова оказалось 59 человѣкъ.

Въ томъ же 1652 г. въ г. Карповъ явилось 13 *нововыѣзжихъ черкасъ*, которымъ согласно отпискѣ яблоновскаго воеводы князя Григорія Семеновича Куракина дано было 94 руб.

---

[1]) Съ отмѣтками: „холость“, „дѣтей нѣтъ“, „одинокъ“.

Неполучившіе жалованья по разнымъ причинамъ во время били челомъ 28 іюля 1652 г.; имъ дано было жалованье изъ остаточныхъ денегъ (44 чел.).

Отсюда цифра военнаго населенія г. Карпова достигаетъ *1158* человѣкъ.

Нельзя умолчать о нѣкоторыхъ любопытныхъ свѣдѣніяхъ, которыя встрѣчаемъ относительно бившихъ челомъ о жалованьѣ 28 іюля. Сынъ боярскій М. П. Мориновъ въ своей челобитной писалъ, что онъ въ 159 году «по г-ву указу сосланъ въ Карпово изъ Новосили съ женою и съ дѣтьми на вѣчное житье». Дѣти боярскіе новики 160 года 31 чел. подали въ Приказной Избѣ воеводѣ И. Т. Фустову челобитную, въ которой писали: «въ нынѣшн. въ 160 году верстали ихъ въ Карповѣ воеводы Яковъ Хитрой (въ дес. при раздачѣ жалованья *не* упоминается) да Иванъ Фустовъ изъ дѣтей боярскихъ и изъ *вольныхъ людей* и карповскихъ стрѣльцовъ и козаковъ дѣти, и братья, и племянники отъ большихъ семей не изъ служебъ, и землями испомѣстили и сѣнными покосы и всякими угодьи ихъ устроили». Это любопытное свидѣтельство, что въ дѣти боярскіе верстали изъ вольныхъ людей и изъ неслужилыхъ стрѣлецкихъ и казачьихъ дѣтей. отъ большихъ семей. Бѣгство служилыхъ людей изъ Карпова объясняется отчасти ихъ обѣдненіемъ. Такъ въ челобитной стрѣльцовъ, мценскихъ сведенцовъ, читаемъ: «сведены изо Мценска въ Карпово на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми и г-во жалованье и на дворовое строенье имъ дано и, будучи они въ Карповѣ, обѣдняли и съ прошлаго съ *157 году* съ бѣдности изъ Карпова сошли на Ефремовъ»; однако «въ 159 г. по г-ву указу съ Тулы окольничей и воевода князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ, сыскавъ ихъ, съ Ефремова выслалъ въ Карпово на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми» [1]).

(М. А. М. Ю. д. д. № $\frac{\text{нов. } 187}{\text{ст. } 461}$ на 79 листахъ).

II. Военное населеніе г. Курска. Другой документъ, именно разборная и раздаточная десятня 1642 года рисуетъ намъ составъ военной дворянской силы города Курска. Во введеніи къ ней читаемъ.

[1]) Въ десятнѣ 1649 г. (№ 190 л. 36) упоминается галицкій помѣщикъ Т. Я. Дивовъ, служившій по дворовому списку и по городу Можайску; о немъ замѣчено: „съ городомъ служитъ мало, былъ въ Карповѣ сторожевье до отпуску, ѣздитъ по приказомъ, а нынѣ на приказѣ въ Стародубѣ Воцкомъ". Далѣе на л. 88 о немъ же читаемъ: „въ стародубскихъ селѣхъ на приказѣ..... а во 154 году по г-вѣ грамотѣ въ Карповѣ валъ валилъ и ровъ копалъ". Вообще служба въ Карповѣ упоминается лишь со 154 г. см. № 190 л. 90 (Карпово сторожевье), л. 92 об.

Роздать «денежное жалованье курчаномъ тремъ человѣкомъ выборнымъ и дѣтемъ боярскимъ дворовымъ и городовымъ и новикомъ на 150 годъ по списку, каковъ списокъ присланъ съ Москвы за дьячьею приписью, и по окладчиковѣ сказкѣ, у которыхъ дѣтей боярскихъ въ прошломъ во 149 году отъ татарскіе войны помѣстья ихъ разорены и которые дѣти боярскіе на татарскомъ бою съ головою съ Иваномъ Бунинымъ были, а съ татарскаго бою не побѣжали и отъ татаръ съ головою съ Иваномъ Бунинымъ вмѣстѣ на степи отстоялись; и которые дѣти боярскіе на томъ же бою татарскомъ побиты и въ полонъ пойманы и которые побиты на бою жъ въ черкаскую измѣну, какъ курскіе черкасы во 149 г. государю измѣнили, побѣжали въ Литву, а послѣ тѣхъ всѣхъ побитыхъ остались дѣти, а въ службу поспѣли,—и тѣмъ дано государево денежное жалованье по 10 рублевъ. А у которыхъ дѣтей боярскихъ въ прошломъ во 149 году татарскіе войны не было, а помѣстья за ними и крестьяне и бобыли есть, и тѣмъ г-во ден. жалованье дано по пяти рублевъ; а за которыми дѣтьми боярскими крестьянъ и бобылей нѣтъ, и тѣмъ дано по 6 рублевъ. А за которыми дѣтьми боярскими помѣстей нѣтъ, и тѣмъ г-во жалованье дано по 7 рублевъ. А которые дѣти боярскіе въ прошломъ же во 149 году въ татарскую войну и въ черкаскую измѣну побиты и въ полонъ пойманы, а послѣ ихъ остались жены и дѣти малы, а въ службу дѣти не поспѣли, и тѣмъ дано по 8 рублевъ на семью. А у которыхъ дѣтей боярскихъ женъ и дѣтей не осталось, а осталось у ково мать вдова, или братъ не въ службѣ, или сестра вдова или дѣвка, и тѣмъ дано по 5 руб. А которымъ курчаномъ дѣтемъ боярскимъ 50 человѣкомъ нынѣшняго лѣта мая съ 1 числа велѣно быть на государевѣ службѣ на Хотмышскомъ, а на передъ сего во 150 же году для Хотмышскіе службы дано г-во ден. жалованье по 6 рублевъ, и тѣмъ г-во жалованье къ прежней ихъ дачѣ для Хотмышскіе службы дано по 4 руб. человѣку». Таковы были статьи, сообразно съ которыми предписано было послѣ предварительнаго разбора раздать денежное жалованье.

Дворянъ (т. е. служившихъ «по выбору») въ Курскѣ было только *четверо* (В. А. и М. А. Анненковы, П. И. Анненковъ и К. Б. Виденьевъ) съ помѣстными окладами въ 700, 650, 600 и 450 четв. и съ помѣстными дачами въ 700[1]), $615^1/_2$, 310 и 230 четв. да съ 30, 20, 19 и 10 крестьянскими и бобыльскими дворами. Изъ нихъ одинъ

---

[1]) Предположительно; остальныя три цифры вполнѣ точны.

былъ впервые написанъ «по выбору» за службу и по родству, другой—только за службу (л. л. 7 и 8); одному была придача къ помѣстному и денежному окладу «за черкаскій бой и за убитые мужики». Эти четверо были самые богатые въ Курскѣ, выводившіе съ собою на службу по нѣскольку человѣкъ. Такъ В. А. Анненковъ (л. 5) выводилъ за собою *«въ полкъ* два человѣка на конѣхъ съ пищальми, да человѣка на меринѣ съ простымъ конемъ, да человѣка *въ кошъ* съ пищалью».

Дѣтей боярскихъ дворовыхъ оказалось *19* человѣкъ съ помѣстными окладами отъ 550 до 250 четвертей; нѣкоторые безъ крестьянъ *и* бобылей, двое совсѣмъ безъ помѣстей, а одинъ съ помѣстной дачей въ 9 четей. Упоминаются придачи нѣкоторымъ за бой и за убитые мужики.

Дѣтей боярскихъ городовыхъ перечислено *731* чел. съ помѣстными окладами отъ 500 до 70 чет. Безпомѣстныхъ среди этой массы курскихъ дѣтей боярскихъ было самое незначительное количество, за то безусловно подавляющее большинство не имѣло вовсе крестьянъ и бобылей. Помѣстныя дачи вертятся около цифръ 50, 70, 100 четв. Что касается курскихъ новиковъ, то составъ ихъ рисуется въ десятнѣ Г. Г. Образцова въ слѣдующихъ цифрахъ.

Новики верстанья Ивана Бутурлина 147 года—въ числѣ *202* челов. съ помѣстными окладами отъ 200 до 70 чет.

Новики верстанья на Москвѣ въ Разрядѣ 150 года—въ числѣ *9* челов. съ помѣстн. окладами отъ 250 до 70 четв.

Во всѣхъ перечисленныхъ сейчасъ разрядахъ курскаго городоваго дворянства владѣніе помѣстьемъ «вопче» съ братьями встрѣчается не болѣе трехъ-четырехъ разъ (см., нпр., л. 161 при дачѣ въ 50 чет.).

Далѣе слѣдуетъ особая рубрика (л. 419) *курчанъ дѣтей боярскихъ* по смотрѣнному списку стольника Г. Г. Образцова написанныхъ въ списокъ съ помѣстными окладами, а на Москвѣ въ Разрядѣ въ курскихъ десятняхъ и въ подлинныхъ спискахъ не сысканныхъ. Отсюда строгій допросъ окладчиковъ о такихъ лицахъ и запись ихъ въ десятнѣ подъ особою рубрикою. Такихъ оказалось *29* человѣкъ. Къ указанной рубрикѣ, повидимому, надо относить еще (л. 442) *12* человѣкъ новиковъ 144 г. верстанья въ Курскѣ Нефталима Тимашева. Новая рубрика начинается перечисленіемъ курчанъ *дѣтей боярскихъ*, верстанныхъ въ разныхъ годахъ, а въ московскомъ разрядномъ спискѣ записанныхъ въ числѣ неверстанныхъ. Ихъ насчитывается (съ л. 448) *21* челов.

Далѣе (съ л. 468) читаемъ перечисленіе *12* челов. *дѣтей боярскихъ*, о которыхъ велѣно было всѣмъ городомъ и окладчиками сыскати, когда и кѣмъ они были верстаны помѣстными и денежными окладами. Изъ числа 12 указанныхъ дѣтей боярскихъ четверо бились подъ Смоленскомъ въ солдатахъ (получили придачу къ окладамъ) и большинство оказалось новерстаннымъ на Москвѣ.

Подъ особою рубрикою записано въ десятнѣ съ помѣстными и денежными окладами *четверо* челов. дѣтей боярскихъ вслѣдствіе особой грамоты изъ Разряда (л. 482) отъ 15 іюня 150 г., да *одинъ*—по грамотѣ 30 іюня того же года.

Прописныхъ (т. е. пропущенныхъ въ московскомъ разрядномъ спискѣ) курчанъ дѣтей боярскихъ (л. 487) перечислено *66* человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ служили въ солдатахъ подъ Смоленскомъ и многіе поверстаны на Москвѣ, одинъ въ Орлѣ, одинъ въ Рыльскѣ и нѣсколько человѣкъ въ Курскѣ.

Неверстанныхъ, написанныхъ въ московскомъ разрядномъ спискѣ безъ окладовъ и служащихъ въ рядъ съ курчанами съ отцовскихъ помѣстей оказалось *20* челов. (л. 567).

Согласно наказу, выдано было также денежное жалованье (л. 583 и слѣд.) матерямъ вдовамъ, женамъ и дѣтямъ побитыхъ въ татарскомъ и черкаскомъ бояхъ *35* чел. курчанъ дѣтей боярскихъ.

Нѣсколько человѣкъ дѣтей боярскихъ (именно *33*) совсѣмъ не объявилось у денежной раздачи, «а окладчики про нихъ сказали, не знаютъ». Впрочемъ, встрѣчаются въ этой рубрикѣ и особыя отмѣтки, нпр.: «такова въ Курску нѣтъ» (л. 612 об.), «окладчики сказали на Чугуевѣ въ Съѣзжей Избѣ въ дьячкѣхъ» (л. 613 об.).

Наконецъ (л. 614 об.) послѣдняя рубрика перечисляетъ дѣтей умершихъ, побитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ (16 чел.) и отъ татарской войны изъ Курска сшедшихъ въ разные города (18 чел.; сошли на Хотмынь, Орелъ, Рыльскъ, Вольное, Чугуевъ, Корочу, Яблоновъ, въ московскіе стрѣльцы).

Такимъ образомъ наличный составъ военной дворянской силы по Курску въ авг. 1642 года равнялся 1130 чел. [1]). Денегъ на жалованье вышло 7315 рублей. На послѣднихъ листахъ встрѣчаются отмѣтки, относящіяся къ 150, 151 и 152 г.г.

(М. А. М. Ю. д. д. № $\frac{\text{нов. } 188}{\text{ст. } 462}$ на 625 листахъ). Сообщ. **В. Н. Сторожевъ.**

---

[1]) Итогъ десятни на л. 621 показываетъ 1139 чел., что можетъ быть вѣрнѣе, ибо при счетѣ мы легко могли ошибиться.

Урны съ жженными человѣческими костями въ хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. Въ лубенскомъ музеѣ Е. Н. Скаржинской, при посредничествѣ студента дерптскаго ветеринарнаго института С. Г. Кирьякова, получена въ даръ отъ Н. А. Казимира случайно выкопанная въ его имѣніи с. Яноуцахъ хотинск. у., на водораздѣлѣ между Днѣстромъ и Прутомъ, глиняная урна съ жженными человѣческими костями. Урна изъ весьма маркой глины пепельно-сѣраго цвѣта имѣетъ форму обыкновеннаго кувшина до двухъ четвертей высоты съ выпуклыми боками, неширокимъ горломъ и одной ручкой, довольно стройная, сдѣлана правильно на кругѣ. На ней незначительный, но довольно характерный орнаментъ: вокругъ вѣнца три параллельныя узкія жолобовидныя полоски и тисненая полоса въ два пальца ширины, проведенная вдоль по наружной сторонѣ ручки. Полоса эта составлена изъ двухъ смежныхъ параллельныхъ жолобовидныхъ углубленій, образованныхъ движеніемъ по мягкой глинѣ двухъ рядомъ сложенныхъ перстовъ, отчего вдоль средины полосы получилось незначительно возвышающееся ребро, придающее ей пріятный двугранный видъ. Между содержащимися въ урнѣ жженными костями не оказалось никакихъ предметовъ.

По разсказу г. Кирьякова, подобныя урны съ такимъ же содержимымъ встрѣчаемы были неоднократно въ опредѣленномъ раіонѣ на полѣ г. Казимира. Надъ ними никакихъ возвышеній не замѣчается, зарыты онѣ не глубоко, такъ что часто разрушаются плугомъ, и поле, гдѣ онѣ встрѣчаются, усѣяно черепками на значительномъ пространствѣ. Собранные г. Кирьяковымъ для лубенскаго музея черепки принадлежатъ сосудамъ различной величины, качества и цвѣта; изрѣдка попадаются и съ тисненымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ волнистыхъ линій, параллельныхъ полосокъ и ямочекъ. На многихъ толстыхъ красныхъ черепкахъ находятся небольшія, но прочныя ушки съ поперечными отверстіями въ карандашъ—въ палецъ величиною, какъ бы для продѣванія въ нихъ веревочки. Ушки эти были расположены, повидимому, на выпуклыхъ бокахъ сосудовъ. Между черепками попадаются плоскіе, обитые кремни, ошлифованные камни, кости животныхъ, какъ кухонные остатки, между прочимъ, кости свиньи.

Въ томъ же имѣніи г. Казимира находится нѣсколько древнихъ могильниковъ: одинъ приблизительно въ 100 кургановъ, другой въ 150, третій въ 200; есть и отдѣльно разбросанные курганы, въ

числѣ которыхъ одинъ значительной величины. Пробная раскопка одного изъ небольшихъ обнаружила кострище.

При находкѣ вышеописанной урны, нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ было сообщено, что въ хотинскомъ уѣздѣ и въ настоящее время дѣтское мѣсто а также и мертворожденныхъ младенцевъ зарываютъ обыкновенно въ горшкахъ. Ѳ. К.

СУБОТОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

(Къ рисунку).

Верстахъ въ 8-ми выше г. Чигирина по Тясмину живописно раскинулись бѣлыя хаты на вершинѣ, по склону и у подошвы гористаго праваго берега рѣки. Это село Суботовъ. Небольшой хуторъ Богдана Хмельницкаго, имъ же самимъ заселенный, разросся теперь въ большое село. Извѣстно историческое значеніе этого села: личная вражда, возгорѣвшаяся изъ за него между Богданомъ и подстаростой чигиринскимъ Чаплинскимъ, послужила началомъ борьбы двухъ народовъ. Въ центрѣ села на возвышенномъ мѣстѣ находится каменная церковь, построенная Богданомъ въ 1651—3 гг., она изображена на прилагаемомъ рисункѣ Шевченка. Церковь во имя пророка Иліи; мѣсто занимаемое ею составляло часть усадьбы Богдана Хмельницкаго, который устроилъ свой дворъ такъ, какъ вообще устраивали дворы вельможи того времени: укрѣпилъ усадьбу рядомъ валовъ и рвовъ, построилъ каменный домъ и вблизи него домовую церковь. Размѣры церкви подтверждаютъ ея назначеніе: по измѣренію Бантыша-Каменскаго вышина главнаго фасада восемь саж., длина церкви тридцать два аршина, ширина шестнадцать; принимая во вниманіе, что стѣны церкви очень широки—отъ $2^1/_2$ до 3-хъ арш., внутренность получится очень незначительная. Кромѣ этой церкви, въ Суботовѣ всегда была другая приходская въ честь Архистратига Михаила.

Богданъ Хмельницкій былъ погребенъ, согласно его желанію, въ выстроенной имъ церкви; ненависть нашла его и въ землѣ: Чарнецкій наругался надъ его прахомъ.

Въ послѣдующее затѣмъ время мало кѣмъ поддерживаемая Богданова церковь приходила все больше и больше въ упадокъ, сначала она служила приходскою для половины жителей с. Суботова; въ 1820 г. отнесена къ кладбищнымъ церквамъ и приписана къ приходской Михайловской.

Отъ времени не только деревянныя части церкви пришли въ ветхость, но и каменный сводъ далъ поперечныя трещины; въ такомъ незавидномъ положеніи ее и изобразилъ Шевченко. Но, несмотря на это, церковь была еще довольно крѣпка. Такъ было до 1851 года. Въ этомъ году мѣсто священника въ Суботовѣ занялъ о. Романъ Орловскій, который, сознавая всю важность сохраненія такого памятника, какъ Суботовская церковь, энергично взялся за дѣло возобновленія церкви. Очень интересна исторія этого дѣла, какъ характеристика отношенія нашего общества къ памятникамъ родной старины. Заслуживающія полнаго уваженія стремленія о. Романа Орловскаго встрѣтили главнымъ образомъ препятствія со стороны палаты государственныхъ имуществъ, которая предназначила церковь къ разборкѣ; къ счастью этого не случилось, но дѣло съ 1852 тянулось до 1862 г., нѣсколько разъ въ Суботовъ пріѣзжали инженеры, осматривали церковь, одинъ разъ находили ее непригодной къ реставраціи, въ другой, что исправленіе возможно и т. п.; наконецъ съ 1862 г. дѣло приняло благопріятный ходъ и возобновленная Богданова церковь была освящена 30 сентября 1869 г.

Несомнѣнно заслуга о. Романа Орловскаго очень велика. Начавъ дѣло, несмотря на неблагопріятныя условія, онъ довелъ его до конца; помимо поддержанія церкви, о. Орловскій хотѣлъ, чтобы былъ сохраненъ первоначальный видъ ея, для этой цѣли онъ снесся съ М. А. Максимовичемъ, прося у него рисунка церкви; вотъ отвѣтное письмо Максимовича, которое мы приводимъ съ разрѣшенія о. Орловскаго: „Не разъ порывался я къ вамъ туда, да нѣтъ возможности оторваться надолго изъ дому, а хотѣлось бы очень посѣтить тотъ прекрасный уголокъ Украины и васъ. Рисунокъ суботовской церкви находится въ Исторіи Малороссіи Бантыша-Каменскаго *второго* изданія, которой у меня здѣсь нѣтъ, а изъ Кіева еще не

получилъ. Вы сами легко можете достать его изъ Кіева; но при обновленіи надо придержаться точь вточь рисунка и если старый фундаментъ и стѣны еще довольно крѣпки, то отнюдь не разбирать ихъ, а только подновить. Это святыня украинскаго народа. Въ 1839 г., когда Иннокентій ѣздилъ осматривать епархію (а я тогда лежалъ больной), я просилъ его отслужить панихиду по Богданѣ Хмельницкомъ, и онъ, воротясь въ Кіевъ, говорилъ мнѣ, что исполнилъ мое желаніе. Отслужите же и вы 15 августа (1859)... М. М."

При возобновленіи древній видъ церкви не нарушенъ, только деревянный куполъ перенесенъ на алтарную часть; вмѣсто деревянной колокольни выстроена каменная и соединена съ церковью каменнымъ же корридоромъ. Итакъ, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ историческихъ памятниковъ сохраненъ еще на многіе годы.

Н. Б.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Tadeusz Ierzy Stecki. Z boru i stepu Obrazy i pamiątki (Kraków, 1888). Стр. IV † 342.

Настоящій посмертный трудъ Тадеуша Стецкаго († 14 авг. 1888 г.) посвященъ той же области, которой принадлежатъ лучшія работы покойнаго,—стародавней, богатой историческими забытками Волыни. Еще въ 1864 г. вышелъ первый томъ его «Волыни въ статистическомъ, историческомъ и археологическомъ отношеніи», въ 1871 г.—второй томъ. Пять лѣтъ спустя Стецкій выпускаетъ монографію Луцка (Luck starożytny i dzisiejszy. Monografia hictoryczna. Kraków, 1876). Одновременно съ этими болѣе крупными работами своими, Стецкій печаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ небольшіе очерки другихъ мѣстностей Волыни, игравшихъ роль въ свою пору: Берестечка, Волочищъ, Киселина, Козина, Ляховецъ, Овруча и т. д., при чемъ съ особенною любовью и вниманіемъ останавливался на судьбахъ мѣстныхъ землянскихъ и шляхетскихъ родовъ. Эти кропотливыя и утомительныя изслѣдованія облегчались для Стецкаго благодаря его связямъ съ мѣстнымъ дворянствомъ и возможности утилизировать семейные архивы, обыкновенно недоступные. Сообщеніе нѣкоторыхъ матеріаловъ изъ этихъ архивовъ или указаніе на содержаніе ихъ составляетъ немаловажную, если не главную, заслугу покойнаго въ исторической литературѣ. Такъ какъ волынскіе урядовые акты хранятся въ Кіевѣ, то въ этомъ отношеніи Стецкій пользовался лишь случайными копіями и матеріалами, уже изданными, что до извѣстной степени неблагопріятно отразилось на характерѣ его работъ. Факты внѣшняго свойства—генеологическія подробности, переходы имѣній изъ рукъ въ руки—представляютъ интересъ отнюдь не сами по себѣ, а лишь въ связи съ данными, болѣе

вразумительно рисующими экономію жизни народа,—между тѣмъ для данныхъ послѣдняго разряда остается весьма мало мѣста въ трудахъ Стецкаго. Должно сказать, впрочемъ, что покойный и не ставилъ себѣ задачъ, которыхъ не могъ разрѣшить удовлетворительно по свойству доступныхъ ему матеріаловъ. Онъ писалъ, если можно такъ выразиться, въ простотѣ душевной. Все, что можно было въ данный моментъ собрать объ извѣстной мѣстности, онъ сводилъ добросовѣстно въ картинку, связывалъ эти отдѣльныя картинки внѣшнимъ образомъ и предлагалъ читателю родъ христоматіи или словаря, лишеннаго строго-систематическаго порядка. Общей, критически разработанной исторіи любезнаго ему края Стецкій не далъ и не обѣщалъ дать, такъ какъ онъ не былъ историкомъ въ собственномъ смыслѣ,—работа подобнаго характера, въ виду неподготовленности всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, оказывается непосильною даже для лицъ, несравненно лучше Стецкаго вооруженныхъ въ научномъ смыслѣ.

Въ то время, какъ два тома «Волыни» имѣли цѣлью дать читателю общее понятіе о краѣ, настоящій посмертный трудъ посвященъ небольшой части этого края, главнымъ образомъ нын. ровенскому уѣзду, съ которымъ Стецкій былъ знакомъ лучше всего по своимъ семейнымъ отношеніямъ. Манера изложенія автора остается неизмѣнною на всемъ протяженіи книги: избѣгая общихъ очерковъ и общихъ историческихъ заключеній, онъ переходитъ изъ села въ село, изъ мѣстечка въ мѣстечко, знакомится съ мѣстными литературными и письменными памятниками, разскажетъ читателю генеалогію владѣльцевъ, припомнитъ какой-либо выдающіися случай въ жизни панской семьи, опишетъ панскій палацъ, иногда укажетъ на какое-либо забытое городище или курганъ, сдѣлаетъ выдержку изъ люстраціи,—и спѣшитъ далѣе. На первый взглядъ получается впечатлѣніе пестрое и до крайности разбросанное, но и среди этихъ внѣшнимъ образомъ сведенныхъ матеріаловъ читающему удается найти подробности не лишенныя интереса. Стецкій, какъ авторъ, отличается симпатичною особенностью: онъ не подбираетъ факты предумышленно, ничего не желаетъ вуалировать или подкрашивать, и потому въ его книгѣ промелькнетъ изрѣдка нѣсколько указаній, превосходно характеризующихъ внутреннюю жизнь излюбленной имъ шляхты и подданнаго люда. Особенность и важное преимущество экономической исторіи заключаются въ томъ, что сокровеннѣйшія черты національной натуры сказываются здѣсь въ неподкрашенномъ,

голомъ видѣ. И дѣйствительно, гдѣ Стецкій затронетъ эту сторону жизни шляхетства, тамъ всплываютъ наружу яркіе контрасты: внѣшній блескъ и жалкая задолженность, широкій розмахъ можновладской тароватости и неблаговидныя, чисто плутовскія продѣлки для прикапливанья добра, богатство магнатовъ и убожество поселянъ и горожанъ, разливное море сверху и еврей-ростовщикъ рядомъ, кляузничесво шляхты и грабительскія ея наклонности,—все это сохраняетъ у Стецкаго свой колоритъ, благодаря усвоенной имъ эпизодической, безпритязательной манерѣ изложенія.

Изъ болѣе крупныхъ и цѣльныхъ монографій, соединенныхъ внѣшнимъ образомъ въ книгѣ Стецкаго, можно указать на очеркъ Ровно, Межирича-Корецкаго, Пересопницы, Клевани, Дубровицы и Степани. Правда, поиски автора на полѣ стародавней исторіи былыхъ княжескихъ удѣловъ на Волыни не отличаются большою глубиною,—чаще всего авторъ ограничивается Карамзинымъ и Максимовичемъ, но для обычнаго читателя и такая сводка матеріаловъ явится настоящимъ откровеніемъ. Кромѣ того, слѣдя за линіями владѣльцевъ и переходами имѣній изъ рукъ въ руки, Стецкій нерѣдко извлекаетъ изъ семейныхъ архивовъ неизвѣстные еще документы и приводитъ ихъ in extenso, впрочемъ, въ польской транскрипціи. Что касается литературныхъ указаній, то Стецкій отличается въ этомъ отношеніи чрезмѣрною скудостью: почти всѣ новѣйшія русскія изслѣдованія по исторіи и археологіи Волыни ему не извѣстны, онъ даже не знаетъ объ описаніи пересопницкаго евангелія П. И. Житецкаго и недоумѣваетъ, что сталось съ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ южнорусской рѣчи (стр. 181). Въ книгѣ изрѣдка встрѣчаются упоминанія о народныхъ обычаяхъ на Волыни, напр. бросаніе незамужнихъ дѣвушекъ въ воду въ пасхальный понедѣльникъ въ Басовомъ-Кутѣ (стр. 68); записано нѣсколько преданій, напр. о невирковскихъ церковныхъ трубахъ (стр. 130), на нашъ взглядъ, происхожденія отнюдь не народнаго; приведены нѣкоторыя народныя суевѣрія, выразившіяся, напр., въ убійствѣ бабы-чародѣйки изъ подъ Олыки, наславшей моръ на односельчанъ (стр. 200), но все это случайно, мимоходомъ. Спеціалистъ можетъ извлечь изъ книги Стецкаго развѣ случайныя полезныя справки, всякій же любознательный человѣкъ прочтетъ книгу не безъ интереса, какъ писанную легкимъ языкомъ о предметѣ, который интересенъ самъ по себѣ. Поэтому, быть можетъ, не слѣдуетъ сожалѣть, что Стецкій мало внесъ въ свое изложеніе данныхъ изъ люстрацій, хотя ему были извѣстны изданія г. Ал.

Яблоновскаго, касающіяся Волыни (Zròdla dzeijowe, t. V и VI); съ другой стороны, любителя легкаго чтенія, конечно, не мало позабавятъ нѣкоторыя соображенія Стецкаго по части славянской филологіи и миѳологіи, какъ напр. производство имени с. Хотина отъ славянскаго *хоть*, какъ доказательство, что село названо такъ по воспоминанію о какомъ-то романтическомъ случаѣ (стр. 309), открытіе какихъ неслыханныхъ славянскихъ богинь, въ родѣ, Бабы, Быстрицы, и т. п. Повторяемъ, трудъ Стецкаго—не ученый трудъ въ строгомъ смыслѣ слова: это сводка случайныхъ поисковъ любознательнаго туриста, умѣющаго цѣнить важность историческихъ изученій и стремящагося принести посильную пользу дѣлу этихъ изученій.

Н. М.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества т. 2-й. Харьковъ 1890 г.

Являясь органомъ названнаго ученаго общества, «Сборникъ» имѣетъ и соотвѣтственное содержаніе: въ него входятъ «Отчеты (или вѣрнѣе отчетъ) о засѣданіяхъ историко-филологическаго общества», составленные секретаремъ общества проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ за время съ января 1889 г. по апрѣль 1890 г., т. е. почти за 1½ года, и матеріалы по исторіи и этнографіи. Историко-филологическое общество при харьковскомъ университетѣ возникло въ 1876 г. и въ отчетномъ году вступило въ 14-й годъ своего существованія; число членовъ его въ отчетѣ не обозначено; въ полутарагодичный промежутокъ времени общество имѣло 14 засѣданій, въ которыхъ прочтено 24 реферата; въ предшествовавшемъ $18^{88}/_{89}$ г. было 9 засѣданій, въ которыхъ прочтено 12 докладовъ. Прочтенные рефераты можно такъ распредѣлить по ихъ содержанію: по археографіи и археологіи—3; по этнографіи—5, по исторіи древняго быта славянъ—1, по исторіи раскола—4; по исторіи землевладѣнія—1; по исторіи литературы—4, по философіи—1, по исторіи искусства—1, по исторіи просвѣщенія—1 и некрологовъ—3. Наибольшее число рефератовъ сдѣлано проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ и Д. И. Багалѣемъ, которые принимали участіе сверхъ того въ дебатахъ по другимъ рефератамъ. Общество обнаруживаетъ большую заботливость о своемъ «историческомъ архивѣ», честь учрежденія котораго принадлежитъ проф. Д. И. Багалѣю; въ настоящее время онъ имѣетъ до 30,000 старыхъ

дѣлъ полтавскаго, черниговскаго и харьковскаго губернскихъ правленій, пополняется отчасти передачею старыхъ дѣлъ изъ учрежденій въ университетъ, отчасти пожертвованіями частныхъ лицъ и даже путемъ покупки; при архивѣ находится и вспомогательная библіотека, довольно богатая изданіями актовъ и грамотъ. Люди науки не разъ скажутъ спасибо учредителямъ, а забота Общества объ архивѣ заслуживаетъ полнаго уваженія и признательности, а также подражанія со стороны другихъ ученыхъ обществъ. Въ архивѣ постоянно производились разысканія матеріала нѣсколькими лицами для своихъ изслѣдованій; въ отчетномъ году работало шесть человѣкъ.

Главную часть «Сборника» составляютъ не эти отчеты, печатающіеся въ немъ впервые, а отдѣльные выпуски, входящіе въ него. Первое мѣсто по важности и объему принадлежитъ «Матеріаламъ для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ.», собраннымъ проф. Д. И. Багалѣемъ; это первый выпускъ «Сборника». Вторымъ являются «Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ екатеринославской и харьковской губ. И. И. Манжурой» а 3-мъ—«Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ», собранные г. Ивановымъ (съ предисловіемъ Н. Ѳ. Сумцова); о послѣднемъ мы имѣли уже случай говорить, разбирая его отдѣльно, и теперь займемся двумя первыми.

«Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта», собранные проф. Багалѣемъ съ внѣшней стороны представляютъ увѣсистый томъ (уже 2 й) въ 448 стр. (15 стр. предисловія); точно также и по содержанію своему онъ представляетъ богатый кладъ данныхъ для всякаго рода выводовъ и заключеній объ географическомъ, административномъ, экономическомъ, промышленномъ и торговомъ положеніи края; большая часть документовъ—весьма цѣнный матеріалъ не для одной исторіи колонизаціи; по даннымъ этого богатаго матеріала можно нарисовать живую картину природы того времени, описать съ мелочными подробностями твердость и силу пограничныхъ укрѣпленій, богатую или бѣдную домашнюю обстановку поселенцевъ, даже благолѣпіе церквей. Трудно въ краткой рецензіи охватить все обиліе новыхъ данныхъ: возьмите, напр., стрельныя книги, осмотръ шляховъ, вѣсти о татарахъ, объ ихъ разореніяхъ, перечтите переписи населенія, описанія городовъ и уѣздовъ,—и передъ вами воскреснетъ прошлое юго-восточной окраины Россіи со всѣми своими ужасами: тяжкими трудами въ новыхъ поселеніяхъ, стонами убиваемыхъ набѣгающими татарами, слезами уводимыхъ ими въ плѣнъ женъ и дѣтей,

окраины, пріобрѣтенной болѣе потомъ и кровью самоотверженныхъ великороссіянъ и черкасовъ, чѣмъ мечемъ служилыхъ и ратныхъ людей. Таковъ XVII-й вѣкъ! Въ XVIII-мъ вѣкѣ наступаютъ болѣе мирныя времена, которыя и отражаются на бытѣ населенія; ему уже не грозитъ опасность отъ разбоевъ и грабежей татаръ; оно осѣдаетъ, увеличивается въ числѣ, и колонія мало по малу усвоиваетъ себѣ строй метрополіи; природа и люди измѣняютъ свой внѣшній и внутренній характеръ. Эту перемѣну къ лучшему и даютъ возможность прослѣдить собранные г. Багалѣемъ матеріалы. Позволяемъ себѣ высказать увѣренность, что и изслѣдованіе Д. И. Багалѣя будетъ такъ же интересно и богато выводами, какъ богаты данными разсмотрѣнные нами матеріалы, тѣмъ болѣе что и самъ неутомимый собиратель ихъ сознается въ предисловіи, что «исторія внутренняго быта—вопросъ совершенно почти не затронутый въ печатной исторической литературѣ».

Всѣхъ документовъ въ настоящемъ томѣ 52; изъ нихъ одинъ относится къ XVI вѣку, сорокъ—къ XVII; остальной десятокъ къ XVIII; по объему послѣдній занимаетъ $^2/_3$ книги; въ немъ по своему интересу выдѣляются, кромѣ «экстракта о слободскихъ полкахъ 1734 г.», «инструкція слободско-украинской губ. 1766 г.» и описаніе городовъ и мѣстечекъ, доставленное въ Екатерининскую коммиссію для составленія проекта новаго уложенія 1767 г.

Входящіе въ настоящій томъ документы извлечены Д. И. Багалѣемъ частью изъ московскаго архива министерства юстиціи—19 самыхъ древнихъ, преимущественно строельныя книги, при этомъ г. Багалѣй замѣчаетъ: дорожа мѣстомъ, я пропускалъ именные перечни населенія и приводилъ только общіе итоги; но сдѣлалъ исключеніе для г. Карпова для того, чтобы представить хотя одинъ примѣръ переписи въ ея подлинномъ видѣ». Читаемъ строельную книгу г. Карпова и что же находимъ? Указаніе на число домовъ и семей, на составъ семьи, на возрастъ ея членовъ и на ея большую или меньшую состоятельность, выражающуюся въ перечисленіи имущества. И эти драгоцѣнныя данныя г. Багалѣемъ опущены лишь для того, чтобы дать мѣсто большимъ документамъ XVIII в., которыя удобнѣе было отложить печатаніемъ до слѣдующаго 3-го тома. Изъ харьковскаго историческаго архива авторомъ извлечено 6 большихъ документовъ XVIII в., занимающихъ болѣе половины книги. Изъ церковно-археологическаго музея кіевской духовной академіи 23 небольшіе документа, заимствованы и 4 документа изъ частной коллекціи г. Гурова.

Выборъ документовъ изъ другихъ частныхъ коллекцій, предоставленныхъ владѣльцами ихъ въ распоряженіе Д. И. Багалѣя, онъ отлагаетъ для 3-го тома Матеріаловъ, къ изданію котораго думаетъ приступить.

Въ концѣ выпуска приложены краткіе указатели: личный, географическій и предметный.

«Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ екатеринославской и харьковской губ. И. И. Манжурою», оставлены авторомъ безъ всякаго объясненія; потому о системѣ расположенія ихъ можно судить, просмотрѣвъ самыя сказки. Онѣ рисуютъ характерныя особенности животныхъ, богатырей, вообще людей (собственно малоросса-селянина) и въ частности солдатъ, цыганъ, евреевъ, нѣмцевъ, великороссовъ, чорта, вѣдьмы, опять животныхъ, растеній и явленій природы.

Затѣмъ собраны заговоры противъ болѣзней, молитвы по поводу разныхъ случаевъ, медицинскіе совѣты, даже выписки изъ старой рукописи, но какой собиратель не сообщаетъ; далѣе примѣты, повѣрья, обычаи народа, приказки, присловья, загадки и слова екатеринославской губ. Все это вмѣстѣ составляетъ цѣнный матеріалъ для изученія народнаго міросозерцанія.

И. Каманинъ.

П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ картами въ текстѣ. Курсъ систематическій. С.-Петербургъ. 1890 г.

Всякій, конечно, согласится съ тѣмъ, какъ трудно написать хорошій учебникъ по какому-бы то ни было предмету. Особенно это относится къ учебнику исторіи вообще и русской въ частности. Выборъ матеріала, его группировка, способъ изложенія—все это должно быть подчинено одной образовательно-педагогической цѣли. Задача трудная. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что изъ массы существующихъ учебниковъ по исторіи бо́льшая часть далеко неудовлетворительна. О важности хорошаго учебника для дѣла преподаванія предмета нечего и говорить. Понятно, съ какимъ вниманіемъ встрѣчаетъ преподаватель появленіе въ свѣтъ всякаго новаго учебника. И въ настоящее время, безспорно, существуютъ уже довольно хорошія руководства по исторіи, но это обстоятельство, конечно, не должно уничтожать у людей, посвятившихъ себя преподавательской дѣятельности, стремленія къ усовершенствованію учебниковъ по мѣрѣ того,

какъ совершенствуются самые пріемы преподаванія и всякая попытка составить новый учебникъ должна быть радушно привѣтствуема. Вышеуказанный учебникъ по русской исторіи принадлежитъ перу извѣстнаго автора «Исторіи русской литературы», и одно уже это обстоятельство заставляетъ отнестись къ нему съ большимъ вниманіемъ. Г. Полевой поставилъ себѣ ту цѣль, которую долженъ поставить всякій, приступающій къ составленію учебника, если онъ дѣйствительно желаетъ принести пользу дѣлу преподаванія того или иного предмета. «Мы задались, говоритъ г. Полевой, одною главною цѣлью по возможности облегчить ученику изученіе предмета и притомъ такъ упростить изложеніе его, чтобы фактическая сторона русской исторіи легко сохранялась въ памяти ученика въ опредѣленной связи и послѣдовательности». Достигнуть этой цѣли авторъ надѣется подборомъ фактовъ, исключеніемъ всего несущественнаго и установленіемъ связи между событіями. Для лучшаго усвоенія этой связи г. Полевой основываетъ изученіе фактовъ на изученіи географіи и родословныхъ таблицъ. Самое изложеніе должно быть упрощено, и всѣ иностранныя слова должны быть исключены изъ употребленія. Никто, конечно, не будетъ спорить, ни противъ цѣлей, поставленныхъ себѣ составителемъ учебника, ни противъ средствъ, которыми онъ думаетъ ихъ достигнуть. Между прочимъ только скажемъ, что употребленіе иностранныхъ словъ не имѣетъ еще важнаго значенія. Учебникъ назначается для учениковъ такого возраста, когда главнѣйшіе научные спеціальные термины, взятые изъ иностранныхъ языковъ, уже понятны имъ, а между тѣмъ толковое употребленіе научныхъ терминовъ придаетъ извѣстную серьезность учебнику, что также не должно упускать изъ виду. Говоримъ,—это не важно. Сама же по себѣ простота изложенія вещь весьма важная, и съ этой стороны г. Полевымъ сдѣлано все возможное. Мы даже склонны упрекнуть его въ излишней иногда простотѣ изложенія въ ущербъ его серьезности. Къ числу недостатковъ придется также отнести стереотипность нѣкоторыхъ выраженій, повторяющихся при характеристикахъ историческихъ лицъ и событій. Эта излишняя простота изложенія въ соединеніи съ такою стереотипностью выраженій производитъ то, что содержаніе иныхъ страницъ учебника не оставляетъ у читающаго никакого впечатлѣнія и плохо усваивается. Нельзя также не сказать, что составитель, имѣя въ виду удалить изъ своего учебника все несущественное, погрѣшаетъ иногда и противъ существеннаго. Вслѣдствіе этого нѣкоторые отдѣлы скомканы, черезъ чуръ сокращены. Какъ

примѣръ можно указать на исторію Владиміра св., люблинской и церковной уніи,—переданныхъ, по нашему мнѣнію, далеко не съ достаточной полнотой и ясностью. Мы увѣренно говоримъ, что учащійся вынесетъ весьма смутное представленіе объ этихъ важныхъ событіяхъ изъ разсказа о нихъ г. Полеваго. Но, повторяемъ, въ общемъ изложеніе отличается легкостью, простотою и даже изяществомъ.

Нельзя не принести составителю учебника благодарности за обиліе историческихъ картъ, помѣщенныхъ въ самомъ текстѣ. Прикрѣпленіе фактовъ къ данной мѣстности не только способствуетъ уясненію ихъ взаимной связи и причинной зависимости, но и уничтожаетъ тотъ огромный недостатокъ, который такъ часто замѣчается у учениковъ при усвоеніи ими изучаемыхъ фактовъ. Мы говоримъ о прикрѣпленіи факта къ мѣсту учебника. Изученіе исторической карты уничтожаетъ это печальное явленіе. Нельзя не согласиться съ г. Полевымъ, что помѣщеніе историческихъ картъ среди текста полезнѣе, чѣмъ отдѣльно, гдѣ-то въ концѣ книги. Эти карты среди текста и ихъ обиліе даютъ учебнику г. Полеваго преимущество предъ другими. Правда, въ картахъ существуютъ нѣкоторыя невѣрности, неточности, но онѣ могутъ быть легко исправлены и не имѣютъ особенно важнаго значенія. Нельзя однако также отнестись къ хронологіи и родословнымъ таблицамъ, находящимся въ учебникѣ г. Полеваго. Но тутъ мы переходимъ къ самому главному, къ разбору содержанія учебника.

Въ одномъ изъ богоспасаемыхъ городковъ земли русской былъ, а, можетъ быть, и теперь существуетъ, преподаватель исторіи, который свое изложеніе до сихъ поръ основываетъ на Карамзинѣ. Очевидно, если бы ему вздумалось написать учебникъ русской исторіи, то онъ не мудрствуя лукаво, сократилъ бы «Исторію государства россійскаго». Является вопросъ: насколько его учебникъ былъ бы удовлетворителенъ? Мы думаемъ, что удовлетворительнымъ онъ не былъ бы. Какъ для здороваго питанія тѣла необходима пища свѣжая, такъ и для питанія ума пища не должна быть залежалой. Отсюда вытекаетъ требованіе, чтобы учебникъ, по передачѣ фактовъ и ихъ освѣщенію, стоялъ въ уровень съ современной исторической наукой. Это главное и основное требованіе, которое мы имѣемъ право предъявить составителю учебника. Приходится, къ сожалѣнію, сказать, что отъ учебника г. Полеваго въ этомъ отношеніи приходится пожелать довольно многаго. Мы не будемъ перечислять всѣхъ погрѣшностей автора противъ хронологіи и исторіи. Укажемъ на тѣ изъ нихъ, которыя особенно бросаются въ глаза. Какимъ образомъ составитель

учебника датируетъ правленіе Витовта 1392—1415 годами, когда Витовтъ умеръ въ 1430 году? Зачѣмъ до сихъ поръ вносится въ учебникъ фиктивный фактъ завоеванія Гедиминомъ Кіева въ 1321 году, когда эта историческая неправда опровергнута уже въ 1877 г. В. В. Антоновичемъ въ его трудѣ «Очеркъ исторіи в. к. литовскаго?» Отчего авторъ не обратилъ вниманія на труды Европеуса, Анучина, Винклера и др. въ области этнографіи и антропологіи и продолжаетъ называть племена весь и мерю финскими, ничего не говоря о племенахъ угрскихъ? Соловьевское объясненіе удѣльныхъ усобицъ лишь одними родовыми счетами въ настоящее время, послѣ появленія цѣлаго ряда трудовъ по исторіи отдѣльныхъ областей русской земли, является уже абсолютно невозможнымъ, а между тѣмъ авторъ именно показываетъ слабое знакомство съ этими работами. Мы не въ правѣ требовать отъ составителя учебника знакомства съ русскими лѣтописями или польскими хрониками, но если бы г. Полевой познакомился (а это для него было обязательно) съ трудомъ г. Андріяшева «Очеркъ исторіи волынской земли», вышедшимъ въ Кіевѣ въ 1887 году, то онъ, навѣрное, не написалъ бы своемъ учебникѣ, что Романъ Галицкій погибъ во время борьбы съ Литвою, а узналъ бы, что это случилось во время войны съ Польшей, въ стычкѣ при Завихвостѣ. Интересно также знать, откуда составитель взялъ, что Шварнъ Даниловичъ былъ женатъ на дочери Войшелга, монаха, а не Мендовга? Тутъ кстати будетъ сказать и о родословныхъ таблицахъ, которыми г. Полевой снабдилъ свой учебникъ. Сами по себѣ такія таблицы, конечно, весьма полезны, но составленныя г. Полевымъ не выдерживаютъ критики: въ бóльшей части изъ нихъ старшинство князей перепутано, но этого мало. Въ таблицѣ «Родословіе князей литовскихъ» мы находимъ этихъ князей въ такомъ порядкѣ: Мендовгъ-Войшелгъ-Гедиминъ. Да развѣ Гедиминъ былъ сынъ Войшелга?! Вѣдь это совсѣмъ можетъ сбить съ толку учащагося.

Вообще у автора странное отношеніе къ новымъ трудамъ по русской исторіи. Отъ этого получаются слабыя, неточныя и невѣрныя характеристики дѣйствующихъ лицъ и событій, повторяются старыя, отжившія свой вѣкъ мнѣнія. Пора бы, напримѣръ, бросить отождествленіе личности Лжедмитрія I съ Гришкой Отрепьевымъ. Что Лжедмитрій I—самозванецъ,—это вѣрно, но что онъ не есть Гришка Отрепьевъ,—это тоже вѣрно. Въ заключеніе не можемъ обойти молчаніемъ еще одинъ странный фактъ. На основаніи какихъ данныхъ г. Полевой утверждаетъ, будто городъ Василевъ, изъ котораго про-

исходили родители св. Θеодосія, былъ въ нынѣшней курской губерніи? Очевидно, тутъ г. Полеваго ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что родители св. Θеодосія происходили изъ г. Васильева, кіевской области, а потомъ переселились на житье въ Курскъ, откуда и пришелъ въ Кіевъ св. Θеодосій. Можемъ увѣрить автора, что г. Васильева ни въ древности въ курской области не имѣлось, ни теперь въ курской губерніи нѣтъ.

Хотѣлось бы намъ задать автору разбираемаго учебника еще нѣсколько вопросовъ, и о смердахъ, и о Русской Правдѣ, и о бояринѣ Шеинѣ, героѣ Смоленска, и о патріархѣ Филаретѣ, этомъ «адамантѣ твердомъ» и т. д., но нашъ отчетъ и такъ уже очень растянулся. Мы полагаемъ въ концѣ концовъ, что переработка учебника г. Полеваго весьма желательна. **П. Г.**

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII вв. изданіе Андрея и Александра Савицкихъ. Кіевъ 1890 г.

Этотъ сборникъ актовъ, изданный подъ редакціей А. М. Лазаревскаго, представляетъ въ главной своей части дополненіе къ изданному подъ редакціей А. М. Лазаревскаго же въ 1884 г. Сулимовскому Архиву. Гг. Савицкіе, свойственники Сулимъ, владѣютъ нынѣ нѣкоторыми изъ прежнихъ сулимовскихъ имѣній, въ одномъ изъ которыхъ—м. Мотыжинѣ, кіевскаго уѣзда, и сохранились изданныя бумаги, чѣмъ и объясняется данное сборнику названіе. Впрочемъ, ни сулимовскій, ни мотыжинскій архивы не исчерпываютъ всѣхъ сохранившихся бумагъ, относящихся къ роду Сулимъ; намъ извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторыя находятся у А. В. Стороженка, владѣльца хутора Кучакова (переяславскаго уѣзда), тоже нѣкогда принадлежавшаго Сулимамъ.

Въ составъ Мотыжинскаго Архива вошло 93 №№ актовъ, которые раздѣлены (кѣмъ?) на 2 группы: а) семейныя бумаги Сулимъ (№№ 1—61) и б) будто бы постороннія бумаги (№№ 62—93). Не видимъ основаній для такого дѣленія: во первыхъ, въ такъ наз. постороннихъ бумагахъ есть акты, вполнѣ относящіеся къ роду Сулимъ (№№ 88—90, 93); во вторыхъ, въ такихъ изданіяхъ, какъ Мотыжинскій Архивъ, которыми пользуются для занятій главнымъ образомъ люди, къ работѣ по источникамъ привычные, лучше всего держаться хронологическаго порядка документовъ. Мало того, отъ столь

опытнаго редактора, какъ А. М. Лазаревскій, мы могли бы ожидать приложенія къ Мотыжинскому Архиву своднаго хронологическаго перечня актовъ, вошедшихъ въ оба изданные имъ Архива. Впрочемъ, это дѣло еще поправимое, и подобный перечень, куда могли бы быть привнесены указанія и на иные, относящіеся къ роду Сулимъ (а также и Скорупъ) напечатанные документы, можетъ быть напечатанъ и особо.

Нечего и говорить, что документы изданы въ Мотыжинскомъ Архивѣ съ тою аккуратностью, какую мы всегда встрѣчаемъ въ изданіяхъ А. М. Лазаревскаго, и снабжены соотвѣтственными примѣчаніями.

По содержанію большинство документовъ идентично съ таковыми же, существующими вообще у нынѣшнихъ представителей старыхъ малорусскихъ фамилій, частью и напечатанными. Видимъ здѣсь купчія крѣпости на усадьбы и земли (грунты, плацы и пр.), а также и иные договоры, универсалы на земли и млыны, рѣшенія судовъ по спорамъ объ имуществѣ, духовныя завѣщанія и т. п. Не мало бумагъ относится и къ тѣмъ мелочнымъ дрязгамъ, въ которыя были погружены значные люди Малороссіи въ XVIII в.; видимъ раннія попытки къ закрѣпощенію козаковъ; матеріалы для исторіи водворенія въ Малороссіи въ XVIII в. русскихъ помѣщиковъ; но все это довольно обычно. Болѣе рѣдки акты, подобные №№ 61 и 62, которые относятся къ тому времени, когда лѣвобережною Малороссіей владѣла еще Рѣчь Посполитая; особенно въ № 61 есть любопытныя историческія указанія. Кстати сказать, въ силу своей хронологіи этому акту слѣдуетъ быть не подъ 61 номеромъ, а подъ № 1, тѣмъ болѣе, что онъ относится къ сулимовскимъ бумагамъ, къ которымъ причислилъ его самъ редакторъ.

Кромѣ Сулимъ, напечатанные въ Мотыжинскомъ Архивѣ документы могутъ дать не безъинтересныя указанія и для исторіи еще нѣкоторыхъ малорусскихъ родовъ, напр. Максимовичей, Томаръ, Мировичей, Завоекъ, также Кондратьевыхъ (слободско-украинскихъ) и др. Въ одномъ изъ актовъ (№ 93, стр. 220) есть небольшое указаніе, относящееся къ матери гетмана Мазепы; въ другомъ (№ 25) къ епископу Кириллу Шумлянскому; два акта (№№ 43 и 46) интетересны, какъ письма Гр. Н. Теплова и т. д.; есть не мало указаній на разные малорусскіе монастыри, которыя могутъ быть пригодны для ихъ исторіи. Отмѣтимъ и еще любопытный памятникъ (№ 60) стихотворный надгробокъ Анны Акимовны Сулимы, сочиненный въ 1800 г. ея отцемъ въ духѣ тогдашняго сентиментализма.

Попадаются въ Мотыжинскомъ Архивѣ, разумѣется, акты, имѣющіе отношеніе и къ былевой исторіи Малороссіи, собственно ко времени гетманства Самойловича; они указаны въ предисловіи къ Архиву самимъ его редакторомъ, но ихъ немного. Это объясняется самимъ характеромъ дѣятельности Сулимъ въ XVII—XVIII в. Крупные землевладѣльцы Переяславщины, они никогда не играли видной роли въ судьбахъ Малороссіи, а въ XVIII в. хотя и дали Россіи нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, но также не первостепеннаго значенія. Исключеніе составляетъ знаменитый Петрикъ (Петръ Ивановичъ), послѣдній боецъ за независимость Малороссіи, который въ бытность свою въ Крыму называлъ себя Сулимою и, вѣроятно, не былъ самозванцемъ, такъ какъ ложное принятіе имъ на себя этой фамиліи отнюдь не усиливало бы его политическаго значенія, да притомъ всегда могло быть и опровергнуто малороссами, часто въ Крыму бывавшими. Если Петрикъ дѣйствительно былъ изъ рода Сулимъ, то оказывается, что родъ этотъ ярче, чѣмъ полагаютъ вписалъ свое имя въ исторію Малороссіи, но дѣятельность Петрика была такова, что въ интересахъ Сулимъ XVIII в. было какъ можно скорѣе забыть о ней, чтобы и другіе этого не вспоминали.

Къ Мотыжинскому Архиву приложены: родословная Сулимъ, которая была уже приложена къ Сулимовскому Архиву, но теперь исправлена и дополнена на основаніи указаній новыхъ источниковъ, и указатели лицъ и мѣстъ; словомъ изданіе сдѣлано весьма аккуратно. Въ заключеніе намъ остается только указать читателямъ «Кіевской Старины», имѣющимъ фамильные документы XVII—XVIII в., на прекрасный примѣръ гг. Савицкихъ, давшихъ средства на изданіе Мотыжинскаго Архива. Ждать же, чтобы подобные акты были напечатаны въ какомъ либо періодическомъ изданіи, хотя бы и спеціально ученаго характера, можно безконечно долго—и не дождаться.

А. М.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 8; Русская Мысль № 8; Сѣверный Вѣстникъ № 8; Историческій Вѣстникъ № 8; Русская Старина № 8; Przegląd Tygoniowy 1—37.

Вѣстникъ Европы № 8. *В. И. Шенрокъ. Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры.* Окончаніе статьи, начатой въ іюлѣ, излагающей

первые литературные опыты Гоголя и ихъ успѣхъ (стр. 487—520). Въ отдѣлѣ: *Литературное обозрѣніе*—рецензія «Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества, томъ 2-й», гдѣ помѣщено много статей, относящихся къ исторіи и этнографіи юга Россіи (стр. 861—865).

Русская Мысль № 8. Въ отдѣлѣ *библіографическомъ*—краткая рецензія на: «Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи. №№ 7—9. Подъ редакціей правителя дѣлъ Ѳ. Лашкова. Симферополь 1889—90 г.» съ указаніями на раскопки Ящуржинскаго въ Неаполицѣ и Стевека въ Херсонесѣ.

Сѣверный Вѣстникъ № 8 В. Бородаевская. «Сильные волею, больные духомъ» излагаются наблюденія надъ жизнью и вѣрованьями шалапутовъ екатеринославской губ., въ новомосковскомъ уѣздѣ, въ с. Прядивнѣ (стр. 93—117).

Въ отдѣлѣ: «*областной отдѣлъ*»—о сельскохозяйственномъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ февралѣ сего года (стр. 55—56); указаніе на проектъ устройства питомниковъ при сельскихъ школахъ въ екатеринославской губ. (стр. 58) и мѣры нѣкоторыхъ земствъ (кролевецкаго, нѣжинскаго) къ поднятію сельскохозяйственныхъ знаній среди народа (стр 59); изложеніе проекта страхованія харьковскимъ земствомъ недвижимыхъ имуществъ и сельскохозяйственныхъ произведеній (стр. 61—62).

Въ отдѣлѣ— «новыя книги» —краткая рецензія книги: «Невеличкій збирныкъ творивъ Грицька Кернеренка. Харьковъ, 1890 г».

Историческій Вѣстникъ № 8. *Тимченко—Рубана. Изъ воспоминаній о прожитомъ* (окончаніе). Ведется разсказъ о внутренней жизни полтавскаго корпуса при директорахъ Юрьевѣ, Тихоцкомъ и баронѣ Икскуль фонъ-Гильденбандтѣ (стр. 304—333).

Русская Старина № 8. *В. И. Шенрокъ «Н. В. Гоголь. Письма къ нему А. Ѳ. Смирновой»*, гдѣ приведено новыхъ 7 писемъ г-жи Смирновой изъ Калуги. Въ отдѣлѣ: *библіографическій листокъ* (на оберткѣ)—краткое изложеніе содержанія книги: «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ 1889 г., изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова», гдѣ между прочимъ помѣщены изслѣдованія: Барсова—«Слово о полку Игоревѣ» т. III, Карпова—«Въ защиту Хмѣльницкаго» и Кулиша—«Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» т. III.

Przegląd Tygodniowy №№ 1—37. № 7. Извѣстіе о выходѣ слѣдующихъ книгъ:

Ziemie ruskie, Wołyń i Podole—A. Jabłonowskiego.

Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi, T. Sternala.

№ 10. Описанiе выставки картинъ кiевскихъ художниковъ.

№ 11. Извѣстiе о представленномъ въ краковскую академiю изслѣдованiи д-ра Гринцевича «Физическая характеристика украинскаго племени на основанiи 3226 наблюденiй и 1292 непосредственныхъ измѣренiй живыхъ людей».

№ 19. Рецензiя на изслѣдованiе Коперницкаго (12 t. Zbioru wiadomości do antropologii krajowej, wydawanej staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie). Трудъ автора основанъ на 188 точныхъ антропометрическихъ измѣренiяхъ и собранныхъ имъ этнологическихъ данныхъ, касающихся образа жизни и характера жителей Карпатовъ.

№ 23. Некрологъ Оскара Кольберга.

№ 31. Въ статьѣ о новѣйшихъ успѣхахъ антропологiи упоминается объ изслѣдованiяхъ Эмме, (Bullet. de la Soc. de naturalistes de Moscou), который различаетъ среди малороссовъ 3 различныхъ антропологическихъ типа: 1) типъ—длинноголовыхъ брюнетовъ, 2)—короткоголовыхъ брюнетовъ и 3)—короткоголовыхъ блондиновъ.

Въ приложенiи къ «Przeglądu» за августъ помѣщена статья подъ заглавiемъ: «Были ли лѣса въ степяхъ южной Россiи». Авторъ статьи ссылается главнымъ образомъ на докладъ, представленный вольно экономическому обществу профест. Докучаевымъ. Упомянувъ о важности разрѣшенiя этого вопроса какъ для научныхъ, такъ и для чисто практическихъ цѣлей, авторъ перечисляетъ доказательства, приводимыя различными изслѣдователями за и противъ существованiя въ нынѣшнихъ степяхъ большихъ лѣсныхъ пространствъ. Особенно интереснымъ является палеонтологическiй и геологическiй методъ, примѣненный проф. Докучаевымъ. При изслѣдованiи наслоенiй у устьевъ рѣкъ Ворсклы, Сулы и Псела—въ мѣстности, носящей чисто степной характеръ, были найдены рога, принадлежащiе породѣ оленя, живущей исключительно въ большихъ лѣсахъ. Наблюденiя надъ ходами и норами, вырытыми сусликами и др. животными, водящимися исключительно въ степныхъ мѣстностяхъ, показали ихъ отсутствiе на большихъ пространствахъ нынѣшнихъ степей. Наконецъ сравнительныя изслѣдованiя лѣсныхъ и степныхъ почвъ указали на рѣзкiя различiя въ ихъ свойствахъ, происходящiя отъ того, что корни большихъ деревьевъ, растущихъ на данной почвѣ, производятъ столь характерныя измѣненiя въ физической структурѣ ея (образованiе промежуточнаго слоя изъ многогранныхъ зеренъ пепельно-сѣраго цвѣта), что ошибка при опредѣленiи становится невозможной.

При помощи этого метода Докучаевъ напр. нашелъ, что чисто степныя мѣстности по берегамъ Ворсклы въ доисторич. времена были покрыты на большомъ протяженіи лѣсами. Лѣсныя площади простирались мѣстами верстъ на 15—20 въ ширину и 40—50 въ длину. Конечно, точныя опредѣленія границъ прежнихъ лѣсовъ будутъ возможны только тогда, когда увеличится число подобныхъ наблюденій.

Дозволено ценз. Кіевъ, 20 сентября 1890 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXX, 1890 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

Воскресенье. Поѣздъ молодыхъ.

Свашка и свитилки поютъ во время поѣзда:

225 [1]).

Якъ булы мы въ лиску́
Та поймалы лы́ску,
Чубатую, волохатую,
Хорошую щей богатую.

226.

Рыстю, конычэнькы, рыстю,
Веземо корыстю,
Веземо корысточку,
Молодую невисточку.

227.

Ой кони, кони ведмеди,
Чы чуетесь вы на себе,
Чи довезете намъ скрыню?
Ой скрыню, перыну,
Ще й молодую княгиню [2]).

228.

Що матинци та полехшало,
Що въ комори поменьшало,
А свекруси погиршало,
Що въ комори побильшало.

229.

Тоби, маты, не журытыся,
Тоби, маты, веселытыся,
Тоби, маты, печи не топыты,
Тоби, маты, дижи не мисыты,
Тоби, маты, хаты не месты,
Тилькы порядокъ весты.

230.

Леты, леты соловейко до свекорка мого,
Нехай столы тесовыи застилають,
Нехай кубки золотіи наповняють,
Нехай свичи до пивночи не згасають,
Нехай роду одъ свого двору недпускають,
Нехай мене молодую дожыдають.

(Пелагія Куліева).

231.

Засвиты, ненько, раненько,
Щобъ було въ хати выдненько,
Бо прыйиде сывый голубонько,
Та прывезе сызу голубочку.
Вона сыза, сызесенька,
Головонька билесенька,
Вона сыза, сызокрыла,
На лыченьку якъ калына.

(Уляна Выборная).

---

[1]) Съ 225—230 отъ Уляны Выборной.

[2]) Эту и слѣдующую пѣсню поютъ также, когда везуть скрыню, которую отвозитъ визныця въ сопровожденіи свашки и свитилки въ воскресенье нѣсколько раньше молодой.

Воскресенье. Пріѣздъ молодыхъ.

Молодыхъ встрѣчаютъ въ сѣняхъ отецъ и мать и принимаютъ отъ нихъ хлѣбъ, соль, образа и свѣчи. Молодые низко кланяются трижды, потомъ цѣлуются: молодой съ своимъ отцомъ, его жена съ свекровью. Свашки и свитилки поютъ въ это время:

232.

Выйды, матинко, подывысь,
Що тоби буяре прывезлы,
Чи вивцю, чи ярку,
Чи молодую панянку?

233.

Выйды, маты, съ хаты,
Оглядысь дытяты,
Одного рожденого,
Другого суженого.

234.

Прилетила перепилочка
Не вчора, а теперечка.
Не кышкайте, не полохайте,
Нехай вона прывыкае,
Свого роду забувае.

235.

Прыйихала пани
Въ голубимъ жупани.
Побачыте люде,
Що зъ сіи пани буде.

(Всѣ эти 4 пѣсни записаны отъ Уляны Выборной).

Воскресенье. Обрядъ первой ночи.

Послѣ того какъ молодые сядутъ за столъ и подкрѣпятся водкой и легкой закуской, дружко въ послѣдній разъ въ воскресенье обращается къ присутствующимъ въ весильномъ домѣ жениха съ просьбой:

— Старосты, пани старосты! Благословить молодыхъ спать весты.

Выждавъ отвѣтъ: „Богъ благословыть!“ дружко отводитъ молодыхъ за платокъ въ комору, гдѣ на полу, несмотря на время года [1]), приготовлена брачная постель. За молодыми въ комору идетъ свашка и, совершенно обнажая молодую, надѣваетъ на нее рубашку, привезенную отъ ея матери. Молодыхъ оставляютъ однихъ.

---

[1]) Въ лубенскомъ уѣздѣ, по экономическимъ соображеніямъ, три четверти или даже четыре пятыхъ всѣхъ свадебъ бываетъ зимой: работъ нѣтъ, хлѣбъ смолоченъ и въ достаточномъ количествѣ, есть мясо, безъ котораго невозможно справить свадьбу, и наконецъ разныя закуски („квасыво“). Да и наборъ отошелъ.

Спустя нѣкоторое время, въ комору входятъ свашка и дружко. Первая надѣваетъ на молодую новую рубашку, плахту, расплетаетъ косу и надѣваетъ очипокъ, а дружко въ это время беретъ скинутую рубашку и несетъ въ избу для изслѣдованія.

Воскресенье. Торжество молодой.

„Хорошая" молодая ступаетъ правой ногой на порогъ хаты и поетъ:

236 [1]).

Не бійсь, матинко, не бійсь!
Въ червони чоботкы обуйся,
Топчы порогы пидъ ногы,
Щобъ тіи пидкивкы брязчалы,
Щобъ нашы ворогы мовчалы.
(Пѣсня поется трижды).

Пропѣвъ трижды эту пѣсню, молодая входитъ въ хату, становится на колѣни среди хаты и бьетъ поклоны, потомъ идетъ по скамьямъ цѣловать богивъ (образа), а затѣмъ скачетъ [2]) (топче лавы). Ужинать ей одной даетъ сама свекровь, дружко съ женщинами и музыкой идутъ оглашать по селу о качествѣ молодой (по прыданахъ). На прыданахъ поютъ:

237.

Ой пиду я въ лугъ по калыну,
Та выломлю калынову квитку,
Та застромлю за билу намитку,
Щобъ сіи квиткы не подавыты,
Щобъ свого роду не погнивыты,
Блызького й далекого
И батенька ридненького,
Бо у мене мій родъ пышный,
Бо у мене свекорко ризвый,
А свекруха не ридная маты,
Щобъ не выгнала зъ хаты.

238.

Велыкого лугу калына,
Доброго батька дытына,
Увесь лугъ закрасыла,
Увесь ридъ звеселыла,
Блызького й далекого,
И батенька ридненького.

239.

Ты, Марусю, калына, малына,
Намъ на тебе дывытыся мыло,
Ты, Васыльку, повная рожа,
Намъ на тебе дывытыся гоже.

---

[1]) Пѣсни съ 236—240 № записаны отъ Уляны Выборной.

[2]) Робкая молодая не скачетъ, а вмѣсто нея скачетъ дружко.

Воскресенье. Позоръ молодой.

„Нехорошу“ молодую не ведутъ въ комору; вмѣсто того она проситъ свекра и свекровь простить ей ошибки молодости; родители мужа иногда легко извиняютъ ей, иногда насмѣхаются, а гости, празднующіе свадьбу (свадьбяне), принимаютъ рядъ мѣръ напоминающихъ экзекуціи, примѣнявшіяся въ дореформенное время при неуплатѣ податей; въ хатѣ оббиваютъ потолокъ и стѣны, льютъ на полъ воду, насыпаютъ туда золу и въ такихъ лужахъ танцуютъ. Мажутъ хату дегтемъ и сажей, и тутъ же въ домѣ поютъ:

240.

Бодай тебе та морозочку,
Поморозывъ та калыночку,
Та погнивывъ всю родыночку,
Блызькую й далекую
И матинку ридненькую.

Понедѣльникъ. Утро молодой.

Въ понедѣльникъ утромъ молодая, проснувшись, должна принесть воды и дать умыться свекру и свекрови, потомъ завязать имъ по лентѣ (стежки) въ сорочку и одарить платками. Завтракаетъ въ этотъ день молодая коржемъ, пирогами, яичницей, которыя приносятъ ей бывшія подруги—дружки, еще разъ такимъ образомъ напоминающія ей о себѣ. Потомъ въ весильный домъ сходятся родственники мужа и молодая даритъ имъ платки и хустки, а они отдариваютъ деньгами, полотномъ, домашними животными: телками, овцами, поросятами. Послѣ размѣна подарковъ, молодую, если она „хороша“, ведутъ въ церковь, здѣсь священникъ ставитъ ее и мужа на рушныкъ, благословляетъ и покрываетъ платкомъ. Женщины, сопровождавшія молодыхъ, по возвращеніи изъ церкви поютъ:

241 [1]).

Мы булы въ Бога,
Молылыся Богу,

---

[1]) Съ № 241 и до конца всѣ пѣсни записаны отъ Уляны Выборной.

Святій пьятинци,
Марусиной матинци,
Вона йии вродыла,
Хорошого челядына.

(Марія Гриценкова).

Послѣ посѣщенія церкви молодыхъ приводятъ къ рѣкѣ и льютъ по нѣсколько капель воды за воротникъ съ пѣніемъ слѣдующей пѣсни:

242.

Дай Боже добрее лито,
Щобъ уродыло жыто
И на коринь коренистое,
И на стебло стеблыстее,
И на колосъ колосыстее,
И на зерно зернистее.
Наши княззя маліи,
Щобъ навстоячкы жалы.

(Уляна Выборная).

Понедѣльникъ. Перезовъ.

Затѣмъ общество, праздновавшее весилля у жениха, расходится до обѣда въ разныя стороны: молодежь съ музыкантами идетъ къ дружку, отъ него къ пиддружному, потомъ къ старшему бояинру и отъ него домой; старшіе идутъ къ старостамъ, на такъ называемую бéседу, или балъ, гдѣ „балують", т. е. пьютъ водку, поютъ и гуляютъ. Такъ проводятъ утро понедѣльника въ домѣ родителей молодого. Въ хатѣ родителей молодой собираются между тѣмъ ея родственники и ждутъ посла съ шишкой отъ жениха. Шишку приноситъ его младшій братъ, перевязанную красной лентой и гарусомъ, если молодая „хороша", или толстыми нитками (валомъ) въ противномъ случаѣ. Поѣвъ шишки, родъ молодой отправляется также „баловать" къ старостѣ, къ крестному отцу, и ужъ оттуда на обѣдъ къ молодымъ, „въ перезовъ". Молодыци, приближаясь къ хатѣ, поютъ:

243.

Чи не рій то гуде?
Чесная перезва йде.
До чесного дытяты,
Калыноньку ломаты.

244.

Тутъ наша родына
Тутъ намъ заробыла
И пыты, и йисты,
И за столомъ систы.

245.

Ой казалы превражіи люды,
Що зъ Маруси ничего не буде.
Вона гарна, гарнисенька,
Якъ рожа повнисенька.

246.

Знаты, Марусю, знаты,
У которій вона хати,
Чебрыкомъ осыпана [1]),
Калыною утыкана,
И лавки й прылавкы
Зъ червонои китайкы

247.

Была Марусю маты
Калыновымъ дубцемъ зъ хаты,
Вона сёго побоялася,
Въ комирку заховалася,
А съ комирочкы, та въ присинечкы,
А съ присинечокъ въ загорожу,
Та въ червоную рожу.

---

[1]) Вар. Шепшыною осыпана.

Перезовъ останавливается у воротъ, молодой выходитъ имъ на встрѣчу и ведетъ тестя и тещу подъ руки въ хату. Въ это время бояринъ машетъ шестомъ, на которомъ вѣетъ красная запаска или плахта. Въ хатѣ родители молодого угощаютъ сватовъ водкой и закуской, если въ хату сойдутся съ баловъ женщины (такъ наз. побоярныци), то поютъ перезвѣ:

248.

Спасыби тоби, сваточку,
За твою кудряву мяточку.
За твою червону калыну,
За твою чесну дытыну.

Перезва обѣдаетъ, затѣмъ одаряетъ молодыхъ полотномъ, деньгами, животными, молодыци танцуютъ съ большимъ оживленіемъ на дворѣ, и натанцовавшись, возвращаются домой съ пѣніемъ:

249.

У нашого свата
Зъ лозы, зъ вербы хата,
Синечкы зъ березы,
Идемо тверезы.

259.

Якъ пидемо мы до свого батька,
Та заберемъ черепочкы,
Та сядемо коло бочкы,
Будемъ пыты и гуляты
И Марусю спомынаты.

Вторникъ. Молотьба ржи и пропиваніе батька.

Гости, принимавшіе участіе въ свадебномъ празднествѣ, ещ разъ, во вторникъ утромъ, посѣщаютъ тотъ весильный домъ, въ которомъ гуляли. На полу разстилается рядно и посѣтители молотятъ снопъ ржи цѣпами, или сдѣланной изъ улья молотилкой. Смоло-

ченную рожь закупаетъ отецъ молодого, или молодой, смотря по тому, въ какомъ весильномъ домѣ происходитъ это подражаніе молотьбѣ, и вмѣсто платы угощаетъ одной, или двумя квартами водки. Иногда этимъ дѣло не оканчивается, а родителей везутъ еще въ питейный домъ, причемъ свекровь, какъ получившая прибыль въ хозяйствѣ, наряжена въ шолковый платокъ, плахту и намисто, какъ молодая женщина, лошади разубраны красными лентами, а дуга перевита краснымъ поясомъ. Въ питейномъ домѣ выпивается еще нѣсколько квартъ водки. Этимъ обыкновеніемъ, носящимъ названіе „батька пропывать", заканчивается весилье.

СВАДЬБЫ И СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ У МАЛОРОССОВЪ И ВЕЛИКОРОССОВЪ М. ДМИТРОВКИ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО У. (ХЕРСОНСКОЙ ГУБ.).

Собралъ

священникъ **Гавріилъ Сорокинъ**.

Предисловіе.

Образцомъ въ настоящей работѣ для меня послужили „Свадебныя пѣсни въ елисаветградскомъ уѣздѣ“, записанныя Еленою Марковичъ. („*Степъ*“. Херсоньскій беллетристычный сбирныкъ, изд. 1886 г.),

Собирая предлагаемыя ниже пѣсни, я записывалъ тѣ, которыя были или своеобразны и совершенно самостоятельны по содержанію, или представляли варіанты. Тѣ-же, которыя дословно приведены въ трудѣ г-жи Марковичъ, я не буду приводить, а ограничусь только указаніемъ страницы и № въ вышеуказанномъ трудѣ.

Кромѣ пѣсенъ малороссійскихъ, я нашелъ необходимымъ собрать и записать пѣсни, которыя поются на свадьбахъ у великороссовъ. Думаю, что это представитъ интересъ въ виду того обстоятельства, что населеніе м. Дмитровки состоитъ изъ двухъ, почти равныхъ частей: малороссовъ и великороссовъ. Мнѣ кажется, что еще никто не собиралъ свадебныхъ пѣсенъ великороссовъ, живущихъ въ херсонской губ.

Великороссы живутъ въ Дмитровкѣ съ конца прошлаго столѣтія. Вотъ уже сто лѣтъ прошло, а у насъ есть нѣсколько улицъ, на которыхъ живутъ исключительно великороссы и между ними не встрѣтите ни одного семейства малороссовъ, и наоборотъ.

За послѣдніе 3—4 года, новыя мѣста для усадьбъ выходящимъ изъ семейства начали давать безъ различія народности; на такъ называемыхъ „новоселицяхъ“ рядомъ съ малороссомъ селится великороссъ, тогда какъ раньше этого времени ни за что малороссъ не согласился-бы занять мѣсто рядомъ съ великороссомъ и наоборотъ.

Великороссы прежде почти не выходили изъ семьи, и только недавно стали подражать малороссамъ, выдѣляя сыновей. Еще много есть семействъ, въ которыхъ вмѣстѣ живутъ три—четыре брата, имѣющихъ даже внуковъ. Великороссы многое заимствуютъ у малороссовъ и больше всего сохранили свою народность въ свадебныхъ обрядахъ, да и то въ нѣкоторыхъ частностяхъ, даже въ пѣсняхъ, замѣтно малороссійское вліяніе. Вотъ почему я нашелъ необходимымъ сообщить обряды и пѣсни тѣхъ и другихъ. Свадебныя пѣсни великороссовъ сообщаю всѣ, какія только могъ собрать.

О заимствованіяхъ малороссовъ и великороссовъ другъ у друга въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ говорить здѣсь я не буду.

Свящ. **Г. Н. Сорокинъ.**

I. Свадьба у малороссовъ.

Если на семейномъ совѣтѣ отецъ, мать и сынъ порѣшили, что послѣднему нужно жениться, то отецъ приглашаетъ одного или двухъ человѣкъ изъ хорошихъ своихъ пріятелей, людей опытныхъ и толковыхъ, быть старостами. Если у сына нѣтъ раньше на примѣтѣ невѣсты, то совѣтуются со старостами куда идти и, намѣтивъ невѣсту, которая по общему сужденію окажется подходящей, отецъ и мать приглашаютъ еще двухъ человѣкъ сосѣдей, снимаютъ икону и благословляютъ сына. Затѣмъ отецъ подноситъ по рюмкѣ водки присутствующимъ, а мать идетъ къ сосѣдямъ и занимаетъ ржаной хлѣбъ, съ которымъ отправляетъ старостовъ съ женихомъ. Хлѣбъ долженъ быть занятъ, такъ какъ существуетъ повѣрье, что съ чужимъ—занятымъ хлѣбомъ, скорѣй можно высватать, а со своимъ навѣрное откажутъ. Въ домъ невѣсты входятъ только старосты, а женихъ остается подъ окномъ.

Поздоровавшись съ хозяевами, старосты говорятъ, что они охотники и увидѣли, какъ во дворъ невѣсты забѣжала лисица, а потому просятъ позволенія поискать.

Отецъ невѣсты, сообразивши въ чемъ дѣло, отвѣчаетъ: „если у васъ хортъ хорошъ, то онъ самъ найдетъ!“

Потомъ отецъ невѣсты спрашиваетъ: отъ кого они присланы, изъ какого роду женихъ, не родственники-ли они ему? Если нѣтъ, то разспрашиваетъ много, если-же окажутся родственниками—то мало. Старосты́ просятъ дать отвѣтъ; отецъ никогда положительно не отвѣчаетъ, а зоветъ дочь, которая, замѣтивши, что пришли старосты, старается раньше, пока отецъ разговариваетъ съ ними, сказать матери, согласна она или нѣтъ, потомъ приходитъ, становится возлѣ печи и обязательно „*колупаетъ коминъ*“, на предложеніе старостовъ она отвѣчаетъ уклончиво, ссылаясь на отца, который иногда проситъ день—два сроку подумать. Въ такихъ случаяхъ женихъ и не входитъ, а старосты оставляютъ хлѣбъ и уходятъ; но, обыкновенно, послѣ уклончиваго отвѣта невѣсты, отецъ говоритъ старостамъ, чтобы они пригласили жениха въ хату, посмотрѣть каковъ онъ изъ себя. Женихъ входитъ, кланяется всѣмъ, невѣста отходитъ отъ печи и выказываетъ намѣреніе выйти изъ хаты, и если на поклонъ жениха подастъ ему руку, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что она согласна, а если только поклонится и выйдетъ изъ хаты, то это означаетъ положительный отказъ.—При согласіи, отецъ и мать снимаютъ тотчасъ икону и благословляютъ жениха и невѣсту, которые становятся рядомъ и бьютъ три поклона предъ иконой и цѣлуютъ её, потомъ цѣлуютъ отца и мать въ губы и руки, наконецъ, цѣлуютъ хлѣбъ, который принесли старосты. Мать съ невѣстой достаютъ изъ *скрыни* рушники или платки, невѣста кладетъ ихъ на деревянную тарелку и прежде всего перевязываетъ жениху руку. Женихъ бросаетъ на тарелку не менѣе 30 коп., иногда рубль, смотря по достоинству подарка, хотя старается дать больше, чѣмъ стоитъ подарокъ; если онъ положитъ меньше стоимости, невѣста можетъ принять за насмѣшку и могутъ выйти непріятности; потомъ невѣста перевязываетъ старостовъ чрезъ плечо, они тоже

бросаютъ деньги: 2—3 коп., рѣдко 5—10, хотя-бы рушникъ стоилъ больше рубля.

Невѣста съ женихомъ идетъ тогда-же къ своимъ ближайшимъ родственникамъ, приглашаетъ ихъ на заручины, равно какъ и самыхъ близкихъ сосѣдей. Пока родственники и сосѣди сойдутся, женихъ съ невѣстой идутъ за водкой, которую покупаетъ женихъ, не менѣе кварты или 1/4 ведра.

Прежде чѣмъ пить водку, благословляютъ опять жениха и невѣсту иконою въ присутствіи собравшихся, съ которыми они цѣлуются; собравшіеся садятся за столъ, а женихъ съ невѣстой выходятъ во дворъ, или на огородъ, гдѣ разговариваютъ, при этомъ невѣста беретъ въ *пазуху насиння* и угощаетъ жениха. По окончаніи пирушки, старосты, оставаясь перевязанными, идутъ съ женихомъ къ его отцу. Идутъ по улицѣ медленно, чтобы обращали на нихъ больше вниманія, гордясь удачей.

На слѣдующее утро отецъ жениха приглашаетъ отца и мать невѣсты, которые берутъ хлѣбъ и вмѣстѣ со своими ближайшими родственниками идутъ на сватовство, или такъ называемыя *розглядыни*. У жениха собираются и его ближайшіе родственники и сосѣди, обѣдаютъ и цѣлый день пьютъ водку (на сватовствѣ выпивается 2—3 ведра водки); условливаются о времени вѣнчанія и свадьбы, затѣмъ отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ къ себѣ и тамъ заканчиваютъ сватовство. Если женихъ изъ другаго селенія, то все-таки къ нему ѣдутъ отецъ и мать невѣсты съ самыми ближайшими родственниками. Предъ днемъ вѣнчанья женихъ ищетъ себѣ боярина, а невѣста дружку. Благословляютъ въ путь къ вѣнцу въ домѣ жениха и въ рѣдкихъ случаяхъ у невѣсты (если послѣдняя изъ другаго селенія). Послѣ вѣнца идутъ обѣдать къ жениху, даже въ тѣхъ случаяхъ, если женихъ изъ другаго села. Обѣдаютъ самымъ скромнымъ образомъ; съ невѣстой, кромѣ дружки, никого не бываетъ съ ея стороны. За обѣдомъ выпиваютъ не болѣе какъ по двѣ—три рюмки. Къ вечеру женихъ провожаетъ невѣсту домой, гдѣ и самъ остается ночевать. Все время отъ вѣнчанія до свадьбы,

которая бываетъ не ранѣе какъ чрезъ двѣ—три недѣли, женихъ ходитъ ночевать къ невѣстѣ.

Дня за три до свадьбы, невѣста приглашаетъ дружекъ и молодыхъ женщинъ печь коровай, шишки, лежни и калачи. Дружки однѣ, безъ молодыхъ женщинъ, не могутъ печь коровай. Когда приготовляютъ коровай и шишки, то поютъ, кромѣ помѣщенныхъ подъ №№ 11, 12 и 13 въ „Степу", стр. 170 и 171, слѣдующую пѣсню:

1.

„Нихто не вгадае,
Що въ нашимъ короваю.
Три мирочки перцю,
А четверта инберцю,
А пята шамраю,
Що въ нашимъ короваю!

Когда посадятъ коровай въ печь, то двѣ молодыя женщины и двѣ дѣвки крестообразно, женщина противъ женщины, дѣвка противъ дѣвки, берутъ дижу и поютъ:

2.

Пичь стоить на сохахъ,
А дижу носять на рукахъ;
Пичь наша, пичь, пече,
Хорошенько коровай спече!
Кучирявый пичь вымита,
А кучирява въ пичь загляда;
Ой де-бъ мини систы
На счастлывимъ мисти?

Когда спекутся коровай и шишки, мать невѣсты даетъ каждой дѣвкѣ и женщинѣ по 6 шишекъ, которыхъ пекутъ не менѣе 200. Въ субботу утромъ сходятся приглашенныя дивчата, сажаютъ невѣсту на кожухъ, старшая дружка расплетаетъ ей косу, а дивчата поютъ [1]: (Степъ, № 14-й).

---

[1]) Николайчикъ. Кіевск. Стар. стр. 379.

Потомъ надѣваютъ цвѣты, берутъ шишки и невѣста идетъ съ дружками обѣдать къ жениху; послѣ обѣда, выходя изъ дома поютъ:

3.

Якъ булы мы у пана,
Була намъ добра шâна;
Пилы мы горилку
За Наталку дивку.
Зозуле, зозуленько,
Чего встаешь раненько?
Чого плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не куваты?
Одного зозуля мала,
Тай того утеряла!
Ты, Наталчина ненька,
Чего встаешь раненько?
Чего плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не плакаты?
Одну дочечку мала,
Та-й ту утеряла:
Изъ поля робитныцю,
Отъ печи топилныцю,
Отъ коровъ коривныцю,
Отъ коморы клюшныцю,
Отъ серця розлучныцю!

Тогда идутъ по селу приглашать на свадьбу; поютъ, кромѣ №№: 16, 17, 18, 19 и 25 (Степъ), слѣдующія:

4.

Нейдить дружечки тыхо,
Крешить пидкивкамы,
Якъ небо зиркамы.
Ой загулы голубоньки,
У садъ литючи;
А за ными Наталка,
У слидъ плачучи.
Ой верницця, голубоньки,
Я вамъ щось скажу,
Вернить мое дивованя,
Я вамъ заплачу.
Не вернемось, не вернемось,
Бо знаемъ чого,
Булобъ тоби шануваты
Батенька свого;
Булобъ тоби нейты замижъ,
Тай ще погулять,
Булобъ тоби здоровячко
Пошанувать!
Чи далеко, голубоньки,
Залетыте,
Чи далеко дивовання
Тай занесете?
Полетымо мы, Наталко,
Въ чисте поле,
Занесемо мы дивовання
Въ сыне море.
Полетымо мы, Наталко,
У чужій край,
Та вкинемо дивовання
У тыхый Дунай!
Полетить, голубоньки,
У мій садочокъ,

Та знимить изъ яблони
Мій цвиточокъ;
Та понесить неньци
У кимнату,
Та повисьте цвиточекъ
Надъ кроватью!
Устане моя ненька,
Тай буде узнавать,
Тай буде мій цвиточокъ
Слизьмы облывать!

5.

Ой на шо ты, Наталко, уповала
Що ты соби Ивана сподобала:
Чи на ёго два коныки вороные
Чи на ёго два жупаны голубые!
А е въ ёго два коныки,
Тай то не ёго;
А е въ ёго два жупаны,
Та брата ёго,
А е въ ёго три перстени,
То сестрици ёго!
А въ ёго молодого,
Нема ничого.
Биле лычко, чорны бровы
То тильки ёго!
Два коныки вороные
Пидыбьюцця,
Два жупаны голубые
Подерућця,
Лита твои молодые
Не вернуцця!

6.

Ой зацвили полуцвиты
По крутій гори,
Усю гору камьяную
Устылылы!
Тильки одну дориженьку
Пропустылы.
Туды йшла Наталка
Зъ дружечкамы,
А за нею Иванко
Зъ буярамы.
Пидожды ты, Наталко,
Не чія—моя!
Вона стала—отгадала:
Ще я не твоя!
Ще я въ свого батька—паняночка,
А ты у свого—панъ,
Шукай соби паняночки
Такои, якъ самъ!
Й выходывъ—й выиздывъ
Села города,
Та не найшовъ паняночки,
Якъ ты молода!
Й выходывъ й выиздывъ
Увесь билый свитъ,
Та не найшовъ паняночки,
Якъ ты, рожевый цвитъ!

Возвращаясь домой съ обходу, поютъ:

7.

Росты верба вгору,
Мы идемо до дому,

До своеи неньки,
Де столы повненьки! [1])

Вечеромъ невѣста возвращается домой, дружка обращается къ дружку́, который находится тутъ, до прихода невѣсты:

„Старосто, па̀не старосто!
Благословить молоду за стилъ завесты“.

Даётъ *„хустку“* въ руки невѣсты и ведетъ; а дивчата поютъ: № 32 [2]) (Степъ) но полнѣе:

8.

А той посадъ
Пысарь пысавъ
Й малярь змалювавъ:
Темнои ничи
Коло свичи,
Яснаго сонця
Коло виконьця! [3])

Затѣмъ благословляются *„гильце выть“*, которое украшаютъ конфектами, пряниками, орѣхами и проч., при этомъ дивчата поютъ „Степъ“ №№ 34, 35, 36 и 34 и еще:

9.

Ой де-жъ ты, сосно, изросла,
Тыхымъ Дунаемъ приплыла.
Наталка на столи зацвила.

---

[1]) Потомъ какъ и въ Стенъ, № 28.
Не гнивайся, моя ненько, на мене,
Що я веду усю челядь до себе!
Я-жъ тебе, дочко, не лаю,
Я-жъ твою усю челядь прыймаю.
И еще № 30 Степъ стр. 178.

[2]) Иде Палажка на посадъ,
Зострічавъ іи Господь самъ,
И зъ долею зъ щастлывою,
И зъ доброю годыною.

[3]) Ср. Чубинскій, № 239.

И. Зозули, Н. Θ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Θ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. I. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Θ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Θ. Н., Проф. Н. Θ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Θ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXXI. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

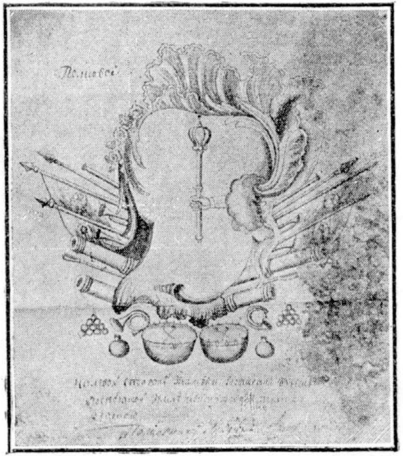
ТОМЪ XXXI.

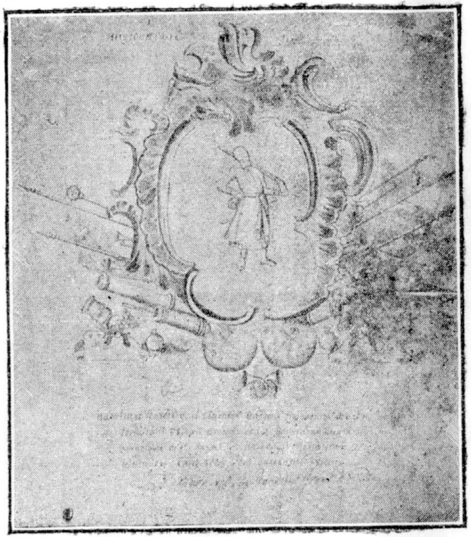
1890 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го октября 1890 г.

Козацкія знамена 1758—62 гг.





Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія.[1]

Перейдемъ теперь къ изображенію жизни сложившейся уже семьи. Но прежде чѣмъ я это сдѣлаю, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ объ источникѣ, къ которому я буду довольно часто обращаться въ этой части моего письма. Это—рѣшенія волостнаго суда.

Здѣсь, конечно, не мѣсто для исчерпывающаго трактата о данномъ предметѣ, но въ виду распространенныхъ о немъ односторонних мнѣній нельзя обратиться къ пользованію даннымъ источникомъ, не сказавъ о немъ нѣсколькихъ словъ.

Текущія мнѣнія о волостномъ судѣ, слишкомъ распространенныя въ публикѣ, сводятся къ тому, что рѣшенія волостныхъ судовъ лишены: 1) безпристрастной объективности, 2) устойчивости общихъ принциповъ, руководящихъ ими. Не отрицая возможности вліяній, колеблющихъ иногда объективность волостнаго суда въ нѣкоторыхъ случаяхъ, путемъ-ли писарскихъ вліяній или коррупціи тѣхъ или иныхъ членовъ суда, всякій, знающій нѣсколько ближе сельскую жизнь и рѣшенія волостныхъ судовъ, признаетъ, что эти случаи далеко не правило. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то,—и здѣсь мы приближаемся ко второму упреку, направленному противъ волостныхъ судовъ, что при сколько нибудь внимательномъ изученіи ряда рѣшеній волостныхъ судовъ, мы легко можемъ установить общіе, руководящіе ими принципы, и достаточно нѣкоторой внимательности и опытности для того, что бы по самому содержанію рѣшенія

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1890 г. № 9.

замѣтить случаи, которые можно заподозрить въ уклоненіи отъ объективности.

Правда, что установленію общихъ принциповъ, руководящихъ рѣшеніями волостныхъ судовъ, значительно мѣшаютъ шаблонныя привычки буржуазнаго мышленія. Разъ только жизненныя отношенія строятся на принципахъ нѣсколько иныхъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли на основаніи существующихъ юридическихъ нормъ, разъ только замѣчается въ нихъ нѣкоторое движенье,—наша такъ называемая интеллигенція видитъ только хаосъ. Но недостатки зрительнаго аппарата не доказываютъ недостатковъ обозрѣваемаго предмета. Дѣло въ томъ, что при разсмотрѣніи вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію волостнаго суда, онъ часто вводитъ принципы, непримѣняемые въ другихъ судахъ (напр., уничтоженіе договора въ виду его очевидной обременительности для одной изъ сторонъ, принципъ труда при опредѣленіи имущественныхъ правъ членовъ семьи и т. д.), далѣе, что относительная сила принциповъ, руководящихъ имъ, часто не приведена въ точную формулу. Отсюда видимыя колебанія, указывающія на поискиваніе этой формулы, а не на отсутствіе общихъ руководящихъ принциповъ. Неполное тридцатилѣтіе самостоятельныхъ судовъ крестьянскихъ и непригодность для крестьянской жизни юридическихъ нормъ, выработанныхъ внѣ ея, достаточно объясняютъ данную стадію правоваго міровоззрѣнія волостнаго суда. Выражая этимъ надежду на отысканіе имъ современемъ болѣе точныхъ формулъ соотношенія принциповъ, руководящихъ имъ, я, конечно, далекъ отъ пожеланія ему замкнуться въ неподвижныхъ формулахъ, неспособныхъ приспособляться къ измѣняющимся во времени условіямъ общественной жизни.

Я надѣюсь, что высказанныя здѣсь мною мысли найдутъ оправданіе въ фактахъ, сообщаемыхъ мною въ дальнѣйшемъ теченіи этого письма—здѣсь я только долженъ указать на то, что обобщенія, дѣлаемыя мною тамъ, нужно разумѣть очень ограниченно въ соотвѣтствіи со скромностію матеріала, изученнаго мною. Я пользовался рѣшеніями романовскаго, жидовецкаго и новоселицкаго волостныхъ судовъ съ 1861 до 1880 г. и рѣшеніями замѣнившаго ихъ почти вполнѣ романовскаго вол. суда

послѣ сліянія волостей съ 1881 до 1886 г., да кромѣ того, нѣкоторыми цѣнными указаніями, которыми я обязанъ любезности П. М. Дашкевича изучающаго данный предметъ въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ.

Теперь я постараюсь связать прерванную нить моихъ замѣтокъ, дополняя личныя наблюденія рѣшеніями волостныхъ судовъ, и обратно.

Начнемъ съ супружеской жизни. Объ этомъ предметѣ, какъ и о весьма многихъ другихъ, касающихся народной жизни, среди такъ называемой интеллигенціи распространены самыя неточныя понятія. Обостренная ссора, доходящая до ушей интеллигента или интеллигентки во время ихъ досужихъ променадъ, представляется имъ типомъ супружеской жизни крестьянства. Это понятно, такъ какъ такіе обостренные моменты выдаются наружу, а спокойная семейная жизнь съ девизомъ „зъ кимъ жыть, того не гнивыть" течетъ тихо въ хатѣ и на полѣ среди заботъ трудовой жизни. Здѣсь встрѣчаются иногда тихія, хроническія самопожертвованія, которымъ цѣну знаетъ только тотъ, кто призадумался надъ трудными хозяйственными условіями этой жизни. Въ моемъ селѣ я знаю двѣ семьи, въ которыхъ неизлѣчимая болѣзнь жены лежитъ много уже лѣтъ тяжелымъ бременемъ на ихъ хозяйственной жизни. Одна изъ этихъ женъ покрыта гніющими ранами, другая—слѣпа. Я знаю, какъ тихо, безъ всякаго ропота, и не подчеркивая даже для себя своего поведенія, мужья этихъ женъ затрачивали все возможное по ихъ средствамъ на лѣченіе, пока была какая нибудь надежда на благопріятный исходъ его, какъ спокойно въ добавокъ къ своему мужскому хозяйскому дѣлу взяли они на себя заботы *коло печи*, домашняго хозяйства и дѣтей, а это, конечно, не равнозначуще съ окруженіемъ больной наемными гардмалядами и дѣтей боннами. Это, конечно, исключительныя условія, но простота и спокойствіе, съ которыми подчиняются имъ заинтересованные, указываетъ на общія свойства почвы, взростившей ихъ. Изліянія на нѣжныя темы передъ посторонними въ крестьянской средѣ очень рѣдки; развѣ подвыпившій мужъ, перефразируя пѣсню о чужой милой, вставитъ „а моя мыла краща, а моя

мыла лучша"; развѣ въ моментъ возбужденія, жена отвѣтитъ на ваше замѣчаніе о томъ, что вы любите ея мужа, такимъ простымъ и искреннимъ словомъ: „и я його люблю", котораго вы никогда не забудете. Но подобныя наружныя проявленія супружеской нѣжности рѣдки, она скрывается больше подъ покровомъ полу-ироническихъ обращеній. „Моя дивчына" называетъ охотно одинъ мой знакомый 50-лѣтнюю свою жену; „мій чорнявый" называетъ знакомая мнѣ женщина полупосѣдѣвшаго своего рыжаго мужа; „мій старый" и „моя стара", говорятъ о себѣ охотно молодые супруги. Я знаю одну старуху, недавно овдовѣвшую. При жизни старика не то, чтобы у нихъ не случались отъ времени до времени ссоры; послѣ смерти его старуха не прочь была пошутить на тему о томъ, что теперь ей можно *погулять*, такъ какъ у нея нѣтъ „воркуна дома", попричислить себя въ шутливомъ тонѣ къ „дивчатамъ". Въ такомъ именно тонѣ велись разговоры съ *невистками* и дочерью, собравшимися по случаю рождественскаго праздника. Ихъ мужья бесѣдовали пока за чаркою. Бесѣда шла довольно живо; „родычи и прыятели" прибывали въ домъ; пришли и *хлопцы* съ *колядкою*—всё какъ бывало въ прежніе годы. Осмотрѣвшись, я удивился тому, что старуха такъ пристально всматривается въ окно. Къ ней ктото обратился съ вопросомъ, она отвѣчала, не измѣняя своего положенія. Дѣло въ томъ, что, охотно выдвигая наружу шутливыя рѣчи, она не хотѣла обнаружить потоковъ слезъ, которыми она обливалась въ настоящій моментъ. Въ молодыхъ супружествахъ сердечная связь ихъ дѣлается замѣтною для посторонняго наблюдателя въ то время, когда условія общей семейной жизни съ родителями и остальными членами семьи поставятъ въ соприкосновеніе съ ними спросъ жены на самостоятельную жизнь. Я помню—между прочимъ—разговоръ двухъ братьевъ. Неженатый упрекалъ женатаго въ недостаточной покорности родительской волѣ, распространяясь довольно широко на тему 5-ой заповѣди.—„Добре—оженышся, то тоди я послухаю, що ты будешъ казаты". И дѣйствительно, послѣ женитьбы младшій сталъ на туже оппозиціонную точку зрѣнія. Оттуда всеобщее стремленіе женившихся—выдѣлиться,

чтобы „одступыться одъ гриха". Случается иногда, что коллективное вліяніе семьи вооружитъ временно молодаго мужа противъ жены, но въ концѣ концовъ жена беретъ верхъ. Я знаю довольно много такихъ случаевъ, помню, между прочимъ, долго длившіяся несогласія между знакомыми мнѣ молодыми мужемъ и женой. Жена долго оплакивала вліяніе мужниной семьи на мужа, но мало-по-малу дѣло приняло иной оборотъ. Сынъ отдѣлился; я былъ приглашенъ на *вхидщыны* въ новую хату. Молодыця была неузнаваема; какимъ то свѣжимъ весельемъ дышала ихъ супружеская жизнь, „у хати якъ у виночку" просто, чисто, изящно, они самостоятельные хозяева, и потекла ихъ жизнь съ того времени тихо, согласно. Разногласія, вызываемыя въ домашнемъ быту спорами молодыхъ мужей съ родителями и другими членами семьи изъ-за женъ, оканчиваются обыкновенно домашнимъ образомъ: выдѣломъ женатаго сына, надѣленіемъ его частью земли, помощью въ постройкѣ хаты и др. хозяйственныхъ строеній. Иногда, однако, споры эти при бо́льшей неуступчивости сторонъ доходятъ до волостнаго суда. Въ романовскомъ волостномъ судѣ или въ судахъ, вошедшихъ въ настоящее время въ районъ этого суда, между 1873 и 1886 г. мною замѣчено 7 судебныхъ разбирательствъ такого рода споровъ, не считая дѣлъ, возбуждаемыхъ самими невѣстками съ свекрами или свекрухами, безъ прямаго указанія на участіе ихъ мужей въ этихъ спорахъ. Судебныя рѣшенія по этимъ дѣламъ указываютъ на то, что въ случаѣ хроническихъ, такъ сказать, причинъ недоразумѣній—общественная совѣсть не требуетъ пожертвованія интересовъ болѣе молодого поколѣнія произволу старшаго и считаетъ личную и хозяйственную эмансипацію молодого поколѣнія нормальнымъ исходомъ изъ данныхъ затрудненій. Такъ напр., въ 1873 г. въ жидовецкомъ волостномъ судѣ невѣстка жаловалась на своего свекра за то, что онъ вытѣсняетъ изъ хаты и отстраняетъ отъ имущества ее и ея мужа. Оказалось, что они работали и приработали въ хозяйствѣ. Отецъ объяснялъ, что онъ устраняетъ сына за дерзость, но утвержденія своего не доказалъ. Судъ рѣшилъ выдѣлить $^{1}/_{3}$ движимаго имущества и $/_{3}$ усадебной и полевой земли въ пользу сына и невѣстки.

Аналогичное рѣшеніе въ томъ-же судѣ въ 1879 г.; въ романовскомъ два въ 1884 г. Въ одномъ изъ этихъ рѣшеній свекоръ, не умѣвшій удержать жены и остальныхъ членовъ семейства отъ нанесенія обидъ невѣсткѣ, оштрафованъ въ 3 руб., причемъ добавлено, что если онъ не умѣетъ держать порядокъ въ семьѣ, то весной долженъ выдѣлить сыну и невѣсткѣ часть земли; въ другомъ, постановляющемъ обязательный выдѣлъ сына, указывается на то, что сынъ и невѣстка „въ теченіе 10 лѣтъ работали своему отцу С. и слѣдовательно, тѣмъ самымъ пріобрѣли право на участіе во владѣніи землей", причемъ на отца возложена обязанность дать сыну хату для отдѣльнаго жительства или 95 руб. на ея постройку.

Волостной судъ, какъ видимъ, руководствуется соображеніемъ, что „найкраща спилка чоловикъ та жинка", и что, предоставленные себѣ, они съумѣютъ устроиться. Пріятельское отношеніе, скрѣпляемое солидарностью хозяйственныхъ интересовъ и общими заботами о дѣтяхъ, составляетъ преобладающую норму крестьянской супружеской жизни, но самая трудность этой жизни со множествомъ заботъ, связанныхъ съ ней, вызываетъ нерѣдко общую раздражительность, нарушающую спокойное теченіе семейной жизни. Наивно формируется это въ одномъ изъ мотивовъ рѣшенія романовскаго волостного суда словами: „такъ какъ въ семьѣ не можетъ быть безъ спора". Эту общую бытовую подкладку споровъ, происходящихъ въ семьѣ, прекрасно уразумѣваютъ сами крестьяне. Въ крѣпостное еще время одинъ крестьянинъ говорилъ мнѣ: „панъ бье мужыка, мужыкъ зъ того сердця жинку, а жинка дитей". Панъ пересталъ бить мужика, но трудныя условія жизни бьютъ его съ разныхъ сторонъ. Одному моему знакомому, разспрашивавшему женщину о томъ, какъ ей живется съ мужемъ, она отвѣтила: „у насъ не те, що у васъ", у насъ хозяйственныя и семейныя заботы вызываютъ раздраженіе, мы часто споримъ, но мы живемъ вообще въ согласіи. Спорятъ и многое прощаютъ другъ другу. Извѣстный польскій писатель Ежъ, охотно черпающій свои сюжеты изъ украинской жизни, въ одной изъ своихъ повѣстей удачно сопоставляетъ раздуваніе до небывалыхъ размѣровъ мелкихъ вещей

въ шляхетской семьѣ съ терпѣливостью, съ которой жена-крестьянка, уговаривая нѣжно, провожала пьянаго мужа изъ корчмы домой.

Но разъ идетъ рѣчь о спорахъ между супругами, можно подмѣтить нѣкоторыя типическія ихъ причины.

Въ обыкновенномъ ходѣ супружеской жизни жена представляетъ болѣе уравновѣшенное, консервативное начало; она труднѣе поддается увлеченію, строже слѣдитъ за интересами исключительно семейными; въ крестьянской средѣ въ ея рукахъ обыкновенно и касса. Въ 1870 г. въ жидовецкомъ волостномъ судѣ судился по жалобѣ сельскаго старосты мужъ за то, что, продавъ корову, денегъ не отдалъ женѣ, говоря, что употребитъ ихъ на уплату долга, между тѣмъ держалъ ихъ „на пропой". Рѣшеніемъ волостнаго суда онъ былъ оштрафованъ. Преобладающее въ этомъ отношеніи положеніе жены въ крестьянской средѣ мало извѣстно внѣ ея, а между тѣмъ оно составляетъ общее почти правило. Мужья признаютъ его *per tacitum consensum* и стараются сохранять въ тайнѣ передъ женами дѣянія, идущія въ разрѣзъ съ ихъ пожеланіями. Одинъ мой знакомый далъ въ займы сосѣду мѣрку жита, жинка его „грызла", такъ какъ сосѣдъ не отдавалъ долга. Продолжая нуждаться, сосѣдъ опять обратился къ нему съ просьбой о займѣ, которая и была удовлетворена, но уже въ тайнѣ отъ жены. Я знаю и другіе подобные случаи. Заботясь о семейномъ имуществѣ, жены сурово относятся къ случаямъ, когда мужъ „не статкуйе; клыче Йвана и Демъяна, Петра, Грыця и Степана" и когда въ этой *кумпаніи* „невеличкий, але чесний" они благодарятъ Бога за то „що мы зибралысь, що мы соби трошечки понапывалысь". Но прекрасная *кумпанія* разстраивается появленіемъ дѣтей, предупреждающихъ *татка*, что „мамуня йде, всимъ бида буде". Въ этотъ трудный моментъ „йидни кажуть: искрыймося; други кажуть: прызнаймося; йиденъ каже: седымъ тыхо; другий каже: буде лыхо" и только наиболѣе заинтересованный Куперьянъ старается прикрыть внутреннее волненіе сентенціей: „якось то буде" [1]). Я знаю многихъ „Куперьяновъ";

---

[1]) Изъ пѣсни о Куперьянѣ въ сборникѣ Н. В. Лысенка.

одинъ изъ нихъ утѣшалъ себя въ случаѣ „жиноцькойи грызы“ соображеніемъ, что „симъ литъ макъ не родывъ, а голоду не було“, или тѣмъ, что „зъ ныхъ судця не майе“, но тѣмъ не менѣе, когда обстоятельства благопріятствовали, старался удалиться незамѣтно въ *пасику* отъ *жиноцькои воркоты.* Болѣе часто повинные въ подобныхъ нарушеніяхъ домашняго порядка мужчины являются вмѣстѣ съ тѣмъ и толерантнѣе въ случаяхъ нарушенія его женами. Пока загуливанье жены является случайнымъ, пока ношеніе шинкарю яйець, пшона, муки не становится хроническимъ,—я совсѣмъ почти не знаю случая попрековъ, направленныхъ къ женѣ по случаю ея *гулянья.* Вотъ что говоритъ по этому поводу одна пѣсня:

Ой хмарыться—дощъ буде,
Прызнаюся вамъ, люде,
Черезъ свою сваволю
Попалась я въ неволю.
Пійшовъ мылый въ дорогу,
Пропыла я корову,
Сила соби журюся,
За корову боюся.
Прыйшовъ мылый зъ дороги,
Мыла йому бухъ въ ногы:
—Що-жъ я, мылый, зробыла,
Коровыцю пропила.
Мылый мылу цилуйе,
Коровыцю даруйе,
—Гуляй, мыла, здорова,
Буде друга корова.

Въ многихъ пѣсняхъ *жиноцькихъ* сквозитъ сознаніе этой уступчивости мужей:

Ой дай, Боже, здоровъячко
Мойему старому,
Що винъ мене не жене
Изъ корчмы до дому.
—Гуляй, гуляй, моя чернброва,
Поки моя головка здорова,
Бо якъ моя головка схибнеться,
Тоди твойе гулянья мынеться.
Гуляй, гуляй, мойе малюванья,
Тильки прыходь до дому заранья.

—Що-же то въ мене за гулляньячко,
Що до дому тай зараньячко:
Ото въ мене та погуляты—
Три дни дома та не буваты.

Въ устахъ *жиноцькихъ* это, конечно, болѣе заявленіе сознанія своей силы въ семьѣ, чѣмъ выраженіе дѣйствительныхъ пожеланій; для мужей же это, можетъ быть, и представляло бы иной разъ довольно соблазнительную перспективу... шутка-ли: тры дни дома не буваты... три дня не знать ни тяжелаго труда, ни вообще заботъ отъ міра сего. Да, при хорошей *кумпаніи*—хто цёму не радъ? но гдѣ же имъ найти женъ, которыя бы „не гналы изъ корчмы до дому?"

Нельзя, конечно, сокрушаться объ этомъ, особенно тому кто видывалъ, сколько иной разъ въ этихъ случаяхъ затрачивается доброты, нѣжности и терпѣнія. Бываютъ и другіе исходы. Иной разъ жена, угощаемая чарочкой для задобренія ея, забудетъ о первоначальной цѣли своего прихода и сама поддается соблазну.

Ой що пыты, то то я,
Що гуляты—то то я,
А робыты—не прыбыты,
Бо здоровья нема.

Но бываетъ хуже. Правда, есть пословица, что „ще сорока не побилила, що-бъ жинка чоловика была", но жизнь частенько расходится съ пословицами, иногда „сорока билійе". Бываетъ и обратное. Впрочемъ, споры эти, хотя и принимаютъ иногда указанную грубую форму, преходящи, такъ какъ и вызывающія ихъ эскапады дѣло далеко не обыденное. Пьяницы—опять таки вопреки господствующему мнѣнію среди интеллигенціи,—рѣдко встрѣчаются среди крестьянъ. Каждый почти не прочь выпить при случаѣ, но питье безпросыпное, влекущее за собою разореніе хозяйства, встрѣчается рѣдко. Встрѣчается и оно, и тогда уже, дѣйствительно, женѣ „горе жыты изъ пъяныцею". Многія пѣсни воспѣваютъ это горе,—между прочимъ, весьма распространенная пѣсня, о женѣ, выкупавшей коня вороного не разъ и не два, а потомъ проливавшей слезы въ садочку. Приведу слѣдующую, какъ меньше извѣстную.

Посію шалвію
Раненько въ недилю,—
За лютымы морозамы
Шалвія не сходыть,
За лыхыми ворогамы
Мій мылый не ходыть.
Хочай вона зійде,
Одъ сонця завъяне—
Иде мылый зъ корчмы пъяный,
На мене не гляне.
Иде зъ корчмы пъяный,
Напывся пъяненькій.
—Ой одчыны, моя мыла,
Бо я твій мыленькій.
—Ой не очнюся,
Бо тебе боюся,
Зачую твій голосочокъ,
Та куды я динуся.
Въ виконце не вспію,
А въ двери не смію.
Розступыся, сыра земле,
Сама пійду въ тебе!
Земля розступылась,
А я проступыла,
Простыжъ мени, Матиръ Божа,
Що я согришыла.

Экономическое разореніе семьи, дѣти, оставленныя на произволъ судьбы („то не моя голова, сама ты ихъ прывела, мусышъ годувать“, по словамъ одной пѣсни), грубость въ обращеніи съ женой со стороны мужа-пьяницы невыразимо тяжелымъ бременемъ ложатся тогда на плечи жены и понятнымъ становится ея желаніе „проступыты въ сыру землю“.

Рѣже, но случается и то, что жена разоряетъ хозяйство. Мука, пшено, курки, яйца—все постепенно переходитъ во владѣніе шинкаря, дѣти остаются безъ присмотра въ хатѣ „голодни и голи“. Живо рисуетъ положеніе такой семьи довольно извѣстная пѣсня о Семенѣ, оравшемъ въ то время, когда „жинка його Катерына у корчми гуляла“. Не дождавшись обѣда, онъ приходитъ домой и узнаетъ отъ дѣтей, что

„Пишла наша маты
Тай у лугъ по телята—
Ой щось вона говорыла—
Я не ваша, диты, маты“.

Безпомощность мужчины—пахаря въ виду „дрибныхъ дитей“ заставляетъ его удариться „объ полы руками... дитки-жъ мои дрибненькіи,та пропавъ же я зъ вамы“.

Такимъ образомъ рядомъ съ случайными, такъ сказать, отступленіями отъ регулярнаго теченія домашней жизни встрѣчаемся иногда съ дѣяніями, глубоко подкапывающими хозяйственные и нравственные ея устои; первыя вызываютъ подчасъ вспышки раздраженія, вторыя--ставятъ заинтересованныхъ въ крайне трудное положеніе. Моментальныя вспышки болѣе или

менѣе скоро прощаются взаимно, и общественное мнѣніе не особенно шокируется ими, но иначе смотритъ оно на грубость, ставшую нормою отношеній или принимающую жестокія формы. Въ пересмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ дѣлъ о грубомъ обращеніи съ женой или битьи ея было 16; въ 9-ти случаяхъ рѣшеніемъ суда было постановлено самое суровое изъ практикуемыхъ имъ наказаній—розги [1]); 3 раза постановленъ арестъ, 2 раза денежный штрафъ въ пользу мірскихъ суммъ, 2 раза внушенія объ обязанности жить въ согласіи. Эти послѣдніе 2 раза относятся къ случаямъ разногласія религіознаго: разъ жена, другой разъ мужъ перешли въ штундизмъ, и это служило поводомъ къ ссорамъ. Въ одномъ случаѣ мужъ приговоренъ къ розгамъ, жена къ аресту, въ одномъ—въ виду постоянныхъ нападеній и грубостей со стороны мужа пьяницы—судъ препоручилъ двумъ сосѣдямъ наблюдать за спокойствіемъ жены и защищать ее. Отъ П. М. Дашкевича я знаю, что и въ другихъ волостяхъ сквирскаго уѣзда волостные суды такъ же строго относятся къ грубому обращенію мужей съ женами.

Но въ явленіяхъ жизни, связанныхъ съ брачнымъ союзомъ, есть сфера, которой не способна окончательно регулировать ни традиціонная формула, несмотря на весь авторитетъ ея санкціи, ни соображенія домашняго порядка, ни натискъ общественнаго мнѣнія, ни диктуемыя имъ рѣшенія судовъ.

Ой уже день биленькій,
Та иде мій мыленькій,
И на поригъ ступайе,
Тяжко-важко здыхае.
—А де-жъ ты, мылый, шлявся,
А де ты волочывся,
А ночною добою
Изъ чужою мылою?
Чы чужа-жъ мыла краща,
Чы чужа мыла лучша,
Чы на лычко билійша,
Чы на словце вирнійша?
—А чужа мыла краща,
А чужа мыла лучша,
И на лычко билійша
И на словце вирнійша.
А въ чужои мылои
И рушныкъ на килочку,
И рушныкъ на килочку
И бровы на шнурочку.

---

[1]) Приговариваніе къ розгамъ практикуется до сихъ поръ; но оно ослабѣваетъ. Въ шестидесятыхъ годахъ то и дѣло встрѣчаешься съ этимъ наказаніемъ. Независимо отъ этого, приговоры къ розгамъ въ огромномъ числѣ случаевъ не приводятся въ исполненіе въ болѣе близкое время.

Но не только мужу бываетъ подчасъ душно въ брачной атмосферѣ.

Знавъ-бы, знавъ-бы,
Молодъ не женывся,
Не по чомъ я бы
Въ свити не журывся.
А ни дитьмы,
А ни жоною,
Пожурывся-бъ
Молодъ самъ собою.
Запряжу я
Коня вороного,
Тай пойиду
До мылои въ гости.
—Здраствуй, мыла,
Здраствуй, здорова,
Чи спышъ мыла,
Чы усе-жъ ты чуйешъ?
Якъ спышъ мыла,
Такъ Богъ изъ тобою,
Не спышъ, мыла,—
Говоры зо мною.

—Ой рада-бъ я
Зъ тобой говорыты,
Такъ боюся
Законного мужа.
Законный мужъ
Винъ лежить на лавки,
Ой винъ баче
Мои непорядки
Ой схопыся,
Туча громовая,
Тай убый ты
Законного мужа.
Якъ схопылась
Туча громовая,
Тай убыла,
Кого я любыла.
Колыбъ знала,
Бога й не просыла,
Лучше бъ була
Зъ мылымъ говорыла.

(Кіевъ. Куреневка).

„Eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu". Первоначальная точка отправленія этой давней исторіи столь же давня, какъ сама жизнь, и по существу своему больше напоминаетъ яркое и теплое сіяніе солнца, чѣмъ „тучу громовую", но данное непосредственное жизненное теченіе приходитъ въ коллизію съ санціонированной утилитарной формулой общественной жизни и вводитъ нерѣдко трагическій элементъ въ эту „давнюю исторію".

... Въ Барышполѣ сидѣли три козака въ неволѣ, одинъ—за дивчыну, другой—за вдову, третій—„за мужнюю жону". Первые два „не журылысь", разсчитывая на то, что одинъ обвѣнчается, другой расплатится.

„Третій каже: я, братця, журюся,
Що йиденъ я у неволи остаюся".

Для него нѣтъ надежды на исходъ, онъ только осматриваетъ стѣны темницы, проклиная пановъ и майстровъ за „узьки

виконця“ и „тисну неволеньку“[1]) Напрасно, конечно, онъ такъ сурово проклинаетъ ихъ, все общество кругомъ солидарно съ ними, но напрасно и оно разсчитываетъ, какъ на способъ рѣшенія одной изъ самыхъ трудныхъ проблемъ общественной жизни, на „тисну неволеньку и узьки виконця“. Какъ ни узки онѣ—лучи солнца проникаютъ сквозь нихъ, а съ ними и теплота, и жизнерадостность. Посмотрите на эту кучку селянъ, собравшихся въ праздничный день или какъ нибудь *при оказіи* за бесѣднымъ столомъ. На первыхъ порахъ въ разговорахъ чувствуется нѣкоторая тяжесть; трудности повседневной жизни притупляютъ болѣе быстрый обмѣнъ мысли и чувства, но мало-по-малу общество оживляется, разговоры о хозяйствѣ между мужчинами и сплетни о текущихъ мелочахъ между женщинами уступаютъ мѣсто болѣе общимъ вопросамъ. Выдвигается или какая нибудь громадская злоба дня, или информаціи и сужденія о томъ или иномъ учрежденіи, объясненія того или иного явленія природы или пріемовъ техники, разсматриваемыхъ уже сами въ себѣ, независимо отъ практическаго ихъ значенія для соучастниковъ бесѣды. А *чарочка*—между тѣмъ „ходыть—переходыть“. Болѣе оживленная мысль стремится наружу, сдерживающія ея функціи уступаютъ мѣсто поступательному, экстенсивному ея проявленію, чувство свободнѣе развивается. И пошли пѣсни, этотъ широкій, увлекающій потокъ народной поэзіи. Отъ времени до времени прозвучитъ еще какая нибудь пѣсня съ общественной подкладкой, мужскіе баритоны прославятъ атамана, скинувшаго „зеленъ-жупанъ“ для того, что-бы защитить отъ дождя „голотоньку“, но мало-по-малу всплываютъ пѣсни, вынесенныя изъ *вечорныць*. *Господари* положили *попарубоцьки* другъ другу на плечи руки, образуя полукругъ, *згадалы* пѣсни ихъ давней улицы, *жиноцьки* сопрано подхватили ихъ и пѣсенное руководство перешло на женскую половину. Съ пѣснями давней и современной *улыци* оживаютъ чувства, сопровождавшія свободное *парубкуванья* и *дивуванья*, когда не было законнаго и незаконнаго, а былъ только *мылый* и *не-*

---

[1]) Изъ пѣсни въ сборникѣ Н. В. Лысенка.

любъ, глаза свѣтятся живо, молодо, жизнерадостно... и чтоже тутъ подѣлаютъ „узьки виконця и тисна неволенька"? Жизнь прорывается за ихъ предѣлы въ разныхъ формахъ. Одинъ мой знакомый, профессіональныя функціи котораго въ связи съ его личными качествами ставятъ его въ особенно благопріятное положеніе для изученія данныхъ явленій, говорилъ мнѣ, что супружескія невѣрности встрѣчаются довольно часто въ крестьянской средѣ, но что по большей части онѣ не влекутъ за собою дальнѣйшихъ послѣдствій. Рядомъ съ этими моментальными взрывами жизнерадостности идутъ тихія привязанности, скрываемыя въ глубинѣ сердца, и только изрѣдка выбивающіяся наружу. „Хиба якъ кого любышъ, то треба вже все залышыты" говорила одна женщина моему знакомому. А сердце между тѣмъ говоритъ свое. „Мы зъ нымъ колысь любылысь,—говорила мнѣ одна пожилая женщина, оживленная приходомъ своего кума,— я його и теперъ люблю... тильки не подумайте що злого", прибавила она. Случается и то, что страстъ не знаетъ *впыну* и вызываетъ преступленія.

„Ой прыходыть пидъ виконце.
—Добры-вечиръ, сердце!
Вона йому одказуйе:
Арижъ жинку перше.

И требованіе исполняется не только въ пѣснѣ. Въ этюдѣ „Фатальная вдова", помѣщенномъ въ „Кіевской Старинѣ"—сопоставлены разные варіанты, пѣсни, въ составъ которой входитъ цитируемый куплетъ, съ судебнымъ разбирательствомъ аналогичнаго дѣла. Въ судебной хроникѣ оно не единственное. Въ сквирскомъ окружномъ судѣ мнѣ случилось присутствовать при разбирательствѣ дѣла, въ которомъ любовникъ обвинялся въ убіеніи мужа при содѣйствіи жены. Интересно, что во время судебнаго разбирательства обнаружилось существованіе въ данномъ селѣ строгаго архаическаго воззрѣнія на половыя отношенія, выражающіяся въ обращеніи въ случаѣ надобности къ старостѣ весильному для того, что-бы „добуть весилья".

Случаются и менѣе драматическіе, болѣе простые исходы или попытки къ нимъ.

Въ одномъ сосѣднемъ селѣ встрѣчается нѣсколько сожительствъ мужей, оставившихъ своихъ легальныхъ женъ, съ женами, оставившими мужей. Въ другомъ сосѣднемъ селѣ былъ такой случай: парубокъ пришелъ къ мѣстному священнику съ женою односельчанина, съ просьбою обвѣнчать ихъ, а если это невозможно, то благословить ихъ, такъ какъ они мужъ и жена.

Гражданскія сожительства встрѣчаются во всѣхъ почти селахъ въ небольшемъ количествѣ, встрѣчались они и прежде. Это главнымъ образомъ бываетъ въ случаяхъ, когда какія нибудь внѣшнія причины мѣшаютъ легализаціи брака. Это бываетъ, напр., жена солдата или кого нибудь другого, находящагося въ безвѣстной отлучкѣ, мужъ, покинутый женою, люди, связанные нѣкоторымъ свойствомъ, составляющимъ каноническую помѣху къ браку и т. п. Сельское общественное мнѣніе не шокируется особенно этими случаями; въ обращеніи житейскомъ односельчане не отличаютъ ихъ отъ легальныхъ паръ. Эти устойчивыя сожительства составляютъ очевидно самостоятельную группу явленій и въ нѣкоторыхъ только случаяхъ въ первоначальной стадіи своего развитія соприкасаются съ случаями нарушенія такъ называемой супружеской вѣрности, о которыхъ я говорилъ.

Но говоря объ этихъ случаяхъ, нельзя не коснуться вопроса о ревности, оказавшей столько добрыхъ услугъ романистамъ и драматургамъ и такъ много злыхъ услугъ дѣйствительной жизни. Присуща ли ревность нашей крестьянской жизни, въ какой мѣрѣ и формѣ, подвергается ли она смягченіямъ и какимъ?

Наши сельскія женщины, вообще говоря, значительно ревнивѣе мужчинъ. Это не значитъ, чтобы у сихъ послѣднихъ никогда не проявлялась ревность, но они свободны или почти свободны отъ той ревнивой подозрительности, которая присуща женщинамъ.

> Ой пійду я до сусидочки вогню,
> Тамъ я свого мыленького дослижу.
> А мій мылый у сусидочки сыдыть,
> Сусидоньку за билу ручку держыть.

Изъ сказаннаго прежде видно, что многія изъ нихъ не недоступны какому нибудь игривому *жарту*, а то и увлеченію, но это соображеніе мало смягчаетъ ихъ подозрительную раздра-

жительность. Мнѣ случалось выслушивать серьезныя и юмористическія конфиденціи мужей по этимъ вопросамъ, разсказы о томъ, какъ неосновательная, по ихъ утвержденію, подозрительность женъ вызывала домашнюю *мороку*, какъ жены долгое время совсѣмъ не говорили съ ними и т. п. Я видывалъ и расправу *дручкомъ* ревнивой жены съ мужемъ за игривый *жартъ* съ посторонней женщиной и т. п. Разъ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго разговора:—„И що-бъ ты сказавъ, говорила жена мужу, якъ бы хто такъ грався зо мною?“—„Серце мойе! я—бъ зрадивъ; я—бъ бачывъ, що я не чор-зна що выбравъ“.—И дѣйствительно, пока дѣло ограничивается веселымъ болѣе или менѣе заигрываніемъ, мужчины мало обращаютъ вниманія, но въ случаяхъ болѣе крупныхъ является раздраженіе, довольно часто принимающее суровую форму кулачной расправы. Бываютъ и болѣе трагическіе случаи. Въ недавнее время въ сквирской сессіи окружнаго суда судился парень, убившій другаго парня, ухаживавшаго за одной съ нимъ дивчыной. Одна моя знакомая разсказывала, какъ она, заподозривъ мужа въ сожительствѣ съ *наймычкой*, проснувшись ночью, схватила топоръ съ намѣреніемъ убить ихъ, такъ какъ ей показалось, что они лежатъ другъ возлѣ друга. Оказалось, что она ошибалась. „Я сама себе злякалась“, прибавила разсказчица. Но болѣе или менѣе обостренные порывы даннаго инстинкта улегаются обыкновенно. „На вику, якъ на довгій ныви“, и селяне наши менѣе всего склонны ожидать, что на ней будутъ произрастать всегда только желательные для нихъ лично злаки, они привыкли смиряться передъ силой стихійныхъ явленій и пролагать свою житейскую *стежку* среди трудностей, ими вызываемыхъ. Эти привычки мышленія, эта умѣренность требованій отъ жизни способствуютъ спокойному исходу изъ данныхъ трудностей. Послѣ раздраженія, послѣ нѣкотораго времени взаимнаго избѣганія разговоровъ, нравственная связь супруговъ, связанныхъ множествомъ житейскихъ дѣлъ, вновь навязывается, освобождаясь постепенно отъ слѣдовъ даннаго раздраженія.

Я видывалъ подобные случаи.

Но бываютъ и случаи болѣе прямаго, сознательнаго торжества человѣчнаго самообладанія надъ даннымъ первобытнымъ

инстинктомъ. Дѣло было въ сосѣднемъ селѣ. Мужъ отбывалъ воинскую повинность, жена, остававшаяся въ его семьѣ, „привела дитыну" незаконнорожденную. Семья строго относилась къ *невисткѣ*, попрекамъ не было конца. Семья весело усѣлась за столъ, чтобы разговѣться по случаю какого то праздника, одна наша молодыця не разставалась съ горестнымъ чувствомъ, вызываемымъ отношеніемъ мужниной семьи. Въ этотъ моментъ является мужъ; взволнованная жена падаетъ ему въ ноги. „Роби що хочъ зо мною, карай мене, якъ знайешъ: це не твоя дитына".— „Це твоя дитына, значыть, и моя дитына".

Я знаю и другіе, менѣе выдающіеся, но аналогичные по своему смыслу случаи. Нужно ли смотрѣть на эти и вообще смягчающіе данныя коллизіи факты, какъ на проявленія исключительно личныхъ свойствъ единицъ, или же нужно предположить здѣсь связь единичныхъ фактовъ съ общимъ міровоззрѣніемъ той группы населенія, среди которой мы ихъ встрѣчаемъ? Я склоненъ къ послѣднему предположенію.

Дѣло въ томъ, что въ данномъ отношеніи общественное мнѣніе крестьянской среды подверглось, мнѣ кажется, значительному смягченію. Я слышалъ отъ мѣстныхъ стариковъ, что во время ихъ молодости провинившихся въ супружеской невѣрности обвертывали сукномъ, служащимъ при погребеніи мертвыхъ, и привязывали къ дереву около церкви во время богослуженія для публичнаго посрамленія. Послѣ богослуженія церковные братчики били вервіемъ провинившихся. Мнѣ указывали *лыпку*, возлѣ которой свершался данный обрядъ. Когда по этому поводу зашла рѣчь о разводѣ, то собесѣдникъ мой сказалъ, что по старинному разводъ состоялъ въ томъ, чтобы сторону, желающую развода, завернуть въ *куль* соломы и зажечь.

Теперь ни о взглядахъ, высказанныхъ по вопросу о разводѣ, ни о практикѣ, свершавшейся въ нашемъ селѣ *пидъ лыпкою*, не можетъ быть и рѣчи не только по внѣшнимъ причинамъ, но и главнымъ образомъ вслѣдствіе модификаціи міровоззрѣнія. Припомнимъ въ этомъ отношеніи сказанное по поводу обряда брачной экспертизы, отношенія односельчанъ къ нелегализированнымъ парамъ, добавивъ, что въ случаяхъ раздраженія

супруговъ по причинѣ нарушенія въ той или иной степени супружеской вѣрности—всѣ усилія болѣе близкихъ людей направляются обыкновенно къ смягченію этого раздраженія.

Это проявленіе общественнаго мнѣнія, въ текущей обыденной жизни, опережающей обыкновенно проявленія общественнаго мнѣнія, при болѣе торжественныхъ условіяхъ—въ рѣшеніяхъ волостнаго суда въ данномъ случаѣ. Конечно, при всякой модификаціи взглядовъ встрѣчаются колебанія, и если онѣ присущи обыденной жизни, то, понятно, нужно ихъ ожидать и въ рѣшеніяхъ волостнаго суда.

Какъ ни боюсь я злоупотреблять терпѣніемъ читателя, я рѣшаюсь привести краткое содержаніе большей части рѣшеній по даннымъ вопросамъ въ судахъ, книги которыхъ были пересмотрены мною, дабы читатель могъ самъ себѣ составить понятіе о данномъ предметѣ. Начнемъ съ дѣлъ о случайныхъ прелюбодѣяніяхъ и т. п.

Жидов. вол. судъ 1867 г. Солдатка за сношенія съ парубками, укравшими у нея мелкія вещи, оштрафована въ пользу мірскихъ суммъ.

1884 г. Ром. вол. судъ. Свекоръ за неприличныя предложенія невѣсткѣ оштрафовалъ въ 3 рубля.

1884 г. Ром. вол. судъ. Пріймаку-зятю отказано въ правѣ требовать отъ тестя землю въ виду того, что онъ не живетъ съ женою и ухаживаетъ за сосѣдкой.

1885 г. Ром. вол. судъ. Кумъ за блудъ съ кумой приговоренъ къ розгамъ, кума къ аресту.

1885. Ром. вол. судъ. Мужъ, ударившій жену, спавшую съ хлопцями, не признанъ виновнымъ.

1886. Ром. вол. судъ. В. жаловалась на Т. за то, что когда она спала пьяная въ клунѣ, Т. совершилъ надъ ней насиліе. Т. отрицаетъ фактъ, прибавляя, что не знаетъ, какимъ образомъ онъ зашелъ въ клуню, такъ какъ и самъ былъ пьянъ. Свидѣтельница показываетъ, что застала ихъ „въ прелюбодѣйномъ положеніи“, но В. не жаловалась ей на Т. Т. оштрафованъ въ 3 руб. въ пользу мірскихъ суммъ.

1886 г. Ром. вол. судъ. Мужъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля ссоры его жены съ другою женщиною, сознался

въ прелюбодѣяніи съ ней. Судъ приговорилъ свидѣтеля къ розгамъ.

Перейдемъ къ рѣшеніямъ, касающимся болѣе или менѣе постояннаго сожительства.

1864 г. Новос. вол. судъ. А. жаловался на Т. (холостаго), что тотъ „прельстилъ" вдову его брата М., жилъ съ нею 3 года и взялъ 37 руб., которыхъ не отдаетъ. Сожительство подтвердилось, но оказалось, что деньги заработаны вмѣстѣ. Судъ рѣшилъ: взыскать съ Т. въ пользу М. 10 рублей, въ пользу церкви 10 руб.

1872 г. Новос. вол. судъ. Мужъ въ пьяномъ видѣ сознался передъ женой въ любовной связи съ одной женщиной. Жена прослѣдила потомъ фактъ. Зашедшую во дворъ любовницу мужа она била вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Съ бившихъ денежный штрафъ въ пользу битой, съ мужа и его любовницы въ пользу школы.

1874 г. Жидов. вол. судъ. Солдатка М. перешла съ 1-го іюня 1873 г. на жительство къ Д., жила съ нимъ до 1-го февраля 1874 г. Перешла она съ цѣлью обвѣнчаться съ Д., согласно съ его заявленіемъ. Принесла съ собой разныя движимости (рожь, поросенка, пряжу, ступу и т. д.). Расходясь, требуетъ возврата движимостей и платы за работу въ хозяйствѣ. Д. признаетъ и заработокъ, и движимость, за исключеніемъ поросенка, проданнаго и употребленнаго на общія потребности. Судъ признаетъ и заработокъ, и право на движимости со стоимостью поросенка включительно. Часть денегъ, присужденныхъ М., по общему согласію, удерживается на уплату общихъ долговъ.

1880 г. Новос. вол. судъ. Мужъ имѣлъ связь съ постороннею женщиною, послѣдствіемъ чего былъ ребенокъ. Она пришла во дворъ, требуя денегъ на крестины. Мужъ вмѣстѣ съ легальной женой били пришедшую. Судъ приговариваетъ мужа къ розгамъ, жену, какъ раздраженную, оправдываетъ.

1885. Ром. вол. судъ. Г. жалуется на мужа А., что онъ притѣсненіями заставилъ ее выйти изъ дома, взялъ къ себѣ любовницу Х. и, когда жена Г. возвратилась домой, желая жить вмѣстѣ, А. прогналъ ее. Мать А. подтверждаетъ жалобу Г., про-

ситъ объ удаленіи любовницы, такъ какъ она не оказываетъ ей уваженія, подобающаго матери. Судъ рѣшилъ согласно съ просьбой матери.

1885 г. Ром. вол. судъ. Мужъ жилъ съ посторонней женщиной, жена съ постороннимъ мужчиной; теперь жена хочетъ сойтись съ мужемъ. Судъ рѣшилъ: пусть будетъ по желанію жены.

1885 г. Ром. вол. судъ. Е. жалуется на своего мужа И., что онъ, прогнавъ ее, живетъ съ другой. Мужъ говоритъ, что онъ 5 лѣтъ тому назадъ предлагалъ женѣ сойтись, но она не хотѣла, теперь онъ не хочетъ. Живетъ онъ дѣйствительно съ другою. Судъ приговорилъ И. „за блудную жизнь" къ розгамъ.

А вотъ рѣшенія, касающіяся фактическаго разрыва брачнаго сожительства.

1884 г. Ром. вол. судъ. Мать Г. жалуется, что ея зять И. притѣсненіями заставилъ жену бросить домъ и идти въ службу; проситъ возврата движимостей ея дочери, И. говоритъ, что онъ хочетъ жить съ женой въ согласіи, но жена этого не хочетъ. Свидѣтели удостовѣряютъ притѣсненія Г. мужемъ. Судъ рѣшилъ: пусть И. возвратитъ движимости Г. до времени, пока они не помирятся между собою.

1885 г. Ром. вол. судъ. Если мужъ не хочетъ жить съ женою, пусть возвратитъ ей приданое.

1885 г. Ром. вол. судъ. Жена, не желающая возвратиться по требованію мужа въ его домъ, приговорена къ 2 дневному аресту.

1886 г. Ром. вол. судъ. Жена заявляетъ, что не живетъ и не хочетъ жить съ мужемъ; требуетъ возврата приданаго. Мужъ настаиваетъ на возвращеніи жены. Въ просьбѣ жены о возвратѣ приданаго отказано.

Я слишкомъ много привелъ рѣшеній для того, чтобы долго говорить объ общемъ ихъ характерѣ. Если кое-гдѣ мы встрѣчаемся съ колебаніями въ сторону традиціонной суровости, то мы часто встрѣчаемся и съ значительной свободой постановки вопроса. Обращеніе къ суровости чаще встрѣчаемъ при случайныхъ связяхъ; при постоянныхъ сожительствахъ значительно рѣже и то въ виду притѣсненій жены; встрѣчаемся и съ защитой судомъ

нелегальной сожительницы; въ фактическихъ расторженіяхъ легальнаго брака дѣло сводится главнымъ образомъ къ разсчету имущественному, подобно какъ и въ случаяхъ расторженія фактическаго сожительства. Во всякомъ случаѣ мы далеки отъ посрамляющихъ расправъ въ оградѣ церковной или теоріи развода путемъ сожиганія съ кулемъ соломы.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію имущественныхъ отношеній супруговъ. Въ этомъ мѣстѣ я буду говорить главнымъ образомъ объ имущественныхъ правахъ женъ. Преобладающее явленіе — это выходъ женщины замужъ въ семью и на землю мужа. Иногда къ женщинамъ „прыстають прыймаки“ на землю женъ, но объ имущественныхъ правахъ пріймаковъ рѣчь впереди; здѣсь я хочу разсмотрѣть имущественныя права женъ, живущихъ на землѣ мужа. Въ общее хозяйство при выходѣ замужъ онѣ привносятъ обыкновенно только движимое имущество въ качествѣ приданаго (это одежда, подушки, мелкій, рѣже крупный скотъ и т. п).

Въ трудовой крестьянской жизни, въ которой вопросы урожая, заработка и прокормленія выдвигаются по необходимости на первый планъ,—общность экономическихъ интересовъ мужа и жены составляетъ естественно чрезвычайно важное связывающее начало супружеской жизни. „Найкраща спилка — чоловикъ та жинка“, говоритъ пословица, и дѣйствительно, это очень тѣсная *спилка*: радость и горе трудовой жизни ея соучастниковъ, зависитъ въ преобладающей степени отъ хода дѣлъ этой *спилки*. О томъ болѣе или менѣе строгомъ выдѣленіи сферы экономической дѣятельности, какое встрѣчается въ болѣе богатыхъ семьяхъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. „Треба порадытысь изъ старою“, „не знаю, що мій старый скаже“ (старый и стара здѣсь только условные термины)—говорятъ при всякомъ сколько нибудь важномъ дѣлѣ. Это настолько установившееся понятіе народной жизни, что, напр., при продажѣ земли, принадлежащей мужу, не только онъ дѣйствуетъ послѣ предварительнаго совѣщанія съ женой, но и другая сторона, вступающая въ сдѣлку, требуетъ не разъ занесенія согласія жены въ соотвѣтствующій документъ.

Такого рода изъявленія согласія находимъ, напр., записанными въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ новоселецкаго и романовскаго вол. правленія въ 1868, 1870, 1886 г. Однимъ словомъ, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ и при жизни обоихъ супруговъ здѣсь нѣтъ и рѣчи о моемъ и твоемъ.

Но взглянемъ, какъ устанавливаются имущественныя права супруговъ въ случаѣ разногласія между мужемъ и женою или между ней и семьей мужа, а также въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ.

1886 г. Ром. вол. судъ. Ѳ. жалуется на мужа О. и его отца А., что они, не желая заниматься хозяйствомъ, нанимаютъ избу и землю посторонним людямъ, а она съ ребенкомъ не имѣетъ чѣмъ кормиться и живетъ у своего отца, пока тотъ ее держитъ. О. и А. говорятъ, что отдаютъ землю въ наемъ по бѣдности, но послѣ истеченія срока аренды сами будутъ хозяйничать. Судъ, узнавъ изъ справокъ на мѣстѣ, что О. и А. не хозяйничаютъ по лѣности, присудилъ въ пользу Ѳ. съ ребенкомъ 1/3 усадьбы и поля до времени, пока мужъ и его отецъ сами не станутъ хозяйничать.

Въ 1877 г. жидов. вол. судъ обязалъ свекра выдѣлить невѣсткѣ, мужъ которой находился въ войскѣ, 1/3 земельнаго надѣла. Аналогичное рѣшеніе ром. вол. суда въ 1883 г.

Перейдемъ къ случаямъ, когда имущественныя права супруговъ опредѣляются подъ вліяніемъ смерти одного изъ нихъ. Приданое умершей жены возвращается ея родителямъ или ближайшимъ родственникамъ; иногда часть его оставляется въ пользу вдовца въ виду долгой болѣзни и расходовъ на лѣченіе жены, но не на похороны ея, расходы на которые относятся къ мужу. Въ этомъ смыслѣ въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ судовъ я замѣтилъ 6 рѣшеній. Относятся онѣ (хотя это и не высказано) къ бездѣтнымъ женамъ, и потому новос. вол. судъ въ 1879 г. отказалъ отцу умершей въ возвратѣ приданаго его дочери, такъ какъ она оставила дѣтей.

Съ бóльшей трудностью опредѣляются по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ права вдовъ на участіе въ имуществѣ умершаго мужа, такъ какъ здѣсь, кромѣ вопроса о томъ, имѣетъ ли

вдова дѣтей и какого пола, принимается въ соображеніе новый элементъ, свойственный народному правовому міровоззрѣнію — именно: степень, въ которой вдова срослась, такъ сказать, своимъ трудомъ съ даннымъ хозяйствомъ.

Въ пользу вдовы бездѣтной присуждаютъ отъ наслѣдниковъ мужа, кромѣ возврата ея приданаго, часть послѣдняго сбора хлѣба или вообще вознагражденіе за ея трудъ, положенный въ хозяйствѣ. Въ этомъ смыслѣ рѣшилъ дѣло жидовецкій вол. судъ въ 1862 году присуждая съ свекра въ пользу вдовы его сына часть движимостей; въ 1883 г. въ романовскомъ волостномъ судѣ вдова требуетъ съ брата покойнаго мужа части сбора хлѣба, собраннаго въ томъ году, или денежнаго вознагражденія. Судъ присуждаетъ въ ея пользу 12 руб.

Землю обыкновенно наслѣдуютъ сыновья за исключеніемъ дочерей; бываютъ по этому вопросу колебанія, но о нихъ рѣчь впереди. Общее правило таково, и потому вдовы имѣющія малолѣтнихъ сыновей, какъ естественныя ихъ опекунши, сохраняютъ за собою имущественныя права мужей.

Въ этомъ смыслѣ рѣшенія ром. вол. суда въ 1883 и 1885 г. Жидов. вол. судомъ примѣнено то же самое правило къ женѣ сосланнаго въ Сибирь. За ней признаны имущественныя права мужа въ виду того, что она имѣетъ сына. Въ иныхъ рѣшеніяхъ нельзя точно разобраться, такъ какъ вдовѣ съ дѣтьми присуждается та или иная часть земли, но не опредѣлено на число, ни полъ дѣтей. Впрочемъ, владѣніе мужниной землей вдовы, имѣющей мололѣтнихъ сыновей, въ качествѣ представительницы ихъ правъ, такое *minimum* имущественныхъ правъ ея, что дѣла подобнаго рода очень рѣдко доходятъ до суда.

Болѣе выдѣляются имущественныя права самихъ вдовъ въ случаяхъ, когда у нихъ нѣтъ сыновей, а только дочери, не наслѣдующія въ огромномъ большинствѣ случаевъ земли.

1884 г. Ром. вол. судъ. У. была замужемъ за Д., онъ пользовался вмѣстѣ съ братомъ З. половиною пѣшаго надѣла. Д. умеръ, оставивъ вдову съ сыномъ и двумя дочерьми. Сынъ умеръ тоже, У. вышла вторично замужъ. З. (братъ покойнаго Д.) владѣетъ всѣмъ полемъ, но согласенъ добровольно выдѣлить въ

пользу У. $^1/_3$ пѣшака. Судъ присуждаетъ въ пользу вдовы У. съ ея дочерьми $^1/_4$ усадьбы и пѣшаго надѣла, т. е. то пространство земли, которымъ владѣлъ мужъ. Здѣсь еще права вдовы сливаются съ правами дочерей, онѣ выдѣляются больше въ другихъ рѣшеніяхъ.

1886 г. Ром. вол. судъ. У вдовы два сына и дочь. Имущественный споръ между матерью и однимъ изъ сыновей судъ рѣшаетъ такъ: пусть мать пользуется вмѣстѣ съ однимъ изъ сыновей и дочерью $^2/_3$ надѣла пожизненно; послѣ смерти матери сыновья раздѣлятся землей по ровну. (За ихъ сестрой послѣ смерти матери не признается права на удѣлъ въ земельномъ владѣніи).

1885 г. Ром. вол. судъ. Мать жалуется на сына, что онъ не содержитъ ее и ея дочери. Судъ рѣшилъ выдѣлить матери съ дочерью $^1/_2$ надѣла.

Въ этихъ случаяхъ вдовѣ присуждается часть земли очевидно уже не въ качествѣ представительницы правъ дѣтей, а самостоятельно. Это самостоятельное право на удѣлъ въ земельномъ имуществѣ покойнаго мужа выступаетъ еще отчетливѣе въ другихъ случаяхъ:

1877 г. Ром. вол. судъ. Два брата пользовались по половинѣ надѣломъ, унаслѣдованнымъ отъ отца. Одинъ изъ братьевъ умеръ, оставивъ вдову съ сыномъ. Этотъ сынъ тоже умеръ и вдова вышла вторично замужъ. Братъ, оставшійся въ живыхъ, считаетъ себя единственнымъ наслѣдникомъ отцовской земли. Судъ призналъ за нимъ исключительное право на полевую землю, но такъ какъ въ усадьбѣ устроенъ съ его согласія домъ и другія постройки, то эти постройки и половину усадебной земли судъ присуждаетъ въ пользу вдовы.

1884 г. Ром. вол. судъ. Имущественный споръ между матерью и сыномъ. Мать К. вышла вторично замужъ за З. и удѣляетъ сыну $^1/_3$ усадьбы и поля, истецъ сынъ требуетъ половины. Земля записана по уст. грамотѣ за отцомъ истца. Отвѣтчица говоритъ, что у нея дѣти отъ второго брака и что одинъ изъ сыновей отъ этого брака помогалъ деньгами при женитьбѣ

истца и выдачѣ замужъ его сестры. Судъ рѣшилъ: до смерти матери пусть будетъ какъ есть, послѣ ея смерти весь надѣлъ истцу.

1885 г. Ром. вол. судъ. Въ крѣпостное время дядя и племянникъ пользовались землей вмѣстѣ и отрабатывали панщину; по уст. грамотѣ земля записана за племянникомъ, но при жизни дяди они пользовались землей вмѣстѣ. Послѣ смерти дяди племянникъ не хочетъ удѣлить земли слѣпой вдовѣ дяди. Она проситъ о выдѣлѣ ей 1/8 усадьбы, что судъ и присуждаетъ.

1886 г. Ром. вол. судъ. Вдова мать проситъ, чтобы ей была выдѣлена часть земли, оставшейся послѣ смерти мужа, такъ какъ всей землей завладѣли ея три сына и не содержатъ матери. Судъ рѣшилъ выдѣлить въ пользу истицы 1/4 усадебной и полевой земли.

На основаніи приведенныхъ данныхъ въ общемъ, кажется, дѣло представляется такъ. Вдова, прожившая недолгое время съ мужемъ и бездѣтная, пріобрѣтаетъ только право на часть движимаго имущества, соотвѣтствующую ея труду (хлѣбъ послѣдняго сбора и т. п.); въ случаѣ если у нея малолѣтніе сыновья, она сохраняетъ — въ качествѣ представительницы ихъ правъ—права на недвижимое имущество мужа; присутствіе у нея дочерей не сообщаетъ ей непосредственно права на землю, такъ какъ при живыхъ братьяхъ сестры вообще не наслѣдуютъ отцовской земли, но служитъ указаніемъ на болѣе близкую связь вдовы съ жизнью и хозяйствомъ умершаго мужа. Судъ присуждаетъ ей въ этихъ случаяхъ право на пожизненное владѣніе частью наслѣдственной земли, при чемъ имѣетъ въ виду не дочерей, а вдову, такъ какъ присуждаетъ право на пользованіе частью земли до ея именно смерти. Если вдова жила болѣе долгое время съ мужемъ или съ дѣтьми, такъ что передъ судомъ она фигурируетъ уже больше въ характерѣ матери, чѣмъ въ характерѣ вдовы покойнаго мужа, то она пріобрѣтаетъ право на пожизненное пользованіе такою же частью земли, какъ и сыновья, иногда даже большею (тоже относится и къ отцамъ, какъ увидимъ впослѣдствіи), помимо которыхъ и вопреки которымъ,

въ случаѣ разногласія съ ними, судъ присуждаетъ ей эти права. Самымъ общимъ началомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, разъ продолжается кровная связь вдовы послѣ смерти мужа съ его семьей,—является стремленіе къ установленію пропорціональности правъ вдовы на имущество мужа со степенью ея трудовой связи съ хозяйствомъ покойнаго.

Ѳ. Рыльскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА IX.

СЧАСТІЮ КОНЕЦЪ.

Время приближалось къ Пасхѣ. На суботовскомъ хуторѣ всѣ были заняты хозяйственными приготовленіями. Гетманъ любилъ проводить Пасху со всѣми членами семьи. Къ нему пріѣхали обѣ его замужнія дочери, имъ отвели особый флигель. Женщины готовили пасхи, красили яйца, жарили и фаршировали живность, словомъ снаряжали все, чѣмъ полагается украсить роскошный столъ на Свѣтлый праздникъ. Высокая, бойкая, статная козачка покрикивала на работницъ и весело пересмѣивалась съ окружавшими ее молодыми женщинами. Это была сама пани гетманша, третья жена Богдана.

На большой дорогѣ показался всадникъ, скакавшій во всю прыть на лихомъ татарскомъ бакиматѣ. Пани Ганна заслонила глаза рукой отъ лучей яркаго весенняго свѣта и, осторожно переступая черезъ лужи въ своихъ великолѣпныхъ черевикахъ, вышла за ворота, чтобы посмотрѣть, кто это ѣдетъ.

— Да это Тимошъ! съ удивленіемъ проговорила она. Что это онъ прискакалъ, онъ хотѣлъ еще день пробыть въ Чигиринѣ.

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 9.

Тимошъ подъѣхалъ къ воротамъ, ловко соскочилъ съ коня, взялъ его подъ уздцы и, кивнувъ мачихѣ на ходу, бросилъ поводъ подскочившему работнику.

— Гдѣ отецъ? спросилъ онъ у толпившихся въ дверяхъ женщинъ.

— Панъ гетманъ отдыхаетъ, отвѣчали ему.

— А Локсандра?

— Она тоже прилегла отдохнуть, отвѣчала гетманша. Ей сегодня цѣлый день нездоровится.

Тимошъ нерѣшительно остановился на порогѣ, соображая, куда ему сперва идти, къ отцу, или къ женѣ. Наконецъ круто повернулся и сказалъ Ганнѣ:

— Мнѣ надо видѣть батька, въ добромъ онъ расположеніи духа или дурномъ?

Пани Ганна усмѣхнулась и показала рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ.

— Когда онъ нынче бываетъ въ добромъ? отвѣчала она. Намъ всѣмъ отъ него попадаетъ.

Тимошъ поморщился.

— Лиха бѣда! проговорилъ онъ. Ну, да что дѣлать, надо мнѣ его все таки видѣть.

Ганна опять засмѣялась.

— Тебѣ то ничего, проговорила она, ты съ нимъ, что хочешь, то и дѣлаешь.

— Да, вѣдь, и ты, его не больно боишься, ты его зачаровала своими пѣснями. Если онъ очень на меня осерчаетъ, ты ужъ меня выручай...

Гетманша повела своими красивыми бровями.

— Для любаго сынка отчего не постараться, проговорила она.

Повернувшись на каблучкахъ, пани Ганна пошла въ кухню.

Въ кучкѣ женщинъ стояла и Локсандра, только что сошедшая внизъ изъ своей свѣтелки. За это время она пополнѣла, возмужала и, несмотря на скромный нарядъ козачки, рѣзко выдѣлялась изо всѣхъ. Сестры Тимоша часто дразнили ее, называя ряженою пани. Она не на шутку сердилась, увѣряя, что теперь она такая же козачка, какъ и онѣ.

— Какая ты козачка? смѣялись бойкія румяныя женщины. Ты такая бѣлая да нѣжная, что къ тебѣ и загаръ не пристаетъ. Тебѣ ни за что не проходить цѣлый день въ чеботахъ и не наработать столько, сколько мы можемъ.

— Когда у меня ушла работница, хвасталась невѣстка Выговскаго, я цѣлую недѣлю и стряпала, и за коровами ходила, и хату прибирала.

— Чтожъ, это и я могу, оправдывалась Локсандра. Вы сами не даете мнѣ ничего дѣлать.

— Голубонька наша! шаловливо обнимая ее, возражали сестры. А зачѣмъ тебѣ что нибудь дѣлать? У татка вонъ сколько наемнаго народу. Теперь не то, что прежде, когда намъ самимъ приходилось ему и саламату варить, и сапоги смазывать.

На этотъ разъ Локсандра настояла на своемъ, захотѣла испечь хоть одну бабу для Тимоша. Невѣстки обѣщали научить ее, какъ замѣсить тѣсто. И вотъ теперь, при общемъ смѣхѣ и весельѣ, Локсандра засучила рукава, готовясь приняться за это важное дѣло.

Въ эту минуту появилась на порогѣ пани гетманша и невольно смутила Локсандру своею лукавою усмѣшкою. Она выпустила изъ рукъ только что взятое яйцо и оно громко шлепнулось на полъ.

— Вотъ такъ яичница! засмѣялась гетманша.

Локсандра смѣялась вмѣстѣ съ другими и собиралась опять приняться за дѣло; но Ганна подошла къ ней.

— Хочешь, я тебѣ хорошую новость скажу, проговорила она.

Локсандра взглянула на ея лицо, вскрикнула и проговорила:

— Тимошъ пріѣхалъ! Чтожъ вы мнѣ раньше не сказали?...

Она побѣжала къ нему на встрѣчу; но гетманша остановила ее.

— Онъ теперь у батька; о дѣлахъ съ нимъ говоритъ.

Локсандра вернулась къ столу и принялась за опару, но далеко не съ такимъ увлеченіемъ, какъ прежде.

Двѣ работницы накрыли на столъ въ сосѣдней горницѣ и черезъ полчаса вся семья собралась къ обѣду. Тимошъ крѣпко

обнялъ Локсандру, она взглянула ему въ лицо и тревожно спросила.

— Что съ тобою? Ты нездоровъ?

Тимошъ смущенно опустилъ глаза.

— Такъ, ничего! отвѣчалъ онъ. Усталъ съ дороги.

У Богдана тоже былъ крайне озабоченный, суровый видъ.

— Къ тебѣ сестра твоя ѣдетъ, проговорилъ Тимошъ, садясь подлѣ Локсандры.

Локсандра выронила ложку изъ рукъ. Съ тѣхъ поръ какъ она была замужемъ, княгиня Радзивиллъ не только не удостоила ее своимъ посѣщеніемъ, но даже ни одною строчкою привѣтствія. Она, очевидно, не хотѣла ее знать; вотъ почему извѣстіе о ея пріѣздѣ такъ взволновало Локсандру. Къ чувству неожиданной радости примѣшивалось какое то смутное чувство опасенія. Локсандра сама не могла дать себѣ отчета, чего она боялась. Она понимала только одно, что сестра ея ѣдетъ не даромъ, что отъ нея что то скрываютъ.

— Какъ же мы примемъ такую важную гостью? спросила гетманша. Съ нею челяди наѣдетъ не мало, куда мы ихъ дѣнемъ?

— Она ѣдетъ совсѣмъ одна, лаконически проговорилъ Тимошъ.

Локсандра испуганно взглянула на него.

— Одна? проговорила она.

Внезапно подчиняясь какой-то блеснувшей у нея мысли, она быстро прибавила:

— А объ отцѣ ты ничего не слышалъ?

Тимошъ совсѣмъ смѣшался и съ минуту не зналъ, что ему отвѣтить. Онъ закашлялся, подергалъ себя за усъ и какъ то въ сторону пробормоталъ:

— Не знаю! Я не спрашивалъ!

Находчивая Ганна съумѣла замять разговоръ, хотя и ее мучило любопытство, что такое скрываютъ отъ Локсандры. Она стала разсказывать Тимошу все, что дѣлалось въ его отсутствіе, и этимъ вывела его изъ неловкаго положенія.

Когда женщины послѣ обѣда ушли, оставляя мужчинъ по обычаю допивать свое пиво, Богданъ сердито отодвинулъ отъ себя кружку и, топнувъ ногою, проговорилъ:

— Вотъ такъ шкода! Навязалъ ты мнѣ, сынку, жерновъ на шею.

— Что такое? освѣдомился Выговскій.

— Да вотъ, сынъ меня тестемъ подарилъ, съ сердцемъ проговорилъ гетманъ. Не умѣетъ самъ усидѣть на своемъ престолѣ, подавай ему войска, а откуда я его возьму? У меня у самого теперь поляки на шеѣ сидятъ. Другой то зятекъ, свѣтлѣйшій князь, палецъ о палецъ не ударитъ. А козакъ простъ, вали все на козака!

Тимошъ угрюмо слушалъ отца, не смѣя ему перечить; а Выговскій пытливо переводилъ глаза съ одного на другаго, заранѣе соображая, каковы должны быть замыслы у гетмана.

— И къ чему эта нéдотрога княгиня сюда ѣдетъ? прибавилъ Богданъ.

— Она хочетъ тебя просить, татко, чтобы ты помогъ господарю.

— Да ты ее самое видѣлъ?

— Нѣтъ, я видѣлъ пана Загоровскаго. Князь Радзивиллъ думаетъ послать его къ тебѣ для переговоровъ. Онъ хочетъ мирить тебя съ панами.

Богданъ покусывалъ усъ.

— Опомнились! проговорилъ онъ. Забылъ его свѣтлость, какъ хотѣлъ меня извести заморскимъ зельемъ; теперь другую пѣсню поетъ. Эхъ, Тимошъ! Кабы не ты, я бы показалъ этимъ князьямъ, что значитъ гетманъ козацкій. Да и ее тоже жалко! прибавилъ онъ, кивнувъ головою въ ту сторону, куда ушли женщины. Дуже гарная молодыця! Такая, что и не тебѣ бы, дурню, подстать. Ну, поживемъ—увидимъ, закончилъ онъ, вставая, и залпомъ опорожнилъ кружку.

— Галю! кликнулъ онъ въ окно, увидавъ пани гетманшу, выбиравшую гусей на дворѣ.—Вели-ка подать мнѣ горилки, да покрѣпче.

— Татко! укоризненно вставилъ Тимошъ. Ты запьешь, а какъ же дѣло?

Богданъ сдвинулъ брови.

— Это еще что? учить меня вздумалъ! крикнулъ онъ. Развѣ я не знаю, когда пить, когда дѣло разумѣть? Ты помни, Тимошъ, прибавилъ онъ, подходя къ сыну и грозно сверкая очами, что ты противъ меня щенокъ и дурень. Какъ я прикажу, такъ и будешь дѣлать, а пока молчи!

И онъ вышелъ изъ комнаты, крѣпко хлопнувъ дверью.

На слѣдующій день пріѣхала княгиня Радзивиллъ; она была одна съ служанкой и гайдукомъ, старалась держаться просто, по родственному, хотя это, видимо, стоило ей большаго труда. Ее встрѣтили съ великимъ почетомъ. Гетманъ еще съ утра вылилъ себѣ ушата два холодной воды на голову, чтобы протрезвиться отъ вчерашней выпивки и вышелъ на встрѣчу княгинѣ свѣжій, бодрый, сіяющій, со всею любезностью и предупредительностью знатнаго пана, умѣющаго себя держать въ хорошемъ обществѣ.

Княгиня Радзивиллъ ожидала встрѣтить совсѣмъ иное. По разсказамъ мужа, она составила о немъ понятіе, какъ о грубомъ, неотесанномъ козакѣ, а видѣла предъ собою образованнаго, не глупаго человѣка, обладающаго неистощимымъ запасомъ остроумія, перемѣшаннаго съ безпечною веселостью. Послѣ первыхъ привѣтствій всѣ сѣли въ большой столовой „суботовскаго замка“, какъ въ шутку называлъ его гетманъ, и пани гетманша предложила гостьѣ откушать ихъ хлѣба-соли.

На столѣ появились всевозможныя постныя яства: уха, рыба отварная съ грибками, взваръ.

— Панъ гетманъ, конечно, знаетъ, зачѣмъ я къ нему пріѣхала, проговорила она, не замѣчая знаковъ, дѣлаемыхъ ей Тимошемъ. Я пріѣхала въ качествѣ просительницы и хочу надѣяться, что онъ не откажетъ въ своихъ милостяхъ.

Услыхавъ это, Локсандра, сидѣвшая подлѣ сестры, поблѣднѣла, задрожала и быстро схватила сестру за руку.

— Говори скорѣе! Отецъ... отецъ? спрашивала она прерывающимся голосомъ.

Вдругъ она почувствовала, что силы ей измѣняютъ, слабо вскрикнула и упала на руки сестры.

Произошло общее смятеніе. Локсандру отнесли въ ея комнату, и княгиня съ Тимошемъ остались при ней.

— Развѣ она ничего не знала? спросила княгиня.

— Мы скрывали отъ нея, отвѣчалъ Тимошъ, ей теперь не годится слышать такія вещи...

— Что дѣлать? со вздохомъ отвѣчала княгиня: рано или поздно она все таки должна это узнать... А что панъ гетманъ? Согласенъ ли онъ помогать отцу?

— Я думаю, что все устроится къ лучшему, отвѣчалъ Тимошъ уклончиво. Пани княгиня сама переговоритъ съ отцомъ...

Въ эту минуту Локсандра открыла глаза, молча взглянула на обоихъ и слабымъ голосомъ проговорила:

— Не скрывайте отъ меня ничего, мнѣ хуже оттого, что я ничего не знаю.

Княгиня въ нѣсколькихъ словахъ передала, въ чемъ дѣло.

— Матѳей Бассарба въ союзѣ съ Ракочіемъ подступили къ Яссамъ въ самое вербное воскресенье, когда никто не чуялъ бѣды, и господарь едва успѣлъ бѣжать со всею семьею въ Польшу, въ Каменецъ, къ молодому Потоцкому, котораго онъ спасъ изъ татарской неволи. Носится слухъ, что Бассарба посадилъ въ Яссахъ Георгицу; но навѣрное никто ничего не знаетъ.

Услышавъ это, Локсандра сѣла на кровати и проговорила:

— Я такъ и думала, такъ и знала. Какъ только мнѣ сказали, что ты сюда ѣдешь, сердце мнѣ подсказало, что съ отцомъ случилось что-нибудь дурное. Ты бы вѣдь иначе не вспомнила обо мнѣ, съ горечью прибавила она.

Княгиня смущенно опустила глаза подъ пытливымъ взоромъ сестры.

— Я постоянно думала о тебѣ, но мужъ мой не позволилъ бы мнѣ видѣться со тобою. Теперь все это измѣнилось, прибавила она. Янушъ надѣется расположить сеймъ въ пользу гетмана, и если ему удастся примирить васъ съ поляками, намъ ничто не будетъ мѣшать видѣться. Особенно, если панъ Тимошъ возвратитъ престолъ нашему отцу.

Локсандра встрепенулась.

— Зачѣмъ же Тимошу идти въ Молдавію? Гетманъ можетъ послать туда своихъ полковниковъ...

— Ты сама не знаешь, что говоришь, съ досадою возразила княгиня. Развѣ можетъ быть удача, если не Тимошъ поведетъ войско. Его имя гремитъ по всей Молдавіи, а для волоховъ оно страшнѣе меча.

Локсандра и сама это понимала; но разстаться съ мужемъ теперь въ самыя счастливыя минуты, знать, что онъ опять подвергается опасности, что его могутъ убить, взять въ плѣнъ, казалось ей слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ. Она тяжело вздохнула и опустила голову; въ эту минуту ей хотѣлось, чтобъ слава Тимоша не гремѣла такъ далеко и чтобы волохи поменьше его боялись.

Тимошъ подошелъ къ ней и нѣжно ее обнялъ.

— Полно, голубка моя! Не печалься, я живо прогоню волоховъ и этого толстаго лжеца, усѣвшагося на престолѣ. Посажу опять твоего отца на престолъ, разгромимъ Валахію и я положу къ твоимъ ногамъ княжескую корону. И все это кончу раньше, чѣмъ ты успѣешь подарить меня сыномъ, съ тѣмъ, чтобы онъ родился принцемъ, прибавилъ онъ шутливо.

Локсандра слабо улыбнулась.

— Дай Богъ, чтобы все это такъ случилось! проговорила она. Что то сердце у меня ноетъ; какъ подумаю я, что ты снова пойдешь на войну, такъ бы и не пустила тебя.

— Ужъ вышла за козака, такъ и привыкай видѣть мужа разъ въ годъ, сказалъ Тимошъ, смѣясь.

Локсандра и это хорошо знала, и все таки ей было невыносимо тяжело, такъ тяжело, что она всю ночь не могла сомкнуть глазъ.

Княгиня пробыла нѣсколько дней въ Суботовѣ и лучше всякаго искуснаго дипломата съумѣла устроить дѣло, для котораго пріѣхала.

Тотчасъ послѣ Пасхи Тимошъ выступилъ въ Молдавію съ наказнымъ гетманомъ Ѳедоренкомъ и съ двѣнадцатитысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ козаковъ, татаръ и карпатскихъ горцевъ.

ГЛАВА X.

ГНѢВЪ БОЖІЙ.

Въ Яссахъ было весело и шумно. Господарь праздновалъ свое вторичное вступленіе на престолъ цѣлымъ рядомъ торжествъ. Онъ не жалѣлъ на этотъ разъ своей казны, устраивалъ народные пиры, ристалища, турниры и вездѣ присутствовалъ самъ съ господаршей и Тимошемъ. Торжества и веселье заглушали вопли тѣхъ, чьи родственники и друзья покончили жизнь на плахѣ, а такихъ было не мало. Толпы придворныхъ порѣдѣли; онѣ порядкомъ поочистились отъ враговъ господаря, уступивъ мѣсто новымъ, болѣе надежнымъ боярамъ.

— Вотъ какъ по нашему, по козацки, хвасталъ Тимошъ: пришелъ, побѣдилъ, даже и не видѣвши хорошенько кого.

— Панъ Тимошъ превзошелъ самого Цезаря, вставилъ не безъ яда Кутнарскій.

— Чтожъ? то Цезарь, а то я! заносчиво проговорилъ Тимошъ, сдвинувъ брови и сердито поглядывая на пана.

Онъ его сильно не долюбливалъ.

Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ на четвертый день пребыванія въ Яссахъ, когда все небольшое общество сидѣло за ужиномъ на половинѣ господарши. Дежурныя боярыни усердно прислуживали за столомъ и, пересмѣиваясь, изподтишка посматривали на статнаго красиваго козака, непринужденно развалившагося въ богатомъ креслѣ въ полномъ сознаніи своей силы и могущества. Господарша тоже, казалось, только его одного и видѣла. Не замѣчая суроваго взгляда мужа, она предлагала ему лучшіе куски, не знала, какъ и чѣмъ угодить, и готова была сбить съ ногъ всю свою свиту, когда онъ высказывалъ какое либо желаніе.

— Ты нашъ спаситель! говорила она ему и трепещущая рука ея какъ то особенно сжимала его мускулистую, сильную руку. Безъ тебя мы бы пропали, намъ бы никогда не видать Яссъ. Ахъ, какъ счастлива Локсандра! прибавляла она со вздохомъ.

Князь Василій грозно посматривалъ на жену, а Тимошъ смѣялся себѣ въ усъ и безпечно принималъ поклоненіе тещи,

какъ нѣчто должное, не обращая вниманія, пріятно или непріятно это господарю.

— Что же, дорогой тестюшка, проговорилъ онъ, ты какъ будто и недоволенъ чѣмъ то?

Василій придалъ своему лицу самое озабоченное выраженіе.

— Я думаю, отвѣчалъ онъ, что мы теряемъ время. Враги наши не спятъ, они соберутся съ силами и снова двинутся на насъ. Надо ихъ предупредить.

— Я не прочь! бодро отвѣчалъ Тимошъ. Готовъ хоть сейчасъ идти въ Валахію, дѣло за твоими вождями.

— Мои войска тоже готовы, замѣтилъ господарь. Мы можемъ выступить въ походъ хоть завтра.

— По мнѣ хоть и завтра, безпечно отвѣчалъ Тимошъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а сегодняшній вечеръ нашъ, весело продолжалъ онъ, я сегодня отдыхаю и слышать не хочу о дѣлахъ.

— Гей, музыкантовъ сюда! приказалъ онъ апроджу, стоявшему у дверей.

Тотъ быстро скрылся, спѣша исполнить приказаніе, а господарь поморщился и подумалъ про себя: „Однако, онъ начинаетъ хозяйничать, какъ у себя дома".

Появилась музыка. Сербы со своими дудками и турки съ барабанами и тарелками.

— Ну, играйте козака! скомандовалъ онъ имъ.

Музыканты давно уже приспособились ко вкусамъ Тимоша, они разучили малорусскія думки и плясовыя. Правда, волынки и гудки пищали, барабанъ не всегда попадалъ въ тактъ; но усердствовали музыканты до того, что съ нихъ потъ лилъ градомъ.

— Эхъ! проговорилъ Тимошъ: се да не то. Кабы одного бандуриста, онъ бы всѣхъ ихъ за поясъ заткнулъ.

— Я съ удовольствіемъ исполню желаніе пана! проговорилъ Кутнарскій. Если пану Тимошу благоугодно обождать минутъ десять, я приведу бандуриста.

— Хорошо, пане! проговорилъ расходившійся Тимошъ. Тащи его сюда! Мы съ господаршей спляшемъ козачка на веселіе его свѣтлости.

Панъ Кутнарскій побѣжалъ исполнять порученіе Тимоша въ восторгѣ, что хоть разъ ему удалось услужить. А Тимошъ налилъ двѣ чарки котнарскаго и, подавая одну господаршѣ, съ поклономъ прогорилъ:

— А ну-ка, пани теща! побратаемся...

Господарша засмѣялась и покачала головой.

— Ты меня споить хочешь? Отъ такого крѣпкаго вина я съ мѣста не сойду.

— Ну, отхлебни глоточекъ; а я выпью твою и свою.

Господарша обмочила въ чаркѣ губы, Тимошъ выпилъ заразъ обѣ чарки одну за другою и, вытирая рукавомъ усы, проговорилъ:

— Теперь надо цѣловаться на побратымство.

Господарша засмѣялась и отодвинулась отъ него подальше.

— Добре жъ, то за тобою будетъ! А вотъ и бандуристъ, сказалъ Тимошъ и вскочилъ на встрѣчу чуть не столѣтнему дѣду.

— Ну, дидусю! играй ка казачка, да смотри такъ, чтобы всѣ косточки заходили.

Дѣдъ живо настроилъ свою бандуру; сыгралъ какую то заунывную прелюдію, и вдругъ сразу, неожиданно, послѣ самой короткой паузы, разсыпался мелкой веселой дробью по струнамъ. Звуки запрыгали, заходили, переплелись, перепутались, то сдвигались, то раздвигались и все росли, росли... На ихъ могучемъ фонѣ серебристо разсыпался задорный, забористый плясовой мотивъ.

У Тимоша, дѣйствительно, всѣ косточки заходили. Онъ вывелъ господаршу въ кругъ и пошелъ плясать страстно, съ увлеченіемъ, со всѣмъ пыломъ молодости, съ полнымъ разгуломъ мощной расходившейся силы.

Южная натура господарши тоже взяла свое. Она забыла и мужа, и стоявшихъ тутъ двусмысленно пересмѣивавшихся боярынь и чужихъ козаковъ, тоже насмѣшливо подергивавшихъ усы; она видѣла только Тимоша и граціозно кружилась съ нимъ въ вихрѣ бѣшеной пляски, не чувствуя утомленія.

Василій, заложивъ руки за спину, исподлобья посматривалъ на нихъ и, видя, что они не думаютъ кончать, махнулъ, нако-

пецъ, нетерпѣливо бандуристу. Тотъ понялъ этотъ жестъ и сразу оборвалъ мотивъ на полтактѣ.

Тимошъ съ господаршей остановились.

— Гарно играетъ дидусь! проговорилъ Тимошъ, утирая потъ. А ужъ теща пляшетъ такъ, что и умирать не охота.

Господаршѣ сильно досталось отъ мужа, когда они остались вдвоемъ.

— Какъ тебѣ не стыдно въ твои годы вертѣться, какъ дѣвчонкѣ, раздраженно говорилъ князь.—Завтра же тебя поднимутъ на смѣхъ всѣ придворные. Еще, чего добраго, памфлеты на тебя напишутъ... И по дѣломъ: ты совсѣмъ забыла этикетъ.

Господарша молчала и только ея блестящіе черные глаза скользили по лицу ея мужа съ затаенною ненавистью и презрѣніемъ.

На другой день войско выступило въ походъ къ валашской границѣ. Передъ отъѣздомъ Тимошъ отыскалъ господаршу въ саду. Она сидѣла у скалы на одномъ изъ выступовъ и задумчиво перебирала душистую вѣтку яблони.

— Прощай, пани теща! сказалъ Тимошъ, низко кланяясь. У меня за тобой должекъ.

Господарша подняла на него свои большіе глаза.

— Забыла, небось! проговорилъ онъ, присаживаясь подлѣ и взявъ ее за руку.—А побратымство то? Вѣдь, поцѣлуй за тобой остался. Вотъ теперь на дорогу онъ и будетъ кстати. Быть можетъ, убьютъ меня волохи...

Господарша грустно покачала головой.

— У тебя все шутки на умѣ, сказала она. А мнѣ за тебя такъ страшно, такъ страшно, что я лучше бы отъ престола отказалась. Да и что мнѣ въ немъ? прибавила она съ горечью; я завидую Локсандрѣ и сама хотѣла бы быть простою козачкою, только быть свободной, не чувствовать вѣчныхъ оковъ.

— Эге-ге! Чего захотѣла! серьезно проговорилъ Тимошъ. Не знаешь ты нашихъ козачекъ, чѣмъ онѣ свободны? Онѣ также должны во всемъ подчиняться мужьямъ, да еще всю тяжелую работу на плечахъ нести.

Господарша вздохнула и вдругъ, какъ бы увлекаясь внезапнымъ порывомъ страсти, она быстро обвила руками шею

Тимоша и прильнула къ его губамъ такимъ жаркимъ поцѣлуемъ, что на секунду у него закружилась голова. Но не успѣлъ онъ обвить ея станъ дрожащими руками, какъ изъ за кустовъ послышался звонкій, густой хохотъ и мелькнули черные, злые глаза. Господарша вскрикнула и бросилась къ замку, а Тимошъ бросился въ кусты.

— Зелима! прошепталъ онъ.

Онъ слишкомъ хорошо зналъ эти злые глаза и густыя, рѣзкія, почти мужскія нотки этого голоса. Но въ кустахъ все стихло; никого нигдѣ не было видно, только нѣсколько сломанныхъ вѣтокъ и обсыпавшихся цвѣтковъ ясно говорили, что это было не видѣніе.

Тимошъ обошелъ садъ, осмотрѣлъ всѣ уголки и все таки не нашелъ Зелимы. А изъ узкой разщелины скалы, куда казалось бы не пробраться и мыши, за нимъ слѣдили два зоркіе глаза и скорчившаяся въ три погибели Зелима прошептала ему вслѣдъ:

— Иди, иди, измѣнникъ! Ищи Зелиму тамъ, гдѣ ея уже нѣтъ! Скоро настанетъ твой часъ, и Зелима отомститъ тебѣ.

Грозное войско козацкое съ огнемъ и мечомъ прошло по Валахіи. Никому не было пощады; не останавливались ни передъ чѣмъ, избивали всѣхъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Тимошъ какъ будто хотѣлъ подавить бушевавшія въ немъ страсти; онъ хотѣлъ заглушить укоры совѣсти, потопить въ крови воспоминанія и о Зелимѣ, и о господаршѣ, и о Локсандрѣ. Случалось, что козаки останавливались передъ святынею храма, гдѣ искали спасенія жители.

— Жечь и колоть! приказывалъ Тимошъ и въ глазахъ его свѣтилась ненасытная жажда крови.

Онъ самъ подавалъ примѣръ; а тѣхъ, кто не слушалъ его приказаній, рубилъ и кололъ безъ пощады.

Вся Валахія заволновалась. Передовыя войска волоховъ были разбиты, наконецъ, самъ Матѳей рѣшился выступить во главѣ своего войска и двинулся на встрѣчу ужасному врагу, получивъ помощь отъ Ракочія, подъ начальствомъ знаменитаго полководца Януша Кимени. Враги встрѣтились на берегахъ рѣки Яловицы

у мѣстечка Финта. Матѳей окопался, старался укрѣпить свой лагерь; козаки тоже образовали свой обычный четырехъугольникъ. Священники въ полномъ облаченіи ходили въ валашскомъ лагерѣ и служили молебны. Самъ князь исповѣдывался и пріобщился Св. Таинъ, онъ гордо сидѣлъ на конѣ, и объѣзжая войско, ободрялъ своихъ воиновъ, пришедшихъ въ ужасъ, при видѣ чуть не втрое превосходившей ихъ силы козаковъ.

— Не бойтесь! говорилъ онъ имъ. Надѣйтесь на Бога! Поддержите свою честь. Нужды нѣтъ, что войско врага превышаетъ насъ въ численности; мы знаемъ, что сила не въ количествѣ, а въ качествѣ. Мужайтесь же, храбрые воины! Богъ намъ поможетъ!

Въ козацкомъ лагерѣ Тимоѳей торопилъ всѣхъ къ наступленію; ему не сидѣлось на мѣстѣ, хотѣлось скорѣе кинуться въ битву, скорѣе сразиться съ врагомъ. Легкіе передовые козацкіе и татарскіе отряды бросились на валашскій лагерь, но получили дружный отпоръ. Самъ князь, въ сопровожденіи своей почетной стражи, кинулся впередъ, съ обнаженнымъ мечемъ, поражая непріятеля. Вдругъ онъ зашатался въ сѣдлѣ и навѣрное упалъ бы съ коня, если бы его не поддержали.

— Ваша свѣтлость, вы рискуете собою, говорили ему толпившіеся около бояре.

— Князь долженъ подавать примѣръ! проговорилъ онъ, пришпорилъ лошадь и помчался впередъ.

— Боже мой! вскрикнулъ кто то изъ бояръ. У князя вся нога въ крови!

Дѣйствительно, князь получилъ рану подъ самое колѣно, причинявшую жгучую боль, но онъ, не обращая на нее вниманія, скакалъ впередъ. Почти силою бояре заставили его сдѣлать перевязку. Какъ только она была окончена, Матѳей снова вскочилъ въ сѣдло.

Битва длилась до вечера съ перемѣннымъ счастьемъ. Груды тѣлъ покрывали поле битвы; а враги все не унимались, все съ большимъ ожесточеніемъ кидались другъ на друга. Козаки понемногу стали одолѣвать, и князь къ ужасу своему увидѣлъ, что передніе ряды смѣшались, а задніе стали медленно отступать къ рѣкѣ. Онъ поднялъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Боже милосердый! Сжалься надъ моимъ войскомъ! Не дай ему погибнуть, ниспосли намъ чудесное спасеніе.

Въ ту же минуту въ валашскомъ войскѣ неизвѣстно откуда появилась женщина съ распущенными волосами, падавшими до пятъ. Она указывала рукою на небо, туда, гдѣ громоздился цѣлый рядъ высокихъ горъ и кричала бѣжавшимъ солдатамъ:

— Безумные, опомнитесь! Спасеніе ваше близко!

Дѣйствительно, изъ за горъ поднялась грозная черная туча и застлала все небо. Не слышно было ни грома, ни молніи, а туча росла, чернѣла и, что всего страннѣе, она скользила мимо валашскаго лагеря, задѣвъ его только однимъ бокомъ, между тѣмъ какъ надъ козаками обрушилась неожиданнымъ ужаснымъ ливнемъ. Это было такъ называемое крушеніе облака, явленіе обыкновенное въ горахъ, но валахамъ, не чаявшимъ ни откуда спасенія, оно показалось истиннымъ чудомъ; они быстро сплотились, забывъ бѣгство; а странная колдунья кричала имъ:

— Подождите, подождите! Дайте ливню кончиться, онъ смоетъ половину вашихъ враговъ.

Дѣйствительно, сила бурлившаго потока, обрушившагося съ неба, была такъ велика, что онъ сбивалъ съ ногъ коней и въ нѣсколько секундъ заливалъ ихъ вмѣстѣ со всадниками. Сильный вихрь свистѣлъ и ревѣлъ въ лагерѣ, точно тысяча вѣдьмъ пѣли похоронную пѣснь надъ погибавшими воинами. На всѣхъ напалъ суевѣрный страхъ. Молдаване первые обратились въ бѣгство; за ними послѣдовали татары, и только еще козаки держались на мѣстѣ и упорно боролись съ грозною стихіею. Въ нѣсколько минутъ вода сдѣлала такія опустошенія, какихъ за цѣлый день не могла произвести битва. Наконецъ, ливень сталъ стихать.

— Пора! крикнулъ Матѳей и бросился со своими воинами на разстроенные ряды козаковъ, не успѣвшихъ оправиться отъ неожиданнаго потопа.

Весь козацкій лагерь представлялъ озеро воды, она теперь быстро убывала, открывая груды труповъ, перемѣшанныхъ съ обломками возовъ, шатровъ и разной утвари.

Матөей одержалъ полную побѣду. Ему достался весь лагерь, а двѣ тысячи козаковъ и нѣсколько тысячъ молдаванъ положили оружіе.

Василій, Тимошъ, Носачъ, Пушкарь и Өедоренко успѣли ускользнуть и поспѣшили въ Галацъ. Тимошъ тотчасъ же послалъ гонца къ господаршѣ, предупреждая ее о грозящей ей опасности. Господарша бровью не двинула при этомъ извѣстіи, послѣдніе дни она точно окаменѣла и, услышавъ о пораженіи, оживилась на одинъ только моментъ, когда ей сказали, что Тимошъ живъ и спасся. Вѣрныя ея боярыни совѣтовали ей бѣжать изъ Яссъ и она машинально послѣдовала ихъ предложенію, велѣвъ собрать всѣ сокровища и перевезти ихъ въ Сочаву.

Въ темную ночь перебралась и сама господарша съ своимъ шестилѣтнимъ сыномъ Василіемъ и нѣсколькими приближенными въ этотъ укрѣпленный замокъ и тотчасъ же послала гонца въ Галацъ, гдѣ еще находились господарь и Тимошъ. Василій рѣшилъ ѣхать въ Константинополь и просить помощи у султана, а Тимошъ вернулся въ Украйну, давъ знать господаршѣ, что онъ будетъ къ ней со свѣжими силами.

ГЛАВА XI.

РЕВНОСТЬ.

Локсандра съ тревогою ожидала вѣстей изъ Молдавіи; но ихъ не было. Гетманъ начиналъ безпокоиться и разсылалъ гонцовъ къ границамъ Украйны, но вотъ уже третій гонецъ пропадалъ безслѣдно, и Богданъ не зналъ, что и думать.

Стоялъ жаркій іюньскій день. Солнце жгло невыносимо, и Локсандра не знала, куда дѣться отъ безчисленныхъ мошекъ, мухъ и комаровъ. Она вышла изъ дому и пошла бродить по лугамъ обширнаго суботовскаго угодья, разсѣянно любуясь на косарей въ ихъ бѣлыхъ расшитыхъ рубашкахъ. У опушки молодой рощи она прилегла въ высокую траву и задремала.

Вдругъ она услышала сквозь сонъ, что кто-то назвалъ ее по имени. Въ полной увѣренности, что это кто нибудь изъ до-

машнихъ, она лѣниво полуоткрыла глаза; но вдругъ вскочила въ испугѣ, увидѣвъ надъ собою хорошо врѣзавшееся въ ея памяти лицо татарки. Въ первый моментъ, подчиняясь инстинктивному страху, она хотѣла бѣжать; но, увидавъ невдалекѣ косарей, оправилась и спросила:

— Что тебѣ отъ меня нужно?

— Не пугайся, госпожа! съ злобною усмѣшкою отвѣчала татарка. Зелима принесла тебѣ вѣсти изъ Молдавіи, хорошія вѣсти, какихъ ты и не ждешь...

Она засмѣялась беззвучнымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

— Говори, говори скорѣе! забывъ страхъ, схвативъ татарку за руку, торопила Локсандра. Побѣдили они? Скоро Тимошъ вернется?

Зелима, видимо, наслаждалась нетерпѣніемъ Локсандры. Скрестивъ на груди руки, она стояла передъ нею и не торопилась отвѣчать, наконецъ медленно проговорила:

— Аллахъ наказалъ жестокаго козака; онъ наслалъ на него воду, а съ водою не такъ то легко воевать...

— Что ты говоришь? прервала Локсандра, я не понимаю тебя, говори яснѣе... Какую воду? Вѣдь они побѣдили?

Татарка отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ! проговорила она. Ихъ побѣдила вода, а волохи добили...

Локсандра схватилась за грудь и съ ужасомъ смотрѣла на татарку.

— Тимошъ здоровъ? спросила она нерѣшительно.

— Здоровъ! отвѣчала Зелима. Только не твой онъ больше, онъ измѣнилъ и тебѣ, какъ измѣнилъ Зелимѣ.

Локсандра выпрямилась; теперь она была увѣрена, что злая татарка все налгала.

— Неправда! крикнула она. Ты пугаешь меня, ты злая колдунья.

Зелима засмѣялась.

— Что жъ, ты узнаешь это и не отъ меня, проговорила она. Но Зелима никогда не лжетъ, она сама видѣла, какъ онъ цѣловалъ твою мачиху.

Это было уже слишкомъ; гнѣвъ Локсандры дошелъ до крайнихъ предѣловъ.

— Гей, люди! крикнула она.—Сюда!

Косари, работавшіе шагахъ во ста, поспѣшили на зовъ пани. Но Зелима, какъ дикая кошка, въ нѣсколько прыжковъ была уже въ лѣсу и всѣ розыски остались тщетными. Въ сильномъ волненіи вернулась Локсандра домой и сейчасъ же прошла къ гетману, безпечно курившему трубку въ саду подъ грушевымъ деревомъ. Она разсказала ему все, что съ нею случилось. Гетманъ въ тревогѣ вскочилъ съ мѣста и послалъ еще нѣсколько гонцовъ къ границѣ Молдавіи. Но это было напрасно, гонцы встрѣтились съ остатками козацкаго войска почти у самаго Суботова и вернулись вмѣстѣ съ Тимошемъ. Гетманъ чуть не плакалъ, услыхавъ объ участи посланнаго отряда. Волохи и плѣнныхъ не пощадили—всѣхъ порубили.

— Слышь, батько, пусти насъ опять отомстить волохамъ! говорилъ Носачъ.

Гетманъ ничего не отвѣчалъ. Онъ, угрюмый, прошелъ къ себѣ въ комнату и потребовалъ горилки.

— Гдѣ же отецъ? спрашивала Локсандра.

— Онъ ушелъ въ Турцію просить помощи у султана.

— А мачиха? спросила она немного дрогнувшимъ голосомъ.

— Бѣжала въ Сочаву, лаконически отвѣтилъ Тимошъ.

Локсандра вздохнула и прижалась къ мужу.

— Тимошъ! прошептала она робко. Ты не поѣдешь больше?

Тимошъ не понялъ вопроса.

— Не безпокойся, голубка моя! проговорилъ онъ: я не оставлю ихъ, я выпрошу у отца еще войскъ и пойду выручать твою мачиху.

Что-то кольнуло Локсандру въ сердце.

— Зачѣмъ тебѣ идти самому? быстро проговорила она. Можно послать имъ войско.

Тимошъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вѣдь это твой отецъ, сердце мое! твоя мачиха, она взростила тебя! я думалъ, что ты просишь меня идти къ нимъ на помощь.

— Я изстрадалась безъ тебя, Тимошъ! страстно проговорила она, и не могу тебя пустить. Сердце чуетъ недоброе... Много

отецъ пролилъ крови на своемъ вѣку... Много слезъ текло изъ за него... Вотъ отчего ему и нѣтъ удачи... И не хочу я, чтобы и ты вмѣстѣ съ нимъ погибъ, и не пущу я тебя. Сама пойду къ гетману и попрошу, чтобы онъ не давалъ тебѣ войска...

— Сердце мое, нельзя этого! Я слово имъ далъ; а козацкое слово—надежное слово!

— Такъ пошли имъ войско. Мало ли у васъ полковниковъ?

— Не то это будетъ. Я обѣщалъ самъ придти, самъ и долженъ.

— Кому обѣщалъ? пытливо спросила она.

— Отцу твоему обѣщалъ, мачихѣ; я послалъ къ ней посла, сказалъ, чтобъ она сидѣла въ Сочавѣ, что я приду къ ней на выручку.

Локсандра гнѣвно взглянула ему въ лицо.

— Значитъ правда то, что мнѣ сказала татарка, задыхаясь, проговорила она.

— Какая татарка?

— Та, которой ты измѣнилъ такъ, какъ теперь измѣняешь мнѣ! Ступай, иди, защищай ее! Я вижу, что она тебѣ дороже меня.

Тимошъ молча, смущенно глядѣлъ на Локсандру.

— Про кого ты говоришь? спросилъ онъ тихо.

— Про нее, про ту, что стала тебѣ милѣе жены! Иди къ ней, защищай ее; а я умру здѣсь безъ тебя!

— Ты съ ума сошла, Локсандра! проговорилъ наконецъ Тимошъ. Не могу же я съ тобою оставаться здѣсь, когда я далъ слово придти спасать ихъ! И долженъ я отомстить волохамъ, они покрыли мою славу позоромъ... Какой же буду козакъ, если спрячусь за женину юбку, послѣ того какъ они меня побили!

Локсандра ничего не отвѣчала. Въ сильномъ волненіи она встала съ лавки и вышла изъ комнаты.

— Какая муха ее укусила? проговорилъ Тимошъ, глядя ей вслѣдъ. И чего тутъ напутала эта вѣдьма?

На другое утро Тимошъ пошелъ къ отцу. Несмотря на вчерашнюю выпивку, Богданъ, совсѣмъ бодрый, сидѣлъ за своимъ столомъ и писалъ какія-то письма.

— Батько, какъ же съ волохами? нерѣшительно проговорилъ Тимошъ. Нельзя же такъ оставить, надо имъ отомстить.

— Видишь ли, сынку! серьезно сказалъ Богданъ. Еслибъ мы не были съ тобою дурни, то мы совсѣмъ бы не связывались съ этимъ молдавскимъ волкомъ. Ну, да что дѣлать! Пропавшаго не воротишь. А теперь, если ужъ на то пошло, поддержать честь козацкую надо. Вотъ видишь, я и пишу грамоту, и пишу къ брату моему, турецкому султану, чтобы далъ онъ войска Василію.

— А ты развѣ ужъ знаешь, съ удивленіемъ спросилъ Тимошъ, что Василій уѣхалъ въ Константинополь?

— Все знаю, отвѣчалъ Богданъ, Носачъ и Пушкарь у меня здѣсь съ самаго утра сидѣли. Что дѣлать, сынку! противъ гнѣва Божія не пойдешь. А теперь бери опять войско, только много дать тебѣ не могу, у самого ляхи на шеѣ сидятъ... Тысячъ восемь дамъ и Θедоренка въ придачу. Султанъ моей просьбы послушается; а съ татарами вы, навѣрное, одолѣете волоховъ.

— Спасибо, батько! сказалъ Тимошъ съ низкимъ поклономъ.

— Чѣмъ скорѣе выступишь, тѣмъ лучше, продолжалъ Богданъ, по пословицѣ: куй желѣзо, пока горячо. Надо имъ не дать оправиться. А побьешь ихъ, садись на валашскій престолъ, удержать—удержимъ. Придется твоей горлицѣ еще безъ тебя поскучать! прибавилъ онъ, смѣясь.

Тимошъ тоже улыбнулся.

— Ея бабье дѣло! отвѣчалъ онъ. Пошла за козака, такъ сиди одна дома.

— Когда же ты думаешь собраться?

— По мнѣ, батько, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: волохи спать мнѣ не дадутъ, пока не разобью ихъ на голову.

— Добре, сынку! Что добре, то добре! Только горячиться не слѣдъ. Я тебѣ отберу людей, а твое атаманское дѣло пересмотрѣть, чтобы все было исправно. Казны на этотъ разъ жалѣть не будемъ. Пороху забирайте втрое. Знаю я Сочаву, крѣпость добрая, тамъ можно отсидѣться хоть годъ... Отстрѣливайтесь и отсиживайтесь, пока не подоспѣютъ татары... А тамъ съ Божьей помощью и схватитесь съ волохами... Ну, Богъ съ тобой, сынку! проговорилъ Богданъ, вставая. Ступай, принимайся за дѣло! Свой глазъ вездѣ нуженъ.

Тимошъ низко поклонился отцу и вышелъ.

Локсандра ходила сама не своя; она выносила сильную нравственную борьбу: съ одной стороны, она сознавала, что Тимошъ долженъ сдержать свое слово; она не могла не восхищаться его храбростью, его неустрашимостью; но слова татарки, съ другой стороны, не давали ей покоя. Съ какимъ то страхомъ она себѣ представляла, что Тимошъ будетъ сидѣть одинъ съ мачихою въ этомъ осажденномъ городѣ, будетъ видѣться съ нею постоянно, а она останется одна со своими невеселыми мыслями и опасеніями. Какая то тоска грызла ей сердце. Ей бы хотѣлось ни на шагъ не отпускать отъ себя Тимоша, а онъ между тѣмъ безпрестанно уходилъ отъ нея, занятый сборами въ походъ, и разсѣянно слушалъ ея упреки. „Онъ не любитъ меня больше!“ думалось Локсандрѣ и она горько плакала, уйдя въ свою свѣтелку.

— Полно горевать! утѣшала ее чернобровая Ганна. Наша женская доля такая. Вотъ, я помню, моя мать тоже была какъ ты. Уѣдетъ отецъ въ Сѣчь, она и ну плакать, не ѣстъ, не пьетъ; сама себя тоской томитъ... Ну, и истомила: въ тридцать лѣтъ стала старухой и не мила стала отцу; началъ онъ похаживать къ сосѣдкѣ, а мать совсѣмъ покинулъ... А по мнѣ хоть бы и совсѣмъ этихъ мужчинъ не было... Провались они! То ли дѣло безъ нихъ, тихо, смирно, никто не шумитъ. Есть о чемъ плакать!

Но эти утѣшенія еще больше растравляли сердце Локсандры; она не могла задавить тоски и сознавала, что отъ слезъ не похорошѣетъ.

Насталъ, наконецъ, день отъѣзда. Тимошъ стоялъ передъ Локсандрой въ боевомъ нарядѣ съ пистолетами и кинжаломъ за поясомъ, съ винтовкою за плечами, статный, молодцеватый, въ полномъ сознаніи своей юношеской силы. Краше чѣмъ когда либо онъ казался ей теперь.

— Тимошъ! Отрада моя, жизнь моя! закричала она съ воплемъ, кидаясь ему на грудь, не пущу я тебя! Не отдамъ я тебя никому! Сгубятъ они тебя тамъ! Приворожатъ, разлучатъ со мною.

Въ волненіи обнялъ ее Тимошъ и нѣжно проговорилъ:

— Не томи меня, мнѣ и такъ тяжко уѣзжать отъ тебя!

— Поклянись, что ты не измѣнишь мнѣ! вдругъ проговорила она, подводя его къ образу Пречистой Божіей Матери, висѣвшему въ углу свѣтелки въ богатомъ золотомъ окладѣ.

— Клянусь! торжественно проговорилъ Тимошъ. Будь спокойна, сердце мое! Не мучь себя напрасными мыслями. Я потороплюсь управиться съ волохами, а какъ вернусь, ты подаришь меня сыномъ... Теперь же береги себя!

Онъ обнялъ ея сильно пополнѣвшій станъ; еще прижалъ ее къ груди, и быстро вышелъ изъ свѣтелки. Въ первый разъ, какъ онъ собрался въ походъ, имъ овладѣла какая то слабость, ему страстно захотѣлось остаться возлѣ любимой жены, ему вдругъ показались такъ дороги и хуторъ, и родные, и Локсандра, взятая съ такимъ трудомъ. Онъ бѣжалъ теперь отъ самого себя, отъ собственной минутной слабости. Выйдя на крыльцо, гдѣ всѣ его ужъ ждали, онъ увидѣлъ, что молодой оруженосецъ его осматриваетъ коня.

— Что ты? нетерпѣливо замѣтилъ онъ ему, собираясь занести ногу въ стремя.

— Конь расковался! отвѣчалъ тотъ хладнокровно.

— Тьфу, лихо васъ возьми! Что же ты думалъ раньше?

— Былъ подкованъ вчера! отвѣчалъ тотъ флегматически, да вотъ расковался; тутъ не спроста! прибавилъ онъ. Не къ добру это!

— Брєши тамъ еще! сердито вскрикнулъ Тимошъ. Чтобъ сейчасъ былъ конь подкованъ!

Всѣ вошли въ хату и присѣли. Сошла внизъ и Локсандра. Она была рада этой проволочкѣ, усѣлась подлѣ Тимоша и не сводила съ него глазъ.

Наконецъ, привели подкованнаго коня. Тимошъ сѣлъ въ сѣдло, обнялъ Локсандру, кивнулъ всѣмъ головой и поскакалъ къ сборному пункту, гдѣ его уже ждалъ Ѳедоренко съ козаками.

О. Рогова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

189.

Дукаты и намыста.

„Иногда мелочи, говоритъ М. де Вогюэ, цвѣтовые оттѣнки, звуки, удивительно отчетливо запечатлѣваются въ нашихъ глазахъ или ушахъ и навѣки остаются въ нашей душѣ. Это было прелестнымъ лѣтнимъ вечеромъ на маленькой почтовой станціи въ одной изъ малороссійскихъ губерній. Ямщики только что занялись закладкой лошадей; между тѣмъ я обратился къ дочери станціоннаго смотрителя съ просьбой принести мнѣ стаканъ воды. Маленькая хохлушка, одѣтая въ граціозный національный костюмъ, съ старымъ серебрянымъ рублемъ на бархатной лентѣ на шеѣ, который она все время перебирала своими пальчиками, вышла изъ комнаты и скоро вернулась съ налитымъ до половины графиномъ, и въ то время какъ она нагнулась, чтобы налить мнѣ воды, бархатка коснулась графина и рубль покатился по хрустальному горлышку; при этомъ отъ соприкосновенія серебра со стекломъ раздался замѣчательно чистый и пріятный звонъ, такъ что даже сама красавица пришла въ восхищеніе и съ веселымъ смѣхомъ стала, на этотъ разъ уже нарочно, воспроизводить своеобразный звукъ. Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ дальше; но звучная гамма долго еще переливалась въ моихъ ушахъ, медленно замирая, подобно трели соловья, среди необъятной

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 7.

тишины іюльской ночи въ нѣмой степи" (*Вогюэ,* Совр. руск. писат. Тургеневъ, 5). Такіе рубли съ отверстіемъ съ краю для ношенія на шеѣ называются дукатами. Дѣвушки носятъ ихъ на шеѣ; замужнія и пожилыя женщины берегутъ въ сундукѣ и только въ случаѣ крайней нужды разстаются съ ними. Такъ, въ „Мертвецкомъ Велык-днѣ" Квитки „Приська черезъ таке лыхо (пьянство мужа) попереводыла и въ себе, що було у скрыни изъ хорошои одежи, и намысто, и дукаты, и хресты, и усякую худобу" (*Квитка,* I, 119). Слово дукатъ встрѣчается почти во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, у чеховъ и поляковъ (словари *Юнгмана* и *Линде*) въ значеніи червонца, золотой монеты, и съ такимъ же значеніемъ слово это бытуетъ въ Малороссіи. Въ „Солдатскомъ портретѣ" Квитки на ярмаркѣ на дивчатахъ „золоты дукаты та срибны хресты такъ и ссяютъ". Иногда дукатами или дукачами называютъ и серебряные рубли, носимые на шеѣ. Старинные золотые дукачи въ крестьянской средѣ въ настоящее время весьма рѣдки (*Чубинскій,* VII, 426, *Головацкій,* въ Зап. геогр. общ., 1877, VII, 502).

Въ народномъ быту болѣе сохранились монеты, по сравнительной съ дукатами дешевизнѣ. „Намысто въ одинаковомъ употребленіи по всѣмъ мѣстностямъ, занимаемымъ малоруссами. Оно служитъ украшеніемъ не только для дѣвушекъ, но и для молодыхъ замужнихъ женщинъ; пожилыя женщины если и носятъ намисто, то въ самомъ незначительномъ количествѣ и то темнаго цвѣта. Дѣвушки поступаютъ наоборотъ: онѣ болѣе пристрастны къ яркимъ цвѣтамъ— красному, зеленому, голубому и проч. Въ обыденное время, въ особенности при исполненіи полевыхъ работъ, дѣвушки надѣваютъ немного намиста, боясь его разорвать, растерять. За то въ праздникъ, когда онѣ идутъ въ церковь, или же на „музыки", вся грудь завѣшивается разноцвѣтнымъ намистомъ, между которымъ первую роль играетъ „доброе намысто", т. е., коралловое, которое попадается только у болѣе зажиточныхъ крестьянъ; бѣдные покупаютъ намисто, приготовленное изъ разноцвѣтнаго стекла, причемъ красный цвѣтъ предпочитается" (*Чубинскій,* VII, 425). Какъ украшеніе преимущественно дѣвичье, намисто и липацерки (бусы) стало символомъ дѣвственности, такъ что въ народной поэзіи разорвать пацерки значитъ нанести дѣвушкѣ большое оскорбленіе (въ галицко-русской

пѣснѣ въ сб. *Головацкаго*). Въ болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ разрывъ бусъ символизируетъ потерю невинности. Такъ, въ свадебной пѣснѣ: „четыре горы высокихъ и два оврага глубокихъ; всѣ дѣвушки ихъ прошли; дѣвица Ганка не могла. Ее Стоянъ перевелъ, никакого вреда ей не сдѣлалъ, только бусы оборвалъ. А Ганка заплакала: „Господи, Боже, что я матери скажу!..". Стоянъ ее успокаиваетъ: „молчи, Ганка, не плачь. Вмѣстѣ бусы оборвали; вмѣстѣ ихъ и нанижемъ; ты будешь нитки крутить, а я буду бусы нанизывать" (*Боевъ*, въ Сборн. матер. по этн., изд. Дашк. этн. муз. I, 31). Въ послѣднее время въ Малороссіи и „намысто" начинаетъ выходить изъ употребленія, по мѣрѣ распространенія въ селѣ женскаго мѣщанскаго костюма. Вмѣсто многихъ нитокъ „намыста" ограничиваются двумя, тремя, или замѣняютъ ихъ червонцемъ, или крестикомъ, или дешевой брошью.

Въ Галиціи мѣщанки и крестьянки очень любятъ носить ожерелье, или „кораллы". Чѣмъ большей величины кораллы, чѣмъ болѣе „снурковъ" кораллъ на шеѣ, тѣмъ болѣе величается галицко-русская женщина. Большій кораллъ стягиваютъ серебряной обручкой, чтобы не раскололся. Кораллы нижутся на шелковый снурокъ, и расположеніе снурковъ слѣдуетъ извѣстному порядку: вверху на шеѣ навязывается небольшой снурокъ съ меньшими кораллами (якъ горохъ); затѣмъ слѣдуютъ снурки болѣе длинные и съ большими кораллами, такъ что послѣдній снуръ бываетъ въ ³/₄ аршина длины, съ кораллами величиной въ лѣсной орѣхъ. Кромѣ ковалловъ навѣшиваютъ еще на шею бусы, крестики. У гуцулокъ стеклянные кораллы имѣютъ разныя названія: краснаго цвѣта—кровавници, блестящіе серебрянаго и золотаго цвѣта—блискавки, бѣлаго—перлы или жемчуги. Между крестиками привѣшиваютъ мѣдные перстни—**жуковины** (*Головац.*, въ Зап. геогр. общ. 1877. VII, 501, 550).

Для сравненія съ намистомъ могутъ идти различнаго рода бусы, находимыя въ южно-русскихъ курганахъ (находки г. Самоквасова, В. Б. Антоновича, Оссовскаго и Руликовскаго). Каменнымъ бусамъ, находимымъ въ изобиліи на правомъ берегу Днѣпра, посвящена спеціальная статья *Руликовскаго* въ V т. Zbiór wiadomosci, 46—55. Содержаніе этой статьи настолько интересно, что мы здѣсь изложимъ его въ короткихъ словахъ. Каменныя бусы встрѣчаются очень

часто по берегамъ рѣкъ Стугны, Унавы, Ирпеня и др. днѣпровскихъ притоковъ, затѣмъ на Волыни въ овручскомъ уѣздѣ. По р. Стугнѣ каменные бусы встрѣчаются во всѣхъ селахъ. Крестьяне находятъ ихъ въ поляхъ и лѣсахъ. Каждый сильный дождь выноситъ ихъ на поверхность земли. Бусинки сдѣланы изъ краснаго слоистаго камня, который находится въ овручскомъ уѣздѣ, гдѣ, вѣроятно, и фабриковались эти издѣлія. Форма бусинокъ—круглая, съ отверстіемъ внутри, иногда съ орнаментами наружи въ видѣ линій или зубцевъ. Крестьяне называютъ ихъ „каминчики жиночи“ и берегутъ съ суевѣрными и лѣчебными цѣлями. Существуетъ повѣрье, что эти камни „ростутъ изъ земли“ и приносятъ счастье тому, кто нашелъ ихъ. Послѣ освященія въ церкви эти бусы отгоняютъ „лихую тварь“ т. е. вѣдьмъ и помогаютъ въ болѣзняхъ скоту и людямъ въ особенности женщинамъ, „жинкамъ подобають на живитъ“. Эти камешки надѣваютъ коровамъ на шею, чтобы отогнать вѣдьмъ. Въ старинное время женщины вставляли ихъ въ бусы, какъ талисманъ. Въ болѣзняхъ растираютъ камни и пьютъ на водѣ. Въ овручскомъ уѣздѣ эти каменныя бусинки называются „помочниками“: помогаютъ отъ сглазу, отравы и боли живота. Мѣстные жиды вѣшаютъ ихъ своимъ дѣтямъ на шею вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, кусочками серебра и желѣза, какъ амулетъ. Сходные каменные бусы были найдены въ Скандинавіи, Германіи (Мекленбургѣ), Великороссіи (по р. Окѣ—зеленаго цвѣта). Называютъ ихъ обыкновенно пряслицами. О значеніи и употребленіи ихъ существуютъ разныя мнѣнія (надѣвались на прялки, сѣти). Наиболѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе Руликовскаго, что это были амулеты. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ множество находокъ, красный цвѣтъ бусъ, ихъ орнаментика, народныя преданія и современное значеніе ихъ у крестьянъ, какъ охранительнаго и лѣчебнаго средства.

190.

Обрядовое употребленіе хустки.

Въ сочиненіи „О свадебныхъ обрядахъ“ на стр. 199—201 я довольно подробно говорилъ объ употребленіи и значеніи платка и

полотенца на свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ. Не повторяя изложенныхъ здѣсь фактовъ, я приведу въ настоящей статьѣ нѣсколько новыхъ фактовъ, въ дополненіе къ прежнимъ.

Въ стихотвореніи Т. Шевченка „Хустына":

У недилю не гуляла
На шовкъ заробляла,
Та хустыну вышивала,
Вышиваючи спивала:
„Хустыночко мережаная
Вышиваная!
Выгаптую — подарую
А винъ мене поцилує»...

Въ числѣ многочисленныхъ у славянъ и нѣмцевъ случаевъ обрядоваго употребленія платка выдается слѣдующій оригинальный тирольскій обычай: „когда дѣвушка идетъ къ вѣнчанію, то, не доходя до церкви, мать передаетъ ей платокъ, который предназначается для утиранія дѣвичьихъ слезъ. Послѣ свадебныхъ празднествъ невѣста убираетъ этотъ платокъ на извѣстное мѣсто въ шкафу, чтобы никогда не употреблять его; прибираетъ-ли она шкафъ или вытряхаетъ, платокъ остается неприкосновеннымъ. Дѣти выростаютъ, женятся, дочери получаютъ новые платки отъ матери; ея-же платокъ остается на прежнемъ мѣстѣ; наконецъ, молодые годы проходятъ, она старится, переживаетъ мужа и дѣтей, и, наконецъ, сама закрываетъ глаза. Тогда берется платокъ и выполняетъ вторую свою обязанность—прикрывать глаза умершей—и кладется съ ней въ могилу". *(Харьк. Вѣд.*, 1890, № 107).

Сходные обряды встрѣчаются далеко за предѣлами славянскаго міра. Такъ, у афганъ дѣвушка-невѣста выражаетъ свое согласіе тѣмъ, что вручаетъ жениху платокъ *(Лефренъ*, въ „Дѣлѣ", 1868, I, 127). Въ сѣверо-западной Монголіи свахи даютъ жениху одинъ конецъ платка, а за другой конецъ держитъ невѣста. Это означаетъ соединеніе молодой четы. Держась за платокъ, молодые обходятъ юрту *(Потанинъ,* IV, 32).

Встрѣчающійся въ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и др. сказкахъ платокъ, повидимому, представляетъ варіантъ обряднаго свадебнаго платка. Въ одной французской сказкѣ (изъ Лотарингіи) на тему о подаркахъ трехъ животныхъ, царевна, освобожденная сапож-

никомъ отъ семиголоваго чудовища, даритъ своему освободителю платокъ, вышитый по угламъ золотомъ и потомъ выходитъ за него замужъ (*Cosquin,* Contes populaires, I, 168).

191.

Амулеты.

Амулеты, или личные талисманы, мистическіе охранители людей и животныхъ отъ болѣзней, сглазу и козней вѣдьмъ и злыхъ духовъ, встрѣчаются у всѣхъ народовъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что у народовъ дикихъ и варварскихъ они многочисленны, разнообразны и въ бытовой жизни играютъ важную роль, а у народовъ культурныхъ малочисленны и малозначительны, причемъ существуютъ лишь, какъ обломокъ глубокой старины, въ низшихъ классахъ населенія. Амулеты возникли изъ робости и безсилія народнаго ума, въ отдаленную эпоху, при крайней подавленности человѣка силами природы. Одухотворяя и олицетворяя эти силы въ видѣ боговъ или демоновъ, человѣкъ древняго времени всѣхъ національностей старался привлечь вниманіе и поддержку первыхъ и устранить вторыхъ посредствомъ заклинаній, заговоровъ, употребленія пріятныхъ богамъ и непріятныхъ демонамъ зелій и предметовъ, мистическія свойства которыхъ опредѣлялись по ихъ формѣ, цвѣту, запаху или случайнымъ обстоятельствамъ, когда одна или нѣсколько удачъ обусловливали уже благотворность предмета, бывшаго въ употребленіи или находившагося на лицо.

У негровъ, наиболѣе расположенныхъ къ амулетамъ, амулетами бываютъ баранья кость, волосъ быка, львиный волосъ, деревянныя палочки различнаго вида и пр. (*Reville,* Les relig., I, 79, 152, 178, 186, 189). Въ средневѣковой Европѣ большое значеніе, какъ амулеты, имѣли разные камни, мистическія свойства которыхъ разъяснялись въ ляпидаріяхъ. Они проникли въ народный бытъ и нынѣ еще встрѣчаются во Франціи (*Revue* des trad. popul., 1889, 363). Сказанія о чудесныхъ свойствахъ камней часто встрѣчаются и въ древнихъ памятникахъ русской литературы, начиная отъ Святославоваго сборника 1073 г. до проповѣдей Галятовскаго и Бара-

новича включительно. Въ русскій народъ проникло немного амулетовъ изъ драгоцѣнныхъ камней, вѣроятно, по рѣдкости и дороговизнѣ ихъ. Въ древнее время амулеты были весьма распространены въ западной Европѣ. Во Франціи противъ нихъ писалъ въ VII в. Елои. Руанскій синодъ 874 г. запрещаетъ класть амулеты въ дуплахъ деревьевъ и на перекресткахъ дорогъ (*Rulikowski,* въ Zbiór. Wiadom , V, 52). Запрещенія эти не уничтожили амулетовъ; они встрѣчаются и нынѣ во Франціи, даже у парижанъ (*Revue des trad. popul.,* 1889, 363, 576).

Въ Малороссіи амулеты мало распространены и далеко уступаютъ по значенію заговорамъ и заклинаніямъ. Нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, заимствованы отъ другихъ народовъ.

Въ значеніи личныхъ амулетовъ, отличныхъ по употребленію отъ домашнихъ талисмановъ (§§ 29—37 Культ. переж.), въ Малороссіи, сколько мнѣ извѣстно, употребляются волчій зубъ, змѣиная головка, рачьи жерновки, лягушочья косточка, дѣтская сорочка (§ 78), веревка отъ висѣльника (114), кусочки освященнаго пасхальнаго хлѣба или чаще артоса, ладанъ, списки апокрифическаго Сна Богородицы, красныя повязки.

Волчій зубъ вѣшаютъ дѣтямъ на шею для облегченія зуборащенія. Въ § 144(26) замѣчено было, что въ Пруссіи съ тою-же цѣлью употребляютъ лисій зубъ (*Krause,* 84). Во Франціи дѣтямъ во время зубоpащенія навязываютъ на шею ожерелье изъ волчьихъ зубовъ или дѣлаютъ башмаки изъ волчьей кожи, на что есть указаніе въ постановленіяхъ Монтекасинскаго собора 1626 г. Въ голубятняхъ вѣшаютъ голову или хвостъ волчій, чтобы не ходила ласочка (fovines) (*Rolland,* Faune popul., I, 130). Въ Бельгіи въ окрестностяхъ Льежа во время желудочныхъ болей кладутъ на животъ кожу съ груди волченка, а экскременты волка считаются лучшимъ средствомъ отъ коликъ (*Comhaire,* въ Revue d. trad. popul., 1889, 363). Съ этими обычаями можно сравнить монгольскій обычай клясться зубомъ медвѣдя (*Потанинъ,* IV, 756).

Рачьи жерновки употребляются, вѣроятно, по сходству ихъ съ дѣтскими зубами. Ракъ входитъ въ народныя повѣрья о созываніи змѣй (*Манжура,* Сказки, 155) и въ народную медицину: въ Италіи—противъ отравы, въ Бельгіи—отъ болѣзни рака. Австрій-

скіе нѣмцы вѣрятъ, что лучшее средство отъ клоповъ—замуровать въ стѣнѣ живаго рака (*Rolland*, III, 233).

Жабья или *лягушечья косточка* употребляется въ присушкахъ, когда хотятъ возбудить любовь. Говорятъ, эта косточка получается такимъ образомъ: бросаютъ жабу въ муравейникъ, гдѣ муравьи объѣдаютъ все мясо, и затѣмъ берутъ изъ скелета приворотную загнутую косточку. Въ старину думали, что можно нанести человѣку большой вредъ, положивши во время сна подъ его голову жабу въ горшечкѣ. Обвиненія въ такомъ злодѣяніи встрѣчаются въ южно-русскихъ судебныхъ процессахъ XVIII в. (*Антоновичъ*, 357). Въ однихъ мѣстахъ Франціи бьютъ жабъ, вѣроятно, изъ опасенія колдовства, полагая, что онѣ сосутъ коровъ и отъ ихъ дыханія погибаютъ птицы; въ другихъ, относятся къ нимъ съ уваженіемъ, полагая, что онѣ предупреждаютъ человѣка въ случаѣ приближенія змѣи, помогаютъ въ лихорадкѣ, очищаютъ воду и воздухъ, поглощая изъ атмосферы ядовитыя вещества, почему жабу иногда привязываютъ къ постели больнаго или кладутъ въ кружку съ водой; вѣшаютъ въ конюшнѣ; мореходы берутъ съ собой на корабль, полагая, что крысы боятся жабъ (*Rolland*, III, 51, 52; *Comhaire*, 363). Подобнаго рода повѣрья распространены въ Швейцаріи, Австріи, Шотландіи (*Rolland*, III, 53). Въ классической древности ѣли жабъ, чтобы были дѣти (*Крушевскій*, Заговоры, 37).

Красныя повязки или ленты въ Малороссіи служатъ амулетами для людей и животныхъ. Ими перевязываютъ даже огородныя овощи (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 499).

Красныя перевязки служатъ симпатическимъ средствомъ отъ сглазу и болѣзней. Дѣлаютъ такія перевязки изъ нитокъ гаруса, полосокъ ситца, ленточекъ, и надѣваютъ ихъ на шею и на руки. Подобнаго рода обычаи встрѣчаются и въ другихъ странахъ. Такъ, въ Шотландіи женщины, въ предотвращеніе чаръ, обматываютъ свои пальцы краснымъ шолкомъ и весною, передъ выгономъ скота въ поле, обвязываютъ у коровъ хвосты красными нитками. Въ Германіи обвязываютъ скоту рога и шею красными лентами, чтобы предохранить его отъ всякихъ болѣзней и невзгодъ. Въ Индіи невѣстѣ привязывали на шею, въ качествѣ свадебнаго снурка, нитку изъ красной шерсти. Въ Китаѣ привязываютъ дѣтямъ къ кисти

руки что-нибудь красное и пріучають ихъ смотрѣть на красный цвѣтъ, какъ на лучшее предохранительное средство противъ злыхъ духовъ (*Шерцль,* въ Филол. зап., 1884, III, 61). Тожественное обыкновеніе существуетъ и въ Греціи (*Kulikowski,* въ Zbiór. Wiadom., V, 53).

192.

Демоническое значеніе удачной стрѣльбы.

Въ харьковской губерніи я слышалъ такое повѣрье: чтобы сдѣлаться искуснымъ стрѣлкомъ, нужно во время причащенія удержать часть Св. Даровъ подъ языкомъ, потомъ задѣлать ихъ въ кусочекъ дерева и носить при себѣ. Говорятъ, одинъ человѣкъ такъ и поступилъ; но при стрѣльбѣ онъ увидѣлъ передъ собой распятаго Спасителя. Это повѣрье принадлежитъ къ числу тѣхъ повѣрій, которыя можно считать заимствованными изъ западно-европейской средневѣковой демонологіи. У чеховъ записано такое повѣрье: взять въ великую пятницу Св. Дары, раздѣлить на три части, выстрѣлить каждой частью въ крестъ, изъ котораго тогда выступятъ три капли крови. Если этой кровью помазать ружье, то тогда не будетъ промаха (*Wisła,* 1890, II, 695). Такое же повѣрье бытуетъ у поляковъ. Въ 1879 г. одинъ полякъ крестьянинъ Матѳей Мизерскій выстрѣлилъ въ полевой крестъ. Отданный подъ судъ за кощунство, онъ бѣжалъ изъ родного села. Побудило его къ проступку повѣрье, что удача на охотѣ обусловливается тѣмъ, если на Рождество Христово или Свѣтлое Воскресеніе выстрѣлить въ ликъ Спасителя. Мизерскій былъ охотникомъ и раздѣлялъ суевѣріе своихъ односельчанъ (ib).

Къ чехамъ, полякамъ и малороссамъ повѣрье о демоническомъ значеніи удачной стрѣльбы проникло, вѣроятно, отъ нѣмцевъ. Въ Германіи записаны сходныя повѣрья, что для полученія удачи въ стрѣльбѣ нужно выстрѣлить въ Св. Дары или крестъ. Сказаніе о демоническомъ происхожденіи удачной стрѣльбы встрѣчается въ знаменитомъ памятникѣ обскурантизма „Молотѣ вѣдьмъ“ (Malleus maleficarum) 1487 года. Здѣсь волшебникъ Пункеръ получаетъ

отъ дьявола искусство мѣтко стрѣлять за то, что пустилъ однажды стрѣлу въ образъ распятаго Спасителя (*Rochholz,* Tell u. Gesler, 108).

Всѣ эти сказанія и повѣрья основываются на древнѣйшей связи стрѣльбы съ колдовствомъ. Эта связь въ настоящее время обнаруживается въ повѣрьяхъ многихъ дикихъ народовъ. Такъ, бигеносы искусную стрѣльбу объясняютъ колдовствомъ; знахари ихъ заговариваютъ пули (*Пинто,* въ „Вокругъ Свѣта", 1887, № 26, 411). Это повѣрье въ старину въ Малороссіи прилагалось преимущественно къ запорожцамъ. Въ преданіи о запорожцахъ: „якъ ихъ сганяли видсиль (т. е. съ р. Самары), то стриляютъ було у нихъ, а воны якъ мнячи пули ловлять та назадъ собе кидають" (*Манжура,* Сказки и преданія, 133). Въ настоящее время способность заговаривать пули приписываютъ колдунамъ, характерникамъ, или планетникамъ (*Podbereski,* Zbiór. Wiadom., IV, 61).

193.

Д и в ъ.

Одинъ изъ наиболѣе точныхъ и добросовѣстныхъ этнографовъ Руликовскій въ статьѣ „Zapiski etnograficzne z Ukrainy", напечатанной въ 3 т. „Zbiór Wiadom. do antrop. krajow.", замѣчаетъ: Въ селѣ Пашковцы кіевскаго уѣзда я слышалъ отъ крестьянина такое проклятіе: „щобъ на тебе дивъ прійшовъ" (90). Это, кажется, единственное указаніе на сохраненіе въ глуши украинской древняго Дива. Встрѣчающееся въ сказкахъ Дыво не имѣетъ къ этому Диву никакого отношенія, представляя странствующій литературный мотивъ.

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ „дивъ кличеть връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и Поморію и Посулію"... Объясненія Дива весьма разнообразны; филинъ (Грамматинъ), половецкое правительство (Шишковъ), чудо (Пожарскій), удодъ (Дубенскій), духъ тьмы, въ родѣ девовъ персидскихъ и индѣйскихъ (Максимовичъ), ночное чудовище (Тихонравовъ), горе—нужда (Потебня, Веселовскій). Большею частью переводятъ словомъ чудо, чудовище (*Барсовъ,* Лексикологія „Слова о П. И.", III, 194—199).

Параллели къ Диву могутъ быть многочисленны (сербскіе и болгарскіе дивы и самодивы, индійскіе, персидскіе и арабскіе дивы и девы и др.); но для объясненія Дива „Слова" и „Дива" Руликовскаго трудно почерпнуть что-либо изъ такого рода параллелей.

По моему мнѣнію, „Дивъ" Слова о п. И. и, вѣроятно, его отзвукъ—„Дивъ" Руликовскаго означаютъ лѣшаго. Прямымъ указаніемъ на такую природу „Дива" служитъ уже то, что онъ „кричитъ на деревѣ"—подробность часто встрѣчающаяся въ повѣрьяхъ о лѣшихъ, напр.: „сыдыть винъ на пеньку, бье молоточкомъ клынкы зъ дерева и свыстыть" (*Чубин.*, I, 193), „плачетъ и стонетъ", громко кричитъ на разные голоса (*Мандельштамъ,* Опытъ объяс. обыч. 171); шведы говорятъ, что лѣшій кричитъ га—га! нѣмцы—что онъ кричитъ ге—ге! (ib. 165). И по современнымъ народнымъ повѣрьямъ крикъ лѣшаго предвѣщаетъ несчастіе. Названіе лѣшаго Дивомъ встрѣчается также въ индійскихъ сказкахъ. Такъ, въ одной сказкѣ царевичъ разрѣзываетъ кинжаломъ рыбу, въ которую дивъ (лѣсной великанъ) спряталъ свою душу (*Cosquin,* Contes populaires, I, 175).

194.

Обаясныки.

Кто сильно горюетъ по умершемъ, то послѣдній обращается въ злаго духа перелестника и затѣмъ въ обаясныка и по ночамъ начинаетъ летать къ тому, кто плачетъ и горюетъ (*Podbereski,* въ Zbiór, IV, 9, *Чубин.,* I, 193). Этотъ демонъ издавна извѣстенъ подъ названіями летавца или упыря; и еще Иннокентій Гизель (XVII в.) упоминаетъ о зломъ бѣсѣ Летавцѣ. Повѣрье о летавцѣ много разъ уже разбиралось въ научной литературѣ, и здѣсь мы не будемъ на немъ останавливаться. Не лишено интереса новое его названіе обаясныкъ. Въ народномъ повѣрьѣ, записанномъ Подберескимъ, мертвецъ обращается въ перелесника и потомъ обаясныка, причемъ послѣднее оборотничество представляется ненужнымъ. Не отрицая возможности существованія въ Малороссіи названія колдуновъ или упырей обаясныками, отъ древнихъ славянскихъ словъ обаяти, ова-

вати (incantare), обаватель (incantator), я однако склоненъ видѣть въ обаясныкахъ Подберескаго обрывокъ книжныхъ сообщеній стараго времени. Въ Азбуковникахъ такъ объясняется змій Аспидъ: „Аспидъ есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота, а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ... Обаяницы, пришедши обаяти, копаютъ яму“ и далѣе идетъ разсказъ, какъ они сокрушаютъ аспида горячими клещами (*Буслаевъ,* Истор. очеркъ, I, 275). Въ простомъ народѣ могло уже произойти смѣшеніе обаяника съ змѣемъ и затѣмъ отожествленіе ихъ съ пріуроченіемъ къ циклу коренныхъ повѣрій объ упыряхъ.

195.

Многочисленность небесъ.

Въ Малороссіи повсемѣстно распространено повѣрье о многочисленности небесъ. Въ однихъ мѣстахъ, напр., луцкомъ уѣздѣ, признаюти три небесныхъ свода: высшій, гдѣ пребываетъ Господь, средній—жилище ангеловъ и нижній, гдѣ живутъ св. угодники Божіи. Въ другихъ мѣстахъ, напр., проскуровскомъ у., вѣрятъ, что за видимымъ небомъ есть еще шесть, и разстояніе между ними въ 12 разъ большее, чѣмъ между землей и небесною твердью. (*Чубин.*, I, 1 и 2).

Вѣрованіе въ многочисленность небесъ могло возникнуть въ глубокой древности у разныхъ народовъ, причемъ небеса, по солнечному освѣщенію, различались: стеклянное, хрустальное, мѣдное, какъ видно изъ сказокъ (*Аѳанас.,* Поэт. воззр. слав., I, 119--126).

Несомнѣнно, что повѣріе о многочисленности небесъ, независимо отъ возможной древней религіозно-миѳической основы, возникало и развивались подъ вліяніемъ средневѣковой схоластической науки. Повѣрье, что небесъ семь и что седьмое небо—рай, встрѣчающееся, между прочимъ, въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ (*Буслаевъ,* Нар. поэз., 498), перешло въ поговорку „на седьмомъ небѣ“, обычную въ настоящее время для выраженія высшей степени довольства. Несомнѣнно книжный источникъ имѣетъ записанное въ новгородъ-волынскомъ уѣздѣ повѣрье, что есть два неба, видимое

и эмпирейское; на первомъ живутъ святые и ангелы, на второмъ— Богъ. Видимое небо иногда раскрывается, и тогда богоугодные люди видятъ эмпирейское небо, такое ясное, какъ солнце (*Чуб.*, I, 3).

Уже въ первые вѣка христіанства извѣстны были мотивы о семи небесахъ, вошедшіе въ древніе апокрифы „Завѣты 12 патріарховъ" и „Восхожденіе Исаіи на небо (семь небесъ) (*Мочульскій*, О Голуб. кн. 70).

Южнорусскіе ученые и проповѣдники XVII вѣка часто заимствовали изъ средневѣковой схоластической науки свѣдѣнія о семи небесахъ, въ частности о небѣ эмпирейскомъ. Современныя народныя сказанія и повѣрья этого рода, по всей вѣроятности, ближайшимъ источникомъ имѣютъ южнорусскую схоластическую литературу XVII в. Галятовскій въ „Душахъ людей умершихъ" (1687 г.) говоритъ объ 11 небесахъ. Симеонъ Полоцкій признавалъ „трое небесъ: эмпирейское, неподвижное самое высшее, кристальное, движущееся съ неизреченною скоростію и твердь, раздѣляющаяся на два пояса—поясъ звѣздъ неподвижныхъ и поясъ планетъ".

196.

Основа земли.

Въ Малороссіи повсемѣстно распространено повѣрье, что земля стоитъ на рыбѣ или на двухъ рыбахъ или на двухъ китахъ (*Чубинскій*, I, 36—38; *П. И.* въ Харьк. Сборн. 1888, 89). Тожественное повѣрье существуетъ въ Галиціи и сѣверной Венгріи (*Archiv* f. slav. Philol. XI, 310), у великоруссовъ (ib. XII, 310—312), у словинцевъ, на рыбѣ фароникѣ, у сербовъ на змѣѣ или быкѣ (ib. 312), у французовъ (*Rolland*, Faune popul. въ разн. мѣстахъ).

И тутъ, какъ въ предыдущемъ §, можетъ быть двоякое объясненіе. Основа повѣрья, по всей вѣроятности, древняя, религіозно-миѳическая, что видно изъ существованія этого повѣрья у такихъ народовъ, какъ американскіе индѣйцы, которые не подвергались вліянію апокрифической литературы, и такихъ, какъ персы и монголы, относительно которыхъ христіанское литературное вліяніе могло

быть лишь случайнымъ. Во всякомъ случаѣ не лишено интереса то обстоятельство, что въ „Языкѣ птицъ“ персидскаго писателя XII вѣка Феридъ-Эдинъ-Атара земля стоитъ на рыбѣ, а въ сказкахъ монголовъ на лягушкѣ или быкѣ (*Потанинъ*, IV, 208, 221, 710, 737 и 799).

Разбирая мотивъ стиха о Голубиной книгѣ, что земля стоитъ на рыбѣ-китѣ, г. Мочульскій указываетъ на „Бесѣду трехъ святителей“, „Бесѣду Іерусалимскую“, „Повѣсть града Іерусалима“ и нѣкоторые другіе апокрифы, въ которыхъ основаніемъ земли является китъ (*Мочульскій*, 133—140). Г. Ягичъ всецѣло раздѣляетъ мнѣніе г. Мочульскаго: „Источникомъ народныхъ повѣрій о томъ, что земля лежитъ на рыбѣ, была космогонія апокрифовъ, которая часто находила мѣсто въ церковно-славянской литературѣ (*Archiv* f. slav. Phil. 1889, XII, 312). Я также раздѣляю это мнѣніе, тѣмъ болѣе, что малорусскія сказанія о китѣ-рыбѣ, какъ записаны они у Чубинскаго и Иванова, дословно совпадаютъ съ тѣмъ, что говорится о китѣ-рыбѣ, въ Голубиной книгѣ и въ стихѣ про Θеодора Тирона и далѣе съ повѣствованіемъ „Бесѣды трехъ святителей“.

197.

Лунный человѣкъ.

Въ Малороссіи повсемѣстно народъ въ лунныхъ пятнахъ усматриваетъ знаменіе грѣха Каинова (*Чубинскій*, I, 7—9; *П. И.* въ Харьк. сборн. 1888, 85). Это повѣрье проникло и въ литературу, въ одно стихотвореніе Т. Шевченка (стр. 513) и въ „Бѣлую панну“ Мачтета (въ „Кіевской Старинѣ“, 1889, II). Встрѣчается сказаніе, что на лунѣ живетъ св. Юрій и, передвигая заслонку, производитъ фазы луны (*Чубинскій*, I, 9). Въ сказкѣ о царѣ Папаримѣ мѣсяцъ является человѣкомъ, который 12 разъ нарождается и 12 разъ умираетъ (*П. И.*, въ Харьк. Сб. 1888, 84; *Драгомановъ*, въ 1 т. Сборника за нар. умотвор., 68). Сходныя повѣрья встрѣчаются у великоруссовъ, поляковъ, (*Udziela*, въ Zbiór wiadom, X, 108). Берингъ-Гольдъ собралъ значительное число

нѣмецкихъ, скандинавскихъ и англійскихъ сказокъ о лунномъ человѣкѣ. Основное содержаніе ихъ состоитъ въ томъ, что дровосѣкъ въ воскресенье рубилъ въ лѣсу дрова и былъ въ видѣ наказанія перенесенъ на луну, гдѣ ему суждено вѣчно стоять на виду у людей съ связкой дровъ за плечами. Кромѣ того, Б. Г. указалъ на сходную буддійскую легенду (*Baring-Gould,* Curions myths of the middle ages 190—208). Себильо и Бладе сообщили весьма сходные варіанты французскіе, Грутъ—варіантъ китайскій. Любопытно при этомъ, что китайскія сказанія о лунномъ человѣкѣ записаны одно во II в. до Р. Хр. и другое въ VIII в. по Р. Х. Первое сказаніе гласитъ, что царица духовъ принесла съ горъ Куэнь-луня траву безсмертія въ подарокъ Геу, но жена его, Чангъ-Нго, похитила траву и убѣжала на луну. Китайскій астрономъ II в. по Р. Хр. Чангъ-Генгъ повторяетъ это сказаніе, прибавляя, что Ч.-Нго была въ наказаніе превращена въ жабу (*Girard de Rialle,* въ Revue des trad. popul. 1888, 129—136).

Подъ апокрифическими наслоеніями въ русскихъ сказаніяхъ о лунномъ человѣкѣ скрывается древняя основа,—сказаніе о человѣкѣ, бѣжавшемъ или сосланномъ на луну.

198.

Призываніе дождя.

Въ „Украинскихъ приказкахъ“ Номиса и „Малорос. заклинаніяхъ“ П. С. Ефименка находится нѣсколько дѣтскихъ приказокъ въ видѣ заговоровъ, чтобы дождь пошелъ. Почти всѣ они состоятъ изъ словъ: „Дощику, дощику, зварю тоби борщику; чы на дощь, чи на сонечко, одчини, Боже, виконечко! Дай, Боже, дощикъ цебромъ, ведромъ, дойницею“. Весьма сходныя дѣтскія приказки записаны въ Англіи и въ Испаніи (*Liebrecht,* Zúr Volksk. 391). У кавказскихъ горскихъ евреевъ, какъ только начинается дождь, дѣти надѣваютъ на голову мѣшокъ глухимъ концомъ его, выходятъ на улицу, берутся за руки и кружась, то направо, то на лѣво, громко поютъ пѣсню, призывая Земирея, бога дождя. Эта пѣсня выражаетъ молитву, въ которой дѣти обращаются къ Земирею съ просьбою послать побольше

дождя, цѣлыми батманами, т. е. ведрами, чтобы растительность могла вдоволь напиться (*Анисимовъ*, въ Сборн. матер. по этногр. III, 220).

Обрядовое призываніе дождя дѣтьми воспроизводитъ религіозный ритуалъ взрослыхъ. Это призываніе, нужно думать, представляетъ осколокъ тѣхъ религіозно-обрядовыхъ игръ и пѣсенъ, которыя извѣстны подъ названіемъ „водить тополю" (= додолу = дюдюлъ = пеперугу), о чемъ см. 58 § „Культ. переживаній". Въ добавокъ къ тому, что сказано въ этомъ §, присоединимъ еще грузинскій обрядъ (въ Кахетіи) во время засухи: дѣвочки, надѣлавъ куколъ, называемыхъ лазарэ, ходятъ съ ними по селу и поютъ: „Дай Богъ намъ грязи, не хотимъ засухи" и пр. (*Веселовскій,* въ Сборникѣ Академіи Наукъ, XXXII, 312—314, 457).

199.

Роковое значеніе громоваго удара.

Въ 1887 г. подъ с. Великимъ Исторопомъ лебединскаго у. харьк. губ. молнія поразила крестьянина въ то время, когда онъ, нагнувшись, пересыпалъ въ полѣ жито въ мѣшокъ. Въ шеѣ образовалась рана. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ явны были признаки жизни, но крестьяне смотрѣли на него какъ на погибшаго, не оказали помощи по невѣжеству и суевѣрію. Лѣтомъ 1889 г. подъ с. Жигайловкой убита была молніей женщина во время жатвы. Дня черезъ два мнѣ разсказывали объ этомъ событіи слѣдующее: въ полѣ были мать и дочь. Вдругъ набѣжала черная туча, поднялся вихрь, и затѣмъ внезапно появился какой-то дѣдъ, который быстро схватилъ старуху за плечи и оттолкнулъ ее далеко въ сторону. Въ это время раздался ударъ грома, какъ ляскъ кнута, и молодая женщина была убита.

Въ основѣ этихъ повѣрій и разсказовъ лежитъ мысль о роковомъ значеніи громоваго удара. „Господь золотою ризкою сварытця" говорятъ малороссы о молніи, на кого?—отвѣчаютъ многочисленныя сказанія о пораженіи чорта молніей. По мнѣнію народа, человѣкъ долженъ повиноваться велѣніямъ природы. Мнѣніе это раздѣляется

всѣми народами, одними болѣе, другими менѣе, по силѣ цивилизаціи и культуры. Съ особенной яркостью священное значеніе громоваго удара выступаетъ въ осетинскихъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ о богѣ громовникѣ Уациллѣ. Если кто пораженъ громомъ, то осетины ищутъ по близости пули Уациллы, опасаются плакать, чтобы не разсердить Уациллу и, не рѣшаясь хоронить покойника на общемъ кладбищѣ, хоронятъ на мѣстѣ, гдѣ послѣдовалъ ударъ. Если пораженный громомъ выздоровѣетъ, то жертвуетъ потомъ ежегодно на мѣстѣ громоваго удара Уациллѣ ягненка или козленка (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, II, 241).

Въ параллель съ повѣрьемъ о роковомъ значеніи громоваго удара можно поставить повѣрье, что упавшаго въ воду не слѣдуетъ спасать, встрѣчающееся у камчадаловъ, малайцевъ. Если кто упалъ въ воду, его считаютъ умершимъ, и потому, въ случаѣ если ему удастся спастись, не даютъ пищи, не пускаютъ въ домъ и не говорятъ съ мнимымъ покойникомъ. Въ Индіи не спасаютъ того, кто тонетъ въ священномъ Гангѣ. Въ Чехіи рыбаки неохотно спасаютъ утопающихъ, изъ опасенія, что водяной лишитъ ихъ улова рыбы или утопитъ (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этн., 130).

Въ связи съ этими повѣрьями стоитъ обычай русскихъ выкапывать похороненныхъ утопленниковъ въ случаѣ засухи и тожественный обычай осетинъ выкапывать убитаго громомъ въ случаѣ сильныхъ дождей и ненастья. Ненастная погода объясняется гнѣвомъ Уациллы на покойника. Трупъ кладутъ на арбу и предоставляютъ быкамъ идти, куда они хотятъ. Гдѣ быки остановятся, тамъ и хоронятъ снова трупъ, а на мѣстѣ громоваго удара совершаютъ черезъ годъ моленіе (*Вс. Миллеръ*, II, 242).

200.

Повѣрье, что пожаръ отъ молніи можно потушить только молокомъ.

Въ Малороссіи и Великороссіи распространено повѣрье, что пожаръ, происшедшій отъ удара молніи бываетъ сильнымъ и можетъ быть потушенъ только молокомъ (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. слав.

I, 379). Осетины не тушатъ пожара отъ молніи, изъ опасенія разгнѣвать Уациллу (*Вс. Миллеръ*, II, 241). Поляки (томаш. у. с. Криницъ) считаютъ большимъ грѣхомъ тушить пожаръ, происшедшій отъ молніи; это значитъ противиться волѣ Бога (*Skrzyńska*, въ Wisła, 1890, I, 109). Кромѣ того, у поляковъ распространено повѣрье, что пожаръ отъ удара молніи можно потушить только посредствомъ молока (*Petrow* въ Zbiór wiadom., II, 125). Любопытно, что монголы во время грозы стоятъ съ ковшомъ молока, которымъ и тушатъ, если гдѣ загорится (*Потанинъ*, IV, 142).

Въ этихъ повѣрьяхъ и обрядахъ съ одной стороны выражается метафорическое представленіе дождя молокомъ, о чемъ уже говорилъ Аѳанасьевъ, съ другой фаталистическое подчиненіе гнетущей силѣ огня, какъ она выражается въ пожарѣ.

Pro domo sua.

Оканчиваю рядъ статей, печатавшихся въ „Кіевской Старинѣ“ въ 1889 и 1890 годахъ подъ общимъ заглавіемъ „Культурныя переживанія“, потому что перехожу къ другимъ работамъ, не имѣющимъ отношенія къ малорусской этнографіи, точнѣе, къ тому обрядному и бытовому фольклору, который давалъ мнѣ матеріалъ для „Культурныхъ переживаній“. Задуманныя первоначально въ очень скромныхъ размѣрахъ „Культурныя переживанія“ мало-по-малу, по мѣрѣ печатанія, разрослись въ довольно объемистое изслѣдованіе. Я внесъ въ него не только статьи, которыя считалъ новыми по содержанію или по выводамъ и достаточно полными по обработкѣ, но и мелкія этнографическія замѣтки по малоизслѣдованнымъ предметамъ въ дополненіе къ наличному этнографическому матеріалу. Я не вводилъ только историко-литературнаго матеріала, который войдетъ въ другія приготовляемыя для печати изслѣдованія. Разбросанность и непослѣдовательность статей ослабляется, а можетъ быть и совсѣмъ устраняется, помѣщаемымъ ниже систематическимъ указателемъ статей по однородности содержанія. Къ этому я долженъ еще добавить, что нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, не вошедшихъ въ „Кіевскую Старину“, было напечатано мной въ 3 кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“ 1889 года.

Критическая оцѣнка „Культурныхъ переживаній“ и „Этногр. замѣтокъ“, высказанныя въ частныхъ разговорахъ и въ печати, оказывается довольно различной.

Одинъ почтенный ученый въ разговорѣ со мной высказалъ мнѣніе, что отечественная этнографія выиграла бы болѣе, если бы я сосредоточился на немногихъ спеціальныхъ вопросахъ, не разбрасываясь въ массѣ разнородныхъ темъ по фольклору. Одно другому, по моему мнѣнію, не мѣшаетъ. Научная разработка мелочей должна предшествовать крупнымъ научнымъ работамъ, подготовлять для нихъ матеріалъ и отчасти выводы. Болѣе того, мнѣ кажется, что въ настоящее время большія сравнительно-этнографическія работы по спеціальнымъ вопросамъ не могутъ быть выполнены удовлетворительно, въ смыслѣ разносторонняго научнаго изслѣдованія. Капитальные этнографическіе труды, появившіеся въ послѣднее время, имѣютъ описательный характеръ (напр., „Русскіе лопари“ Н. Харузина) или представляютъ сводъ матеріаловъ (напр., „Faune populaire“, Rolland'a), иногда съ объясненіемъ подробностей („Колядки и щедровки“, проф. А. А. Потебни). Появляющіяся въ послѣднее время сравнительно-этнографическія работы, за немногими исключеніями (статьи акад. А. Веселовскаго), отличаются краткостью и всегда сопровождаются и вызываютъ болѣе и менѣе обширныя дополненія. Таковы статьи Гедоза, Р. Келлера, Коскена, Карловича, Всев. Миллера. Эта краткость вполнѣ понятна и хорошо рекомендуетъ современный фольклоръ, построенный на почвѣ непрестаннаго и разносторонняго изученія народной жизни коллективными усиліями многихъ ученыхъ, связанныхъ любовью къ научной истинѣ и взаимнымъ уваженіемъ. Повсюду идетъ еще черная работа накопленія провѣреннаго фактическаго матеріала и частныхъ сближеній и сопоставленій. Достаточно заглянуть въ „Melusine“, „Revue des traditions populaires“, „Zeitschrift für Ethnologie“, „Wisła“, „Этнографическое Обозрѣніе“, несомнѣнно лучшія изданія по фольклору, чтобы убѣдиться, какъ молода еще этнографическая наука и какъ быстро она растетъ, при поддержкѣ антропологіи, археологіи и филологіи. Фольклоръ нынѣ струится въ видѣ множества живыхъ ручейковъ, по главнымъ національнымъ и научнымъ теченіямъ, ручейковъ, далеко еще не слившихся въ спокойныя и величавыя рѣки широкаго сравнительно-

этнографическаго изученія жизни народовъ. При такомъ положеніи фольклора, изученіе мелочей имѣетъ большую цѣну, тѣмъ болѣе, что тутъ всякая ошибка, всякій недосмотръ на виду, легко можетъ быть замѣченъ и исправленъ.

Теперь о печатныхъ отзывахъ и прежде всего о крайне меня осуждающемъ въ IV кн. „Русской Мысли" 1890 г. Г. безыменный рецензентъ останавливается мелькомъ на моихъ „Этнографич. замѣткахъ" и замѣчаетъ, что я вообще не имѣю „литературной физіономіи" и мои этнографическія изслѣдованія „набросаны видимо очень поспѣшно, кое-какъ и далеко не даютъ того, что я могъ бы дать и что можно было отъ меня ожидать читающей публикѣ". Г. рецензентъ, очевидно, приложилъ ко мнѣ шаблонную мѣрку, какую фельетонные критики прилагаютъ къ стихотворцамъ и повѣствователямъ, и потому требуетъ отъ меня и „литературной физіономіи", и угожденія широкой публикѣ. Нужно только удивляться, что такія требованія высказываются на страницахъ одного изъ лучшихъ журналовъ, отводящаго много мѣста библіографіи. Я лично могу только пожалѣть, что г. рецензентъ, жестоко порицая меня за неполноту и ошибки, ничего не исправилъ и ничего не прибавилъ, отчего и вся его замѣточка въ полъ-страницы, запальчивая и бранчливая, производитъ впечатлѣніе личной нападки и ругни изъ за угла, подъ маской анонима. Дѣло не въ ошибкахъ; если таковыя есть, онѣ могутъ быть указаны и исправлены. Дѣло въ отношеніи къ нимъ автора и читателя, именно, въ обоюдномъ стремленіи устранить проникающую повсюду ошибку посредствомъ разысканія новыхъ матеріаловъ или надлежащаго разъясненія стараго, въ чемъ собственно и сказывается любовь къ научной истинѣ и желаніе ей служить. Ошибки, къ сожалѣнію, неизбѣжны, и съ ними приходится считаться въ сочиненіяхъ самыхъ авторитетныхъ европейскихъ ученыхъ. Бенфей, исправляя нѣкоторыя ошибки Франца Боппа въ „Geschichte der Sprachwissenschaft ûnd orientalischen Philologie in Deutschland" (1869 г.), замѣчаетъ: „Ieder, der sich mit wissenschaftlichen Arbeiten beschäftigt, ist der Gefahr ausgesetzt, sich Blössen der mannigfaltigsten Art zu geben und vielleicht sind es diejenigen am meisten, deren Blick am weitesten reicht. Je enger und begränster dagegen der Blick, desto leichter lässt sich der Boden, auf wel-

chem man sich bewegt überschauen; einem solchen Blick aber wir ddie Erweiterung einer Wissenschaft nur in den seltensten Fällenverdankt".

Существованіе рѣзко-порицательнаго отзыва въ „Рус. Мысли" побуждаетъ меня привести въ смыслѣ „audiatur et altera pars" нѣсколько отзывовъ о „Культ. пережив". и „Этногр. замѣткахъ" въ спеціальныхъ этнографическихъ изданіяхъ: Г. Карловичъ въ „*Melusine*", 1890, № 2. „Dans le 3 livraison de la „Rewue etnographique" nous lisons de belles études etnographiques du professeur Sumtzoff"... Г. Равита въ журналѣ „*Wisła*", 1889, на стр. 456 говоритъ о „Культурныхъ переживаніяхъ": „Artykuly te professora S. są wysoce zajmujące, pisane z gruntowną znajomością rzeczy i stanowią prawdziwą ozdobę czasopisma". **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ § 1 (*олень*) у Харузина „Рус. лопари", 148. Къ § 4 (*испытаніе вѣдьмъ водой*) въ Кіев. Стар., 1885, XI, 1888, XI, Wisła, 1887, VI, 216, 220; Melusine 1888, с. 183. Къ § 7 (*о цѣлебности ужа*) въ „Колдовствѣ" Антоновича, 335. Къ § 9 (*грабуванье*) въ Основѣ 1862, II, 26. Къ § 11 (*о монаст. паськахъ*) въ Кіев. Стар., 1890, I, 126. Къ §§ 15—20 (*о садоводствѣ, винокуреніи, промыслахъ: сапожномъ, чумацкомъ и кацарскомъ*) въ 1 и 2 томахъ „Матеріаловъ" профес. Багалѣя (по указателю) и въ Харьк. Вѣд., 1880, №№ 196 и 205. Къ § 28 (*къ исторіи хаты*) въ Wisła, 1890, I, 146. Къ § 38 (*сволокъ*) въ Zbiòr Wiadom., VIII, 117, 205. Къ § 47 (*журъ*) въ 3 кн. Этногр. Обозр., 1889 и во 2 кн. 1890 г. Къ § 54 (*живой огонь*) въ Кіев. Стар., 1889, іюль, 264. Къ § 58 („*тополя*") въ „Опытѣ" Мандельштама, 228. Къ §§ 58—66 (*игры*) въ 2 т. Сборн. харьк. истор. фил. общ. Къ § 71 (*гусли*)—монографія г. Фаминцына, 1890 г. Къ § 72 (*кумы*) въ Кіев. Стар. 1890, I, 124 и въ 2 т. Сборника харьк. ист. фил. общ. въ словарѣ Манжуры. Къ § 81 (*одмина*) въ Wisła, 1890, 337, Zbiòr Wiadom., 201, X, III, 141, 142, Straneczka-Ornamenty, 9; Манжура, Сказки, 86, 155. Къ § 95 (*обмазываніе деггемъ*) въ Wisła, 1889, 448—9. Къ 100 (*гостецъ*) въ Zbiòr Wiadom., VIII, 297 и въ Дневникѣ антроп. отд. общ. люб. ест., 1890, VI. Къ § 102 (*пристритъ*) въ Запискахъ геогр. общ., VII, 359. Къ 103 (*даня*) въ Zbiòr Wiadom., IV, 62. Къ 149 (*ужъ сосетъ коровъ*) въ Кіев. Стар., 1890, IV и Faune populaire, Rolland, III. Къ § 5 (*клички*) въ Wisła, 1890, I. Къ 56 (*колодка*) въ Zbiòr Wiadom., V, 45. Къ 119 (*порча коровъ*) въ Zbiòr Wiadom., IV, 4 и въ Faune popul. Rolland, т. IV. Къ 25 (*засовка*) въ Zbiòr Wiad., X, 201. Къ 99 (*демонич. болѣзни*) у Харузина „Рус. лопари", 162. Къ 117 (*наузы*) въ Trad. de l'Asie Mineur Carnoy et Nikolaides, 196 и Wisła, 90 г., 163. Къ 104 (сглазъ) ib. 344. Къ 27—43 (гаданія) ib. 342. Къ 145 (*поговорки про женскую разговорчивость*) въ Faune popul. Rolland, VI, 37. Къ 73 (*чесаніе пятокъ*) у Maspero въ Contes popul. de l'Egypte ancienne 70. Къ 116 (*мертвая рука*) въ Contes populaires de Lorraine Cosquin, I, 184.

Предметный указатель.

Внѣшняя природа: многочисленность небесъ (§ 195); лунный человѣкъ (197); призываніе дождя (198, 3); роковое значеніе громоваго удара (199); громъ и молоко (200); основа земли (196); обрядовое прикосновеніе къ землѣ (126); земля могильная (115).

Село и хата: основаніе поселка (26); опахиваніе (26); закладываніе хаты (27); къ исторіи хаты: землянка, курныя избы, старинный мѣщанскій домъ, инородныя вліянія (28); домашніе талисманы: огонь, печь, соръ, ужъ, аистъ, ласточка, ремезовое гнѣздо, подкова, чеснокъ, Сонъ Богородицы, четверговая свѣча (29—37); части дома: засовка (25), кабыця (187), живой огонь (54), печь и печной огонь (30, 29, 127, 144), трещаніе дровъ въ печи (144, 17), бросаніе зуба на печь (144, 5); зола въ гаданіяхъ (127) и обрядахъ (170); изразцы (13); рѣзной сволокъ (38); иконописный змѣй (14); колыска (52); качаніе пустой колыбели (144, 22); каганецъ (53); бирки и ровати (51), куманецъ (50); глекъ (48); битье посуды (144, 29); трескъ мебели (144, 24); хозяйственные предметы: колотало (24) и човенъ (39).

Личная жизнь крестьянина: амулеты: волчій зубъ, жабья косточка, змѣиная головка, красныя повязки (191); усыпительный и лечебный массажъ (172); „ськаніе“ (174); чесаніе пятокъ (173); ладони (144, 13), переносья (144, 14); зѣвота 144, 8); шумъ въ ушахъ (144, 127); свистаніе и качаніе ногами (144, 20); пятнушки на ногтяхъ (144, 19); сны (127) и вставаніе съ постели лѣвой ногой (144, 30).

Пища и одежда: обѣденное время (43); кваша (44); каша (55); журъ (47); соломаха (45); мамалыга (46); сластены и маковники (41); сыръ (42); свинина (55); одежда: галанци (23); дерга (22); плахта (21); хустка (190), дукаты и намисто (189).

Семейная жизнь: кодло и кубло (164); кувада (73); наказаніе мужа за родовыя боли жены (74); бабье лѣто (147); развязываніе узловъ при родахъ (75); отмыканіе замковъ (75); ночные роды (76); перстень при родахъ (77); дѣтская сорочка (78); пред-

почтеніе мальчика (79): обрядовое усыновленіе (80); кумы (72); продажа ребенка (82); размывки (83); коронування (84); досвѣтки (85); умыканіе дѣвицъ (57); свадебная терминологія (88); палка сватовъ (87); постъ новѣсты (89); гарбуза пиднесты (91); значеніе весилья (90); разводъ (97).

Общественная жизнь: толока (177); могорычъ (88); сябры (176); братства цеховыя (180), нищенскія (179); военныя (178); церковныя (179); парубоцкія (182); шпитали (183); шпитальные—сторожа у коворота (184); уличныя клички (5); память о крѣпостничествѣ (5); нищенскій жаргонъ (179); корчма, какъ общественное учрежденіе (17); лѣсъ—bonum nullius (148).

Праздники и игры: коляда (55); купало (57); масляница (56); зажиганіе костровъ (57); переряживанія (55); гаданія (55, 127—143); плетеніе вѣнковъ (57); тополя (58); король (59); кугиклы (60); кострубонько (62), воротарь (61); кулачки (63); паци (64); призываніе дождя (193).

Музыкальные инструменты: свистульки (65); сопилка (66); бандура (67); цимбалы (70) и гусли (71).

Промыслы: садоводство (15, 55); винокуреніе (16); чеботарство (19); чумачество (20); коцарскій (18); свѣчной (12); пчеловодство (11); добываніе красокъ (18).

Базарные обряды: первый торгъ (144, 37); продолжительные переговоры (10); женитьба свѣчки (188); обряды при покупкѣ лошади (151).

Проступки и наказанія: пьянство (16); флендра (146); покрытка (93); остриженіе волосъ (94); обмазываніе дегтемъ головы и воротъ (95); запряганіе въ телѣгу (96); надѣваніе хомута (96); колодка (56); грабуванье (9); положеніе вверхъ ногами (185); утопленіе вѣдьмъ (4).

Демонологія: демоническая стрѣльба (192); бросаніе камней демонами (124); инкубы и суккубы (125); демоническое происхожденіе болѣзней (99); гостець (100); лихорадка (101); пристритъ (102); данна (103); сглазъ (104); уроки (105); божевильный (106); злыдни (98); домовые (37, 144); происхожденіе упырей

(122); нападеніе упырей на село (123); обаясныки (194); вовкулаки (121); дивъ (193); мелюзины (8); украинскіе знахари (108); цыганская ворожба (109, 6); вѣдьмы (57, 144); испытаніе вѣдьмъ водой (4); ворожба надъ тучами (3, 121); по слѣду (110); по волосамъ и ногтямъ (111); по восковой фигурѣ (112); наузы (117); закрутка (118); подмѣнъ ребенка (81); собираніе росы (120); порча коровъ (119, 144); похищеніе звѣздъ (121); выкапываніе утопленниковъ и пораженныхъ громомъ (199).

Народно-поэтическая зоологія: волкъ (зубъ и кожа, 191); конь (150); подкова (35); быкъ (171); туръ (1); олень (1); кошка (144); заяцъ (144); зиньске щеня (154); орелъ (166); крагулецъ (158); пѣтухъ царикъ (155); пѣніе курицы (144); яица (41, 127); ломка скорлупы (144); аистъ (34); сорока (144, 15); ласточка (33); соловей (156); сова (159); волове очко (160); ремезъ (161); дятелъ (167); удодъ (168); кукушка (168, 157, 158, 156, 144); воронъ (подробно въ 1 кн. Этногр. Обозр. 1890 г.); вырій (163); укрощеніе змѣй (6); цѣлебныя свойства змѣи (7, 191); ужъ, какъ талисманъ (32); ужъ сосетъ коровъ (149); полозъ (165); пчелы (152); саранча (153); ракъ (188, 191); божія коровка (162).

Народно-поэтическая ботаника: древо жизни, обрядовое, легендарное (188); ясень (6); рябина (36); осина (36); гильце (188); сонъ-трава, розмай-зилье, жемчужная трава и васильки (въ III кн. Этногр. Обозр. 1889); ивановскія травы (57); крапива (36, 175); чеснокъ (36); чернобыль, лопухъ (36); макъ (36); солома и сѣно (55, 188); тыква (91).

Мелкія повѣрья: несчастные дни (144), значеніе встрѣчъ (144); три свѣчи (144); число 13 (144); паденіе денегъ (144); пересолъ кушанья (144); соль разсыпать (144); дождь на свадьбѣ (144); свѣча изъ человѣческаго жира (116); обидящая свѣча (113); о каменныхъ бабахъ (186) и о фигурахъ (185).

О нѣкоторыхъ литературныхъ мотивахъ: оборотничество орла въ сказкахъ (166); платокъ въ сказкахъ (190); сказка о чертовомъ сынѣ (72); поговорки про женскую болтливость (145); дума о смерти козака бандуриста (68); насмѣшливыя пѣсни (57); загадки (92); Мертвецкій Велыкдень Квитки (42); изъ сказаній

объ обмираніи (107); символическое значеніе бусъ въ малорусскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ (189).

О значеніи словъ: харцызъ (169); кодло и кубло (164); галанци (23); дивъ (193); обаясныкъ (194); гостець (100); флендра (146); куманецъ (50); колотало (24); коворотъ (184); клички уличныя (5), женить свѣчку (188); малыковатый (конь, 150); кабыця (187); карбижи и раваши (51); каганецъ (53).

УКРАИНСКІЕ ЮМОРИСТЫ И ШУТНИКИ.[1]

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Штукари въ дѣйствіи—тѣ же шутники и юмористы, но они часто сопровождаютъ свои жарты извѣстнаго рода драматизмомъ: смѣшными тѣлодвиженіями, комичной жестикуляціей, передразниваніемъ знакомыхъ лицъ, доходящимъ до совершенства. Иногда они для потѣхи публики изобрѣтаютъ комичные сюрпризы и вообще они не прочь „встругнуть" смѣшную штуку на всякомъ мѣстѣ и во всякое время.

Я остановлюсь на одномъ субъектѣ изъ этого разряда украинскихъ штукарей, какъ наиболѣе мнѣ извѣстномъ. Вся жизнь его—это непрерывный рядъ комедій и лицедійства. Зовутъ его Антонъ Андреевичъ Радывыловскій. Отецъ его былъ священникъ въ селѣ Хилькахъ каневскаго уѣзда. Въ богуславское духовное училище онъ поступилъ чуть ли не юношей. Его исключили изъ перваго же класса. Такъ какъ онъ былъ дальній родственникъ моего отца, то отецъ взялъ его къ себѣ разсыльнымъ, т. е., выражаясь по старинному, вознымъ. Онъ былъ обязанъ развозить по благочинію *курсорію*, т. е. всѣ бумаги, всѣ распоряженія, получаемыя изъ консисторіи и адресованныя священникамъ. Въ то же время Антонъ состоялъ и кучеромъ и возилъ меня 12 лѣтъ „въ школу" въ Богуславъ и въ Кіевъ. Я отлично помню Антона юношей или же парубкомъ, такъ какъ онъ самъ причислялъ себя больше къ этому разряду кавалеровъ,

---

[1]) „Кіев. Старина", 1890 г. № 9.

хотя одѣвался по праздникамъ въ синій суконный жупанъ, какъ шляхтичъ, но въ будніе дни не „цурався и свиты“, только непремѣнно бѣлой. Роста онъ средняго, строенъ; голова небольшая, круглая. Губы розовыя, полныя; зубы крупные, ровные, бѣлые. Весь складъ его выразительнаго широкаго рта какъ бы созданъ для хохота. Карые, острые, небольшіе глаза всегда блестятъ веселостью, отличаются замѣчательною подвижностью; они бѣгаютъ, вертятся, словно „живое серебро“. Вся его фигура живая, подвижная, гибкая, словно каучуковая. Онъ отличается замѣчательною ловкостью, быстротою въ движеніяхъ. Его юркость и проворство напоминаютъ юркость бѣлки. Онъ вѣчно веселъ, беззаботенъ, вѣчно смѣется и смѣшитъ. Я не видѣлъ никогда на его лицѣ ни малѣйшаго оттѣнка грусти, задумчивости. Онъ почти никогда не сердится. Природа какъ будто лишила его этихъ качествъ, но за то вдвойнѣ надѣлила его другимъ своимъ даромъ—смѣхомъ и штукарствомъ.

— Антоне, за що васъ сключылы зъ школы? Чы вы не вчылысь, чы штукъ натворылы? бывало спрашиваютъ его.

— Такъ не вчывся, бо ничого не розумивъ. Щось тамъ таке бувало розсказують вчытели, а я ничого не розбыраю, отвѣчаетъ Антонъ.

Антонъ, дѣйствительно, ничего не разбиралъ, потому что не понималъ русскаго языка и не могъ говорить на немъ, какъ не умѣли въ тѣ времена говорить по русски всѣ сыновья и дочери священниковъ.

— А то разъ нарвавъ я кислыць тай насыпавъ въ класси коло порога, а смотритель якъ ступывъ черезъ паригъ, то якъ посковзнетьця по кислыцяхъ, тай и гепнувъ назадъ. Выбылы мене тай прогналы зъ школы,—разсказывалъ Антонъ.

А между тѣмъ Антонъ Андреевичъ не глупый человѣкъ, напротивъ—его умъ подвижный; онъ могъ бы учиться недурно и окончить курсъ, если бы только не кислыци.

Проходя по улицѣ селомъ, встрѣчаясь съ знакомыми и незнакомыми крестьянами, евреями, Антонъ никого не пропуститъ: всякаго зацѣпитъ какимъ нибудь жартомъ. Это свойство какое-то липкое, цѣпкое, ему врождено: онъ не можетъ воздержаться

отъ этого искушенія, словно бѣсъ сидитъ въ немъ и нашептываетъ: зацѣпи, посмѣйся, пожартуй! Ѣдешь съ нимъ бывало въ дорогѣ, словно присутствуешь при чтеніи комическихъ куплетовъ. Выѣзжаемъ за село. На встрѣчу ѣдетъ знакомый крестьянинъ.

— Дядьку! Чы ты знаешь, що трапылось на сели! кричитъ ему Антонъ страшно встревоженнымъ, ужаснымъ голосомъ: тамъ твоя хата горыть!

— Ой Боже мій! восклицаетъ въ ужасѣ крестьянинъ, и его глаза мгновенно дѣлаются тусклыми отъ ужаса.

Онъ устремляетъ тусклый взглядъ на село. Надъ селомъ при ясномъ небѣ нигдѣ не видно ни малѣйшей струйки дыма. Крестьянинъ, понявъ штуку, осматривается и посылаетъ въ догонку Антону ругательства. Антонъ тоже осматривается и хохочетъ. Вотъ ѣдетъ на встрѣчу другой крестьянинъ, сидя на возу, и съ апатичнымъ видомъ погоняя воловъ.

— Дядьку! Чы-ты-ба! Въ тебе вись у колеси! кричитъ ему Антонъ.

Дядько схватывается, какъ опеченный, „спотання" онъ не понялъ фразы въ настоящемъ ея смыслѣ. Ему показалось, вслѣдствіе быстроты сказаннаго, что колесо спало съ оси. Онъ бросаетъ быстрый взоръ на всѣ колеса: колеса оказываются на своихъ мѣстахъ, и оси всѣ, дѣйствительно, въ колесахъ. Онъ понялъ штуку, и его ругань раздается уже далеко за столбомъ курявы. Антонъ хохочетъ. Опять ѣдетъ возъ. Погоняетъ воловъ молодой парубокъ.

— Хлопче, въ тебе голова въ шапци! кричитъ Антонъ.

Парубку кажется, что онъ потерялъ шапку. Онъ хватается рукой за голову; оказывается, что шапка на своемъ мѣстѣ, а голова, дѣйствительно, въ шапкѣ. Парубокъ смекаетъ, въ чемъ дѣло и улыбается. Вотъ изъ за горы выѣзжаетъ жидовская балагула, запряженная парой тощихъ клячъ. Евреи возвращаются съ ярмарки. Неуклюжая высокая балагула виднѣется издали, покачивается изъ стороны въ сторону, словно верблюдъ въ пустынѣ, и медленно приближается. Лошади ѣдутъ „пидтюпцемъ". Антонъ сдерживаетъ лошадей. Балагула биткомъ

набита евреями, какъ бочка сельдями. Въ будкѣ на почетномъ мѣстѣ сидятъ старые хуситы съ пейсами, съ длинными сѣдыми бородами. Противъ нихъ рядъ евреекъ на какихъ то мѣшкахъ со всякимъ крамомъ. По серединѣ между ними, на ихъ ногахъ, тоже на какихъ то мѣшкахъ, сидятъ два еврея помоложе, свѣсивъ ноги за брычку. На козлахъ, рядомъ съ погонщикомъ, пріютились еще два еврея, словно вороны или галки вцѣпились въ вѣтки дерева когтями. Балагула, покачиваясь, покачиваетъ и эту массу живаго тѣла: еврейскія ноги „телипаются" по сторонамъ, какъ маятники. Антонъ ѣдетъ медленно; лошади идутъ шагомъ. Поровнявшись съ балагулой, Антонъ начинаетъ считать евреевъ, начиная съ самаго низшаго чина—съ погонщика, и тычетъ въ каждаго пальцемъ: разъ, два, тры, чотыри, пять... десять, одынадцять, дванадцять... Счетъ, по указанію Антонова пальца, касается высшихъ чиновъ—хуситовъ. Высшіе чины не выносятъ этого. У евреевъ грѣшно считать людей, какъ гусей и поросятъ. Хуситы начинаютъ ругаться, ругаются и еврейки, ругается и погонщикъ. Въ балагулѣ страстно возбуждены. Начинается чуть не бунтъ: вся балагула начинаетъ гоготать, словно раздраженное стадо гусей. „А-ги-ра! Шварцъ-уръ! ферфлузете! матери твоій чортъ! гой!" ругаются евреи. Молодые евреи покушаются спрыгнуть съ воза. Антонъ видитъ это, оборачивается, беретъ въ руку кончикъ полы, изображая свиное ухо, и машетъ этимъ ухомъ по направленію балагулы. Балагула останавливается. Молодые евреи, чуя за своей спиной массовую силу, соскакиваютъ съ балагулы. Терпѣніе, значитъ, лопнуло. Въ этомъ случаѣ евреи бросаются массой и нервно дерутся, даже щипаютъ и кусаются. Антонъ видитъ, что довольно пошутилъ, хлещетъ кнутомъ по лошадямъ; кони несутся вскачь; евреи все гогочутъ да кричатъ. Но Антонъ не дремлетъ—его и слѣдъ простылъ. Вотъ съ ярмарки ѣдетъ воловый возъ; погоняетъ дядько, а за дядькомъ, во всю длину воза, сидитъ, поджавши ноги, два ряда молодицъ съ горшками, мисками, окнами.

— Дядьку не попродавъ усихъ молодыць на ярмарку, кричитъ ему Антонъ, тай назадъ везешъ?—„Ни, колы хочъ, купы въ мене зо дви", флегматично отвѣчаетъ дядько.

— Продай мини оту стару, беззубу бабу, що въ тебе за спыною сыдыть".—„А що дасы?"—„Дамъ тры шагы, колы визьмешъ!" „Не продамъ. Дешево. Нехай зостанеться на насиння", отвѣчаетъ дядько. И подобные жарты Антонъ отпускаетъ во всю дорогу.

Вотъ Антонъ въ кругу дивчатъ на работѣ или на гулянкѣ: на музыкахъ, на веснянкахъ. Дивчата относятся къ нему какъ къ ровнѣ, смотрятъ на него, какъ на парубка, а не какъ на панича. Антонъ разсыпается предъ ними мелкимъ бѣсомъ. Намѣтивъ одну, самую красивую, или же для контраста самую безобразную, Антонъ подступаетъ къ ней съ комплиментами просто, безъ обиняковъ. Онъ приближаетъ свое лицо чуть не къ самому ея лицу, поднимаетъ ладони вверхъ и дѣлаетъ самую сладкую мину. Глаза его хитрые и сладенькіе. Губы улыбаются, зубы блестятъ.

— Ой моя горлычко, моя ты перепилычко, моя щебетушечко! Якъ я тебе люблю. И въ ночи не имъ и въ день не сплю!

— Та одчепысь соби къ нечистому! Ты мене любышъ, а я тебе зовсимъ не люблю, отвѣчаетъ дивчына и смѣется.

— О, недавно любыла, а це вже й перестала. Ще вчора любыла продолжаетъ Антонъ.

— Вчора любыла, а сегодня вже й перестала. Та я и вчора не думала тебе любыть. Прычыпысь до кого богаччого: онъ до Олены, або що, говоритъ дивчина, указывая на сосѣдку.

— Колы Олена брыклыва, а ты не куслыва: тимъ то я тебе люблю.

Дивчына знаетъ Антоновы штуки и потѣшается надъ нимъ безъ церемоніи.

— То и я стану куслыва, якъ Олена, продолжаетъ дивчына.

— А на мене вкусы! А, Господы, якъ люблю якъ дивчата кусаются. Моя ты зозуле рябенька; моя курочко зозуляста!

Дивчына начинаетъ ругаться. Антонъ измѣняетъ тонъ комплиментовъ. Сыплются другіе комплименты, уже не такіе утонченные.

— Ты петербургська корова, херсонська дрохва, егыпецькый смердячій одудъ! Ой, не любять мене дивчата, пиду зъ горя та въ Роси утоплюся.

— То йды та топысь,—отвѣчаютъ ему дивчата.

Антонъ дѣлаетъ плаксивую мину.

— Такъ мене дивчата любять, що я за кулаками й свита не бачу, говоритъ Антонъ и дѣлаетъ совсѣмъ кислую мину.

— А ну заплачъ! смѣются дивчата.

Антонъ надуваетъ губы и начинаетъ хныкать, какъ хнучутъ дѣти; хныканье его усиливается. Онъ „рôзсквасывъ губы", начинаетъ утирать глаза кулаками и щиколотками, совершенно по дѣтски. Онъ въ совершенствѣ воспроизводитъ дѣтскій плачъ. Лицо его плачетъ. Вотъ-вотъ онъ разразится дѣтскими рыданіями, но въ это время глаза его смѣются: они лукаво посматриваютъ изъ подъ кулаковъ на дивчатъ. Дивчата хохочутъ. Любой актеръ позавидовалъ-бы этому шуточному рыданію и смѣющимся глазамъ. Оставивъ въ покоѣ красавицу Олену и другихъ дивчатъ, Антонъ выбираетъ новую жертву въ иномъ вкусѣ; ему хочется шутить, словно въ немъ сидитъ семь чертей жарта и не даютъ ему покою ни на одну минуту. Онъ избираетъ предметомъ своихъ жартовъ самую некрасивую изъ дивчатъ, Варку. Подойдя къ ней очень близко, Антонъ сжимаетъ кулаки и, сложивъ руки на крестъ, бьетъ ими въ грудь такъ сильно, что грудь гудитъ, словно пустая бочка; при этомъ Антонъ глубоко вздыхаетъ, словно его поражаетъ безысходное горе. Закивувъ голову назадъ, онъ пускаетъ глаза подъ лобъ и, еще разъ глубоко вздохнувъ словно кузнечный мѣхъ, произноситъ какъ-бы въ отчаяніи: „охъ"! Его подвижное лицо, его глаза, все такъ наглядно выражаетъ отчаяніе, что, посмотрѣвъ на него, невольно скажешь: пропадетъ Антонъ отъ безнадежной любви! Онъ самъ соби смерть заподіе. Варка понимаетъ насмѣшку, направленную по ея адресу и отталкиваетъ его; она нервно сердится, раздражительна и серьезна, шутокъ она не любитъ.

— Одчепысь одъ мене сатано! восклицаетъ сердито Варка.

— Ой вмру, таки сегодня ввечери вмру за тобою, серденько мое, моя зирочко, моя щебетушечко, говоритъ Антонъ, принимая позу влюбленнаго и приближая свое лицо къ самому ея лицу.

— Про мене вмирай хочъ и заразъ: не буду плакать, говоритъ Варка, отступая отъ него на шагъ.

Антонъ обижается и пускаетъ въ ходъ стрѣлы купидона изъ другаго колчана.

— Ой тыжъ моя Мелектрысо Кырбитьевно, моя Мелегеріе Султановно! Ой моя вершо въ болоти! Моя турецька скрыпочко! Ой Господы, якъ я тебе люблю! такъ люблю,—якъ собака цыбулю.

Варка сердится; она начинаетъ ругаться не на шутку. Антонъ видитъ, что надо отступать, иначе можно перейти мѣру. Онъ подбѣгаетъ еще къ одной красавицѣ.

— Ой, серденько, хочъ подывысь на мене чорными оченькамы. Дивчина отворачивается и смотритъ въ сторону.

— Дивчата, котра мене любыть, та на мене не дывыться! командуетъ Антонъ.

Красавица быстро поварачиваетъ голову и смотритъ на Антона, желая этимъ показать, что она его не любитъ.

— А ба! Таки подывылась на мене! Не втерпила! А що! Я таки знавъ, що ты мене любышъ, та тильки соромышься на мене дывиться, говоритъ Антонъ.

По адресу парубковъ, даже своихъ пріятелей, Антонъ сыплетъ эпитеты таки совсѣмъ неучтивые.—Гей ты, глекъ макитровычъ! Рыпыця-капыця! Смердячый египецкый одудъ! Бова Королевычъ! Еруславъ Лазаревычъ! Чумацька мазныця! Одставный гланяныкъ! Одставный козыбарабанщикъ, т. е. козы, изображаемой вожакомъ при пляскѣ медвѣдя.

— Хто-жъ ты такій, що въ тебе все глекы макитровычи? спрашиваетъ Антона одинъ изъ пріятелей.

Антонъ принимаетъ величественную позу: приставивъ указательный палецъ ко лбу и подбоченившись, отвѣчаетъ.

— Я.... Я....!.. О, я—велыке цабе! Бувъ колысь Георгъ, аглыцькій мылордъ, а теперъ я одставнои мазныци квачъ!

Эпитетъ, незазорно и безпощадно приложенный имъ къ своей особѣ, возбуждаетъ веселый смѣхъ въ публикѣ.

Вотъ вдали появляется высокая тощая фигура въ нанковомъ сюртукѣ, въ старомъ картузѣ и въ потертыхъ дешевенькихъ панталонахъ. Идетъ панъ Зануда, мѣстный убогій шляхтичъ. Онъ поворачиваетъ къ шинку, чтобы скуки ради покалякать съ сосѣдями, которые сидятъ рядочкомъ подъ шинкомъ на за-

валинкѣ. Панъ Зануда бѣденъ: бѣднѣе зажиточнаго мужика, но онъ полонъ сознанія собственнаго шляхетскаго достоинства, гордъ и къ тому-же панъ „чваньковытый“. Если вѣрить пану Зануде, отецъ его дослужился до чина бригадира. Отъ своего отца-бригадира Зануда усвоилъ нѣкоторую въ своемъ родѣ воинственность: онъ ходитъ выпрямившись, будто проглотилъ козацкую пику; волосы причесываетъ по модѣ временъ Александра Благословеннаго: надъ лбомъ его торчитъ что-то похожее на пѣтушій гребень, волосы на вискахъ примазаны, густо намазаны оливою, направлены мысами къ бровямъ и плотно прилегли къ вискамъ. Антонъ Андреевичъ однимъ прыжкомъ очутился сзади пана Зануды и безподобно копируетъ его походку и манеры. Онъ поднялся на цыпочки, вытянулся въ струнку, задралъ носъ къ небесамъ и туда же направилъ козырекъ своего картуза. Онъ изображаетъ бригадира въ третьей редакціи, дошедшей до Стеблева. Онъ быстро надвигаетъ волосы на вискахъ къ бровямъ и попеременно приглаживаетъ ихъ то одной, то другой рукой, словно котъ умывается лапами. Такой жестъ панъ Зануда практикуетъ въ церкви при богослуженіи и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Въ толпѣ поднимается хохотъ, но панъ Зануда величественно подвигается впередъ: онъ знаетъ, что выдѣлываетъ Антонъ позади его, но съ гордымъ презрѣніемъ относится къ этому мальчишеству Антона. На горизонтѣ появляется еще одна фигура: идетъ къ шинку крывый Гнатъ. По случаю воскреснаго дня онъ нарядился въ новую свиту, подпоясался зеленымъ поясомъ, на ногахъ пасови чоботы съ длинными холявами. Одна нога его немного искривлена въ колѣнѣ, но такъ, что оттопыривается въ бокъ. Гнатъ идетъ, отбрасывая одну ногу. въ сторону отъ себя и описывая чоботомъ на воздухѣ дугу Издали кажется будто онъ брыкается правою ногою. Антонъ ухитряется зайцемъ покатиться за челядью. Въ одинъ мигъ онъ уже идетъ за спиною Гната, отставляетъ ногу въ бокъ и копируетъ походку Гната въ тактъ, словно солдатъ на муштрахъ. Въ толпѣ поднимается хохотъ; глаза всѣхъ обращены къ Гнату. Онъ догадывается, и вдругъ оборачивается: Антонъ пойманъ „на горячому мисци“.

— Ось я тебе палыцею! Я тоби покажу штуки! Це чыста стебливська сатана! кричить Гнатъ, сердитый и обидчивый, какъ всѣ калѣки.

Этотъ стебливській Гаррикъ, можетъ быть, не уступающій по таланту англійскому Гаррику, дѣйствительно могъ казаться „чесній громади“ чѣмъ то въ родѣ воплощеннаго сатаны. Къ толпѣ подходитъ молодой парубокъ въ триковомъ жупанѣ и въ картузѣ: это шляхтичъ Олександръ,—другъ и пріятель Антона Радывыловскаго, веселый, бойкій въ разговорахъ, охотникъ пошутить. Можетъ быть, Антонъ и питаетъ къ нему симпатію потому, что онъ умѣетъ поддерживать Антона въ его штукарствѣ и даетъ обильный матеріалъ для шутокъ.

— Здоровъ, глекъ макотровичъ! восклицаетъ Антонъ, подавая руку Олександру.

— Здоровъ будь, рогачъ макогоновичъ! даетъ ему сдачи тою же монетою Олександръ.

— А заграй лышень на своихъ гусляхъ-самогранцяхъ, бо въ дивчатъ ажъ жыжки дрижать до танцивъ, говоритъ Антонъ.

— Цуръ ему! Ще мои гусли-самограны попухнуть, отвѣчаетъ Олександръ.

Гусли-самограны, о которыхъ говоритъ Антонъ, это собственные губы да языки, на этихъ самогранахъ Антонъ и Олександръ часто наигрывали отчаянныя плясовыя мелодіи, подъ которыя дивчата, охотницы до танцевъ, пускались въ плясъ. Текстъ къ этимъ мелодіямъ Антонъ, кажется, часто импровизировалъ самъ, такъ какъ этотъ текстъ имѣлъ отпечатокъ его безшабашнаго штукарства; онъ прибавлялъ къ куплетамъ пѣсенъ припѣвъ вродѣ слѣдующаго:

Омелга, дереза!
Коромысло, макогинъ!
Кобылячи клубы!
. . . .
. . . .
Симъ день конопель,
А ячменю тры дни;
Хто за мене пиде,
То готови злыдни.

Съ этимъ Александромъ Антонъ любилъ критиковать дивчатъ и вообще высказывать откровенно свое мнѣніе о нихъ въ ихъ же присутствіи. Для этого они изобрѣтали особенный языкъ, на которомъ и вели между собою разговоръ свободно, не стѣсняясь присутствіемъ дивчатъ. Сначала они пустили въ ходъ разговоръ, прибавляя къ каждому слову частицу *хыръ*.—„Хыръ-о-хыръ-ле-хыръ-на хыръ-гар-хыръ-на“ (Олена гарна), начинаетъ Антонъ.—„Хыръ-у-хыръ-стя хыръ-ще хыръ-кра-хыръ-ща“ (Устя ще краща), отвѣчаетъ Александръ. При быстромъ разговорѣ этотъ гіероглифическій способъ сообщенія мыслей былъ непонятенъ дивчатамъ, но въ деревнѣ многіе его знали, и поэтому дивчатамъ не трудно было усвоить его себѣ; онѣ нашли ключъ къ пониманію этого нехитраго языка. Антонова штука не удалась. Тогда Антонъ и Александръ прибѣгаютъ къ другому способу разговорнаго языка: они прибавляютъ къ каждому слогу слова частицу *нава*, но измѣняя гласную *а* въ другую такую, на которую оканчивается слогъ.—„Олександре! Ва-нава-рка-нава гу-нуву-ба-нава-та-нава“ (Варка губата), начинаетъ Антонъ.—„Эге! гу-нуву-бы-нывы я-нава-къ по-ново-сто-ново-лы-нывы.“ (Эге! губы якъ постолы), отвѣчаетъ Александръ. Долго они морочили дивчатъ этимъ говоромъ, кажется, занесеннымъ изъ Богуслава. Любопытство дивчатъ было задѣто сильно и ключъ разумѣнія опять былъ отысканъ. Тогда Антонъ начинаетъ вести разговоръ съ Олександромъ по складамъ:—„Олександре! Виды-азъ=*Ва*, ирцы-како-азъ=*ка* добро-укъ=*ду* ирцы-нашъ-азъ=*на* Я-*како* е*ръ* како-онъ=*ко*-и*р*цы-онъ=*ро*-виды-азъ=*ва*, т. е. Варка дурна якъ корова. Но къ несчастію Антона между присутствовавшими парубками или чоловиками часто отыскивались грамотные, они-то часто выдавали головою Антона и его пріятеля. Оба чувствовали себя въ очень неловкомъ положеніи передъ честною громадою: ихъ мнѣніе о дивчатахъ, ихъ разговоры были часто таки совсѣмъ не цензурные. Антонъ не унывалъ; онъ неистощимъ въ изобрѣтеніи шутокъ: онъ рѣшается на крайнее средство, чтобы сохранить въ тайнѣ свои разговоры съ Олександромъ: онъ начинаетъ говорить по жидовски. Этотъ жидовскій языкъ Антона состоялъ въ томъ, что онъ лѣпилъ подмѣченныя въ разговорѣ евреевъ

нѣкоторыя фразы и между этихъ фразъ вставлялъ имена и названія отличительныхъ характерныхъ признаковъ нѣкоторыхъ дивчатъ, прибавляя къ этимъ словамъ швабско-еврейскія окончанія: *еле.*

— Олександре! А шра шварцъ уръ, Тетянеле вчореле менеле поцилувеле, начинаетъ Антонъ.

— Гертъ ту, комъ геръ деръ! Дывысь якъ нихтъ ду челдъ Прискеле росквaселе, комъ геръ деръ губеле, поддерживаетъ разговоръ Олександръ.

— Кымъ леместе балабусте, а губеле якъ, гертъ ду, кымъ леместе балабусте зи геберъ-деръ-деръ-деръ, якъ рыпыци, або капыцыле, говоритъ Антонъ, продолжая въ томъ-же тонѣ на тарабарскомъ языкѣ: а Варкеле якъ балабуста жидивскеле, кымъ леместе балабусте-деръ-деръ-деръ, чортеле бжеле, деръ видьмеле зъ хвостеле, щей митъ цыбулькесъ та часныкесъ.

— Чы ты ба! Ей же Богу и по жыдивськи вміють! восклицаютъ дивчата, ну, тай не капосный тоби Антонъ. Оцего вже не розберемо.

И дѣйствительно, самъ Шампольонъ сталъ бы въ тупикъ передъ этимъ Антоновымъ гіероглифическимъ языкомъ, но Олександръ и Антонъ отлично понимаютъ другъ друга. Дивчата и парубки искренно вѣрятъ въ высокій филологическій талантъ Антона, но чоловики относятся съ недовѣріемъ къ широкимъ его познаніямъ: они слегка улыбаются.

— Чы то и справди ота проява говорыть по жидивски? спрашиваетъ одинъ дядько.

— Де тамъ! Мабуть бисова тинь тильки ману пускае, глубокомысленно замѣчаетъ другой дядько, дивчатъ дурыть та дражныть; живе на доброму хлиби, то въ ему й обрикъ грае.

Въ полдень къ шинку приходятъ музыканты Вотъ идетъ рослый, плечистый, здоровый шляхтичъ Томко Садовскій. Онъ рыбакъ, сапожникъ и музыкантъ. Черезъ его шею переброшенъ почернѣвшій ремень, на ремнѣ висятъ съ боку цымбалы. Рядомъ съ нимъ бубенъ и скрыпка: это тріо и есть „музыкы". Музыканты усаживаются рядочкомъ на завалинкѣ. Томко (которому, замѣтимъ, въ настоящее время 91 годъ), раскрываетъ свои цым-

балы и ударяетъ двумя молоточками по струнамъ. Загудѣли, забрянчали цымбалы, завизжала скрипка, брязнуло решето. Бойкій, веселый козачекъ льетъ электрическій токъ по нервамъ дивчатъ и парубковъ. Парубки „наймають музыки“ дивчатамъ.

— Антоне, наймы намъ музыки, обращается къ Антону красавица Олена.

— А ба! Якъ музыки, то й наймы, а дывытысь на мене, то й не дывысся, отвѣчаетъ Антонъ.

Антонъ нанимаетъ музыки, но самъ съ дивчатами не танцуетъ: онъ все таки сознаетъ свое достоинство: онъ панъ важный. Во время танцевъ онъ бросаетъ въ толпу критическія замѣтки, фельетоны, летучіе сатирическіе листки, вызывающіе смѣхъ. Рѣзкіе нецензурные замѣтки онъ сообщаетъ своему пріятелю на швабско-антоновскомъ жаргонѣ, нисколько не опасаясь громадськой цензуры. Однако Антонъ иногда танцуетъ, но танцуетъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Танцуетъ онъ въ нашей кухнѣ, когда въ гостиной играютъ на фортепіано живую, плясовую мелодію, когда случайно забредутъ чехи и играютъ въ передней. Онъ танцуетъ по своему, придавая танцамъ свой врожденный жартъ; это комическіе танцы: бѣшеный козакъ съ какими-то танцами зигъ-зигъ, съ какими-то необыкновенными выкрутасами собственнаго изобрѣтенія. Мой отецъ выдавалъ замужъ свою сестру. Свадьба была въ нашемъ домѣ. Въ понедѣльникъ, т. е. на другой день послѣ свадьбы, музыка еще играла для *старыхъ*. Окна и двери открыты настежъ. Въ кухнѣ отчетливо слышны плясовыя мелодіи. Въ кухнѣ собралась своя публика: погонычи-кучера, все изъ сосѣднихъ селъ—не стеблевскіе, случайно зашедшіе шляхтичи—сосѣди, ихъ жены. Въ отворенныя окна со двора засматриваютъ дивчата, сбѣжавшіяся послушать музыку и поглазѣть. Публика готова... Зрителей масса... Антонъ чувствуетъ себя въ ударѣ. Вниманіе публики, обращенное на него, подзадариваетъ его. Онъ пускается въ плясъ, видоизмѣняя народный козачекъ своимъ штукарствомъ. Онъ садитъ гопака, пускается „навприсядки“, живо, быстро, словно мячъ, катается по землѣ и въ это время его ноги растягиваются то впередъ, то взадъ, словно лягушечьи лапы во

время плаванія, то брыкаютъ по сторонамъ, какъ ножки быстро бѣгущаго паука-косаря. Онъ подпрыгиваетъ, словно резиновый мячъ, размахиваетъ руками, поднимаетъ ихъ къ потолку, и вдругъ падаетъ „навприсядки", становится на рукахъ, отбрасываетъ обѣ руки назадъ, „хвыцае ногами", словно жеребенокъ, вскидывая ихъ чуть не подъ потолокъ, и какъ будто ходитъ на рукахъ. Сатана! Чисто сатана! Какая изумительная живость въ его движеніяхъ! Какая быстрота! Какая энергія мышцъ, нервовъ, энергія комическая, веселая, заражающая своею веселостью другіе нервы! Вѣроятно, такъ бѣшено танцовали запорожцы послѣ удачнаго похода на татаръ и турокъ. Какая то необыкновенно живая, жизненная сила трепещетъ, дрожитъ въ каждомъ нервѣ, въ каждомъ суставѣ его организма, бьетъ и трепещетъ жизненный ключъ самой природы и прорывается этотъ избытокъ жизни наружу черезъ его нервы. Антонъ напомнилъ мнѣ ловкость и юркость черноморскихъ козаковъ—пластуновъ, ихъ замѣчательную джигитовку. Онъ типъ нервно-подвижнаго, необыкновенно живаго, даже черезъ чуръ живаго украинца. Его воспитала и вскормила широкая, сухая, вольная степь, таинственная, полная опасности, полная бродячей татарвы, полная приключеній, какъ самовольное море; онъ нервенъ, проворенъ говорливъ, обладаетъ бойкою, быстрою рѣчью, какъ провансалецъ, какъ сынъ дальняго востока. На прилавкѣ возлѣ порога была сложена кучами посуда: тарелки, тарелочки, соусники, блюда, миски, взятыя на прокатъ въ жидовской лавкѣ. Антонъ налетѣлъ къ прилавку, какъ вихорь, брыкнулъ ногами вверхъ, хватилъ прилавокъ съ посудою и подбросилъ со всего размаха. Прилавокъ съ посудою взлетѣлъ чуть не подъ потолокъ, тарелки, блюда, соусники посыпались дождемъ на Антона. Онъ схватился и сложилъ ладони на груди, съ покаяннымъ видомъ.

— Ой лышечко! Ой, що жъ це я наробывъ! Ой гвултъ! Тателе, мамеле, чортеле, биселе! Що-жъ теперь мини буде? вопіетъ Антонъ плаксивымъ тономъ, пропавъ я на вики!

Вдругъ онъ опрометью бросился въ уголъ, гдѣ стоятъ рогачи, кочерги, лопата, макогонъ, схватилъ макогонъ и высѣкъ самъ себя... макогономъ. Завернувъ руки назадъ за спину и стоя

на развалинахъ своего Кареагена, Антонъ начинаетъ немилосердно лупить себя сзади макогономъ.

— Оце тоби, шельмо! Оце тоби, псяюхо! А не дурій, а не дурій! Не бый посуды! Такъ тоби й треба! Ой, не буду бильше! Ей-же-Богу, не буду! вопіетъ Антонъ и лупитъ себя уже съ другой стороны.

Самъ сѣчетъ себя и кричитъ. Кругомъ хохотъ неудержимый, безумный. Хохотомъ стонетъ кухня, полная людей, сѣни, биткомъ набитые зрителями. Трескъ разбитой посуды, взрывъ хохота заглушаетъ музыку и долетаетъ до гостиной. Гости бросаются въ сѣни. Передъ ними открывается комическая картина: Антонъ, стоя на черепкахъ, сѣчетъ себя макогономъ. Гости хохочутъ, хозяева не могутъ удержаться отъ смѣха. Вина прощена Антону ради его штукъ.

Въ томъ же году красавица Олена была засватана. Въ цвѣтахъ и лентахъ на головѣ, съ вышитымъ рушныкомъ въ рукахъ, въ красныхъ сапогахъ, румяная, цвѣтущая, здоровая, вся въ блескѣ отъ цвѣтовъ и лентъ, съ сіяющими, почти черными глазами, она, по народному обычаю, пришла къ батюшкѣ просить на весилья. Олену окружали двѣнадцать дружекъ и сопровождали ее съ пѣснями. Она вошла съ дружками прежде всего въ кухню. Въ кухнѣ былъ Антонъ. Невѣста начала кланяться въ поясъ по три раза каждому изъ находившихся въ кухнѣ и цѣловаться. Антонъ схватилъ себя обѣими руками за сердце, закатилъ глаза подъ лобъ и, откинувъ голову назадъ, съ видомъ убитаго горемъ человѣка, начинаетъ стонать:

— Ой, ой, ой! Ой, вмру! Ой вмру! Ой смерть моя прыйшла! Ой! говоритъ Антонъ, и голосъ его звучитъ все тише и тише.

Онъ, кажется, готовъ упасть въ обморокъ, и все стонетъ, пока Олена совершаетъ церемонію поклоновъ и, когда она готовится подойти къ Антону, онъ вдругъ начинаетъ шататься, наклоняется въ одну сторону и, какъ срубленное дерево, падаетъ на землю и лежитъ какъ будто въ обморокѣ, раскинувъ руки. Дружки и наймычки хохочутъ, но Олена, какъ невѣста, выдерживаетъ свою роль: она остается невозмутимо серьезною и важно кланяется трижды въ поясъ лежащему въ обморокѣ Антону.

Вдругъ Антонъ схватывается и становится на ноги: онъ знаетъ, что невѣста обязана поцѣловаться, приглашая на свадьбу. Поцѣловавшись съ Оленой, Антонъ хватаетъ въ руки рубель и качалку и начинаетъ играть качалкою на рублѣ, приплясывая и припѣвая: тра-ла-ла, бомъ-бомъ-бомъ! Дружки хохочутъ, но невѣста даже не улыбается: она должна быть серьезна и, конечно съ трудомъ, выдерживаетъ свою роль до конца. Подобные искуственные обмороки случались съ Антономъ довольно часто, особенно когда невѣста, пригласившая его на свадьбу, была красива.

Къ молодыцямъ и старухамъ Антонъ Радывыловскій относится нѣсколько иначе, чѣмъ къ дивчатамъ. Жарты его въ иномъ тонѣ. Вотъ, напримѣръ, идутъ молодицы вулицею или проходятъ черезъ мисто, т. е. базарную площадь. Антонъ встрѣчается съ ними и обращается къ самой красивой.

— Здорова була, мое серденько! А чого ты оце до мене вчора ввечери не выйшла?

— А чого-бы це я до тебе выйшла? спрашиваетъ молодыця.

— А тыжъ моя полюбовныця, продолжаетъ приставать Антонъ, и позавчора выходыла до мене, и въ середу выходыла, а вчора й невыйшла.

— Одчепыся ты одъ моеи души! Я чоловика маю! сердито отвѣчаетъ молодыця.

— Тилько й горя, що чоловикъ. Бачъ яка ты недобра. Я тоби й спидныцю справывъ, а ты все таки мене цураесся.

— Яку спидныцю? Оцю що на мени? уже шутя спрашиваетъ молодыця, указывая на старую поношенную юбку.

— И цю, и ту червону, що въ тебе въ скрыни. Обидви мои, а ты оце чогось перестала мене любыты.

— Та въ мене червонои спидныци и въ заводи нема, отвѣчаетъ со смѣхомъ молодыця.

— То зелена е, и то моя, навязывается Антонъ, ой Боже мій, Боже, тильки десять карбованцивъ пропало дурнисенько, со вздохомъ говоритъ онъ.

— Купы мени спидныцю — то я й зношу, говоритъ молодыця.

Идетъ Антонъ на мисто и опять встрѣчаетъ молодежь и опять намѣчаетъ жертву для своихъ шутокъ, конечно, самую красивую.

— Будь здорова, чорноброва! Цокотушко моя, щебетушко моя, моя ты перепилочко, моя ты лебидочко! щебечетъ Антонъ сладенькимъ голоскомъ, а ты вже й не дывысся на мене, не здоровкаесся зо мною.

— Та я тебе й не прымитыла, отвѣчаетъ молодыця.

— А бачъ! Любылыся, кохалыся, якъ рыба съ водою, а теперь ты вже мене й не прымичаешь. Охъ, або пиду зъ горя втоплюся въ Роси, або повишусь... оттутъ середъ миста забью килокъ, говоритъ Антонъ плаксивымъ голосомъ и тяжко вздыхаетъ.

Его лицо принимаетъ отчаянно-грустное выраженіе, словно ему осталось только накинуть петлю на шею.

— Повисся! Про мене! Плакать не буду, говоритъ молодыця.

— А якъ я буду дригать ногами передъ смертью, то може й заплачешъ. Уси молодыци збижаться до мене та будуть слезмы вмыватысь, якъ я буду ногамы дрыгать. Охъ! вздыхаетъ Антонъ.

Стеблевскіе молодыци всѣ знали эту шутку Антона и нисколько не обижались. Но иногда Антонъ обращался съ подобными шутками къ молодицамъ сосѣднихъ селъ, которыя видѣли его въ первый разъ. Шутка выходила въ самомъ дѣлѣ смѣшная. Встрѣчаетъ Антонъ очень красивую молодицу во время стеблевской ярмарки; она изъ сосѣдняго села Шендаривки.

— Добрыдень тоби, серце! обращается къ ней Антонъ, чы ты це мене й не впизнала?

— Ни, отвѣчаетъ серьезнымъ тономъ молодыця.

— Охъ! вздыхаетъ тяжко Антонъ, а ци червони чоботы, що я тоби купывъ, и доси носышъ... а мене й не впизнаешъ?

— Колы-жъ ты мини купувавъ червони чоботы? отвѣчаетъ молодыця. Глаза ея и лицо выражаютъ крайнюю степень удивленія.

— А хибажъ ты вже й забула? А тоди якъ я до тебе ходывъ що вечора, говоритъ Антонъ.

Молодыця „вытрищыла очи, якъ корова на нови ворота": она, видимо, усиливается припомнить грѣхи своей недавней молодости и, конечно, не находитъ подобныхъ грѣшковъ въ своей памяти.

— Що ты брешышъ: ци червони чоботы справывъ мини чоловикъ, говоритъ молодыця.

— А вже-жъ чоловикъ... Пры людяхъ, бачъ, треба-жъ казать, ни бы-то чоловикъ справывъ...

— Оце прычипылася якась прычепа! Може ще скажешъ, що й це намысто ты мини справывъ? уже сердито отвѣчаетъ молодыця.

— А то-же хто! А вже-жъ я!

— Колы-жъ ты мини справлявъ?

— А тоди якъ мы любылыся съ тобою, моя полюбовныце.

— Бый тебе сыла Божа! Я тебе вперше бачу на своему вику, говоритъ молодыця уже обиженнымъ тономъ: та я не стебливська, я зъ Шендырывки.

— А хиба-жъ я не знаю, що ты зъ Шендырывки? Говоритъ Антонъ.

Вокругъ стоящія стебливськія молодыци и чоловики улыбаются: ихъ забавляетъ Антонова штука. Штука еще больше забавляетъ самого Антона.

— Ой Господы, Господы! Якій теперъ свитъ наставъ, говоритъ Антонъ, вже й забула! А помятаешъ, якъ ты выбигала до мене зъ Шендарывки за лисокъ у ярокъ; ты зъ Шендарывки у ярокъ, а я зъ Стеблева у ярокъ, болтаетъ Антонъ.

Въ толпѣ поднимается хохотъ; Антонъ сохраняетъ самую серьезную минуту, шендаривская молодыця сердится.

— Ще якась напасть мини зъ цымъ чоловикомъ, та ще й на ярмарку, восклицаетъ она. Однако она замѣчаетъ хохотъ, чутьемъ угадываетъ нѣчто комическое въ приставаніи Антона, догадывается, что здѣсь кроется шутка.

— Ты не ймы ёму виры, молодыце, говоритъ одинъ изъ толпы, винъ жартуе! Це ёго така вдача.

Молодыця и сама начинаетъ смѣяться, что далась въ обманъ, припоминая всѣ подробности разговора Антона, но Антона и слѣдъ простылъ: „шукай витра въ поли“.

Конечно, Антонъ приставалъ съ подобными шутками къ молодыцямъ, когда не видѣлъ ихъ мужей по близости.

— Ей, Антоне! Намне колысь тоби чуба якій небудь мужыкъ! дѣлали Антону первое и второе предостереженіе, но и третье и даже четвертое предостереженіе не подѣйствовала на Антона, и... Антонъ попалъ таки въ бѣду.

Была „ярмаркова недиля“, т. е. воскресенье, въ которое собиралась ярмарка въ Стеблевѣ. Антонъ возвращался изъ церкви. Ему нужно было переправляться черезъ рѣку на паромѣ, такъ какъ нашъ домъ стоялъ за Росью на горѣ. Въ ярмаркову недилю на паромѣ и на обѣихъ гаткахъ всегда бываетъ очень „завизно“. Народъ изъ сосѣднихъ селъ, покончивъ дѣла на ярмаркѣ съ утра, возвращался домой. На небольшомъ паромѣ не переставали перевозить огромную массу возовъ. Возы столпились у перевоза на одной гати и на другой. Переправившись черезъ рѣчку, Антонъ замѣтилъ между возами одну молоденькую молодычку изъ сосѣдняго села Выграева и началъ отпускать ей свои обычные жарты.

— Добрыдень тоби, полюбовныце! Чы це ты мене й не впизнаешъ?

Молодыця вытаращила глаза.

— Я тебе й не знаю, й зъ роду й не бачила, отвѣчаетъ молодычка.

— А бачь яка! А ты вже й забула, якъ ты мене любыла?

— Та я не стебливська, я выграевська, говоритъ молодычка.

— Та выграевська-жъ. А памятаешъ, якъ ты выходыла до мене що вечора за лисокъ, у ярокъ до млына, а я до тебе выходывъ зъ Стеблива за лисокъ у ярокъ? плететъ Антонъ свою „нисенитныцю“. Вдругъ изъ за возовъ выходитъ мужъ молодычки, очевидно недавно женившійся. Онъ все слышалъ.

— А це, жинко, що? То ты така! А ты-жъ божылась, а ты-жъ прысягалась, що никого не любыла! То ты така! накидывается ревнивый мужъ на бѣдную молодычку.

— Оце якась напасть! Та я оцёго чоловика вперве на вику бачу! отвѣчаетъ молодыця со слезами на глазахъ.

Антонъ стоитъ и забавляется своимъ жартомъ.

— Брешешъ ты, сяка-така! А ты-жъ божылась, ты-жъ прысягалась! То ты мене дурыла! кричитъ уже побагровѣвшій мужъ

Молодыця начинаетъ плакать. Мужъ обращается къ Антону уже не съ жартами.

— А ты, вражій сыну, чого ты чепляесся до моеи жинки?

Выграевецъ хватаетъ одной рукой себя по шапкѣ. Это значитъ: убью! На его багровомъ лицѣ, въ его свирѣпыхъ глазахъ Антонъ, хотя не дошедшій еще до искусства говорить съ дивчатами по испански, прочелъ однако страшное испанское слово—vendetta! Онъ понялъ, что нужно удирать.

— Яжъ тоби, вражый сыну, скручу вязы! уже шипитъ выграевецъ.

Онъ блѣденъ, какъ смерть; онъ вторично бьетъ себя ладонью по шапкѣ; шапка съѣхала чуть не на затылокъ. Это значитъ: рѣшено! Смерть! Антонъ прибавилъ шагу. Выграевецъ за нимъ. Антонъ поворачиваетъ на гору. Выграевецъ за нимъ на гору. Антонъ во дворъ, мужикъ по его слѣдамъ и себѣ во дворъ. Антонъ понялъ, что кухня его не спасетъ, и бросается въ „покой", вскакиваетъ въ переднюю и становится за шкафомъ. На немъ лица нѣтъ. Выграевецъ вбѣгаетъ въ кухню. Его блѣдный, искаженный видъ пугаетъ наймычекъ и няньку—бабу.

— А де той шыбеныкъ? А де винъ? кричитъ выграевецъ.

Страшный крикъ слышенъ во всемъ домѣ. Отецъ мой отворяетъ дверь и выходитъ въ переднюю. Онъ видитъ, что за шкафомъ стоитъ Антонъ ни живой—ни мертвый, съ испуганнымъ лицомъ, съ помутившимися глазами. Отецъ догадался, что вышла какая-то исторія. Онъ выходитъ въ сѣни. Выграевецъ стоитъ въ сѣняхъ и бѣшено кричитъ: „а де той шыбеныкъ, волоцюга?"

— Чого тоби, чоловиче, треба? спрашиваетъ мой отецъ.

Выграевецъ не можетъ объяснить дѣла отъ сильнаго волненія; онъ блѣденъ, глаза его тусклы.

— Я... винъ... отой шыбеныкъ... на гатци до моеи жинки,... путаетъ выгравецъ, дѣлая невѣроятное усиліе разсказать, въ чемъ дѣло, но говорить онъ не можетъ.

— Напыйся, чоловиче, воды, говоритъ мой отецъ и даетъ знакъ рукой бабѣ.

Баба подаетъ кружку съ водой. Выграевецъ не замѣчаетъ ни бабы, ни кружки, и все говоритъ безсвязныя слова. Отецъ

вошелъ въ переднюю, налилъ изъ графина стаканъ воды и, обождавъ немного, чтобы дать время ревнивцу придти въ себя, немного успокоиться, выноситъ стаканъ въ сѣни и подаетъ ему.

— На, чоловиче, выпый воды, говоритъ онъ, подавая стаканъ.

Выграевецъ немного опомнился. Онъ беретъ стаканъ и выпиваетъ воду.

— Скинь шапку, говоритъ мой отецъ.

Выграевецъ снимаетъ шапку и открываетъ выпуклый, красивый лобъ, выражающій сильную рѣшительность и энергію. Лобъ обрамленъ черными, какъ смоль, кудрявыми завитками. На выступившемъ немного впереди надъ глазами лбу, рисуются густыя, красивыя брови, словно говорятъ: „намъ судьбой назначено моргать, и на какую мы моргнемъ, той не смѣй трогать никто“!

Выграевецъ успокоился и началъ жаловаться на „того шыбеныка“. Мой отецъ объяснилъ ему, что этотъ шыбеныкъ просто на просто жартуе, что подобные жарты его извѣстны въ цѣломъ Стеблевѣ.

— А хиба въ васъ въ Выграеви не чуть про жарты того шыбеныка? спрашиваетъ мой отецъ.

— Ни, не чуть, отвѣчаетъ чоловикъ.

— Ну, то теперъ буде чуть про ёго й тамъ, сказалъ мой отецъ.

Такимъ образомъ стаканъ воды потушилъ огонь трагедіи и спасъ отъ смерти Антонову комедію.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1])

Если такимъ образомъ шляхетскіе наказы высказались противъ внесенія новшествъ въ права посполитыхъ и противъ правительственной регламентаціи повинностей, отбываемыхъ въ пользу шляхетства, то совершенно иначе отнеслись наказы къ вопросу о повинностяхъ, отбываемыхъ въ пользу государства, и высказали въ этомъ отношеніи весьма много заботъ и стараній, направленныхъ главнымъ образомъ къ уменьшенію повинностей, къ сложенію недоимокъ, измѣненію способовъ взиманія и раскладокъ податей и пр. Основнымъ желаніемъ шляхетства относительно государственныхъ повинностей, какъ съ лица, такъ и съ имущества его самого и его подданныхъ, было выставлено въ наказахъ возвращеніе къ началу льготъ шляхетства предъ другими сословіями, льготъ мало извѣстныхъ великорусскимъ порядкамъ, покоившимся на полномъ подчиненіи личности со всѣмъ ея животомъ государству. Шляхетство, въ сходство своихъ правъ и привилегій, просило прежде всего, чтобы, кромѣ личной свободы отъ всѣхъ повинностей, были также свободны отъ нихъ и принадлежащія ему земли, и по этому случаю Г. Политика приводилъ на память коммиссіи, что въ старое время, когда малороссіяне находились „подъ короною польскою", то они платили только „на знакъ подданства" всего 2 польскихъ гроша съ влохи, т. е. самый ничтожный налогъ съ количества равнаго почти 20 дес.; во-вторыхъ, тотъ же Политика, говоря о 9 ст. проекта о

---

[1]) См. „Кіевская Старина", 1890, 9.

правахъ благородныхъ, предлагалъ ее редактировать такимъ образомъ, что благородные не только сами не подлежатъ обложенію податьми, „но и дворовые ихъ люди изъемлются отъ оныхъ“, какъ на примѣръ такого завиднаго положенія благородныхъ Политика указалъ на положеніе лифляндскаго дворянства, удержавшаго въ цѣлости свои феодальные порядки [1]). Въ отношеніи обложенія собственно подданныхъ главныя заботы шляхетства вращались на злобѣ дня того времени, на „новоустановленномъ г. Румянцевымъ, взамѣнъ прежнихъ консистентскихъ дачъ, рублевомъ окладѣ“, успѣвшемъ обнаружить въ теченіе недолгаго времени своего существованія массу неудобствъ и для подданныхъ, и для ихъ помѣщиковъ. Рублевый окладъ, о тягостяхъ котораго трактовали наказы, былъ введенъ Румянцевымъ на смѣну существовавшихъ до него консистентскихъ дачъ, т. е. взамѣнъ натуральнаго довольствованія провіантомъ и фуражемъ квартировавшихъ въ Малороссіи великорусскихъ войскъ, такъ какъ тяжесть натуральнаго содержанія консистентовъ, при злоупотребленіи великорусскихъ чиновниковъ, составляла вопіющее зло, страшное бремя для Малороссіи и требовала настоятельныхъ измѣненій. Румянцевъ взялся за это дѣло и консистентскія дачи замѣнилъ прямымъ окладомъ по 1 р. 2 к. съ каждой жилой хаты; но новоизобрѣтенный имъ окладъ не только не снялъ съ малороссіянъ давившаго ихъ бремени и не распредѣлилъ его болѣе равномѣрно, но создалъ новыя неудобства съ явнымъ отягощеніемъ однихъ крестьянъ и владѣльцевъ въ пользу другихъ, и этимъ положеніемъ вещей была недовольна вся Малороссія. Дѣло въ томъ, что обложеніе 1 р. 2 коп. каждой крестьянской хаты, независимо отъ его абсолютной тягости, имѣло еще тотъ недостатокъ, что избранный имъ предметъ обложенія—хата—давалъ чрезвычайно неопредѣленную величину при распредѣленіи податной тягости, такъ какъ хата, сама по себѣ, еще не указывала на доходы ея хозяина, а между тѣмъ рубль одинаково взимался „отъ каждой избы безъ разбора, съ бѣдныхъ и имущественныхъ, съ подсосѣдковъ и наемныхъ людей, не исключая и

---

[1]) Сб. Р. И. И. Об. 32 т., 347 стр.

тѣхъ, кои сошли въ безвѣстныя мѣста" (Наказы, 41), или, какъ говоритъ лубенскій наказъ, „что одного рубля плотитъ мужикъ тотъ, который имѣетъ у себя имущество отъ 100 до 500 руб. и тотъ послѣдній подсосѣдокъ, который едва-ли имѣетъ у себя имѣнія на 60 к." [1]). На послѣднее обстоятельство и обращали вниманіе всѣ наказы, основательно указывая, что среди обложенныхъ рублевымъ окладомъ есть масса подсосѣдковъ, не имѣющихъ не только земли для покрытія ея доходами налоговъ, но неимѣющихъ даже одежды и еле снискивающихъ себѣ пропитаніе [2]), и что обложеніе такихъ безземельныхъ, проводящихъ свой вѣкъ по чужимъ хатамъ, является не только несправедливымъ въ отношеніи людей земельныхъ, но даже превышающимъ ихъ податную способность. Составители черниговскаго наказа при этомъ заявляли, что единственный коррективъ, имѣющійся въ рукахъ помѣщиковъ для уравненія обложенія—это распредѣленіе податнаго контингента пропорціонально имуществу крестьянъ, но и онъ не всегда можетъ примѣняться съ успѣхомъ, такъ какъ иногда и все имѣніе помѣщика состоитъ изъ нищихъ людей, несостоятельныхъ къ уплатѣ [3]). Послѣдствіемъ неравномѣрнаго отягощенія подданныхъ у различныхъ помѣщиковъ было бѣгство крестьянъ къ тому помѣщику, у котораго было легче, который самъ могъ заплатить рублевый окладъ и потомъ медленно выбирать его въ теченіе года; разумѣется, что практиковать это могли только богатѣйшіе помѣщики и къ нимъ то и стекались крестьяне. Богатые помѣщики богатѣли еще больше, бѣдные бѣднѣли; само же поспольство, попадая къ богатому шляхетству, хотя временно и отдыхало, освобождаясь отъ правительственныхъ взысканій, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочно закрѣплялось за владѣльцами и своими руками затягивало на себѣ петлю. Во всякомъ случаѣ рублевый окладъ былъ невыгоденъ для большинства шляхетства; отсюда жалобы, что онъ незаконно наложенъ на малороссіянъ не только въ нарушеніе пунктовъ Б. Хмельницкаго и привилегій Сигизмунда 1569 г. о невзиманіи

[1]) Наказы, стр. 50
[2]) Ibid., 5.
[3]) Ibid., стр. 19.

болѣе 2-хъ грошей съ паволоки земли, но и въ отмѣну обѣщанія Петра I „о невзиманіи ни единого пенязя въ свою казну изъ М. Россіи". Жалобы сопровождались различнаго рода просьбами. Глуховцы ходатайствовали о томъ, чтобы рублевый окладъ взимался въ полномъ размѣрѣ только съ тяглыхъ людей, имѣющихъ земли, а съ неимѣющихъ—только въ половинномъ размѣрѣ, и чтобы болѣе съ нихъ какъ съ движимаго, такъ и недвижимаго имѣнія никакихъ сборовъ не собиралось [1]). Черниговцы, въ общихъ выраженіяхъ, просили расположить рублевую повинность безъ отягощенія народа [2]); переяславцы указывали на отсутствіе у народа денегъ и упадокъ земледѣлія и просили понизить рублевый окладъ до размѣровъ прежней консистентской подати, а также освободить отъ него наемныхъ людей, не занимающихся ни хлѣбопашествомъ, ни промыслами и проживающихъ на владѣльческомъ пропитаніи и одѣяніи [3]). Лубенцы хлопотали даже о совершенной отмѣнѣ рублеваго оклада и замѣнѣ его повинностью смѣшанной формы: натуральной въ мѣстахъ расположенія войскъ и денежной въ остальныхъ мѣстахъ и т. д. [4]).

Къ числу такихъ же заботъ въ области податнаго обложенія нужно отнести и попеченія шляхетства о сложеніи недоимокъ съ его подданныхъ и объ освобожденіи малороссіянъ отъ натуральныхъ повинностей, какъ-то: строенія линій, засѣкъ, крѣпостей, содержанія военныхъ постоевъ, участія въ великорусскихъ войскахъ для исправленія обязанностей погонщиковъ воловъ и пр., словомъ, объ освобожденіи отъ „всѣхъ работъ, нарядовъ и поборовъ", ставшихъ съ приснопамятныхъ ладожскихъ работъ истиннымъ бичемъ для Малороссіи [5]). Въ послѣднее время (1756 г.) бремя упадавшихъ на малороссіянъ тягостей особенно чувствовалось потому, что въ эпоху семилѣтней войны шляхетству и козакамъ пришлось выставить для русской арміи 8 тыс. человѣкъ погонщиковъ изъ посполитыхъ съ волами и

---

[1]) Наказы, стр. 6.

[2]) Ibid., 19.

[3]) Ibid. 42.

[4]) Ibid., 52.

[5]) Ibid., 20.

фурами, причемъ за этотъ нарядъ правительство не заплатило ни единой копѣйки. Что касается недоимочной суммы, весьма занимавшей вниманіе наказовъ, то она начала скопляться за Малороссіей съ 1735 г., т. е. со времени введенія консистентскихъ дачъ и росла съ каждымъ годомъ; лубенцы, заявляя о необходимости ея сложенія, указывали, что за отдаленностью времени многіе изъ обывателей, на которыхъ числилась недоимка, успѣли умереть или безвѣстно переселиться, и въ настоящее время взиманіе несправедливо производится съ наличныхъ шляхетскихъ подданныхъ, сидящихъ на земляхъ исшедшихъ посполитыхъ и нисколько неповинныхъ въ ихъ недоимкахъ, и что самыя земли, на которыхъ сидятъ подданные, принадлежатъ владѣльцамъ, которые, „такова платежа чинить за свое добро ни по какимъ законамъ не обложены" [1]). Кромѣ этого соображенія, въ пользу прощенія недоимокъ шляхетствомъ обыкновенно приводились и такого рода причины, какъ частые недороды хлѣба, падежи скота, общій упадокъ земледѣлія и дурное состояніе края въ экономическомъ отношеніи, достигшее такой степени, что многіе изъ обывателей „не только что недоимки, но и настоящей дачи оплачивать чѣмъ не имѣютъ и лишаются съ женами и дѣтьми и самыя дневныя пищи" [2]).

Если мы допустимъ, что экономическое состояніе Малороссіи представлено наказами въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ, то тѣмъ не менѣе приведенныя ими соображенія, а также хотя бы слабыя представленія о томъ, какъ взыскивались въ прошлыя времена недоимки, намъ кажутся вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ, что числившаяся на Малороссіи недоимка была дѣйствительно выше ея податныхъ способностей и жалобы на ея обременительность не были фальшивыми, а истинными заботами объ экономическомъ положеніи своего края.

Не менѣе горячо, чѣмъ къ недоимкамъ, отнеслись наказы и къ вопросу объ отмѣнѣ въ Малороссіи военныхъ постоевъ,— этой самой непріятной натуральной повинности, дававшей поводы

---

[1]) Ibid., 51.

[2]) Ibid., 51.

къ многочисленнымъ жалобамъ и нареканіямъ малороссіянъ на великорусскихъ начальниковъ. Извѣстно, что квартированіе великорусскихъ войскъ въ Украинѣ началось съ первыхъ же дней „возсоединенія“; но сначала русское правительство помѣщало свои гарнизоны не во всѣхъ городахъ Малороссіи, а только въ тѣхъ, гдѣ указывала военная необходимость, впослѣдствіи же, благодаря внутреннимъ безпорядкамъ, а отчасти и гетманамъ, заботившимся не о родинѣ, а о себѣ, великорусскія войска стали наводнять Украину, а во время шведской войны, измѣны Мазепы, войны съ турками и послѣ нея они сдѣлали изъ Украйны положительно военный лагерь. Малороссія, за исключеніемъ краткаго времени царствованія Анны Ивановны, постоянно содержала у себя на квартирахъ, въ городахъ и селеніяхъ, 8 драгунскихъ полковъ съ полевою аптекою. Если въ наше время военные постои не обходятся безъ многихъ непріятностей для мѣстныхъ обывателей и безъ извѣстной доли деморализаціи населенія, то въ прошломъ вѣкѣ эти темныя стороны постоевъ были еще замѣтнѣе, ибо, при слабости закона и торжествѣ произвола, военные начальники распоряжались по своему усмотрѣнію въ Малороссіи и отъ нихъ одинаково терпѣли всѣ, отъ знатныхъ старшинъ до послѣднихъ подсосѣдковъ. Нужно сказать, что по грамотѣ Петра I отъ 1721 года было запрещено требовать квартиры „въ М. Россіи у заслуженныхъ особъ, полковниковъ, у сотниковъ и протчей старшины“ [1]), между тѣмъ эта грамота соблюдалась такъ слабо, что отводъ квартиръ въ домахъ шляхетства сталъ, по словамъ переяславскаго наказа, „главнымъ основаніемъ къ приведенію ихъ въ крайнее изнуреніе и несостояніе къ службѣ ея и. величества, отъ чего въ г. Переяславѣ почти всѣ дома знатнѣйшіе пришли въ крайнее опустѣніе“ [2]). Эта-то причина и заставила сочинителей всѣхъ наказовъ просить Екатерину II о подтвержденіи Малороссіи льготной петровской грамоты, отъ возстановленія дѣйствія которой,— говорили они,—„шляхетство восчувствуетъ совершенную выгоду

---

¹) Наказы, 28.

²) Ibid, 46.

и покой". Иные же наказы выражали желаніе, чтобы шляхетскія деревни были также освобождены отъ военныхъ постоевъ и чтобы войска были переведены изъ нихъ въ города для развитія въ послѣднихъ торговли и промысловъ съ одной стороны, и для устраненія того невыгоднаго положенія вещей, что остающіеся въ деревняхъ войска, „не имѣя гдѣ что купить, остаются на довольствѣ хлѣбомъ и прочимъ у обывателей"— съ другой.

Мы не будемъ далѣе входить въ подробности болѣе мелкихъ желаній шляхетства въ сферѣ вопросовъ податнаго характера или касаться разсмотрѣнія такихъ обычныхъ натуральныхъ повинностей, какъ: „выстаченіе" подводъ, воловъ, погонщиковъ, строеніе засѣкъ, крѣпостей, линій и другихъ работъ.

Въ этой области ничего нельзя сказать другого, какъ то, что эти повинности, весьма необходимыя для Россіи, были крайне тяжелы для Малороссіи и въ частности для шляхетства, такъ какъ, изнуряя посполитыхъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ подрывали и благосостояніе шляхетскихъ хозяйствъ, содержимыхъ руками посполитыхъ. Весьма естественно поэтому, что всѣ нужды шляхетства, заявленныя въ этой области, вращались на отмѣнѣ податей и повинностей и на обращеніи вспять къ тому времени, когда шляхетство пользовалось полнѣйшей въ этомъ отношеніи свободой, или лучше сказать, когда строй государственной жизни носилъ частно-правовой характеръ и задачи государственнаго управленія были крайне просты и несложны. Конечно, это было очень давно, это были времена „Жигимонта Августа", двумя вѣками отдѣлявшіяся отъ разсматриваемой нами эпохи Екатерины Великой; за это время Малороссіи пришлось пережить очень много, она перемѣнила подданство и Россіей была выведена на совершенно иную дорогу политической жизни, чѣмъ то было при короляхъ польскихъ. По возсоединеніи задачи Великороссіи стали вмѣстѣ съ тѣмъ и задачами Малороссіи, такъ какъ политическое объединеніе обѣихъ сторонъ было полное; между тѣмъ шляхетство какъ бы не хотѣло этого понимать, требуя для себя и своихъ посполитыхъ различнаго рода льготъ въ то жгучее время, когда Россія доводила до напряженія свои силы,

стараясь занять въ Европѣ выдающееся положеніе, расширить свои границы, укрѣпить могущество.

Не отрицая нисколько за шляхетствомъ права на защиту своихъ привилегій, мы тѣмъ не менѣе не можемъ сочувствовать ему, когда оно пыталось защищать привилегіи, явно отжившія свой вѣкъ и уступившія мѣсто другому порядку вещей; мы не можемъ сочувствовать и тому, что шляхетство въ данномъ случаѣ, не изыскивая раціональныхъ средствъ помочь экономическому состоянію своей страны, прямо обратило свои взоры на два вѣка назадъ и тамъ въ погребенной старинѣ искало программу для будущаго, какъ будто два вѣка оно прожило подъ стекляннымъ колпакомъ и не измѣнилось ни въ какомъ отношеніи; просить о свободѣ отъ всѣхъ повинностей, какъ дѣлали наказы, это значило закрывать глаза на дѣйствительность, а не серьезно разрѣшать наболѣвшій вопросъ.

Поэтому мы и находимъ, что, хотя нужды и отягощенія шляхетства въ разсмотрѣнной нами сферѣ, были заявлены наказами вполнѣ основательно и разумно, но средства и мѣры, предложенныя ими къ улучшенію, были не практичны. По изложеніи нуждъ и желаній шляхетства экономическаго характера намъ остается перейти къ той части наказовъ, гдѣ шла рѣчь о недостаткахъ во внутреннемъ устройствѣ, судѣ и управленіи Малороссіи и гдѣ намѣчались способы и мѣры ихъ устраненія; но мы должны сказать, что эта часть оказалась самою слабою и что, несмотря на совѣты, данные Румянцевымъ, точно и серьезно обсудить причины упадка и общественныхъ недуговъ Малороссіи, составители наказовъ мало отвели имъ мѣста и оставили въ тѣни истинныя потребности своей современности, а многіе наказы такъ кратко и бѣгло коснулись самыхъ первостепенныхъ и жгучихъ вопросовъ, что приходится удивляться и недоумѣвать, какъ шляхетскіе представители могли пройти молчаніемъ мимо язвъ соціальныхъ, требовавшихъ исцѣленія, и ограничились въ такихъ случаяхъ общими фразами о подтвержденіи Малороссіи пунктовъ Б. Хмельницкаго. Сопоставляя въ этомъ отношеніи содержаніе наказовъ съ прошеніемъ о возстановленіи старинныхъ правъ, мы находимъ, что ни по глубинѣ изученія,

ни по силѣ критики дѣйствительныхъ недостатковъ соціально-политическаго устройства Малороссіи, ни наконецъ, по самой разработкѣ и изложенію вопросовъ этого рода большинство наказовъ не могутъ сравняться съ прошеніемъ, и не хочется вѣрить, чтобы мысли въ нихъ высказанныя, были выраженіемъ всего, надъ чѣмъ задумывались и волновались лучшіе люди Малороссіи, такъ были во многихъ случаяхъ поверхностны, отрывисты и лишены всякой идеи о прогрессѣ заявленія наказовъ о внутреннихъ недостаткахъ Малороссіи.

Мы не рѣшаемся въ точности опредѣлить, откуда проистекала слабость наказовъ въ вышеупомянутыхъ вопросахъ, но полагаемъ, что здѣсь господствовали различнаго рода причины: во первыхъ, не нужно забывать, что у малороссіянъ, особенно у тѣхъ, которымъ были выгодны старые порядки, господствовало убѣжденіе, что коммиссія созывается Екатериной исключительно для составленія Уложенія для одной Великороссіи; что малороссіянамъ, поэтому, нечего входить въ большія подробности относительно своихъ нуждъ, а стоитъ только просить, чтобы „край малороссійскій былъ трактованъ въ новосочиняемомъ Уложеніи по своимъ правамъ и привилегіямъ". Во вторыхъ, несомнѣнно, что разъ шляхетство заявило себя съ ультра-консервативной стороны, поборникомъ старо-польскаго режима и просило о сохраненіи пунктовъ Б. Хмельницкаго, то не въ его интересахъ было подрывать свои просьбы указаніями на недостатки и критикой порядковъ своей родины. Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что разбросанное по захолустьямъ шляхетство не всегда могло въ краткій срокъ хорошо ознакомиться съ возложенной на него задачей и тщательно вникнуть въ коренныя причины многихъ сложныхъ явленій общественной жизни, такъ какъ несомнѣнно, что открыть слабыя стороны государственнаго механизма, отрѣшившись отъ личныхъ выгодъ и симпатій, гораздо труднѣе, чѣмъ просить о нобилитаціи и разныхъ льготахъ.

Однако, какъ ни скупы были наказы на объясненія, но изъ разсѣянныхъ въ нихъ тамъ и сямъ замѣчаній намъ необходимо возстановить картину хотя бы главныхъ вожделѣній шляхетскаго сословія. Посмотримъ прежде всего, много-ли и что

именно было сказано наказами въ пользу реформированія внутренняго устройства Малороссіи?

Большинство шляхетства нашло мало причинъ заявить неудовольствіе на современное устройство Малороссіи, но если находило его несостоятельнымъ, то не потому, чтобы оно устарѣло, а напротивъ потому, что оно измѣнилось въ сравненіи съ стариной къ худшему. Эту мысль въ особенности сильно отстаивало и развивало прошеніе, поданное въ коммиссіи всѣми депутатами отъ Малороссіи; изъ наказовъ же только одинъ черниговскій составлялъ исключеніе и весьма отчетливо проводилъ идею, совершенно противоположную прошенію, что несоотвѣтствіе старыхъ законовъ и формъ правленія съ обстоятельствами текущаго времени составляетъ главное зло Малороссіи; что въ ней существуетъ „видъ правленія, который трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ" и что „правительство и обряды Малороссіи, изъ разныхъ смѣшанныхъ видовъ составленные, съ великимъ противу правъ нынѣшняго дѣлъ состоянія несходствомъ, худо соотвѣтствуютъ благоучрежденію, отъ котораго все счастіе народа зависитъ" [1]). Конечно, ничего нельзя возразить противъ заявленія черниговскаго наказа, ибо строй Малороссіи, одной ногой опиравшійся на весьма древнее, унаслѣдованное отъ Польши законодательство, измѣненное самобытными козацкими порядками и обыкновеніями, а другой и, главнымъ образомъ, на многочисленные несистематизированные указы и распоряженія русской верховной власти, дѣйствительно, пришелъ въ такое хаотическое состояніе, что трудно было сказать, на основаніи какихъ законовъ и обрядовъ вершится „правленіе дѣлъ въ Малороссіи". Трудно повѣрить, но это фактъ, что въ Малороссіи одновременно должны были сосуществовать и неотмѣненное публичное право Л. Статута, и привилегіи королей польскихъ, и некодифицированные козацкіе „права и обычаи", и пункты Б. Хмельницкаго и послѣдующихъ гетмановъ и, наконецъ, масса царскихъ грамотъ, указовъ, правительственныхъ распоряженій и пр., т. е. пестрая амальгама наслоявшихся другъ на друга

---

[1]) Наказы, 10, 11.

законовъ, безъ всякой логики, связи и смысла. Едва-ли кто можетъ сомнѣваться, что при такомъ безпорядкѣ, противорѣчіи и хаосѣ законовъ ни одинъ изъ нихъ не могъ примѣняться, какъ слѣдуетъ, и что, поэтому, страна управлялась не законами, а начальниками, совершенно съ ними незнакомыми, но руководившимися собственнымъ усмотрѣніемъ и указами правительства, *ad hoc* изданными. Это было тѣмъ легче, что та *козацкая* Малороссія, которая присоединилась къ московскому государству, и въ самый моментъ присоединенія держалась не на точныхъ законахъ, а на козацкихъ „обыкновеніяхъ", далеко не соотвѣтствовавшихъ письменному законодательству, дѣйствовавшему при польскомъ режимѣ и на бумагѣ подтвержденному московскими царями. Такое положеніе вещей окажется совершенно естественнымъ, если вспомнить, что присоединившаяся Малороссія вызвана была къ жизни борьбою съ прежними началами и присоединилась къ Великороссіи въ самый разгаръ борьбы, когда еще не было времени выработать свои юридически точные порядки и формы жизни; Великороссія же, пользуясь внутренней неурядицей Малороссіи, ея слабостью и своей силой, не замедлила отклонять малорусскіе порядки въ выгодную для себя сторону. Такимъ образомъ, изъ столкновенія традицій польскаго режима и законодательства, малорусскихъ козацкихъ правъ и обычаевъ съ великорусскими законами и образовался тотъ безобразный „видъ правленія", который, по мягкому выраженію черниговскаго наказа, „трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ". Это было весьма важное зло въ Малороссіи; вторымъ же не менѣе крупнымъ являлось смѣшеніе гражданскаго и воинскаго управленій, т. е. полугражданскій—полувоенный бытъ Малороссіи, пережившій, такъ сказать, самъ себя и совершенно несоотвѣтствовавшій мирнымъ задачамъ своего времени. На это несоотвѣтствіе указывали всѣ наказы и его признавала сама Екатерина.

Нужно замѣтить, что смѣшеніе сферъ воинскаго и гражданскаго управленій составляло одно изъ проявленій козацкихъ „обыкновеній" во внутренней жизни Украйны; оно возникло, когда старый польско-шляхетскій строй былъ разрушенъ козац-

кою саблею и на мѣсто его стала новая Малороссія, раздѣленная на полки и сотни и получившая военное, козацкое устройство, благодаря тому настроенію времени, что всякій стремился стать вольнымъ козакомъ, т. е. воиномъ. Малороссія, въ смыслѣ военныхъ и административныхъ округовъ, получила тогда военное дѣленіе на полки и сотни; во главѣ ея гражданскаго и военнаго правительства стоялъ гетманъ и генеральная старшина, избранные вольными голосами всего народа; за генеральной старшиной слѣдовала полковая и сотенная, вѣдавшая полковое и сотенное управленіе во всѣхъ его отрасляхъ и направленіяхъ. Дѣла гражданскія и воинскія, судебныя и административныя, не исключая и фиска, словомъ, управленіе страной во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ духовнаго, соединилось въ это время въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ, т. е. гетмана, генеральной, полковой и сотенной старшины съ низшими ихъ органами. Соединеніе это на первыхъ порахъ существованія всякаго неразвитаго политически общества является самымъ естественнымъ; таковымъ оно было и для Малороссіи, пока въ ней бурлили новые, прежде молчавшіе слои населенія, политически неразвитые и мало культурные, но нечего говорить, что это соединеніе является тормазомъ прогресса, разъ оно устанавливается на болѣе продолжительное время, дѣлается достояніемъ системы государственнаго управленія. Между тѣмъ съ Малороссіей это именно и случилось: несмотря на полное успокоеніе внутреннихъ силъ, несмотря на мирный образъ жизни малороссіянъ и значительное оформленіе ихъ соціальныхъ отношеній, несмотря на эти и другіе факторы развитія,— сліяніе gouvernement militaire съ gouvernement civile продолжало существовать въ Малороссіи въ полной силѣ, нисколько, конечно, не удовлетворяя потребностямъ малороссіянъ, развитыхъ болѣе чѣмъ вѣковымъ вліяніемъ гражданскаго существованія. Недостатки такого положенія вещей давно сознавались лучшими украинскими патріотами, и въ наказахъ, а особенно въ прошеніи, поданномъ въ коммиссію всѣми депутатами, нашли себѣ многихъ порицателей, хлопотавшихъ о возвращеніи къ порядкамъ, бывшимъ до „возсоединенія", когда управленіе страной дѣлилось, по выраженію просителей, между чиновниками и шляхетствомъ. Такимъ

образомъ, малороссіяне, проживши болѣе столѣтія подъ протекціей московскаго государства, только въ 1767 году прозрѣли и увидѣли, что существующій у нихъ порядокъ вовсе не тотъ, какой имъ былъ гарантированъ, что они живутъ вовсе не по своимъ правамъ и привилегіямъ и „что учрежденіе сходственныхъ съ правами и привилегіями малороссіянъ есть одна изъ главнѣйшихъ общихъ нуждъ". Въ названномъ прошеніи депутаты объясняли, что просимое учрежденіе должно состоять въ томъ, чтобы гражданскія и земскія дѣла были управляемы и судимы по своимъ, воинскія по своимъ, а мѣщанскія по своимъ давнимъ правамъ и обыкновеніямъ, особо избранными изъ мѣстныхъ шляхтичей, мѣщанъ и козаковъ лицами и чтобы одни дѣла никогда не были смѣшиваемы съ другими, „ибо отъ сего смѣшенія дѣлъ произошли всѣ непорядки и нестроенія въ М. Россіи, т. е. когда гетманы властію своею присвоили однимъ войсковымъ чиновникамъ всѣ дѣла и верховную апеляцію, взяли себѣ и тѣмъ отняли у шляхетства власть гражданскаго и земскаго управленія, власть, которая по нашимъ правамъ почитается главною и вышшею воинской и въ которой шляхетство подтверждено при подданствѣ Б. Хмельницкаго и послѣ онаго чрезъ нѣкоторое время при оной состояло. Ваше величество положили уже сему основаніе всемилостивѣйшимъ возобновленіемъ подкоморскихъ и земскихъ судовъ; но сіи не могутъ быть дѣйствительные, есть ли главное правительство не на такомъ будетъ основаніи и не по тѣмъ правиламъ будетъ дѣйствовать, какъ и оные" [1]). Подобныя же рѣчи о нестроеніяхъ, происходящихъ отъ умаленія власти и силы шляхетства и отъ соединенія въ однихъ органахъ предметовъ управленія, раздавались и раньше. Такъ, въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, на собраніи малороссіянъ въ одномъ изъ угловъ Черниговщины, неизвѣстный ораторъ доказывалъ, что разложеніе порядковъ Малороссіи произошло отъ того, что умалилась власть и сила шляхетства, а возрасла и и почти все себѣ присвоила воинская сила [2]), а немного позже,

---

[1]) Наказы, 182.

[2]) „Кіевская Старина", 1882 г., октябрь, стр. 122.

въ 1764 году, малороссійская старшина и шляхетство въ своемъ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ также утверждали, что смѣшеніе воинскихъ дѣлъ съ гражданскими совершенно не разумно и нежелательно, ибо гражданскія дѣла „совсѣмъ другія учрежденія и порядки имѣютъ, нежели воинскія, и слѣдовательно съ оными никогда мѣшаться не должны“.

Такимъ образомъ, вопросъ о раздѣленіи властей стоялъ довольно ясно и въ представленіяхъ самихъ малороссіянъ и въ предначертаніяхъ правительства; но гораздо сложнѣе и сомнительнѣе былъ вопросъ объ усиленіи или возвращеніи власти шляхетству, власти узурпированной, по словамъ прошенія, гетманами въ пользу военныхъ чиновниковъ, ибо шляхетству предстояло здѣсь выяснить возстановленіемъ же какого „главнаго правительства“ въ Малороссіи оно полагаетъ возвратить себѣ эту узурпированную власть? Точныхъ разъясненій по этому предмету въ наказахъ не имѣется и, можетъ быть, потому, что это относилось къ числу вопросовъ, неразрѣшенныхъ къ обсужденію, что же касается общихъ намековъ, то шляхетство и здѣсь, какъ всегда, глухо указывало на реституцію пунктовъ Б. Хмельницкаго, т. е. на то правительство, плоды дѣятельности котораго оно само осуждало. Въ пользу возстановленія гетманскаго уряда, если помнитъ читатель изъ первой главы, высказалось шляхетство нѣсколькихъ повѣтовъ на подготовительныхъ собраніяхъ по сочиненію наказовъ; диссонансомъ въ этомъ отношеніи являлся только черниговскій наказъ, упоминавшій о власти генералъ-губернатора. Но вообще вопросъ о „главномъ правительствѣ“ Малороссіи, въ виду молчанія многихъ наказовъ, мы считаемъ невыясненнымъ; можно съ увѣренностью только говорить, что какое бы ни было правительство, но шляхетство желало, чтобы представители его были избраны вольными голосами [1]) и чтобы власть правительства была ограничена шляхетскимъ участіемъ. Въ прошеніи, поданномъ въ коммиссіи, депутаты писали по этому поводу, что „внутреннія учрежденія, какъ-то: наложеніе податей, поборовъ, вы-

[1]) Лубенцы просили, наприм., подтвердить имъ вольности, „по коимъ дозволено бы было по прежнему обыкновенію выбирать вольными голосами въ градскіе земскіе и воинскіе чины изъ между себя“.

сылки на работы и прочія, чинимыя главнымъ правительствомъ *безъ согласія* нашего, служатъ также къ крайней обидѣ и отягощенію; ибо таковыя учрежденія по привилегіямъ нашимъ *должны дѣлаемы быть* и дѣланы были въ прежнія времена, *съ общаго согласія шляхетства и всѣхъ чиновныхъ людей на радахъ*, а въ дѣлахъ важнѣйшихъ требовано было согласіе и отъ другихъ чиновъ, какъ-то отъ мѣщанъ и козаковъ, и въ таковыхъ случаяхъ, когда и грамоты отъ предковъ вашего и. величества къ гетману присылаемы были, то всегда въ оныхъ предписывано, чтобы онъ, гетманъ, дѣлалъ таковыя внутреннія учрежденія и распоряженія на радѣ съ согласія старшинъ, войска и всего посполитства и чтобъ оныя не могли быть къ отягощенію и разоренію малороссійскаго народа и всегда была каждому уѣзду свобода на таковыя учрежденія соглашаться и представлять гетману и радѣ, что то или другое учрежденіе будетъ служить къ народному отягощенію" [1]). Не безъинтересно вспомнить, что о томъ же участіи шляхетства въ дѣлахъ управленія были просьбы въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ; въ немъ малороссіяне хлопотали о дозволеніи имъ однажды въ годъ, въ опредѣленное время, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, имѣть сеймы или генеральныя рады, какъ для общихъ постановленій, такъ и для совѣтовъ о нуждахъ народа, возникающихъ къ и. величеству, съ тѣмъ, чтобы новыя постановленія и дѣла, разрѣшенныя на этихъ сеймахъ, не имѣли силы до конфирмаціи ихъ верховной властью [2]). Сопоставляя стремленія шляхетства, выраженныя имъ въ двухъ прошеніяхъ, а также имѣя въ виду *поддержанное всѣми депутатами* мнѣніе Политики, „что правленіе дѣлъ въ Малороссіи послѣ государя должно зависѣть единственно отъ шляхетства", мы приходимъ къ несомнѣнному убѣжденію, что шляхетство хлопотало, во-первыхъ,—достигнуть самоуправленія и занять примирующее въ Украйнѣ положеніе, и во-вторыхъ, поддержавши совѣщательныя народныя собранія, какъ-то рады или сеймы, ограничить ими власть высшихъ правительственныхъ учрежденій

---

[1]) Наказы, 183.

[2]) „Кіевская Старина", 1883 г., іюнь.

Малороссіи, каковы бы они не оказались. Мѣщанству и козачеству прошеніе депутатовъ также отводило роль, но значительно меньшую, чѣмъ шляхетству; мѣщане и козаки имѣли созываться къ участію въ совѣтахъ только по дѣламъ особой важности, обыкновенные же, заурядные вопросы должны были разрѣшаться шляхтой и старшинами.

Очертивши общія, руководящія желанія шляхетства въ области внутренняго устроенія, обратимся теперь къ недостаткамъ, усмотрѣннымъ шляхетствомъ въ судѣ, уголовныхъ законахъ и отдѣльныхъ сферахъ управленія, и посмотримъ, какія мѣры оно предлагало къ ихъ устраненію.

Что касается суда, то всѣ наказы высказали удовольствіе по поводу возстановленія въ Малороссіи стараго судоустройства, т. е. судовъ земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ, и просили объ ихъ сохраненіи на будущія времена въ такомъ же видѣ, какъ они существуютъ, за немногими исключеніями [1]). Нужно разъяснить, что реформа малороссійскаго судоустройства совершилась въ 1763 году по ходатайству гетмана Разумовскаго; вся Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ и въ каждомъ изъ нихъ для гражданскихъ дѣлъ былъ учрежденъ земскій судъ, открывавшій свои засѣданія трижды въ годъ: отъ Богоявленія до Пасхи, отъ св. Троицы до іюля и отъ октября до Рождества. Судья, подсудокъ и земскій писарь, составлявшіе судъ, выбирались вольными голосами изъ повѣтоваго шляхетства; такимъ же образомъ для уголовныхъ дѣлъ были установлены въ каждомъ полку суды гродскіе, полковникъ въ нихъ былъ предсѣдателемъ. Подкоморскіе суды были учреждены спеціально для дѣлъ поземельныхъ. Реформа 1763 года была привѣтствована всей Малороссіей, какъ первый шагъ къ раздѣленію гражданскаго и земскаго управленія отъ воинскаго; къ ней, какъ видно изъ прошенія депутатовъ, отнеслись съ большимъ сочувствіемъ, довѣріемъ и надеждами, чѣмъ и объясняется, что въ наказахъ не было другихъ просьбъ,

---

[1]) Прилуцкое шляхетство просило: „дабы по означеннымъ правамъ книги Статута намъ и на будущія времена въ учрежденныхъ по ея и. величества указу судахъ, на то по тѣмъ же правамъ выбираемыхъ судей судится подтверждено было“. Наказы, стр. 26. Въ такомъ же духѣ была просьба и лубенскаго шляхетства.

кромѣ подтвержденія возстановленнаго судоустройства Л. Статута. Но не слѣдуетъ однако думать, что реформа 1763 года отличалась полнотой и законченностью: во первыхъ, она не возстановила „Трибунала", т. е. высшаго судебнаго мѣста для разрѣшенія апелляціонныхъ жалобъ, приносимыхъ на рѣшенія судовъ земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ, а продолжавшій существовать для этой цѣли в. г. судъ не соотвѣтствовалъ духу остальной реформы; во-вторыхъ, какъ справедливо замѣтилъ черниговскій наказъ, реформа оставила безъ вниманія то обстоятельство, что суды земскіе и гродскіе, согласно Л. Статуту, были предоставлены только одному шляхетству, между тѣмъ по указу 1763 г. объ учрежденіи этихъ судовъ, подъ ихъ компетенцію подпали и козаки на томъ основаніи, что между ними и шляхетствомъ не было положено различія въ отношеніи общаго управленія. Незаконченность реформы составляла во всякомъ случаѣ ея слабую сторону: объ этомъ замѣтило и прошеніе депутатовъ въ краткихъ выраженіяхъ, „что земскіе и гродскіе суды не могутъ быть дѣйствительны, если главное правительство не на такомъ основаніи и не по тѣмъ же правиламъ дѣйствовать будетъ, какъ и оные"; что же касается уравненія козаковъ съ шляхетствомъ въ отношеніи подсудности, то недостатокъ въ этомъ могло видѣть, конечно, только шляхетство, зараженное понятіями о сословности и желавшее ее видѣть даже тамъ, гдѣ должна бы дѣйствовать полная равноправность и равенство; но къ счастью, мы не можемъ назвать въ числѣ враговъ общаго для шляхетства и козаковъ суда никого, кромѣ черниговскаго шляхетства, да еще Политики, выставившаго положеніе—„что благородный долженъ судиться благороднымъ или по крайней мѣрѣ при депутатѣ отъ благородныхъ".

Въ сферѣ процессуальнаго права намъ необходимо еще подчеркнуть весьма симпатичное желаніе черниговскаго шляхетства ввести у себя словесные суды для скорѣйшаго разрѣшенія маловажныхъ споровъ и тяжбъ. Указывая на это желаніе, нельзя не вспомнить, что словесные суды исключительно по торговымъ дѣламъ малороссійскаго купечества уже существовали недолгое время при гетманѣ Разумовскомъ, но въ 1758 году, по

его ходатайству, были закрыты, какъ не пользовавшіеся сочувствіемъ малороссіянъ, недовольныхъ подчиненіемъ въ нихъ судьямъ—великороссамъ, ихъ правамъ и обычаямъ; тѣмъ не менѣе этотъ неудачный прецедентъ не остановилъ черниговцевъ и они ходатайствовали о словесномъ судопроизводствѣ, находя, что оно освободитъ хотя мелкія дѣла отъ излишней волокиты и судебной канцелярщины. Хорошо извѣстно, что бумажное судопроизводство, особенно до 1763 года, не могло удовлетворить даже скромныхъ требованій относительно быстроты процесса; неясность и неопредѣленность законовъ еще болѣе способствовала тому, что стороны, не довольствуясь рѣшеніями первой инстанціи, проводили свои дѣла по безконечнымъ мытарствамъ и бывали случаи, какъ справедливо указывалъ въ своей запискѣ Тепловъ,—что пустые процессы объ отнятіи плети у козака или захватѣ гусей продолжались 8—16 лѣтъ; такъ что словесное судопроизводство принесло бы во многихъ случаяхъ несомнѣнную пользу.

Просьбы объ учрежденіи словесныхъ судовъ поступили также и отъ великорусскихъ дворянъ, они предлагали, подобно малороссіянамъ, дозволить имъ избирать изъ своей среды въ каждомъ станѣ одного словеснаго судью для разбора небольшихъ, но не терпящихъ отлагательства дѣлъ, какъ напр., запашка чужой земли, увозъ сжатаго хлѣба, порубка лѣса и пр.; но существенное различіе между проектированными малороссійскимъ шляхетствомъ и великорусскими дворянами словесными судами заключалась въ томъ, что по проекту великороссіянъ на суды возлагались обязанности совершенно административнаго и полицейскаго характера, какъ то заботы по содержанію дорогъ, раскладка повинностей, предупрежденіе грабежей, разбоевъ и пр. преступленій, что рѣшительно было несовмѣстно съ обязанностями независимаго, совѣстнаго судьи. Къ счастью, типъ суда со смѣшанными административными функціями не былъ принятъ во вниманіе императрицей и она при реформѣ губернскихъ учрежденій провела неизвѣстное великорусскимъ наказамъ раздѣленіе судебной и административной власти. Въ области матеріальнаго права нѣкоторые изъ шляхетскихъ наказовъ обра-

тили свое вниманіе на суровые уголовные законы Лит. Статута и просили сдѣлать въ нихъ соотвѣтствующія измѣненія; но замѣчательно, что малороссійское шляхетство не обнаружило въ этомъ случаѣ тяготѣнія къ особымъ льготамъ въ области уголовщины и не страшилось, какъ нѣкоторые великорусскіе дворяне, мысли, что отъ „излишней къ нимъ строгости, каковая можетъ случиться отъ не различія наказаній, оно можетъ лишиться знатныхъ мыслей, которыя чрезъ долгое время родители въ нихъ тщились вложить"; напротивъ, наказъ черниговскаго шляхетства желалъ равенства всѣхъ предъ уголовной отвѣтственностью, возмущался несправедливостью въ этомъ отношеніи Л. Статута, полагавшаго, напримѣръ, (16 арт. 11 разд.) за убійство простаго человѣка, совершенное шляхтичемъ, наказаніе несоизмѣримо низшее, чѣмъ въ обратномъ случаѣ. Такой законъ, заявлялъ наказъ, „можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные и особливо достоинства шляхетскаго непріобрѣтшіе стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства" [1]).

Другіе наказы совсѣмъ оставили этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія, и только Политика да депутатъ отъ козаковъ миргородскаго полка, Тимофеевъ, заявили въ засѣданіи коммиссіи, что дворяне должны быть свободны отъ тѣлесныхъ наказаній, пока за преступленія не лишены дворянства. Въ общемъ, содержаніе наказовъ въ области судебной можно суммировать въ желаніи шляхетства видѣть довершенной реформу 1763 года, съ вольнымъ избраніемъ изъ своей среды судей и въ смягченіи карательной системы дѣйствовавшаго въ Малороссіи Л. Статута. Въ этомъ выводѣ намъ интересны двѣ чрезвычайно поразительныя черты: во-первыхъ удивляетъ, что Малороссія чрезъ 113 лѣтъ жизни подъ новымъ подданствомъ не только не усовершенствовала и не развила своего исконнаго судопроизводства, но настолько его исковеркала и испортила, что въ 1763 году весьма обрадовалась, когда ей возвратили старые суды Л. Статута, а въ 1767 году она, въ наказахъ, ничего почти серьезнаго не требовала, кромѣ сохраненія существующаго, по указу 1763 г.,

---

[1]) Наказы, 11.

судоустройства. Здѣсь мы наблюдаемъ поразительный случай регресса, объясняемаго тѣмъ, что послѣ козацкихъ побѣдъ на сцену малорусской жизни выступили менѣе культурные слои населенія, и хотя они, эта новая Малороссія, хлопотали постоянно предъ русскимъ правительствомъ о сохраненіи своихъ правъ и обычаевъ и правительство на бумагѣ никогда не отказывало въ подтвержденіи, но, правду сказать, обѣ стороны плохо понимали, что они дѣлали и Кистяковскій справедливо по этому случаю замѣтилъ, „что Малороссія сама измѣнила судопроизводство Л. Статута *въ то время, когда она хлопотала* объ оставленіи правъ и звычаевъ стародавнихъ, выдавая новое судоустройство какъ за такое, которое было на этихъ правахъ основано, и не замѣчая разницы между нимъ и старымъ“.

Вторая черта въ томъ, что наказы, кромѣ черниговскаго, оставались довольны матеріальнымъ правомъ Л. Статута, какъ будто бы составителямъ ихъ не было извѣстно, что право Л. Статута оффиціально было признано самими малорусскими правителями устарѣлымъ и что надъ обновленіемъ его и сведеніемъ всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, правъ давно уже (съ 1728 г.) работала особая коммиссія, результатомъ дѣятельности которой были „Права, по которымъ судится малорос. народъ“. Въ данномъ случаѣ насъ удивляетъ, что наказы совершенно не обратили вниманія на этотъ законодательный трудъ своихъ же юристовъ, а просьбами о сохраненіи Л. Статута они какъ бы признали полнѣйшую его негодность или, быть можетъ, что еще постыднѣе, выказали совершенное незнакомство съ нимъ. Такимъ образомъ, весьма важный и полезный трудъ по сведенію и обновленію малороссійскаго законодательства, по странной ироніи судьбы, не нашелъ въ свою защиту въ наказахъ ни единаго слова, а напротивъ они высказались за сохраненіе уже ранѣе осужденнаго права!

Остается еще коснуться теперь крайне интересныхъ данныхъ относительно желанія шляхетства расширить средства образованія для своего юношества; къ чести шляхетства, скажемъ, что оно было исполнено самыхъ благихъ намѣреній поставить надлежащимъ образомъ у себя дѣло образованія и дать своимъ

дѣтямъ возможность безъ выѣзда въ заграничныя школы и университеты или великорусскія училища обучаться дома всѣмъ наукамъ, необходимымъ для частной жизни и для государственной дѣятельности.

Просьбы объ улучшеніи образованія въ Малороссіи заставляютъ насъ сказать здѣсь, что положеніе его въ прошломъ вѣкѣ было крайне незавидно и не только не могло удовлетворить жажды малороссійскаго юношества къ свободнымъ наукамъ, но не было даже въ состояніи дать ему самыхъ скромныхъ познаній, ибо уровень образованія по возсоединеніи Малороссіи и сами образовательныя средства не увеличились, а уменьшились и пришли въ упадокъ. Образованіе въ 18-мъ вѣкѣ, какъ и при блаженной памяти П. Могилѣ, оставалось въ рукахъ лицъ духовнаго званія и носило церковно-схоластическій характеръ; юношество, за отсутствіемъ свѣтскихъ училищъ, начинало обыкновенно свое образованіе дома отъ какого-нибудь дьячка или блуждающаго учителя; затѣмъ дѣти болѣе зажиточныхъ фамилій отправлялись для обученія высшимъ наукамъ въ черниговскую или переяславскую семинаріи и въ кіевскую академію.

Что касается Великороссіи, то хотя тамъ состояніе образованія было также незавидно, но тѣмъ не менѣе она имѣла у себя нѣсколько дворянскихъ училищъ и шляхетскихъ корпусовъ съ профессіональнымъ направленіемъ, куда малороссіяне попадали съ большимъ трудомъ, такъ какъ сенатъ подтвердилъ не принимать малороссіянъ въ шляхетскій корпусъ, „поелику де въ М. Россіи нѣтъ дворянъ“. Въ послѣднее время великороссіяне пріобрѣли новое образовательное учрежденіе съ открытіемъ московскаго университета и изъ учениковъ малороссіянъ успѣли стать ихъ учителями. Украинцы плакались на безотрадное положеніе своего просвѣщенія: до послѣдняго времени—писали черниговцы—на воспитаніе юношества въ Малороссіи не было обращено почти никакого вниманія, въ силу чего за отсутствіемъ порядочныхъ воспитательныхъ домовъ и училищъ образованіе получаютъ только дѣти достаточныхъ семей, имѣющихъ средства отправить дѣтей въ С.-Петербургъ, Москву и чужіе края; не-

состоятельныя же фамиліи вынуждены отказывать себѣ въ этой необходимой потребности и оставляютъ своихъ дѣтей рости безъ всякаго развитія и часто въ тягость обществу. Еще хуже этого, судя по наказамъ, обстояло дѣло женскаго образованія, ибо если юношество могло учиться въ чужихъ краяхъ, то для дѣвушекъ это средство было совершенно невозможно и поэтому „женскій полъ былъ также оставленъ безъ надлежащаго призрѣнія и ученія". Для устраненія недостатковъ отъ отсутствія образованія, а также въ виду того, „что безъ добраго воспитанія нельзя быть искуснымъ и храбрымъ военачальникомъ, мудрымъ государственнымъ служителемъ, справедливымъ судьею гражданамъ общества", черниговцы просили учредить въ Малороссіи дворянскій корпусъ, въ которомъ бы малороссійскимъ дворянамъ можно было бы изучить все, что полезно благородному человѣку въ военной и гражданской службахъ [1]). Тотъ же черниговскій, а также и переяславскій наказы хлопотали еще объ учрежденіи для женскаго пола особаго дома воспитанія съ тѣмъ, что бы въ немъ, по усмотрѣнію императрицы, преподавались необходимыя для женщинъ науки.

Что касается высшаго образованія или, какъ выражались наказы, обученія высшимъ наукамъ, „которыми ученые люди государственной и собственной каждаго пользѣ въ домостроительствѣ и прочемъ жизни человѣческой нужнымъ служить могутъ", то оно также было предметомъ заботъ шляхетства и черниговцы, глуховцы и переяславцы хлопотали объ учрежденіи въ Малороссіи своего университета; они надѣялись, что извѣстная своими заботами о просвѣщеніи и либерально настроенная Екатерина сочувственно отнесется къ мысли объ учрежденіи университета въ Малороссіи и даруетъ ему привилегіи, подобно тому, какъ это было сдѣлано польскими королями для академій львовской, краковской и кіевской. Переяславское шляхетство, прося объ учрежденіи въ Малороссіи университета, находило, что наиболѣе подходящимъ для него мѣстомъ можетъ быть г. Переяславъ, какъ „не послѣдній между малороссійскими горо-

[1]) Наказы, 14.

дами" и какъ пользующійся исторической извѣстностью; а на содержаніе университета переяславцы совѣтовали употреблять таможенные доходы, получаемые въ Малороссіи. Однако, сколь ни пріятны стремленія шляхетства къ просвѣщенію, но мы не можемъ утаить, что ни одинъ изъ наказовъ не шелъ далѣе непосредственныхъ заботъ объ образованіи своего сословія и что требованія шляхетства по этому вопросу стояли ниже, чѣмъ въ прошеніи 1764 г. Во первыхъ, въ 1764 году старшины и шляхетство находило нужнымъ учредить въ Малороссіи 2 университета и нѣсколько гимназій съ типографіями для печатанія гражданскихъ и духовныхъ книгъ; одинъ изъ университетовъ предполагалось учредить въ Кіевѣ, на мѣстѣ Кіево-Братскаго монастыря, изъ котораго монахи должны быть выведены, такъ какъ, по замѣчанію прошенія, при основаніи кіевскихъ школъ тамъ не было монастыря, а одно только братство; второй университетъ просители полагали завести въ Батуринѣ, а гимназіи въ тѣхъ городахъ, которые они сами сочтутъ наиболѣе способными. Во вторыхъ, существенное отличіе наказовъ отъ прошенія по вопросу объ учрежденіи учебныхъ заведеній состояло и въ томъ, что проектируемые прошеніемъ университеты и гимназіи должны были служить вообще „пользѣ малороссійскаго народа", между тѣмъ наказы ясно требовали *шляхетскихъ* корпусовъ, подобно великороссійскому дворянству. Сословность въ образованіи—черта совершенно новая для Малороссіи: старыя греко-латинскія школы не различали сословій и въ нихъ одинаково находили себѣ пріютъ дѣти знатной старшины, шляхетства, духовенства, козаковъ и даже посполитыхъ. Теперь шляхетство, ради выдѣленія себя изъ остальной массы, заявило претензію на заведеніе для себя особыхъ корпусовъ для юношества и воспитательныхъ домовъ для дѣвицъ и въ этихъ вожделѣніяхъ вполнѣ присоединялось къ великорусскимъ дворянамъ, не представлявшимъ себѣ обученія дѣтей иначе, какъ въ школахъ, доступныхъ одному дворянству. Впрочемъ, мы должны оговориться въ томъ смыслѣ, что наше шляхетство вовсе не желало сдѣлать образованіе монополіей своего сословія; оно стремилось только обезпечить своимъ дѣтямъ воспитаніе на счетъ государства, а

въ остальномъ умывало руки, хотя и не отрицало права остальныхъ сословій заводить свои учебныя заведенія, такъ какъ, говорилъ депутатъ Золотницкій, заведеніе училищъ не можетъ быть предметомъ преимущества дворянъ[1]).

Послѣ сказаннаго нами о просвѣщеніи прибавимъ еще нѣсколько словъ по поводу заявленій наказовъ относительно свободы торговли и промысловъ и учрежденія дворянскаго банка. Обращаясь къ первому, необходимо замѣтить, что въ Екатерининской коммиссіи вопросъ о свободѣ торговли понимался вовсе не въ современномъ смыслѣ этого слова „laissez faire, laissez passer", а только въ смыслѣ расширенія права занятія торгомъ и на другія сословія, кромѣ купеческаго, которому торгъ и промыслы были присвоены, какъ профессія, и ограждены закономъ отъ посягательства другихъ сословій, подобно тому, какъ владѣніе крѣпостными людьми было дозволено одному дворянству. Между тѣмъ послѣднее, поднявши въ коммиссіи вопросъ о торговлѣ, находило, что занятіе ею не должно составлять исключительно права купеческаго сословія, а должно быть предоставлено и дворянамъ, и это требованіе вызвало оживленныя пренія между купечествомъ и дворянами. Что касается Малороссіи, то ея положеніе въ этомъ было нѣсколько иное: во первыхъ, въ ней не было раздѣленія занятій по сословіямъ, ибо Статутъ давалъ полную свободу изобрѣтательности каждаго и, во вторыхъ, самый вопросъ о торговлѣ и промышленности не имѣлъ въ ней такого значенія, какъ въ Великороссіи, ибо Малороссія—страна земледѣльческая, торговля ея была слаба, а промышленность ограничивалась обработкой льна, пеньки, шерсти и пр. и добываніемъ желѣза, селитры, а въ особенности Малороссія была извѣстна винокуреніемъ. Этимъ достаточно объясняется, что на вопросъ о торговлѣ и промыслахъ шляхетство мало обратило вниманія, но въ принципѣ оно стояло за полнѣйшую ихъ свободу и черниговскій наказъ, напримѣръ, хлопоталъ, дабы шляхетству было предоставлено право торговли и вывоза всѣхъ своихъ произведеній за границу[2]); другіе наказы съ явнымъ неу-

---

[1]) Сб. Им. Рус. Ист. Об. т. 36, стр. 306.

[2]) Наказы, стр. 18.

довольствіемъ высказались противъ обложенія торговли какими-бы то ни было пошлинами и противъ установленія ихъ на соль и вино „для прибытку государства“ [1]) больше же всего въ наказахъ поступило прошеній о дозволеніи свободнаго винокуренія и безпошлинной торговли виномъ, при чемъ это право разсматривалось, какъ возмездіе за безплатную службу шляхетства государству. Объ учрежденіи въ Малороссіи банковъ, по примѣру открытыхъ въ то время въ Москвѣ и Петербургѣ, встрѣчались просьбы въ наказахъ черниговскомъ и переяславскомъ; въ нихъ шляхетство жаловалось, что за отсутствіемъ банковъ оно вынуждено закладывать свои имѣнія за большіе проценты и тѣмъ разорять ихъ или даже доводить до продажи, и что неимѣніе въ оборотѣ свободныхъ капиталовъ лишаетъ его возможности распространять въ малороссійскомъ краѣ „коммерцію и промыслы“ и препятствуетъ увеличенію богатства. Въ виду этого, оно просило учрежденія для себя банковъ на такомъ основаніи, „какъ оный въ Россіи для дворянъ заведенъ“, и предлагало проценты съ оборотовъ отдавать на содержаніе „воспиталищъ и училищъ, яко благое и полезное всей имперіи дѣло [2])“.

Теперь намъ предстоитъ закончить нашъ очеркъ нѣсколькими замѣчаніями, касающимися недостатковъ, усмотрѣнныхъ въ состояніи и устройствѣ военныхъ силъ въ Малороссіи. Казалось-бы, что при полувоенномъ состояніи быта Украины вопросъ этотъ долженъ бы занять вниманіе многихъ наказовъ, на дѣлѣ жъ только черниговскій наказъ довольно вяло и поверхностно коснулся этого живаго и крайне важнаго предмета; онъ находилъ, что наличное состояніе козацкой службы, ея организаціи и порядковъ настолько плохо, что не можетъ удовлетворить благороднымъ стремленіямъ шляхетства служить на военномъ поприщѣ и научаться военному дѣлу, и что за неимѣніемъ въ Малороссіи другого рода войскъ шляхетству приходится бросать козацкіе полки и поступать въ великорусскую армію. Разбирая затѣмъ причины дурнаго состоянія козачьей службы,

[1]) Ibid., стр. 6. и Сб. Р. И. И. Общ., т. 32, стр. 316.

[2]) Наказы, стр. 22, 45.

черниговскій наказъ, минуя дѣйствительныя и главныя, наиболѣе важной изъ нихъ выставилъ ни что иное, какъ „безпорядочное не по старшинству и заслугамъ, но общимъ выборомъ и усмотрѣніемъ властей производство въ чины и назначеніе на должности“, въ силу чего лучшіе люди коснѣютъ въ однихъ чинахъ, а незаслуженные похищаютъ лучшія должности и козаки приходятъ въ безпорядокъ и упадокъ. Наказъ не указывалъ, какія необходимы мѣры къ поправленію козачьей службы, но хлопоталъ, чтобы служба шляхетства была обращена „въ болѣе порядочную, званію приличную и государству прочнѣйшую, дабы шляхетство, начиная въ такихъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ и восходя по ступенямъ могло учинять себя достойными охранителями имперіи и полезными гражданами общества“ [1]). Въ итогѣ, слѣдовательно, заботы черниговцевъ сводились не къ улучшенію состоянія козачьихъ войскъ, а къ наиболѣе правильному и законному производству въ чины и назначенію на должности. Черта довольно характерная, какъ свидѣтельство эгоистическихъ и мелочныхъ побужденій шляхетства!

Стараясь быть по возможности краткими, мы изложили почти всѣ нужды и желанія исключительно шляхетскаго, сословнаго характера, имѣвшія, на нашъ взглядъ, наиболѣе выдающееся значеніе и характеризующія наиболѣе выпукло сословныя тяготѣнія конца 18 вѣка; можно бы еще упомянуть о разсѣянныхъ въ различныхъ наказахъ мелкихъ замѣткахъ, не имѣвшихъ особой важности, а также желаніяхъ, касавшихся всѣхъ сословій, какъ напр., отмѣнѣ генеральной описи, коммиссіи для разбора жалобъ малороссіянъ на великорусскихъ чиновниковъ и проч., но мы не дѣлаемъ этого, надѣясь заняться ими при разборѣ наказовъ отъ другихъ сословій, теперь же взглянемъ, что было сдѣлано Екатериной въ удовлетвореніе заявленныхъ шляхетствомъ прошеній.

О томъ, какъ разрѣшился вопросъ о децентрализаціи и были ли подтверждены Малороссіи пункты Б. Хмельницкаго и привилегіи королей польскихъ—говорить много нечего. Отвѣтъ извѣстенъ.

---

[1]) Наказы, 15.

Настоящая Малороссія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что рука Екатерины направила Украину совсѣмъ не той дорогой, которой желало идти инертное шляхетство. Отъ козачины, гетманскаго режима, самобытныхъ порядковъ не осталось и тѣни. Мечты и помышленія шляхетства объ отдаленной старинѣ съ ея радами и сеймами, съ избраніемъ начальниковъ вольными всѣхъ чиновъ голосами не получили никакого осуществленія. Послѣ созыва коммиссіи автономія Украйны не только не возросла и не окрѣпла, но совсѣмъ пала, а власть генералъ-губернатора расширилась еще болѣе. Шляхетству малорусскому было отказано въ желаніи создать изъ Украйны status in statu, но что касается затѣмъ болѣе умѣренныхъ желаній, то оно во многомъ получило удовлетвореніе.

Прежде всего, конечно, любопытно знать, какъ разрѣшился вопросъ о нобилитаціи малороссійскаго шляхетства? Желанія южно-русскаго шляхетства, говоритъ г. Латкинъ по этому поводу, были уважены императрицей и тремя мѣрами, совершено объединеніе его въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ: образованіемъ 3-хъ малороссійскихъ губерній въ 1782 году южно-русскому шляхетству было предоставлено въ выборѣ чиновъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ право, какое учрежденіемъ о губерніяхъ (въ 1775 г.) даровано русскому дворянству; указомъ 3 мая 1783 года, лишившимъ малороссійское поспольство права свободнаго перехода, и жалованной грамотой 1785 г., *распространенной и на малороссійское шляхетство*". По вопросу о нобилитаціи нужно присовокупить, что волей императрицы малорусское шляхетство было легализировано и въ составъ его вошли всѣ чины генеральной старшины, а изъ полковой—полковники, обозные, есаулы, хорунжіе, полковые и городскіе судьи и сотники. Для разбора малороссійскаго дворянства и составленія родословныхъ книгъ въ томъ же году были образованы коммиссіи, но работы ихъ не отличались добросовѣстностью и, благодаря злоупотребленіямъ и подкупамъ, многіе простые козаки и крестьяне попали въ дворяне, купивъ себѣ чрезъ евреевъ у поляковъ подложныя свидѣтельства о принадлежности къ небывалымъ польскимъ фамиліямъ.

Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г., распространеннымъ въ 1782 г. и на Малороссію, желанія шляхетства относительно мѣстнаго управленія также получили до извѣстной степени удовлетвореніе; не были, само собой разумѣется, уважены желанія такого крайняго направленія, какого держался Политика и солидарные съ нимъ наказы, но административное управленіе уѣздомъ, судъ и земское хозяйство были, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ переданы въ руки дворянъ, которые въ силу этого заняли господствующее положеніе въ государствѣ и низвели остальные классы до положенія служебныхъ органовъ.

Между тѣмъ учрежденіе 3-хъ малороссійскихъ губерній вовсе не было желанной шляхетству реформой въ смыслѣ порядка внутренняго управленія; уничтоженіе гродскихъ, земскихъ и магистратскихъ судовъ и замѣна ихъ судами съ устройствомъ, установленнымъ учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г., также не отвѣчало вожделѣніямъ шляхетства, стремившагося развить возстановленное Разумовскимъ судоустройство до состоянія, намѣченнаго Л. Статутомъ.

Впрочемъ, малороссійскіе законы—Л. Статутъ и Магдебургское право—до поры до времени были оставлены, въ качествѣ дѣйствующихъ, но уваженіе имъ было сдѣлано потому, что не представлялось возможнымъ замѣнить ихъ великорусскимъ правомъ, изображавшимъ полнѣйшій хаосъ и весьма устарѣлымъ.

Сдѣланное Екатериной для Малороссіи въ области просвѣщенія также оставляло желать много лучшаго. Достаточно сказать, что ни одинъ изъ университетовъ, о которыхъ хлопотало шляхетство, открытъ не былъ, шляхетскіе корпуса, гимназіи и воспитательные для дѣвицъ дома и училища также заведены не были. Вмѣсто того Екатерина учредила въ каждой губерніи училища, издавъ извѣстный училищный уставъ 1786 года.

Что касается просьбъ малороссійскаго шляхетства относительно учрежденія банковъ, то до извѣстной степени желанія шляхетства, говоритъ г. Латкинъ [1]), были исполнены. 19 іюля

---

[1]) Ibid, стр. 279.

1783 г. императрица предписала выдавать изъ дворянскаго банка ссуды малороссійскимъ и смоленскимъ помѣщикамъ подъ залогъ ихъ имѣній; малорусскіе помѣщики, слѣдовательно, не добились учрежденія своего банка, но не были лишены права пользоваться займомъ въ великорусскихъ банкахъ.

Однимъ словомъ, шляхетству даны были извѣстныя права, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно утеряло послѣднюю оболочку самобытности.

Нужно-ли было и такимъ-ли путемъ слѣдовало шляхетству отстаивать свою самобытность,—это вопросъ, который не входитъ въ скромныя задачи нашего очерка, но мы не можемъ не сказать, что оно не представило достаточно ясной программы тѣхъ порядковъ, которые оно желало сохранить среди измѣнившихся условій жизни, и не обнаружило надлежащаго пониманія самихъ этихъ условій.

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Научныя коллекціи предметовъ древности, стариннаго быта и культуры, археологіи, этнографіи и естественно-историческія, къ собиранію и сохраненію которыхъ общественныя учрежденія нашихъ южныхъ городовъ выказываютъ такое поразительное и невѣжественное равнодушіе, возникаютъ то тутъ, то тамъ трудами и усердіемъ просвѣщенныхъ частныхъ лицъ. Объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ собраній подобнаго рода, помѣщицы лубенскаго уѣзда полтавской губерніи Екатерины Николаевны Скаржинской, слышно было въ послѣдніе пять—шесть лѣтъ. Зимою настоящаго года часть коллекціи г-жи Скаржинской, въ составѣ ста двадцати одного номера, появилась на московской археологической выставкѣ (зала 8-я. Подробности въ «Указателѣ выставки»). Осмотрѣвъ недавно это собраніе въ полности на мѣстѣ (хуторъ Кругликъ, близъ г. Лубенъ), сообщаемъ о немъ нѣсколько свѣдѣній. По разнообразію отдѣловъ, новизнѣ и интересу нѣкоторыхъ изъ нихъ, собраніе это нуждается въ болѣе подробномъ описаніи, которое безъ сомнѣнія и явится, когда коллекція пріобрѣтетъ большую извѣстность и достигнетъ во всѣхъ своихъ частяхъ желаемой равномѣрности и полноты.

Возникши отъ раскопокъ, геологическихъ розысканій и палеонтологическихъ находокъ въ окрестностяхъ Лубенъ, коллекція первое время и сосредоточивалась преимущественно на предметахъ доисторическихъ эпохъ. Но мѣстность эта, бывшая театромъ видныхъ историческихъ событій, благодатная по творческимъ силамъ природы и сохранявшая еще недавно характеръ «глуши», представляла такъ много заманчиваго по части историко-этнографическаго коллекціонированья, что программа и задачи музея скоро прорвали рамки перво-

бытныхъ временъ и въ настоящемъ своемъ видѣ включаютъ въ себя и всю исторически извѣстную жизнь края. Послѣдніе отдѣлы музея возникли очень недавно, такъ что по важности и значенію собранныхъ предметовъ преобладаютъ покуда отдѣлы доисторическіе. Но изъ дальнѣйшаго видно будетъ, какъ много значительнаго и свѣжаго заключаютъ въ себѣ уже и позднѣйшіе розыски и сколько они обѣщаютъ. Мы остановимся преимущественно на нихъ, только намѣтивъ составъ доисторическаго собранія.

По весьма разумной системѣ, изслѣдованіе начинается съ мѣстности, съ почвы края. Въ геологической коллекціи собраны образцы всѣхъ горныхъ породъ, обнажающихся въ лубенскомъ уѣздѣ, начиная съ древнѣйшей здѣсь кристаллической породы діабаза, со многими его видоизмѣненіями и продуктами метаморфизаціи и разложенія: известнякомъ, гипсомъ и т. д. до самыхъ верхнихъ слоевъ: валуннаго суглинка, съ многими образцами валуновъ изъ сѣверныхъ породъ— и, наконецъ, образцы позднѣйшихъ иллювіальныхъ отложеній. Эта геологическая коллекція помогла уже новѣйшему изслѣдователю полтавской губ. проф. Докучаеву исправить нѣкоторыя невѣрности въ изслѣдованіи его предшественника проф. Гурова.

Слѣдуютъ далѣе — остатки мѣстныхъ вымершихъ животныхъ: мамонта, сѣвернаго оленя, встрѣченныхъ въ лёсѣ, и благороднаго оленя, лося, косули, дикаго кабана, встрѣченныхъ въ аллювіѣ.

Памятники палеолитической эпохи каменнаго вѣка: кремневыя мелкія орудія, каменные топоры, костяное шило, красная краска, найденная съ большимъ количествомъ костей мамонта и сѣвернаго оленя.

Предметы неолитической эпохи каменнаго вѣка, найденные въ разныхъ мѣстахъ Лубенщины а также въ Лубнахъ на Лысой горѣ, въ курганахъ скиѳскаго типа, вмѣстѣ съ бронзовыми и желѣзными предметами, а также и съ древне-греческими сосудами, относимыми къ V—VI вѣкамъ до Рождества Христова.

Скиѳскіе предметы изъ кургановъ и памятники азіатскихъ кочевниковъ: четыре каменныя бабы.

Предметы великокняжеской эпохи изъ Клепачевскаго городища и многихъ другихъ мѣстъ (мечи, глиняные конусы неизвѣстнаго назначенія, бронзовая ступка, найденная въ раскопкахъ кіевской Десятинной церкви и проч.). Предметы татарскіе.

Къ этимъ же отдѣламъ надо отнести коллекцію череповъ и скелетовъ постоянныхъ и переходныхъ обитателей Лубенщины, съ отдаленнѣйшихъ временъ до настоящаго.

Особо можно упомянуть о собраніи монетъ—до 4000 —русскихъ, польскихъ и другихъ славянскихъ государствъ и иностранныхъ, и о небольшихъ коллекціяхъ изъ кругосвѣтныхъ и другихъ путешествій, подаренныхъ разными лицами, между прочимъ лейтенантомъ В. О. Бэромъ, врачемъ В. В. Яцутою и другими.

Большой интересъ въ памятникахъ болѣе близкихъ намъ историческихъ временъ представляли бы, безъ сомнѣнія, предметы эпохи польскаго владычества въ лѣвобережьи и въ центрѣ «Вишневеччины» --Лубнахъ. Но бурная козацкая борьба смела какъ вихрь слѣды того времени и уцѣлѣло по этой части немногое.

На Монастырской улицѣ въ Лубнахъ, въ концѣ ея, къ мѣсту бывшей рѣчки Лубенки, встрѣчаются при постройкахъ кирпичные фундаменты очень древней кладки, а въ усадьбѣ г. Ревы сохранилась каменная постройка, древнѣйшая въ Лубнахъ, судя по толщинѣ стѣнъ, устройству оконъ и дверей, служившая чѣмъ то вродѣ сокровищницы и, можетъ быть, примыкавшая къ замку Іереміи Вишневецкаго (другое преданіе относитъ ее къ частямъ бывшаго при Вишневецкомъ въ Лубнахъ католическаго кляштора). Въ музеѣ собраны кирпичи изъ древнихъ фундаментовъ, ключъ отъ упомянутой сокровищницы, фотографическіе виды мѣстъ битвъ Наливайка близъ Солоницы и Войнихи, съ далью, гдѣ «Рядовы могилы» и цѣлая система кургановъ. Въ Лубенщинѣ же найдены, въ старосвѣтскихъ домикахъ мѣщанъ и священниковъ, польскія и латинскія книги первой половины XVI вѣка, по всѣмъ вѣроятіямъ сохранившіяся отъ временъ польскаго владычества. Это— «Roczncdzieie Kościelne», выбранныя изъ Бароніуса,—Петра Скарги, Краковъ 1607 г. (надпись: Ex libris Gregorii Tomachowsky, Cancelarii Exercitus Zaporoviensis), «Swiatnica Panska» Симона Старовольскаго, Краковъ 1645, «Concordantiae bibliorum Sacrorum», Вильгельма Молитора 1629 года (надпись 1647 г. о принадлежности священнику Ивану Докину) и другія. Есть также много документовъ изъ лубенской полковой или сотенной канцеляріи, съ печатью, гдѣ Лубны названы Александровомъ [1]). Удивительно, что это имя удерживается на печати до 1738. На одномъ документѣ этого года мы прочли: «Sigilum civitatis Alexandr... Anno 1738. (Печать города Александрова и пр.).

---

[1]) Такъ желали назвать Лубны князья Вишневецкіе, по имени основателя Лубенъ на старомъ городищѣ Александра Вишневецкаго, см. „Исторія возсоединенія Руси“—Кулиша т. I, 144, II, 133.

Довольно значительное собраніе рукописей, не заключая въ себѣ документовъ XVI вѣка, относится по преимуществу къ XVII и XVIII. Большія связки рукописей добыты изъ фамильныхъ архивовъ—Ограновичей, Скаржинскихъ, Райзеровъ, Кирьяновыхъ, Яновичей, Павловичей, Нѣжинцевыхъ и Леонтовичей. Документы пересмотрѣны и по возможности расположены хронологически, но не служили еще никому изъ ученыхъ въ качествѣ историческаго матеріала. Изъ пирятинскаго уѣзда доставленъ хорошій списокъ лѣтописи Грабянки, представляющій варіанты противъ печатнаго [1]); отмѣтимъ еще кстати рукописный сборникъ юридическихъ документовъ, служившій для руководства какому то старинному казуисту и крючку, и ученическую тетрадку Е. П. Гребенки, недавно доставленную въ музей съ мѣста родины писателя.

Отдѣлъ старопечатныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ по преимуществу книги типографій кіевской, львовской и черниговской, съ многими гравюрами. Самая старая изъ книгъ Евангеліе 1590 года, съ четырьмя гравюрами евангелистовъ. На виньеткѣ стоитъ 1590 г., но выходной листъ, къ сожалѣнію, отсутствуетъ. По «Описанію славяно-русскихъ книгъ» Каратаева подъ 1590 годомъ мы не находимъ ни одного изданія. Евангеліе это похожее по печати на работы Кіево-печерской типографіи, или издано было позже, а взята была для него только старая виньетка, или неизвѣстно библіографамъ. По листамъ надпись: «Сія книга зовемая Евангеліе купилъ ее рабъ Божій Михаилъ(?) съ женою своею Пелагіею до села Городиславичъ(?) за свое душевное спасеніе и тѣлесное здоровье и отпущеніе грѣховъ и предалъ его до храму св. мученика Деомитрія 1628 г.»

Въ кіевскомъ Евангеліи 1697 года выдѣляются по красотѣ работы гравюрки съ подписью Іоанъ Г., особенно сцена встрѣчи Христа съ богатымъ юношей. Въ «Словарѣ граверовъ» Ровинскаго мастеръ этотъ не упомянутъ [2]). Совершенно также пропущенъ у Ровинскаго черниговскій граверъ второй половины XVIII вѣка Михаилъ Чернявскій, гравюры котораго мы встрѣтили въ музеѣ на черниговскомъ Новомъ Завѣтѣ 1754 года. Все это доказываетъ только выска-

---

[1]) Характерна распространенность этой лѣтописи: нами вывезены отъ П. А. Лукашевича и переданы пр. В. Б. Антоновичу два подобныхъ же списка этой лѣтописи.

[2]) У Ровинскаго отмѣченъ Іоанъ Р. или Рѣкленный. Сходство буквъ Г. и Р. могло ввести въ ошибку составителя Словаря. На экземплярѣ лубенскаго музея ясно стоитъ буква Г.

занное нами и раньше мнѣніе о томъ, какъ не изслѣдована еще эта область стариннаго южнорусскаго искусства. Какъ характерный образчикъ церковно-народнаго стариннаго издательства нельзя не обратить вниманія на кіевскую «Тріодь постную» 1627 года, доставшуюся въ музей въ превосходномъ по сохранности экземплярѣ. Чего только нѣтъ въ этой громадной, назначенной къ постоянному пользованію и благочестивому перечитыванію книгѣ! Церковныя службы постныхъ дней, молитвы святымъ, толкованія праздниковъ, житія святыхъ, съ образцами высокаго душевнаго совершенства, все это пересыпанное множествомъ разнообразныхъ, различныхъ по размѣру, отъ листовыхъ до самыхъ крошечныхъ гравюрокъ, вкрапленныхъ какъ бы случайно на протяженіи всей огромной книги, гдѣ въ образахъ простыхъ, доступныхъ народному пониманію, иллюстрируется текстъ; (въ притчахъ,—напримѣръ о блудномъ сынѣ,—на одной картинкѣ изображены всѣ фазисы жизни заблудшаго юноши, до возвращенія въ родительскій домъ). Немудрено, что такія книги были дорогимъ достояніемъ начетчиковъ и что съ ними, къ досадѣ коллекціонеровъ, и теперь неохотно разстаются захолустные старики.

По части старинной гравюры надо упомянуть еще о двухъ фрагментахъ гравюръ, найденныхъ въ старыхъ переплетныхъ доскахъ второго экземпляра той же Тріоди постной 1627 г. (На одномъ изъ фрагментовъ сохранилась надпись надъ изображеніемъ апостола Іакова) Обращаетъ вниманіе сходство этихъ первичнѣйшихъ гравюръ, съ живописью старѣйшихъ нашихъ иконъ, живописью одними штрихами.

Церковная старина представлена въ лубенскомъ музеѣ многими интересными образцами. Таковы дарохранительницы оловяныя крестообразныя и оловяныя же съ ажурными украшеніями и стеклянными вставками, такой же ажурный крестъ, навершія на цеховыхъ значкахъ (звѣзда съ крестомъ и солнце съ крестомъ въ серединѣ), образцы церковной скульптуры. Изъ послѣднихъ имѣются: деревянный ангелъ (изъ одной изъ церквей хорольскаго уѣзда) съ руками простертыми такимъ образомъ, что статуя могла служить аналоемъ, деревянный же, раскрашенный въ бѣлую краску Агнецъ, еще въ первой половинѣ нашего вѣка находившійся на жертвенникѣ церкви села Овсюковъ лубенскаго уѣзда, и статуетка Богородицы грубой работы, но необыкновенно трогательнаго типа. Богоматери приданъ видъ крестьянской женщины и изображена она пожилою, какъ *стара маты*, какою изображается она всегда и въ старинной народной южнорусской живописи. Эта статуэтка—очевидно часть группы возлѣ Распятія, такъ назыв.

Pieta. Намъ довелось слышать, что такія статуетки ставились въ страстные дни возлѣ Плащаницы, но свѣдѣніе это еще требуетъ подтвержденія.

Изъ частей рѣзныхъ иконостасовъ превосходной мѣстной работы выставлены царскіе врата и аналои и боковыя алтарныя двери съ громадными изображеніями архангеловъ благороднаго кіевскаго письма. Есть образцы старой иконописи, кіотъ искусной рѣзьбы и съ образомъ Богоматери въ ризѣ характера XVI вѣка и съ тремя медальонами—образами. (Пріобрѣтенъ отъ потомковъ золотоношскаго сотника Леонтовича). Въ хоругвяхъ интересенъ орнаментъ на каймахъ, представляющій облагороженный образецъ тѣхъ рисунковъ, какими теперь раскрашиваютъ скрыни и деревянную посуду. Очень интересны еще три громадныхъ желѣзныхъ креста, снятыхъ съ перестроенныхъ древнихъ церквей, всѣ три оригинальнѣйшихъ рисунковъ. Первый—солнцевидный, другой—весь въ завиткахъ, съ шарами на сочлененіяхъ и полумѣсяцемъ и третій очень простаго и строгаго рисунка. Всѣ три—старой кузнечной работы. Сосудъ для храненія освященной воды—красной мѣди, огромный, весь украшенный чеканными рисунками растеній и листьевъ, какъ фамильная древность, хранится въ домѣ Скаржинскихъ.

Собраніе портретовъ и изображеній лицъ временъ гетманщины и позднѣйшихъ недавно начато, но содержитъ уже въ себѣ нѣсколько оригиналовъ. Изъ дому Родзянокъ, коренной и самой обширной въ хорольскомъ уѣздѣ фамиліи, происходятъ портреты двухъ ея представителей, обозныхъ миргородскаго полка Василія и Стефана. Оба портрета поколѣнные, оба одного размѣра (1 аршинъ и $^3/_4$ высоты $1^1/_4$ арш. ширины). Подъ первымъ изъ нихъ, изображающимъ полнаго мужчину въ парадномъ жупанѣ и плащѣ, подписано «1732 года декабря 18 дня предъ вечернею преставилъ Василій Родзянко обозный полку миргородского поживъ отъ роду лѣтъ . . .» (стерто) Василій Родзянка былъ начальникомъ малороссійской артиллеріи въ битвѣ подъ Полтавой. Подъ вторымъ портретомъ надпись: «1736 года августа . . . . преставилъ Стефанъ Родзянка обозный полку миргородскаго поживъ отъ роду лѣтъ 49» [1]). Оба портрета, по старинному обычаю, повидимому, писаны съ мертвыхъ. Къ оригиналамъ принадлежитъ и отлично сохранившійся портретъ золотоношскаго сотника Наркиза

---

[1]) Въ селѣ Веселый Подолъ хорольскаго уѣзда у г. Родзянко хранятся еще четыре фамильныхъ портрета Родзянокъ: Василія и трехъ его сыновей.

Леонтовича, относящійся ко второй половинѣ XVIII вѣка, изображающій молодаго сотника въ красномъ кафтанѣ и распахнутомъ плащѣ, кисти котораго падаютъ по плечамъ, на подобіе погоновъ. Коллекція гетманскихъ портретовъ заурядной работы интересна, какъ образецъ одного изъ многихъ собраній подобнаго рода, вошедшихъ, повидимому, въ моду въ панскихъ домахъ около или нѣсколько ранѣе времени перваго изданія «Исторіи Малороссіи» Бантышъ-Каменскаго, гравюры которой совершенно сходны съ этими портретами. Лубенское собраніе, состоящее изъ семи портретовъ (отъ Б. Хмельницкаго до Разумовскаго включительно), происходитъ изъ полтавскаго губернаторскаго (по другимъ версіямъ архіерейскаго) дома. Два подобныхъ же портрета изъ другой коллекціи происходятъ изъ Батурина. Четыре отдѣльныхъ портрета Б. Хмельницкаго представляютъ варіаціи гондіусовскаго типа. Нѣсколько «Запорожцевъ Мамаевъ» всѣ добыты въ Полтавщинѣ.

По части оружія, имѣются двѣ большія пушки изъ лубенской артиллерійской шопы и двѣ короткія козацкія пушки (изъ дому Алексѣевыхъ), образца пушекъ, употреблявшихся на лодкахъ въ XVII столѣтіи.

Цѣнные образцы представляетъ и отдѣлъ старинныхъ одеждъ, расшитаго бѣлья и украшеній. Въ козацкомъ періодѣ, въ этой области слѣдуетъ различать одежду и утварь лицъ козацкой старшины, городскихъ классовъ—мѣщанъ и ремесленниковъ—и сельскаго народа. Изъ обихода лицъ высшаго круга выдаются: «гетманская наволока», полотняная расшитая шелками и золотомъ, (хранившаяся подъ этимъ названіемъ въ дворянскомъ домѣ роменскаго уѣзда), и расшитыя покрывала на постели изъ дому Леонтовичей. Изъ «городскихъ» одеждъ хороши: *шинелька*—верхній женскій костюмъ изъ желтоватой полушерстяной матеріи съ длинными, узкими рукавами и пелеринкой, отличающійся отъ *шушуна* отсутствіемъ складокъ. По словамъ продавшей ея женщины, къ этой одеждѣ надо носить непремѣнно остроносые башмаки, да еще и *свынячи*. Въ Лубнахъ есть старикъ—башмачникъ, умѣющій и теперь дѣлать такіе башмаки. Старинный черный суконный картузъ именитаго лубенскаго купца Фалина. Такіе картузы носили въ началѣ вѣка горожане высшаго полета, напр. аптекарь Лундъ и другіе. Это смѣсь высокой конфедератки съ околышкомъ, небольшими наушниками и плоскимъ, выдающимся козырькомъ—на ватѣ и шелковой подкладкѣ. Пріобрѣтенъ у глубокаго старика въ Лубнахъ. Такіе головные уборы встрѣчаются на южнорусскихъ гра-

вюрахъ XVII вѣка. Изъ предметовъ сельско народнаго происхожденія есть двѣ *запаски* тонкой вязанной шерсти съ характерными, какъ бы расплывающимися узорами (изъ лубенскаго уѣзда и кіевской губерніи), *обвиртки*—полотнища холста, аршинъ въ пять длины, съ мережкою въ полъ аршина, служившія для отдѣлки полога кровати, *намитки*. Къ предметамъ туалетнаго обихода надо отнести также *кульки*—шары зеленаго стекла и бѣлые каменные, вродѣ бильярдныхъ, употреблявшіеся для глаженья намитокъ, (ихъ катали по намиткѣ изъ стороны въ сторону, чтобъ разгладить ее) и *дукачи*. Нѣкоторые изъ дукачей, спеціально приспособленные къ своей цѣли, имѣютъ на двухъ сторонахъ рельефныя изображенія Благовѣщенія и Рождества Христова. Ихъ дарили въ старину преимущественно къ свадьбѣ. Другіе—съ изображеніями императоровъ и императрицъ, чаще всего Елисаветы, Екатерины II и Павла Петровича съ супругой, а также иностранныя монеты съ портретными изображеніями. Теперь старинные дукачи чаще всего встрѣчаются у цыганъ, гораздо чаще чѣмъ у деревенскихъ женщинъ.

Въ послѣднихъ изъ описанныхъ нами отдѣловъ историческое собраніе переходитъ въ этнографическое. Тутъ умѣстно будетъ замѣтить, какъ тѣсно связаны у насъ въ южнорусскомъ краѣ археологія съ этнографіей. Народная жизнь, во многихъ своихъ сторонахъ, на протяженіи вѣковъ, оставалась тѣмъ фономъ, на поверхности котораго проходили смѣняющіеся печальные факты южнорусской исторіи и строго очерченный кругъ земледѣльческой, сельской жизни сохранилъ въ своей консервативности многія черты старины до нашихъ дней. Къ тому же въ этомъ благороднѣйшемъ классѣ нашего народа суммировалось то, что наиболѣе выражаетъ національность и здѣсь возникали оригинальнѣйшія проявленія самобытнаго южнорусскаго генія. Вотъ почему такъ необходимо всякому историко-археологическому собранію обращаться къ этому источнику—народу, лучшему памятнику прошлой жизни. Если при собираніи предметовъ культурной старины часто нападаешь на заимствованья и подражанья (съ западно-европейскаго, польскаго и восточнаго), на предметы прямо иноземнаго происхожденія, то у народа все составляетъ его духовную собственность, все создано имъ самимъ, какъ та обстановка, среди которой онъ живетъ и пѣсня, которую онъ поетъ, хлѣбъ, которымъ онъ питается. Въ незначительныхъ, повидимому, и малоцѣнныхъ предметахъ народнаго обихода заключены частицы духовнаго его богатства, самостоятельнаго ума и вкуса.

Интересующіеся народнымъ орнаментомъ давно обратили вниманіе на *писанки*, въ которыхъ орнаментъ этотъ, въ виду ихъ торжественно-праздничнаго и полусвященнаго значенія, передается преемственно въ незыблемыхъ, архаическихъ формахъ. Въ лубенскомъ музеѣ въ прошломъ году ихъ собрано до 300 штукъ изъ уѣздовъ лубенскаго и сосѣднихъ (преимущественно), а также изъ губерній каменецъ-подольской, кіевской, черниговской и Бессарабіи, съ народными названіями рисунковъ и записью мѣстъ производства. Сдѣланы по заказу цѣлыя серіи писанокъ, представляющія цѣлый репертуаръ одной мастерицы,—до 70 штукъ (изъ села Нижній Булатецъ, близъ Лубенъ). Въ этой отрасли замѣчаются не одни явленія упадка, а и противуположныя. Для производства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покупаютъ въ аптекѣ анилиновыя краски, но дѣлаютъ писанки все таки старымъ, восковымъ способомъ (тѣмъ же самымъ способомъ дѣлаются, впрочемъ, и разрисованныя, малярныя писанки). Въ большинствѣ же случаевъ употребляются все же растительныя краски, добываемыя самими мастерицами. За работу въ селѣ баба беретъ—яйцо и копѣйку, на базарѣ двѣ копѣйки, по заказу музея—пять копѣекъ. Названія рисунковъ, какъ и самыя ихъ формы, чрезвычайно различны. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: сорококлинъ (сороклинъ, сороклыныци), клынчаста, безконечныкъ (безконечна), рожа, повна рожа, сосна, сосонка, паучки, калыточки, шелудыва рожа, гвоздыка, скоропыска, сорочи лапки, гусячи лапки, кленовый лыстъ, хмелыкъ, бруныкы, утячи лапки, ястребовы лапы, шулячи лапы, косыци, баранячи рогы, гребинчики, крыви пояски, застущци, зиркова (звѣздчатая), барыльце (распространенный узоръ) мытусъ—квитка (взаимно противуположная—класть *на мытусъ*—класть другъ противъ друга. Мытусъ—взаимно противуположное), кряжеви хресты, и т. п.

Изъ практики собирателей писанокъ устанавливается, что есть несомнѣнно распространенные по всему краю типы рисунковъ, но бываютъ узоры, которые мастерица комбинируетъ во время самого производства. Бываетъ также, что названіе, занесенное изъ дальней мѣстности, по памяти неправильно примѣняется къ рисунку другаго характера. Такія названія надо провѣрять путемъ сравненій.

Совершенно оригинальною попыткою въ лубенскомъ музеѣ является отдѣлъ предметовъ временъ крѣпостнаго права и помѣщичьей жизни. Мысль о формированіи подобнаго собранія теперь, когда предметовъ подобнаго рода можно найти еще легко и много, нельзя не признать счастливою, а что исторія наступила уже и для этого вре-

мени—несомнѣнно также. Въ отдѣльной витринѣ мы видимъ здѣсь: миніатюрные портреты, табакерки, медальоны съ волосами, эмальированныя коробочки для бѣлилъ и перламутровыя для румянъ, головныя шпильки съ розетками, папиросницы, вышитыя по канвѣ шелками, бисерные чубуки, кошельки и табачницы, бисерныя сумки, пѣнковыя трубки и стамбулки, коллекцію столовыхъ и карманныхъ часовъ, между которыми выдѣляется, какъ истинная рѣдкость, огромные карманные часы — луковица съ надписью «Федоръ Ковалски, Кременчугъ № 407» и съ гравированнымъ видомъ кременчуцкаго арсенала на внутренней доскѣ механизма [1]). Не забыть также и знаменитый жуковъ табакъ, представленный начатой пачкой, гусиное перо, стертое отъ употребленія и щипцы, снимавшіе съ нагоравшихъ свѣчей въ дни нашего дѣтства. Есть и характерные раритеты, вродѣ слоновой ручки на длинной деревянной палочкѣ для чесанія спины. По части нарядовъ есть также характерные образцы. Маленькіе парчевые, вышитые фольгою туфли сопровождаются слѣдующею надписью доставившаго ихъ лица: «1803 г. въ маѣ мѣсяцѣ вѣнчалась въ этихъ туфляхъ мать Петра Кириловича Барвинскаго—Өеодота Дмитріевна урожденная Манькова съ Кириломъ Өедоровичемъ Барвинскимъ, въ Лохвицѣ». Любопытны фамильные портреты переходной эпохи: Чечелей, Леонтовичей и Е. П. Скаржинской, рожденной Закревской, вышедшей 13 лѣтъ отъ роду замужъ за пятидесятилѣтняго бунчуковаго товарища, впослѣдствіи маіора, И. М. Скаржинскаго.

Но совершенно необычайною вещью представляется поражающая съ перваго взгляда акварельная картина—карта, висящая близъ этого отдѣла на стѣнѣ. Эта картина рисована въ 1824 году дѣвицей изъ богатой помѣщичьей семьи миргородскаго уѣзда Евфросиніей Ломиковской. Какой то мудрый геній внушилъ художницѣ изобразить въ своеобразной комбинаціи множество предметовъ, входившихъ въ обиходъ помѣщичьей деревенской жизни того времени. Не имѣющая художественныхъ достоинствъ, картина вышла поистинѣ историческою и совершенно переноситъ зрителя въ помѣщичью среду первой четверти XIX столѣтія.

На картинѣ изображено до 80 предметовъ, какъ бы случайно разбросанныхъ на столѣ: 1) географическая карта, 2) грифельная доска, 3) сургучъ, 4) циркуль,

---

[1]) Работа этихъ часовъ относится ко времени возвышенія Кременчуга Потемкинымъ. О подобныхъ часахъ сообщено было когда то въ изданіяхъ одесскаго общества древностей.

5) гусиное перо, 6) транспарантъ, 7—23) группа изъ 17 игральныхъ картъ, сложенныхъ крестомъ, 24) птичка, 25) конвертъ, 26) вѣточка съ двумя ягодами, 27) картина—растенія, 28) древесный листъ, 29) разрѣзной ножъ, 30) трубка стамбулка съ бисернымъ чубукомъ, 31) билетъ для входа въ Благородное собраніе на 1824 годъ 32—45) тринадцать картъ, одна изъ нихъ съ обожженымъ угломъ, другая съ заломаннымъ, 46) ноты для фортепьяно: Polonaise, 47—48) два растительныхъ листочка, 49) флейта, 50) „Вѣстникъ Европы" на 1824 г. № 9 (майская первая книжка. Рисунокъ начатъ 24 марта), 51) медальонъ съ силуэтомъ, 52) змѣя, 53) вскрытый пакетъ съ бумагой, 54) гравюра—пейзажъ, углы проклеены сургучемъ, 55) бабочка, 56) большой ключъ, 57) двустишіе съ конфетки („пріятно зрѣть тебя, пріятно и любить, пріятнѣе всего тобой любиму быть), 58) ноты для фортепьяно, 59) створка раковины, 60) висячій замокъ безъ ключа, 61) раскрашенная картинка—камни и растенія, 62) нюхательный рожокъ, 63) гравюрка, 64) уголъ вышитаго батистоваго платка, 65) свѣжій грибъ, 66) печатный адресъ одного харьковскаго магазина 67) бабочка съ раскрытыми крыльями, 68) картинка — надгробный памятникъ, 69) листъ растенія, 70) небольшіе ручные латуневые вѣсы, 71) ножницы, 72) баночка изъ подъ духовъ (надпись: Essence de Mousseline. Composé par Lagier père et fils distilateurs-parfumeurs. Rue Bourg l'Abbé № 41 à Paris), 73) цвѣтокъ вьюнка, 74) большая приходорасходная книга на 1824 годъ, 75) геометрическій инструментъ — наугольникъ, 76) вѣточка съ тремя листками, 77) картинка—урна на колонѣ, 78) № 1 „Московскихъ Вѣдомостей" на 1814 годъ. Начало манифеста Александра I, 79) картинка съ цвѣтами, изъ которой свѣшивается № 80. Свитокъ съ надписью „1824 года марта 20 дня рисовала Евфросинія Ломиковская". На исполненіе этой акварели, употреблено не менѣе двухъ мѣсяцевъ. На свиткѣ означено 24 марта, а между тѣмъ въ числѣ изображенныхъ предметовъ находится „Вѣстникъ Европы за май.

Изъ представленнаго бѣглаго очерка лубенскаго музея видно, какъ разнообразна и разумна программа его дѣятельности, намѣчается само собою и то, чего ему не достаетъ и что ждетъ его впереди. Можно пожелать ему одного: рости и множиться, а остальное приложится само собою. А задатки развитія музея видны уже какъ въ неослабной дѣятельности его основательницы, нашедшей такое благородное употребленіе своимъ денежнымъ средствамъ, такъ и въ текущихъ фактахъ жизни музея, объ одномъ изъ которыхъ мы сообщимъ въ заключеніе какъ о пріятной новинкѣ.

Благодаря счастливому совпаденію обстоятельствъ, Е. Н. Скаржинской удалось получить разрѣшеніе графа Красинскаго въ Варшавѣ на снятіе фотографической копіи съ знаменитаго гравированнаго портрета Мазепы работы Галаховскаго, единственный извѣстный экземпляръ котораго находится въ варшавской библіотекѣ Красинскихъ. Фотографу удалось сдѣлать возможнымъ снимокъ съ желтаго атласа, на которомъ напечатана гравюра, и мы видѣли уже пробный миніа-

тюрный оттискъ огромной по размѣрамъ работы Галаховскаго. Такимъ образомъ единственно достовѣрный портретъ Мазепы изъятъ будетъ теперь изъ подъ спуда, а молодой лубенскій музей обогатится цѣннымъ и завиднымъ приращеніемъ. Г.

Отпустъ. 15-го іюля каждаго года всѣ почтовые тракты и проселочныя дороги, ведущіе изъ всѣхъ концовъ благословенной Подоліи въ маленькій, захудалый уѣздный городокъ Брацлавъ, прижавшійся къ живописнымъ берегамъ южнаго Буга, представляютъ любопытное и необычайное зрѣлище, особливо, если это число приходится на день субботній, по мѣстному,—шабашъ. Крестьянскій міръ, убравъ золотыя поля пшеницы, занятъ «возовицей», но ихъ «драбыняки», запряженные, обыкновенно, парой или четверкой круторогихъ «воливъ» тянутся длинной вереницей по дорогамъ, подъ флегматичныя понуканья: «собъ, собъ», «цобе», только раннимъ утромъ—порожніе, и позднимъ вечеромъ, сажени на полторы—двѣ вверхъ нагруженные перетянутыми «рублемъ» золотистыми снопами. На самой верхушкѣ возсѣдаетъ обыкновенно какая нибудь Хивря или Галя, въ «чорвоной спидныци», въ вышитой «сорочци» и «заквитчанная» синими васильками и душистой кашкой. По случаю шабаша, дорожную пыль не взбиваютъ также колеса одноконныхъ «бидокъ» и балагульскихъ фуръ, набитыхъ жидами, жидовками и жиденятами, какъ жестяная коробка сардинками. Не слышно даже звяканья бубенчиковъ на краковскихъ хомутахъ и дребезжанья «нейтычанокъ» панковъ и «поссесоровъ», веселаго звона почтовыхъ кибитокъ, съ возсѣдающими на нихъ «акцизниками».

Но не думайте, чтобы дороги были пустынны, молчаливы. Напротивъ, онѣ оживлены группами людей, смѣющихся, болтающихъ, но совершающихъ свой путь, иногда очень не близкій, обязательно per pedes apostolorum. Таковъ обычай. На «отпустъ» ѣхать нельзя, грѣхъ; Богу пріятна жертва.

Подъ зелеными сводами липовыхъ аллей, окаймляющихъ подольскіе почтовые тракты, по изумрудной муравѣ подорожника, густо покрывшаго возвышенныя панели, шествуютъ одна за другой группы пилигримовъ или скорѣе пилигримокъ, ибо первыхъ очень мало. Преобладаютъ старыя «девотки» [1]) въ темнаго или сѣраго цвѣ-

---

[1]) Ханжи.

товъ, вылинявшихъ платьяхъ и кофтахъ, въ старомодныхъ шляпкахъ «будой», подвязанныхъ подъ шеею широкими, черными лентами, съ порыжѣвшими, истрепанными отъ долголѣтняго употребленія зонтиками въ одной рукѣ, сжимающей также и толстый молитвенникъ, съ «образками» и съ вышитымъ разноцвѣтнымъ гарусомъ, также полинявшимъ, вмѣстительнымъ ридикюлемъ—въ другой. Это почти уже вымирающій типъ подольскихъ паней, во многомъ напоминающій извѣстный типъ дамъ и вдовъ въ губернскихъ городахъ. Если такая «девотка» къ тому-же въ синихъ «окулярахъ», то, ужъ навѣрное, она идетъ одна: засохшія и прокопченныя ладаномъ чувства отогнали отъ нея всѣхъ близкихъ.

Но почти каждая «девотка» окружена букетомъ живыхъ цвѣтовъ. Это граціозныя фигурки, одѣтыя въ простенькія, часто ситцевыя, платья, въ соломенныя, широкополыя шляпки и крошечныя «пантофельки».

Кое гдѣ возлѣ этихъ группъ берутъ первые уроки любви робкіе, неувѣренные юнцы въ гимназическихъ и студенческихъ мундирахъ. Пожилыхъ и старыхъ мужчинъ почти не видно, да и юнцы-то въ «отпустѣ» меньше всего ищутъ отпущенія грѣховъ, и запасаются ими, вѣроятно, въ еще бо́льшемъ числѣ.

Въ перемежку съ этими группами бредутъ тоже букеты, но уже полевыхъ цвѣтовъ: Хиври, Ганки и другія, въ пестрыхъ «спидныцяхъ», вышитыхъ «кошуляхъ» [1]), съ цѣлой аммуниціей «монистъ» [2]), «паціорковъ» [3]) и «коралей», съ туго заплетенными косами, представляющими цѣлые цвѣтники бумажныхъ и живыхъ цвѣтовъ, разноцвѣтныхъ яркихъ биндъ [4]). Между ними есть и пожилыя, въ темно-коричневыхъ «свыткахъ», съ головами, повязанными большими «хустками», одинъ конецъ которыхъ спускается чуть не до пояса. Это все мазурки, какъ и преобладающее большинство католическаго населенія въ брацлавскомъ уѣздѣ. Между ними мужчинъ почти не видно.

Между тѣми и другими группами — общенія никакого. Много пройдетъ еще вѣковъ, много уплыветъ воды въ Бугѣ, пока пани или панна протянетъ руку «быдлу».

«Не пылитъ дорога, не дрожатъ листы», но зато солнце неумолимо, безпощадно льетъ всесожигающіе лучи, отъ которыхъ плохо

---

[1]) Сорочки.

[2]) Бусы.

[3]) Ленты.

[4]) Ленты.

защищають даже почти непроницаемые своды аллей. По обѣимъ сторонамъ дороги за рвами и валами, её окаймляющими, безконечныя, безбрежныя поля и на нихъ «величавое войско стоговъ». Синіе лѣса на горизонтѣ насупились, изнывая отъ зноя, и точно боятся шелохнуться. На «отавѣ» черныя и бѣлыя овцы сбились въ кучу, повернувшись глупыми мордами въ середину и еще болѣе согрѣваясь дыханіемъ. Только перепела также неистово токують въ полуденной нѣгѣ.

Отдыхъ. Подошли къ молодымъ порослямъ, съ краю дороги, такъ и присѣли отъ усталости. Гандзя, навьюченная, точно верблюдъ, подушками, одѣялами, всякой снѣдью, бутылками съ почти закипѣвшей водой, утопающая въ собственномъ поту, развьючивается. Для девотки,—мамы или тетки, разстилается старенькая «капа» [1]) или дырявый платокъ и тотчасъ вокругъ нея выростають кольца колбасы, холодныя крутыя яйца, «пляцынды» [2]), «оборжанки» [3]), холодный «штукаменсъ» [4]) и пр. Возбужденные продолжительной и непривычной ходьбой пилигримы, не взирая на зной, спѣшатъ насытиться. Завтракъ конченъ, но усталыя ноги просятъ еще отдыха, однако пора въ путь, уже недалеко. Кавалеръ подаетъ руку спутницѣ, та, будто нехотя, подымается, и паломничество идетъ по прежнему.

«Костелъ!» возглашаетъ кто-то голосомъ, не менѣе радостнымъ чѣмъ тотъ, которымъ привѣтствовалъ одинъ изъ матросовъ Колумба туманный берегъ неизвѣстной страны.

Дѣйствительно, на голубомъ, чистомъ фонѣ неба вырисовываются и тянутся къ небу двѣ стройныя, въ готическомъ стилѣ башни, увѣнчанныя ярко сверкающими на солнцѣ крестами. Мало по малу показываются куполы трехъ церквей, бѣленькіе домики, въ большинствѣ съ черепичными кровлями, и все это утопаетъ въ зеленыхъ кущахъ садовъ и глядится, словно въ зеркало, въ кристальную поверхность Буга. Пилигримы проходятъ подгороднюю деревню Волчокъ, по улицамъ и на завалинкахъ которой виднѣются только малые ребята да древніе старцы, и плотной гурьбой вступаютъ на паромъ. Десятки рукъ тянутся къ толстой «кодолѣ» [5]), и паромъ, точно птица, разсѣкаетъ спокойную гладь бугскихъ водъ и быстро переноситъ усталыхъ путниковъ на городской берегъ.

---

[1]) Лѣтнее одѣяло.

[2]) Въ родѣ нашихъ ватрушекъ.

[3]) Баранки.

[4]) Вареное мясо.

[4]) Канатъ.

За паромомъ надо подняться на гору, тоже окаймленную аллеями. Одолѣвъ и это препятствіе, богомольцы входятъ въ кривыя пыльныя улицы Брацлава, застроенныя жалкими, выбѣленными глиною домишками и покосившимися заборами.

Тутъ стройный въ дорогѣ кортежъ, пускается въ разсыпную: меньшинство, болѣе состоятельное, направляется въ еврейскіе постоялые дворы, съ сквозными въѣздами, преобладающее-же большинство— кто въ лѣсъ, кто по дрова. Одни просятъ гостепріимства на «отпустовые» три дня у знакомыхъ, другіе находятъ пріютъ у совсѣмъ незнакомыхъ, остальнымъ постелью во все время «отпуста» служитъ для всѣхъ одинаково гостепріимная земля, а кровомъ голубой небесный сводъ.

Пока наши странники отыскиваютъ пріютъ, гдѣ Богъ послалъ, устраиваются по лагерному положенію, отмываются отъ дорожной пыли и принаряжаются къ предстоящимъ торжествамъ,—мы поговоримъ о томъ, что такое собственно «отпустъ», на который за десятки верстъ стекаются старъ и младъ.

«Отпустъ, выражаясь катехизически [1]), это есть прощеніе, то есть отпущеніе временной кары, оставшейся къ выполненію за грѣхи, отпущенные уже въ смыслѣ вины и кары вѣчной». Нѣсколько туманно, не правда-ли?

«Вина смертнаго грѣха не можетъ быть отпущена иначе, какъ только путемъ таинства исповѣди, или посредствомъ совершеннаго покаянія, соединеннаго съ желаніемъ исповѣди; грѣхъ-же обыденный, въ смыслѣ вины, даже можетъ быть заглаженъ только таинствомъ покаянія или актомъ полнаго раскаянія. Кара за смертный грѣхъ бываетъ двойная: вѣчная и временная; за обыденные прегрѣшенія слѣдуетъ только временное наказаніе. Съ отпущеніемъ вины устраняется и вѣчная кара, но не всегда и не вполнѣ прощается кара временная; поэтому, сію кару, соотвѣтственно числу и тяжести своихъ провинностей, грѣшникъ долженъ понести либо въ сей жизни, либо послѣ смерти,—въ чистилищѣ». И вотъ именно, отпустъ это есть смягченіе или совершенная отмѣна этой временной кары. Если иногда говорится, что посредствомъ отпуста достигается отпущеніе грѣховъ, то въ этомъ случаѣ слѣдуетъ всегда разумѣть отмѣну временныхъ каръ, которыя, вслѣдствіе содѣянныхъ грѣховъ, должны быть понесены.

---

[1]) Rok koscielny. Житомиръ, 1889 г.

«Отпустъ» бываетъ двоякій, полный и частичный. Полный это тотъ, путемъ котораго отпускаются всѣ временныя кары, какія слѣдовало бы еще перенести за грѣхи своей прежней жизни—такъ, что тотъ, кто бы скончался въ состояніи блаженства (łaski), по полученіи такого отпуста, прямо отправился бы въ рай. Частичный отпустъ тотъ, благодаря которому прощается большая или меньшая часть временныхъ каръ, слѣдующихъ за содѣянные грѣхи; такъ, напр., отпустъ сорока дней или семи лѣтъ и т. д. уничтожаетъ такую часть временной кары, какая-бы могла быть искуплена предъ Богомъ, посредствомъ покаянія, опредѣленнаго исповѣдникомъ, согласно первоначальныхъ постановленіямъ костела, для выполненія въ теченіе такого-же промежутка времени. Но это не значитъ, что на столько же времени сокращаются чистилищныя муки; Провидѣніемъ намъ это не открыто, стало быть Ему только вѣдома соотвѣтственная часть и мѣра нашего покаянія на семъ свѣтѣ и тамъ—въ чистилищѣ, посредствомъ которой мы можемъ удовлетворить Его справедливости.

Частичный отпустъ можетъ стать иногда полнымъ, если, удостоивающійся его, нуждался только въ такомъ покаяніи для совершеннаго оправданія предъ Божьей справедливостью за свои грѣхи. Полный отпустъ можетъ превратиться только въ частичный, если, за недостаткомъ съ нашей стороны надлежащаго настроенія, мы не можемъ получить его во всемъ объемѣ. Вслѣдствіе сего, надо стараться о сколь возможно болѣе частомъ полученіи отпустовъ, какъ полныхъ, такъ и частичныхъ, и даже въ одинъ день можно получить нѣсколько отпустовъ, если въ точности будутъ выполнены дѣйствія, указанныя какъ необходимое условіе для полученія каждаго изъ нихъ. Но, въ случаѣ, ежели кто удостоился для себя въ полномъ объемѣ совершеннаго отпуста, то прочіе въ тотъ же день полученные отпусты могутъ уже быть для него ненужными; посему онъ долженъ ихъ пожертвовать на пользу другихъ или ради душъ, сущихъ въ чистилищѣ.

Отпусты, какъ полные, такъ и частичные, бываютъ *мѣстные*, или *предметные*, или *личные*. Мѣстный отпустъ есть тотъ, который связанъ съ извѣстнымъ мѣстомъ, какъ напр., костеломъ, часовней, алтаремъ и т. д.; удостоиться его могутъ лишь тѣ, которые такія мѣста посѣщаютъ и тамъ молятся, согласно указанной формѣ. Предметнымъ отпустъ называется тогда, когда онъ имѣетъ связь съ извѣстными движимыми предметами, употребляемыми при богослуженіи, каковы: крестики, медальки, четки, «кочонки», ладонки и т. д.;

участниками такого отпуста могутъ быть лишь тѣ, которые эти освященные предметы съ благоговѣніемъ у себя сохраняютъ. Личнымъ отпустомъ называется тотъ, который дается одному или многимъ лицамъ, какъ, напр., принадлежащимъ къ какимъ-либо религіознымъ братствамъ и обществамъ; поэтому, лица эти могутъ получать его, выполняя указанныя условія вездѣ, гдѣ находятся, не зависимо отъ опредѣленнаго мѣста или предмета.

«Обычныя условія, назначаемыя для полученія отпуста, слѣдующія: 1) надо имѣть намѣреніе и желаніе полученія отпуста для себя или для душъ, обрѣтающихся въ чистилищѣ, если разрѣшено жертвовать его за усопшихъ. 2) Должно быть въ состояніи блаженства (łaski), ибо отпуста можетъ удостоиться лишь тотъ, кто соединился съ Богомъ, посредствомъ искренняго обращенія и таинства покаянія. 3) Необходимо тщательно выполнить всѣ дѣйствія, указанныя дающимъ отпустъ».

Прошу прощенія у любезныхъ читателей за эту нѣсколько длинноватую экскурсію въ область богословія. Во всякомъ случаѣ, эти комментаріи даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію того громаднаго значенія, какое имѣютъ отпусты для католическаго міра. Это почти тѣ-же индульгенціи, при помощи которыхъ можно сократить пребываніе въ чистилищѣ и скорѣе пройти въ райскія врата, отворяемыя, по вѣрованіямъ католиковъ, св. апостоломъ Петромъ.

Въ Брацлавѣ «отпустъ» полный для покупающихъ освященные «szkaplerzy» [1]) и частичный (сто дней за каждый день отпуста) для непокупающихъ таковыхъ. По характеру своему онъ считается мѣстныхъ.

Къ вечеру населеніе Брацлава, по крайней мѣрѣ, удваивается. Въ 7 часовъ маленькій, звонкій колокольчикъ на церковныхъ воротахъ начинаетъ торопко «сыгновать», и на этотъ призывъ спѣшатъ разряженныя толпы пришельцевъ и аборигеновъ. Брацлавъ неузнаваемъ, до того онъ становится многолюднымъ, оживленнымъ, ликующимъ. Небольшая площадь передъ костеломъ, застроенная убогими, покосившимися, крытыми черепицей еврейскими лачугами, уже переполнена сынами Израиля, пожираемыми любопытствомъ, но не дерзающими переступить порогъ храма Господа, Который Самъ воплотился въ ихъ средѣ, и Который заповѣдалъ, что въ церкви его «нѣсть эллинъ, іудей, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ». Подъ защитой высокой, каменной ограды костела разбиты уже

---

[1]) Ладонка.

на скорую руку, крытыя полотномъ палатки и открытые лотки. На нихъ идетъ бойкая торговля дешевыми молитвенниками, крестиками, медальками, «шкаплержами», коронками, четками и пр. предметами религіознаго обожанія. Тутъ же можно купить дешевыя кольца, дѣтскія трубы, дудочки; спеціально отпустное—это выдѣланныя изъ желтаго воска руки, ноги и другія части человѣческая тѣла, жертвуемыя къ иконамъ тѣми, которые недугуютъ однимъ изъ этихъ членовъ.

Всегда чистый костельный дворъ на этотъ разъ точно вымощенъ: ни пылинки, ни соринки. Отъ массивныхъ воротъ къ костелу ведетъ аллея стройныхъ, хорошо культивируемыхъ ёлокъ. Вдоль всей ограды также посажены липы, каштаны, бѣлыя акаціи, туи, молодые клены и другіе представители мѣстной флоры. Широкія дорожки выложены щебнемъ и пескомъ, плотно и ровно укатаннымъ. На обширной площади двора размѣстились, во всевозможныхъ позахъ и положеніяхъ, группы богомольцевъ, въ ожиданіи начала «нешпоръ» [1]).

Взоры большинства, особенно прибывшихъ, устремлены на въ высшей степени изящное, рисующееся стройными бѣлыми силуэтами, зданіе костела, недавно оконченнаго и освященнаго. Строго-выдержанный en gras готическій стиль храма нѣсколько нарушается только окнами rennaissance'а съ верхними полукружіями. Двѣ высóкія, изящныя башни, увѣнчанныя золотыми, рѣзными крестами, съ шпицами по четыремъ угламъ точно тянутся къ небу и плаваютъ въ лазоревомъ морѣ. Между основаніями башенъ, на дугообразномъ постаментѣ прекрасно выполненная статуя Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. По сторонамъ, а также внизу, въ нишахъ, величавыя, аскетическія фигуры апостоловъ и ближайшихъ учениковъ Христа. На костельную паперть ведетъ широкая, во весь фасадъ, каменная лѣстница.

Изъ раскрытыхъ настежь высокихъ черныхъ дверей костела доносятся на дворъ тяжелой волною торжественные, гудящіе звуки оргàна. Размѣстившіеся по двору богомольцы торопливо направляются въ костелъ, чтобы стать поближе къ алтарю или амвону, либо, особенно прекрасный полъ, занять мѣста на скамейкахъ.

Внутренность костела чрезвычайно эффектна. Высокіе своды напоминаютъ римскія базилики. Потолкомъ для средняго корабля слу-

---

[1]) Вечерня.

житъ звѣздное небо, на которомъ витаетъ Пресвятая Дѣва, окруженная сонмомъ славословящихъ ангеловъ. Красноватое зарево безчисленныхъ восковыхъ свѣчей, въ спускающихся съ высокаго потолка серебряныхъ паникадилахъ, борется съ потухающими лучами заходящаго солнца, играющими по стѣнамъ и сводамъ храма, отливая сквозь цвѣтныя стекла оконъ, всѣми цвѣтами радуги. Главный алтарь утопаетъ въ таинственномъ полумракѣ, въ которомъ ярко блестятъ только золоченныя слова на алтарной аркѣ: «Sancta Maria ora pro nobis» и мерцаетъ блѣдный свѣтъ лампады передъ чудотворной иконой Богоматери. Высокія, темныя колонны съ золоченными дорическими капителями поддерживаютъ арки, въ глубинѣ которыхъ вырисовываются темные силуэты Христовыхъ учениковъ и святыхъ католической церкви. Алтарь сверкаетъ серебромъ и золотомъ священныхъ сосудовъ. На ступеняхъ, ведущихъ къ нему, колѣнопреклоненная, въ бѣломъ, вышитомъ серебромъ одѣяніи фигура ксендза съ выбритой макушкой, а по сторонамъ два мальчика, также въ бѣлыхъ рубашкахъ. Съ хоръ, расположенныхъ vis-à-vis алтаря, подъ самымъ куполомъ, льются величавые звуки органа, на верху котораго надъ цѣлой сложной системой металлическихъ трубъ точно парятъ два ангела, гласящихъ хвалу Всевышнему посредствомъ поднятыхъ къ небу трубъ. Молящіеся преклонили колѣна и поникли главами, многіе пали ницъ.

Подъ конецъ богослуженія выстраивается процессія. Впереди деревенскія дѣвушки, въ праздничныхъ нарядахъ, въ «кораляхъ», «моныстахъ» «квиткахъ» и «бындахъ», несутъ, по четыре, двѣ иконы; за ними, въ предшествіи «хозяивъ» въ новыхъ свитахъ, несущихъ зажженные дикиріи и трикиріи, слѣдуетъ, подъ высокимъ краснаго бархата балдахиномъ, ксендзъ, поддерживаемый подъ руки двумя сановитыми мазурами; въ рукахъ его, въ серебряномъ высокомъ ларцѣ «monstrancia»; по бокамъ два клирика, съ выбритыми на темени пятачками, а за ними хоръ пѣвчихъ. Съ обѣихъ сторонъ шествіе замыкаютъ разноцвѣтныя хоругви. Столпившійся на костельномъ дворѣ, народъ благоговѣйно преклоняетъ колѣна; въ воздухѣ носится ароматъ кадильницъ. Процессія медленно, съ подобающею торжественностью обходитъ одинъ разъ вокругъ костела и возвращается въ храмъ, привѣтствуемая подавленнымъ громомъ органа.

Подъ тѣже могучіе, расплывающіеся подъ сумрачными сводами храма, звуки начинается всенародное пѣніе. Изъ тысячи грудей единогласно, единодушно несется въ небеса хвала Всеблагому.

Солнце уже давно погрузилось въ невидимую глубь, съ противоположной стороны горизонта поднялся меланхолическій мѣсяцъ и залилъ кроткимъ свѣтомъ очарованную землю. На небѣ зажглись рѣдкія звѣзды.

Храмъ опустѣлъ, богомольцы, нашедшіе пріютъ въ городѣ, разбрелись по домамъ; прочіе расположились на костельномъ дворѣ, освѣщаемомъ фонарями, подъ сѣнью каштановъ и липъ. Въ четырехъ углахъ, образуемыхъ каменной оградой, у подножія кіотовъ, лежатъ ницъ темныя фигуры, и только слышны ихъ подавленныя рыданья и покаянные удары въ грудь, и земля покрывается горькой росой отъ ихъ плача. Вотъ раздается въ ночномъ безмолвіи медлительная, истовая рѣчь, тамъ вы увидите маститаго старца, повѣствующаго чутко внимающей молодежи, про старыя добрыя времена, про королеву Бону, замокъ которой будто-бы высился на недальней надбугской скалѣ, утопающей въ лунномъ сіяньи, про набѣги Богуна и «крымцевъ» Тугай-бея, про турецкую неволю, про вельможныхъ пановъ—старостъ Киселя, Козловскаго и др.

На другой день, также на серебристые, монотонные звуки «сыгнованья», къ костельнымъ вратамъ стекаются несмѣтныя толпы богомольцевъ. Но насколько вчера еще сборище было демократично, настолько сегодня бросается въ глаза обиліе «панства». Кареты новѣйшаго фасона, кочъ-кареты, въ которыхъ подольская шляхта съѣзжалась еще на барскую конфедерацію, брички, «нейтычанки», шарабаны и всякія другія орудія передвиженія бойко подкатываютъ къ подъѣзду, высаживаютъ пановъ и пань разныхъ возрастовъ и «заможности» [1]) и выстраиваются затѣмъ длинной вереницей возлѣ ограды.

Въ костелѣ тремя ксендзами отправляется торжественнѣйшая suma [2]). Капуцинъ съ предлинной, сѣдоватой бородою, напоминающій фигурой и одѣаніемъ древне—египетскаго жреца, говоритъ «kazanie» [3]) и говоритъ красно, въ чисто католическимъ стилѣ.

Слѣдующіе два дня—повтореніе перваго: утромъ «suma», вечеромъ «nieszpory»; но на третій, послѣдній день, во время вечерняго богослуженія торжественность и благолѣпіе достигаютъ своего апогея. Нѣсколько ксендзовъ, въ лучшихъ своихъ облаченіяхъ, другъ передъ другомъ щеголяютъ изяществомъ и сановитостью манеръ, звучностью

---

[1]) Литургія.

[2]) Зажиточности.

[3]) Проповѣдь.

и силой голосовыхъ средствъ. Молящіеся, отбывшіе уже исповѣдь—обязательный «отпустовый» актъ, удостоившись принятія Св. Даровъ и, главное, въ блаженномъ сознаніи того, что срокъ ихъ пребыванія въ чистилищѣ сократился на цѣлыхъ триста дней, — настроены особенно религіозно и лучезарно. Составляется снова процессія, куда величественнѣе, импозантнѣе описанной выше. Всѣ колокола надрываются въ общемъ стремленіи заглушить другъ друга, подъ величественный аккомпаниментъ хора изъ нѣсколькихъ тысячъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. За костельной оградой, у воротъ, гдѣ разбили свои палатки торговцы, разыгрывается дикій концертъ: сотни мальчишекъ, накупивъ всякой всячины, трубятъ, пищатъ, свистятъ, играютъ на губныхъ гармоникахъ, звенятъ въ колокольчики и погремушки, а тѣ, у которыхъ не оказалось пятачка въ карманѣ, пускаютъ въ дѣло собственныя глотки и губы. «Отпустъ» конченъ. Народъ подходитъ цѣловать крестъ, получаетъ благословеніе отъ священнослужителей, и костельный дворъ, освѣщенный фонарями, опустѣваетъ до будущаго «отпуста».

Пилигримы расходятся, весело болтая, и вспоминая событія только что истекшихъ трехъ дней. Всѣ находятъ «отпустъ» настоящаго года весьма удачнымъ.

— Bardzo przyjemnie i slicznie było [1]). Кому недалеко до дома, тотъ отправляется въ дорогу немедленно, не взирая на наступленіе ночи, остальные откладываютъ путь до завтра и проводятъ послѣднюю ночь въ Брацлавѣ.

На другой день къ полудню Брацлавъ, послѣ трехдневнаго многолюдства и оживленія, кажется точно вымершимъ. По прежнему на улицахъ не встрѣтите живой души, кромѣ флегматично пережевывающихъ жвачку коровъ, эпикурейски хрюкающихъ въ лужахъ свиней, да мечтательно бродящихъ козъ. **А. Любичъ.**

Транспортъ вещей Петра I, арестованный на Волыни въ 1701 г. Осенью 1701 г. проѣзжалъ черезъ Волынь возвращавшійся изъ Вѣны царскій посланникъ, стольникъ Лука Хитрово. Ѣхалъ онъ съ немалымъ обозомъ, въ сопровожденіи свиты и небольшаго конвоя. Прибывъ къ Луцку, онъ почему-то миновалъ этотъ городъ и переправился черезъ р. Стыръ въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, въ с. Милушахъ.

---

[1]) Очень пріятно и прекрасно было.

Узнали объ этомъ таможенные надсмотрщики и подняли тревогу. Дѣло въ томъ, что въ Луцкѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, расположенныхъ на торговыхъ трактахъ, издревле существовала таможня, или такъ называемая «мытная комора», гдѣ взыскивались съ провозимыхъ товаровъ казенныя пошлины, и такъ какъ купцы, уклоняясь отъ платежа этихъ пошлинъ, старались объѣзжать проселочными дорогами тѣ пункты, гдѣ находились мытныя коморы, то сборщикамъ строго предписывалось закономъ имѣть неослабное наблюденіе, подъ угрозою взысканія ста гривенъ штрафу за «недбалость», чтобы подобные объѣзды не практиковались, въ противномъ случаѣ имъ предоставлялось право, при содѣйствіи мѣстнаго старосты, задерживать ослушныхъ купцовъ и конфисковать ихъ товары, причемъ двѣ трети стоимости конфискованныхъ предметовъ поступали въ казну, а остальная часть составляла вознагражденіе надсмотрщикамъ, открывшимъ злоупотребленіе. Вотъ почему п. Николай Богдановичъ, писарь и суперъ-интендентъ луцкой мытной коморы, былъ очень встревоженъ, когда объѣздчики донесли ему, что какіе-то московскіе люди съ немалымъ обозомъ проѣхали черезъ с. Милуши, миновавъ Луцкъ: заподозривъ въ нихъ купцовъ, уклоняющихся отъ платежа пошлинъ, онъ тотчасъ отправилъ за ними въ погоню своихъ стражниковъ съ приказаніемъ связать ослушниковъ и доставить въ Луцкъ. Но посланные не догнали проѣхавшихъ или, быть можетъ, узнавъ, кто были они, не осмѣлились задержать царскаго посланника и его свиту.

Между тѣмъ, слѣдомъ за Хитрово шелъ другой русскій обозъ подъ начальствомъ п. Михайла Сусло-Стародубца, царскаго дворянина, прикомандированнаго къ свитѣ варшавскаго резидента князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго. Ему было поручено доставить въ Москву транспортъ вещей, пріобрѣтенныхъ заграницей лично для царя; въ числѣ ихъ были: книги, купленныя въ нѣмецкихъ земляхъ для царской библіотеки, съ полсотни шпагъ, нѣсколько кусковъ различныхъ матерій для костюмовъ и другія домашнія вещи. Слѣдуя тою же дорогою, Стародубецъ, спустя нѣсколько дней послѣ проѣзда царскаго посланника, прибылъ 24 ноября къ Луцку, и такъ же миновавъ его, переправился въ с. Милушахъ. Здѣсь онъ обогналъ свой обозъ и отправился въ м. Олыку, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы приготовить здѣсь помѣщеніе для отдыха себѣ и своей командѣ. Въ это самое время на обозъ налетѣли луцкіе таможенные надсмотрщики во главѣ съ п. Богдановичемъ, который, не слушая никакихъ заявленій со стороны людей, находившихся при подводахъ, приказалъ здѣсь же,

подъ дождемъ, вскрыть тюки, разбросалъ по грязи находившіеся въ нихъ вещи и арестовалъ обозъ. Узнавъ о случившемся, Стародубецъ послалъ для предъявленія Богдановичу паспорты, выданные самимъ королемъ и высшими коронными чинами; но тотъ оскорбилъ посланнаго бранью, отнялъ у него лошадь и удержалъ паспорты. Тогда Стародубецъ отправился къ нему лично, но Богдановичъ и его встрѣтилъ бранью, грозилъ заковать въ кандалы, отказался возвратить паспорты и дать пропускъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась эта самоуправная задержка царскаго обоза; никакіе протесты и представленія Стародубца, ни даже ходатайства за него со стороны польскихъ сенаторовъ не имѣли успѣха до тѣхъ поръ, пока упрямый писарь не получилъ взятки въ 5 талеровъ, причемъ Стародубецъ, вѣроятно, издержавшій во время этого плѣна всѣ бывшія при немъ наличныя деньги, принужденъ былъ выдать ему вексель на эту сумму. Получивъ свободу, онъ хотѣлъ было занести жалобу на Богдановича; но намѣстникъ луцкаго старосты Петръ Шкуратовскій, очевидно, пріятель таможеннаго писаря, отказался принять ее. Тогда Стародубецъ вынужденъ былъ отправиться въ ближайшій повѣтовый г. Владиміръ-Волынскій и внесъ въ тамошнія гродскія книги нижеслѣдующую «протестацію», которая приводится нами въ дословномъ переводѣ съ польскаго языка.

1702 года, мѣсяца февраля 11 дня.

Во время сессіи владимірскаго гродскаго суда, начавшейся со втораго числа мѣсяца и года выше помѣченныхъ на актѣ, и послѣ открытія присутствія суда въ означенный срокъ, явился лично предо мною Яномъ Войнаровскимъ, судьею земскимъ кіевскимъ и подстаростой гродскимъ владимірскимъ, а также предъ книгами гродскими старостинскими, — его милость панъ *Михаилъ Сусло-Стародубецъ*, дворянинъ его величества московскаго царя Петра Алексѣевича, прикомандированный къ свитѣ резидента его царскаго величества, состоящаго въ Варшавѣ при королѣ его милости, сіятельнаго князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, и занесъ жалобу на благороднаго его милость пана Петра Шкуратовскаго, намѣстника луцкаго бургграбства, о томъ, что его милость, по причинѣ, жалобщику невѣдомой, но тѣмъ не менѣе въ ущербъ его интересамъ, отказалъ въ принятіи ниже помѣщенной жалобы въ гродскія луцкія книги, несмотря на усиленныя просьбы жалобщика. Затѣмъ онъ слезно жаловался и протестовалъ противъ его милости пана Николая Богдановича, писар

или начальника королевской таможни въ г. Луцкѣ, назначеннаго для отбиранія пошлинъ въ казну Рѣчи Посполитой, о томъ, что вышеупомянутый панъ Богдановичъ, поступая въ противность тѣсному союзу, заключенному между великимъ княжествомъ литовскимъ и державою его милости царя московскаго и свято сохраняемому обѣими сторонами, по которому обезпеченъ свободный проѣздъ всѣмъ лицамъ, кои исполняютъ или исполняли должность посланника или дипломатическаго резидента, освѣдомившись о томъ, что высокоблагородный его милость Лука Софроновичъ Хитрый (Хитрово?), стольникъ и посланникъ царя его милости московскаго, возвращается изъ Вѣны отъ его милости цесаря христіанскаго и направляется къ его милости царю московскому, снабженный царскими и королевскими листами, а также надлежащими паспортами и конвоемъ, и что онъ уже прошлаго 1701 года, ноября въ 17 день переправился чрезъ рѣку Стырь въ селѣ Милушахъ, въ окрестности Луцка,—отправилъ въ погоню за вышеозначеннымъ господиномъ посланникомъ свою команду, приказавъ ей связать посланника и доставить въ Луцкъ. Но такъ какъ отправленные стражники не могли догнать господина посланника или, что вѣроятнѣе, не осмѣлились нанести насилія человѣку знатному, невинному и представлявшему лицо своего монарха, обладая болѣе разсудительнымъ умомъ, чѣмъ ихъ начальникъ, то они обратили всю свою злобу на жалобщика, пана Сусла-Стародубца, слѣдовавшаго позади за господиномъ посланникомъ. И такъ, когда онъ, панъ Сусло-Стародубецъ, въ томъ же 1701 г., мѣсяца ноября 24 дня, переправился чрезъ рѣку Стырь и самъ, отправившись впереди обоза, поѣхалъ въ г. Олыку, отвѣтчикъ напалъ на обозъ истца, подъ дождемъ и во время ужасной слякоти приказалъ вскрыть всѣ тюки, въ которыхъ вовсе не было товаровъ, а только находились: книги, пріобрѣтенныя въ нѣмецкихъ земляхъ для библіотеки царя его милости, сорокъ съ лишнимъ шпагъ и нѣсколько кусковъ различныхъ матерій, отрѣзанныхъ для пошитья одежды. Вскрытые тюки и находившіяся въ нихъ вещи онъ разбросалъ подъ дождемъ въ грязи, отчего книги, бывшія безъ переплета, промокли и испортились. Узнавши о случившемся, истецъ отправилъ въ Луцкъ къ его милости пану Богдановичу слугу своего Ивана Добрынина, поручивъ ему предъявить паспорты, милостиво выданные его королевскою милостью, царемъ его милостью московскимъ и главными министрами польской короны, а также заявить, что онъ, Стародубецъ, не купецъ, никакой торговли не ведетъ и товаровъ не перевозитъ. Но отвѣтчикъ его

милость панъ Богдановичъ вышеупомянутаго Ивана Добрынина, слугу истца, обезчестивъ невыразимо бранными словами, самыми скверными, хотѣлъ его бить, отнялъ у него коня, стоившаго 30 битыхъ талявовъ, отобралъ паспорты, удержалъ ихъ у себя и возвратить понынѣ не хочетъ, посылалъ погоню въ поле за упомянутымъ слугою, отправившимся пѣшкомъ до Олыки, и Богъ знаетъ, что онъ съ нимъ намѣренъ былъ сдѣлать въ случаѣ, еслибы его догнали; возы же и вещи истца онъ удержалъ въ Олыкѣ подъ арестомъ. Наконецъ, когда истецъ явился самъ въ Луцкъ 27 ноября и, съ должнымъ почтеніемъ къ отвѣтчику, предъявилъ ему тѣ же объясненія, какія посылалъ прежде чрезъ слугу, что онъ не купецъ, что онъ изъ Варшавы отъ царскаго резидента ѣдетъ, никакихъ товаровъ, кромѣ книгъ лично для царя его милости купленныхъ и другихъ домашнихъ вещей, къ разряду товаровъ не относящихся, не везетъ съ собою, что онъ имѣетъ надлежащія паспорты, взятые имъ раньше, тогда отвѣтчикъ его милость панъ Богдановичъ и самого истца такими же неприличными словами, какъ и его слугу, бранилъ, срамилъ и поносилъ, грозилъ его связать и заковать въ кандалы, паспорты возвратить отказался и какъ хотѣлъ безчестилъ, коня заграбленнаго на глазахъ истца жестоко билъ обухомъ, калѣчилъ, морилъ голодомъ, въ теченіе двухъ недѣль не давалъ ему ни ѣсть, ни пить, и чинилъ разныя другія притѣсненія, не взирая на ходатайства за истца со стороны нѣкоторыхъ сенаторовъ, урядниковъ коронныхъ и другихъ знатныхъ лицъ, и до тѣхъ поръ упорно удерживалъ коня и паспорты, пока не вынудилъ, или точнѣе сказать, вымучилъ отъ жалобщика вексель на 5 талеровъ битыхъ, помимо того, что послѣдній потерпѣлъ убытокъ на 50 талеровъ. Вексель этотъ онъ, п. Сусло-Стародубецъ признаетъ не дѣйствительнымъ, какъ исторгнутый насиліемъ, и заявляетъ, что все, приключившееся съ нимъ, произошло и происходитъ вопреки закону, справедливости и праву международному, и намѣреваясь довести до свѣдѣнія короля его милости о постигшей его напасти и тяжкой обидѣ, соединенной притомъ съ немалыми убытками и потерей дорогаго времени для отправленія въ дальнѣйшій путь, просилъ меня, урядъ, о принятіи настоящей его жалобы; что и было мною исполнено.

Книга гродская владимірская 1702—1706 г., № 1078, листъ 12.

Сообщилъ **О. И. Левицкій.**

Къ литературной исторіи разсказа «Вусы». Еще Гоголь въ «Вечерахъ на хуторѣ близь Диканьки» намекнулъ въ шутливомъ тонѣ, что Ѳома Григорьевичъ, дьячекъ диканьской церкви «умѣлъ исторіи отпускать». Вымышленное или дѣйствительное лицо былъ Ѳома Григорьевичъ, ни самъ Гоголь, ни его біографы не выяснили; но что разсказы Гоголя по замыслу фабулы и по детальной орнаментовкѣ фактовъ были взяты имъ прямо изъ устъ другихъ разсказчиковъ— сомнѣваться въ этомъ едва ли основательно. Разсказчиковъ въ родѣ Ѳомы Григорьевича въ ту пору, когда жилъ Гоголь, въ каждомъ уголкѣ Малороссіи между панами и козаками можно было встрѣтить не мало; есть они и теперь, хотя ихъ уже и меньше, чѣмъ въ старину, да и темы ихъ «бéсѣдъ» уже, понятно, не тѣ... Разсказы ихъ тогда циркулировали въ той средѣ, которая ихъ окружала. Въ пору господства псевдоклассицизма и романтизма въ печать эти разсказы не попадали.

Съ легкой руки Гоголя, беллетристы, его послѣдователи, стали черпать «изъ народной мовы» все, болѣе или менѣе выдающееся, если случай тому благопріятствовалъ. Эта черта заимствованія присуща не однимъ только беллетристамъ, описывавшимъ бытъ и жизнь Малороссіи; лучшіе бытописатели всѣхъ странъ и народовъ всегда вливали воду живу въ свои произведенія изъ того источника, который носилъ имя живой дѣйствительности. Въ какой мѣрѣ въ такихъ произведеніяхъ беллетристики проявляется личное творчество авторовъ—это вопросъ, какъ извѣстно, мало еще разработанный, такъ какъ интересъ къ нему въ печати возбудился только въ сравнительно недавнее время.

Примѣнительно къ разсказу «Вусы» мы не беремъ на себя труда разъяснить, по скольку онъ *сочиненіе* Олексы Стороженка, въ въ какой мѣрѣ и что именно у него взято, такъ сказать, съ натуры, списано съ чужихъ словъ. Самъ авторъ печатныхъ «Вусовъ» дѣлаетъ только отдаленные намеки на настоящаго ихъ творца, упоминая, что это случилось *съ опошнянскимъ брехуномъ, мастеромъ солить сливы* и т. п. По этимъ, какъ бы случайно, къ слову вклеенымъ въ разсказъ намекамъ о настоящемъ хозяинѣ «Вусовъ», т. е. сочинителѣ разсказа, читатель, незнакомый съ опошнянскими палестинами, могъ развѣ лишь догадываться, да и то смутно. Кто знаетъ покойнаго Животовскаго, тѣ, прочитавши «Вусы», сразу скажутъ «та се, якъ есть ёго побрехенька». Такъ, я помню, и говорили въ тѣ годы, когда «Вусы» были еще новинкой, въ Куземинѣ и въ Ко-

тельвѣ, по сосѣдству съ Опошней, а въ Опошнѣ, понятно, говорили еще больше. Какъ отнесся самъ Животовскій къ появленію въ печати разсказа «Вусы», мнѣ не извѣстно. Я помню только, что когда зашла о нихъ рѣчь въ Котельвѣ, въ домѣ Михаила Тимоѳеевича Матушинскаго, хозяйка дома, Валентина Романовна много разсказывала о Животовскомъ своему сыну Аполлону Михайловичу, автору статьи о Торвальдсенѣ, и мнѣ, ихъ гостю. Къ сожалѣнію, слышаннаго отъ нея я не записалъ въ свое время. Годы и обстоятельства вывѣтрили изъ памяти многое изъ того, что я отъ нея слышалъ; остались обрывки, клочки описанныхъ Валентиной Романовной сценъ и событій съ Животовскимъ.—Передаю, какъ могу то, что память пока сохранила.

Животовскій слылъ въ своемъ околоткѣ за любителя панскихъ гулянокъ и бенкетовъ. Человѣкъ даровитый и бывалый, онъ, самъ мелкій панокъ, всегда держался наравнѣ съ важными панами; потѣшая ихъ своей юмористикой, онъ однако же далекъ былъ отъ обычной въ тѣ годы роли шута: ему какъ другимъ, ни носа спичкой не прижигали, ни на лбу трубки не выколачивали; за подарки, которые тогда были въ обычаѣ, онъ отдаривался «лагомынками» собственнаго издѣлія—пастилой, наливкой, солеными сливами, особенно солеными сливами. Эта ласощь была его конькомъ, а въ случаѣ невзгодъ и громоотводомъ... Кромѣ «Вусовъ», гдѣ вся соль разсказа направлена на его собственную персону, у него, по свидѣтельству Валентины Романовны, было многое множество другихъ сюжетовъ, касавшихся лицъ разныхъ общественныхъ положеній. По праву поэта, онъ, случалось, живописалъ въ глаза тѣхъ, о комъ шла рѣчь. Бывали случаи, что за это на его долю выпадали болѣе или менѣе чувствительныя непріятности, и чуть ли не самое худшее отказъ отъ дома. Тутъ Животовскому приходилось руки, какъ говорится, по швамъ и вмѣсто шутки упражняться въ вертѣніи по-лисьи хвостомъ, заискивая у обидившихся. Сливы его превосходной солки, по словамъ Валентины Романовны, всегда его выручали изъ подобныхъ затрудненій... Къ 60-мъ годамъ, когда старосвѣтчина, бившая раньше ключемъ, стала сочиться едва замѣтными ручейками, Животовскій какъ-то стушевался. Онъ, и прежде любившій зеленое поле—обычную арену активной дѣятельности деревенскихъ пановъ,—большею частію проживалъ въ гостинницахъ Полтавы, въ качествѣ артиста штоса... Посѣщалъ также и другіе окольные города. У одного изъ жителей г. Валокъ мнѣ привелось видѣть портретъ Животов-

скаго, снятый уже въ годы послѣ реформы. Худощавый, въ военныхъ усахъ, хотя и въ штатскомъ платьѣ, онъ на портретѣ производитъ впечатлѣніе скорѣе трагика, чѣмъ комика; только глаза, хитрые и смѣющіеся, свидѣтельствуютъ о скрытомъ внутри, подавленномъ годами и житейскими обстоятельствами жартѣ.

Что Животовскій авторъ сюжета «Вусовъ», объ этомъ мнѣ приходилось слышать не отъ одной Матушинской. «Се его побрехенька» въ 60 и въ 70 годахъ, многіе говорили, какъ я уже сказалъ, и въ Опошнѣ, и въ Куземинѣ, и въ Будищахъ, и въ Зѣньковѣ. Когда я своимъ домашнимъ какъ то читалъ «Вусы», матушка моя припомнила, что точно такой же разсказъ, она въ 1846 году слышала въ Будахъ, въ домѣ своего отца, Петра Михайловича Кузьмича отъ самого Животовскаго, который тогда пріѣзжалъ къ нимъ въ гости вмѣстѣ съ опошнянскимъ же помѣщикомъ Пороховникомъ на бенкетъ, данный въ честь прибывшаго въ гости изъ Петербурга ея брата Александра Петровича Кузьмича, автора повѣстей «Зиновій—Богданъ Хмельницкій» и «Козаки». «Животовскій и Трипольскій, Николай Васильевичъ, такіе были», говорила матушка, «разсказчики, что иная и книга передъ ними спасуетъ".

Ни одинъ изъ разсказовъ Николая Васильевича Трипольскаго не попалъ въ печать. Насколько объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, можно судить по тому, что Николай Васильевичъ, по выходѣ изъ харьковскаго университета до самой смерти былъ центромъ, такъ сказать, общественной жизни въ веселыхъ тогда палестинахъ Куземина. Гдѣ бывалъ онъ, тамъ свадьбы, бенкетъ, крестины, даже поминовенія покойниковъ были ареной неудержимаго смѣха, смѣха до упаду, до обморока. Онъ какъ бы носилъ съ собою понораму общежитія своего уголка, то и дѣло мѣнявшую на своемъ фонѣ типы, картины, событія. Не было семьи, лица, въ его родномъ уголкѣ, которыя не появлялись бы въ его понорамѣ, освѣщенные его задористымъ, глубоко вѣрнымъ правдѣ юморомъ. Онъ никого не «цирклювавъ», не осмѣивалъ, а лишь живописалъ, заставлялъ каждаго жить въ своемъ разсказѣ такъ, какъ онъ жилъ въ дѣйствительности, безъ прикрасъ и безъ затѣненія существенныхъ чертъ, положительныхъ и отрицательныхъ. Достаточно сказать, что его, стараго холостяка, всѣ любили, несмотря на то, что онъ всякому умѣлъ дать кличку, всѣхъ и каждаго выводилъ на свѣжую воду. Его собственная оригинальность была поводомъ къ нескончаемому смѣху при бесѣдахъ пановъ. Разъ, возлѣ флигеля, въ которомъ онъ жилъ,

загорѣлась кухня. Были сумерки, а Николай Васильевичъ любилъ вечеркомъ посумерничать, сидя съ трубкой у окна и наблюдая за тѣмъ, что дѣлалось во дворѣ, по хозяйству у брата, жившаго въ горницахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ флигеля. Горитъ кухня, а у Николая Васильевича, какъ на зло погасла трубка.

— Булванъ, булванъ! кричитъ онъ своему комнатному слугѣ: подай огню на трубку!

«Булванъ» спросонку вынулъ изъ печки потухшій уголекъ и, увидѣвши пожаръ, бросилъ его на полъ и опрометью выбѣжалъ изъ флигеля.

Флигель горитъ, а Николай Васильевичъ сидитъ себѣ спокойно у окна и, въ ожиданіи «булвана», сосетъ холодный янтарь чубука...

Потушили огонь. Входятъ знакомые паны, прибывшіе на пожаръ, здороваются, спрашиваютъ Николая Васильевича: что съ нимъ? здоровъ ли онъ? почему не вышелъ тушить пожара.

— Я боялся, чтобъ еще и флигель не сгорѣлъ, какъ бы про себя замѣтилъ Николай Васильевичъ: видите, я жду огня на трубку. Если-бъ я ушелъ отсюда, кто поручится, что мой булванъ, вбѣжавши сюда съ цѣлою головней, не бросилъ бы ее зъ незимкивъ куда попало, гдѣ бы она могла вспыхнуть. Покорный слуга! Безъ кухни я обойдусь; а спать въ какомъ-нибудь куренѣ вмѣсто флигеля—кому угодно, а я не привыкъ, панове!

Этотъ анекдотъ и по настоящее время циркулируетъ въ воспоминаніяхъ сторожиловъ о куземинской старинѣ...

А. Твердохлѣбовъ.

Полозъ. (Къ ст. проф. Н. Ф. Сумцова—«Культурныя переживанія» Кіевская Старина 90 г. № 5). Разъ, кажуть Полозъ живъ десь на степу, такъ люде той степъ и покынулы. Кругомъ було орють, а тамъ—биля тіеи могылы де той Полозъ живъ — усе страшеннымъ бурьяномъ поросло. И отто—чи чоловикъ було зайде у те поле, чи скотына забижить, або чи кинмы хто зайнде—якъ тилько Полозъ углядивъ, нагнавъ, метельхнувъ хвостомъ, такъ пополамъ и пересикъ. Отъ ти люде якыхъ уже грошій не давалы—щобъ стребывъ хто того Полоза—нихто и на гроши не йде, бо уси бояться. Та нескоро вже одынъ и знайшовсь такый; такъ соби *городовычокъ*—и зъ себе плохенькій. (*Городовиками* въ Екатеринославщинѣ называютъ захожихъ изъ полтавской губ. косарей).

— Я, каже, вамъ ёго стреблю. — А стребышъ — отъ тоби сто рублив. — Отто согласылысь, той городовыкъ выгострив косу тай пишовъ того бурьяну до могылы косыты, та зайшовъ зъ того краю де було озеро, куды Полозъ пыты ходывъ. Отто зайшовъ ручку, косе соби тай косе, Полозъ и побачивъ--та до ёго. Ось добига—ажъ той городовыкъ вже и косу такъ набывъ — шо жаломъ у гору, та швыденько застромывъ кисця у землю, на пьяту у косы шапку накынувъ, а самъ хода до озера тай пирнувъ. А Полозъ якъ добигъ, угляднвъ шапку, думавъ шо то чоловикъ стоить, та якъ ударе по коси хвостомъ такъ и пересикся пополамъ. Такъ той городовыкъ трычи зъ озера вырынавъ— покы винъ вогнемъ не зійшовъ, та тоди вже вылизъ тай пишовъ до ёго.

А то-якъ бы той городовыкъ не поспишивсь пирнуты—Полозъ бы ёго вогнемъ спалывъ. Тоди вже якъ пишлы ти люде до тіеи могылы, де той Полозъ живъ—а тамъ кистокъ—на гоны кругомъ понакыдано.

Когда полозъ «бѣжитъ» степью—подъ нимъ трава горитъ. Одна богомолка разсказывала—что полозъ гнался за нею, желая склонить на сожительство, и она видѣла—какъ подъ нимъ трава превращалась въ уголь.

Зап. въ новомосковскомъ у. екатериносл. губ. **Ив. Манжура.**

Поправка. По поводу помѣщенной въ VI книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ замѣтки г. П. Т. о польскомъ театрѣ въ Кіевѣ, инженеръ тайный совѣтникъ Н. И. Палибинъ сообщилъ намъ поправку, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

«Въ 6 книжкѣ «Кіевской Старины» въ статьѣ о польскомъ театрѣ сказано, что представленія давались въ особо приспособленномъ для этой цѣли домъ Гудимъ-Левковича». Это не вѣрно: на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ этотъ домъ, былъ правильно устроенный и красивый деревянный театръ, хорошо отдѣланный внутри.

Въ 30-хъ годахъ по инициативѣ тогдашняго генералъ-губернатора графа Левашова была выписана небольшая, но хорошо составленная французская труппа. Еще воспитанникомъ лицея князя Безбородка, я, вмѣстѣ съ моими родителями, былъ въ Кіевѣ и видѣлъ эту труппу.

Въ концѣ 1853 года я, состоя уже на службѣ, былъ переведенъ въ Кіевъ и видѣлъ этотъ театръ настолько ветхимъ, что представленій въ немъ уже не было; вскорѣ онъ былъ проданъ на сломъ, а мѣсто было продано г. Гудимъ-Левковичу, который и выстроилъ настоящій свой домъ».

ЗАМѢТКА О КОЗАЦКИХЪ ЗНАМЕНАХЪ.

(КЪ РИСУНКУ).

Мы почти вовсе не имѣемъ печатныхъ свѣдѣній о козацкихъ знаменахъ, хотя преданіе о нихъ живетъ въ народѣ и досихъ поръ. На сельскихъ кладбищахъ въ Малороссіи и теперь еще можно увидѣть надгробные кресты, которыхъ поперечная часть украшена небольшимъ древкомъ съ кускомъ на немъ полотна. Послѣднее представляетъ собою знамя и поэтому въ народѣ называется „прапиркою"; прапиркою обозначается могила козака въ отличіе отъ могилъ лицъ другихъ сословій.

Тамъ гдѣ сномъ убитымъ спятъ
Наши козаки,
На крестахъ у нихъ висятъ
Съ каймами платки...[1]).

Какія были у малороссійскихъ козаковъ знамена и изъ чего они дѣлались—объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія рукописныя упоминанія о „корогвахъ", „прапорахъ" и „значкахъ".

Полтавскій полковникъ Чернякъ, оправдываясь противъ одного доноса, писалъ въ 1717 г.—„О корогвахъ что доносятъ, же я зъ сотенъ бралъ по 10 копъ, то есть истинная правда; вибралось з сотенъ 80 рублей и за тие гроши куплено шесть косяковъ блакитнаго лудану на сотенніе корогви, по 40 золотихъ, итого росходу 50 руб. безъ двохъ, а що осталось 32 р.,

[1]) Украинскія мелодіи, Н. Маркевича (Москва. 1832).

за тое справлено полковую короговъ и прапоръ, а остатокъ на жовтій луданъ дано на крижи“ (кресты).

Орлянскій сотникъ Григорій Псіолъ писалъ, въ 1745 г., своему полковнику Андрею Горленку—„Поневажъ въ сотнѣ орлянской двое знаменъ, яко то короговъ зеленая голевая и значокъ голевій жолтій вовся ветхіе, которіе минувшими въ войну турецкую походами до самихъ древокъ збились и впредь такъ къ походу, яко и къ случающимся стрѣчамъ (встрѣчамъ) весма не могутъ годится, чемъ же оніе вновь исправить на то никакихъ денегъ въ сотенной канцеляріи въ зборе не имѣется и о несобираніи зъ обивателей никакихъ неуказнихъ зборовъ многократними въ сотню орлянскую указами подтверждено; а что на исправку обявленихъ знаменъ умершій сотникъ Іосифъ Яковлевъ въ прошедшихъ 1727 и 1734 годахъ на едно знамено зъ козаковъ орлянскихъ и на другое зъ бражницъ орлянскихъ же, которихъ теперъ ниединой въ Орлѣ бражницѣ не имѣется, денги собиралъ, о томъ всѣ козаки данною за своими руками въ сотенную орлянскую канцелярію сказкою обявили, по которому ихъ прежнему обикновенію безъ особливого на тое съ полковой полтавской канцеляріи определенія и указу зъ козаковъ на означенніе знамена собирать денегъ я не смѣю. Сего ради о семъ въ полковую полтавскую канцелярію донося, на сіе милостивой ожидаю резолюціи“ [1]).

Въ 1758 г. просилъ разрѣшенія у гетмана лубенскій полковникъ Кулябка—„каковымъ способомъ дѣлать сотенныя знамена“, при чемъ писалъ: „высокимъ вашей ясневелможности ордеромъ... между прочимъ полков. лубенской канцеляріи знать дано, яко чтобъ на исправленіе въ новоотдѣленную въ полку

---

[1]) Получивъ это донесеніе Псіола, полковникъ въ свою очередь просилъ разрѣшенія на поставленный вопросъ у генеральной канцеляріи, куда при этомъ между прочимъ писалъ: „прошлого февраля—дня сего 1745 году, по доношенію сотенной керебердянской старшини о обетшаломъ сотенномъ тамошнемъ значку и *о исправленіи оного предъ симъ зъ собираемыхъ зъ шинкарей и бражницъ денегъ, якіе чрезъ то отъ всякихъ общенароднихъ повинностей были уволнени*, съ полковой полтавской канцеляріи представлено было въ войсковую енер. канцелярію съ требованіемъ—отколь на исправленіе обявленого керебердянского и прочихъ сотенныхъ значковъ надлежащіе повелено будетъ получать денги...“

лубенскомъ курѣнскую сотню сотенной корогви зъ скарбовой канцеляріи 15 рублевъ денегъ отпущено было, о томъ г. подскарбію генералному посланъ ордеръ, а полковой би канцеляріи... [1]) оное положивъ гербъ зъ едной сторони національній, а зъ другой по усмотренію полковой канцеляріи. Кромѣ жъ того повелено и въ жовнинскую сотню сотенную корогву отъ полковой лубенской канцеляріи исправить,.. Однако каковимъ образомъ оніе сотенніе знамена полковая канцелярія здѣлать намѣрилась ....абрисъ при семъ вашей ясневелможности къ благоусмотренію оная полковая канцелярія прилагаетъ. И будетъ ли оный апробованъ или инако подѣлать приказано (будетъ), чтобъ мощно по томужъ и въ другихъ сотняхъ одинакіе знамена исправить..."

Точный снимокъ приложенныхъ къ этому донесенію „абрисовъ" представляетъ приложенная къ этой книжкѣ картинка. При этомъ на абрисѣ „національнаго герба" находится надпись: „на свѣтлоголубой голѣ съ правой стороны по золотой землѣ, на знамени росписанъ будетъ (разумѣется—„національный гербъ") и витушованъ пристойными красками. Длиною же оное знамя имѣетъ быть полтретя аршина, шириною—какъ удвое голь виходить будетъ."—На другой сторонѣ, гдѣ сдѣланъ „абрисъ" „полковаго герба", надпись: „на лѣвой сторонѣ знамени росписанъ будетъ (полковой гербъ) по сребраной землѣ и витушованъ темною краскою" [2]). Наконецъ, сохранилось и въ натурѣ одно, повидимому сотенное, знамя, переданное въ 1885 г. изъ церкви с. Сенчанскихъ Скоробогатокъ, лохвицкаго уѣзда, въ музей церковно-археологическаго общества при кіевск. духовн. академіи. Знамя это схоже съ „абрисами" Кулябки. Сдѣлано оно изъ плотной шелковой ткани (вѣроятно „голи"), свѣтлоголубаго цвѣта, вышиною—6 четвертей, а шириною—10 четвертей. На одной сторонѣ знамени изображенъ тотъ же „національный гербъ" (т. е. козакъ съ ружьемъ и саблею), окруженный арматурою, а на другой—вѣроятно сотенный гербъ: рука держитъ золотой

---

[1]) Точками въ этомъ мѣстѣ обозначены неразобранныя два-три слова.

[2]) Донесеніе полковника Кулябки съ приложенными къ нему „абрисами" найдено И. М. Каманинымъ въ грудахъ полуистлѣвшихъ старыхъ бумагъ кіевскаго губернскаго правленія, переданныхъ въ университетъ св. Владиміра.

крестъ, который двѣ человѣческія фигуры (ангелы?) осѣняютъ пальмовыми вѣтвями. Подъ сотеннымъ гербомъ надпись:

Господь Іисусъ за люди страдаше
Въ сохранствѣ тайны спасеніе наше.
Блюди опасно како преступати,
Егда кто имать службу совершати [1]).

Изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній можно сдѣлать слѣдующія обобщенія:

1. Полковыя знамена были, кажется, двухъ родовъ—„корогвы“ и „прапоры.“ Обязанность оберегать въ походахъ полковую корогву лежала на полковомъ хоружемъ, а полковой прапоръ оберегалъ полковой „прапорщикъ“ [2]).

2. Сотенныя знамена были, кажется, тоже двухъ родовъ: корогва—большее знамя и „значекъ“—меньшее. Первую оберегалъ сотенный хоружій, а второй—„значковый“ товарищъ.

3. Знамена дѣлались изъ тканей „лудановыхъ“ и „голевыхъ“, при чемъ „голь“ обозначала, повидимому, шолковую ткань, а луданъ—не знаемъ какую.

4. На знаменахъ изображались: съ одной стороны—„національный гербъ“, т. е. козакъ съ мушкетомъ и саблей, а на другой—полковой или сотенный гербы. При этомъ замѣтимъ, что изображенія послѣднихъ сохранились на оттискахъ сотенныхъ и ратушныхъ печатей.

5. До половины XVIII в., козачьи знамена заготовлялись на деньги, собиравшіяся для этого съ шинкарей и „бражницъ“ [3]), которые за то увольнялись отъ другихъ „общенародныхъ“ повинностей.

---

[1]) Ср. описаніе знамени въ Извѣстіяхъ церк.-археол. общ. при кіевск. дух. акад. за 1885 г., стр. 39, гдѣ между прочимъ сказано, что знамя „мѣстами пробито пулями“, но мы, осматривая знамя, мѣстъ этихъ не замѣтили.

[2]) Чинъ полковаго „прапорщика“ встрѣчается очень часто. Извѣстный Григорій Грабянка, будучи полковымъ „прапорщикомъ“ въ 1710 г., получилъ отъ гетмана гадяцкое село Максимовку.

[3]) Подъ „бражницами“ слѣдуетъ разумѣть, кажется, продавщицъ мёду.

Кромѣ „абрисовъ“ знаменъ, сдѣланныхъ полковникомъ Кулябкою, на прилагаемой картинкѣ помѣщается еще рисунокъ знамени домонтовской сотни переяславскаго полка 1762 года, находящагося въ собраніи оружія умершаго кн. Воронцова въ м. Мошнахъ, черкасскаго уѣзда. Рисунокъ взятъ изъ хранящагося въ числѣ рукописей церк.-археол. музея при кіевск. дух. акад. альбома доктора Делафлиза[1]).

[1]) См. Описаніе рукописей церк.-арх. музея, Н. Петрова, стр. 153.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Константинъ Гротъ. Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII вѣкѣ (1141—1173). Варшава. 1889 г.

Рѣдко съ большимъ интересомъ читается какая-нибудь книга чѣмъ та, заглавіе которой нами только-что выписано. Съ первой же страницы авторъ овладѣваетъ вниманіемъ читателя, который погружается всецѣло въ протекающія передъ нимъ историческія событія, слѣдитъ съ увлеченіемъ за ихъ перипетіями и, кажется, переживаетъ вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами всѣ ихъ невзгоды и успѣхи. Несомнѣнно, причины такого сильнаго дѣйствія труда г. Грота на читателя кроются въ умѣньи автора мастерски излагать самые сухіе, запутанные вопросы, а также въ глубокомъ интересѣ поставленой имъ себѣ задачи. Что касается собственно изложенія, то мы, признавая его легкимъ, увлекательнымъ, должны однако же сказать, что, по нашему мнѣнію, оно выиграло-бы еще болѣе, еслибы нѣкоторые побочные эпизоды, экскурсіи въ сторону, необходимыя для доказательства главныхъ положеній автора, были выдѣлены въ примѣчанія: читатель съ глубокимъ вниманіемъ слѣдитъ за комбинаціями европейской политики, горитъ нетерпѣніемъ узнать результаты столкновенія различныхъ политическихъ направленій, и вдругъ ему приходится заняться вопросомъ о южныхъ границахъ галицкой земли, вопросомъ необходимымъ, интереснымъ, но тѣмъ не менѣе побочнымъ, прерывающимъ главную нить разсказа. Такихъ мѣстъ есть нѣсколько въ трудѣ г. Грота. Но этотъ незначительный недостатокъ нисколько не измѣняетъ общаго характера изложенія, не оставляющаго, по нашему мнѣнію, желать ничего лучшаго.

К. Я. Гротъ, можно сказать, спеціализировался по исторіи Угріи. Всѣ его предыдущіе ученые труды посвящены прошлому угорскаго на-

рода, а его первая работа «Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ» касается также исторіи страны, впослѣдствіи занятой уграми. Если же мы обратимся къ исторіи паннонскихъ славянъ, то, несомнѣнно, должны будемъ познакомиться съ трудами г. Грота, стоящими въ тѣсной органической связи одинъ съ другимъ. «Высокій интересъ, говоритъ авторъ, какой представляетъ для всякаго русскаго исторія Угріи, государства, столь тѣсно связаннаго со славянствомъ и игравшаго такую видную роль въ его историческихъ судьбахъ, слишкомъ очевиденъ и не нуждается въ особомъ разъясненіи. Само собой понятно также, какую пользу можетъ принести основательное изученіе угорской исторіи разработкѣ частныхъ исторій—западной Россіи, южныхъ славянъ, Чехіи, Польши, наконецъ, и Византіи». Едва ли возможно что-нибудь возразить противъ только что сказаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, политическая жизнь народа обусловливается въ своемъ направленіи множествомъ взаимодѣйствующихъ факторовъ, и попытка уяснить эту политическую жизнь вліяніемъ одного какого-нибудь внутренняго фактора является абсолютно-невозможной. Разработка областной исторіи Россіи доказала это вполнѣ. Оказалось, что условія мѣстной, областной жизни являлись могучими факторами, направлявшими политическую жизнь русскаго народа въ ту или другую сторону. Но никакой народъ не живетъ изолировано. Детальная разработка исторіи русскихъ областей показала, какое сильное вліяніе имѣли на ихъ политическую судьбу отношенія къ народамъ сосѣднимъ. Оказалось необходимымъ уясненіе этихъ вліяній. Трудъ г. Грота, значительная часть котораго посвящена угро-русскимъ отношеніямъ, является какъ нельзя болѣе во время.

Даже въ тѣхъ мѣстахъ своихъ, гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ Угріи къ Западной Европѣ и Византіи, трудъ этотъ представляется глубоко интереснымъ для русскаго историка, выясняя ему многія событія исторіи русской изъ хода политики обще-европейской. Уже въ одномъ изъ своихъ прежнихъ трудовъ «Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X вѣка» К. Я. Гротъ прочно обосновываетъ мнѣніе, что появленіе и водвореніе угровъ въ Европѣ имѣло не пагубное, а скорѣе благое, спасительное вліяніе на судьбу славянства, спасая отъ поглощенія нѣмцами его племена, разрозненныя и разбросанныя на среднемъ Дунаѣ и въ сосѣднихъ областяхъ. Мнѣніе это было высказываемо и раньше, но слабо, безъ достаточнаго научнаго обоснованія. По нашему мнѣнію, такой взглядъ на значеніе угровъ въ исторіи славянъ едва ли можетъ въ настоящее время найти

себѣ противниковъ. До появленія угровъ на средне-дунайской низменности разрозненность мелкихъ славянскихъ племенъ повела бы несомнѣнно къ ихъ поглощенію и занятію нѣмецкими колонистами всѣхъ земель до Дуная, а, можетъ быть, и за Дунаемъ. Вторженіе угровъ и ихъ водвореніе въ этихъ мѣстностяхъ остановило движеніе германской колонизаціи. Казалось бы, что для славянъ предстоитъ новая опасность—поглощеніе ихъ мадьярами или, по крайней мѣрѣ, тяжелая участь подчиненія. Но дѣло въ томъ, что первое время угры сами поддаются вліянію славянской культуры, высшей сравнительно съ культурой ихъ собственной. Это вліяніе оказывается настолько сильнымъ, что направляетъ внутреннюю и внѣшнюю политику угорскаго королевства. Славянская партія пріобрѣтаетъ такое значеніе, что съ успѣхомъ борется съ возрастающимъ западнымъ вліяніемъ. Раскрытію и уясненію борьбы этихъ двухъ культурныхъ направленій и посвященъ послѣдній трудъ г. Грота.

Очевидно, каждый изъ борящихся элементовъ долженъ былъ стремиться найти себѣ поддержку и внѣ угорскаго государства. Какъ партія западниковъ смотрѣла на германскую имперію и Римъ, такъ партія ей враждебная стремилась опереться на Византію и сосѣднія государства славянскія. Понятно, что видную роль въ этой борьбѣ партій въ Угріи должны были играть ея отношенія къ Руси. Эти-то отношенія насъ главнымъ образомъ и интересуютъ.

Отношенія Угріи къ русской землѣ были мирныя, проявлявшіяся въ видѣ браковъ угорскихъ королей съ русскими княжнами и враждебныя въ видѣ вмѣшательства угорскихъ правителей въ борьбу русскихъ князей между собой, при чемъ это вмѣшательство выражалось военной помощью со стороны Угріи тѣмъ или инымъ князьямъ. Но вотъ является вопросъ: съ чьей стороны шелъ починъ въ этихъ мирныхъ и военныхъ связяхъ Угріи и Руси? Авторъ, для проведенія своего основнаго взгляда на характеръ исторіи Угріи въ XII в., склоняется видѣть начинателями въ этомъ дѣлѣ ту партію, которая была враждебна западному вліянію. Она стремилась закрѣпить культурную связь Угріи и Руси родственными узами ихъ государей. Уже какъ результатъ этихъ родственныхъ связей является вмѣшательство угорскихъ государей въ дѣла русскихъ князей. Такимъ образомъ, авторъ придаетъ огромное значеніе этимъ родственнымъ связямъ, кладетъ ихъ «въ главу угла». Мы не отрицаемъ, что подобныя родственныя отношенія играли въ тѣ времена весьма видную роль, но видѣть въ нихъ единственный факторъ событій, по нашему мнѣнію, невозможно.

Вмѣшательство Угріи въ дѣла русскихъ князей обусловливалось другими причинами, болѣе сильными, заставлявшими угорскихъ королей дѣйствовать такъ, а не иначе, помимо вліянія всякихъ политическихъ партій при ихъ дворѣ. Мы утверждаемъ, что угорское правительство должно было вмѣшиваться въ русскія дѣла обязательно даже въ такомъ случаѣ, еслибы находилось въ полной зависимости отъ партіи западниковъ, другими словами, это участіе Угріи въ дѣлахъ Руси не можетъ указывать на существованіе при угорскомъ дворѣ славянской партіи, ни на ея силу и значеніе. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо ближе всмотрѣться въ событія, происходившія на Руси, уразумѣть ихъ смыслъ. Значеніе этихъ событій останется для насъ навсегда непонятнымъ, если мы по старому будемъ отыскивать ихъ смыслъ въ родовыхъ отношеніяхъ русскихъ князей. Въ настоящее время прикладывать теорію родоваго быта къ уясненію событій древней русской исторіи вездѣ, огульно,—архаизмъ въ наукѣ, ничего не выясняющій, но во многихъ случаяхъ затемняющій смыслъ фактовъ. Для насъ понятна борьба Мономаховичей и Ольговичей, борьба старшей линіи Мономаховичей съ младшей, но какъ съ точки зрѣнія родовой теоріи объяснить участіе въ борьбѣ этой князей галицкихъ, для которыхъ не было въ ней ни малѣйшаго интереса? Ростиславичи съ своей землей совершенно обособились; ихъ отдѣльность территоріальная и политическая была признана всѣми областями и всѣми князьями земли русской. Притязанія русскихъ князей на землю галицкую начинаются лишь въ концѣ удѣльнаго періода, когда въ ней прекратилась династія Ростиславичей, и опять эти притязанія опирались не на родовые счеты, а лишь на то, что эта земля—русская. Очевидно, были какіе то другіе стимулы, побуждавшіе князей къ междоусобной борьбѣ. Мы указываемъ на землю галицкую лишь потому, что она въ данномъ случаѣ играетъ главную роль въ угро-русскихъ отношеніяхъ, но то же самое должно сказать и относительно исторіи всѣхъ русскихъ областей. Уважаемый авторъ необходимо долженъ былъ вникнуть въ смыслъ событій, происходившихъ на Руси, чтобы выяснить значеніе угро-русскихъ отношеній. Не въ упрекъ будь сказано, для этой цѣли К. Я. Гротъ воспользовался лишь трудомъ покойнаго С. М. Соловьева и совершенно игнорировалъ новѣйшія работа по областной исторіи. Въ угро-русскихъ отношеніяхъ принимали въ разное время участіе и земля волынская, и земля сѣверская. Авторъ не обратилъ вниманія на работы по ихъ исторіи, а можетъ быть, онѣ пролили бы для него нѣсколько иной свѣтъ на

древне-русскія политическія отношенія и на отношенія угро-русскія. Если, дѣйствительно, междоусобныя войны русскихъ князей имѣли въ основѣ своей лишь родовые счеты, какъ признаетъ вслѣдъ за Соловьевымъ авторъ, то, конечно, Угріи не было отъ нихъ ни тепло, ни холодно, и въ этомъ случаѣ вмѣшательства угорскихъ королей въ дѣла русскія, помощь, которую оказывали они русскимъ князьямъ не можетъ быть объяснима ничѣмъ инымъ, какъ только родственными связями и дѣйствіемъ славянской партіи при угорскомъ дворѣ, видѣвшей въ этомъ вмѣшательствѣ средство поддерживать и закрѣпить культурныя связи съ Русью, какъ землею славянской.

Намъ кажется, какъ мы уже сказали, что вмѣшательства угорскаго правительства въ дѣла Руси, помимо вліянія какихъ бы то ни было партій, вызывались нуждами самаго угорскаго государства. Для выясненія своей мысли, намъ приходится обратиться къ событіямъ на Руси въ интересующій насъ періодъ и постараться дать имъ объясненіе, насколько это въ нашихъ силахъ. Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на этомъ вопросѣ и сдѣлаемъ это въ немногихъ словахъ. Весь смыслъ участія галицкихъ князей въ борьбѣ другихъ русскихъ князей выраженъ ясно въ одномъ мѣстѣ Ипатской лѣтописи, которое приводитъ и уважаемый авторъ разсматриваемаго труда, не придавая ему однакоже должнаго значенія. «Въ тоже лѣто, говоритъ лѣтопись, роскоторастася Всеволодъ с Володимѣркомъ про сына, *оже сѣде сынъ его* (т. е. Всеволода) *Володимири*, и почаша на ся искати вины; и Володимерко възверже ему грамоту хрестьную, Всеволодъ-же съ братьею иде нань». Въ подчеркнутыхъ словахъ заключается весь смыслъ событій. Эта котора имѣла мѣсто въ 1143 г., а не далѣе какъ въ 1142 г. Владимірко состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Всеволодомъ и повинуется его приказанію идти въ Польшу противъ Болеславичей (И. л. 224). Но лишь только Владимирко понялъ опасность со стороны Всеволода, какъ и является опасность. Въ чемъ проявилась эта опасность? Владимирко понялъ, что сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ областей кіевской и волынской ведетъ къ усиленію великаго князя, да притомъ еще князя волынской земли, пограничной съ владѣніями Владимирка. Съ этого момента для насъ становится вполнѣ ясной политика галицкаго князя: онъ каждый разъ всѣми силами своей области препятствуетъ сосредоточенію Волыни и Кіева въ однѣхъ рукахъ. Открывается борьба Изяслава Мстиславича съ Юріемъ. Владимирко сначала предоставляетъ ей свободно развиваться: ни интересы Юрія, ни Изяслава его со-

вершенно не трогаютъ. Онъ выжидаетъ того момента, когда ясно обнаружится, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, а пока для него было достаточно уже и того, что въ этой борьбѣ сильная, сосѣдняя съ имъ волынская земля ослаблялась. Но, повторяемъ, Владимирко зорко слѣдитъ за ходомъ борьбы. Если въ Кiевѣ сидетъ Юрiй, то сосредоченiе Волыни и Кiева можетъ быть, можетъ и не быть, а коль скоро Кiевомъ завладѣетъ Изяславъ, то такое сосредоточенiе явится само собой. Въ 1149 году Юрiй занялъ Кiевъ; Изяславъ сидитъ на Волыни. Области разобщены. Лишь только Юрiю начинаетъ грозить опасность со стороны Изяслава, когда силы перваго были значительно уже ослаблены, а къ послѣднему собираются на помощь сосѣди, Владимирко выступаетъ снова, какъ при Всеволодѣ Ольговичѣ, противъ могущаго быть соединенiя Волыни и Кiева, и дѣлается энергическимъ союзникомъ суздальскаго князя (И. л. 269 и далѣе). Такимъ образомъ, становится вполнѣ понятнымъ это участiе галицкихъ князей въ борьбѣ, происходившей изъ—за Кiева: для нихъ не имѣли никакого значенiя родовые счеты, они одинаково относятся ко всѣмъ линiямъ князей, соблюдая интересы лишь своего собственнаго княжества. Благодаря этой политикѣ, мы и видимъ затѣмъ галицкую землю такой сильной, какой рисуетъ ее намъ „Слово о полку Игоревѣ» и дальнѣйшiя событiя нашей исторiи. Для галицкихъ князей съ одной стороны было важно, чтобы рядомъ съ ихъ владѣнiями не происходило сосредоточенiя областей въ однѣхъ рукахъ, но кромѣ того для нихъ имѣло значенiе постоянно ослаблять волынскую область, такъ какъ съ нею у нихъ были давнiе счеты территорiальные, ведшiе свое начало еще съ доисторической эпохи, когда происходило разселенiе русско-славянскихъ племенъ по тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ ихъ застаетъ исторiя. По вполнѣ вѣроятному соображенiю г. Андрiяшева («Очеркъ исторiи волынской земли», 27 и д.), дулѣбы сначала разселились по возвышенной области волынскихъ Карпатовъ, а потомъ спустились на низменныя мѣста Полѣсья, то есть, вошли въ область, гдѣ начинается система рѣки Припяти, и захватили своими поселенiями южную часть пинской котловины. Нагорная часть территорiи племени дулѣбовъ въ историческое время отрывается и входитъ въ составъ галицкаго княжества, которое стремится округлить свои границы на-юго-востокѣ. Волынь, въ свою очередь, стремится присоединить къ себѣ оторванную часть своего племени, нагорную. Вотъ гдѣ лежитъ начало споровъ между волынскими и галицкими князьями и ихъ кровавыхъ столкновенiй другъ съ другомъ,

начиная съ Давида Игоревича и первыхъ Ростиславичей и до дней Владимирка и Ярослава Осмомысла. Если съ одной стороны галицкіе князья изъявляли притязанія на часть земли волынской, то съ другой стороны они энергически ведутъ колонизацію на югъ и, несомнѣнно, расширяютъ границы своихъ владѣній до береговъ Дуная, колонизацію, охватившую мало по малу Венгрію съ восточной и юговосточной стороны. Владѣнія галицкія имѣли также всѣ шансы подвигаться и прямо на югъ или юго-западъ, чрезъ долины рѣкъ, берущихъ начало въ Карпатахъ и прорѣзывающихъ ихъ. И по сю и по ту сторону этихъ горъ жило одно и то же населеніе, закарпатская часть котораго естественно тянула къ своей главной массѣ, образовавшей галицкое княжество. Что у галицкихъ князей были поползновенія въ этомъ направленіи, что угорскіе короли прекрасно понимали опасность со стороны энергическихъ князей Ростиславичей,—это доказывается помѣщеніемъ половцевъ по долинамъ рѣкъ, текущихъ съ сѣвера изъ Карпатовъ. Наша лѣтопись не указываетъ намъ на пограничныя столкновенія Угріи и галицкаго княжества только потому, что она и вообще, даже по отношенію къ другимъ областямъ не дѣлаетъ этого, но что они были и должны были быть, въ этомъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если мы присмотримся теперь къ вмѣшательству Угріи въ дѣла русскія, то увидимъ, что угры являются каждый разъ тогда, когда можно ожидать усиленія галицкаго княжества. Въ 1097 году они стоятъ на сторонѣ Святополка Изяславича противъ Ростиславичей, ибо сосредоточеніе Волыни и Кіева въ однѣхъ рукахъ выгодно для Угріи, такъ какъ оно ведетъ къ ослабленію княжества галицкаго. Въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ опять угры помогаютъ первому, помимо родственныхъ связей съ Мстиславичами, потому еще, что, помогая соединенію Кіева и Волыни, они создавали въ тылу у галицкаго княжества силу, которая ослабляла его. Единственнымъ исключеніемъ въ этихъ политическихъ отношеніяхъ является помощь, оказанная Угріей Владимірку противъ Всеволода Ольговича. Авторъ оставляетъ безъ объясненія этотъ фактъ, ограничиваясь лишь указаніемъ, что угорскіе правители устремляли одинаково свое вниманіе и на востокъ и дорожили своими отношеніями къ сосѣдней Руси. Мы считаемъ этотъ актъ угорской политики ошибкой, которую потомъ приходилось исправлять угорскому правительству, и оно, дѣйствительно, ведетъ себя затѣмъ послѣдовательно и старается всѣми силами ослабить галицкое княжество. Такимъ образомъ, политика Угріи въ от-

ношеніи къ Руси обусловливалась не только родственными связями, не только вліяніемъ извѣстной партіи, но и неотложными нуждами государства, нуждами, которыя одинаково заставили бы угорскихъ королей дѣйствовать такъ, а не иначе, при вліяніи какой бы то ни было партіи. Говоря все это, мы желаемъ внести лишь нѣкоторое детальное объясненіе въ исторію угро-русскихъ отношеній, но признаемъ вмѣстѣ съ авторомъ, что ходатаями за Владимірка несомнѣнно были сторонники анти-славянской партіи, и что родственныя связи съ Мстиславичами несомнѣнно служили поддержкой партіи славянской въ Угріи.

Въ разбираемомъ трудѣ есть нѣкоторые мелкіе вопросы, на счетъ рѣшенія которыхъ можно бы поспорить съ авторомъ, но они, говоримъ, мелкіе и такое или иное рѣшеніе ихъ не оказываетъ никакого вліянія на основныя положенія. Мы укажемъ еще лишь на одно мнѣніе автора,—о значеніи взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго въ 1169 году. И въ этомъ случаѣ авторъ слѣдуетъ преувеличенному взгляду на это событіе С. М. Соловьева и Кояловича, не обративъ вниманія на ходъ послѣдующихъ историческихъ событій на югѣ Россіи, въ основѣ противорѣчащихъ этому взгляду. Въ настоящее время русскій историкъ едва ли можетъ сказать, что «центръ русской государственности перенесенъ на сѣверъ» послѣ 1169 года. Ни центръ не былъ перенесенъ, ни теченіе политической жизни Руси не измѣнилось. 1169 годъ важенъ только въ одномъ отношеніи, что въ этотъ моментъ впервые ясно и съ большой силой проявилось на сѣверѣ новое централизаціонное направленіе, хотя въ слабой степени оно проявлялось и раньше на югѣ. Что это новое направленіе было еще непрочно, видно изъ того, что даже послѣ Всеволода Юрьевича оно прерывается и только лишь въ XIV ст. обнаруживается снова и на этотъ разъ окончательно. Вліяніе, пріобрѣтенное суздальскими князьями на Руси, не измѣняло нисколько политической жизни ея. Югъ не только еще не утрачиваетъ своего значенія, но наоборотъ съ конца XII и въ XIII ст. мы видимъ на югѣ попытки, ясно очерченныя, собиранія областей воедино, чего до XIV ст. не проявляется на сѣверѣ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что К. Я. Гротъ своимъ трудомъ оказалъ великую услугу разработкѣ русской исторіи, выяснивъ, благодаря своей эрудиціи и ученой прозорливости, много частныхъ вопросовъ изъ политической жизни древней Руси, остававшихся до сихъ поръ невыясненными.

П. Г.

Konstanty Górski. Wojna Rzeczypospolitej Polskiej z Turcyą w latach 1672 i 1673. (Warszawa, 1890. Стр. 66 + 4 прилож).

(К. Гурскій. Война Польши съ Турціей въ 1672 и 1673 г.).

Мы недавно имѣли случай дать отчетъ о книгѣ г. Третяка, посвященной исторіи хотинской войны 1621 г. («Кіев. Стар.» 1890 г. № 5). Трудъ г. Гурскаго представляетъ цѣнное дополненіе картины, нарисованной столь тщательно львовскимъ ученымъ.

Исходныя точки обоихъ историческихъ явленій, ихъ внутреннее значеніе для судебъ польскаго государства, тѣ скрытыя пружины, благодаря которымъ данный моментъ выразился въ извѣстной формѣ—представляютъ близкую аналогію. Какъ въ 1621, такъ въ 1672 г. столкновеніе Польши съ мусульманскимъ міромъ вызвано было, въ концѣ концовъ, отношеніями польской шляхты къ Украинѣ. Въ обоихъ случаяхъ борьба не имѣла рѣшительнаго результата, въ обоихъ случаяхъ она ничему не научила заинтересованныя стороны. Въ самомъ дѣлѣ, хотинская драма была тяжкимъ и многозначительнымъ урокомъ для Польши: жестокія внутреннія неурядицы и неустройства Рѣчи Посполитой, двусмысленная ея политика въ отношеніи Малороссіи и Крыма, неумѣніе замирить организующееся въ прочную силу козачество едва не поставили въ 1620 и 1621 г. на карту самое существованіе государства; унизительный хотинскій миръ служилъ симптомомъ серьезной болѣзни государственнаго организма, требовавшей настоятельно леченія. Прошло 50 лѣтъ. Рѣчь Посполитая пережила хмельнищину и шведскія войны — т. наз. «потопъ». Новое столкновеніе съ Турціей застигло ее далеко не во всеоружіи: разслабленная, раздираемая партіями, лишенная прочной военной силы, Польша по прежнему представляетъ открытое поле если не для завоеванія, то для конечнаго разоренія дисциплинированными варварами. Отдаливъ отъ себя Дорошенка, стремившагося къ федеральной автономіи Украины, выставивъ въ противовѣсъ ему Ханенка, не имѣвшаго прочной опоры въ посполъствѣ и козачествѣ, заигрывая съ Сѣчью, разоряя Крымъ, правящая шляхта оказывается безсильною свести концы съ концами: Каменецъ отданъ туркамъ почти безъ боя, села и города окрестъ разорены хищниками, до 40,000 народа захвачено въ полонъ; недѣлю спустя по сдачѣ Каменца въ Голубѣ стянуто до 80,000 посполитаго рушенія, а черезъ двѣ недѣли Украина и Подолье съ Каменцемъ отданы туркамъ по формальному трактату

въ Бучачѣ, съ прибавкой 22,000 черв. зл. ежегодной дани: картина поразительная, достойная вниманія историка.

Изображая шагъ за шагомъ послѣдовательный ходъ этой драматической борьбы, г. Гурскій не ограничивается изложеніемъ военныхъ событій. Дипломатическія сношенія, предшествовавшія войнѣ, отношенія къ козакамъ, группировка партій въ средѣ польской шляхты останавливаютъ на себѣ вниманіе историка, насколько это необходимо для уясненія внѣшнихъ событій. Такъ какъ г. Гурскій пишетъ исторію войны, то, конечно, мы не въ правѣ требовать отъ него болѣе подробныхъ экскурсовъ, хотя-бы, напр., въ область польско-козацкихъ отношеній, какъ ни желательно было бы это въ интересахъ изслѣдованія,—тѣмъ съ большею охотою и вниманіемъ разъясняетъ г. Гурскій роль польскихъ партій, борьба которыхъ, въ виду грозящей отечеству опасности, внушаетъ историку горько-негодующій тонъ. Дѣятельность кор. Михаила Корибута и его приверженцевъ, оппозиція «малькontентовъ», роль голубской конфедераціи находятъ у автора ѣдкую и, въ общемъ, справедливую оцѣнку. Съ другой стороны, г. Гурскій съ особенною любовью рисуетъ дѣянія Яна Собѣсскаго въ борьбѣ съ Турціей и приписываетъ ему роль спасителя отечества, стушевывая то обстоятельство, что въ партійной борьбѣ Собѣсскій былъ однимъ изъ важнѣйшихъ и далеко небезупречнымъ коноводомъ французской партіи, т. наз. «малькontентовъ». Авторъ вдается въ весьма подробныя соображенія, что было-бы, еслибъ въ такихъ и такихъ то случаяхъ послушались совѣта Собѣсскаго,—и читатель все-же остается въ нѣкоторомъ недоумѣніи: гораздо интереснѣе знать, отчего же не послушались разумнаго совѣта. Г. Гурскій горько упрекаетъ кор. Михаила за малодушіе, эгоизмъ, потаканіе шляхтѣ, нелѣпое вмѣшательство въ военныя распоряженія. Янъ Собѣсскій свободенъ отъ этихъ недостатковъ; онъ—герой, недостаточно оцѣненный въ Польшѣ; родись онъ въ Зап. Европѣ—онъ занялъ-бы другое, высшее мѣсто въ умахъ современниковъ (стр. 64). Быть можетъ. Но Янъ Собѣсскій сталъ королемъ польскимъ, а Каменецъ 27 лѣтъ оставался въ рукахъ турокъ: что за причина? У г. Гурскаго есть объясненіе и для этого. Собѣсскій еще въ качествѣ вел. гетмана короннаго сдѣлалъ все для изолированія Каменца, но ставши королемъ, онъ не могъ сдѣлать того, что было возможно въ роли полководца: не могъ онъ съ достоинствомъ, энергіей и послѣдовательностью править государствомъ, судьбы котораго нерѣдко зависѣли отъ такихъ шляхтичей, какъ подстолій сандомирскій, и такихъ магнатовъ, какъ

Пацъ (стр. 66). Такая историческая философія не представляется для насъ убѣдительной. Конечно, подстолій дурно сдѣлалъ, это изъ-за личныхъ счетовъ думалъ сорвать прошовицкій сеймикъ (Ambr. Grabowski, Ojczyste spominki, II, 208 сл.), но финансовая неурядица началась не съ 1673 года въ Польшѣ; конечно, и Пацъ недобропорядочно распоряжался литовскими хоругвями, но взаимный антагонизмъ литовско-польскихъ магнатовъ имѣетъ давнюю исторію, не Пацомъ начался онъ, не имъ и кончился. Мы опасаемся, что подобныя объясненія въ сущности ничего не объясняютъ.

Во всякомъ случаѣ, небольшое изслѣдованіе г. Гурскаго является цѣннымъ вкладомъ для исторіи нашего края. Основные источники для войны 1672 и 1673 года изучены имъ тщательно и сведены въ картину цѣльную, сжатую и краснорѣчивую. Мѣста главныхъ столкновеній—Каменецъ и Хотинъ—описаны авторомъ старательно и съ знаніемъ дѣла. Къ книгѣ приложены карта военныхъ дѣйствій, планъ битвы подъ Хотиномъ 11 ноября 1673 года, снимокъ современной гравюры хотинскаго лагеря и современной-же гравюры, изображающей Каменецъ. Для лучшаго ознакомленія съ мѣстностью, авторъ лично посѣтилъ эти города. Кромѣ источниковъ изданныхъ, авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи также и рукописные компуты войскъ (изъ библ. инст. Оссолинскихъ во Львовѣ), которые и приводитъ in extenso (стр. 41—46).

Повидимому, г. Гурскій не имѣлъ подъ руками изданной въ 1886 г. «реляціи» Стан. Маковецкаго, стольника летичевскаго, о паденіи Каменца (Przegl. Powsz. 1886 г., т. 9 и 10), также записокъ Еміоловскаго (изд. въ 1850 г. во Львовѣ) и Пясецкаго (изд. 1870 г. въ Краковѣ), дающихъ нѣсколько нелишенныхъ интереса подробностей для исторіи осады и взятія Каменца; но и тѣ данныя, которыя собраны въ изданіи Амвр. Грабовскаго 1845 г., были достаточны въ настоящемъ случаѣ.

Н. М.

Dr. Tadeusz Rutowski. Klęski elementarne Galicyi (Lwów, 1890). Стр. 55. (Д-ръ Ѳадѣй Рутовскій. Стихійныя бѣдствія Галичины).

Г. Рутовскій издалъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ цѣлый рядъ статистическихъ работъ, рисующихъ экономическій бытъ Галичины въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ: лѣсной промыселъ, мельничное дѣло, земледѣльческая производительность мелкихъ и

крупныхъ хозяйствъ, винокуренное дѣло, скотоводство, пожарное дѣло въ Галичинѣ останавливали на себѣ вниманіе этого изслѣдователя и находили въ его работахъ оцѣнку безпристрастную и умѣлую. Несчастный для края 1889 годъ заставилъ нашего автора оглянуться на экономическое прошлое Галичины и выдвинуть вопросъ о причинахъ стихійныхъ бѣдствій, регулярно разоряющихъ населеніе. Выводы свои авторъ основываетъ большею частью на данныхъ оффиціальной статистики, и набросанная имъ цифровая картинка полна глубокаго интереса. Авторъ шагъ за шагомъ изслѣдуетъ причины земледѣльческихъ кризисовъ въ Галичинѣ на протяженіи полустолѣтія, приводитъ рядъ цифръ, рисующихъ опустошенія отъ засухъ, наводненій, градобитій, пожаровъ, скотскихъ падежей, вредныхъ животныхъ—и приходитъ къ выводамъ крайне неутѣшительнымъ для будущности края. Земледѣльческая производительность Галичины, по мнѣнію автора, находится въ состояніи хроническаго кризиса: малѣйшее стихійное бѣдствіе является для обѣднѣвшаго населенія страшнымъ бичемъ и не даетъ возможности земледѣльцу стать на ноги. Неразсчетливое хозяйство на государственныхъ земляхъ, безтолковое отчужденіе послѣднихъ въ частныя руки, варварское истребленіе лѣсовъ, уничтоженіе прудовъ, составлявшихъ нѣкогда красу и жизненную силу восточной Галичины, отсутствіе регулированія рѣкъ въ предупрежденіе періодическихъ разливовъ, неравномѣрная и обыкновенно запоздалая помощь государства въ тяжкія минуты—таковы, по мнѣнію г. Рутовскаго, главныя причины упадка, въ которомъ нынѣ находится этотъ богато одаренный отъ природы край. Сравнительно-статистическія данныя, приведенныя авторомъ въ его брошюрѣ, не позволяютъ сомнѣваться въ самомъ фактѣ этого упадка и въ томъ, что Галичина—едва-ли не самый несчастный, забытый Богомъ и людьми уголокъ въ австрійской имперіи.

Переживаемыя краемъ бѣдствія, стихійнаго и не стихійнаго происхожденія, прежде всего сказываются убійственнымъ образомъ на здоровьи и приростѣ населенія. Вслѣдъ за неурожаемъ явилась картофельная болѣзнь уже съ 1843 года, явился голодъ, голодный тифъ и другія эпидеміи, такъ что въ теченіи пяти лѣтъ (1846—1850) населеніе Галичины уменьшилось почти на 179 тыс. чел. Вслѣдъ за голодомъ 1872 года холера и другія эпидеміи встрѣтили въ Галичинѣ самую благопріятную почву. Оспа унесла 40 % всѣхъ умершихъ отъ этой болѣзни въ Австріи, другія эпидеміи—около 70 %,

холера—85 %. Въ томъ же 1873 г. число смертей превышало число рожденій въ краѣ на 58,692. На протяженіи 1873—1887 г. отъ эпидемій умерло болѣе 25 % всѣхъ вообще умершихъ. Сравнительно съ прочими областями Австріи, смертность въ Галичинѣ представляется въ два слишкомъ раза выше средней для имперіи нормы. Холера, оспа, тифъ, диссентерія свирѣпствуютъ въ краѣ изъ года въ годъ почти съ неослабѣвающей силой; сифилисъ распространенъ здѣсь какъ нигдѣ болѣе въ Австріи. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ, особенно на Покутьи, сифилисъ получилъ эпидемическій характеръ. Во всѣхъ госпиталяхъ Австріи въ 1885 г. было лишь 8,₈% сифилитиковъ, въ Галичинѣ—15,₈%. Излишне прибавлять о послѣдствіяхъ, которыя неизбѣжно являются отъ этого для здоровья населенія. Дѣтскія болѣзни свирѣпствуютъ въ Галичинѣ какъ нигдѣ въ Европѣ: нищета, отсутствіе всякой гигіены производятъ то, что изъ 100 дѣтей умираетъ въ возрастѣ до 5 лѣтъ 41 (1881—1885 г.), въ нѣкоторыхъ повѣтахъ процентное отношеніе выражается въ цифрѣ 50, 52 и даже 54,₆. Скарлатина, дифтеритъ, коклюшъ пожираютъ чудовищную массу жертвъ. Изъ умершихъ въ 1882—1886 г. въ Австріи отъ скарлатины на Галичину приходилось 32—54 %, отъ дифтерита 40—45 %, отъ коклюша—50—62 %. На первомъ году жизни погибаетъ до 18% дѣтей отъ слабости. Въ теченіи 1881—1885 г. процентъ прироста населенія былъ 0,98%. Благодаря скарлатинѣ, дифтериту, оспѣ и сифилису населеніе вырождается, является масса лицъ глухихъ, глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, кретиновъ. Изъ рекрутскихъ списковъ оказывается, что галицкое населеніе стоитъ значительно ниже населенія остальныхъ областей по своему физическому благосостоянію и даже росту.

Какимъ образомъ раса, развивающаяся при этихъ условіяхъ, можетъ подниматься въ смыслѣ интеллигентности, силы воли, духа, характера и вести тяжелую борьбу за существованіе? Тяжелыя жертвы, которыхъ требуетъ отъ населенія современное государство—долго-ли въ состояніи будетъ Галичина приносить ихъ? Могутъ-ли вообще галичане поспѣвать за поступательнымъ движеніемъ новѣйшей культуры во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ?

На всѣ эти вопросы г. Рутовскій, конечно, не даетъ, отвѣта,—это не относится къ его обязанностямъ, какъ статистика, за котораго должны говорить цифры. Возможно, что цифры сопоставлены нѣсколько односторонне и рисуютъ все въ чрезмѣрно мрачномъ видѣ—но когда цифры рисуютъ все въ мрачномъ видѣ, онѣ обыкновенно не лгутъ.

Н. М.

И. Михалевичъ. Подольская гимназія въ Винницѣ. Каменецъ-Подольскъ. 1890 г.

Эта небольшая брошюра представляетъ оттискъ изъ Подольскихъ Губ. Вѣдомостей за 1890 г. (№№ 63 и 64). Авторъ не говоритъ обстоятельно, а лишь упоминаетъ о г. Винницѣ, какъ образовательномъ центрѣ старой Брацлавщины; приводитъ фактъ существованія въ ней въ теченіе почти двухъ столѣтій іезуитской коллегіи (1605—1773), смѣнившейся окружной школой по уставу эдукаціонной коммиссіи (1773—1793), которая перешла потомъ въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія; съ подчиненіемъ учебныхъ заведеній виленскому университету учреждается въ Винницѣ гимназія (1814 г.) на средства, собранныя Ѳ. Чацкимъ, извѣстнымъ польскимъ ученымъ и ревнителемъ отечественнаго просвѣщенія. Съ этого лишь времени авторъ подробно излагаетъ исторію гимназіи, характеризуетъ дѣятельность ея директоровъ и учителей, занятія учениковъ, внѣшнюю обстановку и программы преподаванія. Отмѣтимъ главнѣйшіе факты въ жизни этого заведенія: въ 1825 г. гимназія низведена была на степень 3-хъ класснаго уѣзднаго училища, въ 1830 г. среди учениковъ возникло какое-то тайное общество и училище было закрыто; вслѣдъ за событіями этого года учебныя заведенія юго-запада были подчинены харьковскому учебному округу, по ходатайству котораго въ Винницѣ въ 1832 г. была вновь открыта гимназія, просуществовавшая до 1847 г., когда ее перевели въ м. Бѣлую Церковь. Такова судьба винницкой гимназіи. Изложеніе свое авторъ иллюстрируетъ матеріалами: 1) «исторической запиской» за 1831 г. о гимназіи и училищахъ при ней и 2) копіей Высочайшаго рескрипта гр. Чацкому 20 іюня 1807 года.

Зачѣмъ понадобилось теперь вспоминать о бывшей въ Винницѣ гимназіи авторъ не говоритъ и предоставляетъ догадываться читателю самому, что поводомъ для этого послужило, вѣроятно, открытіе реальнаго училища въ Винницѣ въ настоящемъ году; вслѣдствіе этой недомолвки изложеніе кажется отрывочнымъ. Если фактъ открытія въ настоящее время реальнаго училища въ Винницѣ требовалъ историческихъ справокъ, то ихъ слѣдовало бы сдѣлать не для одной гимназіи, существовавшей въ началѣ текущаго столѣтія, но вообще опредѣлить тѣ условія, которыя всегда дѣлали Винницу центромъ просвѣщенія на югѣ.

Авторъ умалчиваетъ также и о своихъ матеріалахъ, не говоря откуда онъ ихъ заимствовалъ, тогда какъ это необходимое условіе при печатаніи какихъ бы то ни было документовъ.

И. Каманинъ.

Книги, вышедшія въ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Berdau F. d-r. Flora Tatr, Pienin i Beskidu zachodniego. Варш. 8 д. IV+827+55 стр.

Бораковскій Г. Стари до молодыхъ не пидгортайтесь. Водев. въ 1 дѣйствіи. Изд. Гомолинскаго. К. 16 д. 45 стр.

Бориневичъ А. С. Очеркъ хлѣбной торговли въ Одессѣ. Изд. Херс. губ. зем. управы. Од. 4 д. 110 стр. +4 табл.

Владиміровъ П. В. Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. (оттискъ изъ IV кн. «Чтеній въ ист. общ. Нестора-лѣтописца»). К. 8 д. 42 стр.

Владимірскій-Будановъ М. Ф. Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права. II. Черты семейнаго права XVI в. (оттискъ изъ IV кн. «Чтеній въ ист. общ. Нестора лѣт.») К. 8 д. 59 стр.

Вся Одесса за 20 к. Путеводитель по городу и справочная книга для пріѣзжихъ. Планы города и театровъ. Изд Н. Аксюка Од. 16 д. VIII+144 стр.

Гоголь Н. В. Сочиненія. Т. 2-й. Подъ ред. Тихонравова. Изд. 10-е В. Думнова. М. 8 д. 816 стр.

Грушевскій М. Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI в. К. 8 д. 33 стр.

Житіе св. князей Бориса и Глѣба. Спб. 8 д. 8 стр.

Ивановъ Ѳ. Подземная Одесса 25 лѣтъ назадъ Од. 16 д. 62 стр.

Иконниковъ В. С. Александръ Андреевичъ Беклешовъ (1743—1808) (Оттискъ изъ «Кіев. Ст.») К. 8 д. 50 стр.

Историко юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ централ. архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подъ ред. и. д. архиваріуса М. Веревкина. Вып. 20. Витебскъ 4 д. XVI+512+XXX стр.

Календарь Черниговской губ. на 1890 г. Изд. черниг. губ. стат. комит. Черниговъ. 8 д. 269+IV стр.

Караманенко С., врачъ. Медицинскій и санитарный отчетъ по одесскому уѣзду за 1889 г. Од. 8 д. 98 стр.+2 табл.

Карицкій А. Д. Слѣды юрскаго періода по правому берегу р. Днѣпра въ каневскомъ у. кіев. г. Геологич. очеркъ (съ геол. картою) Спб. 8 д. 102стр.

Каро Як. проф. Беата и Гальшка. Истор. разск. изъ пол.-рус. жизни. XVI в. Перев. съ нѣм. Н. М. (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.») К. 8 д. 77 стр.

Керанеренко Г. Правдыва казка. Оповидання. Выдання друге. Х. 16 д. 15 стр.

Комаровъ М. Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, прысливьевъ, помовокъ, загадокъ, и замовлянь. Од. 8 д. X+124 стр.

Котляревскій И. П. Москаль-чаривникъ. Малорос. водевиль въ 1-мъ дѣйст. М. Изд. Сытина и К°. 16 д. 72 стр.

Котляревскій И. П. Москаль-чаривникъ. Малорос. водев. въ 1 дѣйст. Изд. 9 Гомолинскаго. К. 16 д. 53 стр.

Кояловичъ М. проф. Разборъ соч. И. О. Бобровскаго: «Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе имп. Александра I» и указаніе на основаніи архивныхъ документовъ иной постановки всѣхъ главныхъ уніатскихъ вопросовъ того времени. (Извл. изъ «Ж. М-ва Н. Пр.»). Спб. 8 д. 71 стр.

Кырпатый О. Дохторъ. Частына зъ оповид. «Черезъ вищо баба Макрына богомилкою стала.» Х. 16 д. 28 стр.

Кырпатый О. На паньскому обиди. (Бувальщина) Х. 16 д. 18 стр.

Кырпатый О. Чумацьке лыхо. (Зъ народныхъ устъ). Опов. Х. 16 д. 27 стр.

Łapczyński K. Rośliny z okolic Białej Cerkwi (Otbitka z Pamiętnika Fisyjograficznego) Варш. 8 д. 21 стр.

Луньякъ И. О происхожденіи именъ Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне. Каз. 8 д. 15 стр.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ пред. А. Потебни. (От. изъ «Кіев. Стар.»). К. 8 д. IV+59 стр.

Маркевичъ А. И. Двадцатипятилѣтіе Имп. Новороссійскаго университета. Истор. записка и академич. списки. Од. 8 д. XV+734+XC стр.

Масловичъ В. Г. Сказка про Харька, основателя Харькова, про его дочь Гапку и батрака Якива. Писано въ 1815 г. Изд. Н. Масловича Х. 16 д. 37 стр.

Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Вып. I (XVI ст.) Пер. К. Мельникъ. (Подъ ред. В. Антоновича). К. 8 д. III+190 стр.

Наймичка. Повѣсть изъ малороссійской жизни. Изд. Губанова М. 16 д. 72 стр.

Отчетъ попечителя кіевскаго учебнаго округа о состояніи: I глуховскаго учительскаго института и II учительскихъ семинарій за 1889 годъ. К. 8 д. 27+8 стр. и 27 вѣдомостей.

Памятная книжка кіевской губ. на 1890 г. Изд. кіев. губ. стат. ком. подъ ред. Д. И. Навротскаго. К. 8 д. IV+184+130+19 стр.

Пачоскій І. Матеріалы для флоры степей ю.-в. части херсонской губ. (От. изъ XI т. Зап. кіев. общ. естество испытателей). К. 8 д. 135 стр.

174 *Погодинъ А.* Какъ живется червоннорусcамъ (Быль, разсказанная Цѣневичемъ). Спб. 8 д. 14+179 стр.

Р—а П. З. Вовче лыхо. Опов. Выд. Гомолинського. К. 16 д. 16 стр.

Рубецъ А. Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ для одного голоса съ акомпан. фортепіано. Вып. V. М. 8 д. 21 стр.

Сапуновъ А. Двинскіе или Борисовы камни. Изслѣдованіе. Изд. витебск. губ. стат. ком. Витебскъ. 8 д. 31 стр. и XI табл. снимковъ.

Сборникъ харьковскаго историко-филологич. общества. Т 2. Х. 8 д. XVI+433+4 нен.+194+VII+81+II+39 стр.

Свенцицкій О. Н. Чоботы. Малорос. водев. въ 1 д. съ пѣніемъ и танцами. К. 8 д. 32 стр.

Св. Димитрій Ростовскій (съ изображеніемъ). Спб. 8 д. 8 стр.

Труды VI археологич. съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Т. IV. Съ планомъ, табл. и общ. указателями. Од. 4 д. 280+32+4 нен. стр.

Устенко-Гармашъ Ѳ. М. Смиховыны Сборникъ малорус. сценъ, разсказовъ и загадокъ. Выд. Гомолинського. К. 16 д. 93 стр.

Филевичъ И. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. Истор. очеркъ. Спб. 8 д. X+233 стр.

Харьковскій календарь на 1890 годъ. Въ 2 книгахъ. Изд. харьк. губ. стат. ком. Х. 8 д. X+283+216+133 стр.

Chlebowski B. и Walewshi W. Slownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajow słowiańskich. Zeszyt 120. Tom X. Варш. 4 д. 881—960 стр.

Чалый М. К. Воспоминанія (1826—1844). Отт. «Кіев. Ст.». К. 8 д. 318 стр.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Кн. IV. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. К. 8 д. 16+214+141 стр. и 3 табл. рис.

Ч—чъ О. Тираспольскіе помѣщики тридцать лѣтъ назадъ. Дневникъ депутата отъ дворянъ херсон. г. тирасп. у. по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Од. 4 д. 14 стр.

Шейнъ П. В. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв.-зап. края. Т. I, ч. II. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 8 д. XXXI+708 стр., 2 рис. и 4 стр. нотъ.

Юргевичъ В. Краткій указатель музея Имп. одесскаго общ. исторіи и древностей. Изд. 2-е доп. и испр. Од. 8 д. 100 стр.

Якубовичъ К. Ѳ. Кіевъ, какъ колыбель русской драмы. Рѣчь, произн. 8 янв. 1890 г. въ торжеств. собраніи члоновъ кіев. рус. драм. общ. К. 16 д. 32 стр.

Ясинскій М. Н. Къ исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ кіев. губ. въ 1855 г. (От. изъ IV кн. «Чтеній въ ист. общ. Нестора»). К. 8 д. 54 стр.

МАРКОВИЧИ.

А. И. Маркевича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1890.

РОДОСЛОВНАЯ МАРКОВИЧЕЙ.

Отцевск. №

I.

1. Авраамъ—владѣлъ землями въ прилуцкомъ полку.

II.

2. Маркъ, обыватель прилуцкій, арендарь пирятинскій; умеръ въ августѣ 1712 г. и похороненъ въ Густынскомъ монастырѣ. Женатъ на дочери богатаго мѣщанина Григорія Корніенка, прилуцкаго войта, позднѣе прозывавшагося Ограновичемъ, предка этой фамиліи. 1

Дочь—по мужу Бендычка 1

III.

3. Андрей, родился около 1674 г.; сотникъ глуховской въ 1709—1714 г., полковникъ лубенскій въ 1714—1729 г.; генеральный подскарбій 1729—1740 г.; получилъ потомственное дворянство въ 1736 г.; генеральный обозный въ отставкѣ съ 1740 г.; † 3 генваря 1747 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа въ Ромнахъ. Женатъ на дочери кролевецкаго сотника Маковскаго Аннѣ Ивановнѣ; † 9 августа 1743 г. и погребена тамъ же, гдѣ и мужъ. 2

4. Иванъ, прилуцкій судья; † 19 окт. 1724 г. бездѣтнымъ и погребенъ въ церкви Св. Троицы въ Густынскомъ монастырѣ. Женатъ на Софьѣ Кондратьевнѣ NN . . . 2

Отцевск. №

5. Федоръ, знатный войсковой товарищъ въ 1711 г., бунчуковый товарищъ; наказной полковникъ прилуцкій, потомъ гадяцкій; † около 1738 г. и похороненъ въ церкви Св. Николая въ с. Сорочинцахъ возлѣ г. Прилукъ. Женатъ на дочери переяславскаго полковника Тамары Екатеринѣ Степановнѣ (ея первый мужъ) 2

Анастасія, † 19 дек. 1729 г. и погребена въ Гамалѣевскомъ монастырѣ глуховскаго уѣзда. Замужемъ была за: 1) генеральнымъ бунчужнымъ Конст. Ив. Голубомъ (вторая его жена) и 2) за гетманомъ Ив. Ильич. Скоропадскимъ. 2

Ирина за бунчуков. товарищемъ Ст. Михайл. Миклашевскимъ, сыномъ полковника стародубскаго 2

Пелагея за Андр. Гонзеровскимъ, господаремъ (домоправителемъ) у гетмана Скоропадскаго. 2

Марина за Павл. Имшенецкимъ 2

Параскевія, † 4 марта 1730 г., за бунчук. товарищемъ Демьян. Якубовичемъ 2

Дочь, за И. Даровскимъ, господаремъ у гетмана Скоропадскаго (первая его жена), † 1721 г. 2

Дочь (?) 2

IV.

6. Яковъ; родился около 1696 г.; знатный войсковой товарищъ, потомъ бунчуковый товарищъ; наказной полковникъ лубенскій въ 1724—1725 г. и генеральный подскарбій въ отставкѣ съ 1762 г.; † 23 апр. 1770 г. и погребенъ въ с. Сварковѣ. Женатъ на: 1) дочери черниговскаго полковника Полуботка Еленѣ Павловнѣ, † 1745 г. и 2) Маріи Прохоровнѣ Митковичевой, по первому мужу Яворской, † 1790 г. 3

7. Андрей, бунчуковый товарищъ, † 4 февр. 1728 въ Ромнахъ; женатъ на дочери сумскаго полковника Кондратьева Аннѣ Ивановнѣ, † 1729. 3

8. Марко, бунчуковый товарищъ, † 1754 г. въ Москвѣ,

Отцевск. №

гдѣ и погребенъ въ церкви Ап. Петра и Павла. Женатъ на дочери стародубскаго эсаула Марфѣ Семеновнѣ Березовской, † 1779. 3

9. Лука, бунчуковый товарищъ, † до 1747 г. Жена его была во второмъ бракѣ за стародубскимъ полковникомъ Федор. Дмитр. Максимовичемъ 3

10. Семенъ, сотникъ роменскій, † 1738 г. въ Крыму. Женатъ на: 1) дочери ахтырскаго полковника Лесевицкаго Прасковіи Алексѣевнѣ, † 1730 г., и 2) дочери генер. хорунжаго Горленка Зиновіи Акимовнѣ (ея первый мужъ). 3

11. Иванъ, сотникъ роменскій въ 1742 г., потомъ обозный полковой лубенскій, † въ декабрѣ 1760 г. Женатъ на: 1) дочери господаря гадяцкаго замка, внучкѣ гетмана Апостола, Настасьи Ивановнѣ Ломиковской и 2) дочери полковника сумскаго Романова Марфѣ, его пережившей. 3

Елена (Олеся), † до 1747 г., замужемъ за Яким. Троцкимъ, наказнымъ полковникомъ миргородскимъ, † 1751 г. 3

12. Дмитрій, бунчуковый товарищъ, † не ранѣе 1751 г.; женатъ на дочери лубенскаго судьи Жуковскаго . . . 5

13. Андрей, бунчуковый товарищъ, а послѣ 1763 г. прилуцкій подкоморій; женатъ на дочери полтавскаго полковника Горленка Ульянѣ Андреевнѣ 5

14. Григорій, † до 1747 г. бездѣтнымъ 5

15. Василій, лейбъ гвардіи преображенскаго полка капитанъ лейтенантъ, † послѣ 1747 г., былъ женатъ 5

16. Михаилъ, бунчуковый товарищъ переяславскій, † не раньше 1743 и не позже 1747 г. бездѣтнымъ . . . 5

17. Иванъ, † до 1747 г.; женатъ на Евфросиніи Федоровнѣ Думитрашко Раичъ, † около 1761 г. 5

Марія за Ширяемъ. 5

V.

18. Семенъ р. 16 апр. 1725 г. † 1726 г. 6

19. Андрей р. 27 ноября 1735 г. † 10 апр. 1749 г. . 6

Отцовск. №

20. Сынъ р. 24 февр. 1737 г. † младенцемъ. 6
21. Михаилъ р. 18 апр. 1752 г., титулярный совѣтникъ въ 1797 г., † 18.. г. и погребенъ въ с. Сварковѣ; женатъ на дочери полковника Забѣлы Анастасіи Петровнѣ. 6
22. Гавріилъ р. 8 іюля 1753 г. † 30 іюля 1754 г. . . 6
Анна † 1757 г.; замужемъ за сыномъ стародубскаго полковаго обознаго Степан. Афан. Есимонтовскимъ . . 6
Пелагея † 1744 г.; замужемъ за сотникомъ лукомскимъ Степ. Пиковцемъ 6
Анастасія р. 1722 г. † 3 дек. 1724 г. 6
Анастасія р. 30 окт. 1749 г., за кролевецкимъ предводителемъ дворянства Н. И. Забѣлою, † не раньше 1783 г. 6
Анна р. 19 авг. 1754 г, † 6 ноября 1757 г. . . 6
Ирина р. 7 ноября 1757 г., † не раньше 1766 г. . 6
Марина р. 16 іюня 1759 г., † 8 дек. 1759 г. . . 6
23. Иванъ, батуринскій подкоморій, потомъ коропскій предводитель дворянства и надворный совѣтникъ; † между 1786 и 1797 г.; женатъ на дочери сотника Максимовича Наталіи Васильевнѣ, † 1783—1786 г. 7
Анастасія 7
Анна за Иваномъ Бѣлоровскимъ. 7
Ульяна за Лукьяновичемъ. 7
24. Андрей, бунчуковый товарищъ, † между 1756 и 1797 г., женатъ на Авдотьѣ Алексѣенковой 8
25. Иванъ р. 1733 г., умеръ во младенчествѣ 8
26. Маркъ умеръ во младенчествѣ 8
27. Іосифъ, въ 1797 г. надворный совѣтникъ и судья земскій роменскаго повѣта; † бездѣтнымъ 8
Дочь за сыномъ полковаго обознаго лубенскаго Иваномъ Ивановичемъ Кулябкою. 8
Анна, за войсковымъ товарищемъ Никол. Ив. Гамалѣею. 9
28. Иванъ р. 8 мая 1727 г., † 24 іюля 1750 г. бездѣтнымъ; женатъ на дочери котельвскаго сотника Іосифа Романовича Гнѣдича, его пережившей 10

Отцевск. №

29. Иванъ, бунчуковый товарищъ, потомъ коллежскій ассессоръ; умеръ между 1764 и 1797 г., былъ женатъ . . . 10
Варвара р. 4 дек. 1733 г. 10
Анна. 10
30. Андрей, въ 1797 г. арміи полковникъ; † бездѣтнымъ . 11
Дочь за отставнымъ маіоромъ Козьмою Андреевичемъ Полетикою 11
31. Константинъ, бунчуковый товарищъ; женатъ на Варварѣ NN 12
32. Иванъ, коллежскій ассессоръ; женатъ на Варварѣ Васильевнѣ Кулябкѣ Корецкой 12
33. Иванъ р. 1747 г., старшій совѣтникъ гражданскаго суда Новгородъ Сѣверскаго намѣстничества, † 1814 г.; женатъ на Елисаветѣ Васильевнѣ Кочубей 13
34. Владиміръ; былъ женатъ . , ... 13
Елена за Яковомъ Никитичемъ Мандрыкою 13
Праскевія за Дурново. 13
Анна за Максимовичемъ 13
35. Евграфъ р. 1746 г.; † молодымъ 15
36. Яковъ, переяславскій бунчуковый товарищъ съ 1767 г.; женатъ 2 раза: на Маріи Григорьевнѣ Иваненко и на Аннѣ Семеновнѣ Сулимѣ 17
Екатерина, за капитаномъ Петромъ Лукашевичемъ . . 17

VI.

37. Яковъ р. 16 окт. 1776 г.; въ 1797 г. былъ на службѣ; послѣ 1798 г. † въ С.-Петербургѣ молодымъ. . . . 21
38. Петръ р. 18 ноября 1782 г.; въ 1797 г. недоросль; † молодымъ. 21
39. Андрей р. 3 янв. 1785 г.; въ 1797 г. учился въ Морскомъ Корпусѣ въ С.-Петербургѣ, потомъ мичманъ, † 18.. г. въ с. Мечетѣ (пирят. у., полт. губ.); женатъ на Аннѣ Александровнѣ Иваненко 21
40. Александръ р. 24 авг. 1790 г.; въ 1797 г. недо-

VII.

Отцевск. №

63. Пармен, статскій совѣтникъ, предводитель дворянства глуховскаго уѣзда 1875—1888 г.; женатъ на Ульянѣ Семеновнѣ Трифановской 39
64. Борисъ; предводитель дворянства конотопскаго уѣзда въ 1880 г.; женатъ на Еленѣ Николаевнѣ Иваненко . . 39
Анастасія р. 20 янв. 1812 г., за А. М. Щербакомъ . 39
Екатерина р. 20 янв. 1812 г., за П. А. Шимковымъ. 39
Евдокія р. 27 февр. 1813 г.. за П. Пригарою. . . 39
Варвара р. 14 апр. 1816 г., за Витал. И. Лизогубомъ. 39
Софья за Павл. И. Рудановскимъ 39
65. Семенъ † не женатымъ 41
66. Иванъ, полковникъ, † бездѣтнымъ 41
67. Матвей, штабъ капитанъ въ отставкѣ, †; женатъ на дочери сосницкаго уѣзднаго предводителя дворянства Марьѣ Мойсеевнѣ Бобырь. 41
Пелагія 41
68. Илья р. до 1784 г., коллежскій секретарь, † до 1822 г.; женатъ на Ульянѣ Петровнѣ NN 52
Варвара за г. Дубровой 42
69. Василій р. 1780 г. (въ д. Яру); въ 1797 г. былъ на службѣ, коллежскій ассессоръ, †; женатъ на Еленѣ Леонтьевнѣ Керстичъ (?). 45
70. Дмитрій, прилуцкій уѣздный судья, †; женатъ на Надеждѣ Александровнѣ Марковичъ (дочери № 52). . . 47
71. Сергѣй † бездѣтнымъ; женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Милорадовичъ. 47
Софія за: 1) г. Стороженко и 2) Михаил. Алексѣев. Діаконовымъ. 47
72. Федоръ, прапорщикъ, †; былъ женатъ 48
73. Арсеній †, былъ женатъ 48
Варвара. 48
Варвара за Лаврентіемъ Андреевичемъ Раковичемъ . . 50
74. Спиридонъ †, женатъ на Матренѣ Степановнѣ Сулимѣ (ея первый мужъ) 51

		Отцевск. №
75.	Андрей, † молодымъ	51
76.	Василій, † молодымъ	51
	Варвара за г. Денисевскимъ	51
	Марія	51
	Анна за Павл. Ив. Данчичемъ	51
	Дарья за г. Бовеномъ	51
	Елисавета	51
	Наталья за Эразм. Жолкевскимъ	51
	Софья	51
	Надежда за Дмитріемъ Ивановичемъ Марковичемъ (№ 70)	
77.	Николай, служилъ въ военной службѣ, женатъ	53
78.	Владиміръ, былъ членомъ полтавской губернской земской управы	53
79.	Петръ; женатъ	53
80.	Александръ	53
	Александра за Ант. Вас. Танскимъ	53
	Софья	53
81.	Иванъ р. 1819 г., корнетъ въ отставкѣ, † 1854 г.; женатъ на Любови Александровнѣ Брежинской	54
82.	Николай, † молодымъ	54
83.	Владиміръ, † молодымъ	54
84.	Константинъ; служилъ въ военной службѣ, затѣмъ членомъ прилуцкой межевой конторы и въ одесской городской полиціи; † не женатымъ.	54
	Варвара за Ананіемъ Иван. Брежинскимъ	54
	Елисавета за Викторомъ Васил. Новицкимъ	54
85.	Николай, р. 26 янв. 1804 г., историкъ, † 9 іюля 1860 г., женатъ на Ульянѣ Александровнѣ Ракович	55
86.	Михаилъ, р. 1808 г., прилуцкій уѣздный предводитель дворянства, †; женатъ на Екатеринѣ Васильевнѣ Лобысевичъ	55
	Елисавета за дѣйств. стат, сов. Вас. А. Хелмскимъ	55
	Евдокія за генер. маіор. Афанас. Ив. Фрицомъ	55

X.

Гербъ рода Марковичей помѣщенъ въ общемъ гербовикѣ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи Ч. VII, 2 отдѣл., стр. 170.

Почему Марковичи имѣютъ именно этотъ гербъ, не зналъ уже въ 1797 г. Іосифъ Марковичъ, который заявлялъ: а по какому праву и случаю присвоенъ (гербъ этотъ Марковичамъ), по древности покрыто неизвѣстностью. Роменскій маршалъ Андрей Полетика и другіе чиновные роменцы тоже засвидѣтельствовали, что гербъ этотъ издавна употреблялся и употребляется фамиліей Марковичей. Изъ дѣлъ, находящихся въ Департаментѣ Герольдіи, видно, что показаніе это совершенно справедливо. Не былъ ли этотъ гербъ данъ Андрею Марковичу (№ 3) въ 1736 г. при пожалованіи его дворянствомъ? Какъ бы то ни было, но Іосифъ Марковичъ представилъ гербъ своего рода въ 1798 г. въ Герольдію, хлопоча о внесеніи рода Марковичей въ гербовникъ, чего, какъ видно, и достигъ.

Намъ однако стало извѣстно, что нѣкоторые Марковичи, нашего же рода, употребляютъ и другіе гербы; чаще всего это лебедь— гербъ западно-русскихъ Маркевичей, и смѣшеніе здѣсь понятно; но употребляются и иные совершенно необъяснимые гербы.

Родъ нашъ писался прежде Марковичи; но потомъ нѣкоторыя семейства стали писаться Маркевичи, можетъ быть по сходству съ тѣми Маркевичами, которые жили въ западной Руси, были католики и произносили свою фамилію Маркéвичи. Есть извѣстіе, что впервые сталъ писаться Маркевичемъ Иванъ Андреевичъ (№ 33), и это очень вѣроятно, такъ какъ Маркевичемъ писался и внукъ его, историкъ Николай Андреевичъ Маркевичъ. Такъ писались до послѣдняго времени и его сыновья, изъ которыхъ старшій, сенаторъ Андрей Николаевичъ, недавно возстановилъ съ Высочайшаго разрѣшенія для своей семьи право писаться Марковичами. По авторитету историка Маркевичами стали писаться и иные Марковичи, въ томъ числѣ и мой отецъ, очень близкій къ покойному историку человѣкъ, а затѣмъ такъ пишетъ себя и слѣдующее поколѣніе Марковичей—уже

имѣющихъ въ русскомъ языкѣ тенденцію переходить одна въ другую. Но иные нашего же рода по прежнему пишутся Марковичами.

Впрочемъ, въ западной Руси и вообще въ Рѣчи Посполитой были не только Марковичи, но и Марковичи—см. далѣе въ приложеніи.

Примѣчанія къ родословной Марковичей.

Настоящая родословная составлена нами главнымъ образомъ на основаніи различныхъ бумагъ рода Марковичей (Маркевичей), предоставленныхъ въ наше распоряженіе, какъ нѣкоторыми членами этой фамиліи, такъ и иными лицами. Въ этомъ отношеніи особенную важность имѣютъ слѣдующіе акты: а) Копія съ родословной Марковичей старшей линіи (отъ Андрея Марковича — № 3 нашей родословной), поданной однимъ изъ членовъ этого рода Іосифомъ Марковичемъ (№ 27) 1797 г. декабря 15-го въ земскій судъ роменскаго повѣта. Составитель родословной могъ хорошо знать своихъ близкихъ родичей, жившихъ около половины XVIII в.; отъ нихъ онъ могъ имѣть свѣдѣнія и о такихъ родичахъ, которые жили нѣсколько раньше; тѣмъ болѣе, что составитель родословной, какъ сказано будетъ ниже, своимъ родомъ интересовался. Впрочемъ, онъ не помѣстилъ въ родословную нѣкоторыхъ, извѣстныхъ намъ изъ другихъ источниковъ, своихъ родичей — Марковичей первой половины XVIII в., даже родныхъ братьевъ, умершихъ въ молодыхъ лѣтахъ. Копія, о которой мы говоримъ, сохранилась въ фамильныхъ бумагахъ почетнаго мироваго судьи роменскаго уѣзда К. П. Лукьяновича; ее прислалъ нѣкогда одинъ изъ Лукьяновичей другому въ образецъ для составленія родословной Лукьяновичей, которые были родственниками Марковичей (см. въ нашей родословной, дочь № 7); б) Духовное завѣщаніе Федора Марковича (№ 5) 1737 года и в) уступочное письмо его вдовы дѣтямъ на различныя имѣнія 1747 года. Копіи съ этихъ двухъ документовъ сохранились у переяславскаго мироваго судьи И. И. Марковича (№ 129), отъ котораго мы получили и другія его фамильныя бумаги, возстано-

вляющія родословную Марковичей, происходящихъ отъ одного изъ сыновей Федора Марковича—Ивана (№ 17 въ нашей родословной).

Многія свѣдѣнія о родѣ Марковичей, относящіяся къ первой половинѣ XVIII в. и даже къ концу XVII в., собраны въ статьѣ А. М. Лазаревскаго: Марковичи, напечатанной въ журналѣ „Кіевская Старина" за 1884 г. № 1; причемъ авторъ заимствовалъ данныя преимущественно изъ Дневныхъ записокъ малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича (Москва, 1859 г., два тома), хотя и не воспользовался всѣмъ находящимся въ этихъ записках о родѣ Марковичей матерьяломъ, который можетъ еще пополниться, когда Записки Якова Марковича (№ 6) будутъ изданы полностью въ томъ видѣ, какъ онѣ сохранились. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Марковичахъ находятся и въ статьѣ П. Я. Дорошенка: Два письма историка Н. Ан. Маркевича (№ 85), напечатанной тоже въ „Кіевской Старинѣ" за 1885 г. № 12. Авторъ статьи располагаетъ однако еще и иными данными, добытыми имъ изъ фамильныхъ бумагъ тѣхъ Марковичей, потомковъ Якова Марковича (№ 6), которые владѣли селомъ Сварковымъ, глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи. Нѣкоторыя свѣдѣнія были любезно сообщены намъ г. Дорошенкомъ и мы воспользовались ими для настоящей родословной.

Затѣмъ мы разсмотрѣли тѣ дѣла о Марковичахъ-Маркевичахъ, которыя находятся въ Архивѣ Департамента Герольдіи, и извлекли изъ нихъ много родословныхъ показаній; въ большинствѣ случаевъ дѣла эти заключаются въ томъ, что различные Марковичи (Маркевичи) доказываютъ свое дворянское происхожденіе съ цѣлью поступленія въ военную службу. Ходатайства ихъ всегда бывали настолько основательны и подкрѣплены документами, что увѣнчивались успѣхомъ; причемъ курьезно то, что Марковичи одного и того же рода попадали въ различныя части родословной книги— I, II и VI.

Къ сожалѣнію мы не пользовались дворянскими родословными книгами, хранящимися въ Черниговѣ и Полтавѣ, т. е. въ губернскихъ городахъ тѣхъ губерній, гдѣ почти исключительно жили

Марковичи, родословная которыхъ нами печатается; но мы не думаемъ, чтобы мы нашли тамъ что либо новое, такъ какъ считаемъ родословную этихъ Марковичей достаточно выясненною.

Еще о кое какихъ актахъ, откуда заимствованы нами отдѣльныя показанія о родѣ Марковичей, будемъ говорить въ примѣчаніяхъ къ этимъ показаніямъ.

Пользовались мы, сверхъ записокъ Якова Марковича (№ 6) и указанныхъ выше статей А. М. Лазаревскаго и П. Я. Дорошенка, еще нѣкоторыми печатными источниками: напр., дневникомъ Ханенка, историко-статистическимъ описаніемъ черниговской епархіи архіеп. Филарета, историко-статистическимъ описаніемъ роменскаго Святодуховскаго собора, сост. И. Ал. Курловымъ (Ромны), и др., указанными въ своемъ мѣстѣ. Ожидаемъ сообщенія о Марковичахъ, если не новыхъ, то болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній въ начавшемся издаваться Описаніи Старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго; впрочемъ, въ недавно появившемся 1-мъ томѣ заключающемъ описаніе стародубскаго полка, свѣдѣній о Марковичахъ найдено нами немного.

Родословная Марковичей, довольно обстоятельная и доведенная почти до настоящаго времени, напечатана въ Родословной книгѣ, изданной Русской Стариной въ 1873 г. т. I, стр. 225 и слѣд., безъ указанія источника, откуда она заимствована. Эта родословная весьма невѣрна и не полна, въ чемъ легко можно убѣдиться, сличивъ ее съ печатаемою нынѣ, основанною на документальныхъ данныхъ. Но мы не рѣшились исключить нѣсколькихъ ея показаній, относительно которыхъ въ актахъ не нашли ни потвержденія, ни отрицанія, такъ какъ намъ кажется, что родословная изд. Русскою Стариною, заимствована изъ бумагъ историка Н. Ан. Марковича, который могъ располагать свѣдѣніями, у насъ не находящимися, напр. заимствованными изъ дворянской родословной книги черниговской, или полтавской губерніи.

Наконецъ свѣдѣнія о современныхъ Марковичахъ внесены нами на основаніи или личнаго знакомства, или показаній самихъ же Марковичей, конечно, своихъ ближнихъ родныхъ хорошо знающихъ.

Мы помѣстили № 1 Авраама Марковича, какъ лицо, отъ котораго несомнѣнно произошли исторически извѣстные малорусскіе Марковичи; но болѣе чѣмъ вѣроятно, что къ тому же самому роду относится и еще нѣсколько извѣстныхъ намъ малорусскихъ Марковичей XVII в.., напр. жившій въ Прилукѣ въ 1615 г. Якубъ Маркевичъ, давшій, вмѣстѣ съ нѣсколькими благородными православными панами, рекомендательную грамоту настоятелю Густынскаго монастыря Исаѣ Копинскому къ князю Вишневецкому (Лѣт. мон. Густынск. стр. 8); причемъ изъ контекста видно, что Якубъ Маркевичъ самъ паномъ не былъ; вѣроятно, онъ былъ лицомъ, служившимъ у кн. Вишневецкаго. Затѣмъ извѣстенъ Адамъ Марковичъ, урядникъ прилуцкій въ 1638 г., по всей вѣроятности, сынъ предшествующаго, судя по близкимъ его отношеніямъ къ кн. Вишневецкому, именемъ котораго онъ и распорядился съ Густынскимъ монастыремъ (Акты относ. къ истор. Южн. и Зап. Россіи т. III, стр. 6—7). Очень возможно, что Адамъ Марковичъ, угождая кн. Вишневецкому, сталъ уніатомъ, или даже католикомъ (Якубъ Маркевичъ былъ, конечно, православнымъ); а потомки его снова вернулись въ православіе, каковое ихъ поведеніе и не осталось безъ вліянія на образованіе разсказа о перекрещенствѣ Марковичей, о которомъ будемъ говорить далѣе.

Свѣдѣній объ Авраамѣ Марковичѣ (№ 1) нѣтъ; но соображенія о немъ см. въ статьѣ П. Я. Дорошенка (стр. 697); то, что сообщено объ Авраамѣ Марковичѣ въ Родословной изд. Русскою Стариною, есть лишь догадка ея составителя.

О Маркѣ Авраамовичѣ (№ 2) см. въ статьяхъ Лазаревскаго и Дорошенка. Изъ духовнаго завѣщанія сына его Федора Марковича (№ 5) можно заключить, что отецъ его жилъ въ с. Сорочинцахъ возлѣ г. Прилукъ.

О сестрѣ Марка Авраамовича Бендычкѣ см. у Дорошенка. Не знаемъ, были ли у нея наслѣдники, но такая фамилія не встрѣчается въ Прилукщинѣ, а въ числѣ имѣній, которыми, судя по уступочному письму вдовы Ф. Маркевича (№ 5), владѣлъ этотъ Марковичъ, племянникъ Бендычки, былъ и хуторъ Бендзиковскій.

Библейскія имена первыхъ извѣстныхъ Марковичей: Авраамъ, Маркъ, жизнь ихъ въ Прилукщинѣ, погребеніе Марка Авраамовича (и сына его Ивана—№ 4) въ Густынскомъ монастырѣ, имъ обогащенномъ—все это, по нашему мнѣнію, не можетъ не считаться достаточнымъ доказательствомъ принадлежности этихъ Марковичей къ одному роду съ названными выше Якубомъ и Адамомъ Марковичами; и мы полагаемъ, что Авраамъ Марковичъ скорѣе всего былъ сыномъ Адама Марковича. Библейскія имена, какъ увидимъ ниже, продолжаются въ родѣ Марковичей и далѣе.

Андрей Марковичъ (№ 3)—лицо достаточно извѣстное; см. о немъ хоть у Лазаревскаго въ статьѣ о Марковичахъ; нѣкоторыя новыя свѣдѣнія см. въ Опис. Стар. Малор. вып. I, стр. 261—262; съ Андрея Марковича начинается родословная 1797 г. (см. выше). О смерти жены Андрея Марковича см. записки Як. Марковича II, 195. Въ Истор. стат. опис. ром. Св. Дух. Собора жена Андрея Марковича названа Мароою Семеновною, урожд. Столповскою; но это ошибка—см. ниже.

Объ Иванѣ Марковичѣ (№ 4) тоже см. у Лазаревскаго и Дорошенка; о смерти его Зап. Як. Марк. I, 49. Онъ былъ бездѣтенъ и жена, его пережившая, получила весьма значительное движимое имущество—ibid. 51; недвижимыя же имѣнія перешли къ роднымъ; изъ завѣщанія брата его Федора Марковича (№ 5) знаемъ, что Иванъ Марковичъ подарилъ ему нѣкоторыя имѣнія еще при жизни. Имя жены Ивана Марковича указано намъ г. Дорошенкомъ, причемъ онъ считаетъ Софію Кондратьевну второю женою, а первою называетъ Евфросинію Федоровну Думитрашко-Раичъ; но это ошибка—см. ниже. Въ статьѣ о Марковичахъ г. Дорошенко тоже Е. Ф. Думитрашко называетъ женою этого Ивана Марковича и говоритъ, что она похоронена въ Густынскомъ монастырѣ; вѣроятно послѣднее извѣстіе надо отнести къ Софіѣ Кондратьевнѣ. Въ родословной 1797 г. Ивана Марковича нѣтъ, такъ какъ она спеціально приводитъ лишь поколѣніе Андрея Марковича.

О Федорѣ Марковичѣ (№ 5) тоже см. у Лазаревскаго и Дорошенка, равно и любопытныя свѣдѣнія у Лучицкаго Сборникъ

матерьяловъ для исторіи общественныхъ земель и угодій въ лѣвобережной Украинѣ № XIII, стр. 139—149. Родословная 1797 г. и о немъ, конечно, не упоминаетъ. Въ родословной Русск. Стар. Федоръ Марковичъ показанъ старшимъ сыномъ Марка Авраамовича; но это явная ошибка: онъ именно былъ младшій сынъ; см. у Лазаревскаго, узнавшаго объ этомъ изъ духовнаго завѣщанія Ф. Марковича. Изъ духовнаго завѣщанія видно, что хотя братья и сестры обобрали Федора Марковича, но ему достался отцовскій домъ въ Сорочинцахъ, гдѣ онъ и жилъ въ „великомъ будынку". Еще до смерти отца Ф. Марковичъ получилъ нѣкоторыя земли отъ него и отъ своего тестя Тамары. Такъ въ самый годъ женитьбы онъ купилъ у Семена Забѣлы хуторъ возлѣ с. Туровки (прилуцкаго у. полтавск. губ.), гдѣ и построилъ для себя дворъ. Послѣ смерти отца, когда Ф. Марковичъ былъ обобранъ, по его словамъ, братьями и сестрами, ему снова помогли родные его жены; на ея деньги прикуплено было много всякихъ угодій; затѣмъ многіе мелкіе грунты, лѣса и пр. нажиты были Ф. Марковичемъ совмѣстно съ женою; иные подарилъ ему братъ—Иванъ Марковичъ; такъ что у Ф. Марковича были огромныя имѣнія, разсыпанныя по всему нынѣшнему прилуцкому уѣзду, а частью находившіяся въ пирятинскомъ (въ м. Журавкѣ), переяславскомъ (въ м. Яготинѣ), нѣжинскомъ (въ м. Монастырищахъ), борзенскомъ (около м. Ични) и др. уѣздахъ полтавской и черниговской губерній. Въ 1737 г. 21 ноября Ф. Марковичъ написалъ обширную духовную, гдѣ перечислилъ всѣ свои имѣнія, разсказавъ и о способахъ ихъ пріобрѣтенія, и всѣ оставилъ во владѣніе жены, отъ воли которой зависѣло такъ или иначе надѣлить ими дѣтей. Умеръ онъ вѣроятно вскорѣ послѣ этого; по словамъ уступочнаго письма его жены онъ составилъ свое завѣщаніе, будучи въ крайней смертной слабости здоровья своего; притомъ 20 апрѣля 1741 г. его вдова, представившая его завѣщаніе къ утвержденію въ переяславскую полковую канцелярію, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Александромъ Саковичемъ. Хотя Екатерина Степановна вышла замужъ еще до 1712 г., т. е. до смерти свекра, и въ 1737 г. одинъ изъ сыновей ея былъ уже на само-

стоятельномъ хозяйствѣ и женатъ (см. ниже), но все же она, повидимому, осталась по смерти мужа женщиною не старою, такъ какъ въ 1737 г. у нея была еще несовершеннолѣтняя дочь. Уступочное письмо Екатерины Степановны показываетъ, что она въ 1747 г. жила въ с. Туровкѣ; грамотѣ она не умѣла. Федоръ Марковичъ въ завѣщаніи 21 ноября 1737 г. приказалъ похоронить себя рядомъ съ братомъ Иваномъ въ церкви св. Тройцы въ Густынскомъ монастырѣ, но потомъ передумалъ и приписалъ въ P. S., чтобы его похоронили въ склепѣ въ приходской церкви св. Николая въ с. Сорочинцахъ, ибо, какъ онъ выразился: не мѣстце человѣка святитъ, но человѣкъ мѣстце. Вѣроятно, это его желаніе было исполнено.

Лазаревскій въ статьѣ о Марковичахъ говоритъ, что у Марка Аврамовича (№ 2), кромѣ Андрея, Ивана и Федора было, кажется, еще 2 сына. Повидимому это мнѣніе основывается на показаніи духовной Ф. Марковича, что послѣ смерти его отца его имѣніе было раздѣлено на 10 частей; а такъ какъ у Марка Аврамовича извѣстно было 5 дочерей, то отсюда выводъ—что у него было и 5 сыновей. Но, неговоря уже о томъ, что фактъ раздѣла имѣнія Марка Аврамовича на 10 частей самъ по себѣ еще не обозначаетъ, чтобы было у него 10 дѣтей, такъ какъ одну или двѣ части могли взять и иные родичи, изъ которыхъ даже упоминается, какъ попользовавшаяся пожитками дѣда, внучка Марка Аврамовича, дочь его дочери, бывшей за Голубомъ (см. ниже), сама бывшая замужемъ за Чарнышомъ; одну часть могъ взять себѣ швагеръ Марка Аврамовича Михаилъ Ограновичъ, принимавшій, какъ видно изъ духовной Федора Марковича, участіе въ раздѣлѣ имѣній Марка Аврамовича,—во всякомъ случаѣ, даже допустивши, что у послѣдняго было 10 дѣтей, приходится принять, что дочерей было семь, а сына только три. Свѣдѣнія о дочеряхъ Марка Авраамовича сохранились случайныя и даже нѣсколько сбивчивыя; въ духовномъ завѣщаніи Ф. Марковича упоминается напр. всего двѣ сестры: Скоропадская (въ 1-мъ бракѣ за Голубомъ) и Гонзеровская. Тогда какъ въ этой духовной постоянно говорится только о 3-хъ братьяхъ; напр. хуторъ возлѣ Рудовки дѣлится на три части: одна достается Андрею, другая Ивану, третья

Федору. Млыны въ м. Журавкѣ раздѣляются на 2 части между Андреемъ и Федоромъ, а Иванъ вмѣсто своей части беретъ изъ отцовскихъ денегъ 1000 золотыхъ монеты доброй. Вообще Федоръ Марковичъ постоянно говоритъ въ своей духовной о братьяхъ, но только объ Андреѣ и о покойномъ Иванѣ; очевидно другихъ у него и не было. Младшими, чѣмъ онъ, эти воображаемые братья быть не могли, такъ какъ видно, что Федоръ былъ самый младшій сынъ, почему и сѣлъ на отцовскомъ гнѣздѣ; умереть послѣ 1712 г. особенно молодыми они тоже не могли, ибо въ это время Федоръ Марковичъ, самый младшій, былъ уже женатъ и имѣлъ свое собственное хозяйство.

Одно мѣсто записокъ Якова Марковича могло бы быть истолковано такимъ образомъ, что у него былъ дядя Андрей—см. I, 433: слышно намъ, что дядько нашъ роменскій Андрей преставился. Но здѣсь авторъ записокъ называетъ дядькомъ Андрея Гонзеровскаго, мужа своей родной тетки; ср. II, 14: рано поѣхали.... до дяди Стефана Миклашевскаго, т. е. мужа другой родной тетки.

Имена дочерей Марка Аврамовича, кромѣ одной, существованіе которой можно допустить лишь на основаніи показанія духовной Федора Марковича и имени которой мы не знаемъ (см. выше), и ихъ мужей видны изъ записокъ Якова Марковича; см. у Лазаревскаго и Дорошенка. Что одна изъ дочей была за Даровскимъ см. въ Опис. стар. полка стр. 352. Дорошенко приводитъ указаніе историка Н. Ал. Марковича, что одна изъ дочерей Марка Аврамовича была замужемъ за наказнымъ гетманомъ Павломъ Полуботкомъ; но это ошибка, сдѣланная историкомъ, какъ это видно изъ письма, приведеннаго Дорошенкомъ, потому, что онъ писалъ по памяти, не справляясь съ источниками, которыхъ у него въ то время не было подъ руками. Тутъ же Н. Ал. Марковичъ надѣлалъ и еще ошибокъ и, конечно, по той же самой причинѣ. На дочери этого Полуботка былъ женатъ извѣстный авторъ записокъ Яковъ Андреевичъ Маркевичъ (№ 6).

Невѣрно и указаніе родословной, изд. Русской Стариной, что одна изъ дочерей Марка Аврамовича была за Андр. Гудовичемъ; сынъ этого Гудовича—Василій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ

Даровскаго урожденной Нос—см. Опис. стар. пол. стр. 353, а потомъ на внучкѣ Марка Аврамовича—Маріи Миклашевской, см. Зап. Як. Марк. II, 297 и 391.

Яковъ Андреевичъ (№ 6)—извѣстный авторъ записокъ, гдѣ, конечно, заключаются важнѣйшія о немъ свѣдѣнія; см. и статью Лазаревскаго. Затѣмъ много извѣстій о немъ разсыпано въ Кіевской Старинѣ, гдѣ ихъ легко найти по указателямъ собственныхъ именъ, и въ Истор. стат. опис. черн. епархіи. О смерти его первой жены см. его Записки II, 221; потомъ Яковъ Андреевичъ чуть было не женился на Танской, даже обручился съ нею (ibid. 258); о времени смерти второй жены см. Ист. ст. оп. черн. епархіи VII, стр. 299. У второй жены Якова Андреевича мать тоже была во второмъ бракѣ—за генеральн. судьею Федоромъ Лысенкомъ (Зап. II, 261 и 290). Въ Ист. ст. опис. черн. еп. V, стр. 388 упомянута Марія Марковичева подскарбіева генеральная въ 1713 г.; но здѣсь въ годѣ явная опечатка и видно, что рѣчь идетъ о женѣ Як. Андр. Марковича.

Остальныя дѣти Андрея Марковича (№ 7—11) въ печати извѣстны менѣе Якова Андреевича, хотя о нихъ есть достаточно свѣдѣній въ запискахъ послѣдняго; къ сожалѣнію авторъ не сообщаетъ даже порядка ихъ старшинства; въ нашей родословной мы держимся порядка, указаннаго въ родословной 1797 г., такъ какъ очень вѣроятно, что Іосифъ Марковичъ (№ 27) хорошо зналъ порядокъ старшинства своихъ дядей; притомъ въ такомъ же порядкѣ дѣти Андрея Марковича постепенно являются на службѣ, какъ это видно изъ записокъ Якова Марковича.

О смерти Андрея Андреевича (№ 7) см. Зап. Як. Марк. I, 271; о смерти его жены ibid. 335; она умерла въ с. Будкахъ, которыми, вѣроятно, владѣла.

Маркъ Андреевичъ (№ 8) жилъ въ Стародубѣ, но умеръ въ Москвѣ (Зап. Як. Марк. II, 324), о женѣ его—Марфѣ Семеновнѣ урожденной Березовской—ibid. I, 353, 357, II, 386. Объ этой семьѣ часто упоминается и въ Дневникѣ Ханенка (о вдовѣ Марка Андреевича на стр. 507); послѣ смерти Марка Андреевича вдова его жила въ с. Засульи около г. Роменъ.

Въ Ист. ст. опис. роменск. Святодуховск. собора, составл. И. Ал. Курловымъ, стр. 30 и д. говорится, что въ Ромнахъ жила богатая помѣщица Марфа Семеновна Марковичъ, жена генеральн. обознаго Андрея Марковича, дочь полковаго лубенскаго хорунжаго Семена Столповскаго, родной братъ котораго Степанъ Столповскій былъ настоятелемъ Успенскаго собора въ Ромнахъ. Авторъ сообщаетъ даже нѣкоторыя подробности о роменскомъ домѣ этой Марфы Семеновны Марковичъ. Умерла она въ 1779 г. и погребена въ своемъ же с. Засульи, возлѣ Роменъ, въ Троицкой церкви, постройкѣ которой она много содѣйствовала; она имѣла сына—Андрея.

Не трудно доказать, что у генеральнаго обознаго Андрея Марковича жены Марфы Семеновны не было. Онъ овдовѣлъ въ 1743 г., когда имѣлъ около 70 лѣтъ; къ тому же фактъ вторичной женитьбы отца несомнѣнно былъ бы занесенъ въ записки сына—Якова Андреевича; да и вообще Андрей Марковичъ былъ лицомъ очень важнымъ въ свое время и біографія его хорошо извѣстна. Очевидно, авторъ описанія просто ошибся, хотя и пользовался рукописными источниками, хранящимися въ роменскихъ церквахъ и въ архивѣ роменской городской думы. Возможно, что, найдя указанія въ своихъ источникахъ о пожертвованіяхъ на церкви въ Ромнахъ жены генер. обознаго Андрея Марковича, которая тоже жила въ Ромнахъ, онъ и смѣшалъ ее съ другою благотворительницею, Марфою Семеновною Марковичъ, ему лучше извѣстною.

Не сомнѣваемся, что эта послѣдняя должна считаться вдовою Марка Андреевича Марковича, которая тоже называлась Марфою Семеновною, жила въ половинѣ XVIII в. въ с. Засульи и имѣла сына Андрея. Существованіе въ с. Засульи одновременно двухъ Марфъ Семеновнъ Марковичъ, да еще имѣвшихъ сыновей Андреевъ, очень трудно допустимо. Но мы не умѣемъ согласить извѣстія, что Марфа Семеновна была урожденная Березовская съ обстоятельнымъ показаніемъ Курилова, заимствованнымъ, судя по точности, изъ писаннаго источника, что она была дочь Столповскаго, лица въ свое время очень извѣстнаго (см. о немъ Кіевск. Стар. 1888 г. № 9, Теличенко: Очеркъ кодификаціи малоросс. права, passim).

Что знаніе родословія Марковичей у Г. Курилова не безошибочно, видимъ изъ упоминаемаго имъ сына генеральнаго обознаго Андрея Марковича и названной выше Марфы Семеновны—Андрея же, полковника, жившаго въ Ромнахъ въ самомъ концѣ XVIII в. Полковникъ Андрей Марковичъ въ концѣ XVIII в. въ Ромнахъ дѣйствительно жилъ (№ 30 нашей родословной); онъ былъ живъ въ 1797 г. во время подачи Іосифомъ Марковичемъ родословной; но это былъ внукъ генеральнаго обознаго Андрея Марковича, сынъ Ивана Андреевича (№ 11), того самого сотника роменскаго, который упоминается г. Куриловымъ на стр. 76 его Описанія и у котораго 2-ая жена, его пережившая, тоже называлась Марфа, хотя была урожденная не Столповская, а Романова; притомъ Иванъ Андреевичъ былъ тоже обозный, только не генеральный, а лубенскій полковой, и вдова его въ зап. Як. Марковича наз. панею обозною (II, 375, 394). Не былъ ли Романовъ, сумской полковникъ, родственникомъ Столповскаго? У генеральнаго обознаго Андрея Марковича (№ 3) былъ однако сынъ Андрей (№ 7), дядя полковника; онъ умеръ въ Ромнахъ въ 1728 г. и могъ при жизни что либо для роменскихъ церквей сдѣлать. Въ довершеніе всего и у Марфы Семеновны Марковичъ былъ дѣйствительно сынъ Андрей, по отчеству Марковичъ, жившій въ Ромнахъ (№ 24,—старшій братъ Іосифа Марковича). Очевидно, что обиліе Андреевъ Марковичей въ Ромнахъ въ XVIII в. сбило составителя описанія и онъ не разобрался въ имѣвшихся у него свѣдѣніяхъ; тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ указанномъ нами примѣрѣ онъ легко могъ отчество Марковичъ принять за фамилію Марковичъ. Во всякомъ случаѣ будемъ ему благодарны за сообщеніе нѣкоторыхъ новыхъ свѣдѣній о родѣ Марковичей.

О смерти Луки Андреевича (№ 9) см. у Лазаревскаго; о женѣ его знаемъ изъ архивнаго дѣла о Марковичахъ, о которомъ сейчасъ скажемъ.

О смерти Семена Андреевича (№ 10) см. зап. Як. Андр. II, 48; о первой его женѣ—ibid. 72 (ср. 65) и 351 (умерла въ Ахтыркѣ); о второй женѣ ibid. 376. Изъ духовной Федора Марковича видно, что Семенъ Андреевичъ жилъ въ Журавкѣ, нынѣ мѣстечко пирятинск. у., полтавск. губ.

Объ Иванѣ Андреевичѣ (№ 11) см. зап. Як. Марк. II, 350 и 370; о первой женитьбѣ его ibid. I, 399, 416; тоже Кіевск. Стар. 1886 г. № 1, стр. 10; о второй женитьбѣ зап. Як. Марк. II, 32; о вдовствѣ его жены—ibid II, 375, 394.

О бракѣ Олеси Андреевны съ Троцкимъ ibid. I, 356 и 363; о смерти ея ibid. II, 244; ея мужа ibid. 238. Изъ разныхъ мѣстъ дневника Як. Андреевича видно, что у автора была всего одна сестра.

Нѣсколько свѣдѣній о Марковичахъ, дѣтяхъ Андрея Марковича (№ 3), стало намъ извѣстно изъ доставленнаго Ал. А. Андріевскимъ дѣла $175^4/_5$ г., находящагося въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія, слѣдующаго содержанія:

Село Короваи, лубенскаго полка, пирятинскаго повѣта, сперва принадлежало Свѣчкамъ, а потомъ въ 1720 г. отъ Лукьяна Свѣчки, повидимому не безъ насилія, перешло къ Андрею Марковичу (Кіевск. Стар. 1882 г. № 8, Лазаревскій: Свѣчки, стр. 255 и слѣд.). Когда онъ дѣлилъ свои имѣнія между сыновьями, то формальнаго раздѣла не учинилъ, а лишь отдалъ каждому предназначенный ему участокъ, и с. Короваи досталось дѣтямъ уже умершаго Семена Андреевича (№ 10), которыхъ обоихъ звали Иванами, (№№ 28 и 29). Тогда одинъ изъ Свѣчекъ, кажется, двоюродный внукъ Лукьяна Свѣчки, оттягалъ у Ив. С. Марковича (№ 28) часть с. Короваевъ. Впрочемъ, онъ притязаніе свое объявилъ еще въ 1743 г. ко всѣмъ наслѣдникамъ Андрея Марковича, а отвѣчалъ одинъ Иванъ Семеновичъ. Въ 1754 г. дочери Лукьяна Свѣчки уступили свое право на остальную часть с. Короваевъ Ильѣ Милорадовичу, который и началъ процессъ съ Ив. С. Марковичемъ (№ 29), сославшимся тогда на то, что онъ не одинъ наслѣдникъ Андрея Марковича, почему отвѣтчиками должны быть всѣ сонаслѣдники. Ихъ спросили; они отказывались отъ отвѣта, на томъ основаніи, что Ив. С. Марковичъ (№ 28) самъ владѣлъ с. Короваями, самъ и потерялъ одну ихъ часть. Чѣмъ окончилось дѣло—не видно.

Свѣдѣній о дѣтяхъ Федора Марковича (№ 5) имѣемъ весьма немного, такъ какъ Яковъ Андреевичъ Марковичъ жилъ отъ нихъ

довольно далеко (они жили въ Прилукщинѣ), встрѣчался съ ними, особенно въ послѣдніе годы, не часто и почти не упоминаетъ о нихъ въ своихъ запискахъ, по крайней мѣрѣ въ напечатанной ихъ части. По родословной изд. Русской Стариной у Ф. Марковича было 6 сыновей; въ уступочномъ письмѣ ихъ матери названо три: Дмитрій, Андрей и Василій, и сверхъ того говорится о наслѣдникахъ покойнаго сына Ивана; но еще два сына Ф. Марковича: Михаилъ и Григорій, указанные родословной изд. Р. Стариною, могли умереть до 1747 г., когда составлено было уступочное письмо, не оставивъ наслѣдниковъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что о Михаилѣ Федоровичѣ Марковичѣ свѣдѣнія есть (см. ниже); поэтому мы внесли въ родословную и Григорія Федоровича.

Порядокъ сыновей Федора Марковича опредѣлить трудно: совершенно ясно, что Дмитрій былъ старше Андрея, Василія и Ивана; изъ духовной Ф. Марковича видно, что сынъ его Дмитрій въ 1737 г. уже имѣлъ собственное хозяйство; тогда какъ братья его еще таковаго не имѣли; женился Дмитрій еще въ 1731 г.; въ поступномъ письмѣ матери порядокъ сыновей всегда одинаковъ: Дмитрій, Андрей, Василій; Дмитрію отданъ былъ отцовскій дворъ въ Сорочинцахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, и жилъ, такъ какъ мать его жила въ с. Туровкѣ. Затѣмъ изъ поступнаго письма видно, что Андрей былъ старше Василія; причемъ въ 1747 г. Андрей уже имѣлъ самостоятельное хозяйство тоже въ с. Туровкѣ. Можно еще сдѣлать предположеніе, что Иванъ былъ изъ младшихъ сыновей, такъ какъ имѣнія, назначенныя его наслѣдникамъ, малолѣтнимъ въ 1747 г., были расположены вмѣстѣ съ имѣніями, назначенными Василію; тогда какъ Дмитрій и Андрей получили имѣнія, лежащія въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, но не тамъ, гдѣ были имѣнія Василія и наслѣдниковъ Ивана. Что же касается до Григорія и Михаила, то, какое мѣсто занимали они среди братьевъ, опредѣлить пока не возможно, и мы поставили ихъ все же нѣсколько придерживаясь порядка родословной изд. Р. Стариною. Въ родословной 1797 г. и эти Марковичи, конечно, не помѣщены.

О Дмитріѣ Федоровичѣ (№ 12) см. выше, также зап. Як. Марк. I, 367 (женитьба его) и Дневн. Ханенка стр. 477.

Объ Андреѣ Федоровичѣ (№ 13) см. выше; кое что о немъ еще сообщимъ далѣе.

О Григоріи Федоровичѣ (№ 14) см. выше.

О Васильѣ Федоровичѣ (№ 15) см. выше; чинъ его обозначенъ въ подписи на поступномъ письмѣ матери 1747 г.; нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ есть въ зап. Як. Марк. II, 210, 212, 220 и въ Дн. Ханенка подъ 1745—1746 г., когда Ханенко постоянно встрѣчалъ его въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ былъ близкимъ къ гр. Ал. Гр. Разумовскому лицомъ.

О Михаилѣ Федоровичѣ (№ 16) упоминаетъ Як. Андр. Марковичъ въ Зап. II, 19 и 93 и Ханенко въ Дневникѣ въ ноябрѣ 1743 г.

Объ Иванѣ Федоровичѣ (№ 17) см. выше; о томъ, что онъ былъ женатъ на Евфросиньи Федоровнѣ Думитрашковой Раичъ, видно изъ бумагъ, доставленныхъ И. И. Марковичемъ; отъ отца онъ получилъ земли при с. Козловѣ переясл. у., полт. губ.; жена, кажется единственнная дочь Федора Думитрашка и жены его Федосьи Михайловны, урожденной Гамалѣя, принесла въ приданое земли при м. Березани и сс. Семеновкѣ, Лехковкѣ, Ярешкахъ, переясл. же уѣзда, и половину с. Бербеницъ съ разными хуторами лохвицк. у.

О дочери Федора Марковича Маріи, бывшей за Ширяемъ, говорится въ духовномъ завѣщаніи ея отца и уступочномъ письмѣ ея матери; она вышла замужъ между 1741 и 1747 годами.

Свѣдѣнія о сыновьяхъ Якова Андреевича (№№ 18—22) и о дочеряхъ его частью взяты изъ его записокъ, частью сообщены намъ П. Я. Дорошенкомъ; изъ нихъ первые три сына и три дочери рождены отъ первой жены, остальныя дѣти отъ второй.

О Семенѣ Яковлевичѣ (№ 18) см. Зап. I, 220.

Объ Андреѣ Яковлевичѣ (№ 19) ibid. 446, II, 272.

О третьемъ сынѣ (№ 20) ibid. 19.

О Михаилѣ Яковлевичѣ (№ 21) въ Запискахъ отца его есть очень много свѣдѣній, начиная съ II, 304; его одного изъ сыновей

Якова Андреевича показалъ Іосифъ Марковичъ въ родословной 1797 г., пропустивъ остальныхъ очевидно потому, что они умерли малолѣтними и очень давно. Къ этому же Михаилу Яковлевичу относится указаніе Кіевск. Стар. 1885 г. № 10, стр. 337, что наслѣдникъ умершаго генеральнаго подскарбія въ 1777 г. захватилъ поспольскія имѣнія (кажется, цибельскія). Онъ былъ очень богатъ, изъ дѣлъ департамента Герольдіи видно, что у него было 5258 душъ. Имя жены Михаила Яковлевича сообщено г. Дорошенкомъ; что она была дочь полковника Забѣлы, видно изъ дѣлъ Герольдіи.

О Гаврилѣ Яковлевичѣ (№ 22) см. Зап. II, 317 и 325 и Дневн. Ханенка стр. 500.

О дочеряхъ Якова Андреевича свѣдѣнія имѣются: 1) Объ Аннѣ въ Запискахъ ея отца I, 398, 410 (ея свадьба въ 1733 г.) и др.; умерла она въ с. Евдокольи, вѣроятно, своемъ имѣніи, въ 1757 г.—ibid. II, 347. 2) О Пелагеѣ—ibid. I, 368, II, 2, 12 (ея свадьба въ 1736 г.), 202 (ея смерть), 257 и др. 3) Объ Анастасьи ibid. I, 53. Что у Якова Андреевича въ 20—30-хъ годахъ было двѣ дочери, см. ibid. 57 и 370. 4) О другой Анастасіи—ibid. II, 276, 369 и др.; О мужѣ ея—въ Спискахъ черниговск. дворянъ 1783 г., Черн. 1890 г. стр. 81. 5) Объ Аннѣ и 6) объ Иринѣ сообщено намъ г. Дорошенкомъ. Что у Якова Андреевича въ 1766 г. была еще дочь, кромѣ Анастасіи (второй), видно изъ Зап. II, 403; значитъ это была Ирина. 7) О Маринѣ см. ibid. 360, 363.

У Якова Андреевича была еще падчерица, тоже Марина, замужемъ за Рачинскимъ, бывшимъ капельмейстромъ у Гр. Разумовскаго, а потомъ сотникомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Яковъ Андреевичъ постоянно называетъ Рачинскаго зятемъ (напр. ibid. II, 392, 398; см. Опис. Стар. Малорос. вып. I, стр. 209).

Указанія на лицъ, означенныхъ №№ 23—29, т. е. родныхъ племянниковъ Якова Андреевича (и ихъ сестеръ), тоже есть въ его Запискахъ; о нихъ, кромѣ тѣхъ, которые умерли въ младенчествѣ, говорится и въ Родословной 1797 г.; кое что есть и въ изложенномъ нами выше архивномъ дѣлѣ о с. Короваяхъ.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXXI. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалъ для исторіи мѣстнаго дворянства. Изд. А. Лазаревскаго. Черниговъ. 1890 г. 8° 186 стр. Цѣна 50 коп. съ перес.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

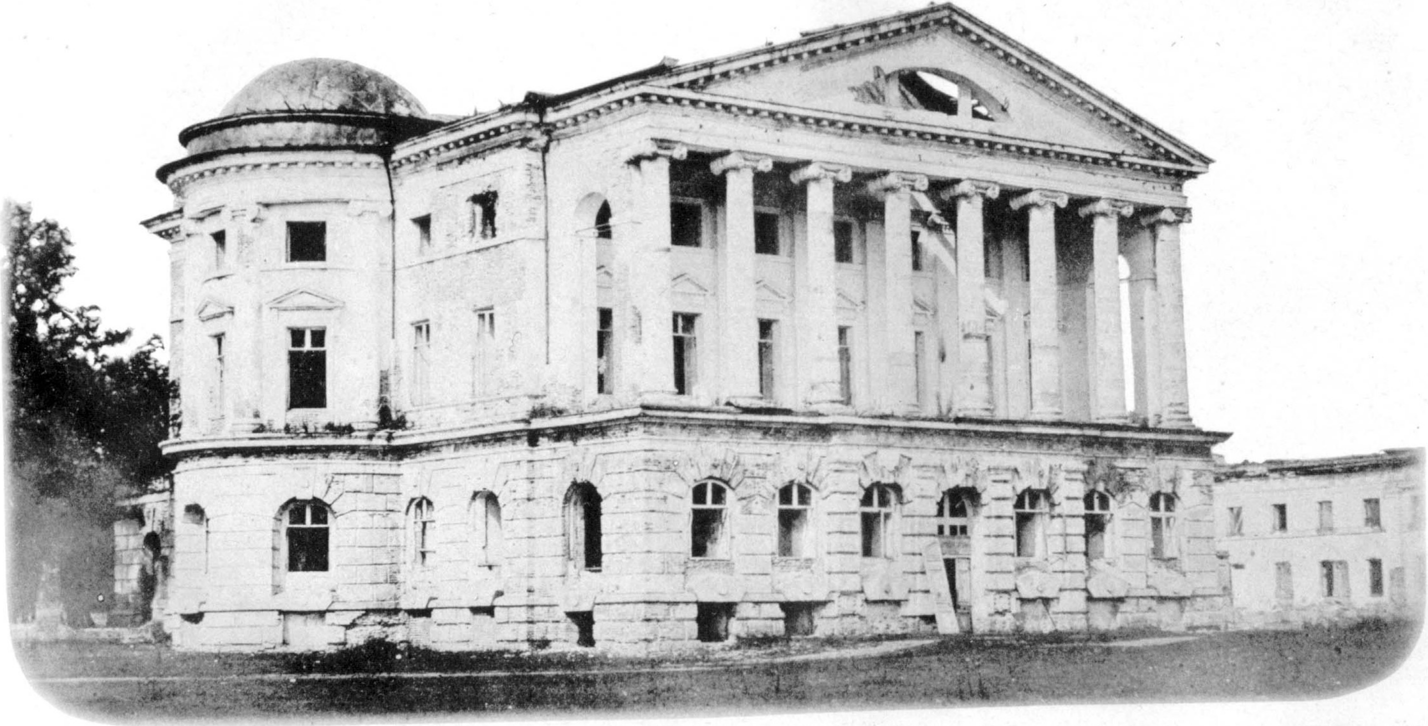
Я. Шульгинъ. Очерлъ колiивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.



ТЕПЛОВКА.

Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г.

I.

Предположенія о путешествіи въ 1783 и 1785 гг.—Интриги противъ Потемкина.—Рѣшеніе путешествія въ 1787 году. — Приготовленія и распоряженія. — Неудавшееся предположеніе взять съ собою великихъ князей Александра и Константина Павловичей.—Послѣдній придворный вечеръ въ Царскомъ Селѣ.

Путешествіе на югъ Россіи было задумано императрицею Екатериною еще въ 1780 году, и объ этомъ она говорила тогда же императору Іосифу II-му, при свиданіи съ нимъ въ Могилевѣ, и напомнила ему въ 1786 году, когда путешествіе это было рѣшено окончательно [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что желаніе императрицы въ 1780 году видѣть южныя губерніи, было тогда въ тѣсной связи съ ея надеждами на пріобрѣтеніе Крыма, и когда эти надежды, въ 1783 году, осуществились, то весьма понятно, что она, не теряя времени, рѣшила совершить поскорѣе эту поѣздку, и приказала дѣлать всѣ предварительныя распоряженія. Остановка же произошла только отъ полученныхъ свѣдѣній о появившейся чумѣ на южныхъ окраинахъ Россіи. Въ особенности же торопили императрицу враги Потемкина, въ надеждѣ, что она убѣдится лично въ безпечномъ управленіи Потемкина ввѣреннымъ ему краемъ, войсками и растратѣ имъ суммъ.

Главными врагами Потемкина при дворѣ въ это время были Воронцовъ, Безбородко и довѣренное при государынѣ лицо Алек-

[1]) См. Arneth. Joseph und Katharina v. Russland. Wien. 1869.

сандръ Дмитріевичъ Ланской; ихъ агентомъ при императрицѣ была знаменитая княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Сынъ ея, полковникъ, бывшій передъ этимъ дежурнымъ при Потемкинѣ, разсказывалъ императрицѣ о разныхъ неустройствахъ въ войскахъ, о распространеніи чумы вслѣдствіе безпечности и слабаго управленія Потемкина, о томъ что иностранцы, выписанные для населенія пустопорожнихъ земель, всѣ померли за неприготовленіемъ для нихъ жилищъ и всѣхъ удобствъ, что раздача земель производится безъ порядка и съ большими злоупотребленіями и пр. пр. [1]); къ придворной интригѣ присоединился и графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, ненавидѣвшій Потемкина. Румянцевъ, въ донесеніяхъ своихъ о заразительной болѣзни, распространившейся во ввѣренныхъ ему губерніяхъ, обвинялъ Потемкина въ томъ, что распространеніе чумы въ южныхъ губерніяхъ произошло отъ его нераспорядительности и безпечности [2]).

Императрицѣ не нравились эти наговоры на Потемкина [3]), но она сообщила ихъ Потемкину. Раздраженный князь отвѣчалъ въ своемъ объясненіи:

„Еслибы графъ Петръ Александровичъ тѣ порядки въ разсужденіи язвы дѣлалъ у себя, которые предписываетъ моей губерніи, то бы было полезнѣе. Писать и дѣлать—двѣ вещи разныя; я и описаніе его сіятельства вижу и губерніи его также знаю. Приближеніе зимы подаетъ надежду къ уничтоженію въ конецъ язвы, тѣмъ паче, что я скоро буду просить позволенія самому ѣхать. Чѣмъ полагаться на билеты, даваемые отъ моихъ заставъ, не лучше-ли на границѣ малороссійской проѣзжающихъ безъ разбору окуривать? Сіе-бы долженствовало графу Петру Александровичу тотчасъ сдѣлать“ [4]).

До Потемкина доходили свѣдѣнія объ интригахъ,—но онъ въ это время былъ боленъ и не въ силахъ былъ ѣхать въ Пе-

---

[1]) См. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М. 1859.

[2]) Госуд. арх. Бумаги Потемкина, XVI, 800.

[3]) Въ письмѣ къ Потемкину отъ 15 іюля 1783 она пишетъ: „фельдмаршалъ Румянцевъ, какъ и всегда, выискиваетъ разныя неудовольствительныя замашки“. (Р. Стар. Май, 1876, стр. 46).

[4]) Госуд. арх., XVI, 800.

тербургъ. Императрица, какъ будто по предчувствію, что до него могутъ доходить придворныя сплетни, утѣшала его въ письмахъ: „Будь увѣренъ, что никому не подчиню тебя кромѣ себя". (Письмо августа 13, 1783. Р. Стар. 1876, май, стр. 47). Въ другомъ письмѣ: „Сдѣлай милость вспомни въ нынѣшнемъ случаѣ, что здоровье твое въ себѣ какую важность заключаетъ: благо имперіи и мою славу добрую; поберегись ради самаго Бога, не пусти моей просьбы мимо ушей; *важнѣйшее предпріятіе въ свѣтѣ безъ тебя* превратится ни во что". (Письмо отъ 11 сент. 1783. Р. Старина, 1876, май, стр. 49). Любопытно разгадать, о какомъ важнѣйшемъ предпріятіи въ свѣтѣ, напоминаетъ императрица Потемкину?

Депеши иностранныхъ посланниковъ изъ Петербурга къ ихъ дворамъ, особенно прусскаго, указываютъ на какой-то *греческій проектъ*, созданный Екатериною совмѣстно съ Потемкинымъ, и состоявшій, по мнѣнію современныхъ дипломатовъ, въ проектѣ императрицы: изгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческую имперію, и что исполненіе этого проекта начнется войною съ Турціею [1]). Можетъ быть, такой проектъ и война съ Турціею и задумывались Екатериною и Потемкинымъ, но къ войнѣ съ Турціею въ Петербургѣ не относились сочувственно ни придворный кружокъ близкихъ людей, ни государственные дѣятели, а личные враги Потемкина, которыхъ было много, особенно потому были противъ войны, что успѣшное веденіе и окончаніе ея возвыситъ еще болѣе ненавистнаго имъ гордаго и самостоятельнаго, своенравнаго свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича.

Между тѣмъ, въ надеждѣ скораго прекращенія чумы въ южныхъ окраинахъ были сдѣланы предварительныя распоряженія о путешествіи императрицы весною 1784 года. Маршрутъ составленъ былъ чрезъ Смоленскъ, Кіевъ, въ Херсонъ, отсюда обратно чрезъ Кременчугъ, Полтаву, Нѣжинъ, въ Черниговъ и обратно. Велѣно было исправлять дороги и устраивать путевые дворцы [2]). 8-го сентября Потемкинъ донесъ императрицѣ, что въ

[1]) Донесеніе прусскаго посланника въ берлинскомъ тайномъ архивѣ.

[2]) Указъ сената Потемкину отъ 7 марта 1783, въ бумагахъ Госуд. арх. XI, 869.

Херсонѣ „прилипчивая болѣзнь еще продолжается". И путешествіе было отложено [1]).

Потемкинъ былъ въ это время боленъ—императрица очень была огорчена. 29 сентября Ланской пишетъ къ нему: „Батюшка Григорій Александровичъ! Вы не можете себѣ представить, сколь чувствительно огорченъ я болѣзнію вашею; несравненная наша государыня—мать тронута весьма сею вѣдомостью и неутѣшно плачетъ... [2]) Въ октябрѣ 1783 императрица сама писала къ нему: „Дай Боже, чтобы ты поскорѣе выздоровѣлъ и сюда возвратился. Ей, ей—я безъ тебя, какъ безъ рукъ весьма часто, паче всего сдѣлай милость побереги себя" [3]).

Потемкинъ, наконецъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, и прусскій посланникъ донесъ 26 декабря 1783 года [4]): „Императрица была недовольна медленностію его (Потемкина) распоряженій и ей наговорили много о неустройствѣ арміи... Графъ Воронцовъ, Безбородко и Ланской много способствовали, чтобъ поссорить императрицу съ Потемкинымъ. Ссора эта продолжалась три недѣли, но теперь Потемкинъ помирился съ Безбородко и императрица благосклонна къ нему по прежнему".

Въ мартѣ 1784 г. Потемкинъ уѣхалъ изъ Петербурга, совершенно покойный, но скоро принужденъ былъ возвратиться по случаю болѣзни императрицы. 25 іюня 1784 г. умеръ Александръ Дмитріевичъ Ланской. Прусскій посланникъ доносилъ своему королю: „Императрица нездорова, въ лихорадкѣ, заперлась въ своихъ комнатахъ и никого къ себѣ не допускаетъ, кромѣ великаго князя и великой княгини и то на нѣсколько минутъ. Послали нарочнаго за княземъ Потемкинымъ. 8-го іюля прискакалъ князь Потемкинъ прямо въ Царское Село, проѣхавъ 1700 верстъ въ 5 сутокъ. Пріѣхалъ также и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ, вызванный самою императрицею. Силы императрицы были такъ слабы послѣ сильной лихорадки, и

---

[1]) См. письмо императрицы отъ 17 сент. 1783 къ Потемкину. Сб. ист. об., XXVII, 280.

[2]) Въ бумагахъ Госуд. арх. письмо *Ланского* къ Потемкину.

[3]) Сб. ист. общ., т. XXVII, стр. 267.

[4]) Депеша прусскаго посланника въ берлинскомъ тайномъ архивѣ.

нервы были такъ разстроены, что она принимала, сидя за ширмами, и вела разговоръ, не показываясь“ [1]).

Весь іюль и августъ мѣсяцы императрица провела въ Царскомъ Селѣ, уединясь такъ, что не приглашала никого къ своему обѣду, что и записано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ изо дня въ день обычною фразою: „обѣденное кушанье ея величество изволила имѣть во внутреннихъ своихъ апартаментахъ на одномъ кувертѣ“. Только 17-го іюля въ первый разъ императрица выѣхала прогуляться въ коляскѣ со свою вѣрною камеръ-юнгферою Марьею Савишною Перекусихиною [2]).

Но въ это время, въ тихомолку, незамѣтно для придворнаго кружка, происходила борьба между двумя непримиримыми врагами: Потемкинымъ и графомъ Ѳедоромъ Орловымъ. До 20 августа съ 14 іюля Потемкинъ не былъ приглашаемъ ко двору—но Орловъ постоянно. Съ 20 августа Потемкинъ ежедневно, Орловъ до сентября все рѣже и рѣже [3]). Побѣдилъ Потемкинъ и Орловъ, уѣзжая въ Москву, написалъ къ своимъ роднымъ и друзьямъ, что, несмотря на оказываемую ему дружбу императрицею, онъ уѣзжаетъ, не будучи въ силахъ бороться съ Потемкинымъ [4]). Орловъ, какъ видно изъ Камеръ-фурьерскаго журнала, съ 20-го августа былъ все рѣже и рѣже приглашаемъ къ императрицѣ, а въ сентябрѣ ни разу—и, по словамъ посланника, уѣхалъ 14 октября 1784 изъ Петербурга.

Пока разыгрывалась борьба у Потемкина съ Орловымъ, при дворѣ было какое-то уныніе, всѣ чего-то боялись, чего-то ждали и никто не могъ предвидѣть, чѣмъ все это кончится; приближенные съ большимъ страхомъ смотрѣли на душевное настроеніе императрицы отъ потрясенія нервовъ ея при неожиданной смерти Ланского... Петербургъ также стихъ, увеселеній не было, шепотомъ передавали другъ другу о происходящемъ въ Царскомъ Селѣ.

---

[1]) Донесеніе посланника отъ 20 іюля 1784.

[2]) См. Камеръ-фурьерскій журналъ, 1784 годъ.

[3]) См. К.-ф. ж. 1784.

[4]) Изъ донесенія прусскаго посланника, за № 450.

Вдругъ, 5-го сентября, въ 8 часовъ вечера, загремѣла пушечная пальба съ обѣихъ крѣпостей, съ Адмиралтейской и Петропавловской. Вѣсть, неожиданная какъ молнія, пролетѣла по всему городу: императрица возвратилась на жительство въ Зимній дворецъ! Какая была тому причина остается загадкою — извѣстно только, что 5-го сентября въ 7 часовъ вечера въ Царскомъ Селѣ императрица приказала камердинеру своему, Бразинскому, приготовить къ подъѣзду у парадной лѣстницы, передъ китайскимъ подъѣздомъ, двухмѣстную карету, запряженную въ шесть лошадей, и затѣмъ сѣла въ нее съ камеръ-фрейлиною Анною Степановною Протасьевою и приказала ѣхать въ Петербургъ, прямо въ Зимній дворецъ.

Въ первое же воскресенье, 8-го сентября, въ первый разъ съ послѣднихъ чиселъ іюня, императрица, по принятому обыкновенію, явилась передъ дворомъ—приглашены были и „чужестранные министры"—всѣ по прежнему приносили поздравленія „съ днемъ воскреснымъ и жалованы къ рукѣ". Прежній порядокъ придворной жизни возобновился, съ прежнею его обстановкою [1]).

Смерть Ланского, болѣзнь и нервное состояніе императрицы, длившееся до переѣзда ея 5-го сентября изъ Царскаго Села въ Петербургъ, мѣшали Потемкину настаивать на путешествіи ея въ Крымъ, котораго онъ теперь самъ желалъ; но, когда время взяло свое, когда императрица успокоилась и начала заниматься дѣлами, Потемкинъ настоялъ и 26-го сентября 1784 объявлено указомъ сенату, а 3-го октября рескриптомъ Потемкину, что предположено путешествіе императрицы въ апрѣлѣ 1785 года черезъ Смоленскъ, отсюда водою въ Кіевъ, и до мѣстечка Новые Кайдаки, а отсюда сухимъ путемъ въ Херсонъ [2]) и въ таврическую область. Обратный путь назначенъ былъ чрезъ Полтаву, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, Мстиславль и Смоленскъ. При этомъ, между прочими распоряженіями, для сбереженія подводъ и лошадей, приказано было придворной конторѣ распорядиться такъ, чтобы „столы не во множествѣ блюдъ состояли и не въ

---

[1]) См. К.-ф. ж. 1787 г.

[2]) См Высоч. повел. въ Придв. арх. въ д. Трощинскаго, кн. 154.

особенно мѣлкихъ", но чтобъ ѣства были большею частію простыя и сытныя, и чтобы на оныхъ столахъ вовсе не было дессерта, исключая большихъ городовъ, гдѣ предназначалось пробыть нѣсколько дней. Въ Смоленскѣ предположено было остановиться три дня, въ Кіевѣ восемь дней, въ Кременчугѣ два дня, въ Херсонѣ 2 дня. Всѣхъ станцій предполагалось 174 [1]).

Но путешествіе не состоялось, отложено на неопредѣленное время, по случаю продолжавшейся еще чумы.

Въ сентябрѣ 1785 г. правитель екатеринославскаго намѣстничества доносилъ, что за Кубанью въ наврузовскихъ аулахъ появилась моровая язва. Въ маріупольскій уѣздъ пропускъ прекращенъ. Въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ и вездѣ по границамъ приняты карантинныя мѣры. Октября 29 онъ же донесъ, что въ Бендерахъ и Балтѣ открылась заразительная болѣзнь. Въ Очаковѣ также моровая язва. (Госуд. арх. XVI. 799).

27 ноября 1785 Румянцевъ доносилъ „въ нѣкоторыхъ селеніяхъ кіевскаго уѣзда оказалась на людяхъ неслыханная болѣзнь, которая начиналась тошнотою, рвотами, круженіемъ въ глазахъ и въ головѣ, и одержимые оною чувствовали во всемъ тѣлѣ необычайную тяжесть, вялость и томность, и затѣмъ корчило руки и ноги и у нѣкоторыхъ оныя отгнили и отпали. Медики признаютъ причину болѣзни отъ употребленія рожковъ черныхъ и недозрѣлой ржи [2]). По случаю отмѣны Румянцевъ перевелъ въ Кіевъ построенныя въ Смоленскѣ галеры [3]). 23 декабря 1784 года Безбородко увѣдомилъ объ отмѣнѣ и Потемкина [4]).

Наконецъ, въ началѣ 1786 года получены были свѣдѣнія, что заразительная болѣзнь прекратилась въ южныхъ губерніяхъ и путешествіе окончательно рѣшено на 1787 годъ. 2 марта 1787 г. въ указѣ сенату объявлено: „Имѣя намѣреніе, съ Божіею помощію, въ генварѣ будущаго 1787 года воспріять путешествіе наше по новой порховской дорогѣ чрезъ Смоленскъ,

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Госуд. арх. XVI. 742.

[3]) Письмо Румянцева къ Безбородку. Госуд. арх. XVI. 742.

[4]) Въ Придв. арх., д. Трощинскаго.

Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ, въ Кіевъ, оттуда, по вскрытіи водъ, на судахъ по Днѣпру доНоваго-Кайдака, гдѣ назначено быть губернскому городу Екатеринославлю, отъ сего же мѣста сухимъ путемъ въ Херсонъ, область таврическую и возвратно черезъ Черкасскъ, Бахмутъ, Изюмъ, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу и Москву, повелѣваемъ: *Первое*: для проѣзда нашего поставить на каждомъ стану отъ С.-Петербурга до Кіева по 550 лошадей; отъ Екатеринославля до Херсона, въ таврической области и оттуда до Харькова по 420 лошадей, а отъ Харькова до здѣшней столицы по 550 лошадей. *Второе*. Хотя шествіе наше отъ Кіева къ Екатеринославлю и будетъ на судахъ, но для курьерскихъ посылокъ и другихъ надобностей имѣть на каждой станціи, по Днѣпру лежащей, по 12, а въ городахъ по 30 лошадей. *Третіе*: Сенату нашему сдѣлать распоряженіе о поставкѣ лошадей, наблюдая, чтобы одна губернія предъ другою не понесла излишней тягости, чтобъ нарядъ лошадей былъ равномѣрный, кромѣ самыхъ отдаленныхъ намѣстничествъ, чтобы потребное для прокормленія ихъ заготовлено было и чтобъ гдѣ возможно уменьшить число переводомъ изъ однѣхъ станцій на другія. *Четвертое*. Относительно же шествія нашего на судахъ, такожъ карауловъ и прочаго, даны будутъ отъ насъ особые указы нашимъ генераламъ фельдмаршаламъ графу Румянцеву-Задунайскому и князю Потемкину“.

Несмотря на указаніе, чтобъ одна губернія предъ другою не понесла излишней тягости, сенатъ призналъ отдаленными губерніями только иркутскую, колыванскую и тобольскую; такъ что изъ *Колы*, причисленной къ архангельской губерніи, назначены были также пять лошадей для путешествія императрицы.

Румянцеву также даны приказанія (6 мая 1786 г.) и, между прочимъ, посланы рисунки путевымъ дворцамъ, при этомъ сказано, что строеніе этихъ дворцовъ предполагается въ тѣхъ единственно мѣстахъ, гдѣ неудобно воспользоваться обывательскими домами; гдѣ же назначены станы для перемѣны только лошадей, тамъ довольно будетъ имѣть по одному или по два чистыхъ покоевъ. Потемкину на путевые дворцы въ ввѣренномъ ему краѣ, еще въ 1783 году отпущено было 130,000 руб., теперь

отпущено на достройку еще 100,000 р. Всѣ дворцы, по распоряженію Потемкина, снабжались изъ Курска и Москвы купленными тамъ: мебелью, посудою и столовымъ бѣльемъ; комнаты обивали разными шолковыми матеріями подъ цвѣтъ мебели [1]). Работы разнаго рода закипѣли по всему протяженію пути, по которому предположена была поѣздка императрицы, въ теченіе всего лѣта, осени и начала зимы 1786 года.

Приготовленія дѣлались, съ Потемкинымъ совѣтовались, но враги не оставляли его и завязалась новая противъ него интрига, во главѣ которой враждебный Потемкину кружокъ поставилъ любимца Екатерины, Ермолова.

Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, которому строго предписано было королемъ доносить подробно о всякихъ придворныхъ интригахъ, 1-го мая 1786 г. доносилъ слѣдующее [2]).

„Князь Потемкинъ, одинъ изъ тѣхъ любимцевъ императрицы, который, при обширныхъ замыслахъ своихъ, съ первыхъ дней своего могущества при дворѣ, изучилъ характеръ императрицы и понялъ, что для сохраненія надъ нею своего вліянія, впослѣдствіе, когда придетъ старость, необходимо овладѣть пылкимъ воображеніемъ императрицы и поддерживать это возбужденіе безостановочно, постоянно. Проектъ возстановленія греческой имперіи, можетъ быть, приходилъ на умъ Екатеринѣ, но всего вѣроятнѣе, что онъ вымышленъ Потемкинымъ, и на этомъ то проектѣ онъ создалъ свое возвышеніе и старается поддерживать его. Послѣ кайнарджійскаго мира, Потемкинъ, его клевреты и сотрудники постоянно утверждали, что миръ этотъ не принесъ никакой выгоды для Россіи и что необходимо заключить договоръ съ Австріею, который имѣлъ бы цѣлью изгнать турокъ изъ Европы и создать греческую имперію. Въ 1780 году, во время пріѣзда императора Іосифа II въ Петербургъ, ему говорили объ этомъ, а теперь, когда Іосифъ II самъ вызывается пріѣхать въ Россію на свиданіе съ императрицею во время путешествія ея въ южныя губерніи, теперь Потемкинъ надѣется увлечь императора

---

[1]) Дѣла Госуд. арх. II, 110. Архив. придв. д. Трощинскаго, 476. и Р. Арх. 1875. т. I, стр. 127.

[2]) Депеши прусск. послан. 1 мая 1786 г. Берлинскій т. арх.

въ это предпріятіе. Но враги Потемкина не дремали и выпустили противъ него новаго врага, Александра Петровича Ермолова. Новичекъ въ придворныхъ интригахъ, научаемый врагами Петемкина, онъ чернилъ Потемкина въ глазахъ императрицы. Однажды императрица, въ разговорѣ съ Ермоловымъ, жаловалась на безпечный характеръ Потемкина. Ермоловъ воспользовался этимъ довѣріемъ императрицы и началъ разсказывать ей о существующихъ будто-бы безпорядкахъ и неустройствахъ во всѣхъ частяхъ управленія, ввѣреннаго Потемкину, и выразилъ сожалѣніе, что императрица никогда не достигнетъ исполненія своихъ благодѣтельныхъ намѣреній и желаній объ устройствѣ вновь пріобрѣтеннаго края, если она оставитъ этотъ край въ управленіи безпечнаго и самовластнаго деспота Потемкина. Ермоловъ прибавилъ, что если бы императрицѣ угодно было спросить Безбородка и Салтыкова, то они подтвердятъ имъ сказанное. Враги Потемкина, черезъ Ермолова [1]), до того оклеветали Потемкина, что она едва-едва не послѣдовала ихъ внушеніямъ: захватить у Потемкина всѣ бумаги и сослать его на жительство въ деревню. (Депеши прусскаго посланника отъ 1 мая 1786 г.).

Наговоры Ермолова не удались. Потемкинъ въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ императрицею снова пріобрѣлъ надъ нею столько вліянія, что Ермоловъ, въ іюнѣ 1786 года, былъ удаленъ отъ двора, посланъ путешествовать за границу, и довѣреннымъ человѣкомъ при императрицѣ явилось новое лицо, преданное Потемкину: пожалованный 2 сентября 1786 г. въ корнеты кавалергардскаго полка флигель-адъютантъ, полковникъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ [2]).

Потемкинъ въ началѣ октября 1786 г. уѣзжаетъ успокоенный; при отъѣздѣ его, 16 октября, въ секретномъ рескриптѣ императрица объясняетъ цѣль своего путешествія: „Если Турція, сказано въ рескриптѣ, не исправитъ оскорбленія, нанесеннаго намъ послѣднимъ ея меморіаломъ, то объявить войну". По-

---

[1]) Ермоловъ род. въ 1754 г., умеръ въ 1836 г.

[2] Род 19 сент. 1752 г. ум. 29 сент. 1803 г.

темкину, въ такомъ случаѣ, поручалось командованіе всѣми войсками и черноморскимъ флотомъ. Войска двухъ армій должны были подвигаться въ теченіе зимы 1786 года къ турецкимъ границамъ. „Предпріемлемое нами путешествіе (говорится въ рескриптѣ) доставляетъ случай весьма благовидный къ сокрытію до времени прямыхъ причинъ движенія войскъ нашихъ. Вы уже имѣете повелѣніе наше о собраніи войскъ нашихъ, дабы мы могли видѣть и большую часть оныхъ“ [1]). Одновременно съ этимъ рескриптомъ Потемкину назначено на приготовленіе экипажей 15,000 р., и на столъ, покуда онъ будетъ главнокомандующимъ, по 1000 р. въ мѣсяцъ.

Приготовительныхъ распоряженій для путешествія императрицы особенно досталось много на долю придворнаго вѣдомства. Придворная контора должна была озаботиться заблаговременно выбрать вѣрныхъ, и честныхъ и знающихъ свое дѣло придворныхъ служителей; надобно было заготовить и разослать по станціямъ съ благонадежными людьми провизію, посуду, бѣлье и пр., слѣдовало устроить все хозяйство такъ, чтобы всѣ были довольны, начиная съ императрицы и до послѣдней камеръ-медхенъ, которыя всегда были требовательнѣе всѣхъ знатныхъ особъ. Всѣ распоряженія необходимо было соображать въ точности съ утвержденнымъ маршрутомъ, по которому до Кіева назначено 76 станцій и указаны ночлеги, обѣды и время пребыванія. Первый ночлегъ былъ назначенъ въ гор. Лугѣ, потомъ въ Порховѣ, въ Бѣжанцахъ, въ Великихъ Лукахъ, въ гор. Велижѣ, въ Смоленскѣ, въ Мстиславлѣ, въ Кричевѣ, въ м. Чичерскѣ, въ м. Нижнемъ, въ Новогородѣ-Сѣверскомъ, въ Сосницѣ, въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Козельцѣ. Въ Кіевѣ пребываніе предположено до вскрытія водъ, и удобнаго времени для судоходства, полагая, что оно наступитъ, примѣрно, между 5 и 12 апрѣля. На плаваніе по Днѣпру отъ Кіева до Кременчуга назначалось отъ двухъ до трехъ дней; въ Кременчугѣ остановиться на два дня; отъ Кременчуга до пороговъ два или три дня. Затѣмъ сухимъ путемъ въ Херсонъ. Первый ночлегъ въ с. Хортицѣ. Въ Херсонѣ предположено про-

[1]) Дѣла канцеляріи Потемкина въ Гл. арх мин. ин. д. Картонъ 565).

быть шесть дней, включая время для поѣздки въ Кингбурнъ. Изъ Херсона назначенъ былъ путь черезъ Бериславль и Перекопъ въ Крымъ: въ Бакчисарай, въ Севастополь, въ Карасу-Базаръ, въ Старый Крымъ, въ Ѳеодосію, въ Старую Линію, отсюда до крѣпости Петровской назначено ѣзды четыре дня. Затѣмъ ночлегъ въ Маріуполѣ и черезъ Таганрогъ, крѣпость св. Димитрія, въ Черкасскъ, въ Азовъ, въ Крестовую Балку, въ Бахмутъ, въ крѣпости Алексѣевскую, Бѣлевскую, въ Харьковъ, Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ, Мценскъ, Тулу, Серпуховъ, Подольскъ и въ Москву. Въ Москвѣ время пребыванія назначено сколько ея величеству заблагоразсудится [1]).

Придворная конюшенная контора хлопотала о путевыхъ экипажахъ. Заготовляли до 200 саней съ кибитками, обитыхъ зеленымъ сукномъ, 56 колясокъ, внутри обитыхъ желтою кожею, на разборныхъ полозкахъ; для посланниковъ нарочито сдѣлано три кареты дорожныхъ, съ мѣховыми мѣшками для ногъ, по случаю зимняго времени (тамъ-же).

Но хлопоты по придворному вѣдомству еще увеличились, когда неожиданно объявлено было, что императрица беретъ съ собою двухъ юныхъ великихъ князей. 12 ноября 1786 г. сообщенъ придворной конторѣ и маршрутъ великихъ князей: изъ Царскаго Села они должны были выѣхать 3-го января, обѣдать въ Колпинѣ и ночевать въ гор. Рожественѣ. 7-го января они пріѣзжали бы въ Порховъ и здѣсь должны были ожидать императрицу. Въ Порховѣ великіе князья должны были оставаться до 11-го числа утра, а императрица, переночевавъ въ Порховѣ 9-го числа, продолжала путь. Въ Кіевъ императрица предполагала пріѣхать въ ночь 25-го января, а великіе князья 3-го февраля. Придворная контора приступила къ распоряженіямъ объ устройствѣ путеваго хозяйства и для великихъ князей во время ихъ поѣздки, но почти передъ самымъ отъѣздомъ императрицы поѣздка эта была отмѣнена.

Великій князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Ѳеодоровна о рѣшеніи императрицы взять съ собою великихъ

---

[1]) Предв. арх. д. Трощинскаго, кн. 165.

князей узнали только тогда, когда Салтыкову, состоявшему при великихъ князьяхъ, приказано было приготовляться къ этой поѣздкѣ. Ихъ поразило это намѣреніе императрицы. Не рѣшаясь объясниться съ нею изустно, они написали письмо, въ которомъ убѣждали оставить при нихъ дѣтей ихъ. Они напоминали императрицѣ то тягостное положеніе, въ которомъ они уже находились при разлукѣ съ дѣтьми, выѣзжая изъ Царскаго Села въ чужіе края [1]); не находили въ себѣ силъ вынести еще подобную минуту; выражали императрицѣ свои сомнѣнія, вынесутъ ли дѣти утомленіе долгаго путешествія въ суровое зимнее время и перемѣну климата, тѣмъ болѣе, что у великихъ князей еще не было болѣзней, обыкновенно свойственныхъ ихъ возрасту: безпокоились, что путешествіе и развлеченія могутъ замедлить успѣхи ихъ воспитанія. „Вотъ, государыня, (оканчивали они письмо свое) вѣрный и откровенный отчетъ о томъ, въ какомъ положеніи сердца наши, а ваше императорское величество слишкомъ справедливы и милостивы, сердце у васъ слишкомъ нѣжно, чтобы вы не снизошли къ мольбамъ отца и матери, которые, послѣ уваженія и привязанности къ вамъ, не знаютъ болѣе сильнаго чувства, какъ любви, связующей насъ съ дѣтьми нашими“ [2]).

Императрица отказала въ просьбѣ великому князю и его супругѣ, и, между прочими причинами, писала въ отвѣтъ: „Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, принадлежатъ мнѣ, принадлежатъ и государству. Съ самаго ранняго дѣтства ихъ, я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣйшими заботами. Вы говорили мнѣ часто и устно, и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастьемъ для своихъ дѣтей и что не могло случиться для ихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: въ разлукѣ съ вами для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пятерыхъ трое останутся при васъ; неужели же одна я, на старости лѣтъ, въ теченіе шести мѣсяцовъ буду лишена удовольствія имѣть при себѣ кого нибудь изъ моей семьи?“ Импе-

---

[1]) Въ 1782 году.

[2]) Сбор. истор. общ. XV т., стр. 39—40.

ратрица успокоивала, что ни здоровье, ни воспитаніе великихъ князей не пострадаетъ.

Великій князь и великая княгиня въ отвѣтъ просили императрицу взять и ихъ съ собою, а оставить дочерей, которымъ покуда нужны одни лишь физическія попеченія, присутствіе же отца и матери для нихъ не составляетъ еще необходимости. „Мы можемъ обойтись безъ всего и путешествовать налегкѣ, лишь-бы только не быть вдали отъ васъ и отъ сыновей нашихъ. Насъ къ вамъ влекутъ всецѣло сердца наши; это чувства тѣхъ, которые пребываютъ, любезная матушка, вашими дѣтьми: Павелъ и Марія“.

Императрица отвѣчала: „чистосердечно я вамъ должна сказать, что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило-бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меншія ваши дѣти оставались-бы безъ всякаго призрѣнія, одни они брошены“. (Тамъ-же).

Великій князь обратился съ письмомъ (16 декабря 1786 г.) къ Потемкину: „Положеніе наше, въ каковомъ мы теперь находимся, князь Григорій Александровичъ, таково, что я разсудилъ открыться вамъ, зная, что вы всегда были разположены оказывать намъ дружбу“. Затѣмъ, объяснивъ объ отказѣ императрицѣ, онъ оканчивалъ письмо свое: „Поступокъ нашъ противу васъ доказать вамъ долженъ довѣренность нашу къ вамъ, и такъ ожидаемъ теперь отъ васъ, чтобы вы намъ съ своей стороны помогли, полагаясь на ваше расположеніе и благоразуміе, довольствуясь даже тѣмъ, если насъ хотя въ Кіевѣ оставятъ“. (Русск. Стар., VII, стр. 667).

Великая княгиня Марія Өеодоровна, со своей стороны и въ тотъ-же день, написала также къ Потемкину: „Князь! Вы часто увѣряли меня въ вашей приверженности и въ томъ, что хотите исполнять мои желанія. Поэтому я довѣрчиво обращаюсь къ вамъ съ этимъ письмомъ. Предметъ онаго такъ сильно меня занимаетъ, что я сочла наилучшимъ поговорить о немъ прямо съ вами. Дѣло идетъ о моихъ дѣтяхъ и уже по одному этому вы понимаете, князь, какую великую услугу вы намъ окажете, если вамъ можно будетъ спасти насъ отъ горестной разлуки

съ ними въ теченіи шестимѣсячнаго путешествія ея величества". Разсказавъ объ отказѣ императрицы въ ихъ просьбѣ и о настояніи ея взять съ собою великихъ князей, великая княгиня продолжаетъ: „Мы все еще надѣялись, что ея величество наконецъ уважитъ наши просьбы, и какъ сыновья мои недомогали одинъ за другимъ, то мы расчитывали, что, можетъ быть, это напослѣдокъ побудитъ ее перемѣнить свое рѣшеніе, но разныя обстоятельства, которыми занимать васъ было бы излишне, показываютъ намъ, что ея величество непреклонна. Мое материнское сердце не смѣетъ предаваться никакой лестной надеждѣ и вы, князь,—единственный человѣкъ, который можетъ помочь намъ. Поддержите у императрицы наши доводы и нашу просьбу"... „Въ случаѣ успѣха, или даже самою заботою вашею объ успѣхѣ этой просьбы, вы пріобрѣтете вѣчное право на признательность нашу. Эти строки, внушенныя материнскимъ чувствомъ, должны служить для васъ ручательствомъ того, какъ много будемъ мы обязаны вамъ, если удастся это дѣло [1])...

Храповицкій, ближній секретарь императрицы, въ оставшихся послѣ него запискахъ, подъ 20-мъ декабря 1786 г. записалъ: „Ни великій князь, ни великая княгиня никуда изъ своихъ покоевъ не выходили. Сія половина находится въ великой печали и Богъ знаетъ, какая тутъ происходитъ разстройка" [2]).

Потемкинъ получилъ это письмо въ Симферополѣ 7 января 1787 года,—писать къ императрицѣ уже было поздно потому, что ея отъѣздъ былъ назначенъ на 6 января, что было извѣстно Потемкину. Однако-же онъ написалъ великому князю: „Прибывъ въ Кіевъ, я не оставлю употребить все, что въ моей возможности будетъ, съ крайнею осторожностію, чтобы не прогнѣвить и тѣмъ бы не нанести вашему высочеству непріятностей". (Тамъ-же стр. 668).

Но дѣло, совершенно неожиданно, приняло другой оборотъ и согласно желаніямъ великаго князя и великой княгини. За нѣсколько дней до отъѣзда императрицы у великаго князя Кон-

[1]) Русскій Архивъ. 1879, I, 369—371.

[2]) Записки Храповицкаго.

стантина Павловича появилась сыпь, съ которою опасно было брать его въ путешествіе и, не желая разлучить его съ братомъ, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, императрица отказалась отъ своего намѣренія.

Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, очень дружный съ фельдмаршаломъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ, сообщалъ ему о придворныхъ событіяхъ и въ письмѣ отъ 5 января 1787, писалъ ему [1]):

„Къ единственному вашему свѣдѣнію доношу, что великіе князья въ путь не отправляются, по причинѣ, что у Константина Павловича окинула весьма сильно желтуха подъ колѣнями и бываетъ лихорадка; все сіе есть ничего незначуще, но въ путь отправиться опасно и хотя уже рѣшено, что имъ остаться, но еще въ величайшемъ секретѣ".

Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ пользовался особенно довѣренностію императрицы и передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга императрица, 24 декабря 1786 года, особеннымъ рескриптомъ поручила ему главное начальство надъ Петербургомъ, надъ петербургскою губерніею и надъ всѣми войсками, въ городѣ и въ тамошней дивизіи состоящими, на правахъ главнокомандующаго, съ присутствіемъ въ сенатѣ. Приказано доносить о происшествіяхъ разъ въ недѣлю, но объ экстренныхъ съ нарочными. Графу Брюсу при этомъ, до возвращенія императрицы въ Петербургъ, назначено прибавочнаго жалованья по 1000 руб. въ мѣсяцъ. (Прид. арх. д. Трощинскаго № 1299).

31 декабря 1786 года статсъ-секретарь Храповицкій записалъ въ своемъ журналѣ: „убирали бумаги и книги со стола" [2]).

1-го января императрица увѣдомила своего друга, въ Парижѣ барона Гримма: „ma table est deja nette et toute propre [3])".

Отъѣздъ въ путешествіе назначенъ былъ не изъ Петербурга, а изъ Царскаго.

2-го января 1787 года, въ субботу, собрались въ Зимній дворецъ проститься съ императрицею всѣ придворныя и „знат-

---

[1]) Госуд. арх XI, 34.

[2]) См. Записки Храповицкаго.

[3]) См. Письма императрицы Гримму, Сб. ист. об., т. XXIII.

ныя обоего пола особы". Прежде всѣхъ откланялись великій князь цесаревичъ Павелъ Петровичъ, великая княгиня Марья Θеодоровна, великіе князья и великія княжны, затѣмъ всѣ прочіе, пріѣхавшіе во дворецъ, и всѣ жалованы къ рукѣ. Въ три четверти 11-го часа утра, императрица съ камеръ-фрейлиною Анною Степановною Протасовою выѣхала изъ дворца въ городскомъ экипажѣ, при пушечной пальбѣ изъ Адмиралтейской и Петропавловской крѣпостей. Въ Казанской церкви приказано было ожидать духовенству, народъ узналъ и толпился на площади. Императрица помолилась въ церкви, приложилась къ иконамъ, и сопутствуемая благословеніемъ духовенства, сѣла въ карету и приказала ѣхать чрезъ Обуховъ мостъ по земляному валу. Здѣсь ожидала шестимѣстная дорожная карета, въ которую пересѣла императрица, приглася съ собою Протасову и нѣкоторыхъ лицъ изъ свиты, которыя слѣдовали за императрицею въ своихъ экипажахъ. Въ Царское Село императрица прибыла въ 2 часа по полудни [1]).

5 января императрица, въ письмѣ къ Николаю Ивановичу Салтыкову, состоявшему при молодыхъ великихъ князьяхъ, выразила свою особенную заботливость о внучатахъ.

„Николай Ивановичъ! (писала императрица) чрезъ сіе подтверждаю я вамъ письменно то, что я уже словесно вамъ приказывала и что болѣе всего лежитъ у меня на сердцѣ, понеже будущее благо мнѣ отъ Бога врученной имперіи и людей отъ того зависитъ, то есть, чтобъ во время моего отсутствія вы непремѣнно наблюдали, слѣдовали и выполняли данный вамъ отъ меня наказъ о воспитаніи моихъ любезнѣйшихъ внуковъ, великихъ князей Александра и Константина Павловичей... Вы о семъ имянемъ моимъ подтвердите господамъ Протасову и Сакену и вообще всѣмъ, при внукахъ моихъ находящимся, прикажите имъ снова прочесть для памяти мною подписанный наказъ и скажите всѣмъ, что я ожидаю отъ всѣхъ непремѣннаго и усерднаго исполненія мною предписаннаго, за что въ свое время надѣяться могутъ достойнаго награжденія по мѣрѣ радѣ-

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ, 1787 г.

нія всякаго. Пишите ко мнѣ почаще о здоровьѣ и успѣхахъ ихъ высочествъ и будьте увѣрены о всегдашнемъ моемъ благоволеніи". (Св. 439, пред. Храповицкаго).

6 января, утромъ, пріѣхали въ Царское Село всѣ лица, назначенные состоять въ свитѣ во время путешествія, а къ вечеру приглашенные также сопутствовать императрицѣ иностранные посланники: австрійскій графъ Кобенцель, англійскій Фитцъ-Гербертъ и французскій графъ Сегюръ. Посланники были введены и представлены императрицѣ вице-канцлеромъ, графомъ Иваномъ Андреевичемъ Остерманомъ. Императрица приняла ихъ ласково, но, противъ своего обыкновенія, была задумчива и неразговорчива,—что-то озабочивало ее. Можетъ быть, не сооообщенное-ли ей въ этотъ день черезъ Салтыкова желаніе и просьба великаго князя и великой княгини о дозволеніи пріѣхать къ ней проститься въ Царское Село, на которое она отвѣчала: „По природной моей чувствительности, трагедія, прощаніе и разстронутой быть здоровью моему вредно, и для того желаю, чтобъ ихъ высочествы сюда не пріѣзжали; они сами нѣсколько недѣль были больны и у великой княгини всякой день была лихорадка; здѣсь простудиться весьма легко, холодно такъ, что мы шубы цѣлый день не снимаемъ, да и меньшой сынъ у нихъ боленъ; пустыя-же церемоніи въ моихъ глазахъ не имѣютъ ни качества, ни количества" [1]).

Вечеръ 6 января начался довольно скучно. Императрица продолжала молчать; противъ своего обыкновенія, она не приглашала никого на партію картъ или въ шахматы. На выручку скучавшему обществу пришла камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова и предложила играть въ лото. Анна Степановна имѣла страсть къ лото и получила даже прозваніе королевы лото (la reine de loto) въ придворномъ кружкѣ. Она начала раздавать разныя съ смѣшными названіями придворныя должности при своей королевской особѣ. Императрица понемногу развеселилась, и всѣ развеселились, начались неумолкаемые разсказы [2]).

[1]) Собственноручная записка Храповицкаго въ Прид. арх.

[2]) Объ *лото* въ этотъ день. См. письма императрицы къ Гримму отъ 29 ноября 1787 г. въ Сбор. ист. общ. т. XXIII, см. также Записки Сегюра, т. III.

Императрица набросала слѣдующую программу эпической поэмы о путешествіи въ Тавриду г. Лоона, т. е. Леона—или Льва Александровича Нарышкина, который постоянно забавлялъ императрицу шутливыми своими разсказами и выходками. Вотъ собственноручная записка императрицы:

Prospectus:

Le voyage en Tauride.

Poeme epique.

Cet ouvrage sortera de presse immediatement après le voyage outremer de Sir Loon.

Sujet du chant premier.

Après la proposition et l'invocation, début ordinaire des poemes epiques; l'auteur commence son recit par l'enumération des preparatifs de voyage. Ensuite il raconte ce qu'en disent les speculatifs, les politiques, les courtisans, les flatteurs, les critiques, les medecins, les militaires, les marins. Liste des noms de ceux qui entreprennent ce voyage. Plaintes des chevaux qu'on place sur la route. Circonstances dans les quelles il est entrepis. Conjectures des papiers publiés à ce sujet. Histoire des villes par les quelles on passera [1]).

Собраніе придворныхъ и посланниковъ и игра въ лото окончились по обыкновенію въ 9 часовъ вечера. Императрицѣ откланялись всѣ до завтрашняго утра, назначеннаго къ отъѣзду, и императрица удалилась во внутренніе свои покои.

Современный поэтъ, Аполлонъ Майковъ, сочинилъ стихи: „*Дифирамбъ, по случаю отъѣзда ея императорскаго величества Екатерины II въ Херсонъ*“.

Градетъ россійскихъ странъ царица,
Градетъ изъ сѣвера на югъ!
Чтобъ тамъ благотворить народы,
И жизнь блаженну утвердить,
Безъ капли крови побѣжденныхъ,
Любовью, кротостью, щедротою плѣненныхъ.

—

Гряди россійская Минерва,
Свершить толико славный путь!
Гряди россійская Астрея
Народамъ счастіе творить!
Гдѣ твой любезный зракъ возблещетъ,
Въ очахъ тамъ зрится рай, злощастіе трепещетъ.

—

[1]) Соб. записокъ въ придв. арх.

Къ потокамъ твоея щедроты,
Текутъ изъ всѣхъ народы странъ,
Ты жизнь даешь, отрады новы,
Тебя всѣ божествомъ зовутъ,
Хвалы сердечныя сплетаютъ:
Владыковъ Россовъ ты' и купно мать, вѣщаютъ!

—

Ты всѣмъ намъ милости являешь,
Никто отъ нихъ не отчужденъ,
Ты бѣдныхъ, сирыхъ защищаешь
И хлѣбъ насущный имъ даешь,
Ты царь царей земныхъ зерцало!
Безъ добродѣтелей, одно названье мало.

—

Не пышность сана украшаетъ,
Не блескъ короны выситъ ихъ,
Сіи достоинства всѣ тщетны,
Коль въ сердцѣ нѣтъ ихъ правоты;
Нерона, Тита, зрю въ порфирѣ,
Но что? Одинъ злодѣй, другой прославленъ въ мірѣ!

—

Царей безсмертіе вѣнчаетъ;
Но разны имъ вѣнцы даетъ:
На злыхъ терновый возлагаетъ,
Для добрыхъ лавровый сплетенъ.
Се! жребій вамъ земны владыки!
Екатерина, Петръ и добры и велики!

—

Гряди россійскихъ странъ Минерва,
Свершить толико славный путь,
Гряди россійская Астрея
Народамъ счастіе творить!
Гряди премудрая царица
Тебѣ сопутствуетъ Всевышняго десница!

Сочинилъ Аполлонъ Майковъ [1]).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Рукопись хранится въ архив. придв.

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. [1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Перейдемъ къ отношеніямъ родителей къ дѣтямъ и обратно. Начнемъ съ отношенія къ „дрибнымъ дитямъ", потому что здѣсь, какъ и вездѣ, отношенія эти видоизмѣняются по мѣрѣ возрастанія дѣтей, увеличивающейся способности къ самостоятельной жизни и къ спросу на нее.

Вы видывали когда нибудь, читатель, семью отправляющуюся въ поле во время жатвы съ серпами, *торбынкою* съѣстнаго, *боклагомъ* воды, съ *треногамы* для установленія *колыски* и съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ у матери? Если вамъ къ тому случалось провести въ это время ночь въ крестьянской хатѣ, если вы видывали крѣпкій сонъ изнуренныхъ работой, прерванный плачемъ дитяти, спокойное подчиненіе матери данной необходимости, слышали скрипъ *колыски*, качаемой подъ тихое напѣваніе „котка" изнуренными ея устами, то вы знаете, сколько тихаго и стойкаго самоотверженія вмѣщаетъ въ себѣ мужицкая *don con bambino*. Она, конечно, въ домашнемъ кругу прежде всѣхъ и больше всѣхъ заботится о дитяти; ласку и игры она крадетъ, такъ сказать, у своей трудовой жизни; ей некогда разнѣжиться для препровожденія времени; она не подбираетъ ласкательныхъ словъ, она нерѣдко обратится къ дитяти съ словами: „що-жъ ты, скурвый сыну", и только добрая ея улыбка даетъ ласкательный смыслъ фразѣ. Среди трудной обстановки

[1]) См. „Кіевская Старина" 1890 г, № 10.

повседневной жизни она иногда сурово разбранитъ, а то и побьетъ *дитыну*, но среди труда и забавы мысль ея не разстается, не можетъ разстаться съ заботою о дитяти.

Впрочемъ, беззащитность дитяти вызываетъ въ народной средѣ не только преданность матери, но и всеобщую внимательность. Путешествуя въ вагонахъ 3-го класса, вы по необходимости обратите вниманіе на ту всеобщую уступчивость, которою пользуется мать, ѣдущая съ ребенкомъ. Во многихъ пѣсняхъ выдвигается та первенствующая роль, которую играютъ дѣти въ семьѣ. Въ извѣстной пѣснѣ о Семенѣ, покинутомъ женой, она не осуждается съ точки зрѣнія интересовъ мужа, а съ точки зрѣнія интересовъ дѣтей.

Ой ударте морозы
Та на густыи лозы—
Побый, Боже, Катерыну
За сыритськіи слёзы.

Въ другой пѣснѣ умирающая жена проситъ „мылого“ насыпать ей „въ садочку“ высокую могилу и посадить „червону калыну“. Онъ исполнилъ ея желаніе и теперь

. . . . . . по садочку ходыть
Мале дытя на рученькахъ носыть,
А другейе за рученьку водыть,
Свою мылу хорошенько просыть:
Устань, мыла, зацвила калына,
Разплакалась малая дитына.
—Нехай плаче, нехай забавляйеться,
Нехай мене не сподивайеться.
—Розступиться, калынови виты,
Прыймы, мыла, маленькіи диты,
Розступыся, а ты сыра земле,
Прыймы, мыла, и мене до себе.

Въ пѣснѣ объ убійствѣ жены мужемъ, любившимъ другую:

Ой прыходыть винъ до дому,
Ставъ ножа гострыты,
Його мыла, чорнобрыва
Начала просыты:
Пожды мылый, чорнобрывый,
Хочъ йидну годыну,
Нехай же я погодую
Малую дитыну.

Въ извѣстной лирницкой пѣснѣ о *сыриткѣ*, производящей всегда сильное впечатлѣніе на крестьянскую женскую публику, указывается на гореванье сироты безъ „риднои матинки", на гробѣ которой она плачетъ, прося принять ее къ себѣ. Тѣ же основныя мысли и въ свадебныхъ пѣсняхъ на свадьбѣ сироты. Чувство родительское часто воспѣвается воплощеніемъ его въ животный міръ. Материнская любовь чаще всего воплощается въ чайкѣ.

„Вернить мои чайенята,
Я ихъ ридная маты".

Менѣе, кажется, извѣстна пѣсня, въ которой родительское чувство руководитъ дѣяніями отцовъ, образы тоже изъ животнаго міра. Вотъ она:

Одъ корчомки та до могылы
Симсотъ верстовъ, ще й чотыры.
Ой тамъ козакъ та напывався,
А кинь зъ орломъ закладався:
—Якъ ты мене, коню, попередышъ,
То ты мени крыльця всичешъ.
Якъ я тебе, коню, попереджу,
То я тоби копытъ зибъю.
Ой кинь бижыть—земля двыжыть,
Орелъ летыть—ажъ гай шумыть.
Ой прыбигъ кинь та до могылы,
Заждавъ орла тры годыни.
—Де жъ ты, орле, та забарывся
До могылы опизнывся?
Ой з-за горы снижокъ пролитайе,
А кинь орлу крыльця одсикайе.
—Ой коню мій, коню вороненькій,
Не сыроты моихъ диточокъ маленькихъ.
Ой я, орелъ, та дитокъ маю,
То я до ныхъ залитаю.
Ой з-за горы снижокъ пролитайе,
А кинь орла братомъ называйе.

Указывая на эти стороны отношеній родителей къ дѣтямъ, я, конечно, не игнорирую и фактовъ *недбалости*, суроваго обращенія съ дѣтьми со стороны иныхъ родителей. Факты эти встрѣчаются, хотя не такъ часто, какъ многіе предполагаютъ. Болѣе взрослыя дѣти въ значительной мѣрѣ предоставляются, отчасти по необходимости, самимъ себѣ, ходячее мнѣніе однако

о полной, такъ сказать, воспитательной невнимательности къ нимъ родителей крайне преувеличено. Занимаясь въ сельской школѣ, по нраву и общему виду дѣтей, я могъ всегда почти безошибочно заключать о степени нравственной порядочности и развитости родителей.

Тѣмъ не менѣе воспитательные пріемы страдаютъ часто здѣсь, какъ и въ иныхъ общественныхъ группахъ, грубостью, архаичностью и близорукой утилитарностью. Она то, главнымъ образомъ, отравляетъ систему воспитанія не въ одной крестьянской средѣ. Сущность ея въ томъ, что воспитатель не справляется съ побужденіями, которыми достигается желательное для него поведеніе, и всѣ пріемы считаются безразлично годными, лишь бы они вели къ фактическому исполненію ребенкомъ того, что воспитателю кажется желательнымъ. Такъ, напр., онъ не хочетъ, чтобы его дѣти дѣлали *шкоду* въ горохѣ или огурцахъ на его огородѣ и на огородахъ сосѣдей,—онъ разсказываетъ имъ о *зализной бабѣ*, стерегущей эти плоды. Ему не желательно по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, чтобы дѣти ходили къ тому или иному сосѣду,—онъ разсказываетъ имъ напр., что тамъ отрѣжутъ имъ языкъ и что ножъ, который тамъ острятъ въ данный моментъ, приготовляется для этой именно цѣли. Плачъ дитяти усмиряютъ угрозою, что *дидъ-старецъ* услышитъ и заберетъ въ торбу. Нежелательна родителямъ какая нибудь экскурсія дитяти—и говорятъ ему спокойно: „не йды—вова злякайе“ и т. п. Достигается этими средствами намѣченная практическая цѣль—и воспитатели довольны. При такой точкѣ зрѣнія и колотушки представляютъ весьма цѣлесообразный пріемъ.

Архаичность воспитательныхъ пріемовъ состоитъ въ догматической морализаціи безъ попытокъ ея обоснованія. *Це гришка*, говорятъ, какъ окончательный аргументъ, причемъ то, что именуется *гришкою* для дѣтей, не всегда считается грѣхомъ для взрослыхъ. Впрочемъ, архаичность крестьянскаго воспитанія никогда не доходитъ до тѣхъ границъ, до которыхъ она часто доходитъ въ интеллигентной средѣ, гдѣ внушаютъ иногда дѣтямъ цѣлую кучу условныхъ понятій, не признаваемыхъ воспитателями. Тамъ внушается часто цѣлая іерархія любви въ зави-

симости отъ степени родства, тамъ критика лицъ и учрежденій, составляющихъ предметъ постоянныхъ разговоровъ старшихъ, считается непозволительной въ присутствіи дѣтей. До такихъ утонченныхъ пріемовъ наши крестьянскіе педагоги не додумались: они не внушаютъ никакой табели о любви, они говорятъ при дѣтяхъ о всемъ и о всѣхъ такимъ же тономъ, какъ и безъ нихъ, и если умалчиваютъ иногда, то развѣ по непосредственно практическимъ соображеніямъ, избѣгая слишкомъ болтливыхъ слушателей.

Отличаясь выгодно въ этомъ отношеніи, крестьянскіе педагогическіе пріемы—въ силу самаго склада жизни—имѣютъ важное преимущество еще въ одномъ. Подростающее дитя—сотрудникъ родителей, и это товарищество по труду вводитъ разумный элементъ во взаимныя отношенія. „Ты, сыну, пожены кони до воды, а я тимчасомъ внесу пашни“; „ты, доню, погляды дитыну, а я пійду на ричку“ и т. п. У умныхъ и добрыхъ по натурѣ людей это товарищество по труду развивается незамѣтно въ цѣлую систему разумныхъ семейныхъ отношеній. Случается, конечно, и то, что руководители эксплоатируютъ руководимыхъ и отсюда острыя столкновенія, но о нихъ рѣчь впереди.

Но, говоря о дѣтяхъ, нельзя не остановиться еще на одной сторонѣ дѣла. Заботы о содержаніи и воспитаніи дѣтей не легко даются среди трудной обстановки крестьянской жизни. „Части диты“ подрываютъ здоровье матери, прокормленіе многочисленной семьи требуетъ значительныхъ усилій, нравственное руководство труднѣе при многочисленныхъ дѣтяхъ. При томъ же нашъ крестьянинъ собственникъ и у него ограниченная „градка“ поля. Я слышалъ очень часто разговоры на тему: „що зъ того буде“, когда населеніе увеличится; теперь уже *пишакъ* (пѣшій надѣлъ) дѣлятъ на *третыны* и *четвертыны*, а дальше предстоитъ еще большее дробленіе. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній старая пословица „дасть Богъ диты, дасть и на диты“ переходитъ постепенно въ область переживанія. Одинъ врачъ, имѣющій довольно обширную практику среди крестьянъ, говорилъ мнѣ, что къ нему часто обращаются крестьяне съ вопросомъ: что дѣлать для того, чтобы избѣжать дальнѣйшаго приращенія

семьи. Разъ зарождается такая точка зрѣнія среди крестьянъ, понятнымъ становится медленное приращеніе населенія во французскихъ сельскихъ округахъ и притомъ тѣмъ болѣе медленное, чѣмъ большая часть населенія принимаетъ участіе въ землевладѣніи и чѣмъ болѣе въ ней развитъ инстинктъ предвидѣнія, выражающійся въ страхованіяхъ и пр. У насъ, насколько мнѣ извѣстно, это пока только теоретическая точка зрѣнія, но тѣмъ не менѣе несправедливо забываемый и плохо понимаемый старикъ Мальтусъ обрадовался бы ея появленію.

По мѣрѣ возрастанія дѣтей ослабѣваетъ ихъ безпомощность, они становятся самостоятельнѣе, стремленіе къ самостоятельной жизни усиливается, особенно послѣ женитьбы сыновей, но у родителей не всегда умаляется пропорціонально съ этимъ желаніе руководить безусловно, или же, что еще чаще, притязанія на руководство уменьшаются, но запаздывая. Если въ семьѣ устанавливается между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ то товарищество по труду, о которомъ я говорилъ, если старшее поколѣніе выдвигаетъ въ этомъ отношеніи на первый планъ не свое безусловное усмотрѣніе, а потребности общаго хозяйственнаго дѣла, то само это дѣло дисциплинируетъ вполнѣ цѣлесообразно взаимныя отношенія, согласно съ измѣняющимися во времени личными свойствами соучастниковъ. Вершеніе болѣе важныхъ дѣлъ родителями въ данной хозяйственной ассоціаціи является въ началѣ вполнѣ естественнымъ, дѣти въ это время являются помощниками и, какъ таковые, естественно подчиняются соображеніямъ главнаго руководителя дѣла. Но со временемъ трудоспособность его слабѣетъ, возрастая въ младшемъ поколѣніи. Тогда главныя хозяйственныя функціи переходятъ къ младшему поколѣнію, старики являются помощниками, умудренными опытомъ, и потому ихъ нравственное положеніе въ данной ассоціаціи почетно. Вершитель въ семьѣ главнаго хозяйственнаго дѣла является и внѣ ея главнымъ ея представителемъ. На сельскіе, напр., сходы прежде ходилъ отецъ, потомъ сынъ является туда главнымъ образомъ. Если въ старшемъ поколѣніи есть достаточно такта, то оно здѣсь, какъ и во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, тѣмъ успѣшнѣе сохраняетъ свой нравствен-

ный авторитетъ, чѣмъ своевременнѣе дѣлаетъ уступки. Я знаю крестьянскія семьи, которыхъ жизнь слагается такимъ именно образомъ. Онѣ производятъ отрадное въ высшей степени впечатлѣніе на полѣ ли за работой, за бесѣднымъ ли столомъ въ праздничное время. О сосредоточенномъ чувствѣ обиды у младшихъ членовъ семьи, о презрительномъ отношеніи къ неспособнымъ къ труду старикамъ—и мысль не является.

Но бываетъ не разъ, къ сожалѣнію, и иначе. Родители, привыкшіе къ руководству, не мирятся съ мыслью о необходимости мотивировать свои соображенія, онѣ кажутся имъ такъ же авторитетными для дѣтей, способныхъ къ самостоятельному мышленію и критикѣ, какъ для бѣгающихъ безъ штановъ мальчишекъ. За отрицаніемъ права на самостоятельное мышленіе и распоряженіе трудомъ идетъ и отрицаніе права на свободное распоряженіе отдыхомъ, отсюда цѣлый рядъ взаимныхъ неудовольствій и попрековъ, обостряющихся тѣмъ болѣе, чѣмъ обширнѣе становится кругъ самостоятельныхъ потребностей младшаго поколѣнія и въ данномъ случаѣ чаще всего послѣ брака. Острыя ссоры при выдѣлѣ изъ семьи младшихъ, взаимное неудовольствіе и часто презрительное отношеніе къ неспособнымъ къ труду родителямъ, охающимъ гдѣ нибудь на печи и составляющимъ бремя, которымъ очевидно тяготится младшее поколѣніе, составляютъ грустную исторію семейной жизни въ этомъ случаѣ. Я знаю и такія семьи.

Въ раздраженіи стороны высказываютъ взаимный взглядъ въ слѣдующихъ стеоретипныхъ фразахъ: „мойе г...., та мени перечыть"—говорятъ старики.—„Я тому не виненъ, що вы мене на свитъ пустылы", говоритъ младшее поколѣніе. Въ ром. вол. судѣ (1880 г.) разбиралось дѣло о томъ, что сынъ отрицалъ нравственный авторитетъ матери, указывая въ грубой формѣ на физіологическія побужденія родителей, вызвавшія его къ жизни.

Острыя столкновенія въ семейной жизни родителей и дѣтей доходятъ иногда до волостнаго суда. Посмотримъ, какъ онъ къ нимъ относится.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ 17 рѣшеній, по которымъ сыновей за грубость на сло-

вахъ или битье родителей волостной судъ приговорилъ къ розгамъ. Между ними одно (жидов. вол. судъ 1880 г.), гдѣ преступленіе сына состояло въ томъ, что онъ схватилъ за руки мать, бившую его жену. Далѣе одно (ром. вол. судъ 1882 г.), по которому—при взаимности побоевъ между отцомъ и сыномъ—отецъ приговоренъ къ аресту,—и одно (ром. вол. судъ 1886 г.), по которому сынъ, вступившійся за дядю и защитившій его отъ побоевъ отца, оправданъ. Въ двухъ (изъ приведенныхъ выше) случаяхъ, независимо отъ наказанія сына, судъ обязываетъ разъ отца, другой разъ мать выдѣлить сыну припадающую на него часть земли. Одно рѣшеніе слѣдующаго содержанія:

1881 г. Ром. вол. судъ. Отецъ жалуется на сына за неуваженіе съ его стороны и на то, что сынъ выгналъ его изъ хаты и не даетъ средствъ къ существованію. Сынъ утверждаетъ, что обращался съ отцомъ съ должнымъ уваженіемъ, и потому удивляется жалобѣ; почему отецъ перешелъ на жительство къ невѣсткѣ, онъ не знаетъ. Свидѣтели подтвердили показаніе сына. Судъ рѣшилъ; пусть сынъ хозяйничаетъ на всемъ надѣлѣ и даетъ отцу половину готоваго зерна и пусть уважаетъ отца. Защищая суровыми рѣшеніями родительскій авторитетъ (вол. судъ присуждаетъ, впрочемъ, розги и за битье жены, какъ мы видѣли, и за битье постороннихъ лицъ, главнымъ образомъ слабыхъ стариковъ или женщинъ, но объ этихъ случаяхъ въ другомъ письмѣ)—волостной судъ не только не игнорируетъ имущественныхъ правъ дѣтей (какъ мы здѣсь видѣли и скоро увидимъ подробнѣе), но не оставляетъ безнаказанной и грубости родителей по отношенію къ дѣтямъ.

1874 г. Новоселицкій вол. судъ. За взаимную драку, вчатую отцомъ, отецъ и сынъ оштрафованы въ пользу мірскихъ суммъ.

1875 г. Новос. вол. судъ. Отецъ и мачиха обижали невѣстку и сына. Съ перваго—денежный штрафъ въ пользу мірскихъ суммъ, вторую выдержать подъ арестомъ.

1880 г. Нов. вол. судъ. За побои отцомъ сына—съ отца денежный штрафъ въ пользу обиженнаго.

1880 г. Нов. в. судъ. Отцу, жалующемуся на сыновей, но пьянствующему и разоряющему хозяйство внушеніе суда объ исправленіи.

1875 г. Жидов. вол. судъ. Сынъ жалуется на отца за грубое обращеніе; свидѣтели устанавливаютъ вспыльчивость обоихъ. Судъ, находя невозможнымъ общее житье, постановляетъ объ отдѣленіи части хаты въ пользу сына и о раздѣлѣ движимостей.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ слѣдующаго дѣла, разбиравшагося въ сквирской сессіи окружнаго суда. Выпивавшій отецъ обижалъ женатаго сына, прогонялъ его изъ дому и т. д., несмотря на трудолюбіе и спокойный нравъ сына. Послѣ одной изъ сценъ взрыва отеческаго произвола—сынъ поджегъ отцовскую хату среди бѣла дня. Онъ былъ немедленно арестованъ и сознался въ фактѣ. Въ составѣ присяжныхъ было 11 крестьянъ, въ значительномъ большинствѣ старики. Они вынесли оправдательный вердиктъ. Одного изъ присяжныхъ крестьянъ, молодаго и замѣчательно умнаго человѣка, я спросилъ: какъ прошло дѣло, не было ли оппозиціи со стороны стариковъ?—Нѣтъ, отвѣтилъ онъ мнѣ; дѣло сразу рѣшилось. Мы только вышли для совѣщанія, какъ вотъ этотъ старикъ подошелъ къ столу и сказалъ: „якъ бы батько, якъ батько, то не було бъ цёго дила“. За цимъ словомъ вси и подалы свій голосъ.

Когда въ спорѣ между родителями и дѣтьми дѣло коснется имущественныхъ правъ дѣтей,—волостной судъ неуклонно и твердо отстаиваетъ права дѣтей. Въ иномъ, не крестьянскомъ мірѣ обереганіе правъ сыновнихъ въ такихъ границахъ, въ какихъ оно практикуется волостнымъ судомъ, было бы непонятно. Тамъ родители знаютъ только расходы на воспитаніе дѣтей, здѣсь дѣти являются сотрудниками родителей. Русскій писанный законъ гласитъ, что наслѣдство открывается только со смертію наслѣдодателя, повседневная практика нашихъ волостныхъ судовъ вводитъ принципъ выдѣленія дѣтямъ наслѣдства при жизни родителей. Тотъ и другой принципъ имѣетъ достаточное обоснованіе въ бытовыхъ особенностяхъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя имѣлись въ виду при его установленіи. Въ началѣ меня поражали тѣ имущественные споры и точные разсчеты, которые велись между дѣтьми и родителями въ крестьянской средѣ; прислушиваясь къ нимъ внимательнѣе и вникая въ ихъ сущность, я перестаялъ скандализироваться, такъ какъ вмѣсто условнаго

понятія, вынесеннаго изъ другой среды, я замѣтилъ въ основѣ ихъ другой, болѣе общій и несомнѣнно почтенный принципъ: соотвѣтственности правъ на имущество съ трудомъ. Я бывалъ свидѣтелемъ споровъ или объясненій сына о томъ, что онъ имѣетъ тѣ или иныя права на имущество отца, такъ какъ данная клуня имъ построена, бычки куплены за заработанныя имъ въ экономіи деньги и т. п. Мнѣ случалось и то, что отецъ, сынъ котораго служилъ у меня, приглашалъ меня быть свидѣтелемъ его объясненій о томъ, на что онъ обратилъ деньги, заработанныя сыномъ и переданныя отцу. Я слышалъ часто разсужденія сыновей о томъ, что если бы они столько лѣтъ работали у чужихъ людей, сколько они работали въ хозяйствѣ отца, то они достаточно обезпечили бы себя для заведенія самостоятельнаго хозяйства. На вопросъ о содержаніи ихъ во время, предшествовавшее ихъ трудоспособности, они отвѣчаютъ, указывая на то, что и они своихъ дѣтей содержатъ, что они въ томъ не повинны, что родители ихъ „на свитъ пустылы".

Старшее поколѣніе, въ свою очередь, повторяетъ переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе нареканія о „теперешнихъ дитяхъ", о томъ, что дѣти не будутъ въ свое время такъ интересоваться родителями, какъ родители ими во время ихъ малолѣтства (что настолько же вѣрно, насколько естественно и неизбѣжно) и т. п.

Конечно, во многихъ семьяхъ дѣло не доходитъ до этихъ споровъ, въ другихъ, если они и являются, то улаживаются всетаки въ домашнемъ кругу мирнымъ раздѣломъ, и такихъ раздѣловъ громадное большинство. Равное право на землю отца и сыновей—основной ихъ принципъ. Но иногда дѣла настолько обостряются, что дѣло доходитъ до волостнаго суда. Рѣшенія волостныхъ судовъ не оставляютъ никакого сомнѣнія о томъ, въ какомъ смыслѣ рѣшаетъ данный вопросъ крестьянское общественное мнѣніе.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ 24 рѣшенія, въ которыхъ судъ обязываетъ отца выдѣлить сыну припадающую на него часть земли, причемъ за отцемъ признается право на такую же часть земли, какъ и за

сыновьями. Въ иныхъ рѣшеніяхъ между мотивами указано прямо на долголѣтній трудъ сына, въ иныхъ это только подразумѣвается. Рѣшенія эти вызываются иной разъ жалобами родителей, иной—просьбами дѣтей. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ (1875 г. новос. вол. судъ) отецъ жаловался на сыновей, но оказалось, что онъ „строгъ", и судъ рѣшилъ выдѣлить сыновьямъ и отцу по-ровну. Иной разъ сынъ наказывается за дурное обращеніе съ отцомъ, но независимо отъ этого судъ обязываетъ отца выдѣлить сыну соотвѣтствующую семейному составу часть земли. Иногда сынъ жалуется на притѣсненія со стороны отца и судъ постановляетъ о выдѣлѣ сыну части земли. Я не буду приводить здѣсь подробно разныхъ частныхъ случаевъ; общій смыслъ рѣшеній: одинаковое право отца и сыновей на земельный надѣлъ и признаніе необходимости раздѣла, разъ являются разногласія при жизни въ одной хатѣ отца и сына. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ являются женатые сыновья (мнѣ неизвѣстны случаи выдѣла холостому сыну; въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ это обстоятельство часто остается невыясненнымъ).

П. М. Дашкевичъ говорилъ мнѣ, что во всѣхъ волостяхъ сквирскаго уѣзда рѣшенія волостныхъ судовъ въ этомъ смыслѣ встрѣчаются сплошь да рядомъ. Въ рѣшеніяхъ о выдѣлѣ части земли сыну иногда сказано о выдачѣ ему матеріала на постройку хаты, иногда нѣтъ, но во всѣхъ подразумѣвается выдѣлъ изъ общаго домашняго хозяйства. Волостной судъ, очевидно, не считаетъ нормальнымъ строить семейный бытъ на принципѣ поглощенія самостоятельности младшаго поколѣнія авторитетомъ старшаго. Дочери въ рѣдкихъ только случаяхъ пользуются удѣломъ въ земельномъ владѣніи. Сообразно съ этимъ и съ общимъ принципомъ, лежащимъ въ основѣ семейно-экономической ассоціаціи, разнится способъ употребленія заработанныхъ денегъ сыновьями и дочерьми. *Хлопци*, зарабатывая деньги на сторонѣ въ качествѣ поденныхъ, лѣтнихъ или годовыхъ рабочихъ, употребляютъ только часть ихъ на свои непосредственныя потребности (одежду, обувь, развлеченія и т. п.), главную же часть заработка они вносятъ въ общую семейно-хозяйственную кассу. На заработанныя ими деньги покупаются нерѣдко лошади, быки,

строятся хозяйственныя постройки и т. п. Провизія зерномъ, зарабатываемая ими, идетъ на прокормленіе семьи или на посѣвъ, смотря по обстоятельствамъ. Однимъ словомъ, они влагаютъ свои заработки въ кассу ассоціаціи, постоянными членами которой они состоятъ.

Иначе съ *дивчатами*. Онѣ временно только проживаютъ въ родительской семьѣ. Когда онѣ дома, онѣ, конечно, помогаютъ въ дѣлахъ хозяйства, которое ихъ кормитъ, но своихъ заработковъ на сторонѣ онѣ не отдаютъ въ семейную кассу; онѣ „справляютъ" себѣ одежду и припасаютъ приданое; родители уже мало безпокоятся снабженіемъ „скрыни" своей дочери при ея выходѣ замужъ.

Перейдемъ теперь къ положенію чужихъ въ смыслѣ кровномъ людей, но живущихъ въ одной семьѣ, къ положенію зятей, невѣстокъ, тестей, свекрухъ, отчимовъ, мачихъ и т. д.

Всего чаще, во всякой почти семьѣ, встрѣчается жена сына *невистка*; отношеніе къ ней *свекрухи* и обратно—представляетъ значительный интересъ. Свекоръ, занятый болѣе хозяйствомъ внѣшнимъ, стоитъ дальше отъ невѣстки; онъ уже по свойству своихъ занятій обыкновенно менѣе мелоченъ, потому и отношенія между свекромъ и невѣстками обыкновенно бываютъ удовлетворительны, и если перестаютъ быть таковыми, то чаще всего подъ вліяніемъ *старои*. Свекровь имѣетъ ежеминутныя сношенія съ невѣсткой, невѣстка—помощница въ ея отрасли хозяйства; она, предполагается, должна работать *за прыводомъ* свекрухи и замѣнить ей дочь. Но двѣ женщины у одной печи трудно вообще уживаются; прибавьте къ тому, что одна изъ нихъ склонна понимать свой *прывидъ* въ смыслѣ безусловныхъ распоряженій, другая имѣетъ естественный спросъ на самостоятельную жизнь и въ качествѣ *молодыци* подразумѣваетъ уже въ себѣ хозяйку, что онѣ въ сущности чужія себѣ женщины, поставленныя условными понятіями въ отношеніе „мамы" и „дони", что мать склонна всегда находить жену своего сына недостойной его, а *невистка* подозрѣвать во всякомъ непріятномъ ей поступкѣ мужа вліяніе его матери, предполагать бо́льшую его привязанность къ давней семьѣ, чѣмъ къ себѣ, соображать, что

онъ „завязавъ іи свитъ“ и ввелъ ее въ чуждый для нея, но близкій для себя міръ,—и станетъ понятно то множество столкновеній, которыя вызываетъ совмѣстная жизнь свекрови и невѣстки.

Я видывалъ прекрасныя сожительства свекрухъ и невѣстокъ, построенныя на взаимной помощи въ трудѣ и взаимной уступчивости, видывалъ ихъ дружными не только за общей работой, но и въ свободное время относящихся съ пріятельскою предупредительностью товарокъ, но чаще я видывалъ взаимныя, болѣе или менѣе явныя, несогласія между ними, слышалъ шепотъ взаимныхъ нареканій, а то и открытые взрывы раздраженія. Въ выдѣлахъ сыновей трудность ужиться въ одной хатѣ свекрови и невѣсткѣ играетъ не послѣднюю роль. Если невѣстокъ нѣсколько въ хатѣ, то это еще болѣе способствуетъ несогласіямъ. То та, то другая старается „запобигты ласку“ свекрови, другія нарекаютъ, и дѣло осложняется. Въ *Кайдашевой симьи* Левицкаго прекрасно подмѣчены и изображены подобнаго рода отношенія.

Народная поэзія часто обращается къ темѣ отношеній свекрови и невѣстки. Не предпринимая систематическаго обзора пѣсенъ на эту тему,—приведу два-три образчика изъ этого неоцѣненнаго источника уразумѣванія народнаго міровоззрѣнія.

Послушаемъ прежде свекруху.

Ой и пъю я медъ-горилку
Ще й маю надію—
Та де свою голивоньку
На старисть подію.
Ой пійду я до зятенька
На высоки пороги,
А зять мени одказуе:
Пиднимай, теще, ноги.
Ой пиду я до сыночка
На шырокіи лавки,
А невистка одказуе:
Не треба намъ мамки.
А сыночокъ одказуе:
Нехай маты буде,
Вона наши дрибни диты
Доглядаты буде.
А невистка одказуе:
Люта зима буде,
А хто твою ридню матиръ
Опыраты буде?
А сыночокъ одказуе:
Буду прачку наймаиы,
Таки свою ридню матиръ
Буду опыраты.
Иде маты изъ риченьки,
Якъ береза льеться,
А невистка у порози
Изъ неи сміеться.
Прыйшла маты изъ риченьки,
На порози впала.
— Дывысь, дывысь, чоловиче,
Прыйшла маты пъяна.
— Бодай же ты, моя мыла,
Такъ на свити жыла,
Тильки моя ридна маты
Горилочку пыла.

Въ другихъ пѣсняхъ сынъ не только защищаетъ мать отъ напрасныхъ упрековъ невѣстки, но и поддается вліянію матери въ ущербъ женѣ. Вліяніе это очерчено въ нихъ далеко неблаготворнымъ. Довольно распространена пѣсня о матери, женившей „по неволѣ сына". Жизнь ихъ не ладится и мать совѣтуетъ, какъ *скираты* невистку. Сынъ слѣдуетъ совѣтамъ:

О пивночи нагайка шумила,
А до свита мыла вже нежыва.
Лежить мыла, якъ китайка, сыня,
А мыленькій, якъ папиръ, биленькій.

Тогда онъ обращается къ матери съ вопросомъ, полнымъ упрека: ты научила *скарать* ее,

Теперъ скажы якъ іи сховаты.
— Зырвы, сыну, въ комори стелыну,
Сховайемо чужую дитыну.
— Не здіймайеться въ комори стелына,
Не ховайеться чужая дитына.

Этотъ вопль о горькой долѣ „чужой дитыны" звучитъ и въ слѣдующей пѣснѣ, которую приведу цѣликомъ, какъ менѣе извѣстную.

Оженыла маты сына та по неволи,
А взяла невисточку не до любови,
Не билее лыченько, не чорныи бровы.
Посылае сыночка въ далеку дорогу,
Молоду невисточку у поле брать лёну.
Якъ выряжала, той прыказала:
Не выберешъ лёну, не приходь до дому,
А стань соби въ поли тополею.
Ой прыихавъ сынъ зъ далекой дороги,
А впавъ своій матери у билыи ноги.
— Ой здраствуй, здраствуй, матинько моя,
А де-жъ твоя невисточка, а моя жона?
— Ой прыняла, сыночку, сырая земля.
— Обійшовъ я Польщу и всю Украину.
Та не бачывъ я такого дыва,
Якъ у нашому поли, та стоить тополя:
Безъ буйного витра колыхаеться,
Безъ ясного сонечка выкрашаеться.
— Визьмы, визьмы, сыну, гострую сокиру,
Зрубай ту тополю нызько при кориньи.
Ой цюкнувъ винъ разъ—вона похилылась.

Ой цюкнувъ винъ другий—вона промовыла:
— Не рубай тополи, бо я твоя мыла,
Оце-жъ твоя матинка такъ наробыла.

Эта пѣсня по своимъ образамъ переноситъ насъ въ весьма отдаленное время; въ современной жизни *матинка* рѣдко успѣваетъ много *наробыть лыха* „чужойи дитыни". Я уже говорилъ, какъ въ случаяхъ даже временной большей податливости сына внушеніямъ его семьи въ ущербъ женѣ дѣло кончается обыкновенно торжествомъ жены и выдѣломъ, при чемъ часто случается, что свекровь, спорившая съ невѣсткою, пока онѣ жили въ одной хатѣ, становится съ ней въ хорошія отношенія послѣ выдѣла.

Посмотримъ теперь, какъ волостной судъ относится къ столкновеніямъ свекрови и свекра съ невѣстками.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ только одно дѣло, разбиравшееся въ 1863 г. въ роман. волостномъ судѣ по обвиненію невѣстки за грубыя ругательства по отношенію къ свекру. Она была приговорена къ наказанію розгами. Рѣшеніе это стоитъ вполнѣ особнякомъ: 1) такъ какъ женщины потомъ изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, 2) такъ какъ въ начальные годы крестьянскаго самоуправленія оно носитъ на себѣ слишкомъ ясные слѣды культурнаго вліянія „старшей братьи", 3) такъ какъ въ аналогичныхъ случаяхъ, при столкновеніяхъ, напр., тестей и зятей и т. п. волостной судъ, какъ увидимъ, далекъ отъ того, что бы права старшаго поколѣнія въ *этихъ* случаяхъ защищать такъ сурово, какъ права роднаго отца и матери.

Значительно больше было разсмотрѣно волостными судами, рѣшеніями которыхъ я пользуюсь, дѣлъ объ обидахъ невѣстокъ со стороны свекра или свекрови. Такихъ дѣлъ замѣчено мною 10. Изъ нихъ въ 9-ти случаяхъ за грубость по отношенію къ невѣсткѣ, за клевету о ея поведеніи со стороны свекрови, за требованье отъ нея работы въ праздникъ или за битье ея—свекоръ или свекровь были присуждаемы къ денежному штрафу или къ 7-дневному аресту. Въ одномъ случаѣ (1867 г. жидов. волостной судъ) за буйство, расточительность и біеніе пасынка и невѣстки отчимъ былъ приговоренъ къ розгамъ.

Въ смыслѣ родственныхъ связей съ положеніемъ невѣстки аналогично положеніе зятя, но въ бытовомъ смыслѣ оно аналогично только тогда, когда зять „пристае въ прыймы" къ женѣ.

Господствующій порядокъ состоитъ въ томъ, что жена переходитъ на жительство къ мужу и принимаетъ участіе въ его хозяйствѣ и имуществѣ. Но случается иногда, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, что отецъ выдѣляетъ часть земли въ пользу дочери и ея мужа „прыймака". Случается это больше, когда у родителей нѣтъ сыновей, а только дочери, когда у нихъ на полный надѣлъ только одинъ сынъ и дочери, когда дочь по тѣмъ или инымъ причинамъ пользуется особеннымъ расположеніемъ родителей, когда она страдаетъ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ, уменьшающимъ ея трудоспособность и т. п. Назначеніе земельнаго надѣла въ пользу дочери и зятя пріймака свершается на основаніи договора словеснаго или письменнаго, заявляемаго иногда въ волостной книгѣ сдѣлокъ и договоровъ. Пересматривая нѣкоторыя изъ этихъ книгъ романовской и новоселицкой волости, я нашелъ тамъ 11 такихъ росписокъ подъ разными наименованіями.

Въ этихъ случаяхъ мужъ, а не жена входитъ въ чужую семью, но такъ какъ мужское хозяйское дѣло не такъ сосредоточено въ хатѣ и не такъ мелочно, то оно даетъ менѣе поводовъ раздражаться. Притомъ мужчинѣ, говоря вообще, легче ладить съ матерью жены, чѣмъ невѣсткѣ, да онъ и болѣе подготовленъ къ самозащитѣ. Прибавимъ къ тому, что въ обществѣ, благосостояніе котораго зиждется на трудѣ, ему нѣтъ причины тяготиться земельнымъ преимуществомъ жены. Но если между родителями и дѣтьми, несмотря на привычку, получаемую послѣдними въ раннемъ дѣтствѣ, къ подчиненію своей воли волѣ родителей, возникаютъ острыя иногда столкновенія, то, разумѣется, встрѣчаются онѣ и съ зятьями-пріймаками. Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, я нашелъ дѣлъ о грубости со стороны зятей-пріймаковъ по отношенію къ тестю или тещѣ 12, имущественныхъ споровъ тестя или тещи, направленныхъ противъ зятей-пріймаковъ, 17.

Ознакомимся въ общихъ чертахъ съ рѣшеніями судовъ по этимъ дѣламъ.

1879 г. Новос. вол. судъ. Зятя-пріймака, наносящаго обиды тещѣ, выселить изъ усадьбы.

1879 г. Новос. вол. судъ. Въ виду обоюдности драки между зятемъ и тестемъ, жалобу тестя о нанесеніи побоевъ оставить безъ послѣдствій. Пусть зять-пріймакъ пользуется землей попрежнему и содержитъ старика тестя.

1881 г. Ром. вол. судъ. Зять за обиды и біеніе тещи подвергнутъ денежному штрафу.

1882 г. Ром. вол. судъ. Въ виду обоюдности драки между тестемъ и зятемъ—жалоба перваго оставлена безъ послѣдствій.

1882 г. Ром. вол. судъ. Idem.

1882 г. Ром. вол. судъ. За обоюдную драку тесть и зять оштрафованы въ пользу мірскихъ суммъ.

Въ 1883 и 1885 Ром. вол. судомъ въ 4 случаяхъ за битье тещи зять приговоренъ къ розгамъ.

1883 г. Ром. вол. судъ. За притѣсненія тещи со стороны зятя—онъ подвергнутъ денежному штрафу.

Волостной судъ, какъ видимъ, рѣшается вступиться суровою карою только за болѣе слабую женщину—тещу; при обоюдности драки съ тестемъ онъ оставляетъ дѣло безъ послѣдствій или подвергаетъ тестя и зятя одному наказанію. Онъ руководствуется такими же соображеніями и при столкновеніяхъ чужихъ людей; онъ далекъ отъ идентифицированія положенія тестя и зятя съ положеніемъ отца и сына. Что касается до имущественныхъ правъ пріймаковъ, то волостной судъ защищаетъ ихъ твердо, хотя чаще готовъ поступиться ими, чѣмъ правами давняго сработника въ хозяйствѣ: сына.

Изъ 17 случаевъ имущественныхъ споровъ между зятьями и тестями въ 11 случаяхъ пріймакъ удержанъ въ цѣлости имущественныхъ правъ, предоставленныхъ ему устнымъ договоромъ или роспискою; въ 3-хъ—земля раздѣлена между зятемъ и тестемъ или тещею пополамъ; въ 3-хъ неуживчивый зять долженъ уйти изъ хаты, получивъ вознагражденіе деньгами или хлѣбомъ.

Говоря о выдѣлѣ судомъ части земли сыновьямъ при жизни отца, я указывалъ на соображенія о трудовомъ ихъ участіи въ имуществѣ семейномъ, какъ на соображеніе первостепенной, по-видимому, важности. Здѣсь какъ будто соображеніе это уступаетъ первое мѣсто соображенію о томъ, что человѣкъ пристроился къ жизни въ данныхъ договорныхъ отношеніяхъ. Волостной судъ, рѣшающійся и въ другихъ случаяхъ отмѣнять договоры, слишкомъ обременительные для одной изъ сторонъ (что будетъ указано подробнѣе въ слѣдующемъ письмѣ)—и здѣсь инстинктивно подчиняется тому-же принципу, скорѣе рѣшаясь устранить имущественныя права пріймака, чѣмъ сына, несмотря на то, что онъ несравненно снисходительнѣе смотритъ на грубость пріймака по отношенію къ тестю, чѣмъ на грубость сына по отношенію къ отцу.

Впрочемъ, и здѣсь соображеніе о значеніи труда не исчезаетъ. Болѣе долго прожившій въ данномъ хозяйствѣ пріймакъ, очевидно, влагаетъ въ него свой трудъ; при менѣе долгомъ проживаніи при оцѣнкѣ имущественныхъ его правъ не можетъ быть упущено изъ виду то обстоятельство, что, по обычаю, „приставая въ прыймы“ на землю жены—пріймакъ *ipso facto* лишается права на удѣлъ въ отцовской его землѣ. Вотъ нѣсколько рѣшеній, въ которыхъ связь имущественныхъ правъ зятя—пріймака съ его трудомъ и вкладами въ хозяйство принявшей его семьи ясно очерчена.

1874 г. Новос. вол. судъ. С. выдалъ свою дочь за В.; зять жилъ при тестѣ три года, теперь жалуется на притѣсненія со стороны тестя и проситъ о выдѣлѣ ему части полеваго надѣла и усадьбы. Судъ постановляетъ: въ виду того, что зять работалъ безплатно въ хозяйствѣ тестя три года—выдѣлить въ его пользу $^1/_3$ усадьбы, обязавъ зятя помогать тестю еще три года въ хозяйствѣ, тестя-же помочь зятю при постройкѣ хаты и пр. на выдѣленной зятю части усадьбы.

1876 г. Ром. вол. судъ. Зять, устраненный тестемъ (за неуваженіе и пр. по словамъ тестя), проситъ о вознагражденіи его за работу въ хозяйствѣ тестя въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Судъ присуждаетъ въ его пользу 100 руб.

1876 г. Жидов. вол. судъ. Зять жалуется на тестя о томъ, что, принявъ его 7 лѣтъ тому назадъ, обѣщалъ передать ему надѣлъ, а теперь гонитъ изъ хаты. Обѣщаніе передачи надѣла не доказано ни роспиской, ни свидѣтелями, но судъ находитъ справедливымъ вознаградить зятя за 6-лѣтній трудъ и расходы, положенные въ хозяйство тестя и присуждаетъ зятю вознагражденія 100 руб. или $^1/_3$ усадьбы тестя.

1883 г. Ром. вол. судъ. Л. жалуется на П., что сей послѣдній завладѣлъ землей отца Л., а ему ничего не даетъ. П. возражаетъ, что онъ „присталъ въ прыймы" къ сестрѣ Л.; Л. былъ тогда малолѣтенъ и П. долженъ былъ его кормить, одѣвать, уплачивать за землю, отбывать повинности. Свидѣтели подтвердили показаніе П. Судъ постановляетъ: выдѣлить Л. (сыну) $^1/_3$ земли, оставляя $^2/_3$ во владѣніи П (зятя-пріймака).

Объ отношеніяхъ отчимовъ, мачихъ, пасынковъ и падчерицъ у меня мало личныхъ наблюденій. Случилось мнѣ, впрочемъ, одинъ разъ присутствовать при переговорахъ, имѣвшихъ въ виду имущественный выдѣлъ сына, у котораго была родная мать и отчимъ. Причиной выдѣла были разногласія между женой сына и его матерью. При переговорахъ отчимъ былъ несравненно уступчивѣе матери. Прибавлю здѣсь-же, что свои имущественныя права онъ мотивировалъ исключительно своимъ трудомъ.

Въ народныхъ пѣсняхъ, если затрогиваются данныя отношенія, то главнымъ образомъ имѣется въ виду сопоставленіе „риднои матинки" и мачихи. Лирницкая пѣснь о сиротѣ, напрасно обращающейся къ мачихѣ съ просьбой „зшыть сорочечку" или „змыть голивоньку" и подверженной по этому поводу клеветамъ мачихи, что „сырота ледащо, не хоче робыты, тильки опомынаеться сорочечку шыты" и т. п., находится въ репертуарѣ всякаго лирника и производитъ всегда впечатлѣніе. Она достаточно извѣстна.

Въ другой народной пѣснѣ говорится:

Якъ е батько въ хати,
Мачуха—якъ маты;
Скоро батько за поригъ,
То мачуха за батигъ,

что заставляетъ отца обратиться къ дѣтямъ:

Идить, дитки, служыты,
Якъ мачуси годыты.—
Пишлы дитки блукаючы,
Ридной матинки шукаючы.

Характерна для точки зрѣнія дивчины-падчерицы слѣдующая веснянка.

Вербова кладко
Гныся, гныся, не вломыся.
Въ мене матинка та риднесенька,
Шлеть мене по водыцю
Зъ маленькими та видерцямы,
Велытъ мени неповныи браты,
Велыть мени оддыхаты,
Зъ козакамы розмовляты.
Вербова кладко
Гныся, гныся, не вломыся.
Въ мене матинка та не ридная,
Шлеть мене та по водыцю
Зъ велыкимы та видерцямы,
Велыть мени повныи браты,
Та не велыть оддыхаты—
Зъ козакамы розмовляты.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я находилъ мало дѣлъ о грубости по отношенію къ отчиму, мачихѣ или съ ихъ стороны къ пасынку или падчерицѣ. Въ одномъ случаѣ (1877 г. Ром. вол. судъ) пасынокъ за битье мачихи приговоренъ къ розгамъ, въ другомъ (1874 г. жидов. вол. судъ) пасынокъ за битье мачихи приговоренъ къ денежному штрафу, въ одномъ (Ром. вол. судъ) за битье и тасканіе за волосы отчима — пасынокъ приговоренъ къ розгамъ; въ одномъ отчимъ за битье непослушнаго 15-лѣтняго пасынка приговоренъ къ денежному штрафу въ пользу мірскихъ суммъ.

Что касается имущественныхъ правъ, то само по себѣ положеніе отчима, мачихи, пасынка или падчерицы не сообщаетъ имъ правъ на имущество семьи, въ которую они входятъ. Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ есть нѣсколько рѣшеній въ этомъ смыслѣ по отношенію къ пасынкамъ. Впрочемъ, всѣ они и не претендуютъ на права имущественныя

на основаніи даннаго свойства, но трудомъ и они пріобрѣтаютъ право на удѣлъ въ имуществѣ семьи, въ которую они входятъ. Если трудъ этотъ кратковременный, то судъ признаетъ ихъ права только на часть движимостей, если онъ продолжителенъ— то и на извѣстную часть земли. Вотъ нѣсколько рѣшеній въ этомъ смыслѣ.

1886 г. Ром. вол. судъ. Мачихѣ, вышедшей вторично замужъ, но трудившейся нѣкоторое время въ хозяйствѣ пасынка— присуждено за трудъ денежное вознагражденіе (бо́льшее предлагаемаго ей добровольно пасынкомъ).

1880 г. Жидов. вол. судъ. Отчимъ жалуется на пасынка, что тотъ, владѣя всѣмъ наслѣдственнымъ (послѣ отца) надѣломъ, не удѣлилъ ничего отчиму, между тѣмъ отчимъ, женившись на матери пасынка, засталъ его 10 лѣтнимъ хлопцемъ, работалъ въ хозяйствѣ и воспитывалъ пасынка. Пасынокъ заявляетъ готовность выдѣлить часть усадьбы, но не поля, тѣмъ болѣе, что отчиму выдѣлило крест. общество $^1/_2$ пѣшаго подѣла изъ вакантной земли. Пасынокъ владѣетъ полнымъ пѣшимъ надѣломъ. Судъ присуждаетъ отчиму $^1/_4$ надѣла пасынка. Выходитъ, что у обоихъ будетъ по $^3/_4$ пѣшаго надѣла.

1881 г. Ром. вол. судъ. Пасынку, работавшему 14 лѣтъ въ хозяйствѣ отчима, $^1/_4$ надѣла.

1881 г. Ром. вол. судъ. Мать И. вышла вторымъ бракомъ за В. Сынъ ея отъ перваго брака жалуется, что онъ служилъ въ экономіяхъ 16 лѣтъ, деньги отдавалъ отчиму, который теперь не хочетъ удѣлитъ ему земли. Отчимъ возражаетъ, что за матерью И. онъ не взялъ никакого приданаго, кромѣ 4-лѣтняго сына, что земля принадлежитъ ему, отчиму и онъ не желаетъ давать ее пасынку. Судъ признаетъ И., жившаго съ 4-лѣтняго возраста у В. и работавшаго на его хозяйство 16 лѣтъ, членомъ семьи и обязываетъ надѣлить его за 16-лѣтній трудъ $^1/_3$ полевой земли.

1886 г. Ром. вол. судъ. Двѣ замужнія дочери покойнаго Н. жалуются на его пасынка В. за завладѣніе всей землей ихъ отца. В. возражаетъ, что онъ отрабатывалъ за отчима панщину, заработанныя деньги отдавалъ отчиму, что хотѣлъ, было,

идти куда нибудь въ пріймы, но отчимъ не пускалъ его отъ себя. Къ томуже дочери Н. пользуются землей своихъ мужей, у него же нѣтъ никакой другой земли. Свидѣтели подтвердили всё это. Судъ оставилъ землю за пасынкомъ Н., устраняя отъ нея его дочерей.

1886 г. Ром. вол. судъ. Пасынку, работавшему много лѣтъ въ хозяйствѣ отчима, 1/8 надѣла.

1882 г. Роменск. вол. судъ. Между пасынкомъ, наслѣдникомъ земли отцовской, и его мачихой состоялось на судѣ соглашеніе, по которому пасынокъ предоставляетъ мачихѣ 1/3 надѣла.

Здѣсь-же слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ видѣ пріймачества. Случается, что бездѣтные люди или же какой нибудь старикъ или старуха принимаютъ на свой надѣлъ племянника, крестника или какого нибудь посторонняго человѣка съ тѣмъ, чтобы онъ уважалъ ихъ, какъ родителей, велъ хозяйство при ихъ жизни, а послѣ смерти похоронилъ [1]). Такія сдѣлки заключаются словесно или письменно и вносятся иногда въ книги сдѣлокъ и договоровъ при волостяхъ. Въ нѣсколькихъ пересмотрѣнныхъ мною книгахъ романовской волости я нашелъ 7 такихъ сдѣлокъ.

И здѣсь, конечно, жизнь не всегда такъ слагается, какъ желали заинтересованные; возникаютъ иногда разногласія, случаются удаленія однихъ пріймаковъ и замѣна ихъ другими; дѣло иногда доходитъ и до волостнаго суда. Судъ поступаетъ здѣсь подобно, какъ въ случаяхъ съ зятьями-пріймаками: чаще поддерживаетъ право пріймаковъ, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ постановляетъ объ ихъ удаленіи. Ограждая имущественныя права пріймаковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ имъ о необходимости исполнять принятыя ими на себя обязанности, иногда раздѣляетъ землю по-ровну между пріемышемъ и принявшимъ, иногда опредѣляетъ въ пользу послѣдняго извѣстное количество зерна, оставляя пріймака на хозяйствѣ.

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о разныхъ видахъ пріймачества въ статьѣ П. М. Дашкевича о пріймачествѣ.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ 6 рѣшеній въ этомъ смыслѣ; одно, которымъ мальтретирующій принявшаго пріймакъ удаляется прямо отъ земли, несмотря на формальную росписку въ его пользу; одно, которымъ пріймакъ, не исполняющій принятыхъ на себя обязанностей, удаляется, но въ виду того, что онъ работалъ въ общемъ хозяйствѣ и воздвигъ постройки, въ его пользу присуждается $^1/_2$ построекъ и $^1/_8$ огорода, отъ участія же въ пахатной землѣ онъ устраняется (сдѣлка была словесная).

Чтобы покончить съ вопросомъ о положеніи лицъ менѣе часто встрѣчающихся въ семейномъ быту—нѣсколько словъ объ имущественныхъ правахъ незаконнорожденныхъ.

Матеріалъ по данному, въ высшей степени интересному вопросу у меня, къ сожалѣнію, очень скуденъ, тѣмъ не менѣе я хочу подѣлиться имъ.

Я знаю одно крестьянское духовное завѣщаніе, въ которомъ завѣщатель удѣляетъ своему сыну бóльшую часть земли, незаконнорожденному же (до брака) сыну своей жены тоже часть земли, хотя и меньшую. Пасынокъ этотъ долго работалъ въ общемъ хозяйствѣ. Въ рѣшеніяхъ волостнаго суда, которыя я имѣю въ виду, замѣчаются по данному вопросу колебанія: потому ли, что это одинъ изъ вопросовъ, недостаточно уясненныхъ для судей и находящихся въ періодѣ отыскиванія удовлетворительной формулы, или потому, что малочисленность данныхъ рѣшеній при недостаточности мотивировки не дозволяетъ опредѣлить общей ихъ тенденціи и причинъ колебанія,—не берусь судить. Вотъ краткое содержаніе этихъ рѣшеній.

1885 г. Романовскій волостной судъ. Незаконнорожденному до брака сыну жены отказано въ наслѣдованіи земли ея мужа.

1884 г. Романовскій волостной судъ. Незаконнорожденному сыну жены отказано въ наслѣдованіи земли умершаго ея мужа, но такъ какъ онъ работалъ 14 лѣтъ въ данномъ хозяйствѣ, ему присуждено 95 руб. (Вол. судъ судитъ дѣла до 100 рублей).

1883 г. Романовскій волостной судъ. Ѳ. въ земельномъ спорѣ съ братовой Г. домогается устраненія ея отъ пользованія

землей, такъ какъ мужъ ея умеръ и она вышла вторично замужъ. Г. говоритъ, что у нея есть сынъ К. отъ перваго брака и потому она имѣетъ право на надѣлъ. Ѳ. представляетъ метрическую выпись о рожденіи К., изъ которой оказывается, что онъ незаконнорожденный, родившійся до брака. Судъ постановляетъ раздѣлить землю по-ровну между спорящими.

Въ сосѣднемъ паволоцкомъ волостномъ судѣ (сквирскій уѣздъ) разбиралось въ прошломъ году слѣдующее дѣло. Бездѣтный старикъ, нѣсколько подвыпивши, указалъ собесѣдникамъ на проходившаго мимо молодого человѣка, незаконнорожденнаго сына односельчанки, какъ на своего сына. Узнавъ объ этомъ, молодой человѣкъ, по совѣту нѣкоторыхъ лицъ изъ слышавшихъ данное заявленіе, вчалъ передъ волостнымъ судомъ искъ о признаніи за нимъ права на совладѣніе землей старика. На судѣ старикъ и его жена оспаривали дѣйствительность данной связи, но судъ на основаніи приведеннаго заявленія старика и показаній его сестры о томъ, что она знаетъ о связи ея брата съ матерью истца—признилъ за истцомъ право на владѣніе землей вмѣстѣ съ отвѣтчикомъ на правахъ сыновнихъ. Старикъ обжаловалъ, было, рѣшеніе волостнаго суда, но потомъ, поразсмысливъ, изъявилъ согласіе на это рѣшеніе.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію взаимныхъ имущественныхъ правъ младшихъ членовъ семьи: братьевъ и сестеръ или же лицъ, которыхъ права имѣютъ точкой отправленія права первыхъ.

Въ обыкновенныхъ условіяхъ крестьянской жизни, въ огромномъ численномъ большинствѣ случаевъ—сыновья наслѣдуютъ по-ровну отцовскую землю, дочери не принимаютъ участія въ этомъ наслѣдствѣ. Этотъ принципъ ровнаго дѣленія между братьями отцовской земли настолько твердъ, что дѣлежи обыкновенно свершаются безъ всякаго участія суда, доходятъ до него только болѣе исключительные случаи. Случается, что при раздѣлѣ земли между братьями интересы котораго нибудь изъ нихъ не были представляемы и не были приняты во вниманіе, когда, напр., одинъ изъ братьевъ во время дѣлежа отсутствовалъ, находясь въ военной службѣ или гдѣ нибудь вдали, когда онъ

малолѣтенъ и т. п. Случалось это, конечно, и прежде, и именно въ моментъ составленія уставныхъ грамотъ, имѣющихъ по буквѣ закона значеніе документа на владѣніе тѣхъ лицъ, которыя внесены въ уставную грамоту. Случалось и то, что при составленіи уставныхъ грамотъ братья довольствовались внесеніемъ одного изъ нихъ въ грамоту. Въ подобныхъ случаяхъ часто возникаютъ споры. Волостной судъ поступаетъ въ такихъ случаяхъ опредѣленнымъ способомъ. Прежде всего онъ уясняетъ себѣ вопросъ: отцовская ли земля та, о которой спорятъ, или же пріобрѣтена самостоятельно братомъ, жившимъ въ моментъ списыванія уставной грамоты на отдѣлѣ; потомъ онъ провѣряетъ: не отказался ли свободно отъ земли братъ, претендующій теперь на нее. Въ этихъ случаяхъ онъ отказываетъ истцу. Но если окажется, напр., что возвратившійся солдатъ работалъ въ свое время панщину или же, что онъ за отсутствіемъ своимъ не могъ записаться въ уставную грамоту, или же, что претендующій былъ во время составленія ея малолѣтенъ и потому не былъ записанъ въ нее и т. п., волостной судъ, не стѣсняясь буквою грамоты, рѣшаетъ въ такихъ случаяхъ данные споры въ смыслѣ равнаго дѣлежа *батькивщыны* между братьями. При этомъ давность, напр. 20-лѣтняя, игнорируется въ этихъ случаяхъ.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я вымѣтилъ 30 рѣшеній въ этомъ смыслѣ (нѣкоторыя въ виду однообразія мотивовъ и ясно очерченнаго пріема рѣшеній были пропущены мною). Прибавлю здѣсь для людей, дальше стоящихъ отъ сельской жизни, что въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ для сальвированія буквы закона прибавляется фраза въ родѣ слѣдующей: „раздѣлить землю на 3-хъ братьевъ по-ровну для совмѣстнаго пользованія ею“, что на практикѣ значитъ полный фактическій раздѣлъ.

Въ приведенныхъ здѣсь случаяхъ добивающійся удѣла въ батькивщинѣ или не разрывалъ связи съ семейнымъ хозяйствомъ (малолѣтніе, братья, пользовавшіеся землею вмѣстѣ при записаніи одного въ устав. грам.), или разрывалъ ее мимовольно, отбывая за другихъ членовъ семьи воинскую повинность, при

чемъ въ рѣшеніяхъ, касающихъ отставныхъ солдатъ, часто упоминается о томъ, что такой-то до поступленія въ военную службу работалъ барщину, что работалъ въ семейномъ хозяйствѣ и послѣ возвращенія и т. п.

Во всѣхъ иныхъ случаяхъ для того, что бы имѣть право на участіе въ наслѣдованіи въ данномъ хозяйствѣ, требуется, что бы фактическая связь съ нимъ не была окончательно порвана. Случается, что при жизни родителей одинъ или больше сыновей отдѣляется и ведетъ самостоятельное хозяйство, другой или другіе остаются при хозяйствѣ отца. При такихъ раздѣлахъ на долю отца (за его отсутствіемъ на долю матери) оставляется такая же часть земли, какъ и на долю сыновей. Въ хозяйствѣ, положимъ, отецъ и три сына; два изъ нихъ идутъ на отдѣлъ и получаютъ по $^1/_4$ земли, третій, остающійся при родителяхъ, пользуется вмѣстѣ съ ними остающимися двумя четвертями. Въ этомъ случаѣ раздѣлъ земли между братьями былъ неокончательный; $^1/_4$ надѣла, которая оставалась въ пользу родителей, за ихъ смертію переходитъ во владѣніе не только того сына, который жилъ вмѣстѣ съ ними, но во владѣніе всѣхъ 3 сыновей по-ровну; всякій изъ нихъ получаетъ по $^1/_3$ надѣла.

Но бываютъ случаи полнаго выдѣленія одного изъ братьевъ изъ даннаго хозяйства. Въ крѣпостное время случалось, что отдѣляющійся братъ получалъ отдѣльный надѣлъ изъ помѣщичьей земли; случалось и случается, что въ виду многочисленности семьи одинъ изъ братьевъ получаетъ отъ крестьянскаго общества часть такъ называемой вакантной земли; случается, что который нибудь изъ нихъ „прыстайе въ прыймы“ и пользуется землею жены. Въ этихъ случаяхъ выдѣленные ведутъ вполнѣ самостоятельное хозяйство; остающіеся въ семьѣ братья не имѣютъ права на земельное владѣніе выдѣленныхъ—и обратно. Тоже относится и къ отказавшемуся отъ земли при составленіи уст. грамоты.

Вотъ краткое содержаніе нѣскольких рѣшеній въ подобныхъ случаяхъ.

1883 г. Романовскій волостной судъ. К. отдѣлился 24 года тому назадъ отъ братьевъ А. и П. и получилъ по уст. грам.

отдѣльно полевой надѣлъ, теперь добивается участья во владѣніи отцовской землей. Судъ отказалъ.

1883 г. Романовскій волостной судъ. А проситъ о выдѣлѣ ему части земли брата И., но оказывается, что земля И. не унаслѣдована отъ отца. Домогательство А. устранено.

1885 г. Романовскій волостной судъ. Х. домогается участія въ землѣ брата С., унаслѣдованной послѣднимъ отъ отца. „Принимая во вниманіе, что Х. еще за барщины отдѣлился отъ отца и присталъ въ пріймы и что онъ имѣетъ половину полевого пѣшаго надѣла и усадьбы“, данныя ему по приговору сельскаго общества изъ вакантной земли—судъ отказалъ Х. въ искѣ.

1885 г. Романовскій волостной судъ. Отдѣлившіеся въ крѣпостное время братья, пользующіеся половиною надѣла, требуютъ отъ остальныхъ участія во владѣніи хуторомъ. Но хуторъ полученъ ихъ отцемъ послѣ ихъ отдѣла и потому волостной судъ отказалъ имъ въ искѣ.

1883 г. Романовскій волостной судъ. Изъ 3-хъ братьевъ 2 пользуются усадебной и полевой землей; одинъ только усадебной; онъ домогается удѣла и въ полевой. Оказалось, что при составленіи уст. грам. онъ отказался отъ полевой земли. Судъ отказалъ истцу.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ рѣшеній въ этомъ смыслѣ 14.

Правила, примѣняемыя къ братьямъ, примѣняются и къ лицамъ, къ которымъ права братьевъ переходятъ по наслѣдству, и значитъ къ имущественнымъ отношеніямъ дядей и племянниковъ или племянницъ, братовыхъ, имѣющихъ дѣтей отъ покойнаго брата и представляющихъ права малолѣтнихъ, къ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ. Допущеніе или недопущеніе къ земельному владѣнію зависитъ здѣсь отъ того отношенія къ нему, въ которомъ находились братья. Земля, по ходячей народной терминологіи, представляетъ въ этихъ случаяхъ для однихъ *батькивщыну*, для другихъ *дидызну*.

Вотъ краткое содержаніе нѣсколькихъ рѣшеній волостнаго суда въ подобныхъ случаяхъ:

1868 г. Новос. вол. судъ. Солдатка Т. проситъ выдѣлить ей и ея сыновьямъ часть земли, находящейся во владѣніи трехъ ея племянниковъ. Земля эта записана по уст. грам. за отцомъ племянниковъ, но мужъ ея до поступленія въ военную службу жилъ вмѣстѣ съ братомъ. Судъ рѣшилъ выдѣлить ей 1/4 усадебной и полевой земли.

1883 г. Ром. вол. судъ. Племянникъ жалуется на дядю за завладѣніе всей землей. Отецъ племянника и его дядя были родные братья и наслѣдовали землю отъ отца. Судъ рѣшилъ раздѣлить землю на дядю и племянника по-ровну.

1886 г. Ром. вол. судъ. Племянница А. жалуется на своихъ двухъ дядей (родныхъ братьевъ ея отца), что они завладѣли всѣмъ движимымъ имуществомъ и землею ея отца и не допускаютъ ее къ удѣлу въ этомъ владѣніи; къ тому у нея сестра дѣвочка. Онѣ жили при матери, но когда мать вышла вторично замужъ, отчимъ не хочетъ держать ихъ при себѣ и имъ не изъ чего содержаться. Дяди возражаютъ, что они выдали на свои средства мать просительницы замужъ и дали ей корову. Судъ рѣшаетъ выдѣлить въ пользу А. и ея сестры 1/3 усадьбы и поля, находящагося во владѣніи дядей.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ—15 въ этомъ смыслѣ.

Но за дѣтями брата, отказавшагося отъ земельнаго надѣла, судъ не признаетъ права на участіе во владѣніи дяди—и обратно. Рѣшеній въ этомъ смыслѣ 7.

Случается и то, что вопросъ объ отдѣлѣ или отказѣ отъ земли не вполнѣ уясняется; судъ въ такихъ случаяхъ иногда уменьшаетъ только долю, которая припала бы и отцу при полной опредѣленности доказательствъ. Два такихъ рѣшенія замѣчены мною.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, въ которыхъ дочери принимаютъ участіе въ наслѣдованіи отцовской земли.

Во-первыхъ, онѣ наслѣдуютъ въ равныхъ частяхъ при отсутствіи живыхъ братьевъ или ихъ потомства. Въ ром. вол. судѣ 9 рѣшеній въ этомъ смыслѣ. Но онѣ наслѣдуютъ иногда и при живыхъ братьяхъ. Всего чаще случается это въ томъ случаѣ, когда къ дочери принятъ былъ пріймакъ на ту или иную часть

надѣла. Случаи эти, хотя и несравненно менѣе многочисленны, чѣмъ тѣ, въ которыхъ жена переходитъ на землю и хозяйство мужа,—встрѣчаются однако довольно часто. Мы видѣли, что волостной судъ отстаиваетъ права пріймаковъ по отношенію къ тестямъ; онъ, разумѣется, дѣлаетъ это тѣмъ рѣшительнѣе по отношенію къ братьямъ ихъ женъ. За пріймакомъ (собственно говоря, за его женою) удерживается та часть земли, на которую онъ былъ принятъ въ пріймы.

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ рѣшеній по этому вопросу.

1883 г. Ром. вол. судъ. П. требуетъ, чтобы ея братъ Ю. выдѣлилъ ей половину земли, такъ какъ, выдавая ее замужъ, отецъ назначилъ пріймаку ½ надѣла. Земля записана по уст. грам. за отвѣтчикомъ Ю. Отецъ спорящихъ заявляетъ, что онъ желаетъ равнаго раздѣла; свидѣтели удостовѣряютъ, что пріймакъ былъ принятъ на половину надѣла. Судъ рѣшаетъ раздѣлить землю по-поламъ.

1883 г. Ром. вол. судъ. Землю раздѣлить по-ровну между двумя сыновьями и зятемъ пріймакомъ.

1885 г. Ром. вол. судъ. Х. требуетъ, чтобы мужъ ея сестры М. выдѣлилъ ей половину земли, унаслѣдованной сестрами отъ матери. Оказалось, что М. былъ принятъ въ пріймы на весь надѣлъ, на что имѣется и росписка. Судъ отказалъ истицѣ.

Мы видимъ здѣсь участіе дочерей въ земельномъ владѣніи при живыхъ братьяхъ на основаніи договора о пріймачествѣ, причемъ дочери наслѣдуютъ здѣсь именно на основаніи этого договора съ исключеніемъ другихъ сестеръ. Рѣшеній объ имущественныхъ правахъ сестеръ, вышедшихъ замужъ за пріймаковъ, въ смыслѣ вышеприведенныхъ—въ разсмотрѣнныхъ мною книгахъ—14. На судѣ фигурируютъ здѣсь чаще всего сами пріймаки, но главнымъ образомъ потому, что мужчины вообще чаще функціонируютъ въ подобныхъ случаяхъ, въ сущности, однако, они являются здѣсь представителями правъ своихъ женъ, такъ какъ бездѣтные вдовцы пріймаки не наслѣдуютъ вообще земли, которою пользовались при жизни женъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Такъ напр.

1884 г. Ром. вол. судъ. Ф. былъ принятъ въ пріймы къ сестрѣ М. Жена и дѣти Ф. померли и М. не хочетъ выдѣлить ему части усадьбы. М. говоритъ, что выдѣлить не хочетъ, но не хочетъ и совсѣмъ обидѣть Ф. Судъ рѣшаетъ выдѣлить Ф. $^1/_3$ усадьбы. О полѣ нѣтъ рѣчи.

Подобное рѣшеніе въ томъ же судѣ въ 1880 г.

Но случается иногда, что при живыхъ братьяхъ наслѣдуютъ и сестры, помимо договора о пріймачествѣ. Случается это:

а) Въ виду ихъ особенныхъ трудовъ или заслугъ по отношенію къ данному хозяйству—напр.

1883 г. Ром. вол. судъ. Е. послѣ смерти перваго мужа-пріймака, съ которымъ имѣла сына, вышла вторично замужъ и жила на землѣ и хозяйствѣ мужа. Послѣ смерти второго мужа его семья удаляетъ ее изъ хаты, она требуетъ выдѣла части земли отъ брата И., унаслѣдованной имъ отъ отца и записанной за нимъ И., по уст. грамотѣ. Свидѣтели показали, что И. не имѣлъ бы этой земли, если бы сестра его Е. не отрабатывала за нее барщины, такъ какъ И. былъ въ то время малолѣтенъ. Судъ рѣшилъ выдѣлить ей $^1/_3$ усадьбы и поля.

1883 г. Ром. вол. судъ. Х. жалуется на роднаго брата К. о томъ, что онъ завладѣлъ всей землей, оставшейся послѣ ихъ отца, между тѣмъ она, будучи еще дѣвочкой, работала и заработанныя деньги отдавала брату. Судъ постановилъ выдѣлить ей $^1/_4$ усадебной и полевой земли.

Въ томъ же судѣ въ 1884 году рѣшеніе въ томъ же смыслѣ.

б) При живыхъ братьяхъ сестры наслѣдуютъ нѣкоторую, вообще меньшую часть земли, оставшейся отъ отца, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, которые довольно трудно подвесть подъ общую формулу. Вообще это соображенія альтруистическаго свойства. Преобладаютъ здѣсь или соображенія о томъ, что безъ всякаго удѣла въ земельномъ владѣніи, онѣ поставлены въ слишкомъ трудное экономическое положеніе, или о томъ, что семья не все то исполнила по отношенію къ нимъ, къ чему она обязана. Вотъ содержаніе нѣсколькихъ рѣшеній волостнаго суда въ подобныхъ случаяхъ:

1882 г. Ром. вол. судъ. А. жалуется на своего брата П., что онъ продалъ отцовскую хату, она же, незамужняя и служащая, не имѣетъ своего угла. П. возражаетъ, что послѣ смерти отца онъ остался полнымъ хозяиномъ, сестрѣ же дозволяетъ жить при себѣ. Судъ рѣшилъ выдѣлить въ пользу А. $^1/_3$ огорода для постройки тамъ хаты, полевую же землю оставить въ исключительномъ пользованіи брата П.

1883 г. Ром. вол. судъ. А. домогается, чтобы братъ ея Н. выдѣлилъ ей часть батькивщыны, такъ какъ она не надѣется выйти замужъ и имѣетъ незаконнорожденнаго сына. Братъ согласенъ выдѣлить ей часть усадьбы, но не поля, и согласенъ, чтобы она жила при немъ. Судъ рѣшаетъ выдѣлить А. $^1/_3$ усадьбы, пусть она живетъ при братѣ и пусть братъ ей помогаетъ. Пахатное поле остается нераздѣльно при братѣ.

1885 г. Ром. вол. судъ. Т. владѣетъ по наслѣдству половиной пѣшаго надѣла; послѣ смерти отца—онъ, будучи взрослымъ, не взялъ къ себѣ малолѣтней сестры А., которую воспитывалъ въ теченіе 8 лѣтъ С. Теперь С. проситъ присудить въ пользу А. часть земли, унаслѣдованной ея братомъ. Судъ рѣшаетъ: выдѣлить А. по $^1/_2$ морга въ смѣну для пользованія до выхода ея замужъ, если она выйдетъ за земельнаго, а если выйдетъ за безземельнаго—то пожизненно.

Въ родѣ вышеприведенныхъ въ томъ же судѣ еще 3 рѣшенія.

в) При живыхъ братьяхъ наслѣдуютъ сестры въ равной или меньшей мѣрѣ по завѣщаніямъ и т. п., иногда словеснымъ, иногда письменнымъ. Въ ром. вол. судѣ 5 рѣшеній въ этомъ смыслѣ.

Наконецъ, есть нѣсколько рѣшеній, въ которыхъ сестрамъ присуждается иногда равная съ братьями, иногда значительно меньшая часть земли, причемъ рѣшеніе не мотивируется и ходъ дѣла такъ записанъ, что мотивовъ рѣшенія невозможно возстановить.

Мы видѣли, что принципъ наслѣдованія земли отцовской сыновьями подвергается ограниченіямъ въ пользу сестеръ по разнымъ причинамъ, и между ними важную роль играетъ значительный трудъ и затраты на подлежащее наслѣдованію хозяй-

ство. Во имя этого же принципа бóльшаго значительно вклада труда и расходовъ въ данное хозяйство—равенство дѣлежа унаслѣдованной земли между братьями подвергается также ограниченіямъ.

1880 г. Ром. вол. судъ. Одинъ братъ (онъ внесенъ въ уст. грам.) платилъ платежи, отбывалъ повинности, уплатилъ долги отцовскіе, женилъ младшаго брата на средства своего хозяйства. Старшій его братъ находился въ военной службѣ. Братъ хозяйничавшій выдѣлилъ старшему и младшему брату по $^{1}/_{4}$ надѣла, оставляя за собою $^{1}/_{2}$. Судъ постановилъ оставить ихъ надѣлы въ данномъ размѣрѣ.

1882 г. Ром. вол. судъ. Одному брату больше земли въ виду уплаты имъ отцовскихъ долговъ.

1882 г. Ром. вол. судъ. То-же въ виду расходовъ, понесенныхъ на воспитаніе и погребеніе одного изъ братьевъ.

1885 г. Ром. вол. судъ. То-же, такъ какъ одинъ братъ больше отрабатывалъ барщины и вообще больше работалъ въ хозяйствѣ.

Рѣшеній въ этомъ смыслѣ 7; между ними одно въ пользу братовой съ сыномъ, уплатившей значительные долги свекра.

Неравенство дѣлежа братьевъ вытекаетъ также иногда изъ завѣщаній или вообще воли родителей. Волостной судъ иногда признаетъ силу завѣщаній и т. п., иногда дѣйствуетъ помимо содержанія ихъ, соображаясь, вѣроятно, на сколько съ объективной этикой данной среды сходится воля родителей.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ 6 случаевъ, въ которыхъ судъ признаетъ неравный дѣлежъ сыновей на основаніи духовныхъ завѣщаній или фактическаго раздѣла дѣтей родителями при ихъ жизни, 4 случая, въ которыхъ судъ возстановилъ имущественное равенство братьевъ, вопреки завѣщаніямъ или инымъ способомъ выраженной волѣ родителей.

Далѣе—равный дѣлежъ земли между братьями подвергается ограниченіямъ, имѣющимъ въ виду общее уравновѣшеніе ихъ шансовъ экономическихъ.

Сюда относятся отказы отъ удѣла въ батькивщинѣ пріймакамъ, имѣющимъ землю за женами. Иногда это полные отказы, иногда имъ удѣляется сравнительно меньшая часть наслѣдственной земли; иногда это уменьшеніе является временнымъ до тѣхъ поръ, пока они пользуются жениной землей.

Рѣшеній въ этомъ смыслѣ 6. Дальше идутъ рѣшенія, въ которыхъ и особо надѣленная крестьянскимъ обществомъ одному изъ братьевъ вакантная земля и земля унаслѣдованная подвергается равному раздѣлу между братьями. 4 рѣшенія въ этомъ смыслѣ.

Иногда указанное здѣсь стремленіе къ уравновѣшенію экономическихъ шансовъ братьевъ обнаруживается во всей полнотѣ, напр., въ рѣшеніи ром. вол. суда въ 1884 г., по которому одному брату присуждена $^1/_4$ надѣла, другому $^3/_4$ въ виду бездѣтности перваго и многочисленной семьи втораго.

Для характеристики того принципа, съ которымъ мы здѣсь часто встрѣчаемся, и который состоитъ въ признаніи труда однимъ изъ самыхъ существенныхъ факторовъ при опредѣленіи имущественныхъ правъ, приведу еще 2 рѣшенія, не вошедшія до сихъ поръ въ рамки настоящихъ замѣтокъ.

1871 г. Жидов. вол. судъ. Сирота-племянникъ служилъ трудолюбиво бездѣтному дядѣ 12 лѣтъ, работалъ за него и барщину; теперь проситъ судъ присудить ему вознагражденіе, такъ какъ дядя отъ этого уклоняется. Судъ присуждаетъ въ пользу племянника $^1/_2$ надѣла дяди.

1883 г. Ром. вол. судъ. Внукъ работалъ у дѣда 18 лѣтъ. Дѣдъ женилъ его на свои средства, далъ ему *витракъ* и пару воловъ, но потомъ взялъ свой даръ назадъ. Судъ присудилъ въ пользу внука $^1/_3$ усадьбы и полеваго надѣла.

Рядомъ съ указаннымъ здѣсь принципомъ—мы встрѣчаемся съ другимъ, вліяющимъ тоже въ извѣстной мѣрѣ на установленіе имущественныхъ правъ. Принципъ этотъ состоитъ въ признаніи права на жизнь, или, говоря болѣе вульгарно, но менѣе точно—во вліяніи мотивовъ милосердія на дѣлежи имуществомъ.

Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ не вошедшихъ до сихъ поръ въ эти замѣтки.

1880 г. Ром. вол. судъ. Сестра была замужемъ за пріймакомъ, который умеръ. Выходя вторично замужъ, она записала $^1/_2$ усадьбы, которой пользовался мужъ-приймакъ, своему второму мужу. Сестра умерла, и оставшійся братъ оспариваетъ права второго мужа покойной. Судъ находитъ, что хотя бездѣтный вдовецъ и не имѣетъ права на землю своей жены, но въ виду его дряхлости ему слѣдуетъ удѣлить $^1/_3$ усадьбы, которою онъ владѣлъ.

1879 г. Жидов. вол. судъ. Бездѣтная вдова жалуется, что братъ ея мужа завладѣлъ всей землей покойнаго. Оказывается, что покойный продалъ эту землю брату. Судъ постановляетъ: сдѣлку оставить въ силѣ, но обязать отвѣтчика содержать братовую до ея смерти.

1884 г. Ром. вол. судъ. Изъ земли, не унаслѣдованной отъ отца, выдѣлить брату $^1/_3$ усадебной и $^1/_4$ пахатной и дать старую комору для постройки хаты.

Шесть рѣшеній въ этомъ смыслѣ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду рѣшенія волостныхъ судовъ, въ которыхъ эти суды руководствуются своимъ міровоззрѣніемъ, независимо отъ буквы закона, игнорируя, напр., преобладающее право лицъ, за которыми земля записана по уставной грамотѣ, давность и т. п. Но иногда они подчиняются этимъ соображеніямъ въ большей или меньшей мѣрѣ: то устраняя совсѣмъ домогательства лицъ, незаписанныхъ въ уставной грамотѣ, то выдѣляя имъ меньше, чѣмъ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ. Напр.

1880 г. Ром. вол. судъ. Требованіе участія во владѣніи наслѣдственной землей со стороны возвратившагося изъ войска брата устранено, такъ какъ земля записана по уставной грамотѣ за другимъ братомъ.

1879 г. Новос. вол. судъ. Три брата, за которыми земля записана по уставной грамотѣ, обязаны выдѣлить возвратившeмуся изъ войска брату $^1/_3$ движимаго имущества и $^1/_4$ усадьбы, не допуская его до владѣнія пахатной землей.

1873 г. Жидов. вол. судъ постановилъ вмѣсто удѣла въ земельномъ владѣніи денежный сплатъ (80 руб.) въ пользу мень-

шаго брата, незаписаннаго въ уставной грамотѣ, такъ какъ законъ запрещаетъ дробленіе надѣловъ.

1886 г. ром. вол. судъ. Возвратившемуся изъ войска брату отказано въ участіи въ наслѣдованіи земли въ виду 27-лѣтней давности.

Есть аналогичныя рѣшенія въ спорахъ между дядями и племянниками. Всѣхъ такихъ рѣшеній въ разсмотрѣнныхъ мною книгахъ волостныхъ судовъ я нашелъ 29.

Рѣшенія эти, какъ видимъ, разногласятъ съ другими рѣшеніями въ аналогичныхъ случаяхъ. Какъ это объяснить?

Мнѣ кажется, что здѣсь дѣйствуетъ нѣсколько причинъ. Во-первыхъ, по всей вѣроятности, между рѣшеніями данной категоріи есть и такія, которыя подходятъ подъ нее только по формѣ, въ сущности же рѣшеніе судей мотивировалось иными соображеніями, и судъ воспользовался только данными формальными рамками. Дальше, здѣсь остаются не безъ вліянія и указанія въ смыслѣ буквы закона и понятій, сложившихся внѣ крестьянской среды, ближайшихъ представителей этого закона и этихъ понятій. Къ этой категоріи вліяній относятся и многія отмѣны съѣздомъ мировыхъ посредниковъ постановленій волостныхъ судовъ. Наконецъ, весьма вѣроятно, что въ нѣкоторой части этихъ рѣшеній подъ шумокъ уваженія къ буквѣ закона проникаютъ обставленныя книжною мудростью вліянія иныхъ ведущихъ перо, а также и разныя стороннія соображенія, колеблющія объективность самихъ судей.

Если теперь, на основаніи изложеннаго, мы постараемся установить общіе принципы, опредѣляющіе имущественныя права членовъ семьи, по крайней мѣрѣ въ той ближайшей моей мѣстности, рѣшенія волостныхъ судовъ которой я цитировалъ, то, мнѣ кажется, мы можемъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ.

Кровный союзъ сожительствующей семьи и участіе ея членовъ въ общемъ трудѣ до такой степени тѣсно связаны, что трудно выдѣлить степень участія соображеній о кровномъ родствѣ и объ участіи въ семейномъ трудѣ при опредѣленіи имущественныхъ правъ членовъ семьи. Бываютъ однако случаи, въ которыхъ тотъ или иной изъ этихъ принциповъ выдвигается болѣе впередъ.

Такъ, принципъ кровной связи обнаруживается въ признаніи имущественныхъ правъ малолѣтнихъ, хотя здѣсь онъ и не противорѣчитъ принципу трудовому и служитъ только указаніемъ на общую экономическую формулу семейно-хозяйственной ассоціаціи. Дѣйствительно, сегодня нетрудоспособный малолѣтній, завтра будетъ трудоспособнѣе другихъ членовъ семьи и трудовой недочетъ сегодняшній восполнитъ завтра. Въ виду этого, экономическій принципъ семейно-хозяйственной ассоціаціи можно бы такъ опредѣлить: отъ всякаго по мѣрѣ силъ его, всякому по мѣрѣ его потребностей въ границахъ экономическихъ рессурсовъ семьи. Болѣе исключительно выступаютъ на первый планъ соображенія кровной связи или свойства въ случаяхъ, когда дѣлается различіе между бездѣтными вдовцами и вдовами и имѣющими дѣтей съ членами кровной семьи. Косвенно обнаруживается онъ, когда мотивы милосердія при дѣлежахъ примѣняются къ лицамъ, связаннымъ родствомъ или свойствомъ, и къ нимъ именно исключительно.

Рядомъ съ этимъ съ неменьшей силой выступаетъ принципъ, по которому степень участія въ семейномъ трудѣ вліяетъ на опредѣленіе размѣровъ имущественныхъ правъ. Примѣненіе этого принципа мы видѣли въ возрастаніи имущественныхъ правъ вдовъ по мѣрѣ возрастанія ихъ связи съ данной семьей и хозяйствомъ. Въ силу этого же принципа получаютъ удѣлъ въ земельномъ владѣніи семьи выдѣляющіеся при жизни родителей сыновья, поработавшіе долго въ семейномъ хозяйствѣ вдовые бездѣтные пріймаки, отчимы, мачихи, незаконнорожденные дѣти женъ, потрудившіеся больше сестры, племянники, внуки въ случаяхъ, когда имущественныя права утеряны ихъ родителями; въ силу того же принципа болѣе потрудившіеся братья получаютъ иногда большую въ сравненіи съ другими часть земли.

Независимо отъ этихъ двухъ принциповъ мы видѣли въ разныхъ рѣшеніяхъ вліяніе мотивовъ милосердія.

Это взаимнодѣйствіе соображеній кровнаго родства, мотивовъ милосердія и правъ, сообщаемыхъ степенью участія труда въ семейномъ хозяйствѣ,—сообщаютъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ видимую внѣшнюю неустойчивость. Точный критерій уравновѣ-

шенія этихъ соображеній трудно дается, и онъ не выработанъ пока народною жизнію, но она, очевидно, стремится къ выработкѣ его. Смотря на дѣло независимо отъ формалистическихъ привычекъ рутинной юриспруденціи, нельзя не порадоваться этому явленію, такъ какъ принципы, модифицирующіе въ данномъ случаѣ имущественныя права, основанные на кровномъ родствѣ, вполнѣ приспособлены къ бытовымъ условіямъ крестьянской среды, скажу больше—къ условіямъ человѣческихъ обществъ по мѣрѣ возрастанія значенія труда въ общемъ ихъ устроеніи.

Въ нѣкоторомъ разногласіи съ указанными здѣсь принципами стоитъ устраненіе дочерей или сестеръ отъ наслѣдованія земли.

Правда, удерживаніе дивчатами въ свою пользу заработковъ на сторонѣ, далѣе общность обычая, по которому онѣ переходятъ на земли мужей, все это до извѣстной степени ослабляетъ исключительное преимущество мужскихъ наслѣдниковъ, а въ случаяхъ, когда оно особенно тягостно отражается на женщинахъ—волостной судъ вступается за нихъ до извѣстныхъ границъ. Но въ общемъ все таки нельзя не признать, что при опредѣленіи имущественныхъ правъ наслѣдниковъ женскаго пола—обычай не считается въ такой мѣрѣ ни съ принципомъ кровнаго родства, ни съ принципомъ труда, какъ при опредѣленіи имущественныхъ правъ мужчинъ.

Разнообразіе мотивовъ, по которымъ сестры при живыхъ братьяхъ допускаются до участія въ наслѣдствѣ въ той или иной мѣрѣ, колебанія по этимъ вопросамъ—указываютъ, кажется, на то, что въ общественной совѣсти зародились сомнѣнія относительно достаточной справедливости обычая, и что она находится въ стадіи отыскиванія болѣе удовлетворительнаго принципа.

Еще слово. Семейная жизнь въ малорусской крестьянской средѣ, конечно, далека отъ идеала, но, желая оцѣнить ее по достоинству, нужно прежде всего смотрѣть не на грубыя подчасъ формы проявленія жизни въ данной средѣ, а на основные принципы, лежащіе въ основѣ этой жизни, и на модификаціи ихъ во времени. Съ *этой* точки зрѣнія крестьянскій семейный бытъ имѣетъ, мнѣ кажется, то громадное преимущество передъ

буржуазнымъ, что онъ не замкнулся неподвижно въ самодовольномъ наслажденіи формулами сомнительнаго достоинства, что онъ проще считается съ дѣйствительностью и болѣе доступенъ модификаціямъ, что споры между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ рѣшаются въ немъ принципіально, что въ экономическомъ отношеніи онъ больше считается съ принципами, которые выдвигаются впередъ по мѣрѣ развитія человѣчества. Но я сохраняю за собою право обратиться болѣе подробно къ этимъ вопросамъ и ихъ объясненію послѣ окончанія ряда писемъ, предназначенныхъ для „Кіевской Старины“.

Ѳ. Рыльскій.

УКРАИНСКІЕ ЮМОРИСТЫ И ШУТНИКИ.[1]

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Лѣтній, ясный день. Воскресенье. Антонъ идетъ въ церковь. Онъ аккуратно ходитъ въ церковь на обѣдню: онъ поетъ на клиросѣ. На клиросѣ онъ становится не подъ стѣнкой, а впереди—на видномъ мѣстѣ, чтобы и себя показать, и посматривать въ бабынець. Онъ одѣтъ чисто, смотритъ сельскимъ франтомъ-шляхтичемъ или крестьяниномъ. На немъ жупанъ тонкаго синяго сукна. Станъ охваченъ зеленымъ новымъ поясомъ; сапоги съ блестящими голенищами до колѣнъ; шея повязана чернымъ платкомъ. Отложенные воротники спускаются на грудь. По костюму онъ скорѣе крестьянинъ, нежели панъ. Костюмъ Антона выражаетъ его демократическія тенденціи, конечно, только въ потенціи, но онъ, дѣйствительно, демократъ по природѣ: онъ тянетъ къ массамъ, къ народу; его симпатіи направлены къ народу. Онъ полный контрастъ пану Занудѣ, гордящемуся своимъ бригадирскимъ и дворянскимъ происхожденіемъ. Антонъ причесываетъ волосы, отбрасывая ихъ назадъ. Лобъ его бѣлый, блестящій, покатый вгоняется какъ бы клиномъ въ массу густыхъ волосъ. Голова его высока, остра, съуживается къ верху. Густые усы, колючіе, какъ щетина, коротко острижены. Антонъ не носитъ бороды. Клиросъ полонъ пѣвчихъ, набитъ биткомъ. Въ углу, на почетномъ мѣстѣ, стоитъ дякъ Степанъ Иличъ, онъ поетъ, поперемѣнно подперши лѣвою рукою щеку и нагнувъ

[1] См. „Кіев. Старина", 1890 г. № 10.

голову, какъ будто направляя свой густой басъ въ рукавъ. Возлѣ него стоитъ старый Терешко, отставной николаевскій солдатъ. Терешко не то храпитъ, не то шипитъ, издавая какое-то дребезжаніе, напоминающее звукъ разбитаго котла. Возлѣ него Иванъ Михалчевскій подтягиваетъ сыпкимъ баритономъ. Олександръ, какъ самый младшій на клиросѣ, долженъ изображать, по мнѣнію дяка Степана Илича, дисканта, и онъ его изображаетъ: пищитъ „якъ порося въ тыну". Вообще хоръ сильно напоминаетъ цымбалы Томка и миѳическія гусли-самограны. И на фонѣ этого шипящаго, дребезжащаго аккомпанимента льется чудный теноръ Антона—высокій, сильный, мягкій, какъ бархатъ, нѣжный, какъ флейта. Антонъ покрываетъ своимъ сильнымъ голосомъ эти цымбалы и гусли-самограны. Его только и слышно, все остальное шипитъ и храпитъ какъ будто гдѣ-то далеко за спиною. Какой обширный регистръ! Какая сила и мягкость! Его голосъ составилъ бы украшеніе любой сцены, а особенно въ операхъ. Онъ поетъ по крестьянски: придавливаетъ ноту въ концѣ мотива, налегаетъ на нее и отрываетъ, словно молоткомъ прихватитъ; въ его пѣніи иногда сильно отзывается характеръ его излюбленныхъ мелодій, въ родѣ: „симъ день коноцель, а ячмень—три дни"... Антонъ поетъ и искоса посматриваетъ на бабынець. А бабынець цвѣтетъ, какъ цвѣтникъ, и карими очами, и чорными бровями и нарядами: цвѣтами да лентами, да червоными намистами. Онъ все посматриваетъ на красавицу Олену въ гирляндѣ изъ разноцвѣтныхъ цвѣтовъ на головѣ. Но на горизонтѣ появилась новая звѣзда: это была Олександра, блондинка съ тонкими чертами лица, съ карими задумчивыми глазами. Она немножко хромала: ея правая нога свихнута въ косточкѣ; во время ходьбы этотъ недостатокъ былъ немножко замѣтенъ; но выраженіе ея лица было умное, задумчивое, какъ у калѣкъ, привыкшихъ вдумываться, углубляться въ себя. Олександра затмила чернобровую Олену. Антону смѣялись этой Олександрой, но Антонъ съ высоты своего величія называлъ Олександру „крывуцею" и, повидимому, мало интересовался ею.

— Знайшлы кымъ мини сміяться: якоюсь крывуцею! Отъ якъ бы іи спарувать зъ крывымъ Гнатомъ, то була бъ пара: винъ шкутыльгае на право, а вона на ливо; саме до пары!

Такъ отдѣлывался Антонъ, когда надъ нимъ смѣялись дивчата. На эту-то „крывуцу" чаще всего и посматриваетъ Антонъ, бросая искоса взглядъ въ бабинецъ. Въ церковь входитъ панъ Зануда; прилизанный, одѣтый въ новое платье; на немъ какіе-то клѣтчатые розовые панталоны и очень коротенькій сюртучекъ—самый модный. Панъ Зануда направляется къ царскимъ вратамъ, бьетъ три поклона, ставъ колѣнами на солею. Его коротенькій сюртучокъ сползаетъ на талію при каждомъ поклонѣ. „Чесна громада" въ смущеніи опускаетъ глаза. Мальчики смѣются и переглядываются. Зануда торжественно выпрямляется во весь свой ростъ, какъ будто на его персяхъ висятъ тѣ „мыгдали и рыгали", которыми была украшена грудь его отца—бригадира, какъ любилъ хвастать панъ Зануда. Онъ быстро приглаживаетъ, по выраженію Антона, „свои пейсы", то правою, то лѣвою рукой, идетъ въ алтарь и стоитъ тамъ почти рядомъ со священникомъ. Антонъ подмѣчаетъ этотъ жестъ и пускаетъ въ ходъ свои ладони: быстро треплетъ ими по своимъ вискамъ. Въ бабынцѣ этотъ жестъ замѣченъ. Дивчата и молодыци сдержанно улыбаются. Благочестивая и злая баба Марта грозно сдвигаетъ брови и „пьетъ очима" Антона.

Богослуженіе окончилось. Изъ церкви повалилъ народъ; съ крутой горы къ парому словно полилась живая рѣка; вотъ она достигаетъ парома и вливается на паромъ. Паромъ полонъ. Толпа живописна пестротою костюмовъ. Паромъ уже отчаливаетъ. Антонъ добѣгаетъ до перевоза и, несмотря на то, что паромъ отошелъ уже на сажень отъ гати, разгоняется и перепрыгиваетъ на паромъ. Его фигура мелькнула надъ водою словно мячъ и какъ будто упала на паромъ. На паромѣ дивчата стоятъ спереди, готовыя первыми спрыгнуть съ парома на противоположный берегъ; молодыци и бабы располагаются съ правой стороны; чоловикы и парубкы становятся плотнымъ рядомъ „у кодолы" и „тягнуть паромъ". Они едва касаются руками кодолы. У кодолы не видно ни одной женщины, онѣ не „тягнуть

парома“, когда на паромѣ есть мужчины. У кодолы чернѣетъ плотный рядъ черныхъ смушевыхъ шапокъ, словно черныя птицы сѣли рядомъ на кодолѣ. Противъ нихъ группа молодыцъ въ цвѣтныхъ платкахъ на головѣ, бабы въ бѣлыхъ намиткахъ. Спереди дивчата, „якъ макъ процвитае“. Паромъ съ живописной, нарядной толпой быстро скользитъ по рѣкѣ, словно корзина, полная пестрыхъ цвѣтовъ, пущенная по водѣ. Небо чудное: синее, бирюзовое. Горы зеленѣютъ, какъ будто покрыты бархатными зелеными коврами. Утреннее солнце ярко освѣщаетъ картину. Что то радостное, праздничное, торжественное разлито какъ бы въ самомъ горячемъ воздухѣ, въ лучахъ солнца. Антонъ воодушевляется. Его воодушевляетъ толпа: паромъ для него готовая сцена съ зрителями. Но съ дивчатами и молодыцями жартовать ему неловко: на паромѣ присутствуютъ отцы и мужья. На этотъ разъ Антонъ направляетъ свои жарты на безпомощныхъ бабъ. Вотъ въ центрѣ парома стоитъ баба—Струлыха,—старая, престарая, сухая, какъ опенекъ. Она окружена внучатами; одной рукой держитъ за руку свою внучку, другой опирается на палку. Спина ея согнулась въ дугу, голова наклонена; глаза полумертвые, отжившіе. Подбородокъ подвязанъ бѣлою хусткою, сложенною вдвое накрестъ; два конца платка висятъ внизъ: баба Струлыха какъ будто съ бѣлою бородою. Она тиха, добра, смирна, какъ доброе дитя. Антонъ обращается къ бабѣ Струлыхѣ:

— А чого це, бабо, въ васъ била борода выросла? Була була баба та дожилася до того, що зъ бабы ставъ дидъ.

Баба Струлыха смѣется, т. е. дѣлаетъ какую то гримасу, какъ будто притворяется, что смѣется.

— А колыжъ, бабо, до васъ старостивъ слаты? Чы въ мясныци, чы въ петривку? пристаетъ Антонъ.

— Хе-хе-хе, издаетъ баба какой то звукъ, напоминающій блеяніе ягненка.

— Струлыха петривчана молода, отзывается у кодолы одинъ дядько, шлы, Антоне, старостивъ предъ Петромъ.

— А не дасте жъ, бабо, мини часомъ гарбуза? продолжаетъ Антонъ.

— Э-х-х! А бодай тебе Богъ любывъ та добри люде! рѣшается таки баба пустить фразу изъ за своей бѣлой бороды.

— А скрыня жъ у васъ не порожня? Га? А рушныкы вже готови? спрашиваетъ Антонъ.

— Э-х-х! А бодай тебе мыша брыкнула! Бодай тоби курка на ногу наступыла! шамкаетъ баба ругань, похожую на замовлиння отъ хоробы. Антонъ видитъ, что изъ этого кремня не выкресать огня для своего жарта: огонь въ немъ совсѣмъ погасъ; онъ оставляетъ въ покоѣ беззубую добрую бабу Струлыху и направляетъ свое кресало на бабу Зиньку. Баба Зинька высока, тонка, какъ колъ, съ очень маленькими тонкими руками, съ тоненькой длинной шеей, напоминающей шею гусыни. Она вдова, еще не стара и терпѣть не можетъ, если дивчата и парубки называютъ ее бабою. На ней бѣлая свита и старые полинявшіе желтые чоботы—признакъ кокетства. Зинька веселаго характера: любитъ пошутить, посмѣяться. Ея слабость—панычи.

— Ничого такъ въ свити не люблю, якъ панычивъ, не разъ говорила наивная Зинька „прылюдно", когда была помоложе,—стала на сахарни на работу, щобъ хочь надывытысь на капостныхъ панычивъ; а якъ угляжу паныча, то ладна бигты за нымъ хочъ бы й на край свита.

Очевидно, для наивной влюбчивой Зиньки идеалъ мужчины представлялся не въ свиткѣ и бараньей шапкѣ, а въ сюртукѣ и цилиндрѣ, пожалуй даже во фракѣ, т. е. въ томъ видѣ въ какомъ народъ болѣе темный, чѣмъ Зинька, видитъ на плотинѣ и въ болотѣ чорта. Зинька положительно космополитка и даже крайній западникъ. Крестьяне называютъ ее полупрезрительно увеличительнымъ именемъ—Зиньовать. Будь баба Зиньовать—мадамъ Зиньовать—она забѣжала бы за какою нибудь фрачною парой на теплыя воды въ Баденъ-Баденъ, или-же въ Эмсъ, или-же туда, гдѣ лимоны зрѣютъ.

—Гы-гы-гы! пускаетъ Антонъ ноту искусственнаго смѣха, смотря на Зиньовать.

— Гы-гы-гы! отвѣчаетъ ему Зиньовать въ томъ же тонѣ.

— Моя бабко, моя бабуню! моя бабусю, моя бабусенька, моя бабунечко, моя бабуненько, моя гарненька! варьируетъ Антонъ слово баба, конечно, съ ядовитою цѣлью.

— Оце разбабывся; чы не ради святои недили? Яка я тоби баба? Хиба я тоби пупа ризала? отвѣчаетъ обидившаяся Зиньоватъ.

— Моя щебетушечко, моя беззуба цокотушечко! продолжаетъ Антонъ.

— Та брешышъ бо: въ мени уси зубы въ роти, говоритъ Зиньоватъ и нарочно говоритъ какъ то размашисто, открывая во всю ширь свои тонкія сухія губы, изъ за которыхъ блестятъ два ряда мелкихъ бѣлыхъ зубовъ.

— Ой, моя ты пысаночко! Пришлю до тебе сватывъ—не выдержу, говоритъ Антонъ.

— Той й прысылай, про мене, отвѣчаетъ Зиньоватъ и дѣлаетъ что то похожее на глазки.

— Прышлю сватывъ до тебе въ спасивку, а весилля справымо на самого Спаса.

— А хто-жъ шле сватывъ въ спасивку? говоритъ Зиньоватъ.

— Та я жъ, бо до спасивчанои молодои треба и сватывъ слаты въ спасивку.

— Колы такъ, то потягнешъ гарбуза, отвѣчаетъ не на шутку обиженная Зинька.

— Ой раступисться, дивчата! Розженуся—та зъ горя и шубовсну въ Рось! говоритъ Антонъ, сдѣлавъ мину крайняго отчаянія и „настерочывшысь" разгоняться.

— Чомъ же ты не скакаешъ въ Рось? спрашиваетъ Зинька.

— Бо дивчата не разступаються; я знаю, що дивчата не пустятъ мене топыться, говоритъ Антонъ.

Среди парома видна еще одна величественная фигура бабы—то стоитъ баба Марта, строгая, серьезная, богомольная; она высока ростомъ и величественна, какъ колоссъ родосскій, стройна, какъ тополь. Седьмой десятокъ не согнулъ ея прямаго стана. Само время, кажется, боится бабы Марты и не смѣетъ наложить на ея станъ свою тяжелую руку. Баба Марта опи-

рается одной рукой на длинную палку, но больше потому, что она плохо видитъ: палка замѣняетъ ей щупальцы, во время ходьбы. Баба Марта зла, какъ сатана, и горда: она воплощенная сельская гордыня. На бабѣ черный платокъ, черная запаска и черная свита; все это признаки серьезности и важности. Ради святой недѣли баба Марта одѣта чисто: она, такъ сказать, въ мундирѣ.

— Мій чоловикъ москаль, и сынъ въ москаляхъ, а другій сынъ въ Святій Лаври послушникомъ: ставыть самовары ченцямъ и зъ ченцямы за однимъ столомъ чай пье, не одинъ разъ хвалилась баба Марта, я московська жона и московська маты. Я й за гряныцею була.

— Де-жъ то за гряныцею? спрашивали бабу Марту.

— А въ Глухови! До сына москаля въ гости ходыла.

Баба Марта, очевидно, понимаетъ границу старой Польши по Днѣпръ; дѣйствительно, тогда Глуховъ относительно бабы Марты лежалъ за границею къ востоку.

— А якъ була я въ Кіиви та подавала на пошти гроши сынови, то той панъ, що прыймавъ гроши, поговорывъ зо мною тай каже:

— Выдно, що ты не хохлушка, ты, мабуть руська женщина, бо такъ розумна, хвалила баба Марта самое себя.

— Чы й доси жъ вашъ сынъ у Лаври? Спрашивали у бабы.

— Ни, не выдержавъ: загоняли его на работи. Перше сынъ терпивъ все та не вытерпивъ: винъ утикъ—тай оженывся въ Кіиви; взявъ таку кралю, таку пани, чы мыщанку, що й не змалюваты.

Когда въ бабѣ замолкала гордыня, на верхъ всплывала сатира. Тогда изъ бабы Марты выглядывалъ Гоголь. Баба Марта очень воинственна: она вѣчно въ битвѣ съ цѣлымъ „куткомъ“, а особенно съ своею невѣсткою и самымъ младшимъ сыномъ; битвы ея никогда не прекращаются: баба Марта энергичный и неутомимый боецъ. Къ окончательному разрыву съ невѣсткой и сыномъ и объявленію имъ войны на жизнь или на смерть послужилъ ничтожный поводъ—обыкновенная ложка. Однажды невѣстка мыла бѣлье. Она вытащила изъ печи до красна рас-

каленный камень, чтобъ бросить его въ „жлукто", куда она только что вылила горшокъ кипятку. Чтобы вскатить камень на лопату, невѣстка въ попыхахъ схватила ложку изъ горшечка, стоявшаго въ печуркѣ „въ шыи комина"; она начала вскатывать камень на лопату этой ложкой. Баба Марта посмотрѣла и сейчасъ же узнала, что ложка была ея, т. е. та, которую употребляла она за обѣдомъ и ужиномъ. Баба вскипѣла и раскалилась, какъ камень, вытащенный невѣсткой изъ печки. Она выхватила у невѣстки ложку и—бацъ ее по лбу ложкой.

— На що ты зачипаешъ мою ложку? Бачъ, ажъ попалыла! На свою, тай выгортай каминь! вскрикнула баба Марта и съ этими словами схватила ложку невѣстки и начала ею катить камень на лопату.

Обиженная невѣстка выхватила изъ рукъ свекрови свою ложку и, не долго думая,—бацъ бабу Марту по губамъ. Баба вскипѣла; она бросилась къ невѣсткѣ, треснула ее по плечамъ ложкой и сорвала съ головы очипокъ—это знакъ полной побѣды или крайняго безчестія для врага, равносильнаго побѣдѣ. Сбить очипокъ съ головы во время драки—все равно, что отнять полковое знамя у знаменоносца. Между бабами у лежанки завязалась битва. Сынъ бросился на помощь женѣ. Баба Марта нанесла имъ пораженіе и выиграла первую битву при лежанкѣ. Схвативъ кочергу, она ретировалась въ болѣе выгодное мѣсто для битвы: стала подъ „мысныкомъ" въ углу, за „помыйныцею". Невѣстка и сынъ пошли на штурмъ, но баба Марта отбивалась съ необыкновеннымъ мужествомъ—и выиграла вторую битву „при помыйныци". Непріятель отступилъ; но, послѣ этого событія, сынъ съ семействомъ бросилъ бабу Марту и перешелъ на жительство къ своему тестю. Баба Марта осталась одна на полѣ битвы, прославленномъ ея подвигами, одна, какъ палецъ. Скучно ей было жить: некого ругать, а ругаться страхъ какъ хочется бабѣ Мартѣ, да не съ кѣмъ; она ходить по огороду да швыряетъ палкой въ куръ да поросятъ.

— Нема баби съ кимъ быться, то вона бьется зъ курмы та зъ поросятами, говорили сосѣди, посмѣиваясь.

Несмотря на свое благочестіе и любовь къ уединенію, одиночество все таки надоѣло бабѣ. Баба Марта отправилась къ сыну и невѣсткѣ, начала „запобигать ласки“ и успѣла ихъ переманить къ себѣ. Но опять вышелъ какой то казусъ вродѣ приключенія съ ложкой, и дѣти снова ушли отъ нея и опять возвратились.

Къ этой то мужественной женщинѣ, одержавшей побѣду даже при помыйныци, Антонъ не смѣетъ подступить спереди, онъ подступаетъ къ ней сзади: преклоняетъ одно колѣно, складываетъ руки на крестъ и бьетъ себя въ грудь, но тихо, безъ шуму. Онъ поднимаетъ глаза къ верху. Глаза его сладки: онъ смотритъ на спину бабы, какъ котъ на сало. На его лицѣ, словно на театральной афишѣ, какъ будто написано огромными буквами: „Всѣ мы жаждемъ любви, а я въ особенности! Полюби! Умираю!“ какъ поетъ Азра султанской дочери въ романсѣ Рубинштейна. „Якбы въ чоловика булы очи спереду й сзаду, то винъ бачывъ бы усяки гады й перняды“, говоритъ. народная пословица [1]) Баба Марта обладаетъ этимъ сверхчеловѣческимъ даромъ. Отъ ея пытливаго глаза не ускользаетъ едва сдерживаемая улыбка молодыць. Баба Марта, какъ голова медузы, обращаетъ въ камень молодыць: онѣ не смѣютъ открыто смѣяться въ ея присутствіи, а только улыбаются глазами, но дивчатъ не обратитъ въ камень ни голова медузы, ни взглядъ бабы Марты. Онѣ отворачиваются и смѣются въ рукавъ. Баба Марта замѣчаетъ всеобщее смущеніе и смотритъ, такъ сказать, затылкомъ: она вдругъ оборачивается. Антонъ вскакиваетъ на ноги, отпрыгиваетъ на разстояніе немного большее длины бабиной палки, вытягивается въ струнку и дѣлаетъ бабѣ подъ козырекъ. Онъ замеръ въ этой позѣ.

— А, ты оглашенный! Нема тоби ни празныка, ни святоѣ недили! Жартуй, тай знай зъ кимъ жартуешъ. Я зъ тобою свыней не пасла, говоритъ внушительнымъ тономъ баба Марта.

— Вы московська жона и московська маты, а я московській генералъ. А хто зъ насъ старшый? говоритъ Антонъ.

---

[1]) Записана въ Бессарабіи, въ г. Измаилѣ.

— Онъ глянь! Задеры свою голову та глянь онъ на Божый храмъ. Ще й одъ церквы не одъихалы, а тоби вже жарты на уми.

Антонъ лицемѣрно вздыхаетъ, поднимая вверхъ голову съ лицемѣрнымъ выраженіемъ лица Рейнеке-Лиса, собирающагося идти въ Римъ на богомолье, онъ смотритъ на стоящую на горѣ надъ высокою скалою церковь и, сложивъ руки на груди, лицемѣрно говоритъ: „Ой грышный я, грышный! Согришывъ—богато согрышивъ“.

Но паромъ быстро скользитъ по водѣ, какъ селезень. Вотъ и берегъ уже близко. Берегъ бѣжитъ уже къ парому, бѣгутъ на встрѣчу парому зеленыя горы съ бѣлыми хатками, съ рядами вербъ въ огородахъ. Ближе паромъ къ берегу, скорѣе бѣгутъ ему на встрѣчу вербы и горы. Паромъ на сажень не дошелъ до гати. Антонъ Андреевичъ разгоняется и вмигъ, какъ жаворонокъ, падаетъ на гать. Онъ оборачивается, быстро пятится назадъ, мелькая ногами и дѣлаетъ жестъ—какъ будто разсыпаетъ цыплятамъ просо.

— Цюрррр!... Цюру, цюру, цюру! ципъ-ципъ-ципъ! мои курчаточки! звенитъ пронзительное междометіе.

Паромъ толкнулся объ гать и отпрыгнулъ. Дивчата, стоявшія спереди, такъ и посыпались на гать по направленію къ Антону, Антонъ бѣжитъ пятами назадъ, поднявъ руку какъ бы съ просомъ, и разсыпая воображаемое просо передъ дивчатами. Вышла картина, сильно напоминающая другую картину: какъ цыплята со всѣхъ сторонъ двора сбѣгаются на просо, разсыпаемое рукой хозяйки.

— Кудкудакъ, кудкудакъ! обращается Антонъ издали къ бабѣ Мартѣ и какъ будто бросаетъ ей подъ ноги горсть проса.

— А ты, невиро! Оглашенный! Я тоби покажу — кудкудакъ! говоритъ баба Марта, махая своимъ костылемъ по направленію къ Антону. Но Антона и слѣдъ простылъ.

Направляя свои жарты на прекрасный полъ, Антонъ Андреевичъ не пропускалъ случая пожартовать и съ непрекраснымъ поломъ. Онъ отпускалъ насмѣшки и остроты на счетъ чоловикивъ, пускалъ въ ходъ летучіе сатирическіе листки, мѣткія кри-

тическія замѣтки, далеко превосходящія юморомъ пошленькіе фельетоны нашихъ провинціальныхъ газетъ. Иногда онъ просто дурачилъ и дразнилъ чоловикивъ, осмѣивая подмѣченные недостатки ихъ характера. Жилъ въ Стеблевѣ нѣкій Хтодь, въ то время только что женившійся; жена его была очень красива, но самъ Хтодь своею физіономіей съ неправильными выпуклостями напоминалъ печеный гарбузъ, или же „карякуватый" и „дуплинастый" бурякъ. Хтодь былъ очень ужъ невзраченъ: носъ какъ картофель, губы большія и вдобавокъ—верхняя губа была двухъэтажная да еще какъ будто треснула по срединѣ. Хтодь былъ горячъ, самолюбивъ, вспыльчивъ и ревнивъ. За женой онъ слѣдилъ зорко. По уму онъ совсѣмъ недалекій человѣкъ.

— Якъ моя жинка йде черезъ ярмарокъ, то нехай на неи й люды не дывляться! часто говаривалъ онъ въ припадкѣ ревности.

Антонъ, конечно, подмѣтилъ эту слабую сторону Хтодя. Разъ въ воскресеніе Антонъ встрѣтился съ Хтодемъ на улицѣ.

— Добрыдень, Хтодю! Чы твоя Сыклета дома? спрашиваетъ Антонъ.

— Ни нема; кудысь пишла; а тоби нащо? спрашиваетъ Хтодь и его черныя маленькіе глазки загорѣлись.

— А знаешь, Хтодю, де твоя жынка? говоритъ Антонъ таинственно—почти шепотомъ и озираясь по сторонамъ.

— А де? спрашиваетъ уже смущеннымъ голосомъ Хтодь.

— Тамъ у корчми пье зъ москалями и... еще тише шепчетъ Антонъ.

— Невже?! крикнулъ Хтодь на всю улицу.

— А справди! Пье, тамъ така пьяна якъ ничъ. Та такъ косы росчыпчыла, що ажъ на лобъ волосся позвысало Очинокъ зъихавъ ажъ на потылыцю, а вона обняла обома рукамы москаля за шыю; та такъ и почепылась на ему. Нехай я пропаду, колы брешу!

Хтодь бросается къ тыну и энергично выламываетъ длинную хворостину. Тынъ гнется и трещитъ.

— Ламай, та довгу, шепчетъ ему Антонъ.

— Вбью бисову пару! Не пожалію! шипитъ Хтодь, ревнивый, какъ испанецъ.

— А вже-же такы добре провчы жинку; ты жъ таки хозяинъ и на все село розумный; та вона-же тебе ославыть на всю губернію, поджигаетъ Антонъ, какъ Вельзевулъ.

— Вбью, не помылую! шипитъ Хтодь и „даетъ дропака" по улицѣ, „ажъ курява за нымъ поднялася".

За Антономъ тоже курява поднялася, но въ противоположномъ направленіи улицы. Хтодь стремглавъ влетаетъ въ корчму. Въ корчмѣ сидятъ три бабы да стоитъ жидъ-орендарь. Свирѣпый видъ Хтодя, его длинная хворостина повергаетъ публику въ удивленіе, а на жида наводитъ ужасъ.

— Де моя Сиклета? вопіетъ громовымъ голосомъ Хтодь.

— А хиба-жъ я знаю, хиба я чоловикъ твоей жинки? отвѣчаетъ еврей.

— Куды вона пишла зъ москалямы? говоритъ Хтодь, приступая съ хворостиной къ орендарю.

— Зъ якыми москалямы? Схаменыся, чоловиче! Я ихъ позаторикъ якъ бачывъ москаливъ, та одъ того часу еще ни одного ни где не бачывъ.

— А вона тутъ сегодня пыла? допрашиваетъ Хтодь.

— Іи тутъ сегодня й нога не була. Може де й пье въ шынку, тильки не въ моему, говоритъ еврей.

Хтодь стрѣлой мчится съ хворостиной чрезъ базаръ, направляется къ шинку и, конечно, не находитъ тамъ своей Сиклеты. Онъ мчится въ третій шинокъ, но и тамъ никто не видѣлъ Эвридики этого Орфея. Запыхавшись, весь въ поту, онъ возвращается домой, но у дверей виситъ замокъ: ему пришлось только „поцѣловать замокъ" по народному выраженію. Хтодь направляется къ хатѣ тещи. Въ саду за прычилкомъ подъ грушами сидятъ молодыци. Между ними сидитъ Сиклета, поджавъ подъ себя ноги и не „росчипчена", и очипокъ на своемъ мѣстѣ и совсѣмъ трезвая.

— Ты чого пьешь та гуляешь по корчмамъ? кричитъ Хтодь, обращаясь къ женѣ и поднимая хворостину.

— Колы? восклицаетъ удивленно Сиклета.

— А сегодня? Га? Ты думаешь, я ничого не бачу й не знаю?

— Чы ты здуривъ, чы ты знавыснивъ? Може вже зъ мисяць, якъ я въ корчми була, говоритъ Сиклета.

— Що це, сыну, зъ тобою сталося? Мы отъ обидъ тутъ сыдемо та балакаемо, вступается мать за Сиклету.

— А мини Антонъ казавъ оце, що ты зъ москалями пьешъ та гуляешь...

— Та бреше винъ, бодай ему симъ болячокъ на языкъ! говоритъ Сиклста.

Мать успокаиваетъ Хтодя и убѣждаетъ, что Антонъ сыгралъ съ нимъ шутку.

— Потривай-же, бисовои пяты Антоне! Я жъ тоби обшмагаю спыну оціею хворостыною, говоритъ Хтодь и прячетъ это смертоносное орудіе для Антоновой казни подъ стрѣхою.

На другой день весь Стеблевъ смѣялся, всѣ говорили, какъ Хтодь бѣгалъ по шинкамъ да по улицамъ „якъ несамовытый". Въ скоромъ времени послѣ этого казуса косари косили на нашихъ лугахъ „толокою". На мою долю выпало отвезти косарямъ харчъ и могорычъ. Антонъ, въ качествѣ погоныча лошадей, тоже отправляется со мною и даже беретъ съ собою косу съ добрымъ намѣреніемъ пособить косарямъ. Пріѣзжаемъ мы на сѣнокосъ. Косари длиннымъ правильнымъ рядомъ далеко уже вогнались въ зеленое море травы и цвѣтовъ, оставивъ за собою свѣжіе, пушистые, пахучіе покосы. Привязавъ лошадей къ бричкѣ и положивъ имъ свѣжаго сѣна, Антонъ беретъ косу и съ серьезною миною работника отправляется къ косарамъ. Между косарями оказался и Хтодь.

— Антоне, а ставай рядомъ зо мною! кричитъ тытарь; я тебе буду пидганять.

Антонъ брыкаетъ тытаря ногою; это у него знакъ отрицанія.

— Коло тытара ставать мини не зручно, отвѣчаетъ Антонъ, я стану коло Хтодя, Господы, якъ люблю оцего Хтодя! А! Що за гарна людына!

Хтодь искоса и съ озлобленіемъ посматриваетъ на Антона: онъ не забылъ его шутки. Косари улыбаются, ожидая, что Антонъ непремѣнно „вструхне нову штуку“ съ Хтодемъ. Долго Антонъ коситъ молча и, наконецъ, начинаетъ слегка задѣвать Хтодя.

— Господы! Якъ я люблю тебе, Хтодю. Кращаго за тебе чоловика и въ Стеблеви нема, начинаетъ Антонъ въ тонѣ крыловской лисицы, которая расхваливала ворону.

Хтодь молчитъ: онъ не забылъ еще хворостины.

— Яки въ тебе губы! А! Хочъ трохы й репнула верхня губа, за те-жъ спидня якъ золото. Дай я тебе поцилую!

— Одчепысь одъ моеи души, рѣшается заговорить Хтодь.

— А яке твое гарне лычко, неначе рѣшетомъ попечатане. А якъ бы тебе ще убрать въ очипокъ та начепыть на шыю червоне намысто! задѣваетъ Антонъ Хтодя.

Косари хохочутъ, воображая, какъ былъ бы хорошъ Хтодь въ очипкѣ и въ каралловомъ намистѣ.

— А якъ бы тебе вбрать въ чорну запаску та ще до неи додать червони чоботы! продолжаетъ Антонъ писать языкомъ каррикатуру.

— Одчепысь, бисова паро! Шкода, що не побывъ я на тоби хворостыны. Оттамъ стримыть и доси пидъ стрихою, на тебе жде, говоритъ Хтодь.

— Стремыть и доси! То нехай влежыться, то буде смачниша, якъ влежана груша.

— Не потрощывъ на тоби хворостыны, то потрощу на тоби на цурпалки оцю косу, говоритъ сердито Хтодь.

— Про мене й потрощы, а завтра такы выйдешъ на лукы въ очипку та въ запасци: буде мини такъ зручно плескать тебе манточкою, продолжаетъ дразнить Хтодя Антонъ.

Косари хохочутъ. Этотъ смѣхъ окончательно выводитъ Хтодя изъ терпѣнія.

— А ты, бисовои пяты, Антоне! кричитъ Хтодь и поднимаетъ косу на Антона.

Антонъ бросается бѣжать по травѣ; Хтодь пускается въ погоню за Антономъ. Но Антона трудно догнать: у него заячьи

ноги. Онъ далеко убѣжалъ впередъ, и только его пятки мелькаютъ по травѣ. Вдругъ онъ осматривается и падаетъ въ траву. Хтодь бѣжитъ къ нему. Вотъ-вотъ уже добѣжитъ и накроетъ Антона; Антонъ вспархиваетъ изъ подъ самыхъ ногъ Хтодя, какъ куропатка, и его пятки уже далеко мелькаютъ въ травѣ. Хтодь, разозлившись въ конецъ, опять преслѣдуетъ. Антонъ опять падаетъ въ траву и опять вспархиваетъ чуть не изъ подъ ногъ Хтодя.

— А годи вже вамъ дурыть; дывиться, скильки натолочкы наробыли! Хтодю! Чы ты маленькый, чы здуривъ зовсимъ? Не знае Антона! кричитъ тытарь тономъ отамана косарей.

— Колы-жъ допикае до живои души, до самого серця! Я таки колысь побью на тоби косу! кричитъ Хтодь, грозя издали Антону косою.

Хтодь возвращается и занимаетъ свою постать. Антонъ боится стать рядомъ съ Хтодемъ. Онъ отправляется къ возу, растягивается плашмя подъ возомъ въ тѣни и утираетъ потъ съ чела. Работникъ изъ Антона плохой; не этимъ трудомъ назначено ему судьбою добывать себѣ средства къ жизни.

— Антоне, а чого це ты вывернувся пидъ возомъ. Захожуйся лышень коло полудня, бо вже съ пивъ дня звернуло, кричитъ тытарь.

Антонъ вскакиваетъ, онъ беретъ ведро и отправляется до крыныци въ ярокъ за водою, но по дорогѣ заходитъ безъ всякой надобности въ пасѣку къ пасѣчнику и долго съ нимъ болтаетъ и шутитъ. Возвратившись къ бричкѣ, Антонъ „раскладае багаття“, надъ огнемъ ставитъ треноги и на треногахъ на ключкѣ вѣшаетъ большой казанокъ съ водою, а самъ начинаетъ чистить тарань. Вода въ казанкѣ закипѣла. Антонъ сыплетъ въ кипятокъ пшено и бросаетъ рыбу и зеленый лукъ. Струйки дыма нѣжно-голубаго цвѣта красиво извиваются въ тихомъ воздухѣ надъ треногами. Острый запахъ зеленаго луку и рыбы смѣшивается съ запахомъ скошенной травы и увядающихъ цвѣтовъ. Аппетитъ косарей сильно раздражается острымъ букетомъ.

— Чы вже готова каша? кричитъ тытарь.

— Вже, отзывается Антонъ.

— Якъ уже, то хочъ и за полудень, обращается тытарь къ косарямъ, кидайте, панове-косари, косы та рушайте до каши.

Тытарь первый бросаетъ косу на покосъ и направляется къ бричкѣ, за нимъ слѣдуютъ косари постарше, косари помоложе послѣдніе кидаютъ косы и направляются къ бричкѣ. Косари сошлись и стали полукругомъ возлѣ „багаття". Начинается потчиваніе; тытарь первый пьетъ чарку. Вдругъ Антонъ бросается въ полукругъ и становится возлѣ тытаря; онъ покашливаетъ и покрякиваетъ, какъ будто предчувствуя удовольствіе отъ чарки.

— Мыни, паничу, тилькы одну чарку якъ шапку, щобъ не ходыть, не говорыть, а тилькы носомъ рыть, начинаетъ глупить Антонъ.

— Та не косыть травы, тилькы толочыть зъ Хтодемъ, добавляетъ тытарь.

— О, тому Хтодеви и чарки не дайте! Якъ завтра вбереться въ намитку та запаску, та выйде на лукы... начинаетъ Антонъ подразнивать Хтодя.

— Я такы тоби ребра поличу, скилькы ихъ въ тебе е! сердито ворчитъ Хтодь.

Я наливаю рюмку и подаю Антону. Антонъ пьетъ водку съ комическими пріемами: охвативъ плотно рюмку губами, онъ быстро опрокидываетъ голову назадъ, выливаетъ всю водку въ ротъ и такъ же быстро выдергиваетъ рюмку изо рта. Пустая рюмка хлопаетъ, какъ хлопушка. Антонъ морщится: ему трудно проглотить всю рюмку водки. Онъ вообще пьетъ мало водки: рюмку, двѣ,—много—три; но ему хочется показать какое то особенное ухарство въ пріемахъ. Онъ всегда пьетъ водку съ этими комическими пріемами.

— Ой, держить, бо втичу! говоритъ Антонъ, дѣлая гримасу страшныхъ мученій. Фф—вввва! издаетъ онъ какое то неуловимое междометіе и подставляетъ опять рюмку.

И эта рюмка хлопаетъ, какъ хлопушка. Косари смѣются. Антонъ, очевидно, радуется, что его цѣль посмѣшить—достигнута. Косари выпили по двѣ рюмки водки и, почмакивая и вытирая губы рукавами, расположились подъ возомъ въ тѣни двумя

рядами. Они сидятъ по восточному,—поджавъ подъ себя ноги. Антонъ льетъ кулишъ въ одну большую миску и молча ставитъ съ той стороны, гдѣ сидятъ тытарь и пожилые косари; онъ наливаетъ другую миску кулишу и, опускаясь на колѣни, ставитъ ее передъ молодыми косарями, приговаривая:

— Вáць, вáць, вáць! Вацешки, вáцю, вáцю! Кабась, кабась, говоритъ онъ прямо уже по адресу Хтодя, подвигая къ нему миску.

— Що це таке? Чы мы тоби свыни, чы що? говорятъ, улыбаясь, косари.

На спину Антона посыпались удары ложкамы.

— Чы це вы мене бьете? А мини здалось, що то гедзы (оводы) кусають мене въ спыну.

Хтодь молчитъ: онъ страшно голоденъ и, кромѣ того, вообще ѣстъ много. Кусокъ хлѣба за кускомъ исчезаетъ въ его широкомъ рту.

— Хтодю, чы поламаешъ ту хворостыну, що держышь на мене, чы нехай ще зъ рикъ лежыть? задѣваетъ Антонъ Хтодя.

Хтодь молчитъ и „уплетае“ кашу за обѣ щеки.

На дальнѣйшее подразниваніе Антона Хтодь упорно молчитъ и ѣстъ, не давая Антону матеріала для жарта.

— Оце добре ты, Антоне, зробывъ, що выихавъ на синокосъ, говоритъ тытарь.

— Чому такъ? спрашиваетъ Антонъ.

— Веселише траву косыть, говоритъ тытарь.

— Отъ же завтра зумисне не выиду, хиба нехай Хтодь мене попросыть, говоритъ Антонъ, искоса посматривая на Хтодя.

Косари ѣдятъ медленно, — съ разстановкой: они во время полудня отдыхаютъ, такъ какъ послѣ обѣда спать не принято. Антонъ кладетъ въ полумиски вареную рыбу и подаетъ косарямъ. Вотъ косари кончили „полудень“, перекрестились къ востоку и отправились косить. Антонъ начинаетъ мыть посуду; онъ моетъ ее медленно, не торопясь. Сложивъ посуду на травѣ, онъ безъ церемоніи ложится подъ возомъ въ тѣни.

— Ой ты, чумаче, ой ты, вражый сыну! Иды сина косыты, обращается къ Антону тытарь, съ укоромъ говоря словами пѣсни.

— Косыть, косыть, а я трохи полежу. Та, мабуть, уже и до дому часъ, отвѣчаетъ Антонъ.

Къ тяжелому ручному труду Антонъ положительно не чувствуетъ никакого призванія. Солнце склоняется къ заходу. Косые лучи солнца пронизываютъ насквозь половину нескошеннаго сѣнокоса. Ярко блеститъ желто-зеленое пятно мелкой, нѣжной, мягкой, какъ бархатъ, осоки возлѣ крыныци и маленькаго ручейка. Онъ лоснится подъ лучами солнца, словно только что окропленный дождикомъ. За крыныцею зеленѣетъ полоса темнозеленая. На ней, какъ будто нарочно густо посѣянная, краснѣетъ кроваво-красными каплями смилка, изрѣдка перемѣшанная съ желтыми блестящими цвѣточками, любящими низменныя, влажныя мѣста. Полоса пестрѣетъ, лоснится, словно раскинутая дорогая плахта, затканная красными и желтыми узорами. Въ воздухѣ тихо. Все дышетъ покоемъ; все какъ бы утомлено безконечнымъ, длиннымъ петривчатымъ днемъ. Медленнѣе взмахъ косъ; лѣнивѣе пѣніе птичекъ въ сосѣдней долинѣ, въ сосѣднемъ лѣсу.

— Часъ до дому, часъ до дому, говоритъ Антонъ и запрягаетъ лошадей не спѣша.

И. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1]

ГЛАВА 3.

Духовенство [1]).

Въ первой главѣ нашего очерка мы уже имѣли случай замѣтить, что духовенство, какъ сословіе, не было представлено въ коммиссіи; только синодъ, подобно всѣмъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, имѣлъ въ коммиссіи своего депутата съ наказомъ, составленнымъ синодальными членами безъ всякаго участія остальнаго духовенства. Что касается малорусскаго духовенства, то оно было поставлено въ нѣсколько иныя условія: въ сентябрѣ 1767 г. синодъ, въ уваженіе мѣстныхъ особенностей малороссіянъ, послалъ указы митрополиту кіевскому, епископамъ черниговскому и переяславскому, а также монастырямъ Кіево-Печерскому и Межигорскому съ требованіемъ сочинить „обстоятельные пункты" о грунтахъ, маетностяхъ и прочихъ выгодностяхъ, принадлежащихъ малорос. духовенству [2]). Малороссійскіе епископы, для отвѣта на полученные указы, обратились къ содѣйствію духовенства своихъ епархій. Такимъ образомъ, въ кіевской епархіи былъ составленъ одинъ общій отвѣтъ отъ монашествующихъ и бѣлаго духовенства; въ двухъ остальныхъ епархіяхъ бѣлое духовенство обсуждало свои нужды и желанія

---

[1]) См. „Кіевская Старина", 1890, 10.

[2]) Сб. и. р. и. об., т. 43.

[3]) Предисловіе къ 43 т. Сб. и. р. и. об.

отдѣльно отъ чернаго и представило особые отъ него пункты. Ставропигіальные монастыри также представили особые пункты.

По полученіи въ синодѣ пунктовъ, возникъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ ими должно пользоваться при составленіи проекта новаго уложенія. Синодальный оберъ-прокуроръ Мелессино предложилъ разсматривать малорос. пункты еженедѣльно по средамъ, съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ дѣлъ; синодъ принялъ это предложеніе и результатомъ предварительнаго разсмотрѣнія пунктовъ было раздѣленіе ихъ на 3 группы: а) пункты, копіи съ которыхъ должно препроводить синодальному депутату въ дополненіе къ наказу; б) пункты, копіи которыхъ должно препроводить тому же депутату, но не въ прибавленіе къ наказу, а на его разсмотрѣніе и в) пункты, которые опредѣлено отставить. Указаннымъ раздѣленіемъ пунктовъ синодъ занимался всего въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, но онѣ растянулись болѣе, чѣмъ на полгода: начавшись съ 12-го мая 1768 г., только 3-го февраля слѣдующаго года былъ утвержденъ окончательный реестръ пунктовъ по всѣмъ епархіямъ. Для насъ, пишущихъ очеркъ нуждъ и желаній малорос. духовенства, нѣтъ особой нужды вдаваться въ соображенія синода, руководившія имъ при группировкѣ пунктовъ, ибо для насъ всѣ пункты одинаково важны, да кромѣ того и самая группировка ихъ не достигла своей цѣли, такъ какъ труды духовенства не пошли далѣе синода и не были разсмотрѣны въ коммиссіи. Относительно внѣшности „пунктовъ" стоитъ также сказать нѣсколько словъ. Пункты кіевской епархіи состоятъ изъ 74 номеровъ, занимающихъ 127 стр. довольно компактной печати; уже самый объемъ указываетъ, что они должны отличаться большой полнотой и содержаніемъ, и дѣйствительно,—это весьма обширная, обстоятельная и разносторонняя работа, написанная искусной рукой и лицами, близко знакомыми не только съ современнымъ положеніемъ своего сословія, съ его правами и прерогативами, но и со всей прошлой исторіей. Кіевскіе пункты не простое заявленіе нуждъ и желаній духовенства, но обширная диссертація на тему о преимуществахъ старыхъ вольностей духовенства; это защита правъ, основанная на глубокомъ знакомствѣ составителей съ своимъ предметомъ,

что было естественно, такъ какъ среди нихъ находились образованнѣйшіе представители духовенства. Кіевскіе пункты, какъ уже сказано, составлены совмѣстно отъ чернаго и бѣлаго духовенства; они подписаны митрополитомъ кіевскимъ Арсеніемъ, архимандритами всѣхъ кіевскихъ монастырей, протопопами кіевскими, а также борзенскимъ, прилуцкимъ, полтавскимъ, лубенскимъ, глуховскимъ, миргородскимъ, гадяцкимъ и другими со всѣмъ подчиненнымъ имъ священствомъ. Что касается пунктовъ черниговской и переяславской епархій и монастырей К.-Печерскаго и Межигорскаго, то они не такъ обширны и подробны, какъ кіевскіе, въ нихъ находится всего десятокъ—другой номеровъ, большею частью довольно кратко резюмирующихъ наиглавнѣйшія вожделѣнія своихъ составителей, но, несмотря на краткость и сравнительную съ кіевскими бѣдность содержанія, они тѣмъ не менѣе представляютъ все, что было наиболѣе наболѣвшаго и жгучаго въ средѣ духовенства. Подписаны пункты такъ же, какъ и кіевскіе, представителями чернаго и бѣлаго духовенства. По своему содержанію пункты малорос. епархій касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, какъ самого духовенства, такъ и его паствы; въ нихъ мы найдемъ заботы по предметамъ церковно-іерархическаго устройства, духовнаго суда, управленія, просвѣщенія, экономическаго благосостоянія церквей, монастырей и пр.; въ нихъ также встрѣчаются и спеціальныя заботы духовенства о своемъ собственномъ сословіи, въ смыслѣ возвышенія его соціальнаго и экономическаго развитія и приравненія къ шляхетству; особенно много, какъ и слѣдовало ожидать, пункты посвящаютъ вниманія вопросамъ экономическимъ, касающимся „ґрунтовъ и маетностей". Затѣмъ, въ нихъ немало разсѣяно всякаго рода жалобъ—на помѣщиковъ, козаковъ, посполитыхъ, но въ особенности на свѣтскихъ начальниковъ и великорусскихъ командировъ, съ неуваженіемъ и дерзостью относившихся къ представителямъ духовной власти. Все это разнообразное содержаніе пунктовъ представлено различными епархіями въ различномъ порядкѣ, но чтобы уложить его предъ читателемъ съ большею или меньшей послѣдовательностью и отчетливостью, мы не будемъ слѣдовать пунктамъ, а займемся

сначала главнѣйшими заявленіями духовенства, касающимися интересовъ церковной іерархіи, суда, управленія, просвѣщенія, книгопечатанія и затѣмъ уже перейдемъ къ болѣе прямымъ нуждамъ духовенства, какъ сословія.

Обращаясь къ недостаткамъ и желаніямъ духовенства первой категоріи, мы должны оговориться, что разработкой ихъ занялись по преимуществу кіевскіе пункты, среди составителей которыхъ находились лица, стоявшія на верху церковной іерархіи и потому близко знакомыя съ больными и темными сторонами малорусской церкви и ея служителей. Что касается пунктовъ остальныхъ епархій, то потому ли что составители ихъ буквально поняли указъ синода относительно „грунтовъ и маетностей", или потому, что они стояли вдали отъ центровъ церковнаго управленія, но они слабо коснулись вопросовъ первой категоріи и ограничили свои заявленія небольшимъ кругомъ экономическихъ интересовъ, почему большая часть того, что мы будемъ говорить, относится къ кіевскимъ пунктамъ.

Что же заявили представители кіевской епархіи, какія они выставили нужды малороссійскаго духовенства и церкви по самымъ кореннымъ вопросамъ ихъ существованія? Что было сказано относительно правъ и привилегій малороссійскаго духовенства, его іерархіи, суда, управленія, просвѣщенія и прочихъ интересовъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы прежде всего остановимся на 36-мъ пунктѣ кіевской епархіи, въ которомъ наиболѣе полно и сжато сосредоточены и желанія малороссійскаго духовенства, и права и преимущества, объ удержаніи которыхъ оно дѣятельно хлопотало. Въ этомъ пунктѣ говорится, что кіевскіе митрополиты отъ самаго крещенія Руси находились со всѣми подлежащими имъ епископіями, архимандритствами, монастырями и всѣмъ духовнымъ чиномъ подъ благословеніемъ и послушаніемъ константинопольскихъ патріарховъ, отъ которыхъ принимали рукоположеніе и возведеніе на престолъ. Сначала кіевскіе митрополиты титуловались „кіевскими, галицкими и всея Россіи", но когда, кромѣ митрополита въ Кіевѣ, сталъ еще митрополитъ въ Москвѣ, то къ слову „всея Россіи" прибавили

„Малыя". При короляхъ польскихъ и князьяхъ литовскихъ митрополиты всегда со всѣми подвѣдомыми имъ епископіями, игуменствами, братствами и со всѣмъ духовнымъ чиномъ пользовались правами и преимуществами, „какъ и знатное малороссійское шляхетство". Когда же Б. Хмельницкій „ради единовѣрія" поступилъ подъ державу царя Алексѣя Михайловича, то и послѣдній въ жалованныхъ всѣмъ малороссійскимъ чинамъ, въ томъ числѣ и духовенству, грамотахъ обѣщалъ содержать весь малороссійскій народъ на старыхъ правахъ и вольностяхъ. При царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ зависимость кіевскаго митрополита отъ константинопольскаго патріарха измѣнилась: въ 1685 г. по стѣсненнымъ политическимъ условіямъ, малороссійское духовенство и народъ, въ угоду Москвѣ, просили государей Іоанна и Петра быть кіевскому митрополиту подъ послушаніемъ патріарха московскаго. Нечего и говорить, что прошеніе это, подготовленное самой Москвой, было въ ней встрѣчено сочувственно и вновь избранный митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій воспріялъ посвященіе и возведеніе на престолъ отъ московскаго патріарха.

Этимъ событіемъ Малороссія въ отношеніи церковнаго управленія была уже въ сущности поставлена въ зависимость отъ Москвы, но чтобы скрасить дѣйствительность и не вызвать неудовольствія малороссіянъ, московскіе государи дали митрополиту Гедеону и всему духовному чину жалованную грамоту, подтверждавшую за ними всѣ прежнія права и преимущества. Сущность этой грамоты состояла въ томъ, что кіевская епархія должна быть первой между великороссійскими, что судъ митрополита кіевскаго долженъ происходить по тѣмъ же правамъ и обычаямъ, что и при патріархахъ константинопольскихъ, и московскіе патріархи не должны въ него вступаться и принимать челобитныхъ; что кіевская епархія „въ отношеніи митрополичьей чести, духовнаго чина, церковнаго начала (т. е. церковныхъ правилъ), а также вольностей и правъ обыклыхъ" должна по старому пребывать въ положеніи полнѣйшей автономіи.

Кромѣ того, той же грамотой опредѣлялось, что въ послушаніи кіевскаго митрополита должны всегда находиться архіереи

черниговскій и новгородскій, архимандриты Кіево-Печерской лавры и монастырей черниговской епархіи, а также всѣ тѣ епископіи, архимандріи, игуменства и братства, которыя издавна къ кіевской митрополіи принадлежали. Относительно порядка замѣщенія митрополичьей каѳедры грамота точно установляла, что митрополитъ долженъ быть избираемъ „вольной элекціей“ и кромѣ того непремѣнно „изъ природныхъ малороссіянъ“ и что московскіе государи не будутъ его вызывать въ Москву на годичное или полугодичное пребываніе, подобно великорусскимъ преосвященнымъ. Зная слабое развитіе Москвы, въ отношеніи просвѣщенія, косность ея въ предразсудкахъ и недовѣріе ко всему, что носило имя латинства, малороссійское духовенство выговорило себѣ въ жалованной грамотѣ право производить самостоятельное печатаніе книгъ и невозбранно обучать своихъ дѣтей латинскому и греческому языкамъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ.

Жалованная грамота 1685 года, содержаніе которой мы только что привели, заключала въ себѣ основныя права малороссійскаго духовенства, она для него то же, что договорныя статьи Б. Хмельницкаго для остальной Малороссіи, и потому составители пунктовъ — митрополитъ кіевскій и весь духовный чинъ — просили императрицу подтвердить ее навѣки и „на то милостивую жалованную грамоту дать“. Всѣ дальнѣйшія просьбы духовенства служатъ въ сущности только развитіемъ этой главной просьбы. Такъ, отстаивая съ особымъ усердіемъ независимость малороссійской церковной іерархіи, кіевское духовенство стремилось удержать въ своихъ рукахъ замѣщеніе свободныхъ должностей своими избранниками, а такъ какъ главнымъ лицемъ церковной іерархіи былъ митрополитъ, то оно неоднократно (пункты 36, 66) просило предоставить избраніе его самому духовенству „вольными голосами изъ природныхъ малороссіянъ“. Просьба о свободномъ избраніи митрополита невольно напоминаетъ собой просьбу шляхетства и козаковъ о вольномъ избраніи гетмана и нельзя сказать, чтобы аналогія въ данномъ случаѣ не шла далѣе видимаго сходства, ибо принципъ свободнаго избранія начальниковъ одинаково проникалъ у малороссіянъ и духовныя и свѣтскія сферы и извѣстно, что духовные пастыри

малороссіянъ были такими же выборными лицами, какъ и органы военной и гражданской власти. Что касается сходства въ просьбахъ объ избраніи гетмана и митрополита, то оно ясно и мотивы его весьма понятны: гетманъ—первое лицо въ управленіи воинскомъ и гражданскомъ, митрополитъ—также первое лицо въ управленіи церковномъ, онъ высшій органъ духовной власти. Поставить въ зависимость отъ себя избраніе такихъ органовъ значило обезпечить себѣ въ извѣстной мѣрѣ вліяніе на дѣла управленія, чего и добивались избиратели. Конечно, въ эпоху Екатерины II избраніе митрополита не могло отличаться чрезвычайностью, но ранѣе въ смутную эпоху, замѣчаетъ Костомаровъ въ своей монографіи „Руина"—оно было важнымъ событіемъ для Украйны, такъ какъ политическое и нравственное вліяніе митрополита было настолько велико, что отъ вопроса, чьимъ сторонникомъ—московскаго государства или Польши—явится новый владыка—много выигрывала та или другая сторона. Это замѣчаніе Костомарова относится къ давнему времени; съ тѣхъ поръ вліяніе митрополита, а тѣмъ болѣе низшихъ по положенію пастырей безконечно пало, наконецъ, само правительство уже настолько окрѣпло, что не нуждалось и не боялось какихъ либо вліяній духовенства, но выборный принципъ не нравился правительству и оно исподоволь стремилось его съузить, несмотря на положительное отсутствіе отъ него вредныхъ послѣдствій. Впрочемъ, съуженіе, о которомъ мы говоримъ, касалось только наиболѣе видныхъ лицъ іерархіи, низшіе же ея органы, какъ-то священники, діаконы и пр. оставались неприкосновенными въ отношеніи порядка своего назначенія на должности. Въ 1765 г. синодъ уничтожилъ одну изъ самыхъ важныхъ и дорогихъ прерогативъ малороссійскаго монашества: онъ запретилъ епархіальнымъ архіереямъ производить безъ его вѣдома въ архимандриты и опредѣлять ихъ на свободныя мѣста, но предписалъ представлять на его усмотрѣніе 2-хъ кандидатовъ, причемъ на дѣлѣ вышло такъ, что синодъ представляемыхъ кандидатовъ обходилъ, а опредѣлялъ лицъ, ничѣмъ не выдающихся и неизвѣстныхъ монастырской братіи. Въ пунктахъ этотъ указъ, нарушавшій „обыклыя поведенія" монастырей, вызвалъ просьбу

объ его отмѣнѣ и о дозволеніи монастырямъ самимъ избирать „на архимандричью честь мужей благоутвержденныхъ и извѣданныхъ“ и утверждать ихъ кіевскому митрополиту [1]). Чтобы представить себѣ, какой успѣхъ могъ ожидать подобныя прошенія, мы можемъ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ инструкціи, данной Екатериной II при назначеніи Румянцева правителемъ Малороссіи. Она писала, что необходимо тщательно присматривать за малороссійскими архіереями и ихъ подчиненными, дабы они, закоснѣвшіе во властолюбіи, не выступали хитростью изъ надлежащихъ предѣловъ своего сана и не простирали свою власть духовную надъ свѣтскою, разсѣевая въ народѣ простомъ и суевѣрномъ ихъ намѣреніямъ полезные, а общему покою враждебные плевелы.

Необходимо, утверждала далѣе Екатерина,—изучить власть малороссійскаго духовенства во всѣхъ ея размѣрахъ и тонкостяхъ и такъ какъ весьма важно, чтобы въ архіереи и архимандриты посвящались лица, „отъ которыхъ по ихъ крѣпости духовной и смиренію можно ожидать резонабельныхъ сентиментовъ“,—то не худо Румянцеву рекомендовать такихъ лицъ заранѣе *прямо отъ себя* на свободныя вакансіи, описывая при этомъ ихъ жизнь и образъ мыслей [2]). Соображая время изданія секретной инструкціи Екатерины II со временемъ изданія синодскаго указа о томъ же, нельзя не признать, что указъ синода былъ актомъ, выражавшимъ открыто ранѣе секретныя распоряженія императрицы смирить властолюбивые помыслы малороссійскаго духовенства, централизовать власть въ синодѣ и подчинить малорусскую іерархію общимъ, существовавшимъ тогда порядкамъ. Между тѣмъ малороссійскому духовенству и его главѣ,—кіевскому митрополиту, весьма не хотѣлось разставаться съ излюбленными порядками и они продолжали просить и надѣяться, что ихъ права и привилегіи еще найдутъ себѣ поддержку въ екатерининской коммиссіи, куда затребовали пункты. Такъ, напримѣръ, въ 66 кіевскомъ пунктѣ было заявлено весьма рѣзкое желаніе, чтобы архіерей

[1]) Пунктъ 44-й кіев. епархіи.

[2]) Соловьевъ, т. 26, стр. 46.

кіевскій и архимандритъ печерскій, согласно своимъ привилегіямъ, были въ вѣдѣніи исключительно коллегіи иностранныхъ дѣлъ, „какъ то при патріархахъ московскихъ было, а синоду того архіерея кіевскаго и архимандрита печерскаго не вѣдать и въ права ихъ и выборъ не вступать“, но оставить при прежнихъ вольностяхъ и обыклыхъ поведеніяхъ.

Съ той же, конечно, мыслью о возвышеніи своей власти и приданіи ей декорума и престижа кіевскій митрополитъ ходатайствовалъ (37 пунктъ), чтобы ему было дозволено именоваться по старому „митрополитомъ кіевскимъ, галицкимъ и всея Малыя Россіи“ ибо,—утверждалъ кіевскій митрополитъ,—если отбросить послѣднюю часть титула, то уніатскій митрополитъ, именующій себя также кіевскимъ, галицкимъ и всея Малыя Россіи, можетъ окончательно присвоить себѣ этотъ титулъ, какъ бывало ранѣе, когда уніатскіе митрополиты по скончаніи кіевскихъ дерзали даже иногда именоваться блюстителями кіевской епархіи.

Затѣмъ, чтобы вполнѣ возвратить старый порядокъ вещей съ широкимъ кругомъ дѣятельности, власти и нравственнаго авторитета, митрополитъ Арсеній поставилъ на благоусмотрѣніе синода и то обстоятельство, что епархіи черниговская, переяславская и могилевская, а также монастыри Кіево-Печерскій и Межигорскій ранѣе находились въ послушаніи кіевскаго митрополита и что, такъ какъ эта зависимость является для нихъ самой естественной и какъ бы намѣченной предшествующей исторіей, то желательно рѣшить, въ чьемъ вѣдѣніи они должны находиться на будущее время, т. е. его ли, митрополита, или синода. Не предрѣшая этого вопроса самъ, митрополитъ говорилъ о немъ съ такой ясностью, что не оставалось никакого сомнѣнія въ его желаніи возвратить епархіи, отошедшія когда то въ вѣдѣніе московскаго патріарха и монастыри, ставшіе ставропигіальными, снова въ свое „послушаніе“, ибо тогда титулъ „всея Малыя Россіи“, о которомъ заботился митрополитъ, болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ бы дѣйствительности, а не былъ бы одной красивой фикціей. Было бы интересно сопоставить, какого мнѣнія о „послушаніи“ черниговской и переяславской епархій были сами представители этихъ епархій, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ

этого сдѣлать, такъ какъ авторы пунктовъ совсѣмъ не обсуждали этого вопроса, что же касается монастырей, то они не желали никакихъ перемѣнъ и настаивали на своихъ ставропигіяхъ и исключительной зависимости отъ одного синода. Сообщивъ вкратцѣ наиболѣе выдающіяся желанія кіевскаго митрополита и духовнаго чина и сопоставляя ихъ съ замѣчаніями цитованной инструкціи Екатерины II о властолюбіи малороссійскихъ епископовъ и отрицательномъ ихъ отношеніи къ видамъ правительства, мы не можемъ отрицать, что Екатерина II, съ извѣстной точки зрѣнія была права въ своихъ замѣчаніяхъ. По крайней мѣрѣ, это справедливо въ отношеніи митрополита Арсенія и духовенства кіевской епархіи, которые, конечно, не сѣяли „въ народѣ простомъ и суевѣрномъ" плевелъ, но заговоривши объ отмѣнѣ стѣснительныхъ указовъ и о возстановленіи правъ, даровавшихъ самостоятельность кіевской митрополіи, тѣмъ самымъ доказали въ глазахъ Екатерины свое властолюбіе. Съ другой стороны мы не можемъ сказать, чтобы митрополитъ Арсеній и его духовенство, провозглашая свои желанія, дѣлали что либо большее, чѣмъ ихъ предшественники—они продолжали только традиціи стараго времени. Извѣстно, что кіевская митрополія, старѣйшая во всей Россіи, находясь подъ послушаніемъ константинопольскихъ патріарховъ, состояла въ сущности въ полнѣйшей отъ него независимости; въ это время юго-западная церковь значительно обособилась отъ сѣверо-восточной и духовенство, предоставленное самому себѣ, раздѣляя общія судьбы своей страны, выработало себѣ особые порядки, воспитало оригинальные взгляды и даже въ вопросахъ вѣры настолько удалилось отъ великорусскихъ воззрѣній, что при возсоединеніи Великой и Малой Россіи представители обѣихъ церквей чувствовали себя другъ другу чуждыми и нѣсколько враждебно настроенными. У малороссійскихъ пастырей это чувство было вызвано нежеланіемъ какого бы то ни было подчиненія или послушанія, каковое необходимо должно было возникнуть; поэтому митрополитъ Сильвестръ и не сочувствовалъ дѣлу Б. Хмельницкаго и не содѣйствовалъ ему, отговариваясь своимъ невѣдѣніемъ о перепискѣ Богдана съ царемъ. Онъ съ большой неохотой приводилъ къ

присягѣ народъ, а духовенство было такъ недовольно, что, по замѣчанію одного современника, „отъ жалости всѣ глаза себѣ выплакало". О несочувствіи, обнаруженномъ при подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, имѣвшемъ мѣсто въ гетманство Самойловича (1685 г.), и говорить нечего. Духовенство—замѣчаетъ Костомаровъ—сильно протестовало противъ этого подчиненія, опасаясь прекращенія прежней свободы въ духовныхъ дѣлахъ и введенія чуждыхъ Малороссіи церковныхъ обычаевъ и обрядовъ. Самъ гетманъ былъ не радъ этому подчиненію, и боясь насмѣшекъ со стороны поляковъ объ униженіи старѣйшей родоначальной митрополіи, просилъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, считалась первой между великороссійскими [1]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что заботы о свободѣ въ духовныхъ дѣлахъ были постоянной и весьма древней чертой малороссійскаго духовенства; всякое подчиненіе постороннимъ властямъ вызывало у него неудовольствіе и болѣе или менѣе значительный протестъ, который, конечно, не могъ оканчиваться въ пользу духовенства, такъ какъ сокращеніе свободы въ духовныхъ дѣлахъ было послѣдствіемъ измѣненія политическаго строя Малороссіи и возстановить прежній строй духовныхъ дѣлъ нельзя было, не возстанавливая политическаго строя Малороссіи. Тѣмъ не менѣе украинское духовенство, несмотря на измѣнившуюся политическую обстановку, продолжало довольно упорно лелѣять въ себѣ прежніе идеалы и все различие въ этомъ отношеніи между 1685 и 1768 годомъ состоитъ въ томъ, что въ 1685 году оно съ неудовольствіемъ встрѣтило перемѣну зависимости отъ константинопольскаго патріарха на зависимость отъ московскаго и жалованную грамоту, данную митрополиту Кроковскому, оно считало оскорбленіемъ своей самостоятельности, а въ 1768 году эта грамота составляла предметъ его пламенныхъ вожделѣній.

Заботясь вообще о своей самостоятельности, малор. духов. обратило большое вниманіе и на свои суды, и по поводу ихъ компетенціи, положенія въ ряду общихъ судебныхъ мѣстъ и дѣятельности, высказало мысли и желанія, сводившіяся къ тому,

---

[1]) Руина. Вѣст. Евр. 1880, IX, 15.

чтобы по возможности возстановить порядокъ вещей, существовавшій при константинопольскихъ и московскихъ патріархахъ, когда судамъ кіевскаго митрополита было дозволено „быти и отправлятися по прежнимъ обычаямъ“ и было обѣщано въ „его судъ не вступаться и челобитень ни у кого не принимать“. Прежніе обычаи, о которыхъ хлопотали пункты, утверждали какъ независимость духовнаго суда отъ посторонняго вмѣшательства и надзора, такъ равно опредѣляли компетенцію его дѣятельности и, нужно сказать, что эта послѣдняя въ особенности озабочивала кіевскихъ пастырей, такъ какъ въ послѣднее время стала замѣтно съуживаться въ ущербъ интересамъ духовнаго сословія. По прежнимъ обычаямъ, юрисдикціи духовнаго суда подлежали не только преступленія противъ вѣры и другія, соединенныя съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, но и всѣ гражданскія дѣла, возникавшія между лицами духовнаго званія, между монастырями, церквами, и даже между подданными монастырей и духовенства, подданными, которыхъ ужъ никакъ нельзя отнести къ лицамъ духовнаго званія. Юрисдикціи духовнаго суда подлежали также дѣла уголовныя между духовными и ихъ подданными, а также и тѣ дѣла по жалобамъ и искамъ мірянъ, гдѣ духовенство фигурировало въ роли обвиняемаго или отвѣтчика. Сфера дѣйствія духовнаго суда была очень обширна и изъ данныхъ, приводимыхъ пунктами, видно, что она основывалась на многихъ указахъ отъ 1721, 1723, 1729 и 1759 гг. и на Дух. Регламентѣ, по точному смыслу которыхъ духовныхъ лицъ нельзя было вѣдать ни коллегіямъ, ни канцеляріямъ, ни инымъ командирамъ, а должны они вѣдаться въ духовныхъ командахъ, гдѣ также вѣдаются въ отношеніи суда и взиманія податей монастырскіе и церковные крестьяне. Но широкая подсудность духовнымъ судамъ, ограждая интересы и права духовенства, не всегда удовлетворяла истиннымъ интересамъ правосудія и весьма нерѣдки были неудовольствія и жалобы на лицепріятія духовныхъ судовъ при рѣшеніи дѣлъ по искамъ шляхетства или козаковъ къ лицамъ духовнаго званія о грунтахъ и прочихъ маетностяхъ, почему гетм. Д. Апостолъ въ 1728 г. испросилъ, чтобы такія

дѣла рѣшались въ общихъ малороссійскихъ судахъ въ общемъ порядкѣ. Независимо отъ этого, по свидѣтельству пунктовъ, компетенція духовныхъ судовъ стала падать какъ бы сама собою, а общихъ судовъ, напротивъ, возросла до того, что даже дѣла между самими духовными и между ихъ подданными начали вѣдаться общимъ порядкомъ. Характерно въ данномъ случаѣ то явленіе, что упадокъ духовныхъ судовъ происходилъ не въ силу закона или указовъ,—законъ былъ на ихъ сторонѣ,— а въ силу самой жизни, допускавшей свѣтскимъ начальствамъ, не взирая ни на какіе указы, безнаказанно рѣшать неподсудныя по буквѣ закона имъ дѣла. Что касается области уголовнаго процесса, то и въ немъ происходило то же явленіе: духовенство жаловалось, что, хотя по своимъ правамъ и по недавнему указу отъ 1742 г. ему предоставлено судиться въ вѣдомствѣ „духовной команды", кромѣ дѣлъ „тяжкихъ государственныхъ, криминальныхъ, разбойныхъ и татейныхъ, которыя доходятъ до розыску и казни", тѣмъ не менѣе оно отдано въ руки свѣтскаго начальства, а каковъ былъ судъ этого начальства живописуютъ тѣ же кіевскіе пункты. Въ кіевской епархіи— говорятъ они—свѣтскіе командиры берутъ подъ свой судъ безъ всякаго сношенія съ духовными начальствами не только управителей монастырскихъ вотчинъ, прикащиковъ, войтовъ и подданныхъ, но также монастырскихъ слугъ, причетниковъ и *самыхъ духовныхъ персонъ;* берутъ они, насылая козачьи команды, а взявши наносятъ побои и духовнымъ въ тюрьмахъ и острогахъ между ворами и смертоубійцами, какъ плѣнниковъ, а не государственныхъ подданныхъ; имѣнія обвиняемыхъ грабятъ и разоряютъ, а духовной командѣ причиняютъ этимъ „презрѣніе". Жалуясь на неустройства и безправіе, происходящія отъ слишкомъ смѣлаго отношенія свѣтскихъ начальниковъ къ судебнымъ прерогативамъ духовенства, послѣднее доказывало, что это дѣлается безусловно незаконно, ибо, согласно 15 арт. III раздѣла Статута, всѣ новыя постановленія, касающіяся людей духовнаго и мірскаго званія, должны быть заключаемы съ согласія духовныхъ, между тѣмъ на дѣлѣ они, духовные, ни чѣмъ похожимъ не пользуются и терпятъ одни только притѣсненія. Для устра-

ненія описаннаго зла, для обезпеченія при помощи судовъ правъ личныхъ, сословныхъ и имущественныхъ духовенство просило императрицу возстановить старую компетенцію духовныхъ судовъ и строго блюсти за тѣмъ, чтобы привилегіи духовныхъ въ этомъ отношеніи никѣмъ не нарушались и чтобы духовныя команды и интересы духовенства не отдавались „въ презрѣніе“. Для огражденія же своихъ интересовъ, могущихъ пострадать при рѣшеніи въ общихъ судахъ дѣлъ по искамъ духовныхъ къ мірянамъ, авторы кіевскихъ пунктовъ просили учредить смѣшанные суды съ участіемъ въ нихъ своего судьи, или по крайней мѣрѣ депутата [1]), хотя нужно замѣтить, что это желаніе духовенства было уже удовлетворено ранѣе указомъ Синода отъ 1759 г., буквально допускавшимъ смѣшанные суды, но этотъ указъ такъ плохо примѣнялся въ судебной практикѣ, что авторы пунктовъ сочли нужнымъ просить объ его повтореніи.

Въ области другихъ процессуальныхъ льготъ можно еще отмѣтить просьбу духовенства объ освобожденіи себя отъ дачи свидѣтельскихъ показаній подъ присягой и о запрещеніи свѣтскимъ судамъ требовать явки духовныхъ лицъ въ судъ для дачи устныхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя рекомендовалось замѣнить письменными, данными по вопроснымъ пунктамъ [2]). Послѣднее желаніе духовенства, само по себѣ крайне неважное, было вызвано тяжелой судебной обстановкой для свидѣтеля въ прошломъ вѣкѣ, какъ-то: дальними вызовами, долгими и разорительными отлучками и пр., что невыгодно отражалось (при любви духовенства къ процессамъ) и на служебныхъ обязанностяхъ духовныхъ лицъ и на ихъ хозяйствѣ и матеріальныхъ средствахъ, что же касается дачи свидѣтельскихъ показаній безъ присяги, то здѣсь взглядъ духовенства былъ вполнѣ логиченъ и извѣстно, что современное законодательство допускаетъ для духовныхъ лицъ только показанія, данныя „по священству“, безъ присяги, О льготахъ въ области матеріальнаго уголовнаго права духовные пастыри заявили также не много же-

---

[1]) Пунктъ 59 кіев. епархіи.

[2]) 61 и 62 п. той же епархіи.

ланій, но за то одно изъ нихъ было довольно видное: они просили, чтобы священнаго и монашескаго чина люди, впадающіе въ преступленія, влекущія лишенія ихъ сана, извергались бы только изъ своего сословія и не несли другого наказанія. Другое желаніе духовенства нельзя даже отнести и къ льготамъ, такъ какъ оно заключалось въ томъ, чтобы для огражденія духовнаго чина людей отъ обидъ „обидчикамъ и продерзателямъ" были положены строгія, взыскующія вину наказанія.

Вглядываясь критически въ содержаніе пунктовъ о духовномъ судѣ, нельзя не замѣтить, что авторы ихъ совершенно не коснулись недостатковъ ни въ формахъ и обрядахъ судопроизводства, ни въ матеріальномъ правѣ и, мы думаемъ, потому, что вопросъ объ исправленіи дѣйствующаго права не входилъ въ ихъ задачу. Авторовъ пунктовъ судъ интересовалъ съ своей сословной точки зрѣнія, для нихъ было важно поддержать сословный принципъ въ судѣ и установить твердыя и широкія границы для его дѣятельности, ибо въ сословномъ судѣ они видѣли залогъ правосудія и огражденія интересовъ своего сословія. Каковы будутъ формы и обряды суда—это не важно для составителей пунктовъ—ибо они полагали, что свои судьи и при дурномъ состояніи права могутъ рѣшать дѣла добросовѣстно, а судьи другого сословія и при хорошихъ законахъ могутъ злоупотреблять ими въ пользу своихъ собратьевъ. Нельзя сказать, чтобы эта точка зрѣнія принадлежала исключительно духовенству, такъ какъ и шляхетство, и козаки, и мѣщане просили о своемъ сословномъ судѣ и духовенство не было въ данномъ случаѣ болѣе ретроградно, чѣмъ другія сословія, такъ что увлеченіе его состояло развѣ въ томъ, что оно и своихъ подданныхъ крестьянъ монастырскихъ, церковныхъ и пр. также стремилось подчинить власти суда духовнаго. Однако и въ этомъ случаѣ, пока у монастырей были крестьяне и многочисленныя имѣнія, духовенство не могло безъ ущерба своимъ интересамъ поступать иначе: при враждебности сословныхъ интересовъ, при дурномъ состояніи матеріальнаго и процессуальнаго права, дававшемъ просторъ злоупотребленіямъ, разсчитывать на безпристрастіе судей было болѣе или менѣе рисковано и потому не

удивительно, что духовенство, не задаваясь преобразованіемъ судовъ, искало защиты своихъ правъ подъ эгидой сословныхъ судебныхъ привилегій.

Теперь мы перейдемъ къ обзору желаній духовенства въ области просвѣщенія и образованія. Рѣчь объ этомъ вели пункты кіевской и черниговской епархій и Кіево-Печерская лавра. Кіевскіе пункты первымъ дѣломъ просили сохранить неприкосновенной и подтвердить особою грамотой существованіе кіевской академіи—этого высшаго духовнаго и свѣтскаго учебнаго заведенія, особенно дорогого малороссіянамъ по своей исторической роли въ прошломъ Украйны. Возникши въ началѣ 17 вѣка, въ качествѣ простой школы при братствѣ, учрежденномъ при кіевской Богоявленской церкви, кіевская академія съ первыхъ шаговъ дѣятельности стала носить характеръ національнаго учрежденія, такъ какъ ролью ея было образовывать и выпускать защитниковъ православія. Эта высокая и трудная задача въ эпоху борьбы православія съ католичествомъ сразу поставила академію на почетное мѣсто и о существованіи ея стали заботиться, какъ о важномъ національномъ дѣлѣ, ибо заботы о просвѣщеніи и о православной вѣрѣ были въ сущности заботами о цѣлости національнаго существованія и сохраненіи южнорусской народности отъ полонизаціи и католичества. Поэтому мы замѣчаемъ, что въ договорахъ и конституціяхъ съ Польшей малорусскій народъ постоянно стремился сохранить неприкосновенность кіевской академіи и уравнять её въ правахъ съ краковской и львовской; такъ, напримѣръ, по гадячскимъ статьямъ и по варшавской сеймовой констутуціи 1659 г. кіевской академіи было дозволено пользоваться всѣми правами и преимуществами краковской съ тою льготой, что въ ней не будетъ профессоровъ, магистровъ и студентовъ иныхъ исповѣданій, кромѣ православнаго. По той же конституціи всѣ существовавшія въ Кіевѣ инославныя школы должны были быть перенесенными въ другое мѣсто.

Гетманъ Дорошенко, въ своемъ извѣстномъ договорѣ съ поляками, также выговорилъ для Малороссіи равноправность кіевской академіи съ краковской, свободу заводить школы, типо-

графіи и учредить новую академію въ Могилевѣ съ правами, равными кіевской. Русскіе цари, по прошеніямъ малороссіянъ, также обѣщали вѣчно и ненарушимо сохранять привилегіи кіевской академіи, и теперь составители кіевскихъ пунктовъ обратились къ императрицѣ съ просьбой о новомъ подтвержденіи этихъ обѣщаній. Въ частности же въ кіевскихъ пунктахъ просили объ ассигнованіи на кіевскую академію такого же содержанія, какое выдавалось въ то время московской, и о выдачѣ ректору и учителямъ академіи пріостановленнаго съ 1764 года жалованья въ томъ размѣрѣ, какой былъ установленъ царевичами Петромъ и Іоанномъ, т. е. по 50 р. деньгами и по столько же московскихъ четвертей ржи. Не лишены интереса и значенія мотивы, приведенные митрополитомъ въ пользу выдачи кіевской академіи содержанія наравнѣ съ московской, ибо въ нихъ находится краткій перечень плодовъ, принесенныхъ академіей не только Малороссіи, но и всей Россіи, а именно: академія—говорятъ пункты—дала первыхъ учителей различныхъ наукъ при учрежденіи въ Москвѣ славяно-греко-латинской академіи, она же давала ихъ и впослѣдствіи не только для академіи, но и для московскаго университета и для вновь образованныхъ въ великорусскихъ епархіяхъ семинарій и другихъ школъ; кромѣ того, изъ академіи студенты вступали въ полковые священники, шли въ капелланы къ русскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, поступали въ шляхетскіе корпуса и пр. Наконецъ, въ 1754 г., по приглашенію медицинской коллегіи, болѣе 300 студентовъ поступили въ медико-хирургическую академію и, окончивъ въ ней курсы, заняли должности докторовъ въ полкахъ и госпиталяхъ; другіе изъ студентовъ по любви къ медицинской наукѣ продолжаютъ и теперь вступать въ медицинскую академію, а нѣкоторые, подвергая себя неописанной бѣдности, уходятъ даже въ Германію и тамъ продолжаютъ свое образованіе въ высшихъ наукахъ. Въ отношеніи къ самой Малороссіи заслуги кіевской академіи, по словамъ пунктовъ, заключаются въ томъ, что большинство полковыхъ городовъ, нѣкоторые изъ мелкихъ и даже мѣстечки и села имѣютъ у себя образованныхъ священниковъ,—„съ успѣхомъ въ наставленіи и просвѣщеніи простого народа трудящихся“.

Несмотря на приносимую ею пользу, академія, какъ видно изъ пунктовъ, сильно бѣдствовала въ матеріальномъ отношеніи и не имѣла надлежащаго штата преподавателей, почему многіе предметы, какъ-то: исторія, географія, математика и языки— французскій, нѣмецкій, еврейскій, греческій, латинскій и польскій читались одними лицами, что, конечно, вредно отзывалось на успѣхахъ ученія. Не нужно еще забывать и того обстоятельства, что нѣкоторые изъ преподавателей академіи были обязаны службой, какъ церковнослужители, и поэтому за скопленіемъ занятій не могли много посвящать времени своей паствѣ и удовлетворять ея жаждѣ духовной проповѣди, такъ что митрополитъ нашелъ нужнымъ просить объ учрежденіи въ академіи двухъ спеціальныхъ проповѣдниковъ на особомъ жалованьи. Какъ необходимую принадлежность академіи, митрополитъ просилъ сохранить и „сиропитательный домъ“ или бурсу, содержавшую безмездно уже со времени П. Могилы массу бѣднаго юношества, стекавшагося въ академію.

Заботясь о положеніи академіи, кіевскіе пункты не прошли молчаніемъ и самыхъ академистовъ: они хлопотали, чтобы студенты, имѣющіе похвальныя отъ академіи свидѣтельства, получали преимущества при поступленіи на должности и при награжденіи чинами; кромѣ того митрополиту хотѣлось, чтобы лица, окончившія философское и богословское ученія, назначались имъ на священническія мѣста „безъ избранія и безъ презентовъ (т. е. безъ рекомендаціи мѣстныхъ владѣльцевъ) и безъ согласія старшинъ, владѣльцевъ и прихожанъ по однимъ аттестатамъ ректора и учителей“. Но это желаніе митрополита должно было встрѣтить сильный отпоръ какъ въ обыкновеніяхъ малороссіянъ избирать себѣ священниковъ, такъ и въ указѣ синода отъ 1735 г., запрещавшемъ насильно насылать поповъ и діаконовъ, безъ согласія старшинъ, владѣльцевъ и прихожанъ. Обычай избранія священниковъ былъ настолько силенъ въ Украйнѣ, что по сознанію, сдѣланному въ самихъ же пунктахъ, священниковъ, назначенныхъ противъ воли прихожанъ, послѣдніе не допускали къ церквямъ, не давали ни дома, ни земли, ни доходовъ и они принуждены бывали бросать свои парафіи.

Прошеніе духовенства черниговской епархіи по поводу образованія заключалось въ томъ, чтобы расширить основанный въ 1700 г. въ Черниговѣ коллегіумъ и прибавить въ немъ классъ богословія къ существовавшимъ уже реторики и философіи. Черниговскій архіерей въ своемъ прошеніи обращалъ вниманіе синода, что коллегіумъ, устроенный для образованія юношества, не можетъ отвѣчать своимъ цѣлямъ по недостатку помѣщенія и преподавателей, происходящему отъ скудости средствъ, и дѣйствительно положеніе коллегіума, какъ оно описано въ пунктахъ, было не изъ завидныхъ. Основанный въ 1700 году, онъ былъ разсчитанъ на классъ одной реторики и кое-какъ помѣщался въ 4-хъ избахъ, съ введеніемъ же въ 1749 г. класса философіи и съ общимъ увеличеніемъ числа учащихся помѣщеніе коллегіума сдѣлалось до крайности тѣснымъ и требовало расширенія. По этому поводу еще въ 1739 году было сдѣлано представленіе въ синодъ съ предложеніемъ обратить черниговскій дѣвичій Пятницкій монастырь въ мужской и перевести въ него коллегіумъ, но такъ какъ резолюціи на это представленіе не послѣдовало и по 1768 г., то коллегіумъ по прежнему помѣщался въ 4-хъ избахъ, а философія за недостаткомъ помѣщенія читалась въ монастырской трапезной. Въ связи съ матеріальнымъ упадкомъ, зависѣвшимъ отъ упадка доходовъ монастырей, коллегіумъ терпѣлъ и отъ недостатка преподавателей, которыми обыкновенно бывали ученые монахи. Въ первые годы существованія коллегіума— узнаемъ мы изъ пунктовъ—ученыхъ монаховъ было весьма достаточно какъ для обученія низшихъ классовъ, „такъ и знанія философскаго“, многіе трудились въ силу одного послушанія, другіе въ надеждѣ на награду игуменскими и архимандричьими должностями. Въ описываемое же время ученыхъ монаховъ было такъ мало, что нерѣдко затруднялись выбрать ректора или префекта, а учителями были люди свѣтскіе, непостоянные, служившіе до пріисканія мѣстъ съ большимъ, чѣмъ въ коллегіумѣ, жалованьемъ. Описавъ бѣдственное состояніе просвѣщенія въ черниговской епархіи, составители пунктовъ просили учредить въ коллегіумѣ должности учителей „на пристойномъ государственномъ коштѣ“, „ради большаго распространенія въ отечествѣ

ученія и ради умноженія учащихся пользы", и читать въ коллегіумѣ богословіе, еврейскій и французскій языки (нѣмецкій уже читался) и математику.

Съ рѣчью духовенства объ образованіи необходимо сопоставить и высказанныя имъ мысли относительно развитія въ Украйнѣ книгопечатанія и книжнаго обращенія, о которыхъ духовенство заботилось столько же по мотивамъ просвѣтительнымъ, какъ и религіознымъ, что естественно объясняется какъ духовнымъ званіемъ просителей, такъ и тѣмъ, что самое образованіе въ XVIII вѣкѣ все еще основывалось у насъ на книгахъ духовнаго содержанія. Авторы кіевскихъ пунктовъ заявили о необходимости учредить при кіевскомъ митрополитѣ особую типографію и указали для этого два основанія: во-первыхъ, недостатокъ книгъ религіознаго содержанія въ Россіи, Польшѣ и Палестинѣ и, во-вторыхъ, отсутствіе въ академіи потребныхъ книгъ для обученія юношества различнымъ предметамъ и языкамъ славянскому, латинскому, греческому, французскому, нѣмецкому и прочимъ. Что касается перваго основанія, то, по изъясненію кіевскаго духовенства, у него чувствуется большой недостатокъ въ исправленныхъ церковныхъ книгахъ, о чемъ оно часто представляло своему начальству, но всегда безуспѣшно; но особенная нужда и вредъ отъ недостатка въ книгахъ происходили среди православнаго населенія Польши, оторваннаго отъ своихъ единовѣрцевъ, такъ какъ тамъ употреблялись книги мѣстной печати съ большими отступленіями отъ догматовъ вѣры. То-же явленіе происходило и въ Палестинѣ, жители которой принуждены были покупать книги изъ иновѣрной имъ Венеціи. Обращая вниманіе на происходящій отсюда вредъ, духовенство указывало синоду, что существующія кіево-печерская и московская типографіи не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ въ книгахъ и часто отказываются высылать ихъ и возвращаютъ собираемыя церквями деньги.

Вредъ отъ недостатка въ учебныхъ книгахъ былъ настолько великъ, что совершенно затруднялъ обученіе, такъ какъ учебныя книги вовсе не печатались въ Малороссіи, а получались „изъ иныхъ странъ съ великимъ трудомъ и коштомъ". По изложен-

нымъ причинамъ митрополитъ кіевскій и ходатайствовалъ о дозволеніи завести типографію для изданія церковныхъ книгъ, а также „учительныхъ книгъ, сочиненій ученыхъ людей и переводовъ съ различныхъ языковъ“. Какъ на историческую справку митрополитъ указывалъ, что право на содержаніе типографіи при кіевской митрополіи было утверждено издревле, „аки собственно до должности, дѣла же и чина архіерейскаго принадлежаще“, но что его предшественники сначала не заводили типографій потому, что въ концѣ XVII вѣка типографій было вполнѣ достаточно—въ лаврѣ, въ монастыряхъ—Спасскомъ новгородъ-сѣверскомъ, черниговскомъ Ильинскомъ и при каѳедрахъ—могилевской и виленской (отошедшихъ впослѣдствіи въ унію), когда же часть упомянутыхъ типографій закрылась, а другая отошла въ унію, то митрополиты не завели своей типографіи исключительно по случайнымъ причинамъ, которыя теперь не имѣютъ мѣста. Что касается Кіево-Печерской лавры, то заботы ея въ отношеніи книгопечатанія ограничивались просьбой оставить неприкосновенной ея типографію и дозволить ей по прежнему издавать и распространять церковныя книги „для безнужнаго довольствованія“ ими всего православнаго народа.

Такова въ самыхъ краткихъ чертахъ сущность весьма симпатичныхъ желаній малороссійскаго духовенства по вопросу о просвѣщеніи и о религіозномъ развитіи народа. Какъ къ нимъ отнесся синодъ, мы не знаемъ, но намъ извѣстно, что Екатерина II съ такимъ подозрѣніемъ относилась къ малороссійскому духовному образованію и къ самой чистотѣ духовенства въ православіи, что она не могла удовлетворить его просьбы. Въ извѣстной инструкціи Румянцеву она писала: „небезъизвѣстно, что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ какъ въ заграничныхъ польскихъ, такъ и въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства заражаются многими ненасытнаго честолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены предшедшихъ временъ исторіи европейскія“ [1]). Этотъ взглядъ былъ высказанъ

---

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 46.

Екатериной ранѣе составленія пунктовъ, но онъ весьма характеренъ по содержащемуся въ немъ указанію на зараженіе малороссійскихъ школъ „развратными правилами римскаго духовенства". Настроеніе Екатерины въ отношеніи Малороссіи было таково, чтобы покончить со всѣми ея привилегіями и ввести въ общій кругъ государственной жизни, подчинивъ всѣ отрасли ея правительственному надзору, который долженъ былъ, конечно, распространяться и на систему образованія. И дѣйствительно, два года спустя послѣ изданія инструкціи она уже заботилась о томъ, чтобы произвести въ Малороссіи измѣненія въ образованіи и писала Румянцеву, чтобы онъ склонилъ малорусскихъ пановъ къ подачѣ челобитной, въ которой бы они просили о лучшемъ у нихъ учрежденіи школъ и семинарій и если можно о положеніи духовенства въ штатное состояніе, и что если отъ духовныхъ или свѣтскихъ такую челобитную имѣть, то она бы уже знала, какъ начинать" [1]).

Приведенныя двѣ цитаты, мы полагаемъ, достаточно показываютъ, что Екатерина сама была недовольна состояніемъ духовнаго образованія въ Малороссіи не менѣе, чѣмъ духовенство, но о томъ, какъ поднять и исправить его, у нея были свои планы и мысли, несходные съ выраженными въ пунктахъ.

И. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid.. стр. 152.

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

(окончаніе).

ГЛАВА XII.

Предостереженіе.

Князь Дмитрій сидѣлъ въ Вишневеччинѣ и отдыхалъ отъ боевыхъ трудовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Тимошъ изъ рукъ у него вырвалъ невѣсту, онъ впалъ не то что въ меланхолію, а въ какое-то безразличное состояніе духа. Его не тѣшила и охота, несмотря на то, что стояла самая удобная для нея пора. Старый ловчій, завѣдывавшій псарнями, суетливо приводилъ все въ порядокъ въ надеждѣ, что князь вотъ вотъ прикажетъ готовиться къ охотѣ. Но ожиданія его были напрасны. Князь, сумрачный и одинокій, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, курилъ трубку, безцѣльно посматривая на пожелтѣвшую, поблекшую осеннюю природу и думалъ: „вотъ такъ и я завяну старымъ холостякомъ, а этотъ козакъ наслаждается счастьемъ, да еще чего добраго надѣнетъ себѣ на голову валашскую корону". При этихъ мысляхъ князь вскакивалъ, отбрасывалъ отъ себя чубукъ и посылалъ безсильныя проклятія своему врагу.

---

[1]) См. „Кіевская Старина", 1890 г., № 10.

Солнце только что зашло. Въ мрачную высокую столовую съ массивными колоннами внесли свѣчи. Князь желалъ быть одинъ, и никто изъ проживавшихъ при немъ шляхтичей не осмѣлился явиться къ нему. Дворецкій, по обыкновенію, принесъ и поставилъ передъ княземъ бутылку вина, раскурилъ трубку и беззвучно, едва касаясь каменныхъ мозаичныхъ плитъ, удалился изъ столовой.

Едва князь усѣлся въ спокойное кресло съ княжескимъ гербомъ на спинкѣ, въ дверяхъ снова показалась голова дворецкаго.

— Ваша милость! нерѣшительно проговорилъ онъ.

— Что такое? тревожно спросилъ Дмитрій.

Дворецкій ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ и таинственно произнесъ:

— Та татарка, что была подъ Батогомъ, желаетъ видѣть князя.

— Зелима! съ удивленіемъ проговорилъ князь. Веди, веди ее скорѣй сюда!

Дворецкій поспѣшно удалился. Минуту спустя въ столовую вошла Зелима.

Непринужденною, небрежною походкою подошла она къ князю и положила ему руку на плечо.

— Ты тутъ спишь да пируешь, сказала она ему тихо, а врагъ твой пошелъ добывать себѣ валашскую корону.

Князь Дмитрій вскочилъ со стула.

— Зелима, ты колдунья! проговорилъ онъ. Какъ ты успѣваешь все знать? Какъ ты узнала то, чего еще я не знаю?

Зелима усмѣхнулась.

— У бѣдной татарки быстрыя ноги, хорошее чутье, а на конѣ она можетъ безъ ѣды и питья скакать нѣсколько сутокъ. Зелима только и живетъ местью. Она до тѣхъ поръ не успокоится, пока не увидитъ трупа невѣрнаго гяура.

Князь Дмитрій почти со страхомъ посмотрѣлъ на татарку.

— Ну, говори же, адово исчадье, что ты еще пронюхала.

— Я не знаю, что князю извѣстно, возразила она.

— Мнѣ извѣстно, что его разбили волохи, что Василія прогнали его подданные... больше я ничего не знаю.

— Мало же князь знаетъ, со смѣхомъ отвѣтила татарка. Развѣ такого орла можно разбить? Онъ будетъ биться до тѣхъ поръ, пока въ немъ будетъ хоть капля жизни.

— Онъ, вѣдь, ушелъ въ Украйну?

— Онъ не пробылъ тамъ и недѣли, а теперь ужъ онъ въ Сочавѣ.

Князь стукнулъ кулакомъ по столу.

— Дьяволъ бы взялъ этого ненавистнаго козака! прошепталъ онъ.

— Поляки идутъ на помощь волохамъ; они уже на полпути. Только ты, князь, медлишь, а теперь то самое время. Если ты теперь не отомстишь ему, то онъ возьметъ валашскую корону и плотно надѣнетъ себѣ на голову.

Князь нервно зашагалъ по комнатѣ.

— Я пойду, я пойду! говорилъ онъ въ волненіи. Мнѣ не долго собрать мое войско.

— И Зелима пойдетъ съ тобою, сказала татарка. На этотъ разъ ему не уйти отъ нашихъ рукъ: Зелима гадала и видѣла кровь.

— Молчи, колдунья! съ суевѣрнымъ страхомъ остановилъ ее князь. Я не хочу слышать о твоихъ гаданьяхъ. Но возьму тебя съ собою, ты будешь полезна при осадѣ: такая дикая кошка, какъ ты, всюду пролѣзетъ.

Князь хлопнулъ въ ладоши, на его зовъ явился дворецкій.

— Отвести комнату колдуньѣ и накормить ее! приказалъ князь.

Въ Сочавѣ почти цѣлый мѣсяцъ выдерживали осаду и жили впроголодь.

Было раннее утро. Осажденные только что встали, и каждый спѣшилъ къ своему дѣлу: пушкари осматривали заряды, чистили орудія, заряжали, приготовляли фитили; передовые застрѣльщики готовились къ вылазкѣ, а самъ Тимошъ дѣятельно распоряжался всѣми этими приготовленіями. Господарша тоже встала до свѣту. Въ долгія темныя осеннія ночи ей совсѣмъ не спалось, все казалось, что непріятель нападетъ врасплохъ, и она рада была разсвѣту. Съ утра до вечера она была постоянно на

ногахъ: раздавала провіантъ, сама смотрѣла, чтобы каждый получилъ должное, а когда оставалось время, ходила по городу, навѣщала и утѣшала больныхъ и раненыхъ. Съ болью въ сердцѣ видѣла она, что провизія все уменьшается, что больныхъ все прибываетъ, а силы войска истощаются въ безплодной борьбѣ. Сегодня у нея какъ-то особенно тяжело было на сердцѣ; она съ нетерпѣніемъ ждала Тимоша и полковниковъ къ утреннему завтраку и съ безпокойствомъ поглядывала въ сторону козацкаго лагеря.

Съ нѣкоторыхъ поръ положеніе осажденныхъ стало особенно труднымъ; непріятель перенялъ воду, проведенную изъ рѣки Серета, и имъ пришлось довольствоваться вредною, вонючею водою колодцевъ. Со вздохомъ осмотрѣла господарша незатѣйливыя кушанья, приготовленныя поваромъ на княжеской кухнѣ. Ѣсть мясо они могли себѣ позволять очень рѣдко; а на завтракъ имъ приходилось, какъ простымъ крестьянамъ, довольствоваться мамалыгою, даже безъ приправъ, просто съ солью, и запивать это простое кушанье вонючею водою съ небольшимъ количествомъ вина.

Наконецъ, обычные посѣтители замка показались вдали, и господарша съ стѣсненнымъ сердцемъ вышла къ нимъ на встрѣчу. Панъ Доброшевскій, всюду сопровождавшій Тимоша въ качествѣ его секретаря, съ вытянутою физіономіею шагалъ позади всѣхъ рядомъ съ Кутнарскимъ. Пріятели давно помирились, а общее несчастье ихъ сблизило, кажется, еще болѣе.

Тимошъ горячо о чемъ-то разсуждалъ съ Ѳедоренкомъ.

— Что новаго? спросила господарша.

— Худо старое, да не лучше и новое, отвѣчалъ Ѳедоренко.

— Что такое? съ безпокойствомъ спросила господарша.

— Ляшскаго полку прибыло! отвѣчалъ козакъ. Князь Вишневецкій пріѣхалъ сюда съ отрядомъ. Сейчасъ вернулся одинъ изъ нашихъ развѣдчиковъ.

— То-то у нихъ было сегодня ночью такое пированье!

Поотставшіе паны-пріятели оживленно о чемъ-то спорили.

— Я же говорю пану, тихо утверждалъ Кутнарскій, что теперь наше дѣло плохо. Висѣть намъ съ паномъ на веревочкѣ;

князь Дмитрій не проститъ пану, что онъ служилъ козаку. Да и мнѣ попадетъ.

— Отчего это панъ полагаетъ, что князь Дмитрій побѣдитъ? горячо возражалъ Доброшевскій. Мы можемъ продержаться мѣсяцъ, а тогда придутъ татары и наше дѣло будетъ выиграно.

— Панъ наивенъ, какъ младенецъ, съ сердцемъ возражалъ Кутнарскій. Неужели панъ думаетъ, что князь Дмитрій съ тѣмъ пріѣхалъ, чтобы ждать цѣлый мѣсяцъ, пока придутъ татары. Онъ будетъ искать случая отомстить своему счастливому сопернику и да попомнитъ панъ мое слово: онъ найдетъ этотъ случай.

Въ голосѣ Кутнарскаго звучало столько злорадства, что панъ Доброшевскій невольно изподлобья взглянулъ на него.

— Мнѣ кажется, угрюмо сказалъ онъ: панъ былъ бы очень доволенъ, если бъ этотъ случай представился?

— А почему бы мнѣ и не быть довольнымъ? быстро проговорилъ Кутнарскій. Не такое удовольствіе сидѣть здѣсь въ этой клѣткѣ, и изъ-за кого? Изъ-за вздорной бабы и изъ-за грубаго козака. Да если бы я только нашелъ какую-нибудь возможность, я сейчасъ бы убѣжалъ.

— Панъ не шутитъ? угрюмо спросилъ Доброшевскій и приподнялъ брови, что у него всегда означало высшую степень волненія.

— Нисколько...

— Такъ я же имѣю сказать пану, что панъ... тутъ Доброшевскій остановился, махнулъ рукою и проговорилъ:

— Э! да все равно!

Разговоръ прекратился, такъ какъ панъ Доброшевскій догналъ остальную компанію, а Кутнарскій немного поотсталъ и подозвалъ къ себѣ черномазаго мальчишку, бѣгавшаго по двору въ качествѣ не то поваренка, не то разсыльнаго.

— Іохель! тихо сказалъ онъ ему, сунувъ въ руку клочекъ бумаги. Сейчасъ бѣги къ Янкелю и скажи, что это надо передать по адресу. Чтобы онъ разорвался да передалъ, прибавилъ онъ выразительно.

Не успѣли еще окончить завтракъ, какъ явился козакъ съ извѣстіемъ, что изъ польскаго лагеря прибылъ парламентеръ.

Всѣ поспѣшили на валъ. Впустить его въ крѣпость или не впускать? совѣтовался Тимошъ съ Ѳедоренкомъ и господаршей.

— Не пускай, батько, лучше съѣхаться за крѣпостнымъ валомъ. Зачѣмъ ему видѣть, что у насъ тутъ дѣлается.

— Спросимъ сперва, что ему нужно, предложила господарша.

Парламентера подпустили къ валу и спросили, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

— Съ письмомъ отъ его королевской милости, былъ отвѣтъ.

— Королевскій посолъ! пронеслось между козаками.

Королевскаго посла надо принять съ подобающею почестью.

Посла со всѣми предосторожностями ввели въ замокъ. Господарша наскоро облачилась въ княжескія одежды и торжественно приняла его въ большомъ залѣ замка съ короною на головѣ, сидя на высокомъ креслѣ, замѣнявшемъ тронъ.

Посолъ отрекомендовался ей паномъ Маховскимъ и передалъ грамоту короля.

Господарша прочла грамоту, и на лицѣ ея появилось выраженіе гордаго презрѣнія и гнѣва. Она поднялась съ кресла и сказала послу:

— Его величество король польскій приказываетъ мнѣ сдать замокъ; но онъ забылъ, что Молдавія никогда не была ему подвластна. Можно приказывать только своимъ вассаламъ.

— Его величество не приказываетъ вашей свѣтлости, но совѣтуетъ, замѣтилъ Маховскій. Онъ чувствуетъ состраданіе къ тяжелому положенію вашей свѣтлости и осажденныхъ и указываетъ на единственный возможный исходъ.

— Поблагодарите его величество за сострадательность! съ ироніею отвѣчала господарша; но мы въ ней не нуждаемся, мы продержались два мѣсяца, продержимся и еще два, если это будетъ необходимо. Гетманъ уже близко; татарскія войска тоже на полпути и намъ странно, что его величество считаетъ насъ такими малодушными.

Панъ Маховскій собирался возражать.

— Проводите посла, аудіенція кончена! приказала господарша, обращаясь къ окружавшей ее свитѣ.

И не давъ послу даже откланяться, господарша покинула залъ и удалилась во внутренніе покои.

Переговоры съ посломъ отняли время, предназначенное для вылазки и ее отложили до слѣдующаго дня.

Панъ Доброшевскій внимательно слѣдилъ за своимъ пріятелемъ и видѣлъ, какъ вечеромъ къ нему подбѣжалъ какой-то черномазый мальчишка съ клочкомъ бумаги.

Панъ Кутнарскій быстро пробѣжалъ глазами написанное на клочкѣ, затѣмъ высѣкъ огня и старательно сжегъ бумагу. Все это происходило шагахъ въ двадцати отъ пана Доброшевскаго, слѣдившаго изъ-за угла. „Плохо дѣло“, подумалъ про себя Доброшевскій, „что-нибудь онъ затѣваетъ“.

На слѣдующую ночь состоялась вылазка. Тихо, неслышно, какъ кошки, крались козаки, перелѣзая черезъ валъ, пробираясь во рву между густымъ кустарникомъ и ползкомъ извиваясь въ густой травѣ. Немного поодаль по самому краю оврага тихо ползли двѣ тѣни одна за другою, причемъ ползшій впереди постоянно удалялся отъ общей линіи, а слѣдовавшій за нимъ старался, повидимому, не быть замѣченнымъ первымъ и держался отъ него шагахъ въ тридцати. Вдругъ на самомъ краю рва, гдѣ ровъ соприкасался съ небольшимъ болотомъ, послышалось ржаніе коней. Ползшій впереди вскочилъ на ноги и бросился къ группѣ деревьевъ, стоявшихъ у самаго болота. Въ ту же минуту слѣдовавшій за нимъ по пятамъ тоже вскочилъ, въ нѣсколько прыжковъ настигъ бѣглеца и схватилъ его за воротъ.

— Предатель, измѣнникъ! крикнулъ онъ ему. Я зналъ, что ты задумалъ бѣжать!...

Но съ паномъ Кутнарскимъ не легко было справиться. Изворотливый, какъ кошка, онъ въ одну секунду отстегнулъ застежку кунтуша, бросилъ его и, убѣгая отъ пораженнаго Доброшевскаго, на ходу выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ лѣвую руку, но Доброшевскій, не обращая вниманія на боль, все таки еще нѣсколько времени пытался догонять перебѣжчика. Не тутъ то было, онъ только издали увидѣлъ, какъ тотъ вскочилъ на коня и помчался къ непріятельскому лагерю, описывая широкую дугу. Въ ту же минуту послышались выстрѣлы и крики

съ противоположной стороны. Козаки напали на сонный непріятельскій лагерь; второпяхъ заклепали они пушки, прихватили, что могли изъ обоза, перерѣзали и перестрѣляли попавшихся на пути и теперь, отстрѣливаясь, отступали къ крѣпости, гдѣ уже спустили подъемный мостъ и отворили ворота. Коекакъ зажавъ свою рану, панъ Доброшевскій бѣгомъ пустился въ крѣпость, не обращая вниманія на свистѣвшія вокругъ него пули.

— Какой я неудачникъ! шепталъ онъ про себя. Одинъ разъ въ жизни хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло и то не удалось, только самого себя изуродовалъ...

— Гей, пане писарь! крикнулъ ему Тимошъ, стоявшій за воротами и распоряжавшійся спускомъ моста. Тебя откуда несетъ? ты какъ попалъ туда?

Панъ Доброшевскій только замахалъ головою и показалъ на рану.

— Да ты никакъ въ схваткѣ былъ! пошутилъ Тимошъ. Молодецъ! Ей-ей, молодецъ! Ну, бѣги до лѣкаря, да ложись, выздоравливай. Мнѣ теперь писать, пожалуй, и нечего.

Панъ Доброшевскій поспѣшно отправился къ лѣкарю; рана оказалась легкою, пуля пробила рукавъ и только скользнула по тѣлу, причинивъ легкую царапину. Пану сдѣлали перевязку и уложили его въ постель, а вечеромъ господарша съ Тимошемъ пришли его провѣдать.

Доброшевскій разсказалъ все, что съ нимъ случилось. Подозрѣвая Кутнарскаго въ измѣнѣ, онъ зорко слѣдилъ за нимъ и когда тотъ, пользуясь темнотою, проскользнулъ за козаками, онъ, какъ тѣнь, послѣдовалъ за нимъ до самаго оврага, гдѣ тотъ и ушелъ у него изъ рукъ.

— Не добре! качая головою, проговорилъ Тимошъ.

— Онъ предастъ насъ, замѣтила господарша. Надо удвоить стражу и установить такой надзоръ, чтобы ни одна мышь не могла проскользнуть въ крѣпость.

— Мышь и не проскользнетъ, а птица перелетитъ, многозначительно вставилъ Доброшевскій.

— Что панъ хочетъ сказать? спросилъ Тимошъ.

— Я подозрѣваю голубиную почту, вмѣсто пантофельной.

— Откуда у пана это подозрѣніе?

— Я не могу себѣ объяснить иначе, откуда панъ Кутнарскій получилъ вчера эту бумажку. Вѣдь, очевидно, что бѣгство было условлено заранѣе. Иначе откуда бы взяться коню.

— Но кто же можетъ тутъ завѣдывать такою почтою? въ раздумьи спросилъ Тимошъ.

— А жиды! воскликнулъ Доброшевскій. Велите схватить Іохеля, Янкелева сына, да допросите построже Янкеля, быть можетъ, что нибудь и узнаете.

Тимошъ послушался совѣта Доброшевскаго и приказалъ тотчасъ же схватить Іохеля и его отца, но ни того, ни другаго нигдѣ не оказалось. Вся семья Янкеля сгинула и пропала, и никто не могъ сказать точно, когда именно. Можетъ быть, и они воспользовались вылазкою и ночью ушли незамѣченными, можетъ быть они бѣжали и раньше. Достовѣрно было только то, что лачужка Янкеля стояла пустая, и ни хозяина, ни хозяйки въ ней не было.

Козацкій лагерь былъ расположенъ у самаго вала внутри крѣпости на обширномъ майданѣ, тянувшемся параллельно главной улицѣ. Палатка Тимоша стояла на противоположномъ краю майдана въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ и не была ничѣмъ защищена отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Какъ истый козакъ, Тимошъ привыкъ чувствовать себя подъ непріятельскими пулями, какъ дома, и ни за что не хотѣлъ переселиться въ замокъ, хотя полковники и уговаривали его принять предложеніе господарши устроить его въ замкѣ со всѣми удобствами. У Тимоша были свои причины не жить въ замкѣ. Пріѣхавъ въ Сочаву, онъ какъ-то замѣтно сторонился тещи, избѣгалъ случая оставаться съ нею наединѣ, и старался говорить только о дѣлѣ. Господарша тотчасъ замѣтила эту сдержанность и оцѣнила ее. Она тоже стала относиться къ нему съ дѣловою холодностью и только по временамъ, когда была увѣрена, что онъ не замѣчаетъ ее, подолгу останавливала на немъ задумчивый взоръ, какъ будто стараясь отгадать, что дѣлается у него въ душѣ.

Прошло нѣсколько дней. Стояла темная осенняя ночь; завывалъ холодный вѣтеръ и накрапывалъ мелкій дождь. Тимошъ спалъ въ своей палаткѣ, завернувшись въ бурку, подъ одѣяломъ, присланнымъ господаршей. Какъ это часто бываетъ, въ видѣ контраста окружавшей его непогодѣ и мглѣ, ему грезилось что-то свѣтлое, яркое, теплое, необъяснимо сладкое. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то легко дотронулся до его плеча.

— Кто тамъ? проговорилъ онъ впросонкахъ.

Вдругъ его охватили двѣ теплыя женскія руки и кто-то прильнулъ къ нему, осыпая его лицо горячими поцѣлуями. Быстрымъ движеніемъ сбросилъ съ себя Тимошъ бурку и вскочилъ на ноги. Онъ схватился за огниво, нѣсколько разъ стукнулъ кремнемъ по стали и при горящемъ свѣтѣ загорѣвшагося трута ясно различилъ Зелиму.

— Опять ты! проговорилъ онъ съ гнѣвомъ. Вѣдьма, когда ты оставишь меня?...

Съ этими словами онъ зажегъ тонкую восковую свѣчку, стоявшую у него въ изголовьѣ и, далеко недружелюбно посматривая на стоявшую противъ него татарку, сурово спросилъ:

— Какъ ты попала сюда? Что тебѣ отъ меня надо? Я разбужу стражу и велю схватить тебя.

Зелима бросилась на колѣни.

— Господинъ мой! проговорила она страстнымъ шепотомъ, устремивъ свой блестящій взоръ на Тимоша: ты можешь вынуть ножъ и убить Зелиму; но Зелима не могла не увидѣть тебя еще хоть разъ.

— Что же тебѣ отъ меня нужно? нетерпѣливо спросилъ Тимошъ.

— Бѣги, господинъ мой! съ отчаяніемъ проговорила татарка. Бѣги, пока еще есть время, Зелима спасетъ тебя. Бѣги къ отцу своему, веди сюда войско и разбей ихъ, а тогда убей Зелиму и будь счастливъ съ твоею бѣлою княжною.

Тимошъ съ подозрѣніемъ смотрѣлъ на татарку.

— Ты клялась мстить мнѣ, откуда же у тебя теперь такія рѣчи?

— Зелима много страдала, проговорила татарка и въ голосѣ у нея звучала печальная нота. Зелима ненавидѣла тебя за

то, что ты отнялъ у нея сердце; но теперь, теперь тебѣ грозитъ бѣда! Зелима сама не знаетъ, что сдѣлалось съ ея бѣднымъ сердцемъ, но она должна спасти тебя. Бѣжимъ, господинъ мой! Бѣжимъ! Завтра уже будетъ поздно.

— Только еще недоставало, чтобы я слушалъ всякую сумасшедшую бабу, съ сердцемъ проговорилъ Тимошъ. Зачѣмъ мнѣ бѣжать? Крѣпость неприступна и выдержитъ всякій натискъ.

— Они убьютъ тебя, съ отчаяніемъ въ голосѣ проговорила Зелима.

— Пустяки! проговорилъ Тимошъ. Не было примѣра, чтобы козакъ бѣжалъ отъ опасности. Убить могутъ вездѣ, отъ смерти не убѣжишь.

Зелима поднялась и вздохнула.

— Утекай-ка лучше сама по добру, по здорову! уже ласковѣе проговорилъ Тимошъ: видишь, заря забрежжила... Попадешься въ руки козакамъ, они тебя не пожалѣютъ, а обо мнѣ не заботься; что Богу угодно, то и будетъ.

Зелима оглядѣла его долгимъ любящимъ взоромъ.

— Солнце мое, свѣтъ очей моихъ, Аллахъ да хранитъ тебя! Берегись, будь остороженъ!

Она скользнула изъ палатки и скрылась во муракѣ.

ГЛАВА XIII.

СМЕРТЬ.

На другое утро Тимошъ вышелъ изъ палатки и сѣлъ на деревянный ящикъ, служившій ему скамейкою. Онъ спокойно курилъ люльку, наблюдая, какъ мало по малу оживалъ лагерь. Все пережитое имъ ночью казалося ему сномъ и онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ: дѣйствительно ли онъ видѣлъ Зелиму, не пригрезилось ли ему все это? Потомъ мысли его перенеслись къ Локсандрѣ, онъ думалъ, что-то она дѣлаетъ, не родила ли ему сына, такъ какъ онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что родится сынъ.

Утро стояло холодное, почти морозное, но ясное. Первые лучи солнца ярко краснымъ свѣтомъ обливали и палатки, и фи-

гуру сидѣвшаго Тимоша, и только что проснувшійся лагерь. Козаки грѣлись у костровъ, варили саламату, шутили, смѣялись, перебрасывались остротами...

Вдругъ какой-то свистъ съ визгомъ пронесся надъ лагеремъ, что-то тяжелое шлепнулось подлѣ Тимоша; въ ту же минуту послышался трескъ; Тимошъ, ящикъ, палатка, все исчезло въ дымѣ...

— Ратуйте, братове! пронеслось по лагерю: въ батька бомба попала!...

Всѣ бросились къ Тимошу; онъ лежалъ на землѣ блѣдный, окровавленный, тяжело дыша.

— Ничего, ничего, товарищи! шепталъ онъ: я живъ, я только раненъ, несите меня скорѣе въ замокъ!

Десятки дюжихъ рукъ устроили носилки, Тимоша положили на бурку и отправились въ замокъ. Весь лагерь опустѣлъ, остались только сторожевыя цѣпи. Козаки столпились передъ замкомъ молча, неподвижно, съ непокрытыми головами. На многихъ суровыхъ лицахъ показались слезы.

— Батько нашъ! батько нашъ! Неужели ты насъ оставишь! шептали они.

Господарша бросилась на встрѣчу. Эта желѣзная женщина, никогда не терявшая присутствія духа, едва не лишилась чувствъ, при видѣ окровавленнаго Тимоша.

Тимошъ, взглянувъ на ея искаженное отъ ужаса лицо, замахалъ руками и едва прошепталъ:

— Ничего, ничего! я живъ... скорѣе лѣкаря...

Бросились за лѣкаремъ. Привели нѣсколькихъ: еврея, молдаванина, знахарку и двоихъ—троихъ армянъ.

Всѣ они осмотрѣли раны. Одинъ изъ армянъ взялся ихъ обмыть и перевязать. Одна рана въ голову была неопасна, она произошла отъ ушиба, когда бомбой разорвало ящикъ и стоявшую рядомъ телѣгу; но рана въ бедро съ торчащимъ изъ нея осколкомъ дерева, оказалась очень серьезною. Осколокъ попалъ глубоко, расщепился, такъ что его пришлось вынимать по частямъ. Повидимому, всѣ щепки устранили, а Тимошъ все жаловался, что чувствуетъ колючую боль въ ранѣ. Къ ней приложили

какого-то снадобья и забинтовали ногу, но уже часа черезъ два съ нимъ сдѣлалась лихорадка, онъ потерялъ сознаніе и началъ бредить.

Господарша осталась при немъ и просила Ѳедоренка принять команду надъ войскомъ. Въ тотъ же вечеръ она отправила пана Доброшевскаго къ гетману донести о случившемся.

Въ польскомъ лагерѣ въ это время готовились къ наступленію. Князь Дмитрій имѣлъ продолжительный разговоръ съ Кутнарскимъ, послѣ чего собрали военный совѣтъ. Предводители поляковъ Кондрацкій и Денгофъ совѣтовали сдѣлать нападеніе тотчасъ; но Янушъ Кимени, храбрый начальникъ венгерскаго отряда, находилъ, что слѣдовало сперва узнать, дѣйствительно ли бомба, брошенная по направленію Тимошевой палатки, произвела какое-нибудь дѣйствіе.

— Навѣрное, произвела! настаивалъ Вишневецкій. Прибывшій изъ крѣпости перебѣжчикъ—человѣкъ, котораго я давно знаю, не разъ оказывавшій мнѣ услуги, на него можно вполнѣ положиться.

— Но козацкій атаманъ могъ не быть въ палаткѣ, когда послѣдовалъ взрывъ, возразилъ Кимени.

— На такомъ разстояніи, я не могу утверждать, что видѣлъ все ясно; но Кутнарскій указалъ мнѣ на сидѣвшую у палатки фигуру и по общему очертанію это былъ Тимошъ. Затѣмъ поднялось въ лагерѣ смятеніе, всѣ побѣжали, смутились... по всей вѣроятности, если онъ не убитъ, то раненъ...

— Все таки намъ нельзя перейти въ наступленіе сегодня же, возражалъ Кимени: надо выработать планъ дѣйствія, подготовить войско, отдать приказы, все это займетъ, по крайней мѣрѣ, три дня.

— А если мы упустимъ удобную минуту, и козаки предупредятъ насъ? говорилъ Кондрацкій.

— Мы встрѣтимъ ихъ здѣсь и дадимъ приличный отпоръ.

Такимъ образомъ рѣшено было отложить приступъ еще на два дня.

Бѣдному раненому становилось все хуже и хуже: нога опухла, рана почернѣла, онъ стоналъ и метался въ бреду, корчась отъ невыносимой боли.

Господарша какъ будто застыла въ нѣмомъ отчаяніи. Блѣдная, съ неподвижнымъ взоромъ, со сжатыми губами ходила она за больнымъ, предупреждала малѣйшія его желанія и ни на минуту не уходила отъ его постели. Къ больному входилъ только Ѳедоренко; ему козаки безусловно довѣряли. На третій день больной притихъ и пришелъ въ себя; лицо у него поблѣднѣло и вытянулось, носъ обострился и только глаза лихорадочно горѣли; въ нихъ, казалось, сосредоточилась вся жизнь. Вошелъ Ѳедоренко. Господарша встала и уступила мѣсто у кровати больнаго, а сама присѣла въ ногахъ на постель.

Тимошъ быстро взглянулъ на угрюмое лицо своего боеваго товарища, и слабая улыбка промелькнула по безжизненному лицу.

— Прощай, друже! сказалъ онъ ему: вотъ моя пѣсенка и спѣта...

— Что ты, что ты, батько! съ испугомъ проговорилъ тотъ. Грѣшно такъ говорить; тебѣ сегодня полегчало, Богъ дастъ, скоро и выздоровѣешь.

— Хорошо бы выздоровѣть... произнесъ Тимошъ со вздохомъ. Казалось, весь остатокъ жизненныхъ силъ прилилъ къ его остывавшему сердцу.

— Ахъ, какъ бы хорошо! Сильно не хочется умирать.... И Локсандру жалко... и ребенка своего хотѣлось бы посмотрѣть... и... заикнулся онъ, взглянувъ на господаршу, всѣ вы такіе ко мнѣ добрые... Ну, да видно Богу не угодно... чую смерть у себя за плечами... Прости товарищъ! прибавилъ онъ, протягивая свою руку, если въ чемъ передъ тобою виноватъ. А ты, княгиня, не поминай лихомъ, проговорилъ онъ, обращаясь къ господаршѣ и протягивая ей другую руку, лѣвую... Лѣвая рука идетъ отъ сердца, прибавилъ онъ шутливо, слабо пожимая холодную руку господарши. Не жалѣй обо мнѣ, кто знаетъ, можетъ такъ и лучше... Локсандрѣ скажите, что я о ней каждую минуту вспоминаю... и на томъ свѣтѣ помнить буду, если только смерть память не отшибетъ... А батька успокойте, скажите, что

умеръ я какъ добрый козакъ и добрый христіанинъ... Теперь зовите попа... докончилъ онъ усталымъ голосомъ: можетъ, я скоро и языкомъ ворочать перестану...

Господарша тихо вышла изъ комнаты и послала за своимъ духовникомъ, жившимъ въ замкѣ.

Черезъ четверть часа высокій, худой, изможденный старикъ священникъ вошелъ въ комнату больного. Всѣ вышли. Началась исповѣдь, послѣ чего больного причастили, причемъ въ комнатѣ были только господарша и Ѳедоренко. Когда священникъ вышелъ, Тимошъ попросилъ, чтобы его оставили совсѣмъ одного и дали ему заснуть.

Господарша и Ѳедоренко вышли въ сосѣднюю комнату, чутко прислушиваясь, что дѣлается съ больнымъ.

Часа черезъ два онъ слабымъ голосомъ позвалъ княгиню.

— Ну, княгинюшка, прощай! весело сказалъ онъ ей. Смерть моя за мной приходила, я ее сейчасъ видѣлъ...

— Тимошъ! почти вскрикнула господарша, опускаясь на колѣни передъ его кроватью и взявъ его руку: не говори такъ, ты разрываешь мое сердце...

Онъ съ лукавою усмѣшкою посмотрѣлъ на нее, что то живое, прежнее появилось на его лицѣ.

— Охъ, вы женщины! проговорилъ онъ, ласково гладя ея руки: всѣ вы такія. Еслибъ живъ остался, можетъ проклинала бы меня... а вотъ умираю, и жалко стало... Ну, полно, не плачь! прибавилъ онъ серьезно. Мнѣ теперь хорошо, такъ легко, свободно... ничего не болитъ.

Онъ закрылъ глаза и, казалось, задремалъ. Господарша встала, схватилась за грудь, стараясь задушить рыданія, и сѣла у кровати. Ѳедоренко тоже тихонько вошелъ въ комнату и присѣлъ на лавку у задней стѣны. Вѣрная Маріанка, исполнявшая роль помощницы сидѣлки, заглянула въ дверь, такъ какъ было время перемѣнять повязки; но господарша махнула рукой, и она скрылась.

Прошло полчаса томительнаго молчанія.

На дворѣ стояла осенняя вьюга. Дождь пополамъ со снѣгомъ хлесталъ въ окна; а въ комнатѣ жужжали послѣднія мухи,

собираясь заснуть. Время отъ времени тишина нарушалась какимъ нибудь звукомъ. Господарша вздрагивала и устремляла взоръ на больного. „Такъ, быть можетъ, и лучше!“ проносились у нея въ головѣ слова Тимоша. „Ахъ, нѣтъ! не лучше! Такъ хуже!“ Ей казалось, что отъ нея отнимаютъ жизнь, свѣтъ и радость.

Вдругъ больной задрожалъ всѣмъ тѣломъ, выпрямился и широко открылъ глаза.

— Вотъ, вотъ она! Зелима, смерть! вскрикнулъ онъ полнымъ голосомъ, сѣлъ на кровати, протянулъ куда то руки, и потомъ безпомощный, какъ подкошенный, снова упалъ на подушки.

Господарша вскрикнула, вскочила, приложила руку къ груди больного, но сердце его уже больше не билось...

ГЛАВА XIV.

Богданъ дѣятельно готовился къ новой борьбѣ съ поляками. Онъ уже заручился могущественными союзниками: царемъ московскимъ и татарскимъ ханомъ. Крымская орда уже собиралась въ походъ, а козацкое войско возросло до шестидесяти тысячъ. Козаки рвались въ битву съ ляхами; они негодовали на медленность гетмана и не понимали его дипломатическихъ соображеній. Отпустивъ Тимоша въ Молдавію, Богданъ чувствовалъ какую то особенную пустоту; ему всюду недоставало сына. За послѣднее время сынъ развился въ мужественнаго, энергичнаго козака, въ немъ сказался недюжинный умъ, смѣшанный, правда, съ излишнимъ простодушіемъ и юношескою самонадѣянностью; но умъ отважный, смѣлый, готовый на всякое рискованное предпріятіе. Богданъ гордился этою отвагою и уже втайнѣ видѣлъ голову Тимоша, украшенной короною. Тѣмъ не менѣе, что то щемило и сосало его сердце, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ гонца изъ Молдавіи. За послѣднее время гетманъ болѣе, чѣмъ когда либо, пилъ горилку. Въ длинные осенніе вечера, когда все семейство собиралось за пряжею, Богданъ уходилъ къ себѣ и напивался до безчувствія или же отправлялся къ кому ни-

будь изъ полковниковъ, гдѣ и затѣвалась безобразная пирушка, съ которой гетмана привозили домой и соннаго укладывали въ постель.

Локсандра только что оправилась послѣ родовъ и нянчилась съ двумя слабыми, хилыми близнецами. Въ помощь ей взяли кормилицу-козачку; но она и сама непремѣнно желала кормить. Эти маленькія зыбкія колыбельки замѣнили ей весь міръ, по временамъ заставляли даже забывать Тимоша.

— Брось ты ихъ мамкѣ! часто ей говорила Ганна, видя, какъ слабая, невполнѣ еще оправившаяся Локсандра возится съ безпокойными дѣтьми: она баба опытная, гораздо лучше тебя съ ними управится. Вишь, какіе они хилые да тощіе, плохіе козаки...

Локсандра сердито посматривала на гетманшу и ничего не отвѣчала. Скоро всѣ домашніе махнули на нее рукой и привыкли къ ея постоянному отсутствію.

Какъ то поздно вечеромъ, когда у гетманши собралось общество молодыхъ козачекъ, и звонкіе голоса ихъ далеко раздавались въ непроглядной мглѣ, кто то стукнулъ въ калитку. Псы залились громкимъ лаемъ, и веселая пѣсня оборвалась на полусловѣ. Гетманша послала одну изъ козачекъ узнать, кто тамъ.

Та вернулась запыхавшаяся, перепуганная, блѣдная.

— Что ты? оборотня увидѣла, что ли? засмѣялась гетманша.

Козачка колебалась.

— Говори толкомъ, кто тамъ? нетерпѣливо крикнула Ганна.

— Посолъ изъ Молдавіи, проговорила тихо та. Тимошъ раненъ.

Гетманша вскочила и второпяхъ уронила веретено.

Всѣ заволновались. Минутное молчаніе смѣнилось громкимъ говоромъ. Нѣсколько женщинъ бросились звать посла, гетманша послала за Выговскимъ.

Вошелъ панъ Доброшевскій. Неуклюжая фигура его съ вѣчно плаксивымъ выраженіемъ лица, съ длинными руками и ногами, несмотря на важность момента, заставили нѣсколькихъ молодицъ переглянуться, и ихъ веселыя улыбки немного оживили мрачное настроеніе. Панъ Доброшевскій неловко поклонился гетманшѣ и попросилъ поскорѣе доложить о немъ Богдану.

— Я тотчасъ пошлю за нимъ гонца, сказала Ганна, только врядъ ли онъ сегодня будетъ въ состояніи выслушать пана. А пока пусть панъ не побрезгаетъ, чѣмъ Богъ послалъ, поужинаетъ.

— А какъ же Локсандра, замѣтилъ кто то изъ козачекъ, позвать ее?

— Она теперь уже спитъ, и пусть себѣ, замѣтила гетманша: однимъ спокойнымъ сномъ будетъ для нея больше.

Принесли ужинъ, горилку, поставили на столъ вино, медъ и дали послу утолить свой голодъ. Гетманша же позвала расторопнаго козака и велѣла ему тотчасъ же скакать въ Чигиринъ, розыскать гетмана и извѣстить его о пріѣздѣ посла.

— Говорить батьку все? спросилъ козакъ.

— Если не захочетъ ѣхать, скажи все. А если онъ не слишкомъ употчивался, то лучше помолчи до времени.

Козачки не расходились, ихъ мучило любопытство, и какъ только панъ окончилъ свою трапезу, онѣ обступили его и засыпали вопросами.

— Неужели и пани гетманова не войдетъ въ мое положеніе? наконецъ жалобно проговорилъ онъ, принимая самую трагическую мину: не могу же я сразу отвѣчать на сто вопросовъ? Пусть всѣ пани сядутъ и займутся... ну, хоть пряжею, а я все разскажу по порядку.

Гетманша первая подала примѣръ и сѣла за прялку, хотя руки у нея дрожали отъ волненія. Гостьи неохотно послѣдовали примѣру хозяйки, а панъ посолъ крякнулъ и принялся за разсказъ. Онъ передалъ уже извѣстное намъ событіе и, разсказавъ подробно про раны Тимоша и его страданія, остановился, чтобы перевести духъ и выпить кружку меду.

Козачки охали, вздыхали, причитывали, нѣкоторыя даже всплакнули. Доброшевскій отеръ усы и продолжалъ свой разсказъ:

— Теперь, прекрасныя пани, мнѣ придется разсказывать только о себѣ. Я не знаю, что сталось съ нашимъ дорогимъ героемъ послѣ моего отъѣзда. Видитъ Богъ, я никогда бы съ нимъ не разстался, еслибъ не важность возложеннаго на меня порученія. Мнѣ предстояла трудная задача проникнуть черезъ поль-

скій лагерь, т. е. избѣгнуть пасти льва, зіявшей на насъ со всѣхъ сторонъ. Я началъ съ того, что переодѣлся жидомъ. Это было не трудно: за нѣсколько злотыхъ я получилъ все, что для этого было нужно. Теперь надобно было незамѣтно пройти мимо лагеря, не попавъ въ руки стражи. Надо вамъ сказать, что лагерь тянулся вплоть до самаго болота. Я дождался ночи и въ темнотѣ ползкомъ достигъ болота, дальше ползти ночью не было никакой возможности, легко было провалиться въ трясину и оказаться въ гостяхъ у дѣдушки-водяного. Съ разсвѣтомъ, пока въ лагерѣ еще спали, я поползъ дальше, разсчитывая миновать лагерь, пока еще не разсѣялся туманъ, стоявшій надъ болотомъ. Какъ я молилъ Бога и Пречистую Богородицу, чтобы день былъ пасмурный; но, вѣроятно, за грѣхи мои Богъ не услышалъ моей молитвы. Яркое солнце взошло надъ горизонтомъ и черезъ полчаса, когда я не успѣлъ проползти еще и четверти пути, отъ тумана не осталось и слѣда. Вмѣстѣ съ этимъ начались и мои бѣды. Я оказался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятельскаго пикета. Жолнеры весело варили свой утренній завтракъ. Еслибъ я только могъ провалиться сквозь землю, я бы съ удовольствіемъ это сдѣлалъ. Но, увы! хотя я стоялъ и на болотѣ, почва была тверда, а кругомъ, какъ нарочно, не было ни деревца, ни кустика, однѣ только кочки. Къ довершенію всего, маленькая собачонка, сидѣвшая около костра, зачуяла меня и съ громкимъ лаемъ бросилась къ болоту. Меня тотчасъ же окружили, сопротивленіе было безполезно, мнѣ скрутили ремнемъ руки и повели туда, куда меньше всего я желалъ идти—къ моему первому врагу, князю Дмитрію. Я твердо рѣшился сыграть роль жида и можетъ быть меня бы не узнали, еслибъ не дорогой мой пріятель, панъ Кутнарскій. Какъ только онъ присмотрѣлся къ моей физіономіи, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и безъ церемоніи снялъ мои пейсы и козлиную бородку. Ахъ, еслибы я могъ его проглотить въ эту минуту!

Панъ Доброшевскій остановился и обвелъ глазами своихъ слушательницъ. Козачки побросали веретена и слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Когда моя личность была приведена въ извѣстность, князь Дмитрій сталъ меня допрашивать. Я ничего не сказалъ

имъ про рану пана Тимоша, напротивъ постарался убѣдить ихъ, что бомба не произвела желаемаго дѣйствія. Я увѣрялъ также, что бѣжалъ самъ по себѣ; но мнѣ не вѣрили. Князь Дмитрій велѣлъ меня посадить подъ стражу и намекнулъ, что думаетъ меня пытать. Въ палаткѣ, гдѣ меня допрашивали, было много народу: и польскихъ, и венгерскихъ, и волошскихъ пановъ; а когда меня вывели изъ палатки, у дверей стояла Зелима. Пани гетманова вѣдь знаетъ эту татарку? обратился Доброшевскій къ гетманшѣ.

— Знаю, знаю! нетерпѣливо подтвердила та. Я слушаю пана.

— Когда я проходилъ мимо нея, она мнѣ чуть замѣтно кивнула головой и тихо сказала по-татарски:—Зелима спасетъ тебя, не унывай! Пошли Богъ прощеніе этой погибшей душѣ, еслибъ не она, вашему покорному слугѣ не сидѣть здѣсь сегодня.— Вечеромъ она пришла къ моимъ сторожамъ, вытащила изъ-за пазухи бутылку горилки, а можетъ быть и котнарскаго, я не разглядѣлъ хорошенько. Одинъ изъ сторожей и мнѣ предлагалъ выпить рюмочку, но Зелима такъ строго взглянула на меня и такъ рѣшительно мотнула головой за спиной жолнера, что я понялъ, въ чемъ дѣло, и отказался. Чѣмъ ихъ опоила татарка и надолго ли, Богъ ее знаетъ, довольно сказать, что черезъ полчаса я былъ внѣ опасности, за чертой лагеря, переодѣтый въ ея платье. Она мнѣ приготовила и добраго молдаванскаго коня; на немъ я сюда и прискакалъ. А теперь, пани, сказалъ Доброшевскій, вставая: нельзя ли мнѣ и на покой. Панъ гетманъ вернется къ разсвѣту, я же къ тому времени успѣю отдохнуть и собраться съ силами.

Всѣ шумно встали, задвигавъ прялками. Пана Доброшевскаго проводили въ приготовленную ему комнату; гости распрощались съ хозяйкой и разошлись по домамъ, только гетманша печально присѣла на подоконникъ, поджидая возвращенія гетмана.

Въ головѣ ея проносились невеселыя думы, жизнь ея день ото дня становилась тяжелѣе, нравъ у гетмана былъ порывистый, вспыльчивый; приходилось ежеминутно ему угождать, то тѣшить его пѣснями, то успокаивать шутками и прибаутками.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ послышался конскій топотъ, и гетманъ въ сопровожденіи Выговскаго и двухъ гонцевъ влетѣлъ въ настежъ открытыя ворота. Ганна заранѣе распорядилась, чтобъ одинъ изъ козаковъ ждалъ его на дворѣ. Съ разгорѣвшимся отъ вина, волненія и быстрой ѣзды лицомъ, весь забрызганный грязью гетманъ вошелъ въ горницу.

— А, Галю! ты еще не спишь? спросилъ онъ какимъ-то страннымъ надтреснутымъ голосомъ гетманшу.—Слышала?

— Слышала! отвѣчала она, со вздохомъ, опустивъ глаза.

Богданъ грузно спустился на лавку.

— Галю, Галю! обратился онъ къ женѣ; поди сюда ко мнѣ! Утѣшь меня, успокой меня! скажи, что онъ не умретъ!

Ганна сѣла подлѣ и положила руку на плечо мужа.

— Зачѣмъ ему умирать, серденько! проговорила она, стараясь придать голосу, какъ можно, больше увѣреннаго спокойствія.

— Страшно, Галю! Охъ, какъ страшно! И отпускалъ его, страшно было, цѣлыхъ два мѣсяца сердце щемило. А теперь вотъ и стряслось. Да нѣтъ же! вскрикнулъ онъ, вскочивъ съ лавки и топнувъ ногою: все брошу,—Украйну родную ляхамъ на съѣденье, а выручу его, у смерти изъ когтей вырву, если надо будетъ. А, злодѣи! вскрикнулъ онъ въ бѣшенствѣ, сжимая кулаки. Вы думали отнять у меня сына, погубить богатыря, такъ нѣтъ же, нѣтъ и нѣтъ! Богданъ жестоко отомститъ вамъ, сотретъ васъ съ лица земли, размечетъ по полю, какъ ковыль траву.

Гетманъ тяжело дышалъ, глаза его налились кровью, ноздри широко раздувались. Ганна тихо подошла къ нему и обняла.

— Коханый мой! проговорила она, заглядывая ему въ лицо. Побереги свои силы...

Богданъ горько зарыдалъ и опустился на лавку.

— Охъ, Галю, Галю! проговорилъ онъ, кладя голову на плечо гетманши. Еслибъ я могъ вернуть прошлое... Зачѣмъ я его отпустилъ?... Зачѣмъ самъ не пошелъ съ нимъ вмѣстѣ?... Принеси мнѣ горилки... душитъ, жжетъ меня... можетъ мнѣ легче будетъ.

Ганна хотѣла что-то возразить, но взглянувъ на искаженное горемъ лицо Богдана, вздохнула, опустила голову, молча подошла къ поставцу, взяла сосудъ съ горилкою и массивную серебряную чарку.

— Пій на здоровье! сказала она, съ поклономъ подходя къ мужу и наливая вина. Можетъ тебѣ и вправду легче будетъ съ легкой руки.

Богданъ залпомъ выпилъ двѣ чарки, потомъ всталъ, провелъ рукою по лбу и сказалъ:

— Ну, полно! Козакъ, что птица, отгоревалъ и будетъ! Спать мнѣ все равно не придется; а лучше, Галю, спой мнѣ что-нибудь, если можешь.

Ганна съ полною готовностью сняла со стѣны бандуру, присѣла въ ногахъ у Богдана, закурившаго трубку, и запѣла одну изъ любимыхъ заунывныхъ пѣсенъ гетмана.

На другое утро Богданъ собралъ чрезвычайную раду. Всѣ главные полковники были или въ Чигиринѣ, или въ его окрестностяхъ, въ виду ожидаемаго похода на ляховъ, а потому имъ ничего не значило тотчасъ же собраться на зовъ гетмана.

— Панове козаки! обратился Богданъ къ собравшимся, и голосъ его дрогнулъ. Не радостную вѣсть сообщу я вамъ, мой любый сынъ, свѣтъ мой, утѣшеніе моей старости, предательски раненъ ляхами. Если не двинемся мы ему на помощь, изведутъ они его совсѣмъ, изведутъ и силу козацкую... Помогите, други и товарищи!

Гетманъ замолкъ и, опершись на саблю, опустилъ голову.

Въ глубокомъ молчаніи стояли передъ нимъ полковники и старшины, нерѣшительно посматривая другъ на друга. Наконецъ, одинъ изъ нихъ сѣдой, какъ лунь, старикъ подошелъ къ Богдану и съ поклономъ проговорилъ:

— Уйди, пане гетмане! дай намъ сговориться, самъ знаешь, дѣло это нешуточное.

Богданъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Что тутъ сговариваться! крикнулъ онъ. Надо идти въ Молдавію выручать Тимоша, не дать же ему погибнуть, не дать же ляхамъ насмѣяться надъ честью козацкою!

Въ болѣе спокойномъ расположеніи духа Богданъ былъ бы сдержаннѣе и съумѣлъ бы раду настроить по своему; но обсуждаемый вопросъ слишкомъ близко касался его сердца и мутилъ его умъ.

Черкасскій полковникъ, Ворonченко, стоявшій поодаль, горячо о чемъ-то толковалъ съ окружившими его полковниками. Богданъ побагровѣлъ отъ гнѣва.

— Что ты тамъ за спиною хоронишься? крикнулъ онъ. Если имѣешь, что сказать, выходи и говори громко.

Воронченко, высокій, смуглый, пожилой козакъ съ пробивавшеюся уже просѣдью въ черныхъ, какъ смоль, усахъ, выступилъ тогда въ кругъ.

— А то и говорю, батько! грубымъ, дерзкимъ голосомъ отчеканилъ онъ: что негожее дѣло чужую землю оборонять, а свою безъ остереганья метать, надо намъ за себя стоять и свою землю охранять...

У гетмана даже пѣна выступила на губахъ.

— А, вражьи дѣти! вскрикнулъ онъ: такъ то вы своего гетмана бережете!

И въ одно мгновеніе тяжелая гетманская сабля поднялась на дерзкаго полковника.

Десятки рукъ схватили гетмана, а Воронченко, не помня себя, блѣдный отъ злобы, занесъ на него саблю. Его тоже оттащили въ сторону.

Гетманъ тотчасъ же опомнился.

— Други мои, товарищи! съ рыданіемъ бросился онъ на колѣни и трижды поклонился до земли. Простите меня, не поставьте мнѣ въ вину моей горячности! Тяжко отцу терять свое дѣтище, не выдайте меня, не погубите его!

Искреннее отчаяніе звучало въ голосѣ гетмана.

Козаки бросились подымать его съ земли и сами рыдали вмѣстѣ съ нимъ.

— Прости и ты насъ, батько! говорили они, кланяясь въ поясъ.

— Гей, хлопцы! крикнулъ между тѣмъ Богданъ. Меду намъ да побольше...

Хлопцы засуетились, выкатили бочки съ медомъ на широкій дворъ, гдѣ происходила рада, принесли дюжины двѣ ковшей и началось угощеніе.

— Дитки мои! говорилъ, между тѣмъ гетманъ, утирая струившіяся по лицу слезы: помогите мнѣ.

— Нехай твоя воля буде, пане гетмане! отвѣчали козаки. А мы съ тобою уси готовы!...

ГЛАВА XV.

ПОХОРОНЫ.

Въ Сочавѣ всѣ были въ движеніи. Событія быстро слѣдовали одно за другимъ, каждый день приносилъ что-нибудь новое. Господарша хотѣла скрыть смерть Тимоша; трупъ его набальзамировали, тихонько ночью принесли гробъ, завѣсили окна въ спальнѣ и никого не пускали къ покойнику.

Ѳедоренко завѣрилъ козаковъ, что Тимошу легче, и чтобы отвлечь ихъ вниманіе, сдѣлалъ вылазку. Но черезъ нѣсколько дней пронесся между козаками слухъ, что батька нѣтъ въ живыхъ. Всѣ приступили къ Ѳедоренку и потребовали отъ него истины. Онъ долженъ былъ сознаться, что скрывалъ смерть атамана. Тогда козаки рѣшили сдать крѣпость полякамъ.

Въ эту минуту въ лагерь явилась господарша и умоляла не покидать ее. Поддавшись минутному чувству, козаки обѣщали стоять за нее до самой смерти. Они продержались еще нѣсколько дней; но припасы истощились, пришлось грызть кожу, ѣсть крысъ, мышей, падаль.

Опять собрали раду и приступили къ господаршѣ, требуя, чтобы она освободила ихъ отъ данной клятвы.

Господарша не возражала. Убитая горемъ, она потеряла бодрость и энергію, теперь ей было все равно, умирать ли въ крѣпости, или попасть въ руки своихъ враговъ.

Начались переговоры съ поляками о сдачѣ крѣпости. Непріятель тоже, видимо, торопился съ этими переговорами, такъ какъ прослышалъ, что Богданъ двинулся съ сильнымъ войскомъ. Козакамъ дали свободный пропускъ съ тѣломъ умершаго атамана.

Заунывно загудѣли колокола, со скрипомъ отворились крѣпостныя ворота и торжественно, тихо двинулась похоронная процессія. Впереди шли выборные козаки, они несли погребальныя сукна, растянутыя на длинныхъ носилкахъ; за ними несли гробъ; надъ нимъ склонялось большое бѣлое знамя, его несъ самъ атаманъ Ѳедоренко. Съ другой стороны, немного впереди гроба несли козацкія знамена, окруженныя войсковою музыкою, заунывно игравшею похоронный маршъ. Сзади гроба шло все войско козацкое, уменьшившееся больше чѣмъ на половину. Испитыя, изможденныя лица, похудѣвшія, какъ скелеты, фигуры совсѣмъ не напоминали молодцевъ-запорожцевъ, вошедшихъ въ крѣпость три мѣсяца тому назадъ. Они шли, понуривъ головы, охваченные глубокою скорбью и къ этой скорби даже враги ихъ чувствовали невольное уваженіе. Не у одного молдаванина вырвался глубокій вздохъ при видѣ бренныхъ остатковъ храбраго рыцаря, борца за ихъ отчизну, и не одни взоры останавливались въ этотъ день съ искреннею ненавистью на самодовольномъ новомъ властителѣ Стефанѣ Тучномъ или Бурдуцѣ. Онъ явно выказывалъ нетерпѣніе скорѣе овладѣть крѣпостью и вторично сѣсть на престолъ.

Господарша въ безмолвномъ горѣ, подобно мраморному изваянію, въ сопровожденіи своихъ боярынь и прислужницъ, проводила гробъ далеко за городъ. Она знала, что впереди ее ждутъ многія испытанія, что гордый Стефанъ и жена его дадутъ ей почувствовать ихъ власть. Но теперь, когда она шла за гробомъ, всѣ житейскія заботы отошли назадъ, въ сердцѣ оставалась только одна глубокая скорбь объ умершемъ.

Процессія миновала лагерь, медленно двигалась уже по берегамъ Серета, какъ вдругъ изъ-за скалы показалась фигура женщины съ длинными распущенными волосами и бросилась къ гробу.

— Солнце мое, звѣзда моя! причитывала Зелима. Зачѣмъ не послушалъ ты меня, зачѣмъ не ушелъ изъ лагеря. Дайте мнѣ еще хоть разъ взглянуть на него, молила она козаковъ.

Козаки нерѣшительно переглянулись.

Господарша знала всю исторію Зелимы отъ Локсандры. Въ эту минуту она вполнѣ понимала ея скорбь, ей казалось жестокостью не исполнить просьбу бѣдной татарки.

— Что же вы стоите? обратилась она къ козакамъ. Пусть ее простится...

— Да это вѣдьма! проговорилъ кто-то изъ козаковъ. Можетъ негоже?

— Вздоръ! рѣшилъ Ѳедоренко. Пусть простится!

Козаки подняли тяжелую крышку гроба.

Какъ только Зелима увидѣла восковое лицо мертвеца, она испустила дикій вопль и припала къ нему съ глухимъ рыданіемъ.

— Свѣтъ души моей! говорила она. Прости Зелимѣ, она хотѣла мстить тебѣ, а теперь ты отомстилъ ей своею смертью. Зелимѣ не нужна больше ея жизнь; въ ея сердцѣ нѣтъ теперь мѣста ни любви, ни ненависти.

— Довольно съ тебя! Простилась и будетъ! проговорили козаки, поднимая гробъ на плечи.

Татарка съ безумнымъ взоромъ смотрѣла на закрывшуюся крышку.

— Никогда, никогда, никогда больше не будетъ Тимоша! шептала она и какъ-то задомъ, не сводя глазъ съ гроба, двинулась къ утесу. Нѣтъ Тимоша, не будетъ и Зелимы! шептала она съ полурастерянной улыбкой.

Дойдя до утеса, она еще разъ взглянула на удалявшійся гробъ, потомъ подняла руки къ небу и съ крикомъ: „Аллахъ!“ бросилась внизъ.

Нѣсколько козаковъ, обернувшихся на крикъ, подбѣжали къ утесу, но спасти несчастную не было никакой возможности. У самой подошвы скалы бушевалъ водоворотъ, и Зелиму въ одинъ мигъ увлекъ потокъ.

— Утопилась! въ одинъ голосъ сказали козаки, снимая шапки и крестясь.

— А можетъ вѣдьма? спросилъ опять кто-то.

— Вѣдьма, или не вѣдьма, кто ее знаетъ; а все жъ она кохала нашего батька, за то ей и прощенье будетъ, вздохнувъ рѣшили козаки и побрели за гробомъ.

Господарша проводила покойника еще версты двѣ, отвѣсила ему три низкихъ поклона и вернулась въ Сочаву, гдѣ ждали ее жестокія униженія.

Стефанъ заставилъ ее принимать новую господаршу, потомъ распоролъ носъ ея шестилѣтнему сыну Василію и съ позоромъ, въ телѣгѣ, какъ преступницу, велѣлъ ее отвезти въ одинъ изъ отдаленныхъ, глухихъ городковъ, гдѣ ей и пришлось коротать свою нерадостную жизнь въ изгнаніи.

Медленно подвигалась печальная процессія къ границамъ Украйны. Вотъ перешли и границу, показались родные села и города; всюду высыпалъ народъ на встрѣчу, всюду заунывно гудѣли колокола, въ городахъ палили пушки, въ церквахъ служили литіи. Тихо останавливались восемь тысячъ козаковъ на привалахъ, въ суровомъ молчаніи обѣдали и ужинали: ни шутокъ, ни смѣха, ни пѣсенъ не слышалось въ этомъ печальномъ лагерѣ.

Вотъ наконецъ родныя степи, пройдя ихъ, козаки будутъ дома, но что принесутъ они домой? Трупъ любимаго гетманова сына, безчисленныя извѣстія о погибшихъ и убитыхъ и ни тѣни славныхъ побѣдъ, о которыхъ мечталось при выступленіи. Въ глубокой скорби никли козацкія головы, дрожали козацкіе усы, трепетали мощныя козацкія груди и невольно самъ собою замедлялся шагъ, невольно хотѣлось, чтобы степь тянулась безъ конца, чтобы удалилась еще на нѣсколько дней тяжелая минута.

Но что это? Вдали раздался топотъ множества коней. Осторожные козаки отошли въ оврагъ и выслали развѣдчиковъ. Черезъ нѣсколько минутъ развѣдчики во весь опоръ прискакали назадъ, издали крича:

— Самъ гетманъ съ войскомъ идетъ!

Козаки вышли на дорогу и двинулись на встрѣчу гетману.

Увидѣвъ печальную процессію, Богданъ сошелъ съ коня и пошелъ ей на встрѣчу.

— Кого вы везете? спросилъ онъ переднихъ козаковъ.

Но роковыя слова остановились у нихъ въ горлѣ и они молча стояли передъ нимъ.

Зачуявъ недоброе, гетманъ быстрыми шагами приблизился къ телѣгѣ съ гробомъ. Онъ никого и ничего не видѣлъ, сердце его подсказывало что-то ужасное, чего еще онъ самъ себѣ не смѣлъ назвать.

— Открыть крышку! приказалъ онъ.

Дюжина сильныхъ рукъ потянулась къ гробу. Крышка быстро приподнялась.

— Тимошъ! вскрикнулъ Богданъ, сынку коханый!

Голосъ его замеръ, онъ припалъ къ дорогимъ останкамъ и почувствовалъ себя въ эту минуту хилымъ, безпомощнымъ старикомъ. Ему казалось, что надъ нимъ пронеслись десятки лѣтъ, что въ одну минуту онъ пережилъ цѣлое полстолѣтіе.

Долго лежалъ Богданъ на гробу, безмолвно стояло кругомъ козацкое войско съ обнаженными головами, не смѣя нарушить неутѣшную скорбь несчастнаго отца.

Наконецъ, гетманъ поднялся.

— Боже! благодарю тебя, что Тимошъ умеръ, какъ козакъ и не достался въ руки враговъ! Спасибо вамъ, товарищи! обратился онъ къ козакамъ. Спасибо за то, что воевали съ моимъ богатыремъ! А васъ, братове, благодарю вдвое, что пошли на выручку моего бѣднаго сынка! Ничего ему теперь больше не нужно, только нѣсколько аршинъ земли! Сгубили его ляхи, пойдемъ же и отомстимъ имъ, отомстимъ вдвое и за Украйну, и за Тимоша!

— Батько и мы съ тобою! крикнули козаки, шедшіе изъ Сочавы, что намъ ворочаться домой и слушать бабій вой и причитанье по убитымъ. Довольно мы высидѣли въ Сочавской крѣпости, пора теперь и потѣшиться на ратномъ полѣ.

— По мнѣ, какъ хотите, согласился гетманъ, только киньте жребій кому везти тѣло Тимоша. Какъ отвезете въ Чигиринъ, поставьте его въ церковь и не хороните, пока я самъ вернусь.

Кинули жребій. Тѣ, кому выпало на долю везти останки Тимоша, отвѣсили низкій поклонъ товарищамъ и готовились тронуться въ путь. Богданъ едва оторвался отъ гроба, онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и приказывалъ не закрывать крышку.

— Пора, батько! рѣшился сказать Ѳедоренко. Ужъ поздно, до заката намъ надо дойти до стоянки.

— Правда твоя, друже! отвѣчалъ Богданъ, поднимая голову. Ничѣмъ теперь не помочь, со смертью спорить не будешь.

Онъ махнулъ рукой и пошелъ отъ гроба, а процессія двинулась дальше.

Унылый колокольный звонъ, громкая пушечная и ружейная пальба возвѣстили жителямъ Чигирина, что приближаются бренные останки храбраго молодого витязя.

Бѣдная Локсандра! Сколько слезъ выплакала она въ долгія темныя ночи, въ безконечно тянувшіеся дни и недѣли, ожидая этихъ дорогихъ останковъ. Далеко за городъ вышла она встрѣчать вмѣстѣ съ остальными членами семьи Богдана печальную процессію, приближавшуюся къ городу. Впереди шло духовенство въ полномъ облаченіи съ образами и хоругвями, за ними шла семья Богдана, козаки со своими полковниками и народъ.

Показался, наконецъ, и гробъ.

Локсандра думала, что сердце ея разорвется отъ горя, когда подняли гробъ съ телѣги и открыли крышку. Тимошъ лежалъ теперь совсѣмъ чужой, не тотъ Тимошъ, котораго она проводила въ походъ, который былъ ей близокъ и дорогъ. Онъ лежалъ такъ спокойно, невозмутимо, а она не знала, куда ей дѣться отъ безъисходнаго страданія. Ноги ея подкашивались, голова кружилась и она должна была опереться на плечо гетманши.

Гробъ внесли въ соборъ, поставили на высокій катафалкъ и въ тоже мгновеніе раздался ружейный залпъ и пушечный грохотъ.

Всѣ рыдали, прощаясь съ молодымъ богатыремъ, всѣхъ поразила его преждевременная смерть.

Два слишкомъ мѣсяца стояли останки Тимоша въ Чигиринѣ въ соборѣ и только къ Рождеству перевезли ихъ въ Суботово, въ храмъ, сооруженный Богданомъ, гдѣ и похоронили 27-го декабря 1653 года.

Ольга Рогова.

ПОБОЖЬЕ ВЪ XVII и XVIII В.

Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) [1].

IV.

Спеціалисты по срыванію сеймиковъ. — Усобица на винницкомъ сеймикѣ 1732 года.

Неизмѣнное счастье, возрастающее богатство и общее уваженіе, которымъ пользовался Павелъ Ярошинскій въ своей округѣ, не могли не возбуждать зависти среди собратій; выдающееся положеніе въ воеводствѣ, издавна связанное съ титуломъ стольника, не давало покоя провинціальнымъ честолюбцамъ. Живой и энергичный, панъ Павелъ не думалъ уступать, поэтому пришлось искать окольныхъ путей, чтобы, какъ говорится, подставить ему ножку. На первыхъ порахъ противники выступали однако нерѣшительно, лозунгъ ихъ былъ еще невыработанъ, сторонники еще не организованы въ настоящую партію,—въ послѣдніе годы царствованія Августа II трудно было найти въ Брацлавщинѣ слѣды партійной организаціи; общее недовольство противъ саксонской династіи потеряло здѣсь рѣзкія формы,—всѣ усилія были направлены къ борьбѣ противъ гайдамачества; одичаніе, какъ результатъ борьбы, проникло не только въ среду мелкаго шляхетства, но сказывалось повыше. Нравственный уровень общества понизился

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1890, 10.

до крайней степени, всюду царило невѣжество; монашескіе ордена, эти носители современнаго знанія, являлись представителями этого умственнаго убожества; преоры, начальники школъ, ксендзы, уніатскіе священники, монахи, обучавшіе шляхетскихъ барышенъ, съ трудомъ могли подписаться. Только іезуиты представляли исключеніе въ этомъ случаѣ. Въ современныхъ актахъ, обнимающихъ вторую четверть XVIII в., корреспонденціи отцовъ Игн. Лойолы если не отличаются археографіей, то выгодно выдѣляются въ отношеніи каллиграфіи. Въ такую смутную эпоху сила господствовало надъ правомъ; грубая отвага, соединенная съ притѣсненіемъ ближняго, не встрѣчала надлежащаго отпора. Никогда еще столько народу не занималось разбоемъ, какъ въ эту пору, и едва десятую часть преступниковъ постигала справедливая кара закона. Поэтому, обыкновенно среди лицъ этого разряда искали охотниковъ до срыванія шляхетскихъ сеймиковъ; имъ нечего было терять, а при случаѣ можно было кой-чѣмъ поживиться; удача создавала имъ популярность; въ случаѣ не удачи они пріобрѣтали вельможныхъ покровителей, въ интересахъ которыхъ работали, и при этомъ и малую толику деньжонокъ, столь необходимыхъ для этихъ забубенныхъ головушекъ.

Въ Брацлавщинѣ того времени славой „срывателей сеймиковъ" пользовались въ особенности братья Янъ и Стефанъ Жалинскіе: „они задались цѣлью срывать сеймики изъ года въ годъ, такъ что въ теченіи восьми лѣтъ шляхетскіе сеймики вовсе несостоялись, къ великому ущербу для всего воеводства",—такъ жалуется современникъ, описавшій подвиги этихъ сорвиголовъ. Павелъ Ярошинскій, предводительствовавшій сеймиками, понималъ прекрасно, противъ кого направлена эта работа, тѣмъ болѣе, что противники намекали стороной, что все прекратится, лишь только стольникъ оставитъ кресло президента. Но все было напрасно. Ярошинскій не уступалъ; поэтому враги рѣшились обратиться къ знаменитому въ такихъ дѣлахъ Александру Мысловскому, еще незнавшему неудачи.

На наше счастье, какой то любитель собралъ всѣ матеріалы для біографіи этого типичнаго господина, годные для настоящей повѣсти, тѣмъ болѣе интересной, что фантазія собирателя не

играла тутъ никакой роли. Итакъ, въ Борщовѣ, деревушкѣ кременецкаго повѣта, принадлежавшей къ имѣніямъ кн. Вишневецкаго, вел. гетмана литовскаго, сидѣло на залоговомъ правѣ нѣсколько землянскихъ семействъ: Доманевскіе, Малиновскіе, Любoрадскіе, оо. іезуиты кременецкіе и пани Екатерина изъ рода Прускихъ, по первому браку Гулевичъ, по второму—Мысловская, по третьему—Вальская. Отъ второго брака у нея было двое сыновей и дочь. Старшій сынъ ладилъ съ матерью, велъ судебныя дѣла и ему жилось недурно, но младшій съ малыхъ лѣтъ обнаружилъ дурныя наклонности. Въ 1706 г., едва пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ подослалъ на домъ своей матери гайдамакъ и затѣмъ съ ними разгромилъ его до основанія. Еслибы не защита сосѣдей, то матери, быть можетъ, пришлось бы поплатиться жизнью за этотъ сыновній визитъ. Послѣ такого подвига, паничъ убѣжалъ за Днѣпръ и не появлялся цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, возвратился затѣмъ въ великой нищетѣ, оборванный, хворый, съ ясными слѣдами пьянства.

Мать приголубила блуднаго потаскуна, отвела ему кусокъ земли, дала 300 зл. на первое обзаведеніе, а отчимъ прибавилъ отъ себя восемь червонцевъ и „двѣнадцать локтей зеленаго атласу на жупанъ“. Но это не помогло, молодецъ не унимался и снова сталъ надоѣдать родительницѣ, издѣвался надъ нею, требовалъ передачи въ свои руки всего имѣнія, хотя отецъ его не вложилъ ни гроша своего въ эту землю, которая составляла приданое матери. Въ 1718 г., во время храмоваго праздника въ Борщовѣ въ честь „Матери Божіей сѣятельницы“, мертвецки пьяный, онъ ворвался въ домъ матери и началъ угощать сестру „канчукомъ“, а когда за обиженную заступилась было мать, то и ей досталось порядкомъ. Стыдясь такого сына, мать стерпѣла и на этотъ разъ, „обливаясь горькими слезами“. Ободренный безнаказанностью, сынокъ въ слѣдующемъ году захватилъ весь урожай съ полей матери, сто копъ пшеницы, арендную плату и все сѣно съ луговъ. За обиженную мать вступился отдаленный родственникъ п. Тренчинскій и имѣлъ неблагоразуміе явиться къ обидчику отъ имени пани Вальской. Сынокъ отвѣчалъ коротко и ясно: „еслибы явилась мать и не давала бы мнѣ хлѣба

и сѣна, то пусть знаетъ, что не уйдетъ живьемъ, развѣ только какимъ чудомъ. Она должна знать также, что не имѣетъ права распоряжаться ничѣмъ въ своемъ домѣ". Испуганный посредникъ удалился, прочіе молчали, потому что попросту боялись Мысловскаго; онъ постоянно грозилъ имъ гайдамаками, хвалился, что поддерживаетъ съ ними связи. Корытынскаго, упрекавшаго его за неблаговидные поступки, бросилъ въ прудъ. Шляхтичъ за свою смѣлость поплатится тяжкой болѣзнью. Въ отплату за духовныя увѣщанія, Мысловскій уничтожилъ лѣсъ оо. іезуитовъ и еще грозилъ имъ огнемъ и смертью. Затѣмъ, онъ сталъ занимать деньги и на роспискахъ подписывался за мать. Привлеченный къ суду, онъ застигъ мать на дорогѣ и вновь избилъ ее. Особенно характерно его столкновеніе съ своими сосѣдями Люборадскими. Семейство состояло изъ мужа, его вдовой сестры Екатерины Медынской, и жены. Пани Медынская была миловидна собой и приглянулась негодяю, который нерѣдко навѣщалъ ее; пріемъ былъ вѣжливый, но когда онъ началъ ухаживанье со свойственной ему галантностью, то ему было начисто отказано отъ дома. Мысловскій грозился отомстить, но при видѣ вдовы терялъ всякую отвагу и задоръ. Долго ли такъ шло дѣло, неизвѣстно, но однажды, подъ пьяную руку, онъ рѣшилъ еще разъ попытать счастья. Это случилось 12 января 1725 г. Позднимъ вечеромъ, во главѣ многочисленной компаніи, въ сопровожденіи музыканта,—воспитанника оо. іезуитовъ, жившаго на ихъ участкѣ,—съ четырьмя импровизованными факелами изъ восковыхъ свѣчей на длинныхъ жердяхъ,—предсталъ Мысловскій передъ домомъ Любораденихъ. Все въ домѣ спало,—разбудилъ. Извинялись позднимъ временемъ,—не помогло; Мысловскій грозилъ выломать дверь, такъ какъ онъ явился по важному дѣлу: онъ желаетъ, чтобы Любораденіе уступили ему свой участокъ земли на залоговомъ правѣ. Дѣлать нечего: пришлось уступить силѣ и пригласить незванныхъ гостей въ гостинную. Здѣсь ихъ встрѣтила пани Медынская „въ ночномъ капотѣ", надѣтомъ второпяхъ; тотчасъ же музыкантъ заигралъ веселый танецъ, факелоносцы размѣстились со свѣчами по угламъ, а панъ Мысловскій съ комплиментомъ подошелъ ко вдовѣ и пригласилъ

танцовать; прибавилъ, что она должна по очереди „хоть немножко поплясать“ со всѣми его компаньонами, и указалъ на открытыя двери, гдѣ десятка полтора коллегъ крайне подозрительнаго вида ожидали его мановенія. Вдова прибѣгла къ дипломатіи: она стала увѣрять кавалера, что дала обѣтъ не танцовать въ пятницу,—дѣло было именно въ этотъ день. „Если не хочешь со мной, то, быть можетъ, лучше будетъ съ моимъ слугой“,—вскричалъ разгнѣванный гость; слуга былъ налицо, „парубокъ“ Домбровскій, въ полотняномъ кафтанчикѣ, огромныхъ „постолахъ“, растрепанный, грязный,—коллеги кулаками вытолкнули его на средину комнаты. Вдова въ слезы и протесты. „Танцуй!“ завопилъ Мысловскій, поднимая арапникъ. И открылся этотъ невиданный балъ. Вся въ слезахъ, дама должна была казаться веселою, кружась по комнатѣ, а бѣдняга Домбровскій боязливо колесилъ за нею, какъ медвѣдь, закрывая глаза рукою отъ стыда. Панъ Александръ стоялъ тутъ же, руки въ бока, и понуждалъ музыканта подбирать мотивы позабористѣй, а слугу — плясать повеселѣй. Должно быть, дѣло шло плохо, потому что „Мысловскій такъ хватилъ его по лицу“, что бѣдняга свалился на полъ, обливаясь кровью, а музыкантъ, опасаясь за свое общественное положеніе (онъ былъ въ полудуховной сутанѣ, въ качествѣ костельнаго прислужника), протестовалъ по поводу скандала. Обезумѣвшій отъ винныхъ паровъ Мысловскій немилосердно избилъ и музыканта. Тогда, ломая въ отчаяніи руки и призывая всѣхъ святыхъ на помощь, вступилась за обиженныхъ пани Медынская. Мысловскій кинулся на нее, сорвалъ чепчикъ съ головы и сталъ таскать за волосы, въ безпорядкѣ разсыпавшіеся по плечамъ. Тутъ уже рѣшился выступить панъ Любрадскій, который скрывался до того въ боковой комнатѣ. Онъ бросился на разбойника съ саблей въ рукѣ, начался поединокъ—Любрадскій имѣлъ даже перевѣсъ на первыхъ порахъ, но когда Мысловскому пришли на помощь коллеги — проигралъ битву: изрубленный и искалѣченный, онъ свалился на полъ, обливаясь кровью. Испуганная и отрезвившаяся разбойная компанія удалилась изъ дому далеко за полночь, а на слѣдующій день, ранним утромъ, „генеральный возный воеводства волынскаго и

другихъ, шляхетный Андрей Лещинскій, представши самолично“, засталъ въ гостиной пановъ Любoрадскихъ страшное опустошеніе. Хозяинъ стоналъ, лежа на полу, вдова обливалась слезами въ уголку у печки, музыкантъ съ разбитой скрипкой сидѣлъ на полу, опершись избитой спиной о стѣнку, и только одинъ Домбровскій спокойно спалъ тутъ же у порога, растянувшись во весь ростъ. Излишекъ алкоголя, видимо, дѣйствовалъ успокоительно на эту апатичную натуру. Съ великимъ искусствомъ и художественнымъ юморомъ описалъ эту сцену панъ возный въ своемъ заявленіи, занесенномъ въ кременецкія гродскія книги. Этотъ актъ надлежало скрѣпить подписью, но Любoрадскій не могъ: правая рука отказывалась дѣйствовать; дамы тоже не могли—потому что не умѣли писать.

Таковъ былъ незавидный curriculum vitae спеціалиста срывать сеймики, и однако это не мѣшало ему выступить на брацлавскомъ сеймикѣ въ качествѣ избирателя вмѣстѣ съ своей заранѣе подобранной компаніей. Какъ кажется, Мысловскій выступалъ по наущенію Францишка Салезія Потоцкаго, въ ту пору скромнаго старосты белзскаго, бывшаго маршала трибунала короннаго (1726 г.), незадолго до того появившагося на окраинѣ въ качествѣ наслѣдника угаснаго года Калиновскихъ. Около него группировались: Михаилъ Грохольскій, чашникъ брацлавскій, впослѣдствіи земскій судья и региментарь украинской партіи, братья Александръ и Святославъ Четвертенскіе, Христофоръ Мошинскій, брацлавскій скарбникъ, Станиславъ Шашкевичъ, винницкій каштелянъ, и Людвикъ Вирскій, брацлавскій писарь.

Какъ бы то ни было, сторонники Павла Ярошинскаго проиграли битву на сеймикѣ 1730 г. Мысловскій торжествовалъ. Побѣжденные поняли, что съ нимъ шутить опасно, и вступили съ нимъ въ компромиссъ: на слѣдующій годъ сеймикъ состоялся, а панъ Александръ оказался избраннымъ въ „сборщики податей съ старовѣровъ-пилипоновъ“. Бѣдные колонисты тяжко заплатили за эту уступку, „обидѣли ихъ на нѣсколько тысячъ“. Возмущенный Ярошинскій открыто заявилъ, что въ будущемъ году не допуститъ его до выборовъ, что это срамъ и стыдъ для шляхетства и разореніе для края. Въ половинѣ декабря 1732 г.

долженъ былъ открыться провинціальный сеймикъ въ Винницѣ. Если Мысловскій готовился къ войнѣ, то и противники его не дремали; партія, во главѣ которой стоялъ Ярошинскій, была очень сильна и хорошо дисциплинирована. Стольникъ думалъ было сперва уклониться отъ борьбы, но его упросили, обѣщая всяческую поддержку. Сторонники сдержали слово и были въ полномъ сборѣ.

Мѣстомъ, гдѣ происходили подвиги этой провинціальной войны, былъ іезуитскій костелъ въ Винницѣ, огромное зданіе на взгорьи, соединенное галлереей съ монастыремъ. 18 декабря всѣ были въ полномъ сборѣ; вокругъ главныхъ дѣятелей тѣснились сторонники, не мало было и любопытныхъ. Мысловскій открыто грозилъ и похвалялся, что привелъ съ собою переодѣтыхъ „козаковъ", а ихъ то болѣе всего опасались въ городѣ. Послѣ необходимыхъ формальностей приступили къ выборамъ маршала; конечно, почетный постъ былъ предложенъ Павлу Ярошинскому. Онъ приблизился къ президентскому столу и не успѣлъ еще поблагодарить собраніе за оказанную честь, какъ у порога церкви началось смятеніе. Мысловскій вмѣстѣ съ коллегами заявилъ протестъ противъ выборовъ. Однако ему не позволили говорить; противники объявили, что соединяются въ конфедерацію, такъ какъ на очереди множество важныхъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, а разъ сеймики постоянно разстраиваются, то остается разрѣшить эти дѣла большинствомъ голосовъ. Это было неожиданностью даже для многихъ изъ сторонниковъ стольника, не посвященныхъ въ тайну. Только такимъ путемъ и можно объяснить, что Мысловскому удалось безнаказанно проникнуть черезъ толпу шляхты къ самому столу, у котораго засѣдалъ стольникъ. Съ крикомъ „не позволяемъ никакой конфедераціи!" и обнаженной саблей кинулся онъ на старика; „не позволяемъ, ибо въ этомъ воеводствѣ никогда этого не было!"—продолжалъ онъ кричать и замахнулся саблей, но староста радомскій Янъ Станиславъ Свидерскій оттолкнулъ Ярошинскаго въ сторону и въ свою очередь ринулся на Мысловскаго съ саблей на-голо. Началась общая свалка. „Срыватели" были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что не думали отступать; напротивъ, Янъ Жалинскій,

явившійся среди общаго замѣшательства вслѣдъ за Мысловскимъ, подскочилъ къ маршалковскому столику, „дважды опрокинулъ его и произвелъ великій безпорядокъ“. Сторонники Ярошинскаго не остались въ долгу: сомкнутыми рядами наступили они сбоку на нападающихъ, которые двигались узкой линіей за своимъ вождемъ; линію разорвали на двое; большая часть счастливо ушла изъ боя, конечно, не безъ слѣдовъ побоевъ и шляхетской сабли, но предводителямъ отступленіе было отрѣзано. Облитые кровью, полумертвые отъ страха, упали они къ подножію великаго алтаря и конечно ихъ изрубили бы въ конецъ, если бы не защитилъ Ярошинскій. Среди лязга сабель и яростныхъ воплей раздался его крикъ: „не добивайте“. Побѣдители на мгновеніе остановились, и въ это время изъ боковыхъ дверей явились двое о.о. іезуитовъ и вытолкнули полумертвыхъ разбойниковъ въ боковой корридоръ. Сеймикъ не состоялся, но и виновники разстройства рисковали жизнью, такъ какъ выбравшіе стольника рѣшились истребить ихъ и конечно поставили бы на своемъ, если бы побѣжденнымъ не помогли скрыться изъ города. Бѣглецы опомнились только въ Кременцѣ и тамъ уже выступили съ протестомъ, а возный въ то же время подробно и добросовѣстно описалъ печальные и видимые слѣды недавняго побоища. Такъ, между прочимъ, у Мысловскаго оказался „рубецъ съ лѣвой стороны отъ уха до щеки, рубленый, глубокій; другой на лѣвой рукѣ, пониже локтя, также отъ сабли, съ пересѣченіемъ кожи, тѣла и жилъ и съ нарушеніемъ цѣлости кости, грозящій искалѣченіемъ“; немало и другихъ „слѣдовъ сабли, ссадинъ и кровоподтековъ“. Во всякомъ случаѣ, Мысловскій счастливо „выскочилъ“ и даже исправился, такъ какъ рубецъ на лицѣ сильно обезобразилъ его, свернувши губы на бокъ, а лѣвой рукой онъ уже не могъ владѣть свободно и долго еще носилъ ее на перевязи. Павелъ Ярошинскій тотчасъ же послѣ праздниковъ поспѣшилъ въ Варшаву, но дождался только смерти короля и снова вернулся домой, гдѣ его ожидало предсѣдательствованіе въ главномъ каптуровомъ судѣ.

V.

Павелъ Ярошинскій—брацлавскій подкоморій.—Процессъ съ Грохольскимъ и смерть пана Павла.—Старшій сынъ его Августинъ.

Великія несчастья выпали на долю окраинныхъ провинцій Польши въ эпоху безкоролевья послѣ Августа II. Такъ какъ Брацлавщина особенно энергично выступила противъ саксонца, то въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ почувствовала всю силу мстительности властной руки. „Вспомогательныя“ войска наводнили край и обложили его тяжкой контрибуціей; но еще страшнѣе для шляхты были крестьянскіе бунты и гайдамацкія купы, организовавшіяся для дѣла разрушенія подъ прикрытіемъ союзныхъ войскъ. Начальники послѣднихъ именовали ихъ „нерегулярнымъ войскомъ“ или „волонтерами“; собственные главари—„козацкой дружиной“, „вольными козаками“; земляне—самое мягкое, если разбойниками. Справедливо заявилъ одинъ изъ депутатовъ на сеймикѣ 1735 г. въ Брацлавѣ, что „не союзныя войска грабили насъ, но гультяи, въ коихъ нѣтъ недостатка въ здѣшнемъ краѣ“ (Арх. ю.-з. Р., III, 3, стр. 170). Благоразумнѣйшіе изъ помѣщиковъ искали убѣжища отъ крестьянскихъ волненій въ другихъ областяхъ. Уводъ „филипоновъ“ съ женами, дѣтьми и имуществомъ изъ предѣловъ Польши въ Россію, особливо же изъ Брацлавщины, печально отразился на экономическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что иногда при этомъ угоняли и простыхъ крестьянъ (ib., стр. 178); рабочей силы не хватало, а между тѣмъ нужно было платить налоги подъ угрозой грабежа, иногда и смерти. Особенно дала себя почувствовать гайдамачина въ 1734 г. Въ Брацлавщинѣ убито до 90 землянъ и разграблено имущества на нѣсколько милльоновъ злотыхъ (ib., 183). Между гайдамацкими купами произошло раздѣленіе по спеціальностямъ: однѣ занимались костелами и церквями, другія—сельскими помѣщиками, тѣ—евреями; были, наконецъ, особенные любители старинныхъ бумагъ и актовъ разнаго рода; лишь случайно удалось спасти часть брацлавскихъ книгъ въ Люблинъ (ib., стр. 123 и 172); особенно отличался въ этомъ отношеніи полковникъ Грива, наказный атаманъ. На ряду съ гайдамаками болѣе всего

свирѣпствовали волошскія хоругви, состоявшія на жалованьи у Любомирскихъ. Валахи выгубили много шляхты и простаго народа. Они отличались кровожадностью и трусостью. Захваченные на мѣстѣ преступленія, готовы были на все, лишь бы спастись отъ смерти. Видъ кола и висѣлицы приводилъ ихъ въ безуміе—ибо пощады не было.

Винница опустѣла, такъ какъ шляхта разбѣжалась въ сосѣднія воеводства. Въ 1734 г. 1 іюля изданъ былъ ландграфомъ гессенскимъ Людовикомъ извѣстный манифестъ, обѣщающій защиту приверженцамъ Августа III, но некому было заняться этимъ вопросомъ въ Брацлавщинѣ. Ярошинскій удалился въ Олизарово на Волыни, но по просьбѣ шляхты 80-лѣтній старецъ явился въ 1735 г. въ Винницу. Собранная шляхта, дѣлать нечего, высказалась за *patrem patriae* Августа III (ibid., стр. 79), о чемъ, конечно, былъ увѣдомленъ генералъ Вейсбахъ; въ мартѣ новый сеймикъ подъ предсѣдательствомъ Стан. Шандыровскаго, стольника закрочимскаго; выбраны послы къ королю, назначены военныя и судебныя коммиссіи для урегулированія войсковыхъ порядковъ и разбора гайдамацкихъ дѣлъ; опредѣлено выдать пособія наиболѣе пострадавшимъ шляхтичамъ. Работы было вдоволь. Тѣмъ не менѣе третій сеймикъ, назначенный на 15 августа того же года былъ сорванъ, такъ что пришлось назначить еще четвертый черезъ двѣ недѣли. Здѣсь самымъ подробнымъ образомъ были обсуждены нужды края, а Ярошинскій, съ сентября мѣсяца носившій уже титулъ брацлавскаго подкоморія, былъ избранъ въ послы къ королю. Въ столицѣ принятъ онъ былъ съ великимъ почетомъ. Шла рѣчь о сенаторствѣ, о каштелянствѣ, но старецъ на все махнулъ рукой: онъ уже стоялъ одной ногой въ гробу; просилъ только, чтобы не забыли сыновей. На сеймѣ его выбрали однако коммиссаромъ по разграниченію кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ (Volum. leg., VI, 324), а по возвращеніи онъ былъ назначенъ податнымъ коммиссаромъ вмѣстѣ съ Ржевускимъ и Михаиломъ Калетынскимъ, хорунжимъ брацлавскимъ (Арх. ю.-з. Р., III, 3, стр. 323).

Но Ярошинскому не удалось сойти въ могилу спокойно; бѣда обрушилась на него, когда онъ менѣе всего могъ ожидать

этого. Дѣло въ томъ, что его враги и недоброжелатели начали распускать слухи, оскорбительные для его чести. Слухи дошли до младшаго сына пана Павла, Захаріи. Молва гласила, что отецъ послѣдняго „обращалъ подати, взимаемыя съ воеводства, *in augmentum* собственнаго кармана“. Захарія потребовалъ авторовъ слуховъ къ суду: то были Михаилъ Грохольскій, Мощынскій и Вирскій, подчашій, скарбникъ и писарь брацлавскіе. Предварительно суда Ярошинскій далъ объясненіе шляхтѣ на винницкомъ сеймикѣ 1736 г. Разумѣется, шляхта съ негодованіемъ отвергла позорящую клевету. Тѣмъ не менѣе панъ Павелъ просилъ назначить коммиссію для разборки его отчетовъ и оправдательныхъ документовъ. Въ 1737 году, 5 февраля, собралась шляхта въ Винницѣ, чтобы выслушать объясненія противниковъ Ярошинскаго, но они не явились. Разумѣется, они были объявлены клеветниками, а Ярошинскому предоставлено право отыскивать свою обиду судомъ. Любопытно, что этотъ утѣшительный для старика актъ подписанъ въ числѣ другихъ братьями Жалинскими и Александромъ Мысловскимъ.

Ярошинскій не продолжалъ процесса, такъ какъ его главный противникъ Грохольскій попалъ также въ бѣду—его обвинили въ вымогательствѣ и грабежахъ, совершенныхъ яко бы въ 1735—1737 гг., когда онъ былъ регментаремъ украинской партіи и, слѣдовательно, несъ отвѣтственность за безопасность всего воеводства; недостатокъ средствъ для поддержанія войскъ заставилъ его рѣшиться на рискованные поступки, какъ напр. наѣзды въ предѣлы кіевскаго воеводства и взиманіе тамъ настоящихъ контрибуцій съ христіанъ и евреевъ. Шляхта не легко прощала подобные проступки, если они задѣвали ея карманъ. Что касается Ярошинскихъ, то процессъ ихъ съ Грохольскимъ окончился только въ 1748 г. полюбовнымъ соглашеніемъ.

Представленные Ярошинскимъ въ свое оправданіе документы даютъ нѣсколько интересныхъ цифръ для характеристики современнаго положенія края. Приведемъ данныя для одного лишь 1717 г., такъ какъ всѣ онѣ однообразны. На обязанности коммиссаровъ лежало взимать подымное, чоповое, котловое и шеляжное; но край былъ разоренъ и дымовъ было мало. Котловое

не дало ни гроша, такъ какъ винокурни стояли впустѣ; съ чоповымъ также было плохо, ибо продажа спиртныхъ напитковъ находилась въ полномъ упадкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1717 г. подымное дало всего 2676 зл. и 16 гр., чоповое и шляхетное—348 зл. Подымнаго болѣе всего внесло мѣстечко Вербичъ иначе Новый Грановъ (203 зл.), затѣмъ идетъ „ключъ Ягорлыцкій *cum atinensis*“ (180 зл.), „Немировщина и Бершадщина“ (141 зл.—слѣдуетъ помнить, что сюда входило до ста поселеній), мѣст. Мизяковъ (93 зл.), и т. д. Многія поселенія, хотя и внесенныя въ тарифъ, ничего не дали, такъ какъ стояли впустѣ; таковы были: Симаки (въ браиловскомъ ключѣ), Пораевка, Кутыще, Покутынци, Салиха, Витова, с. Чечельникъ, м. Торковича (Тарговица), Билоусовка, Торкановка, Кропивна вел. и мал., Станиславовъ и мн. др.; были также исчезнувшія или забытыя поселенія, такъ что никто не могъ указать даже прежняго селища; такъ, коммиссаръ не могъ узнать, гдѣ прежде стояла Змирынка (нынѣ Жмеринка). Такимъ образомъ годовой доходъ равнялся 3024 зл. 14 гр. и шелъ почти цѣликомъ на содержаніе хоругви (2900 зл.). Кромѣ этого постояннаго расхода были и случайные, платежи коммиссаромъ, депутатамъ, посланникамъ и т. д. О помощи монастырямъ не могло быть и рѣчи; долги переносились изъ года въ годъ. Между тѣмъ въ 1742 г., въ болѣе спокойное время, подымное, котловое, чоповое и шляхетное приносило уже 16,808 зл. Изъ нихъ на содержаніе хоругви надворнаго коронного хорунжаго ассигновалось 5400 зл. 26 гр., а депутату отъ хоругви „донативы“ 200 зл. „Съ 1737 г. начинается еще новый расходъ на почту, соединявшую Винницу съ Радомомъ. Содержаніе ея стоило сперва 500 зл., а съ 1739 г.—800 зл. Во главѣ учрежденія стоялъ такъ наз. секретарь почты. Между другими, секретари почты изъ рода Котовичей снабжали сосѣднихъ землянъ рукописными газетами, которыя и теперь можно еще встрѣтить въ частныхъ архивахъ. Сюда заносились разныя новости изъ столицы, воеводства и зап. Европы. Бумага была хорошая, письмо каллиграфическое. Но возвратимся къ Ярошинскимъ.

До послѣднихъ дней жизни панъ Павелъ не отказывался отъ общественной службы: онъ импонировалъ современникамъ

своей энергіей и твердостью. Скончался онъ скоропостижно въ февралѣ 1739 года. Смерть его была событіемъ для края. На погребеніе его собралась въ Луцкъ почти вся шляхта двухъ сосѣднихъ воеводствъ. Жена пережила подкоморія только на нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ пятидесяти слишкомъ лѣтъ супружества.

Изъ трехъ сыновей п. Павла, средній, Адамъ, умеръ еще при жизни родителей. Осталось двое: старшій, Августинъ, любимецъ отца, и младшій, Захарія, любимецъ матери. Оба они воспитывались по обычаю, у оо. іезуитовъ въ Острогѣ, а затѣмъ подъ руководствомъ подкоморія. Спокойный и мирный человѣкъ былъ этотъ Августинъ. Онъ не имѣлъ никакой склонности къ общественнымъ дѣламъ, и если принималъ въ нихъ участіе, то развѣ по настояніямъ отца. Между прочимъ, въ 1736 г. онъ былъ избранъ пограничнымъ судьей. На обязанности такихъ судей лежало уничтоженіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ хуторовъ и постовъ, выдвинутыхъ въ степь къ югу, такъ какъ ихъ считали за гнѣзда, гдѣ прятались гайдамаки (Vol. leg., VI, 324). Не нравилось подобное занятіе пану Августину, онъ всячески отговаривался, но долженъ былъ подчиниться шляхтѣ, которая этимъ выборомъ думала уравновѣсить склонность къ насилію другого судьи, п. Петра Судимонтовича Чечеля: послѣдній не мало пролилъ крови, выполняя эту службу (Арх. ю. з. Р., III, 3, стр. 223). Спокойствіе было для п. Августина дороже всего, а быть можетъ, онъ не вѣрилъ въ удачное разрѣшеніе вопросовъ, стоявшихъ тогда на очереди. Единственною его страстью была псовая охота.

По смерти родителей братья тотчасъ приступили къ раздѣлу отцовскаго имущества. Августину достались частью заложенныя, частью собственныя имѣнія покойнаго: часть Василевки, Видавы, Шершни и Сутиска, часть Тыврова и Звоничка, Куны, Иваньковцы въ Брацлавщинѣ, ключъ добротынскій на Волыни и верхогородское имѣніе въ Кіевщинѣ. Захарій получилъ менѣе имѣній, но они были въ лучшемъ положеніи и большею частью принадлежали ему на правѣ полной собственности: Олизаровъ, Подлисцы, Городенка и Лукьяновъ на Волыни, аренда въ острожскомъ имѣніи, гипотека на Глибочку. Такимъ образомъ, всѣ

имѣнія покойнаго представляли собою цѣнность до полумилльона злотыхъ.

Панъ Августинъ велъ хозяйство въ Василевкѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Михаила Калетынскаго, владѣвшаго Тывровомъ на залоговомъ правѣ. Недоразумѣнія были неизбѣжны, несмотря на миролюбіе п. Августина: п. Михаилъ безпрестанно производилъ захваты земель, врубался въ чужіе лѣса. П. Августинъ, изъ деликатности, смотрѣлъ на все сквозь пальцы и даже не требовалъ третьей части Тырова, принадлежавшей ему также на залоговомъ правѣ: онъ боялся хлопотъ, связанныхъ съ процессомъ о раздѣлѣ. Въ 1747 г. панъ Августинъ скончался бездѣтнымъ, и всѣ имѣнія Ярошинскихъ соединились въ рукахъ его брата, Захаріи.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СУДЬБА ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ КІЕВА.

Недавнее постановленіе кіевской городской думы, касающееся кіевской публичной библіотеки и клонящееся къ ея упраздненію, удивительное со всѣхъ точекъ зрѣнія, не можетъ быть оставлено безъ отмѣтки и вниманія нашимъ журналомъ, какъ органомъ, посвященнымъ исторической жизни края. Едва ли самые отважные изъ кіевскихъ думцевъ рѣшатся отрицать, что исторія просвѣщенія есть существеннѣйшая часть общей исторіи и никакими доводами не въ состояніи будутъ они также отвергнуть связь, существующую между просвѣщеніемъ и просвѣтительными учрежденіями, однимъ изъ представителей которыхъ въ бѣдномъ ими Кіевѣ служитъ злополучная публичная библіотека.

Существованіе ея дума постановленіемъ своимъ признала почти лишнимъ. Вниманіемъ и сочувствіемъ нашихъ городскихъ эдиловъ несравненно больше пользуются мелочи городскаго хозяйства, вообще, впрочемъ, очень незавиднаго. Неловко иногда обращаться къ азбучнымъ истинамъ, но нѣкоторыя изъ этихъ истинъ, повидимому, совершенно забыты въ стѣнахъ думы и мы позволимъ себѣ напомнить ихъ, прося извиненія у нашихъ обычныхъ читателей.

Приходится говорить о пользѣ науки, о значеніи книжныхъ собраній, о значеніи книгопечатанія! И опытныя и умозрительныя науки, обогащающія насъ знаніями, помогающія намъ вести борьбу съ природой и расширяющія нашъ умственный горизонтъ, одинаково невозможны и немыслимы безъ пособія письменности и ея совершеннѣйшаго выраженія—книги. Только съ возникно-

веніемъ письменности у народностей, самыхъ одаренныхъ, начинается умственный ростъ, только съ этимъ закрѣпленіемъ и регистраціей умственныхъ пріобрѣтеній дѣло знанія становится на твердую почву. Значеніе книги въ томъ, что она сохраняетъ и дѣлаетъ доступнымъ всякому то, что въ области знанія или воображенія завоевано уже человѣчествомъ, и что смѣняющіеся людскія поколѣнія не должны начинать научный опытъ и наблюденія каждое съизнова, а имѣютъ возможность отправляться отъ готовой уже суммы знаній, съ тѣмъ чтобы идти впередъ, по мѣрѣ способностей своихъ и охоты. Вотъ почему во всемъ просвѣщенномъ мірѣ общественныя библіотеки, научныя собранія, историческіе и художественные музеи признаются самыми драгоцѣнными и благородными сокровищами, развитіе которыхъ даетъ право на почетное мѣсто въ человѣческой семьѣ. Ихъ не могутъ замѣнить образовательныя заведенія и школы и вездѣ они существуютъ параллельно съ ними, такъ какъ назначеніе ихъ служить не тому или иному возрасту или классу общества, но *всякому* гражданину, обществу данной мѣстности во всей его массѣ, организованному въ ту или иную форму общежитія. Въ данномъ случаѣ форма эта—городъ и если онъ, какъ нашъ Кіевъ, по цифрѣ населенія, средствамъ, прошедшей своей исторіи имѣетъ право на названіе значительнаго центра, если онъ не равнодушенъ къ своей будущности и своей чести, то забота о просвѣтительныхъ учрежденіяхъ въ немъ должна быть одною изъ главныхъ у вѣдающихъ дѣла его выборныхъ людей.

Поразительно и больно говорить это представителямъ города, бывшаго колыбелью русскаго просвѣщенія, города откуда вышли первые памятники нашей письменности, гдѣ возникло начало христіанства и законодательства, города, служившаго до XVIII вѣка умственнымъ центромъ, откуда просвѣщеніе распространялось на далекій сѣверъ, гдѣ прошла дѣятельность Ярослава Мудраго, Петра Могилы и цѣлой плеяды ученыхъ, числящей въ рядахъ своихъ такихъ людей, какъ митрополитъ Евгеній, Максимовичъ, Пироговъ и много другихъ. Знаютъ ли думцы, что лѣтопись засвидѣтельствовала о существованіи библіотеки въ Кіевѣ въ XI вѣкѣ? Варвары библіотеку эту уничтожили. Ана-

логія напрашивается сама собой, но не будемъ ее досказывать.

Въ составѣ думы могутъ быть лица, которымъ доводы наши могутъ показаться неубѣдительными и идеалистическими. Рекомендуемъ этимъ практикамъ прочесть въ такомъ случаѣ второй параграфъ городоваго положенія, какъ нѣчто обязательное и для нихъ.

Не будемъ приводить въ примѣръ европейскіе порядки, обиліе и доступность книгохранилищъ, музеевъ, отъ извѣстныхъ, міровыхъ, до скромныхъ музеевъ маленькихъ городковъ, всѣмъ доступныхъ и для всѣхъ открытыхъ. Это западные порядки, можетъ быть, не пригодные во всемъ для насъ. Можетъ быть, кіевская невѣжественная косность есть общій нашъ порокъ, которому поэтому по силѣ вещей должны подчиниться мы? Ничуть не бывало. Польза просвѣтительныхъ учрежденій, не въ той степени, можетъ быть, какъ слѣдовало бы, но все же сознается въ громадномъ большинствѣ русскихъ центровъ. Всѣ значительные города имперіи, за исключеніемъ одного Кіева, имѣютъ городскія библіотеки и музеи. Обзаводятся ими и многіе изъ городовъ губернскихъ и даже уѣздныхъ.

Молодая Одесса владѣетъ библіотекою и музеемъ, съ особымъ зданіемъ и особымъ бюджетомъ для того и другого. Не довольствуясь нынѣшнимъ изящнымъ помѣщеніемъ, одесская библіотека обзаводится теперь, благодаря просвѣщенной щедрости городскаго головы г. Маразли, новымъ, пріобрѣтая для этой цѣли роскошный домъ Нарышкиныхъ. Харьковъ имѣетъ художественный музей и библіотеку, приведенную нынѣ въ прекрасный порядокъ. Въ Саратовѣ основанъ и процвѣтаетъ музей имени Радищева, куда стекаются приношенія и правительства, и частныхъ лицъ. Небольшая Тверь обладаетъ образцово-устроеннымъ историческимъ музеемъ, такимъ же обзаводится теперь и Екатеринославъ, положивъ въ основаніе завѣщанное ему собраніе г. Поля. Дѣло музея обезпечено и въ Каменецъ-Подольскѣ. Счастливая Казань обзаведется роскошной библіотекой, на которую, идя на встрѣчу городскому управленію, одна изъ мѣстныхъ жительницъ, г-жа Александрова, пожертвовала недавно полмил-

ліона. Севастополь, Ростовъ-Ярославскій и полночный Минусинскъ имѣютъ музеи. Архивныя коммиссіи, лишенныя того спеціальнаго характера, который имѣетъ коммиссія кіевская, возникли во множествѣ мѣстъ. Общественныя библіотеки, лучше или хуже обставленныя, существуютъ во многихъ городахъ. Даже маленькая Полтава завела нѣчто въ родѣ археологическаго собранія при семинаріи. У нѣсколькихъ частныхъ лицъ на югѣ извѣстны музеи древностей или предметовъ искусствъ, существованіе которыхъ въ значительной степени объясняется отсутствіемъ музея центральнаго, общественнаго. Таковы частныя собранія гг. Алексѣева, гр. Бобринскаго, Тарновскаго, Терещенка, г-жи Скаржинской. Какъ многочисленныя частныя библіотеки, какъ всякая частная собственность, они не могутъ здѣсь идти въ счетъ, но служатъ показателями назрѣвшей въ обществѣ потребности, для удовлетворенія которой частныя лица жертвуютъ своими исключительными средствами. Кіевъ, если вѣрить его представителямъ, потребности въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ не чувствуетъ. О музеѣ нѣтъ и рѣчи, а общественную библіотеку, кое-какъ возникшую и существующую, городское управленіе знать не хочетъ.

Кіевская дума, ворочающая большими суммами, считаетъ можетъ быть библіотеку въ настоящемъ ея видѣ, слишкомъ незначительною для своего вниманія? Отъ города зависитъ умножить и расширить ее, а бѣдность библіотеки служитъ укоромъ тому же городскому управленію. Исторія библіотеки извѣстна и разсказана была уже въ „Кіевской Старинѣ“ (1888 г., № 8). Возникшая по иниціативѣ правительства, съ небольшой его субсидіей и съ помощью дворянства, библіотека просуществовала двадцать пять лѣтъ. Теперь дворянство лишаетъ ее своей помощи, на одну казенную субсидію библіотека существовать не можетъ, а городъ считаетъ лишнимъ брать ее въ свое вѣдѣніе. Какъ ни скромна эта библіотека, она представляетъ уже нѣчто, что, при поддержкѣ и развитіи, могло бы уже имѣть положительное значеніе. Въ ней около 15 тысячъ томовъ, между которыми есть вещи и цѣнныя и рѣдкія. Характерно, что болѣе третьей части книгъ пожертвовано въ библіотеку частными лицами. Особенно замѣчательно пожертвованіе бывшаго кіевскаго книго-

продавца Е. Я. Ѳедорова—до пяти тысячъ книгъ, составляющія непроданную часть купленной имъ когда то извѣстной библіотеки министра Д. П. Трощинскаго. Изъ болѣе крупныхъ пожертвованій назовемъ еще вклады гг. Племянникова (до 100 томовъ по словесности и юридическихъ), А. М. Лазаревскаго, архимандрита Бориса, С. И. Пономарева, В. В. Тарновскаго, В. П. Горленка (до 400 томовъ старинныхъ журналовъ и книгъ), гр. Г. А. Милорадовича, Ѳ. Г. Лебединцева, г-жи Алчевской и многихъ авторовъ, какъ профессоровъ А. В. Романовича-Словатинскаго, В. А. Караваева, А. Я. Антоновича, Н. И. Петрова, А. В. Ходина, С. Т. Голубева, Козлова, гг. П. И. Житецкаго, Д. Л. Мордовцева, І. І. Ясинскаго и другихъ—всего до 150 лицъ. Изданіями своими снабжали библіотеку также многія казенныя ученыя и общественныя учрежденія и общества. Всѣ эти жертвователи, по смыслу постановленія думы, должны ждать теперь уничтоженія данныхъ ими книгъ, какъ никому ненужнаго хлама.

Принятіе и обезпеченіе библіотеки, расширеніе ея и правильная организація должны, безъ сомнѣнія, стать нравственною обязанностью кіевскаго городскаго управленія. Но сдѣлавши это, дума сдѣлаетъ только половину дѣла. Въ Кіевѣ, „матери городовъ русскихъ“, необходимо долженъ возникнуть историческій музей и починъ въ его обезпеченіи долженъ взять городъ. Правительство, безъ сомнѣнія, придетъ на помощь разнообразными своими рессурсами въ дѣлѣ столь большой важности и съ увѣренностью можно сказать также, что въ составленіи музея приметъ широкое участіе и общество. Какъ много отдѣльныхъ предметовъ разсѣяно по частнымъ рукамъ разныхъ владѣльцевъ, безъ цѣли, безъ той пользы и значенія, которую могли бы эти вещи принять въ систематическомъ, общественномъ собраніи. Дѣла музея и библіотеки могли бы идти параллельно, подобно тому какъ устроено это въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, гдѣ одинъ и тотъ же пашковскій дворецъ пріютилъ и книжныя собранія, и предметы искусства. Историческій музей долженъ бы совмѣщать въ себѣ все, что характеризуетъ жизнь кіевской земли и сопредѣльныхъ областей, какъ въ загадочныя отдаленныя эпохи, такъ и на всемъ протяженіи исторически извѣстнаго существо-

ванія края. Художественный отдѣлъ, на который существуетъ также столь большая потребность, по мѣрѣ силъ своихъ изображалъ бы всю область искусства. Само собою разумѣется, что думѣ и гласнымъ, какъ представителямъ города, вмѣняется въ обязанность только признаніе необходимости музея и матеріальная его поддержка. Организація его—дѣло властей въ смыслѣ устава и контроля и спеціалистовъ—въ смыслѣ собранія, устройства и порядковъ. Дума, составленная въ большинствѣ изъ людей будничной практики и капитала, не должна и не можетъ вѣдать учрежденіями, требующими спеціальныхъ знаній и подготовки, хотя и берется за это.

Нѣтъ надобности чертить теперь программу желаемаго кіевскаго историческаго музея. Сферой его долженъ быть Кіевъ, кіевская область и южно-русскій край. Все, что возникало и жило въ немъ великаго, творческаго, самобытнаго, все что оставило такой или иной замѣтный слѣдъ въ его бытіи и сохранилось въ вещественныхъ памятникахъ—все это должно быть присуще ему. Если бы не наши храмы, у насъ не было бы теперь ничего напоминающаго даже многовѣковую, былую жизнь. Въ послѣдніе годы кое-что спасено было почтеннымъ музеемъ церковно-археологическаго общества. Но даже изъ храмовъ одна св. Софія сохраняется незыблемо въ своемъ историческомъ величіи и путемъ глубокихъ научныхъ изученій ея настоятеля обнаруживаетъ еще даже время отъ времени скрытые доселѣ остатки своей старины. Очень почтенны и вполнѣ научны работы по реставраціи Кирилловскаго монастыря, прекрасно исполненныя подъ руководствомъ проф. Прахова.

Въ семьѣ русскихъ городовъ Кіевъ, по прошлому своему, по своей „родовитости“ занимаетъ первое мѣсто и казалось бы, въ дѣлѣ историческаго собранія долженъ идти во главѣ и указывать путь другимъ...

Документы, извѣстія и замѣтки.

Польскіе рисунки на украинскія темы. Предъ нами большой альбомъ, собранный однимъ любителемъ, гдѣ на листахъ цвѣтного бристоля наклеены рисунки, большіе и малые, вырѣзанные изъ польскихъ иллюстрированныхъ еженедѣльниковъ,—Kłos'овъ, Tygodnik'a Illustrowan'аго, Tygodnika Powszechn'аго и отдѣльныя литографіи,—изображающіе памятники, виды, типы и сцены изъ жизни правобережной Украины и Галиціи. Рисунки взяты случайно, какъ попадались подъ руку собирателю, по большей части изъ отдѣльныхъ номеровъ упомянутыхъ иллюстрацій за разные годы; но эта самая случайность выбора говоритъ за ихъ обиліе въ иллюстрированныхъ польскихъ изданіяхъ. Дѣйствительно, они составляютъ ихъ постоянную принадлежность и среди польскихъ живописцевъ есть группа, разрабатывающая спеціально украинскіе сюжеты, такъ точно, какъ такая группа существуетъ среди польскихъ писателей.

Перелистывая альбомъ, мы встрѣчаемъ прежде всего серію литографированныхъ видовъ изъ губерній, кіевской, волынской и подольской, рисованныхъ Наполеономъ Ордой и изданныхъ въ Варшавѣ въ семидесятыхъ годахъ. Десять литографій нашего альбома составляютъ только малую часть труда Н. Орды. Всѣхъ видовъ, въ двухъ серіяхъ, издано было имъ восемдесятъ, а снято съ натуры около трехсотъ. Наши виды изображаютъ развалины замковъ (Корецъ, Губковъ, Острогъ), зданія костеловъ (Бердичевъ, Бѣлополье), помѣщичьи палацы и парки (Новомалинъ, Антонины, Погребище, Александрія). Историческія развалины кажется особенно привлекали вниманіе рисовальщика, вмѣстѣ съ панскими дворцами. То и другое передается имъ довольно мило, въ свойственныхъ литографіи съ камня мягкихъ тонахъ. Судьба этого трудолюбиваго рисовальщика была довольно бурная. Родился онъ въ гродненской губерніи въ 1807 году, въ

1831 удалился за границу, въ Парижъ, изучалъ музыку съ Шопеномъ, давалъ уроки игры на фортепьяно, въ концѣ сороковыхъ годовъ управлялъ въ Парижѣ итальянской оперой. Вернулся на родину въ 1856 году, открылъ мастерскую земледѣльческихъ машинъ и орудій, а на старости былъ опять учителемъ музыки въ домѣ гр. Ржевускихъ. Въ эти то годы онъ и задумалъ свой альбомъ, «разъѣзжая, по словамъ его біографа, на телѣгѣ, втеченіе трехъ лѣтъ, отъ руины до могилы и отъ могилы до руины и жадно занося карандашомъ на бумагу все, что заслуживаетъ сохраниться въ памяти потомства». По поводу изданья этого альбома, Крашевскій писалъ Ордѣ: «Собранье этихъ видовъ въ своемъ родѣ единственное. Не знаю удавалось ли когда нибудь частному человѣку сдѣлать одному что нибудь подобное. Мы наслаждались ими тутъ съ пріятелями, припоминая родныя мѣста». Оставляя въ сторонѣ нѣкоторую долю преувеличенія въ этихъ похвалахъ, рисунки Орды слѣдуетъ признать все таки интересными. Напомнимъ, что въ этомъ же родѣ существуетъ коллекція литографированныхъ видовъ Кіева, изданная Бартошевичемъ въ 60-хъ годахъ.

Виды мѣстностей изобильно попадаются и въ польскихъ иллюстраціяхъ, то снятые съ фотографій, то набросанные художниками. Послѣдніе всегда лучше, несмотря на ту обычную порчу, которую вноситъ въ рисунокъ посредственная гравюра иллюстрированныхъ журналовъ. Въ нашихъ рисункахъ послѣдовательно проходятъ Жолкевъ, Кременецъ, Бѣлая Церковь, развалины Галича и Теребовля, Нискеничи, Перемышль и проч. и проч., сопровождаемыя небольшими статейками, написанными изрѣдка и авторитетными учеными, какъ напр. Э. Руликовскимъ. Въ добавленіе къ тѣмъ крохамъ, которыя извѣстны доселѣ по старо-украинской церковной архитектурѣ, отмѣтимъ здѣсь три интересныхъ рисунка: Церковь св. Николая, гдѣ то въ Галиціи, недалеко отъ Львова (Kłosy, 1874, № 446), деревянная украинская церковь, рисунокъ Пшежеховскаго, безъ означенья мѣстности, но со всѣми признаками рисовки съ натуры, (Tygodnik Illustrowany, 1869, № 56) и виды старинныхъ церквей въ Перемышлѣ и Стрыѣ (рисунки Брохоцкаго въ Kłos'ахъ).

Типы и народныя сцены представлены въ рисункахъ Лося, Косака, Масловскаго, Дмоховскаго, Пьонтковскаго, Вольскаго, Родановскаго, упомянутаго уже Пшежеховскаго и другихъ. Рисунки послѣдняго, посредственные по исполненію, отличаются чувствомъ правды. Цѣлая серія набросковъ къ статьѣ «отъ Случи до Буга» рисована

художникомъ Замараевымъ. Въ общемъ всѣ эти сцены и типы, не представляя ничего выдающагося, недурно передаютъ физіономію и характеръ нашего юго-западнаго края.

Въ композиціяхъ встрѣчаются нѣкоторые изъ перечисленныхъ уже художниковъ, но выдаются работы Хельмонскаго, Масловскаго и Брандта. Масловскій рисуетъ и сцены, и типы, и мѣстности. Брандту очень удаются типы стараго козачества, козацкіе кони, сторожевые пикеты, козацкія засады въ плавняхъ и т. п. Какъ изобразитель вещей этого рода, онъ рѣшительно не имѣетъ никого, кто могъ бы поспорить съ нимъ изъ дѣйствующихъ нынѣ художниковъ русскихъ. Хельмонскій—лауреатъ послѣдней всемірной парижской выставки, гдѣ онъ получилъ первую золотую медаль въ русскомъ отдѣлѣ. Изъ рисунковъ нашего альбома намъ особенно нравится его «Украинская четверка».

По бѣлой, зимней полянѣ, взметая снѣжную пыль, бодрая четверка коней мчитъ сани, съ двумя сѣдоками—панами, молодымъ и старымъ, оживленно разговаривающими. Добровольная спутница—собака бѣжитъ возлѣ саней; село съ церковью и съ теплымъ домомъ показывается вдали, въ свѣтѣ сѣраго, зимняго дня. Все здѣсь талантливо и типично, отъ общаго настроенія картинки, до фигуры кучера, широкаго въ плечахъ и тонкаго въ станѣ, по украинскому типу, лихо заломившему на бокъ свою волынскую шапочку и свистящему по своей четверкѣ бичемъ.

Большой рисунокъ знаменитаго Матейки «Лирникъ» слишкомъ бьетъ на ходульную мелодраму. Убогій народный пѣвецъ представленъ въ моментъ какого то пророческаго изступленія и вдобавокъ, зрячимъ. Невольно напрашивается параллель и вспоминается та фальшь, въ которую впалъ другой великій польскій талантъ—Сенкевичъ, когда коснулся украинской жизни и исторіи съ предвзятою мыслію.

Если ко всему сказанному нуженъ выводъ, то онъ будетъ тотъ, что польскіе художники и иллюстраціи больше отводятъ вниманія югу и его изученію, чѣмъ художники русскіе и что иллюстрированныя варшавскія изданія даютъ по этой части матеріалъ, который никакъ не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія, такъ какъ въ немъ найдется кое что и по части мотивовъ и по части воспроизведенія натуры, что не можетъ не интересовать и ученаго, и художника.

В. Г.

Келейный лѣчебникъ преосвященнаго Варлаама Линицкаго. Варлаамъ Линицкій, родомъ малороссіянинъ, съ 1816 г., въ санѣ игумена, былъ настоятелемъ кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря, которымъ управлялъ до 1719 г. Въ этомъ году мая 31-го хиротонисанъ въ епископа суздальскаго, 18-го іюня 1724 г. переведенъ въ Коломну, 7 сентября 1727 г. въ Астрахань. Въ 1730 году сдѣланъ викаріемъ кіевскаго митрополита—епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ. Въ 1732 г. назначенъ въ Псковъ; 10 августа того же года пожалованъ въ архіепископы, 9 января 1739 г. уволенъ на покой въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ и скончался.

При описаніи богатаго собранія рукописей покойнаго графа А. С. Уварова, нашлась въ немъ рукопись, принадлежавщая пр-му Варлааму; его келейный *лѣчебникъ* съ надписью: «сия книга дана подканцеляристу Іову Никифорову отъ преосвященнаго Варлаама бывшаго іюня 14-го 1739 года» (слѣд. когда онъ уже былъ на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ).

Рукопись въ четверть, полууставъ, нач. XVIII вѣка, 36 листовъ.

Л. 1. Содержаніе лѣчебника: оглавленіе по алфавиту (начальныхъ листовъ не достаетъ).

Л. 6. Лѣкарства, кои содержатся въ шкатулкѣ лѣкарственной суть слѣдующія: микстура симплексъ... Всѣхъ лѣкарствъ описано 53 №

На листѣ 22-мъ приписка скорописью: «бываетъ у кого очи болятъ» (лѣкарства).

Л. 23. Ѡбтека домовая большая. Апоплексія немощь или родимецъ.

Нач. Апоплексія немощь зѣло тяжка и престрашна... Слѣдуетъ описаніе болѣзней и ихъ лѣченія.

Пр. Кромѣ вышеупомянутой скорописной приписки на л. 22, есть еще *два* рецепта въ концѣ рукописи.

Въ архивахъ Кіево-Печерской лавры и Михайловскаго Златоверхаго монастыря, вѣроятно, найдутся слѣды пребыванія и дѣятельности пр-го Варлаама Линицкаго, а пока остается довольствоваться и тѣмъ, что встрѣтилось случайно.

А. Леонидъ.

Замѣтка о Купальскомъ праздникѣ въ уманскомъ уѣздѣ. Величественный славянскій праздникъ Купала съ вечерними кострами, съ обрядовымъ прыганьемъ черезъ огонь, со скатываньемъ зажженнаго

колеса въ рѣку, съ хороводами и пѣснями все болѣе и болѣе приходитъ въ забвеніе. Костровъ ужъ не зажигаютъ (мои наблюденія ограничиваются уманскимъ уѣздомъ кіевской губ.), потому что, какъ выражаются *дивчата*, ходитъ *сотскій, розганяе и бье кіемъ* собравшихся *на купайлыцю.* Духовная власть также запрещаетъ купальскіе хороводы, потому что *они бѣса веселятъ.*

Теперь обрядность, сопровождающая праздникъ Ивана - Купайла, находится на той степени забвенія, когда она цѣликомъ почти сохраняется только дѣтьми, которымъ никто не запрещаетъ пѣть пѣсни и свивать вѣнки; взрослые же уклоняются отъ празднованія подъ тѣхъ предлогомъ, что это, дѣйствительно, значитъ дьявола веселить [1]). Дѣвочки же подростки не только 24 іюня, въ день празднованія Іоанна Крестителя, но и цѣлое лѣто въ саду, на вишняхъ, распѣваютъ характерныя купальскія пѣсни.

Когда стемнѣетъ 24-го іюня, маленькія дѣвочки раньше, а взрослыя позже выходятъ на *купайлыцю*, на пригорокъ, на *степокъ* (площадь), устанавливаютъ *гильце*, покрываютъ его вѣнками, садятся или становятся вокругъ и начинаютъ пѣть пѣсни. Гильце —это вѣтка или верхъ изъ вербы, вишни или сливы. Если не родятъ вишни или сливы, то срѣзываютъ верхъ этого дерева и даютъ дѣтямъ на купайлыцю. Все гильце перевивается (квичаеця) вѣнками и *квитками.* Вѣнки дѣлаются изъ слѣдующихъ цвѣтовъ: *повняковъ*, барвинку, васильковъ, *сокирокъ, нагидокъ (пагнистсковъ*, ноготковъ), *пыжма*, волошекъ, *вареничковъ. Квитки* большею частью дѣлаются изъ ягодъ вишенъ и черешенъ. Подобными же вѣнками украшаютъ дѣвушки и свои головы. Эти вѣнки потомъ бросаютъ въ огурцы, въ *кабаки* (тыквы) и вообще на баштаны, чтобы *гудыня* лучше вязалось.

Пѣсни купальскія поются особеннымъ, своеобразнымъ напѣвомъ, однообразнымъ, протяжнымъ и, если можно такъ выразиться, архаическимъ. Въ этомъ пѣніи такъ и слышатся жреческія пѣсни вокругъ языческихъ жертвенниковъ. Обрядность, которая совершается на праздникѣ Купайла, еще до нѣкоторой степени сохраняетъ миѳическую окраску, за то пѣсни, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя поются теперь, рѣшительно не истолковываютъ обрядности, какъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ. Большая часть купальскихъ пѣсенъ содержаніемъ своимъ напоминаетъ свадебныя. Въ настоящее

---

[1]) Болѣе подробное описаніе купальскихъ обрядовъ см. въ Трудахъ этн.-стат. эксп. т. 3, стр. 193—223.

время, рядомъ съ купальскими, поются и другія, даже заносныя, солдатскія пѣсни. Вотъ почти всѣ купальскія пѣсни, которыя мнѣ удалось собрать въ с. Молодецкомъ (уманск. уѣзда).

I.

У насъ Купайло зъ вербы, зъ вербы.
Выйды, Голександро, выйды!
Якъ не выйдешъ на Купайла,
То выйде съ тебе душа й пара.

II.

Ой на Ивана на Купайла,
Дежъ ты, Голександро, ночувала?
Ой ночувала пидъ грушкою,
А съ тымъ Иваномъ якъ душкою;
Ой ночувала пидъ яворомъ,
А съ тымъ Иваномъ діяволомъ.

III.

Зеленая дибривонько,
Чого такъ рано спустошана?
Трава на сино покошана?
Ой, молодая молодыце,
Выйды до насъ на вулыцю,
Вынесы намъ купайлыцю!
Ой, рада бъ я выходыты,
Та заставляють до роботы,
Та заставляють хату месты,
Пидъ круту гору воду несты,
А пидъ другую каминь котыты.
Ой, повій, витре буйнесенькій,
Выкоты каминь круглесенькій;
Зійды, дощику дрибнесенькій,
Скропы травыцю-муравыцю,—
Нехай я выйду на вулыцю;
Вынесу дивкамъ купайлыцю;
Бо наши хлопци недбайлыци,
Не вырубалы купайлыци;
Якъ бы воны за насы дбалы,
То купалыцю вырубалы.

IV.

Часъ тоби, вербыще, розвытысь,
Часъ тоби, Иване, женытысь!
— Ой часъ — не пора,
Бо ще моя Храсынка молода.
Нехай витерь вербыцю похитае,
Нехай Храсына погуляе!

V.

Ой, нихто-жъ тамъ не бувавъ,
Де я явора зрубавъ.
Ой, яворе-явороньку зелененькій,
Туды ихавъ козаченько молоденькій.
Ой за нашимъ садкомъ
Три мисяци рядкомъ.
— Ой яворе-явороньку зелененькій,
Туды ихавъ козаченько молоденькій.
Одынъ мисяць ясный,
То Иванё красный.
— Ой яворе-явороньку зелененькій...
Другый мисяць ясный,
То Васылько красный.
(Припѣвъ повторяется).
Третій мисяць ясный
То Рыгорко красный.
Припѣвъ.
Ой за нашимъ садкомъ
Три зірочки радкомъ.
Припѣвъ.
Одна зирка ясна,
То Храсынка красна.
Припѣвъ.
Друга зирка ясна,
То Ярынка красна.
Припѣвъ.
Третя зирка ясна,
То Наталя красна.
Припѣвъ.
А Иванъ хвалывся,
Шо Храсыну люблю—черевычки куплю.
Припѣвъ.
А Васыль хвалывся,
Шо Ярыну люблю—спидныцю куплю.
Припѣвъ.
А Рыгоръ хвалывся,

Шо Наталю люблю,
Та виночокъ куплю. Припѣвъ [1]).

VI.

Ой за городомъ сучка бреше,
Ой тамъ Иванё киля теше,
Ой теше, теше, прытынае,
А все Голександру споминае.

VII.

Ой за городомъ покисъ порисъ,—
Чомъ ты, Иване, бильшій не рисъ?
Ой буде зъ мене и такого,
Любить Храсыня молодого.
Ой за городомъ катранъ, катранъ,
Стоить Иванё якъ панъ, якъ пачъ.
Ой за городомъ петрушечка,
Стоить Храсынка якъ душечка.

VIII.

Ой у городи катранъ-зилля,—
Просыть Наталка на весилля.
Кожнои хати не минае,
Ажъ до Гартема забигае.

IX.

Ой у лиси два дубы, два дубы
Схылылыся верхами до купы.
Ой тамъ Иванё волы пасъ;
Выйды, выйды Наталко—яблукъ дасть.

X.

Ой у лисочку на дубочку.
Высыть колысочка на шнурочку,
А въ тый колысци Гордій лежить,
Съ правого боку Наталку держить,
Ой ты, Наталко, виръяночко,
А въ тебѣ лычко якъ яблучко!
Не такъ лычко, якъ ты сама,—
На папери выписана.
Ой выписаны чорни брови.—
То-жъ то люба—мила до розмовы.

XI.

Ой у лиси на терни, на терни,
Тамъ будувавъ Ныконё дviръ соби,
Ой будувавъ-будувавъ, въ дудку гравъ,
Шей до себе Васюню приклыкавъ.
Пораль мене, Васюню, якъ ридная мати,
Якый мини двирочокъ будувати.
— „Будуй, будуй, Ныконю, зъ викнами.
Щобъ до мене соловейки прилитали".
Нащо тоби соловейки?
Есть у мене ридный батько — ридна,
мати,—
Буде тебе раненько збужати,
Буде тоби порадочокъ давати.
— „Чужій батько, чужа мати не збудыть,
Тико пиде до сусиды обсудыть".

XII.

Катранъ петрушку помывае,
А Рыгоръ Наталку обіймае.

XIII.

Ой загородю терномъ ричку,
Та пустю лебедя и лебидочку,
А сама буду дывытыся,
Якъ буде лебедь купатыся,
Изъ лебидкою витатыся.
То не лебедь и не лебидочка,—
То Рыгоръ паробокъ и Наталя дивка.

XIV.

Летила галочка, летила,—
За кого ты, Наталко, хотила?
—„За того, дивчата, за того
Рыгора молодого!"
— Ой ты, Рыгоре, не будь панъ,—
Возьми Наталку пидъ жупанъ.
А я жупана не маю,
Пидъ сиру свыту сховаю.
А ты, Наталко, не тайся,
Пидъ сиру свыту сховайся!

---

[1]) Послѣдніе три куплета имѣютъ еще и такую, болѣе новую варіацію.

А Иванъ хвалывся,
Шо копу нажала. Припѣвъ.
А Васыль хвалився,
Шо въ корчми лежала. Припѣвъ.
А Рыгоръ хвалывся,
Шо въ будякахъ лежала.
Припѣвъ.

XV.

Покотю видра въ долыну,
А коромысло закину,
А сама пиду до хаты
Старои неньки пытаты,
Чи позволытъ гуляты.
Ой выйди, чужа доню, не барыся!
Зачини воритечка, вернися!
Ой спасыби, чужа маты, за гуляння:
На синному пориженьку постояла,
Молодои челядоньки не выдала.

XVI.

Ой не сподійся, Хмелыхо,
Съ чужого села невисточки;
Бо у Потапа одна дочка,
То тоби буде невисточка;
То-жъ тоби буде хуста праты,
А Танасеви постиль слаты;
А съ тобою буде говорыты,
А съ Танасемъ вирно жыты.

XVII.

Ой у Потапа высокій тынъ,
Тамъ зачепывся Хмелышинъ сынъ,
Ой зачепывся вчора зранку,
А за Гарпынку за коханку.
Якъ зачепывся, нехай высить,
Бо винъ Горпинки не залышить.

XVIII.

Ой шумыть-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ віе,
А я думала, то свекорко зъ миста иде.
— „Ой очеnыся, невисточко,
Ой очеnыся, пасмурныце!“
Ой шумыть-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ гуде,
А я думала, матинка зъ миста иде.
— „Ой очеnыся, невисточко,
Ой очеnыся, сонлывая!“
Ой шумитъ-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ віе,
А я думала, диверко зъ миста иде.
— „Ой очеnыся, невисточко.
Ой очеnыся, зеленушко!“
Ой шумыть-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ віе,
А я думала, то зовыця зъ миста иде.
— „Ой очепыся, невисточко,
Ой очеnыся, клеветушко!“
Ой шумитъ-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ віе,
А я думала, мыленькій зъ миста иде.
— „Ой очеnыся мылесенька,
Якъ голубонька сывесенька!
— Не оченюся, мылесенькій,
Якъ голубъ сывесенькій!
Бо въ твого батенька посмурныця,
Въ твоеи матинки сонлывая,
Въ твого братика зеленушка,
Въ твоей зовыци клеветушка.
— „Не гнивайся, мылесенька,
Ты голубонька сывесенька:
Пахмурныця—чорна хмара,
Сонливая—темна ничка.
А зеленушка—ягидочка,
А клеветушка—ластивочка!“

XIX.

Хто сына мае,
Той въ військo дае,
А хто не мае,
Той наймае.
Була вдова биднесенька,
Та мала дочку Голеночку
Тай у військo дала.
Якъ давала—научала:
„Ой не йидь позадъ війска,
Та йидь середыною,
Со всею родыною:
Бо впередъ війська
Головку зитнуть,
А позадъ—съ коня зипхнуть.
Дивка Голенка не слухала,
Та впередъ війска выихала,
Та проихала до гаю высокого,
А до Дунаю глыбокого,
Та до каминя шырокого,—
Ни перейти, ни пробрести,
Ни коныка перевести.
Дивка Голенка—козакъ була,
Та быстру ричку перебрела,

Та всенько військо перевела,
Та прыихала до царя,
Та передъ царемъ шапку зняла.
Царь цимъ дывомъ здывувався,
Де въ нашому полку козакъ взявся.
Въ него коса до пояса,
А лычко якъ яблучко:
Не такъ лычко якъ вона сама.—
На папери выпысана.
Пысалы тры дни и тры ночи.
Закимъ выпысалы чорни гочи;
Пысалы тры дни и тры годыны,
Закымъ спысалы на картыни.
Та взялы коня у станыцю,
А дивку Голенку у свитлыцю,
Та далы коню вивса исты,
А дивци Голенци стильчикъ систи.
Та дали коню вивса—сина исти,
А дивци Голенци меду-вина исты-пыты.
Хоць гиржи, коню, хоць не гиржи,—
Вже-жъ тоби въ війску не буваты,
Вже-жъ тоби війська не выдаты,
Тико на стани постояты.
Хоць плачь, хоць не плачъ, Голенко,—
Вже жъ тоби вдома не буваты,
Старои неньки не выдаты,
Та по свитлоци похожаты;
. . . .
А моя ненька—старенька,
Якъ голубонька сывенька,
Де ходыть, то рыдае,
Дивку Голенку спомынае.
Сусидонько голубонько, сусидо моя,—
Сонлывая—дремлывая невистка моя:
Якъ ты не збудышъ—не встане,
Якъ не скажешъ—не знае".

XX.

Петривочка—мала ничка,
Не выспалася невисточка;
До череды гнала тай дримала,
На пеньки ноги позбывала,
На терепъ очи повыймала.

(Записано въ с. Молодецкомъ, кіевск. губ. уманскаго уѣзда).

Хр. Ящуржинскій.

Юношеское письмо и портретъ Гоголя. Въ майской книгѣ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій» напечатано, съ обширными примѣчаніями проф. Владимірова, письмо Гоголя, писанное изъ Нѣжина къ Г. И. Высоцкому и портретъ его въ мундирѣ гимназіи высшихъ наукъ. То и другое стало собственностью кіевскаго университета, а статья г. Владимірова вышла особой книжкой. До сихъ поръ, изъ изданія Кулиша, извѣстно было шестьдесятъ восемь писемъ Гоголя изъ Нѣжина, большею частью къ матери. Только два, адресованныя тому же Высоцкому, найдены были Кулишемъ. Къ этимъ двумъ письмамъ, писаннымъ въ миломъ, свободномъ тонѣ и относящимся къ счастливѣйшимъ днямъ жизни Гоголя, брошюра г. Владимірова прибавляетъ третье.

О происхожденіи гимназическаго портрета Гоголя издатель не имѣетъ никакихъ свѣдѣній. Ему не удалось сравнить его съ портретомъ той же эпохи, помѣщеннымъ когда то въ «Иллюстраціи». По справкѣ нашей («Иллюстрація» 1858 г., № 15) оказалось, что рисунокъ этого журнала есть ничто иное, какъ копія кіевскаго портрета, ко-

торый, вѣроятно, и есть оригиналъ. Уменьшенъ только размѣръ да отброшены очки, все же остальное повторяетъ буквально въ гравюрѣ кіевскій портретъ. Сохраняя въ главнѣйшихъ чертахъ Гоголевскій типъ, оба изображенія на названіе *портрета* имѣютъ впрочемъ слишкомъ мало правъ. Несовершенство и примитивность живописи слишкомъ ясны въ нихъ обоихъ. Въ статьѣ, посвященной Гоголю въ «Иллюстраціи», только вскользь упомянуто, что портретъ Гоголя-студента «снятъ съ натуры однимъ изъ его товарищей по нѣжинскому лицею въ 1827 году» (это годъ и напечатаннаго теперь письма къ Высоцкому). Другихъ данныхъ статья «Иллюстраціи» не даетъ, а расплывается въ шаблонныхъ разглагольствованіяхъ о переломѣ, происшедшемъ въ направленіи и дѣятельности Гоголя, говоритъ о его помѣшательствѣ,—чего уже не позволяютъ себѣ теперь самые отчаянные борзописцы,—и укоряетъ Кулиша за изданіе его писемъ, находя въ нихъ, впрочемъ, необыкновенно живое отраженіе натуры и характера писавшаго.

Къ извѣстнымъ спискамъ портретовъ Гоголя (г. Ефремова въ «Русск. Стар.» 1878, № 5 и г-жи Черницкой въ «Сѣверн. Вѣстн.» 1890, № 3), мы можемъ прибавить указаніе на два медальона, находящіеся въ частныхъ коллекціяхъ П. А. Кочубея и В. В. Тарновскаго. Оба приписываются Иванову и сходны съ портретомъ его же работы, находящимся въ Румянцевскомъ музеѣ. Моллеръ писалъ Гоголя два раза. Одинъ изъ его портретовъ извѣстенъ по гравюрѣ Іордана, другой, принадлежащій Третьякову, никогда не былъ изданъ въ копіи. Въ нынѣшнемъ году въ журн. «Сѣверъ» появился еще портретъ Гоголя работы г. Рѣпина, сдѣланный на основаніи всѣхъ извѣстныхъ.

Г. Владиміровъ, въ своихъ замѣткахъ, упоминаетъ о лицейскомъ журналѣ Гоголя «Метеоръ», отрывки изъ котораго напечатаны были въ «Кіевской Старинѣ». Подлинная тетрадка поступила въ библіотеку нѣжинскаго филологическаго института. Къ свѣдѣнію изучающихъ нѣжинскую эпоху жизни Гоголя скажемъ еще, что въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ находятся классныя лекціи Никольскаго, профессора словесности въ гимназіи высшихъ наукъ, въ тѣ годы когда въ ней учился Гоголь. **В. Г.**

Два письма Натальи Демьяновны Разумовской къ сыну Алексѣю Григорьевичу, 1743 и 1748 гг. Хотя сообщаемыя здѣсь письма писаны не самою Разумовскою, которая была неграмотна, но тѣмъ же

менѣе они имѣютъ свой интересъ, показывая, что жившая въ глуши козачка «Розумиха» не отказывала людямъ, обращавшимся къ ней съ просьбою предстательствовать предъ сильнымъ ея сыномъ.

1) Вселюбезнѣйшій сину мой Алексѣй Григориевичъ. Прежде сего писала я къ вамъ, любезнѣйшому сину, объ обозному бившому полковому Чернѣговскому Івану Сахновскому и сотнику бившому менскому Іакиму Сахновскому, которой обозной обрѣтается въ Санкпѣтербурхи, о неоставленіи ихъ, въ чемъ они васъ, любезнѣйшаго сина моего, просятъ; того для и нинѣ вторительно васъ, любезнѣйшаго сина, прошу, въ чемъ оніе же бившіе обозній и сотникъ Сахновскіе васъ же, любезнѣйшаго сина, моего просятъ неоставить и содержать въ високой своей милости, въ чемъ я надежна будучи, зъ божіимъ и моимъ родительскимъ благословеніемъ пребивая въ незабвеніи моихъ матерскихъ молитвахъ васъ остаюсъ навсегда.

1743 году, юня 30 дня. Адамовка.

2) Дрожайшій мой сину.

Я доволно вѣдаю, что мои писма, которими часто васъ тружу, вамъ скучни и потому сколко возможно сохраняю себя отъ тѣхъ случаевъ, кои толко въ мнѣніи моемъ могутъ вамъ принесть затружденіе, но понеже крайнюю горесть и слези сего народа, которой чрезъ меня ищетъ вашей помощи, принудили меня васъ трудить, потому пріемлю разсужденіе, что вы сіе мое материнское представленіе пріятно и безъ тяжести принять изволите. Кіевскіе козаки, коихъ подлинное прошеніе при семъ сообщено, чрезъ крайное свое отъ мѣщанъ кіевскихъ ищутъ чрезъ васъ, въ ея імператорского величества, всемилостивѣйшей нашей государинѣ, височайшей милости и всемилостивѣйшаго неоставленія. Я ни десять на сей бумаги не могу того изобразить, сколко я моимы очима ихъ бѣдность и разореніе видѣла, кромѣ того, что оны въ Кіевѣ почти подъ неволею живутъ, и что отъ нихъ всевисочайшая августѣйшей милость чрезъ проэкти кіевского магистрату закрита отъ нахаловъ и безчеловѣчнихъ съ ними того магистрата поступокъ претерпѣваютъ несказанную горесть. Я многажди объ нихъ бѣдныхъ здешнего господина генерала губернатора Леонтіева просила; но чрезъ ухищреніе помянутого неблагодарного магистрата, то мое прошеніе никакова успѣха къ козачей пользѣ и избавленіе принесть до селѣ немогла.

Нонѣ при послѣднемъ своемъ бѣдствіи, въ томъ толко единомъ надежду положили, что вы ихъ горестнихъ слезъ и моего матернего прошенія не презрите, и ежели въ семъ плачевномъ ихъ случаи, вы своимъ ходатайствомъ не пособите, то я истинно доношу, что зависть и злонравіе магистрату послѣднихъ ихъ домовъ лишитъ и въ розбѣги съ Кіева вскорѣ понудить можетъ. Однако жъ они эщо въ томъ упованіи по отпустъ сего писма состояли, что ви для меня и для ихъ отъ крайней бѣдности сохраненія желаемую имъ височайшую милость ісходатаиствовать изволите.

Въ окончаніи сего съ надеждою на ваше бѣдныхъ козаковъ неоставленіе и всегдашнюю ко мнѣ синовскую горячесть, вручаю васъ въ височайшую Божію милость, которая всѣ, жизни вашей благополучніе дны да соблюдетъ въ множайшіе лѣта не нарушимо.

Марта „ “ д. 1748 году. Адамовка.

Сообщилъ **А. Л.**

Благодарственное письмо Гр. Андр. Полетики своимъ выборщикамъ за избраніе въ званіе депутата въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія [1]). Высокородніе, высокоблагородніе, благородніе господинъ предводитель и господа шляхетство малороссійского лубенского полку. Милостивіе государи и братье.

Честь и довѣренность, учиненная мнѣ отъ васъ, выборомъ меня въ депутати почтеннаго собранія вашего, сколь для меня ласкателна, столь, признаюсь чистосердечно, нечаянна и нежелателна была. Нечаянна потому, что много между вами есть людей, многимъ болшъ отъ меня сего достойнихъ, нежелателна для сего, что къ званію отъ васъ на меня наложенному, требуется болше моего разума, пространнѣйшаго, нежели я имѣю, въ дѣлахъ вашихъ знанія и твердѣйшаго къ произведенію онихъ духа. Понеже угодно было вамъ, милостивимъ государямъ, къ должности сей избрать меня, то всѣ мои недостатки потщусь наградить неинимъ чемъ, какъ моимъ усердіемъ и любовію къ отечеству, праводушною въ званіи моемъ поступкою и прямимъ исканіемъ вашей и всего общества ползи, ко-

---

[1]) Гр. Андр. Полетика былъ выбранъ депутатомъ отъ лубенскаго полка вмѣсто отказавшагося отъ этого званія гадяцкаго полковника Крыжановскаго. Полетика въ это время былъ „морскаго шляхетнаго корпуса надъ ученіями главнымъ инспекторомъ“. См. Наказы малороссійскимъ депутатамъ, изд. Кіевск. Стар. 1889, стр. 276.

торіе я за первіе и главнѣйшіе въ жизни моей правила полагаю. Повѣрте, милостивіе государы, что естли усердію моему и ревности по общемъ благѣ, будутъ соотвѣтствовать возможность моя и сили, то не будетъ воздихающаго во отечествѣ. Богъ, знающій правость исканій нашихъ, всемилостивѣйшая Монархиня наша, обѣщавшая благополучіе наше довесть до височайшаго степени, будутъ, неизмѣнно уповаю, споспѣшествовать желаніямъ нашимъ. Я би себя почелъ человѣкамъ благополучно прожившимъ вѣкъ мой и далѣе нежелалъ бы жить, увидѣвъ исполненіе сего надъ вами и надъ любезнимъ моимъ отечествомъ. Сего я желаю, съ симъ есмъ и по смерть мою пребуду, съ истиннимъ усердіемъ и должнѣйшимъ высокопочитаніемъ.

Вашихъ высокородій, высокоблагородій, благородій, моихъ милостивихъ государей и братей, вѣрноусерднѣйшій и покорнѣйшій слуга Григорій Полѣтика.

Москва. Августа 24 д. 1767 года.

Сообщилъ **С. Д. Носъ.**

Интересная надпись. Въ рукописи Кіево-Софійскаго собора № 219 есть на концѣ небольшая замѣтка, вѣроятно, владѣтеля книжки, который расписался такъ: сіа книга есть власная келейная іеросхимонаха Романа Казановича подписана его рукою 1711 марта въ... Вѣроятно, это братъ извѣстнаго Рафаила Казановича, человѣка близкаго къ святителю Димитрію Ростовскому. Вотъ самая замѣтка: «Anno 1704 Maji 20 dux Ioannes Mazepa adfuit Kijovi cum nonnullis tribunis caeterisque proceribus et moratus dies undecim duodecima vero ultima Maji profectus in oram polonam cum magno exercitu tam cozacorum quam moschorum quorum dux fuit princeps Galiczyn. Et ipsa hac die profunda nocte ante festum sancti Konstantini et Helenae quodtunc contigit die Dominica 6-ta post ressurectionem Christi canconati (?) magnum fuit incendium prope collegium. Eodem vere coeperunt aedificari lapideae scholae in collegio ipsa vero fundamenta adhuc autumno facta fuerunt. Eodem anno Junii 26 relinqui discipulos meos Bystryccios cum fuerim inspector apud illos 20 menses».

Сообщилъ **И. Шляпкинъ.**

А. А. Перовскій въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ 10-мъ номерѣ «Историчеекаго Вѣстника» помѣщена статья г. Кирпичникова о Перовскомъ (Погорѣльскомъ). Она сопровождена портретомъ Перовскаго, переснятымъ съ помѣщенной въ нашемъ журналѣ геліотипіи съ портрета работы Брюлова, на воспроизведенье котораго мы получили право отъ семейства графа Б. А. Перовскаго.

Г. Кирпичниковъ, ссылаясь на статью г. Горленка о Погорѣльскомъ, напечатанную въ нашемъ журналѣ (1888 г. № 4), подвергаетъ сомнѣнію нѣкоторыя фактическія ея данныя. Въ нашей статьѣ онѣ сообщены со словъ ближайшихъ родныхъ Перовскаго, главнымъ образомъ племянника его Н. М. Жемчужникова, сына сестры его Ольги Алексѣевны и наслѣдника имѣній графа Алексѣя Конст. Толстого, что ясно и обозначено тамъ. Странно, что ссылка эта ускользнула отъ вниманья г. Кирпичникова, такъ какъ его цитаты, оцѣнка отдѣльныхъ произведеній Перовскаго и большая часть примѣчаній показываютъ внимательное чтеніе нашей статьи.

„Тепловка.“

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ СТАРАГО БАТУРИНА.

(КЪ РИСУНКУ).

Подъѣзжая къ Батурину отъ Кролевца или отъ Конотопа, „путникъ“ видитъ уже издали огромный каменный домъ въ полуразрушенномъ видѣ, одиноко стоящій на крутомъ берегу Сейма... На вопросъ любопытнаго: что это за зданіе?—получается отвѣтъ, что молъ—Тепловка. Никакихъ подробностей при этомъ „путникъ“ не услышитъ, потому что даже и грамотный мѣстный людъ имѣетъ о Тепловкѣ лишь легендарныя свѣдѣнія. Говорятъ, что это домъ не то Теплова, не то гетмана Разумовскаго, добавляя, что въ этомъ домѣ никогда никто не жилъ, потому что, молъ, прежде окончанія дома въ немъ повѣсился строившій его архитекторъ...

Въ извѣстной книгѣ Васильчикова—Семейство Разумовскихъ—объ этомъ домѣ читаемъ: „въ послѣдніе годы жизни своей графъ Кирило Григорьевичъ (Разумовскій) былъ занятъ постройками дома и церкви въ Батуринѣ. Домъ этотъ существуетъ до сихъ поръ; онъ находится на самомъ краю Батурина, на мѣстности, называемой Тепловкою, въ честь Григорія Николаевича Теплова. Строеніе стоитъ на обрывистомъ и живописномъ берегу Сейма. По обѣимъ сторонамъ его находятся два большіе двухъ-этажные флигеля, которые теперь (1880 г.) почти въ развалинахъ. Средній корпусъ носитъ еще слѣды прежняго велико-

лѣнія. Многія комнаты украшены лѣпною работою и имѣютъ до сихъ поръ паркетные полы. На восточной сторонѣ дома, къ рѣкѣ Сейму, находится балконъ, украшенный восьмью колоннами тосканскаго ордена. За домомъ расположенъ липовый садъ съ правильными аллеями. Домъ этотъ никогда не былъ отдѣланъ вполнѣ. Фельдмаршалъ (Разумовскій) умеръ не достроивъ его".

Свѣдѣнія Васильчикова въ главномъ вѣрны и могутъ быть дополнены лишь разсказомъ о томъ отношеніи, которое имѣлъ Тепловъ къ этому когда то великолѣпному зданію.

Когда новопоставленному гетману Разумовскому разрѣшено было перенести „резиденцію" изъ Глухова въ Батуринъ, то возведеніе въ послѣднемъ какъ нужныхъ для себя построекъ, такъ и „національныхъ", Разумовскій поручилъ извѣстному своему приставнику Теплову. Такимъ образомъ Тепловъ игралъ едва ли не главную роль въ возобновленіи прежней гетманской „резиденціи", какъ это подтверждаютъ и слѣдующіе отрывки изъ его распоряженій по возведенію новыхъ построекъ въ Батуринѣ. Въ іюнѣ 1759 года Тепловъ писалъ въ генеральную канцелярію: „къ производящейся нынѣ при городѣ Батуринѣ его ясневельможности дому и другихъ нужныхъ для резиденціи его жъ ясневельможности строеній, работѣ, необходимо потребно не малымъ числомъ разныхъ мастеровыхъ людей, пѣшихъ работниковъ и подводъ съ подводчики... Для того во исполненіе полученного отъ его ясневельможности въ генеральной канцеляріи ордера, о чиненіи отъ оной канцеляріи всякого мнѣ вспомоществованія, да благоволитъ генеральная канцелярія, откуду запристойнѣе покажется, выслать къ батуринскому строенію, на перьвой случай нижеписанное число мастеровыхъ людей и работниковъ, какъ то для строенія дому и служебъ, столярей искусныхъ въ ихъ мастерствѣ—40, кузнецовъ—30, плотниковъ—200, да для копанія погребовъ и планированія земли пѣшихъ работниковъ—200, также для вывозки лѣсу отъ Устья [1]) и для разныхъ повозокъ подводъ съ подводчики 300..."

---

[1]) Село сосницкаго уѣзда, при сліяніи Сейма съ Десною.

Для скорѣйшей постройки гетманскаго дома Тепловъ хотѣлъ было употребить для послѣдняго уже готовую какую то постройку, нарочно для этого перевезенную въ Батуринъ изъ с. Вел. Самбора. Но постройка эта оказалась для дома недостаточною, какъ писалъ Тепловъ тогда же лѣтомъ 1759 г. въ ту же генеральную канцелярію, предлагая послѣдней взять это строеніе для генеральной канцеляріи и генеральнаго суда,—„за пріѣздомъ моимъ въ Батуринъ, усмотрѣлъ я, что главное строеніе, перенесенное изъ Самбура въ сей городъ, которое для его ясневельможности изготовлено было, явилось весьма тѣсно и расположеніемъ своихъ комнатъ совсѣмъ неугодно для персоны его ясневельможности и всей его сіятельства фамиліи; изъ сего резону разсудилъ я оное снять съ его каменного фундаменту и поставить иное новое въ другомъ расположеніи и въ другой пропорціи комнатъ, на томъ же фундаментѣ. Но чтобъ оному снятому строенію сыскать мѣсто приличное, понеже оно еще крѣпко, то понеже его ясневельможность не только дому своего строеніе изволилъ препоручить подъ мою диспозицію, но я разумѣю, что и тѣ національнія строенія, которыя при перьвомъ случаѣ близки должны быть при его ясневельможности, надлежаще были бы выстроены, сего ради видится мнѣ, что не неспособно будетъ—когда то снятое строеніе употреблено будетъ, пока каменное построится, подъ генеральную канцелярію и судъ генеральный, ибо въ ономъ не токмо сіи два департаменты, но и другія коммисіи съ пространствомъ помѣстится могутъ. Для того не соблаговолитъ ли генеральная канцелярія кого отъ себя опредѣлить—принять оное строеніе подъ свое смотреніе и быть повелѣть ему при той работѣ, пока оная совсѣмъ изготовится, а я оное произведу изъ той суммы, которая опредѣлена и выдана въ экономическую канцелярію для гетманскихъ строеній и самъ буду смотрѣть, отведши по данному мнѣ отъ его ясневельможности плану, особливое мѣсто, чтобъ оное въ близости отъ загородного дому его ясневельможности было поставлено...“

Приступивъ засимъ къ постройкѣ гетманскаго дома уже изъ новаго лѣса, Тепловъ розыскивалъ годное дерево по всей лѣсной Малороссіи, какъ это видно изъ его бумаги, написанной

въ ноябрѣ того же 1759 г., въ генеральную канцелярію съ требованіемъ подводъ для вывозки этого дерева:—„репортомъ отъ учрежденной о строеніи батуринскомъ экспедиціи представлено въ экономическую канцелярію, что къ производимому нынѣ въ городѣ Батуринѣ большому строенію гетманскаго дому до средняго корпусу и до флигелей, на потолокъ и подъ стропила на балки, обыскано чрезъ нарочно посыланого угоднаго дерева довольнымъ числомъ полку чернѣговского въ пущи перелюбской [1]), владѣнія монастыря Троецкого чернѣговского, состоящей отъ Батурина въ 150-ти верстъ, и какъ де тотъ нарочный тамошнего городничего спросилъ о ценѣ, то де онъ обявилъ, что таковое дерево поелику тамо довольные пущи, на домъ гетманской и безъ денегъ уступлено будетъ...“

Изъ этихъ отрывковъ о распоряженіяхъ Теплова по возведенію новыхъ построекъ въ Батуринѣ, видно, что онъ дѣятельно занимался этимъ дѣломъ. Очень вѣроятно, что въ поощреніе этой дѣятельности Разумовскій и сдѣлалъ Теплову въ декабрѣ 1760 г., цѣнный подарокъ, „опредѣливъ ему подъ строеніе дому его землю, лежащую за городомъ, на урочищѣ между Городкомъ и Гончаровкою“. (*См. приложеніе 1-е*).

Получивъ этотъ подарокъ, Тепловъ значительно его увеличилъ, прикупивъ къ нему сосѣдніе земельные участки, и затѣмъ—началъ здѣсь устраивать и себѣ усадьбу. Прежде всего, онъ построилъ здѣсь два деревянные флигеля на каменныхъ фундаментахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тепловъ сталъ заводить здѣсь „регулярный“ садъ и, наконецъ, началъ постройку каменнаго дома... Но постройки этой онъ не кончилъ, такъ какъ послѣ увольненія Разумовскаго отъ гетманства, Тепловъ опредѣленъ былъ къ новой дѣятельности, которая навсегда отдаляла его отъ Батурина...

Скромная батуринская усадьба оказывалась ненужною для статсъ-секретаря императрицы и Тепловъ продалъ ее въ 1772 г., батуринскому владѣльцу, со всѣми тѣми землями, которыя онъ успѣлъ скупить около Батурина, послѣ полученія подарка отъ гетмана. (*См. приложеніе 2-е*).

---

[1]) С. Перелюбъ—сосницкаго уѣзда.

Сдѣлавъ эту покупку, Разумовскій приказалъ своему управителю майору фонъ-Гафтстейну „принять купленное имѣніе и причислить его къ батуринской экономіи“. По этому приказу сдѣлана была подробная опись тепловской усадьбы, изъ которой видно, что на ней въ 1772 г. находились два деревянные флигеля, на каменныхъ фундаментахъ, въ 10-ть комнатъ каждый, постройки для прислуги и—„зачатое каменное строеніе въ семи комнатахъ, о четырехъ толко сведенныхъ окнахъ и трохъ сеняхъ...“ [1]). На этой то купленной у Теплова усадьбѣ и началъ Разумовскій постройку того громаднаго зданія, которому преданіемъ усвоено, по мѣсту его постройки, названіе „Тепловки“ и которое представляется на прилагаемомъ рисункѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ шестидесятыхъ годахъ. Около главнаго дома находились тогда и два флигеля, о которыхъ говоритъ Васильчиковъ, и одинъ изъ которыхъ также виднѣется на прилагаемомъ рисункѣ, въ полуразрушенномъ видѣ.

Всѣ батуринскія постройки времени Разумовскаго, въ томъ числѣ и тотъ домъ, въ которомъ доживалъ свой вѣкъ бывшій гетманъ, были деревянныя и потому давно уже не существуютъ. Одна „Тепловка“ остается свидѣтельницею былой жизни Батурина, но и ея вѣкъ уже коротокъ: оставленная на произволъ времени, изъ года въ годъ она ветшаетъ и разрушается... А жаль!—еще недавно можно было сохранить это зданіе, хотя ради утилитарныхъ цѣлей...

А. Л.

---

[1]) Принятъ былъ и заведенный Тепловымъ садъ, описанный въ такомъ видѣ: „въ ономъ саду дорогъ прямыхъ—6, шпалерныхъ вышневыхъ дорогъ—2, да куртинъ съ липами малыхъ—16; решотки для деревъ, по 4-мъ дорогамъ деревяныя ветхія˙ Въ ономъ разныхъ деревъ: обрезковъ попорченихъ—15, винограду кустовъ разныхъ—10, да весняного саженья розгами малая грядка винограду жъ—1, розону кустовъ—27, персиковъ—4, смородины красной кустовъ—13, чорной смородины—11, крыжовнику кустовъ—5, орѣховъ волоскихъ разного сорту—38, шпанскихъ вишень старыхъ—11, черешень—5, яблонь разныхъ сортовъ—97, грушъ разнихъ же сортовъ—106, сливъ разнихъ сортовъ—178, липокъ кронныхъ болшихъ—174, по двумъ сторонамъ около забору вишневихъ прямихъ шпалеръ по два рада, итого—4, дичокъ яблонныхъ и грушевыхъ—210“.

Приложеніе 1-е. Дарственная запись гетмана Разумовскаго Гр. Ник. Теплову на усадьбу въ Батуринѣ.

Ея императорскаго величества Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетманъ, дѣйствительный камергеръ, императорской санктпетербургской академіи наукъ президентъ, лейбъ гвардіи измайловскаго полку подполковникъ и обоихъ россійскихъ императорскихъ ординовъ святыхъ апостола Андрея и Александра Невскаго, такожъ польскаго Бѣлаго Орла и голстинскаго святыя Анны кавалеръ, россійской имперіи графъ Кириллъ Разумовскій господамъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ, старшинамъ полковымъ, сотникамъ и протчимъ чинамъ, а особливо волости нашей батуринской управителю и кому о семъ вѣдать наллежитъ объявляемъ.

Имѣя мы въ настоящемъ нашимъ собственномъ владѣніи всевысочайше отъ ея императорскаго величества пожалованное владѣніе городъ Батуринъ со всѣми принадлежащими къ нему селами, деревнями и всякими угодіи, и желая оной городъ Батуринъ распространить и населить знатными домами, по собственной нашей волѣ и соизволенію, изъ вышепомянутыхъ вѣчнопожалованныхъ намъ городовыхъ батуринскихъ земель, яко изъ собственныхъ своихъ, опредѣлили мы нынѣ статскому совѣтнику Григорью Николаевичу Теплову, подъ строеніе дому его, землю, лежащую за городомъ, на урочищѣ между Городкомъ и Гончаровко, которой землѣ простирается длина съ горы въ низъ по самую рѣку Сеймъ, гдѣ оная нынѣ теченіе свое имѣетъ; а въ верхъ по горѣ, до самой перьвой улицы, какъ оная на планѣ Этингеровомъ положена, то есть 118 сажень, поперекъ же какъ при рѣкѣ, такъ и на горѣ 71 сажень; да сверхъ того противу того же мѣста, на другую сторону широты сего мѣста, черезъ улицу, половину другаго мѣста въ длину по тому плану, а въ ширину равно какъ и вышепомянутое мѣсто толикимъ же пространствомъ и мѣрою. И всю ту опредѣленную нами землю, ему, статскому совѣтнику господину Теплову, и будучимъ по немъ наслѣдникомъ, уступаемъ и утверждаемъ вѣчно. Онъ же господинъ статской совѣтникъ имѣетъ на предписанной землѣ построить себѣ домъ съ потребными къ нему службами, отъ полученія сего нашего универсалу въ четыре года; и какъ тою землею, такъ и построеннымъ на ней домомъ, яко своимъ собственнымъ добромъ, не имѣя какъ отъ насъ и отъ наслѣдниковъ нашихъ, такъ и ни отъ кого посторонного въ томъ своемъ владѣніи ни какого спору и препятствія, владѣть вѣчнопотомственно съ такою свободою, что и уступить либо, продать и какимъ либо образомъ отъ себя за кого утвердить тотъ свой домъ съ землею, воленъ. Ежели же подъ тѣмъ уступленнымъ отъ насъ вѣчно ему и наслѣдникамъ его мѣстомъ, какіе либо пляцы или грунты козацкіе были, то оными всѣми, какія бы ни нашлися въ старинныхъ

описяхъ, козачими ему, господину Теплову, владѣть тутъ же вѣчно и безпрепятственно, потому что мы, имѣя власть и изъ оныхъ роздачу дѣлать въ силѣ даннаго намъ за собственноручнымъ подписаніемъ ея императорскаго величества указа въ 1750 году, июля 24 дня, о построеніи вновь города Батурина, опредѣлили оный городъ, примѣряясь къ тому, какъ и бывшую резыденцію гетманскую городъ Глуховъ многими указами сенатскими, послѣ бывшаго 1748 года пожара, велено регулярно строить и подъ регулярные домы мѣста брать, а тѣмъ, чьибы тѣ мѣста взятые были, отводить изъ свободныхъ за городомъ, построить регулярными же улицами и порядочнымъ строеніемъ господскихъ протчихъ обывательскихъ домовъ. И для того ни своихъ собственныхъ посполитымъ принадлежащихъ пляцовъ и ниже козачьихъ, не уважая, за необходимо всѣ хаты и подлые дворы должны были изъ города выводить, почему какъ посполитымъ нашимъ, такъ и козакамъ, въ городѣ Батуринѣ до сего жившимъ, отвели иныя мѣста на ихъ жилища, которыми имъ и владѣть вѣчно, въ замѣну прежнихъ, отъ насъ повелено. Въ протчемъ каково будетъ впредь о полицейской должности для всего города и всѣхъ жителей городскихъ учрежденіе оному всякъ построившійся въ городѣ себя подвергнуть имѣетъ, которому последовать долженъ и онъ, господинъ Тепловъ, съ наслѣдниками, выключая то только, что мы его домъ за многіе его труды и стараніе при томъ же строеніи города Батурина, отъ всякого постоя вѣчно освобождаемъ. И во утвержденіе всего вышеизложеннаго сей нашъ универсалъ вмѣсто правнаго уступного запису, за подписомъ нашимъ и за печатьми какъ собственою нашою графскою, такъ и національною малороссійскою, данъ въ Глуховѣ, 1760 г., декабря 3 дня.

Гетманъ графъ К. Разумовскій.

М. П. Разумовскаго. М. П. „національной".

Приложеніе 2-е. Купчая крѣпость на продажу Тепловымъ графу Разумовскому батуринской усадьбы и хутора Скритнаго.

1772 году, сентября 28 дня. Я нижеподписавшійся тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Григорій Николаевъ сынъ Тепловъ у всякаго суда и кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляю: продалъ я съ доброй моей воли его сіятельству генералъ фельдмаршалу и разныхъ ординовъ кавалеру графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, домъ мой, состоящій нѣжинскаго полку въ городѣ Батуринѣ, со всѣмъ строеніемъ каменнымъ и деревяннымъ, построеннымъ мною на землѣ, уступленной мнѣ отъ его жъ сіятельства, въ 1760 году, декабря 3 дня, яко тогда бывшаго гетмана, а при томъ съ садомъ и прикупленными къ оному дому двумя мѣстами ланами; сверьхъ же того хуторъ мой, прозываемый

Скрытное со всѣми къ нему принадлежащими землями, сѣнными и лѣсными угодіи, такожъ и рыбными ловлями, не оставляя за собою въ Батуринѣ и сотнѣ батуринской ничего изъ недвижимаго моего имѣнія, такъ какъ я владѣлъ и какъ значится въ урядовыхъ моихъ купчихъ по приложенному при семъ реестру; а взялъ я за все то недвижимое мое имѣніе отъ его сіятельства денегъ десять тысячъ рублей, которыя мною отъ сіятельства и приняты сполна; и позволяю его сіятельству тѣмъ дворомъ и хуторомъ владѣть вѣчно ему и наслѣдникамъ его, а мнѣ и наслѣдникамъ моимъ до того проданнаго мною имѣнія никакого болѣе дѣла нѣтъ и не интересоваться, и отъ вступщиковъ ежели какія сыщутся съ претенсіею къ тому мною проданному имѣнію, то отъ оной претенсіи моимъ правомъ и на собственномъ моемъ коштѣ, самъ я и наслѣдники мои его сіятельства и наслѣдниковъ его защищать, охранять должны будемъ. Въ лучшее же таковой моей добровольной продажи достовѣріе и твердость, сія купчая моя запись, за моею и упрошенныхъ мною свѣдомыхъ персонъ руками и печатьми, его сіятельству генералъ-фельдмаршалу графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому отъ меня дана. Къ сему купчему запису продавецъ тайной совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Григорей Тепловъ въ томъ, что вышеписанной дворъ, хуторъ, земли и угодія продалъ всѣ въ Батуринѣ и около Батурина, безъ остатка и деньги сполна всѣ получилъ, подписуюсь съ приложеніемъ моей печати. (М. П.).

При вышеписанной куплѣ и продажѣ и при взятіи денегъ свидѣтелемъ былъ и по прошенію тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Григорья Николаевича Теплова во свидѣтельство подписался при печати моей коллежскій совѣтникъ Григорій Васильевъ сынъ Козицкой (М. П.).

При вышеписанной куплѣ и продажѣ и при взятіи денегъ свидѣтелемъ былъ и по прошенію тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Григорья Николаевича Теплова во свидѣтельство подписался при печати моей правительствующего сената секретарь Иванъ Григорьевъ сынъ Туманскій (М. П.).

При вышеписанной куплѣ и продажѣ и при взятіи денегъ свидѣтелемъ былъ и по прошенію тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Григорія Николаевича Теплова во свидѣтельство подписался генеральсъ-адьютантъ Афанасій Лобысевичъ (М. П.).

Вышеписанный купчій записъ, на урядѣ ея императорскаго величества въ земскомъ повета батуринскаго судѣ отъ продавца его высокопревосходительства тайнаго советника, сенатора и кавалера Григория Николаевича, г. Теплова, чрезъ его высокородие г. писара генералного и малороссійской коллегіи члена, Василия Григориевича Туманского, сего 772 году, октября 30 дня, при писменномъ прошеніи зъ вѣрующимъ писмомъ, отъ его высокопревосходителства его высокородию даннымъ, персонално представливанъ, съ прошениемъ,

по вписаню оного въ урядовые земские книги, за обикновенною конфирмациею, выдачи на вѣчнопотомственное проданними его высокопревосходителствомъ его сиятелству генералъ фелдмаршалу и разныхъ ординовъ кавалеру графу Кириллѣ Григоровичу г. Разумовскому,—имѣниями въ томъ купчомъ запису выраженными, то есть домомъ, состоящимъ въ городѣ Бутуринѣ, со всѣмъ строениемъ каменнымъ и деревяннымъ, зъ садомъ и прикупленными къ оному дому двома местами и ланами, сверхъ же того хуторомъ, прозиваемимъ Скритное, со всѣми къ нему принадлежащими землями, сѣнними и лѣсними угодіи, такожъ и рибними ловлями; такъ какъ его высокопревосходителство владѣлъ и какъ значится въ урядовихъ его купчихъ по приложенному приономъ купчомъ запису реестру написанныхъ, владѣние, по которомъ представленіи означенной купчой записъ въ ономъ земскомъ судѣ разсматриванъ и понеже по разсмотрению судовому, явился сочиненъ въ сходство малороссійского права книги статутъ въ раздѣлѣ 7-мъ, артикулѣ 1-мъ напечатанного, для того на оное отъ сторони его высокопревосходительства прошение, зъ опредѣления оного жъ земского суда въ урядовые земские книги на сей 772 годъ заведенные, отъ слова до слова подъ № 37-мъ на листахъ 87, 88 и 89-мъ съ приложеннымъ при томъ купчомъ запису, о крѣпостяхъ тому проданному имѣнию принадлежащихъ реестромъ въ точности вписанъ и по той записки вмѣсто виписѣ, за силу малороссійскихъ же правъ, той же книги статутъ въ роздѣлѣ 4-мъ, артикулахъ 13-мъ и 103-мъ напечатанныхъ, засимъ суда земского стверженнемъ съ подписомъ присудствующихъ въ судѣ земскомъ урядниковъ и съ приложениемъ печатей, потребуючой сторонѣ вышеупомянутому его сіятелству генералъ фелдмаршалу и разнихъ ординовъ кавалеру графу Кириллѣ Григориевичу Разумовскому, на вѣчнопотомственное вишевираженними въ семъ запису и въ приложенномъ при ономъ реестрѣ имѣниями, владѣние, изъ земского повета батуринского суда выданъ, году, мѣсяця и числа вышеписанныхъ. Судія земскій повѣту батуринского Петръ Забѣла.

Подсудія земскій повѣту батуринского Самойло Гриценко.

Писарь земскій Федоръ Пороховскій [1]).

---

[1]) Оба напечатанные въ приложеніяхъ документа находится, въ подлинникахъ, въ нашемъ собраніи.

Библіографія.

Dr. W. Łebiński. Materyały do Słownika historycznego języka i starożytności Polskich. I. Militaria. Odbitka z Roczników Towarzystwa Przyjaciól Nauk Poznańskiego. Poznań. 1889.

Польскіе источники имѣютъ весьма важное значеніе для изучающихъ историческія судьбы южной Руси. Они являются первенствующими для того періода, когда волею судебъ южная Русь составила одно политическое тѣло съ Польшей. Вслѣдствіе этого все, что дѣлается для научнаго уразумѣнія польской письменной старины, имѣетъ значеніе и для спеціалистовъ по южнорусской исторіи. Настоящая рецензія имѣетъ цѣлью отмѣтить одинъ изъ такихъ научныхъ шаговъ впередъ.

Польская письменность, зародившись въ средѣ католическаго духовенства, для обнаруженія себя въ словѣ естественно обратилась прежде всего къ помощи языка миссы и отцевъ церкви, языка панства и международныхъ сношеній,—къ помощи языка латинскаго. Съ XII по XVI вѣкъ латинскій языкъ былъ въ Польшѣ—языкомъ науки и литературы, суда и общественной жизни. Почти все, что оставили намъ въ наслѣдство польскіе умы за это время,—отлито въ формы рѣчи латинской. Позднѣе вмѣстѣ съ Реемъ (1507—1569?) и Кохановскимъ (1530—1584) проникъ въ польскую письменность и родной ей польскій языкъ, но прошло много времени, прежде чѣмъ онъ осилилъ своего могучаго собрата: сначала оба шли рядомъ, такъ, что одинъ и тотъ же писатель одни произведенія писалъ по латыни, а другія—по польски; затѣмъ, въ эпоху макаронизма, оба тѣсно сплелись вмѣстѣ въ широкихъ объятіяхъ славянскаго синтаксиса (типическій примѣръ—мемуары Паска); и только къ концу прошлаго XVIII вѣка польскій юноша одолѣлъ латинскаго старца и вытѣснилъ его

окончательно изъ не принадлежащей ему области. Вотъ почему, если изучать произведенiя польскихъ авторовъ, начиная съ Мартина Галла (писалъ между 1110 и 1130 гг.) и кончая какимъ нибудь авторомъ «Любопытной естественной исторiи» Гаврiиломъ Ржончинскимъ († 1737), или иные письменные памятники польской старины,—то приходится встрѣчать въ нихъ не только языкъ польскiй, но и языкъ латинскiй. Всякiй, кто предавался этимъ изученiямъ, знаетъ, какiя огромныя затрудненiя представляютъ, попадающiяся какъ въ латинскихъ, такъ и въ польскихъ текстахъ, устарѣлыя, рѣдкiя или техническiя слова и выраженiя и какъ мудрено бываетъ иногда добраться до ихъ настоящаго смысла. Ни въ лексиконахъ классической латыни, ни въ словарѣ средневѣковой латыни Дюканжа, который не собиралъ матерiала изъ польско-латинской письменности, ни въ словаряхъ живаго польскаго языка (напр. въ такъ называемомъ словарѣ эмигрантовъ) не можетъ читатель найти удовлетворительнаго разъясненiя этихъ словъ и выраженiй: для этого нуженъ спецiальный словарь, гдѣ собранъ былъ бы весь запасъ подобныхъ реченiй съ соотвѣтствующими выписками изъ текстовъ и объясненiями филологическими и историческими. Выполнить такого рода задачу взялъ на себя познанскiй ученый—докторъ Лебинскiй. Сначала онъ сталъ собирать латинскiя слова, не вошедшiя въ лексиконы классической латыни и въ глоссарiй Дюканжа [1]), или и вошедшiя, но не съ тѣмъ значенiемъ, какое они имѣютъ у польскихъ авторовъ [2]). Плодомъ этихъ трудовъ явились напечатанные въ Познани въ 1885 году «Матерiалы для латинско-польскаго словаря средневѣковой латыни и польскихъ древностей». Какъ всякiй первый шагъ въ новой области, словарь Лебинскаго имѣетъ свои недостатки. Во-первыхъ, въ него вошли глав-

---

[1]) Конечно, ни въ лексиконахъ классической латыни, ни у Дюканжа читатель не найдетъ такихъ олатыненныхъ польскихъ словъ, какъ, напримѣръ: *abgraniciare*=odgraniczyć, отграничить, 1530 года; *borra*=bór, borek, боръ (сосновый лѣсъ), 1329 года.

[2]) Такъ, напримѣръ, *camera* въ классической латины значитъ: сводъ, а у польскаго юриста Святослава изъ Войцешина это слово употребляется въ значенiи двора или амбара. *Camerarius* у Плинiя значитъ: поднимающiйся вверхъ (напр. cucurbitae=тыквы), а въ польскихъ источникахъ *camerarius*=komornik или woźny, какъ въ текстѣ: per camerarium vosney, qui dicitur nossec. *Bassus* у Святослава изъ Войцешина переводится, какъ: мужескiй; напр. въ текстѣ: de basso consilio=z mężej rady; а Дюканжъ допускаетъ только значенiя: crassus, pinguis, obesus, curtus, humilis.

нымъ образомъ слова изъ юридическихъ памятниковъ, собранныхъ Гельцлемъ, (Pomniki prawa polskiego) и изъ историческихъ памятниковъ, собранныхъ Бѣлевскимъ, (Monumenta Poloniae historica); запасъ словъ изъ произведеній собственно литературныхъ не попалъ въ словарь Лебинскаго [1]). Во вторыхъ, докторъ Лебинскій не выписываетъ тѣхъ контекстовъ, въ которыхъ встрѣчается данное слово, а ограничивается только переводомъ его на польскій языкъ и ссылкой на страницу книги, изъ которой оно заимствовано [2]). При этихъ условіяхъ смыслъ слова иногда мало выясняется, тѣмъ болѣе, что г. Лебинскій не прибавляетъ отъ себя никакихъ почти объясненій или этимологическихъ производствъ. Только къ концу книги, начиная съ буквы S, онъ дѣлается щедрѣе на выписки и объясненія. Тѣмъ не менѣе книга Лебинскаго была встрѣчена съ живою благодарностью любителями польской письменной старины и вызвала прекрасную рецензію бреславльскаго профессора Неринга въ «Варшавской Библіотекѣ» за 1886 годъ.

Въ настоящее время докторъ Лебинскій издалъ начало (I-ую часть) отчасти переработки, отчасти продолженія своего словаря подъ выписаннымъ выше заглавіемъ. Начало это обнимаетъ только слова, имѣющія какую-нибудь, хотя отдаленную, связь съ военнымъ бытомъ старой Польши. Переработкой прежняго труда оно является въ томъ смыслѣ, что въ новый словарь перешли изъ прежняго всѣ слова военнаго быта, какія только были въ прежнемъ, хотя съ новыми выписками и объясненіями [3]). Продолженіемъ прежняго труда это начало можно назвать въ томъ смыслѣ, что на ряду съ латинскими словами въ него внесены и тѣ устарѣлыя, рѣдкія или техническія польскія слова, которыя или не вошли въ словари живаго польскаго языка [4]), или, если и вошли, то съ инымъ значеніемъ [5]). Новый

---

[1]) Напримѣръ, у Лебинскаго нельзя найти рѣдкаго латинскаго слова, встрѣчающагося въ Роксоланіи Клёновича (стихъ 1333): *mystax*=франц. moustache, усы.

[2]) Такимъ, напримѣръ, образомъ: *achasia*, moszcz (виноградный сокъ). Ptr. U. Arch. Dz. LO. III, p. 163 (значитъ: Piotr z Uścia w Archiwum dla dziejów Literatury i Oświaty).

[3]) Слову *acies*, напримѣръ, въ первомъ словарѣ посвящено 2 строки, а во второмъ 41 строка.

[4]) Въ словарѣ эмигрантовъ (польско-французскомъ), который признается наиболѣе полнымъ, нѣтъ слова *arcerz* sajdaczny=стрѣлокъ изъ лука въ значеніи Купидона, которое попадается въ лирическихъ стихотвореніяхъ Коховскаго.

[5]) Слово *horodnia*, напримѣръ, переведено у эмигрантовъ (изд. 1874 г.): justice d'un château, тогда какъ въ старыхъ польскихъ текстахъ оно обозначаетъ *укрѣпленіе*.

трудъ доктора Лебинскаго почти свободенъ отъ тѣхъ недостатковъ, которые присущи были ему въ прежнемъ его видѣ [1]) Кругъ источниковъ, изъ которыхъ выбраны слова, расширенъ литературными прозведеніями польскихъ авторовъ, какъ, напримѣръ, Кохановскаго, Гурницкаго, Оржеховскаго, Стрыйковскаго, Твардовскаго, Коховскаго, Симоновича, Гавинскаго и другихъ, такъ что въ настоящее время мы имѣемъ въ словарѣ Лебинскаго очень порядочное пособіе при чтеніи памятниковъ польской письменности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Жаль только, что объяснена пока одна только категорія словъ (militaria). Теперь съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія словаря г. Лебинскаго, которое охватывало бы слова быта церковнаго, государственнаго, судебнаго, домашняго и пр. Если г. Лебинскому удастся довести до конца свое предпріятіе, то онъ создастъ себѣ памятникъ, къ которому никогда не заростетъ тропа любителей польской письменной старины, а вслѣдъ за ними и спеціалистовъ по исторіи южной Руси.

А. Стороженко.

М. Комаровъ. Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, помовокъ, загадокъ и пр. Одесса 1890 г.

Небольшая эта книжечка полезна прежде всего своимъ довольно полнымъ, насколько можемъ судить, библіографическимъ указателемъ литературы предмета, т. е. не только всяческихъ собраній малорусскихъ пословицъ, поговорокъ, заклинаній, заговоровъ, присловій, загадокъ и пр. но и статей, касающихся этого предмета, начиная съ 1829 года и оканчивая 1888 г. Нечего и говорить о важности такого указателя для всѣхъ занимающихся народоописаніемъ, особенно если онъ составленъ возможно болѣе тщательно и подробно; въ дополненіе къ настоящему указателю не можемъ не указать, между прочимъ, пропущенный составителемъ замѣчательный трудъ извѣстнаго чешскаго писателя Челаковскаго «Mudrosloví národa slovanského v při-

---

[1]) Выписки иногда черезъ-чуръ изобильны. Такъ, напримѣръ, подъ словомъ *cosaccus* выписано мѣсто изъ Титмара Мерзебургскаго подъ 1018 годомъ: (in Kijovia) populi ignota manus, que sicut omnis hec provincia ex fugitivorum robore servorum huc undique confluencium et maxime ex velocibus Danis. Нужно имѣть слишкомъ пылкую ученую фантазію, чтобы бродячія норманскія дружины княжеской эпохи связывать съ позднѣйшими малороссійскими козаками.

slovich» задуманный, впрочемъ, еще въ 1827 году и на Руси дѣйствительно малоизвѣстный.

Въ книжкѣ собрано 1275 пословицъ, въ большей части своей впервые напечатанныхъ, а иногда и совершенно новыхъ, либо явившихся въ свѣтъ подъ вліяніемъ преобразованій предшествовавшаго царствованія, либо вызванныхъ къ жизни общественными явленіями новаго порядка; таковы пословицы, относящіяся къ всеобщей воинской повинности (напр. «и мужыкъ и дворянынъ—уси сталы пидъ аршынъ), новымъ судамъ (напр., судыть по людски, розсудыть—не тамышъ по якивски, каже, що по закону (про мироваго судью), штундѣ (напр., штунда хочъ безъ попа, та зъ папкою (т. е. съ хлѣбомъ). Заговоровъ собрано 33, загадокъ 29. Нѣкоторыя изъ нихъ даже по складу рѣчи—совершенно новаго, такъ сказать, вчерашняго происхожденія (напр., ихала барыня у ночи, загубыла золоти ключи, мисяцъ бачывъ, а сонце знайшло» роса), хотя со стороны содержанія и не представляютъ собою чего либо совершенно новаго, что впрочемъ въ значительной мѣрѣ относится и къ нѣкоторымъ другимъ пословицамъ (напр. «Зъ ляхомъ говоры, а пидъ полою каминь держы», «Не кыдай шляху для стежкы», и др.). Расположеніе матеріала сдѣлано, какъ намъ сдается, не всегда цѣлесообразно: вообще заглавія содержимаго книжки размѣщены въ азбучномъ порядкѣ *предметовъ* рѣчи, *обнимающихъ собою* отдѣльныя группы пословицъ, загадокъ и пр. (напр. «мѣсяцъ» «молитва», «музыка», «напасть», «наука», «неволя» и пр.); а между тѣмъ нѣкоторыя пословицы помѣщены подъ заглавіями, далеко не отвѣчающими ихъ содержанію и взятыми нерѣдко, очевидно, отъ перваго, т. е. начальнаго слова... Таковы, напр. помѣщенныя въ самомъ началѣ книжки пословицы: 1) Або вишай, або до дому пускай— мини треба на ярмарокъ ихати, 2) Абы хата — буде досвитчана маты; первая помѣщена подъ заглавіемъ: *або*, а вторая—*абы (?!)* Въ такомъ случаѣ отчего-же подъ этотъ 2-й отдѣлъ *(Абы)* не подведена хотя бы, напр., пословица № 683 (Абы озеро, а найдеться жаба, що буде квакала), а пословица 684 (Де Рымъ, де Крымъ, а де злодійска корчма) не озаглавлена словомъ: де ? Не согласны мы съ составителемъ и въ соединеніи въ одну группу, подъ случайнымъ притомъ заголовкомъ, нѣскольких пословицъ, между которыми можно подмѣтить лишь чисто внѣшнюю связь; так подъ заглавіемъ «Минуле» объединены, напр., пословицы 675 (Гай, гай! де нашъ викъ подився?) и 676 (Минулася ляхамъ воля, а жидамъ манна), къ которымъ, при подобной точкѣ зрѣнія могли бы быть пристегнуты я

многія другія (напр. № 350, 299, 845 Симъ литъ, то й памяти нитъ, 1007 и др.). Подъ заголовкомъ «Дуля» не помѣщена пословица 253. (Таку дулю пиднесу, що ажъ чхатыме, якъ понюхае), отнесенная почему то въ отдѣлу «Гризьба» (?!). Съ другой стороны пословицу 387 (Не штука справныку дулю даты въ кешени), кажется, лучше было бы отнести къ отдѣлу «Исправникъ», чѣмъ къ отдѣлу «Дуля», такъ какъ вся суть этой пословицы, конечно, заключается въ словѣ «исправникъ». Въ такомъ родѣ можно было бы сдѣлать еще немало замѣчаній, но, кажется, достаточно и вышеприведенныхъ, тѣмъ болѣе что они почти не уменьшаютъ значенія книжки и указаны лишь въ смыслѣ поправокъ въ расположеніи матеріала.

А. Степовичъ.

Сборникъ историчеекихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива при университетѣ Св. Владиміра И. Каманинымъ и М. Истоминымъ. К. 1890.

Мысль печатать, такъ называемые, случайные документы кіев. центр. архива, не вошедшіе въ большіе томы систематически подобранныхъ актовъ, издаваемыхъ кіевскою археогр. коммиссіею, нельзя не назвать практичной. Этимъ дается возможность интересующимся историческими судьбами нашего отечества пополнять пробѣлы въ систематически сгруппированныхъ актахъ и подчасъ улавливать многія бытовыя черты прошлаго, не всегда рѣзко очерчиваемыя въ дѣловыхъ бумагахъ, касающихся крупныхъ историческихъ событій.

Сборникъ документовъ, заглавіе котораго нами выписано выше, по заявленію издателей его, долженъ именно служить для осуществленія указанной мысли. Въ вышедшемъ теперь въ свѣтъ первомъ выпускѣ его мы находимъ рядъ дѣлъ подъ такими заглавіями: 1) Московскій купецъ паломникъ въ г. Луцкѣ въ 1661 году, 2) дѣло о лазутчикахъ 1613 года, 3) «Челобите на студентовъ за князя Хованскаго» (1700 г.), 4) къ исторіи городскаго самоуправленія по магдебургскому праву (1566 г.) и 5) изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи по документамъ 1616, 1748, 1758 и 1734—1780 годовъ. Каждому ряду дѣлъ издатели предпосылаютъ свои историческія справки и тщательные комментаріи.

Обращаясь къ пересмотру содержанія дѣлъ „Сборника“, мы видимъ, что они представляютъ неодинаковый научный интересъ.

Едва ли мы ошибемся, если къ числу менѣе интересныхъ отнесемъ дѣло о московскомъ купцѣ-паломникѣ, проѣзжавшемъ г. Луцкъ въ 1561 г. Изъ документа этого мы узнаемъ, что въ 1558 г. Иванъ Грозный отправилъ на Востокъ, къ святымъ мѣстамъ и ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ, архидіакона новгородскаго Геннадія съ московскими купцами Андреемъ, Яковомъ, Василіемъ Позняковыми. Послы везли съ собой милостыню монастырямъ и подарки патріархамъ. Проѣзжая черезъ Вильно, они заручились отъ польскаго короля грамотою на свободный и безпошлинный проѣздъ чрезъ всѣ его владѣнія. Побывавъ затѣмъ на Востокѣ и у папы, посольство въ 1561 г. возвращалось въ Москву и снова чрезъ земли литовскія. Во главѣ посольства на этотъ разъ состоялъ купецъ Василій Позняковъ, о возвращеніи же братьевъ его и архидіакона Геннадія въ документѣ не упоминается. При появленіи своемъ въ Луцкѣ Позняковъ вмѣстѣ съ вещами былъ задержанъ луцкимъ войтомъ, цельникомъ господарскимъ Иваномъ Яцковичемъ Борзобогатымъ, который, кромѣ войтовскихъ обязанностей, несъ еще обязанности ключника, городничаго и мостовничаго. Жалуясь на него гродскому луцкому суду, Василій Позняковъ заявилъ: «войтъ, не дбаючи на листъ его королевское милости мене гамует, хотечи на мнѣ мыта от тых речей, што есми от господаря своего, князя великого московскаго, до горы Синайское возилъ». Войтъ не обратилъ вниманія на жалобу Познякова и ограничился предложеніемъ отпустить возы его съ вещами, оставивъ въ Луцкѣ до выясненія дѣла только лично самого Познякова. На томъ документъ и оканчивается.

Свѣдѣніе о посольствѣ, въ немъ упоминаемомъ какъ видимъ изъ справки г. Каманина, имѣются въ большей подробности во второй новгородской лѣтописи, гдѣ, между прочимъ, отмѣчено и порученіе Ивана Грознаго Геннадію—писать объ обычаяхъ странъ восточныхъ. Къ тому, что тамъ повѣдано, напечатанный документъ ничего не прибавилъ, кромѣ извѣстія о задержаніи Познякова въ Луцкѣ при слѣдованіи его чрезъ этотъ городъ на обратномъ пути. Г. Каманинъ объясняетъ это задержаніе результатомъ завязывавшихся между Польшей и московскимъ государствомъ враждебныхъ отношеній изъ-за Ливоніи, причемъ дѣлаетъ предположеніе, что, кромѣ паломническихъ цѣлей, посольство Ивана Грознаго могло имѣть и цѣли дипломатическія, а именно должно было содѣйствовать отысканію на западѣ союзника для великаго князя московскаго, и ради этого ни много, ни мало обязано было озаботиться о соединеніи восточной

церкви съ западной. Думается, что такое комментированіе даннаго документа заходитъ въ слишкомъ ужъ далекія выси. Не проще ли бы было фактъ задержанія Позднякова Борзобогатымъ объяснить исключительно нравомъ этого послѣдняго и его всегдашнею склонностью къ насилію, тѣмъ больше, что онъ, какъ это мы узнаемъ отъ г. Каманина, не задумался незадолго предъ тѣмъ ограбить и посла, отправленнаго польскимъ королемъ съ подарками и грамотами къ турецкому султану, да и вообще чинилъ не мало незаконныхъ дѣяній. Задержаніе же имъ московскаго посла изъ за политическихъ мотивовъ въ 1561 г., за два года до разрыва мирныхъ отношеній Польши съ московскимъ государствомъ, было бы слишкомъ рановременнымъ.

Вникая за симъ въ дѣло о лазутчикахъ 1613 г., нельзя сказать, чтобы и въ немъ было много существенныхъ и новыхъ данныхъ, а равно нельзя не усумниться и тутъ въ существованіи достаточныхъ основаній для тѣхъ аналогій, какія допущены въ »Сборникѣ».

Значительно большій интересъ въ «Сборникѣ» представляютъ остальныя дѣла. Особенно же цѣнно по бытовымъ подробностямъ «челобите на студентовъ за князя Хованскаго» (1710 г.). «Челобите» это заключаетъ въ себѣ прекрасную иллюстрацію отношеній студентовъ кіево могилянской коллегіи къ кіевскимъ жителямъ. Крайняя бѣдность студентовъ и скудость ихъ содержанія въ коллегіи ставили ихъ въ необходимость обращаться не только къ прошенію милостыни, на что получали они даже соизволеніе коллегіатскаго начальства, но и воровству и даже грабежу. Проще всего казалось бы было въ случаѣ эксцессовъ послѣдняго рода потерпѣвшимъ жителямъ Кіева обращаться съ жалобами на студентовъ къ ихъ училищному начальству, но этотъ путь уже издавна былъ признанъ кіевскими мѣщанами за ненадежный, ибо ректоръ коллегіи, сознавая безъисходность матеріальнаго положенія студентовъ, не могъ съ нихъ строго взыскивать за ихъ проступки, конечной цѣлью которыхъ было добываніе себѣ хлѣба насущнаго. При томъ же всегдашнія недоразумѣнія коллегіи съ горожанами изъ-за того, что Братскій монастырь владѣлъ домами въ городѣ и прилежащими къ городу землями, настраивали коллегіатское начальство враждебно противъ горожанъ и мѣшали ему удовлетворять даже справедливыя жалобы послѣднихъ. Между тѣмъ подчасъ студенты производили въ городѣ нѣчто невообразимое. Такъ, однажды они ограбили жида Беня Абра-

мова, пріѣзжаго изъ Фастова. Онъ пожаловался въ ратушу, а послѣдняя довела дѣло до коллегіатскаго начальства. Обиженные этимъ студенты въ теченіи нѣсколькихъ дней гонялись за жидомъ и наконецъ, «ухвативъ того жида, смертно били кіями, голову до кости пробили и денегъ чотири рубли оборвали, а подячий и урядники ледво от тых студентовъ поутекали, и жидъ, смертно раненный и кровю сплынучий, прийшолъ въ майстратъ».

Дѣло дошло до воеводы, князя Петра Ивановича Хаванскаго. Посланные послѣднимъ для арестованія студентовъ стрѣльцы успѣли захватить изъ нихъ семь человѣкъ, и это вызвало среди остальныхъ студентовъ большое смятеніе. Они «почали бити въ большой колоколъ на сполохъ, да множество ихъ, собрався в Братскій монастырь, с саблями, с пистолями, с дубемъ погнали у слѣдъ за стрельцами и многихъ поранили смертно. И какъ тѣ стрельцы ушли, и они, студенты, по рынку въ редахъ и по улицамъ, имая служивыхъ людей и мещанъ, смѣртно позабывали; а извожчиковъ, на площадке бивъ, побрали у нихъ лошади и привели в бурсу; такожде и нашихъ мѣщанъ в редахъ, в лавках и по улицам имая, били и всякое разореніе дѣлали»... И повторялись подобные разгромы часто. Крали студенты у мѣщанъ вино, медъ, муку, масло, пшено; «такожде и животину всякую з дворовъ зводили и убивъ съ того себѣ кормъ имѣли; да дрова и дерево хоромное з дворовъ мещанскихъ беручи и стѣны градскія на дрова разбираючи, в школу и бурсу по сту человѣка и болѣе носили и вское воровство дѣлали». Обо всѣхъ подобныхъ безчинствахъ студентовъ и принесена была мѣщанами жалоба царю. Когда же отъ царя немедленнаго удовлетворенія не послѣдовало, тогда мѣщане самоуправно раздѣлались со студентами. Послѣ этого выступили съ жалобой на мѣщанъ къ царю кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій и рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій; они просили пожаловать коллегію собственнымъ академическимъ судомъ надъ провинившимися студентами и освободить ихъ па будущее время отъ «безчинства и дерзости кіевскихъ мѣщанъ». Въ отвѣтъ на это челобитье, читаемъ въ послѣсловіи г. Каманина, 26 сентября 1701 г. Петръ В. далъ жалованную грамоту кіево-могилянской коллегіи; въ этой грамотѣ, впервые утверждающей за коллегіей названіе академіи, между прочимъ предписывается обиженнымъ мѣщанамъ искать управы на студентовъ, въ случаѣ ихъ вины, у ректора и префекта. Если же послѣдніе

не удовлетворили бы просителей, то жалоба можетъ быть перенесена на нихъ къ митрополиту и только за отказомъ послѣдняго разрѣшается обращаться мѣщанамъ къ общему суду кіевскихъ воеводъ. Начальству коллегіи и теперь, въ свою очередь, приказывалось, чтобы студентамъ къ невоздержанію ихъ потачки не было».

И напечатаніе даннаго челобитья, и историческія справки по поводу его, конечно, при разработкѣ нашей бытовой исторіи окажутся очень пригодными.

Не иное значеніе будутъ имѣть при разработкѣ того же вопроса, въ частности исторіи нашихъ городовъ, и акты, касающіеся городскаго самоуправленія по магдебургскому праву, пополняющіе собой прежде напечатанные матеріалы по данному вопросу. Читателямъ «Кіевской Старины» памятны еще печатавшіяся въ ней обстоятельныя статьи г. Каманина о злоупотребленіяхъ въ нашихъ городскихъ магистратахъ въ прошломъ и началѣ текущаго столѣтія. Документы, имъ теперь напечатанные, относятся къ XVI столѣтію и затрогиваютъ тотъ же вопросъ о злоупотребленіяхъ со стороны войтовъ и райцевъ, засѣдавшихъ впрочемъ не въ городскомъ увравленіи Кіева, а только города Владиміра Волынскаго. Въ новыхъ данныхъ этихъ г. Каманинъ видитъ новое подтвержденіе ранѣе сдѣланнаго имъ заключенія, что общественное мнѣніе въ городахъ было сильнѣе въ болѣе ранніе періоды существованія магдебургскаго права, и что общественное мнѣніе это долго имѣло свое выраженіе въ собственномъ судѣ горожанъ надъ своими представителями. Формъ такого суда мы до сихъ поръ не имѣли, хотя и извѣстно, что въ XVII в. по такому суду кіевскій войтъ Ходыка за всякія злоупотребленія былъ «подъ ледъ посаженъ воды пити» (В. Б. Антоновичъ. Войты Ходыки. Монографіи), а въ XVIII вѣкѣ въ 1739 и 1740 годахъ отъ правит. Сената и Канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ предписывалось магистрату кіевскому произвесть слѣдствіе о растратахъ, начиная съ 1732 г. «безъ всякаго отлагательства и упущенія и, буде кто явится въ сборахъ и расходахъ и въ отчетѣ неправенъ и противъ тѣхъ правъ виновенъ, съ тѣми поступать по своимъ правамъ, кто чему будетъ достоинъ». Въ напечатанномъ же теперь документѣ 1566 г. мы имѣемъ именно гласное слѣдствіе владимірскихъ мѣщанъ надъ ихъ войтомъ Максимомъ Ивановичемъ Людовичемъ. На слѣдствіе это мѣщане г. Владиміра собрались единодушно, какъ одинъ «посполитый человѣкъ». Много было сдѣлано вопросовъ войту и райцамъ о безотчетной растратѣ городскихъ суммъ, а далѣе допрашивавшіе

войта коснулись и предпочтенія, оказываемаго войтомъ шляхтѣ, землянамъ и даже жидамъ предъ ними, мѣщанами, интересы коихъ онъ обязанъ блюсти. «Мовили теж войту и рядцамъ, сказано въ документѣ, иж дей вы, будучи старшими нашими, не бороните нас, мѣщан, от шляхты, иж нас у волностях наших забирают, бьют, грабят и не толко въ дубровах, ане на полю и на предъмѣстю, не маемъ одъ нихъ покою, а вы дей о то и не мовите, але дей еще ты самъ, пане войте, кажешь забирати, грабити». «Мовили теж пану войту и рядцам: чому дей земяномъ кгрунтъ мѣстскій у волоки поступили, а мѣщане не маютъ на чемъ робити?» «Мовили дей тежъ пану войту и рядцемъ: чому дей есте жидамъ мѣстца и пляцы на будоване подавали, а мѣщаномъ не допустили, от которых бы подачки ку отправѣ и потребѣ мѣстской могли приходити?» Но несмотря на серьезность всѣхъ обвиненій войтъ остался неуязвленнымъ. Староста владимірскій слишкомъ мирволилъ Людовичу, который былъ однимъ изъ тѣхъ войтовъ, что путемъ хлѣбнаго войтовства стремились выйти изъ среды мѣщанства въ среду шляхетскую. Ни къ чему не повело, очевидно, и послѣдовавшее черезъ полгода перенесеніе владимірскими мѣщанами дѣла своего въ чужой луцкій гродскій судъ; по крайней мѣрѣ документовъ объ окончаніи даннаго дѣла не найдено.

Послѣ матеріаловъ о городскомъ самоуправленіи, интересныхъ, какъ видимъ, и по своему содержанію, и по комментаріямъ къ нимъ почтеннаго издателя, въ «Сборникѣ» мы находимъ еще рядъ дѣлъ изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи. Дѣла эти, какъ и историческія справки къ нимъ издателей «Сборника», представляютъ значительный интересъ для затронутаго вопроса о пограничныхъ отношеніяхъ двухъ государствъ. Но содержаніе этой части работы г.г. Каманина и Истомина мы пересказывать не будемъ отчасти по недостатку мѣста, а отчасти и потому, что одна изъ статей г. Каманина, относящаяся къ напечатаннымъ имъ теперь документамъ и приведенная тоже въ «Сборникѣ», была помѣщена имъ въ 1882 г. въ «Кіевской Старинѣ» и, вѣроятно, памятна многимъ изъ нашихъ читателей.

Я. Ш.

Древности сѣверо-западнаго края. Т. I. Вып. I. Изд. импер. археологической коммиссіи. Спб. 1890.

По своему содержанію настоящій выпускъ распадается на двѣ части: 1) изслѣдованіе Н. П. Авенаріуса «Дрогичинъ Надбужскій и его древности» и 2) Описаніе нѣкоторыхъ древностей, найденныхъ въ витебской губерніи, составленное по матеріаламъ археологической коммиссіи.

Дрогичинъ—названіе заштатнаго города, лежащаго на правомъ берегу Западнаго Буга, въ бѣльскомъ уѣздѣ гродненской губерніи. Историческія судьбы Дрогичина и его окрестностей узнаемъ изъ краткаго свода лѣтописныхъ извѣстій, предпосылаемаго г. Авенаріусомъ его изслѣдованію. За этою вводною главою слѣдуетъ обозрѣніе древностей, найденныхъ большею частію случайно близь Дрогичина, благодаря весеннимъ разливамъ Буга, подмывающимъ нагорный берегъ и открывающимъ древности. Между ними найдена, между прочимъ, куфическая монета VIII ст.; далѣе—предметы украшенія, домашнія орудія, рѣже—оружіе; но особенно интересными оказываются свинцовыя пластинки, съ оттисками церковно-славянскихъ буквъ и изображеніями креста (различныхъ типовъ), руки съ мечемъ, человѣка, лица, головы въ шапкѣ, орла, четвероногаго, гуся, — пластинки, нигдѣ, кромѣ Дрогичина, не встрѣчающіяся и нѣсколько загадочныя по своему назначенію; авторъ приходитъ къ такому заключенію: свинцовыя пластинки, по всей вѣроятности, служили пломбами, но едва ли товарными или таможенными,—и предполагаетъ, что онѣ могутъ принадлежать къ такому разряду предметовъ, для опредѣленія котораго у насъ нѣтъ даже соотвѣтствующаго слова. За обозрѣніемъ древностей дрогичинскаго городища слѣдуетъ обозрѣніе курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ г. Авенаріусомъ въ бѣльскомъ уѣздѣ, причемъ оказывается, что многія древности, найденныя въ могилахъ, сходны съ тѣми, которыя добыты въ городищѣ. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о народности открытаго имъ въ могилахъ племени, подробно останавливаясь на анализѣ одного изъ двухъ сдѣланныхъ имъ предположеній, а именно, что это были ятвяги, и отвергая его, въ пользу другого предположенія, что могилы принадлежатъ одному изъ славянскихъ племенъ. Изслѣдованіе свое авторъ заключаетъ обзоромъ позднѣйшихъ судебъ Дрогичина и остатковъ этой позднѣйшей старины.

Вторая часть названной книги представляетъ описаніе древностей, присланныхъ въ разное время въ археологическую коммиссію изъ витебской губ. и поступившихъ потомъ, по большей части, въ Эрмитажъ. Описанію этому предпосланъ библіографическій обзоръ. Наиболѣе интереса представляютъ древности, присланныя въ 1886 г. А. А. фонъ-Крузе, и найденныя въ имѣньи его Людвиковѣ динабургскаго уѣзда. Въ древностяхъ витебской губ. замѣчается сходство съ древностями прибалтійскаго края.

Къ книгѣ приложена карта части бѣльскаго уѣзда, 7 таблицъ рисунковъ, красиво литографированныхъ и 28 политипажей.

В. Я.

Обозрѣніе журналовъ.

1) Вѣстникъ Европы, 9—10; 2) Русская Мысль, 9—10; 3) Сѣверный Вѣст., 9—10; 4) Русская Старина, 9—10; 5) Историч. Вѣстн., 9—10.

«Вѣстникъ Европы» № 9. А. В—нъ. «С. Т. Аксаковъ о Гоголѣ» приведены извлеченія изъ статьи С. Т. Аксакова «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», помѣщенной въ Русскомъ Архивѣ въ книгѣ 8-й, 1890 года, съ изложеніемъ отношеній Гоголя къ С. Т. Аксакову и его семейству (стр. 340—352). А. Н. Пыпинъ. «Особая Исторія русской литературы»,—излагающая взглядъ автора вообще на галицкую литературу и разборъ книги галицкаго писателя Огоновскаго «Исторія литературы руской» (стр. 241—274).

10. Въ отдѣлѣ критики краткая рецензія на книгу П. В. Владимірова: «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. Письмо Н. В. Гоголя 1827 г. къ Г. И. Высоцкому и предполагаемый портретъ Гоголя—студента. Съ четырьмя снимками и портретомъ». Кіевъ. 1890 г. (стр. 851—853).

«Русская Мысль» № 9. Въ отдѣлѣ библіографіи краткая рецензія о книгѣ: *Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ екатеринославской и харьковской губ. Манжурою*. Харьковъ. 1890 г., часть которыхъ была помѣщена на страницахъ «Кіевской Старины» (стр. 417); краткая замѣтка о книгѣ: *Матеріалы для исторіи земской медецины въ александрійскомъ*

уѣздѣ, херсонской губ., съ 1865 г. по 1890 г. Составлены врачемъ Н. И. Тезяковымъ. Александрія, 1890 г. (стр. 435); рецензія на книгу: «Мертвыя» души Н. В. Гоголя» (опытъ разбора). Составилъ С. Бураковскій. Изданіе второе. Цѣна 45 к. Новгородъ. 1890 г. (стр. 435—436).

«Сѣверный Вѣстникъ» № 10. Въ отдѣлѣ критики—краткая рецензія на книжечку протоіерея І. Наумовича: «Какъ въ простотѣ живутъ люди. Разсказъ изъ галицко-русской жизни» (стр. 97—98).

«Русская Старина» № 9. *Василій Трофимовичъ Нарѣжный Н. А. Бѣлозерской.* Начало біографіи литератора Нарѣжнаго, который и родился (1780 г.) въ Малороссіи (въ мѣстечкѣ Уставицы, гадячскаго повѣта) и въ произведеніяхъ своихъ обнаруживалъ основательное знакомство съ историческою и бытовою Малороссіей. (стр. 469—521).

10. Дневникъ академика—профессора А. В. Никитенко. Упоминается объ обѣдѣ въ честь актера Мартынова, на которомъ присутствовалъ Т. Г. Шевченко (стр. 155).

«Историческій Вѣстникъ» № 9. *Н. Шигаринъ. Въ деревнѣ на юго-западѣ въ тридцатыхъ годахъ (отрывокъ изъ воспоминаній)*,—излагающая воспоминанія автора о жизни помѣщиковъ 40-хъ годовъ въ волынской губ., гдѣ онъ провелъ свое дѣтство (стр. 573—584).

Въ отдѣлѣ смѣси: *раскопки въ Таращѣ*, гдѣ говорится о выкопанныхъ около с. Лѣсовичи, таращанскаго уѣзда, костяхъ мамонта и образовавшихся тамъ, но еще неизслѣдованныхъ, обвалинъ на мѣстѣ бывшаго города Самбара (стр. 711). *Историческій музей въ Москвѣ*—съ краткимъ указаніемъ на нѣкоторые памятники юга Россіи, (стр. 711—713).

10. А. И. Кирпичниковъ. «Былыя знаменитости русской литературы»— Подробно излагается біографія бывшаго въ началѣ текущаго столѣтія попечителя харьковскаго учебнаго округа А. А. Перовскаго, извѣстнаго въ свое время (подъ псевдонимомъ А. Погорѣльскаго) беллестриста, произведеніями своими возбудившаго интересъ публики къ Малороссіи (стр. 45--82). *Въ отдѣлѣ критики:*—краткая рецензія на: «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1890 г.» (стр. 242—244) и на: «Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ 1 (XVI ст.). Переводъ К. Мельникъ (подъ редакціей В. Б. Антоновича). Кіевъ. 1890» (стр. 248—249).

Въ отдѣлѣ смѣси: краткая историческая справка о городѣ Николаевѣ (херсонской губ.) по поводу 100 лѣтняго юбилея его существованія (стр. 272), краткая біографія профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова, по поводу 25 лѣтія его научной дѣятельности (стр. 275); некрологъ извѣстнаго дѣятеля юга Россіи А. Н. Поля, умершаго 26-го іюля (стр. 275); и некрологъ († 26 августа) бывшаго профессора харьковскаго университета И. В. Платонова (стр. 278).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„Южнаго Края". VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 р. — к.	7 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 40 к.
Съ перес. иногороднимъ . .	12 р. 50 к.	7 р. 50 к.	4 р. 50 к.	1 р. 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край", на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ—въ конторѣ подписки и объявленій Н. Матисена, Б. Конюшенная, № 29; въ Москвѣ—въ конторахъ объявленій и подписки; А. Сенъ-Мартенъ, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова; Н. Печковской, Петровскія линіи; Л. Шабертъ, Покровка, д. Соболевыхъ; въ центральн. конт. объявленій бывш. Л. Метцль, Мясницкая, д. Спиридонова и въ справочномъ Бюро Н. Доничъ и К°, Софійка, противъ Лубянскаго пассажа; въ Полтавѣ—въ конторѣ И. А. Дохмана. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Havas, Lafite и C°, Place de la Bourse.

№ 3. 1—3. Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г. ГОДЪ 2-й.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое этнографическимъ отдѣломъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ,

Подъ редакціей секретаря отдѣла **Н. А. Янчука,**

при участіи слѣдующихъ лицъ: проф. В. Б. Антоновича, проф. Д. Н. Анучина, проф. Д. И. Багалѣя, Е. В. Барсова, П. М. Богаевскаго, В. Н. Бондаренка, акад. Ѳ. И. Буслаева, М. К. Васильева, акад. Александра Н. Веселовскаго. проф.

Алексѣя Н. Веселовскаго, Э. А. Вольтера, Н. Л. Гондатти, В. П. Горленка, М. В. Готовицкаго, А. Н. Грена, С. Я. Дерунова, М. А. Дикарева, М. В. Довнаръ-Запольскаго, М. Довойно-Сильвестровича, проф. М. С. Дринова, И. Е. Забѣлина, Н. К. Зейдлица, А. П. Звонкова, А. А. Ивановскаго, П. В. Иванова, А. А. Казмина, В. В. Каллаша, В. В. Кандинскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. Θ. Е. Корша, Г. И. Куликовскаго Ю. Н. Мелгунова, проф. В. Θ. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Миниха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, А. Н. Пыпина, Е. Р. Романова, А. П. Сопунова, В. И. Сизова, проф. И. Н. Смирнова, проф А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, Е. Т. Соловьева, проф. Н. Θ. Сумцова. А. А. Титова, акад. Н. С. Тихонравова, В. Тихонова, В. К. Трутовскаго, профес. Г. А. Халатова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и др.

Изданія посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка и др. искусства.
4. Народная медицина
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія
8. Обзоръ жизни и дѣятельности русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный библіографическій отдѣлъ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, по скольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3. Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „Смѣси“ сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія, портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (въ 12—15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки 1-я кн.—въ началѣ марта. 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес 4 р. 50 к., съ перес. 5 р., за границу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес. Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 г. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1890 гг. по 7 р. съ пересылкою Экземпляры „Трудовъ" за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ" 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1890 гг. по 1 руб. № 5. 1—3.

Дозволено ценз. Кіевъ, 8-го ноября 1890 г.

Объ Иванѣ Андреевичѣ (№ 23) говорится въ родословной 1797 г. и въ Списк. двор. черн. губ. стр. 49; затѣмъ см. Зап. Як. Марк. II, 298 г. — его женитьба въ 1751 году въ с. Шабалиновѣ, которое ему и его наслѣдникамъ потомъ принадлежало. Онъ владѣлъ еще землею въ с. Куреняхъ, нѣжинскаго полка, бахмачской сотни, и здѣсь же ему принадлежалъ хуторъ на бѣловѣжской степи, поселенный дѣдомъ его Андреемъ Марковичемъ, который и понынѣ назыв. Марковичевъ хуторъ (см. Зап. черн. губ. ст. Коммитета 1866 г. кн. I, стр. 273 и 325); изъ дѣлъ Департамента Герольдіи видно, что у него было свыше 500 душъ; имя его жены тоже сохранилось въ бумагахъ, находящихся въ Департаментѣ Герольдіи. Потомство Ивана Андреевича Марковича внесено было въ VI ч. родосл. книги.

Другихъ сыновей у Андрея Андреевича (№ 7) не было—см. Зап. Як. Марк. II, 244; дочери же его Анна и Ульяна сперва жили у дѣда, Андрея Марковича (№ 3), а съ 1743 г. у дяди, Якова Андреевича (№ 6)—ibid. 198,—отъ котораго и вышли замужъ; о ихъ мужьяхъ см. ibid. 257, 270, 289. О Анастасіи Андреевнѣ сообщено нами г. Дорошенкомъ.

Объ Андреѣ Марковичѣ (№ 24) говоритъ родословная 1797 г., поданная его роднымъ братомъ; затѣмъ см. Зап. Як. Марк. II, 275, 298, 330; жена его Вовдя была горничною у дяди его Якова Андреевича и онъ женился на ней, укравши ее ночью изъ дома дяди. Жилъ онъ въ с. Засульи; вѣроятно, къ нему относятся нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя г. Куриловымъ—см. выше; мы даже готовы думать, не этотъ ли Андрей Марковичъ былъ женатъ во второй разъ на Столповской.

Иванъ Марковичъ (№ 25) упоминается въ Дневникѣ Ханенка, какъ родившійся въ 1733 г.; такъ какъ о немъ болѣе свѣдѣній нѣтъ, даже и въ родословной 1797 г., составленной его роднымъ братомъ, то очевидно онъ умеръ ребенкомъ.

Маркъ Марковичъ (№ 26) указанъ въ родословной изд. Р. Стариною; родословная же 1797 г. и о немъ не упоминаетъ. Если указаніе первой не есть простая ошибка, значитъ и онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Іосифъ Марковичъ (№ 27)—составитель указанной выше родословной 1797 г., въ которой онъ говоритъ и о себѣ. Затѣмъ въ нашей семьѣ сохранилось выданное ему изъ Департамента Герольдіи Доказательство дворянъ Марковичевъ. Такъ какъ родство наше съ Іосифомъ Марковичемъ отдаленное, то полагаемъ, что, когда онъ выхлопоталъ для себя Доказательство, и другія вѣтви рода Марковичей выпросили для себя въ Департаментѣ копіи съ него. Въ Зап. Як. Марковича объ Іосифѣ Марковичѣ упоминается—II, 398, 412; ему принадлежала часть с. Засулья и, кажется, часть с. Тарасовки въ Стародубьи (Оп. стар. Малор. вып. I, стр. 167).

О дочери Марка Марковича, бывшей за Кулябкою, см. Зап. Як. Марк. II, 339, 351 и др.

Объ Аннѣ, дочери Луки Андреевича (№ 9), есть свѣдѣнія въ Зап. Як. Марковича и въ архивномъ дѣлѣ о с. Короваяхъ; о мужѣ ея см. Зап. II, 378.

Иванъ Семеновичъ (№ 28) былъ сынъ Семена Андреевича (№ 10) отъ перваго брака. По Зап. Як. Марковича можно прослѣдить его жизнь довольно обстоятельно—см. I, 376, II, 121, 244, 276, 283, 285, 286; онъ женился въ 1749 г., а въ 1750 г. уже умеръ. О томъ, что онъ владѣлъ с. Короваями, упоминаетъ и Як. Андр. Марковичъ, но подробно говорится въ архивномъ объ этомъ селѣ дѣлѣ. Въ родословной 1797 г. онъ не показанъ, вѣроятно, потому, что умеръ давно, и родъ отъ него не пошолъ.

Иванъ Семеновичъ (№ 29) былъ сынъ Семена Андреевича (№ 10) отъ втораго брака; см. Зап. Як. Марк. II, 294 и 300. Женился онъ въ 1751 г. очень молодымъ, еще когда учился; потомъ жилъ въ с. Короваяхъ (см. выше архивное дѣло). Къ этому Ивану Семеновичу относится актъ, напечатанный Лучицкимъ op. cit. стр. 265, причемъ, судя по примѣчанію, подобные акты есть и еще. Въ родословной 1797 г. объ этомъ Марковичѣ упоминается.

О Варварѣ Семеновнѣ см. Зап. Як. Марк. I, 413; объ Аннѣ Семеновнѣ сообщено намъ г. Дорошенкомъ.

Объ Андреѣ Ивановичѣ (№ 30) говоритъ родословная 1797 г.; очевидно о немъ же, какъ о жителѣ г. Роменъ, сообщены свѣдѣнія

въ Ист. ст. опис. ром. Св. Дух. собора сост. И. Куриловымъ, только онъ ошибочно называется тамъ Андреемъ Андреевичемъ. О немъ же и о сестрѣ его упоминаетъ Як. Андр. Марковичъ въ Зап. II, 393, и видно, что въ этой семьѣ болѣе лицъ не было.

Но нами указаны, повидимому, не всѣ женщины V поколѣнія рода Марковичей, вѣтви Андрея Марковича (№ 3). Яковъ Андреевичъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ еще нѣсколькихъ племянницъ; это могутъ быть дочери или Семена Андреевича (№ 10), т. е. Варвара Семеновна и ея сестра (или сестры), или Марка Андреевича (№ 8), что менѣе вѣроятно, такъ какъ объ этой семьѣ въ запискахъ сохранилось болѣе свѣдѣній, или, наконецъ, Олеси Андреевны Троцкой. Въ виду неясности, я не помѣстилъ этихъ племянницъ въ родословную; но вотъ на нихъ указанія: II, 110—племянница Якова Андреевича была за Турковскимъ и умерла до 1740 г. II, 355—въ 1758 г. племянница Парафѣевская; это можетъ быть фамилія, ибо такая въ Малоросссіи существуетъ; но можетъ означать, что эта племянница была изъ с. Парафіевки, которая тоже есть (нынѣ въ борзенск. у. черниг. губ.); и II, 356—племянница, бывшая раньше попадьей въ с. Евдокольи, потомъ капитаншей.

Константинъ и Иванъ Дмитріевичи (№№ 31 и 32) есть въ родословныхъ; имя жены перваго узнано изъ дѣла въ Департаментѣ Герольдіи; имя жены второго, нашей прабабки, извѣстно намъ изъ семейныхъ разсказовъ.

Лица подъ №№ 33 и 34 и ихъ сестры—родъ историка Н. Ан. Маркевича, и, какъ мы сказали, повидимому свѣдѣнія о нихъ внесены въ родословную изд. Русск. Стариною изъ его бумагъ.

№ 35 упоминается въ Дневникѣ Ханенка стр. 261; вѣроятно, отъ него родъ не пошолъ.

Свѣдѣнія о дѣтяхъ Ивана Федоровича Марковича (№ 17): сынѣ Яковѣ (№ 36) и дочери Екатеринѣ, старшей чѣмъ сынъ, сохранились въ бумагахъ, полученныхъ нами отъ И. И. Марковича (см. выше), потомка этого Якова Ивановича. Изъ нихъ видно, что въ 1747 г., когда мать Ивана Федоровича уступнымъ письмомъ дѣлила имущество между наслѣдниками, его уже не было въ живыхъ,

а дѣти его были малолѣтними; потомъ они состояли въ опекѣ, и опекуномъ былъ дядя Андрей Федор. Марковичъ (№ 13), а березанскія имущества Думитрашковъ были въ опекѣ у значк. тов. лубенскаго Григорія Петровскаго. Около 1762 г. Яковъ Ивановичъ и Екатерина Ивановна раздѣлились родительскимъ имуществомъ, причемъ сохранился во первыхъ раздѣльный реестръ отъ 1762 г. марта 16-го, которымъ Екатеринѣ Ивановнѣ выдѣлялось весьма значительное движимое имущество изъ наслѣдства послѣ ея матери, и во вторыхъ мировая запись между Яков. И. Марковичемъ и мужемъ Ек. Ив—ны капитаномъ Петромъ Лукашевичемъ, 1766 г. февр. 4, коею Як. Марковичъ выдѣляетъ сестрѣ четвертую часть с. Козлова, а за провладѣніе ею въ теченіе 4 лѣтъ отдаетъ въ прилуцк. полку хуторъ Воронизкій со всѣми угодьями и съ лѣсами переволочанскими.

Еще ранѣе, въ 1763 г. 16 января Яковъ Ивановичъ уступчивымъ записомъ передалъ дядѣ своему Андр. Фед. Марковичу грунты въ Прилукѣ и возлѣ нея, полученныя въ наслѣдство, въ благодарность за хлопоты дяди по опекѣ. Но, кажется, эта передача была не совсѣмъ пристойная, такъ какъ сохранилось начало жалобы Екатер. Ивановны, бывшей уже замужемъ, въ генеральный судъ, что дядя ея, прилуцкій подкоморій Андр. Фед. Марковичъ не сдалъ находящаго у него въ опекѣ ея и брата отцовскаго, а болѣе материнскаго имущества, и что, устроивъ передачу опеки фавориту своему полковому эсаулу Никифору Носенку, онъ склонилъ затѣмъ Якова Ивановича передать ему, какъ сказано выше, отцовскія земли въ Прилукщинѣ. Въ прошеніи упоминается, что, какъ ею, такъ и ея братомъ къ Андр. Фед. Марковичу предъявлены иски. Чѣмъ кончилось дѣло—не видно, но Е. И. Лукашевичъ вела этотъ процессъ и въ 1766 г.

Затѣмъ о Яковѣ Ивановичѣ см. еще у Лучицкаго op. cit. № XLII. Имя жены его сообщено И. И. Марковичемъ; другое имя значится въ Мотыженскомъ архивѣ, К. 1890, стр. V; надо полагать, что онъ былъ женатъ дважды.

О лицахъ подъ №№ 37—40 (и сестрахъ ихъ) свѣдѣнія по-

лучены отъ П. Я. Дорошенка; есть эти лица и въ родословной 1797 г.

Яковъ Михайловичъ (№ 37)—авторъ Записокъ о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ ч. I. Спб. 1798; см. о немъ еще предисловіе къ 1 ч. Исторіи Малороссіи Бантыша-Каменскаго.

Объ Александрѣ Михайловичѣ (№ 40) см. еще въ журналѣ Древняя и Новая Россія 1879 г. № 1, стр. 53—55 г. Лазаревскаго: Марковичи стр. 82. Это издатель Записокъ Якова Марковича; онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ; изъ его сочиненій знаемъ историческую и статистическую записку о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ черниговской губерніи—Матерьялы для статистики Росс. Имперіи отд. IV, изд. 1840 г.

Свѣдѣнія о лицахъ, находящихся подъ №№ 41—43 частью есть въ родословной 1797 г., частью сообщены намъ внукомъ лица, означеннаго подъ № 41, Иваномъ Матвеевичемъ Марковичемъ; о женѣ указаннаго подъ № 41 — Кониской см. Сп. черниг. двор. стр. 49. Василій (№ 43) показанъ здѣсь начинающимъ службу въ измайловскомъ полку (стр. 50).

Лица, указанныя подъ №№ 44—46, есть въ родословной 1797 г. Свѣдѣнія о женѣ лица, означеннаго подъ № 45, и ея 2-мъ бракѣ сохранились въ дѣлахъ Департамента Герольдіи.

Лица подъ №№ 47—49 упоминаются въ дѣлахъ Департамента Герольдіи; о первыхъ двухъ (и ихъ сестрахъ) знаемъ и изъ разсказовъ ихъ потомковъ.

Лица, означенныя №№ 50—54 (и сестра ихъ) извѣстны намъ изъ семейныхъ разсказовъ; иныхъ мы и сами помнимъ; изъ нихъ Дмитрій и Илья Ивановичи (№№ 51 и 53) жили въ с. Туровкѣ, прилуцк. у.; а Петръ Ивановичъ (№ 54) въ с. Смоши того же уѣзда. Не ручаемся однако за правильность порядка именъ №№ 50—54, заимствованнаго нами изъ родословной изд. Русск. Стариною. По словамъ нѣкоторыхъ нашихъ родственниковъ вторымъ сыномъ Ивана Дмитріевича (32) былъ Александръ, третьимъ Петръ, четвертымъ Илья и пятымъ Дмитрій; впрочемъ, это не имѣетъ особаго значенія.

№№ 55 и 56 (и ихъ сестры) указаны въ родословной изд. Русск. Стариною; родъ историка Н. А. Марковича; № 55 жилъ въ с. Туровкѣ прилуцк. уѣзда.

Свѣдѣнія о № 57 (и его сестрѣ) частью сообщены И. И. Марковичемъ, его внукомъ, частью есть въ Департаментѣ Герольдіи; см. еще Сулиминскій Архивъ стр. 150.

Свѣдѣнія о лицахъ, означенныхъ №№ 58—63, и ихъ сестрахъ получены отъ П. Я. Дорошенка. № 60 жилъ въ с. Бучкахъ новгородъ-сѣверскаго уѣзда, № 61 въ д. Антоновкѣ пирятинск. уѣзда, и № 62 въ с. Перервинцахъ, тоже пирятинскаго уѣзда.

О лицахъ №№ 65—68 сообщено намъ И. Матв. Марковичемъ; иныя свѣдѣнія нашлись въ Департаментѣ Герольдіи; см. также Списки черн. двор. стр. 49. Эта вѣтвь Марковичей владѣла с. Шабалиновымъ.

Василій Ивановичъ (№ 69) упоминается въ родословной 1797 г., иныя свѣдѣнія отыскивались въ Департ. Герольдіи; жилъ онъ въ с. Кулажинцахъ пирятинскаго уѣзда. О женѣ его сообщилъ намъ его внукъ Д. В. Марковичъ, оговорившійся, что фамилію бабки онъ помнитъ не точно; между тѣмъ мать этого Василія Ивановича была во второмъ бракѣ за Керстиновымъ. Родословная изд. Р. Стариною считаетъ этого Василія Ивановича сыномъ Ив. Фед. Марковича (№ 17); Дмитр. Вас. Марковичъ полагалъ, что его дѣдъ Вас. Ив—чъ (№ 69) былъ сынъ Ив. Сем. Марковича (№ 29); но оба мнѣнія ошибочны; точныя свѣдѣнія мы нашли въ дѣлахъ Департамента Герольдіи; В. И. Марковичъ—внукъ Ив. Сем—ча (№ 29).

Лица, означенныя №№ 70—84, и ихъ сестры, извѣстны намъ или лично, или по семейнымъ разсказамъ; № 75 упоминается въ Департ. Герольдіи; № 70 жилъ въ с. Колесникахъ, №№ 74—80 въ с. Туровкѣ, № 81 въ с. Смоши и № 84 въ с. Гурбинцахъ; всѣ въ прилуцкомъ уѣздѣ.

№№ 85 и 86 и ихъ сестры—семья историка Н. Ан. Маркевича; самъ онъ жилъ въ с. Туровкѣ, братъ его въ с. Васковцахъ прилуцкаго же уѣзда.

№№ 87—89 частью извѣстны изъ дѣлъ Департамента Герольдіи, частью указаны И. И. Марковичемъ.

№№ 90—97 и ихъ сестры указаны намъ г. Дорошенкомъ.

О лицахъ подъ №№ 98—102 знаемъ частью отъ Ивана Матвеевича Марковича (№ 98), частью изъ дѣлъ Герольдіи.

Свѣдѣнія о №№ 103—107 сообщены Дмитріемъ Васильевичемъ Марковичемъ, сыномъ № 107.

Лица, помѣщенныя подъ №№ 110—121, и ихъ сестры намъ извѣстны лично.

Свѣдѣнія о лицахъ подъ №№ 122—127 и ихъ сестрахъ сообщены намъ сыномъ Андрея Николаевича Марковича (№ 122); но большинство изъ нихъ намъ извѣстно лично.

О лицахъ, указанныхъ подъ №№ 128—135, намъ сообщено Ипполитомъ Ивановичемъ Марковичемъ (№ 129).

№№ 136—140 извѣстны по указанію И. М. Марковича (№ 98) и по свѣдѣніямъ въ Департаментѣ Герольдіи.

О №№ 141—145 и сестрахъ ихъ сообщено намъ Дмитріемъ Васильевичемъ Марковичемъ (№ 143).

№№ 146—147 и ихъ сестры намъ извѣстны лично.

О №№ 148—157 и ихъ сестрахъ сообщено Ю. Н. Марковичемъ (№ 150).

О № 158 есть въ дѣлахъ Департамента Герольдіи.

О № 159 сообщено постороннимъ лицомъ.

Въ настоящей родословной есть, конечно, пропуски; напр. навѣрное не внесены многія лица, умершія въ молодости, память о которыхъ у ихъ родныхъ сгладилась; затѣмъ намъ извѣстно, что нѣкоторые Марковичи VIII и IX поколѣній имѣютъ семейства; но мы не знаемъ ихъ точно; они могутъ сами заявить о себѣ въ исправленіе настоящей родословной. Возможно. что въ этой родословной есть и неправильности.

Изъ старинныхъ портретовъ лицъ изъ рода Марковичей намъ извѣстны слѣдующіе, весьма немногіе:

1) Марка Аврамовича (№ 2) у Пармена Андреевича Марковича (№ 63) въ с. Сварковѣ, глуховск. у. (по указанію П. Я. Дорошенка). Это старая и нѣсколько испорченная копія съ оригинала, который долженъ былъ храниться въ Густынскомъ монастырѣ; см. объ этомъ Кіевск. Стар. 1885 г. № 12, статью П. Я. Дорошенка.

2) Андрея Марковича (№ 3)—несовсѣмъ достовѣрный, подаренный кѣмъ-то И. М. Марковичу (№ 98), владѣльцу с. Шабалинова; по словамъ лица, подарившаго портретъ, онъ изъ дома Скоропадскихъ или Полуботковъ перешолъ по наслѣдству въ его родъ и всегда былъ извѣстенъ, какъ портретъ Андрея Марковича (сообщено И. М. Марковичемъ).

3) Гетманши Анастасіи Марковны Скоропадской, очень хорошій— въ Гамалѣевскомъ монастырѣ; съ него хорошая литографія въ Дневныхъ Запискахъ Якова Марковича изд. 1859 г. (сообщено г. Дорошенкомъ).

4) Якова Андреевича (№ 6)—хранился въ с. Сварковѣ, но сгорѣлъ во время бывшаго тамъ въ 1870-хъ годахъ пожара. Литографія съ него, чрезвычайно удачная, въ тѣхъ же Дневныхъ Запискахъ (Сообщено г. Дорошенкомъ).

Затѣмъ имѣется нѣсколько портретовъ Марковичей, жившихъ недавно, напр. изъ VI поколѣнія: Андрея и Александра Михайловичей (№№ 39 и 40) у П. Ан. Марковича (№ 63) въ с. Сварковѣ; Ивана Константиновича (№ 47), бывшій въ с. Колесникахъ прилуцк. у. у Дм. Ив. Маркевича (70), а теперь находящійся въ с. Смоши того же у. у Мих. Александр. Гижицкаго; Петра Ивановича (№ 54)—два портрета: на полотнѣ и очень изящный медальонный на фарфорѣ—въ с. Гурбинцахъ того же уѣзда, у Елисаветы Петровны Новицкой; вѣроятно такіе, сравнительно поздніе, портреты есть и еще у кого либо изъ рода Марковичей.

Приложение къ родословной Марковичей.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РОДА МАРКОВИЧЕЙ.

Вопросъ о происхожденіи Марковичей—Маркевичей былъ источникомъ не малыхъ споровъ и до сихъ поръ не можетъ считаться рѣшеннымъ. Въ сущности для насъ интересно лишь происхожденіе извѣстныхъ малорусскихъ Марковичей, именно потомковъ Марка Аврамовича (№ 2 въ нашей родословной), а не вообще Марковичей, и даже не вообще малорусскихъ Марковичей. Это вопросы неразрѣшимые, такъ какъ фамилія Марковичей патрономинальная, подобно великорусскимъ Марковымъ; она сперва была отчествомъ, а потомъ стала прозвищемъ и фамиліей и лишь обозначаетъ дѣтей и потомковъ Марка, какого бы ни былъ этотъ Маркъ происхожденія. Какъ отчество, Марковичъ употреблялось еще въ древне-русской исторіи: въ половинѣ XIII в. знаемъ галицкаго боярина Якова Марковича, въ началѣ XIV в. былъ тверской бояринъ Александръ Марковичъ; но смѣшно было бы видѣть въ нихъ предковъ позднѣйшихъ Марковичей: у этихъ бояръ просто отцы имѣли имя Марка. Если мы гдѣ либо позднѣе въ исторіи южной Руси встрѣчаемъ Марка [1]), то дѣти его, если у него таковыя имѣлись, были Марковичи. Но дѣло въ томъ, что попадаются такіе Марковичи (и Маркевичи) въ южной Россіи XVI—XVIII в., генеологическая связь которыхъ съ извѣстными малорусскими Марковичами путемъ гипотезъ можетъ казаться установленною, хотя эти гипотезы и очень смѣлы. Вотъ онѣ то и

---

[1]) Напр. Маркъ, Пекаринъ зять, мѣщанинъ межирицкій въ Брацлавщинѣ, бывшій въ 1596 г. атаманомъ въ войскѣ Лободы, или Маркъ, козацкій черкасскій полковникъ, жившій въ половинѣ XVII в. въ с. Антоновкѣ, и т. п.; см. этихъ лицъ въ указателѣ къ изданіямъ Кіевск. коммиссіи для разбора древн. актовъ К. 1878 г.

повели къ спорамъ, почти безуспѣшнымъ, и стали источникомъ мнѣній о происхожденіи малорусскихъ Марковичей отъ евреевъ, сербовъ, изъ западной Россіи и изъ южной Россіи; причемъ иные изслѣдователи пытались и согласить эти мнѣнія, хотя очень малоуспѣшно.

Мнѣніе о еврейскомъ происхожденіи Авраама (№ 1 нашей родословной), а слѣдовательно и его потомковъ—Марковичей есть найболѣе ходячее и, пожалуй, найболѣе обоснованное на фактахъ; его особенно поддерживаетъ Лазаревскій въ статьѣ о Марковичахъ. Но приводимые имъ въ доказательство факты можно истолковать и такимъ образомъ, что относительно Андрея Марковича (№ 3) уже было въ 20-хъ годахъ XVIII в. преданіе, что его предки были выкресты изъ евреевъ, объясняемое, можетъ быть, какъ характеромъ Андрея Марковича, такъ и знаніемъ, что есть Марковичи евреи (см. ниже), да еще, пожалуй, и тѣмъ, что Марковичи, какъ мы сказали выше въ примѣчаніяхъ къ родословной, могли дѣйствительно перейти изъ православія въ уніатство и изъ уніатства опять въ православіе. Но окончательнаго убѣжденія въ еврейскомъ происхожденіи Андрея Марковича, человѣка начала XVIII в., факты, приводимые Лазаревскимъ, не даютъ, особенно когда мы видимъ дѣйствующими въ XVII в. въ той же самой мѣстности, гдѣ жили Авраамъ и его потомки Марковичи, иныхъ Марковичей, какъ то прилучанина Якуба Марковича въ 1615 г. (Лѣт. мон. Густ. стр. 8) и урядника прилуцкаго Адама Марковича въ 1638 г. (Акты отн. до истор. южн. и зап. Рос. т. III, стр. 6—7), въ дѣятельности которыхъ находимъ достаточно общихъ чертъ съ дѣятельностью извѣстныхъ уже намъ Марковичей XVIII в. (см. выше). Г. Дорошенко, даже не располагая этими фактами, все же отрицаетъ мнѣніе о еврейскомъ происхожденіи извѣстныхъ Марковичей, не выставляя, впрочемъ, своего мнѣнія, кажется, онъ склоненъ приписывать Марковичамъ присхожденіе мѣстное, южнорусское.

Иное мнѣніе, горячо поддерживаемое въ свое время историкомъ Никол. Андр. Марковичемъ и перешедшее въ родословную изд. Русскою Стариною, приписываетъ Марковичамъ происхожденіе сербское. Въ Сербіи, въ Нахіи Барской, между Баромъ и Скутарскимъ озе-

ромъ есть цѣлое племя Мрковичей, иначе Марковичей; нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли въ послѣднее время историческую извѣстность, напр. Свѣтозаръ Марковичъ. Относительно переселеній сербовъ Марковичей въ Россіи въ XVIII—XIX в. имѣются положительныя данныя; такъ въ 1754 г. былъ сербскій прапорщикъ Дмитрій Марковичъ, даже презрительно относившійся къ „малороссійской породѣ" (Кіевск. Стар. 1885 г. № 7, стр. 510); какой то Николай Марковичъ сербской націи изъ г. Будина въ 1761 г. поступилъ корнетомъ въ острогожскій легкоконный полкъ, и потомство его живетъ въ бирючск. у. воронежск. губ. [1]); въ Одессѣ и теперь есть г. Марковичъ, сербъ по происхожденію, даровитый каррикатуристъ и сотрудникъ мѣстныхъ газетъ. Но нельзя ли найти въ южной Руси сербовъ Марковичей въ XVII в.?

Сперва сопоставимъ такіе факты: сербы въ Малороссію вообще выѣзжали и съ XVI в. въ козакахъ служили [2]); въ XVII в. мы ихъ встрѣчаемъ даже въ старшинѣ; такъ Иванъ Сербинъ (убитый въ 1665 г.) былъ козацкимъ брацлавскимъ полковникомъ, Василій Войца Сербинъ былъ при ц. Феодорѣ Алексѣевичѣ переяславскимъ полковникомъ и т. п. Въ 1611 г. мы и встрѣчаемъ „свовольнаго козака" Марка Сербина [3]), жившаго на Волыни (Арх. ю. з. Росс. ч. I, т. 1, стр. 174—184); дѣти его, или другого, подобнаго ему серба Марка, непремѣнно были Марковичи, а затѣмъ и ихъ потомки, если только эти дѣти и потомки существовали.

Далѣе, была какая то связь между малорусскими Марковичами начала XVIII в. и сербскими выходцами вообще; такъ епископъ г. Ниша Рувимъ, прибывшій въ Россію изъ Сербіи и долго жившій въ построенномъ имъ монастырѣ близь г. Сосницы, поѣхалъ за

---

[1]) Изъ дѣла въ Департ. Герольдіи; въ другомъ дѣлѣ упоминается Иванъ Марковичъ подполковникъ въ 1789 г. въ иллирическомъ полку—греческой націи; его потомство живетъ въ бахмутск. уѣздѣ екатериносл. губ.

[2]) Въ южной Руси есть даже села Сербы, изъ которыхъ одно на Волыни въ нынѣшнемъ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ, другое въ подольской губерніи, въ могилевскомъ уѣздѣ.

[3]) Этого факта не знали ни историкъ Ник. Андр. Марковичъ, ни составитель родословной, изд. Русск. Стариною, иначе они не преминули бы имъ воспользоваться.

милостынею къ ирклієвскому сотнику Словую [1]), родомъ тоже сербу, а потомъ къ Андрею Марковичу, въ гостяхъ у котораго и умеръ (Чтен. моск. общ. ист. и др. 1884 г. кн. II, Опис. актовъ южнорусск. монастырей стр. 23). Извѣстный Феофанъ Прокоповичъ не разъ отправлялъ къ Якову Андреевичу Марковичу (№ 8) сербовъ съ просьбою о нихъ позаботиться (Кіевск. Стар. 1882 г. № 6. Письма Феофана Прокоповича къ Як. Андр. Марковичу 1716—1719 г.). Такіе факты дѣйствительно могутъ сдѣлать довольно правдоподобнымъ предположеніе о сербскомъ происхожденіи малорусскихъ Марковичей; но для окончательнаго въ этомъ убѣжденія ихъ все же недостаточно; можетъ быть Марковичи начала XVIII в. уже знали о сербахъ Марковичахъ и сами хотѣли казаться людьми сербскаго происхожденія.

Иные изслѣдователи выводятъ малорусскихъ Марковичей изъ западной Руси; именно архіеп. Филаретъ черниговскій считалъ предкомъ Маркевичей слуцкаго выходца XVII в. купца Марка Гимбара (Ист. ст. опис. черн. еп. VII, стр. 300), преданія о которомъ, какъ объ основателѣ с. Березы подъ г. Глуховомъ, сообщилъ нѣкто Козьма Зарульскій Як. Андр. Марковичу, помѣстившему ихъ въ своихъ Запискахъ. Будою, гдѣ Маркъ Гимбаръ [2]) выдѣлывалъ поташъ и смальчугъ, владѣла по его смерти жена его „Марчиха", почему и буда эта стала называться Марчишина буда (Дневн. Зап. Як. Марк. I, 286—287).

У этого Марка Гимбара былъ сынъ Маркъ Марковичъ Гимбаровичъ, владѣлецъ с. Березы въ 60-хъ годахъ XVII в., о которомъ нѣкоторыя свѣдѣнія тоже сообщены у архіеп. Филарета (op. cit. VII, стр. 300, также стр. 359); но онъ, повидимому, смѣшиваетъ его съ отцомъ, тогда какъ это явно два разныхъ лица, почему преданіе объ основаніи Маркомъ Гимбаромъ с. Березны опро-

---

[1]) Предокъ Романовичей-Славатинскихъ.

[2]) Архіеп. Филаретъ и Лазаревскій называютъ этого Гимбара Кимбарою (первый, впрочемъ, съ извѣстною цѣлью—см. ниже); конечно, онъ писался Кгимбаръ или Кгимбара, причемъ Кг произносилось, какъ g; Як. Андр. Маркович и называетъ его Гимбаромъ; потомъ иные стали произносить Кг, какъ к.

вергнуто у арх. Филарета неправильно, такъ какъ универсалъ 1662 г. нѣжинскаго полковника Василія Золотаренка, по которому дано Марковичу с. Береза, гдѣ уже былъ войтъ etc. (Зап. черн. губ. ст. комм. 1866 г. кн. I, стр. 17) относится къ сыну, т. е. къ Марку Марковичу и очевидно лишь подтверждаетъ его право на владѣніе с. Березой. Къ Марку Марковичу же относятся и указанія Лазаревскаго, что онъ умеръ въ 1669 г., а вдова его Агафья Ефимовна постриглась въ 1671 г. въ монахини и устроила глуховскій Преображенскій монастырь. Отецъ же, т. е. Маркъ Гимбаръ въ такомъ случаѣ былъ человѣкомъ примѣрно первой четверти XVII в.

Сознаемся, что показаніе Зарульскаго въ началѣ XVIII в. о событіи начала XVII в. есть свѣдѣніе довольно смутное; Як. Андр. Марковичъ и занесъ его въ Записки, какъ преданіе; но оно недурно объяснило бы намъ появленіе въ лѣвобережной Малороссіи нѣкоторыхъ изъ Марковичей раньше рода Авраама, и притомъ какъ разъ въ томъ районѣ (Стародубье, Глуховъ), гдѣ потомъ дѣйствовалъ и родъ Марка Аврамовича. Якубъ и Адамъ Марковичи прилучане могли быть родственниками черниговскихъ Марковичей и предками Авраама, Марка Авраамовича и т. д.

Лазаревскій считаетъ предположеніе о происхожденіи Марковичей отъ Гимбара однако ошибочнымъ, не объясняя, почему; между тѣмъ оно вовсе не противорѣчитъ его мнѣнію о еврейскомъ ихъ происхожденіи, ибо слуцкій купецъ Гимбаръ могъ быть именно выкрещенный еврей. Принимать же мнѣніе архіеп. Филарета о происхожденіи Гимбара отъ литовскихъ шляхтичей герба Сѣкиры фамиліи Кимбаръ вовсе нѣтъ необходимости. Какъ извѣстно, и въ посполъствѣ и у евреевъ попадаются фамиліи, сходныя съ шляхетскими, напр. Абрамовичи [1]).

---

[1]) Были евреи и Ограновичи—см. Протоk. засѣд. археогр. комм. I, стр. 327 въ 1516 г.; припомнимъ, что Маркъ Аврамовичъ (№ 2) былъ женатъ на дочери Корнѣенка, позднѣе прозывавшагося Ограновичемъ, предка малорусскихъ Ограновичей.

Одно время и мы готовы были утверждать, что дѣйствительно Марковичи, потомки Авраама (№ 1), происхожденія западно-русскаго, а именно, что они родомъ изъ Корнина (нынѣ мѣстечко сквирского уѣзда кіевской губерніи). Въ помянникѣ Супрясльскаго монастыря (Виленская Публичная библіотека рукопись № 29, стр. 58) записанъ родъ Марковичи з Корнина: Помяни, Господи, рабъ своихъ Феодора, Акилину, Пелагею, Ирину, Мартина и Лазаря. Такъ какъ у Марка Аврамовича (№ 3) былъ сынъ Феодоръ (№ 5) и дочери Пелагея и Ирина, то можно было полагать, что записанные въ супрясльскомъ помянникѣ Марковичи относятся къ извѣстнымъ малорусскимъ Марковичамъ, которые такимъ образомъ явились бы родомъ изъ Корнина; тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ ниже, есть достаточо указаній на пребываніе вообще Марковичей на Волыни, на границѣ съ которою лежитъ и м. Корнинъ. Принявъ предположеніе г. Лазаревскаго, что у Марка Авраамовича (№ 3) было пять сыновей, мы видѣли въ Мартинѣ и Лазарѣ тѣхъ сыновей, имена которыхъ остаются неизвѣстными. Имя Акилины Марковичъ насъ не затрудняло, такъ какъ неизвѣстны многія изъ женщинъ рода Марковичей XVII—XVIII в., какъ это видно изъ самой родословной. Но знакомство съ копіей духовнаго завѣщанія Феодора Марковича убѣдило насъ, что у него было только два брата (см. выше). Однако предположеніе, что запись относится къ роду прилуцкихъ Марковичей, все же возможно: Мартинъ и Лазарь могутъ быть такими лицами изъ рода Марковичей, которыя умерли очень молодыми и потому не попали въ какіе либо акты или въ родословныя.

Смущаетъ насъ нѣсколько приписка на боку въ Супрясльскомъ помянникѣ при этомъ родѣ Марковичей: рока 1724,—какъ-бы указывающая, что означенныя въ помянникѣ лица умерли до этого года, тогда какъ и Федоръ Марковичъ, и сестры его этотъ годъ пережили; но самое помѣщеніе приписки сбоку, какъ бы случайно, указываетъ, что она позднѣйшая и потому можетъ быть неточною.

Почему внесены въ супрясльскій помянникъ только эти Марковичи, сказать трудно; но опять возможно предположеніе, что семья Феодора Марковича, послѣ его смерти, могла вспомнить о Корнин-

скомъ происхожденіи Марковичей и сдѣлать пожертвованіе въ Супрясльскій монастырь на поминъ души его и нѣкоторыхъ, почему либо въ данное время обратившихъ вниманіе его семьи, членовъ его рода. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, что на корнинскомъ происхожденіи Марковичей нашего рода мы не особенно настаиваемъ; прибавимъ развѣ, что на единство этого рода съ родомъ малорусскихъ Марковичей, равно и съ родомъ Марка Кгимбаровича указываютъ и библейскія имена: Яковъ, Адамъ, Авраамъ, Маркъ, Лука, Лазарь. Имена эти собственно еврейскія; но ими можно подкрѣпить и нетолько гипотезу о еврейскомъ происхожденіи рода Марковичей, но и о сербскомъ, такъ какъ у сербовъ тоже очень часты библейскія имена.

Конечно, приведенное выше указаніе, что Марковичи могли быть родомъ изъ Корнина, нисколько не противорѣчитъ мнѣнію Лазаревскаго о ихъ еврейскомъ происхожденіи: они могли быть тамъ выкрещенными евреями.

Въ доказательство западно-русскаго происхожденія Марковичей приводятъ еще одинъ, слѣдующій фактъ: Въ спискѣ волынскихъ обывателей 1569 г. упоминается Павелъ Яцковичъ Черневскій з Марковичъ (жизнь кн. Курбскаго I, 20). Указаніе на Волынь довольно любопытно; припомнимъ, что и Марко Сербинъ жилъ на Волыни, и Корнинъ близко отъ нея, и Слуцкъ не особенно далеко отъ Волыни, особенно тогдашней; ниже приведемъ и еще указанія на Марковичей съ Волыни. Но что значитъ з Марковичъ? Вѣрнѣе всего, что это обозначеніе мѣстности; извѣстно даже село Марковичи въ мельницкой волости въ луцкомъ повѣтѣ [1]), на Волыни (Акты отн. къ ист. ю. и з. Р. т. VI подъ 1450 г.; ими владѣлъ луцкій земянинъ панъ Олизаръ Шиловичъ); тогда это указаніе не имѣетъ той важности, которую ему приписываютъ. Но, если понимать з Марковичъ въ смыслѣ изъ рода Марковичей, то оно

[1]) Въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой въ XVII в. были еще села Марковичи (Старые и Новые—Доп. къ А. И. т. XI, стр. 17); есть они и нынѣ, на южной границѣ могилевской губерніи; см. въ Новомъ Времени 1886 г. № 3699 въ статьѣ С. В. Максимова въ концѣ насмѣшки надъ жителями с. Марковичей.

служитъ довольно важнымъ указаніемъ на существованіе западно-русскихъ Марковичей въ XVI в.

Чтобы спасти это, казавшееся ему столь цѣннымъ, указаніе на родъ Марковичей, составитель родословной изд. Русскою Стариною допускалъ, что Марковичи сербы сперва переселились на Волынь и потомъ, уже во время гоненій на православіе, не желая принять уніи, перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. Это, конечно, домыслъ самого составителя родословной и несовсѣмъ удачный, такъ какъ одинъ изъ очень рано извѣстныхъ Марковичей лѣвобережья Адамъ былъ именно гонитель православія; но, какъ мы видѣли, Марко Сербинъ въ 1611 г. дѣйствительно жилъ на Волыни, и эта дата отдѣлена отъ указанія на Павла Яцковича з Марковичъ промежуткомъ всего въ 42 года, что весьма немного; на переселеніе же Марковичей изъ правобережья Днѣпра въ лѣвобережье указываетъ и гипотеза архіеп. Филарета и запись помянника Супрясльскаго монастыря; смѣнить же унію на православіе Марковичи могли въ половинѣ XVII в.

Мы готовы допустить еще одно предположеніе, которое, еслибы его можно было доказать, не мало могло бы содѣйствовать разрѣшенію вопроса о происхожденіи Марковичей. Не ошибся ли архіеп. Филаретъ въ показаніи, что Маркъ Гимбаръ былъ выходецъ изъ Слуцка и не слѣдуетъ ли читать с Луцка, т. е. изъ Луцка, значитъ опять съ Волыни? [1]) Это предположеніе еще лучше можетъ быть согласно съ корнинскимъ происхожденіемъ Марковичей и не противорѣчитъ мнѣнію Лазаревскаго.

Словно нарочно для того, чтобы затруднить рѣшеніе вопроса о происхожденіи рода Марковичей, но въ тоже время и завлечь къ его рѣшенію, находимъ очень странное совпаденіе: мы видѣли на Волыни въ 1569 г. пана Павла Яцковича Черневскаго з Марковичъ, причемъ Яцковичъ здѣсь вѣроятнѣе всего отчество—сынъ Яцека (Іакинфа). Маркъ Гимбаровичъ, о которомъ тоже было говорено выше, былъ товарищемъ пана Ивана Яцковича: они вмѣстѣ

---

[1]) По крайней мѣрѣ знаемъ, что на Волыни въ луцкомъ повѣтѣ былъ землевладѣльцемъ одинъ изъ Кимбаровскихъ (Арх. ю. з. Р. ч. 3, т. II, стр. 375).

заложили около г. Чернигова двѣ буды (Ист. ст. оп. черн. еп. VII, 359). Затѣмъ встрѣчаемъ около г. Стародуба и село Яцковичи (ibid. 100—101 и Опис. Стар. Малор. вып. I, стр. 146). Фамилія Яцковичъ, потомъ Яцкевичъ, могла быть и сербскою; по крайней мѣрѣ мы сами знали въ Москвѣ Яцкевичей, приписывавшихъ себѣ сербское происхожденіе; съ другой стороны Яцковичи могли быть и евреями, только выкрестившимися и нобилизированными.

Укажемъ и еще одно совпаденіе: Сергій Кимбаръ около 1536 г. былъ супрясльскимъ архимандритомъ (А. ю. з. Р. ч. I, т. VII, стр. 1).

Въ XVII—XVIII в. встрѣчаются въ лѣвобережной Малороссіи, т. е. въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ, Марковичи,—которые живутъ и дѣйствуютъ въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ и потомки Авраама и въ одно и тоже время, но, повидимому, не принадлежатъ къ этому роду; фактовъ мы подобрали достаточно, занимаясь въ архивѣ Департамента Герольдіи, и здѣсь укажемъ лишь на важнѣйшіе:

Въ архивѣ Департамента Герольдіи находится дѣло 1791 г., изъ котораго видно, что искали признанія ихъ дворянами Марковичи, представившіе слѣдующую свою генеологію: предокъ ихъ Маркъ былъ шляхетской породы и жилъ въ Чигиринѣ, откуда сынъ его Иванъ или Богданъ въ 1677 г. пріѣхалъ въ нынѣшнюю Полтавщину съ двумя братьями Григоріемъ и Каленикомъ и съ сыномъ старшаго брата Ивана же Кирилломъ. Всѣ эти лица въ концѣ XVII в. были козаками, причемъ Григорій Марковичъ въ 1712 г. былъ рѣшетиловскимъ сотникомъ; козами были и дѣти ихъ. Потомство этихъ Марковичей въ нѣкоторыхъ линіяхъ измѣнило фамилію: такъ потомки Богдана стали Богдановичами (вѣроятно, извѣстный и нынѣ малорусскій родъ), потомки Григорія съ фамиліей Марченко жили въ константиноградскомъ уѣздѣ и затѣмъ переселились въ екатеринославскую губернію, гдѣ живутъ и нынѣ. Изъ дѣла видно, что родъ (Марченки) сталъ очень мелкопомѣстнымъ; но все же въ дворянствѣ онъ былъ признанъ.

Замѣтимъ здѣсь, что указанный родъ Марковичей считалъ себя вышедшимъ изъ Чигирина, т. е. для конца XVII в. изъ польскихъ владѣній; такое же происхожденіе приписывалъ себѣ и еще

одинъ родъ Марковичей, искавшій дворянства въ 1837 г.; этотъ родъ производилъ себя отъ Карпа Марковича, выходца изъ Польши въ Черниговъ, гдѣ, судя по документамъ, онъ жилъ въ 1681 г.; сынъ его Иванъ былъ войсковымъ товарищемъ, внуки бунчуковыми товарищами и пр. Лицо, искавшее дворянства, жило въ г. Енотаевскѣ, астраханск. губ.

Въ Черниговщинѣ въ концѣ XVII в. знаемъ и еще родъ Марковичей, происхожденіе котораго не извѣстно. Лица изъ него, искавшія дворянства тоже въ 1837 г., показали предкамъ Якова Марковича, обывателя стародубскаго, который въ универсалахъ гетмана Самойловича называется паномъ; самый ранній универсалъ 1673 г.; имъ жалуется Якову Марковичу млинъ на р. Човпнѣ. Здѣсь Яковъ Марковичъ осадилъ село Човпню, которое и наслѣдовали его потомки, сперва бывшіе войсковыми товарищами Марковичами, потомъ, ставшіе въ отличіе отъ другихъ Марковичами—Човплянскими, и наконецъ просто Човплянскими, причемъ они очень измельчали, захудали и превратились въ простыхъ козаковъ; дворянство ихъ было признано.

По всей вѣроятности указанный выше Яковъ Марковичъ есть то самое лицо, которое въ 1667 г. было войтомъ стародубскимъ (см. Ист. стат. оп. черн. епарх. VII, стр. 100).

Въ Стародубьи же встрѣчаемъ въ XVII в., даже въ первой половинѣ, шляхтича Марковича, владѣльца с. Синина (см. Опис. Стар. Малор. вып. I, стр. 142).

Затѣмъ въ 1691 г. при размежеваніи земель Бречицкаго монастыря (въ 4 верстахъ отъ м. Березны) въ числѣ сосѣднихъ обывателей былъ панъ Василій Марковичъ, есаулъ полка черниговскаго (Ист. ст. опис. черн. епар. IV, 175—176 примѣч.); а въ церкви с. Локотки, глух. уѣзда, есть синодикъ, начатый въ 1704 г. при пресвитерѣ Иванѣ Марковичѣ (Зап. черн. губ. стат. комм. 1866 г. кн. I, стр. 158). Въ синодикъ этотъ внесены для поминанія гетманъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій, жена его Анастасія Марковна и дочь ихъ Іульянія Ивановна Толстая. Это могло бы служить доказательствомъ принадлежности локотковскаго священника

къ тому роду Марковичей, изъ котораго была и гетманша (что одинъ изъ Марковичей былъ пресвитеромъ, это встрѣчаетъ себѣ аналогію и среди весьма многихъ малорусскихъ родовъ); но съ другой стороны гетманскую семью и безъ того могли поминать въ малорусской деревенской церкви, да еще и возлѣ Глухова, гдѣ она легко могла пользоваться гетманскою благотворительностью.

Всѣ приведенныя выше указанія достаточно объясняютъ существованіе весьма многихъ Марковичей, не принадлежащихъ къ роду Марка Аврамовича, даже изъ живущихъ нынѣ въ Черниговщинѣ или въ Полтавщинѣ (см. напр. нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые есть въ черниговской дворянской книгѣ); иные могли получить дворянство поздно, путемъ выслуги, какъ это произошло въ 1830 г. съ роменскимъ повѣтовымъ врачемъ Филиппомъ Ивановичемъ Марковичемъ, происходившимъ изъ малорусской шляхты и дослужившимся до статскаго совѣтника; отъ него пошолъ особый родъ Марковичей (дѣло въ Департаментѣ Герольдіи). По адрессъ-календарямъ встрѣчается Марковичей и Маркевичей весьма много.

Можемъ привести нѣсколько указаній на малорусскихъ Марковичей даже первой половины XVII в., но, по нашему мнѣнію, они не принадлежатъ къ роду Марковичей, а просто каждый изъ нихъ имѣлъ отцомъ какого либо Марка. Такъ козакъ войска запорожскаго Андрей Марковичъ пожертвовалъ 14 сентября 1600 г., вмѣстѣ съ товарищами (изъ коихъ одинъ—Петръ тоже, кажется, Марковичъ) евангеліе въ переяславскую Воскресенскую церковь (Максимовичъ соч. I, стр. 318); въ дневникѣ Окольскаго подъ 1638 г. упоминается козачій сотникъ каневскій Петро Марковичъ (Лѣт. Сам. Величка т. IV, прилож. стр. 283); въ лѣтописи Грабянки подъ 1650 г. въ числѣ пословъ Богдана Хмельницкаго къ королю Яну Казимиру названъ козакъ Марковичъ, пожалованный королемъ въ шляхетское званіе, что, впрочемъ, тогда въ глазахъ козаковъ значенія еще не пріобрѣло (Лѣт. Григ. Грабянки К. 1853 г. стр. 88). Къ этимъ козакамъ, имѣющимъ отчество Марковичъ, могли бы подойти и дѣти названныхъ выше Марка Пекарина зятя и Марка козацкаго черкасскаго полковника, если только у нихъ были дѣти.

Въ концѣ XVII и въ XVIII в., когда малорусскіе Марковичи стали историческими дѣятелями, по прежнему встрѣчаются въ правобережной Малороссіи, и особенно на Волыни самые разнообразные Марковичи—Маркевичи, и православные, и уніаты (т. е. раньше все же православные), и католики: такъ въ 1697 г. одинъ изъ Марковичей былъ панцырнымъ бояриномъ въ волынскомъ имѣніи кн. Доминика Шуйскаго (Арх. Ю. З. Р. ч. 3, т. II. стр. 350); въ 1710 г. Остапъ Маркевичей былъ бургомистромъ г. Выжвы въ ковельскомъ староствѣ на Волыни (ibid. ч. 5, т. I, стр. 239)[1]).

Въ половинѣ XVIII в. знаемъ каменецкихъ мѣщанъ Александра, Андрея и Михаила Маркевичей, изъ которыхъ первый игралъ въ г. Каменцѣ выдающуюся роль, былъ райцею и войтомъ[2]). Уніатомъ былъ Михаилъ Маркевичъ, пребендарій коденскій, можетъ быть родственникъ переселившихся въ лѣвобережье Марковичей, судя по отношенію къ Супрясльскому монастырю, которому онъ далъ 500 tymfów, съ тѣмъ чтобы еженедѣльно по средамъ у алтаря св. Іосафата мученика въ отпущеніе грѣховъ жертвователя, до самой смерти его, служилась обѣдня, а послѣ его смерти отслужено было по душѣ его 250 заупокойныхъ обѣденъ. Запись объ этомъ почерка XVIII в.. находится на 7 стр. Супрясльскаго синодика. (Рукопись № 89 въ Виленск. публ. библіотекѣ; она зачеркнута—вѣроятно потому, что обязательство было монастыремъ выполнено).

Наконецъ въ XIX в. знаемъ Маркевичей (православныхъ) изъ правобережья, принадлежащихъ къ духовному сословію, напр. Григорія Маркевича, статьи котораго помѣщались въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, Арсенія Ивановича Маркевича, автора изслѣдованія о Крыжаничѣ и другихъ[3]).

---

[1]) Въ указателѣ къ изданіямъ Кіев. Комм. для разбора древн. актовъ т. I К. 1878 г. упомянуты и дворяне Марковичи, но по ссылкѣ ихъ не оказывается. Есть здѣсь и еще указанія на Марковичей и Маркевичей.

[2]) См. названный выше указатель, но Андрея и Михаила надо искать подъ словомъ: Маркевичи, мѣщане каменецкіе.

[3]) Въ 1869 г. около м. Турова въ д. Черничахъ былъ крестьянинъ *Авраамъ* Тихоновъ. Маркевичъ—Сборн. Чубинскаго т. VI, стр. 330—331.

Можетъ быть отъ какихъ либо волынскихъ, кіевскихъ, или подольскихъ Марковичей, впослѣдствіи ополячившихся, принявшихъ католичество и нобилизированныхъ, пошли и нынѣ существующіе въ западной Россіи и Польшѣ дворяне Маркевичи, герба Лебедь; хотя собственно шляхтичи Маркевичи извѣстны въ Рѣчи Посполитой, кажется, съ XVII в.; такъ какой то Марковичъ, чуть ли не жмудинъ, былъ въ хотинской войнѣ, т. е. въ 20-хъ годахъ XVII в., товарищемъ въ ротѣ Самуила Паца (Wolff Pacowe стр. 90); панъ Янъ Маркевичъ былъ весною 1634 г. старостою виленскимъ (Восходъ 1887 г. № 4. Бершадскій стр. 72); какой то Маркевичъ подписалъ элекцію короля Яна Казимира [1]). Католиками были и недавній владѣлецъ с. Ягорлыка, балтскаго уѣзда, подольск. губ., М. М. Маркевичъ, бывшій въ г. Одессѣ мировымъ судьею, и братъ его, извѣстный романистъ Болеславъ Михайловичъ, перешедшій, впрочемъ, въ православіе.

Но въ Рѣчи Посполитой были не только Маркéвичи, но и Марковичи, даже католики и, какъ это видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Департамента Герольдіи, такихъ было не мало родовъ; затѣмъ въ львовской университетской библіотекѣ сохранилась очень важная для исторіи края Księga sklepowa Iana Markowicza, kupca korzennego i lawnika miasta Krakowa, подробно описанная д-ромъ Кубалою (см. его Szkice historiczne, serya druga, Lwów 1881 г., стр. 293—323). Этотъ краковскій купецъ Янъ Марковичъ жилъ въ XVII в. (1613—1686 г.); отецъ его—тоже Янъ Марковичъ, былъ мѣщанинъ краковскій, а одинъ изъ сыновей былъ капелланомъ въ г. Луцкѣ—на Волыни.

Въ той части Малороссіи, которая принадлежала Россійской Имперіи, и въ Запорожьи встрѣчаемъ обособленныхъ, повидимому, Марковичей въ 30-хъ годахъ XVIII в., т. е. когда дѣти и нѣкоторые изъ внуковъ Марка Аврамовича были уже замѣтными лицами

---

[1]) Какіе то Маркевичи оказались родственниками Мартина Лютера! у нихъ въ теченіи 200 лѣтъ сохраняется его обручальное кольцо, которое въ концѣ 1886 г. было выставлено въ Варшавѣ (Новости 1886 г. № 336, 1-е изданіе).

въ Малороссіи [1]). Таковъ былъ іеромонахъ, а потомъ намѣстникъ Кіево-Межигорскаго монастыря Павелъ Марковичъ (Маркевичъ), живавшій и въ Запорожьи, и вообще въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской епархіи (см. Историч. обозр. правосл. христ. церкви въ предѣл. нынѣшн. екатериносл. епархіи Ек. 1876 г., стр. 42—43; Скальковскій Ист. Нов. Сѣчи ч. I изд. 3, стр. 131; Историч. очерки изд. Ал. Андріевскимъ вып. 9, стр. 76 и д.). Этотъ Павелъ Марковичъ выкрестилъ еврея, который принялъ его фамилію и сталъ Иванъ Марковичъ Перехристъ (Андріевскій l. c.); онъ потомъ былъ въ Запорожьи; по крайней мѣрѣ въ 1748 г. встрѣчается запорожецъ Иванъ Марковичъ (Скальковскій op. cit. стр. 261).

Но среди евреевъ были, да и теперь есть свои Марковичи. Уже въ 1648 г. Самуель Марковичъ былъ старшиною виленской еврейской общины (Восходъ 1887 г. № 7—8, стр. 105); во время коронаціоннаго сейма 1669 г. король Михаилъ (Вишневецкій) утвердилъ за евреями извѣстныя права и преимущества въ Польшѣ, причемъ во вступленіи сказано, что это сдѣлано отчасти вслѣдствіе покорной просьбы невѣрнаго Мойсея Марковича, генеральнаго еврейскаго синдика, уполномоченнаго еврейскими общинами королевства. Съ другой стороны намъ извѣстны и нынѣ евреи Марковичи въ Одессѣ. По объясненію знакомыхъ евреевъ эти новые еврейскіе Марковичи—въ большинствѣ случаевъ собственно Мордковичи; но, для благозвучія, они смѣнили свое прозвище на сходную и притомъ довольно извѣстную фамилію, что у евреевъ практиковалось постоянно.

Сообщивъ о Марковичахъ—Маркевичахъ такъ много фактовъ, къ какимъ же результатамъ можемъ мы прійти относительно вопроса о происхожденіи извѣстныхъ малорусскихъ Марковичей? Очевидно,

[1]) Въ Дневникѣ Ханенка стр. 468—469 упоминается Антоній Михайловичъ Марковичъ, управитель имѣніями графа Петра Ив. Шувалова. Зная о роли малороссовъ въ С. Петербургѣ при И. Елисаветѣ Петровнѣ, мы полагали, что этотъ Марковичъ изъ рода Марка Аврамовича, но тамъ ему нельзя найти подходящаго мѣста. Судя по имени Антоній, а не Антонъ, не былъ ли онъ изъ западной Руси?

этотъ вопросъ еще рѣшенъ быть не можетъ; но наиболѣе вѣроятнымъ кажется намъ предположеніе, что эти Марковичи происхожденія сербскаго и что предки ихъ въ XVI в., или въ самомъ началѣ XVII в. поселились на Волыни, откуда Марковичи и распространились въ разныя стороны, причемъ одна вѣтвь переселилась въ Прилукщину, гдѣ отъ Якуба Марковича и сына его Адама и пошли исторически извѣстные Марковичи; послѣднее, полагаемъ, почти несомнѣннымъ. Мнѣніе же о еврейскомъ происхожденіи Марковичей считаемъ не болѣе, какъ гипотезою, причины возникновенія которой указаны нами выше.

Алексѣй Маркевичъ.

Одесса 21 декабря 1889 г.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гавриша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L., А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1890 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. открыта:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 руб. 50 коп. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXXI. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Черниговскій Полковникъ Павелъ Полуботокъ.

„ПОЛЯЧКА“.

(видѣнное и слышанное).

Недоумѣваю, право, чѣмъ могъ поживиться у древлянъ, нынѣшнихъ полѣщуковъ, любостяжательный Игорь, мужъ Ольги Мудрой! Развѣ ужъ самъ онъ былъ очень и очень не требователенъ, и добывалъ данью отъ полѣщуковъ все то, что только шло на потребу въ хозяйствѣ—лыко, смолу, деготь и т. п., но не то, что украшало великокняжескій дворъ и составляло внѣшнюю обстановку его. Да, впрочемъ, мѣха и медъ—вотъ продукты древлянской земли, несомнѣнно потребляемые и княземъ, и дружиною его. Бѣдная страна, убогій край пущъ, болотъ и песковъ! А между прочимъ, исторія юго-западной Руси въ этомъ краѣ тоже чертила свои строки неумолимымъ рѣзцомъ по жизни его обитателей. Замѣчательно только, что въ краѣ этомъ всегда какъ бы заканчивались разныя пестрящія исторію событія. Разыгравшееся на просторѣ дѣло, умирало въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ Полѣсья.

Начиная съ выше вспомянутаго князя Игоря, нашедшаго тамъ печальный конецъ своей жизни, тамъ же на Полѣсьи погибъ Олегъ Святославовичъ; туда бѣжали всѣ свергаемые съ великокняжескаго стола; тамъ пріютились давніе бояре въ лицѣ ихъ потомковъ, живущихъ цѣлыми селами и околицами; тамъ ютилось шляхетство, выгнанное разбухлымъ козачествомъ изъ плодородной Украйны, тамъ же угасло и само козачество правобережное; туда залѣзъ гонимый въ Москвѣ ра-

скольникъ; тамъ замерли и два послѣднія польскія возстанія въ юго-западной Руси. Но что всего интереснѣе, это то, что тамъ же на Полѣсьи разыгралась одна изъ житейскихъ драмъ, которая, по всему вѣроятію, искупила, наконецъ, окончательно грѣховность того края, ибо уже съ той поры Полѣсье осушается и новѣйшей культурою освобождается отъ укрывавшихъ его лѣсовъ и пущъ.

Преподношу читателямъ „Кіевской Старины" эпилогъ къ этой драмѣ изъ прошлой жизни Кіевщины и прошу снисхожденія, какъ къ самой формѣ изложенія, такъ и къ тѣмъ отступленіямъ въ сторону, которыя, по моему, необходимы, какъ къ блюду гарниръ.

Мы, жители воронежской губерніи, хорошо знаемъ землю (оффиціально называемую областью) войска донскаго. Въ просторѣчіи тотъ обширный край называется по просту Донщиною. Проживать въ *Донщинѣ* или *„въ козакахъ"*—значитъ жить въ землѣ войска донскаго. Это наши сосѣди, одну, какъ говорится, воду пьемъ; знаемъ мы ихъ и видимъ у себя на ярмаркахъ павловскаго и богучарскаго уѣзда и у нихъ въ Донщинѣ, гдѣ намъ приходится бывать по дѣламъ.

Какъ бы удивились тѣ, кто знаетъ донскаго козака на службѣ, увидавъ его внѣ оной, дома у себя, при мирныхъ, большею частью земледѣльческихъ, занятіяхъ. Посмотрите на нихъ на какой нибудь степной ярмаркѣ въ Криворожьѣ, Миньковой, Урюпинѣ или въ Калачѣ и Ширяевой. Вмѣсто сапогъ съ высокими каблуками и нерѣдко съ франтовскими сборами голенищъ, гармоникой, у него на ногахъ коты, примотанные пеньковыми веревочками по толстой онучѣ; вмѣсто стройно обрисовывавшаго талію мундира, на немъ надѣта неопредѣленнаго типа одежина съ отложнымъ непремѣнно воротникомъ, съ роговыми пуговицами на бортахъ и на зади, какъ бы въ возмѣщеніе недостатка ихъ въ форменномъ платьѣ. Нерѣдко можно видѣть козака въ жениномъ пальто на ватѣ, которое какъ-то горбато сидитъ на немъ, подпоясанное иногда вмѣсто кушака старымъ платкомъ. Да и самъ онъ какой то не свой, не имѣетъ права голоса въ

рѣшеніи семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ. Не онъ, лучшую часть жизни поглощенный службою, отвыкшій отъ хозяйственныхъ работъ, нерѣдко испившійся, а она, эта поджарая, съ корявыми руками, жилистая труженица—его жена всему голова въ семьѣ и хозяйствѣ. Она, эта рачительница, не довѣряетъ ему, этому воину, то и дѣло торчащему въ станичномъ правленіи, будто бы по дѣламъ, а больше ради того, чтобы найти случай выпивки и взаимнаго угощенія. На ярмаркѣ продаетъ „меренка" или „маштачка", повидимому, козакъ: онъ окликается на вопросъ покупателя, кто тутъ хозяинъ; но съ перваго же момента торга можно убѣдиться, что въ дѣлѣ продажи этой онъ только подставное лицо, декорумъ, и все дѣло ведетъ сразу ввернувшаяся въ торгъ его жена-козачка. Онъ только усы покручиваетъ, да вторитъ юркой бабѣ, хоть, повидимому, торгъ идетъ съ нимъ: онъ и по рукамъ бьетъ, а въ концѣ торга и деньги возьметъ въ руки, но... только подержать, а то онѣ сейчасъ же отъ него отбираются недовѣряющей ему козачкой. Вотъ такъ точно и дома, козачка и найметъ, и продастъ, и купитъ все она. Отвычка козака отъ хозяйственнаго дѣла и его чванливость воина, брезгающаго черной работой, осмѣяна въ анекдотѣ, гдѣ разсказывается, что вернувшійся со службы козакъ, увидавъ на гумнѣ грабли, презрительно потрогиваетъ ихъ ногой и спрашиваетъ „*што это такое?!*" а послѣ, когда наступилъ на зубцы грабель и они ударили его по носу граблищемъ, онъ, сморщивъ носъ, говоритъ: „да это грабли!"

Обратите вниманіе: всѣ племена, входящія въ составъ русскаго государства, своими представителями участвовали въ созданіи россійской культуры, давали видныхъ дѣятелей по той или другой отрасли общественной жизни, но донцы менѣе другихъ могутъ этимъ похвалиться. Искусство, литература, наука не имѣютъ въ средѣ козаковъ видныхъ представителей.

Мы объясняемъ себѣ это явленіе сравнительнымъ недостаткомъ личнаго почина въ жизни этого племени. Съ 18 лѣтъ козакъ начинаетъ привыкать къ подчиненію чужой волѣ, дисциплинѣ. Лучшую часть жизни—до 40 лѣтъ—онъ состоитъ въ

зависимости отъ строеваго начальства или у себя дома отъ той же домостроительницы жены, создающей и поддерживающей весь семейно-хозяйственный строй, а послѣ сорока лѣтъ когда ужъ ему наторѣвать!... Онъ въ своей средѣ напоминаетъ трутня въ пчелиной общинѣ, являясь болѣе производителемъ потомства, чѣмъ домохозяиномъ. По статистикѣ область войска донскаго стоитъ выше всѣхъ губерній по цифрѣ рождаемости. Козачка—это трудовая пчела, всю жизнь работающая, созидающая и сберегающая свое козачье хозяйство. „Бѣда, разсказываютъ, станичнымъ начальникамъ, когда прихоходится дѣлить луговыя травы. *Ограчатъ* козачки атамана, *зачегокаютъ*... онъ только повертывается изъ стороны въ сторону. Ужъ онѣ своего не попустятъ!"

И не только по хозяйству—она и служебное дѣло знаетъ, поколику таковое къ ней касается. Мнѣ случилось бывать на Дону во время послѣдней 1877—1878 гг. войны, слыхалъ я разсказы и разговоры козачекъ. Онѣ знали, гдѣ какой полкъ донской, въ чьемъ отрядѣ, къ какой дивизіи причисленъ, куда направляется и подъ чьимъ начальствомъ. Знаютъ онѣ, во сколько обходится снаряженіе козака на службу, чѣмъ увеличивается этотъ расходъ. „Сюды-туды и не менѣе трехъ сотенъ станетъ. Лошадь споруди; сѣдловку всю, мундиръ, шинель, киверъ, оружіе—посчитай-кось... А тамъ гляди въ округѣ (окружной станицѣ) привередничать станутъ—то не такъ, другое не форменное... и прибавишь. Вотъ у нихъ славный меринокъ былъ, доморощенный, а тамъ въ округѣ забраковали—чуточку больше полвершка не вышелъ ростомъ. Пришлось за дешево продать, а за дорого купить на то мѣсто. Бѣда! У нашего тоже путлища (ремни, на коихъ привѣшены стремена къ сѣдлу) не по *линіямъ* [1]) вышли—купили новые. А то мы вотъ у шабровъ, Ѳедоткиныхъ, купили винтовку—четыре руб. шесть гривенъ отдали, а тамъ въ округѣ не приняли—заставили купить новаго образца бердановскую. Поди жь ты! Да чего! У нашего то новенькій дротикъ

[1]) Ширина путлища измѣряется линіями.

(пика)—на солнцѣ што ли повело его—искривился—штука небольшая, а все въ станицѣ купи, анъ она 40 копѣекъ съ окраской"... разсказывала, жалуясь мнѣ, козачка. Странно намъ, *русскимъ*, все это выслушивать отъ женщинъ.

Козаки насъ всѣхъ называютъ *русскіе*. „Вы русскіе, и у васъ въ Рассеѣ" говорятъ козаки и козачки, и нельзя сказать, чтобы они долюбливали это все чужое, *рассейское*. Нелюбовь эта всѣмъ живущимъ на Дону хорошо извѣстна. Наплывъ въ ихъ степи россійскаго неимѣющаго у себя на родинѣ необходимой работы люда исключительно съ цѣлью поживы—выработалъ эти отношенія. Въ каждомъ русскомъ человѣкѣ они, донцы, видятъ эксплоататора, посягателя на ихъ благо, богатство и, пожалуй, на честь подолгу оставляемыхъ мужьями женъ. Хотя мало-мальски зажиточное козачье хозяйство не обходится безъ помощи наемниковъ изъ того же „рассейскаго" люда, тѣмъ не менѣе козаки никогда не сживаются съ пришлымъ народомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, гдѣ только можно, всегда выкажутъ свою антипатію.

Интересно видѣть козака въ роли городового полицейскаго чина въ новоприсоединенномъ къ области войска донскаго Ростовѣ. Прежде всего это то, что козакъ, попадающій въ полицейскіе только на срокъ своей службы не долѣе трехъ лѣтъ, никогда не наторѣетъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ не перестаетъ быть тѣмъ же козакомъ, наивной деревенщиной съ козачьею сноровкою и жаждою къ наживѣ. Въ качествѣ городового, онъ состоитъ на послугѣ армяшекъ-приказчиковъ, не прочь завернуть въ кабачекъ, угоститься на счетъ разгулявшагося обывателя и при случаѣ и инымъ образомъ попользоваться на счетъ его. Ростовъ съ его сброднымъ черным людомъ, съ его притонами—широкое поле для примѣненія дикихъ инстинктовъ этихъ „enfants de steppes", какъ ихъ называютъ французы. Козакъ въ его настоящемъ видѣ въ нашихъ глазахъ олицетворяетъ физическую силу и ловкость по возможности доведенныя до военной выправки и дисциплинированныя. Посмотрите: до пояса это прежній ловкій конникъ въ широкихъ шароварахъ съ ярко-краснымъ лам-

пасомъ, выше онъ затянутъ въ мундиръ съ погонами, солдатская фуражка на головѣ, а весь прикрытъ сѣрою солдатскою шинелью. Козакъ теперь болѣе солдатъ, чѣмъ всякій другой военнослужащій. Солдатъ регулярной арміи—это гражданинъ, по необходимости и чуть не по случайности попавшій въ строй, изъ котораго онъ послѣ 4—6 лѣтъ съ удовольствіемъ возвращается въ свою далекую отъ всякой военщины среду. Козакъ же и родится чуть не въ мундирѣ, и съ первыхъ лѣтъ жизни знаетъ, что ему придется неминуемо быть тѣмъ же, чѣмъ есть и были его отецъ, братъ, дяди, дѣдъ и т. д., былъ козакомъ-солдатомъ. У него всѣ помышленія и всѣ жизненные идеалы нормируются этой строево-солдатской обстановкой. Восемьнадцатилѣтній козакъ, впервые поступающій на службу, создаетъ свой идеалъ по видимымъ образцамъ, по юнкерамъ черкасскаго юнкерскаго училища, прибывшимъ на побывку, и въ свою очередь перенявшимъ всю манеру заѣзжихъ лейбъ-козаковъ. Этотъ малолѣтокъ, поступая на службу, непремѣнно обзаведется сапогами съ неимовѣрно высокими каблуками, шинелью съ красиво выстроченными швами и складками; волоса его укладываются такъ, что надъ лѣвымъ вискомъ взвиваются изъ-подъ околыша фуражки какимъ-то чубчикомъ.

Нашъ „рассейскій“ деревенскій парень до поступленія на службу рѣдко слышитъ, а тѣмъ болѣе употребляетъ такія выраженія, какъ военные титулы „ваше благородіе, высокоблагородіе“ и слова „дивизія“, „корпусъ“, „отрядъ“. Козаченокъ, начиная лепетать, употребляетъ эти слова и еще въ отрочествѣ уразумѣваетъ ихъ смыслъ. О донскомъ козакѣ, пародируя извѣстную поговорку—plus catholique, que le pape même, можно сказать: „il est plus soldatesque, que le soldat même“.

При всемъ этомъ, козаки—добродушные и простодушные люди, гостепріимны, любятъ выпить и въ общемъ то, что называется „добрые малые“.

Таковы козаки въ настоящее время. Лѣтъ 50—60 тому назадъ они были, разумѣется, болѣе дики, менѣе дисциплиниро-

ваны и болѣе своеобразны; для описанія прежнихъ козаковъ нужны болѣе сильныя краски и тоны погуще.

Воронежцы и ближайшіе ростовцы называютъ козаковъ *чегою*, прибавляя еще почему то прилагательное *востропузая, чеги востропузая* и *чёгоманы*. Почему, не знаю. Вѣроятно, потому, что козаки не говорятъ, *что дѣлать, что купить, что взять* а *чего дѣлать, чего купить, чего взять* и т. п.

Въ 187* году по дѣлу пришлось мнѣ на Новый годъ пріѣхать въ одну изъ по-донскихъ козачьихъ станицъ. Только что окончилось богослуженіе; по улицамъ шли нарядныя козачки домой; на базарѣ виднѣлись группами заболтавшіеся козаки и другіе обитатели станицы. Я направился къ знакомому мнѣ двору, но, къ моему огорченію, человѣкъ, котораго мнѣ было нужно, оказалось, переѣхалъ жить въ другую станицу, а на его бывшей квартирѣ жило двѣ семьи елецкихъ шибаевъ. Мнѣ не было разсчета ѣхать розыскивать нужнаго человѣка въ его настоящемъ мѣстѣ жительства, тѣмъ болѣе, что здѣсь находилась и камера мироваго судьи, поэтому я и порѣшилъ остановиться въ этой станицѣ и отсюда уже послать за нимъ. Усиливающійся холодъ и вѣтеръ побуждали меня поскорѣе найти помѣщеніе. Покружившись по улицѣ, я, наконецъ, нашелъ въ одномъ домѣ квартиру: особую комнату съ двумя самоварами въ день и приготовленіемъ пищи изъ моей провизіи съ хозяйскимъ приваркомъ за 80 коп. въ сутки.

Такъ какъ хозяева-козаки только что вернулись изъ церкви или, какъ они говорятъ, „отъ церкви“, то я попалъ къ готовому самовару и, разоблачившись изъ надѣтыхъ на меня кожуховъ, съ удовольствіемъ сталъ обогрѣваться чаемъ, передъ которымъ мы съ хозяиномъ, поздравляя другъ друга съ Новымъ годомъ, выпили по чаркѣ хорошей захваченной мною изъ дому водки.

Уютная, теплая, чистенькая комната искупала недостатокъ въ качествѣ дешеваго чаю (такъ какъ мнѣ неловко было заваривать свой), а радушіе стариковъ и вовсе заставляло забыть то, что пребываешь въ этотъ день не дома, а на чужой, дальней сторонушкѣ.

Оказалось, что дома только старикъ и старуха, ихъ маленькая внучка да работница. Изъ троихъ сыновей старшій, пребывающій дома на льготѣ, живетъ со своею семьею на зимовникѣ въ степи, гдѣ у нихъ все хозяйство—волы, коровы, лошади и овцы; средній сынъ на внутренней службѣ въ окружной станицѣ и туда къ нему поѣхала гостить жена со старшенькимъ „парнишкой", а самый меньшій, котораго женили передъ Филипповкой, вчера поѣхалъ съ женою къ тестю *погостевать* до Крещенья. Вѣроятно, поэтому то старики и пустили меня на квартиру.

Тутъ же за чаемъ старикъ пообѣщалъ мнѣ отыскать посланца къ нужному мнѣ человѣку. Обогрѣвшись, я пошелъ въ лавку купить чернила и стеариновыхъ свѣчей и, вернувшись, экспедировалъ нанятаго за 2 рубля посланца съ письмомъ.

Проходя по двору, я услыхалъ, какъ старуха-работница, кормившая свиней, приводя въ порядокъ этихъ докучливыхъ питомцевъ своихъ, ругалась: *„у—трасца твоюй матери"*. Что то давнее, далекое, уже было забытое послышалось мнѣ въ этихъ словахъ, или, лучше сказать, этомъ акцентѣ *„трасца"*, *„твоюй"*. Вспоминаю, что такой выговоръ я слыхалъ на Полѣсьи. Но морозъ и рѣзкій вѣтеръ не давали мнѣ прислушиваться, и я пошелъ въ избу—„въ курень" по козачьи.

Немного погодя, въ комнатѣ хозяевъ послышался съ тѣмъ же полѣсскимъ акцентомъ голосъ той же работницы: она говорила, что морозъ *щипаетца*. О томъ, что это говорила полѣщучка, мнѣ, разумѣется, и въ голову не приходило; я полагалъ, что эта старуха-работница, зашедшая сюда изъ какой-либо невѣдомой мнѣ мѣстности „Рассеи".

Хозяева между собою толковали о какихъ то сборахъ, и мнѣ слышно было, что они пойдутъ, а дома останется „полячка", и она уже *соберетъ* мнѣ поѣсть. На Руси и на Дону имя Пелагея часто сводится къ имени Полька, Поля, уменьшительное Полинька, Поличка—мнѣ и послышалось, что рѣчь идетъ про Поличку, на самомъ дѣлѣ сказано было полячка; но мнѣ такъ послышалось, и я даже подумалъ, что старики оставляютъ дома

внучку (лѣтъ 4-хъ) и шутя толкуютъ о томъ, что она соберетъ мнѣ обѣдать.

Но вышло вовсе не то: хозяинъ объяснилъ мнѣ, что по выходѣ изъ церкви ихъ *перестрѣлъ* одинъ родственникъ урядникъ, „*по осени*" пришедшій изъ Питера на льготу, и звалъ ихъ къ себѣ на пирогъ, ибо онъ имянинникъ (1 января—Василія), что имъ отказаться нельзя, и вотъ они идутъ со старухой, да и внучку заберутъ съ собой, а меня ужъ ихъ работница-полячка покормитъ. На мой вопросъ хозяинъ-козакъ объяснилъ, что она, работница, изъ Польши, откуда-то изъ-за Кіева, и сейчасъ же вышелъ, а вмѣсто него ко мнѣ въ горницу вошла старуха оправить передъ очевидно единственнымъ въ домѣ зеркаломъ свой головной уборъ—колпачекъ. Оправляясь, она сказала только:—„Это онъ про полячку?!... Да, прижмалась, сердечная къ намъ, да вотъ этакъ и живетъ у насъ".

Оставшись одинъ, я думалъ о томъ, какъ и зачѣмъ забрела эта несчастная полячка въ эту дальнюю сторону, а что не по добру она затесалась сюда, видно изъ того, что не въ роскоши, а въ батрачкахъ пребываетъ. Досужей моей фантазіи представлялось въ дѣлѣ этомъ какое-то романическое событіе, вспомнилось мнѣ въ далекомъ моемъ прошломъ мое пребываніе на кіевскомъ Полѣсьи, вспомнился разсказъ про то, какъ какой-то козакъ, донецъ, умыкая панночку, погибъ съ ней и съ конемъ въ одномъ болотѣ, называющемся по сю пору Донецкимъ. Мнѣ почему-то въ этой полячкѣ хотѣлось видѣть героиню или жертву какого-нибудь романическаго похожденія одного изъ сыновей этого тихаго, вольнаго Дона, и я ожидалъ возможности поразспросить, выпытать эту старуху. Поэтому я предложилъ ей подать мнѣ обѣдать. „Полячка" оказалась юркой еще бабой, по виду лѣтъ 60, небольшаго роста, съ посѣдѣвшими, прежде черными, бровями и съ совершенно бѣлыми волосами, виднѣющимися изъ подъ старенькаго платка. Изъ подъ густыхъ бровей строго взглядывали когда-то голубые, а теперь блекло оловяные глаза. Одѣта она была въ обыкновенный женскій костюмъ нашихъ мѣщанъ въ юбку и кофту. Послѣдняя была еще новая, очевидно

пошитая къ праздникамъ. Голова ея была прикрыта ситцевымъ платочкомъ. Я заговорилъ съ ней по польски—спросилъ ее:

— Z kąd jestescie? (откуда вы?)

Бабка уставилась на меня своими оловяными глазами и чисто по козачьи возразила:

— Чего?

Я повторилъ по польски же мой вопросъ, но старуха не понимала меня и вмѣсто отвѣта сама предложила мнѣ вопросъ:

— Да ты самъ изъ какихъ будешь и *откуля?*

— Я самъ далекій бабка—кіевскій.

— Кіевскій?! Я сама изъ-за Кіева.

— Изъ какого самаго мѣста изъ-за Кіева?

— Ажъ изъ-за Иванькова, изъ Карпиловки, отъ какъ на Чернобыль ѣхать... Знаешь?

Меня сразу какъ бы освѣтило; баба сама показалась какъ бы знакомою уже много лѣтъ. Я сразу припомнилъ знакомое мнѣ раньше обстоятельство и эту родину старухи кіевское Полѣсье за Иваньковомъ на сѣверъ отъ р. Тетерева по направленію къ р. Припети, надъ которой пріютилось мѣстечко Чернобыль. Боже мой! Да знаю же я и эту самую Карпиловку! Мнѣ не нуженъ былъ, кажется, уже и разсказъ самой старухи: я уже почти зналъ ея исторію.—Это несомнѣнно предо мною была одна изъ жертвъ помѣщичьяго корыстолюбія и жестокосердія. *Полячка*, твердятъ, *полячка*... это то меня и сбивало въ моихъ соображеніяхъ и гнало мои мысли въ сферы романтичности. Совсѣмъ не то: старуха оказалась жертвою сухаго, черстваго любостяжанія. Я какъ будто нашелъ давно забытое письмо, которое мнѣ сразу припоминаетъ давнее время и давнюю обстановку. Мнѣ хотѣлось поскорѣе читать подробно это забытое прошлое во всѣхъ его интересныхъ подробностяхъ.

— Я самъ, бабушка, кіевскій и знаю ту сторону, доводилось бывать и въ Иваньковѣ, и въ Чернобылѣ, хорошо знаю.

Бабка во всѣ глаза смотрѣла на меня и какъ бы разрѣ-

шала въ умѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ я попалъ тоже въ эту далекую сторону.

— Да ты по службѣ сюда попалъ *чи* какъ? разрѣшила она недоумѣніе.

— Я теперь служу въ воронежской губерніи, тутъ недалеко, отвѣтилъ я.

— Не знаю. Я тутъ ничего не знаю, какъ будто отнѣкиваясь отъ меня, сказала старуха и спросила:

— Тебѣ сюда подавать *чи пуйдешъ увъ* стряпушку?

Я согласился идти обѣдать въ *стряпушку* т. е. въ кухню, имѣя въ виду не отставать отъ старухи.

Передъ обѣдомъ, выпивая рюмку водки, я поднесъ и старухѣ. Она степенно взяла рюмку лѣвой рукой, обтерла губы фартухомъ, перекрестилась и, пожелавъ мнѣ всего лучшаго, поздравивъ съ Новымъ годомъ, выпила. Когда я хотѣлъ налить ей другую рюмку, то она поблагодарила, замотала, какъ это дѣлаютъ украинскіе женщины, головою и не захотѣла пить.

— Лучше ужъ тогда выпью, какъ сяду обѣдать, сказала она.

Видно было, что бабка знаетъ толкъ въ водкѣ, но съ толкомъ и пьетъ ее.

Обѣдъ состоялъ изъ нѣсколькихъ перемѣнъ. Мнѣ подавалось заранѣе для меня отдѣленное; очевидно, хозяйка, уходя, распорядилась, что и какъ подавать. Столъ былъ застланъ чистою скатертью и мнѣ поданъ былъ рушникъ (*утирка* или *ширинка*, по козачьи) для обтиранія губъ.

Мои догадки вполнѣ подтвердились разсказомъ бабки, который въ точности передать съ ея неизмѣнными *чи*, *одтуль*, *откуль*, со всѣми особенностями полѣсскаго выговора, нѣтъ возможности. Передо мною была одна изъ купленныхъ крѣпостныхъ дѣвокъ.

Ихъ, дѣвокъ сто, скупили донцы у пановъ еще тогда, когда „полякъ бунтовалъ, лѣтъ около сорока тому назадъ, хотѣли

своего круля поставить". Вотъ какъ *поляка замирили* и не стало его слышно, весною ихъ погнали въ Кіевъ сухопутомъ плоты разбирать, а послѣ перевезли ихъ на дубахъ еще ниже по рѣкѣ къ какому-то мѣстечку противъ Кіева (вѣроятно, Никольская слободка), да тамъ и сдали козакамъ. Никто изъ нихъ и не зналъ, какъ это случилось. При нихъ былъ только экономъ, да еще два свои же *побережника* [1]), они остались, а козаки окружили и погнали. Плачу, крику сколько было!!... Одна дѣвка утопилась. Тамъ недалеко въ лѣсу хуторокъ надъ озеромъ. Расположились отдыхать, а она побѣжала да въ озеро—такъ и утонула.

Такъ пѣшкомъ ихъ и гнали, развѣ ужъ какая больно приставала, такъ брали на подводу. Сначала было говорили, что ихъ наняли, что лѣто поработаютъ, да и домой, а послѣ мало по малу все выяснилось. Разъ одинъ изъ козаковъ пьяный проговорился, что ихніе паны закупили дѣвокъ *для плоду,* а послѣ въ какомъ-то городѣ большомъ изъ числа всѣхъ выбрали двухъ дѣвокъ и куда-то *задали.* И городъ бабка знала, какъ назывался, да забыла не то Харьковъ, не то Бахмутъ. Въ одномъ мѣстѣ какой-то монахъ странникъ наставилъ было ихъ (дѣвокъ) не слушаться, не идти—да и только. Такъ козаки ихъ били нагайками, одну такъ сильно высѣкли, что она ужъ всю дорогу лежала на возу, чуть было не умерла. Кормили плохо, лычаки сейчасъ же въ началѣ гону истоптались, и онѣ шли все время босыя. Одежа плохенькая. Вошь заѣла было. Ужъ онѣ одна другую дозирали, обирали *нужу.* Между ними были еще малыя дѣвочки-подросточки. Долго ихъ гнали. Забрали на Проводной недѣлѣ, а на мѣстѣ стали передъ Петровымъ днемъ. Сѣно ужъ застали въ стогахъ. На мѣстѣ разобрали ихъ, кого куда. Разсказчица попала съ семью товарками на зимовникъ къ есаулу Гр—ову. Тамъ имъ было привольно. Сейчасъ какъ прибыли на мѣсто дали имъ по сорочкѣ, крашенины на юбки, посправляли

---

[1]) *Побережникъ* значитъ лѣсной сторожъ отъ *оберегать, поберегать.* Въ лѣсномъ хозяйствѣ нерѣдко побережники исполняютъ роль приказчиковъ, атамановъ.

коты; кормить стали лучше, молока сколько хочешь. Работы особо тяжелой таки не было. Да имъ и не привыкать стать къ работѣ. Когда *по свободѣ* было соберутся, станутъ „пѣсни играть" [1]), вспомнятъ свою сторону и поплачутъ. А послѣ мало по малу и попривыкли.

Я нарочно тянулъ обѣдъ, слушая бабку. Покончивъ, я попросилъ подогрѣть еще не совсѣмъ заглохшій самоваръ, а бабкѣ къ ея обѣду поднесъ еще водки. Въ своей комнатѣ я закурилъ трубку, на что мнѣ по условію дано разрѣшеніе хозяевъ, помостилъ въ головы полушубокъ и растянулся на диванчикѣ.

И вспомнилась мнѣ эта дальняя сторонушка, родина разказчицы—кіевское Полѣсье. Болото и лѣсъ; олешникъ и верболозъ при водѣ; береза на мхахъ, сосна—хвои на пескахъ. Небольшія поляны засѣяны чахлымъ хлѣбомъ или утыканы монументальными бортевыми соснами—старыми престарыми, помнящими если не князя Игоря, то, во всякомъ случаѣ, загоны козацкіе. Пятиверстныя настильныя изъ накатника и хвороста гати по вязкимъ низинамъ; почернѣвшія курныя избы, точно группа кузницъ на выѣздѣ изъ расположеннаго на большомъ проѣзжемъ трактѣ города, изъ толстыхъ бревенъ и плахъ съ кое какъ прикиданными обаполками крышами, съ торчащимъ изъ щелей немазанныхъ стѣнъ мхомъ; ворота съ неимовѣрно толстыми вереями, огорожа изъ слегъ, стожки хлѣба и сѣна на *кроватяхъ*, картофель въ *буртахъ*... Людъ приниженный, забитый, засѣрѣлый, въ войлочныхъ магеркахъ, въ лычакахъ на ногахъ... Рудни, Зарудья, Гуты и Буды только съ разными прилагательными—все это мизерныя деревушки съ сѣрыми еще уніатскими церковцами, съ прудами, запруженными жужелицею изъ бывшихъ тамъ чугунноплавильныхъ печей, прудочками... Смолокурные майданы по лѣсамъ, *шурки* [2]) заготовленной на смолу лучины... Все это въ лѣсу, пущѣ, на оболоняхъ... Оглянешься кругомъ съ рѣдкаго возвышенія—лѣсъ и лѣсъ синѣетъ

---

[1]) Выраженіе великорусское, равносильно—пѣсни пѣть.

[2]) Кубическая мѣра лучины.

кругомъ до краю горизонта, вездѣ топорщатся острыя верхушки сосны, да лишь по низинамъ чернолѣсье. Что то гнетущее, подавляющее: не чаешь и выбраться изъ этой трущобы.

На разспросы про дорогу указанія такія: „за оболонью поворотишь въ боръ, доѣдешь до *коронастой* сосны, держись боромъ *ажъ до подчохраной* (сосны), а тамъ выѣдешь черезъ мохи и березнякъ, такъ и ступай все время чернолѣсьемъ *попудъ ольхами* на верболозъ и по *гатцѣ*; какъ доѣдешь до рѣчки, держись по ней противъ воды, не сворачивая, а то увязнешь, такъ саженей 300, а тамъ *на звозъ* и опять верболозомъ и гаткою держи прямо черезъ хвойникъ на *россоховатую* сосну, а дальше *майданъ*...

Горе горькое: болота, нетры, *пуща*, *комаръ*, мошка, оводъ! Сторонушка!!

Вспомнилось мнѣ все это и мое тамъ пребываніе въ моей юности, мои просиживанія около огонька, разведеннаго въ глухой пущѣ, мои фантазіи и мечтанія, мои охотничьи экскурсіи, во время одной изъ коихъ я услыхалъ разсказъ, имѣющій связь съ только что выслушаннымъ разсказомъ старухи.

Съ вечера отправились мы вдвоемъ съ Васылемъ (охотникомъ) въ лѣсъ, имѣя намѣреніе полежать на тетеревиномъ току. Снѣгъ только что сошелъ, всѣ низы полны воды, ольхи и лозы залиты разливомъ. На „Пенькахъ" (урочище) мы постояли, соблазненные услышаннымъ карханьемъ и цмоканьемъ вальдшнепа, но это оказалась только еще проба, совершаемая носатымъ ловеласомъ: тяга еще не была въ развоpотѣ, а потому мы пошли въ боръ. Идти нужно было верстъ пять. Уже въ лѣсу стало совсѣмъ темно, когда мой товарищъ порѣшилъ свернуть съ дороги черезъ поляну и остановиться въ густомъ хвойнякѣ [1]. Тамъ нашли мы небольшую поляночку, моментально развели кострикъ и расположились поужинать.

---

[1]) Хвоя—листва сосны. Иглы этой листвы называются—*глыця*. Хвойнякъ—молодая поросль сосны, большею частью густорастущая.

Дѣло было Великимъ постомъ и потому ужинъ нашъ состоялъ изъ куска пирога съ картофелемъ, обязательно надѣленнаго благоволившею ко мнѣ старухой ключницей, а у моего товарища изъ черстваго куска хлѣба. Того и другаго было немного, и мы скоро покончили нашу трапезу; наломали подъ головы хвои и улеглись противъ огонька, покуривая трубки.

— Щожъ не чулы вы ничого про Михалевського? какъ то неожиданно спросилъ меня Васыль.

— Ни, не чувъ, а що?

— Та-такъ-думка така, що вамъ може де що чуть.

— Аже Олекса возывъ лыстъ ажъ у станъ. Мабуть становуй прыпхаетце... Зноувъ возьмуть його... Какъ бы про себя говорилъ Васыль.

— Воунъ запальоный! Не вгамовуетце!

— Розкажить, Васылю, мени, чого це винъ бунтуетьця?

— Та хто його разбереть. Воно ще не пры насъ у ныхъ завелосе. Воунъ каже, що воунъ шляхтычъ, що його старый панъ неправедно запысавъ у мужыкы, у поддани... Воунъ (Мыхалевскій)—ажъ у Кыйувъ ходывъ до того пана, що оце недавно перепысувавъ души [1]), до царя, каже, доберусе... Розказують, що воунъ (Михалевскій)—якъ його батько померъ, заставсе за своею маткою у двори ще маленькимъ, померла й матка, воунъ и вырось тамъ ще пры батькови цього старого пана, а якъ прышла ревизія, не цяя, а ще ажъ генъ отта, а панъ и запысавъ його за себе... Такъ воунъ и выроусъ; панъ його оженывъ, посадывъ на тягло. Воунъ и ничого. Та вже якъ дивчину його запродали—тоди усе й вышло...

— Яку дивчину? Якъ запродали?

— Та такъ: козакамъ-донамъ продавъ. Тутъ у Чорнобыли були доны-козакы, якъ отъ було *повстанья*, полякъ бунтовавсе такъ имъ запродавалы дивокъ и Михалевського дивку продалы.

---

[1]) Это было въ 1858 году, а въ 1857 году была ревизія.

Воунъ ставъ дуже убыватсе, а тутъ хтось йому поудказавъ якъ и що, отъ воунъ и ставъ добыватысе свого. Я, каже, вольный шляхтычъ, мене не можно упысуваты у ревизыю, а ще того больше дочку мою запродуваты... Такъ и риже... Й былы його скылькы разоувъ, а воунъ усе свое, було панъ старый усе катувавъ його, а то якъ выйшоувъ запретъ самому панови орудуваты, такъ до стану, скылькы разоувъ його одвозылы—не вгамовуетсе... Завзяты! Якъ ото затоскуе, заразъ и йде у двоуръ и кленеть, лаетсе, грозытьсе...

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что *„старому панови“* ограничена власть распоряжаться своими крестьянами съ той поры, какъ онъ судился за засѣченіе одного изъ нихъ на смерть, и когда слѣдственная коммиссія констатировала, по заявленіямъ крестьянъ, не одно злоупотребленіе помѣщичьею властью. Узналъ я, что жена стараго пана была мученица: онъ ее держалъ на запорѣ, а самъ предавался разврату во всю ширь, что судбище это стоило ему цѣлаго имѣнія, которое онъ долженъ былъ продать, чтобы откупиться отъ „Сибиру“, какъ говорилъ разсказчикъ, предполагая въ этомъ словѣ вообще кару за преступленіе.

Огонь то притухалъ, то вспыхивалъ, подновленный новыми полѣнцами, а я курилъ и слушалъ разошедшагося Васыля. Разсказывалъ онъ мнѣ, какъ они со старымъ паномъ ходили въ повстанье, какъ ихъ въ лѣсу муштровали; какъ панъ ушелъ, бросивши его, какъ его *перекрестилъ козакъ-донъ.* Лѣзъ онъ сквозь чащу, (пробирался въ свою сторону), въ лозѣ попалъ въ трясину и еле выбрался, промокши и загрязнившись по самую шею—свита такъ и пропала, затоптанная въ трясину,—только что вышелъ изъ лозы и сталъ переодѣваться, стягивать сапоги и выливать изъ нихъ воду, какъ тутъ гдѣ ни взялся донъ (козакъ), да къ нему. Онъ такъ было и обмеръ.

— Ахъ ты матежникъ!—каже.

— Ни, прысьяй Богу! Ни, я простый мужыкъ.

— А зачимъ у тебе, каже, чоботы, колы ты простый мужыкъ?...

— Такъ я й похолонувъ! Що йому скажешъ?! Такъ проклятыи чоботы й выказалы. Я бувъ при двори, такъ мене убиралы у куртку, шаровары й чоботы; та якъ йты воюваты, такъ ще й новыи справылы. А воунъ излизъ съ коуня, то съ шаблею до мене, узявъ, подывывсе чоботъ, той увеливъ мени й другый скыдаты, а опустя зорвавъ шапку та шаблею подъ чупрыною и нарызавъ хрестъ, „щобъ каже, одмина була... я такъ и залывсе пасокою, а воунъ чоботы узявъ та й... подавсе...

Тутъ Васыль и разсказалъ мнѣ, какъ „старый панъ ажъ симъ дивокъ продавъ донамъ".

Это было вскорѣ послѣ возстанія 1831 года; какимъ образомъ они торговались, никто не зналъ, а только стало извѣстно, что панъ нанялъ къ сосѣду пану Вербовскому семь дѣвокъ въ Кіевъ плоты выгружать. Пани Вишенская тоже наняла, разсказывали, 12 дѣвокъ. Такъ ихъ и погнали гуртомъ съ дѣвками пана Вербовскаго, и еще отъ другихъ пановъ дѣвокъ 50, а то и больше, въ Кіевъ. Три подводы шли съ ними до Иванькова, а тамъ уже онѣ пошли сами, только съ ними экономъ и еще два-три человѣка. Тронулись онѣ еще на Вербной, чтобы можно было пройти по замерзшимъ рѣкамъ и болотамъ.

„Ну, тамъ, разказувалы, доны повъязалы ихъ до жердокъ рукамы, тай погналы ажъ у свою сторону".

Очевидно, не видѣвшій этой отправки Васыль повторялъ стародавнее преданіе о способѣ увода татарами ясыра. О привязкѣ къ жердямъ мнѣ не разсказывала и бабка, которую я объ этомъ спрашивалъ.

Изъ дальнѣйшаго разсказа видно было, что Михалевскій, приплывшій на плотахъ въ Кіевъ и не заставшій тамъ своей дочери, бывшей въ числѣ „нанятыхъ" къ пану Вербовскому дѣвокъ, отъ кого-то на пристани или на базарѣ услыхалъ объ угонѣ дѣвокъ козаками. Ему не совсѣмъ вѣрилось, и только вернувшись домой, онъ убѣдился въ дѣйствительности этого событія.

„Тутъ то йому й прычына сталасе", разсказывалъ Васыль. „Не самовытый ставъ": кинулся къ панскому двору, кричалъ,

грозилъ, вязали его, держали въ заперти... затѣвалъ панъ отдать его въ солдаты, да не приняли. Такъ съ той поры на него и находитъ: ни съ того, ни съ сего задумается, а тамъ и пошелъ... опять свое. Жалко смотрѣть!...

— А панамъ що! Имъ байдуже! Отъ Вербовскій цимъ торгомъ, та ще отъ пылыпонами й забогативъ, а паны його ще й у маршалкы (предводитель дворянства) зобралы...

— Якъ пылыпонами?!

— А такъ, що пылыпоны на його земли седять, у його пущи е ихъ и монастырь; отъ воуны йому й прыплачують, а воунъ ихъ обороняе, захыщае воудъ станового. (Васыль въ лицѣ становаго, очевидно, олицетворялъ весь оффиціальный міръ). Пылыпоны тоди и звелы його зъ донамы, хвакторувалы у торгу дивкàмы... Це усе воуны...

— Отъ Михалевській, якъ розходытьце, такъ усе поразкаже; воунъ усе дознавъ, якъ и щò...

Такъ и ночь прошла. Гдѣ то отозвалась птичка, одна-другая, нужно было забивать огòнь и поспѣшить въ будку на токовище, пока еще не отозвались, не затоковали тетерева. Еще только сѣрѣло, какъ мы уже дотащились до моховой поляны и залѣзли въ будки. Прослушавъ на пролетъ всю ночь Васыля, я еле умостился въ будкѣ, сейчасъ же задремалъ и мнѣ во снѣ мерещилась грозная, обезумѣвшая фигура Михалевскаго, съ воплемъ и проклятіями требующаго свою дочь отъ „старого пана“, какіе-то „доны“, пилипоны представлялись... вдругъ какой-то выстрѣлъ и я проснулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня съ лопотомъ крыльевъ сорвались три тетерева, а вслѣдъ затѣмъ изъ другой будки появился Васыль, укоряя меня въ томъ, что я „сполохнувъ тетерукоувъ“. Онъ не подозрѣвалъ того, чтобы я могъ заснуть, и печалился только о малоуспѣшности охоты: отъ его выстрѣла палъ только одинъ краснобровый красавецъ-косачъ.

Вотъ что вспомнилось мнѣ, пока я лежалъ и курилъ и пока бабка обѣдала и прибирала посуду.

Разсказаннаго бабкою и слышаннаго когда-то отъ Васыля было совершенно достататочно для того, чтобы подтвердить вполнѣ фактъ продажи дѣвокъ панами, всегда ратующими за свободу, и покупки этихъ дѣвокъ сынами вольнаго Дона; но меня интересовали всѣ подробности этого событія, хотѣлось знать, какъ эта несчастная жертва любостяжанія, сама разсказчица, на себѣ вынесла все это, насколько, наконецъ, удалось донцамъ воспользоваться этимъ купленнымъ *для плоду* товаромъ. Поэтому я порѣшилъ не отставать отъ бабки въ дѣлѣ разспросовъ и началъ съ того, что объявилъ ей о моей привычкѣ чай пить непремѣнно въ компаніи. Сего ради самоваръ былъ поданъ ко мнѣ *въ горницу*, я заварилъ чай а бабкѣ предложилъ наливать чай и пить оный вмѣстѣ со мною.

— Ну, чтожъ тутъ васъ и замужъ повыдавали? спросилъ я бабку.

Въ отвѣтъ на это она только собрала сборами губы и замотала головой.

— Замужъ!!... Таковскіе!! Замужъ отдать—нужно отпустить, а деньгамъ то такъ и пропадать! Ишь што выдумалъ! Замужъ! Не на то они й скупали, штобъ замужъ отдавать!.... и замолкла, какъ бы передумывая что то....

— Какъ не на то, чтобы замужъ отдавать?! допытывался я.

— Да такъ.... одно слово на плодъ....

— Какъ на плодъ?...

— Да такъ... и замолкла старуха.

Очевидно, ей что то вспомнилось, чего она не желала разшевеливать въ памяти: насупилась, брови сдвинулись.

— Какъ же ты, бабка, попала сюда въ эту станицу?

— Да такъ ужъ пришлось.... Мы тутъ было совсѣмъ пристроились жить, да вотъ Богъ не привелъ. Я такъ тутъ и осталась....

— Куда жъ уже отсюль пойдешъ... какъ бы перебирая что то въ своей памяти, говорила старуха.

Я боялся опять натолкнуться на что нибудь такое, воспоминаніе о чемъ остановитъ разсказъ, и молчалъ. Бабка тоже молча допила чай, опрокинула чашку, положила на донце недогрызокъ сахару и, перекрестившись, поблагодарила за чай.

— Чтожъ ты такъ, бабка? Кушай... упрашивалъ я, но бабка такъ и не захотѣла пить больше. Я побоялся, чтобы она не ушла отъ меня и спѣшилъ удержать ее вопросомъ.

— Ну все жъ таки разскажи, бабушка, какъ вы жили на хуторѣ...

— Да чего тебѣ и разсказывать!... Не хорошо жили, Бога гнѣвили, и только. Какая ужъ тамъ жись!

— Иной то сначала и показалось было, а послѣ, какъ пришлось расплачиваться за хихи-смѣхи, такъ не одна и заплакала. Чего разсказывать! Срамъ одинъ да и только! Ребятъ нарожали....

— Какъ же такъ, ты сказала, что замужъ не отдавали, а тутъ и „ребятъ нарожали?"

— Да какъ безъ мужей рожаютъ... Сказано—*на плодъ* приведены. Дѣвки ихніе и ребята ихніе; а *откуль* узялись—это не нужно....

— И у тебя, бабка, были дѣти? спросилъ я наивно.

— Да ты чего присталъ? Чего допытываешься?! Нешто ты попъ?... внезапно осерчала бабка и вышла изъ комнаты. Послѣ слышно мнѣ было, какъ она вышла изъ дому и что то ворчала....

Такъ, неосторожно допрашивая, я нарвался, очевидно, на что то, разсердившее старуху.

Немного погодя, она, вернувшись со двора, вошла ко мнѣ и спросила, можно ли убирать самоваръ и посуду.

— Ты, бабка, на меня не серчай... Вѣдь я изъ жалости тебя разспрашиваю... сказалъ я.

— Ну штожъ, я ничего.... какъ то особено мягко и ласково отвѣтила бабка.

— Мнѣ самой, какъ станешь разказывать, жалостно станетъ, такъ бы и заплакала, да слезъ видно нѣту... продолжала она. Иной разъ такъ запечется сердце, что и сама не своя становлюсь. Такъ вотъ и обидишь человѣка... Ты ужъ и меня прости! Не обижайся.

— Я, бабушка, ничѣмъ не обиженъ. Мы земляки, и вотъ я разспрашиваю... Приходи еще посидѣть, покалякать; на улицѣ, чай, холодно.

— Да я и то приду къ тебѣ грубку топить, у насъ вѣдь соломой топятъ...

Вь сумерки бабка втащила огромную вязку соломы и, *откутавъ* грубку, приготовилась топить. Я очень люблю эту топку соломою. Мнѣ это припоминаетъ далекое дѣтство; такія же кучи чистыхъ стеблей жита, по которымъ можно было покататься, старую бабусю, вертящую *вихти* и *верчыки* и ввергающую ихъ въ грубку, заслоняя сразу отверстіе и тѣмъ производя темноту въ комнатѣ, затѣмъ вспыхивающій отсвѣтъ *поломмя*, а послѣ ярко-красный жаръ соломы, покрывающійся, какъ чернымъ флеромъ, золою, все болѣе и болѣе густѣющею. За цѣлымъ безпрестанно повторяющимся рядомъ вспышекъ пламени, озаренія комнаты и затѣмъ положительной тьмы—нанесенная солома сжигается и въ грубкѣ накопляется жаръ, то чернѣющій отъ золы, то вспыхивающій, развороченный кочергою. А тамъ, въ этомъ жару, печеный картофель или любимое лакомство тыква, мягкая, сладкая, обжигающая и пачкающая руки и губы, но... вкусная. И ко всему этому сказки бабуси, интересныя, страшныя, полныя таинственныхъ ужасовъ, желѣзныхъ раскаленныхъ горъ, двѣнадцатиголовыхъ змѣевъ, *рукавичекъ*, съ которыхъ капаетъ кровь, самоиграющихъ сопилокъ, жалостныхъ прежалостныхъ припѣвовъ...

Все это мнѣ припоминается, когда вижу топку грубки соломою, и припомнилось, когда бабка—„полячка“ затѣяла эту топку. Она прежде всего въ какую то ряднину выгребла изъ грубки золу и вынесла ее, а ужъ послѣ начала топить.

— Ну, какъ же, бабка,—ты совсѣмъ забыла и свою сторону и свою *гуторку,* (языкъ)? — спросилъ я ради начала разговора.

— Да такъ и забыла... Еще на хуторѣ было когда и погуторишь по своему, а какъ *оттуль* вышла, такъ и наломилась по здѣшнему, по козачьи... *Тутки* усѣ такъ гуторятъ... Не по нашему.

Бабка, очевидно, понимала языки такъ: *свой* и *козачій.*

— Ну, и въ свою сторону не тянетъ?

— *Правду казать*, и не тянетъ. Наша одна, вотъ *лѣтось* только померла, царство ей небесное,—ходила въ Почаевъ, такъ и въ *своюй* сторонѣ побывала... „*Што жъ,* было разсказываетъ, прямо чужая—чужина: усѣ перемерли, а *кои* живые, тѣ не узнаютъ *яе*... Такъ—разсказывала—заплакала да и пошла“...

— Тутки уже, видно, вѣку доживать... добавила старуха, помолчавъ немного.

— Да вѣдь *воля* то вышла еще въ 1861 году, чего жъ вы никто и не вернулись въ свою сторону?

— Это вѣдь какъ кому... Иная ужъ при своихъ дѣтяхъ пристроилась, куда ей... И то сказать, съ чѣмъ было и идти. Вѣдь отпустили то чуть не въ томъ, въ чемъ мать родила... Вѣришь: была вотъ на комъ сорочка цѣлая, такъ и ту сняли, а дали латаную... А иной можетъ и *совѣсть зазритъ:* его-то приплодку штукъ по пяти—шести, а то и болѣ... Кои поросли, а то были и невеличкіе. Куда пойдешь? какъ бы съ собою разсуждала старуха.

Вспыхивающее отъ времени до времени пламя освѣщало опять ставшее серьезнымъ лицо старухи. Самое воспоминаніе, видно, подымало въ ней озлобленность.

— Ну, все жъ таки я не пойму, бабка, какъ же такъ это дѣти рождались... Отъ кого же это онѣ рожали?...

— Да отъ кого почтешъ! А замужъ, такъ и сказано, не отдадутъ... Они то *энти* паны еще за это хвалили. Особливо

которая это мальчика приведетъ.... такъ ту и отъ работы было *ослобоняютъ*: мальчикъ, это имъ въ прибыль...

— А что, бабка, эти паны—козаки строги были?

— Нѣ! *Што жъ* этого не *бувало*... Бою какого или тамъ чего еще—нѣ! *не бувало*. Грѣхъ казать... кормили добре, работы было много только лѣтомъ, ужъ извѣстно... А то такъ себѣ...

— А я слыхалъ, что васъ какъ вели сюда, такъ къ жердкѣ привязывали...

— Чего привязывали? Не разберу...

— Да такъ, чтобъ не утекали, такъ васъ прикручивали къ жерди...

— Ну! Съ чего ты *узялъ!*... Нѣ! Зачѣмъ прикручивать! И такъ некуда утекать... Нѣ! этого не *бувало*.

Бабка добирала послѣднюю солому, *верчики* становились маленькіе и вспышки пламени все рѣже и меньше озаряли комнату. Я зажегъ свѣчу. Отвѣты бабки на мои разспросы не вполнѣ удовлетворяли меня: мнѣ хотѣлось услыхать повѣсть объ ея личныхъ похожденіяхъ, о томъ, что она лично испытала на себѣ, и чтобы она рельефнѣе обрисовала самый фактъ. Сего ради я и спросилъ прямо бабку:

— Ты, бабушка, разскажи мнѣ про себя, какъ ты сама терпѣла всю эту бѣду, и какъ ты попала сюда отъ пановъ.

— А мнѣ чего тебѣ разсказывать?! Того што прошло не воротишь... Слезъ не соберешь...

Въ это время заскрипѣло крыльцо и послышалось топанье ногъ—въ домъ вошли хозяева. Оба они были немного навеселѣ, что можно было заключить изъ привѣтствія, адресованнаго ко мнѣ хозяйкой.

— Вечбръ добрый! Сидѣнье вамъ!..

Я слыхалъ еще нѣкоторое время какое-то бормотанье хозяина, но скоро ко мнѣ вошла хозяйка съ вопросомъ не „*повечеряю*“ ли я чего-нибудь. Я отказался, а попросилъ поставить самоваръ.

Немного погодя, я обратилъ вниманіе на темноту на половинѣ хозяевъ. Оказалось, что хозяинъ какъ пришелъ, такъ и свалился спать: наимянинничался. Дѣвочку бабка полусонную принесла на рукахъ, а „полячка“ ушла спать въ „избушку“—особую во дворѣ хатёнку, гдѣ, какъ я послѣ узналъ, устанавливался молочный скотъ и пребывало двое телятъ.

Я предложилъ хозяйкѣ выпить чаю со мною. Она согласилась.

Разговоръ у насъ начался съ того, что хозяйка стала объяснять мнѣ причину сильнаго охмеленія мужа.

— Кабы онъ у меня пилъ часто, а то такъ: когда да когда случится... Ну, чуть выпилъ и охмелѣлъ. А какъ не выпить—пристаютъ...

— А я тутъ разговорился съ вашей старухой, такъ вышло, что мы земляки...

— Это то съ полячкой?! Ну! И въ-заправду?!

Я сказалъ, какое наше землячество и помянулъ, что знаю и ея бывшихъ пановъ, которые ее продали. Хозяйка какъ бы обрадовалась всему этому и сообразила:

— То то все говорятъ „полячка“, а вѣры она нашей, не поляцкой... Такъ оно это потому, что изъ *Польщи*... рѣшила она.

— Какимъ же это образомъ она къ вамъ попала?

— А она што жъ не разсказывала тебѣ!...

— Нѣтъ. Я спрашивалъ, такъ она какъ-будто серчать стала...

— Это вѣрно: не любитъ, какъ *яе* разспрашивать. На што ужъ наше женское дѣло, своя сестра, а спросишь, такъ отмолчится, а послѣ ужъ ворчать станетъ: „чего нужно, зачѣмъ допытываешься“... Ну, и Богъ съ тобой, и бросишь—не пытаешь...

— Она, слышь, засужена была совсѣмъ, въ тюрьмѣ сколько годовъ сидѣла. Послѣ уже по манихвесту ее выпустили...

— Какъ же это такъ? Интересно... Разскажи пожалуста.

— Да я то малость и знаю про это дѣло. Такъ гуторятъ, какая-то про нее колись-то и бумага была приписана въ станичное, штобы, значитъ, имѣть въ надзорѣ ее, да я только тебѣ

доподлинно не съумѣю разсказать. Дѣло то случилось не тутъ, а у нихъ на хуторѣ, гдѣ-то туда за Кундрюцкой, да и давно, добре не упомнишь всего.

Дѣйствительно, изъ разсказа моей хозяйки-козачки я не составилъ себѣ яснаго понятія о дѣлѣ. Неумѣнье ли послѣдовательно излагать извѣстное ей, самая ли рѣчь козачки, а можетъ быть, и неиспарившійся хмель были причиною того, что я не уразумѣлъ сути дѣла: гдѣ-то она „полячка" жила на хуторѣ у какого-то полковника, была съ нимъ въ связи, а послѣ кто-то зарѣзалъ полковника, а она не то была подозрѣваема въ этомъ, не то, зная убійцу, скрывала все... Какой-то „онъ" все упоминался. Ничего не разобралъ... Такъ и разошлись мы съ хозяйкой, пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

Къ свѣту возвратился мой посланный съ письмомъ отъ „нужнаго мнѣ человѣка", въ коемъ онъ упрашивалъ меня пожить въ станицѣ—никакъ не болѣе двухъ дней, потому что у него пріѣзжій ревизоръ, который завтра уѣдетъ, и онъ сейчасъ же прикатитъ ко мнѣ. Хотя-нехотя приходилось жить и ожидать, и скучать. Хорошо еще, что я, по неизмѣнному обычаю, всегда захватываю съ собой въ чемоданъ какую-нибудь книжку для чтенія, а то сиди и тоскуй.

Морозъ немного сдался, и можно было выйти на улицу. Мой хозяинъ, старый козакъ, закутавшись въ тулупъ и въ большихъ бѣлыхъ валенкахъ, тоже сиживалъ у воротъ на скамейкѣ, степенно здороваясь съ прохожими и ни во что по хозяйству не вмѣшиваясь. Все дѣло по дому вела его „Аксентьевна". Онъ оказался словоохотливымъ, много видавшимъ, бывалымъ, и потому много разсказывалъ. Служилъ онъ на Кавказѣ и за Кавказомъ, бывалъ и въ Польшѣ. Изъ всѣхъ разсказовъ его у меня запечатлѣлись въ памяти разсказы о томъ, какъ они, козаки, въ Польшѣ (еще въ 1831 году) допытывались отъ мятежниковъ чего нужно было, и затѣмъ разсказъ про Бакланова.

Разсказы про Бакланова легендарны. Шашка у него девять фунтовъ. Ею онъ разсѣкалъ отъ плеча до сѣдла, а то и сѣдло

до потника. Пули его не брали. Даже въ Петербургѣ заинтересовались разсказами о немъ, пожелали видѣть его. Потребовали. Выслали противъ него карету, министровъ (sic). А онъ отъ заставы свернулъ въ сторону и объѣхалъ стороной. Привязалъ чомбуромъ лошадь къ рѣшеткѣ, а самъ и пошелъ. (Куда ужь онъ пошелъ, разсказчикъ не опредѣлялъ въ точности). Подымется на площадку, задыхается, какъ это хочетъ „отсапнуть", дыхнетъ, такъ часовые, что стоятъ на площадкѣ, и падаютъ. Тревоги надѣлалъ. Засуетились, послали сказать, чтобы онъ дальше не шелъ, а онъ уже былъ на 5-мъ этажѣ.

— Ну и наградили его...

Много разсказывалъ хозяинъ про этого своего донскаго героя.

Вечеромъ за чаемъ я попробовалъ навернуть словоохотливость моего хозяина на „полячку", но, оказалось, онъ про нее лично зналъ еще меньше, чѣмъ его жена. Зналъ, что она за что-то сидѣла въ тюрьмѣ, что ее въ чемъ-то подозрѣвали, и только. Вообще же о покупкѣ дѣвокъ разсказывалъ болѣе обстоятельно.

Паны-козаки скупали дѣвокъ въ Польшѣ и въ *Рассеи,* пригоняли къ себѣ на землю и тутъ изъ нихъ разводили своихъ крестьянъ. Рѣдко, рѣдко выдавали ихъ замужъ, и то только за своихъ же, а то и за бѣглыхъ, которыхъ тогда было много и которые часто записывались за козачьихъ пановъ. Это было не трудно: записывались на мѣсто умершихъ. Такъ вѣдь и населялись цѣлыя слободы. Много хохловъ поперегоняли послѣ воли на Салъ и Манычъ. Да и по Міусу все слободы, это все были панскіе [1]).

Хозяинъ мой довольно наивно объяснилъ, что весь разсчетъ дѣвовладѣльцевъ зиждился на неукоснительности физіологическихъ

---

[1]) Замѣчательно то, что у донцевъ не было подданныхъ великороссовъ, а только малороссы. Козачье рабовладѣльчество еще ждетъ своей исторіи. Я бы радъ былъ, если бы настоящая моя замѣтка вызвала разъясненіе этой стороны крѣпостничества.

отправленій рабынь.—(Не проживетъ такъ—съ кѣмъ нибудь сваляется).

Станица святковала. Отъ времени до времени по улицѣ проходила группа козачекъ. Шли онѣ не спѣша, пѣли пѣсни. При 5—8—10 козачкахъ обыкновенно плелся распрепьяный козакъ, котораго онѣ тузили, осмѣивали. „Это ужъ имъ на глумленье даденъ“... объяснялъ мнѣ хозяинъ. На базарѣ показывались иногда заѣзжіе калмыки; проѣзжали телѣгами, уставленными на полозья, „рассейскіе“ люди, пробирающіеся далѣе на югъ въ Ставропольщину—на линію. Будки на телѣгахъ гарнированы множествомъ лаптей. При кибиткахъ иногда были большія мохнатыя собаки на цѣпяхъ. Это наши воронежскіе овчари двинулись въ „Орду“ за гуртами овецъ...

Во многихъ домахъ веселились, были гости. Слышалось пѣніе, лики; на крыльцѣ и за воротами виднѣлись иногда раскраснѣвшіеся безъ шапокъ козаки, встрѣчавшіе или провожавшіе гостей...

Наконецъ, явился „нужный мнѣ человѣкъ“. Остановился онъ у кого-то изъ знакомыхъ, и ко мнѣ пришелъ пѣшкомъ. Дѣло мое было просто, нужно было получить хоть часть долга и передѣлать договоры. Въ станичномъ правленіи оказался только какой-то старый писецъ, не писарь станичный, соотвѣтствующій нашему волостному писарю, а писецъ. Все остальное начальство ушло изъ правленія рано по случаю *зазыва* къ кому-то въ гости. Старикъ переписывалъ какія-то бумаги и на мое предложеніе согласился перебѣлить на актовой бумагѣ наши договоры и переписать опись, а ужъ на другой день мы должны были явиться въ правленіе для явки.

Въ сумерки писецъ принесъ мнѣ бумаги, и увидавъ „полячку“, собиравшуюся топить грубку, поздоровался съ нею. Когда та вышла, я спросилъ его.

— Развѣ вы ее знаете?

— Еще бы, я служилъ тогда въ окружномъ правленіи. Доподлинно знаю. Какъ не знать. Мы ее судили...

Я обрадовался случаю и предложилъ пойти къ моему контрагенту, думая тамъ какъ-нибудь поразспросить. Но контрагента мы не застали на его квартирѣ, куда-то ушелъ, и я, не желая выпускать изъ рукъ писца, отъ котораго можно бы узнать исторію „полячки", предложилъ ему зайти въ гостинницу напиться чаю. Онъ согласился и скоро мы уже сидѣли за столомъ, застланнымъ розовою грязною салфеткою, имѣя предъ собою „двѣ пары" чаю и двойной графинчикъ съ закуской. Въ трактирѣ было людно. За столиками сидѣло много компаній по два, по три и по четыре человѣка; большею частью пили чай съ присоединеніемъ водки въ разныхъ размѣрахъ; накурено было сильно, въ боковой комнатѣ слышно было, какъ стучали шары на билліардѣ и по временамъ раздавался дружный хохотъ. Большинство публики были козаки.

Кое-какъ мнѣ удалось разговоръ нашъ навернуть на „полячку" и изъ этого разговора я узналъ слѣдующее:

Она называлась Евпраксія Горнюкова—по ихнему, какъ выразился разсказчикъ, *Праксeда*. Жила она на хуторѣ у полковника Г—нова, гдѣ у него былъ цѣлый поселокъ его же подданныхъ. Она была у него и экономкой, и любовницей. Дѣтей у нея не было; „можетъ быть потому, что полковникъ былъ уже старъ", комментировалъ мой собесѣдникъ. Да при томъ же она его не любила, но была во всемъ исправна, хозяйственна и никто ничего за нею не замѣчалъ. Немолодою уже она полюбилась съ однимъ человѣкомъ, бѣглымъ изъ Россіи. Стала проситься замужъ за него. Тутъ-то у нихъ и началось: этихъ купленныхъ дѣвокъ рѣдко отдавали замужъ, а ужъ ее, разумѣется, не отдалъ бы полковникъ; она стала надоѣдать просьбами ему, а онъ послѣ того, когда разъ она со своимъ возлюбленнымъ затѣяла было уйти, сталъ запирать ее на замокъ. Миленькаго дружка то, какъ поймали ихъ, полковникъ наказалъ, а ее подъ замокъ. Тутъ то и случись такъ, что утромъ разъ нашли полковника зарѣзаннымъ въ горницѣ. Заподозрили ее: передъ тѣмъ, будто бы, ея любовникъ было показался гдѣ-то поблизу. Ну,

такъ и порѣшили, что это дѣло ихъ—ея и ея миленькаго, потому что, кромѣ мести, тутъ ничего не могло быть: деньги не тронуты, все цѣло, а только глотка ножемъ перехвачена. Взялись за нее. Ну, разумѣется, въ острогъ ее, слѣдствіе, коммиссія. Чего ни дѣлали—нѣтъ и нѣтъ, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Всѣ догадывались, что она знаетъ, кто *онъ* таковъ, ея любовникъ, и откуда; ну, какъ заперлась, такъ и шабашъ. Вскорѣ въ острогѣ она и родила, видно отъ миленькаго. Тамъ то ее и „полячкой" прозвали. И *онъ* гдѣ-то вертѣлся все около; да не поймали по безпечности мѣстной полиціи. Говорили, что *онъ* и въ острогъ за что-то напросился, но такъ и не разузнали. Писали, писали, судили, рядили—что жъ? сознанія нѣтъ, уликъ тоже нѣтъ, приходилось оставить въ сильномъ подозрѣніи. Дѣло тянулось лѣтъ 8—9; подошла подъ манифестъ; выпустили ее съ мальчикомъ. Какъ ужъ она прожила до 1861 года, разсказчикъ не могъ объяснить, только послѣ освобожденія крестьянъ она сошлась съ однимъ человѣкомъ: непремѣнно съ *нимъ* самимъ, потому что и мальченка при ней былъ уже большой; говорятъ, на него похожъ былъ, и поселились они въ этой станицѣ. Возобновлять дѣло нельзя было, давность уже прошла, да и манифестъ... Жили они себѣ покойно. *Онъ* былъ по ремеслу столяръ, и мальчикъ пріучался при немъ. Да случилось такъ, что разъ *онъ* поплылъ съ мальчикомъ за Донъ на лугъ за раками, плыли ужъ назадъ, какъ-то лодка опрокинулась, они и потонули. Она было „умомъ тронулась", заболѣла, безъ памяти была, выздоровѣла, вотъ и доживаетъ вѣку у добрыхъ людей.

Да! Доживаетъ вѣку! Гдѣ-то другія ея товарки доживаютъ вѣку?!

Я пробылъ еще день въ станицѣ, но мнѣ не пришлось разговаривать съ „полячкою". Да и что было больше спрашивать, и зачѣмъ спрашивать? Все равно она не сказала бы ничего и мнѣ, какъ не сказала слѣдственной коммиссіи.

Выѣзжалъ я какъ разъ наканунѣ Крещенья, 5-го января. Расплатившись съ хозяевами, я сунулъ въ руку и „полячкѣ"

благодарность за ея услуги. Она не хотѣла брать, не привыкла видно, но я уговорилъ ее. Между прочимъ, я вспомянулъ, что этотъ день у насъ съ нею на родинѣ называется „Голодная кутя“.

— Не знаю я, забыла. Вѣдь меня то *оттуль узяли*, я была только на 14-мъ годочку... отвѣтила она.

Вотъ всего только и сказала она про себя лично.

Борисъ Познанскій.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

II.

Переѣздъ изъ Царскаго Села до Кіева.

Утромъ 7-го января, въ Царскомъ Селѣ, около дворца и улицы загромождены были экипажами. Поѣздъ императрицы состоялъ изъ 14 каретъ, 124 саней съ кибитками и 40 саней запасныхъ. Свита, назначенная на время путешествія, была очень многочисленна, часть свиты отправилась впередъ, а именно: статсъ-дамы: графиня Александра Васильевна Браницкая, графиня Екатерина Васильевна Скавронская; камергеры: Евграфъ Александровичъ Чертковъ, Петръ Степановичъ Валуевъ, Василій Петровичъ Салтыковъ; камеръ-юнкеры: графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, Александръ Александровичъ Бибиковъ; флигель-адъютантъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ и полковникъ Василій Степановичъ Поповъ. Въ поѣздѣ императрицы находились посланники: австрійскій, англійскій и французскій, камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова, фрейлина графиня Екатерина Ивановна Чернышева, отецъ ея графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ, гофмейстеръ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, управляющій кабинетомъ Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, генералъ-маіоръ Александръ Матвѣевичъ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 11.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гофмаршалъ князь Өедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ, флигель-адъютантъ Василій Ивановичъ Левашовъ, камергеръ Александръ Юрьевичъ Нелединскій-Мелецкій; камеръ-юнкеры: Викторъ Павловичъ Кочубей и графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ; дѣйст. ст. совѣтникъ Александръ Васильевичъ Храповицкій; лейбъ-медикъ Иванъ Самойловичъ Рожерсонъ, лейбъ-хирургъ Кельхенъ, гофъ-хирургъ Мессингъ, докторъ Вейкартъ, аптекарь Гревсъ. Изъ комнатной прислуги женской: любимицы императрицы камеръ-юнфера Марья Савишна Перекусихина, другая камеръ-юнфера Марія Гуце и двѣ камеръ-медхены. Два камеръ-пажа: Дивовъ и Дурасовъ, парикмахеръ и два камердинера.

Отъ придворной конторы отправлены въ одномъ поѣздѣ съ императрицею: 20 лакеевъ, метрдотелей двое съ поварами, кондитеръ, мундшенкъ, тафельдекеръ, при нихъ ученики по разнымъ должностямъ, два скорохода и два арапа.

Вслѣдъ за императрицею до Кіева отправились нѣсколько чиновниковъ кабинета, иностранной коллегіи, почтамта, придворной конторы, канцелярій Безбородка и Храповицкаго.

Изъ кабинета Стрекаловъ взялъ для подарковъ разныхъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей цѣною на 196,853 р. Вещи были раздѣлены на слѣдующіе разряды:

1) Для губернаторовъ: табакерки, перстни, цѣною отъ 1,600 до 2,700 рублей.

2) Для вице-губернаторовъ: табакерки, часы отъ 1,200 до 1,400 р.

3) Для каждой губерніи: табакерки отъ 300 до 1,000 р.

4) Для каждой губерніи: перстни отъ 400 до 1,000 р.

5) Для губернскихъ предводителей: табакерки и перстни отъ 900 до 1,000 р.

6) Для городничихъ и исправниковъ: табакерки, часы и перстни отъ 180 до 300 р.

7) Табакерки съ портретомъ, цѣною отъ 3,200 до 6,500 р.

8) Табакерки съ вензелемъ отъ 2,000 до 3,000 р.

9) Одинъ солитеръ въ 3,000 р.

10) Табакерки, перстни, часы отъ 45 до 170 р.

11) Сверхъ того: двѣ табакерки: одна въ 7,500 р., другая въ 8,750 р. и два перстня одинъ въ 3,600, а другой въ 4,500 р. [1]).

Въ 9 часовъ утра, при пушечной пальбѣ съ царскосельской батареи, поѣздъ тронулся. Императрица пригласила съ собою въ шестимѣстную карету: камеръ-фрейлину Протасову, флигель-адъютанта Дмитріева-Мамонова, Льва Александровича Нарышкина и австрійскаго посланника Кобенцеля. Императрица одѣта была въ длинномъ суконномъ кафтанѣ на мѣху, съ шнурами впереди, на головѣ высокая соболья шапка. Въ этомъ костюмѣ крѣпостной человѣкъ князя Потемкина, самоучка-живописецъ Шибаевъ, написалъ портретъ императрицы, съ котораго сохранилась гравюра Валькера [2]).

Во время путешествія императрица не измѣнила своего обыкновеннаго ежедневнаго распредѣленія времени, и сообразуясь съ этимъ распредѣленіемъ, назначены были станціи для обѣдовъ и ночлеговъ. Въ 9 часовъ утра выѣзжали со станціи, въ 2 часа остановка для обѣда, а въ 7 часовъ вечера для ночлега. Императрица вставала рано, иногда въ 6 часовъ, и утромъ занималась дѣлами съ Безбородко, Храповицкимъ, Стрекаловымъ и др. Послѣ обѣда, императрица переодѣвалась и приходила въ общую залу, разговаривала съ спутниками, играла въ карты и въ 9 часовъ вечера уходила въ свою комнату, гдѣ и писала письма до 11 часовъ вечера. Только при такомъ правильномъ распредѣленіи времени, императрица успѣвала заниматься государственными дѣлами и вести свою переписку съ великимъ княземъ и великою княгинею, великими князьями, съ Брюсомъ, Еропкинымъ, съ барономъ Гриммомъ и др. лицами [3]).

Спутники императрицы въ шестимѣстномъ ея возкѣ, съ каждаго обѣда и ночлега перемѣнялись—кромѣ камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой и графа Александра Матвѣевича

---

[1]) Архивъ каб. ея в. л. а. д 176.

[2]) Изъ Камеръ-фурьер. жур. 1787 г.—тоже Херсон. Губ. Вѣд. 1871 г. №32.

[3]) Письма эти напечатаны въ Сборникѣ истор. общества, въ Рус. Архивѣ, въ Рус. Старинѣ и въ др. печатныхъ изданіяхъ. Изъ напечатанныхъ писемъ будутъ помѣщаться только особенно необходимыя выписки, но письма Брюсу, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныя, будутъ излагаться вполнѣ.

Дмитріева-Мамонова, которые постоянно, безсмѣнно находились въ возкѣ императрицы.

Императрица относилась всегда къ спутникамъ своимъ съ особенною вѣжливостію, любезностію и деликатностію, особенно къ иностраннымъ посланникамъ (см. Донесеніе англійскаго посланника Фицъ-Герберта, помѣщ. въ сочиненіи Григоровича о Безбородкѣ). Несмотря на дальнее разстояніе и зимнее время, путешествіе скорѣе походило на прогулку, такъ какъ ѣхали въ возкахъ, движеніе которыхъ было также плавно и покойно, какъ движеніе гондолъ—такъ писалъ англійскій посланникъ Фицъ-Гербертъ, спутникъ Екатерины (тамъ же). Мы думаемъ, что это сравненіе было слишкомъ поэтично, такъ же какъ и отзывъ другаго спутника графа Сегюра. „Мы ѣхали по огненному пути, котораго свѣтъ былъ ярче солнечнаго свѣта“ (см. Записки Сегюра). Освѣщенія было довольно отъ горѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ дороги смоляныхъ бочекъ и костровъ изъ елей, но на разстояніи каждыхъ 30 саженъ, что едва ли можно сравнить съ солнечными лучами. Для иностранцевъ, конечно, вечерніе переѣзды при этомъ освѣщеніи были очень эффектны, особенно когда при этомъ освѣщеніи впереди и около возка императрицы скакали верховые съ факелами (см. Херсон. Губ. Вѣд. 1871. №. 32).

Въ шестимѣстномъ возкѣ не только не скучали, но всегда были веселы и время шло незамѣтно въ разговорахъ чрезвычайно разнообразныхъ. Непринужденность и игривый умъ императрицы и французскаго посланника графа Сегюра поддерживали постоянно веселое настроеніе собесѣдниковъ. Обращаясь всегда мило и свободно, она не допускала никогда фамиліарности, особенно со стороны посланниковъ. Одинъ разъ графъ Сегюръ вышелъ было изъ границъ вѣжливой почтительности и тотчасъ же былъ наказанъ. Случилось это такъ: императрица, сидя съ нимъ въ шестимѣстной путевой каретѣ vis-à-vis, попросила сказать какое-нибудь шутливое изъ его сочиненій; графъ увлекся и началъ читать „un conte galant“—но при первыхъ стихахъ онъ сконфузился, покраснѣлъ и не могъ продолжать: онъ увидѣлъ, что выраженіе лица императрицы вдругъ измѣнилось, вмѣсто веселости и привѣтливости, онъ видѣлъ то величіе,

которое было свойственно только ей и, не слушая начатаго стихотворенія, она громко сдѣлала вопросъ графу о предметѣ совершенно постороннемъ. Онъ понялъ—и не продолжалъ свой conte galant (изъ Записокъ гр. Сегюра).

Первая остановка, 7 января, была въ 1 часу дня въ городѣ Рожественѣ, куда императрица въѣхала при колокольномъ въ церквахъ звонѣ. Передъ домомъ, гдѣ назначено было пребываніе императрицы, встрѣтилъ ее петербургскій губернаторъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, уѣздный предводитель дворянства и купечество съ хлѣбомъ и солью. Передъ домомъ же стоялъ почетный караулъ съ штандартомъ отъ кирасирскаго „наслѣдничьяго полка“. Послѣ обѣда, изъ Рожествена сдѣланъ переѣздъ въ гор. Лугу (65 в.) къ ночлегу. Городъ былъ иллюминованъ, а при въѣздѣ освѣщаемые зажженными смоляными бочками ремесленники встрѣтили съ своими цеховыми значками. Для спутниковъ императрицы былъ изготовленъ ужинъ, но она не выходила къ столу, оставаясь во внутреннихъ покояхъ.

8 января изъ Луги проѣхали черезъ Ѳеофилову пустынь, гдѣ былъ обѣдъ, въ городъ Порховъ на ночлегъ. Между станціями Чалазъ и Боровичи, на границѣ псковской губерніи, встрѣтили императрицу: смоленскій и псковскій генералъ-губернаторъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ съ дворянствомъ возлѣ нарочито устроенныхъ тутъ тріумфальныхъ воротъ, сдѣланныхъ изъ ельника. Въ гор. Порховѣ также тріумфальныя ворота и иллюминація. На другой день утромъ, въ 9 часовъ передъ домомъ, гдѣ было пребываніе императрицы, народъ толпился, въ ожиданіи увидѣть ее, а на площади пестрѣли покрытыя разноцвѣтными коврами и сукнами кибитки и сани всевозможныхъ упряжекъ. Уѣздныя чиновницы и помѣщицы прискакали съ просьбою представиться императрицѣ. Желаніе ихъ было исполнено. Камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова въ „камеръ-собраніи“, такое давалось названіе комнатѣ, гдѣ собиралась свита,—поочередно представляли дамъ, которыхъ императрица жаловала къ рукѣ. Такимъ же порядкомъ князь Николай Васильевичъ представилъ чиновниковъ и дворянство. Купечество подносило хлѣбъ и соль.

Садясь въ карету, императрица сверхъ постоянныхъ ея спутниковъ, камеръ-фрейлины и Александра Дмитріевича Мамонова, пригласила ѣхать съ нею: графа Андрея Петровича Шувалова, графа Ангальта и графа Кобенцеля.

Отъѣзжая изъ Порхова, императрица поручила секретарю своему Александру Васильевичу Храповицкому писать журналъ [1]) высочайшаго путешествія и пересылать его въ Петербургъ къ графу Якову Александровичу Брюсу, а въ Москву къ главнокомандующему Москвою Еропкину. „Для отвращенія въ столицахъ пустыхъ рѣчей, pour les tenir en haleine и чтобъ дать жваку“ (см. Зап. Храповицкаго).

Изъ Порхова императрица написала къ Брюсу: „графъ Яковъ Александровичъ! вчерашній день, то есть въ пятницу въ вечеру, въ девятомъ часу, я благополучно сюда пріѣхала и мы всѣ здоровы. Въ девять часовъ сего утра ѣду отселѣ далѣе въ путь. Князя Репнина мы наѣхали на псковской границѣ и мнѣ онъ показался такъ толстъ и здоровъ, какъ я его давно уже не видала“.

По дорогѣ отъ Порхова, въ 28 верстахъ, въ деревнѣ Дубровкѣ остановка для обѣда назначена была въ домѣ помѣщика, отставнаго гвардіи прапорщика Мягкаго; къ обѣду былъ приглашенъ хозяинъ.

Не доѣхали еще Великихъ Лукъ, какъ снѣгъ сошелъ съ глубокопесчаной дороги и проѣхать по ней въ экипажахъ императорскаго поѣзда, бывшихъ на полозьяхъ, было почти невозможно. Мѣстныя власти озаботились предупредить замедленіе и неудобство ѣзды — для этого устроили искусственный санный путь: нагнали крестьянъ съ бочками воды и ведрами, залили песокъ водою, а морозъ въ 18° докончилъ дѣло, вода замерзла, набросали еще снѣгу и высочайшій поѣздъ безъ затрудненія прибылъ въ Великіе Луки (см. Taurische Reise der Kaserin v. Russland. Koblenz. 1799 г., стр. 22) 10 января въ 6 часовъ вечера, при пушечной пальбѣ съ крѣпости. Крѣпость эта, зем-

[1]) Журналъ путешествія печатался своевременно въ тогдашнихъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ.

ляная, находилась тогда на лѣвомъ берегу р. Ловати съ бастіонами и окружена была палисадомъ. Посадъ находился на правомъ берегу (см. Путешествіе е. и. в. въ полуденный край. 1786 г., стр. 9).

Въ Великихъ Лукахъ живописецъ какой-то представилъ императрицы свою работу, за которую пожаловано ему 100 р. Коменданту крѣпости въ золотой табакеркѣ пожаловано 200 червонныхъ.

11 января, прощаясь въ Великихъ Лукахъ съ чинами псковской губерніи, императрица пожаловала псковскому губернатору Пилю орденъ св. Владиміра 2-й степени, а затѣмъ предводителямъ, судьямъ, городничимъ, исправникамъ и пр. роздано отъ имени императрицы подарковъ цѣнностію на сумму 7,096 руб. (Изъ приходорасход. докум. архива кабинета е. в.).

При отъѣздѣ изъ Великихъ Лукъ въ карету императрицы приглашены были: Левъ Александровичъ Нарышкинъ, Александръ Юрьевичъ Нелединскій-Мелецкій и графъ Кобенцель.

На границѣ псковскаго и полоцкаго намѣстничествъ въ дер. Сеньково откланялись: генералъ-губернаторъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ и псковскій губернаторъ Пиль. Императрица благодарила ихъ за устройство губерніи имъ ввѣренной. Сюда же выѣхали: генералъ-губернаторъ Петръ Богдановичъ Паленъ, полоцкій губернаторъ Лунинъ, губернскій предводитель Снарскій и прочіе уѣздные предводители и дворяне.

Обѣдъ 11 января былъ въ домѣ генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго въ мѣстечкѣ Усвятъ, основанномъ въ 1527 г. для обороны отъ литовскихъ и польскихъ нападеній. Во время самозванцевъ Усвятъ былъ отнятъ у насъ поляками, но въ 1772 г. возвращенъ (см. Путешествіе въ полуденный край, стр. 10—11).

Въ 7 часовъ вечера прибыли въ городъ Велижъ, откуда на другой день, 12 января, послѣ пріема императрицей дворянства и чиновниковъ, выѣхали въ 9 часовъ утра по дорогѣ въ Смоленскъ; въ гор. Порѣчье встрѣтили императрицу снова генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, смоленскій губернаторъ Платонъ Храповицкій, губернскій предводитель Степанъ Храповицкій, дворяне, чиновники и купечество.

12 января, къ вечеру, императрица прибыла въ Смоленскъ.

О приближеніи къ городу царскаго поѣзда жителямъ Смоленска дано было знать ракетою, пущенною съ Покровской горы, еще въ 5-мъ часу, когда поѣздъ находился на послѣдней станціи въ селѣ Териховѣ. Загудѣли колокола Успенскаго собора и всѣхъ церквей, а по кремлевскимъ стѣнамъ и башнямъ загорѣлась иллюминація. На встрѣчу императрицы выѣхали верхами генералъ-губернаторъ князь Репнинъ съ дивизіоннымъ генералитетомъ, съ штабъ и оберъ-офицерами и дворянами. Императрица въѣзжала въ своемъ путевомъ экипажѣ, въ шестимѣстной каретѣ, съ нею сидѣли: камеръ-фрейлина Протасова, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, посланники графъ Сегюръ и Фицъ-Гербертъ.

Торжественный въѣздъ императрицы, въ 8 часовъ вечера въ Смоленскъ, освѣщенный иллюминаціею, былъ небывалымъ зрѣлищемъ для смоленскихъ жителей. Сто почталіоновъ верхами скакали около экипажей съ зажженными факелами; впереди ѣхали верхами же генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, губернскій предводитель Храповицкій, двѣнадцать уѣздныхъ предводителей, 12 депутатовъ отъ дворянства, избранныхъ тогда для составленія дворянской родословной книги и 50 другихъ дворянъ. Плацъ-маіоръ съ 24 человѣками штатной конницы открывалъ шествіе. Передъ городомъ встрѣчало купечество и ремесленники съ цеховыми своими значками; въ предмѣстьи у нарочито выстроенныхъ тріумфальныхъ воротъ магистратъ; у Днѣпровскихъ городскихъ воротъ комендантъ крѣпости Эттингеръ съ городскими ключами; передъ Успенскимъ соборомъ епископъ смоленскій Парфеній съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи, съ животворящимъ Крестомъ, на Малаховской улицѣ у народнаго училища стоявшіе въ три ряда 167 учениковъ и учители; у Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря духовенство и игуменья съ монахинями, у присутственныхъ мѣстъ члены всѣхъ палатъ съ чиновниками. При безпрестанной пушечной пальбѣ съ крѣпости, называемой *Королевской*, императрица въ четверть девятаго часа вечера прибыла ко дворцу. Стоявшій тутъ почетный караулъ отъ ингерманландскаго карабинернаго полка отдалъ честь съ музыкою и барабаннымъ боемъ. На подъѣздѣ

ожидали: исправляющій должность губернатора вице-губернаторъ Иванъ Храповицкій и совѣтники, намѣстники правленія; передъ внутренними покоями императрицу встрѣчала жена генералъ-губернатора княгиня Дарья Александровна Репнина. Императрица удалилась въ свои покои, а вся свита, по приглашенію князя Репнина, отправилась къ нему на ужинъ.

13 января, въ 11-ть часовъ утра, съѣхались во дворецъ: высшее духовенство, дворянство, всѣ гражданскіе и военные чины. Первый былъ принятъ императрицею епископъ Парфеній; онъ поднесъ икону и сказалъ привѣтственную рѣчь; за нимъ выступилъ губернскій предводитель полковникъ Степанъ Храповицкій, для котораго пріѣздъ императрицы совпалъ съ днемъ семейной радости: въ то самое время, когда онъ садился на лошадь для встрѣчи императрицы, у него родилась дочь. Онъ сказалъ императрицѣ слѣдующую рѣчь, которая ей очень понравилась (см. Записки Храповицкаго, стр. 23): „Всемилостивѣйшая государыня! Тобою мы счастливы и благоденствуемъ. Ты царствуешь надъ нашими сердцами, неисчетными благодѣяніями твоими преисполненными; то ни съ чѣмъ несравненно величайшее наше счастіе, радость и восхищеніе тебя видѣть и лобызать десницу намъ благотворящую“ (см. Особенный журналъ путешествія 1787 г., рукопись, хранящ. въ арх. мин. имп. дв.).

Въ тотъ же день къ обѣду во дворецъ, въ присутствіи императрицы, приглашено было 76 лицъ, въ томъ числѣ епископъ Парфеній, архимандриты Петръ, Авраамієвскаго монастыря, и Іеронимъ, вяземскаго Предтечинскаго монастыря, князь Репнинъ съ женою, предводители, высшіе гражданскіе и военные чины и 12 депутатовъ отъ дворянства. Столъ кончился въ 2 часа по полудни (тамъ же).

Вечеромъ, по повѣсткѣ, съѣхались во дворецъ „генералитетъ“, дворянство и высшіе гражданскіе чины. Императрица вышла въ залу изъ своихъ покоевъ въ 7-мъ часу, и жаловала къ рукѣ представленныхъ ей камеръ-фрейлиною Протасовою смоленскихъ и пріѣзжихъ изъ уѣзда дамъ; потомъ, поигравъ до 8 часовъ въ карты, она удалилась въ свои покои. Балъ былъ блистательный, съѣхалось болѣе 300 дамъ, одѣтыхъ со вкусомъ

и по послѣдней модѣ (см. Mem. de Ségur., т. III, p. 12). Императрица писала къ графу Я. А. Брюсу: „на другой день моего пріѣзда въ сей городъ, былъ у меня по утру и въ вечеру такой съѣздъ, что я думала, что я на Москвѣ или въ Петербургѣ". (Изъ писемъ къ Брюсу).

По маршруту, въ Смоленскѣ предположено было остановиться только на три дня, но простуда многихъ изъ свиты и прислуги, а особенно болѣзнь Дмитріева-Мамонова, принудила пробыть въ Смоленскѣ нѣсколько лишнихъ дней.

„Графъ Яковъ Александровичъ, писала императрица 14 января, по причинѣ встрѣчныхъ вѣтровъ и великой стужи, отъ которой между служителями многіе имѣютъ боль въ глазахъ, я разсудила за благо здѣсь остановиться нѣсколько дней болѣе, нежели я думала, и надѣюсь съ Божіею помощью выѣхать отсюда въ понедѣльникъ. Я здорова и пребываю къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Смоленскъ 14 января 1787 г.".

О болѣзни Мамонова императрица не написала къ Брюсу, но наканунѣ отъѣзда изъ Смоленска написала объ этомъ великому князю Павлу Петровичу. „Я здѣсь остановилась дня четыре болѣе, нежели я думала, по причинѣ той, что Александръ Матвѣевичъ былъ болѣнъ, да всѣ устали и многіе глазами жаловались" (см. Сборникъ истор. общ. XXVII, 403). Послѣ, изъ Кричева, къ барону Гримму императрица писала объ этой неожиданной остановкѣ въ Смоленскѣ подробнѣе: „господинъ красный кафтанъ (такое прозваніе она давала Мамонову въ письмахъ своихъ къ Гримму) растянулся во весь ростъ на своей постели въ жестокой лихорадкѣ (fievre de cheval, въ подлинникѣ, писанномъ на французскомъ языкѣ) и съ страшною болью въ горлѣ, но г. Рожерсонъ (лейбъ-медикъ императрицы) прервалъ болѣзнь порошками Жемса и шпанскою мушкою, что окончательно его вылечило во время четырехдневнаго пребыванія моего въ этомъ городѣ. Замѣчательно, что отъ встрѣчнаго вѣтра, дувшаго 72 часа, большая часть служителей, пріѣхавшихъ въ Смоленскъ, заболѣли глазами".

Вниманіе императрицы къ семейству Мамонова было такъ велико, что озабоченная мыслью объ испугѣ отца Александра

Матвѣевича, когда до него дойдетъ слухъ о болѣзни его сына, она поручила главнокомандующему въ Москвѣ передать посылаемое письмо Александра Матвѣевича отцу его Матвѣю Васильевичу и увѣрить старика „по чести и по совѣсти, что ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія въ семъ припадкѣ, дабы не встревожены были какими ложными слухами“ (см. Сочинен. Екатерины II, изд. Смирдина, т. III, стр. 332).

14 января императрица утромъ никого не принимала и не выходила изъ своихъ комнатъ до 6-ти часовъ вечера, а потомъ вышла въ „собраніе“, т. е. въ залу, гдѣ собиралась свита, и провела вечеръ, играя въ карты до 8-ми часовъ.

15 января, во дворцѣ (такъ называли по случаю пріѣзда домъ, гдѣ остановилась императрица) императрица крестила передъ обѣдомъ новорожденную дочь губернскаго предводителя Степана Юрьевича Храповицкаго, а потомъ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ представилъ пріѣхавшаго изъ Бѣлоруссіи католическаго архіепископа могилевскаго и полоцкаго Станислава Сестренцевича - Богуша. Французскій посланникъ графъ Сегюръ, присутствовавшій при этомъ представленіи, послѣ, когда Сестренцевичъ ушелъ, высказалъ императрицѣ свое удивленіе, что пріемы и походка архіепископа приличнѣе военному, нежели духовному лицу.—„Неудивительно, отвѣчала Сегюру императрица,—онъ служилъ долго капитаномъ въ драгунахъ. En cette qualité, je vous conseille de vous confesser à lui“.

„Добродушный прелатъ доказалъ вскорѣ на самомъ дѣлѣ, что онъ не забылъ своей прежней кавалерійской службы и провожалъ императрицу до Кіева верхомъ, не жалуясь ни на усталость, ни на холодъ“ (см. Записки Сегюра). Вечеромъ въ городѣ случилась страшная тревога: пожаръ возлѣ самаго дворца, который былъ деревянный; загорѣлся и сгорѣлъ до тла домъ княгини Друцкой-Соколинской. Опасность для дворца была такъ близка, что готовились придворные экипажи для выѣзда императрицы и свиты, но пожаръ скоро былъ потушенъ, и при отъѣздѣ изъ Смоленска императрица пожаловала княгинѣ денегъ на постройку каменнаго дома изъ суммъ кабинета четыре тысячи рублей (Дѣло кабинета е. в., стр. 489 и Днев. Храпов., 13.

Тоже Исторія губ. гор. Смоленска Д. И. Мурзакевича. Смоленскъ. 1804 г., стр. 218).

16 января больные все еще не поправлялись и императрица не выходила изъ своихъ комнатъ—пріему никакого не было, а вечеромъ приглашенъ былъ только кн. Репнинъ съ супругою. (К.-фур. ж.).

Наконецъ больные всѣ поправились. 17 января императрица писала графу Брюсу: „въ пятницу крестила я дочь губернскаго предводителя, которая родилась въ самое то время, какъ онъ садился на лошадь для встрѣчи; сего вечера будетъ у меня балъ, а завтра по утру, дастъ Богъ здоровья, поѣду отселѣ и буду ночевать въ могилевской губерніи, въ городѣ Мстиславлѣ".

Въ воскресенье 17 января, наканунѣ отъѣзда, въ началѣ 12 часа, императрица, пригласивъ съ собою камеръ-фрейлину Протасову, въ четвероместной каретѣ, въ сопровожденіи всей свиты, изъ дома генералъ-губернатора, гдѣ она имѣла пребываніе, выѣхала къ обѣднѣ въ церковь Іоанна Предтечи, близь Успенскаго собора. На паперти встрѣтилъ епископъ Парфеній съ духовенствомъ. Литургію служилъ онъ же съ духовникомъ императрицы Іоанномъ Іоанновичемъ Панфиловымъ.

Послѣ литургіи императрица посѣтила епископа Парфенія въ его келіи, гдѣ онъ показалъ государынѣ серебряные церковные сосуды и чеканныя серебряныя царскія двери, изготовленныя для новостроившагося собора. Императрица пожаловала преосвященному 1,000 руб., на соборъ и архіерейскій домъ 1,000 р., на смоленскую семинарію и на духовныя училища въ прибавокъ къ ежегодной суммѣ еще 2,500 р. Тремъ монастырямъ въ Смоленскѣ 500 р. и на богадѣльню 500 р. (Изъ К.-ф. ж. 1787 г. и изъ дѣла арх. каб. е. в.).

Передъ обѣдомъ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ представилъ чиновниковъ и дворянъ смоленской губерніи, которымъ пожалованы были разные драгоцѣнные подарки. Въ этотъ же день князь Репнинъ выпросилъ себѣ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ. Императрица уволила его только на два года съ сохраненіемъ жалованья (Дѣло № 65 архива кабинета е. в.). Вечеромъ, въ 5-мъ часу съѣхались во дворецъ приглашенные на

балъ; императрица вышла въ залу въ 7 часовъ, и балъ былъ открытъ, оберъ-шталмейстеромъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ съ камеръ-фрейлиною Протасовою. Императрица смотрѣла на танцующихъ, играя по обыкновенію въ карты съ посланниками, и въ 9 часовъ удалилась во внутренніе покои.

18 января императрица, въ 9 часовъ утра, выѣхала изъ Смоленска, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, въ дорожномъ шестимѣстномъ возкѣ, пригласивъ съ собою князя Репнина, Л. А. Нарышкина и графа Кобенцеля.

Во все время пребыванія императрицы въ Смоленскѣ, народъ бѣгалъ за нею толпами, когда она проѣзжала по улицамъ, и съ утра толпился передъ дворцомъ. Бывшій при императрицѣ секретарь Храповицкій обратилъ на это ея вниманіе. „И медвѣдя смотрѣть кучами собираются“, отвѣчала Екатерина (см. Записки Храповицкаго, стр. 23).

Безпрестанное стеченіе народа передъ покоями ея величества во все время пребыванія въ Смоленскѣ, выражало общую радость и удовольствіе видѣть свою монархиню (Журналъ путешествія 1787 г. Рукопись).

Выѣздъ изъ Смоленска послѣдовалъ съ тою же торжественною обстановкою, какъ и прибытіе.

На границѣ смоленскаго и могилевскаго намѣстничествъ встрѣтилъ могилевскій генералъ-губернаторъ Петръ Богдановичъ Пассекъ съ дворянами. Обѣдъ былъ въ мѣстечкѣ Хославичахъ, въ домѣ помѣщика, камергера графа Алексѣя Владиміровича Салтыкова, который приглашенъ былъ къ столу императрицы; къ вечеру 18 января, въ 6 часовъ, пріѣхали на ночлегъ въ гор. Мстиславль при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. При въѣздѣ въ городъ, у тріумфальныхъ воротъ встрѣтили цеховые и ремесленники съ ихъ значками. Городъ весь былъ иллюминованъ и особенно красовалась іезуитская церковь, освѣщенная разноцвѣтными огнями.

Вечеромъ въ іезуитской церкви совершено благодарственное богослуженіе по случаю пріѣзда императрицы, и многіе изъ свиты ѣздили туда слушать церковную музыку. На слѣдующій день, 19 января, въ 10-мъ часу утра, представились императрицѣ:

Георгій Конисскій, архіепископъ могилевскій, Станиславъ Сестренцевичъ, архіепископъ католическій, и Ленкевичъ, генеральный викарій іезуитскаго ордена, Ираклій, архіепископъ уніатскій, также дворянство съ предводителемъ. Архіепископъ Георгій Конисскій сказалъ императрицѣ свою знаменитую рѣчь: „Пресвѣтлѣйшая императрица! оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается или солнце обращается вокругъ земли. Наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, дабы мы въ благополучіи почивали". (См. другой текстъ рѣчи Георгія Конисскаго въ „Русской Старинѣ" IV, 191—192). Іезуиты поднесли императрицѣ печатные привѣтствѣнные стихи на разныхъ языкахъ. Въ это время въ іезуитскомъ смоленскомъ коллегіумѣ находилось двадцать іезуитовъ изъ поляковъ, одинъ только былъ нѣмецъ и одинъ австріецъ (изъ рукописи журнала путешествія).

Іезуиты напомнили еще разъ о себѣ въ мѣстечкѣ Кричевѣ, принадлежавшемъ тогда князю Потемкину, гдѣ былъ ночлегъ. Костелъ іезуитскій былъ великолѣпно освѣщенъ разноцвѣтными огнями.

Въ мѣстечко Пропойскъ, принадлежавшее тогда бывшему оберъ-камергеру князю Александру Михайловичу Голицыну, прибыли 20 января къ обѣду. Князь Голицынъ, жившій въ Москвѣ, писалъ по этому случаю въ Вѣну къ брату своему князю Дмитрію Михайловичу: „Домъ въ Пропойскѣ хотя и просто построенъ, но покоенъ и убранъ пристойнымъ образомъ. Онъ лежитъ на горѣ и на мѣстѣ весьма красивомъ и видномъ; подъ горою и подъ самымъ домомъ соединились двѣ большія рѣки, на другой сторонѣ которыхъ находится пространный лугъ, обшитый (sic) дубовымъ лѣсомъ. Сію вотчину, въ 3,400 душъ мужеска пола состоящею, имѣю я отъ щедротъ ея императорскаго величества, и ежели оная не была бы въ 600 верстахъ отъ Москвы, тобъ не можно для меня имѣть пріятнѣйшаго пребыванія, какъ въ оной". (Изъ бумагъ князя Голицына, хранящихся въ главномъ архивѣ минист. иностр. дѣлъ въ Москвѣ).

На ночлегъ прибыли въ мѣстечко Чечерскъ, жалованное графу Захару Григорьевичу Чернышову, въ которомъ жила тогда

вдова его графиня Анна Родіоновна. У тріумфальныхъ воротъ ожидали купцы, мастеровые и ремесленники съ ихъ цеховыми значками.

Здѣсь же явился къ императрицѣ фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, въ качествѣ генералъ-губернатора трехъ малороссійскихъ губерній. Во время проѣзда отъ тріумфальныхъ воротъ до самаго дома, возокъ императрицы сопровождали верхами графъ Румянцевъ съ дворянами, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ.

На подъѣздѣ дома встрѣтили императрицу гр. Румянцевъ, хозяйка-графиня и ея родственники, бывшій тогда въ свитѣ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ и дочь его, фрейлина графиня Екатерина Ивановна. (См. К.-ф. ж.)

Изъ Чечерска императрица писала къ графу Я. А. Брюсу: „Сего вечера, въ осьмомъ часу, я пріѣхала сюда, гдѣ нашла у графини Чернышевой превеликое число людей; она меня встрѣтила обще съ генераломъ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ; скажите графинѣ Марьѣ Андревнѣ [1]), что онъ на виду свѣжъ, здоровъ и бодръ такъ, какъ я его видѣла шесть лѣтъ назадъ. Я здорова и всѣ при мнѣ находящіеся. Завтра по утру я поѣду отселѣ въ 11 часу. Послѣ завтра съ помощью Божіею ночевать буду въ Новгородѣ Сѣверскомъ“. (Изъ писемъ къ Брюсу.)

Въ Чечерскѣ постоянный спутникъ шестимѣстнаго возка генералъ-маіоръ и кавалергардскаго корпуса корнетъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. (Высоч. повел. по придв. части, кн. № 168).

Въ Чечерскѣ, особенно вниманіе путешествующихъ обращала на себя оригинальная иллюминація еврейскаго школьнаго дома и жидовская музыка, игравшая на ратушѣ во время иллюминаціи.

Старушка графиня Чернышева, проводивъ императрицу, отправилась къ своей сосѣдкѣ госпожѣ Фабриціановой пора-

---

[1]) Мать Румянцева, рожденная графиня Матвѣева, оберъ-гофмейстерина, скончалась въ слѣдующемъ 1788 году, девяноста лѣтъ отъ роду.

сказать о своей радости, какъ ей удалось угостить императрицу, объ оказанныхъ ей милостяхъ, о великолѣпіи императорскаго поѣзда и пр.; графиня осталась ночевать у сосѣдки и за этотъ визитъ едва не поплатилась своею жизнію.

„Во время ночлега графини у госпожи Фабриціановой сгорѣлъ сей генеральши домъ, въ которомъ потерю считаютъ не токмо на большую сумму денегъ, но притомъ и имѣли несчастіе погибнуть пріѣхавшіе туда съ графинею маіоръ Луксъ, землемѣръ и одинъ офицеръ. Графиня и хозяйка дома сами едва спаслись". (Изъ письма кн. Александра Мих. Голицына къ Пассеку, находящагося въ бумагахъ Голицынскихъ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Объ этомъ происшествіи упоминается и въ книгѣ *Tauruche Reise*, стр. 44).

21 января, въ мѣстечкѣ Столбунь, на границѣ новгородъ-сѣверской губерніи, назначенъ былъ обѣдъ, и здѣсь явился губернаторъ Илья Богдановичъ Бибиковъ съ дворянствомъ. Въ тотъ же день, въ городѣ Новомѣстѣ, у церкви Гамалѣевскаго монастыря, встрѣтилъ архимандритъ Іоаннъ съ крестомъ. Откушавъ чай въ Новомѣстѣ и продолжая путь, въ слободѣ Зыбкой императрица была пріостановлена жителями слободы раскольниками;у тріумфальныхъ воротъ, ими выстроенныхъ, они съ женами и дѣтьми окружили возокъ императрицы и просили принять отъ нихъ хлѣбъ-соль и фрукты. Удостоенные ласковаго пріема, раскольники съ радостными криками провожали императрицу и скакали верхами около ея возка до станціи Нижней, гдѣ была остановка для ночлега въ домѣ помѣщика преміеръ-маіора Миклашевскаго; хозяинъ встрѣтилъ императрицу на крыльцѣ своего дома съ матерью своею и сестрами дѣвицами. (См. К.-ф. ж.)

Выѣзжая со станціи Нижней, 22 января, императрица пригласила въ свой возокъ: графа Петра Александровича Румянцева, Ивана Ивановича Шувалова и графа Сегюра. Раскольники снова явились и поднесли хлѣбъ и соль на серебряномъ блюдѣ.

Послѣ обѣда въ гор. Стародубѣ, въ домѣ помѣщика Ширая, продолжался путь къ Новгороду-Сѣверскому черезъ дер. Андреевку и мѣстечко Смячь; въ послѣднемъ священникъ мѣст-

ной церкви встрѣтилъ съ крестомъ и императрица приложилась ко кресту въ возкѣ, не выходя изъ онаго. (К.-ф. ж.)

Когда поѣздъ приблизился къ Новгороду-Сѣверскому за версту, по ракетному сигналу начались въ городѣ пушечная пальба и колольный звонъ въ церквахъ. У тріумфальныхъ воротъ встрѣтилъ губернаторъ и всѣ мѣстные военные и гражданскіе высшіе чины; на улицѣ купечество и цеховые. Улицы, по которымъ слѣдовалъ поѣздъ, были иллюминованы.

На слѣдующій день, 23 января, утромъ въ 11 часовъ, собрались во дворецъ: Иларіонъ, епископъ новгородъ-сѣверскій и глуховскій съ двумя архимандритами, губернаторъ и купечество. Въ три четверти 12-го часа, императрица вышла изъ своихъ покоевъ и епископъ Иларіонъ первый привѣтствовалъ ее поздравительною рѣчью и поднесъ ей икону и хлѣбъ-соль; затѣмъ выступилъ передъ императрицею и сказалъ также рѣчь 88-лѣтній старикъ дворянинъ Ломиковскій. Всѣ присутствовавшіе были пожалованы къ рукѣ, а къ обѣду въ присутствіи императрицы приглашено было 62 особы.

Вечеромъ, въ 6 часовъ, съѣхались городскія и пріѣхавшія изъ уѣзда дамы, жены и дочери военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и до начатія бала представлены императрицѣ камеръ-фрейлиною Протасовою. Дамы, неимѣвшія права быть представленными императрицѣ, смотрѣли на балъ съ хоръ. Балъ кончился въ 9 часовъ вечера. (К.-ф. ж.)

Балъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ былъ особенно любопытенъ для посланниковъ, увидѣвшихъ здѣсь въ первый разъ малороссійскія пляски, въ которыхъ особенно отличались дѣвицы Скоропадская и Кулябка. (К.-ф. ж. 1788 г. Записки Храповицкаго подъ 23-мъ января.)

Въ воскресенье, 24 января, отслушавъ литургію въ домовой архіерейской церкви св. пророка Иліи, императрица выѣхала къ обѣду въ мѣстечко Вишенки, принадлежавшее фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцеву.

Въ Вишенкахъ фельдмаршалъ принималъ императрицу въ построенномъ имъ великолѣпномъ домѣ, на крутомъ берегу р. Десны; все зданіе было въ византійскомъ вкусѣ, съ 24-мя баш-

нями, и замѣчательное по своей оригинальной, необыкновенной архитектурѣ [1]).

Императорскій поѣздъ встрѣченъ былъ пальбою изъ пушекъ, стоявшихъ возлѣ дома. За обѣдомъ также гремѣла пушечная пальба, при вокальной и инструментальной музыкѣ, исполнителями въ хорѣ и оркестрѣ были крѣпостные музыканты и хористы графа. Передъ отъѣздомъ въ саду и по всему мѣстечку зажжена иллюминація, а передъ домомъ поставлены были разныя, освѣщенныя разноцвѣтными огнями аллегорическія изображенія съ надписями въ честь императрицы. (См. К.-ф. ж. 1787).

„Я обѣдала у фельдмаршала Румянцева въ Вишенкѣ (писала императрица къ графу Брюсу), гдѣ онъ построилъ домъ весьма изрядный, каменный и съ башнями въ готическомъ вкусѣ, сколько зимой судить можно о положеніи мѣста, то кажется, что оно очень быть должно пріятно". (Изъ неизданныхъ писемъ къ Брюсу). При отъѣздѣ императрица пожаловала прислугѣ графа 1,000 червонцевъ. (Приходо-расход. книга 1787, архивъ каб. Е. В.)

Послѣ ночлега (съ 24-го на 25-е января) въ городѣ Сосницѣ, въ домѣ помѣщика Полторацкаго, на границѣ новгородъ-сѣверскаго и черниговскаго намѣстничествъ встрѣтилъ черниговскій губернаторъ генералъ-поручикъ Андрей Степановичъ Милорадовичъ. Обѣдъ былъ въ городѣ Березнѣ, и отсюда до самаго Чернигова, смѣняясь на каждой станціи, возлѣ возка императрицы скакали верхами нѣсколько дворянъ. Не доѣзжая двухъ верстъ до города Чернигова, выѣхали на встрѣчу верхами: генералъ аншефъ баронъ Эльмптъ, генералъ-поручики: Милорадовичъ и князь Иванъ Голицынъ и генералъ-маіоръ Сергѣй Салтыковъ. У тріумфальныхъ воротъ ожидали: вице-губернаторъ, гражданскіе чины, граждане и ремесленники.

При въѣздѣ въ черниговскую крѣпость, комендантъ крѣпости бригадиръ Мухинъ поднесъ императрицѣ городскіе крѣпостные ключи.

Лучшія зданія въ городѣ были иллюминованы.

---

[1]) Полуразрушенный дворецъ этотъ существовалъ еще въ 1850 г., о чемъ напечатано въ „Сѣверной Пчелѣ" 1850 г., съ присовокупленіемъ описанія пребыванія

Для пребыванія императрицы выстроенъ былъ къ ея пріѣзду *„путевой дворецъ“* могилевскимъ дворяниномъ Молотковичемъ на собственныя его деньги. Императрица пожаловала ему 2,000 руб. (Архивъ кабин. л. Б. св. 12).

„Я пріѣхала сюда благополучно и здорова, писала императрица къ Брюсу, здѣсь почти снѣга нѣтъ и тепло становится; острота воздуха вовсе насъ покинула отъ самаго Смоленска“.

Въ Черниговѣ, 26 января, утромъ, представлялся императрицѣ Ѳеофилъ, епископъ черниговскій, съ духовенствомъ и поднесъ икону и книгу *„Новый Завѣтъ“*, напечатанную въ Черниговѣ. Губернскій предводитель Полетика сказалъ привѣтственную рѣчь (см. Чтенія моск. общ. исторіи и древн. Рос. 1865 г. II. 190). Послѣ пріема, передъ обѣдомъ, императрица играла въ шахматы съ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ, Степаномъ Ѳедоровичемъ Стрекаловымъ и англійскимъ посланникомъ.

Въ 7 часовъ вечера, въ присутствіи императрицы, начался балъ, во время котораго императрица играла въ карты съ посланниками. Балъ кончился въ 9 часовъ вечера (К.-ф.ж. 1787 г.).

Въ Нѣжинѣ, куда прибыли въ 7 часовъ вечера 27 января, для пребыванія императрицы приготовленъ былъ домъ Александра Андреевича Безбородка (см. Сбор. имп. общества исторіи, т. XXVI, стр. 179), который, опередя императорскій поѣздъ, встрѣтилъ дорогую гостью на подъѣздѣ дома.

Въ Нѣжинѣ построены были къ пріѣзду императрицы тріумфальныя ворота греческимъ торговымъ мѣстнымъ обществомъ и тутъ встрѣчали всѣ нѣжинскіе греки съ женами и дѣтьми, по обыкновенію, поднося хлѣбъ и соль (К.-ф. ж. 1787 г.). Дворянство встрѣчало императрицу у подъѣзда дома Безбородка. На слѣдующій день (28 января) съ 12 часовъ утра начались представленія. Сперва, по принятому порядку, духовенство: первый, нѣжинскаго Благовѣщенскаго, Назаретъ называемаго, монастыря

въ немъ императрицы 17 мая. Неизвѣстно откуда взято это описаніе, незаслуживающее вѣроятія, потому что, по оффиціальнымъ вѣрнымъ документамъ, во первыхъ, императрица была тутъ 23 января, и, во вторыхъ, она только обѣдала въ Вишенкахъ, а не ночевала.

архимандритъ Дороѳей поднесъ икону и съ привѣтственною рѣчью хлѣбъ и соль, за нимъ подходилъ случайно бывшій въ то время въ Нѣжинѣ іерусалимскаго монастыря Гроба Господня архимандритъ Варѳоломей. Императрицѣ очень понравилась рѣчь архимандрита Дороѳея: „онъ хорошо выражалъ слова, къ Кресту относящіяся", сказала императрица своему секретарю Храповицкому (см. Записки Храповицкаго, стр. 24).

Послѣ духовенства, камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова представила нѣжинскихъ дамъ и женъ купцовъ, а генералъ-губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ и „знатныхъ" изъ купечества. Старшина греческаго нѣжинскаго торговаго общества Павло-Эліатъ сказалъ императрицѣ рѣчь на греческомъ языкѣ. Императрица всѣхъ жаловала къ рукѣ (К.-ф. ж. 1787 г.). Въ письмѣ къ великому князю Константину Павловичу, котораго обучали греческому языку, императрица писала изъ Нѣжина: „въ Нѣжинѣ я слушала греческую рѣчь, я не поняла ни одного слова, потому что васъ не было со мною" (изъ бум.изд.Бычковымъ 36—41).

Изъ Нѣжина императрица писала къ великой княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ: „я прибыла сюда въ добромъ здоровьѣ; завтра, Богъ дастъ, буду въ Кіевѣ, гдѣ мы успѣемъ отдохнуть, хотя никто не жалуется на утомленіе, напротивъ, мое путешествіе такъ расположено, что это скорѣе прогулка" (Рус. Старина. Ноябрь. 1873 г.).

Въ Нѣжинѣ императрицѣ очень хотѣлось купить игрушекъ для своихъ внучекъ, но ничего приличнаго и занимательнаго не нашли; но греки-торговцы воспользовались посѣщеніемъ императрицею ихъ города и предложили разныя шелковыя и парчевыя матеріи.

Императрицѣ очень понравились два куска черкесской парчи. „Голубую съ серебромъ, писала императрица великой княгинѣ, назначаю вамъ, сударыня, и внучкамъ моимъ. Надѣюсь, что ее достанетъ на васъ. Фіолетовую же съ золотомъ великому князю и внукамъ моимъ и такимъ образомъ къ Пасхѣ всѣ семеро будутъ съ обновками, купленными въ Нѣжинѣ" (см. Рус. Старина 1873 г. Ноябрь). Парча куплена была у грека Аведуліева за 1,087 руб. (см. дѣло арх. каб. е. в. л. Б.).

Пригласивъ въ свою карету графа Ивана Григорьевича Чернышева, графа Сегюра и графа Кобенцеля, императрица въ половинѣ 2-го часа дня выѣхала изъ Нѣжина; въ мѣстечкѣ Носо́вкѣ (30 верстъ) кушали чай, а въ м. Казарахъ, у нарочито построенныхъ тріумфальныхъ воротъ, на границѣ намѣстничествъ черниговскаго и кіевскаго, встрѣтили: кіевскій губернаторъ Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, губернскій предводитель Капнистъ, предводители и дворяне ближайшихъ уѣздовъ. Тутъ же откланялись черниговскій губернаторъ Милорадовичъ и 12 черниговскихъ дворянъ, сопровождавшихъ верхами императрицу отъ Нѣжина; на смѣну ихъ явились 12 козелецкихъ дворянъ и двадцать поселянъ изъ бывшихъ прежде малороссійскихъ козаковъ.

Не доѣзжая города Козельца, встрѣтили военное начальство расположенныхъ тутъ карабинерныхъ полковъ: переяславскаго, лубенскаго, тверскаго и нѣжинскаго, и всѣ послѣдовали верхами за возкомъ императрицы. При въѣздѣ въ городъ, въ тріумфальныхъ воротахъ мѣщанки бросали цвѣты подъ возокъ императрицы (К.-ф. ж.).

Вечеръ, по обыкновенію, императрица оканчивала „забавляясь въ карты"; въ этотъ день партію ее составляли оберъ-камергеръ Шуваловъ и посланники. Во время карточной игры императрицѣ доложили, что пришли мѣстные купцы и просятъ дозволенія поднести лично хлѣбъ и соль. Желаніе ихъ было исполнено и они, сверхъ хлѣба и соли, на серебряномъ блюдѣ поднесли яблоки и въ стеклянныхъ сосудахъ бѣлое и красное „волошское" вино (К.-ф. ж.).

На слѣдующій день, 29 января, передъ отъѣздомъ, въ Козелецъ явился къ императрицѣ присланный отъ кіевскаго митрополита переяславскаго Вознесенскаго монастыря архимандритъ Іоиль съ иконою.

Въ 9 утра, въ шестимѣстной своей путевой каретѣ, императрица выѣхала изъ Козельца, пригласивъ съ собою спутниками Ив. Ив. Шувалова, графа Сегюра и графа Кобенцеля. Обѣдъ былъ въ Броварахъ, отсюда къ вечеру поѣздъ направился прямо къ Кіеву.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОБОЖЬЕ ВЪ XVII и XVIII В.

Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) [1].

(ОКОНЧАНІЕ).

VI.

Панъ Захарія—единственный наслѣдникъ имѣній.—Война съ женой брацлавскаго хорунжія.—Насильственное занятіе Тыврова.

Младшій сынъ пана Павла рѣзко отличался отъ старшаго брата Августина: безпокойный, энергичный, настойчивый. Только человѣкъ съ желѣзной волей могъ благополучно распутать спорныя дѣла по имуществу, доставшіяся на его долю. Поэтому вся жизнь его прошла въ процессахъ и спорахъ, подогрѣтыхъ самолюбіемъ и желаніемъ во что бы то ни стало поставить на своемъ; вѣчно занятый своими дѣлами, онъ мало интересовался общественной жизнью. Какъ загнанный звѣрь, долженъ онъ былъ обороняться противъ цѣлой стаи претендентовъ на дошедшее къ нему имущество. Онъ боролся съ ожесточеніемъ, испыталъ всѣ орудія и способы, досконально изучилъ современное право, такъ что могъ заткнуть за поясъ любого изъ адвокатовъ, которыми кишѣла окраина. Въ домашнихъ спорахъ и судебныхъ процессахъ протекло почти четверть вѣка, а когда можно было уже успокоиться, то не хватило силъ и охоты къ общественной дѣятельности. При томъ же поднялись новыя вѣянія, чувствовалась

[1]) „Кіевская Старина“, 1890 г., № 11.

необходимость реформъ, все кругомъ толковало объ этомъ, но панъ Захарія былъ человѣкомъ стараго закала; онъ строго держался принциповъ барской конфедераціи и не отступалъ отъ этой почвы *usque ad finem*, хотя и не препятствовалъ сыновьямъ искать новыхъ путей.

Внѣшняя исторія пана Захаріи не сложна: родился онъ въ 1700 г., въ 36 лѣтъ былъ назначенъ мечникомъ винницкимъ, въ 50—стольникомъ винницкимъ, и дальше не двигался. Титулы не составляли для него приманки. Въ 1742 г. онъ женился на Маріаннѣ Щеніовской, дочери теребовльскаго подчашія Михаила изъ Вел. Щеніова и Ходорова и жены его Анны изъ Паславья. На другой день панъ Захарія внесъ въ акты документъ, обезпечивающій на родовыхъ помѣстьяхъ вѣно жены въ суммѣ 40,000 зл. Бракъ былъ удачный. Панъ Захарія нашелъ въ женѣ помощницу энергичную, заботливую и домовитую. Она вела обширное домашнее хозяйство въ многочисленныхъ имѣніяхъ мужа, за всѣмъ успѣвала приглядѣть, вездѣ распорядиться во время и кстати. Переписка ея съ мужемъ по поводу хозяйственныхъ заботъ представляетъ большой интересъ для характеристики окраинной помѣщичьей жизни. По смерти пана Августина, супруги переселились изъ Олизарова на Волыни въ брацлавскую Василевку. Палацъ былъ расширенъ, устроена каплица, приглашенъ капуцинъ изъ Винницы на должность капеллана; тутъ же во дворѣ жила милиція изъ испытанныхъ козаковъ и драгунъ, для устрашенія гайдамакъ, нерѣдко появлявшихся въ окрестности. Уничтоженные ранѣе степные хутора, пикеты и „паланки“ вновь появлялись и туда стекался разный людъ, стоявшій во враждѣ съ закономъ. Ничто не помогало, ни устройство пограничной стражи, ни вѣчная бѣготня вдоль границы региментарей разнаго наименованія: гайдамаки вторгались за границу и, находя здѣсь готовый ферментъ, организовали свои купы и дѣйствовали безпощадно, такъ какъ и сами не ждали пощады отъ пановъ. Брацлавское воеводство было поставлено въ этомъ отношеніи хуже остальныхъ: съ юга и запада никакой защиты; населеніе было здѣсь рѣже и гайдамаки находили здѣсь болѣе безопасное пристанище, такъ какъ сельская масса не давала

заковать себя въ крѣпостные кандалы и склонна была къ протесту противъ пановъ. Въ то время, какъ въ другихъ воеводствахъ было сравнительно спокойно, брацлавскій помѣщикъ долженъ былъ ограждать свой дворъ палисадомъ и не рѣшался даже съѣздить къ сосѣду безъ конвоя, нерѣдко весьма почтенныхъ размѣровъ. Страхъ передъ гайдамаками—вотъ вѣчная злоба дня современнаго шляхтича. Ни форвахты, ни подъѣзды, ни ландмилиція не помогали; ежегодно гайдамаки наводняли брацлавскія равнины; они выростали какъ будто изъ-подъ земли разомъ съ весенними листьями. Особенно далъ себя чувствовать 1759 годъ. Общественныя дѣла остановились; все было на военной ногѣ; безъ конвоя—ни шагу; стычки оканчивались нерѣдко кровопролитіемъ нешуточнымъ; жизнь не была въ безопасности; все и вся чувствовало себя необезпеченнымъ отъ стихійной грозы, которая могла смести шляхту съ насиженныхъ мѣстъ.

Панъ Захарія владѣлъ имуществомъ въ наиболѣе угрожаемой мѣстности. Онъ старался склонить населеніе къ миролюбію мѣрами кротости,—по крайней мѣрѣ мы не слышимъ о смертной казни по его приказу; провинившихся онъ отсылалъ въ немировскій замокъ. Ради безопасности своей собственной и семьи онъ содержалъ военную силу, которою пользовался, впрочемъ, не только противъ гайдамакъ,—онъ былъ сыномъ своего вѣка, всѣ вокругъ поступали точно такъ же; при Августѣ III общественныя связи дотого расшатались, что члены этого общества просто не умѣли взять себѣ въ толкъ, что̀ можно и чего нельзя. Притомъ же значительная часть имѣній пана Захаріи находилась въ неопредѣленномъ положеніи касательно титуловъ владѣнія; самыя границы ихъ не были въ точности извѣстны. А тутъ еще близкій сосѣдъ и родственникъ, Михаилъ Калетынскій, упорно продолжалъ свои захваты и между прочимъ захватилъ также и огромный кусокъ василевскихъ грунтовъ. Панъ Захарія уже въ 1748 г. рѣшилъ возстановить нарушенную границу,—вмѣшательство въ дѣло жены Калетынскаго исключало всякую возможность мирнаго разрѣшенія спора. Рожденная Домицелія Четвертинская, какъ женщина бѣдная, всячески старалась о пріумноженіи мужняго добра. Съ различными обнищалыми претен-

дентами споръ былъ еще не такъ труденъ; съ паномъ Августиномъ еще можно было ладить, но какъ одолѣть пана Захарію—вотъ вопросъ, который наполнялъ тревогой пани Домицелію.

Панъ Захарія предложилъ третейскій судъ,—Калетынскій отказался. Стольникъ еще не успѣлъ рѣшить что-либо далѣе, какъ получилъ вызовъ отъ противной стороны, котораго снести равнодушно не было возможности. По поводу какого-то „сосѣдскаго“ недоразумѣнія онъ получилъ собственноручное письмо отъ пана Калетынскаго; въ концѣ находилась приписка размашистымъ почеркомъ пани хорунжиной, гласившая дословно: „какъ видно, у васъ чешется спина; не совѣтую совать палецъ межъ дверей“. Разсерженный панъ Захарія разумѣется открылъ бой, который тянулся почти въ теченіи всей его остальной жизни. Укажемъ здѣсь лишь главные моменты этой шляхетской усобицы, столь характерной для своего времени.

Панъ Захарія прежде всего обратился за помощью къ законникамъ. Онъ былъ въ своемъ правѣ; все наслѣдство Василія Клещевскаго дошло къ нему законнымъ образомъ, поэтому можно было смѣло опереться на актъ раздѣла 1611 г. между братьями Клещевскими. Прежде всего нужно было потребовать возстановленія нарушеннаго сосѣдомъ владѣнія, затѣмъ фактическаго ввода, новаго разграниченія, а затѣмъ... „о, затѣмъ, прибавилъ адвокатъ, извѣстный панъ Гашыньскій, потребуемъ отъ пана хорунжаго убытки за провладѣніе въ теченіи 30 или 40 лѣтъ“. Панъ Захарія началъ съ того, что занялъ кусокъ лѣса. Пани Калетынская вновь первая бросила вызовъ противнику. Военный отрядъ подъ начальствомъ Іосифа Папроцкаго выгналъ рабочихъ Ярошинскаго, а лѣсной матеріалъ былъ отобранъ въ пользу Калетынскаго. Дѣло получало угрожающій оборотъ. Мужчины думали какъ нибудь уладить дѣло миромъ, но женщина все испортила своимъ вмѣшательствомъ. Дѣло въ томъ, что Папроцкій былъ такъ сказать знаменитымъ *condotier* своего времени, отчаянный рубака и сорви голова; мало того, что выгналъ рабочихъ изъ лѣса,—онъ вторгся въ Василевку и грозилъ перестрѣлять крестьянъ, какъ дикихъ звѣрей, въ случаѣ новаго нарушенія границы и сжить со свѣта самого пана Захарію. Разумѣется,

послѣднему донесли объ этомъ казусѣ. Ну, что жъ, война такъ война! Панъ Захарія началъ въ свою очередь организовать военную силу: надъ милиціей былъ поставленъ Заіончковскій, Бѣлостоцкій надъ драгунами; атаманомъ надъ козаками изъ Куны былъ Варывода. Такъ какъ козацкая милиція Калетынскаго имѣла бѣлые жупаны, то козакамъ Варыводы для отличія были даны голубые „знаки". Панъ Захарія просилъ сосѣдей о помощи и не ошибся въ разсчетѣ, такъ какъ пани Калетынская не пользовалась популярностью среди шляхетства. Однимъ изъ первыхъ предложилъ военную помощь архіепископъ львовскій, Николай Игнатій Выжицкій, который имѣлъ совершенно шляхетскія понятія о „вооруженныхъ интромиссіяхъ", несмотря на свой санъ, и неудивительно, такъ какъ онъ былъ истый брацлавянинъ и имѣлъ свои счеты съ Калетынскимъ, какъ потомокъ Жабоклицкихъ по матери.

Между тѣмъ адвокатъ пана Захаріи, Гашыньскій, побѣдоносно уличилъ на судѣ пана Калетынскаго въ захватѣ чужихъ грунтовъ: на мѣстѣ старой Василевки, разоренной козаками въ XVII в., Калетынскій основалъ село уже отъ своего имени, назвавъ его Михайловкой; на мѣстѣ Старой Гуты явилось село подъ именемъ Шкляровки. Судъ высказался въ пользу пана Захаріи. И вотъ въ одну изъ бурныхъ сентябрьскихъ ночей 1749 г. произошло необычайное событіе, наполнившее тревогой сердце бѣдной пани хорунжиной: ей донесли, что тутъ жэ подъ Тывровымъ, на той самой землѣ, на которую неправо претендуетъ панъ Захарія—„явился домикъ съ прочнымъ палисадомъ, на подобіе крѣпости", что на поляхъ даже за лѣсомъ виднѣются шалаши, а въ нихъ размѣщены вооруженные люди.

Можно себѣ вообразить изумленіе пани Домицеліи. Она сперва не повѣрила,—возможное ли дѣло устроить все такъ скоро? Но пану Захаріи помогли плотники-филипоны, которые заготовили все заранѣе и затѣмъ сколотили уже на мѣстѣ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Хорунжина отправилась лично убѣдиться въ фактѣ новаго „насилія"—и убѣдилась. Домикъ довольно приличный, деревянный, необыкновенной конструкціи, весело выглядѣлъ изъ-за частокола своими маленькими окнами;

огромный, свѣже-насыпанный земляной валъ служилъ для него обороной. Козацкіе шалаши дѣйствительно торчали въ отдаленіи, на границѣ „измышленныхъ" притязаній пана Захаріи; Варывода на буланомъ конѣ объѣзжалъ крѣпость, даже не обративъ вниманія на недавнюю владѣлицу этихъ мѣстъ. Съ плачемъ возвратилась домой пани хорунжина, жалуясь мужу на подкупность судовъ, наглость сосѣда и т. д. и т. д. Бѣдный панъ хорунжій въ то время уже не покидалъ постели, почти впалъ въ дѣтство и заботился только о спасеніи души. Неугомонная хорунжина обратилась за помощью къ братьямъ, но и тѣ не могли помочь ей противъ сильнаго противника. Пришлось пойти на мировую. Панъ Захарія, конечно, отказался возвратить занятые грунты, но, съ другой стороны, согласился не требовать своей части Тыврова до смерти Калетынскаго.

Такъ прошло два сравнительно спокойныхъ года. Но побѣда стольника подняла его кредитъ:—точно рой окружили его многочисленные наслѣдники клещевскихъ имѣній, не ужившіеся съ Калетынскимъ. Тогда то они уступили пану Захаріи с. Звониху, а затѣмъ права на третью часть Тыврова, такъ что Ярошинскій сталъ обладателемъ двухъ третей клещевскаго наслѣдства, исключая с. Клещева, гдѣ сидѣли Чарнецкіе, друзья пани Калетынской. Послѣдняя опасалась пана Захаріи еще и потому, что всѣ безчисленные родственники ея мужа, недовольные передачей ей имѣній въ пожизненное владѣніе, искали содѣйствія у Ярошинскаго. Поэтому пани Домицелія рѣшилась начать войну вновь и бороться до послѣдней возможности. Папроцкій обѣщалъ изгнать врага очень скоро, но всѣ его попытки оказались тщетны: всякій разъ противникъ готовъ былъ встрѣтить нападеніе съ оружіемъ въ рукахъ. Поэтому Папроцкій рѣшился разорить Василевку и свалить все на гайдамакъ. Для этого онъ выбралъ весну 1754 г., но кончилъ печально—сложилъ въ сей стычкѣ буйную головушку вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, козакомъ Трояномъ; нападающіе убѣжали, успѣвъ сжечь нѣсколько хатъ. Нарочито поддерживались слухи о появленіи гайдамакъ, съ непріятными для Ярошинскаго комментаріями, но скоро вся махинація открылась. Дѣло дошло до суда. Калетынскіе приго-

ворены были къ аресту, панъ Захарій—долженъ былъ внести 250 гривенъ (400 зл.) въ костелъ винницкихъ капуциновъ на поминовеніе души усопшаго.

И вновь завязалась борьба, тянувшаяся почти два года. Имѣнія сосѣдей представляли два непріятельскихъ лагеря, съ той разницей, что вмѣсто хорунжаго, ничего не подозрѣвавшаго о войнѣ, выступала его жена. Нерѣдко выѣзжала она на поле дѣйствій для рекогнисцировокъ и составленія стратегическихъ плановъ по части неожиданныхъ ночныхъ нападеній и т. п. Бывали и трагикомическія положенія при этомъ. Такъ напр., въ 1755 г., въ одинъ прекрасный майскій день, пани Калетынская отправилась въ лѣсъ; путь ея лежалъ мимо ненавистной крѣпости и затѣмъ одного изъ козацкихъ шалашей, украшеннаго голубымъ значкомъ и слѣдовательно служившаго главной квартирой самого атамана. Трудно понять, для чего хорунжина остановилась въ этомъ именно мѣстѣ, вышла изъ коляски и явилась въ шалашъ,—достаточно знать, что немедленно начались упреки, затѣмъ атаманъ получилъ отъ пани увѣсистую затрещину, а минуту спустя сама пани хорунжина стонала отъ боли, растянувшись на полу. Дѣло дошло до суда. Приглашенъ былъ даже возный для осмотра тѣлесныхъ поврежденій пани хорунжиной, но послѣдняя не пожелала пройти эту процедуру. Дѣло кончилось ничѣмъ, но вражда усиливалась. Противная сторона, какъ бы въ отместку, устроила нападеніе на пани стольникову на дорогѣ. Было сдѣлано до 40 выстрѣловъ, убитъ упряжной конь, и лишь благодаря счастливой случайности, стычка обошлась безъ жертвъ. На равнинѣ, гдѣ была осажена старая Василевка еще до гайдамачины, кипѣла безпрестанная война. Панъ Захарія—въ полномъ вооруженіи — рубилъ лѣсъ, устраивалъ поташные заводы. За плугомъ шелъ мужикъ, вооруженный самопаломъ; стража бдительно слѣдила за окрестностью, опасаясь засады. Рѣдкая ночь проходила безъ стрѣльбы; съ той и другой стороны были жертвы. Такъ погибъ преемникъ Папроцкаго Янъ Станьковскій, а изъ милиціи пана Захаріи—Даныло Вергелесъ, Романъ Прислуга; изъ драгунъ—Стефанъ Медынскій и Янъ Ментовскій, но конечно списокъ жертвъ не исчерпывался этими именами.

Къ осени 1755 г. панъ Захарія уже имѣлъ въ рукахъ необходимые документы на право занятія Тыврова и кромѣ того предстояло исполнить опредѣленіе суда о раздѣлѣ имущества Клещевскихъ между многочисленными наслѣдниками. Всѣ чувствовали, что катастрофа приближается. Калетынскій видимо угасалъ; по слухамъ, онъ потерялъ память, не принималъ пищи, но жена окружила его жизнь глубокой тайной и всѣмъ распоряжалась самолично. Братья пани Домицеліи, Александръ и Святославъ и шуринъ ни на минуту не оставляли Тыврова. Во всѣ стороны летали гонцы съ письмами о помощи. Рождественскіе праздники прошли невесело, въ приготовленіяхъ къ борьбѣ. И на сей разъ иниціатива принадлежала пани Домицеліи. По ея просьбѣ и ходатайству ея брата подсудка, изъ Брацлава были перевезены въ Тывровъ четыре пушки, которыя и водружены на замковой стѣнѣ; орудія не годились никуда, да и аммуниціи не было вовсе,—тѣмъ не менѣе угроза была на лицо. Военный людъ отовсюду сходился въ Тыврово. Къ концу февраля въ распоряженіи энергичной пани хорунжиной было уже до 600 вооруженныхъ козаковъ изъ Животовскаго ключа, изъ Комаргорода, Вороновицы, Стрижевки, Таганчи, Очеретной и Микулинецъ. Ярошинскій также не сидѣлъ сложа руки и все расширялъ свою милицію.

3 февраля 1756 г. скончался, наконецъ, брацлавскій хорунжій; колокольный звонъ извѣстилъ окрестныхъ жителей объ этомъ событіи. Немало народу собралось въ Тывровѣ, въ томъ числѣ и мѣстные козаки, которые на похоронахъ выступали уже въ военномъ строю, подъ командой начальниковъ. Никто этому не удивлялся, такъ какъ всѣ болѣе крупные шляхтичи явились съ своими отрядами. Тѣло покойнаго положили пока въ каплицѣ—склепъ еще не былъ готовъ. Неутѣшная вдова провела вечеръ въ кругу родственниковъ и друзей, готовясь къ борьбѣ. Не ожидая столь внезапнаго нападенія, войсковая стража подвыпила на похоронахъ и забыла о предосторожностяхъ. Стольникъ и воспользовался этимъ моментомъ. Подъ охраной ночи, во главѣ 200 вооруженныхъ людей, тихо выступилъ онъ изъ Василевки, въ сопровожденіи Заіончковскаго и

Варыводы. Тутъ же ковылялъ на старой клячѣ адвокатъ изъ Винницы Гашинскій, будущій исторіографъ этой войны. Незамѣченными подъѣхали они къ мѣстечку и направились къ ратушѣ. Все здѣсь было погружено въ глубокій сонъ. Стольникъ тотчасъ-же овладѣлъ ратушей, а это было для него важнѣе всего. Теперь нужно было только удержать за собою занятое. Ратуша представляла обширное каменное зданіе со всевозможными отдѣленіями для людей, лошадей и припасовъ,—здѣсь можно было отсидѣться. Къ разсвѣту, занявшіе ратушу уже были готовы къ оборонѣ; караулы стояли на мѣстѣ, назначены пароли, обезпечена возможность сноситься съ Василевкой. Еслибы не толпа любопытныхъ вокругъ, то никто и не подозрѣвалъ бы, что въ ратушѣ засѣлъ непріятель; время отъ времени изъ воротъ выбѣгали козаки, чтобы разгонять толпу пинками и нагайками,—и затѣмъ ворота вновь запирались. Разумѣется, торговля въ мѣстечкѣ пріостановилась. Лишь позднимъ утромъ узнали въ замкѣ о смѣломъ поступкѣ стольника. Военный совѣтъ рѣшилъ сперва послать делегатовъ въ ратушу, а въ случаѣ неуспѣха переговоровъ приступить къ правильной осадѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что пани хорунжина приняла это дѣло такъ близко къ сердцу: занятіе мѣстечка Ярошинскимъ грозило ей лишеніемъ не только владѣнія въ Тывровѣ, хотя-бы и неправаго, но также и отнятіемъ пожизненнаго владѣнія остальнымъ имѣніемъ въ пользу многочисленныхъ претендентовъ. Притомъ же пани Домицелія происходила изъ рода Четвертинскихъ, которые еще не забыли своего княжескаго прошлаго и отличалались необыкновеннымъ упрямствомъ: всѣ ихъ столкновенія съ сосѣдями обыкновенно оканчивались кровопролитіемъ. И въ данномъ случаѣ руководящую роль взялъ на себя панъ подсудокъ, рѣшившій не отступать ни предъ какими мѣрами, лишь бы выжить противника изъ ратуши.—Парламентеры, какъ и слѣдовало ожидать, вернулись ни съ чѣмъ. Значитъ, война.

И началась война, тянувшаяся цѣлыхъ 15 дней, война жаркая, ожесточенная и безпрерывная. Панъ Захарія держался стойко, но спокойно, не отвѣчая на вызовы и стрѣльбу врага. Къ вечеру начался штурмъ. Первые выстрѣлы были направлены изъ

церковной колокольни,—необходимо было сперва вытѣснить противника съ верхняго этажа ратуши. Все напрасно: противникъ слѣдилъ за всѣми дѣйствіями осаждающихъ и не оставался въ долгу. На другой день—съ самаго утра—вновь закипѣлъ бой. Не обошлось безъ взаимныхъ укоровъ, безъ вызова на поединокъ. Такъ, изъ замковыхъ воиновъ предложилъ пану Захаріи поединокъ на сабляхъ нѣкій Нѣмыскій, чтобы прекратить это кровопролитіе. Панъ Захарія отвѣчалъ, что не онъ нападающая сторона, такъ какъ беретъ лишь то, что́ принадлежитъ ему по праву, но что, съ другой стороны, онъ будетъ стоять за свое до конца. Бесѣду противниковъ прервалъ вошедшій въ то время Гашинскій; онъ смѣрялъ парламентера взоромъ василиска и кроткимъ и сладкимъ голосомъ замѣтилъ, что, какъ ему досконально извѣстно, пани Дамицелія обѣщала Нѣмыскому 1,000 зл. за голову стольника. Можно себѣ вообразить конфузъ посланца, тѣмъ болѣе, что адвокатъ имѣлъ постоянно свѣжія новости изъ враждебнаго лагеря, перехватывалъ корреспонденцію у рогатокъ, задерживалъ подозрительныхъ и т. д., словомъ, былъ дѣятельнымъ участникомъ войны. На слѣдующій день уже кипѣлъ ожесточенный бой на всѣхъ пунктахъ; были убитые, были и раненые. Въ числѣ послѣднихъ былъ и парохъ Михалевскій,—былъ даже пущенъ слухъ, что онъ убитъ, но это остановило бой не надолго, такъ какъ истина вскорѣ открылась. Люди пана подсудка нещадно грабили мѣстечко. Ожесточеніе сторонъ возрастало. Болѣе всего доставалось плѣннымъ: „имъ смалили бороды, усы и чуприны, поджаривали пятки". Разумѣется, начались и пожары. Испуганные мѣщане разбѣжались куда глаза глядятъ. Болѣе всего пугали ихъ разрывныя гранаты,—нѣсколько ихъ упало въ замокъ, поэтому была наряжена для этого случая особая стража. Но ничто не помогало,—панъ Захарія держался, а Заіончковскій производилъ даже иногда вылазки, особенно ночью, когда на другомъ концѣ мѣстечка пожаръ истреблялъ остатки добра несчастныхъ жителей. Въ отместку, воины пани Калетынской рѣшили напасть на Василевку и Шершни и сжечь ихъ безъ остатка, но встрѣтили отпоръ: не обошлось безъ огня и человѣческихъ жертъ. Кревскіе, наслѣдники покойнаго хорун-

жаго, появились въ мѣстечкѣ на челѣ 50 воиновъ,—пани Калетынская ужаснулась, пригласила ихъ себѣ „и дала обязательство покончить съ ними дѣло третейскимъ судомъ, послѣ чего они оставили Тывровъ". Эта диверсія дала возможность осажденнымъ хоть немного опомниться. Положеніе ихъ дѣлалось критическимъ: огненное кольцо все съуживалось вокругъ ратуши, дымъ душилъ, испуганныя лошади отказывались принимать пищу. Воду пришлось добывать съ опасностью жизни. „Наконецъ, изъ селъ появились возы съ соломою съ цѣлью окружить замокъ съ паномъ Ярошинскимъ, но онъ не допустилъ до этого". Моментъ былъ трагическій. Въ одно прекрасное утро на рынкѣ появилось десятка полтора стоговъ соломы, сложенной на подобіе огромныхъ копенъ. Сперва онѣ стояли на краю площади, но затѣмъ стали медленно, но безостановочно подвигаться къ ратушѣ. Козаки Варыводы бросились на эти копны, но за каждою стояло нѣсколько оружныхъ людей, ожидавшихъ противника. Нападавшіе были встрѣчены градомъ пуль. Тогда въ бой кинулся Андрей Заіончковскій съ драгунами, но палъ на мѣстѣ, сраженный пулею. Всѣ усилія осажденныхъ могли только задержать, но не остановить приближеніе противника. Соломенное кольцо все съуживалось, и на третій день осажденные испугались не на шутку. Стольникъ не терялъ присутствія духа, но видимо волновался. Гашинскій совѣтовалъ бѣжать, многіе другіе рекомендовали тоже самое: былъ четырнадцатый день войны, всѣ измучились до крайности,—подкрѣпленій не было. Приближалась ночь 21 февраля—мрачная и бурная. Достаточно было придвинуть къ ратушѣ стоги еще шаговъ на десять и зажечь солому—и все погибло. Прибывшій изъ замка парламентеръ предложилъ добровольную сдачу, такъ какъ иначе пани хорунжина души живой не выпуститъ изъ ратуши. Къ общему ужасу, панъ Захарія отказался сдаться. Дѣло въ томъ, что еще ранѣе онъ послалъ просьбу о подкрѣплеіи въ Куну и Тележинцы, имѣнія львовскаго архіепископа. Въ самый трагическій моментъ незамѣтно явились оттуда четыре сотни козаковъ и во мгновеніе ока разсѣяли воиновъ, укрытыхъ за соломою, а для довершенія замѣшательства зажгли факелы изъ соломы и смолы и

разсыпались по мѣстечку и даже дошли до замка, такъ что пани хорунжина начала подумывать о бѣгствѣ. Стольникъ побѣдилъ; непріятель былъ оттѣсненъ; поэтому на другой день Зáхарія получилъ оффиціальную „экспульсію“ незаконной пожизненной владѣлицы. Побѣда досталась не дешево,—вмѣсто прекраснаго мѣстечка стояли дымящіяся развалины. Черезъ шесть дней по окончаніи баталіи, пишетъ современникъ въ частномъ письмѣ: „въ Тывровѣ городъ сожженъ, осталась только новая ратуша, въ которой сидитъ панъ Ярошинскій, и дома четыре вокругъ костела. Мѣщанскихъ домовъ сгорѣло нѣсколько десятковъ, много народа перестрѣляно и побито до смерти... Мало жителей осталось въ Тывровѣ; самые зажиточные хозяева ушли; трудно имъ было держаться, такъ какъ снимали и послѣднюю сорочку“. Другой пишетъ: „городъ *funditus* сожгла пани Калетынская во время аттакъ, лишь два дома осталось невредимыми. Люди разбѣжались и немало изъ нихъ погибло; даже попа ранили смертельно“...

Печальный былъ тріумфъ для пана Ярошинскаго. Вытѣсненная изъ Тыврова вдова подняла на ноги весь округъ. Четвертинскіе пользовались вліяніемъ. Не было выдумки, которую не валили-бы на побѣдителя. Но, главное, его обвиняли въ смерти священника Михалевскаго. Уніатскій митрополитъ даже нарядилъ слѣдствіе. Оказалось, что парохъ былъ дѣйствительно раненъ, но черезъ 70 дней уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и торжественно заявилъ, что не имѣетъ претензіи къ стольнику. Между тѣмъ пани хорунжина старалась задобрить судъ, но безуспѣшно. Въ 1757 г. обѣ стороны были приговорены къ штрафу и мѣсячному аресту за разореніе Тыврова. Но стольникъ избавился отъ ареста уплативши 2,000 злотыхъ или 112 червонцевъ и продолжалъ раздѣлъ съ наслѣдниками. Раздѣлу подлежали: Тывровъ, частью уже отстроенный, Звониха, Соколинцы, Пилава, Клищово, Михаиловка Клищевская и Филиповская, также Василевка,—всего до 20,000 морговъ. На этомъ огромномъ пространствѣ числилось населенія: мѣщанъ — 180 дымовъ или семействъ, евреевъ — 61, чиншевой шляхты—22, панскихъ крестьянъ—525, людей „вольныхъ отъ

даней“ или „слобожанъ“—30, „дѣдовъ въ ямахъ“ или „бѣдняковъ безъ хатъ“—11. Ежегодный доходъ исчисленъ въ 21,489 зл. Стольнику, кромѣ части Тыврова, досталась часть Василевки и с. Звониха, а наслѣдники Ильи Клищевскаго тогда же уступили ему свою часть Тыврова. Пани хорунжина, вышедшая замужъ за Чарнецкаго, продала свое пожизненное право наслѣдникамъ перваго мужа и даже помирилась съ Ярошинскимъ, который уплатилъ ей 8500 зл. за выстроенный ею въ Тывровѣ домъ, гдѣ и поселился.

Четвертинскіе удивлялись щедрости пана Захаріи,—опустошенный Тывровъ не представлялъ большой цѣнности. Пришлось сводить счеты съ наслѣдниками Калетынскаго и цѣлымъ роемъ другихъ претендентовъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, напр., уніатскимъ митрополитомъ Гребницкимъ, каменецкимъ суфраганомъ Оранскимъ, съ Любомирскими, Прушинскими, Липскими, съ нѣкіимъ Глоуэромъ, потомкомъ англійскаго инженера, поселившагося въ Польшѣ въ началѣ XVIII ст., съ какими-то двумя Морисонами, Котонами, Веруками и т. д. Стольникъ платилъ безъ конца, составлялъ мировыя, но безуспѣшно: этой исторіи не предвидѣлось скораго конца. Особенно трудно было считаться съ Кревскими, владѣльцами трети Тыврова: пришлось пріобрѣтать каждый кусокъ земли чуть не на вѣсъ золота. Другія имѣнія пана Захаріи или лежали въ забвеніи, или передавались въ другія руки на залоговомъ правѣ, самъ же магнатъ цѣпко держался Тыврова. Какъ видно, это была натура, требовавшая вѣчнаго движенія, борьбы, но въ саксонскую эпоху не было съ кѣмъ бороться, и избытокъ силъ тратился въ домашней войнѣ. Гдѣ сила не помогала, тамъ пришлось обратиться къ современному юридическому аппарату, а разъ вступивши на этотъ путь, панъ Захарія на вѣки погрязъ въ дебряхъ судебныхъ процессовъ. На это уходили также огромныя суммы, извлекаемыя изъ другихъ имѣній. Стольникъ былъ рачительнымъ хозяиномъ, умѣлъ выбирать людей и заботился о нихъ, щадя въ то же время по возможности рабочую массу. Доходы съ имѣній увеличивались, благодаря умѣнію сбывать продукты безъ участія посредниковъ. Еще въ 1755 г. онъ вошелъ въ прямыя сношенія съ

Данцигомъ, куда посылалъ все. Архивъ переполненъ разсчетами съ данцигскими торговыми фирмами за 20 лѣтъ безъ перерыва. Такъ напр. въ іюнѣ 1758 года отправленъ транспортъ пшеницы, ржи, поташа на сумму всего 11,144 зл., а такихъ транспортовъ было ежегодно отъ 6 до 8. Неудивительно, что, несмотря на огромные расходы, стольникъ успѣвалъ кой-что и пріобрѣтать вновь; такъ, онъ пріобрѣлъ на залоговомъ правѣ Бродецкое и Ясеновку, принадлежавшія рѣчицкому старостѣ кн. Радзивилу, уплативши за это почти 60 тыс. злотыхъ.

Такъ прошло почти десять лѣтъ въ сравнительномъ спокойствіи. Объ общественной дѣятельности почти не было рѣчи,—стольникъ вовсе не стремился къ почестямъ, какъ его отецъ. Охотнѣе всего проводилъ онъ время въ Тывровѣ. Изъ противниковъ держались пока только Кревскіе, жившіе въ замкѣ: опутанные долгами, обнищалые, они не переставали вызывать на борьбу пана Захарію, не привыкшаго отступать и надѣявшагося на свои силы. Чрезъ мѣру натянутая струна должна была наконецъ лопнуть—и лопнула.

VII.

Новая ссора.—Кровавое столкновеніе.—Послѣдніе годы винницкаго стольника.—Раздѣлъ наслѣдства между сыновьями.

Дѣло было въ 1767 году. Въ эту пору весь Тывровъ *de jure* принадлежалъ Ярошинскому, но *de facto* въ замкѣ сидѣли Кревскіе, самые энергичные изъ противниковъ стольника: старшій братъ Игнатій, чашникъ новогродскій, и двое младшихъ, Яцекъ и Андрей. Проигравъ всѣ процессы, погрязая въ долгахъ, они не думали уступать, тѣмъ болѣе, что монастырь и Четвертинскіе обѣщали имъ поддержку. Преоромъ въ монастырѣ былъ о. Кандидъ Черномынскій, страстный охотникъ; Андрей Кревскій тоже былъ завзятымъ звѣробоемъ; общность вкусовъ соединила ихъ. Притомъ же о. Кандидъ былъ золъ на пана Захарію, который не позволялъ ему охотиться въ своихъ лѣсахъ. Борьба была неизбѣжна, такъ какъ Кревскіе раньше или позже должны

были оставить замокъ въ пользу кредитора. Обѣ стороны дѣятельно готовились къ войнѣ. Изъ замка удалили всѣхъ женщинъ; Ярошинскій сдѣлалъ тоже самое въ своемъ домѣ: жена его уѣхала къ роднымъ, съ отцомъ остались старшій сынъ Николай и одинъ изъ младшихъ Ипполитъ. Стоялъ сентябрь. 19-го была ярмарка въ Тывровѣ, 20-го—день св. Матвѣя, когда въ костелѣ происходило торжество. Уже на первый день замѣчено было не мало оружнаго народа изъ лагеря стольника. Происходили уже недоразумѣнія и споры, доходило до угрозъ смертью и побоевъ. Теплая, тихая и темная ночь раздѣлила противниковъ.

Наконецъ настало роскошное сентябрьское утро; туманъ и мгла надъ Бугомъ и сосѣдними полями скоро разсѣялись, воздухъ былъ удивительно прозраченъ, колокольный звонъ, созывавшій вѣрующихъ на службу, громко отдавался въ окрестности, теряясь въ отдаленіи на обширныхъ равнинахъ за рѣкой. Народъ двигался къ костелу, съѣздъ духовенства былъ значительный; изъ Винницы прибыли доминикане и капуцины. Ярошинскій съ сыномъ сидѣлъ у себя на крыльцѣ, какъ вдругъ прибѣжалъ посолъ отъ Кревскихъ съ заявленіемъ, что они добровольно оставляютъ замокъ и предлагаютъ стольнику занять его. Панъ Захарія колебался: онъ подозрѣвалъ здѣсь какой-то злой умыселъ. И не безъ основанія: хотя Четвертинскій еще не прислалъ обѣщанной помощи, но Кревскіе рѣшились начать бой на свой страхъ, разсчитывая, что подкрѣпленія прибудутъ какъ разъ во время, а между тѣмъ стольникъ не успѣетъ приготовиться. Какъ бы то ни было, панъ Захарія не считалъ возможнымъ отклонить мирное предложеніе, поэтому приказалъ своимъ ротмистрамъ Бродзинскому и Корженіовскому занять замокъ, соблюдая всевозможную осторожность и не прибѣгая къ огнестрѣльному оружію до послѣдней крайности.

Познакомимся съ мѣстностью, гдѣ разыгралась послѣдующая драма.—Дворъ Ярошинскаго стоялъ на взгорьи, фасадомъ къ монастырю и постройкамъ, временной резиденціи Кревскихъ. Постройки эти составляли какъ бы одно цѣлое: впереди костелъ, затѣмъ помѣщеніе монаховъ, все это окружено было каменной стѣной, задняя часть которой отдѣляла замковой садъ отъ цер-

ковнаго кладбища. Въ этой части стѣны была пробита небольшая дверь, а надъ нею высился родъ бастіона, иначе бесѣдка, окруженная галлереей и обшитая толстыми дубовыми досками. Проникнуть къ замку черезъ главныя ворота можно было не иначе, какъ подъ огнемъ выстрѣловъ изъ этой бесѣдки. Весь замковой дворъ имѣлъ видъ настоящаго укрѣпленія, которое должно было давать мѣщанамъ защиту отъ гайдамакъ.

Въ тотъ моментъ, когда военный отрядъ пана Захаріи подходилъ къ замковымъ воротамъ, въ костелѣ священникъ началъ обѣдню, а Дамазій Латына, молодой проповѣдникъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ въ сторонкѣ той минуты, когда ему придется держать рѣчь съ амвона... Ораторскій пылъ не давалъ ему покоя, онъ безпрестанно заглядывалъ въ конспектикъ своей проповѣди. По странной случайности, онъ убѣждалъ въ ней вѣрующихъ хранить миролюбіе и въ яркихъ краскахъ думалъ нарисовать благодѣянія мира.

Вдругъ раздались выстрѣлы тутъ же у костела. Молящіеся начали выглядывать въ дверь, органистъ пересталъ играть, капелланъ у алтаря колебался, возносить ли безкровную жертву. О. преоръ вышелъ взглянуть на кладбищенскій дворъ. Что же оказалось? Въ то время, какъ отрядъ Ярошинскаго подошелъ къ воротамъ, неожиданно его встрѣтили ружейной пальбой изъ бесѣдки; въ то же время нѣсколько пуль изъ замковаго двора пролетѣло надъ головами прибывшихъ. Эти остановились въ нерѣшительности. Новые выстрѣлы; двое изъ дружины упали смертельно раненые. Въ мгновеніе ока отрядъ разбился на двое: одна половина начала обстрѣливать бесѣдку, другая кинулась во дворъ, чтобы вытѣснить оттуда непріятеля. Сотникъ Варывода ворвался въ садъ для поисковъ за врагомъ. О. преоръ явился какъ разъ во время, черезъ крытую галлерею проникъ въ бастіонъ и выпроводилъ оттуда Кревскихъ съ ихъ козаками, которые собственно и начали сраженіе; всѣ они нашли убѣжище въ монастырѣ, въ одной изъ монашескихъ келій. Теперь нужно было остановить перестрѣлку. О. преоръ возвращался въ бесѣдку, когда его догналъ о. Латына и тоже отправился туда,—онъ такъ мечталъ о своей проповѣди, а тутъ эта пальба можетъ лишить

его слушателей... Они пошли рядомъ. Проповѣдникъ съ ревностнымъ духомъ взошелъ по крытой лѣстницѣ на крышу и возгласилъ: „вельможный пане подстолій, прекрати дальнѣйшее нападеніе, прикажи своимъ людямъ отступить, ибо паны Кревскіе уже ушли изъ бесѣдки и добровольно уступили". „Но—какъ разсказываютъ Кревскіе въ своихъ заявленіяхъ суду—въ это самое время раздался залпъ изъ замка и о. проповѣдникъ, сраженный пулею подъ самый глазъ, долженъ былъ тутъ же на мѣстѣ и безъ покаянія отдать Богу душу". Наступило страшное волненіе, особенно когда о. преоръ, обагренный кровью, выскочилъ изъ бастіона съ отчаяннымъ воплемъ: „ахъ, несчастье, убили моего проповѣдника!" Собралась толпа, пальба прекратилась, наступила зловѣщая тишина. Панъ Захарія, узнавши въ чемъ дѣло, явился въ бесѣдку, велѣлъ ее опечатать, приставилъ караулъ и послалъ въ Винницу за вознымъ. Этотъ высокій сановникъ, безжалостно преслѣдуемый тяжущимися сторонами—такъ какъ не могъ угодить обѣимъ разомъ—исполнялъ важныя функціи слѣдственнаго судьи и судебнаго врача. Еще до прибытія вознаго панъ Захарія самолично произвелъ дознаніе и убѣдился, что его люди неповинны въ смерти Латына. Тѣмъ не менѣе, онъ даже заболѣлъ отъ передряги, такъ какъ враги не преминули воспользоваться случаемъ, чтобы взвалить на него тяжкое преступленіе. Возный долго не показывался. Тѣло лежало безъ погребенія, отсюда нареканія. Пана Захарію подвергли допросу. Наконецъ, явился панъ Чолганскій, возный, и приступили къ осмотру бесѣдки. Тѣло бѣднаго монаха, одѣтое въ бѣлую сутану, лежало на полу; въ конвульсивно сжатой рукѣ оказался конспектъ проповѣди о мирѣ и согласіи; но любопытнѣе всего, что вдоль стѣнъ бесѣдки рядышкомъ разставлены были принадлежавшіе монастырю карабины, заряженные, со взведенными курками. Только ружье, принадлежавшее о. преору, было разряжено и лежало тутъ же около покойника. Поэтому явилась мысль, весьма правдоподобная, что возвращаясь съ крыши о. Латына нечаянно задѣлъ курокъ карабина и послѣдовалъ роковой выстрѣлъ. Такимъ образомъ, панъ Захарія могъ вздохнуть спокойнѣе, и общественное мнѣніе послѣ этого склонилось въ

его пользу. Дѣло кончилось тѣмъ, что стольникъ долженъ былъ уплатить 500 зол. гривенъ штрафа, а о. преоръ за то, что снабжалъ оружіемъ одну изъ воюющихъ сторонъ и сѣялъ раздоры, былъ сосланъ въ другой монастырь въ званіи простаго монаха. Ярошинскій послѣ этого безъ труда помирился съ Кревскими, хотя они и жаловались, что остались безъ рубахъ: стольникъ возвратилъ имъ весь инвентарь, и урожай, не обошлось и безъ денежной приплаты.

Трагическая смерть монаха не осталась безъ вліянія на Ярошинскаго: онъ сдѣлался набожнымъ, весь отдался піетизму, строго исполнялъ церковныя предписанія, каялся, о вооруженныхъ нападеніяхъ не позволялъ даже упоминать въ своемъ присутствіи, покончилъ съ противниками миролюбиво, безпрестанно платилъ претендентамъ и не думалъ уже о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, несмотря на постоянныя предложенія наслѣдниковъ Клищевскихъ и Калетынскихъ. Онъ держался въ сторонѣ отъ барской конфедераціи, хотя и сочувствовалъ ея принципамъ: „мало съ меня пользы, сынъ потрудится за меня", говорилъ онъ; впрочемъ, не отказывался нести матеріальныя жертвы, выпадавшія на его долю. Семья была немалая: шестеро сыновей и одна дочь, а тутъ пришлось бѣжать передъ союзными войсками и гайдамаками на Полѣсье. Все его имущество въ Брацлавщинѣ подверглось нещадному разграбленію и опустошенію. Пришлось выжидать на Волыни лучшихъ временъ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ щедрыхъ пожертвованій на костелы и монастыри, на упокой души о. Дамазія Латыны. Недаромъ монахи называли пана Захарію не иначе какъ „отцомъ и благодѣтелемъ". Онъ даже не противился постриженію своей единственной дочери Гонораты въ монахини луцкаго монастыря, до того былъ угнетенъ душевно. Это случилось въ 1768 году.

Съ той поры невесело жилось въ тывровскомъ дворѣ. Старшій сынъ воевалъ, младшіе обучались въ винницкихъ школахъ. Панъ Захарія утратилъ боевую энергію, и вся забота объ огромныхъ имѣніяхъ мужа лежала на его женѣ. Стольникъ расхворался не на шутку, подагра, обычная болѣзнь магнатовъ, заставила его отправиться на воды заграницу, но путешествіе мало

помогло. Въ то время Брацлавщина была наводнена союзными войсками, по слѣдамъ которыхъ пришелъ голодъ и моровая язва. Чума двигалась медленно, но упорно и весной 1772 года охватила край. Ярошинскіе бѣжали на Волынь. А въ Тывровѣ творились страшныя вещи: лѣто дождливое, сѣно погнило, хлѣба не дозрѣли, „дай Богъ, доносилъ управляющій, чтобы хватило на посѣвъ, а на пропитаніе нужно покупать".

Чума свирѣпствовала въ окрестности. Крестьяне потеряли охоту работать, бѣжали врозь, но голодъ принудилъ оставшихся въ живыхъ возратиться. Официалисты Ярошинскаго заперлись въ замкѣ и прекратили всѣ сношенія съ остальнымъ міромъ. Печально было положеніе служилаго и рабочаго люда. Близилась осень, ненастная, холодная, всѣ боялись заразы и были убѣждены, что отъ нея можно укрыться развѣ только въ какихъ нибудь лѣсныхъ дебряхъ. Духовенство устраивалось на открытомъ полѣ и правило службы въ походныхъ капличкахъ. Голодный людъ возвращался въ опустѣлыя мѣста и падалъ жертвою заразы. „Нѣтъ дня, чтобы въ Тывровѣ кто нибудь не умеръ отъ чумы", доносилъ пану Захаріи тотъ же управляющій. Подъ конецъ простой народъ сталъ волноваться, искали виновниковъ несчастья, и вотъ „грабаря выкреста *упыря* (sic), который закапывалъ трупы, тывровская громада въ своемъ перепугѣ убила и сожгла. Говорятъ, что есть еще немало упырей", прибавляетъ въ своемъ донесеніи тотъ же корреспондентъ. Эти страшныя дѣянія, обличающія одичаніе и варварство, составляли общее явленіе подъ часъ заразы. Обезумѣвшая толпа искала спасенія въ преступленіяхъ, воображая, что такимъ образомъ можно умилостивить тяготѣвшій надъ нею рокъ и смягчить таинственную силу, сѣявшую повсюду смерть и разрушеніе. Въ Тывровѣ дѣло ограничилось по крайней мѣрѣ убійствомъ и сожженіемъ; въ Ярмолинцахъ о ту же пору зарыли въ землю живьемъ какого то пришельца съ востока; въ Мурафѣ нѣсколько разъ топили въ рѣкѣ бабу, признанную чародѣйкой, зашивши ее предварительно въ мѣшокъ, и наконецъ добили ее камнями, полагая, что этимъ путемъ избавятся отъ заразы.

Вернувшись въ Тывровъ въ 1773 г., панъ Захарія былъ безсиленъ помочь бѣдѣ и ограничился предсмертными распоряженіями. Онъ составилъ подробнѣйшій проектъ раздѣла имущества между сыновьями, обезпечилъ жену, щедро одарилъ монастыри и костелы, не забылъ также своихъ служащихъ и родственниковъ. Какъ ни тяжела была служба у пана Захаріи, тѣмъ не менѣе было немало народа преданнаго ему искренно и горячо. Стольникъ умѣлъ цѣнить и не забывалъ оказанныхъ ему услугъ. Любопытны распоряженія стольника о собственныхъ его похоронахъ. На поминки было назначено 1,000 зл., которые должны были выплачиваться ежегодно его наслѣдниками безсрочно. Погребеніе должно быть самое скромное, безъ всякой помпы, гробъ деревянный, могила подъ порогомъ церкви, ибо онъ—великій грѣшникъ. Надъ могилой слѣдовало поставить каменную плиту съ эпитафіей, гдѣ перечислялись всѣ его грѣхи и преступленія: пусть христіане попираютъ ногами его прахъ и поучаются, читая эпитафію. Стольникъ скончался 18 октября 1774 года, и хотя на похороны собралась вся округа, явились также депутаціи изъ Волыни, но послѣдняя воля покойнаго была выполнена въ точности. Простой дубовый гробъ былъ доставленъ къ мѣсту послѣдняго успокоенія на возу, запряженномъ парою воловъ. Облагодѣтельствованные доминикане и капуцины явились изъ Яловицъ, Винницы и Куны, но не было никакой торжественной процессіи; прахъ былъ зарытъ въ землю у порога костела, согласно завѣщанію, и надъ нимъ поставлена плита съ помянутой эпитафіей. Современники понимали это какъ результатъ піетизма, но хроникеры занесли въ свои бумаги лапидарное произведеніе стольника и забыли обо всемъ остальномъ. Этимъ бы дѣло и кончилось, если бы одинъ изъ наслѣдниковъ не снялъ плиты: это возбудило слухи и толки, неблагопріятные для памяти покойнаго. Стали заглядывать въ *Silva rerum*, отыскали тамъ эпитафію, которая подтверждала всѣ эти слухи. Все это представляло чистое недоразумѣніе. Стольникъ былъ сыномъ своего времени, яркимъ его представителемъ, не болѣе. Не онъ одинъ былъ погруженъ въ кляузничество, не онъ одинъ велъ борьбу съ противниками вооруженной рукой. Человѣкъ сильный

и могущественный, онъ велъ борьбу на широкую руку и обыкновенно съ успѣхомъ: этого не могли простить ему противники. Эпитафія явилась лучшимъ подтвержденіемъ всѣхъ толковъ о покойномъ, кружившихъ въ свое время по краю.

На долю вдовы стольника выпала нелегкая задача: приходилось самолично распоряжаться огромными имѣніями, вести процессы или откупаться отъ многочисленыхъ претендентовъ, воспитывать дѣтей. Уже въ началѣ 1775 г. вдова приступила къ люстраціи имѣній. Наслѣдство представлялось въ такомъ видѣ. Въ брацлавскомъ воеводствѣ Ярошинскимъ принадлежали: ключъ Кунянскій: Старая Куна, Новая Куна, Маріановка, Майданъ, Крутыгорбъ, Сѣдлиска (нѣкогда Гусаковъ), Скибинцы и Михайловка, часть Губника, часть Жерденовецъ, на Глубочкѣ обезпечено 53,000 зл., на Бродецкомъ 59,333 зл., на Иваньковцахъ (ключъ Краснянскій) 33,312 зл., Далѣе, тывровское имѣніе: Тывровъ, Звониха, Шершни, Шостаковка, Слободка (прежніе Курники), Гута, Витава, Маяновъ и часть Пилавы. Волынскія имѣнія: Лучицы, оцѣненныя въ 56,587 зл., Подлѣсье—43,081, Городничка—45,520 зл. Кромѣ того, домъ въ Винницѣ и „ленное право на кошоватскія имѣнія", основанное на пожалованіи еще короля Яна Казиміра. Панъ Негребецкій, привилегированный землемѣръ его королевской милости, опредѣлилъ площадь всѣхъ перечисленныхъ земель въ суммѣ всего 100,840 морговъ. Цѣнность имущества опредѣлена въ суммѣ 1,105,505 зл. и 8 гр. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ вдова успѣла выплатить всѣ долги и обязательства мужа и покончить всѣ процессы съ сосѣдями,—задача чрезвычайно трудная, требовавшая огромныхъ хлопотъ и тратъ. Вдова всѣ свои силы посвятила этимъ заботамъ,—она не была погружена въ піетизмъ по примѣру покойнаго мужа.

Мало по малу имущественныя дѣла Ярошинскихъ вошли въ колею. Имѣнія начали приносить удвоенный доходъ. Этому особенно содѣйствовали частые переходы союзныхъ войскъ изъ Турціи,—продукты оплачивались хорошо. Уже не было нужды отсылать все въ Данцигъ,—Тывровъ стоялъ на главномъ трактѣ и сбытъ былъ превосходный, особенно по части хлѣба. Поташъ

болѣе не выжигался, лѣса исчезали и не приносили прежнихъ доходовъ. Вмѣсто того получило широкое развитіе винокуренное дѣло, развивалось скотоводство. На широкихъ равнинахъ вдоль Буга́ паслись огромныя стада скота. Ремонтеры изъ за Днѣпра охотно пріобрѣтали здѣсь лошадей для войска.

Въ 1778 г. Ярошинская приступила къ постройкѣ палаца въ Тывровѣ и окончила его къ 1784 г. Время было сравнительно спокойное, поэтому постройка имѣла характеръ мирнаго жилья: не было палисадовъ, земляныхъ валовъ, бастіоновъ и амбразуръ— все это исчезло навѣки.

Въ іюлѣ 1780 г. Ярошинская пригласила сосѣдей и чиновныхъ лицъ изъ Винницы и послѣ торжественной службы у о.о. доминиканъ дала собранію полный отчетъ въ управленіи имѣніями, цѣнность которыхъ равнялась теперь 1,200,000 зл. Такимъ образомъ, на долю каждаго изъ сыновей приходилось по 200,000 зл. Двое младшихъ оставлены были подъ опекой матери, остальные тогда же выдѣлены. Тывровскій ключъ остался пожизненно въ рукахъ вдовы, которая желала окончить здѣсь свои дни. Актъ раздѣла занесенъ въ винницкія гродскія книги 5 іюля 1783 г.

Ярошинская скончалась 10 декабря 1785 г. Дальнѣйшія судьбы рода Ярошинскихъ не входятъ въ нашу задачу. Если авторъ подробнѣе остановился на исторіи этой фамиліи, то потому, что послѣдняя играла выдающуюся роль въ свое время и живо отражала на себѣ вѣянія эпохи. При томъ же, непосредственныя послѣдствія козацкихъ замѣшательствъ даютъ себя живо чувствовать еще на протяженіи трехъ четвертей XVIII ст., послѣ чего для шляхты настали другія времена, и исторія края вступила въ новый фазисъ[1]).

Н. М.

---

[1]) Изъ шести отпрысковъ, ведщуихъ свое происхожденіе отъ стольника винницкаго, одинъ угасъ, другой осѣлъ въ Галичинѣ. Представители послѣдняго владѣютъ помѣстьями и въ подольской губерніи. Представители остальныхъ четырехъ вѣтвей процвѣтаютъ не только на Подольи, но и въ предѣлахъ кіевской губерніи.

Полуботокъ или Свѣчка?

(Эпизодъ изъ исторіи малороссійскаго землевладѣнія второй половины XVII в.).

Въ старой Малороссіи въ мѣстностяхъ, гдѣ проходила пограничная черта какого либо административнаго дѣленія, часто возникали между обывателями споры изъ-за владѣнія нѣкоторыми земельными участками, изъ-за пользованія различными угодіями. Конечно, при такихъ спорахъ открывалось широкое поприще для самоуправія, которое каждая изъ сторонъ старалась поддержать и узаконить авторитетомъ власти своей полковой или сотенной старшины; но часто дѣло не кончалось вмѣшательствомъ мѣстныхъ властей — недовольная сторона подавала „суплѣки“ гетману, приходилось наряжать слѣдствіе и препровождать слѣдственный протоколъ „високобачному ясневельможного его милости пана гетмана розумѣнію до уваги“.

Подобное дѣло возникло въ 80-хъ г.г. XVII стол. на границѣ переяславскаго и лубенскаго полка, пересѣкавшей, между прочимъ, рѣчку Сухую Оржицу, притокъ р. Сулы, около с. Малютинецъ и х. Сурмачевки. Оно было сложнѣе другихъ, вслѣдствіе того, что касалось матеріальныхъ интересовъ такихъ вліятельныхъ представителей старшины, какъ полковникъ переяславскій Леонтій Артемовичъ Полуботокъ (1685—1692 г.г.) и полковникъ лубенскій Леонтій Назаровичъ Свѣчка (1687—1699 г.г.), и слѣдовательно, являлся вопросъ, кто кого одолѣетъ [1]).

[1]) Дѣло это пересказано нами по рукописнымъ документамъ въ копіяхъ 1773 г., сохранившимся въ одной связкѣ, подъ заглавіемъ: „Випись с книгъ ста-

Полуботокъ, пользуясь своею близостью къ гетману Самойловичу [1]), присоединилъ въ началѣ 80-хъ гг. къ переяславскому полку не мало земель, принадлежавшихъ пирятинской сотнѣ лубенскаго полка, лежащихъ между р. Сухой Оржицой и ея притокомъ р. Чумгакомъ, и, конечно, большую часть изъ нихъ обратилъ въ свою личную собственность; между прочимъ, онъ устроилъ вблизи Оржицы хуторъ при урочищѣ „Шелехувка". Осадивши хуторъ, Полуботокъ прирѣзалъ къ нему степи мили на двѣ кругомъ, чѣмъ сильно стѣснилъ ранѣе осѣвшихъ въ этихъ мѣстахъ различныхъ пирятинскихъ козаковъ, затруднивъ имъ пользованіе сѣнокосами и пастбищами: яготинскій сотникъ Мамотенко, въ угоду вліятельному полковнику, захватывалъ воловъ и лошадей у сосѣднихъ козаковъ, выпасывавшихъ, конечно, по старой привычкѣ на степи, прихваченной Полуботкомъ, и имъ приходилось выкупать у послѣдняго арестованный скотъ за большія штрафы—по золотому (20 коп. асс.) отъ пары. Кромѣ того, при постройкѣ Шелехувскаго хутора, Полуботокъ не очень-то стѣснялся правомъ собственности и рубилъ на-пропалую въ лѣсахъ сосѣдей-козаковъ разное дерево, необходимое для постройки.

Козаки, поселившіеся на привольныхъ пологихъ при-оржицкихъ степяхъ, были преимущественно изъ сосѣдняго с. Малютинецъ. Еще въ первой половинѣ XVII в. они осадили въ

ринникъ пирятинскихъ, имѣючихся при судѣ земскомъ повѣту лубенского, 1773 года іюня 10.—Справа о Сурмачувцяхъ, на томъ боку степу, декретъ, инквизиція, реестра дворищъ и реестра лѣсовъ, листовъ двохъ велможныхъ пановъ гетмановъ, переписанніе слово до слова до сихъ книгъ мѣскихъ пирятинскихъ року 1690 марта дня 23".—Выпись эта удостовѣрена подписью писаря земскаго повѣту лубенскаго Гаврінла Хильчевскаго, съ приложеніемъ печати лубенскаго земскаго суда; передана она въ наше распоряженіе прямымъ потомкомъ лубенскаго полковника, статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Львовичемъ Свѣчкой, много лѣтъ служившимъ то пирятинскимъ, то лубенскимъ предводителемъ дворянства, живущимъ въ своей усадьбѣ въ с. Свѣчкиной Слободѣ, превратившейся, по всей вѣроятности, въ большое село изъ при-оржицкаго хутора лубенскаго полковника, о которомъ идетъ рѣчь въ нашихъ документахъ, за передачу которыхъ, равно какъ и другихъ документовъ изъ фамильнаго архива Свѣчекъ, въ наше пользованіе приносимъ нашу искреннюю признательность ихъ владѣльцу.

[1]) А. М. Лазаревскій. Павелъ Полуботокъ. Русскій Архивъ. 1880. I, 138 сл.

урочищѣ „Сурмачувка“, на берегу Оржицы, хуторъ, разросшійся ко второй половинѣ столѣтія до 27 дворовъ, и распредѣлили между собою лежащія вблизи Сурмачевки вдоль Оржицы, богатыя угодья—лѣса, стѣнки, рыбныя озера, луга и т. п. Частыя войны, и въ особенности татарскіе набѣги, принудили сурмачевцевъ покинуть въ началѣ 1659 г. облюбованныя мѣста и разселиться въ Пирятинѣ и м. Куринькѣ (нынѣ лохвицкаго уѣзда), пользуясь лишь отчасти своими сурмачевскими землями. Въ отсутствіе сурмачевскихъ „господарей“ нѣсколько малютинскихъ козаковъ, отчасти по подстрекательству Полуботка, захватили въ началѣ 80-хъ гг. грунты въ Сурмачевкѣ и стали рубить необходимое для постройки дерево, разсчитывая, что хозяева не отзовутся и что они, при покровительствѣ Полуботка, легко узаконятъ захватъ давностью владѣнія. Но настоящіе владѣльцы не могли, конечно, отнестись равнодушно къ совершенному захвату и думали сначала усовѣстить своихъ обидчиковъ домашними средствами, за что нѣкоторые чуть не поплатились жизнью. Однажды Ѳедоръ Баглай, малютинскій козакъ, подкарауливши на своемъ „займищѣ“ Грицька Брикуна и Леська Иванова сына, „сурмачувскихъ новосѣлыхъ“, подошелъ къ нимъ и сталъ ихъ укорять за произведенные порубы; тогда они, не обращая вниманія на его укоризны, сильно избили его цѣпомъ и вилами, нанесли три тяжкихъ увѣчья на головѣ и чуть не переломали всѣхъ пальцевъ. Баглай подалъ жалобу на обидчиковъ самому гетману, вслѣдствіе чего они были посажены въ тюрьму въ Пирятинѣ, но, бѣжавши оттуда, укрылись подъ защиту переяславскаго полковника и „наносили много мантацтва (безпокойства)“. Сурмачевцы тщетно вопили и искали правды. Вслѣдствіе покровительства самоуправцамъ сильнаго въ гетманство Самойловича Полуботка, даже гетманскіе указы по этому дѣлу давались лишь для проформы и не приводили къ осязательнымъ результатамъ. Въ 1683 г. лубенскій полковникъ Григорій Гамалѣя получилъ даже отъ гетмана Самойловича по поводу сурмачевскаго дѣла слѣдующій листъ:

„Мой ласкавій пріятелю пане полковнику лубенскій. На жаданне ваше и причину [1]) до насъ, чрезъ асаула вашего полкового унесенную, за полчанами вашими, обывателями пирятинскими, писалисмо до пана полковника переяславскаго, упоминаючи и росказуючи [2]), аби всѣхъ ихъ обивателей пирятинскихъ, такъ самихъ тихъ старожитнихъ природнихъ людей, яко и з Переяславщини подъ часъ Шереметовщини туди на мешканне зайшлихъ, всѣ лѣса и сѣножатѣ, к полку, его кгрунтовъ лежачихъ и знайдуючихся, якіе теперъ былъ од нихъ одехалъ [3]), имъ опять, яко ихъ власніе привернулъ [4]) у спокойное ихъ держанне, и жебы не боронилъ имъ пирятинцямъ в тихъ же лѣсахъ ихъ од сего часу нѣкгди дерева на потреби ихъ всякіе рубати и на сеножатехъ сѣно косити; по которомъ упомненню и росказанню нашемъ рейментарскомъ не будутъ мѣти в далшій часъ од полковника переясловского помененніе пирятинцѣ жадного в кгрунтахъ своихъ утиску [5]), такою надѣею вашей милости в той мѣре упевнивши, поручаемъ Господу Богу. З Батурина, июля 20 року 1683. Вашей милости зичливій Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорожского“.

Но этотъ гетманскій листъ привелъ менѣе, чѣмъ какой либо другой, къ желаннымъ результатамъ, такъ какъ былъ писанъ лишь по поводу сурмачевскаго дѣла и касается всецѣло самоуправствъ Полуботка, съ которымъ трудно было еще мѣряться лубенскому асаулу, Леонтію Свѣчкѣ. Но Свѣчка не унывалъ и продолжалъ адвокатствовать въ пользу сурмачевцевъ, тѣмъ болѣе, что былъ лично заинтересованъ въ исходѣ этого дѣла, вслѣдствіе пріобрѣтенія около Сурмачевки на берегу Оржицы хутора. Обстоятельства поблагопріятствовали сурмачевцамъ: съ низложеніемъ въ 1687 г. Самойловича, Свѣчка получилъ лубенскую булаву. Сдѣлавшись полковникомъ, онъ обста-

---

[1]) Вслѣдствіе просьбы вашей и ходатайства...

[2]) Напоминая и приказывая...

[3]) Отнялъ...

[4]) Возвратилъ.

[5]) Притѣсненія.

вилъ себя своими людьми: полковымъ асауломъ былъ Григорій Никифоровичъ Товолга, писаремъ Леонтій Кичкарѣвскій, пирятинскій уроженецъ, пирятинскимъ сотникомъ Андрей Гладкій, городовымъ пирятинскимъ атаманомъ—Тимоѳей Куриленко, войтомъ—Стефанъ Левченко, бурмистрами—Марко Стефановичъ и Стефанъ Ивановичъ. Разсчитывая на силу новаго полковника, своего человѣка, обиженные сурмачевцы съ Грицькомъ Мищенкомъ, малютинскимъ атаманомъ во главѣ, явились къ Свѣчкѣ вскорѣ по возвращеніи его изъ-подъ Коломака и избранія въ полковники, во время пребыванія его въ Пирятинѣ, и Мищенко отъ имени всей малютинской громады „чинилъ оповѣдъ въ той целъ мовячи“:

„Мосьцѣ пане полковнику и пане вряде городовій, перво з села нашого Малютинецъ пошолъ Иванъ Баглаевъ братъ на Сурмачувку, селище пустое, селитись, а потомъ Микита Чухрай, Грицько Брикунъ и Денисъ, Павла слѣпого зять, и жаденъ з нихъ не мають лѣса, к нашимъ лѣсамъ селятся; прето милостей вашихъ просимъ, аби в нашемъ добрѣ одо нихъ не було намъ утиску“.

Тогда Свѣчка запретилъ названнымъ Мищенкомъ людямъ селиться въ Сурмачевкѣ, но они все таки его не послушали.

Вскорѣ послѣ этого Свѣчка поѣхалъ въ Москву, гдѣ между прочимъ выхлопоталъ возвращеніе пирятинской сотнѣ захваченныхъ Полуботкомъ земель. По пріѣздѣ его изъ Москвы, малютинцы опять воспользовались его пребываніемъ въ Пирятинѣ и повторили свою жалобу: „многимъ людямъ, жителямъ нашимъ малютинскимъ, в лѣсахъ рубаннямъ и в сѣнахъ чинятъ шкоди краденимъ способомъ, вкладаючися [1]) его мость паномъ полковникомъ переясловскимъ, же панъ полковникъ, повѣдають— „позволялъ намъ тута селитися и на потребу свою лѣса и лози рубати“, теди просимъ милостей вашихъ з онихъ Ивана Баглаева брата, и Чухрая, и Грицка Брикуна, и Дениса, слѣпого Павла зятя, святой справедливости“. Свѣчка на этотъ разъ велѣлъ привести къ себѣ обиженныхъ, чтобы лично распросить у

[1]) Ссылаясь..

нихъ подробности дѣла. На сдѣланные имъ запросы, они показали слѣдующее:

„Я—говорилъ Грицько Товстопятъ малютинскій—заставъ Брикуна Грицка у своюй власной стѣнцѣ, що рубавъ куля [1]), и просивъ у него секѣри, такъ онъ не давъ и мовивъ: „позивай мене до пана полковпика переясловского, а не до сего; а потимъ знайшли у ровѣ подъ селищемъ деревя, якое всѣ люде видѣли и знають порубаное от того Грицка Брикуна [2])". Иванъ Литвищенко, Бридуринъ зять, и Грицько Сумась жаловались на Чухрая, что онъ „витявъ [3]) дубовъ на куля возовъ два изъ стѣнки Глекувщини" и потравилъ сѣно. Грицько Старый говорилъ такъ: „я засталемъ Диниса, слѣпого Павла зятя, рубавъ осику, хотѣлемъ одняти у него, одказавъ мнѣ:—„если, мовитъ, схочешъ однѣмати осику, то еще и тобѣ шію утну до того же пенка", а Чухрай и Брикунъ чужою лозою пооплѣтовались и сѣна чужіе возять и много шкодъ людямъ починили [4])". Любопытенъ отвѣтъ Грицка, Трохимова зятя: „Чухрай вирубавъ байраковъ два и въ стѣнцѣ осики и дубовъ десять, берестовъ два, а еще мовить, що „буду рубати, поки мнѣ треба, бо мѣю позволенне от пана полковника переясловского", а в остатку той же Чухрай мовивъ Романовѣ Кочаненку: „я, мовить, Романъ, твоего не буду рубати лѣса и стѣнокъ, а тіи всѣ буду до звалу рубати, поки мнѣ будетъ надобно, бо еще и писмо от пана полковника переясловского пойду возму волное [5])."

На сдѣланный послѣ этого запросъ къ обвиняемымъ Микита Чухрай отвѣтилъ за всѣхъ: „ми всѣ з чужихъ лѣсовъ отопливались, а в насъ нѣ у единого тута лѣса немашъ";

Какъ видно изо всѣхъ этихъ распросовъ, обиженные не могли найти себѣ удовлетворенія, несмотря на то, что они были несомнѣнно правы, вслѣдствіе противодѣйствія Полуботка, и дѣло тянулось.

---

[1]) Колья...

[2]) Знаютъ, что вырублено Грицькомъ Брикуномъ...

[3]) Вырубилъ...

[4]) Нанесли...

[5]) Писмо волное—разрѣшеніе.

Но на счастье сурмачевцевъ звѣзда Полуботка при новомъ гетманѣ стала меркнуть и, подъ вліяніемъ Свѣчки, съумѣвшаго войти въ милость Мазепы, было наряжено въ началѣ 1690 г. слѣдствіе для удовлетворенія нескончаемыхъ жалобъ сурмачевцевъ—въ Пирятинъ былъ посланъ, для производства слѣдствія и рѣшенія дѣла въ томъ или иномъ смыслѣ, войсковый товарищъ Иванъ Рошкевичъ-Быховецъ. Прибывши въ Пирятинъ, Рошкевичъ пригласилъ полковой лубенскій и пирятинскій сотенный уряды, а также переяславскихъ полковыхъ урядниковъ—обозпаго Лукьяна Дейнеку и писаря Григорія Власовича Липскаго, да кромѣ того Василія Полѣшка и Евтуха Бобыря, войсковыхъ товарищей, яготинскихъ обывателей, какъ сосѣдей, и всѣ вмѣстѣ пріѣхали въ Сурмачевку для ознакомленія на мѣстѣ съ подробностами дѣла. Пирятинскіе сотенные урядники представили при этомъ Рошкевичу списокъ [1]) шестидесяти одного владѣльца лѣсныхъ „займищъ“ по р. Оржицѣ, изъ котораго Рошкевичъ, провѣривши его на мѣстѣ, убѣдился, что „еслибы село на урочищи Сурмачувци положилося, мусѣло би бить, яко по близу, з докукою и шкодою онимъ въ займищахъ въ давнихъ и купленнихъ грунтахъ пирятинскимъ и малютинскимъ жителямъ“. Выѣхавши изъ Пирятина, Рошкевичъ проѣхалъ къ Сурмачевкѣ вдоль по Оржицѣ, вверхъ по ея теченію, начиная отъ хутора Свѣчки, при чемъ сурмачевцы показывали ему „заходи лѣсніи, здавна занятіе и купленніе не подлою ценою розною, при которихъ лѣсахъ товаръ держать, и пахання упрятують, и сѣно косять, положени далекости [2]) од хутора полковницкого до Сурмачувки миль двѣ“. Въ сурмачевкѣ ему былъ представленъ реестръ [3]) 27 сурмачевскихъ „господарей“, съ указаніемъ, куда они переселились. Конечно, всѣ сурмачевцы заявили при этомъ Рошкевичу, что, несмотря на свое выселеніе изъ Сурмачевки, они, „боронять и не уступають купленнихъ и здавна занятихъ своихъ грунтовъ, на обидва боки Оржицѣ знизу од Яблунев-

---

[1]) См. Приложеніе № 1.

[2]) Расположенныя (лѣсныя угодья) въ разстояніи,..

[3]) См. Приложеніе № 2.

скихъ заходовъ, до вершини Оржицѣ лежачихъ, лѣснихъ, сѣнnихъ и пахатнихъ, по Дмитрову Коноваленкову дуброву и далѣй, в чомъ имъ и за прежнихъ пановъ и полковниковъ переяcловскихъ в спокойномъ сидѣнню и уживанню на степу од Чумгаку до Оржицѣ перевони не було".

Въ Сурмачевкѣ явились къ Рошкевичу и самоуправцы, кромѣ Микиты Чухрая и Дениса, Павлова зятя, которые наканунѣ пріѣзда Рошкевича бѣжали изъ Сурмачевки; Иванъ Баглаевъ братъ заявилъ при этомъ:

„Осѣвъ я тутъ на Сурмачувцѣ за вѣдомомъ небожчика Якима Головченка, полковника переяславскаго и писмо на тое сдержавъ, а кгди почали тута мене турбовати, я тое писмо подавъ пану писару полковому лубенскому. На тое панъ писарь одказавъ: „взявъ я у его писмо до пана полковника належное в иншои матеріи, а не на заведенне слободи, и тое писмо я оразъ и теперъ покажу".

При допросѣ другихъ обидчиковъ, обнаружилось, что и они не имѣютъ оффиціальныхъ разрѣшеній на то, чтобы селиться на покинутыхъ грунтахъ; при чемъ они заявили, что готовы уступить грунты прежнимъ владѣльцамъ, и стали жаловаться на Свѣчку, что онъ приказалъ забрать у нихъ нѣсколько лошадей, коровъ, быковъ, а также разные „рупески"—серпы, долота, сѣкиры, заступы, нѣсколько клубковъ шерсти, кромѣ того, „по мѣху" овса и пшеницы, и раскидалъ двѣ построенныя ими хаты. Рошкевичъ приказалъ пирятинскому сотнику разыскать и отдать жалобщикамъ перечисленныя ими вещи, что же касается скота, то онъ совѣтовалъ имъ обратиться къ самому Свѣчкѣ съ просьбой о возвращеніи его; относительно же хатъ лубенскій полковой писарь Леонтій Кичкарѣвскій заявилъ, что онѣ были раскиданы потому, что въ нихъ де было опознано дерево изъ пирятинскихъ лѣсовъ.

Послѣ всѣхъ распросовъ, Рошкевичъ пришелъ къ убѣжденію въ правотѣ сурмачевцевъ и приказалъ новопоселившимся очистить грунты, а чтобы отсутствовавшіе при слѣдствіи Чухрай и Денисъ не вздумали опять „баламутить", отдалъ распоряженіе переяславскимъ полковымъ урядникамъ, чтобы Чухрай и

Денисъ были найдены и ему представлены; на это обозный Лукьянъ Дейнека замѣтилъ, что Чухрай посланъ съ яготинскимъ сотникомъ Момотенкомъ „до ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана“, что подтвердили и другіе козаки. Но положеніе Полуботка было уже настолько шатко, что Рошкевичъ не только не принялъ во вниманіе этого заявленія, но подтвердилъ еще приказаніе, чтобы Чухрай былъ доставленъ безъ всякихъ отговорокъ къ лубенскому полковнику, и переслалъ Полуботку письмо съ требованіемъ, чтобы Чухрай былъ присланъ къ нему немедленно, „для того жеби болшей такіе плути не бѣгали з суплѣками и межи панами старшими нашими расколовъ не плодили“.

Выслушавши рѣшеніе Рошкевича, переяславскій обозный Дейнека, близкій къ Полуботку человѣкъ, увидѣвши въ этомъ ясный признакъ паденія Полуботка, воскликнулъ въ присутствіи Рошкевича и прочихъ урядниковъ:

„Оттакъ! мовить полковникъ — нехай люде сидають охочіе на Сурмачувцѣ поселеніемъ своимъ ку мешканню, яко неналежномъ переяславскомъ мѣсцю“, а теперъ засъ! и гди обачить стислости положення, ижъ докола чужіе займища и тихъ плецовъ живіе господарѣ знайдуются, узнати мусить, иж неможно на чужихъ плецахъ другимъ дозволення давати до осѣдлости!“

Рѣшивши 10 марта 1690 г. безконечную тяжбу, Рошкевичъ, дабы предотвратить на будущее время возможность возобновленія этого дѣла, запретилъ кому-либо селиться вновь на сурмачевскихъ грунтахъ, подъ карою 100 таляровъ штрафу.

По возвращеніи въ Батуринъ, Рошкевичъ изложилъ подробно результаты своей „инквизиціи“ гетману, вслѣдствіе чего Мазепа, утвердивши рѣшеніе Рошкевича, написалъ Свѣчкѣ слѣдующій, окончательно рѣшающій дѣло, „листъ“:

„Мой ласкавій пріятелю пане полковнику лубенскій. Поневажъ з досмотру инквизиціи висланнаго нашего пана Ивана Быховця, якосмо слушне зрозумѣли, неслушне сурмачовскіе кулка человѣковъ на своихъ давнихъ поселискахъ садитися уперли были, за позволеннемъ пана полковника переяславского, и имъ седити тамъ слободою не доводится, для того же ихъ власнихъ

жаднихъ кгрунтовъ до селитби тамъ немаеть, але хиба би все они засягали з займищъ пирятинскихъ надобной деревнѣ, теди цале ми волею нашею тое стверджаемъ, аби они сурмачувцѣ нѣкогда тамъ на селищи своемъ не важились селитись, и ваша милость того постерегати и недопускати имъ маешь, о чомъ ми теперъ писали и до пана полковника переясловского, приказуючи, аби для згоди полпановъ его и вашихъ не позволялъ тимъ сурмачувцамъ тамъ селитися болшъ, але нехай собѣ инде где живуть, що предложивши зичимъ вашей милости доброго здоровя и Господу Богу оного затимъ поручаемъ. З Батурина, 20 марта 1690 року. Вашей милости зичливій во всемъ пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорожского".

Въ письмѣ этомъ Мазепа неправильно именуетъ сурмачевцами самоуправцевъ, между тѣмъ какъ болѣе правъ имѣютъ на это наименованіе первоначальные владѣльцы сурмачевскихъ грунтовъ, вслѣдствіе этого въ письмѣ замѣчается нѣкоторая неясность: „*неслушне (неправильно) сурмачовскіе*—пишетъ онъ—*кглко человѣковъ на своихъ давнихъ поселискахъ садитися уперли были*", и въ тоже время заявляетъ, „же ихъ власнихъ жаднихъ грунтовъ до селитби тамъ немаешь" и чтобы „они сурмачувцѣ нѣкогда тамъ на селищи своемъ не важились селитись".

Такъ окончился продолжительный земельный споръ, интересный по участію въ немъ двухъ такихъ могучихъ представителей малороссійской старшины второй половины XVII вѣка, какъ Полуботокъ и Свѣчка, испытывавшихъ въ немъ свою силу, завершившійся торжествомъ Свѣчки и пораженіемъ Полуботка.

Приложеніе № 1

Реестръ лѣсовъ на Оржицѣ, взявши од хутора пана полковникового до вершини Оржицѣ, кромѣ тѣхъ, що унизъ до Яблунева симъ бокомъ и тимъ Оржицѣ, списано року 1690.

Се до вершинѣ Оржицѣ.

Два гаи пана полковниковихъ куплениxъ.

Стѣнка пана полковникова над Оржицею на семъ боку.

Григорія Таволги, асаула полкового, стѣнка купленая и сѣножать з лозами займаніе.

Двохъ братовъ Якова и Антона Гиренковъ гай отцевскій и сѣножать з лозами.

Андрея Гладкого, сотника пирятинского, по обоихъ сторонахъ Оржицѣ сѣножать з лозами займанніе.

Власа Сѣмашка, хорунжого полкового, сѣножать з лозами займанніе.

Леонтія Кичкарѣвского, писаря полкового, стѣнка купленная сѣножать з лозами.

Василя Калити стѣнка и лози купленніе продалъ писару полковому за 10 копъ.

Андрѣя Стаецкого сѣножать з лозами займанніе.

Процка Мостового сѣножать з лозами займаніе.

Якова Коломійца сѣножать з лозами займаніе.

Василеви Коломійцеви лози и сѣножать займаніе.

Романови Коломійцеви лози и сѣножать займаніе.

Демяна Малохвѣенка лози займаніе.

Тимоѳѣя Куриленка сѣножать и лози займаніе.

Двохъ братовъ Бурихъ гаи и лози займаніе.

Якова Бурщченко стѣнка купленая у Коваленка за 10 золотихъ.

Панка Великого стѣнка купленая у Бугая за 7 золотихъ.

Иванова Лобасова стѣнка купленая у Павла за талярь.

Василя Оленяка стѣнка, ставъ и сѣножать купленое у Передѣрѣя за 10 копъ.

Островъ Бзувъ.

Пана полковника лѣсъ купленой у Козаченка за 10 талярей.

Мисковъ Бугуславцевъ лѣсъ, купленій у Миска шевця у Бзовѣ за 7 золотихъ.

Василя Мартиненка лѣсъ купленій у Бзовѣ у Евминки за копъ 6.

Якимовъ лѣсъ купленій у Бзовѣ-жъ у Евминки-жъ за копъ 2.

Познянского лѣсъ у Бзовѣ купленой у Евминки за копъ 6.

Криницкой лѣсъ купленой у Бзовѣ у Жулая за 2 таляри.

Микитинъ лѣсъ у Бзовѣ купленій у Жулая за 2 таляри.

Передерѣевъ лѣсъ у Бзовѣ отчистій.

Гришковъ Литвиновъ лѣсъ у Бзовѣ купленій за вола.

Хведоровъ Баглаевъ лѣсъ у Бзовѣ купленой.

Дмитровъ Коваленковъ лѣсъ у Бзовѣ купленой за чотыри талери.

У Ивана Черкасця лѣсъ купленій у Бзовѣ за 7 золотихъ у Баглая.

Данковъ Шкляровъ лѣсъ купленій у Бзовѣ у Яцка за 2 таляри.

Семена Барнѣцкого лѣсъ купленій за 5 копъ.

Бужвинъ лѣсъ у Бзовѣ купленій за 7 золотихъ у Янгеля.

Гришка Литвина лѣсъ у Бзовѣ куплено за 7 золотихъ од Назара.

Грицка, атамана малютинского, лѣсъ купленій за два таляри у Бозика.

Гришка Товстопята лѣсъ у Бзовѣ купленой у Передерѣя за 5 копъ.

Мисковъ Усовъ лѣсъ купленій у Бзовѣ за 6 золотихъ у *Сурмача.*

Грицка Лозебного лѣсъ у Бзовѣ купленной за 6 золотихъ у брата.

Павла Шепеленка лѣсъ у Бзовѣ купленой за 7 копъ у Ярмоли.

Стѣнка Калембитовская купленая за 10 золотихъ у Мизанки.

Гришка Товстопята стѣнка купленая.

Матвѣя Назаренка стѣнка купленая у Грицка Мищенка за 6 копъ.

Грицкова Рогалева стѣнка купленая за 7 копъ.

Грицкова Пригодякова стѣнка купленая за 7 золотихъ и копу у Янголя.

Савчина Передерѣева стѣнка отчистая.

Назарова стѣнка купленая за 6 копъ.

Грицкова Товстопята стѣнка купленая за 7 золотихъ у Бугая.

Ивана Бридури стѣнка купленая за 5 золотихъ у Евтуха.

Двѣ стѣнки Кости Мухоѣда куплени за 10 копъ.

Терешкова стѣнка купленая за 11 злотихъ у Янгьля.

Грицкова Ткачова стѣнка куплена за 8 копъ у Данчихи.

Антона Бридури стѣнка куплена за золотихъ вусѣмь.

Хведорова Баглаева стѣнка займанная.

Назаровъ лѣсъ купленій за вусѣмнадцять золотихъ у Гарбухи.

Павла Сумася другая стѣнка взята у 13 золотихъ в Чухрая.

Сидора Артюшенка стѣнка купленая за 5 копъ у Павла.

Грицка, атамана малютинского, стѣнокъ 2, купленіе за 12 золотихъ у Яреми Бута.

Антона Бридури 2 стѣнки купленихъ една у Панка, другая в Передерѣя за 17 золотихъ.

Хведоровъ Баглаевъ лѣсъ у Сурмацувцѣ дѣдизній.

Хведоривъ другій лѣсъ у Ясеновѣ отчистій.

Васкувъ Ахрименковъ лѣсъ у Ясеновѣ купленій за 70 золотихъ у Соловя.

Романовъ Качановъ лѣсъ на Оржицѣ купленной за 10 копъ у Мамота.

Ивановъ Момотовъ лѣсъ дѣдизній и отчизній.

Баглаева стѣнка займаная.

Мискова Усова дуброва куплена за 100 таляровъ у Тимка.

Дмитрова Коноваленкова дуброва, куплена за 20 таляровъ у Панаса Захарченка.

Всѣхъ лѣсовъ 70, а господаровъ до нихъ 61.

Приложеніе № 2.

У Сурмачувцѣ чіи плеци.

Грицкув, атамана малютинского, плецъ, купивъ у Чибуркувни з лѣсомъ.

Якимувъ Коваленкувъ плецъ, жіе въ Пирятинѣ господарь.

Иванувъ сичувъ плецъ, жіе в Курѣнцѣ господарь.

Гришковъ Товстопятовъ плецъ, жіеть в Пирятинѣ господарь.

Стефана Науменка плецъ, господарь ему Передерѣй, жіе в Пирятинѣ.

Гришка Товстопята другій плецъ тестовскій, жіе в Пирятинѣ.

Сидора Дуденка плецъ, живетъ в Пирятинѣ господарь.

Хведоривъ Баглаевъ плецъ з лѣсомъ и ставищемъ, жіе в Пирятинѣ.

Яреми Буши плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Назара Григоріевича плецъ, поселився на немъ Брикунъ, а господарь жіе в Пирятинѣ.

Дмитра Коноваленка плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Иванувъ Янгелювъ плецъ, жіе в Пирятинѣ господарь.

Евтуха Глекувского плецъ, жіе в Пирятинѣ господарь.

Мойсѣевъ Хведоричувъ плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Павло Сумаса плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Мазанчинъ плецъ, зосталъ Пазуру по жонцѣ, живеть в Пирятинѣ

Ивана Шенеля плецъ Павлу зятю належить, жіе в Пирятинѣ.

Хведора Баглая старого плецъ, жіе в Пирятинѣ господарь.

Ярмолинъ плецъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Панкувъ Мойсѣенкувъ плецъ, жіе в Пирятинѣ.

Ивановъ Донцовъ плецъ, Грицко Ткачъ господарь ему, живеть в Пирятинѣ тотъ Ткачъ господарь.

Семенувъ Данченкувъ плецъ, Трохиму зосталъ, живеть в Пирятинѣ господарь.

Пивоваровъ плецъ, користуе нимъ Власъ, живеть в Пирятинѣ.

Хоми Баглая плецъ, користуе нимъ Ѳедоръ Баглай, братъ его, жіе в Пирятинѣ господарь.

Игнатувъ Дуденкувъ плецъ, користуе нимъ з гаями.

Павло Сумась, взято за злодѣйщину: Микита, синъ Игнатувъ, покравъ у Сумася гроши. Сумась в Пирятинѣ жіе господарь.

Миска Косяка плецъ, користуе нимъ Ѳедоръ Баглай купивъ за коня и жіе в Пирятинѣ господарь.

Никитинъ Панасенковъ плецъ, господарь живеть в Пирятинѣ.

Гришко Товстопятъ купивъ лѣсъ из садомъ в Сурмачувцѣ громадской, которіе живуть в Пирятинѣ, десять таляровъ давъ на церковь Божію в Пирятинѣ.

Списано всѣхъ плецовъ колко тамъ зостаеть в Сурмачувцѣ, кромѣ сего лѣса и саду, що купивъ Товстопятъ, двадцать сѣмь плецовъ и господарѣ в Пирятинѣ.

Списовавъ Демянъ Даниловичъ, на той часъ писарь мѣскій пирятинскій, року 1690, мѣсяца марта 10 дня.

Н. В. Стороженко.

УКРАИНСКІЕ ЮМОРИСТЫ И ШУТНИКИ.[1)]

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(ОКОНЧАНІЕ).

Антонъ любитъ шутить и съ евреями, но его жарты съ евреями имѣютъ иной характеръ. Антонъ знаетъ, что евреи страшные трусы: онъ эксплуатируетъ эту черту ихъ характера для своихъ жартивъ. Однажды зашелъ въ нашу кухню еврей-скупщикъ пшеницы. Еврей былъ уже пожилой человѣкъ и, какъ честный торговецъ сравнительно съ другими евреями, пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ кухнѣ въ уголкѣ стояло старое заржавленное ружье, служившее младшимъ моимъ братьямъ игрушкою. Это ружье было въ своемъ родѣ „одставнои мазныци квачомъ". Вдругъ Антонъ хватаетъ ружье въ руки, прицѣливается въ еврея, да еще прямо въ грудь и кричитъ: „бахъ!" Еврей пошатнулся, отбросилъ голову назадъ, поблѣднѣлъ и чуть-чуть не свалился на землю. Дивчата захохотали.

— Вже застрелывъ, нема Мошки на сему свити! говоритъ Антонъ.

Мошка понялъ Антонову шутку. Онъ воспрянулъ, вышелъ изъ состоянія неподвижности и оцѣпененія и... вдругъ разсердился, даже вскипѣлъ и бросился бить Антона кулаками. Но въ Антона такъ легко попасть кулакомъ, какъ въ летящаго воробья. Мошко махнетъ кулакомъ, Антонъ извернется, какъ

[1)] См. „Кіев. Старина", 1890 г. № 11.

угорь, и стоитъ за спиною Мошка, а кулакъ еврея бьетъ воздухъ. Мошко оборачивается и опять хочетъ нанести ударъ Антону и опять бьетъ кулакомъ воздухъ: Антонъ присѣлъ и шмыгнулъ за спину Мошка. Бѣдный Мошка вертѣлся, вертѣлся на всѣ стороны и, наконецъ, усталъ, поражая воздухъ. Тяжело дыша, онъ садится на скамейку. Антонъ тоже садится на лавкѣ и почесываетъ спину.

— Оце, побывъ мене Мошко кулаками, ажъ спына щемыть, говоритъ Антонъ.

— Я тебе пидъ судъ отдамъ, що ты на мене стрелявъ, говоритъ задыхающимся голосомъ Мошко.

— А я тебе отдамъ подъ судъ за те, що ты мини кулакамы бебехы надсадывъ, говоритъ притворно вызывающимъ тономъ Антонъ, отъ подывысь: у мене вся спына въ сынякахъ.

Однажды пришла къ моей матери еврейка по какому то дѣлу. Моя мать въ то время была въ кладовой; дверь изъ кладовой выходила въ сѣни. Еврейка стала около дверей въ кладовую и начала вести разговоръ съ матерью, взявшись рукою за дверь и заглядывая въ кладовую. Антонъ проходилъ черезъ сѣни и увидѣлъ еврейку. Вдругъ у него является мысль напугать еврейку; онъ на четвереньках подкрадывается къ еврейкѣ, вдругъ начинаетъ бѣшено лаять, хватаетъ зубами за подолъ еврейки, съ озлобленіемъ „гарчитъ“, совсѣмъ какъ собака, и треплетъ сподницу зубами.

— Ой гвултъ! ой вай миръ! раздается крикъ еврейки.

Она съ испугомъ бросается въ кладовую и спѣшитъ притворить за собою дверь. Бѣдная еврейка поблѣднѣла отъ страха, но вдругъ, оборотившись, нигдѣ не видитъ собаки, только замѣчаетъ, что Антонъ поднялся на ноги и хохочетъ.

— А бодай тебе, якъ ты мене злякавъ! На що тоби лякать мене, хиба ты не знаешь, що я боюсь собакъ? говоритъ еврейка и говоритъ правду.

Однажды къ моему отцу въ осеннюю пору пришелъ еврей покупать „кули“, т. е. вымолоченные снопы ржи. Дѣло покончили. Еврей пріѣхалъ на своемъ возѣ и заѣхалъ въ клуню (въ ригу), гдѣ кули были отложены въ сторонкѣ. Еврей взялся самъ сло-

жить кули на возъ, конечно, съ той цѣлью, чтобы выбрать кули побольше. Антонъ слышалъ весь этотъ разговоръ о куляхъ. Когда еврей въѣхалъ въ клуню, Антонъ уже зарылся въ кули и лежитъ тамъ, притаивъ дыханіе. Еврей влѣзаетъ по лѣстницѣ на засторонокъ и начинаетъ сбрасывать кули на возъ. Поднимаетъ онъ одинъ изъ кулей и, вдругъ, оттуда выскакиваетъ Антонъ. Подпрыгнувъ чуть не подъ крышу, махая руками и ногами, Антонъ прячется опять, зарывшись въ кули какъ мышь. Еврей въ ужасѣ прыгаетъ съ засторонка на возъ, съ воза на землю и пускается бѣжать черезъ дворъ къ дому. Онъ блѣденъ, какъ смерть, и едва дышетъ отъ ужаса. Придя немного въ себя, онъ начинаетъ кричать на весь дворъ.

— Ой гвултъ! ой тателе, мамеле! Тамъ въ куляхъ сыдивъ чортъ, вопіетъ еврей.

— Якый тамъ чортъ, де тамъ чортъ взявся та ще й въ день? Ты, мабуть, выпывъ трохи? говорятъ ему слуги.

— Чортъ! Я самъ бачывъ; я пиднявъ куль, а звидтиль выскочывъ чортъ, крыкнувъ ще й пидскочывъ ажъ пидъ кроквы та й счезъ, говоритъ еврей.

Вдругъ изъ клуни выходитъ Антонъ и хохочетъ во всю глотку, направляясь къ еврею.

— Та, може, оцей чортъ выскочывъ зъ кулывъ? говорятъ еврею дивчата, указывая на Антона.

— Ни, не цей! Де тамъ цей! То бувъ страшный. Завернить мини кони съ клуни въ двиръ: я туды не пиду. Не хочу я й тыхъ кулывъ брать. Ой, ой, ой, ой! стонетъ еврей, хватаясь одной рукой за грудь.

И дѣйствительно, онъ не захотѣлъ брать кулей; какъ ни убѣждали его, что это была Антонова шутка, еврей не убѣдился и остался при своемъ мнѣніи, что въ куляхъ водится чортъ и что кули нечисты.

Однажды лѣтомъ шили для насъ платье портные-евреи. Портные были не стеблевскіе, а изъ сосѣдняго мѣстечка Лысянки, лысянскіе портные лучше стеблевскихъ, и поэтому ихъ часто приглашали шить платье служающіе при стеблевскихъ заводахъ. Евреи расположились въ кухнѣ; ихъ четверо: три моло-

дые и одинъ—старый. Они сидѣли вокругъ стола и занимались работой. Вдругъ въ кухню входитъ Антонъ Андреевичъ. Лысянскіе портные его совсѣмъ не знаютъ и видятъ въ первый разъ. Антону неожиданно пришла фантазія напугать евреевъ; онъ неистощимъ въ изобрѣтательности по части шутокъ. Антонъ вступаетъ съ евреями въ разговоръ и ведетъ его спокойнымъ тономъ человѣка не домашняго, а совершенно посторонняго, пришедшаго по дѣлу.

— А звидкиль вы: чи стеблевски кравци, чи богуславски? спрашиваетъ евреевъ Антонъ.

— Ни, мы лысяньски. Шылы на сахарни панамъ одежу тай до батюшки зайшлы, отвѣчаетъ старый кравецъ.

— Що-жъ це вы шьете, чы панычамъ сюртукы, чы що? спрашиваетъ спокойнымъ тономъ Антонъ.

— Це мы шьемо панычамъ сюртукы, а потимъ будемъ шыть и батюшци, отвѣчаетъ старый еврей.

Вдругъ Антонъ въ одно мгновеніе падаетъ навзничъ на землю. Онъ повалился, какъ снопъ, начинаетъ дрыгать руками и ногами, потомъ начинаетъ сопѣть и храпѣть, какъ будто съ нимъ случился припадокъ падучей болѣзни. Онъ отбросилъ голову назадъ, стучитъ головою, страшно выворачиваетъ глаза, руки и ноги подергиваетъ, какъ въ конвульсіяхъ. На евреевъ нашелъ столбнякъ; они точно окаменѣли отъ страха и сидятъ неподвижно, выпучивъ глаза на Антона. Антонъ начинаетъ изображать умирающаго въ конвульсіяхъ человѣка, какъ изображаютъ его артисты на сценѣ. Его конвульсіи ослабѣваютъ; онъ раскинулъ руки и ноги и лежитъ плашмя; онъ конвульсивно сжимаетъ пальцы на рукахъ и подергиваетъ колѣнями; ротъ его то искривленъ, то страшно разинутъ; языкъ высунутъ изо рта и свѣшивается на подбородокъ; глаза совсѣмъ потянуло подъ лобъ. Раздается предсмертное хрипѣніе. Антонъ вотъ-вотъ умретъ: черезъ минуту, черезъ двѣ... Евреи въ ужасѣ; они не могутъ пошевельнуться. Имъ закономъ запрещено смотрѣть на лицо умирающаго. Евреи въ послѣдніе минуты агоніи умирающаго покрываютъ его простыней и выходятъ изъ комнаты. Портнымъ нужно было выйти, но умирающій раски-

нулся поперегъ кухни и лежитъ на дорогѣ къ дверямъ. Наконецъ, старый еврей опомнился и пришелъ въ себя. Онъ влѣзаетъ на лавку, по лавкѣ добирается до дверей и бросается на дворъ.

— Ой, рятуйте! Чоловикъ вмеръ! кричитъ еврей.

— Якый чоловикъ? Де винъ вмеръ? спрашиваетъ еврея прислуга.

— Отамъ въ кухни, скажить батюшци. Якыйсь чоловикъ прыйшовъ въ кухню, говорывъ, говорывъ зъ намы, а потимъ впавъ навзнакъ тай вмеръ, говоритъ еврей, едва переводя духъ.

Извѣстіе о смерти какого-то человѣка, да еще смерти скоропостижной встревожило всѣхъ; всѣ бросились въ кухню. Антонъ лежитъ среди кухни и, кажется, уже совсѣмъ Богу душу отдалъ; онъ только судорожно подергиваетъ колѣнками, сгибая попеременно то одно, то другое; голова своротчена на бокъ; зрачки ушли подъ лобъ. Вдругъ Антонъ вскакиваетъ на ноги и начинаетъ хохотать до упаду. Несчастные евреи, сидѣвшіе за столомъ и видѣвшіе мнимую агонію, только таращатъ глаза на Антона и ничего не могутъ понять. Всѣ присутствующіе въ кухнѣ тоже начинаютъ хохотать. Что думали евреи во время этой сцены, трудно сказать. Имъ послѣ объяснили, что всѣ эти припадки Антона были шуткой, ловко сыгранной, и, дѣйствительно, до того ловко, что Антону позавидовалъ-бы любой артистъ.

Съ своими родственниками Антонъ Радывыловскій былъ далеко не въ дружескихъ отношеніяхъ—и все таки благодаря своей непреодолимой склонности къ жартамъ. Старшая сестра его была замужемъ за дьячкомъ въ одной деревушкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Стеблева. Его младшій братъ жилъ у сестры въ качествѣ работника. Сестра не любитъ Антона Андреевича, младшій братъ не выноситъ его присутствія. Сестра по характеру представляетъ полный контрастъ Антону. Она имѣетъ много дѣтей, вѣчно хлопочетъ, вѣчно занята хозяйствомъ и дѣтьми; она вѣчно жалуется на свою судьбу, охаетъ, плачетъ, стонетъ, хватаясь обѣими руками за голову. Природа, какъ бы въ насмѣшку, слишкомъ односторонне распредѣлила между членами семьи свои дары: Антонъ—весь смѣхъ, жарты и легкомысліе, сестра его—вся слезы и оханье. Что же могло быть общаго

между смѣхомъ и слезами? Несмотря на отсутствіе симпатіи къ своей сестрѣ, Антонъ все таки иногда бывалъ въ гостяхъ у нея. Сестра по обыкновенію бывало начинаетъ вздыхать, охать, жаловаться на свою судьбу, на свое убожество. Антону, очевидно, не нравится подобное препровожденіе времени: онъ не любитъ слезъ, не выноситъ жалобъ; онъ молчитъ, дѣлаетъ гримасы. Сестра начинаетъ читать ему мораль. Антонъ терпѣть не можетъ морали, да еще приправленной слезами, словно перцемъ.

— Господы мылостывый та мылосердный! И що ты за людына? начинаетъ свою проповѣдь сестра Антона: тоби все смишки та жарты. Ты-жъ вже не маленькій, не хлопецъ, а вже дорослый чоловикъ. Хиба-жъ такы не часъ тоби до розуму дойты? Други люде въ твоихъ литахъ вже поженылысь, а ты все тыняесся...

— Пидсыпай, пидсыпай перцю въ горилку: буде смачниша. подтруниваетъ Антонъ.

— Господы! Щобъ то оце сказавъ нашъ покійный батько якъ бы вставъ зъ домовыны?! продолжаетъ сестра.

— Ничого не сказавъ бы. А отъ ты то наговорыла тры мишки гречанои вовны, уже сердито замѣчаетъ Антонъ.

Сестра не унимается: она чувствуетъ припадокъ слезъ и чтенія морали.

— Кожного зачепыть, зъ кожного насміеться! Нема тоби ни сорому, ни гриха. Зачипаешь дивчатъ, зачипаешь молодыцъ Господы! Що ты за людына! продолжаетъ сестра.

Антонъ теряетъ терпѣніе: онъ подходитъ къ сестрѣ и подставляетъ полу своего жупана, словно желаетъ собрать въ полу перлы морали, разсыпаемой сестрой.

— Сыпъ жару въ полу, сыпъ! говоритъ Антонъ не то сердито, не то шутя.

— Взявъ бы дочку въ щербатынського дяка тай жывъ бы, якъ жывуть люде, продолжаетъ сестра.

— Оту птаху съ полывянымъ носомъ? ядовито замѣчаетъ Антонъ.

— Ничого те, що въ неи гострый нисъ, за те-жъ у йіи батька волы, й коровы, и кони, и всякого добра. А помре ста-

рый, станешъ на его мисци за дяка. А ты все тыняесся по свиту, якъ одъ гилли одирваный (сорвавшійся съ висѣлицы). Де твои гроши, що берешь за службу? за витромъ пускаешь... А, Господы мылосердный! не говоритъ, а какъ то взвизгиваетъ сестра, хватаясь руками за голову, и въ ея глазахъ показываются слезы.

— Сыпъ, сыпъ, жару! Вже повный прыпилъ насыпала, сыпъ ще въ халяву, говоритъ Антонъ и руками растопыриваетъ передъ сестрой голенище.

— А, Боже мій! Що зъ тебе буде? Доки ты будешъ отакъ волочытысь по свиту? Швыдко посывіешь; подывысь лишень въ дзеркало—онъ на голови сывый волосъ уже свитыться! говоритъ уже со слезами сестра.

Слезы сестры окончательно раздражаютъ Антона; онъ присѣдаетъ передъ сестрою и отставляетъ воротникъ рубашки на затылкѣ.

— Насыпай ще жару за сорочку щобъ гирше дошкуляло. Оттакъ буде дошкульнише.

На лавкѣ молча сидитъ младшій братъ Антона—Иванъ. Природа слишкомъ не равномѣрно раздѣлила свои дары между братьями и сестрой. Сестра взяла у природы на свою долю слезы и практическій умъ, Антону достался въ удѣлъ смѣхъ, младшему брату Ивану—не досталось ничего: онъ почти идіотъ и, какъ большая часть идіотовъ, невообразимо самолюбивъ и гордъ; на его долю выпала только любовь къ физическому труду: онъ отличный работникъ и готовъ работать съ утра до ночи. Младшій братъ не выноситъ самаго вида Антона за его шутки и даже издѣвательство надъ нимъ. Насмѣшки Антона и комедіантство съ сестрою, слезы сестры—все это задѣваетъ за живое Ивана. Онъ вступается за сестру.

— Оттакъ винъ усе. Оттакъ винъ усе, начинаетъ свою рѣчь Иванъ, сидя на лавкѣ, въ него все жарты та смишкы; никого не слухае: сестра говорыть—винъ не слухае, я говорю—винъ не слухае.

— Щей цей почынае! На прыпилъ! Сыпъ жару ще въ другый прыпилъ! говоритъ Антонъ и подставляетъ другую полу своего жупана подъ носъ брата.

— Де ты гроши диваешь? продолжаетъ сестра: скилькы грошей берешъ, а ничого въ кишени не маешь! Ой Господы мылосердный! Тоби треба женытыся; пидуть диты; якъ ты будешь на свити жыты? говоритъ она со слезами на глазахъ и опять для чего-то хватаетъ свою голову въ обѣ руки и жметъ ее.

— Оттакъ винъ усе! Оттакъ винъ усе, щобъ хто не говорывъ ему! поддакиваетъ братъ.

Антонъ окончательно выходитъ изъ терпѣнія и выкидываетъ штуку въ отвѣтъ на осаждающую его съ двухъ сторонъ мораль: онъ начинаетъ играть роль человѣка, которому насыпали горячихъ углей въ голенища и за воротникъ рубахи.

— Ой, пече, пече, пече! Ой, насыпалы жъ мини жару за сорочку! Ой, ой, ой! Пече, пече, пече! Ой, тателе, мамеле! кричитъ Антонъ, прыгая по комнатѣ. Онъ дрыгаетъ ногами, точно ему въ самомъ дѣлѣ насыпали углей въ голенища; поводитъ спиной, точно она вся въ огнѣ, корчится, жмется, пищитъ, сычитъ какъ будто отъ боли. Сестра смотритъ на эту артистическую игру и, засмотрѣвшись, перестаетъ читать мораль. На ея скорбныхъ устахъ появляется что-то похожее на улыбку. Она въ отчаяніи только махнула рукой на Антона: пропалъ, молъ, на вѣки человѣкъ. Но самолюбивому брату недоступны эстетическія наслажденія, онъ продолжаетъ свою лекцію:

— Оттакъ винъ усе; сестра навчае, винъ не слухае; я говорю, говорю, а винъ мене не слухае, а винъ скаче; я навчаю, а винъ скаче!

— Щебъ пакъ такого дурня слухавъ! говоритъ Антонъ, онъ гляды лышъ своихъ дзвонивъ; давъ тоби батюшка посторонкы въ руки (веревки, которыми приводятъ въ движеніе языкъ колоколовъ), то й дзвоны! А ты й дзвоныть гораздъ незугарный.

Иванъ выходитъ изъ себя и соскакиваетъ съ лавки.

— Хто? Я дурный? Я не вмію дзвоныть? не кричитъ, а пищитъ онъ сиплымъ голосомъ.

— А вже жъ не вміешь, дразнитъ его Антонъ.

— Брешышъ ты: онъ люде кажуть, що нихто ще не дзвонывъ такъ гарно, якъ я! Отъ що! съ гордостью говоритъ Иванъ.

— Онъ подывысь лышень на свои дзвоны: голубы та горобци такъ ихъ побилылы, що воны сталы якъ глыняныки, а ты й не помыешь ихъ. Ты думаешь, що ты дзвонышь въ дзвоны, ты дзвонышь въ глыняныкы, отъ що! допекаетъ Антонъ брату.

— Я?.. Я дзвоню въ глыняныкы? Хто? Я?.. Я?.. прыщетъ Иванъ, задѣтый за живое. Онъ показываетъ Антону свой огромный мускулистый кулакъ, совсѣмъ непропорціональный его небольшому росту.

— Не вміешь! Создавъ тебе Господь та й каеться! бросаетъ Антонъ еще одну насмѣшку по адресу брата.

Иванъ трижды плюетъ въ сторону, отходитъ въ самый далекій уголъ комнаты, садится и отворачиваетъ свое мрачное лицо къ стѣнѣ, какъ дѣлаютъ сердитыя дѣти.

— Дзвоныть не вміе, а ще й надивъ на палець мидну каблучку, задѣваетъ Антонъ брата, замѣтивъ на его пальцѣ кольцо.

Этими словами Антонъ какъ будто припекъ Ивана горячими щипцами, онъ вскакиваетъ съ мѣста и бѣжитъ къ Антону.

— Мидну каблучку? Въ мене мидна каблучка? Ба! Брешышъ ты: це золота каблучка! Сама матушка казала, що це золота каблучка! Оттакъ винъ усе! пищитъ Иванъ.

— Та то матушка зъ тебе сміялась, прехладнокровно замѣчаетъ Антонъ.

— Сміялась... Оттакъ винъ усе! Я жъ кажу, оттакъ винъ усе. Матушка казала, що перстень золотый, а винъ каже мидный. Оттакъ винъ усе! Я кажу образы, а винъ каже, лубъя! Оттакъ винъ усе! шипитъ Иванъ, размахивая кулаками.

— Иване, якабъ то знайшлась дурна дивка, щобъ дала тоби оту каблучку, поддразниваетъ Антонъ брата.

— Пху, плюетъ Иванъ на середину комнаты и опять садится въ самомъ далекомъ углу.

Сестра Антона безмолвно смотритъ на эту сцену и въ отчаяніи машетъ рукой. Зять Антона слышитъ весь разговоръ изъ сосѣдней комнаты. Онъ знаетъ, что въ его домѣ собрались непримиримые элементы, въ родѣ: воды, огня и чего-то безвоздушнаго, невѣсомаго. Онъ понялъ, что настала пора вмѣшаться и какъ-нибудь хоть для формы примирить непримиримое.

Та годи вже вамъ жартувать! Давайте ще будемо дило робыть, говоритъ онъ, направляясь къ шкафу, вдѣланному въ уголъ комнаты въ видѣ трехугольника и размалеванному зеленой краской. Онъ отворяетъ шкафъ и беретъ съ полки флягу водки въ видѣ синяго стекляннаго медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ.

— А ходить лышень до цего видмидя! Може винъ дасть намъ меду, говоритъ зять, наливая по чаркѣ водки, настоянной на красномъ перцѣ.

Антонъ и сестра подходятъ къ медвѣдю. Чарка, очевидно, сближаетъ ихъ, но Иванъ неумолимъ и непримиримъ, на приглашеніе выпить чарку онъ плюетъ еще разъ и выходитъ на дворъ, хлопнувъ дверью.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, Иванъ отправляется въ Стеблевъ за покупками; онъ хотѣлъ сдѣлать себѣ новый костюмъ. Сестра поручила ему купить соли, свѣчей, постнаго масла, мяса. Иванъ прежде всего зашелъ въ лавку, чтобы взять матеріи на жупанъ. Еврей развернулъ передъ нимъ нѣсколько кусковъ. Иванъ выбралъ матерію и началъ торговаться. Вдругъ неожиданно въ лавку входитъ Антонъ. Не поздоровавшись съ Иваномъ, онъ вдругъ обращается къ еврею.

— А це що за чоловикъ въ тебе въ лавци? спрашиваетъ Антонъ.

— А хиба жъ вы не знаете? Це жъ вашъ братъ, отвѣчаетъ еврей, конечно, зная, что Антонъ любитъ пошутить.

— Якый братъ? Це якыйсь волоцюга, бродяга. А билетъ въ его йе? На що ты прыймаешь въ свою лавку безбилетныхъ? говоритъ Антонъ еврею.

— Мини все одно, кому ни продавать, чы мае хто билетъ, чы не мае, говоритъ еврей.

— А билетъ, чоловиче, маешь? обращается Антонъ къ Ивану: а якъ нема билета, то въ тюрму его! А чого ты ходышь въ Стебливъ безъ билета?

Иванъ возмущенъ до глубины души. Онъ смотритъ на Антона, не говоря ни слова, потомъ плюетъ, выходитъ изъ лавки и направляется къ своему селу, забывъ даже объ остальныхъ покупкахъ. Приходитъ онъ къ сестрѣ.

— А де жъ оце силь, свички, олія та мясо? спрашиваетъ сестра Ивана.

— Не купывъ, кричитъ Иванъ, въ лавку війшовъ Антонъ та причепывся до мене, що я прыйшовъ въ Стебливъ безъ билета. Я плюнувъ та й до дому махнувъ. Така мене досада взяла, така досада, що вже не знаю, що дали буде зо мною! Оттакъ винъ усе! Винъ мене колысь ззисть безъ соли!

Сестра начинаетъ „бидкаться", а потомъ плакать. Она выходитъ изъ комнаты, отчаянно махнувъ рукою. „Пропащіе вы оба" какъ будто выражаетъ она жестомъ свою затаенную мысль.

Долго еще шутилъ Антонъ съ дивчатами, долго ухаживалъ за ними. И вдругъ неожиданно онъ очутился въ цѣпяхъ Гименея. Антонъ отвезъ меня и брата въ Кіевъ послѣ Пасхи и, возвращаясь порожнякомъ, встрѣтилъ молодую вдову Настю. Она тоже возвращалась изъ Кіева въ Стеблевъ. Антонъ пригласилъ ее сѣсть въ бричку и привезъ домой. Настя была солдатка. Мужъ ея пропалъ безъ вѣсти. Съ этого времени она начала отчаянно ухаживать за Антономъ. Настя была не особенно красива, но очень симпатична съ своими темными небольшими глазами и тонкими устами, съ своей ласковой улыбкой. Она имѣла собственную хату и огородъ, была работящая, положительная женщина и отличалась тихимъ, мирнымъ характеромъ. Она любила людей веселаго нрава, а въ Стеблевѣ не было человѣка веселѣе Антона. Каждый вечеръ Настя дѣлала визиты Антону за нашимъ дворомъ, мыла ему бѣлье, приносила ему въ конюшню ужинъ: вареники въ сметанѣ, блины, мнышки и т. п. Антонъ не устоялъ—и въ одно воскресенье неожиданно была сыграна скромная свадьба. Антонъ оставилъ службу и перешелъ на жительство къ Настѣ. Мой отецъ вручилъ Настѣ половину жалованья Антона за все время его службы; онъ всегда выдавалъ на руки Антону только половину жалованья, зная его расточительность, и сохранялъ у себя другую половину про черный день. Антону теперь пришлось избирать себѣ родъ занятій. Мой отецъ посовѣтовалъ ему поступить на стеблевскую суконную фабрику. Онъ отослалъ его съ запиской къ директору фабрики. Директоръ зналъ характеръ Антона и былъ въ затрудненіи, къ

какой работѣ его приставить. Онъ зналъ, что, если поставить Антона у машины, то могло случиться, что или Антонъ подшутитъ надъ машиной и испортитъ ее, или машина пошутитъ надъ Антономъ, зацѣпивъ зубами его руку или ногу. Директоръ, наконецъ, рѣшилъ посадить Антона съ бабами „скубты вовну", т. е. разбирать руками мытую шерсть. Антонъ сѣлъ за эту бабью работу, какъ Геркулесъ за прялку у Омфалы, и началъ „скубты вовну". Работа при его веселомъ, подвижномъ темпераментѣ была для него невыразимо скучна. Антонъ началъ развлекать себя жартами.

— Бувъ я чоловикъ, а теперъ ставъ бабою. Ой бабкы! Чы нема въ которои зайвого очипка? говоритъ Антонъ, обращаясь къ бабамъ, глядить, щобъ завтра прынеслы мини очипокъ та хустку; я завяжусь, то люде скажуть, що й я баба. А то якось выходыть, нибы повный хливець овець, а мижъ нымы одынъ баранець.

И Антонъ вдругъ поворачиваетъ свой картузъ на головѣ козырькомъ назадъ: вышло нѣчто похожее на женскій очипокъ. Антонъ съ короткимъ носомъ, съ усами, съ большимъ козырькомъ на затылкѣ, уморителенъ. Онъ передразниваетъ очень дряхлыхъ старухъ: раскрываетъ ротъ, его нижняя губа свѣшивается внизъ и дрожитъ. Бабы смотрятъ на его штуки, конечно, бросаютъ работу и смѣются. Шутки Антона слѣдуютъ одна за другою. И у Антона, и у бабъ работа идетъ плохо. Результатъ работы вечеромъ оказывается значительно меньше нормальнаго. Директоръ вынужденъ отказать Антону въ этой работѣ. Онъ поручаетъ ему работу въ болѣе изолированномъ мѣстѣ фабрики. Но не долго прослужилъ Антонъ на фабрикѣ: работа ему кажется слишкомъ скучной. Онъ бросаетъ мѣсто и обращается къ болѣе интересному для него—крестьянскому труду. Но, кажется, его доброму генію—Настѣ часто приходилось работать за двоихъ. Не къ такому труду призванъ Антонъ. Жизнь сдѣлала крупную ошибку, толкнувъ Антона на этотъ путь.

Много утекло воды въ Роси; много утекло времени и кануло въ вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ женился Антонъ. Мнѣ часто приходилось проводить лѣтнія каникулы въ Стеблевѣ и

встрѣчаться съ Антономъ. Онъ остался такимъ, какимъ и былъ: неизмѣннымъ штукаремъ и юмористомъ. Семейная жизнь нисколько не измѣнила его веселаго, живаго характера, не измѣнила его любви къ „штука́рству"; онъ былъ по прежнему живъ, подвиженъ, веселъ, по прежнему говорилъ комплименты дивчатамъ, шутилъ съ молодыцями, чоловиками, евреями. Юморъ его по прежнему былъ неистощимъ, изобрѣтательность въ штукарствѣ безпредѣльна. Его подвижная, живая натура какъ будто заключаетъ въ себѣ какой-то неизсякаемый источникъ жизненности, веселости, смѣха и жарта, источникъ, брызжущій богатой струей, обильный, многоводный, вѣчно шумный, пѣнящійся. Природа заключаетъ въ себѣ вѣчный источникъ жизни и обновленія; но въ Антонѣ крылась не наша природа, замирающая зимою и обновляющаяся весною; въ немъ крылась природа тропическая, вѣчно юная, всегда цвѣтущая, всегда улыбающаяся и синими небесами, и неувядающими цвѣтами, и горячимъ дуновеніемъ вѣтровъ. Лѣтъ тридцать прожилъ Антонъ съ Настей при входѣ въ Круглыкъ, тонущій въ долинѣ, среди густыхъ садовъ и вербъ на левадахъ. Его старшій сынъ обучался сапожному мастерству и жилъ при немъ, занимаясь своимъ ремесломъ. Младшій сынъ учился въ стеблевской школѣ. Вдругъ неожиданно Настя простудилась, схватила горячку и умерла. Антонъ остался безъ хозяйки, да еще съ двумя сыновьями.

— А де, Антоне, Настя? спросилъ я Антона, встрѣтивъ его въ Круглыкѣ.

— Охъ, мое горе! Вмерла! говоритъ Антонъ, сложивъ руки накрестъ на груди и поднявъ глаза къ небу по образу кающейся Магдалины. Поза эта была искусственно комическая. Къ другимъ позамъ Антонъ неспособенъ. Изъ груди его, однако, вырвался сильно подавленный вздохъ—теперъ якъ не оженюся, то въ Риси утоплюся, шутилъ Антонъ по прежнему.

— Де жъ вы теперъ знайдете соби жинку? спрашиваю я.

— И въ цилому Стеблеви нема такои Мелегеріи Султановны, якои мини треба, отвѣчаетъ Антонъ, прыйдеться выпысать зза гряныци якусь Мелектрысу Кырбытьевну

— А хто-жъ вамъ теперъ варыть обидъ та вечерю?

— А хто-жъ варыть? Я та сынъ; варымо вдвохъ, отвѣчаетъ Антонъ.

— Якъ же вы вдвохъ варыте одынъ борщъ? спрашиваю я.

— А такъ: сынъ чоботы шые, а я борщъ варю, отвѣчаетъ Антонъ.

Я невольно припомнилъ горемычную судьбу отставныхъ актеровъ и артистовъ, судьбу этой богемы, послѣ беззащитнаго цыганскаго скитальчества. Антонъ положительно подходитъ подъ эту категорію артистовъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Въ 1889 г. мнѣ опять пришлось проводить лѣтнія каникулы въ Стеблевѣ. Я снова встрѣтилъ Антона въ очень оригинальной обстановкѣ. Въ Стеблевѣ собирались строить новую колокольню. Верхъ старой колокольни былъ сломанъ. Снимали большой колоколъ. Несмотря на горячую рабочую пору, въ „цвынтарѣ" собралось много народа; старики и дѣти пришли изъ любопытства, чоловикы и парубкы явились, чтобы оказать услуги при снятіи стопудоваго колокола. Явился и Антонъ Андреевичъ, конечно, больше изъ любопытства, чѣмъ изъ желанія помочь мастеровымъ. Сняли полы въ среднихъ этажахъ и по блокамъ спустили колоколъ въ нижній этажъ, поставивъ его на двухъ толстыхъ бревнахъ, положенныхъ въ дверяхъ колокольни. Бревна, положенныя горизонтально, подняли съ одного конца, наклоняя ихъ къ выходу. Колоколъ медленно и важно подвигался изъ дверей на дворъ по покатости.

— Якъ важно йиде, неначе стара барыня йиде въ кареті, щобъ іи не струсыло, замѣчаетъ Антонъ.

Колоколъ скатился на траву.

— Тпру! кричитъ Антонъ.

Свалили на бокъ колоколъ, привязали къ его ушамъ толстыя веревки и начали катить по землѣ къ утвержденной на двухъ столбахъ перекладинѣ, на которой предполагалось временно его повѣсить. Люди облѣпили колоколъ, какъ мухи; за веревки схватились сотни рукъ. Возлѣ самаго колокола, взявшись за веревку, стояли рядами чоловики, впереди нацѣплялись мальчики. Поднялся крикъ, шумъ.

— Ну, разомъ! Ну, разомъ! командовалъ мастеръ.

Все, что было живаго на помостѣ, зашумѣло, „заворушилось", пришло въ движеніе. Антонъ схватилъ предлинный дрючокъ, сталъ позади этой толпы, поднялъ дрючокъ и подгоняетъ толпу, напоминающую массу египтянъ, занятыхъ перевозкою громадныхъ камней для постройки пирамидъ, какъ изображаютъ это на картинахъ.

— Гей, сирый! Цабе безрогый! Чого ты оттягаесся! Собъ, собъ, собъ! кричитъ Антонъ, играя роль приставника фараонова при строеніи пирамидъ.

— Що жъ ты насъ поганяешь, а самъ не везешь? нарекаетъ староста, а запрягайся лышень и самъ.

Антонъ бѣжитъ впередъ, вмѣшивается въ толпу и берется за веревку. Вдругъ веревка рвется и цѣлый рядъ людей какъ по командѣ валится на землю; Антонъ падаетъ вмѣстѣ съ другими. Раздался неудержимый хохотъ. Всѣ встали на ноги, но хохотъ все продолжается. Я подхожу къ мѣсту катастрофы. Смотрю, Антонъ лежитъ на спинѣ и дрыгаетъ руками и ногами, какъ гусь, перекинутый на спину.

— Тытаръ! Доктора! Давай доктора! Ой убывся! Ой умру! Зъ дзвона впавъ! вопіетъ Антонъ.

— Хиба ты зъ дзвиныци впавъ, що до тебе треба доктора? Ось я тоби дамъ такихъ ликивъ, що и самъ схопысся, говоритъ тытарь, замахиваясь на Антона предлиннымъ дрючкомъ.

Антонъ вскакиваетъ на ноги съ живостью мальчика, которому погрозили розгой. А между тѣмъ въ это время Антону Андреевичу исполнилось 63 года. Онъ значительно уменьшился въ объемѣ, порядочно высохъ. На его шеѣ замѣтны сухія жилы, точно шнурки. Вся его шея похожа на пучокъ шнурковъ, обтянутыхъ кожей. На головѣ замѣтна небольшая лысина. Руки и ноги стали сухія, жилистыя. Бѣлые зубы пожелтѣли. Но Антонъ по прежнему обнаруживаетъ живость, ловкость, проворство молодаго школьника. Глаза его свѣтятся и блестятъ. Станъ не согнулся. Волосы едва, едва начинаютъ сѣдѣть. Онъ остритъ и шутитъ по прежнему, но изобрѣтательность шутокъ уже не прежняя; она, видимо, угасаетъ; съ дивчатами онъ совсѣмъ не

шутитъ: колчанъ его стрѣлъ, видимо опустѣлъ, онъ уже повыбросилъ ихъ оканчательно; къ молодыцямъ онъ пристаетъ рѣже. Часто онъ повторяетъ давнія шутки, словно заученныя фразы. Но огонь юмористическаго творчества далеко еще не угасъ въ немъ, и какая-то муравьиная живость и подвижность еще кипитъ въ немъ: онъ далеко не смотритъ еще старикомъ. Того-же года въ одинъ тихій, ясный вечеръ въ концѣ іюля я отправился гулять въ Круглыкъ, самую поэтическую часть села, расположенную въ долинѣ, тонущую въ старыхъ садахъ. Побродивъ по дорожкамъ, вьющимся по левадамъ и садамъ, я возвращался назадъ улицею. Медленно шелъ я къ выходу изъ Круглыка мимо любимой мною усадьбы стараго Терешка, которую съ дороги рамкою охватывали столѣтнія вербы. Эти вербы были громадны еще лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда я въ дѣтствѣ гулялъ подъ ними. Срубленныя нѣсколько разъ сверху, онѣ стали похожи на рядъ высокихъ кадокъ или бочекъ расширенныхъ кверху, охваченныхъ сверху вѣнцами толстыхъ, какъ настоящія деревья, стволовъ, выросшихъ изъ молодыхъ побѣговъ. Между этими верхними столбами на каждой старой вербѣ можно улечься человѣку, поджавъ немного ноги и спокойно спать ночью. На срубленныхъ мѣстахъ зеленѣлъ мохъ, какъ на скалахъ, росло зеленое *бадылля*, какъ на землѣ. Между этими патріархами-вербами блеститъ въ узкой долинѣ зеленая левада, словно разостланное свѣтло-зеленое сукно. Левада обрамлена съ другой стороны—у подошвы холма кустами калины; калина вьется гирляндой и будто горитъ, вся покрытая красными кистями ягодъ, словно гирлянда, сплетенная изъ красныхъ и зеленыхъ лентъ и цвѣтовъ, брошенная на нѣжную зеленую траву. Среди левады блеститъ въ „крыныци“ вода почти на одномъ уровнѣ съ землею. На холмѣ за калиною высится старый садъ, какъ зеленая туча, а изъ сада выглядываютъ колонки крыльца бѣлой красивой хаты Терешка. Медленно шелъ я по этой чудной аллеѣ патріарховъ вербъ, впивая въ себя влажный, пахучій, чистый воздухъ, наслаждаясь тишиною, миромъ, которымъ вѣяло въ этомъ пышномъ уголкѣ. Воспоминанія дѣтства роемъ проносились предо мною, словно веселыя ласточки порхали съ зеленой густой

листвы вербъ. Я погрузился въ воспоминанія прошлаго и задумался. Вдругъ слышу въ концѣ аллеи, на густомъ холмикѣ, надъ маленькимъ прудкомъ стоитъ фигура въ оригинальной позѣ фигуръ на монументахъ: одна нога важно отставлена впередъ, одна рука молодецки взялась за бокъ, другая поднята выше головы и какъ бы осѣняетъ голову. Противъ краснаго фона заката фигура казалась чернымъ силуэтомъ какого то монумента, случайно поставленнаго въ этомъ пышномъ захолустьѣ. Монументъ чудно шелъ къ выходу по этой стародавней аллеѣ.

— Что за оказія! думаю я, ни мужику, ни еврею и въ голову не придетъ стать въ подобной позѣ; пьяный тоже не можетъ сдѣлать такихъ эффектныхъ закорючекъ руками и ногами...

Я остановился въ недоумѣніи. Подхожу ближе къ фигурѣ, фигура двигается, дѣлаетъ мнѣ подъ козырекъ. Я сейчасъ догадался, что на холмикѣ стоялъ Антонъ: онъ всегда привѣтствуетъ меня этимъ жестомъ. Позу монументальную Антонъ, вѣроятно, укралъ съ обложки московскаго календаря, съ изображеніемъ памятника Минину и Пожарскому. Я невольно улыбнулся.

— Добри-вечиръ вамъ! сказалъ Антонъ.

— Доброго здоровья! Чого це вы? А я васъ здалеки и не пизнавъ, говорю я Антону.

— Отъ скильки разивъ гуляете въ Круглыку, а въ мою хату и не зайдете, говоритъ Антонъ, указывая на перелазъ въ свою усадьбу; воротъ, конечно, не было, какъ не было возлѣ хаты и двора.

Мы перешагнули черезъ низенькій перелазъ. Усадьба Антона оказалась небольшою; хата была старая, невысокая; вокругъ хаты, буквально, ни кола, ни двора. Вездѣ зеленѣлъ зеленый густой *шпорышъ*, какъ зеленое руно. Въ углу противъ хаты стояла небольшая „повиточка". За хатой торчало нѣсколько старыхъ вишень. „Соловьемъ залетнымъ" пролетѣла и юность, и жизнь этого оригинальнаго человѣка. Онъ не свилъ себѣ прочнаго гнѣзда.

Антонъ пригласилъ меня въ хату. Хата старенькая, низенькая, но не тѣсная. Чистота въ хатѣ образцовая. Въ печкѣ

„палае“ сухой „трусокъ“. Возлѣ печки занята печеніемъ блиновъ на сковородѣ Антонова невѣстка—небольшаго роста, молоденькая, повязанная новою хусткою въ цвѣтахъ. Она красавица; черты лица правильныя; лицо матовое, глаза чудные, молдавскіе, темные, блестящіе, большіе и нѣсколько продолговатые. Вкусъ къ красотѣ и изяществу Антона сказался въ его сынѣ. Я сѣлъ у стола и началъ разговоръ съ Антономъ и его невѣсткой то о томъ, то о другомъ.

— Отъ теперъ я вже не варю самъ борщу! Хвалыть Бога невистку маю, сказалъ Антонъ, тильки шкода, що хата моя мала; оце думаю зибрать бабивъ зъ усего Круглыка, куплю имъ могарыча та поставлю кругомъ печи, може обипруться рукамы объ пичъ та й посунуть іи въ сины, а я перегорожу хату, та й буде для мене кимната.

— Глядить лышень, щобъ бабы часомъ не побылысь, якъ зберуться на могарычъ, возразилъ я на его шутку.

— Може й выйде такъ якъ спиваають въ колядци:

„Ой пишлы бабы колядуваты,
Наколядувалы кышокъ
Ажъ повный мишокъ,
А кышкы дмуться,
А бабы бьються.
Рачкы—дынды,
Гречъ—по колинця
завшынды“.

процѣлъ Антонъ шуточную колядку, какъ комическіе куплеты, искоса посматривая на красавицу-невѣсту и, очевидно, дѣлая намекъ на что-то.

— На що ви печете млынци? Сегодня жъ, здаеться, не Меланки? спросилъ я Антона.

— Хочъ не Меланкы, а було щось таке, якъ Меланкы, промолвила невѣстка Антона, видимо, не совсѣмъ довольная импровизированными Меланками, т. е. заданною ей работою угощать гостей блинами. Въ ея словахъ отзывалась раздражительность нервной женщины.

— Та то, бачте, до мене сегодня зійшлися гости: трапилась оказія: обродинилась наша кишка. Та це я й накликавъ

гостей на родыны, началъ Антонъ рѣчь, по обыкновенію въ штукарскомъ тонѣ.

— Хто жъ це въ васъ бувъ въ гостяхъ? спросилъ я Антона.

— Та було ихъ чимало, сказалъ Антонъ и, растопыривъ пять пальцевъ лѣвой руки, началъ считать гостей по пальцамъ, пригибая указательнымъ перстомъ пальцы лѣвой руки: бувъ Георгъ, аглыцькій милордъ, бувъ Бова Королевичъ, бувъ Еруслан Лазаревичъ, булы рыпыця та копыця зъ глекомъ макитровычомъ, була й немята шкура, бувъ и старый шкарбанъ зъ гилкою, бувъ смердячый одудъ зъ своею посмитюхою; булы й усяки молодыци: були Мелегерія Султановна, були й Мелекрыса Кирбытьевна, були й недопечена перепичка, була й недопечена пампушка, була й та, що однымъ окомъ дывыться на стелю, а другымъ на помыйныцю, була й та птаха, що ротомъ дыше, а носомъ свыстыть, тянулъ Антонъ, перечисляя интересную коллекцію своихъ гостей.

— Де жъ воны помистылысь въ васъ, колы ваша хата така тисна? спросилъ я Антона.

— Одни на лави, а якъ выпылы, то й опынылысь пидъ лавою; одни на полу, други пидъ поломъ—то й усимъ мисця стало.

— А де жъ вы посадылы ту особу, що ротомъ дыше, а носомъ свыстыть? Мабуть, за столомъ на покути пидъ образамы? спросилъ я Антона.

— Сыдила на покути за столомъ, а потимъ чогось опынылась пидъ столомъ, говорилъ Антонъ.

— Чымъ же вы теперъ жывете? спросилъ я Антона.

— Божымъ духомъ жыву: служу въ мищаньски, чы то такъ, въ жыдивськи управи за розсыльного за 25 карбованцивъ у рикъ. Якось жывемо и хлибъ жуемо, и горилочку пьемо, покы сторчака въ сыру землю не дамо.

— Мабуть до васъ не швыдко надійде той сторчакъ. Прыйдеться ще довго кыдать въ ротъ чарку—якъ шапку, говорю я.

— Пошлы Боже! Про це нема що казаты. Дай Боже! воскликнулъ Антонъ.

Я понялъ этотъ намекъ...

— Чы то правда, що кажуть, ни бы вже вмеръ Өеофанъ Гаврыловычъ Лебединцевъ? неожиданно спросилъ Антонъ Андреевичъ.

— Вмеръ; а хиба-жъ вы его зналы? спросилъ я.

— Знавъ. Я зъ нымъ разомъ вчывся въ першому класси въ Богуслави, отвѣчаетъ Антонъ.

— Що-жъ? Чы дружылы вы? Чы булы блызьки одынъ до другого? спросилъ я Антона.

— Булы дуже блызьки: винъ бувъ першимъ ученыкомъ, а я остатнимъ. Кажуть, винъ выйшовъ въ велыки паны, а мини довелось конямъ хвосты крутыть, отвѣчалъ шуткою Антонъ.

Жартъ Антона навелъ меня невольно на грустныя размышленія. На Руси многимъ и многимъ талантамъ приходится чуть не хвосты конямъ крутить. Еще знаменитый живописецъ Айвазовскій, какъ извѣстно, уроженецъ Крыма, замѣтилъ въ своей автобіографіи, что на югѣ Россіи таланты чуть не валяются на улицахъ и, прибавимъ мы, некому ихъ подбирать. Антонъ Андреевичъ Радивиловскій сильный комическій талантъ—самородокъ. Въ его жартахъ, въ его штукарствѣ, положимъ, много школьничества, но Антонъ былъ въ школѣ всего полгода и не могъ впитать въ себя всей этой премудрости школы. Было ему 20 лѣтъ, когда онъ появился въ Стеблевѣ. (До того времени онъ проживалъ то у отца, то у родичей въ селахъ подъ Каневомъ). 43 года прожилъ онъ въ Стеблевѣ. 43 года забавлялъ онъ Стеблевъ своими шутками и жартами. Эта способность не угасла въ немъ въ 63 года жизни. Школьничество не такъ живуче. Способность играть всевозможныя комическія роли, изобрѣтательность въ жартахъ, шуткахъ показываютъ кроющійся въ немъ сильный комическій талантъ, погибшій въ безвѣстности и глуши, той самой глуши пышной, отѣненной богатыми садами, изъ которой случайно выпорхнулъ соловьемъ на Божій свѣтъ геній Шевченка. Случись это съ Антономъ, не однѣ стеблевскія дивчата та молодыци хохотали бы до слезъ, забавляясь его жартами. Случись это, быть можетъ, былъ бы замѣтенъ и край, который выростилъ и напоилъ своимъ воздухомъ эту ори-

гинальную личность, въ которомъ разцвѣталъ этотъ своеобразный природный талантъ; можетъ быть, были бы замѣчены и тѣ чудные глаза, которые чаровали и вдохновляли его. Посадить ли Антона на Олимпъ или нѣтъ? Вопросъ оставляю открытымъ. Олимпъ сердитъ на насъ еще со временъ Котляревскаго. Еще Котляревскій допекъ олимпійцамъ своими жартами... и вдругъ Антонъ тамъ ляпнетъ шутку какому нибудь богу, назвавъ его: „одставнои козы барабанщикомъ“ и какую нибудь „божыцю“ назоветъ „тіею птахой, що курчатъ хапае“. Цуръ имъ тымъ богамъ и божыцямъ! Я лучше воротилъ бы Антона въ давнюдавныну: посадилъ бы его въ запорожской Сѣчи за писарскій столъ; онъ не уступилъ бы въ шуткахъ своему предшественнику, написавшему знаменитое посланіе къ турецкому султану, обозвавъ его въ шутку „іерусалимскимъ пивоваромъ, антіохійскимъ свинопасомъ и нашего Бога дурнемъ“, Антонъ Андреввичъ Радывыловскій съумѣлъ-бы настрочить султану такое посланіе, отъ котораго султанъ съ своимъ причтомъ крутилъ-бы носомъ до самой смерти.

Изъ современниковъ Антона Радивиловскаго мнѣ извѣстны еще два штукаря—юмориста. Ихъ шутки, ихъ юморъ были совершенно такого же свойства, какъ и шутки Антона. Это были люди одного юмористическаго, штукарскаго типа съ Антономъ, были его двойники, но оба они не имѣли той необыкновенной живости, подвижности, той изобрѣтательности въ штукахъ, какой отличался Антонъ. Одинъ изъ нихъ состоялъ чиновникомъ въ г. Васильковѣ, а потомъ перешелъ на службу въ Кіевъ, другой былъ чиновникомъ, кажется, въ м. Корсунѣ и скоро тоже порешелъ на службу въ Кіевъ. Ихъ шутки были направлены на всѣхъ: на крестьянъ, евреевъ, провинціальную интеллигенцію и, впослѣдствіи, на кіевскихъ мѣщанъ и мѣщанокъ, но оба эти штукаря блѣднѣютъ отъ сопоставленія съ Антономъ, и потому я о нихъ говорить не буду.

Кромѣ штукарей въ это не такъ давнее время, т. е. въ сороковыхъ годахъ, на моей родинѣ выдвигались люди иного типа, не менѣе оригинальные; это были—*чуднари*, т. е. чудаки, получившіе извѣстность своимъ *чуднарствомъ* (чудачествомъ) и

чудернацтвомъ (странностями). Одинъ изъ нихъ, напр., человѣкъ очень умный и образованный, жилъ какимъ то аскетомъ: ѣлъ у себя дома постоянно одно блюдо за обѣдомъ, гостей у себя никогда не принималъ и въ гостяхъ нигдѣ не бывалъ, велъ жизнь уединенную, запершись въ своей комнаткѣ съ книгами. Его комната напоминала келью подвижника; въ ней стояла кровать, столъ и одинъ стулъ. Для своего удовольствія онъ выкормилъ и приручилъ орла. Орелъ выросъ и расхаживалъ по двору, какъ индюкъ, но зато немилосердно истреблялъ куръ и утокъ и въ его дворѣ, и въ сосѣднихъ дворахъ. На просьбы жены, на заявленія сосѣдей онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, пока догадливые сосѣди не убили орла кольями, тогда онъ выкормилъ и приручилъ не столь хищныхъ птицъ—вороновъ; но и вороны перетаскали всѣхъ цыплятъ у сосѣдей, за что ихъ постигла такая же кара, какъ и орла. Этотъ *чударь* отличался страшною настойчивостію и упорствомъ, Убѣжденія и просьбы только раздражали его и сердили. Другой извѣстный мнѣ чударь представлялъ совершенную противоположность первому. Тихій, кроткій, добрый, простодушный онъ во всю свою долголѣтнюю жизнь никогда не сердился. Никто не слыхалъ, чтобы онъ сказалъ кому нибудь непріятное слово; никто не помнитъ ни малѣйшей вспышки или сильнаго возбужденія съ его стороны. Онъ никогда не сидѣлъ дома, вѣчно проводилъ время въ гостяхъ и являлся въ домъ только для того, чтобы пообѣдать, поужинать и переночевать. Въ молодости онъ отправился по какому то дѣлу въ Бессарабію и увлекся странствованіемъ. Забывъ о женѣ и дѣтяхъ, онъ пустился путешествовать и прошелъ пѣшкомъ отъ устья Дуная до калмыцкихъ степей астраханской губерніи, или же, какъ онъ выражался, „дойшовъ до каламукивъ". Объ этихъ странствованіяхъ, особенно же о каламукахъ, онъ любилъ разсказывать при всякомъ удобномъ случаѣ. На свое хозяйство онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. У него все было въ безпорядкѣ; лошадей воровали у него чуть не каждый годъ, что, повидимому, нисколько его не возмущало; но за то онъ страстно любилъ голубей и развелъ ихъ въ своемъ дворѣ цѣлыя тучи, никому не позволяя ихъ ис-

треблять или же употреблять на жаркое. Въ каждый великій постъ онъ непремѣнно писалъ писанки, самъ изобрѣталъ узоры, цвѣты, самъ приготовлялъ матеріалъ для крашенія писанокъ. Писанки онъ писалъ дивныя! И писалъ онъ ихъ чуть не сотни съ несвойственною ему усидчивосттю. Если бы ему въ руки случайно попали кисть и мольбертъ, изъ него, безспорно, вышелъ бы живописецъ. На 80-мъ году своей жизни ему вздумалось изобрѣтать perpetuum mobile, и онъ принялся за это дѣло тоже съ несвойственною ему усидчивостью: постоянно что то строгалъ, пилилъ, точилъ, дѣлалъ колеса, соединялъ ихъ на всѣ лады. Вотъ машина уже окончена. Онъ даетъ ей толчекъ, колеса покрутятся, повертятся да и станутъ; тогда онъ или передѣлываетъ ее, или начинаетъ строить новую. Этой сизифовой работой онъ занимался до самой смерти, постигшей его на 91 году жизни. Многія „чудернацтва" этихъ чуднарей сильно напоминаютъ странности извѣстнаго малорусскаго писателя конца XVIII в.—Григорія Савича Сковороды или, во всякомъ случаѣ, сильно отзываются *сковородынщиной*. Безспорно, чудачеству свойственно человѣческой природѣ: всякіе чуднари и мономаны, которые доходили „до каламукывъ" всегда были и существуютъ и въ наши времена, но доброе старое время особенно изобиловало ими.

Иванъ Левицкій.

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1])

До сихъ поръ мы говорили о нуждахъ духовныхъ лицъ, касавшихся ихъ преимущественно, какъ служителей церкви, теперь обратимся къ тѣмъ нуждамъ, гдѣ духовенство выступаетъ, главнымъ образомъ, какъ сословіе. Въ этомъ смыслѣ весьма интересными для характеристики духовенства представляются его жалобы на униженіе въ государствѣ положенія духовнаго сословія, несмотря на то, что по Л. Статуту оно должно пользоваться всѣми правами, присвоенными „знатному" малороссійскому шляхетству. Конечно, упадокъ уваженія къ сословнымъ правамъ духовенства очень огорчаетъ составителей пунктовъ, а заботы о доказательствахъ правъ духовенства на шляхетское званіе занимаютъ въ пунктахъ такое же положеніе, какъ и заботы шляхетства о дворянствѣ въ наказахъ, потому что съ разрѣшеніемъ вопроса о принадлежности духовенства къ шляхетскому званію въ томъ или иномъ смыслѣ были сопряжены для него очень важныя послѣдствія въ области правъ сословныхъ, личныхъ и имущественныхъ. Опредѣлить, какимъ родомъ правъ—шляхетскихъ или иныхъ—должно пользоваться духовное сословіе было весьма важнымъ дѣломъ и потому кіевскіе пункты начинаются именно этимъ вопросомъ. Во второмъ пунктѣ авторы представляютъ Синоду, что малороссійскіе духовнаго чина люди искони, еще съ той поры, когда Малороссія входила въ составъ княжества литовскаго, и до самаго послѣдняго времени пользова-

[1]) „Кіевская Старина", 1890, 11.

лись правами шляхетства наравнѣ съ *чиновными* людьми шляхетскаго званія; что основаніе такому порядку вещей находится и въ привилегіи Сигизмунда Августа отъ 1569 г. и въ Л. Статутѣ, полагающемъ за обиды и безчестье лицъ духовнаго званія такія жъ взысканія, какъ и за шляхтичей. На тѣ же шляхетскія права духовенства указываетъ и 3-й пунктъ черниговской епархіи, утверждающій, между прочимъ, что по договору 1654 г. украинскимъ духовнаго чина людямъ предоставлено пользованіе шляхетскими вольностями. Въ такомъ же родѣ высказались и авторы переяславскихъ пунктовъ, такъ что по этому вопросу ни въ самыхъ пунктахъ, ни въ наказахъ остальныхъ сословій, ни въ общемъ прошеніи всѣхъ депутатовъ не встрѣчается никакихъ разномыслій. Свѣтскія сословія, ходатайствуя о подтвержденіи малорусскому народу всѣхъ его правъ и вольностей, имѣли въ виду и духовенство, а больше всѣхъ заинтересованное шляхетство нигдѣ не высказалось, чтобы оно имѣло что нибудь противъ присвоенія духовенству правъ шляхетскаго званія. Желанія духовенства въ отношеніи его сословныхъ правъ состояли въ томъ, чтобы узаконить „всѣмъ малороссійскаго духовнаго чина людемъ, и ихъ женамъ, и дѣтямъ ихъ, по прежнему считатись и быть въ равенствѣ съ свѣтскими чиновными шляхетнаго чина людьми. . . . . и прежними свободами, вольностями, обычаями, правами и привилегіями пользоватись.“ Заявивши претензію на право шляхетства и не считая, вѣроятно, ссылки на древнія привилегіи достаточной для подтвержденія желаемыхъ правъ, кіевское духовенство взяло на себя трудъ доказать, что оно, независимо отъ привилегій, по самому существу своего чина и исполняемыхъ обязанностей, не можетъ стоять наравнѣ съ мужиками, но только съ чиновнымъ шляхетствомъ.

Могутъ-ли лица духовнаго званія—разсуждало кіевское духовенство—быть мужиками, когда ихъ обязанности состоятъ въ священнослуженіи, въ молитвахъ о Высочайшихъ особахъ, въ проповѣдяхъ слова Божія, въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, требъ и пр., и наконецъ, въ отправленіи протопопами и намѣстниками государственныхъ и судебныхъ дѣлъ? Конечно нѣтъ. Эти обязанности сами по себѣ настолько высоки и священны,

что исполнители ихъ никоимъ образомъ не могутъ занимать послѣдняго положенія въ государствѣ, что же касается духовныхъ лицъ, занимающихъ судебныя и административныя должности, то они отправляютъ такую же государственную службу, какъ и свѣтскіе старшины, и потому должны пользоваться одинаковыми съ ними правами. Въ проводимой духовенствомъ идеѣ о соотвѣтствіи правъ несомой въ пользу государства службы для XVIII вѣка было очень много вѣрнаго: если шляхетство пользуется своими правами за свою воинскую и гражданскую службу, то почему же ему, духовенству, не пользоваться тѣми же правами за свою службу на благо того же государства? Хотя духовенство разсуждало правильно, однако жизнь не оправдывала его теоріи и оно въ томъ же пунктѣ жаловалось, что служба священниковъ стала вмѣняться ни во что, что представителямъ ея приходится претерпѣвать многочисленныя нарушенія вольностей и переносить поруганія и обиды „хуже самыхъ мужиковъ и раскольниковъ," между тѣмъ какъ—замѣчаетъ о себѣ духовенство—оно изъ числа свѣтскихъ *чиновныхъ* шляхетнаго чина людей никогда исключаемо не было и съ худородными, неимѣющими никакого званія и съ посполитыми людьми никогда сравниваемо не было [1]). Если, такимъ образомъ, желаніе быть равноправными съ „чиновными шляхетными людьми" духовенство основывало на своей службѣ, то желаніе пользоваться всей совокупностью шляхетскихъ правъ мы объясняемъ ничѣмъ инымъ, какъ незамкнутостью духовнаго сословія, вслѣдствіе чего ряды духовныхъ пастырей пополнялись свѣтскими лицами и наоборотъ многія дѣти духовныхъ вступали въ гражданскую и военную службу (козачество). При такомъ порядкѣ вещей духовенство не отличало себя въ отношеніи политическихъ и имущественныхъ правъ отъ другихъ свободныхъ сословій; его экономическій и соціальный укладъ жизни былъ построенъ такъ-же, какъ и шляхетства, за исключеніемъ, конечно, небольшихъ особенностей, сообщаемыхъ характеромъ службы.

Бѣлое духовенство и не желало для себя ничего лучшаго, какъ этого равенства, однако оно имъ не пользовалось. Мы

---

[1]) Сб. Р. И. И. О. т. 43-й, стр. 435.

слышали уже его жалобы на униженіе его, какъ сословія, но въ особенности было много жалобъ на стѣсненія въ жизни экономической. Самымъ виднымъ такимъ стѣсненіемъ, объ отмѣнѣ котораго горячо хлопотали пункты, былъ извѣстный указъ 1728 г. о запрещеніи духовенству покупать и иными способами пріобрѣтать козачьи грунты. Имѣя въ виду обезземеленіе малороссійскаго козачества, упомянутый указъ поставилъ духовенство въ самое тяжелое экономическое положеніе: дѣло въ томъ, что въ земледѣльческой по преимуществу Малороссіи земля являлась, какъ и теперь для многихъ является, главнымъ источникомъ средствъ къ жизни; если же принять во вниманіе, что вознагражденіе пастырей за требы бывало крайне скудное и что дѣти священниковъ не всегда получали „жребій священства,“ а уходили въ козаки, поступали въ гражданскую службу или даже оставались безъ всякой профессіи, то ограниченіе ихъ въ правѣ пріобрѣтенія у козаковъ грунтовъ оказывалось для нихъ крайне невыгоднымъ. Кромѣ того, здѣсь была несправедливость и въ томъ отношеніи, что переходъ земель духовенства въ руки лицъ другаго сословія былъ оставленъ въ прежней силѣ и, слѣдовательно, земли духовенства умалялись продажей, отдачей въ даръ, въ приданое и проч., но не могли увеличиваться. Духовенство жаловалось, что, благодаря этому указу, оно такъ обѣднѣло, что не можетъ должнымъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей, а съ другой стороны тѣ изъ его сыновей, которые успѣваютъ окончить ученіе въ кіевскихъ школахъ, предвидя свое убогое положеніе въ качествѣ священника, не рѣшаются вступать въ это званіе и только неспособные найти другія средства къ жизни принимаютъ священство. Въ силу упадка матеріальнаго положенія духовенства, по изъясненію послѣдняго, происходитъ вредъ и для церкви, такъ какъ она лишается просвѣщенныхъ священниковъ и достойныхъ и искусныхъ проповѣдниковъ, способныхъ своимъ словомъ и жизнью подавать спасительные примѣры паствѣ. Ограниченіе въ правѣ пріобрѣтенія грунтовъ имѣло для духовенства еще одну невыгодную сторону—оно ставило его въ зависимость отъ богатыхъ пановъ, старшинъ, вообще землевладѣльцевъ, удѣлявшихъ отъ щедротъ своихъ ему пользованіе

земельными участками. Если бѣдность лицъ духовнаго званія и теперь дурно отражается на сознаніи ими важности своего долга, то въ прошломъ вѣкѣ зависимость священниковъ отъ владѣльцевъ земель имѣла еще худшія послѣдствія. Такъ, напримѣръ, въ кіевскихъ пунктахъ есть жалобы, что многіе владѣльцы дошли до такой дерзости, что по своей прихоти назначаютъ время той или другой службы, приказываютъ медлить началомъ и спѣшить окончаніемъ, почему бываютъ случаи, что литургія, вопреки правилъ св. отцевъ, отправляется и послѣ полудня, а народъ, занятый хозяйственными нуждами, остается безъ удовлетворенія своего религіознаго чувства. Иные изъ пановъ поступали еще хуже—они запирали церкви своими замками и не допускали священниковъ до своего прихода, строптивыхъ изъ нихъ наказывали и, если могли, отрѣшали отъ приходовъ. Экономически зависимое духовенство вынуждено было терпѣть свои невзгоды; особенно же плохо приходилось священническимъ вдовамъ и сиротамъ, остававшимся послѣ смерти отцевъ и мужей безъ земли и безъ всякихъ средствъ къ существованію и иногда попадавшимъ въ подданные къ владѣльцамъ тѣхъ селъ, гдѣ мужъ или отецъ ихъ состоялъ священникомъ. Владѣльцы привлекали такихъ беззащитныхъ вдовъ и сиротъ, какъ своихъ подданныхъ, къ своему суду и расправѣ, почему духовенство и просило подтвердить, чтобы вдовы и дѣти священнослужителей, первыя по смерть, а вторыя—дочери до замужества, а сыновья до вступленія на службу—пользовались всѣми шляхетскими правами, а въ отношеніи суда и расправы вѣдались духовнымъ начальствомъ. Вообще духовенство было крайне недовольно указомъ 1728 г. и какъ на основаніе для его отмѣны, между прочимъ, указывало на то обстоятельство, что такъ какъ грамотой Елизаветы Петровны Малороссіи подтверждены всѣ ея права и вольности въ старыхъ предѣлахъ, то свѣтскія власти Малороссіи неправильно поступаютъ, поддерживая въ силѣ запрещеніе духовенству пріобрѣтать грунты и принимать ихъ на церкви.

Что касается монастырей, то они также стояли за отмѣну указа 1728 года. Нужно замѣтить, что всѣ монастыри въ 60-тыхъ годахъ прошлаго вѣка переживали тяжелый эконо-

мическій кризисъ: давно стоявшій на очереди вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ въ 1764 г. получилъ свое окончательное рѣшеніе и императрица утвердила докладъ коммиссіи объ отобраніи монастырскихъ имѣній и объ устройствѣ крестьянъ; временное исключеніе было сдѣлано только для Малороссіи и южныхъ губерній—екатеринославской, харьковской, воронежской и курской. Въ Малороссіи число дворовъ, принадлежавшихъ церковнымъ имѣніямъ, простиралось до 14 слишкомъ тысячъ и нестроенія въ управленіи церковными имѣніями вызывали жалобы Румянцева, такъ что вопросъ о секуляризаціи имѣній малороссійскихъ монастырей былъ только вопросомъ времени и незадолго до составленія пунктовъ, въ 1766 году, синодъ уже получилъ предложеніе отъ своего оберъ-прокурора о томъ, чтобы принять за долгъ просить ея имп. величество распространить секуляризацію монастырской собственности и на Малороссію. Поводомъ къ этой мѣрѣ было указано вѣдомое всѣмъ нестроеніе въ средѣ духовныхъ, происходящее исключительно вслѣдствіе владѣнія землями, такъ какъ чрезъ него епархіи съ монастырями, монастыри съ церквами и мірянами ведутъ нескончаемыя тяжбы, духовныя власти поселяютъ между собою раздоръ, а бываетъ иногда и такъ, что архіерей, произведенный изъ архимандритовъ, ведя процессы, подаетъ самъ на себя жалобы. Такъ было, напримѣръ, между каѳедрой кіевской и Печерскимъ монастыремъ [1]). Малороссійскіе монастыри знали о предстоявшей секуляризаціи ихъ имѣній и потому тѣмъ больше и тѣмъ усерднѣе просили императрицу сохранить за ними всѣ ихъ старыя права по владѣнію „селами, деревнями, пахотными и сѣнокосными землями, мельницами, озерами, рыбными ловлями и проч. угодьями“, въ частности же, кромѣ того, просили отмѣнить и указъ 1728 года. Съ просьбой объ его отмѣнѣ малороссійское духовенство обращалось уже и раньше къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, вскорѣ послѣ смерти гетмана Д. Апостола, но императрица отнеслась весьма строго къ ходатайству и приказала правителю Малороссіи кн. Шаховскому объявить малороссійскимъ

---

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 28.

архіереямъ выговоръ, „дабы впредь въ прошеніяхъ своихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ не включали". Помимо этого, Шаховской получилъ еще предписаніе стараться склонить генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ на подачу прошенія о неукрѣпленіи за монастырями недвижимости, на что просителямъ заранѣе былъ обѣщанъ благопріятный отвѣтъ [1]). Если просьбы духовенства не имѣли никакого успѣха, или лучше сказать имѣли обратный успѣхъ у Анны Ивановны, то казалось бы, что надѣяться на благопріятный оборотъ дѣла при Екатеринѣ II рѣшительно не было никакого основанія, такъ какъ она твердо рѣшила освободить духовный чинъ „отъ суеты мірской и того зазрѣнія, въ которомъ онъ долголѣтне находился, обращаясь въ мірскихъ попеченіяхъ" [2]), тѣмъ не менѣе представители монастырей думали объ этомъ иначе. Они имѣли слабость надѣяться на сохраненіе за ними землевладѣнія и просили для болѣе точнаго опредѣленія границъ своей собственности произвести обмежеваніе своихъ земель, занести ихъ на планы и „за скрѣпами и печатями межевщиковъ *поручить ко владѣнію вѣчно*". Приэтомъ черниговскіе пункты предлагали для устраненія на будущее время земельныхъ споровъ признать всѣ обмежеванныя и записанныя за монастырями земли не подлежащими оспариванію ни въ какомъ случаѣ, даже въ томъ, если бы впослѣдствіи у кого-нибудь оказались на эти земли болѣе старые крѣпости и документы. Споры о такихъ земляхъ должны были рѣшаться разъ навсегда самими межевщиками при обмежеваніи земель и не подлежать послѣдующимъ пересудамъ. Этой мѣрой авторы черниговскихъ пунктовъ вполнѣ основательно полагали освободить монастыри отъ нескончаемыхъ тяжбъ и судебной волокиты и такимъ образомъ снять съ нихъ обвиненія правительства въ наклонности къ сутяжничеству и деморализаціи духовнаго сословія усиленными заботами о „мірскихъ попеченіяхъ", а какъ велики, дѣйствительно, были „мірскія попеченія" видно изъ примѣра архимандрита Гамалѣевскаго монастыря Давида,

[1]) Соловьевъ, т. XX, стр. 320.

[2]) Соловьевъ, т. 27, стр. 28.

объявившаго по одному своему монастырю до 100 тяжебныхъ дѣлъ [1]).

На ряду съ ходатайствомъ объ обмежеваніи земель монастыри поставили и крайне важную просьбу о возвращеніи имъ земель, занимаемыхъ сказачившимися посполитыми, и о возвращеніи такихъ козаковъ снова въ монастырскіе посполитые. Просьба крайне смѣлая и весьма характерная для ея авторовъ—кіевскаго духовенства. Въ поясненіе ея мы должны сказать, что въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, дѣйствительно, бывали нерѣдко случаи, что посполитые крестьяне переходили въ козачество и удерживали за собой земли своихъ прежнихъ владѣльцевъ, были ли то частныя лица, или монастыри. Кромѣ того, посполитые ухитрялись иногда продавать или отдавать въ видѣ приданаго свои земли козакамъ, жившимъ совмѣстно съ ними въ церковныхъ и монастырскихъ деревняхъ, такъ что козаки пріобрѣтали монастырскія земли, а монастыри бѣднѣли, упуская изъ своихъ рукъ и посполитыхъ подданныхъ, и занятыя ими земли.

Между тѣмъ такой порядокъ вещей былъ нарушеніемъ Л. Статута, согласно которому посполитые не имѣли права отчуждать занимаемыхъ ими земель безъ воли на то ихъ собственника, а равно не имѣли права удерживать за собой земель въ случаѣ вступленія на государственную службу (напр. въ козаки) или въ случаѣ ухода къ другому владѣльцу. Ссылаясь на это законоположеніе, ревнители монастырскихъ интересовъ кіевской епархіи просили: 1) всѣ церковныя и монастырскія земли, которыми владѣютъ бывшіе подданные, нынѣ обратившіеся въ козаковъ, безденежно возвратить монастырямъ и церквамъ, а самыхъ козаковъ по прежнему обратить въ подданныхъ; 2) въ тѣхъ монастырскихъ и церковныхъ деревняхъ, гдѣ козаковъ почему-либо нельзя обратить въ подданныхъ, ихъ предлагали вывести вонъ, дабы они впредь грунтами не завладѣвали и монастырскимъ подданнымъ обидъ не чинили; наконецъ, если и этого нельзя будетъ сдѣлать,—то монастыри просили подтвердить козакамъ, чтобы они не вступали съ подданными ни въ какія

---

[1]) Соловьевъ, т. 27, стр. 28.

сдѣлки относительно земли, не принимали ихъ въ подсосѣдки и не шинковали на монастырскихъ земляхъ [1]).

Ходатайство монастырей о возвращеніи козаковъ въ подданные является единственнымъ въ этомъ родѣ среди всѣхъ прошеній малороссіянъ. Другимъ проявленіемъ сословнаго эгоизма являются ходатайства монастырей объ освобожденіи ихъ отъ всѣхъ процессуальныхъ сроковъ при веденіи земельныхъ тяжебныхъ дѣлъ и объ устраненіи для нихъ общихъ правилъ относительно земской давности. Монастыри считали общіе судебные сроки (6-недѣльный для явки сторонъ въ суды 1-й инстанціи и годовой для подачи апелляціонныхъ жалобъ) стѣснительными для нихъ потому, что вслѣдствіе частой перемѣны монастырскихъ настоятелей и отсутствія повѣренныхъ они не могутъ осуществлять своихъ правъ съ той быстротой, какъ частныя лица и часто остаются обиженными. Тѣ же мотивы приводились монастырями и въ пользу отмѣны сроковъ земской давности, а прецедентами этому ходатайству указывались привилегія 1588 г. и указы 1748 и 1749 годовъ, по которымъ истеченіе давностнаго срока не должно служить препятствіемъ къ отыскиванію монастырскихъ и церковныхъ земель изъ посторонняго владѣнія. Всѣми этими мѣрами монастыри полагали облегчить положеніе своего землевладѣнія на случай тяжбъ и споровъ; но они, повидимому, забывали, что съ дарованіемъ просимыхъ льготъ положеніе противной имъ стороны было бы крайне невыгодно и что эти невыгоды не возмѣщались ничѣмъ со стороны самихъ монастырей. Монастыри въ данномъ случаѣ заблуждались, думая, что развитію ихъ землевладѣнія будетъ оказано правительствомъ, какъ и въ старое время, всякое содѣйствіе, даже въ ущербъ частнымъ интересамъ; но время, когда монастыри были культурно-просвѣтительной силой и свѣточами религіозно-нравственныхъ идей, когда православный народъ жертвовалъ на нихъ свои достатки и содѣйствовалъ ихъ благолѣпію, прошло, и за ними утвердился характеръ корпоративныхъ хозяйствъ съ весьма сильно выраженными мірскими заботами... Хлопоты о грунтахъ, по-

---

[1]) Сб. Р. И. И. Об., т. 43, стр. 485.

стоянное изъ-за нихъ сутяжничество, стремленіе къ обогащенію винной торговлей, наконецъ, несимпатичное желаніе обратить козаковъ въ своихъ подданныхъ или согнать ихъ съ земель— вотъ черты для характеристики монастырей конца прошлаго вѣка.

Упомянувъ о винной торговлѣ, мы должны сказать, что винокуреніе послѣ вопроса о грунтахъ занимало самое важное мѣсто въ пунктахъ, относящихся къ экономическимъ вопросамъ. И бѣлое, и черное духовенство желали для себя свободы винокуренія и винной торговли. Мы уже говорили, что право производить и то, и другое составляло привилегію шляхетскаго званія, имъ пользовались козацкіе старшины и рядовые козаки, какъ бы въ вознагражденіе за ихъ службу государству, духовенство также пользовалось этимъ правомъ до 1757 года, но въ этомъ году гетманъ Разумовскій запретилъ всѣмъ неслужащимъ, какъ то: посполитымъ, купцамъ, разночинцамъ, а особенно попамъ, курить вино и мотивомъ своего запрещенія выставилъ вредъ, происходящій отъ истребленія хлѣба и лѣса, и дурное вліяніе этой промышленности на народную нравственность. Этимъ универсаломъ бѣлое духовенство въ отношеніи винокуренія было сравнено съ посполитыми; старшины и козаки—сообщаетъ 4-й п. кіевской епархіи—злорадствовали надъ духовенствомъ по поводу универсала и съ большой энергіей принялись истреблять поповскіе шинки и винокурни, насылая на нихъ свои команды. Желая свободы винокуренія, бѣлое духовенство правильно замѣчало, что универсалъ Разумовскаго несправедливо лишилъ его этого права, такъ какъ оно, духовенство, такъ же служитъ государству, какъ и другія сословія. Въ равной степени несостоятельной казалась духовенству и мысль Разумовскаго, что запрещеніемъ попамъ винокуренія можно уменьшить истребленіе хлѣба и лѣса; напротивъ, въ винокуреніи духовенство разумно усматривало сбытъ хлѣбу и лѣсу, дающій крестьянамъ возможность уплачивать подати, а козакамъ оправляться въ домашнемъ обиходѣ и нести военную службу. Что касается монастырей, которыхъ не коснулся указъ 1757 г., то ихъ желанія заключались въ томъ, чтобы сдѣлать торговлю виномъ въ принадлежащихъ имъ деревняхъ своей монополіей, воспретивъ производство ея

посполитымъ и даже жившимъ въ монастырскихъ деревняхъ козакамъ. Послѣднимъ, впрочемъ, монастыри соглашались разрѣшить производство вина исключительно для своего потребленія. На ряду съ свободнымъ винокуреніемъ монастыри черниговской епархіи хлопотали также и о безпошлинномъ занятіи другими отраслями промышленности, какъ то: заводами желѣзодѣлательными, стеклянными, известковыми, а также мукомольнымъ дѣломъ; вмѣстѣ съ этимъ, они ходатайствовали объ уничтоженіи сборовъ, взимавшихся съ пасѣкъ, съ перевозовъ и при продажѣ вина, лошадей, скота, пеньки и прочаго...

Ходатайствами о грунтахъ и винокуреніи не исчерпываются вполнѣ заботы бѣлаго духовенства и монастырей о своемъ экономическомъ положеніи. Къ нимъ нужно еще присоединить массу прошеній о сложеніи различныхъ повинностей, подрывавшихъ, по словамъ просителей, матеріальное благосостояніе бѣлаго духовенства и монастырей. Право на свободу отъ повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, духовенство основывало на 29 арт. раз. 3-го Л. Статута и затѣмъ на позднѣйшихъ льготныхъ грамотахъ Петра I, отъ 1721 и 1724 гг., согласно которымъ „попы и церковники“ въ отношеніи квартирной повинности, одной изъ самыхъ важныхъ и непріятныхъ, были сравнены съ полковниками, сотниками и прочей старшиной, т. е. были отъ нея освобождены.

Однако, несмотря на существованіе льготныхъ петровскихъ грамотъ, духовенство, именно, хлопотало объ освобожденіи себя отъ квартирной повинности, такъ какъ фактически оно не было отъ нея свободно. Происходило это потому, что малороссійскіе старшины, желая какъ нибудь размѣстить великорусскую армію, а командиры послѣдней, желая поудобнѣе устроиться, ни во что ставили царскіе указы и занимали дома беззащитныхъ священнослужителей, увѣренные, что все сойдетъ имъ безнаказанно. Для оправданія жъ своихъ дѣйствій они на всякій случай изобрѣли софистическое толкованіе петровскихъ указовъ въ томъ смыслѣ, что ими воспрещались постои только въ собственныхъ домахъ священнослужителей, а такъ какъ, за силой закона 1728 г., многіе изъ нихъ не имѣли грунтовъ и жили въ *наемныхъ* до-

махъ, то командиры находили, что въ этихъ случаяхъ не возбраняется ставить постои. Впрочемъ, къ несчастью духовенства, командирамъ едва ли часто приходилось прибѣгать къ какимъ либо оправданіямъ, такъ какъ они главнымъ образомъ полагались на безнаказанность своихъ поступковъ и не останавливались даже предъ займомъ подъ квартиры *школъ*, а учениковъ употребляли на различныя посылки, такъ что черниговское и переяславское духовенство вынуждено было просить о прекращеніи подобнаго безобразія [1]). Монастыри съ своей стороны жаловались, что войска заняли въ городахъ и селахъ ихъ подворья, въ силу чего братія, посѣщая эти города или селенія, вынуждена тратиться на наемъ себѣ помѣщеній; въ общемъ же монастыри находили, что отводъ войскамъ квартиръ долженъ совершаться отъ старшинъ или ратушъ не иначе, какъ по совѣту съ монастырскими властями.

Слѣдующею не менѣе обременительною повинностью духовенство выставило обложеніе рублевымъ окладомъ своихъ подсосѣдковъ, работниковъ, дворовыхъ и иныхъ людей, сидѣвшихъ на его, духовенства, земляхъ. Ссылаясь на свои шляхетскія права и указы Петра I о неположеніи священно и церковнослужителей въ окладъ, а также и на существовавшую до 1734 г. свободу отъ повинностей своихъ подсосѣдковъ, духовенство просило отмѣнить состоявшееся въ 1765 году обложеніе его подсосѣдковъ и работниковъ рублевымъ окладомъ и мотивами своего ходатайства указало крайнюю обременительность и неуравнительность этого налога.

Мы не будемъ здѣсь повторять этихъ доводовъ духовенства, такъ какъ они тѣ же, что и у шляхетства, но скажемъ только, что и бѣлое, и монашествующее духовенство не находили словъ и красокъ для изображенія бѣдствій, проистекающихъ отъ обложенія ихъ подданныхъ рублевымъ окладомъ и утверждали, что благодаря послѣднему, малороссійское населеніе бросаетъ свои жилища и бѣжитъ въ Польшу, а оставшееся на мѣстахъ разоряется тѣмъ, что уплачиваетъ повинности и за себя, и за со-

---

[1]) Сб. Р. И. И. Об., т. 43, стр. 571 и 577.

шедшихъ съ земель односельцевъ. Неуплата же повинностей въ срокъ навлекала на село экзекуцію причемъ не было рѣдкостью, что войты, управители, подданные, всѣ безъ разбора заключались въ остроги вмѣстѣ съ ворами и разбойниками, а село должно было содержать еще на свой счетъ экзекуторскія команды, доставлять имъ кормъ, фуражъ и пр. Очень много жалобъ и огорченій монастыри высказали еще на безчисленныя натуральныя повинности, тяжелымъ гнетомъ ложившіяся на ихъ подданныхъ крестьянъ: по требованіямъ великороссійскихъ и малороссійскихъ командировъ—писали монастыри—масса ихъ подданныхъ безконтрольно наряжается на польскую границу для устройства маяковъ, засѣкъ, рогатокъ и другихъ пограничныхъ работъ; не мало ихъ идетъ для постройки стоящимъ на фортпостахъ войскамъ избъ, конюшенъ, для возки лѣсу, починки мостовъ, гатей, для выемки горъ, устройства дорогъ, для почтовой гоньбы и кромѣ всего перечисленнаго для многихъ „партикулярныхъ" надобностей командировъ. Спасаясь отъ бремени исчисленныхъ тягостей, крестьяне бросали свои хозяйства и бѣжали за границу, въ Польшу, а монастыри, конечно, терпѣли убытки и приходили въ разореніе, остановить которое, они полагали, возможно только полнымъ освобожденіемъ ихъ подданныхъ отъ всѣхъ повинностей, а также отъ многихъ злоупотребленій, исходившихъ отъ свѣтскихъ, въ особенности военныхъ, начальниковъ. Описаніемъ претерпѣваемыхъ монастырями бѣдствій наполнены многія страницы пунктовъ, и достаточно пробѣжать нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы представить себѣ, какова была сила безправія, власть сильнаго и положеніе личности и имущества беззащитнаго населенія... Многіе разныхъ чиновъ люди—писали монастыри кіевской епархіи—проѣзжая не только по казенной, но и по своей надобности, поступаютъ съ здѣшними жителями безсовѣстно, несмотря на запретительные ея и. величества указы, чинятъ великія обиды и разоренія, берутъ нагло подводы безъ подорожныхъ и платежа прогоновъ и харчъ всякій и фуражъ безденежно и многихъ невинныхъ людей бьютъ и увѣчатъ жестокими побоями, а нѣкоторые нападками своими и взятки берутъ деньгами и вещами, ло-

шадьми и скотомъ... насильствомъ отнимаютъ хутора, земли, грунты, мельницы, лѣса, рыбныя ловли и проч. угодья и заводы, не только владѣльческіе, но и монастырскіе, и вымогаютъ у безгласныхъ людей, яко то: у вдовъ и сиротъ, крѣпости на тѣ ихъ имѣнія на свои и на постороннія имена и совсѣмъ оныхъ въ крайнее разореніе приводятъ [1]). Затѣмъ монастыри представляли, что они понесли большіе убытки въ прошлую турецкую войну, уплативъ болѣе 3,000 за наемъ подводъ подъ различныхъ пословъ и что эти деньги остались имъ не возвращенными, равно какъ и деньги за взятыхъ для арміи воловъ. Долго перечислять все, на что жаловались монастыри: и на истребленіе лѣсовъ, и на потравы войсками луговъ, и на вылавливаніе въ озерахъ рыбы, въ лѣсахъ звѣрей и проч.; вообще жалобамъ монастырей на свѣтскихъ начальниковъ нѣтъ конца, и нужно сказать, что ни одно малороссійское сословіе не изобразило такъ полно и выпукло тягости господствовавшаго безнарядья и тягостей связанныхъ съ постоемъ регулярныхъ войскъ, какъ духовенство. Среди другихъ явленій его съ особенной силой возмущало—событіе послѣдняго времени—генеральная опись Малороссіи, такъ какъ въ глазахъ духовенства, главнымъ образомъ монашествующаго, она была предвѣстникомъ еще новыхъ окладовъ, поборовъ и даже нѣкоторой перетасовки поземельной собственности. Причина этого боязливаго взгляда на опись лежала въ томъ, что ревизоры описывали земли, грунты, скотъ, требовали представленія на земли крѣпостей или другихъ доказательствъ права владѣнія, отмѣчали всѣ промыслы и ихъ доходность, наконецъ, переписывали самое населеніе, дворы, дома, работниковъ, слугъ, подсосѣдковъ, по душамъ и по полу, отъ мала до велика, такъ что ничто не укрывалось отъ взоровъ румянцевскихъ статистиковъ. Какъ явленіе никогда небывалое, опись навела страхъ на населеніе Малороссіи, духовенство раздѣляло его и въ пунктахъ тщательно доказывало, что по силѣ шляхетскихъ правъ его не можетъ касаться „никакая экзекуція“, т. е. отобраніе земельныхъ владѣній даже въ томъ случаѣ, если на нихъ нѣтъ другихъ дока-

---

[1]) Ibid. стр. 479.

зательствъ, кромѣ самаго факта владѣнія. Затѣмъ духовенство указывало на противозаконный характеръ переписи, такъ какъ она учинена вопреки національнаго закона, требующаго въ случаѣ устройства чего либо къ добру Рѣчи Посполитой—*„тогда то чинить и уставы всякіе дѣлать съ вѣдома и согласія общего“*. По этимъ и другимъ основаніямъ духовенство просило „небывалую, малороссійскимъ правамъ и стародавнимъ обычаямъ противную ревизію отставить“, ибо малороссійскій народъ, церковные и монастырскіе подданные, дворовые люди, слуги, и подсосѣдки, „предразсуждая въ той ревизіи нѣчто къ своему отягощенію небывалое, бѣгутъ за границу, гдѣ прежняя вольность содержится“.

Какъ объ исключительномъ желаніи бѣлаго духовенства, намъ предстоитъ еще сказать, что духовные пастыри хлопотали о возстановленіи существовавшаго до 1765 года порядка вознагражденія ихъ служебной дѣятельности. Этотъ порядокъ состоялъ въ томъ, что обыкновенно священники при избраніи ихъ прихожанами выговаривали себѣ отъ каждой семьи извѣстный годовой доходъ и затѣмъ вознагражденіе за совершаемыя требы, такъ что доходы духовенства устанавливались при самомъ избраніи его на должности, но 17 февр. 1765 г., вслѣдствіе доклада коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, состоялось распоряженіе, чтобы священно и церковно-служители брали съ своихъ прихожанъ по таксѣ, указанной въ докладѣ, а отъ тѣхъ, кто будетъ давать по своему состоянію и желанію довольствовались бы доброхотнымъ даяніемъ. Это распоряженіе, по выраженію духовенства, отсѣкло у него всѣ доходы, такъ какъ люди зажиточные перестали дѣлать взносы и духовенство, не имѣвшее ни ружныхъ ни собственныхъ земель, настолько обѣднѣло, что сравнивало себя съ нищими, просящими по міру милостыни. Протопопы малороссійскіе, кромѣ того, были еще недовольны отмѣной выдачи вѣнечныхъ памятей лицамъ вступавшимъ въ бракъ, и просили ее возстановить, такъ какъ съ отмѣной этого обычая они утеряли доходы, поступавшіе къ нимъ за выдачу памятей.

Отъ ходатайствъ бѣлаго духовенства о своемъ матеріальномъ положеніи мы обратимся еще къ его просьбамъ относи-

тельно улучшенія экономическаго состоянія малороссійскихъ церквей, ихъ благоустройства и благолѣпія, упавшихъ, по заявленію просителей, въ силу многихъ распоряженій послѣдняго времени. О матеріальномъ положеніи малор. церквей нужно сказать, что источникомъ содержанія ихъ были, кромѣ пожертвованій прихожанъ, еще собственныя церковныя имѣнія—пахатныя земли, населенныя слободки, торговыя лавки, коморы, мельницы и, наконецъ, церквамъ давали доходы братерскіе дома или церковные шинки, гдѣ шла торговля напитками, а въ дни храмовыхъ праздниковъ въ пользу церквей въ нихъ производилась торговля разсыченнымъ медомъ—кануномъ. Помимо сказанныхъ статей дохода, церкви имѣли еще доходы до 1755 года и отъ различныхъ ярмарочныхъ сборовъ, какъ то: помѣрнаго съ хлѣба и поведерковаго и ваговаго—съ вина и дегтю. На эти средства въ церквахъ поддерживалось благолѣпіе, содержались при нихъ школы и шпитали, но въ послѣднее время—жалуется духовенство—содержаніе прежняго благолѣпія, школъ и шпиталей стало немыслимымъ. Причины тому—въ упадкѣ доходовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, ярмарочные сборы, совсѣмъ были отмѣнены, а другіе, хотя и не были отмѣнены, но были стѣснены правительственными мѣрами или же злоупотребленіями свѣтскихъ властей. Стѣсненія эти заключались въ томъ, что церковныя земли, всегда бывшія свободными отъ налоговъ, стали облагаться рублевымъ окладомъ, котораго не избѣжали даже школы, госпитали и братерскіе дома; что владѣльцы, командовавшіе въ городахъ и деревняхъ, стали запрещать церквамъ производить торговлю напитками, церковныя земли отбирали, дома, школы и госпитали занимали постоями, людей употребляли на свои работы и вообще всѣ церковныя прибыли обращали въ свою пользу, вслѣдствіе чего церкви лишались всякаго „снабдѣнія“. Вооружаясь противъ заведенныхъ злоупотребленій, духовенство жаловалось, что, благодаря имъ, оно не въ состояніи ни содержать школъ, ни помогать бѣднымъ, ни заботиться объ украшеніи храмовъ и потому просило рублевый окладъ съ церковныхъ имѣній сложить и дозволить церквамъ по прежнему взимать ярмарочные сборы и про-

изводить торговлю напитками, а владѣльцамъ и командирамъ просило запретить малѣйшее нарушеніе матеріальныхъ выгодъ церквей [1]).

Послѣ стѣснительныхъ правительственныхъ распоряженій и злоупотребленій владѣльцевъ, другой причиной упадка матеріальнаго благосостоянія церквей, духовенство указало на увеличивавшееся охлажденіе къ церковнымъ интересамъ ремесленныхъ цеховъ, снабжавшихъ обыкновенно церкви виномъ, ладаномъ, воскомъ, а также деньгами на содержаніе и погребеніе странниковъ и нищихъ, проживавшихъ въ такъ называемыхъ шпиталяхъ. Обычай участія ремесленныхъ цеховъ въ дѣлахъ церкви составлялъ очень древнее явленіе и происхожденіе его относится еще къ первому времени борьбы южно-русскаго народа съ католичествомъ за „благочестіе", когда центральными пунктами борьбы были юго-западные города со смѣшаннымъ—скатоличившимся и православнымъ—населеніемъ. Извѣстно, что богатое южнорусское панство подпало латинству и защитникомъ благочестія явилось мѣщанство, объединенное магдебургскимъ правомъ и сплоченное въ цехи; тогда возникли церковныя братства, схожія по устройству съ городскими цехами и взявшія патронатъ надъ православною церковью въ свои руки. „Какъ цехи, такъ и братства—говоритъ г. Кулишъ [2])—ежегодно выбирали старшину для завѣдыванія общими ихъ дѣлами". И ремесленные цехи, и братства признавали себя обязанными снабжать свою церковь всѣмъ необходимымъ, заботиться о распространеніи хвалы Божіей между православными, присутствовать въ праздники при богослуженіи и участвовать при погребеніи умершихъ братьевъ". Словомъ, выражаясь языкомъ того же автора, мѣщанство взяло на себя трудъ „дѣятельнаго благочестія", но когда съ теченіемъ времени борьба съ латинствомъ затихла, то и дѣятельная роль мѣщанъ въ дѣлахъ церкви упала, братства закрылись, а цехи перестали оказывать матеріальную поддержку въ прежнихъ размѣрахъ. Такъ, именно, и было во время соста-

---

[1]) Ibid. стр. 466.

[2]) Кулишъ. Ист. возсоед. Руси т. I, стр. 231.

вленія пунктовъ: цехи существовали какъ ремесленныя корпораціи, ни въ чемъ уже не зависѣли отъ духовнаго начальства, въ сборахъ своихъ не давали ему никакого отчета и сборы эти пропадали, по словамъ духовенства, за цехмистрами и ключниками.

Въ отношеніи церковнаго благоустройства духовенство выразило особенныя хлопоты о содержаніи при церквахъ полнаго, такъ сказать, штата служащихъ—дьячковъ, пономарей, ктиторовъ и другихъ, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ съ тѣхъ поръ, какъ эти лица лишились нѣкоторыхъ льготъ и стали отбывать всѣ повинности. Съ этой несчастной поры церкви остались безъ необходимыхъ служителей, ктиторы, отягощенные государственными налогами, перестали заботиться о церковныхъ достаткахъ и благосостояніе церквей упало. Не выиграло также и благолѣпіе церковной службы, ибо за отсутствіемъ профессіональныхъ церковнослужителей церкви принуждены были довольствоваться бродячими школьниками... Такъ что совмѣстная жизнь съ единовѣрной Великороссіей не оказала на нихъ въ этомъ случаѣ никакого благотворнаго вліянія. Авторы пунктовъ, толкуя объ этомъ довольно пространно, всегда придерживались метода историческаго сравненія, вспоминали старые порядки, сравнивали ихъ съ вновь нарожденными и давали въ заключеніе свои выводы,—выводы не въ пользу новизны, а всегда просили о возвратѣ къ старому доброму времени, которымъ они увлекались наравнѣ съ другими сословіями до полнаго его апотеоза. Теперь, когда мы изложили всѣ наиглавнѣйшія желанія духовенства, стоитъ бросить ретроспективный взглядъ, чтобы суммировать все сказанное. Духовенство въ пунктахъ заявило себя ничѣмъ не довольнымъ.

Словомъ, если читатель потрудится бросить ретроспективный взглядъ на все содержаніе пунктовъ, то ему представится характерная картина недовольства духовенства всѣми существовавшими въ его время порядками. Духовенство было недовольно и умаленіемъ его шляхетскихъ правъ, и стѣсненіемъ его автономіи въ дѣлахъ внутренняго управленія, и паденіемъ въ его средѣ образованія, обусловленнымъ невниманіемъ правительства къ просвѣщенію, и стѣсненіями духовныхъ судовъ вмѣшатель-

ствомъ въ нихъ свѣтскихъ начальниковъ, и своимъ экономическимъ положеніемъ, разстроеннымъ различными запретительными указами и обременительными налогами и вообще злоупотребленіями свѣтскихъ старшинъ и великорусскихъ начальниковъ, неуважительно третировавшихъ духовное сословіе и причинявшихъ ему „великія огорченія" и многимъ другимъ... Сколько было неудовольствій, столько же было у духовенства и желаній. Суммировать ихъ въ отношеніи бѣлаго духовенства мы можемъ однимъ словомъ—стремленіемъ къ правамъ и положенію шляхетства; что же касается монастырей—то ихъ стремленія были направлены къ сохраненію за собой положенія крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, къ освобожденію отъ всѣхъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей и сохраненію болѣе или менѣе самостоятельныхъ порядковъ въ дѣлахъ своей внутренней организаціи и жизни. Заботы о просвѣщеніи, о школахъ, шпиталяхъ, матеріальномъ благосостояніи церквей, распространеніи благочестія въ Польшѣ, печатаніи книгъ и религіозныхъ сочиненій и проч. являются свѣточами среди остальной массы сословныхъ желаній духовенства, желаній, клонившихся, какъ и у шляхетства, къ реституціи старины и прежнихъ отношеній. „Старина" была для малороссійскаго духовенства вождельннымъ эдемомъ, потеряннымъ раемъ, почему мы о духовенствѣ должны сказать, что эпоха съ возсоединенія до 1767 года ничему его не научила, а была временемъ застоя, которое было желательно вычернуть, чтобы начать жизнь снова отъ момента, когда оно было сбито политическими событіями съ своего надлежащаго направленія. Поэтому, обвинять малороссійское духовенство въ узости взглядовъ, въ безъидейной приверженности старинѣ, потому только, что она старина, мы полагаемъ, нѣтъ основаній, такъ какъ въ желаніи духовенства возвратиться къ старинѣ можно видѣть, какъ бы побужденія долго коснѣвшаго человѣка снова возвратиться къ тому мѣсту, гдѣ остановилось его развитіе.

Само собой естественно, что такой возвратъ вовсе не былъ необходимъ, а въ отношеніи желаній монастырей былъ даже вреденъ, ибо жизнь цивилизованныхъ народовъ и насущныя потребности Россіи требовали иного, но духовенство было по сво-

ему право, если оно, заброшенное въ теченіи цѣлаго вѣка, такъ, а не иначе, понимало свои интересы и въ качествѣ программы могло выставить только порядки стараго времени.

Опредѣливъ выше всю сумму желаній бѣлаго духовенства однимъ словомъ „шляхетство", намъ небезъинтересно взглянуть, какъ люди екатерининской коммиссіи, а именно составители извѣстнаго проекта „о родахъ государственныхъ", разсматривали духовенство въ смыслѣ сословія и насколько ихъ взгляды согласовались съ желаніями малороссійскихъ пастырей. Нужно сказать, что проектъ о сословномъ положеніи духовенства вообще былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ исключительно великорусскихъ взглядовъ, а извѣстно, что въ Великороссіи положеніе духовенства, предшествовавшее коммиссіи, вовсе было не таково, чтобы сближать его съ дворянствомъ, соотвѣтствовавшимъ малороссійскому шляхетству. Русское государство, не знавшее людей, необязанныхъ ему тѣмъ или инымъ родомъ службы, не допускало дворянъ въ духовное сословіе, пока на нихъ лежала обязанность службы, и только въ небольшой періодъ отъ 1714—31 гг., когда дѣйствовалъ законъ о майоратахъ, младшимъ сыновьямъ дворянъ дозволено было вступать въ духовное званіе, но съ отмѣной этого закона дозволеніе было взято назадъ.

Раздѣляя воззрѣнія прежняго времени, составители проекта о государственныхъ родахъ не ввели духовенство въ ряды дворянъ, а оставили среди „подлыхъ состояній" и отнесли къ разряду мѣщанъ, „упражняющихся въ наукахъ и службахъ". Тѣмъ не менѣе, чтобы сильнѣе выдвинуть духовенство, ему предполагалось дать особыя привилегіи, которыя имѣли заключаться: въ особенномъ почтеніи, сопровождаемомъ болѣе сильнымъ наказаніемъ за обиду, въ льготахъ отъ платежа поголовныхъ денегъ, податей, рекрутчины и гражданской службы, въ подсудности по духовнымъ дѣламъ исключительно своему начальству, а по дѣламъ общимъ свѣтскимъ судамъ, но при участіи въ нихъ духовнаго депутата, въ свободѣ отъ тѣлесныхъ наказаній до лишенія духовнаго сана, въ льготахъ отъ военныхъ постоевъ, полицейскихъ службъ и публичныхъ работъ, исключая относящихся къ поддержанію чистоты и благоустройства городовъ.

Наконецъ, проектировалось дозволить духовенству ѣздить въ каретахъ и преимущественно предъ другими помѣщать своихъ дѣтей въ семинаріи. Для украинскаго духовенства не было сдѣлано исключенія и оно было внесено въ генеральное положеніе.

Причисленіе духовенства къ среднему роду людей вызвало сильный протестъ со стороны синода; особенно возставалъ митрополитъ Гавріилъ, доказывавшій, что уже византійскіе императоры считали духовенство благороднымъ сословіемъ и что общество совершенно перестанетъ уважать своихъ пастырей, если они будутъ поставлены наравнѣ съ мѣщанами и купцами. Обсудивъ всесторонне проектъ, синодъ нашелъ въ немъ два крупныхъ недостатка: во первыхъ, проектъ касался только положенія въ государствѣ низшаго духовенства и ничего не упоминалъ о высшихъ его представителяхъ и, во вторыхъ, онъ не принялъ во вниманіе особое положеніе малороссійскаго духовенства, въ виду каковыхъ упущеній синодъ высказалъ мысль, что проектъ долженъ быть переработанъ вторично и всѣ права и выгоды духовенства должны быть положены въ законъ [1]).

Какъ ни были скромны права духовенства, проектированныя коммиссіей о государственныхъ родахъ, но съ неудачнымъ окончаніемъ коммиссіи и ими не пришлось воспользоваться духовному сословію, такъ что нѣкоторыя его желанія стали осуществляться уже въ позднѣйшее время: въ концѣ XVIII в. оно получило право на пожалованіе орденами, въ 1806 г. было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній и въ началѣ этого же вѣка пріобрѣло право владѣть недвижимыми имуществами, самый же главный шагъ къ сближенію духовенства съ дворянствомъ былъ сдѣланъ уже въ наше время указомъ 1869 г., уничтожившимъ наслѣдственность духовнаго званія и приравнявшимъ священнослужителей къ личнымъ дворянамъ.

Что касается просьбъ монастырей, то рѣшительнымъ отвѣтомъ на нихъ Екатерины II былъ указъ 1786 г. [2]) синоду о сравненіи малороссійскаго монашества съ великорусскимъ и о

---

[1]) Латкинъ. Зак. ком. въ XVIII в., стр. 498.

[2]) „Кіев. Ст." 1882 г., кн. 5, стр. 329.

введеніи штатовъ, т. е. денежнаго содержанія вмѣсто натуральнаго, отмѣняемаго въ силу отобранія въ казну монастырскихъ имѣній. Въ названномъ указѣ Екатерина заявляла, что съ устроеніемъ трехъ малороссійскихъ намѣстничествъ—кіевскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго—наравнѣ съ прочими губерніями, она нашла удобнымъ ввести въ нихъ единообразіе и въ отношеніи архіерейскихъ домовъ и монастырей *и освободить духовныхъ чиновъ и властей отъ несвойственныхъ имъ управленія деревнями, заботъ хозяйственныхъ и всего болѣе неприличныхъ духовному сану хожденій въ судахъ по тяжбамъ и ссорамъ*, стараясь этой реформой принести возможную обществу пользу. Послѣ указа 1786 года, конечно, большая часть прошеній монашествующаго духовенства теряла всякій raison d'être: всѣ хлопоты о расширеніи и благоустройствѣ монастырскаго землевладѣнія стали анахронизмомъ, заботы о просвѣщеніи по программѣ, выдвинутой пунктами, также стали излишними, ибо съ распространеніемъ на Малороссію единообразія въ устройствѣ ея епархій въ ней должны были возникнуть семинаріи по образцу великорусскихъ. Потеряли всякій смыслъ и просьбы всего духовенства о поддержаніи въ его средѣ выборнаго начала, такъ какъ съ учрежденіемъ штатовъ кіевскій митрополитъ, архимандриты и архіереи стали получать содержаніе отъ казны. Самое число монастырей и монашествующихъ при введеніи штатовъ въ малороссійскихъ епархіяхъ значительно было сокращено: 42 обители были закрыты, а 466 иноковъ и 510 инокинь остались излишними, не считая 29 настоятелей и настоятельницъ. Мы не можемъ не упомянуть еще, что указъ 1786 года, касаясь общей реформы монашествующаго духовенства, упразднялъ въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторые монастыри, получившія въ глазахъ народа значеніе историческихъ памятниковъ. Такъ, Кіево-Межигорскій монастырь было указано перевести въ таврическую область, а строеніе его обратить въ домъ призрѣнія дряхлыхъ и неимущихъ офицеровъ; кіевской академіи было указано быть въ Кіево-Печерской лаврѣ, а Братскій монастырь, служившій ея помѣщеніемъ, обратить въ главный госпиталь. Самому митрополиту кіевскому было указано жить въ

Кіево-Печерской лаврѣ. Однако, по ходатайству Румянцева, всѣ эти распоряженія не были приведены въ исполненіе. Реформы Екатерины тяжело отозвались на малороссійскомъ духовенствѣ и глава его, митрополитъ кіевскій Самуилъ, писалъ П. А. Румянцеву, что онѣ приближаютъ его „ощутительнымъ образомъ къ послѣднему концу жизни“ и наводятъ на мысль „не рѣшиться ли по болѣзнямъ на избраніе уединенія, или ожидать того же жребія, каковому подверженъ отецъ архимандритъ Зосима“,— послѣдній настоятель Кіево-Печерской лавры, избранный въ это званіе вольными голосами и въ 1786 году [1]) уволенный на пребываніе въ Голосѣевскую пустынь.

Вотъ все, что мы намѣрены были сказать о желаніяхъ и нуждахъ духовенства, въ слѣдующей главѣ мы обратимся къ содержанію наказовъ отъ городовъ.

Ив. В. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Кіев. Ст.“ 1883 г., кн. 4, стр. 898.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Княжа Гора. Года два-три тому назадъ у кіевскихъ торговцевъ древностями стали попадаться въ большомъ количествѣ, цѣлыми партіями, различныя древнія вещи, относящіяся къ великокняжеской эпохѣ. Вслѣдствіе несомнѣнной подлинности, разнообразія и обилія, предметы эти обратили на себя вниманіе кіевскихъ собирателей древностей; у торговцевъ стали допытываться о мѣстѣ нахожденія ихъ. Сначала, конечно, торговцы, въ виду своихъ личныхъ цѣлей, давали уклончивые отвѣты, выдумывая различныя мѣстности, наконецъ говорили, что изъ Канева; послѣднее было наиболѣе вѣроятно. Впослѣдствіи выяснилось, что предметы происходятъ не изъ самаго Канева, а скупаются у крестьянъ с. Пекарей, лежащаго ниже г. Канева; крестьяне же добываютъ ихъ на близь лежащей возвышенности, которую зовутъ Княжей Горой. Послѣ этого на Княжей Горѣ побывали многіе изъ кіевскихъ археологовъ и собирателей старины, пріобрѣтая на мѣстѣ различные древніе предметы. Въ послѣдній же годъ крестьяне с. Пекарей и сами стали часто привозить въ Кіевъ древности, находя, что гораздо выгоднѣе обходиться безъ посредниковъ.

Такъ заинтересовавшая мѣстныхъ археологовъ Княжа Гора находится немного выше с. Пекарей, верстахъ въ восьми отъ Канева, принадлежала раньше помѣщику Мандрыкѣ.

Если ѣхать съ низу по Днѣпру, то гора кажется мысомъ, вдающимся въ долину рѣки; составляетъ она крайнюю сѣверную точку дуги, которую дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ нагорный правый берегъ, удаляясь благодаря р. Роси отъ теперешняго русла и заканчиваясь на южномъ концѣ извѣстной Святославовой башней. Круто поднимаясь отъ поверхности воды, Княжа Гора представляетъ затѣмъ

длинный и узкій гребень, отдѣленный отъ поля валомъ и рвомъ, съ двумя глубокими оврагами по бокамъ. Длина гребня не превышаетъ ста саженей, ширина же неодинакова, но не болѣе трехъ-четырехъ саж. и то въ самыхъ широкихъ мѣстахъ. Почва горы черноземная, хотя въ черноземѣ попадается масса разной величины кусковъ дикаго камня, въ обнаженіяхъ показывались слои земли пепельнаго цвѣта съ черепками, углемъ, костями и другими остатками.

Издали вся гора кажется покрытой черными пятнами на зеленомъ фонѣ, вблизи пятна оказываются безпорядочно вырытыми ямами и кучами земли, набросанными кладоискателями.

Рядомъ съ Княжей Горой лежитъ Марьина Гора, далѣе идутъ Велыке Городыще и Мале Городыще. Надъ Пекарями, позади ихъ, возвышается Велыкій Курганъ, возлѣ него находится Малый Курганъ. Этотъ рядъ урочищъ, сгруппированныхъ на небольшомъ сравнительно пространствѣ, указываетъ на то, что мѣстность эта играла въ старину видную роль. Такое значеніе ея обусловливалось хорошимъ для того времени стратегическимъ положеніемъ, прежде всего вслѣдствіе легкости ея укрѣпленія и затѣмъ, какъ удобный наблюдательный пунктъ.

У с. Пекарей въ Днѣпръ впадаетъ р. Рось. Эта рѣка долгое время служила рубежемъ, отдѣлявшимъ кіевское княженіе отъ восточныхъ кочевниковъ, наводнявшихъ наши южныя окраины. Съ X в. Русь, распространившаяся до того времени далеко на югъ, мало по малу оттѣсняется все далѣе и далѣе къ сѣверу. Сначала печенѣги, явившись въ началѣ X в. и постепенно усиливаясь, подвинулись до самаго Кіева. Противъ набѣговъ ихъ кн. Владиміръ укрѣпляетъ южную границу валами и городами; укрѣпленія, сооруженныя тогда, не переходятъ однако далѣе возвышенности, лежащей между рѣками Стугной и Росью. Затѣмъ, въ XI в., борьба съ степняками принимаетъ благопріятный для славянъ оборотъ—половцы, замѣнившіе уже печенѣговъ, отодвигаются за Рось и на Роси устраивается рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, занятыхъ ассимилированными Русью тюркскими народцами, носившими общее названіе черныхъ клобуковъ. Такое значеніе Роси, какъ границы, сохраняется вплоть до XIII в. Много городищъ, разбросанныхъ по теченію Роси и ея притокамъ, остаются свидѣтелями этого значенія. Но возвратимся къ интересующему насъ пункту, именно къ устью Роси.

Въ первоначальной лѣтописи находимъ только одно мѣсто, касающееся данной мѣстности. Подъ 980 г. идетъ длинное повѣство-

ваніе о борьбѣ Владиміра и Ярополка Святославичей и затѣмъ о вокняженіи въ Кіевѣ Владиміра. Не будучи въ состояніи дать сраженіе Владиміру, Ярополкъ заперся въ Кіевѣ. У него былъ приближенный воевода Блудъ. Владиміръ вошелъ въ сношеніе съ Блудомъ и тотъ обѣщался убить Ярополка. Съ этой цѣлью онъ посовѣтовалъ Ярополку оставить Кіевъ, утверждая, что кіевляне хотятъ предать его. Далѣе приводимъ слова лѣтописи: «И послуша его Ярополкъ, и бѣжа изъ града, и пришедъ затворися въ градѣ Родѣнѣ на устьи Рьси, и Володимиръ вниде въ Киевъ и осѣдяху Ярополка в Роднѣ, и бѣ гладъ великъ въ немъ; и есть притча и до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ» (Ипат. лѣт. 1871 г., стр. 51).

Такимъ образомъ при *устьи* Роси былъ *градъ*, т. е. укрѣпленное мѣсто, гдѣ бы можно было укрыться во время опасности. Не утверждая положительно, что этимъ мѣстомъ была Княжа Гора, можно все таки сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе въ этомъ смыслѣ. Дѣйствительно, естественныя удобства, которыя представляетъ Княжа Гора должны были въ старину обратить на себя вниманіе. Двѣ ея стороны окаймлены глубокими оврагами, третья представляетъ крутой спускъ къ Днѣпру, итакъ эти три стороны укрѣплены природой, остается четвертая, прилегающая къ полю—ее легко было укрѣпить валомъ и рвомъ, что въ дѣйствительности и сдѣлано, кромѣ того сдѣлать это было легко, потому что, какъ мы уже говорили, гора очень узка. Если еще прибавить къ этому деревянный частоколъ, служившій въ древности непремѣнной принадлежностью каждаго укрѣпленнаго мѣста, то мы получимъ положительно недоступный «городъ», взять который можно лишь послѣ долгой осады. Въ настоящемъ видѣ верхняя площадь Княжей Горы очень незначительна, такъ что является сомнѣніе, могло ли тамъ помѣститься довольно значительное число людей, нужныхъ для защиты, съ различными орудіями и припасами. Но принимая во вниманіе, что въ теченіи восьми вѣковъ поверхность горы осыпалась, сползала и размывалась водой, нельзя придавать большаго значенія теперешнему виду горы; археологическія данныя, о нихъ рѣчь послѣ, даютъ намъ указанія на то, что кромѣ большаго числа людей, которые могли помѣститься на горѣ, тамъ были также и постройки. Такимъ образомъ все говоритъ въ пользу того, что Княжа Гора могла быть городомъ, въ древнемъ значеніи этого слова.

Сказавши объ удобствахъ, которыя представляетъ мѣстоположеніе Княжей Горы, нельзя умолчать и о дурныхъ его сторонахъ.

Та самая недоступность, которая уничтожала всякую мысль о взятіи города приступомъ, дѣлала невозможнымъ сношеніе осажденныхъ съ остальнымъ міромъ и при недостаткѣ запасовъ пищи и въ особенности воды, могла быть причиной той «бѣды», которая даже вошла въ поговорку.

Названіе «Княжа Гора», сохранившееся въ народѣ, звучитъ глубокой стариной и отчасти подтверждаетъ высказанное предположеніе. Другіе разсказы крестьянъ о горѣ не имѣютъ никакого историческаго значенія.

Кромѣ вышеприведеннаго лѣтописнаго отрывка, мы больше нигдѣ не встрѣчаемъ не только имени города Родни, но даже и указаній на то, что данная мѣстность имѣла въ послѣдующее время какое нибудь значеніе. Въ этомъ отношеніи намъ могутъ помочь найденные на горѣ различные древніе предметы. Они говорятъ намъ, что Княжа Гора была обитаема съ самыхъ отдаленныхъ временъ, со временъ каменнаго вѣка, вплоть до XIII ст. Большинство находимыхъ вещей можетъ быть отнесено именно къ послѣднему вѣку. Безпорядокъ, въ которомъ находятся отрываемыя вещи и несомнѣнные слѣды огня на нѣкоторыхъ изъ нихъ, даютъ поводъ предположить, что приблизительно въ XIII в. городъ на Княжей Горѣ и поселокъ возлѣ него были сожжены и разрушены, быть можетъ даже татарами, при нашествіи Батыя. Затѣмъ время изгладило всѣ оставшіеся слѣды былой жизни и только названіе «Княжа Гора» напоминало о чемъ то, давно прошедшемъ.

Но въ послѣднее время стали появляться и болѣе реальные свидѣтели прошлаго въ видѣ разнообразныхъ предметовъ, касающихся разныхъ сторонъ быта того времени.

Вслѣдствіе размывовъ горы, весной и послѣ большихъ дождей, крестьяне с. Пекарей находили разныя вещи; болѣе цѣнныя подбирали, а другія или уничтожали или оставляли безъ вниманія. Но вотъ лѣтъ пять тому назадъ въ Пекари является, какъ крестьяне опредѣляли, «якись жыдокъ зъ Катерынослава». Этотъ еврей занимался скупкой древностей и съ этой цѣлью и пожаловалъ въ Пекари. Скупивши за безцѣнокъ вещи, бывшія у крестьянъ на лицо, онъ просилъ и впредь отыскивать древности, обѣщая принимать все, что ни найдутъ. Крестьяне довольные, что за «чор-зна-що» получили деньги, горячо принялись за дѣло. Съ тѣхъ поръ не было ни одного праздника, чтобы пекарскіе «хлопци, парубки и дивчата» не ходили на Княжу Гору собирать «старыну».

«Жыдокъ» не оставлялъ Пекари своими посѣщеніями и ажитація между крестьянами все болѣе и болѣе усиливалась. Не ограничиваясь однимъ подбираніемъ вещей, стали понемногу то тамъ, то здѣсь пробовать копать на горѣ. Результаты были поразительные. На незначительной глубинѣ—аршинъ и того мельче,—иногда попадались цѣлые клады драгоцѣнныхъ вещей, не говоря уже о всевозможныхъ бронзовыхъ, желѣзныхъ, костяныхъ и каменныхъ предметахъ. Въ то же время о находкахъ на Княжей Горѣ разузнали и другіе торговцы, такъ что спросъ на древности чрезмѣрно увеличился. Въ результатѣ было то, что копать гору выходили цѣлымъ селомъ, кромѣ того, къ пекарянамъ присоединялись крестьяне другихъ окрестныхъ селъ, такъ напр. переѣзжали съ той стороны изъ с. Калеберды; толпа кладоискателей, копающихъ въ одно время, достигала нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ. Вещей было найдено масса, скупать ихъ начали не только пріѣзжіе торговцы, но и мѣщане г. Канева, почуявъ выгоды, стали также спекулировать древностями. Такое огульное разграбленіе горы обратило, наконецъ, вниманіе владѣльца помѣщика Мандрыки. Возникло дѣло, и въ концѣ концовъ крестьяне должны были возвратить полученныя за древности деньги. Такой исходъ однако не остановилъ крестьянъ. Гора оставалась безъ всякаго присмотра и крестьяне, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, продолжали работать на горѣ. Лѣтомъ этого года всегда можно было видѣть двѣ-три фигуры, усердно копающіяся на горѣ; при видѣ кого нибудь вызывающаго подозрѣнія, фигуры эти прятались въ прилежащихъ оврагахъ и выходили лишь по миновании опасности. Кромѣ того, бока горы крестьяне арендуютъ подъ баштаны, это также даетъ возможность эксплуатировать гору. Сбывали древности крестьяне по большей части уже непосредственно сами кіевскимъ собирателямъ. Не забылъ ихъ также и еврей, но крестьяне продавали ему вещи неохотно и поэтому онъ избралъ особый способъ покупки древностей — «якъ десятныкъ» ходилъ изъ хаты въ хату, спрашивалъ о древностяхъ и если находилъ что нибудь, то уже не отставалъ; крестьяне говорили, что отдавали вещи по самой дешевой цѣнѣ, лишь бы только отвязаться отъ него.

Въ настоящее время Княжа Гора почти вся изрыта, на верхней площадкѣ ея нѣтъ почти аршина нетронутой поверхности. Можно, конечно, представить себѣ какимъ образомъ производились раскопки этими импровизированными археологами—копали гдѣ и какъ попало. Болѣе сохранились крутые бока горы, но и то лишь вслѣдствіе того,

что тамъ находки встрѣчались гораздо рѣже, отлогая же подошва горы, гдѣ баштаны, также пострадала. Чтобы начать теперь правильныя раскопки нужно сначала затратить много труда на расчистку поверхности горы и такимъ образомъ привесть ее хотя приблизительно въ нормальный видъ.

Вслѣдствіе такой несистематической разработки, производившейся разными лицами, добытые памятники старины, которые въ совокупности дали бы наглядную и полную картину культуры того времени, разошлись по рукамъ, попали въ разныя мѣста, даже можетъ быть многое уже погибло для науки. Самыя лучшія вещи забраны евреемъ и мы не знаемъ гдѣ онѣ находятся, между ними были, по разсказамъ крестьянъ, образки или медальоны, украшенные перегородчатой эмалью, вѣроятно, подобные изрѣдка находимымъ въ Кіевѣ. Предметы, поступившіе въ Кіевъ, находятся въ университетскомъ музеѣ и затѣмъ въ собраніяхъ древностей Леопардова, Хойновскаго и немногіе въ нашемъ. Кромѣ того, мы знаемъ, что хорошій подборъ древнихъ крестовъ и образковъ пріобрѣтенъ г. Челищевымъ изъ Петербурга, небольшая партія древностей отправлена въ Краковъ.

Изъ массы найденныхъ на горѣ вещей выдѣляется по своему обилію группа предметовъ религіозныхъ. Складные мѣдные кресты-энколпіоны занимаютъ первое мѣсто. Ихъ найдено очень много, вѣроятно, нѣсколько сотенъ. Попадаются они разной величины, въ большинствѣ случаевъ только по одной половинкѣ, хотя встрѣчаются и цѣлые. Между послѣдними обращаетъ на себя вниманіе энколпіонъ, пріобрѣтенный г. Хойновскимъ; особенность его состоитъ въ томъ, что ушко, въ которое продѣвался шнурокъ, взято изъ другого креста, несомнѣнно болѣе древняго, оно густо позолочено и украшено разноцвѣтной эмалью. Самый крестъ отличается работой отъ всѣхъ другихъ, найденныхъ на горѣ. Изображенія на лицевой сторонѣ Іисуса Христа, а на оборотной Божіей Матери не литыя, а сдѣланы рѣзцомъ, кромѣ того, фигура Божіей Матери вырѣзана на серебрѣ. Надписи сдѣланы вглубь; надъ изображеніемъ Іисуса Христа помѣщена надпись: Царь Славы. Крестъ найденъ вполнѣ цѣлымъ; по вскрытіи его оказалось, что между двумя половинками находятся мощи, завернутые въ полуистлѣвшую матерію. Такимъ образомъ этимъ крестомъ объясняется назначеніе энколпіоновъ.

Гораздо меньше найдено небольшихъ крестиковъ-тѣльниковъ, между ними есть и серебряные. Еще рѣже попадались каменные

крестики, въ особенности такъ называемые корсунскіе, т. е. каменные съ металлическими обложками. Кромѣ крестовъ, найдено нѣсколько древнихъ образковъ изъ мѣди, камня и кости, нужно замѣтить, что въ другихъ мѣстахъ находки такихъ образковъ очень рѣдки [1]).

Большое число найденныхъ на горѣ крестовъ и образковъ указываетъ на то, что христіанство пустило глубокіе корни между населеніемъ этой мѣстности, чего, конечно, не могло быть ни во время лѣтописнаго извѣстія о Роднѣ, ни въ ближайшее къ тому время. Слѣдовательно, памятники эти относятся ко времени гораздо болѣе *позднему*. Кромѣ того, количество вообще находимыхъ предметовъ даетъ возможность допустить *большую населенность* поселка.

Большинство золотыхъ и серебряныхъ украшеній также неизвѣстно куда поступили. Между находящимися въ Кіевѣ есть прежде всего золотая головная повязка, составленная изъ продолговатыхъ полуцилиндриковъ (у г. Хойновскаго), такая же повязка, только серебряная, находится въ университетскомъ музеѣ. Затѣмъ большой подборъ шейныхъ гривенъ или обручей; онѣ сдѣланы изъ серебра въ видѣ круглой толстой проволоки, свернутой спиралью пластинки, переплетенныхъ тонкихъ проволокъ и даже есть кусокъ янтарной гривны (въ унив. музеѣ). Къ гривнамъ приближаются куски проволоки съ однимъ концомъ густо завернутымъ плоской спиралью; назначеніе ихъ трудно объяснить (унив. музей). Золотыя и серебряныя серьги, большей частью кіевскаго типа, т. е. состоящія изъ большого кольца съ тремя шипами или шариками на немъ; есть также въ видѣ бусы изъ сложенныхъ основаніями конусовъ, надѣтой на кольцо. Рѣже встрѣчаются серьги съ каменьями, какъ напр. изумрудомъ. Кромѣ этихъ художественно сдѣланныхъ серегъ находятъ гораздо болѣе простыхъ изъ гладкой золотой или серебряной проволоки. Очень разнообразны браслеты—золотые, серебряные, мѣдные и стеклянные, начиная очень изящными чеканными, кончая простыми стеклянными; куски послѣднихъ находятся въ большомъ изобиліи. Перстней найдено немного, мы знаемъ одинъ серебряный съ сердоликомъ, другой мѣдный позолоченный, на щиткѣ его чернью сдѣланъ сложный крестъ. Колецъ изъ гладкой и спиральной проволоки есть до-

---

[1]) Образцы найденныхъ на Княжей Горѣ крестовъ можно найти въ недавно вышедшемъ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ". Вып. I. Сост. Н. Леопардовъ и Н. Черневъ.

вольно много. Особенно разнообразны бусы—онѣ встрѣчаются бронзовыя, костяныя, стеклянныя съ позолотой и узорчатыя, сердоликовыя, изъ разныхъ другихъ камней, янтаря и т. п.

Вѣроятно, между обитательницами горы страсть къ нарядамъ была сильно развита. Роскошь и богатство находимыхъ украшеній даютъ поводъ считать между жителями также людей *знатныхъ* и *богатыхъ*, можетъ быть даже изъ *княжескаго рода*; названіе горы отчасти намекаетъ на это.

Изъ другихъ принадлежностей костюма очень часто попадаются мѣдныя пуговицы въ видѣ бубенчиковъ и шариковъ съ ушками. Далѣе очень интересны двѣ овальныя серебряныя пластинки съ остатками орнамента, онѣ могли служить запоною для плаща (въ унив. музеѣ). Въ составъ туалетныхъ вещей входятъ также круглыя металлическія зеркала, сдѣланы онѣ, вѣроятно, изъ сплава мѣди, олова и серебра; одна сторона ихъ гладко отполирована, другая орнаментирована, держалось зеркало на шнуркѣ, который продѣвался въ ушко, помѣщенное въ центрѣ; величина зеркалъ различна—отъ одного до трехъ и болѣе вершковъ въ діаметрѣ. Попадается кромѣ того безчисленное множество разныхъ пряжекъ, колецъ, украшеній отъ поясовъ и т. п

Доказательствомъ присутствія на горѣ *построекъ* служатъ часто находимыя петли, пробои, замки, на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны очевидные слѣды огня; замки и ключи къ нимъ отличаются оригинальной формой и устройствомъ.

Что Княжа Гора или скорѣе поселокъ возлѣ нея былъ заселенъ *земледѣльцами*, на это указываютъ во множествѣ находимые серпы, косы, кирки, отличающіеся отъ современныхъ. Изъ другихъ предметовъ, употреблявшихся въ хозяйствѣ и ремеслахъ, отмѣтимъ: топоры, молотки, пилы, долота, шила, бруски и т. п. Посуда съ Княжей Горы отличается хорошей выдѣлкой; при насъ найдены четыре горшка, они по формѣ мало разнятся отъ простыхъ теперешнихъ, только немного повыше—«стовбоваты», какъ опредѣляли пекарскія крестьянки.

Для *рыбной ловли* служили желѣзные крючья, предназначавшіеся для крупной рыбы.

Кромѣ мирныхъ занятій, *война*, быть можетъ по неволѣ, играла не послѣднюю роль въ жизни обитателей горы. Многочисленные желѣзные наконечники стрѣлъ разнообразнѣйшихъ формъ, желѣзные дротики и копья свидѣтельствуютъ объ этомъ. Воины были не

только пѣшіе, но и конные, такъ какъ на горѣ находятъ большія шпоры въ видѣ острія и украшенія отъ сбруи.

Торговля также была въ ходу на горѣ—тамъ часто встрѣчаются мѣдныя чашки отъ вѣсовъ, цѣпочки, на которыхъ прикрѣплялись чашки къ коромыслу, и разновѣски. Подборъ такого рода вещей находится въ унив. музеѣ; здѣсь очень интересна мѣдная разновѣска въ видѣ небольшаго цилиндрика съ скошенными боками, на верхней сторонѣ четырьмя точками обозначается вѣсъ ея. По своей рѣдкости и значенію для нашей древней метрологіи она заслуживаетъ полнаго вниманія.

Монетными знаками служили серебряные шестиугольные слитки, такъ называемыя гривны кіевскаго типа; нѣсколько штукъ ихъ найдено какъ на горѣ, такъ и у ея подошвы.—Загадку представляютъ часто находимыя миніатюрныя изображенія кинжаловъ, сдѣланныя изъ мѣди, въ 2—3 снтм. длины. Въ срединѣ лезвія всегда провернена дырочка. Можетъ быть, онѣ служили *амулетами* и носились на груди.

Мы здѣсь не перечисляемъ массы разнообразныхъ вещичекъ, какъ цѣлыхъ, такъ и поломанныхъ, тысячи которыхъ разошлись по разнымъ собраніямъ. Какъ ни незначительны онѣ сравнительно съ другими, вышеперечисленными предметами, однако на каждой изъ нихъ сохранился отпечатокъ своего вѣка, и какъ дополненіе къ главнымъ находкамъ, онѣ въ общемъ даютъ понятіе о давнопрошедшей жизни даже въ мелочахъ.

Какое было бы громадное собраніе, характеризующее разнообразныя стороны быта нашихъ предковъ, еслибы всѣ сокровища Княжей Горы были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ! А этого можно было достигнуть, слѣдовало лишь немного внимательнѣе отнестись къ начинавшемуся разграбленію горы.

Но долго еще наши памятники старины будутъ предоставлены сами себѣ, очень ужъ слабо развитъ интересъ къ нимъ въ нашемъ обществѣ, нѣтъ почти никакого надзора и охраны ихъ и только у насъ могло произойти на глазахъ у всѣхъ такое дѣло, какъ варварская эксплоатація богатствъ Княжей Горы.

Закончимъ нашу замѣтку отрадной новостью: въ настоящее время Княжа Гора поступила во владѣніе извѣстнаго собирателя южно-русской старины В. В. Тарновскаго; имъ уже принимаются

мѣры къ пресѣченію самовольныхъ раскопокъ крестьянъ и съ весны будущаго года предполагается приступить къ правильнымъ, систематическимъ раскопкамъ.

Въ добрый часъ!

Н. Бѣляшевскій.

Лубочныя картинки на малорусскія темы. Лубочныя картинки съ малорусскимъ содержаніемъ, какъ и большинство произведеній этого типа,—продукты московскаго «Никольскаго» рынка. Московская лубочная литература считаетъ уже два вѣка своей исторіи, но малорусскія темы начала она эксплуатировать, кажется, очень недавно. По крайней мѣрѣ Снѣгиревъ («Лубочныя картинки въ московск. мірѣ». Издан. 1861 года) совершенно не упоминаетъ о подобныхъ картинкахъ. Изъ собранныхъ мною самая ранняя картинка относится къ 1879 году. Тѣмъ не менѣе эти произведенія успѣли уже распространиться во всю ширь того района, который посѣщается владимірскимъ ходебщикомъ или офеней. Лично мнѣ приходилось находить картинки съ малорусскими сюжетами на далекомъ востокѣ Европейской Россіи—въ вятской и астраханской губерніяхъ, а г. Астыревъ («Очерки быта населенія восточной Сибири» Русск. Мысль 1890 г. № 8, стр. 21—40) встрѣчалъ ихъ въ восточной Сибири. Трудно узнать тѣ мотивы, которыми руководятся ходебщики, разнося малорусскія картинки среди великорусскаго и инородческаго простонародья, а населеніе, пріобрѣтая ихъ для украшенія стѣнъ своего жилья. Во всякомъ случаѣ, едва ли здѣсь имѣютъ особенное значеніе малорусскіе сюжеты,—скорѣе распространеніе ихъ идетъ вслѣдствіе внѣшнихъ достоинствъ, какъ окраска картинокъ, занимательность сюжета и т. п. Но здѣсь важенъ самый фактъ, что простонародныя картинки съ малорусскимъ содержаніемъ распространяются среди великорусскаго населенія, на что указываетъ и появленіе въ теченіи 2—3 лѣтъ повторныхъ изданій. Если для этнографіи важно знать и отмѣчать вообще тѣ пути, какими простонародье получаетъ свѣдѣнія и образуетъ представленіе о народностяхъ, не стоящихъ съ нимъ въ близкомъ непосредственномъ соприкосновеніи по жизни, то лубочныхъ картинокъ ни въ какомъ случаѣ нельзя оставить въ сторонѣ.

При крайней бѣдности у насъ народной книжной литературы, при полнѣйшемъ отсутствіи въ ней книжекъ народоописательнаго

содержанія, лубочныя картинки являются основнымъ источникомъ, черезъ который, напр., великорусское и инородческое простонародье узнаетъ о малороссахъ, ихъ жизни, характерѣ и пр. Картинки съ малорусскимъ содержаніемъ, прибитыя къ стѣнѣ жилья, и самыми рисунками, а иногда и текстомъ, отпечатаннымъ на нихъ, воспитываютъ въ населеніи представленіе о хохлахъ и составляютъ живую литературу народа. Какія свѣдѣнія о малоруссахъ распространяютъ Сытинъ и К° путемъ картинокъ, какія стороны жизни ихъ иллюстрируютъ,—съ этимъ можно ознакомиться изъ содержанія картинокъ. Нельзя сказать, чтобы лубочныя картинки на малорусскія темы были особенно разнообразны по сюжетамъ,—скорѣе онѣ страдаютъ бѣдностью, однообразіемъ, и нерѣдко одну и туже тему онѣ варьируютъ путемъ измѣненія въ деталяхъ на разные лады. Изъ 17-ти экземпляровъ, которые я имѣю въ настоящее время въ своемъ распоряженіи, двѣ картинки представляютъ повторныя изданія, впрочемъ, со значительными измѣненіями въ рисункахъ, а одна—есть лишь видоизмѣненіе прежде изданной подъ другимъ заглавіемъ и съ частичною перемѣною въ рисункѣ. Малорусскія картинки составляютъ изданіе Сытина (7 картинокъ), затѣмъ М. Т. Соловьева, В. Васильева, А. и Ѳ. В. Морозовыхъ. Все это хромолитографія—произведенія послѣдняго десятилѣтія: ранняя—изданіе 1879 года, затѣмъ *двѣ*—1884 г., *шесть*—1885, *четыре*—1886, *одна*—1887 и *три* 1888. Съ технической стороны, при цѣнности отъ 2 до 5 коп. за экземляръ, малорусскія картинки вообще недурно исполнены, что составляетъ пріятное отличіе этихъ картинокъ среди лубочной мазни. Въ отдѣльныхъ случаяхъ и сюжеты рисунковъ выбраны удачно и выполнены не безъ этнографической правды: я объясняю это тѣмъ обстоятельствомъ, что малорусскіе рисунки, появившись въ самое послѣднее время, имѣли своими творцами представителей интеллигенціи, какими въ настоящее время располагаетъ и московскій лубочный рынокъ. Неудачныя картинки на малорусскія темы, безталанныя по содержанію, уродливыя по исполненію, безграмотныя по тексту—во всякомъ случаѣ являются въ меньшинствѣ, и даже какъ исключенія. Интересно, что позднѣйшія повторныя изданія и по комбинаціи рисунковъ, и по техникѣ хромолитографіи представляютъ яркія улучшенія, сравнительно съ болѣе ранними изданіями. По содержанію малорусскія картинки могутъ быть подведены подъ три категоріи: *рисунки на историко-литературныя темы, картинки съ бытовымъ содержаніемъ и картинки жанровыя или юмористическія.*

Къ первой категоріи относятся слѣдующія картинки: 1) «Гетманъ Богданъ Хмельницкій объявляетъ о присоединеніи Малороссіи къ Россіи на общей радѣ въ Переяславѣ въ 1654 году»; 2) «Встрѣча Тараса съ сыновьями», 3) «Тарасъ Бульба» (въ двухъ изданіяхъ) и 4) «1709 г. Полтава». Какъ показываетъ самое заглавіе, три послѣднія картинки составляютъ своего рода иллюстрацію къ поэмамъ съ южно-русскимъ содержаніемъ: «Тарасъ Бульба» Гоголя и «Полтава» Пушкина, изъ которыхъ текстъ и процитированъ на самыхъ картинкахъ. Интересно, что картинка «Тарасъ Бульба» имѣется въ двухъ изданіяхъ—1886 и 1888 годовъ и, представляя собою изданія одной фирмы В. Васильева, онѣ не имѣютъ между собой полной тождественности: въ послѣднемъ изданіи взято нѣсколько новыхъ моментовъ изъ поэмы для иллюстраціи и общіе въ обѣихъ картинкахъ моменты въ послѣдней иллюстрированы своеобразно, и главное, съ большею правдою со стороны этнографіи, какъ по отношенію малороссовъ, такъ и поляковъ и татаръ. Кромѣ того, въ картинкахъ 1888 года рисунки отчетливѣе и самая хромолитографія чище и ярче. Но между картинками историческаго содержанія наиболѣе эффектовъ и по краскамъ хромолитографіи, и по концепціи рисунка, представляетъ картинка «Гетманъ Богданъ Хмельницкій», изд. А. В. Морозова.

Между картинками съ бытовыми сюжетами лучшія по исполненію: 1) «Иди, хлопецъ, не бойся» и 2) «Ну, Оксана, впередъ» — картинки совершенно однородныя по сюжету: малороссіянка (въ праздничномъ нарядѣ) съ граблями на плечахъ, переводитъ по «кладкѣ» черезъ рѣку—въ первой—мальчика, и во второй дѣвочку. Мало общаго съ аляповатыми произведеніями вообще московскихъ литографій имѣютъ и другія картинки этого типа: 3) «Постой, постой, молодица; дай молодцу напиться, а я тебѣ помогу, коромысло подержу», на которой изображена группа изъ дѣвушки малороссіянки, стараго чумака и косаря—парубка. 4) «Я сама ли твоему горю помогу, черезъ рѣченьку сама перевезу». Здѣсь малороссіянка-дѣвушка перевозитъ на лодкѣ старика охотника съ собакой. 5) «Праздникъ въ Малороссіи» — картинка представляетъ двѣ группы: «дивчатъ» на берегу у костра и «парубковъ» въ лодкѣ у берега. 6) «Ахъ, зачѣмъ приворожила, коль я душе твоей не милъ», написанная, несмотря на текстъ, на малорусскую тему: парубокъ-косарь наклонился надъ изголовьемъ «дивчины», которая въ солнечный день, истомившись, заснула за прялкой на «примосци» у хаты (или вѣрнѣе избы великорусской). Всѣ послѣднія 6 картинъ вышли изъ литографіи Сытина.

Близка къ нимъ и картинка изъ литографіи О. В. Морозова, наиболѣе ранняя изъ описанныхъ картинокъ (1879 г.) 1) «Прощаніе косаря» съ неграмотными словами къ ней «скажи мнѣ еще одно слово! сказалъ косарь и взглянулъ на пылающее лицо *девицы,—сверкающій* огонь пробѣжалъ по жиламъ отъ этого взгляда».

Въ описанныхъ картинкахъ, помимо недурной литографіи, нѣтъ рѣзкихъ погрѣшностей и противъ этнографической правды: видно, что творцы рисунковъ или сами южноруссы, или же знакомы съ рисунками на малороссійскіе сюжеты. Но вотъ 8-ая изъ бытовыхъ картинокъ—«Прощальная пѣсня» изд. литогр. М. Т. Соловьева представляетъ уже образецъ фантазіи художника московскаго рынка: дѣвушка южнорусскаго типа нарисована въ корсеткѣ и плахтѣ и обстановка картинки малорусская—огородъ съ цвѣтами и дынями, вдали виднѣются пирамидальные тополи; но герой картины, долженствующій представлять изъ себя парубка-новобранца,—не то городской кучеръ, не то фабричный гуляка, въ соломенной шляпѣ съ лентами, съ сопѣлкой въ рукахъ, одѣтъ въ плисовую поддевку, красную рубашку съ отложными воротничками и въ сапоги буракомъ. Текстъ подъ картинкой («Съ тобой, моя милая, сижу послѣдній часъ и въ очи твои ясныя гляжу послѣдній разъ» и т. д.) тоже своего рода шедёвръ лубочной поэзіи.

Лубочная литература въ описанныхъ восьми образцахъ дала рисунки главнымъ образомъ изъ бытовой обстановки малороссовъ, и только отчасти коснулась внутренняго міра ихъ въ видѣ любовныхъ сценъ, — напротивъ, слѣдующая группа лубочныхъ картинокъ — картинки жанровыя—касается нравовъ малоруссовъ по преимуществу и ихъ внутренней жизни. Темами для этого послужили такъ называемыя ходячія мнѣнія о простоватости «хохла», о бойкости «хохлушки» и ея семейномъ главенствѣ, о чародѣйныхъ силахъ запорожца, объ эротическихъ похожденіяхъ черта и т. н. Это наиболѣе важныя по этнографическому интересу картинки съ малорусскимъ содержаніемъ; къ сожалѣнію всѣ онѣ отмѣчены балаганнымъ пошибомъ (чѣмъ уродливѣе и глупѣе,—тѣмъ больше смѣха). Сюда относятся картинки: «Женатый чертъ», «Малороссійская пѣсня» (въ двухъ варіяціяхъ) и «Ведры-сапоги». Содержаніе картинки «Женатый чертъ» удобнѣе передать по стихотворному тексту ея: «Часто люди слышатъ про жену и мужа: «эхъ, моя бабенка черта даже хуже»! Услышавъ объ этомъ, чертъ и женился. Но скоро отъ жены (польки) «бѣжать пустился чертъ, что было духу, глядь хохолъ уперся прямо ему въ брюхо.—

«Ты куда?—Отъ жинки.—«Вотъ я, братъ, тоже». Подѣлились горемъ, сдружились и заключили условіе: чертъ бабенокъ началъ бѣсновать, а хохолъ—Гаврила лечить ихъ и загребать гроши лопатой и бражничать. Позвали Гаврила разъ какъ то къ дочери пана изгнать бѣса, но чертъ уперся; панъ хохла «на пенья», тотъ какъ крикнетъ звонко: «чертъ, къ тебѣ вернулась снова твоя жонка»! Чертъ не взвидѣлъ свѣта, съ горя чуть не падалъ—и во всѣ лопатки вдругъ задалъ». Эта тема о влюбчивости черта, о связи хохла съ чертомъ разрабатывается въ формѣ шести аляповато—карикатурныхъ картинокъ.

Двѣ картинки на слова малороссійской пѣсни: «Била жинка мужика, за чуприну взявши», рисуютъ одинъ и тотъ же сюжетъ; представляя сходство въ заглавіи, текстѣ пѣсни и въ издат. фирмѣ (М. Т. Соловьева), разнятся въ самомъ рисункѣ, и нужно сказать, что послѣдняя редакція (1887 г.) несравненно лучше и по концепціи рисунка, и по правдивости этнографической въ лицахъ, одеждѣ и обстановкѣ, чѣмъ первая (1885 г.), гдѣ, напр., жена нарисована въ плахтѣ, а мужъ—въ оранжевой блузѣ.

Наконецъ, послѣдняя—«Ведры-сапоги», напечатанная въ литографіи того же М. Т. Соловьева (1886 г.) представляетъ группу изъ пьянаго хохла—мужа, жены его въ великорусскомъ посконномъ сарафанѣ и на палатяхъ—солдата, и все это—въ избѣ великорусскаго типа, едва-ли даже не курной. Тема рисунка, какъ хохолъ съ пьяна, подъ убѣжденіемъ жены, принимаетъ солдатскіе сапоги за ведра,—разсказана въ стихахъ, достоинство которыхъ видно изъ послѣдняго стиха: «И развелъ хохолъ руками: я ужъ прожилъ тридцать ѣлтъ. Но не видѣлъ такихъ *ведровъ*, такихъ *ведровъ* вовсе нѣтъ»!

Ир. Ж.

О нѣкоторыхъ монетахъ, приписывавшихся Ярославу Мудрому: (По поводу книги; Der byzantische Zellenschmelz, von Iohannes Schulz Pfarrer. Franfurt a M. 1890). Графъ И. И. Толстой, въ своемъ нумизматическомъ опытѣ «Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго, С.-Петербургъ, 1882», описываетъ три типа монетъ Ярослава I. На монетахъ перваго типа на одной сторонѣ изображенъ святой въ нимбѣ съ длиннымъ крестомъ въ правой рукѣ и круговою надписью *Геіос* вмѣсто *Георгіос,* а на другой—изображена

хоругвь [1]). Ко второму типу отнесены монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ великаго князя съ длиннымъ крестомъ въ правой рукѣ и въ нимбѣ и надписями справа *Игир*, а слѣва *Геюр*, а на оборотной сторонѣ, по бокамъ хоругви, справа *идри* или *иги+ь*, а слѣва—*Гюргии* или *Геюр* [2]). Къ третьему типу принадлежатъ монеты съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ св. Георгія Побѣдоносца, съ копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой и съ круговою надписью ο Γεογγιος, а на обратной сторонѣ—«Ярославле сребро. амин» [3]). Принадлежность этихъ монетъ Ярославу Мудрому, при архаическомъ ихъ характерѣ и славяно-русскихъ надписяхъ, утверждалась главнымъ образомъ на словахъ *«Ярославле сребро»* и на имени св. Георгія, которое носилъ Ярославъ I во св. крещеніи.

Н. П. Черневъ въ своихъ «Замѣткахъ о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ, С.-Петербургъ, 1888», говоритъ, что, по его мнѣнію, въ надписяхъ на сребренникахъ двухъ первыхъ типовъ такъ называемыхъ Ярославовыхъ монетъ нѣтъ никакой возможности прочесть имя Георгія безъ сильныхъ натяжекъ, да и нѣтъ въ томъ необходимости, ибо на нихъ легко и ясно читается другое имя Петръ, въ греческой и славяно-русской формѣ, т. е. Πέτρος, *Петар* или *Петьр*. Нужно только читать эту надпись вертикально, сверху внизъ, а не сбоку, какъ читали прежде. Г. Черневъ приписываетъ эти монеты черниговскому княжеству. Что же касается монетъ третьяго типа, съ надписью «Ярославле сребро», то онѣ дѣйствительно могутъ принадлежать Ярославу, хотя, можетъ быть, чеканены и не въ Кіевѣ [4]).

Но, прочитавъ на Ярославовыхъ монетахъ первыхъ двухъ типовъ имя Петръ, г. Черневъ не объяснилъ другихъ надписей на этихъ монетахъ *игир*, *идри* и т. п., хотя однако же проложилъ путь къ прочтенію и объясненію ихъ. Заинтересовавшись изображеніемъ св. Петра на разсматриваемыхъ монетахъ перваго и втораго типа, онъ старался разыскать, откуда взято это монетное изображеніе св. Петра съ крестомъ въ рукѣ. Г. Черневъ нашелъ мѣдную монету крестоносцевъ, съ именемъ Танкреда, на которой тоже изображенъ св. Петръ.

---

[1]) „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго", 1882 года, стр. 55 и 56 и таблиц. 3 и 4, № 17.

[2]) Тамъ же, стр. 57 и 58 и таблиц. 3 и 4, №№ 18—20, и табл. 9, № 12.

[3]) Тамъ же, стр. 60—62 и таблиц. 13, №№ 1—6.

[4]) „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ" Н. Чернева, С.-Петербургъ, 1888 г. стр. 41—44, 65, 74 и 75.

Но монеты крестоносцевъ едва ли могли имѣть непосредственное отношеніе къ русской землѣ и древнимъ ея монетамъ.

Будучи посвященъ въ изысканія г. Чернева, я тоже съ своей стороны искалъ подходящихъ изображеній св. Петра, которыя бы можно было признать прототипомъ изображенія его на древнихъ русскихъ монетахъ. Среди этихъ поисковъ, я получилъ отъ А. В. Звенигородскаго изданную имъ заграницей книгу «Der byzantische Zellenschmelz von Iohannes Schulz Pfarrer». Къ книгѣ приложены снимки съ византійскихъ перегородчатыхъ эмалей, преимущественно изъ собранія Звенигородскаго, между которыми есть изображеніе св. апостола Петра, держащаго въ лѣвой рукѣ δικανίκιον съ крестомъ наверху, съ вертикальною надписью по сторонамъ: на правой ὁ ἅγιος, а на лѣвой Πέτρος. Разница между монетнымъ изображеніемъ и надписью и соотвѣтствующими на византійской эмали состоитъ въ томъ, что на монетѣ апостолъ Петръ держитъ крестъ въ правой рукѣ и надпись Πέτρος находится на правой, а не на лѣвой сторонѣ апостола. Но разница эта очень просто и легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что рѣзчикъ, вырѣзывавшій штемпель для монеты, сдѣлалъ неумѣлый переводъ съ имѣвшагося у него подъ руками подлинника и вырѣзалъ надпись не отъ правой руки къ лѣвой, какъ бы слѣдовало и какъ это дѣлается, напр., при вырѣзкѣ печатей, а отъ лѣвой къ правой, вырѣзавъ такимъ же порядкомъ и самое изображеніе. Вслѣдствіе этого, изображеніе и надпись на монетѣ отчеканились въ обратномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, на монетѣ изображенъ св. апостолъ Петръ и, вѣроятно, съ какой нибудь византійско-русской эмали; а такихъ эмалей въ древней Россіи было не мало, какъ это видно уже изъ однѣхъ находокъ въ Кіевѣ. Δικανίκιον въ лѣвой рукѣ апостола, похожій нѣсколько на скипетръ, съ крестомъ вверху, вѣроятно явился подъ вліяніемъ запада и могъ означать первенствующее положеніе ап. Петра между другими апостолами. Этотъ же δικανίκιον послужилъ прототипомъ для архіерейскаго жезла. Вершина δικανίκιονά, съ крестомъ на верху или безъ него, могла послужить исходнымъ пунктомъ къ развитію изображенія на разсматриваемыхъ монетахъ двурогаго знамени или хоругви, иногда съ крестомъ въ серединѣ или на одномъ рогѣ.

Кромѣ изображенія св. апостола Петра, между эмалями г. Звенигородскаго есть изображенія и великомученика Георгія, встрѣчаемое и на Ярославовыхъ монетахъ. Но интереснѣе всего то, что

на монетахъ приписывавшихся Ярославу I, при сравненіи ихъ съ эмалями Звенигородскаго, открывается теперь имя *Димитрій*, параллельное надписи на эмалевомъ изображеніи св. великомученика Димитрія на одной изъ этихъ эмалей. Нужно только читать на монетахъ это имя отъ правой руки къ лѣвой, и притомъ сначала на лѣвой сторонѣ монетнаго изображенія, а потомъ уже и на правой. Полнѣе и отчетливѣе всего эта надпись съ именемъ Димитрія читается въ книгѣ графа И. И. Толстаго на таблицѣ 9, № 12, и на таблицѣ 4, №№ 20 и 18, при чемъ нужно замѣтить, что буквы на правой сторонѣ монетнаго изображенія стоятъ вверхъ ногами.

Но этимъ неправильнымъ переводомъ съ оригинала не ограничивалось копированіе на древнихъ русскихъ монетахъ. Иногда и самый этотъ переводъ или копія воспроизводились новымъ, позднѣйшимъ рѣзчикомъ, но тоже неумѣло, и потому являлась новая, еще болѣе искаженная варіяція надписи, какъ напр. у Толстаго на таблицѣ 4, № 19, представляющая неумѣлую копію съ перевода на таблицѣ 9, № 12. Отъ имени Димитрія произошли всѣ непонятныя доселѣ слова *иир*, *идри* и т. п.

Предоставляя обслѣдовать подробности спеціалистамъ—нумизматамъ, мы ограничимся только общими выводами изъ данныхъ фактовъ, которые можно свести къ слѣдующимъ: 1) въ кругъ изслѣдованія о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ нужно ввести и изслѣдованіе византійско-русскихъ перегородчатыхъ эмалей, которыя, какъ оказывается, имѣютъ пункты соприкосновенія съ монетами; 2) русскіе древніе монетчики нерѣдко копировали съ подлинниковъ изображенія и надписи неумѣло, неправильно, вслѣдствіе чего изображенія и надписи на древнихъ монетахъ выходили въ обратномъ порядкѣ, и надписи, поэтому, становились неудобными для чтенія и теряли свой смыслъ; 3) позднѣйшіе монетчики дѣлали иногда переводы уже съ копій и еще болѣе искажали надписи; 4) опредѣленіе способовъ воспроизведенія монетчиками изображеній и надписей на монетахъ даетъ ключъ къ прочтенію и уразумѣнію надписей; 5) опредѣленіе первичныхъ переводовъ съ оригинала и вторичныхъ копій съ этихъ переводовъ можетъ содѣйствовать установленію хронологической послѣдовательности появленія извѣстныхъ монетныхъ типовъ; 6) съ указанныхъ точекъ зрѣнія требуется новый, тщательный пересмотръ всѣхъ извѣстныхъ и изданныхъ доселѣ древнѣйшихъ русскихъ монетъ, особено съ непонятными надписями.

Н. Петровъ.

Двѣ грамоты митрополитовъ кіевскихъ Самуила Миславскаго (1783—1796 гг.) и Іероѳея Малицкаго (1796—1799 гг.). Обѣ грамоты даны одному и тому-же лицу, нѣкоему «благоговѣйному мужу» Андрею Базилевскому, котораго митрополитъ Самуилъ посвятилъ въ стихарнаго дьяка, въ 1789 г. а митрополитъ Іероѳей, въ 1797 г. возвелъ въ санъ іеродіакона, при церкви святителя Николая, въ с. Губскомъ лубенскаго уѣзда.

Грамоты эти въ высшей степени интересны въ томъ отношеніи, что онѣ представляютъ собою подробныя инструкціи относительно обязанностей стихарнаго дьяка и іеродіакона и правилъ поведенія въ этихъ званіяхъ.

Исчисливши Базилевскому его обязанности, въ качествѣ стихарнаго дьяка, митрополитъ Самуилъ приказываетъ ему *«быти трезвенну, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, не піяницѣ, не бійцѣ: но кротку, почтительну ко іерею, свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою, поучати домашнихъ закону Божію, являти имъ себе примѣромъ во храненіи онаго, и упражднятися въ чтеніи Божественнаго писанія и во уразумѣніи силы его и таинъ нелѣностно»*. Митрополитъ же Іероѳей, при посвященіи Базилевскаго въ іеродіакона, повторяетъ наставленія въ томъ же духѣ, прибавляя: *«аще же оный діаконъ начнетъ жити безстрашно, или что неприличное іеродіаконству дѣяти: упиватися, или кощунствовати, или грабежства и хищенія каковымъ-любо нравомъ творити, или инако безчинствовати, или о церкви своей будетъ нерадѣти, или самъ Божественнаго писма чтенію и вниманію прилѣжати не будетъ, запрещеніе іеродіаконства да пріиметъ, дондеже исправится и покажетъ житіе незазорное и благочинное, іеродіакономъ подобающее»*.

1) Божію милостію смиренный Самуилъ, митрополитъ кіевскій и галицкій и архимандритъ Кіево-Печерскія лавры.

По благодати и власти Всесвятаго и Животворящаго Духа, даннѣй намъ отъ Великаго Архіерея Господа и Бога нашего Іисуса Христа чрезъ святыя Его апостолы, и ихъ намѣстники и преемники, благоговѣйнаго сего мужа Андрея Базилевскаго, первѣе всякимъ опаснымъ истязаніемъ испытавше, паче же по исповѣди отца его духовнаго игумена Веніамина, благословили въ чтеца ко храму Святителя Христова Николая, лубенскаго уѣзда въ село Губское и посвятили въ стіхарь сего 1789 года декабря 9 дня.

Пребывая же ему, Базилевскому, при помянутомъ храмѣ, подобаетъ жити по правиламъ святыхъ Апостолъ и Отецъ, прилѣжати чтенію и пѣнію, хранити благолѣпіе храма Господня, имя Божіе воспоминати и призывати съ благоговѣніемъ, быти трезвенну, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, не піяницѣ, не бійцѣ: но кротку, почтительну ко іерею, свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою, поучати домашнихъ закону Божію, являти имъ себе примѣромъ во храненіи онаго, и упражднятся въ чтеніи Божественнаго писанія и во уразумѣніи силы его и таинъ нелѣностно: да приуготовитъ себе къ вышшему священничества степени; всемѣрно же удалятися отъ дѣлъ, званію сему неприличныхъ и могущихъ подати взирающымъ на его жизнь соблазнъ: словомъ, во всемъ себе представляти, яко служителя Божія: и ко другимъ церквамъ безъ нашего благословенія отнюдь не приходити.

Извѣстнаго же ради свидѣтельства, яко онъ, Базилевскій, нами въ чтеца къ вышеупомянутой церкви посвященъ, дадеся ему сія граммота, рукою нашею подписанная и печатію утвержденная въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, при домѣ нашемъ Софійскомъ, лѣта отъ мірозданія 7 97, воплощенія же Божія Слова 1789, мѣсяца декабря въ 11 день. (М. П.).

2) Божіею милостію смиренный Іеровей, митрополитъ кіевскій и галицкій и архимандритъ Кіево-Печерскія лавры.

По благодати, дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, даннѣй намъ отъ Самаго Великаго Архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ святыя и священныя Его Апостолы и ихъ намѣстники и преемники, благоговѣйнаго сего мужа, Андрея Базилевскаго, всякимъ первѣе опаснымъ истязаніемъ прилѣжно испытавше, и достовѣрными свидѣтельствы о немъ увѣрившеся, къ симъ же вящше извѣстившеся по исповѣди его ко отцу его духовному, игумену Веніамину, судихомъ достойна быти святаго сана іеродиаконскаго. По обычаю же и чину святыя Апостолскія восточныя церкве и по нашему благословенію, содѣйствующу томужде Животворящему и Всесовершающему Святому Духу, рукоположеніемъ посвятихомъ во діакона ко храму Святителя Христова Николая лубенскаго уѣзда въ село Губское сего 1797 года августа 9 дня, и повелѣхомъ ему при божественной литургіи и при иныхъ таинствахъ, совершаемыхъ отъ іерея, и при прочихъ священнодѣйства служеніяхъ и чинѣхъ, служити со страхомъ Божіимъ и многимъ вниманіемъ и говѣніемъ, къ

самаго Господа славѣ, вся приличная діакономъ служенія, по правиламъ святыхъ Апостолъ и опредѣленію богоносныхъ отецъ: по уставу же и чину святыя восточныя Церкве и по нашему Архіерейскому рукоположенію, благословенію же и повелѣнію. Къ сему долженъ діаконъ Андрей Базилевскій повиноватися іерею своему, споспѣшествуя и труждаяся во всемъ во благое. Служеніе же діакона: священныя сосуды къ служенію уготовляти, молитвы о народѣ возносити собственно и народно въ церкви, въ нюже рукоположися и благословися, на амвонѣ чести Евангеліе и апостолская посланія и не сущу іерею, учити люди отъ божественныхъ писаній божественнымъ заповѣдямъ и жителству христіанскаго закона отъ догматъ и толкованій церковныхъ свѣтилъ, богоносныхъ отецъ, вящше же сего ничтоже творити дерзати іереемъ подобающихъ: ниже проскомисати, ниже предъ іереевъ причащатися тѣла и крове Христовы и иныхъ святынь касатися, ниже самому себе самого или инаго кого причастити когда, ниже, присущу іерею, учити, ниже іереа предсѣдати: подобно же имѣти честь и діакономъ отъ поліаконовъ и всѣхъ клириковъ. Отъ храма же, къ немуже Андрей Базилевскій благословенъ есть и у негоже и служити имать, инамо безъ нашего благословенія прейти никакоже да дерзнетъ, по третіему правилу собора антіохійскаго, и двѣма церквами да не обладаетъ, по пятомунадесятъ правилу седмаго вселенскаго собора, да не святая корчемствуя явится, но единому и томужде престолу выну да предстоитъ въ церкви свободнѣй сущей, а не въ церкви куплею стяжаннѣй, ея же ради тогожде—собора правило третіенадесятъ изверженію предаетъ. Долженъ же онъ, діаконъ Базилевскій, по нашему повелѣнію и по своему обѣту вседушно прилѣжати Божественнаго писанія чтенію и вниманію присно; обучати же себе по Апостолу ко благочестію, трезвѣнію, цѣломудрію, благоговѣнію, и быти честну, страннолюбиву, не піяницѣ, не біицѣ, не мздоимцу, не сварливу, но кротку, смотреливу, не завистливу, не сребролюбцу, учителну, ни едино ни въ чемже дающу претковеніе, да служеніе непорочно будетъ, но во всемъ преставляти себе образъ быти благихъ дѣлъ, имущу таинство въ чистой совѣсти и прочыя вся іеродіаконству его подобающыя добродѣтели, яко очесы Божіими назираемъ, тщатися исполняти со вниманіемъ, да будетъ добръ діаконъ, сіе есть служитель Христа Іисуса, питаемь словесы вѣры и добрымъ ученіемъ. Повелѣваемъ же ему и правила, въ регламентѣ, то есть, уставѣ Правительствующаго Духовнаго Сінода пресвитерамъ и діаконамъ уставленныя, прилѣжнѣе и

часто прочитовать и по онымъ исполнять. И аще сице послужитъ, не въ лукавствіи ходя, ниже льстя словесе Божія, но явленіемъ истины представляя себе, и сие служеніе свое извѣстно сотворитъ, и не неправеденъ Богъ забыти дѣло и трудъ его, но вѣрныхъ и мудрыхъ служителей степень добръ себѣ отъ руки Всебогатодавца здѣ пристяжетъ, въ день же страшнаго испытанія Владичня мздовоздаяніе непостыдное воспріиметъ. Аще же оный діаконъ начнетъ жити безстрашно, или что неприличное іеродіаконству дѣяти: упиватися, или кощунствовати, или грабежства и хищенія каковым-либо правомъ творити, или инако безчинствовати, или о церкви своей будетъ нерадѣти, или самъ Божественнаго писанія чтенію и вниманію прилѣжати не будетъ, запрещеніе іеродіаконства да пріиметъ, дондеже исправится и покажетъ житіе незазорное и благочинное, іеродіакономъ подобающее. Аще же что содѣетъ возбраняющее іеродіаконству, изверженію сана іеродіаконска да подлежитъ, въ онже часъ оное возбраняющее содѣетъ. Извѣстнаго же ради свидѣтельства, яко отъ насъ сей Андрей Базилевскій на степень іеродіаконства возведенъ, рукоположенъ же и благословенъ, вручися ему сія наша въ типографіи изданная граммата, рукою нашею подписанная и печатію запечатанная, да всякъ взембляй и прочитаяй ю, оное возведеніе и іеродіаконство его свидѣтельствующую, имать его іеродіакона честна и по закону Божію и святыхъ отецъ ученію во всемъ да слушаетъ его Андрея Базилевскаго. Дадеся во градѣ Кіевѣ, при домѣ нашемъ Софійскомъ митрополитанскомъ, лѣта мірозданія . . . 6, воплощенія же Божія Слова 1797 мѣсяца сентября въ 4 день (М. П).

Н. В. Стороженко.

Замѣтка А. И. Чепы о таможняхъ. (Изъ яготинскаго архива). О пограничныхъ таможняхъ, въ Малороссіи находящихся.

Въ Малой Россіи учреждены двѣ таможни:

1-я. Въ 1754 году васильковская.

Подъ вѣдомствомъ таможеннымъ заставы: межигорская, стайковская, переяславская и секиринская.

2-я. Въ 1774 году (вмѣсто отошедшей въ могилевскую губернію добрянской таможни)—сорженицкая, а подъ ея вѣдѣніемъ каменская застава.

Въ первой, то есть васильковской таможнѣ находится опредѣленной директоръ и цолнеръ, а въ другой смотритель съ цолнеромъ же, въ заставахъ же—межигорской смотритель, а въ прочихъ унтеръцолнеры.

Собираемыя изъ тѣхъ таможенъ и заставъ деньги присылаются въ кіевскую губернскую канцелярію, кромѣ секиринской заставы, изъ которой по присоединеніи оной къ кременчуцкой таможнѣ и деньги въ ту собираются по указу главной надъ таможенными сборами канцеляріи.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Дѣло о волшебствѣ. Во время слѣдствія, производившагося въ 1763 г. надъ ирклѣевскимъ сотникомъ Павломъ Завойкой по поводу его злоупотребленій и разнаго рода насилій, совершавшихся имъ надъ козаками, въ числѣ свидѣтелей противъ него явилась козачка Пруска Дѣдичка. Сотникъ, вообще прибѣгавшій за время слѣдствія ко всевозможнымъ изворотамъ, чтобы устранить неудобныхъ для него свидѣтелей, заявилъ на этотъ разъ, что свидѣтельство Дѣдички не можетъ быть принято, такъ какъ она была наказана плетьми за волшебство, и въ доказательство представилъ копію съ указа, даннаго въ 1749 году изъ полковой переяславской канцеляріи сотенному ирклѣеевскому правленію. Заимствуемъ изъ этого документа ту часть его, которая касается самаго дѣла о волшебствѣ, думая, что въ ней заключаются не лишенныя интереса бытовыя подробности.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской з полковой переяславской канцеляріи содержащомусь сотенное ирклѣевское правление атаману городовому Стефану Джулаю. Изстекшаго 748 года октябра 9 дня, по вислушаніи и разсмотреніи присланого в полковую здешную канцелярію, отъ васъ в сотенномъ ирклѣевскомъ правленіи по доношениямъ тамошнихъ ирклѣевскихъ козаковъ жителей мойсѣнскихъ Ивана Велка, Андрея Цимбалистого, Григория Василиева, Капитона Дѣдика о своровантхъ в онихъ козаковъ пяти лошадяхъ якоби козака ирклѣевского жъ Павла Гулиды синомъ Грицкомъ, и о чинимомъ об онихъ лошадяхъ, чтоби онне без взисканния могли остатця, жителкою мойсѣнскою Прускою Гаврилихою Дѣдичкою волшебствѣ следованого и рѣшеного дѣла, якое по тому

здешней полковой канцеляріи разсмотренню явилось не въ надлежащемъ обстоятелствѣ отправленнаго з полковой переяславской канцеляріи к вамъ указомъ веленно... предреченную жителку мойсѣнскую Дѣдичку до прама ль она и по чиему прошенню волшебство в ономъ дѣлѣ показанное чинила и отъ кого того обучилась и какъ давно и не причинила ль тѣмъ своимъ волшебствомъ кому какого зла и кому именно и гдѣ и по чиему наущению жесточайше роспросить, и что в техъ роспросахъ показанно будетъ в полковую здешную канцелярію представить, и того минувшого 748 года, декабра 22, при доношеніи своемъ з роспросннхъ оной баби Дѣдички рѣчей копию в полковую здешную канцелярию представили. Въ коемъ роспросѣ она, Дѣдичка, таковому своему волшебству чинимому не потаилась, но точию видимо закривая вiность свою, чтоби возможно ей отъ следующого за таково зло наказания избавитись, показала, якоби она, Дѣдичка, не для чего иного какъ токмо по причинѣ той, что оній Гулида мужа ея Гаврила Дѣдика о покражи в оного Гулиди лошадей воровствомъ опорочилъ и даби она, Дѣдичка, в томъ чию исправность в воровствѣ тѣхъ пяти лошадей могла уведать и тѣмъ Гулиду изобличить и обидимимъ мойсѣнскимъ жителямъ и козакамъ о ихъ лошадяхъ сознатъ ворожила и волшебствовала. Якого де волшебства она, Дѣдичка, нѣ от кого якоби не изобучилась и тѣмъ своимъ волшебствомъ нѣкому нѣкакого зла не учинила, и болше того едного волшебства не знаетъ, и нѣкому не волшебствовала, а понеже, какъ з допроса и роспроса ея явствуетъ, что по прошенню козаковъ Гулидъ о своровапихъ пяти лошадяхъ даби на сторону онихъ Гулидъ дѣло в сотенномъ правленіи рѣшенно, она, Дѣдичка, ворожила тако: обнаженная на гробовищѣ землю брала и оную Гулиденкамъ для пересипу дорогъ, которими просителъ о поворованихъ лошадяхъ своихъ ходитъ будутъ, тако жъ и воду давала и, тручи порожней макотертъ, говорила, что трется да мнется дай такъ минетця, что признать можно за настоящое волшебство, которое Богу и ея императорскаго величества всемъ указамъ и уставамъ противно, какова зла высочайше ея императорскаго величества укази и права малороссійские под страхомъ смертной казни чинить запрѣщають, точно понеже вишеупомянутій резонъ в роспросѣ ея показаній якоби она нѣкогда нѣкому до того не волшебствовала и того зла чинить нѣ отъ кого не изобучалась, и в томъ во всемъ дѣлѣ нѣкимъ не изобличена и впервѣе то зло учинила по причинѣ и по злобѣ той, что прежде того показаній Гулида мужа ея воровствомъ его лошадей билъ опотварилъ и даби

и его, Гулиди, в показанниxъ мойсѣнскихъ козаковъ лошадей воровство подлѣги признать, и тимъ изобличить могла ворожила: того рады сего числа по указу ея императорскаго величества в полковой переяславской канцеляріи согласно приказали: сослать вамъ сей ея императорскаго величества указъ, в которомъ предложить, даби вы часто напоминаемую бабу Дѣдичку за произшедшое отъ ней в противность Богу и ея и. в. указамъ богомерзкое о ворожбитствѣ что следуетъ к волшебству поступкы, даби она впредъ того чинить не отважалась, и другие смотря таковимъ злочинцямъ наказание отъ того себе отвращали, вибить публѣчно без пощадѣния розгамы и что она впредь никакихъ волшебствъ чинить не будетъ, крѣпко подъ смертною казнію обовязать подпискою... въ подлѣнномъ подписались: писарь полковій Якимъ Каневскій, полковій канцеляристъ Сергій Сезоновичъ.

(К. ц. арх. Дѣло бывшаго архива губернскаго правленія. Дѣло козаковъ ирклѣевской сотни съ сотникомъ Завойкой).

Сообщ. **В. А. Мякотинъ.**

Колядки. Нѣсколько сообщаемыхъ здѣсь колядокъ, записанныхъ въ с. Молодецкомъ, уманскаго уѣзда, представляютъ варіанты къ извѣстнымъ колядкамъ, изданнымъ П. П. Чубинскимъ (Тр. Э. Э. т. III). Въ нихъ я обращаю вниманіе на припѣвъ послѣ каждаго стиха: «Ой, дай-Боже!» Такой припѣвъ попадается въ массѣ колядокъ и видоизмѣняется иногда такъ: «Гой, дай Боже!» (Тр. Э. Э. III, 299 № 36 А; 301 № 37 В; 313 № 43 А). Этотъ припѣвъ интересенъ тѣмъ, что онъ составляетъ несомнѣнное обращеніе къ Даждь-богу, котораго имя передѣлано въ звательномъ падежѣ въ *Дай-боже*. Въ селѣ Молодецкомъ, какъ, вѣроятно, и во многихъ другихъ селахъ существуетъ еще такой обычай. Послѣ того какъ колядники пропоютъ всѣ свои колядки, *берева* (запѣвало) получаетъ хлѣбъ и деньги и при этомъ читаетъ такую рацею: «А вы, коляднычки, здыймайте шапочки да кричить: *Дай-Боже*!» Колядники поднимаютъ ревоподобный крикъ: *Дай-Боже!* Все это указываетъ на миѳическія воззванія и на то, что имя одного изъ верховныхъ боговъ русскаго Олимпа живетъ еще въ устахъ народа.

Полагая, что варіанты колядокъ будутъ небезъинтересны, я ихъ здѣсь сообщаю.

I.

Ой фалылася била береза своима гилямы передъ дубами.

Ой, дай-Боже!

Ой не фалыся, била березо, своими гилямы передъ дубамы.

Ой, дай-Боже!

Бо не ты жъ ти гиля кохала. *Припѣвъ.*

Кохалы тоби буйныи витри. *Прип.*

Дрибнии дощи. *Прип.*

И въ день и въ ночи повиваючи. *Прип.*

Дрибный дощикъ накрапаючи. *Прип.*

Ой фалылася панна Катя своимы косамы передъ молодцамы. *Прип.*

Ой не фалыся, панно Катё, своимы косамы передъ молодцамы. *Прип.*

Бо не ты жъ ти косы кохала. *Прип.*

Кохала тоби ненька старенька. *Прип.*

То въ день, то въ ночи при ясни свычи. *Прип.*

Що суботоньки вымываючи. *Прип.*

Що недилоньки убыраючи.

II.

Ой рано-рано куры запилы.

Ой, дай-Боже!

А щей найраньче панъ Васылько уставъ. *Прип.*

Ой уставъ-уставъ, лучкомъ забразчавъ. *Прип.*

Три свичи ссукавъ. *Прип*

При идны свичи лыченько вмывавъ. *Прип.*

При други свичи коня осидлавъ. *Прип.*

При трети свичи брата позбужавъ. *Прип.*

Вставайте, братя, кони сидлайте. *Прип.*

Форты склыкайте! *Прип.*

Та поидемъ въ чистее поле на полюваня. *Прип.*

Ой тамъ назнавъ я кунку въ деревни. *Прип.*

Панну въ терени (въ тереми?). *Прип.*

А вамъ буде, братя, кунка на шубу. *Прип.*

А мени буде панна до шлюбу. *Прип.*

(Послѣ каждой почти колядки прибавляютъ слѣдующій стихъ):

За цымъ же словомъ бувай здоровъ!

Ой, дай-Боже!

Грешный (гречный?) молодче—Васыльку-хлопче! *Прип.*
Не самъ съ собою—зъ отцомъ, зъ ненькою. *Прип.*
Зъ усима намы колядныкамы.

III.

Ой у поли-поли на билымъ коли,
Ой тамъ Марійка пшеныцю жала.
Ой, дай-Боже!
Въ кипки складала;
За нею кипки въ чотыры радки. *Прип.*
Прийшло до неи дванадцять молодцивъ. *Прип.*
Хтятъ ии взяты съ чистого поля, зъ билого коля. *Прип.*
Не берить мене съ чистого поля, зъ билого коля. *Прип.*
Возьмите мене въ батька въ свитлонци. *Прип.*
Въ мои неньки три стороженьки. *Прип.*
Идна сторожа—батько край стола. *Прип.*
Друга сторожа—ненька у порога. *Прип.*
Третя сторожа—братець (в)воритець. *Прин.*
Батько край стола чашки сповняе. *Прип.*
Маты у порога рушнычки крае. *Прип.*
Братець (у) воритець коня сидлае. *Прип.*

IV.

Пане господару, вставай съ постели, видчиняй двери.
Славенъ, славенъ еси,
Нашъ милый Боже, на небеси.
Застеляй столы—клади калачи зъ ярои пшеныци. *Прип.*
Прийде до тебе ажъ трое гостей—
Вси трое разомъ. *Прип.*
Перший гостонько дрибный дощикъ. *Прип.*
Другий гостонько ясный мисяць. *Прип.*
Третій гостонько—ясне сонце. *Прип.*
Якъ я зійду три разы въ маю,
То зрадуецця жито, жито-пшеныця—всяка пашныця. *Прип.*
Якъ я зійду зъ вечера пизно,
То зрадуецця весь звиръ у поли, вся рыба въ мори. *Прип.*
Чумакъ въ дорози, худоба у вози. *Прип.*
Якъ я зійду въ недилю рано, то зрадуецця старе й мале, криве й слипе.
Прип.

V.

Ой расна-красна калына въ лузи.
Ой, дай-Боже!
По воду йшла, якъ зора зійшла. *Прип.*
Зъ водою йшла, якъ мисяць зійшовъ. *Прип.*
Війшла въ синечкы—синечки сяють. *Прип.*
Паны устають—шапкы здіймають. *Прип.*
Ни пытають. *Прип.*
Чы ты царивна, чи короливна. *Прип.*
Я не царивна, не короливна. *Прип.*
Батькова дочка, якъ паняночка. *Прип.*

VI.

Ой зъ Вельгова пана торгова.
Ой, дай-Боже!
Ой тамъ Коля ходывъ.
Ой, дай-Боже!
Конычка водывъ.
Ой, дай-Боже!
До коня говоривъ.
Ой, дай-Боже!
Ой коню, коню, запродамъ тебе
Далеко видъ себе.
Ой, дай-Боже!
За велыку цину, за сто червинцивъ.
Ой, дай-Боже!
Ой пане-пане, не продай мене.
Ой, дай-Боже!
Якъ продасыжь мене, спогадай мене.
Ой, дай-Боже!
Якъ я тебе нисъ черезъ чорный лисъ.
Ой, дай-Боже!
Якъ насъ нагналы туркы-татары.
Ой, дай-Боже!
За намы кули якъ снигъ литалы.
Ой, дай-Боже!
За нами стрилкы землю споролы.
Ой, дай-Боже!

Якъ я скочивъ Дунай перескочивъ.

Ой, дай-Боже!

Копытця, ни стременця не замочивъ.

Ой, дай-Боже!

А ни копытця, а ни стременця,
А ни тебе молодця.

Ой, дай-Боже!

Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.**

ПАВЕЛЪ ПОЛУБОТОКЪ

ПОЛКОВНИКЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ (1705—1724) [1].

Къ портрету.

Павелъ Полуботокъ—типичная личность въ малорусской жизни конца XVII и начала XVIII вѣка. И по устройству своихъ хозяйственныхъ частныхъ дѣлъ, и по выполненію своихъ урядовыхъ обязанностей въ качествѣ виднаго козацкаго старшины онъ въ полномъ смыслѣ слова сынъ своего вѣка.

По происхожденію Павелъ Полуботокъ исконный черниговецъ. Прадѣдъ его Еремей Полуботокъ былъ однимъ изъ первыхъ поселенцевъ Чернигова при возобновленіи этого города въ первой четверти XVII вѣка; къ половинѣ этого вѣка Еремей состоялъ уже райцей города Чернигова, мѣщаниномъ котораго числился. Дѣдъ же Павла, Артемій, вступивъ въ козачество, какъ кажется, выбился въ сотники черниговскаго полка и уже

[1]) Источники предлагаемой статьи: 1) А. М. Лазаревскій. „Павелъ Полуботокъ" („Рус. Арх." 1879 г.) 2) Черниг. лѣтопись по нов. списку (1587—1725 г.), изд. А. М. Лазаревскимъ. Кіевъ. 1890 г. 3) Коломацкія челобитныя, напечатанныя при названной лѣтописи и найденныя г. Лазаревскимъ въ бумагахъ Григ. Авд. Полетики († 1784 г.), недавно пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ. 4) Дневныя записки Якова Марковича. Изд. А. Марковича, Москва. 1859 г. Ч. I. 5) Н. И. Костомаровъ „Павелъ Полуботокъ" („Рус. Стар." 1876 г., кн. III). 6) А. Я. Ефименко „Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова" („Кіев. Ст." 1888 г., кн. X). 7) Соловьевъ С. М. Исторія Россіи, т. XVIII. 8) Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Кромѣ того, имѣлись въ виду апокрифическія данныя о Полуботкѣ въ „Исторіи Руссовъ", приписываемой Георгію Конисскому, а также и изложеніе дѣла Полуботка въ „Исторіи Малой Россіи" Бантыша-Каменскаго, въ т. III.

съ него родъ Полуботковъ становится „значнымъ родомъ“. На пути этомъ Полуботки еще больше утвердились, благодаря отцу Павла—Леонтію Артемьевичу. Свою служебную карьеру Леонтій Артемьевичъ продѣлалъ при Брюховецкомъ, Многогрѣшномъ, Самойловичѣ и Мазепѣ. При Брюховецкомъ онъ былъ черниговскимъ писаремъ, потомъ въ 1671 году стараніемъ Василія Многогрѣшнаго, тогдашняго черниговскаго полковника, сталъ черниговскимъ сотникомъ, а по избраніи Самойловича въ гетманы попалъ въ генеральный урядъ—сперва въ бунчужные, а далѣе въ есаулы и наконецъ, въ 1685 г., получилъ урядъ переяславскаго полковника; при Мазепѣ онъ сначала былъ лишенъ полковничества вслѣдствіе подозрѣній въ сочувствіи свергнутому Самойловичу, на племянницѣ котораго былъ женатъ его сынъ, Павелъ Полуботокъ, но потомъ возстановленъ на своемъ урядѣ и былъ снова переяславскимъ полковникомъ до 1692 г.; въ этомъ же году былъ Мазепой окончательно лишенъ полковничества, ибо, по словамъ донесенія Мазепы въ Петербургъ, онъ, Леонтій Полуботокъ, „въ Переяславѣ на полковничествѣ обрѣтаясь, промышлялъ о гетманствѣ и желалъ гетману и всѣмъ при немъ будучимъ пагубы и нестроенія въ народѣ“. Лишенный тогда путемъ конфискаціи и части своихъ маетностей, которыхъ за время службы добыто было не мало, Леонтій Полуботокъ сталъ жить частнымъ человѣкомъ, занимаясь хозяйствомъ сперва на земляхъ, вновь скупленныхъ правдами и неправдами у козаковъ, а потомъ на части прежнихъ своихъ маетностей, милостиво возвращенныхъ Мазепой. Умеръ Леонтій Полуботокъ около 1700 г., оставивъ вдову и сына Павла, которому въ это время было уже сорокъ лѣтъ.

Умѣніе устраивать свои дѣла при всякихъ смѣнахъ на высшихъ урядахъ, склонность къ участію въ интригахъ, неразборчивость въ выборѣ средствъ для личной наживы—всѣ эти свойства покладливыхъ и жадныхъ людей, очевидно, были вполнѣ присущи Леонтію Полуботку. Не могли не перейти нѣкоторыя изъ этихъ чертъ и къ его сыну; среда же, въ которой дѣйствовалъ этотъ послѣдній, была вполнѣ благопріятна для культивированія отмѣченныхъ особенностей.

Павелъ Полуботокъ долго не занималъ никакого войсковаго уряда. И до смерти отца, и послѣ онъ былъ всего только безуряднымъ „значнымъ войсковымъ товарищемъ". Вѣроятно, женитьба его на племянницѣ Самойловича отвращала отъ него Мазепу, который въ добавокъ заподозрилъ Полуботка въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ шуриномъ его Михаиломъ Самойловичемъ, который знался съ нѣкіимъ Соломономъ, писавшимъ извѣты на Мазепу. Изъ-за этого дѣла, пока не вполнѣ разъясненнаго, Павелъ Полуботокъ былъ даже одно время у Мазепы подъ карауломъ. Позднѣе только Мазепа сталъ къ нему милостивѣе. Въ 1703 г. онъ утвердилъ уже „за значнымъ, заслуженнымъ войсковымъ товарищемъ" Павломъ Полуботкомъ купленные имъ грунта мохнатинскій, семаковскій и вертѣевскій, а въ 1705 г. назначилъ его черниговскимъ полковникомъ на мѣсто умершаго тогда Ефима Лизогуба. Получивъ такой важный урядъ, Павелъ Полуботокъ очень долго ничѣмъ не выдавался изъ ряда другихъ полковниковъ. Въ это время онъ успѣлъ только проявить безконечную алчность при устройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ.

Можно, впрочемъ, думать, что Полуботокъ обратилъ на себя вниманіе, какъ полковникъ, только въ то время, когда онъ, несмотря на измѣну Мазепы, остался вѣренъ царю въ числѣ четырехъ изъ десяти полковниковъ. Но и этимъ обстоятельствомъ Полуботокъ воспользовался, какъ средствомъ для пріумноженія своихъ земельныхъ богатствъ.

Послѣднее ему удалось въ данномъ случаѣ, несмотря на явное недовѣріе къ нему, высказанное Петромъ 6 ноября 1708 г. на глуховской радѣ при избраніи гетмана на мѣсто измѣнившаго Мазепы. Когда на радѣ этой, кромѣ Скоропадскаго, кандидатомъ въ гетманы поставленъ былъ Полуботокъ, то, по свидѣтельству Ригельмана, Петръ сказалъ о немъ: „этотъ очень хитеръ, онъ можетъ Мазепѣ уравниться". Но думая такъ о Полуботкѣ, царь счелъ все же необходимымъ величать его вѣрнымъ слугой и за вѣрную службу надѣлить его маетностями; притомъ самъ Полуботокъ, не попавши въ гетманы, счелъ себя въ правѣ добиваться отъ царя всякихъ милостей за свою вѣрность. Въ это то время выдана была ему царская грамота на маетности, остав-

шіяся послѣ шурина его, бывшаго гадяцкаго полковника Михайла Васильева Самойловича; по грамотѣ этой Полуботокъ получилъ въ сумскомъ полку четыре села—Михайловку, Озакъ, Буймеръ и Грунь, да въ лубенскомъ полку село Коровинцы, которое для этого отнято было у вдовы Обидовскаго. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, когда царь судилъ въ Лебединѣ сторонниковъ Мазепы, Полуботокъ вновь выпросилъ у царя грамоту на черниговскія маетности. Кромѣ небольшихъ слободокъ, поселенныхъ самимъ Павломъ Полуботкомъ и отцемъ его Леонтіемъ, Полуботки имѣли въ черниговскомъ полку только два села—Наумовку и Савинки; всего же здѣсь было у нихъ дворовъ до двухсотъ. По грамотѣ же отъ 22 декабря 1708 г. онъ получилъ „въ вѣчное владѣніе": м. Любечъ съ приселками и двумя перевозами на Днѣпрѣ, села и деревни—Выбли, Подгорное, Пески, Нов. Млины, Кувѣчичи, Домашлинъ, Орловку, Казиловку, Коруковку, Оболонье, Городище, Савинцы, Краски, Псаровку, Стар. и Нов. Боровичи, Андрушичи и слободу Загребальную. Такимъ образомъ, по двумъ грамотамъ Полуботку дано было болѣе 2,000 дворовъ. Лишеніе булавы было вознаграждено вполнѣ: Полуботокъ сталъ богатѣйшимъ державцею въ Малороссіи; у Кочубеевъ, которые тоже съумѣли воспользоваться въ это время казнію ихъ отца, было меньше. Самъ гетманъ завидовалъ богатству черниговскаго полковника.

Но и помимо царскихъ пожалованій Полуботокъ умѣлъ пріумножать свои владѣнія. Заселеніе пустопорожнихъ земель слободами, „скупля" грунтовъ у обѣднѣвшихъ козаковъ и крестьянъ съ превращеніемъ ихъ въ своихъ „подданныхъ", наконецъ, захватъ въ свое владѣніе полковыхъ маетностей, принадлежавшихъ ратушамъ разныхъ сотенныхъ городковъ—все это пускалъ въ ходъ Полуботокъ ради своего обогащенія. Не смущало его при этомъ, что подъ пустопорожними землями ему часто приходилось разумѣть земли, уже распредѣленныя между селами, но до поры до времени не подвергавшіяся эксплоатаціи со стороны крестьянъ этихъ селъ; не страшило его ни нарушеніе правъ другихъ державцевъ, у крестьянъ которыхъ онъ скупалъ грунта, ни запрещеніе уменьшать число козаковъ, несшихъ обществен-

ныя повинности войсковыя и иныя; наконецъ, не гнушался онъ и тѣмъ, что на захватъ ранговыхъ маетностей совершенно естественно было смотрѣть, какъ на прямое грабительство общественнаго достоянія. Полуботку, какъ и другимъ полковникамъ той поры, казалось все дозволительнымъ. Онъ не ждалъ преслѣдованій отъ гетмана, ибо власть гетмана въ это время была уже пошатнута: гетманъ могъ только констатировать преступленія, но преслѣдовать за многое лично не могъ. Малороссія переживала, такъ называемое, переходное время, когда старые порядки были искусственно разрушаемы безъ замѣны ихъ прочными и цѣнными новыми. Для разнузданныхъ хотѣній отдѣльныхъ лицъ какъ разъ настала тогда пора развернуться въ самой широкой степени. Поэтому Полуботокъ, позволяя себѣ въ это время обогащаться правдами и неправдами, дѣлалъ только то, что дѣлали другіе, но дѣлалъ это такъ ловко, что, ставъ владѣльцемъ 3,200 дворовъ, громкихъ жалобъ противъ себя не возбуждалъ со стороны своихъ полчанъ, какъ то было съ его товарищами—Чернышемъ, Галаганомъ, Марковичемъ и др.

Какъ политическій дѣятель, Полуботокъ выступилъ тотчасъ послѣ смерти Скоропадскаго, въ іюнѣ 1722 г. Получивъ тогда въ свои руки „правленіе дѣлъ“ безъ утвержденія даже наказнымъ гетманомъ, Полуботокъ сразу лицомъ къ лицу долженъ былъ стать съ малороссійской коллегіей, учрежденной Петромъ I за мѣсяцъ передъ тѣмъ, и съ суровымъ президентомъ этой коллегіи бригадиромъ Вельяминовымъ. Съ этого момента въ дѣятельности Полуботка начинаютъ проявляться черты его характера, доселѣ остававшіяся подъ спудомъ. Его качества умнаго, упорнаго въ достиженіи своихъ цѣлей и упрямаго даже человѣка, которыя всѣми признавались за нимъ, оказываются теперь направленными въ иную сторону, чѣмъ были направлены доселѣ. Изложеніе хода дѣлъ, въ которыхъ Павелъ Полуботокъ принималъ непосредственное участіе, должно показать это и вмѣстѣ напомнить, что даже у дурныхъ людей подчасъ могутъ быть безкорыстныя цѣли и стремленія.

Обращаясь къ фактамъ, мы прежде всего должны вспомнить, что по смыслу инструкціи отъ 16 мая 1722 г. коллегія, съ

бригадиромъ Вельяминовымъ во главѣ, обязана была заботиться „о прекращеніи возникшаго въ судахъ и войскѣ безпорядка“, и что, кромѣ того, въ той же инструкціи на Вельяминова было возложено огражденіе посполитыхъ и козаковъ отъ незаконнаго отягощенія работами и повинностями въ личную пользу старшины, а равно и принятіе въ полное свое вѣдѣніе финансовыхъ дѣлъ края. Полуботокъ все это принялъ въ разсчетъ.

Прежде всего онъ, сознавая, что въ судахъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ старшиной козацкой допущено было не мало злоупотребленій, поторопился, быть можетъ, ради предупрежденія обидныхъ вмѣшательствъ въ дѣла края посторонней силы въ лицѣ Вельяминова, издать 19 августа универсалъ о необходимости искорененія неправдъ въ судахъ и въ отношеніяхъ между державцами съ одной стороны и посполитыми и козаками съ другой. Вотъ этотъ любопытный документъ: „Писаны всѣ концы универсалы упоминательные, чтобы паны полковники, старшины полковые, сотники, державцы духовные и свѣтскіе, атаманы и прочіе урядники, отнюдь не дерзали козаковъ до приватныхъ своихъ работизнъ принуждать и употреблять; но имѣютъ они, козаки, при своихъ слободахъ оставаясь, только войсковыя, чину ихъ козацкому приличныя, отправлять услуги. А если кто вышеписанному явится преслушенъ, и то будетъ на него донесено и въ правду доказано будетъ, таковой безъ пощады, какого бы ни былъ чина, знатно наказанъ будетъ. Также и суды вездѣ по полкамъ должны быть устроены со всякимъ надлежащимъ порядкомъ, такъ, чтобы тяжебныя дѣла судья судилъ не самолично, но съ участіемъ и другой старшины и безурядовыхъ (не занимающихъ урядовъ), только бы честныхъ и разумныхъ людей, которыхъ нарочно къ тому опредѣлить нужно и чтобы тѣ дѣла рѣшались такимъ судомъ совмѣстно, совѣстно и по правдѣ, какъ требуетъ законъ и необходимость безъ всякаго пристрастія и безъ вымогательства, никому не наровя, ни на кого не посягая. Такимъ же порядкомъ должны судить урядники и по сотеннымъ городкамъ и въ особенности по селамъ, гдѣ, какъ слышно, атаманы и войты, стоя у дверей корчмы (въ шинковыхъ дворахъ при піятицѣ) судятъ и на всякого шею напиваютъ.

Нужно установить, чтобы и въ селахъ споры разбирались въ пристойныхъ мѣстахъ и не пьянымъ, а трезвымъ умомъ; корчемные же суды слѣдуетъ искоренить, о чемъ строго, подъ опасеніемъ строгой кары, приказываемъ. А когда кто сельскимъ или сотеннымъ судомъ будетъ недоволенъ, долженъ апеллировать въ судъ полковой, а на судъ полковой—въ генеральный судъ; и тогда приказано будетъ судьямъ, предъ которыми тотъ апеллянтъ судимъ былъ, выдать ему свое рѣшеніе на письмѣ, съ подлинною описью всей справы и контроверсіи обѣихъ сторонъ". Одновременно съ изданіемъ универсала Полуботокъ позаботился объ ускореніи разбора дѣлъ въ генеральномъ судѣ, давъ въ помощники генеральному судьѣ Чернышу ассесоровъ изъ числа бунчуковыхъ товарищей; причемъ ассесорами должны были состоять поочередно всѣ бунчуковые товарищи, дѣлясь на смѣны по 4 человѣка въ каждой. Едва ли, конечно, всѣми этими мѣрами Полуботокъ могъ достичь желаемыхъ результатовъ: для этого нужны бы были прежде всего надежные полковники, но изъ наличнаго тогда числа ихъ только Апостолъ, полковникъ миргородскій, и Толстой, полковникъ нѣжинскій, могли бы сочувствовать желаніямъ временнаго гетмана, остальные же, какъ гадяцкій полковникъ Милорадовичъ, лубенскій Марковичъ, прилуцкій Галаганъ, кіевскій Танскій, хотя и были всѣ назначены съ согласія царя, считавшаго ихъ людьми „непоколебимой вѣрности", на самомъ дѣлѣ прославились въ Малороссіи насиліями надъ своими полчанами. Смѣнить ихъ за ихъ злоупотребленія Полуботокъ не могъ, такъ какъ къ тому времени и права гетмана, и избирательное начало въ краѣ были изрядно урѣзаны. Не во власти Полуботка по той же причинѣ было устранить и извѣстнаго любителя „накладовъ", генеральнаго судью Черныша. Но въ виду энергичности требованій, высказанныхъ Полуботкомъ въ универсалѣ, кой что, быть можетъ, и было бы достигнуто въ смыслѣ улучшенія судовъ.

Тѣмъ не менѣе Вельяминовъ вовсе не сталъ ждать результатовъ и началъ самъ судить и рядить помимо узаконеннаго суда. Кромѣ того, онъ сталъ настойчиво требовать свѣдѣній по денежнымъ и инымъ сборамъ въ краѣ, а такъ какъ, въ виду преж-

ней небрежности въ финансовыхъ счетахъ гетмановъ, Полуботокъ подробныхъ свѣдѣній обо всемъ требуемомъ дать не могъ, и ограничился только указаніемъ существенныхъ формъ налоговъ, принятыхъ въ краѣ, причемъ счелъ нужнымъ напомнить пункты Б. Хмельницкаго, по которымъ доходы страны должны были оставаться въ распоряженіи мѣстныхъ властей, то Вельяминовъ рѣшилъ чрезъ посредство полковыхъ сборщиковъ самъ составить смѣту доходовъ, а затѣмъ и собирать ихъ въ кассу коллегіи, не давая льготъ старшинѣ. Онъ приэтомъ допустилъ рядъ ошибокъ, начавъ, напр., взимать медовую десятину со всѣхъ, а не съ нѣкоторыхъ только, какъ было раньше, и обративъ табачную досятину, шедшую въ пользу гетмана, въ число общихъ налоговъ, поступавшихъ въ коллегію. Помимо этихъ ошибокъ и рѣзкостей, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужны были президенту свѣдѣнія отъ старшины или когда онъ поручалъ ей провести какія либо распоряженія, онъ писалъ ей указы въ довольно грубой формѣ. Тогда то Полуботокъ, очевидно, счелъ нужнымъ оставить принятый имъ путь предупрежденія угрозъ и рѣшилъ прежде всего оградить достоинство своей власти челобитной въ сенатъ съ указаніемъ отступленій Вельяминова отъ данной ему инструкціи. Сперва челобитную свою Полуботокъ предложилъ для отправки въ сенатъ Вельяминову, но послѣдній при этомъ случаѣ и къ Полуботку, и къ старшинамъ отнесся страшно грубо. Ссылавшимся на смыслъ царскаго указа старшинамъ онъ сказалъ: „я самъ вамъ указъ" и затѣмъ прибавилъ: „согну я васъ такъ, что и другіе треснутъ. Уже ваши давнины перемѣнить велѣно".

Сенатъ, куда поступила первая челобитная Полуботка, въ отсутствіе Петра I, бывшаго въ то время въ персидскомъ походѣ, отвѣтилъ Полуботку въ смыслѣ, благопріятномъ для малороссіянъ. Вельяминову вмѣнено было въ обязанность держаться въ предѣлахъ инструкціи 16 мая. Но этимъ поводы къ столкновеніямъ между Полуботкомъ и Вельяминовымъ устранены не были.

Наиболѣе рѣзкимъ поводомъ къ дальнѣйшимъ столкновеніямъ двухъ представителей власти, въ личныхъ отношеніяхъ, впрочемъ не доходившихъ до разрыва, были волненія посполитыхъ,

вызванныя отчасти распространившимися повсюду призывами Вельяминова подавать, въ случаѣ обидъ, жалобы на старшину въ коллегію, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что съ старшинъ и иныхъ державцевъ стали брать налоги и тѣмъ дали поводъ думать, что власти ихъ наступитъ скоро конецъ. Опасаясь, въ виду начавшихся волненій, большаго крестьянскаго возстанія, Полуботокъ и, какъ охранитель порядка и еще болѣе, вѣроятно, какъ сторонникъ старшинскихъ и державческихъ привилегій, выступилъ съ грознымъ универсаломъ. Въ современномъ журналѣ генеральной старшины объ этомъ универсалѣ, выпущенномъ 13 декабря 1722 г., сказано: „писаны во всѣ полки универсалы, повелѣваючи п.п. полковникамъ всѣмъ, въ полкахъ своихъ перестерегать накрѣпко, чтобы посполъство въ подданствѣ зостаючее не показывало никакого самовольства противъ своихъ владѣльцовъ, а гдѣ бы отъ какихъ нибудь подданныхъ могло происходить легкомысленное самовольство и противность, то оныхъ брать въ тюремное заключеніе и, по разсмотрѣніи вины, карать нещадно". Указанный универсалъ былъ разосланъ безъ вѣдома Вельяминова, между тѣмъ, по инструкціи обо всѣхъ важныхъ распоряженіяхъ своихъ Полуботокъ обязанъ былъ давать знать въ коллегію. Не безъ пререканій и большихъ неудовольствій обошлось и назначеніе въ большее противъ прежняго число полковъ великороссійскихъ комендантовъ. Полковники не считали себя обязанными съ ними сноситься и давать имъ знать о всѣхъ распоряженіяхъ генеральной старшины, а Полуботокъ не поощрялъ ихъ къ этому, несмотря на настоянія Вельяминова.

Обозленный цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ мелкихъ столкновеній, Вельяминовъ долженъ былъ воспользоваться всѣми этими обстоятельствами, чтобы представить царю Полуботка, какъ яраго гонителя народа и какъ не менѣе яраго защитника злоупотребленій старшины. Къ тому же подоспѣвало время для общаго отчета самому царю о положеніи дѣлъ въ Малороссіи, такъ какъ царь возвращался изъ персидскаго похода. Въ концѣ января 1723 г. Вельяминовъ отправился въ Петербургъ и повезъ туда для представленія царю свои 12 пунктовъ: о ходѣ финан-

совыхъ сборовъ, объ обращеніи козаковъ въ посполитые, о необходимости контролировать гетманскіе универсалы, вродѣ универсала отъ 13 декабря, о вмѣненіи въ обязанность полковникамъ сноситься съ великорусскими комендантами, присланными теперь во всѣ малорусскіе полки и о прочемъ подобномъ.

Съ своей стороны Полуботокъ вновь изготовилъ челобитную уже для представленія не въ сенатъ, а самому царю. Въ этой новой челобитной, кромѣ основнаго заявленія о необходимости дозволить избрать гетмана, заключалось напоминаніе о томъ, что коменданты не должны вѣдать полковничьихъ дѣлъ, а только гарнизонныя, что, согласно обѣщанію 1708 г., гарнизоны изъ Малороссіи должны были быть выведены немедленно по изгнаніи изъ нея шведовъ, и что поэтому увеличеніе числа комендантовъ въ краѣ слѣдовало бы отмѣнить. Въ добавочной же челобитной шла рѣчь о трудности для малороссійскихъ обывателей такихъ походовъ, какъ ладожскій и терскій и въ заключеніе была просьба отмѣнить новый ладожскій походъ. Въ челобитной при этомъ прямо говорилось: „чрезъ ладожскіе походы прошлыхъ двухъ годовъ по 10,000 козаковъ на каждый походъ, а особенно черезъ дербентскій походъ, тоже въ 10,000, козаки лишились не только лошадей и средствъ, но многіе и животъ свой тамъ кончили, а многіе по слабости здоровья на дорогахъ поотставали и до сихъ поръ въ домы не возвращались. А теперь снова требуется 10,000 въ терскій походъ и 5000 въ ладожскій. Въ терскій походъ козаки уже наряжены, а для ладожскаго взять неоткуда, развѣ изъ тѣхъ, которые приготовлены на случай отраженія татарскихъ набѣговъ. При этомъ же нужно отбыть еще и постой восьми драгунскихъ полковъ и мекленбургскаго корпуса, отъ которыхъ если освободить дворы тѣхъ козаковъ, что идутъ въ походъ, то вся тяжесть ляжетъ на однихъ посполитыхъ, которые, навѣрно, станутъ расходиться и въ людяхъ учинится умаленіе“.

Но на всѣ эти ходатайства Полуботка никакого отвѣта изъ Москвы, гдѣ былъ временно царь, не приходило, и посланные съ челобитьями, за недостаткомъ средствъ къ жизни въ чужомъ краѣ, вернулись во свояси. Вельяминовъ же добился полнаго

одобренія своему образу дѣйствій, и въ дополненіе къ инструкціи 16 мая 1722 г. получилъ новую отъ 16 апр. 1723 года, которою власть Вельяминова и коллегіи была раздвинута. Онъ получилъ право давать непосредственно приказанія полковникамъ помимо генеральной старшины, а послѣдняя во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ должна была подчиняться его контролю; финансы края тоже всецѣло должны были поступить въ его вѣдѣніе и у старшины были отняты всякія льготы отъ несенія налоговъ. Болѣе полнаго признанія правъ за Вельяминовымъ и коллегіей и быть не могло; недавній милостивый для малороссіянъ сенатскій отвѣтъ на первую челобитную Полуботка новою инструкціею отъ 16 апрѣля вполнѣ уничтожился. Въ довершеніе всего, по дѣлу о разсылкѣ устрашительнаго для крестьянъ универсала отъ 13 декабря 1722 года, Полуботокъ вмѣстѣ съ генеральнымъ писаремъ Савичемъ и генеральнымъ судьею Чернышемъ былъ вытребованъ царемъ въ Петербургъ.

Послѣднее распоряженіе было впрочемъ сдѣлано не столько вслѣдствіе недовольства самою сущностью универсала Полуботка отъ 13 декабря, сколько вслѣдствіе желанія удалить Полуботка и близкихъ ему товарищей изъ Малороссіи на время обнародованія новой инструкціи, данной Вельяминову. Опасеніе Петра I за благопріятный исходъ этого обнародованія было настолько сильно, что кіевскому губернатору Голицыну дано было полномочіе—„велѣть по своему разсмотрѣнію выдтить въ поле всѣмъ въ Малой Россіи обрѣтающимся полкамъ и черкасамъ, подъ видомъ осторожности для охраненія Украины отъ татарскаго нападенія“.

Сбираясь въ виду царскаго приказа въ Петербургъ, Полуботокъ очень заботился о составленіи новой челобитной отъ всѣхъ полковъ и за подписью всей старшины и полковниковъ. Ради этого онъ оттянулъ отъѣздъ свой до 13 іюня, но все же не успѣлъ добиться многихъ подписей. Уѣзжая, онъ поручилъ Жураковскому, генеральному есаулу, и Лизогубу, генеральному бунчужному, оставшимся теперь у „правленія дѣлъ“, озаботиться о присылкѣ дополнительныхъ челобитныхъ и подписей.

Пріѣхавъ въ столицу, Полуботокъ прежде всего узналъ, что по поводу его неоднократныхъ просьбъ о дозволеніи из-

брать новаго гетмана Петръ I отправилъ генеральной канцеляріи указъ. Указъ этотъ гласилъ: „понеже всѣмъ извѣстно, что отъ времени перваго гетмана Богдана Хмельницкаго даже до Скоропадскаго всѣ гетманы явились измѣнниками и какое бѣдство терпѣло наше государство оттого, а наипаче Малая Россія, какъ еще свѣжая память есть о Мазепѣ; того ради во избраніи въ гетманы зѣло вѣрнаго и извѣстнаго человѣка сыскать надлежитъ, о чемъ непрестанное стараніе имѣемъ; а пока оной сыщется, нынѣ опредѣлено правительство, дабы лучшую пользу тому краю чинило и крѣпкая дана ему инструкція, и тако остановки въ дѣлахъ до избранія гетмана не будетъ, и для того въ семъ дѣлѣ докучать не надлежитъ". Какъ ни тяжело было Полуботку узнать объ этомъ распоряженіи, но все же и въ Москвѣ, и первое время въ Петербургѣ онъ не былъ вполнѣ лишенъ надеждъ на лучшее будущее. Царь принялъ его довольно милостиво и самъ не заводилъ рѣчи даже объ универсалѣ Полуботка отъ 13 декабря, хотя этотъ универсалъ и былъ поводомъ къ вызову его въ Петербургъ. Ободренный такимъ пріемомъ Полуботокъ рѣшился подать царю послѣднюю изготовленную имъ передъ отъѣздомъ челобитную съ настойчивой просьбой объ отмѣнѣ введенныхъ Вельяминовымъ налоговъ. Мало того, уже въ Петербургѣ онъ вписалъ въ челобитную новое ходатайство—чтобы „вмѣсто малороссійской коллегіи учинить генеральный судъ въ седьми персонахъ". Прибавку эту Полуботокъ могъ сдѣлать въ виду того, что кромѣ подлинной челобитной на малорусскомъ языкѣ онъ имѣлъ еще при себѣ бланкъ съ подписями, заготовленный для написанія на немъ перевода той же челобитной на языкъ великорусскій; къ этому то переводу на новомъ бланкѣ и присоединено было ходатайство о семичленномъ генеральномъ судѣ. Петръ I не могъ стерпѣть этого новаго протеста противъ излюбленной имъ малороссійской коллегіи. Тогда то Полуботка, Савича и Черныша потребовали къ допросу и по поводу универсала отъ 13 декабря, гдѣ были угрозы волновавшемуся посполиству, и даже по дѣлу объ учрежденіи при генеральномъ судьѣ ассесоровъ изъ бунчужныхъ товарищей. Одновременно съ этимъ предположено было снарядить

на Украину гвардіи майора А. И. Румянцева для спроса старшины и черни малороссійской о челобитной Полуботка—„всѣ ли о томъ вѣдаютъ и просятъ". Гнѣвъ Петра однако нѣсколько смягчился послѣ допроса, сдѣланнаго Полуботку и его товарищамъ. По дѣлу о разсылкѣ универсала съ требованіями отъ крестьянъ повиновенія своимъ державцамъ Полуботокъ и Чернышъ объяснили, что разосланъ былъ универсалъ ради того, чтобы въ поспольствѣ не учинилось опаснаго смятенія. „Вельяминовъ, говорили они, разослалъ своихъ офицеровъ внушить поспольству, чтобъ оно не боялось ни своихъ владѣльцевъ, ни старшинъ, а мы знаемъ, что наше поспольство всегда готово подняться на пановъ и потому, чтобы не допустить большаго мятежа, мы разослали универсалы, *иначе съ насъ бы самихъ взыскивалось, если бы вышло общее волненіе*". На вопросъ же, зачѣмъ были учреждены при генеральномъ судьѣ ассесоры, Полуботокъ отвѣчалъ, что и прежде поступали гетманы такимъ образомъ во время накопленія дѣлъ въ генеральномъ судѣ или въ случаяхъ болѣзни судьи. На этомъ дѣло пока и стало, но послѣ допроса не продолжителенъ былъ покой Полуботка и его товарищей.

Какъ разъ въ это время подоспѣли въ Петербургъ нѣкоторыя изъ добавочныхъ челобитныхъ, о которыхъ такъ много хлопоталъ Полуботокъ, уѣзжая въ Петербургъ по требованію царя. Подоспѣвшія челобитныя были такъ называемыя коломацкія, составленныя подъ руководствомъ старѣйшаго изъ полковниковъ Данила Апостола, бывшаго на урядѣ въ Миргородѣ. Одна изъ этихъ челобитныхъ была такъ же, какъ и поданная Полуботкомъ 13 сентября, объ отмѣнѣ сборовъ и о сохраненіи въ Малороссіи прежняго суда и объ избавленіи отъ постоя великороссійскихъ полковъ. Въ другой же заключалась просьба о дозволеніи избрать гетмана. Обѣ челобитныя носятъ названіе коломацкихъ отъ рѣчки Коломака (въ полт. губ.), у которой осенью 1723 года стояли малороссійскіе полки, вышедшіе въ поле по помянутому уже выше требованію кіевскаго губернатора Голицына и направлявшіеся къ Буцкому Броду (на р. Орели въ теперешнемъ константиноградскомъ уѣздѣ), мѣсту общаго сбора

всѣхъ войскъ, малороссійскихъ и великороссійскихъ, бывшихъ въ Малороссіи. Въ первой изъ названныхъ двухъ коломацкихъ челобитныхъ, послѣ заявленій о значительномъ обѣдненіи посполитыхъ и казаковъ и вслѣдствіе предшествовавшихъ невзгодъ шведской войны, и вслѣдствіе неурожаевъ въ теченіи ряда лѣтъ, отмѣчалось полное затѣмъ обнищаніе названнаго люда отъ непривычныхъ для него поборовъ Вельяминова, поступавшихъ въ кассу коллегіи, и затѣмъ шло заключеніе: „отъ якихъ всѣхъ вышеписанныхъ трудностей толикое учинилося у людехъ умаленіе, уходомъ особливе въ слободи и на тую сторону, что отъ Днѣпра до самого Днѣстра прежде бившие опустѣлие мѣста, вездѣ населени нашимъ малороссійскимъ народомъ". Такая постановка старшиной вопроса о новыхъ налогахъ, конечно, не можетъ быть названа лишенной основаній, и серьезность приведенныхъ мѣстъ нисколько не затирается присутствіемъ въ той же челобитной просьбы о сохраненіи за старшиной льготъ отъ всякаго рода обложеній. Не забывая нуждъ всего края, въ данномъ случаѣ старшина не отрѣшалась и отъ своихъ интересовъ, не желая нести по ея мнѣнію напрасныхъ жертвъ. Не менѣе серьезна въ данной челобитной и постановка вопроса о перемѣнахъ въ судахъ, привнесенныхъ Вельяминовымъ и его малороссійской коллегіей. „А что, читаемъ въ челобитной, за доношеніемъ на нѣкоторую старшину, поноситъ все войско малороссійское мнѣніе и подзоръ, будто въ судахъ малороссійскихъ волокити и взятки чинятся и ми въ семъ милости в. и. в. просимъ, даби ваше величество соизволили о такихъ судяхъ и малороссійскаго народа обидителяхъ приказать намъ, войску запорожскому, доподлина розискати, а ми, по непоколебимой своей в. и. в. вѣрности, все тое изслѣдовати въ правду и по самой истинѣ в. и. в., хто въ чемъ явится преступнимъ, донести облекуемся". Трудно не видѣть, думаемъ, въ этихъ словахъ и скорби по поводу большой шатости въ малороссійскихъ судахъ, и своего рода обиды вслѣдствіе недозволенія самимъ малороссіянамъ искоренить данные непорядки. Люди, не лишившіеся жизнеспособности, не могли согласиться, что ихъ непорядки могутъ исправлять только посторонніе, тѣмъ больше, что о черной не-

правдѣ въ судахъ и въ Великороссіи они могли слышать тоже не мало. Думали при этомъ малороссіяне, что для самостоятельнаго искорененія своихъ неправдъ имъ нужна своя сильная власть—и отсюда ходатайство во второй челобитной о дозволеніи избрать гетмана съ давнимъ авторитетомъ власти. „Безъ гетмана, писали они, въ Малороссіи государственние дѣла и войсковие и всякие порядки въ належитомъ не могутъ бити правленіи, и вся Малая Россія, не имѣючи гетмана, въ особливой темнотѣ пребиваетъ“.

Челобитныя эти привезены были съ Коломака канцеляристомъ Романовичемъ и 10 ноября, въ воскресеніе, поданы имъ непосредственно царю при выходѣ его изъ церкви Св. Троицы послѣ обѣдни. Государь, получивъ челобитныя, зашелъ прочитать ихъ въ кофейный домъ подъ вывѣской „Четыре фрегата“. Пораженный обиліемъ подписей подъ челобитными и повтореніемъ въ нихъ ходатайствъ Полуботка, Петръ I, „вышедши зъ того кофейного дома, изволилъ приказать своими устами генералу маэору и гвардіи преображенского полку маэору Андрею Івановичу Ушакову, зъ великимъ гнѣвомъ и яростію взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Івана Чарниша, Семена Савича, писаря енералного, тамъ же при кофейномъ домѣ стоявшихъ, и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попровадити въ замокъ мурованій пітербургскій, где, съ перваго часу порознь всѣ были за карауломъ посажени; потомъ по 4 человѣка случени, а далѣй знову недель у килка, поединцемъ разведени“. Тогда же ускоренъ былъ отъѣздъ въ Малороссію гвардіи маіора А. И. Румянцева, ранѣе уже назначеннаго для разслѣдованія дѣла о сочувственникахъ челобитнымъ. Румянцеву при самомъ тщательномъ разслѣдованіи всякими путями, иныхъ сочувственниковъ Полуботка, кромѣ тѣхъ, подписи которыхъ были подъ челобитными, найти не удалось, и онъ донесъ, на основаніи всего слышаннаго въ краѣ, что таковыхъ де и нѣтъ. За то онъ имѣлъ возможность раскрыть при пересмотрѣ бумагъ Полуботка, что этотъ послѣдній, узнавъ о посылкѣ Румянцева на разслѣдованіе дѣй-

ствій его и всей старшины, чрезъ посредство вѣрныхъ слугъ пересказалъ семьѣ своей, какъ скрыть слѣды его личныхъ грязныхъ дѣлъ; между прочимъ, онъ будто бы научилъ какого-то отставнаго ката (палача) убить значковаго товарища Ивана Загоровскаго и нѣкоторыхъ другихъ козаковъ, которые могли раскрыть Румянцеву его насилія, и какая-то крамарка (торговка) Матвѣи убита была съ этою цѣлью тѣмъ же катомъ. Арестовать же Румянцевъ счелъ нужнымъ многихъ изъ подписавшихъ челобитную и нѣкоторыхъ изъ нихъ препроводилъ для дальнѣйшаго слѣдствія въ Петербургъ. Въ числѣ такихъ арестованныхъ и отправленныхъ въ Петербургъ былъ миргород. полковникъ Данило Апостолъ и остававшіеся въ Малороссіи у правленія дѣлъ генеральные старшины есаулъ Жураковскій и бунчужный Лизогубъ.

По полученіи донесенія Румянцева, Петръ увидѣлъ, что никакой смуты въ Малороссіи нѣтъ и что челобитники собственно говоря не выходили изъ предѣловъ законности, рѣшаясь на свои ходатайства. Поэтому надъ Полуботкомъ и его товарищами Вышнимъ судомъ не было произнесено приговора немедленно, и они всѣ были оставлены въ крѣпости до болѣе дальняго времени. Но Полуботокъ умеръ въ крѣпости черезъ годъ послѣ своего ареста, а именно 18 декабря 1724 года, остальные же были выпущены на волю уже послѣ смерти Петра, 6 февраля 1725 года. Всѣмъ выпущеннымъ были отданы ихъ сабли, но до поры до времени они не должны были возвращаться на родину.

При попыткѣ оцѣнить дѣйствія Павла Полуботка со времени смерти Скоропадскаго, нельзя не обратить вниманія на то, что при составленіи имъ жалобъ на Вельяминова ему вовсе не легко было привлекать къ подписанію таковыхъ козацкую старшину: и полковники, и даже состоявшій въ генеральной старшинѣ Лизогубъ, въ большинствѣ случаевъ, занимаясь своими личными дѣлами, старались отклониться отъ протестовъ, и благодаря ихъ уклончивости, подписей подъ челобитными Полуботка бывало немного. Только миргор. полковнику Апостолу, въ виду сбора массы старшинъ разныхъ полковъ на Коломакѣ, удалось получить много подписей. Изъ этого одного недостатка подписей

у Полуботка нельзя уже не заключить, что не въ личныхъ интересахъ старшины дѣйствовалъ онъ, состоя у правленія дѣлъ. И въ самомъ дѣлѣ, старшины, вродѣ людей признававшихся „непоколебимо вѣрными“, каковыми числились полковники Галаганъ, Милорадовичъ, Танскій, Яковъ Марковичъ, хорошо понимали, что при обладаніи такими значительными маетностями, какія уже имѣла старшина, послѣдняя не обѣднѣетъ отъ тѣхъ нововведеній, какія принесла съ собой коллегія, и что податливостью удобнѣе всего сохранить за собою свои неправдой нажитыя богатства. Затѣмъ нельзя не видѣть, что и въ коломацкихъ челобитныхъ, присылки которыхъ добивался Полуботокъ и которымъ онъ очевидно сочувствовалъ, и въ его собственныхъ челобитныхъ слышится не всегда голосъ алчнаго старшины, угнетателя народа, напротивъ, во всѣхъ этихъ писаніяхъ нерѣдко ясно имѣются въ виду и интересы малорусскаго посполитства, и незначнаго козачества.

Но если Полуботокъ не являлся въ періодъ своего стоянія у правленія дѣлъ представителемъ старшинской партіи, ибо таковой, собственно говоря, не было пока, а были только отдѣльные алчные люди, и если онъ въ то же время не обнаружилъ готовности стать правой рукой Вельяминова ради блестящаго устройства своихъ личныхъ дѣлъ, то не былъ ли этотъ грѣховный сынъ своего вѣка въ то же время человѣкомъ, своеобразно понимавшимъ интересы своей родины и готовымъ защищать свое своеобразное мнѣніе даже вопреки личнымъ интересамъ? **Я. Ш.**

Приложенный къ настоящей книжкѣ портретъ Павла Полуботка представляетъ собою дѣйствительный его портретъ, оригиналъ котораго находится въ собраніи В. В. Тарновскаго, получившаго его въ подарокъ отъ гр. Гр. Ал. Милорадовича. Достовѣрность настоящаго портрета подтверждается находящимся на немъ вокругъ герба иниціалами и, кромѣ того, тѣмъ, что портретъ этотъ гр. Милорадовичемъ найденъ въ любецкой его усадьбѣ (городницкаго у.), принадлежавшей до к. XVIII в. Полуботкамъ. Портретъ же, приложенный Бантышъ-Каменскимъ къ его исторіи Малой Россіи подъ именемъ П. Полуботка, изображаетъ неизвѣстное лицо. Оригиналъ сего неизвѣстнаго портрета мы видѣли у покойнаго М. В. Юзефовича, которому онъ достался отъ полтавскихъ Чарнышей. Нѣтъ сомнѣнія, что Бантышъ-Каменскій, называя этотъ портретъ портретомъ П. Полуботка, руководствовался семейнымъ преданіемъ (на портретѣ никакихъ подписей нѣтъ), которое, приписывая портретъ Полуботку, забыло имя послѣдняго. Очень можетъ быть, что преданіе и не ошибалось, но только вмѣсто Павла слѣдуетъ подставить Леонтія, т. е. что сохранившійся въ семействѣ Чарнышей подъ именемъ Полуботковскаго, есть портретъ Леонтія Полуботка, отца Павла.—Ред.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи, подъ редакціей правителя дѣлъ Ѳ. Лашкова Вып. 5 и 6. Симферополь. 1888 г. Вып. 7 и 8. 1889 г., вып. 9 и 10 1890 г.

Въ 1884 г., главнымъ образомъ по инициативѣ покойнаго Н. В. Калачева, правительство открыло въ видѣ опыта 4 архивныхъ коммиссіи, главная дѣятельность которыхъ должна была состоять въ приведеніи въ извѣстность, описаніи, храненіи и изданіи актовъ, имѣющихъ мѣстное историческое значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссіи должны были принять на себя ознакомленіе общества съ памятниками древности, находимыми въ раіонѣ ихъ дѣятельности. Такимъ образомъ архивныя коммиссіи образовали музеи и стали издавать повременные выпуски своихъ «Трудовъ», «Извѣстій», «Дѣйствій», «Журналовъ», въ которыхъ на ряду съ печатаніемъ документовъ помѣщаются нерѣдко цѣнныя изслѣдованія. (Тверская коммиссія издаетъ работы своихъ членовъ отдѣльными книжками). Вокругъ новыхъ провинціальныхъ историческихъ обществъ сгруппировались лучшія интеллигентныя мѣстныя силы, съ одушевленіемъ и безкорыстно работающія для общаго дѣла, изученія прошлаго нашего отечества. Опытъ оказался удачнымъ: съ каждымъ годомъ увеличивалось число коммиссій, и въ настоящее время дѣйствуютъ 11 коммиссій.

Къ сожалѣнію, на югѣ Россіи существуетъ только одна—таврическая (съ 1887 г.). Въ настоящей краткой замѣткѣ мы постараемся отмѣтить главнѣйшія статьи и матеріалы, помѣщенные въ изданіяхъ послѣдней, выпустившей уже 10 №№ своихъ «Извѣстій». (Статьи первыхъ 4-хъ выпусковъ печатались въ «Тавр. Губ. Вѣд.», и онѣ указывались уже въ «Кіевской Старинѣ»). Не безъинтересно,

однако же, ознакомиться сначала съ положеніемъ коммиссіи на основаніи отчетовъ ея за 1887, 1888 и 1889 гг. (см. № 7 и 9 «Извѣстій»). Дѣятельность коммиссіи за эти три года выразилась: 1) въ разсмотрѣніи и описаніи дѣлъ правительств. архива (разсмотрѣно 10,405 дѣлъ, описано и отобрано для таврическаго *историческаго* архива 542 дѣла и 68 документовъ; 2) въ образованіи музея, которымъ завѣдуетъ г. Кашпаръ (въ 1888 г. въ музеѣ считалось 598 предметовъ и 376 монетъ, въ 1889 г. поступило 403 предм. древности и 223 монеты); 3) въ ученыхъ экскурсіяхъ и раскопкахъ членовъ коммиссіи; 4) въ основаніи библіотеки (въ 1889 г. числилось 128 названій книгъ въ 309 томахъ) и 5) въ изданіи документовъ и изслѣдованій по мѣстной исторіи. Бюджетъ коммиссіи невеликъ: около 500 рублей въ годъ. Число членовъ въ 1889 простиралось до 108. Вотъ главнѣйшія фактическія свѣдѣнія о таврической архивной коммиссіи.

Пятый выпускъ «Извѣстій», вышедшій ко дню девятисотлѣтія крещенія Руси, весь посвященъ, въ память событія, исторіи Херсониса Таврическаго. Въ немъ помѣщена «*Историческая записка о сооруженіи въ Херсонисѣ храма св. равноап. кн. Владиміра*» Ѳ. Лашкова, къ которой приложены архивные документы, «*Историческая записка о херсонисскомъ св. кн. Владиміра монастырѣ*» (основанномъ въ 1853 г.) А. Гроздова (также съ приложеніемъ документовъ, относящихся къ исторіи монастыря). Болѣе интереса представляетъ «*Очеркъ археологическихъ разысканій и изслѣдованій въ области Херсониса Таврическаго*», Хр. Ящуржинскаго. Авторъ начинаетъ съ Мартина Броневскаго (1578 г.) «Tartariae descriptio». Особенноваженъ очень полный «*Указатель сочиненій, касающихся древняго Херсониса*», составленный А. Маркевичемъ, въ которомъ указаны труды какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ.

Въ 6-мъ выпускѣ назовемъ статью Ф. Ребеца «*Судьба Крыма при императорѣ Митридатѣ Евпаторѣ*» (90—63 г. до Р. Х.); она невелика, но написана довольно живо. Х. П. Ящуржинскій въ статьѣ «*Развѣдки о древнемъ скиѳскомъ укрѣпленіи Неаполисѣ*» излагаетъ мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Г. де-Бларамбергъ на основаніи находокъ (въ 1827 г.) мѣстомъ нахожденія Неаполиса считаетъ ю.-в. окраину Симферополя; съ нимъ согласился гр. А. С. Уваровъ, нашедшій, между прочимъ, въ 1849 г. ручки амфоры съ надписью ΝΕΟΠΟΛΙΟΣ (Пропилеи, IV, 526). Противъ этого мнѣнія возражалъ И. Беккеръ (1856 г.), доказывавшій, что Неаполисъ находился тамъ, гдѣ вно-

слѣдствіи былъ Инкерманъ. Но въ 1878 г. найденъ былъ псефизмъ въ честь Діофанта, въ которомъ говорится о Неаполисѣ, какъ о внутренней крѣпости. На основаніи этого мнѣніе де Бларамберга имѣетъ болѣе основаній, и къ нему присоединились г. Юргевичъ и Латышевъ. Авторъ сообщаетъ о новыхъ раскопкахъ на мѣстѣ Неаполиса въ 1886 и 1888 гг. Къ статьѣ приложенъ планъ предполагаемаго Неаполиса и переводъ сочиненія де Бларамберга (De la position de trois forteresses Tauroscythes dont parte Strabon par M—r de Blaramberg. Odessa. MDCCCXXXI), составленный А. Л. Бертье-Делагарди (съ рисунками). Ѳ. Лашковъ напечаталъ двѣ статьи, дополняющія другъ друга: *«Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787—91 г.»* (по архивнымъ даннымъ съ приложеніемъ нѣсколькихъ оффиціальныхъ документовъ) и *Матеріалы для исторіи второй турецкой войны* (по дѣламъ, хранящимся въ архивѣ канцеляріи тавр. губернатора). Въ 9-мъ вып. проф. Ал. И. Маркевичъ помѣстилъ интересную статью *Пребываніе въ Крыму московскаго гонца Вас. Айтемирева въ 1692—5 г.* (Это рефератъ, читанный на VIII археолог. съѣздѣ въ Москвѣ). Переговоры Айтемирева были мирнаго характера, такъ какъ и русское правительство не проявляло энергіи въ борьбѣ, обезсиленное въ финансовомъ отношеніи неудачными крымскими походами, и Крымъ не былъ обезпеченъ въ своихъ границахъ по той причинѣ, что крымскія войска постоянно требовались султаномъ на берега Дуная. Статья составлена по статейному списку посла, современный списокъ съ котораго хранится въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Сообщаемые Айтемиревымъ факты, главнымъ образомъ, важны для исторіи Крыма, такъ какъ посолъ прожилъ въ немъ цѣлыхъ 3 года; у него находимъ свѣдѣнія, неизвѣстныя до сихъ поръ историкамъ. Кромѣ того, важны сообщаемыя данныя о сношеніяхъ Крыма съ Мазепой, Запорожьемъ, Польшей, объ участіи Крыма въ войнѣ съ Австріей, замѣтки по исторіи Малой Россіи; таковы, указанія на набѣги Палія, подробности объ извѣстномъ Петрикѣ и т. д. Изъ статей назовемъ еще *Свѣдѣнія о бахчисарайской Успенской церкви, устроенной въ каменной скалѣ* свящ. М. Радіонова (1848 г., сообщ. А. Гроздевъ) и *О мѣрахъ для поддержанія Чуфутъ-Кале* И. Казаса. Въ послѣдней на основаніи архивныхъ данныхъ сообщается о безуспѣшномъ ходатайствѣ объ учрежденіи въ Чуфутъ-Кале главнаго караимскаго училища.

Въ числѣ документовъ напечатаны *Ордера кн. Потемкина за 1787 и 1788 г.* (№№ 7, 8 и 10), сообщенные Г. К. Кирѣенко. Мно-

гіе изъ нихъ касаются встрѣчи имп. Екатерины II, посѣтившей въ 1787 г. Крымъ [1]) и отчасти связаннаго съ этой встрѣчей благоустройства городовъ [2]). Помѣщенное въ вып. 2—8 «Извѣстій» *Камеральное описаніе Крыма 1784 г.* (сообщеніе Ѳ. Ѳ. Лашкова) богато очень цѣнными статистическими данными. *Выписки изъ кадіаскерскаго сиика* (книги) *1017—1022 г. хиджры* ($1608/_{9}$—13 г. хр. лѣт.), хранящагося въ тавр. губ. правленіи, сообщены Муратъ-бей-Біарслановымъ. Авторъ въ предисловіи къ выпискамъ высказываетъ предположеніе, что кадіаскеръ былъ высшимъ гражданскимъ судьею скорѣе, чѣмъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, военнымъ, юрисдикція котораго простиралась на Бахчисарай. Въ самомъ дѣлѣ, изданные документы вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе автора (таковы въ № 8—два акта о раздѣлахъ, два крѣпостныхъ акта, двѣ закладныя записи и одно кадіаскерское рѣшеніе по опекѣ; въ № 9—дѣла объ обидахъ, приданомъ, убійствѣ; въ № 10—дѣло объ освобожденіи раба, рѣшеніе спора двухъ деревень объ общности владѣнія). Рѣшенія кадіаскера основаны на шеріатѣ (письменномъ мусульманскомъ законодательствѣ). Къ выпискамъ приложены 5 литографическихъ снимковъ съ образцовъ подлиннаго текста. Не безъинтересна далѣе замѣтка А. Иванова *О поселеніи раскольниковъ въ предѣлахъ нынѣшней таврической губерніи* (въ № 7). Назовемъ еще *Матеріалы для исторіи 2-й турецкой войны* (№№ 9 и 10) и *Памятники дипломатическихъ сношеній крымскаго ханства съ московскимъ государствомъ въ XVII и XVIII в.*,—сообщенія г. Лашкова. Послѣдніе документы хранятся въ москов. архивѣ мин. ин. дѣлъ, пока (въ №№ 9 и 10 «Извѣстій») напечатано 47 №№ актовъ. Съ 9-го вып. «Извѣстій» печатается *Описаніе таврическаго историческаго музея*, составленное А. Сѣницкимъ; описано пока 50 дѣлъ сосредоточеннаго архива при симферопольскомъ окружномъ судѣ. Менѣе замѣчательны: *Фирманъ султана Мухаммеда IV* митрополиту крымскому Давиду 1062 (1652) г., изданный Муратъ-бей-Біарслановымъ и замѣтка о *Джамітъу-т Гэбарихъ*, татарской рукописи, содержащей въ себѣ сокращенное изложеніе всеобщей исторіи, составленное секретаремъ Дивана Эміръ Мухаммедомъ Аззасъ современникомъ султана Мюрада IV (1574—95 гг.).

Крымъ и по настоящее время представляетъ обширное поле для археолога. Раскопки въ разныхъ мѣстахъ его идутъ безпрерывно,

---

[1]) Сюда относятся №№ ордеровъ 71, 76, 82, 93, 95, 99, 105, 107, 132.

[2]) Таковы ордера: 68, 69, 72, 87, 97, 159.

и естественно поэтому встрѣчать въ «Извѣстіяхъ таврич. коммиссіи» массу замѣтокъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ, о результатахъ этихъ раскопокъ. Къ этимъ замѣткамъ очень часто прилагаются снимки съ находимыхъ надписей и предметовъ древности. Таковы замѣтки Хр. П. Ящуржинскаго (*Археологическія раскопки въ Керчи въ 1887 г. Вновь открытая греческая катакомба въ Керчи. Керченскія древности;* въ послѣдней статьѣ описаны нѣкоторые предметы изъ частныхъ коллекцій), А. И. Маркевича (*Поѣздка въ старый Крымъ, Экскурсія на гору Бакла и въ дер. Мангушъ, Керменъ Кыръ — укрѣпленіе вблизи Симферополя, Экскурсія въ Мангушъ* и др.), А. Стевена (*Генуэзская плита изъ Ѳеодосіи, Раскопки въ Херсонисѣ въ 1889 г.*), И. Журьяри (*Поѣздка въ ближайшія окрестности Бахчисарая*), А. Романюка *(Урочище Ай-Димитрій).* Въ 8-мъ вып. помѣщено описаніе монетъ Гази-Гирея хана бень Давлета. (1588—1607 г.), пожертвованныхъ въ музей коммиссіи О. Ф. Ретовскимъ. Впрочемъ, археологическія раскопки не даютъ замѣчательныхъ вещей. Обыкновенныя находки: амфорныя ручки, этрусскія вазочки, золотыя серьги, терракотовыя статуэтки, бронзовыя зеркала; очень часто курганы и могилы оказываются разграбленными. Болѣе важны изданныя г. Ящуржинскимъ греческія надписи, описаніе керченской катакомбы, раскопки въ Мангушѣ, Керчи и Старомъ Крыму.

Болѣе мелкія сообщенія помѣщаются въ отдѣлѣ смѣси. Самое интересное изъ нихъ — г. Лашкова: *Могила капитана амазонской роты Елены Ив. Шидянской въ Симферополѣ.* Эта рота существовала въ Крыму при Екатеринѣ II. Въ статьѣ приведены записки объ амазонской ротѣ, составленныя со словъ Шидянской. Изъ другихъ сообщеній упомянемъ: *Къ вопросу о каменныхъ бабахъ* А. В. Иванова и *Къ юбилею Одессы* А. Романюка.

Таковы матеріалы и статьи, помѣщенныя въ разсматриваемыхъ послѣднихъ шести выпускахъ «Извѣстій таврической коммиссіи». Сами Извѣстія выходятъ приблизительно три раза въ годъ подъ редакціею Ѳ. Лашкова. Къ статьямъ, по мѣрѣ надобности, прилагаются снимки, планы (обыкновенно литографіей, но есть и одинъ фотографическій снимокъ). Въ концѣ каждаго выпуска помѣщаются протоколы засѣданій коммиссіи (это гораздо удобнѣе, чѣмъ, какъ дѣлаютъ другія коммиссіи, помѣщать протоколы во главѣ, а документы и статьи въ видѣ приложеній къ протоколамъ). Вообще съ удовольствіемъ мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что таврическая архивная коммиссія, несмотря на то, что открыта позже другихъ, превзошла своею дѣя-

тельностью многія старѣйшія. Правда, и районъ ея дѣятельности въ историческомъ и археологическомъ отношеніи представляетъ болѣе обширное и плодородное поле, чѣмъ другая область. Жаль только, что наше общество мало вообще знаетъ о дѣятельности такихъ почтенныхъ учрежденій, какъ архивныя коммиссіи. Давно пора подумать объ основаніи ихъ во всякой губерніи.

Арк. Л—нко.

Н Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. К. 1890 г. 12 стр. + 7 табл. снимковъ.

Въ различныхъ музеяхъ и коллекціяхъ частныхъ лицъ уже собрано много памятниковъ русской старины. Немного изъ собраннаго издано, въ особенности общественными учрежденіями, здѣсь какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ частная иниціатива шла впереди общественной. Что касается собственно кіевскихъ древностей, то относительно нихъ сдѣлано очень и очень мало. Крупные памятники, какъ напр. церкви, давно обратили на себя вниманіе и разработка ихъ шла раньше, идетъ и теперь, хотя не съ прежней энергіей. Что же касается мелкихъ предметовъ старины, то несмотря на большой интересъ, который они представляютъ, какъ необходимые для полной характеристики прошедшаго времени, мы, кромѣ летучихъ замѣтокъ и не многихъ снимковъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, не имѣемъ ничего. Настоящій сборникъ служитъ ко пополненію этого недостатка; вышедшій первый выпускъ заключаетъ снимки почти исключительно съ крестовъ и образковъ, относящихся къ первымъ временамъ христіанства въ Россіи и составляющихъ часть собранія древностей Н. Леопардова. Сборникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, которымъ мы и будемъ слѣдовать.

Въ предисловіи очерчена въ общихъ чертахъ судьба кіевскихъ памятниковъ, затѣмъ слѣдуетъ описаніе крестовъ, помѣщенныхъ въ таблицахъ, составленное Н. Леопардовымъ; не соглашаясь въ нѣкорыхъ случаяхъ съ объясненіями автора по поводу изображеній на крестахъ и датированія ихъ, объясненіями, въ основаніе большинства которыхъ легла не всегда въ данномъ случаѣ примѣнимая аналогія съ священными изображеніями изъ римскихъ катакомбъ, мы должны сказать, что эта часть не существенна, гораздо больше зна-

ченія имѣютъ слѣдующія далѣе таблицы снимковъ; онѣ сдѣланы фототипіей, такъ что вполнѣ точно передаютъ оригиналы, хотя иногда вслѣдствіе крупнаго рельефа помѣщенныхъ на крестахъ фигуръ, детали вышли не вполнѣ отчетливо. На первой таблицѣ помѣщено изображеніе двухъ небольшихъ крестиковъ тѣльниковъ, каменнаго креста съ оковками, мѣдной иконки и нѣсколькихъ энколпіоновъ [1]), у которыхъ сохранилась только одна половина; 2-ая таблица заключаетъ также нѣсколько маленькихъ крестиковъ и 5 крупныхъ энколпіоновъ, изъ которыхъ наиболѣе интересенъ по формѣ средній, найденный у с. Мазепинецъ васильковск. у.; 3-я таблица представляетъ оборотныя стороны крестовъ, изображенныхъ на 2-ой табл. На 4-ой табл. кромѣ шести небольшихъ энколпіоновъ изображенъ змѣевикъ [2]), небольшой круглый образокъ (на оборотной сторонѣ его находится не «фигура, въ родѣ герба», какъ говоритъ г. Леопардовъ, а обыкновенный византійскій крестъ съ аканѳами) и четыреугольный образокъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ Рождества Христова, на другой св. Крещенія. 5-ая таблица—оборотъ 4-ой. Изъ помѣщенныхъ на этихъ таблицахъ крестовъ и иконокъ большинство найдено въ Кіевѣ или по близости его. Табл. 6-ая занята изображеніями крестовъ, иконки и др. предметовъ, найденныхъ въ Дрогичинѣ Надбужскомъ и принадлежащихъ К. В. Болсуновскому. Въ видѣ приложенія находится табл. 7-ая со снимкомъ съ иконы, гораздо новѣйшей, изображающей І. Христа, у котораго изъ прободеннаго бока поднимается виноградная лоза, обходитъ кругомъ креста, помѣщеннаго на второмъ планѣ и заканчивается кистью винограда, изъ которой Спаситель выжимаетъ сокъ въ подставленную ангеломъ чашу. Икона хорошаго письма, съ очевиднымъ западнымъ вліяніемъ, на ней помѣщена надпись, указывающая на мѣстное кіевское происхожденіе. За таблицами слѣдуетъ небольшая статья Н. Леопардова.—«По поводу Дрогичинскихъ находокъ»; въ ней авторъ, основываясь на нѣкоторыхъ предметахъ, найденныхъ въ Дрогичинѣ, высказываетъ мнѣніе, что «Дрогичинъ былъ мѣстомъ христіанской общины съ первыхъ вѣковъ нашей эры». Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Предметы, послужившіе основаніемъ для такого заключенія

---

[1]) Энколпіоны—кресты, составленные изъ двухъ частей, между которыми помѣщались мощи.

[2]) Такъ называются предметы, имѣвшіе, по всей вѣроятности символическое значеніе; на одной сторонѣ ихъ помѣщается изображеніе святого или святыхъ и надписи, на другой—многоголовая змѣя.

автора, объясняются имъ односторонне. Символическіе знаки на свинцовыхъ пломбахъ[1]), сходные, по мнѣнію автора, съ таковыми, находящимися въ римскихъ катакомбахъ, не что иное какъ гербы и буквы славянскаго алфавита; на одной пломбѣ даже ясно читается имя Андрея; второй родъ предметовъ, которые авторъ считаетъ символическими крестами—пряжки и застежки отъ кожанныхъ поясовъ и сбруи, подобные которымъ часто находятъ въ городищахъ и курганахъ.

Два креста, относимые къ IV в. вслѣдствіе того, что на нихъ нѣтъ изображенія распятаго Христа, гораздо позднѣйшаго происхожденія,—одинъ изъ нихъ каменный, а на большинствѣ каменныхъ небольшихъ крестовъ, несомнѣнно позднѣйшихъ, также почти всегда нѣтъ никакихъ изображеній; другой крестъ свинцовый очень попорченный, такъ что разобрать на немъ нельзя ничего. Т. о. вслѣдствіе недостаточности доказательствъ вышеприведенное мнѣніе автора не можетъ быть принято. Заключаютъ сборникъ небольшія историческія замѣтки Н. Чернева о трехъ мѣстностяхъ—о с. Мазепинцахъ, Выдубецкомъ монастырѣ и Княжей горѣ, гдѣ главнымъ образомъ были найдены изображенные предметы.

Главная задача настоящаго изданія—дать точные снимки съ древностей; задача эта выполнена вполнѣ успѣшно и поэтому мы будемъ надѣяться, что и слѣдующіе выпуски, въ виду значенія, какое они представляютъ для русской археологіи, не замедлятъ своимъ выходомъ.

Н. Б.

Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому Календарю» на 1890 годъ.—Выпускъ 4-й. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей члена-секретаря В. И. Касперова. Харьковъ. 1890 г. Стр. 114+168.

Согласно разъ принятой программѣ, в 4-й выпускъ «Харьковскаго Сборника» распадается на два отдѣла—статистико-экономическій и литературно-научный.

Въ первомъ, кромѣ спеціальныхъ статей Л. О. Павловича, Ив. Шевырева, Юр. Мосолова, А. Краснова, посвященныхъ флорѣ и фаунѣ

---

[1]) Въ Дрогичинѣ находятъ сотни оригинальныхъ свинцовыхъ пломбъ, назначеніе которыхъ пока трудно объяснить.

харьковской губ., сельскому хозяйству и пр., обращаютъ на себя вниманіе «Экономическій очеркъ харьков. губ. за 1888 годъ» и статья А. Русова «Итоги земской статистики въ харьков. губ. за прошлое десятилѣтіе».

Въ первой статьѣ читатель найдетъ любопытныя данныя относительно состоянія земледѣлія, промышленности, торговли, движенія населенія и пр., вторая посвящена судьбѣ харьковской земской статистики. Авторъ знакомитъ насъ съ исторіею зарожденія статистическихъ работъ въ харьков. губ., ихъ характеромъ, достоинствами и недостатками, достоинствами и недостатками методовъ, употреблявшихся при изслѣдованіи, и извлекаетъ нѣкоторыя данныя для характеристики губерніи.

Литературно-научный отдѣлъ на этотъ разъ и бѣденъ содержаніемъ и мало интересенъ въ сравненіи съ предыдущими выпусками «Харьковскаго Сборника» [1]).

На первомъ планѣ напечатана статья г. П. И. «Народные разсказы о кладахъ», содержащая въ себѣ кромѣ замѣтокъ самого автора о происхожденіи этихъ разсказовъ и значеніи ихъ для характеристики народнаго міросозерцанія, и самые разсказы, записанные въ купянскомъ уѣздѣ сельскими учителями и учительницами со словъ крестьянъ. Разсказы сгруппированы подъ слѣдующими рубриками: 1) Кто зарывалъ въ землю клады и какими обрядами сопровождалось зарываніе ихъ? 2) Когда и въ какомъ видѣ выходятъ клады изъ земли? 3) Свѣча надъ кладомъ; 4) Кладъ можно взять только съ молитвою; 5) Кладъ достается по назначенію; 6) Кладъ въ образѣ старика, коня или жеребенка, собаки, быка или теленка, барашка, свиньи, пѣтуха, квочки; 7) Какъ народъ объясняетъ происхожденіе различныхъ видовъ клада? 8) Кладоискатели, шутки надъ ними и пр.

Къ купянскому же уѣзду относится и замѣтка сельскаго учителя г. М. Скубана объ одеждѣ крестьянъ сл. Араповки. Г. Скубанъ описываетъ какъ самую одежду, такъ и матеріалъ, изъ котораго она приготовляется, сообщаетъ повѣрья, къ ней относящіяся, а также и ея приблизительную стоимость. Одежда молодаго мужчины стоитъ въ среднемъ выводѣ 45 руб. 57½ коп.; старика—36 руб. 75 коп., молодой женщины—53 руб. 30 коп., старухи—42 руб. 60 коп., мальчика 14 руб. 35 коп., дѣвочки 15 руб. 52½ коп. Носится она отъ 1—6 лѣтъ, только кожухъ—лѣтъ 20 (?)

---

[1]) См. „Кіев. Ст.“ 1887 г., кн. 3; 1889 г., кн. 1; 1890 г., кн. 2.

Археологіи края посвященъ рефератъ проф. Д. И. Багалѣя «Общій очеркъ древностей харьковской губ.», читанный имъ въ извлеченіи на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Рефератъ представляетъ попытку сгруппировать матеріалъ, относящійся къ харьковскимъ древностямъ, и сдѣлать характеристику важнѣйшихъ видовъ мѣстныхъ памятниковъ до-исторической старины. Авторъ указываетъ на существованіе народа въ предѣлахъ харьковской губ. уже въ *каменный* періодъ; характеризуетъ памятники *бронзоваго* и *желѣзнаго* періодовъ, причемъ склоненъ предположить, что памятники эти принадлежатъ скорѣе народу скиѳскаго происхожденія, чѣмъ славяно-русскаго, какъ думалъ И. А. Зарѣцкій. Клады, находимые въ предѣлахъ харьк. губ., дѣлятся по времени на двѣ большія группы: римская—I—III вѣк., византійская и восточная—VI—IX вв. Византійскія монеты VI вѣка могли попасть въ харьков. губ., благодаря сношеніямъ славянъ съ хозарами.

Болѣе подробно г. Багалѣй останавливается на *городищахъ*, которыхъ въ харьков. губ. ему извѣстно 42; они расположены главнымъ образомъ по двумъ рѣчнымъ бассейнамъ, причемъ на долю днѣпровскаго приходится 23, на долю донецкаго 18. Авторъ относитъ ихъ къ домонгольскому періоду и старается доказать, что Русь обнимала большее пространство, чѣмъ мы знаемъ по лѣтописи. Средне-донецкій бассейнъ принадлежалъ также ей. Къ сожалѣнію только, отсутствіе подробныхъ ссылокъ дѣлаетъ довольно затруднительной провѣрку его мнѣнія.

Въ заключеніе г. Багалѣй упоминаетъ о каменныхъ бабахъ, указываетъ на неизслѣдованность могилъ, на которыхъ онѣ находятся, и выражаетъ желаніе, чтобы въ Харьковѣ былъ основанъ свой мѣстный музей древностей. Конечно, такому желанію можно только сочувствовать.

Кромѣ этихъ трехъ статей «Литературно-научнаго отдѣла», остальныя заслуживаютъ меньшаго вниманія. Онѣ заключаютъ въ себѣ мало интереснаго.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ помѣстилъ біографію давно всѣми забытаго учителя 2-й харьковской гимназіи С. Л. Геевскаго, а прот. Н. Лащенковъ, пользуясь исполнившимся въ 1890 году столѣтіемъ со дня рожденія П. П. Гулакъ-Артемовскаго сообщилъ нѣкоторыя черты изъ біографіи этого писателя и бывшаго ректора харьков. университета, и привелъ два письма къ нему преосвященныхъ Иннокентія харьковскаго и Гедеона Полтавскаго. Писемъ этихъ, впрочемъ, мож-

но было бы и не печатать. Иннокентій благодаритъ за поздравленіе съ днемъ ангела и соглашается на опредѣленіе учителя пѣнія въ институтъ, а Гедеонъ все время говоритъ только о погодѣ.

М. Н. Савиновъ сообщаетъ анекдоты объ И. Н. Рейпольскомъ, своего рода харьковскомъ «юродивомъ», который въ морозы по улицамъ ходилъ въ вицъ-мундирѣ, говорилъ вмѣсто «губернаторша» — «кормчая», вмѣсто «студентъ-филологъ 3-го курса харьковскаго университета» — «заниматель-словесникъ третьяго бѣга харьковской всеобщницы» и т. п. Мы сомнѣваемся въ умѣстности помѣщенія подобныхъ анекдотовъ въ «Харьковскомъ Сборникѣ». Они вызываютъ только улыбку, но не характеризуютъ ни времени, ни той среды, гдѣ жилъ и вращался Рейпольскій.

Въ концѣ 4-го выпуска помѣщенъ «Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 г. по 1879 годъ»; здѣсь же приложена и краткая біографія составителя его Г. С. Чирикова († 1881).

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 11.—Русская Мысль № 11.—Сѣверный Вѣстникъ № 11.—Русская Старина № 11.—Историческій Вѣстникъ № 11.

Вѣстникъ Европы. XI. Въ отдѣлѣ «внутреннее обозрѣніе» излагаются фактическія данныя, относящіеся къ городскому самоуправленію кіевской губерніи (стр. 367—380).

Сѣверный Вѣстникъ, XI. Въ отдѣлѣ критики: Краткая рецензія на книгу: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ». Посмертное сочиненіе С. Т. Аксакова, Москва, 1890 г.

Русская Старина. XI. Николай Васильевичъ Гоголь. Приведено еще 7 писемъ къ нему А. О. Смирновой.

Историческій Вѣстникъ XI. М. А. Д.—Полтавскій кадетскій корпусъ въ первые годы его существованія.—Воспоминанія бывшаго кадета первыхъ

выпусковъ (за время съ 1842 по 1847 году). По поводу предстоящаго 6 го декабря пятидесятилѣтія курпуса (стр. 444—476).

Въ отдѣлѣ смѣси: «Присужденіе Уваровскихъ премій»--излагаются краткія рецензіи на увѣнчанныя преміями сочиненія Ал. Лазаревскаго, «Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія землевладѣнія и управленія. Т. I. «Полкъ Стародубскій» и П. Житецкаго:—«Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVII вѣкахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Алексѣя Н. Веселовскаго, Э. А. Вольтера, Н. Л. Гондатти, В. П. Горленка. М. В. Готовицкаго, А. Н. Грена, С. Я. Дерунова, М. А. Дикарева, М. В. Довнаръ-Запольскаго, М. Довойно-Сильвестровича, проф. М. С. Дринова, И. Е. Забѣлина, Н. К. Зейдлица, А. П. Звонкова, А. А. Ивановскаго, П. В. Иванова, А. А. Казмина, В. В. Каллаша, В. В. Кандинскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. Ѳ. Е. Корша, Г. И. Куликовскаго, Ю. Н. Мельгунова, проф. В. Ѳ. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Минха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, А. Н. Пыпина, Е. Р. Романова, А. П. Сопунова, В. И. Сизова, проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, Е. Т. Соловьева, проф. Н. Ѳ. Сумцова. А. А. Титова, акад. Н. С. Тихонравова, В. Тихонова, В. К. Трутовскаго, профес. Г. А. Халатова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и др.

Изданія посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка и др. искусства.
4. Народная медицина
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія
8. Обзоръ жизни и дѣятельности русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный библіографическій отдѣлъ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, по скольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3. Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „Смѣси" сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ" помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія, портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ" выходитъ 4-мя книжками въ годъ (въ 12—15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки. 1-я кн.—въ началѣ марта. 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р., за границу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес. Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина, (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова, (Моск, Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва). № 4. 3—2.

Дозволено ценз. Кіевъ, 8-го декабря 1890 г.

Гильце-деревце изъ ялыны,
Тай зъ червонои калыны,
Тай зъ зелененькихъ вышинекъ,
Тай зъ червоненькихъ ягидокъ,
Тай зъ зеленого терныку,
Тай зъ хрещатого барвинку.

Когда гильце готово, то поютъ:

10.

Була зима—була зима,
Та стала весна;
Насіяла чернобрывцивъ,
Тай замижъ пишла.
Ростить, ростить, чорнобрывци,
Тай росцвитайтесь;
Ходить, ходить, подружечки,
Тай квичайтесь!
Ой якъ-же намъ росцвитаться,
Туманъ наляга;
Ой якъ-же намъ квичатыся
Подруги нема! [1])

Затѣмъ начинается „дивычь—вечиръ", во время котораго дивчата поютъ:

11.

Жалуй мене, моя ненько,
Жалуй та не лай,
Та въ чужую стороненьку
Замижъ не давай.
Бо чужая стороненька
Безъ витру шумыть;
Чужій батько—чужа ненька
Не бьють—та болыть,
Якъ увійде у свитлоньку
Тай загомоныть,
А у мене, молодои,
Серденько заболыть,
Що чужая дытыненька
Ничимъ не вгодыть:
Ни мыскою, ни ложкою, ни водою,
Ни своею дивоцькою красотою!

12.

Чи мы тоби, Наталко, не казалы,
Чи мы твого серця не втишалы,
Нейды, нейды, тай до броду
Рано по воду.
Та не слухай голубонькивъ,
Де два загудуть,
Воны тебе, молодую, тай израдять,
Одъ батенька до свекорка переманять.

[1]) Ср. Чубинскій, № 141.

А свекорко—не батенько,
Не бье—та болыть,
А свекруха—не матинка
Съ кымъ стане—судыть:
Сонлывая, дримлывая, невистка моя,
Що не хоче при мисяцю
Воды принесты;
Що не хоче при свиченьки
Свитлоньки месты!
Якъ носыла водыченьку
Такъ буду носыть,
А не ходы до сосиды
Ты мене судыть!
Не ходы до сосиды
Огню позычать,
Та не ставай зъ сосидою
Мене трахтовать!

13.

Ходыла Наталка по кимнати,
Та будыла неньку свою зъ кровати.
Вставай, вставай, ненька моя,
Годи тоби спать!
Бо вже мини въ твоій хати
Не викъ виковать,
Одну ничку субботнюю
Тильки переночувать,
Одинъ денёкъ недиленьки
Зъ вамы погулять.
Такъ якъ одынъ день,
Субботонька—недиленька
Жалуй мене, моя ненько,
Хоть цей тыждень!
Жаловала, дочко моя,
Якъ була моя,
А теперь надъ тобою
Неволя моя,
Нехай тебе пошануе
Дружина твоя! [1])

14.

Ой жаль мини, ненько моя,
Тай на тебе,
Даешь мене молодую
Тай отъ себе;
Остается рута-мята
Тай у тебе.
Й руточка й мяточка зелененька,
То садыла Наталка молоденька.
Ой уставай, моя ненько, ранесенько,
Та полывай руту-мяту частесенько.
Вставатыму, дочко моя, раньше тебе—
Й раннимы й пизнимы зирочкамы,
Й дрибнымы — жалибнымы слизочкамы.

15.

Продай, продай, мій батенько,
Свій вышневый садъ,
Та справъ мини, мій батенько,
Дорогій нарядъ.
Зеленую шубочку ажъ до долу,
Дорогіе черевычки на ніжечки.

[1]) Эта пѣсня записана нѣсколько иначе „Степъ“ № 67 стр., 196 и Чубинскій № 286.

А доброе намыстычко
На билую шію!
На що тоби, дитя мое,
Дорогій нарядъ,
Якъ пидешь ты до свекрухы
Той ёму не радъ!
Зеленая та шубочка
Излежицця,
Дорогіе черевыки,
Пыломъ припадуть,
А доброе намыстычко—
Зовыци порвуть!
А я тимъ зовыцямъ
Тай склонюся;
Неньци своій риднесенькій
Похвалюся,
Нелька моя риднесенька
Затоскуе,
Та затоскуе вона
Напрасно!

Когда невѣста сирота, то поютъ дословно № 46 и 139 „Степъ", и еще:

16.

Зеленая пшеныченька
На яръ полягла,
Десь у тебе, та Наталко,
Неньки нема!
Якъ бы у мене подружечки
Ненька була;
Вона-бъ мини, подружечки,
Порядокъ дала.
А то у мене, подружечки,
Неньки нема,
То у мене порядку нема:
Стоять столы тесовые—
Не застелены;
Стоять пляшкы хрусталёвы—
Не налываны;
Сидять гости дорогіе—
Не частованы.

17.

Ты соловейко, мыленькій,
У тебе голосъ тоненькій,
Не щебечи рано на зори,
Не завдавай жалю мини!
Бо я живу въ чужій сторони,
Нема роду при мини,
Нема роду—родыны,
Ни вирнои дружины.

У жениха тоже „вьють гильце", но потомъ онъ съ буярами присутствуетъ у невѣсты; его не выряжаютъ изъ дому, какъ описано въ „Степу", это у насъ дѣлаютъ въ воскресеніе. Въ субботу дивчата ужинаютъ у невѣсты, потомъ ихъ буяре провожаютъ домой.

Въ воскресеніе дивчата собираются къ невѣстѣ, садятся за столъ и поютъ до прихода жениха слѣдующія пѣсни:

18.

Черезъ синечокъ—двое дверечокъ
Щей вышневый садокъ,
Ой тамъ Наталка овесъ сбирала,
Голубонькивъ годувала.
Годувала й напувала,
Зъ голубонькамы розмовляла:
—Голубоньки мои, загудить мини,
Защебечить, соловейки,
Завдайте жалю темному лугу
Щей батеньку моему.
Що винъ мене дае й самъ не знае
Щастя й доли не гадае!
—Доненько моя! не самъ я—
Господь!
Просы, доненько, Господа Бога,
Щобъ щастлыва була доля!
—Уже й просыла, уже й молыла
Доленька нещастлыва!

19.

Оце тоби, ненько моя,
На отходи,
Посадыла травяночку
На горби.
Росты, росты, травяночка,
Не хылыся!
Живы, живы, ненько моя,
Не журыся!
--Ой якъ мини не хылыцця
Витеръ повива;
Ой якъ мини не журыцця,
Дитя покыда:
Никому постеленьки послать,
Никому головоньки обиськать!

20.

Чи не жаль тоби, моя ненько,
Мене буде,
Якъ мене у твоій хати
Тай не буде?
Тай не будуть подружечки забигать,
Тай не будуть кватырочки одчинять,
Тай не будуть на улыцю выклыкать,
А йтымуть подружечки поузъ твій двиръ
Тай не зайде, не загляне,
Ни одна у твій двиръ.
Йтымуть, ненько моя, та будуть спивать,
Тай будуть тоби, ненько моя, жалю завдавать.
Тай нестымуть черешеньку зъ ягидкамы,
Умыешься, ненько моя, слизонькамы.
Не разъ—не два, ненько моя, тай заплачешь,

Покы мене въ своїй хати тай побачешь,
Не разъ—но два, ненько моя, тай затужешь,
Покы мене, черезъ люды, тай почуешь,
Не разъ, не два, ненько моя, тай заплачешь,
Якъ моихъ подружечокъ де побачешь,
Не разъ не два, ненько моя, тай затужешь,
Якъ ты моихъ подружечокъ тай зачуешь!

21.

Ой по пидъ лисомъ бытая дориженька,
А на взлиси рубленная крыныченька.
Ой туды йшовъ Иванъ съ буярамы,
Ёму калына дорогу заступыла.
Вынувъ шабельку, ставъ калыну рубаты,
Стала калына до ёго промовляты:
—Не рубай мене гострою шабелькою,
А укрый мене красною китайкою.
Не для тебе ця калына сажена,
А для тебе Наталка зряжена,
А для тебе на посадъ посажена!

Когда женихъ подходитъ, то поютъ:

22.

Первыи послы прыйшлы,
Не уміють говорыты,
Ни шапочки зняты,
Ни ручелькы даты.
Шапочка прышытая,
Рученька прыбытая [1]),
Дайте имъ вына,
Щобъ умилы говорыты,
Дайте имъ напытыся,
Щобъ умилы склоныться!

Въ воскресеніе изъ церкви, женихъ идетъ домой, гдѣ съ дружкомъ, буярами, свитылками и свашками обѣдаетъ, во время обѣда пьютъ не болѣе какъ по двѣ рюмки водки. Послѣ обѣда, дружку́, буярамъ, свитылкамъ и свашкамъ пришиваютъ красныя ленты, мужчинамъ къ шапкамъ, а женщинамъ къ платкамъ. Дружко

[1]) Этими словами въ „Степу“ № 80 заканчивается—у насъ поютъ полнѣй.

благословляется вести въ путь молодого, котораго благословляетъ мать; онъ беретъ „гильце“, а дружко платкомъ выводитъ изъ хаты. За порогомъ во дворѣ стоитъ дижа, на ней: хлѣбъ, ведро воды и кружка; дружко обводитъ жениха три раза вокругъ дижи, а мать въ это время обсыпаетъ его: овсомъ, конфектами, пряниками, орѣхами, деньгами и проч., присутствующія дѣти подбираютъ, а всѣ взрослые поютъ:

23.

Сыпъ, матинко, овесець,
Щобъ нашъ овесець рясный бувъ;
Щобъ нашъ Иванъ (имя жениха)
Щастлывый бувъ!

Мать беретъ съ дижи хлѣбъ, благословляетъ сына, беретъ за платокъ, который въ рукѣ жениха и выводитъ со двора, свашки и свитылки дорóгою поютъ:

24.

Ивана ненька родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Сонечкомъ пидперезала,
До тещи выряжала.
До тещи гордóи,
До Наталки молодои.
— Выряжай-же, моя ненько,
Швыденько,
До тіи тещи гордóи
До Наталки молодои!

25.

А у Ивана ласкавая ненька,
Забарыла насъ ласкавымы словамы;
Годувала насъ билымы калачамы,
Напувала насъ пывамы та медамы,
Выряжала насъ зъ скрыпкамы зъ цымбаламы.
Дай Боже, сынови добру годыночьку,
Пиды сыну въ чужую стороночьку,
Прывезы сыну чужую дытыночьку.
— Ой не такъ, маты, чуже дытя взяты,
А треба, маты, у порога постояты,

Та треба, маты, три подарочки даты:
Первый подарокъ червоны чобиткы,
Другій подарокъ—золоты пидкивкы,
Третій подарокъ парчевый очипокъ;
Та тоди тилькы, маты,
Чуже дытя взяты! [1])

Компанія, идущая съ женихомъ, несетъ: 50 шишекъ, $^1/_2$ ведра водки въ бутылкахъ, борону изъ тѣста, на которой сидитъ погонычь тоже изъ тѣста, сапоги для матери невѣсты, а невѣстѣ очипокъ. Когда молодой приближается, парни затворяютъ ворота и не пускаютъ, пока не дадутъ бутылку водки; иногда обманываютъ, даютъ бутылку съ водой. Входятъ во дворъ и останавливаются около порога. Въ хатѣ дружки поютъ „Степъ" № 48 и еще:

26.

Ой розступицця, вы горы камьяные,
Будуть йихать буяре молодые,
Будуть губыты китыци золотые.
Десь узялась свашенька молоденька,
Тай позбирала китыци золотые,
Та звыла вона три виночка дорогые,
Одынъ соби, а другый стȁростоньци,
А третій тому, хто въ чужій сторóньци.

27.

А у свата пидъ свитлыцею,
Стоить верба зъ росыцею,
А хто тую вербу пидрубае?
А Иванъ вербу пидрубае,
А Наталка росу позбирае.
А вербою кони поганять,
А росою лычко умывать! [2])

---

[1]) „Степъ" № 42.

[2]) Иногда эту пѣсню поютъ свашки и свитылки во дворѣ невѣсты.

Потомъ свитылки и свашки поютъ:

28.

Ой докы-жъ мы та стоятымемъ,
Сыру землю та топтатымемъ,
Червоными чобитками,
Золотыми пидкивками?
Свату, свату,
Пусты насъ у хату;
Тутъ насъ, свату, не багацько:
Тилькы свашка, та свитылочка,
Иванова уся родыночка.
Мы вамъ, свату, не докучемо,
Тилькы кожухы пересушемо,
Та Наталку соби визьмемо! [1])

Буяринъ благословляется войти въ хату съ гильцемъ; когда входитъ, то долженъ выкупить гильце невѣсты, которое стоитъ на столѣ, тогда его убираютъ и ставятъ женихово гильце. Когда буяринъ даетъ деньги, дружки недовольны и поютъ:

29.

Було-бъ тоби у буяре не йты,
Було-бъ тоби день молстыты,
Грошей заробыты,
Гильце выкупыты [1]).

Онъ прибавляетъ, — тогда отдаютъ. Въ насмѣшку буярамъ поютъ,—когда они хотятъ отнять гильце:

30.

Йижте, буяре, капусту,
Не сподивайтесь на моркву,
Бо внадылась свыня зъ боку,
Та вырыла усю моркву.
Йилы буяре юшку,
Та вкралы галушку,
Сюды туды поверталыся,
Галушкою подилялыся,
Самый старшій поспишився,
Галушкою подавывся.

Старшая дружка выходитъ изъ за стола, беретъ бутылку съ водкой и рюмку на тарелкѣ, идетъ на дворъ къ жениху, подноситъ рюмку водки и поетъ:

---

[1]) Ср, „Степъ“ № 52, Чубинскій, № 1254.

[2]) „Степъ“ № 85.

31.

Не знаемъ тебе, якъ зваты,
Маемъ тебе частуваты,
Просымо тебе до господы!

Женихъ бросаетъ ей 15—20 коп., обязательно серебряныхъ, и пьетъ водку, потомъ наливаетъ ей въ ту же рюмку своей водки; а буяринъ даетъ ей кружку съ водой, она беретъ и сливаетъ старостамъ, а дружки поютъ:

32.

Мыють старосты рукы,
Поглядають на килочкы:
Чы не высять рушнычкы
Нашойи паняночкы [1]).

Дають рушники вытирать руки, старосты берутъ и перевязываются ими, а дружкѣ бросаютъ на тарелку 3—5 коп.; дивчата поютъ:

33.

Не дывуйтесь, старосты,
Що коротки рушныкы;
Прядиво не уродыло,
Стара маты не вробыла,
А я, молоденька
Гуляты раденька [2]).

Тогда выходятъ отецъ и мать невѣсты къ жениху; дружко беретъ у жениха борону съ погонычемъ и даетъ отцу; тотъ беретъ, разсматриваетъ и говоритъ, что борона никуда не годится, а погонычъ кривой или слѣпой, женихъ даетъ 10—15 коп. на исправленіе и подчуетъ своей водкой, тесть пьетъ, благодаритъ и даетъ въ подарокъ платокъ, который дружко вырываетъ, три раза махаетъ надъ головой жениха, вытираетъ ему носъ и подпоясы-

---

[1]) „Степъ“ № 82, стр. 203.
[2]) „Степъ“ № 83.

ваетъ тѣмъ-же платкомъ; тесть подчуетъ зятя своей водкой, сваха подноситъ тёщѣ сапоги, а женихъ даетъ 10—15 коп. на „пидковы"; тёща надѣваетъ сапоги и идетъ на музыку танцовать и поетъ: „Оце ціи чоботы, що зять давъ, а за ціи чоботы дочку взявъ"... и т. д.

Тесть подчуетъ водкой сватовъ и свахъ, которымъ даютъ по шишкѣ и рушнику.

Жениха ведутъ въ сѣни, но тутъ выскакиваетъ какая нибудь изъ тетокъ невѣсты въ вывороченомъ кожухѣ и пугаетъ жениха; буяринъ её отталкиваетъ и выхватываетъ горшокъ съ водой, который долженъ быть у нея въ рукахъ, и забрасываетъ чрезъ голову подальше. Въ сѣняхъ другая тётка невѣсты встрѣчаетъ жениха съ рѣшетомъ въ рукахъ, она подходитъ къ жениху и ко всѣмъ его родственникалъ и поетъ:

34.

Рѣшето тараточе,
Чогось воно хоче,
Срибного-золотого
Отъ князя молодого!

Ей какъ женихъ, такъ и его родственники бросаютъ по 1—2 коп. въ рѣшето, она беретъ и уходитъ.

Ведутъ жениха въ хату и опять задерживаютъ, онъ подчуетъ водкой. Невѣста сидитъ за столомъ, на головѣ у нея калачъ, на которомъ лежатъ двѣ ложки, связанныя красной лентой, все это и лицо покрыто рушникомъ, дружки въ это время поютъ:

35.

Глянь-же ты, Наталко.
Кризь калачь
Карымы очима
Тай заплачъ.
Ось твій иде,
Розмай коса,

Потеряй краса,
Гориховый цвитъ,
Що завьязавъ свитъ! [1]).

Возлѣ невѣсты стоитъ братъ съ палкою и не пускаетъ, женихъ его упрашиваетъ, онъ замахивается палкою и говоритъ: „Я качаны кравъ та сестру годувавъ, а тоби дурно не отдамъ"! Женихъ даетъ ему деньги, а дивчата поютъ:

36.

Не стій, зятю,—не стій, зятю,
За плечима,
Не свиты, зятю,—не свиты, зятю,
Карымы очима.
Заглянь, зятю,—заглянь, зятю,
У кешеню:
Выймы, зятю,—выймы, зятю,
Грошей жменю.

Десь у зятя—десь у зятя
Тай грошей немае,
Що шурына зъ мисця
Не скупляе.
Пиды, зятю,—пиды, зятю,
На тикъ молотыты,
Щобъ шурина—щобъ шурына
Зъ мисця скупыты [2]).

Свашки жениха имъ отвѣчаютъ:

37.

Не пиде, зять,—не пиде, зять,
На тикъ молотыты.
Есть у зятя,—есть у зятя,
Конывъ вороненькій,
Скупе ёго,—скупе ёго,
Братичокъ ридненькій!

Женихъ даетъ ему еще денегъ, тогда братъ отходитъ и говоритъ сестрѣ, что онъ ее продалъ; дивчата поютъ:

38.

Ой татарынъ, братичокъ, татаринъ.
Продавъ сестрыцю, якъ даромъ:

---

[1]) Ср. „Степъ" № 94.

[2]) Степъ № № 86, 87; Чубинскій, стр. 588.

Русу-косу за пьятакъ
Биле лыченько отдавъ такъ [1]).

Сестра невѣсты беретъ цвѣтокъ изъ вѣнка невѣсты и пришиваетъ жениху на шапку; а дивчата поютъ:

39.

Ой дай маты голку
Й ныточку шовку—
Прышиты виночокъ,
Князю молодому.
Я зятю не дытына,
Щобъ шагы личыла,
Я, зятю, така, якъ ты,—
Кыдай, зятю, все пьять та тры.
Я на цее не дывлюся,
Одъ зятя одвернуся,
До стины очыма,
До зятя плечыма,
Бо я въ батька не гуляла,
Барвинокъ полывала;
Полывала барвиночокъ
Зятеви на виночокъ,
Бо я въ батьковій хати,
На батьковій лави,
Давъ мини батенько волю,
Зяте, надъ тобою! [2]).

Женихъ подходитъ, раскрываетъ невѣсту и цѣлуетъ; невѣста встаетъ, молится иконамъ, цѣлуетъ хлѣбъ, принесенный женихомъ, кланяется: отцу, матери, дядькамъ, тёткамъ, всѣмъ родственникамъ и цѣлуется съ ними. Дивчата поютъ:

40.

Похыльчасте то дерево—ялына,
Покирлыве то дитятко Наталка.
Прыступысь, Наталко, та блызенько,
Поклонысь отцю—неньци та ныженько.
Прыступысь, Наталко, ище блызче—
Поклонись отцю—неньци ище нызче.
Кланяеться, Наталка, кланяеться,
Та дрибными слизонькамы умываеться.

Если невѣста сирота, добавляютъ:

Оглянысь, Наталко, назадъ себе,

---

[1]) „Степъ“ № 88.
[2]) Ср. Степ № 90. Чубин. № 383.

Чи вся твоя родынонька коло тебе?
— Вся моя родынонька,
А неньки нема, (или батька)
Та тымъ мене молодую
Журьба обняла [1]).

Дружки просятъ невѣсту, чтобы оно спѣла имъ. Она поетъ;

41.

Дружечки, голубочки,
Чужа сторона доведе до сорома.
Не уміемо и не сміемо,
Просымо васъ!

Они поютъ:

42.

Ой якъ тоби,
Наталко, издаеться,
Що вже твое
Дивовання мынаеться?
— Ой такъ мини,
Подружечки, издаеться,
Кругомъ серце
Кровью льеться—скипаеться,
Що вже мое
Дивовання мынаеться!

43.

Прощай, прощай ты, Наталко,
Сестра наша!
Теперъ мы не твои,
Ты—не наша!
Прощай, прощай ты, Наталко,
Мы уже идемо,
Уже твое дивовання,
Мы соби беремо!
— Берить, берить, подружечки,
Тай не лайтесь,
Вы-жъ моимъ дивованнямъ
Подиляйтесь.

Затѣмъ дружки поютъ:

44.

Уже мы понудилы,
Свитонька не видилы,
Хочемо погуляты,
На двиръ танцюваты.

На двиръ танцюваты,
Буяръ выглядаты:
Чы не крыви, чы не горбаты,
Чы уміють танцюваты,

---

[1]) Ср. Степ. № 93, Чуб. № 112.

Чы высоки пидборы,
Чы чорни бровы:
У старшого ногы
Таки якъ у рака,
А самъ рудый, якъ собака,
Щей безъ верхнёи губы,
Якъ пье водку—выдно зубы! [1])

Дружко благословляется вывести молодого и молодую *на прогулянне* къ музыкѣ, куда они идутъ съ дивчатамы, но не танцуютъ. Женихъ незамѣтно уходитъ въ отдѣльную комнату, а невѣста остается на нѣкоторое время и танцуетъ съ буярами.

Часа за два до вечера кладутъ сундукъ и подушки, назначенныя въ приданое, на повозку; но предварительно братъ невѣсты продаетъ ихъ, получая не менѣе 30 коп., шишку и рюмку водки. Везетъ какой-нибудь изъ старостовъ съ двумя свашками, везутъ всегда на волахъ. Отъѣхавъ нѣсколько, погонычъ останавливается и говоритъ, что у него *„привій порвався“*; ему даютъ рушникъ и рюмку водки; нѣсколько дальше опять останавливается и говоритъ, что возъ немазанный, его подчуютъ.

Когда заберутъ приданое, заводятъ жениха и невѣсту за столъ; съ ними садятся и дружки. Вносятъ дижу, на которой лежатъ: коровай, очипокъ и два рушника. Дружко и пиддружій берутъ рушники и благословляются коровай дѣлить. Дивчата поютъ:

45.

Ой, глянь на поригъ,—дыво!
Несуть твойе дило:
Якъ биръ билесенькe,
Якъ папиръ тонесенькe,
Биле извывання,
Вичне покрывання.
Изъ билого цвиту,
Есть ёго по всимъ свиту;
Биле, не лынюще,
Всимъ дивкамъ не минуще [2]).

Потомъ:

46.

Нашъ пивень билокрылый,
Нашъ дружко чорнобрывый;
Не жаль ёму даты
Коровай роскрайюваты.
Нашъ дружко коровай крайе,
Семеро дытей майе;
Та вси зъ кошельками,
Увесь коровай забралы [3]).

[1]) Ср. Степъ № 68. Чуб. № 803.

[2]) Степъ № 95 стр. 209 дословно.

[3]) Степъ № 103 тоже самое, только безъ 3 и 4 ст.

Когда раздѣляютъ коровай, свашки берутъ очипокъ, надѣваютъ невѣстѣ и поютъ:

47.

Покрываловка плаче,
Покрыватыся хоче,
Чепчыка-кыбалочки
На свою головочку.
Дай Боже цилуватыся,
Милуватыся,
Одъ молодости
До старости [1])!

При этомъ свашки цѣлуются между собою; а дивчата поютъ:

Що-жъ бо ты, свашенько, робышъ,
На що-жъ ты кисоньку ломышъ?
Ой, косо, руса, кохана!
Яжъ тебе, кисонько, кохала,
Що субботоньки чесала,
Що недиленьки зряжала,
За одынъ вечиръ стыряла [2])!

49.

Искынь, искынь, бо не годиться,
Краще дивка, якъ молодыця.
Искынь, искынь, бо не подоба,
Не прыстайе очипокъ до лоба [3]).

Свашки поютъ въ отвѣтъ:

50.

Якъ сами схотилы,
Такъ и зробылы;
Зъ кныша паляныцю
Зъ дивчины молодыцю;

Дивчата отвѣчаютъ:

51.

Якъ-бы мы схотилы.
Мы-бъ іи розвертилы,
Заплены-бъ у дрибнушкы,
Посадылы-бъ у дружкы,
Калыною обквичалы,
Вы-бъ іи не пизналы!

52.

Ой, ненько, уже не раненько,
Чомъ не вчишь мене, ненько?
— Якъ тебе вчиты,
Жаль тебе быты.
Будь сама склонлыва,
Держивъ свитлонци, якъ у виночку,

---

[1]) Ср. Степъ № 98. [2]) Ср. Степъ № 96. [3]) Степъ № 97.

И рушнычокъ на килочку.
Держи видерце чистесенько,
Водыци повнесенько.
Свекорко війде въ свитлыцю,
Гляне, винъ тебе не налае:
Доброго батька—добра дытына,
Вона мини угодыла.
А свекору годы:
Билу постиль стелы.
А свекруси годы:
Свитлоньку уберы.
А диверу угоды:
Билу сорочку перы.
А зовыци угоды:
Русу косу чешы [1])!

Свашки поютъ дивчатамъ:

53.

Ой, пора вамъ, дивчатка, прощатыся,
Зъ нашею Наталкою розстатыся,
Теперь вона тай не ваша,
Теперь вона наша,
Бо вже-жъ вона пидъ винцемъ стояла,
Хрестъ цилувала, прысягу давала [2]).

Дивчата поютъ:

54.

Брала Наталка лёнъ,—лёнъ,
Выганяла дружечокъ вонъ, вонъ!
Идить дружечки зъ хаты,
Мини зъ вамы не гуляты,
Й калыны не ламаты.
— На що було зазываты,
Якъ зъ хаты выганяты?! [3])—

Тогда буяринъ благословляется вести старшую дружку; ее ведутъ подъ руки и поютъ № 43; вся компанія дружекъ и буяръ идутъ къ ней, гдѣ отецъ старшей дружки угощаетъ обѣдомъ и

[1]) Степ. № 9 почти тоже, только тамъ поютъ, когда шьютъ приданое невѣстѣ.

[2]) Степ. № 104 дословно.

[3]) Ср. Степ. № 105. Чуб. стр. 560.

водкой, которой выпиваютъ $1/4$ или $1/2$ ведра, это называется *„дружчины отбувать“*.

Оставшіяся свашки со стороны невѣсты поютъ:

55.

Чого ты, Наталко, сыдышъ?
Чомъ не дякуешъ батькови?
Уже коныкы позапряжены,
Музыченьки понаряжены,
Тилькы систы тай поихать.
—Велю коныкамъ вивса дать,
А музыченькамъ пидождатъ;
Покы прыйде батенько зъ саду
До мене на пораду.
Скоро батенько на поригъ,
Упала Наталка ньзенько до нигъ:
Спасыби тоби, мій батеньку,
За твое коханнячко,
Що я у тебе гуляла,
Важкои роботы не знала:
А за юпочку, та на улечку,
А за виночокъ, тай у таночокъ
Погуляты до дивочокъ [1]).

56.

Ой по гори лёнъ,
А по лёну витрецъ віе,
Молодая дивко, Наталко,
Тебе батенько клыче!
—Нехай клыче,
А винъ мене не доклычецця,
Его воля поклыкаты,
Моя воля не послухаты.
. . . .
. . . .

(Въ этой пѣснѣ такое-же обращеніе: къ матери, братьямъ и сестрамъ и отвѣтъ такой же: „не доклычецця“, а она „не послухае“, потомъ обращеніе къ свекру, свекрухѣ и жениху, которые „доклычуцця и вона послухае“ [2]).—

Отецъ и мать берутъ икону, назначенную молодымъ, благословляютъ ихъ, тѣ кланяются, прощаются и цѣлуются со всѣми родственниками, а свашки поютъ:

Хылылыся квиты,
Кланялыся дыты!

Дружко ведетъ невѣсту къ повозкѣ, а буяринъ высаживаетъ; жениху-же дружко даетъ кнутъ и обводитъ три раза вокругъ по-

---

[1]) Степъ № 138 тоже, кромѣ конца . . . . .

[2]) Ср. Степъ № 142; тамъ поютъ только конецъ, что женихъ ее зоветъ и она слушаетъ.

возки, тогда садятся и уѣзжаютъ къ роднымъ жениха (и поютъ извѣстную на всѣхъ малороссійскихъ свадьбахъ пѣсню: „Рыстю, коныкы, рыстю,...).

Подъѣзжая къ хатѣ жениха, поютъ:

57.

Выйды, матинко, огляды,
Шо-жъ тоби буяре прывезлы,
Чы вивцю, чы ярку,
Чы невистку кохавку;
Чы вивцю, чы ягныцю,
Чы хорошу молодыцю[1]).

Когда пріѣзжаютъ во дворъ мать встрѣчаетъ молодыхъ, беретъ у нихъ икону и хлѣбъ, здоровается и цѣлуется, а свашки поютъ:

58.

Прилитила перепелочка,
Не вчора та теперычка;
Сила вона середъ двору,
Стала по двору литаты,
Стала у хату прохатысь:
Упустить у хату,
Тай не пурхайте, не полохайте,
Нехай вона привыкае,
Той до дому не скучае!

Войдутъ въ хату и сейчасъ же молодыхъ отправляютъ въ назначенную имъ комнату, гдѣ приготовлена брачная постель. Когда молодые уходятъ, имъ поютъ:

59.

Ой, пиду я въ лугъ по калыну,
Та выломаю калынову квитку,
Та покладу пидъ билу намитку;
Колы бъ мени колынонькы не подавыты,
Колы-бъ мени родынонькы не прогнивыты,
Бо у мене увесь ридъ пышный,
А у мене батько велышный,
А свекруха не ридная маты.
Щобъ не выгнала зъ хаты[2]).

Убѣдившись въ цѣломудріи невѣсты, поютъ:

---

[1]) Степъ № 112, дословно.

[2]) Степъ № 113. Чубин. № 1292.

60.

Ой не бійся, матинко, не бійся,
Та въ червони чобиткы озуйся,
Та топчы ворогы пидъ ногы,
Щобъ твои пидкивкы брязчалы,
Щобъ твои ворогы мовчалы.
А неньчыни пидкивкы: брязь, брязь, брязь,
А нашимъ ворогамъ: зась, зась, зась! [1]).

61.

Ой гаю мій, гаю,
Я въ тоби часто бываю,
Я тебе пидпушую,
Водыцею пидхлюпую,
По дорози рострушую,
Щобъ гай бувъ зелененькій,
Щобъ ридъ бувъ веселенькій,
И лавкы и прилавкы
Зъ червонои кытайкы!

62.

Молодець, Иванъ, молодець,
Пидрубавъ вышеньку пидъ корынець,
Посбиравъ ягидкы въ рукавець,
Посыпавъ ягидкы по столу,
Своему роду на славу!—

Тогда-же посылаютъ буярина съ извѣстіемъ къ отцу и матери невѣсты и съ шишкою, перевязанною красной лентой.

Въ домѣ жениха всѣ садятся ужинать, послѣ чего молодые идутъ спать, а родственники гуляютъ цѣлую ночь.

Въ понедѣльникъ утромъ собираются, идутъ на базаръ погулять, заходятъ къ священнику, который читаетъ молитву молодымъ „На разрѣшеніе вѣнцевъ“ и покрываетъ молодую платкомъ; отъ священника идутъ на базаръ, гуляютъ часа два, пока въ домѣ жениха приготовятся, но, сейчасъ-же, женихъ со сватами и музыкой идетъ къ отцу невѣсты просить къ себѣ въ гости, невѣста остается; когда идутъ съ ними обратно, то на половинѣ дороги

[1]) Степ. № 114. Чубин. № 1316.

стелютъ солому, на которой садится мать невѣсты, какой-нибудь сватъ подчуетъ её и отца, а женихъ подымаетъ ее и ведетъ подъ руки. Свашки поютъ:

63.

Ой, зять тещу веде
За билую ручку,
За билую ручку,
За честную дочку [1]).

64.

Ой, зять тещу просе,
Въ рукахъ шапочку несе,
И теща моя и голубка моя,
Иды-жъ до мене,
Та и есть у мене
Ажъ тры бочкы меду,
Все для твого роду [2]),

Когда мать приводятъ къ дому, то стелютъ холстъ, по которому она идетъ и ей поютъ:

65.

Ой брехалы превражіи люде,
Шо Наталка не добрая буде;
Ажъ вона добресенька,
Якъ рожа повнесенька,
А жъ вона прыдалася,
Якъ рожа розцвилася [3]),

Всѣ садятся за столъ, дружко раздѣляетъ коровай жениха, потомъ говоритъ:

Вотъ вамъ хомутъ и дуга,
А я вамъ больше не слуга.

Женихъ беретъ бутылку съ водкой, а невѣста тарелку съ рюмкой, и подносятъ всѣмъ присутствующимъ, которые дарятъ имъ, кто что можетъ, на новое хозяйство, чаще всего по мѣшку хлѣба, а самые близкіе родственники овцу или тёлку. Послѣ даренья идутъ къ отцу и матери невѣсты, гдѣ гуляютъ вечеръ и всю ночь; во вторникъ гуляютъ у дружка̀; въ среду—у ближайшихъ родственниковъ.

Въ среду же рядятся и ходятъ по дворамъ тѣхъ, кто былъ на свадьбѣ, красть куръ для четверга, куръ несутъ къ отцу же-

---

[1]) Степъ № 117.
[2]) Степъ № 118.
[3]) Степъ, № 119.

ниха. Поѣвши куръ, благодарятъ „весильнаго батька“, который приглашаетъ всѣхъ на пятницу зубы полоскать.

Въ пятницу собираются компаніями, берутъ курицу, украшенную лентами, и несутъ въ подарокъ какому нибудь шинкарю еврею, онъ принимаетъ, благодаритъ и даетъ взаимно въ подарокъ полкварты водки, компанія остается пить её и при этомъ выпиваютъ у того-же еврея не менѣе какъ на 10 руб. водки и пива; понятно, еврею выгодно принять въ подарокъ украшенную курицу; иногда такихъ курицъ отнесутъ разнымъ шинкарямъ 3—4, если свадьба богатая; вечеромъ приходятъ къ жениху.

Въ субботу нѣкоторые изъ родственниковъ приходятъ навѣстить отца и мать жениха: „чы жыви, чы здорови, та щобъ тыждень защитать“,—и приносятъ бутылку своей водки, тогда уже конецъ свадьбы.—

Самая бѣдная свадьба у малороссовъ обходится до 50 руб.—средняя не менѣе 100 руб.

II. Свадьба у великороссовъ.

Великороссы женятъ сыновей раньше, чѣмъ малороссы. Едва исполнится парню 18 лѣтъ, какъ отецъ высматриваетъ подходящую невѣсту и предлагаетъ сыну жениться; часто, впрочемъ, засватываютъ сыновей въ 17 и 16 лѣтъ, теперь этотъ обычай выводится, потому что невѣсты нарушаютъ обѣщаніе и, не дождавшись, выходятъ за другаго и тогда приходится судиться. Указавъ сыну намѣченную невѣсту, отецъ спрашиваетъ его согласія (это завелось недавно, а лѣтъ 5—10 назадъ не спрашивали, а женили по своему усмотрѣнію); если сынъ изъявитъ согласіе, то посылаютъ свата или сваху, обязательно изъ ближайшихъ родственниковъ; женихъ не идетъ. Сватъ, отправляясь, не беретъ ни хлѣба, ни водки; придя и поздоровавшись, говоритъ сначала о постороннемъ, а потомъ уже прямо: „Вотъ у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ, не будемъ-ли мы родней?“—Свата спрашиваютъ, отъ кого онъ и по первому разу отказываютъ, ссылаясь на жену и невѣсту, послѣдняя не присут-

ствуетъ, а мать спрашиваетъ ея согласія на дворѣ, если невѣста, отецъ и мать согласны, то говорятъ свату, чтобы онъ пришелъ на слѣдующій день утромъ, а они посовѣтуются съ родней (самый главный совѣтъ съ крестной матерью невѣсты). Отецъ невѣсты собираетъ близкихъ редственниковъ и спрашиваетъ ихъ совѣта.

Утромъ, пока сватъ придетъ, родня невѣсты уже въ сборѣ; когда онъ приходитъ и видитъ родственниковъ, то знаетъ, что отказа не получитъ, въ противномъ случаѣ не было бы родни, но все же сватъ спрашиваетъ:—„Ну—что? какъ дѣла?"—Ему шутя отказываютъ, говорятъ, что у нихъ дѣвка для нихъ неподходящая, лѣнивая, или слѣпая и высказываютъ другіе недостатки, которыхъ нѣтъ. Сватъ кланяется и проситъ всѣхъ; послѣ усиленныхъ просьбъ, отецъ говоритъ: „Какъ рѣшитъ невѣста, такъ и будетъ". Ее зовутъ—сватъ кланяется ей и проситъ согласія; если она изъявитъ его, отецъ и всѣ присутствующіе, до той поры сидѣвшіе, встаютъ, молятся Богу и говорятъ: „Ну, пусть Богъ помогаетъ, приходите съ водкой!" Сватъ, не прощаясь, спѣшитъ къ отцу жениха и говоритъ: „Помоглось, слава Богу, пойдемъ съ водкой". Берутъ ведро водки, хлѣбъ и идутъ съ ближайшими родственниками и женихомъ. Входятъ въ домъ, здороваются; отецъ жениха спрашиваетъ: „Что, какъ дѣла? хлѣбъ-соль принимаете?" Ему отвѣчаютъ, что, слава Богу, принимаемъ. Отецъ ставитъ водку на столъ и кладетъ хлѣбъ.

Если женихъ и невѣста знакомы, то ихъ не приглашаютъ, а иногда зовутъ и спрашиваютъ согласія, когда они изъявятъ его, отецъ невѣсты снимаетъ икону, и кладетъ на столѣ; отецъ и мать невѣсты и жениха, а вмѣстѣ съ ними и молодые бьютъ поклоны, цѣлуютъ икону и другъ друга; женихъ съ невѣстою кланяются въ ноги родителямъ, цѣлуютъ ихъ въ руки и губы, потомъ идутъ въ другую половину дома, а всѣ присутствующіе садятся за столъ, пьютъ водку жениха до утра, если ведра водки не хватаетъ, то отецъ жениха идетъ за другимъ. Поклоны, цѣлованіе иконы и родителей между собою, служитъ какъ бы присягою на вѣрность согласія.

Въ другой половинѣ дома, кромѣ жениха и невѣсты, бываетъ 3—4 дѣвки, родственницы невѣсты, онѣ разговариваютъ, ѣдятъ сѣмечки или орѣхи и пьютъ водку, бутылку которой женихъ приноситъ въ карманѣ.

Обрядъ этотъ называется *„запой“*,—въ это время родители условливаются, когда сдѣлать *„пропой“*; обыкновенно его назначаютъ на воскресенье, недѣли чрезъ двѣ.

Дня за три—четыре до пропоя, отецъ жениха идетъ извѣстить отца невѣсты, чтобы онъ готовился въ воскресенье на *пропой* и приноситъ штофъ водки; въ субботу опять идетъ узнать, готовится ли сватъ и тоже приноситъ штофъ.

Собравши всю родню свою, отецъ жениха идетъ къ невѣстѣ, женихъ приглашаетъ нѣсколькихъ парней. Родня невѣсты собирается вся, такъ же, какъ и близкіе сосѣди.

Отецъ жениха приноситъ не менѣе 3 ведеръ водки, садятся за столъ и гуляютъ. Женихъ съ парнями и дѣвками, приглашенными невѣстой, въ другой хатѣ сидятъ за столомъ; товарищъ жениха подноситъ за каждымъ блюдомъ по рюмкѣ водки, невѣста не сидитъ, а подаетъ кушанья, не ѣстъ, а водку пьетъ, сколько можетъ, въ каждую очередь ей подносятъ первой.

Родители, во время пропоя, заключаютъ разныя условія: насколько времени присватываютъ,—самое меньшее, чтобы чрезъ два мѣсяца вѣнчать, а то вѣнчанье откладывается на нѣсколько мѣсяцевъ, даже на годъ, (а въ рѣдкихъ теперь случаяхъ на два года),—сколько отецъ жениха долженъ дать *„поклажнаго“* невѣстѣ (самое меньшее 10—15 руб. у бѣдныхъ, у среднихъ и богатыхъ до 50 и болѣе руб.); затѣмъ при людяхъ отецъ жениха обѣщаетъ, что когда будетъ брать невѣсту, привезетъ ей новые сапоги и шубу (кожухъ). Бьютъ по рукамъ и гуляютъ цѣлую ночь. На утро идутъ похмелять свата, т. е. отца жениха, пьютъ и ѣдятъ у него, а потомъ расходятся по шинкамъ, каждый сватъ со своей родней. Въ рѣдкихъ случаяхъ отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ и угощаетъ своей водкой, это только богатые, которые совѣстятся ходить по шинкамъ.

Послѣ пропоя, каждый праздникъ (разумѣется въ большіе праздники), до дня свадьбы, отецъ жениха долженъ приглашать родителей и ближайшихъ родственниковъ невѣсты къ себѣ и угощать ихъ; кромѣ того каждый понедѣльникъ (у насъ по понедѣльникамъ большіе базары) отецъ жениха долженъ на базарѣ угостить свата и роспить съ нимъ и кто еще случится изъ его родственниковъ полкварты водки, если сватъ взаимно угоститъ, хотя чвёрткой, то онъ долженъ эту чвертку *покрыть* непремѣнно полквартой, а то и больше, такъ что понедѣльникъ обходится не менѣе рубля. Понятно, что для бѣдныхъ немыслимо уговариваться на годъ. Предъ днемъ вѣнчанья отецъ жениха идетъ извѣщать свата и несетъ штофъ водки.

Въ воскресенье молодые, даже бѣдные, ѣдутъ на тройкахъ въ церковь; во время вѣнчанья у жениха и невѣсты вѣнцы держатъ отецъ и мать крестные; теперь у многихъ изъ подражанія малороссамъ, вѣнцы держатъ парни и дѣвки, хотя крёстные ооязательно стоятъ возлѣ нихъ. Послѣ вѣнчанія на тройкахъ, украшенныхъ лентами и платками, съ колокольчиками и бубенцами, объѣзжаютъ вокругъ церкви и ѣдутъ къ жениху на обѣдъ. Съ невѣстой ѣдетъ только: братъ, дѣвки и крёстные. Обѣдаютъ скромно—выпьютъ по двѣ—три рюмки водки и отвозятъ невѣсту къ отцу, гдѣ не бываетъ никакого угощенія.

За нѣсколько дней до свадьбы, отецъ жениха, взявъ штофъ водки и пригласивъ нѣсколькихъ мужчинъ, своихъ родственниковъ, идетъ къ свату, это называется: *„идти съ повѣстью“*, т. е. извѣщать, чтобы готовились къ свадьбѣ; утромъ же того дня, когда должна быть *вечерина*, онъ опять идетъ къ свату и тоже со штофомъ водки, узнать, готово ли все?

Отъ свата онъ обходитъ только нѣсколькихъ особенно уважаемыхъ родственниковъ, остальныхъ приглашаетъ на свадьбу женихъ; невѣста съ одной изъ своихъ подругъ тоже обходитъ и приглашаетъ своихъ родственниковъ; ей даютъ деньги, кто сколько желаетъ; внѣшнихъ признаковъ, что она невѣста, никакихъ нѣтъ; иногда распускаетъ косу, это, вѣроятно, заимствовано у малороссовъ.

Передъ вечеромъ дѣвки собираются и ведутъ невѣсту въ баню, но такъ какъ бань у нашихъ крестьянъ нѣтъ, то ведутъ въ другой домъ или къ сосѣду.

Когда ведутъ, дѣвки поютъ:

1.

Разтопися, банюшка,
Разтопися, камянка!
Разсыпься бѣлъ жемчугъ
По столу дубовому,
По серебряному блюдечку.
Расплачься, Аннушка,
Предъ роднымъ батюшкой:
Государь вы мой, батюшка,
Вы на что пиво варите?
Вы на что—зелёно—вино?
Дитя-ль моё, дитятко,
Чадо милое!
Ко мнѣ сваты будутъ,
А къ тебѣ женихи,
Сваты ходатаи,
Женихи богатые.
— Государыня моя, матушка,
Вы на что муку сѣете,
На что пироги печете?
Дитя-ль моё, дитятко,
Чадо милое!
Ко мнѣ сваты будутъ,
А къ тебѣ женихи,
Сваты ходатаи,
Женихи богатые!

Съ дѣвками и невѣстой идетъ крёстная мать, она беретъ бутылку водки и въ домѣ даетъ по рюмкѣ дѣвкамъ, невѣста ложится на разостланномъ кожухѣ и плачетъ. Дѣвки посидятъ нѣкоторое время и выходятъ. Когда идутъ, то поютъ:

2.

Изъ синя моря волны бьютъ,
Съ высокаго терема Аннушку ведутъ.
Подайте мнѣ коника батюшкинаго,
Батюшкинъ коникъ не устоялъ,
Аннушкину красоту не удержалъ.
Изъ синя моря волны бьютъ,
Съ высокаго терема Аннушку ведутъ.
Подайте мнѣ коника матушкинаго
. . . .
и т. д, то же, что и въ первомъ обращеніи.

Когда войдутъ въ домъ, невѣста плачетъ и поётъ:

3.

Спасибо вамъ, родный батюшка,
За паръ, за банюшку, за шелковый вѣничекъ:
Спасибо вамъ, родная матушка,
За паръ, за банюшку, за шелковый вѣничекъ!

Потомъ обращается къ дѣвкамъ и поетъ:

4

Погостюйтя, милыя дѣвушки,
У родного батюшки,
У родной матушки,
Послѣдній вечерокъ!

Дѣвки садятся за столъ,—на первомъ мѣстѣ, подъ иконами, сестра жениха,—ѣдятъ сѣмячки, орѣхи, конфекты и поютъ слѣдующія пѣсни:

5.

Скакнула кукушечка за селомъ,
Восплакнула Аннушка за столомъ,
Восплакнула Ивановна за новымъ:
Какой ты, батюшка, не желанный,
Отдаешь меня горькую отъ себя,
Остается зеленая мята у тебя.
Ужъ я эту зеленую мяту поливала.
Утренними и вечерними зарями,
Горькими—горючими слезами.
Ворвался Ивановъ конь въ огородъ,
Всю эту зеленую мяту притолокъ.
Увидала матушка, вскричала,
Увидала Аннушка смолчала!

6.

Ѣдутъ наши подольнички съ подолу,
Везутъ они за собой писарей

Поглядитя, родимый батюшка,
Что у писарей списано?
У писарей разлука написана,
Разлучают Аннушку съ батюшкой,
Ивановну съ роднымъ.
Приручаютъ её Ивану [1]).

7.

Нечаяла родимая матушка
Молодехоньку сбыть;
Сжила, сбыла, родимая матушка
За единный скорый часъ,
Сжимши, сбымши, родимая матушка,
Начала плакать и рыдать:
Выйди-ка, родимое дитятко,
На свой крутой бережокъ
Воротися-ка, дитятко, назадъ,
Позабыла золотые ключи взять!
Не ключики, родимая матушка,
Свою дѣвичью красоту!

8.

Травка-муравка шелковая,
Безъ поры безъ времени
Стала травка вянуть.
Безъ причинушки другъ Ванюша
Въ иную влюбился!
Воля моя, воля дорогая!
Дѣвка по саду гуляла,
Красоту свою теряла,
Красоты у дѣвки не стало,
Въ острожокъ, шельма, попала.
Тошно—грустно красной дѣвкѣ
Въ острожку сидѣть,
Разтошнёхонько, другъ Ванюша,
Въ окошко смотрѣть.
Мимо этого окошка
Лежала стёжка—дорожка,
По этой дорожкѣ много ѣдутъ,
Много ѣдутъ все купцы,
Бояре, господа, мѣщане,
А моего дружка, Ванюши,
Здѣся нѣту, онъ за рѣчкой гуляя,
За быстрой, шельма, шатается,
Черной шляпой махая,
Черной шляпой пуховой,
Рукой правой—лентой голубой!

---

[1]) Такое-же обращеніе и къ матери.

9.

Вишенька красная
Въ зеленомъ саду росла,
Противъ солнышка цвѣла,
Противъ ясной зари.
Черезъ мой высокій теремъ,
Пролеталъ ясный соколъ,
Уронилъ свое перо,
Перо сизокрылое.
Матушка заговорила:
Аннушка, подыми,
Ивановна, подхвати!
Маменька, не могу,
Сударыня, не могу:
Я по сѣнюшкамъ хожу,
Жемчугъ на руки нижу,
Къ обѣденькѣ спѣшу,
Жениха выбирать.
Выбирала молодца,
Съ государскаго дворца
Ивана молодца.
Онъ чистый—рѣчистый,
Хорошо говоритъ, выговари-
ваетъ,
Онъ по улицѣ идётъ—съ трос-
точкой,
На тросточкѣ ленточка голубая,
Этой ленточкой выхваляется,
Мнѣ Аннушка дала—пожаловала,
То-то лента, то-то алая моя!

10.

Соловей мой, вольная пташечка,
Горемычная кукушечка!
Не пой соловей жалобнёхонько!
Мнѣ и такъ дѣвкѣ жить тошнё-
хонько!
Пропилъ меня, родный батюшка,
За винную одну чарочку,
За горькаго за пьяницу,
У кабакъ онъ идетъ, шатается!
Пропила родная матушка,
За винную одну чарочку,
За горькаго за пьяницу,
У кабакъ онъ идетъ валяется,
Съ кабака прійдетъ издѣвается:
Что постелюшка не постлана,
Одѣяльцо не разостлано!

11.

Что это за вѣтеръ?
Когда дунетъ—когда нѣтъ.
Что это за пиво?
Когда пьется—когда нѣтъ.
Что это за солнце?
Днемъ свѣтитъ—ночью нѣтъ.
Что это за мѣсяцъ?
Ночь свѣтить—а ночь нѣтъ,
Что это за милый?
Когда любитъ—когда нѣтъ.
Здѣсь люди живутъ лихіе,
Не совѣтуютъ любить,
Велятъ бросить позабыть.
Я тогда тебя забуду,
Когда скроются глаза,
Накроютъ мои ясныя очи
Тонкимъ-бѣлымъ полотномъ,
Понесутъ мое бѣлое тѣло

На крутую на гору,
Опустятъ мое тѣло бѣлое
У могилу глубокую,
Засыпятъ тѣло бѣлое
Желтымъ бѣленькимъ пескомъ!

12.

Дорожка широкая,
Московская столбовая,
Тамъ никто не ходитъ,
Никто не ѣздитъ.
Тамъ шли-прошли
Два братца родные.
Зашли они къ своей сестрицѣ,
Подошли они къ воротцамъ.
Воротцы позаперты:
Замками турецкими,
Ключами нѣмецкими.
Постучать мы не можемъ,
Покричать мы не смѣемъ!
Сестрица по двору ходила,
Гуси-лебеди гоняла,
Невзначай сестра глянула;
Идё сестра, горько плача,
Въ рукавъ слезы роняя.
Здоровы-ли мои, братцы,
Здоровы-ли мои родные?
—Здоровы, наша сестрица,
Здоровы, наша родная!
Дома-ль твой лютый свекоръ,
И лютая свекровья?
—Мово свёкора дома нѣту,
А свекровьи и не бывало!
—Дома-ль твоя, милая, лада?
Поди лады доложись и спросись.
—Встань, лада, проснись,
Пришли къ намъ гости,
Твои шуряки, а мои братья.
—Отойди, жена немилая,
Вся твоя родня мнѣ постылая!
Идё сестра, слёзно плача,
У рукавъ слёзы роняя,
Идите, мои братцы,
Вдоль по дорожкѣ
И поклонитесь батюшкѣ
И матушкѣ у ножки,
Было-бъ имъ на богатство не
кидаться,
Чрезъ злато слёзы льются,
Черезъ сребро катятся!

Если невѣста сирота, то поютъ:

13.

Рѣка-ль моя, рѣчушка быстрая,
Стоишь не шелохнёшься,
Противъ вѣтру, противъ буйнаго
Противъ терема высокаго,
Противъ садика зеленаго.
Что-жъ ты сидишь, Аннушка,
Не усмѣхнёшься?
—Чего-же мнѣ смѣяться?
У меня батюшки нѣту,
Благословить молодую некому:
Благословите, люди добрые,
Всѣ сосѣди приближенные
И вы, милыя подружечки!

Невѣста не сидитъ за столомъ, какъ у малороссовъ, а со стороны слушаетъ пѣсни.

Когда дадутъ знать, что женихъ съ родней и сватами подходитъ, то поютъ:

14.

За лѣсомъ, лѣсомъ,
Солнышко играя,
Иванъ коня сѣдлая.
Выходилъ батюшка изъ терема,
Куда мое дитятко собрался?
— Родимой мой батюшка, въ дорогу,
Пожалуйте, батюшка, подмогу:
Сорокъ человѣкъ верховыхъ,
Пятьдесятъ каретъ золотыхъ!
За сѣньми, сѣньми,
Тчетъ Аннушка ковры,
Перетыкаетъ перестенями,
Замачиваетъ слезами.
Выходила матушка изъ терема,
—-Будя, дитятко, ковры ткать,
Пойди, моя милая,
За столъ сядь.
Будутъ тебя дарить:
Первымъ даромъ рукавкомъ,
Вторымъ даромъ платкомъ,
Третьимъ даромъ женихомъ.

Въ субботу вечеромъ вся родня жениха собирается къ нему. Когда всѣ въ сборѣ, садятся за столъ и женихъ съ ними; выпьютъ по рюмкѣ водки, дружко встаетъ, молится Богу, беретъ хлѣбъ и отправляются; съ родственниками идутъ: отецъ, мать и женихъ, родственники жениха, 9 человѣкъ, берутъ по штофу водки, по хлѣбу и пирогу, бабы берутъ три куска мяса, отецъ жениха штофъ краснаго вина, дружко беретъ еще бутылку водки, пирогъ и свѣчу, все это онъ беретъ для дѣвокъ; за компаніей ѣдетъ подвода съ боченкомъ водки въ 3—4 ведра.

Войдутъ во дворъ жениха, дружко подходитъ къ окну, стучитъ и три раза читаетъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“—

Ему отвѣчаютъ: „Аминь!“—

Онъ говоритъ:—Спаси Христосъ!—и продолжаетъ;

— Здравствуйте, мои милые, сотворите, ради Христа, милостыню на погорѣлое!

— Что-же вы собираете: ржицу или пшеницу?

— Что-жъ, милые, у насъ не родитъ ржица, а всё пшеница.

— Съ чего-жъ у васъ пожаръ случился?—

— Зимній Николай ударилъ съ горы, по самые дворы какъ ножомъ обрѣзало; хлѣбъ сгорѣлъ, а мѣшки цѣлы остались, затѣмъ и побирались. Повозочки не одной не осталось, по самыя оглобли какъ ножемъ обрѣзало. Да еще другая бѣда случилась: жена въ Петровку на льду убилась; осталось дѣтей шестеро, кромѣ Нестера, какъ мать народила голыхъ, нѣтъ-ли у васъ, милые, холстинки?

Дружки выбираютъ разбитного балагура. Затѣмъ онъ спрашиваетъ; „Есть-ли этому дому хозяинъ?"

Ему отвѣчаютъ, что есть; онъ просится, чтобы пустили переночевать; ему говорятъ, что тѣсно, семейство большое и проч., онъ говоритъ, что помѣстимся: кто на лавку, кто подъ лавку, а кто и такъ постоитъ, лишь-бы обогрѣться, что они люди прохожіе; ихъ не пускаютъ, они просятъ вызвать хозяина.

Отецъ невѣсты выходитъ, его всѣ просятъ.—

„Ну, Богъ съ вами, говоритъ онъ, милости просимъ!"

Входятъ въ домъ, а дѣвки подымаются и поютъ:

15.

Иди сватъ у хату,
Неси сватъ горѣлки, (водки)
Перехрипли дѣвки;
Неси сватъ пойло,
Перехрипло горло!—

Дружко говоритъ: „Здравствуйтя, красныя, дѣвки!"

— Здравствуйтя!

— Какъ-бы вы вышли на просторъ, а мы сѣли-бы за столъ, мы люди прохожіе!

— Мы не сами сѣли, а насъ посадила Аннушка Ивановна!

— Какъ-бы вы распространились!

— Положите рубликъ на столъ, а мы выйдемъ на просторъ, а вы сядитя за столъ!—

— А не хотите-ли 700 блохъ въ желѣзныхъ путахъ и 3 пуда комароваго сала!

— Пусть у васъ будетъ.

Дружко даетъ 3 коп.

— На одномъ колесѣ не доѣдитя!

Дружко даетъ еще.

— Намъ бѣда и такъ надоѣла.

Даетъ еще.

— На трехъ колесахъ не довезётя!

Даетъ еще.

— Нужно еще: заливочки, закусочки и освѣщеніе.

Дружко даетъ бутылку водки, пирогъ и свѣчу.

Дѣвки берутъ и уходятъ. Дружко обращается къ свату, чтобы благословилъ за столъ сѣсть. Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ благословитъ"!—Пришедшіе родственники жениха кладутъ на три стола по три хлѣба и три пирога, а на главный столъ всѣ 9 штофовъ водки и 10 краснаго вина. Дружко проситъ назначить контору и конторщика для боченка съ водкой и спрашиваетъ: „Вся-ли милая родня невѣсты собрана?" Если скажутъ, что вся, тогда онъ читаетъ молитву и садятся: отецъ и мать жениха и невѣсты на первыхъ мѣстахъ, рядомъ съ ними отецъ и мать крестные жениха и невѣсты, за тѣмъ по порядку кто ближе изъ родственниковъ невѣсты, на второстепенныхъ столахъ родственники жениха; если не помѣщаются, то и стоятъ, не считая себя этимъ обиженными.

Прежде чѣмъ начать ужинать, дружко торгуется съ отцомъ невѣсты: по сколько рюмокъ водки поднесть подрядъ до ужина, всегда не менѣе двухъ, а иногда и по четыре.

Зовутъ стряпухъ, подчуютъ и ихъ въ ряду; когда окончатъ предварительную выпивку, подаютъ холодное. Предъ каждымъ блюдомъ дружко на главныхъ столахъ подноситъ по рюмкѣ и проситъ назначить подносчиковъ на другіе столы. Ѣдятъ: холодное, борщъ, лапшу, жаркое, и когда подадутъ молочную кашу, дружко говоритъ: „Ѣдимъ да пьемъ, а не знаемъ за кого!"—Крестная мать невѣсты встаетъ и идетъ за невѣстой, которая или въ другомъ

домѣ, или въ другой половинѣ съ женихомъ, дѣвками и парнями, крестная беретъ какую-нибудь чужую дѣвку, накрываетъ платкомъ и приводитъ ее, та кланяется.

Крестная мать говоритъ: „Узнаете—вашъ-ли товаръ?“— Дружко: „Нашъ товаръ водку пьетъ!“ Наливаетъ рюмку и подаетъ, дѣвка кланяется и пьетъ. Дружко: „Нѣтъ это не наша, слишкомъ низкопоклонная!“ Ее уводятъ и приводятъ другую, тоже чужую, и опять тоже. За третьимъ разомъ приводятъ невѣсту открытой, когда ее увидятъ, то говорятъ: „Вотъ это нашъ товаръ!“ Она кланяется всѣмъ и здоровается, цѣлуясь съ отцомъ и матерью жениха. Дружко подноситъ ей рюмку водки, она беретъ, но не пьетъ. Отецъ жениха говоритъ: „Если не пьетъ, то пусть намъ поднесетъ“. Она беретъ штофъ и двѣ рюмки на тарелкѣ и подноситъ всѣмъ присутствующимъ, ей бросаютъ деньги, съ водкой она идетъ на свою половину, подчуетъ парней и дѣвокъ, которые тоже бросаютъ деньги, а женихъ кладетъ обязательно рубль; послѣ этого подаютъ на всѣхъ столахъ непремѣнно гречневую кашу,—послѣднее блюдо у великороссовъ при всякихъ случаяхъ. Невѣста вторично приходитъ и подчуетъ только родителей и крестныхъ.

Послѣ каши подымаются,—молятся, но дружко проситъ всѣхъ присѣсть, говоря: „Послѣ каши—нѣтъ паши!“ и даетъ еще по рюмкѣ водки. Выходятъ изъ за стола; отецъ жениха проситъ проводить ихъ; провожаютъ и во дворѣ еще подчуютъ, тутъ отецъ невѣсты подчуетъ своей водкой, это только одинъ разъ за цѣлый вечеръ отецъ невѣсты угощаетъ своей водкой. Прощаются и уходятъ, бабы поютъ и танцуютъ дорогой. Музыка на вечеринахъ не бываетъ, да и вообще, прежде на великорусской свадьбѣ никогда музыки не бывало, кромѣ гармоники, а теперь, какъ и у малороссовъ, бываетъ, но на другой день. Когда уходятъ съ вечеринъ, мать невѣсты даетъ дружку рушникъ, который онъ долженъ передать жениху, на утро онъ долженъ явиться за невѣстой съ этимъ рушникомъ [1]).

---

[1]) Какое значеніе этого рушника я не знаю, и никто не могъ мнѣ объяснить. Это древній обычай, вѣроятно, имѣвшій значеніе, теперь утраченное.

Въ домѣ жениха всѣ родные, бывшіе на вечеринахъ, садятся съ женихомъ и ужинаютъ, такъ какъ многимъ изъ нихъ не удается достаточно выпить и поѣсть. За ужиномъ уговариваются, кто на утро долженъ запречь тройку, а кто пару, чтобы ѣхать за невѣстой. Утромъ нѣсколько подводъ, больше троекъ съ бубенцами и колокольчиками, украшенныя платками и красными лентами, ѣдутъ къ невѣстѣ; на подводахъ очень мало родственниковъ жениха, такъ какъ нужно будетъ съ невѣстой брать всѣхъ главныхъ родственниковъ ея. Предъ тѣмъ, какъ ѣхать, садятъ жениха за столъ и отецъ благословляетъ его иконою.

При въѣздѣ во дворъ невѣсты, парни ихъ останавливаютъ, хотя они и говорятъ, что этотъ дворъ имъ знакомый, что они были съ вечера, что тутъ много овса и сѣна лошадямъ, но ихъ не пускаютъ пока не дадутъ штофъ водки. Во дворѣ дружка и жениха мальчишки не пускаютъ, пока не дадутъ гостинцевъ. Входятъ въ домъ, дѣвки поютъ № 15 и опять то же, что и на вечеринѣ.

Братъ продаетъ косу; невѣста плачетъ и поетъ:

16.

Благословите, родный батюшка,
Мнѣ на мѣсто сѣсть;
Благословите, родная матушка,
Мнѣ на мѣсто сѣсть!

Такое-же обращеніе къ крестной матери, братьямъ и сестрамъ; когда поетъ, то кланяется тому, къ кому обращается. Дружко беретъ потникъ и овесъ, разстилаетъ, а крестная мать ведетъ невѣсту и садитъ на немъ, она плачетъ и поетъ:

17.

Благословите, родный батюшка,
Мнѣ косу расплести;
Благословите, родная матушка
Мнѣ косу расплести!

Такое-же обращеніе: къ братьямъ, сестрамъ и крестной.

Дѣвки поютъ:

18.

Не въ трубушку трубитъ
Рано по зорѣ;
Аннушка плачетъ
По русой косѣ.
Вечо́ръ твою ко́сушку
Дѣвушки плели;
По утру ранехонько
Пріѣхала свашенька, немилостивая,
Взяла косу русую расплела,
На двое ко́сушку раздѣлила.

Жениха сажаютъ съ невѣстой за столомъ и кладутъ коровай жениха сверху невѣстинаго; всѣ тоже садятся, дружко подноситъ по рюмкѣ водки, всѣ встаютъ, а дѣвки поютъ:

19.

Друженька, ты боярскій сынъ
Любишь-ли ты адонью [1]) ржи?
—Какъ не любить,
Когда Богъ зародилъ!
—Друженька, ты боярскій сынъ,
Любишь-ли ты коня въ сѣдлѣ,
Въ золотой уздѣ?
—Какъ не любить,
Когда ѣзжу на немъ!
—Друженька, ты боярскій сынъ,
Любишь-ли ты Аннушку,
Свою дочь Ивановну?
—Какъ не любитъ,
Когда Богъ davручилъ?

Благословляютъ молодыхъ иконою и выводятъ на дворъ; дѣвки поютъ № 7-й.

Женихъ съ иконою, короваями, окруженный мужчинами—родственниками невѣсты, садится на первую тройку, а невѣста съ женщинами—родственницами жениха и своими на вторую; когда усаживаютъ невѣсту, то осыпаютъ овсомъ, конфектами и орѣхами, за воротами останавливаются, дружко возвращается въ домъ и оставляетъ на столѣ два штофа водки отцу и матери, чтобы не скучали по дѣвкѣ и одного человѣка изъ своихъ, который обязанъ потомъ просить ихъ въ гости къ жениху. Ѣдутъ во весь карьеръ къ центру мѣстечка съ пѣснями, по базару и вокругъ церкви ѣдутъ тихо, потомъ ѣдутъ къ жениху. Когда ѣдутъ, поютъ слѣдующія пѣсни:

---

[1]) Адонья—стожокъ.

20.

Веселые дни начинаются.
Наступили на насъ слезливыя времена
Слышу-вижу, милый, досаду,
Со всего свѣта напасти вышли на меня.
Никому я досады дома не скажу:
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ, ни своей роднѣ,
Скажу подружкѣ своей потайной:
Ты, сестрица, ты подружка, голубка моя,
Ты не знаешь мово горя;
Разсердился сердечный другъ на меня,
Ходитъ по широкому двору,
Зашелъ въ новую конюшню,
Беретъ черкесское новое сѣдло,
Сѣдлаетъ свово ворона коня,
Зъѣзжаетъ со широка двора,
Поровнялся противъ новаво окна.
—Куда, милый, задумалъ, куда загадалъ?
—Я задумалъ, загадалъ въ новый городъ:
Чи продать, чи промѣнять вороново коня!

21.

За рѣчкой за рѣчкой,
Свёкоръ сноху домой клича:
Невѣстушка молодая,
Иди домой поскорѣй;
У насъ дома не здорово;
Изба не топлена,
Дѣжа не мѣшана,
Телята не кормлены!
Загорись изба не топлена,
Взойди дѣжа не мѣшена,
Облупить телятъ не кормленныхъ!

22.

— Мы копанъ копали, а мы просо сѣяли.
— А мы просо вытопчемъ!
— А чѣмъ-же вы вытопчите?
— Мы коней запустимъ!
— А мы кони загонимъ!

— А мы кони выкупимъ.
— А чѣмъ-же вамъ выкупить?
— Мы дадимъ сто рублей!
— Не надо намъ тысячи!
— Вы, бояре, за кого вамъ молодую взять?
— Вы, царевны, за кумашничка молодаго!
— Вы, бояре, за кого вамъ молодую взять?
— Вы, царевны, за бумажничка молодаго!

Такое-же обращеніе дальше, а въ отвѣтахъ: за собашничка, за кошатника, за рѣшетника.

Первая повозка съ женихомъ ѣдетъ прямо во дворъ, съ невѣстой-же проскакиваютъ мимо, родственники жениха выбѣгаютъ, кричатъ, останавливаютъ и нападаютъ на ямщика; онъ объясняется, что у него вожжа оборвалась, крестная мать жениха даетъ ему въ подарокъ новый поясъ, чтобы связать. Поварачиваютъ во дворъ и поютъ:

23.

Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ,
Старая баба хороводница?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ,
Молодая молодка?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ,
Красная дѣвка?
— Есть у насъ, есть у насъ
Красная дѣвка.
Отворяй ворота широкія! —

— Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ
Вчерашній борщъ?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ
Вчерашняя лапша?
Есть-ли у васъ, есть-ли у васъ
Червивая ветчина?
Сучка на лычкѣ,
Кобель на матузкѣ?..

Невѣста, вставши, подходитъ къ жениху, ихъ встрѣчаютъ отецъ и мать съ иконой и хлѣбомъ, они кланяются родителямъ въ ноги и цѣлуются съ ними. Дружко говоритъ:

24.

Мы шли чрезъ два мосты,
Нашли два хвосты;
Причипили батькѣ и матери,
Начали дюжѣя везти.

Надоѣли два роги [1]),
Стали ни волы, ни коровы,
Привели сюда до порога.
Здравствуйте, свашенька, Ларіоновна,
И Митричъ, сваточекъ!
Вотъ мы привезли вамъ
Красный платочекъ!
Вы заставили насъ
Дѣлать вашу работу,
Вы послали насъ на охоту,
Мы ходили по горамъ, по ярамъ,
Искали лисицъ, а съ лисицъ,
Привезли вамъ красныхъ молодицъ!
Любите, жалуйте,
Какъ знаете, такъ принимайте!

Дружка благодарятъ; а бабы поютъ:

25.

Наваримъ мы пива,
Пива молодаго—вина зеленаго,
А что у насъ будя, въ энтомъ пивѣ?
Мы энтово пива напьемся,
Въ кучу всѣ сойдёмся,
Да всѣ подерёмся, у рознь разойдемся;
Мы сядемъ посидимъ,
Мы станемъ постоимъ!

Молодыхъ ведутъ въ домъ, садятся всѣ за столъ, молодые на первомъ мѣстѣ; подаютъ обѣдъ, въ концѣ котораго дружко говоритъ: „Люди добрые, давайте помолимся Богу, позвольте молодыхъ проводить въ дорогу!“—Дружко ведетъ ихъ въ другую половину, гдѣ приготовлена постель, на которой лежатъ укрытые какіе нибудь молодожены, дружко бьетъ ихъ слегка палкой, они лежатъ не подымаются, тогда онъ бьетъ сильнѣй и они вскакиваютъ, иногда имъ изрядно достается.

Молодыхъ оставляютъ и даютъ закусить что нибудь лакомое.

Великороссы не интересуются цѣломудріемъ невѣсты и никакихъ обрядовъ относительно установленія факта дѣвственности нѣтъ.

Когда приходятъ отецъ и матъ невѣсты, которыхъ съ обѣдомъ не ждутъ, приносятъ подарки, купленные невѣстой на деньги жениха изъ „поклажнаго“, иногда привозятъ сундукъ съ приданымъ, но только богатые даютъ приданое. Дружко кланяется сва-

---

[1]) Невѣста повязана бабой; повязка бабъ у дмитровскихъ великороссовъ похожа на рога.

тамъ и говоритъ; „Позвольте, сватушка Митричъ, на міръ хлѣбъ раздѣлить, какъ Богъ благословитъ, покорно васъ прошу,—кому раздѣлить?“

Если дружко балагуръ, то до дѣлежа коровая разсказываетъ разныя комичныя прибаутки, въ родѣ слѣдующихъ:

26.

Я впередъ батька родился,
На трехъ жёнкахъ женился:
Была у меня первая Софья
И три года сохла;
На бокъ перевалилась и переломилась,
Я лыкомъ сшилъ,
И еще три года жилъ,
Не жилъ, а мучился,
Пока похоронилъ.—
Женился на другой:
Я живу въ банѣ, а она въ амбарѣ,
Когда журавли летятъ,
Тогда про насъ люди говорятъ;
И эту Богъ прибралъ.
Женился тогда я на третьей,
Богъ далъ намъ хорошій урожай,
Пошла она до вѣтру,
А соломенка въ ногу впёрла,
Она съ этого и умёрла!
Теперь женился на четвертой.
Садился я на красной лодочкѣ,
И пилъ по четвертой рюмочкѣ водочки!

27.

Не журитесь ребята,
Что насъ четыре брата,
Мать-то тяжела,
А отецъ на дняхъ ходитъ.
Рожь поспѣла,
А овёсъ не жатый;
Людей-то нада,
Развѣ пойдемъ наймемъ,
Да людей соберемъ!

28.

Когда мы съ дѣдомъ хозяйновали,
Были у насъ два коты—какъ орлы;
За то дѣдъ меня принималъ,
Что я его на путъ наставлялъ.
Справили мы себѣ плугъ,
Хозяйновали съ дѣдомъ у двухъ:
Взяли котовъ позапрягали,
Припечекъ и коминъ взорали.
Насѣяли гречки,
Далъ Богъ уродила.
Мы съ дѣдомъ убрали,
На коминъ скирды поскладали;
А коты, какъ орлы,
Подняли хвосты,
Посбивали наши скирды,
Онѣ въ помойницу упали,
А мы съ дѣдомъ три дня
Снопы тягали,

И на припечку клали-сушили
И кожухомъ укрыли.
Завелись воши—съѣли кожухъ.
Дѣдъ мой тогда зажурился.
Я его опять наставлялъ:
Дѣдушка не журитесь!
Будемъ хозяйновать,
Котами огородъ орать.
Огородъ взорали,
Кабаковъ насажали.
Уродили кабаки—какъ ульи,
Однимъ будутъ довольны
Двѣ семьи.
Пошелъ дѣдъ кабаки рубать,
До тѣхъ поръ рубалъ,
Пока самъ въ кабакъ упалъ.
Пошелъ я дѣда шукать,
А мой дѣдъ въ кабаку не живой сталъ.
Годи я тогда съ дѣдомъ хозяйновать,
Нада дѣда прибирать!—

Когда начинаютъ дѣлить коровай и подарки дарить, приглашаютъ молодыхъ. Прежде дарятъ отца жениха красной рубахой и онъ обязанъ дать молодымъ не менѣе 3 руб.; мать дарятъ хорошимъ платкомъ. Родню невѣсты одѣляютъ подарками, купленными на деньги жениха, а для своей родни женихъ покупаетъ отдѣльно.

За подарки молодымъ дарятъ, также какъ и у малороссовъ, кто что можетъ; во время раздачи подарковъ, дружко приговариваетъ:

29.

Проситъ васъ князь со княгиней
Принять коровай,
Коровай принимай,
Золотую гривенку давай.
Нынче осень,
Положите рубликовъ восемъ.
Сватушка много!
Мы уважимъ вамъ,
Просимъ васъ у честь,
Положите рубликовъ шесть;
Просимъ васъ опять,
Положите рубликовъ пять.
Пóмочи по силѣ,
Положите рублика четыре;
Нашимъ молодымъ на ново мѣсто,
Много надобно:
На бѣлила, на румяна, на веретенца
Прясть тонкія полотенца.
Мы не за то васъ даримъ,
Что подарка хотимъ,
А за то,—что спознаться съ вами хотимъ.
Просимъ васъ такъ,
Положите хоть пятакъ;
А какъ ты парень хорошъ,
То положъ хоть грошъ!—

Послѣ раздачи подарковъ бабы поютъ, величая дружка;

30.

У кого у насъ борода широка?
У Семёна Васильевича—борода широка!
Только ему при городѣ жить,
Суды-судить—коней дѣлить:
Тому сему по конику,
А Ивану (жениху) что ни лучшаго!
У кого у насъ, борода широка?
У Семёна Васильевича—борода широка!
Только ему при городѣ жить,
Суды судить—дѣвицъ дѣлить:
Тому сему по дѣвушкѣ,
А Ивану что ни лучшую,
Аннушку Ивановну!
А также и свашку:

31.

Свашенька писаная, свашенька ряженая!
Не пилъ-бы, не ѣлъ, все на свашеньку глядѣлъ.
Чье это стадо коровъ?
Все это свашеньки моей,
Свашеньки писаной, свашеньки ряженой!
Не пилъ-бы, не ѣлъ, все на свашеньку глядѣлъ!
Чье это стадо свиней?
Все это свашеньки моей,
Свашеньки писаной, свашеньки ряженой!
Не пилъ-бы, не ѣлъ, все на свашеньку глядѣлъ!—

Дальше говорится: стадо овецъ, стадо гусей, стадо куръ и проч. съ тѣмъ-же припѣвомъ.

Женихъ и невѣста уходятъ на свою половину, а дѣвки, все еще присутствовавшія, расходятся и поютъ:

32.

Во заяньки, во сѣринькаго,
Коротенькія ножки;
У Аннушки, во горенькѣ,
Дорогіе гости.
Пьютъ и льютъ, цымбалы бьютъ,
Периторы играютъ,
Аннушку Ивановну
Въ гости дожидаютъ.
Аннушка Ивановна,
Тебя батюшка клича!
—Сестрицы мои, подруженьки,
Право не слыхала,
Скоро-бы побѣжала!—

Дружко оставляетъ всѣ свои обязанности и начинается такъ наз. *„свальный ужинъ“*; садятся всѣ за столъ безъ всякаго порядка, родня жениха мѣшается съ родней невѣсты, ѣдятъ и пьютъ.

Послѣ ужина родня жениха провожаетъ родню невѣсты домой и тамъ гуляютъ. На утро отецъ жениха посылаетъ человѣкъ 5 просить отца и родню невѣсты *„на отводы“*. Гуляютъ, пьютъ и танцуютъ; бабы поютъ плясовыя пѣсни:

33.

Сынъ на матушкѣ снопочки возилъ,
Свою женушку на пристяжкѣ водилъ:
Ты вези-вези, старая мать,
Мнѣ съ матушкой часъ-часовать,
Съ молодой женою вѣкъ-вѣковать!
Чужія жоны къ обѣдни идутъ,
Моя, шельма, убирается!
Чужія жоны—та свѣчки несутъ,
Моя, шельма, палочку!
Чужія жоны Богу молятся,
Моя, шельма, съ попомъ борется!

34.

Гдѣ-бы правда, гдѣ видѣнна была,
Что бы курица бычка привела?
А бычекъ поросёнка принёсъ,
Поросенокъ бы яичко снесъ?
А безрукій яичко укралъ,
А ды голому за пазуху сховалъ,
А слѣпой ды подсматривалъ,
А глухой ды подслухивалъ,
А нѣмой караулъ закричалъ,
А безногій у погонь побѣжалъ,
Шелудиваго за кудри поймалъ?!..

35.

Не ходи ты, бѣлъ-кудрявъ,
Мимо мово саду,
Не топчи ты, бѣлъ-кудрявъ,
Мою духовую мяту.
Не для тебя я садила,
Не для тебя я поливала!
Для того я садила,
Кого любила!
Для того я поливала,
Кого цѣловала!
Цѣловала, миловала
Холостаго парня;
Холостой парень—бурлака,
Шельма розбіяка,
Онъ глазами моргая,
На дворъ дѣвку вызывая:
Выйди-выйди, дѣвчоночка, на крылечко,
Скажи тайное словечко:
Одно тайное, другое явное,
А третье ретивое!

Поютъ еще:

36.

Хозяинъ мой, хозяинъ,
Своему дому господинъ!
Твое пиво пьяное,
Дорогая твоя бесѣдушка присмиренная.

Они пьютъ, ѣдятъ, разговариваютъ
Все рѣчи хорошія;
Отъ чего, братцы,
Камяна Москва загоралася?
Загоралась камяна—Москва
Отъ большихъ господъ:
Отъ того господина,
Отъ графа Шереметьева,
Отъ его молодой шельмы—клюшницы,
Выходила она, шельма—клюшница,
Въ полночь въ темные выходы,
Зажигала она свѣчку воску-яраго,
Заронила искру въ пороховую казну!—

37.

Горы мои Сіонскія,
Ничего вы горы не породили,
Породили одинъ кустъ ракитовый,
На томъ на кустѣ сидитъ
Младъ сизый орелъ,
Держитъ въ когтяхъ чернаго ворона.
Онъ не бьё, не дирё,
Все разспрашиваё:
—Гдѣ ты, воронъ, былъ,
Гдѣ ты, черный, погуливалъ?
—Ужь я былъ побывалъ,
На дикой степи;
Ужь я видѣлъ диво-дивное,
И тѣло бѣлое молодецкое;
Никто къ тѣлу не признается.
Признавалися три ластушки,
Три касатушки:
Первая ластушка, родная матушка,

А другая—родная сестрица
А третья—молода жена.
Гдѣ мать плача—рѣка бѣжитъ,
Гдѣ сестра—тамъ колодязь стоитъ,
Гдѣ жена—тамъ роса упала;
Мать плачетъ—вѣкъ и до вѣку,
А сестра—день до вечера,
А жена—слухать нечего!—

38.

Аннушка прекрасна,
Лицемъ бѣла, хороша;
Только жизнь моя несчастна,
Что влюбился я въ тебя.
Что влюбился, обласкался,
Знать тобою не владать,
Когда-бы мнѣ сизы крылушки,
Снялся, полетѣлъ-бы къ душенькѣ своей
Въ зеленый садъ гулять.
Въ зеленомъ садочку
Мелкія пташечки поютъ,
Не пойте мелкія пташечки,
Мнѣ и такъ тошно!
Въ зеленомъ садочку дорожка лежитъ,
Тамъ колясочка бѣжитъ,
Во той во колясочкѣ
Мой милый сидитъ.
Кричала, махала:
—Постой обожди!
—Радъ-бы оглянуться
Закрыты глаза,
Закрыты, завѣшаны и задернуты!

До четверга гуляютъ у родственниковъ. Въ четвергъ, такъ же какъ и у малороссовъ, ѣдятъ куръ.

Въ пятницу зубы полощутъ и ходятъ по шинкамъ, но не носятъ, какъ малороссы, украшенныхъ курицъ шинкарямъ.

Въ субботу гуляютъ—кто хочетъ. Въ воскресенье отецъ жениха изъ церкви приглашаетъ свата и сваху на обѣдъ и гуляютъ одни по родственному. Тѣмъ свадьба заканчивается.

На свадьбу у средняго хозяина великоросса выходитъ: не менѣе 10 мѣшковъ муки на хлѣбъ, бычекъ 2 лѣтъ, овца, свинья и деньгами на водку, вино и проч. до 150 рублей.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ".

1890 г.

Матеріалы по исторіи, литературѣ и этнографіи южной Россіи.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1890 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. открыта:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 руб. 50 коп. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 8-го декабря 1890 г.